ТВОРЕНІЯ

СВЯТАГО ОТЦА НАШЕГО

ІОАННА ЗЛАТОУСТА,

Архіепископа Константинопольскаго,

ВЪ РУССКОМЪ ПЕРЕВОДѢ.

Δόξα τῷ Θεῷ πάντων ἕνεκα. Ἀμήν.
Слава Богу за все. Аминь.

Св. Іоаннъ Златоустъ.

ТОМЪ ДВѢНАДЦАТЫЙ

ВЪ ТРЕХЪ КНИГАХЪ

КНИГА ПЕРВАЯ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе С.-Петербургской Духовной Академіи.
1906.

Отъ Совѣта С.-Петербургской Духовной Академіи печатать дозволяется.
С.-Петербургъ, 20 мая 1905 г.

Сергій, Епископъ Ямбургскій, ректоръ Академіи.

Reprinted by
JUH

Типографія М. Меркушева, Невскій пр., № 8.

СВЯТАГО ОТЦА НАШЕГО ІОАННА ЗЛАТОУСТАГО,

АРХІЕПИСКОПА КОНСТАНТИНОПОЛЬСКАГО,

ТОЛКОВАНІЕ НА ПОСЛАНІЕ КЪ ЕВРЕЯМЪ,

(изложенное по запискамъ, послѣ его смерти, Константиномъ пресвитеромъ антіохійскимъ[1]).

ПРЕДИСЛОВІЕ.

1. Въ посланіи къ Римлянамъ блаженный Павелъ говоритъ: 9
понеже убо есмь азъ языкомъ апостолъ, службу мою прославляю, аще како раздражу мою плоть (Рим. XI, 13, 14); и въ другомъ мѣстѣ также (говоритъ): *споспѣшествовавый Петру въ посланіе обрѣзанія, споспѣшествова и мнѣ во языки* (Гал. II, 8). Итакъ, если (Павелъ) былъ апостоломъ язычниковъ,—какъ и въ дѣяніяхъ Богъ говоритъ ему: *иди, яко азъ во языки далече послю тя* (Дѣян. XXII, 21),—то какое было ему дѣло до евреевъ? Для чего онъ написалъ къ нимъ посланіе? При томъ же (евреи) питали къ нему вражду, и это можно видѣть изъ многихъ мѣстъ. Такъ, послушай, что говоритъ ему Іаковъ: *видиши ли, брате, колико темъ есть Іудей вѣровавшихъ? И вси увѣстишася о тебѣ, яко отступленію учиши отъ* 10
закона (Дѣян. XXI, 20, 21); и много искушеній часто было ему по этому поводу.

Почему же, спроситъ кто-нибудь, (мужа) свѣдущаго въ законѣ, — а онъ изучалъ законъ при ногахъ Гамаліила и имѣлъ къ этому дѣлу великую ревность,—и потому имѣвшаго возможность съ особенною силою опровергать (противниковъ), Богъ не послалъ къ іудеямъ? Потому, что они изъ-за этого особенно и

[1]) Бесѣды эти произнесены святителемъ въ Константинополѣ, при концѣ его жизни, около 404 г. по Р. Х.

стали бы противиться ему. Поэтому Богъ, предвидя, что они не примутъ его, говоритъ ему: *иди во языки, зане (Іудеи) не пріимутъ свидѣтельства твоего, еже о мнѣ* (Дѣян. ххп, 18), и онъ отвѣчаетъ: ей, *Господи, сами вѣдятъ, яко азъ бѣхъ всаждая въ темницу и бія на сонмищахъ вѣрующія въ тя: и егда изливашеся кровь*
11 *Стефана свидѣтеля твоего, и самъ бѣхъ стоя и соизволяя убіенію его, стрегій ризъ убивающихъ его* (ст. 19, 20). Это самое, (говоритъ), служитъ знакомъ и доказательствомъ, что они не повѣрятъ ему. И дѣйствительно, такъ обыкновенно бываетъ: когда кто отступаетъ отъ какого-нибудь народа, то, если онъ изъ людей низшихъ и ничего не значущихъ, это не очень оскорбляетъ тѣхъ, отъ которыхъ онъ отступаетъ; если же онъ изъ людей значительныхъ, весьма ревностныхъ и единомышленныхъ съ ними, это весьма огорчаетъ и крайне раздражаетъ ихъ, такъ какъ отступившій отъ нихъ своимъ присоединеніемъ къ другимъ весьма сильно ниспровергаетъ ихъ ученіе. Была кромѣ того и другая причина невѣрія. Какая? Та, что Петръ и другіе (апостолы) обращались со Христомъ, видѣли знаменія и чудеса (Его); а онъ не былъ свидѣтелемъ ничего такого, но, находясь на сторонѣ іудеевъ, вдругъ отступилъ отъ нихъ и сдѣлался однимъ изъ апостоловъ; это въ особенности служило доказательствомъ превосходства нашего ученія. О тѣхъ могли думать, что они свидѣтельствуютъ пристрастно, и иной могъ сказать, что они изъ любви къ Учителю такъ проповѣдуютъ; а онъ слышалъ только одинъ гласъ (Господа), и свидѣтельствуетъ о воскресеніи. Поэтому, какъ видишь, (іудеи) столь сильно и враждовали противъ него, возмущались и употребляли всѣ мѣры къ тому, чтобы умертвить его. Но по такимъ причинамъ враждовали противъ него невѣрные; а почему увѣровавшіе (изъ іудеевъ)? Потому, что онъ, будучи обязанъ проповѣдывать язычникамъ, проповѣдывалъ чистое христіанство, и, когда ему случалось находиться въ Іудеѣ, также не стѣснялся. Петръ и другіе съ нимъ, проповѣдывавшіе въ Іерусалимѣ, гдѣ была великая ревность (о законѣ), принуждены были заповѣдывать—соблюдать законъ, а онъ былъ совершенно свободенъ. Его (ученики) были больше изъ язычниковъ, нежели изъ іудеевъ, такъ какъ находились внѣ (Іудеи); потому они и ослабляли законъ, не питали къ нему такого благоговѣнія, что (Павелъ) во всемъ проповѣдывалъ чистое (ученіе). Дѣйствительно, за это, какъ видно, его и осуждали предъ народомъ, когда говорили: *видиши ли, брате, колико темъ есть Іудей вѣровавшихъ?* Потому они и ненавидятъ и отвращаются, что *увѣстишася о тебѣ, яко отступленію учиши отъ закона* (Дѣян. ххі, 20, 21).

Почему же онъ, не будучи учителемъ іудеевъ, пишетъ къ

нимъ посланіе? И гдѣ находились тѣ, къ кому онъ пишетъ? Мнѣ кажется, въ Іерусалимѣ и въ Палестинѣ. Какъ же онъ пишетъ? Точно такъ же, какъ онъ и крестилъ, не получивъ заповѣди крестить; я говоритъ онъ, не былъ посланъ крестить (1 Кор. I, 17), однакожъ не было это и запрещено, онъ дѣлалъ это сверхъ должнаго. Да и какъ онъ не сталъ бы писать къ тѣмъ, за которыхъ желалъ быть отлученнымъ (Рим. IX, 3)? Потому онъ и говоритъ имъ: *знайте брата отпущена Тимоѳеа, съ нимже, аще скорѣе пріидетъ, узрю васъ* (Евр. XIII, 23),—такъ какъ тогда онъ еще не былъ взятъ подъ стражу. Два года онъ прожилъ въ Римѣ въ узахъ; потомъ былъ отпущенъ; потомъ ходилъ въ Испанію; потомъ путешествовалъ въ Іудею, гдѣ и видѣлся съ іудеями. Затѣмъ онъ опять прибылъ въ Римъ, гдѣ и былъ лишенъ жизни по приказанію Нерона. Слѣдовательно это посланіе написано прежде посланія къ Тимоѳею; тамъ онъ говоритъ: *азъ бо уже жренъ бываю*; и еще тамъ же говоритъ: *въ первый мой отвѣтъ никтоже бысть со мною* (2 Тим. IV, 6, 16). Онъ часто раздѣлялъ съ ними страданія. Такъ въ посланіи къ Ѳессалоникійцамъ онъ говоритъ: *вы подобницы бысте Церквамъ сущимъ во Іудеи* (1 Сол. II, 14); и въ посланіи къ нимъ самимъ говоритъ: *разграбленіе имѣній вашихъ съ радостію пріясте* (Евр. X, 34). Видишь, какъ они страдали? Если (іудеи) такъ поступали съ апо- 12
столами не только въ Іудеѣ, но и тогда, когда находились между язычниками, то чего не дѣлами съ (прочими) вѣрующими? Потому-то, какъ видишь, объ этихъ вѣрующихъ онъ особенно заботился. Когда онъ говоритъ: *гряду во Іерусалимъ, служай святымъ* (Рим. XV, 25); также когда убѣждаетъ коринѳянъ къ благотворительности, сообщая, что македоняне уже собрали подаяніе (2 Кор. VIII, 4), и когда говоритъ: *аще достойно будетъ и мнѣ ити* (1 Кор. XVI, 4), онъ выражаетъ это самое; и когда говоритъ: *точію нищихъ да помнимъ, еже и потщахся сіе истое сотворити* (Гал. II, 10), выражаетъ то же; и когда говоритъ: *десницы даша ми и Варнавѣ общенія, да мы во языки, они же во обрѣзаніе* (Гал. II, 9), выражаетъ то же. Говоритъ онъ это о тамошнихъ бѣдныхъ не напрасно, но чтобы и мы также участвовали въ благотворительности. Мы, говоритъ, раздѣлили между собою проповѣдь, чтобы намъ идти къ язычникамъ, а имъ къ обрѣзаннымъ, но не раздѣлили такимъ же образомъ попеченія о бѣдныхъ. И вездѣ видно, что Павелъ имѣлъ великое о нихъ попеченіе, — это и справедливо. Между другими народами, гдѣ находились и іудеи и язычники, не было ничего подобнаго; а тамъ, гдѣ (іудеи) думали еще имѣть власть и самостоятельность и исполняли многое по собственнымъ законамъ,—такъ какъ правленіе еще не установилось

и еще не совершенно перешло въ руки римлянъ, — не удивительно, что они позволяли себѣ дѣлать великія притѣсненія. Если и въ другихъ городахъ, какъ напр. въ Коринѳѣ, они били начальника синагоги предъ судилищемъ проконсула, и Галліонъ нисколько объ этомъ не безпокоился (Дѣян. xviii, 17), то чего не (дѣлали они) въ Іудеѣ?

2. Въ другихъ городахъ, какъ видишь, они приводили (вѣрующихъ) къ начальникамъ и имѣли нужду прибѣгать къ ихъ помощи и къ народу, а здѣсь они нисколько не заботились объ этомъ, но сами составляли синедріонъ и убивали, кого хотѣли. Такъ они убили Стефана, такъ подвергли бичеванію апостоловъ, не отводя ихъ къ начальникамъ; такъ они хотѣли убить и Павла, если бы не вступился тысяченачальникъ (Дѣян. xxii, 29, 30). Это было потому, что еще существовали священники, еще цѣлъ былъ храмъ съ богослуженіемъ и жертвами. Самъ Павелъ, смотри, подчиняется суду первосвященника и говоритъ: *не вѣдахъ, яко архіерей есть*, и при томъ при начальникѣ (Дѣян. xxii, 5),—потому что они еще имѣли тогда большую власть. Представь же, какія гоненія должны были терпѣть (вѣрующіе), жившіе въ Іерусалимѣ и Іудеѣ. Итакъ, удивительнно ли, если тотъ, кто желалъ быть отлученъ за (іудеевъ) еще не увѣровавшихъ, и такъ служилъ вѣрующимъ, что готовъ былъ и самъ идти въ случаѣ нужды, и всегда имѣлъ о нихъ великое попеченіе, увѣщеваетъ и утѣшаетъ ихъ посредствомъ писанія, а падающихъ и лежащихъ исправляетъ? И дѣйствительно, они уже изнемогали и отчаивались отъ множества скорбей. Это онъ выражаетъ въ концѣ (посланія), когда говоритъ: *тѣмже ослабленныя руки и ослабленная колѣна исправите* (Евр. xii, 12); и еще: *еще мало елико елико, и грядый пріидетъ, и не укоснитъ* (x, 37); и еще: *аще безъ наказанія есте, убо прелюбодѣйчищи есте, а не сынове* (xii, 8). Такъ какъ они были іудеи и отъ отцевъ своихъ научились ожидать добраго и злого немедленно, въ настоящей жизни, а между тѣмъ тогда было напротивъ— доброе въ надеждѣ послѣ смерти, а злое въ настоящей дѣйствительности, и многіе изъ нихъ, претерпѣвая многое, неизбѣжно
13 впадали въ малодушіе, то онъ и оказываетъ великое о нихъ попеченіе. Впрочемъ, объ этомъ мы скажемъ пространнѣе въ свое время; а теперь замѣтимъ только, что ему необходимо было писать къ тѣмъ, о которыхъ онъ имѣлъ такое попеченіе; причина, почему онъ не былъ посланъ къ нимъ, очевидна, но она не препятствовала ему писать къ нимъ. А что они впадали въ малодушіе, это онъ выражаетъ, когда говоритъ: *ослабленныя руки и ослабленная колѣна исправите, и стези правы сотворите* (Евр. xii,

12, 13); и еще: *не обидливъ бо Богъ забыти дѣла вашего и любве*
(VI, 10). Душа, подвергающаяся многимъ искушеніямъ, часто
отпадаетъ отъ вѣры. Потому онъ увѣщеваетъ ихъ внимать слы-
шанному и не имѣть сердца злого и невѣрнаго. Для того же
онъ въ этомъ особенно посланіи много бесѣдуетъ о вѣрѣ и въ
концѣ представляетъ многіе примѣры того, что и тѣмъ (древ-
нимъ) не были дарованы блага, обѣщанныя немедленно. Кромѣ
того, чтобы они не считали себя отверженными, дѣлаетъ имъ
два внушенія: первое—мужественно переносить все случающееся,
второе—несомнѣнно ожидать воздаянія, потому что Богъ не пре-
зритъ Авеля и послѣдующихъ праведниковъ, не получившихъ
воздаянія. Утѣшаетъ ихъ тремя способами: во-первыхъ, тѣмъ,
что̀ претерпѣлъ Христосъ, такъ какъ самъ Онъ говоритъ: *нѣсть
рабъ болій господа своего* (Іоан. XV, 20); во-вторыхъ, благами, ко-
торыя уготованы вѣрующимъ; въ-третьихъ, бѣдствіями. И под-
тверждаетъ это не только будущимъ, что было еще не такъ убѣ- 14
дительно, но и прошедшимъ, — тѣмъ, что случилось съ отцами
ихъ. Такъ поступаетъ и Христосъ, внушая: *нѣсть рабъ болій
господа своего*, и еще: *мнози обители суть у отца* (Іоан. XIV, 2), и
угрожая невѣрующимъ безчисленными бѣдствіями. Много также
говоритъ (апостолъ) о новомъ и ветхомъ завѣтѣ, потому что это
весьма нужно было ему для увѣренія въ истинѣ воскресенія. Чтобы
они, слыша о страданіяхъ (Господа), не стали сомнѣваться въ
воскресеніи, онъ подтверждаетъ это пророчествами, и доказы-
ваетъ, что заслуживаетъ уваженія не іудейское ученіе, а наше,
и такъ какъ тогда еще и храмъ стоялъ и были жертвы, то онъ
и говоритъ: *тѣмже убо да исходимъ внѣ, поношеніе его носяще*
(Евр. XIII, 13). Но и это самое не благопріятствовало ему; иные
справедливо могли сказать: если это—тѣнь, если это—образъ, то
почему не прошло и не прекратилось при появленіи истины, а
еще продолжается? Онъ внушаетъ, что мало-по-малу исполнится
и это въ свое время. А что они уже давно приняли вѣру и
терпятъ скорби, это онъ выразилъ въ слѣдующихъ словахъ: *ибо
должни суще быти учители лѣтъ ради* (Евр. V, 12); еще: *да не
когда будетъ въ нѣкоемъ отъ васъ сердце лукаво невѣрія* (III, 12); и
еще: *да будете подражатели наслѣдствующихъ обѣтованія долго-
терпѣніемъ* (VI, 12).

БЕСѢДА I.

13 **Многочастнѣ и многообразнѣ древле Богъ глаголавый отцемъ во пророцѣхъ, въ послѣдокъ дній сихъ глагола намъ въ Сынѣ: егоже положи наслѣдника всѣмъ, имже и вѣки сотвори (Евр. I, 1, 2).**

1. Поистинѣ *идѣже умножися грѣхъ, преизбыточествова благодать* (Рим. V, 20). Это выражаетъ блаженный Павелъ и здѣсь, въ началѣ посланія къ Евреямъ. Такъ какъ они, вѣроятно, были огорчены и изнурены бѣдствіями и, судя по этимъ обстоятельствамъ, считали себя ниже всѣхъ другихъ (людей), то (апостолъ) внушаетъ, что они получили гораздо большую и превосходнѣйшую благодать, и такимъ образомъ ободряетъ слушателей самымъ началомъ рѣчи. Потому и говоритъ: *многочастнѣ и многообразнѣ древле Богъ глаголавый отцемъ во пророцѣхъ, въ послѣдокъ дній сихъ глагола намъ въ Сынѣ.*

Почему онъ не противопоставляетъ пророкамъ самого себя? Онъ былъ тѣмъ больше ихъ, чѣмъ больше было ввѣрено ему,—однако онъ не дѣлаетъ этого. Почему же? Во-первыхъ, потому, что онъ не хотѣлъ говорить о себѣ что-нибудь великое; во-вторыхъ, потому, что слушатели еще не были совершенными; и въ-третьихъ, потому, что онъ желалъ болѣе возвысить ихъ и показать великое превосходство (новаго завѣта предъ ветхимъ). Онъ какъ бы такъ говоритъ: что великаго въ томъ, что (Богъ) посылалъ къ отцамъ нашимъ пророковъ? Къ намъ Онъ послалъ
14 самого Сына своего единороднаго. Хорошо онъ началъ рѣчь словами: *многочастнѣ и многообразнѣ,* выражая, что и сами пророки не видѣли Бога, а Сынъ видѣлъ. Выраженія: *многочастнѣ и многообразнѣ* значатъ: различно. *Азъ,* говоритъ (Богъ), *видѣнія умножихъ, и въ рукахъ пророческихъ уподобихся* (Осіи XII, 10). Такимъ образомъ превосходство (новаго завѣта предъ ветхимъ) не только въ томъ, что къ тѣмъ были посылаемы пророки, а къ намъ Сынъ, но и въ томъ, что никто изъ нихъ не видѣлъ Бога, а Сынъ единородный видѣлъ. Впрочемъ (апостолъ) не тотчасъ высказываетъ это, но объясняетъ въ дальнѣйшихъ словахъ, когда говоритъ объ (Его) человѣчествѣ: *кому бо рече отъ ангелъ: сынъ мой еси ты;* и: *сѣди одесную мене* (Евр. I, 5, 13)? И замѣть великую его мудрость: онъ напередъ доказываетъ это превосходство пророчествами, а потомъ, когда сдѣлалъ такую истину несомнѣнною, самъ объясняетъ, что тѣмъ Богъ глаголалъ чрезъ пророковъ, а намъ чрезъ Единороднаго. Если же тѣмъ (Богъ говорилъ) и чрезъ ангеловъ,—вѣдь и ангелы бесѣдовали съ іудеями,—

то и въ этомъ мы имѣемъ преимущество, такъ какъ съ нами говорилъ Владыка, а съ тѣми рабы,—потому что и ангелы и пророки—равно рабы. Хорошо онъ сказалъ: *въ послѣдокъ дній*; это ободряетъ ихъ и утѣшаетъ отчаявшихся. Какъ въ другихъ мѣстахъ онъ говоритъ: *Господь близъ, ни о чемже пецытеся* (Фил. IV, 6); и еще: *нынѣ бо ближайшее намъ спасеніе, нежели егда вѣровахомъ* (Рим. XIII, 11),—такъ и здѣсь. Что же означаютъ слова его? То, что всякій, изнуренный въ подвигахъ, услышавъ о концѣ подвиговъ, нѣсколько ободряется, видя, что настаетъ конецъ трудовъ и начало отдыха. *Въ послѣдокъ дній сихъ глагола намъ въ Сынѣ.* Вотъ опять говоритъ: *въ Сынѣ*, (т. е.) *чрезъ Сына*, вопреки утверждающимъ, что это принадлежитъ Духу. Видишь, что *въ* употребляется вмѣсто *чрезъ?* А слова: *древле* и *въ послѣдокъ дній* означаютъ еще нѣчто другое. Что же такое? То, что по истеченіи долгаго времени, когда мы были наказываемы, когда оскудѣли (духовныя) дарованія, когда не было надежды на спасеніе, когда отвсюду мы ожидали худшаго, тогда и получили лучшее. И смотри, какъ мудро онъ выразилъ это: не сказалъ: *глагола Христосъ*, хотя Онъ былъ *глаголавый*, но, такъ какъ души слушателей были еще слабы и не могли слышать о Христѣ, то онъ говоритъ: *глагола намъ въ Сынѣ*. Что говоришь ты? Богъ глаголалъ чрезъ Сына? Да. Въ чемъ же преимущество? Здѣсь ты показываешь, что и новый и ветхій завѣты принадлежатъ одному и тому же (Богу); слѣдовательно между ними нѣтъ важнаго преимущества. Потому далѣе онъ и объясняетъ эти слова, говоря: *глагола намъ въ Сынѣ*. Замѣть, какъ Павелъ обобщаетъ это и уравниваетъ себя самого съ учениками: *глагола*, говоритъ, *намъ*. Хотя Онъ глаголалъ не ему, но апостоламъ и чрезъ нихъ прочимъ, но Павелъ возвышаетъ іудеевъ и внушаетъ, что Богъ говорилъ и имъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ нѣкоторымъ образомъ и укоряетъ ихъ, потому что почти всѣ, которымъ говорили пророки, были порочны и развратны. Впрочемъ, онъ теперь еще не распространяется объ этомъ, а говоритъ напередъ о дарахъ, ниспосланныхъ отъ Бога. Потому и продолжаетъ: *егоже положи наслѣдника всѣмъ*. Здѣсь онъ указываетъ на воплощеніе (Христово), подобно какъ и Давидъ во второмъ псалмѣ говоритъ: *проси отъ мене, и дамъ ти языки достояніе твое* (Псал. II, 8). Теперь уже не Іаковъ—часть Господня, и не Израиль—наслѣдіе Его, но всѣ. Что значитъ: *егоже положи наслѣдника?* Т. е. сдѣлалъ Его Господомъ всѣхъ, какъ и въ Дѣяніяхъ сказалъ Петръ: *и Господа и Христа его Богъ сотворилъ есть* (Дѣян. II, 36). Названіе же *наслѣдника* (апостолъ) употребляетъ для того, чтобы выразить два понятія: истинность сыновства и неотъемлемость господства Его.

Наслѣдника всѣхъ, т. е. всего міра. Затѣмъ онъ опять обращаетъ рѣчь къ прежде бывшему: *имже и вѣки сотвори*.

2. Гдѣ тѣ, которые говорятъ: было (время), когда (Его) не было? Далѣе (апостолъ) постепенно изрекаетъ о Немъ гораздо важнѣйшее этого: *иже сый*, говоритъ, *сіяніе славы и образъ ипостаси его, нося же всяческая глаголомъ силы своея, собою очищеніе сотворивъ грѣховъ нашихъ, сѣде одесную величествія на высокихъ: толико лучшій бывъ ангеловъ, елико преславнѣе паче ихъ наслѣдствова имя* (ст. 3, 4). О, мудрость апостольская! Или лучше сказать, нужно удивляться здѣсь не мудрости Павла, но благодати Духа, потому что онъ изрекъ это не отъ собственнаго разума, и
16 не отъ себя произнесъ такую премудрость,—какъ ожидать этого отъ скобели, отъ кожъ, отъ мастерской? — но отъ божественной силы такія изреченія. Подлинно, такія мысли произошли не отъ его разума, который прежде былъ такъ малъ и безсиленъ, что нисколько не превосходилъ (разума) простолюдиновъ,—какъ ожидать иного отъ преданнаго заботамъ о куплѣ и кожахъ?—но отъ благодати Духа, которая, чрезъ кого хочетъ, чрезъ того и являетъ свою силу. Подобно тому, какъ если кто хочетъ возвести малое дитя на какое-нибудь высокое мѣсто, достигающее до самой высоты небесной, то дѣлаетъ это постепенно и мало-по-малу возводитъ его съ низшихъ ступеней на высшія; потомъ, когда, поставивъ его вверху и приказавъ посмотрѣть внизъ, увидитъ, что оно смущается, страшится и чувствуетъ головокруженіе, то беретъ его и опять низводитъ на мѣсто болѣе низкое, доставляя ему возможность отдохнуть; а послѣ, когда оно отдохнетъ, опять возводитъ, и затѣмъ опять низводитъ,—такъ точно поступаетъ и блаженный Павелъ и съ евреями, и вездѣ, научившись этому отъ своего Учителя. Вѣдь и самъ (Христосъ) поступалъ такъ же, то возводя слушателей на высоту, то низводя ихъ, и не допуская ихъ долго оставаться на одной и той же степени. Посмотри же, какъ здѣсь (апостолъ), проведши слушателей чрезъ нѣсколько ступеней и поставивъ ихъ на самой высотѣ благочестія, прежде нежели они смутились и почувствовали головокруженіе, опять низводитъ ихъ ниже и даетъ отдохнуть: *глагола*, говоритъ, *намъ въ Сынѣ*; и потомъ: *егоже положи наслѣдника всѣмъ*. Имя *Сына* есть общее (имя); но когда разумѣется истинный (Сынъ Божій), то оно выше всѣхъ; какъ бы то ни было, здѣсь (апостолъ) внушаетъ и доказываетъ, что Онъ—высокъ.

Смотри же, какъ онъ напередъ поставляетъ ихъ на низшей степени, говоря: *егоже положи наслѣдника всѣмъ*,—потому что *наслѣдника положи* означаетъ не высокое дѣло,—потомъ на болѣе высокой, присовокупляя: *имже и вѣки сотвори*, затѣмъ на самой

высшей—такой, послѣ которой уже нѣтъ другой: *иже сый сіяніе славы и образъ ипостаси его*. Здѣсь онъ возводитъ ихъ поистинѣ къ неприступному Свѣту, къ самому сіянію. Но прежде, нежели (умъ ихъ) помрачился, смотри, какъ онъ опять мало-по-малу низводитъ ихъ: *нося же*, говоритъ, *всяческая глаголомъ силы своея, собою очищеніе сотворивъ грѣховъ нашихъ, сѣде одесную величествія*. Не просто сказалъ: *сѣде*, но: послѣ очищенія *сѣде*. Напоминаетъ о воплощеніи, и говоритъ опять объ уничиженномъ. Потомъ, снова, сказавъ нѣчто высокое въ словахъ: *одесную величествія на высокихъ*, говоритъ опять нѣчто смиренное, присовокупляя слѣдующее: *толико лучшій бывъ ангеловъ, елико преславнѣе паче ихъ наслѣдствова имя*. Здѣсь онъ говоритъ о домостроительствѣ во плоти, потому что слова: *лучшій бывъ* указываютъ не на существо, единое съ существомъ Отца,—оно не было, а родилось,—но на существо плоти; это—было. Впрочемъ онъ говоритъ теперь не о происхожденіи существа; но, подобно тому, какъ Іоаннъ говорилъ: *иже по мнѣ грядый, предо мною бысть, яко первѣе мене бѣ* (Іоан. I, 15), выражая, что Онъ почтеннѣе и славнѣе, такъ и Павелъ здѣсь словами: *толико лучшій бывъ ангеловъ* выражаетъ, что Онъ выше и превосходнѣе, *елико преславнѣе паче ихъ наслѣдствова имя*. Видишь, что это сказано по отношенію къ плоти (Христовой)? Имя: *Богъ-Слово* Онъ имѣлъ всегда, а не наслѣдовалъ впо- 17
слѣдствіи, и не тогда Онъ сталъ превосходнѣе ангеловъ, когда совершилъ очищеніе грѣховъ нашихъ, но всегда былъ превосходнѣе и несравненно превосходнѣе. Слѣдовательно, это сказано по отношенію къ плоти. Такъ и мы обыкновенно, разсуждая о человѣкѣ, говоримъ о немъ и низкое и высокое. Когда, напр., мы говоримъ: человѣкъ — ничто, человѣкъ — земля, человѣкъ—пепелъ, то относимъ все это къ низшей его части; а когда говоримъ: человѣкъ—существо безсмертное, человѣкъ—разуменъ, сроденъ горнимъ (силамъ), то относимъ все это къ высшей его части. Такъ и Павелъ о Христѣ говоритъ иногда съ низшей стороны, а иногда съ высшей, желая объяснить домостроительство, и сказать о нетлѣнномъ существѣ Его.

3. Итакъ, если Онъ совершилъ очищеніе грѣховъ нашихъ, то постараемся остаться чистыми и не принимать никакой нечистоты, но ту красоту и то благолѣпіе, которыя Онъ сообщилъ намъ, будемъ тщательно соблюдать настолько неповрежденными и неприкосновенными, чтобы въ насъ не было никакой скверны или нечистоты, или чего-нибудь подобнаго. Вѣдь и малые грѣхи—нечистота и скверна, какъ напр. злословіе, поношеніе, ложь; а лучше сказать, и эти грѣхи не малы, но весьма велики,—такъ велики, что они лишаютъ царствія небеснаго. Какъ и какимъ

образомъ? *Иже речетъ*, говоритъ (Господь), *брату своему: уроде, повиненъ есть гееннѣ огненнѣй* (Мѳ. v, 22). Если же такъ виновенъ называющій брата своего глупцомъ, — что кажется незначительнѣе всего и свойственно дѣтской бесѣдѣ,—то называющій его злонравнымъ, злодѣемъ, завистникомъ, и осыпающій другими безчисленными оскорбленіями, какому не преданъ будетъ суду и наказанію? Что можетъ быть ужаснѣе этого? Но внимайте, прошу васъ, словамъ моимъ. Если творящій *единому сихъ меньшихъ* творитъ Ему самому, и не творящій *единому сихъ меньшихъ* не творитъ Ему самому (Мѳ. xxv, 40, 45), то не то же ли самое бываетъ и съ злословіемъ и поношеніемъ? Злословящій брата своего злословитъ Бога, и воздающій честь брату своему воздаетъ честь Богу.

4. Будемъ же пріучать языкъ свой говорить доброе: *удержи*, говоритъ (Псалмопѣвецъ), *языкъ твой отъ зла* (Псал. xxxiii, 14). Богъ не для того намъ далъ его, чтобы мы злословили, чтобы поносили, чтобы клеветали другъ на друга, но чтобы прославляли Бога, чтобы говорили то, что благодать внушаетъ слушающимъ, что̀ (служитъ) къ назиданію, къ пользѣ. Ты сказалъ о комъ что-нибудь худое; какую же ты получаешь пользу, причиняя вредъ вмѣстѣ съ нимъ и себѣ самому? Вѣдь ты заслуживаешь названіе поносителя. Нѣтъ, истинно нѣтъ ни одного зла, которое останавливалось бы на одномъ претерпѣвающемъ, а не обращалось и на причиняющаго зло; такъ, напр., завистливый повидимому строитъ козни другому, но напередъ самъ вкушаетъ плоды злобы, терзаясь, изнуряясь и подвергаясь всеобщей ненависти; любостяжательный лишаетъ имущества другихъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ лишаетъ и себя самого любви, или лучше, заслуживаетъ всеобщее порицаніе. Хорошая слава гораздо лучше богатства; ея лишиться не легко, а потерять богатство легко; или лучше сказать, когда его нѣтъ, то не имѣющій не терпитъ ни-
18 какого вреда, а когда ея нѣтъ, то человѣкъ подвергается осужденію и осмѣянію, дѣлается врагомъ и ненавистнымъ для всѣхъ. Также гнѣвливый напередъ наказываетъ себя, терзаясь въ себѣ самомъ, а потомъ уже того, на кого гнѣвается. Подобнымъ образомъ и злорѣчивый напередъ посрамляетъ себя самого, а потомъ уже того, о комъ говоритъ худо; или даже не можетъ и этого достигнуть, но самъ заслуживаетъ названіе человѣка дурного и ненавистнаго, а того дѣлаетъ еще болѣе любимымъ. Въ самомъ дѣлѣ, если тотъ, о комъ онъ говоритъ худо, не отплачиваетъ ему тѣмъ же, но хвалитъ и превозноситъ его, то воздаетъ похвалу не ему, а себѣ самому. Какъ поношеніе ближнихъ обращается напередъ, какъ я прежде сказалъ, на самихъ

поносителей, такъ и добро, сдѣланное ближнимъ, доставляетъ напередъ радость самимъ дѣлающимъ. Дѣлающій добро и зло непремѣнно самъ первый испытываетъ послѣдствія; какъ вода, истекающая изъ источника, либо горькая, либо вкусная, и наполняетъ сосуды приходящихъ, и не уменьшаетъ производящаго ее источника, такъ точно зло и добро, отъ кого происходитъ, того и радуетъ или губитъ. Это бываетъ здѣсь.

А какое будетъ тамъ добро или зло, кто можетъ выразить словомъ? Никто не можетъ. (Тамошнія) блага превышаютъ всякій умъ, не только слово; а противное имъ, хотя выражается словами обычными для насъ,—тамъ, говорится, огонь, мракъ, узы, червь нескончаемый,—но они означаютъ не только то, что выражаютъ, а нѣчто другое, гораздо ужаснѣйшее. Чтобы ты убѣдился въ этомъ, обрати теперь же вниманіе прежде всего на слѣдующее. Если (тамъ) огонь, то, скажи мнѣ, какимъ образомъ (тамъ же) и мракъ? Видишь ли, что тамошній огонь гораздо ужаснѣе здѣшняго? Онъ не имѣетъ свѣта. Если (тамъ) огонь, то какимъ образомъ онъ сожигаетъ непрестанно? Видишь ли, что онъ гораздо ужаснѣе здѣшняго? Онъ не угасаетъ, почему и называется неугасаемымъ. Представимъ же, какое мученіе — быть сожигаемымъ непрестанно, находиться во мракѣ, испускать безчисленные вопли, скрежетать зубами и не быть услышаннымъ. Если здѣсь человѣкъ, воспитанный благородно, попавши въ темницу, только чувствовать зловоніе, находиться во мракѣ и содержаться вмѣстѣ съ убійцами считаетъ ужаснѣе всякой смерти, то представь, каково быть сожигаему вмѣстѣ съ убійцами вселенной, ничего не видѣть и не быть видимымъ, но среди такого множества людей считать себя одинокимъ. Дѣйствительно, мракъ и отсутствіе свѣта не дозволитъ намъ распознавать даже ближнихъ, но каждый будетъ въ такомъ состояніи, какъ будто бы онъ страдалъ одинъ. Если же мракъ самъ по себѣ тяготитъ и смущаетъ наши души, то что будетъ, когда къ мраку присоединятся такія мученія и сожиганія? Потому, прошу, будемъ постоянно содержать это въ своей памяти и переносить скорбь отъ словъ, чтобы не испытать наказанія на дѣлѣ. А все это непремѣнно исполнится, и тѣхъ, кто совершитъ дѣла, достойныя тамошнихъ наказаній, не избавитъ никто, ни отецъ, ни мать, ни братъ, хотя бы кто имѣлъ и великое дерзновеніе, и великую силу предъ Богомъ. *Братъ не избавитъ*, говоритъ (Писаніе), *избавитъ ли человѣкъ* (Псал. XLVIII, 8)? Самъ (Богъ) воздастъ каждому по дѣламъ его,—и чрезъ нихъ только можно и спастись и подвергнуться мученію.

Сотворите себѣ други отъ мамоны неправды (Лук. XVI, 9). 10

Будемъ же повиноваться, — это заповѣдь Господня; будемъ избытки богатства раздѣлять нуждающимся; будемъ творить милостыню, пока это въ нашей власти,—это и значитъ творить *други отъ мамоны;* будемъ расточать богатство на бѣдныхъ, чтобы истощить тамошній огонь, чтобы погасить его, чтобы тамъ имѣть дерзновеніе. Тамъ не они (друзья) примутъ насъ, но дѣла наши. А что не просто одно только пріобрѣтеніе друзей можетъ спасти насъ, видно изъ самаго добавленія. Почему въ самомъ дѣлѣ (Господь) не сказалъ: *сотворите себѣ други, да пріимутъ вы въ вѣчныя кровы*, но добавилъ и то, какимъ образомъ (сдѣлать это)? Сказавъ: *отъ мамоны неправды*, Онъ выразилъ, что надобно пріобрѣтать друзей посредствомъ имущества, и внушилъ, что одна только дружба не защититъ насъ, если мы не будемъ имѣть добрыхъ дѣлъ, если не расточимъ праведно богатства, собраннаго неправедно. Такая заповѣдь намъ о милостынѣ относится
20 не къ богатымъ только, но и къ бѣднымъ; хотя бы кто питался, выпрашивая у другихъ, и къ нему относится эта заповѣдь,—потому что нѣтъ, истинно нѣтъ ни одного такого бѣдняка, какъ бы онъ ни былъ бѣденъ, чтобы у него не нашлось *двѣ лепты* (Марк. XII, 42). Слѣдовательно, можно и дающему изъ малаго малое превзойти имѣющихъ много и дающихъ много, какъ и было съ тою вдовою. Величина милостыни измѣряется не мѣрою подаваемаго, но произволеніемъ и усердіемъ подающихъ. Такъ вездѣ нужно произволеніе, вездѣ любовь къ Богу. Если мы будемъ дѣлать все по ея побужденію, то, хотя бы мы давали немного, имѣя немного, — Богъ не отвратитъ лица Своего, но приметъ и малое, какъ великое и необыкновенное. Онъ смотритъ на произволеніе, а не на то, что дается; если видитъ, что оно велико, то обращаетъ на него свое рѣшеніе и приговоръ, и дѣлаетъ (подающихъ) участниками вѣчныхъ благъ, которыхъ да сподобимся всѣ мы достигнуть, благодатію и человѣколюбіемъ (Господа нашего Іисуса Христа, съ Которымъ Отцу со Святымъ Духомъ слава, держава, честь, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь).

БЕСѢДА II.

19 **Иже сый сіяніе славы и образъ ипостаси его, нося же всяческая глаголомъ силы своея, собою очищеніе сотворивъ грѣховъ нашихъ (Евр. I, 3).**

1. Всегда нужно имѣть благоговѣйное расположеніе духа, особенно же когда мы говоримъ или слушаемъ что-нибудь о

Богѣ, потому что ни языкъ сказать, ни ухо услышать не можетъ ничего, соразмѣрнаго (величію) Божію. Что я говорю—языкъ и ухо? Самый умъ, который много превосходитъ ихъ, не можетъ ничего постигнуть въ точности, когда мы хотимъ сказать что-нибудь о Богѣ, потому что если миръ Божій превосходитъ всякій умъ (Фил. IV, 7), и если уготованное любящимъ его не взошло на сердце человѣка (1 Кор. III, 9), то тѣмъ болѣе самъ Богъ мира, Создатель всего, несравненно превосходитъ наше разумѣніе. Потому должно принимать все съ вѣрою и благоговѣніемъ и, когда слово становится слабымъ и не можетъ въ точности выразить предлагаемаго, тогда въ особенности и прославлять Бога, за то, что мы имѣемъ такого Бога, который превосходитъ нашъ умъ и слово. Многое изъ того, что мы думаемъ о Богѣ, не можемъ выразить словомъ, и многое, что выражаемъ словомъ, не можемъ представить умомъ; напр. мы знаемъ, что Богъ (присутствуетъ) вездѣ, но какимъ образомъ, этого не разумѣемъ; мы знаемъ, что существуетъ нѣкоторая безтѣлесная сила, виновница всѣхъ благъ, но какимъ образомъ она существуетъ, не знаемъ. Это мы говоримъ, но не разумѣемъ; я говорю, что Богъ вездѣ, но не понимаю; говорю, что Онъ безначаленъ, но не постигаю; говорю, что Онъ раждаетъ изъ Себя самого, но опять не знаю, какъ понимать это. А иное невозможно выразить словами,—т. е. умъ представляетъ, а языкъ выразить не можетъ. А чтобы ты зналъ, какъ и самъ Павелъ былъ не въ состояніи (выразить), какъ подобія, приводимыя имъ, не точны, и чтобы ты послѣ того ужаснулся и ничего не искалъ болѣе надлежащаго, послушай: сказавъ о *Сынѣ* и назвавъ Его *Творцемъ*, что онъ присовокупляетъ? *Иже сый сіяніе славы и образъ ипостаси его.* Это надобно 20
принимать съ благоговѣніемъ, а нелѣпыя мысли отвергать. *Сіяніе*, говоритъ, *славы*. Смотри, въ какомъ смыслѣ онъ принимаетъ это, и самъ принимай точно также, т. е.,—что изъ Него (Сынъ—изъ Отца), что безстрастно, что безъ уменьшенія или униженія; а есть люди, которые выводятъ изъ этого подобія нѣкоторыя нелѣпости. *Сіяніе*, говорятъ они, не самостоятельно, имѣетъ (основаніе) бытія въ другомъ.

Но ты, человѣкъ, не принимай этого, не впадай въ болѣзнь Маркелла и Фотина. (Апостолъ) тотчасъ же предлагаетъ тебѣ врачеваніе и не дозволяетъ тебѣ принять такой мысли и впасть въ такую пагубную болѣзнь. Что же говоритъ онъ? *И образъ ипостаси его;* этимъ прибавленіемъ онъ выражаетъ, что какъ Отецъ самостоятеленъ и не имѣетъ ни въ комъ нужды для того, чтобы быть самостоятельнымъ, такъ точно и Сынъ. Здѣсь онъ доказываетъ безразличіе ихъ (по существу) и, указывая тебѣ на

соотвѣтственный образъ первообраза, учитъ, что и Сынъ самостоятеленъ самъ по себѣ. Сказавъ выше, что Имъ Богъ сотворилъ все, здѣсь онъ приписываетъ власть Ему самому. Что же говоритъ онъ? *Нося же всяческая глаголомъ силы своея*. Отсюда мы научаемся, что (Сынъ) не только есть образъ ипостаси (Отца), но и всѣмъ управляетъ со властію. Видишь, какъ то, что свойственно Отцу, принадлежитъ и Сыну. Потому онъ не просто сказалъ: *нося же всяческая*, не сказалъ также: силою своею, но: *глаголомъ силы своея*. Какъ прежде (апостолъ) мало-по-малу то восходилъ съ нами, то нисходилъ, такъ и теперь онъ, какъ бы по ступенямъ, то восходитъ на высоту, то опять нисходитъ, когда говоритъ: *имже и вѣки сотвори*. Посмотри, какъ онъ и здѣсь пролагаетъ два пути: предостерегая насъ отъ новшествъ Савеллія и Арія, изъ которыхъ первый отвергалъ остальное (различіе лицъ) въ существѣ Божіемъ, а второй расторгалъ единое существо неравенствомъ (Сына Отцу), онъ сильно опровергаетъ то и другое.
21 Какъ же онъ дѣлаетъ это? Попеременно говоритъ и то и другое, чтобы не думали, что (Сынъ) безначаленъ, или чуждъ Богу. Не удивляйся сказанному, возлюбленный; вѣдь если и послѣ такихъ доказательствъ находятся люди, которые почитаютъ (Сына) чуждымъ (Отцу), даютъ Ему другого отца и даже говорятъ, что онъ противодѣйствуетъ (Отцу), то чего не говорили бы они, если бы не сказалъ этого? Когда требуется врачевать заблуждающихся, то онъ находитъ нужнымъ сказать нѣчто уничиженное. Именно: *егоже*, говоритъ, *положи наслѣдника всѣмъ*, и еще: *имже и вѣки сотвори*. А потомъ, чтобы не нанести вреда въ другомъ отношеніи, онъ переходитъ отъ выраженій, означающихъ уничиженіе, къ выраженіямъ, означающимъ власть, и показываетъ, что (Сынъ) равночестенъ Отцу, и такъ равночестенъ, что многіе считали Его за Отца. И посмотри на великую мудрость (апостола): напередъ онъ излагаетъ первое и твердо доказываетъ это; когда же доказалъ, что Онъ есть Сынъ Божій и не чуждъ Отцу, тогда уже безъ опасенія предлагаетъ и все высокое, что хотѣлъ предложить. Такъ какъ, предлагая о Немъ высокое, можно было навести многихъ на вышесказанную мысль, то (апостолъ) напередъ излагаетъ уничиженное, а потомъ безъ опасенія восходитъ на высоту, на какую хотѣлъ; сказавъ: *егоже положи наслѣдника всѣмъ*, и: *имже вѣки сотвори*, онъ далѣе присовокупляетъ: *нося же всяческая глаголомъ силы своея*. Кто однимъ словомъ управляетъ всѣмъ, тотъ не можетъ имѣть въ комъ-нибудь нужды, чтобы произвести все.

2. И что это дѣйствительно такъ, смотри, какъ (апостолъ) въ дальнѣйшихъ словахъ приписываетъ Ему власть и уже не

говоритъ: *имже*. Сказавъ, что (Богъ) чрезъ Него сотворилъ, что хотѣлъ, онъ потомъ оставляетъ это выраженіе и говоритъ: *въ началѣ ты, Господи, землю основалъ еси, и дѣла руку твоею суть небеса* (ст. 10); уже не говоритъ: *имже*, т. е., что чрезъ Него сотворилъ вѣка. Но какъ же, развѣ не Имъ они сотворены? Правда, но не такъ, какъ ты говоришь, не такъ, какъ ты представляешь, не какъ чрезъ орудіе, и не такъ, что Онъ не сотворилъ бы ихъ, если бы Отецъ не подалъ Ему руки помощи. Какъ *(Отецъ) не судитъ никомуже*, но судитъ, сказано, чрезъ Сына (Іоан. v, 22), потому что родилъ Его Судіею, такъ и творитъ чрезъ Него, потому что родилъ Его Творцемъ. Если Отецъ есть начало Его, то тѣмъ болѣе (начало) сотвореннаго Имъ.

Итакъ, когда (апостолъ) хочетъ показать, что (Сынъ) изъ Него, то по необходимости говоритъ уничиженное; а когда желаетъ говорить высокое, то наносится ударъ Маркеллу и Савеллію. Но Церковь избѣгла крайности тѣхъ и другихъ и идетъ среднимъ путемъ. Не останавливается на уничиженномъ, чтобы не нашелъ убѣжища Павелъ Самосатскій, и не ограничивается однимъ только высокимъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ показываетъ великую близость (Сына къ Отцу), чтобы не возражалъ Савеллій. Когда онъ сказалъ: *Сына*, то немедленно возстаетъ Павелъ Самосатскій и говоритъ, что Онъ такой же Сынъ, какъ и многіе. Но (апостолъ) нанесъ ему смертельную рану, присовокупивъ: *наслѣдника*. Но тотъ все еще безстыдствуетъ вмѣстѣ съ Аріемъ; именно слова: *егоже положи наслѣдника* они оба принимаютъ, первый утверждая, что (эти слова) означаютъ безсиліе, а второй стараясь перетолковать и дальнѣйшія (слова). Павелъ сказалъ: 22
имже и вѣки сотвори, и тѣмъ рѣшительно ниспровергнулъ безстыднаго Павла Самосатскаго; но Арій повидимому еще держится крѣпко. Посмотри же, какъ (апостолъ) ниспровергнулъ и его, сказавъ далѣе: *иже сый сіяніе славы его*. Но вотъ еще возстаютъ Савеллій, Маркеллъ и Фотинъ. Всѣмъ имъ (апостолъ) нанесъ одинъ ударъ, сказавъ: *и образъ ипостаси его, нося же всяческая глаголомъ силы своя*. Здѣсь онъ поражаетъ также Маркіона,—хотя не слишкомъ сильно, однакоже поражаетъ. Вообще во всемъ посланіи онъ ихъ опровергаетъ. Онъ назвалъ Сына, какъ я сказалъ, сіяніемъ славы,—и хорошо. Самъ Христосъ, послушай, что говоритъ о Себѣ: *Азъ есмь свѣтъ міру* (Іоан. viii, 12). Для того (и апостолъ) назвалъ Его сіяніемъ, чтобы показать, что и тамъ сказано то же самое, т. е., что (Сынъ отъ Отца) какъ свѣтъ отъ свѣта. Впрочемъ не только это здѣсь показывается, но и то, что Онъ просвѣтилъ наши души. Словомъ: *сіяніе* (апостолъ) выражаетъ равенство по существу и близость къ Отцу. Посмотри, ка-

кая тонкость въ словахъ: именуя единое существо, названное ипостасію, онъ доказываетъ, что (Сынъ и Отецъ) двѣ ипостаси, подобно какъ онъ дѣлаетъ и въ отношеніи къ Духу. Какъ онъ говорилъ, что одно вѣдѣніе у Отца и Духа (1 Кор. xii, 4, 5), которое дѣйствительно одно и нисколько не различно само въ себѣ, такъ и здѣсь онъ употребляетъ одно слово для доказательства двухъ ипостасей. При этомъ присовокупляетъ: *и образъ*. Образъ— нѣчто отличное отъ первообраза, впрочемъ отличное не совершенно, но въ отношеніи къ самостоятельности; такъ и здѣсь *образъ* означаетъ безразличіе отъ Того, чей образъ, сходство съ Нимъ во всемъ. Если же Онъ называется подобіемъ и образомъ, то что скажутъ на это (еретики)? И человѣкъ, скажутъ, называется образомъ Божіимъ (Быт. i, 26). Но такъ ли, какъ Сынъ? Нѣтъ, скажутъ, но (отсюда и видно), что образъ не означаетъ сходства. Напротивъ, когда человѣкъ называется образомъ (εἰκὼν), то означается сходство (его съ Богомъ), сколько возможно человѣку. Что̀ Богъ на небѣ, то̀ человѣкъ на землѣ, т. е. по владычеству; какъ онъ обладаетъ всѣмъ на землѣ, такъ Богъ обладаетъ всѣмъ на небѣ и на землѣ. А съ другой стороны, человѣкъ не называется такимъ же *образомъ* (χαρακτὴρ), не называется такимъ же *подобіемъ* (μορφὴ), не называется *сіяніемъ*, чѣмъ означается существо, или сходство по существу. Какъ *зракъ раба* (Фил. ii, 7) означаетъ не что иное, какъ совершеннаго человѣка, такъ и *образъ* Бога означаетъ не что иное, какъ Бога. *Иже сый*, говоритъ, *сіяніе славы*. Посмотри, какъ поступаетъ Павелъ. Сказавъ: *иже сый сіяніе славы*, онъ далѣе присовокупляетъ: *сѣде одесную величествія;* изъ всѣхъ употребляемыхъ названій онъ не находитъ ни одного, которое выражало бы самое существо (Божіе). Дѣйствительно, ни *величествіе*, ни *слава* не выражаютъ того,
23 что онъ хочетъ сказать; вообще онъ не находитъ названія. Потому я и сказалъ въ началѣ, что иное мы представляемъ въ умѣ, но не можемъ выразить словомъ; и самое имя: *Богъ* не есть названіе существа Его, такъ что совершенно невозможно найти названіе для выраженія существа Его. Впрочемъ, что удивительнаго, если такъ въ отношеніи къ Богу, когда и въ отношеніи къ ангелу невозможно найти названіе, которое выражало бы существо его, и можетъ быть даже въ отношеніи къ душѣ: мнѣ именно кажется, что это названіе (душа) означаетъ не самое существо ея, но способность дышать. Потому-то называютъ ее и душею, и сердцемъ, и умомъ: *сердце чисто*, говоритъ (Псалмопѣвецъ), *созижди во мнѣ, Боже* (Псал. l, 12). И не только такъ, но часто называется она и духомъ. *Нося же всяческая глаголомъ силы своея*. Видишь ли, что говоритъ (апостолъ)?

3. Какъ же, скажи мнѣ, ты, еретикъ, указывая на слова Писанія: *рече Богъ: да будетъ свѣтъ* (Быт. I, 3), говоришь, что Отецъ повелѣваетъ, а Сынъ повинуется? Вотъ и здѣсь Онъ самъ творитъ *глаголомъ: нося же*, говоритъ (апостолъ), *всяческая*, т. е. управляя, сдерживая то, что можетъ распасться. Держать міръ не менѣе значитъ, чѣмъ и сотворить міръ, или, если можно сказать нѣчто удивительное, даже болѣе. Сотворить значитъ привести что-нибудь изъ небытія въ бытіе; а держать уже существующее, но готовое обратиться въ ничто, соединять противоборствующее между собою, это—дѣло великое и удивительное, это—знакъ великой силы. Словомъ: *нося* онъ выражаетъ также легкость этого дѣла (для Господа). Не сказалъ: *управляя*, но употребилъ переносное выраженіе, заимствованное отъ движущихъ что-нибудь и обращающихъ однимъ пальцемъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ выражаетъ огромную великость созданія, и то, что эта великость ничего не значитъ для Него. Далѣе опять выражаетъ, что (для Господа) это дѣло не составляетъ труда, словами: *глаголомъ силы своея*. Хорошо сказалъ: *глаголомъ*; у насъ слово бываетъ безсильно, а у Бога, говоритъ, оно не бываетъ безсильно. Сказавъ: *нося глаголомъ*, онъ однако не прибавилъ, какимъ образомъ носитъ словомъ, потому что знать это—невозможно. Затѣмъ говоритъ о *величествіи* Его. Такъ сдѣлалъ и Іоаннъ: сказавъ, что Онъ—Богъ, присовокупилъ и то, что Онъ — Создатель тварей. Что (Іоаннъ) выразилъ словами: *въ началѣ бѣ Слово*, и: *вся тѣмъ быша* (Іоан. I, 1, 3), то же самое и Павелъ выражаетъ, говоря: *глаголомъ*, а также: *имже и вѣки сотвори*,—выражаетъ именно, что Онъ и Создатель и существуетъ прежде всѣхъ вѣковъ. Итакъ, если объ Отцѣ пророкъ говоритъ: *отъ вѣка и до вѣка ты еси* (Псал. LXXXIX, 2) и о Сынѣ говорится, что Онъ существуетъ прежде всѣхъ вѣковъ и есть Создатель всего, то что могутъ сказать (еретики)? Или лучше, если объ Отцѣ сказано, что Онъ есть *сый прежде вѣкъ*, и о Сынѣ говорится то же самое? Какъ (Іоаннъ) сказалъ: *животъ бѣ* (Іоан. I, 4), выражая, что Онъ сохраняетъ твари, что Онъ есть жизнь всего, такъ и (Павелъ) говоритъ: *нося же всяческая глаголомъ силы своея*; а не такъ, какъ говорятъ язычники, которые лишаютъ Его, сколько могутъ, и творчества, и промышленія, и ограничиваютъ силу Его луною. *Собою*, говоритъ, *очищеніе сотворивъ грѣховъ нашихъ*. Сказавъ о дѣлахъ удивительныхъ и великихъ, самыхъ высокихъ, (апостолъ) говоритъ потомъ и о попеченіи Его о людяхъ. Хотя и вышесказанныя слова: *нося же всяческая* относились ко всѣмъ, но эти означаютъ гораздо болѣе. 24
Они также относятся ко всѣмъ, потому что, сколько отъ Него зависѣло, Онъ спасъ всѣхъ. Такъ и Іоаннъ, сказавъ: *животъ бѣ*,

и тѣмъ указавъ на промышленіе Его, говоритъ еще: *и свѣтъ* (Іоан. I, 5), выражая то же самое. *Собою*, говоритъ, *очищеніе сотворивъ грѣховъ нашихъ, сѣде одесную величествія на высокихъ*. Здѣсь онъ представляетъ два величайшія доказательства Его попеченія: одно въ томъ, что Онъ очистилъ грѣхи наши, а другое въ томъ, что сдѣлалъ это Собою. И часто можешь видѣть, какъ (апостолъ) восхищается не только тѣмъ, что совершилось примиреніе съ Богомъ, но и тѣмъ, что оно совершено Сыномъ. Подлинно, этотъ великій даръ сталъ еще больше потому, что (сообщенъ) Сыномъ. Сказавъ: *сѣде одесную*, и: *очищеніе собою сотворивъ грѣховъ нашихъ*, и напомнивъ о крестѣ, (апостолъ) вмѣстѣ съ тѣмъ прибавляетъ о воскресеніи и вознесеніи. И посмотри на неизреченную мудрость его: не сказалъ: повелѣно Ему сѣсть, но: *сѣде*; далѣе же, чтобы ты не подумалъ, будто Онъ стоялъ, присовокупилъ: *кому отъ ангелъ рече когда: сѣди одесную мене* (ст. 13)? *Сѣде*, говоритъ, *одесную величествія на высокихъ*. Что значитъ: *на высокихъ?* Не ограничиваетъ ли онъ Бога какимъ-нибудь мѣстомъ? Нѣтъ, не для внушенія намъ такой мысли онъ сказалъ это; но какъ выраженіемъ: *одесную* онъ изображаетъ не внѣшній видъ Его, а показываетъ равночестность Его съ Отцемъ, такъ и выраженіемъ: *на высокихъ* не заключаетъ Его тамъ, а означаетъ, что Онъ выше всѣхъ и превзошелъ все, и какъ бы такъ говоритъ: Онъ достигнулъ до самаго престола Отчаго. Какъ Отецъ *на высокихъ*, такъ точно и Онъ; и сосѣдѣніе означаетъ не что иное, какъ равночестность. Если же (еретики) будутъ возражать: (однакоже Богъ сказалъ Ему:) *сѣди*, то мы спросимъ ихъ: что же, стоящему ли (Ему Богъ сказалъ это)? Невозможно доказать. И съ другой стороны, (апостолъ) не говоритъ, что Богъ повелѣлъ или приказалъ, но: *рече: сѣди*, и при томъ для того, чтобы ты не подумалъ, что онъ не имѣетъ начала и причины (въ Богѣ Отцѣ). А что это дѣйствительно такъ, видно изъ мѣста сѣдѣнія; если бы нужно было выразить уменьшеніе, то было бы сказано не *одесную*, но ошуюю.

Толико, говоритъ, *лучшій бывъ ангеловъ, елико преславнѣе паче ихъ наслѣдствова имя* (ст. 4). Слово: *бывъ* здѣсь употреблено вмѣсто: явившись; иначе можно сказать: есть. Далѣе (апостолъ) и подтверждаетъ это. Чѣмъ? Именемъ. Видишь ли, что имя—Сынъ всегда означаетъ истинное сыновство Его? Подлинно, если бы Онъ не былъ истиннымъ Сыномъ, то не было бы такъ сказано. Почему? Потому, что бываетъ истиннымъ (Сыномъ) не иначе, какъ получая бытіе изъ самого (Отца). Потому (апостолъ) и приводитъ такое подтвержденіе. А если бы Онъ былъ Сыномъ по благодати, то не только не былъ бы преславнѣе ангеловъ, но былъ

бы даже ниже ихъ. Почему? Потому, что и люди праведные называются сынами (Божіими); и имя — Сынъ, если оно не означаетъ истиннаго (Сына), не можетъ доказывать превосходства. Между тѣмъ (апостолъ), желая показать, что есть нѣкоторое различіе между тварями и Творцемъ, послушай, что говоритъ: *кому бо рече когда отъ ангелъ: сынъ мой еси ты, азъ днесь родихъ тя?* и опять: *азъ буду ему во Отца, и той будетъ мнѣ въ Сына* (ст. 5)? Здѣсь одно сказано о плоти (Христовой), именно слова: *азъ буду ему во Отца, и той будетъ мнѣ въ Сына* означаютъ воплощеніе Его; а другое, именно: *Сынъ мой еси ты*, означаетъ не что иное, 25
какъ то, что Онъ изъ самого (Отца). Какъ выраженіе: сый употребляется о Богѣ въ настоящемъ времени, потому что оно всего болѣе прилично Ему, такъ выраженіе: *днесь*, мнѣ кажется, сказано здѣсь по отношенію къ плоти. Когда Онъ принялъ ее, то уже все подобное безъ опасенія говорится о Немъ. Плоть можетъ получать возвышеніе, равно какъ Божество—уничиженіе; и если Богъ не возгнушался сдѣлаться человѣкомъ, не отрекся отъ дѣла, то станетъ ли Онъ отрекаться отъ наименованій?

4. Зная это, не будемъ стыдиться, не будемъ и превозноситься. Если Онъ, будучи Богомъ, Владыкой и Сыномъ Божіимъ, не отрекся принять *зракъ раба* (Фил. II, 7), то тѣмъ болѣе мы должны дѣлать все, хотя бы то было самое уничиженное. И чѣмъ, скажи мнѣ, превозносишься ты, человѣкъ? Благами ли житейскими? Но они тотчасъ исчезаютъ, какъ скоро являются. Духовными ли? Но и то есть одно изъ духовныхъ благъ, чтобы не превозноситься. Чѣмъ же ты превозносишься? Тѣмъ ли, что дѣлаешь добрыя дѣла? Но послушай Христа, который говоритъ: *егда сотворите вся повелѣнная вамъ, глаголите, яко раби неключими есмы: яко еже должни бѣхомъ сотворити, сотворихомъ* (Лук. XVII, 10). Богатствомъ ли ты превозносишься? Но, скажи мнѣ, почему? Развѣ ты не слышалъ, что мы наги вошли въ жизнь, наги и отъидемъ (Іов. I, 21)? Или лучше, развѣ ты не видишь, какъ другіе отходятъ прежде тебя нагими и лишенными всего? Кто превозносится тѣмъ, что̀ у него есть чужое? А кто хочетъ пользоваться этимъ для одного собственнаго наслажденія, тотъ лишается его и противъ воли, часто еще прежде смерти, а при смерти непремѣнно. Но скажутъ: пока мы живы, мы пользуемся имъ, какъ хотимъ. Нѣтъ,—не скоро найдешь человѣка, который бы пользовался имуществомъ, какъ онъ хочетъ; а если бы кто и пользовался имъ, какъ хочетъ, то и это не важное дѣло, потому что время настоящее кратко въ сравненіи съ безконечными вѣками. Тѣмъ ли превозносишься, человѣкъ, что ты богатъ? Почему же? Богатство бываетъ и у разбойниковъ, и воровъ, и

убійцъ, и развратниковъ, и прелюбодѣевъ, и у всѣхъ людей порочныхъ. Почему же ты превозносишься? Если ты употребляешь его, какъ должно, то тебѣ не слѣдуетъ превозноситься, чтобы не нарушить заповѣди (Господней); если (употребляешь) не такъ, какъ должно, то тебѣ слѣдуетъ скорѣе сокрушаться о томъ, что ты сдѣлался рабомъ имущества и богатства, которое обладаетъ тобою. Скажи мнѣ: если бы кто-нибудь, страдая горячкою, выпилъ много воды, которая на короткое время утоляетъ жажду, но потомъ воспламеняетъ огонь, то можетъ ли онъ превозноситься этимъ? Или если бы кто-нибудь хлопоталъ о многомъ напрасно, то можетъ ли онъ превозноситься этимъ? Чѣмъ же, скажи мнѣ, (превозноситься тебѣ)? Тѣмъ ли, что имѣешь надъ собою много господъ? Тѣмъ ли, что у тебя безчисленное множество заботъ? Тѣмъ ли, что многіе льстятъ тебѣ? Но это не что иное, какъ рабство. А чтобы ты убѣдился, что ты (въ такомъ случаѣ) дѣлаешься рабомъ, выслушай внимательно слѣдующее. Прочія страсти наши бываютъ иногда полезны; такъ часто бываетъ полезенъ гнѣвъ: *не можетъ*, говоритъ (Премудрый), *ярость неправедная оправдитися* (Сир. I, 22); слѣдовательно, можно гнѣваться и праведно. И еще (Господь говоритъ): *гнѣваяйся на брата своего всуе, повиненъ есть суду* (Мѳ. V, 22). Также ревность и похоть бываютъ добромъ: послѣдняя тогда, когда служитъ дѣторожденію, а первая, когда направлена къ соревнованію въ добрыхъ дѣлахъ, какъ и Павелъ говоритъ: *добро же еже ревновати всегда въ добромъ* (Гал. IV, 18), и еще: *ревнуйте дарованій большихъ* (1 Кор. XII, 31); слѣдовательно, то и другое полезно. А гордость никогда не бываетъ добромъ, но всегда безполезна и вредна. И
26 если чѣмъ можно гордиться, то скорѣе бѣдностію, нежели богатствомъ. Почему? Потому что кто можетъ жить малымъ, тотъ гораздо лучше и выше того, кто не можетъ.

5. Скажи мнѣ: если бы какіе-нибудь люди были приглашены въ царственный городъ, и одни изъ нихъ не требовали бы ни коней, ни рабовъ, ни шатровъ, ни гостинницъ, ни одѣяній, ни сосудовъ, но довольствовались бы только хлѣбомъ и водою изъ источниковъ, а другіе стали бы говорить: если не дадите намъ колесницъ и мягкихъ постелей, то мы не можемъ прибыть; если у насъ не будетъ множества провожатыхъ, если не будетъ намъ позволено часто отдыхать и находиться въ дорогѣ только малую часть дня, если не доставятъ намъ коней и много другого необходимаго для насъ, то мы не можемъ (отправиться), — скажи: которые изъ нихъ достойны нашего уваженія, первые или послѣдніе? Очевидно, что тѣ, которые ни въ чемъ не имѣютъ нужды. Такъ точно и здѣсь: одни для прохожденія пути настоя-

щей жизни требуютъ многаго, а другіе—ничего; потому и превозноситься скорѣе слѣдовало бы живущимъ въ бѣдности, если только слѣдовало бы. Но, скажешь, бѣдный часто подвергается презрѣнію. Нѣтъ,—не онъ (достоинъ этого), а тѣ, которые презираютъ его; какъ въ самомъ дѣлѣ я могу не презирать людей, которые не хотятъ уважать то, что должно (уважать)? Живописецъ смѣется надъ всѣми тѣми, которые, будучи сами невѣждами, смѣются надъ нимъ, и не обращаетъ вниманія на слова ихъ, но довольствуется собственнымъ своимъ свидѣтельствомъ: почему же мы поставляемъ себя въ зависимость отъ мнѣнія другихъ? Простительно ли это?

Мы въ томъ случаѣ достойны презрѣнія, когда не презираемъ презирающихъ насъ за бѣдность и не считаемъ несчастными ихъ самихъ. Не упоминаю о томъ, какіе грѣхи происходятъ отъ богатства и какія блага отъ бѣдности; или лучше сказать, ни богатство, ни бѣдность не есть добро само по себѣ, но таковымъ бываетъ въ зависимости отъ пользующихся. Добрый христіанинъ обнаруживается болѣе въ бѣдности, нежели въ богатствѣ. Почему? Потому, что въ бѣдности онъ становится негорделивѣе, цѣломудреннѣе, честнѣе, смиреннѣе, благоразумнѣе; а въ богатствѣ встрѣчаетъ множество къ тому препятствій. Вспомнимъ, что̀ дѣлаетъ богатый, или лучше, злоупотребляющій своимъ богатствомъ. Онъ похищаетъ, лихоимствуетъ, притѣсняетъ. И откуда происходятъ преступныя привязанности, незаконныя связи, волшебства, чародѣянія и всѣ другіе роды зла, какъ не отъ богатства? Видишь ли, что въ бѣдности гораздо легче быть добродѣтельнымъ, нежели въ богатствѣ? Не думай, что если богатые здѣсь не подвергаются наказанію, то они и не грѣшны; нѣтъ, — если бы можно было безпрепятственно подвергать богатыхъ наказанію, то темницы наполнились бы ими. Кромѣ того, богатство заключаетъ въ себѣ еще то зло, что неправедно пріобрѣвшій его, совершая грѣхи безнаказанно, никогда не перестаетъ совершать ихъ, получаетъ раны неисцѣльныя, и никто не налагаетъ на него узды. Бѣдность же, если угодно, можетъ доставить намъ гораздо больше поводовъ къ удовольствію. Почему? Потому, что она свободна отъ заботъ, ненависти, вражды, зависти, браней и безчисленныхъ золъ. Итакъ, не будемъ усиливаться стать богатыми, и не будемъ постоянно завидовать тѣмъ, которые имѣютъ много; но если имѣемъ богатство, будемъ употреблять его, какъ должно; если же не имѣемъ, не будемъ скорбѣть о томъ, а благодарить Бога за все, и за то, что Онъ даровалъ намъ возможность—при маломъ трудѣ получить воздаяніе, равное богатымъ, или, если мы захотимъ, даже большее, и къ 27

малаго извлечь великіе плоды. Принесшій два таланта былъ почтенъ и удостоенъ награды, равной съ принесшимъ пять талантовъ. Почему? Потому что, хотя ему было ввѣрено два таланта, но онъ съ своей стороны исполнилъ все должное и возвратилъ ввѣренное въ двойномъ количествѣ. Для чего же намъ стараться получить многое, когда можно и посредствомъ малаго пріобрѣсть то же самое, или даже большее, когда при маломъ трудѣ можно удостоиться награды, гораздо большей (чѣмъ трудъ). Бѣдный гораздо удобнѣе разстанется съ собственностію, нежели богатый,
28 обладающій слишкомъ многимъ. Развѣ вы не знаете, что чѣмъ больше кто имѣетъ, тѣмъ большаго желаетъ? Потому, чтобы намъ не испытать этого, не будемъ искать богатства, не будемъ сѣтовать на бѣдность, не будемъ стремиться сдѣлаться богатыми, но, даже имѣя (богатство), будемъ пользоваться имъ такъ, какъ заповѣдалъ Павелъ: *имущіи*, говоритъ онъ, *якоже не имущіи, и требующіи міра сего, яко не требующе* (1 Кор. VII, 29, 31), чтобы намъ получить обѣтованныя блага, которыхъ да сподобимся всѣ мы благодатію и человѣколюбіемъ (Господа нашего Іисуса Христа, съ Которымъ Отцу со Святымъ Духомъ слава, держава, честь, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь).

БЕСѢДА III.

27 **Егда же паки вводитъ первороднаго во вселенную, глаголетъ: и да поклонятся ему вси ангели Божіи. И ко ангеломъ убо глаголетъ: творяй ангелы своя духи, и слуги своя огнь палящъ. Къ Сыну же: престолъ твой, Боже, въ вѣкъ вѣка (Евр. I, 6—8).**

1. Господь нашъ Іисусъ Христосъ называетъ пришествіе свое во плоти исходомъ,—напр., когда Онъ говоритъ: *изыде сѣяй, да сѣетъ* (Мѳ. XIII, 3); и еще: *Азъ отъ Отца моего изыдохъ, и пріидохъ* (Іоан. XVI, 26, 27); и во многихъ мѣстахъ можно видѣть это. А Павелъ называетъ пришествіе Его входомъ: *егда же*, говоритъ, *паки вводитъ первороднаго во вселенную*, разумѣя подъ этимъ введеніемъ воплощеніе. Почему же они выражаются различно объ одномъ и томъ же предметѣ, и для чего говорятъ такъ? Это видно изъ значенія самыхъ выраженій. Христосъ справедливо называетъ пришествіе свое исходомъ, потому что мы были внѣ Бога. Какъ узники, оскорбившіе царя, находятся обыкновенно внѣ царскихъ чертоговъ, и тотъ, кто желаетъ примирить ихъ

(съ царемъ), не вводитъ ихъ внутрь (чертоговъ), но самъ выходитъ наружу и бесѣдуетъ съ ними, пока не сдѣлаетъ ихъ достойными явиться предъ взоры царя, такъ поступилъ и Христосъ. Онъ, вышедши къ намъ, т. е. принявъ плоть и преподавъ намъ угодное Царю, ввелъ потомъ насъ, очистивъ отъ грѣховъ и примиривъ (съ Богомъ). Потому Онъ и называетъ (пришествіе свое) исходомъ. А Павелъ называетъ его входомъ, заимствуя это переносное выраженіе изъ примѣра наслѣдниковъ, получающихъ во владѣніе какое-нибудь имущество; сказать: *егда же паки вводитъ первороднаго во вселенную*, значитъ показать, что (Богъ) вручилъ Ему вселенную; Онъ тогда принялъ ее всю въ свое владѣніе, когда былъ познанъ. Это говорится не о Богѣ-Словѣ, но о воплотившемся Христѣ; и дѣйствительно, если Онъ *въ мірѣ бѣ*, какъ говоритъ Іоаннъ, *и міръ тѣмъ бысть* (Іоан. I, 10), то какъ иначе онъ могъ быть введенъ во вселенную, какъ не во плоти? *И да поклонятся ему*, говоритъ, *вси ангели Божіи*. Намѣреваясь сказать нѣчто великое и высокое, онъ предуготовляетъ къ тому слушателей и располагаетъ къ удобнѣйшему принятію (истины), представляя Отца вводящимъ Сына. И посмотри: выше онъ сказалъ, что (Богъ) глаголалъ намъ не чрезъ пророковъ, но чрезъ 28
Сына, и показалъ, что Сынъ превосходнѣе ангеловъ, доказавъ это какъ самымъ именемъ (Сына), такъ и тѣмъ, что самъ Отецъ ввелъ Сына. А здѣсь онъ доказываетъ то же другимъ образомъ. Какимъ? Поклоненіемъ, которое показываетъ, насколько онъ превосходнѣе ангеловъ, насколько именно Владыка превосходнѣе раба. Подобно тому, какъ если бы кто, вводя кого-нибудь въ жилище царя, повелѣлъ предстоящимъ тамъ тотчасъ поклониться ему, такъ поступаетъ и апостолъ, говоря о пришествіи въ міръ по плоти, и присовокупляя: *да поклонятся ему вси ангели Божіи*. Неужели же только ангелы, безъ прочихъ силъ? Нѣтъ; послушай далѣе: *и ко ангеломъ убо глаголетъ: творяй ангелы своя духи, и слуги своя огнь палящъ. Къ Сыну же: престолъ твой, Боже, въ вѣкъ вѣка*. Вотъ величайшее различіе: они созданы, а Онъ не созданъ. Почему объ ангелахъ сказано: *творяй*, а о Сынѣ не сказано: творяй? Потому, что такимъ образомъ ясно выражается различіе между ними. Потому объ ангелахъ и говорится: *творяй ангелы своя духи;* а о Сынѣ хотя говорится: *Господь созда мя* (Притч. VIII, 22), и еще: *Господа его и Христа Богъ сотворилъ есть* (Дѣян. II, 36), но ни то не говорится о Христѣ Господѣ Сынѣ, ни это—о Богѣ Словѣ, а относится къ воплощенію. Желая показать истинное между ними различіе, (апостолъ) разумѣетъ не только ангеловъ, но и всѣ горнія служебныя силы. Видишь ли, съ какою ясностію онъ различаетъ твари и Творца, служителей и Вла-

дыку, рабовъ и Наслѣдника и истиннаго Сына? О Сынѣ говоритъ: *престолъ твой, Боже, въ вѣкъ вѣка;* вотъ знакъ царствія! *Жезлъ правости, жезлъ царствія твоего;* вотъ еще другой знакъ царствія! Потомъ опять (обращается) къ воплощенію: *возлюбилъ еси правду, и возненавидѣлъ еси беззаконіе: сего ради помаза тя, Боже, Богъ твой* (ст. 9). Что значитъ: *Богъ твой?* Сказавъ великое, (апостолъ) опять смягчаетъ рѣчь.

Здѣсь онъ опровергнулъ и іудеевъ, и послѣдователей Павла Самосатскаго, и аріанъ, и Маркелла, и Савеллія, и Маркіона.
29 Какимъ образомъ? Іудеевъ — тѣмъ, что показалъ въ одномъ и томъ же (Христѣ) два существа—Бога и человѣка; вторыхъ, т. е. послѣдователей Павла Самосатскаго,—тѣмъ, что сказалъ о вѣчномъ бытіи и несозданномъ существѣ Его, такъ какъ въ противоположность выраженію: *сотворилъ есть,* присовокупилъ: *престолъ твой, Боже, въ вѣкъ вѣка;* аріанъ—тѣмъ же самымъ, равно и тѣмъ, что (Сынъ) не есть рабъ, а если бы Онъ былъ тварію, то былъ бы рабомъ; Маркелла и другихъ—тѣмъ, что (Отецъ и Сынъ) суть два лица, различныя ипостасно; маркіонитовъ—тѣмъ, что помазуется не божество, а человѣчество (Христово). Далѣе говоритъ: *паче причастникъ твоихъ.* Кто же эти причастники, какъ не люди? Т. е. *не въ мѣру* Христосъ получилъ *Духа* (Іоан. ш, 34).

2. Видишь ли, какъ (апостолъ) съ ученіемъ о несозданномъ Существѣ вездѣ соединяетъ ученіе о домостроительствѣ? Что можетъ быть яснѣе этого? Видишь ли, что не одно и то же—сотвореніе и рожденіе? Иначе онъ не различалъ бы ихъ; въ противоположность выраженію: *сотворилъ есть,* онъ не прибавилъ бы: *къ Сыну же глаголетъ: престолъ твой, Боже* (ὁ Θεὸς), *въ вѣкъ вѣка;* и не назвалъ бы имени—Сынъ преславнѣйшимъ именемъ, если бы оно означало то же самое (что и тварь). Въ самомъ дѣлѣ, чѣмъ бы оно было преславнѣе? Если бы сотвореніе и рожденіе означали одно и то же, а ангелы сотворены, то (Сынъ) чѣмъ былъ бы ихъ превосходнѣе? Вотъ опять употребляется о Немъ слово: *Богъ,* съ членомъ [1]). *И паки глаголетъ: въ началѣ ты, Господи, землю основалъ еси и дѣла руку твоею суть небеса. Та погибнутъ, ты же пребываеши: и вся, якоже риза, обетшаютъ, и яко одежду свіеши ихъ и измѣнятся: ты же тойжде еси, и лѣта твоя не оскудѣютъ* (ст. 10—12). Чтобы ты, слыша слова: *егда же вводитъ перворoднаго во вселенную,* не подумалъ, будто (Сыну) впослѣдствіи было предо-

[1]) Нѣкоторые изъ аріанъ утверждали, что слово — Богъ съ членомъ (ὁ Θεὸς) употребляется въ св. Писаніи только о Богѣ Отцѣ, и отсюда заключали, что Сынъ Его, І. Христосъ, не есть истинный Богъ. Святитель опровергаетъ ь и въ другихъ мѣстахъ такое неправое ученіе.

ставлено это, какъ даръ, (апостолъ) и выше предостерегалъ отъ такой мысли, и теперь опять предостерегаетъ, говоря: *въ началѣ*: не теперь, говоритъ, но издревле. Здѣсь онъ также опять наноситъ смертельный ударъ Павлу Самосатскому и Арію, приписывая Сыну то, что приписывается и Отцу. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ внушаетъ нѣчто другое, важнѣйшее; именно, изображаетъ измѣненіе міра: *якоже риза, обетшаютъ, и яко одежду свіеши ихъ, и измѣнятся;* подобно какъ и въ посланіи къ Римлянамъ онъ говоритъ, что (Богъ) преобразитъ міръ (Рим. VIII). Желая выразить легкость этого дѣла (для Бога), говоритъ: *свіеши;* какъ человѣкъ свертываетъ одежду, такъ (Богъ) свернетъ и измѣнитъ міръ. Если же Онъ такъ легко совершитъ преобразованіе и измѣненіе міра въ лучшее и высшее состояніе, то могъ ли Онъ имѣть нужду въ комъ-нибудь другомъ при низшемъ (первоначальномъ) образованіи міра? Доколѣ вы не устыдитесь (говорить это)? Вмѣстѣ съ тѣмъ и весьма утѣшительно — знать, что міръ не всегда будетъ въ настоящемъ состояніи, но все получитъ преобразованіе и все измѣнится; самъ же (Богъ) пребываетъ всегда живымъ и безпредѣльно живущимъ. *И лѣта твоя*, говоритъ, *не оскудѣютъ. Кому же отъ ангелъ рече когда: сѣди одесную мене, дондеже положу враги твоя подножіе ногъ твоихъ* (ст. 13)? Вотъ, онъ опять ободряетъ (вѣрующихъ) тѣмъ, что враги ихъ будутъ поражены; а враги ихъ тѣ же самые, что и Христовы. И опять это—знакъ царствія, знакъ равенства, знакъ чести, а не безсилія (Сына), что Отецъ гнѣвается за (оскорбленія), причиняемыя Сыну; это—знакъ великой любви и близости Отца къ Сыну. И дѣйствительно, если 30
Онъ гнѣвается за Него, то какъ Онъ можетъ быть чуждъ Ему? *Дондеже положу враги твоя.* Такъ и во второмъ псалмѣ говорится: *живый на небесѣхъ посмѣется имъ, и Господь поругается имъ. Тогда возглаголетъ къ нимъ гнѣвомъ своимъ, и яростію своею смятетъ я* (Псал. II, 4, 5). И самъ (Христосъ) говоритъ: *оны, иже не восхотѣша мене, да царь быхъ былъ надъ ними, приведите сѣмо предо мною, и изсѣцыте ихъ* (Лук. XIX, 27). А что это Его слова, послушай, какъ Онъ говоритъ въ другомъ мѣстѣ: *колькраты восхотѣхъ собрати чада твоя, и не восхотѣсте? Се оставляется вамъ домъ вашъ пустъ* (Лук. XIII, 34, 35); и еще: *отъимется отъ васъ царствіе, и дастся языку, творящему плоды его* (Мѳ. XXI, 43); и еще: *падый на камени семъ, сокрушится: а на немже падетъ, сотрыетъ и* (Мѳ. XXI, 44). Съ другой стороны, если Онъ будетъ судить враговъ тамъ, то тѣмъ болѣе оні отдадутъ отчетъ за оскорбленія, причиняемыя Ему здѣсь. Такимъ образомъ слова: *дондеже положу враги твоя подножіе ногъ твоихъ* сказаны единственно къ чести Сына.

Не вси ли суть служебніи дуси, въ служеніе посылаеми за хотящихъ наслѣдовати спасеніе (ст. 14)? Удивительно ли, говоритъ, что они служатъ Сыну, если они служатъ и для нашего спасенія? Видишь, какъ (апостолъ) возвышаетъ умы слушателей и указываетъ на великую честь, оказываемую намъ Богомъ, назначившимъ такое служеніе ангеламъ, которые выше насъ—служеніе для насъ; онъ какъ бы такъ говоритъ: ангелы употребляются на то, служеніе ихъ состоитъ въ томъ, чтобы служить Богу для нашего спасенія. Такимъ образомъ дѣло ангеловъ—исполнять все къ спасенію братіи. Хотя это дѣло самого Христа, но Онъ спасаетъ насъ, какъ Владыка, а они, какъ рабы; и мы, хотя рабы, но и сорабы ангеловъ. Что вы, говоритъ, удивляетесь ангеламъ? Они—рабы Сына Божія, всюду посылаются для насъ, служатъ для нашего спасенія; слѣдовательно они—подобные намъ рабы. Посмотрите, какое небольшое онъ полагаетъ различіе между тварями; хотя значительно различіе между ангелами и людьми, но онъ поставляетъ ихъ близъ насъ, и какъ бы такъ говоритъ: они трудятся для насъ, всюду текутъ для насъ, можно сказать—рабствуютъ намъ. Служеніе ихъ состоитъ въ томъ, что они всюду посылаются для насъ.

3. Такихъ примѣровъ исполненъ ветхій, исполненъ и новый завѣтъ. Когда ангелы благовѣствуютъ пастырямъ, когда являются Маріи, когда—Іосифу, когда сидятъ при гробѣ Христовомъ, когда посылаются сказать ученикамъ: *мужіе Галилейстіи, что стоите зряще на небо* (Дѣян. I, 11)?—когда освобождаютъ Петра изъ темницы, когда бесѣдуютъ съ Филиппомъ,—то не ясно ли, что они служатъ намъ? Представь же, какая оказывается намъ честь, когда Богъ посылаетъ ангеловъ служить намъ, какъ друзьямъ своимъ, когда ангелъ является Корнилію, когда ангелъ освобождаетъ изъ темницы всѣхъ апостоловъ и говоритъ: шедше станьте, и *глаголите въ церкви людемъ глаголы жизни сея* (Дѣян. V, 20). Но что я говорю о другихъ? Самому Павлу являлся ангелъ.
31 Видишь ли, какъ они служатъ намъ для Бога, и служатъ въ дѣлахъ весьма важныхъ? Потому Павелъ и говоритъ: *вся ваша суть, или міръ, или животъ, или смерть, или настоящая, или будущая* (1 Кор. III, 22). И Сынъ былъ посланъ, но не какъ рабъ, не какъ служитель, а какъ Сынъ единородный, какъ хотящій того же, чего хочетъ Отецъ; или лучше сказать, Онъ и не былъ посланъ, потому что Онъ не изъ мѣста одного перешелъ въ другое, но принялъ плоть, а они перемѣняютъ мѣста, оставивъ одни мѣста, въ которыхъ были, переходятъ потомъ на другія, въ которыхъ не были. Это говоритъ (апостолъ) для того, чтобы ободрить ихъ. Чего (говоритъ) вы страшитесь? Ангелы служатъ намъ. Сказавъ

о Сынѣ, о дѣлахъ домостроительства, сотвореніи и царствіи, доказавъ равенство (Сына съ Отцемъ) и то, что (Сынъ) господствуетъ, какъ Владыка, не только надъ людьми, но и надъ горними силами, (апостолъ) далѣе увѣщеваетъ ихъ, внушая, что мы должны быть внимательными къ сказанному, и говоритъ: *сего ради подобаетъ намъ лишше внимати слышаннымъ* (п, 1). Здѣсь онъ хочетъ сказать, что надобно внимать *лишше* закона, но умалчиваетъ объ этомъ; объясняетъ же это въ доказательствахъ, а не въ самомъ увѣщаніи или совѣтѣ,—потому что такъ было лучше. *Аще бо*, говоритъ, *глаголанное ангелы слово бысть извѣстно, и всяко преступленіе и ослушаніе праведное пріятъ мздовоздаяніе: како мы убѣжимъ, о толицѣмъ нерадивше спасеніи, еже начало пріемше глаголатися отъ Господа, слышавшими въ насъ извѣстися* (ст. 2, 3)? Почему же намъ должно быть *лишше* внимательными къ сказанному? Прежнее не такъ же ли отъ Бога, какъ и настоящее? Здѣсь онъ заповѣдуетъ быть внимательными или *лишше* закона, или *весьма*; но отнюдь не осуждаетъ (закона),—нѣтъ. Такъ какъ (евреи) имѣли высокое мнѣніе о ветхомъ завѣтѣ за древность его, то, чтобы настоящій, какъ новый, не подвергался презрѣнію, онъ усиленно доказываетъ, что послѣднему должно внимать еще болѣе. Какъ доказываетъ? Какъ бы такъ говоритъ: хотя то и другое отъ Бога, но не одинаково. Впрочемъ это онъ объясняетъ намъ послѣ; теперь пока кратко указываетъ на это, а послѣ излагаетъ яснѣе, когда говоритъ: *аще бо бы первый онъ непороченъ былъ*; и еще: *а обветшавающее и состарѣвающееся близъ есть истлѣнія* (Евр. viii, 7, 13),—и многое другое подобное. Но въ началѣ рѣчи онъ не осмѣливается сказать ничего такого, пока еще не приготовилъ и не расположилъ къ тому слушателя многими доказательствами. Итакъ, почему, скажи, *намъ подобаетъ лишше внимати? Да не когда*, говоритъ, *отпадемъ*, т. е., чтобы намъ не погибнуть, не отпасть. Здѣсь онъ показываетъ тяжесть отпаденія,—какъ трудно отпавшее опять возстановить, когда это происходитъ отъ нерадѣнія. А самое выраженіе онъ заимствовалъ изъ Притчей: *сыне*, говоритъ (Премудрый), *да не преминеши* (Притч. iii, 21), выражая и легкость отпаденія и тяжесть погибели, т. е., что преслушаніе не безопасно для насъ. Самыми же доказательствами (апостолъ) внушаетъ, что наказаніе будетъ весьма велико. Впрочемъ это онъ оставляетъ предметомъ для изслѣдованія, а не даетъ въ видѣ заключенія. Такой образъ рѣчи дѣлаетъ обличеніе не столь рѣзкимъ, т. е. когда обличающій не вездѣ самъ отъ себя произноситъ рѣшеніе, но оставляетъ на волю слушателя, чтобы онъ самъ подалъ голосъ; это дѣлаетъ (слушателей) болѣе благоразумными. Такъ поступаетъ въ ветхомъ за-

вѣтѣ пророкъ Наѳанъ, а у Матѳея Христосъ, когда говоритъ: *что сотворитъ дѣлателемъ винограда того* (Мѳ. xxi, 40)? — вызывая (учениковъ) самихъ произнести судъ. Въ этомъ состоитъ вели-
32 чайшая побѣда. Далѣе (апостолъ), сказавъ: *аще бо глаголанное ангелы слово бысть* твердо, не присовокупилъ: тѣмъ болѣе глаголанное Христомъ; но, оставивъ это, сказалъ болѣе кротко: *како мы убѣжимъ, о толицѣмъ нерадивше спасеніи?* И смотри, какъ онъ дѣлаетъ сравненіе: *аще бо*, говоритъ, *глаголанное ангелы слово*; тамъ — *ангелы*, а здѣсь—*отъ Господа*; тамъ—*слово*, а здѣсь—*спасеніе*. Потомъ, чтобы кто-нибудь не сказалъ: развѣ то Христово, что говоришь ты, Павелъ?—онъ предупреждаетъ это и доказываетъ достовѣрность сказаннаго, доказываетъ достовѣрность какъ тѣмъ, что онъ слышалъ это отъ Господа, такъ и тѣмъ, что и нынѣ Богъ говоритъ это, не гласомъ, просто произносимымъ, какъ было при Моисеѣ, но посредствомъ знаменій и удостовѣряющихъ событій.

4. Что значитъ: *аще бо глаголанное ангелы слово бысть извѣстно?* Подобнымъ образомъ онъ говоритъ и въ посланіи къ Галатамъ: *вчиненъ ангелы, рукою ходатая* (Гал. iii, 19); и въ другомъ мѣстѣ: *пріясте законъ устроеніемъ ангельскимъ, и не сохранисте* (Дѣян. vii, 53); и вездѣ онъ говоритъ, что (законъ) преподанъ чрезъ ангеловъ. Нѣкоторые утверждаютъ, что здѣсь разумѣется Моисей, но это не основательно, потому что онъ называетъ здѣсь ангеловъ во множественномъ числѣ; при томъ говоритъ здѣсь объ ангелахъ небесныхъ. Что же сказать на это? То, что онъ или говоритъ объ однихъ только десяти заповѣдяхъ,—такъ какъ тогда Моисей говорилъ, а Богъ отвѣчалъ, — или, что ангелы присутствовали, когда Богъ преподавалъ заповѣди, или говоритъ обо всемъ, сказанномъ и сдѣланномъ въ ветхомъ завѣтѣ,—такъ какъ ангелы принимали въ томъ участіе. Почему же въ другомъ мѣстѣ говорится: *законъ Моисеомъ данъ бысть* (Іоан. i, 17), а здѣсь: *ангелы?* Потому что (и Моисей) говоритъ: и *сниде* Богъ во мракѣ (Исх. xix, 20). *Аще бо глаголанное ангелы слово бысть извѣстно.* Что значитъ: *извѣстно?* Значитъ—истинно и вѣрно, потому что все сказанное сбылось въ надлежащее время. Или это онъ говоритъ, или то, что слово было твердо и угрозы приведены въ исполненіе, или словомъ называетъ повелѣнія, потому что многія повелѣнія были преподаны безъ закона ангелами, посланными отъ Бога, какъ напр. на мѣстѣ плача, при судіяхъ, при Сампсонѣ (Суд. ii, 1; xiii, 3). Потому апостолъ и не сказалъ: законъ, но: *слово*. Мнѣ кажется болѣе вѣроятнымъ, что онъ разумѣетъ здѣсь все, устроенное чрезъ ангеловъ. Что же мы скажемъ? То, что тогда присутствовали ангелы, которымъ ввѣренъ былъ народъ (еврейскій), которые и производили трубные звуки,

огонь, мракъ и прочее. *И всяко*, говоритъ, *преступленіе и ослушаніе праведное пріятъ мздовоздаяніе*. Не такъ, чтобы одно получило, а другое нѣтъ, но: *всяко*. Ничто, говоритъ, не осталось ненаказаннымъ, но *пріятъ праведное мздовоздаяніе*, — *(мздовоздаяніе)* вмѣсто—наказаніе. Почему же онъ такъ выразился? Павелъ обыкновенно не слишкомъ строгъ въ выборѣ выраженій, но иногда употребляетъ безразлично менѣе точныя вмѣсто болѣе точныхъ, какъ, напр., въ одномъ мѣстѣ онъ говоритъ: *плѣняюще всякъ разумъ въ послушаніе Христово* (2 Кор. x, 5); и въ другомъ мѣстѣ онъ употребляетъ мздовоздаяніе вмѣсто наказанія, такъ же, какъ здѣсь называетъ наказаніе мздовоздаяніемъ: *аще праведно*, говоритъ, *у Бога воздати скорбь оскорбляющимъ васъ, а вамъ оскорбляемымъ отраду* (2 Сол. i, 6, 7). Т. е. правда не потеряла свою силу, но Богъ исполняетъ ее и подвергаетъ согрѣшившихъ наказанію, хотя бываютъ явны не всѣ грѣхи, а только тѣ, которыми прямо нарушаются заповѣди. Итакъ *како*, говоритъ, *мы убѣжимъ, о толицѣмъ нерадивше спасеніи?* Этимъ онъ выражаетъ, что прежде 33
было не великое спасеніе; и потому хорошо присовокупилъ: *о толицѣмъ*. Теперь, говоритъ, не отъ войны Богъ избавитъ насъ, не землю и земныя блага дастъ намъ, но будетъ разрушеніе смерти, погибель діавола, царствіе небесное, жизнь вѣчная. Все это онъ кратко выразилъ въ словахъ: *о толицѣмъ нерадивше спасеніи*. Далѣе онъ говоритъ о достовѣрности сказаннаго: *еже зачало пріемше глаголатися отъ Господа*, т. е. получило начало отъ самого источника, потому что не человѣкъ принесъ это (спасеніе) на землю, не сотворенная сила, но самъ Единородный. *Слышавшими въ насъ извѣстися*. Что значитъ: *извѣстися?* Т. е. вѣрно преподано, или приведено въ исполненіе; мы, говоритъ, имѣемъ залогъ; оно не истребилось, не прекратилось, но сохраняется и одерживаетъ побѣду; а причиною тому—дѣйствующая божественная сила. Что значитъ: *слышавшими?* Т. е. тѣ самые, которые слышали отъ Господа, утвердили насъ. Это—дѣло великое и достовѣрное. Подобнымъ образомъ и Лука говоритъ въ началѣ Евангелія: *якоже предаша намъ иже исперва самовидцы и слуги бывшіи словесе* (Лук. i, 2). Какъ же оно *извѣстися?* А что, скажутъ, если слышавшіе отъ себя выдумали? Чтобы опровергнуть такую мысль и доказать, что эта благодать не отъ людей, (апостолъ) прибавляетъ: *свидѣтельствующу Богу* (ст. 4). Подлинно, Богъ не свидѣтельствовалъ бы о нихъ, если бы они сами измыслили что-нибудь. Они свидѣтельствуютъ,—а вмѣстѣ и Богъ свидѣтельствуетъ. Какъ Онъ свидѣтельствуетъ? Не словомъ, не голосомъ, хотя и это было бы вѣрно,—а какъ? *Знаменми же и чудесы и различными силами*. Хорошо онъ сказалъ: *различными силами*, выражая оби-

ліе дарованій: у древнихъ же не было такихъ и столь различныхъ знаменій. Мы повѣрили имъ не просто, но при свидѣтельствѣ знаменій и чудесъ; слѣдовательно повѣрили не имъ, а самому Богу. *И Духа Святаго раздѣленми, по своей Ему воли.* Какъ же это, когда и чародѣи совершаютъ знаменія, и іудеи говорили о Христѣ, что онъ *о Веельзевулѣ изгонитъ бѣсы* (Лук. xi, 15)? Но они совершали не такія знаменія; потому (Павелъ) и говоритъ: *различными силами.* Тѣ знаменія—не сила, а безсиліе, вымыселъ и пустыя дѣйствія; потому объ этихъ онъ и говоритъ: *Духа Святаго раздѣленми, по своей Ему воли.*

5. Здѣсь, кажется мнѣ, (апостолъ) намекаетъ еще на нѣчто другое; вѣроятно, тамъ было немного людей, имѣвшихъ духовныя дарованія, которыя оскудѣли потому, что вѣрующіе стали менѣе ревностны. Потому, чтобы утѣшить ихъ въ этомъ и предохранить отъ паденія, онъ приписываетъ все волѣ Божіей: самъ (Богъ), говоритъ, знаетъ, кому что полезно, и такимъ образомъ распредѣляетъ благодать. То же онъ говоритъ и въ посланіи къ Коринѳянамъ: *Богъ положи единаго коегождо ихъ, якоже изволи*; и еще: *комуждо же дается явленіе Духа на пользу*, по волѣ Его (1 Кор. xii, 18, 7, 11),—доказываетъ, что дарованія зависятъ отъ воли Отца. Часто многіе не получали дарованій за нечистую и нерадивую жизнь; а иногда не получали ихъ и люди, проводившіе хорошую и чистую жизнь; для чего же? Для того, чтобы они не преткнулись, чтобы не возгордились, чтобы не сдѣлались
34 нерадивыми, чтобы не стали слишкомъ превозноситься. Вѣдь если и безъ дарованій самое сознаніе чистой жизни можетъ возбудить гордость, то тѣмъ болѣе (это возможно), когда присоединятся благодатные дары. Потому они и были сообщаемы болѣе людямъ смиреннымъ и простымъ, а въ особенности простымъ, пребывавшимъ, какъ говоритъ Писаніе, *въ радости и въ простотѣ сердца* (Дѣян. ii, 46). Такимъ образомъ (увѣщаніе апостола) могло сильнѣе дѣйствовать на нихъ и, если они были нерадивы, возбуждать ихъ. Смиренный и не думающій много о себѣ дѣлается болѣе ревностнымъ, когда получаетъ дарованіе, какъ человѣкъ, получившій не по заслугамъ и считающій себя недостойнымъ; а кто думаетъ, что онъ оказалъ заслуги, тотъ считаетъ дарованіе должнымъ и превозносится. Потому Богъ съ пользою такимъ образомъ устрояетъ это дѣло. Это и можно видѣть въ Церкви: одинъ имѣетъ даръ учительства, а другой не можетъ даже открыть устъ. Но никто пусть не скорбитъ изъ-за этого: *комуждо бо дается явленіе Духа на пользу.* Если человѣкъ-домовладыка знаетъ, кому что ввѣрить, то тѣмъ болѣе Богъ, который видитъ умъ человѣческій и знаетъ все прежде исполненія.

Одно только достойно скорби—грѣхъ, а все прочее — нисколько. Не говори: почему я не имѣю богатства?—или: если бы я имѣлъ, то раздавалъ бы бѣднымъ. Ты не знаешь, если бы ты имѣлъ, не сдѣлался ли бы еще болѣе любостяжательнымъ; теперь ты говоришь это, а на самомъ дѣлѣ получивъ, можетъ быть, сталъ бы другимъ. Такъ, когда мы сыты, то думаемъ, что можемъ поститься; а когда пройдетъ немного времени, то иныя у насъ рождаются мысли. Также, когда мы не пьяны, то думаемъ, что можемъ преодолѣть эту страсть; а когда предадимся ей, то уже не (думаемъ). Не говори: почему я не имѣю дара учительства?—или: если бы я имѣлъ, то назидалъ бы многихъ. Ты не знаешь, если бы ты имѣлъ, не послужилъ ли бы онъ къ твоему осужденію, и зависть или лѣность не заставили ли бы тебя скрыть талантъ. Теперь ты свободенъ отъ всего этого, и если не дашь мѣры муки, не подлежишь осужденію; а тогда ты провинился бы во многомъ. Впрочемъ и теперь ты не совершенно лишенъ дарованія. Покажи въ маломъ, каковъ былъ бы ты, если бы имѣлъ (большее): *аще убо въ малѣ*, говоритъ (Господь), *вѣрни не бысте, во мнозѣ кто вамъ* дастъ (Лук. XVI, 10, 11)? Покажи, какъ вдовица; она имѣла двѣ лепты, и пожертвовала все, что имѣла. Ты ищешь богатства? Покажи, что ты презираешь малое (имущество), чтобы я могъ ввѣрить тебѣ и большое; а если ты не презираешь и перваго, то тѣмъ болѣе не будешь (презирать) послѣдняго. Также и касательно дара слова покажи, что ты надлежащимъ образомъ употребишь его на увѣщаніе и убѣжденіе. Ты не имѣешь внѣшняго краснорѣчія? Не имѣешь обилія мыслей? Но общія (истины) ты знаешь; имѣешь сына, имѣешь сосѣда, имѣешь друга, имѣешь брата, имѣешь родныхъ; если ты не можешь произносить длинную рѣчь предъ народомъ въ церкви, то можешь увѣщевать ихъ наединѣ; здѣсь не нужно витійства и продолжительныхъ рѣчей; покажи на нихъ, что, если бы ты имѣлъ даръ слова, то не былъ бы нерадивымъ. Если же ты не оказываешь усердія въ маломъ, то какъ я повѣрю тебѣ въ великомъ? А что дѣйствительно каждый можетъ дѣлать это, послушай, какъ Павелъ заповѣдывалъ это и мірянамъ: *созидайте*, говоритъ онъ, *кійждо другъ друга, якоже и творите* (1 Сол. V, 11); и еще: *утѣшайте другъ друга въ словесѣхъ сихъ* (1 Сол. IV, 18). Богъ знаетъ, сколько удѣлить каждому. Развѣ ты лучше Моисея? Но и онъ, послушай, какъ сѣтовалъ: *єда азъ*, говорилъ онъ, *могу водити ихъ, яко глаголеши ми:* носи *ихъ, якоже доилица носитъ доимаго* (Числ. XI, 12)? Что же Богъ? Онъ отдѣлилъ отъ духа его и далъ другимъ (ст. 17), 35
показавъ, что, если и прежде онъ руководилъ (евреевъ), то это было не отъ собственнаго его дарованія, но отъ Духа. Если бы

ты имѣлъ дарованіе, то часто превозносился бы, часто падалъ бы: ты не знаешь себя самого такъ, какъ Богъ знаетъ тебя. Не будемъ же говорить: для чего это, и къ чему это? — когда все устрояетъ Богъ; не станемъ требовать отъ Него отчета; это крайне нечестиво и безумно. Мы — рабы, и рабы, далеко отстоящіе отъ Владыки, не знающіе даже того, что подъ ногами. Не будемъ же испытывать совѣтовъ Божіихъ, но будемъ хранить то, что онъ даровалъ намъ, хотя бы это было малое, хотя бы крайне малое, и тогда непремѣнно мы заслужимъ похвалу; или лучше, (не будемъ считать) ни одного изъ даровъ Божіихъ малымъ. Ты сѣтуешь, что не имѣешь дара учительства? Но скажи мнѣ: какой даръ кажется тебѣ бо́льшимъ, даръ ли учительства, или даръ исцѣленій? Конечно, послѣдній. А давать зрѣніе слѣпымъ не кажется ли тебѣ бо́льшимъ, нежели исцѣлять болѣзни? А воскрешать мертвыхъ не кажется ли тебѣ еще бо́льшимъ? Что же, скажи мнѣ: совершать это посредствомъ тѣни и полотенцевъ не кажется ли тебѣ бо́льшимъ, нежели совершать это словомъ? Чего же ты желаешь, скажи мнѣ, воскрешать ли мертвыхъ посредствомъ тѣни и полотенцевъ или имѣть даръ учительства? Конечно ты скажешь: воскрешать мертвыхъ посредствомъ тѣни и полотенцевъ.

6. Но если я докажу тебѣ, что гораздо больше этого дара другой даръ, который ты можешь пріобрѣсть, и что, не пріобрѣтая его, ты справедливо лишаешься и прочихъ,—то что скажешь? При томъ такой даръ можно пріобрѣсти не одному, или двумъ, но всѣмъ вообще. Знаю, что вы удивляетесь и изумляетесь, слыша, что вамъ можно имѣть даръ гораздо бо́льшій дара воскрешать мертвыхъ, давать зрѣніе слѣпымъ и совершать то, что было при апостолахъ; быть можетъ, вы даже считаете это неправдоподобнымъ. Какой же это даръ? Любовь. Повѣрьте мнѣ; это — не мои слова, но слова Христа, вѣщавшаго чрезъ Павла. Что именно говоритъ онъ? *Ревнуйте дарованій большихъ, и еще по превосхожденію путь вамъ показую* (1 Кор. xii, 31). Что значитъ: *еще по превосхожденію?* Слова его означаютъ слѣдующее: коринѳяне превозносились тогда дарованіями и, имѣя даръ языковъ, который есть самый меньшій изъ даровъ, гордились предъ прочими. Потому онъ говоритъ: желаете ли имѣть дарованія? Я покажу вамъ путь къ дарованіямъ, не только лучшій, но и превосходнѣйшій. И далѣе говоритъ: *аще языки ангельскими глаголю, любве же не имамъ, ничтоже есмь: и аще имамъ вѣру, яко и горы преставляти, любве же не имамъ, ничтоже есмь* (1 Кор. xiii, 1, 2). Видишь ли, (какой это) даръ? Старайся же пріобрѣсть его. Онъ значитъ больше, нежели воскрешать мертвыхъ; онъ гораздо выше всѣхъ прочихъ даровъ. А что это дѣйствительно такъ, послушай,

что говоритъ Христосъ въ бесѣдѣ съ учениками: *о семъ разумѣютъ вси, яко мои ученицы есте, аще любовь имате между собою* (Іоан. XIII, 35). Объясняя, по чему узнаютъ, не сказалъ: по чудесамъ,—но по чему? *Аще любовь имате между собою.* Также (въ молитвѣ) къ Отцу Онъ говоритъ: *о семъ* познаютъ, *яко ты мя послалъ* 38
еси. аще едино будутъ (Іоан. XVII, 21); и ученикамъ Онъ говорилъ: *заповѣдь новую даю вамъ, да любите другъ друга* (Іоан. XIII, 34). Такимъ образомъ (человѣкъ любящій) превосходнѣе и славнѣе тѣхъ, которые воскрешаютъ мертвыхъ,—и справедливо,— потому что послѣднее происходитъ всецѣло отъ благодати Божіей, а первое вмѣстѣ и отъ твоего усердія; первое свойственно истинному христіанину, и доказываетъ, что онъ ученикъ Христовъ, распявшійся (для міра) и не имѣющій ничего общаго съ землею: безъ этого самое мученичество не можетъ принести никакой пользы. Чтобы тебѣ убѣдиться въ этомъ, обрати вниманіе на слѣдующее: блаженный Павелъ въ двухъ отношеніяхъ достигнулъ высоты добродѣтелей, или лучше сказать, въ трехъ,— въ знаменіяхъ, въ мудрости и въ жизни; но безъ любви, говоритъ онъ, все это — ничто. А какимъ образомъ это ничто, я объясню: *аще раздамъ*, говоритъ, *вся имѣнія моя, любве же не имамъ, ничтоже есмь* (1 Кор. XIII, 2, 3), потому что и раздающій имѣніе и расточающій деньги можетъ не имѣть любви. Объ этомъ я достаточно сказалъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ говорилъ о любви; туда и отсылаю желающихъ. Будемъ же, какъ я сказалъ, стараться пріобрѣсти этотъ даръ, станемъ любить другъ друга, и мы не будемъ имѣть нужды ни въ чемъ другомъ для преуспѣянія въ добродѣтеляхъ, но все будетъ для насъ удобоисполнимо безъ усилій, все будетъ у насъ совершаться съ великимъ успѣхомъ. Но, скажете, мы и теперь любимъ другъ друга; одинъ имѣетъ двухъ друзей, другой—трехъ, а иной — четырехъ. Но это не значитъ любить для Бога, а для того, чтобы самому быть любимымъ; кто любитъ для Бога, тотъ имѣетъ не такое побужденіе къ любви, а бываетъ расположенъ ко всѣмъ, какъ къ своимъ братьямъ,—единовѣрныхъ онъ любитъ, какъ своихъ родныхъ братьевъ, еретиковъ же, язычниковъ и іудеевъ жалѣетъ, какъ своихъ братьевъ по природѣ, только какъ недобрыхъ и безполезныхъ, сокрушается и плачетъ о нихъ. Мы можемъ уподобиться Богу тѣмъ, если будемъ любить всѣхъ, даже и враговъ, а не тѣмъ, если будемъ совершать знаменія; мы и Богу удивляемся, правда, и тогда, когда Онъ творитъ чудеса, но гораздо болѣе тогда, когда Онъ оказываетъ человѣколюбіе и милосердіе. Если же въ Богѣ это особенно достойно удивленія, то тѣмъ болѣе въ людяхъ, и слѣдовательно очевидно, что это доставляетъ намъ особенное уваженіе. Будемъ

же заботиться объ этомъ, и тогда мы будемъ имѣть нисколько не меньше Павла, Петра и другихъ. воскресившихъ множество мертвыхъ, хотя бы мы и не могли исцѣлять горячки; а безъ любви, хотя бы совершали знаменія больше самихъ апостоловъ. хотя бы подвергали себя безчисленнымъ опасностямъ за вѣру, намъ не будетъ никакой пользы. Это говорю не я, но самъ питомецъ любви знаетъ это; ему мы должны вѣрить. Такимъ образомъ мы сможемъ получить и обѣтованныя блага, которыхъ да сподобимся всѣ мы благодатію и человѣколюбіемъ Господа на-
37—38 шего Іисуса Христа, съ Которымъ Отцу со Святымъ Духомъ слава, держава, честь, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА IV.

37 **Не ангеломъ бо покори Богъ вселенную грядущую, о нейже глаголемъ. Засвидѣтельствова же нѣгдѣ нѣкто глаголя: что есть человѣкъ, яко помниши его, или сынъ человѣческій, яко посѣщаеши и? Умалилъ еси его малымъ нѣчимъ отъ ангелъ (Евр. II, 5—7).**

1. Желалъ бы я достовѣрно знать, слушаетъ ли кто-нибудь слова мои съ надлежащимъ вниманіемъ, не при пути ли мы бросаемъ сѣмена; тогда я сталъ бы предлагать ученіе съ большею ревностію. Конечно, хотя бы и никто не слушалъ, мы будемъ говорить по страху, внушаемому Спасителемъ. *Глаголи*, говоритъ (Господь), *къ людемъ симъ* и *аще не послушаютъ*, ты самъ будешь невиновенъ (Іезек. III). Но если бы я убѣдился въ вашемъ усердіи, то говорилъ бы не только по страху, но и съ удовольствіемъ дѣлалъ бы это. Теперь же,- если никто не слушаетъ,—хотя я самъ не подвергаюсь опасности, какъ исполняющій свое дѣло, но этотъ трудъ бываетъ безъ удовольствія. Что въ самъ дѣлѣ пользы, когда никто не назидается, хотя я и не подвергаюсь обвиненію? А если бы вы были внимательны, то мы не столько бы извлекали выгоду изъ того, что не подвергаемся наказанію, сколько изъ вашего преспѣянія. Какимъ же образомъ мнѣ убѣдиться въ этомъ? Замѣтивъ нѣкоторыхъ изъ васъ, которые не очень внимательны, я буду спрашивать ихъ особо, когда встрѣчусь съ ними, и если найду, что они помнятъ нѣчто изъ сказаннаго, — не говорю все, это для васъ не очень удобно, но хотя немногое изъ многаго,—тогда, очевидно, не будетъ мнѣ надобности безпокоиться о прочихъ. Мнѣ слѣдовало бы не говорить

вамъ объ этомъ предварительно и застать васъ неприготовленными, но и то будетъ пріятно, если такимъ образомъ я найду (помнящихъ сказанное); или лучше сказать, я и въ такомъ случаѣ могу застать васъ неприготовленными. Вѣдь о томъ, что я спрошу, я говорю предварительно, а когда спрошу, этого не объявляю; можетъ быть сегодня, можетъ быть завтра, можетъ быть чрезъ двадцать или тридцать дней, можетъ быть менѣе, можетъ быть болѣе.

Такъ и Богъ не объявилъ намъ дня нашей смерти, не открылъ намъ, сегодня ли, или завтра, или чрезъ цѣлый годъ, или чрезъ нѣсколько лѣтъ Онъ придетъ, чтобы по неизвѣстности ожидаемаго мы постоянно соблюдали себя добродѣтельными. О томъ, что мы умремъ, Онъ сказалъ, а когда,—не сказалъ. Подобнымъ образомъ и я о томъ, что спрошу, сказалъ вамъ, а когда,—не прибавилъ, желая, чтобы вы заботились объ этомъ постоянно. Никто не говори: я слышалъ это за четыре, за пять или больше недѣль и не могу припомнить; я хочу, чтобы слушающій помнилъ такъ, чтобы никогда не забывалъ, не истреблялъ изъ памяти и не терялъ сказаннаго, такъ какъ я желаю, чтобы вы помнили не для того, чтобы пересказать мнѣ, но чтобы получить пользу вамъ самимъ; вотъ о чемъ я забочусь. Впрочемъ, сказавъ то, что нужно было сказать для предостереженія, необходимо уже начать бесѣду по порядку. О чемъ же предстоитъ намъ говорить сегодня? *Не ангеломъ бо*, говоритъ (апостолъ), *покори Богъ вселенную грядущую, о нейже глаголемъ*. Не говоритъ ли онъ о 38
другой какой-нибудь вселенной? Нѣтъ, объ этой самой: потому и прибавляетъ: *о нейже глаголемъ*, чтобы не попустить уму заблуждающему искать какой-нибудь другой вселенной. Почему же онъ называетъ ее грядущею? Какъ въ другомъ мѣстѣ онъ говоритъ: *иже есть образъ будущаго* (Рим. V, 14), разсуждая объ Адамѣ и Христѣ въ посланіи къ Римлянамъ и называя воплотившагося Христа будущимъ по отношенію къ временамъ адамовымъ,—потому что Христосъ имѣлъ придти,—такъ и здѣсь, сказавъ: *егда же вводитъ первороднаго во вселенную* (Евр. I, 6), чтобы ты не подумалъ, будто онъ говоритъ о другой вселенной, онъ многократно утверждаетъ и инымъ способомъ, самымъ наименованіемъ ея грядущею,—потому что вселенная имѣла явиться, а Сынъ Божій былъ всегда. Такимъ образомъ эту вселенную, имѣвшую явиться, Богъ покорилъ не ангеламъ, а Христу. Очевидно, говоритъ, что о ней сказано Сыну, и никто не можетъ утверждать, что ангеламъ. Далѣе онъ приводитъ и другое свидѣтельство: *засвидѣтельствова же*, говоритъ, *нѣгдѣ нѣкто, глаголя*. Для чего онъ не назвалъ имени пророка, но умолчалъ о немъ?

То же онъ дѣлаетъ и въ другихъ свидѣтельствахъ, какъ, напр., когда говоритъ: *егда же паки вводитъ перворechнаго во вселенную, глаголетъ: и да поклонятся ему вси ангели Божіи* (I, 6); и еще: *азъ буду ему во Отца* (I, 5); и еще: *и ко ангеломъ убо глаголетъ: творяй ангелы своя духи: къ Сыну же:* и *въ началѣ ты, Господи, землю основалъ еси* (I, 7, 10). Такъ и здѣсь говоритъ: *засвидѣтельствова же нѣгдѣ нѣкто, глаголя.* Этимъ самымъ, что онъ умалчиваетъ и не называетъ имени сказавшаго свидѣтельство, но приводитъ его, какъ общеизвѣстное и несомнѣнное, мнѣ кажется, онъ показываетъ, что (слушатели его) были весьма свѣдущи въ Писаніяхъ. *Что есть человѣкъ, яко помниши его, или сынъ человѣческій, яко посѣщаеши и? Умалилъ еси его малымъ нѣчимъ отъ ангелъ: славою и честію вѣнчалъ еси его, и поставилъ еси его надъ дѣлы руку твоею: вся покорилъ еси подъ нозѣ его* (ст. 6—8).

2. Это, хотя сказано о человѣчествѣ вообще, но главнѣе можетъ относиться къ Христу по плоти; именно слова: *вся покорилъ еси подъ нозѣ его* относятся болѣе къ Нему, нежели къ намъ. Сынъ Божій посѣтилъ насъ, существъ ничтожныхъ, и, принявъ наше (естество) и соединивъ съ Собою, содѣлался превыше всѣхъ. *Внегда же*, продолжаетъ (апостолъ), *покорити ему всяческая, ничтоже остави ему непокорено. Нынѣ же не у видимъ ему всяческая покорена* (ст. 8). Значеніе словъ его слѣдующее: такъ какъ онъ сказалъ: *дондеже положу враги твоя подножіе ногъ твоихъ* (I, 13), и (слушатели) послѣ этого могли еще предаваться скорби, то онъ, вставивъ потомъ нѣсколько словъ, приводитъ такое свидѣтельство, которымъ подтверждается прежнее. Чтобы они не говорили: какъ же Богъ положилъ враговъ подъ ноги Его, когда мы подвергаемся такимъ бѣдствіямъ?—онъ и прежде
39 указывалъ на это самое,—именно выраженіе: *дондеже* означаетъ исполненіе не немедленное, а впослѣдствіи времени,—и здѣсь подробнѣе раскрываетъ то же. Изъ того, что они еще не покорены, говоритъ, не заключай, что они не будутъ покорены. Что они должны быть покорены, это извѣстно, потому что и въ пророчествѣ сказано объ этомъ: *внегда же*, говоритъ, *покорити ему всяческая, ничтоже остави ему непокорено.* Отчего же не все покорено Ему? Оттого, что имѣетъ быть покорено. Итакъ, если все должно быть покорено Ему, хотя еще не покорено, ты не скорби и не смущайся. Если бы уже пришелъ конецъ и все было покорено, а ты подвергался такимъ бѣдствіямъ, то справедливо ты могъ бы скорбѣть; теперь же мы еще не видимъ всего покореннымъ Ему, Царь еще не совершенно вступилъ во власть. Для чего же ты смущаешься, претерпѣвая страданія? Проповѣдь еще не надъ всѣми возобладала; еще не наступило время—покориться

совершенно. Далѣе (предлагается) еще иное утѣшеніе: Тотъ, кто имѣетъ покорить всѣхъ, самъ умеръ и претерпѣлъ безчисленныя страданія. *А умаленнаго*, говоритъ, *малымъ чимъ отъ ангелъ видимъ Іисуса, за пріятіе смерти* (ст. 9). Затѣмъ опять присовокупляетъ нѣчто вожделѣнное: *славою и честію вѣнчанна*. Видишь ли, какъ онъ относитъ все къ Нему? И выраженіе: *малымъ чимъ* болѣе можетъ относиться къ Тому, кто былъ только три дня во адѣ, нежели къ намъ, которые такъ долго подвергаемся тлѣнію; равнымъ образомъ и выраженіе: *славою и честію* гораздо болѣе относится къ Нему, нежели къ намъ. (Апостолъ) здѣсь опять напоминаетъ о крестѣ, стараясь сдѣлать два дѣла—доказать попеченіе Его и убѣдить ихъ переносить все великодушно, взирая на Учителя. Если, говоритъ, Тотъ, кому покланяются ангелы, потерпѣлъ умалиться *малымъ чимъ отъ ангелъ* для тебя, то тѣмъ болѣе ты, который меньше ангеловъ, долженъ переносить все для Него. Потомъ объясняетъ, что слава и честь—это крестъ, какъ и самъ (Христосъ) называетъ его славою, когда говоритъ: *пріиде часъ, да прославится Сынъ человѣческій* (Іоан. XII, 23). Если же Онъ называетъ славою (страданія) ради рабовъ, то тѣмъ болѣе ты (называй такъ страданія) ради Владыки.

Видишь, каковъ плодъ креста? Не бойся же его; тебѣ онъ кажется прискорбнымъ, но онъ производитъ безчисленныя блага. Этимъ (апостолъ) доказываетъ пользу искушеній. Потомъ говоритъ: *яко да благодатію Божіею за всѣхъ вкуситъ смерти* (ст. 9). *Яко*, говоритъ, *да благодатію Божіею*. И Онъ пострадалъ по благодати Божіей къ намъ: *иже убо своего Сына не пощадѣ, но за насъ всѣхъ предалъ есть его* (Рим. VIII, 32). Почему? Не потому, что долженъ былъ сдѣлать это для насъ, но по благодати. И еще въ посланіи къ Римлянамъ говоритъ: *множае паче благодать Божія и даръ благодатію единаго человѣка Іисуса Христа во многихъ преизлишествова* (Рим. V, 15). *Яко да благодатію Божіею за всѣхъ вкуситъ смерти*: не за вѣрующихъ только, но за всю вселенную,—Онъ умеръ за всѣхъ. Что въ томъ, что не всѣ увѣровали? Онъ исполнилъ свое дѣло; и потому (апостолъ) прямо говоритъ: *да за всѣхъ вкуситъ смерти*. Не сказалъ: умретъ, потому что Онъ какъ дѣйствительно вкусилъ (смерти), такъ и оставался въ ней малое время, вскорѣ воскресши. Такимъ образомъ слова: *за пріятіе смерти* означаютъ истинную смерть Христову; а слова: *лучшій бывъ ангеловъ* указываютъ на Его воскресеніе. Какъ врачъ, не имѣя нужды вкушать лѣкарствъ, приготовленныхъ для больного, по своей заботливости объ немъ, напередъ самъ вкушаетъ, 40
чтобы убѣдить больного смѣло принять предлагаемую пищу, такъ и Христосъ, зная, что всѣ люди боятся смерти, и желая убѣдить

ихъ смѣло идти на нее, самъ вкусилъ ея, не имѣя въ томъ нужды. *Грядетъ бо*, говоритъ Онъ, *сего міра князь, и во мнѣ не имать ничесоже* (Іоан. XIV, 30). Такимъ образомъ слово: *благодатію*, равно и выраженіе: *да за всѣхъ вкуситъ смерти*, внушаютъ это самое. *Подобаше бо ему, егоже ради всяческая и имже всяческая, приведшу многи сыны въ славу, начальника спасенія ихъ страданми совершити* (ст. 10).

3. Здѣсь онъ говоритъ объ Отцѣ. Видишь ли, какъ и въ отношеніи къ Нему употребляетъ выраженіе: *имже?* Онъ не сдѣлалъ бы этого, если бы это было унизительно и приличествовало только Сыну. А смыслъ словъ его слѣдующій: Богъ сдѣлалъ, говоритъ, достойное своего человѣколюбія, явивъ Перворocéнаго славнѣйшаго всѣхъ и какъ бы ратоборца мужественнаго и превосходящаго другихъ, представивъ Его образцомъ для прочихъ. *Начальника спасенія ихъ*, т. е. виновника спасенія. Видишь ли, какое различіе (между Имъ и нами)? Хотя и Онъ—Сынъ, и мы—сыны, но Онъ спасаетъ, а мы спасаемся. Замѣчаешь ли, какъ (апостолъ) и соединяетъ насъ съ Нимъ и раздѣляетъ? *Приведшу*, говоритъ, *многи сыны въ славу*,—здѣсь соединяетъ; *начальника спасенія ихъ*,—здѣсь напротивъ раздѣляетъ. *Страданми совершити*,—слѣдовательно, страданія—совершенство и средство къ спасенію. Видишь ли, что терпѣніе страданій не есть знакъ отверженныхъ?

Если же Отецъ почтилъ Сына прежде всего тѣмъ, что провелъ Его чрезъ страданія, то поистинѣ принять плоть и претерпѣть то, что Онъ претерпѣлъ, есть гораздо большее дѣло, нежели сотворить міръ и привести его изъ небытія въ бытіе; и последнее есть дѣло человѣколюбія, но первое—гораздо болѣе, какъ и самъ (апостолъ) объясняетъ это, когда говоритъ: *да явитъ въ вѣцѣхъ грядущихъ презѣльное богатство благодати своея, и съ нимъ воскреси и спосади на небесныхъ во Христѣ Іисусѣ* (Еф. II, 7, 6). *Подобаше бо ему, егоже ради всяческая и имже всяческая, приведшу многи сыны въ славу, начальника спасенія ихъ страданми совершити.* Надлежало, говоритъ, Ему, промышляющему о всемъ и приведшему все въ бытіе, дать Сына для спасенія другихъ, одного за многихъ. Впрочемъ онъ не сказалъ такъ, но говоритъ: *страданми совершити*, выражая, что страдающій за кого-нибудь не ему только приноситъ пользу, но и самъ становится славнѣе и совершеннѣе. И это, говоритъ, для вѣрующихъ,—для того, чтобы ободрить ихъ. И Христосъ былъ прославленъ тогда, когда пострадалъ. Впрочемъ, когда я говорю, что Онъ прославленъ, то не подумай, будто Онъ получилъ приращеніе славы; ту славу, которая свойственна Ему по существу, Онъ всегда имѣлъ, нисколько ее не прибавляя. *И святяй бо, и освящаеміи, отъ единаго*

вси. Еяже ради вины не стыдится братію нарицати ихъ (ст. 11). Вотъ какъ опять онъ соединяетъ ихъ (со Христомъ), воздавая имъ честь, утѣшая и называя ихъ братіями Христовыми потому, что *вси отъ единаго*; но вмѣстѣ съ тѣмъ опредѣляетъ (слова свои) и показываетъ, что онъ говоритъ о Христѣ по плоти, выражаясь такъ: *святяй и освящаеміи*. Видишь ли, какое различіе (между Имъ и нами)? Онъ освящаетъ, а мы освящаемся. И выше Онъ названъ начальникомъ спасенія ихъ. *Единъ бо Богъ, изъ негоже вся* (Кор. VIII, 6). *Еяже ради вины не стыдится братію нарицати ихъ*. Видишь ли, какъ опять показываетъ Его превосходство? Выраженіемъ: *не стыдится* онъ показываетъ, что все это зависитъ 41
не отъ сущности предмета, но отъ милосердія и великаго смиренномудрія того, кто не стыдится. Хотя и *отъ единаго*, но Онъ освящаетъ, а мы освящаемся. Великое различіе! Онъ отъ Отца, какъ Сынъ истинный, т. е. изъ сущности Его; а мы, какъ твари, т. е. изъ ничего; слѣдовательно между Имъ и нами великое различіе. Потому (апостолъ) и говоритъ: *не стыдится братію нарицати ихъ, глаголя: возвѣщу имя твое братіи моей* (ст. 12). Принявъ плоть, Онъ принялъ и братство; вмѣстѣ съ плотію привзошло и братство. Это сказано правильно; но что означаютъ слѣдующія слова: *азъ буду надѣяся нань* (ст. 13)? И дальнѣйшія за ними (сказаны) не напрасно: *се азъ и дѣти, яже ми далъ есть Богъ;* въ нихъ Онъ называетъ себя отцемъ, какъ тамъ называлъ братомъ, когда говорилъ: *возвѣщу имя твое братіи моей*. Здѣсь опять выражается превосходство Его и великое различіе (между Имъ и нами), равно какъ и въ слѣдующихъ словахъ: *понеже убо дѣти пріобщишася плоти и крови* (ст. 14).

4. Видишь ли, въ чемъ сходство? По плоти. *И той прі искреннѣ пріобщися тѣхже*. Да устыдятся всѣ еретики, да посрамятся утверждающіе, будто Онъ пришелъ призрачно, а не истинно; (апостолъ) не сказалъ только: *той пріобщися тѣхже*, и не остановился на этомъ, — хотя довольно было бы, если бы онъ такъ сказалъ,—но выразилъ еще нѣчто большее, присовокупивъ: *пріискреннѣ*. Не привидѣніемъ, говоритъ, и не призракомъ Онъ явился, но истинно; иначе не должно бы быть выраженія: *пріискреннѣ*. Показавъ братство Его съ нами, (апостолъ) далѣе приводитъ и причину такого домостроительства: *да смертію*, говоритъ, *упразднитъ имущаго державу смерти, сирѣчь, діавола*. Здѣсь онъ выражаетъ ту удивительную (вещь), что чѣмъ діаволъ побѣждалъ, тѣмъ и самъ побѣжденъ, и какимъ оружіемъ онъ былъ силенъ противъ вселенной, тѣмъ и его самого поразилъ Христосъ; также означаетъ и великую силу Побѣдившаго. Видишь ли, какое благо произвела смерть Его? *И избавитъ сихъ, елицы страхомъ смерти*

чрезъ все житіе повинни бѣша работѣ (ст. 15). Для чего вы страшитесь, говоритъ, для чего вы боитесь упраздненной (смерти)? Она уже не страшна,—она попрана, презрѣна, стала ничтожною и ничего не стоющею. Что же означаютъ слова: *елицы страхомъ смерти чрезъ все житіе повинни бѣша работѣ?* Что выражаетъ ими (апостолъ)? То, что боящійся смерти есть рабъ и предпринимаетъ всѣ мѣры, чтобы не умереть; или то, что всѣ люди были рабами смерти и, такъ какъ она еще не была побѣждена, находились въ ея власти; или, если не это, такъ то, что люди жили въ постоянномъ страхѣ: ожидая постоянно, что они умрутъ, и боясь смерти, они не могли чувствовать никакого удовольствія, потому что этотъ страхъ постоянно былъ въ нихъ, о чемъ и намекаетъ (апостолъ) словами: *чрезъ все житіе*. Здѣсь онъ показываетъ, что скорбящіе, гонимые, преслѣдуемые, лишаемые отечества, имущества и всѣхъ прочихъ благъ проводятъ жизнь пріятнѣе и свободнѣе, нежели тѣ, которые постоянно живутъ въ роскоши, не терпятъ ничего подобнаго и благоденствуютъ,—потому что послѣдніе во всю жизнь находятся подъ этимъ страхомъ и
42 суть рабы его, а первые свободны отъ него и посмѣиваются надъ тѣмъ, чего послѣдніе боятся. Подобно тому, какъ если бы кто-нибудь сталъ утучнять обильнымъ кормленіемъ узника, обреченнаго на смерть и постоянно ожидающаго ея, такъ точно и смерть въ древности (поступала съ людьми). А теперь происходитъ то, какъ если бы кто-нибудь, отогнавъ страхъ, побуждалъ подвизаться съ удовольствіемъ и, предложивъ подвигъ, обѣщалъ вести уже не на смерть, а на царство. Скажи же, въ числѣ которыхъ желалъ бы ты находиться,—тѣхъ ли, которые утучняются въ темницѣ, ежедневно ожидая своего приговора, или тѣхъ, которые много подвизаются и трудятся добровольно, чтобы облечься діадемою царства? Видишь ли, какъ (апостолъ) возвышаетъ ихъ душу и возводитъ ихъ горѣ? При томъ онъ внушаетъ, что не только смерть упразднена, но чрезъ нее пораженъ и тотъ, кто постоянно возстаетъ и ведетъ противъ насъ непримиримую войну, т. е. діаволъ, потому что кто не боится смерти, тотъ находится внѣ власти діавола. Если *кожу за кожу и вся дастъ человѣкъ за душу свою* (Іов. II, 4), то кто рѣшается пожертвовать и ею, тотъ чьимъ можетъ быть рабомъ? Онъ не боится никого, не страшится никого, выше всѣхъ и свободнѣе всѣхъ. Вѣдь кто пренебрегаетъ собственной душой, тотъ тѣмъ болѣе (пренебрежетъ) остальнымъ. Когда діаволъ находитъ такую душу, то онъ не можетъ выполнить на ней ни одного изъ своихъ намѣреній. Въ самомъ дѣлѣ, скажи мнѣ, что (онъ можетъ сдѣлать съ нею)? Будетъ ли угрожать ей лишеніемъ имущества, безчестіемъ и изгнаніемъ изъ

отечества? Но все это маловажно для того, кто не дорожитъ даже собственною душою, подобно блаженному Павлу (Дѣян. xx, 24). Видишь ли, что свергающій съ себя тяжкую власть смерти сокрушаетъ и силу діавола? Кто умѣетъ безмѣрно любомудрствовать о воскресеніи, тотъ будетъ ли бояться смерти, станетъ ли страшиться чего-нибудь другого? Потому не скорбите и не говорите: для чего мы терпимъ то-то и то-то? — потому что такимъ образомъ достигается славнѣйшая побѣда; а она не была бы славною, если бы (Христосъ) не разрушилъ смертію смерть. И удивительно то, что тѣмъ самымъ Онъ и побѣдилъ ее, чѣмъ она была сильна, явивъ вездѣ и могущество свое и мудрость. Не предадимъ же сообщеннаго намъ дара: *не пріяхомъ бо*, говоритъ (апостолъ), *духа работы, но духа силы и любве и цѣломудрія* (Рим. VIII, 15; 2 Тим. I, 7). Будемъ стоять мужественно, посмѣиваясь надъ смертію.

5. Но мнѣ приходится тяжко вздохнуть (при мысли), куда возвелъ насъ Христосъ, и куда мы низводимъ сами себя. Когда я представляю вопли, раздающіеся на площади, рыданія, какія бываютъ по отшедшимъ отъ жизни, стоны и прочія безчинства,— то, повѣрьте, я стыжусь язычниковъ, іудеевъ и еретиковъ, которые видятъ это и рѣшительно всѣ смѣются за это надъ нами, и что бы я ни говорилъ послѣ того о воскресеніи, слова мои будутъ напраснымъ разсужденіемъ. Почему? Потому что язычники обращаютъ вниманіе не на то, что я говорю, а на то, что дѣлается вами. Они тотчасъ скажутъ: сможетъ ли кто-нибудь изъ нихъ когда-нибудь презирать смерть, если онъ не можетъ видѣть даже другого умершимъ? Прекрасно говоритъ Павелъ, прекрасно и достойно небесъ и человѣколюбія Божія. Что же говоритъ онъ? *И избавитъ сихъ, елицы страхомъ смерти чрезъ все житіе повинни бѣша работѣ* (Евр. III, 15). Но вы не допускаете вѣрить этому, опровергая слова его своими дѣлами, хотя Богъ употребилъ множество мѣръ къ тому, чтобы уничтожить вашъ дурной обычай. 43
Вотъ, скажите мнѣ, что означаютъ горящіе свѣтильники? Не провожаемъ ли мы умершихъ, какъ подвижниковъ? Что (означаютъ) пѣснопѣнія? Не прославляемъ ли мы Бога, не благодаримъ ли Его, что Онъ наконецъ увѣнчалъ отшедшаго, освободилъ отъ трудовъ, избавилъ отъ страха и принялъ его къ себѣ? Не для того ли гимны, не для того ли пѣснопѣнія? Все это свойственно радующимся: *благодушествуетъ ли кто? да поетъ*, говоритъ (апостолъ) (Іак. V, 13). Но язычникъ смотритъ не на это. Не указывай мнѣ, говоритъ онъ, на того, кто любомудрствуетъ, не подвергаясь скорби, — это нисколько не важно и не удивительно,—но укажи мнѣ того, кто бы любомудрствовалъ среди са-

мой скорби; тогда и я повѣрю воскресенію. Не удивительно, когда поступаютъ такъ мірскія жены, хотя и это прискорбно, потому что и отъ нихъ требуется любомудріе: *о усопшихъ же*, говоритъ Павелъ, *не хощу васъ не вѣдѣти, да не скорбите, якоже и прочіи не имущіи упованія* (1 Сол. IV, 12); онъ писалъ это не къ монахамъ и не къ посвятившимъ себя на всегдашнее дѣвство, но къ мірскимъ женамъ, сочетавшимся бракомъ, и къ мірскимъ мужамъ. Впрочемъ это еще не такъ прискорбно; а когда кто-нибудь, жена или мужъ, утверждающій, что распялся для міра, онъ рветъ на себѣ волосы, а она рыдаетъ неутѣшно, то что можетъ быть непристойнѣе этого? Повѣрьте словамъ моимъ, что, если бы дѣлать, какъ должно, то слѣдовало бы отлучить такихъ людей на долгое время отъ пороговъ церковныхъ. Если кто истинно достоинъ слезъ, то это тѣ, которые еще боятся и трепещутъ смерти, которые не вѣруютъ воскресенію. Но, скажешь, я не воскресенію не вѣрую, а слѣдую обычаю. Для чего же ты, скажи мнѣ, когда отправляешься въ путь и предпринимаешь далекое путешествіе, не дѣлаешь этого? И тогда, скажешь, я плачу и рыдаю, слѣдуя обычаю. Но тамъ дѣйствительно ты слѣдуешь обычаю; а здѣсь ты отчаиваешься въ возвращеніи. Вспомни, что поешь ты въ то время (при погребеніи)? *Обратися, душе моя, въ покой твой, яко Господь благодѣйствова тя* (Псал. CXIV, 6); и еще: *не убоюся зла, яко ты со мною еси* (Псал. XXII, 4); и еще: *ты еси прибѣжище мое отъ скорби обдержащія мя* (Псал. XXXI, 7). Вникни, какой смыслъ въ этихъ пѣснопѣніяхъ. Но ты не внемлешь имъ, а бѣснуешься отъ скорби. Будь внимателенъ и благоразуменъ хотя при погребеніи другихъ, чтобы тебѣ найти врачество при своемъ (погребеніи). *Обратися, душе моя, въ покой твой, яко Господь благодѣйствова тя,* говоришь ты, и самъ плачешь? Не притворство ли это, не лицемѣріе ли? Если ты дѣйствительно вѣришь тому, что говоришь, то напрасно плачешь; если же ты притворяешься, лицемѣришь и считаешь это баснею, то для чего и поешь? Для чего терпишь присутствующихъ? Почему не выгоняешь поющихъ? Но, скажешь, это свойственно бѣснующимся. А то еще болѣе. Впрочемъ, я говорю теперь объ этомъ между прочимъ, по впослѣдствіи тщательнѣе разберу этотъ предметъ, потому что я очень боюсь, чтобы такимъ образомъ не вкралась въ Церковь какая-нибудь тяжкая болѣзнь. Это рыданіе мы исправимъ послѣ; а теперь говорю и объявляю богатымъ и бѣднымъ, женамъ и мужьямъ.

41 Дай Богъ, чтобы всѣ вы отошли отъ жизни безъ печали, чтобы по опредѣленному закону престарѣлые отцы были погребены сыновьями, и матери дочерями, внуками и правнуками, въ

маститой старости, и чтобы никогда не случилось съ вами преждевременной смерти: дай Богъ вамъ это, о чемъ и я самъ молюсь и предстоятелей и всѣхъ васъ увѣщеваю молиться Богу другъ о другѣ и возносить къ Нему общую объ этомъ молитву; если же,—чего да не будетъ и да не случится!—если постигнетъ кого-нибудь изъ васъ тяжкая смерть,—называю ее тяжкою не по существу, потому что смерть уже не тяжка и нисколько не отличается отъ сна, но называю ее тяжкою по отношенію къ нашему чувству,—если она приключится и кто-нибудь найметъ этихъ плакальщицъ, то, повѣрьте словамъ моимъ,—я говорю не иначе, какъ долженъ говорить, а кто хочетъ, пусть гнѣвается,—я отлучу такого отъ Церкви на долгое время, какъ идолослужителя. Если Павелъ называетъ лихоимца идолослужителемъ (Кол. III, 5), то тѣмъ болѣе можно назвать такъ того, кто совершаетъ надъ вѣрнымъ свойственное идолослужителямъ. И для чего, скажи мнѣ, ты призываешь пресвитеровъ и пѣвцовъ? Не для того ли, чтобы получить утѣшеніе? Не для того ли, чтобы почтить отшедшаго? Для чего же ты оскорбляешь его, для чего безчестишь, для чего безчинствуешь, какъ бы на зрѣлищѣ? Мы приходимъ, чтобы любомудрствовать о воскресеніи, чтобы воздаваемою ему честію научить всѣхъ, даже и тѣхъ, которые еще не подвергаются ударамъ (смерти), переносить мужественно, когда случится съ ними что-нибудь подобное; а ты приводишь тѣхъ, которые разрушаютъ наши дѣйствія, сколько это возможно для нихъ?

6. Что можетъ быть хуже такой насмѣшки и такого глумленія? Что можетъ быть тяжелѣе такой несообразности? Постыдитесь и образумьтесь; если же вы не хотите, то мы не потерпимъ, чтобы такіе пагубные обычаи существовали въ Церкви. *Согрѣшающихъ*, говоритъ (апостолъ), *предъ всѣми обличай* (1 Тим. V, 20). Потому мы чрезъ васъ повелѣваемъ тѣмъ жалкимъ и презрѣннымъ (плакальщицамъ), чтобы онѣ никогда не приходили къ погребенію вѣрныхъ; иначе мы заставимъ ихъ оплакивать собственныя несчастія и научимъ сокрушаться болѣе о своихъ бѣдствіяхъ, нежели о чужихъ. Такъ любвеобильный отецъ, имѣющій безпорядочнаго сына, не только ему запрещаетъ имѣть общеніе съ людьми порочными, но и тѣмъ угрожаетъ. Подобнымъ образомъ и я заповѣдую вамъ, а чрезъ васъ и имъ, чтобы ни вы не приглашали ихъ, ни онѣ не приходили (на погребеніе). Дай Богъ, чтобы одни слова наши принесли какую-нибудь пользу и одна угроза имѣла силу; если же,—чего да не будетъ!—слова наши будутъ оставлены безъ вниманія, то мы наконецъ принуждены будемъ привести угрозу въ дѣйствіе,—наказать васъ по

законамъ церковнымъ, а ихъ такъ, какъ слѣдуетъ (поступить) съ ними. Если же и послѣ этого кто-нибудь изъ дерзкихъ не образумится, то пусть онъ послушаетъ Христа, который и нынѣ говоритъ: *аще согрѣшитъ къ тебѣ братъ твой, иди и обличи его между тобою и тѣмъ единѣмъ: аще ли не послушаетъ, поими съ собою еще единаго или два: аще же* и тако противу речетъ, *повѣждь*
45 *церкви: аще же и церковь преслушаетъ, буди тебѣ якоже язычникъ и мытарь* (Мѳ. XVIII, 15—17). Если (Господь) повелѣваетъ такимъ образомъ отвращаться отъ брата, согрѣшившаго противъ меня, когда онъ не слушаетъ обличеній, то судите сами, какъ я долженъ поступать съ тѣмъ, кто грѣшитъ противъ себя самого и противъ Бога,—вы вѣдь часто осуждаете насъ, что мы не снисходительно обращаемся съ вами. А кто презираетъ запрещенія, налагаемыя нами, того опять пусть научитъ Христосъ, который говоритъ: *елика аще свяжете на земли, будутъ связана на небеси, и елика аще разрѣшите на земли, будутъ разрѣшена на небесѣхъ* (Мѳ. XVIII, 18). Хотя мы и маловажны, и ничтожны, и достойны презрѣнія, какъ и дѣйствительно мы таковы, но мы не за себя взыскиваемъ, не гнѣву своему удовлетворяемъ, а заботимся о вашемъ спасеніи. Постыдитесь же, увѣщеваю, и образумьтесь. Если всякій терпѣливо переноситъ (укоризны) друга, нападающаго на него даже болѣе надлежащаго, зная цѣль его и то, что онъ дѣлаетъ это по благорасположенію, а не по гордости, то тѣмъ болѣе должно терпѣть обличенія учителя, и при томъ учителя, который говоритъ не своею властію и не какъ начальникъ, но какъ попечитель. Мы говоримъ это не для того, чтобы показать свою власть,—можно ли (такъ думать), когда мы желаемъ, чтобы они даже и не испытали ея?—но изъ сожалѣнія и сострадація къ вамъ. Простите же, и никто изъ васъ пусть не презираетъ церковныхъ запрещеній, потому что ими связываетъ не человѣкъ, а Христосъ, даровавшій намъ такую власть, содѣлавшій людей обладателями такой чести. Мы желали бы употреблять эту власть на разрѣшеніе, или лучше, не желали бы имѣть нужду и въ этомъ, потому что не хотимъ, чтобы кто-нибудь изъ насъ былъ связаннымъ,—мы еще не такъ жалки и презрѣнны, хотя и крайне ничтожны. Но когда мы бываемъ вынуждены, то простите: противъ собственной воли и желанія мы налагаемъ запрещеніе, хотя сами скорбимъ болѣе васъ связываемыхъ. А кто станетъ презирать это, для того настанетъ время суда и научитъ
46 его. Не хочу говорить о послѣдующемъ, чтобы не возмутить души вашей. Прежде всего мы молимся, чтобы намъ не быть къ тому вынужденными; когда же бываемъ вынуждены, то исполняемъ свое дѣло, налагаемъ запрещеніе. Если кто нарушитъ его,

то я, сдѣлавшій свое дѣло, не виновенъ; а ты долженъ будешь отдать отчетъ Тому, кто повелѣлъ мнѣ связывать. Вѣдь, если въ присутствіи царя кто-нибудь изъ предстоящихъ оруженосцевъ получитъ приказаніе связать кого-нибудь изъ находящихся въ строю и наложить на него оковы, а этотъ не только оттолкнетъ его, но и разломаетъ самыя оковы, то не оруженосецъ получаетъ обиду, а гораздо болѣе царь, давшій такое приказаніе. Подлинно, если (Господь) усвояетъ себѣ то, что дѣлается вѣрующему, то тѣмъ болѣе, когда вы оскорбите поставленныхъ на учительство, Онъ приметъ это за оскорбленіе Его самого. Впрочемъ, не дай Богъ, чтобы кто изъ находящихся въ этой церкви подвергся необходимости—быть связаннымъ. Какъ хорошо—не грѣшить, такъ же полезно—переносить наказаніе (ἐπιτίμησιν). Будемъ же переносить обличеніе и постараемся не грѣшить, а когда согрѣшимъ, то будемъ переносить наказаніе. Какъ хорошо—не получать ранъ, а когда это случится, то полезно—прилагать къ ранамъ лѣкарство, такъ точно и здѣсь. Впрочемъ, не дай Богъ, чтобы кто нуждался въ подобныхъ лѣкарствахъ: *надѣемся же о васъ лучшихъ и придержащихся спасенію, аще и тако глаголемъ* (Евр. VI, 9). Мы предложили болѣе сильное (обличеніе) для большаго предостереженія. Лучше мнѣ почитаться отъ васъ строгимъ, суровымъ и гордымъ, нежели вамъ дѣлать неугодное Богу. Надѣемся на Бога, что это обличеніе не будетъ безполезно для васъ и что вы исправитесь такъ, что слова наши послужатъ къ вашей похвалѣ и чести. Дай же вамъ Богъ проводить жизнь согласно съ волею Божіею, чтобы всѣмъ намъ удостоиться благъ, обѣщанныхъ Богомъ любящимъ Его, во Христѣ Іисусѣ Господѣ нашемъ.

БЕСѢДА V.

Не отъ ангелъ бо когда пріемлетъ, но отъ сѣмене Авраамова пріемлетъ. Отнюду же долженъ бѣ по всему уподобитися братіи (Евр. II, 16, 17). 45

1. Желая показать великое снисхожденіе Бога и любовь, какую Онъ имѣетъ къ роду человѣческому, Павелъ послѣ того, какъ сказалъ: *понеже убо дѣти пріобщишася плоти и крови, и той пріискреннѣ пріобщися тѣхже* (ст. 14), объясняетъ это мѣсто и говоритъ: *не отъ ангелъ бо когда пріемлетъ*. Не просто, говоритъ, выслушай сказанное и не почитай какимъ-нибудь обыкновеннымъ дѣломъ того, что Онъ принялъ нашу плоть; вѣдь Онъ не

удостоилъ этого ангеловъ. Потому и выражается такъ: *не отъ ангелъ бо когда пріемлетъ, но отъ сѣмене Авраамова.* Что означаютъ слова его? Не въ ангельское, говоритъ, естество облекся Онъ, но въ человѣческое. А что значитъ: *пріемлетъ?* Не ангельское, говоритъ, естество принялъ Онъ, но наше. Почему же онъ не сказалъ: принялъ, но употребилъ такое выраженіе: *пріемлетъ*
46 (ἐπιλαμβάνεται)? Онъ заимствуетъ это выраженіе изъ примѣра бѣгущихъ за тѣми, которые уходятъ отъ нихъ, и употребляющихъ всѣ мѣры къ тому, чтобы настигнуть убѣгающихъ и удержать удаляющихся. Такъ и Христосъ самъ устремился и настигнулъ родъ человѣческій, бѣжавшій отъ Него и бѣжавшій далеко,—мы вѣдь были, говоритъ (апостолъ), *отъ* Бога *отчуждени далече и безбожни въ мірѣ* (Еф. II, 12, 13). Здѣсь онъ показываетъ, что (Богъ) сдѣлалъ это единственно по снисхожденію, любви и попеченію объ насъ. Какъ выше, когда говоритъ: *не вси ли суть служебніи дуси, въ служеніе посылаеми за хотящихъ наслѣдовати спасеніе* (Евр. I, 14), онъ показываетъ любовь Его къ роду человѣческому и то, что Богъ много печется о немъ, такъ и здѣсь еще болѣе подтверждаетъ это посредствомъ сравненія, говоря: *не отъ ангелъ бо пріемлетъ.* Подлинно, великое, чудное и изумительное дѣло, что наша плоть сѣдитъ на небесахъ и удостоивается поклоненія отъ ангеловъ, архангеловъ, серафимовъ и херувимовъ. Пред-
47 ставляя себѣ это, я часто удивляюсь и высокимъ предаюсь мыслямъ о родѣ человѣческомъ, потому что вижу великіе и свѣтлые начатки и многое попеченіе Божіе о естествѣ нашемъ. И не просто сказалъ (апостолъ): отъ людей пріемлетъ, но, желая возвысить ихъ, и показать, какъ великъ и почтененъ родъ ихъ, говоритъ: *но отъ сѣмене Авраамова пріемлетъ. Отнюду же долженъ бѣ по всему уподобитися братіи.* Что значитъ: *по всему?* Онъ родился, говоритъ, воспитывался, возрасталъ, претерпѣлъ все, что слѣдовало, и наконецъ умеръ: вотъ что означаютъ слова: *по всему уподобитися братіи.* Такъ какъ онъ много говорилъ о величіи и высшей славѣ (Христа), то теперь ведетъ рѣчь о домостроительствѣ Его; и посмотри, съ какою мудростію и силою доказываетъ, что Онъ приложилъ большое стараніе, чтобы уподобиться намъ; это—знакъ великаго Его попеченія объ насъ. Сказавъ выше: *понеже убо дѣти пріобщишася плоти и крови, и той пріискреннѣ пріобщися тѣхже,* (апостолъ) и здѣсь говоритъ: *по всему уподобитися братіи,* т. е. какъ бы такъ говоритъ: Тотъ, кто такъ великъ, кто есть сіяніе славы и образъ ипостаси, кто сотворилъ вѣка и сѣдитъ одесную Отца, Тотъ восхотѣлъ и потщился сдѣлаться нашимъ братомъ во всемъ, и для того оставилъ ангеловъ и горнія силы, сошелъ къ намъ и принялъ нашу (плоть). И смотри,

сколько Онъ доставилъ благъ: разрушилъ смерть, освободилъ насъ отъ власти діавола, избавилъ отъ рабства, почтилъ своимъ братствомъ, и не только удостоилъ братства, но и другихъ безчисленныхъ (благодѣяній),—Онъ восхотѣлъ быть нашимъ первосвященникомъ предъ Отцемъ: *да милостивъ будетъ*, продолжаетъ (апостолъ), *и вѣренъ первосвященникъ въ тѣхъ, яже къ Богу*. Онъ принялъ, говоритъ, плоть нашу единственно по человѣколюбію, для того, чтобы помиловать насъ. Нѣтъ другой причины такого домостроительства Его, кромѣ одной этой; Онъ видѣлъ, что мы повержены на землю, погибаемъ и подвергаемся насилію смерти, и умилосердился. *Во еже*, говоритъ, *очистити грѣхи людскія, да милостивъ будетъ и вѣренъ первосвященникъ*. Что значитъ: *вѣренъ?* Истинный, сильный, потому что одинъ только Сынъ есть вѣрный первосвященникъ, могущій избавить отъ грѣховъ тѣхъ, которыхъ Онъ первосвященникъ. Потому, чтобы принести жертву, которая могла бы очистить насъ, Онъ сдѣлался человѣкомъ. *Въ тѣхъ, яже къ Богу*, присовокупляетъ (апостолъ), т. е. въ отношеніи къ Богу. Мы были, говоритъ, враждебны Богу, были осуждены, преданы безчестію; не было никого, кто бы принесъ за насъ жертву; Онъ видѣлъ насъ въ такомъ состояніи и умилосердился, не только доставивъ намъ первосвященника, но сдѣлавшись самъ первосвященникомъ вѣрнымъ. Потомъ (апостолъ) показываетъ, какъ Онъ вѣренъ, продолжая: *во еже очистити грѣхи людскія. Въ немже бо пострада, самъ искушенъ бывъ, можетъ и искушаемымъ помощи* (ст. 18).

2. Это, повидимому, весьма уничиженно, смиренно и недостойно Бога. *Въ немже бо*, говоритъ, *пострада самъ*. Здѣсь онъ говоритъ о воплотившемся. Можетъ быть, это говорится и для успокоенія слушателей, и во вниманіе къ ихъ немощи. Смыслъ словъ его слѣдующій: (Христосъ), пришедши, самымъ дѣломъ испыталъ то, что мы терпимъ; теперь Ему не безъизвѣстны страданія наши; онъ знаетъ не только какъ Богъ, но и какъ человѣкъ, познавшій и испытавшій самымъ дѣломъ; Онъ много по-
страдалъ, потому можетъ и намъ сострадать. Хотя Богъ безстра- 48
стенъ, но здѣсь (апостолъ) говоритъ о воплощеніи, и какъ бы такъ сказалъ: самая плоть Христова претерпѣла много страданій. Онъ знаетъ, что такое страданіе, знаетъ, что такое искушеніе, и знаетъ не меньше насъ страждущихъ, потому что Онъ самъ страдалъ. Что же значитъ: *можетъ и искушаемымъ помощи?* Иначе сказать: Онъ съ великою готовностію подастъ руку помощи, будетъ сострадателенъ. Такъ какъ (евреи) думали имѣть большое преимущество предъ (вѣрующими) изъ язычниковъ, то (апостолъ) внушаетъ, что они имѣютъ преимущество въ томъ, чѣмъ Богъ

нисколько не унизилъ и (вѣрующихъ) изъ язычниковъ. Чѣмъ же именно? Тѣмъ, что отъ нихъ спасеніе, что напередъ къ нимъ Онъ пришелъ, что отъ нихъ принялъ плоть. *Не отъ ангелъ бо*, говоритъ, *пріемлетъ, но отъ сѣмене Авраамова пріемлетъ*. Этимъ онъ и воздаетъ честь патріарху, и показываетъ, что значитъ *сѣмя Авраамово*;—напоминаетъ имъ объ обѣтованіи, данномъ Аврааму въ слѣдующихъ словахъ: *землю сію тебѣ дамъ и сѣмени твоему* (Быт. XIII, 15), намекая нѣсколько и на близость (ихъ къ Нему) въ томъ, что всѣ произошли отъ одного. Но такъ какъ эта близость была незначительна, то онъ опять переходитъ къ тому же (предмету), останавливается на домостроительствѣ Его во плоти и говоритъ: *во еже очистити грѣхи людскія*. Самое желаніе—сдѣлаться человѣкомъ есть уже знакъ великаго попеченія и великой любви, а теперь не только это, но и безсмертныя блага дарованы намъ отъ Него: *во еже*, говоритъ, *очистити грѣхи людскія*. Почему онъ не сказалъ: (грѣхи) вселенной, но: *людскія* (τοῦ λαοῦ), тогда какъ поистинѣ Онъ взялъ на себя грѣхи всѣхъ насъ? Потому, что (апостолъ) пока ведетъ рѣчь о нихъ (евреяхъ), какъ и ангелъ говорилъ Іосифу: *наречеши имя ему Іисусъ: той бо спасетъ люди своя* (Мѳ. I, 21). Этому и слѣдовало напередъ совершиться, и для того Онъ пришелъ, чтобы спасти ихъ, а потомъ чрезъ нихъ и тѣхъ (язычниковъ), хотя случилось напротивъ. Объ этомъ и (другіе) апостолы въ самомъ началѣ говорили: *вамъ воздвигій Отрока своего посла благословяща васъ* (Дѣян. III, 26); и еще: *вамъ слово спасенія послася* (Дѣян. XIII, 26). Такъ и здѣсь (апостолъ) показываетъ благородство іудеевъ, когда говоритъ: *во еже очистити грѣхи людскія*. Такъ онъ теперь говоритъ. А что (Христосъ) отпускаетъ грѣхи всѣхъ, это самъ Онъ объяснилъ какъ при исцѣленіи разслабленнаго, когда сказалъ: *отпущаются тебѣ грѣси твои* (Марк. II, 5), такъ и въ заповѣди о крещеніи: *шедше*, говоритъ Онъ ученикамъ, *научите вся языки, крестяще ихъ во имя Отца и Сына и Святаго Духа* (Мѳ. XXVIII, 19). Когда Павелъ началъ рѣчь о плоти, то потомъ говоритъ (о Немъ) все уничиженное, нисколько не опасаясь; смотри именно, что говоритъ онъ далѣе: *тѣмже, братіе святая, званія небеснаго причастницы, разумѣйте посланника и святителя исповѣданія нашего Іисуса Христа, вѣрна суща сотворшему его, якоже и Моисей во всемъ дому его* (III, 1, 2). Намѣреваясь изобразить преимущества Его сравнительно съ Моисеемъ, (апостолъ) ведетъ рѣчь о законѣ касательно священства, потому что о Моисеѣ всѣ имѣли высокое мнѣніе. И (здѣсь) онъ уже предуказываетъ сѣмена этого преимущества; но начинаетъ съ плоти, а потомъ переходитъ къ божеству, въ отношеніи котораго не могло быть сравненія. Начиная

сравнивать ихъ по плоти, онъ говоритъ: *якоже и Моисей во всемъ дому его.* Не вдругъ доказываетъ преимущество (Христа предъ Моисеемъ),—чтобы слушатели не отшатнулись и тотчасъ же не заткнули ушей,—потому что, хотя они были вѣрующіе, но въ душѣ своей еще много были преданы Моисею. *Вѣрна суща*, го- 49
воритъ, *сотворшему его.* Что *сотворшему?* Посланника и первосвященника. Не о существѣ говоритъ онъ здѣсь, и не о божествѣ, но пока о преимуществахъ человѣческихъ. *Якоже и Моисей во всемъ дому его,* т. е. въ народѣ, или въ храмѣ. А употребляетъ это выраженіе—*въ дому его*—такъ, какъ иной выразился бы о домашнихъ. Моисей былъ въ народѣ, какъ попечитель и распорядитель въ домѣ. Что здѣсь *домомъ* онъ называетъ народъ, видно изъ прибавленія: *егоже домъ мы есмы* (ст. 6), т. е. мы—созданіе Его. Затѣмъ (показываетъ) преимущество: *множайшей бо славѣ сей паче Моисеа сподобися*; и опять (говоритъ) о плоти: *елико множайшую честь имать паче дому сотворивый его* (ст. 3).

3. И самъ (Моисей), говоритъ, былъ изъ этого дома. Не сказалъ: онъ былъ рабъ, а тотъ — Владыка, но прикровенно выразилъ это. Если домомъ былъ народъ, а самъ (Моисей) былъ изъ народа, то слѣдуетъ, что онъ былъ изъ этого дома; такъ и мы обыкновенно говоримъ: такой-то происходитъ изъ такого-то дома. Здѣсь подъ домомъ (апостолъ) не разумѣетъ храма, потому что не Богъ создалъ его, но люди, а *сотворивый его*, т. е. Моисея, есть Богъ. Смотри, какъ онъ прикровенно показываетъ превосходство (Христа предъ Моисеемъ): *вѣренъ*, говоритъ, *во всемъ дому его*, между тѣмъ какъ самъ онъ былъ изъ этого дома, т. е. изъ народа. Бóльшую имѣетъ честь предъ произведеніями художникъ ихъ, равно какъ и предъ домомъ — устроившій его. *А сотворивый всяческая, Богъ* (ст. 4). Видишь, что не о храмѣ говоритъ, но о всемъ народѣ? *И Моисей убо вѣренъ бѣ во всемъ дому его, якоже слуга во свидѣтельство глаголатися имѣвшимъ* (ст. 5). Вотъ и другое преимущество Сына предъ рабами! Видишь опять, какъ онъ указываетъ на близость (Христа къ Богу-Отцу) наименованіемъ *Сына*? *Христосъ же, яко же Сынъ въ дому своемъ* (ст. 6). Замѣчаешь, какъ онъ отличаетъ созданіе и Создателя, раба и Сына? Этотъ входитъ въ отеческій домъ, какъ Владыка, а тотъ, какъ рабъ. *Егоже домъ мы есмы, аще дерзновеніе и похвалу упованія даже до конца извѣстно удержимъ* (ст. 6). Здѣсь опять убѣждаетъ ихъ стоять мужественно и не падать; мы будемъ, говоритъ, домомъ Божіимъ, подобно Моисею, если только упованіе и надежду, которою хвалимся, твердо сохранимъ до конца; а кто скорбитъ въ искушеніяхъ и падаетъ, тотъ не можетъ хвалиться; кто стыдится и скрывается, тотъ не имѣетъ дерзновенія; кто пе-

чалится, тотъ недостоинъ похвалы. Вмѣстѣ съ тѣмъ и хвалитъ ихъ, когда говоритъ: *аще дерзновеніе и похвалу упованія даже до конца извѣстно удержимъ*, выражая, что они начали (имѣть дерзновеніе и упованіе); только нужно (сохранить) до конца, и не просто стоять, но содержать твердую надежду съ несомнѣнною вѣрою, не колеблясь искушеніями. Не удивляйся, что (о Христѣ) сказано нѣчто человѣческое въ словахъ: *самъ искушенъ бывъ* (гл. II, 18). Если объ Отцѣ, который не воплощался, въ Писаніи говорится: *Господь съ небесе приниче на сыны человѣческія видѣти*, т. е. обстоятельно разсмотрѣть все (Псал. XIII, 2), и еще: *сошедъ узрю, аще по воплю ихъ совершаются* (Быт. XVIII, 21), и еще: *не можетъ* Богъ *терпѣти злобы человѣковъ* (Iер. XLIV, 22), гдѣ священное Писаніе выражаетъ величіе гнѣва Божія, — то тѣмъ бо-
50 лѣе о Христѣ, который пострадалъ во плоти, можетъ быть сказано то, что̀ свойственно человѣку. Такъ какъ многіе люди считаютъ опытъ самымъ вѣрнымъ средствомъ къ познанію, то (апостолъ) хочетъ показать, что (Христосъ), который самъ пострадалъ, знаетъ, что̀ терпитъ природа человѣческая. *Тѣмже*, говоритъ, *братіе святая*. Слово: *тѣмже* употребляетъ вмѣсто: поэтому. *Званія небеснаго причастницы*. Итакъ, не ищите ничего здѣсь, если вы призваны туда, — потому что тамъ награда, тамъ воздаяніе. Что же далѣе? *Разумѣйте посланника и святителя исповѣданія нашего Іисуса Христа, вѣрна суща сотворшему его, якоже и Моисей во всемъ дому его*. Что значитъ: *вѣрна суща сотворшему его*? Т. е. пекущагося, предстательствующаго за своихъ и не допускающаго имъ колебаться какимъ-нибудь образомъ. *Якоже и Моисей во всемъ дому его*. Т. е. познайте, кто и каковъ первосвященникъ нашъ, и вы не будете имѣть нужды въ другомъ утѣшеніи или ободреніи. Называетъ Его *посланникомъ* потому, что Онъ былъ посланъ (отъ Бога-Отца); называетъ первосвященникомъ *исповѣданія нашего*, т. е. вѣры. Хорошо сказано: *якоже Моисей*; какъ тому былъ ввѣренъ народъ, такъ и Ему — предводительство народомъ, хотя высшее и въ дѣлахъ высшихъ. Моисей былъ слуга, а Христосъ—Сынъ; тотъ имѣлъ попеченіе о (людяхъ) чуждыхъ, а этотъ—о своихъ. *Во свидѣтельство глаголатися имѣвшимъ*. Что говоришь ты? Неужели Богъ принимаетъ свидѣтельство отъ человѣка? Конечно, такъ. Если Онъ призываетъ во свидѣтели небо, землю и холмы, когда говоритъ чрезъ пророка: *слыши небо, и внуши земле, яко Господь возглагола* (Иса. I, 2); и еще: *слышите дебри, основанія земли, яко судъ Господень къ людемъ его* (Мих. VI, 2),—то тѣмъ болѣе—людей. Что значитъ: *во свидѣтельство*? Чтобы свидѣтельствовать, когда они сдѣлаются безстыдными: *Христосъ же якоже Сынъ*. Тотъ имѣлъ попеченіе о (лю-

дяхъ) чуждыхъ, а этотъ—о своихъ. *И похвалу упованія.* Хорошо сказано: *упованія*,—потому что всѣ блага были еще въ надеждѣ; но эту надежду нужно сохранять такъ, чтобы хвалиться, какъ бы дѣйствительностію. Потому (апостолъ) говоритъ: *похвалу упованія*, и присовокупляетъ: *даже до конца извѣстно удержимъ*, такъ какъ мы *упованіемъ спасохомся* (Рим. VIII, 24). Если же мы спасаемся въ надеждѣ и ожидаемъ въ терпѣніи, то мы не должны скорбѣть о благахъ настоящихъ и безпокоиться о тѣхъ, которыя обѣщаны въ будущемъ, такъ какъ *упованіе видомое нѣсть упованіе* (Рим. VIII, 24). Если, говоритъ, эти блага велики, то мы не можемъ получить ихъ здѣсь, въ настоящей кратковременной жизни. Но для чего же (Богъ) и предсказалъ намъ объ нихъ, если не хотѣлъ даровать ихъ намъ здѣсь? Для того, чтобы обѣщаніемъ привлечь наши души, чтобы надеждою укрѣпить наше усердіе, чтобы ободрить и возвысить наше сердце. Съ такою именно цѣлію сдѣлано все это.

4. Итакъ, не будемъ смущаться; пусть никто не сѣтуетъ, видя порочныхъ людей благоденствующими. Здѣсь нѣтъ воздаянія ни пороку, ни добродѣтели; а если иногда и бываетъ (воздаяніе) пороку и добродѣтели, то не по достоинству ихъ, но слегка, какъ бы въ предвкушеніи суда, чтобы невѣрующіе воскресенію образумились здѣсь хотя такимъ образомъ. Потому, когда
мы увидимъ порочнаго богатымъ, не будемъ падать духомъ; 51
когда увидимъ добродѣтельнаго страждущимъ, не будемъ смущаться,—потому что тамъ вѣнцы, тамъ и наказанія. При томъ нѣтъ такого порочнаго человѣка, который былъ бы совершенно порочнымъ, но и въ немъ бываетъ нѣчто доброе; равно нѣтъ и такого добродѣтельнаго, который былъ бы совершенно добродѣтельнымъ, но и у него бываютъ нѣкоторыя прегрѣшенія. Итакъ, когда порочный благоденствуетъ, то знай, что это—къ погибели собственной головы его; онъ здѣсь наслаждается этимъ для того, чтобы, получивъ здѣсь воздаяніе за свое малое добро, подвергнуться тамъ полному наказанію. Тѣмъ болѣе блаженъ тотъ, кто, получая наказаніе здѣсь, чтобы отдать долгъ за всѣ грѣхи свои, отходитъ отсюда оправданнымъ, чистымъ и неповиннымъ. Этому поучаетъ насъ Павелъ, когда говоритъ: *сего ради въ васъ мнози немощни и недужливи, и усыпаютъ довольни* (1 Кор. XI, 30), и еще: *предайте таковаго сатанѣ во измождение плоти, да духъ спасется въ день онъ* (1 Кор. V, 5). И пророкъ говоритъ: *пріятъ отъ* руки *Господни сугубы грѣхи* (Иса. XL, 2); также Давидъ: *виждь враги моя, яко умножишася паче власъ главы моея, и ненавидящіи мя неправедныхъ возненавидѣша мя, и остави вся грѣхи моя* (Псал. XXIV, 19, 18); и еще иной: *Господи Боже нашъ, миръ даждь намъ: вся бо воздалъ*

еси намъ (Иса. xxvi, 12). Все это доказываетъ, что добродѣтельные получаютъ здѣсь наказанія за грѣхи свои. А гдѣ (говорится), что порочные получаютъ здѣсь добро, чтобы тамъ подвергнуться полному наказанію? Послушай Авраама, который говоритъ богатому: *восприялъ еси благая твоя въ животѣ твоемъ, и Лазарь такожде злая* (Лук. xvi, 25). Какія *благая?* Употребляя выраженіе: *восприялъ еси*, а не: *приялъ еси*, онъ показываетъ, что оба они получали по заслугамъ, одинъ благоденствіе, а другой бѣдствія, и говоритъ: потому онъ *здѣ утѣшается*, — видишь его чистымъ отъ грѣховъ, — *ты же страждеши.* Итакъ, не будемъ скорбѣть, когда видимъ здѣсь грѣшниковъ благоденствующими, и когда сами страждемъ, будемъ радоваться, потому что это изглаждаетъ наши грѣхи. Не будемъ искать спокойствія, потому что Христосъ возвѣстилъ скорби ученикамъ своимъ, и Павелъ говоритъ: *вси, хотящіи благочестно жити о Христѣ Іисусѣ, гоними будутъ* (2 Тим. iii, 12). Никто изъ мужественныхъ борцовъ во время борьбы не ищетъ бань и трапезы, обильной яствами и виномъ; это свойственно не ратоборцу, а человѣку изнѣженному; ратоборецъ терпитъ пыль, (умащеніе) елеемъ, жаръ солнца, многій потъ, скорби и тяжесть подвиговъ. Таково—время борьбы, и, слѣдовательно, полученія ранъ, пролитія крови и скорбей. Послушай, что говоритъ блаженный Павелъ: *тако подвизаюся, не яко воздухъ біяй* (1 Кор. ix, 26). Будемъ считать всю жизнь предназначенною для подвиговъ, не станемъ никогда искать отдохновенія, не станемъ смотрѣть на страданія, какъ на нѣчто чуждое, потому что и ратоборецъ, когда онъ совершаетъ подвиги, не считаетъ этого чуждымъ для себя. Для успокоенія будетъ другое время; достигать совершенства намъ слѣдуетъ посредствомъ скорбей. Если и нѣтъ ни гоненія, ни притѣсненія, то есть другія скорби, которыя случаются съ нами ежедневно; если мы не переносимъ послѣднихъ, то едва ли перенесли бы первыя. *Искушеніе васъ не достиже*, говоритъ (апостолъ), *точію человѣческое* (1 Кор. x, 13). Будемъ же молиться Богу, чтобы не впасть въ искушеніе, а когда впадемъ, то будемъ переносить мужественно.
52 Людямъ благоразумнымъ свойственно—не подвергать себя опасностямъ; а мужественнымъ и любомудрымъ свойственно—стоять твердо, подвергшись опасностямъ. Потому не будемъ подвергать себя (опасностямъ) безъ нужды, потому что это—знакъ дерзости; а когда насъ вынуждаютъ и когда требуютъ обстоятельства, не будемъ уклоняться, потому что это — знакъ робости; если насъ призываетъ (евангельская) проповѣдь, то не будемъ отказываться; просто, безъ причины, безъ нужды и безъ пользы для благочестія, не будемъ стремиться, потому что это—хвастовство и пустое

тщеславіе; а если случится что-нибудь вредное для благочестія, то не будемъ никогда отказываться, хотя бы надлежало претерпѣть тысячи смертей. Не вызывайся на искушенія, когда дѣла благочестія идутъ по твоему желанію,—зачѣмъ навлекать на себя излишнія опасности, не приносящія никакой пользы?

5. Говорю это изъ желанія, чтобы вы соблюдали заповѣди Христа, который повелѣваетъ молиться, чтобы не впасть въ искушеніе, и вмѣстѣ повелѣваетъ, взявъ крестъ, послѣдовать Ему. Эти (заповѣди) не противорѣчатъ одна другой, но весьма согласны между собою. Итакъ, настрой себя, какъ храбрый воинъ, будь всегда съ оружіемъ, бодрствуй, трезвись, постоянно ожидай врага; впрочемъ, самъ не производи браней, потому что это свойственно не воину, а бунтовщику. Когда призываетъ труба благочестія, то немедленно выходи, не жалѣй души, выступай съ великою готовностію на подвиги, ниспровергай ряды противниковъ, сокрушай лице діавола, воздвигай трофеи (побѣды); а когда благочестіе не терпитъ никакого вреда, когда никто не искажаетъ нашихъ догматовъ,—разумѣю касающіеся души,—и когда ничто не принуждаетъ дѣлать неугодное Богу, то не будь слишкомъ рьянъ. Жизнь христіанина должна быть полна крови, но не въ смыслѣ пролитія чужой крови, а готовности—пролить собственную. Потому будемъ проливать собственную кровь, когда это нужно за Христа, съ такимъ усердіемъ, какъ будто бы мы проливали воду,—кровь и есть вода, протекающая въ тѣлѣ,—и свергать съ себя плоть съ такою готовностію, какъ будто бы мы снимали одежду. А это случится тогда, когда мы не будемъ привязываться къ имуществу и къ жилищамъ, когда не будемъ увлекаться пристрастіемъ къ (благамъ) настоящимъ. Если посвятившіе себя военной жизни отказываются отъ всего и, куда призываетъ война, туда и отправляются, путешествуютъ и съ охотою терпятъ все, то тѣмъ болѣе намъ, воинамъ Христовымъ, надобно быть такъ же готовыми и такъ же выходить на войну со страстями. Нѣтъ нынѣ гоненія, и дай Богъ, чтобы никогда не было; но есть другая брань, брань противъ любостяжанія, противъ зависти и прочихъ страстей. Описывая эту брань, Павелъ говоритъ: *нѣсть наша брань къ крови и плоти* (Еф. VI, 12). Эта брань предстоитъ всегда; потому онъ желаетъ, чтобы мы были всегда вооруженными: *станите убо*, говоритъ, *препоясани*, — что можетъ относиться и къ настоящему времени,—и внушаетъ, что нужно быть всегда вооруженными. Велика брань противъ языка, велика противъ очей, велика противъ пожеланій: будемъ удерживать ихъ. Вотъ почему онъ съ этого и начинаетъ вооружать воина Христова: *станите убо*, говоритъ, *препоясани чресла ваша*,

и прибавляетъ: *истиною* (Еф. vi, 14). Почему -*истиною*? Потому
53 что пожеланіе есть обманъ и ложь, какъ и Давидъ сказалъ въ одномъ мѣстѣ: *лядвія моя наполнишася поруганій* (Псал. xxxvii, 8). Оно не составляетъ удовольствія, но только тѣнь удовольствія. Поэтому, говоритъ, *препоясани чресла ваша истиною*, т. е. истиннымъ удовольствіемъ, цѣломудріемъ, честностію.

Онъ зналъ наглость грѣха, и потому увѣщеваетъ ограждать всѣ наши члены. *Не можетъ бо*, говоритъ (Премудрый), *ярость неправедная оправдитися* (Сир. i, 22); и потому (апостолъ) заповѣдуетъ намъ ограждаться бронею и щитомъ. Гнѣвъ есть звѣрь, скоро нападающій на насъ, и нужно намъ много оградъ и оплотовъ, чтобы задержать его и преодолѣть. Потому-то у насъ преимущественно эту часть (грудь) Богъ устроилъ изъ костей какъ бы изъ какихъ камней, положивъ ему преграду, чтобы онъ (гнѣвъ) когда-нибудь не расторгнулъ и, расторгнувъ, не погубилъ легко всего человѣка. Онъ есть огонь и великая буря, такъ что другой членъ (тѣла) не вынесъ бы его нападенія. И врачи говорятъ, что для того подъ сердце подложены легкія, чтобы сердце, ударяясь объ эти мягкія части, какъ бы объ губку, могло успокои-
54 ваться,—чтобы оно, ударяясь въ твердую и жесткую грудь, не повредилось отъ частыхъ потрясеній. Потому намъ нужна крѣпкая броня, чтобы всегда удерживать этого звѣря въ спокойствіи. Нуженъ намъ и шлемъ на главу, потому что въ ней пребываетъ разумъ, и отъ нея можно и спастись, если она будетъ дѣлать должное, можно и погибнуть, если — недолжное; поэтому (апостолъ) и говоритъ: *и шлемъ спасенія* (Еф. vi, 17). Мозгъ по природѣ своей мягокъ; потому онъ и покрытъ сверху теменемъ, какъ бы какою черепицею; онъ бываетъ у насъ виновникомъ всего добраго и злого, смотря по тому, признаетъ ли должное или недолжное. Также и ноги и руки наши имѣютъ нужду въ оружіи,—не эти руки и не эти ноги, а тоже душевныя,—чтобы однѣ исполняли должное, а другія шли, куда слѣдуетъ. Итакъ, вооружимъ себя такимъ образомъ, и мы будемъ въ состояніи преодолѣть враговъ и украситься вѣнцемъ побѣды во Христѣ Іисусѣ Господѣ нашемъ, съ Которымъ Отцу со Святымъ Духомъ слава, держава, честь, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА VI.

Тѣмже, якоже глаголетъ Духъ святый: днесь, аще гласъ 53
его услышите, не ожесточите сердецъ вашихъ, якоже въ прогнѣваніи, во дни искушенія въ пустыни: идѣже искусиша мя отцы ваши, искусиша мя, и видѣша дѣла моя четыредесять лѣтъ. Сего ради негодовахъ рода того, и рѣхъ: присно заблуждаютъ сердцемъ: тіи же не познаша путей моихъ. Яко кляхся во гнѣвѣ моемъ: аще внидутъ въ покой мой (Евр. ш, 7—11).

1. Упомянувъ о надеждѣ и сказавъ, что *домъ Его мы есмы, аще дерзновеніе и похвалу упованія даже до конца извѣстно удержимъ*, Павелъ далѣе доказываетъ, что должно имѣть твердую надежду, и увѣряетъ въ этомъ свидѣтельствомъ Писаній. Будьте же внимательны, потому что онъ высказалъ это нѣсколько неясно и неудобовразумительно. Поэтому, сказавъ напередъ все нужное съ нашей стороны и кратко изложивъ вамъ всю сущность предмета, мы потомъ обратимся къ тому, что написано; и какъ скоро вы узнаете намѣреніе апостола, то уже не будете имѣть въ насъ нужды. Онъ говорилъ о надеждѣ и о томъ, что должно ожидать будущаго и что трудившимся здѣсь непремѣнно будетъ нѣкоторая награда, возмездіе и успокоеніе. Теперь онъ доказываетъ это свидѣтельствомъ пророка. Что же говоритъ онъ? *Тѣмже, якоже глаголетъ Духъ святый: днесь аще гласъ его услышите, не ожесточите сердецъ вашихъ, якоже въ прогнѣваніи, во дни искушенія въ пустыни: идѣже искусиша мя отцы ваши, искусиша мя, и видѣша дѣла моя четыредесять лѣтъ. Сего ради негодовахъ рода того, и рѣхъ: присно заблуждаютъ сердцемъ: тіи же не познаша путей моихъ. Яко кляхся во гнѣвѣ моемъ: аще внидутъ въ покой мой.* Онъ говоритъ, что есть три рода покоя: одинъ—покой субботы, въ который Богъ успокоился отъ дѣлъ своихъ; другой — покой 54
палестинскій, когда іудеи (вступивъ въ Палестину) должны были успокоиться отъ многихъ бѣдствій и трудовъ; третій и истинный покой—царство небесное, котораго кто достигъ, тотъ истинно успокоивается отъ трудовъ и скорбей. Такимъ образомъ онъ упоминаетъ здѣсь о трехъ (родахъ покоя). Для чего же, разсуждая объ одномъ, онъ упомянулъ о трехъ? Чтобы показать, что пророкъ сказалъ о послѣднемъ; не о первомъ сказалъ онъ, такъ какъ тотъ былъ уже давно; и не о второмъ, бывшемъ въ Палестинѣ, такъ какъ и этотъ уже окончился, а онъ говоритъ: *не внидутъ въ покой мой.* Остается третій, о которомъ онъ и говоритъ. Впро-

чемъ нужно разсказать эти историческія событія, чтобы сдѣлать слова болѣе ясными. (Іудеи) вышедши изъ Египта, совершивъ длинный путь и получивъ тысячи знаменій силы Божіей, въ Египтѣ, на Чермномъ морѣ, въ пустынѣ, пожелали послать соглядатаевъ для обозрѣнія свойствъ (обѣтованной) земли. Когда же посланные, возвратившись, выразили свое удивленіе этой землѣ и сказали, что она обильно приноситъ превосходные плоды, но что ею обладаютъ люди сильные и непобѣдимые, тогда неблагодарные и безчувственные іудеи, вмѣсто того, чтобы вспомнить о прежнихъ благодѣяніяхъ Божіихъ и о томъ, какъ Онъ не только избавилъ ихъ отъ опасности, когда они окружены были войсками египетскими, но и доставилъ имъ возможность овладѣть добычею, также о томъ, какъ въ пустынѣ Онъ разсѣкъ камень и даровалъ обильные потоки воды и ниспосылалъ манну и, вспомнивъ обо всѣхъ этихъ и другихъ чудесахъ, которыя Онъ совершилъ, имѣть вѣру въ Бога,—не подумали ни о чемъ этомъ, какъ будто ничего не было, и, предавшись страху, хотѣли возвратиться опять въ Египетъ, говоря: вывелъ насъ сюда Богъ,
55 чтобы погубить насъ съ дѣтьми и женами (Исх. XVII, 3; Числ. XX, 4). Потому Богъ, разгнѣвавшись на то, что они такъ скоро забыли о прошломъ, поклялся, что поколѣніе, говорившее это, не достигнетъ покоя, — и дѣйствительно, всѣ они погибли въ пустынѣ. Если же Давидъ впослѣдствіи, уже послѣ этого поколѣнія, говорилъ: *днесь, аще гласъ его услышите, не ожесточите сердецъ вашихъ, якоже въ прогнѣваніи*,—для чего?—чтобы вамъ не потерпѣть того же, что потерпѣли ваши праотцы, и не лишиться покоя,—то ясно, что онъ указывалъ въ словахъ своихъ на какой-то другой покой. Если бы онъ говорилъ о достигнутомъ ими покоѣ, то для чего сталъ бы опять говорить имъ такъ: *днесь, аще гласъ его услышите, не ожесточите сердецъ вашихъ, якоже въ прогнѣваніи?*

Какой же это другой покой, кромѣ царства небеснаго, котораго образъ и подобіе есть суббота? Изложивъ все свидѣтельство, которое заключается въ слѣдующемъ: *днесь, аще гласъ его услышите, не ожесточите сердецъ вашихъ, якоже въ прогнѣваніи, во дни искушенія въ пустыни, идѣже искусиша мя отцы ваши, искусиша мя, и видѣша дѣла моя четыредесять лѣтъ. Сего ради негодовахъ рода того, и рѣхъ: присно заблуждаютъ сердцемъ: тіи же не познаша путей моихъ, яко кляхся во гнѣвѣ моемъ, аще внидутъ въ покой мой*,—(апостолъ) говоритъ далѣе: *блюдите, братіе, да не когда будетъ въ нѣкоемъ отъ васъ сердце лукаво невѣрія, во еже отступити отъ Бога жива* (ст. 12). Невѣріе бываетъ отъ жестокости. Какъ отвердѣвшія и грубыя тѣла не уступаютъ

усиліямъ врачей, такъ и ожесточившіяся души не повинуются слову Божію. Вѣроятно, между ними были невѣровавшіе въ истину сказаннаго; потому онъ и говоритъ: *блюдите, да не когда будетъ въ нѣкоемъ отъ васъ сердце лукаво невѣрія, во еже отступити отъ Бога жива.* Такъ какъ рѣчь о будущемъ принимается не съ такимъ убѣжденіемъ, какъ рѣчь о прошедшемъ, то онъ напоминаетъ имъ объ историческихъ событіяхъ, въ которыхъ также недоставало вѣры. Если, говоритъ, отцы ваши, не уповая такъ, какъ должно было уповать, потерпѣли такія бѣдствія, то тѣмъ болѣе (потерпите) вы, потому что и къ нимъ относится сказанное. Слово: *днесь* означаетъ: *всегда*, пока стоитъ міръ. *Но утѣшайте себе на всякъ день, дондеже днесь нарицается,* т. е. назидайте другъ друга, исправляйте себя, чтобы (и съ вами) не случилось того же. *Да не ожесточится нѣкто отъ васъ лестію грѣховною* (ст. 13).

2. Видишь ли, что грѣхъ производитъ невѣріе? Какъ невѣріе бываетъ причиною порочной жизни, такъ и наоборотъ, когда душа нисходитъ во глубину золъ, то она дѣлается непослушною, а сдѣлавшись непослушною, не хочетъ и вѣрить, чтобы заглушить въ себѣ страхъ. *И рѣша,* говоритъ (Писаніе), *не узритъ Господь, ниже уразумѣетъ Богъ Іаковль* (Псал. хсш, 7); и еще: *устны наша при насъ суть: кто намъ Господь есть* (Псал. хі, 5)? и еще: *чего ради прогнѣва нечестивый Бога* (Псал. іх, 34)? и еще: *рече безуменъ въ сердцѣ своемъ: нѣсть Богъ. Растлѣша и омерзишася въ начинаніихъ* (Псал. хш, 1); и еще: *нѣсть страха Божія предъ очима его*; и еще: *улсти предъ нимъ обрѣсти беззаконіе свое, и возненави-* 56
дѣти (Псал. хххv, 2, 3). И Христосъ выражаетъ то же самое, когда говоритъ: *всякъ дѣлаяй злая ненавидитъ свѣта, и не приходитъ къ свѣту* (Іоан. ш, 20). Затѣмъ (апостолъ) продолжаетъ: *причастницы бо быхомъ Христу* (ст. 14). Что значитъ: *причастницы быхомъ Христу?* Мы сдѣлались, говоритъ, причастными Ему; мы и Онъ стали одно; Онъ—Глава, а мы—тѣло Его, сонаслѣдники и сотѣлесники; мы одно тѣло съ Нимъ, отъ плоти Его и отъ костей Его. *Аще точію начатокъ состава даже до конца извѣстенъ удержимъ.* Что значитъ: *начатокъ состава?* Говоритъ здѣсь о вѣрѣ, которою мы существуемъ, и рождены, и сдѣлались, такъ сказать, единымъ существомъ (съ Нимъ). Потомъ присовокупляетъ: *внегда глаголетъ: днесь аще гласъ его услышите, не ожесточите сердецъ вашихъ, якоже въ прогнѣваніи* (ст. 15). Здѣсь онъ дѣлаетъ переходъ; а далѣе говоритъ такъ: *да убоимся убо, да не когда оставлену обѣтованію внити въ покой его, явится кто отъ васъ лишився. Ибо намъ благовѣствовано есть, якоже и онѣмъ* (іv, 1, 2). *Внегда глаголетъ: днесь аще гласъ его услышите.* Тутъ—*днесь* значитъ: всегда.

Потомъ присовокупляетъ: *но не пользова онѣхъ слово слуха, нерастворенное вѣрою слышавшихъ* (ст. 2),—объясняя, почему слово не принесло имъ пользы, именно потому они не получили пользы, что не приложили (своей вѣры). Далѣе желая устрашить ихъ, выражаетъ то же самое въ слѣдующихъ словахъ: *нѣцыи бо слышавше прогнѣваша, но не вси изшедшіи изъ Египта съ Моисеомъ. Коихъ же негодова четыредесять лѣтъ? Не согрѣшившихъ ли, ихже кости падоша въ пустыни? Которымъ же клялся не внити въ покоище его, явѣ, яко противлшимся? И видимъ, яко не возмогоша внити за невѣрствіе* (ш, 16—19). Повторивъ свидѣтельство, онъ присоединяетъ вопросъ, чтобы сдѣлать слова свои ясными. *Глаголетъ*, говоритъ, *днесь аще гласъ его услышите, не ожесточите сердецъ вашихъ, якоже въ прогнѣваніи*. О какихъ же ожесточившихся онъ напоминаетъ, о какихъ невѣровавшихъ? Не объ іудеяхъ ли? Смыслъ словъ его слѣдующій: и тѣ слышали, говоритъ, какъ мы слышимъ, но не получили никакой пользы. Итакъ, не думайте, что получите пользу отъ одного слышанія проповѣди; и тѣ слышали, но не получили никакой пользы, потому что не вѣровали. А Халевъ и Іисусъ (Навинъ), которые не смѣшались съ невѣровавшими, т. е. не были согласны, избѣгли наказанія, постигшаго ихъ. И, вотъ, что замѣчательно: не сказано: не согласились, но: не смѣшались, т. е. не приняли участія въ возмущеніи, тогда какъ всѣ прочіе единогласно возстали. Здѣсь, мнѣ кажется, (апостолъ) намекаетъ на какое-нибудь смятеніе. *Входимъ бо*, говоритъ, *въ покой вѣровавшіи* (ст. 3). Потомъ подтверждаетъ это, присовокупляя: *якоже рече: яко кляхся во гнѣвѣ моемъ, аще внидутъ въ покой мой, аще и дѣломъ отъ сложенія міра бывшимъ*. Такъ какъ иной могъ сказать, что эти (слова) показываютъ не то, что мы войдемъ, а что они не вошли, то какъ поступаетъ (апостолъ)? Сначала онъ старается показать, что какъ первый покой не препятствовалъ другому называться покоемъ, такъ и
57 этотъ не препятствуетъ покою небесному; а потомъ желаетъ показать, что (іудеи) не достигли покоя. А что онъ дѣйствительно такъ говоритъ, видно изъ слѣдующаго прибавленія: *рече бо негдѣ о седмомъ сице: и почи Богъ въ день седмый отъ всѣхъ дѣлъ своихъ: и въ семъ паки: аще внидутъ въ покой мой* (ст. 4, 5). Видишь, какъ первый не препятствовалъ быть второму покою? *Понеже убо*, говоритъ, *остается нѣкіимъ внити въ него, и имже прежде благовѣствовано бѣ, не внидоша за непослушаніе: паки нѣкій уставляетъ день, днесь, въ Давидѣ глаголя: по толицѣхъ лѣтѣхъ, якоже прежде глаголася* (ст. 6, 7). Что означаютъ эти слова? Такъ какъ кто-нибудь, говоритъ, непремѣнно долженъ войти, а тѣ не вошли, то (Богъ) опредѣляетъ иной третій покой. А что должно

войти и кто-нибудь непремѣнно войдетъ, это онъ, послушаемъ, какимъ образомъ доказываетъ. (Доказываетъ) тѣмъ, что *по толицѣхъ лѣтѣхъ* Давидъ опять говоритъ: *днесь, аще гласъ его услышите, не ожесточите сердецъ вашихъ, якоже въ прогнѣваніи: аще бо бы онѣхъ Іисусъ упокоилъ, не бы о иномъ дни глаголалъ по сихъ* (ст. 7, 8). Очевидно, онъ говоритъ такъ потому, что кто-нибудь получитъ будущее воздаяніе. *Убо оставлено есть и еще субботство людемъ Божіимъ* (ст. 9). Откуда это видно? Изъ заповѣди: *не ожесточите сердецъ вашихъ.* Если бы не было иного субботства, то имъ не было бы заповѣдано и не было бы повелѣно не дѣлать того же, чтобы и не потерпѣть того же, если бы ихъ не ожидала такая же участь. Какъ же могли бы потерпѣть такую же участь обладающіе Палестиною, если бы не было никакого другого покоя?

3. Хорошо (апостолъ) заключилъ рѣчь; не сказалъ: покой, но: *субботство*, употребилъ собственно такое названіе, которое радовало его слушателей и нравилось имъ. А подъ субботствомъ онъ разумѣетъ царство. Какъ въ субботу повелѣно было воздерживаться отъ всѣхъ злыхъ дѣлъ и заниматься одними только дѣлами служенія Богу, которыя были совершаемы священниками и доставляли пользу душѣ, и ничѣмъ другимъ,—такъ (будетъ) и тогда. Впрочемъ, онъ сказалъ не такъ, а какъ? *Вшедый бо въ покой его, и той почи отъ дѣлъ своихъ, якоже отъ своихъ Богъ* (ст. 10). Какъ Богъ почилъ, говоритъ, отъ дѣлъ своихъ, такъ (почиваетъ) и вшедшій въ покой Его. Такъ какъ онъ говорилъ имъ о покоѣ, и весьма было желательно услышать, когда будетъ этотъ покой, то онъ и заключаетъ рѣчь такимъ образомъ.

Слово: *днесь* сказалъ онъ для того, чтобы они никогда не теряли надежды. *Утѣшайте*, говоритъ, *себе на всякъ день, дондеже днесь нарицается,*—т. е. согрѣшитъ ли кто, пусть имѣетъ надежду, доколѣ есть *днесь.* Пусть никто не отчаивается, пока находится въ живыхъ. Особенно же, говоритъ, *да не будетъ сердце лукаво невѣрія;* если же и будетъ, то пусть никто не отчаивается, но исправляетъ себя, потому что, пока мы находимся въ этомъ мірѣ, *днесь* имѣетъ мѣсто. Здѣсь онъ говоритъ не только о невѣріи, но и о ропотѣ. *Ихже кости*, говоритъ, *падоша въ пустыни.* Потомъ, чтобы кто не подумалъ, что тогда просто только не будетъ даровано покоя, онъ присовокупляетъ и наказаніе, говоря: *живо бо слово Божіе, и дѣйственно, и острѣйше паче всякаго меча обоюду остра, и проходяще даже до раздѣленія души же и духа, членовъ же и мозговъ, и судительно помышленіемъ и мыслемъ сердечнымъ* (ст. 12). 58
Здѣсь онъ говоритъ о гееннѣ и наказаніи. Слово Божіе, говоритъ, проходитъ до сокровенныхъ (убѣжищъ) нашего сердца и

проникаетъ душу. Здѣсь будетъ уже не паденіе костей, не лишеніе земли, какъ тамъ, но (потеря) царства небеснаго и преданіе вѣчной гееннѣ, безконечному наказанію и мученію. *Но утѣшайте себе.* Замѣть кротость и доброту его; не сказалъ: укоряйте, но: *утѣшайте.* Такъ намъ должно поступать съ удрученными скорбію! То же онъ говоритъ и въ посланіи къ Солунянамъ: *вразумляйте безчинныя*; относительно же малодушныхъ не такъ,— но какъ?—*утѣшайте малодушныя, заступайте немощныя, долготерпите ко всѣмъ* (1 Сол. v, 14). Что значитъ: *утѣшайте?* Иначе сказать: не лишайте надежды, не приводите въ отчаяніе, потому что кто не утѣшаетъ удрученнаго скорбію, тотъ приводитъ его въ большее ожесточеніе. *Да не ожесточится нѣкто отъ васъ лестію грѣховною.* Здѣсь онъ или разумѣетъ обольщеніе отъ діавола,—потому что поистинѣ обольщеніе—не ожидать ничего въ будущемъ, думать, что наши дѣла не подлежатъ отчету, что мы не потерпимъ наказанія за здѣшнія дѣла свои, и что не будетъ воскресенія,—или же здѣсь лесть означаетъ беззаботность или отчаяніе,—потому что въ самомъ дѣлѣ обольщеніе—говоритъ: что мнѣ остается? я однажды согрѣшилъ и не имѣю надежды исправиться. Далѣе (апостолъ) внушаетъ имъ надежду: *причастницы бо,* говоритъ, *быхомъ Христу,*—какъ бы такъ говоритъ: Тотъ, кто столько возлюбилъ насъ, удостоилъ насъ такихъ благъ, что содѣлалъ насъ своимъ тѣломъ, не презритъ погибающихъ. Помыслимъ, говоритъ, чего мы удостоились: мы и Христосъ—едино. Не будемъ же питать невѣрія къ Нему. Здѣсь онъ опять намекаетъ на то, что сказалъ въ другомъ мѣстѣ: *аще терпимъ, съ нимъ и воцаримся* (2 Тим. II, 12); это именно означаютъ слова: *причастницы быхомъ,* т. е. мы имѣемъ участіе въ томъ, что принадлежитъ Христу. Онъ заимствуетъ убѣжденія то отъ предметовъ пріятныхъ: *причастницы,* говоритъ, *быхомъ Христу,* то отъ прискорбныхъ: *да убоимся убо, да не когда оставлену обѣтованію внити въ покой Его, явится кто отъ васъ лишився,*—потому что это достовѣрно и извѣстно. *Искусиша мя,* говоритъ, *и видѣша дѣла моя четыредесять лѣтъ.* Видишь, что не должно требовать отчета отъ Бога, но вѣровать Ему, спасаетъ ли Онъ отъ бѣдствій, или нѣтъ? И тѣхъ онъ укоряетъ теперь за то, что они искушали Бога. Вѣдь тотъ, кто желаетъ получить доказательства силы, или промышленія, или попеченія (Божія), еще не вѣруетъ, что Онъ всемогущъ и человѣколюбивъ. На это (апостолъ) намекаетъ и въ настоящемъ посланіи, такъ какъ они, быть можетъ, желали получить удостовѣреніе и доказательство Его силы и промышленія о нихъ въ искушеніяхъ. Видишь, какъ отъ невѣрія всегда происходятъ раздраженіе и гнѣвъ? Что же

онъ говоритъ (далѣе)? *Убо оставлено есть субботство людемъ Божіимъ*. Замѣть, каковъ порядокъ всей его рѣчи. (Богъ) поклялся, говоритъ, древнимъ, что они не войдутъ въ покой,—и они не вошли. Потомъ, спустя много времени послѣ нихъ, обращаясь къ іудеямъ, сказалъ: *не ожесточите сердецъ вашихъ, якоже отцы ваши*. Отсюда видно, что есть другой покой, потому что не о Палестинѣ здѣсь говорится,—они уже владѣли ею, — и не о седьмомъ днѣ,—рѣчь не объ этомъ днѣ, бывшемъ уже давно. Слѣдовательно, онъ указываетъ на нѣкоторый иной, истинный покой.

4. Дѣйствительно, это такой покой, въ которомъ нѣтъ ни болѣзни, ни печали, ни воздыханія, въ которомъ нѣтъ ни заботъ, 59
ни трудовъ, ни скорбей, ни страха, поражающаго и потрясающаго душу, но есть одинъ страхъ Божій, исполненный радости. Тамъ не слышатся слова: *въ потѣ лица твоего снѣси хлѣбъ твой*, и: *тернія и волчцы возраститъ тебѣ* (Быт. III, 18, 19); нѣтъ тамъ терній и волчцовъ; не слышится: *въ болѣзнехъ родиши чада* и: *къ мужу твоему обращеніе твое, и той тобою обладати будетъ* (Быт. III, 16). Все тамъ—миръ, радость, веселіе, сладость, благость, кротость, правда, любовь. Нѣтъ там ни зависти, ни ненависти, ни болѣзни, ни этой смерти тѣлесной, ни той—душевной, ни мрака, ни ночи; все тамъ день, все—свѣтъ, все—наслажденіе; нѣтъ ни утомленія, ни пресыщенія, но будетъ постоянное желаніе тѣхъ же благъ. Хотите, чтобы я представилъ вамъ нѣкоторое изображеніе тамошняго состоянія? Это невозможно; впрочемъ, постараюсь изобразить вамъ его, сколько возможно. Обратимъ взоры на небо, когда оно, не омрачаемое никакимъ облакомъ, являетъ намъ вѣнецъ свой; потомъ, послѣ долговременнаго созерцанія красоты его, представимъ, что и подъ нами будетъ не такая земля, какая теперь, но во столько разъ лучшая, во сколько золотой кровъ лучше глиняныхъ; представимъ далѣе слѣдующій затѣмъ еще высшій кровъ, потомъ ангеловъ, архангеловъ, неисчислимые сонмы безплотныхъ силъ, самое царское жилище Бога, престолъ Отца. Но невозможно, какъ я сказалъ, изобразить всего словомъ; нужно испытать и познать опытомъ. Скажите мнѣ: какъ, полагаете, жилъ Адамъ въ раю? А та жизнь будетъ во столько разъ лучше этой жизни, во сколько небо лучше земли. Но поищемъ другого сравненія. Если бы случилось царствующему нынѣ овладѣть всею вселенною, затѣмъ не имѣть безпокойствъ ни отъ войнъ, ни отъ заботъ, а только принимать почести и наслаждаться, окружать себя множествомъ копьеносцевъ, отовсюду получать потоки золота, и быть въ славѣ, то въ какомъ состояніи, думаете вы, была бы душа его, если бы онъ увидѣлъ, что войны прекратились по всей землѣ? Нѣчто подобное будетъ

и тогда. Впрочемъ и это еще не даетъ намъ достаточнаго из-
60 ображенія (будущей жизни); потому надобно поискать другого (сравненія). Представь, что царскому дитяти, которое, доколѣ находится въ утробѣ, ничего не чувствуетъ, случилось бы, вышедши оттуда, внезапно вступить на царскій престолъ и не постепенно, а вдругъ получить все. Таково будетъ и тогдашнее состояніе. Или (оно будетъ подобно состоянію) узника, который, потерпѣвъ множество золъ, вдругъ былъ бы возведенъ на царскій престолъ. Но и такимъ образомъ мы еще не представляемъ точнаго изображенія, потому что здѣсь, какія бы кто ни получилъ блага, хотя бы самое царство, въ первый день чувствуетъ живую радость, и во второй, и въ третій, съ теченіемъ же времени, хотя радость еще остается, но не такая, отъ привычки она всегда уменьшается, какова бы ни была; а тамъ (радость) не только не уменьшается, но еще увеличивается. Подумай же, какова она будетъ, когда душа, отшедши отсюда, не станетъ ожидать ни прекращенія, ни измѣненія тѣхъ благъ, а напротивъ приращенія, и (наслаждаться) жизнію, не имѣющею конца, свободною отъ всякой опасности, отъ всякой заботы и скорби, исполненною удовольствій и безчисленныхъ благъ. Если мы, вышедши въ поле и увидѣвъ тамъ палатки воиновъ, одѣтыя покровами, и копья, и шлемы, выпуклости щитовъ, сіяющія блескомъ, приходимъ въ восхищеніе отъ такого зрѣлища; если, удостоившись при томъ увидѣть и царя, шествующаго посреди ихъ, или скачущаго на конѣ съ золотымъ оружіемъ, думаемъ, что мы достигли всего,—то что, полагаешь ты, будетъ тогда, когда ты увидишь вѣчные кровы святыхъ, утвержденные на небѣ,—вѣдь сказано: *пріимутъ вы въ вѣчныя* ихъ *кровы* (Лук. XVI, 9),—когда увидишь, что каждый сіяетъ свѣтлѣе солнечныхъ лучей, не отъ мѣди и желѣза, но отъ той вѣчной славы, которой блеска не можетъ видѣть глазъ человѣческій? И это будетъ съ людьми; а что сказать о тьмахъ ангеловъ, архангеловъ, херувимовъ, серафимовъ, престоловъ, господствъ, началъ, властей, которыхъ красота неизъяснима и превосходитъ всякое представленіе? Впрочемъ, доколѣ мнѣ усиливаться изображать непостижимое? *Око не видѣ,* говоритъ (апостолъ), *и ухо не слыша, и на сердце человѣку не взыдоша, яже уготова Богъ любящимъ его* (1 Кор. II, 9). Потому нѣтъ достойнѣе сожалѣнія тѣхъ, которые лишаются этихъ благъ, и блаженнѣе тѣхъ, которые получаютъ ихъ. Да сподобимся же и мы быть въ числѣ этихъ блаженныхъ, чтобы намъ получить вѣчныя блага во Христѣ Іисусѣ Господѣ нашемъ, съ Которымъ Отцу со Святымъ Духомъ слава, держава, честь, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА VII.

**Потщимся убо внити во оный покой, да не кто въ ту- 59—60
же притчу противленія впадетъ. Живо бо слово Божіе
и дѣйственно, и острѣйше паче всякаго меча обоюду
остра, и проходящее даже до раздѣленія души же и
духа, членовъ же и мозговъ, и судительно помышле-
ніемъ и мыслемъ сердечнымъ: и нѣсть тварь неявлена
предъ нимъ, вся же нага и объявлена предъ очима его,
къ нему же намъ слово (Евр. IV, 11—13).**

1. Великое и спасительное дѣло—вѣра; безъ пей спастись невозможно. Но она не можетъ доставить (спасенія) сама по себѣ, а нужна и правая жизнь. Потому Павелъ и предлагаетъ людямъ, уже сподобившимся таинствъ, такое увѣщаніе: *потщимся внити во оный покой. Потщимся*, говоритъ, потому что (одна) вѣра недостаточна, а нужно присоединить и (добрую) жизнь, нужно имѣть великое тщаніе. Подлинно, намъ нужно великое тщаніе, чтобы взойти на небо. Вѣдь если не удостоились (обѣтованной) земли потерпѣвшіе столько бѣдствій въ пустынѣ, если они не могли получить земли, потому что роптали и предавались блудодѣянію, то какъ можемъ мы удостоиться небесъ, живя разсѣянно и безпечно? Потому намъ необходимо великое тщаніе. И смотри, не ту только (апостолъ) представляетъ опасность, что иначе мы не войдемъ (въ покой),—не сказалъ: *потщимся внити въ покой*, чтобы не лишиться 61
такихъ благъ,— но присовокупилъ то, что особенно трогаетъ людей. Что же именно? *Да не кто въ тужс притчу противленія впадетъ*,—т. е. мы должны устремлять туда умъ, надежду, ожиданіе, чтобы не пасть такимъ же образомъ. Примѣръ (іудеевъ) показываетъ, что мы можемъ пасть. *Да не въ туже притчу*, говоритъ онъ; а далѣе, чтобы ты, услышавъ выраженіе: *въ туже*, не подумалъ, будто наказаніе намъ будетъ то же самое, послушай, что онъ присовокупляетъ: *живо бо слово Божіе и дѣйственно, и острѣйше паче всякаго меча обоюду остра, и проходящее даже до раздѣленія души же и духа, членовъ же и мозговъ, и судительно помышленіемъ и мыслемъ сердечнымъ*. Здѣсь онъ внушаетъ, что и (въ древности) дѣйствовало то же слово Божіе, что оно живетъ и не погибло. Потому, когда слышишь сказанное о словѣ, не думай о простомъ словѣ: оно *острѣйше*, говоритъ, *паче меча*. Замѣть, какое онъ дѣлаетъ приспособленіе, и отсюда научись, для чего и пророки имѣли нужду говорить объ оружіи, о лукѣ и мечѣ. *Аще не обратитеся*, говоритъ (Псалмопѣвецъ), *оружіе свое*

очистить, лукъ свой напряже, и уготова и (Псал. VII, 13). Если теперь, послѣ столь долгаго времени и такого преспѣянія, (апостолъ) не можетъ тронуть однимъ именемъ слова, но имѣетъ нужду въ этихъ выраженіяхъ, чтобы сильнѣе представить сравненіе, то тѣмъ болѣе они нужны были тогда. *Проходящее,* говоритъ, *даже до раздѣленія души же и духа.* Что это значитъ? Онъ выражаетъ нѣчто страшное: или то, что оно отдѣляетъ духъ отъ души, или то, что оно проникаетъ самыя безтѣлесныя существа, не такъ, какъ мечъ, который (пронзаетъ) только тѣло. Онъ показываетъ здѣсь, что оно и душу наказываетъ, и внутреннѣйшее испытуетъ, и проникаетъ совершенно всего человѣка. *И судительно помышленіемъ и мысленъ сердечнымъ. И нѣсть тварь неявлена предъ нимъ.* Этимъ онъ особенно устрашаетъ ихъ. А смыслъ словъ его слѣдующій: если, говоритъ, вы стоите въ вѣрѣ, но еще не съ полнымъ убѣжденіемъ, то не предавайтесь спокойствію; оно судитъ сокровенное въ сердцѣ, потому что проходитъ и туда, чтобы испытывать и наказывать. Но что я говорю, продолжаетъ онъ, о людяхъ? Хотя бы ты указалъ на ангеловъ, архангеловъ, херувимовъ, серафимовъ и на какія бы то ни было сотворенныя существа,—все открыто предъ очами Его, все явно и ясно, ничто не можетъ укрыться отъ Него. *Вся же нага и объявлена предъ очима его, къ нему же намъ слово. Объявлена* (τετραχηλισμένα), сказалъ онъ, заимствовавъ это переносное выраженіе отъ кожъ, снимаемыхъ съ закалаемыхъ жертвъ. Когда кто-нибудь, заклавъ жертву, снимаетъ съ животнаго кожу, тогда всѣ внутренности открываются и дѣлаются видными для нашихъ глазъ: такъ и предъ Богомъ открыто все. Замѣть, какъ часто (апостолъ) употребляетъ вещественные образы; это зависѣло отъ немощи слушателей. А что они были немощны, это онъ выразилъ, когда назвалъ ихъ *медлительными* (V, 11) и имѣющими нужду въ молокѣ, а не въ твердой пищѣ. *Вся же нага и объявлена предъ очима его, къ нему же намъ слово.* Что же значитъ: *въ тужде притчу противленія?* Здѣсь онъ какъ бы объясняетъ причину, почему (іудеи) не уви-
62 дѣли земли. Они, говоритъ, получили залогъ силы Божіей, но, тогда какъ слѣдовало вѣровать, предались болѣе страху, не помыслили ничего высокаго о Богѣ, впали въ малодушіе, и такимъ образомъ погибли. Можно сказать и нѣчто другое, именно: они, совершивъ большую часть пути и будучи уже при самыхъ вратахъ, у самой пристани, потерпѣли кораблекрушеніе. Того же, говоритъ (апостолъ), я опасаюсь и за васъ. Вотъ что означаютъ слова: *въ тужде притчу противленія.* А что и они много терпѣли, объ этомъ онъ свидѣтельствуетъ послѣ, когда говоритъ имъ: *воспоминайте первыя дни, въ нихже просвѣтившеся, многъ подвигъ*

претерпѣсте страданій (x, 32). Итакъ, пусть никто не предается, малодушію, не отчаивается при концѣ подвига и не падаетъ. А есть, подлинно есть такіе люди, которые сначала съ живою ревностію устремляются на подвиги, потомъ же, не желая приложить къ нимъ немногаго, теряютъ все. Предки ваши, говоритъ, достаточно могутъ научить васъ не впадать въ то же, чтобы не потерпѣть того же, что потерпѣли они. Это означаютъ слова: *въ туже притчу противленія*. Итакъ, говоритъ, не будемъ ослабѣвать, какъ онъ говоритъ имъ и въ концѣ: *тѣмже ослабленныя руки и ослабленная колѣна исправите* (Евр. xii, 12). *Да не кто*, говоритъ, *въ туже притчу противленія впадетъ;* а это поистинѣ значитъ—пасть. Потомъ, чтобы ты, услышавъ: *въ туже притчу противленія впадетъ*, не разумѣлъ здѣсь той же смерти, какой подверглись тѣ (іудеи), смотри, что говоритъ онъ: *живо бо слово Божіе и дѣйственно, и острѣйше паче всякаго меча обоюду остра*. Слово сильнѣе всякаго меча поражаетъ души такихъ людей, наноситъ тяжкіе удары, причиняетъ смертельныя раны. И ни доказывать это, ни подтверждать (апостолъ) не имѣетъ нужды, представляя столь ясныя событія. Какая въ самомъ дѣлѣ война, говоритъ, какой мечъ погубилъ тѣхъ (іудеевъ)? Не пали ли они просто сами собою? Итакъ, не будемъ предаваться безпечности потому, что мы еще не потерпѣли того же: *дондеже днесь нарицается*, намъ нужно быть осторожными. Но высказавъ такія (дѣйствія слова) на душу, чтобы слушатели не остались безпечными, онъ присовокупляетъ и (дѣйствія его) на тѣло; подобно тому, какъ царь поступаетъ съ начальниками, совершившими важныя преступленія, — сперва лишаетъ ихъ военачальства, потомъ снимаетъ съ нихъ поясъ и званіе, и наконецъ, призвавъ глашатая, наказываетъ ихъ,—такъ дѣйствуетъ и мечъ духовный. Послѣ этого, чтобы сдѣлать слова свои болѣе поразительными, бесѣдуетъ о Сынѣ и говоритъ: *къ нему намъ слово*, т. е. Ему мы отдадимъ отчетъ въ дѣлахъ. Итакъ, не будемъ падать и предаваться малодушію. Сказаннаго достаточно для вразумленія; но онъ не довольствуется этимъ, а присовокупляетъ еще слѣдующее: *имуще убо архіереа велика, прошедшаго небеса, Іисуса Сына Божія* (ст. 14).

2. А что дѣйствительно съ такою цѣлію онъ сказалъ это, видно изъ дальнѣйшаго: *не имамы бо*, прибавляетъ онъ, *архіереа не могуща спострадати немощемъ нашимъ* (ст. 15). Для того же онъ и выше сказалъ: *въ немже бо пострада, самъ искушенъ бывъ, можетъ и искушаемымъ помощи* (Евр. II, 18). Смотри, какъ и здѣсь онъ дѣлаетъ то же самое. Смыслъ словъ его слѣдующій: (Христосъ) прошелъ тѣмъ же путемъ, которымъ мы идемъ теперь, 63

или даже труднѣйшимъ; Онъ испыталъ все человѣческое. Когда (апостолъ) сказалъ: *нѣсть тварь неявлена предъ Нимъ*, то указываетъ на божество; а когда сталъ говорить о плоти Его, то опять говоритъ нѣчто уничиженное: *имуще убо*, говоритъ, *архіерея велика, прошедшаго небеса;* показываетъ великое Его попеченіе (о людяхъ), о которыхъ Онъ ходатайствуетъ, какъ о своихъ, и не хочетъ, чтобы они падали. Моисей, говоритъ, не вошелъ въ покой, а Онъ вошелъ; и какимъ образомъ, это я объясню. Впрочемъ не удивительно, что (апостолъ) нигдѣ прямо не выразилъ этого: онъ или для того, чтобы (евреи) не думали искать себѣ оправданія, включилъ (Моисея) въ число другихъ, или для того, чтобы не подумали, будто онъ порицаетъ этого мужа, не выразился ясно,—потому что если они, хотя онъ не сказалъ ничего подобнаго, обвиняли его, будто онъ говоритъ противъ Моисея и закона, то гораздо болѣе стали бы обвинять, если бы онъ сказалъ, что (покой есть) не Палестина, а небо. Впрочемъ онъ не все приписываетъ Первосвященнику, но требуетъ нѣкотораго дѣла и отъ насъ, именно: исповѣданія. *Имуще убо*, говоритъ, *архіерея велика, прошедшаго небеса, Іисуса Сына Божія, да держимся исповѣданія.* О какомъ исповѣданіи говоритъ онъ? (Объ исповѣданіи того), что есть воскресеніе, воздаяніе и безчисленныя блага, что Христосъ есть Богъ, что (наша) вѣра—правая: это мы должны исповѣдывать, это содержать. Истинность всего этого очевидна изъ того, что первосвященникъ вошелъ (въ небо) (Евр. IX, 24). Итакъ, будемъ исповѣдывать, чтобы намъ не отпасть; хотя этихъ благъ (здѣсь) и нѣтъ, но мы будемъ исповѣдывать; если бы они были теперь же, то были бы ложью. Истинно и то, что они отложены, потому что Первосвященникъ нашъ великъ: *не имамы бо архіерея не могуща спострадати немощемъ нашимъ.* Онъ не не знаетъ нашего состоянія, какъ многіе изъ первосвященниковъ, которые не знаютъ (не только) страждущихъ, но и того, что такое страданіе. У людей невозможно знать страданій страждущаго тому, кто самъ не испыталъ и не прочувствовалъ ихъ. А нашъ Первосвященникъ испыталъ все; для того Онъ напередъ и испыталъ все, а потомъ восшелъ, чтобы смочь сопострадать. *Но искушена по всяческимъ по подобію, развѣ грѣха.* Какъ выше (апостолъ) сказалъ: *пріискреннѣ* (Евр. II, 14), такъ и здѣсь: *по подобію*, т. е., Онъ подвергался гоненію, заплеванію, поношенію, осмѣянію, клеветѣ, изгнанію, и наконецъ распятію. *По подобію, развѣ грѣха.* Здѣсь внушаетъ и нѣчто другое, именно то, что и находящемуся въ скорби возможно быть безъ грѣха. Когда онъ говоритъ: *по подобію плоти*, то говоритъ не въ томъ смыслѣ, будто (Христосъ принялъ) подобіе плоти, а въ томъ, что Онъ принялъ плоть. Почему

же говоритъ: *по подобію?* Потому что имѣетъ въ виду грѣховную
плоть; Его плоть была подобна нашей плоти; по естеству она
была одинакова съ нашею, а въ отношеніи къ грѣху не одина-
кова. *Да приступаемъ убо съ дерзновеніемъ къ престолу благодати
Его, да пріимемъ милость, и благодать обрящемъ во благовременну
помощь* (ст. 16). О какомъ престолѣ благодати говоритъ онъ? О
царскомъ престолѣ, о которомъ сказано: *рече Господь Господеви моему:
сѣди одесную мене, дондеже положу враги твоя подножіе ногъ твоихъ*
(Псал. сіх, 1). Онъ какъ бы такъ говоритъ: будемъ приступать
съ дерзновеніемъ, потому что мы имѣемъ безгрѣшнаго Перво-
священника, побѣждающаго вселенную: *дерзайте*, сказалъ Онъ,
яко Азъ побѣдихъ міръ (Іоан. xvi, 33); это значитъ—потерпѣть все
и быть чистымъ отъ грѣховъ. Но, скажете, если мы находимся
подъ грѣхомъ, а Онъ безгрѣшенъ, то какъ мы будемъ приступать 64
къ Нему съ дерзновеніемъ? Такъ, что (престолъ Его) теперь есть
престолъ благодати, а не суда.

Для того и будемъ приступать съ дерзновеніемъ, чтобы по-
лучить милость, которой мы желаемъ; а это (желаемое нами)
есть именно Его милость и царскій даръ. *И благодать обрящемъ
во благовременну помощь.* Хорошо сказалъ: *во благовременну помощь.*
Если, говоритъ, приступишь теперь, то получишь и благодать и
милость, потому что приступишь благовременно; а если присту-
пишь тогда, то уже не получишь, потому что тогда приступать
будетъ неблаговременно; тогда (престолъ Его) уже не будетъ
престоломъ благодати. Престолъ благодати существуетъ дотолѣ,
пока сидитъ на немъ Царь, подающій благодать; а когда насту-
питъ кончина, тогда Онъ встанетъ на судъ, потому что сказано:
воскресни Боже, суди земли (Псал. lxxxi, 8). Можно (здѣсь) сказать
и нѣчто другое: *да приступаемъ*, говоритъ, *съ дерзновеніемъ*, т. е.,
не имѣя на совѣсти ничего худого, не предаваясь сомнѣнію, по-
тому что таковой (сомнѣвающійся) не можетъ приступать съ дерз-
новеніемъ. Поэтому и въ другомъ мѣстѣ сказано: *во время пріятно
послушахъ тебе, и въ день спасенія помогохъ ти* (Ис. xlix, 8). И
теперь получаемое согрѣшающими послѣ купели (прощеніе чрезъ)
покаяніе есть дѣло благодати. А чтобы ты, услышавъ, что Онъ—
Первосвященникъ, не подумалъ, будто Онъ стоитъ (предъ Бо-
гомъ, апостолъ) здѣсь же представляетъ Его сидящимъ на пре-
столѣ; между тѣмъ священникъ не сидитъ, но стоитъ. Видишь
ли, что первосвященство Его есть слѣдствіе не существа Его, а
благодати, снисхожденія и уничиженія? Это благовременно ска-
зать теперь и намъ: будемъ приступать и просить съ дерзнове-
ніемъ, принесемъ только вѣру, и Онъ подастъ намъ все. Теперь
время дара; никто не отчаивайся. Время отчаянія тогда наста-

нетъ, когда чертогъ заключится, когда царь войдетъ видѣть возлежащихъ, когда лоно патріарха вмѣстить тѣхъ, которые будутъ того достойны; а теперь еще нѣтъ, потому что подвиги еще не кончились, борьба еще продолжается, награда еще предстоитъ.

3. Поспѣшимъ же; и Павелъ говоритъ: *азъ убо тако теку, не яко безвѣстно* (1 Кор. IX, 26). Нужно бѣжать, и неослабно бѣжать. Бѣгущій не смотритъ ни на что, встрѣчаетъ ли онъ луга, или мѣста безплодныя. Бѣгущій обращаетъ вниманіе не на зрителей, а на награду: богаты ли они или бѣдны, смѣется ли кто, или хвалитъ, поноситъ ли, бросаетъ ли камни, расхищаетъ ли домъ его, увидитъ ли онъ дѣтей, или жену, или что бы то ни было,—онъ никогда не обращается назадъ, но заботится только объ одномъ—бѣжать и получить награду. Бѣгущій не останавливается нигдѣ,—потому что, если покажетъ хотя малое нерадѣніе, то потеряетъ все. Бѣгущій не только не ослабѣваетъ предъ концемъ (бѣга), но тогда и старается бѣжать съ особенною силою. Это я сказалъ противъ тѣхъ, которые говорятъ: въ юности мы подвизались, въ юности мы постились, а теперь состарѣлись. Теперь-то особенно и нужно усилить благочестіе. Не исчисляй мнѣ своихъ старыхъ подвиговъ; но теперь особенно и будь юнымъ и цвѣтущимъ. Кто занимается тѣлесными подвигами, тотъ дѣйствительно, доживъ до сѣдины, уже не можетъ бѣжать попрежнему, потому что весь подвигъ его былъ тѣлесный.

Но ты почему уменьшаешь подвиги? Здѣсь нужна душа, бодрая душа; а душа въ старости укрѣпляется,—тогда она болѣе
65 цвѣтетъ, тогда болѣе возвышается. Какъ тѣло, когда бываетъ одержимо горячкою и другими болѣзнями, хотя бы оно и было крѣпко, изнуряется, а когда освободится отъ этой напасти, то опять пріобрѣтаетъ свою силу, такъ и душа, въ юности бываетъ одержима горячкою, ею тогда особенно обладаетъ любовь къ славѣ, къ пресыщенію, къ сладострастнымъ наслажденіямъ и многимъ другимъ обольщеніямъ; когда же наступаетъ для нея старость, тогда всѣ эти страсти отгоняются, одни временемъ, другія любомудріемъ. Старость, ослабляя силы тѣла, препятствуетъ и душѣ (старцевъ) предаваться страстямъ, хотя бы она и желала, но укрощая ихъ, какъ какихъ-нибудь враговъ, поставляетъ ее на мѣстѣ, свободномъ отъ волненій, производитъ въ ней великую тишину и внушаетъ великій страхъ, такъ какъ если не кто другой, то старцы знаютъ, что они умрутъ и, всячески, стоятъ близко къ смерти. Такимъ образомъ, когда съ одной стороны возникаютъ мірскія пожеланія, а съ другой является ожиданіе судилища, укрощающее непокорность души, то она дѣлается болѣе внимательною, если захочетъ. Но не видимъ ли мы,

скажешь ты, стариковъ, которые хуже юношей? Ты указываешь мнѣ на крайнюю порочность: вѣдь и бѣсноватыхъ мы видимъ,— какъ они сами, безъ всякаго (посторонняго) толчка, бросаются въ пропасти. Такъ точно крайняя порочность, когда старикъ страдаетъ болѣзнями юношей; онъ уже не имѣетъ оправданія въ (ссылкѣ на) юность, не можетъ сказать: *грѣхъ юности моея и невѣдѣнія моего не помяни* (Псал. XXIV, 7). Оставаясь порочнымъ въ старости, онъ показываетъ, что въ юности онъ былъ такимъ не по невѣдѣнію, не по неопытности, не по (молодому) возрасту, а по нерадѣнію. Только тотъ можетъ сказать: *грѣхъ юности моея и невѣдѣнія моего не помяни*, кто поступаетъ прилично старцу, кто въ старости исправился; а кто и въ старости безчинствуетъ попрежнему, то можно ли такому человѣку и называться старцемъ, когда онъ не почитаетъ даже своего возраста? Вѣдь тотъ, кто говоритъ: *грѣхъ юности моея и невѣдѣнія моего не помяни*, говоритъ это, какъ человѣкъ, живущій въ старости правильно.

Потому дѣлами старости не лишай себя прощенія и во грѣхахъ юности. Въ самомъ дѣлѣ, не нелѣпо ли, не выходитъ ли изъ предѣловъ прощенія то, что совершается? Старецъ упивается, сидя въ корчемницахъ; старецъ спѣшитъ на конскія ристалища; старецъ приходитъ на зрѣлища, бѣгая съ толпою, какъ дитя! Поистинѣ стыдно и смѣшно—по наружности украшаться сѣдиною, а внутри имѣть дѣтскій смыслъ. Если какой-нибудь юноша оскорбитъ его, то онъ тотчасъ ставитъ на видъ свои сѣдые волосы. Постыдись же ихъ напередъ самъ ты. Если же ты не стыдишься своей сѣдины, и при томъ будучи старцемъ, то какъ требуешь, чтобы юноша стыдился твоихъ сѣдыхъ волосъ? Ты не чтишь сѣдыхъ волосъ своихъ, а позоришь ихъ. Богъ почтилъ тебя сѣдиною, даровалъ тебѣ важное преимущество: почему же ты самъ поступаешься своею честью? Какъ станетъ почитать тебя юноша, когда ты больше его предаешься сладострастію? Сѣдина тогда почтенна, когда украшенный ею дѣйствуетъ такъ, какъ прилично сѣдинѣ; а когда онъ безчинствуетъ подобно юношамъ, тогда бываетъ смѣшнѣе юношей. Какъ можете увѣщевать юношей вы, старцы, упивающіеся до безчинія? Говорю это не съ тѣмъ, чтобы укорять старцевъ,—да не будетъ,— но (чтобы исправить) юношей, потому что поступающіе такимъ образомъ, кажется мнѣ, суть юноши, хотя бы они вступили въ сотый годъ своей жизни; равно какъ и юноши, хотя бы они были маловозрастными дѣтьми, если ведутъ себя цѣломудренно, гораздо лучше старцевъ. Не мои это слова, но Писаніе пола- 36
гаетъ между ними такое различіе: *старость бо*, говоритъ оно,

честна не многолѣтна, и возрастъ старости житіе нескверно (Прем. Сол. IV, 8, 9).

4. Мы почитаемъ сѣдину не потому, что предпочитаемъ бѣлый цвѣтъ черному, но потому, что она—знакъ добродѣтельной жизни; взирая на нее, мы заключаемъ отъ ней къ сѣдинѣ внутренней. Потому тѣ, которые совершаютъ дѣла, недостойныя сѣдины, становятся еще болѣе смѣшными. Мы почитаемъ царя, и его багряницу и діадему, потому что онѣ—знаки власти; если же увидимъ, что онъ вмѣстѣ съ багряницею подвергается безчестію, оскорбляется оруженосцами, притѣсняется, ввергается въ темницу, терзается, то, скажи мнѣ, будемъ ли мы почитать багряницу его и діадему? Не будемъ ли напротивъ оплакивать самое его украшеніе? Такъ и ты не требуй себѣ почтенія ради сѣдины, когда самъ подвергаешь ее безчестію; она вѣдь тоже можетъ потребовать отъ тебя отчета за то, что ты позоришь столь свѣтлое и достоуважаемое украшеніе. Не о всѣхъ мы говоримъ это и не просто противъ старости направляемъ рѣчь свою, — я не забылся до такой степени, — но противъ юныхъ душъ, позорящихъ старость; не о старцахъ мы съ прискорбіемъ это говоримъ, но о тѣхъ, которые безчестятъ свою сѣдину. Старецъ есть царь, если захочетъ быть имъ, и даже царь болѣе облеченнаго въ багряницу, если повелѣваетъ страстями, если низводитъ страсти свои въ рядъ оруженосцевъ. Если же онъ увлекается и низлагается съ престола, если становится рабомъ любостяжанія, тщеславія, щегольства, пресыщенія, пьянства, гнѣва и сладострастія, если умащаетъ волосы свои елеемъ и явно безчеститъ возрастъ своими прихотями, то какого наказанія не достоинъ такой (старецъ)? Впрочемъ не будьте такими и вы, юноши; и вамъ непростительно, когда вы грѣшите. Почему? Какъ старецъ можетъ оказаться въ юности, какъ находящіеся въ старости бываютъ юношами, такъ и наоборотъ; и какъ тамъ убѣленные волосы не спасаютъ никого, такъ и здѣсь черные волосы не служатъ препятствіемъ. Если старца безчестятъ дѣла, о которыхъ я сказалъ, то тѣмъ болѣе юношу; и юношѣ они не могутъ быть простительны. Юноша можетъ получить извиненіе, когда, призванный къ управленію дѣлами, окажется неопытнымъ, когда будетъ имѣть нужду во времени и опытѣ, но не тогда, когда онъ долженъ оказывать цѣломудріе и мужество, или когда долженъ воздерживаться отъ любостяжанія. Есть дѣла, въ которыхъ юноша осуждается болѣе старца. Этотъ имѣетъ нужду въ большемъ о себѣ попеченіи, потому что старость ослабляетъ силы его; а тотъ, имѣя силы, если захочетъ, удовлетворять своимъ потребностямъ, можетъ ли получить прощеніе, когда онъ не хочетъ

этого, когда похищаетъ болѣе старца, злопамятствуетъ, презираетъ (другихъ), не заботится (о нихъ) болѣе старца, говоритъ многое безвременно, обижаетъ, злословитъ, упивается? Если онъ думаетъ, что не можетъ быть осуждаемъ за нарушеніе цѣломудрія, то и здѣсь, смотри, какъ много имѣетъ онъ средствъ (къ его сохраненію), если захочетъ. Хотя похоть въ немъ возбу- 67
ждается сильнѣе, нежели въ старцѣ, но есть многое такое, что онъ можетъ исполнять легче старца, и укрощать этого звѣря. Что же это такое? Труды, чтеніе, всенощныя бдѣнія, посты.

Но, (скажете) для чего ты говоришь это намъ, не монахамъ? Мнѣ вы говорите это? Скажите лучше Павлу, который говоритъ: *бодрствующе* во всякомъ терпѣніи и молитвѣ (Кол. iv, 2), который говоритъ: *плоти угодія не творите въ похоти* (Рим. xiii, 14); а онъ писалъ это не монахамъ только, но всѣмъ, живущимъ въ городахъ. Мірянинъ не долженъ ничѣмъ отличаться отъ монаха, кромѣ одного только сожительства съ женою; на это онъ имѣетъ позволеніе, а на все прочее нѣтъ, но во всемъ долженъ поступать одинаково съ монахомъ. И блаженства Христовы изречены не монахамъ только; иначе все погибло бы во вселенной, и мы могли бы укорять Бога въ жестокости. Если блаженства сказаны только для однихъ монаховъ, и мірянину достигнуть ихъ невозможно, а между тѣмъ (Богъ) дозволилъ бракъ, то Онъ самъ по- 68
губилъ всѣхъ; если въ брачной жизни невозможно исполнять свойственное монахамъ, то все исказилось и погибло, кругъ добродѣтелей сталъ тѣсенъ. Какъ будетъ *честна женитьба* (Евр. xiii, 4), если она служитъ намъ такимъ препятствіемъ къ добродѣтели? Что же слѣдуетъ сказать? Возможно, очень возможно и имѣющимъ женъ быть добродѣтельными, если пожелаютъ. Какимъ образомъ? Если они, имѣя женъ, будутъ, *якоже не имущіи*, если не будутъ *радоваться* стяжаніямъ, если будутъ пользоваться міромъ, какъ не пользующіеся (1 Кор. vii, 29—31). Если же нѣкоторые находили въ бракѣ препятствіе (къ добродѣтели), то пусть они знаютъ, что не бракъ служитъ препятствіемъ, а воля, злоупотребляющая бракомъ, подобно какъ не вино производитъ пьянство, но злая воля и неумѣренное его употребленіе. Пользуйся бракомъ умѣренно, и ты будешь первымъ въ царствіи небесномъ и удостоишься всѣхъ благъ, которыхъ да сподобимся всѣ мы благодатію и человѣколюбіемъ Господа нашего Іисуса Христа, съ Которымъ Отцу со Святымъ Духомъ слава, держава, честь, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА VIII.

67 Всякъ бо первосвященникъ, отъ человѣкъ пріемлемъ, за человѣки поставляется, яже къ Богу, да приноситъ дары же и жертвы о грѣсѣхъ, спострадати могій невѣжествующимъ и заблуждающимъ, понеже и той немощію обложенъ есть: и сего ради долженъ есть якоже о людѣхъ, такожде и о себѣ приносити за грѣхи (Евр. v, 1—3).

1. Теперь блаженный Павелъ намѣревается показать, что этотъ (новый) завѣтъ гораздо лучше ветхаго. Онъ дѣлаетъ это, развивая мысли издалека. Такъ какъ (въ новомъ завѣтѣ) не было ничего вещественнаго или образнаго, какъ-то: ни храма, ни святого святыхъ, ни священника, облеченнаго въ такія украшенія, ни законныхъ обрядовъ, но все высшее и совершеннѣйшее, не было ничего тѣлеснаго, но все духовное, а духовное не такъ сильно дѣйствуетъ на людей немощнѣйшихъ, какъ тѣлесное, поэтому (апостолъ) и предлагаетъ все это ученіе. И посмотри на мудрость его: онъ начинаетъ съ перваго священника, постоянно называя его архіереемъ, и на немъ прежде всего показываетъ различіе (между новымъ и ветхимъ завѣтами). Для этого онъ сначала опредѣляетъ, что такое священникъ, показываетъ, какія свойства священника и какіе знаки священства; и такъ какъ здѣсь встрѣчалось недоумѣніе въ томъ, что (Христосъ) не былъ знатнаго рода, не происходилъ изъ священническаго колѣна и не былъ на землѣ священникомъ, и потому иные могли сказать: какой же Онъ священникъ?—то (апостолъ) поступаетъ и теперь такъ же, какъ въ посланіи къ Римлянамъ. Тамъ онъ, раскрывая неудобопонятную истину, что вѣра совершаетъ то, чего не могъ совершить трудъ законный и подвигъ жизни, и желая доказать, что казавшееся невозможнымъ исполнилось и оправдалось, указалъ на патріарха (Авраама) и всю рѣчь обратилъ къ тому времени (Рим. iv). Такъ точно и здѣсь онъ указываетъ другой путь къ священству, представляя въ примѣръ тѣхъ, которые получали его прежде. Какъ въ рѣчи о наказаніи онъ поставляетъ на видъ не только геенну, но и то, что случилось съ праотцами, такъ точно и здѣсь сначала подтверждаетъ истину предметами настоящими. Хотя слѣдовало бы доказывать земное
68 небеснымъ, но такъ какъ слушатели были немощны, то онъ дѣлаетъ наоборотъ. При этомъ онъ напередъ представляетъ то, что есть общаго (между Христомъ и священникомъ), а потомъ по-

казываетъ, въ чемъ Онъ имѣетъ преимущество, такъ какъ при сравненіи преимущество усматривается тогда, когда видно, въ чемъ сходство и въ чемъ превосходство; а если этого нѣтъ, то не можетъ быть и сравненія. *Всякъ бо первосвященникъ отъ человѣкъ пріемлемъ;* это—общее у Христа (съ священникомъ). *За человѣки поставляется, яже къ Богу;* и это общее. *Да приноситъ дары же и жертвы* за народъ; и это (общее), хотя не вполнѣ. Но остальное уже не таково. *Спострадати могій невѣжествующимъ и заблуждающимъ;* здѣсь уже преимущество. *Понеже и той немощію обложенъ есть, и сего ради долженъ есть якоже о людехъ, такожде и о себѣ приносити за грѣхи.* Далѣе присовокупляетъ еще нѣчто иное, именно, что (священникъ получаетъ священство) отъ другого, а не самъ присвояетъ его себѣ; и это — общее: *и никтоже самъ себѣ пріемлетъ честь, но званный отъ Бога, якоже и Ааронъ* (ст. 4). Здѣсь онъ предостерегаетъ отъ другого (заблужденія) и показываетъ, что (Христосъ) былъ посланъ отъ Бога. То же часто говорилъ и самъ Христосъ въ бесѣдѣ съ іудеями: *пославый мя болій мене есть,* и: *не о себѣ пріидохъ* (Іоан. VIII, 42). Здѣсь, кажется мнѣ, онъ также намекаетъ на іудейскихъ священниковъ, какъ на неистинныхъ священниковъ, присвоявшихъ себѣ (санъ) и нарушавшихъ законъ священства. *Тако и Христосъ не себе прослави быти первосвященника* (ст. 5). Когда же, скажете, Онъ былъ рукоположенъ? Ааронъ былъ рукополагаемъ неоднократно, именно, при прозябеніи жезла и при нисшествіи огня, истребившаго тѣхъ, которые хотѣли присвоить себѣ священство; а здѣсь подобные люди не только не терпятъ ничего такого, а напротивъ пользуются доброю славою. Откуда же (священство Христово)? Это онъ доказываетъ пророчествомъ. (Священство Христово) не имѣетъ въ себѣ ничего чувственнаго, ничего видимаго; потому онъ и доказываетъ его пророчествомъ и во времени будущемъ: *но глаголавый,* говоритъ, *къ нему: Сынъ мой еси ты, азъ днесь родихъ тя.* Сыну ли сказано это? Да, говоритъ, это сказано Сыну. Но способствуетъ ли это къ разрѣшенію вопроса? И очень, по- 69
тому что въ этомъ заключается предуготовленіе къ рукоположенію отъ Бога. *Якоже и индѣ глаголетъ: ты еси священникъ во вѣкъ, по чину Мелхиседекову* (ст. 6). Кому сказано это? Кто по чину Мелхиседекову? Никто другой, какъ Онъ, потому что всѣ другіе были подъ закономъ, всѣ соблюдали субботу, всѣ обрѣзывались: никого другого, говоритъ, никто указать не можетъ. *Иже во днехъ плоти своея, моленія же и молитвы къ могущему спасти его отъ смерти, съ воплемъ крѣпкимъ и со слезами принесъ, и услышанъ бывъ отъ благоговѣинства. Аще и Сынъ бяше, обаче навыче отъ сихъ, яже пострада, послушанію* (ст. 7, 8). Видишь ли, что объясняетъ здѣсь

не что иное, какъ попеченіе и преизбытокъ любви (Христовой)? Что въ самомъ дѣлѣ значитъ: *съ воплемъ крѣпкимъ?* Евангеліе нигдѣ не говоритъ ни того, что (Христосъ) молясь плакалъ, ни того, что Онъ издавалъ вопль. Видишь ли, что этимъ означается Его снисхожденіе? Потому (апостолъ) не нашелъ достаточнымъ сказать, что Онъ молился, но и—*съ воплемъ крѣпкимъ. И услышанъ бывъ*, говоритъ, *отъ благоговѣинства. Аще и Сынъ бяше, обаче навыче отъ сихъ, яже пострада, послушанію: и совершився бысть всѣмъ послушающимъ его виновенъ спасенія вѣчнаго, нареченъ отъ Бога первосвященникъ, по чину Мелхиседекову* (ст. 9, 10). Пусть: *съ воплемъ*, но для чего: *съ крѣпкимъ? И со слезами принесъ*, говоритъ, *и услышанъ бывъ отъ благоговѣинства.* Да устыдятся еретики, отвергающіе дѣйствительность плоти (Христовой). Что говоритъ (апостолъ)? Сынъ Божій былъ *услышанъ отъ благоговѣинства.* Что же сказать о пророкахъ? И какая послѣдовательность въ словахъ: *услышанъ бывъ отъ благоговѣинства*, и дальнѣйшихъ: *аще и Сынъ бяше, обаче навыче отъ сихъ, яже пострада, послушанію?* Кто можетъ сказать это о Богѣ? Кто такъ безуменъ? Какой сумасшедшій можетъ утверждать это? *И услышанъ бывъ*, говоритъ, *отъ благоговѣинства. Аще и Сынъ бяше, обаче навыче отъ сихъ, яже пострада, послушанію.* Какому Онъ научился послушанію? Оказавши еще прежде этого послушаніе даже до смерти, какъ Сынъ Отцу, какъ Онъ послѣ научился послушанію?

2. Видишь ли, что это сказано о плоти? И почему, скажи мнѣ, Онъ молился Отцу объ избавленіи отъ смерти, былъ прискорбенъ и говорилъ: *аще возможно есть, да мимоидетъ отъ мене чаша сія* (Мѳ. XXVI, 39)? О воскресеніи же Онъ никогда не молился Отцу, а напротивъ самъ отъ Себя говоритъ: *разорите церковь сію и треми денми воздвигну ю* (Іоан. II, 19); и еще: *область имамъ положити душу мою, и область имамъ паки пріяти ю: никтоже возметъ ю отъ мене, но азъ полагаю ю о себѣ* (Іоан. X, 18). Что это значитъ? Почему Онъ молился? И въ другомъ мѣстѣ Онъ говоритъ: *се восходимъ во Іерусалимъ, и сынъ человѣческій преданъ будетъ архіереомъ и книжникомъ, и осудятъ его на смерть, и предадятъ его языкомъ на поруганіе и біеніе и пропятіе, и въ третій день воскреснетъ* (Мѳ. XX, 18, 19); а не говоритъ: воскреситъ Меня Отецъ. Почему же о томъ Онъ молился? Но о комъ Онъ молился? О вѣрующихъ въ Него. Смыслъ словъ (апостола) слѣдующій: Онъ скоро бываетъ услышанъ. Такъ какъ (слушатели) не имѣли надлежащаго о Немъ понятія, то и говоритъ, что Онъ былъ *услышанъ*,—какъ и самъ Онъ въ утѣшеніе ученикамъ говорилъ: *аще бысте любили мя, возрадовалися бысте убо, яко иду ко Отцу* моему, *яко Отецъ мой болій мене есть* (Іоан. XIV, 28). По-

чему же не самъ прославилъ Себя Тотъ, кто самъ истощилъ Себя 70
и предалъ Себя (на смерть)? Онъ вѣдь отдалъ *себе*, говоритъ Писаніе, *по грѣсѣхъ нашихъ* (Гал. I, 4); и еще: *давый себе избавленіе за всѣхъ* (1 Тим. II, 6). Что же это значитъ? Очевидно, что Онъ имѣлъ въ виду плоть свою, когда говорилъ о Себѣ уничиженное. Такъ и здѣсь (апостолъ) говоритъ: *аще и Сынъ бяше, услышанъ бывъ отъ благоговѣинства*, желая показать, что это было болѣе Его заслугою, нежели дѣломъ благодати Божіей. Таково, говоритъ, было Его благоговѣніе, что и за это Богъ почтилъ Его. *Навыче*, говоритъ, *послушанію*. Здѣсь онъ опять показываетъ, какова бываетъ польза отъ страданій. *И совершився, бысть всѣмъ послушающимъ его виновенъ спасенія*. Если Онъ, будучи Сыномъ, получилъ пользу отъ страданій, научившись послушанію, то тѣмъ болѣе (можемъ получить) мы. Видишь ли, какъ много (апостолъ) говоритъ о послушаніи, чтобы они были покорными? Мнѣ кажется, что они часто оказывали непокорность и не слѣдовали тому, что имъ говорилось; на это онъ намекаетъ словами: *немощни бысте слухи. Отъ сихъ*, говоритъ, *яже пострада*, Онъ постоянно научался повиноваться Богу. *И совершився*, т. е. посредствомъ страданій. Вотъ въ чемъ состоитъ совершенство, вотъ чрезъ что слѣдуетъ достигать совершенства! И не только самъ Онъ спасся, но и для другихъ это обильно послужило во спасеніе. *Совершився*, говоритъ, *бысть всѣмъ послушающимъ его виновенъ спасенія вѣчнаго. Нареченъ отъ Бога первосвященникъ, по чину Мелхиседекову. О немже многое намъ слово и неудобь сказаемое* (ст. 11). Намѣреваясь говорить о различіи священства, онъ напередъ обличаетъ ихъ, внушая, что такой снисходительный образъ рѣчи есть млеко, что по младенчеству ихъ онъ болѣе занимается уничиженнымъ ученіемъ о плоти и говоритъ о Немъ, какъ о какомъ-либо праведникѣ. При томъ, смотри, онъ и не умолчалъ объ этомъ совершенно, и не высказалъ всего; первое сдѣлалъ для того, чтобы возвысить ихъ умъ, убѣдить ихъ стремиться къ совершенству и не оставаться въ невѣдѣніи высокихъ догматовъ, а второе для того, чтобы не обременить ума ихъ. *О немже*, говоритъ, *многое намъ слово и неудобь сказаемое глаголати, понеже немощни бысте слухи. Неудобь сказаемое* потому, что не слушаютъ. Кто имѣетъ дѣло съ людьми невнимательными и не понимающими преподаваемаго, тотъ не можетъ вполнѣ объяснить имъ ученія. Можетъ быть, кто-нибудь изъ васъ, стоящихъ здѣсь, смущается и считаетъ несчастіемъ то, что (апостолъ) въ евреяхъ нашелъ препятствіе преподать совершеннѣйшее ученіе. Хотя и здѣсь, я думаю, за исключеніемъ немногихъ, немало такихъ же, такъ что и объ васъ можно сказать то же самое, все же я буду говорить

и для немногихъ. Итакъ, точно ли онъ умолчалъ, или послѣ объяснилъ, подобно тому, какъ онъ сдѣлалъ въ посланіи къ Римлянамъ? Тамъ онъ, заградивъ напередъ уста прекословившимъ и сказавъ: *тѣмже убо, о человѣче, ты кто еси противъ отвѣщаяй Богови* (Рим. IX, 10), потомъ предложилъ разрѣшеніе. Такъ и здѣсь, кажется мнѣ, онъ и не вовсе умолчалъ и не высказалъ всего, чтобы возбудить въ слушателяхъ усердіе. Напомнивъ имъ, что въ словахъ его заключается нѣчто великое, смотри, какъ онъ
71 вмѣстѣ съ похвалою соединяетъ обличеніе. Такъ всегда поступалъ мудрый Павелъ, смѣшивая непріятное съ полезнымъ. Напр. въ посланіи къ Галатамъ онъ говоритъ: *течасте добрѣ: кто вамъ возбрани* (Гал. V, 7)? и еще: *толика пострадасте туне? аще точію и туне* (Гал. III, 8); и еще: *азъ надѣюся о васъ въ Господѣ* (Гал. V, 10). То же онъ говоритъ и имъ (евреямъ): *надѣемся же о васъ лучшихъ и придержащихся спасенія* (Евр. VI, 9). Такимъ образомъ онъ достигаетъ двухъ цѣлей: и не слишкомъ напрягаетъ (умъ), и не дозволяетъ имъ упасть (духомъ). Такъ и должно быть: если примѣры другихъ могутъ ободрить слушателя и возбудить въ немъ соревнованіе, то, когда кто находитъ примѣръ въ самомъ себѣ, когда повелѣвается ему соревновать съ самимъ собою, тогда удобоисполнимость ученія открывается гораздо болѣе. Потому онъ внушаетъ и это, не дозволяетъ имъ падать (духомъ) отъ сильнаго обличенія и не говоритъ имъ такъ, какъ будто они всегда были недобрыми, но выражаетъ, что нѣкогда они были и добрыми. *Ибо должни суще быти учители лѣтъ ради* (ст. 12). Здѣсь онъ показываетъ, что они увѣровали уже давно, и потому внушаетъ, что они должны наставлять и другихъ. Замѣть, какъ онъ часто принимается говорить о первосвященникѣ и постоянно откладываетъ это; послушай именно, какъ онъ началъ: *имуще архіерея велика, прошедшаго небеса;* и не сказавъ, какъ — *велика*, далѣе говоритъ: *всякъ бо первосвященникъ, отъ человѣкъ пріемлемь, за человѣки поставляется яже къ Богу*; и еще: *тако и Христосъ не себе прослави быти первосвященника.* Потомъ сказавъ: *ты еси священникъ во вѣкъ по чину Мелхиседекову*, опять откладываетъ рѣчь объ этомъ и говоритъ: *иже во днехъ плоти своея моленія и молитвы принесъ.*

3. Такъ какъ онъ столько разъ отклонялся (отъ главнаго предмета), то, какъ бы оправдываясь, говоритъ: причина этого — въ васъ. Увы какая несообразность. Тѣ, которые должны были учить другихъ, оставались не только учениками, но и послѣдними изъ учениковъ. *Ибо должни суще*, говоритъ, *быти учителіе лѣтъ ради, паки требуете учитися, кая писмена начала словесъ Божіихъ. Писменами начала* онъ называетъ здѣсь ученіе о человѣ-

чествѣ (Христовомъ). Какъ во внѣшнихъ наукахъ прежде всего должно изучить письмена, такъ и въ словѣ Божіемъ прежде должно узнать ученіе о человѣчествѣ. Видишь ли, по какой причинѣ Павелъ говоритъ объ уничиженномъ? Такъ онъ поступилъ и съ аѳинянами, когда бесѣдовалъ съ ними: *лѣта убо*, говорилъ онъ, *невѣдѣнія презирая Богъ, нынѣ повелѣваетъ человѣкомъ всѣмъ всюду покаятися, зане уставилъ есть день, въ оньже хощетъ судити вселеннѣй въ правдѣ, о мужѣ, егоже предустави, вѣру подая всѣмъ, воскресивъ его отъ мертвыхъ* (Дѣян. XVII, 30, 31). Потому, если онъ что говоритъ о высокомъ, говоритъ кратко; а уничиженное разсѣяно во многихъ мѣстахъ посланія. Такимъ образомъ открывается и высокое, потому что весьма уничиженное никакъ не можетъ быть относимо къ божеству. Точно такъ и здѣсь, соблюдая точность, онъ излагаетъ уничиженное въ отношеніи къ человѣчеству; и причина въ томъ, что слушатели его не могли воспринять совершеннаго. Это онъ особенно выразилъ въ посла- 72
ніи къ Кориноянамъ, когда сказалъ: *идѣже бо въ васъ зависти и рвенія и распри, не плотстіи ли есте* (1 Кор. III, 3)? И посмотри на великую мудрость его, какъ онъ всегда обращается соотвѣтственно господствующимъ болѣзнямъ. Тамъ слабость происходила по большей части отъ невѣжества и еще болѣе отъ пороковъ, а здѣсь не только отъ пороковъ, но и отъ постоянныхъ скорбей; потому онъ употребляетъ и выраженія такія, которыя могутъ показать это различіе,—тамъ онъ сказалъ: *плотстіи есте* (1 Кор. III, 2), а здѣсь, гдѣ болѣе было скорбей, говоритъ: *немощни бысте*. Тѣ не могли принять, потому что были плотскими; а эти могли,—словами: *понеже немощни бысте слухи*, онъ выражаетъ, что нѣкогда они были здоровы, сильны, горѣли ревностію, и свидѣтельствуетъ, что уже впослѣдствіи они подверглись такой болѣзни. *И бысте требующе млека, а не крѣпкія пищи*. Молокомъ онъ вездѣ называетъ уничиженное ученіе, и здѣсь и тамъ. *Должни суще*, говоритъ, *быти учители лѣтъ ради*; какъ бы такъ говоритъ: потому самому, отчего вы особенно ослабѣли и сдѣлались немощными, вы и должны быть особенно сильными—*лѣтъ ради*. А молокомъ онъ называетъ уничиженное ученіе потому, что оно приличествуетъ немощнѣйшимъ; совершеннѣйшимъ же оно ненужно и долго останавливаться на немъ имъ вредно. Потому теперь не должно привносить того, что было подъ закономъ, и не должно почитать (Христа) равнымъ (священнику) потому, что и Онъ первосвященникъ, что и Онъ принесъ жертву и молился съ воплемъ и слезами. И смотри, какъ это намъ кажется неудобопріемлемымъ; а ихъ тогда питало и нисколько не казалось для нихъ неудобопріемлемымъ. Такимъ образомъ слово

Божіе есть истинная пища, питающая душу. А что слово (Божіе) есть пища, это видно изъ слѣдующаго. *И послю,* сказалъ (Господь), *гладъ на землю, не гладъ хлѣба, ни жажду воды, но гладъ слышанія слова Господня* (Амос. VIII, 11). *Млекомъ вы напоихъ, а не брашномъ* (1 Кор. III, 2). Не сказалъ: напиталъ (а: *напоихъ*), внушая, что это—не пища; выразился такъ, какъ бы о малыхъ дѣтяхъ, которыя не могутъ питаться хлѣбомъ, для которыхъ это не питье, но пища служитъ имъ вмѣсто питья. Такъ точно и здѣсь. Не сказалъ: имѣете нужду, но: *бысте требующе млека, а не крѣпкія пищи,*— т. е. вы хотѣли, вы сами довели себя до такого состоянія, до такой нужды. *Всякъ бо причащаяйся млека неискусенъ слова правды: младенецъ бо есть* (ст. 13). Что значитъ: *слова правды?* Здѣсь, мнѣ кажется, онъ намекаетъ и на образъ жизни. Подобнымъ образомъ и Христосъ сказалъ: *аще не избудетъ правда ваша паче книжникъ и фарисей* (Мѳ. V, 20). Такъ и онъ говоритъ: *неискусенъ слова правды,* т. е. неопытный въ вышнемъ любомудріи, не могущій вести высшей и совершенной жизни. Или здѣсь правдою онъ называетъ Христа и высокое о Немъ ученіе. Сказавъ: *немощни бысте слухи,* онъ не прибавилъ, отчего это, а предоставилъ имъ самимъ уразумѣть, не желая сдѣлать слова свои тягостными. Въ посланіи же къ Галатамъ онъ выразилъ свое удивленіе и недоумѣніе (Гал. I, 6), что̀ гораздо болѣе могло послужить къ ихъ утѣшенію, когда тоже случилось съ ними, какъ бы сверхъ его чаянія,—въ этомъ и состоитъ недоумѣніе. Видишь ли, что есть другое младенчество и другое совершенство (кромѣ тѣлеснаго)? Постараемся же быть совершенными этимъ совершенствомъ; можно
73 и въ дѣтскомъ и въ юношескомъ возрастѣ достигнуть этого совершенства, потому что оно—дѣло не природы, а добродѣтели. *Совершенныхъ же есть твердая пища, имущихъ чувствія обучена долгимъ ученіемъ въ разсужденіе добра же и зла* (ст. 14). Что это значитъ? Развѣ они не имѣли изощренныхъ чувствъ и не знали, что добро и что зло? Не о жизни говоритъ онъ въ словахъ: *въ разсужденіе добра же и зла,* — знать это всякому человѣку возможно и легко,—но о правыхъ и высокихъ догматахъ, также неправыхъ и низкихъ ученіяхъ. Дитя не умѣетъ различать худой и хорошей пищи, часто беретъ себѣ въ ротъ грязь, принимаетъ вредное и дѣлаетъ все безъ разсужденія. Но это — не совершенство. Таковы тѣ, которые слушаютъ все безъ различія и склоняютъ слухъ къ нелѣпымъ ученіямъ безъ разсужденія. Ихъ онъ и обличаетъ, какъ людей, непрестанно колеблющихся и предающихся то тѣмъ, то другимъ. На это онъ намекаетъ и въ концѣ посланія, когда говоритъ: *въ наученія странна и различна не прилагайтеся* (Евр. XIII, 9). Вотъ что значитъ: *въ разсужденіе*

добра же и зла. Гортань вкушаетъ яства, а душа уразумѣваетъ ученія.

4. Итакъ, будемъ учиться и мы. Если ты услышишь, что (какой-нибудь еретикъ)—не язычникъ и не іудей, то не считай его тотчасъ же христіаниномъ, но узнавай и все другое: вѣдь и манихеи и всѣ еретики принимали на себя эту личину, чтобы такимъ образомъ обольщать людей простѣйшихъ. Если же мы будемъ имѣть чувства души, навыкомъ пріученныя къ различенію добра и зла, то будемъ въ состояніи отличать ихъ. А какимъ образомъ чувства наши дѣлаются пріученными? Непрестаннымъ слушаніемъ, упражненіемъ въ Писаніи. Если мы изложимъ ихъ заблужденіе, если ты послушаешь сегодня и завтра, и узнаешь, что они нехороши, то всему научишься, все узнаешь; если не поймешь сегодня, поймешь завтра. *Имущихъ*, говоритъ, *чувствія обучена.* Видишь, что намъ должно упражнять слухъ свой слушаніемъ божественныхъ (Писаній), чтобы не увлекаться странными новизнами? *Обучена*, говоритъ, *въ разсужденіе*, т. е. быть опытными. Одинъ (еретикъ) говоритъ, что нѣтъ воскресенія, другой не ожидаетъ ничего въ будущемъ, третій говоритъ, что есть иной Богъ, четвертый, что (Христосъ) имѣетъ начало отъ Маріи. Посмотри, какъ всѣ сразу впали въ заблужденія отъ неумѣренности, одни прибавивъ, а другіе убавивъ (отъ праваго ученія). Такъ, первая изъ всѣхъ ересей, Маркіонова, измыслила иного Бога, котораго нѣтъ: вотъ прибавленіе! За нею слѣдующая, Савелліева, утверждаетъ, что Сынъ и Отецъ и Духъ — одно лице. Потомъ Маркеллова и Фотинова проповѣдуютъ то же. Далѣе, Павла Самосатскаго, проповѣдуетъ, что Онъ получилъ начало отъ Маріи. Затѣмъ слѣдуетъ Манихейская, позднѣйшая ересь. А послѣ нихъ—Аріева. Есть и другія. Но мы приняли вѣру просто, такъ что не имѣемъ нужды прилѣпляться къ безчисленнымъ ересямъ и входить въ изслѣдованія, но все то, что вздумаютъ прибавить къ ней, или убавить, считаемъ неправымъ. Какъ законодатели не заставляютъ извѣдывать тысячи мѣръ, но повелѣваютъ держаться той, которая указана, такъ и въ отношеніи къ догматамъ. Но никто не хочетъ внимать Писаніямъ. Если бы мы внимали имъ, то не только не впадали бы въ заблужденія, но и другихъ заблуждающихся удерживали бы и избавляли отъ опасностей. 74
Такъ, сильный воинъ можетъ не только защищать себя, но оберегать и того, кто стоитъ подлѣ него, и избавлять отъ нападенія враговъ. А нынѣ иные даже не знаютъ, что есть Писанія, между тѣмъ какъ Духъ Святый принималъ столько мѣръ, чтобы они сохранились. Обратитесь къ древности, и вы увидите неизреченное человѣколюбіе Божіе. (Богъ) вдохновилъ блаженнаго Моисея,

изваялъ скрижали, держалъ его сорокъ дней на горѣ, и еще столько же другихъ, чтобы дать законъ; потомъ посылалъ пророковъ, потерпѣвшихъ безчисленныя бѣдствія; когда наступила война, въ которую всѣ были взяты въ плѣнъ или истреблены, и книги сожжены, тогда Онъ опять вдохновилъ другого чуднаго мужа, т. е. Ездру, чтобы онъ изложилъ ихъ, составивъ изъ остатковъ. Послѣ того Онъ устроилъ, чтобы они были переведены семьюдесятью (толковниками), которые и перевели ихъ. Пришелъ Христосъ и принялъ ихъ; апостолы же распространили ихъ повсюду, послѣ сотворенныхъ Христомъ знаменій и чудесъ. Что далѣе? Послѣ такихъ дѣйствій написали и апостолы, какъ Павелъ говоритъ: *писана же быша въ наученіе наше, въ нихже концы вѣкъ достигоша* (1 Кор. x, 11); и Христосъ сказалъ: *прельщаетеся, не вѣдуще писанія* (Мѳ. xxii, 29); и еще Павелъ говоритъ: *терпѣніемъ и утѣшеніемъ писаній упованіе имамы* (Рим. xv, 4); и еще: *всяко писаніе богодухновенно и полезно есть* (2 Тим. iii, 16); и еще: *слово Христово да вселяется въ васъ богатно* (Кол. iii, 16). Также пророкъ (сказалъ): *въ законѣ Господни поучится день и нощь* (Псал. i, 2); и въ другомъ мѣстѣ: *вся повѣсть твоя* да будетъ *въ законѣ Вышняго* (Сир. ix, 20); и еще: *коль сладка гортани моему словеса твоя*,—не сказалъ: слуху моему, но: *гортани моему,—паче меда* и сота *устомъ моимъ* (Псал. cxviii, 103). Также Моисей (сказалъ): *да возглаголеши о нихъ* всегда, востая, *сѣдяй, лежа* (Втор. vi, 7). И Павелъ въ посланіи къ Тимоѳею говоритъ: *въ сихъ пребывай, въ сихъ разумѣвай* (1 Тим. iv, 15). И множество (изреченій) можно бы привести объ этомъ предметѣ. Несмотря на то, есть люди, которые даже не знаютъ, что существуютъ Писанія. Оттого и не бываетъ у насъ ничего здраваго, ничего полезнаго. Когда кто хочетъ узнать военное искусство, то считаетъ необходимымъ изучить военные законы; также, когда кто хочетъ узнать искусство кормчаго или строителя, или какое-нибудь другое, то находитъ необходимымъ изучить все, относящееся къ этому искусству; а здѣсь не видно, чтобы кто дѣлалъ что-нибудь подобное, между тѣмъ какъ эта наука требуетъ неусыпнаго изученія. Что это наука, требующая изученія, объ этомъ, послушай, что говоритъ пророкъ: *пріидите, чада, послушайте мене, страху Господню научу васъ* (Псал. xxxiii, 12). Слѣдовательно страхъ Божій дѣйствительно требуетъ изученія. И далѣе говоритъ: *кто есть человѣкъ, хотяй животъ* (Псал. xxxiii, 13)? Здѣсь онъ говоритъ о (будущей) жизни. И еще: *удержи языкъ твой отъ зла, и устнѣ твои еже не глаголати льсти: уклонися отъ зла, и сотвори благо, взыщи мира и пожени и* (Псал. xxxiii, 14, 15). Знаете ли вы, какой сказалъ это пророкъ, или бытописатель, или апостолъ, или евангелистъ? Не ду-

маю (чтобы зналъ кто), кромѣ немногихъ: и объ этихъ опять,
если мы приведемъ свидѣтельство изъ другого мѣста, можемъ
сказать то же. Вотъ я приведу то же самое изреченіе, только вы- 75
раженное другими словами; *измыйтеся, чисти будите, отъимите
лукавства* ваша *отъ душъ вашихъ предъ очима моима, научитеся
добро творити, взыщите суда* (Иса. I, 16, 17), *удержи языкъ твой
отъ зла, и сотвори благо, научитеся добро творити.* Видишь ли,
что добродѣтель требуетъ изученія? Тотъ говоритъ: *страху Го-
сподню научу васъ;* а этотъ: *научитеся добро творити.*

Итакъ, знаете ли вы, гдѣ находятся эти (изреченія)? Не ду-
маю (чтобы зналъ кто), кромѣ немногихъ. Между тѣмъ въ ка-
ждую седмицу это читается вамъ два или три раза. Чтецъ, вы-
шедши, сперва говоритъ, чья книга, какого именно пророка, или
апостола, или евангелиста, а потомъ и произноситъ его изрече-
нія, чтобы вы лучше замѣтили ихъ и знали не только содержа-
ніе, но и причину написаннаго и то, кто сказалъ это. Но все
напрасно, все тщетно. Все ваше усердіе направлено на дѣла жи-
тейскія; о духовныхъ же нѣтъ никакой заботы. Потому-то и тѣ 76
(житейскія дѣла) идутъ не по вашему желанію и встрѣчаютъ
множество препятствій. Христосъ сказалъ: *ищите царствія Божія,
и сія вся приложатся вамъ* (Мѳ. VI, 33). Все прочее, говоритъ,
будетъ дано въ видѣ прибавки. А мы извратили порядокъ, ищемъ
земли и благъ земныхъ, какъ будто тѣ (блага небесныя) будутъ
даны намъ въ видѣ прибавки. Потому мы и не получаемъ ни
тѣхъ, ни другихъ. Образумимся же когда-нибудь, и станемъ стре-
миться къ благамъ будущимъ; тогда приложится и все прочее.
Невозможно, чтобы ищущій благъ божественныхъ не получилъ
и человѣческихъ: таково опредѣленіе самой истины, сказавшей
это! Итакъ, не будемъ поступать иначе, но станемъ соблюдать
заповѣдь Христову, чтобы намъ не лишиться всего; Богъ же
самъ силенъ произвести въ насъ сокрушеніе и сдѣлать луч-
шими, во Христѣ Іисусѣ, Господѣ нашемъ, съ Которымъ Отцу
со Святымъ Духомъ слава, держава, честь и поклоненіе, нынѣ и
присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА IX.

75 **Тѣмже оставлше начала Христова слово, на совершеніе да ведемся, не паки основаніе покаянія полагающе отъ мертвыхъ дѣлъ, и вѣры въ Бога, крещеній ученія, возложенія же рукъ, воскресенія же мертвыхъ, и суда вѣчнаго. И сіе сотворимъ, аще Богъ повелитъ (Евр. vi, 1—3).**

1. Слышите ли, какъ Павелъ укоряетъ евреевъ за то, что они желали всегда учиться одному и тому же? И справедливо. *Ибо должни суще*, говоритъ, *быти учители лѣтъ ради, паки требуете учитися, кая писмена начала словесъ Божіихъ* (Евр. v, 12). Боюсь, чтобы и о васъ не пришлось сказать того же: тогда какъ, судя по времени, вамъ надлежало быть учителями, вы даже званія учениковъ не удерживаете, но, постоянно слушая одно и то же и объ одномъ и томъ же, находитесь въ такомъ состояніи, какъ будто бы ничего не слышали; кто спроситъ васъ (о слышанномъ), никто изъ васъ не въ состояніи отвѣчать, кромѣ весьма немногихъ, которые наперечетъ. А отсюда происходитъ немалый вредъ. Невнимательность учащихся часто не дозволяетъ учителю, хотя бы онъ и хотѣлъ, перейти къ дальнѣйшему, коснуться предметовъ болѣе таинственныхъ и высокихъ. Какъ при изученіи грамматики, если дитя, постоянно слыша о буквахъ, не удерживаетъ ихъ въ памяти, то необходимо бываетъ непрерывно повторять ему одно и то же, и учащій не перестаетъ (говорить о нихъ) до тѣхъ поръ, пока (ученикъ) не усвоитъ ихъ себѣ въ точности,—весьма вѣдь было бы неблагоразумно, пока онъ не усвоилъ хорошо прежняго, переходить съ нимъ къ дальнѣйшему,—такъ точно и въ церкви: если вы, несмотря на то, что мы постоянно говоримъ вамъ одно и то же, нисколько болѣе не научаетесь, то мы никогда не перестанемъ говорить вамъ объ одномъ и томъ же. Если бы наше слово произносилось для славы и изъ честолюбія, то мы могли бы переходить отъ предмета къ предмету и постоянно простираться впередъ, нисколько не заботясь о васъ, а только о рукоплесканіяхъ вашихъ; но такъ какъ мы заботимся не объ этомъ, но всѣ старанія свои направляемъ къ вашей пользѣ,
76 то мы не перестанемъ говорить вамъ объ одномъ и томъ же до тѣхъ поръ, пока вы не приложите этого къ своей жизни. Многое можно было бы сказать объ языческомъ суевѣріи, о манихеяхъ и маркіонитахъ, и при помощи благодати Божіей поражать ихъ; но подобныя бесѣды теперь несвоевременны. Въ самомъ дѣлѣ,

можно ли говорить о такихъ предметахъ тѣмъ, которые и своего собственнаго не знаютъ надлежащимъ образомъ, которые еще не убѣдились, что любостяжаніе есть зло,—можно ли преждевременно переходить съ ними къ чему-нибудь другому? Потому мы не перестанемъ говорить вамъ одно и то же, хотя бы вы слушали, хотя бы нѣтъ; только опасаемся, чтобы, часто повторяя вамъ одно и то же, если вы не будете слушать, не навлечь на неслушающихъ большаго наказанія. Не о всѣхъ я говорю это; я знаю многихъ, которые приходятъ сюда съ пользою, и которые справедливо могли бы обвинять неслушающихъ за то, что послѣдніе задерживаютъ ихъ своимъ невѣжествомъ и невнимательностію. Впрочемъ, и первые отъ этого не терпятъ вреда, потому что и знающимъ полезно часто слышать объ одномъ и томъ же: что мы знаемъ, то еще лучше усвоимъ, если часто будемъ слышать. Напримѣръ, мы знаемъ, что смиренномудріе есть добродѣтель, и что Христосъ часто говорилъ о немъ; но если мы выслушаемъ самыя слова Его и будемъ размышлять о нихъ, то они болѣе подѣйствуютъ на насъ, хотя бы мы слышали ихъ тысячу разъ. Итакъ, благовременно и намъ сказать теперь вамъ: *тѣмже оставльше начала Христова слово, на совершеніе да ведемся*. А что значитъ: *начала слово*, (апостолъ) самъ объясняетъ далѣе: *не паки*, говоритъ, *основаніе покаянія полагающе отъ мертвыхъ дѣлъ, и вѣры въ Бога, крещеній ученія, возложенія же рукъ, воскресенія же мертвыхъ, и суда вѣчнаго*. Если же это—начало, то что иное наше ученіе, какъ не покаяніе отъ мертвыхъ дѣлъ и получаемая отъ Духа вѣра въ 77
воскресеніе мертвыхъ и вѣчный судъ? Что же значитъ: *начало?* Онъ называетъ началомъ не что иное, какъ то, если нѣтъ праведной жизни. Какъ приступающему къ изученію грамоты нужно напередъ узнать буквы, такъ и христіанинъ прежде всего долженъ твердо узнать эти истины и нисколько не сомнѣваться въ нихъ. А кто не имѣетъ познанія о нихъ, тотъ еще не имѣетъ основанія, потому что надобно быть твердымъ (въ познанномъ), стоять и стоять неподвижно. Если бы кто, уже оглашенный и крещенный, лѣтъ черезъ десять послѣ того, имѣлъ нужду снова учиться вѣрѣ, учиться тому, наприм., что нужно вѣровать въ воскресеніе мертвыхъ, то такой человѣкъ не имѣетъ еще основанія и ищетъ еще начала христіанства. А что вѣра есть основаніе, прочее же—зданіе, объ этомъ, послушай, какъ говоритъ самъ (апостолъ): *азъ основаніе положихъ, инъ же назидаетъ. Аще ли кто назидаетъ на основаніи семъ, злато, сребро, каменіе честное, дрова, сѣно, тростіе* (1 Кор. ш, 10, 12). Потому онъ и говоритъ: *не паки основаніе покаянія полагающе отъ мертвыхъ дѣлъ*.

2. Что значитъ: *на совершеніе да ведемся?* Будемъ достигать,

говорить, самой вершины, т. е. будемъ вести жизнь добродѣтельную. Какъ въ азбукѣ все зависитъ отъ буквы *а*, и какъ отъ основанія зависитъ все зданіе, такъ и чистота жизни отъ полноты вѣры. Безъ нея (полной вѣры) невозможно быть христіаниномъ, какъ не можетъ быть зданіе безъ основанія, и какъ безъ знанія буквъ невозможно знать грамоты. Но какъ (въ этихъ предметахъ), если кто будетъ заниматься однѣми буквами, или кто будетъ оставаться при основаніи, не стараясь возводить самое зданіе, то никогда не будетъ имѣть дальнѣйшихъ успѣховъ, такъ и у насъ: если мы будемъ всегда оставаться при началѣ вѣры, то никогда не достигнемъ до ея совершенства. Не думай, будто вѣра унижается тѣмъ, что она называется началомъ,—въ ней заключается вся сила. Когда (апостолъ) говоритъ: *всякъ бо причащаяйся млека неискусенъ слова правды: младенецъ бо есть* (Евр. V, 13), то онъ не вѣру называетъ молокомъ, но сомнѣніе въ ея истинахъ; оно есть знакъ ума слабаго, нуждающагося во многихъ доказательствахъ, самыя же истины—здравы. Совершеннымъ мы называемъ того, кто при вѣрѣ проводитъ и жизнь правую. Если же кто, хотя имѣетъ вѣру, но ведетъ дурную жизнь, и въ самыхъ истинахъ вѣры еще сомнѣвается, оскорбляя этимъ ученіе,—такого мы справедливо можемъ назвать младенцемъ, едва вступившимъ въ начало, такъ что и мы, хотя бы тысячу лѣтъ пребывали въ вѣрѣ, еще младенцы, если остаемся не твердыми въ ней, если не ведемъ сообразной съ нею жизни, если только еще полагаемъ основаніе. А ихъ (евреевъ апостолъ) укоряетъ не только за жизнь, но и за нѣчто другое, именно—за то, что они колебались и имѣли нужду полагать основаніе *покаянія отъ мертвыхъ дѣлъ*. Кто переходитъ отъ одного къ другому, одно оставляетъ, а другое принимаетъ, тому нужно отказаться отъ прежняго и оставить расположеніе къ нему, потомъ и переходить къ новому; если же онъ
78 станетъ опять держаться перваго, то какъ можетъ достигнуть втораго? Что же, скажете, не о законѣ ли это? Мы отказались отъ него, и не къ нему ли опять возвращаемся? Но это не есть измѣненіе; вѣдь и теперь мы имѣемъ законъ. *Законъ ли убо*, говоритъ (апостолъ), *разоряемъ вѣрою? Да не будетъ: но законъ утверждаемъ* (Рим. III, 31). Я говорю о дурныхъ дѣлахъ; кто намѣревается обратиться къ добродѣтели, тотъ напередъ долженъ отказаться отъ пороковъ, и тогда уже вступить (въ жизнь добродѣтельную). Покаяніе не могло содѣлать (вѣрующихъ) чистыми; потому они тотчасъ же крестились, чтобы, чего они не могли сдѣлать сами собою, того достигнуть благодатію Христовою. Слѣдовательно, покаяніе недостаточно для очищенія, а нужно принять крещеніе. Ко крещенію же надобно приступать, отказавшись на-

передъ отъ грѣховъ своихъ и осудивъ ихъ. Что значитъ: *крещеній ученія?* Крещеній не много, а одно: почему же онъ сказалъ во множественномъ числѣ? Потому что выше сказалъ: *не паки основаніе покаянія полагающе.* Если бы они имѣли нужду, чтобы онъ снова крестилъ ихъ, снова оглашалъ, и снова съ начала преподавалъ крещеннымъ, что должно и чего не должно дѣлать, то они всегда оставались бы неисправимыми. *Возложенія же рукъ.* Такъ они получали Духа (Святаго): *и возложшу,* сказано, *Павлу на ня руцѣ, пріиде Духъ Святый* (Дѣян. XIX, 6). *Воскресенія же мертвыхъ.* Это происходитъ при крещеніи и утверждается въ исповѣданіи (вѣры). *И суда вѣчнаго.* Почему объ этомъ говоритъ онъ? Потому, что они, вѣроятно, или колебались послѣ того, какъ увѣровали, или худо и нерадиво жили. Поэтому онъ и говорилъ: *бодрствуйте.* Такимъ образомъ онъ сказалъ эти слова, желая исправить ихъ отъ такого нерадѣнія и сдѣлать болѣе внимательными. Нельзя говорить: если мы теперь живемъ нерадиво, то снова окрестимся, снова приимемъ оглашеніе и опять получимъ Духа; или такъ: если мы теперь отпали отъ вѣры, то снова чрезъ крещеніе сможемъ омыть грѣхи и получить то же, чего удостоились прежде. Прельщаетесь, говоритъ онъ, если такъ разсуждаете. *Не возможно бо просвѣщенныхъ единою, и вкусившихъ дара небеснаго, и причастниковъ бывшихъ Духа Святаго, и добраго вкусившихъ Божія глагола, и силы грядущаго вѣка, и отпадшихъ, паки обновляти въ покаяніе, второе распинающихъ Сына Божія себѣ, и обличающихъ* (ст. 4—6). Смотри, какъ онъ начинаетъ рѣчь обличительно и рѣшительно: *невозможно,* говоритъ, т. е., и не надѣйся на невозможное. Не сказалъ: неприлично, неполезно, непозволительно, но: *невозможно,* такъ что для васъ, которые однажды вполнѣ были просвѣщены, не остается ничего, кромѣ отчаянія.

3. Затѣмъ онъ продолжаетъ: *и вкусившихъ дара небеснаго,* т. е., оставленія грѣховъ, *и причастниковъ бывшихъ Духа Святаго, и добраго вкусившихъ Божія глагола,*—здѣсь онъ говоритъ объ ученіи,—*и силы грядущаго вѣка.* Какія силы разумѣетъ онъ? Или (силы) творить чудеса, или залогъ Духа. *И отпадшихъ, паки обновляти въ покаяніе, второе распинающихъ Сына Божія себѣ и обличающихъ. Обновляти,* говоритъ, *въ покаяніе,* т. е. чрезъ покаяніе. 79
Что это? Неужели отвергается покаяніе? Нѣтъ, не покаяніе, совсѣмъ нѣтъ, но вторичное обновленіе купелію (крещенія). Онъ, сказавъ: *не возможно обновляти въ покаяніе,* не остановился, но послѣ слова: *не возможно,* присовокупилъ: *второе распинающихъ. Обновляти,* т. е. дѣлать новыми, а новыми дѣлаетъ только купель: *обновится,* сказано, *яко орля юность твоя* (Псал. CII, 5).

Дѣйствіе же покаянія состоитъ въ томъ, что оно содѣлав-

шихся новыми и потомъ чрезъ грѣхи опять обветшавшихъ избавляетъ отъ этой ветхости и возвращаетъ въ состояніе обновленія; но въ прежнюю свѣтлость возвести уже не можетъ, потому что тамъ (въ крещеніи) все было дѣломъ благодати. *Распинающихъ себѣ*, говоритъ, *Сына Божія и обличающихъ*. Смыслъ словъ его слѣдующій: крещеніе есть крестъ, потому что *ветхій нашъ человѣкъ съ нимъ распятся* (Рим. VI, 6); и еще: *сообразни быхомъ подобію смерти его;* и еще: *спогребохомся убо ему крещеніемъ въ смерть* (Рим. VI, 4, 5). Какъ невозможно въ другой разъ распять Христа, потому что это значило бы выставить его на поруганіе, такъ невозможно и креститься вторично. Если *смерть имъ ктому не обладаетъ* (Рим. VI, 9), если Онъ воскресъ, чрезъ воскресеніе сдѣлавшись побѣдителемъ смерти, если Онъ смертію смерть попралъ, то снова распинать Его значитъ—все прежнее представлять баснею и позоромъ. А кто крестится вторично, тотъ, дѣйствительно, опять распинаетъ Его. Что же значитъ: *второе распинающихъ?* Опять снова пригвождающихъ Его ко кресту. Какъ Христосъ умеръ на крестѣ, такъ и мы умираемъ въ крещеніи, умираемъ не плотію, но для грѣха. Смотри: тамъ смерть, и здѣсь смерть; Онъ умеръ плотію, а мы умираемъ для грѣха. Въ крещеніи ветхій нашъ человѣкъ погребается и возстаетъ новый, сообразный подобію смерти Его. Такимъ образомъ, если необходимо опять креститься, то необходимо, чтобы этотъ (новый человѣкъ) опять умеръ, потому что крещеніе есть не иное что, какъ смерть погружаемаго и востаніе новаго. И хорошо (апостолъ) сказалъ: *второе распинающихъ себѣ*, потому что дѣлающій это поступаетъ какъ бы забывая о прежней благодати, и располагаетъ жизнь свою безпечно, какъ бы надѣясь на вторичное крещеніе. Потому надобно быть внимательнымъ и осторожнымъ. Что значитъ: *вкусившихъ дара небеснаго?* Значитъ: получившихъ отпущеніе грѣховъ, потому что даровать такую благодать свойственно одному Богу, и эта благодать есть всецѣло благодать. *Что убо пребудемъ ли во грѣсѣ, да благодать преумножится? Да не будетъ* (Рим. VI, 1). Если мы всегда будемъ надѣяться на спасеніе благодатію, то никогда не сдѣлаемся добродѣтельными; гдѣ одна только благодать, тамъ мы можемъ предаться безпечности. Если бы мы знали, что грѣхи наши снова могутъ быть омыты (крещеніемъ), то развѣ перестали бы грѣшить? Не думаю. Много даровъ разумѣетъ здѣсь (апостолъ); а какіе, послушай. Ты удостоился, говоритъ онъ, столь великаго прощенія, ты, который сидѣлъ во тьмѣ, былъ непріятелемъ, врагомъ, отверженнымъ, богопротивнымъ, погибшимъ; будучи такимъ, ты вдругъ просвѣтился, сподобился Духа, дара небеснаго, усыновленія, царства небеснаго, таинъ неизреченныхъ и

другихъ благъ, и послѣ того не сдѣлался лучшимъ, и потому, 80
будучи достоинъ погибели и между тѣмъ получивъ спасеніе и честь, точно совершившій дѣла великія, какъ ты можешь креститься снова? Двумя доказательствами онъ подтверждаетъ невозможность этого дѣла, и сильнѣйшее изъ нихъ поставляетъ послѣ: первое состоитъ въ томъ, что удостоившійся такихъ благъ и предавшій все дарованное ему недостоинъ снова получить обновленіе; второе въ томъ, что невозможно снова распять (Сына Божія),—потому что это значило бы подвергать Его поруганію. Итакъ нѣтъ, отнюдь нѣтъ второй купели крещенія. Если бы она была, то была бы и третья, и четвертая, и послѣдующая всегда уничтожала бы предъидущую, а ее опять другая, и такъ далѣе до безконечности. Сказавъ: *и добраго вкусившихъ Божія глагола, и силы грядущаго вѣка,* (апостолъ) не раскрываетъ всего этого, но только намекаетъ, и какъ бы такъ говоритъ: жить подобно ангеламъ, не нуждаться ни въ чемъ здѣшнемъ, быть увѣрену, что усыновленіе (Богу) доставляетъ намъ будущія блага, надѣяться войти въ неприступное святилище,—всему этому научаетъ Духъ. Что означаетъ: *и силы грядущаго вѣка?* Означаетъ жизнь вѣчную, состояніе ангельское. Залогъ этого мы уже получили отъ Духа чрезъ вѣру. Скажи же мнѣ: если бы ты былъ введенъ въ царскіе чертоги и если бы все, тамъ находящееся, было тебѣ ввѣрено, а ты потомъ растратилъ бы все, то могло ли бы оно быть ввѣрено тебѣ снова?

4. Итакъ что же, нѣтъ, скажете, покаянія? Есть покаяніе, но нѣтъ вторичнаго крещенія. Покаяніе имѣетъ великую силу; оно можетъ человѣка, сильно погрузившагося во грѣхи, если онъ захочетъ, освободить отъ бремени грѣховъ и, когда онъ находится въ опасности, поставить въ безопасности, хотя бы онъ достигъ самой глубины зла. Это можно видѣть изъ многихъ мѣстъ (Писанія). *Еда падаяй не востаетъ,* говоритъ (пророкъ), *или отвращаяйся не обратится* (Іер. VIII, 4)? Оно можетъ, если мы захотимъ, опять изобразить въ насъ Христа; послушай, въ самомъ дѣлѣ, что говоритъ Павелъ: *чадца моя, имиже паки болѣзную, дондеже вообразится Христосъ въ васъ* (Гал. IV, 19); только мы должны приступить къ покаянію. Посмотри на человѣколюбіе Божіе: насъ слѣдовало бы покарать всѣми родами наказанія еще съ самаго начала за то, что, принявъ законъ естественный и получивъ тысячи благъ, мы не познали Владыки и вели жизнь нечистую; но Онъ не только не наказалъ насъ, а еще даровалъ намъ безчисленныя блага, какъ будто бы мы совершили великіе подвиги.

Мы опять отпали, но Онъ и послѣ того не наказываетъ насъ, а даровалъ врачество покаянія, которое можетъ уничтожить и

изгладить всѣ грѣхи наши, только если мы знаемъ, въ чемъ состоитъ это врачество и какъ имъ нужно пользоваться. Въ чемъ же состоитъ врачество покаянія и какъ оно употребляется? Во-первыхъ, (оно состоитъ) изъ сознанія своихъ грѣховъ и исповѣданія ихъ. *Беззаконіе мое*, говоритъ (пророкъ), *познахъ, и грѣха моего не покрыхъ*; и еще: *исповѣмъ на мя беззаконіе мое Господеви, и ты оставилъ еси нечестіе сердца моего* (Псал. xxxi, 5); и еще: *глаголи ты беззаконія твоя прежде, да оправдишися* (Иса. xliii, 26); и еще: *праведникъ самого себе оглаголникъ въ первословіи* (Притч. xviii, 17). Во-вторыхъ, (покаяніе состоитъ) изъ великаго смиренномудрія; оно есть какъ бы золотая цѣпь, которая, если взять ее за начало,
81 слѣдуетъ вся. Такъ точно, если ты будешь исповѣдывать грѣхи, какъ должно исповѣдывать, то душа смирится, потому что совѣсть, терзая ее, дѣлаетъ смиренною. Съ смиренномудріемъ должно соединять и нѣчто другое, чтобы оно было таково, о какомъ молился блаженный Давидъ, когда говорилъ: *сердце чисто созижди во мнѣ, Боже* (Псал. l, 12); и еще: *сердце сокрушенно и смиренно Богъ не уничижитъ* (ст. 19). Сокрушенное сердце не возмущается, не оскорбляетъ, но всегда готово терпѣть страданія, а само не востаетъ. Въ томъ и состоитъ сокрушеніе сердца, когда оно, хотя само бываетъ оскорбляемо, хотя терпитъ зло, остается спокойнымъ и не возбуждается къ мщенію. Послѣ смиренномудрія нужны напряженныя молитвы и обильныя слезы днемъ и ночью. *Измыю*, говоритъ (пророкъ), *на всяку нощь ложе мое: слезами моими постелю мою омочу: утрудихся воздыханіемъ моимъ* (Псал. vi, 7); и еще: *зане пепелъ, яко хлѣбъ, ядяхъ, и питіе мое съ плачемъ растворяхъ* (Псал. ci, 10). А послѣ столь усильныхъ молитвъ нужно великое милосердіе. Оно въ особенности дѣлаетъ сильнымъ врачество покаянія. Какъ во врачебныхъ средствахъ хотя лѣкарство содержитъ въ себѣ много травъ, но главную—одну, такъ и въ покаяніи подобною многоцѣлебною травою бываетъ милосердіе, и даже отъ него зависитъ все. Послушай, что говоритъ божественное Писаніе: *дадите милостыню, и вся чиста вамъ будутъ* (Лук. xi, 41); и еще: *милостынями и вѣрою очищаются грѣхи* (Дан. iv, 24); и еще: *огнь горящь угаситъ вода, и милостыня очиститъ грѣхи* многи (Сир. iii, 30). Далѣе, (нужно) не гнѣваться, не злопамятствовать и прощать всѣмъ грѣхи ихъ: *человѣкъ на человѣка*, говоритъ (Премудрый), *сохраняетъ гнѣвъ, а отъ Господа ищетъ исцѣленія* (Сир. xxviii, 3). *Отпущайте*, да *отпустится вамъ* (Мѳ. vi, 14). Также (нужно) отклонять братію отъ заблужденій: *обращся*, говоритъ (Господь), и *утверди братію твою*, чтобы отпущены были тебѣ грѣхи твои (Лук. xxii, 32). Еще (нужно) искреннее обращеніе съ священниками: *и аще кто*, сказано, *грѣхи сотворилъ есть*,

отпустятся ему (Іак. v, 15). (Нужно) защищать обижаемыхъ, не гнѣваться, переносить все кротко.

5. Прежде, нежели вы узнали, что чрезъ покаяніе отпускаются грѣхи, не безпокоились ли вы и не отчаивались ли въ себѣ, зная, что нѣтъ вторичной купели крещенія? Теперь же, когда мы узнали, какимъ образомъ совершается покаяніе и отпущеніе грѣховъ, и что мы можемъ избѣжать всего, если захотимъ воспользоваться имъ, какъ должно, можемъ ли мы получить прощеніе, если не станемъ думать о своихъ согрѣшеніяхъ? Если бы мы исполняли это, то все было бы сдѣлано. Какъ вошедшій въ дверь уже находится внутри, такъ точно и помышляющій о собственныхъ согрѣшеніяхъ. Кто ежедневно помышляетъ о нихъ, тотъ непремѣнно достигнетъ и до ихъ исцѣленія; а кто только говоритъ: я грѣшенъ, но не представляетъ себѣ грѣховъ своихъ порознь и не говоритъ: въ томъ-то и въ томъ-то я согрѣшилъ,—тотъ никогда не перестанетъ грѣшить, часто будетъ исповѣдываться, но никогда не будетъ думать о своемъ исправленіи. Нужно только начать, а все прочее непремѣнно послѣдуетъ затѣмъ, если только будетъ сдѣланъ приступъ: во всемъ трудны начало и приступъ. Итакъ, положимъ это (основаніе), и все будетъ легко и удобно. 82

Начнемъ же покаяніе, увѣщеваю васъ, одинъ съ усильныхъ молитвъ, другой съ обильныхъ слезъ, третій съ сокрушенія; и послѣднее вѣдь, какъ оно ни мало, не безполезно: видѣхъ, яко *опечалися*, говоритъ (Господь), *и пойде* сокрушенъ, *и исцѣлихъ* пути *его* (Иса. LVII, 17—18). Всѣ же вообще (начнемъ) съ милосердія, съ оставленія ближнимъ согрѣшеній ихъ, съ забвенія обидъ, съ воздержанія отъ злопамятства и мстительности, смиряя такимъ образомъ души свои. Если бы мы постоянно вспоминали о грѣхахъ своихъ, то ничто изъ предметовъ внѣшнихъ не могло бы возбудить въ насъ гордость, ни богатство, ни могущество, ни власть, ни слава; когда бы даже мы сидѣли на царскомъ сѣдалищѣ, и тогда плакали бы горько. Блаженный Давидъ былъ царь, и однако говорилъ: *измыю на всяку нощь ложе мое* (Псал. VI, 7); ни багряница, ни діадема нисколько не причиняли ему вреда и не возбуждали въ немъ гордости, потому что онъ сознавалъ, что онъ человѣкъ; онъ имѣлъ сердце сокрушенное, а потому и плакалъ. Что такое дѣла человѣческія? Пепелъ и пыль, прахъ предъ лицемъ вѣтра, дымъ и тѣнь, листъ и цвѣтъ, уносимые вѣтромъ, сонъ, мечта и басня, пустое колебаніе воздуха, легко возбуждаемое, перо возметаемое, теченіе непостоянное, и все, что только можетъ быть еще ничтожнѣе этого. Отчего же, скажи мнѣ, ты много думаешь о себѣ? Какое званіе ты считаешь великимъ? Не консула ли? Многіе, дѣйствительно, не знаютъ ничего выше этого

званія. Но и тотъ, кто не консулъ, нисколько не хуже того, кто былъ въ такомъ блестящемъ многославномъ званіи; тотъ и другой имѣютъ одинаковое достоинство, тотъ и другой одинаково прекратятъ существованіе спустя немного времени. Когда же тотъ былъ консуломъ, скажи мнѣ, сколько времени? Два дня? Это бываетъ и во снѣ. Но здѣсь, скажешь, сонъ. Что же? Развѣ то, что бываетъ днемъ, не сонъ? Почему же, скажи мнѣ, не можемъ назвать этого сномъ? Какъ сновидѣнія, по наступленіи дня, оказываются недѣйствительными, такъ и совершающееся днемъ становится недѣйствительнымъ по наступленіи ночи. Ночь и день продолжаются одинаково, и равно раздѣлили между собою все время. Потому, какъ днемъ никто не восхищается тѣмъ, что было съ нимъ ночью, такъ и ночью невозможно восхищаться тѣмъ, что бываетъ днемъ. Ты былъ консуломъ? И я былъ; только ты—днемъ, а я—ночью. Но что въ томъ? Ты чрезъ это не имѣешь ничего больше меня, если только не считать преимуществомъ названіе консула и удовольствіе, заключающееся въ однихъ словахъ. Выражу это яснѣе: если, напримѣръ, я скажу: такой-то консулъ, и припишу ему это названіе, то какъ только оно сказано, уже не прошло ли? Таково и все. Консулъ явился, и уже нѣтъ его. Но положимъ, что онъ былъ консуломъ годъ, два, три, четыре года: были ли консулы, которые консульствовали по десяти лѣтъ? Нѣтъ. Не таковъ Павелъ: онъ былъ всегда славенъ при жизни, не день, не два, не десять, не двадцать, не тридцать дней, и не десять лѣтъ, не двадцать и не тридцать; но и по смерти его вотъ уже прошло четыреста лѣтъ, а онъ и теперь еще славенъ, и даже гораздо славнѣе, нежели при жизни. И это еще на землѣ; а славу
83—84 святыхъ на небѣ кто можетъ изобразить словомъ? Потому, увѣщеваю васъ, будемъ искать этой славы, стремиться къ ней, чтобы достигнуть ея, потому что эта слава—истинная слава; а отъ всего житейскаго будемъ удаляться, чтобы намъ получить благодать и милость во Христѣ Іисусѣ, Господѣ нашемъ, съ Которымъ Отцу со Святымъ Духомъ слава, держава, честь и поклоненіе, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА X.

Земля бо, пившая сходящій на ню множицею дождь, п 83
раждающая былія добрая онымъ, имиже и дѣлаема бываетъ, пріемлетъ благословеніе отъ Бога: а износящая тернія и волчецъ, непотребна есть и клятвы близъ: еяже кончина въ пожженіе (Евр. vi, 7, 8).

1. Со страхомъ мы должны слушать слово Божіе, со страхомъ и великимъ трепетомъ: *работайте*, говоритъ (Псалмопѣвецъ), *Господеви со страхомъ и радуйтеся ему съ трепетомъ* (Псал. II, 11). Если же самая радость наша и веселіе должны быть съ трепетомъ, то когда говорится что-нибудь страшное, каково (сказанное) теперь, какого не заслуживаемъ мы наказанія, если безъ трепета слушаемъ сказанное? Показавъ, что отпавшихъ невозможно крестить вторично и что имъ невозможно опять чрезъ купель (крещенія) получить отпущеніе (грѣховъ), и объяснивъ, какъ это страшно, (апостолъ) продолжаетъ: *земля бо, пившая сходящій на ню множицею дождь, и раждающая былія добрая онымъ, имиже и дѣлаема бываетъ, пріемлетъ благословеніе отъ Бога: а износящая тернія и волчецъ, непотребна есть и клятвы близъ: еяже кончина въ пожженіе*. Устрашимся же, возлюбленные! Не Павлова это угроза, не человѣческія это слова; это—Духа Святаго, Христа, глаголавшаго въ Павлѣ. Кто чистъ отъ этихъ терній? Если бы даже мы были чистыми, то и тогда намъ слѣдовало бы не оставаться спокойными, а страшиться и трепетать, какъ бы въ насъ не выросли тернія; а если мы всѣ всецѣло состоимъ изъ терній и волчцовъ, то, скажи мнѣ, какъ мы можемъ оставаться спокойными и безпечными? Что дѣлаетъ насъ безпечными? Если думающій, что онъ стоитъ, долженъ бояться, чтобы не упасть,—*тѣмже мняйся стояти*, сказано, *да блюдется, да не падетъ* (1 Кор. x, 12), — то падшій сколько долженъ заботиться, чтобы востать? Если Павелъ боялся, *да не како, инымъ проповѣдуя, самъ неключимъ будетъ* (1 Кор. ix, 27), если онъ, столь достойный, боялся сдѣлаться недостойнымъ, то мы, уже сдѣлавшіеся недостойными, какое будемъ имѣть оправданіе и прощеніе, не имѣя никакого страха, но исполняя христіанскія обязанности, какъ бы какой обычай, и только для вида? Устрашимся же, возлюбленные! *Открывается бо гнѣвъ Божій съ небесе* (Рим. I, 18). Устрашимся, потому что онъ открывается не только на *нечестіе*, но и на всякую *неправду*, малую и великую. Вмѣстѣ съ тѣмъ (апостолъ) указываетъ и на человѣколюбіе Божіе; а дождемъ онъ называетъ уче-

ніе, и что выше онъ говорилъ въ словахъ: *должни суще быти учители лѣтъ ради*, то же говоритъ и здѣсь. И во многихъ мѣстахъ Писаніе называетъ ученіе дождемъ: *и облакомъ заповѣмъ, еже не одождити на него дождя*, говоритъ (Господь) о виноградникѣ (Иса. v, 6); а въ другомъ мѣстѣ то же называется гладомъ хлѣба и жа-
84 ждою воды (Амос. viii, 11); и еще: *рѣка Божія наполнися водъ* (Псал. lxiv, 10). *Земля бо*, говоритъ, *пившая сходящій на ню множицею дождь*. Здѣсь онъ выражаетъ, что и принимали и пили слово его, и часто удостоивались слышать его, но не получили отъ того пользы. Если бы, говоритъ, ты не была воздѣлана, если бы не получала дождей, то зло не было бы столь велико, потому что *аще не быхъ пришелъ*, говоритъ (Христосъ), *и глаголалъ имъ, грѣха не быша имѣли* (Іоан. xv, 22); если же ты часто пила и принимала, то почему вмѣсто плодовъ ты произрастила нѣчто другое? *Ждахъ*, говоритъ (Господь), *да сотворитъ гроздіе, сотвори же терніе* (Иса. v, 4). Видишь ли, что Писаніе вездѣ терніемъ называетъ грѣхи? И Давидъ говоритъ: *возвратихся на страсть, егда унзе ми тернъ* (Псал. xxxi, 4). (Тернъ) не просто входитъ, а вонзается; и хотя бы его осталось немного, но если онъ не весь будетъ выдернутъ, то и самая малая часть его производитъ боль такъ же, какъ и (весь) тернъ. Но что я говорю: немного? Даже послѣ того, какъ онъ будетъ выдернутъ, въ ранѣ долго еще остается боль. Потому нужно долго лѣчить и пользовать, чтобы освободиться отъ нея совершенно; недостаточно только исторгнуть грѣхъ, а нужно излѣчить и пораженное мѣсто. Боюсь, чтобы не относились къ намъ болѣе, нежели къ другимъ, слова (апостола): *земля, пившая сходящій на ню множицею дождь;* мы вѣдь постоянно пьемъ, постоянно слушаемъ, но тотчасъ же, какъ только восходитъ солнце, теряемъ влагу, и потому произращаемъ тернія. Какія же это тернія? Послушаемъ Христа, который говоритъ: *печаль вѣка сего и лесть богатства подавляетъ слово, и безъ плода бываетъ* (Мѳ. xiii, 22). *Земля бо, пившая сходящій на ню множицею дождь, и раждающая былія добрая.*

2. Нѣтъ ничего столь благопотребнаго, какъ чистота жизни, ничего столь прекраснаго, какъ благоустроенная жизнь, ничего столь вожделѣннаго, какъ добродѣтель. *И раждающая*, говоритъ, *былія добрая онымъ, имиже и дѣлаема бываетъ, пріемлетъ благословеніе отъ Бога.* Здѣсь онъ внушаетъ, что Богъ есть виновникъ всего, и нѣкоторымъ образомъ обличаетъ язычниковъ, которые приписывали произращеніе плодовъ силѣ земли. Не руки земледѣльца, говоритъ, возбуждаютъ землю къ принесенію плодовъ, но повелѣніе Божіе; потому и выражается такъ: *пріемлетъ благословеніе отъ Бога.* И смотри: о терніяхъ онъ не сказалъ: раждаю-

щая *тернія*, не употребилъ такого одобрительнаго выраженія,—но
что?—*износящая тернія*,—какъ бы такъ: извергающая, выбрасы-
вающая. *Непотребна есть и клятвы близъ*. О, какое утѣшеніе за-
ключается въ этихъ словахъ! *Клятвы*, говоритъ, *близъ есть*, а не
сказалъ: проклята; т. е. еще не подверглась проклятію, а только
близка къ нему, но можетъ быть и далека отъ него. И не только
этими словами онъ утѣшаетъ, но и слѣдующими; не сказалъ: 85
она непотребна, близка къ проклятію и будетъ сожжена,—но что?
Еяже кончина въ пожженіе; выражаетъ, что если она до конца
останется такою, то потерпитъ и это. Слѣдовательно, если мы
исторгнемъ и сожжемъ терніе, то сможемъ получить многія
блага, сдѣлаться благопотребными и удостоиться благословенія.
Справедливо называетъ грѣхъ терніемъ въ словахъ: *износящая
тернія и волчецъ*, потому что (грѣхъ), если крѣпко станешь дер-
жаться его, вонзается и колетъ, и даже на видъ бываетъ без-
образенъ. Итакъ, укоривъ ихъ достаточно, устрашивъ и обличивъ,
(апостолъ) потомъ утѣшаетъ, чтобы не поразить ихъ слишкомъ
много и чтобы они не сдѣлались безпечными, потому что чело-
вѣкъ лѣнивый, когда его (слишкомъ много) наказываютъ, дѣ-
лается еще болѣе лѣнивымъ. Потому (апостолъ) и не за все одо-
бряетъ ихъ, чтобы они не возгордились, и не за все уко-
ряетъ, чтобы не сдѣлать ихъ болѣе безпечными, но сказавъ не-
много укоризнъ, въ дальнѣйшихъ словахъ предлагаетъ вели-
кое утѣшеніе, чтобы такимъ образомъ достигнуть своей цѣли.
Что же онъ говоритъ? *Надѣемся же о васъ, возлюбленніи, лучшихъ
и придержащихся спасенія, аще и тако глаголемъ* (ст. 9), т. е., го-
воримъ это не потому, чтобы мы отчаялись въ васъ или считали
васъ исполненными терній, а потому, что боимся, какъ бы не
случилось этого; лучше внушить вамъ страхъ словами, нежели
на дѣлѣ испытывать скорбь. Это особенно и показываетъ мудрость
Павла. Онъ не сказалъ: думаемъ, предполагаемъ, ожидаемъ, упо-
ваемъ,—но что? *Надѣемся*. Такъ и въ посланіи къ Галатамъ онъ
говоритъ: *азъ надѣюся о васъ о Господѣ, яко ничтоже ино разумѣти
будете* (Гал. v, 10); не сказалъ: разумѣете, но: *разумѣти будете;*
такъ какъ (галатійцы) были тогда весьма достойны осужденія и
(апостолъ) не могъ хвалить ихъ за дѣла настоящія, то хвалитъ
за будущія: *ничтоже ино*, говоритъ, *разумѣти будете*. А здѣсь
онъ хвалитъ (евреевъ) за дѣла настоящія: *надѣемся же о васъ,
возлюбленніи, лучшихъ и придержащихся спасенія, аще и тако глаго-
лемъ*. Но такъ какъ за дѣла настоящія онъ не могъ хвалить ихъ
много, то заимствуетъ утѣшеніе отъ дѣлъ прошедшихъ и гово-
ритъ: *необидливъ бо Богъ забыти дѣла вашего и труда любве, юже
показасте во имя его, послуживше святымъ и служаще* (ст. 10). О,

какъ онъ ободрилъ и укрѣпилъ души ихъ, вспомнивъ о прежнихъ дѣлахъ и представивъ необходимость надѣяться, что Богъ не забылъ (ихъ подвиговъ)! Подлинно, кто не убѣжденъ въ правосудіи Божіемъ и въ томъ, что Онъ воздастъ каждому по заслугамъ настоящей жизни, тотъ неизбѣжно грѣшитъ и говоритъ, что Богъ неправеденъ. Потому онъ и внушилъ имъ необходимость вполнѣ надѣяться на будущее воздаяніе. Кто отчаивается въ настоящемъ и падаетъ духомъ, того можно ободрить будущимъ. Такъ и въ посланіи къ Галатамъ (Павелъ) говоритъ: *течасте добрѣ: кто вамъ возбрани* (Гал. v, 7)? и еще: *толико пострадасте туне? аще точію и туне* (Гал. ш, 4); и какъ здѣсь съ обличеніемъ онъ соединяетъ одобреніе, когда говоритъ: *должни суще быти учители лѣтъ ради* (Евр. v, 12), такъ и тамъ: *чуждуся, яко
86 тако скоро прелагаетеся* (Гал. I, 6). Съ укоризною (высказывается) и похвала,—потому что мы удивляемся тогда, когда падаетъ что-нибудь великое. Видишь ли, какъ въ самомъ обличеніи и обвиненіи скрывается похвала? И не отъ себя только одного онъ говоритъ это, но отъ лица всѣхъ; не сказалъ: надѣюсь, но: *надѣемся о васъ лучшихъ*, т. е. лучшаго. Здѣсь онъ говоритъ или объ ихъ жизни, или о воздаяніи. Сказавъ выше: *непотребна есть, клятвы близъ, еяже кончина въ пожженіе*, потомъ, чтобы они не подумали, что онъ говоритъ это объ нихъ, тотчасъ же присовокупляетъ: *необидливъ бо Богъ забыти дѣла вашего и труда любве*, и тѣмъ выражаетъ, что не объ нихъ онъ говоритъ—*аще и тако глаголемъ*. Если же не объ насъ говоришь, то для чего касаешься, называя лѣнивыми, и внушаешь страхъ, напоминая о терніяхъ? *Желаемъ*, говоритъ онъ, *да кійждо васъ являетъ тожде тщаніе ко извѣщенію упованія даже до конца: да не лѣниви будете, но подражатели наслѣдствующихъ обѣтованія вѣрою и долготерпѣніемъ* (ст. 11, 12).

3. *Желаемъ*, говоритъ; слѣдовательно, не на словахъ только хотимъ этого. Но чего, скажи, ты желаешь? Желаемъ, чтобы вы были добродѣтельными,—не осуждая васъ за прежнее, а опасаясь за будущее. Не сказалъ также: осуждая не за прошедшее, а за настоящее, такъ какъ вы развратились и сдѣлались безпечными. Но смотри, какъ кротко онъ выразилъ это, и не произнесъ укоризны. Что же говоритъ онъ? *Желаемъ же, да кійждо васъ являетъ тожде тщаніе даже до конца.* Удивительна Павлова мудрость: онъ не высказываетъ прямо, что они ослабѣли, что они пали,—потому что сказать: *желаемъ, да кійждо васъ,* значитъ сказать: желаю, чтобы ты былъ тщателенъ всегда, чтобы, каковъ ты былъ прежде, такимъ былъ и теперь и на будущее время; этимъ онъ дѣлаетъ свое обличеніе болѣе кроткимъ и удобопріемлемымъ. Не сказалъ также: *хочу*, что̀ показывало бы учительскую власть, но говоритъ:

желаемъ, употребляя выраженіе, показывающее отеческую любовь и означающее больше, нежели: *хочу*, и какъ бы такъ говоритъ: простите, если мы скажемъ что-нибудь непріятное. *Желаемъ же, да кійждо васъ являетъ тожде тщаніе ко извѣщенію упованія* вашего *даже до конца*. Что это значитъ? Надежда, говоритъ, переноситъ, она подкрѣпляетъ; не ослабѣвайте же и не отчаивайтесь, чтобы надежда ваша не оказалась лишнею; кто дѣлаетъ добро, тотъ и надѣется на добро, и никогда не отчаивается. *Да не лѣниви будете:* еще только *да не будете*, хотя выше онъ сказалъ: *понеже немощни бысте слухи* (Евр. v, 11). Но замѣть, тамъ онъ указалъ только на неспособность слушать, а здѣсь хотя употребляетъ подобное выраженіе, все же намекаетъ на нѣчто другое: вмѣсто того, чтобы сказать: не оставайтесь лѣнивыми, онъ сказалъ: *да не лѣниви будете*. Опять виновность ихъ отодвигаетъ на будущее время, говоря: *да не лѣниви будете;* а такъ какъ будущее время еще не существуетъ, то мы и не можемъ быть виновными. Тотъ, кого, какъ лѣниваго, убѣждаютъ быть старательнымъ въ настоящее время, можетъ сдѣлаться еще болѣе лѣнивымъ; но не то 87
бываетъ съ тѣмъ, кого (убѣждаютъ исправиться) на будущее время. *Желаемъ же*, говоритъ, *да кійждо васъ*. Великая любовь! (Павелъ) равно печется о великихъ и малыхъ, о всѣхъ помнитъ, никого не презираетъ, но одинаковое оказываетъ попеченіе о каждомъ и всѣмъ отдаетъ равную честь; этимъ онъ еще болѣе располагаетъ принять слова его, несмотря на ихъ строгость. *Да не будете лѣниви*, говоритъ. Какъ бездѣйствіе вредитъ тѣлу, такъ и неупражненіе въ добрѣ дѣлаетъ душу безпечною и слабою. *Но подражатели наслѣдствующихъ обѣтованія вѣрою и долготерпѣніемъ*. Кто эти (наслѣдники), онъ объясняетъ далѣе. Напередъ онъ сказалъ: подражайте прежнимъ вашимъ добрымъ дѣламъ; а потомъ, чтобы они не спросили: какимъ?—онъ указываетъ на праотца (Авраама), представляя примѣры добрыхъ дѣлъ въ собственныхъ ихъ дѣлахъ, а въ доказательство того, что они не забыты, примѣръ праотца. Это онъ дѣлаетъ для того, чтобы они не говорили, что они, какъ недостойные, забыты и оставлены, но знали, что проводить жизнь среди искушеній есть удѣлъ особенно доблестныхъ людей, и что Богъ всегда такъ поступалъ съ мужами дивными и великими. Нужно, говоритъ, переносить все съ долготерпѣніемъ, потому что это и значитъ вѣровать. Если бы я сказалъ: вотъ я даю тебѣ, и ты тотчасъ же получилъ бы, то чему тебѣ и вѣровать? Здѣсь не было бы мѣста твоей вѣрѣ, но я предупреждаю и даю по обѣщанію. Если же я скажу: вотъ я даю тебѣ, но дамъ чрезъ сто лѣтъ, и ты не будешь отчаиваться, то, значитъ, ты считаешь меня достойнымъ вѣры и имѣешь обо мнѣ

надлежащее мнѣніе. Видишь ли, что невѣріе часто происходитъ не только отъ безнадежности, но и отъ малодушія и нетерпѣнія, а не зависитъ отъ обѣщавшаго? *Необидливъ бо,* говоритъ, *Богъ забыти дѣла вашего и труда любве, юже показасте во имя его, послуживше святымъ и служаще.* Важное даетъ онъ о нихъ свидѣтельство, указывая не только на дѣла ихъ, но и на дѣла усердныя, подобно какъ онъ говоритъ и въ другомъ мѣстѣ: *не* только *же, но и себе вдаша Господеви и намъ* (2 Кор. VIII, 5). *Юже показасте во имя его, послуживше святымъ и служаще.* Смотри, какъ онъ опять утѣшаетъ ихъ, прибавляя: *служаще;* еще и теперь вы служите, говоритъ онъ, ободряя ихъ и внушая, что они дѣлали это не для людей, но для Бога. *Юже показасте,* говоритъ, не просто для святыхъ, но для Бога; это именно означаютъ слова: *во имя его,* въ которыхъ онъ какъ бы такъ говоритъ: вы дѣлали все во имя Его. Потому Тотъ, кто принялъ отъ васъ такое усердіе и любовь, никогда не презритъ васъ и не забудетъ.

4. Слыша это, будемъ служить святымъ, увѣщеваю васъ. А святъ всякій вѣрующій, потому самому, что онъ вѣрующій; хотя бы онъ былъ міряниномъ, онъ святъ. *Святится бо,* говоритъ (апостолъ), *мужъ невѣренъ о женѣ, и жена невѣрна о мужи* (1 Кор. VII, 14). Видишь: вѣра доставляетъ освященіе. Если мы увидимъ и мірянина въ несчастіи, подадимъ руку помощи. Не о тѣхъ только мы должны заботиться, которые живутъ въ горахъ; они, конечно, святы и по жизни и по вѣрѣ, но и тѣ святы по вѣрѣ, а многіе изъ нихъ и по жизни. Не (будемъ поступать такъ, что), когда увидимъ монаха въ темницѣ, то пойдемъ къ нему, а когда мірянина, то не пойдемъ; и послѣдній тоже святъ, и тоже братъ нашъ. Но что, скажешь, если онъ нечистъ и пороченъ? Послу-
88 шай, что говоритъ Христосъ: *не судите, да не судими будете* (Мѳ. VII, 1). Ты дѣлай для Бога. Но что я говорю? Хотя бы даже язычника мы увидѣли въ несчастіи, и ему надобно оказать добро, и вообще всякому человѣку, находящемуся въ несчастныхъ обстоятельствахъ, тѣмъ болѣе вѣрующему мірянину. Послушай, что заповѣдуетъ Павелъ: *да дѣлаете благое ко всѣмъ, паче же къ приснымъ въ вѣрѣ* (Гал. VI, 10). Я не понимаю, откуда взялось (противное мнѣніе) и какимъ образомъ усилился у насъ (противный) обычай. Кто отыскиваетъ только монашествующихъ, хочетъ оказывать добро только имъ однимъ, и между ними еще дѣлаетъ различіе и говоритъ: если онъ не достоинъ, если онъ не праведенъ, если онъ не творитъ знаменій, я не подамъ ему руку помощи,—тотъ отнимаетъ самую главную часть у милостыни, и все остальное со временемъ также уничтожитъ; напротивъ, истинная милостыня тогда и бываетъ, когда она оказывается грѣшникамъ

или виновнымъ; милосердіе въ томъ и состоитъ, что милуетъ не тѣхъ, которые исправны, а тѣхъ, которые согрѣшили. А чтобы ты убѣдился въ этомъ, послушай, что говоритъ Христосъ въ слѣдующей притчѣ. *Человѣкъ нѣкій*, говоритъ Онъ, *схождаше отъ Іерусалима во Іерихонъ, и въ разбойники впаде.* Тѣ избивши его, оставили на дорогѣ полумертваго. По случаю одинъ левитъ шелъ тою дорогою и, увидѣвъ его, прошелъ мимо; такъ же поступилъ и нѣкоторый священникъ,—прошелъ мимо. Но послѣ нихъ шелъ одинъ самарянинъ и оказалъ великое состраданіе къ нему: обвязалъ его раны, возлилъ на нихъ масло, посадилъ его на осла, привезъ въ гостинницу и сказалъ ея содержателю: позаботься о немъ и,—замѣть великую любовь,—если что болѣе издержишь, я отдамъ тебѣ. Затѣмъ (Христосъ) спросилъ: *кто убо ближній мнится быти впадшему въ разбойники?* И когда законникъ отвѣчалъ: *сотворивый милость съ нимъ*, тогда Онъ сказалъ: *иди, и ты твори такожде* (Лук. x, 30—37). Замѣть эту сказанную (Господомъ) притчу; не сказалъ Онъ, что іудей самарянину, но что самарянинъ оказалъ такое милосердіе. Отсюда мы научаемся, что должно заботиться о всѣхъ равно, а не приснымъ только по вѣрѣ дѣлать добро, о другихъ же не думать. Такъ и ты, когда увидишь кого-нибудь страждущимъ, не изслѣдуй о немъ ничего; онъ имѣетъ право на помощь уже потому, что страждетъ. Если ты помогаешь ослу, когда видишь, что онъ издыхаетъ, и не спрашиваешь, чей онъ, то тѣмъ болѣе не должно спрашивать о человѣкѣ, чей онъ; онъ Божій, хотя бы онъ былъ язычникъ, хотя бы іудей. Если онъ и невѣрный, но нуждается въ помощи. Если бы тебѣ дозволено было изслѣдовать и судить, то ты могъ бы говорить это; но теперь самое несчастіе не дозволяетъ тебѣ дѣлать изслѣдованія. Если не должно судить здоровыхъ и изслѣдовать чужія дѣла, то тѣмъ болѣе страждущихъ. Иначе что (будетъ)? Развѣ ты видѣлъ его счастливымъ, благоденствующимъ, что говоришь, будто онъ золъ и пороченъ? Онъ страждетъ; если же ты видишь его страждущимъ, то не говори, что онъ пороченъ. Когда мы видимъ человѣка благоденствующаго, тогда, пожалуй, можемъ сказать это объ немъ; но когда видимъ человѣка страждущаго и нуждающагося въ помощи, то не слѣдуетъ говорить, что онъ пороченъ; это—знакъ жестокости, безчеловѣчія и высокомѣрія. Кто, скажи мнѣ, былъ беззаконнѣе іудеевъ? Богъ наказывалъ
ихъ, и наказывалъ справедливо, весьма справедливо; однако же 89
къ тѣмъ, которые сострадали имъ, Онъ благоволилъ, а тѣхъ, которые радовались ихъ несчастію, наказывалъ. *И не страдаху*, говоритъ (пророкъ), *ничесоже въ сокрушеніи Іосифовѣ* (Амос. vi, 6). И въ другомъ мѣстѣ говорится: *искупи убиваемыхъ, не щади* (Притч.

xxiv, 11). Не сказано: развѣдай, и узнай, кто они, хотя по большей части отводимые на смерть бываютъ порочны, но сказано просто: *искупи*, кто бы они ни были. Въ этомъ особенно и состоитъ милосердіе. Кто благодѣтельствуетъ другу, тотъ, безъ сомнѣнія, дѣлаетъ это не для Бога; а кто—человѣку незнакомому, тотъ дѣлаетъ исключительно для Бога. (Премудрый) говоритъ: *не щади* денегъ и, хотя бы все пришлось издержать, отдай; а мы, видя изнуряемыхъ, мучимыхъ, претерпѣвающихъ страданія, жесточе тысячи смертей, и часто несправедливо, жалѣемъ денегъ и не жалѣемъ братій; бережемъ бездушное и не думаемъ о душѣ. Между тѣмъ Павелъ повелѣваетъ *съ кротостію* наставлять *про-*
90 *тивныя, еда како дастъ имъ Богъ покаяніе въ разумъ истины, и возникнутъ отъ діаволскія сѣти, живи уловлени отъ него въ свою его волю* (2 Тим. II, 25, 26). *Еда како*, говоритъ: видишь ли, какого долготерпѣнія исполнены слова его? Будемъ же и мы подражать ему и не считать никого безнадежнымъ. Рыболовы, ввергая сѣти въ море, часто ничего не вытаскиваютъ, но бросивъ въ послѣдній разъ, получаютъ все. Такъ и мы не отчаиваемся, но надѣемся, что вы вдругъ явите намъ зрѣлые плоды. И земледѣлецъ, посѣявъ сѣмена, терпитъ одинъ день и другой, и долго ожидаетъ, а потомъ вдругъ видитъ вездѣ проросшіе плоды. Это, надѣемся, будетъ и съ вами, благодатію и человѣколюбіемъ Господа нашего Іисуса Христа, съ Которымъ Отцу со Святымъ Духомъ слава, держава, честь, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА XI.

89 **Аврааму бо обѣтовая Богъ, понеже ни единѣмъ имяше большимъ клятися, клятся собою, глаголя: воистинну благословя благословлю тя и умножая умножу тя. И тако долготерпѣвъ получи обѣтованіе. Человѣцы бо большимъ кленутся, и всякому ихъ прекословію кончина во извѣщеніе клятва есть (Евр. VI, 13—16).**

1. Сильно тронувъ евреевъ и достаточно внушивъ имъ страхъ, (апостолъ) утѣшаетъ ихъ сначала похвалами, а потомъ,— что гораздо дѣйствительнѣе,— тѣмъ, что они непремѣнно получатъ ожидаемое. Это утѣшеніе онъ заимствуетъ отъ событій не настоящихъ, но прошедшихъ, что для нихъ было болѣе убѣдительно. Какъ при угрозахъ наказаніемъ онъ особенно устрашаетъ событіями настоящими, такъ при обѣщаніи наградъ утѣшаетъ событіями прошедшими, указывая на то, какъ Богъ обыкновенно

поступаетъ, т. е. что Онъ не скоро исполняетъ обѣщанія, но спустя долгое время. Поступаетъ же Онъ такъ для того, чтобы представить сильнѣйшее доказательство своего могущества и въ насъ возбудить вѣру, чтобы люди, проводящіе жизнь въ скорбяхъ и не получающіе ни обѣщаній, ни наградъ, не ослабѣвали въ подвигахъ. Имѣя возможность представить многихъ, (апостолъ) оставляетъ всѣхъ другихъ и указываетъ на Авраама, какъ въ виду важности лица, такъ особенно потому, что съ нимъ это случилось, какъ и говоритъ онъ въ концѣ посланія: *сіи вси издалеча видѣвше обѣтованія и цѣловавше, не пріяша обѣтованія, да не безъ насъ совершенство пріимутъ* (Евр. xi, 13, 39, 40). *Аврааму бо,* говоритъ, *обѣтовая Богъ, понеже ни единѣмъ имяше большимъ клятися, клятся собою, глаголя: воистинну благословя благословлю тя и умножая умножу тя. И тако долготерпѣвъ получи обѣтованіе.* Какъ же въ концѣ онъ говоритъ: *не пріяша обѣтованія,* а здѣсь: *долготерпѣвъ получи обѣтованіе?* Какимъ образомъ не получилъ и по- 90
лучилъ? Не объ одномъ и томъ же онъ говоритъ здѣсь и тамъ, но внушаетъ двоякое утѣшеніе. Обѣтовалъ (Богъ) Аврааму, и обѣтованіе, о которомъ здѣсь говорится, исполнилъ спустя долгое время; а то (обѣтованіе), о которомъ тамъ говорится, было не таково. *И тако долготерпѣвъ получи обѣтованіе.* Видишь ли, что не одно только обѣтованіе совершило все, но и долготерпѣніе? Здѣсь онъ внушаетъ имъ страхъ, выражая, что часто обѣтованіе не исполняется по малодушію (людей). Это доказалъ онъ примѣромъ (израильскаго) народа, который малодушествовалъ и потому не получилъ обѣтованія, а примѣромъ Авраама доказываетъ противное. Въ концѣ онъ внушаетъ еще нѣчто большее: говоритъ, что (другіе) и долготерпѣвши, не получили, и однако не предавались унынію. *Человѣцы бо большимъ кленутся, и всякому ихъ прекословію кончина во извѣщеніе клятва есть: Богъ же, понеже ни единѣмъ имяше большимъ клятися, клятся собою.* Правильно. Но кто былъ клявшійся Аврааму? Не Сынъ ли? Нѣтъ, говоришь ты. Почему же такъ говоришь? Напротивъ, именно Онъ; впрочемъ я не стану спорить. Когда Онъ клянется тою же самою клятвою: *аминь, аминь глаголю вамъ,* то не ясно ли, что это за неимѣніемъ никого выше, кѣмъ бы клясться? Какъ клялся Отецъ, такъ и Сынъ клянется самимъ Собою: *аминь,* говоритъ, *аминь глаголю вамъ.* Здѣсь (апостолъ) напоминаетъ имъ о тѣхъ клятвахъ, которыя часто произносилъ Христосъ, когда говорилъ: *аминь, аминь глаголю тебѣ: вѣруяй въ мя не умретъ во вѣки* (Іоан. xi, 26). Что значитъ: *и всякому ихъ прекословію кончина во извѣщеніе клятва есть?* Иначе сказать: этимъ разрѣшаются недоумѣнія во всякомъ спорномъ случаѣ, не въ такомъ-то или такомъ-то, но во всякомъ.

Богу нужно было вѣрить и безъ клятвы; но *въ немже лишше хотя Богъ показати наслѣдникомъ обѣтованія непреложное совѣта своего, ходатайствова клятвою* (ст. 17). Здѣсь (апостолъ) разумѣетъ и вѣрующихъ; потому и упоминаетъ о такомъ обѣтованіи, кото-
91 рое относилось ко всѣмъ намъ вообще. *Ходатайствова*, говоритъ, *клятвою*. Опять и здѣсь онъ говоритъ о Сынѣ, который есть посредникъ между людьми и Богомъ. *Да двѣма вещми непреложными, въ нихже не возможно солгати Богу* (ст. 18). Какою и какою? Тѣмъ, что сказалъ и обѣщалъ, и тѣмъ, что къ обѣтованію присоединилъ клятву. Такъ какъ у людей считается болѣе достовѣрнымъ то, что подтверждено клятвою, поэтому и присоединилъ клятву.

2. Видишь ли, что (Богъ) смотритъ не на собственное достоинство, но, съ цѣлью убѣдить людей, попускаетъ говорить о Себѣ и недостойное Его, именно для того, чтобы удостовѣрить. Касательно Авраама, (апостолъ) показываетъ, что все было дѣломъ Божіимъ, а не дѣломъ его долготерпѣнія,—когда Богъ благоволилъ присоединить клятву, когда, подобно тому какъ люди клянутся, поклялся и Богъ самимъ Собою. Люди клянутся Имъ, какъ большимъ, а Онъ клялся не какъ большимъ, и однако исполнилъ. Клятва самимъ Собою не одинакова у человѣка и Бога, потому что человѣкъ не имѣетъ власти надъ собою. Итакъ, видишь, это сказано (апостоломъ) не столько по отношенію къ Аврааму, сколько по отношенію къ намъ. *Да крѣпкое*, говоритъ, *утѣшеніе имамы прибѣгшіе ятися за предлежащее упованіе*. Выше онъ сказалъ: *долготерпѣвъ получи обѣтованіе*, и теперь говоритъ *(да крѣпкое утѣшеніе имамы)*; впрочемъ, не прибавилъ: понеже клятся (Богъ). А въ чемъ состоитъ клятва, это Онъ объяснилъ словами: *клятися большимъ*. Такъ какъ родъ человѣческій недовѣрчивъ, то (Богъ) нисходитъ къ тому, что свойственно намъ; Онъ клянется для насъ,—хотя недовѣрчивость и недостойна Его,—подобно тому, какъ Онъ *навыче отъ сихъ, яже пострада* (Евр. ш, 8), потому что люди считаютъ болѣе достовѣрнымъ дознанное на опытѣ. Что значитъ: *за предлежащее упованіе*? На основаніи тѣхъ (обѣтованій), говоритъ, мы ожидаемъ будущаго, потому что если они спустя долгое время исполнились, то и это непремѣнно исполнится. Такъ бывшее съ Авраамомъ удостовѣряетъ насъ въ будущемъ. *Еже аки котву имамы души твердy же и извѣстну и входящую во внутреннѣйшее завѣсы: идѣже предтеча о насъ вниде Іисусъ, по чину Мелхиседекову первосвященникъ бывъ во вѣки* (ст. 19, 20). Насъ, живущихъ въ этомъ мірѣ и еще не отошедшихъ отъ жизни, (апостолъ) представляетъ уже достигшими обѣщаннаго, потому что надеждою мы уже на небѣ. Надѣйтесь, говоритъ онъ,

потому что это непремѣнно исполнится; а въ удостовѣреніе говорить: лучше сказать, надеждою вы уже достигли этого. Не сказалъ: мы входимъ внутрь (завѣсы), но: она вошла внутрь, что справедливѣе и убѣдительнѣе. Какъ якорь, спущенный съ корабля, не позволяетъ ему носиться по волнамъ, какіе бы вѣтры ни колебали его, но прикрѣпляясь къ нему, дѣлаетъ его неподвижнымъ, такъ и надежда. И смотри, какое близкое представилъ онъ сравненіе; не указалъ на основаніе, которое не такъ здѣсь приличествовало бы, но на якорь. Посредствомъ него корабль, находящійся въ открытомъ морѣ и повидимому не укрѣпленный, стоитъ на водѣ какъ бы на сушѣ, колеблется и не колеблется. О людяхъ весьма твердыхъ и любомудрыхъ Христосъ 92
прилично употребляетъ то выраженіе (основаніе): *иже*, говоритъ, *созда храмину свою на камени* (Мѳ. VII, 24); а о людяхъ, не совсѣмъ твердыхъ и принужденныхъ руководиться надеждою, Павелъ справедливо употребилъ это выраженіе (якорь). Волненіе и сильная буря колеблютъ судно; но надежда не позволяетъ ему носиться по волнамъ, какіе бы вѣтры ни нападали на него, такъ что если бы мы не имѣли ея, то давно утонули бы, и не только въ дѣлахъ духовныхъ, но и въ житейскихъ она оказываетъ великую силу, какъ-то: въ торговлѣ, въ земледѣліи, на войнѣ; кто не будетъ имѣть ея въ виду, тотъ и не примется за дѣло. (Апостолъ) назвалъ ее не просто якоремъ, но вѣрнымъ и твердымъ, чтобы показать несомнѣнность ея для спасенія тѣмъ, которые утверждаются на ней; потому и прибавляетъ еще: *входящую во внутреннѣйшее завѣсы*. Что это значитъ? То же что—достигающую до неба. Потомъ присовокупляетъ и удостовѣреніе,—чтобы она была не только надеждою, но и надеждою совершенно истинною; послѣ клятвы приводитъ еще нѣчто другое, именно, доказательство отъ дѣлъ: *предтеча о насъ вниде Іисусъ*. Предтеча есть тотъ, кто идетъ предъ кѣмъ-нибудь, какъ напр. Іоаннъ—(предтеча) Христовъ. И не просто: *вниде*, но: *идѣже предтеча о насъ вниде*, такъ что и мы должны слѣдовать за нимъ, потому что между предтечею и слѣдующими за нимъ не должно быть большого разстоянія,—иначе онъ не былъ бы предтечею. Предтеча и слѣдующіе за нимъ должны быть на одномъ и томъ же пути; дѣло перваго — идти впереди, а послѣднихъ — слѣдовать за нимъ. *По чину*, говоритъ, *Мелхиседекову первосвященникъ бывъ во вѣки*. Вотъ и еще иное утѣшеніе — въ томъ, что нашъ первосвященникъ выше и гораздо лучше (первосвященниковъ) іудейскихъ, не только по способу (избранія), но и по мѣсту, и по скиніи, и по завѣту, и по личности. Впрочемъ это говорится (о Христѣ) по плоти.

3. Итакъ, нужно быть лучшими и для тѣхъ, у кого Онъ

первосвященникомъ; насколько велико различіе между Аарономъ и Христомъ, настолько же велико различіе должно быть между нами и іудеями. Смотри, мы имѣемъ горѣ жертвеннаго агнца, горѣ первосвященника, горѣ жертву. Потому мы должны приносить такія жертвы, которыя могли бы быть возложены на такомъ жертвенникѣ,—не овецъ и воловъ, не кровь и тукъ. Все это прекратилось, а вмѣсто того введено словесное служеніе. Что такое словесное служеніе? Душевное, духовное,—*Богъ*, говорится (въ Писаніи), *есть Духъ, и иже кланяется ему, духомъ и истиною достоитъ кланятися* (Іоан. IV, 24),—такое, для котораго ненужно ни тѣла, ни орудій, ни мѣстъ; таковы: кротость, цѣломудріе, милосердіе, незлобіе, долготерпѣніе, смиренномудріе. Такія жертвы еще въ ветхомъ завѣтѣ издавна предуказаны. *Пожрите* Богу, говоритъ Давидъ, *жертву правды* (Псал. IV, 6); и еще: *тебѣ пожру жертву хвалы* (Псал. CXV, 8); и еще: *жертва хвалы прославитъ мя* (Псал. XLIX, 23); и еще: *жертва Богу духъ сокрушенъ* (Псал. L, 19); и еще: *чесого Господь ищетъ отъ тебе, развѣ еже ходити съ нимъ* (Мих. VI, 8)? *всесожженій и о грѣсѣ не взыскалъ еси: тогда рѣхъ: се пріиду еже сотворити волю твою, Боже* (Псал. XXXIX, 7, 8); и еще: *вскую мнѣ кадило отъ Савы приносите* (Іер. VI, 20); и другой (пророкъ): *отстави отъ мене гласъ пѣсней твоихъ, и пѣсни органовъ*
93 *твоихъ не послушаю* (Амос. V, 23); но, вмѣсто того, *милости хощу, а не жертвы* (Осія VI, 6).

Видишь, какими жертвами нужно благоугождать Богу? Видишь, что тѣ жертвы давно уже прекратились, а эти введены вмѣсто нихъ? Ихъ мы и будемъ приносить. Тѣ—жертвы людей богатыхъ и достаточныхъ, а эти—жертвы добродѣтели; тѣ—внѣшнія, а эти—внутреннія; тѣ можетъ приносить всякій, а эти—немногіе. Насколько человѣкъ лучше овцы, настолько эта жертва (выше) той, потому что здѣсь ты приносишь въ жертву свою душу. Есть и еще жертвы, поистинѣ—всесожженія; это—тѣла святыхъ мучениковъ; у нихъ святы и душа и тѣло; они исполнены великаго благоуханія. И ты, если захочешь, можешь приносить такую жертву. Какимъ образомъ, когда ты не можешь предавать тѣла своего на сожженіе? Ты можешь (предавать себя) другому огню, напр., огню произвольной нищеты, огню скорби. Когда кто-нибудь, имѣя возможность жить роскошно и великолѣпно, умерщвляетъ себя жизнію подвижническою и прискорбною, то не есть ли это—всесожженіе? Умертви тѣло свое и распни его, и ты также получишь вѣнецъ мученичества. Что тамъ совершаетъ мечъ, то здѣсь пусть совершаетъ усердіе. Пусть не воспламеняется и не овладѣваетъ (тобою) сребролюбіе, но пусть пожигается и истребляется эта безумная страсть духовнымъ

огнемъ, пусть отсѣкается мечемъ Духа. Это—добрая жертва, для которой не нуженъ священникъ, но только самъ приносящій ее,—жертва прекрасная, которая совершается на землѣ, но тотчасъ же принимается на небѣ. Не дивимся ли мы, какъ въ древности сошелъ огонь и истребилъ все (3 Цар. xvIII, 38)? Можетъ и нынѣ сходить огонь, гораздо болѣе чудный, и истреблять все предлагаемое, или лучше, не истреблять, но возносить на небо,—такъ какъ онъ не въ пепелъ превращаетъ дары, но приноситъ Богу.

Таковы были приношенія Корнилія: *молитвы твоя*, сказано (ему), *и милостыни твоя взыдоша на память предъ Бога* (Дѣян. x, 11). Вотъ прекрасное сочетаніе! Тогда и мы бываемъ услышаны, когда сами слышимъ приходящихъ къ намъ нищихъ. *Иже затыкаетъ*, говорится (въ Писаніи), *ушеса своя, еже не послушати немощнаго*, молитвы того не послушаетъ Богъ (Притч. xxI, 13); *блаженъ разумѣваяй на нища и убога: въ день лютъ избавитъ его Господь* (Псал. xʟ, 2). Это не иной какой-нибудь день, но тотъ день, который будетъ тяжкимъ для грѣшниковъ. Что значитъ: *разумѣваяй?* Понимающій, что такое нищій, вникающій въ его бѣдствіе,—вѣдь кто постигнетъ его бѣдствіе, тотъ, конечно, тотчасъ окажетъ ему милость. Когда ты увидишь нищаго, то не отворачивайся отъ него, но тотчасъ подумай, каковъ былъ бы ты самъ, если бы былъ на его мѣстѣ, чего хотѣлъ бы ты получить отъ всѣхъ? *Разумѣваяй*, говоритъ. Представь, что и онъ свободенъ такъ же, какъ ты, имѣетъ одинаковую съ тобою благородную природу, и все у него общее съ тобою; и между тѣмъ его, который нисколько не хуже тебя, ты часто не равняешь даже съ своими собаками; эти вполнѣ насыщаются хлѣбомъ, а тотъ нерѣдко засыпаетъ голоднымъ, такъ что свободный становится ниже твоихъ рабовъ. Но рабы, скажешь, оказываютъ намъ услуги. Какія, объясни мнѣ? Они тебѣ хорошо служатъ? Но если я докажу, что и онъ оказываетъ тебѣ услугу гораздо больше ихъ,—что ты скажешь? Онъ предстанетъ въ день суда, и избавитъ тебя отъ огня. Могутъ ли 94
всѣ рабы сдѣлать что-нибудь подобное? Когда умерла Тавиѳа (Дѣян. ix), кто воскресилъ ее? Рабы ли, окружавшіе ее, или бѣдные? А ты не хочешь поставить свободнаго наравнѣ даже съ рабами. Вотъ сильная стужа; нищій лежитъ на помостѣ, одѣтый въ рубище, умирая съ холода, скрежеща зубами, и видомъ и одеждою возбуждая состраданіе; но ты, одѣтый тепло и опьянѣвшій, проходишь мимо (не обращая на него вниманія). Какъ же ты желаешь, чтобы Богъ избавилъ тебя, когда находишься въ несчастіи? Ты часто говоришь: если бы я былъ въ такомъ положеніи, что кто-нибудь много согрѣшилъ бы противъ меня, то я простилъ бы его,—Богъ ли не проститъ мнѣ? Не говори этого;

самъ ты презираешь того, который даже ни въ чемъ не согрѣшилъ противъ тебя, и которому ты могъ бы помочь. Если же ты презираешь такого (человѣка), то какъ Богъ проститъ тебѣ грѣхи твои противъ Него? Не заслуживаетъ ли это геенны? И вотъ что странно: нерѣдко тѣло мертвое, безжизненное, уже не чувствующее почестей, ты прикрываешь множествомъ разнообразныхъ позолоченныхъ одеждъ; а тѣло страждущее, болѣзненное, мучимое и изнуряемое голодомъ и холодомъ, ты презираешь; болѣе угождаешь тщеславію, нежели страху Божію. И, о, если бы только это! Но тотчасъ (начинаются еще) укоризны на подходящаго (бѣдняка). Почему, говоришь ты, онъ не работаетъ? Зачѣмъ ѣстъ хлѣбъ, не трудясь? Но ты самъ, скажи мнѣ, своими ли трудами пріобрѣлъ то, что имѣешь? Не отцовское ли получилъ наслѣдство? А если бы ты и трудился, то неужели поэтому ты можешь укорять другого? Развѣ ты не слышалъ словъ Павла: *вы же не стужайте доброе творяще?* И это говоритъ послѣ того, какъ сказалъ: *аще кто не хощетъ дѣлати, ниже да ястъ* (2 Сол. III, 13, 10). Но онъ, говоришь ты, обманщикъ.

4. Что говоришь ты, человѣкъ? Изъ-за одного хлѣба и одежды ты называешь его обманщикомъ? Но онъ тотчасъ продастъ ее, говоришь ты. А ты самъ хорошо ли распоряжаешься всѣмъ своимъ имуществомъ? Какъ, неужели всѣ нищіе сдѣлались такими отъ праздности? Неужели никто отъ кораблекрушеній, никто отъ судилищъ, никто отъ воровъ, никто отъ несчастій, никто отъ болѣзней, никто отъ какихъ-нибудь другихъ обстоятельствъ? Между тѣмъ мы, слыша бѣднаго, жалующагося на подобныя несчастія, взывающаго громкимъ голосомъ, устремляющаго взоры на небо, съ открытою головою, съ распущенными волосами, одѣтаго въ рубище, тотчасъ называемъ его обманщикомъ, плутомъ, лицемѣромъ. Не стыдно ли тебѣ? Кого ты называешь обманщикомъ? Если не хочешь ничего дать, то, по крайней мѣрѣ, не поноси человѣка. Но, говоришь ты, онъ имѣетъ средства и притворяется. Это служитъ къ осужденію тебя, а не его; онъ знаетъ, что имѣетъ дѣло съ людьми жестокосердыми, скорѣе со звѣрями, нежели съ людьми, и что, сколько бы онъ ни произносилъ жалобныхъ словъ, никого не тронетъ, а потому и принужденъ принимать на себя видъ еще болѣе жалкій, чтобы преклонить твою душу. Когда мы увидимъ, что кто-нибудь подходитъ къ намъ въ опрятной одеждѣ, то говоримъ: онъ обманщикъ, онъ подходитъ въ такомъ видѣ, чтобы показать, что онъ изъ благородныхъ; а когда увидимъ кого-нибудь въ противоположнаго свойства одеждѣ, то укоряемъ и его. Что же имъ дѣлать? О, жестокость! О, безчувственность! Для чего, говоришь ты, они обнажаютъ изувѣченные члены? Для

тебя. Если бы мы были сострадательны, то имъ ненужно было бы прибѣгать къ такимъ средствамъ; если бы они могли трогать съ перваго взгляда, то не ухищрялись бы подобнымъ образомъ. Какой несчастный захотѣлъ бы такъ вопить, принимать на себя отвратительный видъ, вмѣстѣ съ обнаженною женою рыдать предъ всѣми, вмѣстѣ съ дѣтьми посыпать себя пепломъ? Что можетъ быть хуже такой крайности? Но и за это мы не только не ока- 95
зываемъ имъ состраданія, а еще осуждаемъ ихъ. Какъ же послѣ того мы можемъ негодовать, что Богъ не внемлетъ нашимъ молитвамъ? Какъ можемъ роптать, что Онъ не удовлетворяетъ нашимъ прошеніямъ? Не страшно ли это, возлюбленные? Но, говоришь ты, я часто подавалъ. А ты развѣ не каждый день принимаешь пищу? Развѣ ты отталкиваешь дѣтей, хотя они и часто просятъ тебя? О, безстыдство! Ты называешь нищаго безстыднымъ. Самъ, похищая чужое, ты не считаешь себя безстыднымъ; а просящій хлѣба безстыденъ? Ужели ты не знаешь, какъ сильна потребность желудка? Не дѣлаешь ли ты все для него? Не оставляешь ли ты для него духовныхъ предметовъ? Тебѣ обѣщано небо и царствіе небесное; а ты, покоряясь насилію его (желудка), не переносишь ли все и не пренебрегаешь тѣмъ (обѣщаннымъ)? Вотъ истинное безстыдство! Не видишь ли ты увѣчныхъ старцевъ? Но,—о, злословіе!—этотъ, говорите вы, даетъ въ долгъ по стольку-то золотыхъ, а тотъ по стольку-то, и между тѣмъ выпрашиваютъ (милостыни). Вы разсказываете басни и сказки малыхъ дѣтей, которыя они всегда слышатъ отъ своихъ нянекъ; я не думаю, не вѣрю, не можетъ быть. Такой-то даетъ деньги въ ростъ, а самъ при своемъ достаткѣ проситъ милостыни? Для чего же, скажи мнѣ? Что можетъ быть постыднѣе прошенія милостыни? Лучше умереть, нежели просить. Но доколѣ мы будемъ жестокосердыми? Какъ, неужели всѣ они даютъ деньги въ ростъ? Неужели всѣ обманщики? Неужели нѣтъ ни одного дѣйствительно нищаго? Есть, говоришь ты, и много. Почему же ты не оказываешь помощи имъ, если ты точно знаешь жизнь ихъ? Нѣтъ, это—предлогъ и отговорка. *Всякому просящему у тебе дай, и хотящаго отъ тебе заяти не отврати* (Мѳ. v, 42; Лук. vi, 30); *буди рука твоя простерта, а не согбена* (Сир. iv, 35). Мы не поставлены быть судьями жизни другихъ; иначе мы никому не подадимъ милостыни. Когда ты молишься Богу, то не говоришь ли: *не помяни грѣховъ моихъ* (Псал. xxiv, 7)? Такъ и о нищемъ, хотя бы онъ былъ великій грѣшникъ, думай то же и не поминай грѣховъ его. Нынѣ время человѣколюбія, а не строгаго суда, — милости, а не осужденія. Онъ хочетъ ѣсть: если желаешь, дай ему; если же не желаешь, откажи, не изслѣдуя, почему онъ бѣденъ

и несчастенъ. Для чего ты и самъ не подаешь ему, и желающихъ подать отклоняешь? Вѣдь когда кто-нибудь услышитъ отъ тебя, что этотъ (нищій)—обманщикъ, а тотъ—лицемѣръ, ростовщикъ, то не подастъ ни тому, ни другому, подумавъ, что они всѣ таковы. Извѣстно, какъ легко мы вѣримъ худому, и какъ не-
96 легко — хорошему. Мы должны быть не просто милосерды, но *якоже Отецъ* нашъ *небесный* (Мѳ. v, 48). Онъ питаетъ и блудниковъ, и прелюбодѣевъ, и обманщиковъ, и вообще всякаго рода злодѣевъ. Въ настоящемъ мірѣ необходимо быть и такого рода многимъ; Онъ же всѣхъ одѣваетъ, и никто никогда не умиралъ съ голоду, развѣ только по собственной волѣ.

Такъ и мы должны быть милосерды. Если кто проситъ у тебя и находится въ нуждѣ, помоги ему. Но мы нынѣ дошли до такого безумія, что поступаемъ такъ не только съ нищими, ходящими по переулкамъ, но и съ монашествующими: онъ, говорятъ, обманщикъ! Не внушалъ ли я вамъ и прежде, что если мы будемъ подавать всѣмъ безъ разбора, то постоянно будемъ оказывать милосердіе; а если станемъ изслѣдывать, то никогда не окажемъ милосердія? Что говоришь ты? Неужели онъ притворяется для того, чтобы получить хлѣба? Если бы онъ просилъ талантовъ золота и серебра, или драгоцѣнныхъ одеждъ, или рабовъ, или чего-нибудь подобнаго, то справедливо можно было бы назвать его обманщикомъ; но если онъ не проситъ ничего такого, а только пищи и одежды, вещей самыхъ умѣренныхъ, то, скажи мнѣ, свойственно ли это обманщику? Оставимъ эту неумѣстную, сатанинскую, пагубную разборчивость. Когда кто-нибудь станетъ говорить, что онъ принадлежитъ къ клиру, или называть себя священникомъ, тогда развѣдай, распроси, потому что общеніе съ такимъ человѣкомъ безъ изслѣдованія не безопасно,—здѣсь великая опасность. А когда кто-нибудь проситъ пищи, то не изслѣдуй; здѣсь ты не столько даешь, сколько самъ принимаешь. Вспомни, если хочешь, какъ Авраамъ оказывалъ гостепріимство всѣмъ приходящимъ. Если бы онъ дѣлалъ изслѣдованія о приходящихъ къ нему, то не принялъ бы ангеловъ; можетъ быть, не считая ихъ ангелами, онъ вмѣстѣ съ другими отказалъ бы и имъ; но такъ какъ онъ принималъ всѣхъ, то принялъ и ангеловъ. Развѣ за жизнь принимающихъ отъ тебя Богъ даетъ тебѣ награду? Нѣтъ,—за твое расположеніе, за твое милосердіе, за великое человѣколюбіе, за доброту. Если будетъ она, то и ты получишь всѣ блага, которыхъ да сподобимся всѣ мы, благодатію и человѣколюбіемъ Господа нашего Іисуса Христа, съ Которымъ Отцу со Святымъ Духомъ слава, держава, честь, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА XII.

Сей бо Мелхиседекъ, царь Салимскій, священникъ Бога вышняго, иже срѣте Авраама возвращшася отъ сѣча царей, и благослови его, емуже и десятину отъ всѣхъ отдѣли Авраамъ, первѣе убо сказуется царь правды, потомъ же царь Салимскій (еже есть царь мира), безъ отца, безъ матере, безъ причта рода, ни начала днемъ, ни животу конца имѣя, уподобленъ же Сыну Божію пребываетъ священникъ вьну (Евр. VII, 1—3). 95—96

1. Павелъ, желая показать различіе между новымъ и ветхимъ завѣтами, во многихъ мѣстахъ указываетъ на это различіе, и въ самомъ началѣ говоритъ о немъ, и далѣе, научая слушателей, предуготовляетъ ихъ. Въ самомъ началѣ онъ указалъ на это, когда сказалъ, что *(Богъ) глаголалъ (отцемъ) во пророцѣхъ,* а *намъ въ Сынѣ,* тѣмъ *многочастнѣ и многообразнѣ,* а намъ чрезъ Сына. Потомъ сказавъ о Сынѣ, кто Онъ и что совершилъ, преподавъ увѣщаніе повиноваться Ему, чтобы не подвергнуться участи, одинаковой съ іудеями, объяснивъ, что Онъ есть первосвященникъ по чину Мелхиседекову, неоднократно выразивъ желаніе раскрыть это различіе и уже многое предуготовивъ къ тому, обличивъ ихъ за ихъ слабости, и потомъ ободривъ и утвердивъ, чтобы они не унывали,—(апостолъ) наконецъ приступаетъ къ объясненію самаго различія предъ ободренными слушателями: вѣдь человѣкъ, упавшій духомъ, не легко можетъ
принять слышанное. А чтобы ты убѣдился (въ справедливости 97
этого), послушай Писанія, которое говоритъ: *и не послушаша Моисеа отъ малодушія* (Исх. VI, 9). Потому онъ, напередъ разсѣявъ ихъ уныніе многими, и грозными и кроткими, внушеніями, затѣмъ уже и приступаетъ къ раскрытію этого различія. Что же говоритъ онъ? *Сей бо Мелхиседекъ, царь Салимскій, священникъ Бога вышняго.* И вотъ что удивительно: въ самомъ прообразѣ онъ открываетъ великое между ними различіе: онъ всегда, какъ я сказалъ, доказываетъ прообразомъ истину, прошедшимъ настоящее, по немощи слушателей. *Сей бо*, говоритъ, *Мелхиседекъ, царь Салимскій, священникъ Бога вышняго, иже срѣте Авраама, возвращшася отъ сѣча царей, и благослови его: емуже, и десятину отъ всѣхъ отдѣли Авраамъ.* Изложивъ кратко все событіе, онъ разсматриваетъ его съ таинственной стороны, и прежде всего начинаетъ съ имени: *первѣе убо,* говоритъ, *сказуется царь правды.* Справедливо: *седекъ* значитъ — правда, а *мелхи* — царь; слѣдовательно,

Мелхиседекъ—*царь правды*. Видишь ли точность въ самыхъ выраженіяхъ? Кто же этотъ царь правды, какъ не Господь нашъ Іисусъ Христосъ? *Потомъ же царь Салимскій*,—отъ имени города,—*еже есть царь мира*, потому что *салимъ* имѣетъ такое значеніе. Это опять относится ко Христу, потому что Онъ сдѣлалъ насъ праведными и умиротворилъ *яже на небеси и яже на земли*. Кто изъ людей—царь правды и мира? Никто; таковъ только Господь нашъ Іисусъ Христосъ. Затѣмъ (апостолъ) представляетъ другую особенность: *безъ отца*, говоритъ, *безъ матере, безъ причта рода, ни начала днемъ, ни животу конца имѣя, уподобленъ же Сыну Божію, пребываетъ священникъ выну*. Такъ какъ ему повидимому противорѣчили слова: *ты еси священникъ во вѣкъ по чину Мелхиседекову*,—вѣдь Мелхиседекъ умеръ и не былъ священникомъ во вѣка,—то, смотри, какъ онъ объясняетъ это. Чтобы никто не возразилъ: кто можетъ сказать это о человѣкѣ?—онъ говоритъ: я разумѣю это не въ собственномъ смыслѣ, т. е., мы не знаемъ ни того, кого имѣлъ Мелхиседекъ отцемъ и кого матерью, ни того, когда онъ родился и когда скончался. Но что въ томъ, скажешь (что мы не знаемъ)? Развѣ поэтому, что мы не знаемъ, онъ и не умеръ, или не имѣлъ родителей? Справедливо говоришь ты; онъ и умеръ и имѣлъ родителей. Почему же онъ *безъ отца, безъ матере?* Почему *ни начала днемъ, ни животу конца имѣя?* Почему? Потому, что объ этомъ не упоминается въ Писаніи. Что же это значитъ? То, что какъ онъ *безъ отца*, поскольку нѣтъ его родословія, такъ Христосъ таковъ на самомъ дѣлѣ.

2. Здѣсь открывается безначальность и безконечность (Сына). Какъ мы не знаемъ ни начала дней, ни конца жизни (Мелхиседека), потому что не написано, такъ мы не знаемъ этого и касательно Іисуса, но не потому, что не написано, а потому, что у Него дѣйствительно этого нѣтъ. Первый есть прообразъ, и потому объ немъ только не написано; а послѣдній есть истина, и потому у Него дѣйствительно этого нѣтъ. Какъ по отношенію къ именамъ у перваго только названія: *царь правды* и *мира*, а у послѣдняго самое дѣло, такъ и здѣсь къ первому относятся только названія, а къ послѣднему самое дѣло. Какъ же (о Сынѣ говорится, что) Онъ имѣетъ начало? И здѣсь Сынъ называется безначальнымъ не въ томъ смыслѣ, будто Онъ не имѣетъ виновника,—это невозможно: Онъ имѣетъ Отца: иначе какъ Онъ былъ бы Сыномъ?—но въ томъ, что Онъ не имѣетъ ни начала, ни
93 конца своего бытія. *Уподобленъ же Сыну Божію*. Въ чемъ это подобіе? Въ томъ, что мы не знаемъ ни начала, ни конца какъ того, такъ и другого; но перваго потому, что не написано, а втораго потому, что онъ не имѣетъ ихъ. Вотъ въ чемъ сходство.

Если бы у нихъ было сходство во всемъ, то они не были бы одинъ прообразомъ, а другой истиною, но были бы оба прообразами. То же самое можно видѣть и въ картинахъ; и въ нихъ есть нѣкоторое сходство, есть и несходство (съ оригиналомъ); въ простомъ очертаніи есть нѣкоторое сходство по виду, а когда бываютъ наложены краски, тогда ясно открывается различіе; есть сходство и несходство. *Видите же*, говоритъ (апостолъ), *еликъ сей, емуже и десятину далъ есть Авраамъ патріархъ отъ избранныхъ* (ст. 4). Доселѣ онъ раскрывалъ прообразъ; теперь съ увѣренностію представляетъ (Христа) превосходнѣйшимъ всего, что было истиннаго у іудеевъ. Если таковъ прообразъ Христовъ, если онъ столько выше не только священниковъ, но и самого праотца священниковъ, то что сказать объ истинѣ? Видишь ли, съ какою силою доказываетъ Его превосходство? *Видите же*, говоритъ, *еликъ сей, емуже и десятину далъ есть Авраамъ патріархъ отъ избранныхъ*. Избранными называется добыча. Нельзя сказать, что далъ ее, какъ участнику въ войнѣ, потому что говорится: *срѣте (Авраама) возвращшася отъ сѣча царей;* очевидно, что онъ оставался дома, и что (Авраамъ) далъ ему начатки пріобрѣтеннаго имъ самимъ. *И пріемлющіи убо священство отъ сыновъ Левіинъ заповѣдь имутъ одесятствовати люди по закону, сирѣчь, братію свою, аще и отъ чреслъ Авраамовыхъ изшедшую* (ст. 5). Таково, говоритъ, преимущество священства, что люди, равночестные по происхожденію и имѣющіе одного и того же прародителя, дѣлаются гораздо выше другихъ; потому и получаютъ отъ нихъ десятины. Если же найдется кто-нибудь такой, кто возьметъ съ нихъ самихъ десятину, то не станутъ ли они на ряду съ мірянами, а онъ на ряду съ священниками? При томъ (Мелхиседекъ) не былъ равенъ имъ и по происхожденію, но происходилъ изъ другого рода; слѣдовательно (Авраамъ) не далъ бы иноплеменнику десятины, если бы не видѣлъ въ немъ высокой чести. Увы, что случилось! Здѣсь (апостолъ) выразилъ болѣе, нежели въ посланіи къ Римлянамъ, когда онъ разсуждалъ о вѣрѣ. Тамъ онъ говоритъ, что Авраамъ есть праотецъ и нашего и іудейскаго состоянія; а здѣсь говоритъ о немъ совершенно не то, и доказываетъ, что необрѣзанный гораздо выше его. Чѣмъ же онъ доказываетъ? Тѣмъ, что самъ Левій далъ десятину? *Авраамъ*, говоритъ онъ, *далъ есть*. Какъ же, скажете, это относится къ намъ? Къ вамъ особенно и относится, потому что вы, конечно, не станете доказывать, что левиты выше Авраама. *Не причитаемый же родомъ къ нимъ одесятствова Авраама*. И не просто сказалъ это, но еще присовокупилъ: *и имущаго обѣтованія благослови* (ст. 6). Такъ какъ это всегда считалось у іудеевъ важнымъ, то онъ до-

казываетъ превосходство одного предъ другимъ и примѣнительно къ общему сужденію всѣхъ: *безъ всякаго же прекословія*, говоритъ, *меньшее отъ большаго благословляется* (ст. 7), т. е. всякій знаетъ, что меньшій благословляется большимъ. Слѣдовательно, прообразъ Христовъ былъ выше и этого, кто имѣлъ обѣтованія. *И здѣ убо десятины человѣцы умирающіи пріемлютъ: тамо же свидѣтельствуемый, яко живъ есть* (ст. 8). А чтобы не сказали: для чего ты обращаешься къ давнимъ временамъ?—какое отношеніе къ нашимъ священникамъ того, что Авраамъ далъ десятину?—скажи о томъ, что касается насъ,—для этого (апостолъ) продолжаетъ: *и да тако реку*. Прекрасно выражается, не высказывая мысли
9 своей ясно, чтобы не поразить слушателей. *Авраамомъ и Левій, пріемляй десятины, десятины далъ есть* (ст. 9). Какимъ образомъ? *Еще бо въ чреслѣхъ отчіихъ бяше, егда срѣте его Мелхиседекъ* (ст. 10), т. е. въ немъ былъ Левій и, еще не родившись, чрезъ него далъ десятину. И смотри, не сказалъ: левиты, но *Левій*, съ намѣреніемъ—чрезъ это еще болѣе доказать превосходство. Видишь ли, какое различіе между Авраамомъ и Мелхиседекомъ—прообразомъ нашего первосвященника? Здѣсь видно преимущество по власти, а не по необходимости. Тотъ далъ десятину, что̀ слѣдуетъ священнику; а этотъ благословилъ, что̀ свойственно высшему. Это преимущество переходитъ и на потомковъ. Удивительно и побѣдоносно (апостолъ) опровергъ все іудейское; потому онъ и сказалъ прежде: *немощни бысте* (Евр. v, 11), что хотѣлъ предложить эти истины,—чтобы они не отвратили слуха. Такова мудрость Павлова: онъ напередъ предуготовляетъ, а потомъ уже приступаетъ къ тому, что намѣренъ говорить. Родъ человѣческій не скоро убѣждается и требуетъ многихъ попеченій, даже больше, нежели растенія. Тамъ свойство тѣлъ и земли, которое уступаетъ рукамъ земледѣльцевъ; а здѣсь свободная воля, которая допускаетъ частыя перемѣны и избираетъ то одно, то другое, потому что удобопреклонна ко злу.

3. Потому намъ нужно постоянно смотрѣть за собою, чтобы не задремать: *се*, говоритъ (Псалмопѣвецъ), *не воздремлетъ, ниже уснетъ храняй Израиля*, и еще: *не даждь во смятеніе ноги твоея* (Псал. сxx, 3, 4). Не сказалъ: не смущайся, но: *не даждь*; слѣдовательно, давать зависитъ отъ насъ, а не отъ кого-нибудь другого; если мы захотимъ стоять прямо и неподвижно, то не придемъ въ смятеніе; это именно онъ выразилъ приведенными словами. Что же? Неужели ничто (не зависитъ) отъ Бога? Все отъ Бога, но не такъ, чтобы нарушалась и наша свобода. Если все отъ Бога, то за что же, скажешь, обвинять насъ? Но для того я и прибавилъ: не такъ, чтобы нарушалась наша свобода. Все здѣсь зависитъ и

отъ насъ, и отъ Него; намъ слѣдуетъ напередъ избирать доброе, а когда мы изберемъ, тогда и Онъ оказываетъ свое содѣйствіе.

Онъ не предупреждаетъ нашего желанія, чтобы не нарушилась наша свобода; когда же мы изберемъ, тогда Онъ подаетъ намъ великую помощь. Почему же, если это зависитъ и отъ насъ, Павелъ говоритъ: *ни хотящаго, ни текущаго, но милующаго Бога* (Рим. IX, 16)? Во-первыхъ, онъ приводитъ это не какъ собственную мысль, но какъ слѣдствіе изъ предъидущаго и прежде раскрытаго предмета,—послѣ того какъ сказалъ: написано: *помилую, егоже аще помилую, и ущедрю, егоже аще ущедрю* (Рим. IX, 15), онъ прибавилъ: *тѣмже убо ни хотящаго, ни текущаго, но милующаго Бога.* Будешь ли еще послѣ этого говорить: за что же обвинять? Во-вторыхъ, и то можно сказать, что кому принадлежитъ большая часть, тому онъ и приписываетъ все; наше дѣло предъизбрать и восхотѣть, а дѣло Божіе — привести въ исполненіе и довершить. Такъ какъ большая часть принадлежитъ Богу, то (апостолъ) и приписываетъ все Ему, выражаясь по обычаю человѣческому. И мы вѣдь такъ дѣлаемъ, напримѣръ, видимъ домъ хорошо выстроенный и говоримъ: это все—дѣло архитектора, хотя не все принадлежитъ ему, но также и работникамъ, и господину, доставлявшему матеріалъ, и многимъ другимъ; но такъ какъ большая часть дѣла зависѣла отъ него, то мы и говоримъ, что 100
все это—его дѣло. Точно такъ и здѣсь. Подобнымъ образомъ о народѣ, гдѣ его много, мы говоримъ: тамъ всѣ; а гдѣ немного, то говоримъ: нѣтъ никого. Такъ и Павелъ здѣсь говоритъ: *ни хотящаго, ни текущаго, но милующаго Бога.* Этими словами онъ преподаетъ два весьма важныхъ урока: первый, чтобы не превозноситься добрыми дѣлами, которыя мы совершаемъ; второй, чтобы, совершая добрыя дѣла, приписывать исполненіе ихъ Богу. Сколько бы, говоритъ, ты ни трудился, сколько бы ни старался,— не считай добраго дѣла своимъ, потому что если бы ты не получилъ помощи свыше, то все было бы напрасно. Если ты будешь имѣть успѣхъ въ своихъ трудахъ, то, очевидно, при помощи свыше, впрочемъ когда и самъ ты трудишься, когда обнаруживаешь желаніе. Не то онъ сказалъ, будто мы трудимся напрасно, но то, что мы напрасно трудимся въ такомъ случаѣ, если все считаемъ своимъ, если не приписываемъ большей части Богу. Богъ благоволилъ не все оставить Себѣ, чтобы не показалось, будто Онъ увѣнчиваетъ насъ напрасно, и не все предоставилъ намъ, чтобы мы не впали въ гордость. Если, и совершая меньшую часть, мы такъ много превозносимся, то что было бы, если бы мы были виновниками всего? Многое сдѣлалъ Богъ для истребленія въ насъ гордости. *И еще рука его высока,* говоритъ (пророкъ) (Иса. V,

25). Сколькимъ страстямъ Онъ попустилъ овладѣвать нами, чтобы уничтожить нашу надменность? Сколькими окружилъ насъ звѣрями? Подлинно, когда кто-нибудь говоритъ: что это? для чего это?—тогда говоритъ вопреки волѣ Божіей. (Богъ) поставилъ тебя среди такихъ ужасовъ, и ты не смиренномудрствуешь; но если получишь въ чемъ-нибудь хотя малый успѣхъ, тотчасъ возносишься надменностію до самаго неба.

4. Оттого и бываютъ весьма быстрыя перемѣны и паденія,—и однако мы не вразумляемся ими; оттого частые и неожиданные смертные случаи,—и однако мы живемъ, какъ будто безсмертные, какъ будто никогда не имѣющіе умереть; похищаемъ чужое, предаемся любостяжанію, какъ будто никогда не будемъ отдавать отчета; сооружаемъ зданія, какъ будто здѣсь останемся вѣчно. Ни слово Божіе, каждодневно возглашаемое намъ, ни самыя событія не вразумляютъ. Нѣтъ дня, нѣтъ даже часа, въ который не видно было бы похоронъ,—и все напрасно, ничто не трогаетъ нашей безчувственности. Отъ несчастій другихъ мы не можемъ, или правильнѣе, не хотимъ дѣлаться лучшими; лишь когда сами страдаемъ, тогда сокрушаемся, а какъ скоро Богъ отниметъ руку свою, мы опять поднимаемъ собственную руку. Никто не думаетъ о горнемъ, никто не пренебрегаетъ земнымъ, никто не взираетъ на небо; какъ свиньи смотрятъ внизъ, наклонившись къ брюху и валяясь въ грязи, такъ и многіе изъ людей остаются нечувствительными, оскверняя себя гнуснѣйшею
101 грязью. Въ самомъ дѣлѣ, лучше замараться отвратительною грязью, нежели грѣхами, потому что замаравшійся грязью скоро можетъ омыться и сдѣлаться подобнымъ тому, кто никогда не попадалъ въ эту нечистоту, а впавшій въ ровъ грѣха получаетъ оскверненіе, которое не смывается водою, но требуетъ продолжительнаго времени, искренняго раскаянія, слезъ, рыданій, плача гораздо бóльшаго и сильнѣйшаго, нежели какой бываетъ при (потерѣ) самыхъ близкихъ сердцу. Грязь пристаетъ къ намъ отвнѣ, потому мы скоро и очищаемъ ее; а нечистота грѣха раждается внутри, потому мы съ трудомъ уничтожаемъ ее и очищаемся. *Отъ сердца бо*, говоритъ (Господь), *исходятъ помышленія злая, прелюбодѣянія, любодѣянія, татьбы, лжесвидѣтельства* (Мѳ. xv, 19). Потому и пророкъ говоритъ: *сердце чисто созижди во мнѣ, Боже* (Псал. l, 19); и другой: *омый отъ лукавства сердце твое, Іерусалиме* (Іер. iv, 14). Видишь, что совершеніе добраго дѣла зависитъ и отъ насъ и отъ Бога? И еще: *блажени чистіи сердцемъ, яко тіи Бога узрятъ* (Мѳ. v, 8).

Постараемся же быть чистыми по мѣрѣ силъ нашихъ; очистимъ себя отъ грѣховъ. А какъ можно очиститься? Этому на-

учаетъ пророкъ, когда говоритъ: *измыйтеся, чисти будите, отъимите лукавства отъ душъ вашихъ предъ очима моима* (Иса. I, 16). Что значитъ: *предъ очима моима?* Иные кажутся непорочными, но только предъ людьми, а предъ Богомъ являются гробами повапленными. Потому (Богъ) и говоритъ: очиститесь такъ, чтобы Я 102
видѣлъ (васъ чистыми). *Научитеся добро творити, взыщите суда, обидимаго* и убогаго *оправдите: и пріидите, и истяжимся, глаголетъ Господь: и аще будутъ грѣси ваши яко багряное, яко снѣгъ убѣлю: аще же будутъ яко червленое, яко волну убѣлю* (Иса. I, 17, 18). Видишь, что напередъ намъ самимъ нужно очищать себя, а потомъ уже и Богъ очищаетъ насъ? Онъ сначала сказалъ: *измыйтеся, чисти будете*; а потомъ присовокупилъ: *азъ убѣлю.* Итакъ, никто изъ людей, хотя бы дошедшихъ до крайней степени зла, не долженъ отчаиваться; хотя бы ты, говоритъ, пріобрѣлъ навыкъ и даже вошелъ въ природу самаго зла, не бойся. Для этого Онъ и беретъ въ примѣръ краски, не легко выводимыя, но входящія почти въ самое существо вещей, и говоритъ, что Онъ обратитъ ихъ въ противоположное состояніе. Не сказалъ просто: омою, но: *яко снѣгъ* и *яко волну убѣлю,*—чтобы подать намъ благую надежду. Слѣдовательно, велика сила покаянія, если оно дѣлаетъ насъ чистыми, какъ снѣгъ, и бѣлыми, какъ волна, хотя бы грѣхъ предварительно запятналъ наши души. Итакъ, постараемся сдѣлаться чистыми; (Богъ) не заповѣдуетъ намъ ничего труднаго: *судите,* говоритъ Онъ, *сиру, и оправдите вдовицу.* Видишь ли, какъ часто и много Богъ говоритъ о милостынѣ и о защищеніи обижаемыхъ? Будемъ же совершать эти добрыя дѣла, и мы благодатію Божіею достигнемъ будущихъ благъ, которыхъ да сподобимся всѣ мы во Христѣ Іисусѣ, Господѣ нашемъ.

БЕСѢДА XIII.

Аще убо совершенство левитскимъ священствомъ было 101
(людіе бо на немъ взаконени быша), кая еще потреба, по чину Мелхиседекову, иному востати священнику, а не по чину Ааронову глаголатися? Прелагаему бо священству, по нужди и закону премѣненіе бываетъ. О немже бо глаголются сія, колѣну иному причастися, отъ негоже никтоже приступи ко олтарю. Явѣ бо, яко отъ Іуды возсія Господь нашъ, о немже колѣнѣ Моисей о священствѣ ничесоже глагола (Евр. VII, 11—14).

1. *Аще убо,* говоритъ, *совершенство левитскимъ священствомъ было.* Сказавъ о Мелхиседекѣ, показавъ, сколько онъ былъ выше

Авраама, и объяснивъ великое между ними различіе, теперь онъ начинаетъ показывать различіе самыхъ завѣтовъ, какъ одинъ изъ нихъ несовершенъ, а другой совершенъ. Впрочемъ и теперь еще не приступаетъ къ самому дѣлу, а сначала разсуждаетъ о священствѣ и завѣтѣ, потому что для невѣрныхъ было болѣе убѣдительнымъ предлагать доказательства отъ предметовъ уже принятыхъ и прежде извѣстныхъ. Онъ доказалъ, что Мелхиседекъ былъ гораздо выше Левія и Авраама, явившись въ отношеніи къ нимъ священникомъ. Это же онъ доказываетъ теперь съ другой стороны. Съ какой именно? Со стороны священства нынѣшняго и іудейскаго. И посмотри на великую мудрость его: чѣмъ, повидимому, Христосъ отдѣлялся отъ священства, такъ какъ не
102 былъ *по чину Ааронову*, тò самое и приводитъ въ доказательство Его священства, а прочихъ исключаетъ. Онъ дѣлаетъ это, представляя себя самого какъ бы сомнѣвающимся, почему (Христосъ) называется священникомъ не по чину Ааронову, и потомъ разрѣшаетъ недоумѣніе. И я, говоритъ, недоумѣваю, почему Онъ былъ не по чину Ааронову. Это онъ выражаетъ словами: *аще убо совершенство левитскимъ священствомъ было*. А слова: *кая еще потреба* весьма усиливаютъ мысль. Если бы Христосъ по плоти былъ священникомъ по чину Мелхиседекову прежде, а потомъ уже явился законъ и (священство) по чину Ааронову, то справедливо иной могъ бы сказать, что послѣднее совершеннѣе и, будучи введено послѣ, упраздняетъ первое; но если Христосъ (является) послѣ и принимаетъ другой образъ священства, то очевидно, что по причинѣ несовершенства всего прежняго. Положимъ, говоритъ, что все прежнее исполнилось и нѣтъ ничего несовершеннаго въ (прежнемъ) священствѣ: для чего же нужно было еще *глаголатися по чину Мелхиседекову, а не по чину Ааронову?* Для чего (Богъ), оставивъ Аарона, вводитъ другое священство — Мелхиседеково? *Аще убо совершенство левитскимъ священствомъ было*, т. е., если бы посредствомъ левитскаго священства достигаемо было совершенство въ дѣлахъ, въ ученіи, въ жизни. Замѣть, какъ постепенно онъ идетъ впередъ. Сказавъ, что Христосъ *по чину Мелхиседекову*, онъ доказалъ, что священство по чину Мелхиседекову выше, потому что самъ (Мелхиседекъ) выше; затѣмъ онъ доказываетъ то же въ отношеніи времени, т. е.,
103 что (Христосъ) послѣ Аарона, слѣдовательно и выше. А что означаютъ слѣдующія слова: *людіе бо на немъ взаконени быша?* Что значитъ: *на немъ?* Имъ руководятся, чрезъ него совершаютъ все, и нельзя сказать, что оно было дано для другихъ. *Людіе на немъ взаконени быша*, т. е. имъ пользуются и пользовались, и нельзя сказать, что оно, само будучи совершенно, не руководило народа.

На немъ взаконени быша, т. е. имъ руководились. Какая же нужда въ другомъ священствѣ, если бы это было совершенно? *Прелагаему бо священству по нужди и закону премѣненіе бываетъ:* если нужно быть другому священнику, или лучше, другому священству, то нужно быть и другому закону. Это (сказано) противъ тѣхъ, которые говорятъ: какая была нужда въ новомъ завѣтѣ? Онъ могъ бы привести свидѣтельства изъ пророчества: *сей завѣтъ, егоже завѣщахъ отцемъ вашимъ* (Дѣян. ш, 25); но разсуждаетъ пока о священствѣ. И смотри, какъ хотѣлъ внушить это. Сказавъ: *по чину Мелхиседекову*, онъ отвергъ чинъ Аароновъ, такъ какъ не сказалъ бы: *по чину Мелхиседекову*, если бы тотъ былъ лучше. А когда введено другое священство, то долженъ быть и другой завѣтъ, потому что невозможно священнику быть безъ завѣта, законовъ и постановленій, или принявшему другое священство руководствоваться прежнимъ завѣтомъ. Здѣсь представлялось возраженіе: какъ можно быть священникомъ, не будучи левитомъ? Но (апостолъ), предуготовивъ отвѣтъ на это въ вышесказанномъ, теперь уже не предлагаетъ разрѣшенія, а говоритъ объ этомъ мимоходомъ: я сказалъ, говоритъ онъ, что священство перемѣнено, слѣдовательно долженъ быть перемѣненъ и завѣтъ; перемѣненъ не только по образу дѣйствій и постановленіямъ, но и по колѣну, такъ какъ слѣдовало (перемѣнить его) и по колѣну. Какимъ образомъ? *Прелагаему бо*, говоритъ, *священству*, т. е., оно перешло изъ колѣна въ колѣно, изъ священническаго въ царское, для того, чтобы и царское и священническое составили одно. И замѣть таинство: сначала было колѣно царское, а потомъ священническое, подобно какъ и во Христѣ, который былъ царемъ всегда, а священникомъ сталъ тогда, когда принялъ плоть, когда принесъ жертву. Видишь ли перемѣну? То, что было предметомъ возраженія, онъ представляетъ необходимымъ послѣдствіемъ событій: *о немже бо*, говоритъ, *глаголются сія, колѣну иному причастися, отъ негоже никтоже приступи ко олтарю. Явѣ бо, яко отъ Іуды возсія Господь нашъ, о немже колѣнѣ Моисей о священствѣ ничесоже глагола*. Смыслъ словъ его слѣдующій: и я знаю и говорю, что это колѣно не имѣло священства, и никто изъ него не былъ священникомъ,—это именно означаютъ слова: *никтоже приступи ко олтарю*,—но во всемъ произошла перемѣна. Такъ, нужно было перемѣниться закону и ветхому завѣту, потому что и самое колѣно перемѣнено. Видишь ли, какъ онъ показываетъ еще иное различіе (завѣтовъ) отъ различія колѣнъ? И не только этимъ онъ доказываетъ ихъ различіе, но и со стороны лица (первосвященника), и завѣта, и образа дѣйствій, и самаго прообраза. *Иже не по закону заповѣди плотскія бысть, но по силѣ живота неразрушаемаго* (ст. 16).

2. *Бысть*, говоритъ, священникомъ *не по закону заповѣди плотскія*,—потому что тотъ законъ имѣлъ много плотского. И хорошо назвалъ его заповѣдію плотскою: все, что онъ опредѣлялъ, было плотское. Такъ, предписанія: обрѣжь плоть, помажь
104 плоть, омой плоть, очисти плоть, остриги плоть, свяжи плоть, питай плоть, отдыхай плотію,—все это, скажи мнѣ, развѣ не плотскія (заповѣди)? Если хочешь знать, каковы и тѣ блага, которыя онъ обѣщалъ, послушай: долголѣтіе, говоритъ, для плоти, молоко и медъ для плоти, покой для плоти, наслажденіе для плоти. По такому-то закону Ааронъ получилъ священство; но Мелхиседекъ — не такъ. *И лишше еще явѣ есть, яко по подобію Мелхиседекову востаетъ священникъ инъ* (ст. 15). Что *явѣ есть?* Неодинаковость того и другого священства, различіе, преимущество того, кто былъ *не по закону заповѣди плотскія*. Кто? Мелхиседекъ? Нѣтъ,—Христосъ. *Но по силѣ живота неразрушаемаго. Свидѣтельствуетъ бо, яко ты еси священникъ во вѣкъ по чину Мелхиседекову* (ст. 17), т. е. не временный, не ограниченный предѣломъ, *но по силѣ живота неразрушаемаго*. Этимъ (апостолъ) выражаетъ, что (Христосъ) сталъ священникомъ собственною силою и Отчею, силою безконечной жизни. Хотя такое выраженіе не соотвѣтствуетъ выраженію: *не по закону заповѣди плотскія*, потому что слѣдовало бы сказать: а по (заповѣди) духовной; но онъ подъ именемъ плотской разумѣетъ временную, подобно какъ и въ другомъ мѣстѣ говоритъ: *даже до времене исправленія належащая оправданія плоти* (Евр. IX, 10). *По силѣ живота*, т. е. потому, что Онъ живетъ собственною силою. Апостолъ сказалъ, что *закону премѣненіе бываетъ*, и показалъ—какимъ образомъ; а затѣмъ приводитъ причину: умъ человѣческій болѣе всего удовлетворяется тогда, когда знаетъ причину, и чрезъ то возвышается въ вѣрѣ, потому что мы тогда болѣе вѣруемъ, когда знаемъ и причину и основаніе, по которому что-нибудь бываетъ. *Отлаганіе убо бываетъ*, говоритъ, *прежде бывшія заповѣди за немощное ея и неполезное* (ст. 18). Здѣсь возстаютъ на насъ еретики, которые говорятъ: вотъ и Павелъ назвалъ заповѣдь недоброю. Но послушай внимательно; онъ не сказалъ: потому что она не добра, или не хороша, но—*за немощное ея и неполезное*. И въ другомъ мѣстѣ онъ доказываетъ ея немощь, когда говоритъ: *въ немже немоществоваше плотію* (Рим. VIII, 3). Слѣдовательно, не заповѣдь немощна, но мы. *Ничтоже бо совершилъ законъ* (ст. 19). Что значитъ: *ничтоже совершилъ?* Никого, говоритъ, онъ не довелъ до совершенства, такъ какъ его не слушались. Даже если бы его и слушались, и тогда онъ не сдѣлалъ бы никого совершеннымъ и добродѣтельнымъ. Впрочемъ (апостолъ) не говоритъ этого здѣсь, но (го-

ворить), что онъ не имѣлъ силы,—и справедливо, потому что письмена его повелѣвали: дѣлай то-то, и не дѣлай того-то, предлагали только (повелѣнія), но не сообщали силы. Не такова наша надежда. Что значитъ: *отлаганіе?* Отмѣна, отверженіе. А чего именно, это онъ объясняетъ, продолжая: *прежде бывшія заповѣди*: такъ онъ называетъ законъ, потому что онъ уже отмѣненъ за свою немощь; онъ прежде былъ, но прошелъ и устарѣлъ по своей немощи. *Отлаганіе* есть отмѣна того, что имѣло силу. Отсюда и видно, что онъ имѣлъ силу, но оставленъ, потому что былъ совсѣмъ безуспѣшенъ. Итакъ, законъ былъ со- 105
вершенно безполезенъ? Нѣтъ, онъ былъ полезенъ, и весьма полезенъ, но онъ не могъ дѣлать людей совершенными.

Поэтому (апостолъ) и говоритъ: *ничтоже бо совершилъ законъ:* все въ немъ было прообразомъ, все—тѣнію, и обрѣзаніе, и жертвы, и суббота, все не могло проникать въ душу, а потому прошло и отмѣнено. *Приведеніе же есть лучшему упованію, имже приближаемся къ Богу: и по елику не безъ клятвы* (ст. 20). Видишь ли, какъ необходима была здѣсь клятва? Потому (апостолъ) и разсуждалъ много о томъ, что Богъ клялся, и клялся для большаго удостовѣренія. *Приведеніе же лучшаго упованія.* Что это значитъ? И законъ, говоритъ, имѣлъ упованіе, но не такое; прежде благоугодившіе (Богу) надѣялись наслѣдовать землю и не терпѣть никакого бѣдствія, мы же, если угодимъ Богу, надѣемся наслѣдовать не землю, а небо; или даже, что гораздо важнѣе, надѣемся стать близъ Бога, приблизиться къ самому престолу Отчему, служить Ему вмѣстѣ съ ангелами. И смотри, какъ онъ мало-помалу раскрываетъ эти (истины); прежде онъ сказалъ: *входящую во внутреннѣйшее завѣсы* (Евр. VI, 19); а здѣсь: *имже приближаемся къ Богу. И по елику не безъ клятвы.* Что значитъ: *и по елику не безъ клятвы?* Т. е. не безъ клятвеннаго увѣренія. Вотъ еще иное различіе. Это обѣщано, говоритъ, не просто: *Они бо безъ клятвы священницы быша: сей же съ клятвою чрезъ глаголющаго къ нему: клятся Господь, и не раскается, ты еси священникъ во вѣкъ по чину Мелхиседекову: потолику лучшаго завѣта бысть испоручникъ Іисусъ. И они множайши священницы быша, зане смертію возбранени суть пребывати: сейже, занеже пребываетъ во вѣки, непреступное имать священство* (ст. 21—24). (Апостолъ) указываетъ два преимущества (новозавѣтнаго священства): то, что оно не имѣетъ конца, подобно подзаконному, и то, что оно установлено съ клятвою. Все это онъ доказываетъ лицомъ Христа, принявшаго (это священство): *по силѣ*, говоритъ, *живота неразрушаемаго*, также клятвою, потому что Богъ *клятся*, и самымъ дѣломъ, потому что тотъ законъ, говоритъ, отмѣненъ, такъ какъ

былъ немощенъ, а этотъ стоитъ, такъ какъ имѣетъ силу. То же онъ дѣлаетъ и со стороны священника. Какимъ образомъ? Доказывая, что Онъ одинъ; а Онъ не былъ бы одинъ, если бы не былъ безсмертенъ; какъ прежнихъ священниковъ было много, потому что они были смертны, такъ Онъ одинъ, потому что Онъ — безсмертенъ. *Потолику лучшаго завѣта бысть испоручникъ Іисусъ:* Богъ клялся Ему, что Онъ всегда будетъ священникомъ; а Богъ не сдѣлалъ бы этого, если бы Онъ не былъ живъ. *Тѣмже и спасти до конца можетъ приходящихъ чрезъ него къ Богу, всегда живъ сый, во еже ходатайствовати о нихъ* (ст. 25).

3. Видишь ли, что (апостолъ) говоритъ это (о Христѣ) по плоти? Показавъ, что Онъ священникъ, благовременно потомъ говоритъ, что Онъ ходатайствуетъ. И въ другомъ мѣстѣ, когда Павелъ говоритъ: *иже и ходатайствуетъ о насъ* (Рим. VIII, 26; 1 Тим. II, 5), то разумѣетъ, что Онъ ходатайствуетъ какъ первосвященникъ. Въ самомъ дѣлѣ, Тотъ, кто *воскрешаетъ мертвыя, ихже хощетъ, и живитъ тако, якоже Отецъ*, какъ можетъ ходатайство-
106 вать, когда нужно спасать? Какъ можетъ ходатайствовать Тотъ, во власти котораго находится весь судъ (Іоан. III, 19)? Какъ можетъ ходатайствовать Тотъ, который посылаетъ ангеловъ, чтобы однихъ ввергнуть въ пещь, а другихъ спасти (Мѳ. XIII, 8)? *Тѣмже*, говоритъ, *и спасти можетъ* (ст. 25). Онъ спасаетъ потому, что не умираетъ, потому, что Онъ *всегда живъ* и не имѣетъ преемника; а если не имѣетъ преемника, то и можетъ ходатайствовать за всѣхъ. Здѣшніе первосвященники, какъ бы они ни были славны, были только на то время, пока были, напримѣръ, Самуилъ и всѣ подобные, а послѣ того уже нѣтъ, потому что умерли; а Онъ не таковъ, но спасаетъ *до конца*. Что значитъ: *до конца?* (Апостолъ) внушаетъ нѣкоторое великое таинство: не только здѣсь, говоритъ, но и тамъ Онъ спасаетъ *приходящихъ чрезъ него къ Богу*. Какъ спасаетъ? *Всегда живъ сый во еже ходатайствовати о нихъ*. Видишь ли, сколько уничиженнаго онъ сказалъ (о Христѣ) по человѣческой Его природѣ? Онъ не однажды, говоритъ, ходатайствовалъ и получилъ, но всегда, когда нужно ходатайствовать о нихъ; это и означаетъ выраженіе: *до конца. До конца*, т. е. не въ настоящее только время, но и тамъ въ будущей жизни. Слѣдовательно, Ему нужно непрестанно молиться? Но справедливо ли это? Даже и люди праведные часто однимъ прошеніемъ получали все: какъ же Онъ будетъ молиться непрестанно? И для чего Онъ сѣдитъ вмѣстѣ съ Отцемъ? Видишь ли, что здѣсь говорится о Немъ уничиженное по Его снисхожденію? Смыслъ словъ слѣдующій: не бойтесь ничего, не говорите: да, Онъ хотя и любитъ насъ и имѣетъ дерзновеніе предъ Отцемъ, но не мо-

жетъ жить всегда; Онъ всегда живъ. *Таковъ бо намъ подобаше архіерей, преподобенъ, незлобивъ, безскверненъ, отлученъ отъ грѣшникъ* (ст. 26). Видишь ли, что все это сказано о человѣчествѣ (Христовомъ)? Когда же я говорю: о человѣчествѣ, то разумѣю человѣчество, соединенное съ божествомъ, не раздѣляя ихъ, но внушая понимать это по надлежащему. Итакъ, видишь ли отличіе первосвященника (отъ ветхозавѣтныхъ)? Все вышесказанное (апостолъ) соединилъ въ словахъ: *искушена по всяческимъ по подобію, развѣ грѣха* (Евр. IV, 15). *Таковъ бо намъ*, говоритъ, *подобаше архіерей, преподобенъ, незлобивъ*. Что значитъ: *незлобивъ?* Не причастный злу, не коварный. А что Онъ дѣйствительно таковъ, послушай пророка, который говоритъ: *ниже обрѣтеся лесть во устѣхъ его* (Иса. LIII, 9). Можетъ ли кто-нибудь сказать это о Богѣ? Кто не постыдится сказать, что Богъ не коваренъ, не льстивъ? А о Христѣ по плоти это сказать можно. *Преподобенъ, безскверненъ*: и этого нельзя сказать о Богѣ, потому что Онъ по существу своему непороченъ. *Отлученъ отъ грѣшникъ*. И это ли только одно доказываетъ Его превосходство? Не доказываетъ ли и самая жертва? Да, жертва. Какимъ образомъ? *Иже не имать*, говоритъ, *по вся дни нужды, якоже первосвященницы, прежде о своихъ грѣсѣхъ жертвы приносити, потомъ же о людскихъ: сіе бо сотвори единою, себе принесъ* (ст. 27). Что—*сіе?* Здѣсь (апостолъ) начинаетъ говорить о превосходствѣ духовной жертвы. Онъ сказалъ о различіи между священниками (ветхозавѣтнымъ и новозавѣтнымъ), сказалъ о различіи между завѣтами (ветхимъ и новымъ);—хотя не вполнѣ, однакоже сказалъ; здѣсь наконецъ начинаетъ говорить и о самой жертвѣ. Когда ты слышишь, что Христосъ есть священникъ, то не думай, что 107
Онъ священнодѣйствуетъ постоянно; Онъ совершилъ священнодѣйствіе однажды, и затѣмъ возсѣлъ (одесную Отца). Чтобы ты не думалъ, будто Онъ стоитъ горѣ и священнодѣйствуетъ, (апостолъ) показываетъ, что это было дѣломъ домостроительства. Какъ Онъ былъ рабомъ, такъ же и священникомъ и священнослужителемъ; какъ, будучи рабомъ, Онъ не остался рабомъ, такъ, будучи и священнослужителемъ, Онъ не остался священнослужителемъ,—потому что священнослужителю свойственно не сидѣть, а стоять. Здѣсь (апостолъ) выражаетъ величіе жертвы, которая одна, будучи принесена однажды, имѣла столько силы, сколько не имѣли всѣ другія вмѣстѣ. Впрочемъ онъ еще не объ этомъ говоритъ, а пока только о слѣдующемъ: *сіе бо сотвори единою*. Что—*сіе? Потреба*, говоритъ, *имѣти что и сему, еже принесетъ* (Евр. VIII, 3), не за Себя,—какъ Онъ, будучи безгрѣшенъ, могъ приносить жертву за Себя?—а за людей. Что говоришь? Не-

ужели Онъ не имѣетъ нужды приносить за Себя и настолько силенъ? Да, говоритъ. Чтобы ты не подумалъ, будто въ словахъ: *сотвори единою* говорится и объ Немъ, послушай, что говоритъ (апостолъ) далѣе: *законъ бо человѣки поставляетъ первосвященники, имущія немощь* (ст. 28). Поэтому они всегда приносятъ жертвы и за себя самихъ; а Онъ, какъ сильный и неимѣющій грѣха, для чего будетъ приносить за Себя? Слѣдовательно, Онъ принесъ жертву не за Себя, но за людей, и при томъ однажды. *Слово же клятвенное, еже по законѣ, Сына во вѣки совершенна.* Что значитъ— *совершенна*? Смотри: Павелъ не поставляетъ буквально противоположныхъ выраженій; послѣ словъ: *имущія немощь*, онъ не сказалъ: Сына сильнаго, но: *совершенна*, что также, можно сказать, означаетъ сильнаго. Видишь ли, что слово: *Сынъ* сказано въ противоположность *рабу?* Подъ немощію же онъ разумѣетъ или грѣхъ, или смерть. Что значитъ: *во вѣки*? Не теперь только безгрѣшнаго, говоритъ, но всегда. Если же Онъ совершенъ, если Онъ никогда не грѣшитъ, если Онъ вѣчно живетъ, то для чего Ему и приносить жертвы за насъ многократно? Впрочемъ этого (апостолъ) пока еще не доказываетъ, а доказываетъ только то, что не принесъ жертвы за Себя. Итакъ, если мы имѣемъ такого первосвященника, то будемъ подражать Ему и идти по стопамъ Его. Нѣтъ другой жертвы; одна очистила насъ; а затѣмъ огонь и геенна. Для того (апостолъ) такъ часто и повторяетъ: одинъ священникъ, одна жертва, — чтобы кто-нибудь, думая, что ихъ много, не сталъ грѣшить безъ опасенія.

4. Потому мы, сподобившіеся этой печати, вкусившіе этой жертвы, участвующіе въ безсмертной трапезѣ, будемъ сохранять свое благородство и честь, такъ какъ отпаденіе не безопасно. И тѣ, которые еще не удостоились этого, пусть не будутъ самонадѣянны, такъ какъ кто грѣшитъ съ тѣмъ, чтобы принять святое крещеніе при послѣднемъ издыханіи, тотъ часто не получаетъ его. Повѣрьте мнѣ: не для возбужденія въ васъ страха я скажу то, что намѣреваюсь сказать. Я знаю многихъ, съ которыми это случилось, которые много грѣшили въ ожиданіи просвѣщенія (крещеніемъ); но въ день кончины отошли, не принявъ его. Богъ далъ крещеніе для того, чтобы разрѣшать грѣхи, а не для того, чтобы умножать грѣхи. Если же кто будетъ пользоваться имъ для того, чтобы свободнѣе предаваться большимъ грѣхамъ, то такой виновенъ въ безпечности. Такой, если бы не было крещенія, жилъ бы воздержнѣе, не ожидая отпущенія (грѣховъ). Видишь ли, какъ на насъ исполняются слова: *сотворимъ злая, да пріидутъ благая* (Рим. ш, 8)? Потому, увѣщеваю васъ, которые еще не при-
108 няли таинства: бодрствуйте; пусть не приступаетъ никто изъ васъ

къ добродѣтели, какъ наемникъ, какъ неблагодарный, какъ къ чему-либо тяжкому и невыносимому; напротивъ будемъ приступать къ ней съ усердіемъ и радостію. Если бы не была обѣщана награда, то неужели не слѣдовало бы быть добродѣтельнымъ? Но будемъ добродѣтельными по крайней мѣрѣ изъ-за награды. Не стыдно ли, не крайне ли безсовѣстно говорить: если не дашь мнѣ награды, то я и не буду цѣломудреннымъ? Могу сказать на это вотъ что: хотя бы ты и сохранялъ цѣломудріе, ты никогда не будешь цѣломудреннымъ, если дѣлаешь это изъ-за награды; ты вѣдь нисколько не цѣнишь добродѣтели, если не любишь ея за нее саму. Впрочемъ, Богъ, по великой нашей немощи, благоволитъ побуждать насъ къ ней по крайней мѣрѣ наградою; но мы и при этомъ не дѣлаемся добродѣтельными. Положимъ, если хотите, что какой-нибудь человѣкъ, совершившій множество грѣховъ, отходитъ, сподобившись крещенія, хотя это, я думаю, бываетъ не часто: какъ, скажи мнѣ, онъ отойдетъ туда? Онъ не будетъ осужденъ за дѣла свои, но не будетъ имѣть и дерзновенія, — и справедливо. Въ самомъ дѣлѣ, если онъ, проживши сто лѣтъ, не сдѣлаетъ ни одного добраго дѣла, но только то, что не грѣшилъ, или даже и не это, но только то, что спасся одною благодатію, а другихъ увидитъ увѣнчанными, прославленными и превознесенными, то, скажи мнѣ, можетъ ли онъ не унывать, хотя и не впадетъ въ геенну? Объясню это примѣромъ. Представимъ двухъ воиновъ; пусть одинъ изъ нихъ воруетъ, обижаетъ, захватываетъ чужое; а другой пусть не дѣлаетъ ничего такого, но ведетъ себя хорошо, оказываетъ много доблестей, на войнѣ одерживаетъ побѣды, обагряя руку свою кровію; послѣ, съ теченіемъ времени, пусть онъ изъ того званія, въ какомъ былъ вмѣстѣ съ воромъ, будетъ возведенъ на царскій престолъ и облечется въ порфиру, а воръ пусть останется тамъ же, гдѣ и былъ, но только по милости царской будетъ свободенъ отъ наказанія за свои проступки, поставленъ на послѣднемъ мѣстѣ и подчиненъ власти царя: не будетъ ли этотъ послѣдній, скажи мнѣ, чувствовать скорби, видя, что тотъ, который былъ равенъ ему, достигъ самой высоты почестей, прославился и управляетъ вселенною, а онъ остается въ низкомъ состояніи, и самое избавленіе отъ наказанія получилъ не съ честію, но по одной милости и человѣколюбію царя? Царь простилъ его и освободилъ отъ осужденія, но онъ самъ со стыдомъ будетъ вести жизнь. И другіе не будутъ удивляться ему, потому что, при такихъ милостяхъ, мы удивляемся не получившимъ дары, но подающимъ ихъ, и чѣмъ выше эти дары, тѣмъ стыднѣе получающимъ ихъ, если они были виновны въ великихъ грѣхахъ. Какими глазами будетъ онъ смо-

трѣть на тѣхъ, которые находятся въ царскихъ чертогахъ, показываютъ множество своихъ ранъ и подвиговъ, тогда какъ онъ самъ не имѣетъ показать ничего, но и самое избавленіе получилъ единственно по человѣколюбію Божію? Какъ если бы какой-нибудь человѣкоубійца, воръ, или прелюбодѣй, ведомый на казнь, былъ освобожденъ отъ ней по чьей-нибудь просьбѣ и получилъ приказаніе явиться въ преддверіе царскихъ чертоговъ, то онъ не въ состояніи былъ бы смотрѣть ни на кого, хотя и освобожденъ отъ наказанія,—такъ точно и онъ.

5. Впрочемъ, когда говорится о царствіи, не подумайте, что
109 всѣ удостоятся одного и того же. Если здѣсь въ царскихъ чертогахъ бываютъ и епархи, и приближенные царя, и еще низшіе сановники, и занимающіе мѣсто такъ называемыхъ десятскихъ (δεκανῶν), хотя великое различіе между епархомъ и десятскимъ, то тѣмъ болѣе будетъ такъ въ горнихъ царскихъ обителяхъ. Говорю это не отъ себя; но Павелъ полагаетъ тамъ еще большее различіе. Какое различіе, говоритъ онъ, солнца отъ луны и звѣздъ и малѣйшей изъ звѣздъ, такое же будетъ и въ царствіи небесномъ; и для всякаго очевидно, что различіе между солнцемъ и малѣйшею звѣздою гораздо большее, нежели между такъ называемымъ десятскимъ и епархомъ. Солнце вдругъ освѣщаетъ всю вселенную и дѣлаетъ ее свѣтлою, закрываетъ луну и звѣзды; а звѣзда часто бываетъ невидима, даже и во мракѣ; есть много звѣздъ, которыхъ мы не видимъ. Итакъ, когда мы увидимъ другихъ, сдѣлавшихся солнцами, а сами займемъ мѣсто малѣйшихъ звѣздъ, которыя даже невидимы, то какое намъ будетъ утѣшеніе? Нѣтъ, увѣщеваю васъ, не будемъ такъ безпечны, не будемъ такъ лѣнивы, не станемъ небрежно принимать подаваемое отъ Бога спасеніе, но будемъ дѣлать изъ него куплю и умножать его. Хотя бы иной былъ только оглашеннымъ, но онъ знаетъ Христа, знаетъ вѣру, слушаетъ слово Божіе, не далекъ отъ боговѣдѣнія, понимаетъ волю Владыки своего; почему же онъ медлитъ, для чего выжидаетъ и откладываетъ?

Нѣтъ ничего лучше добродѣтельной жизни, и здѣсь и тамъ, и у просвѣщенныхъ и у оглашенныхъ. И что, скажи мнѣ, намъ предписано труднаго? Имѣй жену, говоритъ заповѣдь, и будь воздерженъ. Неужели, скажи мнѣ, это трудно? И какъ (можетъ быть это труднымъ), когда многіе и безъ жены бываютъ воздержными, не только христіане, но и язычники? Что язычникъ совершаетъ изъ тщеславія, того неужели ты не совершишь изъ страха Божія? *Отъ имѣній твоихъ*, говоритъ (Писаніе), *дай бѣднымъ* (Тов. IV, 7). Неужели это трудно? Но и здѣсь осудятъ насъ язычники, расточавшіе все свое имѣніе изъ одного тщеславія.

Не сквернословь. Неужели это трудно? Но если бы и не было повелѣно, не слѣдовало ли бы намъ самимъ сдѣлать это, чтобы не показаться безчестными? Напротивъ сквернословіе трудно, какъ видно изъ того, что человѣкъ стыдится въ душѣ и краснѣетъ, когда случится ему сказать что-нибудь подобное, и даже не рѣшится сказать, если не будетъ въ пьяномъ видѣ. Почему, сидя на торжищѣ, ты не дѣлаешь этого, хотя бы и дѣлалъ у себя дома? Не ради ли присутствующихъ? Почему не вдругъ сдѣлаешь это и при женѣ своей? Не потому ли, чтобы не оскорбить ея? Такъ, чтобы не оскорбить жены свой, ты не дѣлаешь этого; оскорбляя же Бога, не стыдишься? А Онъ воздѣсущъ и слышитъ все. *Не упивайся виномъ*, сказано (Еф. v, 18),—и хорошо (сказано), потому что само по себѣ пьянство развѣ не наказаніе? Не сказалъ: изнуряй тѣло, но что? *Не упивайся*, т. е. не давай ему воли такъ, чтобы оно свергло съ себя власть души. Какъ, неужели не нужно заботиться о тѣлѣ? Нѣтъ, не это говорю я, но—не угождай его похотямъ. Такъ и Павелъ повелѣваетъ, когда говоритъ: *и плоти угодія не творите въ похоти* (Рим. xiii, 14). Не похищай чужого, сказано, не будь любостяжателенъ, не клянись. Какихъ трудовъ требуетъ и это, какихъ подвиговъ? Не злословь, сказано, не клевещи. Трудно ли это? А противное дѣйствительно трудно, потому что, когда ты скажешь о комъ что-нибудь худое, то тотчасъ подвергаешься опасности и сомнѣнію: не слышалъ ли тотъ, о которомъ ты сказалъ, хотя бы онъ былъ человѣкъ важный, хотя бы неважный; если онъ человѣкъ важный, то ты тотчасъ на самомъ дѣлѣ испытаешь опасность; а если неважный, то онъ отплатитъ тебѣ тѣмъ же, и даже гораздо бо́льшимъ; онъ наскажетъ о тебѣ еще болѣе худого. Нѣтъ,—ничего труднаго, ничего тяжкаго намъ не заповѣдано, если только мы захотимъ; а если не захотимъ, то и самое легкое покажется намъ труднымъ. Что легче ѣды? Но многіе, по крайней изнѣженности, тяготятся и этимъ. Я слышу, какъ многіе говорятъ, что и ѣда составляетъ трудъ. Нѣтъ никакого труда во всемъ вышесказанномъ, если только захочешь; въ желаніи заключается все, послѣ высшей благодати. Будемъ же желать добраго, чтобы намъ сподобиться и вѣчныхъ благъ, благодатію и человѣколюбіемъ (Господа нашего Іисуса Христа, съ Которымъ Отцу со Святымъ Духомъ слава, держава, честь, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь).

БЕСѢДА XIV.

109 Глава же о глаголемыхъ, такова имамы первосвященника, иже сѣде одесную престола величествія на небесѣхъ, святымъ служитель и скиніи истиннѣй, юже водрузи Господь, а не человѣкъ (Евр. VIII, 1, 2).

1. Павелъ, всегда подражая своему Учителю, говоритъ то объ уничиженномъ, то о высокомъ, такъ что уничиженное пролагаетъ путь къ высокому, а послѣднее руководитъ къ первому, чтобы видящіе высокое знали, что уничиженное было дѣломъ снисхожденія (Христова). Такъ онъ поступаетъ и здѣсь. Сказавъ, что *себе принесъ*, и показавъ, что Онъ есть первосвященникъ, (апостолъ) продолжаетъ: *глава же о глаголемыхъ, такова имамы первосвященника, иже сѣде одесную престола величествія на небесѣхъ*. Это уже свойственно не священнику, но Тому, чей Онъ
110 священникъ. *Святымъ служитель*. Не просто служитель, но *святымъ служитель. И скиніи истиннѣй, юже водрузи Господь, а не человѣкъ*. Видишь ли снисхожденіе (Христово)? Не задолго предъ этимъ (апостолъ) отличалъ (Его отъ другихъ), когда говорилъ: *не вси ли суть служебніи дуси?* и потому имъ не сказано: *сѣди одесную мене* (Евр. I, 13, 14). Говоритъ такъ потому, что сѣдящій, безъ сомнѣнія, не есть служитель; слѣдовательно (здѣсь называя Его служителемъ) говоритъ это объ Немъ по плоти. *Скиніею* же онъ называетъ здѣсь небо, и, желая показать отличіе ея отъ іудейской, присовокупляетъ: *юже водрузи Господь, а не человѣкъ*. Смотри, какъ онъ этими словами ободрилъ души увѣровавшихъ изъ іудеевъ. Можетъ быть, они воображали, что у насъ нѣтъ такой скиніи; но вотъ, говоритъ онъ, нашъ священникъ — великій и гораздо большій (ветхозавѣтнаго), принесшій болѣе чудную жертву. Но не одни ли это слова, не хвастовство ли и самообольщеніе? Для этого онъ напередъ подтвердилъ (свои слова) клятвою, а потомъ сталъ говорить и о скиніи. Различіе скиній
111 было очевидно уже изъ предъидущаго, но онъ доказываетъ его еще съ другой стороны: *юже водрузи Господь*, говоритъ, *а не человѣкъ*. Гдѣ тѣ, которые говорятъ, что небо движется? Гдѣ тѣ, которые утверждаютъ, что оно шаровидно? То и другое здѣсь опровергается. *Глава же*, говоритъ, *о глаголемыхъ*. Главою всегда называется самое важное. Здѣсь онъ опять низводитъ рѣчь свою: сказавъ о высокомъ, безъ опасенія говоритъ теперь объ уничиженномъ. Далѣе, чтобы ты зналъ, что слово — *служитель* употреблено по отношенію къ человѣчеству (Христову), смотри, какъ

онъ еще объясняетъ это: *всякъ бо первосвященникъ*, говоритъ, *во еже приносити дары же и жертвы поставляемь бываетъ: тѣмже потреба имѣти что и сему, еже принесетъ* (ст. 3). Слыша, что (Христосъ) сѣдитъ, не подумай, что Онъ несправедливо названъ первосвященникомъ; первое, т. е. сѣдѣніе, есть знакъ божескаго достоинства, а послѣднее есть знакъ великаго человѣколюбія и попеченія объ насъ. Потому о послѣднемъ (апостолъ) распространяется и говоритъ болѣе подробно, опасаясь, чтобы не уменьшить перваго. Поэтому же къ тому самому онъ склоняетъ рѣчь свою и теперь, такъ какъ нѣкоторые спрашивали: для чего (Христосъ) умеръ, будучи священникомъ? Священникъ не бываетъ безъ жертвоприношенія; слѣдовательно и Ему надлежало принести жертву. И съ другой стороны, такъ какъ онъ сказалъ, что (Христосъ) находится *выше (небесъ)*, то теперь говоритъ и доказываетъ, что Онъ есть священникъ во всѣхъ отношеніяхъ, и по Мельхиседеку, и по клятвѣ, и по принесенію жертвы. Отсюда онъ составляетъ другое необходимое умозаключеніе: *аще бы бо былъ на земли*, говоритъ, *не бы былъ священникъ*, сущимъ священникамъ *приносящимъ по закону дары* (ст. 4). Если, говоритъ, Онъ—священникъ, какъ и дѣйствительно, то Ему слѣдовало быть въ другомъ мѣстѣ; будучи на землѣ, Онъ не былъ бы священникомъ. Почему? Онъ не приносилъ жертвъ, не священнодѣйствовалъ,—и справедливо,—потому что здѣсь были священники. (Апостолъ) доказываетъ, что (Христу) невозможно быть священникомъ на землѣ. Почему? Потому что иначе, говоритъ, не было бы и воскресенія.

Здѣсь необходимо сосредоточить вниманіе и вникнуть въ мысль апостола. Онъ опять показываетъ различіе священства (ветхозавѣтнаго и Христова). *Иже*, говоритъ, *образу и сѣни служатъ небесныхъ* (ст. 5). Что называетъ онъ здѣсь небеснымъ? Духовное; оно хотя совершается на землѣ, но достойно небесъ. Когда Господь нашъ Іисусъ Христосъ предлежитъ закланнымъ (агнцемъ), когда нисходитъ Духъ, когда сѣдящій одесную Отца присутствуетъ здѣсь, когда (вѣрующіе) посредствомъ купели дѣлаются сынами и гражданами небесными, когда мы находимъ тамъ свое отечество, градъ и гражданство, когда для здѣшняго становимся чуждыми, то все это не есть ли небесное?

2. Что же? Развѣ пѣснопѣнія не небесныя? Развѣ не то, что поютъ горѣ божественные лики безплотныхъ силъ, согласно съ ними воспѣваемъ и мы здѣсь долу? Развѣ и жертвенникъ не небесный. Какимъ образомъ? Нѣтъ на немъ ничего плотского; все предлежащее духовно: не превращается въ пепелъ, дымъ и смрадъ наша жертва, но дѣлаетъ все предлежащее чистымъ и

свѣтлымъ. Развѣ не небесны эти священнодѣйствія, которыхъ служители еще донынѣ слышатъ сказанныя имъ слова: *имже держите, держатся: имже отпустите, отпустятся* (Іоан. XX, 23)?
112 Развѣ не небесны всѣ (ихъ священнодѣйствія), когда они имѣютъ и ключи неба? *Иже*, говоритъ, *образу и сѣни служатъ небесныхъ, якоже глаголано бысть Моисею, хотящу сотворити скинію: виждь бо, рече, сотвориши вся по образу, показанному ти на горѣ* (ст. 5). Такъ какъ слухъ нашъ менѣе способенъ къ воспринятію, нежели зрѣніе,—мы вѣдь не такъ хорошо передаемъ душѣ то, что слышимъ, какъ то, что видимъ собственными глазами,—то Богъ показалъ все (Моисею). Или объ этомъ говоритъ (апостолъ) въ словахъ: *образу и сѣни*, или разумѣетъ храмъ, потому что прибавляетъ: *виждь, сотвориши вся по образу, показанному ти на горѣ*, — а это говорится только объ устройствѣ храма,—или разумѣетъ и жертвы, и все прочее; не погрѣшитъ тотъ, кто скажетъ и это (послѣднее), потому что Церковь небесна и есть не что иное, какъ небо. *Нынѣ же лучшее улучи служеніе, по елику и лучшаго завѣта есть ходатай* (ст. 6). Видишь ли, насколько настоящее служеніе лучше того служенія? То—образъ и тѣнь, а это—истина. Впрочемъ, это нисколько не доставляло слушателямъ ни пользы, ни утѣшенія. Потому (апостолъ) и присовокупляетъ то, что особенно могло доставить имъ радость: *иже на лучшихъ*, говоритъ, *обѣтованіихъ узаконися*. Сказавъ о мѣстѣ, о священникѣ и жертвѣ, теперь онъ излагаетъ различіе самыхъ завѣтовъ. И прежде онъ доказывалъ, что ветхій завѣтъ былъ немощенъ и безполезенъ, и, чтобы показать его недостатки, смотри, какіе употреблялъ доводы. Въ одномъ мѣстѣ онъ сказалъ (о новомъ завѣтѣ): *по силѣ живота неразрушаемаго*; въ другомъ (о ветхомъ) сказалъ: *отлаганіе бываетъ преждебывшія заповѣди*; затѣмъ еще (о новомъ) выразилъ нѣчто великое, когда сказалъ: *имже приближаемся къ Богу*. Здѣсь же онъ возводитъ насъ на небо и показываетъ, что вмѣсто храма у насъ небо, и что тѣ священнодѣйствія были прообразами нашихъ, и такимъ образомъ возвысивъ служеніе, онъ, наконецъ, справедливо возвышаетъ и священство. Но, какъ я сказалъ, особенно радостное для слушателей онъ излагаетъ въ словахъ: *иже на лучшихъ обѣтованіихъ узаконися*. Откуда это видно? Изъ того, что тотъ (ветхій) отмѣненъ, а на его мѣсто введенъ этотъ (новый), который потому и получилъ силу, что онъ лучше. Какъ выше (апостолъ) говорилъ: *аще убо совершенство левитскимъ священствомъ было, кая еще потреба по чину Мелхиседекову иному востати священнику?* такъ и здѣсь онъ употребляетъ такое же умозаключеніе: *аще бо бы первый онъ непороченъ былъ, не бы второму искалося мѣсто* (ст. 7), т. е. если бы не имѣлъ никакого недостатка, если бы

дѣлать людей непорочными. А что именно это онъ говоритъ, выслушай слѣдующее: *укоряя же ихъ, глаголетъ*; не сказалъ: *укоряя* его (т. е. законъ), но: *укоряя ихъ, глаголетъ: се дніе грядутъ, глаголетъ Господь, и совершу на домъ Израилевъ и на домъ Іудовъ завѣтъ новъ, не по завѣту, егоже сотворихъ отцемъ ихъ, въ день, въ оньже емшу ми ихъ за руку извести ихъ отъ земли Египетскія: зане тіи не пребыша въ завѣтѣ моемъ, и азъ нерадихъ о нихъ, глаголетъ Господь* (ст. 8, 9). Такъ, скажешь; но откуда видно, что (ветхій завѣтъ) окончился? (Апостолъ) доказалъ это и со стороны священника; а теперь прямыми словами еще яснѣе доказываетъ, что онъ отмѣненъ. Какимъ образомъ? *На лучшихъ*, говоритъ, *обѣтованіихъ*. Можетъ 113
ли, скажи мнѣ, быть равенство между небомъ и землею? Замѣть, какъ онъ и тамъ не отвергаетъ обѣтованій, чтобы и въ этомъ отношеніи не унижать ветхаго завѣта. Прежде онъ сказалъ: *приближаемся къ Богу упованіемъ лучшимъ*, выражая, что и тамъ было упованіе; и здѣсь говоритъ: *на лучшихъ обѣтованіихъ*, выражая, что и тамъ были обѣтованія. Но такъ какъ (евреи) постоянно роптали, то—*се дніе грядутъ, глаголетъ Господь, и совершу на домъ Израилевъ и на домъ Іудовъ завѣтъ новъ;* не древній, говоритъ, какой-нибудь завѣтъ; а чтобы они не могли подумать этого, то опредѣляетъ и время: не просто говоритъ: *по завѣту, егоже сотворихъ отцемъ ихъ*,—чтобы не подумали о бывшемъ при Авраамѣ или при Ноѣ,—но опредѣляетъ, какой именно завѣтъ: *не по завѣту*, говоритъ, *егоже сотворихъ отцемъ ихъ*, жившимъ во время исхода; потому и присовокупляетъ: *въ день, въ оньже емшу ми ихъ за руку извести ихъ отъ земли Египетскія: зане тіи не пребыша въ завѣтѣ моемъ, и азъ нерадихъ о нихъ, глаголетъ Господь.*

3. Видишь ли, что начало зла отъ насъ? *Тіи*, говоритъ, вначалѣ *не пребыша*; слѣдовательно, нерадѣніе отъ насъ, а все доброе, т. е. всѣ благодѣянія—отъ Бога. Здѣсь (Богъ) какъ бы представляетъ оправданіе, приводя и самую причину, почему Онъ оставилъ ихъ. *Яко сей завѣтъ, егоже завѣщаю дому Израилеву по онѣхъ днехъ, глаголетъ Господь, дая законы моя въ мысли ихъ, и на сердцахъ ихъ напишу ихъ: и буду имъ Богъ, и тіи будутъ мнѣ людіе* (ст. 10). Это говоритъ Онъ о новомъ завѣтѣ, послѣ того какъ сказалъ: *не по завѣту, егоже сотворихъ*. И какое другое различіе между ними, если не это? Если же кто-нибудь скажетъ, что этимъ выражается не отличіе (новаго завѣта), а то, что онъ данъ въ сердца ихъ, что здѣсь показывается различіе не заповѣдей, а способовъ ихъ сообщенія, — завѣтъ будетъ, говоритъ, уже не на письмѣ, а на сердцахъ,—тотъ пусть докажетъ, что это когда-нибудь было у іудеевъ. Нельзя доказать этого: и по воз-

вращеніи ихъ изъ Вавилона завѣтъ данъ былъ имъ опять письменный. Апостолы же, какъ я могу доказать, ничего не приняли на письмѣ, но все приняли въ сердца Духомъ Святымъ. Потому Христосъ и сказалъ имъ: *той, пришедъ, воспомянетъ вамъ вся, и научитъ вы* (Іоан. XIV, 26). *И не имать научити кійждо искренняго своего и кійждо брата своего, глаголя: познай Господа: яко вси увѣдятъ мя отъ мала и даже до велика ихъ. Зане милостивъ буду неправдамъ ихъ, и грѣховъ ихъ, и беззаконій ихъ не имамъ помянути ктому* (ст. 11, 12). Вотъ и другой признакъ: *отъ мала*, говоритъ, *и даже до велика ихъ увѣдятъ мя*, и не будутъ говорить: *познай Господа*. Когда же это сбылось, если не нынѣ? Наше (ученіе) извѣстно, а ихъ не извѣстно, но заключено въ углу. Съ другой стороны, вещь называется новою тогда, когда она вторая (послѣ первой) и содержитъ въ себѣ что-нибудь болѣе въ сравненіи со старою. Также новою называется и та вещь, отъ которой что-нибудь одно отдѣлено, а другое нѣтъ. Напримѣръ: если бы кто-ни-
114 будь въ старомъ домѣ, готовомъ разрушиться, оставивъ все, разобралъ основаніе, то мы говоримъ, что онъ сдѣлалъ его новымъ, вынувъ одно и вставивъ другое. Такъ и небо называется новымъ тогда, когда оно не остается мѣдянымъ, но ниспосылаетъ дождь; и земля называется новою, когда она не остается безплодною, но измѣняется (въ плодоносную); и домъ называется новымъ, когда въ немъ одно уничтожается, а другое остается. Такимъ образомъ, и завѣтъ хорошо названъ новымъ, въ знакъ того, что прежній завѣтъ сдѣлался ветхимъ, потому что не приносилъ никакого плода. А чтобы точнѣе узнать это, прочитай, что говоритъ Аггей, что—Захарія, что—ангелъ (Малахія), въ чемъ обличаетъ (іудеевъ) Ездра. Какимъ же образомъ они приняли (завѣтъ новый)? Какимъ образомъ никто изъ нихъ не вопрошалъ Господа, если они преступали завѣтъ и даже не знали его? Видишь ли, какъ твое (мнѣніе) неосновательно? Я настаиваю на моемъ,—что именно онъ (нашъ завѣтъ) долженъ быть въ собственномъ смыслѣ названъ новымъ. Иначе, я не допускаю и того, будто о немъ сказаны слова: *будетъ небо ново* (Иса. LXV, 17). Въ самомъ дѣлѣ, почему, когда во Второзаконіи говорится: *будетъ небо мѣдяно*, не дѣлается ограниченія: если послушаете, то будетъ новое (XXVIII, 23)? Я, говоритъ (Богъ), потому дамъ другой завѣтъ, что они не остались въ прежнемъ. Это видно изъ слѣдующихъ словъ (апостола): *немощное бо закона, въ немже немоществоваше плотію* (Рим. VIII, 3); и еще: *что искушаете Бога, возложити иго на выи ученикомъ, егоже ни отцы наши, ни мы возмогохомъ понести* (Дѣян. XV, 10)? *Зане тіи*, говоритъ, *не пребыша*. Здѣсь показывается, что Богъ удостоилъ насъ высшаго и духовнаго. *Во всю землю*, говоритъ (пророкъ), *изыде*

вѣщаніе ихъ, и въ концы вселенныя глаголы ихъ (Псал. XVIII, 5). Это значитъ: *не имать глаголати кійждо искреннему своему: познай Господа*. И еще: *наполнится земля вѣдѣнія Господа, якоже вода многа покрыетъ морс* (Аввак. II, 14). *Внегда же глаголетъ новъ*, говоритъ (апостолъ), *обветши перваго. А обветшавающее и состарѣвающееся близъ есть истлѣнія* (ст. 13). Смотри, какъ онъ раскрылъ сокровенное, самую мысль пророка. Онъ почтилъ законъ, не назвавъ его прямо ветхимъ; однако и выразилъ это, потому что, если бы тотъ (завѣтъ) былъ новымъ, то онъ не назвалъ бы новымъ установленнаго послѣ него. Такимъ образомъ онъ выражаетъ нѣчто большее и особенное, когда говоритъ, что тотъ обветшалъ; потому онъ и отмѣняется, разрушается и уже не существуетъ. Основываясь на (словахъ) пророка, онъ съ бóльшимъ дерзновеніемъ говоритъ (о ветхомъ завѣтѣ) и съ пользою показываетъ, что нашъ (завѣтъ) теперь процвѣтаетъ, а тотъ устарѣлъ. Употребивъ названіе: *обветшавающее*, онъ прибавляетъ отъ себя еще другое: *состарѣвающееся*, и потомъ выводитъ изъ всего слѣдующее заключеніе: *близъ есть истлѣнія*. Слѣдовательно, ветхій завѣтъ не просто замѣненъ новымъ, но какъ устарѣвшій, какъ безполезный. Потому (апостолъ) и говорилъ: *за немощное и неполезное*; и еще: *ничтоже совершилъ законъ*; и еще: *аще бо бы первый онъ непороченъ былъ, не бы второму искалося мѣсто*. Что значитъ: *непороченъ*? Полезенъ, силенъ. Онъ говоритъ это не съ тѣмъ, чтобы представить (ветхій завѣтъ) достойнымъ осужденія, но чтобы собственно показать его недостаточность; какъ если бы кто-нибудь сказалъ: этотъ домъ не безъ порока, т. е. имѣетъ недостатки, ветхъ; или: эта одежда не безъ порока, т. е. скоро
рвется. Такъ и онъ не называетъ здѣсь (ветхаго завѣта) худымъ, 115
но только имѣющимъ недостатки и несовершенства.

4. Такъ и мы новы, или лучше, были новыми, но теперь обветшали, и потому близки къ истлѣнію и погибели. Впрочемъ, если мы захотимъ, то можемъ уничтожить эту обветшалость. Невозможно сдѣлать этого купелію (крещенія), но покаяніемъ здѣсь возможно. Итакъ, если есть въ насъ что-либо ветхое, уничтожимъ; если есть какая-нибудь ржавчина, какая-нибудь скверна или нечистота, изгладимъ и будемъ чистыми, чтобы Царь возжелалъ нашей красоты. И дошедшіе до крайняго безобразія могутъ возвратить ту красоту, о которой говоритъ Давидъ: *слыши дщи, и виждь, и приклони ухо твое, и забуди люди твоя, и домъ отца твоего, и возжелаетъ царь доброты твоея* (Псал. XLIV, 11, 12). Забвеніе не доставляетъ красоты, красоты душевной. О какомъ же говоритъ онъ забвеніи? (Забвеніи) грѣховъ. Онъ обращаетъ рѣчь къ церкви изъ язычниковъ и увѣщеваетъ ее не вспоминать родите-

лей, т. е. приносящихъ жертвы идоламъ,—а она образовалась именно изъ такихъ людей. Не сказалъ: не участвуй въ этомъ, но даже, что гораздо болѣе, не приводи себѣ и на память. То же онъ говоритъ и въ другомъ мѣстѣ: *не помяну именъ ихъ устнама моима* (Псал. xv, 4); и еще: *яко да не возглаголютъ уста моя дѣлъ человѣческихъ* (Псал. xvi, 4). Это еще не великая добродѣтель; или лучше сказать, хотя и великая, но не такова, какъ та. Что же онъ говоритъ тамъ? Не сказалъ: не возглаголи о дѣлахъ отцевъ, но: даже не вспоминай, не приводи ихъ себѣ на память. Видишь ли, какъ далеко онъ хочетъ отогнать отъ насъ зло? Кто не вспоминаетъ, тотъ и не думаетъ; кто не думаетъ, тотъ и не говоритъ; а кто не говоритъ, тотъ не будетъ и дѣлать. Видишь ли, сколько путей (ко злу) онъ заграждаетъ для насъ, — на какое разстояніе удаляетъ насъ отъ самаго большаго (изъ золъ)? Будемъ же внимать ему и мы, и забудемъ злодѣянія наши, впрочемъ не грѣхи, совершенные нами: воспомяни о нихъ, говоритъ (Господь), ты первый, и Я не воспомяну (Ефес. v, 10—13). Такъ, мы не только должны воспоминать о хищеніи, но и возвратить похищенное; это значитъ—приводить зло въ забвеніе, истребить самый помыслъ о хищеніи и никогда не допускать его къ себѣ, а то, что уже сдѣлано, исправить. А какимъ образомъ мы можемъ достигнуть забвенія зла? Памятованіемъ о благодѣяніяхъ Божіихъ. Если мы будемъ непрестанно помнить о Богѣ, то уже не сможемъ помнить о злѣ: *аще*, говоритъ (Псалмопѣвецъ), *поминахъ тя на постели моей, на утреннихъ поучахся въ тя* (Псал. lxii, 7). Хотя и всегда нужно помнить о Богѣ, но особенно тогда, когда умъ находится въ покоѣ, когда чрезъ это памятованіе онъ можетъ судить себя, когда онъ можетъ удержать въ памяти. Днемъ, если мы и будемъ вспоминать, привходящія другія заботы и безпокойства изгладятъ это (воспоминаніе); а ночью можно помнить постоянно:
116 тогда душа находится въ мирѣ и спокойствіи, тогда она въ пристани и безопасности: *яже глаголете*, говоритъ (Псалмопѣвецъ), *въ сердцахъ вашихъ, на ложахъ вашихъ умилитеся* (Псал. iv, 5). Слѣдовало бы и днемъ помнить объ этомъ; но такъ какъ вы находитесь въ безпрестанныхъ заботахъ и развлекаетесь житейскими дѣлами, то вспоминайте о Богѣ по крайней мѣрѣ на постели,— размышляйте о Немъ въ утреннее время. Если мы будемъ заниматься этимъ поутру, то безъ всякой опасности будемъ выходить на дѣла свои; если благоговѣніемъ и молитвою напередъ умилостивимъ Бога, то и послѣ не встрѣтимъ никакого врага, а если и встрѣтишь, то посмѣешься ему, имѣя въ защиту Бога. Торжище—это война; ежедневныя дѣла — это сраженіе, волненіе и буря. Потому намъ нужно оружіе; а молитва и есть великое ору-

жіе; нужны попутные вѣтры, нужно быть свѣдущимъ во всемъ, чтобы провести время дня безъ кораблекрушеній и ранъ, такъ какъ много подводныхъ камней встрѣчается ежедневно, и часто нашъ корабль разбивается и тонетъ.

Потому намъ нужно молиться, особенно утромъ и ночью. Многіе изъ васъ часто видали олимпійскія игры, и не только видали, но еще поощряли и одобряли ратоборцевъ, одинъ того, другой—другого. Вы слѣдовательно знаете, какъ во дни борьбы, и даже въ самыя ночи, глашатай всю ночь ни о чемъ другомъ не безпокоится и ни о чемъ другомъ не заботится, какъ только о томъ, чтобы ратоборецъ, вышедши, не посрамилъ себя; а тѣ, которые сидятъ подлѣ трубача, внушаютъ ему, чтобы онъ даже ни съ кѣмъ не разговаривалъ, чтобы, истощивъ духъ, не возбудить смѣха. Если же тотъ, кто намѣревается ратоборствовать предъ людьми, такъ много прилагаетъ старанія, то гораздо болѣе слѣдуетъ постоянно стараться и заботиться намъ, которыхъ вся жизнь есть борьба. Итакъ, пусть будетъ у насъ каждая ночь всенощнымъ бдѣніемъ; будемъ стараться, чтобы намъ, вышедши днемъ, не подвергнуться осмѣянію. И, о, если бы только осмѣянію! Но нынѣ сѣдитъ одесную Отца самъ подвигоположникъ, внимательно слушающій, не скажемъ ли мы чего-нибудь непристойнаго, или ненужнаго,—такъ какъ Онъ судія не только дѣлъ, но и словъ. Будемъ же, возлюбленные, бодрствовать всю ночь; если мы захотимъ, то и у насъ будутъ цѣнители,—при каждомъ изъ насъ находится ангелъ. Между тѣмъ мы спимъ непробудно всю ночь,—и, о, если бы только это! Но многіе дѣлаютъ даже и тогда много непотребнаго; одни ходятъ въ домы разврата, а другіе превращаютъ свои собственные въ домы разврата, приводя къ себѣ блудницъ: такъ мало они заботятся о добромъ ратоборствѣ! Иные упиваются и сквернословятъ; иные производятъ шумъ; иные проводятъ всю ночь въ дѣлахъ порочныхъ, совершая болѣе зла, нежели спящіе; иные высчитываютъ свои доходы; иные мучатся другими заботами, охотнѣе дѣлая все, нежели то, что нужно для ратоборства. Потому, увѣщеваю васъ, оставимъ все и будемъ заботиться только объ одномъ, какъ бы намъ получить награду и быть увѣнчанными; будемъ дѣлать все, чѣмъ можемъ получить обѣтованныя блага, которыхъ да сподобимся всѣ мы благодатію и человѣколюбіемъ (Господа нашего Іисуса Христа, съ Которымъ Отцу со Святымъ Духомъ слава, держава, честь, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь).

БЕСѢДА XV.

117 **Имѣяше убо первый (завѣтъ) оправданія службы, святое же людское. Скинія бо сооружена бысть первая, въ нейже свѣтильникъ и трапеза, и предложеніе хлѣбовъ, яже глаголется святая. По вторѣй же завѣсѣ скинія, глаголемая святая святыхъ, злату имущи кадильницу, и ковчегъ завѣта кованъ всюду златомъ: въ немже стамна злата имущая манну, и жезлъ Аароновъ прозябшій, и скрижали завѣта: превыше же его херувимы славы, осѣняющіи очистилище: о нихже не лѣть нынѣ глаголати подробну (Евр. ix, 1—5).**

1. Доказавъ со стороны священника, священства и завѣта, что (ветхій завѣтъ) долженъ былъ окончиться, (апостолъ) теперь доказываетъ то же со стороны самаго устройства скиніи. Какимъ образомъ? Когда говоритъ о святомъ и святомъ святыхъ. Святое есть образъ прежняго времени, потому что тамъ все совершалось съ жертвоприношеніями; а святое святыхъ есть образъ настоящаго. Словомъ—святое святыхъ (апостолъ) означаетъ и небо, и завѣсу неба, и плоть (Христову), входящую внутрь завѣсы: *завѣсою*, говоритъ, *сирѣчь, плотію своею* (Евр. x, 20). Впрочемъ нужно объяснить это мѣсто съ самаго начала. Что же онъ говоритъ? *Имѣяше убо первый.* Кто *первый*? Завѣтъ. *Оправданія службы.* Что значитъ: *оправданія*? Знаки или постановленія; какъ бы такъ говоритъ: тогда онъ имѣлъ ихъ, а теперь не имѣетъ,— и этимъ уже выражаетъ, что (ветхій завѣтъ) отмѣненъ: *имѣяше убо*, говоритъ, такъ что теперь онъ, хотя бы и оставался, уже не имѣетъ (силы). *Святое же людское.* Людскимъ называетъ его потому, что всѣмъ дозволялось входить въ него; въ одномъ и томъ же зданіи назначено было мѣсто, гдѣ стояли священники, гдѣ іудеи, прозелиты, назореи. Такъ какъ оно было доступно и язычникамъ, то и называетъ его людскимъ (κοσμικόν, мірскимъ); іудеи же не были мірскими. *Скинія бо*, говоритъ, *сооружена бысть первая, яже глаголется святая, въ нейже свѣтильникъ, и трапеза, и предложеніе хлѣбовъ.* Это—мірскіе знаки. *По вторѣй же завѣсѣ*,— слѣдовательно, не одна была завѣса, но была завѣса и внѣ (святаго),—*скинія, глаголемая святая святыхъ.* Смотри, какъ онъ называетъ то и другое скиніею, потому что она какъ бы шатромъ осѣняла находившееся тамъ. *Злату имущи кадильницу*, говоритъ, *и ковчегъ завѣта окованъ всюду златомъ: въ немже стамна злата*

имущая манну, и жезлъ Аароновъ прозябшій, и скрижали завѣта. Всѣ эти вещи были священны и служили ясными памятниками іудейской неблагодарности. *И скрижали завѣта,*—Моисей разбилъ ихъ,—*и манну:* когда (іудеи) роптали, тогда (Моисей) и повелѣлъ, на память потомкамъ, положить ее въ золотую стамну. *И жезлъ Аароновъ, прозябшій,*—потому что они возмутились; іудеи были неблагодарны и, непрестанно получая благодѣянія, забывали ихъ, потому, по повелѣнію законодателя, все это было положено въ золотой ковчегъ, чтобы передать памяти потомковъ. *Превышше* 118
же его херувимы славы, осѣняющіи очистилище. Что значитъ: *херувимы славы?* Значитъ—или славные, или подчиненные Богу. Хорошо также онъ указываетъ, что они находились выше, выражая, что есть предметы выше тѣхъ вещей. *О нихже,* говоритъ, *не лѣть нынѣ глаголати подробну.* Здѣсь онъ намекаетъ, что все это были не однѣ только видимыя вещи, но и знаки чего-то другого. *О нихже,* говоритъ, *не лѣть нынѣ глаголати подробну,*—можетъ быть, потому, что это требуетъ продолжительнаго объясненія. *Симъ же тако устроенымъ, въ первую убо скинію выну вхождаху священницы службы совершающе* (ст. 6). Т. е., хотя это и было, но іудеи не участвовали въ этомъ, потому что не видѣли этого; слѣдовательно, было не столько для нихъ, сколько для тѣхъ, для кого служило прообразомъ. *Во вторую же единою въ лѣто единъ архіерей, не безъ крове, юже приноситъ за себе и о людскихъ невѣжествіихъ* (ст. 7). Видишь ли самые прообразы, здѣсь уже предложенные? Чтобы не сказали: какъ можетъ быть одна жертва, какъ первосвященникъ (Христосъ) однажды принесъ ее? — (апостолъ) показываетъ, что такъ было издревле: святѣйшая и страшная (жертва) была одна. Такъ-то (іудеи) были приготовляемы издревле: и тогда, говоритъ, архіерей приносилъ жертву однажды. Хорошо также сказано: *не безъ крове;* не безъ крови, хотя и не такой крови (какъ нынѣ), потому что и служеніе было не таково. Это означало, что настанетъ (жертва), которая не будетъ истребляться огнемъ, но болѣе обнаруживаться кровію. Такъ какъ подъ жертвою (апостолъ) разумѣетъ крестъ, при которомъ не было ни огня, ни дровъ, и который не былъ приносимъ много разъ, но однажды принесенъ (обагренный) кровію, то показываетъ, что и ветхозавѣтная жертва была такова же и приносилась однажды съ кровію. *Юже приноситъ,* говоритъ, *за себе и о людскихъ невѣжествіихъ.* Смотри, не сказалъ: о грѣхахъ, но: *невѣжествіихъ,* чтобы они не высокомудрствовали: хотя бы, говоритъ, ты согрѣшилъ невольно, но и при нежеланіи своемъ ты допустилъ невѣдѣніе, и потому никто не можетъ быть чистымъ. Вездѣ онъ прибавляетъ: *за себе,* выражая, что Христосъ—первосвященникъ,

гораздо высшій іудейскаго. Дѣйствительно, если Онъ былъ непричастенъ грѣхамъ нашимъ, то какъ Онъ могъ принести жертву за Себя? Для чего же, спросишь, (апостолъ) и сказалъ это? Для указанія на высшее. Доселѣ не было разсужденія; а далѣе онъ разсуждаетъ и говоритъ: *сіе являющу Духу Святому, яко не у явися святыхъ путь, еще первѣй скиніи имущей стояніе* (ст. 8). Для того, говоритъ, это было такъ устроено, чтобы мы знали, что святое святыхъ, т. е. небо, еще недоступно. Впрочемъ, на томъ основаніи, что мы не входимъ въ него, мы не должны думать, будто его нѣтъ; мы не могли входить и во святое святыхъ. *Яже притча*, говоритъ, *во время настоящее* (ст. 9).

2. Какое время онъ называетъ наступающимъ? Время прежде пришествія Христова; а время послѣ пришествія Христова уже не есть наступающее. Какъ въ самомъ дѣлѣ оно можетъ быть наступающимъ, когда оно уже наступило и оканчивается? И еще нѣчто другое онъ выражаетъ здѣсь: *яже притча*, говоритъ, *во время настоящее*, т. е. было прообразомъ. *Въ нейже дарове и жертвы приносятся, не могущія по совѣсти совершити служащаго* (ст. 9). Видишь ли, какъ ясно онъ показалъ здѣсь, что значитъ: *ничто-*
119 *же совершилъ законъ*, и: *аще бы первый онъ непороченъ былъ*? Какъ? *По совѣсти*. Жертвы не очищали души, но касались только тѣла: онѣ были *по закону заповѣди плотскія*. Подлинно, онѣ не могли очистить ни прелюбодѣянія, ни убійства, ни святотатства. Вотъ (заповѣдано было): это ѣшь, а этого не ѣшь,—хотя все это безразлично. *Точію въ брашнахъ, и питіяхъ и различныхъ омовеніихъ*. Это, говоритъ, пей; хотя о питіи ничего не было заповѣдано, но (апостолъ) сказалъ такъ для выраженія маловажности этихъ предметовъ: *и различныхъ омовеніихъ, и оправданіихъ плоти, даже до времене исправленія належащая* (ст. 10). Вотъ, въ чемъ состоитъ оправданіе плотское. Здѣсь онъ отвергаетъ жертвоприношенія, показывая, что они не имѣли никакой силы и что они существовали только *до времене исправленія*, т. е. оставались до времени, которое исправляетъ все. *Христосъ же пришедъ архіерей грядущихъ благъ, большею и совершеннѣйшею скиніею, нерукотворенною* (ст. 11). Здѣсь онъ разумѣетъ плоть (Христову). И хорошо назвалъ ее большею и совершеннѣйшею, такъ какъ Богъ-Слово и вся сила Духа обитаетъ въ ней: *не въ мѣру бо Богъ даетъ Духа* (Іоан. ш, 34); называетъ ее *совершеннѣйшею*, какъ безукоризненную и совершившую бóльшія дѣла. *Сирѣчь, не сея твари*. Вотъ, почему она бóльшая; она не была бы отъ Духа, если бы человѣкъ устроилъ ее. *Не сея твари*, т. е. не такого устроенія, какъ твари, но духовнаго: она устроена Духомъ Святымъ. Видишь ли, какъ онъ называетъ тѣло (Христово) и скиніею, и завѣсою, и небомъ? *Боль-*

шею и совершеннѣйшею, говоритъ, *скиніею*; и далѣе: *завѣсою, сирѣчь, плотію своею* (x, 20); и еще: *во внутреннѣйшее завѣсы* (vi, 19); и еще: *вниде во святая святыхъ, да явится лицу Божію* (ix, 24). Для чего же онъ дѣлаетъ это? Чтобы научить насъ, что въ томъ и другомъ прообразѣ—одно и то же значеніе. Именно: небо есть завѣса, потому что завѣса такъ же отдѣляетъ святое, какъ и плоть скрываетъ божество; равно и плоть, заключающая божество, есть скинія; и небо есть также скинія, потому что тамъ внутри пребываетъ священникъ. *Христосъ же*, говоритъ, *пришедъ архіерей*; не сказалъ: сдѣлавшись, но: *пришедъ*, т. е. пришедши на это самое дѣло и не преемствовавъ какому-нибудь другому, не такъ, чтобы напередъ пришелъ, а потомъ сдѣлался (первосвященникомъ), но былъ имъ вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ пришелъ. Также не сказалъ: *пришедъ архіерей* жертвоприношеній, но: *грядущихъ благъ*, такъ какъ невозможно изобразить все словомъ. *Ни кровію козлею, ниже телчею* (ст. 12),—потому что все измѣнилось. *Но своею кровію вниде единою во святая*: вотъ здѣсь онъ разумѣетъ небо. *Единою*, говоритъ, *вниде во святая, вѣчное искупленіе обрѣтый*. Слово: *обрѣтый* выражаетъ, что это дѣло—одно изъ весьма дивныхъ и неожиданныхъ, какъ Онъ однимъ входомъ пріобрѣлъ вѣчное спасеніе. Далѣе слѣдуетъ доказательство: *аще бо кровь козлія и телчая, и пепелъ юнчій, кропящій оскверненыя, освящаетъ къ плотстѣй чистотѣ: колми паче кровь Христова, иже Духомъ Святымъ себе принесе не-* 120
порочна Богу, очиститъ совѣсть вашу отъ мертвыхъ дѣлъ, во еже служити Богу живу (ст. 13, 14). Если, говоритъ, кровь воловъ можетъ очищать плоть, то гораздо болѣе кровь Христова можетъ омыть нечистоту души. Чтобы подъ словомъ—*освящаетъ* ты не разумѣлъ здѣсь чего-нибудь важнаго, онъ объясняетъ и показываетъ различіе того и другого очищенія, какъ послѣднее высоко, а первое низко,—и справедливо,—потому что тамъ была кровь воловъ, а здѣсь (кровь) Христова. Впрочемъ, онъ не удовольствовался именемъ (Христа), но излагаетъ и способъ принесенія Имъ жертвы: *иже*, говоритъ, *Духомъ Святымъ себе принесе непорочна Богу*, т. е., эта непорочная жертва была чиста отъ грѣховъ. А выраженіе: *Духомъ Святымъ* показываетъ, что она принесена не при посредствѣ огня, или чего-нибудь другого. *Очиститъ*, говоритъ, *совѣсть вашу отъ мертвыхъ дѣлъ*. И хорошо сказалъ: *отъ мертвыхъ дѣлъ*, потому что какъ тамъ, если кто прикасался къ мертвецу, осквернялся, такъ и здѣсь, если кто прикасается къ мертвому дѣлу, оскверняется въ совѣсти. *Во еже служити*, говоритъ, *Богу живу и истинну*. Здѣсь онъ выражаетъ, что совершающій мертвыя дѣла не можетъ служить живому Богу. Справедливо говоритъ: *Богу живу и истинну*, означая, что и приносимое Ему должно

быть таково же; слѣдовательно, приносимое нами живо и истинно, а приносимое іудеями мертво и ложно,—и это справедливо.

3. Итакъ, никто, имѣющій мертвыя дѣла, пусть не приходитъ сюда; если прикоснувшемуся къ мертвому тѣлу запрещалось входить (въ скинію), то гораздо болѣе—имѣющему мертвыя дѣла,—это оскверненіе самое отвратительное. А мертвыя дѣла—это всѣ тѣ, которыя не имѣютъ жизни, которыя издаютъ зловоніе. Какъ мертвое тѣло неспособно ни къ какому чувствованію и смущаетъ приближающихся къ нему, такъ и грѣхъ скоро поражаетъ мыслительную способность и не оставляетъ въ покоѣ самую душу, но тревожитъ ее и мучитъ. Говорятъ, что зараза, какъ скоро появляется, тотчасъ причиняетъ вредъ тѣламъ. Таковъ и грѣхъ: онъ подобенъ заразѣ, только повреждаетъ не воздухъ напередъ и потомъ тѣла, но прямо вторгается въ душу.

Не замѣчаешь ли ты, какъ зараженные горятъ, какъ они мечутся, какое издаютъ зловоніе, какъ отвратительны ихъ лица, какъ всѣ они нечисты? Таковы и грѣшники, хотя они и не видятъ этого. Не хуже ли, скажи мнѣ, всякаго одержимаго горячкою преданный страсти корыстолюбія или сладострастія? Не нечистѣе ли онъ всякаго такого, совершая и допуская все постыдное? Что можетъ быть отвратительнѣе корыстолюбца? На что рѣшаются блудницы, или выступающія на зрѣлищахъ, на то (рѣшится) и онъ; и даже скорѣе, можетъ быть, тѣ не рѣшатся, нежели онъ. Что я говорю: рѣшится? Онъ и раболѣпствуетъ предъ тѣми, предъ кѣмъ не слѣдуетъ, и бываетъ дерзокъ тамъ, гдѣ не слѣдуетъ, и никогда не держитъ себя ровно: часто людямъ порочнымъ, неблагонамѣреннымъ, развратникамъ, которые гораздо хуже и ничтожнѣе его, онъ угождаетъ и льститъ, а другихъ, благородныхъ и вполнѣ добродѣтельныхъ людей, поноситъ и оскорбляетъ. Видишь ли въ томъ и другомъ случаѣ его неблагородство и безстыдство? Онъ и скроменъ чрезъ мѣру, и высокомѣренъ. Блудницы остаются дома, виновныя въ томъ, что за
121 деньги продаютъ свое тѣло; но онѣ представляютъ въ свое оправданіе бѣдность и крайній голодъ, хотя и это отнюдь не можетъ оправдать ихъ, потому что можно кормиться трудами. А корыстолюбецъ не остается дома, но идетъ посреди города, предавая не тѣло, но душу свою діаволу; сообщается и совокупляется съ нимъ, какъ бы съ блудницею, и, вполнѣ удовлетворивъ своей похоти, удаляется; и видятъ это не два, или три человѣка, но весь городъ. Блудницы обыкновенно отдаются каждому, кто даетъ золото; кто бы ни предложилъ имъ плату, рабъ или свободный, единоборецъ или кто-нибудь другой, онѣ принимаютъ; а тѣхъ, которые ничего не предлагаютъ, хотя бы они были благороднѣе

всѣхъ, безъ денегъ не допускаютъ къ себѣ. То же дѣлаютъ и корыстолюбцы; чистыхъ мыслей, когда онѣ не доставляютъ денегъ, не допускаютъ, а мыслей грязныхъ и дѣйствительно звѣроподобныхъ держатся изъ-за денегъ и безстыдно усвояютъ ихъ, погубляя такимъ образомъ красоту души своей. Какъ блудницы бываютъ безобразны, черны, грубы, толсты, нестройны, неблаговидны и вообще отвратительны, таковы и корыстолюбивыя души, которыя даже внѣшними притираніями не могутъ скрыть своего безобразія. Когда безобразіе доходитъ до крайности, тогда никакія ухищренія не могутъ прикрыть его. Безстыдство производитъ блудницъ, какъ говоритъ пророкъ: *не хотѣла еси постыдѣтися ко всѣмъ, лице жены блудницы бысть тебѣ* (Іер. ш, 3). То же можно сказать и корыстолюбцу: не постыдился ты никого, не того или другого, но никого. Какъ именно? Онъ не стыдится ни отца, ни сына, ни жены, ни друга, ни брата, ни благодѣтеля, и вообще никого. Что я говорю: друга, брата и отца? Онъ не стыдится самого Бога, но считаетъ все баснею, смѣется (надъ всѣмъ), будучи упоенъ сильною страстію, не хочетъ слышать ничего, что можетъ принести ему пользу, и даже,—о, безуміе!—говоритъ: горе тебѣ, мамона, и не имѣющему тебя. Здѣсь я разрываюсь отъ гнѣва: горе тѣмъ, которые говорятъ это, хотя бы они говорили въ шутку. Не угрожалъ ли Богъ, скажи мнѣ, такою угрозою: *не можете двѣма господинома работати* (Мѳ. vi, 24)? А ты ослабляешь Его угрозу, дерзая говорить это къ собственному вреду своему. Не говоритъ ли Павелъ, что (лихоимство) есть идолослуженіе, и не называетъ ли онъ лихоимца идолослужителемъ (Кол. ш, 5; Ефес. v, 5)? А ты стоишь и смѣешься, подобно публичнымъ женщинамъ, предаваясь смѣху, подобно играющимъ на сценѣ.

4. Оттого все низвратилось и пало; смѣхотворствомъ сдѣлалось у насъ все—и взаимное обращеніе, и вѣжливость; нѣтъ ничего обстоятельнаго, ничего твердаго. Говорю это не по отношенію только къ мірянамъ, но знаю, кого разумѣю,—и церковь вѣдь наполняется смѣхомъ. Одинъ скажетъ острое слово, и смѣхъ тотчасъ распространяется между сидящими; и къ удивленію, даже во время самой молитвы многіе не перестаютъ смѣяться; діаволъ всюду торжествуетъ, всѣхъ связалъ, всѣми обладаетъ; Христосъ безчестится и изгоняется; церковь ставится ни во что. Ужели вы не слышите словъ Павла, который говоритъ: *скверно словіе, и буесловіе, и кощуны* да изъемлются отъ васъ (Еф. v, 4)? Кощунство 122
онъ поставляетъ вмѣстѣ съ скверно словіемъ: а ты смѣешься? Что такое *буесловіе*? То, что не доставляетъ никакой пользы. А ты все же смѣешься? И ты, монахъ, осклабляешь лице свое? Распявшійся (для міра), предавшійся сѣтованію, скажи мнѣ: чему

ты смѣешься? Слышалъ ли ты, чтобы Христосъ когда-нибудь дѣлалъ это? Никогда,—напротивъ скорбѣлъ Онъ часто. Когда Онъ смотрѣлъ на Іерусалимъ, плакалъ; когда представлялъ себѣ предателя, возмущался; когда намѣревался воскресить Лазаря, плакалъ; а ты смѣешься? Если тотъ, кто не скорбитъ о грѣхахъ другихъ людей, достоинъ осужденія, то можетъ ли удостоиться прощенія тотъ, кто не скорбитъ о своихъ собственныхъ грѣхахъ и смѣется? Настоящее время есть время печали и скорби, сокрушенія и смиренія, борьбы и подвиговъ; а ты смѣешься? Ужели не знаешь, какъ обличена была Сарра? Ужели не слышишь словъ Христа, который говоритъ: *горе смѣющимся, яко возрыдаютъ* (Лук. vi, 25)? То же поешь ты каждый день. Въ самомъ дѣлѣ, что, скажи мнѣ, говоришь ты? Развѣ (говоришь): смѣялся? Нѣтъ. А что? *Утрудихся воздыханіемъ моимъ* (Псал. vi, 7). Но, быть можетъ, нѣкоторые до того разсѣянны и легкомысленны, что даже смѣются и при этой укоризнѣ, именно потому, что мы говоримъ теперь о смѣхѣ; таково свойство легкомыслія, таково—разнузданности, что даже укоризна нечувствительна.

Священникъ Божій стоитъ, вознося молитву за всѣхъ,—а ты, ничего не стыдясь, смѣешься? Онъ съ трепетомъ за тебя возноситъ молитвы,—а ты оказываешь пренебреженіе? Или ты не слышишь словъ Писанія, которое говоритъ: горе презрителямъ (Товит. xiii)? Ужели не трепещешь и не содрогаешься? Когда ты входишь въ царскіе чертоги, соблюдаешь приличіе и въ одеждѣ, и во взглядѣ, и въ походкѣ, и во всемъ прочемъ; а здѣсь, гдѣ истинные царскіе чертоги, такіе же, какъ и на небесахъ, ты смѣешься? Конечно, ты не видишь этого; но знай, что ангелы всюду здѣсь присутствуютъ и особенно въ домѣ Божіемъ предстоятъ Царю, и все исполнено этихъ безплотныхъ силъ. То же скажу я и женамъ, которыя при мужьяхъ не скоро осмѣлятся дѣлать это, если же и дѣлаютъ, то не всегда, но только во время веселія; а здѣсь (дѣлаютъ) всегда. Ты, жена, покрываешь голову, и чему смѣешься, скажи мнѣ, сидя въ церкви? Ты пришла сюда исповѣдать грѣхи свои, припасть къ Богу, просить и молиться о сдѣланныхъ тобою согрѣшеніяхъ, и это дѣлаешь со смѣхомъ? Какъ же ты можешь умилостивить Его? Но скажешь: что за зло—смѣхъ? Не смѣхъ—зло, но зло то, когда онъ бываетъ безъ мѣры, когда онъ неумѣстенъ. Способность смѣха дана намъ для того, чтобы мы употребляли ее, когда увидимъ друзей послѣ долгой разлуки, чтобы, когда увидимъ какого-нибудь изнуреннаго и павшаго духомъ, ободрить его улыбкою, а не для того, чтобы хохотать и постоянно смѣяться; способность смѣха внѣдрена въ нашу душу для того, чтобы душа иногда получала облегченіе, а не

для того, чтобы она разслаблялась. И плотская похоть лежитъ въ нашей природѣ, но отсюда не слѣдуетъ, будто непремѣнно нужно удовлетворять ей или употреблять ее безъ мѣры; но нужно управлять ею, и мы не говоримъ: она внѣдрена въ насъ, потому мы и должны удовлетворять ей. Служи Богу со слезами, чтобы ты могъ омыть грѣхи. Знаю, что многіе насмѣхаются надъ нами и говорятъ: опять слезы. Но поэтому-то и пора слезъ. Знаю, иные
съ важностію говорятъ: *да ямы и піемъ, утрѣ бо умремъ* (1 Кор. 123
xv, 32). Но вспомни, что *суета суетствій, всяческая суета* (Еккл. і, 2). Не я говорю это, но тотъ, кто испыталъ все: *создахъ ми домы*, говоритъ онъ, *насадихъ ми винограды,сотворихъ ми купѣли водныя, виночерпцы и виночерпицы* (Еккл. п, 4—6). И послѣ всего этого что говоритъ онъ? *Суета суетствій, всяческая суета.* Итакъ, будемъ плакать, возлюбленные, будемъ плакать, чтобы поистинѣ посмѣяться, чтобы поистинѣ возрадоваться во время дѣйстви-
тельной радости. Настоящая радость всегда смѣшана съ печалію 124
и никогда не бываетъ чистою; а та—радость дѣйствительная, непритворная, не заключающая въ себѣ ничего неискренняго, не имѣющая никакой примѣси. Будемъ же радоваться тою радостію, будемъ стараться—ее получить; а получить ее возможно не иначе, какъ избирая здѣсь не пріятное, но полезное, и даже испытывая нѣкоторую скорбь добровольно, и съ благодарностію перенося все случающееся. Такимъ образомъ мы сможемъ сподобиться и царствія небеснаго, благодатію и человѣколюбіемъ (Господа нашего Іисуса Христа, съ Которымъ Отцу со Святымъ Духомъ слава, держава, честь, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь).

БЕСѢДА XVI.

**И сего ради новому завѣту ходатай есть, да смерти, 123
бывшей во искупленіе преступленій въ первомъ завѣтѣ, обѣтованіе вѣчнаго наслѣдія пріимутъ званніи. Идѣже бо завѣтъ, смерти нужно есть вноситися завѣщающаго. Завѣтъ бо мертвыхъ извѣстенъ есть: понеже ничесоже можетъ, егда живъ есть завѣщаваяй. Тѣмже ни первый безъ крове обновленъ бысть (Евр. іх, 15—18).**

1. Такъ какъ, вѣроятно, были многіе малодушные, которые потому особенно, что Христосъ умеръ, не вѣрили обѣтованіямъ Его, то Павелъ, желая рѣшительно опровергнуть такое мнѣніе, представляетъ примѣръ, заимствованный изъ общаго обычая. Какой

же это (обычай)? Потому самому, говоритъ онъ, и надобно быть увѣреннымъ. Почему? Потому что завѣщанія бываютъ дѣйствительны и получаютъ силу не при жизни завѣщателей, но послѣ ихъ смерти. Поэтому онъ и начинаетъ такъ рѣчь: *новому завѣту*, говоритъ, *ходатай есть*. Завѣщаніе составляется въ послѣдній день предъ смертію. Это завѣщаніе дѣлаетъ однихъ наслѣдниками, а другихъ лишаетъ наслѣдства. Такъ и здѣсь о наслѣдникахъ Христосъ говоритъ: *хощу, да идѣже есмь азъ, и тіи будутъ* (Іоан. xvii, 24); и опять о лишенныхъ наслѣдства послушай, что Онъ говоритъ: *не о всѣхъ молю, но о вѣрующихъ словесе ихъ ради въ мя* (Іоан. xvii, 20). Въ завѣщаніи бываетъ относящееся къ завѣщателю и относящееся къ принимающимъ завѣщаніе, и говорится, что̀ они должны получить и что̀ сдѣлать. Такъ и здѣсь: послѣ безчисленныхъ обѣтованій (Христосъ) предлагаетъ имъ и заповѣдь: *заповѣдь новую*, говоритъ, *даю вамъ* (Іоан. xiii, 34). Еще: завѣщаніе должно имѣть свидѣтелей; и послушай опять, что Онъ говоритъ: *азъ есмь свидѣтельствуяй о мнѣ самомъ и свидѣтельствуетъ о мнѣ пославый мя Отецъ* (Іоан. viii, 18); также объ Утѣшителѣ говоритъ: *той свидѣтельствуетъ о мнѣ* (Іоан. xv, 26); и посылая двѣнадцать апостоловъ, Онъ сказалъ: *свидѣтельствуйте предъ Богомъ* (Іоан. xv, 17; 1 Тим. v, 21). *И сего ради*, говоритъ (Павелъ), *новому завѣту ходатай есть*. Что такое—*ходатай?* Ходатай не есть властелинъ дѣла, котораго онъ посредникъ; дѣло—само по себѣ, а посредникъ самъ по себѣ. Напримѣръ: при бракѣ бываетъ посредникъ, но онъ не женихъ, а только содѣйствующій вступающему въ бракъ. Такъ и здѣсь. Сынъ сталъ посредникомъ между Отцемъ и нами. Отецъ не хотѣлъ оставить намъ этого наслѣдства; Онъ гнѣвался на насъ и былъ недоволенъ нами, какъ отступившими отъ Него; (Сынъ) сталъ посредникомъ между нами и Имъ и умо-
124 лилъ Его. И смотри, какъ Онъ сталъ посредникомъ: Онъ принялъ на Себя обвиненіе и оправданіе, передалъ намъ (волю) Отца и при этомъ подвергся смерти. Мы оскорбили (Бога) и должны были умереть, но Онъ умеръ за насъ и содѣлалъ насъ достойными завѣта. Такимъ образомъ завѣтъ сталъ твердымъ, такъ какъ онъ заключенъ уже не съ недостойными. Вначалѣ Богъ заключилъ съ нами завѣтъ, какъ отецъ съ дѣтьми; но когда мы сдѣлались недостойными, то слѣдовало быть не завѣту, а наказанію. Что же ты, говоритъ (апостолъ), превозносишься закономъ? Онъ довелъ насъ до такого грѣховнаго состоянія, что мы никогда не спаслись бы; если бы Владыка нашъ не умеръ за насъ, то законъ нисколько не помогъ бы намъ, потому что онъ былъ немощенъ. Впрочемъ, онъ доказываетъ это не однимъ только общимъ обыкновеніемъ, но и событіями ветхаго завѣта, что̀ въ особенности

могло подѣйствовать на нихъ. Но, скажутъ, тамъ никто не умиралъ: какимъ же образомъ былъ утвержденъ тотъ (завѣтъ)? Точно такимъ же. Какъ? И тамъ кровь, равно какъ и здѣсь кровь. Не удивляйся, что тамъ не Христова кровь; тамъ вѣдь былъ прообразъ; потому (апостолъ) и говоритъ: *тѣмже ни первый безъ крове обновленъ есть.* Что значитъ: *обновленъ есть?* Сталъ крѣпкимъ, утвержденъ. *Тѣмже,* т. е. поэтому, говоритъ, нуженъ былъ прообразъ какъ завѣта, такъ и смерти.

2. Но почему, скажи мнѣ, была окроплена книга завѣта? *Реченнѣй бо,* говоритъ, *бывшей всякой заповѣди по закону отъ Моисеа всѣмъ людемъ, пріемъ кровь козлію и телчую съ водою и волною червленою и иссопомъ, самыя же тыя книги и вся люди покропи, глаголя: сія кровь завѣта, егоже завѣща къ вамъ Богъ* (ст. 19, 20). Почему же, скажи мнѣ, окропляется книга завѣта и народъ? Потому, что та кровь и все прочее было прообразомъ честнѣйшей крови, которая была прообразована издревле. Почему съ иссопомъ? Потому, что онъ, какъ вещество плотное и мягкое, сдерживалъ кровь. Для чего вода? Она была употреблена въ знакъ очищенія водою. А для чего волна? И она была употреблена для того, чтобы удерживать кровь. (Апостолъ) показываетъ, что здѣсь вмѣстѣ были и кровь и вода, потому что крещеніе есть образъ страданія Христова. *И скинію же и вся сосуды служебныя кровію такожде покропи. И едва не вся кровію очищаются по закону и безъ кровопролитія не бываетъ оставленіе* (ст. 21, 22). Почему онъ сказалъ: *едва не?* Почему сдѣлалъ такое ограниченіе? Потому что тамъ не было совершеннаго очищенія и совершеннаго отпущенія грѣховъ, но было полусовершенное и даже гораздо меньшее: 125
а здѣсь—*сія есть кровь,* говоритъ (Господь), *новаго завѣта, яже за вы изливаема во оставленіе грѣховъ* (Мѳ. XXVI, 28). Гдѣ же книга, которая очищала ихъ души? Они сами были книгами новаго завѣта. Гдѣ сосуды служебные? Они сами. Гдѣ скинія? Опять они сами. *Яко вселюся въ нихъ,* говоритъ (Богъ), *и похожду* (2 Кор. VI, 16). Но здѣсь нѣтъ окропленія ни волною червленою, ни иссопомъ. Почему же? Потому, что это очищеніе было не тѣлесное, но духовное, и эта кровь духовная. Почему? Потому, что она проистекла не изъ тѣла безсловесныхъ (животныхъ), но изъ тѣла, устроеннаго Духомъ. Этою кровію окропилъ насъ не Моисей, а Христосъ, посредствомъ слова, сказаннаго имъ: *сія кровь новаго завѣта во оставленіе грѣховъ.* Это слово, вмѣсто иссопа напитанное кровію, окропляетъ всѣхъ. Тамъ очищалось тѣло отвнѣ, такъ какъ очищеніе было тѣлесное, а здѣсь—очищеніе духовное, которое входитъ въ душу и очищаетъ, не только окропляя, но содѣлываясь источникомъ въ душахъ нашихъ. Посвященные въ

тайны знаютъ, о чемъ я говорю. Тамъ была окропляема поверхность (тѣла) и окропленный опять омывался, а не всегда ходилъ окровавленнымъ; здѣсь же не такъ, но кровь смѣшивается съ самымъ существомъ души, дѣлая ее крѣпкою и чистою и доводя ее до неописуемой красоты. Такимъ образомъ (апостолъ) доказываетъ, что смерть служила не только къ утвержденію, но и къ очищенію. Смерть, и особенно крестная, казалась чѣмъ-то пагубнымъ; но (апостолъ) говоритъ, что она служила очищеніемъ, и очищеніемъ важнымъ, и при томъ въ дѣлахъ высокихъ. Для этого, т. е. ради этой крови, были прежде жертвоприношенія; для этого были агнцы, для этого было все. *Нужда убо бяше образомъ небесныхъ сими очищатися: самѣмъ же небеснымъ лучшими жертвами паче сихъ* (ст. 23). Какъ они—образы небесныхъ? И что онъ называетъ нынѣ небеснымъ? Не небо ли? Не ангеловъ ли? Нѣтъ, но наши (священнодѣйствія). Наши (священнодѣйствія) на небесахъ и небесны, хотя совершаются на землѣ. Такъ и ангелы бываютъ на землѣ, но называются небесными; и херувимы являлись на землѣ, но они небесны. Что я говорю: являлись? Они пребываютъ на землѣ, какъ бы въ раю,—и однако, при всемъ томъ, они небесны. *И наше житіе на небесѣхъ есть* (Филип. III, 20), хотя мы живемъ здѣсь. *Самѣмъ же небеснымъ*, т. е. по любомудрію нашему призваннымъ туда. *Лучшими жертвами паче сихъ*. Лучшее называется лучшимъ по отношенію къ чему-нибудь хорошему. Слѣдовательно хороши были и образы небеснаго. Они не были нехорошими, какъ образы; иначе было бы нехорошо и то, чего они служатъ образами.

3. Итакъ, если мы небесны, если мы получили такое достоинство, то будемъ бояться, чтобы намъ не остаться на землѣ; а и нынѣ, кто хочетъ, можетъ не быть на землѣ. Быть или не быть на землѣ зависитъ отъ воли и образа жизни. Вотъ напримѣръ: о Богѣ говорятъ, что онъ пребываетъ на небѣ. Почему? Не потому, чтобы Онъ былъ заключенъ въ какомъ-нибудь мѣстѣ,—да не будетъ,—и не потому, чтобы земля была лишена Его присутствія; но по отношенію и близости Его къ ангеламъ.
126 Такимъ образомъ, если и мы близки къ Богу, то мы—на небѣ. Что мнѣ до неба, когда я созерцаю Владыку неба, когда самъ становлюсь небомъ? *Пріидемъ*, говоритъ (Господь), *азъ и Отецъ мой, и обитель у него сотворимъ* (Іоан. XIV, 23). Сдѣлаемъ же душу нашу небомъ. Небо по природѣ своей ясно, оно не дѣлается темнымъ и во время бури; тогда не оно само измѣняетъ видъ, но собравшіяся облака закрываютъ его. Небо имѣетъ солнце: и мы имѣемъ Солнце правды. Можно, сказалъ я, сдѣлаться какъ бы небомъ; еще скажу — можно сдѣлаться даже

лучше неба. Какимъ образомъ? Когда мы будемъ имѣть Владыку солнца. Небо вездѣ чисто и свѣтло и не измѣняется ни во время бури, ни во время ночи; такъ и мы не должны подвергаться этому ни во время скорбей, ни во время козней діавола, но оставаться чистыми и свѣтлыми. Небо высоко и далеко отстоитъ отъ земли; будемъ таковы и мы, отрѣшимся отъ земли и вознесемся на эту высоту. А какъ мы можемъ отрѣшиться отъ земли? Если будемъ размышлять о небесномъ. Небо гораздо выше и дождей и бурь, и никто не можетъ достать его; то же, если захотимъ, можетъ быть и съ нами. Оно кажется измѣняющимся, а между тѣмъ не измѣняется; такъ и мы, хотя и кажемся страждущими, но не должны подвергаться страданію. Какъ во время бури многіе не видятъ красоты неба и думаютъ, что оно измѣнилось, но любомудрые знаютъ, что оно нисколько не измѣнилось, такъ и объ насъ, во время скорбей, многіе думаютъ, что мы измѣнились и что скорбь коснулась самаго сердца нашего, но любомудрые знаютъ, что она не коснулась насъ. Будемъ же небомъ, взойдемъ на эту высоту, и тогда люди покажутся намъ не отличающимися отъ муравьевъ; разумѣю не однихъ только бѣдныхъ и богатыхъ, но будетъ ли то военачальникъ, или царь, мы не замѣтимъ оттуда ни царя, ни простолюдина, не различимъ, что̀ золото и что̀ серебро, какая шелковая одежда, и какая пурпуровая; всѣ покажутся намъ какъ бы мухами, когда мы будемъ находиться на этой высотѣ; тамъ нѣтъ ни шуму, ни волненія, ни крика. Но какъ можно, скажешь, подняться на эту высоту человѣку, находящемуся на землѣ? Не словами одними я докажу тебѣ это, но, если хочешь, представлю тебѣ людей, которые на самомъ дѣлѣ достигли этой высоты. Кто же это? Разумѣю Павла и подобныхъ ему, которые, живя на землѣ, были на небѣ. Что я говорю: на небѣ? Они были выше неба и другого неба, и восходили до самаго Бога. *Кто ны*, говоритъ онъ, *разлучитъ отъ любве Божія? Скорбь ли, или тѣснота; или гладъ, или гоненіе, или нагота, или бѣда, или мечь* (Рим. VIII, 35)? И еще: *не смотряющимъ намъ видимыхъ, но невидимыхъ* (2 Кор. IV, 18). Видишь ли, какъ онъ не взиралъ на то, что здѣсь? А чтобы ты убѣдился, что онъ былъ выше небесъ, послушай, какъ онъ говоритъ: *извѣстихся бо, яко ни смерть, ни животъ, ни настоящая, ни грядущая, ни высота, ни глубина, ни ина тварь кая возможетъ насъ разлучити отъ любве Христовой* (Рим. VIII, 38, 39).

4. Видишь ли, какъ мысль, прошедши все, поставила его выше не только этого творенія и этихъ небесъ, но и всякихъ 127
другихъ, если бы они были? Видишь ли высокій умъ? Видишь ли, какимъ сдѣлался, когда захотѣлъ, скинотворецъ, проводившій

всю жизнь свою на площади? Нѣтъ, подлинно никакого нѣтъ препятствія—превзойти всѣхъ, когда мы захотимъ. Если мы дѣлаемъ такіе успѣхи въ искусствахъ, которыя весьма трудны для многихъ, то тѣмъ болѣе въ томъ, что не требуетъ такого труда. Что труднѣе, скажи мнѣ, какъ ходить по натянутому канату, какъ бы по ровному мѣсту, и ходя на высотѣ одѣваться и раздѣваться, какъ бы сидя на постели? Не кажется ли намъ это дѣло такъ страшнымъ, что мы не хотимъ на него даже смотрѣть, но ужасаемся и дрожимъ при одномъ на него взглядѣ? Что труднѣе, скажи мнѣ, какъ поставить на лице свое шестъ и, посадивъ на него ребенка, производить тысячи (упражненій) и забавлять зрителей? Что труднѣе, какъ играть шарами на мечахъ? Что труднѣе, скажи мнѣ, какъ изслѣдовать глубину моря? И безчисленное множество другихъ искусствъ можно было бы привести; но всѣхъ ихъ легче добродѣтель и искусство — взойти на небо, если мы захотимъ: здѣсь нужно только захотѣть, и всего достигнешь. Здѣсь нельзя сказать: не могу,—это значило бы обвинять Создателя; вѣдь если Онъ создалъ насъ не могущими, и между тѣмъ повелѣлъ (сдѣлать это), то вина падаетъ на Него. Отчего же, скажешь, многіе не могутъ? Оттого, что не хотятъ. А отчего не хотятъ? Отъ лѣности; а если захотятъ, то конечно смогутъ. Потому и Павелъ говоритъ: *хощу, да вси человѣцы будутъ, якоже и азъ* (Рим. VII, 7); онъ зналъ, что всѣ могутъ быть такими же,
128 какъ онъ; а если бы не могли, то онъ и не сказалъ бы этого. Хочешь ли быть добродѣтельнымъ? Положи только начало. Скажи мнѣ: во всѣхъ искусствахъ, когда мы хотимъ заняться ими, довольствуемся ли мы однимъ хотѣніемъ, или принимаемся и за дѣло? Напримѣръ: кто хочетъ сдѣлаться кормчимъ, тотъ не говоритъ только: хочу, и этимъ довольствуется, но принимается и за дѣло. Кто хочетъ сдѣлаться торговцемъ, тотъ не говоритъ только: хочу, но принимается и за дѣло. Кто хочетъ путешествовать, тотъ не говоритъ только: хочу, но принимается и за дѣло. Такъ и во всемъ: не достаточно одного только хотѣнія, но нужно присоединять и дѣло. А ты, желая взойти на небо, только говоришь: хочу? Но какъ же, возразишь, ты самъ сказалъ, что достаточно одного хотѣнія? Хотѣнія вмѣстѣ съ дѣлами, принимающагося за дѣло, дѣятельнаго. Намъ содѣйствуетъ и помогаетъ Богъ; только мы должны рѣшиться, только должны приступить къ тому на дѣлѣ, только должны приложить стараніе, только должны имѣть душевное расположеніе, — и все будетъ. А если будемъ спать и похрапывая надѣяться взойти на небо, то какъ мы сможемъ получить наслѣдіе небесное? Будемъ же имѣть хотѣніе, увѣщеваю васъ, будемъ желать. Для чего мы собираемъ все для

настоящей жизни, которую завтра оставимъ? Будемъ пещись о добродѣтели, которой достанетъ намъ на весь вѣкъ; будемъ постоянно соблюдать ее,—и получимъ вѣчныя блага, которыхъ да сподобимся всѣ мы, благодатію и человѣколюбіемъ (Господа нашего Іисуса Христа, съ Которымъ Отцу со Святымъ Духомъ слава, держава, честь, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь).

БЕСѢДА XVII.

Не въ рукотворенная бо святая вниде Христосъ, противообразная истинныхъ, но въ самое небо, нынѣ да явится лицу Божію о насъ: ниже да многажды приноситъ себѣ, якоже первосвященникъ входитъ во святая святыхъ по вся лѣта съ кровію чуждею: понеже подобаше бы ему множицею страдати отъ сложенія міра: нынѣ же единою въ кончину вѣковъ во отметаніе грѣха жертвою своею явися (Евр. IX, 24—26). 127

1. Іудеи много превозносились храмомъ и скиніею; потому и говорили: *храмъ Господень, храмъ Господень* (Іер. VII, 4). Нигдѣ на землѣ не было построено подобнаго храма ни по драгоцѣнности, ни по красотѣ, ни по чему иному, потому что Богъ, заповѣдавъ построить его, повелѣлъ сдѣлать это съ большимъ великолѣпіемъ, да и сами (іудеи) были склонны и привязаны болѣе къ тѣлесному. У него въ стѣнахъ были позолоченные камни, о чемъ желающій можетъ узнать изъ второй книги Царствъ и изъ книги Іезекіиля, равно и о томъ, сколько талантовъ золота было на него издержано. Построеніе второго (храма) было еще блистательнѣе по красотѣ и по всему прочему. И не поэтому только онъ былъ драгоцѣненъ, но и потому, что былъ одинъ. Красота его привлекала всѣхъ, потому что туда приходили съ концевъ земли, изъ Вавилоніи и Эѳіопіи. Это выражаетъ Лука въ Дѣяніяхъ, когда говоритъ: *бяху же тамъ живущіи Парѳяне и Мидяне и Еламите, и живущіи въ Месопотаміи, въ Іудеи же и Каппадокіи, въ Понтѣ и во Асіи, во Фригіи же и Памфиліи, во Египтѣ и странахъ Ливіи, яже при Кириніи* (Дѣян. II, 5—10). Итакъ, изъ всѣхъ странъ вселенной приходили туда, и велика была слава этого храма. Что же дѣлаетъ Павелъ? Что сдѣлалъ онъ касательно 128
жертвъ, то же дѣлаетъ и здѣсь; какъ имъ онъ противопоставилъ смерть Христову, такъ здѣсь храму противопоставляетъ цѣлое небо. Но не въ этомъ только показываетъ различіе, а и въ томъ, что нашъ священникъ ближе къ Богу: *да явится*, прибавляетъ

онъ, *лицу Божію.* Такимъ образомъ, онъ доказываетъ важность дѣла не только небомъ, но и самымъ входомъ,—потому что не чрезъ одни прообразы, какъ здѣсь, но самого Бога (Христосъ) видитъ тамъ. Видишь ли, что все уничиженное сказано о Немъ по снисхожденію Его? Удивительно ли послѣ этого, что (Павелъ) представляетъ его ходатайствующимъ, какъ первосвященника? *Ниже да многажды*, говоритъ, *приноситъ себе, якоже первосвященникъ входитъ во святая по вся лѣта съ кровію чуждею. Не въ рукотворенная бо святая вниде Христосъ, противообразная истинныхъ.* Итакъ, это—истина, а то—прообразы; тотъ храмъ былъ построенъ по подобію неба небесъ. Но что говоришь? Неужели, если бы не вошелъ въ небо, то не явился бы (лицу Божію) Онъ, вездѣ сущій и все наполняющій? Очевидно, что все это говорится о плоти Его. *Да явится*, говоритъ, *лицу Божію о насъ.* Что значитъ: *о насъ*? Онъ вошелъ, говоритъ, съ жертвою, могущею умилостивить Отца. Для чего же, скажи мнѣ? Развѣ Онъ былъ врагомъ (Божіимъ)? Изъ числа ангеловъ были враги Богу, а Онъ не былъ врагомъ. А что ангелы были враги, объ этомъ послушай, что говоритъ (апостолъ): *примирити, аще земная, аще ли небесная* (Кол. I, 20). Потому справедливо сказано, что Онъ вошелъ въ небо, *нынѣ да явится лицу Божію о насъ.* Онъ и нынѣ предстоитъ, но за насъ. *Ниже да многажды приноситъ себе, якоже первосвященникъ входитъ*
129 *во святая святыхъ по вся лѣта съ кровію чуждею.* Видишь ли, сколько противоположеній? Многажды, однажды; съ кровію чужою, съ своею. Великое различіе! Христосъ самъ и жертва и священникъ. *Понеже*, говоритъ, *подобаше бы ему множицею страдати отъ сложенія міра.* Здѣсь онъ открываетъ нѣкоторый догматъ: если бы, говоритъ, Ему надлежало многократно приносить жертвы, то надлежало бы многократно и распинаться. *Нынѣ же единою въ кончину вѣковъ.* Почему—*въ кончину вѣковъ*? Послѣ множества грѣховъ; если бы все это произошло вначалѣ и никто не увѣровалъ бы, то дѣло домостроительства осталось бы безполезнымъ; Христу не надлежало умирать вторично, чтобы исправить и этотъ недостатокъ; когда же съ теченіемъ времени явилось множество грѣховъ, тогда благовременно Онъ и явился. То же (апостолъ) говоритъ и въ другомъ мѣстѣ: *идѣже умножися грѣхъ, преизбыточествова благодать* (Рим. v, 20). *Нынѣ же*, говоритъ, *единою въ кончину вѣковъ во отметаніе грѣха жертвою своею явися. И якоже лежитъ человѣкомъ единою умрети, потомъ же судъ* (ст. 27).

2. Доказавъ, что не надлежало умирать многократно, (апостолъ) показываетъ теперь и то, почему Онъ умеръ однажды. *Лежитъ*, говоритъ, *человѣкомъ единою умрети.* Итакъ, Онъ умеръ однажды за всѣхъ людей. Какъ, развѣ мы уже не умираемъ

прежнею смертію? Умираемъ, но не остаемся въ ней; а это не значитъ умирать. Власть смерти и истинная смерть есть та, когда умершій уже не имѣетъ возможности возвратиться къ жизни; если же послѣ смерти онъ оживетъ, и при томъ лучшею жизнію, то это не смерть, а успеніе. Смерть могла удержать у себя всѣхъ; потому Христосъ и умеръ, чтобы освободить насъ. *Тако и Христосъ единою принесеся* (ст. 28). Кѣмъ *принесеся*? Очевидно, самъ собою. Здѣсь показываетъ въ Немъ не только священника, но и приношеніе, и жертву; потомъ присовокупляетъ и причину, почему Онъ *принесеся*. *Единою*, говоритъ, *принесеся во еже вознести многихъ грѣхи*. Почему же онъ сказалъ: *многихъ*, а не: всѣхъ? Потому, что не всѣ увѣровали. Онъ умеръ за всѣхъ, чтобы спасти всѣхъ, сколько отъ Него зависитъ,—смерть Его и сильна была спасти всѣхъ отъ погибели,—но Онъ *вознесъ грѣхи* не всѣхъ, потому что сами не захотѣли. Что же значитъ: *вознести грѣхи*? Какъ во время приношенія, которое совершаемъ, мы возносимъ и грѣхи, когда говоримъ: остави намъ согрѣшенія, которыя мы содѣлали волею или неволею, т. е. сначала упоминаемъ о нихъ, а потомъ испрашиваемъ оставленія,—такъ было и здѣсь. Когда же Христосъ сдѣлалъ это? Послушай, какъ Онъ самъ говоритъ: *и за нихъ азъ свящу себе* (Іоан. XVII, 19). Вотъ, какъ Онъ вознесъ грѣхи: взялъ ихъ отъ людей и вознесъ къ Отцу, не для того, чтобы постановить приговоръ противъ нихъ, но чтобы простить. *Второе*, говоритъ, *безъ грѣха явится ждущимъ его во спасеніе*. Что значитъ: *безъ грѣха*? Не съ тѣмъ, чтобы взять грѣхи, и 130
не за грѣхи придетъ въ другой разъ, чтобы опять умереть; Онъ и однажды умеръ не потому, что долженъ былъ умереть. Для чего же *явится*? Чтобы наказать, говоритъ; впрочемъ не выражаетъ этого (прямо), но съ отрадой: *безъ грѣха явится ждущимъ его во спасеніе*, такъ какъ уже нѣтъ надобности въ жертвѣ, чтобы спасать ихъ, но для этого нужны дѣла. *Сѣнь бо*, говоритъ, *имый законъ грядущихъ благъ, не самый образъ вещей* (X, 1), т. е. не самую истину. Какъ въ живописи, пока набрасываютъ рисунокъ, получается какая-то тѣнь, а когда положатъ краски и наведутъ цвѣта, тогда дѣлается изображеніе,—такъ было и съ закономъ. *Сѣнь бо имый законъ грядущихъ благъ, не самый образъ вещей*, т. е. жертвы, отпущенія (грѣховъ). На всякое лѣто: *тѣми же жертвами, ихже приносятъ выну, никогда же можетъ приступающихъ совершити: понеже не престали бы быти приносимы, ни едину ктому имущимъ совѣсть о грѣсѣхъ служащимъ, единою очищеннымъ: но въ нихъ воспоминаніе грѣховъ на коеждо лѣто. Невозможно бо крови юнчей и козлей отпущати грѣхи. Тѣмже входя въ міръ глаголетъ: жертвы и приношенія не восхотѣлъ еси, тѣло же совершилъ ми еси: все-*

сожженій и о грѣсѣ не благоволилъ еси. Тогда рѣхъ: се иду: въ главизнѣ книжнѣй написася о мнѣ: еже сотворити волю твою, Боже. Выше глаголя: яко жертвы и приношенія и всесожженій и о грѣсѣхъ не восхотѣлъ еси, ниже благоволилъ еси, яже по закону приносятся: тогда рече: се иду сотворити волю твою, Боже. Отъемлетъ первое, да второе поставитъ (ст. 1—9). Видишь ли опять, какое изобиліе (въ рѣчи апостола)? Эта жертва, говоритъ, одна, а тѣхъ много; потому онѣ и не были сильны, что ихъ было много.

3. Дѣйствительно, скажи мнѣ, для чего нужно было много жертвъ, если бы достаточно было одной? Множество жертвъ и то, что онѣ приносились непрестанно, показываетъ, что онѣ никогда не очищали (приносившихъ). Какъ лѣкарство, когда оно сильно, полезно для здоровья и способно уничтожить всякую болѣзнь, совершаетъ все, будучи приложено однажды; то самое, что оно совершаетъ все, будучи приложено однажды и уже больше не прикладываясь, показываетъ его силу, и то, что оно больше не прикладывается, есть слѣдствіе его дѣйствія; если же оно прикладывается непрестанно, то это явный знакъ, что оно не имѣетъ никакой силы,—потому что достоинство лѣкарства въ томъ и состоитъ, чтобы прикладываться однажды, а не часто,—такъ точно и здѣсь. Почему они непрестанно лѣчились одними и тѣми же жертвами? Если бы они были свободны отъ всѣхъ грѣховъ, то жертвы не были бы приносимы ежедневно,—между тѣмъ было опредѣлено приносить ихъ за весь народъ непрестанно, и вечеромъ и днемъ. Такимъ образомъ совершаемое ими было обвине-
131 ніемъ во грѣхахъ, а не разрѣшеніемъ грѣховъ, обличеніемъ немощи, а не знакомъ силы. Такъ какъ первая жертва не оказывала дѣйствія, то приносилась вторая; а такъ какъ и эта не помогала, то третья,—такимъ образомъ это и служило обличеніемъ грѣховъ. Итакъ, приношеніе жертвъ было обличеніемъ грѣховъ, а непрестанное (приношеніе) обличеніемъ немощи. А въ дѣлѣ Христовомъ напротивъ: Онъ принесъ однажды, и этого довольно навсегда. И хорошо назвалъ (апостолъ жертвы) противообразными; дѣйствительно, они были только прообразомъ, но не имѣли силы, подобно какъ на картинахъ изображеніе имѣетъ образъ человѣка, но не имѣетъ силы его. Подлинникъ и образъ имѣютъ нѣчто общее между собою; въ образѣ есть сходство, но нѣтъ силы. Такъ точно въ отношеніи неба и скиніи: она была похожимъ на него образомъ,—такъ какъ была святою,—но сила и все прочее у нея не тѣ. Что значитъ: *во отметаніе грѣха жертвою своею явится?* Что значитъ: *отметаніе?* Т. е. посрамленіе; грѣхъ уже не имѣетъ дерзновенія, потому что онъ посрамленъ. Какимъ образомъ? Онъ долженъ былъ достигнуть наказанія (людей смертію), но не достиг-

нулъ, а самъ потерпѣлъ насиліе; когда хотѣлъ погубить всѣхъ, тогда самъ былъ истребленъ. *Жертвою своею*, говоритъ, *явися*, т. е. явился къ Богу и предсталъ предъ Нимъ. Итакъ, не думай, что если священникъ приносилъ жертвы многократно каждый годъ, то дѣлалъ это просто и не по причинѣ немощи. Если не по причинѣ немощи, то для чего же это дѣлалось? Если бы не было ранъ, то не было бы нужды и въ лѣкарствахъ. Вотъ для чего, говоритъ (апостолъ), повелѣно приносить жертвы непрестанно,—по причинѣ немощи и для напоминанія о грѣхахъ. Что же? Развѣ мы не приносимъ каждый день? Приносимъ, но мы совершаемъ воспоминаніе о смерти Его, и эта жертва одна, а не много. Какъ одна, а не много? Такъ, что она принесена однажды, подобно той, которая была приносима во святомъ святыхъ. Та была прообразомъ ея, и эта—ея же образъ. Мы постоянно приносимъ одного и того же Агнца, а не одного сегодня, другого завтра, но всегда одного и того же. Такимъ образомъ, эта жертва одна. Хотя она приносится во многихъ мѣстахъ, но развѣ много Христовъ? Нѣтъ, одинъ Христосъ вездѣ, и здѣсь полный, и тамъ полный, одно тѣло Его. И какъ приносимый во многихъ мѣстахъ Онъ—одно тѣло, а не много тѣлъ, такъ и жертва одна. Онъ нашъ Первосвященникъ, принесшій жертву, очищающую насъ; ее приносимъ и мы теперь, тогда принесенную, но не оскудѣвающую. Это совершается въ воспоминаніе бывшаго тогда: *сіе творите*, сказано, *въ мое воспоминаніе* (Лук. XXII, 19). Не другую жертву, какъ тогдашній первосвященникъ, но ту же мы приносимъ постоянно; или лучше сказать, совершаемъ воспоминаніе жертвы.

4. Такъ какъ я упомянулъ объ этой жертвѣ, то хочу сказать вамъ, посвященнымъ въ тайны, немногое,—немногое по объему, но заключающее въ себѣ великую силу и пользу; слова мои не отъ насъ, но отъ Духа Божія. Что же такое? Многіе причащаются этой жертвы однажды во весь годъ, другіе дважды, а иные нѣсколько разъ. Слова наши относятся ко всѣмъ, не только къ присутствующимъ здѣсь, но и къ находящимся въ пустынѣ,—потому что они причащаются однажды въ годъ, а иногда и черезъ два года. Что же? Кого намъ одобрить? Тѣхъ ли, которые при- 132
чащаются однажды, или тѣхъ, которые—часто, или тѣхъ, которые—рѣдко? Ни тѣхъ, ни другихъ, ни третьихъ, но причащающихся съ чистою совѣстію, съ чистымъ сердцемъ, съ безукоризненною жизнію. Такіе пусть всегда приступаютъ; а не такіе—ни однажды. Почему? Потому, что они навлекаютъ на себя судъ, осужденіе, наказаніе и мученіе. Не удивляйся этому: какъ пища, сама по себѣ питательная, когда попадаетъ въ разстроенный желудокъ, производитъ вредъ и разстройство во всемъ (тѣлѣ), и

дѣлается причиною болѣзни, такъ бываетъ и съ страшными тайнами. Ты сподобляешься трапезы духовной, трапезы царской, и потомъ опять оскверняешь уста нечистотою? Ты намащаешься миромъ, и потомъ опять наполняешься зловоніемъ? Скажи мнѣ, увѣщеваю: приступая къ причащенію чрезъ годъ, неужели ты думаешь, что сорока дней тебѣ достаточно для очищенія твоихъ грѣховъ за все время? А потомъ, по прошествіи недѣли, опять предаешься прежнему? Скажи же мнѣ: если бы ты, выздоравливая въ теченіе сорока дней отъ продолжительной болѣзни, потомъ опять принялся за ту же пищу, которая причинила болѣзнь, то не потерялъ ли бы ты и предшествовавшаго труда? Очевидно, что такъ. Если же такимъ образомъ извращается естественный порядокъ, то тѣмъ болѣе нравственный. Напримѣръ: мы отъ природы одарены зрѣніемъ и имѣемъ отъ природы здоровые глаза; но часто по болѣзни наше зрѣніе повреждается. Если же естественныя свойства извращаются, то не гораздо ли болѣе нравственныя? Сорокъ дней ты употребляешь на возстановленіе здоровья души, а быть можетъ даже не сорокъ,—и думаешь умилостивить Бога? Ты шутишь, человѣкъ. Говорю это не съ тѣмъ, чтобы запретить вамъ приступать однажды въ годъ, но болѣе желая, чтобы вы непрестанно приступали къ святымъ тайнамъ. Для того и священникъ возглашаетъ тогда, призывая святыхъ, и этимъ возгласомъ какъ бы испытываетъ всѣхъ, чтобы никто не приступалъ неприготовленнымъ. Какъ въ стадѣ, гдѣ много здоровыхъ овецъ, а много и пораженныхъ коростою, необходимо отдѣлить послѣднихъ отъ здоровыхъ, такъ и въ Церкви, гдѣ есть овцы здоровыя и больныя, этимъ возгласомъ священникъ отдѣляетъ послѣднихъ отъ первыхъ, оглашая всѣхъ такимъ страшнымъ изреченіемъ, а святыхъ вызываетъ и приглашаетъ. Такъ какъ ни одинъ человѣкъ не можетъ знать души ближняго,—*кто бо*, говоритъ (апостолъ), *вѣсть отъ человѣкъ, яже въ человѣцѣ, точію духъ человѣка (живущій) въ немъ* (1 Кор. II, 11)? — то и дѣлаетъ такой возгласъ послѣ совершенія всего жертвоприношенія, чтобы никто безъ вниманія и какъ случилось не приступалъ къ духовному источнику. И въ стадѣ,— ничто не препятствуетъ употребить опять то же сравненіе,—больныхъ (овецъ) мы запираемъ, держимъ въ темнотѣ, кормимъ другою пищею, лишая ихъ и чистаго воздуха, и свѣжей травы, и внѣшняго источника. Такъ и здѣсь, этотъ возгласъ служитъ какъ бы вмѣсто узъ. Ты не можешь сказать: я не зналъ, я не понималъ, что такое дѣло угрожаетъ опасностію, — особенно, когда и Павелъ засвидѣтельствовалъ это. Или скажешь: я не читалъ? Но это служитъ не къ

оправданію твоему, а къ осужденію; каждый день ты ходишь въ церковь,—и этого еще ты не узналъ?

5. Впрочемъ, чтобы ты не могъ представить и этого пред- 133
лога, для того священникъ, какъ бы какой глашатай, поднявъ руку вверхъ, ставъ на возвышеніи, будучи видимымъ для всѣхъ, при страшной тишинѣ, громкимъ голосомъ произноситъ грозное воззваніе, которымъ однихъ призываетъ, а другихъ отлучаетъ, дѣлая это не рукою, а словомъ, гораздо дѣйствительнѣйшимъ руки. Это воззваніе, достигая нашего слуха, какъ бы рукою, однихъ отталкиваетъ и отвергаетъ, а другихъ привлекаетъ и представляетъ. Скажи мнѣ, прошу тебя, на олимпійскихъ играхъ не выходитъ ли глашатай, взывая громкимъ и сильнымъ голосомъ: не можетъ ли кто обвинить въ чемъ-нибудь этого человѣка, не рабъ ли онъ, не воръ ли, не безнравственный ли? — хотя тѣ подвиги не душевные и не нравственные, а требующіе тѣлесной силы? Если же тамъ, гдѣ совершаются подвиги тѣлесные, тщательно изслѣдуется нравственность, то тѣмъ болѣе это нужно здѣсь, гдѣ весь подвигъ принадлежитъ душѣ. Такъ, и предъ нами теперь стоитъ глашатай, не головы каждаго касающійся и влекущій, но касающійся вдругъ внутренней головы всѣхъ; не вызываетъ онъ постороннихъ обвинителей, но всѣхъ противъ самихъ себя; не говоритъ: не можетъ ли кто обвинить этого человѣка, а что?—не обвиняетъ ли кто себя самого? Когда онъ говоритъ: *святая святымъ*, то говоритъ: кто не святъ, тотъ не приступай. Не просто говоритъ: чистый отъ грѣховъ, но: святой; а святымъ дѣлаетъ не одно только отпущеніе грѣховъ, но и наитіе Духа и обиліе дѣлъ благихъ. Не того только хочу, говоритъ, чтобы вы омылись отъ нечистоты, но чтобы были бѣлыми и прекрасными. Если вавилонскій царь изъ плѣнныхъ юношей избралъ видныхъ и красивыхъ (Дан. I, 4), то тѣмъ болѣе намъ, предстоящимъ царской трапезѣ, должно быть прекрасными въ душѣ, имѣть золотое украшеніе, чистую одежду, царскую обувь, благообразное лице души, облекши ее въ это золотое украшеніе и опоясавъ истиною. Такой пусть приступаетъ и прикасается къ царскимъ сосудамъ. А если кто, будучи одѣтъ въ рубище, загрязненъ и запыленъ, захочетъ приступить къ царской трапезѣ, то извѣстно, чему онъ подвергнется, и сорока дней ему недостаточно будетъ для омовенія грѣховъ, совершенныхъ во все (прошедшее) время. Если недостаточно для этого геенны, хотя она
вѣчна,—а для этого она и вѣчна, — то тѣмъ болѣе такого крат- 134
каго времени. Вѣдь мы оказываемъ не сильное, а слабое покаяніе. Предстоять царю слѣдуетъ преимущественно евнухамъ; подъ

евнухами я разумѣю людей съ свѣтлою душою, не имѣющихъ никакой нечистоты и никакого порока, возвышенныхъ умомъ, имѣющихъ око души кроткое и зоркое, строгое и бодрое, а не сонливое и дремлющее, исполненное совершенной свободы, чуждое безстыдства и наглости, бдительное, здравое, не очень прискорбное и печальное, но и не разсѣянное и безпечное. Въ нашей власти усовершить такимъ образомъ свое око и сдѣлать его зоркимъ и прекраснымъ. Когда мы не будемъ устремлять его на дымъ и прахъ,—таковы всѣ блага человѣческія, — но на тонкія струи, на легкое вѣяніе вѣтра, на предметы возвышенные, великіе и исполненные совершеннаго спокойствія, чистоты и радости, то скоро пріобрѣтемъ такое (око) и укрѣпимъ его такимъ пріятнымъ созерцаніемъ. Видишь ли человѣка любостяжательнаго и имѣющаго большое богатство,—не устремляй туда ока своего: это грязь, дымъ, дурное испареніе, тьма, великая тѣснота, безпокойное изнуреніе. Видишь ли человѣка, упражняющагося въ добродѣтеляхъ, довольствующагося своимъ, стоящаго на широкомъ пути спокойствія, не сокрушающагося и не пекущагося ни о чемъ здѣшнемъ,—на немъ останови (око свое), туда устреми его, и сдѣлаешь его гораздо лучшимъ и свѣтлѣйшимъ, услаждая его не земными цвѣтами, но цвѣтами добродѣтели, цѣломудріемъ, кротостію и всѣми другими. Ничто такъ не смущаетъ ока нашего, какъ нечистая совѣсть: *смятеся*, говоритъ (Псалмопѣвецъ), *отъ ярости око мое* (Псал. vi, 8); ничто такъ не омрачаетъ его. Избавь его отъ этого зла, и ты сдѣлаешь его чистымъ и крѣпкимъ, всегда исполненнымъ надеждъ благихъ. Будемъ же всѣ мы, какъ эту, такъ и другія способности души устроять такъ, какъ желаетъ Христосъ, чтобы, сдѣлавшись достойными поставленной надъ нами Главы, намъ отойти туда, куда Онъ хочетъ: *хощу*, говоритъ Онъ, *да идѣже есмь азъ, и тіи будутъ со мною, да видятъ славу мою* (Іоан. xvii, 24), которой да сподобимся всѣ мы во Христѣ Іисусѣ Господѣ нашемъ, съ Которымъ Отцу и Святому Духу слава, держава, честь, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА XVIII.

Выше глаголя, яко жертвы и приношенія и всесожженій и о грѣсѣхъ не восхотѣлъ еси, ниже благоволилъ еси, яже по закону приносятся: тогда рече: се иду сотворити волю твою, Боже. Отъемлетъ первое, да второе поставитъ. О нейже воли освящени есмы принесеніемъ тѣла Іисусъ Христова единою. И всякъ убо священникъ стоитъ на всякъ день служя, и тыяжде множицею принося жертвы, яже никогдаже могутъ отъяти грѣховъ: онъ же едину о грѣсѣхъ принесъ жертву, всегда сѣдитъ одесную Бога, прочее ожидая, дондеже положатся врази его подножіе ногъ его (Евр. x, 8—13). 133—134

1. Въ предъидущемъ (апостолъ) доказалъ, что жертвы безполезны для совершеннаго очищенія, что они были только прообразомъ и весьма недостаточны. Такъ какъ при этомъ представлялось ему возраженіе: если онѣ прообразы, то почему онѣ, съ пришествіемъ истины, не перестали, не прекратились, но еще приносятся (іудеями)?—то здѣсь онъ и рѣшаетъ это, показывая, что онѣ уже не приносятся, какъ прообразы, и Богъ не принимаетъ ихъ. Онъ опять доказываетъ это не изъ новаго завѣта, но изъ пророковъ, приводя изъ древности сильнѣйшее свидѣтельство на то, что (жертвы) прекратились и перестали, и что (іудеи) совершенно напрасно приносятъ ихъ, всегда противясь Духу Святому. При томъ усиленно доказываетъ, что онѣ прекратились не теперь, но съ самаго пришествія Христова, или лучше, еще прежде Его пришествія,—что не Христосъ положилъ конецъ имъ, но сначала онѣ были отмѣнены, а потомъ уже Онъ пришелъ; прежде онѣ прекращены, и тогда послѣдовало Его пришествіе.
Чтобы они не сказали: мы могли и безъ этой жертвы (Христо- 135
вой) благоугождать Богу,—Онъ ожидалъ, пока жертвы обличатся сами собою, и тогда уже пришелъ, потому что *жертвы*, говоритъ, *и приношенія не восхотѣлъ еси*. Этимъ онъ отвергнулъ все и, сказавъ вообще, говоритъ и въ частности: *всесожженій и о грѣсѣхъ не благоволилъ еси*. Приношеніемъ же было все прочее, кромѣ жертвъ. *Тогда рѣхъ: се иду*. О комъ это сказано? Не о комъ другомъ, какъ о Христѣ. Здѣсь (апостолъ) нисколько не обвиняетъ приносившихъ, показывая, что (Богъ) не принимаетъ жертвъ не за пороки ихъ, какъ сказалъ онъ въ другомъ мѣстѣ, но потому, что наконецъ раскрылась недостаточность самаго дѣла и обнаружилось, что оно не имѣетъ никакой силы и уже неблаговре-

менно. Какъ же согласить это съ частымъ приношеніемъ жертвъ? Не только, говоритъ, изъ частаго (приношенія ихъ) видно, что онѣ немощны и не приносятъ никакой пользы, но и изъ того, что Богъ не принимаетъ ихъ, какъ безплодныя и безполезныя. То же самое выражено и въ другомъ мѣстѣ, когда сказано: *аще бы восхотѣлъ еси жертвы, далъ быхъ убо* (Псал. L, 18). Отсюда очевидно, что не хочетъ ихъ. Итакъ, не жертвъ хочетъ воля Божія, а отмѣны жертвъ; слѣдовательно, нѣтъ воли (Божіей) на то, чтобы онѣ приносились. Что значитъ: *сотворити волю твою*? Значитъ—предать Себя самого,—на это воля Божія. *О нейже воли освящени есмы.* Здѣсь онъ инымъ образомъ доказываетъ, что не жертвы очищаютъ людей, а воля Божія. Итакъ, ужели же на приношеніе жертвъ нѣтъ воли Божіей? Но удивительно ли, что теперь нѣтъ на это воли Божіей, если и вначалѣ не было на то воли Его? *Кто бо*, говоритъ (Богъ), *изыска сія изъ рукъ вашихъ* (Иса. I, 12)? Почему же Онъ самъ учредилъ (жертвоприношенія)? По снисхожденію. Подобнымъ образомъ и Павелъ выражается, когда говоритъ: *хощу, да вси человѣцы будутъ, якоже и азъ*, воздержными (1 Кор. VII, 7); а въ другомъ мѣстѣ предлагаетъ такой совѣтъ: *хощу юнымъ посягати, чада раждати* (1 Тим. V, 14). Онъ представляетъ два хотѣнія, но не оба принадлежатъ ему, хотя онъ заповѣдуетъ; первое отъ него самого,—потому онъ и представляетъ его безъ причины,—а послѣднее не отъ него самого, хотя и оно не противно волѣ его,—потому онъ прибавляетъ и причину. Именно, сказавъ выше противъ молодыхъ вдовицъ, что онѣ *разсвирѣпѣютъ противу Христа*, онъ потомъ и говоритъ: *хощу юнымъ посягати, чада раждати.* Такъ точно и здѣсь (Богъ) учредилъ жертвоприношенія по снисхожденію; а первоначально не было Его волею, чтобы приносились жертвы. Такъ и о смерти Онъ говоритъ: *не хощу смерти грѣшника, но еже обратитися и живу быти ему* (Iезек. XVIII, 23), а въ другомъ мѣстѣ говоритъ, что Онъ не только хочетъ, но и сильно желаетъ этого (ст. 30), хотя то и другое (повидимому) взаимно противорѣчатъ, такъ какъ сильное желаніе есть напряженное хотѣніе. Какъ же Онъ и не хочетъ и желаетъ и при томъ сильно желаетъ? То же нужно сказать и здѣсь. *О нейже воли освящени есмы*; а какъ мы *освящени есмы*, самъ объясняетъ, присовокупляя: *принесеніемъ тѣла Іисусъ Христова единою. И всякъ убо священникъ стоитъ на всякъ день служя, и тыяжде множицею принося жертвы.* Стоять свойственно служащему; слѣдовательно сидѣть свойственно Тому, кому служатъ: *онъ же едину о грѣсѣхъ принесъ жертву, всегда сѣдитъ одесную Бога, прочее ожидая, дондеже положатся врази его подножіе*
136 *ногъ его. Единѣмъ бо приношеніемъ совершилъ есть во вѣки освящае-*

мыхъ. Свидѣтельствуетъ же намъ и Духъ святый (ст. 12—14). Сказавъ, что (жертвы) уже не приносятся, подтвердивъ это изъ Писанія и не изъ Писанія, представивъ и изреченіе пророческое: *жертвы и приношенія не восхотѣлъ еси*, теперь говоритъ, что Богъ уже отпустилъ грѣхи. Въ этомъ онъ опять удостовѣряетъ свидѣтельствомъ Писанія: *свидѣтельствуетъ же намъ*, говоритъ, *Духъ святый. По реченному бо прежде: сей завѣтъ, егоже завѣщаю къ нимъ по днехъ онѣхъ, глаголетъ Господь, дая законы моя на сердца ихъ и въ помышленіихъ ихъ напишу ихъ, и грѣховъ ихъ и беззаконій ихъ не имамъ помянути ктому. А идѣже отпущеніе сихъ, ктому нѣсть приношенія о грѣсѣхъ* (ст. 15—18). Итакъ, (Богъ) отпустилъ грѣхи, когда далъ (новый) завѣтъ; а этотъ завѣтъ Онъ далъ за жертву (Христову). Если же Онъ отпустилъ грѣхи за эту одну жертву, то уже нѣтъ нужды въ другой. *Сѣдитъ одесную Бога, прочее ожидая.* Для чего это замедленіе? Да *положатся врази его подножіе ногъ его. Единѣмъ бо приношеніемъ совершилъ есть во вѣки освящаемыхъ.* Но, быть можетъ, скажетъ кто-нибудь: почему Онъ не тотчасъ положилъ ихъ? Изъ-за вѣрныхъ, которые имѣли родиться и возродиться. И откуда видно, что они будутъ положены? Изъ того, что Онъ *сѣдитъ*. Здѣсь (апостолъ) опять припоминаетъ свидѣтельство, въ которомъ говорится: *дондеже положитъ враги подъ ногама своима*; а враги Его—іудеи. Далѣе, послѣ того, какъ сказалъ: *дондеже положатся врази его подножіе ногъ его*,—а (враги эти) сильно возставали,—онъ высказываетъ все послѣдующее, касающееся вѣры. Кто враги Его, какъ не всѣ невѣрующіе, также и демоны? Дѣйствительно, не одни только іудеи. И чтобы выразить высшую степень подчиненія ихъ, не сказалъ: подчинятся, но: *положатся* подъ ноги Его. Не будемъ же въ числѣ враговъ Его; а враги Его не тѣ только, т. е. невѣрующіе и іудеи, но и тѣ, которыхъ жизнь исполнена нечистоты: *зане мудрованіе плотское вражда на Бога: закону бо Божію не покаряется: ниже бо можетъ* (Рим. VIII, 7). Что же, скажешь, не укоризна ли это? Укоризна, и сильная: злой человѣкъ, пока онъ золъ, не можетъ покоряться; но раскаяться и сдѣлаться добрымъ—онъ можетъ.

2. Отвергнемъ же плотскія мудрованія. А какія — плотскія? Тѣ, которыя утучняютъ и услаждаютъ тѣло, но причиняютъ вредъ душѣ, каковы, напримѣръ: богатство, роскошь, слава, любовь плотская; все это относится къ плоти. Не будемъ же любить приращенія богатства, но будемъ всегда искать бѣдности; она—великое благо. Но, скажешь, она дѣлаетъ человѣка уничиженнымъ и жалкимъ? Это намъ и нужно, потому что приноситъ намъ великую пользу. *Нищета*, говоритъ (Премудрый), *мужа смиряетъ* (Притч. X, 4); также Христосъ (говоритъ): *блажени нищіи духомъ*

(Мѳ. v, 3). О томъ ли ты скорбишь, что стоишь на пути, ведущемъ къ добродѣтели? Развѣ ты не знаешь, что она (бѣдность) доставляетъ намъ великое дерзновеніе? Но, скажешь, *мудрость нищаго уничижена* (Еккл. ix, 16); и въ другомъ мѣстѣ сказано: *богатства и нищеты не даждь ми* (Притч. xxx, 8); и еще: изьми меня *отъ пещи убожества* (Иса. xlviii, 10). Можетъ ли быть зломъ бѣдность или богатство, если *богатство и нищета отъ Господа*
137 (Сир. xi, 14)? Почему же такъ сказано? Это было сказано въ ветхомъ завѣтѣ, когда богатство считалось весьма важнымъ, а бѣдность была презираема, одно было проклятіемъ, а другое—благословеніемъ. А теперь не такъ. Хочешь ли слышать похвалу бѣдности? Ее переносилъ Христосъ: *сынъ же человѣческій*, сказалъ Онъ, *не имать, гдѣ главы подклонити* (Мѳ. viii, 20); также ученикамъ Онъ говорилъ: *не стяжите злата, ни сребра, ни двою ризу* (Мѳ. x, 9). И Павелъ говоритъ въ посланіи: *яко ничтоже имуще, а вся содержаще* (2 Кор. vi, 10). И Петръ сказалъ хромому отъ рожденія: *сребра и злата нѣсть у мене* (Дѣян. iii, 6). И въ самомъ ветхомъ завѣтѣ,—когда удивлялись богатству,—кто, скажи мнѣ, были чудные мужи? Не Илія ли, не имѣвшій ничего, кромѣ милоти? Не Елисей ли? Не Іоаннъ ли? Потому никто не долженъ считаться низкимъ за бѣдность; не бѣдность унижаетъ, а богатство, заставляющее нуждаться во многомъ и побуждающее угождать многимъ. Кто, скажи мнѣ, былъ бѣднѣе Іакова, который говорилъ: *аще дастъ ми Господь хлѣбъ ясти и ризы облещися* (Быт. xxviii, 20)? Не имѣли ли дерзновенія Илія и Іоаннъ и имъ подобные? Не обличалъ ли одинъ Ахаава, а другой Ирода? Этотъ говорилъ: *не достоитъ тебѣ имѣти жену Филиппа брата твоего* (Марк. vi, 18); а Илія съ дерзновеніемъ говорилъ Ахааву: *не развращаю азъ Исраиля, но развѣ ты и домъ отца твоего* (3 Цар. xviii, 18). Видишь ли, какое дерзновеніе сообщаетъ бѣдность? Богатый есть рабъ; онъ подвергается убыткамъ и представляетъ возможность всякому желающему причинить ему вредъ; неимѣющій же ничего не боится (лишенія имущества) ни съ публичнаго торга, ни по судебному приговору. Если бы бѣдность лишала дерзновенія, то Христосъ не заповѣдалъ бы бѣдности ученикамъ своимъ, посылая ихъ на дѣло, требовавшее великаго дерзновенія. Бѣдный есть человѣкъ весьма сильный, нé-откуда ему получить обиду или потерпѣть вредъ; а богатый открытъ для нападеній со всѣхъ сторонъ, и съ нимъ бываетъ то же, какъ если бы кто тащилъ за собою множество длинныхъ веревокъ,—его легко можетъ поймать всякій, а человѣка нагого поймать не легко. Такъ бываетъ и съ богатымъ: рабы, золото, поля, множество дѣлъ, тысячи заботъ, обстоятельствъ, нуждъ — дѣлаютъ его удобоуловимымъ для всѣхъ.

3. Итакъ, пусть никто не считаетъ бѣдности причиною безчестія. Предъ добродѣтелію все богатство вселенной хуже грязи, меньше соломинки. Будемъ же стремиться къ ней, если хотимъ войти въ царство небесное. *Продаждь*, сказалъ (Господь), *имѣніе твое, и даждь нищимъ, и имѣти имаши сокровище на небеси* (Мѳ. XIX, 21); и еще: *неудобь богатый внидетъ въ царствіе небесное* (ст. 23). Видишь ли, что даже надобно искать (бѣдности), если нѣтъ ея? Такое она составляетъ благо! Она — руководительница по пути, ведущему къ небу, помазаніе для ратоборства, великое и дивное училище, безопасная пристань. Но, скажешь, я имѣю нужду во многомъ и не хочу ни отъ кого принимать милостыни? Въ этомъ отношеніи богатый ниже тебя. Ты, быть можетъ, просишь милостыни для пропитанія; а онъ безстыдно (проситъ) безчисленнаго множества вещей по любостяжанію. Богатые нуждаются во многихъ. Что я говорю: во многихъ? Часто даже въ такихъ людяхъ, которые недостойны ихъ самихъ; напримѣръ: они часто нуждаются въ воинахъ и рабахъ. А бѣдный не нуждается и въ самомъ царѣ; если же онъ въ чемъ-нибудь и нуждается, то ему удивляются, что онъ самъ поставилъ себя въ такое положеніе, тогда какъ могъ быть богатымъ. Итакъ, никто пусть не обвиняетъ бѣдность, какъ бы причину безчисленныхъ золъ, и не противорѣчитъ Христу, который назвалъ ее совершенствомъ добродѣтели, когда сказалъ: *аще хощеши совершенъ быти* (Мѳ. XXI, 19). Это Онъ 138
выразилъ словами, показалъ и дѣлами, преподалъ и чрезъ учениковъ. Будемъ же искать бѣдности; она—величайшее благо для внимательныхъ. Можетъ быть, нѣкоторые изъ слушателей и предубѣждены противъ этого. Охотно вѣрю: такъ сильна эта болѣзнь у многихъ людей и такъ велика власть богатства, что многіе не могутъ выносить отреченія отъ него даже на словахъ, и относятся къ нему съ предвзятою мыслію. Пусть же удалится такая мысль отъ души христіанина; нѣтъ никого богаче человѣка, избравшаго бѣдность добровольно и охотно. Такъ ли? Я утверждаю это, и, если хотите, объясню, что добровольно избравшій бѣдность богаче самого царя. Тотъ нуждается во многомъ, заботится и боится, чтобы не оказалось недостатка для содержанія войска; а этотъ имѣетъ всего вдоволь, не боится ничего, а если и боится, то не въ такой степени. Кто же богатъ, скажи мнѣ, тотъ ли, кто каждый день заботится, старается собрать, какъ можно больше, и боится, чтобы въ чемъ-нибудь не оказалось недостатка, или тотъ, кто ничего не собираетъ, живетъ въ совершенномъ довольствѣ и ни въ чемъ не нуждается? Добродѣтель и страхъ Божій, а не деньги, сообщаютъ дерзновеніе; деньги же доводятъ и до рабства: *мзда и дарове*, говоритъ (Премудрый),

ослѣпляютъ очи премудрыхъ, и якоже бразды на устѣхъ отвращаютъ обличенія (Сирах. xx, 29). Смотри, какъ Петръ, бѣдный, наказалъ богатаго Ананію. Не богачъ ли былъ этотъ и не бѣднякъ ли тотъ? Но вотъ, съ какою властію тотъ обращается къ нему и говоритъ: *рцы ми, аще на толицѣ село отдаста?* А этотъ съ робостію отвѣчаетъ: *ей, на толицѣ* (Дѣян. v, 8). Но могу ли я, скажешь, быть Петромъ? Можно и тебѣ быть Петромъ, если захочешь бросить то, что имѣешь; раздѣли, отдай бѣднымъ, послѣдуй Христу, — и будешь такимъ же. Какъ, скажешь, вѣдь онъ творилъ чудеса? Но это ли, скажи мнѣ, сдѣлало Петра дивнымъ, или дерзновеніе, пріобрѣтенное жизнію? Не слышишь ли, что Христосъ говоритъ: *не радуйтеся, яко дуси вамъ повинуются* (Лук. x, 20); и еще: *аще хощеши совершенъ быти, продаждь имѣніе твое, и даждь нищимъ, и имѣти имаши сокровище на небеси* (Мѳ. xix, 21)? Послушай также, что говоритъ Петръ: *сребра и злата нѣсть у мене: но еже имамъ, сіе ти даю* (Дѣян. ш, 6); слѣдовательно, кто имѣетъ золото и серебро, тотъ не имѣетъ этого. Отчего же, скажешь, многіе не имѣютъ ни того, ни другого? Оттого, что они бѣдны не добровольно; а избирающіе бѣдность добровольно имѣютъ всѣ блага. Если они не воскрешаютъ мертвыхъ и не исцѣляютъ хромыхъ, то у нихъ есть благо, которое важнѣе всего,— они имѣютъ дерзновеніе предъ Богомъ, и услышатъ въ будущій день блаженныя слова: *пріидите, благословенніи Отца моего,*—что лучше этого?—*наслѣдуйте уготованное вамъ царствіе отъ сложенія міра. Взалкахся бо, и дасте ми ясти: возжадахся, и напоисте мя: страненъ бѣхъ, и введосте мене: нагъ, и одѣясте мене: боленъ бѣхъ, и въ темницѣ, и пріидосте ко мнѣ. Наслѣдуйте уготованное вамъ царствіе отъ сложенія міра* (Мѳ. xxv, 34—36). Будемъ же избѣгать любостяжанія, чтобы намъ получить царство небесное; будемъ питать бѣдныхъ, чтобы напитать Христа, чтобы сдѣлаться сонаслѣдниками Его, во Христѣ Іисусѣ Господѣ нашемъ, съ Которымъ Отцу съ Святымъ Духомъ слава, держава, честь, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА XIX.

**Имуще убо дерзновеніе, братіе, входити во святая кро- 139
вію Іисуса путемъ новымъ и живымъ, егоже обновилъ есть намъ завѣсою, сирѣчь плотію своею, и іерея велика надъ домомъ Божіимъ, да приступаемъ со истиннымъ сердцемъ во извѣщеніи вѣры, окроплени сердцы отъ совѣсти лукавыя, и измовени тѣлесы водою чистою, да держимъ исповѣданіе упованія неуклонное (Евр. x, 19—23).**

1. (Апостолъ) показалъ, какое различіе между первосвященниками, жертвами, скиніею, завѣтомъ и обѣтованіями, и именно—великое, потому что одно временное, а другое вѣчное, то преходящее, а это пребывающее, то несовершенное, а это совершенное, то прообразъ, а это истина: *не по закону*, говоритъ, *заповѣди плотскія бысть, но по силѣ живота неразрушаемаго* (Евр. vii, 16); и еще: *ты еси священникъ во вѣкъ* (vii, 17),—вотъ вѣчность нашего Священника; и о завѣтахъ говоритъ, что тотъ—ветхій: *обветшавающее и состарѣвающееся близъ есть истлѣнія* (viii, 13), а этотъ—новый и имѣющій отпущеніе грѣховъ, тотъ же вовсе не таковъ: *ничтоже бо*, говоритъ, *совершилъ есть законъ* (vii, 19); и еще: *жертвы и приношенія не восхотѣлъ еси* (x, 5); тотъ рукотворенный, а этотъ нерукотворенный, тотъ имѣлъ кровь козловъ, а этотъ кровь Владыки, тотъ—священника стоявшаго, а этотъ—сѣдящаго. Такъ какъ все то меньше, а это больше, то (апостолъ) и говоритъ: *имуще убо дерзновеніе, братіе*. Почему—*дерзновеніе?* По причинѣ отпущенія грѣховъ. Какъ отъ грѣховъ происходитъ стыдъ, такъ отъ прощенія всѣхъ ихъ—дерзновеніе; и не только отъ этого, но и отъ того, что мы сдѣлались сонаслѣдниками (Христа) и сподобились такой любви Его. *Входити во святая*. Что онъ разумѣетъ подъ этимъ вхожденіемъ? Входъ въ небо и доступъ къ духовнымъ тайнамъ. *Егоже обновилъ есть намъ*, т. е., который Онъ устроилъ и которымъ самъ первый прошелъ; обновленіемъ называется начало употребленія; Онъ самъ, говоритъ, устроилъ его и самъ прошелъ имъ. *Путемъ новымъ и живымъ*: здѣсь онъ выражаетъ полноту надежды. *Новымъ*, говоритъ; старается показать, что мы имѣемъ все высшее, такъ какъ теперь отверсты врата небесныя, чего не было даже при Авраамѣ. Хорошо онъ сказалъ: *путемъ новымъ и живымъ*: первый путь былъ путемъ смерти, низводившимъ въ адъ, а этотъ—путемъ жизни; не сказалъ: жизни, но назвалъ его *живымъ*, выражая, что онъ

остается такимъ постоянно. *Завѣсою*, говоритъ, *сирѣчь плотію своею.* Эта плоть первая проложила путь, который, какъ говоритъ (апостолъ), Онъ обновилъ и по которому Онъ самъ благоволилъ пройти. Справедливо плоть названа завѣсою,—потому что, когда она вознеслась, тогда и открылось небесное. *Да приступаемъ*, говоритъ, *со истиннымъ сердцемъ*. Кто—*да приступаемъ*? Кто святъ по вѣрѣ, по духовному служенію. *Со истиннымъ сердцемъ, во извѣщеніи вѣры*,—потому что здѣсь нѣтъ ничего видимаго: и священникъ, и жертва, и жертвенникъ невидимы. Хотя и тамъ священникъ не былъ видимъ, стоялъ внутри, а всѣ прочіе, весь
140 народъ, внѣ, но здѣсь (апостолъ) выражаетъ не только то, что нашъ Священникъ вошелъ во святое,—на это онъ указалъ словами: *iерея велика въ дому* Божіемъ,—но что входимъ и мы. Потому онъ говоритъ: *во извѣщеніи вѣры*; можно вѣдь вѣровать и съ сомнѣніемъ, какъ напр. и нынѣ есть много людей, которые говорятъ, что для однихъ будетъ воскресеніе, а для другихъ нѣтъ; это не полнота вѣры. Вѣровать должно такъ, какъ (мы увѣрены) въ предметахъ видимыхъ и даже гораздо больше; здѣсь, касательно предметовъ видимыхъ, можно и ошибиться, а тамъ нѣтъ; здѣсь мы воспринимаемъ чувствомъ, а тамъ духомъ. *Окроплени сердцы отъ совѣсти лукавыя:* здѣсь онъ доказываетъ, что требуется не только вѣра, но и добродѣтельная жизнь, и то, чтобы не сознавать за собою ничего худого. Въ святое не допускаются тѣ, которые не ведутъ себя вполнѣ такъ,—потому что оно—святое и святое святыхъ; слѣдовательно, сюда не входитъ никто изъ нечистыхъ. Тѣ омывали тѣло, а мы совѣсть; нужно и нынѣ омываться, но уже добродѣтелію. *И измовени тѣлесы водою чистою.* Здѣсь онъ говоритъ о купели (крещенія), которая очищаетъ не тѣло, а душу. *Вѣренъ бо есть обѣщавый.* Что *обѣщавый вѣренъ есть?* То, что нужно отойти (изъ здѣшней жизни) и войти въ царство (небесное). Потому не изслѣдуй, не требуй доказательствъ: наши (предметы) требуютъ вѣры. *И да разумѣваемъ другъ друга въ поощреніи любве и добрыхъ дѣлъ, не оставляюще собранія своего, якоже есть нѣкимъ обычай, но другъ друга подвизающе: и толико паче, елико видите приближающійся день* (ст. 24, 25). И опять въ другомъ мѣстѣ: *Господь близъ, ни о чемъ же пецытеся* (Филип. IV, 6). *Нынѣ бо ближайшее намъ спасеніе* (Рим. XIII, 11); и еще: *время прекращено есть прочее* (1 Кор. VII, 29). Что значитъ: *не оставляюще собранія своего?* Онъ имѣетъ въ виду, что отъ собранія и взаимнаго общенія происходитъ великая сила. *Идѣже бо*, говоритъ (Господь), *еста два или тріе собрани во имя мое, ту есмь посредѣ ихъ* (Мѳ. XVIII, 20); и еще: *да будутъ едино, якоже и мы едино есмы* (Іоан. XVII, 11); и еще: у всѣхъ *бѣ сердце и душа*

едина (Дѣян. IV, 32). Но не поэтому только (онъ указываетъ) на собраніе, а и потому, что отъ него умножается любовь; за умноженіемъ же любви необходимо слѣдуютъ и дѣла по Богѣ. *Молитва же*, говорится, *бѣ прилежна, бываемая отъ народа* (Дѣян. XII, 5). *Якоже есть нѣкимъ обычай.* Здѣсь онъ предлагаетъ не только увѣщаніе, но и укоризну. *И да разумѣваемъ другъ друга въ поощреніи любве и добрыхъ дѣлъ.* Онъ знаетъ, что и это происходитъ отъ собранія. Какъ желѣзо острить желѣзо, такъ и общеніе другъ съ другомъ умножаетъ любовь. Если камень, ударяясь о камень, издаетъ огонь, то не тѣмъ ли болѣе душа, сообщаясь съ душею? Замѣть, онъ не говоритъ: въ (поощреніи) ревности, но: *въ поощреніи любве.* Что значитъ: *въ поощреніи любве?* Чтобы болѣе и болѣе любить и быть любимыми. Прибавляетъ еще: *и добрыхъ дѣлъ*, чтобы они прониклись соревнованіемъ. И справед- 141
ливо: если дѣла имѣютъ больше силы для назиданія, нежели слова, то и вы, говоритъ, имѣете многихъ учителей, оправдывающихъ ученіе дѣлами. Что значитъ: *да приступаемъ со истиннымъ сердцемъ?* Это значитъ—безъ лицемѣрія: *горе сердцу страшливу и рукамъ ослабленнымъ* (Сир. II, 12). Пусть не будетъ, говоритъ, у васъ лжи; не будемъ говорить одно, а думать другое, потому что это—ложь; не будемъ малодушествовать, потому что это несвойственно искреннему сердцу,—малодушіе вѣдь происходитъ отъ невѣрія. А какимъ образомъ достигнуть этого? Если мы будемъ имѣть въ себѣ полную вѣру. *Окроплени сердцы.* Почему онъ не сказалъ: очищенные, но: *окроплени?* Чтобы показать различіе окропленій и то, что одно отъ Бога, а другое отъ насъ: окропить и омыть совѣсть—отъ Бога, а приступить искренно и съ полною вѣрою—отъ насъ. Далѣе (апостолъ) укрѣпляетъ вѣру, указывая на истинность Обѣщавшаго. Что значитъ: *и измовени тѣлесы водою чистою?* Онъ говоритъ (о водѣ) или дѣлающей чистыми, или не имѣющей крови. Затѣмъ присовокупляетъ (то, что составляетъ) совершенство,—любовь. *Не оставляюще*, говоритъ, *собранія своего*, какъ дѣлаютъ нѣкоторые, расторгающіе собранія. Это онъ запрещаетъ имъ,—потому что *братъ отъ брата помогаемъ, яко градъ твердъ* (Притч. XVIII, 19). Но *да разумѣваемъ другъ друга въ поощреніи любве.* Что значитъ: *да разумѣваемъ другъ друга?* Т. е., кто добродѣтеленъ, тому будемъ подражать, будемъ смотрѣть на него, чтобы любить и быть любимыми; а отъ любви происходятъ добрыя дѣла.

2. Великое благо—собраніе. Оно дѣлаетъ любовь пламеннѣе, а отъ нея происходятъ всѣ блага; нѣтъ блага, которое не происходило бы отъ любви. Будемъ же укрѣплять любовь другъ къ другу, потому что *исполненіе закона любы есть* (Рим. XIII, 10). Не

нужно намъ ни трудовъ, ни подвиговъ, если мы любимъ другъ друга; это—путь, который самъ собою ведетъ къ добродѣтели. Какъ на большой дорогѣ, кто найдетъ ея начало, тотъ идетъ по ней, не нуждаясь въ проводникѣ, такъ и въ любви: улови только ея начало, и сейчасъ же она поведетъ и направитъ тебя. *Любы*, говоритъ (апостолъ), *долготерпитъ, милосердствуетъ, не мыслитъ зла* (1 Кор. xııı, 4). Пусть каждый размыслитъ съ самимъ собою, какъ онъ поступаетъ въ отношеніи къ себѣ; такъ же пусть поступаетъ и въ отношеніи къ ближнему. Никто не завидуетъ себѣ, желаетъ себѣ всѣхъ благъ, предпочитаетъ себя всему, старается дѣлать все въ свою пользу. Если такимъ же образомъ мы будемъ расположены и къ другимъ, то прекратятся всѣ бѣдствія, не будетъ ни вражды, ни любостяжанія. Кто въ самомъ дѣлѣ станетъ отнимать у себя самого? Никто, а скорѣе — совершенно напротивъ.

Итакъ, будемъ имѣть все общимъ и не перестанемъ собираться вмѣстѣ. Если мы будемъ дѣлать это, злопамятству не останется мѣста. И дѣйствительно, кто станетъ злопамятствовать противъ себя самого? Кто станетъ гнѣваться на себя самого? Напротивъ, не прощаемъ ли мы себѣ все? Если такимъ же образомъ мы будемъ расположены и къ ближнимъ, то злопамятства никогда не будетъ. Но возможно ли, скажешь, любить ближняго,
142 какъ себя самого? Если бы этого не исполняли другіе, то ты справедливо могъ бы думать, что это невозможно; если же исполняли, то очевидно, что у насъ не бываетъ этого по нашему нерадѣнію. Съ другой стороны, Христосъ не заповѣдуетъ ничего невозможнаго, такъ что многіе даже превзошли Его заповѣди. Кто же исполнилъ это? Павелъ, Петръ, весь сонмъ святыхъ. Впрочемъ, если я скажу, что они любили ближнихъ, то не скажу ничего важнаго; они любили враговъ такъ, какъ другой не могъ бы любить близкихъ къ себѣ. Кто изъ насъ рѣшился бы идти въ геенну за близкихъ къ себѣ, имѣя возможность войти въ царство? Никто. Но Павелъ рѣшался на это за враговъ, бросавшихъ въ него камнями, бичевавшихъ. Какое же мы будемъ имѣть оправданіе, какое извиненіе, если мы друзьямъ не оказываемъ и малѣйшей части той любви, какую Павелъ оказывалъ врагамъ? И еще прежде него блаженный Моисей за враговъ, хотѣвшихъ побить его камнями, желалъ быть изглажденнымъ изъ книги Божіей (Исх. xxxıı, 32). Также Давидъ, видя гибель враговъ своихъ, говорилъ: *азъ есмь пастырь согрѣшивый, а сіи что сотвориша* (2 Цар. xxıv, 17)?—и, имѣя Саула въ рукахъ своихъ, не хотѣлъ умертвить его, но оставилъ въ живыхъ, тогда какъ самъ подвергался опасности. Если же такъ было въ ветхомъ за-

вѣтѣ, то какое прощеніе получимъ мы, живущіе въ новомъ, и не достигшіе даже той мѣры любви, какой они (достигали)? Если мы не войдемъ въ царство небесное, *аще не избудетъ правда наша паче книжникъ и фарисей* (Мѳ. v, 20), то какъ мы войдемъ въ него, если будемъ имѣть меньше ихъ? *Любите*, говоритъ (Господь), *враги ваша*, и будете подобными Отцу вашему, который на небесахъ (Мѳ. v, 44, 48). Люби же врага; не ему ты (чрезъ это) благодѣтельствуешь, а себѣ самому. Какъ? Дѣлая это, ты уподобляешься Богу. Онъ, если будетъ любимъ тобою, немного пріобрѣтетъ, потому что будетъ любимъ подобнымъ себѣ рабомъ; а ты, если будешь любить подобнаго себѣ раба, то пріобрѣтешь много, потому что сдѣлаешься подобнымъ Богу. Видишь ли, что не ему ты благодѣтельствуешь, а самому себѣ? Награда уготована не ему, а тебѣ. Но что, скажешь, если онъ порочень? Тѣмъ большая готовится тебѣ награда; и за самую порочность его ты долженъ быть благодаренъ, если онъ, несмотря на множество благодѣяній, остается порочнымъ; если бы онъ не былъ весьма порочнымъ, то тебѣ не была бы уготована великая награда. Такимъ образомъ самый этотъ поводъ къ нелюбви, возраженіе, что онъ порочень, должно быть побужденіемъ къ любви. Если не будетъ противника, то не будетъ и случая къ полученію вѣнцовъ. Не видишь ли, какъ борцы наполняютъ мѣшки пескомъ и такимъ образомъ упражняются? А тебѣ нѣтъ нужды прибѣгать къ этому; жизнь полна людьми, которые могутъ упражнять тебя и дѣлать крѣпкимъ. Не видишь ли, какъ деревья, чѣмъ болѣе колеблются вѣтрами, тѣмъ дѣлаются крѣпче и плотнѣе? Будемъ же и мы долготерпѣливыми, и сдѣлаемся крѣпкими: *долготерпѣливъ мужъ*, сказано, *многъ въ разумѣ: малодушный же крѣпко безуменъ* (Притч. xiv, 29). Замѣчаешь, какая похвала первому, и какая укоризна послѣднему? *Крѣпко безуменъ*, т. е. совершенно. Потому не будемъ малодушными въ отношеніи другъ къ другу. Не отъ вражды это происходитъ, а отъ слабости души; если же она будетъ крѣпкою, то будетъ легко переносить все, не потонетъ ни отъ чего и войдетъ въ тихую пристань, которой 143—144
да сподобимся достигнуть всѣ мы, благодатію и человѣколюбіемъ Господа нашего Іисуса Христа, съ Которымъ Отцу со Святымъ Духомъ слава, держава, честь, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА XX.

143 **Волею бо согрѣшающимъ намъ по пріятіи разума истины, ктому о грѣсѣхъ не обрѣтается жертва, страшно же нѣкое чаяніе суда, и огня ревность, поясти хотящаго сопротивныя (Евр. х, 26, 27).**

1. Деревья, которыя, будучи посажены и сберегаемы со всякою заботливостью руками земледѣльца, не доставляютъ никакого вознагражденія за труды, исторгаются съ корнемъ и бросаются въ огонь. То же самое бываетъ и съ просвѣщенными (крещеніемъ). Если мы, будучи насаждены Христомъ и сподобившись духовнаго орошенія, окажемъ потомъ жизнь безплодную, то насъ ожидаетъ геенскій огонь и неугасимый пламень. Потому Павелъ, предложивъ увѣщаніе о любви и плодоношеніи добрыхъ дѣлъ, представивъ къ тому отрадныя побужденія,—именно въ томъ, что мы имѣемъ входъ во святое и новый туда путь, который намъ открылъ (Христосъ),—теперь опять внушаетъ то же самое, представляя побужденія болѣе прискорбныя. Сказавъ: *не оставляюще собранія своего, якоже есть нѣкимъ обычай, но другъ друга подвизающе, и толико паче, елико видите приближающійся день*,—хотя и этого достаточно было для увѣщанія,—присовокупляетъ: *волею бо согрѣшающимъ намъ по пріятіи разума истины*. Необходимы, говоритъ, добрыя дѣла и очень необходимы: *волею бо согрѣшающимъ намъ по пріятіи разума истины, ктому о грѣсѣхъ не обрѣтается жертва*. Смыслъ словъ его слѣдующій: ты очистился, избавился отъ грѣховъ, сдѣлался сыномъ (Божіимъ); если и послѣ этого возвратишься на прежнюю блевотину, то тебя ожидаетъ уже отверженіе, огонь и тому подобное,—потому что нѣтъ второй жертвы. Здѣсь опять встрѣчаются намъ люди, какъ отвергающіе покаяніе, такъ и медлящіе приступить къ крещенію; послѣдніе говорятъ, что имъ небезопасно приступить къ крещенію, если нѣтъ вторичнаго отпущенія грѣховъ; а первые утверждаютъ, что небезопасно преподавать тайны согрѣшившимъ, если нѣтъ вторичнаго отпущенія грѣховъ. Что же намъ сказать тѣмъ и другимъ? То, что (апостолъ) говоритъ это не съ такою цѣлію; онъ не отвергаетъ покаянія или помилованія чрезъ покаяніе, не отлучаетъ падшаго и не повергаетъ его въ отчаяніе; онъ не врагъ нашего спасенія; но что? Онъ отвергаетъ вторичное крещеніе. Не сказалъ: уже нѣтъ покаянія, или: уже нѣтъ отпущенія (грѣховъ), но: уже нѣтъ жертвы, т. е. уже нѣтъ второго креста; его онъ называетъ жертвою. *Единѣмъ при-*

ношеніемъ, говоритъ, *совершилъ есть во вѣки освящаемыхъ*, — не такъ, какъ приносились іудейскія (жертвы), не часто. Потому онъ и говорилъ неоднократно о жертвѣ, что она одна и одна,— съ цѣлью показать не только то, что она отличается отъ іудейскихъ (жертвъ), но и предохранить слушателей, чтобы они не ожидали другой жертвы по закону іудейскому. *Волею бо*, говоритъ, *согрѣшающимъ намъ*. Замѣчаешь, какъ онъ снисходителенъ? *Волею*, говоритъ, *согрѣшающимъ намъ*. Слѣдовательно, для (согрѣшающихъ) невольно есть прощеніе. *По пріятіи разума истины*. 144
Разумѣетъ здѣсь или Христа, или всѣ догматы. *Ктому о грѣсѣхъ не обрѣтается жертва*. Но что? *Страшно же нѣкое чаяніе суда, и огня ревность, поясти хотящаго сопротивныя*. Сопротивными онъ называетъ не только невѣрующихъ, но и дѣлающихъ противное добродѣтели, и внушаетъ, что тому же огню подвергнутся и наши (грѣшники), которому противники. Потомъ, желая выразить свирѣпость этого огня, какъ бы раздуваетъ его и говоритъ: *огня ревность, поясти хотящаго сопротивныя*. Какъ дикій звѣрь, раздраженный, разсвирѣпѣвшій и разъярившійся, не успокоивается до тѣхъ поръ, пока не схватитъ и не пожретъ кого-нибудь, такъ и тотъ огонь, точно распаляемый ревностію, кого схватитъ, того уже не отпускаетъ, но пожираетъ и терзаетъ. Далѣе (апостолъ) приводитъ оправданіе такой угрозы, — что она сообразна и справедлива. Этимъ самымъ, т. е. когда намъ показываютъ ея справедливость, мы располагаемся къ вѣрѣ. *Отвергся кто закона Моисеева*, говоритъ, *безъ милосердія при двоихъ или тріехъ свидѣтелехъ умираетъ* (ст. 28). *Безъ милосердія*, говоритъ; не было тамъ никакого снисхожденія, никакой милости, хотя это былъ законъ Моисеевъ, который предписывалъ многое. Что значитъ: *при двоихъ или тріехъ?* Когда, говоритъ, свидѣтельствовали два или три человѣка, то виновные тотчасъ подвергались наказанію. Если же въ ветхомъ завѣтѣ полагалось такое наказаніе, когда кто отвергалъ законъ Моисея, то не тѣмъ ли болѣе здѣсь? Потому онъ и говоритъ: *колико мните горшія сподобится муки иже Сына Божія поправый, и кровь завѣтную скверну возмнивъ, и Духа благодати укоривый* (ст. 29)?

2. А какимъ образомъ попираетъ кто-либо Сына Божія? Если, пріобщаясь Его въ тайнахъ, онъ совершаетъ грѣхи, то скажи мнѣ, не попираетъ ли Его? Не презираетъ ли Его? Какъ попираемыхъ людей мы ставимъ ни во что, такъ и согрѣшающіе ставятъ ни во что Христа, потому и грѣшатъ. Ты сталъ тѣломъ Христовымъ, и отдаешь себя діаволу, чтобы онъ попиралъ тебя? *И кровь*, говоритъ, *скверну возмнивъ*. Что значитъ: *скверну?* Нечистою, или нисколько не лучшею всего другого. *И Духа благо-*

дати укоривый,—потому что не принимающій благодѣянія оскорбляетъ благодѣтеля. (Христосъ) сдѣлалъ тебя сыномъ; а ты хочешь быть рабомъ? Онъ пришелъ поселиться у тебя; а ты вводишь къ себѣ злые помыслы? Христосъ хочетъ обитать у тебя; а ты попираешь Его объяденіемъ, пьянствомъ? Послушайте вы, недостойно пріобщающіеся таинъ; послушайте, недостойно приступающіе къ этой трапезѣ: *не дадите*, говоритъ Онъ, *святая псомъ, да не поперутъ ихъ ногами своими* (Мѳ. VII, 6), т. е. чтобы не пренебрегли, чтобы не оплевали. Но (апостолъ) сказалъ не такъ, а еще страшнѣе; онъ поражаетъ души страхомъ, такъ какъ это могло подѣйствовать на нихъ не меньше увѣщанія. Онъ показываетъ различіе (отверженія закона Моисеева и попранія крови Христовой), а имъ самимъ предоставляетъ судить о нака-
145 заніи за послѣднее, какъ о дѣлѣ очевидномъ. *Колико мните*, говоритъ, *горшія сподобится муки?* Здѣсь, мнѣ кажется, онъ разумѣетъ таинства. Далѣе приводитъ и свидѣтельство: *страшно есть*, говоритъ, *еже впасти въ руцѣ Бога живаго*. Писано *бо* есть: *мнѣ отмщеніе, азъ воздамъ, глаголетъ Господь: и паки: Господь судитъ людемъ своимъ* (ст. 30, 31). Мы впадемъ, говоритъ, въ руки Господа, а не въ руки людей. Если не покаетесь, то впадете въ руки Божіи. Это страшно; а то—впасть въ руки людей—ничего не значитъ. Когда мы видимъ, говоритъ, что кто-либо здѣсь наказывается, то не будемъ бояться настоящаго, но будемъ страшиться будущаго: по милости бо Его и гнѣвъ Его, *и на грѣшницѣхъ почіетъ ярость его* (Сир. V, 7). Словами: *мнѣ отмщеніе, азъ воздамъ*—указываетъ здѣсь и на нѣчто другое. Это сказано о врагахъ, дѣлающихъ зло, а не о терпящихъ зло. Такимъ образомъ онъ здѣсь и утѣшаетъ, какъ бы такъ говоритъ: Богъ всегда пребываетъ и живетъ; потому, если (враги) не получатъ возмездія нынѣ, то получатъ послѣ; имъ должно стенать, а не намъ; мы впадаемъ въ ихъ руки, а они—въ руки Божіи; не терпящій зло страдаетъ, а дѣлающій зло; равно и не благодѣтельствуемый получаетъ благодѣяніе, а благодѣтельствующій.

Зная это, будемъ твердыми въ терпѣніи зла и готовыми на благодѣянія. А это будетъ тогда, когда мы станемъ презирать деньги и славу. Освободившійся отъ этихъ страстей свободнѣе всѣхъ людей и богаче самого облеченнаго въ багряницу. Не видишь ли, сколько бываетъ зла изъ-за денегъ? Не говорю, сколько отъ любостяжанія, а сколько—отъ пристрастія къ деньгамъ? Такъ, напр., кто-нибудь потерялъ деньги,—и вотъ онъ живетъ жизнію, которая несноснѣе самой смерти. О чемъ, человѣкъ, скорбишь ты? О чемъ плачешь? О томъ ли, что Богъ освободилъ тебя отъ лишней обузы? О томъ ли, что ты не сидишь больше

въ страхѣ и трепетѣ? Если кто-нибудь привяжетъ тебя къ сокровищу и прикажетъ сидѣть тамъ постоянно и бодрствовать надъ чужимъ (имуществомъ), то ты сѣтуешь и негодуешь; но когда ты самъ привязалъ себя къ нему несноснѣйшими узами, то почему скорбишь, будучи освобожденъ отъ такого рабства? Подлинно, эти горести и эти радости—слѣдствіе предразсудка. Мы должны хранить имущество такъ, какъ будто оно у насъ чужое. Теперь къ женамъ обращаю рѣчь свою. Когда у какой-либо жены есть одежда, истканная изъ золота, то она часто вытрясаетъ ее, завертываетъ въ полотно, тщательно сохраняетъ, дрожитъ надъ нею и не пользуется ею. Точно она умерла, или овдовѣла, или, если не случилось ничего такого, боится, чтобы, износивъ ее отъ частаго употребленія, не лишиться ея; если другой не лишаетъ, то она сама лишаетъ себя по скупости. Но уступила ее другой? Это еще неизвѣстно; а если и уступила, то и та пользуется ею точно также. Если бы кто-нибудь осмотрѣлъ содержимое домовъ, то нашелъ бы, что самыя дорогія одежды и самыя лучшія вещи берегутся такъ, какъ будто бы онѣ были живыми властителями. (Жена) не употребляетъ ихъ часто, но боится и дрожитъ, предохраняетъ ихъ отъ моли и другихъ истачивающихъ платье насѣкомыхъ, обкладываетъ большую часть ихъ мазями и ароматами и не всѣхъ удостоиваетъ взглянуть на нихъ,—только сама съ мужемъ часто и старательно ихъ рас- 146
кладываетъ.

3. Не справедливо ли, скажи мнѣ, Павелъ назвалъ любостяжаніе идолослуженіемъ? Какую честь тѣ (язычники) оказываютъ идоламъ, такую же они—одеждамъ и золотымъ вещамъ. Доколѣ мы будемъ заниматься грязью? Доколѣ будемъ прилѣпляться къ глинѣ и кирпичамъ? Какъ тѣ (іудеи) работали царю египетскому, такъ мы работаемъ діаволу, и получаемъ удары бичами гораздо тягчайшіе. Не прими этихъ словъ за преувеличеніе: чѣмъ душа выше тѣла, тѣмъ тяжелѣе раны, которыя мы наносимъ себѣ каждый день своими заботами, соединенными со страхомъ и трепетомъ. Но если мы захотимъ раскаяться, если захотимъ возвести очи къ Богу, то Онъ пошлетъ намъ не Моисея и Аарона, но слово свое и сердечное сокрушеніе. Оно пришедши освободитъ наши души отъ горькаго рабства, изведетъ насъ изъ Египта, изъ этихъ безполезныхъ и напрасныхъ хлопотъ, изъ этого рабства, не доставляющаго никакой пользы. Тѣ по крайней мѣрѣ вышли съ золотыми вещами, въ вознагражденіе за труды; а мы (не получаемъ) ничего,—и если бы только ничего! Но теперь мы получаемъ не золотыя вещи, а египетскія бѣдствія,—грѣхи, казни и мученія. Научимся же находить свою

пользу, научимся терпѣть потери; это достойно христіанина. Бу-
демъ пренебрегать золотыми одеждами; будемъ пренебрегать
деньгами, чтобы не пренебречь намъ своего спасенія; будемъ
пренебрегать деньгами, чтобы не пренебречь намъ своей души.
Она понесетъ наказаніе, она потерпитъ мученіе; все прочее
остается здѣсь, а она отходитъ туда. Для чего же, скажи мнѣ,
для чего ты мучишь самъ себя, и не чувствуешь? Говорю это
любостяжательнымъ. Нужно сказать и тѣмъ, которые терпятъ
отъ любостяжанія: переносите мужественно обиды отъ любостя-
жательныхъ; они губятъ себя самихъ, а не васъ; у васъ они от-
нимаютъ имущество, а себя лишаютъ Божія благоволенія и по-
мощи. А кто лишился (благоволенія Божія), тотъ, хотя бы вла-
дѣлъ всѣмъ богатствомъ вселенной, бѣднѣе всѣхъ; равно какъ
бѣднѣйшій изъ всѣхъ, но имѣющій (это благоволеніе), богаче
всѣхъ. *Господь*, говоритъ (Псалмопѣвецъ), *пасетъ мя и ничтоже
мя лишитъ* (Псал. XXII, 1). Скажи мнѣ: если бы ты имѣла мужа
великаго и дивнаго, который бы любилъ тебя и заботился о
тебѣ, и при томъ если бы ты знала, что онъ будетъ живъ всегда
и ты не умрешь прежде него, и предоставилъ бы онъ тебѣ все
свое имущество, такъ что ты пользовалась бы имъ, какъ сво-
имъ,—то захотѣла ли бы ты пріобрѣтать что-нибудь? И даже,
если бы ты лишилась всего, не считала ли бы ты себя богатою?
О чемъ же ты скорбишь? О томъ ли, что не имѣешь богатства?
Но знай, что у тебя отнятъ поводъ ко грѣхамъ. О томъ ли, что
лишилась имущества? Но ты пріобрѣла благоволеніе Божіе.
Какъ, скажешь, пріобрѣла? (Апостолъ) сказалъ: *почто не паче
обидими есте* (1 Кор. VI, 7)? и еще: *о всемъ благодарите* (1 Сол.
V, 18); (Христосъ) сказалъ: *блажени нищіи духомъ* (Мѳ. V, 3). По-
думай же, какого сподобишься ты благоволенія, если покажешь
это на дѣлѣ. Отъ насъ требуется только одно—за все благода-
рить Бога, и мы будемъ имѣть все въ изобиліи. Напр., ты поте-
147 рялъ десять тысячъ литръ золота? Тотчасъ благодари Бога, и
чрезъ это обращеніе къ Нему и свою благодарность ты уже
пріобрѣтаешь сто тысячъ. За что, скажи мнѣ, ты ублажаешь
Іова: за то ли, что онъ имѣлъ столько верблюдовъ, стадъ и ра-
бочаго скота, или за сказанныя имъ слова: *Господь даде, Господь
отъятъ* (Іов. I, 21)? И діаволъ вредитъ намъ не для того, чтобы
только отнять у насъ имущество,—онъ знаетъ, что оно ничто,—
но чтобы чрезъ это заставить насъ сказать что-нибудь богохуль-
ное. Такъ и блаженнаго Іова онъ хотѣлъ сдѣлать не только бѣд-
някомъ, но и богохульникомъ. Когда онъ лишилъ его всего, то,
смотри, что говоритъ ему чрезъ жену: *рцы глаголъ нѣкій ко Го-
споду и умри* (Іов. II, 9). Да вѣдь ты, лукавый, уже лишилъ его

всего! Но не того, говоритъ, я домогался; того, для чего я все дѣлалъ, я еще не достигъ; я старался лишить его помощи Божіей; для того и имущества лишилъ его; вотъ чего я хочу,—а то ничего не значитъ; если это мнѣ не удастся, то онъ не только не потерпитъ никакого вреда, но еще получитъ пользу.

4. Видишь, что и злой демонъ знаетъ, какой вредъ бываетъ отъ этого? Для того, какъ видишь, онъ и строилъ козни чрезъ жену. Послушайте, мужья, которые имѣете женъ, привязанныхъ къ богатству и вынуждающихъ васъ богохульствовать: помните Іова. Впрочемъ посмотримъ, если угодно, на великую кротость его и на то, какъ онъ заградилъ уста женѣ. *Вскую*, говоритъ, *яко едина отъ безумныхъ женъ возглаголала еси* тако (Іов. II, 10). Подлинно, *тлятъ обычаи благи бесѣды злы* (1 Кор. XV, 33). Онѣ и всегда портятъ, но особенно во время несчастій; тогда предлагающіе дурные совѣты бываютъ сильны, потому что если душа и сама по себѣ склонна къ нетерпѣнію, то не гораздо ли болѣе тогда, когда есть еще совѣтникъ? Не готова ли она тогда броситься даже въ пропасть? Жена—великое благо, но и великое зло. И смотри, какимъ образомъ (діаволъ) старался подкопать эту крѣпкую стѣну. Такъ какъ лишеніе имущества не преодолѣло его и всѣ потери не произвели ничего важнаго, но самъ (врагъ) былъ обличенъ, что напрасно онъ говорилъ: *аще не въ лице тя благословитъ* (Іов. I, 11),—то онъ вооружаетъ противъ него жену. Видишь ли, чего онъ домогался? Но отнюдь не болѣе помогла ему и эта хитрость. Такъ и мы, если будемъ переносить все съ благодарностью, то получимъ то же (что Іовъ); а если не получимъ, то насъ ожидаетъ бо́льшая награда. Такъ было и съ 148
этимъ адамантовымъ мужемъ. Когда онъ доблестно перенесъ все, тогда (Богъ) далъ ему и богатство; когда онъ доказалъ діаволу, что не изъ-за этого онъ служитъ (Богу), тогда далъ ему и это. Такъ поступаетъ Богъ: когда видитъ, что мы не привязываемся къ благамъ житейскимъ, тогда и даетъ ихъ намъ; когда видитъ, что мы предпочитаемъ имъ блага духовныя, тогда даетъ намъ и блага вещественныя; не даетъ же ихъ прежде, чтобы мы не забыли о духовныхъ. Такимъ образомъ Онъ, щадя насъ, не даетъ намъ благъ вещественныхъ, чтобы хотя противъ воли отклонить насъ отъ нихъ. Нѣтъ, скажешь, напротивъ, когда я получу ихъ, тогда удовлетворюсь и тѣмъ болѣе стану благодарить (Бога). Лжешь ты, человѣкъ; тогда особенно ты и будешь лѣниться. Почему же, скажешь, Онъ многимъ даетъ? Но откуда видно, что Онъ даетъ? Кто же, скажешь, даетъ другой? Собственное ихъ любостяжаніе, грабительство. А почему Онъ попускаетъ это? Потому же, почему (попускаетъ) убійство, воровство, наси-

ліе. А что, скажешь, думать о тѣхъ, которые получаютъ наслѣдство отъ родителей, несмотря на то, что они сами исполнены безчисленныхъ пороковъ? Какъ Богъ попускаетъ имъ пользоваться этимъ? Такъ же, какъ Онъ попускаетъ ворамъ, убійцамъ и другимъ злодѣямъ. Нынѣ время не суда, а благоустроенія жизни. Какъ я прежде говорилъ, такъ и теперь скажу: они подвергнутся большему наказанію, если, наслаждаясь всѣми благами, не сдѣлаются оттого лучшими. Не всѣ будутъ наказаны одинаково, но оставшіеся злыми, несмотря на благодѣянія, будутъ мучиться больше, а жившіе въ бѣдности—меньше. Что это справедливо, о томъ послушай, какъ говоритъ Давидъ: не далъ ли Я тебѣ, говоритъ, все (имущество) *господина твоего* (2 Цар. хп, 8). Итакъ, когда ты увидишь, что молодой человѣкъ безъ трудовъ получилъ отцовское наслѣдство и остался злымъ, то будь увѣренъ, что ему готовится наказаніе сильнѣйшее и мученіе жесточайшее. Потому будемъ подражать не такому человѣку, но тому, кто наслѣдовалъ добродѣтель, кто пріобрѣлъ духовное богатство: горе, говоритъ (Псалмопѣвецъ), *надѣющимся на богатство свое* (Псал. XLVIII, 7); и еще: *блажени боящіися Господа* (Псал. CXXVII, 1). Въ числѣ которыхъ, скажи мнѣ, хочешь быть ты? Конечно, въ числѣ ублажаемыхъ. Подражай же имъ, а не тѣмъ, чтобы и тебѣ получить уготованныя имъ блага, которыхъ да сподобимся всѣ мы, благодатію и человѣколюбіемъ Господа нашего Іисуса Христа, съ Которымъ Отцу со Святымъ Духомъ слава, держава, честь, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА XXI.

147 **Воспоминайте же первыя дни, въ нихже просвѣтившеся многъ подвигъ претерпѣсте страданій: ово убо, поношенми и скорбми позоръ бывше: ово же, общницы бывше живущимъ тако. Ибо и узамъ спострадасте и разграбленіе имѣній вашихъ съ радостію пріясте, вѣдяще имѣти себѣ имѣніе на небесѣхъ пребывающее и лучшее (Евр. х, 32—34).**

1. Отличнѣйшіе изъ врачей, сдѣлавъ глубокій разрѣзъ и этою раною усиливъ боли, стараются облегчить страданія больного члена, успокоить и утѣшить скорбящую душу, и потому уже не дѣлаютъ новаго разрѣза, но и сдѣланный стараются облегчить лѣкарствами успокоительными и способными уничтожить

сильныя боли. То же сдѣлалъ и Павелъ. Потрясши ихъ души и 148
приведши въ сокрушеніе напоминаніемъ о гееннѣ, убѣдивъ ихъ, что непремѣнно погибнетъ всякій, ругающійся надъ благодатію Божіею, и доказавъ законами Моисея, что (такіе люди) погибнуть и подвергнутся тяжкимъ мученіямъ, подтвердивъ слова свои и другими свидѣтельствами и сказавъ: *страшно есть еже впасти въ руцѣ Бога живаго*,—теперь, чтобы пораженныя сильнымъ страхомъ души ихъ не впали отъ скорби въ отчаяніе, онъ утѣшаетъ ихъ похвалами и увѣщаніями и представляетъ имъ для соревнованія собственный (ихъ примѣръ). *Воспоминайте же*, говоритъ, *первыя дни, въ нихже просвѣтившеся, многъ подвигъ претерпѣсте страданій*. Много значитъ увѣщаніе (заимствованное) отъ дѣлъ. Тому, кто началъ дѣло, слѣдуетъ продолжать, чтобы имѣть успѣхъ. Онъ какъ бы такъ говоритъ: когда вы еще вступали, когда были только учениками, и тогда показали такое усер- 149
діе, такое мужество; а теперь не такъ. Кто предлагаетъ подобное увѣщаніе, тотъ весьма сильно дѣйствуетъ собственнымъ (ихъ примѣромъ). И смотри: не просто сказалъ: *подвигъ претерпѣсте*, но съ прибавленіемъ: *многъ*. И не сказалъ: искушенія, но: *подвигъ*; это выраженіе означаетъ одобреніе и величайшую похвалу. Потомъ входитъ въ подробности, распространяя рѣчь свою и высказывая многія похвалы. Какъ? *Ово убо, поношенми*, говоритъ, *и скорбми позоръ бывше*. Поношеніе сильно дѣйствуетъ на сердце, способно взволновать душу и помрачить разумъ. Объ этомъ, послушай, какъ говоритъ пророкъ: *быша слезы моя мнѣ хлѣбъ день и нощь, внегда глаголатися мнѣ на всякъ день: гдѣ есть Богъ твой* (Псал. XLI, 4)? и еще: *аще бы врагъ поносилъ ми, претерпѣлъ быхъ убо* (Псал. LIV, 13). Родъ человѣческій весьма тщеславенъ; потому онъ легко уловляется и этимъ. И не просто сказалъ: *поношенми*, но еще выразительнѣе: *позоръ бывше*. Когда кто терпитъ поношеніе наединѣ, и тогда бываетъ прискорбно; но гораздо больше, когда—при всѣхъ. Представь, какъ тяжко было имъ, отказавшимся отъ низкаго іудейства, обратившимся къ лучшей жизни и презрѣвшимъ отеческіе (обычаи), терпѣть зло отъ своихъ домашнихъ и не имѣть никакой защиты: Не могу сказать, говоритъ, что вы, претерпѣвая это, скорбѣли; напротивъ вы даже весьма радовались. Это онъ выразилъ словами: *ово же общницы бывше живущимъ тако. Ибо и узамъ спострадасте;* здѣсь онъ указываетъ на апостоловъ. Не только, говоритъ, вы не посрамились предъ домашними, но приняли участіе и въ другихъ, терпѣвшихъ то же. Этимъ онъ предлагаетъ имъ и утѣшеніе. Не сказалъ: переносили мои скорби, сдѣлались моими общниками, но просто: *узамъ спострадасте*. Видишь ли, что онъ говоритъ о себѣ

и другихъ узникахъ? Вы (говоритъ) не считали узы узами, но вели себя, какъ мужественные ратоборцы: не только въ своихъ страданіяхъ не нуждались въ утѣшеніи, но служили утѣшеніемъ и для другихъ. *И разграбленіе имѣній вашихъ съ радостію пріясте.* О, какая полнота вѣры! Потомъ приводитъ и причину, побуждая ихъ не только къ подвигамъ, но и къ непоколебимости въ вѣрѣ. Видя, говоритъ, расхищеніе своего богатства, вы терпѣли, потому что созерцали богатство невидимое, какъ видимое, — что̀ свойственно истинной вѣрѣ, которую и доказали самыми дѣлами. Расхищеніе могло быть отъ насилія хищниковъ, такъ что никто не могъ воспрепятствовать этому, и отсюда еще не видно, что вы терпѣли расхищеніе изъ-за вѣры. Впрочемъ, отчасти и видно: вы, если бы захотѣли, могли бы не подвергаться расхищенію, не увѣровавъ; но вы сдѣлали гораздо больше,—перенесли это съ радостію; это — дѣло вполнѣ апостольское и достойное тѣхъ мужественныхъ душъ, которыя радовались, подвергаясь бичеванію. *Они же*, сказано, *идяху отъ лица собора радующеся, яко за имя* Его *сподобишася безчестіе пріяти* (Дѣян. v, 41). Кто переноситъ это съ радостію, тотъ показываетъ, что онъ уже имѣетъ нѣкоторую награду, и что дѣло его есть не потеря, а пріобрѣтеніе. Слово: *пріясте* указываетъ на ихъ добровольное терпѣніе. Какъ же вы рѣшились и приняли? *Вѣдяще*, говоритъ, *имѣти*
150 *себѣ имѣніе на небесѣхъ пребывающее и лучшее.* Что значитъ: *пребывающее?* Прочное, не погибающее такъ, какъ здѣшнее.

2. Похваливъ ихъ, онъ потомъ говоритъ: *не отлагайте убо дерзновенія вашего, еже имать мздовоздаяніе велико* (ст. 35). Что говоришь? Не сказалъ: вы потеряли дерзновеніе ваше, пріобрѣтите его снова,—чтобы они не впали въ отчаяніе,—но: вы имѣете его, не теряйте,—чѣмъ сильнѣе воодушевляетъ ихъ и придаетъ имъ силы. Вы, говоритъ, имѣете дерзновеніе, чтобы снова пріобрѣсти потерянное; для этого требуется большій трудъ, а не потерять имѣющагося — не такъ. Къ Галатамъ онъ пишетъ напротивъ: *чадца моя, имиже паки болѣзную, дондеже вообразится Христосъ въ васъ* (Гал. iv, 19); и справедливо. Они оказывали безпечность, потому для нихъ нужна была рѣчь болѣе обличительная; а тѣ (оказывали) нѣкоторое малодушіе, потому для нихъ нужна была (рѣчь) болѣе снисходительная. *Не отлагайте убо*, говоритъ, *дерзновенія вашего;* слѣдовательно, они имѣли великое дерзновеніе предъ Богомъ. *Еже имать*, говоритъ, *мздовоздаяніе велико.* Что это значитъ? Мы, говоритъ, тогда получимъ его. Если же оно уготовано въ будущемъ, то не должно искать его здѣсь. Потомъ, чтобы кто-нибудь не сказалъ: вотъ съ нашей стороны все сдѣлано,—онъ предупреждаетъ такую мысль ихъ и какъ бы такъ го-

ворить: если вы знаете, что имѣете на небесахъ имѣніе лучшее, то ничего не ищите здѣсь; вы имѣете нужду въ терпѣніи, а не въ умноженіи подвиговъ, чтобы остаться при томъ же, чтобы не потерять даннаго вамъ; для васъ ненужно ничего другого, кромѣ того, чтобы стоять, какъ стоите, чтобы, дошедши до конца, вы могли получить обѣщанное. *Терпѣнія бо*, говоритъ, *имате потребу, да волю Божію сотворше, пріимете обѣтованіе* (ст. 36). Вамъ нужно только одно—терпѣть замедленіе (въ исполненіи обѣщаннаго), а не снова подвизаться. Вы близъ самаго вѣнца, перенесли всѣ подвиги, узы, скорби, расхищеніе вашего имѣнія: что же (остается вамъ)? Вы находитесь близъ того, чтобы быть увѣнчанными; переносите только одно—замедленіе вѣнца. Какое великое утѣшеніе! Онъ утѣшаетъ ихъ такъ, какъ если бы кто-нибудь говорилъ съ ратоборцемъ, который побѣдилъ всѣхъ и не имѣетъ ни одного соперника, но, ожидая вѣнца, теряетъ терпѣніе, пока придетъ начальникъ борьбы и возложитъ на него вѣнецъ, и въ нетерпѣніи хочетъ уйти и убѣжать, не вынося жажды и жара. Это и онъ выражаетъ, и что говоритъ? *Еще бо мало елико елико, грядый пріидетъ, и не укоснитъ* (ст. 37). Чтобы они не сказали: когда же придетъ?—онъ ободряетъ ихъ словами Писанія. И въ другомъ мѣстѣ, когда говоритъ: *нынѣ ближайшее намъ спасеніе* (Рим. XIII, 11), онъ ободряетъ ихъ тѣмъ, что остается немного времени. При томъ говоритъ не отъ себя, но словами Писанія. Если же тогда говорили: *мало елико елико, грядый пріидетъ и не укоснитъ*, то, очевидно, что теперь Онъ еще ближе. Такимъ образомъ и за ожиданіе получится немалая награда. *А праведный*, говоритъ, *отъ вѣры живъ будетъ: и аще обинется, не благоволитъ душа моя о немъ* (ст. 38). Сильно то увѣщаніе, когда кто докажетъ, что исполнившіе все могутъ все потерять изъ-за малой слабости. *Мы же нѣсмы обиновенія въ погибель, но вѣры въ снабдѣніе души* (ст. 39). *Есть же вѣра, уповаемыхъ извѣщеніе, вещей обли-* 151
ченіе невидимыхъ. Въ сей бо свидѣтельствовани быша древніи (XI, 1, 2). Вотъ какое онъ употребляетъ выраженіе: *обличеніе*, говоритъ, *невидимыхъ!* Слово—*обличеніе* употребляется о вещахъ, совершенно очевидныхъ. Такимъ образомъ вѣра, говоритъ, есть созерцаніе неявнаго и ведетъ къ такому же полному убѣжденію въ невидимомъ, какъ въ видимомъ. Какъ невозможно не вѣрить видимому, такъ невозможно быть вѣрѣ, когда кто не убѣжденъ въ невидимомъ вполнѣ такъ же, какъ въ видимомъ. Предметы надежды представляются неимѣющими дѣйствительности, но вѣра доставляетъ имъ дѣйствительность, или лучше, не доставляетъ, но въ этомъ и состоитъ ихъ дѣйствительность; такъ напр. воскресенія еще не было и нѣтъ въ дѣйствительности, но надежда

дѣлаетъ его дѣйствительнымъ въ нашей душѣ. Вотъ что значитъ: *уповаемыхъ извѣщеніе*. Итакъ, если (вѣра) есть увѣренность въ предметахъ невидимыхъ, то какъ вы хотите увидѣть ихъ, чтобы отпасть отъ вѣры и праведности,—такъ какъ *праведный отъ вѣры живъ будетъ?* Если вы хотите увидѣть ихъ, то вы уже не вѣрующіе. Вы трудились, говоритъ, вы подвизались; и я говорю это; но потерпите; въ этомъ и состоитъ вѣра; не ищите всего здѣсь.

3. Это сказано евреямъ, но увѣщаніе относится и ко многимъ изъ собравшихся здѣсь. Какъ и какимъ образомъ? Къ малодушнымъ, къ нетерпѣливымъ. Когда они видятъ, что злые счастливы въ дѣлахъ своихъ, а они сами несчастливы, то унываютъ и скорбятъ, желая наказанія и отмщенія тѣмъ, или ожидая себѣ наградъ за труды свои. *Еще мало елико елико, грядый пріидетъ, и не укоснитъ,* говорилъ тогда Павелъ. Скажемъ это и мы малодушнымъ. Наказаніе непремѣнно будетъ, непремѣнно придетъ; воскресеніе и все съ нимъ связанное уже при дверяхъ. Откуда, скажешь, это видно? Не говорю—изъ пророковъ, потому что у меня рѣчь не къ христіанамъ только; но хотя бы то былъ язычникъ, я смѣло обращаюсь и къ нему, предлагаю доказательства и ему, и научу его; а какъ—послушай. Многое предсказалъ Христосъ. Если бы это не сбылось, то ты могъ бы не вѣровать и тому; если же все это сбылось, то почему ты сомнѣваешься въ остальномъ? Труднѣе было повѣрить, пока ничего не сбылось, нежели не вѣрить, когда все сбылось. Но лучше поясню мысль свою примѣромъ. Христосъ предсказалъ, что Іерусалимъ будетъ взятъ и подвергнется такому разрушенію, какого не было никогда, и что онъ болѣе уже не будетъ возстановленъ,—и предсказаніе оправдалось самымъ дѣломъ (Лук. XIX, 44). Предсказалъ, что будетъ великая скорбь (Мѳ. XXIV, 21),—и сбылось. Предсказалъ, что проповѣдь распространится, какъ посѣянное горчичное зерно,—и мы видимъ, что съ каждымъ днемъ она болѣе и болѣе распространяется по вселенной (Лук. XIII, 19). Предсказалъ, что оставившіе отца, или мать, или братьевъ, или сестеръ, будутъ имѣть и отцевъ и матерей,—и это, какъ видимъ, исполняется на дѣлѣ (Мѳ. XIX, 29). Предсказалъ: *въ мірѣ скорбни будете: но дерзайте, азъ побѣдихъ міръ* (Іоан. XVI, 33), т. е. никто не преодолѣетъ васъ, — и это, какъ видимъ, сбылось на дѣлѣ. Предсказалъ, что *врата адова не одолѣютъ церкви*, и при томъ го-
152 нимой, и что никто не истребитъ проповѣди (Мѳ. XVI, 18),—и объ (исполненіи) этого предсказанія свидѣтельствуютъ событія. Такія предсказанія тогда были весьма невѣроятны. Почему? Потому, что всѣ они состояли въ словахъ, а доказательствъ ска-

занному еще не было представлено. Теперь же все это тѣмъ больше заслуживаетъ вѣры.

Предсказалъ, что когда *проповѣстся евангеліе всѣмъ языкомъ, тогда пріидетъ кончина* (Мѳ. XXIV, 14),—и вотъ мы уже достигли кончины: большая часть вселенной уже оглашена (Евангеліемъ), и затѣмъ предстоитъ кончина. Устрашимся, возлюбленные! Что, скажи мнѣ, — тебя безпокоитъ это кончина? Она дѣйствительно близка, но предѣлъ жизни и кончина каждаго гораздо ближе. *Дніе лѣтъ нашихъ*, говоритъ (Псалмопѣвецъ), *въ нихже седмьдесятъ лѣтъ: аще же въ силахъ, осмьдесятъ лѣтъ* (Псал. LXXXIX, 10). День суда близокъ: устрашимся хотя этого. *Братъ не избавитъ, избавитъ ли человѣкъ* (Псал. XLVIII, 8)? Во многомъ мы будемъ раскаиваться тогда; но *въ смерти* никто *не исповѣстся* Ему (Псал. VI, 6). Потому Давидъ говоритъ: *предварimъ лице его во исповѣданіи* (Псал. XCIV, 2), т. е. пришествіе Его. Здѣсь все, что мы сдѣлаемъ, имѣетъ силу; а тамъ уже нѣтъ. Скажи мнѣ: если бы кто-нибудь поставилъ насъ на короткое время въ раскаленной печкѣ, то не употребили ли бы мы всѣхъ мѣръ къ своему освобожденію, хотя бы потребовалось растратить имущество, или отдать себя въ рабство? Какъ многіе, впавши въ тяжкія болѣзни, охотно согласились бы отдать все, чтобы освободиться отъ нихъ, если бы только имъ предоставленъ былъ выборъ! Если же здѣсь непродолжительная болѣзнь такъ мучитъ насъ, то что мы станемъ дѣлать тамъ, когда раскаяніе не будетъ приносить никакой пользы? Сколькихъ мы исполнены теперь пороковъ, и не чувствуемъ? Другъ друга угрызаемъ, другъ друга терзаемъ, оскорбляя, обвиняя, клевеща, завидуя славѣ ближнихъ. И смотри, какое тяжкое зло: когда кто хочетъ истребить доброе мнѣніе о ближнихъ, то говоритъ: такой-то говорилъ мнѣ о немъ то-то, — прости мнѣ, Господи, не осуди меня, — я передаю только слухъ. Для чего же и говоришь ты, если самъ не вѣришь? Для чего передаешь? Для чего распространеніемъ слуха дѣлаешь его вѣроятнымъ? Для чего передаешь разсказъ, когда онъ невѣренъ? Ты самъ не вѣришь ему, и просишь Бога, чтобы Онъ не осудилъ тебя? Не говори же, а молчи, и избавь себя отъ всякаго страха.

4. Не знаю, откуда вошла въ людей эта болѣзнь: мы стали болтливы; въ нашей душѣ не держится ничего. Послушай одного мудреца, который, увѣщевая, говоритъ: *слышалъ ли еси слово? да умретъ съ тобою: не убойся, не расторгнетъ тебе* (Сирах. XIX, 10); и еще: услышалъ слово *буй*, и поболѣлъ, *якоже раждающая отъ лица младенца* (ст. 11). Мы готовы на обвиненія, скоры на осужденія. Если бы мы не сдѣлали никакого другого зла, то и

это одно достаточно для того, чтобы погубить насъ, свести въ геенну, причинить намъ тысячи бѣдъ. А чтобы ты точнѣе узналъ это, послушай пророка, который говоритъ: *сѣдя на брата твоего клеветалъ еси* (Псал. xlix, 20). Но не я, говоришь, а другой. Нѣтъ,—ты. Если бы ты не говорилъ, то другой не услышалъ бы; а если бы и услышалъ, то ты не былъ бы виновникомъ грѣха. Недостатки ближнихъ должно замалчивать и прикрывать; а ты подъ предлогомъ доброжелательства выставляешь ихъ на показъ, дѣлаешься если не обвинителемъ, то разскащикомъ, болтуномъ, глупцомъ. О, ужасъ! Вмѣстѣ съ нимъ ты срамишь себя самого, и не чувствуешь? Смотри, сколько золъ происходитъ отсюда: ты прогнѣвляешь Бога, огорчаешь ближняго, дѣлаешь себя самого повиннымъ наказанію. Не слышалъ ли, что Павелъ говоритъ о вдовицахъ? *Не точію праздны*, говоритъ, *учатся обходити домы, но и блядивы и любопытны, глаголющія, яже не подобаетъ* (1 Тим. v, 13). Такимъ образомъ даже и тогда, когда бы ты вѣрилъ сказанному о твоемъ братѣ, не слѣдуетъ пересказывать, а тѣмъ болѣе, когда не вѣришь. О себѣ ты всегда заботишься, опасаясь, чтобы не быть осуждену отъ Бога? Бойся же, чтобы не быть тебѣ осуждену и за болтливость. Здѣсь ты не можешь сказать: Богъ не осудитъ меня за болтливость,—потому что это дѣло есть болтливость. Для чего ты распространяешь слухъ? Для чего умножаешь зло? Оно можетъ погубить насъ. Потому и говоритъ Христосъ: *не судите, да не судими будете* (Мѳ. vii, 1). Но мы нисколько не думаемъ объ этомъ, и примѣръ фарисея не вразумляетъ насъ. Онъ сказалъ правду: *нѣсмь, якоже сей мытарь*, сказалъ тогда, когда никто не слушалъ его,—и однако осужденъ (Лук. xviii, 11). Если же онъ осужденъ, высказавъ правду и когда никто не слушалъ его, то какому подвергнутся мученію тѣ, которые всюду разглашаютъ ложное и такое, въ чемъ сами не увѣрены, подобно болтливымъ женщинамъ? Чего не потерпятъ они? Положимъ же на уста свои дверь и огражденіе. Отъ болтливости произошло безчисленное множество золъ: разстраи-
154 вались семейства, разрывались узы дружбы, совершались тысячи другихъ бѣдствій. Не старайся же, человѣкъ, узнавать то, что касается ближняго. Но ты болтливъ, ты имѣешь этотъ недостатокъ? Говори лучше о своихъ дѣлахъ Богу,—и это не будетъ недостаткомъ, а пріобрѣтеніемъ; говори о своихъ дѣлахъ друзьямъ, друзьямъ истиннымъ и правдивымъ, на которыхъ ты полагаешься, чтобы они молились о грѣхахъ твоихъ. Если будешь говорить о чужихъ дѣлахъ, то не получишь никакой пользы, никакого пріобрѣтенія, но еще повредишь; а если будешь исповѣдывать свои дѣла предъ Владыкой, то получишь великую награду. *Рѣкъ*,

говорить (Псалмопѣвецъ), *повѣмъ на мя беззаконіе мое Господеви, и ты оставилъ еси нечестіе сердца моего* (Псал. xxxi, 5). Ты хочешь осуждать? Осуждай себя самого; никто тебя не обвинить, если ты будешь осуждать самъ себя; но обвинитъ, если ты не будешь осуждать самъ себя; обвинитъ, если ты не будешь обличать самъ себя; обвинитъ, если ты не будешь скорбѣть о себѣ самомъ. Ты видишь, что кто-нибудь гнѣвается, раздражается, или дѣлаетъ что-нибудь другое безразсудное? Тотчасъ подумай о своихъ дѣлахъ; тогда и его не слишкомъ будешь осуждать, и себя избавишь отъ бремени грѣховъ. Если мы такимъ образомъ будемъ соразмѣрять жизнь свою, если такимъ образомъ будемъ благоустроять ее, если будемъ осуждать самихъ себя, то конечно не допустимъ многихъ грѣховъ, но сдѣлаемъ много добраго, будемъ кроткими и умѣренными, и получимъ всѣ блага, обѣщанныя любящимъ Бога, которыхъ да сподобимся всѣ мы благодатію и человѣколюбіемъ Господа нашего Іисуса Христа, съ Которымъ Отцу со Святымъ Духомъ слава, держава, честь, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА XXII.

Вѣрою разумѣваемъ совершитися вѣкомъ глаголомъ Божіимъ, во еже отъ неявляемыхъ видимымъ быти. Вѣрою множайшую жертву Авель паче Каина принесе Богу, еюже свидѣтельствованъ бысть быти праведникъ, свидѣтельствующу о дарѣхъ его Богу: и тою умерый еще глаголетъ (Евр. xi, 3, 4). 153

1. Вѣра требуетъ души бодрственной и юной, возвышающейся надъ всѣмъ чувственнымъ и парящей выше немощныхъ помысловъ человѣческихъ. Вѣрующимъ невозможно быть иначе, какъ освободившись отъ общеобычнаго (порядка вещей). Поэтому, такъ какъ души евреевъ были немощны и хотя начали съ вѣры, но потомъ отъ обстоятельствъ,—разумѣю страданія и скорби,—ослабѣли, впали въ малодушіе и колебались, то (апостолъ) ободрялъ ихъ сначала собственными ихъ подвигами: *воспоминайте*, говорилъ онъ, *прежнія дни;* затѣмъ Писаніемъ, которое говоритъ: *праведный отъ вѣры живъ будетъ*; потомъ своими соображеніями: *есть же*, говорилъ онъ, *вѣра, уповаемыхъ извѣщеніе, вещей обличеніе невидимыхъ.* Теперь онъ (ободряетъ ихъ) примѣромъ предковъ, тѣхъ великихъ и дивныхъ мужей, и какъ бы такъ говоритъ: если тогда, когда блага были у ногъ, всѣ спаса-

лись вѣрою, то тѣмъ болѣе мы. Когда душа видитъ другого раздѣляющимъ съ нею одно и то же, то успокоивается и чувствуетъ облегченіе. Такъ бываетъ и въ дѣлахъ вѣры, такъ и въ
154 скорби, о чемъ говоритъ (апостолъ) въ другомъ мѣстѣ: *соутѣшитися въ васъ вѣрою общею* (Рим. I, 12). Родъ человѣческій весьма мнителенъ, не можетъ полагаться на себя самого и боится за вѣрность своихъ сужденій; при томъ заботится, и весьма много заботится о мнѣніи другихъ. Что же дѣлаетъ Павелъ? Онъ ободряетъ ихъ примѣромъ предковъ, и прежде того—общимъ соображеніемъ. Вѣра была тогда порицаема, какъ дѣло бездоказательное и даже вводящее въ заблужденіе; потому онъ доказываетъ, что самыя великія дѣла совершаются вѣрою, а не разсужденіями. Какъ же онъ доказываетъ это, скажи мнѣ? *Вѣрою*, говоритъ, *разумѣваемъ совершитися вѣкомъ глаголомъ Божіимъ, во еже отъ неявляемыхъ видимымъ быти.* Извѣстно, говоритъ, что Богъ сотворилъ изъ не сущаго сущее, изъ невидимаго видимое, изъ не существующаго существующее. Но откуда извѣстно, что Онъ совершилъ это *глаголомъ*? Разумъ не внушаетъ ничего такого, а напротивъ говоритъ, что видимое происходитъ отъ видимаго же. Особенно философы утверждаютъ, что изъ ничего не бываетъ ничего,—такъ какъ они люди душевные и ничего не предоставляютъ вѣрѣ. Между тѣмъ они сами обличаютъ себя, когда, говоря о чемъ-нибудь великомъ и высокомъ, предоставляютъ это вѣрѣ; такъ, напр., они говорятъ, что Богъ безначаленъ и нерожденъ, между тѣмъ разумъ не внушаетъ и этого,
155 но—противное. И посмотри на великую глупость ихъ. Они говорятъ, что Богъ безначаленъ; а это гораздо удивительнѣе, нежели происхожденіе (сущаго) изъ не сущаго. Сказать, что Онъ безначаленъ, что Онъ не рожденъ, что Онъ самъ отъ Себя, а не рожденъ отъ другого, гораздо непонятнѣе, нежели сказать, что Богъ сотворилъ сущее изъ не сущаго. Здѣсь много вѣроятнаго, именно—что Онъ сотворилъ нѣчто, что сотворенное имѣетъ начало, что оно сотворено всецѣло; а тамъ слова: самобытенъ, не рожденъ, не имѣетъ ни начала, ни времени,—скажи мнѣ, не требуютъ ли вѣры? Но (апостолъ) не указываетъ на то, что гораздо важнѣе, а на менѣе важное: *вѣрою*, говоритъ, *разумѣваемъ совершитися вѣкомъ глаголомъ Божіимъ*. Откуда, говоритъ, извѣстно, что Богъ сотворилъ все *глаголомъ*? Разумъ не внушаетъ этого, и никого не было тогда, когда это происходило. Извѣстно по вѣрѣ; это познаніе есть дѣло вѣры. Потому онъ и сказалъ: *вѣрою разумѣваемъ*. Что̀, скажи, мы *разумѣваемъ вѣрою*? То, что видимое произошло отъ невидимаго. Это—предметъ вѣры. Сказавъ вообще, онъ потомъ раскрываетъ это, указывая на лица. Доблестный

мужъ стоитъ цѣлой вселенной, какъ выразился (апостолъ) впослѣдствіи. Именно, указавъ на примѣръ ста или двухъ сотъ лицъ, и зная, что количество не важно въ сравненіи съ качествомъ, онъ затѣмъ сказалъ: *ихже не бѣ достоинъ міръ* (XI, 38). *Вѣрою множайшую жертву Авель паче Каина принесе Богу.* Смотри, на кого онъ указываетъ прежде всѣхъ,—на пострадавшаго, и при томъ отъ брата, который ничѣмъ не былъ обиженъ, но позавидовалъ (благоволенію) Божію. Это страданіе было близко къ нимъ: *зане таяжде*, говоритъ онъ, *и вы пострадасте отъ своихъ племенникъ* (1 Сол. II, 14). Вмѣстѣ съ тѣмъ показываетъ, что и и они терпѣли отъ зависти и ненависти. Тотъ почтилъ Бога и умеръ за то, что почтилъ; а воскресенія еще не получилъ. Доброе настроеніе его открылось, зависѣвшее отъ него сдѣлано; а зависящее отъ Бога ему еще не предоставлено. *Множайшую:* (такъ апостолъ) называетъ здѣсь жертву лучшую, отличнѣйшую, необходимѣйшую. Мы, говоритъ, не можемъ сказать, что она не была принята; (Богъ) принялъ ее и сказалъ Каину: *еда аще право принеслъ еси, право же не раздѣлилъ еси* (Быт. IV, 7). Слѣдовательно, Авель и право принесъ, и право раздѣлилъ. Однако же за это какое получилъ вознагражденіе? Онъ былъ убитъ рукою брата; осужденіе, которому за грѣхъ подвергся отецъ, первый принялъ на себя праведный сынъ, и пострадалъ тѣмъ тяжелѣе, что пострадалъ отъ брата, и первый. Онъ сдѣлалъ праведное дѣло, не видя примѣра ни въ комъ. Въ самомъ дѣлѣ, на кого взирая, онъ такъ почтилъ Бога? На отца и мать? Но они оскорбили (Бога) за Его благодѣянія. На брата? Но и онъ не почтилъ Его. Такимъ образомъ онъ самъ собою совершилъ доброе дѣло. И тогда какъ онъ былъ достоинъ чести, что онъ получаетъ? Умерщвляется. Далѣе (апостолъ) воздаетъ ему еще другую похвалу: *еюже*, говоритъ, *свидѣтельствованъ быти праведникъ, свидѣтельствующу о дарѣхъ его Богу: и тою умерый еще глаголетъ.* Какъ же еще иначе было засвидѣтельствовано, что онъ—праведникъ? Огонь, говорится (въ Писаніи), сошелъ и сожегъ его жертвы. Вмѣсто: *призрѣ* Господь *на Авеля и на дары его*, (одинъ переводчикъ) читаетъ: *и воспламенилъ* (Быт. IV, 4). Итакъ, (Богъ) и словами и дѣломъ засвидѣтельствовалъ, что онъ 156
праведникъ,—и однако, видя, что онъ за Него умерщвляется, не воспрепятствовалъ, но попустилъ это.

2. Но у васъ (говоритъ апостолъ) не такъ. Какъ же, когда вы имѣете и пророковъ, и примѣры, и множество внушеній, знаменій и чудесъ? Такимъ образомъ тамъ поистинѣ была вѣра. Какія чудеса видѣлъ тотъ (Авель) для того, чтобы убѣдиться, что въ воздаяніе ему будутъ дарованы какія-нибудь блага? Не

по одной ли вѣрѣ онъ былъ добродѣтеленъ? Что значитъ: *и съ умерый еще глаголетъ*? Чтобы не привести ихъ въ отчаяніе, (апостолъ) показываетъ, что (Авель) отчасти получилъ вознагражденіе. Какое? То, что объ немъ, говоритъ, много воспоминаютъ. Это именно онъ и выразилъ словами: *и еще глаголетъ*; т. е. (братъ) убилъ его, но не убилъ вмѣстѣ съ нимъ его славы и чести. Онъ не умеръ; такимъ же образомъ не умрете и вы,—потому что чѣмъ кто тяжелѣе страдаетъ, тѣмъ больше слава его. Какъ же онъ *еще глаголетъ?* Это и есть признакъ жизни, когда всѣ прославляютъ, превозносятъ и ублажаютъ; убѣждающій другихъ быть праведными, конечно, *глаголетъ*. Не столько дѣйствуетъ слово, сколько его страданіе. Какъ небо, дѣлаясь только видимымъ, *глаголетъ*,—такъ и онъ, будучи воспоминаемъ. Если бы даже онъ самъ проповѣдывалъ о себѣ, если бы имѣлъ тысячи языковъ и былъ въ живыхъ,—и тогда ему не удивлялись бы такъ, какъ теперь. Иначе сказать, (такая слава) не достигается безнаказанно и легко, и не исчезаетъ. *Вѣрою Енохъ преложенъ бысть* не видѣти смерти: *и не обрѣташеся, зане преложи его Богъ: прежде бо преложенія его свидѣтельствованъ бысть, яко угоди Богу. Безъ вѣры же невозможно угодити: вѣровати же подобаетъ* первое *приходящему къ Богу, яко есть, и взыскающимъ его мздовоздаятель бываетъ* (ст. 5, 6). Онъ показалъ вѣру больше Авелевой. Какъ? Такъ, что, хотя онъ жилъ и послѣ Авеля, но случившееся съ Авелемъ могло отвратить его (отъ добродѣтели). Какимъ образомъ? Богъ предвидѣлъ, что (Авель) будетъ убитъ, потому что сказалъ Каину: *согрѣшилъ еси*, не прибавляй еще (Быт. IV, 7),—былъ почитаемъ отъ него, и однако не избавилъ его. Но (Энохъ) отъ этого не предался безпечности, не сказалъ самому себѣ: какая польза отъ трудовъ и опасностей? Авель почиталъ Бога, и (Богъ) не избавилъ его. Какая польза умершему оттого, что братъ его наказанъ? Какую выгоду могъ онъ извлечь отсюда? Положимъ, что подвергъ (Каина) тяжкому наказанію; но что изъ того убитому? Ничего такого онъ не сказалъ и не подумалъ, но оставилъ все это, зная, что если есть Богъ, то безъ сомнѣнія есть и мздовоздаятель, хотя тогда еще ничего не знали о воскресеніи. Если же люди, еще ничего не знавшіе о воскресеніи, но видѣвшіе здѣсь противное, такъ благоугождали, то не тѣмъ ли болѣе (должны) мы? Тѣ ни о воскресеніи не знали, ни примѣровъ не могли видѣть. То самое и сдѣлало (Эноха) благоугодившимъ (Богу), что онъ ничего не получалъ. Онъ зналъ, что
157 Богъ есть мздовоздатель; но, скажи мнѣ, откуда? Вѣдь Авелю еще не было воздаянія. Такимъ образомъ разумъ внушалъ одно, а вѣра—противное видимому. Такъ и вы, говоритъ (апостолъ),

если видите, что вы не получаете здѣсь никакого воздаянія, не смущайтесь. Какъ же *вѣрою преложенъ бысть Енохъ?* Благоугожденіе (Богу) было причиною преложенія, а причиною благоугожденія—вѣра. Въ самомъ дѣлѣ, если бы онъ не былъ убѣжденъ, что получить воздаяніе, то какъ сталъ бы благоугождать? *Безъ вѣры невозможно угодити.* Почему? Потому что получить воздаяніе можетъ только тотъ, кто вѣруетъ, что есть Богъ и воздаяніе. Отсюда и происходитъ благоугожденіе. *Вѣровати же подобаетъ приходящему къ Богу, яко есть,* а не тому, что Онъ есть. Если же то, что есть (Богъ), принимается вѣрою, а не постигается разумомъ, то возможно ли постигнуть разумомъ то, что Онъ есть? Если то, что Онъ—мздовоздатель, требуетъ вѣры, а не умственныхъ соображеній, то какъ можно обнять разумомъ свойства Его существа? Какой разумъ можетъ постигнуть ихъ? Есть же люди, которые говорятъ, что все существующее существуетъ само собою. Видишь ли, что если мы не вѣруемъ во все, не только въ воздаяніе, но и въ самое бытіе Бога, то у насъ все погибаетъ? Многіе спрашиваютъ, куда переселенъ Энохъ и почему переселенъ, почему не умеръ, и не онъ только, но и Илія, и если они живутъ, то какъ живутъ и въ какомъ состояніи. Но спрашивать объ этомъ совершенно излишне. О томъ, что первый переселенъ, а послѣдній вознесенъ (на небо), Писаніе сказало; а гдѣ они и какъ существуютъ, этого не прибавило,—потому что оно не говоритъ ничего, кромѣ необходимаго. Такое событіе,—разумѣю переселеніе (Эноха),—произошло вскорѣ, въ самомъ началѣ, для того, чтобы человѣчество питало надежду на прекращеніе смерти, на уничтоженіе власти діавола, на то, что смерть будетъ уничтожена: вѣдь онъ переселенъ не мертвый, но такъ, что не видѣлъ смерти. Потому (апостолъ), сказавъ, что онъ переселенъ живой, прибавляетъ: *яко угоди.* Подобно тому, какъ иной отецъ, пригрозивъ сыну и желая привести угрозу въ исполненіе тотчасъ же, послѣ того какъ высказалъ ее, сдерживается однако и медлитъ, чтобы вразумить и усовѣстить (сына), оставляя впрочемъ угрозу во всей силѣ, такъ и Богъ, выражаясь по-человѣчески, не удержался, но тотчасъ же показалъ, что смерть будетъ уничтожена. Онъ сперва попустилъ смерти поразить праведника, желая сыномъ устрашить отца. Чтобы показать, что опредѣленіе Его остается во всей силѣ, Онъ подвергъ этому наказанію немедленно не злыхъ людей, но даже благоугодившаго Ему, т. е. блаженнаго Авеля; а вскорѣ послѣ него переселилъ Эноха живымъ. Онъ не воскресилъ перваго,—чтобы люди не предались безпечности,—а послѣдняго переселилъ живымъ; Авелемъ устрашилъ, а Энохомъ внушилъ рев-

ность о благоугожденіи Ему. Такимъ образомъ утверждающіе, что все вращается и совершается само собою, и не ожидающіе воздаянія, не благоугождають (Богу) такъ же, какъ и язычники: а *взыскающимъ Его* дѣлами и вѣдѣніемъ Онъ *мздовоздатель бываетъ*.

158 3. Итакъ, имѣя Мздовоздателя, будемъ дѣлать все такъ, чтобы намъ не лишиться наградъ за добродѣтель. Не думать о такомъ возмездіи, пренебрегать такимъ воздаяніемъ,—это достойно многихъ слезъ. Какъ *взыскающимъ его мздовоздатель бываетъ*, такъ не ищущимъ—напротивъ: *ищите и обрящете* (Мѳ. VII, 7), сказалъ (Господь). А какъ можно обрѣсти Господа? Вспомни, какъ отыскивается золото,—съ великимъ трудомъ. *Рукама моима*, говоритъ (Псалмопѣвецъ), *нощію предъ нимъ, и не прельщенъ быхъ* (Псал. LXXVI, 3). Какъ мы ищемъ потерянное, такъ будемъ искать и Бога. (При исканіи чего-нибудь) не устремляемъ ли мы туда всего ума своего? Не распрашиваемъ ли всѣхъ? Не предпринимаемъ ли путешествія? Не обѣщаемъ ли денегъ? Положимъ, у насъ потерялся сынъ. Чего мы тогда не дѣлаемъ? Какой не проходимъ суши, какого моря? Не считаемъ ли и денегъ, и домовъ, и всего другого маловажнѣе его отысканія? И если находимъ, то удерживаемъ, принимаемъ въ объятія, не отпускаемъ отъ себя. Если, желая найти что-нибудь, мы употребляемъ всѣ мѣры къ тому, чтобы найти желаемое, то не тѣмъ ли болѣе касательно Бога намъ слѣдуетъ поступать такъ, какъ при отысканіи чего-нибудь необходимаго, или лучше сказать, не такъ, а гораздо болѣе? Но такъ какъ мы немощны, то ищи Бога по крайней мѣрѣ такъ, какъ ты ищешь своихъ денегъ, или сына. Не предпринимаешь ли ты для этого путешествій? Не путешествовалъ ли ты когда-нибудь для денегъ? Не изобрѣтаешь ли всякія къ тому средства? И когда найдешь, не бываешь ли тогда веселъ? *Ищите*, сказано, *и обрящете*. Исканіе требуетъ многихъ заботъ, особенно касательно Бога, потому что при этомъ (встрѣчается) много препятствій, много недоразумѣній, много такого, что поражаетъ наши чувства. Какъ солнце, хотя само по себѣ ясно и является взорамъ всѣхъ, и намъ нѣтъ нужды искать его, но, если мы закопаемъ себя въ землю и со всѣхъ сторонъ закроемъ себя, то потребуется много труда, чтобы намъ увидѣть солнце,—такъ и здѣсь: если мы закопаемъ себя въ глубину порочныхъ пожеланій и во мракъ страстей и дѣлъ житейскихъ, то съ трудомъ въ состояніи будемъ взглянуть, съ трудомъ—поднять голову. Зарытый въ глубину чѣмъ выше будетъ смотрѣть, тѣмъ болѣе будетъ приближаться къ солнцу. Стряхнемъ же и мы съ себя прахъ, развѣемъ окружающую насъ мглу; она густа, непрони-

ласма и не позволяетъ намъ смотрѣть вверхъ. А какъ, скажешь, мы можемъ разогнать это облако? Если будемъ привлекать къ себѣ лучи духовнаго солнца, солнца правды, если будемъ воздѣвать руки къ небу: *воздѣяніе*, говоритъ (Псалмопѣвецъ), *руку моею жертва вечерняя* (Псал. схl, 2),—если съ руками будемъ устремлять горѣ и умъ. Вы, посвященные въ тайны, знаете, о чемъ я говорю; вы вѣроятно понимаете сказанное и соображаете, на что я намекаю. Будемъ же устремлять горѣ нашъ умъ. Я знаю многихъ мужей, которые почти отдѣлились отъ земли, свыше мѣры воздѣваютъ руки, скорбятъ, что невозможно подняться еще выше, и молятся съ такимъ усердіемъ! Желаю, чтобы и вы были такими же всегда; если же не всегда, то часто; если не часто, то хотя иногда, хотя по утрамъ, хотя по вечерамъ. Неужели, скажи мнѣ, ты не можешь воздѣвать рукъ? Воздѣвай тогда умъ, сколько хочешь; воздѣвай его до самаго неба. Если бы ты захотѣлъ достигнуть самой вершины и, поднявшись еще выше, тамъ шествовать, и это возможно для тебя. Нашъ умъ 159
легче всякой птицы и паритъ выше. А когда онъ получитъ еще благодать Духа,—о, какъ тогда онъ быстръ, какъ стремителенъ, какъ перелетаетъ черезъ все, какъ не легко спускается внизъ и падаетъ на землю! Устроимъ себѣ такія крылья; на нихъ мы въ состояніи будемъ перелетѣть и бурное море настоящей жизни. Быстрѣйшія изъ птицъ въ короткое время безвредно перелетаютъ чрезъ горы и холмы, моря и утесы. Таковъ и умъ: когда онъ бываетъ окрыленъ, когда оставляетъ все житейское, тогда ничто не можетъ удержать его, тогда онъ выше всего и даже разженныхъ стрѣлъ діавола. Діаволъ не такой искусный стрѣлокъ, чтобы могъ достигать до этой высоты,—но что? Онъ бросаетъ стрѣлы,—потому что безстыденъ, — но онѣ не достигаютъ цѣли: стрѣла возвращается къ нему безъ успѣха, и не только безъ успѣха, но и на его собственную голову, потому что, будучи брошена имъ, она непремѣнно должна поразить кого-нибудь. Какъ (стрѣла), брошенная людьми, или поражаетъ то, во что брошена,—птицу, стѣну, одежду, дерево,—или разсѣкаетъ воздухъ, такъ и стрѣла діавола непремѣнно должна поразить кого-нибудь; если она не поразила того, въ кого брошена, то непремѣнно поражаетъ бросившаго. Изъ многихъ примѣровъ можно убѣдиться, что когда ею не поражаемся мы, то непремѣнно онъ поражается. Такъ, напр., онъ строилъ козни Іову, и его не поразилъ, а самъ былъ пораженъ; злоумышлялъ противъ Павла, и его не поразилъ, а самъ былъ пораженъ. И вездѣ можно видѣть это, если мы будемъ внимательны. Когда онъ не поражаетъ, тогда самъ терпитъ пораженіе; а тѣмъ болѣе, когда мы, вооружившись

и оградивъ себя противъ него мечемъ и щитомъ вѣры, тщательно наблюдаемъ, чтобы не быть уловленными. Стрѣла же
160 діавола есть порочное пожеланіе. Въ особенности гнѣвъ, — это огонь, это пламень, который схватываетъ, умерщвляетъ, сожигаетъ. Но мы будемъ угашать его долготерпѣніемъ, воздержаніемъ. Какъ раскаленное желѣзо, будучи опущено въ воду, теряетъ жаръ свой, такъ и гнѣвъ, попавъ въ душу человѣка долготерпѣливаго, нисколько не вредитъ долготерпѣливому, а напротивъ приноситъ пользу, такъ что онъ становится еще крѣпче. Ничто не можетъ равняться съ долготерпѣніемъ. Такой человѣкъ никогда не оскорбляется; но какъ адамантовыя тѣла не разбиваются, такъ и эти души; онѣ выше стрѣлъ. Долготерпѣливый высокъ и такъ высокъ, что ударъ стрѣлы не достигаетъ до него. Когда кто выходитъ изъ себя, ты смѣйся; смѣйся, впрочемъ, не явно, чтобы не раздражить его еще болѣе, но смѣйся въ душѣ, про себя. Надъ дѣтьми, когда они ударяютъ насъ съ гнѣвомъ, какъ бы желая отмстить, мы смѣемся. (Такъ и надъ нимъ) если ты будешь смѣяться, то между тобою и имъ будетъ такое же различіе, какъ между дитятей и мужемъ; если же станешь огорчаться, то будешь дитятей, потому что гнѣвающіеся безразсуднѣе дѣтей. Скажи мнѣ: когда кто видитъ, что дитя выходитъ изъ себя, то не смѣется ли? То же бываетъ и съ гнѣвающимися: они и малодушны, если же малодушны, то и безразсудны: *малодушный*, говоритъ (Премудрый), *крѣпко безуменъ*,— значитъ онъ—неразумное дитя,—а *долготерпѣливъ многъ въ разумѣ* (Притч. xiv, 29). Будемъ же пріобрѣтать это долготерпѣніе, отъ котораго происходитъ въ сохраняющихъ его великое благоразуміе, чтобы намъ сподобиться обѣтованныхъ намъ благъ во Христѣ Іисусѣ, Господѣ нашемъ, съ Которымъ Отцу со Святымъ Духомъ слава, держава, честь и поклоненіе, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА XXIII.

159 **Вѣрою отвѣтъ пріимъ Ное о сихъ, яже не у видѣ, убоявся, сотвори ковчегъ во спасеніе дому своего: еюже осуди міръ, и правды, яже по вѣрѣ, бысть наслѣдникъ (Евр. xi, 7).**

1. *Вѣрою*, говоритъ, *отвѣтъ пріимъ Ное*. Какъ Сынъ Божій, бесѣдуя о своемъ пришествіи, говорилъ: *во дни Ноевы женяхуся и п[illegible]ху* (Лук. xvii, 27), такъ и онъ говоритъ. Благовременно

напоминаетъ онъ (евреямъ) примѣръ, близкій къ нимъ; а примѣръ Еноха былъ только примѣромъ вѣры, Ноя же (примѣръ)—и невѣрія. Утѣшеніе и увѣщаніе бываетъ совершеннымъ тогда, когда видно не только то, что вѣрующіе удостоиваются чести, но и то, что невѣрующіе терпятъ противное. Что онъ говоритъ въ словахъ: *вѣрою отвѣтъ пріимъ Ное*? Что это значитъ? Ему, говоритъ, предсказано было; отвѣтомъ называетъ пророчество, какъ и въ другихъ мѣстахъ говорится: *и бѣ ему обѣщано Духомъ Святымъ* (Лук. II, 26), еще: и *что глаголетъ отвѣтъ* (Рим. XI, 4)? Видишь ли равночестіе Духа (съ Отцемъ)? Какъ Богъ даетъ отвѣтъ, такъ и Духъ Святый. Для чего же (апостолъ) такъ сказалъ? Чтобы показать, что отвѣтъ есть пророчество. *О сихъ, яже не у видѣ*, т. е. о дождѣ, *убоявся, сотвори ковчегъ*. Разумъ не внушалъ ничего такого: и женились, и выходили замужъ, и воз- 160
духъ былъ чистъ, и признаковъ никакихъ не было; а между тѣмъ (Ной) убоялся; потому (апостолъ) и говоритъ такъ: *вѣрою отвѣтъ пріимъ Ное о сихъ, яже не у видѣ, убоявся, сотвори ковчегъ во спасеніе дому своего.* Какимъ образомъ? *Еюже осуди міръ*. Онъ показываетъ, что тѣ были достойны наказанія, которые и вслѣдствіе приготовленія (ковчега) не исправились. *И правды, яже по вѣрѣ, бысть наслѣдникъ*, т. е., въ томъ и обнаружилась его праведность, что онъ повѣрилъ Богу. Таково свойство души, искренно расположенной къ Нему и не считающей ничего достовѣрнѣе словъ Его; а невѣрію свойственно противное. Ясно, что вѣра оправдываетъ. Какъ мы получили предсказаніе о гееннѣ, такъ и онъ. Тогда смѣялись надъ нимъ, поносили его и порицали; но онъ не обращалъ на это вниманія. *Вѣрою зовомъ Авраамъ, послуша изыти на мѣсто, еже хотяше пріяти въ наслѣдіе: и изыде не вѣдый, камо грядетъ. Вѣрою пріиде на землю обѣтованія, якоже на чужду, въ кровы вселися со Исаакомъ и Іаковомъ, съ наслѣдникома обѣтованія тогожде* (ст. 8, 9). Скажи мнѣ: кого видѣлъ (Авраамъ), кому бы могъ подражать? Отецъ у него былъ язычникъ и идо- 161
лопоклонникъ, пророковъ онъ не слыхалъ и не зналъ, куда идетъ. Такъ какъ увѣровавшіе изъ іудеевъ смотрѣли на нихъ (праотцевъ), какъ на получившихъ безчисленныя блага, то (апостолъ) и говоритъ, что никто изъ нихъ ничего не получилъ, что всѣ остались невознагражденными и ни одинъ не получилъ воздаянія. Тотъ (Авраамъ) оставилъ отечество и домъ, и вышелъ, не зная, куда идетъ. Впрочемъ, что удивительнаго, если онъ самъ (такъ поступилъ), когда и потомство его жило такъ же? Видя, что обѣщаніе не исполняется, онъ не унывалъ, потому что (Господь) сказалъ ему: *тебѣ дамъ землю сію и сѣмени твоему* (Быт. XIII, 15). Онъ видѣлъ, какъ сынъ его жилъ тамъ же, и внукъ

видѣлъ себя живущимъ въ землѣ чужой, и нисколько не смущался. Съ самимъ Авраамомъ, конечно, это могло произойти, потому что обѣтованіе могло исполниться послѣ, въ потомствѣ его,—хотя, впрочемъ, и ему было сказано: *тебѣ и сѣмени твоему*, не сказано: тебѣ въ сѣмени твоемъ, а: *тебѣ и сѣмени твоему*,—но ни онъ, ни Исаакъ, ни Іаковъ не получили обѣщаннаго. Одинъ работалъ за плату, другой былъ изгоняемъ, а онъ самъ подвергался страху и едва спасся; у него одно пріобрѣтено было войною, другое погибло бы, если бы онъ не получилъ помощи отъ Бога. Потому (апостолъ) и говоритъ: *съ наслѣдникома обѣтованія тогожде;* не онъ только одинъ, говоритъ, но и наслѣдники его. Далѣе прибавляетъ нѣчто такое, что яснѣе сказаннаго: *по вѣрѣ умроша сіи вси, не пріемше обѣтованій* (ст. 13). Здѣсь представляются два вопроса: какъ, сказавши, что Енохъ *преложенъ бысть не видѣти смерти, и не обрѣташеся*, говоритъ теперь: *по вѣрѣ умроша сіи вси?* И еще: какъ, сказавши: *не пріемше обѣтованій*, говоритъ, что Ной получилъ въ награду спасеніе своего семейства, Енохъ былъ переселенъ, Авель *еще глаголетъ*, Авраамъ получилъ землю? *По вѣрѣ*, говоритъ, *умроша сіи вси, не пріемше обѣтованій*. Что же означаютъ слова его? Нужно рѣшить сперва одно, а потомъ другое. *По вѣрѣ* говоритъ, *умроша сіи вси. Вси*—говоритъ онъ здѣсь не потому, чтобы они рѣшительно всѣ умерли, но потому что, за исключеніемъ Еноха, дѣйствительно умерли всѣ, кого мы знаемъ умершими. А слова: *не пріемше обѣтованій*—справедливы, такъ какъ обѣтованіе, данное Ною, не къ тому относилось.

2. О какихъ же обѣтованіяхъ онъ говоритъ? Исааку и Іакову была обѣщана земля; а Ной, Авель и Енохъ какія получили обѣтованія? Онъ говоритъ здѣсь или о послѣднихъ троихъ, или вмѣстѣ и о тѣхъ. То не было обѣтованіемъ, что Авель сдѣлался предметомъ удивленія, Енохъ былъ переселенъ, Ной спасся отъ потопа; все это даровано имъ за добродѣтель, и было нѣкоторымъ предвкушеніемъ будущаго. Богъ, отъ начала зная, что человѣческій родъ имѣетъ нужду въ великомъ снисхожденіи, даруетъ намъ не только то, что въ будущемъ, но и настоящее. Такъ и Христосъ говорилъ ученикамъ: *иже оставитъ домъ, или братію, или сестры, или отца, или матерь, сторицею пріиметъ, и животъ*
162 *вѣчный наслѣдитъ* (Мѳ. XIX, 29); и еще: *ищите царствія Божія, и сія вся приложатся вамъ* (Мѳ. VI, 33). Видишь ли, что и это дается отъ Него въ видѣ приложенія, чтобы мы не унывали? Ратоборцы, хотя получаютъ облегченіе и въ то время, когда находятся въ борьбѣ, но, подчиняясь законамъ, не имѣютъ полнаго отдыха, а пользуются имъ впослѣдствіи; такъ и Богъ здѣсь не

даруетъ намъ полнаго успокоенія, но, хотя отчасти и даруетъ, сполна сберегаетъ его для будущей жизни. А что это такъ, (апостолъ) самъ объяснилъ, прибавивъ слѣдующее: *но издалеча видѣвше я и цѣловавше*. Здѣсь онъ намекаетъ на нѣчто таинственное; указываетъ, что они предчувствовали все, сказанное о будущемъ, о воскресеніи, о царствіи небесномъ и о прочемъ, о чемъ проповѣдывалъ Христосъ, пришедши на землю,—это именно онъ разумѣетъ подъ обѣтованіями. Итакъ, или это онъ говоритъ, или то, что они, хотя не получили такихъ обѣтованій, но окончили жизнь, уповая на нихъ; а уповали по одной вѣрѣ. *Издалеча видѣвше я*, т. е., за четыре поколѣнія,—чрезъ столько поколѣній они вышли изъ Египта. *И цѣловавше*, говоритъ, радовались. Они были такъ увѣрены въ этихъ (обѣтованіяхъ), что даже привѣтствовали ихъ, подобно тому, какъ мореплаватели, издалека увидѣвъ города, къ которымъ стремились, прежде нежели войдутъ въ нихъ, обращаются къ нимъ съ привѣтствіями и уже считаютъ ихъ своими. *Ждаше бо основанія имущаго града, емуже художникъ и содѣтель Богъ* (ст. 10). Видишь ли, что выраженіе: *пріемше* означаетъ, что они ожидали и надѣялись на обѣтованія? Если же надежда ведетъ къ полученію, то и намъ можно получить. И они, хотя не обладали (обѣщанными благами), но въ своемъ стремленіи къ нимъ созерцали ихъ. А для чего это было? Для того, чтобы пристыдить насъ: они даже тогда, какъ имъ были обѣщаны земныя (блага), не прилѣплялись къ нимъ, но желали будущаго града; а намъ Богъ непрестанно говоритъ о горнемъ градѣ, но мы желаемъ здѣшняго. (Богъ) говорилъ имъ, что Онъ дастъ имъ (блага) настоящаго времени, но такъ какъ видѣлъ, или лучше сказать, они сами показали себя достойными высшихъ (благъ), то Онъ сподобилъ ихъ получить не тѣ, а эти, высшія, чтобы показать намъ, что не прилѣпляющіеся къ первымъ достойны послѣднихъ,—подобно тому, какъ если бы кто обѣщалъ разумному человѣку дѣтскія игрушки, не для того, чтобы тотъ принялъ ихъ, но чтобы показать его любомудріе, его стремленіе къ высшему. (Апостолъ) показываетъ, что они съ такою ревностію отрѣшались отъ земли, что даже не хотѣли принять предлагаемаго. Потому-то получаютъ это потомки ихъ, какъ люди достойные земли. Что значитъ: *основанія имущаго града?* Развѣ здѣшніе (города) не имѣютъ основаній? Въ сравненіи съ тѣми не имѣютъ. *Емуже художникъ и содѣтель Богъ*. О, какая похвала этому граду! *Вѣрою и сама Сара*. Этимъ началъ съ цѣлью укорить, если бы они оказались малодушнѣе жены. Но, скажетъ ктонибудь, какъ (можетъ быть названа) вѣрующею та, которая засмѣялась? Правда, смѣхъ ея отъ невѣрія, но страхъ—отъ вѣры;

слова ея: *не разсмѣяхся* (Быт. xviii, 15) происходили отъ вѣры. Послѣ того, какъ не стало невѣрія, явилась вѣра. *Вѣрою и сама Сара силу въ удержаніе сѣмене пріятъ, и паче времене возраста роди* (ст. 11). Что значитъ: *въ удержаніе сѣмене?* То, что она, будучи уже какъ бы мертвою, безплодною, получила силу удержать сѣмя, зачать. Неспособность ея происходила отъ двухъ причинъ: отъ лѣтъ, такъ какъ она уже состарѣлась, и отъ природы,
163 такъ какъ была безплодна. *Тѣмже и отъ единаго родишася вси, да еще умерщвленнаго, якоже звѣзды небесныя множествомъ, и яко песокъ вскрай моря безчисленный* (ст. 12). *Тѣмже*, говоритъ, *отъ единаго родишася* вси. Здѣсь онъ выражаетъ не только то, что она родила, но и то, что она сдѣлалась матерію такого множества, какого не имѣютъ и плодоносныя утробы. *Якоже звѣзды*, говоритъ. Почему же (въ Писаніи) они часто исчисляются, между тѣмъ сказано: какъ никто не можетъ исчислить звѣздъ небесныхъ, такъ и сѣмени вашего (Быт. xiii, 16)? (Писаніе) говоритъ это или преувеличенно, или имѣя въ виду тѣхъ, которые постоянно раждаются вновь. Предковъ одного семейства можно исчислить, какъ произошелъ этотъ отъ такого-то, а тотъ отъ такого-то, но тѣхъ, чей родъ сравнивается съ множествомъ звѣздъ, (исчислить) невозможно.

3. Таковы обѣтованія Божіи, такъ удобоисполнимо обѣщанное Имъ! Если же обѣщанное Имъ въ видѣ приложенія такъ удивительно, такъ чудно, такъ блистательно, то каково то, чего оно составляетъ дополненіе, чему оно служитъ избыткомъ? Слѣдовательно, кто блаженнѣе получающихъ эти блага и кто несчастнѣе теряющихъ? Если всѣ жалѣютъ человѣка, изгнаннаго изъ отечества, если считаютъ жалкимъ потерявшаго наслѣдство, то какими слезами должно оплакивать того, кто лишается неба и уготованныхъ тамъ благъ? Но не оплакивать его только нужно: оплакиваютъ того, кто подвергся какому-либо несчастію не по своей винѣ; но кто по собственной волѣ предается порокамъ, тотъ достоинъ не слезъ, а рыданія, или лучше и онъ достоинъ скорби, потому что Господь нашъ Іисусъ Христосъ скорбѣлъ и плакалъ о Іерусалимѣ, который былъ нечестивъ.

Подлинно, мы достойны безчисленныхъ стенаній, безчисленныхъ рыданій! Если бы вся вселенная возвысила голосъ,—и камни, и дерева, и кустарники, и звѣри, и птицы, и рыбы,—словомъ, вся вселенная,—если бы, возвысивъ голосъ, она стала оплакивать наше лишеніе этихъ благъ, то и этого плача и рыданія было бы недостаточно. Какое слово, какой умъ можетъ представить то блаженство, то добро, удовольствіе, славу, радость, веселіе, свѣтлость, *ихже око не видѣ, и ухо не слыша, и на сердце человѣку не*

взыдоша, яже уготова Богъ любящимъ его (1 Кор. II, 9)? Не сказано просто, что (эти блага) превосходны, но что никто никогда не можетъ и представить себѣ того, *яже уготова Богъ любящимъ его.* Въ самомъ дѣлѣ, каковы должны быть тѣ блага, которыя приготовилъ и устроилъ самъ Богъ? Если, сотворивши насъ, Онъ тотчасъ, когда мы еще ничего не сдѣлали, столько даровалъ намъ—и рай, и общеніе съ Нимъ самимъ, обѣщалъ безсмертіе, жизнь блаженную и свободную отъ заботъ, то чего Онъ не даруетъ тѣмъ, которые столько дѣлали, трудились и терпѣли для
Него? Единороднаго Онъ не пощадилъ для насъ, истиннаго Сына 164
своего предалъ за насъ на смерть. Если же Онъ удостоилъ насъ такихъ (благъ), когда мы были Его врагами, то чего не удостоитъ, когда мы сдѣлаемся Его друзьями? Чего не даруетъ, примирявши съ Собою? Онъ безпредѣльно богатъ и безгранично желаетъ и старается сдѣлать насъ своими друзьями; но мы нисколько не стараемся объ этомъ, возлюбленные. Что я говорю: не стараемся? Не хотимъ даже принять благъ Его такъ, какъ Онъ хочетъ. А что Онъ хочетъ этого болѣе (насъ), Онъ доказалъ дѣлами своими. Мы для собственной нашей пользы едва ли пожертвуемъ малою частію золота; а Онъ за насъ отдалъ Сына своего. Будемъ же употреблять, какъ должно, любовь Божію, возлюбленные; будемъ пользоваться дружескимъ Его расположеніемъ: *вы друзи мои есте*, сказалъ Онъ, *аще творите, елика заповѣдаю вамъ* (Іоан. XV, 14). Увы! Враговъ, которые безпредѣльно были далеки отъ Него, которыхъ Онъ несравненно превосходитъ во всемъ, Онъ сдѣлалъ и называетъ друзьями своими! Чего же не слѣдовало бы потерпѣть для такой дружбы? Но мы, по дружбѣ съ людьми, часто подвергаемся опасностямъ, а для (дружбы) съ Богомъ не хотимъ даже истратить денегъ. Поистинѣ, мы достойны сожалѣнія, скорби, слезъ, воплей, великаго плача и сѣтованія. Мы уклонились отъ надежды нашей, пали съ высоты нашей, оказались недостойными чести Божіей, неблагодарными и безполезными послѣ благодѣяній; діаволъ лишилъ насъ всѣхъ благъ; удостоившись быть сынами, братьями и сонаслѣдниками (Божіими), мы ничѣмъ не отличаемся отъ враговъ Его, оскорбляющихъ Его. Какое послѣ этого будетъ намъ утѣшеніе? Онъ призвалъ насъ на небо, а мы сами себя ввергли въ геенну. Клятва и ложь, воровство и прелюбодѣяніе распространились на землѣ; одни смѣшиваютъ кровь съ кровью, другіе совершаютъ дѣла хуже кровопролитія. Многіе изъ обижаемыхъ, многіе изъ жертвъ любостяжанія лучше желаютъ испытать тысячи смертей, нежели переносить это, и если бы они не боялись Бога, то сами наложили бы на себя руку,—такъ они желаютъ себѣ смерти! А

что не хуже ли кровопролитія? *О лютѣ мнѣ, душе,* говорилъ плакавшій пророкъ, *яко погибе благочестивый отъ земли, и исправляющаго въ человѣцѣхъ нѣсть* (Мих. VII, 2). Будемъ плакать теперь и мы прежде всего о себѣ самихъ; а вы примите участіе въ плачѣ моемъ. Но, можетъ быть, нѣкоторымъ это противно и они смѣются. Поэтому еще болѣе нужно усилить плачь; мы такъ безумны и безчувственны, что не понимаемъ своего безумія и смѣемся тому, о чемъ слѣдуетъ рыдать. *Открывается,* человѣче, *гнѣвъ съ небесе на всякое нечестіе и неправду человѣковъ* (Рим. I, 18). *Богъ явѣ пріидетъ: огнь предъ нимъ возгорится и окрестъ его буря зѣльна* (Псал. XLIX, 3). *Огнь предъ нимъ предъидетъ, и попалитъ окрестъ враги его* (Псал. XCVI, 3). *День Господень, яко пещь, горящъ* (Малах. IV, 1). Но никто не думаетъ объ этомъ; хуже басней считаютъ и презираютъ столь страшныя и ужасныя вещи; никто не слушаетъ; всѣ смѣются и хохочутъ. Какая же будетъ намъ польза? Откуда мы получимъ спасеніе? Мы погибли, истощились,
165 сдѣлались посмѣшищемъ враговъ нашихъ и предметомъ поруганій для язычниковъ и демоновъ.

4. Гордится, надмевается и радуется теперь діаволъ; ангелы же, которымъ мы ввѣрены, стыдятся и скорбятъ. Нѣтъ никого, кто бы исправился; всѣ труды наши напрасны, и вамъ кажется, что мы говоримъ вздоръ. Благовременно и нынѣ воззвать къ небу и, такъ какъ никто не слушаетъ, призвать во свидѣтели стихіи: *слыши небо и внуши земле, яко Господь возглагола* (Псал. I, 2). Вы, еще не падшіе, подайте помощь, протяните руку падшимъ отъ опьянѣнія, крѣпкіе—немощнымъ, здравые умомъ—неистовствующимъ, твердо стоящіе—колеблющимся; пусть никто, увѣщеваю васъ, не ставитъ пріятность выше спасенія ближняго; и укоризны, и внушенія пусть клонятся къ одному—къ его пользѣ. Когда горячка овладѣваетъ господами, тогда и слуги управляютъ ими; когда душа господина находится въ жару и разслабленіи, тогда изъ толпы слугъ, окружающихъ его, ни одинъ не исполняетъ повелѣній господина ко вреду его. Образумимся, прошу васъ; вокругъ насъ ежедневныя войны, потопленія, безчисленныя несчастія, и гнѣвъ Божій со всѣхъ сторонъ окружаетъ насъ. А мы остаемся такъ спокойными, какъ будто мы дѣлаемъ угодное (Богу); всѣ мы простираемъ руки на любостяжаніе, и никто—на вспомоществованіе (ближнимъ); всѣ—на хищеніе, и никто—на помощь; каждый старается, какъ бы увеличить свое состояніе, и никто—какъ бы помочь нуждающемуся; каждый всячески заботится, какъ бы собрать болѣе денегъ, и никто—какъ бы спасти свою душу; всѣ боятся одного, какъ бы не сдѣлаться бѣдными, а какъ бы не попасть въ геенну, о томъ никто не без-

покоится и не трепещетъ. Все это достойно слезъ, укоризнъ и осужденія. Не хотѣлъ бы я говорить объ этомъ, но скорбь вынуждаетъ меня; простите: скорбь заставляетъ меня говорить многое такое, чего бы и не хотѣлъ. Я вижу рану тяжкую, несчастіе неутѣшное, постигшія насъ бѣдствія, превышающія всякое утѣшеніе,—мы погибли! *Кто дастъ главѣ моей воду и очесемъ моимъ источникъ слезъ*, да *плачуся* (Іер. IX, 1)? Будемъ плакать, возлюбленные, плакать и рыдать. Можетъ быть, нѣкоторые здѣсь говорятъ: все-то намъ онъ говоритъ о плачѣ, все-то о слезахъ. Не хотѣлъ бы я, повѣрьте мнѣ, не хотѣлъ бы (говорить объ этомъ),—напротивъ, (хотѣлъ бы) восхвалять и прославлять; но теперь время слезъ. Не плакать тяжело, возлюбленные, но дѣлать то, что достойно слезъ; не слезъ должно убѣгать, а тѣхъ дѣлъ, которыя достойны слезъ. Не казни самъ себя, и я не буду скорбѣть; не умирай, и я не буду плакать. Когда лежитъ мертвецъ, тогда ты призываешь всѣхъ участвовать въ скорби и называешь безжалостными тѣхъ, которые не плачутъ; а когда погибаетъ душа, то почему ты совѣтуешь не плакать? Но я не могу быть отцемъ, и не плакать; я—нѣжно любящій отецъ. Послушайте, что говоритъ Павелъ: *чадца моя, имиже паки болѣзную* (Гал. IV, 19). Какая мать во время дѣторожденія издаетъ столь горькіе вопли, какъ онъ? Если бы можно было видѣть жаръ внутри души моей, то ты увидѣлъ бы, что я сгараю отъ него болѣе всякой жены или дѣвы, подвергшейся преждевременному сиротству. Не столько жена плачетъ о своемъ мужѣ или мать о сынѣ, сколько я о всѣхъ васъ вообще. Я не вижу никакого успѣха; все обращается въ клевету и осужденіе. Никто не старается угождать Богу; мы только злословимъ то того, то другого, и говоримъ: такой-то недостоинъ быть въ клирѣ, такой-то живетъ нечестиво. Тогда какъ намъ слѣдовало бы оплакивать собственные пороки, мы осуждаемъ другихъ, между тѣмъ какъ не должны дѣлать этого и въ томъ случаѣ, если бы мы были чисты отъ грѣховъ: *кто бо тя разсуждаетъ*, говоритъ (апостолъ), *что же имаши, егоже нѣси пріялъ? Аще же и пріялъ еси, что хвалишися, яко не пріемь* (1 Кор. IV, 7)? Какъ ты осуждаешь брата своего, будучи самъ исполненъ безчисленнаго множества золъ? Когда ты скажешь: такой-то человѣкъ злой, вредный, порочный, тогда обрати вниманіе на себя самого, разбери тщательно свои дѣла,—и ты раскаешься въ словахъ своихъ. Нѣтъ, подлинно нѣтъ такого сильнаго побужденія къ добродѣтели, какъ воспоминаніе о своихъ грѣхахъ. Если мы будемъ постоянно исполнять эти два (правила), то сможемъ получить обѣтованныя блага, сможемъ очистить себя самихъ и омыться; только намъ нужно

вкоренить это въ умѣ своемъ, нужно позаботиться объ этомъ, возлюбленные. Предадимся же мысленно скорби здѣсь, чтобы тамъ не испытать скорби отъ наказанія, но чтобы насладиться вѣчными благами, гдѣ нѣтъ болѣзни, печали и воздыханія, чтобы достигнуть вѣчныхъ благъ, превосходящихъ умъ человѣческій, во Христѣ Іисусѣ, Которому слава во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА XXIV.

165 **По вѣрѣ умроша сіи вси, не пріемше обѣтованій, но издалеча видѣвше я и цѣловавше, и исповѣдавше, яко странніи и пришельцы суть на земли. Ибо таковая глаголющіи являются, яко отечествія взыскуютъ. И аще бы убо оно помнили, изъ негоже изыдоша, имѣли бы время возвратитися: нынѣ же лучшаго желаютъ, сирѣчь небеснаго. Тѣмже не стыдится сими Богъ, Богъ нарицатися ихъ: уготова бо имъ градъ (Евр. xi, 13—17).**

1. Первая добродѣтель, и добродѣтель всеобщая состоитъ въ томъ, чтобы быть странникомъ и пришельцемъ въ этомъ мірѣ и не имѣть ничего общаго съ здѣшними вещами, но быть въ такомъ отношеніи къ нимъ, какъ къ чуждымъ для насъ,—подобно
166 тѣмъ блаженнымъ ученикамъ, о которыхъ (апостолъ) говоритъ: *проидоша въ милотяхъ и въ козіяхъ кожахъ, лишени, скорбяще, озлоблени, ихже не бѣ достоинъ міръ* (Евр. xi, 37, 38). Они называли себя странниками, а Павелъ сказалъ о себѣ еще нѣчто большее: онъ не только называлъ себя странникомъ, но говорилъ, что онъ мертвъ для міра и міръ мертвъ для него: *мнѣ*, говоритъ онъ, *міръ распяся, и азъ міру* (Гал. vi, 14). А мы ведемъ себя, какъ (здѣшніе) граждане, и устрояемъ всѣ дѣла свои въ жизни такъ, какъ живые граждане. Чѣмъ праведники были для міра, т. е. странниками и мертвыми, то мы для неба; а чѣмъ были они для неба, т. е. живыми гражданами, то мы для міра. Потому мы и
167 мертвы, что уклонились отъ истинной жизни и избрали временную; тѣмъ мы и прогнѣвляемъ Бога, что не хотимъ отстать отъ земныхъ благъ, тогда какъ намъ уготовано небесное блаженство, но, подобно червямъ, пресмыкаемся изъ одной земли въ другую, и изъ этой опять возвращаемся въ ту, и вообще нисколько не хотимъ опомниться и отстать отъ дѣлъ человѣческихъ, но, какъ бы погрузившись въ глубокій сонъ или одурѣвъ отъ опьяненія, увлекаемся мечтами. Какъ люди, предающіеся сладкому сну, не только ночью, но и при наступленіи утра и даже свѣтлаго дня,

лежать въ постели и не стыдятся предаваться такому удовольствію, обращая время труда и дѣятельности въ время сна и лѣности, такъ и мы, съ приближеніемъ дня, по прошествіи ночи, или лучше сказать, уже по наступленіи дня, — а сказано: дѣлайте, *дондеже день есть* (Іоан. ix, 4), — совершаемъ дѣла, свойственныя ночи, спимъ, видимъ сны, услаждаемся мечтаніями. Сомкнулись наши очи—и умственныя, и тѣлесныя; мы ведемъ пустыя рѣчи, говоримъ вздоръ. Мы не почувствовали бы, если бы кто-нибудь нанесъ намъ глубокую рану, похитилъ все наше имущество и зажегъ самый домъ; или лучше сказать, мы даже не ожидаемъ, чтобы другіе сдѣлали это, но сами поступаемъ такъ, каждодневно уязвляемъ и поражаемъ сами себя, безстыдствуемъ, не знаемъ никакого приличія, никакой чести, и своихъ постыдныхъ дѣлъ ни сами не скрываемъ, ни другимъ не позволяемъ дѣлать это, но съ полнымъ безстыдствомъ дѣлаемъ себя посмѣшищемъ и предметомъ безчисленныхъ поруганій для всѣхъ видящихъ и проходящихъ. Развѣ вы не знаете, что и сами порочные люди смѣются надъ подобными себѣ и осуждають ихъ? Богъ вложилъ въ насъ судилище неподкупное и никогда неизмѣнное, хотя бы мы впали въ глубину зла; потому и сами порочные люди осуждаютъ самихъ себя, и, если кто-нибудь назоветъ ихъ тѣмъ, что они на самомъ дѣлѣ, стыдятся, гнѣваются, обижаются. Такъ, если не на дѣлѣ, то на словахъ, они въ совѣсти осуждаютъ свои поступки, или лучше, осуждаютъ и на дѣлѣ. Вѣдь если они скрытно и тайно совершаютъ дѣла свои, то этимъ даютъ ясное доказательство того мнѣнія, которое имѣютъ они объ этихъ дѣлахъ. Зло такъ очевидно, что всѣ осуждаютъ его, даже и тѣ, которые его совершаютъ; а добродѣтель такова, что ей удивляются и тѣ, которые не слѣдуютъ ей. Блудникъ хвалитъ цѣломудріе, любостяжательный осуждаетъ несправедливость, раздражительный удивляется незлобію и порицаетъ малодушіе, а развратный—распутство. Почему же, скажешь, они сами дѣлаютъ это? По крайнему нерадѣнію, а не потому, чтобы они считали это добромъ; иначе они не стали бы стыдиться дѣлъ своихъ и отказываться отъ нихъ, когда кто-нибудь другой обличаетъ ихъ. Многіе, будучи обличены, не выносили стыда и умерщвляли сами себя: таково внутри насъ свидѣтельство того, что хорошо и пристойно; такъ добрыя дѣла свѣтлѣе солнца, а противоположныя имъ гнуснѣе всего!

2. Святые были странниками и пришельцами. Какъ и какимъ образомъ? Гдѣ Авраамъ признаетъ себя странникомъ и пришельцемъ? Можетъ быть и онъ признавалъ; а что признавалъ себя такимъ Давидъ, это несомнѣнно. Послушай, что онъ самъ 168

говоритъ: *переселникъ азъ есмь и пришлецъ, якоже вси отцы мои* (Псал. xxxviii, 13). Тѣ, которые жили въ шатрахъ и за деньги пріобрѣтали мѣста для погребенія, очевидно, были такими странниками, что даже не имѣли, гдѣ хоронить мертвецовъ своихъ. Что же? Не называли ли они себя странниками по отношенію только къ одной землѣ палестинской? Нѣтъ, по отношенію къ цѣлой вселенной,—и это справедливо: они не видѣли въ ней ничего такого, чего желали, но все было для нихъ странно и чуждо. Они хотѣли упражняться въ добродѣтели, а здѣсь было множество пороковъ, и потому все здѣшнее было для нихъ чуждо; они не имѣли ни одного друга, ни одного близкаго человѣка, кромѣ немногихъ. А какъ они были странниками? Они не заботились о здѣшнемъ и доказывали это не словами, а самыми дѣлами. Какъ и какимъ образомъ? (Богъ) сказалъ Аврааму: оставь мнимое отечество и иди въ землю чужую (Быт. xii, 1), — и онъ не остался тамъ по любви къ близкимъ, но безъ сожалѣнія покинулъ, какъ бы чужую землю. (Богъ) сказалъ ему: принеси (въ жертву) сына своего (Быт. xxii, 2),—и онъ принесъ его такъ, какъ бы вовсе не имѣлъ сына, принесъ такъ, какъ бы не былъ облеченъ человѣческою природою. Имущество свое онъ считалъ общимъ со всѣми приходящими, и ставилъ это ни во что; первое мѣсто предоставлялъ другимъ, подвергался опасностямъ, терпѣлъ безчисленныя бѣдствія; не строилъ великолѣпныхъ домовъ, не роскошествовалъ, не заботился объ одеждѣ и ни о чемъ другомъ, что бываетъ въ здѣшнемъ мірѣ; напротивъ, жилъ жизнію горняго града, былъ страннолюбивъ, братолюбивъ, милосердъ, долготерпѣливъ, презиралъ имущество, настоящую славу и все прочее. Таковъ былъ и сынъ его. Когда его гнали и нападали на него, онъ не противился и уступалъ, какъ находящійся въ землѣ чужой,—вѣдь странники, чему бы ни подвергались, переносятъ все, такъ какъ находятся не въ отечествѣ. И лишеніе жены онъ переносилъ, какъ странникъ; онъ жилъ высшею жизнію, сохраняя цѣломудріе и всякое воздержаніе; родивши сына, онъ не имѣлъ общенія съ женою; а женился на ней уже тогда, когда прошелъ цвѣтъ юности,—показавъ, что онъ сдѣлалъ это не по страсти, но чтобы послужить исполненію обѣтованія Божія. А Іаковъ? Не искалъ ли онъ только одного хлѣба и одежды, такихъ потребностей, которыя свойственны истиннымъ странникамъ, пришедшимъ въ крайнюю бѣдность? Будучи гонимъ, онъ не уступалъ ли, какъ странникъ? Не работалъ ли по найму? Не терпѣлъ ли безчисленныхъ бѣдствій, путешествуя вездѣ, какъ странникъ? Перенося все это, они показывали, что ищутъ другого отечества. О, какое различіе! Они ежедневно томились желаніемъ освобо-

диться отсюда и возвратиться въ свое отечество; а мы — напротивъ. Когда случится какая-нибудь горячечная болѣзнь, то мы, бросивъ все, подобно малымъ дѣтямъ, плачемъ и боимся смерти,— и справедливо терпимъ это, потому что не живемъ здѣсь, какъ странники, и не спѣшимъ туда, какъ въ отечество, а идемъ, какъ на казнь. Потому мы и скорбимъ, что не пользуемся вещами, какъ должно, а извратили порядокъ вещей; потому мы и му- 160
чимся, тогда какъ слѣдовало бы радоваться; потому и трепещемъ, подобно какимъ-нибудь убійцамъ и разбойникамъ, когда имъ предстоитъ явиться на судъ и когда они припоминаютъ всѣ дѣла свои, и оттого страшатся и трепещутъ. Не таковы были тѣ мужи, но они сами спѣшили туда; а Павелъ даже воздыхалъ о томъ, какъ онъ самъ говоритъ: *и сами сущіи въ сѣни воздыхаемъ отягчаеми* (2 Кор. v, 4). Таковъ былъ Авраамъ и подобные ему; они были, говоритъ (апостолъ), странниками для цѣлой вселенной и искали отечества. Какого? Не того ли, которое оставили? Нѣтъ; что препятствовало имъ, если бы они хотѣли возвратиться туда и быть его гражданами? Они искали отечества небеснаго. Такъ спѣшили они удалиться отсюда и такъ угождали Богу; потому и самъ Богъ не стыдится называться Богомъ ихъ. О, какая честь! Онъ восхотѣлъ называться ихъ Богомъ. Но что, скажешь, важнаго въ томъ, что Онъ не стыдится называться Богомъ ихъ, когда Онъ называется Богомъ земли и Богомъ неба? Это важно, поистинѣ важно, и служитъ знакомъ великаго блаженства. Почему? Потому, что Онъ называется Богомъ неба и земли такъ же, какъ и Богомъ язычниковъ; Онъ Богъ неба и земли, какъ Творецъ и Устроитель ихъ; а (Богомъ) тѣхъ святыхъ Онъ называется не въ этомъ смыслѣ, а какъ близкій другъ ихъ. Объясню вамъ это примѣромъ. Напримѣръ: въ большихъ домахъ, когда нѣкоторые изъ главнѣйшихъ слугъ отличаются предъ другими и притомъ весьма отличаются, управляютъ всѣмъ и имѣютъ великое дерзновеніе предъ господами, тогда господинъ называется по ихъ имени; и многіе такъ называются. Но что я говорю? Подобно тому, какъ могъ Онъ называться Богомъ не язычниковъ, а вселенной, такъ точно могъ Онъ называться и Богомъ Авраама. Вы не знаете, какая честь заключается въ этомъ, потому что мы не имѣемъ ея. Нынѣ Богъ называется Господомъ всѣхъ христіанъ, хотя и это выше нашего достоинства; если же Онъ называется Богомъ одного человѣка, то подумай, сколько въ этомъ величія! Богъ вселенной не стыдится называться Богомъ троихъ человѣкъ,—и справедливо, потому что святые равняются не только этому міру, но и безчисленному множеству ихъ: *лучше бо единъ творяй волю Господа, нежели тысяща грѣшникъ* (Сир. xvi, 3).

Итакъ очевидно, что они называли себя странниками въ этомъ смыслѣ. Положимъ даже, что они называли себя странниками по чужой землѣ: тогда что говоритъ Давидъ? Развѣ онъ не былъ царемъ, не былъ пророкомъ? Развѣ онъ жилъ не въ своемъ отечествѣ? Почему же онъ говоритъ: *преселникъ азъ есмь и пришлецъ?* Какъ—*преселникъ? Якоже*, говоритъ, *вси отцы мои*. Видишь ли, что и они были преселники? У насъ, говоритъ, нынѣ есть отечество, но не истинное отечество. Какъ — *пришлецъ?* Земли; слѣдовательно и они были пришельцы земли. Какъ они, такъ и онъ, и какъ онъ, такъ и они.

3. Будемъ же странниками и мы, по крайней мѣрѣ нынѣ, чтобы Богъ не стыдился называться нашимъ Богомъ. А для Него было бы стыдно, если бы Онъ назывался Богомъ людей порочныхъ; такихъ Онъ и самъ стыдится, и напротивъ считаетъ честію для себя быть Богомъ людей добрыхъ, честныхъ и упражняющихся въ добродѣтели. И мы отказываемся называться господами нашихъ дурныхъ рабовъ и отвергаемъ ихъ; когда кто-
170 нибудь, пришедши, скажетъ намъ: такой-то сдѣлалъ много дурного, не твой ли онъ слуга?—тогда мы тотчасъ говоримъ: нѣтъ, чтобы отклонить отъ себя позоръ, потому что есть отношеніе между рабомъ и господиномъ, и безславіе переходитъ съ перваго на послѣдняго; тѣмъ болѣе (стыдится) Богъ. Но тѣ мужи были такъ славны, такъ много имѣли дерзновенія (предъ Богомъ), что Онъ не только не стыдился называться ихъ (Богомъ), но и самъ говорилъ: *азъ есмь Богъ Авраамовъ, и Богъ Исааковъ, и Богъ Іаковль* (Исх. III, 6). Будемъ, возлюбленные, и мы странниками, чтобы не стыдился насъ Богъ, чтобы не стыдился и не предалъ гееннѣ. Таковы были тѣ, которые говорили: *Господи, не въ твое ли имя пророчествовахомъ, и твоимъ именемъ силы многи сотворихомъ* (Мѳ. VII, 22)? Но Христосъ, смотрите, что говоритъ имъ: *николиже знахъ васъ* (ст. 23), какъ поступили бы, чтобы отклонить отъ себя позоръ, и господа дурныхъ слугъ, прибѣгающихъ къ нимъ. Не знаю васъ, говоритъ Онъ. А какъ же Ты наказываешь тѣхъ, которыхъ не знаешь? Не знаю—говоритъ Онъ въ другомъ смыслѣ, т. е. отвергаю васъ, отказываюсь отъ васъ. Да не услышимъ и мы этого грознаго и страшнаго изреченія! Если тѣ, которые изгоняли бѣсовъ, пророчествовали, были отвергнуты за то, что вели жизнь не соотвѣтствующую словамъ, то не тѣмъ ли болѣе мы? Но какъ, скажешь, могутъ быть отвергнуты тѣ, которые пророчествовали, совершали чудеса и изгоняли бѣсовъ? Они могли впослѣдствіи измѣниться и сдѣлаться порочными; потому и прежнія добродѣтели не принесли имъ никакой пользы. Нужно имѣть не только начало славное, но еще болѣе

славный конецъ. Въ самомъ дѣлѣ, скажи мнѣ, ораторъ не старается ли сдѣлать блистательнымъ заключеніе своей рѣчи, чтобы удалиться при рукоплесканіяхъ? Градоправитель не является ли болѣе блистательнымъ при концѣ своего правленія? Ратоборецъ, если не явитъ блистательнаго конца и не будетъ побѣдителемъ до конца, но, побѣдивъ всѣхъ, самъ будетъ побѣжденъ послѣднимъ, не лишается ли пользы отъ всѣхъ трудовъ своихъ? Кормчій, прошедшій цѣлое море, но у пристани разбившій корабль, не теряетъ ли всего прежняго труда своего? А врачъ? Если онъ, избавивъ больного отъ болѣзни, разстроитъ его тогда, когда могъ возстановить окончательно, то не портитъ ли всего дѣла? Такъ бываетъ и съ добродѣтелію: кто къ началу ея не прилагаетъ надлежащаго и соотвѣтствующаго ему конца, тотъ губитъ все и погибаетъ. Таковы тѣ, которые вначалѣ весело и гордо выступили на поприще, а потомъ упали духомъ и ослабѣли; потому они и лишились награды и не признаны Владыкой.

Пусть слышатъ это тѣ изъ насъ, которые преданы сребролюбію. Оно—величайшее беззаконіе: *корень бо всѣмъ злымъ*, говоритъ (апостолъ), *сребролюбіе есть* (Тим. VI, 10). Пусть слышатъ тѣ изъ насъ, которые хотятъ увеличить свое состояніе,—пусть слышатъ и отстанутъ отъ любостяжанія, чтобы не услышать того, что услышали тѣ (отверженные Господомъ). Будемъ слушать теперь и соблюдать это, чтобы не услышать тогда; будемъ слушать теперь со страхомъ, чтобы тогда не услышать въ наказаніе: *отъидите отъ мене, николиже знахъ васъ*,—даже и тогда (не зналъ васъ), когда вы пророчествовали и изгоняли бѣсовъ. Можно думать, что въ этихъ словахъ выражается и еще нѣчто другое, именно то, что они и тогда вели жизнь порочную, такъ какъ вначалѣ благодать дѣйствовала и чрезъ людей недостойныхъ. Если она дѣйствовала даже чрезъ Валаама, то тѣмъ болѣе могла 171
дѣйствовать чрезъ недостойныхъ, для тѣхъ, которые имѣли получить отъ того пользу. Если же чудеса и знаменія не могли избавить отъ наказанія, то тѣмъ болѣе, хотя бы кто получилъ священный санъ, хотя бы достигъ высшей чести, хотя бы благодать дѣйствовала при рукоположеніи его и во всемъ прочемъ, для пользы нуждающихся въ предстоятеляхъ,—такой услышитъ: *николиже знахъ* тебя, даже и тогда, когда дѣйствовала въ тебѣ благодать. О, какая требуется тамъ чистота жизни! Какъ она одна сильна для того, чтобы ввести насъ въ царствіе небесное! Какъ безъ нея человѣкъ погибаетъ, хотя бы онъ могъ являть безчисленныя знаменія и чудеса! Ничто не бываетъ такъ пріятно Богу, какъ добродѣтельная жизнь: *аще любите мя*, говоритъ (Господь),—не сказалъ: творите чудеса, но что?—*заповѣди моя со-*

блюдите (Іоан. XIV, 15); и еще: *вы друзи мои есте*,—не тогда, когда изгоняете бѣсовъ, но—*аще словеса моя соблюдете* (Іоан. XV, 9, 14). Первое—даръ Божій; а послѣднее—и даръ Божій и вмѣстѣ дѣло нашего усердія. Постараемся же сдѣлаться друзьями Божіими, а не остаться врагами Его. Непрестанно мы говоримъ это, непрестанно убѣждаемъ къ этому и себя самихъ и васъ,—и однако нѣтъ никакого успѣха. Потому я и страшусь, и хотѣлъ бы молчать, чтобы не увеличить для васъ опасности, такъ какъ часто слышать и не поступать такъ—значитъ оскорблять Владыку. Но боюсь и другой опасности отъ молчанія для меня самого, если бы я, поставленный на служеніе слову, сталъ молчать. Что же, скажете, дѣлать намъ, чтобы спастись? Начнемъ упражняться въ добродѣтеляхъ, пока есть время. Раздѣлимъ для себя добродѣтели, какъ земледѣльцы раздѣляютъ земледѣліе; въ одинъ мѣсяцъ преодолѣемъ въ себѣ склонность къ злословію, дерзость,
172 несправедливый гнѣвъ, положимъ для себя закономъ и скажемъ: нынѣ исправимъ это; въ другой мѣсяцъ поучимся терпѣнію; въ третій—еще иной добродѣтели, и, пріобрѣтши въ ней навыкъ, перейдемъ къ новой, подобно тому, какъ въ ученіи мы, сохраняя прежнее, пріобрѣтаемъ новое. Послѣ того перейдемъ къ презрѣнію богатства, и, во-первыхъ, будемъ удерживать руки отъ любостяжанія, а потомъ, творить милостыню; не будемъ смѣшивать всего вмѣстѣ,—одними и тѣми же руками и похищать, и подавать милостыню. Затѣмъ приступимъ къ другой добродѣтели, а отъ нея еще къ иной. *Сквернословіе*, говоритъ (апостолъ), *и буесловіе, и кощуны, ниже да именуется въ васъ* (Ефес. V, 3, 4). Исполнимъ и это. Здѣсь не требуется ни издержекъ, ни трудовъ, ни усилій. Довольно только хотѣть,—и все сдѣлается. Не нужно для этого предпринимать далекаго путешествія, или переплывать безпредѣльное море, но только постараться, оказать усердіе и наложить узду на языкъ противъ неумѣстныхъ оскорбленій. Исторгнемъ изъ души своей гнѣвъ, порочныя похоти, склонность къ чувственнымъ удовольствіямъ и роскоши, сребролюбіе, навыкъ къ клятвамъ и къ клятвопреступленіямъ. Если мы будемъ такимъ образомъ воздѣлывать самихъ себя, сначала исторгая терніе, а потомъ насаждая небесное сѣмя, то сможемъ получить обѣщанныя блага. Придетъ Дѣлатель, соберетъ насъ въ житницу, и тогда мы получимъ всѣ блага, которыхъ да сподобимся всѣ мы, благодатію и человѣколюбіемъ Господа нашего Іисуса Христа, съ Которымъ Отцу и Святому Духу слава, держава, честь и поклоненіе, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА XXV.

**Вѣрою приведе Авраамъ Исаака искушаемь, и едино- 171
роднаго приношаше, обѣтованія пріемый, къ немуже
глаголано бысть: о Исаацѣ наречется тебѣ сѣмя: по-
мысливъ, яко и изъ мертвыхъ воскресити силенъ есть
Богъ: тѣмже того и въ притчи пріятъ (Евр. xi, 17—19).**

1. Поистинѣ, велика вѣра Авраама. Въ Авелѣ, Ноѣ и Енохѣ происходила только борьба мыслей и нужно было стать выше человѣческихъ помысловъ; а здѣсь нужно было стать не только выше человѣческихъ помысловъ, но показать еще нѣчто большее: здѣсь божественное повидимому противорѣчило божественному же, вѣра—вѣрѣ, повелѣніе—обѣтованію. Такъ, (Богъ) сказалъ ему: *изыди отъ земли твоея, и отъ рода твоего, и дамъ тебѣ землю сію* (Быт. xii, 1; xiii, 15), и однако не далъ ему въ ней наслѣдія. даже ни на одинъ шагъ. Видишь ли, какъ событія противорѣчили обѣтованію? Еще сказалъ: *во Исаацѣ наречется тебѣ сѣмя* (Быт. xxi, 12), и (Авраамъ) повѣрилъ; и еще: принеси мнѣ въ жертву того, который имѣетъ наполнить всю вселенную своимъ потомствомъ. Видишь ли противорѣчіе повелѣній обѣтованію? Онъ повелѣвалъ противное обѣтованіямъ, и однако праведникъ не смущался и не считалъ себя обманутымъ. А вы, говоритъ (апостолъ), не можете сказать, что Онъ обѣщалъ вамъ покой и
послалъ скорбь; вамъ Онъ, что̀ обѣщалъ, то и дѣлаетъ. Какъ это? 172
Въ мірѣ, говорилъ Онъ, *скорбни будете* (Іоан. xvi, 33); *иже не пріиметъ креста своего и въ слѣдъ мене грядетъ, нѣсть мене достоинъ* (Мѳ. x, 38); *кто не возненавидитъ душу свою*, не обрящетъ ю; и: *иже не отречется всего своего имѣнія*, и въ слѣдъ мене грядетъ, нѣсть мене достоинъ (Лук. xiv, 26, 33); и еще: *предъ владыки и цари ведени будете мене ради* (Мѳ. x, 18); и еще: *врази человѣку домашніи его* (Мѳ. x, 36). Здѣсь скорби, а покой тамъ. Съ Авраамомъ же было напротивъ: ему повелѣно было дѣлать противное обѣтованіямъ, и однако онъ не смущался, не колебался и не считалъ себя обманутымъ. А вы не терпите ничего такого, что было бы чуждо обѣтованію, и смущаетесь. Онъ слышалъ противное обѣщанному отъ самого Обѣщавшаго, и не смущался, но исполнялъ, какъ согласное (съ обѣтованіемъ); и дѣйствительно оно было согласно; оно противно было помысламъ человѣческимъ, но согласно съ вѣрою; а какимъ образомъ, это апостолъ самъ объяснилъ намъ, сказавъ: *помысливъ, яко и изъ мертвыхъ воскресити силенъ есть Богъ*. Смыслъ словъ его слѣдующій: по той же вѣрѣ, по которой онъ вѣровалъ, что Богъ дастъ ему сына, кото-

раго у него не было, по той же вѣрѣ онъ былъ убѣжденъ, что Богъ воскреситъ и мертваго, воскреситъ закланнаго. Одинаково было чудно, т. е. по человѣческому соображенію, какъ то, что
173 родится сынъ отъ утробы омертвѣвшей, устарѣвшей и уже сдѣлавшейся неспособною къ дѣторожденію, такъ и то, что закланный воскреснетъ,—и однако онъ вѣрилъ; прежняя вѣра руководила его (къ вѣрѣ) и въ будущее. Съ другой стороны, онъ испыталъ пріятное сначала, а прискорбное—напослѣдокъ, въ старости; а съ вами, говоритъ (апостолъ), происходитъ напротивъ: прискорбное прежде, а пріятное послѣ. Это сказано къ тѣмъ, которые осмѣливаются говорить, что Богъ, обѣщавъ намъ блага послѣ смерти, быть можетъ, обманулъ насъ. Богъ силенъ, говоритъ, и изъ мертвыхъ воскресить; если же Богъ силенъ и изъ мертвыхъ воскресить, то конечно воздастъ намъ все; и если Авраамъ вѣрилъ за столько лѣтъ, что Богъ силенъ воскресить изъ мертвыхъ, то тѣмъ болѣе мы должны вѣрить этому. Видишь ли, что Богъ, какъ я выше сказалъ, еще прежде нежели вошла смерть, возбуждалъ въ праотцахъ надежду воскресенія и приводилъ ихъ къ такому убѣжденію, что они, по повелѣнію Его, приносили въ жертву своихъ сыновей, чрезъ которыхъ надѣялись наполнить вселенную, и закалали ихъ съ готовностію? И еще нѣчто другое (апостолъ) выражаетъ здѣсь словами: Богъ искушалъ Авраама. Что же такое? Развѣ Богъ не зналъ, что онъ былъ мужъ терпѣливый и доблестный? Совершенно зналъ. Если же зналъ, то для чего искушалъ его? Не для того, чтобы самому узнать, но чтобы другимъ показать и для всѣхъ сдѣлать очевиднымъ его мужество. (Апостолъ) показываетъ здѣсь причину искушеній, чтобы не думали, будто они страдаютъ потому, что оставлены Богомъ. Намъ здѣсь неизбѣжно подвергаться искушеніямъ, такъ какъ много есть гонителей и строющихъ козни; а тамъ какая была нужда изобрѣтать искушенія, которыхъ не было? Очевидно, что это искушеніе было по Его повелѣнію. Другія искушенія бываютъ по Его попущенію, а это было по Его повелѣнію. Если же искушенія дѣлаютъ людей столь славными, что Богъ и безъ причины подвергаетъ имъ своихъ подвижниковъ, то тѣмъ болѣе мы должны переносить все мужественно. Выразительно здѣсь (апостолъ) сказалъ, что *вѣрою приведе Исаака искушаемь;* не было никакой другой причины принесенія (Исаака въ жертву), кромѣ этой. И далѣе онъ раскрываетъ ту же мысль. Не можетъ, говоритъ онъ, никто сказать, что онъ имѣлъ другого сына и отъ него ожидалъ исполненія обѣтованія, а потому смѣло приносилъ Исаака въ жертву: *и единороднаго,* говоритъ, *приношаше, обѣтованія пріемый.* Какъ—*единороднаго*? А Измаилъ? Онъ откуда? Называю единород-

нымъ, говоритъ, по отношенію къ обѣтованію; и потому, сказавъ: *единороднаго*, и желая показать, что въ этомъ смыслѣ такъ называетъ его, присовокупляетъ: *къ немуже глаголано бысть: о Исаацѣ наречется тебѣ сѣмя*, т. е. отъ него. Видишь ли, какъ удивителенъ поступокъ патріарха? Ему сказано было: *о Исаацѣ наречется тебѣ сѣмя*, и однако онъ приносилъ сына въ жертву. Далѣе, чтобы кто-нибудь не подумалъ, будто онъ сдѣлалъ это въ отчаяніи и принятіемъ такого повелѣнія оставилъ прежнюю вѣру, а напротивъ убѣдился, что и этотъ поступокъ подлинно былъ дѣломъ вѣры, (апостолъ) говоритъ, что и здѣсь онъ имѣлъ вѣру, и хотя она повидимому противорѣчила прежней, однако онъ не противился, потому что не измѣрялъ силы Божіей человѣческими сужденіями, а предоставлялъ все вѣрѣ. Потому онъ и не убоялся сказать, что *и изъ мертвыхъ воскресити силенъ есть Богъ. Тѣмже* 174
того и въ притчи пріятъ, т. е. въ образѣ, въ овнѣ. Какимъ образомъ? Закланіемъ въ жертву овна былъ спасенъ (Исаакъ), такъ что за овна онъ получилъ сына, заклавши въ жертву перваго вмѣсто послѣдняго. Это было нѣкоторымъ прообразомъ; здѣсь былъ прообразованъ Сынъ Божій, закалаемый въ жертву. И замѣть, какъ велико человѣколюбіе Божіе. Такъ какъ Онъ имѣлъ даровать людямъ великую благодать, то, желая сдѣлать это не даромъ, а какъ бы должникъ, Онъ устрояетъ, что сперва человѣкъ отдаетъ сына своего по повелѣнію Божію,—чтобы не казалось великимъ дѣломъ то, что Онъ самъ отдаетъ собственнаго Сына, послѣ того какъ человѣкъ сдѣлалъ это прежде Него,—чтобы не думали, что Онъ дѣлаетъ это даромъ, но и по долгу. Кого мы любимъ, тому стараемся доставить и то, чтобы казалось, будто мы напередъ получили отъ него какую-нибудь малость, и потомъ отдаемъ ему все, и хвалимся не столько даннымъ, сколько полученнымъ отъ него,—не говоримъ: мы дали ему то-то, но: мы получили отъ него то-то. *Тѣмже*, говоритъ, *того и въ притчи пріятъ*, т. е. въ образѣ, такъ какъ овенъ былъ притчей Исаака, или образомъ. Такъ какъ жертва была совершена и Исаакъ былъ закланъ въ намѣреніи (Авраама), то Богъ и даровалъ его патріарху.

2. Видишь ли, какъ и отсюда открывается то, о чемъ я постоянно говорю? Когда мы сдѣлаемъ умъ свой совершеннымъ и покажемъ, что мы презираемъ земныя вещи, тогда Богъ даруетъ намъ и земное, но не прежде того,—чтобы мы, привязанные къ земнымъ благамъ, получивши ихъ, еще болѣе не привязались къ нимъ. Отрѣши себя напередъ отъ рабства, говоритъ Онъ, и тогда получай,—чтобы ты получилъ не какъ рабъ, но какъ господинъ; презирай богатство, и будешь богатымъ; прези-

рай славу, и будешь въ славѣ; презирай мщеніе врагамъ, и отмстишь имъ; презирай покой, и получишь его,—чтобы, получая, ты получалъ не какъ узникъ или рабъ, но какъ свободный. Съ малыми дѣтьми мы поступаемъ такъ: когда дитя сильно желаетъ дѣтскихъ игрушекъ, то мы тщательно скрываемъ ихъ отъ него, напр. мячъ, или что-нибудь другое, чтобы оно не отвлекалось отъ необходимыхъ занятій; а когда оно не обращаетъ на нихъ вниманія и не желаетъ ихъ, тогда мы безъ опасенія даемъ ихъ, зная, что отъ этого не будетъ ему никакого вреда и эта забава не сможетъ отклонить его отъ необходимыхъ занятій. Такъ и Богъ поступаетъ съ нами: когда Онъ видитъ, что мы не желаемъ земныхъ (благъ), то позволяетъ намъ пользоваться ими, потому что тогда мы владѣемъ ими, какъ свободные и какъ мужи, а не какъ дѣти. А что дѣйствительно, когда ты будешь презирать мщеніе врагамъ, тогда и отмстишь имъ, объ этомъ, послушай, что говоритъ (апостолъ): *аще алчетъ врагъ твой, ухлѣби его: аще ли жаждетъ, напой его*, и прибавляетъ: *сіе бо творя, угліе огненно собираеши на главу его* (Рим. xii, 20). Что дѣйствительно, когда ты будешь презирать богатство, тогда получишь его, объ этомъ послушай, что Христосъ говоритъ: *всякъ, иже оставитъ домъ, или братію, или отца, или матерь, сторицею пріиметъ, и животъ вѣчный наслѣдитъ* (Мѳ. xix, 29). Что дѣйствительно, когда ты будешь презирать славу, тогда получишь ее, объ этомъ послушай, что опять Христосъ говоритъ: *иже аще хощетъ въ васъ* первый *быти, да будетъ вамъ слуга;* и еще: *смиряяйся вознесется* (Мѳ. xx, 26; xxiii, 12). Что говоришь ты? Если я даю пить врагу,
175 то наказываю его? Если раздаю имущество, то владѣю имъ? Если смиряюсь, то дѣлаюсь высокимъ? Да, говоритъ, такова моя сила; она производитъ противоположное чрезъ противоположное; Я богатъ и премудръ,—не бойся; природа вещей повинуется моей волѣ, а не Я слѣдую природѣ; Я все совершаю, а не другое что-нибудь руководитъ мною; потому Я могу перемѣнить и преобразовать все. И удивительно ли, что такъ бываетъ въ такихъ вещахъ, когда то же самое бываетъ и во всемъ другомъ?

Такъ, когда ты вредишь (другому), тогда вредишь самому себѣ; а когда тебѣ вредятъ (другіе), тогда ты не терпишь вреда; когда ты мстишь, тогда (не другому) мстишь, а себѣ самому. Кто любитъ неправду, говоритъ (Премудрый), тотъ *ненавидитъ своея души* (Притч. xxix, 24). Видишь ли, что въ такомъ случаѣ ты не (другому) вредишь, а себѣ самому? Потому и говоритъ Павелъ: *почто не паче обидими есте* (1 Кор. vi, 7)? Видишь ли, что это не значитъ—терпѣть вредъ? Когда ты обижаешь (другого), тогда обижаешь самого себя. Это отчасти многимъ извѣст-

но: иногда говорятъ другъ другу: отойдемъ отсюда, чтобы не унизить самихъ себя. Почему? Потому, что велико различіе между тобою (оскорбляющимъ) и имъ (оскорбляемымъ); какія бы ты ни причинилъ ему оскорбленія, они обращаются ему въ честь. Будемъ такъ разсуждать всегда, и мы станемъ выше оскорбленій; а какимъ образомъ, это я объясню. Если бы мы стали враждовать противъ носящаго порфиру, то оскорбленія, направленныя на него, обратились бы на насъ самихъ, такъ какъ, порицая его, мы сами дѣлаемся достойными порицанія. Что же, скажи мнѣ, твои слова значатъ? Будучи гражданиномъ неба, обладая горнимъ любомудріемъ, для чего ты унижаешь себя самого наравнѣ съ тѣмъ, который помышляетъ только о земномъ? Хотя бы у врага твоего было несчетное имущество, хотя бы у него была власть, онъ не знаетъ твоего добра. Не унижай же себя, оскорбляя его; пощади себя, не его; воздай честь себѣ, не ему. Не говоритъ ли пословица: кто почитаетъ (другого), тотъ почитаетъ самого себя? И справедливо: не его онъ почитаетъ, а себя самого. Послушай словъ Премудраго, который говоритъ: *даждь* душѣ твоей *честь по достоинству ея* (Сир. x, 31). Что значитъ: *по достоинству ея?* Если кто, говоритъ, обманулъ тебя изъ любостяжанія, не дѣлай того же; если оскорбилъ, не оскорбляй. Скажи мнѣ, прошу тебя: если какой-нибудь бѣднякъ возьметъ кусокъ грязи, валявшійся на дворѣ твоемъ, то неужели ты поведешь его за это въ судилище? Нѣтъ. Почему? Чтобы не унизить себя самого, чтобы не стали всѣ осуждать тебя. Такъ и здѣсь. Богачъ есть бѣднякъ; и чѣмъ болѣе онъ богатѣетъ, тѣмъ болѣе становится бѣднымъ истинною бѣдностію. Золото—это грязь, брошенная на дворѣ, а не лежащая въ твоемъ домѣ; домъ же твой—небо. Потому, если ты за это позовешь его въ судилище, то не осудятъ ли тебя горніе граждане? Не извергнутъ ли они тебя изъ своего отечества,—тебя, который такъ низокъ, такъ презрѣнъ, что изъ за малаго куска грязи рѣшаешься вести тяжбу? Если бы даже весь міръ былъ твоимъ и кто-нибудь отнялъ его у тебя, то и тогда тебѣ слѣдовало бы только отвернуться отъ него.

3. Развѣ ты не знаешь, что если увеличишь вселенную въ десять разъ, или во сто, или въ десять тысячъ, или вдвое противъ этого, и тогда она даже въ малой долѣ не сравнится съ 176
благами небесными? Кто восхищается здѣшними благами, тотъ оскорбляетъ тамошнія, если онъ считаетъ достойными привязанности первыя, такъ далеко отстоящія отъ послѣднихъ; а лучше сказать, онъ и не въ состояніи восхищаться послѣдними,—какъ въ самомъ дѣлѣ (онъ можетъ быть способнымъ къ этому), при-

страстившись къ первымъ? Расторгнемъ же когда-нибудь, увѣщеваю васъ, эти цѣпи и сѣти,—т. е. земныя дѣла. Доколѣ мы будемъ наклоняться къ землѣ? Доколѣ будемъ строить козни другъ другу, подобно звѣрямъ или рыбамъ? Впрочемъ и звѣри не строятъ козней сроднымъ себѣ, но разнороднымъ; такъ, медвѣдь не скоро убьетъ медвѣдя, змѣя не убьетъ змѣи, уважая сродство; а ты даже того, кто сроденъ тебѣ и съ кѣмъ ты имѣешь безчисленныя соотношенія,—одинаковость происхожденія, разумность, познаніе Бога, силу надъ природою и многое другое безъ числа,—ты своего сродника, имѣющаго одну съ тобою природу, убиваешь и обременяешь множествомъ золъ. Что въ томъ, если ты не вонзаешь въ него меча и рукою не поражаешь его шеи? Ты дѣлаешь хуже этого, подвергая его постояннымъ скорбямъ. Если бы ты сдѣлалъ первое, то избавилъ бы его отъ заботъ; а теперь ты предаешь его голоду и рабству, отчаянію и многимъ другимъ грѣхамъ. Говорю это, и не перестану говорить, не для того, чтобы побуждать васъ къ убійству или совѣтовать—дѣлать зло меньшее, но чтобы вы не надѣялись остаться ненаказанными. *Лишаяй* ближняго своего средствъ къ жизни и хлѣба, говоритъ (Премудрый), *убиваетъ* его (Сир. XXXIV, 21). Удержимъ руки свои, прошу васъ, удержимъ, или, лучше сказать, не удержимъ, но протянемъ ихъ на добро,—не на любостяжаніе, а на милостыню; пусть не будетъ рука наша безплодна и суха; суха же та рука, которая не творитъ милостыни, а та, которая простирается на любостяжаніе, скверна и нечиста. Никто пусть не вкушаетъ пищи съ такими руками, потому что это—обида для приглашенныхъ. Скажи мнѣ: если бы кто-нибудь пригласилъ насъ возлежать на коврахъ, мягкомъ ложѣ и вышитыхъ золотомъ одеждахъ, въ блестящемъ и великолѣпномъ домѣ, и, окруживъ насъ множествомъ слугъ, потомъ поставивъ столъ изъ серебра и золота и наполнивъ его различными роскошными яствами, просилъ кушать съ тѣмъ только условіемъ, чтобы мы не гнушались руками его, запачканными грязью или каломъ человѣческимъ, и позволили ему въ такомъ видѣ возлежать вмѣстѣ съ нами,—то вынесъ ли бы кто такую казнь и не счелъ ли бы этого за обиду? Я думаю, что всякій тотчасъ убѣжалъ бы. Между тѣмъ теперь ты видишь не руки только запачканными грязью, но и самыя яства, и не отказываешься, не убѣгаешь, не обличаешь, но если человѣкъ со властію, то считаешь великимъ дѣломъ (быть у него) и губишь душу свою, вкушая такую пищу. Вѣдь любостяжаніе хуже всякой грязи; оно оскверняетъ не тѣло, но душу, такъ что трудно бываетъ очистить ее. А ты видишь за столомъ оскверненнаго этою грязью, видишь и руки, и лице его,

и домъ, и столъ наполненными ею,—подлинно же такія яства сквернѣе и отвратительнѣе навоза, или что только есть еще худшаго,—возлежишь съ нимъ, считая это за честь для себя и 177
какъ бы получая удовольствіе? Или ты не стыдишься Павла, который позволяетъ безпрепятственно приступать даже къ столу язычниковъ, въ случаѣ нашего желанія, но запрещаетъ быть у любостяжателей, хотя бы даже мы того желали? *Аще*, говоритъ онъ, *нѣкій братъ именуемъ будетъ блудникъ*, называя здѣсь братомъ всякаго вообще вѣрующаго, а не монаха. Въ самомъ дѣлѣ, что доставляетъ намъ братство? Баня пакибытія, возможность—называть Бога отцемъ. Потому оглашенный, хотя бы онъ былъ монахомъ, не есть братъ; вѣрующій же, хотя бы онъ былъ міряниномъ, есть братъ. *Аще*, говоритъ, *нѣкій братъ именуемъ*. Тогда еще не было и слѣдовъ монашества,—все это блаженный (Павелъ) говорилъ мірянамъ. *Аще*, говоритъ, *нѣкій братъ именуемъ будетъ блудникъ, или лихоимецъ, или піаница, съ таковымъ ниже ясти* (1 Кор. v, 11). О язычникахъ онъ (говоритъ) не такъ,—а какъ? *Аще ли кто отъ невѣрныхъ*, разумѣя язычниковъ, *призываетъ вы, и хощете ити, все предлагаемое вамъ ядите* (1 Кор. x, 27). *Аще же нѣкій братъ именуемъ будетъ піаница*.

4. Вотъ, какая строгость! А мы не только не убѣгаемъ отъ пьяницъ, но сами идемъ къ нимъ, чтобы участвовать въ дѣлахъ ихъ. Потому у насъ все извратилось, все смѣшалось, разстроилось и погибло. Скажи мнѣ: если бы кто-нибудь изъ такихъ людей пригласилъ тебя на приготовленное пиршество,—тебя, который считаешься бѣднымъ и презрѣннымъ,— потомъ услышалъ бы отъ тебя: такъ какъ предлагаемое собрано любостяжаніемъ, то я не стану осквернять свою душу,—тогда онъ не устыдился ли бы, не смѣшался ли бы, не смутился ли бы? Дѣйствительно, одного этого было бы достаточно для его исправленія, для того, чтобы онъ считалъ себя несчастнымъ при богатствѣ своемъ, а 178
тебѣ удивлялся при бѣдности твоей, видя, съ какою разборчивостью ты пренебрегаешь имъ. Но мы, не знаю отчего, сдѣлались рабами людей, тогда какъ Павелъ непрестанно внушаетъ: *не будите раби человѣкомъ* (1 Кор. vII, 23). Отчего мы сдѣлались рабами людей? Оттого, что напередъ сдѣлались рабами чрева, богатства, славы и всего прочаго, утратили свободу, которую даровалъ намъ Христосъ. Что же, скажи мнѣ, будетъ съ тѣмъ, кто сдѣлался рабомъ? Послушай, что говоритъ Христосъ: *рабъ не пребываетъ въ дому во вѣкъ* (Іоан. vIII, 35). Вотъ рѣшительный приговоръ, что онъ никогда не войдетъ въ царствіе (небесное),—потому что оно именно обозначается этимъ домомъ: *въ дому же отца моего*, говоритъ (Господь), *обители многи суть* (Іоан. xIv, 2).

Такимъ образомъ рабъ не пребываетъ въ домѣ во вѣкъ,—рабомъ называетъ Онъ раба грѣху,—а кто въ домѣ не пребываетъ во вѣкъ, тотъ пребываетъ во вѣкъ въ гееннѣ, ни откуда не получая утѣшенія. Но зло дошло до такой степени, что они изъ подобнаго имущества подаютъ даже милостыню, и многіе принимаютъ. Отъ этого мы лишились дерзновенія и уже не можемъ укорять никого. Будемъ же хотя отнынѣ убѣгать зла, которое происходитъ отсюда; а вы, которые осквернились этою нечистотою, удержитесь отъ такого зла и обуздайте свое пристрастіе къ подобнымъ пиршествамъ, чтобы намъ хотя нынѣ умилостивить Бога и получить обѣщанныя блага, которыхъ да сподобимся всѣ мы, благодатію и человѣколюбіемъ Господа нашего Іисуса Христа, съ Которымъ Отцу и Святому Духу слава, держава, честь, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА XXVI.

177 **Вѣрою о грядущихъ благослови Исаакъ Іакова и Исава. Вѣрою Іаковъ умирая коегождо сына Іосифова благослови, и поклонися на верхъ жезла его. Вѣрою Іосифъ умирая, о исхожденіи сыновъ Исраилевыхъ памятствова, и о костехъ своихъ заповѣда (Евр. XI, 20—22).**

1. *Мнози*, говоритъ (Господь), *пророцы и праведницы вожделѣша видѣти, яже видите, и не видѣша, и слышати, яже слышите, и не слышаша* (Мѳ. XIII, 17). Неужели праведники знали все будущее? Конечно. Если Сынъ (Божій) не открывался тѣмъ, которые не могли принять Его по своей немощи, то безъ сомнѣнія открывался прославившимся добродѣтелями. Такъ и Павелъ говоритъ теперь, что они знали будущее, т. е. воскресеніе Христово. Или это онъ говоритъ, или слова его: *вѣрою о будущихъ* относятся не къ будущему вѣку, а къ имѣющему быть здѣсь впослѣдствіи. Иначе, какъ человѣкъ, находящійся въ чужой землѣ, могъ давать такія благословенія? И съ другой стороны, почему онъ, получивъ благословеніе, самъ не испыталъ его исполненія? Видишь ли, что и объ Іаковѣ можно сказать то же, что я сказалъ объ Авраамѣ, т. е. что онъ не воспользовался благословеніемъ, но плоды этого благословенія перешли къ его потомкамъ, а онъ самъ видѣлъ ихъ въ будущемъ? Дѣйствительно, мы знаемъ, что
178 братъ его жилъ въ бо́льшемъ довольствѣ. Онъ проводилъ всю жизнь въ рабствѣ, работѣ, опасностяхъ, безпокойствахъ, огорченіяхъ и страхѣ, и на вопросъ фараона отвѣчалъ: *малы и злы*

быша дніе мои (Быт. XLVII, 9); а тотъ—въ безопасности и полной свободѣ, и впослѣдствіи былъ страшенъ (для Іакова). Когда же исполнились благословенія (данныя ему), если не въ будущемъ? Видишь, какъ порочные издавна наслаждались здѣшними благами, а праведные—напротивъ, хотя и не всѣ. Вотъ Авраамъ былъ праведникъ и наслаждался здѣшними благами, впрочемъ со скорбями и искушеніями,—у него было только богатство, а всѣ прочія обстоятельства его были исполнены скорбей. Да и невозможно праведнику не испытывать скорбей, хотя бы онъ и былъ богатымъ,—если онъ готовъ терпѣть потери, несправедливости и все прочее, то по необходимости испытываетъ скорби. Такимъ образомъ онъ, хотя и наслаждается богатствомъ, но не безъ скорбей. Почему? Потому, что онъ чувствуетъ скорби и печали. Если же тогда праведники испытывали скорби, то тѣмъ болѣе теперь. *Вѣрою о грядущихъ*, говоритъ, *благослови Исаакъ Іакова и Исава*. Хотя Исавъ былъ старшій, но онъ поставляетъ напередъ Іакова—за добродѣтели его. Видишь, какова была вѣра (Исаака)? Почему бы въ самомъ дѣлѣ онъ обѣщалъ сыновьямъ столь великія блага, если только не по вѣрѣ въ Бога? *Вѣрою Іаковъ умирая коегождо сына Іосифова благослови*. Здѣсь надобно бы изложить всѣ его благословенія, чтобы яснѣе открылась и вѣра его, и пророчество. *И поклонися*, говоритъ, *на верхъ жезла его*. Здѣсь (апостолъ) показываетъ, что Іаковъ не только сказалъ, но такъ на- 179
дѣялся на будущее, что показалъ это и самымъ дѣломъ. Такъ какъ отъ Ефрема имѣлъ возстать другой царь, то онъ и говоритъ: *и поклонися на верхъ жезла его*, т. е., будучи уже старцемъ, онъ поклонился Іосифу, выражая имѣющее быть поклоненіе ему отъ всего народа. Это отчасти уже исполнилось, когда ему кланялись братья, но должно было исполниться и послѣ чрезъ десять поколѣній. Видишь, какъ онъ предсказалъ будущее? Видишь, какую праотцы имѣли вѣру, какъ они вѣровали въ будущее? Приводимые здѣсь примѣры служатъ примѣрами, одни—терпѣнія въ страданіяхъ и лишеніи всѣхъ благъ, каковы относительно Авраама и Авеля, другіе—вѣры въ то, что есть Богъ и воздаяніе, каковъ примѣръ относительно Ноя. Слово—вѣра имѣетъ много значеній,—оно выражаетъ то одно, то другое; здѣсь же означаетъ, что будетъ воздаяніе, что не всѣхъ ожидаетъ одно и то же, что надобно подвизаться прежде наградъ. Примѣръ Іосифа есть примѣръ одной вѣры. Іосифъ слышалъ, что Богъ возвѣстилъ и обѣщалъ Аврааму: *тебѣ дамъ и сѣмени твоему землю сію*, и потому, будучи въ чужой землѣ и еще не видя исполненія обѣщанія, не падалъ духомъ, но вѣровалъ такъ, что и напоминалъ объ исходѣ и сдѣлалъ завѣщаніе о костяхъ своихъ. Такимъ обра-

зомъ онъ не только самъ вѣровалъ, но и другихъ возводилъ къ вѣрѣ. Для того онъ и завѣщалъ, чтобы они всегда помнили объ исходѣ; и не завѣщалъ бы онъ о костяхъ своихъ, если бы не былъ увѣренъ, что будетъ исходъ. Если послѣ этого кто-нибудь скажетъ: вотъ и праведники заботились о могилахъ, то мы такому отвѣчаемъ: они заботились именно поэтому, а не почему-либо другому, такъ какъ знали, что *Господня земля и исполненіе ея* (Псал. xxiii, 1). Не безъизвѣстно было это и (Іосифу), жившему въ такомъ любомудріи и проведшему всю жизнь свою въ Египтѣ. Онъ конечно могъ бы, если бы захотѣлъ, возвратиться оттуда, а не сѣтовать и скорбѣть; если же онъ, вызвавъ отца своего туда, завѣщалъ вынести оттуда кости свои, то не очевидно ли, что по этой причинѣ?

2. А что же, кости самого Моисея, скажи мнѣ, лежатъ не въ чужой ли землѣ? Мы не знаемъ, гдѣ лежатъ кости Аарона, Даніила, Іереміи и многихъ апостоловъ. Гробы Петра, Павла, Іоанна и Ѳомы извѣстны, а столь многихъ другихъ совершенно неизвѣстны. Но мы не должны сокрушаться объ этомъ и малодушествовать; гдѣ бы мы ни были погребены, *Господня земля и исполненіе ея*. Непремѣнно бываетъ то, что̀ должно быть; проливать же слезы, сокрушаться и оплакивать умершихъ свойственно малодушію. *Вѣрою Моисей родився сокровенъ бысть три мѣсяцы отъ отецъ своихъ* (ст. 23). Видишь, какъ они здѣсь на землѣ надѣялись на имѣвшее быть послѣ ихъ смерти? И многое дѣйствительно совершилось послѣ ихъ смерти. Это сказано къ тѣмъ, которые говорятъ: послѣ ихъ смерти исполняется то, чего они не получили при жизни и на что не надѣялись послѣ смерти. Но Іосифъ не говорилъ: Богъ не далъ (обѣтованной) земли при жизни
180 ни мнѣ, ни отцу моему, ни дѣду моему, котораго добродѣтель заслуживала уваженія,—какъ же Онъ удостоитъ порочныхъ людей того, чего не удостоилъ ихъ? Онъ не говорилъ такъ, но превозмогъ и побѣдилъ все это вѣрою. Сказавъ объ Авелѣ, Ноѣ, Авраамѣ, Исаакѣ, Іаковѣ, Іосифѣ, которые всѣ славны и знамениты, (апостолъ) потомъ еще усиливаетъ утѣшеніе, представляя въ примѣръ лица неизвѣстныя. Нисколько не удивительно, что такъ поступали знаменитыя лица, и оказаться ниже ихъ не такъ прискорбно; но прискорбно—оказаться ниже лицъ неизвѣстныхъ. Онъ начинаетъ съ родителей Моисея, людей неизвѣстныхъ и не имѣвшихъ ничего такого, что̀ имѣлъ сынъ; а потомъ, продолжая рѣчь, сильнѣе выражаетъ нелѣпость (невѣрія), указывая на блудныхъ женщинъ и вдовицъ: *вѣрою*, говоритъ, *Раавъ блудница не погибе съ противльшимися, пріимши соглядателей съ миромъ* (ст. 31). Онъ представляетъ послѣдствія не только вѣры, но и невѣрія, какъ

напр. при Ноѣ. Впрочемъ, нужно сказать о родителяхъ Моисея. Фараонъ повелѣлъ истребить всѣхъ младенцевъ мужескаго пола, и никто не избѣгъ опасности. Почему же они надѣялись спасти свое дитя? По вѣрѣ. Какой вѣрѣ? *Зане видѣша*, говоритъ, *красно отроча*. Самый видъ его располагалъ ихъ къ вѣрѣ. Такъ праведнику даруется великая благодать съ самаго начала, еще съ пеленокъ, и это дѣлаетъ не природа, а Богъ. Смотри, въ самомъ дѣлѣ, новорожденное дитя сразу оказалось прекраснымъ, а не безобразнымъ. Чье это было (дѣло)? Не природы, а благодати Божіей, которая подвигла и язычницу-египтянку и воодушевила ее такъ, что она взяла и приняла къ себѣ (младенца). Между тѣмъ у нихъ (родителей его) вѣра не имѣла достаточнаго основанія,—чего можно было надѣяться отъ одного внѣшняго вида? А вы, говоритъ (апостолъ своимъ слушателямъ), вѣруете отъ дѣлъ, имѣя много залоговъ вѣры; дѣйствительно, съ радостію принять расхищеніе имущества и тому подобное, это—дѣло вѣры и терпѣнія. Но такъ какъ они вѣровали, а потомъ стали малодушествовать, то онъ показываетъ, что вѣра древнихъ была продолжительна, какъ напр. вѣра Авраама, хотя обстоятельства повидимому препятствовали ей. *И не убояшася*, говоритъ, *повелѣнія царева*. Хотя оно приводилось въ исполненіе, но они просто выжидали. Это было дѣломъ родителей, а Моисей самъ сюда ничего не привнесъ. Далѣе опять приводитъ другой примѣръ, близкій (къ слушателямъ), и даже гораздо болѣе того. Какой именно? *Вѣрою Моисей великъ бывъ, отвержеся нарицатися сынъ дщере Фараоновы: паче же изволи страдати съ людми Божіими, нежели имѣти временную грѣха сладость: большее богатство вмѣнивъ Египетскихъ сокровищъ поношеніе Христово: взираше бо на мздовоздаяніе* (ст. 24—26). Онъ какъ бы такъ говоритъ имъ: никто изъ васъ не оставилъ ни царскаго двора, и двора великолѣпнаго, ни такихъ сокровищъ, и не отказался быть царскимъ сыномъ, когда это было возможно, какъ сдѣлалъ Моисей. А что онъ не просто отказался отъ этого, (апостолъ) объяснилъ, сказавъ: *отвержеся*, 131
т. е. пренебрегъ, погнушался. Когда предстояло небо, то излишне было бы восхищаться дворомъ египетскимъ.

3. И смотри, какъ чудно здѣсь Павелъ выразился. Онъ не сказалъ: считая небо и небесные предметы богатствомъ большимъ сокровищъ египетскихъ,—но что? *Поношеніе Христово*. Быть поносимымъ ради Христа онъ считалъ лучшимъ, нежели жить въ удовольствіяхъ; это для него само по себѣ было наградою. *Паче изволи страдати съ людми Божіими*. Вы, говоритъ, страдаете сами за себя; а онъ предпочелъ страдать за другихъ и добровольно подвергъ себя такимъ опасностямъ, тогда какъ могъ бы и жить

благочестиво, и пользоваться благами. *Нежели имѣти временную грѣха сладость.* Грѣхомъ называется здѣсь нежеланіе страдать вмѣстѣ съ другими: это, говоритъ, онъ считалъ грѣхомъ. Если же онъ считалъ грѣхомъ неготовность страдать съ другими, то слѣдуетъ, что великое благо—страданіе, которому онъ добровольно подвергся, оставивъ царскій дворъ. Онъ сдѣлалъ это, провидя нѣчто великое. Потому (апостолъ) и сказалъ: *большее богатство вмѣнивъ Египетскихъ сокровищъ поношеніе Христово.* Что значитъ: *поношеніе Христово?* Т. е. такое поношеніе, которое вы терпите, поношеніе, которое терпѣлъ Христосъ, или то, что онъ потерпѣлъ за Христа, когда злословили его за камень, изъ котораго онъ извелъ воду: *камень же,* говоритъ, *бѣ Христосъ* (1 Кор. х, 4). Когда бываетъ поношеніе Христово? Когда мы, оставляя отеческіе обычаи, терпимъ поруганіе,—когда, страдая, прибѣгаемъ къ Богу. Такъ и онъ терпѣлъ поношеніе Христово, когда слышалъ: *еда убити мя хощеши, имже образомъ убилъ еси вчера Египтянина* (Исх. п, 14)? Поношеніе Христово въ томъ, чтобы терпѣть до конца и до послѣдняго издыханія, подобно какъ самъ Онъ терпѣлъ поношенія и слышалъ: *аще сынъ еси Божій* (Мѳ. xxvii, 40), отъ тѣхъ, за кого распинался, отъ своихъ соплеменниковъ. Поношеніе Христово въ томъ, когда кто терпитъ поношеніе отъ своихъ, отъ тѣхъ, кому благодѣтельствуетъ. Такъ и Моисей терпѣлъ поношеніе отъ того, кому благодѣтельствовалъ. Здѣсь (апостолъ) ободряетъ ихъ, показывая, что такъ терпѣлъ Христосъ и Моисей, два знаменитыя лица; это поношеніе болѣе Христово, нежели Моисеево, такъ какъ происходило отъ своихъ. И какъ послѣдній нисколько не противился, такъ и первый не посылалъ молній, но, когда Его поносили, Онъ переносилъ все отъ кивавшихъ своими главами. Такъ какъ, вѣроятно, и они (тогдашніе евреи) слышали то же и желали воздаянія, то (апостолъ) говоритъ, что Христосъ и Моисей также страдали. Такимъ образомъ жизнь, исполненная удовольствій, есть грѣховная, а исполненная поношеній—Христова. Чего же ты желаешь теперь? Поношенія Христова, или удовольствій? *Вѣрою остави Египетъ, не убоявся ярости царевы: невидимаго бо, яко видя, терпяще* (ст. 27). Какъ ты говоришь—не убоялся? Писаніе, напротивъ, говоритъ, что, услышавъ, онъ убоялся, искалъ поэтому спасенія въ бѣгствѣ, убѣжалъ, скрылся, и послѣ того находился въ страхѣ. Вникни внимательнѣе въ сказанное; слова: *не убоявся ярости царевы* сказаны по отношенію къ тому, что онъ послѣ опять предсталъ (предъ царя). Если бы онъ боялся, то послѣ опять не предсталъ бы, не принялъ бы на себя дѣла ходатайства; а если онъ принялъ на себя это дѣло, то, значитъ, во всемъ полагался на Бога. Не ска-

зать: (царь) ищетъ меня, домогается этого, и я не могу возвра- 182
титься. Слѣдовательно и бѣгство его было дѣломъ вѣры. А почему, скажете, онъ не остался? Чтобы не подвергать себя предусмотрѣнной опасности. Искушающему (Бога) свойственно бросаться въ опасности и говорить: посмотрю, сохранитъ ли меня Богъ. Такъ говорилъ и Христу діаволъ: *верзися низу* (Мѳ. IV, 6). Видишь, что діавольское это дѣло—подвергать себя опасностямъ тщетно и напрасно, и испытывать, сохранитъ ли насъ Богъ? (Моисей) не могъ защищать тѣхъ, которые были такъ непризнательны къ его благодѣяніямъ; слѣдовательно нелѣпо и безразсудно было бы оставаться тамъ. Все же это онъ совершалъ потому, что *невидимаго яко видя терпяше*. Такъ и мы, если будемъ всегда созерцать Бога умомъ, если будемъ постоянно помнить объ Немъ, то для насъ все окажется легкимъ, все сноснымъ, все мы будемъ переносить удобно и станемъ выше всего. Вѣдь, если при видѣ любимаго человѣка и даже при воспоминаніи объ немъ, наша душа ободряется и умъ возвышается, и все мы переносимъ легко, услаждаясь этимъ воспоминаніемъ,—то имѣющій въ умѣ Того, кто удостоилъ насъ истинной любви, и памятующій объ Немъ можетъ ли чувствовать какую-нибудь скорбь, или бояться чего-нибудь страшнаго и опаснаго? Будетъ ли онъ когда-нибудь малодушествовать? Никогда. Для насъ все представляется труднымъ потому, что мы не помнимъ о Богѣ, какъ должно, не имѣемъ Его постоянно въ умѣ своемъ. Онъ справедливо могъ бы сказать намъ: ты забылъ Меня, и Я забуду тебя. Такъ происходитъ двоякое зло: мы забываемъ Его, и Онъ—насъ. Эти два обстоятельства, хотя тѣсно соединены между собою, все же остаются двумя. А велико дѣло, чтобы Богъ помнилъ объ насъ, велико и то, чтобы мы помнили объ Немъ; отъ одного зависитъ избраніе добра, отъ другого—преспѣяніе въ немъ и окончаніе. Поэтому говоритъ пророкъ: *помянухъ тя отъ земли Іордански и Ермоніимски, отъ горы малыя* (Псал. XLI, 7). Такъ говорилъ народъ израильскій, находясь въ Вавилонѣ: *тамо помяну тя*.

4. Такъ должны говорить и мы, подобно жившимъ въ Вавилонѣ. Хотя мы живемъ и не между (чужеземными) непріятелями, но также находимся среди враговъ. И изъ тѣхъ одни жили, какъ плѣнники, а другіе не чувствовали плѣна, какъ напр. Даніилъ и три отрока. Они, находясь въ плѣну, были въ этой странѣ славнѣе самого царя, который плѣнилъ ихъ; и плѣнившій поклонился плѣненнымъ. Видишь, какъ велика добродѣтель? Въ самомъ плѣну (царь) служилъ имъ, какъ господамъ; слѣдовательно онъ былъ болѣе плѣнникомъ, нежели они. Не такъ было бы удивительно, если бы онъ поклонился имъ, пришедши

въ ихъ отечество, или если бы они тамъ царствовали. Удивительно то, что сдѣлавшій ихъ узниками, взявшій въ плѣнъ и имѣвшій ихъ въ своей власти на виду у всѣхъ не постыдился поклониться имъ и принести жертву. Видите, какъ поистинѣ славны дѣла Божіи, а дѣла человѣческія—тьма? Не зналъ онъ, что уводилъ (въ плѣнъ) господъ себѣ и ввергалъ въ печь тѣхъ, которымъ долженъ былъ поклониться; а для нихъ всѣ бѣдствія были какъ бы сонъ.

183 Будемъ же бояться Бога, возлюбленные, будемъ бояться Его,—и тогда, хотя бы мы попали въ плѣнъ, будемъ славнѣе всѣхъ. Пусть будетъ присущъ намъ страхъ Божій,—и тогда ничто не опечалитъ насъ, будетъ ли то бѣдность, или болѣзнь, или плѣнъ, или рабство, или что-нибудь другое прискорбное, но даже и это все станетъ содѣйствовать намъ къ достиженію противоположнаго. Тѣ были плѣнниками, и царь поклонился имъ; Павелъ былъ скинотворецъ, и ему хотѣли принести жертву, какъ Богу. Здѣсь представляется вопросъ,—многіе спрашиваютъ: почему апостолы отвергли жертвоприношеніе, разодрали свои одежды, удержали народъ отъ этого намѣренія и со слезами говорили: *что сія творите? и мы подобострастни есмы вамъ человѣцы* (Дѣян. XIV, 15), а Даніилъ ничего подобнаго не сдѣлалъ? Что онъ былъ мужъ смиренный и не менѣе ихъ воздавалъ славу Богу, это видно изъ многаго. И, во-первыхъ, особенно видно изъ того, что онъ былъ любимъ Богомъ; если бы онъ присвоялъ себѣ божескую честь, то Богъ не попустилъ бы ему остаться въ живыхъ, не говорю уже благоденствовать; во-вторыхъ, изъ того, что онъ съ великимъ дерзновеніемъ говорилъ: *и мнѣ, царю, не премудростію, сущею во мнѣ, открыся тайна сія* (Дан. II, 30); въ-третьихъ, изъ того, что онъ былъ во рву для Бога и, когда пророкъ принесъ ему пищу, то онъ сказалъ: *помянулъ мя еси Боже* (Дан. XIV, 38),—таково было у него смиреніе и сокрушеніе! Онъ былъ во рву для Бога, и считалъ себя недостойнымъ того, чтобы (Богъ) помнилъ объ немъ и услышалъ его. А мы, дерзая совершать безчисленное множество нечистыхъ дѣлъ и будучи преступнѣе всѣхъ, отступаемъ (отъ Бога), если только не услышана первая наша молитва. Поистинѣ, великое разстояніе между ними и нами, какъ между небомъ и землею, или еще болѣе. Что говоришь ты, (пророкъ)? Послѣ столь многихъ подвиговъ, послѣ чуда, совершившагося во рву, ты считаешь себя такъ уничиженнымъ? Да, говоритъ; что бы мы ни дѣлали, мы *раби неключими есмы* (Лук. XVII, 10). Такъ онъ исполнялъ евангельскую заповѣдь еще прежде ея изреченія, и считалъ себя ничтожнымъ. Богъ вспомнилъ обо мнѣ,—говорилъ онъ. И самая молитва его, смотри,

какого исполнена смиренія. Такъ говорили и три отрока: *согрѣшихомъ, беззаконновахомъ* (Дан. III, 29), и всегда проявляли свое смиреніе. Даніилъ имѣлъ безчисленное множество поводовъ превозноситься, но зналъ, что все это было у него потому, что онъ не превозносился, и не губилъ сокровища. Всѣ люди и вся вселенная прославляли его не потому только, что царь, повергшись ницъ предъ нимъ, принесъ ему жертву, но потому, что признавалъ его богомъ тотъ, кого самого считали богомъ вселенной, какъ видно изъ словъ пророка Іереміи: одѣяй землю, яко ризу, и еще: *Азъ дахъ ю Навуходоносору* рабу моему (Іер. XXVII, 6). И изъ его писаній также видно, что ему удивлялись не только тамъ, гдѣ онъ жилъ, но и вездѣ, и когда онъ писаніями засвидѣтельствовалъ рабство и чудо, то сталъ еще болѣе извѣстнымъ, нежели какъ если бы прочіе народы сами видѣли его у себя. Равнымъ образомъ, удивлялись и мудрости его: *еда*, говоритъ (пророкъ), *премудрѣе ты еси Даніила* (Іез. XXVIII, 3)? И послѣ всего этого онъ былъ такъ смиренъ, что готовъ былъ тысячу разъ умереть за Владыку.

5. Почему же, при такомъ смиреніи, онъ не отвергъ какъ 184
поклоненія ему отъ царя, такъ и жертвы? Объ этомъ я не скажу: для меня довольно только предложить вопросъ, а остальное предоставляю вамъ, чтобы хотя такимъ образомъ возбудить умъ вашъ. Итакъ, увѣщеваю васъ предпринимать все по страху Божію, имѣя столько примѣровъ того, что мы непремѣнно получимъ и здѣшнія блага, если искренно будемъ стремиться къ будущимъ. А что (Даніилъ) поступилъ такъ не по гордости, это видно изъ словъ, которыя онъ сказалъ: *даянія твоя съ тобою да будутъ* (Дан. V, 17). Здѣсь опять представляется другой вопросъ: почему онъ, отказавшись на словахъ, на дѣлѣ принялъ эту честь и сталъ носить цѣпь? Иродъ, слышавшій слова: *гласъ Божій, а не человѣчь* (Дѣян. XII, 22), и не воздавшій славы Богу, расторгся такъ, что вывалились внутренности его; а онъ (Даніилъ) принялъ божескую честь, и не на словахъ только. Здѣсь необходимо объяснить, что это значитъ. Тамъ народъ могъ впасть въ большее идолопоклонство, а здѣсь—нѣтъ. Почему? Потому, что когда (Даніила) считали такимъ, то честь относилась къ Богу, какъ онъ самъ напередъ сказалъ: и *мнѣ не премудростію, сущею во мнѣ, открыся* (Дан. II, 30). Съ другой стороны, и не видно, чтобы онъ принялъ жертвоприношеніе. Хотя царь сказалъ, что надобно принести жертву, но не видно, чтобы это было приведено въ исполненіе. А тамъ уже привели воловъ для жертвоприношенія, и назвали одного (апостола) Юпитеромъ, другого Меркуріемъ. Цѣпь же онъ принялъ для того, чтобы сдѣлать себя замѣтнымъ

(для другихъ). Но почему онъ повидимому не отвергъ жертвы? Тамъ еще не совершили (жертвоприношенія), а только приступали, и однако апостолы воспрепятствовали; потому и здѣсь слѣдовало бы остановить дѣло; при томъ тамъ былъ весь народъ, а здѣсь царь. Почему пророкъ не отклонилъ, объ этомъ я сказалъ прежде,—т. е. потому, что онъ приносилъ ему жертву не какъ Богу, ко вреду богопочтенія, а по случаю великаго чуда. Какъ такъ? Онъ издалъ такое повелѣніе ради Бога, исповѣдавъ тѣмъ Его владычество; слѣдовательно не отнималъ у Него чести. А тѣ не такъ: они считали самихъ (апостоловъ) богами, потому и были удержаны.

Кромѣ того (Навуходоносоръ) напередъ поклонился, и потомъ уже поступилъ такъ; а поклонился онъ ему не какъ Богу, но какъ мудрому человѣку. Впрочемъ и не видно, чтобы онъ принесъ жертву; если же и принесъ, то противъ воли Даніила. Также: почему Навуходоносоръ назвалъ его Валтасаромъ—именемъ самого Бога? Такъ мало (язычники) уважали боговъ своихъ, что и плѣннику далъ это имя тотъ, кто всѣмъ повелѣвалъ поклоняться различнымъ и разнообразнымъ истуканамъ и почиталъ дракона. При томъ вавилоняне были гораздо неразумнѣе листрянъ; потому невозможно было тотчасъ же образумить ихъ. И многое можно было бы сказать здѣсь, но пока и этого довольно. Итакъ если мы хотимъ получить всѣ блага, то будемъ искать благъ Божіихъ. Какъ ищущіе мірскихъ благъ теряютъ и тѣ, и другія, такъ и предпочитающіе блага Божіи получаютъ и тѣ, и другія. Будемъ же искать послѣднихъ, а не первыхъ, чтобы намъ сподобиться обѣщанныхъ благъ во Христѣ Іисусѣ Господѣ нашемъ.

БЕСѢДА XXVII.

185 Вѣрою сотвори Пасху и пролитіе крове, да не погубляяй перворожденная коснется ихъ. Вѣрою преидоша Чермное море, аки по сусѣ земли: егоже искушеніе пріемше Египтяне истопишася. Вѣрою стѣны іерихонскія падоша, обхожденіемъ седмихъ дней. Вѣрою Раавъ блудница не погибе съ сопротивльшимися, пріимше соглядателей съ миромъ (Евр. XI, 28—31).

1. Много предметовъ Павелъ обыкновенно раскрываетъ среди (своей рѣчи) и бываетъ обиленъ мыслями. Такова благодать Духа: она не заключаетъ во множествѣ словъ мало мыслей, но въ крат-

кихъ словахъ излагаетъ много великихъ мыслей. Смотри, какъ онъ, предлагая по порядку увѣщанія и бесѣдуя о вѣрѣ, напоминаетъ о такомъ прообразѣ и таинствѣ, котораго истина—у насъ. *Вѣрою*, говоритъ, *сотвори Пасху и пролитіе крове, да не погубляяй перворожденная коснется ихъ.* Что значитъ: *пролитіе крове?* Въ домахъ былъ закалаемъ агнецъ, и кровію его помазывались пороги; это служило огражденіемъ отъ погибели, назначенной египтянамъ. Потому, если кровь агнца сохраняла іудеевъ невредимыми среди египтянъ и во время такой опасности, то тѣмъ болѣе можетъ спасти насъ кровь Христова, которою помазуются не пороги, но души наши,—потому что и нынѣ губитель ходитъ вокругъ насъ среди настоящей глубокой ночи. Оградимъ же себя этою жертвою. Пролитіемъ называетъ помазаніе, такъ какъ и насъ Богъ извелъ изъ Египта, изъ тьмы, изъ идолопоклонства. Средство было не важно, а дѣйствія его велики: средство—кровь, а дѣйствія—спасеніе, огражденіе, избавленіе отъ погибели. Ангелъ убоялся крови, такъ какъ зналъ, чего она была прообразомъ; онъ убоялся, уразумѣвъ смерть Владычню, почему и не коснулся пороговъ. Моисей сказалъ: помажьте (пороги), и евреи помазали, и, помазавши, были увѣрены въ безопасности. А вы, имѣя кровь самого Агнца (Божія), не увѣряетесь? *Вѣрою преидоша Чермное море, аки по сусѣ земли.* Опять сравниваетъ съ народомъ цѣлый народъ, чтобы мы не говорили, что не можемъ быть святыми. *Вѣрою*, говоритъ, *преидоша Чермное море, аки по сусѣ земли: егоже искушеніе пріемше Египтяне истопишася.* Здѣсь онъ приводитъ имъ на память бѣдствія египетскія. Какъ—*вѣрою?* Они надѣялись перейти чрезъ море и молились о томъ, или лучше, молился Моисей. Видишь, какъ вѣра всегда превышаетъ разсужденія, немощь и ничтожество человѣческія? Видишь, что они, какъ скоро увѣровали, то и избавились отъ бѣдствія—и при помазаніи кровію дверей, и въ Чермномъ морѣ? Очевидно, что это была вода, такъ какъ (египтяне), вошедши въ нее, потонули; слѣдовательно, это не призракъ былъ, а дѣйствительность. Какъ растерзанные львами и сожженные въ печи доказываютъ, что это была дѣйствительность, такъ и здѣсь видно дѣйствительное событіе, послужившее однимъ во славу и спасеніе, а другимъ въ погибель. Вотъ какое большое благо—вѣра! Она спасаетъ насъ и тогда, когда мы приходимъ въ безвыходное положеніе, когда угрожаетъ намъ самая смерть, когда наши обстоятельства отчаянны. Дѣй- 136
ствительно, что тогда оставалось имъ дѣлать? Египтяне и море окружали ихъ безоружныхъ, и надлежало или бѣжать и утонуть, или попасть въ руки египтянъ; но (вѣра) спасла ихъ изъ этого безвыходнаго положенія. Вода разостлалась предъ ними,

какъ суша, а тѣхъ потопила, какъ море; для нихъ она забыла законы природы, а противъ тѣхъ вооружилась. *Вѣрою стѣны іерихонскія падоша, обхожденіемъ седмихъ дней.* Трубные звуки никакъ не могутъ разрушить каменныхъ стѣнъ, хотя бы кто трубилъ тысячу лѣтъ; а вѣра можетъ дѣлать все!

2. Видишь ли, какъ (вѣра) всегда не слѣдуетъ порядку или законамъ природы, но совершаетъ все неожиданно? Такъ и здѣсь все было неожиданно. Сказавъ неоднократно, что надобно вѣрить надеждамъ на будущее, (апостолъ) всю эту рѣчь составилъ такъ, что дѣлается яснымъ, какъ не только нынѣ, но и издревле всѣ чудеса совершались и получались ею (вѣрою). *Вѣрою Раавъ блудница не погибе съ сопротивлшимися, пріимши соглядателей съ миромъ.* Стыдно, если въ васъ окажется вѣры менѣе, нежели въ блудницѣ. Она, услышавъ слова вѣстниковъ, тотчасъ повѣрила, почему и послѣдствія были таковы: когда всѣ погибли, она одна спаслась. Не говорила она сама въ себѣ: останусь со многими другими, моими (согражданами); не сказала: могу ли я быть умнѣе столь многихъ разумныхъ мужей, которые не вѣрятъ, а я повѣрю? Не сдѣлала она ничего такого, что другой могъ бы сказать и сдѣлать, но повѣрила сказанному. *И что еще глаголю? не достанетъ бо ми повѣствующу времени* (ст. 32). (Апостолъ) болѣе не приводитъ примѣровъ, но, окончивъ блудницею и пристыдивъ качествомъ этого лица, не распространяется болѣе въ повѣствованіяхъ, чтобы не показаться многословнымъ; впрочемъ и не (совершенно) оставляетъ ихъ, но весьма мудро перечисляетъ ихъ мимоходомъ, достигая двоякой пользы—избѣгая излишества и не нарушая полноты. Онъ и не умалчиваетъ совершенно и не наскучиваетъ многословіемъ, но избѣгаетъ того и другого. Когда кто усильно доказываетъ что-нибудь и слишкомъ распространяется въ доказательствахъ, тогда онъ становится въ тягость слушателю, уже убѣжденному, наскучиваетъ ему и изобличаетъ свое честолюбіе. Вѣдь нужно сообразоваться съ пользою. *И что еще глаголю? не достанетъ бо ми повѣствующу времени о Гедеонѣ, Варацѣ же и Сампсонѣ и Іефѳаи, о Давидѣ же и Самуилѣ, и о пророцѣхъ.* Нѣкоторые осуждаютъ Павла за то, что онъ поставилъ Варака, Сампсона и Іефѳая на этомъ мѣстѣ. Но что говоришь? Развѣ онъ могъ не упомянуть объ нихъ, упомянувъ о блудницѣ? Здѣсь рѣчь идетъ не о прочихъ обстоятельствахъ ихъ жизни, но о томъ, была ли у нихъ вѣра, сіяли ли они вѣрою. *И о пророцѣхъ, иже вѣрою побѣдиша царствія* (ст. 33). Видишь ли, что (апостолъ) не свидѣтельствуетъ здѣсь объ ихъ славной жизни? Не въ этомъ здѣсь преимущественно состоитъ и вопросъ, а раскрывается вѣра. Именно, спрашивается: вѣрою ли они совершали

все? *Вѣрою*, говоритъ онъ, *побѣдиша царствія*, бывшія при Гедеонѣ. *Содѣяша правду*. Кто? Тѣ же самые. Или правдою онъ называетъ здѣсь человѣколюбіе. *Получиша обѣтованія*. Думаю, что это ска- 187
залъ онъ о Давидѣ. Какія же обѣтованія получилъ онъ? Тѣ, которыя заключались въ словахъ, что сѣмя его сядетъ на престолѣ его (Псал. cxxxi, 11). *Заградиша уста львовъ, угасиша силу огненную, избѣгоша острея меча* (ст. 34). Смотри, какъ находились въ смертной опасности—Даніилъ, окруженный львами, три отрока, бывшіе въ печи, Авраамъ, Исаакъ и Іаковъ—въ различныхъ искушеніяхъ, и однако не отчаивались. Такова вѣра: когда обстоятельства противодѣйствуютъ, тогда и должно вѣрить, что нѣтъ ничего противодѣйствующаго, а все соотвѣтственно. *Избѣгоша острея меча*. Думаю, что и это сказалъ онъ также о трехъ отрокахъ. *Возмогоша отъ немощи, быша крѣпцы во бранехъ, обратиша въ бѣгство полки чуждихъ*. Здѣсь онъ разумѣетъ обстоятельства исхода изъ плѣна вавилонскаго. *Отъ немощи*, т. е. отъ плѣна. Когда обстоятельства іудеевъ находились въ отчаянномъ положеніи, когда они нисколько не отличались отъ мертвыхъ костей, тогда и произошло возвращеніе ихъ (изъ плѣна). Кто въ самомъ дѣлѣ могъ надѣяться, что они выйдутъ изъ Вавилона, и не только выйдутъ, но сдѣлаются сильными и обратятъ *въ бѣгство полки чуждихъ?* Но съ нами, скажутъ, ничего такого не случилось. Но все это—прообразы будущаго. *Пріяша жены отъ воскресенія мертвыхъ своихъ* (ст. 35). Здѣсь онъ говоритъ о пророкахъ Елисеѣ и Иліѣ, которые воскрешали мертвыхъ. *Иніи же избіени быша, не пріемше избавленія, да лучшее воскресеніе улучатъ*. Но мы, скажутъ, не сподобились видѣть воскресенія. Но, говоритъ, я могу указать и такихъ мужей, которые были замучены, не получивъ освобожденія, *да лучшее воскресеніе улучатъ*. Почему, скажи мнѣ, они не захотѣли (оставаться въ живыхъ), тогда какъ могли жить? Не потому ли, что ожидали лучшей жизни? Тѣ, которые воскрешали другихъ, сами предпочли умереть, чтобы получить лучшее воскресеніе, а не такое, какого удостоились дѣти тѣхъ женъ. Здѣсь, мнѣ кажется, онъ разумѣетъ Іоанна (Крестителя) и Іакова, потому что избіеніемъ (ἀποτυμπανισμὸς) обозначается отсѣченіе головы. Они могли бы взирать на свѣтъ солнечный, могли бы не дѣлать обличеній, и однако рѣшились умереть; и тѣ, которые воскрешали другихъ, сами избрали себѣ смерть, чтобы получить лучшее воскресеніе. *Друзіи же руганіемъ и ранами искушеніе пріяша, еще же и узами и темницею, каменіемъ побіени быша, претрени быша, искушени быша* (ст. 36, 37).

3. Онъ оканчиваетъ тѣмъ, что болѣе близко (къ слушателямъ), потому что особенное утѣшеніе получается тогда, когда

представляется скорбь, происходившая отъ одинаковой причины. а если ты будешь говорить, хотя бы весьма сильно, но о такой скорби, которая происходила не отъ одинаковой причины, то ничего не сдѣлаешь. Поэтому онъ и оканчиваетъ рѣчь указаніемъ на узы, темницы, бичеванія, побіеніе камнями, разумѣя бывшее со Стефаномъ и Захаріею: *убійствомъ*, прибавляетъ онъ, *меча умроша*. Что говоришь ты? Одни *избѣгоша острея меча*, а другіе *убійствомъ меча умроша?* Что же это значитъ? Что ты превозносишь? Чему удивляешься? Первому, или послѣднему? Поистинѣ, говоритъ, тому и другому. Первому потому, что оно близко къ вамъ; а послѣднему потому, что вѣра оказывала свою силу при самой смерти, и это есть прообразъ будущаго. То и другое—чудеса вѣры: и то, что она совершаетъ великія дѣла, и то, что терпитъ великія бѣдствія и не думаетъ о страданіяхъ. Ты не можешь, говоритъ, сказать, что это были люди грѣшные и ничтожные; нѣтъ, если бы даже ты противопоставилъ имъ цѣлый
188 міръ, то увидѣлъ бы, что они перетягиваютъ вѣсы и оказываются болѣе важными. Потому онъ и сказалъ такъ: *ихже не бѣ достоинъ міръ* (ст. 38). Что же могли бы получить здѣсь въ награду тѣ, которыхъ достойнаго нѣтъ ничего въ мірѣ? Здѣсь (апостолъ) возвышаетъ ихъ умъ, научая не прилѣпляться къ настоящему, но помышлять о томъ, что выше всѣхъ предметовъ настоящей жизни, если весь міръ недостоинъ ихъ. Что же ты желаешь получить здѣсь? Обидно было бы, если бы ты получилъ награду здѣсь. Итакъ, не будемъ думать о мірскомъ, не станемъ искать воздаянія здѣсь, не будемъ столь жалкими. Если весь міръ недостоинъ ихъ, то для чего ты домогаешься части его? И это справедливо, потому что они—друзья Божіи. Міромъ же называетъ здѣсь или людей, или самое твореніе. Писаніе обыкновенно называетъ такъ и то, и другое. Если, говоритъ, взять все твореніе вмѣстѣ съ людьми, и тогда оно не сравняется съ ними въ достоинствѣ,—и справедливо. Какъ тысячи мѣръ сѣна и соломы не могутъ сравниться въ цѣнѣ съ десятью жемчужинами, такъ—и съ ними: *лучше бо единъ творяй волю Господа, нежели тысящи грѣшникъ* (Сирах. xvi, 3). Подъ тысячами здѣсь разумѣется не какое-либо извѣстное число, но неопредѣленное множество. Представь, какъ много значитъ праведникъ. *Рече Іисусъ Навинъ: да станетъ солнце прямо Гаваону, и луна прямо дебри Еломъ,* и было такъ (І. Нав. x, 12). Пусть выйдетъ вся вселенная, или даже двѣ, три, четыре, десять, двадцать вселенныхъ, пусть скажутъ и сдѣлаютъ это: нѣтъ, онѣ не смогутъ! А другъ Божій повелѣвалъ твореніями Друга, или, лучше сказать, просилъ Друга, и служебныя силы подчинялись ему, дольній повелѣвалъ горними.

Видишь, что эти силы существуютъ для служенія и исполняютъ опредѣленное назначеніе? Такое дѣло больше Моисеева. Что именно? То, что не одно и то же повелѣвать моремъ, и силами небесными. И первое важно, даже весьма важно, но не можетъ сравниться съ послѣднимъ. А отчего это совершилось, послушай. Отчего же? Имя Іисуса было прообразомъ Христа. Потому-то, т. е., такъ какъ онъ имѣлъ прообразовательное имя—Іисусъ, твореніе устрашилось самаго имени. Какъ, развѣ никто другой не назывался Іисусомъ? Но онъ былъ названъ этимъ именемъ, какъ прообразомъ; его звали прежде Авсіемъ, а потомъ перемѣнено ему имя, и это было предсказаніемъ и пророчествомъ. Онъ ввелъ народъ (израильскій) въ землю обѣтованную, какъ Іисусъ Христосъ (вводитъ насъ) на небо. Ни законъ, ни Моисей не сдѣлали этого, но остались внѣ; законъ не можетъ вводить туда, но благодать. Видишь, какъ прообразованія были предначертаны издревле? (Іисусъ Навинъ) повелѣвалъ природою, или лучше, главною частію природы, самъ находясь на землѣ, чтобы ты, видя Іисуса (Христа) въ образѣ человѣка, изрекающаго то же самое, не смущался и не изумлялся. Тотъ, еще при жизни Моисея, обращалъ въ бѣгство враговъ; этотъ, и при существованіи закона, управляетъ всѣмъ, хотя и не открыто. Впрочемъ посмотримъ, какъ сильна добродѣтель святыхъ.

4. Если здѣсь они совершаютъ такія дѣла, если здѣсь дѣйствуютъ такъ, какъ ангелы, то что тамъ? Какую тамъ они имѣютъ славу? Можетъ быть, каждый изъ васъ хотѣлъ бы быть такимъ, чтобы повелѣвать солнцемъ и луною. Здѣсь замѣтимъ: 189
что сказали бы при этомъ тѣ, которые утверждаютъ, будто небо есть круглое тѣло? Почему онъ не сказалъ: *да станетъ солнце*, но прибавилъ: *прямо Гаваону, и луна прямо дебри Еломъ*, т. е., чтобы день сдѣлался больше? То же было и при Езекіи: солнце возвратилось назадъ (Иса. xxxvIII, 8). Но послѣднее чудеснѣе перваго, т. е. что солнце пошло опять въ противоположную сторону, не совершивъ еще своего теченія. А мы, если захотимъ, можемъ достигнуть большаго. Что въ самомъ дѣлѣ обѣщалъ намъ Христосъ? Не останавливать солнце, или луну, не возвращать назадъ солнце,—а что? *Азъ и Отецъ мой къ нему пріидемъ*, говоритъ Онъ, *и обитель у него сотворимъ* (Іоан. xIv, 23). Какая мнѣ нужда въ солнцѣ и лунѣ и въ этихъ чудесахъ, если самъ Владыка всего сойдетъ ко мнѣ и поселится у меня. Нѣтъ мнѣ въ томъ нужды. Какая мнѣ нужда во всемъ этомъ? Онъ самъ будетъ для меня солнцемъ, луною и свѣтомъ. Скажи мнѣ: чего бы ты хотѣлъ, пришедши въ царскій дворецъ,—того ли, чтобы имѣть возможность переставливать вещи, прикрѣпленныя (къ своему мѣсту),

или быть въ такой близости къ царю, чтобы онъ склонился самъ придти къ тебѣ? Не болѣе ли (хотѣлъ бы ты) послѣдняго, нежели перваго? Что же? Развѣ не удивительно, что человѣкъ повелѣваетъ такъ же, какъ и Христосъ? Но Христосъ, скажешь, при этомъ не имѣетъ нужды въ Отцѣ, а дѣйствуетъ собственною властію. Такъ; исповѣдуй же напередъ и скажи, что Онъ не имѣетъ нужды въ Отцѣ и дѣйствуетъ собственною властію; тогда и я спрошу тебя, или лучше, научу тебя касательно молитвы, которую Онъ произносилъ, что она была дѣломъ Его снисхожденія и домостроительства,—вѣдь Христосъ, конечно, былъ не менѣе Іисуса Навина,—и что Онъ можетъ научать насъ и безъ молитвы. Какъ учителя, когда ты слышишь его лепечущимъ и перечисляющимъ буквы, ты не называешь незнающимъ, и когда онъ спрашиваетъ: гдѣ такая-то буква?—ты понимаешь, что онъ спрашиваетъ не по незнанію, а потому, что хочетъ вразумить учащагося,—такъ и Христосъ совершалъ молитву, не имѣя нужды въ молитвѣ, но желая научить тебя—быть постоянно внимательнымъ къ молитвѣ, совершать ее непрестанно, бодрственно и неусыпно. Подъ неусыпностію я разумѣю не только то, чтобы пробуждаться ночью, но чтобы и днемъ бодрствовать въ молитвахъ: такой именно человѣкъ называется неусыпнымъ. И ночью молясь, можно спать, и днемъ, не молясь, можно бодрствовать, когда душа бываетъ устремлена къ Богу, когда она понимаетъ, съ Кѣмъ бесѣдуетъ и къ Кому обращено ея слово, когда содержитъ въ умѣ, что ангелы предстоятъ Ему со страхомъ и трепетомъ,—а самъ-то (человѣкъ) приступаетъ, зѣвая и почесываясь.

Великое оружіе—молитва, если она совершается съ надлежащими мыслями. Чтобы тебѣ уразумѣть ея силу, обрати вниманіе на слѣдующее: непрестанная молитва преодолѣла безстыдство, несправедливость, жестокость и грубость: *слышите*, сказалъ (Господь), *что судія неправды глаголетъ* (Лук. XVIII, 6). Она преодолѣла лѣность, и чего не сдѣлала дружба, то сдѣлала непрестанная молитва: *аще и не дастъ ему*, сказалъ (Господь), *зане другъ ему есть, но за безочство его возставъ дастъ ему* (Лук. XI, 8). И недостойную (жену) непрестанная молитва сдѣлала достойною: *нѣсть добро*, сказалъ (Господь), *отъяти хлѣба чадомъ, и поврещи псомъ. Она же рече: ей, Господи: ибо и пси ядятъ отъ трапезы господей своихъ* (Мѳ. XV, 26, 27).

5. Будемъ же прилежны въ молитвѣ; она представляетъ великое оружіе, если совершается усердно, безъ тщеславія, отъ
190 искренняго сердца; она обращала въ бѣгство враговъ; она оказывала благодѣяніе цѣлому народу и при томъ недостойному: *вопли ихъ услышахъ*, говоритъ (Богъ), *и снидохъ изъяти ихъ*

(Исх. III, 7, 8); она—спасительное лѣкарство, предохраняющее отъ грѣховъ и исцѣляющее отъ преступленія: къ ней прибѣгала и оставленная всѣми вдова. Потому, если мы будемъ молиться со смиреніемъ, если будемъ ударять себя въ грудь, подобно мытарю, если будемъ произносить, подобно ему, слова: *милостивъ буди мнѣ грѣшнику* (Лук. XVIII, 14), то получимъ все. Правда, мы не мытари; но у насъ есть другіе грѣхи, не меньшіе его (грѣховъ). Не говори мнѣ, что ты грѣшенъ въ маломъ: всякое (грѣховное) дѣло въ существѣ своемъ одинаково. Какъ убійцею одинаково называется и тотъ, кто убилъ дитя, и тотъ, кто убилъ мужа, такъ и любостяжательнымъ—любостяжательный и въ маломъ, и въ великомъ. И злопамятство—не малый, но великій грѣхъ: *путіе злопомнящихъ*, говоритъ (Премудрый), *въ смерть* (Притч. XII, 28); и (Христосъ говоритъ): *гнѣвающійся на брата своего всуе, повиненъ есть геннѣ*, равно какъ и говорящій брату своему: *рака* или *уроде*, и тому подобное (Мѳ. V, 22). Мы недостойно причащаемся страшныхъ таинъ, завидуемъ, злословимъ; а нѣкоторые изъ насъ часто и упиваются. Каждое изъ этихъ дѣлъ само по себѣ достаточно для того, чтобы лишить насъ царствія (небеснаго); а если они соединятся вмѣстѣ, то какое мы можемъ имѣть оправданіе? Много намъ нужно каяться, возлюбленные, много молиться, много терпѣть, много оказывать усердія, чтобы получить обѣщанныя намъ блага. Будемъ же говорить и мы: *милостивъ буди мнѣ грѣшнику*; или лучше—не говорить только, но и думать такъ; и если кто другой будетъ обличать насъ, не станемъ гнѣваться. Тотъ (мытарь) слышалъ (какъ объ немъ было сказано): *нѣсмь, якоже сей мытарь* (Лук. XVIII, 11), и не раздражился, но пришелъ въ сокрушеніе,—получилъ оскорбленіе, но самъ не отвѣчалъ оскорбленіемъ. Тотъ открылъ его рану, а онъ нашелъ лѣкарство. Будемъ же говорить: *милостивъ буди мнѣ грѣшнику*, и когда другой скажетъ намъ то же, не будемъ досадовать. Если же мы, хотя сами признаемъ за собою много дурного, но, слыша это отъ другихъ, негодуемъ, то это уже не есть смиреніе и исповѣданіе, а честолюбіе и тщеславіе. Неужели, скажешь, называть себя самого грѣшникомъ значитъ тщеславиться? Да; этимъ путемъ мы пріобрѣтаемъ славу людей смиренныхъ, становимся предметомъ удивленія, похвалъ; а если бы мы стали говорить о себѣ противное, то заслужили бы презрѣніе. Такъ мы и это дѣло совершаемъ изъ тщеславія.

Въ чемъ же состоитъ смиреніе? Въ томъ, чтобы переносить, когда кто-нибудь другой поноситъ насъ, сознавать грѣхъ свой, терпѣть злословіе. Впрочемъ и это было бы знакомъ не столько смиренія, сколько благоразумія. Между тѣмъ мы теперь хотя сами себя называемъ грѣшными, недостойными, и говоримъ многое

другое, но если кто-нибудь другой скажетъ объ насъ что-либо подобное, то мы раздражаемся, свирѣпѣемъ. Видишь ли, что у насъ нѣтъ исповѣданія грѣховъ и даже благоразумія? Ты самъ называешь себя такимъ; не досадуй же, когда слышишь то же отъ другихъ, когда обличаютъ тебя другіе. Когда другіе поносятъ тебя, тогда чрезъ это обличаются грѣхи твои; они на себя налагаютъ бремя, а тебя приводятъ къ любомудрію. Послушай, что говорилъ блаженный Давидъ, когда проклиналъ его Семей: *оставите его: Господь рече ему, негли призритъ на смиреніе мое: и возвра-*
191 *титъ ми Господь благая, вмѣсто клятвы его въ днешній день* (2 Цар. xvi, 11, 12). А ты, самъ о себѣ говоря много дурного, негодуешь, если не слышишь себѣ отъ другихъ тѣхъ похвалъ, какія воздаются великимъ праведникамъ. Не видишь ли, что ты шутишь въ дѣлахъ нешуточныхъ? Такъ мы отклоняемъ похвалы изъ желанія другихъ похвалъ, чтобы послѣ получить бо́льшія похвалы, чтобы намъ еще болѣе удивлялись. Такъ, не допуская
192 похвалъ, мы дѣлаемъ это для увеличенія ихъ; и все вообще дѣлается у насъ изъ тщеславія, а не по правдѣ. Потому-то у насъ все пусто, все невѣрно. Итакъ, увѣщеваю васъ, удержимся хотя нынѣ отъ источника золъ—тщеславія, и станемъ жить богоугодно, чтобы намъ сподобиться и будущихъ благъ, во Христѣ Іисусѣ, Господѣ нашемъ.

БЕСѢДА XXVIII.

191 **Проидоша въ милотехъ, въ козіяхъ кожахъ, лишени, скорбяще, озлоблени: ихже не бѣ достоинъ міръ сей: въ пустыняхъ скитающеся, и въ горахъ, и въ вертепахъ, и въ пропастехъ земныхъ (Евр. xi, 37, 38).**

1. И всегда, но особенно когда я размышляю о подвигахъ святыхъ, мнѣ приходитъ на мысль—осуждать свои дѣла; мы и во снѣ не испытывали того, въ чемъ эти мужи провели все время, не въ наказаніе за грѣхи, но постоянно совершая добрыя дѣла и постоянно подвергаясь скорбямъ. Представь Илію, о которомъ теперь начинается у насъ рѣчь; а о немъ здѣсь говоритъ (апостолъ) въ словахъ: *проидоша въ милотехъ*, и имъ оканчиваетъ примѣры, не оставляя, впрочемъ, и другихъ, такъ какъ и для нихъ то же самое было дѣломъ обыкновеннымъ. Сказавъ объ апостолахъ, что они *убійствомъ меча умроша и каменіемъ побіени быша*, онъ опять восходитъ къ Иліѣ, который пострадалъ подобно имъ. Такъ какъ они еще не имѣли такого мнѣнія объ апосто-

лахъ, то онъ предлагаетъ увѣщаніе и утѣшеніе въ примѣрѣ того, кто былъ вознесенъ и кому они весьма удивлялись. *Проидоша*, говоритъ, *въ милотехъ, въ козіяхъ кожахъ, лишени, скорбяще, озлоблени: ихже не бѣ достоинъ міръ* сей. По преизбытку скорбей они не имѣли, говоритъ, ни одежды для прикрытія себя, ни города, ни дома, ни убѣжища, подобно какъ и Христосъ говорилъ о Себѣ: *сынъ человѣческій не иматъ гдѣ главы подклонити* (Мѳ. VIII, 20). Что я говорю: ни убѣжища? Даже покоя. И въ пустыняхъ они не находили покоя: не сказалъ (апостолъ), что они пребывали въ пустыняхъ, но что и тамъ скитались и оттуда были изгоняемы, не только изъ обитаемыхъ странъ, но и изъ необитаемыхъ. Здѣсь онъ упоминаетъ и о мѣстахъ, гдѣ они находились, и о томъ, что тамъ происходило съ ними: *лишени*, говоритъ, *скорбяще*. Васъ, говоритъ, осуждаютъ за Христа; то же дѣлали и съ Иліею: но за что его осуждали, гнали, преслѣдовали и заставляли томиться голодомъ? То же самое и они тогда терпѣли, какъ онъ говоритъ въ другомъ мѣстѣ, что братія разсудили послать страждущимъ ученикамъ: *по елику кто имѣяше что, изволиша кійждо ихъ на службу послати живущимъ во Іудеи братіямъ* (Дѣян. XI, 29). Такъ было съ ними. *Озлоблени*, говоритъ, т. е. страдая, подвергаясь изгнаніямъ, опасностямъ. То же самое было и съ 192
ними. *А слова: *проидоша въ пустыняхъ скитающеся, и въ горахъ, и въ вертепахъ, и въ пропастехъ земныхъ*, означаютъ не что иное, какъ то, что они скитались, подобно бѣглецамъ и переселенцамъ, подобно людямъ, виновнымъ въ тяжкихъ преступленіяхъ и недостойнымъ взирать на солнце, и даже въ пустыняхъ не находили убѣжища, но постоянно должны были бѣгать, должны были искать пристанища, должны были живыми зарываться въ землю, постоянно подвергаться страху. *И сіи вси послушествовани бывше вѣрою, не пріяша обѣтованія, Богу лучшее что о насъ предзрѣвшу, да не безъ насъ совершенство пріимутъ* (ст. 39, 40). Какая же, говоритъ, награда за такую надежду? Какое воздаяніе? Великое, и столь великое, что даже не можетъ быть выражено словомъ: *ихже*, говоритъ, *око не видѣ, и ухо не слыша, и на сердце человѣку не взыдоша, яже уготова Богъ любящимъ его* (1 Кор. II, 9). Но они еще не получили этого, еще ожидаютъ, скончавшись въ такихъ скорбяхъ. Уже прошло столько времени, какъ они остались побѣдителями, и еще не получили награды; а вы, находясь еще въ подвигѣ, сѣтуете? Подумайте, что значитъ и чего стоитъ Аврааму и апостолу Павлу ожидать, когда ты достигнешь совершенства, чтобы тогда имѣть возможность получить награду. Спаситель предсказалъ, что Онъ не дастъ имъ награды, пока мы не придемъ, подобно тому, какъ чадолюбивый отецъ говоритъ благо-

правнымъ и исполнившимъ свое дѣло дѣтямъ, что не дастъ имъ ѣсть, пока не придутъ ихъ братья. А ты сѣтуешь, что еще не получилъ награды? Что же дѣлать Авелю, который прежде всѣхъ побѣдилъ и остается неувѣнчаннымъ? Что—Ною? Что—другимъ, жившимъ въ тѣ времена и ожидающимъ тебя и тѣхъ, которые будутъ послѣ тебя?

Видишь, что мы имѣемъ преимущество предъ ними? Поэтому хорошо сказалъ (апостолъ): *Богу лучшее что о насъ предзрѣвшу*. Чтобы не казалось, будто они имѣютъ преимущество предъ нами въ томъ, что увѣнчиваются первые, (Богъ) опредѣлилъ увѣнчать всѣхъ въ одно время, и тотъ, кто побѣдилъ за столько лѣтъ, получитъ вѣнецъ вмѣстѣ съ тобою. Видишь ли попеченіе (о насъ Божіе)? И не сказалъ: да не безъ насъ будутъ увѣнчаны, но: *да не безъ насъ совершенство пріимутъ;* значитъ—тогда они и совершенными окажутся. Они предупредили насъ въ подвигахъ, но не предупредятъ въ полученіи вѣнцовъ; и это не есть несправедливость къ нимъ, но честь намъ, такъ какъ и они ожидаютъ своихъ братьевъ. Если всѣ мы—одно тѣло, то для этого тѣла болѣе удовольствія, когда оно увѣнчается всецѣло, а не по частямъ. Праведники потому и достойны удивленія, что они радуются благамъ братьевъ такъ же, какъ своимъ собственнымъ. И они сами же-
193 лаютъ—быть увѣнчанными съ другими своими членами, потому что въ общемъ прославленіи—великое удовольствіе. *Тѣмже убо и мы толикъ имуще облежащъ насъ облакъ свидѣтелей* (XII, 1).

2. Писаніе часто заимствуетъ утѣшеніе въ бѣдствіяхъ отъ обыкновенныхъ явленій, какъ, напр., когда пророкъ говоритъ: *отъ зноя, отъ жестости и дождя* избавитъ тебя (Иса. IV, 6), и Давидъ: *во дни солнце не ожжетъ тебе, ниже луна нощію* (Псал. CXX, 6). Такъ (и апостолъ) здѣсь говоритъ, что какъ облако своею тѣнію защищаетъ того, кого палятъ жгучіе лучи, такъ и воспоминаніе о святыхъ возстановляетъ и укрѣпляетъ душу, удрученную бѣдствіями. Не сказалъ: висящій надъ нами, но: *облежащъ насъ*, что̀ означаетъ болѣе и показываетъ, что, облегая кругомъ, (это облако свидѣтелей) дѣлаетъ насъ болѣе безопасными. Свидѣтелями же онъ называетъ не только новозавѣтныхъ мужей, но и ветхозавѣтныхъ, потому что и они свидѣтельствовали о величіи Божіемъ, какъ, напр., три отрока, современники Иліи и всѣ пророки. *Бремя всякое отложше*. Какое—*всякое*? Т. е. сонъ, нерадѣніе, низкіе помыслы, все человѣческое. *И удобообстоятельный грѣхъ. Удобообстоятельный*, говоритъ, т. е. или удобно овладѣвающій нами, или удобно побѣждаемый; лучше послѣднее, такъ какъ мы можемъ, если захотимъ, легко побѣдить грѣхъ. *Терпѣніемъ*, говоритъ, *да течемъ на предлежащій намъ подвигъ*. Не

сказалъ: будемъ бороться, или: будемъ ратовать, или: будемъ сражаться, но что всего легче на поприщѣ, то и поставляетъ на видъ. Не сказалъ также: усилимъ теченіе, но: будемъ терпѣливы въ томъ же самомъ теченіи, не будемъ ослабѣвать. *Да течемъ*, говоритъ, *на предлежащій намъ подвигъ*. Потомъ представляетъ главное утѣшеніе, которое онъ предлагаетъ и прежде, и послѣ,— Христа: *взирающе*, говоритъ, *на начальника вѣры и совершителя Іисуса* (ст. 2). Такъ и самъ Христосъ постоянно говорилъ ученикамъ: *аще господина дому Веельзевула нарекоша, кольми паче домашнія его* (Мѳ. x, 25)? и еще: *нѣсть ученикъ надъ учителя, ниже рабъ надъ господина своего* (ст. 24). *Взирающе*, говоритъ, т. е., чтобы намъ научиться подвигамъ, будемъ взирать на Христа. Какъ во всѣхъ искусствахъ и упражненіяхъ мы смотримъ на учителей и такимъ образомъ напечатлѣваемъ искусство въ душѣ своей, при помощи зрѣнія извлекая для себя нѣкоторыя правила,—такъ точно и здѣсь. Если мы хотимъ подвизаться и научиться подвизаться хорошо, то будемъ взирать на Христа, начальника вѣры и совершителя Іисуса. Что это значитъ? Т. е. Онъ внѣдрилъ въ насъ вѣру, Онъ положилъ начало, какъ и Христосъ говорилъ ученикамъ своимъ: *не вы мене избрасте, но азъ избрахъ васъ* (Іоан. xv, 16); и Павелъ говоритъ: *тогда же познаю, якоже и познанъ быхъ* (1 Кор. xiii, 12). Если же Онъ самъ положилъ въ насъ начало, то Онъ же совершитъ и конецъ. *Иже вмѣсто предлежащія ему радости, претерпѣ крестъ, о срамотѣ нерадивъ*, т. е., Онъ могъ 194
бы и не страдать, если бы захотѣлъ, потому что Онъ *беззаконія не сотвори, ниже обрѣтеся лесть во устѣхъ его* (Иса. liii, 9), какъ и самъ Онъ говоритъ въ Евангеліи: *грядетъ міра князь, и во мнѣ не иматъ ничесоже* (Іоан. xiv, 30). Слѣдовательно, Онъ могъ бы, если бы захотѣлъ, не идти на крестъ: *область имамъ*, говоритъ Онъ, *душу мою положити, и область имамъ паки пріяти ю* (Іоан. x, 18). Если же Онъ, не имѣя никакой нужды быть распятымъ, распялся для насъ, то не тѣмъ ли болѣе справедливо намъ переносить все мужественно? *Иже вмѣсто предлежащія ему радости, претерпѣ крестъ, о срамотѣ нерадивъ*. Что значитъ: *о срамотѣ нерадивъ*? Онъ избралъ, говоритъ, поносную смерть. Пусть Онъ умеръ: но для чего поносною смертію? Не для чего иного, какъ для того, чтобы научить насъ—ставить ни во что славу человѣческую. Потому Онъ и избралъ такую (смерть), не будучи причастенъ грѣху, чтобы научить насъ мужественно встрѣчать ее и ставить ее ни во что. Почему не сказалъ: о скорби, но: *о срамотѣ*? Потому что (Христосъ) переносилъ это не со скорбію. Что же наконецъ? Послушай, что говоритъ далѣе: *одесную же престола Божія сѣде*. Замѣчаешь побѣдную награду? То же гово-

ритъ Павелъ и въ другомъ посланіи: *тѣмже и Богъ его превознесе, и дарова ему имя, еже паче всякаго имене, да о имени Іисусъ Христовѣ всяко колѣно поклонится* (Филип. II, 9, 10). Это говоритъ онъ (о Христѣ) по плоти. Впрочемъ, если бы и не было никакой награды, то этого примѣра достаточно было бы для убѣжденія насъ—переносить все; нынѣ же предлагаются намъ и награды, и не какія-нибудь, а великія и неизреченныя. Итакъ, когда мы будемъ терпѣть что-нибудь подобное, то прежде. чѣмъ на апостоловъ, будемъ взирать на Христа. Почему? Потому что вся жизнь Его была исполнена скорбей; Онъ часто слышалъ, какъ называли Его бѣснующимся, обманщикомъ, чародѣемъ. Иногда іудеи говорили: *нѣсть сей отъ Бога* (Іоан. IX, 16); а иногда: *ни, но льститъ народы* (Іоан. VII, 12); и еще: *льстецъ онъ рече, еще сый живъ: по тріехъ днехъ востану* (Мѳ. XXVII, 63); и въ чародѣйствѣ обвиняли Его, говоря: *о Веельзевулѣ изгонитъ бѣсы* (Мѳ. XII, 24), и въ томъ, что Онъ бѣснуется и имѣетъ бѣса: не правду ли сказали мы, говорили. что Онъ *бѣса иматъ и неистовъ есть* (Іоан. X, 20)? И такіе отзывы выслушивалъ Онъ отъ нихъ, въ то время, когда оказывалъ благодѣянія, совершалъ чудеса, являлъ дѣла Божіи. Если бы Онъ выслушивалъ это, не дѣлая ничего подобнаго, то не было бы удивительно; но если Онъ, научая истинѣ, былъ называемъ обманщикомъ,—изгоняя бѣсовъ, былъ порицаемъ какъ имѣющій бѣса,—истребляя все противное, былъ провозглашаемъ за чародѣя,—то не крайне ли это удивительно? Дѣйствительно, на Него непрестанно возводили такія обвиненія.

3. Если хочешь знать и тѣ насмѣшки и порицанія, которыя были направлены противъ Него и которыя особенно возмущаютъ наши души, то послушай, какъ смѣялись, во-первыхъ, надъ Его происхожденіемъ: *не сей ли*, говорили, *есть тектоновъ сынъ, егоже мы знаемъ отца и матерь? и братія его не вся ли въ насъ суть* (Мѳ. XIII, 55; Іоан. VI, 24)? И надъ отечествомъ Его смѣялись, говоря, что Онъ—изъ Назарета, и выражаясь такъ: *испытай и*
195 *виждь, яко пророкъ отъ Галилеи не приходитъ* (Іоан. VII, 52). Но
Онъ переносилъ всѣ эти насмѣшки. Говорили также: *не Писаніе ли рече, яко отъ Виѳлеемскія веси Христосъ пріидетъ* (VII, 42)? Хочешь ли видѣть и тѣ оскорбленія, которыя были наносимы Ему при самомъ крестѣ? Кланялись Ему въ насмѣшку, били и заушали Его и говорили: *прорцы намъ, кто есть ударей тя* (Мѳ. XXVI, 68); подносили уксусъ и говорили: *аще сынъ еси Божій, сниди со креста* (Мѳ. XXVII, 40). Даже рабъ архіерейскій ударилъ Его, а (Господь) сказалъ: *аще злѣ глаголахъ, свидѣтельствуй о злѣ: аще ли добрѣ, что мя біеши* (Іоан. XVIII, 23)? Издѣваясь надъ Нимъ, одѣли Его въ хламиду и плевали Ему въ лице, и постоянно

ругались надъ Нимъ, искушая Его. Хочешь ли видѣть обвиненія противъ Него, и тайныя и явныя, и со стороны учениковъ? *Еда и вы хощете ити* (Іоан. VI, 67)?—говорилъ Онъ имъ: и: *бѣса ли имаши?*—говорили уже увѣровавшіе (Іоан. VII, 20). Развѣ Онъ, скажи мнѣ, не удалялся постоянно то въ Галилею, то въ Іудею? Не отъ пеленокъ ли подвергался Онъ многимъ искушеніямъ? Не младенцемъ ли Онъ былъ, когда мать, взявъ Его, убѣжала въ Египетъ? Потому (Павелъ) и говоритъ: *взирающе на начальника вѣры и совершителя Іисуса, иже вмѣсто предлежащія ему радости претерпѣ крестъ, о срамотѣ нерадивъ, одесную же престола Божія сѣде.* Будемъ же взирать на Него, равно и на (страданія) учениковъ Его, читая и внимая тому, что говоритъ Павелъ: *въ терпѣніи мнозѣ, въ скорбяхъ, въ бѣдахъ,* въ гоненіяхъ, *въ тѣснотахъ, въ ранахъ, въ темницахъ, въ нестроеніихъ, въ пощеніихъ, въ трудѣхъ, во очищеніи, въ разумѣ* (2 Кор. VI, 4—6); и еще: *до нынѣшняго часа и алчемъ, и жаждемъ, и наготуемъ, и страждемъ, и скитаемся, и труждаемся, дѣлающе своими руками: укоряеми, благословляемъ: гоними, терпимъ: хулими, молимъ* (1 Кор. IV, 11—13). Можетъ ли изъ насъ кто-нибудь сказать, что онъ перенесъ хотя малѣйшую часть такихъ страданій? Мы, говоритъ онъ, какъ обманщики, какъ безчестные, какъ ничего не имѣющіе (2 Кор. VI, 10): и еще: *отъ Іудей пятькраты четыредесять развѣ единыя пріяхъ: трищи палицами біенъ быхъ, единою каменми наметанъ быхъ, нощь и день во глубинѣ сотворихъ, въ путныхъ шествіихъ множицею,* въ скорбяхъ, въ тѣснотѣ, въ голодѣ (2 Кор. XI, 24—26). А что все это угодно было Богу, о томъ послушай, какъ онъ самъ говоритъ: *о семъ трикраты Господа молихъ, и рече ми: довлѣетъ ти благодать моя: сила бо моя въ немощи совершается* (2 Кор. XII, 8. 9). *Тѣмже,* говоритъ, и *благоволю въ немощехъ, въ досажденіихъ, въ бѣдахъ, въ тѣснотахъ,* въ ранахъ, въ темницахъ, *да вселится въ мя сила Христова* (2 Кор. XII, 10, 9). И самъ Христосъ, послушай, что говоритъ: *въ мірѣ скорбни будете* (Іоан. XVI, 33). *Помыслите убо,* продолжаетъ (апостолъ), *таковое пострадавшаго отъ грѣшникъ на себе прекословіе, да не стужаете, душами своими ослабляеми* (ст. 3). Справедливо онъ прибавилъ это, потому что если страданія ближнихъ ободряютъ насъ, то какого утѣшенія не доставятъ намъ страданія Владыки? Чего не сдѣлаютъ съ нами? И замѣть, какъ онъ, не исчисляя всего, въ этомъ прибавленіи обозначилъ все словомъ: *прекословіе;* заушенія, насмѣшки, 196
оскорбленія, поношенія, поруганія, все это онъ назвалъ прекословіемъ, и не только это, но и все то, что было во всю жизнь Его учительства. Будемъ же, возлюбленные, постоянно вспоминать объ этомъ, будемъ ночью и днемъ содержать это въ мысляхъ

своихъ, зная, что это принесетъ намъ великія блага, что мы получимъ отсюда великую пользу.

Великое, дѣйствительно великое утѣшеніе для насъ—страданія Христа и апостоловъ. Этотъ путь къ добродѣтели (Христосъ) считалъ столь прекраснымъ, что и самъ шелъ по нему, не имѣя въ томъ нужды; скорбь признавалъ Онъ такъ полезною для насъ, какъ бы она была источникомъ радости. Послушай въ самомъ дѣлѣ, что самъ Христосъ говоритъ: *иже не пріиметъ креста своего, и въ слѣдъ мене грядетъ, нѣсть мене достоинъ* (Мѳ. х, 38). Такимъ наставленіемъ Онъ внушаетъ какъ бы слѣдующее: если ты ученикъ, то подражай учителю,—это свойственно ученику. Если же Онъ шелъ по скорбному пути, а ты идешь по радостному, то ты идешь не по тому пути, по которому Онъ шелъ, а по другому. Какой же ты послѣдователь, когда не слѣдуешь? Какой ты ученикъ, когда не подражаешь учителю? Такъ и Павелъ говоритъ: *мы немощни, вы же крѣпцы: мы безчестни, вы же славни* (1 Кор. IV, 10). Согласно ли, говоритъ, съ разумомъ—имѣть вамъ противоположныя съ нами стремленія, и вмѣстѣ быть вамъ учениками, а намъ учителями? Итакъ, возлюбленные, великое благо—скорбь; она производитъ два величайшія дѣла, очищаетъ грѣхи и дѣлаетъ насъ мужественными.

4. Но что, скажешь, если она преодолѣетъ и погубитъ? Нѣтъ, не скорбь дѣлаетъ это, а наша лѣность. Какъ такъ? Если мы будемъ бодрствовать, если будемъ молить Бога, чтобы Онъ не попустилъ намъ *искуситися паче еже* можемъ (1 Кор. х, 13), если всегда будемъ преданы Ему, то мы устоимъ мужественно и выдержимъ борьбу. Пока мы будемъ имѣть Его своимъ помощникомъ, до тѣхъ поръ хотя бы искушенія сильнѣе всякихъ бурь нападали на насъ, они будутъ для насъ сѣномъ и листьями, легко уносимыми (вѣтромъ). Послушай Павла, который говоритъ: *во всѣхъ сихъ препобѣждаемъ* (Рим. VIII, 37); и еще: *непщую бо, яко недостойны страсти нынѣшняго времене къ хотящей славѣ явитися въ насъ* (Рим. VIII, 18); и еще: *еже бо нынѣ легкое печали, по преумноженію въ преспѣяніе тяготу вѣчную славы содѣловаетъ намъ* (2 Кор. IV, 17). Смотри, какія опасности, кораблекрушенія, непрестанныя скорби и все тому подобное онъ называетъ легкимъ, и подражай этому адаманту, какъ бы совершенно не облеченному тѣломъ. Ты находишься въ бѣдности? Но не въ такой, въ какой былъ Павелъ, искусившійся и въ голодѣ, и въ жаждѣ, и въ наготѣ; и не одинъ только день онъ терпѣлъ это, а переносилъ постоянно. Откуда это извѣстно? Послушай, какъ онъ самъ говоритъ: *до нынѣшняго часа и алчемъ, и жаждемъ, и наготуемъ* (1 Кор. IV, 11). О, сколько терпѣлъ (этотъ мужъ), уже просла-

вившійся проповѣдію, уже двадцать лѣтъ подвизавшійся къ тому времени, какъ онъ писалъ это. *Вѣмъ*, говоритъ, *человѣка прежде лѣтъ четыренадесяти, аще въ тѣлѣ, аще ли кромѣ тѣла, не вѣмъ* (2 Кор. xII, 2); и въ другомъ мѣстѣ: *по тріехъ лѣтѣхъ взыдохъ* 197
во Іерусалимъ (Гал. I, 18). И еще, послушай, какъ онъ говоритъ: *добрѣе мнѣ паче умрети, нежели похвалу мою кто да испразднитъ* (1 Кор. IX, 15). И не только такъ, но еще, послушай, что онъ говоритъ: *якоже отреби міру быхомъ* (1 Кор. IV, 13). Что хуже голода, холода, козней отъ братій, которыхъ, впрочемъ, онъ называетъ лжебратіями? Не называли ли его и губителемъ вселенной, и обольстителемъ, и обманщикомъ? Не били ли его бичами? Будемъ же содержать это въ умѣ, возлюбленные, будемъ помышлять объ этомъ, будемъ помнить это, и мы никогда не падемъ духомъ, хотя бы насъ обижали, хотя бы грабили, хотя бы причиняли тысячи другихъ бѣдствій. Дай Богъ намъ благоденствовать на небесахъ, а все здѣшнее сносно; дай Богъ намъ достигнуть блаженства тамъ, а все здѣшнее нисколько не важно. Это—тѣнь и сновидѣніе; каково бы оно ни было, но въ сравненіи съ будущимъ и ожидаемымъ въ немъ нѣтъ ничего тяжкаго ни по качеству, ни по времени. Что можемъ мы сравнить съ тамошними мученіями, съ огнемъ неугасаемымъ, съ червемъ неумирающимъ? Что здѣшнее можно сравнить со скрежетомъ зубовъ, заключеніемъ во тьму кромѣшнюю, яростію, печалію, воздыханіемъ? А въ отношеніи времени, что значатъ даже десятки тысячъ лѣтъ сравнительно съ безпредѣльными и нескончаемыми вѣками? Не малая ли это капля предъ безпредѣльною бездною? А тамошнія блага? Они несравненно превосходнѣе здѣшнихъ: *ихже око не видѣ*, говоритъ (апостолъ), *и ухо не слыша, и на сердце человѣку не взыдоша* (1 Кор. II, 9). И они также будутъ продолжаться въ безконечные вѣки. Поэтому ужели не стоитъ для нихъ тысячекратно пострадать, быть убитымъ, быть сожженнымъ, претерпѣть тысячи смертей, перенести все, что только есть ужаснаго и на словахъ, и на дѣлѣ? Вѣдь если (можетъ случиться, что) мы будемъ жить сгорая въ огнѣ, то не слѣдуетъ ли перенесть все, чтобы удостоиться тѣхъ обѣщанныхъ благъ?

Но для чего я напрасно говорю это людямъ, которые не хотятъ даже отказаться отъ привязанности къ деньгамъ, считаютъ ихъ какъ бы безсмертными и, если подадутъ только малое изъ многаго, то думаютъ, что уже исполнили все? Нѣтъ, это—не милостыня; милостыня—(подаяніе) той вдовы, которая пожертвовала *все житіе свое* (Марк. xII, 44). Если же ты не хочешь подать столько, сколько эта вдова, то отдай по крайней мѣрѣ все лишнее; пусть будетъ у тебя всего достаточно, но безъ излишества. Но никто

не подаетъ даже и лишняго; а пока ты имѣешь множество слугъ и шелковыя одежды, то все это лишнее. Нѣтъ ни нужды, ни пользы въ томъ, безъ чего мы можемъ жить; это—лишнее и извнѣ привходящее. Посмотримъ же, если угодно, безъ чего мы не можемъ жить. Если мы имѣемъ только двоихъ слугъ, то можемъ жить. Вѣдь если нѣкоторые живутъ вовсе безъ слугъ, то какое мы можемъ имѣть оправданіе, не довольствуясь двумя? Мы можемъ имѣть и кирпичный домъ съ тремя комнатами, и этого будетъ для насъ достаточно; развѣ, скажи мнѣ, нѣтъ людей, которые съ дѣтьми и женою занимаютъ только одну комнату? Пусть же будутъ у тебя, если хочешь, двое слугъ. Но не стыдно ли, говорятъ, свободной женщинѣ ходить съ двумя только слугами? Нѣтъ, не съ двумя слугами стыдно ходить свободной, а стыдно ходить съ многими. Можетъ быть, вы смѣетесь,
198 слушая это. Повѣрьте, стыдно ходить съ многими. Точно какіе продавцы овецъ, или торговцы невольниками, вы считаете чѣмъ-то важнымъ—ходить въ сопровожденіи множества слугъ. Это—гордость и тщеславіе; а то—благоразуміе и скромность. Свободной женщинѣ нужно отличаться не множествомъ идущихъ за нею: что за добродѣтель—имѣть много невольниковъ? Это несвойственно нашей душѣ; а что несвойственно душѣ, то не дѣлаетъ ея свободною. Когда она довольствуется немногимъ, тогда она истинно свободна; а когда нуждается во многомъ, тогда она—раба и хуже невольниковъ.

5. Скажи мнѣ: ангелы не одни ли обтекаютъ вселенную и нуждаются ли въ комъ-нибудь, кто бы слѣдовалъ за ними? Неужели потому они, не нуждающіеся въ этомъ, хуже насъ, нуждающихся? Если же не имѣть нужды въ сопровождающихъ свойственно ангеламъ, то кто ближе къ ангельской жизни,—та ли, которая имѣетъ нужду во многихъ слугахъ, или которая—въ немногихъ? И развѣ это стыдно? Стыдно дѣлать что-нибудь порочное. Кто, скажи мнѣ, болѣе обращаетъ на себя вниманіе находящихся на площади,—та ли, которую сопровождаютъ многіе, или которую—немногіе? А еще болѣе этой, сопровождаемой немногими,—не та ли, которая выходитъ одна, безъ всякой пышности? Видишь ли, какъ первое постыдно? Кто болѣе обращаетъ на себя вниманіе находящихся на площади,—та ли, которая носитъ красивыя одежды, или та, которая одѣвается просто и неизысканно? Кто болѣе обращаетъ на себя вниманіе находящихся на площади,—та ли, которая ѣдетъ на мулахъ, съ позолоченными покровами, или та, которая выходитъ просто и какъ случилось, но съ приличіемъ? Не правда ли, что на послѣднюю мы не обращаемъ особеннаго вниманія, хотя и видимъ ее, а первую не

только многіе стараются увидѣть, но и спрашиваютъ: кто это такая и откуда? Не стану говорить, сколько отсюда раждается зависти. Что же, скажи мнѣ, стыднѣе—быть, или не быть предметомъ наблюденія? Когда бываетъ болѣе стыдно,—когда всѣ смотрятъ на нее, или когда никто не смотритъ,—когда стараются узнать объ ней, или когда нисколько не заботятся? Видишь ли, что не изъ стыда, а изъ тщеславія мы дѣлаемъ все это. Впрочемъ, васъ невозможно отъучить отъ этого, и потому для меня довольно будетъ внушить вамъ, что простота не постыдна. Постыденъ одинъ грѣхъ, котораго никто не считаетъ постыднымъ, а скорѣе считаетъ такимъ все другое, кромѣ грѣха. Одежды должны быть у насъ сообразныя потребности, а не излишнія; впрочемъ, чтобы намъ не слишкомъ опечалить васъ, внушаю только, что у насъ не должны быть ни позолоченныя одежды, ни тонкіе покровы. Не я говорю это, не мои это слова, но блаженнаго Павла, который, послушай, какъ увѣщеваетъ женъ украшать себя: *не въ плетеніихъ, ни златомъ, или бисерми, или ризами многоцѣнными* (1 Тим. II, 9). Чѣмъ же, Павелъ, научи насъ? Можетъ быть, скажутъ, что одни только золотыя одежды драгоцѣнны, а шелковыя не драгоцѣнны; научи же насъ, чѣмъ именно? *Имѣюще же*, говоритъ онъ, *пищу и одѣяніе, сими довольни будемъ* (1 Тим. VI, 8). Одежда должна быть такова, чтобы только прикрывала; для того Богъ и далъ намъ ее, чтобы мы прикрывали наготу, а это можетъ дѣлать и всякая недорогая одежда. Можетъ быть, теперь и смѣетесь вы, нося шелковыя одежды. Поистинѣ, это достойно смѣха. Что заповѣдалъ Павелъ, и что дѣлаемъ мы? Не къ однѣмъ только женамъ я обращаю свое слово, но и къ мужьямъ. Все, что мы имѣемъ, кромѣ этого, есть 199
лишнее. Одни только нищіе не имѣютъ лишняго, но и тѣ, можетъ быть, по необходимости, такъ что, если бы можно было, то и они не отказались бы. Впрочемъ по наружности ли только, или въ дѣйствительности, по крайней мѣрѣ они не имѣютъ лишняго. Такъ и мы будемъ носить одежды, удовлетворяющія необходимости. Въ самомъ дѣлѣ, къ чему служитъ обиліе золота? Это прилично дѣйствующимъ на сценѣ; это—одежда ихъ, тѣхъ распутныхъ женщинъ, которыя дѣлаютъ все для того, чтобы выставиться. Пусть наряжается актриса или танцовщица; ей хочется привлечь къ себѣ всѣхъ. А посвятившая себя благочестію не такъ должна украшаться; у ней есть другое украшеніе, гораздо лучшее.

И у тебя есть свое зрѣлище: украшайся прилично этому зрѣлищу; облекайся въ этотъ нарядъ. Какое же твое зрѣлище? Небо, ликъ ангеловъ. Говорю не объ однихъ только посвятив-

шихъ себя дѣвству, но и о мірскихъ; для всѣхъ, вѣрующихъ во Христа, открыто это зрѣлище. Будемъ же говорить то, чѣмъ можно доставить удовольствіе этимъ зрителямъ, и одѣваться такъ, чтобы они радовались. Скажи мнѣ, въ самомъ дѣлѣ, если бы блудница, оставивъ золотыя украшенія и одежды, смѣхъ, шуточныя и непристойныя выраженія, одѣлась въ простую одежду и украсила себя неизысканно, если бы она вышла и стала говорить благочестивыя рѣчи, бесѣдовать о цѣломудріи и не произносить ничего неприличнаго,—то не встали ли бы всѣ, не нарушилось ли бы зрѣлище, не выгнали ли бы ее вонъ, какъ не умѣющую примѣняться къ народу и говорящую о томъ, что чуждо этому сатанинскому зрѣлищу? Такъ, если и ты, одѣвшись въ свойственныя ей одежды, войдешь на зрѣлище небесное, то зрители изгонятъ тебя вонъ. Тамъ нужны не эти золотыя одежды, а другія. Какія же? Тѣ, о которыхъ говоритъ пророкъ: *рясны златыми одѣяна, преиспещрена* (Псал. XLIV, 14). Не тѣло нужно дѣлать бѣлымъ и блестящимъ, но украшать душу, потому что она подвизается и борется. *Вся слава дщере царевы внутрь*, говоритъ (пророкъ). Такъ украшай себя. Тогда ты избавишься отъ множества и другихъ золъ, освободишь и мужа отъ заботъ и себя отъ хлопотъ; тогда ты будешь и почтенна въ глазахъ мужа,—если не станешь нуждаться во многомъ.

6. Всякій человѣкъ обыкновенно гордится предъ тѣми, которые нуждаются въ немъ; а когда видитъ неимѣющихъ въ немъ нужды, тогда умѣряетъ гордость и говоритъ съ ними, какъ съ равными. Такъ и мужъ, если увидитъ, что ты ничего не требуешь отъ него, что ты не дорожишь его подарками, то, хотя бы онъ былъ крайне высокомѣренъ, будетъ уважать тебя гораздо болѣе, нежели видя тебя одѣтую въ золотыя одежды, и ты уже не будешь больше его рабою. Въ комъ мы имѣемъ нужду, тому по необходимости подчиняемся; если же воздержимъ себя, то не будемъ ему подвластны, и онъ пойметъ, что мы по страху Божію оказываемъ ему нѣкоторое повиновеніе, а не за (подарки) его. Между тѣмъ теперь онъ поступаетъ какъ бы оказавшій намъ великія благодѣянія и, какой бы чести ни удостоивался отъ насъ, думаетъ, что еще не вся честь воздана ему; а тогда, если онъ удостоится хотя малой чести, будетъ благодаренъ, не станетъ упрекать и самъ не будетъ вынужденъ предаваться любостяжанію для тебя. Что можетъ быть безразсуднѣе, какъ собирать золотыя украшенія для того, чтобы показывать ихъ въ баняхъ и на торжищахъ? Но, впрочемъ, еще можетъ быть нисколько неудивительно, что (это дѣлается) въ баняхъ и на торжищахъ; а весьма
200 смѣшно входить и въ церковь одѣтою такимъ образомъ. Къ чему

входитъ сюда въ золотыхъ украшеніяхъ та, которая должна здѣсь выслушать, что нужно украшаться *ни златомъ, или бисерми, или ризами многоцѣнными* (1 Тим. п, 9)? Для чего же ты, жена, входишь сюда? Не спорить ли съ Павломъ и доказать, что, хотя бы онъ тысячу разъ говорилъ это, ты не исправишься? Не обличать ли насъ—учителей и показать, что мы напрасно говоримъ объ этомъ? Скажи мнѣ: если какой-нибудь язычникъ и невѣрный, услышавъ приведенное мѣсто, гдѣ блаженный Павелъ убѣждаетъ женъ не украшаться *ни златомъ, или бисерми, или ризами многоцѣнными*, и имѣя жену вѣрную, увидитъ, что она много заботится объ украшеніи себя и наряжается въ золотыя одежды, чтобы идти въ церковь, то не скажетъ ли онъ самому себѣ, когда она одѣвается и убирается въ своей спальнѣ: зачѣмъ жена моя остается въ спальнѣ? Зачѣмъ медлитъ? Зачѣмъ надѣваетъ золотыя (украшенія)? Куда хочетъ идти? Въ церковь? Для чего? Для того, чтобы услышать: не украшайте себя *ризами многоцѣнными?* Не станетъ ли онъ послѣ этого смѣяться? Не будетъ ли издѣваться? Не сочтетъ ли наше (ученіе) шуткою и обманомъ? Потому, увѣщеваю васъ, предоставимъ золотыя (украшенія мірскимъ) торжествамъ, зрѣлищамъ и моднымъ лавкамъ; образъ же Божій долженъ украшаться не этимъ; свободная должна украшаться свободою; а свобода чужда гордости и тщеславія. Такимъ образомъ, ты пріобрѣтешь славу и отъ людей, если хочешь пріобрѣсти ее. Женѣ мужа богатаго мы не столько удивляемся тогда, когда она одѣта въ золотыя и шелковыя одежды,—это обыкновенно для всѣхъ,—сколько тогда, когда она будетъ одѣта въ одежду простую и неизысканную, сдѣланную изъ одной только шерсти; этому всѣ будутъ удивляться, этому станутъ рукоплескать. Въ украшеніи себя золотыми и драгоцѣнными одеждами она имѣетъ себѣ много сообщницъ (дѣлающихъ то же); если она превзойдетъ одну, ее превзойдетъ другая; если превзойдетъ всѣхъ, и тогда не сравнится съ самою царицею. А тогда она превзойдетъ всѣхъ, и даже саму жену царя, потому что она одна при великомъ богатствѣ изберетъ свойственное бѣднымъ. Такъ, если даже мы домогаемся славы, то здѣсь больше славы. Говорю это не однѣмъ вдовамъ и богатымъ,—здѣсь вѣдь, кажется, и самое вдовство заставляетъ поступать такъ,—но и замужнимъ. Но иначе, скажешь, я не буду нравиться мужу? Не мужу ты хочешь нравиться, а множеству бѣднѣйшихъ женъ, или лучше сказать, не нравиться, а унижать ихъ и оскорблять и тѣмъ увеличивать ихъ бѣдность. И какія хулы произносятся изъ-за тебя! Бѣдность, говорятъ, не должна быть; Богъ ненавидитъ нуждающихся, Богъ не любитъ бѣдныхъ. А что ты не мужу хочешь нравиться и не для него наряжаешься,

это очевидно для всѣхъ изъ твоихъ собственныхъ поступковъ. Какъ только ты переступаешь порогъ спальни, тотчасъ снимаешь все, и одежды, и золотыя (украшенія), и драгоцѣнные камни, и дома, конечно, не носишь ихъ. Если же въ самомъ дѣлѣ ты хочешь нравиться мужу, то можешь нравиться скромностію, кротостію, честностію; и повѣрь мнѣ, жена, какъ бы мужъ твой ни былъ низокъ и невоздерженъ, гораздо болѣе удержитъ его твоя скромность, честность, простота, бережливость, умѣренность. Развратнаго (мужа) не удержишь, хотя бы ты придумывала тысячи подобныхъ (украшеній); это знаютъ тѣ, которыя имѣли такихъ мужей; и какъ бы ты ни наряжалась, этотъ развратникъ уйдетъ къ другой; а цѣломудренному и скромному угодишь не этимъ,
201 но совершенно противнымъ; этимъ только оскорбишь его, внушивъ ему подозрѣніе своею привязанностію къ нарядамъ. Если мужъ, по скромности и благоразумію, и не скажетъ этого, то все же осудитъ тебя тайно, и отъ огорченія и досады не удержится. Такимъ образомъ не лишаешь ли ты себя всякаго удовольствія, возбуждая противъ себя ненависть?

7. Можетъ быть, вы съ негодованіемъ слушаете сказанное, огорчаетесь и говорите: онъ еще болѣе раздражаетъ мужей противъ женъ. Нѣтъ, я говорю это не съ тѣмъ, чтобы раздражить мужей, но желая, чтобы вы поступали такъ добровольно для васъ самихъ, а не для нихъ, — не съ тѣмъ, чтобы ихъ избавить отъ досады, но чтобы васъ отклонить отъ житейскихъ прихотей. Ты желаешь казаться красивою? И я желаю этого, но только—тою красотою, которой требуетъ Богъ, красотою, которой хочетъ Царь (небесный). Кого ты желаешь имѣть любовникомъ—Бога, или людей? Если ты будешь прекрасна этою красотою, то Богъ *возжелаетъ доброты твоея* (Псал. XLIV, 12); а если — тою безъ этой, то Онъ отвернется отъ тебя, любовниками же твоими будутъ развратные люди, потому что не добрый человѣкъ тотъ, кто любитъ замужнюю женщину. Такъ разсуждай и о внѣшнихъ украшеніяхъ. То украшеніе, украшеніе душевное, привлекаетъ Бога; а это (украшеніе тѣлесное)—людей развратныхъ. Видишь, что я безпокоюсь о васъ, забочусь о васъ, о томъ, чтобы вы были прекрасными, истинно прекрасными и истинно славными, чтобы вмѣсто людей развратныхъ вы имѣли любовникомъ Владыку всѣхъ Бога? А имѣющая Его любовникомъ кому подобна? Она въ ангельскомъ хорѣ. Если возлюбленная царя считается блаженною больше всѣхъ, то чего удостоивается та, которую любитъ Богъ великою любовію? Если противопоставить ей цѣлую вселенную, то ничто не сравнится съ красотою ея. Будемъ же заботиться объ этой красотѣ, будемъ украшаться этимъ украше-

ніемъ, чтобы намъ войти на небеса, въ духовныя обители, въ нетлѣнный брачный чертогъ. Красота тѣлесная отъ всего повреждается, и если даже хорошо сохраняется, если ни болѣзнь, ни заботы не искажаютъ ея,—что впрочемъ невозможно,—и тогда она не продолжается и двадцати лѣтъ; а эта (красота душевная) всегда цвѣтетъ, никогда не увядаетъ; она не боится никакой перемѣны, ни наступившая старость не наводитъ на нее морщинъ, ни приключившаяся болѣзнь не заставляетъ увядать, ни безпокойная забота не вредитъ, но она выше всего этого. Напротивъ, та (красота тѣлесная) не успѣетъ появиться, какъ уже исчезаетъ, и, появившись, возбуждаетъ удивленіе не во многихъ. Люди благонравные не удивляются ей, а удивляются только невоздержные. Будемъ же заботиться объ этой красотѣ, а не о той; будемъ ее пріобрѣтать, чтобы намъ войти въ брачный чертогъ съ горящими свѣтильниками. Не дѣвамъ только это заповѣдано, но душамъ дѣвственнымъ; если бы это было заповѣдано просто дѣвамъ, то другія пять не были бы отвергнуты. Слѣдовательно, это относится ко всѣмъ, кто дѣвственъ душею, кто чуждъ житейскихъ попеченій,—а эти попеченія развращаютъ души. Потому, если мы оста- 220
немся чистыми, то войдемъ туда и будемъ приняты.

Обручихъ бо васъ, говоритъ, *единому мужу, дѣву чисту представити Христови* (2 Кор. XI, 2). Не дѣвамъ сказалъ онъ это, а цѣлому обществу Церкви. Нерастлѣнная душею есть дѣва, хотя бы она и имѣла мужа; она дѣвственна истинною, чудною дѣвственностію; самое тѣлесное дѣвство есть послѣдствіе и тѣнь этой дѣвственности, а она есть истинное дѣвство. Будемъ же пріобрѣтать ее, и мы тогда будемъ въ состояніи взирать на жениха съ свѣтлымъ лицемъ, войти съ горящими свѣтильниками, если у насъ не оскудѣетъ этотъ елей, если мы растопимъ золотыя (украшенія) и извлечемъ изъ нихъ елей, который дѣлаетъ свѣтильники горящими; а этотъ елей есть человѣколюбіе. Если мы удѣлимъ другимъ изъ нашего имущества, если содѣлаемъ изъ него елей, тогда онъ поможетъ намъ, и мы не станемъ говорить въ то время: *дадите намъ елеа, яко свѣтильницы наши угасаютъ*, не будемъ нуждаться въ другихъ, не будемъ исключены, отошедши къ продающимъ, и не услышимъ, стуча въ двери, тѣхъ страшныхъ и ужасныхъ словъ: *не вѣмъ васъ*; но будемъ признаны, войдемъ вмѣстѣ съ женихомъ и, вошедши въ духовный брачный чертогъ, будемъ наслаждаться безчисленными благами (Мѳ. XXV, 8—12). Если и здѣсь чертогъ жениха бываетъ такъ блестящъ и брачные покои такъ прекрасны, что никто изъ зрителей не можетъ насмотрѣться, то не тѣмъ ли болѣе тамъ? Небо есть брачный покой, а чертогъ Жениха лучше неба; туда мы и войдемъ.

Если же такъ прекрасенъ чертогъ Жениха, то каковъ самъ Женихъ? Но что я говорю: снявъ золотыя (украшенія), отдадимъ ихъ нуждающимся? Если бы нужно было даже продать самихъ себя, изъ свободныхъ сдѣлаться рабами, для того, чтобы имѣть возможность быть вмѣстѣ съ этимъ Женихомъ, наслаждаться Его красотою, или только взирать на лице Его, то не должно ли было бы съ охотою исполнить все это? Для того, чтобы видѣть только земного царя, мы часто за взглядъ на него бросаемъ все, что у насъ подъ руками, и даже самое необходимое; для Царя же и вмѣстѣ Жениха небеснаго, для того, чтобы не только удостоиться видѣть Его, но и предшествовать Ему со свѣтильниками, быть близъ Него и оставаться съ Нимъ навсегда, чего не должно дѣлать, чего совершить, чего перенести? Потому, увѣщеваю васъ, будемъ хотя нѣсколько стремиться къ этимъ благамъ, будемъ любить этого Жениха, будемъ дѣвственными истиннымъ дѣвствомъ; а Владыка желаетъ отъ насъ дѣвственности душевной. Съ нею мы войдемъ на небо, не имѣя *скверны или порока, или нѣчто отъ таковыхъ* (Ефес. v, 27), и получимъ обѣщанныя намъ блага, которыхъ да сподобимся всѣ мы благодатію и человѣколюбіемъ (Господа нашего Іисуса Христа, съ Которымъ Отцу со Святымъ Духомъ слава, держава, честь, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь).

БЕСѢДА XXIX.

203 **Не у до крове стасте, противу грѣха подвизающеся: и забысте утѣшеніе, еже вамъ яко сыномъ глаголетъ: сыне мой, не пренемогай наказаніемъ Господнимъ, ниже ослабѣй отъ него обличаемь. Егоже бо любитъ Господь, наказуетъ: біетъ же всякаго сына, егоже пріемлетъ. Аще наказаніе терпите, якоже сыновомъ обрѣтается вамъ Богъ. Который бо есть сынъ, егоже не наказуетъ отецъ (Евр. xii, 4—7)?**

1. Есть два рода утѣшенія, которые, повидимому, противоположны между собою, но взаимно много подкрѣпляютъ другъ друга; оба (апостолъ) и приводитъ здѣсь. Именно: одинъ состоитъ въ томъ, когда мы говоримъ, что нѣкоторые люди много пострадали: душа дѣлается спокойною, если находитъ многихъ соучастниковъ своихъ страданій. Это (апостолъ) представилъ выше, когда сказалъ: *воспоминайте первыя дни, въ нихже просвѣ-*

тившеся, многъ подвигъ подъясте страданій (Евр. x, 32). Другой состоитъ въ томъ, когда мы говоримъ: ты немного пострадалъ: такими словами мы ободряемся, возбуждаемся и дѣлаемся болѣе готовыми—терпѣть все. Первое успокоиваетъ изнуренную душу и доставляетъ ей отдыхъ; а второе возбуждаетъ ее отъ лѣности и безпечности и отклоняетъ отъ гордости. Такъ, чтобы отъ приведеннаго свидѣтельства не родилась у нихъ гордость, смотри, что (Павелъ) дѣлаетъ: *не у до крове*, говоритъ, *стасте, противу грѣха подвизающеся: и забысте утѣшеніе.* Онъ не вдругъ высказалъ послѣдующія слова, но напередъ представилъ имъ всѣхъ, подвизавшихся *до крове*, затѣмъ замѣтилъ, что страданія Христовы составляютъ славу, и потомъ уже удобно перешелъ (къ послѣдующему). Такъ онъ и въ посланіи къ Кориноянамъ говоритъ: *искушеніе васъ не достиже, точію человѣческое*, т. е. малое (1 Кор. x, 13), потому что такимъ именно образомъ душа можетъ пробудиться и ободриться, когда она представитъ, что еще не всего достигла, и убѣдится въ томъ предшествующими событіями. Смыслъ словъ его слѣдующій: вы, еще не подверглись смерти, вы только потеряли имущество и славу, вы только потерпѣли изгнаніе; Христосъ пролилъ кровь свою за васъ, а вы и за себя не пролили ея; Онъ даже до смерти стоялъ за истину, подвизаясь за васъ, а вы еще не подвергались опасностямъ, угрожающимъ смертію. *И забысте утѣшеніе*, т. е. опустили руки, ослабѣли. *Не у до крове*, говоритъ, *стасте, противу грѣха подвизающеся.* Здѣсь онъ показываетъ, что и грѣхъ сильно нападаетъ и также вооруженъ,—слово: *стасте* говорится къ стоящимъ. *Еже вамъ яко сыномъ глаголетъ: сыне мой, не пренемогай наказаніемъ Господнимъ, ниже ослабѣй отъ него облачаемь.* Представивъ утѣшеніе отъ дѣлъ, теперь онъ сверхъ того прибавляетъ утѣшеніе отъ изреченій, отъ приведеннаго свидѣтельства: *ниже ослабѣй*, говоритъ, *отъ него обличаемь.* Итакъ это—дѣло Божіе; а не мало доставляетъ утѣшенія то, когда мы убѣждаемся, что случившееся могло произойти по дѣйствію Божію, по Его попущенію. Такъ и Павелъ говоритъ: *о семъ трикраты Господа молихъ, и рече ми: довлѣетъ ти благодать моя: сила бо моя въ немощи совершается* (2 Кор. xii, 8, 9). Слѣдовательно Онъ самъ попускаетъ это. *Егоже бо любитъ Господь, наказуетъ: біетъ же всякаго сына,* 204
егоже пріемлетъ. Ты не можешь, говоритъ, сказать, что есть какой-нибудь праведникъ, не терпѣвшій скорбей, и хотя намъ такъ кажется, но иныхъ скорбей мы не знаемъ. Слѣдовательно, всякому праведнику необходимо пройти путемъ скорби. И Христосъ сказалъ, что *пространный и широкій путь вводитъ въ пагубу, а узкій и тѣсный въ животъ* (Мѳ. vii, 13, 14). Если же войти въ

жизнь можно только такимъ образомъ, а иначе невозможно, то слѣдуетъ, что тѣснымъ путемъ шли всѣ тѣ, которые вошли въ жизнь. *Аще наказаніе терпите*, говоритъ, *якоже сыновомъ обрѣтается вамъ Богъ. Который бо есть сынъ, егоже не наказуетъ отецъ?* Если (Богъ) наказываетъ васъ, то для исправленія, а не для истязанія, не для мученія, не для страданій. Смотри, какъ (апостолъ) тѣмъ самымъ, изъ-за чего они считали себя оставленными, внушаетъ имъ увѣренность, что они не оставлены, и какъ бы такъ говоритъ: претерпѣвая такія бѣдствія, вы уже думаете, что Богъ оставилъ и ненавидитъ васъ? Нѣтъ, если бы вы не страдали тогда слѣдовало бы опасаться этого, потому что если Онъ *біетъ всякаго сына, егоже пріемлетъ*, то небіемый, быть можетъ, не сынъ. Но какъ, скажете, развѣ злые люди не страдаютъ? Конечно, страдаютъ,—какъ же иначе?—но онъ не сказалъ: всякій біемый есть сынъ, а: всякій сынъ бываетъ біемъ. Потому ты не можешь говорить: есть много и злыхъ людей, которыхъ бьютъ, напр. человѣкоубійцы, разбойники, чародѣи, гробокопатели. Они бываютъ наказываемы за собственныя злодѣянія; они бываютъ не біемы, какъ сыны, но наказываемы, какъ злодѣи; а вы—какъ сыны. Видишь ли, какъ онъ отвсюду заимствуетъ доказательства,—и отъ событій, упоминаемыхъ въ Писаніи, и отъ изреченій, и отъ собственныхъ разсужденій, и отъ примѣровъ, случающихся въ жизни? Далѣе указываетъ еще и на общее обыкновеніе: *аще же*, говоритъ, *безъ наказанія есте, емуже причастницы быша вси, убо прелюбодѣйчищи есте, а не сынове* (ст. 8).

2. Видишь ли, что, какъ я и выше сказалъ, сыну невозможно оставаться ненаказаннымъ? Какъ въ семействахъ отцы не заботятся о дѣтяхъ незаконнорожденныхъ, хотя бы они ни чему не учились, хотя бы никогда не сдѣлались извѣстными, о законныхъ же сыновьяхъ заботятся, чтобы они не были безпечными,—такъ и въ настоящемъ случаѣ. Потому, если не быть наказанными свойственно дѣтямъ незаконнорожденнымъ, то нужно радоваться наказанію, какъ знаку истиннаго родства. Поэтому самому (апостолъ) и говоритъ: *якоже сыновомъ обрѣтается вамъ Богъ. Къ симъ, плоти нашей отцы имѣхомъ наказатели, и срамляхомся: не много ли паче повинемся Отцу духовомъ, и живи будемъ* (ст. 9)? Опять заимствуетъ ободреніе отъ собственныхъ ихъ страданій, которыя они сами терпѣли. Какъ тамъ говорилъ: *воспоминайте первыя дни*, такъ и здѣсь говоритъ: *якоже сыновомъ обрѣтается вамъ Богъ*,—вы не можете сказать, что вы не въ состояніи переносить,—и притомъ *якоже сыновомъ возлюбленнымъ*. Если же (дѣти) повинуются плотскимъ родителямъ, то какъ вы не будете повиноваться Отцу небесному? Притомъ здѣсь не въ этомъ только

различіе и не въ лицахъ только, но и въ самыхъ побужденіяхъ 205
и дѣйствіяхъ. Не по одному и тому же побужденію наказываютъ Онъ и они (Богъ и плотскіе родители). Потому (апостолъ) и прибавляетъ: *они бо въ мало дней, якоже годѣ имъ бѣ, наказоваху* (ст. 10), т. е. они часто дѣлаютъ это для собственнаго удовольствія и не всегда имѣя въ виду пользу, здѣсь же нельзя этого сказать, такъ какъ (Богъ) дѣлаетъ это не изъ какихъ-нибудь собственныхъ видовъ, а для васъ, единственно для вашей пользы; тѣ наказываютъ, чтобы вы и для нихъ были полезны, а нерѣдко и напрасно, здѣсь же не бываетъ ничего подобнаго. Видишь, какое и отсюда происходитъ утѣшеніе? Мы въ особенности привязываемся къ тѣмъ, въ которыхъ видимъ, что они не изъ какихъ-нибудь собственныхъ видовъ приказываютъ намъ, или даютъ наставленіе, но всѣ ихъ заботы клонятся къ нашей пользѣ. Тогда-то и бываетъ искренняя любовь, любовь настоящая, когда кто любитъ насъ, несмотря на то, что мы совершенно безполезны для любящаго. Такъ и (Богъ) любитъ насъ не для того, чтобы получить что-либо отъ насъ, но чтобы дать намъ; Онъ наказываетъ, дѣлаетъ все, принимаетъ всѣ мѣры къ тому, чтобы мы сдѣлались способными къ принятію Его благъ. *Они бо*, говоритъ (апостолъ), *въ мало дней, якоже годѣ имъ бѣ, наказоваху: а сей на пользу, да причастимся святыни его.* Что значитъ: *святыни его?* Т. е. чистоты,—чтобы мы сдѣлались достойными Его, по возможности. Онъ заботится, чтобы вы приняли, и употребляетъ всѣ мѣры къ тому, чтобы дать вамъ; а вы не стараетесь о томъ, чтобы принять. *Рѣхъ*, говоритъ (Псалмопѣвецъ), *Господеви: Господь мой еси ты, яко благихъ моихъ не требуеши* (Псал. XV, 2). *Къ симъ*, говоритъ, *плоти нашей отцы имѣхомъ наказатели, и срамляхомся: не много ли паче повинемся Отцу духовомъ, и живи будемъ? Отцу духовомъ*,—говоритъ такъ, разумѣя или дары (духовные), или молитвы, или безплотныя Силы. Если съ такимъ (расположеніемъ духа) мы умремъ, то и получимъ жизнь. Хорошо онъ сказалъ: *они въ мало дней, якоже годѣ имъ бѣ, наказоваху*,—потому что угодное людямъ не всегда бываетъ полезно,—*а сей на пользу.*

3. Слѣдовательно, наказаніе полезно; слѣдовательно, наказаніе доставляетъ святость. И, конечно, такъ. Вѣдь, если оно истребляетъ лѣность, порочныя пожеланія, привязанность къ предметамъ житейскимъ, если оно сосредоточиваетъ душу, если располагаетъ ее презирать все здѣшнее,—а отсюда и происходитъ скорбь,—то не свято ли оно, не привлекаетъ ли оно благодати Духа? Будемъ же постоянно представлять себѣ праведниковъ и помнить, почему всѣ они прославились, и всѣхъ раньше Авель и Ной: развѣ не посредствомъ скорбей? Да и невозможно, чтобы

одинъ праведникъ не скорбѣлъ среди такого множества нечестивыхъ. *Ное*, говоритъ Писаніе, единъ *совершенъ сый въ родѣ своемъ, Богу угоди* (Быт. VI, 9). Подумай: если теперь, имѣя такое множество мужей, и отцевъ, и учителей, добродѣтелямъ которыхъ мы можемъ подражать, мы, однако, испытываемъ столько скорбей, то какъ долженъ былъ страдать онъ, будучи одинъ среди столь многихъ? Но говорить ли мнѣ о томъ, что было во время чуднаго и необыкновеннаго потопа? Говорить ли объ Авраамѣ, о томъ, что ему случалось терпѣть, какъ-то: о непрестанныхъ его странствованіяхъ, лишеніи жены, опасностяхъ, сраженіяхъ, искушеніяхъ? (Говорить ли) объ Іаковѣ, сколько бѣдствій онъ перенесъ, будучи отвсюду изгоняемъ, трудясь напрасно и изнуряя себя для другихъ? Нѣтъ нужды перечислять всѣ его искушенія;
206 довольно будетъ привести свидѣтельство, которое онъ самъ высказалъ въ бесѣдѣ съ фараономъ: *малы и злы дніе мои, и не достигоша во дніе отецъ моихъ* (Быт. XLVII, 9). Говорить ли объ Іосифѣ, Моисеѣ, Іисусѣ (Навинѣ), Давидѣ, Самуилѣ, Иліѣ, Даніилѣ и всѣхъ пророкахъ? Ты найдешь, что всѣ они прославились посредствомъ скорбей. А ты, скажи мнѣ, хочешь прославиться посредствомъ удовольствій и роскоши? Но это невозможно. Говорить ли объ апостолахъ? И они превзошли всѣхъ скорбями. Но что я говорю? Самъ Христосъ тоже сказалъ: *въ мірѣ скорбни будете* (Іоан. XVI, 33); и еще: *восплачетеся и возрыдаете вы: міръ же возрадуется* (Іоан. XVI, 20).

Узкій и тѣсный путь вводяй въ животъ (Мѳ. VII, 14). Господь этого пути сказалъ, что онъ узокъ и тѣсенъ; а ты ищешь широкаго? Не безразсудно ли это? Потому ты и не достигнешь жизни, что идешь другимъ путемъ, а достигнешь погибели, потому что избралъ путь, ведущій туда. Хочешь ли, я разскажу и представлю тебѣ людей, преданныхъ роскоши? Отъ позднѣйшихъ обратимся къ древнѣйшимъ. Богачъ, горящій въ огнѣ, іудеи, преданные чреву, для которыхъ чрево было богомъ, которые въ пустынѣ постоянно искали наслажденій,—почему погибли? Подобно современникамъ Ноя, не потому ли, что избрали эту роскошную и развратную жизнь? Также и содомляне (погибли) за чревоугодіе: *въ сытости*, сказано, *хлѣба сластолюбствоваша* (Іезек. XVI, 49). Такъ сказано о содомлянахъ. Если же пресыщеніе хлѣбомъ произвело столько зла, то что сказать о другихъ наслажденіяхъ? Не былъ ли невоздерженъ Исавъ? Не таковы ли были тѣ изъ сыновъ Божіихъ, которые прельстились женами и увлеклись въ пропасть? Не таковы ли были тѣ, которые удовлетворяли похоти на мужчинахъ? И всѣ цари языческіе, вавилонскіе, египетскіе, не бѣдственно ли окончили жизнь? Не преданы ли они мученію? Но не

то же ли, скажи мнѣ, бываетъ и теперь? Послушай, что говоритъ Христосъ: *иже мягкая носящіи, въ домѣхъ царскихъ суть* (Мѳ. XI, 8): а тѣ, которые не носятъ такихъ одеждъ, тѣ—на небесахъ. Мягкая одежда разслабляетъ и твердую душу, изнѣживаетъ и разстроиваетъ; и какъ бы ни было крѣпко и сильно тѣло, которое она облекаетъ, отъ такой роскоши оно скоро дѣлается изнѣженнымъ и слабымъ. Скажите мнѣ: почему, думаете вы, женщины бываютъ такъ слабы? Неужели только отъ природы? Нѣтъ, но и отъ образа жизни и отъ воспитанія: ихъ дѣлаютъ такими изнѣженное воспитаніе, праздность, омовенія, намащенія, изобиліе ароматовъ, мягкое ложе. И чтобы тебѣ понять это, послушай, что я скажу. Изъ кучи деревъ, растущихъ въ пустынѣ и колеблемыхъ вѣтрами, возьми какое-нибудь растеніе и посади на мѣсто влажное и тѣнистое,—и ты увидишь, какъ оно сдѣлается хуже, нежели какимъ ты взялъ его сначала. А что это справедливо, доказательствомъ служатъ женщины, воспитывающіяся въ деревняхъ; онѣ бываютъ гораздо крѣпче городскихъ мужчинъ и могли бы преодолѣть многихъ изъ нихъ. А когда тѣло дѣлается изнѣженнымъ, то по необходимости вмѣстѣ съ нимъ и душа испытываетъ то же зло, потому что отправленія души по большей части соотвѣтствуютъ состоянію тѣла. Во время болѣзней мы бываемъ иными по причинѣ разслабленія, а во время здоровья опять иными. Какъ въ музыкальныхъ инструментахъ, когда струны издаютъ звуки мягкіе и слабые и онѣ нехорошо натянуты, то уменьшается и до- 207
стоинство искусства, принужденнаго покоряться слабости струнъ, такъ и въ тѣлѣ: душа терпитъ отъ него много вреда, много стѣсненія; она испытываетъ горькое рабство, когда тѣло имѣетъ нужду въ частомъ врачеваніи. Потому, увѣщеваю васъ, будемъ стараться дѣлать его крѣпкимъ, а не болѣзненнымъ. Не однимъ мужьямъ я говорю это, но и женамъ. Для чего ты, жена, постоянно разслабляешь тѣло свое роскошью и дѣлаешь его негоднымъ? Для чего губишь силу его тучностію? Вѣдь тучность составляетъ слабость для него, а не силу. Если же ты, оставивъ это, будешь вести себя иначе, тогда явится и красота тѣлесная по желанію твоему, какъ скоро будетъ сила и свѣжесть. А если, напротивъ, будешь подвергать его безчисленнымъ болѣзнямъ, то не будетъ у тебя ни здороваго цвѣта, ни свѣжести, но постоянно будешь чувствовать себя дурно.

4. Вы знаете, что какъ прекрасенъ бываетъ хорошій домъ, когда озаряетъ его ясная погода, такъ и красивое лице дѣлается еще лучше отъ веселаго расположенія духа; а когда (душа) уныла и прискорбна, тогда (и лице) становится безобразнѣе. Унылость происходитъ отъ болѣзней и разстройства здоровья; а болѣзни

происходятъ отъ разслабленія тѣла пресыщеніемъ. Такъ и по этой причинѣ вы должны избѣгать пресыщенія, если вѣрите мнѣ. Но есть, скажете, нѣкоторое удовольствіе въ пресыщеніи? Не столько удовольствія, сколько непріятностей. Удовольствіе ограничивается только гортанью и языкомъ; когда трапеза кончилась, или когда пища съѣдена, ты становишься подобнымъ тому, кто и не участвовалъ (въ трапезѣ), и даже гораздо хуже его, потому что ты выносишь оттуда тяжесть, разслабленіе, головную боль и склонность ко сну, похожему на смерть, а часто и безсонницу отъ пресыщенія, одышки и отрыжки, и тысячу разъ проклинаешь свой желудокъ, вмѣсто того, чтобы проклинать невоздержность.

Итакъ, не будемъ утучнять тѣла, но послушаемъ Павла, который говоритъ: *плоти угодія не творите въ похоти* (Рим. XIII, 14). Набивающій желудокъ дѣлаетъ то же, какъ если бы кто-нибудь, взявши пищу, бросилъ ее въ нечистый ровъ, или даже не то, а гораздо хуже, потому что послѣдній наполняетъ только ровъ безъ вреда для себя самого, а первый навлекаетъ на себя тысячу болѣзней. Питаетъ насъ только то, что принимается въ потребномъ количествѣ и можетъ перевариться; а лишнее сверхъ необходимаго не только не питаетъ, но еще приноситъ вредъ. Между тѣмъ никто не замѣчаетъ этого, обольщаясь нелѣпымъ удовольствіемъ и обычнымъ пристрастіемъ. Ты хочешь питать тѣло? Оставь же лишнее, давай ему необходимое, и столько, сколько можетъ перевариться; не нагружай его слишкомъ, чтобы не пото-
208 пить. Принимаемое въ потребномъ количествѣ и питаетъ, и доставляетъ удовольствіе; дѣйствительно, ничто не доставляетъ такого удовольствія, какъ хорошо переварившаяся пища; ничто такъ не способствуетъ здоровью, ничто такъ не поддерживаетъ живости чувствъ, ничто такъ не предотвращаетъ болѣзней. Такимъ образомъ принимаемое въ потребномъ количествѣ служитъ и къ питанію, и къ удовольствію, и къ здоровью, а излишнее— ко вреду, къ непріятностямъ и болѣзнямъ. Пресыщеніе производитъ то же, что дѣлаетъ голодъ, или даже гораздо худшее. Голодъ въ короткое время изнуряетъ и доводитъ человѣка до смерти: а пресыщеніе, разъѣдая тѣло и производя въ немъ гніеніе, подвергаетъ его продолжительной болѣзни и потомъ тягчайшей смерти. Между тѣмъ голодъ мы считаемъ несноснымъ, а къ пресыщенію, которое вреднѣе его, стремимся. Откуда въ насъ такая болѣзнь? Откуда такое безуміе? Не говорю, что нужно изнурять себя, но нужно принимать пищу такъ, чтобы тѣло и получало удовольствіе, истинное удовольствіе, и могло питаться, чтобы оно было благоустроеннымъ и благонадежнымъ, крѣпкимъ и способнымъ орудіемъ для дѣйствій души. Если же оно переполнится

пищею, которая будетъ, такъ сказать, расторгать самые запоры и составныя связи, то уже бываетъ не въ состояніи удержать этого наводненія,—вторгшееся наводненіе расторгаетъ и разрушаетъ все. *Плоти угодія*, говоритъ, *не творите въ похоти*. Хорошо онъ сказалъ: *въ похоти*, потому что пресыщеніе есть пища для порочныхъ пожеланій, и пресыщающійся, хотя бы онъ былъ мудрѣе всѣхъ, по необходимости терпитъ какой-нибудь вредъ отъ вина и отъ яствъ, по необходимости чувствуетъ разслабленіе, по необходимости возбуждаетъ въ себѣ сильный пламень. Отсюда—блудъ, отсюда—прелюбодѣяніе. Голодный желудокъ не можетъ возбудить плотской похоти, равно какъ и (желудокъ) довольствующійся умѣренною пищею; порочныя же пожеланія раждаются въ желудкѣ, предающемся пресыщенію. Какъ земля, слишкомъ влажная, и навозъ, окропляемый (водою) и имѣющій слишкомъ много мокроты, рождаютъ червей, и, напротивъ, земля, не имѣющая такой сырости, приноситъ обильные плоды,—потому что не содержитъ въ себѣ ничего лишняго,—и будучи даже необработываема, произращаетъ зелень, а будучи обработываема, приноситъ плоды,—такъ точно и мы. Потому не будемъ дѣлать изъ плоти нашей (тѣло) безполезное, негодное, или вредное, но будемъ произращать въ ней добрые плоды и плодоносныя растенія, и прилагать стараніе, чтобы они не завяли отъ пресыщенія,—такъ какъ и они могутъ загноиться и породить червей вмѣсто плодовъ. Такъ, врожденная похоть, если ты станешь чрезъ мѣру насыщать ее, пораждаетъ удовольствія отвратительныя и даже весьма отвратительныя. Будемъ же всячески истреблять въ себѣ это зло, чтобы намъ сподобиться обѣщанныхъ благъ во Христѣ Іисусѣ, Господѣ нашемъ (съ Которымъ Отцу со Святымъ Духомъ слава, держава, честь, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь).

БЕСѢДА XXX.

Всякое бо наказаніе въ настоящее время не мнится радость быти, но печаль: послѣди же плоды мирны наученымъ тѣмъ воздаетъ правды. Тѣмже ослабленныя руки и ослабленная колѣна исправите: и стези правы сотворите ногами вашими, да не хромое совратится, но паче да исцѣлѣетъ (Евр. xii, 11—13). 207—208

1. Принимающіе горькія лѣкарства сначала испытываютъ непріятное чувство, а потомъ чувствуютъ пользу. Такова и добро-

дѣтель, таковъ и порокъ: въ послѣднемъ испытывается сначала удовольствіе, а потомъ скорбь; въ первой—сначала скорбь, а потомъ удовольствіе. И однако то и другое неравно: совершенно не одно и то же—напередъ испытать скорбь, а послѣ удовольствіе, или—испытать напередъ удовольствіе, а послѣ скорбь. Почему? Потому что въ послѣднемъ случаѣ ожиданіе будущей скорби уменьшаетъ настоящее удовольствіе, а въ первомъ ожи-
209 даніе предстоящаго удовольствія много ослабляетъ настоящую скорбь, такъ что иногда тамъ не чувствуется даже никакого удовольствія, а здѣсь—никакой скорби. Впрочемъ не въ этомъ только отношеніи есть различіе, но и въ другомъ. Въ какомъ именно? Въ томъ, что неравны относительно продолжительности времени, но одно меньше, а другое гораздо больше. Подобное (различіе) еще значительнѣе въ предметахъ духовныхъ. Отсюда Павелъ и заимствуетъ утѣшеніе; онъ ссылается опять на общее мнѣніе, которому никто не можетъ противорѣчить, какъ общему приговору, потому что когда кто-нибудь высказываетъ мысль, признаваемую всѣми, то всѣ соглашаются и никто не возражаетъ. Вы скорбите?—говоритъ онъ: это понятно; таково всегда наказаніе: съ этого оно начинается. Потому онъ и продолжаетъ: *всякое бо наказаніе въ настоящее время не мнится радость быти, но печаль*. Хорошо сказалъ онъ: *не мнится*, потому что наказаніе на самомъ дѣлѣ не есть скорбь, но только таковою кажется; и притомъ не одно какое-нибудь наказаніе таково, а другое не таково, но всякое: *всякое*, говоритъ, *наказаніе не мнится радость быти, но печаль*, т. е. и человѣческое, и духовное. Видишь ли, какъ онъ ссылается на общія мнѣнія? *Мнится*, говоритъ, *печаль быти*, слѣдовательно не есть на самомъ дѣлѣ. И дѣйствительно, отъ какой скорби можетъ происходить радость? Ни отъ какой; равно и ни отъ какой радости не происходитъ скорбь.

Послѣди же плоды мирны наученымъ тѣмъ воздаетъ правды. Здѣсь онъ разумѣетъ не (одинъ) плодъ, но (многіе) плоды, выражая такъ великое ихъ множество. *Наученымъ тѣмъ*, говоритъ. Что значитъ: *наученымъ тѣмъ?* Долго терпѣвшимъ и страдавшимъ. Видишь, какое употребляетъ онъ благопріятное выраженіе? Итакъ *наказаніе* есть наученіе, дѣлающее ратоборца сильнымъ, непреоборимымъ въ подвигахъ, непобѣдимымъ въ сраженіяхъ. Если же *всякое наказаніе* таково, то таково же и настоящее. Потому надобно ожидать отъ него добрыхъ послѣдствій, пріятнаго и мирнаго конца. Не удивляйся, что оно, будучи горькимъ, приноситъ плоды сладкіе; точно такъ и на деревахъ кора бываетъ почти безвкусна и жестка, а плоды сладки. Все это онъ заимствовалъ изъ общеизвѣстнаго опыта. Если же надобно ожи-

дать такихъ послѣдствій, то что вы сѣтуете? Для чего, перенесши непріятное, отчаиваетесь въ пріятномъ? Вы перенесли непріятности, которыя слѣдовало перенести,—не теряйте же надежду на воздаяніе. *Тѣмже ослабленныя руки и ослабленная колѣна исправите, и стези правы сотворите ногами вашими, да не хромое совратится, но паче да исцѣлѣетъ.* Говоритъ какъ бы скороходамъ, бойцамъ и ратоборцамъ. Видишь ли, какъ онъ вооружаетъ ихъ, какъ возбуждаетъ ихъ? Это говоритъ онъ о самыхъ помыслахъ: *стези правы сотворите*, т. е. идите прямо, не сомнѣваясь. Если *наказаніе* происходитъ отъ любви и благопопечительности и ведетъ къ доброму концу,—какъ доказалъ онъ и дѣлами, и словами, и всѣмъ,—то для чего вы ослабѣваете? Такъ дѣлаютъ только отчаявшіеся, не подкрѣпляемые надеждою на будущее. Идите, говоритъ, прямо, чтобы хромающее не кривилось болѣе, но пришло въ прежнее состояніе, потому что кто ходитъ хромая, тотъ усиливаетъ это зло. Видишь, что отъ насъ зависитъ со- 210
вершенно исцѣлиться? *Миръ имѣйте и святыню со всѣми, ихже кромѣ никтоже узритъ Господа* (ст. 14). О чемъ говорилъ онъ выше въ словахъ: *не оставляюще собранія своего* (Евр. x, 25), то же выражаетъ и здѣсь. Въ искушеніяхъ ничто столько не дѣлаетъ насъ удобопобѣждаемыми и удобоуловляемыми, какъ раздѣленіе. И вотъ тому доказательство: разсѣй отрядъ (воиновъ) въ сраженіи, и непріятелямъ не будетъ никакого труда—взять и связать ихъ, нападая на нихъ раздѣлившихся и оттого сдѣлавшихся болѣе слабыми. *Миръ*, говоритъ, *имѣйте со всѣми*. Слѣдовательно—и съ дѣлающими зло. То же говоритъ онъ и въ другомъ мѣстѣ: *аще возможно, еже отъ васъ, со всѣми человѣки миръ имѣйте* (Рим. xii, 18). Ты съ своей стороны, говоритъ, имѣй миръ, ни въ чемъ не нарушая благочестія; а зло, которому подвергаешься отъ другихъ, переноси мужественно, потому что терпѣніе—великое оружіе въ искушеніяхъ. Такъ и Христосъ укрѣплялъ учениковъ своихъ: *се азъ посылаю васъ*, говорилъ Онъ, *яко овцы посредѣ волковъ: будите убо мудри яко змія, и цѣли, яко голубіе* (Мѳ. x, 16). Что Ты говоришь? Мы *посредѣ волковъ*, а Ты повелѣваешь намъ быть, *яко овцы* и *яко голубіе?* Да, говоритъ Онъ, потому что ничто столько не пристыжаетъ дѣлающихъ зло, какъ если мы мужественно переносимъ наносимыя (оскорбленія) и не мстимъ ни словомъ, ни дѣломъ; это и насъ умудряетъ, уготовляя намъ большую награду, и имъ приноситъ пользу. Но такой-то жестоко оскорбилъ тебя? Ты благословляй его, и смотри, сколько отъ того пріобрѣтешь благъ: прекратишь зло, приготовишь себѣ награду, пристыдишь его, и самъ не потерпишь ничего худого. *Миръ имѣйте со всѣми и святыню.* Что значитъ: *святыню?* Цѣло-

мудріе и воздержаніе въ брачной жизни. Кто безбраченъ, говорить, тотъ оставайся чистымъ, или вступай въ бракъ; а кто въ бракѣ, тотъ не прелюбодѣйствуй, но довольствуйся своею женою; и это—святыня. Какъ такъ? Не бракъ есть святыня, но бракъ сохраняетъ святыню, происходящую отъ вѣры, не попуская прилѣпляться къ блудницѣ; бракъ *честенъ*, но не святъ (Евр. XIII, 4); бракъ чистъ, но онъ не доставляетъ святости, а только не попускаетъ осквернять святость, происходящую отъ вѣры. *Ихже кромѣ*, говоритъ, *никтоже узритъ Господа*. То же говоритъ онъ и въ посланіи къ Коринѳянамъ: *не льстите себе: ни блудницы, ни прелюбодѣи, ни идолослужители, ни малакіи, ни мужеложницы, ни лихоимцы, ни татіе, ни піяницы, ни досадители, ни хищницы царствія Божія не наслѣдятъ* (1 Кор. VI, 9, 10). Въ самомъ дѣлѣ, какъ ставшій однимъ тѣломъ съ блудницею можетъ быть тѣломъ Христовымъ? *Смотряюще, да не кто лишится благодати Божіей: да не кій корень горести выспрь прозябаяй пакость сотворитъ, и тѣмъ осквернятся мнози: да не кто блудодѣй, или скверникъ* (ст. 15, 16). Видишь, какъ онъ вездѣ заповѣдуетъ всякому содѣйствовать общему спасенію? *Утѣшайте себе*, говоритъ онъ (въ другомъ мѣстѣ), *на всякъ день, дондеже днесь нарицается* (Евр. III, 13).

2. Не предоставляйте, говоритъ, всего учителямъ, не возлагайте всего на предстоятелей; и вы можете назидать другъ друга. То же писалъ онъ и Ѳессалоникійцамъ: *созидайте кійждо ближняго, якоже и творите;* и еще: *утѣшайте другъ друга въ словесѣхъ*
211 *сихъ* (1 Сол. V, 11; IV, 18). То же и вамъ мы теперь совѣтуемъ. Вы можете, если захотите, больше насъ сдѣлать другъ для друга; вы чаще обращаетесь другъ съ другомъ, лучше насъ знаете дѣла свои, видите взаимные недостатки, больше имѣете откровенности, любви и общительности; а это не маловажно для наученія, но доставляетъ великія и благодѣтельныя удобства. Вы лучше насъ можете и обличать и убѣждать другъ друга. И кромѣ того, я—одинъ, а васъ много, и всѣ вы, сколько васъ есть, можете быть учителями. Потому увѣщеваю васъ, не пренебрегайте такимъ дарованіемъ; каждый изъ васъ имѣетъ или жену, или друга, или слугу, или сосѣда; обличай его, убѣждай его. Да и не безразсудно ли—для угощенія устроять собранія и содружества, имѣть назначенный день для свиданія другъ съ другомъ, восполнять недостающее у одного общими средствами, напр., когда нужно устроить похороны, или обѣдъ, или въ чемъ-нибудь другомъ помочь ближнему,—а для изученія добродѣтели не дѣлать этого? Пусть же, увѣщеваю васъ, никто не пренебрегаетъ,—великую за то награду получитъ онъ отъ Бога. Знайте, что кому

ввѣрено пять талантовъ, тотъ—учитель; а кому—одинъ, тотъ ученикъ. Если же ученикъ скажетъ: я ученикъ, мнѣ нѣтъ дѣла,—и скроетъ этотъ общественный, полученный имъ отъ Бога даръ слова, нисколько не увеличивъ его, если не станетъ ни увѣщевать, ни совѣтовать, ни обличать, ни вразумлять, когда можетъ, но зароетъ въ землю,—а дѣйствительно, сердце, скрывающее даръ Божій, есть земля и пепелъ,—итакъ если онъ скроетъ или по лѣности, или по нечестію, то не послужатъ къ оправданію его слова: я имѣю только одинъ талантъ. Ты имѣлъ одинъ талантъ? Тебѣ слѣдовало принести еще хотя одинъ, удвоить талантъ; если бы ты принесъ еще одинъ, то не былъ бы виновенъ. И принесшему въ добавокъ два таланта (Господь) не сказалъ: почему ты не принесъ пяти?—но удостоилъ его такой же награды, какъ и принесшаго въ добавокъ пять талантовъ. Почему? Потому, что онъ дѣлалъ, сколько могъ, не предался лѣности оттого, что получилъ менѣе получившаго пять талантовъ, не воспользовался незначительностію (дара) для безпечности. Такъ и тебѣ не слѣдовало смотрѣть на имѣющаго два таланта; или лучше, нужно было и съ него брать примѣръ; какъ онъ, имѣя два таланта, подражалъ имѣвшему пять, такъ и тебѣ слѣдовало подражать имѣвшему два. Если владѣющаго богатствомъ и не подающаго (бѣднымъ) ожидаетъ наказаніе, то имѣющаго возможность увѣщевать какимъ бы то ни было образомъ, и не поступающаго такъ, не ожидаетъ ли наказаніе величайшее? Тамъ питается тѣло, а здѣсь—душа; тамъ ты спасаешь отъ временной смерти, а здѣсь—отъ вѣчной.

3. Но, скажешь, у меня нѣтъ дара слова? Нѣтъ и нужды въ (особенномъ) дарѣ слова, или въ краснорѣчіи. Когда ты увидишь друга прелюбодѣйствующимъ, то скажи ему: худое дѣло ты дѣлаешь; неужели тебѣ не стыдно, неужели не совѣстно? Вѣдь это—порокъ. Но, скажешь, развѣ онъ не знаетъ, что это—порокъ? Конечно, знаетъ, но онъ увлекается похотію. И больные знаютъ, что пить холодную воду вредно, однако нуждаются въ предостереженіи. Кто одержимъ страстію, тотъ не скоро можетъ излѣчить самъ себя. Потому тебѣ, здоровому, нужно помогать его врачеванію. Если онъ не убѣдится твоими словами, то наблюдай, когда 212
онъ пойдетъ, и удерживай его; можетъ быть, онъ и устыдится. Но какая, скажешь, польза въ томъ, если онъ сдѣлаетъ это для меня, если будетъ удержанъ мною? Не разсуждай слишкомъ много; напередъ удержи его какимъ бы то ни было образомъ отъ порочнаго дѣла; пусть онъ пріучится не бросаться въ эту пропасть; чрезъ тебя ли, или чрезъ что-либо другое онъ удержится, польза отъ этого будетъ. Когда ты пріучишь его не ходить туда,

то потомъ, успокоивъ мало-по-малу, можешь научить его, что этого не должно дѣлать для Бога, а не для человѣка. Не усиливайся исправить все вдругъ, —это невозможно,—но постепенно и понемногу. Если увидишь его идущимъ для кутежа и на пьянственныя пиршества, то и здѣсь поступи также, и вмѣстѣ попроси его, чтобы онъ помогъ и тебѣ и вразумилъ, если онъ замѣтитъ въ тебѣ какой-нибудь недостатокъ. Тогда онъ обратитъ обличеніе на себя самого, видя, что и ты нуждаешься въ обличеніи и что ты помогаешь ему не какъ человѣкъ, исправный во всемъ, и не какъ учитель, но какъ другъ и братъ. Скажи ему: я былъ пригоденъ тебѣ, напомнивъ о полезномъ; и ты, если замѣтишь во мнѣ какой-нибудь недостатокъ, удержи и исправь меня; если увидишь меня гнѣвающимся, или предающимся любостяжанію, останови, обуздай своимъ увѣщаніемъ. Вотъ дружба; вотъ какъ *братъ отъ брата помогаемь, яко градъ твердъ* (Притч. xviii, 19)! Дѣйствительно, не въ томъ состоитъ дружба, чтобы вмѣстѣ ѣсть и пить; такая (дружба) бываетъ и у разбойниковъ и человѣкоубійцъ; но если мы—друзья, если истинно заботимся другъ о другѣ, то именно въ этомъ должны помогать другъ другу. Вотъ что ведетъ насъ къ дружбѣ благотворной; вотъ что можетъ спасти насъ отъ геенны! Итакъ, ни обличаемый не долженъ огорчаться,—мы вѣдь—люди и имѣемъ недостатки,—ни обличающій не долженъ дѣлать это съ насмѣшкою, съ презрѣніемъ или для разглашенія, но наединѣ и съ кротостію; обличающему нужна именно великая кротость, чтобы расположить обличаемаго—перенести болѣзненное врачеваніе. Не видите ли у врачей, когда они прижигаютъ, или отсѣкаютъ, съ какою кротостію они примѣняютъ врачество? Тѣмъ болѣе должны такъ поступать обличающіе, потому что обличеніе сильнѣе огня и желѣза приводитъ въ раздраженіе. Врачи всячески стараются, чтобы сдѣлать отсѣченіе спокойнѣе и, какъ можно, легче, и для того, приступивъ къ нему и исполнивъ нѣсколько, останавливаются, чтобы дать отдохнуть больному. Такъ должно дѣлать и обличенія, чтобы обличаемые не отстранились отъ насъ. Если бы при этомъ намъ пришлось выслушать оскорбленія, или даже получить удары, мы не должны останавливаться. И подвергающіеся болѣзненному врачеванію много кричатъ противъ врачующихъ; однако, врачи не смотрятъ ни на что, а только на здоровье страждущихъ. Такъ и здѣсь нужно дѣлать все, чтобы обличеніе принесло пользу, нужно переносить все, имѣя въ виду предстоящую награду. *Другъ друга*, говоритъ (апостолъ), *тяготы носите, и тако исполните законъ Христовъ* (Гал. vi, 2). Такимъ образомъ, и обличая и перенося другъ отъ друга обличенія, мы можемъ исполнить Христово домостроительство. Такимъ образомъ

вы облегчите и нашъ трудъ, помогая намъ во всемъ, подавая руку помощи, дѣлаясь участниками и сообщниками спасенія какъ одни другихъ, такъ и каждый своего собственнаго. Будемъ же 213—214
терпѣть, и нося *тяготы другъ друга,* и обличая одинъ другого, чтобы намъ сподобиться обѣщанныхъ намъ благъ во Христѣ Іисусѣ, Господѣ нашемъ. Аминь.

БЕСѢДА XXXI.

Миръ имѣйте и святыню со всѣми, ихже кромѣ никтоже узритъ Господа (Евр. xii, 14). 213

1. Есть много отличительныхъ принадлежностей христіанства, но больше всѣхъ и лучше всѣхъ—любовь другъ къ другу и миръ. Потому и говоритъ Христосъ: *миръ мой даю вамъ;* и еще: *о семъ разумѣютъ вси, яко мои ученицы есте, аще любовь имате между собою* (Іоан. xiv, 27; xiii, 35). Потому и Павелъ теперь говоритъ: *миръ имѣйте со всѣми и святыню,* т. е. честность, *ихже кромѣ никтоже узритъ Господа. Смотряюще, да не кто лишится благодати Божія* (ст. 15). Какъ бы путешественникамъ, идущимъ по длинному пути въ большомъ обществѣ, говоритъ: смотрите, чтобы кто-нибудь не отсталъ; я желаю не только того, чтобы вы сами достигли, но чтобы вы наблюдали и за другими, *да не кто лишится,* говоритъ, *благодати Божія.* Благодатію Божіею онъ называетъ будущія блага, евангельскую вѣру, добродѣтельную жизнь: все это отъ благодати Божіей. Не говори же мнѣ, что одинъ только (человѣкъ) погибаетъ; и за этого одного Христосъ умеръ. Христосъ умеръ за одного, а ты о немъ не заботишься? *Смотряюще,* говоритъ, т. е. тщательно наблюдая, осматриваясь, развѣдывая, какъ поступаютъ съ слабыми, и всячески изслѣдывая и узнавая. *Да не кій корень горести выспрь прозябаяй пакость сотворитъ.* Это говорится во Второзаконіи (Втор. xxix, 18), а самое выраженіе въ переносномъ смыслѣ заимствовано изъ примѣра растеній. *Да не кій корень,* говоритъ, *горести,* подобно какъ и въ другомъ мѣстѣ онъ говоритъ: *малъ квасъ все смѣшеніе квиситъ* (1 Кор. v, 6). Не потому только, говоритъ, я желаю этого, но и по причинѣ происходящаго отсюда вреда. Если будетъ такой корень, то не позволяй ему пускать ростковъ, но вырывай его, чтобы онъ не принесъ свойственныхъ ему плодовъ, чтобы не заразилъ и не осквернилъ другихъ. *Да не кій корень горести выспрь прозябаяй пакость сотворитъ, и тѣмъ осквернятся мнози.* Справедливо

онъ называетъ грѣхъ горькимъ; дѣйствительно, нѣтъ ничего столь горькаго, какъ грѣхъ. Это знаютъ тѣ, которые послѣ (худыхъ) дѣлъ угрызаются совѣстію и испытываютъ великую горечь. (Грѣхъ). будучи чрезвычайно горькимъ, разстроиваетъ самый разсудокъ. Свойство горькаго—быть вреднымъ. И прекрасно онъ выразился: *корень горести;* не сказалъ: горькій, но: *горести.* Горькій корень можетъ приносить плоды сладкіе; но корень, источникъ и основаніе *горести,* никогда не можетъ приносить плода сладкаго, въ немъ все горько, нѣтъ ничего сладкаго, все невкусно, все непріятно, все исполнено ненависти и отвращенія. *И тѣмъ,* говоритъ, *осквернятся мнози,* т. е. чтобы того не было, отлучайте отъ себя людей развратныхъ. *Да не кто блудодѣй, или сквернитель якоже Исавъ, иже за ядь едину отдалъ есть первородство свое* (ст. 16).
214 Но развѣ Исавъ былъ блудодѣемъ? Не то говоритъ онъ здѣсь, будто Исавъ былъ блудодѣемъ, а противополагаетъ это словамъ: *имѣйте святыню;* слово же *сквернитель* къ нему относится. Итакъ, пусть никто не будетъ, подобно Исаву, сквернителемъ, т. е. чревоугодникомъ, невоздержнымъ, преданнымъ міру, презирающимъ блага духовныя. *Иже за ядь едину отдалъ есть первородство свое,* т. е., который данную отъ Бога честь отдалъ по собственной безпечности и для малаго удовольствія потерялъ величайшую честь и славу. Это относится собственно къ нимъ (евреямъ) и свойственно людямъ низкимъ, нечистымъ

Нечистъ не одинъ только прелюбодѣй, но и чревоугодникъ, который есть рабъ чрева; онъ—рабъ и другого удовольствія, которое принуждаетъ его предаваться любостяжанію, принуждаетъ похищать чужое, совершать множество безчестныхъ дѣлъ; будучи рабомъ этой страсти, онъ часто и богохульствуетъ. Тотъ почелъ за ничто первородство и, заботясь о временномъ наслажденіи, дошелъ до того, что продалъ первородство свое. Такимъ образомъ первородство уже принадлежитъ намъ, а не іудеямъ. Это вмѣстѣ имѣетъ отношеніе и къ ихъ страданіямъ: (апостолъ) какъ бы внушаетъ, что первый сдѣлался послѣднимъ, а второй первымъ; этотъ—первымъ чрезъ воздержаніе, а тотъ—послѣднимъ по безпечности. *Вѣсте бо,* говоритъ, *яко и потомъ похотѣвъ наслѣдовати благословеніе, отверженъ бысть: покаянія бо мѣста не обрѣте, аще и со слезами поискалъ его* (ст. 17).

2. Что это значитъ? Неужели онъ отвергаетъ покаяніе? Нѣтъ. Но какъ же говоритъ: *покаянія мѣста не обрѣте?* Если онъ осуждалъ себя, если сильно плакалъ, то почему *не обрѣте мѣста покаянія?* Потому, что это не было слѣдствіемъ раскаянія. Какъ печаль Каина не была слѣдствіемъ раскаянія,—что и доказалъ онъ убійствомъ,—такъ и здѣсь слова (Исава) не были слѣдствіемъ

раскаянія,—что послѣ онъ также доказалъ убійствомъ: и онъ намѣреніемъ своимъ умертвилъ Іакова. *Да приближатся*, говорилъ онъ, *дніе плача отца моего, да быхъ убилъ Іакова брата моего* (Быт. xxvII, 41). Потому слезы не могли сообщить ему покаянія. И не просто сказалъ (апостолъ): *покаянія*, но: *аще и со слезами поискалъ, покаянія мѣста не обрѣте*. Почему? Потому, что не раскаялся надлежащимъ образомъ,—а это и есть покаяніе,—не раскаялся, какъ слѣдовало. Иначе къ чему (апостолъ) говорилъ это? Почему онъ теперь увѣщевалъ сдѣлавшихся безпечными, хромающими, колеблющимися и разслабленными? Вѣдь это—начало паденія. Мнѣ кажется, здѣсь онъ намекаетъ на нѣкоторыхъ прелюбодѣевъ, но пока не хочетъ прямо обличать ихъ, а представляется незнающимъ о нихъ, чтобы они исправились. Нужно было сначала представиться незнающимъ, а потомъ, если они будутъ упорствовать, употребить и обличеніе, чтобы они не сдѣлались безстыдными. Такъ и Моисей поступилъ съ Замвріемъ и Хазвіею (Числ. xxvII, 15). *Покаянія бо мѣста не обрѣте. Не обрѣте*, говоритъ, *покаянія*, или потому, что согрѣшилъ болѣе, нежели сколько можно загладить покаяніемъ, или потому, что не принесъ достойнаго покаянія. Слѣдовательно есть грѣхи, превышающіе покаяніе. Смыслъ словъ его слѣдующій: не будемъ допускать паденія неисцѣльнаго; 215
пока мы только хромаемъ, то легко исправиться; а когда разстроимся совершенно, тогда что будетъ съ нами? Онъ обращаетъ это къ тѣмъ, которые еще не пали, удерживаетъ ихъ страхомъ и говоритъ, что падшій не можетъ получить утѣшенія. А падшимъ, чтобы они не предались отчаянію, онъ внушаетъ противное и говоритъ такъ: *чадца моя, имиже паки болѣзную, дондеже вообразится Христосъ въ васъ* (Гал. IV, 19); и еще: *иже закономъ оправдаетеся, отъ благодати отпадосте* (Гал. V, 4). Такъ онъ говоритъ падшимъ. Стоящій, слыша, что падшему невозможно получить прощеніе, дѣлается болѣе крѣпкимъ и обнадеженнымъ въ стояніи; а если употребить ту же строгость въ отношеніи къ падшему, то онъ никогда не возстанетъ, потому что съ какою надеждою онъ начнетъ свое исправленіе? Не только плакалъ, говоритъ (апостолъ), но и *поискалъ;* и такимъ образомъ онъ не отвергаетъ покаянія словами: *покаянія мѣста не обрѣте*, а только болѣе укрѣпляетъ ихъ, чтобы они не падали. Пусть же помнятъ это тѣ, которые не вѣрятъ гееннѣ; пусть размышляютъ объ этомъ тѣ, которые думаютъ грѣшить безнаказанно. Почему Исавъ не получилъ прощенія? Потому, что не раскаялся, какъ должно.

3. Хочешь ли видѣть истинное покаяніе? Послушай о покаяніи Петра послѣ отреченія. Евангелистъ, повѣствуя намъ объ немъ, говоритъ: *и изшедъ вонъ, плакася горько* (Мѳ. XXVI, 75). По-

тому и былъ прощенъ ему этотъ грѣхъ, что онъ раскаялся, какъ должно, хотя тогда еще не было принесено жертвоприношеніе, еще не была совершена жертва, еще не былъ сокрушенъ грѣхъ, но господствовалъ и свирѣпствовалъ. А чтобы тебѣ знать, что отреченіе (Петра) было слѣдствіемъ не столько его безпечности, сколько оставленія Богомъ, который научалъ его — знать мѣру человѣческую и не противиться тому, что говоритъ Учитель, не считать себя выше другихъ, а помнить, что безъ Бога ничего быть не можетъ, что *аще не Господь созиждетъ домъ, всуе трудишася зиждущіи* его (Псал. cxxvi, 1),—послушай, какъ Христосъ, желая укрѣпить его и научить смиренію, говорилъ ему одному: *Симоне, Симоне, се сатана проситъ, дабы сѣялъ тебя, яко пшеницу азъ же молихся о тебѣ, да не оскудѣетъ вѣра твоя* (Лук. xxii, 31, 32). Такъ какъ онъ, вѣроятно, много думалъ о себѣ, сознавая, что онъ любитъ Христа больше всѣхъ, то ему попущено было пасть, отречься отъ Учителя; потому онъ и плакалъ горько, и другія выражалъ чувствованія, слѣдующія за плачемъ. Чего въ самомъ дѣлѣ онъ не сдѣлалъ? Онъ подвергалъ себя впослѣдствіи безчисленнымъ опасностямъ, доказавъ во всемъ свое мужество и твердость душевную. Раскаялся и Іуда, но худо, потому что удавился; раскаялся, какъ я говорилъ, и Исавъ, а правильнѣе—онъ совершенно не раскаялся, потому что слезы его были слезами не покаянія, а скорѣе злобы и гнѣва, какъ видно изъ послѣдствій; раскаялся блаженный Давидъ, выражающійся такъ: *измыю на всяку нощь ложе мое, слезами моими постелю мою омочу* (Псал. vi, 7). Давно допущенный грѣхъ онъ оплакивалъ послѣ столькихъ лѣтъ и послѣ столькихъ поколѣній, какъ бы совершенный недавно. Кающемуся должно не гнѣваться, или раздражаться, но сокру-
216 шаться, какъ осужденному, какъ не имѣющему дерзновенія, какъ обличенному, какъ ожидающему спасенія отъ одной милости, какъ оказавшему себя непризнательнымъ къ благодѣтелю, неблагодарнымъ, безчестнымъ и достойнымъ безчисленныхъ мученій. Если онъ станетъ помышлять объ этомъ, то не будетъ гнѣваться и раздражаться, но воздыхать, скорбѣть, плакать и рыдать день и ночь. Кающемуся не должно никогда предавать забвенію грѣхи свои, но молить Бога, чтобы Онъ не вспоминалъ объ нихъ, а самому никогда объ нихъ не забывать: если мы будемъ объ нихъ помнить, то Богъ забудетъ ихъ. Будемъ же осуждать и наказывать сами себя: такимъ образомъ мы умилостивимъ Судію. Грѣхъ исповѣданный становится меньше, а неисповѣданный больше. Если ко грѣху присоединяется безстыдство и неблагодарность, то онъ никогда не остановится; да и какъ такой человѣкъ можетъ остерегаться, чтобы не впасть въ тѣ же грѣхи, которые прежде онъ совершилъ по невѣдѣнію?

Итакъ, увѣщеваю васъ, не будемъ отпираться, не будемъ безстыдничать, чтобы намъ противъ воли не подвергнуться наказанію. Каинъ услышалъ отъ Бога: *гдѣ есть Авель братъ твой?* и сказалъ: *не вѣмъ: еда стражъ брату моему есмь азъ* (Быт. IV, 9)? Видишь, какъ это сдѣлало грѣхъ тягчайшимъ? Не такъ поступилъ отецъ его,—а какъ? Услышавъ: *Адаме, гдѣ еси?* онъ сказалъ: *гласъ слышахъ тебе, и убояхся, яко нагъ есмь, и скрыхся* (Быт. III, 10). Великое благо—сознавать грѣхи и постоянно помнить объ нихъ; ничто такъ не исцѣляетъ отъ грѣховныхъ навыковъ, какъ постоянное памятованіе (о грѣхахъ); ничто такъ не дѣлаетъ человѣка медлительнымъ къ совершенію зла. Знаю, что совѣсть уклоняется и не любитъ мучиться воспоминаніемъ о грѣхахъ; но ты дѣлай душѣ принужденіе и налагай на нее узду; она свирѣпствуетъ, какъ необузданный конь, и не хочетъ убѣдиться, что она согрѣшила. Но все это — сатанинское дѣло. А мы будемъ убѣждать ее, что она согрѣшила, чтобы она покаялась и, покаявшись, избавилась отъ наказаній. Какъ, скажи мнѣ, ты хочешь получить прощеніе во грѣхахъ, не исповѣдавъ ихъ? Согрѣшившій, конечно, достоинъ милости и состраданія; но ты, еще не убѣдившійся, что согрѣшилъ, какъ хочешь быть помилованнымъ, будучи столь безстыднымъ въ согрѣшеніяхъ? Убѣдимъ же себя, что мы согрѣшили; не языкомъ только будемъ говорить это, но и умомъ; не только будемъ называть себя грѣшниками, но и представлять грѣхи свои, исчисляя каждый порознь. Я не говорю тебѣ: выставляй себя на показъ предъ всѣми, обличай себя при другихъ; но совѣтую слѣдовать пророку, который говоритъ: *открый ко Господу путь твой* (Иса. XXXVI, 5). Исповѣдуй грѣхи свои предъ Богомъ, исповѣдуй предъ Судіею, молясь, если не языкомъ, то памятію, и такимъ образомъ ищи помилованія. Если ты будешь постоянно содержать въ памяти грѣхи свои, то никогда не будешь помнить зла ближнему,—не говорю: если ты будешь только сознавать, что ты грѣшникъ: это не столько можетъ смирить душу, сколько самые грѣхи, исчисляемые порознь. По- 217
стоянно имѣя ихъ въ памяти, ты не станешь ни помнить зла, ни гнѣваться, ни злословить, ни надмеваться, ни впадать снова въ тѣ же грѣхи, и сдѣлаешься болѣе крѣпкимъ къ совершенію добрыхъ дѣлъ.

4. Видишь, сколько благъ происходитъ отъ памятованія о грѣхахъ? Потому начертаемъ ихъ въ умахъ нашихъ. Знаю, что душа отклоняетъ отъ себя столь непріятное памятованіе; но будемъ принуждать, будемъ заставлять ее. Лучше ей теперь пострадать отъ памятованія о грѣхахъ, нежели въ то время отъ наказанія за нихъ. Нынѣ, если ты будешь помнить объ нихъ,

постоянно исповѣдывать ихъ предъ Богомъ и молиться объ нихъ (прощеніи), то скорѣе истребишь ихъ. Если же забудешь ихъ нынѣ, то поневолѣ вспомнишь о нихъ тогда, когда они будутъ обнаружены предъ цѣлою вселенною и объявлены предъ всѣми— и друзьями, и врагами, и ангелами. Вѣдь не Давиду одному сказалъ (Господь): *ты сотворилъ еси втайнѣ, азъ же сотворю* явно *предъ всѣми* (2 Царств. XII, 12), но и всѣмъ намъ. Ты боялся, скажетъ Онъ, людей и стыдился ихъ болѣе, нежели Бога; ты не думалъ о всевидящемъ Богѣ, а стыдился людей, потому что *очи человѣчестіи страхъ* ихъ (Сир. XXIII, 26); за все это ты отдашь отчетъ,—Я обличу тебя, обнаруживъ предъ глазами всѣхъ грѣхи твои. А что это справедливо,—что въ тотъ день обнаружатся грѣхи всѣхъ насъ, если мы нынѣ не истребимъ ихъ частымъ о нихъ памятованіемъ,—послушай, какъ обнаруживается жестокосердіе и безчеловѣчность тѣхъ, которые здѣсь не были милостивыми: *взалкахся*, говоритъ, *и не дасте ми ясти* (Мѳ. XXV, 42). Когда говорится это? Въ уединенномъ ли и тайномъ мѣстѣ? Нѣтъ,—но когда? Когда *пріидетъ Сынъ человѣческій въ славѣ своей*, и соберетъ *вся языки*, когда *разлучитъ* однихъ отъ другихъ, поставивъ ихъ *одесную* и *ошуюю*,—тогда и скажетъ въ слухъ всѣхъ: *взалкахся, и не дасте ми ясти*. Вспомни еще, какъ пять дѣвъ услышатъ предъ всѣми: *не вѣмъ васъ* (Мѳ. XXV, 12). *Пять* и *пять* здѣсь означаютъ не числомъ только пять, но всѣхъ злыхъ, жестокихъ и безчеловѣчныхъ дѣвъ, равно и тѣхъ, которыя не таковы. Также и зарывшій (въ землю) одинъ талантъ услышалъ при всѣхъ— и при тѣхъ, которые принесли пять, и при тѣхъ, которые принесли два таланта: *лукавый рабе и лѣнивый* (Мѳ. XXV, 26). И не словами только, но и дѣлами Онъ тогда обличитъ ихъ, какъ и евангелистъ говоритъ: *воззрятъ нань, егоже прободоша* (Іоан. XIX, 37). Общее будетъ воскресеніе всѣхъ — и грѣшныхъ, и праведныхъ; всѣхъ вмѣстѣ будетъ судить Судія. Представь же тѣхъ,
218 которые въ скорби и печали будутъ ввергаемы въ огнь, тогда какъ другіе будутъ увѣнчаны. *Пріидите*, скажетъ Онъ, *благословенніи Отца моего, наслѣдуйте уготованное вамъ царствіе отъ сложенія міра*; а другимъ: *идите отъ мене во огнь, уготованный діаволу и аггеломъ его* (Мѳ. XXV, 34, 41).

Будемъ не только слушать эти слова, но и начертывать ихъ предъ глазами нашими. Представимъ, что Онъ самъ теперь явился предъ нами и говоритъ это, и что мы ввергаемся въ тотъ огонь. Что мы почувствуемъ въ душѣ? Чѣмъ утѣшимъ себя? А что— тогда, когда мы будемъ раздѣлены на двѣ стороны? Что—тогда, когда будемъ обвиняемы въ похищеніи чужого? Какое представимъ оправданіе, какое благовидное извиненіе? Никакого; но не-

избѣжно повлекутъ насъ, связанныхъ и съ поникшими головами, въ отверстія горящихъ печей, въ огненную рѣку, во тьму, на безконечныя мученія, и не будемъ имѣть никого, кто бы избавилъ насъ. Вѣдь невозможно отсюда перейти туда: *пропасть велика*, скажутъ (праведные), *между нами и вами* (Лук. XVI, 26); и даже, если бы они желали, и тогда невозможно перейти и подать руку помощи, но неизбѣжно будемъ мы горѣть вѣчно. и никто не поможетъ намъ, хотя бы то былъ отецъ, или мать, или кто-нибудь другой, даже имѣющій великое дерзновеніе предъ Богомъ. *Братъ*, сказано, *не избавитъ: избавитъ ли человѣкъ* (Псал. XLVIII, 8)? Итакъ, если нельзя возлагать надежду спасенія на другого, а только на человѣколюбіе Божіе и затѣмъ на самого себя, то, увѣщеваю васъ, будемъ дѣлать все, чтобы жизнь наша была чиста и поведеніе безукоризненно, чтобы намъ съ самаго начала не допускать никакого оскверненія; а если допустимъ, то не будемъ предаваться усыпленію послѣ оскверненія, но постоянно очищать нечистоту покаяніемъ, слезами, молитвами, милостынею. А что, скажешь, если я не въ состояніи творить милостыню? Но ты имѣешь чашу холодной воды, какъ бы ты ни былъ бѣденъ; ты имѣешь двѣ лепты, въ какой бы бѣдности ты ни находился; ты имѣешь ноги, чтобы посѣтить больныхъ, или сходить въ темницу; ты имѣешь кровлю, чтобы принять странниковъ. Нѣтъ, подлинно нѣтъ никакого оправданія не творящему милостыни. Объ этомъ часто мы говоримъ вамъ, чтобы хотя нѣсколько имѣть успѣха отъ частаго повторенія; говоримъ, заботясь не столько о благодѣтельствуемыхъ, сколько о васъ самихъ. Имъ вы даете (блага) здѣшнія, а сами получите за то (блага) небесныя, которыхъ да сподобимся всѣ мы, благодатію и человѣколюбіемъ Господа нашего Іисуса Христа, съ Которымъ Отцу и Святому Духу слава, держава, честь и поклоненіе, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА XXXII.

219 **Не приступисте бо къ горѣ осязаемѣй, и разгорѣвшемуся огню, и облаку, и сумраку, и бурѣ, и трубному звуку, и гласу глаголъ, егоже слышавшіи отрекошася, да не приложится имъ слово: не терпяху бо повелѣвающаго: аще и звѣрь прикоснется горѣ, каменіемъ побіенъ будетъ: и, тако страшно бѣ видимое, Моисей рече: пристрашенъ есмь и трепетенъ: но приступисте къ Сіонистѣй горѣ, и ко граду Бога живаго, Іерусалиму небесному, и тмамъ ангеловъ, торжеству, и церкви первородныхъ на небесѣхъ написанныхъ, и судіи всѣхъ Богу, и духомъ праведникъ совершенныхъ, и къ ходатаю завѣта новаго Іисусу, и крови кропленія, лучше глаголющей, нежели Авелева (Евр. хп, 18—24)**

1. Во храмѣ (іудеевъ) было дивное святое святыхъ, было у нихъ и страшное—происходившее на горѣ Синаѣ: огонь, облако, мракъ, буря, потому что на Синаѣ, сказано, Богъ открывался въ огнѣ, бурѣ и мракѣ (Втор. v, 22). Ничего такого не было при учрежденіи новаго завѣта; но онъ данъ былъ Христомъ въ простой Его бесѣдѣ. Смотри, какъ (апостолъ) еще дѣлаетъ сравненіе между ними, справедливо поставляя все это послѣ. Представивъ имъ множество доказательствъ и уже объяснивъ различіе между двумя завѣтами, онъ наконецъ, послѣ сказаннаго выше, легко приступаетъ и къ этому. Что же говоритъ онъ? *Не приступисте бо къ горѣ осязаемѣй, и разгорѣвшемуся огню, и облаку, и сумраку, и бурѣ, и трубному звуку, и гласу глаголъ, егоже слышавшіи отрекошася, да не приложится имъ слово: не терпяху бо повелѣвающаго: аще и звѣрь прикоснется горѣ, каменіемъ побіенъ будетъ.* Это было страшно, говоритъ, такъ страшно, что и слушать было невозможно, и даже звѣрь не смѣлъ приближаться. Но это еще не таково, каково послѣдующее. Что Синай въ сравненіи съ небомъ? Что осязаемый огонь въ сравненіи съ неосязаемымъ Богомъ? *Богъ нашъ*, говоритъ, *огнь поядаяй есть* (Евр. хп, 29). А что дѣйствительно происходившее тогда на горѣ было страшно, видно изъ тѣхъ словъ, которыя сказали (евреи): *да не глаголетъ Богъ, но да глаголетъ намъ Моисей* (Исх. хх, 19). *Не терпяху бо повелѣвающаго: аще и звѣрь прикоснется горѣ, каменіемъ побіенъ будетъ: и, тако страшно бѣ видимое, Моисей рече: пристрашенъ есмь и трепетенъ.* Удивительно ли, что народъ, какъ говорится (въ Писаніи), чувствовалъ такой страхъ, если и самъ (Моисей), входившій въ мракъ, гдѣ находился Богъ, говорилъ:

пристрашенъ есмь и трепетенъ? Но приступисте къ Сіонстѣй горѣ, и ко граду Бога живаго, Іерусалиму небесному, и тмамъ ангеловъ, торжеству, и Церкви первородныхъ на небесѣхъ написанныхъ, и судіи всѣхъ Богу, и духомъ праведникъ совершенныхъ, и къ ходатаю завѣта новаго Іисусу, и крови кропленія, лучше глаголющей, нежели Авелева. Видишь, сколькими (доводами) онъ доказалъ превосходство новаго завѣта предъ ветхимъ? Вмѣсто земного Іерусалима—небесный: *приступисте ко граду Бога живаго, Іерусалиму небесному;* вмѣсто Моисея—Іисусъ: *и къ ходатаю завѣта новаго Іисусу;* вмѣсто народа—всѣ ангелы: *и тмамъ ангеловъ, торжеству.* Кого же онъ разумѣетъ подъ именемъ первородныхъ: *и* 220
церкви первородныхъ? Всѣ сонмы вѣрныхъ; ихъ же онъ называетъ и духами *праведникъ совершенныхъ.* Итакъ не скорбите, говоритъ; вы будете съ ними. Что значитъ: *крови кропленія, лучше глаголющей, нежели Авелева?* Развѣ кровь Авеля говорила? Да; а какимъ образомъ, о томъ послушай Павла, который говоритъ: *вѣрою множайшую жертву Авель паче Каина принесе, еюже свидѣтельствованъ бысть быти праведникъ: и тою умерый еще глаголетъ* (Евр. XI, 4). То же и самъ Богъ выражаетъ, когда говоритъ: *гласъ крове брата твоего вопіетъ ко мнѣ* (Быт. IV, 10). Такимъ образомъ или это здѣсь можно разумѣть, или то, что (кровь Авелева) еще и нынѣ прославляется, впрочемъ не такъ, какъ (кровь) Христова, потому что эта очистила всѣхъ и издаетъ гласъ тѣмъ славнѣйшій и важнѣйшій, чѣмъ больше свидѣтельствуютъ о ней самыя дѣла. *Блюдите же, да не отречетеся глаголющаго. Аще бо не избѣжаша они отрекшіися пророчествующаго на земли, множае паче мы отрицающіися небеснаго. Егоже гласъ землю тогда поколеба: нынѣ же обѣтова, глаголя: еще единою азъ потрясу не токмо землею, но и небомъ. А еже, еще единою, сказуетъ колеблемыхъ преложеніе, аки сотворенныхъ, да пребудутъ, яже суть неподвижимая. Тѣмже царство непоколебимо пріемлюще, да имамы благодать, еюже служимъ благоугодно Богу, съ благоговѣніемъ и страхомъ. Ибо Богъ нашъ огнь поядаяй есть* (ст. 25—29). То страшно, а это гораздо болѣе чудно и славно, потому что здѣсь—нѣтъ ни мрака, ни облака, ни бури, какъ тамъ. А для чего тогда Богъ являлся въ огнѣ? Этимъ, кажется мнѣ, означается неясность ветхаго завѣта, туманность и прикровенность закона; а съ другой стороны выражается, что Законодатель долженъ быть страшенъ и грозенъ для преступниковъ.

2. Для чего трубные звуки? Это правильно,—потому что здѣсь какъ бы царь присутствовалъ. Такъ будетъ и при второмъ пришествіи: *вострубитъ бо,* говоритъ (апостолъ), и всѣ мы востанемъ (1 Кор. XV, 52). Воскресеніе всѣхъ будетъ совершено силою

Божіею. А гласъ трубный означаетъ не что иное, какъ то, что всѣмъ должно воскреснуть. Тогда (на Синаѣ) все было чувственное—и видѣнія, и звуки; а послѣдующее все—духовное и невидимое. Огонь означаетъ то, что Богъ есть *огнь: ибо Богъ нашъ*, говоритъ (апостолъ), *огнь поядаяй* есть (Евр. xII, 29). Облако, мракъ и дымъ выражаютъ опять нѣчто страшное. Такъ и Исаія говоритъ: *и домъ наполнися дыма* (Иса. vI, 4). А для чего буря? Родъ человѣческій былъ безпеченъ: потому нужно было пробудить его: и, конечно, не было такого безпечнаго человѣка, который не возвелъ бы мыслей своихъ горѣ, когда это происходило и когда совершалось законоположеніе. *Моисей глаголаше, Богъ же отвѣщаваше ему гласомъ* (Исх. xIx, 19), потому что нужно было, чтобы слышенъ былъ голосъ Божій. Такъ какъ (Богъ) хотѣлъ чрезъ Моисея преподать законъ, то и дѣлаетъ его достойнымъ вѣры. (Евреи) не видѣли Моисея по причинѣ облака, и не слышали его по причинѣ его косноязычія. Что же? Самъ Богъ отвѣчалъ ему
221 *гласомъ*, какъ бы говоря къ народу и дѣлая для него внятными законоположенія. Но обратимся къ вышесказанному. *Не приступисте бо къ горѣ осязаемѣй, и разгорѣвшемуся огню, и трубному звуку, и гласу глаголъ, егоже слышавшіи отрекошася, да не приложится имъ слово.* Слѣдовательно, они сами были причиною того, что Богъ явился имъ чувственнымъ образомъ. Что говорили они? *Да глаголетъ намъ Моисей, и да не глаголетъ намъ Богъ* (Исх. xx, 19).

Нѣкоторые, дѣлая сравненіе, унижаютъ все тогдашнее, чтобы болѣе возвысить настоящее; но я считаю и то дивнымъ,—вѣдь и тамъ были дѣла Божіи и явленія Его силы,—но вмѣстѣ доказываю, что наше гораздо превосходнѣе и удивительнѣе. Оно вдвойнѣ велико: какъ славное и важнѣйшее, и вмѣстѣ съ тѣмъ какъ болѣе доступное и кроткое. Такъ и въ посланіи къ Коринѳянамъ (апостолъ) говоритъ: *мы же откровеннымъ лицемъ славу Господню взираемъ, и не якоже Моисей полагаше покрывало на лицѣ своемъ* (2 Кор. III, 18, 13). Тѣ, говоритъ, не удостоились того, чего мы. Чего же они удостоились? Они видѣли мракъ и облако, слышали голосъ. Но и ты слышалъ голосъ Божій, только не чрезъ облако, а чрезъ плоть (Христову), и притомъ не смутился и не устрашился, но стоялъ и бесѣдовалъ съ Ходатаемъ. Мракомъ (Писаніе) означаетъ также невидимость: *и мракъ*, говоритъ (Псалмопѣвецъ), *подъ ногама его* (Псал. xvII, 10). Тогда и Моисей устрашился, а нынѣ—никто; тогда народъ стоялъ внизу, а мы не внизу, но выше неба, близъ самого Бога, какъ сыны Его, а не такъ, какъ Моисей; тамъ была пустыня, а здѣсь городъ, и тьмы ангеловъ. *Торжеству*,—здѣсь апостолъ выражаетъ радость и веселіе въ противоположность облаку, мраку и бурѣ. *И церкви первородныхъ*,

на небесѣхъ написанныхъ, и судіи всѣхъ Богу. Тѣ не подходили, а стояли вдали, равно какъ и Моисей; а вы приступили. Здѣсь (апостолъ) внушаетъ имъ также и страхъ: *и судіи*, говоритъ, *всѣхъ Богу;* слѣдовательно, Онъ будетъ судить не только іудеевъ, или вѣрныхъ, но всю вселенную. *И духомъ праведникъ совершенныхъ:* называетъ такъ души благочестивыхъ. *И къ ходатаю завѣта новаго Іисусу, и крови кропленія,* т. е. очищенія, *лучше глаголющей, нежели Авелева.* Если же кровь говоритъ, то тѣмъ болѣе находится въ живыхъ самъ Закланный. А что говоритъ она—послушай: *и Духъ ходатайствуетъ воздыханіи неизглаголанными* (Рим. VIII, 26). Какимъ образомъ говоритъ? Входя въ чистую душу, возвышая ее и побуждая говорить. *Блюдите же, да не отречетеся глаголющаго,* т. е., не ослушайтесь. *Аще бо не избѣжаша они, отрекшіися пророчествующаго на земли.* Кого онъ здѣсь разумѣетъ? Мнѣ кажется, Моисея. Смыслъ же словъ его слѣдующій: если тѣ не избѣгли (наказанія), не послушавшись заповѣдавшаго на землѣ, то какъ можемъ мы не слушаться заповѣдующаго съ неба? Здѣсь онъ выражаетъ не то, будто тамъ былъ иной (законодатель),—вовсе нѣтъ,—не указываетъ онъ одного тамъ, а другого здѣсь, но говоритъ, что страшенъ изрекающій съ неба. Хотя и тамъ и здѣсь одинъ и тотъ же, но особенно страшенъ изрекающій здѣсь. Апостолъ говоритъ о различіи не лицъ, а даровъ. Откуда это видно? Изъ дальнѣйшихъ словъ его: *аще бо не избѣжаша они, отрекшіися пророчествующаго на земли, множае паче мы, отрицающіися небеснаго.* Что же? Иной ли здѣсь, и иной тамъ? Какъ же онъ говоритъ: *егоже гласъ землю тогда поколеба?* А землю поколе- 222
балъ голосъ давшаго тогда законъ. *Нынѣ же обѣтова, глаголя: еще единою азъ потрясу не токмо землею, но и небомъ. А еже, еще единою, сказуетъ колеблемыхъ преложеніе, аки сотворенныхъ.* Такимъ образомъ все будетъ измѣнено и устроится къ лучшему свыше; это выражается здѣсь приведенными словами. Что же ты скорбишь, страдая въ мірѣ временномъ, бѣдствуя въ мірѣ скоропреходящемъ? Если бы въ будущей судьбѣ міра была ненадежность, то ожидающему конца слѣдовало бы скорбѣть. *Да пребудутъ*, говоритъ, *яже суть неподвижимая.* А что неподвижно? Будущее.

3. Будемъ же дѣлать все, чтобы получить эти блага, чтобы наслаждаться этими благами. Такъ, прошу и умоляю васъ, будемъ стараться объ этомъ. Никто не строитъ въ городѣ, который готовъ разрушиться. Скажи мнѣ, прошу тебя: если бы кто-нибудь сказалъ, что такой-то городъ чрезъ годъ разрушится, а такой-то никогда,—неужели ты сталъ бы строить въ томъ, который долженъ разрушиться? Потому я и говорю теперь: не будемъ созидать въ этомъ мірѣ; онъ скоро разрушится и все погибнетъ. Но

что я говорю: онъ скоро разрушится? Прежде его рузрушенія мы сами погибнемъ, пострадаемъ и выйдемъ изъ самихъ себя. Для чего мы строимъ на пескѣ?

Будемъ строить на камнѣ (Мѳ. VII, 25), и тогда, что бы ни случилось. зданіе наше останется несокрушимымъ, ничто не будетъ въ состояніи разрушить его. И это несомнѣнно, потому что то мѣсто недоступно ни для какихъ нападеній, тогда какъ здѣшнее доступно; здѣсь и землетрясенія, и пожары, и нашествія враговъ лишаютъ насъ (зданій нашихъ) еще при жизни, а часто вмѣстѣ съ ними губятъ и насъ самихъ. Если же (зданіе) уцѣлѣетъ, то или болѣзнь поражаетъ насъ скорѣе его, а если не совсѣмъ поражаетъ, то не позволяетъ пользоваться имъ спокойно: въ самомъ дѣлѣ, какое удовольствіе тамъ, гдѣ болѣзни, клеветы, зависть, козни? Или, если ничего такого не случается, то часто мы не имѣемъ дѣтей, и потому сѣтуемъ и скорбимъ, не зная, кому передать свои домы и все прочее, и досадуя, что трудимся для другихъ; а часто наше имущество переходитъ въ наслѣдство къ врагамъ, не только послѣ нашей смерти, но еще при жизни. Что можетъ быть прискорбнѣе, какъ трудиться для враговъ, и для того, чтобы они наслаждались, умножать грѣхи свои? Примѣровъ этого мы видимъ въ городахъ множество; умалчиваю объ нихъ, чтобы не опечалить лишившихся; я могъ бы назвать поименно нѣкоторыхъ изъ нихъ, разсказать много примѣровъ и указать вамъ на многіе домы, которыхъ владѣтелями сдѣлались враги трудившихся надъ ними; и не только домы, но и рабы, и все наслѣдство часто переходило къ врагамъ. Таковы блага человѣческія! На небесахъ же ненужно опасаться ничего подобнаго; тамъ не займетъ мѣста умершаго другой—врагъ его, и не завладѣетъ наслѣдствомъ; тамъ нѣтъ ни смерти, ни вражды, а только—обители святыхъ, и у этихъ святыхъ ликованіе, радость, веселіе: *гласъ радости,* говоритъ (Псалмопѣвецъ), *въ селеніихъ праведныхъ* (Псал. CXVII, 15). (Эти обители) вѣчны, не имѣютъ конца; онѣ не падаютъ отъ времени, не перемѣняютъ владѣльцевъ своихъ, но стоятъ и цвѣтутъ постоянно; и это несомнѣнно, потому
223 что тамъ нѣтъ ничего тлѣннаго и скоропреходящаго, но все безсмертно и нетлѣнно. Будемъ же употреблять свое имущество на построеніе этого зданія; намъ ненужны будутъ ни архитекторы, ни рабочіе; эти домы строятся руками бѣдныхъ, хромыми, слѣпыми, убогими; они созидаютъ эти обители. И не удивляйся этому, когда они пріобрѣтаютъ намъ даже царствіе и доставляютъ намъ дерзновеніе предъ Богомъ.

4. Милостыня есть превосходная художница и покровительница упражняющихся въ ней; она любезна Богу и находится

близъ Него, легко испрашивая милость тѣмъ, кому хочетъ, только бы мы не оскорбляли ея; а она оскорбляется тогда, когда мы дѣлаемъ ее изъ похищеннаго имущества; если же она чиста, то доставляетъ великое дерзновеніе возсылающимъ ее (къ Богу). Сила ея такова, что она умоляетъ даже за падшихъ и согрѣшившихъ. Она разрѣшаетъ (адскія) узы, разгоняетъ мракъ, погашаетъ пламень, умерщвляетъ червя, избавляетъ отъ скрежета зубовъ. Для ней безпрепятственно отверзаются врата небесныя. Какъ у входящей царицы никто изъ стражей, приставленныхъ къ дверямъ, не смѣетъ спрашивать, кто она и откуда, но всѣ тотчасъ принимаютъ ее, такъ точно бываетъ и съ милостынею: она поистинѣ есть царица, дѣлающая людей подобными Богу. *Будите убо*, сказалъ (Господь), *милосерди, якоже Отецъ вашъ небесный милосердъ есть* (Лук. VI, 36). Она легка и быстролетна, имѣетъ золотыя крылья и полетъ, услаждающій ангеловъ. У ней, говоритъ (Псалмопѣвецъ), *крилѣ голубинѣ посребренѣ, и междорамія ея въ блещаніи злата* (Псал. LXVII, 14). Она летаетъ, какъ голубь, золотой и живой, одаренный нѣжнымъ взглядомъ и кроткимъ глазомъ. Нѣтъ ничего прекраснѣе этого глаза. Красивъ павлинъ, но въ сравненіи съ этимъ голубемъ онъ—ворона: такъ прекрасна и удивительна эта птица! Она постоянно смотритъ вверхъ и окружается великою славою Божіею; она есть дѣва съ золотыми крыльями, разукрашенная и имѣющая лицо бѣлое и кроткое; она легка и быстролетна и предстоитъ престолу Царскому. Когда мы подвергаемся суду, она внезапно прилетаетъ, является и избавляетъ насъ отъ наказанія, осѣняя своими крыльями. Богу она угодна болѣе жертвы, о ней Онъ часто бесѣдуетъ: такъ она любезна Ему! *Сиру и вдову* и убогаго, говоритъ (Псалмопѣвецъ), *Господь пріиметъ* (Псал. CXLV, 9). Ея именемъ самъ Богъ любитъ называться: *щедръ и милостивъ Господь*, говоритъ Давидъ, *долготерпѣливъ и многомилостивъ и истиненъ* (Псал. CXLIV, 8; Числ. XIV, 18); и еще: *милость Божія по всей земли* (Псал. LVI, 12; CII, 11). Она спасла родъ человѣческій,—потому что если бы Богъ не помиловалъ насъ, то все погибло бы; она примирила насъ, бывшихъ врагами; она доставила намъ безчисленныя блага; она побудила Сына Божія сдѣлаться рабомъ и истощить себя. Будемъ же, возлюбленные, рев- 224
новать о той, которою мы спасены; будемъ любить ее, предпочитать ее богатству, и безъ богатства соблюдать душу свою милосердою. Ничто столько не отличаетъ христіанина, какъ милостыня; ничему столько не удивляются невѣрные и всѣ, какъ дѣламъ милосердія. И мы часто нуждаемся въ этомъ милосердіи, и каждый день взываемъ къ Богу: *по велицѣй милости твоей помилуй насъ* (Псал. L, 3). Напередъ мы сами начинаемъ (дѣла мило-

сердія), или, лучше сказать, не мы начинаемъ прежде, но самъ Богъ уже явилъ милость свою къ намъ. Будемъ же, возлюбленные, хотя позади слѣдовать за Нимъ. Если люди милуютъ милостиваго, хотя бы онъ сдѣлалъ множество грѣховъ, то тѣмъ болѣе—Богъ. Послушай пророка, который говоритъ: *азъ же яко маслина плодовита въ дому Божіи* (Псал. ʟɪ, 10). Будемъ подобны маслинѣ; оградимся со всѣхъ сторонъ заповѣдями, потому что недостаточно быть только маслиною, но (надобно быть) и плодовитою. Есть люди, которые подаютъ милостыню мало, или во весь годъ однажды, или одинъ разъ въ каждую недѣлю, или только при случаѣ; они—маслины, но не плодовитыя, и даже сухія; какъ подающіе милостыню, они—маслины, а какъ подающіе нещедро, они—маслины неплодовитыя. Будемъ же плодовитыми. Я часто говорилъ и теперь повторяю: важность милостыни измѣряется не количествомъ подаваемаго, но расположеніемъ подающаго. Вы знаете (евангельское сказаніе) о вдовицѣ; хорошо—всегда приводить на память этотъ примѣръ, чтобы и бѣдный не отчаивался, представляя ее, положившую двѣ лепты. При построеніи скиніи нѣкоторые принесли волну (Исх. xxxv, 26); но и они не были отвергнуты. Если бы имѣвшіе золото принесли волну, то были бы прокляты; но такъ какъ у принесшихъ ее только это и было, то они не отвергнуты. Такъ и Каинъ былъ осужденъ не за то, что принесъ въ жертву малоцѣнное, но за то, что принесъ самое малоцѣнное изъ всего, что имѣлъ: *проклятъ*, говоритъ (пророкъ), *иже имѣетъ мужескъ полъ, и жретъ растлѣнное Господеви* (Мал. ɪ, 14). Не просто такъ сказалъ, но: если имѣетъ и бережетъ. Слѣдовательно, кто не имѣетъ, тотъ не подлежитъ осужденію, или лучше, тотъ даже достоинъ награды. Что маловажнѣе двухъ лептъ и ничтожнѣе волны? Что малоцѣннѣе мѣры муки? Но (Богъ) благоволилъ принять и это наравнѣ съ тельцами и золотомъ. *По елику аще кто имать, благопріятенъ есть, а не по елику не имать* (2 Кор. ᴠɪɪɪ, 12); и еще: *благотвори*, говоритъ (Премудрый), *егда имать рука твоя* (Притч. ɪɪɪ, 27). Потому, увѣщеваю васъ, будемъ охотно раздавать имущество свое бѣднымъ; хотя бы оно было и мало, мы получимъ награду равную съ подающими много, и даже большую, нежели раздающіе тысячи талантовъ. Если мы будемъ дѣлать это, то получимъ неизреченныя сокровища отъ Бога, т. е., если будемъ не только слушать, но и дѣлать, не только одобрять, но и показывать на дѣлѣ. Да сподобимся ихъ всѣ мы, благодатію и человѣколюбіемъ Господа нашего Іисуса Христа, съ Которымъ Отцу со святымъ Духомъ слава, держава, честь, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА XXXIII.

Тѣмже царство непоколебимо пріемлюще, да имамы благодать, еюже служимъ благоугодно Богу съ благоговѣніемъ и страхомъ. Ибо Богъ нашъ огнь поядаяй есть (Евр. xii, 28, 29). 225

1. Какъ въ другомъ мѣстѣ (апостолъ) говоритъ: *видимая бо временна, невидимая же вѣчна* (2 Кор. iv, 18), и отсюда заимствуетъ утѣшеніе въ бѣдствіяхъ, которымъ мы подвергаемся въ настоящей жизни, такъ точно онъ поступаетъ и здѣсь, и говоритъ: *да имамы благодать*, т. е. будемъ благодарить Бога, будемъ твердыми. Мы должны не только не роптать въ настоящихъ бѣдствіяхъ, но и воздавать Богу величайшую благодарность за нихъ ради благъ будущихъ. *Еюже служимъ благоугодно Богу*, т. е., тогда мы и служимъ благоугодно Богу, когда за все благодаримъ Его. *Вся творите*, говоритъ, *безъ роптанія и размышленія* (Филип. ii, 14). Какія бы дѣла ни совершалъ человѣкъ ропщущій, онъ унижается и теряетъ награду, подобно израильтянамъ,—а вы знаете, какому подверглись они наказанію за ропотъ. Потому не ропщите, говоритъ (апостолъ). Невозможно служить благоугодно (Богу), не воздавая Ему благодарности за все—и за искушенія, и за утѣшенія. *Съ благоговѣніемъ и страхомъ*, т. е., не будемъ говорить ничего дерзкаго, ничего безстыднаго, но станемъ благоустроять себя такъ, чтобы заслужить уваженіе; это и значатъ слова: *съ благоговѣніемъ и страхомъ. Братолюбіе да пребываетъ. Страннолюбія не забывайте: тѣмъ бо не вѣдяще нѣцыи страннопріяша ангелы* (xiii, 1, 2). Смотри, какъ (апостолъ) заповѣдуетъ имъ хранить то, что уже было у нихъ, и не прибавляетъ ничего другого; онъ не сказалъ: будьте братолюбивы, но: *братолюбіе да пребываетъ*; не сказалъ: будьте страннолюбивы, какъ будто они не были такими, но: *страннолюбія не забывайте*,—потому что это могло случиться отъ скорбей. Далѣе прибавляетъ то, что особенно могло ободрить ихъ: *тѣмъ бо*, говоритъ, *не вѣдяще нѣцыи страннопріяша ангелы*. Видишь, какая честь, какая польза? Что значитъ: *не вѣдяще?* Угостили (ангеловъ), сами не зная того. За то Авраамъ и удостоился великой награды, что угостилъ ангеловъ, не зная, что они—ангелы; а если бы онъ зналъ, то это было бы нисколько неудивительно. Нѣкоторые думаютъ, что (апостолъ) разумѣетъ здѣсь и Лота и объ немъ говоритъ это. *Поминайте юзники, аки съ ними связани, озлобляемыя, аки и сами суще въ тѣлѣ. Честна женитва во всѣхъ, и ложе нескверно: блудникомъ же и прелюбодѣемъ судитъ Богъ. Не сребролюбцы нравомъ, доволни сущими* (ст. 3—5). Замѣть, какъ часто онъ говоритъ о цѣломудріи.

И прежде говорилъ: *миръ имѣйте и святыню;* и еще: *да не кто блудодѣй или сквернитель* (Евр. xп, 14, 16); и теперь говоритъ: *блудникомъ и прелюбодѣемъ судитъ Богъ.* При томъ вездѣ съ запрещеніемъ соединяетъ угрозу наказанія, и—обрати здѣсь вниманіе—какъ именно. *Миръ*, говоритъ, *имѣйте со всѣми и святыню*, и прибавляетъ: *ихже кромѣ никтоже узритъ Господа*; а тутъ: *блудникомъ же и прелюбодѣемъ судитъ Богъ*; напередъ сказалъ: *честна женитва во всѣхъ, и ложе не скверно*, а потомъ прибавилъ угрозу наказанія, показывая, что онъ справедливо сдѣлалъ дальнѣйшую прибавку. Вѣдь, если супружество дозволено, то блудникъ справедливо наказывается и прелюбодѣй справедливо подвергается мученію. Здѣсь онъ направляетъ рѣчь противъ еретиковъ. Притомъ не сказалъ: никто не долженъ быть блудникомъ, но, уже
226 сказавъ о томъ прежде одинъ разъ, присовокупляетъ это, какъ общую заповѣдь, не направляя прямо противъ нихъ. *Не сребролюбцы нравомъ: доволни сущими.* Не сказалъ: ничего не пріобрѣтайте, но: *не сребролюбцы нравомъ* будьте, т. е. пусть умъ вашъ будетъ свободенъ, пусть мысли ваши будутъ выражать любомудріе; а это обнаружится, если мы не станемъ искать лишняго, если будемъ довольны только необходимымъ. Выше онъ говорилъ: *и разграбленіе имѣній вашихъ съ радостію пріясте* (Евр. x, 34); а здѣсь увѣщеваетъ не быть сребролюбивыми; *доволни*, говоритъ, *сущими.* Далѣе присовокупляетъ и здѣсь утѣшеніе, чтобы они не отчаивались: *той бо рече: не имамъ тебе оставити, ниже имамъ отъ тебе отступити. Яко дерзающимъ намъ глаголати: Господь мнѣ помощникъ и не убоюся, что сотворитъ мнѣ человѣкъ* (ст. 6). Вотъ опять утѣшеніе въ искушеніяхъ! *Поминайте наставники ваша* (ст. 7). Это онъ старался внушить и выше, когда говорилъ: *миръ имѣйте со всѣми*; то же заповѣдывалъ и ѳессалоникійцамъ, когда говорилъ, чтобы они почитали наставниковъ *по преизлиха* (1 Сол. v, 13). *Поминайте наставники ваша, иже глаголаша вамъ слово Божіе: ихже взирающе на скончаніе жительства, подражайте вѣрѣ* (ст. 7). Какая здѣсь послѣдовательность мыслей? Весьма хорошая; взирая, говоритъ, на ихъ *жительство*, т. е. на жизнь, подражайте вѣрѣ ихъ, потому что вѣра — отъ чистой жизни. Или же вѣрою называетъ онъ здѣсь твердое убѣжденіе. Какимъ образомъ? Они, говоритъ, твердо вѣровали въ будущее, и потому вели превосходную жизнь; они не вели бы чистой жизни, если бы сомнѣвались или колебались касательно будущаго. То же самое онъ внушаетъ и здѣсь. *Іисусъ Христосъ вчера и днесь, тойже и во вѣки. Въ ученія странна и различна не прилагайтеся: добро бо благодатію утверждати сердца, не брашны, отъ нихже не пріяша пользы ходившіи въ нихъ* (ст. 8, 9).

2. Здѣсь словомъ: *вчера* (апостолъ) означаетъ все прошедшее время; словомъ: *днесь* — настоящее; словомъ: *во вѣки*—будущее, не имѣющее конца. А смыслъ словъ его слѣдующій: вы слышали первосвященника, но первосвященника не временнаго; Онъ всегда тотъ же. Можетъ быть, тогда нѣкоторые говорили, что Распятый не есть ожидаемый Христосъ, но придетъ другой: потому и говоритъ: *вчера и днесь, тойже и во вѣки*, выражая, что придетъ опять пришедшій Христосъ, что Онъ одинъ и тотъ же и прежде былъ, и есть, и будетъ во вѣки. И нынѣ іудеи говорятъ, что придетъ другой (Христосъ); они, отвергшись пришедшаго, предадутся антихристу. *Въ ученія различна и странна не прилагайтеся*; желаетъ, чтобы они не увлекались не только чуждыми, но и различными ученіями; онъ зналъ, что отъ тѣхъ и другихъ происходитъ гибель для увлекающихся. *Добро бо благодатію утверждати сердца, не брашны, отъ нихже не пріяша пользы ходившіи въ нихъ*. Здѣсь онъ намекаетъ на тѣхъ, которые предписываютъ правила касательно пищи. Для вѣры все чисто; нужна вѣра, а не яства. *Имамы бо олтарь, отъ негоже не имутъ власти ясти служащіи сѣни* (ст. 10). То, что у насъ, говоритъ, не походитъ на іудейское, такъ что даже первосвященнику (іудейскому) не позволяется участвовать въ нашихъ (таинствахъ). Когда онъ сказалъ: не соблюдайте (ученія о пищѣ), то, повидимому, опровергалъ собственныя дѣйствія; потому онъ опять обращается къ тому же. А мы, скажутъ, развѣ не соблюдаемъ этого? Соблюдаемъ, и весьма строго, такъ что даже священникамъ (іудейскимъ) не дозволяемъ участвовать въ нашихъ (таинствахъ). *Ихже бо кровь животныхъ вносится во святая за грѣхи первосвященникомъ, сихъ тѣлеса сжигаются внѣ стана. Тѣмже Іисусъ, да освятитъ люди своею кровію, внѣ вратъ пострадати изволилъ* (ст. 11, 12). Видишь ясный прообразъ? Тамъ, говоритъ, *внѣ стана*; и здѣсь *внѣ вратъ*. Какъ жертвы, приносимыя за грѣхи, были нѣкоторымъ прообразомъ и сожигались за станомъ, такъ и Іисусъ, принесшій Себя за грѣхи наши, пострадалъ за вратами. Потому и мы должны подражать Пострадавшему за насъ, и быть внѣ міра, или, лучше, внѣ дѣлъ мірскихъ. Это (апостолъ) и выражаетъ далѣе: *тѣмже убо да исходимъ къ нему внѣ стана, поношеніе его носяще* (ст. 13), т. е., претерпѣвая то же самое, участвуя въ Его страданіяхъ. Какъ Онъ, будучи осужденъ, распятъ за вратами, такъ и мы не будемъ стыдиться удаляться отъ міра; это внушаетъ (апостолъ) словами: *внѣ стана*, и: *внѣ вратъ*. *Не имамы бо*, говоритъ, *здѣ пребывающаго града, но грядущаго взыскуемъ. Тѣмъ убо приносимъ жертву хваленія выну Богу: сирѣчь, плодъ устенъ исповѣдающихся имени его* (ст. 14, 15). *Тѣмъ*, т. е. первосвященникомъ, въ отно-

шеніи къ плоти. *Исповѣдающихся имени его:* какъ бы такъ говоритъ: если должно исповѣдать Его, то не будемъ говорить ничего богохульнаго, ничего постыднаго, ничего дерзкаго, ничего безразсуднаго, ничего надменнаго; но будемъ все дѣлать и говорить со страхомъ и благоговѣніемъ. Онъ говоритъ это не безъ причины, но потому, что зналъ объ ихъ страданіяхъ; а въ страданіяхъ душа отчаивается и раздражается. Но мы, говоритъ, не будемъ такъ поступать. Здѣсь (апостолъ) опять говоритъ то же, что говорилъ выше въ словахъ: *не оставляюще собранія своего* (Евр. x, 25). Такимъ образомъ мы будемъ въ состояніи—дѣлать все со страхомъ; часто вѣдь, стыдясь людей, мы воздерживаемся отъ многаго дурного. *Благотворенія же и общенія не забывайте* (ст. 16)

3. Такъ говорилъ тогда Павелъ; такъ и я говорю теперь, и говорю не присутствующимъ только братіямъ, но и отсутствующимъ. Никто не отнялъ у васъ имущества; а если и отнято что-нибудь, то оказывайте страннолюбіе изъ остального. Какое мы будемъ имѣть оправданіе, когда и слушателямъ (Павла) сказано это уже послѣ расхищенія ихъ имущества? И замѣть: здѣсь онъ говоритъ: *благотворенія не забывайте*; а выше сказалъ: *страннолюбія*,—разумѣя не различное что-нибудь, но одно и то же выражая различно. Не сказалъ: не забывайте страннопріимства, но: *страннолюбія*, т. е. не просто принимайте странниковъ, но съ любовію. И не указалъ на будущее и предстоящее воздаяніе, чтобы они опять не сдѣлались безпечными, но (указалъ) на воздаяніе, уже дарованное: *тѣмъ бо*, говоритъ, *не вѣдяще нѣцыи страннопріяша ангелы*. Впрочемъ, обратимся къ вышесказанному. *Честна*, говоритъ, *женитва во всѣхъ и ложе нескверно.* Почему бракъ честенъ? Потому, что онъ сохраняетъ вѣрующаго въ цѣломудріи.
228 Здѣсь (апостолъ) имѣетъ въ виду іудеевъ, которые считали брачное ложе сквернымъ и говорили, что всякій, вставшій съ ложа, нечистъ. Нѣтъ, безразсудный и безчувственный іудей, не то скверно, что происходитъ отъ природы, но то, что — отъ воли. Если бракъ честенъ, то онъ и чистъ: какъ же ты думаешь, что имъ (человѣкъ) оскверняется? *Не сребролюбцы*, говоритъ, *нравомъ*. Такъ какъ многіе, растративъ имущество, стараются потомъ пріобрѣсти его подъ предлогомъ милостыни, то и говоритъ: *не сребролюбцы нравомъ*, т. е., будемъ искать только потребнаго и необходимаго. А что, скажешь, если не будемъ имѣть и этого? Нѣтъ, нѣтъ; самъ (Господь) сказалъ, и сказалъ неложно: *не имамъ тебе оставити, ниже имамъ отъ тебе отступити. Яко дерзающимъ намъ глаголати: Господь мнѣ помощникъ, и не убоюся, что сотворитъ мнѣ человѣкъ.* Какъ бы такъ говоритъ (апостолъ): ты

получилъ обѣщаніе отъ самого (Бога),—не сомнѣвайся же; Онъ самъ обѣщалъ,—не колеблись. Слова: *не имамъ тебе оставити* сказаны не только объ имуществѣ, но и о всемъ прочемъ. *Господь мнѣ помощникъ, и не убоюся, что сотворитъ мнѣ человѣкъ.* Не напрасно онъ приводитъ слова пророка; ими онъ запечатлѣваетъ свои слова, чтобы (слушатели) больше ободрились и не отчаивались. Будемъ и мы говорить то же при всѣхъ искушеніяхъ и не смущаться предъ дѣлами человѣческими; если Богъ благоволитъ къ намъ, то никто не преодолѣетъ насъ. Какъ тогда, когда Онъ противится намъ, не будетъ никакой пользы, если бы даже всѣ были нашими друзьями, такъ и тогда, когда Онъ расположенъ къ намъ, не будетъ никакого вреда, если бы даже всѣ возстали противъ насъ. Потому и сказано: *не убоюся, что сотворитъ мнѣ человѣкъ. Поминайте наставники ваша, иже глаголаша вамъ слово Божіе.* Здѣсь, мнѣ кажется, онъ говоритъ и о взаимной помощи; таково именно значеніе словъ: *иже глаголаша вамъ слово Божіе. Ихже взирающе на скончаніе жительства, подражайте вѣрѣ.* Что значитъ: *взирающе?* Постоянно обращаясь къ тому, разсуждая въ самихъ себѣ, размышляя, тщательно изслѣдуя и испытывая, какъ угодно. Хорошо сказалъ онъ: *скончаніе жительства,* т. е. жизнь до конца,—потому что жизнь ихъ имѣла добрый конецъ. *Іисусъ Христосъ вчера и днесь, тойже и во вѣки.* Смыслъ этихъ словъ слѣдующій: не подумайте, что (Христосъ), тогда творившій чудеса, нынѣ не творитъ чудесъ; Онъ — тотъ же; а если Онъ—тотъ же, то нѣтъ времени, когда бы Онъ не могъ совершать того же. Можетъ быть, это (апостолъ) и имѣлъ въ виду, когда говорилъ: *поминайте наставники ваша. Въ наученія странна и различна не прилагайтеся. Странна,* т. е. противныя тому, что вы слышали отъ насъ. *Различна,* т. е. разнообразныя; такія ученія не имѣютъ въ себѣ ничего твердаго, но бываютъ разногласны, особенно касательно различія въ пищѣ. Потому онъ прямо и указываетъ на это, продолжая: *добро бо благодатію утверждати сердца, не брашны.* Такія ученія различны; такія ученія странны. Здѣсь онъ осуждаетъ за суевѣрное различеніе яствъ и показываетъ, что отъ такого соблюденія они впали въ иновѣріе, увлеклись различными и странными ученіями. И замѣть: онъ не рѣшается сказать объ этомъ прямо, а говоритъ прикровенно: *въ наученія странна и различна не прилагайтеся;* и: *добро благодатію утверждати сердца, не брашны;* это почти то же, что и Христосъ сказалъ: *не входящее во уста скввернитъ человѣка, но исходящее* 229
(Мѳ. xv, 11). Онъ доказываетъ, что вѣра составляетъ все; если она укрѣпляетъ, то сердце находится въ безопасности.

Вѣра укрѣпляетъ, а разумъ колеблетъ, потому что вѣра про-

тивна разуму. *Отъ нихже*, говоритъ, *не пріяша пользы ходившіи въ нихъ*. Какая польза, скажи мнѣ, отъ такого различенія? Не больше ли оно причиняетъ вреда? Не ввергаетъ ли оно такого (человѣка) въ грѣхъ? Если отъ чего нужно остерегаться, то—отъ того, отъ чего остерегающіеся могутъ получить пользу. Хорошо—остерегаться отъ зла, хранить правоту сердца, благоговѣніе къ Богу, правую вѣру. *Отъ нихже*, говоритъ, *не пріяша пользы ходившіи въ нихъ*, т. е. всегда соблюдавшіе это. Одно соблюденіе похвально—воздержаніе отъ грѣха. А въ томъ какая польза, когда нѣкоторые такъ нечисты, что не могутъ пріобщаться жертвы? Ничто не спасаетъ ихъ, хотя они и стараются соблюдать себя (отъ нѣкоторыхъ яствъ); это нисколько не поможетъ имъ, потому что они не имѣютъ вѣры. Далѣе (апостолъ) раскрываетъ прообразовательную жертву и обращаетъ рѣчь къ первообразу: *ихже бо кровь животныхъ вносится во святая за грѣхи первосвященникомъ, сихъ тѣлеса сжигаются внѣ стана. Тѣмже Іисусъ, да освятитъ люди своею кровію, внѣ вратъ пострадати изволилъ*. Слѣдовательно, первое было прообразомъ послѣдняго, и такимъ образомъ Христосъ исполнилъ все, пострадавъ внѣ (вратъ). Здѣсь также (апостолъ) выражаетъ, что (Христосъ) пострадалъ добровольно; доказываетъ, что и тѣ жертвы установлены не просто, но были нѣкоторымъ прообразомъ, и что самое домостроительство совершилось не безъ страданій, но кровь (Христова) вознесена на небо.

4. Видишь, что мы пріобщаемся крови, вносимой во святое, въ истинное святое, пріобщаемся жертвы, которую употреблялъ одинъ первосвященникъ? Такимъ образомъ мы пріобщаемся истинѣ. Мы не участвуемъ въ поношеніи (Христовомъ), но участвуемъ въ святынѣ. Поношеніе есть причина освященія, и какъ Онъ терпѣлъ поношеніе, такъ (должны терпѣть) и мы. Потому мы сдѣлаемся соучастниками Его, если выйдемъ къ Нему.

А что значитъ: *да исходимъ къ нему?* Будемъ соучастниками Его страданій; будемъ терпѣть Его поношеніе. Не напрасно Онъ пострадалъ внѣ вратъ, но чтобы и мы взяли крестъ Его, пребывали внѣ міра и старались оставаться тамъ. Онъ былъ поносимъ, какъ преступникъ; такъ будемъ и мы. *Тѣмъ убо приносимъ жертву Богу*. О какой жертвѣ онъ говоритъ? Онъ самъ объясняетъ это, когда говоритъ: *плодъ устенъ исповѣдающихся имени его*, т. е. молитвы, пѣснопѣнія, благодареніе; это—плодъ устъ. Тѣ приносили овецъ и воловъ, отдавая ихъ священнику; мы же будемъ приносить не что-нибудь подобное, а благодарность и подражаніе Христу во всемъ, сколько возможно: вотъ, что должно произрастать изъ нашихъ устъ! *Благотворенія же и общенія не забывайте: таковыми бо жертвами благоугождается Богъ*. Принесемъ Ему, говоритъ, та-

кую жертву, чтобы Онъ вознесъ ее къ Отцу; она и не возносится иначе, какъ Сыномъ, или, лучше сказать, сокрушеннымъ сердцемъ. Все это такъ говоритъ слушателямъ, которые были еще весьма слабы; а извѣстно, что благодать принадлежитъ и Сыну: иначе почему приписывается Ему равная честь (съ Отцемъ)? *Да вси чтутъ Сына*, говоритъ (Писаніе), *якоже чтутъ Отца* (Іоан. v, 230
23). А какъ будетъ воздаваться имъ равная честь, если съ прославленіемъ Отца не прославляется вмѣстѣ и Сынъ? Если же *плодъ устенъ исповѣдающихся имени его* состоитъ въ благодарности Ему за все, и за то, что Онъ пострадалъ за насъ, то будемъ переносить съ благодарностію все, случится ли съ нами болѣзнь, или бѣдность, или что-нибудь другое,—потому что Онъ одинъ знаетъ, что намъ полезно. *О чесомъ бо помолимся*, говоритъ (апостолъ), *якоже подобаетъ, не вѣмы* (Рим. viii, 26). Если же мы не знаемъ, чего нужно просить, когда не научены Духомъ, то какъ можемъ знать, что намъ полезно? Итакъ, будемъ стараться воздавать Ему благодарность за все, и мужественно переносить все, случающееся съ нами. Впадемъ ли въ бѣдность, или въ болѣзнь,—будемъ благодарить; злословятъ ли насъ,—будемъ благодарить; страдаемъ ли мы,—будемъ благодарить. Это приближаетъ насъ къ Богу; чрезъ это Богъ дѣлается должникомъ нашимъ. А когда мы благоденствуемъ, тогда сами дѣлаемся должниками и отвѣтчиками предъ Богомъ; иногда же, и часто, это служитъ къ нашему осужденію, между тѣмъ какъ то—къ очищенію грѣховъ. То (бѣдствіе) располагаетъ къ милосердію и человѣколюбію; а это (благоденствіе) доводитъ до высокомѣрія, ввергаетъ въ безпечность, дѣлаетъ надменными и разслабляетъ. Потому и говоритъ пророкъ: *благо мнѣ*, Господи, *яко смирилъ мя еси, яко да научуся оправданіемъ твоимъ* (Псал. cxviii, 71). Когда Езекія получалъ благодѣянія и былъ свободенъ отъ бѣдствій, тогда сердце его возгордилось; а когда впалъ въ болѣзнь, тогда онъ смирился, тогда сталъ близокъ къ Богу. *Егда убиваше я*, говоритъ (Писаніе объ іудеяхъ), *тогда взыскаху его и обращахуся, и утреневаху къ Богу* (Псал. lxxvii, 34). Напротивъ, когда *уты и утолстѣ*, (тогда) *отвержеся возлюбленный* (Втор. xxxii, 15). Господь познается тогда, когда творитъ судъ. Великое благо—скорбь. Путь (къ небу) тѣсенъ; скорбь подвигаетъ насъ на этомъ тѣсномъ пути; а не терпящій скорби не можетъ войти. Кто предается скорби на этомъ тѣсномъ пути, тотъ получаетъ и утѣшеніе; а кто любитъ широту, тотъ и не входитъ въ него, или мучится, какъ бы вталкиваемый насильно. Послушай, какъ вступилъ на этотъ тѣсный путь Павелъ. *Умерщвляю*, говоритъ онъ, *тѣло мое и порабощаю* (1 Кор. ix, 27). Онъ умерщвлялъ тѣло свое, чтобы имѣть возможность

вступить (на тотъ путь): поэтому онъ во всѣхъ своихъ страданіяхъ постоянно благодарилъ Бога. Лишился ли ты имущества,— это много убавило широты (пути твоего). Лишился ли славы,— она была также широтою. Подвергся ли клеветѣ, вѣрятъ ли тому, что наговорили на тебя, но чего самъ ты не сознаешь за собою,— радуйся и веселись. *Блажени есте*, сказалъ (Господь), *егда поносятъ вамъ, и рекутъ всякъ золъ глаголъ на вы, лжуще, мене ради. Радуйтеся и веселитеся, яко мзда ваша многа на небесѣхъ* (Мѳ. v, 11, 12). Чему ты удивляешься, когда постигаетъ тебя скорбь, и для чего желаешь освободиться отъ искушеній? Павелъ желалъ освободиться отъ нихъ и часто молилъ Бога, но не получилъ этого: *трикраты* именно и значитъ часто. *О семъ трикраты*, говоритъ онъ, *Господа молихъ, и рече ми: довлѣетъ ти благодать моя: сила бо моя въ немощи совершается* (2 Кор. xii, 8, 9). Подъ немощію здѣсь разумѣются скорби. Что же? Услышавъ это, онъ переносилъ ихъ съ благодарностію и говорилъ: *тѣмже благоволю въ немощехъ* (2 Кор. xii, 10), т. е. радуюсь, нахожу удовольствіе въ скорбяхъ. Итакъ, будемъ благодарить за все—и за утѣшеніе,
231 и за скорбь; не будемъ роптать, не будемъ неблагодарными. Говори и ты: *нагъ изыдохъ отъ чрева матере моея, нагъ и отъиду* (Іов. i, 21). Ты не родился славнымъ,—не ищи же славы; ты вступилъ въ жизнь не имѣющимъ не только богатства, но и славы и чести.

Представь, сколько зла часто происходитъ отъ богатства; или, лучше, послушай, что говоритъ Христосъ: *удобѣе есть велбуду сквозѣ иглины уши проити, неже богату въ царствіе небесное внити* (Мѳ. xix, 24). Видишь, къ полученію какихъ благъ богатство служитъ препятствіемъ; а ты хочешь обогатиться, и не радуешься, находясь въ бѣдности, что уничтожено это препятствіе? Такъ тѣсенъ путь, ведущій въ царствіе (небесное); такъ богатство широко, обременительно и стѣснительно! Потому и сказалъ (Господь): *продаждь имѣніе твое*, чтобы тебѣ вступить на этотъ
232 путь (Мѳ. xix, 21). Что желаешь ты богатства? Для того Богъ и лишилъ тебя его, чтобы избавить тебя отъ рабства. Такъ и родные отцы, видя, что сынъ ихъ развращается какою-нибудь блудницею и никакія увѣщанія не убѣждаютъ его отстать отъ нея, прогоняютъ блудницу. Таково и обиліе богатства. Потому Владыка, заботясь объ насъ и желая избавить насъ отъ проистекающаго отсюда вреда, лишаетъ насъ богатства. Не будемъ же считать зломъ бѣдность: зло—одинъ только грѣхъ. Равно и богатство само по себѣ не есть благо; одно благо — угождать Богу. Итакъ будемъ желать бѣдности, будемъ искать ея. Такимъ образомъ мы достигнемъ неба и получимъ небесныя блага, которыхъ

да сподобимся всѣ мы благодатію и человѣколюбіемъ Господа нашего Іисуса Христа, съ Которымъ Отцу со Святымъ Духомъ слава, держава, честь, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА XXXIV.

Повинуйтеся наставникомъ вашимъ и покаряйтеся: тіи бо бдятъ о душахъ вашихъ, яко слово воздати хотяще: да съ радостію сіе творятъ, а не воздыхающе: нѣсть бо полезно вамъ сіе (Евр. XIII, 17). 231

1. Безначаліе—вездѣ зло, причина многихъ бѣдствій, начало безпорядка и смѣшенія; особенно же въ Церкви оно тѣмъ опаснѣе, чѣмъ власть ея больше и выше. Если отъ хора удалишь начальника его, то хоръ не будетъ строенъ и согласенъ; если у отряда воиновъ отнимешь предводителя, то дѣйствія ихъ не будутъ совершаться въ стройности и порядкѣ; если корабль лишишь кормчаго, то потопишь корабль,—такъ и здѣсь: если у паствы не будетъ пастыря, то все извратится и уничтожится. Безначаліе есть зло и причина смятенія; но не меньшее зло—и неповиновеніе подчиненныхъ, такъ какъ и отъ него происходитъ то же самое. Народъ, не повинующійся начальнику,—то же, что народъ, не имѣющій его, а можетъ быть, и хуже; тамъ (неимѣющихъ начальника) можно извинить за безпорядокъ, а здѣсь (имѣющіе его) неизвинительны и достойны наказанія. Но, скажетъ ктонибудь, есть еще третье зло,—когда начальникъ нехорошъ. Знаю; это немалое зло, и даже гораздо большее, нежели безначаліе,—потому что лучше не управляться никѣмъ, нежели быть подъ управленіемъ дурного начальника. Въ первомъ случаѣ народъ иногда подвергается опасности, а иногда и спасается; въ послѣднемъ же всегда находится въ опасности и увлекается въ пропасть. Почему же Павелъ говоритъ: *повинуйтеся наставникомъ вашимъ и покаряйтеся*? Онъ выше сказалъ: *ихже взирающе на скончаніе жительства, подражайте вѣрѣ* (Евр. XIII, 7); а потомъ и говоритъ: *повинуйтеся наставникомъ вашимъ и покаряйтеся*. А что, скажешь, когда (начальникъ) нехорошъ,—тогда ненужно повиноваться ему? Нехорошъ,—въ какомъ смыслѣ говоришь ты? Если по отношенію къ вѣрѣ, то бѣги отъ него и не сообщайся съ нимъ, хотя бы онъ былъ не только человѣкъ, но даже ангелъ, сшедшій съ неба; если же по отношенію къ жизни, то не безпокойся объ этомъ. Я приведу тебѣ примѣръ не отъ себя, а изъ

божественнаго Писанія. Послушай, что говоритъ Христосъ: *на Моисеовѣ сѣдалищи сѣдоша книжницы и фарисее*. Сказавъ о нихъ прежде много обличительнаго, Онъ потомъ говоритъ: *на Моисеовѣ сѣдалищи сѣдоша. Вся убо, елика аще рекутъ вамъ творити, творите: по дѣломъ же ихъ не творите* (Мѳ. ххш, 2, 3). Они имѣютъ,
232 говоритъ, достоинство, но нечисты по жизни. А вы обращайте вниманіе не на жизнь, но на слова ихъ; отъ поведенія же (другихъ) никто не получитъ вреда. Почему? Потому, что оно явно для всѣхъ, и такой (человѣкъ), хотя бы онъ былъ тысячу разъ нехорошъ, никогда не научитъ дурному. Но недостатки касательно вѣры неявны для всѣхъ, и дурной въ этомъ отношеніи не постыдится учить (другихъ). Также слова: *не судите, да не судими будете* (Мѳ. vп, 1), относятся къ жизни, а не къ вѣрѣ, какъ показываютъ слѣдующія за ними: *что бо видиши сучецъ, иже во оцѣ брата твоего, бервна же, еже есть во оцѣ твоемъ, не чуеши* (Мѳ. vп, 3)? *Вся убо, елика аще рекутъ вамъ творити, творите*,—*творити* относится къ дѣятельности, а не къ вѣрѣ,—*по дѣломъ же ихъ не творите*. Видишь, что здѣсь идетъ рѣчь не о догматахъ, а о жизни и дѣлахъ? Впрочемъ Павелъ напередъ представилъ ихъ со стороны (достоинства), а потомъ и говоритъ: *повинуйтеся наставникомъ вашимъ, и покаряйтеся: тіи бо бдятъ о душахъ вашихъ, яко слово воздати хотяще*. Пусть выслушаютъ не только подчиненные, но и начальники, что какъ подчиненные должны быть послушными, такъ и начальники должны быть бодрствующими и неусыпными. А ты что говоришь? Начальникъ бодрствуетъ, навлекаетъ опасности на свою голову, подлежитъ наказаніямъ за грѣхи твои, испытываетъ такой страхъ изъ-за тебя, а ты лѣнишься, противишься, тщеславишься и не хочешь повиноваться! Потому (апостолъ) и присовокупляетъ: *да съ радостію сіе творятъ, а не воздыхающе: нѣсть бо полезно вамъ сіе*. Видишь, что начальникъ, если пренебрегаютъ имъ, не долженъ мстить, но слезы и воздыханія его служатъ лучшимъ мщеніемъ? И справедливо. Такъ и врачъ, встрѣчая неуваженіе отъ больного, не долженъ мстить, но плакать и воздыхать. Если твой начальникъ будетъ воздыхать, то отмститъ за тебя Богъ, потому что если, воздыхая о своихъ грѣхахъ, мы располагаемъ къ себѣ Бога, то не тѣмъ ли болѣе, воздыхая о гордости другихъ и презрѣніи отъ нихъ? Видишь, что Онъ не попуститъ начальнику терпѣть обиды? Видишь, какое любомудріе? Должно воздыхать тому, кого не уважаютъ, презираютъ, плюютъ. Но и подчиненный не смѣй думать, что ты не будешь отмщенъ; воздыханіе (начальника) хуже всякаго мщенія. Когда воздыхающій самъ не можетъ ничего сдѣлать, тогда онъ призываетъ Владыку; какъ при

учителѣ и воспитателѣ, когда дитя не слушается его, призывается другой, болѣе строгій,—такъ точно и здѣсь. 233

О, какая опасность! Что сказать о тѣхъ несчастныхъ, которые ввергаютъ сами себя въ такую бездну страданій? Ты, (начальникъ), долженъ дать отчетъ за всѣхъ, надъ кѣмъ начальствуешь,—за женъ, мужей и дѣтей; въ такой огонь ты ввергаешь свою голову. Сомнѣваюсь, можетъ ли кто изъ начальниковъ спастись, и удивляюсь, когда вижу, какъ, при такихъ угрозахъ и настоящемъ нерадѣніи, нѣкоторые еще домогаются и стремятся къ этому бремени правленія. Вѣдь если побуждаемые необходимостію (къ принятію власти) не получаютъ прощенія и оправданія, когда худо и нерадиво исполняютъ свое дѣло,—такъ Ааронъ по необходимости принялъ власть и подвергался опасности, и Моисей подвергался опасности, хотя неоднократно отказывался отъ власти, и Саулъ, получивъ особую власть послѣ того, какъ отказывался отъ ней, подвергался опасности потому, что худо распоряжался ею,—то не гораздо ли болѣе тѣ, которые прилагаютъ стараніе и сами стремятся къ ней? Такой человѣкъ гораздо менѣе заслуживаетъ какого-либо оправданія. Нужно бояться и трепетать, какъ по совѣсти, такъ и по обременительности власти; не слѣдуетъ ни отказываться, когда привлекаютъ къ ней, ни стремиться самому, когда не привлекаютъ, но убѣгать, представляя величіе достоинства, а когда кто удержанъ, то проявлять благоговѣніе. Ни въ чемъ не должно быть неумѣренности, но *вся по чину да бываютъ* (1 Кор. XIV, 40). Прежде, нежели сдѣлался (начальникомъ), если ты предвидишь это, убѣгай, считая себя недостойнымъ этого дѣла; а если удержанъ, то будь благоговѣйнымъ, показывая во всемъ благоразуміе. *Молитеся о насъ*, говоритъ (апостолъ), *уповаемъ бо, яко добру совѣсть имамы, во всѣхъ добрѣ хотяще жити* (ст. 18).

2. Видишь, что онъ оправдывается, какъ бы обращая рѣчь къ такимъ людямъ, которые были недовольны имъ, отворачивались отъ него, смотрѣли на него, какъ на отступника, и не хотѣли даже слышать его имени. Отъ ненавидѣвшихъ его онъ требовалъ того, чего другіе могли бы требовать только отъ любящихъ, и потому говоритъ теперь слѣдующее: *уповаемъ, яко добру совѣсть имамы*. Не выставляй, говоритъ, противъ меня обвиненій: совѣсть наша ни въ чемъ не обвиняетъ насъ; мы не сознаемъ за собою, чтобы мы вредили вамъ. *Уповаемъ бо, яко добру совѣсть имамы, во всѣхъ добрѣ хотяще жити*, т. е. не только между язычниками, но и между вами; мы не дѣлали ничего по корыстолюбію, ничего по лицемѣрію. Вѣроятно, въ этомъ его обвиняли. А что дѣйствительно клеветали на него, о томъ, послу-

шай, какъ говоритъ Іаковъ: *увѣстишася о тебѣ, яко отступленію учиши* (Дѣян. XXI, 21). Пишу это, говоритъ (Павелъ), не какъ врагъ, и не какъ противникъ вашъ, но какъ другъ; это видно и изъ послѣдующаго: *лишше же молю, сіе творите, да вскорѣ возвращуся къ вамъ* (ст. 18). Такъ просить, чтобы они молились, свойственно только сильно любящему ихъ. Не просто, говоритъ, молитесь, но со всѣмъ усердіемъ, чтобы мнѣ скорѣе прибыть къ вамъ. Такъ желать прибыть къ нимъ и просить, чтобы они молились за него, свойственно тому, кто ничего не сознаетъ за собою. Потому, испросивъ напередъ себѣ отъ нихъ молитвъ, онъ потомъ и самъ проситъ имъ (у Бога) всѣхъ благъ. *Богъ же мира:* говоритъ такъ потому, что между ними были несогласія. Если Богъ есть Богъ
234 мира, то не отдѣляйтесь отъ насъ. *Возведый изъ земли пастыря овцамъ,*—это сказано о воскресеніи (Христовомъ),—*великаго,*—другое прибавленіе. Здѣсь и далѣе до конца онъ внушаетъ имъ ученіе о воскресеніи. *Кровію завѣта вѣчнаго, Господа нашего Іисуса Христа, да совершитъ вы во всякомъ дѣлѣ благѣ: сотворити волю его, творя въ васъ благоугодное предъ нимъ* (ст. 20, 21). Опять свидѣтельствуетъ объ ихъ великихъ (достоинствахъ), потому что совершается *(совершитъ вы)* то, что имѣетъ начало и продолжаетъ исполняться; при томъ онъ молится объ этомъ, слѣдовательно весьма желаетъ имъ этого. И замѣть: въ другихъ посланіяхъ онъ молится въ началѣ, а здѣсь въ концѣ. *Творя,* говоритъ, *въ васъ благоугодное предъ нимъ. Іисусъ Христомъ: емуже слава во вѣки вѣковъ. Аминь. Молю же вы, братіе, пріимите слово утѣшенія: ибо вмалѣ послахъ вамъ* (ст. 22). Видишь, что къ нимъ онъ написалъ то, чего ни къ кому не писалъ? *Ибо вмалѣ,* говоритъ, *послахъ,* т. е. не безпокою васъ многословіемъ. Мнѣ кажется, что (евреи) не были враждебно расположены къ Тимоѳею; потому (Павелъ) и поставляетъ его на первомъ мѣстѣ. *Знайте,* говоритъ, *брата нашего отпущена Тимоѳеа, съ нимже, аще скорѣе пріидетъ, узрю васъ* (ст. 23). *Отпущена,* говоритъ. Откуда? Думаю, что онъ былъ посаженъ въ темницу; а если не такъ, то *отпущена* изъ Аѳинъ, какъ повѣствуется объ этомъ въ Дѣяніяхъ (гл. XVII). *Цѣлуйте вся наставники ваша и вся святыя. Цѣлуютъ вы иже отъ Италіи сущіи. Благодать со всѣми вами. Аминь* (ст. 24, 25). Смотри, какъ (апостолъ) внушаетъ, что добродѣтель происходитъ ни отъ одного Бога всецѣло, ни отъ однихъ насъ; это онъ объясняетъ словами: *да совершитъ вы во всякомъ дѣлѣ благѣ,* и послѣдующими,—какъ бы такъ говоритъ: вы имѣете добродѣтель, но нуждаетесь въ усовершеніи ея. А когда онъ говоритъ: *въ словѣ и дѣлѣ благѣ* (2 Сол. II, 17), то внушаетъ, что нужно имѣть и жизнь, и ученіе правыя. Прекрасное сдѣлалъ онъ прибавленіе: *творя въ васъ бла-*

угодное предъ нимъ. Предъ нимъ, говоритъ, потому что величайшая добродѣтель—дѣлать благоугодное предъ Богомъ. Такъ говоритъ и пророкъ: и *по чистотѣ руку моею предъ очима его* (Псал. XVII, 21, 25). Написавъ столько, (апостолъ) называетъ это малымъ, сравнивая съ тѣмъ, что хотѣлъ написать, какъ и въ другомъ мѣстѣ онъ говоритъ: *якоже преднаписахъ вмалѣ: о немже можете чтуще разумѣти разумъ мой въ тайнѣ Христовѣ* (Ефес. III, 3, 4). И посмотри на мудрость его. Не сказалъ: прошу васъ, примите слово увѣщанія, но: *слово утѣшенія*, т. е. ободренія, поощренія; никто, говоритъ, не можетъ тяготиться обширностію сказаннаго. Какъ? Неужели и этимъ они тяготились? Нѣтъ; но онъ хочетъ внушить и сказать имъ: вы малодушны; такимъ именно (малодушнымъ людямъ) свойственно тяготиться продолжительною рѣчью. *Знайте брата нашего отпущена Тимоѳеа, съ нимже, аще скорѣе пріидетъ, узрю васъ.* Этого достаточно было, чтобы они соблюдали кротость, если онъ самъ съ ученикомъ готовъ былъ придти къ нимъ. *Цѣлуйте вся наставники ваша и вся святыя.* Смотри, какую онъ оказалъ имъ честь, написавъ посланіе къ нимъ, а не къ этимъ (наставникамъ). *Цѣлуютъ вы иже отъ Италіи сущіи. Благодать со всѣми вами. Аминь.* То, что относилось ко всѣмъ, онъ сказалъ послѣ всего. А когда благодать бываетъ съ нами? Когда мы не оскорбляемъ этого благодѣянія, когда не пренебрегаемъ этимъ даромъ. Въ самомъ дѣлѣ, что такое благодать? Отпущеніе грѣховъ, очищеніе; оно—съ нами. Кто же, оскорбляя 235
благодать, можетъ сохранить ее и не лишиться ея? (Богъ) даровалъ тебѣ отпущеніе грѣховъ: какъ же пребудетъ съ тобою благодать, т. е. благонастроеніе или дѣйствіе Духа, если ты не будешь удерживать ея добрыми дѣлами? Въ этомъ причина всѣхъ благъ, чтобы всегда пребывала съ нами благодать Духа; она руководитъ насъ ко всему (доброму); а когда она отлетаетъ отъ насъ, то мы остаемся покинутыми и погибаемъ.

3. Итакъ не будемъ удалять ея: а отъ насъ зависитъ, чтобы она осталась при насъ, или удалилась. Первое бываетъ тогда, когда мы заботимся о небесномъ; а послѣднее тогда, когда — о житейскомъ. *Егоже*, говоритъ (Господь), *міръ не можетъ пріяти, яко не видитъ его, ниже знаетъ его* (Іоан. XIV, 17). Міромъ называетъ Онъ порочную и постыдную жизнь. Видишь, что душа, преданная міру, не можетъ имѣть Духа? Много нужно усердія съ нашей стороны, чтобы Онъ оставался съ нами, устроялъ всѣ дѣла наши и сохранялъ насъ въ безопасности и совершенномъ мирѣ. Какъ корабль, плывущій при попутномъ вѣтрѣ, не встрѣчаетъ препятствій и не потопляется, пока пользуется благопріятнымъ и постояннымъ вѣтромъ, но и послѣ плаванія пріобрѣтаетъ

себѣ славу у кормчихъ и путниковъ, изъ которыхъ первымъ онъ доставилъ покой и освободилъ отъ труднаго дѣйствованія веслами, а послѣднихъ избавилъ отъ всякаго страха, и самымъ теченіемъ своимъ доставилъ имъ пріятнѣйшее зрѣлище,—такъ и душа, руководимая божественнымъ Духомъ, стоитъ выше всѣхъ житейскихъ треволненій, проходитъ путь, ведущій къ небу, быстрѣе всякаго корабля,—потому что паруса ея чисты и наполняются не вѣтромъ, а самимъ Утѣшителемъ,—и все разслабляющее и пагубное отвергаетъ отъ своихъ помысловъ. И какъ вѣтеръ, ударяя въ слабо натянутый парусъ, не можетъ дѣйствовать, такъ и Духъ не можетъ пребывать въ душѣ слабой, но требуетъ великаго напряженія и усилія.

Потому намъ нужно имѣть умъ пламенѣющій и совершать дѣйствія свои всегда съ силою и напряженіемъ. Напримѣръ, когда мы молимся, то должны дѣлать это съ великимъ тщаніемъ, напрягая душу къ небу, не веревками, но сильнымъ усердіемъ. Также, когда мы совершаемъ дѣла милосердія, то должны дѣйствовать съ напряженіемъ, такъ чтобы ни забота о домѣ, ни попеченіе о дѣтяхъ, ни угожденіе женѣ, ни опасеніе впасть въ бѣдность не ослабляли нашего паруса. Если мы будемъ со всѣхъ сторонъ напрягать этотъ парусъ надеждою благъ будущихъ, то онъ будетъ хорошо принимать дѣйствіе Духа; ничто тлѣнное и скоропреходящее не войдетъ въ него, а если и войдетъ, то нисколько не повредитъ ему, но тотчасъ отразится его твердостію и будетъ отброшено. Такъ, намъ нужно великое напряженіе, потому что и мы переплываемъ море великое и пространное, исполненное многихъ звѣрей и многихъ утесовъ, представляющее намъ множество треволненій и среди ясной погоды воздвигаю-
236 щее жесточайшую бурю. Потому, если мы хотимъ плыть благополучно и безопасно, то должны натягивать наши паруса, т. е. нашу свободную волю: для насъ достаточно и этого. Такъ и Авраамъ напрягалъ свою преданность къ Богу, представилъ свою совершенную волю—и имѣлъ ли нужду въ чемъ-нибудь другомъ? Ни въ чемъ; но *вѣрова Богу, и вмѣнися ему въ правду* (Быт. xv, 6). Вѣра же происходитъ отъ искренняго намѣренія. Онъ привелъ сына и хотя не заклалъ его, но получилъ награду, какъ заклавшій; хотя дѣло не было совершено, но награда дарована. Пусть будутъ паруса наши чисты и новы, а не ветхи,—потому что все *обветшавающее и состарѣвающееся близъ есть истлѣнія* (Евр. viii, 13),—и пусть будутъ не разодраны, чтобы они удерживали дѣйствіе Духа: *душевенъ* бо *человѣкъ*, сказано, *не пріемлетъ яже Духа* (1 Кор. ii, 14). Какъ паутина не можетъ сдержать дуновенія вѣтра, такъ и душа, преданная міру, и человѣкъ

душевный никогда не можетъ принять благодати Духа. Отъ этой (паутины) нисколько не отличаются наши сужденія, которыя представляютъ только видимую послѣдовательность, въ дѣйствительности же лишены всякой силы. Но не будутъ таковы наши (сужденія), если мы будемъ бодрствовать; тогда, что ни случилось бы, человѣкъ перенесетъ все, будетъ выше всего, сильнѣе всякаго вихря.

Человѣкъ духовный, хотя бы нападали на него безчисленныя бѣдствія, не колеблется и не уловляется ни однимъ изъ нихъ. Но что я говорю? Пусть нападаютъ на него бѣдность, болѣзнь, обиды, злословія, клеветы, раны, всякаго рода наказанія, всякаго рода насмѣшки, поношенія и оскорбленія; но такъ какъ онъ живетъ внѣ міра и свободенъ отъ тѣлесныхъ страстей, то онъ надъ всѣмъ будетъ смѣяться. А что эти слова не хвастовство, на то я могу представить и теперь множество примѣровъ, именно—въ лицѣ людей, удалившихся въ пустыни. Но это, скажешь, нисколько неудивительно? Тогда я скажу, что такіе мужи есть и въ городахъ, хотя ты и не подозрѣваешь ихъ существованія. Если же хочешь, то я могу указать на нѣкоторыхъ изъ древнихъ. Чтобы ты убѣдился въ этомъ, вспомни о Павлѣ. Какого не испыталъ онъ бѣдствія? Чему не подвергался? Но все перенесъ мужественно. Будемъ подражать ему и мы; такимъ образомъ мы можемъ и благоугодить Богу, и достигнуть тихой пристани съ великимъ прибыткомъ. Устремимъ умъ нашъ къ небу, проникнемся этимъ стремленіемъ, облечемся въ духовный огонь и оградимъ себя этимъ пламенемъ. Кто несетъ съ собою пламя, тотъ не боится встрѣчающихся ему, будетъ ли то звѣрь, или человѣкъ, или множество сѣтей; пока онъ окруженъ пламенемъ,—все уступаетъ ему, все удаляется отъ него. Это пламя невыносимо, этотъ огонь нестерпимъ и всеистребляющъ. Облечемъ же себя этимъ огнемъ и будемъ возсылать славу Господу нашему Іисусу Христу, съ Которымъ Отцу со Святымъ Духомъ слава, держава, честь, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

СВЯТАГО ОТЦА НАШЕГО ІОАННА ЗЛАТОУСТАГО,

АРХІЕПИСКОПА КОНСТАНТИНОПОЛЬСКАГО [1]),

БЕСѢДА I,

сказанная въ церкви мучениковъ, у „древней скалы“, когда вслѣдствіе дождя собралось немного,—о томъ, что должно постоянно приходить (въ церковь), и что пребывающимъ во грѣхахъ нельзя пренебрегать своимъ спасеніемъ, но (нужно) выражать свое покаяніе.

461 1. Что это? Нужно бы цѣлому городу быть здѣсь сегодня, а къ намъ не пришла даже малая часть. Можетъ быть повинны грязь и дождь? Нѣтъ,—не грязь, а безпечность и упадокъ духа. Чѣмъ могутъ извиниться оставшіеся, когда мученики пренебрегли даже самою жизнью своею, а они не рѣшились (пренебречь) грязью, чтобы придти? Какъ мнѣ ублажать васъ, пришедшихъ? Какъ изобразить несчастіе тѣхъ, оставшихся,—(несчастіе) и по отсутствію ихъ, и по причинѣ этого отсутствія? Очевидно, они лишили себя этого прекраснаго праздчества, приковавшись къ житейскимъ заботамъ и уцѣпившись за всескверняцую, очень

---

[1]) Нижеслѣдующія одиннадцать бесѣдъ изданы у Миня по списку, поступившему въ Ватиканскую библіотеку или съ горы Аѳона, или съ о. Патмоса. Несомнѣнно, что онѣ всѣ были произнесены святителемъ въ Константинополѣ, въ 398 и 399 годы, и въ такомъ порядкѣ, въ какомъ издаются. Въ частности, первая бесѣда была произнесена въ церкви мучениковъ, называвшейся тогда Ἐν παλαιᾷ πέτρᾳ. Точное мѣсто этой церкви неизвѣстно. Въ первой бесѣдѣ замѣчено, что не прошло еще 30-ти дней отъ начала огромнаго землетрясенія, случившагося въ Константинополѣ. Это было въ 398 году. Иными, впрочемъ, землетрясеніе понимается въ смыслѣ паденія Евтропія, и время бесѣды отодвигается къ 399 году.

сильную у нихъ, страсть къ наживѣ. Но если даже нѣтъ ихъ здѣсь, нужно говорить (къ нимъ) и отсутствующимъ,—очевидно, чрезъ васъ, присутствующихъ, они услышатъ это. Доколѣ это неистовство наживы? Доколѣ эта неугасимая печь будетъ все наступать и пожигать? Развѣ вы не знаете, что этотъ пламень производитъ тотъ неугасимый огонь, (что) это изнуреніе рождаетъ того ядовитаго червя? Если ты пренебрегаешь геенною, и твоего ума не потрясаютъ эти слова, такъ какъ наказаніе еще въ будущемъ, то пусть бы тебя убѣдило настоящее. Развѣ вамъ неизвѣстно, въ какомъ плодѣ[1]) выразилось недавно любостяжаніе? Не предъ вашими ли глазами память этого? Не свѣжо ли доказательство такой гибели? Весь городъ нашъ наполненъ остатками того кораблекрушенія; и, какъ во время потопленія великаго корабля, куда бы ты ни отошелъ, кто доску, кто весло, кто парусъ, кто какую-либо часть поклажи, спасши, держитъ и вертитъ во всѣ стороны, такъ (было) и во время недавно поднявшагося здѣсь землетрясенія: владѣвшіе кто домомъ, кто полями, кто рабами, кто серебромъ, кто золотомъ,—они сдѣлали изъ себя широкое зрѣлище несчастія, и устроили, чтобы всюду разсѣялись воспоминанія смятенія. И иной, проведши безсонныя ночи, перенесши безчисленные труды и опасности, собравши такимъ корыстолюбіемъ столько грѣховъ,—(какъ) бездомникъ и внѣ города, сталъ бѣглецомъ на чужбинѣ, нуждается въ необходимомъ питаніи, и видитъ, что надъ нимъ ежедневно виситъ крайняя опасность, воображаетъ себѣ мечи, палачей и пропасти, живетъ жизнью тягчайшею безчисленныхъ смертей; другіе наслаждаются его имуществомъ, и до этого льстившіе ему коварствуютъ теперь. 408
Этого ли недостаточно, чтобы даже совсѣмъ тупой вразумился? Но послѣ такого бѣдствія, послѣ такого ненастья, послѣ такой гибели, послѣ такого переворота, и столь недавняго, что онъ еще предъ глазами, не прошло еще цѣлыхъ тридцати дней[2]), — вы опять такъ безумствуете? И какъ вы можете извиниться, или чѣмъ оправдаться? И не только безумствуете, но даже не приходите, чтобы узнать объ этомъ самомъ. Какъ бы къ присутствующимъ я говорю къ отсутствующимъ,—подъ тяжестью своей большой скорби,—что они не дѣлаются лучше ни по страху за будущее, ни опытомъ настоя-

---

[1]) Плодомъ святитель называетъ паденіе Евтропія, который почти за 30-ть дней до настоящаго момента былъ лишенъ своего высокаго положенія.

[2]) У Миня замѣчено: въ аллегорическомъ смыслѣ говорится о паденіи Евтропія; послѣдній былъ сосланъ въ 399 году, въ концѣ августа, а бесѣда была сказана спустя почти 30-ть дней послѣ этого событія; слѣдов., въ концѣ сент. того же года, т. е., 399.

щаго; но, хищничая, корыстолюбствуя, они какъ бы черви въ какомъ-нибудь навозѣ, отгороженные и зарывшіеся въ кучѣ этихъ заботъ, не стараются даже всего одинъ разъ въ недѣлю приходить, чтобы узнать—гдѣ они. Какъ горячечные не могутъ сами видѣть, въ какомъ они состояніи, но нужны для нихъ врачи, которые бы освободили ихъ отъ бѣснованія, такъ и одержимые тяжкимъ бѣшенствомъ наживы нуждаются въ своихъ учителяхъ, чтобы имъ узнать, что они бѣснуются. Вслѣдствіе этого особенно я ихъ прошу, убѣждаю и умоляю приходить къ намъ, и брать себѣ врачество отъ этого слова. У меня нѣтъ заостреннаго желѣза, но есть слово,—острѣе желѣза; нѣтъ огня, ни ѣдкаго врачества, но есть слова,—горячѣе огня, и доставляющія безъ боли врачеваніе.

2. Изъ-за чего ты убѣгаешь, скажи мнѣ, и не выражаешь относительно своей души столько же попеченія, сколько бережешь свою плоть? Когда плоть въ худомъ состояніи, ты и деньги издерживаешь, и даже, если нужно занять, все отдаешь подъ залогъ,—и врачамъ, если они захотятъ рѣзать, даже жечь, ты предоставляешь свое тѣло съ полною готовностію дѣлать, чего бы они ни пожелали; а когда въ душѣ источники червей, ты—скажи мнѣ—не идешь послушать слова, очищающаго отъ гнили, хотя для этого тебѣ не нужно ни денегъ тратить, ни переносить такую боль, но предаешь самого себя полной гибели? И чѣмъ по достоинству въ этомъ извинишься? Если бы я говорилъ: корыстолюбецъ, хищникъ, блудникъ, прелюбодѣй пусть не вступаютъ въ церковь; если бы гналъ и преслѣдовалъ всѣхъ грѣшниковъ,—то и тогда особенной не было бы отговорки, потому что нужно вступать очищенному; но сейчасъ не говорю даже этого, но: хотя бы ты совершилъ блудъ, хотя прелюбодѣйствуешь, хотя хищничаешь, хотя корыстолюбствуешь,—вступи въ церковь,
463 чтобы узнать тебѣ, что не нужно впредь дѣлать это; влеку всѣхъ и притягиваю къ себѣ, и, распростерши отовсюду сѣть слова, хочу захватить ею не здоровыхъ (только), но и болѣющихъ. Каждый день я говорю: приди и врачуйся со мною, потому что, врачуя, и я нуждаюсь во врачествѣ, потому что я человѣкъ, и подлежу съ тобою страстямъ той же самой природы, нуждаюсь въ словахъ, обуздывающихъ безпорядочную узду; и я не живу жизнью беззаботною, тихою и невозмутимою, но и у меня самого есть шумъ страсти и смятеніе волнъ. Впрочемъ зачѣмъ говорить (это) мнѣ или кому бы то ни было, когда именно достигшій небесъ Павелъ,—даже онъ нуждался во многомъ врачеваніи. Что онъ нуждался, это онъ сдѣлалъ для насъ очевиднымъ; даже онъ самъ не жилъ жизнью беззаботною, но было у него много борьбы;

почему онъ и говорилъ: *умерщвляю тѣло мое и порабощаю, да не како, инымъ проповѣдуя, самъ неключимъ буду* (1 Кор. IX, 27). А умерщвлялъ онъ то, что возставало (противъ него), и порабощалъ то, что желало быть въ разнузданности; и другихъ потому онъ увѣщевалъ, говоря: *мняйся стояти, да блюдется, да не падетъ* (1 Кор. X, 12). Но если Павелъ не наслаждался спокойствіемъ, но, какъ обуреваемые моремъ, видѣлъ много отовсюду поднимающихся волнъ, то кто осмѣлится говорить, что ему не нужно исправленія, врачеванія и непрерывнаго бодрствованія?

Итакъ, приди и врачуйся со мною, учителемъ своимъ. Если ты здоровъ, то даже изъ-за этого приходи, чтобы сдѣлаться здоровѣе; слово, которое исправляетъ бывшее и предостерегаетъ отъ неслучившагося еще никогда,—и больныхъ освобождаетъ отъ немощи и небольныхъ дѣлаетъ тверже. Если у тебя нѣтъ этого грѣха, то есть другой, потому что *кто похвалится чисто имѣти сердце, или кто дерзнетъ рещи чиста себе быти отъ* грѣха (Прит. XX, 9)? Такъ какъ ты согрѣшилъ, не стыдись придти, но поэтому самому приди. Никто не говоритъ: такъ какъ у меня рана, то я не буду искать врача, даже не принимаю лѣкарства; но поэтому самому нужно болѣе всего искать и врачей и силы лѣкарствъ. И мы умѣемъ прощать, потому что повинны также сами въ другихъ грѣхахъ. Потому и Богъ далъ намъ не ангеловъ въ учители, не Гавріила, сведши свыше, поставилъ надъ своимъ стадомъ, но взявъ изъ самого стада дѣлаетъ пастыря, изъ самихъ овецъ—начальника надъ стадомъ, чтобы онъ былъ снисходителенъ къ начальствуемымъ, и, помышляя о собственной немощи, не гордился бы предъ пасомыми, но имѣлъ бы уздою и основою смиренія пригнетеніе отъ собственной совѣсти. А что сказанное не есть предположеніе, выслушай Павла, пишущаго объ этомъ и любомудрствующаго; въ посланіи къ Евреямъ онъ такъ говорилъ: *всякъ бо первосвященникъ, отъ человѣкъ пріемлемь, за человѣки поставляется, да приноситъ дары и жертвы, спострадати могій невѣжествующимъ и заблуждающимъ, понеже и той немощію обложенъ есть: и сего ради долженъ есть якоже о людѣхъ, такожде и о себѣ приносити за грѣхи* (Евр. V, 1—3). Видишь ли, какъ превосходно сказана намъ причина, почему не ангелы, и не архангелы, но люди поставлены надъ церквами, чтобы именно они могли сострадать своимъ сродникамъ, имѣя въ сознаніи собственныхъ грѣховъ величайшее ученіе о смиреніи? Вѣдь, говоритъ, *и той немощію обложенъ есть, и сего ради долженъ есть якоже о людѣхъ, такожде и о себѣ приносити за грѣхи.* Это происходитъ и теперь: предстоя этой священной трапезѣ и вознося страшную жертву, мы испрашиваемъ отпущенія какъ прегрѣшеній народа, 464

такъ и о нашихъ собственныхъ взываемъ, молимъ и просимъ, и возносимъ жертву за всѣхъ... [1]).

3. Приводи ты мнѣ въ примѣръ не корыстолюбца, раба чрева и предавшаго низости благородство своей природы, но этого, мужей, какъ онъ, соблюдающихъ первообразъ и несквернящихъ царскаго своего облика,—и тогда узнаешь, чѣмъ иногда бываетъ человѣкъ. И этотъ также былъ человѣкомъ, и онъ былъ рожденъ женщиною, молокомъ вскормленъ, на землѣ жилъ, воздухомъ дышалъ, и все у него было общее съ нами, общее въ отношеніи природы; но такъ какъ въ волѣ его была особенность, потому и въ благодати онъ возсіялъ. Хотя у него не было ни денегъ, ни знатности рода, ни величія отечества, ни краснорѣчія, ни остроты языка, ни толпы рабовъ, ни роя евнуховъ, ни дома съ золотымъ потолкомъ, ни шелковыхъ одеждъ, ни роскошнаго стола, ни другого чего-нибудь, что многимъ кажется счастіемъ, но крайняя бѣдность,—у него не было средствъ даже для необходимаго пропитанія, но онъ былъ нищимъ, протягивалъ руку и просилъ хлѣба у жены-вдовицы, и то сидонянки, жилищемъ у него была пещера, одеждой кожа, столомъ земля, предки неизвѣстными и безславными, отечество ничтожнымъ и средства къ жизни грубыми,—однако, ничто такое не стало препятствіемъ этому мужу къ славѣ, но онъ былъ и богаче всѣхъ царей, и мудрѣе всѣхъ философовъ и ораторовъ, и знатнѣе имѣющихъ діадемы и много благороднѣе владѣющихъ царственными городами; онъ имѣлъ отечествомъ вселенную, вѣрнѣе, даже она была для него малымъ городомъ, и Павелъ восклицаетъ, говоря: *проидоша въ милотехъ, въ козіяхъ кожахъ: ихже не бѣ достоинъ міръ* (Евр. XI, 37). И достигъ онъ вышняго города, художникъ и устроитель котораго Богъ. Потому я привелъ тебѣ (въ примѣръ) бѣднаго и простого, (какъ) пользующагося славой, чтобы у тебя не было никакого предлога. Если бы я привелъ богатаго и мудраго, ты могъ бы сказать, что бѣдность и невѣжество препятствуютъ мнѣ сдѣлаться такимъ; а теперь именно ты не можешь прибѣгнуть ни къ какому такому предлогу: и онъ былъ бѣднымъ, даже бѣднѣе всѣхъ людей, въ пустынѣ жилъ, неизвѣстенъ по предкамъ и отечеству и во всемъ остальномъ,—однако, онъ возсіялъ больше солнца и тогда и теперь, и пока солнце освѣщаетъ землю, до тѣхъ поръ будетъ его слава, хотя онъ былъ за столько времени раньше (насъ); эта громада времени не заглушила памяти о немъ; и весьма естественно. Такова добродѣтель, дѣло безсмертное, и сіяющее болѣе солнца. Но (унесшимся въ море похвалъ пророка

[1]) Здѣсь, повидимому, пропускъ.

не должно забывать главнаго предмета) что̀ я раньше сказалъ, то обнаруживаетъ въ себѣ и этотъ (мужъ), (именно) что̀ было сказано относительно Моисея. Такъ какъ ему, вознесшемуся своими преуспѣяніями, было естественно не быть очень снисходительнымъ къ народу, то смотри, что̀ дѣлаетъ Богъ. Попускаетъ, чтобы онъ лишился своей благодати, такъ чтобы обнаружилась его немощь; впрочемъ, (намъ) напередъ необходимо показать, какъ онъ не былъ очень снисходителенъ. Когда онъ заключилъ небо, и землю сдѣлалъ безплодною, и былъ голодъ, голодъ самый жестокій изъ всѣхъ: истреблены были воды, засохла всякая трава, изсякли рѣки, лицо земли было ужаснымъ, угрожающимъ смертію и, все наступая, голодъ распространялся, ведя (за собою) жалкую 485
смерть,—(тогда) онъ такъ не уступилъ, но, отошедши, сидѣлъ на вершинѣ горы, предавъ народъ іудейскій такому тягостному изнуренію. Но человѣколюбивый Богъ и неизреченная благость не переносили такой суровости; и такъ какъ самъ отъ Себя Онъ не желалъ его побудить, чтобы прекратилъ несчастіе, и затѣмъ не желалъ также сдѣлать это безъ него, то смотри, что̀ происходитъ: прежде Онъ вступаетъ въ общеніе съ нимъ, и тогда посылаетъ дождь. Видишь ли въ этомъ благость Божію, человѣколюбіе и честь въ отношеніи святого? Онъ излилъ потоки дождя не прежде, какъ когда побесѣдовалъ съ нимъ и сказалъ объ имѣющемъ быть, и послалъ его вѣстникомъ будущаго благосостоянія. Такъ какъ чрезъ него произошло печальное, то (Богъ) восхотѣлъ, чтобы онъ сдѣлался вѣстникомъ и полезнаго; и сведши съ горы, послалъ возвѣщать наступленіе проливного дождя и прекращеніе голода всюду въ той землѣ. Однако, когда былъ низведенъ дождь, и въ самое короткое время наступило цвѣтущее состояніе, (тогда) собравъ четыреста Вааловыхъ жрецовъ и четыреста восемьдесятъ, закололъ ихъ и пролилъ потоки крови [1]).

4. Итакъ, зачѣмъ это для предлежащаго главнаго предмета? Не смущайся, возлюбленный! Я приступлю, наконецъ, къ самому верху сказаннаго. Когда онъ низвелъ то пламя, одержалъ побѣду и поставилъ ся блестящій знакъ, совершилъ избіеніе жрецовъ, (тогда) онъ отходитъ съ радостію, и гордясь происшедшимъ. Послала къ нему жена Ахава, ничтожная и презрѣнная развратница, говоря: *сія да сотворятъ ми бози, и сія да приложатъ*, если не *утро положу душу твою, яко единаго отъ* этихъ жрецовъ. *И убояся*, и ушелъ въ путь сорокадневный (3 Цар. XIX, 2, 3). Что

---

[1]) Въ слав. текстѣ читается: *собери—пророки студныя Ваалова четыреста и пятьдесятъ, и пророковъ дубравныхъ четыреста* (3 Цар. XVIII, 19); *поимайте пророки Вааловы—и яша ихъ—и закла ихъ* (ст. 40).

же? Та, высокая до небесъ душа, онъ, пренебрегающій всѣмъ міромъ, презрѣвшій такой голодъ, возставшій противъ такого царя-тирана, заключившій небо и открывшій, низведшій то дождь, то пламя, поправшій нужды природы, несокрушимый, всюду дерзновенный,—послѣ стольких преуспѣяній, послѣ столь долгаго дерзновенія, сразу не перенесъ словесной угрозы одной блудной женщины, дѣлается, наконецъ, бѣглецомъ и изгнанникомъ, бѣжитъ въ пустыню, удаляется въ сорокадневный путь. Слѣдовательно, какая причина? Богъ лишилъ его благодати, и обнаружилась немощь природы; Онъ показалъ пророка, показалъ и человѣка, чтобы они научились, что и бывшее тогда было дѣломъ благодати. А это Онъ совершалъ, чтобы сдѣлать его снисходительнымъ къ народу, пресѣчь и задержать безуміе, происходящее отъ преуспѣяній. Что онъ думалъ много о себѣ самомъ и воображалъ, возставалъ противъ всѣхъ остальныхъ,—я приведу вамъ въ свидѣтельство его самого. Когда пришелъ къ нему Богъ и спрашивалъ о причинѣ тамошняго пребыванія, говоря: *что тебѣ здѣ, Иліе* (3 Цар. XIX, 13)?—а Онъ спрашивалъ: *что* тебѣ *здѣ?* не узнать желая, но желая раскрыть намъ сокровенныя его мысли, подобно тому какъ и хананеянку когда Христосъ спрашивалъ, то не съ тѣмъ, чтобы узнать, но чтобы насъ научить лежащему въ ней сокровищу вѣры,—итакъ, Онъ спрашивалъ его, почему же, наконецъ, онъ предпринялъ такой путь и, оставивъ города и народы, возлюбилъ пустыню,—а это не съ тѣмъ, чтобы самому узнать (да и зачѣмъ Ему всезнающему?), но чтобы чрезъ его
466 отвѣтъ научить насъ сокровенной его мысли, и тому, что справедливо попустилъ, чтобы онъ былъ поколебленъ отъ страха и впалъ въ робость, попустилъ, но не побудилъ, уступилъ, но не произвелъ, лишилъ только его (благодати), послѣ чего онъ и былъ изобличенъ,—итакъ, когда Онъ сказалъ: *что* тебѣ *здѣ, Иліе*,—послушаемъ, что онъ говоритъ: *олтари твоя раскопаша, и пророки твоя избиша, и остахъ азъ единъ, и ищутъ души моея* (3 Цар. XIX, 14). Видишь ли, что онъ считалъ всѣхъ погибшими, и только себя оставшимся, и кромѣ его никого другого; понемногу это могло довести его до безумія. Именно потому, Богъ, отвращая отъ него этотъ неправый помыслъ, говоритъ: Я оставилъ Себѣ *седмь тысящъ мужей*, которые *не преклониша колѣна Ваалу* (ст. 18). Такъ какъ и (тогда), когда навелъ засуху, онъ продолжалъ напрягать наказаніе, и послѣ этого много воображалъ о себѣ, будто онъ единственный такой на землѣ, (то Господь) попускаетъ ему почувствовать собственную немощь, указываетъ на множество спасенныхъ, очищая тѣмъ и другимъ его мысль, склоняя быть умѣреннымъ всюду, быть снисходительнымъ и споспѣшествовать съ ревностію человѣколюбіе.

5. Если желаешь то же самое видѣть и въ новомъ (завѣтѣ), то опять мы попытаемся привести тебѣ въ примѣръ вождей, башни, оплоты и главы изъ новозавѣтныхъ. Какими Моисей и Илія, такими оказываются Павелъ и Петръ въ новомъ (завѣтѣ). Какъ изъ этихъ двоихъ каждый сталъ бѣглецомъ, убоявшись, первый одного египтянина, второй угрозы одной блудницы, такъ и Петръ, фундаментъ, основаніе, столбъ, послѣ безчисленныхъ обѣтованій, послѣ столькихъ чудесъ, послѣ такого любомудрія, убоялся угрозы не царицы, не мужа, но привратницы-дѣвицы; и это было намного тягостнѣе прежняго. Тѣ, убоявшись, только убѣжали, а этотъ еще палъ самымъ тяжкимъ паденіемъ, о которомъ всѣ знаютъ. Когда онъ былъ лишенъ благодати, обнаружилась и его немощь, оставленная Божіимъ попеченіемъ. Богъ попустилъ ему пасть, такъ какъ и его намѣренъ былъ сдѣлать начальникомъ надъ всей вселенной,—чтобы, вспоминая о собственныхъ паденіяхъ, онъ былъ снисходителенъ къ происходившимъ потомъ искушеніямъ. И что сказанное не предположеніе, выслушай самого Христа, говорящаго: *Симоне, Симоне,* сколько разъ домогался сатана сѣять тебя, *яко пшеницу:* и Я *молихся о тебѣ, да не оскудѣетъ вѣра твоя: и ты нѣкогда обращся утверди братію твою* (Лук. XXII, 31, 32). За помощь тебѣ дай ты Мнѣ, говоритъ, эту отплату, потому что если бы не вкусилъ ты Моего промышленія, то у тебя не было бы силъ переносить самому по себѣ нападеніе его (діавола). Итакъ, помышляя о своемъ, будь снисходителенъ и къ остальнымъ,—на это именно намекаетъ—*утверди,*—утверди колеблющихся, снисходя, простирая руку, выказывая въ себѣ много человѣколюбія. И Павелъ, бывшій отважнѣе всякаго льва, неустрашимая душа, потерпѣлъ то же самое. И смотри, какъ показываетъ на самомъ себѣ, что онъ непрестанно нуждается во врачествѣ смиренія. Въ посланіи къ Коринѳянамъ онъ говоритъ: *не* хочу *же васъ, братіе, не вѣдѣти о скорби нашей бывшей намъ во Асіи, яко по премногу и паче силы отяготихомся: но сами въ себѣ осужденіе смерти имѣхомъ, да не надѣющеся будемъ на ся, но* 467
на Бога возставляющаго мертвыя, иже отъ толикія смерти избавилъ ны есть. Уповахомъ же, яко и избавитъ (2 Кор. I, 8, 9, 10). Мы были въ отчаяніи, говоритъ, не ожидали, что будемъ живы, но думали про себя, что совершенно будемъ осуждены на смерть,—это значитъ: *сами въ себѣ осужденіе смерти имѣхомъ,*—въ этомъ самое дѣло намъ отвѣтило, что мы совершенно погибнемъ. Изъ-за чего же Богъ попустилъ дойти намъ до столькихъ опасностей? Чтобы мы не надѣялись на самихъ себя, говоритъ, но на Бога, возставляющаго мертвыхъ. Сказанное имъ означаетъ, чтобы мы не гордились, чтобы не превозносились своими успѣхами. Объ

этомъ и дальше онъ говоритъ яснѣе, опять пиша такъ. Послѣ того, какъ сказалъ о восхищеніи на небо, восхожденіи въ рай, сообщеніи ему тѣхъ неизреченныхъ глаголовъ, онъ прибавилъ: *и за премногая откровенія, да не превозношуся, дадеся ми пакостникъ плоти, аггелъ сатанинъ, да ми пакости дѣетъ* (2 Кор. xɪɪ, 7); здѣсь намекаетъ на мучающихъ, оскорбляющихъ и ввергающихъ его въ темницу, такъ какъ каждаго изъ нихъ онъ называетъ сатаною. Я былъ предоставленъ, говоритъ, переносить испытанія, чтобы сдерживалось мое безуміе, и чтобы я научился умѣрять себя. Вслѣдствіе этого, наконецъ, я, воззвавъ даже къ Богу, не имѣлъ удачи въ прошеніи, но остался подверженнымъ непрестаннымъ кознямъ, имѣя муку врачествомъ смиренія. И прежняя жизнь его до обращенія была достаточна для его вразумленія. Сидящій у ногъ Гамаліила, живущій въ точности по отеческому закону, ревнитель отеческихъ преданій, ежедневно перелистывающій пророковъ, вскормленникъ на законѣ,—онъ не принялъ пришедшаго Христа, совершавшаго чудеса, бесѣдовавшаго объ этомъ,
468 предлагавшаго изъ Писанія и изъяснявшаго, но преслѣдовалъ распятаго и воскресшаго, и повергъ его ученика тысячами рукъ, воевалъ противъ церквей и былъ свирѣпѣе всякаго волка; самъ по себѣ онъ не могъ сознавать должнаго до тѣхъ поръ, пока возсіялъ свѣтъ свыше, и былъ поданъ голосъ, влекущій его къ истинѣ. Потому и самъ онъ постоянно въ своихъ посланіяхъ на это обращаетъ (вниманіе), склоняясь долу и стыдясь за уже бывшее; въ посланіи къ Тимоѳею онъ говорилъ: *благодарю укрѣпляющаго мя Христа, яко вѣрна мя непщева, положивъ въ службу,* прежняго *хульника и гонителя и досадителя: но помилованъ быхъ, яко не вѣдый сотворихъ въ невѣрствіи* (1 Тим. ɪ, 12, 13). И опять: *сего ради помилованъ быхъ, да во мнѣ первомъ покажетъ* Богъ *все долготерпѣніе, за образъ хотящихъ вѣровати ему въ жизнь вѣчную* (1 Тим. ɪ, 16). И въ посланіи къ Коринѳянамъ говорилъ: *иже нѣсмь достоинъ нарещися апостолъ, зане гонихъ церковь* (1 Кор. xv, 9).

6. Все же это было, и оставлялъ ихъ Богъ внѣ Своей благодати для того, чтобы, когда они научатся собственной немощи, и (тому), какъ ничтоженъ человѣкъ, не имѣющій доли въ поддержкѣ свыше, выказывали относительно подчиненныхъ много человѣколюбія, много снисхожденія, много прощенія, вступивъ на судейское сѣдалище, сдѣлавшись руководителями народа и начальниками. Потому и въ посланіи къ Галатамъ онъ говорилъ: *братіе, аще и впадетъ человѣкъ въ нѣкое прегрѣшеніе, вы духовніи исправляйте таковаго, блюдый себе, да не и ты искушенъ будеши* (Гал. vɪ, 1). Итакъ, зная это, будемъ привлекать необузданныхъ, а грѣшниковъ будемъ прощать, будемъ выражать вмѣстѣ съ божествен-

нымъ закономъ много человѣколюбія, чтобы и намъ самимъ вкусить многаго прощенія, въ чемъ согрѣшаемъ, по благодати и человѣколюбію Господа нашего Іисуса Христа, чрезъ Котораго и съ Которымъ Отцу слава, со Святымъ Духомъ, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА II.

Когда въ полночь царица пришла въ Великую Церковь и отсюда подняла останки мучениковъ и сопровождала чрезъ всю площадь до Дрипія, мартиріума, отстоящаго отъ города на 9-ть симіевъ; бесѣда была сказана въ мартиріумѣ, въ присутствіи ея, всего города и начальниковъ [1]).

1. Что мнѣ сказать и о чемъ говорить? Восторгаюсь и бѣс- 467
нуюсь бѣснованіемъ, лучшимъ благоразумія, лечу, радуюсь, вы-
соко несусь и окончательно опьяненъ этимъ духовнымъ удо-
вольствіемъ. Что мнѣ сказать и о чемъ говорить? О силѣ муче-
никовъ? Объ усердіи города? О ревности царицы? О стеченіи на-
чальниковъ? О посрамленіи діавола? О пораженіи демоновъ? Объ
именитости Церкви? О силѣ креста? О чудесахъ распятаго? О 468
славѣ Отца? О благодати Духа? Объ удовольствіи всего народа?
О восторгахъ города? О собраніяхъ монаховъ? О хорахъ дѣвъ? О
рядахъ священниковъ? О напряженіи мірскихъ мужей, рабовъ,
свободныхъ, начальниковъ, подчиненныхъ, бѣдныхъ, богатыхъ,
иноземцевъ, гражданъ? Благовременно въ отношеніи всего ска-
зать: *кто возглаголетъ силы* Твои, Господи, *слышаны сотворитъ вся
хвалы* Твои (Псал. CV, 2)? Женщины, которыя живутъ въ недоступ-
ныхъ теремахъ и нѣжнѣе воска, оставивъ свои закрытые чер-
тоги, состязались въ усердіи съ самыми сильными мужами, со-
вершая пѣшкомъ столь длинный путь; не молодыя только, но
даже состарѣвшіяся; и ни немощь природы, ни изнѣженность въ 469
образѣ жизни, ни спѣсь знатности не стали препятствіемъ для
этого усердія. Опять также сами начальники, оставивъ колес-

---

[1]) Въ объясненіе заглавія слѣдуетъ замѣтить: 1) въ Дрипіѣ, отстоящемъ отъ Константинополя около 6-ти верстъ (σημεῖον = milliarius, т. е., 1000 шаговъ; слѣдов., 9 × 1000 = 9000 ш. = 3000 с. = 6 в.), была церковь въ честь апостола и мученика св. Ѳомы; 2) подъ царицею разумѣется Евдоксія, супруга имп. Аркадія.

ницы, жезлодержцевъ и копьеносцевъ, смѣшались съ простыми. И къ чему говорить о женщинахъ или начальникахъ, когда даже сама та, у которой облегаетъ (голову) діадема и которая облечена въ порфиру, въ продолженіе всего пути не дозволяла себѣ отстать на малое разстояніе отъ останковъ, но, какъ служанка, сопровождала святыхъ, держась за раку и покровъ, лежащій (на ней), попирая всякую человѣческую спѣсь, являясь предъ такимъ множествомъ народа въ срединѣ зрѣлища, — та, которую даже всѣмъ евнухамъ, обращающимся въ царскомъ дворцѣ, непозволительно видѣть. Но влеченіе къ мученикамъ, неограниченная (ихъ) власть и пламенная любовь (къ нимъ) побудили сбросить всѣ эти маски, и выказать ревность относительно святыхъ мучениковъ открытымъ усердіемъ. И вспомнила она о блаженномъ Давидѣ, облеченномъ также въ порфиру, и съ діадемою, со скипетромъ еврейскаго народа, когда, оставивъ всю ту скинію, воздвигалъ онъ ковчегъ, прыгалъ, плясалъ и скакалъ, при большомъ восторгѣ и веселіи, прыганьемъ выражая свою радость, которую имѣлъ при совершеніи (перенесенія ковчега). Если во время тѣни и образа нужно было, чтобы выражался такой пылъ, то тѣмъ болѣе во время благодати и истины,—такъ какъ и она поднимала ковчегъ, много лучшій того Давидова. Не каменныя скрижали въ немъ, но скрижали духовныя, благодать цвѣтущая, даръ блистающій, кости, которыя свѣтлѣе самыхъ лучей, или вѣрнѣе, испускаютъ изъ себя самую блестящую молнію. Глядя на солнечный лучъ, демоны нисколько не страдаютъ; а не перенося исходящаго отсюда блеска, они ослѣпляются, прогоняются и бѣгутъ съ большого разстоянія: такова сила даже пепла святыхъ, которая не только покоится внутри, въ останкахъ, но и дальше простирается, прогоняетъ нечистыя силы и освящаетъ въ большомъ изобиліи приходящихъ съ вѣрою. Потому-то также эта христолюбивая (царица) слѣдовала подлѣ останковъ, постоянно держась (за нихъ) и извлекая себѣ благословеніе, была для всѣхъ остальныхъ учителемъ въ этомъ прекрасномъ и духовномъ пріобрѣтеніи, уча всѣхъ почерпать изъ этого источника, изъ котораго всегда почерпаютъ, но который никогда не изсякаетъ. Какъ изобильные потоки источниковъ не объемлются внутри ихъ собственныхъ нѣдръ, но изливаются и текутъ чрезъ край, такъ и благодать Духа, почивающая у костей и обитающая со святыми, изливается также на другихъ, съ вѣрою сопровождающихъ ее, стремится съ души на тѣла, съ тѣлъ на одежды, съ одеждъ на обувь, и съ обуви на тѣни. Вслѣдствіе этого совершали чудеса не только тѣла святыхъ апостоловъ, но даже платки и опоясанія; и не только платки и опоя-

сація, но даже тѣнь Петра производила дѣйствіе могущественнѣе живыхъ. Нѣкогда даже милоть, сброшенная на Елисея, низвела на него двойную благодать; не только тѣло Елисея, но даже одежда та была исполнена благодати, Потому-то и у трехъ отроковъ естество пламени устыдилось не только тѣлъ ихъ, но даже 470
самой ихъ обуви. И у Елисея эта благодать не удалялась отъ его, даже скончавшагося, но самая смерть разрушалась, когда былъ брошенъ въ могилу пророка другой мертвецъ. Такъ было и сегодня: во время несенія останковъ, когда засіялъ лучъ отъ костей и пожигалъ полчище противныхъ силъ,—поднялись отовсюду разжженіе демоновъ, вой и плачъ.

2. Я въ восторгѣ и воспаряю отъ удовольствія вслѣдствіе того, что вы пустыню сдѣлали городомъ, оставивъ городъ пустымъ, — что показали намъ сегодня богатство Церкви. Вотъ сколько овецъ, и нигдѣ волка; сколько виноградныхъ лозъ, и нигдѣ тернія; сколько колосьевъ, и нигдѣ плевелъ. Море простерлось отъ города до здѣшняго мѣста, море свободное отъ волнъ, безъ кораблекрушенія, свободное отъ скалъ; море—(которое) слаще всякаго меда, для питья пріятнѣе питьевыхъ водъ. Не погрѣшилъ бы кто-нибудь, назвавъ это море также рѣкою огня; такъ свѣтильники, густо и непрерывно протянувшіеся ночью сплошь до этого мартиріума, представляли зрителямъ видъ огненной рѣки. И это ночью; а при наступленіи дня, явились опять другіе свѣтильники; восходящее солнце тѣ скрывало, дѣлало тусклѣе, а эти въ помышленіи каждаго показывало въ большей свѣтлости; этотъ огонь вашего усердія былъ жарче того видимаго огня; и каждый несъ двойной свѣтильникъ: огня ночью, усердія ночью и днемъ; точнѣе, я не назову наконецъ той (ночи) даже ночью, потому что она соревновала дню, собирая васъ отовсюду какъ сыновъ свѣта и являя (васъ) свѣтлѣе безчисленныхъ звѣздъ и утренней звѣзды. Какъ пьяные и день дѣлаютъ ночью, такъ всю ночь бодрствующіе и бдительные дѣлаютъ днемъ и ночь. Потому во всю ночь они пѣли пророческое (изреченіе): *нощь просвѣщеніе въ сладости моей:* и *яко тма не омрачится отъ тебе: и нощь яко день просвѣтится: яко тма ея, тако и свѣтъ ея* (Псал. cxxxviii, 11, 12). Свѣтлѣе какого дня не была эта ночь, когда всѣ были въ такомъ избыткѣ восторга, духовно радовались, когда столько высыпало народу, наводнившаго и дорогу и площадь? Не видно было даже голой почвы, но вы, покрывъ весь путь людьми, представили изъ себя во все путешествіе какъ бы одну непрерывную золотую цѣпь, одну рѣку, многошумно несущуюся; и вверхъ, на небо взирая, мы видѣли луну посрединѣ и звѣзды, а внизу множество вѣрующихъ, и среди ихъ идущую царицу,

свѣтлѣе луны. Какъ звѣзды, которыя ниже, лучше верхнихъ, такъ и эта много свѣтлѣе той. Настолько ли луна (свѣтла), насколько украшена вѣрою душа при такомъ достоинствѣ? Чему напередъ можно въ ней удивляться: ревности ли, (которая) жарче огня; вѣрѣ ли,—тверже алмаза; сокрушенію ли духа и смиренію, которымъ она скрыла все, до крайности отвергши царское достоинство и діадему, и отсюда всякую спѣсь, а облекшись вмѣсто порфиры въ одежду смиренія, и вслѣдствіе ея ставъ еще свѣтлѣе? Многи, часты были царицы, которыя были причастны только
471 той же самой одеждѣ и діадемѣ, и славѣ царской; но тотъ избранный нарядъ былъ лишь ея, и только ея тотъ побѣдный знакъ. Изъ царицъ только эта съ такою честію сопровождала мучениковъ, съ такимъ усердіемъ и благоговѣніемъ, вмѣстѣ съ народомъ, отвергши всѣхъ тѣлохранителей, до крайности устранивъ почти всякое неравенство жизни. Вслѣдствіе этого она не меньше мучениковъ принесла пользу народу. Какъ всѣ смотрѣли на останки, такъ изумлялись и ея попеченію, богатые и бѣдные,—смотря на нее неотступно держащуюся за кости, въ продолженіе такого путешествія, ни устающую, ни оставляющую, но прильнувшую къ ракѣ. Потому мы не перестаемъ ублажать тебя, не мы только, но и всѣ послѣдующія поколѣнія.

3. Бывшее здѣсь услышать предѣлы вселенной, насколько солнце осіяваетъ землю; услышать тѣ, что будутъ послѣ насъ, и тѣ, что послѣ нихъ, и никакимъ временемъ не предастся забвенію происшедшее, такъ какъ всюду во вселенной и всюду въ поколѣніяхъ послѣдующихъ сопровождать его (будетъ) многою извѣстностію Богъ. Если Онъ сдѣлалъ, что дѣло жены-блудницы достигло предѣловъ вселенной, и утвердилъ въ памяти навсегда,—много больше не попуститъ, чтобы забылось дѣло благопристойной, почтенной и благоразумной жены, показавшей столько благоговѣнія, при царской власти: всѣ будутъ ублажать тебя, гостепріимницу святыхъ, заступницу церквей, соревновательницу апостоламъ. Въ самомъ дѣлѣ, если даже ты получила въ удѣлъ женскую природу, все же тебѣ возможно соревновать и апостольскимъ успѣхамъ. Такъ нѣкогда и Фива, та, которая приняла учителя вселенной и сдѣлалась его заступницей, была женщиною, соучастницею твоею въ той же самой природѣ; однако, она настолько возсіяла, что тотъ святой, достойный небесъ и большій всѣхъ апостоловъ, прославилъ ее и сказалъ, что *заступница многимъ бысть, и самому мнѣ* (Рим. XVI, 2). И Прискилла получила въ удѣлъ женскую природу, но это для нея нисколько не стало препятствіемъ къ прославленію, и къ тому чтобы память о ней сдѣлалась безсмертною. Тогда былъ также другой многочисленный сонмъ женъ, проводившихъ апостольскую жизнь.

Потому и тебя теперь причисляя къ нимъ, мы не погрѣшимъ, что ты именно пристань для всѣхъ церквей, и настоящимъ царствомъ воспользовалась для пріобрѣтенія будущаго царства, устраивая церкви, почитая священниковъ, уничтожая блужданіе еретиковъ, принимая мучениковъ не за столомъ, но въ душѣ, не въ кущѣ, но волею, или лучше, и въ кущѣ, и волею. Нѣ- 472
когда также Марія предводительствовала народомъ, неся кости Іосифа, и воспѣла пѣснь; но та, когда египтяне были потоплены въ морѣ, а ты, когда демоны задушены; та, когда фараонъ былъ потопленъ въ морѣ, а ты, когда діаволъ низвергнутъ; та съ кимвалами, а ты мыслію и душою, звучащею сильнѣе трубы; та по освобожденіи іудеевъ, а ты по увѣнчаніи Церкви; та, ведя народъ одинъ одноязычный, а ты многочисленные народы иноязычные. И ты намъ привела многочисленные сонмы, восклицающіе пѣсни Давида то на римскомъ, то на сирійскомъ, то на варварскомъ, то на эллинскомъ нарѣчіи; было видно, что различныя племена и различные сонмы—всѣ имѣютъ одну киѳару, Давидову, и вѣнчаютъ тебя молитвами. Радость этого праздника призывала и боголюбезнѣйшаго царя, влекущаго съ тобою плугъ благочестія; но даже это было дѣломъ твоего благоразумія—удержать его сегодня дома и обѣщать пришествіе (его) къ утру. Чтобы ни толпы всадниковъ, ни шумъ отъ вооруженныхъ воиновъ не оскорбили дѣвъ, старицъ, старцевъ, и не смутили праздника, она, поступая достойно своего благоразумія, раздѣлила торжество между нимъ и собою. Если бы они прибыли сегодня оба, сегодня же былъ бы конецъ празднику; а чтобы и въ настоящій день совершить покой, и прибавленіемъ завтрашняго щедро умножить радость, она раздѣлила съ нимъ богослуженіе, и, сегодня прибывъ сама, обѣщала намъ пришествіе его на утро. Какъ общница она ему въ царствованіи, такъ и въ благочестіи, и не допускаетъ, чтобы онъ былъ безъ доли въ преуспѣяніяхъ, но всюду беретъ (его) въ соучастники. Такъ какъ и въ наступающій день должно у насъ продлиться духовное торжество, то выкажемъ опять то же самое свое рвеніе, чтобы, какъ сегодня мы видимъ ее, христолюбивую, вмѣстѣ съ городомъ, такъ созерцали бы завтра боголюбезнаго царя, приходящаго съ войскомъ, и приносящаго Богу ту же самую жертву благоговѣнія, ревности, вѣры; и, взявъ въ общники своихъ молитвъ святыхъ мучениковъ, будемъ молить ихъ о долгой жизни, маститой старости, о дѣтяхъ и дѣтяхъ дѣтей, и прежде этого всего, о продленіи этой ревности, умноженіи благоговѣнія и такомъ завершеніи настоящей жизни, чтобы и нескончаемые вѣка царствовать вмѣстѣ съ единороднымъ Сыномъ Божіимъ,—*аще бо терпимъ*, сказано, и со-

воцаримся (2 Тим. п, 12),—и достигнуть вѣчныхъ благъ, которыхъ да удостоимся мы всѣ благодатію и человѣколюбіемъ Господа нашего Іисуса Христа, съ Которымъ Отцу слава со Святымъ Духомъ, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА III.

Его же. Въ слѣдующій день, когда былъ царь въ мартиріумѣ апостола и мученика Ѳомы, находящагося въ Дрипіѣ, и когда онъ удалился предъ бесѣдою; сказана была бесѣда, по удаленіи его, къ народу [1]).

473 1. Благословенъ Богъ: сколь велико могущество мучениковъ! Вчера цѣлый городъ съ царицею, сегодня царя съ войскомъ, въ великомъ благоговѣніи, они привлекли сюда къ намъ, не узы наложивъ, но цѣпь любви, цѣпь никогда не разрываемую. Удивительно именно не то, что царь пришелъ, но что съ большою готовностію, не по принужденію, но охотно, не милость оказать, но милость получить; благодѣтель всѣхъ во вселенной пришелъ, чтобы насладиться благодѣніями отъ этихъ святыхъ и извлечь плоды изъ этихъ величайшихъ благъ. Потому, какъ самъ онъ діадему, такъ всѣ тѣлохранители, снявъ съ себя, кто щиты, кто копья, оставивъ это тщеславіе,—они прибыли всѣ съ успокоеннымъ духомъ, какъ бы восходя отъ земли на небо, гдѣ нѣтъ достоинствъ, знатности и всякой такой тѣни достоинствъ, а сіяютъ только примѣръ жизни и плоды добродѣтели. Если здѣсь такъ велико могущество мучениковъ, подумай, какъ велико оно на небесахъ; если такова ихъ честь во время подвиговъ и борьбы, то какова будетъ награда во время воздаянія? И наше (дѣло) не оканчивается настоящимъ, но мы шествуемъ къ иной жизни, лучшей чѣмъ настоящая, восходимъ къ высокимъ надеждамъ и къ безсмертному наслажденію благами, не имѣющими конца. Богъ раздѣлилъ нашу жизнь на эти два вѣка, и настоящій сдѣлалъ трудовымъ, а будущій пріятнымъ и безконечнымъ, чтобы, здѣсь немного потрудившись, тамъ насладились мы безсмертныхъ вѣнцовъ. Даже при началѣ, тотчасъ, Онъ желалъ ввести насъ въ ту жизнь, но мы задержали, устроивъ нерадѣніемъ своимъ большое промедленіе, и сдѣлавъ, по безразсудству, это грядущее далекимъ. Я постараюсь сдѣлать это яснымъ изъ

[1]) Подъ царемъ разумѣется имп. Аркадій.

бившаго для насъ въ началѣ. Таковъ-то Богъ: когда Онъ намѣренъ доставить намъ что-либо полезное, хотя бы мы явились даже недостойными Его дорогой чести, Онъ всячески показываетъ, что Онъ желалъ бы, но по нашему нерадѣнію произошла неудача въ томъ, чего Онъ желалъ. Такъ Онъ поступилъ и въ началѣ.

Создавая человѣка, Онъ создалъ его тотчасъ не съ трудами, не съ бѣдствіемъ, не съ печалію, сдѣлалъ не смертнымъ, но онъ былъ тогда чуждъ какъ унынія, такъ трудовъ и смерти. Если бы Онъ далъ ему сначала это въ удѣлъ, то затѣмъ послѣ преступленія не осудилъ бы его на это, въ качествѣ наказанія и мщенія. Итакъ, когда онъ былъ чуждъ этого, онъ блисталъ свѣтлѣе солнца,—находясь безъ одежды, былъ облеченъ славою. Дѣйствительно, величайшимъ знакомъ его блаженства было также и то, что онъ не нуждался ни въ одеждѣ, ни въ покрытіи, ни въ другомъ какомъ-либо такомъ одѣяніи, но у него было тѣло выше такой нужды. Но не въ этомъ только онъ былъ блаженъ, а также въ томъ, что раньше онъ вкушалъ бесѣды съ Богомъ и роскошествовалъ въ дерзновеніи къ Нему. И ангелы трепетали, херу- 474
вимы и серафимы не осмѣливались даже поглядѣть прямо; а онъ бесѣдовалъ какъ бы другъ съ другомъ. И когда Онъ создалъ породы безсловесныхъ, привелъ къ нему, и онъ положилъ всѣмъ имена,—оставилъ имена неприкосновенными. И въ этомъ величайшій знакъ божественной чести—не въ томъ, что Онъ повелѣлъ ему положить имена, но что, когда человѣкъ поколебалъ данный ему законъ, Богъ не поколебалъ чести, которую далъ ему до закона, но *всяко еже нарече Адамъ, сіе имя ему* (Быт. II, 19). Видишь ли, что никакого тамъ (нѣтъ) намека на настоящую жизнь? Ни искусствъ, ни торговли, ни домостроенія, ни одеждъ, ни обуви, ни кровли, ни стола, ни труда, ни печали, ни смерти, ни роя остальныхъ страданій, но блестящее вступленіе, свѣтлое преддверіе и начало, ведущее къ лучшей жизни. Но Адамъ задержалъ (его), преступивъ, по неизъяснимому нерадѣнію, предѣлы повелѣннаго, не смогши удержаться даже отъ одного дерева; однако и тутъ выражается много божественнаго человѣколюбія. Вѣдь обычай у Бога таковъ, что когда теряемъ что-либо чрезъ нерадѣніе, Онъ, все дѣлая и предпринимая, не прежде перестаетъ, какъ приведетъ насъ къ еще большему, чѣмъ то, что мы потеряли; это именно тогда и случилось. Мы потеряли рай, и получили небо; отсюда это предпріятіе стало даже больше наказанія. Но не тотчасъ мы получили; и это есть (дѣло) Его попеченія. Такъ какъ врагъ сказалъ, что *будете яко бози* (Быт. III, 5), этими надеждами надмилъ ихъ, настроилъ ожидать богоравен-

ства, поощрилъ на безуміе, сдѣлалъ то, что они восприняли мысль больше собственной природы, то, врачуя эту рану, тотчасъ попускаетъ дождаться смерти, такъ чтобы на опытѣ познать замыселъ діавола, и хорошо воспитавъ душу, получить затѣмъ и безсмертное тѣло. (Богъ) желалъ, чтобы до этихъ поръ страхъ смерти былъ крѣпокъ въ душѣ, и это дѣло являлось бы страшнымъ.

2. Потому также Онъ попустилъ умереть прежде всего Авелю, чтобы преступникъ узналъ изъ самаго вида (смерти), что такое смерть, и сколь тяжкое и непріятное она дѣло. Если бы онъ самъ скончался первымъ, то не узналъ бы природы дѣла, не увидѣвъ ниразу другого мертвымъ; а теперь онъ самъ, при жизни, видя смерть владычествующею надъ другимъ, надъ сыномъ, учился величію наказанія точнѣе и яснѣе. Потому онъ увидѣлъ ее не просто на чужомъ, но на своемъ сынѣ: отсюда насиліе (ея), вмѣстѣ съ природою дѣла, производило болѣе тяжкую скорбь,—съ природою добродѣтель сына, и съ добродѣтелью цвѣтущій возрастъ, потому что онъ скончался не въ старости, но въ самомъ цвѣтѣ юности; ко всему этому еще то, что онъ пострадалъ отъ брата, и отъ брата беззаконно и несправедливо. Вслѣдствіе всего этого личина смерти дѣлалась ужасною и по виду болѣе горестною, въ Адамѣ возбуждалась скорбь болѣе тяжелая, когда все изъ вышесказаннаго зажигало великую печь, производило болѣе ѣдкое пламя, и вразумляло, въ какое зло ввергъ его діаволъ. Если мы, видя ежедневно мертвыхъ, волнуемся, смущаемся, падаемъ ду-
475 хомъ,—и не только мы, но даже напускающіе на себя важный видъ и тщеславящіеся высокими достоинствами,—если и они, находясь при погребеніи даже обыкновеннаго мертвеца, падаютъ духомъ отъ этого зрѣлища, дѣлаются незначительнѣе всякаго,—то что естественно было вынести ему, прежде всѣхъ глядѣвшему на мертвеца, къ тому же въ лицѣ своего сына, и такого сына, ему, не притупившему еще страданія непрерывностію умирающихъ, но чрезвычайно потрясенному необычностію дѣла? Что естественно было вынести смотрѣвшему на того, кто не чувствовалъ ни звука, ни прикосновенія, ни слезъ, ни рыданій, кто не двигался, не сострадалъ скорбящему отцу, не производилъ привычныхъ дѣйствій? Ты не смотри именно на настоящее положеніе, но подумай, что тогда человѣкъ этотъ прежде всѣхъ увидѣлъ мертвеца, и исполнился великаго страха, великаго смущенія. Однако, вмѣстѣ съ этимъ подумалъ Богъ и объ утѣшеніи; Онъ желалъ не только умножить боязнь смерти, но чтобы человѣкъ воспользовался также нѣкоторымъ облегченіемъ. Какимъ же именно? Тѣмъ, которое отъ воскресенія. Но Онъ не далъ его тотчасъ, а тотчасъ раскрылъ надежду на него смутно и какъ бы въ загадкѣ. Когда боязнь

была сильно увеличена, она потрясла духъ человѣка, и было показано, чѣмъ была смерть, какъ тяжка, непріятна и обременительна, и не только тѣмъ, что она предъ глазами, но и тѣмъ, что за глазами—червями, зловоніемъ, гноемъ, прахомъ, и всѣмъ остальнымъ, что сопутствуетъ мертвому тѣлу,—когда боязнь была увеличена, и она потрясла духъ, смотри, какъ приводитъ, наконецъ, и къ надеждѣ на воскресеніе, смутной и неясной; а все же приводитъ. Онъ не допустилъ, чтобы умеръ Енохъ, бывшій послѣ этого; и Павелъ говоритъ: *вѣрою Енохъ преложенъ бысть не видѣти смерти: и не обрѣташеся, зане преложи его Богъ* (Евр. xi, 5). Преложилъ, и не допустилъ умереть; Онъ не сдѣлалъ его еще безсмертнымъ, чтобы не устранить боязни, но онъ пребываетъ, не умирая,—онъ, хотя не безсмертенъ, надѣленъ въ смертномъ тѣлѣ долготою жизни, чрезъ это смутно пріоткрывая, какъ я сказалъ, надежду до воскресенія. Потому также и первому праведнику Онъ попустилъ умереть; не погрѣшилъ бы кто-нибудь, назвавъ, кромѣ сказанной причины, и иную. Какую же? Ту, которая (относится къ) воскресенію. Такъ какъ смерть въ будущемъ не имѣла постоянно властвовать, для этого Онъ сдѣлалъ, что первое основаніе, первый корень ея былъ укрѣпленъ въ праведности, чтобы основаніе было гнилымъ. Какъ грѣхъ—пища смерти, такъ праведность—уничтоженіе и исчезновеніе смерти. Онъ попустилъ, чтобы имѣющій прежде всѣхъ скончаться былъ праведникомъ, напередъ (тѣмъ) говоря намъ, являя хорошую надежду и показывая, что Онъ не попуститъ, чтобы нашъ родъ пребывалъ всегда въ смерти: вотъ почему Онъ и положилъ основаніе для нея весьма слабое.

3. Потомъ послѣ Еноха, при Ноѣ, Онъ опять другимъ образомъ далъ намъ видѣть воскресеніе. Чѣмъ въ лучшемъ положеніи, нежели умершіе, былъ Ной, заключенный въ такой безднѣ, мракѣ и темницѣ? Однако, безграничныя моря, покрывшія вершины горъ, не потопили бывшаго въ ковчегѣ; но какъ бы возставъ отъ смерти, вышелъ тогда Ной изъ того долгаго ливня, давая намъ видѣть въ его собственномъ спасеніи воскресеніе. Опять послѣ него,—а насколько время шло впередъ, настолько яснѣе показывались и образы воскресенія,—при Іонѣ, Онъ совершилъ то же самое. Три дня въ китѣ были знакомъ трехъ дней въ смерти, и избавленіе отъ кита было предвѣстіемъ о воскресеніи Владыки; потому и самъ Онъ говорилъ: *знаменія ищетъ* родъ этотъ, *и знаменіе не дастся ему, токмо знаменіе Іоны: якоже бо бѣ Іона во чревѣ китовѣ три дни и три нощи: тако будетъ Сынъ человѣческій въ сердцы земли три дни и три нощи* (Мѳ. xii, 39, 40). Кто-нибудь не погрѣшилъ бы, назвавъ также рожденіе Исаака обра- 476

зомъ воскресенія. Потому и Павелъ, разсказавъ относительно рожденія его отъ безплодной, и сказавъ, что отецъ его, сверхъ надежды, вѣровалъ въ надеждѣ, и что *не изнемогъ вѣрою, ни усмотры своея плоти уже умерщвленныя, и мертвости ложеснъ Сарриныхъ: во обѣтованіи же Божіи не усумнѣся невѣрованіемъ, но возможе вѣрою, давъ славу Богови, и извѣстенъ бывъ, яко, еже обѣща, силенъ есть и сотворити*,—прибавилъ: *не писано же бысть за того единаго точію, но и за ны, имже хощетъ вмѣнитися, вѣрующимъ въ воскресившаго Іисуса Христа Господа нашего изъ мертвыхъ* (Рим. IV, 19—21, 23, 24). Итакъ, ясно, что рожденіе Исаака было образомъ воскресенія Христа. Если бы оно не было образомъ, то онъ не прибавилъ бы и не сказалъ бы: *не писано же бысть за того единаго точію, но и за ны, имже хощетъ вмѣнитися.* Образы пишутся не для принимающихъ (ихъ) въ то время, въ которое они (образы) бываютъ, но для имѣющихъ въ послѣдующее время получать пользу отъ нихъ. Потому также въ другомъ мѣстѣ говоритъ: *сія же образи прилучахуся онѣмъ: писана же быша въ наученіе наше, въ нихже концы вѣкъ достигоша* (1 Кор. х, 11). И Илія, взятый, открылъ намъ эту надежду на воскресеніе. Но то, какъ въ образахъ; а когда, послѣ долгаго и безконечнаго времени, пришелъ единородный Сынъ Божій, Онъ намъ показалъ воскресеніе самымъ дѣломъ, чрезъ собственное тѣло, освободивъ его отъ власти смерти; потому и говорится: *Христосъ*, умерши и возставъ *отъ мертвыхъ, ктому уже не умираетъ: еже бо умре, грѣху умре единою* (Рим. VI, 9, 10).

4. Въ (самомъ) началѣ это было смутно, — надежда воскресенія, какъ въ загадкѣ, была показана намъ чрезъ Еноха, а разрушеніе смерти—чрезъ Авеля; но то и другое чрезъ единороднаго Сына Божія стало яснымъ, очевиднымъ, вполнѣ истиннымъ. Отсюда произрасли у насъ и сонмы мучениковъ,—когда смерть была разрушена, а воскресеніе сіяетъ. Потому также настоящая жизнь стала тяжелою и исполненною многихъ трудовъ, — чтобы болѣе косные изъ людей, охотно пребывающіе въ настоящемъ, будучи выталкиваемы отсюда и изнемогая подъ тяжестію этой жизни, убѣгали удовольствій и пристрастія къ настоящей жизни, а стремились бы къ небесной любви и спѣшили бы къ тому дню. (Человѣкъ) любомудрый и возвышеннаго ума не будетъ нуждаться въ здѣшнемъ увѣщаніи, но, подумавъ, сколь велико царство небесное, а еще болѣе, чѣмъ царство, пребываніе съ Богомъ и со Христомъ,—а это дѣйствительно больше всякаго цар-
477 ства,—не почувствуетъ никакой сладости въ настоящемъ, но пренебрежетъ имъ, минуя его быстрѣе тѣни. Такъ какъ многіе, будучи въ рабствѣ плоти и во власти житейскихъ заботъ, охотно

пребываютъ въ нихъ, на подобіе гнѣздящихся звѣрей, то, чтобы отсѣчь пристрастіе ихъ къ этому, Онъ далъ имъ въ удѣлъ много печали, боязни, заботъ, думъ, борьбы, опасностей, робости, большой рой тѣлесныхъ страстей, осаду отъ тѣла и много другого, чего въ одномъ словѣ не сказать, чтобы, ужасаясь хотя облака этихъ золъ, они пожелали возвратиться въ неволнуемую пристань и наслаждаться непрестанной тишиной, въ которой нѣтъ золъ, примѣшанныхъ къ благу, но чистое благо, дѣйствительное благо. Что прекраснымъ кажется здѣсь, какъ-то: богатство, слава, могущество, все это прекрасно лишь по имени, и смѣшано съ противнымъ; а въ тамошнемъ безпримѣсномъ и чистомъ—блаженство не по имени, но на дѣлѣ. Итакъ, чтобы намъ достигнуть
этого, поревнуемъ добродѣтели мучениковъ, мужеству, ревности, 478
вѣрѣ, презрѣнію настоящаго, желанію будущаго. Можно преуспѣвать во всемъ этомъ и внѣ гоненія. Пусть даже костеръ и не разложенъ впереди, зато въ наличности страсть, сильнѣе (его); пусть и нѣтъ звѣриныхъ зубовъ, за то тѣснитъ ярость мучительнѣе звѣря; пусть и не стоятъ по сторонамъ палачи, терзая бока, зато лежитъ внутри зависть, съѣдающая духъ мучительнѣе всякаго палача. Итакъ, нужно намъ, приготовившись къ борьбѣ съ этими страстями и поставивъ оплотомъ противъ нихъ силу любомудрыхъ помысловъ, такъ совершать настоящую жизнь, и быть всю жизнь въ подвигѣ, чтобы, потрудившись немного времени, непрестанно быть увѣнчанными, и наслаждаться вѣчныхъ благъ, всегда будучи съ Господомъ и вкушая того сожительства, превосходящаго всякое слово и мысль,—въ каковомъ всѣ мы да будемъ участниками, благодатію и человѣколюбіемъ Господа нашего Іисуса Христа, чрезъ Котораго и съ Которымъ Отцу слава, со Святымъ Духомъ, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА IV.

Бесѣда увѣщательная, сказанная въ храмѣ святой Анастасіи въ отношеніи отсутствующихъ, и изложеніе состязаній и подвиговъ блаженнаго и праведнаго Іова.

1. Насколько собравшихся меньше обычнаго, настолько и 477
мы будемъ пользоваться большимъ усердіемъ. И несправедливо было бы, чтобы нерадѣніе отсутствующихъ оскорбило наше стараніе, но изъ-за самаго этого предложимъ трапезу даже болѣе щедрую, чтобы не прибывшіе, познавъ опытомъ наказаніе, сдѣла-

лись наконецъ старательнѣе относительно этихъ собраній. Потому также вашу любовь приглашаю быть внимательными къ говоримому; для васъ будетъ двойная польза: передавая говоримое отсутствующимъ, вы сдѣлаете ихъ болѣе старательными, также свою душу совершите болѣе любомудрою. Какъ природа земли, о которой нерадятъ, производитъ худыя травы, а постоянно лелѣемая земледѣльческими руками, даетъ зрѣлый плодъ, такъ и душа человѣка—лежащая въ лѣности рождаетъ терніе прегрѣшеній, а пользующаяся попеченіями приноситъ красующійся плодъ добродѣтели. Потому и нѣкто мудрый увѣщеваетъ, говоря: *якоже нива мужъ безумный, и яко виноградъ человѣкъ скудоумный: аще оставиши его, опустѣетъ, и травою порастетъ весь* (Прит. XXIV, 30, 31). Чтобы этого не было теперь, мы постоянно пользуемся серпомъ слова; и, если вырастаетъ что-нибудь худое, всегда вырѣзаемъ; а если что-нибудь зрѣлое, имѣющее плодъ,—питаемъ, орошаемъ и доводимъ до цвѣта, постоянно выражая свою заботу. Мы нуждаемся въ двойномъ попеченіи, вѣрнѣе, даже въ тройномъ: въ одномъ—чтобы намъ быть свободными отъ порочности, въ другомъ—чтобы пріобрѣсти себѣ добродѣтель; а послѣ этого—чтобы соблюсти пріобрѣтенную; здѣсь даже больше всего нужно труда, потому что тотъ лукавый демонъ, завидуя и нашей красотѣ, больше нападаетъ на преуспѣвшихъ; и какъ пираты и по-
478 топители минуютъ корабли съ пескомъ, а если гдѣ-нибудь увидятъ съ дорогою кладью и съ хранящимся въ нихъ богатствомъ, нападаютъ на нихъ, пробуравливая снизу, поражая сверху, употребляя всякую хитрость, такъ и діаволъ обычно поражаетъ, завидуетъ и коварствуетъ въ особенности противъ собравшихъ много добродѣтели.

Столько было людей по вселенной при Іовѣ, и только противъ него онъ вооружился и употребилъ всѣ свои хитрости; однако, не въ силахъ былъ произвести кораблекрушеніе, но полнѣе сдѣлалъ кладь, и пріумножилъ товаръ. Такова добродѣтель: когда ее поражаютъ, она дѣлается могущественнѣе, и, когда противъ нея коварствуютъ, становится непоколебимѣе. Такъ было именно и съ тѣмъ блаженнымъ, который, отовсюду поражаясь, становился непоколебимѣе, и не отдавался въ руки подъ безчисленными стрѣлами, но опустошилъ колчанъ діавола, а самъ не повергся, не споткнулся, но, какъ отличный кормчій, и не потонулъ, когда море бѣсновалось и поднимались волны, и не сталъ безпечнѣе, когда была тишина; онъ соблюдалъ одинаково свое искусство при той и другой перемѣнѣ времени, и ни богатство его не надмило, ни бѣдность не унизила. Ни тогда, когда дѣла шли благопріятно, онъ не былъ небдителенъ и не охла-

дѣлъ, ни—когда былъ разрушенъ почти цѣлый домъ и произошла полная гибель, онъ не возмутился и своего мужества не посрамилъ. Пусть слушаютъ богатые, пусть слушаютъ бѣдные! Для тѣхъ и другихъ это полезная повѣсть; вѣрнѣе, эта исторія полезна для всѣхъ людей—и благоденствующихъ и бѣдствующихъ. Подвижникъ благочестія, увѣнчанный вселенною, воспользовавшись тѣмъ и другимъ оружіемъ, воздвигъ побѣдный знакъ тамъ и здѣсь, и, при всякомъ родѣ борьбы, когда возсталъ на него демонъ,—во всемъ онъ противосталъ, и во всемъ былъ побѣдителемъ; и какъ благородный воинъ умѣетъ воевать ночью, осаждать стѣны, сражаться на морѣ, биться пѣшимъ строемъ, пускать стрѣлы, метать копье, дѣйствовать пращей, дротикомъ, превосходить противника во всякомъ родѣ борьбы и всюду брать верхъ,—такъ именно и тотъ благородный перенесъ, при боль- 479
шомъ мужествѣ, всякое испытаніе: бѣдность, голодъ, болѣзнь, скорби, потери дѣтей, (огорченія) отъ друзей, отъ враговъ, отъ жены, отъ рабовъ. И не было человѣческаго несчастія, которое бы не было излито на его тѣло. Однако, онъ преодолѣлъ всѣ сѣти и сталъ выше діавольскихъ приманокъ; именно то особенно и удивительно, что на него обрушилось все, все съ излишкомъ и все сразу.

2. Не смотри ты на то лишь, что онъ столько выстрадалъ, но замѣть, что и не понемногу, и не съ перерывами, а сразу и вмѣстѣ. Это немалая прибавка испытаній; прежде всего, изъ остальныхъ всѣхъ людей можетъ быть не нашлось бы никого, кто перенесъ бы все вмѣстѣ, но—если иной съ бѣдностію борется, то здоровьемъ наслаждается; если бѣдностію и болѣзнію мучается, то часто утѣшается въ перенесеніи несчастія ободреніемъ жены, служащей для него вмѣсто пристани; если не утѣшается такою женою, то и не совѣтующею такъ гибельно; если же и такъ гибельно совѣтующею, то не теряетъ сразу всѣхъ дѣтей; а если и сразу, то не такою смертію; а если и такою смертію, то у него есть утѣшающіе друзья; а если и нѣтъ утѣшающихъ, то нѣтъ и такъ позорящихъ; если же и есть позорящіе, то нѣтъ поносящихъ рабовъ; а если и поносящихъ, то не плюющихъ въ лицо ему; а если и плюющихъ въ лицо, то не мучается такою болѣзнію; а если и мучается такою болѣзнію, то наслаждается комнатою и защитою, и не сидитъ на навозной кучѣ; а если и сидитъ на навозной кучѣ, то у него есть протягивающіе руку; а если и нѣтъ протягивающихъ руку, то нѣтъ и позорящихъ. Онъ же все это перенесъ, и, какъ я раньше сказалъ, особенно то удивительно, что и вмѣстѣ все, а это придаетъ несчастію видъ двойного и тройного, когда именно подвизающійся не ободряется

остановкою, но вслѣдствіе непрерывности смятеніе дѣлается больше и смущеніе сильнѣе, что съ нимъ и случилось. За потерею овецъ и сожженіемъ слѣдовало похищеніе воловъ, за этимъ отнятіе ословъ, за этимъ угонъ верблюдовъ и избіеніе рабовъ, за этимъ потеря дѣтей и та ужасная, неслыханная смерть, и еще ужаснѣе гробъ,—потому что то же самое было и смертію и гробомъ,—и трапеза, за которою сейчасъ шло пиршество, а сейчасъ изуродованныя тѣла, и чаши и кубки, заключающіе вмѣстѣ съ виномъ кровь и изувѣченныя части (тѣлъ). Однако, послѣ этой тяжкой, страшной исторіи, другая, еще болѣе тяжкая, ожидаетъ его, нимало не отдохнувшаго. Начинаются источники червей, токи гноя, пребываніе на навозной кучѣ, оскабливающій бока черепокъ, зловоніе ранъ, вызывающее неслыханный голодъ, не дозволяющее однакожъ дотронуться до хлѣба, который предъ глазами, и возбуждающее отвращеніе, мучительнѣе голода; и это не на два, десять, двадцать, сто дней, но на много мѣсяцевъ. Но и здѣсь не остановилась борьба: когда онъ былъ въ такомъ положеніи, и
480 терзался отовсюду, извнутри и совнѣ, послѣдовали еще козни жены. Сожительница дѣлается оружіемъ демона и поражаетъ своего мужа, ссудивъ своимъ языкомъ діавола, поражаетъ стрѣлами болѣе острыми и гибельными, чѣмъ выше сказанное. Но даже и здѣсь борьба не окончилась, а была опять началомъ и вступленіемъ въ состязаніе. Когда и отсюда не получилось для діавола никакой прибыли, подошелъ хоръ друзей, выражающій подъ личиною состраданія вражду,—нападаютъ на лежащаго, вередятъ раны, смѣняя другъ друга, не дозволяя (ему) вздохнуть и много разъ становясь кругомъ, какъ бы устраивая тягостный хороводъ. Говорить ли мнѣ и о невыносимомъ испытаніи ночью,—самомъ неслыханномъ и необычномъ? Всѣмъ остальнымъ людямъ, хотя бы они претерпѣли огромное множество несчастій, хотя бы обитали въ темницѣ, хотя бы обложены были цѣпью, хотя бы оплакивали несчастія, хотя бы переносили тѣлесное посрамленіе, хотя бы подавлялись бѣдностію, хотя бы болѣзнію, хотя бы трудами, хотя бы бѣдствіями,—однако, наступившая ночь доставляетъ врачество утѣшенія, освобождая тѣло отъ трудовъ, удаляя душу отъ заботъ; но у него тогда и пристань сдѣлалась утесомъ, врачество стало раною, утѣшеніе—нѣкоторымъ прибавленіемъ мучительнѣе скорби, и страшная буря была въ ночь, доставляющую всѣмъ людямъ тишину; онъ убѣгалъ отъ дня, какъ отъ волнъ, вслѣдствіе тѣхъ невыносимыхъ скорбей, а находилъ треволненія, вихри, пучины и скалы, до такой степени, что и волны дневныя дѣлались желательными. Потому, разсказывая о томъ неслыханномъ страданіи, онъ вопіялъ, говоря: *аще усну, глаголю:*

когда *день? если востану*, говорю: *когда вечеръ* (Іов. VII, 4)? Изъ-за чего, скажи мнѣ? Естественно, что днемъ ты желаешь ночи,—вѣдь вечеромъ онъ призываетъ ночь, какъ доставляющую всѣмъ облегченіе отъ дневныхъ золъ,—а будучи въ ночи, тишинѣ, забвеніи тѣхъ скорбей и заботъ, почему опять ты ищешь дня? Потому, что для меня ночь мучительнѣе дня: она доставляетъ мнѣ не облегченіе отъ трудовъ, но увеличеніе (ихъ), смятенія и смущенія; повѣствуя объ этомъ самомъ, онъ говорилъ: *устрашаеши мя соніями, и видѣніями ужасаеши мя* (ст. 14). И повергался онъ въ трепетъ, видя ночью ужасныя видѣнія, терпя невыносимый страхъ, сильное изступленіе и ужасъ.

3. Ужели вы не утомились, слушая объ этихъ несчастіяхъ, одно за другимъ? Но онъ не утомлялся въ страданіи. Потому именно я призываю вашу любовь еще немного пождать; мы не все еще сказали, и не присоединили иного преизбытка. Первый состоялъ въ томъ, что всякое несчастіе, свойственное людямъ, перенесъ одинъ человѣкъ; второй—что все вмѣстѣ, и даже не было у него обычнаго перерыва; но хочу сказать и о третьемъ. Въ чемъ же онъ? Въ томъ, что каждое изъ сказанныхъ (несчастій) обрушилось не только вмѣстѣ, но и съ большимъ преизбыткомъ и силою: бѣдность его была тягостнѣе всякой бѣдности, также и болѣзнь, и сидѣніе, и потеря дѣтей и все, что съ нимъ было. Разсмотри же: теряетъ ли кто-нибудь имущество? Но не такъ цѣликомъ, и не такимъ образомъ. Лишается ли дѣтей? Но не сразу всѣхъ, и не столькихъ, и не такихъ. Подвергается ли болѣзни? Но не такой, а или лихорадкѣ, или увѣчью, или другому какому-либо обычному страданію. То пораженіе было нѣкоторымъ страннымъ, и ясно только страдавшему. Никакое слово не въ силахъ было бы представить горечь тѣхъ язвъ и мучительность ранъ, но достаточно только сказать о совершителѣ и его неудержимой ярости, чтобы обозначилось величіе пораженія. 481
Неслыханнымъ и страннымъ было также и то сидѣніе; нѣтъ, истинно нѣтъ ни одного бѣдняка, который бы когда-нибудь, будучи посаженъ подъ открытымъ небомъ, такъ терпѣлъ во все время, какъ онъ—безъ одежды, лишенный всякаго покрова, сидя въ ранахъ, на навозной кучѣ. Часто у кого-нибудь бываетъ злая жена, но никогда ни у кого не было настолько злой, чтобы, при такомъ несчастіи, нападать на мужа, изощрять мечь противъ его души и внушать такіе совѣты. А странность друзей и рабовъ, а неслыханность голода—что онъ не вкушалъ предлежащей трапезы? Говорить ли еще о четвертомъ преизбыткѣ. Разумѣю прежнее его богатство и благоденствіе. Кто сначала живетъ въ бѣдности, тотъ легче переноситъ ее, такъ какъ привыкаетъ къ стра-

данію: а кто лишился такого благоденствія, тотъ переноситъ и скорбь наиболѣе острую и наибольшее смущеніе, вслѣдствіе неопытности, неподготовленности и крайней мучительности чувства. Можно и пятый назвать, — какой это? Что каждый изъ остальныхъ людей, сознавая за собою много худого, знаетъ причину, за что страдаетъ,—это немало (служитъ) къ ободренію,—а онъ не былъ въ состояніи даже думать, что ему возмѣщаются прегрѣшенія и грѣхи, и это особенно смущало его разсудокъ. Когда онъ смотрѣлъ на свою жизнь, на совѣсть, свѣтлѣе солнца, и на множество преуспѣяній, онъ зналъ, что былъ достоинъ вѣнцовъ, похвалъ и безчисленныхъ наградъ; а когда—на тѣло, раны и все случившееся, когда видѣлъ самого себя страдающимъ мучительнѣе дерзнувшихъ на крайнія (преступленія),—не находилъ назвать причину, изъ-за которой онъ такъ страдалъ; потому именно, прибѣгши къ необъятности божественнаго домоправленія, онъ говорилъ: *яко Господеви изволися, тако и бысть* (Іов. I, 21). И женѣ возражая по возможности, вкратцѣ высказалъ размышленіе, показывающее его особенное благоговѣніе, говоря такъ: *аще благая пріяхомъ отъ* Господа, *злыхъ ли не стерпимъ* (Іов. II, 10)?

Сказать ли также объ иномъ преизбыткѣ, особенно вѣнчающемъ, прославляющемъ того борца и показывающемъ его высокую и до небесъ досягающую душу? Въ чемъ же онъ? Въ различіи по времени: онъ такъ любомудрствовалъ до благодати и до закона. Это не маловажно, — также можетъ сплесть безчисленные вѣнцы. За тѣ же самыя преуспѣянія не тѣ же самыя награды, когда одинъ преуспѣлъ въ этомъ въ болѣе раннее время, а другой въ самое послѣднее,—но намного больше онѣ для перваго. Не равно было: любомудрствовать, когда Христосъ пришелъ, столько показалъ на Себѣ, увѣщевалъ и совѣтывалъ, и то же обнаружить въ себѣ до пришествія Его, до закона и до пророковъ. Потому именно, и пришедши, Онъ требуетъ большаго приложенія добродѣтели, говоря: *аще не избудетъ правда ваша паче книжникъ и фарисей, не внидите въ царствіе небесное* (Мѳ. V, 20). Насколько больше было ученіе, настолько справедливѣе и больше полагается мѣра добродѣтели. Но этотъ, не вкусивъ ученія, не преуспѣвъ въ грамотѣ или книжномъ знаніи, не видя (примѣра) другихъ, ни имѣя прибѣжища въ прежнемъ времени, чтобы наблюдать подвизавшихся,—потому что не было еще Писанія, или исторіи, передающей событія,—онъ единственный и первый
482 тогда проложилъ эту тропу любомудрія, по непроложенному еще пути, по не преплывавшемуся морю, въ такомъ мракѣ зла, показавъ себя по преимуществу верховнымъ въ существенномъ изъ

благъ. Весьма великое (дѣло) и преуспѣяніе въ меньшихъ частяхъ добродѣтели, а много больше значитъ — быть верховнымъ въ верховной изъ всѣхъ; а что терпѣніе самое верховное изъ всего, никто не будетъ оспаривать. Сознавъ это, даже самъ діаволъ говорилъ: *кожу за кожу, и вся елика имать человѣкъ, дастъ за душу свою: обаче посли руку твою, и коснися плоти его* (Іов. II, 4). Отсюда ясно, что это преуспѣяніе самое верховное изъ всѣхъ, и требуетъ нѣкоторой мужественной и желѣзной души.

4. Видѣлъ ли его въ испытаніяхъ, насколько тебѣ можно было видѣть? Вѣдь въ точности не въ силахъ представить даже самое слово. Скорбь, мученія, власть унынія и происходящее отсюда смущеніе не можетъ такъ объяснить слушателямъ никакая сила слова, какъ самый опытъ на дѣлѣ. Вотъ опять я покажу тебѣ его,—потому что и это немаловажно, но требуетъ также весьма любомудрой души,—покажу выражающимъ много любомудрія при богатствѣ и благоденствіи. Итакъ, какимъ онъ былъ при богатствѣ? Одинаково для всѣхъ пристанью, одинаково для всѣхъ отцомъ, одинаково врачомъ, вѣрнѣе—больше, чѣмъ врачомъ; выслушай, что самъ онъ говоритъ: *око бѣхъ слѣпымъ, нога же хромымъ* (Іов. XXIX, 15). Видишь ли, насколько онъ больше врача? Онъ былъ для изувѣченныхъ вмѣсто природы, и чего врачи не въ силахъ были исправить искусствомъ, этого онъ достигалъ утѣшеніемъ, служа для нихъ вмѣсто членовъ (тѣла), по многому къ нимъ попеченію. Какъ здоровые, съ крѣпкими ногами и зрѣніемъ,—въ такомъ же положеніи были съ изувѣченными членами, не чувствуя хромоты, ни увѣчья, благодаря великому его попеченію. Потому именно онъ не сказалъ даже, что я утѣшалъ хромыхъ и слѣпыхъ, но—ногою ихъ былъ и окомъ; и опять: *азъ бѣхъ отецъ немощнымъ* (ст. 16). И здѣсь не сказалъ: я утѣшалъ сиротъ, но: отцомъ былъ для нихъ,—отсюда дѣлая очевиднымъ, что онъ не давалъ даже почувствовать сиротства, не допускалъ появиться горю,—избыткомъ попеченія уничтожая самое чувство горя, также точно, какъ тамъ увѣчье у страдальцевъ. Не за изувѣченными только онъ ухаживалъ, не сиротство восполнялъ, будучи однимъ вмѣсто членовъ (тѣла), другимъ вмѣсто родителей, но поставилъ самъ себя даже въ судьи, и даже больше чѣмъ въ судьи, потому что онъ говоритъ: *распрю, еяже не вѣдяхъ, изслѣдихъ* и *сотрохъ членовныя неправедныхъ*, и *отъ среды зубовъ ихъ грабленіе изъяхъ* (ст. 16, 17). Это много больше, чѣмъ быть судьей. Судьи засѣдаютъ въ ожиданіи обиженныхъ, и наиболѣе искусные изъ судей, послѣ просьбы ихъ, оказываютъ собственное содѣйствіе,—а многіе и того не дѣлаютъ; онъ же превзошелъ даже самыхъ искусныхъ, и намного опередилъ. Онъ и не ожидалъ,

чтобы обижаемые шли къ нему, и не послѣ ихъ просьбы шелъ на помощь, но самъ напередъ обходилъ, ища обиженныхъ, и не просто ища, но съ большою неусыпностію, съ большою заботою. И объ этомъ ясно узнаешь, вникнувъ въ смыслъ этого изреченія, потому что онъ не сказалъ: я искалъ, но: *распрю, сяже не свдяхъ, изслѣдихъ*, то есть, я разыскивалъ, до мелочи хлопоталъ,
483 употреблялъ всѣ средства до конца, такъ чтобы найти, не обиженъ ли кто-нибудь гдѣ тайно. Замѣчаешь ли неусыпную душу? Видишь ли и мужество и стараніе? И *сотрохъ члсновныя неправедныхъ*. Силу того самого, чѣмъ кусають, я разрушилъ, говоритъ, такъ чтобы впредь сдѣлать непригодными для другой несправедливости. Итакъ, я приносилъ пользу тѣмъ и другимъ, какъ переносящимъ зло, такъ и дѣлающимъ зло, освобождая и вразумляя. Потомъ (замѣть) настойчивость и твердость: и *отъ среды зубовъ ихъ грабленіе изъяхъ*. Я не пренебрегалъ и не отказывался, если къ дѣлу было даже приступлено, но извлекалъ и проглоченное, выражая свое попеченіе о сорабахъ, свойственное какому-нибудь отличному и бдительному пастырю.

А что смиреніе? Подумай, какъ велико: *аще же и презрѣхъ судъ раба моего или рабыни, прящимся имъ предо мною. Что бо сотворю, аще испытаніе сотворитъ ми Господь? Еда не якоже азъ бѣхъ во чревѣ, и тіи быша* (Іов. XXXI, 13—15)? Видишь ли духъ сокрушенный, съ точностію разсматривающій человѣческую природу и знающій, что такое рабъ, и что такое свободный,—различіе, которое у многихъ въ ходу? Отбросивъ это неравенство, онъ, на основаніи равночестности по рожденію, вводитъ слово о любомудріи. И въ немъ именно то удивительно, что, дѣлая такъ, онъ не думалъ даже смиренномудрствовать, но исполнялъ долгъ. Потому онъ и сдѣлалъ заключеніе, убѣдительное для всѣхъ людей, что нисколько не больше рабовъ должно думать имъ, хотя бы безчисленное множество разъ они были владыками. Эти названія—рабъ и свободный—только голыя слова, лишенныя дѣла; рабство же опредѣляется грѣхомъ, и свобода праведностію. Итакъ, смиренъ ли только, а не любезенъ и пріятенъ онъ? Да, пріятенъ! Разсмотри также здѣсь преизбытокъ. Какъ въ несчастіяхъ онъ со всею крѣпостію перенесъ обрушившееся (на него),—такъ и во время благоденствія онъ преуспѣлъ въ каждой добродѣтели со многимъ излишкомъ,—не просто, и не какъ пришлось, но достигши до самаго верха. *Аще же и многажды рѣша рабыни моя: кто убо далъ бы намъ отъ плотей его насытитися? зѣло мнѣ благу сущу* (Іов. XXXI, 31). Здѣсь онъ разсказываетъ о безумной любви рабовъ, которую они имѣли относительно его, ставъ пылкими любителями его (тѣла), посредствомъ котораго онъ къ нимъ являлся. Такъ,

говоритъ, обвѣшивались около меня, такъ держались, такъ были пригвождены, такъ любили, что желали даже напитаться самой плоти, испить и съѣсть, вслѣдствіе своей сильной любви и расположенности.

5. Что могъ бы сказать кто-нибудь о презрѣніи богатства? И въ этомъ онъ преуспѣлъ попреимуществу. Не только именно чужого онъ не домогался, что̀ дѣлаютъ многіе теперь, но чуждался по преимуществу даже своего собственнаго, даже его; потому и говорилъ: *аще же возвеселихся, многу ми богатству сущу*, ни на *каменія многоцѣнная надѣяхся* (ст. 25, 24). Потому именно, когда и было отнято (богатство), онъ переносилъ лишеніе съ большою легкостію,—и когда было при немъ, совершалъ щедрую милостыню, для всѣхъ простерши свою десницу и открывъ свой 484 домъ. И онъ не дѣлалъ того, что̀ допускаетъ большинство, слишкомъ занимаясь и хлопоча относительно получателей, но *дверь моя*, говоритъ, *всякому приходящему отверста бѣ*. Безсильные, какую бы ни имѣли нужду, не терпѣли неудачи; странникъ же не выходилъ изъ двери моей съ пустой пазухой (ст. 32, 34). Видишь ли щедрость? Видишь ли человѣколюбіе, доброту, смиреніе? Желаешь ли также узнать о цѣломудріи? *Завѣтъ*, говоритъ, *положихъ очима моима, да не помышлю на дѣвицу* чужую (ст. 1). Что̀, придя послѣ того, Христосъ повелѣлъ,—въ этомъ онъ преуспѣлъ на дѣлѣ. Видишь ли его въ богатствѣ, видишь ли въ бѣдности, видишь ли въ здоровьѣ, видишь ли въ болѣзни, видишь ли въ благополучномъ теченіи его дѣлъ, видишь ли его лишеннымъ всего, видишь ли, какъ онъ относился къ дѣтямъ, рабамъ, обижаемымъ, сиротамъ? *Аще же и ходихъ съ посмѣятели* (ст. 5), говоритъ, то есть, я не добивался даже сношенія съ насмѣшниками. И это немалый знакъ цѣломудрія. Онъ достигъ всякой добродѣтели и, окруженный такимъ (богатствомъ), относился къ себѣ строже ничего неимѣющихъ; ничего неимѣющій не такъ свободенъ отъ пристрастія къ деньгамъ, какъ онъ, обладавшій многимъ. Всюду увѣнчивается душевное настроеніе. И онъ взошелъ на самую вершину цѣломудрія, и преуспѣлъ во всякой добродѣтели съ надлежащею тщательностію.

Объ этомъ ревнуй, возлюбленный, этому подражай и, усвоивъ этотъ начертанный образъ, внѣдри (его) въ своей совѣсти; въ уныніи ли ты будешь, прибѣгай къ нему,—въ богатствѣ ли, бери врачество отсюда, чтобы тебѣ ни въ бѣдность не погрузиться, ни богатствомъ не надмиться,—потеряешь ли дѣтей, отсюда для тебя утѣшеніе, найдешь здѣсь въ избыткѣ и несчастіе и твердость,—въ болѣзнь ли впадешь, подумай объ источникахъ червей, которыми кишѣла его плоть, и вынесешь все кротко,—другъ ли за-

мыслить противъ тебя, опять вспомни о святомъ, и будешь выше этой страсти,—нестоющіе ли (люди) будутъ злоупотреблять, подумай, что потерпѣлъ онъ отъ рабовъ, и много уврачуешься,—худое ли подозрѣніе какое-нибудь падетъ на тебя, подумай, какъ они (друзья) о немъ говорили, что онъ еще не далъ Ему (Богу) достойной отплаты за грѣхи, и какъ они порицали, и будешь выше также и этой страсти. Какъ я сначала сказалъ, нѣтъ человѣческаго несчастія, котораго бы онъ, бывшій тверже всякой стали, не претерпѣлъ,—онъ перенесшій голодъ, бѣдность, болѣзнь, потерю дѣтей, и лишеніе сразу такого имущества; и послѣ того, подвергшись еще equalзнямъ жены, оскорбленію отъ друзей, нападенію отъ рабовъ,—во всемъ онъ проявилъ себя тверже всякой скалы; и это до закона и благодати. И у насъ не будетъ ни малѣйшаго оправданія, когда, насладившись такимъ даромъ послѣ закона и благодати, принесемъ меньше его, показавшаго столько любомудрія въ началѣ и въ преддверіи человѣческой жизни. Итакъ, чтобы и намъ имѣть утѣшеніе въ печали и ученіе наи-
485 лучшаго любомудрія,—запечатлѣвъ это, такими отойдемъ, поревнуемъ борцу и будемъ подражать его борьбѣ,—чтобы достигнуть
486 также будущихъ благъ благодатію и человѣколюбіемъ Господа нашего Іисуса Христа, чрезъ Котораго и съ Которымъ Отцу слава, со Святымъ Духомъ, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА V.

Бесѣда его же, сказанная въ храмѣ святой Ирины, касательно усердія присутствующихъ и нерадѣнія отсутствующихъ, и относительно псалмопѣнія; также о томъ, что для женщинъ природа нисколько не служитъ препятствіемъ въ стремленіи къ добродѣтели.

485 1. Какъ пріятно чтеніе Писанія — пріятнѣе всякаго луга, усладительнѣе сада, и особенно, когда съ чтеніемъ соединяется разумѣніе! Лугъ, красота цвѣтовъ, зелень деревъ, роза, плющъ и миртъ услаждаютъ зрѣніе, но, по прошествіи немногихъ дней, вянутъ. А чтеніе Писанія окружаетъ духъ стѣною, очищаетъ совѣсть, изгоняетъ низкія страсти, насаждаетъ добродѣтель, дѣлаетъ помыслъ возвышеннымъ, не допускаетъ погружаться въ неожиданныя обстоятельства дѣлъ, ставитъ выше діавольскихъ стрѣлъ, переселяетъ на самое небо, освобождаетъ душу отъ узъ тѣла, даетъ легкія крылья,—все хорошее, что кто бы ни назвалъ,

поселяетъ въ душѣ слушателей. Потому я непрестанно и объ отсутствующихъ скорблю, и ублажаю пришедшихъ,—потому что вы собираете сокровище неистощимое, богатство неисчерпаемое и изобиліе безъ зависти, и отойдете домой, исполнившись многой радости. Ничто не можетъ доставить столько удовольствія, какъ чистая совѣсть; а совѣсть дѣлается чистою, хотя бы она была отягчена безчисленными грѣхами, наслаждаясь непрестаннымъ слушаніемъ. Ничего она не прилагаетъ къ прежнимъ прегрѣшеніямъ, но истощаетъ даже то, что есть, и весьма косную душу заставляетъ браться опять за то же самое дѣло.

Потому именно приглашаю вашу любовь постоянно объ этомъ говорить отсутствующимъ, скорѣе ихъ привести къ общей матери и сдѣлать участниками духовной прибыли,—потому что это общеніе доставляетъ не умаленіе какое-нибудь, но пріумноженіе. Но, о, власть денегъ, очень многихъ изъ нашихъ братій отлучающая отъ стада! Вѣдь ничто иное уводитъ ихъ отсюда, какъ тяжкая та болѣзнь и иногда негасимая печь; это—владычица, грубѣе всякой грубости, мучительнѣе звѣря, свирѣпѣе демоновъ,—она кружитъ теперь на площади, владѣя своими плѣнными, давая тяжкія приказанія и нимало не дозволяя вздохнуть отъ гибельныхъ трудовъ. Но что они будутъ дѣлать, когда придетъ тотъ страшный день, то неподкупное рѣшеніе и Судія неумытный, когда завѣсы небесъ совлекутся, и сонмъ ангеловъ снизойдетъ съ Судіею, когда явится все обнаженнымъ и открытымъ? Ни краснорѣчіе ораторовъ, ни изобиліе денегъ, ничто другое не будетъ тогда въ силахъ уничтожить правду. Когда неподкупный и до ясности все знающій поставитъ предъ Своими глазами самые грѣхи, какъ бы начертанные на какой-либо кар- 486
тинѣ, тогда не будетъ ни царя, ни простеца, ни бѣднаго, ни богатаго, ни мудраго, ни неученаго, но снимутся всѣ эти личины, и каждый выразитъ собою зрѣлище своихъ дѣлъ; невидно будетъ облеченнаго въ діадему, ни одѣтаго въ пурпуръ; не будетъ несущагося на колесницѣ и съ тысячью жезлодержцевъ, съ шумомъ выступающихъ на площади,—все это будетъ удалено, и каждый приведется обнаженнымъ, съ залогомъ гибели или спасенія отъ своихъ дѣлъ,—каковы окажутся дѣла каждаго, такой понесетъ приговоръ. Много для васъ можетъ быть блага, что слушаете эти слова съ такою охотою; стонъ каждаго и ударъ въ чело показываютъ мнѣ плодъ этихъ сѣмянъ. Потому и скорблю объ отсутствующихъ, что, будучи въ состояніи насладиться такимъ попеченіемъ, они изобилуютъ ранами и постоянными струпами, и не знаютъ даже, что болѣютъ,—почему ихъ и трудно сдѣлать здоровыми. Кто съ ними будетъ бесѣдовать объ этомъ? Со-

жительницы—жены? Но у нихъ одна забота—надоѣдать сожителямъ о золотыхъ украшеніяхъ, одеждахъ и роскоши и хлопотахъ по дому. Рабы? Но какъ, если они не владѣютъ сколько-нибудь свободною рѣчью и сами стараются объ одномъ—объ исполненіи своей службы? Судьи? Но у нихъ рѣчь не о чемъ иномъ, какъ только объ устроеніи общественныхъ дѣлъ. Цари и носящіе діадему? Но и у нихъ весь трудъ, все стараніе на счетъ власти, могущества и денегъ. Сами они съ собою? Но какъ (смогутъ они) не имѣющіе когда вздохнуть отъ бремени дѣлъ, тратящіе на это и ночь и день? Итакъ, чего не жалче имѣющіе на себѣ множество ранъ, и не приходящіе сюда, гдѣ они могутъ научиться тому, что, хотя у нихъ и есть раны, возможно освободиться отъ нихъ и получить здоровье? Итакъ, когда они позаботятся о своей душѣ? Желательно, чтобы постоянно приходящіе въ церковь, вкушающіе духовнаго ученія, и при такомъ попеченіи о нихъ, были въ силахъ превзойти и обуздать дурныя пожеланія и внимательно отнестись къ дѣланію добродѣтели.

2. Но чтобы, непрестанно обвиняя тѣхъ, не лишить васъ обычнаго, мы вотъ опять предложимъ вамъ привычную трапезу, и разскажемъ вамъ о пользѣ самаго псалмопѣнія. Вотъ какой-нибудь псаломъ соединилъ различные голоса, и поднялась одна созвучная пѣснь, всѣ—юноши и старцы, богатые и бѣдные, жены и мужья, рабы и свободные начали пѣть одну мелодію. Если музыкантъ, соединивъ съ помощію строгаго искусства различныя струны, дѣлаетъ изъ многихъ (струнъ), остающихся многими, одну, то что удивительнаго, если сила псалма и духовной пѣсни дѣлаетъ то же самое? Не только именно насъ присутствую-
487 щихъ, но и скончавшагося она соединяетъ съ живыми, потому что и онъ, этотъ блаженный пророкъ, пѣлъ псаломъ съ нами,—хотя впрочемъ въ царскихъ дворцахъ такъ не бываетъ, но облеченный въ діадему сидитъ, а всѣ, даже состоящіе въ самыхъ большихъ достоинствахъ, предстоятъ молча. А здѣсь не такъ, но пророкъ говоритъ, и мы всѣ отвѣчаемъ, и всѣ вмѣстѣ вторимъ; и нельзя здѣсь видѣть ни раба, ни свободнаго, ни богатаго и бѣднаго, ни начальника и простого; все это неравенство жизни изгнано прочь, и одинъ хоръ составляется изъ всѣхъ,—здѣсь большая равноправность, и земля подражаетъ небу. Столько благородства въ церкви! И нельзя сказать, что господинъ славитъ со многимъ дерзновеніемъ, а рабъ принуждается къ молчанію; или опять—богачъ пользуется рѣчью, а бѣдный осуждается на безмолвіе; или еще—мужъ говоритъ съ полною свободою, а жена стоитъ молча и безгласно. Всѣ мы, наслаждаясь тою же самою равночестностію, возносимъ общую жертву, общее приношеніе; и

не имѣетъ этотъ чего-нибудь больше, чѣмъ тотъ, ни тотъ больше, чѣмъ этотъ, но всѣ въ той же самой чести, и различными языками возсылается одна рѣчь къ Устроителю вселенной. Различіе не въ рабѣ и свободномъ, не въ богатомъ и бѣдномъ, не въ женѣ и мужѣ, но въ духѣ, въ усердіи и нерадѣніи, въ порочности и добродѣтели. Такъ я могу называть и бѣднаго богатымъ, и богатаго бѣднымъ, и мужа женою, и жену мужемъ, и мудраго простымъ, и простого мудрымъ, не сливая природу вещей, но вводя лучшее, все упорядочивающее руководство. И какъ, скажешь, можетъ быть мужъ женою, и какъ жена мужемъ? Не тогда, когда перемѣняется природа, но—воля. Когда я вижу мужа съ золотыми украшеніями, съ румянами, завивающаго волосы, душащагося благовоніемъ, нѣжащагося въ мягкомъ опоясаніи одеждъ и въ походкѣ, думающаго о роскоши, то какъ я могу назвать такого мужемъ, если онъ измѣнилъ благородство природы и перелаживаетъ себя на маннеръ женскаго пола? Если жену, дѣлающую это, Павелъ не удостоиваетъ считать даже между живыми, но устраняетъ изъ хора живущихъ, поставляетъ наряду съ мертвыми, говоря: *питающаяся же пространно жива умерла* (1 Тим. v, 6), то какъ мужъ зачтется въ разрядѣ мужей, дѣлая то, что дѣлая, жена даже жизнь губитъ? Не указывай ты мнѣ на мужа по плащу, ни по поясу, ни по тому, что онъ важничаетъ въ своемъ домѣ, бываетъ страшенъ и грозенъ; но по любомудрію въ духѣ,—когда онъ сдерживаетъ свои страсти, когда превозмогаетъ болѣзни души, когда властвуетъ надъ домомъ внутри себя,—разумѣю домъ въ душѣ,—и не увлекается нелѣпыми помыслами; въ этомъ болѣе всего (обнаруживается) мужъ. А если онъ думаетъ о пьянствѣ и похмѣльѣ, и день тратитъ и издерживаетъ на разгулъ и безчинства, ставъ отъ страсти мягче всякаго воска,—какъ я могу назвать такого мужемъ, плѣнника, купленнаго раба, уступающаго всѣмъ страстямъ, хрупкаго, нѣжащагося, роскошествующаго, отвергаемаго всѣми, не могущаго даже встать для состязанія? Или вы не знаете, что у насъ борьба и состязаніе не съ людьми намъ сродными, но съ невидимыми силами, полчищами демоновъ, по божественному Павлу: *нѣсть наша брань къ крови и плоти, но къ началомъ, ко властемъ* (Еф. vi, 12)?

3. Это—болѣе всего дѣло мужа. Итакъ, наряжающійся, но не юнѣющій, румянящійся, но не мужающійся,—какъ онъ приступитъ къ состязанію? Или какъ онъ можетъ назваться мужемъ, будучи слабѣе, по состоянію, всякой жены? Потому же самому, какъ его я не могу назвать мужемъ, но слабѣе жены, такъ и жену, поступающую на подобіе мужа — тверже всякаго мужа, 433

если съ духовнымъ оружіемъ, одѣвшись въ панцырь правды, возложивъ на себя шлемъ спасенія, держа наготовѣ щитъ вѣры, опоясавшись поясомъ истины, держа мечъ духа, она вступаетъ въ состязаніе,—въ сіяніи отъ оружія, мыслію будучи выше неба, разсѣевая полчища демоновъ, разрушая власть діавола, пронзая страсти, производя, чаще военныхъ, пораженія не людей, но нелѣпыхъ помысловъ. Жена и мужъ въ тѣлесномъ отношеніи раздѣлены, ей опредѣлены ткацкій станокъ, веретено, корзинка (для работы), надзоръ за домомъ, пребываніе во внутреннихъ покояхъ и воспитаніе дѣтей, а мужу—мѣсто суда, совѣщанія, площадь, войны, битвы и состязанія; но въ борьбѣ за благочестіе—общее ристалище, общая борьба; одинаково и жены вооружаются, и не оставляютъ подвига, но также строятся въ боевой порядокъ, вѣнчаются, объявляются побѣдительницами, получаютъ за отличія награды, похвалы, вѣнцы, и у нихъ побѣдные знаки блестящи, побѣды непрерывны и одна слѣдуетъ за другой.

А чтобы вы не считали этихъ словъ за хвастовство и за болтовню, но до ясности узнали, что жены бываютъ не только мужественнѣе мужей, а даже въ отношеніи самаго безстрастія достигаютъ, такъ сказать, ангеловъ,—насколько возможно,—пусть будетъ приведена (въ примѣръ) жена по природѣ, силою же любомудрія достигшая небесъ, мать маккавеевъ, увѣнчавшаяся дважды по семи разъ, — та жена, которая выше какого угодно отличнаго воина, самаго воинственнаго, самаго мужественнаго, самаго великодушнаго, выше настолько, насколько отстоятъ отъ земли своды небесъ. Воинъ, даже лучшій, боится одного удара, того только, съ которымъ связана кончина; а она стояла, какъ бы гора рудокопная, перенося въ душѣ тяжкія скорби по каждомъ сынѣ за мученія, которыя они принимали тѣломъ; и она была матерью, вдовою, достигшею преклонной старости,—а вы, ставшіе отцами, и вы, перенесшія муки рожденія дѣтей, знаете, насколько это тягостнѣе всякаго жала. И никакая острая стрѣла не причиняетъ раненымъ столь ѣдкой боли, какою каждая изъ этихъ уязвляла ея душу. Подумай, каково было смотрѣть, на каждомъ изъ дѣтей, что одно тѣло дѣлится на части желѣзомъ и огнемъ, и устанавливаются длинные двойные бѣга: какъ она смотрѣла, какъ слушала, какъ воспринимала дымъ отъ тука ихъ тѣлъ, видя, что на каждаго изъ дѣтей устремляются тысячи смертей. Но она стояла, какъ бы скала неподвижная, непоколебимая волнами, и обращающая волны въ пѣну, — какъ желѣзо, какъ сталь; вѣрнѣе, что бы ни сказалъ,—я не въ состояніи дать достойное названіе крѣпости этой жены. Итакъ, назовемъ ли эту жену мужемъ вполнѣ,—но не выше ли, съ большимъ преизбыт-

комъ, она даже самыхъ мужей? Что же, когда увидишь другую, молодую, съ нѣжнымъ тѣломъ, проводящую ночи безъ сна, дни безъ пищи, подавляющую желаніе чрева, повергающую любовь 139
къ деньгамъ, умерщвляющую тѣло, распинающую на крестѣ свою плоть, считающую настоящее за ничто, ходящую по землѣ и досягающую до самыхъ сводовъ (неба), попирающую власть, пренебрегающую славою, презирающую знатность, одѣтую вмѣсто тонкаго покрывала во вретище, опоясанную цѣпью, подстилающую себѣ золу, пользующуюся какъ постелью землею и не требующую больше ничего, запершуюся въ тѣсной комнаткѣ, бесѣдующую съ пророками, пользующуюся жизнью, исполненною заботъ о смерти, раньше смерти умершую, истаевающую отъ голода, бдѣнія и грязи, пренебрегающую очарованіемъ настоящей жизни болѣе, чѣмъ гніющими листьями,—эту назовешь ли женою, скажи мнѣ? Но, выдѣливъ даже ее изъ ряда мужей, не поставишь ли въ сонмъ ангеловъ за то, что, при женской природѣ, она выражаетъ собою столько любомудрія?

4. И кто будетъ возражать на это? Никто. Послушай, каковы были также жены при апостолахъ; послушай Павла, говорящаго въ посланіи къ Римлянамъ: *вручаю же вамъ Фиву сестру нашу, сущу служительницу церкве яже въ Кегхреехъ*, которая *заступница многимъ бысть и самому мнѣ* (Рим. XVI, 1). Что ты говоришь, Павелъ? Жена сдѣлалась твоею заступницею,—и ты, говоря такъ, не стыдишься и не краснѣешь? Не стыжусь, говоритъ, но даже величаюсь; и Владыка мой не постыдился имѣть матерью жену: а заступницею моею сдѣлалась не потому, что была просто женою, но потому, что любомудра и красуется благоговѣніемъ. И какъ она сдѣлалась заступницею Павла? Въ чемъ въ самомъ дѣлѣ нуждался Павелъ, обходящій вселенную, напрасно облеченный въ тѣло, попиравшій нужды природы, прогонявшій демоновъ, исцѣлявшій своею одеждою отъ болѣзни, голоса и тѣни котораго трепеталъ демонъ, который какъ ангелъ почитался вѣрующими, котораго уважали даже звѣри, котораго боялось море и, задержавъ на сутки, не потопило, гражданинъ рая, восхищенный до третьяго неба, общникъ Божій въ тайнахъ, потрудившійся больше всѣхъ апостоловъ, сосудъ избранія, другъ невѣсты—Церкви, проповѣдникъ для язычниковъ, обошедшій землю и море, поставившій всюду знаки собственнаго мужества, борющійся постоянно съ голодомъ и жаждою, сражающійся съ наготою и холодомъ, и говорящій: *до нынѣшняго часа и алчемъ и жаждемъ и наготуемъ* (1 Кор. IV, 11), ставшій мертвымъ для міра, думающій, что міръ мертвъ, гражданинъ небесъ, изступленный любитель Христа, болѣе горячій чѣмъ огонь, болѣе крѣпкій

чѣмъ желѣзо, болѣе твердый чѣмъ сталь,—онъ не стыдится, говоря о женѣ: *заступница многимъ бысть и самому мнѣ?* И не только говоритъ, но и пишетъ,—и не просто лишь пишетъ, но писалъ это даже въ посланіи къ столь великому римскому народу, надменному и гордому внѣшними достоинствами, — не только къ нему писалъ, но желалъ даже, чтобы это сдѣлалось очевиднымъ для послѣдующихъ затѣмъ поколѣній. Вѣдь если бы онъ не желалъ, то не помѣстилъ бы этого въ посланіи; а теперь, желая, чтобы это дѣло было передано постоянной памяти, онъ даже называетъ по имени жену, побуждаетъ всѣхъ къ помощи ей, называетъ ее своею заступницею, и не стыдится, и не краснѣетъ. Вотъ что значитъ—любомудрая душа даже въ жен-
490 скомъ тѣлѣ. Говорю же объ этомъ, чтобы жена не выставляла какъ предлога, говоря, что я не достигла полной мѣры благоговѣнія, такъ какъ я жена. Та вотъ и жена, а природа ея не стала препятствіемъ, но она удостоилась стать заступницей Павла,—и всюду во вселенной провозглашается. Какъ она стала его заступницей? Можетъ быть исторгла его изъ опасностей? Она сидѣла подлѣ связаннаго, утѣшала бывшаго въ оковахъ, доставляла облегченіе въ необходимыхъ потребностяхъ, отстраняла злоумышляющихъ, предавала самое себя на смерть, чтобы исторгнуть святого изъ приключающихся несчастій

Потому именно, онъ прославляетъ и ту, которая послѣ нея, говоря такъ: *цѣлуйте Прискиллу и Акиллу* (Рим. XVI, 3). Смотри и здѣсь опять блистательную жену; одно содружество, но жена ставится впереди мужа, потому что не сказалъ: *Акиллу и Прискиллу*, но: *Прискиллу и Акиллу*. А кто они были? По ремеслу, дѣлатели палатокъ, стоящіе въ мастерской; но ни ремесло, ни бѣдность не стали препятствіемъ,—миновавъ весь городъ, онъ, блаженный, останавливался именно въ этомъ домикѣ. Для чего и почему? Не потому, что въ немъ были колонны, не потому, что плиты и полъ, расцвѣченный камнями, не потому, что золотой потолокъ, не потому, что толпы рабовъ, не потому, что свита изъ евнуховъ, но потому особенно, что домикъ свободенъ былъ отъ всего этого, поэтому-то мужъ и жена, собирая правдою плодъ труда, сдѣлали свой домъ церковью,—не хищничая, ни корыстолюбствуя, но пользуясь служеніемъ тѣла для необходимаго пропитанія. Въ особенности поэтому Павелъ считалъ это жилище удобнымъ для остановки. И чтобы ты зналъ, что, похваливъ добродѣтель ихъ души, онъ тамъ оставался, выслушай слѣдующее затѣмъ. *Иже по души моей*, говоритъ, *своя выя положиша, ихже не азъ единъ благодарю, но и вся церкви языческія* (ст. 4). Видишь ли, что ни женская природа, ни ремесло, ни бѣдность не препятствуютъ

подвигу добродѣтели? Видишь ли, что гостепріимные жена и мужъ угощаютъ апостола не трапезою только, но даже кровію? Въ самомъ дѣлѣ, если даже они не были убиты, то все же они исполнили, что было въ ихъ власти, и, оставаясь въ живыхъ, сдѣлались мучениками, и частыми мучениками, всегда готовыми быть убитыми за Павла. Не сказалъ онъ:. которые истратили деньги, которые отворили свой домъ,—но, что̀ было больше всего, выдвигаетъ на сцену убіеніе, закланіе, съ цѣлью сказать, что „они пожелали даже быть усѣченными за меня". Пусть слушаютъ нынѣшніе богачи, съ трудомъ удѣляющіе оболъ для святыхъ; тѣ даже свою кровь отдавали, и полагали самую жизнь, чтобы спасти святого и послужить; а нынѣшніе не могли бы легко пожертвовать въ пользу нуждающихся даже самую малую часть своего имущества; Прискилла же и Акилла отдали и деньги, и тѣла, и самую жизнь. Видишь ли, насколько жена любомудра, насколько также и мужъ, живущій даже въ бѣдности и ремесломъ? Этимъ именно мы поревнуемъ, этимъ будемъ подражать, и, презрѣвъ настоящее, отдадимъ все за то, что̀ угодно Богу, чтобы и намъ достигнуть будущихъ благъ, благодатію и человѣколюбіемъ Господа нашего Іисуса Христа, чрезъ Котораго и съ Которымъ Отцу слава, со Святымъ Духомъ, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА VI.

Бесѣда, сказанная въ церкви апостоловъ, въ день царя Ѳеодосія, противъ называющихъ самихъ себя каѳарами, послѣ рѣчи другихъ двухъ епископовъ[1]).

1. Какъ прекрасна двоица говорившихъ, изъ которыхъ одинъ 491
тащилъ кивотъ при помощи быковъ, а другой возлагалъ начатки словъ! Если и различенъ ихъ возрастъ, то основа земледѣлія одна; вѣрнѣе, даже возрастъ не различенъ: у молодого постоянство стараго, и у стараго пышность и цвѣтъ молодого,—такъ

[1]) Къ этой бесѣдѣ нужно замѣтить: 1) имена двухъ епископовъ неизвѣстны, но одинъ былъ старый, а другой молодой; 2) прославляется имп. Ѳеодосій Великій, умершій 17 января 395 года, и отсюда вѣроятно, что святитель говорилъ въ 399 году въ день кончины императора; 3) упоминаются два узурпатора царской власти: первый—Максимъ, второй—Евгеній; 4) обличается христіанская секта, называвшаяся *каѳары* (καθαρός чистый), которая была тогда въ Константинополѣ многочисленна и имѣла тамъ своего епископа.

что кто-нибудь не ошибся бы, назвавъ того и другого и старикомъ и молодымъ, не по свойству возраста, но по расположенію духа. Вотъ, наконецъ, и мы привнесемъ отъ себя свое. Вѣдь я вижу, что вашъ слухъ ненасытенъ, также мы обязаны блаженному Ѳеодосію не обычнымъ долгомъ, не за то, что онъ былъ царемъ, но что—благочестивымъ, не за то, что былъ облеченъ въ порфиру, но что былъ одѣтъ во Христа, въ одежду никогда нестарѣющуюся, и одѣвалъ на себя панцырь правды, обувь Евангелія мира, мечъ духа, щитъ вѣры и шлемъ спасенія. Съ этимъ оружіемъ онъ уничтожилъ тирановъ—какъ перваго, такъ и послѣдняго. Того схвативъ безъ труда и кровопролитія, онъ поставилъ побѣдный знакъ, не потерявъ изъ войска даже малой части; а этого захватилъ только онъ одинъ, при происшедшемъ столкновеніи. Когда съ той и другой стороны войско приготовлялось къ бою, выпускались тучи стрѣлъ, и произошло бѣгство своихъ, когда противники сильно налегали,—онъ, соскочивъ съ коня, положивъ на землю щитъ, склонивъ колѣна, просилъ помощи съ неба, и мѣсто состязанія сдѣлалъ мѣстомъ церкви, сражаясь не при помощи луковъ и стрѣлъ, или копій, но слезами и молитвами, и такимъ образомъ, благодаря случившемуся вдругъ порыву вѣтра, стрѣлы противниковъ понеслись противъ пускающихъ ихъ, враги же, дыша яростію и убійствомъ, при видѣ (этого), мгновенно измѣнившись, объявили его царемъ, а своего выдали, связавъ руки позади. И возвратился блаженный Ѳеодосій, сіяя не побѣдою только, но и образомъ побѣды. Воины не раздѣляютъ съ нимъ побѣднаго знака, какъ у остальныхъ царей, но весь онъ былъ знакомъ его одного и его вѣры. Потому именно мы его ублажаемъ, и не говоримъ, что онъ скончался, такъ какъ всякій *вѣруяй въ мя*, говоритъ (Господь), *аще и умретъ, оживетъ, и всякъ живый и вѣруяй въ мя не умретъ* (Іоан. xi, 25, 26). Это Христосъ сказалъ, это сіяетъ и посредствомъ дѣлъ. Что же, скажешь, не умеръ ли онъ? Никоимъ образомъ; не могу сказать, что это смерть, но нѣкоторый сонъ и отсутствіе. Какъ многіе изъ живыхъ бываютъ мертвыми, зарывъ, какъ въ могилѣ, свою
492 душу въ тѣлѣ,—такъ многіе изъ скончавшихся живутъ, блистая правдою,—подобно и ему, блаженному. Смерть въ высшей степени тяжка, и рождаемая грѣхомъ—поистинѣ смерть, которою не умираютъ, по слову (Господа), вѣрующіе въ Него. *Живый*, говоритъ (Господь), *и вѣруяй въ мя не умретъ...* [1]).

2. Обошедшій, какъ бы на крыльяхъ, землю и море, привед-

---

[1]) Здѣсь, повидимому, недостаетъ отрывка, гдѣ святитель противополагалъ скромность ап. Павла безстыдству каѳаровъ.

шій ко Христу тысячи народовъ, участникъ въ неизреченныхъ тайнахъ, восхищенный до третьяго неба, ужели не осмѣлился сказать о себѣ что-нибудь такое? Никоимъ образомъ, но все противоположное: называлъ себя выкидышемъ и послѣднимъ изъ апостоловъ, и думая о себѣ, что онъ не достоинъ даже этого названія, говорилъ: *нѣсмь достоинъ нарещися апостолъ* (1 Кор. xv, 9). Итакъ, что это за безуміе? Что за хвастовство? Что за сумасшествіе? Будучи человѣкомъ, ты называешь самого себя чистымъ (каѳаромъ), и убѣжденъ, что ты чистъ,—сколько въ этомъ безразсудства? Говоря о самомъ себѣ, что ты чистъ, ты дѣлаешь нѣчто подобное, какъ если бы кто говорилъ, что море отъ волнъ чисто. Какъ того не оставляютъ волны, такъ и насъ грѣхи. Или ты не знаешь, кто мы, когда радуемся, печалимся, бываемъ богаты, бѣдны, оскорбляемся, хвалимся, находимся въ гоненіи и боремся, наслаждаемся безопасностію, голодаемъ, насыщаемся? Тысячи страстей окружаютъ душу, тысячи обстоятельствъ, тысячи болѣзней тѣлесныхъ, тысячи несообразностей въ дѣлахъ,—и осмѣливаешься сказать, что ты чистъ отъ столькихъ волненій въ Эврипѣ?[1]). Что можетъ быть грязнѣе такого, находящагося въ такомъ состояніи? И зачѣмъ я говорю о всей жизни? Скажи мнѣ, можетъ ли кто утверждать, что онъ чистъ въ теченіе одного дня? Если не блудничаетъ, не прелюбодѣйствуетъ, не погрѣшаетъ противъ этихъ запретовъ, то можетъ ли похвалиться, что онъ не тщеславился, что не безразсудствовалъ, что не смотрѣлъ необузданными глазами, что не желалъ собственности ближняго, что не лгалъ, что не коварствовалъ, что не желалъ худого врагамъ, что не клеветалъ на друга? Если любящій любящаго будетъ имѣть за это нисколько не меньше мытаря, то какого прощенія будетъ достоинъ даже клевещущій на друга? Будучи потрясаемъ таковымъ зломъ, ты осмѣливаешься называть самого себя чистымъ? Но безуміе этого не отсюда только будетъ показано, а и съ другой стороны; васъ же и вашу любовь приглашаю, все это обдумавъ, удаляться отъ ихъ хвастовства, и быть внѣ этого безумія, со всѣмъ усердіемъ испытывать себя, и дѣйствительные грѣхи омывать, а приражающіеся устранять отъ себя. Хотя бы насъ окружили даже тысячи золъ, мы, если будемъ благоразумны и бдительны, будемъ въ состояніи достигнуть многаго оправданія, многаго извиненія, и омыться отъ прегрѣшеній.

---

[1]) Св. ораторъ уподобляетъ человѣческую душу проливу Эврипу, Εὔριπος, отдѣляющему о. Эвбею отъ материка. Нѣкоторые древніе эллинскіе писатели сообщаютъ, что теченіе въ этомъ проливѣ смѣнялось по семи разъ днемъ и ночью (*Pauly, A.* Real-Encyclopädie etc. Stuttg. 1844. Bd. III, S. 305).

493 И выслушай, какъ это будетъ: если будемъ въ церковь приходить, если будемъ сѣтовать о прегрѣшеніяхъ, если будемъ признаваться въ согрѣшеніяхъ, если будемъ совершать милостыню, если будемъ выражать свои молитвы, если будемъ помогать обижаемымъ, если будемъ прощать согрѣшенія врагамъ, если будемъ плакать надъ своими грѣхами,—все это есть врачество противъ грѣховъ. Это именно все—приглашаю—будемъ дѣлать, ежедневно омывая самихъ себя, очищаясь; и со всѣмъ этимъ, будемъ считать себя несчастными, говоря, что мы рабы негод-
494 ные,—вѣдь и это не маловажный способъ заглажденія грѣховъ,—и, при преуспѣяніи, отнюдь не воображать о себѣ много, чтобы не потерпѣть намъ, что̀ потерпѣлъ фарисей. Если такъ будемъ распоряжаться собою, то будемъ въ состояніи достигнуть человѣколюбія и прощенія въ тотъ страшный день и удостоиться обѣтованныхъ благъ, коими и да насладимся всѣ мы, благодатію и человѣколюбіемъ Господа нашего Іисуса Христа, чрезъ Котораго и съ Которымъ Отцу слава, со Святымъ Духомъ, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА VII.

Бесѣда, сказанная въ храмѣ святой Анастасіи [1]).

493 1. Незначительно собраніе присутствующихъ, но велико стараніе; потому, даже не незначительно собраніе. Мы ищемъ не множества людей, но приготовленнаго духа, окрыленной мысли, слушателя, который выше всего житейскаго; хотя бы одинъ такой былъ, онъ въ состояніи удовлетворить говорящаго; такъ и самарянская жена была бѣдна, преступна и иноплеменница, однако Владыкою вселенной сочтена была достойною тѣхъ пространныхъ рѣчей; и часто Онъ проходилъ мимо іудейскаго народа, или не бесѣдуя, или прикрывая рѣчь, а съ чужеземною женою, имѣвшею пять мужей и сожительствующею противъ закона съ шестымъ, съ одною бесѣдовалъ, нарочно пославъ учениковъ на площадь, чтобы не испугать ловитву. Столько попеченія у Владыки вселенной даже объ одной душѣ, если только найдетъ, что настроеніе и готовность являютъ ее способною къ слушанію рѣчи,—что она тогда и проявила.

---

[1]) Есть предположеніе, что эта бесѣда была сказана святителемъ на пасхальной седмицѣ. Между предыдущею бесѣдою и этою, въ Ватиканскомъ спискѣ, имѣется бесѣда противъ зрѣлищъ въ ипподромѣ и театрѣ.

Изъ блудницы она стала благовѣстницей, когда возглашала о тѣхъ своихъ уликахъ и говорила: *пріидите, видите человѣка, иже рече ми вся елика сотворихъ: еда той есть Христосъ* (Іоан. IV, 29)? Онъ откровенно разсказалъ ея жизнь, и обнаружилъ прегрѣшенія, говоря: *пять бо мужей имѣла еси, и нынѣ егоже имаши, нѣсть ти мужъ* (ст. 18). Но не поразила ее улика, а вызвала скорѣе къ расположенію. Таковы благородныя души: чѣмъ другіе соблазняются, этимъ онѣ исправляются. Если бы была другая какая-нибудь, изъ неразумныхъ, то она была бы поражена уликами, убѣжала бы, подвиглась бы на гнѣвъ и негодованіе; а эта, послѣ обвиненія, болѣе располагается къ Учителю и спрашиваетъ Его о высшемъ ученіи,—сказала, что *вижу, яко пророкъ еси ты* (ст. 19), и, узнавъ Его изъ вѣдѣнія (Имъ) собственныхъ (ея) пороковъ, больше удивляется и распрашиваетъ. Это было свойствомъ души, желающей любомудрствовать. И не спрашиваетъ что-нибудь о житейскомъ дѣлѣ: ни объ имуществѣ, ни о тѣлесномъ здоровьѣ, ни объ освобожденіи отъ бѣдности, хотя живетъ въ крайней нищетѣ, но о священныхъ мѣстахъ, о жизни предковъ, объ отеческомъ богопочитаніи, говоря: *отцы наши въ горѣ сей поклонишася, и какъ вы глаголете, яко во Іерусалимѣхъ есть мѣсто, идѣже кланятися подобаетъ* (ст. 20)? И во вступленіи она то же самое дѣлаетъ, говоря: *како ты отъ мене пити просиши, жены Самаряныни сущей* (ст. 9)? Такъ вдумчива у нея была душа и 494
способна къ спасенію. Потому именно и знающій тайны духа, нашедши тучную почву, повергнулъ щедрою рукою сѣмена, по немногу возводя ее къ высшему. Все это мною сказано, чтобы вы знали, что у насъ собраніе не незначительно. Если тамъ одна жена сдѣлалась достаточнымъ зрѣлищемъ, тѣмъ болѣе мы не будемъ медлить, видя столько мужей, столько женъ, и съ такой готовностію, но воспользуемся обычнымъ ученіемъ. Если Владыка ангеловъ, Котораго трепещутъ херувимы, не отказался бесѣдовать съ одною женою блудницею, то какое у насъ будетъ оправданіе, какое извиненіе, если минуемъ такое собраніе? Итакъ, вотъ опять мы приготовимъ для васъ привычную трапезу, устраивая общій духовный пиръ: поставимъ чашу, нальемъ цѣльнаго вина. Эти мяса не разрываютъ чрева, но ограждаютъ духъ; вино это не дѣлаетъ слушателя безумнымъ, но даже пьянаго дѣлаетъ благоразумнымъ. Такова природа этой трапезы, которая можетъ быть достаточна для насъ даже вмѣсто оружія. И намъ также необходимо оружіе, такъ какъ у насъ есть война на каждый день, не противъ сродныхъ съ нами людей, но противъ невидимыхъ силъ, противъ демонскихъ полчищъ, превосходящихъ жестокостью тысячи враговъ, противъ непримиримаго властителя, сражающагося

съ нами безъ перемирія, даже не объявляющаго напередъ о времени войны, поражающаго невидимо, втайнѣ. Описывая эту именно войну, блаженный Павелъ, вождь вселенной, восклицалъ, говоря: *прочее, братіе, возмогайте во Господѣ, и въ державѣ крѣпости его* (Еф. VI, 10); и опять въ другомъ мѣстѣ: *яко нѣсть наша брань къ крови и плоти, но къ началомъ, ко властемъ, къ міродержителемъ тмы вѣка сего* (ст. 12).

2. Видишь ли, какъ онъ приготовляетъ къ борьбѣ мысли воиновъ, какъ будитъ духъ, какъ вооружаетъ войско, отсѣкая нерадѣніе и отстраняя косность? Такъ какъ на войнѣ предаютъ воиновъ особенно два (свойства): измѣна мужеству по трусости и то, что безпечные увеличиваютъ свое нерадѣніе и даютъ врагамъ напасть на нихъ, незащищенныхъ,—а, дѣйствительно, ни крайне робкій не можетъ быть годенъ для войны, такъ какъ вслѣдствіе страха легко уловляется, ни опять же совершенно чуждый боязни не можетъ преодолѣть враговъ, такъ какъ вслѣд-
495 ствіе крайней смѣлости, устраняетъ подготовку изъ своей неустрашимой души,—то Павелъ, исправляя какъ одно, такъ и другое, дѣлаетъ ихъ и боевыми, недоступными нерадѣнію, чрезъ описаніе полчищъ враговъ, равно и подготовляетъ къ смѣлости, и предохраняетъ отъ паденія чрезъ указаніе на силу предводителя въ такой войнѣ, Христа. Потому именно онъ, какъ отличный полководецъ, сплочиваетъ боевой отрядъ, устраняя изъ души вѣрующихъ страсти вредныя мужеству, выражая свою любовь, и соединяя съ собою именемъ родства сильно отстоящихъ отъ него по благочестивой жизни: *прочее*, говоритъ онъ, *братіе моя*. Онъ проявляетъ нѣжную ко всѣмъ любовь въ гораздо большей степени, чѣмъ родившіеся съ нами изъ той же матерней утробы, и въ своей душѣ обнимаетъ вселенную,—столь широка была его любовь!—и не только въ состояніи безопасности, но даже среди опасностей. И живя въ темницахъ, и ожидая смерти, и подвергаясь крайней опасности, онъ заботился объ ученикахъ, часто изъ темницъ писалъ письма закованною въ цѣпь рукою, связанною десницею; входя въ судилище, имѣя дать отчетъ и вестись на смерть,—то, что относилось къ судьямъ, все то оставивъ: страхъ, опасность, угрозы, смерть, мщеніе, наказанія, палачей, ярость начальниковъ, хитрости злоумышленниковъ, плети,—онъ памятовалъ о вѣрующихъ даже въ это время: такъ его душа была свободна отъ узъ тѣла, такъ, что даже живя во плоти, она держалась небеснаго свода, и, какъ бы перемѣщенная на тамошній удѣлъ, все согласно съ нимъ и совершала, пребывая между тѣмъ на землѣ. А чтобы вамъ понять, что сказанное не есть преувеличеніе, и не лесть, выслушай это отъ него, говорящаго:

якоже *праведно мнѣ сіе мудрствовати о васъ, за еже имѣти ми въ сердцѣ васъ* (Филип. I, 7). Но сказанное еще невелико сравнительно съ тѣмъ, что будетъ дальше; и это, правда, велико, но послѣдующее затѣмъ много больше; сказавъ: *за еже имѣти ми въ сердцѣ васъ*, онъ прибавилъ: *во узахъ моихъ и отвѣтѣ и извѣщеніи благовѣстія*. Видишь ли, какъ онъ никогда не выпускалъ ихъ изъ своей мысли? Если темницы, судилища и цѣпь не вредили памяти, то тѣмъ болѣе спокойныя времена. *За еже имѣти ми въ сердцѣ*, говоритъ, *васъ*. Видишь ли постепенно усиливающееся слово? Велико—и въ сердцѣ имѣть, но больше—то же и сверхъ того въ цѣпяхъ; а еще больше—это послѣднее, да въ добавокъ—въ отвѣтѣ и утвержденіи благовѣстія. Здѣсь, мнѣ кажется, намекается на время, въ которое онъ, терпя крайнюю опасность, приводился къ судьямъ. И тамъ, говоритъ, стоя, я думалъ не о томъ, какъ бы освободиться отъ надвигающихся опасностей, и не о томъ, какъ бы устраниться отъ козней, но услаждался любовію къ вамъ, бесѣдуя даже съ отсутствующими; и ни длина пути, ни тягость дѣлъ, ни великость опасностей, ни страхъ предъ начальниками, ни возстаніе народовъ, ни очевидная смерть, ни обнаженные мечи, ни толпы палачей, ничто такое нисколько не отводило меня отъ па- 496
мятованія о васъ. Нѣтъ ничего властительнѣе любви, ничего выше ея; она паритъ выше всѣхъ этихъ стрѣлъ, выше сѣтей діавола, все высматриваетъ съ вершины небесъ; и какъ порывистый напоръ вѣтра, упадая, отстраняетъ докучливую пыль, такъ и сила любви обычно отстраняетъ натискъ всѣхъ страстей. Это исполнилось и на Павлѣ: и для него достаточнымъ было утѣшеніемъ во всемъ спасеніе любимыхъ, памятованіе (о нихъ). Что же значитъ: *во извѣщеніи благовѣстія?* Здѣсь одно реченіе, но въ немъ необъятное море мыслей; я же попытаюсь его раскрыть, и со всѣхъ сторонъ изслѣдовать. Слово Божіе—это жемчугъ, сіяющій чрезъ все, выражающій много силы не во множествѣ реченій, но въ ихъ краткости. Но будьте внимательны, и вы увидите, сколько сокровища открываетъ намъ эта сила изреченія.

3. Итакъ, что значитъ утвержденіе благовѣстія, и какое утвержденіе благовѣстія онъ разумѣетъ, и для чего онъ, напомнивъ о судилищахъ, темницахъ и цѣпи, припомнилъ объ этомъ изреченіи? Когда проповѣдь распространилась (необходимо начать рѣчь съ болѣе ранняго, чтобы сдѣлать ученіе яснѣе), все было исполнено большого шума, все было полно смущенія. Когда одиннадцать, единственно они, выстроились на борьбу противъ вселенной, искореняя древнюю привычку, уничтожая давнее заблужденіе, ниспровергая законы отцовъ, дѣдовъ и предковъ, потрясая и уничтожая отеческіе обычаи городовъ, говоря противъ

всѣхъ—философовъ, ораторовъ, начальствующихъ, судей, властителей, народовъ, рабовъ, свободныхъ, земледѣльцевъ, моряковъ,—поднялась тяжелая война, и, какъ я раньше сказалъ, все стало полно шума; повсюду стремнины, повсюду утесы, и не такъ море волнуется, бѣснуясь и разсѣкаясь противными вѣтрами, какъ колебалась тогда вся вселенная, когда древніе обычаи, укрѣпившіеся за столько времени, уничтожались, и не въ одномъ, двухъ и трехъ городахъ, но всюду по вселенной, а вводилось новое ученіе, котораго никто никогда прежде не слышалъ. Отсюда произошла противъ нихъ непримиримая у всѣхъ война, потому что они (апостолы) и домы раздѣляли, и родство разрывали, потому что природа проповѣди, шествуя своимъ путемъ и располагая къ себѣ многихъ, возбуждала враговъ между не принимавшими слова благочестія: и отецъ отказывался отъ сына, и мужъ презиралъ жену, и господа вели борьбу съ рабами, и начальники съ подчиненными, — эта (война) была горше всякой междоусобной войны,—если только нужно назвать это войною, а не чѣмъ инымъ, болѣе тягостнымъ, чѣмъ война. Въ самомъ дѣлѣ, на войнѣ боевыя стороны находятся въ одинаковыхъ условіяхъ, какъ то, такъ и другое войско и поражаетъ, и поражается; а тогда не такъ было, но одинъ свободно нападалъ, а другіе только подвергались нападенію, поражать же для нихъ было невозможно, равно какъ и защищаться отъ коварствующихъ, потому что такъ повелѣвалъ предводитель боеваго строя, говоря: *посылаю васъ яко овцы посредѣ волковъ: будите убо мудри яко змія, и цѣли яко голубіе* (Мѳ. x, 16). И не только повелѣвалъ выходить противъ коварствую-
497 щихъ, но даже доставлять (имъ) удовольствіе безчинствовать,—потому что обращеніе правой щеки и посыланіе овецъ среди волковъ намекаютъ не на иное что, какъ на то, что имъ дано въ удѣлъ страданіе, чтобы побѣдный знакъ сдѣлался блистательнѣе. Какъ? Такъ, что, будучи въ числѣ одиннадцати, они преодолѣли вселенную,—что (достигли этого) страдая, а не причиняя (страданія), поражаясь, а не поражая, подвергаясь козням, а не коварствуя, бичуясь, а не бичуя, изгоняясь, а не изгоняя, преслѣдуясь, а не преслѣдуя, убиваясь, а не убивая, — и что, какъ овцы, назначенныя на закланіе, они измѣняли до кротости овецъ всѣхъ волковъ, бѣснующихся, дышащихъ убійствомъ, бывшихъ свирѣпѣе звѣрей. Когда слово распространялось и благочестіе посѣвалось, отовсюду возгарались костры, вражда и войны, и не только противъ учителей, но даже противъ учащихся. Въ то же время, кто принималъ слово, обращался для всѣхъ въ общаго врага, изгонялся изъ отечества, переселялся на чужбину, терялъ имущество и подвергался опасности относительно самой

свободы, вѣрнѣе, самой жизни; и ничего тогда не значила власть природы, но, какъ я раньше сказалъ, и дѣти презирались, братья и сродники были на сторонѣ враговъ, съ учителями терпѣли бѣды ученики. Все это показывая, Павелъ и говорилъ: *воспоминайте первыя дни, въ нихже просвѣтившеся, многъ подвигъ подъясте страданій, ово поношеньми и скорбми позоръ бывше, ово же общницы бывше живущимъ тако. Ибо* и *узамъ моимъ спострадасте, и разграбленіе имѣній вашихъ съ радостію пріясте, вѣдяще имѣти себѣ имѣніе на небесѣхъ пребывающее и лучшее* (Евр. x, 32—34). И опять въ посланіи къ Ѳессалоникійцамъ говорилъ: *вы подобницы бысте, братіе, церквамъ сущимъ во Іудеи, зане таяжде и вы пострадасте отъ своихъ единоплеменникъ, якоже и тіи отъ Іудей, убившихъ и Господа, и насъ изгнавшихъ. и всѣмъ человѣкомъ противящихся* (1 Сол. п, 14, 15). И опять Галатамъ пиша, говорилъ: *толика пострадасте туне, аще точію и туне* (Гал. ш, 4). И, разсказывая о своихъ страданіяхъ, говорилъ: *въ терпѣніи мнозѣ, въ тѣснотѣ, въ темницахъ, въ трудѣхъ, во бдѣніихъ* (2 Кор. vi, 4, 5), *во алчбѣ, въ жаждѣ и наготѣ* (xi, 27); и опять: *четыридесять развѣ единыя пріяхъ, трищи палицами біенъ быхъ, единою каменми наметанъ быхъ, нощь и день въ глубинѣ сотворихъ, бѣды въ рѣкахъ, бѣды отъ разбойникъ, бѣды отъ сродникъ, бѣды въ пустыняхъ* (xi, 24—26); и опять: *нападеніе* на меня *еже по вся дни, попеченіе всѣхъ церквей* (ст. 28); и опять: *языческій князь Ареѳы царя стрежаше Дамаскъ градъ, яти мя хотя, и оконцемъ въ кошницѣ свѣшенъ быхъ по стѣнѣ, и избѣгохъ изъ руку его* (ст. 32); и опять въ другомъ мѣстѣ: *вмѣнихомся яко овцы заколенія* (Рим. viii, 36); и еще въ иномъ мѣстѣ: *да дастъ милость Господь Онисифорову дому, яко веригъ моихъ не постыдѣся, но пришедъ въ Римъ, тощнѣе взыска мя и обрѣте* (2 Тим. i, 16, 17).

4. Что могъ бы кто-нибудь сказать о лжеапостолахъ, лжебратіи, о безчисленныхъ и разнообразныхъ войнахъ? Вѣдь приводились въ дѣйствіе не только мщенія и наказанія, но даже краснорѣчіе ораторовъ и подготовленность философовъ; и не только ими, но даже торговцами употреблялось въ дѣло много хитростей противъ Церкви; на это намекая, онъ говорилъ: *Александръ* 498
ковачь многа ми зла сотвори: отъ негоже и ты себе блюди: зѣло бо противится словесемъ нашимъ (2 Тим. iv, 14, 15). Какъ море не бываетъ безъ волнъ, такъ и душа Павла была исполнена безчисленныхъ испытаній, ежедневныхъ опасностей: совнѣ, извнутри, посредствомъ слова, посредствомъ дѣла, посредствомъ денегъ, посредствомъ коварствъ; и никакое слово не въ силахъ будетъ представить тучи тѣхъ стрѣлъ, множество волнъ. Итакъ, когда въ такомъ (положеніи) были дѣла, не въ отношеніи сказаннаго

только, но и гораздо большаго, когда не учителя только, но и ученики подвергались опасности, и не ученики только, но и учителя,—а вѣдь если бы одна часть была въ испытаніи, остальная же въ безопасности, то послѣдняя для первой могла бы послужить утѣшеніемъ, теперь же на ту и другую нападали враги и поражали,—когда при видѣ этого, многіе изъ весьма немощныхъ ослабѣвали, цѣпенѣли, постоянно грустили, видя блага проповѣди — царство, воскресеніе и нетлѣніе—въ надеждѣ, а здѣсь—въ испытаніи и терпѣніи—(видя) печальное: плавильни, печи, темницы, войны, вражду, ненависть, смерти, опасности, и учителей своихъ то въ темницахъ, то въ синагогахъ, оскорбляемыхъ, отводимыхъ, когда отовсюду были тучи золъ, и они находились въ какой-то глубокой ночи испытаній, которая всѣхъ обнимала и заставляла ихъ сильно волноваться и смущаться,—тогда, замѣть, какъ онъ возбуждаетъ мысль ихъ однимъ изреченіемъ. Онъ дѣлаетъ то же самое и съ другой стороны, въ другомъ посланіи, говоря: *тѣмже ослабленныя руки и ослабленная колѣна исправите* (Евр. XII, 12); говоритъ не о колѣнахъ и рукахъ, но о хромающихъ помышленіяхъ, ослабляемыхъ множествомъ испытаній. Потомъ, послѣ увѣщанія, онъ присоединяетъ величайшее утѣшеніе, говоря: *еще бо мало елико елико, грядый пріидетъ и не укоснитъ* (X, 37). Но такъ какъ это было пока въ надеждѣ, то онъ опять еще иначе ихъ поощряетъ, приводя въ лучшее расположеніе не чужими, но собственными примѣрами. *Воспоминайте*, говоритъ, *первыя дни, въ нихже просвѣтившеся, многъ подвигъ подъясте страданій* (ст. 32). Постыдитесь самихъ себя и вашихъ преуспѣяній, не дѣлайте конца, недостойнаго начала, примите отъ себя самихъ утѣшеніе. Послѣ увѣщанія тѣмъ и другимъ способомъ, онъ увѣщеваетъ также и этимъ изреченіемъ. Какъ и какимъ образомъ? Называя утвержденіемъ Евангелія темницы и оковы. Не мертвые только возстаніемъ, говоритъ, не прокаженные очищеніемъ, не демоны изгнаніемъ, но и мы утверждаемъ Евангеліе заключеніемъ своимъ въ оковы. Какъ же это, скажи мнѣ? Вѣдь въ этихъ словахъ—новость и многое походитъ на загадку. Слушай, наконецъ, какъ: если бы мы проповѣдывали безъ страха, не терпя ничего непріятнаго, ни ужаснаго, то и многимъ изъ желающихъ насъ оклеветать казалось бы, что проповѣдь подозрительна; а теперь мы—гонимые, преслѣдуемые, разрѣзаемые, сожигаемые, сбрасываемые со скалъ, терпя безчисленное множество (испытаній) и не уступая, но дѣлаясь отъ этого болѣе бодрыми, даже склонными къ сильнѣйшему безстыдству доставляемъ достаточное доказательство, что мы—проповѣдники истины, и въ насъ есть нѣкоторая божествен-

ная сила, которая все это облегчаетъ, и не дозволяетъ множе- 499
ству испытаній превзойти проповѣдниковъ—хотя послѣднихъ немного—возобладать (надъ ними) чрезъ столько препятствій. Если бы кто-нибудь пожелалъ получить ясное доказательство, что насъ призываетъ внутренняя божественная сила,—пусть онъ взвѣситъ наши испытанія, опасности, оковы, темницы. Не свойственно человѣческой силѣ преодолѣть столько крутизнъ, переплыть столько волнъ, дать мѣсто столькимъ стрѣламъ, но это свойственно божественной и необоримой крѣпости. Такимъ образомъ цѣпь есть утвержденіе Евангелія, не для тѣхъ только, но и для насъ, страдающихъ,—потому что она дѣлаетъ насъ испытаннѣе, крѣпче, заставляетъ больше презирать козни. Потому онъ и говорилъ: *скорбь терпѣніе содѣловаетъ, терпѣніе же искусство, искусство же упованіе, упованіе же не посрамитъ* (Рим. v, 3—5).

5. Видишь ли, какъ скорбь утверждаетъ Евангеліе? Потому именно и въ другомъ мѣстѣ, когда онъ просилъ объ освобожденіи отъ испытаній и часто ради этого приступалъ (къ Господу), онъ услышалъ: *довлѣетъ ти благодать моя: сила бо моя въ немощи совершается* (2 Кор. xii, 9). Немощью здѣсь называются преслѣдованія, испытанія, опасности, козни, оскорбленія. А сказанное вотъ что значитъ: Я могъ, говоритъ, этому воспрепятствовать, погасить войну и задержать волны, но не сдѣлалъ, чтобы больше выразилась Моя сила. Сила Его такъ не выразилась бы, если бы этого не было, какъ (выразилась), когда было, но не имѣло крѣпости. Такъ точно и лучшимъ кормчимъ мы называемъ не того, кто можетъ направлять корабль по тихому морю, но кто плывущихъ на немъ проводитъ между скалами, волнами, бурями и вѣтрами,—и врачемъ того, кто страдающаго исторгаетъ отъ безчисленныхъ удручающихъ болѣзней,—и полководцемъ того, кто можетъ поставить побѣдный знакъ, когда отовсюду облегаютъ и поражаютъ враги,—и пастыремъ того, кто соблюдаетъ стадо въ безопасности отъ безчисленныхъ окружающихъ волковъ и другихъ злоумышленниковъ. Такъ и тогда особенно удивительно было то, что они, терпя безчисленное множество бѣдъ, одерживали верхъ надъ ними и превосходили самихъ причинявшихъ (бѣды). Когда Петра и Іоанна, сына грома и основаніе вѣры, ввергли въ темницу, подумай, въ какомъ оказались затрудненіи, когда тѣ были выпущены. Приведши ихъ, говорятъ въ сонмищѣ: *что сотворимъ человѣкома сима* (Дѣян. iv, 16)? Іудеи, вскормленные на крови пророческой, народъ неистовый и яростный, разрушавшій до основанія алтари, убивавшій пророковъ, вскормленный на убійствахъ, народъ свирѣпѣе звѣрей, съ котораго капала еще Владычняя кровь, распинатель,—этотъ народъ, взявъ двухъ

рыбаковъ—неученыхъ, простыхъ, неизвѣстныхъ, безгласнѣе рыбы, изъ которыхъ одинъ не перенесъ пустой угрозы даже привратницы,—ихъ именно взявъ, и держа связанныхъ у себя, обнаженныхъ, не облеченныхъ ни богатствомъ, ни крѣпостію тѣла, ни искус-
500 ствомъ слова, ни силою ораторства, ни знатостію рода, ни величіемъ отечества, этихъ рыбаковъ отъ рыбаковъ, боровшихся съ крайнею бѣдностію,—(іудеи) оказались въ затрудненіи, какъ поступить съ ними, и говорятъ: *что сотворимъ человѣкома сима?* Видишь ли, насколько великое дѣло добродѣтель, и какимъ образомъ испытанія—утвержденіе Евангелія? И говорятъ къ нимъ: *не запрещеніемъ ли запретихомъ вамъ не учити о имени семъ? И хощете навести на ны кровь человѣка сего* (Дѣян. v, 28). Если Онъ только человѣкъ, зачѣмъ тебѣ быть въ страхѣ? А если Богъ, изъ-за чего не поклоняешься? Не восклицалъ ли ты недавно, говоря: *кровь его на насъ и на чадѣхъ нашихъ* (Мѳ. xxvii, 25)? Почему ты боишься этой крови? Почему она потрясаетъ твой духъ? Не связывалъ ли ты Его? Не бичевалъ ли? Не распялъ ли на крестѣ? Не видѣлъ ли мертвымъ снимаемаго со креста? Не созерцалъ ли погребаемымъ и въ землѣ скрываемымъ? Не положилъ ли ты печати на гробѣ? Не подкупилъ ли воиновъ? Не посѣялъ ли молву, что ученики украли Его? Почему ты боишься теперь? Почему трепещешь Его крови? Видишь ли, что истина сіяетъ во всемъ? Когда, послѣ того замысла, они увидѣли, что поднимается дѣло, и его вступленіе блестяще, свѣтлѣе даже солнца, что изъ самаго начала обнаруживается, что оно охватитъ сразу всю вселенную и будетъ гнать заблужденіе до крайнихъ предѣловъ, и они не въ состояніи будутъ даже перенести несказанный порывъ его и силу,—они боятся, трепещутъ этихъ скованныхъ, осужденныхъ, бичеванныхъ, противъ которыхъ злоумышляли, этихъ двухъ, этихъ простыхъ. Потому Павелъ называетъ испытанія утвержденіемъ Евангелія; потому также въ другомъ мѣстѣ говоритъ: *разумѣти же хощу вамъ, братіе, яко, яже о мнѣ, паче во успѣхъ благовѣствованія пріидоша:* такъ что множайшіи братія *о Господѣ надѣявшіися о узахъ моихъ, паче дерзаютъ безъ страха слово глаголати* (Филип. i, 12, 14). Кто видѣлъ, кто слышалъ, что темницы доставляютъ смѣлость, и оковы производятъ дерзновеніе, не у связаннаго только, но даже у учащихся? Однако, тогда такъ было: проповѣдь усиливалась чрезъ противниковъ, и ученики,—когда учитель подвергался нападенію, кознямъ и заключенію въ оковы,—дѣлались еще смѣлѣе, больше радовались, больше веселились. Вы похвалили эти слова? Будемъ, наконецъ, подражать этому мужеству, поревнуемъ этой добродѣтели, и пусть ничто насъ не пугаетъ, никакое изъ испытаній пусть не смущаетъ; это узы

благочестія, это крылья любомудрія, это приготовляетъ крѣпкихъ и неодолимыхъ, это даетъ большее дерзновеніе къ Богу, привлекаетъ большее благоволеніе, содѣйствуетъ поселенію многой благодати. Итакъ, чтобы намъ насладиться всего этого, будемъ—умоляю—переносить все случающееся, славя за все Бога, такъ какъ Ему приличествуетъ слава, честь и держава, съ единороднымъ Его Сыномъ и Святымъ Духомъ, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА VIII.

Бесѣда его же, сказанная въ церкви Павла, когда готы прочитали и готскій пресвитеръ раньше сказалъ бесѣду [1]).

1. Хотѣлось бы мнѣ, чтобы сегодня присутствовали эллины, 499
такъ чтобы они услышали прочитанное и узнали, какова крѣпость Распятаго на крестѣ, какова сила креста, каково благо- 500
родство Церкви, какова твердость вѣры, каковъ позоръ заблужденія, каково осмѣяніе демоновъ. Ученіе философовъ подорвано даже у говорящихъ одною рѣчью (съ ними), а наше имѣетъ много силы даже у иноязычныхъ; и то распалось легче паутины, а это утвердилось крѣпче стали.

Гдѣ ученіе Платона, Пиѳагора и бывшихъ въ Аѳинахъ? По- 501
тухло. Гдѣ—рыбаковъ и дѣлателей палатокъ? Не въ Іудеѣ только, но даже на чуждомъ языкѣ, какъ вы слышали сегодня, оно сіяетъ свѣтлѣе солнца; скиѳы, ѳракійцы, савроматы, мавры, индійцы, даже поселившіеся на самыхъ крайнихъ предѣлахъ вселенной,—всѣ любомудрствуютъ, переложивъ на собственный языкъ тѣ же самыя изреченія; это даже во снѣ не представлялось носящимъ у эллиновъ бороду, важно на площади отстраняющимъ встрѣчныхъ посохомъ, потрясающимъ локонами на головѣ, выражающимъ собою скорѣе лицо льва, чѣмъ человѣка. Но не таково наше, и не въ наружности, но въ благоразуміи, (дѣло) любомудрія. Блудница, не имѣющая природной красоты, налагаетъ на

---

[1]) Эта бесѣда была сказана святителемъ между пасхою и 1-мъ воскресеньемъ послѣ пасхи. Она имѣетъ цѣлью обличить неправду ученыхъ язычниковъ, называемыхъ здѣсь *эллинами*, и заблужденіе *іудеевъ*, хвалившихся Авраамомъ, какъ своимъ отцомъ по плоти. Въ посрамленіе тѣхъ и другихъ, святитель заставилъ предварительно готовъ прочитать на ихъ родномъ языкѣ изъ Евангелія и дать объясненіе. Въ Константинополѣ были тогда православные готы.

самое себя нѣкоторую рукотворную красоту натираніемъ, подкрашиваніемъ, бѣлыми одеждами и другими такими ухищреніями, прикрывая свое природное безобразіе; а дѣвица красивая по природѣ, пріятная и благородная, попускаетъ дару природы состязаться самому по себѣ, не нуждается ни въ какой такой помощи, но отталкиваетъ, чтобы природная красота не прикрывалась этими занавѣсами. Это можно видѣть какъ въ Церкви, такъ и у внѣшнихъ. Тѣ, не имѣя природной красоты, и будучи не въ состояніи украситься благочестіемъ, придаютъ себѣ важность краснорѣчіемъ, обточенными изреченіями, слогомъ выраженій, волосами, благопорядкомъ и другимъ кое-чѣмъ; а у насъ не такъ, но, все это оттолкнувъ, отбросивъ внѣшнее измышленіе, выражаютъ свою природную красоту, не изощряя языка, не преслѣдуя благозвучія, но, любомудрствуя въ силѣ мыслей, всемѣрно проявляютъ также въ дѣлахъ и въ правильной жизни обитающую въ нихъ Божію благодать. Потому именно они уловили не только обитаемую, но и необитаемую землю, не только землю, но и море, не только города, но и горы, холмы и долины, не только Элладу, но и чуждую (страну), не только почетныхъ, но и крайне бѣдныхъ, не только мужей, но и женъ, не только стариковъ, но и молодыхъ. Не доселѣ, но и дальше они прошли, и, не удовольствовавшись нашимъ мѣстообитаніемъ, они высадились у самаго океана, и захватили въ свои сѣти чуждыя страны и британскіе острова; и куда бы ты ни пришелъ, наконецъ, ты увидишь, что имена рыбаковъ обращаются на устахъ всѣхъ, не по могуществу рыбаковъ, но по силѣ Распятаго, всюду пролагавшей путь имъ, и являвшей простыхъ мудрѣе философовъ, неученыхъ и бывшихъ безгласнѣе рыбъ ревностнѣе ораторовъ, писателей и ученыхъ. Итакъ, пусть не считаетъ никто стыдомъ для Церкви, что мы заставили иноземцевъ выйти на средину и сказать, потому что это—краса Церкви, это—украшеніе, это—доказательство силы, которая въ вѣрѣ; объ этомъ также пророкъ, свыше провозглашая, говорилъ: *не суть рѣчи, ниже словеса, ихже не слышатся гласи ихъ: во всю землю изыде вѣщаніе ихъ, и въ концы вселенныя глаголы ихъ*
502 (Псал. XVIII, 4, 5). Опять же другой, указывая на это, намекалъ иными словами, говоря: *волцы и агнцы имутъ пастися вкупѣ*, и барсъ будетъ почивать съ козленкомъ, *и левъ яко волъ снѣсть плевы* (Иса. LXV, 25); не о львахъ и агнцахъ, барсахъ и козленкахъ онъ разсказываетъ, но провозглашаетъ намъ и показываетъ, что именно звѣроподобные изъ людей достигнутъ такой облагороженности, срастворившись любомудріемъ проповѣди, что будутъ составлять одно стадо съ благороднѣйшими и кротчайшими изъ мужей. И это сегодня вы видите,—что самые грубые изъ

всѣхъ людей стоятъ съ овцами Церкви, что пастбище обще, овчарня одна и предстоитъ одна для всѣхъ трапеза.

2. Да постыдятся іудеи, читающіе Писаніе и не понимающіе смысла его; да закроютъ отъ стыда свое лицо эллины, сидящіе на каменныхъ сѣдалищахъ и гоняющіеся за тьмою,—при видѣ истины, сіяющей свѣтлѣе луча; да красуется Церковь, всюду сіяющая и парящая. Какъ солнце обще и земля обща, море и воздухъ, такъ намного болѣе стало общимъ слово проповѣди; потому и Павелъ говорилъ: *да нѣкій плодъ имѣю и въ васъ, якоже и въ прочихъ языцѣхъ. Еллиномъ же и варваромъ, мудрымъ же и неразумнымъ долженъ есмь: тако есть, еже по моему усердію и вамъ сущимъ въ Римѣ благовѣстити* (Рим. I, 13—15). И чему ты удивляешься, если въ новомъ (завѣтѣ это есть), когда даже въ ветхомъ то же самое происходило. Самый первый, сдѣлавшійся предкомъ и Церкви и синагоги, ихъ по плоти, а нашимъ по духу, былъ иноземцемъ, былъ приведенъ изъ средней Персиды—разумѣю патріарха Авраама, который и Писанія не слышалъ, и не участвовалъ въ пророчествѣ, и не имѣлъ учителя, и не слышалъ исторіи,—такъ какъ еще не приходилъ Моисей,—и не узналъ чего-нибудь изъ бывшаго до него, и не былъ наученъ тому, что имѣло быть послѣ него, но, родившись и воспитавшись въ средней странѣ персовъ, такъ сразу сталъ любомудрствовать, будто раньше получилъ много повелѣній даже новаго (завѣта), и выразилъ (это) своими дѣлами. Получивъ повелѣніе выйти изъ отчизны, покинуть домъ, друзей и сродниковъ, и идти на чужбину, онъ не испыталъ ничего человѣческаго, не былъ удержанъ привязанностію, не разсуждалъ съ собою и не говорилъ: покинувъ явное и очевидное, идти ли мнѣ къ неизвѣстному и неочевидному?—но, имѣя проводникомъ вѣру, и пріобрѣвъ вмѣсто посоха обѣщаніе Божіе, онъ одно изъ рукъ терялъ, а другое въ надеждѣ принималъ; и на основаніи этого также онъ былъ предкомъ Церкви, такъ какъ и мы получаемъ повелѣніе презирать житейскія и видимыя дѣла, напрягать свою надежду на неочевидное, держаться вѣры, якоря нашего спасенія, и искать того (невидимаго),—почему и Павелъ говорилъ: *упованіемъ бо спасохомся: упованіе же видимое нѣсть упованіе* (Рим. VIII, 24); и опять: *еже бо нынѣ легкое печали нашея, по преумноженію въ преспѣяніе тяготу вѣчныя славы содѣловаетъ намъ, не смотрящимъ намъ видимыхъ, но невидимыхъ* (2 Кор. IV, 17, 18). Выйдя изъ отчизны и поста- 503
вивъ на чужбинѣ свой шатеръ, блаженный этотъ Авраамъ опять выразилъ апостольскія повелѣнія своими дѣлами. Когда онъ воздвигъ тотъ блестящій трофей—одержалъ неожиданную побѣду, преодолѣлъ иноземцевъ не крѣпостію тѣла, но силою вѣры, и

ему предлагалось спасенными взять награду за тѣ труды и бѣдствія,—когда иноземецъ ему говорилъ: *даждь ми мужи, а кони возми себѣ* (Быт. XIV, 21),—тогда что онъ говоритъ? *Воздвигну руку мою къ Богу вышнему. аще отъ нити до ремення сапожнаго возму отъ твоего* (ст. 22). Видишь ли, какъ онъ исполнилъ то евангельское повелѣніе, которое говоритъ: *туне пріясте, туне дадите* (Мѳ. X, 8)? И Моисей былъ воспитанъ и выращенъ въ иноземномъ домѣ, однако не получалъ отсюда никакого для себя вреда, но и онъ любомудрствовалъ не меньше патріарха, осмѣивая сибаритскую трапезу [1]), будучи выше той роскоши, не цѣня богатство, царство и скипетръ Египта, но самъ перешелъ къ глинѣ и приготовленію кирпича. Потому именно и Павелъ, удивляясь ему, говорилъ: *большее богатство вмѣнихъ Египетскихъ сокровищъ поношеніе Христово* (Евр. XI, 26). Потомъ показывая также учителя этихъ благъ, присоединилъ, говоря: *невидимаго бо яко видя, терпяше* (ст. 27),—что̀ было дѣломъ величайшей вѣры. Итакъ, не будемъ считать стыдомъ, что въ Церкви есть иноземцы, но— даже большимъ украшеніемъ, потому что и самъ Господь нашъ Іису́съ Христосъ, пришедши во вселенную, первыми призвалъ иноземцевъ. Когда Онъ былъ рожденъ и положенъ въ ясли, волхвы, придя изъ Персиды, покланялись Ему. О, неслыханныя и странныя дѣла! Когда имѣетъ входить въ городъ царь,—занавѣсы и свѣтильники (устраиваются) [2]), встрѣчаютъ всѣ сановники и власти со свѣтлымъ видомъ, (бываютъ) флейты, свирѣли, киѳары и всякій родъ музыки, блестящія одежды и вѣнки и много великолѣпія; а когда имѣлъ входить во вселенную Царь небесъ,—ничего такого, но все противное: шатеръ, палатка и ясли, мать повидимому простая, большая нищета и гнетущая бѣдность. Между тѣмъ, если бы Онъ пожелалъ, могъ бы придти, потрясая небо, колебля землю, посылая молніи,—и зачѣмъ я говорю объ этомъ?—если бы Онъ показалъ Свою божественность только въ наготѣ, то какого блеска и свѣтлости она не была бы больше? Но Онъ не сдѣлалъ такъ, потому что желалъ не погубить, а спасти, не устрашить, а исправить, попрать сначала спѣсь человѣческую и уничтожить безуміе. Потому именно не просто человѣкомъ Онъ дѣлается, но даже нищимъ человѣкомъ, и избираетъ Себѣ такую матерь и простое убѣжище, привѣтствуя съ

[1]) Святитель называетъ египетскую роскошь при Моисеѣ именемъ города Σύβαρις, основаннаго въ Луканіи поселенцами изъ Эллады въ 720 г. до Р. Х. Въ цвѣтущее свое время городъ имѣлъ до 100.000 жителей, образъ жизни которыхъ отличался крайнею роскошью и сталъ пословицей (*Pauly A.*, Bd. VI, S. 1524).

[2]) Здѣсь нѣкоторый пропускъ въ текстѣ.

самаго начала, съ Своего рожденія, крайній предѣлъ бѣдности. Какая, скажи мнѣ, жена, хотя бы она была бѣднѣе всѣхъ людей, хотя бы нищенка, не имѣетъ кровати, чтобы положить родившееся дитя? Но Онъ не возлежалъ и на кровати, а просто въ ясляхъ, какъ случилось, и въ шатрѣ, не въ гостинницѣ. Таково начало Его входа, такъ оно блестяще и славно; а когда слышишь о входѣ, не думай о перемѣнѣ мѣста, но—о снисхожденіи для домоправленія [1]).

3. И Павелъ, когда говоритъ: *егда же паки вводитъ перворожднаго во вселенную* (Евр. I, 6),—возвѣщаетъ намъ о домоправленіи,—потому что присутствующій всюду и все исполняющій куда бы могъ входить? Такъ онъ назвалъ явленіе (Его) по домоправленію. Итакъ, входя во вселенную, Онъ входилъ въ уничиженномъ видѣ, попирая спѣсь, останавливая безуміе, убѣждая, чтобы всѣ умѣряли себя, не безчестили бѣдность, ни презирали нищету, не очаровывались богатствомъ, не думали, что человѣческая пышность есть великое (дѣло), но—что она слабѣе тѣни, ничтожнѣе листьевъ, обманчивѣе сновидѣній. Итакъ, вошедши, Онъ призвалъ иноземцевъ, и не просто иноземцевъ, но даже волхвовъ, распространенный видъ нечестія. Когда все во вселенной было въ худомъ состояніи: нечестіе властвовало всюду, и тукъ, и дымъ, законъ не имѣлъ силы, пророки не исправляли, не приносили пользы ни увѣщанія, ни чудеса, ни наказанія, ни мщенія, земля осквернялась кровью человѣческою, и самая природа не признавалась,—*пожроша сыны своя и дщери своя бѣсовомъ* (Псал. CV, 37),—алтари до основанія разрушались, пророки избивались, храмъ благочестія сдѣлался развалиной и вмѣстилищемъ идоловъ, народъ, выведенный на сцену, чтобы воспитать другихъ, сдѣлался для иныхъ основаніемъ богохульства,—*васъ ради*, сказано, *имя мое хулится во языцѣхъ* (Иса. LII, 5),—жертвы посрамлялись, праздники, новомѣсячія, субботы и прочій видъ служенія былъ отвергнутъ,—когда добродѣтель была въ пренебреженіи, свыше обвинялъ голосъ Божій, снизу оплакивали голоса пророковъ, и голоса отовсюду,—когда дѣла были въ худомъ положеніи, усилилось великое зло, нависла какъ бы густая туча, глубокая ночь, порочность стала дерзкой, добродѣтель была изгнана, поднималась огромная буря и непрерывныя волны, кораблекрушенія сдѣлались часты и постоянны, всѣ были потоплены, ни голоса корм- 504

[1]) Богословскій терминъ οἰκονομία, гдѣ разумѣется главнымъ образомъ воплощеніе Господа. Обычная его передача чрезъ *домостроительство* неточна, потому что νέμω (откуда—νομία изъ—νεμία) значитъ: раздавать части, пасти, управлять. Ср. Лук. XII, 42: ὁ πιστὸς οἰκονόμος=вѣрный *экономъ*.

чаго не слышалось, ни искусство моряковъ не имѣло силы, но властвовали лукавые духи, не было никакой надежды на спасеніе и не осмѣливался кто-нибудь призвать Бога—потому что какъ (призвать), когда пророки обвиняли, ангелы же, приставленные къ каждому народу, отъ стыда закрывали свои лица?—тогда, наконецъ, время призвало Устроителя всего, самого Художника, создавшаго также нашъ родъ отъ начала. Когда была тягчайшая болѣзнь, порожденная особенно безуміемъ и хвастовствомъ, извращались начало, средина и конецъ дѣлъ,—Онъ отправился отъ отеческаго престола и пришелъ на землю. Опять, когда слышишь: отправился, не думай о перемѣнѣ мѣста, ни объ опустѣніи неба, потому что, находясь даже въ дѣвственной утробѣ, Онъ былъ съ Отцомъ; а какъ (отправился), не спрашивай, и не требуй отчета, потому что когда Богъ дѣйствуетъ, нужны только вѣра, согласіе и исповѣданіе. Итакъ, пришедши и увидѣвъ больного лежащимъ на постели, въ отчаяніи,—когда же говорю: больного, то разумѣю родъ человѣческій, (лежащій) не на такой постели (т. е. простой), но на постели порочности,—(увидѣвъ) покинутымъ врачами, осаждаемымъ страстями, во власти болѣзни, (увидѣвъ) всякій родъ слабости обрушившимся на человѣческую природу, самого человѣка отчаявшимся наконецъ въ себѣ, даннаго врача ранъ,—говорю о законѣ,—превратившимся въ суроваго обвинителя, умножающаго вины и дѣлаю-
505 щаго человѣка повиннымъ еще большему суду, (увидѣвъ) власть немощи и избытокъ золъ, (а больного) неимущимъ никого другого, кромѣ создавшаго насъ съ начала,—смотри, что Онъ дѣлаетъ предварительно: облекается обезсилѣвшею и побѣжденною нашею природою, чтобы чрезъ нее сражаться и возобновить борьбу, и изъ самаго преддверія и начала тотчасъ съ корнемъ вырываетъ природу безумія, которое было причиною всѣхъ золъ. Оно именно сдѣлало, что діаволъ, не бывшій діаволомъ, сталъ діаволомъ, какъ и Павелъ указываетъ, говоря: *не новокрещенну, да не возгордѣвся въ судъ впадетъ діаволь* (1 Тим. ш, 6). Оно извергло Адама изъ рая: когда онъ услышалъ: будете какъ боги,—обманутый этою надеждою, коснулся дерева, попралъ законъ, и преступилъ заповѣдь. Потому и Богъ приготовилъ врачество, соотвѣтствующее ранѣ. Какъ въ отношеніи тѣла, по словамъ врачей, противное служитъ цѣлительнымъ средствомъ для противнаго, и мы охлажденное согрѣваемъ, а засохшее увлажняемъ,—такъ и Богъ поступилъ относительно страстей души. Безуміе ее надмевало и заставляло вздуваться,—поэтому Онъ употребилъ врачество, останавливающее ея вздутость и уничтожающее опухоль. Какое же врачество? Обложилъ ее смертію. Потому не смерт-

ное только тѣло Онъ создалъ, но устроилъ такъ, чтобы оно и гнило и смѣшивалось, изобиловало источниками червей, разрѣшалось въ гной и исполнялось зловонія, напередъ полагая основаніе смиренномудрію, и не допуская когда-нибудь гордиться, даже сильно безумствующему. Что въ самомъ дѣлѣ зловоннѣе человѣческаго тѣла? Что ничтожнѣе скончавшагося?

4. Но не будь мрачнымъ, возлюбленный, а усматривай здѣсь попеченіе Божіе. И скончавшійся не чувствуетъ происходящаго, чтобы печалиться, и живущій воспитывается на чужомъ тѣлѣ любомудрствовать. Хотя бы онъ (т. е. живущій) неисчислимое множество разъ принималъ важный видъ и много величался, но подошедши ко гробу, чувствуя доходящее зловоніе, и вспомнивъ о нашемъ ничтожествѣ, останавливается, падаетъ и спускается до самаго ада. И чтобы тебѣ знать, что такъ сдѣлано ради этого, что Онъ не безчеститъ нашу природу, но обуздываетъ безуміе духа и соблюдаетъ человѣка въ постоянномъ смиренномудріи,—такъ какъ отъ начала у него отсюда (т. е., изъ безумія) былъ грѣхъ,—послушай, что говоритъ пророкъ Исаія: *како спаде съ небесе денница восходящая заутра* (Иса. XIV, 12)? Не объ утренней звѣздѣ онъ говоритъ, потому что и не спадала когда-нибудь утренняя звѣзда, но, разъ утвержденная на небѣ, она непоколебима, и соблюдаетъ свое теченіе. Итакъ, что значитъ сказанное пророкомъ: *како спаде съ небесе денница восходящая заутра*? Онъ говоритъ о нѣкоторомъ иноземномъ царѣ; утренней же звѣздой называетъ его по великолѣпію, по діадемѣ, по порфирѣ, по блеску копьеносцевъ, по сіянію оружія, по блестящему золоту, по заостреннымъ и сверкающимъ копьямъ, по всей остальной пышности, по всему тому, что возятъ и носятъ. Что онъ говоритъ не объ утренней звѣздѣ, но, сказавъ: *како спаде съ небесе денница восходящая заутра*, пользуется этимъ именемъ переносно, это далѣе выясняетъ: *ты же реклъ еси во умѣ твоемъ: на небо взыду, выше звѣздъ небесныхъ поставлю престолъ мой*, и *буду* 50C
подобенъ Вышнему (ст. 13, 14). Что звѣзда не имѣетъ ни мысли, ни ума, ни рѣчи,—всякому, конечно, очевидно; но онъ говоритъ о нѣкоемъ богохульномъ царѣ, хвастливомъ, великорѣчивомъ и такъ величавшемся. Кто же этотъ царь? Мы могли бы сказать, но чтобы не все учиться вамъ отъ насъ, а и сами вы съ заботливостію и неусыпностію изслѣдывали бы сокровища божественнаго Писанія,—обратитесь къ этому мѣсту пророка и узнаете, кто царь, какого народа, и когда онъ былъ,—такъ какъ говорится: *даждь премудрому вину, и премудрѣйшій будетъ* (Прит. IX, 9). Итакъ, когда этотъ царь, будучи блестящимъ и знатнымъ, со многимъ избыткомъ богатства, по занятіи всей вселен-

ной и распространеніи своего царства, сразу былъ восхищенъ и умеръ,—пророкъ, зная измѣнчивость относительно людей, сказалъ: *како спаде съ небесе денница восходящая заутра*, колебатель царей, сдѣлавшій всю вселенную пустынею? и, обращая къ нему свою рѣчь и осмѣивая его, прибавляетъ: *ты же реклъ еси: на небо взыду, выше звѣздъ небесныхъ поставлю престолъ мой*, и *буду подобенъ Вышнему: нынѣ же во адъ снидеши*, подъ тобою постелютъ гной, и покрывало твое червь (ст. 13—15). Видишь ли, какъ Онъ по этой причинѣ устроилъ,—о чемъ я говорилъ,—что наше тѣло имѣетъ такой жребій, чтобы служить врачествомъ отъ безумія. Итакъ, увидѣвъ его (т. е. человѣка) въ отчаяніи, Онъ воспитываетъ его тѣмъ, что̀ бываетъ послѣ кончины, напоминая о червяхъ, зловоніи, гноѣ,—чтобы онъ, помысливъ о томъ, покинулъ свое безуміе, и думалъ съ гордостію не объ настоящемъ, а о томъ, каковъ будетъ конецъ, какая послѣдуетъ съ нимъ перемѣна. Потому именно мы получили въ удѣлъ страждущее тѣло, и послѣ кончины столь зловонное. Если, при такой природѣ, многіе изъ безумныхъ сбивались на безразсудство, чтобы воображать себѣ богоравенство и пренебрегать небомъ, то въ чемъ бы они не были извращены беззаконіемъ, если бы не сдерживались этою уздою? Не этотъ только царь, но и другой воображалъ о себѣ то же самое; и другой пророкъ, Іезекіиль, осмѣивая его, говорилъ: ты же *реклъ еси: азъ есмь Богъ* и не человѣкъ, живущій въ сердцѣ земли: *еда речеши въ руцѣ убивающихъ тя*, что *Богъ есмь* и не человѣкъ (Іезек. XXVIII, 2. 9)? Видишь ли, что и этотъ намекалъ, что смерть для того привзошла, чтобы остановить безуміе, чтобы съ корнемъ вырвать тотъ лукавый помыслъ, который въ первозданномъ посѣялъ отъ начала діаволъ? Отсюда-то и произошло идолослуженіе, верхъ человѣческихъ золъ, когда многіе до безумія возвышаютъ себя и желаютъ богоравенства. Итакъ, всѣ эллинскіе боги были созданы людьми; чтобы этого не было, Богъ обложилъ смертію, изобличая немощь природы. Потому именно, единородный Сынъ Божій, останавливая безуміе, устроилъ такъ, что претерпѣлъ такое начало Своего входа: шатеръ, бѣдность, мать нищую,—убѣждая всѣхъ дѣломъ, чтобы они попирали человѣческую гордость; и, пришедши, призываетъ прежде всего иноземцевъ. Для чего и почему? Когда родъ человѣческій былъ въ худомъ состояніи,—я опять возвращусь къ тѣмъ же самымъ словамъ,—и всѣ отчая-
507 лись въ спасеніи,—тогда Онъ прежде всего ниспровергаетъ крѣпость діавола и крѣпчайшее его оружіе, чтобы не былъ въ отчаяніи никто изъ остальныхъ. Съ другой стороны, это послужило къ стыду іудеевъ, что они колебались придти, а эти отправились даже въ далекое путешествіе, чтобы Его видѣть и поклониться;

и обходя (всѣхъ), говорятъ: *гдѣ есть рождейся царь Іудейскій* (Мѳ. II, 2)?

5. О, удивительныя и странныя дѣла! Единородный Сынъ Божій проповѣдуется прежде всего иноземною рѣчью въ Іудеѣ, гдѣ пророки, патріархи, праведники, законъ, кивотъ, завѣтъ, храмъ, жертвы и служенія; и вскормленные на этомъ не наставляются, даже узнавъ отъ иноземцевъ, а они, никогда ничего такого не слышавшіе, дѣлаются учителями упражнявшихся въ этомъ. Потому именно, пророкъ Давидъ, осмѣивая ихъ, говорилъ: *вскую шаташася языцы, и людіе поучишася тщетнымъ* (Псал. II, 1)? Въ самомъ дѣлѣ, развѣ не попусту они учились, когда не приняли предсказаннаго пророками? Однако, не (такъ) волхвы,—но отправились даже въ далекое путешествіе, покинувъ отечество, домъ, друзей и сродниковъ, и подвергли себя опасности. Пришедши въ царствующій городъ, они спрашивали, гдѣ родился царь. Они не подозрѣвали ярости царствовавшаго тогда, ни возстанія народа, ни козней города. Такъ какъ они приняли на себя проповѣдь, то дѣлаются сразу любомудрыми и мучениками при жизни, дерзая противъ смерти, пренебрегая опасностями, презирая настоящую жизнь, смѣло проповѣдуя что̀ узнали, объявляя о родившемся среди народа и среди города. Потому также звѣзда скрывается, чтобы они, потерявъ руководителя, были принуждены учиться отъ іудеевъ,—вѣрнѣе, въ своемъ ученіи ихъ наставлять, такъ какъ они ищутъ только мѣсто, а что Онъ родился, они раньше знали. Но смотри на мудрость Божію, какъ Онъ ихъ призвалъ. Не послалъ Онъ пророка, потому что не потерпѣли бы,—ни апостола, потому что не вняли бы,—ни Писаніе, потому что они не знали; но отвлекаетъ ихъ отъ заблужденія собственными и близкими имъ дѣлами. Такъ какъ они были волхвами, и у нихъ была наука относительно звѣздъ, то является имъ звѣзда, влекущая ихъ съ чужбины,—звѣзда, не одна изъ видимыхъ, но нѣкоторая божественная и невидимая сила, принявшая снаружи видъ звѣзды; влечетъ же ихъ звѣзда, чтобы освободить ихъ, наконецъ, отъ занятія звѣздами и прекратить власть астрономіи. Такъ и Павелъ сдѣлалъ, подражая Владыкѣ своему: *подобни мнѣ бывайте*, говоритъ, *якоже и азъ Христу* (1 Кор. IV, 16). Какъ Владыка его, призывая волхвовъ, послалъ видъ звѣзды, чтобы, узнавъ привычное себѣ, они охотно повиновались и, пришедши, увидѣли бы Владыку звѣздъ и, освободившись отъ того служенія, приступили бы къ этому господству,—такъ и онъ послалъ Тимоѳея съ обрѣзаніемъ, имѣя упразднить обрѣзаніе. Такъ какъ имѣющіе принять его были іудеями, а онъ былъ сыномъ вѣрующей іудеянки жены, отца же эллина, и потому необрѣзанный, то онъ совер-

шилъ обрѣзаніе, поступая по примѣру рыбаковъ,—потому что и они не закидываютъ въ море пустую удочку, но надѣвъ на нее прикормку. Итакъ, пусть будетъ синагога моремъ, а іудеи рыбами, удочкой Тимоѳей, обрѣзаніе прикормкой, надѣтой на удочку, рыбакомъ Павелъ; слѣдовательно, онъ забрасываетъ удочку въ море,
508 но не пустую,—Тимоѳея съ обрѣзаніемъ, а не необрѣзаннаго,—такъ какъ, если бы онъ послалъ необрѣзаннымъ, рыбы убѣжали бы, увидѣвъ удочку пустою; потому самому онъ устраиваетъ обрѣзаніе, чтобы они, признавъ обычное имъ, устремились на добычу, и чтобы онъ не испугалъ ловитву, устремившихся на добычу,—чтобы они были привлечены чрезъ обрѣзаніе, а удержаны словомъ ученія; такъ именно и было. Вошедши, и съ обрѣзаніемъ, онъ уничтожилъ обрѣзаніе. Таково-то дѣло домоправленія: прежде онъ снисходитъ, а потомъ отвлекаетъ. Такъ сдѣлалъ и Христосъ, призывая иноземцевъ. Какъ призывая людей, Онъ облекся въ человѣка и по виду, и по природѣ, такъ и призывая волхвовъ, перемѣнилъ совнѣ въ видъ звѣзды незримую силу. Что та звѣзда не была звѣздою, одною изъ многихъ, научись изъ ея теченія. Она шла не отъ востока къ западу, но отъ сѣвера къ югу, потому что такъ лежитъ Палестина къ Персидѣ; и является не ночью, а днемъ, что несвойственно звѣздѣ; и является, и скрывается, что также несвойственно звѣздѣ; скрывается, когда они дошли до Іерусалима, и является, когда удалились отъ царя. Отсюда очевидно, что она была нѣкоторою разумною силою, домоуправлявшею всѣмъ по повелѣнію. Не изъ этого только это очевидно, но (также изъ того) что служа имъ руководительницей до яслей, не сверху показывается имъ, но, сошедши внизъ, останавливается, гдѣ былъ Младенецъ,—надъ самою, такъ сказать, Его головою; если бы она была звѣздою, то не показала бы такого мѣста, тѣснаго и ограниченнаго. Вы знаете, конечно, до ясности, что, по чрезмѣрной высотѣ, звѣзда не могла бы опредѣлить мѣсто даже города, и ея (указаніе) даже прямо спускающееся по отвѣсу неясно по чрезмѣрной высотѣ. А та (звѣзда) показывала и малое мѣсто, ясли, будучи близъ головы, и, показавъ, тотчасъ скрылась,—что не было дѣломъ звѣзды.

6. Если волхвы говорятъ: *видѣхомъ звѣзду его* (Мѳ. II, 2), то говорятъ пока по собственной своей наукѣ, которую потомъ, конечно, будучи приведены, оставили. Что они вмѣстѣ и звѣзду увидѣли и освободились отъ заблужденія, очевидно изъ того, что они покланяются; если бы они считали ее одною изъ многихъ, то не поклонились бы. Чего же ожидали отъ Младенца странники, пришельцы и иноземцы? Откуда они узнали, что Онъ приведетъ къ жизни и вознаградитъ ихъ, находящихся на

такомъ разстояніи? Какъ они не предвидѣли настоящей опасности? Какъ не подумали, что естественно было предвосхищеніе (ихъ) даже изъ настоящей жизни, когда тогдашній царь умертвилъ бы (ихъ)? Какой они увидѣли знакъ царства, какое преддверіе, какихъ копьеносцевъ, какихъ щитоносцевъ, какое служеніе, какіе золотые щиты, какія колесницы, какой потолокъ, какіе дворцы, какихъ евнуховъ толпу? Ничего такого, но все противное тому: ясли и шатеръ, гостинницу и мать нищую, крайнюю бѣдность и пеленки. Итакъ, кому они приносили золото, ладанъ и смирну? Не вполнѣ ли очевидно, что они были уже окрылены вѣрою? И много особенности въ дарахъ, заступающей мѣсто проповѣди. Нельзя отвергать объясненія,—хотя бы оно приводится (народной) толпой,—что именно они исповѣдали Его и Богомъ—чрезъ ладанъ, и Царемъ—чрезъ золото, и Страдальцемъ—чрезъ смирну, указывая на Его погребеніе: такъ Онъ и былъ погребенъ, и они предвозвѣщали это̀ тѣмъ, что̀ дѣлали. Итакъ, происшедшее было силою не астрономіи, но домоправленія Божія,— 509
потому что пришедшій научить добродѣтели не о томъ заботился, чтобы вводить астрономію, а напротивъ, чтобы ее весьма ослабить, полагая все доброе и недоброе въ желаніи и нежеланіи. Для этого Онъ и геенною угрожалъ, и царство приготовилъ,—потому что то и другое (есть) слѣдствіе происходящаго въ душѣ,—связаннымъ же необходимостію Онъ ни вѣнцовъ не приготовилъ бы, ни наказаніемъ не угрожалъ бы. Онъ не далъ бы законовъ, не побуждалъ бы увѣщаніями, не сдѣлалъ бы столько, если бы родъ человѣческій былъ связанъ необходимостію; но такъ какъ мы свободны и господа произволенія, отъ нерадѣнія дѣлаемся негодными, отъ усердія полезными и какими слѣдуетъ быть, то Онъ пришелъ, приготовляя для этого спасительное врачество, исправляя многихъ страхомъ геенны и обѣтованіемъ царства и наставляя любомудрію чрезъ законы.

Что нѣтъ ни рока, ни теченія звѣздъ, управляющихъ человѣческими (дѣлами),—очевидно, и помимо Писанія, изъ самыхъ же дѣлъ. Если отъ рока (зависятъ дѣла) человѣческія, за что ты бичуешь своего раба, вора? За что прелюбодѣйку жену влечешь въ судилище? Изъ-за чего стыдишься, дѣлая худое? Если грѣхъ есть (дѣло) необходимости, зачѣмъ не переносишь даже словъ, будучи оскорбляемъ, но кто бы тебя ни назвалъ прелюбодѣемъ, или блудникомъ, или убійцей, называешь это дѣло дерзостію? Если грѣхи не (дѣло) твоего духа, то и совершаемое не есть вина, и произносимое—не дерзость. Теперь же, и тѣмъ, что осуждаешь другихъ, и тѣмъ, что не прощаешь согрѣшающимъ, и тѣмъ, что, дѣлая, самъ стыдишься и стараешься скры-

вать, а причиняющихъ тебѣ это считаешь дерзкими,—всѣмъ этимъ ты признаешь, что наши дѣла не связаны необходимостію, но почтены свободою; одержимымъ необходимостію мы вѣдь умѣемъ прощать. Если кто-нибудь, будучи во власти демона, поразитъ насъ, разорветъ одежду, или нанесетъ удары,—не только не наказываемъ его, не привлекаемъ въ судилище, но даже жалѣемъ и прощаемъ. Почему же наконецъ? Потому что это дѣлается не по свободному произволенію, но по принужденію отъ демона. Такимъ образомъ, если бы и остальные грѣхи были по необходимости, отъ судьбы, мы прощали бы; но, такъ какъ знаемъ, что мы не принадлежимъ необходимости, потому не прощаемъ—ни господа рабамъ, ни мужья женамъ, ни жены мужьямъ, ни отцы дѣтямъ, ни учителя ученикамъ, ни начальники подчиненнымъ, ни законодатели получающимъ законы,—бываемъ суровыми изслѣдователями дерзостей и мстительными, въ судилища обращаемся, удары наносимъ, наказываемъ и все дѣлаемъ,
510 чтобы и раба освободить отъ злобы, и сына отъ порочности. Оттого и воспитателей для нихъ мы поставляемъ, и угрожаемъ, посылая къ учителямъ, и удары наносимъ. Для чего, скажи мнѣ, и почему? Вѣдь, если судьбою опредѣлено ему сдѣлаться негоднымъ, какая нужда въ этой помощи? Итакъ, вполнѣ ясно, что все зависитъ отъ свободной воли, а не связано необходимостію. Поэтому и помощь мы оказываемъ, отъ нерадѣнія отвлекаемъ и къ добродѣтели руководимъ. Для чего переплываемъ море, землю воздѣлываемъ, города строимъ, прилагаемъ много усердія во время болѣзни—деньги тратимъ, врачей зовемъ, лѣкарства приготовляемъ, чрево обуздываемъ и пожеланіе караемъ? Если, какъ ты говоришь, судьбою опредѣлено жить и умереть, излишни расходы денегъ, излишни посѣщенія врачей, излишня у болѣющихъ тщательность любомудрія. Теперь же изъ того, какъ всѣ поступаютъ, ясно, что въ этомъ нѣтъ ничего излишняго,—нѣтъ опредѣленій судьбы, никакая необходимость не направляетъ нашихъ дѣлъ, все почтено свободою произволенія. Какая нужда въ трудахъ до пота ради добродѣтели? Вѣдь, если кому судьбою опредѣлено сдѣлаться прекраснымъ, тотъ будетъ прекраснымъ, хотя бы онъ спалъ и храпѣлъ; вѣрнѣе же его нельзя даже называть прекраснымъ, если онъ сдѣлался таковымъ по необходимости. Какая нужда въ столькихъ трудахъ и потѣ? Если кому опредѣлено судьбою сдѣлаться худымъ, то будетъ худымъ, хотя бы неисчислимыя прилагалъ усилія; вѣрнѣе, такого, тѣснимаго необходимостію, нельзя называть и худымъ. Какъ бѣснующагося, если онъ станетъ оскорблять,—опять пользуюсь тѣмъ же примѣромъ,—мы не назовемъ дерзкимъ, и не будемъ

считать его оскорбленіе дерзостію, но (дѣломъ) принужденія отъ демона, такъ и худого, если онъ тѣснится судьбою и необходимостію, не назовемъ его худымъ, какъ и прекраснаго прекраснымъ. Если же такъ будемъ дѣлать, то во всемъ произойдетъ смѣшеніе, смущеніе и извращеніе вещей, не будетъ ни добродѣтели, ни порока, ни искусствъ, ни законовъ и ничего подобнаго. Видишь ли, куда влечетъ приманка діавола, чѣмъ онъ хотѣлъ бы сдѣлать вселенную, и къ какой цѣли идетъ? Итакъ, зная все это и больше этого,—я могъ бы сказать и больше, но для разумнѣйшихъ достаточно и этого,—будемъ убѣгать отъ порока, избирать добродѣтель, чтобы, прежде всего, былъ милостивъ къ намъ Богъ, а потомъ чтобы и отъ геенны намъ освободиться, и насладиться вѣчныхъ благъ,—которыхъ да сподобимся всѣ мы благодатію и человѣколюбіемъ Господа нашего Іисуса Христа, чрезъ Котораго и съ Которымъ Отцу слава, со Святымъ Духомъ, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА IX.

Его же, о томъ, что не должно ходить на ристалища, ни на зрѣлища. И огорчивъ ихъ, потомъ на собраніи, бывшемъ послѣ того воскресенья, уступивъ сказать епископу, прибывшему изъ Галатіи, и помолчавъ, также на этомъ (собраніи) огорчивъ, сказалъ эту бесѣду въ великой церкви на слова: *„Отецъ мой доселѣ дѣлаетъ, и азъ дѣлаю“* (Іоан. v, 17) [1].

1. Недавно, въ бесѣдѣ о зрѣлищахъ и ристалищахъ, я 511
сильно васъ затронулъ; потому радуюсь и веселюсь по апостоль-

---

[1]) По Миню (точнѣе, по Монфокону † 1741) эта бесѣда произнесена во 2-е воскресенье послѣ пасхи, когда въ самую пасху святитель сильно говорилъ противъ увлеченія зрѣлищами, и когда въ великую пятницу или субботу, дѣйствительно, было это увлеченіе со стороны народа. Обличительное слово въ пасху имѣло такое дѣйствіе, что въ 1-е воскресенье послѣ пасхи собралось чрезвычайно много слушателей, которые были, однако, раздосадованы, такъ какъ святитель уступилъ бесѣдованіе прибывшему къ тому времени сюда галатійскому епископу Леонтію. Но Маттэи думаетъ иначе: по нему обличительное слово было въ великую субботу, въ самую пасху говорилъ Леонтій и въ 1-е воскресенье послѣ пасхи говорилъ самъ святитель эту, 9-ю бесѣду. Еще не мѣшаетъ замѣтить, что, вопреки Монфокону, Маттэи весьма не одобряетъ составителя заглавій предъ бесѣдами, за его грамматику, и, между прочимъ, въ сейчасъ приведенномъ заглавіи.

скому выраженію, которое гласитъ: *и кто есть веселяй мя, точію пріемляй скорбь отъ мене* (2 Кор. II, 2)? Вѣдь потому я вижу большой плодъ, произрастающій отъ этой печали. И лѣкарства, исцѣляющія раны, сначала тоже кусаютъ нарывы, а потомъ освобождаютъ отъ гноя; такъ и слово, поражающее слушателя, дѣлается началомъ исправленія. Какъ въ нашемъ тѣлѣ омертвѣлая часть нечувствительна ни къ разрѣзанію, ни къ лѣкарствамъ, ни къ прижиганію,—потому, будь хотя бы безчисленное множество (лѣкарствъ), она не можетъ возвратиться къ здоровью, потерявъ начало и основу для врачебнаго ухода,—а чувствующая желѣзо, огонь, лѣкарства можетъ быстро возвратиться къ здоровью,—такъ и въ душахъ: однѣ, находясь въ безчувственномъ состояніи, не легко могутъ быть измѣнены; другія же, умѣющія стыдиться и краснѣть, скорбѣть и огорчаться во время порицаній, доставляютъ намъ величайшее доказательство, что онѣ скоро будутъ удалены отъ порочности. Потому именно и блаженный Павелъ, зная это, опечаленныхъ сильно одобрялъ и радовался за нихъ, а иначе настроенныхъ отвергалъ, говоря: *иже въ нечаяніе вложшеся предаша себе студодѣянію въ дѣланіе всякія нечистоты въ лихоиманіи* (Еф. IV, 19). Неумѣющій скорбѣть какъ можетъ быть исправленъ когда-нибудь, если только онъ прежде не научится этому самому? Такъ какъ въ этомъ вы преуспѣли, мы весьма спокойны за вашу любовь,—потому что если одна бесѣда такъ уязвила и въ такую привела тревогу, что вы безпокоитесь, волнуетесь и смущаетесь, то вполнѣ ясно, что присоединенныя вторая и третья освободятъ отъ всей болѣзни. И знайте, что, не льстя вамъ, это говорю: тѣмъ, что вы обнаружили недавно, вы засвидѣтельствовали истину сказаннаго нами: Въ самомъ дѣлѣ, будучи такъ уязвлены, такъ огорчены, находясь въ такой скорби и безпокойствѣ, вы въ слѣдующее затѣмъ воскресенье устроили для насъ болѣе блестящее зрѣлище, собраніе болѣе многочисленное и съ бо́льшимъ усердіемъ, и всѣ вы были въ восторгѣ, всѣ льнули къ нашему языку, точно птенцы-ласточки, уцѣпившіеся за свое гнѣздо. Потомъ, когда, чествуя нашего брата, пришедшаго изъ Галатіи, мы и по самому церковному закону, повелѣвающему такъ принимать гостей, и по почтенной сѣдинѣ его уступили слово,—вы съ шумомъ удалялись, жалуясь
512 на несчастіе, какъ перенесшіе долговременный голодъ, и желая нашей рѣчи рѣзавшей, порицавшей, поражавшей, огорчавшей,—дѣлая то же самое, что дѣлаетъ дитя, которое, несмотря на удары и на брань, не можетъ отстать отъ матери, но слѣдуетъ съ визгомъ, держась сбоку за одежды матери и волочась за нею со слезами. Потому я радуюсь, окрыленъ удовольствіемъ и говорю,

что счастливъ, подвизаясь между такими любителями, между вами, такъ уцѣпившимися за мою рѣчь. Это для меня слаще вотъ этихъ лучей, это пріятнѣе свѣта, это жизнь,—именно быть съ такими благоразумными слушателями, желающими не просто рукоплескать, но исправляться, не убѣгающими отъ порицаній, но прибѣгающими къ порицателю. Потому именно и самъ я съ большею готовностію берусь за бесѣду къ вамъ, и желаю сегодня отдать остатки недавно вамъ сказаннаго, оставивъ теперь порицаніе, чтобы, опять обвиняя нерадивыхъ и употребляя всю бесѣду на ихъ обличеніе, не причинить вреда усерднымъ. Если бы даже ничего не было нами сказано, бывшее вчера уже достаточно, чтобы даже сильно безумствующихъ и неистовствующихъ на счетъ цирка удалить отъ этой неумѣстной страсти. Убійство, случившееся вчера въ циркѣ, наводнило нашъ городъ трагедіей, привлекло толпы женщинъ, наполнило площадь многимъ воплемъ, когда именно посреди народа несли въ такомъ жалкомъ видѣ разсѣченнаго колесницами. Онъ, какъ я узналъ, на слѣдующій день намѣревался зажечь брачные свѣтильники, опочивальня была уже расцвѣчена и все было приготовлено для брака,—и вотъ по приказанію податного начальника [1]), перебѣгая ристалище внизу, когда неожиданно наскакивали возницы, другъ съ другомъ состязавшіеся, онъ попалъ въ средину и претерпѣлъ эту насильственную и жалкую смерть, лишившись головы и оконечностей.

2. Видишь ли плодъ цирка? А какъ, спросишь, относится это къ намъ, вверху сидящимъ? Къ вамъ больше всего: если бы не усердствовали вы всѣ бѣжать (туда), не совершалось бы этого и внизу. Но, чтобы опять не дѣлать слово очень тяжелымъ и не растравлять рану, постараюсь, предоставивъ это вашей совѣсти. отдать остающееся отъ сказаннаго вамъ недавно. Итакъ, о чемъ было недавно сказано? Я говорилъ, что Христосъ называется основаніемъ, какъ носящій все, держащій и взвѣшивающій; теперь желаю это показать изъ другого апостольскаго изреченія. Сказавшій такъ, объясняя это изреченіе, говоритъ: *иже сый сіяніе славы и образъ ипостаси его, нося же всяческая глаголомъ силы своея, собою очищеніе сотворивъ, сѣде одесную величествія на высокихъ* (Евр. I, 3). Что значитъ: *нося?* Управляя какъ возница, руководя какъ кормчій, распоряжаясь какъ домомъ, сдерживая, держа, 513
взвѣшивая. Не только приводитъ все изъ несуществующаго въ существующее, но даже напередъ знаетъ происходящее, какъ ро-

---

[1]) Ἔπαρχος τελῶν, въ обязанность котораго входило завѣдываніе сборомъ податей (φορολογία).

дившій Его Отецъ. Потому и объясняя это, Онъ говорилъ: *Отецъ мой доселѣ дѣлаетъ, и азъ дѣлаю* (Іоан. v, 17). Потому и іудеи еще больше старались Его убить, не только за то, что Онъ нарушалъ субботу, но что и Отцомъ Своимъ называлъ Бога, дѣлая самого Себя равнымъ Богу.

Гдѣ теперь еретики, безумствующіе во вредъ своему спасенію и отдѣляющіе Его отъ равенства съ Его Отцомъ? Пусть выслушаютъ голосъ евангелиста,—а когда я говорю: евангелиста, разумѣю Христа, возбуждающаго его душу,—пусть выслушаютъ, постыдятся и прекратятъ такое свое безумство. Какъ іудеи преслѣдовали Его за то, что Онъ называлъ самого Себя равнымъ (Отцу), такъ и эти готовы задавить себя изъ-за того, что мы, наставленные Имъ, воздаемъ Ему эту славу. Но, говорятъ, это было мнѣніе не Его, и не евангелиста, а іудеевъ. Если даже и іудеевъ, то это въ особенности и составляетъ твою величайшую вину и крайнее осужденіе, что ты, самъ желая быть слѣпымъ, не видишь того, что̀ неблагодарные іудеи сразу поняли, какъ выводъ изъ этихъ словъ. Не отъ себя они это прибавили, но заключая изъ того, что̀ Христосъ говорилъ имъ. А чтобы ты зналъ, что это изреченіе даже не іудеевъ, но евангелиста, какъ мнѣніе, такъ и рѣчь,—а когда я говорю: евангелиста, разумѣю Христа, возбуждающаго его мысль,—изслѣдуй эти самыя слова. *Отецъ мой*. Не очевидно ли всякому, даже весьма неразумному, что Онъ сказалъ: *Отецъ мой*, чтобы объявить (Его) Своимъ собственнымъ? А что Онъ прибавилъ опять: *дѣлаетъ, и азъ дѣлаю*,—ужели (это не слова) дѣлающаго выводъ о равенствѣ? И не сказалъ: дѣлаетъ Онъ, а Я содѣйствую; дѣлаетъ Онъ, а Я помогаю,—но: Онъ дѣлаетъ, и Я дѣлаю. Видишь ли, почему сказанное не было умозаключеніемъ іудеевъ, но выводомъ изъ Его словъ? Если бы нѣкоторымъ ошибочнымъ предположеніемъ и мнѣніемъ іудеевъ было, что Онъ дѣлаетъ Себя равнымъ Богу, если бы самъ Онъ не желалъ быть въ этомъ заподозрѣннымъ, а іудеи, когда Онъ не желалъ этого, подозрѣвали бы, думая о другомъ, помимо того, что̀ Онъ самъ желалъ вывести,—евангелистъ такъ, безъ поправки этого̀ не оставилъ бы, но отмѣтилъ бы и сказалъ это ясно. Вѣдь обычай такъ поступать свойственъ имъ,—и имъ, и Іисусу; изъ одного—двухъ примѣровъ я попытаюсь сдѣлать это для васъ яснымъ, т. е., что когда скажетъ что-нибудь Христосъ, и иначе Онъ это скажетъ, а иначе понимаютъ іудеи,—евангелистъ исправляетъ. Чтобы тебѣ понять это ясно, выслушай самого Іоанна, объясняющаго это самое. Когда Онъ вошелъ въ храмъ Божій и, сдѣлавъ бичъ, изгналъ мѣновщиковъ, говоря: *не творите дому Отца моего дому купли* (Іоан. II, 16),—книжники и фарисеи, не-

дойдя, говорили: *кое знаменіе являеши намъ, яко сія твориши?* Что же Онъ? *Разорите церковь сію, и треми денми воздвигну ю,*—говоря такъ о Своемъ собственномъ тѣлѣ. Но они этого не поняли, и что говорятъ? *Четыредесять и шестію лѣтъ создана бысть церковь сія, и ты ли треми денми воздвигнеши ю* (ст. 18—20)?—разумѣя храмъ іудейскій, сдѣланный изъ камней, потому что онъ былъ устроенъ въ теченіе сорока шести годовъ, по возвращеніи изъ Вавилона, когда строители затруднялись иноземными кознями, и, 514
по прошествіи многаго времени, этотъ храмъ былъ оконченъ. Итакъ, когда Іисусъ говорилъ о Своемъ собственномъ тѣлѣ, объявляя о Своемъ крестѣ и воскресеніи,—а это именно значитъ: *разорите церковь сію, и треми денми воздвигну ю,*—они же предполагали о храмѣ іудейскомъ, почему и говорили: *четыредесять и шестію лѣтъ создана бысть церковь сія, и ты ли треми денми воздвигнеши ю?*—видишь ли, какъ евангелистъ не обошелъ этого, но прибавилъ поправку, говоря: *Онъ же глаголаше о церкви тѣла своего* (ст. 21). И не сказалъ Онъ: разрушьте это тѣло, но—*церковь,* чтобы показать Бога, обитающаго (въ немъ),—разрушьте церковь, много лучшую іудейской. Тотъ (храмъ) имѣлъ законъ, а этотъ Законодателя; тотъ—букву убивающую, а этотъ—духъ животворящій: тотъ—жезлъ Аароновъ, а этотъ—жезлъ Іессеевъ.

3. Въ другомъ опять мѣстѣ, по совершеніи Имъ чуда надъ хлѣбами, отплывъ съ ними (учениками), Онъ переправился на (другой) берегъ, и говорилъ ученикамъ: *внемлите отъ кваса Фарисейска и Саддукейска* (Мѳ. XVI, 6). Они же, услышавъ о закваскѣ, предполагали о хлѣбахъ; а Онъ говорилъ не о хлѣбахъ, но объ ученіи фарисеевъ. Такъ какъ иначе Онъ сказалъ, а иначе они предполагали, то смотри, какъ Онъ исправляетъ это, говоря: такъ *еще ли и вы безъ разума есте? Ниже помните пять хлѣбы, и колико кошъ взясте, и седмь хлѣбы, и колико кошницъ взясте? Како не разумѣете, яко не о хлѣбахъ рѣхъ вамъ,* но объ ученіи фарисеевъ, чтобы внимать (Мѳ. XV, 16; XVI, 9—11)? Видишь ли, что какъ евангелистъ относительно храма, такъ здѣсь Онъ самъ исправляетъ предположеніе заблуждавшихся? Такъ и въ томъ, что Онъ дѣлаетъ Себя равнымъ Богу: если бы Онъ не дѣлалъ Себя равнымъ Богу, а іудеи это предполагали на основаніи сказаннаго, то евангелистъ исправилъ бы это предположеніе, и сказалъ бы, что іудеи думали, что Онъ дѣлаетъ Себя равнымъ Богу, а Онъ не дѣлалъ этого и не давалъ повода. Чтобы ты узналъ изъ самаго изреченія, что это (богоравенство) особенно Онъ желалъ укоренить въ умахъ людей, обратимся къ прежнему слову и узнаемъ, въ какомъ нѣкогда обвиненіи Онъ такъ защищался. Что (такое) нѣкогда было, за что Онъ обвинялся? Что въ субботу совершалъ

дѣла: *сего ради*, сказано, *гоняху* Его *Іудее, зане сія творяше въ субботу* (Іоан. v, 16). Что именно *сія?* Что Онъ исцѣлилъ разслабленнаго, повелѣлъ ему взять свою постель и отойти въ свой домъ. Потому и говорили, спрашивая его: кто приказалъ ему дѣлать это въ субботу? А онъ говорилъ: *иже мя сотвори цѣла, той мнѣ рече: возми одръ твой и* иди въ домъ твой (ст. 11). Преслѣдовали Его, сердясь за это,—что Онъ приказалъ въ субботу то, что казалось преступленіемъ и разрушеніемъ закона. Что говоритъ Христосъ, защищаясь? *Отецъ мой доселѣ дѣлаетъ, и азъ дѣлаю*,—хотя много другого Онъ могъ бы сказать, если бы желалъ только защищаться, а не показать Свое равенство. Часто суббота нарушалась, и прежде всего въ городѣ Іерихонѣ. Когда они подступили къ стѣнамъ, имъ было велѣно семь дней съ трубами
515 обходить стѣны,—и такъ городъ былъ разрушенъ. А что между этими семью днями, откуда бы мы ни сдѣлали начало, необходимо случиться субботѣ, всякому очевидно. Отсюда ясно, что суббота была нарушена. Опять (Богъ) повелѣвалъ обрѣзываться человѣку въ восьмой день; и здѣсь необходимо опять нарушеніе субботы, потому что неизбѣжно, чтобы родившійся въ субботу былъ обрѣзанъ въ другую субботу. А священники даже несравненно больше ее нарушали, когда, опять-таки по повелѣнію, они приносили жертву въ субботу; гдѣ была жертва, тамъ необходимо было: снимать кожу, жечь, возлагать на жертвенникъ, носить воду, колоть дрова, выносить золу и дѣлать много другого,—и тѣмъ нарушалась суббота. Къ этому и сама тварь нарушала субботу: солнце работаетъ въ субботу, луна совершаетъ свое теченіе, появляется пестрый хоръ звѣздъ, вѣтры дуютъ, источники изливаются, рѣки текутъ, море волнуется, сѣмена и растенія произрастаютъ, рождаютъ—земля, все неразумное и родъ человѣческій. Когда женщина рождаетъ въ субботу, природа никогда не выдерживаетъ этого закона, не ожидаетъ, чтобы миновала суббота, и тогда разрѣшились бы потуги родовъ, но дѣлаетъ свое дѣло и во время субботы. И небесныя силы служатъ въ субботу, исполняютъ свое служеніе непрерывно. Итакъ, для чего, скажи мнѣ, имѣя столько поводовъ къ защитѣ, Онъ не пользуется никакимъ изъ нихъ, и не говоритъ: за что вы Меня обвиняете, что Я нарушаю субботу?—и священники въ Іерихонѣ нарушили, и нарушаютъ въ храмѣ; за что вы Меня обвиняете, что Я нарушаю субботу?—и солнце нарушаетъ, луна, звѣзды и вся тварь небесная и земная,—но, все это оставивъ, Онъ обратился къ Отцу, говоря: *Отецъ мой доселѣ дѣлаетъ, и азъ дѣлаю?* Онъ желалъ не только защититься, но и показать Свою равночестность. Потому не сказалъ: Я дѣлаю, потому что и тварь дѣлаетъ,—такъ какъ

Онъ не принадлежалъ къ твари,—но: Я дѣлаю, потому что и Отецъ дѣлаетъ,—такъ какъ Онъ былъ такого же существа и власти.

4. Потому Онъ защищается, не какъ принадлежащій къ твари, но какъ истинное рожденіе Его. И чтобы ты зналъ, что сказанное не догадка,—ученики также нѣкогда нарушили субботу, срывая и съѣдая колосья, и, когда іудеи обвиняли и говорили: не видишь ли, что они дѣлаютъ въ субботу? — Онъ тамъ нигдѣ не вспомнилъ объ Отцѣ, но что говоритъ? *Нѣсте ли чли, что сотвори Давидъ, егда взалка? Како вниде въ храмъ Божій, и хлѣбы предложенія снѣде, ихже не достойно бѣ ему ясти, ни сущимъ съ нимъ? Или нѣсте чли, яко священницы въ церкви субботы сквернятъ, и неповинни суть* (Мѳ. xii, 3—5)? Видишь ли, когда о рабахъ Онъ разсуждаетъ, рабовъ приводитъ въ примѣръ, Давида и священ- 516
никовъ; а когда о Себѣ самомъ,—Отца? Если когда-нибудь Онъ пользуется и другою защитою, напр., когда говоритъ: *аще обрѣзаніе пріемлетъ человѣкъ, на мя ли гнѣваетеся, яко всего человѣка здрава сотворихъ въ субботу* (Іоан. vii, 23)? и опять: кто изъ васъ есть, который не отрѣшаетъ овцу свою и вола (Лук. xiii, 15)?— то (это) нисколько неудивительно, потому что Онъ бесѣдуетъ не вовсе какъ Богъ, но иногда и какъ человѣкъ, такъ какъ былъ и Богомъ и человѣкомъ. Здѣсь, конечно, Онъ громко заявляетъ въ отношеніи собственнаго Своего достоинства, говоря: *Отецъ мой доселѣ дѣлаетъ, и азъ дѣлаю.* Потому и говоритъ евангелистъ: преслѣдовали Его іудеи, не только за то, что Онъ нарушалъ субботу, но что и Бога называлъ собственнымъ Отцомъ, дѣлая самого Себя равнымъ Богу. Я съ удовольствіемъ спросилъ бы еретика объ этомъ: называлъ Онъ Бога собственнымъ Отцомъ, или не называлъ. было ли это іудейскимъ предположеніемъ, или заключеніемъ Христа?—и, хотя бы онъ былъ тысячу разъ безстыденъ, обличается истиною. Онъ говорилъ, что *Отецъ мой доселѣ дѣлаетъ, и азъ дѣлаю*: нарушалъ субботу, или не нарушалъ? Вполнѣ очевидно, что нарушалъ: дѣлаю, говоритъ, и Онъ дѣлаетъ. Итакъ, и нарушеніе субботы, и то, что Онъ называетъ Бога собственнымъ Отцомъ, — ни то ни другое не было предположеніемъ іудейскимъ, но выводомъ и заключеніемъ Христовымъ. Почему же, называя это заключеніемъ Христовымъ, ты называешь то—рядомъ стоящее, съ нимъ связанное и одинаково сообщенное евангелистомъ—предположеніемъ іудейскимъ? Все это есть сообщеніе евангелиста, объясняющаго сказанное Христомъ. Потому также—когда іудеи обвиняли—онъ говорилъ, что преслѣдовали Его не только за то, что нарушалъ субботу, но что и Отцомъ Своимъ называлъ Бога, дѣлая самого Себя равнымъ Богу.

Но въ обличеніе еретиковъ достаточно; а если вы желаете знать и о дѣланіи, въ чемъ состоитъ то, что дѣлаетъ Отецъ, и что Сынъ,—я могу назвать (его) промышленіемъ о существующемъ, содержаніемъ, попеченіемъ. Все видимое произошло въ теченіе шести дней: *и почи* Богъ *въ день седмый* (Быт. II, 2); промышленіе же объ этомъ не прекращалось. Итакъ, это промышленіе Христосъ называетъ дѣланіемъ, говоря: *Отецъ мой дѣлаетъ, и азъ дѣлаю*, промышляя, печась, содержа—говоритъ—держа въ порядкѣ, не допуская ничему разсѣяться. Итакъ, принявъ доказательство правыхъ догматовъ также изъ сказаннаго, присоединимъ тщательную и согласную съ догматами жизнь, такъ какъ недостаточно намъ для спасенія только знанія правыхъ догматовъ, но нужна и наилучшая жизнь, чтобы, всячески воздавъ славу Богу, достигнуть намъ обѣщанныхъ благъ. Ему слава и держава во вѣки вѣковъ. Аминь [1]).

БЕСѢДА X.

Бесѣда его же, сказанная въ церкви апостола, послѣ того какъ предварительно побесѣдовалъ немного епископъ, на слова: *жатва многа, дѣлателей же мало* (Мѳ. IX, 37) [2]).

515 1. Видѣли ли вы старика и юношу, — старика по тѣлу, а
516 юношу по духу? Видѣли ли вы цвѣтущую сѣдину и пышную

---

[1]) Въ этой бесѣдѣ святитель пользуется тремя терминами, трудно передаваемыми по-русски, такъ что относительно нихъ необходима оговорка. Это — κατασκευή со своимъ глаголомъ κατασκευάζω (у насъ „выводъ", какъ данное къ мнѣнію и заключенію), ψῆφος („мнѣніе", какъ опредѣленная мысль, но не выраженная въ словѣ) и ἀπόφασις („заключеніе", какъ мысль, выраженная въ словѣ). Для ясности пользуемся такимъ сравненіемъ. Пока корабль не снаряженъ, всѣ его принадлежности—κατασκευή; корабль, совсѣмъ готовый къ плаванію—ψῆφος; корабль въ моментъ своего полнаго хода—ἀπόφασις. Іоанна V, 17—18 разлагается такъ. *Равенся творя Богу*, поскольку лишь мыслится,—ψῆφος или ὑπόνοια „предположеніе", а поскольку *такъ* сказано—ἀπόφασις. Къ этому: κατασκευή—1) заявленіе Господа: *Отецъ мой*, 2) фактъ: *разоряше субботу*. Въ концѣ бесѣды святитель и спрашиваетъ: почему ты *Отецъ мой* называешь заключеніемъ Господа, а *равенся творя Богу* (на основаніи: *разоряше субботу*) считаешь предположеніемъ іудейскимъ (ὑπόνοια=ψῆφος), когда то и другое у евангелиста связаны. Между тѣмъ еретики допускали первое, но никакъ не могли допустить второе, и считали его іудейскимъ мнѣніемъ. *Прим. переводчика.*

[2]) У Миня эта бесѣда пріурочивается къ церкви апостола, какъ говорится въ заголовкѣ, но неизвѣстно, какого. Маттэи думаетъ опредѣленнѣе: мѣстомъ

силу старости? Таково это у насъ, иначе во внѣшнихъ (дѣлахъ). Во внѣшнихъ старость безполезна, напримѣръ, воинъ, пришедши въ такой возрастъ, не можетъ натягивать лукъ, ни пустить стрѣлу, ни потрясти копьемъ, ни взлѣзать на коня, ни напасть 517
на стѣны, и не можетъ дѣлать ничего подобнаго. И кормчій, когда старость ослабитъ у него силу тѣла, не сможетъ ни канаты натянуть, ни паруса поднять, ни дѣйствовать весломъ, ни перемѣнить руль, ни бороться съ волнами, ни другое что-либо подобное. Опять земледѣлецъ, будучи въ этомъ возрастѣ, (не сможетъ) ни запречь воловъ, ни тащить плугъ, ни провести и прорѣзать борозды, ни ухаживать за деревомъ, ни присоединиться къ толпѣ жнецовъ, ни другое что-либо подобное не въ силахъ будетъ дѣлать. Каждый изъ нихъ сидитъ дома, пользуясь свободою этого возраста, и будучи связанъ великою необходимостію и неумолимою старостію. Но не такъ учитель Церкви; напротивъ, онъ тогда особенно будетъ подвизаться — браться за слово, предлагать наставленіе и стараться привести народъ въ порядокъ. Старость у остальныхъ безполезна, а въ Церкви и въ трудахъ добродѣтели — полезнѣе всего. И блаженный Авраамъ получилъ величайшую награду за подвигъ тогда, когда пришелъ въ этотъ возрастъ,—потому что тогда, тогда именно онъ уничтожилъ (надъ собою) власть природы и закололъ своего сына,—закололъ, хотя и не на опытѣ, но волею, хотя и не исполненіемъ, но намѣреніемъ, хотя и не дѣломъ, но мыслію, — тогда онъ сдѣлался священникомъ своей собственной утробы и исполнилъ то удивительное и странное дѣло, почти удалившись отъ своей природы и перемѣстившись къ небу. И Павелъ, учитель вселенной, приступалъ въ глубочайшей старости къ тѣмъ удивительнымъ подвигамъ, и переносилъ состарившимся тѣломъ, съ большою твердостію — узы, оковы и темницы; разъясняя это, онъ самъ говорилъ: *яко Павелъ старецъ, нынѣ же и узникъ* во Христѣ Іисусѣ (Филим. 9). Я говорю это не въ посрамленіе юности, такъ какъ и отроки, поправшіе печь, были очень молодыми, вполнѣ юношами, тоже и получившій пророчество Іеремія, и Даніилъ былъ

считаетъ церковь апостоловъ и временемъ—30-е іюня, когда празднуется память 12-ти апостоловъ. Въ доказательство онъ указываетъ: 1) на слова святителя: Εἰς ἀποστόλων παραγινόμεθα θήκας=мы приходимъ къ гробницамъ апостоловъ; 2) исходное для святителя Мѳ. ix, 37 есть только часть церковнаго чтенія Мѳ. ix, 36—x, 8 (у насъ зачало 34-е), — чтенія, пріуроченнаго къ 30-му іюня; по Маттэи, на это чтеніе святитель намекаетъ словами: τῶν σήμερον ἀναγνωσθέντων ἁψώμεθα=займемся читаннымъ сегодня.—Предварительно бесѣдовалъ нѣкоторый неизвѣстный епископъ, возрастъ котораго принятымъ мнѣніемъ опредѣляется въ 52 года.

очень молодымъ, когда обуздалъ львовъ и, по несказанному своему дерзновенію, изложилъ и объяснилъ тѣ тайны царскихъ сновидѣній созерцавшему (ихъ),—ни въ чемъ юность не бываетъ препятствіемъ для добродѣтели мужа. Во внѣшнихъ (дѣлахъ), какъ я раньше сказалъ, можетъ быть величайшимъ препятствіемъ и преклонная старость, и незрѣлая юность; а въ борьбѣ за добродѣтель не такъ, но нужно одно только—воля и душа подготовленная, тогда и юность не бываетъ безполезной, и старость не бываетъ непригодной, — но въ каждомъ возрастѣ можно видѣть зрѣлый изобильный плодъ, если только, какъ я раньше сказалъ, имѣетъ кто душу трезвенную, умѣющую любомудрствовать и привлекающую на себя благоволеніе Божіе многою добродѣтелью. Итакъ, въ защиту нерадѣнія, пусть никто не выставляетъ, какъ предлогъ, ни юности, ни старости; вѣдь и теперь много у насъ молодыхъ наполняютъ это духовное зрѣлище, а старые безобразничаютъ въ циркѣ; опять же: старики съ сѣдиною украшаются этимъ слушаньемъ, а молодые чрезъ тамошнее созерцаніе употребляютъ свою юность весьма неразумно. Впрочемъ хотя и много присутствующихъ у насъ, я еще не сытъ, потому что желалъ бы, чтобы не только многіе, но всѣ присутствовали, чтобы никто бы не отставалъ отъ Церкви,—такъ что, пока хотя бы одинъ является блуждающимъ внѣ стада, я разрываюсь и терзаюсь скорбями.
518 Такъ и пастырь тотъ, оставившій девяносто девять овецъ, спѣшилъ къ одной заблудившейся, и не прежде удалился, пока привелъ ее къ стаду, и выказалъ о ней много усердія, — число сто было неполно, пока онъ не возвратилъ одну,—сто тогда сдѣлалось сто, когда была спасена и она. Не говори мнѣ, что погибъ одинъ братъ; но подумай, что именно—*братъ*, весьма желанное для Бога существо, за которое столько сдѣлано, за которое была пролита драгоцѣнная кровь и столько уплочено пени, изъ-за котораго небо простерто, солнце зажжено, луна совершаетъ свое теченіе, сіяетъ разнообразный хоръ звѣздъ, воздухъ распространенъ, море излито, земля обоснована, источники изобилуютъ, рѣки текутъ и горы водружены,—изъ-за котораго луга и сады, изъ-за котораго сѣмена и растенія, изъ-за котораго различныя породы злаковъ, изъ-за котораго то, что на горахъ, что въ пустыняхъ, что въ городахъ, что на равнинахъ, что въ долинахъ, что на холмахъ, изъ-за котораго тысячи рыбныхъ стадъ, изъ-за котораго различныя породы четвероногихъ, изъ-за котораго разнообразныя племена птицъ, изъ-за котораго законъ, изъ-за котораго пророки, изъ-за котораго апостолы, изъ-за котораго были тысячи чудесъ,—зачѣмъ много говорить?—изъ-за котораго единородный Сынъ Божій сдѣлался человѣкомъ, и былъ закланъ.

2. Подумай, сколько у Бога сдѣлано ради спасенія людей, и не презирай ни одного человѣка, но, по окончаніи этого духовнаго зрѣлища, отыщи отсутствовавшаго, и не прежде удались, пока его приведешь, соединишь съ его матерью, отведешь отъ его обычной порочности, спасешь плѣнника, извлечешь потопленнаго, освободишь отъ свирѣпыхъ звѣрей схваченнаго звѣрями. Чѣмъ ты можешь извиниться, чѣмъ оправдаться? Мы приходимъ къ гробницамъ апостоловъ: видимъ ихъ раны и клейма, текущую кровь драгоцѣннѣе золота, оковы, бичи, ежедневныя смерти, которыя они претерпѣли за Церковь,—ученика Павлова, всюду ходящаго съ Павломъ и дѣлающагося равнымъ учителю, тельца съ быкомъ связаннаго, — брата самаго перваго изъ апостоловъ, рыбака, закинувшаго сѣть и уловившаго людей вмѣсто рыбъ, проповѣдника Евангелія,—и, какъ бы на лугу, мы наслаждаемся ихъ преуспѣяніями. А покинувшіе насъ сидятъ, будучи зрителями неразумныхъ коней, нанося другъ другу укоры и дерзости, зажигая ярость и борьбу, не имѣющую повода, радуясь радостію, которая жалостнѣе печали—за побѣжденныхъ возницъ, за обезсиливаемыхъ коней. Что можетъ быть неразумнѣе этого? Чего ты радуешься, скажи мнѣ? Чего прыгаешь, скачешь и возвращаешься оттуда веселымъ? А ты изъ-за чего скорбишь, закрываешь лицо, нагибаешься и огорчаешь свою душу—что такой-то побѣдилъ, а другой былъ побѣжденъ? И зачѣмъ это для тебя? Какое можетъ имѣть основаніе эта печаль, или это удовольствіе? Какого наказанія не достоинъ тотъ и другой изъ васъ, когда, при увлеченіи твоей собственной души страстями каждый день, ты не отдаешь себѣ никакого отчета, а радуешься, или огорчаешься за неразумныхъ животныхъ и другихъ неразумныхъ людей? Но, чтобы не потерять намъ времени, опять употребивъ на это всю бесѣду,—мы поручаемъ исправленіе ихъ вашей любви, займемся читаннымъ сегодня и постараемся ввести васъ въ лугъ 519
божественнаго Писанія. Дѣйствительно, оно сходно съ лугомъ. Какъ на лугу—различные цвѣты, и всѣ одинъ за другимъ привлекаютъ къ себѣ взоръ зрителя наибольшею красотою, когда разсматриваются каждый въ отдѣльности, такъ точно можно видѣть и въ божественномъ Писаніи. И блаженный Давидъ привлекаетъ къ себѣ нашу мысль, и апостольское изреченіе, сказанное относительно Тимоѳея, еще—и смѣлый Исаія, любомудрствующій о человѣческой природѣ, и Владыка ихъ, Іисусъ, бесѣдующій съ учениками и говорящій: *жатва многа, дѣлателей же мало* (Мѳ. IX, 37). Вотъ, если угодно, приведши это изреченіе, раскроемъ смыслъ его; хотя и очень кратко оно по размѣру, но открываетъ намъ пространное море мыслей. Потому и приступимъ мы къ

нему съ большимъ усердіемъ. Такъ какъ Онъ увидѣлъ, разсказываетъ (евангелистъ), народъ разсѣяннымъ, то говоритъ ученикамъ: *жатва многа, дѣлателей же мало.* Какая жатва, скажи мнѣ, и ради чего Онъ такъ назвалъ это ученіе? Вѣдь жатва—конецъ дѣла. Когда сѣмя, повергнутое въ углубленія земли, вкуситъ влаги, потомъ, промокши и вздувшись, охватитъ окружающую землю и, развернувшись на много волоконъ, пуститъ въ глубину корни,—(тогда) прежде всего оно пробиваетъ поверхность, потомъ, воспитываясь понемногу солнцемъ, дождемъ и воздухомъ, увеличивается произрастаніемъ отъ земли, дѣлается прежде очень зеленою травою и распускаетъ нѣжные листья, потомъ производитъ весьма незрѣлый колосъ, и, съ наступленіемъ весны, опять понемногу созрѣвая до стебля и колосьевъ, возвращаетъ полный плодъ. Тогда, наконецъ, земледѣлецъ, наточивъ серпъ, набираетъ жнецовъ, и, собравъ, относитъ плодъ домой. Отсюда жатва—конецъ всякаго труда и обработки земли. Итакъ, скажи мнѣ, почему Онъ называетъ жатвою, когда дѣла были еще въ началѣ? Вѣдь и нечестіе господствовало всюду во вселенной: жертвенники пылали, идоламъ покланялись, Іисусъ не почитался,—и глубокая ночь все окутывала, было тяжкое ненастье, когда волновалось море, жестокіе вѣтры разрушали человѣческія средства къ жизни, страсти властвовали, и все было потоплено. Всюду блудъ, прелюбодѣйство и наглость; всюду любостяжаніе, хищничество и войны; и кровь на землѣ, кровь на морѣ потопленныхъ и производившихъ тамъ убійства,—непрерывныя войны, борьба, междоусобная рѣзня и убійства преступнѣе всякихъ убійствъ; дѣти закалались для идоловъ, природа не признавалась и родство уничтожалось,—всюду крутизны, утесы, подводные камни, опасныя скалы и ни одного человѣка кормчаго; вѣрнѣе, немного кормчихъ въ іудейскомъ племени, а слушателя ни одного, когда моряки раздорили между собою, и другъ друга поражали и топили. Скиѳы и ѳракійцы, мавры и индійцы, персы и савроматы, насельники Эллады и Эпира, вся, такъ сказать, земля подъ солнцемъ была посвящена демонамъ, и тѣми мучителями приводились въ неистовство страна, городъ и пустыня, земля и море, иноземщина и Эллада, горы, долины и холмы; только іудейское
520 племя, повидимому, было благочестиво, имѣло пророковъ и малыя сѣмена богознанія; но и оно отъ времени ниспроверглось, учителя этого народа сдѣлались горькими обвинителями его грѣховъ между ними,—и настолько были далеки, чтобы воспитывать остальныхъ и руководить къ благочестію, что стали тогда виновниками соблазновъ даже для остальныхъ; и это объясняя, пророкъ говорилъ: ***вас ради имя мое хулится во языцѣхъ*** (Иса. LII, 5).

3. Итакъ, почему, когда вселенную обнимало столько золъ, и еще не были повергнуты сѣмена,—вѣдь всюду (были) терніе, волчцы и худыя травы,—еще не была очищена земля, и плугъ не былъ протащенъ, и борозды не были прорѣзаны,—Онъ бесѣдуетъ о жатвѣ и говоритъ: *жатва многа*? И ради чего Онъ такъ называетъ Евангеліе? Ради чего? Такъ какъ дѣла были въ такомъ положеніи, а Онъ намѣревался послать ихъ (апостоловъ) всюду по вселенной, естественно, что они волнуются, смущаются, разсуждаютъ съ собою и говорятъ: какъ возможно одиннадцати,—одинъ былъ уловленъ звѣремъ,—простымъ, неученымъ, бѣднымъ, неизвѣстнымъ, безоружнымъ, въ одной одеждѣ, безъ обуви, не беря съ собою ни пояса, ни посоха, ни денегъ, проходить всю вселенную, находящуюся въ такомъ состояніи, отвлекать отъ древней привычки, вводить ихъ (людей) въ догматы новаго (завѣта) и преподавать имъ нѣкоторое странное ученіе? Когда въ самомъ дѣлѣ мы вырвемъ терніе? Когда посѣемъ сѣмена? Когда воздѣлаемъ ихъ душу? Когда взойдетъ посѣвъ? Кто не разсѣетъ насъ? Кто не низвергнетъ съ крутой скалы? Какъ мы сможемъ раскрыть уста, стать, бесѣдовать, явиться предъ столькими тысячами? Какъ уничтожимъ ярость тирановъ, возмущенія народовъ, доводы философовъ, краснорѣчіе ораторовъ, власть предубѣжденія, силу старой привычки, козни демоновъ, души, которыми раньше завладѣли тысячи болѣзней? Итакъ, мы одиннадцать какъ будемъ исправлять всѣхъ во вселенной — простые мудрыхъ, безоружные вооруженныхъ, подчиненные начальниковъ, пользующіеся однимъ языкомъ въ бесѣдѣ съ тысячами нарѣчій, съ народами иноземными и иноязычными? Кто насъ потерпитъ, когда рѣчей нашихъ не сможетъ даже понимать? Чтобы, такъ разсуждая, они не волновались, Онъ назвалъ Евангеліе жатвою, какъ бы говоря (такъ): все приготовлено, все устроено; посылаю васъ на готовую уборку плодовъ; въ тотъ же самый день вы будете въ состояніи и сѣять и жать. Итакъ, подобно тому какъ земледѣлецъ, выходя на жатву, бываетъ радостенъ, свѣтелъ и веселъ, не взвѣшиваетъ ни трудовъ, ни какихъ бы то ни было затрудненій, но спѣшитъ какъ бы на готовую прибыль, бѣжитъ на годовые плоды, и нигдѣ никакого препятствія, никакого затрудненія, никакой неизвѣстности въ будущемъ, ни наводненія, ни града, ни засухи, ни злыхъ полчищъ саранчи — ничего такого принявшійся за жатву не подозрѣваетъ, почему и весело, радостно берется за труды, — такъ точно и вамъ, даже гораздо больше, необходимо выходить во вселенную со многою радостію. Это дѣло есть жатва,—жатва, соединенная съ большимъ удобствомъ,—жатва, доставляющая вамъ готовые посѣвы; нужно только

говорить, не уставать. Ссудите Мнѣ, говоритъ, вашъ языкъ, и
521 увидите плодъ зрѣлый, собираемый въ царскія житницы. Поэтому и послѣ того, посылая ихъ, Онъ говорилъ: *се азъ съ вами есмь во вся дни до скончанія вѣка* (Мѳ. xxviii, 20). Самъ Онъ дѣлалъ трудное легкимъ, и о чемъ пророкъ говорилъ: *Азъ предъ тобою* иду, *и горы уравню* (Иса. xcv, 5),—это у апостоловъ исполнялось осязательно, потому что имъ предшествовалъ Христосъ и облегчалъ путь. Это объявляя, и великорѣчивѣйшій Исаія говорилъ: *всяка дебрь наполнится, и всяка гора и холмъ смирится* (Иса. xl, 4), разумѣя не горы и холмы,—потому что этого не произошло,—но именемъ горъ называя безразсудныхъ, напыщенныхъ и высокомѣрныхъ, которыхъ всѣхъ смирилъ Христосъ смиреніемъ, исполненнымъ высоты, и горы сдѣлалъ равнинами, — примѣняя къ нимъ названіе безразсудныхъ не по высотѣ ихъ мысли, но по безплодности безумія, черствости души и безчувственности къ слову. Какъ гора не можетъ принести плода, такъ и безуміе; вѣрнѣе же, не такъ, но даже гораздо труднѣе. Гора не можетъ принести плода, а безуміе не только не даетъ какого-либо плода, но даже существующій дѣлаетъ блеклымъ и произросшій сушитъ; между тѣмъ смиренномудріе не только согрѣваетъ существующій (плодъ), но обычно рождаетъ даже не существовавшій.

4. Къ сказанному величайшіе примѣры—фарисей и мытарь. Тотъ, войдя съ безуміемъ, не только не принесъ какого-либо плода, но погубилъ даже существовавшій; а мытарь, будучи простымъ и не владѣя ничѣмъ добрымъ, совершаетъ для самого себя преуспѣяніе, потому что, когда онъ только посѣтовалъ и, наклонившись, счелъ самого себя несчастнымъ, возвратился, изобилуя многимъ оправданіемъ и превзойдя въ этомъ фарисея. Чтобы вы увидѣли и на самомъ дѣлѣ, и узнали на опредѣленныхъ лицахъ, гдѣ Христосъ смирилъ гору и холмъ, пусть обратится наше слово опять къ Павлу. Этотъ дѣлатель палатокъ,—я охотно вспоминаю часто объ его искусствѣ, чтобы ты зналъ, что не искусство—укоръ, но праздность — осужденіе и вина, — итакъ, этотъ Павелъ, будучи въ Саламинѣ, встрѣтился съ нѣкоторымъ правителемъ [1]) и его волхвомъ. Двойной утесъ—безуміе со стороны власти и ученіе отъ волхва. И когда онъ видѣлъ, что тотъ мерзкій и безстыдный звѣрь препятствуетъ правителю и разрушаетъ его (Павлово) ученіе, — послушай, что говоритъ, исполнившись Святаго Духа: *о, исполнение всякія льсти и всякія злобы, сыне діаволь* (Дѣян. xiii, 10)! Дуренъ не всякій укоръ, но укоръ

[1]) Такъ передаемъ ἀνθύπατος, оставленное въ слав. текстѣ безъ перевода. Разумѣется чиновникъ въ родѣ нашего вице-губернатора.

напрасный,—за него и Христосъ опредѣлилъ наказаніе, — а дѣлающій это въ надлежащее время подражаетъ врачу, рѣжущему въ надлежащее время и рѣзаньемъ устраняющему гниль. Это именно Павелъ и дѣлаетъ: *не престанеши ли развращая пути Господни правыя* (ст. 10)? Но онъ не принимаетъ твоихъ словъ, Павелъ; употреби какое-либо апостольское рѣшеніе, отврати языкъ, загради его уста, останови злой потокъ. Итакъ, что онъ дѣлаетъ? Показывая, что у него война не противъ людей, говоритъ: *и нынѣ се рука Господня на тя* (ст. 11). Самъ, сказавшій: *съ вами есмь во вся дни* (Мѳ. XXVIII, 20), былъ тогда и съ Павломъ, и онъ (Павелъ), имѣя это обѣщаніе, призываетъ Его, считаетъ для себя 522
справедливымъ сдѣлаться мстителемъ, примѣнить силу и устранить препятствіе. *И нынѣ се рука Господня на тя.* Сколь велико снисхожденіе Христа, сколь велико дерзновеніе Павла—какъ онъ поражаетъ (его) приговоромъ, и Христосъ тотчасъ соглашается съ говорящимъ! Что значитъ—*рука Господня*? Сила, поражающая противное. Она была всюду съ ними (апостолами), повинуясь съ готовностію, дѣлая ихъ дѣло жатвою, не допуская труда, ни бѣдствія, но устраивая по Своему. И сталъ онъ слѣпымъ, *не видя до времени* (ст. 11). Замѣчаешь ли мщеніе въ соединеніи съ человѣколюбіемъ? Вѣдь этотъ приговоръ—вразумленіе, а не наказаніе,—исправленіе, а не уничтоженіе. Потому именно онъ не иссушилъ руки, не вырвалъ языка, громко говорившаго злыя рѣчи, не искалѣчилъ ноги, но—самые глаза. Такъ какъ онъ самъ этимъ былъ исцѣленъ и удаленъ отъ грѣховнаго пути и гибельнаго состязанія, то и на него налагаетъ такое же врачество, какъ бы говоря: и я подвизался въ худомъ, и я видѣлъ предъ собою смерть; изъ-за этого я хорошо ослѣпленъ, чтобы видѣть лучшее; и къ тебѣ прилагаю это врачество: ослѣпляю твои внѣшніе глаза, чтобы открыть твои внутреннія очи. Тогда правитель, увидѣвъ происшедшее, увѣровалъ. Видишь ли, что гора сдѣлалась равниною, холмъ смирился, жатва совершена, сжатое приготовлено, зрѣлый плодъ собирается и Павелъ не терпѣлъ ни усталости, ни бѣдствія, но простымъ словомъ уловилъ правителя? Потому Онъ называетъ Евангеліе жатвою—по быстротѣ и легкости, какую оно доставляло имъ.

Такъ былъ уловленъ и тотъ евнухъ, иноземецъ и иноплеменникъ, обладавшій великимъ могуществомъ,—и не было потрачено тамъ даже сколько-нибудь времени, или труда: одновременно онъ (апостолъ) взошелъ на колесницу и началъ наставленіе; вѣрнѣе же, до этого восхожденія; и удивительно, что иноземецъ и иноплеменникъ, напыщенный могуществомъ,—такъ какъ въ его рукахъ была немалая власть,—позвалъ бѣднаго нищаго,

неизвѣстнаго, съ которымъ никогда не видѣлся и не знался,— его-то и позвалъ и возвелъ (на колесницу) и посадилъ съ собою. Кто это сдѣлалъ? Тотъ, кто сказалъ: *азъ съ вами есмь во вся дни до скончанія вѣка*,—Онъ сдѣлалъ входъ весьма желательнымъ и иноземца приготовилъ къ любомудрію, гору смирилъ и неизвѣстнаго сдѣлалъ (для него) ближе всякаго знакомаго. Не просто пробѣгай, не считай это дѣло простой исторіей, но подумай о величіи преуспѣянія. Если теперешніе начальники, будучи вѣрующими, воспитываясь въ смиренномудріи и ничего не имѣя варварскаго, не могутъ допустить, чтобы — не говорю: неизвѣстный, странникъ — но кто-либо изъ знакомыхъ запросто сѣлъ съ ними на площади, то какъ тотъ (допустилъ) странника? Не перестану говорить объ этомъ, что именно странника, никогда невидѣннаго, простого, на взглядъ ничтожнаго—его и возвелъ, посадилъ, языку его отдалъ свое спасеніе, снизошелъ сдѣлаться ученикомъ, и проситъ, заклинаетъ, умоляетъ, говоря: *молю тя, о комъ пророкъ глаголетъ сіе* (Дѣян. VIII, 34)? и съ большимъ вниманіемъ принимаетъ, что тотъ говоритъ. И не только (принимаетъ), но, принявъ, не остался безпечнымъ, не отсрочилъ, не сказалъ: возвращусь въ свое отечество, увижу друзей, домашнихъ и родственниковъ,—что теперь говорятъ многіе изъ хри-
523 стіанъ, призываемыхъ къ крещенію: возвращусь (говорятъ они) въ свое отечество, увижу жену, увижу дѣтей и моихъ родственниковъ; въ ихъ присутствіи, въ сопраздновапіи ихъ со мною, я и воспользуюсь крещеніемъ, пріобщусь благодати. Но тотъ иноземецъ не сказалъ тогда этихъ словъ, и хотя былъ іудеемъ и наученъ тщательно наблюдать мѣста, особенно же постоянно ему внушалось наблюдать это мѣсто, почему онъ предпринялъ и далекое путешествіе, чтобы поклониться на томъ мѣстѣ, на которомъ повелѣлъ Богъ,—онъ однакожъ, сразу отвергши весь тотъ обычай и оставивъ такое наблюденіе, какъ только было закончено слово, и какъ увидѣлъ онъ источникъ возлѣ пути, говоритъ: *се вода: что возбраняетъ ми креститися* (ст. 36)? Видишь ли, что опять жатва совершается? Видишь ли, что нисколько не было потрачено времени, но сразу и земля приняла, и пышный колосъ произвела, и гроздъ сдѣлался зрѣлымъ? *Се вода*, говоритъ. Не искалъ онъ ни стѣнъ, ни золотого потолка, ни заготовки одеждъ, ни обуви; но такъ какъ у него была воля приготовлена, онъ кипѣлъ желаніемъ, былъ воспламененъ ревностію, то тотчасъ прибѣгъ къ благодати, и побуждаетъ учителя поруководствовать его къ тайноводству и пріобщить къ тѣмъ безсмертнымъ и страшнымъ таинамъ. Поэтому и тотъ сейчасъ согласился, одобривъ готовность, и крестилъ его. Значитъ Онъ называетъ Еван-

геліе жатвою—по легкости, какую оно доставляло имъ. Также и въ другомъ мѣстѣ говорится, что внимали словамъ Павла, потому что Господь открылъ сердце ихъ внимать словамъ его. А когда слышишь, что Онъ горы смиряетъ, жатву совершаетъ, дѣлаетъ плодъ зрѣлымъ и много облегчаетъ,—не лишай вѣрую- 524
щихъ ихъ величайшихъ преуспѣяній, потому что Онъ не насиловалъ свободу воли, не оскорблялъ самодовлѣемость, но содѣйствовалъ, помогалъ, простиралъ руку. Если бы все было (дѣломъ) Его, то ничто не мѣшало бы всѣмъ спастись; но теперь одно бываетъ Его, а другое—приступающихъ; приступающихъ—пожелать и избрать, выказать отъ себя много готовности и искренней вѣры, а Его—доставить дары, сдѣлать слово легко познаваемымъ и ученіе яснымъ, повергнуть сѣмена и помочь слушанію стать зрѣлымъ. Итакъ, помышляя обо всемъ этомъ, и мы возьмемъ Его въ трудѣ за добродѣтель союзникомъ и помощникомъ, привнося все отъ себя. Если въ дѣлѣ, соединенномъ съ такою трудностію, Онъ такъ легко преуспѣлъ, не въ одномъ, двухъ, двадцати городахъ, но всюду во вселенной,—разумѣю именно проповѣдь и ученіе,—такъ что вся земля, насколько солнце ее озираетъ, оказалась засѣянной и изобилующей прекраснымъ этимъ плодомъ, то вполнѣ очевидно, что и въ трудахъ за добродѣтель Онъ будетъ содѣйствовать намъ, если только мы не будемъ безпечны и холодны, но будемъ привносить отъ себя свое—готовность, усердіе, желаніе, мысль, неусыпность, попеченіе, свободу отъ житейскихъ дѣлъ, исканіе будущаго и каждодневное къ нему стремленіе. Если мы будемъ доставлять это съ тщательностію, то и отъ Него все послѣдуетъ, и, когда такъ будетъ, мы достигнемъ небесныхъ благъ,—которыхъ да сподобимся всѣ мы достигнуть благодатію и человѣколюбіемъ Господа нашего Іисуса Христа, Которому слава и держава во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА XI.

Бесѣда его же, сказанная послѣ того, какъ предварительно говорилъ другой, очень старый,—объ Елеазарѣ и семи отрокахъ[1]).

1. Какъ цвѣтиста эта духовная маслина! При своихъ пре- 523
старѣлыхъ вѣтвяхъ, она принесла намъ зрѣлый плодъ. Не таковы

[1]) Произнесена была святителемъ наканунѣ дня памяти мучениковъ Маккавеевъ, который тогда праздновался также 1 августа. Говорившій предварительно—неизвѣстенъ.

растенія земли, каковы деревья Церкви: тѣ, достигши старости, теряютъ потомъ бо́льшую часть листьевъ и, если какой принесутъ плодъ, приносятъ его отцвѣтшимъ и вялымъ; а эти, когда достигнутъ старости, тогда особенно изобилуютъ плодомъ. Это именно можно видѣть и на говорившемъ сегодня; потому и я рѣшилъ молчать: нужно было молодому молчать, въ присутствіи столькихъ стариковъ и умѣющихъ говорить. Такъ наставляетъ насъ и божественное Писаніе: когда оно бесѣдуетъ съ молодымъ, говоритъ: *глаголи, юноше, аще тебѣ есть потреба, едва дващи, аще вопрошенъ будеши: сократи малыми многая* (Сир. xxxii, 9, 10). Со старцемъ оно не бесѣдуетъ о такихъ ограниченіяхъ, но, оставивъ его, позволяетъ и внѣ такихъ предѣловъ состязаться; и опять, дивясь удовольствію отъ сказываемаго, когда сказывается съ разумомъ, (премудрый) такъ говоритъ: *глаголи, старѣйшино, подо-*
524 *баетъ бо ти*, но *испытанною хитростію, и* возбраниши [1]) *мусикіи* (ст. 4, 5). Что значитъ: *и* возбраниши *мусикіи?* Этимъ показываетъ, что не такъ пріятны слушателямъ флейта, киѳара и свирѣль, какъ ученіе старца, предлагаемое съ точнымъ знаніемъ. Сравнивая удовольствіе съ удовольствіемъ, онъ говоритъ, что это намного могущественнѣе того, и это господствуетъ, а то ему уступаетъ; потому и говоритъ: помѣшаешь *мусикіи*, то есть, не дозволишь ей являться, затемнишь ее, закроешь ее.

Потому именно и намъ нужно было молчать и слушать, а ему говорить и учить; но,—что часто я говорилъ, это и теперь скажу,—я не переношу ни вашей требовательности, ни принужденія съ ихъ стороны (т. е., старшихъ); потому опять приготовляюсь къ обычному состязанію, къ трудному дѣлу, къ рѣчи, пользуясь большимъ удобствомъ, не вслѣдствіе собственной силы, но готовности со стороны васъ, слушателей. Вѣдь и недавно [2]) также слово не потонуло, унесшись на такую глубину, и нигдѣ у васъ не потерпѣло крушенія, проходя столь широкое море; а причина тому та, что нигдѣ нѣтъ скалъ, ни подводныхъ камней, ни утесовъ, но всюду море спокойнѣе пристани; и оно (слово) сопутствовалось до тихой пристани, какъ бы нѣкоторымъ вѣтромъ,
525 дующимъ въ корму, усердіемъ вашего слушанія. Сразу оно и сходило съ нашего языка, и всѣ принимали его съ распростертыми руками, и хотя въ немъ было много трудности,—такова именно была природа недавнихъ мыслей,—однакожъ избыткомъ усердія и напряженіемъ ума вы со всею тщательностію ободряли насъ въ трудѣ и сдѣлали трудное легкимъ. Вы не дозволили

---

[1]) Въ Библіи: καὶ μὴ ἐμποδίσῃς=*и не возбрани.*

[2]) Неизвѣстно, какая это была бесѣда.

(слову) упасть ни на камень, ни въ терніе, ни на дорогу, но все приняли въ тучную и плодородную пашню, въ глубину вашей души. Потому мы и видимъ ежедневно, что пышные посѣвы питаются легкими вѣяніями (Святаго) Духа вмѣсто вѣтра, и зрѣлище ежедневно у насъ бываетъ блестящимъ. Потому именно и сегодня я желалъ бы заняться остающимся (у меня). Но что я испытываю? Хоръ Маккавеевъ стоитъ предъ моими глазами и, осіевая мою мысль блескомъ своихъ ранъ, зоветъ нашу рѣчь къ своей красотѣ. Но пусть никто не считаетъ неблаговременнымъ для слова, что, между тѣмъ какъ день борьбы завтра, мы сегодня плетемъ вѣнки, и объявляемъ побѣдный знакъ до надлежащаго времени войны. Вѣдь если, при совершеніи браковъ, брачущіеся и опочивальни устраиваютъ раньше назначеннаго дня, и украшаютъ свои дома вѣнками и занавѣсами, то тѣмъ болѣе мы будемъ дѣлать это, такъ какъ этотъ бракъ духовнѣе, сочетается не мужъ съ женою, но Богъ съ душами людей. Потому не погрѣшилъ бы кто-нибудь, назвавъ душу мучениковъ невѣстою, невѣстою духовною,—потому что и они приносятъ свою кровь въ качествѣ приданаго,—приданаго, никогда неистрачиваемаго. Но время похвалъ пусть ждетъ насъ до завтрашняго дня; а сегодня будемъ исправлять болѣе немощныхъ изъ нашихъ братій. Такъ какъ многіе изъ очень простыхъ, по недостатку своей мысли, увлекаясь врагами Церкви, не имѣютъ надлежащаго мнѣнія относительно этихъ святыхъ, и не считаютъ ихъ въ то же время въ остальномъ сонмѣ мучениковъ, говоря, что они пролили свою кровь не за Христа, но за законъ и за писаніе закона, будучи заколоты за свиное мясо,—вотъ именно мы исправимъ эту ихъ мысль, потому что и стыдно было бы совершающимъ торжество не знать основанія торжества.

2. Итакъ, чтобы, при общей радости всѣхъ, не скорбѣли только болѣющіе этимъ, но обнимали бы подвижниковъ неподдѣльною мыслію и смотрѣли бы на нихъ чистыми очами, мы поднесемъ сегодня успокоительное для ихъ мысли, и подготовимъ къ тому, чтобы завтра они пришли на духовное торжество съ свѣтлымъ настроеніемъ и чистою мыслію. Я настолько не отказываюсь считать ихъ наряду съ остальными мучениками, что даже объявляю ихъ болѣе блестящими. Они подвизались тогда, когда еще не были сломаны мѣдныя врата, ни снятъ былъ желѣзный засовъ, когда еще грѣхъ властвовалъ, проклятіе процвѣтало, крѣпость діавола стояла и жестокъ былъ еще путь такой добродѣтели. Теперь даже совершенные отроки и много нѣжныхъ дѣвицъ и незамужнихъ всюду во вселенной вооружились противъ власти смерти; а тогда, до пришествія Христа, даже праведники сильно 526

ея трепетали. Моисей убѣжалъ по этому страху; и Илія изъ-за этого тайно ушелъ въ сорокадневный путь; и патріархъ Авраамъ изъ-за этого совѣтовалъ своей женѣ говорить, что „я сестра его. а не жена". И къ чему говорить объ остальныхъ? Самъ Петръ такъ боялся смерти, что не перенесъ угрозы даже привратницы,— потому что страшна она была и недоступна, еще не были усѣчены ея жилы, ни могущество ея не было уничтожено. Но, однако. эти (Маккавеи) преодолѣли и побороли ее, когда вѣяло такимъ страхомъ отъ нея. Такъ какъ имѣло уже взойти Солнце правды, то что̀ днемъ бываетъ, и тогда произошло. Какъ для насъ является свѣтлое утро, когда еще не явилось даже солнце, когда еще не видны бываютъ лучи, а свѣтъ лучей осіеваетъ вселенную издали,— такъ и тогда произошло. Такъ какъ имѣло придти Солнце правды,—тьма робости, наконецъ, уничтожилась, хотя Онъ и не присутствовалъ еще по плоти, а былъ вблизи, въ преддверіи, и уже касался самыхъ вещей.

Итакъ, что они выказали много мужества, подвизавшись въ такія времена, всякому, конечно, очевидно; а что они получили раны также за Христа,—это я уже попытаюсь показать. За что они страдали, скажи мнѣ? За законъ, скажешь, и писаніе закона. Значитъ, если бы явился Христосъ, давшій тотъ законъ,—не очевидно ли вполнѣ, что, пострадавъ за законъ, они выказали бы всю ту твердость за Законодателя? Итакъ, сегодня вотъ это покажемъ,—что Христосъ есть Законодатель. Кто это говоритъ? Знающій ясно ветхое и новое,—Павелъ, учитель вселенной. Въ посланіи къ Коринѳянамъ онъ такъ говоритъ: *не хощу же васъ не вѣдѣти, братіе, яко отцы наши вси подъ облакомъ быша, и вси сквозѣ море проидоша, и вси въ Моисеа крестишася во облацѣ и въ мори, и вси тожде брашно духовное ядоша*,—говоря такъ о маннѣ,— *и вси тожде пиво духовное пиша*,—говоря такъ о водѣ изъ камня (1 Кор. x, 1—4). Потомъ, показывая, что Христосъ совершалъ эти чудеса, присоединилъ: *піяху бо отъ духовнаго послѣдующаго камене: камень же бѣ Христосъ* (ст. 4). И естественно: не природа камня изводила воду и тѣ потоки, но сила Христа, поражая камень, заставляла источники истекать. Потому онъ и назвалъ камень духовнымъ, и сказалъ, что онъ слѣдовалъ (за ними); чувственный же камень не слѣдуетъ, но находится на одномъ мѣстѣ; всюду присутствующая и во всемъ чудотворящая сила—она прорвала и камень. Если іудей не можетъ выносить этихъ словъ, мы побѣдимъ его собственнымъ его оружіемъ, не бесѣдуя ни о чемъ изъ Павла, Петра и Іоанна, но изъ его пророковъ, чтобы онъ зналъ, что у него дѣла, а у насъ пониманіе (ихъ).

3. Итакъ, кто изъ пророковъ это говоритъ,—что Онъ далъ

ветхій завѣтъ? Освященный отъ утробы (матери) Іеремія, сіявшій въ юности. Гдѣ и когда? Слушай его слова, и изъ сказаннаго ясно научись. Итакъ, какія это слова? *Се дніе грядутъ, глаголетъ* 527
Господь (Іерем. XXXI, 31). Сначала онъ вдругъ поднимаетъ слушателя, и пробуждаетъ духъ слушающихъ, показывая, что не его это слова, но пославшаго его Бога. *Се дніе грядутъ.* Потомъ показываетъ, что онъ съ нами бесѣдуетъ о будущихъ вещахъ. Итакъ, какимъ образомъ Онъ далъ ветхій (завѣтъ), если бесѣдуетъ о будущемъ? Подожди и не безпокойся, и тогда ясно увидишь блескъ истины. Когда онъ это говорилъ, законъ былъ данъ и нарушенъ, а новый еще нѣтъ. Итакъ, уяснивъ это въ вашихъ мысляхъ, примите разрѣшеніе недоумѣній для многихъ. *Се дніе грядутъ, глаголетъ Господь*, обозначая настоящее время, *и завѣщаю вамъ завѣтъ новъ, не по завѣту, егоже завѣщахъ отцемъ ихъ* (ст. 31, 32). Спрошу іудея, спрошу немощного брата: кто далъ новый завѣтъ? Конечно, всякій скажетъ, что Христосъ. Итакъ, Онъ и ветхій (далъ), — потому что сказавшій, что *завѣщаю завѣтъ новъ, не по завѣту, егоже завѣщахъ,* (тѣмъ) показалъ, что Онъ завѣщалъ и тотъ; итакъ, обоихъ завѣтовъ одинъ Законодатель. А когда, скажи мнѣ, Онъ завѣщалъ ветхій? *Въ день въ оньже емшу ми за руку ихъ, извести я изъ земли Египетскія.* Смотри, какъ Онъ показалъ и легкость исхода, и Свою нѣжную любовь, и безопасность тогдашняго изведенія, и что всѣ египетскія чудеса совершалъ Онъ. Тѣмъ, что Онъ сказалъ: *емшу ми за руку ихъ, извести я изъ земли Египетскія*, обозначилъ всѣ чудеса,—потому что тотъ исходъ былъ по необычайнымъ знаменіямъ. И *тіи не пребыша въ завѣтѣ моемъ, и азъ не брегохъ ихъ, глаголетъ Господь.* Итакъ, отсюда очевидно, что одинъ Законодатель ветхаго и новаго завѣта. Здѣсь, если кто тщательно вникнетъ въ сказанное,— увидитъ, что оно полно немалаго затрудненія,—потому что, говоря о причинѣ, по которой Онъ намѣренъ давать другой завѣтъ, назвалъ его новымъ, то есть, необычнымъ: *завѣщаю*, говоритъ, *завѣтъ новъ, не по завѣту, егоже завѣщахъ отцемъ ихъ, яко тіи не пребыша въ завѣтѣ моемъ, и азъ не брегохъ ихъ, глаголетъ Господь.* И потому, нужно было, чтобы они были наказаны, понесли крайнее возмездіе и подверглись тяжкому мщенію,—за то, что, вкусивъ столько чудесъ и получивъ законъ, они нисколько не сдѣлались лучшими. Но Онъ не требуетъ отъ нихъ возмездія, но обѣщаетъ даже больше прежняго. Итакъ, сегодня слѣдовало бы присоединить рѣшеніе и этого затрудненія; но такъ какъ у насъ слово стремится къ другому, и мы желаемъ воспитывать васъ такъ, чтобы не все отъ насъ учиться, но находить и самимъ кое-что,—оставляю это для васъ,—ищите и найдите. Если

увидимъ, что искали, но не нашли,—тогда и сами протянемъ
руку; а чтобы нахожденіе сдѣлалось для васъ легче, я уже
скажу вамъ напередъ апостольскія мѣста, въ которыхъ особенно
можно найти сокровище и рѣшеніе этого затрудненія,—именно,
онъ (апостолъ) разсмотрѣлъ этотъ предметъ и разрѣшилъ въ по-
сланіяхъ къ Римлянамъ, Галатамъ и Евреямъ. Тѣ, которые трудо-
любивы, въ состояніи будутъ найти это рѣшеніе, обратившись
528 къ посланіямъ, если въ промежуточные эти дни вы не предади-
тесь неумѣстнымъ собраніямъ, ни глупой болтовнѣ, но будете
отыскивать сокровище съ настойчивою заботою о сказанномъ.
Оставивъ пока это нерѣшеннымъ, приступимъ къ слѣдующему
далѣе. А что это слѣдующее? *Яко сей завѣтъ, егоже завѣщаю* вамъ,
*глаголетъ Господь: дая законы моя въ мысли ихъ, и на сердцахъ ихъ
напишу я. И не научитъ кійждо ближняго своего, и кійждо брата
своего, глаголя: познай Господа: яко вси познаютъ мя отъ мала до
великаго ихъ, яко милостивъ буду неправдамъ ихъ, и грѣховъ ихъ* и
беззаконій ихъ *не помяну ктому* (ст. 33, 34). Сказавъ о ветхомъ
завѣтѣ, который Онъ далъ, сказавъ и о новомъ, который Онъ
намѣренъ дать, Онъ описываетъ также красоту его, показываетъ
черты его и полагаетъ другъ за другомъ признаки, чтобы ты
зналъ, какъ велико различіе новаго въ отношеніи ветхаго,—раз-
личіе, не противоположность,—какъ велико преимущество, какъ
великъ блескъ, какъ велико сіяніе даровъ и благодати.

4. Итакъ, въ чемъ черты новаго? *Дая законы моя въ мысли
ихъ, и на сердцахъ ихъ напишу я.* Ветхій законъ былъ написанъ
на каменныхъ скрижаляхъ, и, когда первыя скрижали были раз-
биты, Моисей изсѣкъ опять другія и, тамъ начертавъ письмена,
сошелъ со скрижалями, по природѣ сродными безчувствію при-
нимающихъ. А новый не такъ, — потому что не были изсѣчены
скрижали, когда давался новый завѣтъ,—но какъ и какимъ обра-
зомъ? Слушай повѣствующаго Луку: *быша вси единодушно вкупѣ*,
говоритъ: *и бысть внезапу съ небесе шумъ яко носиму дыханію
бурну: и явишася имъ раздѣлени языцы яко огненни: сѣде же на
единомъ коемждо ихъ, и исполнишася Духа свята, и начаша глаго-
лати языки, якоже Духъ даяше имъ* (Дѣян. II, 1—4). Видишь ли,
какъ пророкъ ясно предвозвѣстилъ это издавна, сказавъ: *дая за-
коны моя въ мысли ихъ, и на сердцахъ ихъ напишу я.* Благодать
Духа, данная Богомъ, чтобы она обитала въ мысляхъ ихъ, сдѣ-
лала ихъ живыми столпами[1])... и прикрываетъ мысль эту Своею
славою; потому и говорилъ (апостолъ), что онъ посланъ былъ
проповѣдывать *не въ премудрости слова, да не испразднится крестъ*

---

[1]) Нѣкоторый пропускъ въ текстѣ.

Христовъ (1 Кор. I, 17),—и опять: *не обуи ли Богъ премудрость міра сего* (ст. 20)?—здѣсь всюду говоритъ о крестѣ. *Понеже*, говоритъ, *Іудее знаменія просятъ, и Еллини премудрости ищутъ, мы же проповѣдуемъ Христа распята, Іудеемъ соблазнъ, Еллиномъ же безуміе, самимъ же званнымъ, Іудеемъ и Еллиномъ, Христа Божію силу и Божію премудрость: зане буее Божіе премудрѣе человѣкъ есть, и немощное Божіе крѣпчае человѣкъ есть* (ст. 22—25); глупымъ Божіимъ и немощнымъ Божіимъ онъ называетъ крестъ, не потому, что это глупо—что мудрѣе его?—и не потому, что немощно—что сильнѣе его?—но выражаетъ мнѣніе невѣрующихъ, которое они имѣли относительно этого предмета. Потому и выше онъ говорилъ: *слово бо крестное погибающимъ юродство есть, а* 329
спасаемымъ сила Божія есть (ст. 18). Но должно заимствовать сужденіе о предметахъ не отъ погибающихъ,—а то вѣдь больные считаютъ горькимъ даже медъ, но это вина болѣзни, а не приговоръ меду. Такъ именно и крестъ для внѣшнихъ кажется глупымъ дѣломъ, но онъ не таковъ въ дѣйствительности. Потомъ, показывая, что (крестъ) не только не есть глупое, но даже очень мудрое дѣло, и не только не немощное, но даже очень сильное,—онъ сравниваетъ преуспѣянія его и съ твореніемъ, и съ ветхимъ (завѣтомъ), и съ внѣшнею мудростію, и показываетъ, что чего не нашла ни внутренняя мудрость, или внѣшняя, чему не научились многіе изъ людей изъ творенія, въ чемъ не попользовались отъ ветхаго, въ этомъ имѣло силу кажущееся глупымъ и немощнымъ,—кажущееся, не таковое въ дѣйствительности. Поэтому онъ, обладая доказательствомъ изъ самыхъ дѣлъ, выходитъ съ большимъ дерзновеніемъ на борьбу—прежде всего противъ внѣшней мудрости, и говоритъ: *гдѣ премудръ* (ст. 20)? Что значитъ: *гдѣ премудръ?* Онъ какъ бы говорилъ: гдѣ ученія философовъ? Гдѣ ораторовъ? Гдѣ ученыхъ? Гдѣ писателей? Исчезли всѣ, погибли и упразднились. Такъ была блестяща побѣда, что даже въ концѣ они не являются. Потому, когда они такъ исчезли изъ виду и были развѣяны какъ бы нѣкоторая пыль, онъ такъ спрашиваетъ и говоритъ: *гдѣ премудръ?* Явился крестъ, и все то было разрушено; раздался голосъ проповѣди, и разсѣялось легче паутины. *Гдѣ премудръ?* Гдѣ хвастливость рѣчей? Гдѣ красота краснорѣчія? Гдѣ сила хитрыхъ умозаключеній? Гдѣ стремительность словъ? Гдѣ острота языка? Гдѣ собранія и засѣданія? Все это разсѣяно, погибло, истреблено, исчезло и обратило тылъ. *Гдѣ книжникъ?* Гдѣ, говоритъ, (дѣла) іудеевъ? Проповѣдь и ими овладѣла и, какъ солнце, покрыла тѣнь. Въ чемъ столько времени въ одномъ народѣ былъ безсиленъ законъ,—въ этомъ, съ бо́льшимъ изобиліемъ, всюду преуспѣлъ крестъ, уничтоживъ грѣхи, даровавъ

оправданіе, приготовивъ святыхъ людей, наставивъ въ богознаніи, ставъ руководителемъ на небо. Потомъ, оставивъ іудейское, опять возвращается къ эллинскому: *гдѣ совопросникъ вѣка сего?* Здѣсь онъ намекаетъ на еретиковъ и умозаключателей, которые до этого были острѣе меча, а когда явился крестъ, были поражены легче всякой глины. *Не обуи ли Богъ премудрость міра сего?* Опять вооружается противъ эллинской мудрости. Что значитъ: *обуи?* (Этимъ словомъ) показалъ, что она глупа; и дѣйствительно (такова) она была. И ихъ *и грѣховъ ихъ* и беззаконій ихъ *не помяну ктому* (Iерем. xxxi, 34). Пророкъ описываетъ намъ блескъ ветхаго (завѣта); а апостолъ сопоставляетъ тотъ и другой, такъ какъ онъ боролся съ іудеями; сказавъ выше: *не на скрижалѣхъ каменныхъ, но на скрижалѣхъ сердца плотяныхъ*, здѣсь (говоритъ): *не писмене, но Духу: писмя бо убиваетъ, а Духъ животворитъ* (2 Кор. iii, 3, 6).

5. Нѣкто собиралъ дрова въ субботу, и былъ побитъ кам-
530 нями (Числ. xv, 32, 36). Видишь ли, какъ буква убиваетъ, то есть, законъ наказывалъ? А знаешь ли, какъ Духъ животворитъ? Входитъ нѣкто, исполненный множества золъ—кто распутничалъ, хищничалъ, былъ любостяжателемъ, прелюбодѣйствовалъ, достигъ всякаго порока, уже умерщвленъ былъ грѣхомъ; беретъ его благодать Духа въ купель,—и распутника дѣлаетъ сыномъ Божіимъ, умерщвленнаго грѣхомъ рождаетъ для жизни. Это значитъ: *а Духъ животворитъ*. Какъ животворитъ? Не требуя отчета въ прегрѣшеніяхъ, по пророку: *милостивъ буду неправдамъ ихъ, и грѣховъ ихъ* и беззаконій ихъ *не помяну ктому*. Спроси опять іудея: гдѣ такъ было въ законѣ? Но онъ не сможетъ указать. И собиравшій дрова побивался камнями, и блудница сожигалась, и Моисей лишился земли обѣтованія за одинъ грѣхъ; а при благодати, совершившіе неисчислимые ужасы рождаются въ жизнь, вкусивъ крещенія, и отъ нихъ не требуется никакого возмездія за прегрѣшенія. Потому и Павелъ говорилъ: *не льстите себе: ни блудницы, ни малакіи, ни мужеложницы, ни прелюбодѣи, ни татіе, ни лихоимцы, ни піяницы, ни досадители, ни хищницы царствія Божія не наслѣдятъ. И сими нѣцыи бысте, но омыстеся, но освятистеся, но оправдистеся именемъ Господа Іисуса, и Духомъ Бога нашего* (1 Кор. vi, 9—11). Видишь ли, какъ блещетъ пророческое,—что *милостивъ буду неправдамъ ихъ*,—какъ сіяетъ апостольское, — что *Духъ животворитъ?* Желаешь ли знать также другое,—апостола Павла, говорящаго, какъ въ короткое время онъ прошелъ всю вселенную? Выслушай, что онъ говоритъ: *якоже ми отъ Іерусалима и до Иллирика исполнити благовѣствованіе;* и опять: *нынѣ же ктому мѣста не имый въ странахъ сихъ, желаніе же имый видѣти васъ, яко, аще поиду во Испанію, уповаю видѣти васъ,*

аще васъ *прежде отъ части насыщуся* (Рим. xv, 19, 23, 24). А если одинъ апостолъ въ короткое время прошелъ большую часть вселенной,—подумай, какъ уловили ее всю также другіе. Потому и говорилъ онъ: Евангелія проповѣданнаго *всей твари поднебеснѣй* (Колос. i, 23),—объясняя пророческое: *яко вси познають мя отъ мала до великаго ихъ*. Но, что Христосъ далъ законъ,—изъ этого очевидно; и что, будучи закланы за законъ, они проливали свою кровь за Законодателя,—и это ясно. Прошу, наконецъ, вашу любовь придти на торжество съ большою готовностію; устремитесь къ ранамъ мучениковъ, какъ пчелы изъ ульевъ, и уважьте ихъ мученія, нисколько не боясь длиннаго пути. Вѣдь если старецъ Елеазаръ пренебрегъ огнемъ, и мать тѣхъ блаженныхъ перенесла столько мукъ въ крайней старости, то чѣмъ вы сможете оправдаться, чѣмъ извиниться, не пройдя для созерцанія той борьбы даже небольшого разстоянія?.. [1]).

СЛОВО

о печатяхъ (священныхъ) книгъ, и (о томъ) что̀ приноситъ Сынъ Отцу и Отецъ Сыну, и о домоправленіи Спасителя [2]).

1. Священная наука—великое средство души для спасенія. 531
Желѣзо остритъ желѣзо, а божественное слово изощряетъ душу; тѣло питается хлѣбомъ, а душа укрѣпляется божественнымъ словомъ,—какъ говоритъ и блаженный Моисей, полагая въ основаніе питаніе божественнымъ ученіемъ: *не о хлѣбѣ единомъ живъ будетъ человѣкъ, но о всякомъ словеси исходящемъ изъ устъ Божіихъ* (Втор. viii, 3). Итакъ, слово Божіе—питаніе души. Для созданной по образу міроустроителя — Слова, почтенной разумомъ и удостоенной разумной свободы что можетъ быть естественнѣе слова, питающаго ее (душу), наставляющаго и быстро возвращающаго

---

[1]) Эта бесѣда не имѣетъ обычнаго заключенія.

[2]) Относительно автора этого *Слова* у древнихъ было два мнѣнія: 1) бл. Θеодоритъ († 457) усвоялъ его Северіану († 415), еп. Габала (города на верх. теченіи р. Герма, въ М. Азіи); 2) папа Адріанъ I († 785) усвоялъ св. І. Златоусту, потому что въ своемъ посланіи къ имп. Константину VI и его матери Иринѣ (устроившимъ VII-й всел. соборъ между 25 сент.—22 окт. 787) онъ беретъ отсюда выдержку съ именемъ св. І. Златоуста. Также во всѣхъ спискахъ это *Слово* съ именемъ св. І. Златоуста. Однако первое мнѣніе вѣрнѣе, такъ какъ складъ рѣчи не напоминаетъ златоустовскій.

къ ея собственному достоинству? А словомъ, братіе, мы называемъ не хитро придуманное ученымъ краснорѣчіемъ для убѣдительности, но для истины засвидѣтельствованное простотою вѣры. И въ жизни, и въ словѣ должна считаться поддѣльною всякая добродѣтель, которая не приняла начатковъ отъ божественнаго Учителя; и насколько отдѣлены тѣнь отъ тѣла, и сновидѣніе отъ истины, настолько отстоитъ признанная мудрость міра отъ истинной Божіей мудрости. Отсюда и блаженный Павелъ, сосудъ избранія, нѣкогда вышедшій на худую ловлю святыхъ, но сдѣлавшійся прекрасной добычей для спасенія людей,—точно говорилъ, сопоставляя благочестивое и истинное слово съ поддѣльнымъ: *премудрость же глаголемъ въ совершенныхъ, премудрость*
532 *же не вѣка сего, но премудрость Божію въ тайнѣ* (1 Кор. II, 6, 7). Итакъ, премудрость у насъ—это пророческая рѣчь, апостольское ученіе и благовѣстіе царствія, вершина разумной власти. Когда мы слушаемъ евангеліе, братіе, будемъ усвоять образъ мыслей, достойный этого названія. Часто многіе, по обычному употребленію именъ, не знаютъ силы самыхъ дѣлъ. А евангеліе есть объясненіе дѣла, потому что оно благовѣствуетъ намъ многопѣтое домоправленіе Спасителя,—что Богъ по человѣколюбію былъ среди людей, не сложивъ предварительно съ Себя предвѣчное достоинство, но принявъ на Себя спасительное домоправленіе; благовѣствуетъ намъ евангеліе, что къ болѣющимъ пришелъ врачъ, ухаживающій не съ лѣкарствами, но исцѣляющій мановеніемъ человѣколюбія; благовѣствуетъ намъ, что заблудившимся показанъ путь, находящимся во тьмѣ возсіялъ свѣтъ, для отчаявшихся спасеніе. Когда мы, воспитываемые закономъ, не обращались, руководствуемые пророчествами, не отзывались на познаніе истины, и, по нашей неблагодарности, все было въ опасности гибели, и человѣческія дѣла (въ опасности) уничтоженія,—какъ увидѣло Божіе человѣколюбіе, что мы отказались отъ воспитанія по закону, уклонились отъ пророческаго руководства,—оно побѣдило неразуміе многою и безмѣрною благостію и, предложивъ для всей вселенной евангеліе царствія, какъ нѣкоторый царскій даръ, даровало недостойнымъ все по человѣколюбію. Итакъ, спасительная благодать предупредила, благодѣтельствуя всѣмъ различно: рабовъ освобождая, нищихъ богатя, изгнанныхъ призывая, плѣнныхъ выкупая,—сдѣлалась всѣмъ для всѣхъ, не по нашему достоинству, но по самой благости, при-
533 личной благодѣтелю, Который, будучи по природѣ простымъ, недѣлимымъ, безъ внѣшняго вида, самъ Богъ отъ Бога, образъ Невидимаго, *сіяніе славы и образъ ипостаси* (Евр. I, 3), принимаетъ на Себя различныя названія, несогласныя съ Его приро-

дою, но приличествующія благодѣянію. Такъ какъ все человѣческое пало, то Онъ по родству беретъ все на Себя, принимая названія по обновляющей все благодати. Былъ большой голодъ, голодъ божественнаго слова,—голодъ, которымъ угрожалъ Богъ синагогѣ, говоря: *послю имъ не гладъ хлѣба, ниже жажду воды, но гладъ слышанія слова Господня* (Амос. viii, 11),

2. Когда Онъ увидѣлъ вселенную голодающею и гибнущею отъ голода,—такъ какъ что для тѣла недостатокъ пищи, то для души недостатокъ знанія,—Источникъ благъ восклицаетъ чрезъ Евангелія: *азъ есмь хлѣбъ сшедый съ небесе, и даяй животъ міру* (Іоан. vi, 41, 33). Чувственный хлѣбъ исходитъ отъ земли, по сказанному: *извести хлѣбъ отъ земли* (Псал. ciii, 14); а небесный источается съ неба: *азъ есмь хлѣбъ сшедый съ небесе.* Жаждущая земля была пустою, лишенною божественнаго слова и невкушающею духовнаго орошенія. Что же? Та же самая благодать, источая благодѣяніе, опять восклицаетъ: *аще кто жаждетъ, да пріидетъ ко мнѣ и піетъ* (Іоан. vii, 37). Когда различно восклицали пророки, и весь сонмъ святыхъ жаждалъ Его пришествія, говоря: *Боже, Боже мой, къ Тебѣ утреню: возжада душа моя къ Богу живому* (Псал. lxii, 2; lxi, 3),—Онъ, желая показать, что Онъ есть (Тотъ), Котораго жаждали пророки, восклицаетъ чрезъ Евангелія: *аще кто жаждетъ, да пріидетъ ко мнѣ и піетъ.* Если есть кто-нибудь по говорящему: *возжада тебе душа моя* (Псал. lxii, 2),—пусть идетъ ко Мнѣ. Онъ увидѣлъ опять вселенную нагою,—нагою не по тѣлу, но обнаженною въ отношеніи добродѣтели,—увидѣлъ образъ, который создалъ, и пожалѣлъ созданное,—и даетъ въ одѣяніе нагимъ самого Себя, какъ уже и раньше мы сказали тогда: *елицы во Христа крестистеся, во Христа облекостеся* (Гал. iii, 27). Земля была въ блужданіи, ища пути, и не находя,—всякая вѣдь душа имѣетъ въ самой себѣ сѣмя богословія, и хотя имѣла, не знала, какъ найти сильно желаемое. Итакъ, когда заблудившіеся не находили пути,—Онъ говоритъ: *азъ есмь путь* (Іоан. xiv, 6). Но ты мертвъ? *Азъ есмь воскресеніе* (Іоан. xi, 25). Но ты, нуждаясь въ руководствѣ, немощенъ? Я жезлъ изъ корня Іессеева, укрѣпляющій немощныхъ, о которомъ пророкъ говорилъ: *жезлъ твой и палица твоя, та мя утѣшиста* (Псал. xxii, 4). Почему жезлъ, почему посохъ? Потому что ко всякому возрасту Онъ подходитъ: молодыхъ воспитываетъ, стариковъ поддерживаетъ. Но, Владыка, голодающаго меня Ты накормилъ, жаждущаго напоилъ, нагого одѣлъ, заблудившагося привелъ на путь, немощного поддержалъ на подобіе посоха,—достигши дороги, я нашелъ слѣды благочестія,—ищу, наконецъ, дверь истины,—кто укажетъ? *Азъ есмь дверь* (Іоан. x, 9), чрезъ Меня всякій входитъ къ Отцу. Почему чрезъ

Тебя? Потому что Я—открытыя врата спасенія, которыхъ ищетъ блаженный Давидъ, предположившій о многихъ, а нашедшій одни; прежде всего онъ говоритъ: *отверзите мнѣ врата правды: вшедъ*
534 *въ ня исповѣмся Господеви* (Псал. CXVII, 19). Когда онъ получилъ просимое, и нашелъ чего не ожидалъ, не многія, но одни,—отозвавшись на собственный голосъ, говоритъ: *сія врата Господня, праведніи внидутъ въ ня* (ст. 20). Потомъ, войдя внутрь пророческимъ взоромъ и желаніемъ души, и будучи какъ бы среди царскихъ (вратъ), говоритъ: *исповѣмся тебѣ, яко услышалъ мя еси* (ст. 21). Скажи, пророкъ и богословъ, что нашедши достойное твоего ожиданія, ты исповѣдуешь и благодаришь Бога? Желающіе войти въ царскій домъ ожидаютъ насытить свой взоръ наружнымъ видомъ: многимъ золотомъ, сверкающимъ мраморомъ, разнообразнымъ цвѣтомъ богатства, охранною стражею около царя, царскимъ трономъ, дарами царей,—каждый, ожидая это увидѣть, жаждетъ царскаго, и побуждается сильнымъ желаніемъ; а ты чего желаешь (изъ того), что нашелъ, войдя во внутрь вратъ? За что благодаришь? Что усмотрѣлъ великаго, что нашелъ достойнаго желанія? Объясни свое желаніе, чтобы іудейское безстыдство не клеветало болѣе на истину. Что ты нашелъ? О чемъ проповѣдуешь? Чему удивляешься? Христа, говоритъ, я нашелъ. Я увидѣлъ домоправленіе Христово, новую благодать, необычное благодѣяніе, славное страданіе, неизреченное тайноводство,—это вижу, этому удивляюсь, за это благодаря, говорю: *исповѣмся тебѣ, яко услышалъ мя еси, и былъ еси мнѣ во спасеніе:* Не скрываю благодѣянія, не храню спасенія, но благовѣствую о домоправленіи. *Камень, егоже небрегоша зиждущіи, сей бысть во главу угла* (ст. 22). Видишь ли, какъ благодареніе раскрыло исторію (дѣла)? *Исповѣмся тебѣ, яко услышалъ мя еси, и былъ еси мнѣ во спасеніе. Камень, егоже небрегоша зиждущіи, сей бысть во главу угла.* Видишь ли, какъ все ожиданіе пророковъ обращалось къ самому домоправленію, и желало Христа, презираемаго въ синагогѣ, а славимаго у язычниковъ. Итакъ,—чтобы намъ возвратиться къ главному предмету,—и ты, если будешь искать врата, найдешь Христа. И поистинѣ, говорится, (Онъ) дверь, по человѣколюбію (Своему). Но такъ какъ, во всякомъ случаѣ, вошедшему въ царскій (домъ) и храмъ Божій должно имѣть проводника къ (предмету) своего желанія,—потому что никто самъ по себѣ не осмѣливается предстать предъ жертвенникомъ безъ священнодѣйствующаго,—то, когда входишь внутрь вратъ, находишь Его (Христа) священникомъ, приводящимъ тебя: *ты іерей во вѣкъ, по чину Мелхиседекову* (Псал. CIX, 4). Но священнику нужна жертва, жертвенное животное, для умилостивленія Бога. Опять (этимъ) Онъ самъ дѣлается для

тебя: *се агнецъ Божій, вземляй* грѣхъ *міра* (Іоан. I, 29). Слышалъ ли ты, что все это изъ-за тебя? Послушай, что въ отношеніи Его. Ты не смотри на священническій чинъ, не смотри, что Онъ предстоитъ, какъ священникъ, но гляди, что по Своему достоинству Онъ сидитъ съ Отцомъ. Да не будетъ ни одного врага истины, похищающаго одно, скрывающаго другое.

Знаю, что часто какой-либо еретическій врагъ истины настойчиво говоритъ: видишь ли, что невозможно подойти къ Отцу безъ Сына? Онъ, приводя спасаемыхъ къ Отцу, имѣетъ чинъ посредника и служителя. Такъ какъ онъ говоритъ, что новая муд- 535
рость обновляетъ истину, такъ какъ человѣческая природа не допускала, чтобы ей чрезъ самое себя подойти къ Богу, то Сынъ, приводя вселенную, дѣлается посредствующимъ между созданною и несозданною природою. О, неслыханное безуміе! О, неслыханное дѣло! Избытокъ благости Отца въ опасности у еретиковъ, ослабляющихъ достоинство божественности. Но еретическое безуміе становится дерзкимъ, а сила Спасителя не ослабѣваетъ, слава не погашается, благодать не уничтожается. *Аще,* говоритъ (апостолъ), *отвержемся, онъ вѣренъ пребываетъ: отрещися бо себе не можетъ* (2 Тим. II, 12, 13); Онъ сидитъ вмѣстѣ (съ Отцомъ), по собственному достоинству, а стоитъ, какъ священникъ, по человѣколюбію, приличествующему Ему.

3. И посмотри, братъ, на удивительное (дѣло). Такъ какъ изреченіе, что *никто пріидетъ ко Отцу, токмо мною* (Іоан. XIV, 6), они объясняютъ чиномъ служителя и видомъ служащаго, то необходимо продолжить противъ еретиковъ обличеніе въ нечестіи. Если приведеніе Сыномъ къ Отцу уничтожаетъ достоинство приводящаго, то когда увидишь Отца приводящимъ къ Сыну, ты распространишь и туда свое нечестіе. Итакъ, поступая нечестиво въ особенности противъ Сына, ты богохульствуешь противъ Отца. Чтобы, братіе, намъ словомъ благочестія и истины заградить уста злобѣ, и обнаружить благочестивое мнѣніе,—*живо бо слово Божіе, и дѣйственно, и острѣйше паче всякаго меча обоюду остра* (Евр. IV, 12),—а называетъ обоюдоострымъ мечомъ потому, что Онъ пользуется двоякимъ словомъ, утверждающимъ и уничтожающимъ—уничтожающимъ враговъ, и утверждающимъ принадлежащихъ къ вѣрѣ, — слушай самого Господа, говорящаго: *никто можетъ пріити ко мнѣ, аще не Отецъ* мой небесный *привлечетъ его* (Іоан. VI, 44). Необходимо, братіе, сказать противъ еретиковъ что слѣдуетъ, и удовлетворить сыновъ вѣры относительно этой мысли. Ради чего единородное Слово Божіе раздѣлило это приведеніе, говоря то о приведеніи Имъ къ Отцу, то Отцомъ къ Нему? Свойственное божественной природѣ не сли-

вается, но слово истины ясно и опредѣленно, въ немъ нѣтъ ничего непрямого, ничего сбивчиваго: *вси путіе Господни* прямы (Псал. XXIV, 10).

Ужели, братіе, то Отецъ принимаетъ приводимыхъ, имѣя царское предсѣданіе, то отдаетъ этотъ долгъ Сыну, предсѣдящему въ царскомъ видѣ, и приводитъ къ Сыну, предстоя въ чинѣ служителя? Да не будетъ! Относительно Бога—ни говорящему о сидѣніи нельзя помыслить что-нибудь человѣческое, ни услышавшему о стояніи нельзя опять мыслить что-нибудь примѣнительно къ намъ. Если услышишь о Богѣ, что Онъ стоитъ, думай о невосклоняемости и прямотѣ божественнаго существа; если опять прочтешь или услышишь, что Онъ сидитъ, понимай постоянство и непоколебимость блаженной природы. Самъ говоритъ о Себѣ, что Онъ стоитъ и сидитъ; Моисею говоритъ: *предстанеши мнѣ тамо* (Исх. XXXIV, 2). И было *мѣсто, идѣже стояше Богъ Израилевъ: яко камене сапфира* (Исх. XXIV, 10). Тщательно вникни: Моисей говоритъ стоящему, и Богъ говоритъ: *предстанеши мнѣ*, будто стоя. Какъ мы понимаемъ Іеремію, говорящаго: *ты пребываяй* [1]) *во вѣкъ, и мы погибающіи во вѣкъ* (Вар. III, 3)? Сидѣніе и стояніе—человѣческія слова, но мысли божественныя;
536 по непостоянной и двигающейся туда и сюда человѣческой жизни, о Богѣ говорится, что Онъ стоитъ, — и, по слабому и повсюду обращаемому нашему состоянію, о Немъ говорится, что Онъ сидитъ, въ смыслѣ непоколебимости, потому что сидящее непоколебимо. Избѣгай, чтò подсказывается этимъ выраженіемъ, и думай, чтò созерцается чрезъ вѣру. Итакъ, какъ приводитъ Сынъ къ Отцу? Какъ Отецъ къ Сыну? Не должно оставлять это слово безъ изслѣдованія. Отецъ приводитъ къ Сыну нѣкоторыхъ явныхъ и одобряемыхъ, опять Сынъ приводитъ къ Отцу нѣкоторыхъ явныхъ и одобряемыхъ. Не восхищай напередъ это изреченіе для злословія, но подожди конца, и обсуди сказываемое; не будь враждебнымъ судьею, но благосклоннымъ пособникомъ. Въ Израилѣ знали о Богѣ и Отцѣ, но не знали о Сынѣ; между язычниками не знали и объ Отцѣ и о Сынѣ: язычники были рабами многобожнаго заблужденія. Итакъ, гдѣ знаютъ объ Отцѣ, а не знаютъ о Сынѣ,—вѣстникомъ незнаемаго Сына дѣлается Отецъ. Повторю слово, чтобы установить мысль. Гдѣ знаютъ объ Отцѣ, и о Сынѣ сомнѣваются, вѣстникомъ незнаемаго дѣлается знаемый; гдѣ не знаютъ Отца, Сынъ дѣлается вѣстникомъ незнаемаго. Потому, чтобы тебѣ имѣть точное изслѣдованіе сказаннаго, представляю тебѣ ручательствомъ Евангеліе. Спаситель говоритъ объ язычни-

[1]) Славянскій текстъ не выдерживаетъ точно смыслъ καθήμενος=*сидящій*, что нужно для дальнѣйшаго.

какъ: *явихъ имя твое* міру (Іоан. XVII, 6); точнѣе, Я открылъ Твое имя незнающему міру. Какое имя Онъ открылъ? Что Онъ Богъ. Но это знаніе предупредило имя: и заблуждающіеся говорятъ о Богѣ, и стоящіе въ сторонѣ отъ благочестія не отказываются отъ этого названія; итакъ, какое имя Онъ сдѣлалъ извѣстнымъ? Что Онъ называется Отцомъ: *явихъ имя твое* міру. Видишь ли, что гдѣ не знаютъ объ Отцѣ, Сынъ дѣлается вѣстникомъ, проясняя истину евангельскою проповѣдью; а гдѣ думали, что Отца знаютъ, а Сына не знаютъ,—Онъ самъ дѣлается вѣстникомъ незнаемаго. А для выясненія этой истины на дѣлѣ—вотъ примѣръ. Павелъ зналъ Бога, не зналъ Сына; зналъ Бога, а не зналъ, что Богъ есть Отецъ Христа, и, борясь за законъ, былъ ревнителемъ благочестія; Богъ смотрѣлъ на его ревность, исполненную невѣдѣнія, но полную желанія—и что дѣлаетъ? Незнающему дѣлаетъ извѣстнымъ незнаемаго. Кто объясняетъ намъ это? Онъ самъ, нѣкогда незнавшій и послѣ узнавшій, самъ нѣкогда преслѣдовавшій и послѣ благовѣствовавшій. Что онъ говоритъ? И я былъ *ревнитель* отеческаго закона, *по премногу гонихъ церковь Божію. Егда же благоволи Богъ избравый мя отъ чрева матери моея, и призвавый благодатію своею явити Сына своего во мнѣ* (Гал. I, 14, 13, 15, 16) и прочее. Это свидѣтельство есть указаніе на искомое, а не мысленное созерцаніе. Опять, Спаситель спрашиваетъ апостоловъ: *кого мя глаголютъ человѣцы быти, Сына человѣческаго* (Мѳ. XVI, 13)? Спрашиваетъ, не чтобы узнать, но чтобы утвердить истину, устранивъ предположеніе. *Кого мя глаголютъ человѣцы?* Апостолы прежде всего докладываютъ о предположеніяхъ толпы: *иніи*, говорятъ они, *Илію: друзіи же Іеремію, или единаго отъ пророкъ* (ст. 14). Итакъ, что Спаситель? Онъ не даетъ никакого отвѣта на ложныя мнѣнія, считая ложныя предположенія недостойными отвѣта. *Вы же кого мя глаголете быти* (ст. 15)? У Меня забота не о заблудившейся толпѣ, но о васъ, проповѣдникахъ. Такъ какъ вы имѣете распространять свѣтъ истины, нести во всю поднебесную проповѣдь благочестія, такъ какъ въ васъ колеблется относящееся къ человѣку, въ васъ подвержено опасности принадлежащее истинѣ, и такъ какъ ваше знаніе есть общее благодѣяніе для людей, а ваше незнаніе общій вредъ для вселенной—то *вы кого мя глаголете?* Тогда Петръ въ отвѣтъ сказалъ: *ты еси Христосъ, Сынъ Бога живаго* (ст. 16). Это—опредѣленіе вѣры, это—слово истины, это—исповѣданіе правой вѣры. Но такъ какъ возможно было и этотъ голосъ приравнять въ умѣ къ остальнымъ,—Онъ не удостоилъ тѣхъ (остальныхъ) отвѣта, а надъ этимъ произноситъ Свое рѣшеніе,—и что говоритъ? Чтобы и это изреченіе не считалось принадлежащимъ къ человѣческому предположенію, 587

Онъ, запечатлѣвъ, положивъ на него печать истины, говоритъ: *блаженъ еси Симоне варъ Іона* (ст. 17). Здѣсь вспомни, что также Отецъ открываетъ знающему Его (Отца) незнаемаго (Сына). *Блаженъ еси Симоне варъ Іона, яко плоть и кровь не яви тебѣ, но Отецъ мой иже на небесѣхъ.* Видишь ли, что для всего міра, незнающаго Отца, Сынъ дѣлается вѣстникомъ незнаемаго; а для синагоги и іудеевъ, предполагающихъ, что они знаютъ Бога, но непризнающихъ Богомъ Слово Божіе, самъ Отецъ дѣлается вѣстникомъ подвергающагося сомнѣнію.

4. Итакъ, не ставь средствомъ нечестія высочайшее человѣколюбіе, не уменьшай достоинство изъ-за домоправленія, не будь слишкомъ любопытенъ относительно неизмѣримой природы, не изслѣдывай необъятное существо. Пусть убѣдитъ тебя Исаія, что такого нельзя разслѣдывать, ни описывать такого предмета: *родъ его кто исповѣсть* (Иса. LIII, 8)? Но, о, безстыдная дерзость осмѣливающихся думать и говорить обо всемъ поверхностно! И не боится Аномій разслѣдывать природу Бога, дерзаетъ говорить о неизреченномъ и объявлять для всѣхъ о святомъ. Впрочемъ естественно: онъ не знаетъ истины, возвѣщаетъ незнаемое, чтобы скрыть проповѣдуемое. Онъ не слышалъ святого Писанія, увѣщающаго: *яже ти повелѣнна, сія разумѣвай* (Сир. III, 22), потому что тебѣ ненужно сокрытое. Блаженный Богъ и единственный властитель чудеснаго, нѣкогда пожелавъ изумить исторіею творенія Іова, блиставшаго терпѣніемъ, говоритъ ему: *гдѣ былъ еси, егда основахъ землю* (Іов. XXXVIII, 4)? Когда дѣлалось море? Когда—чтобы кратко сказать—образовывались горы? *Усмотрилъ ли еси болѣзнь при рожденіи еленей* (Іов. XXXIX, 1)? Разскажи мнѣ, говоритъ, объ образованіи міра, о родильныхъ мукахъ звѣрей, о пищѣ домашняго скота, о состояніи и разнообразіи всего, что въ мірѣ. А Онъ говорилъ ему объ этомъ, наставляя его, что даже видимое въ самой твари непостижимо для людей. Потомъ, блаженный, изумившись, говоритъ: Господи, *единою глаголахъ, вторицею же не приложу* (Іов. XXXIX, 35). Такъ изслѣдованіе видимаго побѣдило Іова,—а твою дерзость не побѣдило даже неизреченное рожденіе Единороднаго? Но такъ какъ ты распространяешь, чего не знаешь, — я требую основанія въ томъ, что мы всѣ знаемъ: скажи мнѣ, какъ земля была утверждена на водахъ,— скажи, какъ Адамъ былъ созданъ изъ земли, — скажи, какъ манна была доставлена въ пропитаніе, какъ море было раздѣлено, и—чтобы мнѣ не удлинять рѣчь остальными чудесами— скажи мнѣ, какъ ангелы вкусили тельца, предложеннаго имъ Авраамомъ? Вѣдь чрева не было, вмѣстилища для пищи не было
538 въ природѣ ангеловъ: *творяй ангелы своя духи, и слуги своя пла-*

рень огненный (Псал. CIII, 4). Какъ (пища) была истреблена? Еретикъ тотчасъ говоритъ: зачѣмъ же ищешь невозможнаго? Она исчезла по силѣ ангеловъ. Вотъ ты вѣришь силѣ ангеловъ, и не разслѣдываешь,—а о рожденіи Бога любопытствуешь? Какъ сотворилъ Богъ небо и землю? Отвѣчаешь: какъ зналъ, какъ пожелалъ. Такъ сила Божія не подвергается умозаключеніямъ, но отдается вѣрѣ,—а рожденіе божественное окружено (у тебя) необходимостію заключеній? Не слышалъ ли ты Давида, говорящаго: *вся елика восхотѣ Господь, сотвори* (Псал. CXXXIV, 6)? О хотѣніи не любопытствуешь,—а о природѣ суетишься? И зачѣмъ, братіе? Что сотворилъ Богъ по желанію, видимо и образомъ Бога невидимаго служатъ видимыя творенія,—а Тотъ, Котораго невидимо родилъ изъ собственнаго существа, самое это невидимое рожденіе подвергнуты сужденію, отданы въ рабство умозаключеніямъ? Что, пожелавъ, Онъ сотворилъ, не разбирается,—а что Онъ перенесъ по божественной и непорочной природѣ, о томъ любопытствуешь? О, неслыханная дерзость! О, странное предпріятіе! О, чествованіе воли, и оскорбленіе природы! Хорошо блаженный Давидъ говорилъ: *сынове человѣчестіи, доколѣ тяжкосердіи? вскую любите суету, и ищете лжи* (Псал. IV, 3)? Все чуждое ученію Христову—ложь и суета. Если Онъ истинно говоритъ: *азъ есмь истина* (Іоан. XIV, 6), то все, лежащее внѣ Христова ученія, ведетъ къ лжи. Подними душу твою отъ низменныхъ вопросовъ и суетныхъ заключеній на высоту богословія, и оставь пустое изслѣдованіе чрезъ заключенія; возьми сокровище истины: *подобно есть царствіе небесное сокровищу сокровену* (Мѳ. XIII, 44). Почему Спаситель называется сокровищемъ? Здѣсь тщательно вникни. Какъ сокровище не тогда составляется, когда обрѣтается, но оно древне по своему положенію, а ново по своему обрѣтенію,—такъ и спасительное Слово древне по достоинству, оно начало всего, такъ какъ *въ началѣ бѣ Слово* (Іоан. I, 1), а нова проповѣдь чрезъ домоправленіе по плоти. Не будь безпеченъ, братъ, и знай, что Онъ сіяетъ для желающихъ (Его) на подобіе сокровища, и обрѣтающіе устремляются (къ Нему), будто къ найденному сокровищу; Андрей, возвѣщая обрѣтеніе Петру, говоритъ: *егоже писа Моисей въ законѣ, и пророцы, обрѣтохомъ* Христа (Іоан. I, 45). Моисей и пророки положили проповѣдь въ святыхъ книгахъ, какъ бы въ сокровищницѣ. Но какъ полагающіе скрытое сокровище сами видятъ, что они кладутъ внизъ, а для глазъ закрываютъ, чтобы оно не сдѣлалось легко восхищаемымъ чужими,—такъ и проповѣдавшіе о Христѣ пророки скрыли сокровище неясностію своихъ выраженій. Зачѣмъ? Если бы они сказали ясно, это было бы не пророчествомъ, но проповѣдью, и

преждевременность высказаннаго предупредила бы благовременность проповѣди. Итакъ, что они дѣлаютъ? И объясняютъ, и скрываютъ. Кто объ этомъ говоритъ? Исаія: и будетъ эта книга, какъ книга запечатлѣнная: *юже аще дадутъ человѣку вѣдущему писанія, речетъ: не могу прочести, запечатлѣнна бо. И* если *дастся невѣдущему писанія, речетъ:* не могу прочитать: *не вѣмъ* бо *писанія* (Иса. xxix, 11, 12). Итакъ, что значитъ эта загадка? Пророчество о Христѣ, говоритъ, было неизвѣстно и іудеямъ, и эллинамъ. (Неизвѣстно было) іудеямъ, знающимъ Писаніе, законъ и
539 пророковъ, потому что оно было запечатлѣно. Іудеи знали Писаніе, и были наставлены,—почему Богъ и говоритъ имъ: *носиміи отъ чрева, и наказуеміи до старости* (Иса. xlvi, 3),—они были наставляемы, но не знали, такъ какъ (пророчество) покрывалось неясностію. А для эллиновъ Писаніе было неизвѣстно, не вслѣдствіе неясности, но вслѣдствіе полнаго незнанія Писанія. Потому Павелъ говоритъ Тимоѳею, воспитанному закономъ: *изъ млада священная писанія умѣеши, могущая тя умудрити во спасеніе* (2 Тим. iii, 15). Итакъ, пророчество хранилось какъ сокровище, и скрыто было въ святыхъ книгахъ; не должно отступать отъ сокрытаго. Не только Исаія показываетъ запечатлѣнныя пророчества, но и Даніилъ,—потому что ангелъ говоритъ ему, по объявленіи ему откровенія о будущемъ: и ты, Даніилъ, запечатлѣй эту книгу видѣнія, такъ какъ раскрытіе ея надолго (Дан. xii, 9). Потому блаженный Давидъ, читая отъ лица народа законъ, и читая пророковъ,—потому что самъ онъ не незналъ, будучи пророкомъ,—желая показать, что онъ принимаетъ нѣкоторое поясненіе домоправленія Христова, а не можетъ понять по неясности выраженій, испыталъ нѣчто подобное видящимъ запечатанный кошелекъ. Итакъ, что онъ дѣлаетъ, глядя на Писаніе, и не понимая его мыслей? Онъ говоритъ: *открый очи мои, и уразумѣю чудеса отъ закона твоего* (Псал. cxviii, 18); и опять: *благословенъ еси, Господи, научи мя оправданіемъ твоимъ* (ст. 12). Развѣ не прочиталъ ты въ законѣ? Развѣ не наставилъ тебя Моисей въ десятословіи? Но я желаю знать Твое, и отъ Тебя-Законодателя, отъ источника закона желаю знать истину закона. Но онъ стремился узнать, а благодать берегла это благодѣяніе для имѣющихъ (въ будущемъ) получать. Потому Спаситель говорилъ ученикамъ: *мнози царіе* и праведные *восхотѣша видѣти, яже видите, и не видѣша, и слышати, яже слышите, и не слышаша:* ваши же *очи блажени,* что вы видите (Лук. x, 24, 23).

5. Но мы спрашиваемъ, когда печать была совершенно распечатана, когда узы невѣдѣнія были разрѣшены, когда заключенное стало открытымъ. Отъ насъ слушатель требуетъ этого, и

говоритъ: въ продолженіе слова, ты объяснилъ мнѣ образъ запечатанія, а не говоришь мнѣ о времени разрѣшенія запечатаннаго; ты показалъ заключенныя врата, не укажешь ли открытыя? Что же? Представлю искомое, извлекши многое изъ одного изреченія. Что же? По воскресеніи Спасителя, когда божественная благодать была незнаема для многихъ, двое какихъ-то учениковъ—говорится—пошли въ селеніе, и разговаривали въ пути о домоправленіи другъ съ другомъ, какъ друзья. Спаситель, перемѣнивъ внѣшній видъ и произношеніе,—такъ какъ что̀ для видящихъ лицо, то голосъ для невидящихъ лица,—скрываетъ голосъ и образъ и говоритъ имъ знающій все: *что словеса сія, о нихже стязаетася* другъ съ другомъ (Лук. xxiv, 17)? Ему, все знающему, говоритъ учащійся отъ Него всему: *ты ли единъ пришлецъ еси во Іерусалимъ, и не увѣдѣлъ еси бывшихъ въ немъ?* Онъ говоритъ: *кіихъ* (ст. 18, 19)? Это—знающій все и спрашивающій Богъ есть Сынъ Того, Который говорилъ Каину: *гдѣ Авель, братъ* 540
твой (Быт. iv, 9)? Они говорятъ: *яже о Іисусѣ Назарянинѣ, иже бысть мужъ силенъ дѣломъ и словомъ* (ст. 19). Только ли мужъ? Послѣ стольких чудесъ *мужъ*? Послѣ стольких дѣйствій? Послѣ стольких доказательствъ божественной силы? *Мы же*, говоритъ,—чтобы не удлиннять слова, изслѣдуя все,—*мы же надѣяхомся, яко* Онъ *есть хотя избавити Израиля* (ст. 21). Смотри, какъ у нихъ почти погасла вѣра, и прекратилась наконецъ надежда на домоправленіе. *Мы надѣяхомся.* Не говоритъ: надѣемся, но *надѣяхомся.* Итакъ, Онъ зналъ, наконецъ, немощную ихъ вѣру и восклонившуюся ихъ мысль; и предсталъ утверждающій упавшихъ, и поднимающій всѣхъ поверженныхъ. И что (говоритъ) имъ Благодѣтель? *О несмысленная и косная сердцемъ*, не разумѣете Писанія? *Не сія ли подобаше пострадати Христу, и внити въ славу свою? И началъ отъ* закона *и пророкъ*, раскрылъ имъ Писаніе (ст. 25—27). Видишь ли, что пока Христосъ стоялъ въ сторонѣ, не были открыты врата истины, ни разрѣшены узы невѣдѣнія? Онъ раскрывалъ Писаніе какъ бы нѣкоторыя заключенныя двери. Какія двери? О которыхъ Павелъ говоритъ: *да Богъ отверзетъ* дверь язычникамъ (Кол. iv, 3); и опять относительно Корнилія: ужели и *языкомъ Богъ* открылъ дверь покаянія (Дѣян. xi, 18)? И смотри, что устраиваетъ Источникъ благъ: когда Онъ остановился близъ селенія Эммауса, куда стремились также путники, явился сомнѣвающемуся, еще незнаемый ими. Когда Онъ возлегъ съ ними, удостоиваемый радушнаго пріема, прежде всего, какъ странникъ,—потому что они говорили: *облязи съ нама, яко приклонился есть день* (ст. 29),—тогда, чтобы невѣдѣніе не скрывало совершенно достоинство, *пріимъ хлѣбъ благослови, и прело-*

нивъ даяше, и *онѣма отверзостѣся очи, и познаста его* (ст. 30, 31). Почему прежде Онъ далъ хлѣба, а потомъ открылись ихъ глаза? Такъ какъ пища открыла глаза Адаму на худое, теперь вмѣсто нея была предложена пища, производящая новое прозрѣніе. Прозрятъ также еретики, и увидятъ свѣтъ истины, увидятъ Бога существующимъ въ началѣ, Бога существующимъ и Слово Божіе лично пребывающимъ; часто будутъ слышать—*бѣ*, и перестанутъ говорить: не былъ. *Въ началѣ бѣ Слово* (Іоан. I, 1). Не тотчасъ это было проповѣдано, потому что не позволялъ міръ. Есть четыре евангелиста: Матѳей, Маркъ, Лука и Іоаннъ; когда они начали проповѣдь, не тотчасъ стали говорить приличное достоинству, но подходящее къ слушающимъ. Матѳей, положившій начало Евангеліямъ, говоритъ: *книга родства Іисуса Христа, сына Давидова, сына Авраамля* (Мѳ. I, 1). Почему не Сына Божія? Почему скрываешь достоинство скуднымъ выраженіемъ? Почему закрываешь отъ людей божественное? У іудеевъ, отвѣчаетъ, проповѣдую, у невѣрующихъ даже, что Христосъ—праведный человѣкъ. Они еще не усвоили сына Авраамова, и потерпятъ ли возвѣщаемаго Сына Божія? И почему такъ? Потому что они не признавали даже, что Онъ рода Авраамова. Не слышалъ ли, какъ они говорили, часто богохульствуя противъ Него: *самарянинъ еси ты, и бѣса имаши* (Іоан. VIII, 48)? Они, извергая Его изъ рода святыхъ, принимали ли Его божественное достоинство? Итакъ, что онъ говоритъ? *Книга родства Іисуса Христа, сына Давидова, сына Авраамля.* Онъ прежде всего привлекаетъ ихъ дорогими именами, объединенными въ отношеніи родства,
511 чтобы, будучи уловлены этимъ, обрѣли понемногу истину—безстрастное рожденіе, непорочное, проповѣдуемое богоприличнымъ словомъ и всякому передаваемое. Опять, блаженный Маркъ, приступивъ къ Евангелію и положившись на свой прежній опытъ, говоритъ о Сынѣ Божіемъ, но тотчасъ ограничиваетъ слово и сокращаетъ мысль, чтобы успокоить слушателя. Онъ тотчасъ приводитъ относящееся къ Крестителю, говоря: *начало евангелія Іисуса Христа: яко есть писано* у Исаіи пророка: *се посылаю ангела моего предъ лицемъ твоимъ, иже уготовитъ путь твой предъ тобою* (Марк. I, 1, 2). Онъ показалъ свѣтильникъ истины, и тотчасъ скрылъ. Сначала онъ выдвигаетъ служителя, чтобы его рѣчью былъ оглашенъ слушатель, чтобы онъ, наконецъ, здраво принялъ совершенное слово богознанія. Лука слѣдуетъ третьимъ, занимаетъ среднее между ними мѣсто и касается божественнаго Слова, не объясняетъ и не раскрываетъ Его достоинство, но говоритъ: *понеже мнози начаша чинити повѣсть о извѣствованныхъ въ насъ вещехъ, изволися и мнѣ послѣдовавшу* всему отъ начала

писати, **яко предаша намъ**, *иже иснерва самовидцы и слуги бывшіи словесе* (Лук. I, 1, 3, 2). Онъ сказалъ о Словѣ, но не сказалъ, что Слово было также Богомъ. Итакъ, что также онъ дѣлаетъ? Коснувшись Его бытія, и подумавъ, что онъ оглашаетъ мертвенный слухъ, скрываетъ достоинство и предлагаетъ домоправленіе: *бысть іерей Захарія* (Лук. I, 5), и слѣдующее по Евангелію. Такимъ образомъ, всѣ отступили къ домоправленію по плоти, и обозначили достоинство чрезъ чудеса, какъ бы слегка. Но достоинство въ Богѣ Словѣ проповѣдывалось, а скрывались стрѣлы противъ еретиковъ, и оплотъ праваго мнѣнія не былъ еще воздвигнутъ проповѣдью благочестія.

Итакъ, послѣ тѣхъ трехъ проповѣдниковъ, Іоаннъ, сынъ грома, приступилъ послѣднимъ къ богословію, и, конечно, онъ послѣдовалъ, а они предупредили, сверкая пока понемногу, какъ молнія. Какъ молнія предшествуетъ грому, чтобы онъ, сразу прорвавшись изъ облаковъ, не поразилъ слуха, такъ три евангелиста—точно молніи, когда намѣренъ былъ гремѣть Іоаннъ: они сверкнули домоправленіемъ, а онъ гремитъ богословіемъ. Громъ, братіе, съ проливнымъ дождемъ, громъ—страшилище для лукавыхъ; и небо, пользуясь громомъ, какъ бы нѣкоторой трубой, вызываетъ проливной дождь, но прежде всего молніями призываетъ мелкій дождь: *молніи* Богъ *въ дождь сотвори* (Псал. CXXXIV, 7); потомъ оно (небо) громомъ двигаетъ облака. Итакъ, что же? Когда предшествовало столько молній Слова, слѣдуетъ, наконецъ, какъ я сказалъ раньше, громъ богословія, поражая многихъ преимуществомъ богословія, но принося проливной дождь благословенія; и для насъ онъ дѣлается громомъ богословія, а для еретиковъ громомъ, посредствомъ изобильнаго громогласія, прогоняющимъ злыхъ звѣрей. *Отъ запрещенія твоего побѣгнутъ, отъ гласа грома твоего убоятся* (Псал. CIII, 7).

6. Итакъ, прибѣгнемъ къ изначальному Богу, прибѣгнемъ къ вѣчному свѣту, прибѣгнемъ къ Слову, изъ-за тебя сдѣлавшемуся человѣкомъ; когда говорю: сдѣлавшемуся,—разумѣю не измѣнившуюся природу, но божественное достоинство, принявшее 542
то, что принадлежитъ намъ. *Слово плоть бысть* (Іоан. I, 14) обозначаетъ не перемѣну природы, но принятіе нашей немощи. Если же *бысть* ты считаешь перемѣною, то, когда слышишь Павла, говорящаго: *Христосъ ны искупилъ есть отъ клятвы законныя, бывъ по насъ клятва* (Гал. III, 13), долженъ понимать это выраженіе, какъ проклятіе на природу и какъ перемѣну проклятія. Какъ „сдѣлавшійся проклятіемъ" обозначаетъ не что другое, какъ то, что Онъ принялъ на Себя проклятіе съ насъ, такъ и *Слово плоть бысть, и вселися въ ны* представляетъ не что иное,

какъ принятіе плоти. У тебя самого есть образъ, тебя наставляетъ относительно Бога Слова твое слово, хотя неимѣющее совершеннаго сходства, но носящее слѣдъ и отображеніе божественнаго достоинства. Здѣсь тщательно вникай своимъ умомъ, чтобы не попусту говорились слова, и не исчезало пониманіе о божественномъ. Человѣческое слово,—слабъ правда этотъ образъ, не вполнѣ представляетъ достоинство, но все же посредствомъ того, что отъ насъ, учитъ тому, что выше насъ, — наше слово безтѣлесно, невидимо, имъ нельзя овладѣть, передается только слуху. Никто не знаетъ слова по виду, никто не держалъ рукою, но оно невидимо, имъ нельзя овладѣть, овладѣвается однимъ чувствомъ слуха, и то невидимо. Слухъ удерживаетъ, не протянувъ руки, но само слово, вошедши, отдаетъ себя во власть. Само слово есть плодъ ума, рождается не по страсти, не по виду, не раздѣленіемъ, не отдѣляется какъ часть отъ родившаго ума, не разлучается, не отсѣкается. Здѣсь, еретикъ, воспользуйся слухомъ, подумай прежде всего о своемъ, и тогда соображай на счетъ того, что выше тебя; умъ рождаетъ, слово исходитъ, исходитъ изъ родившаго и наполняетъ всѣхъ слушающихъ, и не отступаетъ отъ родившаго его; слово исходитъ, раздѣляясь между всѣми и не разсѣкаясь нигдѣ. Каждый принимаетъ цѣльное слово, и оно есть у каждаго; и раздѣляясь между столькими, входитъ цѣльнымъ. Итакъ, наше слово показываетъ въ себѣ самомъ родившій его умъ: чрезъ слово воспринимается мысль. Разсмотри и слѣдующее: предъизображая этимъ нашимъ словомъ домоправленіе Бога Слова, (Богъ) предпосылаетъ нѣкоторый удивительный образъ, украшаемый земными цвѣтами, приличный предварительному разсмотрѣнію слова. Итакъ, что же? Богъ, перестроивъ другою нѣкоторою мудростію наше слово невидимое, неимѣющее тѣла и неовладѣваемое, сдѣлалъ его и видимымъ и овладѣваемымъ. Что именно Онъ дѣлаетъ? Такъ какъ оно не было видимо зрѣніемъ,—Онъ облекаетъ его въ тѣло, въ букву, и одѣваетъ его наружностью письменъ какъ бы нѣкоторою плотью: чего слушая ты не видѣлъ, видишь читая; чего не могъ взять, носишь въ книгѣ. Но слово принимаетъ тѣлесность чрезъ букву, а не заключается буквою, оно есть у говорящаго и слушающаго; если кто-нибудь, братіе, возьметъ и разсѣчетъ книгу,—онъ разсѣчетъ тѣло слова, а не самое слово разрѣжетъ. А чтобы ты зналъ, что слово не исчерпывается буквою, Богъ говоритъ Іереміи: сѣвъ, *впиши* въ книгу *вся словеса* и отдай Іоакиму царю (Іерем. XXXVI, 28),—слово же было полно обличенія. Такъ какъ
543 властители не переносятъ обличеній,—вѣдь достоинство нелегко подчиняется правдѣ, затемняетъ истину,—то, пораженный обли-

ченіями, онъ разрываетъ книгу и, разрѣзавъ ножомъ писца, бросилъ—сказано—въ огонь жаровни. Что Богъ (говоритъ) Іереміи? Сѣвъ, *впиши* тѣ же самыя *словеса*, и отдай царю, чтобы онъ зналъ, что онъ разсѣкъ письмена, а не разрѣзалъ слово. Видишь ли образъ? Возведи, наконецъ, мысль свою на высоту. Самъ Богъ, единородное Слово Божіе, облекается въ тѣло, чтобы Онъ, невидимый, былъ видимъ; облекается въ плоть, чтобы Онъ, необладаемый, былъ обладаемъ. Потому Іоаннъ, найдя то вожделѣнное, нѣкогда слухомъ владѣемое, а послѣ видомъ удерживаемое, говоритъ: *еже бѣ исперва*, *еже видѣхомъ* и *слышахомъ*, *и руки наша осязаша* (1 Іоан. I, 1). Итакъ, Онъ носилъ плоть, какъ одежду достоинства, одежду благопристойную: *Господь воцарися, въ лѣпоту облечеся* (Псал. XCII, 1). Іудеи борются противъ видимаго, не зная невидимаго, и распинаютъ на крестѣ плоть, но не уничтожаютъ 544
божества. Если мое слово не уничтожается буквою, которая есть одѣяніе слова, то умерло ли вмѣстѣ съ Своею плотію Слово Божіе, источникъ жизни? Страданіе по тѣлу, но безстрастіе по достоинству. Почему Павелъ говоритъ: *аще бо быша разумѣли, не быша Господа славы распяли* (1 Кор. II, 8)? Потому что одѣвшійся во плоть усвояетъ Себѣ страданіе плоти. Если оскорбишь царское одѣяніе, не оскорбишь ли одѣвающагося? Развѣ не знаешь, что если кто будетъ оскорблять образъ царя, нанесетъ оскорбленіе первообразу достоинства? Развѣ не знаешь, что если кто повергнетъ деревянное изображеніе или мѣдную статую, то судится не какъ дерзнувшій противъ бездушнаго вещества, но умерщвляется, какъ простершій руку противъ царя? Бездушное вещество, съ изображеніемъ царя, возводитъ нанесенное ему оскорбленіе къ царю,—а живой образъ, въ который облекся Богъ Слово, не возвелъ ли, будучи оскорбляемъ, Свое оскорбленіе къ облекшемуся? Итакъ, подумай о достоинствѣ, и не оскорбляй домоправленія. Но этого достаточно; а остающееся сберегши для созерцанія Бога Слова въ другомъ словѣ, почтимъ самое это сопоставленіе, и воспошлемъ славу Богу, Отцу и Сыну и Святому Духу, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

На слова: въ началѣ бѣ Слово (Іоан. I, 1) и прочее; и что Духъ испытуетъ глубины Божія (1 Кор. II, 10); и о новопросвѣщенныхъ, и противъ еретиковъ [1]).

543 1. Вчера наше слово прекратилось на созерцаніи великаго
орла, орла поистинѣ великаго, превзошедшаго духомъ небо и
премірныя силы и начавшаго (проповѣдь) отъ самой вершины
всего. Іоаннъ проповѣдалъ намъ прежде (другихъ): *въ началѣ бѣ
Слово* (Іоан. I, 1), и любомудрствовалъ о несотворенной природѣ;
онъ превзошелъ всякое твореніе больше всякаго орла, превзо-
шелъ также голосъ всякаго грома, одинъ онъ проповѣдуя вѣчное
и премірное любомудріе. Громъ, возлюбленные, и устрашаетъ и
орошаетъ; орошаетъ чрезъ облака, устрашаетъ и поражаетъ чрезъ
звукъ. И голосъ Іоанна имѣетъ эти стороны: орошаетъ Церковь,
а поражаетъ скопище еретиковъ. Когда они говорятъ пустое,—
когда, узнавъ о Сущемъ, осмѣливаются назвать (Его) какъ не-
сущее,—когда враждебно выдвигаютъ человѣческое разсужденіе
противъ божественнаго Писанія,—тогда Іоаннъ восклицаетъ сна-
чала: *бѣ*, потомъ: *не бѣ* [2]). *Въ началѣ бѣ Слово, и Слово бѣ къ Богу,
и Богъ бѣ Слово* (говоритъ), поражая этимъ голосомъ враговъ,
544 какъ и Давидъ свидѣтельствуетъ и говоритъ: *отъ запрещенія
твоего побѣгнутъ, отъ гласа грома твоего убоятся* (Псал. CIII, 7). *Въ
началѣ бѣ Слово, и Слово бѣ къ Богу, и Богъ бѣ Слово.* Такъ какъ
рожденіе слова безстрастно, то онъ называетъ (Его) Словомъ,
чтобы посредствомъ принадлежащаго тебѣ научить тебя тому,
что выше тебя, а именно—что какъ умъ, рождая слово, рождаетъ
не по страсти, не разсѣкается, не расплывается и ничего другого
тѣлеснаго не терпитъ, такъ и божественное и безстрастное рожде-
ніе неизреченно и необъятно, не разсѣкается, не раздѣляется,
только у нечестивыхъ и невѣрующихъ еретиковъ худо разсѣ-
кается, а у благочестивыхъ прекрасно соединяется. Почему еван-
гелистъ устранилъ это, и не сказалъ: въ началѣ былъ Сынъ?
Чтобы названіе Сына не ввело рожденія по страсти; но онъ на-

---

[1]) У Миня эта бесѣда относится къ разряду *dubia* (сомнительныхъ), такъ что съ рѣшительностію не усвояется даже еп. Северіану. Предполагается, что неизвѣстный ораторъ говорилъ въ Константинополѣ, скоро по изгнаніи оттуда имп. Ѳеодосіемъ Великимъ *аномеевъ* (еретиковъ, учившихъ о неподобосущіи Сына Отцу). Изгнаніе было въ 380 году; ораторъ могъ говорить въ 381 году. Въ концѣ ораторъ намекаетъ на нѣкоего *отца*, повидимому, епископа. Думаютъ, что здѣсь разумѣется св. Григорій Назіанзенъ (Богословъ), отказавшійся тогда отъ столичной каѳедры ради церковнаго мира. Онъ умеръ въ 390 году.

[2]) *бѣ* относится къ Слову Божію, а *не бѣ*—къ I. Крестителю.

зываетъ Его Словомъ, чтобы представить безстрастіе рожденія. А чтобы ты не подумалъ о произносимомъ словѣ, онъ прибавилъ: *и Богъ бѣ Слово*,—чтобы по слову ты мыслилъ о безстрастіи, по Богу—о достоинствѣ. Потомъ, разсказавъ сначала о Его рожденіи, также прибавляетъ могущественное достоинство Его міротворенія: *вся тѣмъ быша* (ст. 3), все происшедшее, а не какъ еретики осмѣливаются понимать въ этомъ выраженіи и покланяемаго Духа, говоря: *вся тѣмъ быша, и безъ него ничтоже бысть, еже бысть* въ Немъ. Значитъ, если что было въ Немъ, то не не- 545
сотворенная природа Духа. Но сказано: *вся*, говоритъ (еретикъ). Однако выраженіе: *вся* не обнимаетъ несотворенную природу съ сотворенной. Если, слѣдуя этому выраженію: *вся*, ты посягнулъ на святую природу, то, когда услышишь Господа, говорящаго: *вси, елико пріиде прежде мене, татіе* были *и разбойницы* (Іоан. x, 8),—что ты сможешь сказать? Ужели назовешь Моисея разбойникомъ, и пророковъ назовешь ворами потому, что (Господь) говоритъ: *вси, елико пріиде прежде мене, татіе* были *и разбойницы?* Смыслъ устанавливаетъ различіе—и о комъ слово, и къ кому. И теперь слово о міротвореніи,—говорится, что чрезъ Него произошло міротвореніе, а не сущность Духа, знающая Божіе такъ, какъ духъ человѣка то, что въ немъ, согласно словамъ Павла: никто не знаетъ, *яже въ человѣцѣ, точію духъ человѣка живущій въ немъ* (1 Кор. п, 11). Итакъ, если духъ мой чуждъ моей природы, то и Духъ Божій чуждъ божественной природы, потому что говоритъ (апостолъ): *Духъ вся испытуетъ, и глубины Божія* (ст. 10). Но еретикъ слышитъ: *испытуетъ*, а смыслъ худо понимаетъ. Если бы, говоритъ онъ, Духъ зналъ что въ Богѣ,—Онъ не испытывалъ бы; это испытаніе свидѣтельствуетъ объ Его незнаніи. Итакъ, если испытываніе Духомъ святымъ глубинъ Божіихъ ведетъ къ обвиненію Его въ незнаніи, то, когда увидишь, что Богъ испытываетъ сердца людей,—обвинишь ли Его въ незнаніи? Послушай, что говоритъ Павелъ: какъ о Духѣ онъ сказалъ: *Духъ вся испытуетъ, и глубины Божія*, такъ и о Богѣ любомудрствуя, говоритъ: *испытаяй же сердца, вѣсть, что мудрованіе Духа* (Рим. viii, 27). Слѣдовательно, если Богъ испытываетъ, не зная, то и Духъ, не зная, испытываетъ. Но, чтобы тебѣ извѣстно было, что испытываніе принадлежитъ не незнающему, но знающему, онъ прибавилъ: *такожде и Божія никто вѣсть, точію Духъ Божій* (1 Кор. п, 11),—и Духу приписываетъ знаніе, именно не воспріятіе изъ природы, но познаніе изъ природы.

2. Итакъ, не раздѣляй нераздѣльной природы, не разсѣкай недѣлимой сущности; лучше тщательно познавай могущество. Единъ есть называемый и Отцомъ, и Сыномъ, и Святымъ Духомъ. Сынъ

говоритъ о Своемъ Отцѣ: *когда узрите Сына человѣческаго сѣдяща одесную силы* (Мѳ. xxvi, 64),—и, назвавъ силою, Онъ поставилъ (этимъ) славу Его, чтобы ты дивился этой мысли. Поэтому, называя Бога Отца силою, Онъ сказалъ, говоря къ Каіафѣ: *когда узрите Сына человѣческаго сѣдяща одесную силы*. Итакъ, Отецъ—сила; также Сынъ—сила, какъ говоритъ Павелъ: *Христосъ Божія сила и Божія премудрость* (1 Кор. i, 24); также Духъ Святой—сила, почему Спаситель говоритъ ученикамъ: оставайтесь въ Іерусалимѣ, *дондеже облечетеся силою свыше* (Лук. xxiv, 49). Итакъ, зная, возлюбленный, что эта сила одинакова въ Отцѣ, Сынѣ и Святомъ Духѣ, содержи вѣру непоколебимо; не раздѣляй необъятной славы, но признавай свои обязательства, принятыя при просвѣщеніи; взирай на сыновъ благодати, процвѣтшихъ чрезъ великаго первосвященника,—взирай на дѣтей свѣта, прибѣгшихъ къ проповѣдникамъ свѣта,—потому что возрожденнымъ чрезъ просвѣщеніе должно прибѣгать къ возродившимъ вселенную. Скажемъ и мы
546 съ пророкомъ и апостолами: *возведи очи твои, и виждь собранная чада твоя* (Иса. lx, 4); и опять: *живу азъ, глаголетъ Господь, яко всѣми ими аки въ красоту облечешися* невѣсты (Иса. xlix, 18). Итакъ, сегодня Исаія предстоитъ, говоря множеству просвѣщенныхъ, рожденныхъ отъ Святаго Духа, вмѣстѣ и обновленныхъ, измѣненныхъ въ одно мгновеніе, претворенныхъ изъ земного состоянія въ небесный образъ,—изумляется Исаія, говоря: *кто слыша сицевое, кто видѣ*, что *родила земля* дѣтей своихъ *во единъ день*, и *родися языкъ* (Иса. lxvi, 8)? Быстро возрожденіе отъ Духа; не ждетъ оно времени, не служитъ рабомъ для сроковъ и поколѣній, но вмѣстѣ желаетъ, вмѣстѣ и рождаетъ возрождаемаго. Прилично было сынамъ свѣта проходить всю площадь съ пышностью, прославлять и возглашать о Немъ, сошедшемъ изъ-за нихъ на землю, чтобы возвести къ Себѣ на небо всю вселенную. Христосъ сошелъ съ небесъ; сошелъ, не удаляясь отъ небесъ; взошелъ, не удалясь отъ земли,—потому что ни сошедши, Онъ не оставилъ пустыми небеса, ни взошедши, не оставилъ землю безъ Своего господства. Прилично было сынамъ свѣта носить всюду на площади свѣтильникъ слова; таинство не оскорблялось, не безчестился знакъ истины на новопросвѣщенныхъ. Также прилично было имъ на улицахъ пѣть,—потому что *премудрость во исходѣхъ поется, въ стогнахъ же дерзновеніе водитъ, на краехъ же стѣнъ проповѣдуется* (Прит. i, 20, 21). Будемъ очищать воздухъ, который оскверняли блудныя пѣсни, нѣкогда порочили крики нечестивыхъ и вопли совершавшихъ демонскія скверны. И воздухъ, и земля, и небо очищены словомъ свѣта. Какъ стенаютъ небо и земля, при нечестіи нечестивыхъ, такъ опять радуются, при пра-

бедности преуспѣвающихъ; дѣйствительно, когда согрѣшаетъ человѣкъ, негодуетъ небо, негодуетъ и земля, какъ говоритъ Іеремія: *ужасеся небо о семъ, и вострепета* земля, потому что *два зла сотвориша людіе* (Iерем. II, 12, 13). Видишь ли, какъ содрогаются небо и земля, когда согрѣшаютъ люди? А когда они претворяютъ самихъ себя на благочестіе,—слушай, что говоритъ пророкъ: *радуйтеся небеса, и веселися земле, да отрыгнутъ горы веселіе, и холми* ликованіе, *яко помилова Богъ люди своя* (Иса. XLIX, 13). Пусть говоритъ также Церковь, красующаяся столькимъ сонмомъ и народомъ: я была нѣкогда оставлена одинокою, а эти гдѣ были у меня? Я бездѣтна и вдова, а этихъ кто мнѣ родилъ? Пусть говорятъ къ Богу также дѣти Церкви, соединяемыя въ это множество, голосомъ пророковъ: *тѣсно ми мѣсто: сотвори ми мѣсто, да вселюся* (ст. 20).

Когда процвѣтали (дѣла) заблужденія, когда пастбище ереси распространялось по этому городу,—были погублены дѣти Церкви; и, какъ саранча, напавъ на поднебесную (землю), уничтожаетъ плоды ея, такъ гибельное ученіе уничтожало плоды истиннаго ученія и благочестія. Но сегодня, возлюбленные, отвергнуто гибельное ученіе, и вошла спасительная благодать, возрождающая народъ, и говорящая ему: теперь *воздамъ вмѣсто* плодовъ, которые *поядоша гусеницы, и прузи, и сиплеве* (Іоил. II, 25). Зачѣмъ, 547
еретикъ, ты соревнуешь съ іудеями, чтобы скрыть славу Единороднаго? Они скрыли воскресеніе, насколько отъ нихъ (зависѣло); а ты скрываешь божественность, насколько отъ тебя (зависитъ). Но ни за ними нѣтъ истины, ни ты не понимаешь благочестія. Слушай пророка, говорящаго: *покры небеса добродѣтель его, и хваленія его исполнь земля* (Аввк. III, 3). Хваленія, не овладѣнія; вѣры, а не испытыванія; любви, а не изслѣдованія. Мы были научены не изслѣдывать, но были наставлены вѣровать; вѣруя, просвѣщаемся,—не любопытствуя, принимаемъ крещеніе. Пусть тебя не обольщаютъ собранія еретиковъ, потому что у нихъ крещеніе—не просвѣщеніе; они принимаютъ крещеніе тѣломъ, а душою не просвѣщаются. Какъ и Симонъ былъ крещенъ, но не просвѣщенъ, равно такими же оказываются и они. Итакъ, да ликуетъ духъ апостоловъ, уловившій духовною сѣтью этотъ многій народъ чрезъ Святаго Духа. Теперь на нашихъ глазахъ исполнился пророческій голосъ: въ послѣдніе дни, говоритъ Господь, *не рекутъ ктому: вотъ кивотъ завѣта Святаго Израилева,* то есть, древнее служеніе, и *не взыдетъ на сердце* ихъ завѣтъ кивота (Iерем. III, 16). Почему? Потому что *се азъ послю* многихъ ловцовъ и *рыбари* (Iерем. XVI, 16). Онъ описалъ ветхій кивотъ, и ввелъ негибнущій кивотъ Церкви. *Послю* многихъ ловцовъ и *рыбари.* О, дивная ло-

витва! Уловленный вчера уловляетъ сегодня; исполнена земля славы Христа, и исполнены вѣры предѣлы вселенной. Итакъ, не оскорбляй достоинство изъ-за домоправленія. Отъ іудеевъ вышло слово, что воскресеніе было продано, и вышло слово, что ученики Его украли Его. Итакъ, они объявили смертный приговоръ противъ Его тѣла, а призываютъ къ богословію о Немъ, насколько отъ нихъ (зависитъ). Но у нихъ сегодня въ обращеніи заблужденіе, а въ Церкви проповѣдуется вѣчная жизнь. И, если угодно, у тебя есть также древній образъ: какъ Іосифъ, когда его братья устроили противъ него козни, оплакивался сильно Іаковомъ и его домомъ, но въ Египтѣ былъ живъ и царствовалъ,—онъ оплакивался Іаковомъ, какъ мертвый, а живымъ царствовалъ въ Египтѣ,—такъ и теперь Онъ считается мертвымъ синагогою и безуміемъ еретиковъ,—уничтожающіе вѣру и вводящіе изслѣдованіе умерщвляютъ богословіе, а у насъ Онъ царствуетъ живымъ и Ему поклоняются по достоинству. Но въ дѣйствительности крѣпко слово Божіе, непобѣдимо ученіе апостоловъ, такъ что не напрасно трудился голосъ Павла, содѣйствовавшаго истинѣ. Ты однакожъ, блаженный Павелъ, побуждаемый за истину, скажи, вознегодуй за вѣру, скажи въ негодованіи еретикамъ: откуда вы научились аристотелевскому? Кто предпочелъ Платона Евангеліямъ? Кто отвергъ проповѣдь вѣры, и ввелъ невѣрующее изслѣдованіе? Гдѣ ты узналъ: нерожденный и рожденный? Ты оставилъ Отца, отвергъ названіе Сына, счелъ недостойнымъ достоинство Духа, обращаешься къ человѣческимъ словамъ. Хорошо го-
548 ворилъ Іеремія: *погибе вѣра отъ устъ ихъ* (Іерем. VII, 28). Что сказалъ Петръ, и былъ ублаженъ? *Ты еси Христосъ, Сынъ Бога* (Мѳ. XVI, 16). Не сказалъ онъ: ты рожденіе нерожденнаго, но—*ты еси Христосъ, Сынъ Бога.* Когда Отецъ открывалъ ему мудрость, неужели онъ не умѣлъ понять? Неужели Христосъ не могъ сказать апостоламъ, когда повелѣлъ имъ крестить: отправившись, крестите народы во имя нерожденнаго и рожденнаго? Но онъ (Петръ) нашелъ имя мудрѣе таинственныхъ преданій. Ты описываешь божественное, уничтожаешь вѣру и вводишь изслѣдованіе; но страшись, врагъ: Петръ владѣетъ ключами; онъ получилъ ключи, когда сказалъ: *ты еси Христосъ, Сынъ Бога.* Которыхъ увидитъ Петръ называющими Сыномъ, тѣмъ открываетъ дверь царства; а которыхъ найдетъ называющими твореніемъ и богохульствующими, отъ тѣхъ закрываетъ дверь Церкви. Онъ получилъ ключи не прежде, чѣмъ сказалъ: *ты еси Сынъ Бога;* тогда и онъ слышитъ отъ Него: *блаженъ еси Симоне варъ Іона: дамъ ти ключи царствія небеснаго* (Мѳ. XVI, 18, 19). Послѣ исповѣданія—власть; послѣ вѣры—передача Церкви и царства.

3. Но одни выступают против Сына, другіе возстают против Святого Духа; никакой пользы, когда Христа признают, и Духа Святаго отвергают; равно никакой пользы, когда признают Отца, и Сына отвергают. Іудеи также признают Отца, отрицая Сына, и у них нет вечной жизни. Презирающій славу Сына не принимается Отцом. Тщательно вникни: и друзья Іова собрались для Бога, но осудили Іова; а Бог не одобрил даже содействовавших Ему, но говорит: зачем вы говорили против раба моего, Іова (Іов. xlii, 7)? Если Он не принял друзей, говоривших против Іова и славивших Его, то примет ли когда-нибудь отвергающих Сына и признающих Его. Ни в каком случае,—потому что *ненавидяй мене*, говорит, *и Отца моего ненавидит* (Іоан. xv, 23). Одинаково, как Отец не принимает чести для Себя, когда Сын отвергается,—так ни Отец и Сын, когда отвергается Святой Дух. Павел нашел получивших начало от еретических плевел, но еще без дерзновенія. В Ефесе Азійском он находит некоторых крещенных, и говорит им: *аще Дух свят пріяли есте вѣровавше?* А они сказали: *ниже аще Дух святый есть, слышахом*. Потом доблестный голос: *во что убо креститеся* (Деян. xix, 2, 3)? Пусть Петр и Павел наставят Церковь, чтобы не сплетались еретическія изследованія. Откуда ненавистное названіе Евномія? Откуда еретическія семена? Подлинно, погибла истина у нечестивых, и возобладало аристотелевское ученіе. Ты постигаешь пределы человеческой природы в божественной (природе) и нерожденном, и называешь (Его) рожденным? Но чем же, говорит, ты называешь Отца? Называю нерожденным, но не как ты; называю Отца нерожденным, потому что Он не был рожден. Но называю также нерожденным Адама, потому что он не был рожден, а создан. Не изумляй слушателей: это выдумки; нерожден Отец, и многое другое нерожденно. Потому, все, что не родилось, называется нерожденным; также все делающееся, но еще несделавшееся, называется нерожденным; воскресеніе мертвых нерожденно теперь, потому что оно де- 549
лается, но еще не сделалось, не приготовлено, еще не родилось. Нерожденным называется также то, что не сделано, и что не должно быть сделано когда-либо, каково многое нерожденное; так пророки и, в частности, Даніил говорит: *видѣх четыре звѣри исхождаху из моря:* и был *первый* зверь *аки львица*, и *крилѣ его аки орли* (Дан. vii, 2—4). Где ты, скажи мне, видел зверя, львицу, с таким устройством? Где видел зверя с железными когтями и медными зубами? Это пророк изобразил согласно виденію; (такого) не было и не бывает, этот зверь

есть нерожденный, никогда не бывшій, (звѣрь) лишь по имени. Какія это были жены съ крыльями, которыхъ видѣлъ Захарія и которыя *имяху крила* (Зах. v, 9)? Гдѣ ты видѣлъ барса съ крыльями? Все это разсказываетъ блаженный Даніилъ. Или, гдѣ ты видѣлъ статую, устроенную изъ золота, серебра, мѣди, желѣза и глины, какую видѣлъ Даніилъ? Каждое изъ этого нерожденно, потому что не было, а изображено, какъ измышленіе и видѣніе. Итакъ, не думай, что ты доставляешь Отцу нѣчто очень пріятное, когда называешь Его нерожденнымъ,—такъ какъ многое также другое нерожденное называется нерожденнымъ. Знаю, что это слово глубоко; но я дошелъ и до этихъ мѣстъ, чтобы обличить еретическое нечестіе. Называется также человѣкъ нерожденнымъ, если онъ нерожденъ. Но если онъ не былъ рожденъ, скажешь, то почему (такъ) называется? Покажу тебѣ человѣка нерожденнаго: Спаситель говоритъ объ Іудѣ предателѣ: *горе человѣку тому, имже Сынъ человѣческій предается: добро бы было ему, аще не бы родился* (Мѳ. xxvi, 24). А какъ ему было бы хорошо? Вѣдь несуществующему ничто не приноситъ ни пользы, ни вреда. И Соломонъ ублажаетъ нерожденнаго человѣка, говоря такъ: счастливъ умершій больше, чѣмъ живущій, *и паче обоихъ, иже аще не бысть* (Екк. iv, 2, 3). Но какимъ образомъ онъ блаженъ, если не былъ рожденъ? Обрати вниманіе на имена нерожденной природы. Онъ назвалъ блаженнымъ человѣка нерожденнаго, и даже несоставленнаго,—такъ что названіе нерожденнаго не объ-
550 ясняетъ божественной природы, и не обозначаетъ, какъ ты говоришь, нерожденной сущности, и не приноситъ чести Отцу; у пророка есть и другія имена нерожденныхъ и рожденныхъ, какъ доказано раньше, но они указываютъ только на несуществующее. Но скажемъ имъ съ Давидомъ: *повѣдаша мнѣ законопреступницы глумленія, но не яко законъ Твой Господи* (Псал. cxviii, 85). Прими Петровъ голосъ, Павлово ученіе: *Христосъ по плоти, сый надъ всѣми Богъ благословенъ во вѣки* (Рим. ix, 5). Святой Духъ да будетъ покланяемъ, воспѣваемъ, славимъ. Изъ божественнаго Писанія мы богословствуемъ,—желаютъ ли враги, или нѣтъ; свидѣтельствуетъ мнѣ и Павелъ, говоря: *не вѣсте ли, яко храмъ Божій есте*, и кто обитатель (1 Кор. iii, 16)? и: *Духъ Божій живетъ въ васъ.* Итакъ, иное храмъ, и иной обитающій. Не слышалъ ли ты Петра, который сказалъ: *Ананіе, почто исполни сатана сердце твое, солгати* тебѣ *Духу святому?* и прибавилъ: *не человѣкомъ солгалъ еси, но Богу* (Дѣян. v, 3, 4). Но еретики говорятъ: онъ не назвалъ Духа Богомъ, а (сказалъ лишь), что Духъ былъ посланъ отъ Бога: оскорбляющій Духа, говорятъ, оскорбляетъ Бога, пославшаго Духа. Но, о, неразумный и несмысленный!—а для без-

божника нѣтъ никакого другого болѣе подходящаго названія, какъ неразумный: *рече безуменъ въ сердцѣ своемъ: нѣсть Богъ* (Псал. XIII, 1),—онъ не сказалъ такъ, какъ ты полагаешь. Если бы оскорбленіе Духа восходило къ Богу, какъ пославшему, нужно было бы сказать: не Духу ты солгалъ, но Богу. Но этого достаточно; должно уподобить апостольскому хору Святую Троицу, о Которой Отецъ возвѣщаетъ. Троица апостоловъ—свидѣтель небесной Троицы. Итакъ, возвеселимся въ чистотѣ и скажемъ: *многа чада пустыя, паче нежели имущія мужа* (Иса. LIV, 1), или—нежели всякая ересь, имѣющая учителемъ человѣка, а не Бога. Молитвами и ходатайствомъ общаго отца и учителя, да пребудемъ всѣ мы вмѣстѣ съ апостолами и мучениками въ православной вѣрѣ, во Христѣ Іисусѣ Господѣ нашемъ, Которому слава и держава со Отцемъ и Святымъ Духомъ, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

Его же, о кротости [1].

1. Думаю, всѣ вы ясно знаете, что прилично разумно слу- 549
шающимъ слова Божіи упражняться въ хорошихъ нравахъ и добродѣтельныхъ обычаяхъ. Чѣмъ особенно отличаются рабы Христовы отъ незнающихъ истины, такъ это тѣмъ, что они живутъ по добросердечію и дѣлаютъ свою жизнь достойною благочестія. Ничего нѣтъ неестественнаго, если незнающіе Христа порочны и негодны по своему обычаю; а рабъ Христовъ пусть болѣе называется по кротости нрава, чѣмъ по имени, положен-
ному на него его родителями. Не столько Богъ любитъ родъ 550
человѣческій за дѣвство, за постъ, за презрѣніе имущества, за готовность простирать руку нуждающимся, сколько за кротость и благопорядокъ въ нравахъ; даже готовность помогать нуждающимся у всѣхъ любящихъ Христа ни откуда больше происходитъ, какъ только отъ добросердечія. И какъ потоки изъ источниковъ, такъ попеченіе о нищихъ (проистекаетъ) изъ кротости нрава. Всякій добрый и кроткій легко привлекается къ человѣко-
любію, и не можетъ перенести пренебреженіе къ находящимся 551
въ нуждѣ, считая бѣдность другихъ несчастіемъ для самого себя. Зависть хуже всего; а добрый и кроткій мужъ не допускаетъ въ свою душу этой злой болѣзни, но, при видѣ братьевъ,

---

[1] Подобно предыдущей и эта бесѣда признается сомнительной. Объ авторѣ ничего неизвѣстно.

пользующихся хорошей славой, сорадуется и желаетъ счастія, считая хорошую славу другихъ хорошею славою для самого себя, почитая достояніе друзей общимъ, сорадуясь имъ въ добромъ, скорбя съ ними въ печали. Таковы дары кротости, такова жизнь живущихъ добротою: кроткій—отецъ сиротъ, заступникъ вдовъ, попечитель о бѣдности, помощникъ обижаемымъ, всюду правдивъ. Живущій кротостію почтененъ—и отецъ для сына, и сынъ для отца, и рабъ для господина, и ничто другое не помогаетъ столько господину пользоваться благосклонностію рабовъ: когда они видятъ его радующимся добру и относящимся ко всѣмъ кротко, — высоко цѣнятъ и удивляются, считая (его) болѣе отцомъ, чѣмъ господиномъ и обладателемъ.

Вотъ мы, по нашимъ силамъ, тщательно изслѣдуемъ, сколько для добрыхъ происходитъ блага изъ кротости ихъ нравовъ. Кроткій любезенъ для видящихъ, любезенъ и для знающихъ по слуху; нѣтъ никого, кто бы, слыша, что хвалятъ человѣка за кротость, не пожелалъ на него взглянуть, привѣтствовать и постоянно видѣть, извлекая отчасти для себя пользу изъ такой дружбы. И если какіе-нибудь другъ съ другомъ поссорятся изъ-за имущества, они спѣшатъ къ доброму и кроткому, думая, что всякій споръ и тяжба разрѣшатся скоро по его добротѣ. И если случится, что люди злорадствуютъ другъ къ другу,—кротость судьи пристыжаетъ, такъ что легко увлекающіеся гнѣвомъ и яростію дѣлаются кроткими. А если нѣкоторые, желая приводить ссорящихся къ дружбѣ, сами себя покажутъ иными, то къ нимъ не можетъ явиться уваженія,—потому что въ каждомъ дѣлѣ, думаю, убѣдителенъ тотъ совѣтникъ, который прежде всѣхъ берется за дѣйствія, держаться которыхъ онъ совѣтуетъ. Итакъ, когда учитель доброты является первымъ утверждающимъ свои наставленія,—онъ, какъ только появляется, укрощаетъ даже бѣснующихся, и совсѣмъ ему ненужны внушенія и слова, онъ вводитъ миръ, прежде чѣмъ что-либо произнесетъ. И какъ лучъ солнца, появившись, быстро прогоняетъ тьму, такъ добрый и кроткій быстро измѣняетъ смущеніе и ссору въ миръ и тишину. Слѣдуетъ также и то замѣтить, что только о мирныхъ по нраву Христосъ говоритъ, что они сыны Божіи (Мѳ. v, 9). Итакъ, за что Онъ предоставилъ участіе въ собственномъ Своемъ названіи только добрымъ? За то, что только становящійся между другими виновникомъ дружбы и мира подражаетъ по силѣ Сыну Божію. Онъ, какъ Богъ и Господь всего, явившись къ намъ чрезъ Свою божественную плоть, соединилъ въ любви святыхъ ангеловъ и людей, бывшихъ въ неиріязни; а добрый человѣкъ убѣждаетъ братьевъ, родственниковъ и домашнихъ, стоящихъ другъ къ

другу въ непріязни,—почтить законы Божіи и, отбросивъ вражду, любить другъ друга, по божественному повелѣнію. И что въ тѣлѣ нашемъ жилы, то добрый человѣкъ въ домѣ, церкви и городѣ. Павелъ обычно называетъ братьевъ тѣломъ и членами другъ друга (Еф. IV, 25); приводящій къ любви раздѣлившихся и ссорящихся подтверждаетъ слово Павла, убѣждая всѣхъ не забывать своихъ членовъ, и не поѣдать другъ друга. Итакъ, 552
истинно то слово,—что становящійся виновникомъ мира между братьями, сближающій и соединяющій раздѣлившихся и ссорящихся другъ съ другомъ, имѣетъ ту же самую силу въ церкви, домѣ и городѣ, какую имѣютъ въ тѣлѣ жилы. Каждый получаетъ эту силу надъ другими, когда онъ самъ первый является живущимъ по добру; а легко увлекающійся гнѣвомъ можетъ показаться смѣшнымъ для многихъ, когда будетъ стараться дѣлать кроткими раздражающихся. Что можетъ быть хуже людей, служащихъ рабами грѣху? Кто, видя такого, не отвращаетъ своихъ глазъ? Гнѣвный мужъ непріятенъ для встрѣчныхъ, непріятенъ для сосѣдей, и, если будетъ поставленъ въ нужду относительно денегъ, не легко добудетъ облегчителей бѣдности; онъ общій врагъ и гражданъ, и пришельцевъ, когда шумитъ и кричитъ, наноситъ удары встрѣчнымъ, говоритъ возможное и невозможное; у такого взоръ отуманивается, лицо вздувается, языкъ неистовствуетъ, руки легко поднимаются на все, такой дѣлаетъ свойственное одержимому демономъ, и иной, видя человѣка въ ярости, можетъ недоумѣвать—демонъ ли преслѣдуетъ несчастнаго, или самъ по себѣ онъ увлекся въ такое безуміе. Гнѣвъ—послушный демонъ, самопроизвольное безуміе, отсутствіе мозговъ; раздражающійся — игрушка діавола, мастерская демоновъ, служитель, достойный ихъ злости. Скажи мнѣ, чего особенно желаютъ демоны, чтобы люди дѣлали? Не того ли, чтобы оскорбляли родителей? Чтобы возлагали на родившихъ свои скверныя руки? Чтобы злословили Бога? Все это дѣла раздражающихся, такъ что ярость легко дѣлается у поработившихся гнѣву и виновницей нечестія. Предавшіе самихъ себя ярости не могутъ даже скоро сдерживать самихъ себя; но, какъ въ ненастье и морскую бурю, при отсутствіи кормчаго, волны, овладѣвая оставленнымъ кораблемъ, быстро потопляютъ его, такъ и ярость, точно какая гроза и упавшее на душу ненастье, быстро дѣлаетъ поработившагося ей безумнымъ и помѣшаннымъ. Итакъ, что же? (Дѣло) доброжелательныхъ людей—заранѣе останавливать эту болѣзнь, удерживать душу и успокоивать ярость увѣщаніями Писанія, прежде чѣмъ увлечься гнѣвомъ. Если звѣри легко уступаютъ заклинаніямъ чародѣевъ, — чему удивляешься, что

слова Христа быстро измѣняютъ дикую душу въ тихую и уравновѣшенную? *Всяка горесть*, говоритъ (апостолъ), *и гнѣвъ, и ярость, и кличъ да возмется отъ васъ, со всякою злобою: бывайте же другъ ко другу благи, милосерди, прощающе другъ другу:* если кто-нибудь будетъ имѣть укоръ къ кому-нибудь, *якоже и Богъ во Христѣ простилъ есть вамъ. Бывайте убо подражатели Богу* (Еф. IV, 31, 32; V, 1). Видите ли, каковъ кроткій? Подражателемъ кого онъ называется? Не ангеловъ, не архангеловъ, но Владыки всѣхъ. Хотя и они—кротчайшіе и исполнены всякой добродѣтели, однако Павелъ назвалъ кроткихъ соревнователями Божіими, чтобы величіемъ этой чести наставить слушающихъ быть кротчайшими, чтобы всякій, оскорбляемый или терпящій что-нибудь иное ужасное, переносилъ поношенія кротко, и удерживался бы отъ гнѣва, какъ имѣющій слѣдовать Богу, въ воздержаніи отъ гнѣва. Въ чемъ именно (дѣло) Божіе? Онъ свыше все видитъ и слышитъ, а много обидъ въ томъ, что говорится и дѣлается на землѣ. Есть нѣкоторые, дошедшіе въ нечестіи до того, что даже Бога злословятъ, когда опечалятся чѣмъ-либо въ своихъ дѣлахъ, и, смотря на небо, не удерживаются ни отъ какого слова; а Богъ
553 переноситъ, и не мститъ, имѣя столько силы для отмщенія нечестивымъ. Если бы Богъ наказывалъ всѣхъ согрѣшающихъ, очень мало было бы спасающихся, ни живыхъ не было бы достаточно для погребенія. Потому Давидъ говоритъ: *аще беззаконія назриши Господи, Господи, кто постоитъ? яко у тебе очищеніе есть* (Псал. CXXIX, 3). Теперь же и въ этомъ самомъ Богъ показываетъ Свое человѣколюбіе,—что Онъ не наказываетъ даже по справедливости. Итакъ, кто желаетъ быть подобнымъ Богу, пусть будетъ, по силѣ человѣческой, кроткимъ и смирнымъ, и пусть благородно переноситъ, когда будетъ терпѣть что-либо ужасное отъ постороннихъ. *Любите*, говоритъ (Господь), *враги ваша, добро творите ненавидящимъ васъ, молитеся за творящихъ вамъ напасть, и изгонящія вы, яко да будете* подобны Отцу вашему, *иже на небесѣхъ, яко солнце свое сіяетъ на злыя и благія, и дождитъ на праведныя и неправедныя* (Лук. VI, 27; Мѳ. V, 44, 45).

Итакъ, много есть добродѣтелей, приличествующихъ христіанскимъ мужамъ, но больше всѣхъ кротость, потому что только сіяющихъ ею Христосъ называетъ ревнителями Божіими. Намъ слѣдуетъ, когда оскорбитъ кто-либо, или ударитъ, или сдѣлаетъ другое что ужасное, переносить все благородно съ спокойною душою, помышляя о томъ, что кротость дѣлаетъ подражателями Богу. И самъ Владыка и Спаситель нашъ, будучи оскорбляемъ, получая удары, подвергаясь пригвожденію, распятію на крестѣ, кротко перенесъ іудейское безуміе, и не отмстилъ, имѣя столько

силы для отмщенія нечестивымъ, но показалъ Свою силу въ сотрясеніи земли, воскресеніи мертвыхъ, сокрытіи солнца и обращеніи дня въ ночь, а кротость и человѣколюбіе въ томъ, что не наказалъ никого изъ нечестивыхъ, — чтобы знали всѣ нечестивые, поднимавшіе руки на Владыку, что такъ легко потрясшій землю и повелѣвшій солнцу сразу сдѣлаться невидимымъ легко бы наказалъ безумцевъ; теперь же, такъ какъ Онъ смиренъ и кротко переноситъ безуміе нечестивыхъ, не только самъ кротко претерпѣлъ распинающихъ, злословящихъ, но даже умолялъ Отца не употреблять противъ нечестивыхъ небесныхъ стрѣлъ. Итакъ, когда къ тебѣ, терпящему что-либо ужасное и невыносимое, подступятъ гнѣвъ и ярость, вспомни о кротости Христа, и скоро станешь смирнымъ и кроткимъ, извлекая величайшую пользу изъ кротости не только для себя, но принося пользу даже врагу, и наставляя (его) быть добрымъ. Когда онъ увидитъ, что ты, удерживаясь отъ гнѣва, до крайности кротко терпишь,—скоро и онъ будетъ хорошимъ и добрымъ и, отбросивъ ярость, пожелаетъ сдѣлаться ревнителемъ твоей кротости. Такимъ образомъ, кто желаетъ побѣждать раздражающихся,—пусть благородно переноситъ оскорбленія и удары,—и онъ увидитъ много перемѣны въ обезумѣвшемъ и поражающемъ; если же онъ, побѣжденный гнѣвомъ, будетъ стараться отразить равнымъ (оружіемъ) врага,— не будетъ никогда предѣла гнѣву и борьбѣ, но вѣчно безумствующіе и желающіе побѣждать другъ друга поношеніями и ударами увлекутся въ безграничную войну и борьбу, замышляя другъ противъ друга, навязывая клеветы, осмѣливаясь ложно клясться, думая обвинять въ томъ, чего не видѣли и не слышали, днемъ, какъ собаки, неистовствуя и ища врага, а большую часть ночи употребляя на обдумываніе какого-либо зла и приготовленіе козней. Такихъ не очищаетъ отъ страстей даже 554
сонъ, но, при мысли, что есть врагъ, что онъ поноситъ и поражаетъ, они пробуждаются во время сна, желая взаимной рѣзни больше, чѣмъ трапезы; а другіе, въ опьяненіи гнѣвомъ, чѣмъ больше получаютъ зла другъ отъ друга,—нанимая клеветниковъ и преподнося одинъ другому невыразимыя обстоятельства,—тѣмъ болѣе подстрекаются на безуміе. Что, (какъ) говорятъ, терпятъ пьяницы, которые ненасытимымъ пьянствомъ увлекаются къ болѣе сильной жаждѣ, то же терпятъ поработившіеся гнѣву, которые увлекаются безмѣрными спорами къ все большему и тяжелѣйшему безумію: этотъ назвалъ рабомъ, тотъ - сыномъ блудницы, этотъ—безумнымъ, тотъ—бѣсноватымъ, этотъ — воромъ и несправедливымъ, тотъ—исполненнымъ всякой низости. Потомъ, въ опьяненіи отъ гнѣва, схватившись другъ съ другомъ, бы-

ваютъ почти похожи на звѣрей, когда бьютъ (другъ друга), толкаютъ, кусаютъ, разсѣкаютъ тѣло, не щадя никакой части (его), ни глазъ, ни ушей, ни носа, ни лица, ни другого какого-либо члена, но, столкнувшись другъ съ другомъ и разсѣкши самихъ себя,—и какого (только) зла не сдѣлавъ?—удаляются отъ борьбы: одинъ съ вырваннымъ глазомъ, другой—губами, иной—другою какою-либо частью тѣла, губя болѣе душу, чѣмъ тѣло, въ безуміи, помѣшательствѣ, ярости, въ невѣдѣніи закона Божія и Спасителева, повелѣвающаго побиваемымъ, поражаемымъ и прочее терпящимъ переносить все благородно со спокойною душою, и побѣждать кротостію ярость обижающихъ. Дѣлающій такъ восхваляется людьми, а вѣнчается Богомъ и Спасителемъ. Потому нужно, въ виду вѣнца, который приготовляетъ Богъ для хорошихъ и добрыхъ, быть стойкимъ и кротко терпѣть гнѣвающихся. Вѣдь глупо, что борцы гимнастическихъ состязаній, въ виду пустой славы и ничего нестоющаго вѣнка, переносятъ пыль, удары и раны,—а мы, имѣющіе увѣнчаться Христомъ, не удерживаемся отъ гнѣва, не переносимъ все благородно, но предпочитаемъ краткое удовольствіе и несправедливую ярость небесной чести и хорошей славѣ. И то мы знаемъ, что изъ многаго и великаго, чѣмъ была украшена жизнь праведныхъ, это, т. е. жизнь по добротѣ и кроткое отношеніе къ обижающимъ, прежде всего другого сдѣлало блестящими этихъ мужей. Благодаря этому, Моисей, кротко перенося іудейское безуміе и спасая своими молитвами враговъ, насладился небесною честію и хорошею славою болѣе остальныхъ, и былъ названъ другомъ Божіимъ; благодаря этому, Давидъ, щадившій враговъ и непріятелей, снискалъ предъ Богомъ много благоволенія и любви. Это можетъ украшать всякаго человѣка, а особенно состоящихъ во власти. Для всемогущей царской власти сдерживать себя и дѣлать закона Божій своимъ водителемъ въ дѣлахъ—это великая похвала и слава. И Павелъ, и Петръ, достигшіе чрезъ эту добродѣтель небеснаго свода, жили ею, возсіяли кротостію больше, чѣмъ прочими благами, чествуя поношающихъ, дѣлая добро врагамъ, часто спасая молитвами побивавшихъ камнями; поступая такъ, они знали, что это особенно угодно Богу, и болѣе прочихъ благъ почитается на небѣ. Потому они оказались свою жизнь украшающими кротостію, и прочихъ людей побуждающими къ ней. Видя
556 щими кротостію, и прочихъ людей побуждающими къ ней. Видя также Стефана молящимся за враговъ во время опасности за благочестіе (Дѣян. VII, 59), мы одинаково удивляемся кротости и подвигамъ. Итакъ, когда у насъ столько и такихъ руководителей въ добротѣ, будемъ побуждать самихъ себя и другихъ идти по ихъ слѣдамъ, и служить кротостію Богу, принимающему

это служеніе съ большею радостію, чѣмъ всѣ остальныя добродѣтели. И божественнѣйшій Павелъ, намѣреваясь показать добродѣтель апостола, желаетъ явиться служителемъ Христовымъ особенно по кротости (1 Тим. III, 3; Тит. III, 2); хотя много онъ могъ сказать, если бы желалъ говорить о предметахъ, украшающихъ апостола—объ изгнаніи демоновъ, воскресеніи мертвыхъ, однако, все это миновавъ, онъ всюду разсказываетъ о добротѣ въ нравахъ, излагая и говоря, въ какомъ кроткомъ отношеніи онъ былъ ко врагамъ, чтобы и насъ убѣдить идти по его слѣдамъ, и быть добрыми и кроткими. Итакъ, справедливо слѣдовать этимъ святымъ, и дѣлать ихъ примѣромъ жизни для себя, чтобы, блистая всѣмъ прекраснымъ, достигнуть намъ благъ, обѣтованныхъ великимъ Богомъ и Спасителемъ нашимъ, чрезъ Котораго и съ Которымъ Отцу со Святымъ Духомъ всякая слава, честь и держава во вѣки вѣковъ. Аминь.

ПОРЯДОКЪ БОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТУРГІИ

святого отца нашего Іоанна Златоуста [1]).

901 Священнику, намѣревающемуся совершать божественное таинство, должно, главнымъ образомъ, быть исповѣдавшимся (въ грѣхахъ) и примирившимся со всѣми, соблюдающимъ, насколько есть силы, свое сердце чистымъ отъ худыхъ помысловъ, воздержавшимся (отъ пищи) вечеромъ и въ бодрственности до времени священнодѣйствія. Когда наступило это время, онъ, по совершеніи обычнаго поклона [2]) предстоятелю, входитъ въ храмъ и, въ соединеніи съ діакономъ, дѣлаютъ вмѣстѣ три поклоненія къ востоку предъ образомъ Спасителя и пресвятой Богородицы, и

---

[1]) Въ переводѣ (не предназначающемся для употребленія при богослуженіи) преслѣдуются двѣ цѣли: 1) воспользоваться по возможности *чисто русскою* рѣчью и 2) дать *объясненія*, въ которыхъ можетъ нуждаться *обыкновенный* читатель. Въ виду первой цѣли, вмѣсто славянизмовъ и гебраизмовъ, какъ-то: *нынѣ и присно, аминь*, употребляются: *теперь и всегда, истинно*. Славянскими остаются лишь „Господи“, „Боже“ и цѣликомъ приводимыя изреченія Св. Писанія. Въ виду второй цѣли, беремъ изъ Εὐχολόγιον *Goar*'а (edit. sec. Venetiis. MDCCXXX) самое необходимое.

[2]) μετάνοια, что̀ значитъ собственно *перемѣна мыслей = покаяніе*. Но прежде всего монахи стали различать: поклонъ земной (μ. μεγάλη) и поясной (μ. μικρά). Поклонъ земной отъ покаяннаго поклона ничѣмъ не отличался въ древности, а равно монашескій поясной поклонъ былъ то же, что обычное у мірянъ προσκύνημα (поклоненіе). Отсюда, терминъ μετάνοια сталъ сначала обозначать также земной непокаянный поклонъ, а потомъ и поясной поклонъ, который разумѣется въ данномъ случаѣ. Goar, p.p. 10, 23 (§§ 9, 13).

двумъ хорамъ по одному (поклоненію). Когда покланяются, тихо говорятъ такую молитву:

„Господи, Боже нашъ! Простри руку Свою изъ святого жи- 902
лища Своего и дай мнѣ силу на предлежащее Твое служеніе, чтобы, неосужденно представъ предъ страшнымъ Твоимъ алтаремъ, совершилъ я безкровное священнодѣйствіе, такъ какъ Тебѣ принадлежатъ сила и слава во вѣки вѣковъ. Истинно".

Войдя въ святилище [1]), берутъ каждый своею рукою свой стихарь, и дѣлаютъ три поклоненія на востокъ, говоря про себя: „*Боже, милостивъ буди мнѣ грѣшнику*" (Лук. XVIII, 13).

Потомъ діаконъ, наклонивъ голову, держа также правою рукою стихарь съ орарёмъ, подходитъ къ священнику, говоря: 903
„Благослови, владыка, стихарь съ орарёмъ".

Священникъ, благословляя рукою, говоритъ: „Благословенъ Богъ нашъ, постоянно, теперь и всегда, и во вѣки вѣковъ. Истинно".

Потомъ діаконъ отходитъ самъ по себѣ на одну сторону святилища и облачается въ стихарь, молясь такъ: „*Возрадуется душа моя о Господѣ* (Псал. XXXIV, 9): *облече бо мя въ ризу спасенія, и одеждею веселія одѣя мя*, и *яко жениху возложи ми вѣнецъ, и яко невѣсту украси мя красотою*" (Иса. LXI, 10) [2]).

И, поцѣловавъ орарь, возлагаетъ на свое лѣвое плечо. Также самъ священникъ, взявъ стихарь [3]), благословляетъ его, и, по-

---

[1]) ἱερατεῖον; но неясно, что собственно такъ называли древніе греки (Goar, p.p. 14, 15). Во всякомъ случаѣ, внутреннее расположеніе древне-греческой церкви нужно себѣ представлять на подобіе нашей церкви. Что мы называемъ алтаремъ, у грековъ называлось ἅγιον βῆμα (святое мѣсто Небеснаго Судіи), которое отдѣлялось также иконостасомъ отъ средней части церкви (ναός = *корабль*, потомъ *храмъ*). Въ иконостасѣ иконы Спасителя и Божіей Матери были тамъ же, гдѣ и у насъ. Но въ древности за иконостасомъ, направо и налѣво отъ алтаря, были *особыя* помѣщенія: направо, *сосудохранилище* (σκευοφυλάκιον) и налѣво *предложеніе* (πρόθεσις) или *жертвенникъ* (θυσιαστήριον). По нашему, это—ризница и жертвенникъ. Отсюда, древняя ризница вѣроятно то же, что ἱερατεῖον (Goar, чертежъ p. 11 и объясн. p.p. 10, 15).

[2]) Такъ по нашему служебнику и греч. подлиннику. По слав. Библіи читается (въ зависимости отъ греч.) собственно немного иначе: 1) *Душа моя возр.*, 2) *яко на жениха возложи на мя вѣн.*

[3]) Священническій стихарь у насъ называется *подризникомъ*; онъ немногимъ отличался и отличается отъ діаконскаго: рукава узкіе и длинные, и самъ долженъ быть бѣлаго цвѣта (знакъ чистоты, необходимой для души). Названіе στοιχάριον указываетъ на прямой, какъ *стихъ*, *строка* (στοῖχος), покрой этой одежды. Другая діаконская одежда есть лентообразный покровъ на лѣвомъ плечѣ. Названіе ея ὠράριον древніе объясняли различно, но самое вѣроятное, что оно построено на греч. ὥρα = время года, часъ. Древній діаконъ давалъ знакъ этою одеждою о времени молитвы и др. священ. дѣйствій (Goar, pp. 95, 96. §§ 8. 9).

цѣловавъ, облачается (въ него), говоря про себя раньше сказанный псаломъ, подобно діакону. И взявъ нарукавники, священникъ, (беря одинъ изъ нихъ) правою рукою, говоритъ такъ: *„Десница твоя, Господи, прославися въ крѣпости: десная твоя рука, Господи, сокруши враги, и множествомъ славы твоея стерлъ еси супостаты* [1]) (Иса. xv, 6): *десница Господня сотвори силу*“ (Псал. cxvii, 15),—лѣвою рукою, говоритъ такъ: *„Руцѣ твои сотвористѣ мя, и создастѣ мя*“ (Псал. cxviii, 73).

Потомъ, взявъ епитрахиль [2]), благословивъ, цѣлуетъ; и, полагая на свою шею, говоритъ: „Благословенъ Богъ, изливающій благодать Свою на священниковъ Своихъ, *яко миро на главѣ, сходящее на браду, браду Аароню, сходящее на ометы одежды его, яко роса Аермонская, сходящая на горы Сіонскія, яко тамо заповѣда Господь благословеніе, животъ до вѣка*“ (Псал. cxxxii, 2, 3)

И, взявъ поясъ и благословивъ, цѣлуетъ и говоритъ: „Благословенъ *Богъ препоясуяй мя силою* (Псал. xvii, 33) и изливающій благодать Свою, постоянно, теперь и всегда, и во вѣки вѣковъ. Истинно“.

Потомъ, взявъ набедренникъ [3]),—если (облачающійся) есть протосинкелъ [4]) великой церкви [5]), или кто-либо иной, имѣющій какое-нибудь достоинство,—и благословивъ его, поцѣловавъ, говоритъ: *„Препояши мечь твой по бедрѣ твоей, Сильне, красотою твоею и добротою твоею и наляцы, и успѣвай, и царствуй истины ради и кротости и правды: и наставитъ тя дивно десница твоя*

---

[1]) Въ слав. Библіи читается: *сопротивныхъ* (вм. *супостаты*—по нашему служебнику).

[2]) Ἐπιμανίκια = нарукавники; ἐπιτραχήλιον = нашейникъ. Нарукавники—небольшія ручныя повязки, стягивающія собою концы рукавовъ. Названіе составилось изъ греч. ἐπί = на + лат. *manicae* = рукава. Епитрахиль по виду похожъ на діаконскій орарь, но только въ немъ оба конца спускаются напередъ, и соединены вмѣстѣ. Слѣдовало бы назвать его нашейникомъ (такъ какъ: ἐπί = на + τράχηλος = шея), но это названіе нехорошо въ данномъ случаѣ звучитъ (Goar, ibid. §§ 12, 13).

[3]) Вѣрнѣе читать ἐπιγονάτιον = наколѣнникъ, чѣмъ ὑπογονάτιον. Это четырех-угольный платъ, свѣшивающійся на правомъ бедрѣ. Въ древности и теперь служитъ знакомъ отличія (Goar, p. 96. § 15).

[4]) Σύγγελος изъ συν—κελος = сокелейникъ (κέλλιον = келья). Представители высшей церковной власти въ древности имѣли при себѣ приближенныхъ лицъ, которыя обычно были первыми кандидатами на замѣщеніе этой высшей церковной должности. Первый между такими лицами назывался πρωτοσύγγελος (Goar, ibid. §§ 16, 17. *Du Cange*, Glossarium etc. Lugd. MDCLXXXVII, ed. 1471).

[5]) Подъ великою церковію разумѣется константинопольскій храмъ въ честь святой Премудрости (ἡ ἁγία Σοφία), т. е., Сына Божія. Онъ такъ назывался по своему значенію и по грандіозности своей постройки (Goar, ibid. § 18).

(Псал. XLIV, 4, 5), постоянно, теперь и всегда, и во вѣки вѣковъ. Истинно“.

Потомъ, взявъ фелонь [1]), и, благословивъ, цѣлуетъ и говоритъ: „*Священницы твои, Господи, облекутся правдою, и преподобніи твои возрадуются* радостію (Псал. CXXXI, 9), постоянно, теперь и всегда, и во вѣки вѣковъ. Истинно“.

Потомъ, отойдя въ предложеніе, они моютъ свои руки, говоря: „*Умыю въ неповинныхъ руцѣ мои, и обыду жертвенникъ твой, Господи, еже услышати ми гласъ хвалы твоея, и повѣдати вся чудеса твоя. Господи, возлюбихъ благолѣпіе дому твоего, и мѣсто селенія славы твоея: да не погубиши съ нечестивыми душу мою, и съ мужи кровей животъ мой, ихже въ руку беззаконія, десница ихъ исполнися мзды: азъ же незлобою моею ходихъ: избави мя, Господи, и помилуй мя: нога моя ста на правотѣ: въ церквахъ благословлю тя, Господи*“ (Псал. XXV, 6—12).

Діаконъ приготовляетъ священныя (принадлежности): свя- 904
той дискосъ [2]) на лѣвой сторонѣ, чашу на правой, и остальное съ ними. Потомъ, совершивъ три поклоненія предъ (столомъ) предложенія, говорятъ каждый: „*Боже, милостивъ буди мнѣ грѣшнику* (Лук. XVIII, 13), и помилуй меня“; и (еще): „Ты, Спаситель нашъ, искупившій насъ *отъ клятвы законныя* (Гал. III, 13) честною Твоею кровію, пригвожденный ко кресту и копьемъ пронзенный, сдѣлавшійся для людей источникомъ безсмертія, слава Тебѣ“.

Потомъ, діаконъ говоритъ: „Благослови, владыка“. И священникъ благословляетъ: „Благословенъ Богъ нашъ, постоянно, теперь и всегда, и во вѣки вѣковъ. Истинно“.

Потомъ, священникъ беретъ лѣвою рукою просфору, а правою святое копье [3]), и, дѣлая имъ знакъ (креста) поверхъ знака печати на просфорѣ, трижды говоритъ: „*Въ воспоминаніе* (Лук. XXII, 19) Господа и Бога и Спасителя нашего, Іисуса Христа“.

---

[1]) Верхняя священническая одежда, греческое названіе которой (φαιλόνιον, или φαινόλιον=φαίνεται ὅλον), по своему значенію, не совсѣмъ ясно. Въ древности она была колоколообразной формы, и безъ рукавовъ; нынѣшняя фелонь отличается большимъ вырѣзомъ спереди (Goar, p. 97. § 20. См. къ этому изображеніе св. Сампсона, ibid. p. 98).

[2]) Подъ такимъ названіемъ (δίσκος), восходящимъ къ глубочайшей дохрист. древности, древніе греческіе христіане употребляли небольшое блюдо, для св. хлѣба. Свою древнюю христ. форму онъ сохранилъ до насъ. (Goar, p. 98. § 24. См. рисунокъ дискоса p. 99).

[3]) Такъ, именно, λόγχη, древніе греки назвали небольшой ножичекъ, имѣющій. дѣйствительно, форму копья, въ воспоминаніе голгоѳскаго (Goar, p. 99. § 30).

И тотчасъ вонзаетъ святое копье на правой сторонѣ печати, и, (сверху) надрѣзая, говоритъ: *„Яко овча на заколеніе ведеся“*. Одинаково, вонзая святое копье на лѣвой (сторонѣ), говоритъ: *„И яко агнецъ* незлобивый *предъ стригущимъ его безгласенъ, тако не отверзаетъ устъ своихъ“*.

Вонзая святое копье на верхней сторонѣ печати, говоритъ: *„Во смиреніи его судъ его взятся“*. Опять, вонзая святое копье на нижней сторонѣ печати, говоритъ: *„Родъ же его кто исповѣсть“* (Иса. ɪɪɪ, 7, 8)?

Діаконъ, при каждомъ надрѣзаніи, говоритъ: „Господу помолимся“. Послѣ этого, держа свой орарь правою рукою, діаконъ говоритъ: „Подними (вырѣзанный агнецъ), владыка“.

И священникъ, вдвинувъ святое копье съ боковой правой стороны просфоры, поднимаетъ (вырѣзанный) святой хлѣбъ, говоря такъ: *„Яко вземлется отъ земли животъ его* (Иса. ɪɪɪ, 8), постоянно, теперь и всегда, и во вѣки вѣковъ. Истинно“. И, полагая его навзничь (т. е., мягкою стороною вверхъ) на святомъ дискосѣ,—послѣ того, какъ діаконъ скажетъ: „Принеси въ жертву [1]), владыка“,—священникъ приноситъ его въ жертву крестообразно, говоря: „Приносится въ жертву *агнецъ Божій, вземляй* грѣхъ *міра* (Іоан. ɪ, 29), за жизнь міра и спасеніе“. И поворачиваетъ на другую сторону, съ крестомъ наверху, и діаконъ говоритъ: „Вонзи, владыка“.

Священникъ, вонзая въ него святымъ копьемъ съ правой стороны, говоритъ: „И *единъ отъ воинъ копіемъ ребра ему прободе, и абіе изыде кровь и вода“* (Іоан. xɪx, 34). Діаконъ вливаетъ въ святую чашу вина [2]) и воды, сказавъ прежде священнику: „Благослови, владыка, это соединеніе“. И священникъ благословляетъ.

Потомъ, священникъ, взявъ вторую просфору, говоритъ: „Въ честь и память преблагословенной, славной нашей Владычицы, Богородицы и Всегда-Дѣвы Маріи, ходатайствомъ которой прими, Господи, эту жертву на Свой пренебесный жертвенникъ“.

И, вынимая частицу святымъ копьемъ, полагаетъ (ее) съ лѣвой стороны святого хлѣба. Потомъ, взявъ третью просфору, говоритъ: (Въ честь и память) „честнаго, славнаго пророка, пред-

---

[1]) Такъ описательно передаемъ греч. θῦσον, точное значеніе котораго *заколи*, или *заръжь* (Goar, p. 100. § 36) неудобно. Въ слав.-русск. *жертва, пожри* скрывается также это первое значеніе.

[2]) Въ этомъ случаѣ древніе греки называли вино не οἶνος, а νᾶμα = живой источникъ воды. Этимъ названіемъ они хотѣли выразить *истеченіе* крови изъ пронзеннаго бока І. Христа (вино *красно*, какъ и кровь). Goar, p. 101. § 39.

теля и крестителя Іоанна, святыхъ славныхъ и всехвальныхъ апостоловъ, святыхъ священноначальниковъ, отцовъ нашихъ: Василія Великаго, Григорія Богослова и Іоанна Златоуста, Аѳана- 905
сія, Кирилла, Николая Мирскаго, и всѣхъ святыхъ священноначальниковъ, святого апостола, первомученика и архидіакона Стефана, святыхъ великихъ мучениковъ: Георгія, Димитрія, Ѳеодора, и всѣхъ святыхъ мучениковъ, благочестивыхъ, богоносныхъ нашихъ отцовъ: Антонія, Евѳимія, Савы освященнаго, Онуфрія, Арсенія, Аѳанасія аѳонскаго, и всѣхъ благочестивыхъ, святыхъ и безсребренниковъ исцѣлителей: Косьмы и Даміана, Кира и Іоанна, Пантелеимона и Ермолая, Сампсона и Діомеда, Ѳаллалея и Трифона, и прочихъ святыхъ и праведныхъ богоотцовъ Іоакима и Анны, святого такого-то (дневного), и всѣхъ святыхъ, моленіями которыхъ, Боже, призри на насъ".

И такъ (какъ прежде), вынимая частицу, полагаетъ ее внизу, на лѣвой сторонѣ. Потомъ, взявъ другую просфору, говоритъ: „За нашего архіепископа, такого-то, честное пресвитерство, Христово діаконство, и весь священническій чинъ, за память и отпущеніе грѣховъ (достойныхъ) всегдашней памяти владѣтелей этой святой обители (здѣсь священникъ поименно вспоминаетъ и живыхъ, и умершихъ, которыхъ желаетъ), и прости, человѣколюбивый Господи, всѣмъ православнымъ отцамъ и братіямъ нашимъ, усопшимъ съ надеждою на воскресеніе и вѣчную жизнь въ общеніи съ Тобою". И такъ, вынимая частицу, полагаетъ ее внизу, на лѣвой сторонѣ.

Потомъ, діаконъ, взявъ кадильницу и ладанъ [1]), говоритъ священнику: „Благослови, владыка, ладанъ"; и „Господу помолимся". И священникъ говоритъ молитву: „Ладанъ Тебѣ приносимъ, Христосъ Богъ, *въ воню благоуханія* (Иса. XXIX, 25) духовнаго, которую прими, Владыка, на святой, пренебесный и мыслимый Свой жертвенникъ; и за то ниспошли намъ богатую Свою милость, Свое милосердіе, и одари ими насъ, Твоихъ рабовъ, призывающихъ Твое имя, Отца и Сына и Святого Духа, постоянно, теперь и всегда, и во вѣки вѣковъ. Истинно".

Діаконъ: „Господу помолимся". И священникъ, окадивъ звѣздицу [2]), полагаетъ ее поверхъ хлѣба и говоритъ: „И *пришедши* звѣзда *ста верху, идѣже бѣ отроча* (Мѳ. II, 9), лежащее, постоянно, теперь и всегда, и во вѣки вѣковъ. Истинно".

---

[1]) Точно передаются θυμιατήριον и θυμίαμα чрезъ *курильница* и *куреніе*, но эти выраженія слишкомъ у насъ опрощены.

[2]) Звѣздица = ἀστερίσκον въ древности и теперь представляетъ изъ себя двѣ металлическихъ дуги, сложенныхъ крестообразно въ центральной своей точкѣ (См. у Goar'а рисунокъ, р. 99).

Діаконъ: „Господу помолимся“. Священникъ, окадивъ первый покровъ, закрываетъ (имъ) святой хлѣбъ и говоритъ: „*Господь воцарися, въ лѣпоту облечеся: облечеся Господь въ силу и препоясася: ибо* и *утверди вселенную, яже неподвижится. Дому твоему подобаетъ святыня, Господи, въ долготу днiй* (Псал. XCII, 1, 5), постоянно, теперь и всегда, и во вѣки вѣковъ. Истинно“.

Діаконъ: „Господу помолимся. Покрой, владыка“. И священникъ, окаждая второй покровъ и закрывая святую чашу, говоритъ: „*Покры небеса добродѣтель* Твоя, Христосъ, *и хваленія* Твоего *исполнь земля* (Авв. III, 3), постоянно, теперь и всегда, и во вѣки вѣковъ. Истинно“.

906 Діаконъ: „Господу помолимся. Закрой, владыка“. И священникъ, окаждая воздухъ [1]), и закрывая то и другое, говоритъ: „Закрой насъ *въ кровѣ крилу твоею* (Псал. XVI, 8), Боже нашъ, постоянно, теперь и всегда, и во вѣки вѣковъ. Истинно“.

Потомъ, они оба, сложивъ свои руки крестомъ [2]) и благоговѣйно поклонившись, говорятъ: „Благословенъ Богъ нашъ, такъ благоволившій, постоянно, теперь и всегда, и во вѣки вѣковъ. Истинно“.

Діаконъ по поводу предложенія честныхъ даровъ (говоритъ): „Господу помолимся“. Священникъ (говоритъ) молитву предложенія: „Боже, Боже нашъ, пославшій въ пищу для всего міра небесный хлѣбъ, нашего Господа и Бога Іисуса Христа, Спасителя, искупителя и благодѣтеля, благословляющаго и освящающаго насъ, самъ благослови это предложеніе и прими его на Свой пренебесный жертвенникъ, вспомни, какъ добрый и человѣколюбивый, принесшихъ и за которыхъ они принесли, и сохрани насъ неосужденными въ священномъ совершеніи божественныхъ Твоихъ таинъ“. Громко: „Такъ какъ пребываетъ въ святости и славѣ всечестное и величественное имя Твое, Отца и Сына и Святого Духа, теперь и всегда, и во вѣки вѣковъ. Истинно“.

И послѣ молитвы (священникъ) окаждаетъ предложеніе, и заканчиваетъ [3]), говоря: „Слава Тебѣ, Христосъ Богъ, наша на-

---

[1]) Въ древности и теперь различаются три покрова для св. даровъ: два малыхъ и равной величины,—для дискоса и чаши,—и одинъ большой, который со всѣхъ сторонъ закрываетъ малые покровы. Его названіе *воздухъ* есть передача греч. ἀήρ = воздухъ; назывался онъ также у грековъ νεφέλη = облако. Оба названія объясняются въ символическомъ смыслѣ (Goar, p. 105. § 51).

[2]) Такъ передаемъ: δήσαντες τὰς χεῖρας, что самъ Goar переводитъ: *actis in crucem manibus* (p. 51. § 51). Но это выраженіе во всякомъ случаѣ недостаточно ясно, и замѣчательно, что оно не отразилось на нашемъ служебникѣ (см. изданіе 1890 года).

[3]) Греческ. ποιεῖ ἀπόλυσιν, чему въ нашемъ служебникѣ отвѣчаетъ

дежда“. Діаконъ: „Слава Отцу и Сыну и Святому Духу, теперь и всегда, и во вѣки вѣковъ. Истинно“.

Священникъ: „Христосъ, истинный Богъ нашъ да помилуетъ насъ, какъ добрый Богъ и человѣколюбивый, ходатайствомъ всесвятой, чистой, преблагословенной, славной нашей Владычицы, Богородицы и Всегда-Дѣвы Маріи, силою честнаго и животворящаго креста, и (молитвами) всѣхъ святыхъ“. Хоръ (поетъ): „Истинно“.

И такъ, взявъ кадильницу, діаконъ отходитъ и окаждаетъ крестовидно, кругомъ, святой престолъ, говоря про себя: „Ты, Христосъ, наполняющій все, безграничный, (былъ) во гробѣ тѣломъ, а во адѣ, какъ Богъ, душою, а въ раю съ разбойникомъ, и на престолѣ господствовалъ съ Отцомъ и Духомъ“. И говоритъ пятидесятый псаломъ: „*Помилуй мя, Боже*“.

И, окадивъ святилище и весь храмъ, входитъ опять во святой алтарь, и, опять окадивъ святой престолъ и священника, полагаетъ кадильницу на ея мѣсто, а самъ подходитъ къ священнику; и, вмѣстѣ ставъ предъ святымъ престоломъ, поклоняясь и молясь про себя, говорятъ: „Ты, Царь небесный, Утѣшитель, Духъ истины (Іоан. xiv, 16, 17), всюду присутствующій и все наполняющій, сокровищница добра и податель средствъ для жизни, приди и поселись въ насъ, очисти насъ отъ всякаго пятна и спаси, добрый, наши души“; еще: „*Слава въ вышнихъ Богу, и на земли*“ (Лук. ii, 14), дважды; и: „*Господи, устнѣ мои отверзеши*“ (Псал. l, 17), и прочее—однажды.

Потомъ священникъ цѣлуетъ Евангеліе, а діаконъ—святой престолъ. Потомъ діаконъ, наклонивъ голову предъ священникомъ, и держа свой орарь тремя перстами правой руки, говоритъ: „Время совершенія (молитвы) Господу. Владыка, благослови“. И священникъ, дѣлая надъ нимъ знакъ (креста), говоритъ: „Благословенъ нашъ Богъ, постоянно, теперь и всегда, и во вѣки вѣковъ. Истинно“.

Діаконъ: „Помолись, владыка, за меня“. Священникъ: „Го- 9:7
сподь да направитъ *стопы* (Псал. cxviii, 133) твои“. И опять діаконъ: „Вспомни, владыка, меня“. Священникъ: „Пусть вспомнитъ тебя Господь Богъ въ Своемъ царствѣ, постоянно, теперь и всегда, и во вѣки вѣковъ“. И діаконъ: „Истинно, истинно истинно“. И, трижды поклонившись, говорятъ про себя: „*Господи, устнѣ мои отверзеши*“, и прочее.

И послѣ этого, діаконъ выходитъ изъ алтаря, и, трижды

творитъ отпустъ, Goar понимаетъ, какъ *finem imponit* = полагаетъ конецъ (всему богослуженію, или отдѣльной части его), заканчиваетъ (p. 105. § 53).

поклонившись, говоритъ громко: „Благослови, владыка“. Священникъ говоритъ громко: „Благословенно (есть) царство Отца и Сына и Святого Духа, теперь и всегда, и во вѣки вѣковъ“. Хоръ (поетъ): „Истинно“.

Діаконъ громко: „Мирно Господу помолимся“. Хоръ: „Господи, помилуй“. Діаконъ: „За небесный миръ и спасеніе нашихъ душъ Господу помолимся“. Хоръ: „Господи, помилуй“. Діаконъ: „За миръ (для) всего міра, постоянство святыхъ Божіихъ Церквей и единство всѣхъ Господу помолимся“. Хоръ: „Господи, помилуй“. Діаконъ: „За этотъ святой домъ и съ вѣрою, благоговѣніемъ и страхомъ Божіимъ входящихъ въ него Господу помолимся“. Хоръ: „Господи, помилуй“. Діаконъ: „За нашего архіепископа, такого-то, честное пресвитерство, Христово діаконство, весь клиръ и народъ Господу помолимся“. Хоръ: „Господи, помилуй“. Діаконъ: „За благочестивѣйшихъ и богохранимыхъ нашихъ царей, весь царскій домъ [1]) и войско ихъ Господу помолимся“. Хоръ: „Господи, помилуй“. Діаконъ: „За помощь на войнѣ и подчиненіе подъ ихъ ноги всякаго врага и непріятеля Господу помолимся“. Хоръ: „Господи, помилуй“. Діаконъ: „За эту святую обитель, всякій городъ и страну и по вѣрѣ живущихъ въ нихъ Господу помолимся“. Хоръ: „Господи, помилуй“. Діаконъ: „За благорастворенность воздуха, плодородіе земли и мирныя времена Господу помолимся“. Хоръ: „Господи, помилуй“. Діаконъ: „За находящихся въ плаваніи, путешествіи, болѣющихъ, трудящихся, плѣненныхъ, и спасеніе ихъ Господу помолимся“. Хоръ: „Господи, помилуй“. Діаконъ: „За избавленіе насъ отъ всякаго горя, раздраженія, опасности и неизбѣжности Господу помолимся“. Хоръ: „Господи, помилуй“.

Молитва перваго антифона [2]), тихо: „Господи, Боже нашъ, Котораго могущество нельзя представить, и славу нельзя обнять, Котораго милость нельзя измѣрить и о человѣколюбіи разсказать, самъ, Владыка, призри, по Своему милосердію, на насъ и на этотъ святой домъ, и окажи къ намъ и молящимся съ нами богатую свою милость и свое состраданіе“.

Когда священникъ въ алтарѣ говоритъ тихо молитву, въ это же самое время діаконъ внѣ алтаря говоритъ мирныя (про-

---

[1]) *παλατίου* есть огрецизированное латин. palatil, по поводу котораго Du Cango замѣчаетъ, что только *иногда* здѣсь разумѣлось высшее чиновничество (ibid. col. 1082).

[2]) ἀντίφωνον значитъ собственно *отвѣтное пѣніе* (что у латинянъ *responsatorium*). Одинъ хоръ отвѣчалъ пѣніемъ другому хору. Въ древней Церкви такъ пѣлись псалмы (съ прибавленіемъ новозавѣтныхъ стиховъ), но постишно, или цѣликомъ—это неясно (Goar, p. 106. § 63).

шенія); * а если нѣтъ діакона, священникъ говоритъ молитву послѣ этихъ мирныхъ (прошеній) и возглашенія *[1]).

Діаконъ: „Возьми къ Себѣ, спаси, помилуй и сохрани насъ, Боже, Своею благодатію". Хоръ: „Господи, помилуй". Діаконъ: „Мы, вспомнивъ о всесвятой, чистой, преблагословенной, славной нашей Владычицѣ, Богородицѣ и Всегда-Дѣвѣ Маріи со всѣми святыми, отдадимъ Христу Богу самихъ себя, другъ друга 903
и всю нашу жизнь". Хоръ: „Тебѣ, Господи".

Священникъ громко: „Такъ какъ Тебѣ приличествуютъ всякая слава, честь и поклоненіе, Отцу и Сыну и Святому Духу, теперь и всегда, и во вѣки вѣковъ". Хоръ: „Истинно".

Послѣ мирныхъ (прошеній), хоръ поетъ первый антифонъ, или, если воскресный день, образные (псалмы) [2]), или дневное.

Молитва второго антифона, тихо: „Господи, Боже нашъ, спаси Свой народъ и благослови Свое наслѣдіе (Иса. XIX, 25), сохрани Церковь Свою въ ея полнотѣ, освяти любящихъ красоту Твоего дома; Ты прославь ихъ за это Своею божественною силою, и не оставь насъ, надѣющихся на Тебя". Замѣть себѣ: и здѣсь такъ же, какъ во время первой молитвы, есть ли діаконъ, или нѣтъ.

Діаконъ: „Еще и еще мирно Господу помолимся". Хоръ: „Господи, помилуй". Діаконъ: „Возьми къ Себѣ, спаси, помилуй и сохрани насъ, Боже, Своею благодатію". Хоръ: „Господи, помилуй". Діаконъ: „Мы, вспомнивъ о всесвятой, чистой, преблагословенной, славной нашей Владычицѣ, Богородицѣ и Всегда-Дѣвѣ Маріи со всѣми святыми, отдадимъ Христу Богу самихъ себя, другъ друга и всю нашу жизнь". Хоръ: „Тебѣ, Господи".

Священникъ громко: „Такъ какъ Твоя есть власть, и Твое царство, сила и слава, Отца и Сына и Святого Духа, теперь и всегда, и во вѣки вѣковъ". Хоръ: „Истинно".

Послѣ вторыхъ мирныхъ (прошеній), хоръ поетъ второй ан-

---

[1]) Выдержка подъ звѣздочками (которой нѣтъ у Goar'а, см. p. 53) читается такъ (въ своей второй половинѣ): μετὰ τὴν εὐχὴν λέγει τὴν ἐκφώνησιν, καὶ μετὰ ταῦτα εἰρηνικά. Вѣроятно, здѣсь нарушенъ надлежащій порядокъ словъ. Еще нужно замѣтить: 1) Εἰρηνικά—это рядъ прошеній, начинающихся прошеніемъ о *мирѣ*, и они различаются πρῶτα (первыя) и δεύτερα (вторыя); 2) Ἐκφώνησις есть громко произносимое заключеніе молитвы (возглашеніе). Goar, p. 107. §§ 65, 67.

[2]) Подъ *образными* = τυπικά разумѣются псалмы XXII (πρῶτα τ.) и CXLV (δεύτερα τ.). Греч. τύπος означаетъ въ данномъ случаѣ *норму, образецъ* (Goar, p. 28. § 74). Эти псалмы такъ назывались потому, что они въ случаѣ нужды брались изъ особаго послѣдованія ἀκολουθία τῶν τυπικῶν, совершавшагося послѣ *междучасія* (μεσώριον) за шестымъ часомъ (Goar, p. 107. § 69).

тифонъ, или, если воскресный день, второй образный (псаломъ), или дневное.

Молитва третьяго антифона, тихо: „Ты, даровавшій намъ эти общія и согласныя молитвы, обѣщавшій выполнять просьбы, при согласіи во имя Твое двухъ и трехъ, и теперь самъ исполни прошенія Своихъ рабовъ, сообразно съ пользою (ихъ), доставляя намъ средства въ настоящемъ вѣкѣ къ познанію Твоей истины, и имѣя даровать вѣчную жизнь въ будущемъ (вѣкѣ)“. Замѣть себѣ: и здѣсь такъ же, какъ во время первой и второй молитвы, есть ли діаконъ, или нѣтъ.

Діаконъ: „Еще и еще мирно Господу помолимся“. Хоръ: „Господи, помилуй“. Діаконъ: „Возьми къ Себѣ, спаси, помилуй и сохрани насъ, Боже, Своею благодатію“. Хоръ: „Господи, помилуй“. Діаконъ: „Мы, вспомнивъ о всесвятой, чистой, преблагословенной, славной нашей Владычицѣ, Богородицѣ и Всегда-Дѣвѣ Маріи со всѣми святыми, отдадимъ Христу Богу самихъ себя, другъ друга и всю нашу жизнь“. Хоръ: „Тебѣ, Господи“.

Священникъ громко: „Такъ какъ Ты пребываешь добрымъ и человѣколюбивымъ Богомъ, и Тебя мы прославляемъ, Отца и Сына и Святого Духа, теперь и всегда, и во вѣки вѣковъ“. Хоръ: „Истинно“.

Здѣсь хоръ поетъ третій антифонъ, или третью — шестую (пѣснь канона) [1]; а если также воскресный день, поетъ блаженства [2] и (въ честь) дневного святого. Когда хоръ дойдетъ до „Слава Отцу“, священникъ и діаконъ дѣлаютъ предъ святымъ
900 престоломъ три поклоненія. Потомъ священникъ, взявъ святое Евангеліе, даетъ (его) діакону, и, выйдя такъ чрезъ дверь сѣверной стороны (алтаря), идутъ на обычное мѣсто, совершаютъ малый входъ и оба наклоняютъ свои головы,—и, когда діаконъ, держа также вмѣстѣ орарь тремя перстами, тихо скажетъ: „Господу помолимся“, (тогда) священникъ говоритъ молитву входа.

Молитва входа святого Евангелія, тихо: „Владыка, Господи, Боже нашъ, установившій на небесахъ, на служеніе Твоей славѣ, чины и воинства ангеловъ и архангеловъ, — сдѣлай, чтобы съ нашимъ входомъ былъ входъ святыхъ ангеловъ, служащихъ вмѣстѣ съ нами и сопрославляющихъ Твою доброту“. Громко: „Такъ какъ Тебѣ приличествуютъ всякая слава, честь и поклоненіе, Отцу и Сыну и Святому Духу, теперь и всегда, и во вѣки вѣковъ“. Хоръ: „Истинно“.

---

[1]) Τριθέκτη, или τριτέκτη есть 3-я и 6-я пѣсни утренняго канона, которыя берутся въ данномъ случаѣ потому, что литургія должна совершаться между 3-мъ и 6-мъ часами дня (Goar, p. 108. § 72. Du Cange тамъ же, col. 1605).

[2]) Μακαρισμοί—это Мѳ. V, 3—12 (Goar, ibid. § 73).

По совершеніи молитвы, діаконъ говоритъ священнику: „Благослови, владыка, святой входъ",—показывая также вмѣстѣораремъ на востокъ. И священникъ, дѣлая крестъ по восточной (сторонѣ), говоритъ: „Благословенъ входъ Твоихъ святыхъ, постоянно, теперь и всегда, и во вѣки вѣковъ. Истинно".

Потомъ діаконъ подходитъ къ епископу, если онъ присутствуетъ, и (тотъ) цѣлуетъ Евангеліе,—или священникъ цѣлуетъ; и, по исполненіи послѣдняго тропаря [1]), діаконъ входитъ на средину, и, ставъ предъ священникомъ, немного поднимаетъ свои руки и громко говоритъ, показывая святое Евангеліе: „Премудрость прямая" [2]). Потомъ самъ онъ и священникъ позади его, поклонившись, входятъ во святой алтарь; и діаконъ полагаетъ святое Евангеліе на святомъ престолѣ, а поющіе говорятъ обычные тропари и (въ честь) дневного святого. И, когда дойдутъ до послѣдняго, діаконъ, наклоняя голову и держа рукою орарь, говоритъ священнику: „Благослови, владыка, время трисвятого" [3]). И священникъ, дѣлая надъ нимъ знакъ (креста), говоритъ: „Такъ какъ Ты, Богъ нашъ, святъ, постоянно, теперь и всегда". По исполненіи тропаря, діаконъ идетъ близъ святыхъ дверей и показываетъ орарь внѣ (стоящимъ), громко говоря: „И во вѣки вѣковъ". Хоръ: „Истинно".

Когда хоръ поетъ трисвятое, священникъ молится тихо.

Молитва трисвятого, тихо: „Ты, святой Богъ, покоющійся между святыми, воспѣваемый святѣйшимъ голосомъ Серафимовъ, прославляемый Херувимами, принимающій поклоненіе отъ всякой небесной силы, приведшій все изъ несуществованія въ существованіе, создавшій человѣка по Своему образу и подобію и украсившій (его) всякимъ Твоимъ даромъ, дающій премудрость и разумъ просящему, непрезирающій согрѣшающаго, но назначившій (ему) покаяніе съ цѣлію спасенія и удостоившій насъ, низкихъ и недостойныхъ Твоихъ рабовъ, стать также въ этотъ часъ предъ славою святого Твоего жертвенника и приносить Тебѣ должное поклоненіе и прославленіе,—самъ, Владыка, прими трисвятую пѣснь и отъ нашихъ грѣшныхъ устъ, посѣти насъ Своею добротою, прости намъ всякое, вольное и невольное, прегрѣшеніе, освяти наши души и тѣла и дай намъ благочестиво 910

---

[1]) Τροπάριον есть *общее* названіе для пѣснопѣній; Goar его передаетъ чрезъ *modulus* = мелодія. Въ данномъ случаѣ разумѣется: *Пріидите, поклонимся* (Goar, p. 26. § 47; p. 108. § 76).

[2]) Есть два чтенія: σοφία ὀρθή и σοφία, ὀρθοί. Первымъ указывается, что Евангеліе есть истинная премудрость; вторымъ призываются молящіеся, чтобы они были съ *прямымъ*, т. е., приподнятымъ духомъ (ibid. p. 108. § 77).

[3]) *Святый Боже*, и прочее.

служить Тебѣ во всѣ дни нашей жизни, по ходатайству святой Богородицы и всѣхъ святыхъ, отъ вѣчности сдѣлавшихся угодными Тебѣ". Громко: „Такъ какъ Ты, Богъ нашъ, святъ, и Тебя мы прославляемъ, Отца и Сына и Святого Духа, теперь и всегда, и во вѣки вѣковъ". Хоръ: „Истинно".

По окончаніи этой (молитвы), когда хоръ поетъ „Слава и теперь", также сами, священникъ и діаконъ, поютъ трисвятое, дѣлая въ то же время и три поклоненія предъ святымъ престоломъ. Потомъ, діаконъ говоритъ священнику: „Благослови, владыка" [1]), и отходятъ къ сѣдалищу [2]). И священникъ, отходя, говоритъ: *„Благословенъ грядый во имя Господне"* (Іоан. XII, 13). Діаконъ: „Благослови, владыка, небесное сѣдалище". И священникъ: „Благословенъ Ты на престолѣ славы царства Своего, *сѣдяй на Херувимѣхъ* (4 Цар. XIX, 15), постоянно, теперь и всегда, и во вѣки вѣковъ. Истинно".

И послѣ исполненія трисвятого, діаконъ, дойдя до двери, говоритъ: „Будемъ внимательны". И священникъ: „Миръ всѣмъ". Діаконъ: „Премудрость". И чтецъ начинаетъ: „Хвалите Бога. Псаломъ Давида" [3]). * И опять діаконъ: „Будемъ внимательны". Чтецъ (говоритъ) прокименъ [4]) апостола и дневной. И опять діаконъ: „Будемъ внимательны". И, по исполненіи апостола, священникъ громко говоритъ: „Миръ тебѣ". Діаконъ: „Премудрость". И хоръ: „Хвалите Бога. Псаломъ Давида" *[5]). И діаконъ, взявъ кадильницу и ладанъ, подходитъ къ священнику, говоря: „Благослови, владыка, ладанъ".

Когда священникъ благословляетъ, и скажетъ эту молитву: „Ладанъ Тебѣ приносимъ, Христосъ Богъ нашъ, *въ воню благоуханія* (Иса. XXIX, 25) духовнаго; за то ниспошли намъ божественную благодать всесвятого Твоего Духа, постоянно, теперь и всегда, и во вѣки вѣковъ. Истинно" [6]),—діаконъ кругомъ окаждаетъ свя-

---

[1]) У Goar'a читается: Κέλευσον, δέσποτα (вм. Εὐλόγησον, δ.), и въ нашемъ служебн. *Повели, владыко* (изд. 1890 г.). Goar, p. 55.

[2]) Καθέδρα — сѣдалище. Небесное сѣдалище І. Христа какъ бы изображалось запрестольнымъ возвышеніемъ, подъ самымъ алтарнымъ сводомъ (мѣсто служащаго епископа). См. у Goar'a рисун. p. 11, литера G.

[3]) Евр. *аллилуія* и *Псаломъ Давида* литургически равнозначущи между собою (ibid. p. III, §§ 89, 90).

[4]) Προκείμενον — предлежащее (апостольскому чтенію). Разумѣются главнымъ образомъ псаломные стихи (до 2-хъ). Ibid. § 91.

[5]) Выдержка подъ звѣздочками въ нашемъ текстѣ повторена второй разъ съ точностію.

[6]) Въ нашемъ текстѣ и у Goar'a различаются краткая (какъ здѣсь) и пространная (во время приготовленія даровъ) формы этой молитвы (срв. Goar,

той престолъ, все святилище и воздухъ [1]). И послѣ этого, отложивъ кадильницу, идетъ къ священнику, и, наклонивъ къ нему голову, держа также верхними перстами орарь со святымъ Евангеліемъ, то есть на томъ мѣстѣ святого престола, говоритъ: „Благослови, владыка, благовѣстителя святого апостола и евангелиста, такого-то“. Священникъ, совершая надъ нимъ знакъ (креста), говоритъ: „Богъ, по ходатайству святого, славнаго апостола и евангелиста, такого-то, пусть дастъ тебѣ, при твоемъ благовѣстіи (со) многою силою, слово для благовѣстія“ [2]). И діаконъ, сказавъ: „Истинно“, благоговѣйно поклонившись святому Евангелію и выйдя, въ предшествіи свѣтильниковъ и ладана, чрезъ святыя двери, идетъ и становится вверху на амвонѣ [3]), или на назначенномъ мѣстѣ. Священникъ, стоя предъ святымъ престоломъ, смотря на западъ, громко говоритъ: „Премудрость прямая. Послушаемъ святого Евангелія“. И діаконъ: „Изъ (Евангелія) по такому-то святому Евангелію чтеніе“. И священникъ: „Будемъ внимательны“. По исполненіи Евангелія, священникъ говоритъ діакону: «Миръ тебѣ“. И діаконъ, дойдя до святыхъ дверей, отдаетъ святое Евангеліе священнику.

Потомъ, ставъ на обычномъ мѣстѣ, (діаконъ) начинаетъ такъ:
„Скажемъ всѣ отъ всей души, и скажемъ отъ всего помышле- 911
нія“. Хоръ: „Господи, помилуй“. Діаконъ: „Господь Вседержитель, Богъ отцовъ нашихъ, молимся Тебѣ: выслушай и помилуй“. Хоръ: „Господи, помилуй“. Діаконъ: „Помилуй насъ, Боже, по великой Своей милости, молимся Тебѣ, Господи: выслушай“. Хоръ: „Господи, помилуй“. Діаконъ: „Еще молимся за благочестивѣйшихъ и богохранимыхъ нашихъ царей, (за) власть, побѣду, постоянство, миръ, здоровье, спасеніе ихъ, и особенно (за) содѣйствіе Господа, Бога нашего, ихъ успѣху во всемъ и подчиненіе подъ ихъ ноги всякаго врага и непріятеля“. Хоръ: „Господи, помилуй“.

Священникъ говоритъ эту молитву, тихо: „Господи, Боже нашъ, прими отъ Своихъ рабовъ это напряженное моленіе, помилуй насъ по множеству Своей милости и ниспошли Свое ми-

---

pp. 53, 55; у насъ стр. 399, 406); но въ нашемъ служебникѣ удержана только краткая форма.

[1]) Разумѣется большой покровъ на св. дарахъ (Goar, p. 55).

[2]) Въ словахъ діакона: „Благослови, владыка, благовѣстителя“, и проч. подъ благовѣстителемъ разумѣется самъ діаконъ; такъ и у Goar'a (p. III, § 98); по-гречески: Εὐαγγελιστήν.

[3]) ἄμβων = (мѣсто) для восхожденія. Въ древней церкви устраивалось какъ разъ противъ святыхъ дверей, на срединѣ храма, возвышеніе. См. у Goar'a, рисун. p. 17.

лосердіе на насъ и на весь Свой народъ, ожидающій отъ Тебя богатой милости". Громко: „Такъ какъ Ты пребываешь милостивымъ и человѣколюбивымъ Богомъ, и Тебя мы прославляемъ, Отца и Сына и Святого Духа, теперь и всегда, и во вѣки вѣковъ". Хоръ: „Истинно".

Діаконъ: „Наставляемые [1]), помолитесь Господу". Хоръ: „Господи, помилуй". Діаконъ: „Мы, вѣрующіе, помолимся за наставляемыхъ, чтобы Господь помиловалъ ихъ". Хоръ: „Господи, помилуй". Діаконъ: „Пусть Онъ наставитъ ихъ слову истины". Хоръ: „Господи, помилуй". Діаконъ: „Пусть откроетъ для нихъ Евангеліе правды". Хоръ: „Господи, помилуй". Діаконъ: „Пусть соединитъ ихъ со Своей святой, всеобщей и апостольской Церковью". Хоръ: „Господи, помилуй". Діаконъ: „Спаси, помилуй, возьми къ Себѣ и сохрани ихъ, Боже, Своею благодатію". Хоръ: „Господи, помилуй". Діаконъ: „Наставляемые, наклоните ваши головы предъ Господомъ". Хоръ: „Тебѣ, Господи".

Молитва (за) наставляемыхъ, предъ святымъ возношеніемъ (даровъ), которую священникъ говоритъ тихо: „Господи, Боже нашъ, живущій въ высотѣ и презирающій низкое, пославшій спасеніемъ для человѣческаго рода единороднаго Сына Своего, Бога, Господа нашего Іисуса Христа, — посмотри на Своихъ наставляемыхъ рабовъ, наклонившихъ предъ Тобою свою шею, удостой ихъ въ удобное время купели возрожденія, прощенія грѣховъ и нетлѣнной одежды, соедини ихъ со Своею святою, всеобщею и апостольскою Церковію и сопричисли ихъ къ Своему избранному стаду". Громко: „Чтобы и они славили съ нами всечестное и величественное Твое имя, Отца и Сына и Святого Духа, теперь и всегда, и во вѣки вѣковъ". Хоръ: „Истинно".

Послѣ этого возглашенія, священникъ беретъ илитонъ [2]) и, по обычаю, развертываетъ (его). Діаконъ: „Которые (суть) наставляемые—подойдите [3]), наставляемые — подойдите, которые (суть) наставляемые — подойдите. Пусть никто изъ наставляемыхъ не останется (здѣсь). Которые (суть) вѣрующіе, еще и еще мирно Господу помолимся". Хоръ: „Господи, помилуй".

---

[1]) Οἱ κατηχούμενοι (у насъ неточное *оглашенніи*) въ древней Церкви назывались лица, принимавшія христ. вѣру, но до крещенія обучавшіяся истинамъ св. вѣры.

[2]) Εἰλητόν—кусокъ матеріи (по идеѣ его, долженъ быть холщёвой), на который поставляются дискосъ и чаша (Goar, p. 112, § 103).

[3]) У насъ трижды читается: προσέλθετε (=подойдите), а у Goar'а трижды: προέλθετε (=выступите впередъ, т. е., уйдите). Goar, p. 57. Не получали ли наставляемые благословенія предъ выходомъ? Тогда προσέλθετε резонно.

Первая молитва (за) вѣрующихъ, которую священникъ говоритъ тихо, послѣ того какъ развернутъ илитонъ: „Благодаримъ Тебя, Господи, Боже силъ, и теперь удостоившаго насъ стать 912
подлѣ святого Твоего жертвенника и припасть къ Твоему милосердію по поводу нашихъ грѣховъ и невѣдѣній народа; прими, Боже, нашу молитву, сдѣлай, чтобы мы были достойными приносить Тебѣ молитвы, моленія и безкровную жертву за весь Твой народъ, и, силою Духа Своего Святого, сдѣлай насъ, которыхъ Ты назначилъ на это Тебѣ служеніе, способными безукоризненно, безошибочно, съ чистымъ свидѣтельствомъ нашей совѣсти, призывать Тебя къ себѣ во всякое время и (на всякомъ) мѣстѣ, чтобы, выслушивая насъ, Ты былъ милостивъ къ намъ, по множеству Своей доброты“.

Когда священникъ молится, діаконъ, если есть, говоритъ мирныя (прошенія) на обычномъ мѣстѣ, внѣ святого алтаря: „Еще и еще мирно Господу помолимся“. Хоръ: „Господи, помилуй“. Діаконъ: „За эту святую обитель, всякій городъ и страну и по вѣрѣ живущихъ въ нихъ Господу помолимся“. Хоръ: „Господи, помилуй“. Діаконъ: „За благорастворенность воздуха, плодородіе земли и мирныя времена Господу помолимся“. Хоръ: „Господи, помилуй“. Діаконъ: „За находящихся въ плаваніи, путешествіи, болѣющихъ, трудящихся, плѣненныхъ, и спасеніе ихъ Господу помолимся“. Хоръ: „Господи, помилуй“. Діаконъ: „За избавленіе насъ отъ всякаго горя, раздраженія, опасности и неизбѣжности Господу помолимся“. Хоръ: „Господи, помилуй“. Діаконъ: „Возьми къ Себѣ, спаси, помилуй и сохрани насъ, Боже, Своею благодатію“. Хоръ: „Господи, помилуй“. Діаконъ: „Премудрость“. Священникъ громко: „Такъ какъ Тебѣ приличествуетъ всякая слава, честь и поклоненіе, Отцу и Сыну и Святому Духу, постоянно, теперь и всегда, и во вѣки вѣковъ“. Хоръ: „Истинно“.

Вторая молитва (за) вѣрующихъ, которую священникъ говоритъ тихо:

„Опять и часто припадаемъ къ Тебѣ, и молимся Тебѣ, добрый и человѣколюбивый, чтобы Ты, посмотрѣвъ на нашу молитву, очистилъ наши души и тѣла отъ всякаго плотского и духовнаго оскверненія, и далъ намъ невинное и неосужденное стояніе возлѣ святого Твоего жертвенника. Одари же, Боже, и молящихся съ нами желаннымъ успѣхомъ въ жизни, вѣрѣ и духовномъ разумѣ; дай имъ, при постоянномъ служеніи Тебѣ со страхомъ и любовію, невинно и неосужденно участвовать въ святыхъ Твоихъ тайнахъ, и удостоиться Твоего небеснаго царства“.

Когда священникъ молится, діаконъ говоритъ мирныя (прошенія) внѣ святого алтаря.

Священникъ громко: „Чтобы, постоянно сохраняясь подъ Твоею властію, Тебя мы прославляли, Отца и Сына и Святого Духа, теперь и всегда, и во вѣки вѣковъ“. Хоръ: „Истинно“.

Послѣ этого возглашенія, (священникъ) говоритъ молитву про себя, пѣвцы поютъ херувимскую пѣснь, а діаконъ, подошедши къ священнику, ладаномъ окаждаетъ святой престолъ кругомъ, крестовидно, святилище и священника. И послѣ этого, благоговѣйно становится налѣво отъ священника, ожидая исполненія молитвы.

Молитва, которую говоритъ священникъ тихо, во время пѣнія херувимской (пѣсни):

„Царь славы! Изъ связавшихся плотскими пожеланіями и удовольствіями никто недостоинъ подходить, или приближаться, или служить Тебѣ, такъ какъ служеніе Тебѣ велико и страшно
913 даже для самихъ небесныхъ силъ. Но, однако, по несказанному и неизмѣримому Своему человѣколюбію, Ты сдѣлался человѣкомъ, безъ обращенія и измѣненія, назвался нашимъ первосвященникомъ и, какъ Владыка всѣхъ, передалъ намъ священнодѣйствіе этой служебной и безкровной жертвы, такъ какъ Ты только, Господи Боже нашъ, владычествуешь надъ небеснымъ и земнымъ, носимый на херувимскомъ престолѣ, Господь Серафимовъ, Царь израилевъ, единственно святой и покоющійся между святыми. Поэтому, со страхомъ прошу Тебя, единственно добраго и скорослушающаго, посмотри на меня, грѣшника и негоднаго Своего раба, очисти мою душу и сердце отъ лукавой совѣсти, и сдѣлай меня, облеченнаго благодатію священства, способнымъ стать, силою Святого Твоего Духа, возлѣ этого святого Твоего престола, и священнодѣйствовать святое, чистое Твое тѣло и честную Твою кровь. Молюсь Тебѣ, наклонивъ свою шею, и умоляю Тебя, чтобы Ты не отвратилъ Своего лица отъ меня и не исключилъ меня изъ (званія) Своихъ слугъ, но удостой, чтобы эти дары были принесены Тебѣ мною, грѣшникомъ и недостойнымъ Твоимъ рабомъ. Ты (есть) приносящій и приносимый, принимающій и раздаваемый, Христосъ, Богъ нашъ, и прославляемъ Тебя съ безначальнымъ Твоимъ Отцомъ и всесвятымъ, добрымъ и животворящимъ Твоимъ Духомъ, теперь и всегда, и во вѣки вѣковъ. Истинно“.

По исполненіи молитвы, молятся вмѣстѣ херувимскою пѣснью, трижды поклоняясь во время произношенія ея; потомъ, пятидесятый также псаломъ, тихо. И, поклоняясь трижды, отходятъ къ предложенію, въ предшествіи діакона съ ладаномъ; и (діаконъ),

окадивъ святые (дары), молясь про себя: *„Боже, милостивъ буди мнѣ грѣшнику"*, говоритъ священнику: „Подними, владыка".

Священникъ, поднявъ воздухъ, полагаетъ (его) на лѣвое плечо діакона, говоря: „Мирно *воздвигните руки ваша во святая, и благословите Господа. Благословитъ тя Господь отъ Сіона, сотворивый небо и землю* (Псал. CXXXIII, 2, 3), постоянно, теперь и всегда, и во вѣки вѣковъ". Діаконъ: „Истинно".

Потомъ діаконъ со вниманіемъ беретъ на свою голову святой дискосъ, держа въ своей правой рукѣ, однимъ перстомъ, кадильницу, а священникъ поднимаетъ только святую чашу. И, проходя чрезъ храмъ, оба молятся за всѣхъ, говоря: „Пусть вспомнитъ всѣхъ насъ [1]) Господь Богъ въ Своемъ царствѣ, постоянно, теперь и всегда, и во вѣки вѣковъ". Хоръ: „Истинно", И часто это говорятъ, пока исполнится великій входъ. Входя въ святой алтарь, говорятъ про себя: *„Благословенъ грядый во имя Господне"*.

Потомъ діаконъ опять, наклонивъ голову къ священнику, говоритъ: „Вспомни, владыка святой, меня, грѣшника". И священникъ: „Пусть вспомнитъ тебя Господь Богъ въ Своемъ царствѣ, постоянно, теперь и всегда, и во вѣки вѣковъ. Истинно".

Потомъ и самъ поставляетъ святую чашу на священномъ престолѣ, приговаривая также такой тропарь: „Прекрасный Іосифъ, снявъ съ креста Твое чистое тѣло, положилъ въ новомъ гробѣ, завернувъ въ чистое полотно и покрывъ благовоніями".

Потомъ священникъ снимаетъ покровы съ святого дискоса и святой чаши; взявъ воздухъ съ плеча діакона и окадивъ его, покрываетъ имъ святые (дары). Потомъ діаконъ трижды окаждаетъ святые (дары), говоря такъ: *„Ублажи, Господи, благоволеніемъ твоимъ Сіона"* (Псал. L, 20). Потомъ трижды поклоняются 914
предъ святымъ престоломъ, молясь: *„Боже, милостивъ буди мнѣ грѣшнику"*. И священникъ стоитъ, а діаконъ, наклонивъ шею, говоритъ священнику: „Помолись, владыка, за меня". Священникъ говоритъ: *„Духъ святый найдетъ на тя, и сила Вышняго осѣнитъ тя"* (Лук. I, 35). Діаконъ: „Тотъ же самый Святой Духъ будетъ служить вмѣстѣ съ вами и нами [2]), постоянно, теперь и всегда, и во вѣки вѣковъ. Истинно. Вспомни, владыка святой, меня". Священникъ говоритъ: „Пусть вспомнитъ тебя Господь Богъ въ Своемъ царствѣ, постоянно, теперь и всегда, и во вѣки вѣковъ". Діаконъ: „Истинно, истинно, истинно".

И, поклонившись, (діаконъ) идетъ на обычное мѣсто, говоря:

---

[1]) У Goar'a также: πάντων ἡμῶν (p. 59).

[2]) У Goar'a также: ὑμῖν καὶ ἡμῖν (ibid.).

„Исполнимъ нашу молитву къ Господу“. Хоръ: „Господи, помилуй“. Діаконъ: „За предложенные честные дары Господу помолимся“. Хоръ: „Господи, помилуй“. Діаконъ; „За этотъ святой домъ и съ вѣрою, благоговѣніемъ и страхомъ Божіимъ входящихъ въ него Господу помолимся“. Хоръ: „Господи, помилуй“. Діаконъ: „За избавленіе насъ отъ всякаго горя, раздраженія, опасности и неизбѣжности Господу помолимся“. Хоръ: „Господи, помилуй“.

Проскомидійная молитва, которую говоритъ священникъ тихо, послѣ поставленія божественныхъ даровъ на святомъ престолѣ [1]): „Господи, Боже Вседержитель, единственно святой, принимающій жертву хвалы отъ призывающихъ Тебя всѣмъ сердцемъ, прими также молитву (отъ) насъ, грѣшниковъ, и принеси (ее) на святой Свой жертвенникъ, и сдѣлай насъ способными принести Тебѣ дары и духовную жертву за наши грѣхи и за невѣдѣнія народа; удостой насъ, чтобы мы были угодны предъ Тобою, (такъ) чтобы наша жертва сдѣлалась пріятною для Тебя, и чтобы добрый духъ Твоей благодати пребывалъ на насъ, на этихъ предлежащихъ дарахъ и на всемъ Твоемъ народѣ“.

Діаконъ: „Возьми къ Себѣ, спаси, помилуй и сохрани насъ, Боже, Своею благодатію“. Хоръ: „Господи, помилуй“. Діаконъ: „Попросимъ у Господа вовсе безпорочнаго, мирнаго и безгрѣшнаго дня“. Хоръ: „Подай, Господи“. Діаконъ: „Попросимъ у Господа мирнаго ангела, надежнаго путеводителя, стража нашихъ душъ и тѣлъ“. Хоръ: „Подай, Господи“. Діаконъ: „Попросимъ у Господа прощенія и отпущенія нашихъ грѣховъ и прегрѣшеній“. Хоръ: „Подай, Господи“. Діаконъ. „Попросимъ у Господа прекраснаго и полезнаго для нашихъ душъ и для міра мира“. Хоръ: „Подай, Господи“. Діаконъ: „Попросимъ у Господа, (чтобы) закончить остальное время нашей жизни миромъ и покаяніемъ“. Хоръ: „Подай, Господи“. Діаконъ: „Попросимъ у Господа христіанскаго, безъ болѣзни, безукоризненнаго, мирнаго конца нашей жизни и прекраснаго оправданія при страшномъ судебномъ сѣдалищѣ“. Хоръ: „Подай, Господи“. Діаконъ: „Мы, вспомнивъ о всесвятой, чистой, преблагословенной, славной нашей Владычицѣ, Богородицѣ и Всегда-Дѣвѣ Маріи со всѣми святыми, от-

[1]) Προσκομιδή — приношеніе. Помимо того, что въ древней Церкви хлѣбъ и вино для таинства *приносились* вѣрующими, въ самомъ этомъ богослуженіи различаются три момента, имѣющихъ характеръ *приношенія Богу*: 1) въ предложеніи, когда дары приготовлены, 2) перенесеніе даровъ на престолъ и 3) предъ престоломъ, когда дары уже освящены, и священникъ говоритъ: *Твоя отъ твоихъ*, и проч. Для перваго и второго момента имѣются особыя молитвы, какъ *проскомидійныя* (Goar, p. 115, § 115).

дадимъ Христу Богу самихъ себя, другъ друга и всю нашу жизнь". Хоръ: „Тебѣ, Господи".

Священникъ громко: „По милосердію единороднаго Твоего Сына, съ Которымъ Ты благословенъ, съ всесвятымъ, добрымъ и животворящимъ Твоимъ Духомъ, теперь и всегда, и во вѣки вѣ-
ковъ". Хоръ: „Истинно". Священникъ: „Миръ всѣмъ". Діаконъ: 915
„Возлюбимъ другъ друга, чтобы намъ единомысленно признавать". Хоръ: „Отца, Сына и Святого Духа, единосущную и нераздѣльную Троицу".

Священникъ поклоняется трижды, тихо говоря трижды: *„Возлюблю тя Господи крѣпосте моя. Господь утвержденіе мое, и прибѣжище мое"* (Псал. XVII, 1, 2). И діаконъ цѣлуетъ свой орарь, поклоняется трижды и присоединяетъ громко: „Двери, двери; во (время) премудрости будемъ внимательны" [1]). И хоръ: „Вѣрую". И, по исполненіи святого символа (вѣры), діаконъ говоритъ громко: „Будемъ хорошо стоять, будемъ со страхомъ стоять, будемъ внимательны, (чтобы) мирно приносить святое возношеніе". Хоръ: „Елей мира, жертву хвалы" [2]).

Священникъ громко: *„Благодать Господа нашего Іисуса Христа, и любы Бога и Отца и общеніе святаго Духа* пусть будетъ *со всѣми* (2 Кор. XIII, 13) вами". Хоръ: „И съ твоимъ духомъ". Священникъ: „Будемъ имѣть свои сердца высоко". Хоръ: „Будемъ имѣть у Господа". Священникъ: „Будемъ благодарить Господа". Хоръ: „(Дѣло) достойное и справедливое поклоняться Отцу, Сыну и Святому Духу, единосущной и нераздѣльной Троицѣ".

Священникъ, въ наклоненіи, молится тихо: „Достойное и справедливое (дѣло) Тебя воспѣвать, Тебя благословлять, Тебя хвалить, Тебя благодарить, Тебѣ поклоняться на всякомъ мѣстѣ Твоего владычества: Ты Богъ невыразимый, непостижимый, невидимый, необъятный, всегда существующій, существующій такимъ же самымъ образомъ, Ты и единородный Твой Сынъ и Свя-

---

[1]) Слова: Τὰς θύρας, τὰς θύρας = „двери, двери" понимаютъ: или *прямо*—чтобы входныя двери храма были закрыты, или *переносно*—чтобы двери сердца были: или *открыты* для премудрости, или *закрыты* для всего земного (Goar, p. 146, § 119). Естественнѣе первое, прямое объясненіе.

[2]) У насъ читается: ἔλαιον εἰρήνης, а у Goar'a: ἔλεον εἰρήνης = милость мира (p. 60). Держатся обычно послѣдняго чтенія, и объясняютъ, между прочимъ, такъ: будемъ приносить Богу не столько жертву, сколько милость, состраданіе, которое рождается отъ твердаго и чистаго мира (ibid. § 122). Но священническія молитвы всѣ въ одно слово говорятъ о *дарахъ*, о *жертвѣ*. Не вѣрнѣе ли чтеніе: ἔλαιον? Смерть I. Христа была и есть для человѣчества то же, что ἔλαιον милосердаго самарянина для израненнаго (Лук. x, 34).

той Твой Духъ. Ты ввелъ насъ въ существованіе изъ несуществованія, уклонившихся опять возстановилъ, неотступно все дѣлая, пока возвелъ насъ на небо и далъ, какъ даръ, Свое имѣющее быть царство. За все это благодаримъ Тебя, единороднаго Твоего Сына и Святого Твоего Духа, за все, что̀ знаемъ и чего не знаемъ, (за) явныя и неявныя благодѣянія, бывшія до нашего времени. Благодаримъ Тебя также за это служеніе, которое Ты удостоилъ принять изъ нашихъ рукъ. Хотя предъ Тобою стоятъ тысячи архангеловъ, неисчислимое множество ангеловъ, херувимы и шестокрылые, многоочитые, пари́щіе въ воздухѣ, оперенные серафимы", громко: „поющіе, взывающіе, восклицающіе и говорящіе пѣснь (въ честь) Твоей побѣды", хоръ: *„святъ, святъ, святъ Господь Саваоѳъ: исполнь* небо и *земля славы* (Иса. VI, 8) Твоей; *осанна* [1]) на высочайшихъ (небесахъ), *благословенъ грядый во имя Господне; осанна* (Іоан. XII, 13) на высочайшихъ" (небесахъ).

Діаконъ беретъ звѣздицу, дѣлаетъ (ею) крестовидно на святомъ дискосѣ и, отерши ее губкой на илитонѣ и поцѣловавъ, полагаетъ ее съ воздухомъ. Потомъ переходитъ на правую сторону и вѣетъ поверхъ святыхъ (даровъ), благоговѣйно, опахаломъ; а если нѣтъ опахала, дѣлаетъ это покровомъ.

Священникъ молится тихо:

„Владыка человѣколюбивый, съ этими блаженными силами и мы взываемъ и говоримъ: Ты святъ и всесвятъ,—Ты и единородный Твой Сынъ и Святой Твой Духъ,—Ты святъ и всесвятъ, и величественна Твоя слава; (Ты), Который возлюбилъ свой міръ такъ, что далъ Своего единороднаго Сына, чтобы всякій, вѣрующій въ Него, не погибъ, но имѣлъ вѣчную жизнь; (Сына), Который, пришедши и исполнивъ все Свое домоправленіе о насъ,—въ ту ночь, въ которую предавался, а лучше, предавалъ самого Себя за жизнь міра,—взявъ хлѣбъ Своими святыми, чистыми и
916 безукоризненными руками, поблагодаривъ и благословивъ, освятивъ, разломивъ, далъ святымъ Своимъ ученикамъ и апостоламъ, сказавъ" (священникъ наклоняетъ свою голову и, благоговѣйно поднимая свою правую руку, благословляетъ святой хлѣбъ, говоря громко): *„пріимите, ядите: сіе есть тѣло мое, еже за вы ломимое* (1 Кор. XI, 24) для отпущенія грѣховъ". Хоръ: „Истинно".

Діаконъ, берясь за свой орарь, самъ показываетъ также со священникомъ (на) святой дискосъ, и подобнымъ образомъ на

[1]) Евангельское Ὡσαννά есть псаломное = *(О, Господи), спаси же* (Псал. CXVII, 25).

святую чашу. Такимъ же самымъ образомъ и (тогда), когда священникъ будетъ громко говорить: „Твои (дары) отъ Твоихъ (рабовъ)".

Священникъ тихо: „Подобнымъ образомъ *и чашу, по вечери, глаголя*" (ст. 25), — держа сверху руку свою благоговѣйно и благословляя, священникъ говоритъ громко: *„пійте отъ нея вси: сія есть кровь моя новаго завѣта, яже за* васъ и *многія изливаема во оставленіе грѣховъ*" (Мѳ. xxvi, 27). Хоръ: „Истинно".

Священникъ, наклонивъ голову, молится тихо: „Итакъ, въ памятованіи этой спасительной заповѣди и всего за насъ происшедшаго: креста, гроба, тридневнаго воскресенія, восхожденія на небо, сѣдѣнія по правую (сторону) Отца и второго опять славнаго пришествія", громко: „Твои (дары) отъ Твоихъ (рабовъ) приносимъ Тебѣ по всему и за все" (сказанное выше). Хоръ: „Тебя воспѣваемъ, Тебя благословляемъ, Тебя благодаримъ, Господи, и молимся Тебѣ, Боже нашъ".

Священникъ, наклонивъ опять голову, молится тихо: „Еще приносимъ Тебѣ это разумное и безкровное поклоненіе, и призываемъ, молимся и умоляемъ: ниспошли Святого Своего Духа на насъ и на эти предлежащіе дары".

Діаконъ полагаетъ опахало, которое держалъ, или покровъ, въ сторону, ближе идетъ къ священнику, и оба трижды поклоняются предъ святымъ престоломъ и, молясь, говорятъ трижды про себя тихо: *„Боже, милостивъ буди мнѣ грѣшнику.* Ты, Господь, ниспославшій въ третій часъ всесвятого Духа апостоламъ, — не отними Его, добрый, отъ насъ"; и (еще): *„Сердце чисто созижди во мнѣ Боже, и Духъ правъ обнови во утробѣ моей"* (Псал. l, 12). Потомъ, діаконъ, наклонивъ голову, указываетъ ораремъ (на) святой хлѣбъ, и говоритъ тихо: „Благослови, владыка, святой хлѣбъ".

И священникъ, ставъ прямо, трижды дѣлаетъ знакъ (креста) надъ святыми дарами, говоря тихо: „Сдѣлай этотъ хлѣбъ честнымъ тѣломъ Своего Христа". Діаконъ: „Истинно". И діаконъ опять: „Благослови, владыка, святую чашу". Священникъ, благословляя, говоритъ: „А то, что въ этой чашѣ, — честною кровію Своего Христа". Діаконъ: „Истинно".

И діаконъ, опять указывая ораремъ (на) то и другое святое, говоритъ: „Благослови, владыка". Священникъ, благословляя рукою то и другое святое, говоритъ: „Измѣнивъ Своимъ Святымъ Духомъ". Діаконъ: „Истинно, истинно, истинно". И діаконъ, наклонивъ голову (къ) священнику и сказавъ: „Вспомни, владыка святой, меня, грѣшника", переходитъ на мѣсто, на которомъ прежде стоялъ, взявъ опять также опахало, какъ прежде.

это три раза; и, ставя въ сторону горячую (воду), останавливается немного издали. Священникъ говоритъ: „Діаконъ, подойди“. И діаконъ, подошедши, дѣлаетъ благоговѣйно поклонъ, прося прощенія. Священникъ, держа святой хлѣбъ, даетъ діакону. И, поцѣловавъ руку, дающую ему (часть) [1], діаконъ беретъ святой хлѣбъ, говоря: „Дай мнѣ, владыка, (часть) честного и святого тѣла Господа, Бога и нашего Спасителя, Іисуса Христа“. Священникъ говоритъ: „Даю тебѣ (часть) честного, святого
920 и чистаго тѣла Господа, Бога и нашего Спасителя, Іисуса Христа, въ оставленіе грѣховъ, въ вѣчную жизнь“.

И отходитъ (діаконъ); наклонивъ голову позади священнаго престола, молится такъ же, какъ священникъ. Подобнымъ образомъ священникъ беретъ святой хлѣбъ, и, наклонивъ голову передъ священнымъ престоломъ, молится такъ:

„Вѣрую, Господи, и признаю, что *Ты Христосъ, Сынъ Бога живаго* (Мѳ. XVI, 16), пришедшій *въ міръ грѣшники спасти, отъ нихже первый есмь азъ* (1 Тим. I, 15). Сынъ Божій, возьми также меня, сегодня, въ участники Своего таинственнаго обѣда; нѣтъ, не скажу Твоимъ врагамъ тайны, не буду цѣловать Тебя, какъ Іуда, но, какъ разбойникъ, признаю Тебя: *помяни мя, Господи, во царствіи си* (Лук. XXIII, 42); и я недостоинъ, Господи, чтобы Ты вошелъ подъ грязную кровлю моей души; но, какъ допустилъ Ты, что былъ положенъ въ пещерѣ и ясляхъ неразумныхъ (животныхъ), и (возлежалъ) въ домѣ прокаженнаго Симона, когда допустилъ также приходящую къ Тебѣ блудницу, грѣшницу, подобную мнѣ, (такъ) самъ удостой войти въ ясли неразумной моей души и въ запятнанное мое тѣло, (меня) мертваго и прокаженнаго. И какъ не погнушался грязныхъ устъ блудницы, цѣлующихъ чистыя Твои ноги, такъ, Владыка, Боже мой, не погнушайся и меня, грѣшника, но, какъ добрый и человѣколюбивый, удостой меня сдѣлаться участникомъ (въ принятіи) Твоего всесвятого тѣла и крови. Сдѣлай послабленіе, Боже нашъ, отпусти, прости мнѣ, грѣшнику, мои паденія, сколько я Тебѣ согрѣшилъ охотно и неохотно, или сдѣлалъ съ знаніемъ, или не-

[1]) τὴν μεταδιδοῦσαν. Глаголъ μεταδίδωμι и далѣе μεταλαμβάνω можно передать только описательно. Нужно себѣ напередъ представить, что св. хлѣбъ раздѣленъ на части, и кругомъ стоятъ готовые принять эти части, а раздаятель самъ Господь. Въ предлогѣ μετά вся сила выраженія—оба раза. Въ первомъ случаѣ имъ обозначаются всѣ *участники*, которымъ Господь протягиваетъ, такъ сказать, руку со Своимъ святымъ тѣломъ; во второмъ случаѣ—всѣ *участники*, которые изъ протянутой руки Господа сейчасъ получили въ свои руки святое тѣло. Въ нашемъ служебникѣ взяты для перваго *преподаждь* и *преподается*, для второго *причащаются*.

всѣхъ". Священникъ громко говоритъ: „Между самыми первыми вспомни, Господи, нашего архіепископа, такого-то, котораго, какъ даръ, дай святымъ Твоимъ церквамъ невредимымъ, при мирѣ,—почитаемымъ, здоровымъ, долгодневнымъ, прямо объясняющимъ слово Твоей истины". И діаконъ, ставъ къ двери, говоритъ: „(За) такого-то, священнѣйшаго митрополита, или епископа,—кто бы ни былъ,—и за приносящаго эти святые дары, благоговѣйнѣйшаго священника, такого-то,—за спасеніе благочестивѣйшихъ и богохранимыхъ нашихъ царей, и всѣхъ (мущинъ) и всѣхъ" (женщинъ). Хоръ: „И всѣхъ и всѣхъ".

Священникъ молится тихо: „Вспомни, Господи, городъ, въ которомъ живемъ пришельцами, всякій городъ, страну и по вѣрѣ живущихъ въ нихъ; вспомни, Господи, находящихся въ плаваніи, путешествіи, болѣющихъ, трудящихся, плѣненныхъ, и спасеніи ихъ; вспомни, Господи, благотворителей и украсителей святыхъ Твоихъ церквей [1]), и памятующихъ о бѣдныхъ, и на всѣхъ насъ ниспошли Свои милости". Громко: „И дай намъ одними устами и
однимъ сердцемъ славить и воспѣвать всечестное и величествен- 918
ное Твое имя, Отца и Сына и Святого Духа, теперь и всегда, и во вѣки вѣковъ". Хоръ: „Истинно".

Священникъ поворачивается къ двери и, благословляя, громко говоритъ: „И милости великаго Бога и Спасителя нашего Іисуса Христа будутъ на сторонѣ всѣхъ васъ". Хоръ: „И на сторонѣ твоего духа". И діаконъ выходитъ—если онъ есть, или священникъ—и, ставъ на обычномъ мѣстѣ, говоритъ: „Вспомнивъ всѣхъ святыхъ, еще и еще Господу помолимся". Хоръ: „Господи, помилуй". Діаконъ: „За принесенные и освященные честные дары Господу помолимся". Хоръ: „Господи, помилуй". Діаконъ: „Чтобы нашъ человѣколюбивый Богъ, принявъ ихъ на святой, пренебесный и мыслимый Свой жертвенникъ, *въ воню благоуханія* (Иса. xxix, 25) духовнаго, за то ниспослалъ намъ божественную благодать и даръ всесвятого Духа, Господу помолимся". Хоръ: „Господи, помилуй". Діаконъ: „За избавленіе насъ отъ всякаго горя, раздраженія, опасности и неизбѣжности Господу помолимся". Хоръ: „Господи, помилуй".

Священникъ молится тихо: „Владыка человѣколюбивый, предъ Тобою (у ногъ) мы полагаемъ всю нашу жизнь и надежду, и призываемъ Тебя, молимся и умоляемъ: удостой насъ причаститься небесныхъ и страшныхъ таинъ этого священнаго и духовнаго престола,—(причаститься) съ чистою совѣстію въ отпу-

[1]) Въ передачѣ τῶν καρποφορούντων καὶ καλλιεργούντων мы придерживаемся пониманія этихъ словъ Goar'омъ,—что здѣсь разумѣются христіане, содѣйствующіе Церкви, какъ обществу, духовною и матеріальною помощью (p. 124. § 152).

гаетъ его (тамъ). Священникъ, поклонившись, взявъ святую чашу и поворотившись къ двери, смотритъ на народъ, говоря: „Постоянно, теперь и всегда, и во вѣки вѣковъ". Хоръ: „Истинно".

Когда поютъ: „Пусть наполнятся", святые (дары) относятся въ предложеніе, въ предшествіи діакона, при чемъ священникъ тихо говоритъ эту молитву: „Человѣколюбивый Владыка, благодаримъ Тебя, благодѣтеля нашихъ душъ, (за то), что и въ настоящій день Ты удостоилъ насъ Своихъ небесныхъ и безсмертныхъ таинъ; сдѣлай нашъ путь прямымъ, укрѣпи всѣхъ насъ въ Своемъ страхѣ, охрани нашу жизнь, сдѣлай непоколебимыми наши шаги, молитвами и умоленіемъ славной Богородицы и Всегда-Дѣвы Маріи, и всѣхъ Своихъ святыхъ".

И діаконъ, окадивъ святые (дары) и отложивъ кадильницу, говоритъ, ставъ на обычномъ мѣстѣ: „Съ должнымъ вниманіемъ причастившись божественныхъ, святыхъ, чистыхъ, безсмертныхъ, небесныхъ и животворящихъ таинъ, по достоинству поблагодаримъ Господа". Хоръ: „Господи, помилуй". Діаконъ: „Возьми къ Себѣ, спаси, помилуй и сохрани насъ, Боже, Своею благодатію". Хоръ: „Господи, помилуй". Діаконъ: „Попросивъ себѣ дня вовсе безпорочнаго, святого, мирнаго и безгрѣшнаго, предадимъ Христу Богу самихъ себя, другъ друга и всю нашу жизнь". Хоръ: „Тебѣ, Господи". Священникъ громко: „Такъ какъ Ты наше освященіе, и Тебя мы прославляемъ, Отца и Сына и Святого Духа, теперь и всегда, и во вѣки вѣковъ". Хоръ: „Истинно". Діаконъ: „Мирно подойдемъ" [1]; и опять: „Господу помолимся".

Молитва, громко говоримая священникомъ позади амвона, внѣ алтаря:

„Ты, Господи, благословляющій благословляющихъ Тебя и освящающій положившихъ на Тебя свою надежду, *спаси люди твоя, и благослови достояніе твое* (Псал. xxvii, 9); сохрани Свою Церковь въ ея полнотѣ, освяти любящихъ красоту Твоего дома; Ты прославь ихъ за то Своею божественною силою, и не оставь насъ, надѣющихся на Тебя; одари миромъ Свой міръ, Свои Церкви, священниковъ, нашихъ царей, войско и весь Свой народъ, такъ какъ *всяко даяніе благо и всякъ даръ совершенъ, свыше есть, сходяй отъ* Тебя *отца свѣтовъ* (Іак. i, 17); и Тебѣ возсылаемъ славу,

---

[1]) У насъ опять читается: προσέλθωμεν, а у Goar'a: προέλθωμεν (p. 68). Замѣнить одно другимъ мы не нашли особеннаго основанія. Сразу за этимъ приглашеніемъ, священникъ читаетъ заамвонную молитву, *единственную*, которую онъ читаетъ *вслухъ* за все это время. Для древняго времени, и еще при тогдашней обстановкѣ храма, это былъ весьма торжественный моментъ, и стоило сказать напередъ: *подойдите*. Къ этому у Goar'a p. 131. §§ 187, 188.

благодарность и поклоненіе, Отцу и Сыну и Святому Духу, теперь и всегда, и во вѣки вѣковъ". Хоръ: „Истинно". 922

Когда говорится эта молитва, діаконъ стоитъ предъ святыми дверями и, держа свой орарь, какъ часто говорено, имѣетъ свою голову въ наклоненіи до исполненія молитвы; и хоръ трижды поетъ: *„Буди имя Господне благословенно отъ нынѣ и до вѣка"* (Псал. cxii, 2),—и псаломъ: *„Благословлю Господа"* (Псал. xxxiii); или (пѣснь) дневного святого.

Молитва во время потребленія святыхъ (даровъ), тихо:

„(Ты), исполненіе закона и пророковъ, самъ пребывающій, Христосъ, Богъ нашъ, исполнившій все отеческое домоправленіе, наполни радостію и веселіемъ наши сердца, постоянно, теперь и всегда, и во вѣки вѣковъ. Истинно".

Послѣ молитвы, священникъ выходитъ и, ставъ на обычномъ мѣстѣ, даетъ антидоръ [1]); потомъ заканчиваетъ, говоря: „Слава Тебѣ, Христосъ, Богъ нашъ, наша надежда, слава Тебѣ". И хоръ: „Слава Отцу и Сыну и Святому Духу, теперь и всегда, и во вѣки вѣковъ. Истинно". И если воскресный день, священникъ говоритъ: „Воскресшій изъ мертвыхъ Христосъ, истинный нашъ Богъ". А если нѣтъ воскресной (службы), говоритъ: „Христосъ, истинный нашъ Богъ, ходатайствомъ всечистой Своей Матери, божественною силою честного и животворящаго креста, (молитвами) святыхъ, славныхъ и всехвальныхъ апостоловъ, дневного святого, святого нашего отца, Іоанна Златоуста, архіепископа константинопольскаго, святыхъ и праведныхъ Богоотцовъ Іоакима и Анны, и всѣхъ святыхъ, помилуй и, какъ добрый и человѣколюбивый, спаси насъ".

И, благословивъ народъ, входитъ (въ алтарь). Послѣ окончанія [2]), если нѣтъ діакона, священникъ входитъ въ предложеніе и внимательно, благоговѣйно потребляетъ оставшееся въ святой чашѣ; и трижды омываетъ святую чашу виномъ съ водою, и смотритъ, чтобы не осталось называемое маргаритомъ [3]). Тогда говоритъ: *„Нынѣ отпущаеши раба твоего, Владыко"* (Лук. ii, 29), все.

И собираетъ святыя (принадлежности): чашу, дискосъ съ покровами, по обычаю. Если есть діаконъ, онъ самъ дѣлаетъ (это). А священникъ отходитъ въ сосудохранилище и разоблачается,

---

[1]) Изъ молящихся не всѣ причащались. Такимъ, *вмѣсто дара* = ἀντίδωρον, давали части благословленнаго хлѣба (Goar, p. 132. § 190).

[2]) Μετὰ τὴν ἀπόλυσιν, т. е., послѣ сейчасъ произнесеннаго благословенія. См. къ этому 3-ю замѣтку на стр. 400.

[3]) μαργαρίτης—перлъ, жемчугъ. Такъ, изъ уваженія, называется, какая-либо изъ очень мелкихъ частицъ св. хлѣба.

трижды говоря: „Святый Боже“, и (еще): „Всесвятая Троица“; и (еще): „*Отче нашъ*“ (Мѳ. vi, 9).

Тогда говоритъ окончательную (пѣснь въ честь) Златоуста: „Возсіявшая благодать твоихъ устъ, какъ огненная, освѣтила вселенную, міру дала сокровища несребролюбія, намъ показала высоту смиренія. Но, отецъ Іоаннъ Златоустъ, наставляя своими словами, ходатайствуй предъ Христомъ Богомъ, чтобы наши души были спасены“.

Потомъ контакъ [1]: „Благочестивый, блаженнѣйшій Іоаннъ Златоустъ, ты принялъ съ небесъ божественную благодать, и учишь своими устами всѣхъ поклоняться въ Троицѣ одному Богу: по достоинству хвалимъ тебя: ты руководитель, какъ уясняющій божественное“. Или говоритъ дневную (пѣснь), или воскресную, если воскресный день; и тихо (говоритъ) окончаніе, какъ обычно. Тогда, одѣвшись въ свою священническую одежду, выходитъ въ двери святого алтаря, и поклоняется, говоря: „*Боже, милостивъ буди мнѣ*“. И, поворотившись къ народу, благословляетъ, громко говоря: „Пусть сохранитъ Господь Богъ всѣхъ васъ Своею благодатію и человѣколюбіемъ, постоянно, теперь и всегда, и во вѣки вѣковъ. Истинно“. Весь народъ, наклоняя головы, говоритъ: „По молитвамъ святыхъ отцовъ“. И мирно отходятъ со святымъ Богомъ.

Молитва Іоанна Златоуста,

когда бываетъ намѣреніе читать, или слушать другого, читающаго [2].

923 Господь, Іисусъ Христосъ, Богъ нашъ, раскрой уши и глаза моего сердца, чтобы мнѣ, Господи, слушать Твое слово, понимать и совершать Твою волю, такъ какъ *пришлецъ азъ есмь на*
924 *земли. Не скрый отъ мене заповѣди твоя*, но *открый очи мои, и уразумѣю чудеса отъ закона твоего* (Псал. cxviii, 19, 18). Боже мой, на Тебя надѣюсь, чтобы Ты просвѣтилъ мое сердце.

---

[1]) κοντάκιον — кондакъ (нашего служебника). Это слово производятъ то отъ лат. *canticum* (пѣснь), то отъ греч. κοντός (шестъ, копье). Примѣнительно къ послѣднему, понимаютъ здѣсь *краткое* (какъ копье) изложеніе похвалъ въ честь прославляемаго (Goar., p. 133. § 191).

[2]) Приводимыя далѣе двѣ молитвы не считаются подлинными. Первая изъ нихъ взята изъ бесѣды *о терпѣніи*, которая приводится ниже въ числѣ *Spuria*. Тамъ, у насъ, она обозначена звѣздочками.

Вторая молитва Іоанна Златоуста.

Господи, Боже мой, великій, страшный и славный, устроитель всего видимаго и мыслимаго творенія, хранитель Своего завѣта и Своей милости для любящихъ Тебя и сохраняющихъ Твои повелѣнія: теперь и постоянно благодарю Тебя за всѣ Твои, бывшія ко мнѣ, благодѣянія, явныя и неявныя. И до теперешняго (времени) хвалю, славлю и превозношу Тебя, за то, что Ты возбудилъ удивленіе къ Твоимъ богатымъ милостямъ на мнѣ и къ Твоему милосердію, когда взялъ меня къ Себѣ отъ чрева моей матери, во всемъ промышлялъ, соблюдалъ и, только по добротѣ и своему человѣколюбію, управлялъ свято тѣмъ, что касается меня. Ты не презрѣлъ моей низости, по недостоинству моему и страстности, но не оставилъ, благодѣтельствуя и промышляя, по Своему человѣколюбію и состраданію. *И до старости и престарѣнія Боже мой не остави мене* (Псал. LXX, 18), (Ты), Іисусъ Христосъ, прекрасное имя, сладость моя, вожделѣніе мое и надежда моя, изъ-за насъ воплотившійся, перенесшій крестную смерть и все мудро устроившій и завѣщавшій для нашего спасенія. Признаюсь Тебѣ, Господи, Боже мой, всѣмъ моимъ сердцемъ, склоняю колѣни тѣла и души, высказывая Тебѣ, своему Богу, всѣ свои грѣхи. И Ты самъ склони Свое ухо къ моему моленію, и прости нечестіе моего сердца. Я грѣшилъ, беззаконничалъ, ошибался, раздражалъ, огорчалъ Своего добраго Владыку, питателя и попечителя: нѣтъ вида порока, сказываемаго, или несказываемаго, котораго бы я не совершилъ дѣломъ и словомъ, по знанію и незнанію, пожеланіемъ и мыслію,—согрѣшивъ отъ преизбытка къ преизбытку; и, часто обѣщавъ покаяться, столько разъ я впадалъ въ то же самое. Капли дождя легче будутъ исчислены, чѣмъ множество моихъ грѣховъ; они поднялись выше моей головы и стали тяжелыми, какъ тяжкая ноша. Открывъ дверь для глупыхъ пожеланій, съ своей юности и до теперешняго времени, я пользовался необузданными и безпорядочными порывами, осквернивъ свыше сотканную одежду своего святого крещенія, запятнавъ храмъ своего тѣла, загрязнивъ безчестными страстями свою несчастную душу и совершивъ всякое другое беззаконіе и неправду; о чемъ если отчасти пожелаю вспомнить, недостаточно будетъ времени для моего разсказа. Но такъ какъ самъ все знаешь,— потому что нѣтъ твари, неявной предъ Тобою, а все обнажено и открыто для Твоихъ глазъ, — (то) зачѣмъ говорить знающему, будто о невѣдомомъ для Тебя? Сокрушается мое сердце и кости души, и весь погружаюсь въ глубину сомнѣнія, думая про себя,

что, будучи такъ и настолько грѣшникомъ, я нисколько не показалъ въ себѣ дѣла раскаянія; близко время моего посѣченія, стоитъ подлѣ предназначенный часъ смерти, а никогда (нѣтъ) времени покаянія. Потому смущена моя душа, въ сильной мукѣ и полна стыда; будучи неготовымъ и неприготовленнымъ, размышляя и обсуждая свое, не нахожу ничего достаточнаго для защиты, ни какого-либо способа и средства, которыми буду избавленъ отъ вѣчнаго огня. Если праведный едва спасется (1 Петр. IV, 18),—я, грѣшникъ, гдѣ явлюсь? И если царство небесное удѣляется достойнымъ чрезъ многія скорби (Дѣян. XIV, 22), путь жизни тѣсенъ и скорбенъ (Мѳ. VII, 14),—какъ я буду удостоенъ спасенія, я, истрачивающій все время на удовольствія и постоянно распутничающій? И если всякая правда человѣка, какъ повязка нечистой женщины (Иса. LXIV, 6),—во что засчитается столько нечистоты и неправды? Если надлежитъ оправдаться даже за праздное слово (Мѳ. XII, 36),—какое буду имѣть благовидное оправданіе за столько грѣховъ? Горе мнѣ, душа, что такъ мы успѣли въ своемъ! Кратка жизнь и весьма ограничена, быстро минуя и сопутствуя къ смерти; вѣчно наказаніе грѣшниковъ, какъ и царство праведныхъ, и жизнь тѣхъ и другихъ не пресѣкается смертію. Итакъ что̀ мнѣ дѣлать? Что для себя совершить? Въ какую броситься бездну? Страшна также смерть, и особенно грѣшниковъ, такъ какъ и она зла: *смерть грѣшниковъ люта* (Псал. XXXIII, 22); страшны также посмертные ужасы, но страшнѣе всего впасть въ руки живого Бога, изъять себя изъ которыхъ никто не можетъ. Итакъ, когда Онъ придетъ, (чтобы) прославиться между Своими
925 святыми, и воздать каждому по его дѣламъ; когда будутъ поставлены престолы, неподкупный, страшный Судія возсядетъ, впереди потечетъ огненная рѣка, будутъ приготовлены блескъ и радость для праведныхъ, всѣ безчисленные ангелы, и всѣ люди (бывшіе) отъ вѣка, вся вмѣстѣ тварь видимая и невидимая предстанетъ съ трепетомъ,—что тогда совершу для себя, исполненный позора, осужденный совѣстію, лишенный всякаго дерзновенія и оправданія? Стоны отовсюду. Горе мнѣ (за) нечестіе! Что оплачу прежде всего? О чемъ постенаю потомъ? О чемъ погорюю? О лишеніи благъ, или о скорбныхъ мукахъ? О безграничности наказанія, или объ отлученіи отъ Бога? Плачь, несчастная душа, думая объ этомъ про себя, и (о томъ), что̀ встрѣтитъ тебя по исходѣ, какъ сильно тяжкое и мучительное, и взывай: Боже силъ, Боже вѣчный, Боже жалости и милосердія, не покинь меня, не презри меня, не поставь меня внѣ Своей милости: *вонми въ помощь мою, Господи спасенія моего* (Псал. XXXVII, 23). И будучи въ такомъ состояніи и такъ размышляя, не отка-

зываюсь отъ благой надежды, и не отчаиваюсь въ своемъ
спасеніи. Знаю о благосостраданіи моего Владыки, знаю о незло-
памятности человѣколюбца, и что Онъ желатель милости, нежелаю-
щій смерти грѣшника, для обращенія и жизни его (Езек. xxx, 11),
желающій, чтобы всѣ были спасены, и пришли къ познанію
истины (1 Тим. II, 4), и особенно обращающіеся отъ грѣха. Ты не
пришелъ *призвати праведники, но грѣшники на покаяніе* (Мрк. II,
17); *не требуютъ здравіи врача, но болящіи* (Лук. v, 31); *нынѣ на-
чахъ глаголати ко Господу моему, азъ же есмь земля и пепелъ*
(Быт. XVIII, 27), *червь* и *не человѣкъ, поношеніе человѣковъ и унича-
женіе людей* (Псал. XXI, 7). Дай *ми слово* во отверзеніи *устъ моихъ*
(Еф. VI, 19), дающій молитву молящемуся, такъ какъ отъ Тебя
всяко даяніе благо и всякъ даръ совершенъ, свыше есть, сходяй отъ
Тебя *отца свѣтовъ* (Іак. I, 17), чтобы я и достойно молился, и съ
пользой умолялъ. Да не буду отвращенъ съ униженіемъ, въ по-
срамленіи, но получивъ, на что̀ надѣялся я; и такъ отойду, ра-
дуясь отъ полноты своего сердца. *Помилуй мя, Боже, по велицѣй
милости твоей* (Псал. L, 1), *яко на тя уцова душа моя* (Псал. LVI, 1);
помилуй мя, Господи, яко немощенъ есмь (Псал. VI, 3), Врачъ душъ и
тѣлъ. Какъ бы предстоя у страшнаго Твоего престола, какъ бы
касаясь Твоихъ чистыхъ ногъ, такъ прошу, молю и умоляю, съ
сокрушеннымъ и уничиженнымъ сердцемъ: *милостивъ буди мнѣ
грѣшнику* (Лук. XVIII, 13), снизойди мнѣ, негодному и низкому,
взгляни изъ святого Своего жилища на мое бѣдствіе, посмотри
со святыхъ Своихъ высотъ на молитву низкаго Своего раба, и не
презри моленія моего; отпусти мнѣ, чтобы подкрѣпиться, прежде
чѣмъ мнѣ отойти, откуда уже не возвращусь. Согрѣшилъ я,
какъ человѣкъ, снизойди, какъ Богъ; Ты знаешь, Владыка, шат-
кость человѣческой природы, и что помышленіе человѣка отъ
юности усердно направляется къ злу. Вспомни, что мы прахъ:
вспомни, что Ты только чистъ, пречистъ и незапятнанъ, а мы всѣ
подъ наказаніемъ; вспомни о Своемъ милосердіи отъ вѣка и ми-
лости Своей, и не осуждай меня съ моими беззаконіями, не
отплачивай мнѣ по моимъ грѣхамъ. Ты знаешь множество без-
законій моихъ,—что оно велико и не подлежитъ исчисленію; но
я знаю также о морѣ Твоего человѣколюбія, — что оно неизобра-
зимо и непобѣдимо. Ты—берущій грѣхъ міра (Іоан. I, 29), сошед- 926
шій съ неба на землю для отысканія заблудившейся и погибшей
овцы, прекрасный пастырь, полагающій Свою душу за овецъ
(Іоан. x, 11), и пришедшій въ міръ спасти грѣшниковъ, изъ ко-
торыхъ самый первый я (1 Тим. I, 15). Помилуй, помилуй созда-
ніе Своихъ рукъ; не гнушайся меня, недостойнаго, но умилосер-
дись надъ Своимъ созданіемъ,—(Ты), претерпѣвшій за меня крестъ

и принявшій страдальческія раны,—но, исцѣливъ, изгладь все врачествомъ сострадания и губкою Своего человѣколюбія: *вся бо можеши, невозможно же тебѣ ничтоже* (Іов. XLII, 2). Пронзи отвердѣвшее мое сердце, облегчи тягость совѣсти, прими мои слезы и стонъ, какъ блудницы, какъ Петра, верховнаго изъ апостоловъ; прими это мое малое признаніе и покаяніе,—(Ты), принявшій на крестѣ благоразуміе разбойника; прими плодъ моихъ устъ, какъ живую жертву, пріятную, въ запахъ благовонный. Прошу,—будь упрашиваемымъ; стыжусь,—будь стыдящимся. Согрѣшилъ и тотъ царь, Манасія, но, покаявшись, не погибъ; до него, согрѣшилъ также Давидъ, но, по оплакиваніи грѣха, былъ помилованъ. У меня много есть такихъ примѣровъ, утѣшающихъ и ободряющихъ мое малодушіе, прогоняющихъ отъ меня отчаяніе и питающихъ мою надежду на спасеніе. Утѣшь Ты и мое сердце,—Отецъ милосердія и Богъ всякаго утѣшенія; привлеки душу и сдѣлай (ей) добро,—Источникъ милости и добра. Отъ вѣчности Ты много сдѣлалъ великаго и дивнаго, славнаго и необычайнаго, чему нѣтъ числа; но если спасешь меня распутнаго, если поставишь подлѣ (Себя) меня недостойнаго,—будешь еще болѣе удивителенъ, потому что столь велика сила Твоей милостыни и человѣколюбія, что даже изъ грязи дѣлаешь жемчугъ, и сына геенны приводишь въ сына царства. И еще воззову къ Господу моему, и помолюсь Богу моему: управляй остаткомъ моей жизни по Своему желанію; утверди меня въ Своемъ страхѣ; укрѣпи меня въ Своей любви и во множествѣ Своей доброты; одари меня концомъ добрымъ и достойнымъ Твоего человѣколюбія; взгляни на кости и связи мои и весь составъ моего основанія, по Своей милости и человѣколюбію, и, приведши мою несчастную душу въ мѣсто отдохновенія и успокоенія, возстанови (ее), такъ какъ у Тебя много распредѣлено жилищъ (Іоан. XIV, 2), для каждаго по достоинству. Еще молюсь и прошу: дай, Господи, сейчасъ моему недостоинству также благодать разумѣнія, чтобы распознавать пріятное для Тебя, а для меня полезное, и не только распознавать, но и совершать, чтобы не увлекаться и не прилѣпляться къ пустому, не совершать ненужнаго, чтобы безъ тщеславія унижаться съ низкими, сострадать страдающимъ и снисходить грѣшникамъ. Знаю, что, если не прощу, не буду прощенъ. Потому прошу: снизойди во всемъ всѣмъ согрѣшающимъ противъ меня; не они виновны, но я, несчастный, несовершающій Твоей воли и несохраняющій Твоихъ повелѣній. А любящимъ насъ отплати Своими богатыми дарами; умилосердившись человѣколюбиво, помилуй моего духовнаго отца, и братій, которыхъ Ты, милосердый, далъ со мною,

по суду, который знаешь. Эти слова моей молитвы пусть будутъ моей просьбой и въ жизни, и смерти; это признаніе и слезы пусть направляются къ Тебѣ, какъ ѳиміамъ; а я на каждый день 927
ожидаю неумолимой смерти. И мое несчастное тѣло, преданное погребенію, уничтожится, разрѣшится въ то, изъ чего было составлено,—его Ты, жизнедатель, воскресишь нетлѣннымъ во время воскресенія; а духъ мой отдаю въ Твои руки. Святой Владыка, упокой въ свѣтѣ живыхъ, въ обители радующихся и моихъ родителей, предковъ и братьевъ, а Твоихъ благодарныхъ рабовъ,— такъ какъ, хотя и согрѣшили мы, но не отступили отъ Тебя, и не простерли своихъ рукъ къ богу чужому, но узнали Тебя, и пребываемъ въ любви къ Тебѣ, въ вѣрѣ къ Тебѣ, и Тебѣ поклоняемся одному въ Троицѣ Богу, въ Тебѣ мы молимся и 928
Тебѣ предоставляемъ надежду спасенія. Помилуй насъ по Своей великой милости, и спаси для Своего небеснаго вѣчнаго царства. Поистинѣ, Господи мой, Господи, такъ пусть будетъ это въ насъ, надѣющихся на Тебя, по Твоей многой и непобѣдимой добротѣ, и по несказанному Твоему милосердію и человѣколюбію, ходатайствомъ всеславной, всепѣтой, преблагословенной и надѣленной милостями нашей Владычицы, пресвятой Богородицы и Всегда-Дѣвы Маріи, небесныхъ и разумныхъ силъ, и всѣхъ отъ вѣчности угодившихъ Тебѣ. Истинно.

На новое воскресенье, и на апостола Ѳому [1]).

Спѣшу отдать оставшійся долгъ. Хотя и бѣденъ я, но вы- 9.7
нуждаюсь вашею признательностію. Обѣщалъ я показать невѣріе Ѳомы,—и я здѣсь, чтобы отдать вамъ этотъ (долгъ), потому что готовъ уплачивать прежде всего свой первый долгъ, чтобы скопляющіеся проценты не возобладали надо мною. Итакъ, посодѣйствуйте мнѣ въ уплатѣ долга: помолитесь Ѳомѣ, чтобы онъ, положивъ свою святую правую руку, коснувшуюся Владычняго бока, на мои уста, укрѣпилъ мой языкъ для изложенія желательнаго вамъ. А я, дерзая на ходатайство апостола и мученика Ѳомы, (буду) проповѣдывать прежде объ его сомнѣніи, и потомъ исповѣданіи, опорѣ нашей Церкви и основаніи. Когда, при замкнутыхъ дверяхъ, Спаситель вошелъ къ Своимъ ученикамъ, и опять вышелъ, какъ вошелъ,—отсутствовалъ только Ѳома (Іоан.

---

[1]) Далѣе слѣдуетъ шесть бесѣдъ, различной величины, которыя у Миня называются *Spuria* (отвергнутое), или Νόθα (побочное).

ленное,—у Тебя слово, острѣе желѣза,—у Тебя изреченіе, сильнѣе огня,—у Тебя мановеніе, удобнѣе врачества. Какъ міроустроитель, Ты безъ труда освящаешь твореніе,—какъ создатель, безъ усилія перестраиваешь созданія. Ты очистилъ отъ проказы, какъ пожелалъ, Ты сдѣлалъ хромыхъ быстрыми, Ты сдѣлалъ, что разслабленные носятъ свои постели, Ты повелѣлъ слѣпымъ отъ рожденія смыть съ себя мракъ, Ты изгналъ демоновъ изъ Своихъ твореній, Ты удержанъ былъ врагами по желанію, Ты по желанію потерпѣлъ по плоти все отъ іудеевъ изъ-за меня, *Господь мой и Богъ мой*. Я узналъ моего Владыку, узналъ моего ловца и стража, узналъ моего Царя и Господа,—*Господь мой и Богъ мой*. Владыка, вѣрую въ Твое домоправленіе, вѣрую въ Твое снисхожденіе, вѣрую въ Твое принятіе власти надо мною, вѣрую въ Твой поклоняемый крестъ, вѣрую въ Твои страданія по плоти, вѣрую въ Твою тридневную смерть, вѣрую въ Твое воскресеніе; не буду, наконецъ, больше любознательнымъ; вѣрую, и болѣе не буду отдавать отчета; вѣрую, и болѣе не буду взвѣшивать; вѣрую, и болѣе не буду старательно изслѣдывать; вѣрю своимъ глазамъ, вѣрю своей правой рукѣ. Я научился, что ненужно отдавать отчета въ (томъ), что я увидѣлъ; научился не спорить, поклоняться (тому), что я осязалъ; знаю одного Господа и Бога, Владыку Христа, Которому слава и держава во вѣки вѣковъ, Аминь.

На святого Стефана, I.

929 Славныхъ борцовъ возвеличиваетъ память о совершенныхъ ими подвигахъ; пусть и наше слово, насколько возможно, укра-
930 шаетъ ихъ, когда мы, прославляя ихъ, проповѣдуемъ объ ихъ преуспѣяніяхъ; воспоминаніе объ ихъ добродѣтели (есть) доста-
931 точное воспитаніе нашего нрава. Итакъ, сдѣлаемъ прежде всѣхъ открывшаго ристалище благочестія, и прежде всѣхъ начавшаго упражненія борцовъ—началомъ для похвалъ Владычнихъ борцовъ. Его помазала благодать Духа, а научилъ борьбѣ небесный учредитель подвиговъ,—когда не тѣломъ онъ сражался, не руки простиралъ для состязанія, но изощрялъ языкъ противъ воюющихъ руками. Итакъ, посмотримъ (на) борца, какъ онъ явился во всемъ подражателемъ Владыкѣ; у него были тѣ же самые противники, дерзавшіе и противъ него; спасительное страданіе не насытило, однако, ихъ кровожадности, но недавно пролившіе Владычнюю кровь жаждутъ еще крови и совершившіе Владычнее убійство

одинаково думаютъ противъ рабовъ. Итакъ, представимъ себѣ въ словѣ испытаннаго борца. И во внѣшнихъ состязаніяхъ, когда обсуждаются увѣнчиваемые, обычно вводятъ на борьбу избранныхъ и лучшихъ, чтобы изъ состязающихся самый испытанный, въ отношеніи силы, былъ объявленъ увѣнчаннымъ. А здѣсь говори: самый первый изъ передовыхъ борцовъ, необоримая крѣпость благочестія, — кто скажетъ все это въ отношеніи его, не погрѣшитъ,—онъ, по собственнымъ трудамъ, сдѣлался наставникомъ подвизавшихся послѣ него и, восхитивъ первымъ вѣнецъ, показалъ и послѣдующимъ, что враги, цѣлящіеся только въ тѣло, а оставляющіе душу невредимою, легко одолимы,—потому что Онъ говоритъ: *не убойтеся отъ убивающихъ тѣло, души же не могущихъ убити* (Мѳ. x, 28). Помня объ этомъ божественномъ голосѣ, умащающемъ его для борьбы, такъ борецъ приготовился къ состязаніямъ, и, языкомъ поражая побивающихъ его тѣло камнями, онъ показался словами сильнѣе ихъ ударовъ; и принималъ онъ тѣломъ раны отъ камней, а еще сильнѣе словами поражалъ повергавшихъ (камни), и возбуждалъ противъ себя борьбу, чтобы они приготовили для него торжественное шествіе на небо весьма краткимъ. Подумай также о разности ударовъ: они забрасывали тѣло камнями, а онъ цѣлился въ ихъ сердца словами, доставляемыми ему Духомъ: никто не могъ, говорится, *противустати премудрости и Духу, имже глаголаше* (Дѣян. vi, 10). О, языкъ самой звонкой трубы! О, несокрушимая душа, тверже всякаго алмаза! Онъ видѣлъ іудейскій народъ, скопившійся противъ борца, и смотрѣлъ какъ бы на нѣкую тѣнь,—такъ онъ презиралъ присутствующихъ,—и радовался, принимая тѣломъ тучи камней,—ему устраивалась изъ камней какъ бы нѣкая башня, чтобы достигнуть чрезъ нее неба. Итакъ, что̀ можетъ быть сильнѣе той разумной скалы? Что̀ можно видѣть тверже этого столба Церкви? Въ его непоколебимости спасла вѣра; опираясь какъ бы на нѣкоторыя твердѣйшія опоры, онъ оставался такъ невредимымъ, когда по тѣлу испещрялся ранами, по душѣ украшался твердостію и съ самымъ небомъ соревновалъ собственною красотою. Какъ оно показывается весьма красивымъ, расцвѣченное хоромъ звѣздъ, такъ и тотъ дивный борецъ, имѣя Владычній хитонъ, украшался ранами, какъ одѣвшійся въ испещренныя одежды, и радовался, нося на тѣлѣ язвы Господа, какъ Владычніе знаки. Не камни окружали борца, но, какъ бы нѣкое высокое дерево, коренящееся въ землѣ,—такимъ, не сгибаясь, сохранялъ онъ себя, принимая метанія камней и не падая. Къ нему можетъ, конечно, подходить то пророческое изреченіе, что *праведникъ яко финиксъ процвѣтетъ* (Псал. xci, 13). Его тѣло обагрялось и обливалось кровавыми по-

932 токами, непрерывно принимая волны камней, тѣмъ болѣе дѣлаясь твердымъ, какъ камень, вѣрою. Онъ смотрѣлъ на небеснаго учредителя подвиговъ, простирающаго Свою руку къ Своимъ борцамъ и влекущаго ихъ на небо, гдѣ сохраняются награды за подвиги, гдѣ бываетъ объявленіе вѣнцовъ, и восклицалъ, можетъ быть, подобно Павлу: *тако теку, не яко безвѣстно: тако подвизаюся, не яко воздухъ біяй* (1 Кор. IX, 26): меня поражаютъ, и я раню словами. Вспомните, говоритъ, вашихъ отцовъ, побивавшихъ пророковъ камнями: *кого*, говоритъ, *не изгнаша отцы ваши* (Дѣян. VII, 52)? Вы, поревновавъ безумію ихъ—наслѣдники злого наслѣдованія; и вы, какъ ваши отцы: вы приняли отеческую запятнанность убійствомъ. Это слова вѣнца Церквей, таковы противъ враговъ стрѣлы увѣнчаннаго; и какъ кто-нибудь поднимаетъ пламень въ лѣсу, такъ и первомученикъ еще больше раздражалъ противъ себя безуміе тѣхъ. Онъ видѣлъ желаемаго, и желалъ созерцаемаго, и говорилъ, можетъ быть, имъ нѣчто такое: вы цѣлитесь во внѣшнюю одежду, и на тѣло мечете камни: но вы, повидимому, забыли, что именно мое желаніе исполняете вы. Я и самъ, даже раньше Павла, спѣшу снять съ себя внѣшняго человѣка, чтобы достигнуть неба обнаженною душою и, переправившись чрезъ воздушное море, царствовать вмѣстѣ съ Владыкою. Только это плаваніе не имѣетъ кораблекрушенія, это путешествіе по морю спасаетъ плывущихъ безъ бури; мой корабль безопасно плыветъ; у меня есть небесный кормчій, направляющій Своимъ мыслимымъ рулемъ. Обагрите мнѣ тѣло ранами; отцы ваши, какъ и вы, обагрили также кровью хитонъ Іосифа. Имъ постоянно надлежитъ говорить себѣ сказанное мученикомъ. Вы подражали имъ, оставившимъ вамъ злое наслѣдство; но и они, продавъ Іосифа, ошиблись въ надеждѣ,—и (вы), побивая камнями тѣлесный храмъ, выстроите твердый храмъ, еще прекраснѣе; (это) помогаетъ мнѣ видѣть преддверіе его; онъ утверждается отъ земли до неба. Таковы слова приличныя для Стефана, выступившаго на подвигъ раньше избранныхъ апостоловъ, и достигшаго цѣли мученичества быстрымъ теченіемъ, подвизавшагося на землѣ, и объявленнаго побѣдителемъ на небѣ,—того, который побѣждалъ враговъ, шумно говорящихъ, а за бросающихъ камни молился, и въ этомъ подражая Владыкѣ, и говорилъ учредителю подвиговъ: *Господи Іисусе* Христе, *пріими духъ мой* (Дѣян. VII, 59). Законченъ, говоритъ, мой подвигъ; прими на небѣ увѣнчаннаго, прими борца, Судія подвиговъ; стремлюсь къ вѣнцу, и спѣшу получить свою награду за подвигъ здѣсь. Настолько усладилъ насъ первомученикъ, явившійся отличнымъ и въ словѣ, и борьбѣ, — (онъ) вершина мучениковъ, вѣнецъ Церквей,—когда спѣшилъ придти

къ Владыкѣ, и послѣдовалъ зовущему на небѣ тѣмъ божественнымъ голосомъ: *идѣже есмь азъ, ту и слуга мой будетъ* (Іоан. XII, 26). *Горняя мудрствуйте*, говоритъ (апостолъ), *идѣже есть Христосъ одесную Бога сѣдя* (Кол. III, 2, 1). Онъ желалъ того царскаго престола, стремился къ тѣмъ наградамъ небеснаго призванія, желалъ тѣхъ царскихъ даровъ, распредѣляемыхъ небеснымъ Царемъ между собственными Его подвижниками. Итакъ, какого слова можетъ быть достаточно, чтобы, по достоинству, словомъ возвеличить такого и такъ великаго борца, проповѣдуемаго его дѣлами, и оставившаго, какъ бы столбъ, неисчерпаемую память о своихъ собственныхъ преуспѣяніяхъ? Поревнуемъ его любви, будемъ подражать его добродѣтели, чтобы и намъ насладиться сохраняемыхъ вѣнцовъ, благодатію единороднаго Сына Божія, съ Которымъ Отцу слава, со Святымъ Духомъ, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

На святого Стефана, II.

Внѣшніе, желая плесть вѣнки для мужей, стараются соби- 931
рать розы, лиліи и остальные цвѣты земли; таковъ законъ сплетателей земныхъ вѣнковъ. А мы, приготовляя вѣнокъ блаженному Стефану, пожнемъ духовные цвѣты у самого Стефана, чтобы сплести на голову Стефана вѣнокъ благодатей. Блаженный Сте-
фанъ есть лугъ, исполненный всякаго благоуханія, орошаемый 932
кровію Христа, помазуемый Святымъ Духомъ и облагоухающій все собою. Вотъ память Стефана, и все исполнено освященія: небо, принимая духъ,—земля, принимая въ себя тѣло,—воздухъ и все вмѣстѣ исполнены мира благоуханія. А мы имѣемъ въ немъ,
ходатаѣ за насъ, красоту Церкви, борца благочестія, Христова 933
ученика, обличеніе іудеевъ, вождя мучениковъ, заступника вдовъ, кормильца голодающихъ, помощника изнуряемыхъ работою, стража святого Христова города, вѣнецъ прекрасныхъ діаконовъ, столбъ Церкви, украшеніе мучениковъ, похвалу вселенной, основаніе Церкви; (онъ)—стражъ нашихъ душъ,—онъ молился за преслѣдующихъ и защищалъ побивающихъ камнями, и потому прославилъ свое лицо ангельскою благодатію: *вси*, говорится, *сѣдящіи въ сонмищи видѣша лице его яко лице ангела* (Дѣян. VI, 15). Увѣнчаемъ теперь борца Стефана, первоборца Христова, и усыплемъ (его) цвѣтами словъ. Итакъ, онъ былъ украшеніемъ хора
апостоловъ, и считался между учениками благочестія; кротостію 934
превосходилъ всѣхъ людей и былъ выдающимся человѣколюбцемъ;

онъ терзался не такъ своими трудами, какъ чужими, нужду ближняго считалъ собственною, и исцѣлялъ страданіе, присущее другому, какъ присущее самому. Во время первой проповѣди слова, когда вѣра роскошно цвѣла, и богатые тотчасъ слагали съ себя бремя денегъ, а бѣдные получали этотъ излишекъ, — Стефанъ былъ домоправителемъ такого прекраснаго согласія и порядка, и въ немъ бѣдность имѣла заступника и помощника, а богатый руководителя. На немъ почивала сила Духа, и для благодати этотъ человѣкъ былъ собственнымъ домомъ. Воспоемъ и мы, возлюбленные, съ первомученикомъ Стефаномъ, награждающаго вѣнцами, святую и единосущную Троицу, такъ какъ Ей прилична слава, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

На святого Стефана, III.

933 Многи и удивительны побѣдные знаки блаженнаго Стефана: и даже смерть не отвлекла его отъ благочестиваго соратничества. При жизни, онъ боролся съ іудеями,—также и по смерти вооружается противъ еретиковъ, имѣя непреодолимымъ оружіемъ вѣру Троицы. И смотри (на) тогдашнія полчища враговъ, и изумись мужеству воина. Александрійцы врывались, либертинцы стрѣляли, киликіяне и асійцы вели осаду, схватывали въ синедріонъ, нанимали лжесвидѣтелей, приготовляли груды камней, — какъ львы, скрежетали противъ него зубами; однако, этотъ воинъ побѣждалъ, вооружившись мудростію и духомъ, ослѣпляя смотрящихъ свѣтомъ своего образа, и обезсиливая богоборцевъ словами. Но видѣлъ ли ты толпы своихъ враговъ? Смотри, также (на) божественную помощь: Онъ открылъ своды неба, показывая борцу награды за подвигъ; лицо украшалось ангельскимъ видомъ; тучи камней онъ отражалъ отъ себя тучами словъ; одни бросали, другіе носили и давали Стефану вѣнецъ. Смотри и (на) теперешнее, и увидишь сродство побѣдныхъ знаковъ. Тогда защищалъ издававшій голосъ съ креста, и теперь Стефанъ—вѣнецъ Церкви: онъ первый попралъ жало смерти. Въ царскихъ дворцахъ вѣнецъ: его ввела въ чертогъ Царица и Дѣва; у начальниковъ вѣнецъ: (страннопріимство его) сдѣлало отцомъ сына страннопріимнаго царя; въ нищелюбіи вѣнецъ: онъ былъ богатъ для вдовъ и сиротъ, и вѣрный домоправитель; противъ іудеевъ вѣнецъ: онъ
934 обличилъ синагогу, прелюбодѣйствовавшую съ идолами; противъ еретиковъ вѣнецъ: онъ заградилъ уста богоборныхъ, восклицая: великъ Господь нашъ. Великъ: не подлежитъ мѣрѣ языка; великъ:

превосходитъ воображеніе мысли; великъ: особенность Его божественной природы—неописуемость; великъ: безначально воэсіялъ изъ нѣдръ Отчихъ; великъ: безстрастно родился, какъ Слово; великъ: божественное рожденіе не раздѣлило сущности; великъ: на престолѣ сидитъ, и не былъ повергнутъ на подножіе; великъ: каковъ корень, такова и вѣтвь; великъ: видѣвшій Сына видѣлъ Отца; великъ: нѣтъ ничего въ Троицѣ неравнаго; великъ: возродилъ водою многихъ; великъ: будучи видимъ, не старѣется; великъ: не имѣлъ малаго Отца. Итакъ, великъ Господь Сынъ, хотя бы для сосѣдей не казался (такимъ). Сынъ (есть) Вседержитель: все произошло чрезъ Него; Сынъ — безначальный Царь: Царь нашъ прежде вѣка; Сынъ—единосущный Отцу: *азъ бо отъ Бога изыдохъ, и пріидохъ* (Іоан. VIII, 42); Сынъ — свѣтъ истинный: *азъ есмь свѣтъ міру* (ст. 12). Зачѣмъ мнѣ много говорить? Воплотившійся отъ Дѣвы Сынъ Божій, и пасущій Церковь, какъ свидѣтельствуетъ пророкъ, говоря: да *посѣтитъ Господь Богъ Вседержитель стадо свое* (Зах. X, 3), (есть) Богъ и Вседержитель; Ему слава и держава, съ Отцомъ и Святымъ Духомъ, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

На святую Пятидесятницу.

Свѣтелъ всякій день, приносящій солнечный лучъ, и одѣв- 933
шійся въ общій свѣтъ: такъ Владыка, украсившій твореніе, представилъ (его) для насъ; но еще больше радости въ торжественномъ и всепраздничномъ днѣ праздника, когда онъ почтенъ словомъ и служеніемъ Богу. Онъ, выражая съ цвѣтомъ природы и красоту благочестія, обнаруживаетъ двойное благолѣпіе. Таковъ и сегодняшній праздникъ, освѣщающій чувственные глаза тѣла, но просвѣщающій лучами слова мысленныя очи духа. Сегодняшній день есть одинъ изъ трехъ знаменитыхъ (дней), проповѣдуемыхъ въ законѣ и воспѣваемыхъ по евангельской благодати. По ветхому завѣту, въ этотъ день былъ данъ законъ,—по новой благодати, въ этотъ (день) было дано посѣщеніе Духа; въ этотъ день Моисей принялъ скрижали закона,—въ этотъ день хоръ апостоловъ принялъ сошествіе Духа, вмѣсто скрижалей, данныхъ чрезъ Моисея. Блаженный Павелъ говоритъ, пиша въ посланіи къ Коринѳянамъ: *посланіе наше вы есте, написанное не на скрижалѣхъ каменныхъ, но на скрижалѣхъ сердца плотяныхъ* (2 Кор. III, 2, 3).

Изслѣдуйте же, истинно ли въ этотъ день данъ былъ законъ? Въ ветхомъ завѣтѣ неясно было записано, что законъ былъ данъ въ пятидесятый день: но сокровище знанія открывается испытывающимъ божественныя письмена. Итакъ, посмотримъ какой (былъ)
934 день, когда былъ данъ законъ. Блаженный Моисей — тщательно вникайте—говоритъ: *мѣсяца третіяго* по исшествіи ихъ *отъ земли Египетскія, рече Господь Моисею: сошедъ засвидѣтельствуй людемъ, и* очистятъ самихъ себя *днесь и утрѣ*, и *въ третій день* Я буду видимъ (Исх. XIX, 1, 10, 11). Тщательно вникайте. Выходъ изъ Египта въ первый мѣсяцъ: четырнадцатый день былъ перваго мѣсяца. Считай: четырнадцатый день, послѣ него также дни, дополняющіе этотъ мѣсяцъ, то есть, семнадцать, и тридцать (дней) втораго. И въ сорокъ восьмой день втораго мѣсяца Богъ говорилъ: *засвидѣтельствуй людемъ днесь и утрѣ*, и *въ третій день* мѣсяца Я буду видимъ. Итакъ, тридцать втораго, а семнадцать перваго и три третьяго. И замѣть согласіе въ дѣлахъ. Когда на горѣ Синаѣ былъ видимъ Богъ,—Онъ былъ видимъ, какъ огонь, горящій; когда Духъ Святой явился апостоламъ,—явился въ видѣ огня: были раздѣлены *языцы яко огненни, и сѣде на единомъ коемждо ихъ* (Дѣян. II, 3). И какъ, братіе, во время явленія Бога въ ветхомъ завѣтѣ, было много сопутствующаго страха,—окружали гору и мракъ, и буря, и труба, и громъ,—чтобы привести народъ въ страхъ предъ Законодателемъ, такъ и тогда, когда имѣлъ прибыть Святой Духъ,—чтобы немедленное пришествіе не застало въ нерадѣніи принимающихъ,
935 но чтобы они узнали прибывающее въ славѣ достоинство Духа,—какъ на горѣ предшествовали мракъ и буря, такъ было и относительно Духа: *егда скончавашася дніе пятдесятницы, бысть шумъ яко носиму дыханію бурну* (ст. 1, 2); и тогда былъ видѣнъ Духъ Святой, и онъ поколебалъ домъ,—(Духъ), не по Своей природѣ раздѣляемый, но раздѣляющій Свои дѣйствія. Не Духъ дѣлится, но Онъ дѣлитъ дарованія, какъ свидѣтельствуетъ Павелъ: *вся же сія дѣйствуетъ единъ и тойжде Духъ, раздѣляя властію коемуждо якоже хощетъ* (1 Кор. XII, 11); раздѣляя, не раздѣляясь,—подѣляя, не подѣляясь,—неограниченно управляя, не подлежа управленію. И какую честь неограниченной власти придалъ Павелъ Отцу: *тойжде есть Богъ, дѣйствуяй вся во всѣхъ* (ст. 6), — тѣ же самыя слова онъ сказалъ и въ отношеніи Духа, говоря: *вся же сія дѣйствуетъ единъ и тойжде Духъ*. Но Духъ Святой былъ названъ утѣшителемъ; почему иному, если не потому, что онъ утѣшаетъ людей, то есть, ободряетъ? Въ Писаніи найдешь эту особенность: апостолъ называетъ ободреніе утѣшеніемъ. Утѣшаетъ не какъ второй послѣ Бога, но какъ Богъ: утѣшеніе — свойство Божіе; чтобы ты не оскорблялъ названіе утѣшителя, апостолъ говоритъ:

ню *Христѣ молимъ, яко Богу молящу* [1]) *нами* (2 Кор. v, 20). И, чтобы, братіе, Павелъ не былъ сочтенъ, будто, вводя утѣшающаго людей Бога, онъ вноситъ новость въ догматы,—прими доказательство изъ ветхаго свидѣтельства. Пророкъ Исаія говоритъ Іерусалиму: *утѣшитъ тя нарекій тебе* (Варух. iv, 30). Итакъ, подумай: утѣшаетъ тебя Отецъ, утѣшаетъ Сынъ, — потому что говоритъ (Исаія): *Духъ Господень на мнѣ, егоже ради помаза мя, благовѣстити нищимъ посла мя, утѣшити вся плачущія* (Иса. lxi, 1, 2). При другомъ случаѣ и Спаситель, желая показать равночестную славу Духа, говоритъ: *аще иду*, иного утѣшителя *послю* (Іоан. xvi, 7); Онъ не могъ бы быть инымъ, если бы другой не стоялъ впереди. Итакъ, Духъ Святой является въ видѣ огненныхъ языковъ. Почему языковъ? Для пользы проповѣди. Такъ какъ апостолы, для наполненія предѣловъ вселенной проповѣдью, въ которой имѣлъ дѣйствовать Духъ Святой, нуждались въ языкѣ, то это изображается наружно, примѣнительно къ дару. Кромѣ того, и по древнему основанію. Такъ какъ тогда великаны боролись противъ Бога, и замышляли устроить башню, то Богъ раздѣлилъ худое согласіе, пославъ языки; посылаетъ и теперь дѣйствія языковъ, чтобы раздѣленную вселенную объединить. И удивительное было дѣло: языки подѣлили вселенную; языки объединили вселенную, языки вслѣдствіе проповѣди. Но почему огненные? Такъ какъ нечестіе, распространившееся на подобіе лѣса, держало въ своей власти весь міръ, связавъ какъ терніемъ, то Онъ посылаетъ огненные языки, уничтожающіе терніе нечестія. Самъ Онъ говоритъ: огонь *пріидохъ воврещи на землю* (Лук. xii, 49),—огонь не уничтожающій, потому что огонь Божій не жжетъ, но освящаетъ. Потому одинъ изъ херувимовъ былъ посланъ къ Исаіи съ огненнымъ углемъ съ жертвенника,—и, когда онъ положилъ на уста его, говоритъ ему: *се* я удалилъ *беззаконія твоя и грѣхи твоя* (Иса. vi, 7). Итакъ, величественно празднуя этотъ праздникъ пришествія Святого Духа, будемъ возсылать славу Отцу и Сыну и Святому Духу. Почти пришествіе Духа; а пришествіе Духа чествуется отпущеніемъ грѣховъ. Гдѣ Святой Духъ, тамъ прощеніе, потому что Господь говоритъ: *пріимите Духъ святъ: имже отпустите грѣхи, отпустятся имъ* (Іоан. xx, 23). Святой Духъ проповѣдуется (какъ) освобождающій; такъ, Отецъ освобождаетъ, Сынъ освобождаетъ, Святой Духъ освобождаетъ; а рабъ не можетъ доставлять свободу: чего не имѣетъ, не даритъ. Потому, чтобы ты зналъ новую свободу Сына и Духа,—Спаситель говоритъ о Себѣ самомъ:

[1]) Слав. *молящу* не выражаетъ мысли проповѣдника; нужно бы *утѣшающу*=παρακαλοῦντος.

если Сынъ васъ не освободитъ, вы рабы (Іоан. VIII, 36). Онъ предоставилъ свободу самому Себѣ. Опять Павелъ говоритъ: такъ взираемъ, *якоже отъ Господня Духа: Господь бо Духъ есть: идѣже Духъ Господень, ту свобода* (2 Кор. III, 18, 17). Иногда Онъ называется Духомъ Святымъ, иногда Духомъ Сына, иногда Духомъ
036 Отца, когда не въ сліяніи проповѣдуется, но объясняется въ неразрывности отъ божественнаго существа. Сынъ называетъ самого Духа Отчимъ: *не пецытеся*, говоритъ, *что возглаголете: не вы бо будете глаголющіи, но Духъ Отца* (Мѳ. X, 19, 20). Сынъ называетъ Духа Отчимъ; Павелъ называетъ Духа Сыновнимъ, потому что онъ говоритъ такъ: *понеже есте сынове, посла Богъ Духа Сына своего въ сердца ваша, вопіюща, Авва Отче* (Гал. IV, 6). Духъ также животворитъ, потому что (Господь) говоритъ: *якоже Отецъ воскрешаетъ мертвыя и живитъ, тако и Сынъ, ихже хощетъ живитъ* (Іоан. V, 21). Видишь ли, что Отецъ и Сынъ животворятъ,— но смотри опять, что и апостолъ, или лучше, самъ Спаситель чрезъ него говоритъ: *Духъ есть, иже оживляетъ, плоть не пользуетъ ничтоже* (Іоан. VI, 63). Скажу еще короче. Церковныя рукоположенія приписываются Павломъ то Отцу, то Сыну, то Духу; такъ, когда онъ говоритъ объ Отцѣ, рукополагающемъ въ церковныя достоинства,—выражается: *положи Богъ въ церкви первѣе апостоловъ, второе пророковъ, третіе учителей* (1 Кор. XII, 28), и прочее. Здѣсь онъ приписалъ рукоположенія Отцу, такъ какъ Онъ даетъ власть и поставляетъ. Опять, тотъ же самый Павелъ приписываетъ (это) въ другомъ мѣстѣ Сыну, потому что говоритъ: *сшедый, той есть и возшедый превыше всѣхъ небесъ, да исполнитъ всяческая: и той далъ есть овы убо апостолы, овы же пророки, овы же пастыри и учители* (Еф. IV, 10, 11). Обрати вниманіе въ этомъ словѣ на Его неограниченную власть. Не сказалъ: и Онъ служилъ, но—*далъ есть* по собственной неограниченной власти, не по раздѣленной и отдѣленной царской власти Отца, — потому что чего желаетъ Отецъ, желаетъ и Сынъ, и чего желаетъ Сынъ, то одобряетъ и Отецъ. Итакъ, что онъ приписалъ Отцу и Сыну—рукоположенія,—это онъ самъ опять относитъ къ Святому Духу, призывая къ себѣ ефесскихъ пресвитеровъ, и говоря имъ (Павелъ, сказавшій то, говоритъ и это): *внимайте себѣ и всему стаду, въ немже васъ Духъ святый постави епископы пасти церковь* (Дѣян. XX, 28). Смотри на сходство въ словѣ. Не сказалъ онъ объ Отцѣ: *положи*, а о Духѣ: назначилъ, но (воспользовался) тѣмъ же самымъ изреченіемъ: *положи Богъ* и Отецъ *въ церкви*, *положи* Духъ Святой въ Церкви [1]). Законополагаетъ Отецъ въ

[1]) Слав. текстъ этого сходства не выдерживаетъ: въ 1 Кор. XII, 28 *положи*, въ Дѣян. XX, 28 *постави*. Между тѣмъ по греч. тексту оба раза: ἔθετο.

Церкви; Отецъ законополагаетъ, какъ Царь вѣковъ, о которомъ Давидъ говоритъ: *еже сотворити волю твою Боже мой восхотѣхъ, и законъ твой посредѣ* сердца *моего* (Псал. xxxix, 9). Итакъ, Отецъ законополагаетъ, Сынъ законополагаетъ. Слушай Павла, говорящаго: *другъ друга тяготы носите, и тако исполните законъ Христовъ* (Гал. vi, 2). Онъ показалъ Отца законодателемъ, показалъ Сына законодателемъ; онъ самъ, дающій достоинство законодательства также Святому Духу,—или лучше, не дающій, но возвращающій, — говоритъ: *законъ бо Духа жизни о Христѣ Іисусѣ свободилъ мя есть* (Рим. viii, 2); не потому, что три законодателя; одинъ законъ и одинъ законодатель; одинъ Богъ, хотя и проповѣдуется въ трехъ лицахъ. Говорятъ: какъ можетъ Отецъ называться Богомъ, и Сынъ Богомъ, и Духъ Святой Богомъ, и не три Бога? Гдѣ общеніе по природѣ, (тамъ) общи также имена достоинства. Такъ, Богъ называетъ раздѣленное на множество однимъ именемъ, по одной природѣ; и когда гнѣвается на людей, называетъ все человѣчество, подлежащее гнѣву, однимъ человѣкомъ; и когда обращается къ міру, бесѣдуетъ какъ бы съ однимъ человѣкомъ. Такъ, Богъ наводитъ потопъ за грѣхъ, и говоритъ: *не иматъ Духъ мой пребывати въ человѣцѣхъ сихъ. Потреблю человѣка, егоже сотворихъ* (Быт. vi, 3, 7). Хотя онъ не былъ однимъ, но (было) безчисленное множество, (однако) назвалъ всѣхъ какъ одного, по имени природы,—весь міръ, какъ одного человѣка, по общности существа. *Что есть человѣкъ, яко помниши его, или сынъ человѣчь, яко посѣщаеши его* (Псал. viii, 5)? говоритъ Давидъ, не потому, что онъ воззрѣлъ на одного, — онъ собралъ всю вселенную. Воспользуюсь однимъ краткимъ словомъ, сказаннымъ Моисеемъ (по поводу того), что фараонъ вошелъ въ море, и подвергся мщенію, по божественному закону. Фараонъ погибаетъ въ морѣ со множествомъ колесницъ, и было много потопленныхъ людей и много коней. А Моисей, зная, что одна при-
рода всѣхъ людей, говоритъ: *поимъ Господеви, славно бо просла-* 937
вися: коня и всадника вверже въ море (Исх. xv, 1). Онъ назвалъ множество людей однимъ человѣкомъ—всадникомъ, по общности сущности. Итакъ, если въ людяхъ, гдѣ знаніе въ смѣшеніи, гдѣ наружные виды различны, нѣтъ единства, ни одинаковаго духа, но различны языки, различенъ разумъ—вся вселенная, по общности природы, называется однимъ человѣкомъ, (то) называю Троицу однимъ Богомъ, гдѣ достоинство нераздѣльно, одна царская власть, одна своеродная сила. Если говорю: Богъ, Богъ и Богъ,—трехъ ли называю Боговъ? Если скажу: Господь, Господь и Господь, — трехъ ли называю Господовъ? Никакъ нѣтъ. Апостолъ называетъ Отца Господомъ, Сына Господомъ, и Духа Свя-

того Господомъ,—какъ и Давидъ: *рече Господь Господеви моему: сѣди одесную мене* (Псал. сіх, 1). А если: *Господь Господеви,* (то) апостолъ: *Господь же Духъ есть* (2 Кор. ііі, 17). Итакъ, если Отецъ Господь, и Сынъ Господь, и Духъ Господь,—какъ ты, апостолъ, законодатель истины, защитникъ благочестія, восклицаешь, говоря ефесянамъ: *единъ Господь, едина вѣра, едино крещеніе* (Еф. іv, 5)? *Единъ Господь,* по славословію серафимовъ, потому что и они взываютъ: *святъ, святъ, святъ Господь* (Иса. vі, 3). А если еретики упорно настаиваютъ, что иное господство Отца, и иное Сына, — удивляюсь, какъ они могутъ быть рабами двумъ господамъ,—вѣдь это голосъ Спасителя: *никтоже можетъ двѣма господинома работати* (Мѳ. vі, 24). Если раздѣляешь господство, какъ служишь рабомъ для царской власти? Невозможно одинаково служить двумъ достоинствамъ, если нѣтъ равночестности, потому что никто не поклоняется царю и начальнику. Гдѣ достоинство равночестно, равночестно также поклоненіе. Нѣтъ борьбы, при равномъ достоинствѣ; неравенство возбуждаетъ борьбу; равенство управляетъ миромъ. Христосъ не позволилъ тебѣ раздѣлять честь, потому что Онъ говоритъ: въ этомъ *есть воля Отца, да вси чтутъ Сына, якоже чтутъ Отца* (Іоан. vі, 39; v, 23). Почитай Отца, чтобы тебѣ чествовать Сына, или лучше, почитай Сына, чтобы тебѣ чествовать Отца. Отецъ Себѣ усвояетъ честь Сына; Сынъ Себѣ усвояетъ честь Отца, потому что Спаситель говоритъ: *ненавидяй мене, и Отца моего ненавидитъ* (Іоан. xv, 23). Итакъ, пусть еретики не думаютъ, что они сколько-нибудь угождаютъ Богу, называя Его великимъ по сравненію съ Сыномъ; Отецъ не принимаетъ этой возносимой къ Нему чести, когда Сынъ оскорбляется. Прими, въ самомъ дѣлѣ, ясное доказательство изъ ветхаго писанія. Друзья Іова, пришедши для утѣшенія, обвиняли его за смѣлость рѣчи, и оправдывали Бога. А Іовъ говорилъ Богу: кто поставитъ судью между мною и Тобою, и буду знать, сколь велики мои грѣхи, что Ты такъ осудилъ меня? Друзья Іова оправдывали Бога, когда имъ было неизвѣстно основаніе (дѣла), и скорѣе праведника, какъ согрѣшившаго, осудили, а Бога, какъ поражающаго, защищали. И говорятъ ему: *велми* ты говорилъ съ избыткомъ, *выше мѣры возглаголалъ еси,* и *еда* Богъ *возмятетъ правду* (Іов. xv, 11; vііі, 3)? Онъ поразилъ (тебя) по грѣхамъ твоимъ; если бы не было много грѣховъ у тебя, ты не подвергся бы наказанію. Имъ также казалось, что они Бога защищаютъ,—но осудили праведника. Принялъ ли Богъ говорившихъ за Него вопреки правдѣ? Если бы Онъ принялъ защиту въ Его пользу, когда праведникъ безчестился, — принималъ бы и эту честь въ
938 отношеніи Себя, когда Сынъ безчестится. Слушай, что Господь

говоритъ друзьямъ Іова: зачѣмъ *не глаголасте истины на раба моего* (Іов. XLII, 8)? Если Онъ отвергаетъ отъ Себя неговорившихъ истины противъ раба, принимаетъ ли изощряющаго свой языкъ противъ Единороднаго? Да не будетъ. Итакъ, неотразимо наказаніе для злословящихъ Святого Духа. Слушай, что говоритъ Спаситель: всякая *хула отпустится человѣкомъ: а яже на* Святого *Духа хула, не отпустится, ни въ сей вѣкъ, ни въ будущій* (Мѳ. XII, 31, 32). Къ чему нужны заключенія о рожденныхъ и нерожденныхъ, созданныхъ и несозданныхъ? Слово ереси остро, сверхъ изощренной бритвы. Но и бритва, хотя бы много и сильно была изощрена, можетъ сбривать волосы, а не сѣчь дерево; слово же истины не есть бритва, но сѣкира. Потому, Іоаннъ Креститель говоритъ: вотъ *сѣкира при корени древа лежитъ* (Мѳ. III, 10). Не сказалъ: бритва,—потому что слово Божіе не есть гладкое, противъ выглаживающихъ свою суету рѣчью совнѣ,—но—сѣкира, посѣкающая гордость хвастуновъ, какъ свидѣтельствуетъ Іоаннъ, говоря: *уже и сѣкира при корени древа лежитъ.* Сборище говорящихъ коварство и сплетающихъ ереси есть бритва, какъ говоритъ Давидъ Саулу: *что хвалишися во злобѣ силне* беззаконіемъ? Цѣлый день *неправду умысли языкъ твой, яко бритву изощрену сотворилъ еси лесть* (Псал. LI, 3, 4). Отецъ законополагаетъ, Сынъ повелѣваетъ, Духъ самовластно правитъ. Слушай Бога, говорящаго: благовѣствующіе придутъ, *ихже Господь призва* (Іоил. II. 32). Прошу тебя: выслушай, чтобы узнать согласіе истины. Мы не сражаемся заключеніями, но слѣдуемъ Писанію. Желаемъ быть рабами Писанія, не порабощать Писаніе нашимъ заключеніямъ. Вѣра не принимаетъ заключеній, не потому что они безразсудны, но потому что она превосходитъ всякое размышленіе. Павелъ, чтобы показать тебѣ, что вѣра вооружается противъ размышленій, говоритъ: *оружія бо* наши *не плотская, но силна Богомъ на разореніе твердемъ, помышленія низлагающе и всяко возношеніе взимающееся на разумъ Божій* (2 Кор. X, 4, 5). Но если и часто беззаконникъ побѣждаетъ разсужденіемъ,—не изумляйся, потому что Давидъ говоритъ: *словеса беззаконникъ премогоша насъ* (Псал. LXIV, 4). И Отецъ посылаетъ апостоловъ, и Сынъ посылаетъ, и Святой Духъ посылаетъ. Спаситель говоритъ апостоламъ: вотъ я посылаю васъ въ міръ: *шедше научите вся языки* (Мѳ. XXVIII, 19). А въ Дѣяніяхъ Апостольскихъ говорится: *сія убо послана бывша отъ Духа свята, снидоста въ Селевкію* (Дѣян. XIII, 4). Отецъ призываетъ апостоловъ, Сынъ призываетъ апостоловъ; пророкъ говоритъ: отъ горы Сіонъ придетъ благовѣствующій, и благовѣствующіе, *ихже Господь призва* (Іоил. II, 32). Итакъ, дѣло Божіе — призваніе благовѣствующихъ. Если призваніе—дѣло Божіе, то поэтому Духъ, говорящій

чрезъ пророковъ, сказалъ (также): это говоритъ *Духъ святый: отдѣлите ми Варнаву и Савла на дѣло, на неже призвахъ ихъ* (Дѣян. xiii, 2). Объ этомъ сказано нами достаточно. Богъ же мира да возраститъ всѣхъ насъ въ вѣрѣ и любви къ Нему, такъ какъ Ему приличны всякая слава, честь и поклоненіе, съ единороднымъ Сыномъ и всесвятымъ Его Духомъ, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

О терпѣніи, кончинѣ этого вѣка и второмъ пришествіи, непрерывномъ царствованіи праведныхъ и нескончаемомъ наказаніи грѣшниковъ; основаніе исповѣданія, увѣщаніе къ занятію божественнымъ Писаніемъ, и каковы хитрости врага, и въ чемъ полезно безмолвіе.

937 Жизнь праведныхъ блестяща; но какъ она дѣлается блестящею, если не чрезъ терпѣніе? Пріобрѣвъ, возлюби его, братъ, какъ мать мужества, потому что и псаломъ увѣщеваетъ, говоря: *потерпи Господа, и сохрани путь его* (Псал. xxxvi, 34), и Павелъ говоритъ, какъ оно пріобрѣтаетъ добродѣтель: *скорбь терпѣніе содѣловаетъ* (Рим. v, 3). Обращаясь къ нему, найдешь источникъ благъ, надежду: *упованіе же не посрамитъ* (ст. 5). Итакъ, *повинися Господеви, и умоли его,* и найдешь отсюда, что *и дастъ ти про-*
938 *шенія сердца твоего* (Псал. xxxvi, 7. 4). Что блаженнѣе этого — пріобрѣсть себѣ милостивый слухъ такого царя? Кто не пожелаетъ, чтобы слухъ судьи былъ открытъ для него, и повиновался? Братъ, ты—дѣлатель добродѣтели; Христосъ нанялъ тебя въ Свой виноградникъ; пока у тебя удобное время, дѣлай благо. Послушай Павла, говорящаго: *еже бо аще сѣетъ человѣкъ, тожде и пожнетъ* (Гал. vi, 7). Посѣй въ духъ, чтобы пожать тебѣ вѣчную жизнь: *яко сѣяй въ плоть свою,* говоритъ (апостолъ), *отъ плоти пожнетъ истлѣніе* (ст. 8). Слушай прекраснаго увѣщателя, гово-
939 рящаго: *сѣйте себѣ въ правду, соберите плодъ живота* (Ос. x, 12); видя впереди себя надежду, не пренебрегай трудомъ. Гдѣ подвиги, тамъ и награды; гдѣ войны, тамъ и почести; гдѣ борьба, тамъ и вѣнецъ. Смотря на это, приготовляй самого себя чрезъ терпѣніе; всегда взывай къ самому себѣ, восклицая со святыми: *мужайся, и да крѣпится сердце твое, и потерпи Господа* (Псал. xxvi, 14). *Уготовляй на исходъ дѣла твоя, и уготовися на село* (Прит. xxiv, 27), потому что жизнь есть это поле. Возьми ветхій завѣтъ: *огради стяжаніе твое терніемъ* (І. Сир. xxviii, 27). Какимъ? Пощеніемъ, моленіемъ, ученіемъ. Если у тебя будетъ ограда, не

вступитъ звѣрь,—разумѣю діавола. Воздѣлывай свою душу, какъ бы прекрасную виноградную лозу. И какъ стерегущіе виноградникъ хлопаютъ руками, кричатъ голосомъ, и грохотомъ не допускаютъ злоумышленниковъ, такъ и ты: восклицай моленіемъ, поднимай крикъ псалмопѣніемъ,—и отгонишь коварнаго звѣря, лисицу, которая есть діаволъ; о немъ говорило Писаніе: *имите намъ лисы малыя* (Пѣс. Пѣс. II, 15), и прочее. Всегда наблюдай врага; если онъ придетъ, чтобы пронзить твое сердце стрѣлою глупаго пожеланія, и если онъ придетъ повергнуть твою душу въ грязные помыслы, — противоставь щитъ вѣры, одѣнься въ шлемъ надежды, обнажи мечъ Духа, который есть слово Божіе; и такъ вооружаясь противъ врага, терпи и не будь небреженъ въ борьбѣ, но бодрствуй во всемъ.

Врагъ доставляетъ то просторъ, то скорби. Онъ испытываетъ, куда расположено внутреннее состояніе человѣка,—туда и самъ выступаетъ, чтобы бороться, при помощи своего коварства. Потому, братъ мой, непрерывно бодрствуй и всегда усердствуй въ прилежномъ чтеніи, чтобы тебѣ научиться, какъ нужно избѣгать сѣтей врага, и достигнуть вѣчной жизни. Чтеніе божественнаго Писанія ограничиваетъ блуждающій умъ, и даритъ знаніе о Богѣ, потому что написано: *упразднитеся и разумѣйте, яко азъ есмь Богъ* (Псал. XLV, 11); слышишь ли, братъ, что чистосердечно занимающійся божественнымъ Писаніемъ получаетъ знаніе о Богѣ? Потому, братъ мой, не пренебрегай своей душой, но занимайся чтеніемъ и молитвой, чтобы твой разумъ просвѣтился, и чтобы ты былъ цѣлымъ и невредимымъ, безъ какого-либо недостатка. Иные хвалятся собесѣдованіемъ съ вельможами, начальниками и царями, а ты хвались предъ ангелами Божіими, собесѣдуя со Святымъ Духомъ чрезъ божественное Писаніе, потому что Духъ Святой чрезъ него говоритъ. Старайся читать божественное Писаніе и постоянно пребывать во святой молитвѣ. Сколько разъ будешь съ Богомъ чрезъ него, столько разъ освящаются твои тѣло, душа и духъ. Итакъ, зная это, братъ мой, — что когда будешь читать его, освящаешься,—тѣмъ чаще постарайся читать его; и если руки будутъ несвободны у тебя, молись въ умѣ. Молилась также Анна, мать пророка Самуила: двигала своими губами; молитва ея дошла до слуха Господа Саваоѳа. И просимое ею дано было ей. Потому, братъ мой, если твои руки даже свободны, все же молись умомъ; Господь слушаетъ и безмолвныхъ. А если не умѣешь читать, прилежи тамъ, гдѣ можно тебѣ слушать и получать пользу, потому что написано: *аще узриши* мужа *разумна, утренюй къ нему, и степени дверей его да третъ нога твоя* (I. Сир. VI, 36). Это помогаетъ, братъ мой, не

только неумѣющимъ читать, но даже умѣющимъ. Многіе читаютъ, и не понимаютъ, что читаютъ. Итакъ, смотри, братъ, не пренебрегай милостью, данною тебѣ по дару Христа; но размышляй и изслѣдывай, какъ можешь угодить Богу, чтобы получить блаженство, — потому что написано: *блажени испытающіи свидѣнія его, всѣмъ сердцемъ взыщутъ его* (Псал. сxvш, 2). Когда будешь читать, смотри, чтобы тебя не отвлекъ врагъ, нанося тебѣ обиду, подвергая тебя испытаніямъ, и говоря: прежде всего сдѣлай вотъ это дѣло, поскольку оно невелико, и тогда беззаботно будешь читать. Когда онъ это подсказываетъ, и заохочиваетъ къ этому дѣлу, — онъ все это внушаетъ, чтобы занятіемъ удержать
940 тебя отъ чтенія и пріобрѣтенія пользы. Когда діаволъ увидитъ человѣка, читающаго съ напряженіемъ и съ пользою, — онъ нападаетъ этими средствами и многими иными, ища, чтобы препятствовать ему. Итакъ, не довѣряйся ему, но будь какъ бы жаждущій олень, желающій пойти на источники водъ, то есть, къ божественному Писанію, чтобы изъ него пить, — и оно утолитъ твою жажду, сожигающую тебя сильнымъ желаніемъ. Вмѣстѣ съ этимъ пей отсюда и пользу для себя: такъ говорю, чтобы, когда Господь подаритъ тебѣ пониманіе слова изъ него, — ты не спѣшилъ мимо, но обдумывалъ его въ своемъ умѣ, написалъ его въ своемъ сердцѣ и постоянно сохранялъ его въ памяти, такъ какъ написано: *во оправданіихъ твоихъ поучуся: не забуду словесъ твоихъ;* и опять: *въ сердцѣ моемъ скрыхъ словеса твоя, яко да не согрѣшу тебѣ;* и опять: *въ чесомъ исправитъ юнѣйшій путь свой? внегда сохранити словеса твоя* (Псал. сxvш, 16, 11, 9). Видишь ли, братъ, что человѣкъ исправляетъ свой путь, при памятованіи словъ Божіихъ? Кто въ самомъ дѣлѣ памятуетъ слово Божіе и не исправляетъ (пути), если не тотъ, ничего нестоющій и несчастный, кто не памятуетъ совершенно ни о чемъ, но даже забываетъ, о чемъ, по его мнѣнію, онъ памятуетъ? Такому человѣку Богъ говоритъ: *вскую ты повѣдаеши оправданія моя, и воспріемлеши завѣтъ мой усты твоими* (Псал. xlix, 16)? Итакъ, Онъ повелѣваетъ, чтобы было отнято отъ него и то, что, по его мнѣнію, у него есть (Мѳ. xxv, 29); у него, по его мнѣнію, есть вѣра, онъ называетъ самого себя христіаниномъ, а на дѣлѣ отказывается, и хуже невѣрнаго. Потому, Онъ повелѣваетъ, чтобы отнятъ былъ отъ него Духъ Святой, Котораго онъ получилъ въ день искупленія, Котораго, по его мнѣнію, онъ имѣетъ. И бываетъ такой человѣкъ, какъ винный горшокъ съ трещиною, и теряющій чрезъ нее вино; всѣ, видящіе его, не усмотрѣвъ происшедшаго, думаютъ, что онъ полонъ; а когда онъ будетъ изслѣдованъ, тогда становится явнымъ для всѣхъ, что онъ былъ пустъ. Такимъ ока-

жется и такой человѣкъ, во время изслѣдованія его въ тотъ день суда; и тогда сдѣлается очевиднымъ для всѣхъ то, что касается его. Будучи таковыми, они если и скажутъ въ тотъ день Царю: *Господи, не твоимъ ли именемъ силы многи сотворихомъ?* — то и Царь въ отвѣтъ скажетъ имъ: истинно говорю вамъ: не знаю *васъ* (Мѳ. VII, 22, 23). Видишь ли, братъ, что такой нисколько не получаетъ милости. Итакъ, памятуй о словахъ, которыя слушаешь, и исправляй свой путь. Смотри, не дозволяй придти забвенію, и похитить его (слово) изъ твоего сердца; смотри, не дозволяй налетѣть птицамъ, и поклевать сѣмя Божіе, — потому что Онъ самъ сказалъ, что сѣмя есть слово, которое вы услышали. Скрой сѣмя въ углубленіяхъ земли, то есть, скрой слово посреди своего сердца, чтобы оно принесло въ страхѣ плодъ Господу. А когда будешь читать, читай старательно и напряженно, прочитывая стихъ со многою основательностію, и не старайся только перелистывать, но, если нужно, не лѣнись прочитать стихъ дважды, трижды и много разъ, чтобы понять силу его. А когда намѣреваешься сѣсть и читать, или, опять, послушать другого, читающаго, — помолись прежде всего Богу, говоря *: Господь, Іисусъ Христосъ, Богъ нашъ, раскрой уши и глаза моего сердца, чтобы мнѣ, Господи, слушать Твое слово, понимать и совершать Твою волю, такъ какъ *пришлецъ азъ есмь на земли: не скрый отъ мене заповѣди твоя: но открый очи мои, и уразумѣю чудеса отъ закона твоего* (Псал. CXVIII, 19, 18). Боже мой, на Тебя надѣюсь, чтобы Ты просвѣтилъ мое сердце *[1]). Право, прошу, братъ мой, такъ всегда молись Богу, чтобы Онъ просвѣтилъ твой умъ, и сдѣлалъ для тебя ясною силу Его словъ. Многіе заблудились, слишкомъ понадѣявшись на свое пониманіе ихъ, и *глаголющеся быти мудри, объюродѣша* (Рим. I, 22), впали въ богохульство, не понимая написаннаго, и погибли. Итакъ, если, при своемъ чтеніи, найдешь слово непонятнымъ, — смотри, чтобы лукавый не научилъ тебя говорить въ самомъ себѣ, что не такъ, какъ говоритъ это слово, потому что, какъ можетъ быть такъ? и подобное; но, если вѣришь Богу, — вѣрь и словамъ Его, и говори лукавому: отойди отъ меня, сатана. Я знаю: *словеса Божіи словеса чиста, сребро разжжено седмерицею* 941
(Псал. XI, 7); и (нѣтъ) въ нихъ ничего непрямого, ни запутаннаго, но все благо для понимающихъ; а я неразуменъ, и не понимаю; знаю, что они написаны духовно: и апостолъ говоритъ, что *законъ духовенъ есть* (Рим. VII, 14). Потомъ, посмотри на небо, и

[1]) Подъ звѣздочками краткая молитва, помѣщенная раньше, отдѣльно отъ контекста. См. стр. 424.

скажи: Господи; вѣрую въ Твои слова; не возражаю, но смѣло довѣряюсь словамъ Святого Духа. Ты, Господи, спаси меня, чтобы я нашелъ благодать предъ Тобою. Не ищу я чего-либо другого, кромѣ только своего спасенія, чтобы получить, милосердый, Твою милость, такъ какъ Твои суть царство и власть во вѣки. Аминь. Владѣй также, братъ, безмолвіемъ, какъ крѣпкою стѣною, потому что безмолвіе дѣлаетъ тебя выше страстей; ты воюешь сверху, а онѣ снизу. Владѣй безмолвіемъ страха Божія, и всѣ стрѣлы врага не повредятъ тебѣ; безмолвіе, сопряженное со страхомъ Божіимъ, есть огненная колесница. Илія пророкъ пусть также убѣдитъ тебя (въ этомъ), — Илія возлюбившій безмолвіе и страхъ Божій, — и какъ взятый на небо? О, безмолвіе, преуспѣяніе монаховъ; о, безмолвіе, лѣстница на небо; о, безмолвіе, путь небеснаго царства; о, безмолвіе, мать раскаянія; о, безмолвіе, зеркало грѣховъ, показывающее человѣку прегрѣшенія его; о, безмолвіе, незадерживающее слезъ; о, безмолвіе, родительница кротости; о, безмолвіе, сожитель смиренія; о, безмолвіе, сопряженное со страхомъ Божіимъ, — просвѣтитель ума; о, безмолвіе, соглядатай помышленій, и помощникъ въ сомнѣніи; о, безмолвіе, родительница всякаго блага, основаніе поста, и помѣха для прожорливости; о, безмолвіе, досугъ для молитвы и чтенія; о, безмолвіе, тишина помышленій, и ясная пристань; о, безмолвіе, беззаботность души; о, безмолвіе, полезное ярмо и бремя легкое, дающее отдыхъ и носящее носящаго тебя; о, безмолвіе, радость души и сердца; о, безмолвіе, узда для глазъ, слуха и языка; о, безмолвіе, уничтоженіе хвастливости, и врагъ безстыдства; о, безмолвіе, темница страстей; о, безмолвіе, помощникъ всякой добродѣтели, защитникъ бѣдности, страна Божія, приносящая добрые плоды; о, безмолвіе, стѣна и крѣпость желающимъ подвизаться для небеснаго царства! Право, братъ, владѣй этою прекрасною частью, которую избрала для себя Марія. Эта Марія, сѣвшая подлѣ ногъ Господа, и прилѣпившаяся только къ Нему, была примѣромъ безмолвія. Потому и Господь похвалилъ ее, говоря: *Марія благую часть избра, яже не отъимется отъ нея* (Лук. x, 42). Видишь ли, братъ, каково безмолвіе? (Оно таково) что самъ Владыка, нашъ Богъ, хвалитъ владѣющаго имъ. Владѣй имъ, братъ мой, и насладишься Своего Господа, сидя подлѣ Его ногъ и прилѣпляясь только къ Нему,
942 чтобы и ты открыто сказалъ: *прилпе душа моя по тебѣ: мене же пріятъ десница твоя* (Псал. LXII, 9). Потому *яко отъ тука и масти да исполнится душа моя* (ст. 6). Право, братъ мой, владѣй имъ, — (оно) слаще меда. Лучше кусочекъ съ солью безмолвія и беззаботности, чѣмъ запасъ драгоцѣнныхъ яствъ въ искушеніяхъ и

заботахъ. Слушай Владыку Бога, говорящаго: *пріидите ко мнѣ вси труждающіися и обремененніи, и азъ упокою вы* (Мѳ. XI, 28). Господь желаетъ дать тебѣ отдыхъ отъ заботъ, ярости, отъ искушенія и скорби этого вѣка; желаетъ, чтобы ты былъ свободенъ отъ египетскаго дѣланія кирпича; хочетъ ввести тебя въ пустыню, то есть, въ безмолвіе, чтобы освѣтить твой путь облачнымъ столпомъ, чтобы кормить тебя манною, — разумѣю именно хлѣбъ безмолвія и беззаботности,—чтобы дать тебѣ въ удѣлъ добрую землю, — разумѣю именно небесный Іерусалимъ. Право, возлюбленный, полюби его, владѣй имъ, чтобы тебѣ насладиться Божіихъ свидѣтельствъ во время твоего пути, какъ бы при всемъ богатствѣ. Право, братъ, владѣй безмолвіемъ со страхомъ Божіимъ, и Богъ мира будетъ съ тобою; Ему прилична слава во вѣки. Аминь. Итакъ, возлюбленные, прошу васъ Господомъ ежедневно стараться приводить себѣ это на память,—разумѣю именно надежду, вѣру, любовь, смиреніе, постоянное запечатлѣваніе себя молитвами Божіими, размышленіями о божественномъ Писаніи и безмолвіемъ. Это, когда имѣется и пріумножается у васъ, не дѣлаетъ (васъ) праздными, ни безплодными въ познаніи Господа нашего, Іисуса Христа. Христіанинъ, который не владѣетъ этимъ, есть слѣпецъ, близорукъ, забываетъ о своихъ прежнихъ грѣхахъ; и съ нимъ происходитъ истинно по притчѣ: *песъ возвращся на свою блевотину;* и: *свинія омывшися, въ калъ тинный* (2 Петр. II, 22). Потому, (кто), удалившись отъ скверн міра, какъ написано, и отрекшись отъ этого во святой купели и, бывъ въ познаніи Господа нашего, Іисуса Христа, потомъ опять въ это впутываются, — для тѣхъ послѣднее бываетъ хуже перваго. Лучше было бы имъ не знать пути истины, чѣмъ, при знаніи, возвращаться опять назадъ. Итакъ, возлюбленные, вѣрные рабы и избранные воины Божіи, христіане,—возьмемъ въ наши сердца всеоружіе сказаннаго раньше, и неотложно каждый день будемъ приводить на память себѣ это,—чтобы мы могли подвизаться прекраснымъ подвигомъ, и попрать всякую силу врага; чтобы мы были избавлены отъ гнѣва, приходящаго на сыновъ неповиновенія, и нашли бы милость и благодать въ страшный день предъ праведнымъ Судіею, воздающимъ каждому по его дѣламъ; Ему прилична слава, со Вседержителемъ Отцомъ и всесвятымъ Духомъ, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

СЛОВО

святого Іоанна Златоуста, епископа константинопольскаго, о святомъ Григоріи Великомъ, Просвѣтителѣ, первосвященникѣ Бога нашего [1]).

943 Какъ различны разнородные цвѣты, которые украшаются разноцвѣтными листьями въ глубокое весеннее время, такъ различна и изобильна похвала мужей, снабженныхъ божественными дарованіями, которыя недостаточно только глазами распознавать и замѣчать умомъ,—такъ какъ умъ для того замѣчаетъ и языкъ разсказываетъ, чтобы въ то же время возможно большему числу щедро раздавать.

Итакъ, вступая на цвѣтоносное поприще добродѣтели смѣлаго и потерпѣвшаго казнь мученика, блистающаго солнца и первосвященника, просвѣтителя великой Арменіи, простирая глаза ума на цвѣтоноснаго, сверкающаго красотой,—не знаю, въ состояніи ли охватить то, что могъ бы прослѣдить въ умно распредѣленной похвалѣ; у меня есть желаніе все собрать, но опасаюсь, что очень многое отъ меня ускользнетъ.

Мнѣ кажется, тотъ блаженный заслуженно подобенъ пчелѣ, снабженной легкими крыльями. И, дѣйствительно, какъ дѣло пчелы достойно удивленія, такъ и добродѣтели святого Григорія увлекаютъ души; какъ (ее) никто не въ силахъ постигнуть словомъ или умомъ, въ ея изумительномъ трудѣ, такъ никому не удается изложить въ похвалѣ и выдающіяся дарованія этого святого.

Какъ пчела, хотя кружится сама до себѣ по всѣмъ цвѣтамъ, чтобы ихъ обойти, однако не можетъ унести весь ихъ сокъ, по

---

[1]) Слово это извѣстно по тремъ армянскимъ проповѣдническимъ сборникамъ (А, В, С), т. назыв. *D—jarrintir*, изъ которыхъ одинъ относится къ 10—11 в. (В), другой—къ началу 15 в. (С) и третій—къ началу 16 в. (А). У насъ приведенъ заголовокъ по *С* (какъ у Миня); въ *А* и *В* онъ подробнѣе, и даетъ небольшую исторію этого слова. Такъ въ *А* читается: *Слово Іоанна Златоуста о жизни и мученіяхъ святого Григорія, патріарха великой Арменіи, сказанное въ Кокизѣ, который есть армянскій городъ (тамъ онъ пребывалъ изгнанникомъ), по побужденію нѣкоего армянскаго епископа и учителя, который былъ родственникомъ святого Григорія и назывался Діоскоромъ, и по настоянію большого собранія, которое было собрано въ Кокизѣ въ день праздника святого просвѣтителя в'сточныхъ странъ.* У Миня латинскій переводъ 1735 г.; съ него мы даемъ русскій. Можетъ быть святитель говорилъ нѣчто подобное, но это нѣчто искажено теперь вносками изъ жизни св. Григорія.

нѣжности силъ, и для этого беретъ съ собою просвѣчивающее въ
срединѣ цвѣтовъ и весьма тонкое, чтобы собрать (это) своими
крыльями и сдѣлать отсюда медовый сотъ,—такъ и я: соберу въ 944
умѣ и предложу въ словѣ, что̀ могу охватить, чтобы пріятнымъ
запахомъ освѣжить обоняніе совершающихъ священное таинство
и сильно желающихъ слушать похвалу святому Григорію.

Какъ буду называть этого первосвященника, если не солнцемъ, восходящимъ въ восточныхъ предѣлахъ, блескъ лучей котораго простерся до греческаго народа? О, чудо! Если бы кто пожелалъ (имѣть) усаженный растеніями садъ, то прежде всего высѣкается терновникъ, выдергиваются вредные корни, и тотъ садъ насаждается безъ какой-либо трудности; но садъ великаго мученика и претерпѣвшаго казнь первосвященника произросъ посреди терновника, достигъ до неба и далъ ангельскіе цвѣты, листья которыхъ сверкали замѣчательными красками; не высѣканіемъ и изверженіемъ терновника, волчца и другихъ корневыхъ вредныхъ травъ, но измѣненіемъ ихъ въ благоухающіе цвѣты и плодовыя деревья — онъ сдѣлалъ тернъ приносящимъ душистые плоды, далъ волчцамъ производить розы и замѣчательные съ благоухающимъ запахомъ цвѣты.

Провозглашаю счастливыми Рипсимію и Гаіанію, — онѣ, принявъ корень, откуда произошли отростки и распространились въ даль и ширь, пришли въ великую Арменію, которой ни малѣйшій уголокъ не былъ лишенъ покрова тѣхъ вѣтвей [1]).

---

[1]) Это Слово не лишено своего интереса, если съ нимъ будутъ поставлены въ связь существенные факты изъ жизни св. Григорія. Мы беремъ ихъ изъ *Миней* митр. Димитрія Ростовскаго, именно за *сентябрь* (изд. въ Кіевѣ. 1837 г. 30 число. лл. р҃к—р҃ка). Св. Григорій былъ сынъ Анака, вельможи при персидскомъ царѣ Артабанѣ. Этого царя убилъ узурпаторъ престола, Артасиръ. Тогда Курсаръ (отецъ Тиридата), армянскій царь, мстя за смерть Артабана, довелъ Артасира до крайности, отъ которой его избавилъ Анакъ. Онъ, притворившись изгнанникомъ, убилъ Курсара. Произошло поголовное истребленіе потомства съ той и другой стороны. Изъ потомства Анака уцѣлѣло только два грудныхъ младенца, изъ которыхъ одинъ былъ впослѣдствіи христіаниномъ Григоріемъ, жившимъ нѣкоторое время въ г. Кесаріи каппадокійской, тамъ женившимся и овдовѣвшимъ. Изъ потомства Курсара былъ пощаженъ малолѣтній Тиридатъ, который былъ отправленъ въ Римъ. Впослѣдствіи, на римской службѣ, Тиридатъ замѣчательно отличился въ войнѣ противъ готовъ, и въ награду получилъ армянскій престолъ; при немъ въ родѣ вельможи оказался Григорій. Тиридатъ — язычникъ долго уговаривалъ Григорія — христіанина отказаться отъ христіанства, но безуспѣшно. Послѣдовали страшныя мученія Григорія, закончившіяся вверженіемъ въ ровъ, куда бросали преступниковъ. Тамъ жизнь Григорія поддерживала одна вдова, бросавшая въ ровъ ежедневно по куску хлѣба. Между тѣмъ, въ это время римскій царь Діоклетіанъ искалъ себѣ въ жены по всему царству первую красавицу. Такою ока-

О, чудо! Тѣлесный человѣкъ подобенъ безтѣлеснымъ сонмамъ; даже, если можно такъ сказать, предпочтительнѣе ангель-
945 скихъ духовъ, такъ какъ ни тѣло ихъ, ни члены не подвержены мученію и боли, а онъ принялъ на себя боли и мученія, которыя перенесъ какъ бы тѣ, которые непричастны тѣлу.

Кромѣ того, есть много и другого въ томъ родѣ добродѣтелей. Я осмѣлился бы сказать, что онъ подобенъ Петру и Павлу. Какъ они возвратили великими усиліями и великою добродѣтелью западныя области отъ идолослуженія на путь, который ведетъ къ познанію Бога, такъ и блаженный Григорій просвѣтилъ проповѣдью восточныя страны. Онъ научилъ ихъ, что должно почитать Отца, Сына и Святого Духа, что нераздѣльное отъ Отца Слово приняло тѣло отъ Дѣвы, что совершенный Богъ сдѣлался совершеннымъ человѣкомъ и чрезъ рожденіе принялъ тѣло, непорочное и непричастное болѣзни.

Слово Божіе, говорилъ онъ,—что̀ выше краснорѣчія—соединилось съ тѣломъ, жило среди людей, и отмѣнило чрезъ крещеніе обрѣзаніе, которому Оно подверглось. Преданъ за насъ Тотъ, который былъ нераздѣлимъ отъ лона Отца; вознесено на крестъ Слово и умерло, по человѣческой природѣ, но оставалось и пребываетъ безсмертнымъ, по божественности, которая въ Немъ была. Такъ какъ изъ двойной природы Онъ сдѣлался однимъ Христомъ, поэтому Онъ претерпѣлъ смерть тѣломъ, которое было соединено съ божествомъ. Плоть, которая перенесла мученія, была Богомъ, и было безсмертнымъ божество, которое одѣлось въ тѣло. Божество сдѣлало Богомъ плоть, и она была соединена со Словомъ такъ равномѣрно и прямо, что то, что умерло и было погребено за насъ, тоже воскресло по божеству и ниспровергло преисподнихъ. Это вы познавайте, этому поклоняйтесь, такъ какъ это—соединенное со Словомъ—есть Богъ надъ всѣми.

Таково ученіе, которымъ онъ наставлялъ тотъ гордый и выдающійся народъ.

залась дивной красоты *Рипсимія*, христіанка—дѣвственница, жившая съ таками же, какъ она (около 37 чел.). подъ руководствомъ *Гаіаніи*. Онѣ всѣ бѣжали въ Арменію. Діоклетіанъ поручилъ Тиридату разыскать Рипсимію, и воспользоваться ею. Сестры были найдены и, послѣ непреклонной стойкости Рипсиміи. всѣ были страшно замучены. Но послѣ этого звѣрства, царь Тиридатъ и его соучастники впали въ нѣкоторое странное безуміе, и бѣгали по лѣсамъ. какъ звѣри. Вслѣдствіе видѣнія сестрѣ Тиридата, Григорій былъ извлеченъ изъ рва, исцѣлилъ безумствовавшихъ, а также прославилъ невинныхъ страдалицъ. Наконецъ, Тиридатъ сталъ христіаниномъ, и Григорія послалъ въ Кесарію каппадокійскую къ архіеп. *Леонтію*, съ тѣмъ, чтобы Леонтій посвятилъ Григорія въ епископа. Григорій былъ епископомъ надъ Арменіей до 331 года

Онъ отдалъ таланты, ему повѣренные, преумноженными, возвращая именно не два за одинъ, или четыре за два, или десять за пять, — но онъ пріобрѣлъ миріады талантовъ, и потому услышалъ отъ Господа такія слова: *добрѣ, рабе благій и вѣрный*, такъ какъ *о малѣ* до сихъ поръ *былъ еси вѣренъ, надъ многими тя поставлю: вниди въ радость Господа твоего* (Мѳ. xxv, 23).

Украшаю этого блаженнаго именемъ апостола, потому что онъ, на подобіе прочихъ апостоловъ, проповѣдывалъ истиннаго Бога, разрушилъ идоловъ и идольскіе храмы, научилъ покланяться Богу неба и, по уничтоженіи суевѣрнаго богопочтенія твари, установилъ почитаніе творца твари.

Онъ съ пылкою ревностію научилъ Писанію, вдохновенному свыше; написалъ бесѣды, полныя мудрости, и наставилъ много народовъ.

Для Григорія у меня имя новаго Даніила. Какъ святой пророкъ перенесъ наказанія отъ вавилонскаго царя, и его отогналъ пастись въ пустынныя мѣста, точно быка и подъ образомъ быка, такъ и молитвы Григорія возвратили непокорнаго истинѣ Тиридата, облеченнаго въ кабаній образъ, въ человѣческій образъ. Подлинно, у него была вѣра, укрѣпленная на надеждѣ, и цѣльная, какъ зерно горчицы, въ которомъ, чрезъ порчу, не можетъ возникнуть чѐрвь, ни уменьшить добротность зерна; поистинѣ, у него была вѣра столь крѣпкая, что онъ твердо надѣялся, что, о чемъ бы онъ ни попросилъ Бога, должно совершиться; и если бы онъ сказалъ горѣ: перенесись туда,—онъ считалъ бы за вѣрное, что она несомнѣнно должна перенестись. Слѣдовательно, не можетъ быть, чтобы онъ не вѣровалъ, что человѣкъ облеченный въ кабаній образъ можетъ быть возвращенъ въ прежній образъ.

Но я сильно уважаю этого дивнаго мужа, и по своей волѣ
стремлюсь къ его похвалѣ; боюсь, конечно, что мое слово будетъ
неравно похвалѣ такого мужа, однако не отступаю отъ намѣре-
нія: надѣюсь, что слабость моихъ силъ будетъ побѣждена отваж- 946
ностію духа. Итакъ, предложу, что въ силахъ извлечь изъ того,
въ чемъ обнаружилась десница Божія.

О, новое предвѣстіе! Солнце, Богомъ заключенное въ пространномъ небѣ, посылаетъ лучи сверху на землю; поистинѣ, этотъ святой мужъ простеръ свои лучи до верха небесъ, изъ глубокаго рва, въ которомъ удерживался. Ангелы и архангелы, внимая, объявляли его блаженнымъ, и служили ему, лежащему во рвѣ. Они видѣли въ водовмѣстилищѣ его тѣло, но на небесахъ сіяла его святость; тѣломъ на небѣ, ангеломъ на землѣ; имѣя тѣло, казался безъ тѣла; небесный человѣкъ, земной ангелъ, огненный столбъ съ неба, голова котораго касалась земли,—про-

свѣтитель Арменіи, непоколебимое основаніе грековъ (малой Арменіи), апостолъ Христовъ, предвѣщающій путь людямъ.

Прежде всего называю блаженною тебя, о, Кесарія каппадокійская, такъ какъ отъ тебя принялъ возложеніе рукъ пастырь многихъ народовъ. Посвященный и посвятившій сіяли тогда однимъ и тѣмъ же блескомъ добродѣтели.

Эти (каппадокійцы) были уже основаны на крѣпкихъ корняхъ: и только одинъ онъ имѣлъ свой корень, откуда другіе, непричастные къ корню, получили свой. Тамъ собиралось много плодовъ работниками, которые воздѣлывали нѣкогда невоздѣланное; только онъ самъ, работникъ, держа одною рукою рукоятку плуга, (другою) умягчалъ словомъ истины многія невоздѣланныя земли. Когда однимъ сошникомъ открывалъ безчисленныя борозды, онъ обратно получилъ сѣмя самъ-пять и много плодовъ: и держа въ горсти божественное сѣмя, онъ засѣвалъ весьма много полей, разсѣвая перстами безконечныя зерна. Тогда въ бороздахъ, прорѣзанныхъ одною рукою, произростали въ одно время плоды, посѣянные другою рукою.

Тамъ можно было видѣть осень и весну, жатву и время молотьбы; и когда приближалась зима, онъ посѣвалъ единственное сѣмя, именно слово Божіе. Но вотъ, замѣчая различные плоды, которые отсюда рождались, онъ, во время жатвы, собиралъ на гумно то зрѣлые (плоды), то жирные отъ зрѣлости, молотилъ, очищалъ вѣялкой и складывалъ въ кучи, чтобы ихъ отсюда отнести въ житницы свѣта.

Что же (значитъ), что зима (Арменія) ввергла самого сѣятеля между ядовитыми пресмыкающимися, принявъ отъ цвѣтныхъ сѣмянъ вѣры, которымъ не позволяла расти вслѣдствіе льда невѣрія?

Люди, у которыхъ были общія съ тѣмъ святымъ рѣчь и лицо, облекались въ нравы змѣй; и, наоборотъ, смертельные и ядовитые драконы принимали нравы кроткихъ людей, и служили ему, облизывая ноги святого тѣмъ же ртомъ, которымъ приносили смерть.

Что далѣе? Долго тянулось время зимы, и армяне думали, что погибъ сѣятель, подобно сѣмени, которое посѣяно во время жестокаго льда. Открывается ровъ: искали обезображенныхъ частей человѣка, но слышатъ стройное пѣніе многихъ голосовъ; боялись, что въ ихъ ноздри войдетъ гадкій запахъ отъ драконовъ и змѣй, но отсюда вѣетъ пріятный запахъ, какъ отъ сада удовольствія; искали глазами костей, подвергшихся гніенію, но въ лицѣ его созерцаютъ сіяющее солнце; разсчитывали на бездыханнаго во рву, но видятъ его прохаживающимся какъ бы въ

святѣйшемъ храмѣ; искали частей (тѣла), изможденныхъ голодомъ, но замѣчаютъ здороваго и упитаннаго небесною пищею: искали тѣла, раздробленнаго зубами драконовъ, но удивляются прирученнымъ имъ змѣямъ, — презрители видятъ, что они презрѣны тѣмъ, котораго презрѣли.

Пораженные стыдомъ, они краснѣли, и, объятые ужасомъ, восклицали: великъ Богъ, Котораго проповѣдуетъ великій Григорій. Наше оружіе обезсилено тѣмъ, котораго мы считали обезсиленнымъ ядовитыми драконами. Если бы не было драконовъ, тѣло истощилось бы только чрезъ одинъ голодъ, (тѣло), которое никакой смертный не могъ извлечь отсюда. Поистинѣ, дивенъ Богъ во святыхъ Своихъ,—говорили они, по мысли пророка Давида; Онъ прославляетъ Своихъ прославителей. Они до крайности 947
стыдились за свой проступокъ, и говорили: этотъ, ввергнутый нами въ ровъ и мракъ, какъ солнце возсіялъ для насъ, бывшихъ, поистинѣ, сынами мрака, и, выводя насъ изъ мрака, сдѣлалъ сынами свѣта. Онъ былъ наученъ великимъ пастыремъ овецъ, молившимся за истязателей; мы были его истязателями, когда онъ ввергался въ ровъ; но онъ, сіяющій просвѣтитель, облекъ насъ въ одежду свѣта, и дивно направилъ наши ноги на путь мира. Мы были его палачами, а онъ заботливымъ о насъ пастыремъ; онъ милосердый отецъ, мы сыны непокорные отцу, даже отцеубійцы; онъ былъ окруженъ божественнымъ валомъ, чтобы працею прогнать отъ овчарни опустошительнаго волка, а мы, въ блужданіи, послѣдовали за истребителемъ — волкомъ, котораго онъ ранилъ, ниспровергъ и погубилъ навѣки; онъ лучшій пастырь, мы непокорное и покидающее хлѣвъ стадо; онъ врачъ, а мы, больные, устремились на врачевавшаго насъ, чтобы умертвить пока тѣло, такъ какъ невозможно (умертвить) его безсмертнаго по душѣ. Онъ предшествовалъ намъ, и исторгалъ тернія на пути, который ведетъ къ познанію Бога, а мы, слѣпые и безпечные, упали въ ровъ гибели, и, лишенные обоихъ глазъ, поразили и ввергли нашего пастыря въ глубокій ровъ, и ничего не поняли, оставаясь при своей слѣпотѣ. Онъ былъ свѣтящимъ свѣтильникомъ, а мы, сидя во мракѣ, не шли по яркому блеску его слѣдовъ; онъ былъ рабомъ Бога, а что мы называли богами, было тварію раба людей; потому, онъ, рабъ Божій, отвергъ боговъ, которыхъ мы почитали.

Наши сердца были ослѣплены, и мы не понимали, такъ какъ охватили его и ввергли въ глубокую пропасть; и теперь видимъ, что глубины земли держатъ въ себѣ солнце, которое намъ сіяло. Мы думали, что тѣло нашего заботливаго учителя будетъ добычею звѣрей, но видимъ, что оно обслуживается змѣями и дра-

конами, подобно (тѣлу) вновь созданнаго Адама, которому, до перваго преступленія, змѣи и василиски не имѣли никакой власти причинить вредъ; а мы, послѣдовавшіе двоедушію ада, презираемся звѣрями. Мы отдали драконамъ власть противъ начальника нашей вѣры, но видимъ ослабленною силу ихъ: они, какъ голуби, тихо сѣтовали, и своими языками, которымъ дано было злоумышлять противъ пяты за двоедушіе ада, ласкались къ невинному ученику Христову.

Слѣдовательно, что мы скажемъ? Или какъ осмѣлимся открыть наши глаза, чтобы взглянуть и смотрѣть на нашего милосердаго отца, чтобы вымаливать у него прощеніе,—мы, въ ярости причинившіе ему безчисленныя оскорбленія? Но такъ какъ въ его сердцѣ не было никакой вражды, то довѣримся (ему), прибѣгнемъ къ устью рва, и здѣсь скажемъ: выйди, рабъ Божій, подчини себѣ своихъ рабовъ, принявшихъ противъ тебя власть отъ того, котораго ты сокрушалъ въ безднѣ, когда спускался въ глубокій ровъ, — и, какъ ты наставленъ Учителемъ своимъ, подобно этому сдѣлай и съ своими учениками.

Добрый учитель, всходи въ Арменію, къ намъ, видѣвшимъ вторично вавилонское (дѣло). Такъ какъ, вмѣсто печи, мы воспламенили ровъ, въ который впустили ядовитыхъ драконовъ, намѣсто горящаго огня, — твои добродѣтели изсушали ихъ ядъ, по образу росы; ты вступалъ въ смертоносное пламя змѣй и василисковъ, попиралъ ногами дышущихъ огнемъ драконовъ, и казался вновь Ананіей, Азаріей и Мисаиломъ, когда чтилъ нераздѣльную Троицу, Которой мы не вѣровали. Теперь, съ царемъ вавилонянъ, Навуходоносоромъ, вѣруемъ и прославляемъ, такъ какъ замѣчаемъ божественную росу посреди печи.

Выйди, рабъ небеснаго Бога; чрезъ тебя мы увѣровали и исповѣдуемъ Отца, Сына и Святого Духа; выходи изъ своего рва, и прославляй Того, Кто прославилъ прославляющаго Его, и доставилъ тебѣ величайшую честь. Возвысь свой божественный голосъ, и говори: почитайте Бога, Котораго я свободно проповѣ-
943 далъ: Онъ есть творецъ всего,—сохранившій меня невредимымъ отъ гибельныхъ драконовъ.

Выходи, новый Даніилъ, и покажись невиннымъ царю Вавилона, то есть, Арменіи,—ты, который былъ брошенъ въ водовмѣстилище, не между двумя львами, но, что больше, между свирѣпѣйшими чудовищами. Какой бы звѣрь ни сокрушилъ частей (тѣла), однако можетъ случиться, что кто-либо возвратится когда-нибудь къ здоровью; но ядовитые и гибельные драконы не сокрушаютъ тѣла и не калѣчатъ, а приносятъ невидимую смерть уколомъ, подобно нѣкоторой иголкѣ. Ты же вышелъ невредимымъ, и не будешь погубленъ ими.

Таково все то, что имъ, можетъ быть, было естественно говерить святому; а мы будемъ продолжать похвалу, говоря о причинѣ его мученій.

Царь Тиридатъ былъ въ ярости за умерщвленіе своего родителя, и, потому, мучилъ Григорія жесточайшими истязаніями и пытками, побоями и желѣзными гребнями, при сдавливаніи тѣла между кольями, и всякимъ родомъ ужасныхъ мученій, которыя изобрѣтала ярость. Святой мученикъ, добровольно перенося ихъ, по любви къ Господу нашему, Іисусу Христу, такъ говорилъ палачамъ: мученіями и пытками истязуюсь отъ васъ, возлюбившихъ плотское и властвующихъ въ этой жизни, которая подобна сну, завтра исчезнетъ,—(отъ васъ), отказывающихся отъ надежды на безсмертную жизнь; но я временно терплю за Того, Кто за меня претерпѣлъ истязанія; къ тому же открыта безсмертная жизнь, и наслажденіе большее, чѣмъ (наслажденіе) рая, дышащаго пріятными запахами; туда войду, и сдѣлаюсь наслѣдникомъ его навѣки. Исполнившись радости, считаю благодѣяніемъ мученія, которыя мнѣ доставляете, думая, что они вредятъ мнѣ. Сколько вы ни будете терзать мгновенною болью, между кольями, мои члены и кости, однако отсюда выйду здоровымъ колосомъ, и взойду предъ Творца моего, какъ бы пальма, опирающаяся на крѣпкіе корни, со многими длинными и широкими вѣтвями, красивая листьями, изящная цвѣтами, которымъ никогда не придется завянуть, — и радостно буду сіять зеленою и густою въ саду, насажденномъ рукою Бога. Хотя орудіями муки жестоко буду повѣшенъ внизъ головою, и буду раздробленъ между кольями, однако довѣряюсь будущему, что вознесу голову до неба, предъ моего Творца, послѣ незначительнаго промежутка боли. Хотя буду брошенъ звѣрямъ и медвѣдямъ, въ качествѣ орудій муки, и ими мое тѣло уничтожится,—имѣю увѣренность, что ими сплетены для меня золотая діадема и украшенный вѣнецъ, который возложитъ на мою голову небесный Царь, когда дастъ мнѣ сидѣть надъ чертогомъ невѣсты. Что бы ни было, эта кровь, текущая изъ моего тѣла, окрашиваетъ мнѣ одежду безсмертія въ багряный и алый цвѣтъ,—(одежду), которая не увянетъ во вѣки. Таково все, что прилично было отвѣчать для мученика.

Что послѣ? Тиридатъ, сколько бы ни держалъ связаннаго и мучимаго Григорія, еще не насытился своею лютостію, и говоритъ,—какъ будто у него мученія имѣли связь съ тѣмъ, что было раньше: дѣйствительно, онъ—сынъ Анана, изъ рода парѳянъ, который умертвилъ моего отца, Хозроя. И повелѣваетъ Тиридатъ отвести Григорія, связаннаго по ногамъ и связаннаго по

рукамъ и шеѣ, въ крѣпость Араратской провинціи [1]), и тамъ низвергнуть въ глубокій ровъ.

О, безумный, — говорилъ, можетъ быть, святой Григорій,— если мой отецъ напалъ съ мечомъ на твоего нечестиваго отца,—
949 онъ не только убитъ, и оставилъ преходящее, что считалъ жизнью, но его даже душа подверглась также мученіямъ, въ которыхъ онъ не умретъ. Ты, сынъ нечестиваго родителя, когда подвергалъ меня наказанію въ отмщеніе за своего отца, не побѣждалъ меня своими мученіями, такъ какъ было необходимо, чтобы мое тѣло сохранялось невредимымъ; но я мучилъ твою душу вмѣстѣ съ твоимъ тѣломъ невидимымъ мученіемъ, чтобы ты, сокрушенный наконецъ, поклонялся моему Богу. Повелѣваешь, чтобы я былъ мучимъ предъ твоими глазами; но ты самъ мучаешься, въ присутствіи моемъ или отсутствіи, и не понимаешь, что Царь мой требуетъ отъ тебя такимъ образомъ возмездія, и тебѣ приготовляется отъ Него тотъ истязатель на вѣки, котораго считаешь для себя другомъ.

Это и много иного было у блаженнаго, что онъ могъ говорить Царю. Отсюда намъ нужно спѣшить къ кладезному рву, чтобы видѣть, какія тамъ совершаются чудеса. Ввергаютъ его въ ровъ, который былъ логовищемъ змѣй. Но что говорилъ кладезь? Благословенъ твой приходъ, о, дивный отецъ! Они приготовили изъ меня глубочайшій ровъ мученій, подобный мрачной безднѣ, но вотъ твой творецъ дѣлаетъ, что для тебя я дѣлаюсь садомъ, усѣяннымъ цвѣтами. Я былъ жилищемъ мрака, но вотъ для тебя сдѣланъ храмомъ свѣта. По имени зовусь глубокой бездной, а въ дѣйствительности касаюсь, возвышенный тобою, превысокаго неба, и въ себѣ содержу скатившееся съ неба свѣтлое солнце, которое освѣщаетъ армянскій народъ. Многіе, ввергнутые въ меня, уничтожались мерзкимъ запахомъ грязи, и сокрушалъ я ихъ плоть и кости медленнымъ голодомъ; я издавалъ отвратительный и невыносимый запахъ, и затруднялъ ихъ обоняніе; но чрезъ тебя кажусь теперь садомъ, украшеннымъ цвѣтами, и пріятными розовыми кустами съ цвѣтами, которые дышатъ разнообразно благоухающимъ запахомъ.

Что же буду говорить о гибельныхъ по яду драконахъ, которые тамъ жили? Какъ только они увидѣли святого Григорія ввергнутымъ въ ровъ, ищутъ въ себѣ своего обычнаго перваго природнаго свойства, обращаютъ вниманіе на серафимовъ, носив-

[1]) Въ крѣпость *Артаксату*, отстоявшую отъ столицы *Vagharchabat* въ 30 льё къ востоку (около 12 верстъ, такъ какъ *lieue* — *leuca* = 1500 рим. шагамъ). См. прим. у Миня.

шихъ его на своихъ крыльяхъ, чтобы не было для него опасности,—удивляются, пораженные страхомъ, и говорятъ: мы потомство того змѣя, который обольстилъ чрезъ съѣденный плодъ Еву, и сдѣлалъ ее изгнанницей и низверженной изъ рая наслажденія; а ты сѣмя Адама и потомокъ Евы, принявшихъ то проклятіе, по которому бы земля производила терніи и волчцы,—тебѣ повелѣно подстерегать нашу голову, и намъ твою пяту. Итакъ, согласно той заповѣди, мы прыгали, чтобы насытить свою ненависть къ тебѣ, вложенную природою; но, когда замѣтили безтѣлесное воинство около твоего тѣла, и увидѣли тебя поставленнымъ между ангельскими хорами,—тогда наше нападеніе было обезсилено, такъ какъ и жала наши притупились; и, какъ воскъ плавится отъ лица огня, такъ наши зубы съ ихъ ядомъ расплавлены твоимъ божественнымъ лицомъ. Нашъ ядъ, который причинялъ воспаленныя опухоли на тѣлѣ внѣшнихъ, погашенъ источникомъ твоихъ молитвъ, льющихся отъ Бога, и оцѣпенѣлъ на подобіе холодной воды; но тѣмъ менѣе мы побѣжимъ отъ твоего лица; мы пришли для служенія приручившему свирѣпость нашей природы, о которой мы забыли, и будемъ, подобно голубямъ, и въ тишинѣ, находиться въ твоемъ домѣ, не страшась сверкающаго, какъ пламя, твоего лица.

Я очень удивляюсь, что Григорій тамъ прожилъ въ продолженіе четырнадцати годовъ. Но поспѣшимъ къ тому, что произошло по окончаніи стольких годовъ.

Когда царь (Тиридатъ) назначилъ часъ охоты на звѣрей, и уже всходилъ на повозку, чтобы выѣхать изъ города [1]), бичъ божественнаго гнѣва, ниспосланный свыше, обрушился на него. Восхищенный самимъ демономъ, онъ стремглавъ несется съ повозки, и начинаетъ въ ярости терзать (свое) тѣло. Онъ, какъ бы
второй царь вавилонянъ, Навуходоносоръ, въ забвеніи человѣче- 950
ской природы, вращался, подобный вепрю, между вепрями, и питался съ этихъ поръ зеленью. Вотъ какія тогда совершались чудеса.

Что же должно было сказать царю? О, царь! Ты вышучивалъ раба Божія, слѣдуя по стопамъ сатаны; потому и онъ, которому ты служилъ, мучаетъ и истязуетъ тебя, по повелѣнію истиннаго Бога, чтимаго великимъ Григоріемъ. Для тебя сдѣлалось ничтожнымъ тѣло блаженнаго, котораго, послѣ мученій, ты ввергъ въ темницу и глубокій ровъ; и потому видишь свое тѣло измѣненнымъ въ тѣло вепря. Такъ какъ ты потерялъ разумъ до

[1]) Тогда столицею Арменіи былъ *Vaghrarchabat;* теперь отчасти на его развалинахъ *Эчміадзинъ.* Прим. у Миня.

того нечестиво, что шелъ противъ истиннаго Бога, когда подвергалъ истязанію вѣрнаго раба, то и тебѣ позволено позаботиться о себѣ, по тягчайшему твоему удару, и чтобы, вслѣдствіе образа вепря, въ который облеченъ, ты попралъ сатану ногами, поправшаго тебя, послѣ того какъ замѣнишь свой щетинистый покровъ кожею Адама. Такъ какъ ты доставилъ, проворнымъ языкомъ, ядъ злословія тому святому, потому говори звѣринымъ своимъ языкомъ: согрѣшилъ я предъ Господомъ. Такъ какъ ты поднималъ гордую голову противъ святого мученика, потому опускай свою мерзкую кабанью голову, которая съ радостію катается въ зловонной грязи. Такъ какъ ты произвольно мучилъ его разнообразными пытками, и повелѣвалъ связывать руки, ноги и шею своего господина и своего учителя, потому складывай, измѣнивъ въ переднія ноги вепря, свои руки, чтобы лежать возлѣ ногъ того мученика. Да не будетъ скрыто отъ тебя, лишившагося употребленія разума, что уже пятнадцатый годъ, какъ пользуется жизнью тотъ погребенный, котораго ты считалъ, пока былъ причастенъ разуму, мертвымъ, котораго будто бы только кости уцѣлѣли.

Но такъ какъ, пока ты казался подъ человѣческимъ образомъ, стремительно ввергъ его въ смертоносный ровъ, потому устремись въ кабаньемъ образѣ къ устью рва, взывай къ тому, котораго считалъ уничтоженнымъ, къ своему врачу, чтобы онъ самъ возстановилъ тебѣ прежнее тѣло. И такъ какъ, сидя на повозкѣ, ты презиралъ Григорія, укрытаго самимъ Богомъ,—иди, бѣги, скачи на четырехъ ногахъ, по образу вепря, къ устью рва, и взывай тамъ: выйди, рабъ высочайшаго Бога!

Таково, что нужно было, или прилично было говорить въ то время; но замѣтьте, что дѣйствительно потомъ случилось.

Сестра царя [1]), подкрѣпленная небеснымъ видѣніемъ, услышала эти, или подобныя слова: врачи человѣческіе, напрасно стараетесь; не вашего искусства дѣло найти средство противъ неизлѣчимой болѣзни; помощь доставитъ только Григорій великій, который посланъ отъ Бога къ вамъ врачомъ, и которому вы предложили выпить чашу смерти; Я Богъ раба моего Григорія, котораго вы приговорили къ смерти за множество вашихъ боговъ. Я сдѣлаю его для васъ врачомъ, который исцѣлитъ васъ, и, при его помощи, оставятъ васъ бѣдствія, заслуженныя вами.

Но, вотъ, удивленная женщина, по имени Хозровидухитъ, разсказала, какъ можно скорѣе, видѣніе, которое ей было: я уви-

[1]) Имя ея: *Khosrovidoukhit*; соблюдала дѣвство, и была христіанка. Прим. у Миня.

дѣла, говорила она, блистающаго свѣтомъ мужа, который явился мнѣ въ видѣніи, и такъ сказалъ: нѣтъ никакого иного средства противъ бѣдствій, которыя васъ постигли, какъ то, чтобы вы отправились въ Артаксату, и тамъ вывели связаннаго Григорія изъ глубокаго рва; онъ, придя, принесетъ вамъ спасительное средство.

Но люди, когда услышали ее, хохочутъ и издѣваются надъ нею. Что говоришь? говорили они; демонъ, дѣйствительно, тебя подстрекнулъ, и потому ты сдѣлалась безумною. Какъ можетъ статься, чтобы говорилъ, или открывалъ средство оздоровленія тотъ, котораго даже кости сгнили? Развѣ могъ онъ выйти изъ бездны рва,—онъ не то что избѣжать жала змѣй, но не могъ даже убѣжать отъ вида ихъ. Онъ былъ немедленно умерщвленъ, въ тотъ же самый часъ, въ который былъ ввергнутъ въ ровъ,— и мы убѣждены, что въ концѣ пятнадцати годовъ кости его не
только сгнили, но обратились въ прахъ. Отойди, не говори ни- 051
кому, чтобы твои рѣчи не возбуждали смѣха.

Что тогда? Она повѣрила ихъ словамъ, ушла домой и замолчала. Такъ какъ уже давно вдова не заботилась доставлять хлѣбъ, о которомъ ей было приказано, — ежедневно бросалъ въ ровъ [1]).

Едва прошло нѣсколько дней, когда не разъ и два, но являлось ей видѣніе пять разъ, и ангелъ сказалъ великимъ и грознымъ голосомъ: если не объявишь возможно скорѣе... не бойся, что они примутъ тебя съ насмѣшками, и пусть не считаютъ невозможнымъ, что онъ остался живъ въ продолженіе пятнадцати годовъ; былъ посланъ ангелъ Божій, который ему служилъ. Я принималъ хлѣбъ, который, какъ Иліи, такъ доставлялъ и Григорію,—тому въ пустынѣ, этому, имѣвшему въ себѣ добродѣтель замѣсто свѣтлаго солнца, въ безднѣ земли. Въ прежнемъ, что я тебѣ возвѣщалъ, ты усомнилась, по невѣрности людей, но теперь вѣрь моимъ словамъ; у Бога нѣтъ ничего невозможнаго. Развѣ ты не научена, какъ былъ освобожденъ Даніилъ изъ водовмѣстилища и изъ среды львовъ, свирѣпыхъ отъ голода? Или какъ три отрока остались невредимыми въ горящемъ пламени, высота котораго начертывала святыхъ сорокъ девять дней поста?

Ужели тебѣ неизвѣстно, какъ, чрезъ соблюдавшаго божественныя заповѣди Езекіиля, сухія кости, по повелѣнію Божію, были приведены на полѣ въ движеніе вѣтрами четырехъ странъ, и приближались одна къ другой, не случайно, но каждая въ свою связь? Поверхъ ихъ протянулись жилы и кожа, вдохнутъ въ эти мертвыя (жилы и кожу) духъ жизни: *сташа на ногахъ*

---

[1]) Здѣсь очевидно неполный или поврежденный текстъ.

своихъ, соборъ многъ зѣло (Езек. xxxvii, 8, 10). Все еще Тотъ есть Богъ, Котораго проповѣдуетъ Григорій, и Который въ силѣ соблюдать его во рву. А ты вѣрь моимъ рѣчамъ, и объяви ихъ народу.

Женщина, пораженная удивленіемъ и вмѣстѣ страхомъ, поспѣшно входя, разсказываетъ начальникамъ, которые приглашаютъ начальника царскаго дома, и немедленно посылаютъ (его) въ Артаксату. Иди, говорятъ, и умоляй того самаго мужа Божія, котораго мы не считали человѣкомъ; отправляйся, проси врача, словъ котораго мы не слушали; спѣши, зови того, который вызоветъ насъ изъ чрева ада; спѣши и смиренно проси того, котораго мы влачили съ безчестіемъ, — чтобы онъ простилъ гонителямъ.

У нихъ было наготовѣ все это, или, можетъ быть, даже больше этого, что они говорили.

Начальникъ царскаго дома отправляется, и, когда пришелъ въ городъ, граждане старались разузнать отъ него причину путешествія; когда она была узнана, съ удивленіемъ и изумленно разсуждали между собою: какъ можетъ быть, говорили они, что онъ ищетъ въ живыхъ того, котораго кости уничтожены тлѣніемъ, за пятнадцать годовъ съ тѣхъ поръ? Какъ ты спрашиваешь о невредимомъ тѣлѣ, которое, истребленное, стало навозомъ во внутренностяхъ драконовъ, и обратилось въ прахъ? Какъ они ищутъ врачества отъ тѣла, возвращеннаго въ землю, которое себѣ самому не могло доставить спасенія?

Что еще? Приготовляютъ толстыя, длинныя и крѣпкія веревки, и опускаютъ въ ровъ. Начальникъ царскаго дома взываетъ великимъ голосомъ: выйди, рабъ Божій, и освободи насъ изъ рукъ боговъ, которыхъ мы почитаемъ; выйди, сынъ свѣта, и извлеки насъ изъ мрака; выйди изъ глубины бездны, солнце, и доставляй намъ свѣтъ большій, чѣмъ солнце, которое вращается надъ воздухомъ; оно доставляетъ свѣтъ тѣлеснымъ глазамъ, а ты обливаешь свѣтомъ глаза нашихъ душъ, и выводишь (насъ) на землю правую, которая есть непрестанный и неприступный свѣтъ. Такъ говорилъ начальникъ.

Но одновременно, какъ замѣтили, по опущеніи веревокъ, что святой сѣлъ на веревкахъ, они извлекаютъ его вонъ. Тогда онъ явился солнцемъ, покрытымъ облаками, такъ какъ тѣло его было черно, какъ бы темная сажа; и отсюда они поняли, что (это) то тѣло, которое переносило мученія, и которымъ онъ страдалъ и сіялъ, какъ бы безъ тѣла. Потомъ они его одѣваютъ принесенными одеждами.

952 Тогда народъ удивлялся, въ изумленіи, тому, которому нужно

и прилично было восклицать съ премудрымъ: *тогда станетъ въ дерзновеніи мнозѣ праведникъ* предъ тѣми, которые поразили его и которые презирали *труды его. Видящіи* его *смятутся, и* весьма *ужаснутся о преславномъ спасеніи его* (Прем. v, 1, 2).

Но мы послѣдуемъ слогомъ похвалы за тѣмъ, что случилось потомъ сряду.

Царь и всѣ, которые были съ нимъ, въ восторгѣ, вышли на встрѣчу къ выходящему изъ рва обнаженными и обезображенными, и ожидали, стоя вдали отъ города. Но, когда издали усмотрѣли приходящаго, начали съ яростію терзать свою плоть, восклицать и говорить: приходи, ангелъ, пребывающій въ тѣлѣ, и изгоняй помощью своего свѣта друзей мрака, которые насъ преслѣдуютъ; приходи, расточитель тѣхъ, которые надъ нами господствуютъ, и которые огорчали наши гордыя сердца, чтобы мы мучили мучившаго ихъ; приходи, ты, видимый тѣломъ, чтобы прогонять невидимый мракъ нашихъ умовъ; приходи, ты, одѣтый въ кожанную и вещественную одежду, чтобы преслѣдовать невещественныхъ и безтѣлесныхъ нашихъ враговъ, которые насъ преслѣдуютъ; приходи, солнце, и изсушай своимъ пылкимъ зноемъ изобильный потокъ нашего нечестія. Употребляй огонь своего божественнаго ученія, который возвратитъ къ зною насъ, погруженныхъ въ болотѣ, сгущенномъ морозомъ. Приходи, божественная рѣка, и орошай наши безплодныя поля, чтобы, зеленѣя, вновь расцвѣло изсохшее сѣмя, которое въ насъ запало отъ тебя. Пожинай божественнымъ серпомъ посѣвы, которые, благодаря тебѣ, стали зрѣть; молоти быками, которые суть твои сыновья, или бичемъ, который есть твой языкъ; и провѣй ихъ тѣмъ же своимъ языкомъ; собери своею божественною рукою въ кучи, которыя отнесешь также въ божественныя житницы. Приходи, ты, посланный съ неба, и сожигай блистающими углями своего ученія иглы волчцовъ, задушившія сѣмя твоихъ трудовъ. Выходи, служитель Божій, изъ глубокаго рва, распространившій свѣтъ своего ученія изъ бездны вверхъ; выходи, и возбуждай па адскій ледъ тихо дышащій южный вѣтеръ. Тебѣ уже позволено обработывать божественнымъ плугомъ землю, воздѣлывать которую прежде мы не позволяли, особенно когда безжалостно ввергли свѣтлое солнце въ мракъ, какъ бы въ темницу.

Уже, конечно, я не въ состояніи изложить въ похвальномъ словѣ похвалы блаженнаго за его заслуги, хотя это желательно для меня больше всего. Итакъ скажу, насколько можно короче, то, что съ нимъ, дѣйствительно, послѣдовало затѣмъ.

Творецъ такъ сказалъ Своему вѣрному рабу: хорошо, добрый и вѣрный рабъ, нисколько не тревожься о своемъ бросаніи

сѣмени въ землю: ты, второй Павелъ, насадилъ, а Я даю возрастаніе. Приди, войди въ радость своего Господа. Не бойся, второй Моисей, что только теперь повѣрили тебѣ народы, потому что ты возлюбилъ Меня болѣе, чѣмъ свое тѣло. Приди, успокойся отъ своихъ трудовъ, новый Даніилъ; войди въ брачный чертогъ, который Я обѣщалъ тебѣ прежде. Приди, займи сѣдалище между апостолами, второй апостолъ, возвѣстившій слово истины гордому народу; ты помѣстишься въ сонмѣ ангеловъ,—ты, соревновавшій ихъ жизни на землѣ. Приди, и будь главнѣйшимъ съ патріархами; ты будешь насажденъ въ святомъ домѣ Господа, какъ пальма, и будешь цвѣсти во входѣ къ Богу. Приди, ты будешь увѣнчанъ съ мучениками, и будешь радоваться съ претерпѣвшими за Меня мученія; приди во дворецъ Моего брака. Приди, ты возвеселишься радостію въ сонмѣ монаховъ,—ты, который не только возлюбилъ горы и пустыни, но былъ даже постоянно пригвожденъ со Мною ко кресту; потому Я пошлю къ тебѣ сонмы Своихъ ангеловъ, и возьму тебя къ Себѣ. И такъ какъ ты постоянно несъ свой крестъ и шелъ за Мною,—Я введу тебя въ рай, въ который вошелъ разбойникъ чрезъ свой крестъ. Блаженъ ты, отецъ святой, между патріархами Церкви. Нѣкогда ангеломъ въ тѣлѣ, теперь ты вращаешься безтѣлеснымъ между безтѣлесными. Блаженъ ты, лучшій начальникъ, который отыскалъ погибшихъ овецъ своего Царя и бывшихъ внѣ хлѣва,—привелъ и собралъ въ преддверіи Его. Блаженъ ты, который пре-
953 кратилъ удаленіе (овецъ) волками, и уничтожилъ звѣрей—убійцъ, который, по силѣ того самаго камня, отсѣченнаго отъ горы безъ рукъ (Дан. II, 34), окружилъ стѣною овчарню своего стада и опоясалъ ее изгородью божественныхъ заповѣдей, и который сдѣлалъ, чтобы умножались овцы Царя его. Блаженъ ты, называющійся именемъ апостола, такъ какъ проповѣдалъ Евангеліе Сына Божія, въ тайнѣ воплощенія наставилъ чуждый (Христу) народъ, который поклонился, чрезъ твое обученіе, нераздѣльной Троицѣ Отца, Сына и Святого Духа, и одному Божеству. Блаженъ ты,
954 вѣрный мученикъ Христовъ, засвидѣтельствовавшій, какъ бы Петръ, о Немъ, утверждая, что Онъ есть Сынъ Бога живого, нераздѣльный отъ лона Отца; блаженъ ты, принявшій на себя мученія за Того, Который претерпѣлъ за тебя пытки; блаженъ ты, наконецъ, который въ терпѣніи жилъ во рву въ теченіе пятнадцати годовъ. Возвышаю также похвалами Святого Духа, о Которомъ ты проповѣдывалъ, что Онъ того же существа съ Отцомъ и Сыномъ; Ему честь и слава во вѣки вѣковъ. Аминь.

Оглавленіе первой книги XII тома.

Толкованіе на посланіе къ Евреямъ.

Одиннадцать бесѣдъ св. Іоанна Златоуста.

ТВОРЕНІЯ
СВЯТАГО ОТЦА НАШЕГО
ІОАННА ЗЛАТОУСТА,
Архіепископа Константинопольскаго,
ВЪ РУССКОМЪ ПЕРЕВОДѢ.

Δόξα τῷ Θεῷ πάντων ἕνεκα. Ἀμήν.
Слава Богу за все. Аминь.
Св. Іоаннъ Златоустъ.

ТОМЪ ДВѢНАДЦАТЫЙ
ВЪ ТРЕХЪ КНИГАХЪ.

КНИГА ВТОРАЯ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе С.-Петербургской Духовной Академіи.
1906.

От Совѣта С.-Петербургской Духовной Академіи печатать дозволяется.
С.-Петербургъ, 3 ноября 1905 г.

Сергій, Епископъ Ямбургскій, ректоръ Академіи.

Типографія М. Меркушева, Невскій пр., № 8.

Святаго отца нашего Іоанна Златоуста,

АРХІЕПИСКОПА КОНСТАНТИНОПОЛЬСКАГО,

ВЫБОРКИ ИЗЪ РАЗНЫХЪ СЛОВЪ [1]).

БЕСѢДА I. 567

О любви.

Человѣколюбецъ Богъ нашъ, желая соединить всѣхъ взаимными узами, возлюбленные, вложилъ въ дѣла человѣческія такой законъ, что польза одного непремѣнно соединяется съ пользой другого. Такъ земледѣлецъ сѣетъ жито не столько, сколько нужно для него самого,—иначе онъ давно бы погубилъ и себя, и другихъ,—и воинъ ополчается на опасности не для того, чтобы спасти только себя самого, но чтобы доставить безопасность и городамъ, и купецъ привозитъ не столько, сколько нужно для него самого, а сколько и для многихъ другихъ. Если бы люди

---

1) Ἐκλογαὶ ἀπὸ διαφόρων λόγων. Подъ этимъ названіемъ извѣстны сборники бесѣдъ, составленныхъ разными лицами послѣ смерти Златоуста на тѣ или другія темы, изъ относящихся къ темамъ и особенно нравившихся составителямъ мѣстъ твореній святителя. Мѣста приведены частію въ буквальномъ изложеніи, частію въ свободномъ пересказѣ и заимствованы какъ изъ подлинныхъ твореній Златоуста, такъ и изъ произведеній лишь приписываемыхъ Златоусту, не только до нашего времени сохранившихся, но и утерянныхъ. Эти Эклоги (выборки) пользовались широкою распространенностію, были въ употребленіи и у частныхъ лицъ, и у царей. Извѣстенъ, напр., роскошный сборникъ Эклогъ, принадлежавшій византійскому императору Никифору Вотаніату (1078—1081), зарегистрированный въ числѣ кодексовъ Коаленевой библіотеки подъ № LXXIX.

не были поставлены въ такую необходимость, то они не захотѣли бы искать пользы ближняго; потому Богъ и соединилъ все такимъ образомъ и не попустилъ достигать своей пользы иначе, какъ путемъ пользы другихъ. Инымъ путемъ нельзя и спастись, и если ты упражняешься даже въ высшемъ любомудріи, а о другихъ, погибающихъ, не радишь, то не будешь имѣть никакого дерзновенія предъ Богомъ. *Аще раздамъ имѣнія моя*, говоритъ божественный апостолъ, *и предамъ тѣло мое во еже сжещи е, любве же не имамъ, никая польза ми есть* (1 Кор. XIII, 3). Если же ты желаешь знать, какое оружіе пріобрѣтаетъ тотъ, кто привлекаетъ къ себѣ братьевъ, хотя бы иногда и невѣрныхъ, или кто кро-
568 токъ, спокоенъ, и пріятенъ въ обращеніи, то послушай, что говоритъ самый этотъ блаженный Павелъ, являясь на судъ къ судьѣ невѣрному: *непщую себе блаженна*, имѣя быть судимымъ *предъ тобою* (Дѣян. XXVI, 2). Говорилъ онъ это не съ цѣлію польстить ему,—нѣтъ,—а желая черезъ такую кротость достичь пользы. Отчасти онъ ее и достигъ,—тотъ, кто доселѣ считался подсудимымъ, плѣнилъ судію; и объ этой побѣдѣ яснымъ голосомъ свидѣтельствуетъ въ присутствіи всѣхъ самъ плѣненный, говоря: *вмалѣ мя препираеши христіанина быти* (ст. 28). Что же Павелъ? *Молилъ убо быхъ* азъ, *не токмо тебе, но и всѣхъ* присутствующихъ, *быти таковымъ, яковъ азъ* (ст. 29). Итакъ, когда онъ требуетъ такой великой мѣры, а мы не представляемъ даже и меньшаго, то будемъ ли мы достойны какого-нибудь прощенія? И не думай, что нуждаться въ помощи другого есть что-то позорное; это дѣло неизреченной мудрости Божіей. Если мы нуждаемся другъ въ другѣ и даже эта необходимость взаимной помощи не соединяетъ насъ узами дружбы, то, если бы мы сами могли удовлетворять своимъ нуждамъ, не сдѣлались ли бы мы неукротимыми звѣрями? Силою и необходимостью покорилъ насъ Богъ другъ другу, и мы ежедневно сталкиваемся другъ съ другомъ. Если бы Богъ снялъ эту узду, кто бы сталъ искать дружбы ближняго?
569 Потому-то Богъ и далъ намъ одно жилище—этотъ міръ, возжегъ всѣмъ одинъ свѣтильникъ—солнце, простеръ надъ нами одинъ кровъ—небо, и предоставилъ одинъ столъ—землю. Богатому Онъ не далъ чего-либо большаго и болѣе цѣннаго, а бѣдному—меньшаго и малоцѣннаго, чтобы между нами было полное и неразрывное единеніе, и чтобы никто не могъ сказать: такой-то мнѣ ни другъ, ни родственникъ, ни ближній, и у меня нѣтъ съ нимъ ничего общаго,—какъ же я пойду къ нему, какъ буду говорить съ нимъ? Связь между нами должна быть даже тѣснѣе, чѣмъ та близость, какую обнаруживаютъ между собою друзья; она должна быть связью члена съ членомъ. И подобно тому, какъ ты

не могъ бы сказать: откуда мнѣ родство и близость съ нимъ?—потому что это было бы смѣшно,—такъ точно и о братѣ ты не могъ бы уже сказать этого. Пусть онъ и не родственникъ твой, и не другъ; но онъ человѣкъ, имѣющій одинаковую съ тобой природу, одного и того же Владыку, и живущій въ одномъ и томъ же мірѣ. Въ разсужденіи денегъ, мы хвалимъ тѣхъ, кто ничего не долженъ; въ разсужденіи же любви, мы восхваляемъ и почитаемъ тѣхъ, кто остается всегда должникомъ. Утвердимся же въ этой истинѣ и соединимся другъ съ другомъ; и если кто захочетъ отпасть, ты самъ не отпадай, и не говори этихъ холодныхъ словъ: если любитъ меня, люблю его; если же не любитъ меня правый глазъ, то вырываю его. Напротивъ, когда онъ не хочетъ любить, тогда покажи еще большую любовь, чтобы привлечь его,—вѣдь онъ членъ. Когда, въ силу какой необходимости членъ отдѣляется отъ остальнаго тѣла, то мы дѣлаемъ все, чтобы опять соединить его съ тѣломъ, и обнаруживаемъ особенную заботливость о немъ. И награда тебѣ будетъ больше, когда ты привлечешь не желающаго любить. Если на пиръ Богъ повелѣваетъ звать тѣхъ, кто не можетъ отплатить намъ, чтобы увеличилось воздаяніе, то тѣмъ болѣе должно дѣлать такъ въ разсужденіи дружбы. Тотъ, кто, будучи любимъ тобою, любитъ взаимно, воздаетъ уже тебѣ награду; тотъ же, кто, будучи любимъ, не любитъ тебя, дѣлаетъ вмѣсто себя твоимъ должникомъ Бога. И кромѣ того, когда онъ любитъ тебя, немного требуется старанія; когда же не любитъ, то имѣется нужда въ твоей помощи. Не дѣлай же того, что должно быть причиной заботливости, причиной безпечности, и не говори: такъ какъ онъ боленъ, то я пренебрегаю имъ; болѣзнь эта — охлажденіе любви: согрѣй же охлажденное. Вѣдь желаніе быть сильно любимымъ происходитъ отъ сильной же любви. Когда мы не особенно расположены къ кому-нибудь, то не нуждаемся и въ тѣсной съ нимъ дружбѣ, хотя бы онъ былъ великимъ и знаменитымъ человѣкомъ; но когда мы любимъ кого-нибудь горячо и искренно, то хотя бы любимый былъ ничтожнымъ и маленькимъ человѣкомъ, мы считаемъ за величайшую честь ту любовь, которую онъ внушаетъ намъ. Если же ты не умѣешь пользоваться братомъ, то въ состояніи ли будешь когда-нибудь правильно пользоваться чужимъ? Если не умѣешь обращаться съ собственнымъ своимъ членомъ, то сможешь ли когда-нибудь привлечь и соединить съ собою внѣшняго? Ты хочешь, чтобы про тебя не говорили худо? Не говори поэтому и самъ худо о другихъ. Желаешь, чтобы тебя хвалили? Хвали и ты другихъ. Хочешь, чтобы тебя сожалѣли? Показывай и самъ сожалѣніе. Желаешь получить проще-

ніе? Прощай и самъ. Желаешь, чтобы у тебя не похищали? Не похищай и самъ. Будемъ относиться къ ближнимъ такъ, какъ мы желаемъ, чтобы и они относились къ намъ. Какъ душа безъ тѣла не называется человѣкомъ, равно какъ и тѣло безъ души, такъ точно и любовь къ Богу, если не сопровождается любовью къ ближнему. Ты хочешь услужить такому-то? Не препятствую;
570 но только пусть это будетъ не въ огорченіе другому. Не для того, вѣдь, даны намъ учители, чтобы мы враждовали другъ противъ друга, а для того, чтобы всѣ были въ союзѣ другъ съ другомъ. Почему ты одинъ? Почему не пріобрѣтаешь многихъ друзей? Почему не являешься творцомъ любви? Почему не устрояешь дружбы, этой величайшей похвалы для добродѣтели? Подобно тому, какъ быть въ согласіи съ злыми особенно раздражаетъ Бога, такъ и быть въ согласіи съ добрыми особенно радуетъ Его. Не будь со многими въ нечестіи; готовь себѣ друзей прежде жилища, прежде всего прочаго. Если миротворецъ—сынъ Божій, то насколько болѣе тотъ, кто дѣлаетъ друзьями? Если только примиряющій называется сыномъ Божіимъ, то какой награды не будетъ достоинъ тотъ, кто дѣлаетъ примиренныхъ друзьями? Діаволъ побуждаетъ насъ быть всѣмъ врагами, а Богъ повелѣваетъ всѣхъ считать друзьями и любить; тотъ, пригвоздивъ насъ къ бренію и глинѣ (а таково богатство), не даетъ вздохнуть хотя бы немного даже и ночью, а Этотъ, освобождая насъ отъ такой излишней и безцѣльной заботы, заповѣдуетъ собирать сокровища на небесахъ, не путемъ обидъ другимъ, а отъ собственной праведности; тотъ, послѣ многихъ трудовъ и огорченій, не только не можетъ защитить насъ, когда мы терпимъ на томъ свѣтѣ наказанія и подвергаемся страданіямъ за нарушеніе законовъ Божіихъ, но еще и увеличиваетъ пламя, а Этотъ, заповѣдавъ намъ давать чашу холодной воды, не допускаетъ лишиться намъ даже и за это воздаянія и награды, но воздаетъ съ великою щедростью. Послѣ этого, не крайнее ли безуміе съ нашей стороны не любить столь кроткаго и обилующаго такими благами Владыку, а рабствовать неблагодарному и жестокому тирану, который ни здѣсь, ни тамъ не можетъ принести никакой пользы повинующимся и преданнымъ ему? Итакъ, не ропщите за мои слова. И я вѣдь про любящаго меня сказалъ бы, что онъ не тогда, когда только хвалитъ меня, но когда и обличаетъ съ цѣлью исправить, тогда-то особенно и любитъ меня. Хвалить безъ разбора все, доброе и худое, свойственно не другу, а льстецу и насмѣшнику; напротивъ, хвалить за доброе дѣло, и упрекать за проступокъ—вотъ долгъ друга и доброжелателя. Итакъ, не пріятенъ мнѣ врагъ, и когда онъ хвалитъ меня; но пріятенъ

другъ, и когда упрекаетъ меня. Тотъ, хоть и цѣлуетъ меня, противенъ; этотъ, хоть и уязвляетъ меня, любезенъ. *Достовѣрнѣе*, говорится, *язвы друга, нежели вольная лобзанія врага* (Притч. XXVII, 6). Одинъ, правильно ли, или неправильно упрекаетъ, дѣлаетъ это не съ тѣмъ, чтобы посрамить, но чтобы исправить; другой, хотя бы и справедливо упрекалъ, упрекаетъ не съ тѣмъ, чтобы исправить, а стараясь скорѣе обезславить. Такъ-то, возлюбленные, ничто не можетъ сравниться съ единомысліемъ; при этомъ и одинъ бываетъ равенъ многимъ. Если, напримѣръ, будутъ единодушны два или десять, то одинъ уже перестаетъ быть однимъ, а каждый изъ нихъ становится въ десять разъ больше, и ты въ десяти найдешь одного, и въ одномъ—десять. Если у нихъ есть врагъ, онъ уже нападаетъ не на одного, и бываетъ побѣжденъ такъ, какъ если бы напалъ на десятерыхъ. Если одинъ обѣднѣлъ, онъ не въ бѣдности, потому что обѣднѣвшая часть прикрывается большею частью. Каждый изъ нихъ имѣетъ двадцать рукъ, двадцать глазъ и столько же ногъ; у каждаго десять душъ, потому что онъ все дѣлаетъ не своими только членами, но и остальныхъ. Если бы ихъ было и сто, опять будетъ то же самое. Одинъ и тотъ же можетъ быть и въ Персіи, и въ Римѣ,—и чего не можетъ сдѣлать природа, то можетъ сила любви. Если же онъ имѣетъ тысячу или двѣ тысячи друзей, то подумай, до какой степени увеличится его сила. Чудно, дѣйствительно, изъ 571
одного сдѣлать тысячу! Для чего же мы не пріобрѣтаемъ силы любви и не утверждаемъ себя въ безопасности? Доколѣ будемъ ограничивать ее однимъ или двумя? Тотъ, кто имѣетъ друзей, хотя бы былъ бѣденъ, становится гораздо богаче богатыхъ: чего онъ самъ не посмѣетъ сказать за себя, то скажетъ за него другъ; чего не можетъ доставить самъ себѣ, достигнетъ черезъ другого. Невозможно потерпѣть какое-либо зло тому, кто охраняется столькими оруженосцами: не такъ бдительны царскіе тѣлохранители, какъ эти. Тѣ охраняютъ по нуждѣ и страху, а эти по доброжелательству и любви. При томъ царь боится своихъ стражей, а человѣкъ, имѣющій друзей, вѣритъ имъ больше, чѣмъ себѣ самому. И, кромѣ того, есть ли какая стѣна, столь несокрушимая, столь укрѣпленная совокупностью огромныхъ камней, столь недоступная для нападеній враговъ, какъ союзъ любящихъ другъ друга и сплоченныхъ между собою единодушіемъ? Онъ отражаетъ козни самого діавола; и весьма естественно. Возставая противъ него въ союзѣ другъ съ другомъ, такіе люди становятся непобѣдимы его ухищреніями, и воздвигаютъ блистательные трофеи любви. И какъ струны лиры, хотя многочисленныя, но настроенныя согласно, звучатъ пріятнѣйшимъ звукомъ,

такъ точно и объединенные единомысліемъ издаютъ благозвучный гласъ любви. Нѣтъ, вѣдь, ничего усладительнѣе любви. Чего только не сдѣлаетъ искренній другъ? Какого не доставитъ онъ удовольствія, какой пользы, какой безопасности? Хотя бы ты указалъ тысячи сокровищъ, ничто не можетъ сравниться съ искреннимъ другомъ. Подобно тому, какъ блестящія тѣла распростираютъ блескъ на близъ лежащія мѣста, такъ и друзья, въ какихъ бы мѣстахъ ни явились, вездѣ расточаютъ свое благоволеніе. Лучше, поэтому, жить во мракѣ, чѣмъ безъ друзей. Не такъ горячка сжигаетъ тѣло, какъ душу разлука съ любимыми. Страсть любви такова, что заставляетъ насъ ежедневно представлять себѣ любезныхъ намъ, когда они не находятся вмѣстѣ съ нами; а отсутствуютъ; она отвлекаетъ душу любящаго отъ всѣхъ находящихся на лицо и привязываетъ ее къ одному возлюбленному. Если же тотъ, кто видитъ любимаго, или даже только вспоминаетъ о немъ, становится бодръ душею и высокъ мыслію, и, услаждаясь воспоминаніемъ, все переноситъ легко, то имѣющій въ мысляхъ Того, кто благоволилъ воистину возлюбить насъ, и помнящій о Немъ, почувствуетъ ли когда-либо какую-нибудь печаль, или убоится ли чего-нибудь страшнаго и опаснаго? Конечно, никогда! Если, пользуясь любовью сильныхъ людей, мы бываемъ страшны для всѣхъ, то гораздо болѣе будучи любимы Богомъ. И хотя бы нужно было отдать за эту любовь деньги, или тѣло, или самую душу, не пощадимъ. Не достаточно вѣдь говорить только на словахъ, что мы любимъ, а необходимо представить доказательство нашей любви и на дѣлѣ, такъ какъ и Онъ самъ показалъ Свою любовь не на словахъ только, а и на дѣлѣ. Если въ домахъ знатныхъ людей слуга, сдѣлавшій свое добро господскимъ, на самомъ дѣлѣ не свое добро сдѣлалъ господскимъ, а господское своимъ, и одинаково пользуется и своимъ, и господскимъ, почему многіе изъ слугъ больше даже боятся его, чѣмъ господина, и если вслѣдствіе того, что онъ пренебрегъ своимъ добромъ, онъ въ дѣйствительности не пренебрегъ имъ, а получилъ даже гораздо болѣе, то тѣмъ болѣе такъ бываетъ въ вещахъ духовныхъ. Не будемъ, поэтому, заботиться о своихъ
572 выгодахъ, чтобы на самомъ дѣлѣ позаботиться о нихъ, а будемъ пренебрегать ими, чтобы пріобрѣсти ихъ. Если мы пренебрежемъ ими, то Богъ о нихъ позаботится; а если мы сами будемъ заботиться о нихъ, то Богъ пренебрежетъ. Если кто хочетъ любить искренно и узнать силу любви, то пусть спѣшитъ къ питомцу ея, блаженному Павлу, и тотъ научитъ его, какъ великъ подвигъ—перенесть разлуку съ любимымъ, и сколь великая душа требуется для того. Въ самомъ дѣлѣ, этотъ Павелъ, совлекшій

съ себя плоть и сложившій тѣло, обходившій вселенную почти обнаженною душею, исторгшій изъ духа всякую страсть, подражавшій безстрастію безтѣлесныхъ силъ, хотя и переносилъ легко все остальное, какъ бы страдая въ чужомъ тѣлѣ, — и темницы, и узы, и изгнанія, и бичеванія, и угрозы, и смерть, и всѣ виды наказанія,—но, разлученный съ одною любимою имъ душею, такъ былъ разстроенъ и смущенъ, что тотчасъ и ушелъ изъ города, въ которомъ ожидалъ увидѣть любимаго человѣка и не нашелъ его. Что это, блаженный Павелъ? Заключенный въ колодки, живя въ темницѣ, имѣя отпечатлѣвшіеся слѣды бичеваній, съ текущею по спинѣ кровію, ты вводилъ въ таинства, крестилъ, приносилъ жертву, и не пренебрегъ даже и однимъ человѣкомъ, который долженъ былъ получить спасеніе; а придя въ Троаду, и найдя ниву расчищенной и готовою принять сѣмена, ты выпустилъ изъ рукъ такую прибыль и тотчасъ ушелъ? Да, говоритъ, потому что я одержимъ былъ силою унынія, потому что мой духъ очень смущало отсутствіе Тита; и печаль такъ овладѣла мною, такъ осилила меня, что принудила сдѣлать это. Видишь, какой величайшій подвигъ—быть въ состояніи спокойно перенести разлуку съ любимымъ человѣкомъ, какъ горестно и печально это дѣло, какъ оно требуетъ для себя души возвышенной и мужественной? Для любящихъ не достаточно одного лишь соединенія душею, они не довольствуются этимъ для своего утѣшенія, а нуждаются и въ тѣлесномъ присутствіи другъ подлѣ друга, и если этого нѣтъ, то отнимается не малая доля радости. О, пламенная страсть любви! Павелъ, не страшащійся огня, адамантовый, твердый, непреклонный, неодолимый, говорящій: *кто ны разлучитъ отъ любве* Христовой, *скорбь ли, или тѣснота, или гладъ, или гоненіе, или нагота, или бѣда, или мечъ* (Рим. VIII, 35)? дерзновенно попирающій землю и море, посмѣвающійся надъ желѣзными вратами смерти,—этотъ самый (Павелъ), когда увидѣлъ слезы у любимыхъ имъ людей, такъ былъ сокрушенъ и растроганъ, что даже не скрылъ своей скорби, а тотчасъ же сказалъ: *что творите, плачуще и сокрушающе ми сердце* (Дѣян. XXI, 13)? О, диво! Бездна водъ не сокрушила его, а малыя слезы сокрушили и разбили? *Что творите, плачуще и сокрушающе ми сердце?* Что говоришь ты, скажи мнѣ? Эту адамантовую душу могла сокрушить слеза? Да, говоритъ,—потому что велика сила любви; она побѣждаетъ и осиливаетъ меня; противъ всего могу я устоять, кромѣ любви. Кто не изумится? Кто не удивится? Лучше же сказать, кто можетъ достойно изумиться и удивиться этой мужественной и достигающей до небесъ душѣ, подумавъ о томъ, что онъ, будучи заключенъ въ оковы и темницу, послалъ

посланіе Филиппійцамъ изъ такого отдаленнаго мѣста? Вы знаете,
573 вѣдь, какъ далеко Македонія отъ Рима. Но ни дальность пути, ни продолжительность времени, ни множество дѣлъ, ни опасность, ни непрерывныя бѣдствія, ни иное что не исторгли въ немъ любви и памяти объ ученикахъ; напротивъ, онъ всѣхъ ихъ имѣлъ въ своей мысли. И не такъ связаны были его руки оковами, какъ связана и пригвождена была душа любовью къ ученикамъ. Какъ царь, взойдя утромъ на престолъ и сѣвши въ царскихъ чертогахъ, тотчасъ принимаетъ отовсюду тысячи писемъ, такъ и онъ, сидя въ темницѣ, какъ бы въ царскихъ чертогахъ, постоянно и посылалъ, и получалъ отовсюду еще гораздо болѣе писемъ отъ обращавшихся къ его мудрости и доносившихъ ему о всѣхъ своихъ дѣлахъ; и настолько болѣе, сравнительно съ царемъ, устроялъ онъ дѣлъ, насколько большая ввѣрена была ему и власть. Такова сила любви; она не только объемлетъ, соединяетъ и связываетъ присутствующихъ, находящихся вблизи насъ и на нашихъ глазахъ, но и далеко отстоящихъ отъ насъ; и ни продолжительность времени, ни дальность дорогъ, ни другое что подобное не можетъ разорвать и расторгнуть душевной дружбы. Любящему нужно такъ любить, что, если бы у него попросили душу и возможно было отдать ее, онъ не отказывался бы,—потому что нѣтъ ничего равнаго искреннему другу. Видя любимаго, любящій радуется и таетъ отъ восторга, сплетается съ нимъ нѣкоторымъ сплетеніемъ души, доставляющимъ неизреченное удовольствіе. Если даже онъ только вспомнитъ о немъ, его душа ободряется и окрыляется; видя его каждый день, онъ не насыщается; нѣтъ у него ничего, что бы не принадлежало другу; онъ желаетъ ему того же самаго, чего и себѣ.

Я знаю человѣка, который, прося святыхъ мужей за друга, увѣщевалъ сначала молиться о немъ, а затѣмъ уже о себѣ самомъ. Знаю и Павла, который готовъ былъ даже безъ просьбы отдать душу свою и впасть въ геенну за любимыхъ имъ. Пламенѣющее сердце должно любить такъ, чтобы казалось, что не любимый тобою должникъ твой, а самъ ты должникъ ему за то, что имѣешь его должникомъ. Любящій хочетъ не только повелѣвать, но чтобы и имъ повелѣвали; онъ радуется болѣе получая повелѣнія, чѣмъ повелѣвая самъ. Любящій хочетъ лучше давать, чѣмъ принимать, желаетъ лучше имѣть друга должникомъ, чѣмъ самъ быть должнымъ ему. Любящій и хочетъ оказывать благодѣянія любимому, и не хочетъ показаться благодѣтельствующимъ, хочетъ быть виновникомъ благодѣянія, и въ то же время не хочетъ показаться виновникомъ благодѣянія. Не разумѣйте здѣсь, прошу васъ, просто друзей, соучастниковъ въ

трапезахъ, считающихся друзьями по одному лишь имени; кто имѣетъ друга, о которомъ я говорю, тотъ пойметъ мои слова. Другъ сладостнѣе настоящей жизни. Вотъ почему многіе послѣ 574
кончины друзей не желали даже и жить болѣе. Подлинно, другъ вожделѣннѣе самаго свѣта. Лучше для насъ, чтобы погасло солнце, чѣмъ лишиться друзей. Многіе, хотя и видятъ солнце, пребываютъ во мракѣ; а кто имѣетъ въ избыткѣ друзей, тотъ не можетъ потерпѣть никакой скорби. Но если чья-нибудь дружба вредитъ тебѣ, отвергни ее отъ себя. Если мы часто отсѣкаемъ тѣ или другіе изъ нашихъ членовъ, когда они бываютъ неисцѣльно больны и вредятъ другимъ, то тѣмъ болѣе то же нужно дѣлать въ отношеніи души. Ничто такъ не вредно, какъ дурное сообщество. То, чего не въ состояніи сдѣлать необходимость, часто можетъ сдѣлать дружба какъ во вредъ, такъ и на пользу. Кто ведетъ дружбу съ врагами царя, тотъ не можетъ быть другомъ царя. Ненависть ради Христа гораздо лучше дружбы ради Него. Когда насъ любятъ ради Бога, мы оказываемся должниками Ему за честь; когда же насъ ненавидятъ, Онъ самъ является должнымъ намъ честью. Итакъ, всѣ мы, не презирающіе даже и денегъ ради Христа, а лучше сказать, ради себя самихъ, вострепещемъ, представляя въ умѣ своемъ любовь ко Христу Павла. Онъ любилъ Христа не ради благъ, даруемыхъ Христомъ, а эти послѣднія ради Него, и одного только боялся, именно — не отпасть отъ любви къ Нему. Это было для него страшнѣе даже геенны, равно какъ пребываніе въ этой любви вожделѣннѣе самаго царства. Итакъ, когда онъ ради любви къ Богу готовъ былъ и въ геенну впасть, и царства лишиться, если бы предстояло это, а мы не презираемъ даже и настоящей жизни, то достойны ли мы даже подошвъ его, будучи столь далеки отъ величія души его? Потому и Христосъ говорилъ: *иже погубитъ душу свою Мене ради, обрящетъ ю* (Мѳ. х, 39), и: *иже* аще *исповѣсть Мя предъ человѣки, исповѣмъ его и Азъ предъ Отцемъ Моимъ, иже на небесѣхъ* (ст. 32). Подлинно, великъ трудъ этого подвига; онъ почти превосходитъ самую природу. И это хорошо знаютъ тѣ, которые удостоились указанныхъ вѣнцовъ. Никакое слово не въ состояніи изобразить этотъ подвигъ: столь мужественной требуетъ онъ души и до такой степени достоинъ удивленія. И, однако, этотъ дивный подвигъ, по словамъ Павла, не приноситъ никакой пользы при отсутствіи любви, хотя бы онъ соединенъ былъ съ нестяжаніемъ. Почему (Павелъ) сказалъ такъ, я попытаюсь теперь показать это, прежде всего рѣшивъ вопросъ, какимъ образомъ человѣкъ, раздающій все свое имущество нуждающимся, можетъ не имѣть любви. Чтобы человѣкъ,

готовый предать себя на сожженіе и имѣющій духовныя дарованія, не любилъ, это, можетъ быть, и допустимо; но тотъ, кто не только отдаетъ имущество, но и употребляетъ его на пропитаніе другихъ, какъ можетъ не любить? Итакъ, что же можно сказать? Или то, что онъ представилъ несуществующее какъ существующее, что̀ онъ любитъ и всегда дѣлать, когда хочетъ представить чрезмѣрность чего-нибудь. Такъ, напр., въ посланіи къ Галатамъ онъ говоритъ: *аще мы или ангелъ съ небесе благовѣститъ вамъ*
575 *паче, еже* пріяли вы, *анаѳема да будетъ* (Гал. I, 8); хотя ни самъ онъ, ни ангелъ не имѣли дѣлать этого, но чтобы показать дѣло въ преувеличенномъ видѣ, онъ указалъ на то, что совсѣмъ не имѣло совершиться. Равнымъ образомъ, когда въ посланіи къ Римлянамъ говоритъ: *ни ангели, ни начала, ниже силы не* возмогутъ *насъ разлучити отъ любве* Христовой (Рим. VIII, 38); хотя ангелы не имѣли дѣлать этого, однакожъ и здѣсь апостолъ предполагаетъ несуществующее, равно какъ и въ дальнѣйшихъ словахъ: *ни ина тварь*, хотя, конечно, и нѣтъ другой твари; назвавъ все горнее и дольнее, онъ обнялъ всю тварь, но, чтобы показать чрезмѣрность своей любви, предполагаетъ тѣмъ не менѣе и здѣсь несуществующее. То же самое дѣлаетъ онъ и здѣсь, говоря, что хотя бы кто-нибудь отдалъ все, а любви не имѣетъ, не получаетъ никакой пользы (1 Кор. XIII, 3). Итакъ, или это нужно сказать, или то, что апостолъ хочетъ, чтобы дающіе были въ единеніи съ получающими и давали не просто, безъ сочувствія, а жалѣя нуждающихся, склоняясь и трогаясь ихъ нуждой, сострадая имъ. Для того вѣдь и милостыня установлена Богомъ. Пропитать бѣдныхъ Богъ могъ и безъ этого; но чтобы связать насъ въ содружество любви, и чтобы мы пламенѣли другъ къ другу любовію, Онъ повелѣлъ имъ получать пропитаніе отъ насъ. Вотъ почему въ одномъ мѣстѣ говорится: *лучше слово* благое, *нежели даяніе*, и *се слово паче даянія блага* (Сир. XVIII, 16, 17). И самъ (Богъ) говоритъ: *милости хощу, а не жертвы* (Ос. VI, 6; Мѳ. IX, 13). Такъ какъ мы обычно любимъ тѣхъ, кому оказываемъ благодѣянія, а получающіе благодѣяніе бываютъ дружественнѣе расположены къ благодѣтелямъ, то, устрояя союзъ дружбы, Богъ и постановилъ такой законъ. И чтобы вамъ знать, сколь велика и важна эта добродѣтель, изобразимъ ее словомъ, такъ какъ не видимъ, чтобы она проявлялась гдѣ-нибудь на дѣлѣ, и помыслимъ, какія бы произошли блага, если бы она всюду была въ изобиліи. Вѣдь тогда не было бы нужды ни въ законахъ, ни въ судилищахъ, ни въ наказаніяхъ, ни въ казняхъ, ни въ чемъ другомъ подобномъ. Въ самомъ дѣлѣ, если бы всѣ любили и были любимы, то никто ничѣмъ не обидѣлъ бы другого; убій-

ства, брани, войны, возмущенія, хищенія, корысти, и всѣ пороки совершенно исчезли бы, и зло было бы извѣстно только по имени. Этого не могутъ сдѣлать и чудеса; напротивъ, людей неосторожныхъ они приводятъ даже къ тщеславію и высокомѣрію. И вотъ что удивительно въ любви: тогда какъ всѣ другія блага имѣютъ сопряженное съ ними какое-нибудь зло, — напр., нестяжатель часто гордится въ виду своей бѣдности, искусный въ словѣ недугуетъ славолюбіемъ, смиренный часто по этому самому превозносится въ глубинѣ души, — любовь свободна отъ всякой такой пагубы, потому что никто никогда не возгордится надъ любимымъ. И предположи, что любитъ не одинъ, а всѣ одина- 576
ково,—тогда увидишь силу любви. Впрочемъ, если угодно, сначала предположи одного любимаго и одного любящаго, любящаго именно такъ, какъ должно любить. Такой человѣкъ будетъ обитать на землѣ какъ бы на небѣ, всюду наслаждаясь спокойствіемъ и сплетая себѣ безчисленные вѣнцы. Такой человѣкъ будетъ соблюдать душу свою чистою и отъ зависти, и отъ гнѣва, и отъ клеветы, и отъ гордости, и отъ тщеславія, и отъ худого пожеланія, и отъ всякой непристойной любви, и отъ всякаго порока. Подобно тому какъ себѣ никто не сдѣлаетъ никакого зла, такъ и этотъ человѣкъ—своему ближнему. А будучи таковымъ, онъ, шествуя на землѣ, станетъ съ самимъ Гавріиломъ. Вотъ каковъ тотъ, кто имѣетъ любовь. Тотъ же, кто творитъ знаменія и имѣетъ совершенное знаніе, но лишенъ любви, хотя бы воскресилъ тысячи мертвецовъ, не принесетъ никакой великой пользы, будучи въ разрывѣ со всѣми и не перенося соединенія съ кѣмъ-либо изъ сорабовъ. Потому-то и Христосъ сказалъ, что признакомъ искренней любви къ Нему служитъ любовь къ ближнему. Если, говоритъ, любишь Меня, Петръ, *паче сихъ, паси овцы Моя* (Іоан. xxi, 15, 17). Видишь ли, какъ и здѣсь опять Онъ далъ понять, что любовь больше мученичества? Если бы кто имѣлъ возлюбленнаго сына, за котораго отдалъ бы даже душу, а кто-нибудь любилъ бы отца, на сына же не обращалъ совсѣмъ никакого вниманія, то онъ сильно бы огорчилъ отца, такъ что послѣдній не замѣтилъ бы любви къ себѣ, вслѣдствіе презрѣнія къ сыну. Если же такъ бываетъ въ отношеніи къ отцу и сыну, то тѣмъ болѣе въ отношеніи къ Богу и людямъ, потому что Богъ любвеобильнѣе всѣхъ отцовъ. Вотъ почему, сказавъ: *первая и* великая *заповѣдь: возлюбиши Господа Бога твоего*, присовокупилъ: *вторая же*,—и не умолчалъ, а присоединилъ подобную ей: *возлюбиши искренняго твоего, яко самъ себе* (Мѳ. xxii, 37 — 39). И смотри, какъ Онъ почти въ такой же высшей степени требуетъ исполненія и этой заповѣди. О Богѣ Онъ говоритъ: *всѣмъ сердцемъ твоимъ*, а о ближ-

немъ твоемъ: *яко самъ себе*, каковыя слова равны выраженію: *всѣмъ сердцемъ твоимъ*. Если бы это наблюдалось съ точностью, не было бы ни раба, ни свободнаго, ни начальника, ни подчиненнаго, ни богатаго, ни бѣднаго, ни малаго, ни великаго; не былъ бы никогда вѣдомъ даже и діаволъ,—не говорю, этотъ, но если бы былъ и другой такой же, или даже если бы діаволовъ было безчисленное множество, они не имѣли бы никакой силы при господствѣ любви. Подлинно, легче сѣно выдержитъ силу огня, чѣмъ діаволъ пламень любви. Она крѣпче стѣны, она тверже стали, и хотя бы ты указалъ другое болѣе крѣпкое ве-
377 щество, твердость любви далеко превосходитъ все. Ея не побѣдитъ ни богатство, ни бѣдность; лучше же сказать, не было бы ни бѣдности, ни излишняго богатства, если бы была любовь, а только происходящія отъ того и другого блага, потому что мы пріобрѣли бы отъ послѣдняго изобиліе, а отъ первой безмятежность, и не подвергались бы ни заботамъ богатства, ни нуждамъ бѣдности. Но что я говорю о выгодахъ любви? Подумай, какое великое благо любовь сама по себѣ, какую доставляетъ она радость, какую благодать сообщаетъ она душѣ. Въ этомъ-то и состоитъ особенно преимущество любви. Всѣ прочія добродѣтели имѣютъ сопряженное съ ними скорбное состояніе, какъ, напр., постъ, цѣломудріе, бдѣніе, — зависть, похоть, гордость; а любовь, кромѣ пользы, имѣетъ и великое удовольствіе, а скорби никакой; и, какъ добрая пчела, она, отовсюду собирая блага, слагаетъ ихъ въ душу любящаго. Находится ли кто въ рабствѣ, она представляетъ рабство пріятнѣе свободы, потому что любящій не такъ радуется, когда повелѣваетъ, какъ тогда, когда подчиняется. Конечно, повелѣвать пріятно. Но любовь измѣняетъ природу вещей и является на помощь со всѣми благами въ рукахъ, привѣтливѣе всякой матери, богаче всякой царицы, и трудное дѣлаетъ легкимъ и удобнымъ, представляя намъ добродѣтель привлекательной, а порокъ крайне противнымъ. Смотри: тратить имущество кажется дѣломъ прискорбнымъ, — а она дѣлаетъ его пріятнымъ; брать чужое представляется пріятнымъ,—а она не позволяетъ этому казаться пріятнымъ, но заставляетъ избѣгать какъ низкаго дѣла. Опять, злословіе всѣмъ кажется дѣломъ любезнымъ, — а она дѣлаетъ его противнымъ, похвалу же пріятной, потому что для насъ ничто такъ не пріятно, какъ хвалить любимаго. Равнымъ образомъ, гнѣвъ имѣетъ нѣкоторую пріятность; но при любви этого уже нѣтъ, всѣ нервы его убиты; и если любимый опечалитъ любящаго, гнѣвъ ни въ чемъ не проявляется, а бываютъ слезы, увѣщанія и просьбы: такъ далекъ любящій отъ раздраженія. Если онъ видитъ согрѣшающаго, то скорбитъ и

болѣть; но и самая эта скорбь приноситъ удовольствіе, потому что и слезы, и печаль любви пріятнѣе всякаго смѣха и радости. Поистинѣ не такъ услаждаются смѣющіеся, какъ плачущіе о друзьяхъ; а если не вѣришь, прегради имъ слезы, и увидишь, что они такъ мрачно настроены, какъ будто потерпѣли непоправимое бѣдствіе. Но любовь, скажешь, имѣетъ нечистое удовольствіе. Перестань, не злословь, человѣкъ: нѣтъ ничего настолько чистаго отъ этой страсти, какъ истинная любовь. Не говори мнѣ
о той низкой и площадной любви, которая скорѣе есть болѣзнь, 573
чѣмъ любовь, а о той, которой требуетъ Павелъ, о любви, ищущей пользы любимыхъ, и увидишь, что имѣющіе такую любовь любятъ нѣжнѣе отцовъ. И какъ пристрастные къ деньгамъ не рѣшаются издерживать ихъ, а согласны лучше терпѣть стѣсненія, чѣмъ видѣть ихъ уменьшеніе, такъ и тотъ, кто питаетъ къ другому любовь, согласится лучше потерпѣть тысячу бѣдствій, нежели видѣть, что любимый имъ потерпѣлъ вредъ. Что же, скажешь, неужели не должно ненавидѣть даже враговъ и язычниковъ? Должно ненавидѣть, но не ихъ, а ученіе ихъ, не человѣка, а порочную дѣятельность и развращенную волю. Человѣкъ—дѣло Божіе, а заблужденіе—дѣло діавола. Вѣдь, если должно ненавидѣть враговъ Божіихъ, то должно ненавидѣть не только нечестивыхъ, но и грѣшниковъ; а въ такомъ случаѣ мы будемъ хуже звѣрей, отвращаясь отъ всѣхъ и надмеваясь гордостію, подобно фарисею. Но не такъ заповѣдалъ Павелъ,—а какъ? *Вразумляйте безчинныя, утѣшайте малодушныя, заступайте немощныя, долготерпите ко всѣмъ* (1 Сол. v, 14). Но, скажешь, что же тогда значатъ его слова: *аще кто не послушаетъ словесе нашего посланіемъ, сего назнаменуйте и не примѣшайтеся ему* (2 Сол. ш, 14)? Правда, что сказано о братіяхъ; но и въ этомъ случаѣ не просто, а тоже съ кротостью. Не отдѣляй отъ этихъ словъ послѣдующихъ, прибавь и то, что сказано далѣе. А именно, сказавъ: *не примѣшайтеся*, онъ присовокупилъ: *и не аки врага имѣйте, но наказуйте якоже брата* (ст. 15). Видишь ли, какъ онъ повелѣлъ ненавидѣть худое дѣло, а не человѣка? Дѣло діавола — отторгать насъ другъ отъ друга; онъ сильно старается истребить любовь, чтобы пресѣчь путь къ исправленію и удержать его въ заблужденіи, а тебя въ невѣріи и враждѣ, надѣясь такимъ образомъ заградить ему путь ко спасенію. Если врачъ будетъ ненавидѣть и убѣгать больного, а больной отвращаться отъ врача, то можетъ ли больной выздоровѣть, когда онъ не будетъ призывать врача, и врачъ не будетъ приходить къ нему? Почему же ты отвращаешься и убѣгаешь отъ него? Потому ли, что онъ нечестивъ? Но потому-то и надо приходить и врачевать, чтобы возстановить

больного. Хотя бы онъ страдалъ неисцѣльною болѣзнью, тебѣ повелѣно дѣлать свое дѣло. Іуда также одержимъ былъ неисцѣльною болѣзнью, но Богъ не переставалъ врачевать его. Поэтому и ты не ослабѣвай. Хотя бы при всемъ старанія ты не могъ освободить его отъ нечестія, все же ты получишь награду, какъ бы освободилъ его, и заставишь его удивляться твоей кро-
579 тости, и такимъ образомъ всячески прославится Богъ. Хотя бы ты творилъ чудеса, хотя бы воскрешалъ мертвыхъ, хотя бы дѣлалъ что-нибудь другое подобное, язычники никогда не будутъ удивляться тебѣ въ такой мѣрѣ, какъ видя тебя кроткимъ, добрымъ и обходительнымъ. А и это не маловажное дѣло, потому что многіе такимъ образомъ могутъ наконецъ отстать отъ порока. Ничто не можетъ привлекать такъ, какъ любовь. Изъ-за другого, то есть знаменій и чудесъ, могутъ и завидовать тебѣ, а изъ-за этого (любви) станутъ и удивляться, и любить, а любя примутъ мало-по-малу и истину. Впрочемъ, если язычникъ и не скоро
580 сдѣлается вѣрующимъ, не удивляйся, не спѣши, не требуй всего вдругъ, но пусть онъ пока хвалитъ, любитъ, и мало-по-малу онъ дойдетъ и до этого. Итакъ, если любовь есть виновница добродѣтели, то будемъ со всякимъ тщаніемъ насаждать ее въ своихъ душахъ, чтобы она принесла намъ многія блага, и чтобы намъ постоянно собирать обильные плоды ея, всегда цвѣтущіе и никогда не увядающіе. Такимъ образомъ мы достигнемъ и вѣчныхъ благъ, которыхъ да сподобимся всѣ мы, благодатію и человѣколюбіемъ Господа нашего Іисуса Христа, съ Которымъ Отцу со святымъ и благимъ Духомъ слава во вѣки вѣковъ. Аминь.

СЛОВО II.

О молитвѣ.

579 Великое благо молитва, если бываетъ съ чувствомъ благодаренія, если мы научимся благодарить Бога не только получая (просимое), но и не получая. Богъ, и когда даетъ (просимое), и когда не даетъ, дѣлаетъ то и другое на пользу, такъ что, получилъ ли ты, или не получилъ, ты получилъ благодаря тому, что не получилъ, успѣлъ ли, или не успѣлъ, ты успѣлъ чрезъ то, что не успѣлъ. Бываетъ иногда полезнѣе не получить. Если бы для насъ не было часто полезно не получить, Богъ несомнѣнно далъ бы; между тѣмъ не получить съ пользою, значитъ получить. Не будемъ же роптать на замедленіе въ дарованіи проси-

маго, а скорѣе покажемъ по этому самому великую твердость и терпѣніе. Развѣ Богъ не могъ бы даровать и прежде (исполненія) нашихъ просьбъ? Но Онъ ждетъ для того, чтобы получить отъ насъ самихъ поводъ праведно удостоить насъ Своимъ попеченіемъ. Поэтому, получимъ ли просимое, не получимъ ли, будемъ настойчивы въ своемъ прошеніи, и будемъ благодарить не только въ случаѣ успѣха, но и въ случаѣ неуспѣха. Не получить, когда такъ хочетъ Богъ, значитъ не менѣе, чѣмъ получить, потому что мы сами такъ не знаемъ, что полезно для насъ, какъ вѣдаетъ Онъ. Такимъ образомъ, получимъ ли мы, не получимъ ли, мы должны одинаково благодарить и принимать съ радостью то, что Ему будетъ благоугодно. Не потому Богъ часто медлитъ исполненіемъ нашихъ просьбъ, что отвергаетъ ихъ, а желая научить насъ постоянству и привлечь къ Себѣ. Такъ и нѣжнолюбящій отецъ часто не соглашается на просьбу сына не потому, что не хочетъ дать, а желая чрезъ это побудить сына къ настойчивости. Чтобы молящійся былъ услышанъ, это зависитъ, во-первыхъ, отъ того, если мы достойны получить; во-вторыхъ, если мы молимся согласно съ законами Божіими; въ-третьихъ, если молимся непрестанно; въ-четвертыхъ, если не просимъ ничего житейскаго; въ-пятыхъ, если исполняемъ все должное и съ своей стороны, и, наконецъ, если просимъ полезнаго. Какъ отъ этихъ условій зависитъ быть услышаннымъ, такъ отъ противныхъ условій—быть неуслышаннымъ, хотя бы молящіеся были праведники. Кто былъ праведнѣе Павла? Но когда онъ просилъ безполезнаго, то не былъ услышанъ: *о семъ*, говоритъ, *трикраты Господа молихъ, и рече ми: довлѣетъ ти благодать моя* (2 Кор. XII, 8, 9). Кто также праведнѣе Моисея? Но и онъ не былъ услышанъ, и ему Богъ сказалъ: *довлѣетъ ти* (Второз. III, 16). Такъ какъ онъ просилъ о томъ, чтобы ему войти въ землю 580
обѣтованную, а это было безполезно, то Богъ и не попустилъ. Кромѣ того, мы бываемъ неуслышаны еще и по другой причинѣ, именно—когда молимся, продолжая оставаться въ грѣхахъ своихъ. На это указалъ Богъ, когда сказалъ объ іудеяхъ Іереміи: *не молися о людехъ сихъ: еда не видиши, что сіи творятъ* (Іерем. VII, 16)? Они, говоритъ, не отстали отъ нечестія, а ты возносишь о нихъ прошеніе? Но Я не услышу тебя. Равнымъ образомъ, когда мы просимъ чего-либо противъ враговъ, то не только не бываемъ услышаны, но и раздражаемъ Бога. Молитва есть врачество; но если мы не знаемъ, какъ нужно приложить это врачество, то не можемъ воспользоваться и его цѣлебной силой. Итакъ, великое благо—постоянство въ молитвѣ, какъ насъ научаетъ событіе съ хананеянкой; въ самомъ дѣлѣ, на что не соглашался Христосъ,

когда Его просили апостолы, въ томъ успѣла она, своею настойчивостью достигнувъ исполненія просьбы. Богъ болѣе хочетъ, чтобы Его просили мы сами за свои прегрѣшенія, чѣмъ другіе за насъ. Когда мы просимъ людей, намъ нужно бываетъ и тратить деньги, и рабски льстить, и много ходить и хлопотать, потому что часто нельзя бываетъ прямо получить доступъ и говорить съ самими господами, а необходимо прежде привлечь на свою сторону и деньгами и словами ихъ служителей, домоправителей, повѣренныхъ и чрезъ нихъ уже получить просимое. У Бога же не такъ. Онъ не нуждается въ посредникахъ, когда Его просятъ, и не такъ преклоняется на милость, когда умоляютъ (за насъ) другіе, какъ тогда, когда мы сами просимъ Его. Богъ хочетъ, чтобы мы часто просили Его, и бываетъ за это весьма благодаренъ,—потому что Онъ единственный должникъ, который, когда отъ Него требуютъ, благодаритъ, и даетъ то, чего мы не давали въ займы. И если видитъ усиленно и прилежно просящаго, даруетъ и то, чего не получалъ отъ насъ; а если лѣниво просящаго, то и самъ медлитъ, не потому, что не хочетъ дать, а потому, что Ему пріятно, когда мы просимъ Его. Не потому, чтобы Богъ ненавидѣлъ или отвращался отъ насъ, Онъ медлитъ дать просимое, а желая такимъ замедленіемъ дарованія постоянно удержать при Себѣ. Такъ поступаютъ и нѣжно любящіе отцы: и они отсрочкой исполненія просьбъ научаютъ безпечныхъ дѣтей прилежанію. Услышана твоя просьба? Возблагодари за то, что ты
581 услышанъ. Не услышана? Пребудь твердъ, чтобы быть услышаннымъ. Тебѣ нѣтъ нужды въ посредникахъ, ненужно ни много хлопотать, ни подольщаться къ другимъ; напротивъ, хотя бы ты былъ совершенно одинокъ, хотя бы не имѣлъ покровителя, ты непремѣнно достигнешь просимаго, если самъ по себѣ попросишь Бога. Если у людей бываетъ такъ, что, несмотря на тысячи оскорбленій, когда мы и утромъ, и днемъ, и вечеромъ являемся къ обиженнымъ на насъ, мы легко прекращаемъ такой настойчивостью и постояннымъ появленіемъ имъ на глаза вражду, то тѣмъ болѣе бываетъ такъ у Бога. Не такъ обычно преклоняется Богъ, когда Его молятъ другіе за насъ, какъ тогда, когда мы сами просимъ Его, хотя бы исполнены были безчисленныхъ золъ. Пусть выслушаютъ меня тѣ, которые молятся небрежно и ропщутъ на медлительность дарованія просимаго. Когда я говорю: призови Бога, попроси Его, умоли Его,—ты отвѣчаешь: я просилъ разъ, другой, третій, десять, сто разъ, и не получилъ. Не отставай, доколѣ не получишь; когда получишь, тогда отстань, или вѣрнѣе—и тогда не отставай, а пребывай въ молитвѣ: если ты не получилъ, молись, чтобы получить: если же получилъ,

благодари за то, что получилъ. Многіе входятъ въ церковь, совершаютъ тысячи молитвъ, и выходятъ, сами не зная, что говорили: уста движутся, а слухъ не слышитъ. Ты самъ не слышишь своей молитвы, а хочешь, чтобы ее услышалъ Богъ? Я преклонялъ, говоришь, колѣна. Но мысль твоя летала на сторонѣ. Тѣло было внутри церкви, а духъ твой—внѣ; твои уста говорили молитву, а умъ исчислялъ проценты, обязательства, торговые обороты, пріобрѣтенія, дружескія собранія. Діаволъ, будучи лукавъ, и зная, что во время молитвы мы достигаемъ великихъ успѣховъ, приходитъ къ намъ въ это время,—часто вѣдь мы лежимъ на постели безъ всякихъ заботъ и ни о чемъ не помышляя, а пришли молиться, и тотчасъ нападаютъ безчисленные помыслы,—чтобы лишить насъ плодовъ молитвы и сдѣлать совершенно безуспѣшными. И часто бываетъ, что, свершивъ молитву, мы уходимъ, какъ будто и не слышавъ того, что говорили. Итакъ, когда мы замѣтимъ это, то повторимъ немедленно молитву, и если опять съ нами случится то же, то скажемъ ее и третій, и четвертый разъ, и не прежде перестанемъ молиться, чѣмъ изольемъ всю ее предъ Богомъ съ трезвою душею и внимательнымъ помысломъ. И если діаволъ замѣтитъ, что мы не прежде отстаемъ отъ молитвы, чѣмъ произнесемъ ее со тщаніемъ и трезвящейся душею, то отстанетъ наконецъ съ своими кознями, зная, что изъ его ухищреній не выйдетъ ничего иного, кромѣ того, что онъ многократно заставитъ насъ повторить ту же самую молитву. Если, приходя къ человѣку, мы обнаруживаемъ такую внимательность, что часто даже не видимъ стоящихъ вблизи, а сосредоточиваемъ свою мысль и думаемъ только о томъ, къ кому приходимъ, то тѣмъ болѣе намъ нужно дѣлать такъ въ отношеніи къ Богу,—нужно быть внимательными въ молитвахъ, не блуждая мыслью въ разныя стороны. Если языкъ произноситъ слова, а умъ блуждаетъ на сторонѣ, обдумывая домашнія дѣла или соображая объ общественныхъ дѣлахъ, то для насъ не только не будетъ никакой пользы, а напротивъ еще большее будетъ осужденіе. Если мы предстоимъ столько времени людямъ, служа въ войскахъ и перенося тяжкіе труды, исполняя рабскія обязанности, и въ концѣ концовъ часто теряемъ и самую надежду, то неужели Господу нашему, отъ Котораго несомнѣнно можно получить награду, гораздо большую трудовъ, 582
мы не имѣемъ мужества предстоять съ подобающимъ усердіемъ? И какого наказанія достойно это? Вѣдь, если бы и ничего не предстояло получить, само по себѣ постоянное собесѣдованіе съ Богомъ не заключаетъ ли безчисленныхъ благъ? Подлинно, великое благо молитва и собесѣдованіе чрезъ нее съ Богомъ. Если

бесѣдующій съ добродѣтельнымъ человѣкомъ пріобрѣтаетъ отсюда немалую пользу, то какихъ благъ насладится тотъ, кто удостоился бесѣды съ Богомъ? Не безумно ли—слугамъ приказывать, чтобы они все время служили намъ, а самимъ даже и малаго досуга не удѣлять Богу? Ты не знаешь полезнаго тебѣ, человѣкъ; часто просишь вреднаго и обманчиваго. Но Онъ, гораздо болѣе пекущійся о твоемъ спасеніи, не молитвѣ твоей внимаетъ, но прежде молитвы предусматриваетъ полезное для тебя. Въ самомъ дѣлѣ, если плотскіе отцы не непремѣнно даютъ дѣтямъ то, чего они просятъ, не потому, что пренебрегаютъ просящими, а потому, напротивъ, что болѣе заботятся о нихъ, то тѣмъ болѣе дѣлаетъ такъ Богъ, который и больше всѣхъ любитъ, и лучше всѣхъ знаетъ, что намъ полезно. Когда ты ослабѣешь въ молитвѣ и не получишь, вспомни, сколько разъ ты слышалъ, какъ призывалъ тебя бѣдный, и ты не послушалъ его, между тѣмъ онъ не вознегодовалъ и не оскорбилъ тебя; при чемъ ты дѣлаешь это по жестокости, а Богъ по человѣколюбію. Итакъ, если самъ ты, не слушая по своей жестокости сораба, не считаешь себя заслуживающимъ обвиненія, то какъ обвиняешь Владыку, не внимающаго рабу по человѣколюбію? Если блаженный Давидъ, будучи царемъ, поглощаемый безчисленными заботами и развлекаемый со всѣхъ сторонъ, семь разъ на дню молился Богу, то какое оправданіе и прощеніе можемъ имѣть мы, которые имѣемъ столько празднаго времени и не молимся Ему постоянно, несмотря даже на то, что можемъ получить великую пользу. Невозможно, поистинѣ невозможно, чтобы человѣкъ, молящійся съ должнымъ усердіемъ и постоянно призывающій Бога, впалъ когда-нибудь въ грѣхъ. Кто воспламенилъ свой умъ, возбудилъ душу, переселился на небо, и такимъ образомъ призвалъ своего Господа; кто, вспомнивъ о своихъ грѣхахъ, бесѣдуетъ съ Нимъ о прощеніи ихъ и молитъ Его быть милостивымъ и снисходительнымъ,—тотъ, предаваясь такой бесѣдѣ, отлагаетъ всякое житейское попеченіе, окрыляется и становится выше человѣческихъ страстей. Не такъ источники водные дѣлаютъ цвѣтущими сады, какъ источники слезъ, напаяющіе древо молитвы, поднимаютъ его на величайшую высоту и поставляютъ молящагося предъ Богомъ. Отъ этого-то зависитъ болѣе всего и услышаніе. Въ самомъ дѣлѣ, у кого въ то время, какъ тѣло простерто на землѣ и уста безсмысленно произносятъ слова, душа блуждаетъ вездѣ—дома и на площади, тотъ можетъ ли сказать, что онъ молится предъ Богомъ? Предъ Господомъ молится тотъ, кто вполнѣ сосредоточилъ свою душу и не имѣетъ ничего общаго съ землею, но переселился на самое небо и изгналъ изъ

души всякій человѣческій помыслъ. Молящемуся должно молиться такъ, чтобы, всецѣло сосредоточившись и напрягши умъ, призывать Бога со скорбною душею, не умножая словъ и не 583
распространяясь въ молитвѣ, а произнося немногія и простыя слова, потому что не отъ множества словъ, а отъ трезвости души зависитъ услышаніе. И это можно видѣть на примѣрѣ Анны, матери Самуила. Она говоритъ именно: *Адонаи Господи, Елои Саваоѳъ, аще призирая призриши на смиреніе рабы твоея, и даси рабѣ твоей сѣмя мужеско, то дамъ е предъ Тобою въ даръ до дне смерти его, и вина и піянственнаго не испіетъ, и желѣзо не взыдетъ на главу его* (1 Цар. I, 11). Много ли здѣсь словъ? Но такъ какъ она совершила эту молитву со вниманіемъ и трезвостію, то достигла всего, чего желала: и испорченную природу исправила, и заключенную утробу отверзла, и себя привела въ состояніе великаго благодушія, пожавъ тучный колосъ съ безплоднаго камня. Итакъ, молящемуся слѣдуетъ и не многословить и постоянно молиться. Творить краткія и частыя молитвы, съ небольшими промежутками, заповѣдали и Христосъ, и Павелъ. Если ты будешь распространяться въ словахъ, нерѣдко дѣлая это безъ вниманія, то дашь діаволу большую свободу подойти къ тебѣ, устроить ковы, и отвлечь твою мысль отъ произносимыхъ словъ. А если будешь творить постоянныя и частыя молитвы, занимаясь все время частымъ повтореніемъ ихъ, то легко сможешь сохранить вниманіе и самыя молитвы будешь творить съ большою бдительностью. Хочешь ли узнать, что такое бодрственность, трезвенность и настойчивость молитвы? Иди къ Аннѣ, узнай, что сдѣлала она. Встали, говорится, всѣ отъ трапезы (ст. 9), и она тотчасъ же обратилась не ко сну, не къ отдыху,—почему мнѣ кажется, что, и сидя за трапезой, она была воздержна и не отягчала себя какими-нибудь яствами, а иначе не пролила бы такихъ слезъ. Въ самомъ дѣлѣ, если мы, постясь и воздерживаясь отъ пищи, едва можемъ такъ молиться, лучше же сказать—никогда не молимся такъ, то тѣмъ болѣе она не могла бы молиться такъ послѣ трапезы, если бы и за трапезой не была подобна постящимся. Постыдимся же мы, мужи, женщины,—мы, которые, молясь о царствіи, зѣваемъ отъ сонливости,—постыдимся той, которая просила о сынѣ и плакала. Замѣть ея благочестіе и въ другомъ отношеніи. *Гласъ ея,* говорится, *не слышашеся, устнѣ же ея движастѣся* (ст. 13). Такъ приступаетъ къ Богу тотъ, кто хочетъ что-либо получить,—безъ потяготъ и зѣваній, безъ сонливости, безъ почесываній, безъ небрежности. Развѣ Богъ не могъ дать и безъ молитвы? Развѣ Онъ не зналъ еще прежде прошенія желанія жены? Но если бы Онъ далъ прежде прошенія, то не обнаружи-

лось бы усердіе жены, не открылась бы добродѣтель ея, не стяжала бы она за это такой награды. Но посмотримъ и на ея любомудріе. Когда священникъ Илій счелъ ее за пьяную, смотри, что она говоритъ ему: *не даждь рабы твоея во дщерь погибели, яко отъ множества глумленія моего истаяхъ даже доселѣ* (1 Цар. і, 16). Это поистинѣ дѣло сокрушеннаго сердца, когда мы не сердимся и не раздражаемся на оскорбителей, а даже и оправдываемся. Подлинно, ничто такъ не дѣлаетъ сердца любомудрымъ, какъ
584 скорбь и печаль по Богѣ. Итакъ, мы должны и при началѣ трапезы, и при концѣ благодарить Бога. Кто приготовилъ себя къ этому, тотъ никогда не впадетъ въ пьянство и безчинство, никогда не испытаетъ слѣдствій объяденія, но, сдерживая свои помыслы ожиданіемъ молитвы, какъ бы уздою, будетъ въ надлежащей мѣрѣ употреблять все предлагаемое, и тѣмъ доставитъ и душѣ и тѣлу великое благосостояніе. Столъ, начинающійся и оканчивающійся молитвою, никогда не оскудѣетъ, но обильнѣе источника принесетъ намъ всѣ блага. Не будемъ же пренебрегать такой пользой. Странно, что слуги наши, получивъ отъ насъ что-нибудь со стола, благодарятъ насъ и отходятъ съ добрымъ словомъ, а мы, наслаждаясь столь великими благами, не воздаемъ Богу и такой чести. Потому-то у насъ и въ общественныхъ, и въ частныхъ дѣлахъ многое выходитъ вопреки ожиданію, что мы не о духовныхъ дѣлахъ сначала заботимся, а потомъ уже и о житейскихъ. Или ты не знаешь, что, если ты придешь поклониться Богу и примешь участіе въ здѣшнемъ (церковномъ) занятіи, то болѣе легкими станутъ для тебя и предстоящія (житейскія) дѣла?

Но у тебя есть житейскія заботы? Ради нихъ-то и приди сюда, чтобы, привлекши здѣшнимъ пребываніемъ благоволеніе Божіе, выйти съ безопасностью, чтобы тебѣ имѣть Бога союзникомъ, чтобы съ помощью небесной руки стать неодолимымъ для демоновъ. Если ты пріобщишься духовныхъ молитвъ, если раздѣлишь общую молитву, если привлечешь Божію помощь, если выйдешь отсюда огражденный Его оружіемъ, то на тебя не посмѣетъ уже взглянуть ни самъ діаволъ, ни злые люди, старающіеся обидѣть и оклеветать тебя. Если же ты выйдешь изъ дому на площадь и окажешься лишеннымъ этого оружія, то будешь легко одолимъ для всѣхъ обидчиковъ. И пусть не говорятъ мнѣ, что невозможно человѣку мірскому, занятому службой, постоянно молиться днемъ и бѣгать въ церковь. Возможно, и весьма легко. Если не легко придти въ церковь, то можно помолиться и не оставляя своей службы, стоя тамъ, предъ дверьми судилища. И это часто многіе дѣлали. Когда начальникъ внутри (судилища)

кричалъ, грозилъ, выходилъ изъ себя, бѣсновался, они, оградивъ себя предъ дверьми крестнымъ знаменіемъ и помолившись въ умѣ немногими словами, входили и заставляли судію перемѣниться, укрощали его и дѣлали изъ свирѣпаго кроткимъ; и ни мѣсто, ни время, ни молчаніе, не было для нихъ препятствіемъ къ такой молитвѣ. Вѣдь для молитвы нужно не столько слово. сколько мысль, не столько движеніе рукъ, сколько напряженіе души, не положеніе тѣла, а расположеніе духа. Такъ и Анна, мать Самуила, не потому была услышана, что произносила пышныя и громкія слова, а потому, что много взывала внутри сердцемъ. *Гласъ ея не слышашеся*, говорится, и услышалъ ее Богъ (1 Цар. I, 13). Не будемъ же оправдываться, говоря, что не легко молиться человѣку, который обремененъ житейскими дѣлами и не находитъ по близости молитвеннаго дома. Гдѣ бы ты ни былъ, 585
ты можешь поставить свой собственный жертвенникъ; этому нисколько ни мѣсто не помѣшаетъ, ни время не воспрепятствуетъ. Хотя ты не преклонишь колѣнъ, не станешь бить себя въ грудь, не простреть рукъ къ небу, а покажешь только горячую душу, ты этимъ исполнишь все нужное для молитвы. Можно, вѣдь, и выходя на площадь, и прохаживаясь въ одиночку, творить усердныя молитвы. Можно, и сидя въ мастерской и сшивая кожи, вознести душу къ Господу. Можно и слугѣ, и покупая, и поднимаясь вверхъ, и сходя внизъ, и занимаясь на кухнѣ, когда невозможно пойти въ церковь, совершать искреннюю и усердную молитву. Богъ не гнушается мѣстомъ, а требуетъ только одного— пламеннаго сердца и сосредоточенной души. Такъ и Павелъ, не въ молитвенномъ домѣ, а въ темницѣ распростертый, не прямо стоя и преклоняя колѣна, — потому что этого не позволяли колодки, въ которыя забиты были его ноги,—а лежа, помолившись съ усердіемъ, потрясъ темницу, поколебалъ ея основаніе, устрашилъ темничнаго стража, и затѣмъ привелъ его къ святому таинству. Равнымъ образомъ Езекія, не прямо стоя, и не преклоняя колѣна, а возлежа на постели по причинѣ болѣзни, и обернувшись къ стѣнѣ, съ жаромъ и смиренной душей призвалъ Бога, и тѣмъ отмѣнилъ произнесенный уже приговоръ, привлекъ къ себѣ великое благоволеніе Божіе и возвратилъ себѣ прежнее здоровье. И разбойникъ, распростертый на крестѣ, немногими словами пріобрѣлъ царствіе небесное. И Іеремія въ тинѣ и рву, и Даніилъ во рву и среди звѣрей, и Іона въ самомъ чревѣ китовомъ, призвавъ Бога, устраняли всѣ угрожающія бѣдствія и привлекали къ себѣ вышнее благоволеніе. Что же ты долженъ говорить, когда молишься? То же, что и хананеянка. Какъ она говорила: *помилуй мя, дщи моя злѣ бѣснуется* (Мѳ. XV, 22), такъ

и ты говори: помилуй меня, душа моя жестоко бѣснуется. Грѣхъ есть великій бѣсъ. Бѣсноватый возбуждаетъ состраданіе, а грѣшникъ ненависть. *Помилуй мя:* краткое слово, (но оно нашло) море человѣколюбія, потому что гдѣ милость, тамъ всякія блага. Будешь ли ты внѣ церкви, взывай и говори: *помилуй мя*, хотя бы не двигая устъ, а взывая умомъ: Богъ слышитъ и молчащихъ. Требуется не мѣсто, а основа благочестія. Іеремія былъ въ тинѣ, и привлекъ къ себѣ Бога; Іовъ сидѣлъ на гноищѣ, и снискалъ милость у Бога; Іона былъ во чревѣ китовомъ, и Богъ внялъ ему. Хотя бы ты былъ въ банѣ, молись; гдѣ бы ты ни былъ, молись. Ты—храмъ Божій; не ищи же мѣста. Море было впереди, позади египтяне, а посрединѣ Моисей, ничего не говорившій: великое было затрудненіе для молитвы. И Богъ говоритъ ему: *что вопіеши ко Мнѣ* (Исх. XIV, 15)? Такъ и ты, когда подвергнешься искушенію, прибѣги къ Богу, призови Владыку. Развѣ Онъ—человѣкъ, чтобы тебѣ идти въ какое-нибудь мѣсто. Богъ всегда *близъ есть. Еще глаголющу ти, речетъ: се пріидохъ* (Иса. LVIII, 9). Ты еще не кончилъ молитвы, а Онъ даетъ уже врачество. Если у тебя душа чиста отъ непристойныхъ страстей, то будешь ли ты на площади, или въ пути, или въ судилищѣ,
586 или на морѣ, или въ гостинницѣ, или въ мастерской, — гдѣ бы ты ни былъ, — ты можешь призвать Бога и получить просимое.

Что означаетъ простертіе рукъ во время молитвы? Руки служатъ орудіемъ при совершеніи многихъ злыхъ дѣлъ; поэтому самому намъ и повелѣвается простирать ихъ, чтобы служеніе въ молитвѣ было для нихъ препятствіемъ ко злу и воздержаніемъ отъ пороковъ; чтобы ты, когда намѣреваешься похитить, или присвоить чужое, или ударить другого, вспомнилъ, что ты будешь простирать ихъ какъ бы ходатаевъ предъ Богомъ и приносить ими духовную жертву, и не посрамлялъ ихъ, не дѣлалъ ихъ безотвѣтными чрезъ служеніе порочнымъ дѣламъ. Итакъ, очищай ихъ милостыней, человѣколюбіемъ, помощью нуждающимся, и тогда простирай ихъ на молитву. Если ты не дозволяешь себѣ приступать къ молитвѣ съ неумытыми руками, то тѣмъ болѣе ты не долженъ осквернять ихъ грѣхами. Если ты боишься меньшаго—молиться съ неумытыми руками, то тѣмъ болѣе страшись большаго. Молиться съ неумытыми руками не такъ непристойно; а простирать руки, оскверненныя множествомъ грѣховъ,—это навлекаетъ великій гнѣвъ Божій и погибель. Хочешь ли знать, какъ велика сила молитвы, совершаемой въ церкви? Нѣкогда связанъ былъ Петръ и заключенъ въ крѣпкія узы. *Молитва же бѣ прилѣжна бываемая отъ церкве о немъ* (Дѣян. XII, 5), и тотчасъ освободила его изъ темницы. Итакъ, что можетъ быть

могущественнѣе этой молитвы, которая оказала помощь столпу и оплоту церкви? Оглашаемымъ еще не дозволяется такая молитва, такъ какъ они не получили еще такого дерзновенія; но вамъ повелѣвается творить моленія и за вселенную, и за церковь, простирающуюся до предѣловъ земли, и за управляющихъ ею, и за предстоящихъ въ ней. И вы охотно повинуетесь, самымъ дѣломъ подтверждая, что велика сила молитвы, единогласно возносимой въ церкви народомъ. Если у людей бываетъ такъ, что народъ испрашиваетъ преступниковъ, ведомыхъ на смерть, и царь, уступая толпѣ, отмѣняетъ приговоръ, то тѣмъ болѣе царь небесный, умилостивленный вами, исполнитъ ваше прошеніе. Не слышали ли вы, какъ Петръ былъ исхищенъ изъ темницы вслѣдствіе усердной молитвы о немъ церкви? Приступать къ Богу и умолять за столькихъ людей, — насколько, думаете вы, недостаточна для этого наша малость? Въ самомъ дѣлѣ, если я не имѣю дерзновенія молиться о самомъ себѣ, то тѣмъ болѣе о другихъ: это могутъ дѣлать люди, заслуживающіе всеобщаго одобренія. Итакъ, когда и самъ я заслуживаю гнѣва, то какъ буду молиться за другого? Одному просить за многихъ—дѣло слишкомъ смѣлое и требующее большого дерзновенія; но многимъ, сошедшимся вмѣстѣ, творить молитву за одного—въ этомъ не покажется ничего несообразнаго. Конечно, можно молиться и дома; но не возможно такъ молиться, какъ въ церкви, гдѣ такое множество отцовъ, гдѣ единодушно возносится гласъ къ Богу. Не такъ слышитъ тебя Господь, когда ты молишься самъ по себѣ, какъ вмѣстѣ съ твоими братьями, потому что здѣсь есть еще нѣчто, а именно—единодушіе и согласіе, союзъ любви и молитвы іереевъ. Для того и предстоятъ іереи, чтобы молитвы народа, какъ слабѣйшія, соединяясь съ ихъ болѣе сильными молитвами, вмѣстѣ 587
съ ними восходили на небо. Если молитва церкви принесла пользу Петру и освободила этого столпа изъ темницы, то какъ же ты, скажи мнѣ, пренебрегаешь ея силой? Подобно тому какъ сила любви не удерживается разстояніемъ мѣста, такъ точно и дѣйственность молитвы; но какъ первая соединяетъ стоящихъ вдали другъ отъ друга, такъ и послѣдняя можетъ принести величайшую пользу находящимся въ отдаленіи. Моисей, хотя и не присутствовалъ тѣломъ съ сражавшимися, однако нисколько не менѣе, а даже гораздо болѣе ихъ оказалъ содѣйствія въ этомъ сраженіи, простертіемъ рукъ возбуждая силы своихъ и вселяя страхъ врагамъ. Никакой подвигъ не можетъ быть достаточно великъ, если отъ него нѣтъ пользы другимъ. Хотя бы ты былъ постникомъ, хотя бы спалъ на землѣ, хотя бы ѣлъ пепелъ, хотя бы непрестанно плакалъ, но если ты не приносишь пользы ни-

кому другому, ты не дѣлаешь ничего великаго. Моисей совершилъ много великихъ знаменій и чудесъ; но ничто другое не сдѣлало его столь великимъ, какъ слѣдующія блаженныя слова, сказанныя имъ Богу: *аще убо оставиши имъ грѣхъ, остави: аще же ни*, и *мя изгллади* (Исх. xxxii, 32). И Давидъ, показывая то же самое, говорилъ: *азъ пастырь есмь согрѣшивый и азъ зло сотворивый, а сіи овцы что сотвориша? Да будетъ рука твоя на мнѣ и на дому отца моего* (2 Цар. xxiv, 17). Велики, конечно, и эти дѣянія, и достойны жизни ангельской; но поступокъ Павла имѣетъ большое преимущество и предъ ними, такъ какъ онъ желалъ лишиться ради спасенія другихъ будущей славы. Между тѣмъ Іона за то, что искалъ своей собственной пользы, подвергся даже опасности смерти, и тогда какъ градъ стоялъ, самъ онъ потопалъ въ морскихъ волнахъ. Итакъ, велики и другіе подвиги добродѣтели Моисея, но глава и вѣнецъ этой святой души въ томъ, что онъ желалъ быть изглаженнымъ изъ книги за спасеніе іудеевъ. Но желаніе Павла превзошло въ великой мѣрѣ и это. Моисей хотѣлъ погибнуть вмѣстѣ съ другими, а Павелъ молился не о томъ, чтобы погибнуть съ другими, а чтобы одному лишиться вѣчной славы, тогда какъ другіе получатъ спасеніе. Итакъ, хорошо пользоваться молитвой святыхъ, но подъ условіемъ, если мы и сами бываемъ дѣятельны; а если этого нѣтъ, то не поможетъ намъ и помощь другихъ; напротивъ, мы и съ нею погибнемъ. Какую пользу оказалъ Іеремія іудеямъ? Не трижды ли приступалъ онъ къ Богу и трижды услышалъ: *не молися и не проси о людехъ сихъ, яко не услышу тя* (Ерем. vii, 16)? Какую пользу принесъ Саулу Самуилъ, до послѣдняго дня скорбя и молясь за него? Какую пользу принесъ онъ равнымъ образомъ и израильтянамъ? Не говорилъ ли онъ: *да не будетъ ми согрѣшити, оставити еже молитися о васъ* (1 Цар. xii, 23)? Не всѣ ли они погибли? Послушай, что Богъ говоритъ чрезъ пророка: *аще станутъ Ное и Іовъ и Даніилъ, не избавятъ сыновъ своихъ* и *дщерей*, такъ какъ преусилилось нечестіе ихъ (Іезек. xiv, 14). Что же? Ужели молитвы не приносятъ никакой пользы? Приносятъ и великую пользу, но тогда, когда и сами мы содѣйствуемъ. И если хочешь знать, сколь великую приносятъ онѣ пользу, вспомни Корнилія, Тавиѳу. Слушай, что и Богъ говоритъ: *защищу градъ сей Мене ради и ради Давида раба моего* (4 Цар. xix, 34; Иса. xxxvii, 35). Но когда? При праведномъ Езекіи. Въ противномъ случаѣ, если бы, т. е., и молитвы великихъ грѣшниковъ имѣли силу, то почему Богъ не сказалъ того же, и когда пришелъ Навуходоно-
588 соръ, но предалъ городъ? Потому, что усилилось нечестіе. Равнымъ образомъ тотъ же самый Самуилъ молился объ израильтя-

нахъ, и имѣлъ успѣхъ. Но когда? Когда и сами они были добродѣтельны,—тогда они побѣждали враговъ. Но зачѣмъ, скажешь, нужна мнѣ молитва другихъ, когда я самъ благоугождаю Богу? Что говоришь ты, человѣкъ? Павелъ не говорилъ: зачѣмъ нужна мнѣ молитва, хотя молившіеся не только не были достойны его, но даже и не равны, а ты говоришь: зачѣмъ нужна мнѣ молитва? Петръ не говорилъ: зачѣмъ нужна мнѣ молитва, — вѣдь говорится: *молитва бѣ прилѣжна бываемая отъ церкве къ Богу о немъ* (Дѣян. xii, 5), которая тотчасъ освободила его изъ узъ,—а ты говоришь: зачѣмъ нужна мнѣ молитва? Потому она и нужна для тебя, что ты считаешь ее ненужной для себя. Если бы Богъ испыталъ Своимъ судомъ нашу безпечность и небрежность во время молитвы, испыталъ, какъ мы, стоя предъ Нимъ и умоляя Его, не воздаемъ Ему даже такой чести, какую оказываютъ слуги господамъ, воины начальникамъ, друзья друзьямъ, потому что, бесѣдуя съ другомъ, ты бываешь внимателенъ, а обращаясь къ Богу съ молитвой о грѣхахъ, прося о снисхожденіи къ великимъ своимъ прегрѣшеніямъ, испрашивая себѣ прощеніе, бываешь разсѣянъ и часто, преклонивъ колѣна на землю, позволяешь уму блуждать по площади и вкругъ дома, такъ что уста твои болтаютъ зря и напрасно, — что случается съ нами не разъ, и не два, а сплошь и рядомъ,—если бы только одно это Богъ захотѣлъ испытать, то получимъ ли мы прощеніе? Можемъ ли имѣть извиненіе? Не думаю. Если же Богъ испытаетъ наши сладострастныя лица и находящіяся у насъ въ душѣ дурныя пожеланія, которыя возбуждаются скверными и нечистыми помыслами, происходящими отъ легкомысленнаго блужданія глазъ, если выведетъ на судъ тѣ злословія, которыми мы ежедневно порицаемъ другъ друга, неприличные пересуды, въ которыхъ мы осуждаемъ ближняго, не имѣя никакого дѣла, тѣ коварства, которыя мы учиняемъ противъ другъ друга, хваля брата въ его присутствіи и бесѣдуя съ нимъ какъ съ другомъ, а въ отсутствіи порицая,—неужели за это мы не должны дать отвѣтъ? А что сказать о зависти, которую мы часто питаетъ къ людямъ достоуважаемымъ,—не только врагамъ, но и друзьямъ,—о томъ, какъ мы радуемся, когда другіе терпятъ бѣдствія, и считаемъ чужія несчастія утѣшеніемъ въ собственной бѣдѣ? Если намъ заповѣдуется воздерживаться отъ житейскихъ благъ и тогда, когда они есть, то какъ оказываемся мы жалки и несчастны, когда просимъ у Бога того, что Онъ повелѣлъ и имѣя отвергать? Если намъ велѣно молиться не только за вѣрныхъ, но и за невѣрныхъ, то подумай, сколь великое зло—молиться противъ братьевъ. Что ты дѣлаешь, человѣкъ? Приходишь умилостивить Бога, а просишь зла другому?

Если ты не отпустишь, не отпустится и тебѣ; а ты не только самъ не отпускаешь, но еще и Бога просишь не отпускать? Если не отпускается тому, кто самъ не отпускаетъ, то какъ отпустится тому, кто еще и Владыку проситъ не отпускать? Если имѣть враговъ есть уже преступленіе, то подумай, какое преступленіе молиться во вредъ имъ. Ты долженъ просить прощенія въ томъ, что имѣешь враговъ, а ты еще обвиняешь ихъ? И какъ ты можешь получить прощеніе, когда обвиняешь другихъ, и при томъ въ такое время, когда самъ нуждаешься въ великой милости?
589 Ты вѣдь приходишь молиться о прощеніи своихъ грѣховъ: не припоминай же чужихъ грѣховъ, чтобы не напомнили тебѣ твоихъ собственныхъ. Если ты скажешь: порази врага, то заградишь этимъ свои уста и свяжешь себѣ языкъ, во-первыхъ, потому, что въ самомъ началѣ молитвы ты привелъ въ гнѣвъ Судію, во-вторыхъ, потому, что просишь совсѣмъ противнаго формѣ молитвы. Въ самомъ дѣлѣ, если ты молишься объ отпущеніи своихъ грѣховъ, то какъ ведешь рѣчь о наказаніи? Надлежало бы поступать совсѣмъ напротивъ—молиться и о врагахъ, чтобы съ дерзновеніемъ молиться и за себя. Если ты будешь молиться о нихъ, то, хотя бы о своихъ грѣхахъ ты и ничего не сказалъ, ты все исполнилъ. Итакъ, если нѣтъ ничего презрѣннѣе души, которая въ молитвѣ проклинаетъ другихъ, и сквернѣе языка, произносящаго такія проклятія, то почему ты не стараешься всѣми силами о томъ, чтобы не говорить на молитвѣ ничего такого, что прогнѣвляетъ твоего Владыку? Ты человѣкъ, — не изрыгай же яда аспидовъ. Ты человѣкъ,—не будь же звѣремъ. Уста даны тебѣ не для того, чтобы уязвлять, но чтобы исцѣлять язвы другихъ. Вспомни, говоритъ Богъ, что Я внушалъ тебѣ: оставлять и прощать. А ты и Меня умоляешь быть твоимъ сообщникомъ въ нарушеніи Моихъ же повелѣній, и снѣдаешь брата, обагряешь кровію языкъ свой, подобно бѣшенымъ, которые своими зубами терзаютъ свои же члены. Подумалъ ли ты о томъ, какъ радуется и смѣется діаволъ, когда слышитъ такую молитву? Подумалъ ли ты, напротивъ, какъ гнѣвается, отвращается и ненавидитъ Богъ, когда ты такъ молишься? Вспомни, человѣкъ, къ кому ты при-
590 ступаешь съ молитвой о погибели враговъ. Развѣ ты приступаешь къ другому Богу? Ты приступаешь къ Тому же, Который сказалъ: *молитеся за враговъ вашихъ* (Мѳ. v, 44). Какъ же ты воюешь противъ нихъ? Какъ просишь Бога, чтобы Онъ нарушилъ Свой собственный законъ? Эта личина неприлична молящемуся рабу: всякій долженъ молиться не о погибели другого, а о собственномъ своемъ спасеніи. Для чего же ты принимаешь видъ молящагося раба, а говоришь какъ обвинитель? При томъ, когда

мы о себѣ молимся, то и почесываемся, и зѣваемъ, и развлекаемся безчисленными помыслами; а о погибели враговъ молимся со всѣмъ вниманіемъ. Такъ какъ діаволъ знаетъ, что въ это время мы поднимаемъ мечъ на самихъ себя, то онъ не развлекаетъ и не останавливаетъ насъ, чтобы тѣмъ больше повредить намъ. Но меня, скажешь, обидѣли и огорчили? Такъ молись о погибели діавола, который несравненно болѣе всѣхъ обижаетъ насъ: онъ-то именно пораждаетъ и враговъ. Если ты будешь молиться о погибели враговъ, то будешь молиться молитвой, которой хочетъ діаволъ; напротивъ, если станешь молиться за враговъ, то твоя молитва будетъ противъ него. Подлинно, онъ одинъ—нашъ непримиримый врагъ; а человѣкъ, что бы онъ ни дѣлалъ, остается нашимъ другомъ и братомъ. Итакъ, зачѣмъ же ты, оставивъ настоящаго твоего врага, терзаешь собственные члены? Итакъ, возлюбленные, зная это, постараемся поступать согласно заповѣдямъ и волѣ Господа, чтобы намъ достигнуть и царства небеснаго, во Христѣ Іисусѣ Господѣ нашемъ, Которому слава и держава, со Отцемъ и Святымъ Духомъ, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

СЛОВО III.

О покаяніи.

Для того я часто говорю о покаяніи, чтобы ни грѣшникъ 589
не отчаивался, ни праведникъ не думалъ высоко о себѣ. Праведникъ ты? Не падай. Грѣшникъ ты? Не отчаивайся. Если каждый день согрѣшаешь, каждый день кайся. Подобно тому какъ въ обветшавшихъ домахъ, когда они сгніютъ, мы удаляемъ сгнившія части и замѣняемъ новыми, и никогда не оставляемъ подобныхъ заботъ, такъ точно и ты, если обветшалъ отъ грѣха, обновляй себя покаяніемъ. Но возможно ли, скажешь, спастись мнѣ, покаявшись? Вполнѣ возможно. Но я всю жизнь провелъ въ грѣхахъ, и если покаюсь, то спасусь ли? Несомнѣнно. Чѣмъ это можно доказать? Милосердіемъ Владыки. Не на свое покаяніе надѣйся. Развѣ твое покаяніе можетъ въ самомъ дѣлѣ очистить такія скверны? Если бы было одно только покаяніе, тебѣ дѣйствительно слѣдовало бы бояться; но такъ какъ съ покаяніемъ соединяется Божіе милосердіе, то надѣйся, потому что оно превосходитъ твою злобу. Многомилосердъ Богъ, настолько милосердъ, что не пощадилъ даже Единороднаго, чтобы искупить

неблагодарныхъ рабовъ. Не говори мнѣ: я совершилъ много великихъ грѣховъ: какъ я могу спастись? Ты не можешь, Владыка твой можетъ, и такъ изглаждаетъ грѣхи, что не остается даже и слѣда ихъ. Съ тѣлами этого не можетъ быть: какъ бы много ни старался врачъ, сколько бы лѣкарствъ ни прикладывалъ къ ранѣ,—только рана закроется, а шрамъ остается, и наружнымъ
590 безобразіемъ указываетъ на бывшую рану. Врачъ всевозможными средствами старается уничтожить и шрамъ, но оказывается не въ силахъ, потому что ему противится и слабость природы, и безсиліе искусства, и ничтожество лѣкарствъ. Когда же Богъ изглаждаетъ грѣхи, то не оставляетъ ни шрама, не попускаетъ остаться и слѣду, но вмѣстѣ съ здоровьемъ даруетъ и благообразіе, вмѣстѣ съ освобожденіемъ отъ наказанія даетъ и оправданіе, и дѣлаетъ согрѣшившаго равнымъ не согрѣшившему. Хотя бы у человѣка были тысячи ранъ, но если онъ покается и сдѣлаетъ что-нибудь доброе, Богъ такъ изглаждаетъ ихъ, что не остается ни шрама, ни слѣда, ни знака грѣховъ. Итакъ, что для тѣла язвы и лѣкарства, то же самое для души грѣхи и покаяніе. И обрати тщательное вниманіе на слова мои. Язва и врачество, грѣхъ и покаяніе. Язва—грѣхъ; врачество—покаяніе. Въ язвѣ гной; лѣкарство обладаетъ силой очищать гной. Въ лѣкарствѣ ли гной? Въ язвѣ ли цѣлительная сила? Не имѣютъ ли то и другое своего собственнаго свойства? Можетъ ли сообщиться первое послѣднему, или послѣднее первому? Ни въ какомъ случаѣ. Перейдемъ теперь къ грѣхамъ души. Грѣхъ соединенъ съ стыдомъ; покаяніе сопряжено съ дерзновеніемъ. Итакъ, сатана, зная, что съ грѣхомъ соединяется стыдъ, который легко можетъ оттолкнуть согрѣшающаго, а съ покаяніемъ соединяется дерзновеніе, которое можетъ привлечь кающагося, извратилъ естественный порядокъ, и стыдъ придалъ покаянію, а дерзновеніе грѣху.
591 Въ грѣхѣ онъ не допускаетъ человѣку стыдиться, потому что знаетъ, что если грѣшникъ почувствуетъ стыдъ, то убѣжитъ отъ грѣха; а въ покаяніи заставляетъ его стыдиться, зная, что стыдящійся не покается. Тотъ, кто раскаялся въ совершенныхъ грѣхахъ, хотя бы и не показалъ покаянія вполнѣ соотвѣтствующаго грѣхамъ, тѣмъ не менѣе получитъ воздаяніе и за такое покаяніе. Итакъ, тѣхъ, кѣмъ не овладѣлъ еще порокъ, увѣщаю не поддаваться ему,—потому что легче остерегаться отъ впаденія въ порокъ, нежели послѣ впаденія освободиться отъ него,—а тѣмъ, кто уже плѣненъ и сокрушенъ, возвѣщаю полную надежду на спасеніе, если только они пожелаютъ поспѣшить обратиться къ покаянію. И добро и зло, чѣмъ долѣе пребываютъ съ нами, тѣмъ становятся сильнѣе. Такъ и дерево, только что посажен-

ное въ землю, вырывается безъ труда; а укрѣпившееся корнями въ теченіе долгаго времени—уже нѣтъ. И зданіе, только что утвержденное, легко ниспровергается, если его потревожить; а если оно хорошо укрѣплено, то доставляетъ много хлопотъ желающимъ разрушить его. И звѣря бываетъ трудно выгнать изъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ ему пріятно было оставаться въ теченіе долгаго времени. И какъ горячка сначала не особенно сильно мучитъ жаждой хворающихъ ею, а когда усилится и повыситъ жаръ, заставляетъ уже испытывать невыносимую жажду, и хотя бы кто-нибудь далъ имъ безъ мѣры напиться, онъ не потушитъ, а только разожжетъ жаръ, такъ точно бываетъ и со страстью: если въ самомъ началѣ, когда она вторгается въ нашу душу, мы не воспрепятствуемъ ей и не заключимъ предъ нею дверей, то, войдя, она причиняетъ уже допустившимъ ее неисцѣльную болѣзнь. Какъ человѣкъ съ вялой и безпечной душею, хотя бы получилъ много времени для покаянія, не сдѣлаетъ ничего великаго и не примиритъ Бога съ собою по причинѣ своей безпечности, такъ, наоборотъ, человѣкъ съ бодрою душей и пылающій ревностью, совершающій покаяніе съ великимъ стараніемъ, можетъ и въ краткое мгновеніе истребить грѣхи, совершенные въ теченіе многаго времени. А какъ,—послушай. Не трижды ли отрекся Петръ? Не съ клятвой ли въ третій разъ? Не убоявшись ли словъ ничтожной служанки? Что же? Много ли времени нужно было ему для покаянія? Отнюдь нѣтъ. Напротивъ, въ одну и ту же ночь онъ и палъ, и возсталъ. Послѣ этого тяжкаго паденія,—а нѣтъ другого грѣха равнаго отреченію,—покаяніе опять возвратило ему прежнюю честь, ввѣрило ему управленіе церковію по всей вселенной, и—что всего важнѣе—показало намъ, что онъ имѣлъ больше всѣхъ апостоловъ любви къ Господу. А что сказать о ниневитянахъ? Пришелъ къ нимъ пророкъ, объявилъ какъ бы царское посланіе—приговоръ, опредѣлявшій наказаніе, и восклицалъ: *еще три дни, и Ниневіа превратится* (Іон. ш, 4). Услышали это ниневитяне и не показали невѣрія и пренебреженія, но тотчасъ обратились къ посту всѣ—мужи, жены, дѣти; даже и безсловесныя не были изъяты отъ этого общественнаго подвига; всюду вретище, всюду пепелъ, всюду плачъ и вопли. И самъ облеченный діадемою, сойдя съ царскаго престола, разостлалъ подъ собою вретище, посыпалъ себя пепломъ. Открылось странное и необычайное зрѣлище: порфира уступила честь вретищу. Въ самомъ дѣлѣ, чего не въ силахъ была сдѣлать порфира, то могло сдѣлать вретище; чего не совершила діадема, то совершилъ пепелъ. Итакъ подумаемъ, какое бремя грѣховъ имѣетъ каждый изъ насъ, и

совершимъ равносильныя дѣла человѣколюбія, или лучше—гораздо большія, чтобы не только изгладились наши грѣхи, но чтобы наши милостыни были вмѣнены намъ и въ правду. Если добрыя дѣла не будутъ столь многочисленны, чтобы чрезъ нихъ и сняты были обвиненія, и нѣкоторый остатокъ вмѣненъ былъ намъ въ правду, то никто насъ не избавитъ отъ наказанія. Навлекши на себя гнѣвъ человѣка, ты просишь и друзей, и сосѣдей, и придверниковъ, и расходуешь деньги, и тратишь дни на хожденіе и просьбы, и хотя бы оскорбленный тобою не разъ, не два, а тысячи разъ отвергъ тебя, ты не падаешь совершенно духомъ, а, напротивъ, дѣлаешься еще настойчивѣе и умножаешь свои просьбы; а когда прогнѣванъ Богъ всяческихъ, мы зѣваемъ, предаемся безпечности и удовольствіямъ. Можемъ ли мы въ такомъ случаѣ когда-нибудь умилостивить Его? Не прогнѣвляемъ ли, напротивъ, Его этимъ самымъ еще болѣе? Вѣдь, отсутствіе скорби о грѣхахъ приводитъ Бога въ большее негодованіе и гнѣвъ, чѣмъ самое совершеніе грѣховъ. Не говори: я много согрѣшилъ, и не могу призвать Бога, гнѣвающагося на меня. Если вдовица преклонила судію, который ни Бога не боялся, ни людей не стыдился, то тѣмъ болѣе прилежная просьба умилостивитъ благого Судію. Слѣдовательно, хотя бы ты не былъ другомъ, хотя бы требовалъ не принадлежащаго тебѣ по праву, хотя бы ты прожилъ и растратилъ отцовское наслѣдство, и долгое время былъ вдали отъ отеческаго взора, хотя бы ты пришелъ къ гнѣвающемуся и негодующему на тебя (Богу),—только пожелай возвратиться, и ты получишь все и тотчасъ погасишь гнѣвъ и осужденіе. Въ намѣреніи положено у Бога, братія, долготерпѣть грѣшникамъ. Онъ бываетъ милостивъ съ двоякою спасительною цѣлію: уготовляетъ чрезъ покаяніе спасеніе самимъ грѣшникамъ, и предуготовляетъ благодѣяніе для ихъ потомковъ, которые будутъ преуспѣвать въ добродѣтели. Богъ,—повторю опять,—долготерпитъ, чтобы и самъ грѣшникъ покаялся, и его потомкамъ не заключить пути ко спасенію. Хотя самъ грѣшникъ и остается нераскаяннымъ, Богъ часто щадитъ корень, чтобы сохранить плоды, часто однако ожидая спасенія и самихъ грѣшниковъ. А какъ, слушай: Ѳарра, отецъ Авраама, былъ почитатель и изобрѣтатель идоловъ; однако не былъ наказанъ здѣсь за свое нечестіе,—и справедливо, потому что откуда произрось бы такой плодъ вѣры, если бы Богъ пресѣкъ корень? Что хуже Исава? Что безстыднѣе его нечестія? Не онъ ли былъ блудодѣй и сквернитель, какъ говоритъ Павелъ (Евр. xii, 16)? Не матереубійца, не
593 отцеубійца ли онъ? Не убійца ли брата, по крайней мѣрѣ въ мысляхъ? Не онъ ли ненавидимъ былъ Богомъ, какъ свидѣтель-

ствуетъ Писаніе, говоря: *Іакова возлюбихъ, Исава же возненавидѣхъ* (Рим. IX, 13)? Если же онъ и блудникъ, и братоубійца, и сквернитель, и ненавидимъ Богомъ, то почему онъ не удаляется (изъ міра), почему не исторгается, почему не постигаетъ его тотчасъ же достойная кара? Почему? Слѣдуетъ, поистинѣ, указать причину. Если бы Богъ погубилъ его, то міръ лишился бы величайшаго плода правды, а какого,—послушай: Исавъ родилъ Рагуила, Рагуилъ Зару, Зара Іова.

Видишь ли, какой погибъ бы цвѣтъ терпѣнія, если бы Богъ напередъ предалъ казни корень? Итакъ, никто, пребывающій въ порокѣ, пусть не отчаивается; никто, пребывающій въ добродѣтели, пусть не предается сну. Пусть не полагается слишкомъ на себя ни этотъ послѣдній, потому что часто и блудница можетъ опередить его, ни первый пусть не отчаивается, потому что онъ можетъ превзойти и совершенныхъ. Когда мы возвращаемся къ ревностной любви къ Богу, Онъ не помнитъ уже прежняго. Богъ не какъ человѣкъ. Если мы раскаемся, Онъ не укоряетъ за прошедшее, и не говоритъ: зачѣмъ ты столько времени удалялся отъ Меня? Напротивъ, Онъ принимаетъ насъ съ любовію, когда мы приходимъ къ Нему, если только приходимъ какъ должно. Что хуже Манассіи? Что, съ другой стороны, блаженнѣе Соломона? И однако первый смогъ умилостивить Бога, а послѣдній, предавшись сну, палъ. Потому и Исавъ не получилъ прощенія, что не раскаялся какъ слѣдовало: его слезы были слезами не покаянія, а обиды и гнѣва. Покаялся и Іуда (но не по надлежащему), потому что удавился. Если же хочешь видѣть истинное покаяніе, посмотри на покаяніе Петра послѣ отреченія. Такъ какъ онъ вѣроятно высоко думалъ о себѣ, сознавая, что любитъ Христа больше другихъ, то, выйдя вонъ, плакалъ горько; а кромѣ того подвергалъ себя послѣ этого безчисленнымъ опасностямъ. Покаялся и блаженный Давидъ, говоря: *измыю на всяку нощь ложе мое, слезами моими постелю мою омочу* (Псал. VI, 7), и давно совершенный грѣхъ, послѣ столькихъ лѣтъ, послѣ столькихъ поколѣній, оплакивалъ какъ бы только что случившійся. Кающійся долженъ не гнѣваться и не сердиться, а сокрушаться какъ виновный, какъ не имѣющій дерзновенія, какъ осужденный, который долженъ получить спасеніе по одной только милости, какъ человѣкъ, оказавшійся неблагодарнымъ къ благодѣтелю, отверженный и достойный безчисленныхъ наказаній. Итакъ, пусть ни проводящій жизнь на сценѣ не отчаивается, ни служащій въ церкви не полагается на себя, такъ какъ послѣднему говоритъ Богъ: *мняйся стояти да блюдется, да не падетъ* (1 Кор. X, 12), а первому: *еда падаяй не востаетъ* (Іер. VIII, 4)? Одинъ дол-

женъ хранить то, что имѣетъ, другой стать тѣмъ, что онъ не есть; одинъ долженъ беречь здоровье, другой освободиться отъ недуга, потому что онъ страдаетъ имъ. Одному, слѣдовательно, Онъ говоритъ: *се, здравъ еси: ктому не согрѣшай, да не горше ти что будетъ* (Іоан. v, 14), а другому: *хощеши ли цѣлъ быти?* возставъ, *возми одръ твой* и иди въ домъ твой (ст. 6, 8). Хотя бы ты тридцать восемь лѣтъ страдалъ недугомъ, какъ тотъ разслабленный, но если захочешь стать здравымъ,—никто не воспрепятствуетъ; только пожелай возстать, только вступи на путь, ведущій сюда, и скоро достигнешь успѣха; не заключай лишь дверей, не заграждай входа. Кратко настоящее время, не великъ трудъ: но
504 если бы даже онъ былъ и великъ, то и въ такомъ случаѣ не слѣдовало бы падать духомъ. Если ты не потрудишься этимъ прекраснѣйшимъ трудомъ покаянія, то въ будущемъ мірѣ несомнѣнно испытаешь тяготу и мучительные труды инымъ образомъ. Если же и здѣсь и тамъ трудъ, то почему мы не избираемъ того, который приноситъ обильный плодъ и великую награду? Если Богъ оказываетъ намъ благодѣянія, когда мы недостойны ихъ, и милосердствуетъ къ согрѣшающимъ, то чего не достигнемъ мы, какими благами не насладимся, если отстанемъ отъ нечестія и будемъ идти стезей добродѣтели? Тѣхъ, кто имѣетъ умъ, привлекаютъ къ исполненію заповѣдей болѣе благодѣянія, нежели наказанія. Итакъ, если еще прежде, чѣмъ мы показали что-нибудь доброе, лучше же сказать, когда совершили достойное наказанія, Богъ удостоилъ насъ такого благодѣянія, то послѣ того, какъ мы станемъ признательны, воздадимъ Ему благодарность за полученныя раньше блага и покажемъ перемѣну на лучшее, какихъ опять щедротъ своихъ Онъ не удостоитъ насъ? Если мы провинившихся рабовъ, когда они обѣщаютъ исправиться, опять допускаемъ къ себѣ и возвращаемъ на прежнее мѣсто, а часто оказываемъ имъ даже еще большее довѣріе, то тѣмъ болѣе сдѣлаетъ такъ съ нами Богъ, если мы покажемъ покаяніе, соотвѣтствующее грѣхамъ. И это видно изъ случившагося съ блаженнымъ Давидомъ. Онъ преткнулся и палъ, сталъ виновенъ въ прелюбодѣяніи и убійствѣ; но такъ какъ послѣ паденія онъ не остался лежать, а опять всталъ и съ помощію Бога вооружился противъ врага, то и поборолъ его такъ доблестно, что и по смерти даже сталъ покровителемъ своихъ потомковъ. Такъ Соломону, который совершилъ великое беззаконіе и сдѣлался достоинъ тысячи смертей, Богъ говоритъ, что ради Давида оставляется ему царство въ цѣлости, слѣдующими словами: *раздирая раздеру царство изъ руку твоею, и дамъ е рабу твоему. Обаче во дни твои не сотворю сихъ, Давида ради, отца твоего: отъ руки сына твоего*

отыму е (3 Цар. xi, 11, 12). И Езекіи, бывшему въ крайней опасности, хотя и праведному, опять Онъ обѣщалъ помощь ради того же блаженнаго: *защищу*, говоритъ, *градъ сей Мене ради, и Давида ради, раба Моего* (4 Цар. xix, 34). Какъ въ отношеніи къ тѣмъ, которые обнаруживаютъ благородство духа, Богъ по присущей Ему благости отмѣняетъ свои приговоры, принимаетъ кающихся и освобождаетъ отъ угрожающаго наказанія, такъ, наоборотъ, когда Онъ обѣщаетъ даровать или какія-нибудь блага, или время для покаянія, а видитъ, что получившіе обѣщанія стали недостойными, равнымъ образомъ отмѣняетъ свои обѣщанія. Не такъ преступно — грѣшить, какъ — оставаться въ грѣхахъ. Для того, вѣдь, Богъ и напередъ оказываетъ намъ благодѣянія, и согрѣшившихъ опять удостоиваетъ прощенія, и наказаній тотчасъ не наводитъ, чтобы всѣми средствами привлечь насъ къ покаянію — и благодѣяніями и долготерпѣніемъ; а часто и наказаніями, которымъ Онъ подвергаетъ однихъ, хочетъ побудить къ покаянію другихъ, чтобы, вразумившись страхомъ этихъ наказаній, они избѣжали ихъ сами. Ты много согрѣшилъ? Остановись же наконецъ, обратись на противоположный путь, воздай благодареніе Богу, что Онъ не восхитилъ тебя (изъ среды живыхъ) при самомъ совершеніи грѣховъ, и не желай, чтобы тебѣ было дано
еще время дѣлать зло. Не говори: будетъ еще время, когда 595
нужно обратиться. Многіе похищены были смертію въ то самое время, какъ предавались корыстолюбію, и отошли на явное мученіе. Бойся, чтобы и тебѣ не подвергнуться тому же безъ всякой надежды на оправданіе. Но многимъ, скажешь, Богъ далъ время раскаяться и въ самой глубокой старости. Что же? Развѣ и тебѣ дастъ? Можетъ быть, дастъ, говоришь ты. Что за слова: „можетъ быть", „иногда", „часто"? Подумай только, что дѣло идетъ о душѣ твоей; представь себѣ и противное, размысли и скажи: а что, если не дастъ? А что, говоришь ты, если дастъ? Положимъ, что и далъ бы Богъ; но немедленное обращеніе и безопаснѣе и полезнѣе поздняго. Въ самомъ дѣлѣ, если ты уже началъ его, то во всякомъ случаѣ это для тебя полезно, получишь ли, или не получишь отсрочку. Если же ты всегда откладываешь, то можетъ быть за это самое не получишь. Отправляясь на войну, ты не говоришь: не нужно дѣлать духовнаго завѣщанія, можетъ быть возвращусь; собираясь жениться, не говоришь: возьму жену бѣдную, многіе, несмотря и на это, сверхъ чаянія сдѣлались богатыми; приступая къ постройкѣ дома, не говоришь: поставлю на гниломъ основаніи, многіе дома и такъ стояли. А когда дѣло идетъ о душѣ, ты думаешь утвердиться на гнилыхъ опорахъ, на „можетъ быть", „иногда", „часто", и ввѣряешь себя

неизвѣстному? Не неизвѣстному, скажешь ты, а Божію милосердію, потому что Богъ милосердъ. Знаю это и я; однако этотъ же милосердый исхитилъ (изъ среды живыхъ) и тѣхъ, о комъ я сказалъ. Хочешь ли знать, какъ благъ нашъ Владыка? Пришелъ къ Нему мытарь, исполненный безчисленныхъ пороковъ, и, сказавъ только: *милостивъ буди мнѣ* (Лук. XVIII, 13), ушелъ оправданнымъ. И чрезъ пророка Богъ говоритъ: *за грѣхъ мало что опечалихъ его*, и видѣхъ, яко *опечалися и пойде дряхлъ, и исцѣлихъ* пути его (Иса. LVII, 17, 18). Что можетъ сравниться съ такимъ человѣколюбіемъ? Потому только, что онъ опечалился, Онъ простилъ грѣхи. А мы даже и этого не дѣлаемъ, и тѣмъ особенно прогнѣвляемъ Его. Онъ, умилостивляющійся малымъ, когда не видитъ и этого, справедливо гнѣвается и подвергаетъ насъ величайшему наказанію, потому что это показываетъ крайнее небреженіе. Кто когда-нибудь скорбѣлъ о грѣхахъ? Кто воздыхалъ? Кто билъ въ перси свои? Я не знаю никого. Люди безъ конца плачутъ объ умершихъ рабахъ, о потерѣ имущества, а погубляя каждый день душу свою, объ этомъ мы и не думаемъ. Какъ же ты можешь умилостивить Бога, когда даже и не знаешь, что согрѣшилъ? Правда, говоришь ты, я грѣшенъ. Но это ты говоришь однимъ языкомъ; скажи же сердцемъ, и вмѣстѣ съ словомъ воздыхай, чтобы тебѣ постоянно быть въ добромъ настрое-
596 ніи. Вѣдь если бы мы скорбѣли о грѣхахъ, если бы воздыхали о прегрѣшеніяхъ, то ничто другое не печалило бы насъ, потому что эта скорбь отгоняетъ всякую печаль. Какъ птицѣ, попавшейся въ сѣть, нѣтъ никакой пользы отъ крыльевъ, и она совершенно напрасно бьетъ ими, такъ точно и тебѣ нѣтъ никакой пользы отъ ума, если ты сильно плѣненъ злою похотью. Если въ настоящей жизни мы не желаемъ даже предъ однимъ опозориться, то что мы станемъ дѣлать на томъ свѣтѣ предъ столькими миріадами? Покаяніемъ зовется не то, чтобы отстать только отъ прежнихъ золъ, но чтобы показать и дѣла добрыя: *уклонися*, сказано, *отъ зла и сотвори благо* (Псал. XXXVI, 27). Для здоровья намъ не достаточно вынуть только стрѣлу, а требуется еще приложить къ ранѣ и лѣкарства. Случается, что иной, покаявшись, совершитъ многія и великія добрыя дѣла, и между тѣмъ опять впадетъ въ грѣхъ, равносильный этимъ добрымъ дѣламъ; и этого бываетъ вполнѣ достаточно, чтобы ввергнуть его въ отчаяніе, какъ будто все созданное разрушено, и всѣ труды его были напрасны. Этотъ помыслъ слѣдуетъ отогнать, и подумать о томъ, что если мы не успѣемъ заранѣе запасти добрыхъ дѣлъ въ мѣрѣ, равной совершеннымъ послѣ грѣхамъ, то ничто не отвратитъ нашей полной и всецѣлой погибели. Теперь же (добрыя

дѣла) какъ бы крѣпкія латы не допускаютъ острой и губительной стрѣлѣ дѣлать свое дѣло, но, будучи сами разсѣчены ею, защищаютъ тѣло отъ великой опасности... Итакъ, не то бѣдственно, чтобы сражаясь получить рану, но то, чтобы послѣ пораженія отчаиваться и не заботиться о ранѣ. Ни одинъ купецъ, подвергшись однажды кораблекрушенію и потерявъ грузъ, не оставляетъ мореплаванія, но опять переплываетъ море и обширныя бездны, и вновь пріобрѣтаетъ прежнее богатство. И борцовъ мы часто видимъ увѣнчиваемыми послѣ многократныхъ паденій, также и воинъ, много разъ обращавшійся въ бѣгство, наконецъ оказывается героемъ и побѣждаетъ враговъ. Даже многіе изъ отрекшихся отъ Христа по страху мученій опять вступали въ борьбу и уходили украшенными вѣнцомъ мученичества. Но если бы каждый изъ нихъ послѣ перваго удара предался отчаянію, то не получилъ бы послѣдующихъ благъ. Да сподобимся же ихъ всѣ мы, благодатію и человѣколюбіемъ Господа нашего Іисуса Христа, Которому слава и держава во вѣки вѣковъ. Аминь.

СЛОВО IV. 595

О постѣ и цѣломудріи.

Хочешь ли знать, какое украшеніе для людей постъ, какая онъ оборона и защита? Подумай о блаженномъ и чудномъ родѣ монашествующихъ. Они, убѣжавъ отъ мірского шума и востекши на вершины горъ и построивъ кельи въ тишинѣ пустыни, какъ въ нѣкоей спокойной пристани, взяли себѣ постъ въ товарищи и сообщники на всю жизнь. Зато онъ и сдѣлалъ ихъ изъ людей 596
ангелами; да и не ихъ однихъ, но и кто въ городахъ соблюдаетъ его,—всѣхъ возводитъ онъ на самую высоту любомудрія. Постъ и нынѣ собралъ насъ въ отеческій домъ; онъ и сегодня привелъ въ матерніа объятія тѣхъ, которые доселѣ были лѣнивы. Если же онъ, только еще ожидаемый, внушилъ намъ столько ревности, то сколько благочестія произведетъ онъ въ насъ, когда явится 597
и наступитъ? Если бы Адамъ послушался этого голоса [1]), то не услышалъ бы другого: *земля еси и въ землю отыдеши* (Быт. III, 19). Но такъ какъ онъ не послушалъ того голоса, то за это (постигли его) смерть, печаль, заботы, и жизнь тягостнѣйшая всякой смерти. И какъ за презрѣніе къ себѣ постъ наказалъ пре-

[1]) Т. е. заповѣди не вкушать отъ древа познанія добра и зла.

зрителя смертью, такъ напротивъ за уваженіе отвратилъ смерть Такъ, когда великій и дивный городъ ниневитянъ лежалъ уже поверженный долу, склонивъ голову къ самой пропасти, и готовъ былъ принять направленный сверху ударъ, постъ, какъ нѣкая слетѣвшая свыше сила, исторгъ его изъ самыхъ рукъ палача и возвратилъ къ жизни. Посмотримъ же, какъ постились ниневитяне и какъ избавились отъ угрожавшаго гнѣва. *Человѣцы*, говорится, *и скоти и овцы и волове да не вкусятъ* (Іон. III, 7). Что ты говоришь, скажи мнѣ? И безсловесныя постятся, и лошади и мулы покрываются вретищемъ? Да, говоритъ. Какъ по смерти богатаго человѣка родственники одѣваютъ во вретище не только рабовъ и рабынь, но и коней, и заставляютъ слѣдовать за гробомъ, чтобы этимъ выразить тяжесть потери и возбудить во всѣхъ сожалѣніе, такъ и тогда, когда городу угрожала гибель, жители облекли во вретище и безсловесную тварь и наложили на нее иго поста. Безсловесныхъ, говорили они, нельзя вразумить о гнѣвѣ Божіемъ словомъ, пусть же они вразумятся голодомъ, потому что если они должны раздѣлить съ нами наказаніе, то пусть раздѣляютъ и постъ. Если же нѣкоторымъ изъ присутствующихъ здѣсь тѣлесная немощь препятствуетъ предаваться посту, то такихъ я убѣждаю и облегчать тѣлесную немощь, и не лишать себя этого духовнаго наставленія, но потому-то самому и показывать тѣмъ большее рвеніе. Въ самомъ дѣлѣ, воздержаніе отъ пищи Богъ повелѣваетъ для того, чтобы мы обуздывали порывы плоти и дѣлали ее послушнымъ орудіемъ для исполненія заповѣдей. Если же мы, по причинѣ тѣлеснаго недуга, не воспользуемся помощью поста и покажемъ еще большую безпечность, то причинимъ себѣ величайшій вредъ. Если и постъ, не сопровождаемый добрыми дѣлами, не приноситъ намъ никакой пользы, то тѣмъ болѣе (мы подвергнемся осужденію), если мы, не будучи въ состояніи воспользоваться врачествомъ поста, покажемъ еще большее нерадѣніе къ исполненію заповѣдей. Если занимающіеся мірскими дѣлами никогда не рѣшатся взяться за дѣло, не опредѣливъ напередъ приносимой имъ прибыли, то тѣмъ болѣе намъ слѣдуетъ такъ дѣлать: не просто лишь проходить седмицы поста, а изслѣдовать свою совѣсть, испытывать помыслы, и замѣчать, что мы успѣли сдѣлать на этой недѣлѣ, что на другой, что новаго предприняли достичь на слѣдующую и отъ какихъ исправились мы страстей. Если мы не будемъ управлять себя такимъ образомъ и показывать такую заботливость о своей душѣ, то намъ не будетъ никакой пользы отъ поста и воздержанія, которымъ мы подвергаемъ себя. Итакъ, если ты по тѣлесной немощи не можешь цѣлый день оставаться

безъ пищи, то никто здравомыслящій не можетъ порицать тебя за это. Мы имѣемъ кроткаго и милостиваго Владыку, Который 598
не требуетъ отъ насъ ничего сверхъ силы. Вѣдь Онъ требуетъ отъ насъ не просто лишь воздержанія отъ яствъ и поста, и не для того, чтобы мы оставались только безъ пищи, а для того, чтобы мы, удаляясь отъ мірскихъ занятій, весь досугъ употребляли на духовныя. Если бы мы съ трезвящейся душей вели свою жизнь, обнаруживали все усердіе къ дѣламъ духовнымъ, принимали пищу для того лишь, чтобы удовлетворить необходимой потребности, и проводили всю жизнь въ благихъ дѣлахъ, то для насъ не было бы нужды и въ помощи поста. Но такъ какъ природа человѣческая безпечна и склонна болѣе предаваться удовольствію и распущенности, то человѣколюбецъ—Господь, какъ нѣжнолюбящій отецъ, изобрѣлъ для насъ врачество поста, чтобы истребить въ насъ и соблазны удовольствія, и заставить насъ переносить заботу о мірскихъ дѣлахъ на дѣланіе духовное. Однако, есть много людей, которые, готовясь сражаться съ постомъ, какъ бы съ дикимъ звѣремъ, ограждаютъ себя объяденіемъ, и, до крайности обременивъ и омрачивъ себя, весьма неразумно встрѣчаютъ тихое и кроткое лицо поста. И если я спрошу тебя: для чего ты сегодня идешь въ баню? — ты скажешь: чтобы съ чистымъ тѣломъ встрѣтить постъ. А если спрошу: отчего упиваешься?—ты опять скажешь: оттого, что готовлюсь вступить въ постъ. Но не странно ли этотъ прекраснѣйшій постъ встрѣчать съ тѣломъ чистымъ, а съ душею нечистою и опьяненною? Пріучимся же вкушать пищу въ той лишь мѣрѣ, въ какой нужно для поддержанія жизни, а не переполнять и отягощать себя яствами. Не для того явились мы на свѣтъ и живемъ, чтобы ѣсть и пить, а для того ѣдимъ, чтобы жить; не жизнь ради пищи, а пища ради жизни создана была изначала. Жизнь, братія, соразмѣрена не съ удовольствіемъ, а съ необходимостью. Итакъ, отвергнувъ все излишнее для природы, будемъ довольствоваться однимъ только необходимымъ. Что можетъ быть святѣе той трапезы, гдѣ изгнаны пьянство, объяденіе и всякое излишество, а вмѣсто того введено нѣкое чудное соревнованіе въ охраненіи законовъ Божіихъ; гдѣ мужъ наблюдаетъ за женой, чтобы она не впала въ бездну клятвопреступленія, а жена оберегаетъ мужа, и преступнику угрожаетъ тягчайшимъ наказаніемъ; гдѣ господинъ не стыдится ни принимать обличеніе отъ рабовъ, ни самъ исправлять своихъ слугъ? Не погрѣшитъ тотъ, кто назоветъ такой домъ церковью. Гдѣ господствуетъ такое воздержаніе, что даже въ часы удовольствія всѣ присутствующіе заботятся о законахъ Божіихъ, всѣ состязаются и соперничаютъ

въ этомъ другъ съ другомъ, тамъ очевидно изгнана всякая злая сила демоновъ и въ прекрасномъ соревнованіи рабовъ присутствуетъ Христосъ. Но съ порокомъ, говоришь ты, соединено много удовольствія, а съ добродѣтелью великій трудъ и усиліе.
599 Но какая же была бы тебѣ благодарность, за что бы ты получилъ награду, если бы дѣло не было соединено съ трудомъ? Въ самомъ дѣлѣ, я могу указать много людей, которые по природѣ гнушаются общенія съ женщинами; назовемъ ли мы ихъ поэтому цѣломудренными или признаемъ ли достойными вѣнцовъ? Ни въ какомъ случаѣ,—потому что цѣломудріе есть воздержаніе и побѣда надъ искушающими насъ удовольствіями. Часто волны страстей, превосходящія своей свирѣпостью морскія волны, нападаютъ на нашу душу и производятъ въ ней большое смущеніе. Человѣкъ безпечный и нерадивый, когда начинается буря, тотчасъ же приходитъ въ смущеніе и смятеніе, и смотритъ со страхомъ, какъ душа терпитъ крушеніе и потопляется страстями; напротивъ, сильный и мужественный человѣкъ, поставивъ, какъ бы кормчаго у руля, разумъ надъ страстями, не перестаетъ принимать всѣ мѣры, пока не направитъ ладью въ тихую пристань любомудрія. Не будемъ же разслаблять свою крѣпость и разрушать свои силы бесѣдами съ женщинами, потому что отсюда происходитъ невыразимо великое зло для душъ нашихъ. А что (сказать), если мы даже и не чувствуемъ этого, опьяняемые пристрастіемъ? Это-то и ужаснѣе всего, что мы даже и не сознаемъ, какъ разслабѣваемъ и дѣлаемся мягче всякаго воска. Какъ если кто, поймавъ гордаго и грознаго льва, отрѣжетъ у него гриву, вырветъ зубы и острижетъ когти,—дѣлаетъ презрѣннымъ, смѣшнымъ и даже для дѣтей одолимымъ того, кто былъ страшенъ, неприступенъ и все потрясалъ однимъ рычаніемъ, — такъ точно и женщины, кого привлекутъ къ себѣ, всѣхъ дѣлаютъ удобоуловимыми для діавола, изнѣженными, раздражительными, безстыдными, безразсудными, гнѣвливыми, дерзкими, непристойными, неблагородными, жестокими, раболѣпными, подлыми, наглыми, болтливыми, и, вообще, всѣ женскіе дурные нравы передаютъ и внѣдряютъ въ ихъ душу. Невозможно, чтобы живущій такъ сочувственно съ женщинами и питающійся бесѣдами съ ними не былъ сплетникомъ, болтуномъ, и легкомысленнымъ. Станетъ ли онъ говорить о чемъ-нибудь, все онъ будетъ говорить на счетъ пряжи, и тканей, потому что языкъ его зараженъ свойствомъ женскихъ рѣчей; станетъ ли дѣлать что-нибудь, сдѣлаетъ съ великимъ раболѣпствомъ, потому что онъ далеко уклонился отъ свойственной христіанамъ свободы и сталъ неспособенъ ни на какое великое дѣло. Итакъ, если ты воочію хочешь доказать

намъ, что ты не находишь удовольствія говорить срамныя рѣчи, то не дозволяй себѣ и слушать ихъ. Теперь же будешь ли ты когда-нибудь въ состояніи понести труды ради цѣломудрія, когда постепенно разслабляешься смѣхомъ и этими срамными рѣчами? Вѣдь даже и чистая отъ всего этого душа едва только можетъ быть святой и цѣломудренной. И пусть не говорятъ мнѣ: я не 600
могу спастись, если не откажусь отъ жены, если не откажусь отъ дѣтей, если не откажусь отъ дѣлъ. Развѣ бракъ служитъ препятствіемъ? Жена дана тебѣ въ помощницы. Развѣ онъ (бракъ) врагъ? Не зазоренъ бракъ, а блудъ—зло. Я своей собственной погибелью ручаюсь тебѣ въ твоемъ спасеніи. Если жена твоя порочна, не представляй этого въ свое извиненіе. И у Іова жена была нечестива и порочна, и побуждала его на богохульство. Что же? Поколебала ли она твердыню? Сокрушила ли адамантъ? Осилила ли скалу? Нисколько; напротивъ, она нанесла ударъ, а твердыня стала еще крѣпче; плодъ былъ сорванъ, а дерево не поколебалось; листья опали, а корень остался недвижимъ. Какъ кормчій, произведшій крушеніе въ самой пристани, не заслуживаетъ никакого снисхожденія, такъ и человѣкъ, огражденный бракомъ, если онъ разрушаетъ чужіе браки или смотритъ съ вожделѣніемъ на какую бы то ни было женщину, не заслуживаетъ ни предъ людьми, ни предъ Богомъ никакого извиненія, сколько бы онъ ни ссылался на требованіе природы. Въ самомъ дѣлѣ, какое можетъ быть удовольствіе отъ такого плотского пожеланія, когда человѣкъ чувствуетъ страхъ, тревогу и опасеніе, боится суда и отвѣта, представляетъ себѣ гнѣвъ судіи и мечъ палача, яму и темницу? Вѣдь такой человѣкъ пугается даже тѣней, опасается самыхъ стѣнъ и камней, какъ будто имѣющихъ голосъ, всего трепещетъ, и боится, и терзаетъ душу ожиданіемъ всякихъ ужасовъ. Такимъ образомъ, не помѣха бракъ для цѣломудрія, а скорѣе огражденіе для него. Дѣвство, вѣдь, столь великое дѣло, и требуетъ такого труда, что Христосъ, сойдя съ неба для того, чтобы сдѣлать людей ангелами и здѣсь насадить вышній образъ жизни, не рѣшился даже и при такой цѣли предписать его и возвести на степень закона; и несмотря на то, что далъ законъ умирать за Него, — а что могло бы быть тяжелѣе этого?—постоянно распинать себя, и благотворить врагамъ, дѣвства тѣмъ не менѣе не узаконилъ, но предоставилъ на произволеніе слушателей, сказавъ: *могій вмѣстити да вмѣститъ* (Мѳ. XIX, 12). Велико, дѣйствительно, бремя этого дѣла, и весьма обрывисто мѣсто этой добродѣтели. И это доказываютъ тѣ, которые процвѣтали многими добродѣтелями въ ветхомъ завѣтѣ. Такъ даже великій Моисей, глава пророковъ, пріискренній другъ Божій, имѣв-

шій такое дерзновеніе, что могъ исторгнуть отъ ниспосланнаго Богомъ пораженія шестьсотъ тысячъ подлежавшихъ наказанію,— этотъ столь великій и славный мужъ, несмотря на то, что приказалъ морю и раздѣлилъ воды, расторгнулъ скалы, измѣнилъ воздухъ, нильскую воду превратилъ въ кровь, измѣнилъ всю тварь, совершилъ другія безчисленныя чудеса и представилъ много примѣровъ добродѣтели,—даже и онъ былъ не въ силахъ обратить взоръ на эти состязанія, а нуждался въ бракѣ и про-
601 истекающей отсюда безопасности, даже и онъ не отважился пуститься въ море дѣвства, боясь несущихся оттуда волнъ. Равнымъ образомъ и патріархъ, приносившій въ жертву сына, былъ въ состояніи преодолѣть властнѣйшее чувство природы, могъ убить сына, и при томъ сына—Исаака, въ самомъ цвѣтущемъ возрастѣ, въ самую лучшую пору юности, единороднаго, возлюбленнаго, даннаго ему вопреки всякой надеждѣ, и его-то былъ въ силахъ возвести на гору, извлекъ ножъ, и вонзилъ его въ гортань сына,— онъ именно (въ намѣреніи) и вонзилъ ножъ, и обагрилъ кровью,— и все же, оказавшись въ состояніи довести до конца столь великій и славный подвигъ, выступивъ изъ границъ самой природы, онъ не отважился приступить къ подвигамъ дѣвства, но
602 убоялся и самъ этихъ состязаній, и предпочелъ покой, какой даетъ бракъ. Точно также и праведный Іовъ, который терпя удары и не нанося ударовъ сокрушилъ уста діавола, и выдержалъ всякій видъ искушеній, и каждый — въ самой крайней степени,— вѣдь все, что въ жизни кажется печальнымъ и въ дѣйствительности является таковымъ, излилось на одно тѣло и обрушилось на одну его душу,—даже и этотъ, столь великій и славный мужъ, поправшій столько законовъ природы, не осмѣлился устремиться на это состязаніе, а насладился и жизнью съ женою, и сдѣлался отцомъ многихъ дѣтей. Нигдѣ безбрачія не узаконилъ Богъ, Которому подобаетъ слава, честь и поклоненіе, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА V.

601 **О счастіи и несчастіи.**

Многіе люди думаютъ, что, когда они богатѣютъ, когда пользуются славой, когда у нихъ все идетъ успѣшно, когда они побѣждаютъ враговъ, тогда помнитъ о нихъ Богъ; поэтому они не знаютъ и того, когда Богъ позабываетъ о нихъ. Не зная

признака памятованія Божія, они не знаютъ и признака забвенія. Памятованіе Божіе о насъ происходитъ не отъ чего другого, какъ отъ усерднаго упражненія въ добродѣтели; равно и забвеніе не отъ чего другого, какъ отъ пребыванія во грѣхахъ. Поэтому и ты, человѣкъ, когда находишься въ несчастіи, не говори: забылъ меня Богъ; напротивъ,—когда ты находишься во грѣхахъ, и тогда особенно, когда все идетъ у тебя успѣшно. Трезвая и бодрствующая душа показываетъ свое благородство не только тогда, когда дѣла идутъ успѣшно, но и въ случаѣ злоключеній воздаетъ одинаковую благодарность Богу, нисколько не ослабѣвая вслѣдствіе перемѣны обстоятельствъ. Какъ многоводный потокъ, принимая притокъ, образуетъ пузыри, изъ которыхъ одни лопаются тотчасъ же, а другіе, хотя и значительно вздуваются, также впослѣдствіи лопаются, такъ точно и море настоящей жизни: однихъ поглощаетъ, едва лишь они явятся, а другихъ, у кого хватаетъ силъ на болѣе продолжительное время,—и ихъ потопляетъ. И что ты смущаешься, говоритъ, если одинъ исторгнутъ, а другой введенъ въ міръ? Христа распинали, а разбойника Варавву просили освободить; убійца былъ предпочтенъ Спасителю. Когда случается перемѣна къ худшему, тогда снимаются маски льстецовъ; тогда изобличается толпа лицемѣровъ и ихъ притворство; всѣ уста открываются, говоря: презрѣнный, мерзкій, подлый, не ты ли вчера льстилъ ему, не ты ли лобызалъ его руки? То была личина; пришло время, и я сбросилъ личину, и открылъ свои мысли. Многіе сострадаютъ друзьямъ, когда они терпятъ несчастія; но радоваться съ ними, когда они пользуются славой, не могутъ. Дѣйствительно, *радоватися съ радующимися* не только не малая добродѣтель, но даже и гораздо большая, чѣмъ *плакати съ плачущими* (Рим. xii, 15) и защищать въ опасностяхъ. Многіе раздѣляли опасности вмѣстѣ съ терпѣвшими опасности, но находившимся въ счастіи не сорадовались, а напротивъ даже огорчались; и такимъ образомъ, выдержавъ болѣе тяжкое, оказывались безсильными на болѣе легкое. Подлинно, ничто не дѣлаетъ людей такъ неразумными и преступными, какъ привязанность къ славѣ, и ничто не дѣлаетъ такъ досточтимыми и твердыми, 602
какъ презрѣніе къ ней. Потому-то и нужна весьма мужественная душа тому, кто хочетъ устоять противъ столь сильнаго порыва и напора вѣтра. Когда человѣкъ, привязанный къ славѣ, благоденствуетъ, онъ считаетъ себя выше всѣхъ другихъ; когда же терпитъ противное, готовъ зарыть себя въ землю, будучи поглощаемъ печалью. Три отрока были ввергнуты въ печь и, несмотря на это, не забыли благочестія. Потому-то огонь сдѣлался

для нихъ стѣною, пламень — одеждою, печь — источникомъ; принявъ ихъ связанными, она возвратила ихъ разрѣшенными; приняла тѣла смертныя и не коснулась ихъ, какъ безсмертныхъ; не познала природы, но почтила благочестіе. Мучитель связалъ ноги, а ноги связали силу огня. О, дивное чудо! Узниковъ разрѣшилъ пламень и самъ затѣмъ былъ связанъ узниками. Благочестіе отроковъ измѣнило природу вещей, а лучше сказать—не природу измѣнило, но, — что еще удивительнѣе,—не измѣняя природы, остановило ея дѣйствіе: оно не угасило огня, а заставило его, и горя, не оказывать своей силы. И что дивно и чудно,—это случилось не только съ тѣлами святыхъ, но и съ одеждами ихъ. Какъ у апостоловъ одежды Павла прогоняли болѣзни и демоновъ, и тѣнь Петра обращала въ бѣгство смерть, такъ и здѣсь обувь этихъ отроковъ угасила силу огня. Не знаю, какъ и сказать, потому что чудо превосходитъ всякое слово. Огонь и угасалъ и не угасалъ. Когда прикасался къ тѣламъ святыхъ отроковъ, онъ угасалъ; а когда надобно было расторгнуть узы, не угасалъ; узы расторгъ, а пятъ не коснулся. Видишь, какая близость, и не ошибся огонь, и не дерзнулъ пройти дальше узъ? Для чего же мучитель связалъ ихъ, намѣреваясь ввергнуть въ огонь? Чтобы чудо было величественнѣе, чтобы знаменіе было удивительнѣе, чтобы ты не принялъ видимаго за обманъ глазъ. Если бы этотъ огонь не былъ огнемъ, то онъ не истребилъ бы узъ, не попалилъ бы (воиновъ), сидѣвшихъ внѣ печи. Теперь же на бывшихъ внѣ печи онъ показалъ свою силу, а на бывшихъ внутри обнаружилъ покорность. И когда мучитель увидѣлъ, что отроки не потерпѣли никакого вреда, послушай, какъ онъ перемѣнился. *Раби Бога вышняго*, говоритъ, *изыдите и пріидите* (Дан. III, 93).
603 Незадолго предъ тѣмъ онъ говорилъ: *и кто есть Богъ, иже изметъ вы отъ рукъ моихъ* (ст. 15)? Что же случилось? Откуда такая перемѣна? Ты увидѣлъ, какъ погибли бывшіе внѣ печи, и зовешь находящихся внутри? Откуда напало на тебя такое любомудріе? Видишь, какая перемѣна произошла съ царемъ? Для того и попустилъ Богъ быть всему, чего хотѣлъ мучитель, чтобы показать, что тѣмъ, кого Онъ охраняетъ, никто не можетъ повредить. То же самое сдѣлалъ Онъ и съ Іовомъ. Онъ попустилъ діаволу выказать всю свою силу, и когда онъ истощилъ всѣ стрѣлы, и уже не оставалось никакого рода козней, тогда-то и вывелъ подвижника съ поприща, чтобы побѣда была славна и несомнѣнна. И блаженный Павелъ, просвѣтившій всю вселенную, нѣкогда, во время призванія, былъ ослѣпленъ; но его ослѣпленіе стало просвѣщеніемъ для вселенной. Такъ какъ онъ смотрѣлъ худо, то Богъ хорошо ослѣпилъ его, чтобы онъ прозрѣлъ съ пользою; и

такъ какъ онъ чрезмѣрно гналъ церковь и былъ очень силенъ и неукротимъ, то на него налагается и сильнѣйшая узда, чтобы онъ, увлекаемый порывомъ своей страсти, не пропустилъ мимо слуха сказаннаго ему, а также узналъ, что съ Кѣмъ онъ борется, отъ Того не можетъ перенести не только наказанія, но даже и благодѣянія, такъ какъ не мракъ ослѣпилъ его, но избытокъ свѣта омрачилъ его. А что сказать о Петрѣ? *Влѣзъ же*, говорится, Іисусъ *въ единъ отъ кораблю* Симона, *моли его отъ земли отступити мало* (Лук. v, 3). Видишь, какъ входитъ въ корабль не имѣющій нужды въ кораблѣ, чтобы уловить господина корабля? Въ самомъ дѣлѣ, почему Господь проситъ Симона? Почему Симонъ, протрудившись всю ночь и ничего не поймавъ, оставался безъ дѣла? Онъ весьма досадовалъ, пустыми руками вымывая сѣти и присоединяя трудъ къ труду; и такъ какъ ничего не могъ пріобрѣсти, былъ печаленъ. Поэтому Господь, посмотрѣвъ на его опечаленное лицо, говоритъ ему: ссуди мнѣ, рыбарь, на краткое время челнокъ твой, чтобы съ него поучить Мнѣ народъ, который, какъ ты видишь, слѣдуетъ за Мной. Симонъ же, еще погруженный въ печаль отъ неудачи, говоритъ Господу: откуда явился ты, человѣкъ? Что ты безпокоишь меня? Поищи другой челнокъ, если хочешь оставаться на озерѣ. Видишь, что я печаленъ, такъ какъ у меня не достаетъ хлѣба, а ты обѣщаешь дать взамѣнъ слово Божіе? Я не вижу, гдѣ бы занять денегъ, чтобы накормить свою тещу и жену, а предоставлю тебѣ челнокъ, чтобы напрасно трудиться и день, какъ трудился ночь? Если представишь плату за перевозъ, входи въ мой челнъ; если же не внесешь, то уходи, прошу тебя, потому что меня питаетъ даръ, а не слово. Не ропщи, Симонъ, отвѣчаетъ ему Господь; поистинѣ, ты говоришь какъ корабельщикъ; не считай Моего присутствія лишеніемъ для тебя; оно доставитъ скорѣе обиліе, чѣмъ оскудѣніе. Услышавъ это и нѣсколько просвѣтлѣвъ лицомъ отъ надежды получить награду, Симонъ принимаетъ Господа въ корабль. Іисусъ же, говорится, *сѣдъ учаше изъ корабля народы* (Лук. v, 3). Симонъ же, слушая ученіе, началъ роптать, говоря себѣ: отъ этого ли ожидать мнѣ получить награду? И въ ночь я потерпѣлъ неудачу; и кто же встрѣтился мнѣ сегодня? Этотъ, который говоритъ о нестяжательности, учитъ, чтобы никто ничего не имѣлъ; можетъ быть Онъ хочетъ, чтобы я продалъ и мой челнъ, чтобы раздать все бѣднымъ. И я жду отъ Него получить награду? Затѣмъ, подойдя къ Господу, говоритъ: слова твои прекрасны, и рѣчь твоя пріятна, и ученіе твое достойно почтенія; 604
однако исполни. нашъ договоръ. И Господь говоритъ Симону: ты хочешь получить отъ Меня плату? Отплыви на глубину, и

закиньте сѣти ваши для лова. А Симонъ Господу: ужели опять мнѣ ловить, закидывать сѣти и предпринимать трудъ? О, если бы и ночь не осязалъ я пустыми руками! Развѣ ты опытнѣе меня въ искусствѣ плаванія? Или чѣмъ-нибудь владѣешь въ сокровенной глубинѣ? Можешь быть учителемъ; но развѣ ты и рыболовъ? Уйди отъ меня. Вижу, что ты ничего не можешь заплатить. Что я трачу время? Не заявилъ ли я объ этомъ тебѣ съ самаго начала? Тогда Господь Симону: не смотри на Меня, Симонъ, какъ ничего неимущаго; не на руки Мои или пазуху обращай взоръ; не въ рукахъ, а въ устахъ Моихъ я ношу твою плату. Отплыви на глубину, и закиньте сѣти ваши для лова. Но тотъ отвѣчаетъ: *наставниче, объ нощь всю труждшеся, ничесоже яхомъ: по глаголу же твоему ввергу мрежу. И се сотворше, яша множество рыбъ много: протерзашеся же мрежа ихъ* (Лук. v, 5, 6). О, дивное дѣло! Не оставляетъ Петра забота. Разрывались сѣти, а онъ смотрѣлъ на Христа, думалъ о рыбахъ и размышлялъ о чудѣ. Онъ не въ силахъ былъ извлечь груза и позвалъ помощниковъ. Находившіеся въ другомъ кораблѣ, гдѣ были Іаковъ и Іоаннъ, пришедши, начали собирать рыбъ, и чѣмъ больше собирали, тѣмъ больше послѣднія умножались. Рыбы спѣшили другъ предъ другомъ исполнить Владычнее повелѣніе: малыя перегоняли большихъ, среднія опережали болѣе крупныхъ, большія перескакивали чрезъ малыхъ; они не ждали рукъ ловцовъ, а сами прыгали въ лодку. Дно озера опорожнилось; ни одна рыба не хотѣла оставаться внизу, и, такъ какъ сѣти прорвались, однѣ сами прыгали въ лодку, а другія оставались около сѣтей, стремясь быть уловленными и не желая оставаться вдали отъ нихъ. Что же Симонъ? Подъ впечатлѣніемъ двухъ обстоятельствъ—безуспѣшнаго ночного лова и успѣшнаго лова днемъ по слову Іисуса, онъ, видя это, припалъ къ ногамъ Господа съ словами: *изыди отъ мене, Господи, яко мужъ грѣшенъ есмь* (Лук. v, 8): я узналъ наконецъ, кто Ты. Никогда не видѣлъ я такого лова рыбъ. Обычно, Владыка, рыбы заключаются внутри невода; а я вижу противоположное свершившееся чудо: извнѣ рыбы одолѣваютъ неводъ. Удержи, наконецъ, божественное твое повелѣніе, оставь озеру хотя бы двухъ рыбъ для развода. *Изыди отъ мене, Господи;* не Тебя отвергаю, а себя самого признаю недостойнымъ. *Изыди отъ мене, яко мужъ грѣшенъ есмь.* Что же Іисусъ? *Не бойся,* Петръ, *отселѣ будеши человѣки ловя* (ст. 10). О, могущество Господа! О, благоразуміе Петра! Лишь только услышалъ, какъ тотчасъ же повиновался. Ни рыбъ не продалъ, ни съ женою не простился, а выведя челнъ на землю, оставилъ все и послѣдовалъ за Христомъ. Такъ и Лазаря богачъ увидѣлъ на лонѣ Авраама, чтобы

какъ первому причиняло тягчайшую пытку то, что онъ лежалъ у воротъ богача и видѣлъ чужія блага, такъ и послѣднему те- 605
перь причиняло наказаніе, тягчайшее самаго пребыванія въ гееннѣ, то, что онъ видѣлъ блаженство Лазаря,—чтобы не только по свойству самыхъ мученій, но и по сравненію съ наградой Лазаря, онъ терпѣлъ жесточайшее наказаніе. И какъ Адама, извергая изъ рая, Богъ поселилъ противъ рая, чтобы постоянный видъ послѣдняго, обновляя чувство скорби, заставлялъ его сильнѣе чувствовать лишеніе райскихъ благъ, такъ и богача Онъ помѣстилъ противъ Лазаря, чтобы видѣть, какихъ онъ лишился благъ. Но почему богачъ обратился съ просьбой не къ Лазарю, а къ Аврааму? Онъ стыдился и смущался, и по собственному опыту думалъ, что тотъ непремѣнно помнитъ обиду. Если я, разсуждалъ онъ, пользуясь такимъ богатствомъ, безъ всякой для меня обиды, презрѣлъ человѣка, находившагося въ столь бѣдственномъ положеніи, и не удѣлялъ ему даже крохъ, то тѣмъ болѣе онъ, столь презрѣнный мною, не окажетъ мнѣ снисхожденія. Поэтому онъ обратился къ Аврааму, который, какъ онъ думалъ, не зналъ происшедшаго, не вѣдая, что патріархъ говорилъ не отъ себя, а изрекалъ ему Божіи законы, и просилъ перста того, кого онъ часто предоставлялъ языкамъ собакъ. Но посмотри на снисходительность праведника. Онъ не сказалъ: безчеловѣчный, жестокій, нечестивый, столько золъ попустилъ ты терпѣть человѣку, а теперь вспомнилъ о человѣколюбіи, о милосердіи и снисхожденіи? И ты не стыдишься и не краснѣешь? Ничего такого не сказалъ онъ, а что? *Чадо, воспріялъ еси благая твоя* (Лук. xvi, 25). Не смущай, говоритъ, опять смиренную душу; достаточно 606
для него наказанія, не будемъ ругаться надъ его злоключеніями. Что могу, говоритъ, то я даю тебѣ; но перейти отсюда туда, — это не въ нашей власти. Послушаемъ, что говоритъ богачъ Аврааму. *Отче Аврааме, помилуй мя, и посли Лазаря, да омочитъ конецъ перста своего въ водѣ, и устудитъ языкъ мой, яко стражду во пламени семъ* (ст.24). Итакъ, почему онъ умоляетъ не Лазаря, а патріарха? Вполнѣ естественно,—на бѣдняка онъ не осмѣливался и взглянуть. Вспоминая свою безчеловѣчность и жестокосердіе, которое онъ обнаружилъ въ отношеніи къ Лазарю, онъ предполагалъ, что тотъ, можетъ быть, не удостоитъ его и отвѣтомъ. Поэтому онъ и обращается съ просьбой не къ нему, а къ патріарху. Но, несмотря и на это, онъ не достигъ ничего. Видишь ли, какимъ почетомъ и достоинствомъ пользуется тотъ, кто лежалъ у воротъ, презрѣнный нищій, постоянно боровшійся съ голодомъ, покрытый ранами, которыя лизали собаки? Съ удовольствіемъ я постоянно говорю объ этомъ, чтобы никто изъ находящихся въ бѣдности,

или терпящихъ болѣзни и голодъ, не считалъ себя несчастнымъ, но, перенося все съ терпѣніемъ и благодарностію, питался благими надеждами и ожидалъ будущихъ неизреченныхъ наградъ и воздаяній за труды, — коихъ всѣ мы да сподобимся получить благодатію и человѣколюбіемъ Господа нашего Іисуса Христа, Которому подобаетъ слава, держава, честь и поклоненіе, со Отцемъ и Святымъ Духомъ, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

СЛОВО VI.

605 ### Объ ученіи и наставленіи.

Недавно мы говорили противъ тѣхъ, которые оставляютъ молитву, и въ часы, назначенные для нея, проводятъ время внѣ церкви; а сегодня я хочу обратиться съ обличеніемъ къ находящимся въ церкви, не потому, что они находятся здѣсь, а потому, что, присутствуя здѣсь, они ведутъ себя ничѣмъ не лучше проводящихъ время внѣ церкви, именно разговаривая въ этотъ страшный часъ другъ съ другомъ и невнимательно относясь къ божественнымъ словамъ. Что ты дѣлаешь, человѣкъ? Не видишь ли, сколько узниковъ изъ братьевъ твоихъ стоитъ здѣсь вблизи? Въ самомъ дѣлѣ, дѣйствіе демоновъ представляетъ мерзкія и тяжкія узы, тягостнѣйшія всякаго желѣза, а ты разговариваешь о вещахъ совсѣмъ неподобающихъ? Не достаточно ли одного только взгляда, чтобы поразить тебя страхомъ и внушить сострадапіе къ другимъ? Братъ твой въ узахъ, а ты предаешься безпечности? Скажи мнѣ, можешь ли ты получить прощеніе, будучи такъ чуждъ состраданія, такъ безчеловѣченъ, такъ жестокъ? Ты не хочешь пожалѣть брата? Побойся хотя бы за самого себя и воспрянь. Ужели ты не боишься, что въ то время, какъ ты занимаешься разговорами, ведешь себя безпечно и разсѣянно, какой-нибудь демонъ нападетъ на тебя, и найдя твою душу, какъ бы храмину безъ двери, не занятую и выметенную, войдетъ въ нее съ полной безопасностью? Не должны ли бы въ этотъ часъ всѣ проливать источники слезъ, не должны ли бы у всѣхъ глаза быть орошенными, и плачъ и вопли слышаться по всей церкви?
606 Послѣ пріобщенія тайнамъ, послѣ восприятія купели крещенія послѣ сочетанія съ Христомъ, волкъ этотъ ухитрился похитить изъ стада агнцевъ и удержать у себя, и ты, видя такое несчастіе, не плачешь? Можетъ ли это заслуживать какого-нибудь изви-

ненія? Если бы ты увидѣлъ, что загорается домъ сосѣда, то, скажи мнѣ, хотя бы этотъ сосѣдъ былъ непріязненнѣе тебѣ всѣхъ людей, не побѣжалъ ли бы ты потушить пожаръ, боясь, чтобы огонь, распространяясь дальше, не дошелъ и до твоего порога? Такъ поступай и съ братьями, которымъ угрожаютъ злые демоны. Вѣдь и дѣйствіе демоновъ есть тяжкій пожаръ. Берегись же, чтобы, идя далѣе и далѣе, демонъ не захватилъ и твоей души. И когда ты замѣтишь его присутствіе, то съ великимъ рвеніемъ прибѣгни къ Господу, чтобы демонъ, видя твою пламенную и бодрствующую душу, понялъ, что сердце твое уже недоступно для него. Если онъ увидитъ тебя сонливымъ и безпечнымъ, то быстро войдетъ какъ въ свободное пристанище; а если увидитъ, что ты напрягаешь всѣ свои силы, бодрствуешь, и держишься какъ бы за самое небо, то не посмѣетъ уже и взглянуть на тебя. Итакъ, если уже ты презираешь братьевъ, то пощади хотя бы самого себя, и загради лукавому демону входъ въ душу твою. Подлинно, ничто такъ не преграждаетъ ему путь къ намъ, какъ усердная молитва. А если ты хочешь знать, какое великое благо 607
заключается въ томъ, чтобы вмѣстѣ съ собственнымъ своимъ спасеніемъ пріобрѣсти и другого, то послушай, что говоритъ пророкъ отъ лица Бога: изводяцій *честное отъ недостойнаго, яко уста моя* есть (Іер. xv, 19), то есть, кто приводитъ,—говоритъ,—ближняго отъ заблужденія къ истинѣ, или отъ нечестія къ добродѣтели, насколько это въ силахъ человѣческихъ, тотъ подражаетъ Мнѣ. Если Христосъ, будучи Богомъ, будучи причастникомъ неизреченнаго божественнаго существа, воспріялъ крестъ и потерпѣлъ все прочее, свойственное человѣку, ради насъ и нашего спасенія, то чего не обязаны оказать мы въ отношеніи къ тѣмъ, которые имѣютъ одинаковую съ нами природу, и суть члены наши, чтобы исхитить ихъ изъ пасти діавола и привести на путь добродѣтели? Если на обычныхъ пиршествахъ бываетъ такъ, что участвующіе сохраняютъ часть кушаній для своихъ близкихъ и друзей, представляя этимъ величайшій знакъ своей любви къ нимъ, то тѣмъ болѣе заслужимъ мы высокую похвалу, если будемъ поступать такъ на пиршествахъ духовныхъ. Тотъ, кто ревностно занимается наученіемъ ближняго, не столько оказываетъ благодѣяніе послѣднему, сколько себѣ самому предуготовляетъ большую награду, и пріобрѣтаетъ двойную пользу, именно: и отъ Бога получаетъ большее воздаяніе, и самъ, когда принимается учить брата, начинаетъ вспоминать и постоянно освѣжать въ памяти свои слова. Если тотъ, кто, поставивъ портретъ умершаго сына, или друга, или родственника, чрезъ этотъ бездушный портретъ представляетъ себѣ умершаго и думаетъ, что онъ при-

сутствуетъ, то тѣмъ болѣе мы чрезъ божественныя писанія наслаждаемся присутствіемъ святыхъ, имѣя предъ собою изображенія не тѣлъ, а самыхъ душъ ихъ, потому что слова ихъ служатъ образами душъ ихъ. Подобно тому, какъ врачи не заставляютъ приносить больныхъ, пригвожденныхъ къ постели, къ себѣ домой, а сами приходятъ къ нимъ для излѣченія болѣзней, такъ точно дѣлай и ты по мѣрѣ своихъ силъ: приложи всякое стараніе и попеченіе, чтобы возстановить братьевъ твоихъ, немощствующихъ душею, помня то, что кратка настоящая жизнь. И если мы не сдѣлаемъ такихъ пріобрѣтеній, то не получимъ и тамъ никакого спасенія. Напротивъ, одна пріобрѣтенная душа часто можетъ снять съ насъ бремя безчисленныхъ грѣховъ и стать для насъ искупительной жертвой въ день послѣдняго суда. Если Тавиѳа, одѣвавшая вдовицъ и облегчавшая ихъ нужду, возвратилась отъ смерти къ жизни, и слезы тѣхъ, кому она оказывала состраданіе, возвратили въ тѣло отошедшую душу, когда еще не настало воскресеніе мертвыхъ, то чего не сдѣлаютъ слезы людей, которые спасены тобою? Какъ вдовицы, окружавшія Тавиѳу, возвратили ее отъ смерти къ жизни, такъ и спасенные тобою здѣсь, окружая тебя тогда, привлекутъ на тебя великое милосердіе Божіе и исхитятъ тебя изъ геенны огненной. Въ самомъ дѣлѣ, если тамъ, гдѣ только трата денегъ, столько вѣнцевъ, такая награда, такое воздаяніе, то какъ же многочисленны будутъ блага за помощь, оказанную душѣ? Никто не можетъ успѣть въ дѣлѣ собственнаго спасенія безъ спасенія своего ближняго. Потому и Павелъ говоритъ: *никтоже своего си да ищетъ, но еже ближняго кійждо* (1 Кор. x, 24), зная, что собственная выгода заключается въ пользѣ ближняго. Какъ обидчики и корыстолюбцы, увидѣвъ на томъ свѣтѣ тѣхъ, которые пострадали отъ нихъ,—а они увидятъ непремѣнно, какъ это ясно изъ притчи о богачѣ и Лазарѣ,—будутъ не въ состояніи ни открыть уста, ни сказать что-нибудь въ свое оправданіе, но, исполненные великаго стыда и отчаянія при видѣ ихъ, пойдутъ на казнь, такъ и тѣ, кто учитъ и наставляетъ другихъ, увидѣвъ тамъ ими спасенныхъ, которые будутъ защищать ихъ, исполнятся великаго дерзновенія. И пусть никто не говоритъ мнѣ: что у меня съ нимъ общаго? онъ мнѣ чужой и неизвѣстенъ. Доколѣ онъ остается вѣрнымъ, участвуетъ вмѣстѣ съ тобой въ однихъ и тѣхъ же таинствахъ, ходитъ съ тобой въ одну и ту же церковь,—онъ родственнѣе тебѣ всѣхъ братьевъ и сродниковъ. Подобно тому какъ не только крадущіе, но и тѣ, которые въ силахъ помѣшать имъ, но не дѣлаютъ этого, терпятъ одинаковое наказаніе, такъ точно не только нечестивые, но и тѣ, которые могутъ, но не хотятъ отвлечь ихъ отъ нечестія, под-

вергнутся одному и тому же наказанію. Пусть же каждый изъ васъ пріобрѣтетъ опять одного изъ братьевъ, съ усердіемъ потрудится надъ нимъ, займется его дѣлами, чтобы въ слѣдующее собраніе намъ придти съ великимъ дерзновеніемъ, неся Богу дары, цѣннѣйшіе всѣхъ даровъ,—души заблудившихся. И если придется подвергнуться оскорбленіямъ, или побоямъ, или потерпѣть что бы то ни было другое, все сдѣлаемъ, чтобы только опять пріобрѣсти ихъ. Вѣдь и больные часто наносятъ побои и оскорбленія, и однако мы терпимъ ихъ и не обижаемся на оскорбительныя слова, а желаемъ только одного — видѣть здоровымъ того, кто такъ непристойно ведетъ себя. Итакъ, не безразсудно ли, имѣя въ виду тѣлесное здоровье, обнаруживать такую заботливость, а когда гибнетъ столько душъ, оставаться безпечными и думать, будто мы не терпимъ никакой опасности, когда гніютъ наши члены? Что дѣлаешь ты, человѣкъ? Ты, скажи мнѣ, видишь брата, который стремится въ пропасть, оставилъ заботу о спасеніи, не знаетъ, что нужно дѣлать,—и не протягиваешь руки, не порицаешь, не обличаешь его? Желаешь лучше не навлечь на себя его гнѣва, не показаться ему непріятнымъ, чѣмъ позаботиться о его спасеніи? Будешь ли ты имѣть какое-либо прощеніе у Бога, какое-либо извиненіе? Не слышалъ ли ты, что повелѣлъ Богъ іудеямъ: заблудившаго вола своихъ враговъ не пренебрегать и, если упадетъ, не проходить мимо? Итакъ, іудеямъ повелѣвается не оставлять безъ попеченія безсловесныхъ, принадлежащихъ врагамъ; а мы будемъ равнодушно смотрѣть, какъ ежедневно претыкаются души нашихъ братьевъ? Не крайняя ли это жестокость и звѣрство съ нашей стороны—не удѣлять даже такой заботливости людямъ, какую іудеи обнаруживали къ безсловеснымъ? Оттого-то все и извратилось, оттого-то все въ нашей жизни и смѣшалось въ безпорядкѣ, что мы ни сами не выносимъ мужественно обличеній, ни другихъ не желаемъ обличать. Потому мы и бываемъ ненавистны съ своими обличеніями, что сами приходимъ въ ярость, когда насъ обличаютъ. Если бы братъ твой зналъ, что, обличивъ тебя, онъ заслужитъ отъ тебя похвалу, то и самъ отплатилъ бы тебѣ за обличеніе такой же платой. Хочешь исправить брата? Пролей слезы, помолись Богу; сдѣлай ему увѣщаніе наединѣ, дай совѣтъ, уговори, покажи любовь къ согрѣшившему, убѣди его, что ты напоминаешь ему о грѣхѣ не
изъ желанія поглумиться, а болѣзнуя и заботясь о немъ; обойми 609
ноги его, облобызай руки, не стыдись, если ты хочешь дѣйствительно излѣчить его. Такъ часто поступаютъ и врачи, поцѣлуями и упрашиваніями убѣждая капризныхъ больныхъ принять спасительное лѣкарство. Хотя бы надлежало тебѣ умереть за вра-

зумленіе брата, не страшись: это будетъ для тебя подвигомъ мученичества. Такъ и Іоаннъ былъ мученикомъ, хотя его не заставляли ни приносить жертвы, ни покланяться идоламъ: онъ сложилъ голову за святые законы, которые онъ видѣлъ попираемыми. Такъ и ты борись до смерти за истину, и Господь будетъ поборать за тебя. Достаточно одного человѣка, пылающаго ревностію, чтобы исправить весь народъ. И пусть мнѣ никто не говоритъ: я не имѣю ничего общаго съ братомъ. Только съ однимъ діаволомъ у насъ нѣтъ ничего общаго, а съ людьми мы имѣемъ много общаго: всѣ мы имѣемъ одну и ту же природу, населяемъ одну и ту же землю, питаемся одной и той же пищей, имѣемъ одного и того же Владыку, получили одни и тѣ же законы. Не будемъ же говорить такихъ словъ, а покажемъ приличествующую братьямъ заботливость. Не безразсудно ли, въ самомъ дѣлѣ, съ нашей стороны, увидѣвъ драку на площади, подходить и примирять дерущихся; да что я говорю, драку?—если мы увидимъ упавшаго осла, то всѣ спѣшимъ протянуть руку и поднять его; а о погибающихъ братьяхъ нерадимъ? Какъ же это преступно! Итакъ, когда ты видишь, что братъ твой гибнетъ, не переставай увѣщевать его; и хотя бы онъ поносилъ тебя, хотя бы оскорблялъ, хотя бы грозилъ стать врагомъ твоимъ или чѣмъ бы то ни было другимъ угрожалъ, все переноси мужественно, чтобы достигнуть его спасенія. Если онъ станетъ врагомъ тебѣ, то Богъ будетъ тебѣ другомъ и вознаградитъ тебя въ день послѣдняго суда великими благами. Великое добро — сострадать угнетеннымъ бѣдностью; но нѣтъ другого такого, какъ освобождать отъ заблужденія, потому что нѣтъ ничего равноцѣннаго душѣ, даже и міръ весь не стоитъ ея. Такимъ образомъ, хотя бы ты раздалъ бѣднымъ безмѣрное количество денегъ, ты не сдѣлаешь ничего въ такой мѣрѣ великаго, какъ обративъ одну душу. Тотъ, кто это дѣлаетъ, становится подобенъ Павлу и Петру, не тѣмъ, что подвергается опасностямъ, какъ они, или терпитъ голодъ, болѣзни и прочія бѣдствія,—потому что теперь время мира,—а тѣмъ, что обнаруживаетъ свою ревность и готовность служить другимъ. И что я говорю: Петру и Павлу? Онъ будетъ устами Христа, потому что изводящій, говорится, *честное отъ недостойнаго, яко уста моя* будетъ (Іер. xv, 19). Можно, значитъ, и сидя дома, производить такую ловлю: если кто имѣетъ друга, или сродника, или свойственника, пусть дѣлаетъ это, и будетъ подобенъ Петру и Павлу. Если сегодня не убѣдишь, можетъ быть убѣдишь завтра; и если никогда не убѣдишь, самъ ты все равно получишь совершенную награду. Если не всѣхъ убѣдишь, можешь убѣдить нѣкоторыхъ. Такъ и апостолы, хотя и не всѣхъ

убѣдили, получили награду за всѣхъ, такъ какъ ко всѣмъ обращались съ словомъ проповѣди. Итакъ, вслѣдствіе того, что ты не можешь научить многихъ, не пренебрегай и немногими, и пожеланіемъ великаго не устраняй себя отъ малаго. Если не можешь обратить сотни, позаботься о десяткѣ; если десяти не 610
можешь, не пренебрегай и пятерыми; если и пяти не можешь, не презирай и одного. Богъ опредѣляетъ вѣнцы, сообразуясь не съ числомъ исправленныхъ, а съ намѣреніемъ исправляющихъ. И это потому, что мы, учащіе, невиновны въ томъ, что не убѣждаемъ слушателей, а отвѣчаемъ только за то, если не обращаемся съ наставленіемъ, потому что наше дѣло только увѣщевать, а повиноваться отъ нихъ зависитъ. И какъ въ томъ случаѣ, когда мы не увѣщеваемъ, сколько бы ни исправились тѣ (которыхъ мы должны были учить), вся награда будетъ принадлежать имъ однимъ, а намъ не будетъ никакой пользы, — такъ, наоборотъ, если мы увѣщеваемъ, а они не внимаютъ, все наказаніе постигнетъ ихъ однихъ, а на насъ не будетъ никакой вины; напротивъ будетъ даже великая награда отъ Бога, потому что мы исполнили все, что требуется отъ насъ. Тотъ, кто говоритъ внимательнымъ слушателямъ, находитъ утѣшеніе для себя въ повиновеніи ихъ; но если кто постоянно говоритъ, и его не слушаютъ, и тѣмъ не менѣе онъ не перестаетъ говорить, тотъ достоинъ большей части, потому что исполняетъ угодное Богу и свой долгъ во всей точности, хотя и никто не внимаетъ ему. Но хотя намъ и больше награды отъ вашего непослушанія, однако мы лучше желаемъ, чтобы она уменьшилась, а умножилось ваше спасеніе, такъ какъ мы считаемъ для себя великой наградой вашу славу. Итакъ, когда ты увидишь кого-нибудь, нуждающагося въ душевномъ или тѣлесномъ врачеваніи, то не говори себѣ: почему такой-то или такой-то не позаботился о немъ? или: я мірянинъ, у меня жена и дѣти; это дѣло священниковъ, дѣло монаховъ. Скажи мнѣ: если ты найдешь гдѣ-нибудь золотую монету, развѣ ты говоришь: почему такой-то или такой-то не поднялъ ея? Отнюдь нѣтъ; напротивъ, спѣшишь раньше другихъ схватить ее. Такъ разсуждай и о павшихъ братьяхъ, и считай попеченіе о нихъ какъ бы найденнымъ сокровищемъ. Изводящій, говорится, *честное отъ недостойнаго, яко уста моя* будетъ (Іер. xv, 19). Что можетъ сравниться съ этимъ? То, чего не можетъ произвести ни постъ, ни спанье на землѣ, ни что другое, дѣлается спасеніемъ брата. Не я говорю это, а самъ Богъ сказалъ: если ты изведешь даже одного кого-нибудь, говоритъ, то уста твои будутъ *яко уста моя*. Итакъ, не будемъ равнодушно говорить: кто согрѣшили? а постараемся скорѣе исправить ихъ; и не на то будемъ

смотрѣть, какъ много заблудившихся, а позаботимся о томъ, какъ ихъ отвлечь отъ заблужденія. Если предохраненіе братьевъ отъ паденія раньше самаго грѣха немало содѣйствуетъ нашему спасенію, то и проявленіе съ нашей стороны большой заботливости о нихъ послѣ грѣха доставляетъ немалую похвалу. Такъ и врачи здоровымъ людямъ указываютъ средства, которыя могутъ сохранить имъ здоровье и предупредить всякую болѣзнь; а когда тѣ пренебрегутъ ихъ наставленія и подвергнутся болѣзни, не оставляютъ ихъ безъ помощи, а напротивъ тогда-то особенно и показываютъ великую заботу о нихъ, чтобы избавить ихъ отъ болѣзней. Такъ и ты, когда нужно исправить брата, не отказывайся, хотя бы приходилось пожертвовать и жизнью. Владыка нашъ умеръ за насъ; а ты не издашь даже и слова? И какое
631 будешь ты имѣть прощеніе, какое представишь извиненіе? Какъ ты предстанешь съ дерзновеніемъ, скажи мнѣ, предъ судилищемъ Христовымъ, равнодушно взирая на гибель столькихъ душъ? О, если бы мнѣ возможно было знать этихъ людей: тогда я не нуждался бы въ васъ, а самъ исправилъ бы скорѣйшимъ образомъ. Скажи мнѣ, если бы ты видѣлъ, какъ человѣка, законно осужденнаго, ведутъ на казнь, а ты могъ бы освободить его отъ рукъ палача, то не сдѣлалъ ли бы ты всего, чтобы избавить его отъ казни? Между тѣмъ, видя брата своего, влекомаго не палачемъ, а діаволомъ въ ровъ погибели, не хочешь подать даже и совѣта, чтобы отнять его у этого жестокаго звѣря? Можешь ли ты заслужить какое-нибудь прощеніе? Но онъ сильнѣе и могущественнѣе тебя? Сдѣлай его извѣстнымъ мнѣ: я предпочту скорѣе сложить голову, чѣмъ допустить его до церковнаго порога. Не страшно ли, что дѣтей мы съ тяжкимъ трудомъ сначала обучаемъ предметамъ, которые въ началѣ сопряжены съ трудностями, но въ концѣ приносятъ пользу, а сами относимся къ духовнымъ вещамъ наоборотъ? Если бы къ намъ пришелъ кто-нибудь со стороны и хорошо узналъ бы заповѣди Христа и извращенность нашей жизни, то я не знаю, счелъ ли бы онъ кого еще другого болѣе врагами Христа, чѣмъ насъ самихъ. Мы какъ будто рѣшились идти и идемъ путемъ какъ разъ противнымъ Его заповѣдямъ. Тогда какъ то, что Онъ повелѣваетъ дѣлать, для желающихъ легко и удобоисполнимо, а что запрещаетъ, тягостно и трудно, мы, пренебрегая Его повелѣнія, дѣлаемъ то, что воспрещено: не скажутъ ли про насъ, что мы какъ враги, противясь Ему, поступаемъ такъ? Но какъ добрые люди обычно совѣтуютъ ближнимъ то, благодаря чему сами они стали добрыми, такъ наоборотъ порочные обычно внушаютъ ближнимъ то, отъ чего сами они стали дурными,—это вѣдь тоже одинъ изъ

видовъ ихъ нечестія,—и считають для себя утѣшеніемъ въ собственномъ наказаніи погибель другихъ.

Кто изъ васъ, скажите, находясь дома, беретъ въ руки христіанскія книги, читаетъ содержащееся въ нихъ, и изслѣдуетъ Писаніе? Едва ли кто можетъ сказать это про себя. Шашки и кости мы найдемъ у нашихъ ближнихъ, а библію развѣ лишь у немногихъ. Да и эти послѣдніе ничѣмъ не отличаются отъ неимѣющихъ, потому что, переплетя ее, ставятъ навсегда въ шкафъ, и вся забота у нихъ только о тонкости кожъ да красотѣ буквъ, а не о чтеніи. Они не ради употребленія и пользы пріобрѣтаютъ ее, а полагаютъ о ней столько старанія, чтобы удовлетворить свое честолюбіе и похвастаться богатствомъ. Такъ чрезмѣрно ихъ тщеславіе! Я не слышу никого, кто хвалился бы, что онъ знаетъ содержащееся въ библіи, а слышу только хвастающихся тѣмъ, что она у нихъ написана золотыми буквами. Извѣстный евнухъ, будучи варваромъ, обремененный множествомъ заботъ, даже сидя на колесницѣ читалъ библію, хотя и не разумѣлъ читаемаго. Если же онъ, находясь въ пути, обнаруживалъ такое рвеніе, то представь, какое обнаруживалъ онъ, когда оставался дома: 612
если во время путешествія онъ не хотѣлъ оставаться безъ чтенія, то тѣмъ болѣе—сидя дома; если, ничего не разумѣя въ читаемомъ, онъ не отставалъ отъ чтенія, то тѣмъ болѣе послѣ наученія. Подобно тому какъ ощущеніе голода служитъ признакомъ тѣлеснаго здоровья, такъ и усердіе къ слушанію Священнаго Писанія можно считать величайшимъ показателемъ здравія душевнаго. Почему мы часто предлагаемъ вамъ вопросы, не представляя ихъ разрѣшенія? Потому, что желаемъ пріучить васъ не всегда принимать разжеванную пищу, а и самимъ во многихъ случаяхъ находить рѣшеніе вопроса. Такъ дѣлаютъ и голуби. И они, когда птенцы остаются еще въ гнѣздѣ, кормятъ ихъ изъ своего рта; когда же могутъ вывести ихъ изъ гнѣзда и видятъ, что крылья ихъ укрѣпились, то не дѣлаютъ уже этого, а, принеся зерно во рту, показываютъ его птенцамъ, и когда тѣ въ ожиданіи подойдутъ ближе, матери опускаютъ пищу на землю, побуждая ихъ самихъ подбирать ее. Такъ точно и мы, взявъ въ уста духовную пищу, зовемъ васъ, какъ бы намѣреваясь показать вамъ по обычаю и рѣшеніе вопросовъ; а когда вы подойдете и ожидаете получить его, оставляемъ слова, чтобы вы сами отыскали смыслъ. Какъ гусляры, беря пальцы своихъ учениковъ, постепенно пріучаютъ ихъ извлекать звуки и искусно ударять по струнамъ, научая такимъ образомъ изъ безгласныхъ пальцевъ и струнъ производить звукъ пріятнѣе и усладительнѣе всякаго голоса, такъ дѣлаемъ и мы. Какъ на

гусляхъ можетъ ударять по струнамъ и умѣлый игрокъ и неумѣлый, но одинъ раздражаетъ слушателя, а другой увеселяетъ и услаждаетъ,—хотя тѣ же самые пальцы и тѣ же самыя струны, но не одно и то же умѣнье,—такъ точно бываетъ и съ Священнымъ Писаніемъ. Многіе читаютъ божественныя слова, но не всѣ извлекаютъ пользу, не всѣ получаютъ прибыль, по той причинѣ, что не углубляются въ сказанное,—неумѣло ударяютъ по этимъ гуслямъ. Въ самомъ дѣлѣ, что искусство въ отношеніи къ гуслямъ, то же самое совершеніе дѣла въ отношеніи къ закону Божію. Какъ больнымъ не слѣдуетъ предлагать скудный и наскоро сготовленный столъ, а нужно приготовлять различныя блюда, чтобы больной, если не пожелаетъ одного, взялъ другое, если не найдетъ пріятнымъ другое, принялъ третье, если отвергнетъ это, взялъ слѣдующее, и такимъ образомъ мы разнообразіемъ блюдъ преодолѣваемъ затрудненіе и удовлетворяемъ прихотливость больного, такъ точно должно дѣлать и въ отношеніи къ пищѣ духовной, когда мы бываемъ немощны, чтобы изъ многихъ и разнообразныхъ примѣровъ для васъ былъ легокъ выборъ полезнаго. Не негодуйте на меня за увѣщаніе. Если ужъ слѣдуетъ кому негодовать, то мнѣ, который столько говоритъ и не находитъ внимающаго, а не вамъ, которые постоянно слушаете и никогда не внимаете слышанному. Или не знаете, что презирающіе божественное ученіе теряютъ чрезъ это презрѣніе самое человѣ-
613 ческое достоинство и лишаются благородства своего происхожденія? Велегласный Исаія, придя въ многолюдную столицу іудеевъ, Іерусалимъ, и стоя среди площади, окруженный всѣмъ народомъ, желая показать, что тотъ, кто не внимаетъ божественнымъ словамъ, не человѣкъ, восклицалъ: *пріидохъ, и не бяше человѣка: звахъ, и не бѣ послушающаго* (Иса. L, 2). И потому, что онъ пришелъ, и не было человѣка, звалъ, и не было послушающаго, онъ обращается съ словомъ къ стихіямъ, говоря: *слыши, небо, и внуши, земле* (Иса. I, 2). Я, говоритъ, посланъ былъ къ людямъ, къ людямъ, имѣющимъ разумъ; но такъ какъ они не имѣютъ ни разума, ни чувства, то я обращаюсь съ рѣчью къ неимѣющимъ чувства стихіямъ, въ обвиненіе тѣмъ, которые одарены разумомъ, но не пользуются этимъ даромъ. И Іеремія, стоя среди толпы іудеевъ, въ самомъ городѣ, восклицалъ, какъ будто никого не было предъ нимъ: *кому возглаголю и засвидѣтельствую* (Іер. VI, 10)? Что ты говоришь? Видишь такое множество людей и спрашиваешь — *кому возглаголю?* Да, говоритъ, потому что это множество есть лишь множество тѣлъ, не имѣющихъ слуха, такъ какъ *необрѣзана ушеса ихъ и не могутъ слышати.* Если же пророки не признаютъ людьми тѣхъ, которые присут-

ствовали, но не внимали ихъ словамъ съ ревніемъ, то что сказать намъ о тѣхъ, которые не только не слушаютъ, но не желаютъ даже и переступить этотъ священный порогъ? Не тотъ, вѣдь, человѣкъ, кто имѣетъ человѣческое тѣло и голосъ, а тотъ, у кого душа и образъ мыслей человѣческіе. Знаю, что многіе съ неудовольствіемъ слушаютъ наставленія. Но какая польза отъ молчанія? Пусть я буду молчать и не докучать вамъ словами; но такимъ молчаніемъ невозможно избавить васъ отъ наказанія. Напротивъ, слѣдствіе получается совершенно обратное: такое молчаніе лишь увеличиваетъ наказаніе и влечетъ за собою казнь не только вамъ, но и мнѣ. Итакъ, для чего же пріятныя слова, когда они не только не содѣйствуютъ дѣламъ, но еще и вредятъ? Какая польза увеселять словомъ и печалить дѣломъ, услаждать слухъ и подвергать наказанію душу? Потому-то и необходимо опечаливать въ здѣшней жизни, чтобы не подвергнуться крайнему и невыносимому наказанію въ жизни будущей. Не роптать, слѣдовательно, нужно за сказанное, а хвалить и принимать съ благодарностью. Людямъ же болѣе слабымъ, которые не могутъ спокойно принять такого нашего оправданія, скажу слѣдующее. Я излагаю вамъ не свои законы, а толкую письмена, нисшедшія съ небесъ; и тотъ, кому ввѣрено такое служеніе, долженъ или смѣло сказать все, что заключается въ нихъ, ища всюду лишь пользы слушателямъ, а не удовольствія, или же, опасаясь враждебности слушателей, потерять чрезъ такую неумѣстную угодливость и свое собственное, и ихъ спасеніе. А что скрывать что-либо изъ божественныхъ законовъ весьма опасно какъ для говорящаго, такъ и для слушающихъ, и что наставники, когда они не сообщатъ безъ малодушія всѣхъ заповѣдей Божіихъ, судятся какъ виновные въ убійствѣ, во свидѣтели и этого представлю вамъ опять Павла. Потому я всегда обращаюсь преимущественно къ этой святой душѣ, что слова Павла суть 614
вдохновенныя вѣщанія и божественные законы, такъ какъ не Павелъ есть говорящій, а Христосъ, который движетъ его душей, и говоритъ чрезъ него все, что онъ сказалъ. Что же онъ говоритъ? *Чистъ есмь азъ отъ крове всѣхъ*. Почему? *Не обинухся бо сказати вамъ всю волю Божію* (Дѣян. хх, 26, 27). Слѣдовательно, если бы онъ уклонился возвѣстить, не былъ бы чистъ отъ крови, а судился бы какъ убійца. И вполнѣ справедливо. Въ самомъ дѣлѣ, убійца губитъ только тѣло и предаетъ лишь настоящей смерти, а тотъ, кто говоритъ въ угоду слушателямъ и дѣлаетъ ихъ чрезъ это еще болѣе безпечными, губитъ душу и подвергаетъ вѣчнымъ наказаніямъ и мукамъ. Итакъ, кто же будетъ такъ жестокъ и безчеловѣченъ, кто такъ чуждъ сострадапія,

чтобы обвинять говорящаго и разсуждающаго постоянно о гнѣвѣ Божіемъ, когда онъ, если станетъ молчать, подвергнется столь тяжкому наказанію? Если бы я, замолчавъ, могъ сокрыть своимъ молчаніемъ грѣхи, то всякій могъ бы законно сердиться и справедливо негодовать, когда бы я не молчалъ; но если грѣхи, хотя бы мы и молчали нынѣ, необходимо откроются тамъ, то что за польза можетъ быть отъ этого молчанія? Кто ищетъ пользы слушателей, тотъ, если бы сталъ и хвалить себя, не только не заслуживаетъ порицанія, но даже достоинъ вѣнца, а если бы сталъ молчать, тогда заслуживалъ бы порицанія. Такъ и Давиду, если бы онъ умолчалъ въ случаѣ съ Голіафомъ, не позволили бы выйти на состязаніе и воздвигнуть блистательный трофей? Вотъ почему, какъ я уже и раньше многократно говорилъ вамъ, и теперь говорю, уже не увѣщевая, а приказывая и повелѣвая,— пусть желающій слышитъ, а нежелающій не вѣритъ,—что, если вы будете оставаться въ господствующихъ среди васъ порокахъ, я не потерплю васъ, не допущу, не дозволю вамъ переступить этотъ священный порогъ. Зачѣмъ нужно мнѣ множество болящихъ? Двѣнадцать было учениковъ, и послушай, что говоритъ имъ Христосъ: *еда и вы хощете ити* (Іоан. vi, 67)? Если мы будемъ говорить только одно пріятное, то когда пріобрѣтемъ вновь утерянное, когда принесемъ пользу? Но существуетъ, скажешь, много еретическихъ сектъ и переходятъ въ нихъ. Пустое это слово. *Лучше единъ* творящій волю Господню, *нежели тысяща* беззаконниковъ (Сир. xvi, 3). Вѣдь и ты чего желаешь, скажи мнѣ,— имѣть ли тысячи слугъ, состоящихъ изъ бѣглыхъ и воровъ, или одного благонамѣреннаго? Пусть, кто хочетъ, отпадаетъ; не держу никого. Какъ бы, говорятъ, не отпалъ и не перешелъ въ другую секту. Такія слова все растлили. Слабъ, говорятъ; окажи снисхожденіе. Но до какихъ поръ? До какого предѣла? Разъ, два, три раза? Иль всегда? Такъ объявляю же опять и увѣряю словами блаженнаго Павла, что *аще пріиду паки, не пощажду* (2 Кор. xiii, 2). И когда я буду судиться предъ судилищемъ Христовымъ, станете и вы вдали и снисканное у васъ благоволеніе, въ то время какъ я буду давать отчетъ. Итакъ, слѣдуетъ лучше грѣшникамъ испытывать скорбь отъ словъ, чтобы избавиться отъ позора на дѣлѣ. Знаю, что всѣ мы заслуживаемъ наказанія и порицанія, и что никто не можетъ похвалиться тѣмъ, что имѣетъ чистое сердце. Но не въ томъ бѣда, что мы не имѣемъ чистаго сердца, а въ томъ, что, не имѣя его, мы еще и не приходимъ
615 къ тому, что можетъ сдѣлать его чистымъ. Знаю, что слова мои огорчаютъ васъ. Но что мнѣ сдѣлать? Если не употребимъ горькихъ лѣкарствъ, не уничтожатся раны; если употребимъ, вы не

можете вынести боли. *Тѣсно мнѣ отовсюду*. Но, впрочемъ, пора уже удержать руку, такъ какъ и сказаннаго достаточно для исправленія внимательныхъ. Если же останемся неисправимы, то будемъ преданы въ руки самого Судіи, а вы конечно знаете, какъ страшно впасть въ руки Бога живого. Тотъ, кто совсѣмъ ничего не сдѣлалъ добраго,—совершенно облѣнивается и скоро впадаетъ въ отчаяніе; тотъ же, кто сознаетъ, что онъ исполнилъ хотя бы одну какую-нибудь заповѣдь, получивъ отъ этого добрую надежду, — съ большимъ рвеніемъ приступитъ къ остальнымъ; усвоитъ затѣмъ другую, перейдетъ къ слѣдующей. Если съ деньгами бываетъ такъ, что чѣмъ болѣе кто пріобрѣтаетъ ихъ, тѣмъ болѣе желаетъ, то гораздо болѣе такъ бываетъ съ подвигами духовными. Потому прошу и умоляю васъ — помнить эти мои слова не только въ настоящій день, но и дома, и на площади, и вездѣ, гдѣ бы вы ни проводили время. О, если бы мнѣ можно было всегда быть вмѣстѣ съ вами, и не было бы нужды въ этомъ пространномъ обличеніи! Теперь же, такъ какъ это невозможно, вмѣсто меня запечатлѣйте въ памяти мои слова, и, сидя за трапезой, представляйте, какъ будто вхожу я, стою передъ вами и повторяю то, что говорю здѣсь теперь. И гдѣ бы ни зашла у васъ рѣчь обо мнѣ, прежде всего вспоминайте эту заповѣдь, и воздайте мнѣ эту награду за любовь мою къ вамъ. Убѣждаемъ также, не только тѣхъ, кто злословитъ другихъ, но и тѣхъ, кто слушаетъ злословящихъ, заграждать свой слухъ и подражать пророку, который говоритъ: *оклевстающаго тай искренняго своего, сего изгоняхъ* (Псал. с, 5). Скажи осуждающему другого: если бы ты намѣревался похвалить и сказать одобрительное о комъ-нибудь, я открылъ бы уши и принялъ бы твою рѣчь; если же хочешь злословить, то заграждаю входъ твоимъ словамъ, потому что не желаю принимать грязи и навоза. Какая польза мнѣ знать, что такой-то нечестивъ? Напротивъ, отъ этого происходитъ величайшій вредъ и громадная потеря. Какое оправ- 616
даніе и прощеніе будемъ имѣть мы, когда, нисколько не помышляя о своихъ грѣхахъ, такъ старательно вывѣдываемъ и разслѣдуемъ чужія? Лучше не знать хорошо, чѣмъ узнать худо. Тотъ, кто не знаетъ причины, можетъ скоро дойти до вѣроятной причины; тотъ же, кто, не зная настоящей причины, воображаетъ себѣ не существующую, не будетъ въ состояніи легко принять настоящую; ему нужно много труда и усилій, чтобы исторгнуть прежнее заблужденіе. Если ты увидишь, что кто-нибудь приготовилъ священные сосуды, или какое-нибудь другое украшеніе для стѣнъ церковныхъ или пола, не вели ему уничтожать или разрушать сдѣланное, чтобы не ослабить его усердія; но если

кто спроситъ тебя прежде, чѣмъ сдѣлать, вели раздать бѣднымъ. Презирай и радости житейскія, какъ скоропреходящія, и горести, какъ нисколько не вредящія намъ. Какъ живущіе на чужбинѣ все дѣлаютъ и всѣ мѣры употребляютъ къ возвращенію въ отечество, и всякій день тоскуютъ, желая увидѣть родину, такъ точно и тотъ, кто любитъ будущія блага, не падетъ духомъ отъ настоящихъ печалей, и не вознесется отъ счастія, а пройдетъ мимо того и другого, какъ прохожій по дорогѣ. Такое расположеніе нужно имѣть и намъ, и хотя бы мы прожили здѣсь немного лѣтъ, считать ихъ за многія ради желанія будущихъ благъ. Говорю это, впрочемъ, не потому, что порицаю настоящую жизнь,—нѣтъ! вѣдь и она дѣло Божіе,—а укрѣпляя васъ въ любви къ будущимъ благамъ, чтобы вы не прилѣплялись къ настоящимъ, не пригвождались къ тѣлу, и не были похожи на то большинство малодушныхъ, которые, хотя бы прожили тысячи лѣтъ, говорятъ, что этого имъ мало. Что можетъ быть неразумнѣе этого? Въ то время какъ предлежитъ небо и небесныя блага, которыхъ ни око не видѣло, ни ухо не слышало, они пристращаются къ тѣнямъ, и не хотятъ переплыть моря настоящей жизни, подвергаясь постояннымъ волненіямъ, бурямъ и крушеніямъ. Не такъ поступалъ Павелъ; напротивъ, онъ спѣшилъ и снѣдался желаніемъ (къ отшествію отсюда), и только одно удерживало его, именно спасеніе людей и опасеніе, чтобы они не отпали отъ царствія Божія. Этого (царствія) и да сподобимся всѣ мы, благодатію и человѣколюбіемъ Господа нашего Іисуса Христа, Которому слава во вѣки вѣковъ. Аминь.

СЛОВО VII.

О смиренномудріи.

615 Когда грѣхъ бываетъ соединенъ со смиренномудріемъ, то онъ бѣжитъ съ такою легкостію, что побѣждаетъ и опережаетъ правду, соединенную съ гордостью; а если сочетать смиреніе съ правдой, то куда не дойдетъ оно, какихъ небесъ не пройдетъ? Безъ сомнѣнія, оно станетъ съ великимъ дерзновеніемъ около самаго престола Божія посреди ангеловъ. Если тѣ, которые исповѣдуютъ свои грѣхи, пріобрѣтаютъ дерзновеніе, то тѣ, которые
616 сознаютъ за собой много добраго, и въ то же время смиряютъ свою душу, какихъ не удостоятся вѣнцевъ? Такимъ образомъ, сколько бы ты ни построилъ сверху, будетъ ли то милостыня,

или молитва, или постъ, или всѣ вообще добродѣтели, но если въ основаніе не будетъ положено смиреніе, то все будетъ построено напрасно и всуе. Нѣтъ, подлинно нѣтъ ни одной нашей добродѣтели, которая могла бы устоять безъ смиренія; назовешь ли ты цѣломудріе, или дѣвство, или презрѣніе къ деньгамъ, или что угодно другое, все нечисто, скверно и гнусно, если нѣтъ смиренномудрія. Для того Богъ создалъ насъ изъ двухъ сущно- 617
стей, чтобы, когда ты вознесешься гордыней, тебя смирила бы и удержала низость плоти, а когда помыслишь что-либо низкое и недостойное данной тебѣ отъ Бога чести, благородство души возвело бы тебя до соревнованія небеснымъ силамъ. Великое благо—разсматривать свою природу и знать, какой мы получили составъ. Дѣйствительно, разсмотрѣніе природы является достаточнымъ ученіемъ, поскольку оно можетъ смирить всѣ страсти и водворить миръ въ душѣ. Размышляй о своей природѣ и устройствѣ, и этого для тебя достаточно, чтобы постоянно держать себя въ надлежащемъ состояніи. Адамъ созданъ былъ изъ земли, но не зналъ, какъ былъ созданъ, потому что ему не надлежало быть свидѣтелемъ происшедшаго, чтобы не возгордился противъ Бога. Если онъ, подверженный такому уничиженію, возносится, не узнаетъ Творца и отвергаетъ Создателя, то кто можетъ представить себѣ чрезмѣрность его гордости, если бы онъ получилъ то, что выше естества? Вотъ почему Богъ, создавъ человѣка, вложилъ въ созданіе и великія силы, и много уничижающаго, чтобы чрезъ присущую силу благоговѣйно познавалась благодать Создателя, а чрезъ уничиженіе смирялась человѣческая самонадѣянность. Далъ ему говорящій языкъ, хвалящій Бога, воспѣвающій божественныя дѣла, изъясняющій красоты творенія. Говоритъ о небѣ и землѣ маленькая частица тѣла — языкъ, величиной менѣе даже двухъ пальцевъ,—да и что говорю: пальцевъ?—даже кончика ногтя; и такой маленькій кончикъ говоритъ о небѣ и землѣ. Но чтобы онъ не почелъ себя чѣмъ-то великимъ и не возносился выше своей природы, съ нимъ часто приключаются нарывы и раны,—дабы зналъ, что, самъ будучи смертнымъ, онъ говоритъ о безсмертномъ, и что онъ долженъ познавать, какова сила Того, о Комъ онъ возвѣщаетъ, и какова немощь возвѣщающаго. Далъ ему око, это маленькое зернышко, чрезъ которое онъ созерцаетъ все твореніе. Но чтобы онъ, охватывая взоромъ все созданіе, не возносился, часто случаются съ нимъ и глазныя болѣзни, и гноетеченія, и слезы, и многое другое, что помрачаетъ взоръ,—дабы изъ немощи онъ познавалъ себя, а изъ устроенія научался чтить художника. Если же человѣкъ, всюду нося въ себѣ такую немощь, до такой степени забываетъ о

своемъ ничтожествѣ, что дерзновенно возстаетъ противъ Творца, то кто бы снесъ его гордость, если бы онъ былъ совершенно лишенъ этой немощи? Подумай, человѣкъ, кому ты дѣлаешься сообщникомъ, когда возносишься, впадаешь въ высокомѣріе, и стыдишься послужить страннику? Но какъ возможно, скажутъ, чтобы человѣкъ благороднаго происхожденія, знаменитый, славный, извѣстный, самъ умылъ ноги страннику? Ужели это не позорно? Наоборотъ, позорно скорѣе не умыть. Сколько бы ты ни возвышалъ свое благородство, свою знаменитость и славу, ты имѣешь одинаковую природу съ умываемымъ и такой же сорабъ, равночестный съ тѣми, кому ты служишь. Вспомни, кто умылъ ноги учениковъ, и перестань говорить о своемъ благородствѣ. Не величаться богатствомъ полезно не только въ отношеніи къ жизни будущей, но и настоящей. Въ самомъ дѣлѣ, ничто такъ не возбуждаетъ зависти, какъ богатый человѣкъ; а когда къ этому присоединяется еще гордость, то возникаетъ двойная опасность. Между тѣмъ тотъ, кто умѣетъ быть скромнымъ, пресѣ-
618 каетъ своимъ смиреніемъ силу зависти и безопасно владѣетъ тѣмъ, что имѣетъ. Такъ велико его могущество: оно полезно намъ не только для будущаго, но и здѣсь уже приноситъ намъ награды. Итакъ, не будемъ величаться богатствомъ, равно какъ и ничѣмъ другимъ. Если величающійся духовными благами губитъ себя, то тѣмъ болѣе гордящійся плотскими. Размыслимъ о нашей природѣ, подумаемъ о своихъ грѣхахъ, познаемъ, кто мы, и это будетъ намъ достаточнымъ поводомъ для смиренія во всемъ. Поистинѣ, тотъ больше всего знаетъ себя, кто считаетъ себя за ничто. Ничто такъ не любезно Богу, какъ считать себя въ числѣ послѣднихъ. *Пріидите*, говоритъ (Господь), *научитеся отъ Мене, яко кротокъ есмь и смиренъ сердцемъ* (Мѳ. xi, 29). Вѣдь если бы Я не былъ кротокъ, то развѣ Я, будучи сыномъ царя, избралъ бы матерью рабыню? Если бы Я не былъ кротокъ, то развѣ Я, творецъ видимой и невидимой природы, пришелъ бы къ вамъ? Если бы Я не былъ кротокъ, то развѣ Я, владѣющій богатствомъ всей твари, воспріялъ бы бѣдныя ясли? Если бы Я не былъ кротокъ, то развѣ далъ бы хребетъ на бичеваніе за плѣнниковъ? Мало того. Не говорю о болѣе важномъ: если бы Я не былъ кротокъ, то развѣ Я, Который ничего не долженъ, тогда какъ другіе должны были пострадать, уплатилъ бы за нихъ долгъ смерти? Я такъ кротокъ, что, тогда какъ ты согрѣшилъ, Я подвергся бичеванію; Я такъ смиренъ, что не стыжусь умолять своихъ рабовъ, но предпочитаю просить, чтобы не быть вынужденнымъ наказывать ихъ. Итакъ, когда тебѣ вздумается похвалить себя за смиреніе, подумай, куда снизошелъ Владыка твой, и ты уже не станешь

ни удивляться, ни хвалить себя, а даже посмѣешься надъ собой, какъ надъ человѣкомъ, ничего не сдѣлавшимъ. Ты смиренenъ, смиреннѣе всѣхъ людей? Не величайся этимъ, не поноси другихъ, и не губи похвалы своей. Ты смиряешься для того, чтобы освободиться отъ гордости; поэтому, если ты по причинѣ смиренія впадаешь въ гордость, то лучше не смиряться. Если же кто скажетъ, что лучше живущимъ добродѣтельно надмеваться, чѣмъ впадающимъ въ грѣхи смиряться, тотъ далеко не знаетъ ни вреда гордости, ни пользы смиренія. Знай ясно, что человѣкъ съ гордостью живущій добродѣтельно, — если только вообще это значитъ жить добродѣтельно, — неожиданно можетъ впасть въ полную погибель. Тотъ, кто допустилъ себя до паденія, научившись изъ этого паденія смиренію, можетъ и возстать, и вскорѣ возстановить свое прежнее положеніе, если только захочетъ; тотъ же, кто повидимому поступаетъ хорошо съ гордостью, но не терпитъ никакого зла, никогда даже и не замѣтитъ своего беззаконія, а напротивъ лишь умножитъ зло, и внезапно отойдетъ отсюда, лишенный всего, что существуетъ здѣсь. Но почему же, скажутъ, право шествующіе до искушеній часто падаютъ послѣ искушеній? Но кто же точно знаетъ право шествующихъ кромѣ единаго Того, кто создалъ сердца наши и проникаетъ во всѣ дѣла наши? Часто, вѣдь, многіе, кажущіеся намъ добродѣтельными, бываютъ нечестивѣе всѣхъ. Если же мы, оставивъ такихъ людей, обратимся къ дѣйствительно живущимъ добродѣтельно, то кто знаетъ, что у нихъ, тогда какъ все прочее ими исполнено надлежащимъ образомъ, главное изъ благъ—смиреніе—не оставлено въ пренебреженіи? И для того оставилъ ихъ Богъ, чтобы они
познали, что эти подвиги они совершили не собственною силою, 619
а благодатію Божіею. Кротостью называется не то только, когда кто-нибудь кротко переноситъ обиды отъ сильныхъ людей, но когда уступаетъ, будучи оскорбляемъ и людьми, которые считаются низшими. Посмотри, какъ Богъ человѣколюбивъ, и какую показываетъ Онъ заботу о своихъ рабахъ. Когда Исааку царемъ герарскимъ и мѣстными жителями было возбранено пользоваться собственными трудами, онъ не возроптал, не обнаружилъ малодушія, не возопіялъ въ душѣ и не сказалъ: ужели я не имѣю права пользоваться колодцами? Ужели я оставленъ небесной помощью? Ужели я лишенъ попеченія отъ Господа? Ничего такого онъ ни подумалъ, ни сказалъ въ себѣ, но все перенесъ съ кротостію. Потому и удостоился большей чести и помощи свыше. Господь явился ему въ ту ночь и сказалъ: *Азъ есмь Богъ Авраама отца твоего, не бойся, съ тобою бо есмь, и благословлю тя* (Быт. XXVI, 24). Желая успокоить и ободрить

праведника, Онъ является ему и говоритъ: Я Богъ, Который сдѣлалъ славнымъ отца твоего, доставилъ ему такую знаменитость, и сдѣлалъ его, странника, богаче и могущественнѣе мѣстныхъ жителей. Я Тотъ, Который помогъ ему такъ возвеличиться. Итакъ не бойся, потому что Я съ тобою, и умножу сѣмя твое ради Авраама отца твоего, которому Я долженъ много наградъ за послушаніе Мнѣ. Услышавъ это, праведникъ пересталъ уже страшиться, такъ какъ Тотъ, Кто сказалъ: *съ тобою есмь* и *благословлю тя и умножу сѣмя твое*, далъ ему и славу, и знаменитость. Смотри, какова сила смиренія: тѣ, которые раньше гнали праведника, теперь приходятъ къ нему и не только извиняются за происшедшее и просятъ у него прощенія, но и прославляютъ его. Дѣйствительно, кто можетъ быть сильнѣе того, кто имѣетъ Бога съ собою? *Видѣвше*, говорятъ, *узрѣхомъ, яко Господь съ тобою* (Быт. XXVI, 28). Посмотримъ, какъ и сынъ Исаака Іаковъ совершалъ путешествіе, когда подвергся гоненію,—такъ какъ и отсюда получимъ немалую пользу. Когда онъ шелъ *въ Харранъ, зайде солнце, и взя отъ каменія мѣста и положи въ возглавіе себѣ и спа* (Быт. XXVIII, 10, 11). Видишь несказанное любомудріе? Видишь, какъ древніе совершали путешествія? Человѣкъ, воспитанный въ дому, пользовавшійся многими услугами, взявъ камень, положилъ его въ изголовье. Смотри, какая мужественная душа у юноши: онъ употребилъ вмѣсто изголовья камень и спалъ на землѣ. За это и удостоивается видѣнія Господа, Который говоритъ ему: *Азъ есмь Богъ Авраама и Богъ Исаака отца твоего* (ст. 13). Я и родоначальника, и отца твоего возвысилъ до такого славнаго положенія; поэтому не бойся, а вѣруй, что Я, исполнившій Свои обѣтованія имъ, и тебя удостою Моего попеченія. Но и нынѣ Я съ тобою, охраняя тебя въ пути, куда бы ты ни пошелъ. Не думай, говоритъ, что ты одинъ совершаешь путь свой; Меня имѣешь ты своимъ спутникомъ, Меня имѣешь охранителемъ во все время путешествія, такъ какъ Я съ тобою. Итакъ, если ты хочешь сдѣлать великими свои подвиги, не считай ихъ великими, но признавай, что спасаешься благодатію, чтобы сдѣлать Бога своимъ должникомъ не только за добрыя
620 дѣла, но и за такую твою признательность. Когда мы дѣлаемъ добрыя дѣла, то имѣемъ Его должникомъ только за одни эти дѣла; когда же мы думаемъ еще, что и не совершили ничего добраго, то — и за такое наше расположеніе, и даже гораздо болѣе, чѣмъ за дѣла. Если, поэтому, хочешь быть смиреннымъ, то покажи эту добродѣтель не на словахъ только и во внѣшнемъ видѣ, а и дѣломъ и словомъ; не будь кротокъ съ однимъ и дерзокъ съ другимъ, а будь кротокъ со всѣми, будетъ ли то

другъ или врагъ, великій человѣкъ или малый,—потому что въ этомъ и состоитъ смиреніе. Можно быть кроткимъ, и между тѣмъ раздражительнымъ и гнѣвливымъ; однако въ этомъ нѣтъ никакой пользы, потому что одержимый гнѣвомъ часто губитъ все. Истинному смиренію желающіе могутъ лучше всего научиться изъ слѣдующаго. Когда Іисусъ пришелъ *въ Капернаумъ, приступиша пріемлющіи дидрахмы къ Петрови и рѣша: учитель вашъ не дастъ ли дидрахмы* (Мѳ. xvii, 24)? И смотри, къ самому Христу они не осмѣлились приступить, а къ Петру, да и къ нему не съ насиліемъ, а довольно кротко,—они не съ упрекомъ, а тономъ вопроса говорили: *учитель вашъ не дастъ ли дидрахмы?* Они еще не имѣли надлежащаго о Немъ мнѣнія, а относились къ нему какъ къ обыкновенному человѣку, хотя по причинѣ бывшихъ уже чудесъ и чувствовали къ Нему нѣкоторое уваженіе и почтеніе. Что же Петръ? Да, говоритъ. Но сказавъ имъ, что дастъ, самому Христу не сказалъ, стыдясь можетъ быть говорить съ Нимъ объ этомъ. Что же дѣлаетъ все ясно видящій Богъ? Предваряя Петра, Онъ говоритъ: *что ти мнится, Симоне? Царіе земстіи отъ кіихъ пріемлютъ дани или кинсонъ? Отъ своихъ ли сыновъ, или отъ чужихъ? Глагола: отъ чужихъ. Рече ему Іисусъ: убо свободни суть сынове* (ст. 25, 26). Чтобы Петръ не подумалъ, будто Онъ говоритъ это, услышавъ отъ сборщиковъ, Христосъ предваряетъ его, открывая вопросъ и внушая ему смѣлость, такъ какъ онъ до сихъ поръ медлилъ сказать объ этомъ. Смыслъ же его словъ слѣдующій. Я свободенъ отъ уплаты подати. Если земные цари не берутъ съ своихъ сыновей, а съ подчиненныхъ, то тѣмъ болѣе долженъ быть свободенъ отъ такой дани Я, царь и сынъ не земного царя, а небеснаго. И вслѣдъ за тѣмъ говоритъ: *но да не соблазнимъ ихъ, шедъ на море, верзи удицу, и, юже прежде имеши рыбу, возми, и обрящеши* въ ней *статиръ: той вземъ, даждь имъ за Мя и за ся* (ст. 27). Смотри, какъ Онъ и не отказывается отъ подати, и не просто велитъ уплатить, а даетъ лишь послѣ того, какъ напередъ показалъ, что не долженъ давать ея: первое для того, чтобы не соблазнились сборщики, второе—чтобы не соблазнились ученики, такъ какъ даетъ не потому, что долженъ, а по снисхожденію къ ихъ немощи. Но почему Онъ повелѣваетъ дать не изъ имѣвшихся въ готовности денегъ? Чтобы и чрезъ это показать, что Онъ Богъ всяческихъ и что владычествуетъ надъ моремъ. Въ самомъ дѣлѣ, немаловажно было предсказать, что первая рыба, попавшаяся изъ глубинъ морскихъ, доставитъ дань, что Его повелѣніе, опустившись какъ бы неводъ въ морскую бездну, извлечетъ рыбу, несущую статиръ, заставитъ море такъ нести дары и показать полное свое повиновеніе. Итакъ, если хочешь показать

великимъ свое доброе дѣло, не величайся, и тогда сдѣлаешь его болѣе великимъ. Если мы, будучи грѣшниками, когда считаемъ себя за то̀, что̀ мы есть на самомъ дѣлѣ, становимся праведными,
621 подобно мытарю, то насколько болѣе въ томъ случаѣ, когда считаемъ себя грѣшниками, будучи праведными? Если ты назовешь себя достохвальнымъ, то становишься непотребнымъ, хотя бы былъ достойнымъ похвалы; если же назовешь себя негоднымъ,
622 то становишься полезнымъ, хотя бы былъ и негоднымъ. Какъ гордымъ Богъ обычно противится, такъ смиреннымъ даетъ благодать,—Ему подобаетъ слава и держава во вѣки вѣковъ. Аминь.

СЛОВО VIII.

621
О душѣ.

Люди, украшенные добрыми дѣлами, но не познавшіе вѣры въ Бога, подобны останкамъ мертвыхъ, одѣтыхъ въ красивыя одежды, но не чувствующихъ этой красоты. Въ самомъ дѣлѣ, какая польза человѣку имѣть душу, облеченную въ добрыя дѣла, но мертвую? Добрыя дѣла совершаются по надеждѣ на воздаяніе и вѣнцы; но если ты не знаешь Подвигоположника, то ради чего трудишься? Какъ людямъ первѣе нужно жить, а затѣмъ уже питаться, такъ точно и надежда на Христа должна предшествовать нашей жизни, а сверхъ того должно питаться и добрыми дѣлами. Не питающійся иногда можетъ жить; но не живущій не можетъ питаться. Ты не можешь представить мнѣ человѣка, который, совершая безъ вѣры добрыя дѣла, жилъ бы; а я могу показать тебѣ вѣрующаго безъ дѣлъ, который и жилъ, и удостоился царствія. Никто не жилъ безъ вѣры; а разбойникъ, только увѣровавъ, получилъ оправданіе. Не говори мнѣ, что онъ не имѣлъ только времени для исправленія жизни, такъ какъ, если бы онъ остался съ вѣрою, но пренебрегъ дѣлами, то лишился бы спасенія. И Корнилій получилъ свидѣтельство о своихъ милостыняхъ и молитвахъ, но не зналъ Христа; и такъ какъ Око истины, великій Судія, видѣлъ, что эти дѣла хотя и хороши, но мертвы, потому что не соединены съ вѣрою, то посылаетъ ангела, присуждающаго награду за дѣла, чтобы увѣнчать прекрасно подвизающагося вѣрою. *Корниліе*, говоритъ онъ ему, *молитвы твоя и милостыни твоя взыдоша на память предъ Бога* (Дѣян. x, 4). Но если молитва услышана и милостыни приняты, то чего же недостаетъ мнѣ для праведности? Но *посли*, говоритъ, *во Іоппію*, *и призови*

Симона, нарицаемаго Петра, который, пришедъ, *речетъ тебѣ глаголы, въ нихже спасешися ты и весь домъ твой* (ст. 5, 6). Если, такимъ образомъ, самъ онъ и домъ его спасается благодаря словамъ Петра, то, слѣдовательно, онъ не имѣлъ еще спасенія чрезъ дѣла, пока вѣра не присудила награды дѣламъ его. Разсказываютъ про одного языческаго философа, что онъ, войдя въ богатый домъ, блещущій множествомъ золотыхъ украшеній, мраморовъ и колоннъ, и видя, что полъ повсюду устланъ коврами, плюнулъ въ лицо господина дома; и когда, затѣмъ, его стали обвинять, сказалъ, что онъ вынужденъ былъ плюнуть ему въ лицо, такъ какъ нельзя было сдѣлать этого нигдѣ въ другомъ мѣстѣ дома. Видишь ли, какъ смѣшенъ и презрѣненъ для всѣхъ, имѣющихъ умъ, тотъ, кто украшаетъ только внѣшность? И вполнѣ справедливо. Въ самомъ дѣлѣ, когда ты стараешься украшать стѣны, полъ, и все прочее, а на душу, одѣтую въ грязныя лохмотья, томящуюся голодомъ, исполненную язвъ, терзаемую тысячами псовъ, не обращаешь вниманія, то какому, скажи мнѣ, не подвергнешься ты наказанію? Если ты потеряешь деньги, то можешь дать другія деньги, равнымъ образомъ, если потеряешь 622
домъ, или раба, или что бы то ни было другое изъ имѣнія; но если ты погубишь душу, то другой души дать не можешь, и хотя бы ты владѣлъ цѣлымъ міромъ, хотя бы былъ царемъ вселенной, ты будешь не въ состояніи купить одной души, отдавъ все, что есть во вселенной, вмѣстѣ съ самой вселенной. Имѣя болѣзненное отъ природы и неизлѣчимо больное тѣло, ты, хотя бы облеченъ былъ въ тысячи діадемъ, не можешь сдѣлать этого тѣла здоровымъ, хотя бы отдалъ все свое царство и присовокупилъ къ тому безчисленное множество тѣлъ, городовъ и денегъ. Если же такъ бываетъ съ тѣломъ, то насколько болѣе съ душею? Богъ все далъ нашей природѣ въ двойномъ числѣ: два глаза, два уха, двѣ руки, двѣ ноги, чтобы, если повредится одинъ членъ, мы облегчали недостатокъ его чрезъ другой; но душу Онъ далъ намъ одну, и если мы погубимъ ее, то съ чѣмъ будемъ жить? Душа, однажды плѣненная страстію сребролюбія, не легко и не скоро отстанетъ и дѣлать и говорить то, что прогнѣвляетъ Бога, какъ ставшая рабою иного господина, повелѣвающаго дѣлать все противное Богу. Душа, разъ отчаявшаяся въ своемъ спасеніи, никогда не отстанетъ отъ безумія, но, отдавъ бразды своего спасенія безразсуднымъ страстямъ, носится всюду, внушая ужасъ встрѣчнымъ, такъ что всѣ ея избѣгаютъ и никто не осмѣливается удержать; она бѣжитъ чрезъ всѣ мѣста нечестія, пока наконецъ, увлекаемая въ самую бездну погибели, не низвергнетъ своего спасенія. Душа, разъ вступившая въ союзъ съ грѣхомъ и

ставшая безчувственной, даетъ возможность недугу весьма усиливаться. Какъ свинья, валяясь въ грязи, чувствуетъ удовольствіе, такъ и душа, одержимая дурною привычкою, даже и не чувствуетъ зловонія грѣховъ. И какъ земля, не орошаемая дождемъ, сколько бы на ней ни сѣяли, не можетъ произрастить колосьевъ, такъ и душа, не просвѣщенная напередъ божественнымъ Писаніемъ, не можетъ показать какого-нибудь плода, хотя бы кто и излилъ безчисленное количество словъ. Подобно тому какъ земля, когда на ней не сѣютъ, ни насаждаютъ, произращаетъ просто лишь траву, такъ и душа, когда не знаетъ надлежащаго дѣла, такъ какъ не можетъ оставаться въ бездѣйствіи, а непремѣнно желаетъ что-нибудь дѣлать, предается дурнымъ дѣламъ. Чѣмъ бываетъ воспаленіе для тѣла, тѣмъ и гордость для души; а за гордостью обыкновенно слѣдуетъ пожеланіе неподобающаго. И какъ люди, пренебрегающіе тѣлесными ранами, причиняютъ гнойныя лихорадочныя воспаленія и смерть, такъ и тѣ, кто не обращаетъ вниманія на малые грѣхи души, дозволяютъ образоваться большимъ. Для того Богъ далъ намъ тѣло отъ земли, чтобы мы и его возвели на небо, а не для того, чтобы чрезъ него и душу совлекли на землю. О, дивное дѣло! Какъ всѣ пристращены къ настоящимъ дѣламъ, а о будущихъ никогда
623 и не подумаютъ; непрестанно спѣшатъ къ тѣлеснымъ удовольствіямъ, а душѣ предоставляютъ томиться голодомъ; получая ежедневно тысячи ранъ, никогда даже и не замѣчаютъ того бѣдственнаго положенія, въ которомъ они находятся, и старательно заботясь о тѣлѣ, на несчастную душу, загрязненную и обремененную тысячами золъ, не обращаютъ и вниманія. И что всего прискорбнѣе, — они послѣ столь многихъ трудовъ и заботъ не только смертное тѣло не дѣлаютъ выше смерти, но и безсмертную душу вмѣстѣ съ этимъ смертнымъ тѣломъ подвергаютъ вѣчнымъ наказаніямъ. Вотъ почему, горько оплакивая объявшее души людей безуміе и окружающій ихъ густой мракъ, я желалъ бы найти какое-нибудь высокое мѣсто, съ котораго могъ бы видѣть всѣ роды людей, равно какъ желалъ бы имѣть голосъ, который оглашалъ бы всѣ концы земли и былъ слышенъ всѣмъ живущимъ на ней, и тогда встать и взывать, возглашая слова Давидовы: *сыны человѣчестіи, доколѣ тяжкосердіи* (Псал. IV, 3)? Не безумно ли, въ самомъ дѣлѣ, съ нашей стороны, что, когда приключится съ нашимъ тѣломъ даже ничтожная болѣзнь, мы и врачей зовемъ, и деньги тратимъ, и проявляемъ терпѣніе, и не перестаемъ принимать всякія мѣры, пока не удалимъ боль; а о душѣ, которая каждый день получаетъ раны, свергается въ стремнины и губитъ себя всякимъ образомъ, даже и немного не позаботимся? Не того,

кто просто лишь имѣетъ гнойную рану, нужно оплакивать, а
того, кто, имѣя ее, базполезно лежитъ и не находитъ рукъ вра-
чей; про того же, кто подвергается рѣзанію и прижиганію, мы
сказали бы, что онъ-то именно и стоитъ на пути къ выздоровле-
нію, такъ какъ смотримъ не на боль, происходящую отъ рѣза-
нія, а на здоровье, происходящее отъ этой боли. Такъ точно
должно разсуждать и относительно души: нужно плакать и скор-
бѣть не о тѣхъ, кто подвергается наказанію,—они вѣдь влекутся
къ здравію,—а о тѣхъ, кто грѣшитъ безнаказанно. Кто питается
благими надеждами и уповаетъ на будущія блага, тотъ уже здѣсь
вкусилъ царствія, потому что ничто такъ не обновляетъ и не воз-
вышаетъ обычно душу, какъ благая надежда на будущее. Тѣ,
кто все стараніе употребляетъ на украшеніе своего дома, богатѣя
во внѣшнемъ, не заботятся о внутреннемъ и не обращаютъ ника-
кого вниманія на свою заброшенную, загрязненную и покрытую
паутинами душу; между тѣми душа тѣхъ людей, которые, оста- 624
вивъ заботу о внѣшнемъ, обратили все свое стараніе на душу,
чтобы отовсюду украсить ее, будетъ служить мѣстопребываніемъ
для Христа. А что же можетъ быть блаженнѣе того, кто имѣетъ
обитающаго въ себѣ Христа? Итакъ, какое же будемъ имѣть мы
извиненіе или какое прощеніе, если мы при болѣзни тѣла, гдѣ
нужно и деньги тратить, и врачей звать, и терпѣть сильную
боль, обнаруживаемъ такую заботливость, а душею пренебрегаемъ,
несмотря на то, что намъ не нужно въ этомъ случаѣ ни тратить
денегъ, ни безпокоить другихъ, ни подвергаться мукамъ, а мы
сами безъ всего этого, чрезъ одно только произволеніе и поже-
ланіе можемъ доставить себѣ исправленіе, и при томъ достовѣрно
зная, что, если не сдѣлаемъ этого, подвергнемся крайнему нака-
занію и неумолимымъ мукамъ и казнямъ? Какъ сидящіе въ тем-
ницѣ, хотя всегда находятся въ унынiи и скорби, особенно испы-
тываютъ ихъ въ тотъ день, когда должны быть выведены и пред-
стать предъ самыми дверями судьи, и стоя предъ рѣшеткой и
слыша изнутри голосъ судьи, цѣпенѣютъ отъ страха и стано-
вятся по виду нисколько не лучше мертвецовъ, такъ точно и
душа, хотя и во время самаго грѣха терзается скорбью и му-
чится, но гораздо болѣе въ то время, когда, влекомая отсюда къ
загробному отчету, должна предстать предъ страшнымъ судили-
щемъ. Вотъ почему она часто медлитъ и уходитъ внутрь, боится
и трепещетъ, готовясь отлетѣть отъ тѣла. Тогда,—похитилъ ли
кто, или присвоилъ обманомъ чужое, или обидѣлъ кого, или
несправедливо сталъ чьимъ-либо врагомъ, или сдѣлалъ вообще
какое бы то ни было зло,—возстановляется весь рой грѣховъ,
является предъ очами и стоитъ суровымъ обличителемъ совѣсти.

Для того у насъ и безсмертная душа, равно какъ и тѣло будетъ безсмертнымъ, чтобы мы могли наслаждаться нескончаемыми благами. Если же ты пригвожденъ къ землѣ, тогда какъ тебѣ предлежатъ небесныя блага, то подумай, какое великое оскорбленіе наносится Дарующему, когда Онъ предлагаетъ тебѣ горнія блага, а ты нисколько не цѣнишь ихъ и промѣниваешь на земныя блага небесныя. Этихъ благъ и да сподобимся всѣ мы достигнуть, благодатію и человѣколюбіемъ Господа нашего Іисуса Христа, Которому слава и держава во вѣки вѣковъ. Аминь.

СЛОВО IX.

О томъ, что не должно пренебрегать Церковью Божіей и святыми таинствами.

623 Немного присутствующихъ у насъ сегодня. Что же за причина тому? Мы совершаемъ память мучениковъ, и никто не явился въ наше собраніе. Длиннота пути повергла ихъ въ лѣность; вѣрнѣе же сказать, не длиннота пути, а лѣность помѣшала имъ. Какъ человѣку ревностному и съ бодрой волей ничто не можетъ воспрепятствовать, такъ наоборотъ безпечному и лѣнивому все можетъ послужить препятствіемъ. Мученики кровь свою пролили за истину, а ты не можешь презрѣть даже и краткаго пути? Они голову свою сложили за Христа, а ты не хочешь даже немного пройти ради Владыки? Владыка ради тебя умеръ, и ты ради Его
624 мѣшкаешь? Память мучениковъ, и ты предаешься безпечности и лѣности? Тебѣ слѣдовало бы явиться въ собраніе и видѣть, какъ діаволъ терпитъ пораженіе и мученикъ побѣждаетъ, какъ Богъ прославляется и Церковь увѣнчивается. Но, говоришь, я грѣшникъ, и не могу быть въ собраніи. Такъ какъ ты грѣшникъ, то и явись въ собраніе, чтобы стать праведникомъ. Кто же изъ людей, скажи мнѣ, безъ грѣха? Или ты не знаешь, что и сами предстоящіе жертвеннику пригвождены къ грѣхамъ? Вѣдь и они облечены плотью и связаны съ тѣломъ. И мы сами, сидящіе на каѳедрѣ и учащіе, сплетены съ грѣхами. Тѣмъ не менѣе, не отчаиваемся въ человѣколюбіи Божіемъ и не приписываемъ Ему жестокосердія. Для того Богъ и попустилъ самимъ священни-
625 камъ рабствовать страстямъ, чтобы они изъ собственнаго опыта научились снисходительно относиться и къ другимъ. Не крайнее ли безуміе и сумасшествіе, что мы, если позоветъ насъ какой-нибудь гусляръ или плясунъ или кто другой изъ подобнаго рода

людей, всѣ охотно бѣжимъ къ нему, благодаримъ его за такой зовъ, и проводимъ цѣлую половину дня въ томъ, что внимаемъ только ему; а когда Богъ чрезъ пророковъ и апостоловъ бесѣдуетъ съ нами, то зѣваемъ, почесываемся и смежаемъ глаза? На ипподромѣ, не взирая на то, что тамъ нѣтъ крыши, которая защищала бы отъ дождя, множество безумствующихъ стоитъ, хотя бы шелъ страшный ливень и вѣтеръ хлесталъ воду въ лицо; они не обращаютъ вниманія ни на холодъ, ни на дождь, ни на длинноту пути; ничто ихъ ни дома не удержитъ, ни сюда не помѣшаетъ придти; а сходить въ церковь дождь и грязь становится намъ препятствіемъ. И если ихъ спросить, кто такой Амосъ или Авдій, или каково число пророковъ или апостоловъ, они не могутъ и рта раскрыть; а о лошадяхъ и кучерахъ ведутъ рѣчи лучше софистовъ и риторовъ. Какъ можно выносить это, скажи мнѣ? Я много разъ увѣщевалъ не ходить въ театры. Ты слышалъ, и не послѣдовалъ совѣту; сходилъ въ театръ, не послушался моего слова: не стыдись же опять придти и выслушать. Я слышалъ, говоришь, и не исполнилъ; какъ я могу придти опять и слушать? Однако, ты это сознаешь, что не исполнилъ, все же ты стыдишься, все же краснѣешь, все же ты налагаешь на себя узду, хотя и никто не обличаетъ, все же слово мое укоренилось въ тебѣ, все же ученіе мое очищаетъ тебя, хотя я и не стою предъ тобою. Ты не исполнилъ? Тѣмъ болѣе приди, чтобы, услышавъ вновь, исполнить. Если тебѣ приложено будетъ лѣкарство, но не вылѣчитъ тебя, то на слѣдующій день не прикладываешь ли ты его вновь? Представимъ дровосѣка, который хочетъ срубить дерево. Онъ беретъ топоръ и рубитъ корень. Если онъ нанесетъ одинъ ударъ, и дерево не упадетъ, то не наноситъ ли онъ второго удара, четвертаго, пятаго, десятаго? Такъ точно дѣлай и ты. Говорю это не для того, чтобы сдѣлать васъ болѣе безпечными, а для того, чтобы заставить васъ быть болѣе старательными. Ты вошелъ въ церковь, человѣкъ, удостоился общенія со Христомъ; не уходи, если не будешь отпущенъ. Если ты уйдешь прежде отпуска, то будешь судимъ какъ бѣглый рабъ. Цѣлый день ты тратишь на плотскія дѣла, и двухъ часовъ не можешь заняться духовными? Въ театръ ты часто ходишь, и до окончанія не уходишь; а приходишь въ церковь, и уходишь прежде совершенія божественныхъ таинствъ? Побойся сказавшаго: *иже презираетъ вещь, презрѣнъ будетъ отъ нея* (Притч. XIII, 13). Когда ты стоишь предъ царемъ, то не смѣешь даже и улыбнуться; предстоя же Господу всего, не стоишь со страхомъ и трепетомъ, а смѣешься, когда Онъ часто гнѣвается? Иль ты не знаешь, что этимъ ты прогнѣвляешь Его даже болѣе, чѣмъ грѣ-

хами? Вѣдь, не такъ Богъ отвращается обычно отъ согрѣшающихъ, какъ отъ тѣхъ, кто не сокрушается послѣ грѣха. Что дѣлаешь ты, человѣкъ? Стоя въ церкви, любострастно взираешь на красоту женщинъ, и не трепещешь, нанося такое оскорбленіе храму Божію? Или церковь кажется тебѣ непотребнымъ домомъ и менѣе достойной уваженія, чѣмъ площадь? Въ самомъ дѣлѣ, на площади ты боишься и стыдишься показаться высматривающимъ любострастно женщину, а въ храмѣ Бога, когда Онъ самъ говоритъ съ тобою и угрожаетъ за это, ты осмѣливаешься на такой поступокъ въ то самое время, когда слышишь повелѣніе не дѣлать этого, и не трепещешь, не содрогаешься, дѣлая сердце и
626 глаза вертепомъ беззаконія? Лучше такимъ людямъ быть слѣпыми, чѣмъ пользоваться такъ глазами. Подумай, человѣкъ, близъ кого стоишь ты во время священнаго этого и страшнаго таинства, съ кѣмъ ты намѣреваешься призывать Бога: съ херувимами, съ серафимами и прочими небесными силами; размысли, кто соликовствуетъ съ тобою. Достаточно тебѣ для трезвости, если ты примешь только во вниманіе, что ты, облеченный тѣломъ и соединенный съ плотью, удостоенъ вмѣстѣ съ безплотными силами славословить общаго всѣхъ Владыку. Итакъ, не съ разслабленнымъ духомъ принимай участіе въ этихъ священныхъ и таинственныхъ гимнахъ, не житейскіе помыслы имѣй въ это время, а, исторгнувъ изъ души все земное и всецѣло перенесшись на небо, воспѣвай всесвятую пѣснь хвалы Богу, какъ бы стоя близъ самаго престола славы и летая съ серафимами. Для того повелѣвается намъ стоять благоговѣйно во время божественнаго таинства, чтобы мы воздвигли влачащіеся по землѣ помыслы, чтобы, сбросивъ съ себя разслабленіе, происходящее отъ житейскихъ дѣлъ, могли прямо поставить душу нашу предъ Богомъ. Не о тѣлесныхъ рукахъ или колѣнахъ говорится,—говорится вѣдь не скороходамъ или гимнастамъ,—а повелѣвается этими словами возставить силу внутреннихъ помысловъ, повергнутую искушеніями. Во время священнаго этого собранія, братія, не люди только возглашаютъ эту страшную молитву, но и ангелы припадаютъ къ Владыкѣ, и архангелы молятся, имѣя и время благопріятное для нихъ, и помощь въ приношеніи. И какъ люди, срѣзавъ масличныя вѣтви, машутъ ими предъ царями, напоминая имъ чрезъ это растеніе о милосердіи и человѣколюбіи, такъ и ангелы въ тотъ часъ, представляя вмѣсто масличныхъ вѣтвей само Владычнее тѣло, молятъ Владыку за человѣческій родъ, какъ бы говоря: мы просимъ за тѣхъ самыхъ, кого Ты самъ благоволилъ напередъ возлюбить такъ, что отдалъ душу Свою за нихъ; мы проливаемъ молитвы за тѣхъ, за кого Ты самъ пролилъ кровь; мы молимъ

за тѣхъ, за кого Ты принесъ въ жертву это самое тѣло. Пусть поэтому каждый размыслитъ въ себѣ, какой порокъ онъ исправилъ, какую добродѣтель пріобрѣлъ, отъ какого грѣха омылся, въ чемъ сдѣлался лучше; и если найдетъ, что отъ поста у него явился какой-нибудь прибытокъ на эту прекрасную торговлю, и сознаетъ, что приложилъ много попеченія о своихъ ранахъ, пусть приступаетъ; если же онъ оставался нерадивъ, и можетъ показать одинъ только постъ, а кромѣ того ничего добраго не сдѣлалъ, то пусть остается внѣ церкви, и входитъ только тогда, когда очиститъ всѣ свои грѣхи. Тому, кто, ссылаясь на немощность тѣла, не постится, естественно получить и прощеніе; тому же, кто не исправилъ своихъ недостатковъ, невозможно найти оправданія. Что мы сдѣлаемъ, если Богъ потребуетъ отъ насъ отвѣта за нашу безпечность въ собраніяхъ? Вы знаете, конечно, какъ часто въ то самое время, когда Онъ говоритъ всѣмъ намъ чрезъ пророка, мы ведемъ съ сосѣдями длинные разговоры о вещахъ, нисколько до насъ не касающихся. Итакъ, если Онъ, оставивъ все прочее, захочетъ потребовать отъ насъ отвѣта только за этотъ грѣхъ, будетъ ли намъ какая-нибудь надежда на спасеніе? Не думай, что это ничтожный грѣхъ; а если хочешь узнать, на- 627
сколько онъ великъ, разсмотри то же самое примѣнительно къ отношеніямъ между людьми, и тогда увидишь, до какой степени это нелѣпо. Осмѣлься, когда говоритъ съ тобой начальникъ, или даже какой-нибудь другъ немного почтеннѣе, оставить его и разговаривать съ своимъ слугою, и тогда ты увидишь, какой дерзкій поступокъ совершаешь ты, дѣлая то же самое въ отношеніи къ Богу. Если разговаривавшій съ тобою принадлежитъ къ числу знатныхъ людей, то онъ можетъ еще привлечь тебя и къ отвѣту за такое оскорбленіе. А Богъ, который каждый день бываетъ оскорбляемъ такъ, и даже хуже того, и не однимъ, или двумя, или тремя людьми, а почти всѣми нами, сноситъ и долготерпитъ. Желая утишить гнѣвъ земного царя, вы всѣ съ дѣтьми и женами сбѣгаетесь, и часто спасаете осужденнаго отъ царскаго гнѣва; а когда нужно умилостивить Царя небеснаго и исхитить изъ гнѣва Его не одного, не двухъ, не трехъ, не сто, а всѣхъ грѣшниковъ, находящихся во вселенной, вы сидите внѣ и не стекаетесь всѣ вмѣстѣ, чтобы Богъ, милостиво взирая на ваше согласіе, и тѣмъ отпустилъ наказаніе, и вамъ простилъ согрѣшенія. Если въ тотъ часъ тебѣ случится быть на площади, или дома, или быть занятымъ неотложными дѣлами, то не разрываешь ли ты сильнѣе всякаго льва всякія узы и не бѣжишь ли принять участіе въ общемъ моленіи о прощеніи? И какую будешь имѣть ты надежду на спасеніе? Въ самомъ дѣлѣ, что можетъ быть мо-

гущественнѣе Церкви? Не говори мнѣ о стѣнахъ и оружіи. Стѣны ветшаютъ отъ времени, Церковь же никогда не старѣетъ: стѣны разрушаютъ варвары, Церковь же и демоны одолѣть не могутъ. А что эти слова не пустое хвастовство, о томъ свидѣтельствуютъ самыя дѣла. Сколько людей враждовало противъ Церкви, и враждовавшіе погибли, а она вознеслась выше неба! Таково величіе Церкви! Когда противъ нея враждуютъ, она побѣждаетъ; когда строятъ козни, она превозмогаетъ; когда подвергаютъ безчестію, становится еще славнѣе. Знаете тотъ день, когда противъ насъ направлено было столько оружій, и ярость воинская, горѣвшая сильнѣе огня, когда насъ отводили въ царскіе дворцы, и мы были позорищемъ для вселенной? И однако по благодати Божіей ничто насъ не сразило. Почему? Потому, что ничто въ настоящей жизни не есть зло. Въ самомъ дѣлѣ, что есть зло? Смерть? Но она не есть зло, такъ какъ чрезъ нее мы только скорѣе приходимъ къ пристани. Лишеніе имущества? *Нагъ изыдохъ, нагъ и отъиду* (Іов. I, 21). Изгнаніе? *Господня земля и исполненіе ея* (Псал. XXIII, 1). Клевета? *Радуйтеся, егда рекутъ всякъ золъ глаголъ на вы, яко мзда ваша многа на небесѣхъ* (Мѳ. V, 11, 12). Если меня и отводили въ тюрьму, какъ преступника, то для меня это не было безчестіемъ, такъ какъ безчестіе только въ одномъ—въ грѣхѣ; и хотя бы вся вселенная обезчестила тебя, но самъ ты себя не обезчестишь, ты не обезчещенъ. Предательство есть только одно—предательство совѣсти; пусть не предаетъ тебя совѣсть, и никто не предастъ тебя. Меня отводили въ тюрьму, и я видѣлъ дѣла, или вѣрнѣе—видѣлъ, что мои слова становятся дѣлами, и то, что я говорилъ словами, возвѣщается на площади дѣлами.

Итакъ, желалъ бы я знать, гдѣ проводятъ время тѣ, которые презрѣли это священное собраніе и отказались отъ участія въ этой священной трапезѣ. Впрочемъ, я хорошо знаю: они или разговариваютъ о нелѣпыхъ и смѣшныхъ вещахъ, или пригвождены къ житейскимъ заботамъ. Между тѣмъ и то и другое времяпровожденіе лишено извиненія и заслуживаетъ крайняго наказанія. Что касается перваго, то здѣсь не требуется ни словъ,
628 ни доказательствъ. А что и тѣ, которые ссылаются на домашнія дѣла и происходящую отсюда нестерпимую нужду, точно такъ же не могутъ заслуживать снисхожденія, въ силу того именно, что не предпочитаютъ духовныхъ занятій земнымъ, очевидно также для всякаго. Скажи мнѣ въ самомъ дѣлѣ, какой слуга, прежде чѣмъ исполнить господскую службу, станетъ заботиться о собственныхъ домашнихъ дѣлахъ? Какъ же не безсмысленно, въ отношеніи къ людямъ, гдѣ господство есть одно простое лишь имя, оказывать господамъ такое уваженіе и послушаніе, а истин-

наго Господа, не нашего только, но и горнихъ силъ, не удостоивать даже и такого служенія, какого мы удостоиваемъ нашихъ сорабовъ? О, если бы я могъ показать вашимъ глазамъ душу такихъ людей: вы увидѣли бы, какъ она грязна, неопрятна, обезчещена, уничижена и лишена дерзновенія! Какъ тѣло, оставаясь безъ бани, покрывается всякой нечистотой и грязью, такъ точно и душа, оставаясь безъ духовнаго ученія, облегается великой скверной грѣховъ. О, если бы можно было раскрыть сердца людей, оставляющихъ священное собраніе! О, если бы вамъ возможно было проникнуть въ ихъ совѣсть! Тогда вы хорошо бы увидѣли, сколькими язвами они исполнены, сколько имѣютъ терній. Какъ земля, не воздѣлываемая руками земледѣльцевъ, запустѣваетъ и заростаетъ лѣсомъ, такъ и душа, оставаясь безъ духовнаго ученія, произращаетъ тернія и волчцы. Если мы, которые каждый день слушаемъ пророковъ и апостоловъ, и унимаемъ свои страсти постоянно пѣснопѣніями изъ Священнаго Писанія, едва удерживаемъ свою вспыльчивость, едва обуздываемъ гнѣвъ, едва извергаемъ гной зависти, едва усмиряемъ похоть, едва укрощаемъ безстыдныхъ звѣрей, то какую же надежду на спасеніе будутъ имѣть тѣ, которые никогда не пользуются такимъ врачеваніемъ и не слышатъ божественнаго ученія? Какъ вышедшій изъ пристани всюду блуждаетъ и лишенный свѣта на все натыкается, такъ и впавшій въ забвеніе страха Божія обрекается на непрестанныя заботы, безпокойства и скорби. И какъ въ томъ случаѣ, когда Богъ находится съ нами и защищаетъ насъ, всѣ печали исчезаютъ, такъ, наоборотъ, когда Онъ оставляетъ и забываетъ насъ, и душа раздирается, и сердце томится мукой, и скорби нападаютъ, чтобы, уязвляясь всяческимъ образомъ, безпечные съ большимъ ревніемъ возвратились туда, откуда ниспали. *Накажетъ тя отступленіе твое*, говорится, *и злоба твоя обличитъ тя* (Іер. II, 19). Такъ и оставленіе Богомъ есть одинъ изъ видовъ Его промышленія. Когда Онъ, промышляя и заботясь о людяхъ, находитъ пренебреженіе, то оставляетъ немного и покидаетъ, чтобы небрежные, отбросивъ безпечность, стали болѣе ревностными. Думаю я, что сегодня присутствуютъ многіе изъ тѣхъ, которые недавно оставили насъ и убѣжали на зрѣлища беззаконія: и желалъ бы я точно знать ихъ, чтобы прогнать ихъ отъ этихъ священныхъ вратъ,—не для того, чтобы они всегда оставались внѣ ихъ, а для того, чтобы они возвратились потомъ исправившись. Такъ и отцы выгоняютъ изъ дома заблудшихъ дѣтей и удаляютъ отъ стола, не для того, чтобы навсегда лишиться ихъ, а для того, чтобы они, сдѣлавшись отъ такого урока лучшими, съ подобающей честью возвратились къ отеческому наслѣдству. 629

Такъ дѣлаютъ и пастухи: они разобщаютъ покрытыхъ паршами овецъ отъ здоровыхъ, чтобы, излѣчившись отъ болѣзни, они могли безопасно возвратиться опять къ здоровымъ, и чтобы больныя не заразили своей болѣзнью всего стада. Для того же и мы желали бы знать упомянутыхъ людей. Впрочемъ, если мы и не можемъ различить ихъ глазами, наше слово несомнѣнно признаетъ ихъ, и, коснувшись ихъ совѣсти, легко убѣдитъ ихъ добровольно удалиться, научая ихъ, что только тотъ находится въ Церкви, кто обнаруживаетъ достойное здѣшняго пребыванія расположеніе души; а тотъ, кто участвуетъ въ этомъ священномъ собраніи, будучи порочнаго поведенія, хотя и приводитъ сюда тѣло, извергается вонъ, и изгоняется хуже заключенныхъ внѣ и не могущихъ участвовать въ священной трапезѣ. Послѣдніе, будучи извергнуты по законамъ Божіимъ, и оставаясь внѣ, имѣютъ по крайней мѣрѣ благія надежды, и если пожелаютъ исправить свои прегрѣшенія, то могутъ чрезъ Церковь, отъ которой они отпали, возвратиться опять съ чистой совѣстью; тѣ же, которые, осквернивъ себя, послѣ того, несмотря на увѣщаніе приходить не прежде, чѣмъ очистятся отъ грѣховной скверны, ведутъ себя безстыдно, дѣлаютъ свою рану болѣе тяжкой,—вѣдь не столь тяжкое зло—грѣхъ, сколько безстыдство послѣ грѣха. Многіе причащаются таинствъ однажды въ годъ, другіе—дважды, а иные многократно. Кого же изъ нихъ намъ похвалить? Тѣхъ ли, которые однажды причащаются, или тѣхъ, кто часто, или тѣхъ, кто рѣдко? Ни тѣхъ, которые однажды, ни тѣхъ, которые часто, ни тѣхъ, которые рѣдко, а тѣхъ, которые причащаются съ чистою совѣстью, съ чистымъ сердцемъ, съ неукоризненной жизнью. Таковые пусть всегда приступаютъ; кто же не таковы, пусть не приступаютъ и раза, такъ какъ они принимаютъ себѣ судъ и осужденіе. Подобно тому какъ пища, будучи по природѣ питательной, если попадетъ въ человѣка, страдающаго отсутствіемъ аппетита, все губитъ и разрушаетъ, и становится причиной болѣзни, такъ точно и страшныя эти тайны. Ты наслаждаешься трапезой духовной, трапезой царской, и опять мараешь тѣло свое грязью? Помазуешь его миромъ, и опять наполняешь зловоніемъ? Приступая чрезъ годъ къ причастію, думаешь ты, что этого тебѣ достаточно для очищенія грѣховъ за все время, и опять, по прошествіи недѣли, принимаешься за прежнее? Скажи мнѣ, если ты, выздоровѣвъ на сорокъ дней отъ продолжительной болѣзни, опять предаешься тому, что причинило болѣзнь, то не губишь ли ты и прежняго труда? Если такимъ образомъ естественные предметы измѣняются, то тѣмъ болѣе то, что зависитъ отъ произволенія. Если у тебя дурно пахнетъ изо рта, ты не питаешься даже за общимъ сто-

ломъ, а когда въ душѣ такое зловоніе, дерзаешь—скажи мнѣ—пріобщаться таинствъ? И какое получишь ты прощеніе? *Ядый и піяй* чашу Господню *недостойнѣ*, говоритъ божественный апостолъ, *судъ себѣ ястъ и піетъ* (1 Кор. xi, 29), то есть, потерпитъ такое же наказаніе, какому подвергнутся и распявшіе Христа. Какъ тѣ убійцы стали повинны въ крови, такъ и тѣ, которые недостойно пріобщаются таинъ. Какъ тотъ, кто разорветъ царскую порфиру или замараетъ ее грязью, одинаково оскорбитъ одѣвающагося въ нее царя, такъ точно и здѣсь,—какъ умертвившіе 610
тѣло Владычне, такъ и принимающіе его нечистою душою, одинаково надругаются надъ царскимъ одѣяніемъ. Іудеи разорвали его на крестѣ, а сквернитъ его тотъ, кто принимаетъ его нечистою душою. Такимъ образомъ, хотя преступленіе и различно, но оскорбленіе одинаково. Слова эти тронули многихъ слушателей, многихъ смутили, уязвили ихъ совѣсть, вѣрнѣе же сказать, не только слушателей, но прежде, чѣмъ васъ, и меня самого говорящаго. Одно вѣдь для всѣхъ ученіе, однѣ у всѣхъ раны,—почему я прилагаю и общія для всѣхъ лѣкарства. Дѣло божественнаго человѣколюбія проявляется въ томъ, что и говорящій и слушающіе подчинены однимъ и тѣмъ же законамъ, имѣютъ одну и ту же природу, и всякій преступающій подлежитъ одинаковой отвѣтственности. Почему? Чтобы учащій дѣлалъ порицаніе съ умѣренностью, чтобы онъ былъ снисходителенъ къ согрѣшающимъ, чтобы, памятуя о собственной слабости, не дѣлалъ обличенія нестерпимымъ. Итакъ, если ты увидишь, что кто-нибудь изъ пасомыхъ вмѣстѣ съ тобою ведетъ блудную жизнь, и приступаетъ къ таинствамъ, то скажи тому, кто завѣдуетъ раздаяніемъ ихъ: такой-то недостоинъ таинствъ, не допускай непотребнаго къ святынѣ. Вѣдь, если таковой недостоинъ повѣдать оправданія Божіи, то подумай, до чего дойдетъ наказаніе ему, когда онъ коснется еще и священной трапезы, да и не ему только одному, а и тебѣ, укрывающему его. Въ самомъ дѣлѣ, не сказалъ Богъ: и ты прелюбодѣйствовалъ, но: *съ прелюбодѣемъ участіе полагалъ еси* (Псал. xlix, 18). Вотъ какое великое зло скрывать гнилостныя язвы другихъ! Ты, говоритъ Онъ, становишься соучастникомъ наказанія, полагающагося за преступленіе. И справедливо. Въ самомъ дѣлѣ, тотъ можетъ еще указать на страсть, хотя отговорка и не заслуживаетъ извиненія, а ты не можешь сдѣлать даже и того. Зачѣмъ же ты, не наслаждаясь удовольствіемъ, дѣлаешься общникомъ и участникомъ наказанія? Не говори мнѣ такихъ, исполненныхъ крайней безчувственности, словъ: что мнѣ безпокоиться о другихъ? Я забочусь о своей пользѣ. Нѣтъ; тогда-то ты болѣе всего и будешь заботиться о

собственной пользѣ, когда будешь искать ее въ томъ, что полезно для ближняго, какъ и Павелъ говорилъ: *никтоже своего си да ищетъ* (1 Кор. x, 24), чтобы найти свою пользу. Въ самомъ дѣлѣ, когда грѣшникъ увидитъ, что всѣ отвращаются отъ него, то онъ будетъ думать, что сдѣлалъ великое преступленіе; если же увидитъ, что къ нему не только не относятся съ негодованіемъ и не питаютъ отвращенія, но и благодушно терпятъ и помогаютъ ему, то растлѣвается и судилище совѣсти, такъ какъ мнѣніе окружающихъ оказываетъ помощь его развращенной волѣ. Многіе, не вынесши тяжести сдѣланныхъ вамъ обличеній, придя послѣ ухода, роптали и жаловались, говоря: ты удаляешь насъ отъ священной трапезы, отгоняешь отъ общенія? Я же для того принужденъ былъ сказать это, чтобы вы знали, что я не удаляю, а напротивъ собираю, не отгоняю, не отстраняю, а скорѣе привлекаю чрезъ эти обличенія. Страхъ наказанія, охватывая, какъ огонь—воскъ, совѣсть грѣшниковъ, и постоянно оставаясь при ней, разрѣшаетъ и потребляетъ наши грѣхи, и, дѣлая душу чистой и свѣтлой, сообщаетъ намъ большое дерзновеніе. И какъ врачъ, давая страдающимъ отсутствіемъ аппетита горькія лѣкарства, и удаляя дурные соки, возбуждаетъ упавшій аппетитъ и заставляетъ съ большею охотою вкушать обычную пищу, такъ точно и учитель, говоря жестокія слова, очищая душу отъ
631 худыхъ помысловъ и освобождая отъ тяжкаго бремени грѣховъ, даетъ свободно вздохнуть совѣсти и доставляетъ возможность съ полнымъ наслажденіемъ вкусить тѣла Владычня. Справедливо, поэтому, говоритъ блаженный Павелъ: *повинуйтеся наставникомъ вашимъ и покоряйтеся: тіи бо бдятъ о душахъ вашихъ, яко слово воздати хотяще* (Евр. xш, 17). Въ самомъ дѣлѣ, ты заботишься о своей жизни, и если ты устроилъ ее хорошо, тебѣ нѣтъ никакой заботы о другихъ; священникъ же, хотя бы и устроилъ собственную жизнь хорошо, а о твоей не будетъ имѣть тщательной заботы, пойдетъ вмѣстѣ съ порочными въ геенну, и часто, не будучи преданъ собственными грѣхами, погибаетъ отъ чужихъ. Однако послѣ того, какъ мы такъ сильно обличили недостойно причащающихся божественныхъ таинъ, необходимо обратиться съ словомъ и къ вамъ, служителямъ таинствъ, чтобы вы съ великимъ вниманіемъ раздавали эти дары, такъ какъ не малое наказаніе угрожаетъ и вамъ. Въ самомъ дѣлѣ, если вы, зная о нечестіи кого-нибудь, позволяете участвовать въ этой трапезѣ, то кровь его взыщется отъ вашихъ рукъ. Будетъ ли то военачальникъ, или ипархъ, или даже самъ облеченный въ діадему,
632 но если онъ приступаетъ недостойно, воспрети ему; ты имѣешь власть бóльшую, чѣмъ онъ не прогнѣвляй Владыку, оставляя

неочищеннымъ его тѣло. Не давай меча вмѣсто пищи; но хотя бы онъ пришелъ подъ предлогомъ болѣзни причаститься, не бойся воспретить. Бойся Владыки Бога, не человѣка. Если ты убоишься человѣка, то и имъ будешь осмѣянъ, и Владыку прогнѣвишь; а если — Бога, то и для людей будешь почтененъ, и Богу любезенъ. Если же самъ сдѣлать этого не смѣешь, то приведи ко мнѣ; я не позволю ему совершить такую дерзость; скорѣе душу свою положу, чѣмъ дозволю причаститься крови Владычней недостойно, и скорѣе пролью собственную свою кровь, чѣмъ допущу до причастія столь страшной крови недостодолжнымъ образомъ. Гораздо лучше лишиться жизни ради Бога, чѣмъ Бога ради жизни. Ему подобаетъ слава, держава, нынѣ и во вѣки вѣковъ. Аминь.

СЛОВО X.

О промыслѣ.

Почему Богъ не уничтожилъ врага, обольстившаго чело- 631
вѣка въ началѣ? Если бы онъ одолѣвалъ силою, то вопросъ имѣлъ бы какой-нибудь смыслъ; если же онъ чуждъ такой силы, и дѣйствуетъ только внушеніемъ, а не повиноваться ему въ нашей власти, то зачѣмъ ты отнимаешь предлогъ къ прославленію и уничтожаешь поводъ къ полученію вѣнцовъ? Кромѣ того, если бы даже Богъ оставилъ его, зная, что онъ всѣхъ побѣдитъ, то и тогда не слѣдовало бы смущаться, — такъ какъ, если онъ побѣждаетъ, это происходитъ отъ насъ, которые добровольно покоряемся ему, а не насильно. А если было уже много побѣдившихъ его, и много еще будетъ впослѣдствіи, то зачѣмъ ты лишаешь имѣющихъ прославиться побѣдою такой чести? Однако, не всѣ побѣдятъ его. Но гораздо справедливѣе, чтобы доблестные имѣли случай показать свою доблесть, а безпечные были наказаны за свою собственную лѣность, чѣмъ ради послѣднихъ причинить обиду первымъ. Лѣнивый, если и терпитъ обиду, то не отъ противника, а отъ собственной лѣности, о чемъ свидѣтельствуетъ множество побѣждающихъ. Между тѣмъ, тогда ревностные подвергались бы кознямъ со стороны лѣнивыхъ, если бы не имѣли цѣли, для которой могли бы пользоваться мужествомъ. Тогда могли бы жаловаться и на созданіе устъ и глазъ, потому что изъ-за послѣднихъ многіе желаютъ того, чего не должно, и впадаютъ въ прелюбодѣяніе, а первыми иные произ-

носятъ хулу и провозглашаютъ погибельные догматы. Но неужели изъ-за этого людямъ слѣдовало явиться на свѣтъ безъ языка и глазъ? Въ такомъ случаѣ мы отсѣчемъ и руки и ноги, изъ которыхъ однѣ исполнены крови, а другія текутъ на нечестіе. А вслѣдъ затѣмъ и уши, потому что и они принимаютъ лживыя слухи и передаютъ душѣ растлѣнные догматы; если же такъ, то и пищу и питье, и небо и землю, и море, и луну, и хоръ звѣздъ. Для чего въ самомъ дѣлѣ будутъ онѣ нужны, когда тотъ, ради котораго они созданы, будетъ столь жалостнымъ образомъ разсѣченъ? Видишь, до какихъ смѣшныхъ и нелѣпыхъ выводовъ мы принуждены дойти? Діаволъ врагъ себѣ, не намъ, потому что мы, если захотимъ, можемъ получить чрезъ него даже многія
632 блага, вопреки его волѣ и намѣренію; и въ этомъ обнаруживается тѣмъ большее чудо и чрезмѣрное человѣколюбіе Божіе. Дѣйствительно, когда люди становятся лучшими, это уже само по себѣ уязвляетъ и огорчаетъ діавола; когда же онъ самъ является для насъ виновникомъ этого, то не можетъ уже и снести обиды. Если бы Богъ, говорятъ нѣкоторые, не попустилъ, діаволъ не могъ бы приступить къ человѣку и обольстить его въ началѣ. Чтò сказать намъ на это? То, что, если бы этого не случилось, Адамъ не узналъ бы, сколь великое имѣлъ онъ благо, и никогда не отсталъ бы отъ своего безумія. Въ самомъ дѣлѣ, тотъ, кто до такой степени возмнилъ о себѣ, что думалъ даже стать Богомъ, на что не осмѣлился бы, если бы не былъ вразумленъ? Но предположимъ, что діаволъ не давалъ бы никакихъ совѣтовъ. Остался ли бы Адамъ безгрѣшнымъ, если бы этого не было? Нельзя этого сказать. Тотъ, кто такъ легко убѣжденъ былъ женой, если бы діавола и не было, скоро самъ по себѣ впалъ бы въ грѣхъ. Тотъ, кто такъ легко поддался обольщенію со стороны другого, уже прежде обольщенія былъ безпеченъ и слабодушенъ, потому что послѣдній не могъ бы имѣть и такого успѣха, если бы обратился къ трезвой и бодрой душѣ. Но почему же Богъ далъ Адаму такую заповѣдь, зная, что онъ согрѣшитъ? Потому, что и дарованіе заповѣди свидѣтельствуетъ о большемъ попеченіи, чѣмъ недарованіе. Допустимъ, что Адамъ имѣлъ бы столь слабую волю, какъ то показалъ конецъ, и при этомъ не получилъ бы никакой заповѣди, а жилъ въ полное свое удовольствіе: къ худшему или лучшему привела бы эта слабость и безпечность при такой распущенности? Для всякаго очевидно, что, живя безъ всякой заботы, онъ впалъ бы въ крайнее нечестіе. Если онъ, не имѣя твердой надежды на безсмертіе, но зная, что эта надежда еще сомнительна, впалъ въ такое высокомѣріе и безуміе, что думалъ сдѣлаться Богомъ, и при томъ не взирая на то, что ни

откуда не видѣлъ, что обѣщавшій заслуживаетъ вѣры, то до какого безумія не дошелъ бы онъ, если бы имѣлъ твердую увѣренность въ безсмертіи? Какого грѣха не совершилъ бы? Когда бы послушался Бога? Если онъ послѣ дарованія заповѣди такъ презрѣлъ Того, Кто даровалъ ему эту заповѣдь, то, если бы онъ 633
совсѣмъ ничего не слышалъ отъ Него, не сталъ бы, можетъ быть, сознавать и того, что онъ находится подъ Его властію. Если бы никто изъ порочныхъ здѣсь не подвергался наказанію, а изъ добродѣтельныхъ никто не получалъ награды, то многіе изъ числа невѣрующихъ ученію о воскресеніи стали бы избѣгать добродѣтели, какъ причины бѣдствій, и слѣдовать пороку, какъ виновнику благъ. Если бы, опять, всѣ получали здѣсь по достоинству, то стали бы считать излишнимъ и ложнымъ ученіе о судѣ. Поэтому, чтобы и ученіе о судѣ не почиталось ложнымъ, и множество заурядныхъ людей не дѣлалось хуже вслѣдствіе презрѣнія къ этому ученію, Богъ наказываетъ и здѣсь многихъ грѣшниковъ и награждаетъ нѣкоторыхъ изъ добродѣтельныхъ; и тѣмъ, что дѣлаетъ это не въ отношеніи ко всѣмъ, удостовѣряетъ ученіе о судѣ, а тѣмъ, что наказываетъ нѣкоторыхъ раньше суда, возбуждаетъ спящихъ глубокимъ сномъ. Дѣйствительно, вслѣдствіе того, что нечестивые терпятъ наказаніе, многіе пробуждаются, боясь, чтобы не потерпѣть того же; вслѣдствіе же того, что не всѣ получаютъ здѣсь по своимъ заслугамъ, вынуждаются заключать, что это соблюдается для другого времени. Для того и Каина, когда онъ согрѣшилъ, Богъ не умертвилъ, чтобы всѣ послѣдующіе люди вразумлялись чрезъ него и стали лучшими чрезъ постигшее его наказаніе. Не все вѣдь равно было—слышать, что нѣкто Каинъ, убившій брата, умеръ, или видѣть самого убійцу, несущаго наказаніе. Если въ первомъ случаѣ могли не вѣрить разсказу объ этомъ событіи по причинѣ чрезмѣрной ненависти, то теперь, когда убійца находится на лицо и въ теченіе долгаго времени заставляетъ многихъ быть свидѣтелями наказанія, онъ дѣлаетъ это событіе очевиднымъ и достовѣрнымъ какъ для современниковъ, такъ и послѣдующихъ поколѣній. Затѣмъ, если бы Богъ тотчасъ же убилъ его, то не далъ бы ему никакого срока для покаянія и исправленія,—тогда какъ, проводя жизнь въ страхѣ и трепетѣ, онъ могъ бы получить отъ такой жизни великую пользу, если бы не былъ крайне безчувственнымъ и скорѣе звѣремъ, нежели человѣкомъ. Кромѣ того, чрезъ это наказаніе Богъ дѣлалъ для него меньшимъ будущее мученіе, потому что скорби и наказанія, наводимыя на насъ Богомъ въ настоящей жизни, уничтожаютъ не малую часть будущихъ мученій. Для того Богъ обычно наказываетъ грѣшни-

ковъ, заслуживающихъ одинаковаго наказанія, не всѣхъ вмѣстѣ, чтобы остальные сдѣлались лучшими въ виду бѣдствій, постигшихъ другихъ. Но часто Онъ наказываетъ и всѣхъ вмѣстѣ, какъ было напр. при потопѣ, чтобы самимъ грѣшникамъ прегражденъ былъ путь къ дальнѣйшему нечестію, а послѣдующіе люди получили бы большую, нежели тѣ, пользу, когда закваска, такъ сказать, и основа пороковъ будетъ удалена вмѣстѣ съ тѣми, которые ихъ совершали, а также не имѣли бы столь многихъ учителей нечестія. Въ самомъ дѣлѣ, если и безъ примѣра люди могутъ легко находить пороки, то что бы они сдѣлали, если бы было много подстрекателей ихъ на дурныя дѣла? Итакъ, нужно убѣдиться только въ томъ, что все устрояется для насъ Богомъ на пользу, а какимъ образомъ—объ этомъ не спрашивать, равно какъ не безпокоиться и не унывать, если мы не знаемъ этого. Знать это и не возможно, и не полезно; первое—потому, что мы смертны, второе—потому, что скоро впадаемъ въ гордость. Богъ хочетъ, чтобы и не вѣрующіе Ему спаслись чрезъ покаяніе, какъ и самъ Онъ говоритъ о томъ: *не пріидохъ призвати праведники, но грѣшники на покаяніе* (Мѳ. IX, 13). Даже и послѣ того, какъ они, удостоившись такого попеченія, не пожелаютъ сдѣлаться лучшими и признать истину, Онъ не оставляетъ ихъ; но такъ
634 какъ они добровольно сами себя лишили небесной жизни, доставляетъ имъ по крайней мѣрѣ все необходимое для настоящей жизни, повелѣвая солнцу всходить надъ злыми и добрыми, посылая дождь на праведныхъ и неправедныхъ, и даруя все прочее, необходимое для поддержанія настоящей жизни. Если же о врагахъ Онъ имѣетъ такое попеченіе, то какъ презритъ тѣхъ, которые вѣруютъ Ему и служатъ Ему по мѣрѣ силъ своихъ? Но почему діаволъ не устраненъ совсѣмъ? Представимъ себѣ противника и двухъ борцовъ, которые должны сражаться съ нимъ. Одинъ изъ этихъ двухъ борцовъ страдаетъ отъ пресыщенія, небрежно относится къ своему дѣлу, обезсиленъ и разслабленъ, а другой прилеженъ, пользуется здоровьемъ, занимается въ палестрахъ и школахъ для тѣлесныхъ упражненій и обнаруживаетъ всякое стараніе приготовить себя къ состязанію. Итакъ, если ты уничтожишь противника, то кому изъ нихъ причинишь обиду? Безпечному ли и нерадивому, или прилежному и положившему столько трудовъ? Ясно, что прилежному. Этому послѣднему изъ-за безпечнаго учиняется обида, если будетъ устраненъ противникъ; тогда какъ безпечному изъ-за прилежнаго, если противникъ остается, никакой обиды не причиняется, потому что онъ терпитъ пораженіе отъ собственной безпечности. Такимъ образомъ, человѣкъ слабовольный, нерадивый и безпечный, хотя бы

и не было никакого діавола, скоро падаетъ и ввергаетъ себя въ бездны порока. Равнымъ образомъ, если мы обратимся къ нашимъ собственнымъ членамъ, то найдемъ, что и они являются причинами гибели,—если мы не бываемъ внимательны, — не по собственной своей природѣ, а вслѣдствіе нашей безпечности. Вотъ смотри. Глазъ данъ для того, чтобы ты, взирая на твореніе, прославлялъ Творца и Владыку; но, если ты непристойно пользуешься глазомъ, онъ становится для тебя виновникомъ прелюбодѣянія. Языкъ данъ для того, чтобы ты пѣснословилъ и восхвалялъ Создателя; но, если ты недостаточно наблюдаешь за собой, онъ становится для тебя причиной богохульства и сквернословія. Руки даны для того, чтобы ты простиралъ ихъ на молитву; но, если ты не ведешь себя трезвенно, ты простираешь ихъ на любостяжаніе. Ноги даны для того, чтобы ты устремлялся на добрыя дѣла; но, если ты безпеченъ, то у тебя будутъ чрезъ нихъ дурныя дѣянія. Видишь ли, что слабому человѣку все приноситъ вредъ и даже сами спасительныя лѣкарства приводятъ къ смерти, не по своей природѣ, а вслѣдствіе немощи такого человѣка? Одного только взора Божія достаточно, чтобы погубить нечестивыхъ; если присутствіе святыхъ дѣлаетъ немощной силу демоновъ, то гораздо болѣе присутствіе Божіе. Когда мы увидимъ разстройство и замѣшательство въ дѣлахъ, не будемъ обвинять Бога и думать, что теченіе настоящей жизни не предусмотрѣно; истинное разстройство и замѣшательство не въ теченіи дѣлъ, а въ находящемся въ такомъ состояніи помыслѣ; и для него не будетъ никакой пользы отъ благоустройства въ дѣлахъ, хотя бы онъ пользовался величайшимъ благоустройствомъ, пока онъ не уничтожитъ разстройства и замѣшательства, находящихся въ немъ самомъ. Подобно тому какъ больной глазъ и въ ясный полдень будетъ видѣть тьму и одно вмѣсто другого, и для него не будетъ никакой пользы отъ солнечнаго луча, между тѣмъ какъ здоровый и крѣпкій глазъ можетъ и вечеромъ вѣрно руководить тѣломъ, такъ точно и око нашего ума, пока будетъ здраво, хотя бы увидѣло повидимому и неустройство, будетъ видѣть прекрасный порядокъ, а если будетъ повреждено, то, хотя бы ты возвелъ его на самое небо, и тамъ найдетъ великое неустройство и замѣшательство. Для того Богъ не всѣхъ подвергаетъ наказанію въ здѣшней жизни, чтобы ты не отвергалъ воскресенія и не терялъ надежды на судъ, какъ будто здѣсь всѣ уже даютъ отвѣтъ; равно какъ не всѣмъ позволяетъ уйти отсюда и безнаказанно, чтобы ты не думалъ, что все лишено провидѣнія. Если кто не вѣритъ въ воскресеніе, пусть подумаетъ, сколько создалъ Богъ изъ ничего,—и получитъ до- 635

казательство и относительно воскресенія. Взявъ землю, Богъ смѣсилъ ее и создалъ человѣка,—землю, которой раньше не было. Итакъ, какимъ образомъ земля стала человѣкомъ? Какимъ образомъ и сама она, раньше не существовавшая, приведена въ бытіе? Какую опору имѣетъ она? Что находится позади земли? И что, въ свою очередь, вслѣдъ за этимъ? Какъ произведены изъ нея всѣ безконечные роды животныхъ, сѣмянъ, растеній? Все это недоумѣннѣе воскресенія. Въ самомъ дѣлѣ, не все равно— возжечь опять потухшій свѣтильникъ, или явить огонь, который былъ нигдѣ не видимъ; не все равно — возстановить упавшій домъ, или выстроить совершенно новый домъ. Въ первомъ случаѣ, если ничего другого не было, по крайней мѣрѣ было вещество; во второмъ же случаѣ не было и самаго вещества. Для того Богъ и сотворилъ сначала то, что кажется намъ труднѣйшимъ, чтобы чрезъ это примѣрно доказать болѣе легкое. Равнымъ образомъ при нашемъ рожденіи не маленькое ли сѣмя, не имѣющее вначалѣ опредѣленнаго вида и устройства, ввергается въ воспринимающую его утробу? Откуда же такое устройство живого существа? А что сказать о хлѣбѣ? Не голое ли зерно брасается въ землю? Не сгниваетъ ли оно послѣ того, какъ бываетъ брошено? Откуда же колосъ, ости на немъ, стебель и все прочее? Маленькое зернышко смоковницы, упавши на землю, не произращаетъ ли часто корня, вѣтвей и плодовъ? Затѣмъ, все это ты принимаешь и не подвергаешь излишнему изслѣдованію, а отъ одного только Бога, преобразующаго наше тѣло, требуешь отчета? Можетъ ли это заслуживать какого-нибудь извиненія? Но для чего Богъ оставилъ діавола, когда онъ столь лукавъ, что нападаетъ на насъ неожиданно? Для того, чтобы мы, будучи побуждаемы страхомъ и ожидая нападенія врага, обнаруживали великую бодрственность и постоянную трезвенность. И чему ты удивляешься, если Онъ ради этого оставилъ діавола? Заботясь о нашемъ спасеніи и пробуждая насъ отъ безпечности, а также доставляя поводъ къ полученію вѣнцовъ, Онъ для того уготовалъ и самую геенну, чтобы страхъ мученій и тяжесть наказанія направляли насъ къ царству. Итакъ, если ты сдѣлаешь что-нибудь доброе и не получишь за это воздаянія въ здѣшней жизни, не смущайся: тебя съ лихвою ожидаетъ за это награда въ будущемъ вѣкѣ. Равнымъ образомъ, если сдѣлаешь что-нибудь злое, и не потерпишь наказанія, не будь самонадѣянъ, потому что тамъ постигнетъ тебя наказаніе, если не перемѣнишься и не станешь лучшимъ. Ты возмущаешься, выходишь изъ себя, и все наполняешь смущеніемъ, видя, какъ многіе, живущіе въ нечестіи, преуспѣваютъ и пользуются здѣсь благами, и сѣтуешь

на долготерпѣніе Божіе. Что ты дѣлаешь, скажи мнѣ? Сколько подстерегаютъ и нападаютъ на дорогахъ? Сколько подрываютъ стѣны? Сколько отравляютъ ядами? Что же? Обвиняемъ ли мы за нихъ судью? Ни въ какомъ случаѣ. Если онъ, когда они будутъ представлены на судъ, отпуститъ ихъ, и того, кто пострадалъ, накажетъ, а того, кто причинилъ зло, оправдаетъ и отпуститъ съ почетомъ, то онъ дѣйствительно достоинъ обвиненія и всякихъ порицаній; но когда они еще не преданы суду, зачѣмъ ты самъ привлекаешь его къ отвѣту и напередъ осуждаешь? Подумай о своей собственной жизни, человѣкъ, войди въ свою совѣсть,—и ты не только не похвалишь своего рѣшенія, но и измѣнишь свое мнѣніе, прославишь долготерпѣніе Человѣколюбца и возблагодаришь за снисхожденіе, дивясь Его незлобію. Если 63»
бы каждый подвергался наказанію за грѣхи непосредственно вслѣдъ за совершеніемъ ихъ, то родъ человѣческій едва ли не былъ бы давно уже истребленъ. Итакъ, братія, не будемъ унывать: вѣдь не такъ мы заботимся о своемъ спасеніи, какъ создавшій насъ, и не столько у насъ попеченія о томъ, чтобы не потерпѣть ничего бѣдственнаго, сколько у даровавшаго намъ душу Бога. Богъ не попускаетъ людямъ ни оставаться всегда въ несчастіяхъ, чтобы они не впадали въ отчаяніе, ни въ покоѣ, чтобы они не дѣлались безпечными, но разнообразно устрояетъ ихъ спасеніе, перемѣняя одно на другое. Если корабль безъ кормчаго не можетъ благополучно существовать, а легко утопаетъ, то какимъ образомъ міръ могъ бы существовать столько времени, если бы никто не управлялъ имъ? И чтобы не говорить многаго, представь, что міръ есть корабль, внизу какъ бы киль лежитъ земля, небо—паруса, люди—пассажиры, лежащая внизу бездна—море: какимъ же образомъ въ теченіе столь долгаго времени не произошло крушенія? Оставь корабль на одинъ хотя бы день безъ кормчаго и пловцовъ, и ты увидишь, какъ онъ тотчасъ же потонетъ. Между тѣмъ міръ, имѣющій уже пять тысячъ слишкомъ лѣтъ, ничего подобнаго не потерпѣлъ. Да что я говорю о кораблѣ? Иной устроитъ въ виноградникѣ небольшой шалашъ и послѣ собранія плодовъ покидаетъ его, и часто послѣдній не просуществуетъ даже и двухъ дней, вскорѣ же разрушается и падаетъ. Если, такимъ образомъ, шалашъ не можетъ стоять безъ присматривающаго за нимъ, то какъ же столь великое созданіе, столь прекрасное и дивное, могло бы остаться незыблемымъ въ теченіе такого долгаго времени безъ чьего-нибудь попеченія? Размысли о красотѣ небесъ, сколько ей времени и она не помрачилась; размысли о силѣ земли, какъ не изнемогла ея утроба, раждая столько уже времени; размысли объ источни-

кахъ, какъ они текутъ и не разстаются съ мѣстомъ своего рожденія; размысли о морѣ, сколько рѣкъ принимаетъ оно и не преступаетъ своего предѣла. Справедливо можно о каждомъ изъ названныхъ явленій сказать: *яко возвеличишася дѣла твоя, Господи, вся премудростію сотворилъ еси* (Псал. сш, 24). Не безумно ли съ нашей стороны, наблюдая за строителемъ и видя, какъ онъ раскалываетъ и распиливаетъ деревья, не требовать отъ него отчета и не обвинять его; равнымъ образомъ и въ отношеніи къ врачу, который прижигаетъ и рѣжетъ тѣло, заключаетъ больного въ отдѣльномъ помѣщеніи и томитъ его голодомъ, не обнаруживать безполезнаго любопытства, а оставаться спокойными и молчать: между тѣмъ, о неизреченной премудрости, неизреченномъ человѣколюбіи предаваться неумѣстному любопытству и мелочному изслѣдованію? И оказать помощь, потратить деньги за бѣдняковъ, терпящихъ обиды, вы не легко рѣшитесь, а всячески изслѣдуете, почему такой-то бѣденъ, почему такой-то нищій, почему такой-то богатъ. Зачѣмъ ты не опускаешь взоровъ долу и не осуждаешь самого себя, не налагаешь узды на языкъ и не укрощаешь ума, и, переставъ праздно любопытствовать о такихъ предметахъ, не обращаешь этой пытливости на свою собственную жизнь? Взгляни на то, что тобою сдѣлано, на море своихъ грѣховъ: и если ты любопытенъ и пытливъ, потребуй у себя самого отчета въ словахъ, въ дѣлахъ,—въ томъ, что ты худо сказалъ, что худо сдѣлалъ. Между тѣмъ теперь себя самого ты
637/8 оставляешь безъ испытанія, а Богу учиняешь судъ, и прилагаешь къ своимъ грѣхамъ новые грѣхи. Можетъ ли это не заслуживать наказанія? Да избѣгнемъ же его всѣ мы, благодатію и человѣколюбіемъ Господа нашего Іисуса Христа, Которому слава и держава во вѣки вѣковъ. Аминь.

СЛОВО XI.

О богатствѣ и бѣдности.

637 Когда ты видишь, что кто-нибудь незаслуженно пользуется богатствомъ, не называй его счастливымъ, не считай достойнымъ соревнованія, не осуждай промыслъ Божій, не думай, что настоящая жизнь течетъ безпричинно и безцѣльно. Вспомни о богачѣ и Лазарѣ,—какъ первый достигъ до послѣднихъ предѣловъ богатства и роскоши, будучи жестокимъ, лютымъ, безчеловѣчнымъ и свирѣпѣе всѣхъ собакъ,—и въ самомъ дѣлѣ, послѣднія

сожалѣли бѣдняка и служили ему, не лѣнясь лизать языкомъ своимъ раны, покрывавшія все его тѣло, а тотъ не давалъ ему даже и крохъ,—между тѣмъ какъ бѣдный Лазарь, этотъ истинно богатый, истинно живущій въ довольствѣ, впалъ въ самую крайнюю бѣдность, лишенъ былъ даже самой необходимой пищи, и боролся съ болѣзнью и постояннымъ голодомъ. Одинъ имѣлъ болѣе, чѣмъ нужно, а другой не пользовался даже и соотвѣтственными необходимымъ потребностямъ средствами. И, однако, онъ не возроптал, не сталъ обвинять Бога и порицать промыслъ. Итакъ, не безразсудно ли, что, въ то время какъ сами терпящіе бѣдствія такъ благословляютъ за все Владыку, ты, который стоишь внѣ подвиговъ, хулишь Бога за то, что другіе переносятъ съ благодареніемъ? Тотъ, кто терпитъ несчастія, если и скажетъ какое-нибудь тяжкое и жестокое слово, заслуживаетъ все же снисхожденія, хотя и не такого, какъ другой, а меньшаго; но тотъ, кто стоитъ внѣ бѣдствій и губитъ свою душу изъ-за другихъ, будетъ ли достоинъ какого-либо прощенія, понося Бога за то, за что самъ терпящій бѣдствія благодаритъ Его и никогда не перестаетъ восхвалять? Почему богатство кажется тебѣ, человѣкъ, вожделѣннымъ? Несомнѣнно, вслѣдствіе удовольствія, получаемаго отъ хорошаго стола, вслѣдствіе почета и толпы тѣлохранителей, состоящей изъ людей, служащихъ тебѣ ради богатства, вслѣдствіе того, что ты можешь отмстить оскорбителямъ и для всѣхъ быть страшнымъ,—а другихъ причинъ ты не можешь указать, кромѣ удовольствія и лести, страха и мести. Въ самомъ дѣлѣ, богатство обычно не дѣлаетъ ни болѣе мудрымъ, ни болѣе воздержнымъ, ни добрымъ, ни человѣколюбивымъ; не вводитъ и не насаждаетъ въ душѣ и никакой другой добродѣтели. И ты не можешь сказать, что оно вожделѣнно и желательно для тебя ради какого-либо изъ этихъ благъ, потому что оно не только не можетъ насаждать и воздѣлывать ни одного изъ нихъ, а напротивъ даже вредитъ и мѣшаетъ имъ, если найдетъ ихъ имѣющимися уже на лицо, а нѣкоторыя даже и совсѣмъ исторгаетъ и вводитъ то, что противоположно имъ. Но не буду говорить объ этомъ, потому что плѣненные этимъ недугомъ не въ состояніи слышать, какъ ихъ обвиняютъ и обличаютъ, будучи всецѣло преданы удовольствію и ставъ чрезъ это самое рабами. Итакъ, скажите мнѣ, потому ли богатство кажется вамъ желаннымъ и высокоцѣннымъ, что оно питаетъ въ васъ тягчайшія страсти, доводя гнѣвъ до дѣла, вздувая пузыри больного честолюбія до громадныхъ размѣровъ, и возбуждая къ гордости? Потому самому 638
нужно безъ всякой оглядки бѣжать отъ него, что оно поселяетъ въ нашей душѣ дикихъ и свирѣпыхъ звѣрей, чрезъ которыхъ

лишаетъ ее чести, признаваемой всѣми, и, окрашивая цвѣтами послѣдней ложную честь, представляетъ ее въ такомъ видѣ обманутымъ и внушаетъ, что послѣдняя больше первой, хотя она не такова по природѣ, а представляется только по внѣшности. Подобно тому какъ красота распутныхъ женщинъ, наведенная притираніями и подкрашиваніемъ, на самомъ дѣлѣ лишена красоты, но некрасивое въ дѣйствительности и безобразное лицо кажется для обманутыхъ красивымъ и благовиднымъ, такъ точно и богатство обнаруживаетъ вмѣсто чести безчестіе. Не смотри на тѣ похвалы, которыя расточаются открыто вслѣдствіе страха и лести, а раскрой совѣсть каждаго изъ тѣхъ, которые такъ льстятъ тебѣ, и увидишь тысячи обвинителей, которые въ душѣ вопіютъ противъ тебя, отвращаются отъ тебя и ненавидятъ хуже злѣйшихъ твоихъ враговъ и непріятелей. И если когда-нибудь приключившаяся перемѣна обстоятельствъ удалитъ и изобличитъ личину, образуемую страхомъ, подобно тому какъ яркій лучъ солнца подкрашеныя лица, тогда ты ясно увидишь, что въ предшествовавшее время ты былъ въ крайнемъ безчестіи у тѣхъ, которые услуживали тебѣ, и пользовался, какъ ты думалъ, честью со стороны людей, которые болѣе всего тебя ненавидѣли и желали видѣть тебя въ крайнемъ несчастіи. Какъ человѣкъ есть животное ничтожное, подверженное гибели и кратковременное, такъ и богатство таково же; вѣрнѣе же сказать, даже и того ничтожнѣе. Часто оно погибаетъ даже не вмѣстѣ съ человѣкомъ, а еще раньше человѣка; и вы всѣ знаете, сколь многочисленные примѣры преждевременной гибели богатства здѣсь вы наблюдали. И часто владѣлецъ остается въ живыхъ, а состояніе погибаетъ; и, о, если бы оно погибало одно только, а не губило вмѣстѣ съ собой и владѣльца! Вотъ почему не погрѣшитъ тотъ, кто назоветъ богатство неблагодарнымъ рабомъ, рабомъ кровожаднымъ и человѣкоубійственнымъ, рабомъ, который воздаетъ своему господину въ благодарность убійствомъ; и что всего тяжелѣе—оно подвергаетъ его опасности не только въ то время, когда покидаетъ его, но еще и прежде, чѣмъ покинуть, доставляетъ ему безпокойство и тревоги. Кто, напр., былъ выше Евтропія? Не превзошелъ ли онъ своимъ богатствомъ всю вселенную? Не достигъ ли до самыхъ высшихъ почестей? Не всѣ ли трепетали и боялись его? Но вотъ, онъ сталъ несчастнѣе даже узниковъ въ темницѣ, жалче рабовъ, нуждается хуже нищихъ, томимыхъ голодомъ, видитъ каждый день предъ собою изостренные мечи, яму, палачей и отведеніе на казнь; онъ даже не знаетъ, пользовался ли когда-нибудь тѣми удовольствіями, и даже самыхъ лучей солнца не чувствуетъ, но, какъ бы окруженный непро-

глядной ночью, и въ полдень лишенъ возможности видѣть. Впрочемъ, сколько бы мы ни старались, мы будемъ не въ силахъ 639
изобразить то страданіе, которое долженъ испытывать онъ, ожидая каждый часъ, когда отсѣкутъ ему голову. Вижу его желтое, какъ букъ, лицо, выглядывающее нисколько не лучше, чѣмъ у лишеннаго уже навсегда жизни; къ этому присоединяется еще стукъ и скрежетъ зубовъ, дрожаніе всего тѣла, прерывающійся голосъ, едва лепечущій языкъ, и видъ, какой можетъ имѣть только человѣкъ съ окаменѣвшей душой. Не говорилъ ли я тебѣ постоянно, что богатство скоропреходяще? Но ты не выносилъ моихъ словъ. Не говорилъ ли я, что оно неблагодарный рабъ? Но ты не хотѣлъ повѣрить. Но вотъ опытъ на самомъ дѣлѣ показалъ, что оно не только бѣглый и неблагодарный рабъ, но и человѣкоубійца, такъ какъ оно именно теперь заставило тебя трепетать и бояться. Не говорилъ ли я тебѣ, тогда какъ ты безпрестанно укорялъ меня, говорившаго правду, что я люблю тебя больше, чѣмъ твои льстецы? Что я, обличитель, забочусь о тебѣ больше, чѣмъ угождающіе тебѣ? Не присовокуплялъ ли я къ этимъ словамъ, что *достовѣрнѣе язвы* друзей, *нежели вольная лобзанія* враговъ (Притч. xxvii, 6)? Если бы ты потерпѣлъ мои раны, то не причинили бы тебѣ поцѣлуи ихъ этой смерти, потому что раны доставляютъ здоровье, а ихъ поцѣлуи производятъ неисцѣльную болѣзнь. Въ самомъ дѣлѣ, откуда это? Отъ того, что ты не помышлялъ о превратности дѣлъ человѣческихъ. Если бы ты боялся измѣны счастья, то не потерпѣлъ бы измѣны. Но такъ какъ ты ни самъ по себѣ, ни отъ другихъ не сдѣлался лучше, то и испыталъ на самомъ дѣлѣ то, что говорилось на словахъ. Всегда я говорю, что богатство предательски измѣняетъ тѣмъ, кто худо пользуется имъ; вотъ наступаетъ время, и показываетъ самымъ дѣломъ истину этихъ словъ. Что ты держишь его, если во время искушенія оно не приноситъ тебѣ пользы? Если оно имѣетъ силу, то пусть будетъ съ тобой, когда впадешь въ нужду: если же оно тогда убѣгаетъ, то зачѣмъ оно нужно тебѣ? Говорю, и не перестану говорить это, хотя многіе и упрекаютъ меня (говоря): всегда онъ говоритъ, докучаетъ богатымъ. Однако, вѣдь, и тѣ всегда докучаютъ бѣднымъ. А я докучаю богатымъ, вѣрнѣе же сказать, не богатымъ, а тѣмъ, кто худо пользуется богатствомъ. Всегда говорю, обвиняя не богатаго, а хищника. Иное дѣло богатый, иное—хищникъ; различай эти двѣ вещи, не сливай несоединимаго. Богатъ ты? Не запрещаю. Похищаешь? Обвиняю. Имѣешь свое? Пользуйся. Берешь чужое? Не смолчу. Желаешь убить меня? Готовъ и кровь свою пролить, только бы удержать тебя отъ грѣха. Я не обращаю вниманія на

ненависть, не обращаю вниманія на вражду; объ одномъ только забочусь—о преспѣяніи слушателей. И бѣдные—мои дѣти, и богатые—мои дѣти; одна и та же утроба болѣла обоими, въ однѣхъ и тѣхъ же мукахъ родились и тѣ и другіе. Пусть убиваетъ, кто хочетъ, пусть ненавидитъ, кто хочетъ, пусть злоумышляетъ, кто хочетъ! Козни для меня—залоги вѣнцовъ, раны — счетъ наградамъ. Не боюсь я козней; одного только боюсь я, — грѣха. Только бы не уличилъ меня кто-нибудь въ грѣхѣ, и пусть хоть вся вселенная воюетъ со мной. Видите ничтожество дѣлъ человѣческихъ? Видите слабость власти? Видите, что богатство, которое я всегда называлъ бѣглецомъ, не только бѣглецъ, но и убійца? Оно вѣдь не только оставляетъ своихъ владѣльцевъ, но
640 и убиваетъ ихъ. Когда кто-нибудь заботится о немъ, тогда-то именно оно предательски и измѣняетъ. Что ты заботишься о богатствѣ, котораго никогда нельзя уберечь? Хочешь сохранить его? Не зарывай его, а дай въ руки бѣднымъ. Богатство—дикій звѣрь; если его удерживаютъ, онъ убѣгаетъ; если гонятъ, остается. Расточай богатство, чтобы оно осталось; не зарывай, чтобы не убѣжало. Гдѣ богатство? Съ удовольствіемъ спросилъ бы я умершихъ: гдѣ богатство? Говорю это не въ видѣ упрека,—нѣтъ,—и не для того, чтобы вновь растравить раны: а для того, чтобы изъ крушеній другихъ сдѣлать для васъ тихую пристань. Въ самомъ дѣлѣ, кто сегодня богатъ, завтра становится бѣденъ. Вотъ почему я часто смѣялся, читая такіе договоры: такому-то должно принадлежать владѣніе полями или домомъ, а пользованіе другому. Всѣ мы только пользуемся, и никто не владѣетъ. Хотя бы въ теченіе всей нашей жизни богатство оставалось у насъ, не подвергаясь никакому несчастному случаю, мы волей-неволей при кончинѣ уступаемъ его другимъ, извлекши изъ него только пользу, но не получивъ надъ нимъ власти, и переселяемся въ загробную жизнь, будучи наги и ничего не имѣя. Отсюда ясно, что только тѣ владѣютъ богатствомъ, кто презрѣлъ и пользованіе имъ, и посмѣялся надъ наслажденіемъ имъ. Тотъ именно, кто отвергъ богатство и роздалъ его бѣднымъ, воспользовался имъ достодолжнымъ образомъ, и отходитъ отсюда, сохраняя полную власть надъ нимъ. Такимъ образомъ, если кто хочетъ и владѣть, и пользоваться, и имѣть полную власть надъ своимъ имѣніемъ, пусть отвергнется отъ всякаго имѣнія; а тотъ, кто этого не сдѣлаетъ, при смерти лишится всего его, иногда же еще и раньше смерти потеряетъ его, потерпѣвъ безчисленныя бѣдствія и опасности. И не въ томъ только бѣда, что съ богатствомъ случаются несчастія, и при томъ неожиданно, но и въ томъ, что богатый оказывается совершенно неприготовленнымъ къ перенесенію бѣд-

ности. Ради чего же ты считаешь богатство достойнымъ усилій и почитаешь счастливыми тѣхъ, кто пріобрѣлъ его, и завидуешь имъ? Чѣмъ отличается богатый отъ бѣднаго? Не однимъ ли облеченъ онъ тѣломъ? Не одинъ ли питаетъ желудокъ? Для чего у тебя множество слугъ? Какъ въ одеждѣ и пищѣ должно искать только необходимо нужнаго, такъ точно и въ слугахъ. Одному господину слѣдовало бы пользоваться однимъ только слугой: вѣрнѣе же сказать, и двумъ или тремъ господамъ однимъ слугой. Если же это кажется тяжкимъ, то вспомни о тѣхъ, которые не имѣютъ ни одного слуги, и пользуются самыми легкими услугами. Для того, вѣдь, и далъ намъ Богъ руки и ноги, чтобы мы не нуждались въ слугахъ. Въ самомъ дѣлѣ, не ради нужды введены въ міръ слуги, — иначе вмѣстѣ съ Адамомъ созданъ былъ бы и рабъ, — а какъ возмездіе и казнь за грѣхъ и преслушаніе. Но если уже необходимо имѣть раба, то развѣ лишь одного, или, самое большое, двухъ. Въ самомъ дѣлѣ, зачѣмъ тебѣ нужно имѣть толпу слугъ, и съ важностію выступать на площади? Развѣ ты ходишь между звѣрей, что гонишь встрѣчающихся? Не бойся: никто не кусается изъ подходящихъ и идущихъ вблизи тебя. Или ты, можетъ быть, считаешь оскорбленіемъ для себя идти вмѣстѣ со всѣми? Но какое же безуміе думать, что лошадь, если она идетъ рядомъ, не наноситъ оскорбленія, а человѣкъ, если его не отогнать на тысячу верстъ, причиняетъ безчестіе? Что можетъ быть несообразнѣе, какъ расталкивать и гнать людей, чтобы дать 641
широкую дорогу скоту? Богомъ премудро установлена такая необходимость для насъ пользоваться взаимными услугами, что, хотя бы кто-нибудь былъ богаче всѣхъ людей, онъ и въ такомъ случаѣ не можетъ обойтись безъ этого взаимообщенія и не нуждаться въ меньшемъ. Не только, вѣдь, бѣдные нуждаются въ богатыхъ, но и богатые въ бѣдныхъ, и послѣдніе нуждаются даже больше въ первыхъ, чѣмъ первые въ послѣднихъ. И чтобы тебѣ видѣть это яснѣе, создадимъ, если угодно, два города, одинъ — только однихъ богатыхъ, другой—бѣдныхъ, и пусть ни въ городѣ богатыхъ не будетъ ни одного бѣдняка, ни въ городѣ бѣдныхъ ни одного богача, и посмотримъ, который изъ нихъ болѣе можетъ быть самъ для себя довлѣющимъ. Итакъ, въ первомъ городѣ, городѣ богатыхъ, не будетъ ни одного ни ремесленника, ни зодчаго, ни плотника, ни башмачника, ни хлѣбопека, ни земледѣльца, ни кузнеца, ни веревочника, ни чего-либо другого подобнаго. Кто, въ самомъ дѣлѣ, изъ богатыхъ захочетъ когда-нибудь приняться за такія дѣла, если и сами тѣ, которые занимаются ими, когда становятся богатыми, не выносятъ тяжести этихъ трудовъ? Какъ же будетъ существовать у

насъ этотъ городъ? Богатые, скажешь, давши серебро, купятъ это у бѣдныхъ. Но какъ же они построятъ дома? Или и это купятъ? Но это по самому существу дѣла невозможно. Необходимо, слѣдовательно, призвать туда мастеровъ, и такимъ образомъ нарушить законъ, который мы установили вначалѣ, созидая городъ. Посмотримъ теперь на городъ бѣдныхъ, будетъ ли и онъ точно такъ же терпѣть недостатокъ, будучи лишенъ богатыхъ. Предварительно точно опредѣлимъ при этомъ богатство, разумѣя подъ нимъ именно золото, серебро, драгоцѣнные камни, шелковыя, пурпуровыя и золототканыя одежды. Что же? Если мы все это удалимъ изъ города бѣдныхъ, станетъ ли онъ, скажи мнѣ, вслѣдствіе этого недостаточнымъ? Ни въ какомъ случаѣ. Въ самомъ дѣлѣ, надо ли построить домъ, или сковать желѣзо, или соткать одежду, для этого нужны не золото, или серебро, или жемчугъ, а искусство и руки. Равнымъ образомъ, если нужно пахать или копать землю, богатые или бѣдные требуются для этого? Для всякаго очевидно, что бѣдные. Гдѣ же, наконецъ, намъ нужны будутъ богатые, какъ въ томъ развѣ лишь случаѣ, если нужно будетъ разорить этотъ городъ? Итакъ, когда ты увидишь, что кто-нибудь блистаетъ одеждами и толпой тѣлохранителей, раскрой его совѣсть и найдешь тамъ много пыли. Вспомни о Павлѣ, о Петрѣ; вспомни объ Іоаннѣ, объ Иліи, прежде же всего о самомъ Сынѣ Божіемъ, который не имѣлъ гдѣ главы преклонить (Мѳ. viii, 20); подражай Ему и Его рабамъ и представляй въ своемъ умѣ ихъ неизреченное богатство. Если же ты, немного прозрѣвъ, вслѣдъ затѣмъ опять омрачишься, какъ бы во время крушенія отъ налетѣвшаго порыва бури, то послушай изреченіе Христово, гласящее, что невозможно богатому войти въ царство небесное (Мѳ. xix, 23). Къ этому изреченію присовокупи горы, землю и море, и все, если хочешь, сдѣлай мысленно золотомъ, и ты увидишь, что ничто не можетъ сравниться съ тѣмъ вредомъ, который произойдетъ отсюда для тебя. Въ самомъ дѣлѣ, если бы каждый изъ богачей владѣлъ цѣлымъ міромъ, каждый имѣлъ столько людей, сколько есть ихъ теперь во всей вселенной—на сушѣ и морѣ, каждый владѣлъ землею и моремъ и всѣми существующими зданіями, городами и народами, и отовсюду къ нему текло бы вмѣсто воды и источниковъ золото, то я сказалъ бы, что такіе богачи не стоятъ и трехъ гро-
642 шей, если они лишились царствія небеснаго. Если теперь, стремясь обладать деньгами, которыя погибаютъ, они испытываютъ муки, когда не успѣваютъ въ этомъ, то что̀ же въ состояніи будетъ доставить имъ утѣшеніе, когда они получатъ ощущеніе тамошнихъ благъ? Скажи мнѣ, если бы кто-нибудь ввелъ тебя въ

царскій дворецъ, доставилъ тебѣ возможность въ присутствіи всѣхъ бесѣдовать съ царемъ, и сдѣлалъ тебя сотрапезникомъ и сожителемъ его,—не назвалъ ли бы ты себя счастливѣе всѣхъ? Между тѣмъ, когда тебѣ предстоитъ взойти на небо, стать предъ самимъ Царемъ всяческихъ, сіять предъ ангелами и наслаждаться неприступною тамошнею славою, ты сомнѣваешься, нужно ли пожертвовать деньгами, тогда какъ, если бы надлежало даже отказаться отъ самой жизни, слѣдовало бы ликовать, веселиться и окрыляться радостью. Чтобы получить власть, доставляющую тебѣ возможность красть (я вѣдь не назову такого рода дѣло пріобрѣтеніемъ), ты тратишь и свои средства, и у другихъ занимаешь, и, если нужно, не задумываешься заложить даже жену и дѣтей; а когда тебѣ предлежитъ царство небесное, не имѣющее никакого преемника власти, ты раздумываешь, медлишь и жалѣешь денегъ?

Но, увы, до чего велика безчувственность! Тогда какъ насъ ожидаютъ такія блага, мы все еще пристращены къ настоящимъ, и не помышляемъ о коварствѣ діавола, который чрезъ малое лишаетъ насъ великаго; даетъ грязь, чтобы похитить небо; показываетъ тѣнь, чтобы отвратить отъ истины; обольщаетъ сновидѣніями (а ничто иное настоящее богатство), чтобы, когда настанетъ день, показать насъ бѣднѣе всѣхъ. Въ самомъ дѣлѣ, есть ли какой еще столь постоянный и ненасытный врагъ, какъ богатство? Когда мы живемъ, онъ губитъ нашу душу, а когда умираемъ, безчеститъ и тѣло, не позволяя схоронить его въ землѣ, каковая участь постигаетъ и осужденныхъ. При этомъ законоблюстители, подвергнувъ послѣднихъ смертной казни, дальше съ ними ничего уже не дѣлаютъ, богатство же подвергаетъ своихъ владѣтелей и по смерти жесточайшему наказанію, выставляя ихъ нагими и непогребенными. Страшное и жалости достойное зрѣлище! Поистинѣ, они терпятъ участь болѣе тяжкую, чѣмъ преступники отъ гнѣвнаго приговора судіи. Послѣдніе, оставшись первый и второй день непогребенными, предаются затѣмъ землѣ; богатые же, послѣ того какъ предадутъ ихъ землѣ, обнажаются и подвергаются безчестію отъ гробораскитителей. Если при этомъ послѣдніе не уносятъ и гроба, то здѣсь нужно благодарить уже не богатство, а бѣдность, потому что если бы мы и его довѣрили богатству, и, переставъ изготовлять его изъ камня, сковали изъ золота, то и его погубили бы. Итакъ, что можетъ быть несчастнѣе богатаго, когда даже и смерть не доставляетъ ему безопасности, и его жалкое тѣло, даже лишенное жизни, не избавляется отъ золъ настоящей жизни, подвергаясь грабежу и обдиранію со стороны злодѣевъ и гробораскитителей, побуждаемыхъ жадною

любовью къ деньгамъ воевать съ прахомъ и пепломъ, и съ гораздо большею жестокостью, чѣмъ при жизни богатаго. Въ самомъ дѣлѣ, тогда они, войдя въ кладовую, опустошали ящики, но тѣла не трогали, да и не могли столько унести, чтобы обнажить даже тѣло; теперь же они и его не щадятъ, но трогаютъ и ворочаютъ его во всѣ стороны, и наносятъ ему жестокое поруганіе. Послѣ преданія землѣ, лишивъ его какъ земляного покрова, такъ и одеждъ, они оставляютъ его валяться безъ всякой защиты. И въ то время, какъ природа примиряетъ тогда съ нимъ
643 даже враговъ, богатство, напротивъ, вооружаетъ и тѣхъ, которые ничего не имѣютъ противъ него, и до такой степени возбуждаетъ и разъяряетъ неистовство злодѣевъ противъ мертваго и недвижимаго, что они не пощадили бы даже и самаго тѣла, если бы его члены были имъ на что-нибудь полезны. Не будемъ, поэтому, считать богатство великимъ благомъ. Великое благо не въ томъ, чтобы владѣть деньгами, а въ томъ, чтобы имѣть страхъ Божій. Вотъ теперь, если бы былъ какой-нибудь праведникъ, имѣющій великое дерзновеніе къ Богу, то могъ бы, хотя бы и былъ всѣхъ бѣднѣе, прекратить настоящія бѣдствія; достаточно было бы ему только воздѣть руки къ небу и призвать Бога, и эта туча прошла бы мимо; а столько золота имѣется въ запасѣ и оказывается безполезнѣе всякаго сору для прекращенія постигающихъ насъ бѣдствій. И не въ этой только опасности, а и въ другихъ случаяхъ—постигнетъ ли болѣзнь, или смерть, или что другое подобное—посрамляется сила денегъ, оказываясь не въ состояніи сама по себѣ доставить никакого облегченія въ приключающихся несчастіяхъ. Гдѣ теперь богатые, исчисляющіе проценты и проценты на проценты, берущіе все у всѣхъ и никогда не насыщающіеся? Слышали ли вы гласъ Петра, который показываетъ, что бѣдность есть мать богатства, который ничего не имѣлъ и былъ богаче самихъ облеченныхъ въ діадему? Въ самомъ дѣлѣ, онъ, ничего не имѣя, и мертвыхъ воскрешалъ, и хромыхъ исцѣлялъ, и демоновъ изгонялъ, и такія доставлялъ блага, какихъ никогда не въ силахъ были дать ни облеченные въ порфиру, ни вожди великихъ и страшныхъ войскъ. Что же говоритъ онъ? *Сребра и злата нѣсть у мене* (Дѣян. III, 6). Что можетъ быть достойнѣе этихъ словъ? Что можетъ быть блаженнѣе и довольнѣе? Тогда какъ другіе хвалятся противоположнымъ, говоря: я имѣю столько-то талантовъ золота, безчисленное количество десятинъ земли, дома и рабовъ,—онъ хвалится тѣмъ, что лишенъ всего, и не только не стѣсняется и не стыдится своей бѣдности, но даже гордится ею. Такъ-то неимѣющій ничего можетъ владѣть всѣмъ, такъ-то онъ можетъ обладать благами всѣхъ; если же мы будемъ

обладать благами всѣхъ, то всего лишимся. Итакъ, тотъ, кто считаетъ свое имѣніе не своимъ, а общимъ, будетъ пользоваться не только своимъ, но и чужимъ имѣніемъ, какъ собственнымъ; тотъ же, кто отдѣляетъ себя и дѣлаетъ господиномъ только своего имѣнія, не будетъ и его господиномъ. Кто совсѣмъ ничего не имѣетъ—ни дома, ни стола, ни лишней одежды, но всего лишился ради Бога, тотъ пользуется общимъ достояніемъ, какъ своимъ собственнымъ, и отъ всѣхъ получитъ все, что пожелаетъ. Неимѣющій ничего, такимъ образомъ, обладаетъ благами всѣхъ. Между тѣмъ тотъ, кто что-либо имѣетъ, не будетъ господиномъ и этого имѣнія, потому что имѣющему никто и не дастъ, и имѣніе его скорѣе будетъ добычей разбойниковъ, воровъ, клеветниковъ, несчастныхъ обстоятельствъ, словомъ, будетъ принадлежать скорѣе всѣмъ, чѣмъ ему. И если хочешь, представлю тебѣ самого того, кто сказалъ это и исполнилъ на дѣлѣ, скинотворца, киликійца, о которомъ даже неизвѣстно, откуда былъ онъ родомъ. Итакъ, онъ прошелъ всю вселенную, терпя голодъ, жажду и наготу, совершенно ничего не нося съ собою, идя при томъ не къ другу, не къ близкимъ людямъ,—потому что вначалѣ онъ былъ общимъ врагомъ для всѣхъ,—и тѣмъ не менѣе онъ имѣлъ все, когда приходилъ. Между тѣмъ Ананія и Сапфира изъ-за того, чтобы владѣть небольшой частью своего имѣнія, лишились всего вмѣстѣ даже съ самой жизнью. Итакъ, разстанься съ своимъ имуществомъ, чтобы пользоваться чужимъ, какъ собственнымъ. Какъ человѣкъ, чувствующій угрызенія совѣсти, хотя бы обладалъ всѣми богатствами, несчастнѣе всѣхъ людей, такъ, наобо- 644
ротъ, имѣющій чистую совѣсть, хотя бы одѣтъ былъ въ лохмотья и мучился голодомъ, счастливѣе людей, живущихъ въ полное свое удовольствіе. Ты имѣешь деньги для того, чтобы облегчать бѣдность, а не для того, чтобы торговать бѣдностью; а ты подъ видомъ облегченія причиняешь еще большее бѣдствіе и продаешь человѣколюбіе за деньги. Продавай, не запрещаю, но только за царство небесное. Не бери за столь великій подвигъ малой цѣны—стократной прибыли, а будущую вѣчную жизнь. Зачѣмъ ты остаешься бѣденъ и нищъ, и занимаешься мелочами, продавая великое за малое—за деньги гибнущія? Зачѣмъ ты, оставивъ Бога, занимаешься пріобрѣтеніемъ корыстей человѣческихъ? Зачѣмъ, минуя богатаго, обременяешь неимущаго, и, оставивъ воздающаго долгъ, имѣешь дѣло съ неблагодарнымъ? Тотъ желаетъ уплатить долгъ, а этотъ даже ропщетъ, уплачивая его; этотъ едва уплачиваетъ и сотую часть, а тотъ воздаетъ сторицею и жизнью вѣчною; этотъ съ упреками и бранью, а тотъ съ благодареніемъ и похвалами; этотъ питаетъ къ тебѣ зависть, а тотъ сплетаетъ

тебѣ вѣнцы; этотъ едва и здѣсь (воздаетъ), а тотъ и тамъ и здѣсь. Итакъ, не крайнее ли это неразуміе даже не умѣть пріобрѣтать прибыли? Деньгами должно владѣть какъ подобаетъ господамъ, а не рабамъ, такъ чтобы властвовать надъ ними, а не они властвовали надъ нами. Деньги (χρήματα) потому такъ и называются, чтобы мы пользовались (χρώμεθα) ими на необходимыя потребности, а не складывали въ хранилище. Рабу, вѣдь, свойственно хранить, а тратить господину и имѣющему полную власть. Вотъ почему нѣтъ ничего неразумнѣе раба денегъ: будучи обладаемъ, онъ думаетъ, что обладаетъ; будучи рабомъ, думаетъ, что онъ господинъ; наложивъ на себя цѣпи, онъ величается, какъ будто властвуетъ надъ всѣми; раздражая противъ себя звѣря, онъ веселится, и радуется, дѣлаясь его плѣнникомъ; видя бѣшенаго пса, нападающаго на его душу, онъ, вмѣсто того, чтобы связать его и извести голодомъ, доставляетъ ему обильную пищу, чтобы онъ еще больше нападалъ, и былъ еще страшнѣе. Итакъ, не думай, что отъ обладанія большимъ богатствомъ для тебя происходитъ какое-либо удовольствіе; напротивъ, оно происходитъ отъ нежеланія быть богатымъ. Въ самомъ дѣлѣ, если ты желаешь быть богатымъ, то никогда не перестанешь мучиться, потому что любовь къ богатству безконечна, и чѣмъ дальше ты будешь идти, тѣмъ дальше будешь отстоять отъ конца, и чѣмъ больше будешь желать чужого, тѣмъ сильнѣе будутъ увеличиваться мученія. Такъ точно и испытывая жажду, мы тогда только получаемъ удовлетвореніе, когда выпьемъ, сколько намъ хочется; а пока жажда остается, то, хотя бы мы вычерпали всѣ источники, у насъ только увеличивается мученіе. И подобно тому какъ узника ты считаешь особенно несчастнымъ, когда видишь его съ цѣпями на спинѣ и на рукахъ, а часто и на ногахъ, такъ точно и богатаго, когда увидишь его владѣющимъ безчисленными имѣніями, считай поэтому не богатымъ, а потому-то самому и считай несчастнымъ. Вмѣстѣ съ этими узами онъ имѣетъ и жестокаго тюремщика — несчастную любовь къ деньгамъ, который не дозволяетъ ему переступить за порогъ этой темницы, но изобрѣтаетъ безчисленныя узы и стражи, двери и запоры, и, ввергая его во внутреннѣйшую темницу, убѣждаетъ и услаждаться этими узами, чтобы онъ не нашелъ даже какой-нибудь надежды на освобожденіе отъ угнетающихъ золъ. Подлинно, не столько бѣдный желаетъ необходимаго, сколько
645 богатый излишняго; равнымъ образомъ не такую силу дѣлать зло имѣетъ первый, какую возможность послѣдній. Если же онъ и желаетъ и можетъ больше, то очевидно, что и сдѣлаетъ скорѣе и больше. Богъ сдѣлалъ тебя богатымъ, чтобы ты помогалъ

нуждающимся, чтобы искуплялъ свои грѣхи спасеніемъ другихъ; далъ тебѣ деньги не для того, чтобы ты запиралъ ихъ на свою погибель, а чтобы расточалъ для своего спасенія. Для того Онъ и обладаніе ими сдѣлалъ сомнительнымъ и непрочнымъ, чтобы и этимъ ослабить силу безумной любви къ нимъ. Если теперь, когда обладающіе деньгами не могутъ смѣло положиться на нихъ, видятъ даже, сколько изъ-за нихъ возникаетъ злыхъ козней, они такъ сильно разжигаются страстью къ деньгамъ, то кого они пощадили бы, отъ чего отказались бы, если бы къ богатству присоединились еще прочность и безопасность? Кто былъ, скажи мнѣ, бѣднѣе Иліи? Но потому именно, что онъ былъ бѣденъ, онъ побѣждалъ всѣхъ богатыхъ; и самую эту бѣдность онъ избралъ отъ богатства души, и всякое денежное богатство считалъ ниже величія своей души и недостойнымъ своего любомудрія. Въ самомъ дѣлѣ, если бы онъ считалъ настоящія блага великими, то не владѣлъ бы одною только милотью. Онъ такъ презиралъ суету настоящей жизни, что смотрѣлъ на золото какъ на выброшенный соръ. Вотъ почему самъ царь нуждался въ этомъ бѣдномъ, и, имѣя множество золота, съ удивленіемъ смотрѣлъ на уста не имѣвшаго ничего, кромѣ милоти. Настолько славнѣе порфиры была милоть, и царскихъ дворцовъ пещера праведника! Вотъ почему, и восходя на небо, онъ не оставилъ ученику ничего другого, кромѣ милоти. Съ нею, говоритъ, я боролся противъ діавола; получивъ ее, и ты вооружись ею противъ него; нестяжательность—крѣпкое оружіе и необоримая защита. И Елисей принялъ эту милоть какъ величайшее наслѣдство; и поистинѣ это было величайшее наслѣдство, цѣннѣе всякаго золота. И былъ сугубымъ тотъ Илія,—былъ Илія вверху, и Илія внизу. Знаю, что вы ублажаете этого праведника, и желали бы каждый быть Иліею. Но что, если я вамъ докажу, что всѣ мы получили нѣчто другое гораздо большее его. Въ самомъ дѣлѣ, Илія оставилъ ученику милоть; между тѣмъ Сынъ Человѣче- 646
скій, восходя на небо, оставилъ намъ плоть Свою. Итакъ, когда мы услышимъ о погибели нашихъ денегъ, не будемъ смущаться, а скажемъ: благословенъ Богъ,—и найдемъ гораздо большее богатство. Подлинно, не столько получишь ты, если будешь тратить богатство на нуждающихся, обходить и разыскивать бѣдныхъ, и расточать свое имѣніе алчущимъ, сколько пріобрѣтешь чрезъ это слово. Потому-то и Іову я не такъ удивляюсь въ томъ случаѣ, когда онъ отворялъ домъ свой для нуждающихся, какъ изумляюсь и прославляю за то, что онъ съ благодареніемъ переносилъ похищеніе имущества. Тотъ, кто, утишивъ волненіе своей природы, сможетъ безъ слезъ сказать словами Іова: *Господь*

даде, Господь отъя (Іов. I, 21), за одно это слово станетъ вмѣстѣ съ Авраамомъ, будетъ прославляться вмѣстѣ съ Іовомъ. Итакъ, когда діаволъ лишитъ тебя золота или чрезъ разбойниковъ, или чрезъ иное какое-нибудь ухищреніе, воздай славу Владыкѣ, и ты пріобрѣтешь больше, и нанесешь врагу двойной ударъ—тѣмъ, что не возропталъ, и тѣмъ, что возблагодарилъ. Если онъ увидитъ, что потеря денегъ огорчаетъ тебя и побуждаетъ роптать на Владыку, то никогда не перестанетъ дѣлать этого; если же увидитъ, что ты не только не хулишь создавшаго тебя Бога, а даже еще благодаришь Его за каждое приключающееся бѣдствіе, то перестанетъ наводить искушенія, зная, что приключающіяся бѣдствія являются для тебя поводомъ къ благодаренію и дѣлаютъ болѣе лишь блистательными для тебя вѣнцы. Такъ было и съ Іовомъ. Лишивъ его имѣнія и поразивъ тѣло, и видя, что этимъ побудилъ его еще къ большей благодарности, діаволъ не дерзнулъ уже нападать дальше, и удалился, потерпѣвъ позорное и полное пораженіе, а борца Божія сдѣлавъ болѣе славнымъ. И Іовъ, послѣ того какъ увѣнчался всѣми вѣнцами терпѣнія и мужества, получилъ опять все потерянное вдвойнѣ; а ты, если перенесешь мужественно, получишь все даже не вдвойнѣ, и не втройнѣ, а сторицею, и наслѣдуешь жизнь вѣчную, которую и да сподобимся всѣ мы получить, благодатію и человѣколюбіемъ Господа нашего Іисуса Христа, Которому слава и держава во вѣки вѣковъ. Аминь.

СЛОВО XII.

О пресыщеніи и пьянствѣ.

645 Посмотримъ, если желаете, какое удовольствіе и какую цѣну имѣетъ богатство. Сравнимъ столъ богатыхъ и бѣдныхъ, и спросимъ пиршествующихъ, кто изъ нихъ болѣе получаетъ чистое и истинное удовольствіе: тѣ ли, кто до полудня лежатъ въ постеляхъ, соединяютъ ужинъ съ обѣдомъ, вспучиваютъ свой животъ, притупляютъ чувства, обременяютъ корабль чрезмѣрнымъ грузомъ яствъ, и, наполняя его сверхъ всякой мѣры, топятъ его какъ бы во время крушенія тѣла, измышляютъ цѣпи и оковы на
646 руки и языкъ, связываютъ все тѣло узами крѣпче желѣзной цѣпи—узами пьянства и пресыщенія, ни сна не имѣютъ настоящаго и безмятежнаго, ни отъ сновидѣній страшныхъ не могутъ избавиться, и, сами, подпуская къ душѣ своей демона, бываютъ

жалче бѣснующихся и посмѣшищемъ для слугъ, не узнаютъ никого изъ присутствующихъ, не могутъ ни говорить, ни слышать, и на рукахъ переносятся съ дивановъ на постель, или тѣ, кто трезвятся и бодрствуютъ, опредѣляютъ мѣру вкушаемаго нуждою, и лучшей приправой имѣютъ голодъ и жажду? Подлинно, ничто такъ не доставляетъ удовольствія и здоровья, какъ если вкушать пищу, чувствуя голодъ и жажду, опредѣлять мѣру насыщенія только одною нуждою, и не налагать на тѣло бремени 647
сверхъ силъ. Если не вѣришь моему слову, изслѣдуй тѣла тѣхъ и другихъ и душу каждаго: не крѣпче ли тѣла у тѣхъ, кто вкушаютъ пищу умѣренно, и чувства ихъ не выполняютъ ли съ большей легкостью свое назначеніе, а тѣла пресыщающихся не бываютъ ли вялыми и слабѣе всякаго воска, и не осаждаются ли роемъ болѣзней? И болѣзни ногъ скоро нападаютъ на нихъ, и несвоевременное дрожаніе, и преждевременная старость, и головныя боли, и растяженіе и переполненіе желудка, и потеря аппетита, почему они и нуждаются постоянно во врачахъ, въ безпрестанныхъ лѣкарствахъ и ежедневномъ лѣченіи. Это ли удовольствіе, скажи мнѣ? И кто изъ людей, знающихъ, что такое удовольствіе, скажетъ это? Удовольствіе бываетъ тогда, когда наслажденію предшествуетъ пожеланіе; если же наслажденіе есть, а пожеланіе совершенно отсутствуетъ, то и удовольствіе совсѣмъ пропадаетъ и исчезаетъ. Подобно тому какъ корабль, нагруженный больше того, что можетъ вмѣстить, будучи обременяемъ тяжестью груза, идетъ ко дну, такъ точно и душа и природа нашего тѣла, принявъ пищу въ размѣрахъ, превышающихъ свои силы, переполняется, и, не выдерживая тяжести груза, погружается въ море погибели, и губитъ при этомъ и пловцовъ, и кормчаго, и штурмана, и ѣдущихъ, и самый грузъ. Какъ, слѣдовательно, бываетъ съ кораблями, находящимися въ такомъ состояніи, такъ точно и съ пресыщающимися. Какъ тамъ ни тишина моря, ни искусство кормчаго, ни множество корабельщиковъ, ни надлежащее снаряженіе, ни благопріятное время года, ни что другое не приноситъ пользы обуреваемому такимъ образомъ кораблю, такъ и здѣсь ни ученіе и увѣщаніе, ни наставленіе и совѣтъ, ни страхъ будущаго, ни стыдъ, ни порицаніе присутствующихъ, ни что другое не можетъ спасти обуреваемую такимъ образомъ душу. Да и для настоящей жизни такой человѣкъ бываетъ непригоденъ, и не способенъ ни на какое доброе дѣло. Отъ того именно, не отъ другой причины, подвергаются тяжкимъ и неизлѣчимымъ болѣзнямъ живущіе постоянно невоздержной жизнью, и думающіе, что они призваны къ этой жизни для того, чтобы пресыщаться, переполнять желудокъ, утучнять тѣло, и съ этимъ отойти отсюда, при-

готовляя изъ своихъ тѣлъ обильнѣйшую пищу для червя. Такъ они бываютъ подвержены дрожанію, разслабленію, чахоткѣ, воспаленіямъ, пожнымъ болѣзнямъ, и многимъ другимъ, опредѣляемымъ врачами. Поистинѣ, такого рода трапезы ничѣмъ не лучше ядовитыхъ снадобій, а по правдѣ сказать, даже гораздо хуже. Послѣднія тотчасъ же умерщвляютъ принявшаго ихъ и незамѣтно приносятъ смерть, такъ что и этимъ самымъ не опечаливаютъ умирающаго, а тѣ приносятъ заботящимся о нихъ жизнь, которая тяжелѣе тысячи смертей. При томъ, другія болѣзни возбуждаютъ у многихъ состраданіе, болѣзни же, происходящія отъ сластолюбія и пьянства, не позволяютъ видящимъ ихъ, даже и при желаніи, сочувствовать одержимымъ ими: чрезмѣрность страданія склоняетъ къ сожалѣнію, но причина болѣзни приводитъ знающаго ее въ раздраженіе. Въ самомъ дѣлѣ, они не природой обижены, какъ тѣ, и не отъ людей потерпѣли козни, а сами были виновниками этихъ болѣзней, добровольно ввергнувъ себя въ бездну золъ. Не такъ скор-
648 піонъ или змѣя, сидящая въ нашихъ внутренностяхъ, всюду производитъ разрушеніе, какъ страсть сластолюбія губитъ и разрушаетъ все. Тѣ звѣри причиняютъ гибель только тѣлу, а эта страсть, когда утвердится, вмѣстѣ съ тѣломъ губитъ и душу. Итакъ, если сластолюбіе все губитъ и представляетъ крайне смѣшное дѣло, то пощадите ваше собственное тѣлесное здоровье. Не говорю, чтобы вы предались суровому образу жизни, если не желаете; устранимъ по крайней мѣрѣ излишнее, отсѣчемъ сверхнужное. Въ самомъ дѣлѣ, какое будемъ имѣть мы извиненіе, когда другіе не пользуются даже необходимымъ, несмотря на то, что могутъ, а мы пресыщаемся сверхъ нужнаго? Кого мы назовемъ живущимъ въ большемъ довольствѣ — того ли, кто питается овощами и пользуется здоровьемъ, и не имѣетъ ничего непріятнаго, или того, кто имѣетъ сибаритскій столъ и исполненъ безчисленныхъ болѣзней? Очевидно, перваго. Не будемъ поэтому искать ничего, кромѣ необходимаго. Кто можетъ довольствоваться бобами и быть здоровымъ, пусть не ищетъ ничего большаго; болѣе слабому и нуждающемуся въ употребленіи овощей пусть не возбраняется и это; если же кто и того слабѣе, и нуждается въ умѣренномъ подкрѣпленіи мясомъ, и тому мы не положимъ запрета. Не для того, вѣдь, даемъ мы эти совѣты, чтобы убивать и губить людей, а чтобы устранить излишнее; а излишне то, что превышаетъ мѣру необходимаго. Когда и безъ этого мы можемъ проводить здоровую и благопристойную жизнь, то несомнѣнно излишне то, что прибавляется. Или вы не видите, съ кѣмъ у насъ брань? Съ безтѣлесными силами. Какъ же мы,

будучи плотію, побѣдимъ ихъ? Если борющемуся съ людьми необходимо умѣренно питаться, то гораздо болѣе борющемуся съ демонами; если же мы привязаны къ дебелости плоти и богатству, то какъ одолѣемъ противниковъ? Какъ самое совершенное искусство дѣлается безсильнымъ, когда струны на гитарѣ мягки, слабы, и нехорошо натянуты, и принуждается быть рабомъ дурного состоянія струнъ, такъ точно и душа, когда тѣло пользуется у насъ большимъ уходомъ, терпитъ горькое рабство. Итакъ, не будемъ утучнять тѣла, и дѣлать его чрезъ пресыщеніе дряблымъ и слабымъ. Не говорю, чтобы вы изнуряли себя и вели суровую жизнь, а говорю лишь, чтобы вы принимали пищу въ той мѣрѣ, которая и доставляетъ удовольствіе — истинное удовольствіе, и можетъ напитать тѣло, и сдѣлать его послушнымъ и пригоднымъ орудіемъ для дѣятельности души, хорошо укрѣпленнымъ и устроеннымъ. Когда оно переполняется отъ пресыщенія, то и самыхъ гвоздей, такъ сказать, и связей бываетъ не въ силахъ удержать отъ наводненія, наводненіе, куда проникаетъ, все разрушаетъ и размываетъ. Что достаточно само по себѣ, есть пища, и удовольствіе, и здоровье; а что сверхъ того, то вредъ, мерзость, и болѣзнь. И что всего тяжелѣе, это то, что излишество вмѣстѣ съ тѣломъ губитъ и самую душу. И какъ слишкомъ влажная земля родитъ червей, такъ и прирожденная тѣлу похоть, будучи орошаема невоздержностью, родитъ чувственныя удовольствія; а когда тѣло дѣлается болѣе слабымъ, то и душа по необходимости раздѣляетъ съ нимъ вредъ. Если пьющіе процѣженное вино несвободны отъ порицанія, то что мы скажемъ про тѣхъ людей, которые ради вина предпринимаютъ заморскія путешествія, и все дѣлаютъ, лишь бы имъ не остался неизвѣстнымъ ни одинъ родъ винограда, какъ будто они должны дать отвѣтъ, или подвергнуться крайнему осужденію, если не нагрузятся всякаго рода виномъ? Поистинѣ, ничто такъ не любезно демону, какъ сластолюбіе и пресыщеніе. Въ самомъ дѣлѣ, какого зла не совершаетъ сластолюбіе? Оно дѣлаетъ изъ людей 649
свиней, и даже хуже свиней. Свинья валяется въ грязи и питается нечистотами; а сластолюбецъ питается столомъ еще болѣе отвратительнымъ, придумывая непозволительныя совокупленія и противозаконныя любови. Такой человѣкъ ничѣмъ не отличается отъ бѣсноватаго. Но бѣсноватаго мы хоть сожалѣемъ, а такого человѣка сторонимся и ненавидимъ. Почему? Потому, что онъ самъ на себя навлекаетъ безуміе, и дѣлаетъ свой ротъ, глаза, носъ, словомъ всѣ члены проводниками грѣха. Если же ты посмотришь еще внутрь, то увидишь, что и душа какъ бы окоченѣла и оцѣпенѣла отъ непогоды и холода, такъ что и ладьѣ не

можетъ оказать пользы вслѣдствіе слишкомъ большой непогоды. Вѣдь люди, сдѣлавшіеся рабами пьянства и объяденія, ни сна не имѣютъ чистаго и настоящаго, ни отъ сновидѣній страшныхъ не бываютъ свободны. Не противно ли здравому смыслу, что неразумныя животныя не ищутъ ничего кромѣ необходимаго, а разумные и одаренные образомъ Божіимъ люди дѣлаются и ихъ неразумнѣе, преступая предѣлы умѣренности? Въ самомъ дѣлѣ, насколько лучше такихъ людей оселъ? Насколько лучше собака? Животныя, нужно ли имъ ѣсть, или пить, знаютъ въ качествѣ предѣла довольство, и дальше необходимаго не идутъ; и сколько бы ихъ ни принуждали, они не позволятъ себѣ перейти мѣры; а эти люди почитаютъ себя и ихъ презрѣннѣе. При томъ, животныхъ они не принуждаютъ ѣсть пищу сверхъ мѣры, и если кто спроситъ: почему?—они отвѣтятъ: чтобы не повредить имъ; а о себѣ самихъ не оказываютъ даже и такой заботы. Настолько они считаютъ себя и ихъ ничтожнѣе, и такъ пренебрегаютъ собой, несмотря на то, что постоянно испытываютъ бурю. Действительно, не только въ самый день пьянства они терпятъ вредныя послѣдствія опьяненія, но и послѣ того дня; и подобно тому, какъ по миновании лихорадки остаются вредные слѣды лихорадки, такъ точно и послѣ того, какъ пройдетъ опьяненіе, и въ душѣ и въ тѣлѣ продолжается буря опьяненія, и бѣдное тѣло лежитъ разбитымъ, какъ корабль крушеніемъ, а еще болѣе его несчастная душа, несмотря даже и на то, что оно разбито, возбуждаетъ бурю, и еще сильнѣе разжигаетъ похоть. Сколько золъ приключается людямъ отъ пьянства, стыжусь и сказать, а предоставляю ихъ собственной совѣсти, которая знаетъ это точнѣе. Что постыднѣе пьянаго, который безсмысленно кружится, терпитъ тяжкое это крушеніе, и даетъ неразумнымъ поводъ хулить дары Божіи? Въ самомъ дѣлѣ, я слышу, какъ многіе говорятъ, когда случится такое несчастіе: пусть сгинетъ вино! О, безуміе! О, сумасшествіе! Потому, что другіе грѣшатъ, ты осуждаешь дары Божіи? Развѣ вино, человѣкъ, сдѣлало это зло? Не вино, а невоздержность тѣхъ, кто худо пользуется имъ. Поэтому скажи: да не будетъ пьянства, да не будетъ пресыщенія! Если же ты говоришь: да не будетъ вина, то, идя понемногу впередъ, скажешь: да не будетъ желѣза, по причинѣ убійцъ; да не будетъ ночи, по причинѣ воровъ; да не будетъ свѣта, по причинѣ клеветниковъ; да не будетъ жены, по причинѣ блуда; словомъ, уничтожишь всѣ предметы. Итакъ, не вино осуждай, а пьянство, и того, кто худо воспользовался добромъ; и, обратившись къ нему въ трезвомъ видѣ, опиши его постыдное поведеніе и скажи ему: вино дано, чтобы мы веселились, а не безчинствовали; чтобы смѣялись, а не дѣ-

лались посмѣшищемъ; чтобы были здравы, а не болѣли; чтобы врачевали немощь тѣла, а не разрушали силу души. Богъ по- 650
чтилъ тебя даромъ; зачѣмъ же ты безчестишь себя неумѣренностью? Если святой Тимоѳей, будучи даже одержимъ болѣзнью и терпя постоянныя немощи, не вкушалъ вина, пока не позволилъ ему учитель, то какое извиненіе будемъ имѣть мы, которые упиваемся, будучи здоровы? Тому онъ говорилъ: *мало вина пріемли стомаха ради твоего и частыхъ твоихъ недуговъ* (1 Тим. v, 23), а каждому изъ насъ скажетъ: употребляй немного вина ради блудодѣяній, ради постоянныхъ твоихъ сквернословій, и другихъ дурныхъ пожеланій, которыя обычно порождаетъ пьянство. Вино дано для веселія,—*вино*, говорится, *веселитъ сердце человѣка* (Псал. сш, 15),—а вы губите и это прекрасное его свойство. Въ самомъ дѣлѣ, какое веселье быть не въ своемъ умѣ, испытывать тысячи болей, видѣть, какъ все кружится, быть объятымъ страшнымъ мракомъ, подобно страдающимъ лихорадкой нуждаться въ смачиваніи головы масломъ, дни превращать въ ночи, и свѣтъ въ тьму, съ открытыми глазами не видѣть даже того, что подъ ногами, и причинять себѣ столько такихъ золъ? Для людей, проводящихъ жизнь въ пьянствѣ и невоздержаніи, дѣйствительно, день превращается въ ночной мракъ, не оттого, что солнце гаснетъ, а оттого, что ихъ умъ омрачается пьянствомъ. Предающіеся пьянству, чѣмъ болѣе вливаютъ въ себя вина, тѣмъ болѣе распаляются жаждой, и каждый глотокъ дѣлается поджогой жажды; въ концѣ концовъ удовольствіе пропадаетъ, между тѣмъ жажда дѣлается неутолимой и приводитъ на самый край пьянства тѣхъ, кто сталъ его плѣнникомъ. Потому больше всего можно удивляться безумію людей, преданныхъ пьянству, что они не хотятъ пощадить себя даже и въ той мѣрѣ, въ какой другіе щадятъ мѣхи. Продавцы вина не позволяютъ послѣднимъ брать въ себя сверхъ мѣры, чтобы они не разорвались, а тѣ не удостоиваютъ свой несчастный желудокъ даже и такой заботы, но, послѣ того какъ наполнятъ и разорвутъ его, переполняютъ все вплоть до ушей, до ноздрей, и до самаго горла, причиняя тѣмъ большое стѣсненіе дыханію,—той силѣ, которая заправляетъ живымъ существомъ. Развѣ для того дано тебѣ горло, чтобы ты наполнялъ его до самаго рта перекисшимъ виномъ и иною гнилью? Не для того, а чтобы ты возсылалъ святыя молитвы Богу, читалъ божественные законы, и подавалъ ближнимъ полезные совѣты. Не такъ рѣчные потоки размываютъ и заставляютъ осѣдать берега, какъ роскошь и удовольствія легко подрываютъ всѣ опоры нашего здоровья. Кто съ жадностью предается яствамъ, подрываетъ силы тѣла, равно какъ

уменьшаетъ и ослабляетъ и крѣпость души. И не въ томъ только несчастіе для сластолюбца, что онъ разрывается, раздираетъ свой желудокъ, и разрушаетъ здоровье тѣла и души, но и въ томъ, что онъ очень скоро разстается съ принятыми яствами, и не можетъ удержать ихъ даже въ продолженіе одного дня, но, лишь только они переварятся, принужденъ снова наполнять себя другими яствами. Итакъ, не вкушать пищу—зло, нѣтъ, а объѣдаться, переполнять сверхъ должной мѣры и раздирать желудокъ; равнымъ образомъ, не пользоваться умѣренно виномъ—зло, а пре-
651 даваться пьянству и извращать неумѣренностью судилище разума. Господь соединилъ насъ съ такимъ тѣломъ, которое не можетъ существовать иначе, какъ принимая пищу; пусть только устранена будетъ неумѣренность; это содѣйствуетъ въ высшей степени и нашему здоровью, и благосостоянію. Не видите ли вы ежедневно, какъ отъ роскошныхъ трапезъ и чрезмѣрнаго объяденія происходятъ безчисленныя болѣзни? Откуда болѣзни ногъ? Откуда головныя боли? Откуда изобиліе дурныхъ соковъ? Откуда тысячи другихъ болѣзней? Не отъ излишествъ ли и поглощенія вина сверхъ должной мѣры? Какъ корабль, переполненный водою, скоро погружается и тонетъ, такъ и человѣкъ, когда предается объяденію и пьянству, падаетъ въ бездну, потопляетъ разумъ, и лежитъ затѣмъ какъ, живой мертвецъ, который часто можетъ дѣлать зло, а въ отношеніи ко всему доброму находится въ ничуть не лучшемъ состояніи, чѣмъ мертвецъ. Пьянство столь великое зло, что можетъ лишить даже чувствъ, и заставляетъ
652 разумнаго человѣка, получившаго власть надъ всѣмъ существующимъ, лежать подобно безсильному трупу, связавъ его несокрушимыми узами; вѣрнѣе же—и трупа хуже, потому что послѣдній не способенъ и на добро и на зло, а тотъ выставляется на всеобщее посмѣшище. Въ самомъ дѣлѣ, друзья пьянаго, считая его позоръ своимъ собственнымъ, стыдятся и краснѣютъ за него, а враги радуются, насмѣхаются, и посылаютъ проклятія, только что не говоря такихъ словъ: слѣдуетъ ли вообще ему жить? слѣдуетъ ли ему дышать воздухомъ, этому скотинѣ, свиньѣ?—или даже произнося еще болѣе тяжкія ругательства. Избѣгая этого по мѣрѣ силъ, возлюбленные, постараемся вкушать пищу въ такой мѣрѣ, которая и удовольствіе доставляетъ—удовольствіе истинное, и можетъ напитать тѣло, и сдѣлать его послушнымъ и удобнымъ орудіемъ для исполненія заповѣдей Христовыхъ, чтобы намъ и настоящую жизнь благополучно пройти, и будущихъ достигнуть благъ, благодатію и человѣколюбіемъ Господа нашего Іисуса Христа, Которому слава и держава во вѣки вѣковъ. Аминь.

СЛОВО XIII.

О болѣзни и врачахъ.

Когда, человѣкъ, ты подвергнешься болѣзни, вспомни о тѣлѣ Іова, о святой его плоти, потому что она, и имѣя такія язвы, была свята и чиста. Въ самомъ дѣлѣ, кто такъ болѣлъ когда-нибудь? Кто подвергался такому несчастію, или видѣлъ другого подвергавшагося? Нѣтъ, нѣтъ, никто. Постепенно истощалось его тѣло, источникъ червей точился у него изъ всѣхъ членовъ, и притокъ этотъ былъ непрерывенъ, повсюду было страшное зловоніе, тѣло постепенно распадалось, и, разлагаясь отъ такого гніенія, дѣлало противною пищу. И голодъ былъ у него необычайный и неслыханный, потому что онъ не могъ вкушать предлагаемой пищи. *Смрадъ*, говоритъ, *зрю брашна моя* (Іов. VI, 7). Но, скажешь, онъ имѣлъ достаточное утѣшеніе и облегченіе въ сознаніи того, что эти бѣдствія навелъ на него Богъ. Напротивъ, это-то особенно его и смущало и страшило, что праведный Богъ, которому онъ всячески служилъ, враждуетъ, какъ онъ думалъ, съ нимъ, такъ какъ онъ не могъ найти никакой разумной причины для случившагося. Если же ты думаешь, что этого достаточно для утѣшенія, то можешь и самъ получить такое утѣшеніе. Хотя бы ты терпѣлъ какое-нибудь бѣдствіе не ради Бога, а отъ людской злобы, но если ты не произнесешь хулы, а возблагодаришь Того, кто могъ воспрепятствовать этому, но попустилъ ради твоего испытанія, то, подобно тому какъ увѣнчиваются страдающіе ради Бога, и ты получишь тѣ же самыя награды, за то, что мужественно перенесъ причиненныя тебѣ людьми бѣдствія, и возблагодарилъ Того, кто могъ, но не восхотѣлъ не допустить ихъ. Нѣтъ ни одного ни добраго человѣка безъ грѣха, ни злого безъ правды; возмездіе же и воздаяніе бываетъ и тому и другому. Если какой-нибудь праведникъ сдѣлаетъ нѣчто злое, и заболѣетъ, подвергнется наказанію, то не смущайся, а скажи: этотъ праведникъ сдѣлалъ когда-нибудь небольшое зло, и получаетъ должное здѣсь, чтобы не быть наказаннымъ тамъ. Равнымъ образомъ, если увидишь, что грѣшникъ похищаетъ, обманываетъ, дѣлаетъ тысячи золъ, и несмотря на то благоденствуетъ, точно также не смущайся, а скажи: этотъ грѣшникъ, дѣлающій тысячи 652
золъ, когда-нибудь сдѣлалъ нѣчто доброе, и получаетъ за это блага здѣсь, чтобы не требовать награды тамъ. Это можно видѣть и на примѣрѣ Лазаря. Такъ какъ случалось и ему имѣть кое-какіе грѣхи, и богачу, въ свою очередь, имѣть нѣчто доброе,

то послушай, что говоритъ Авраамъ: *воспріялъ еси благая твоя тамъ, и Лазарь злая* его (Лук. xvi, 25). Какія? Ты сдѣлалъ нѣчто доброе? Ты за то получилъ богатство, здоровье, удовольствія, власть, почетъ, и тебѣ не осталось никакого долгу. А что Лазарь? Не согрѣшилъ ни въ чемъ? Нѣтъ. Потому и говоритъ: *и Лазарь злая* его; потому что когда ты получалъ *благая твоя*, тогда и Лазарь *злая*. Итакъ, когда ты увидишь, что праведникъ терпитъ наказаніе, называй его блаженнымъ и говори: этотъ праведникъ имѣетъ какой-нибудь грѣхъ, получаетъ возмездіе за него, и отходитъ въ тотъ міръ чистымъ. Если же онъ наказывается болѣе, чѣмъ заслуживаютъ грѣхи, это вмѣняется ему въ умноженіе праведности. И слушай, что я говорю. Іовъ былъ праведенъ, непороченъ, истиненъ, богочестивъ (Іов. i, 1), и тѣло его подверглось наказанію здѣсь, чтобы получить награду тамъ. *Мниши ли мя*, говоритъ ему Богъ, *инако тебе сотворша, развѣ да явишися праведивъ* (Іов. xl, 3)? Итакъ, совратилъ ли этого святого Іова совѣтъ жены? Напротивъ, скорѣе даже сдѣлалъ обратное, укрѣпилъ его еще болѣе, такъ что онъ даже выразилъ порицаніе женѣ. Онъ предпочиталъ лучше скорбѣть, мучиться, и терпѣть тысячи бѣдствій, чѣмъ найти освобожденіе отъ этихъ золъ черезъ хулу. Между тѣмъ многіе изъ людей, когда подвергнутся какой-нибудь болѣзни, тотчасъ же изъергаютъ хулы, и такимъ образомъ тяготу болѣзни несутъ, а пользы отъ нея, пріобрѣтаемой чрезъ терпѣніе, лишаются. Что ты дѣлаешь, человѣкъ? Хулишь своего благодѣтеля, спасителя, защитника, попечителя? Не замѣчаешь, что несешься въ пропасть и ввергаешь себя въ ровъ крайней погибели? Для того, вѣдь, діаволъ и наводитъ тысячи
653 бѣдствій, чтобы низвергнуть тебя въ этотъ ровъ. И если онъ видитъ, что ты хулишь, то легко умножаетъ и усиливаетъ скорбь, чтобы ты подъ вліяніемъ мукъ опять предавался ропоту; а если видитъ, что переносишь мужественно, и чѣмъ болѣе усиливается страданіе, тѣмъ болѣе ты благодаришь Бога, то тотчасъ же отстаетъ, видя уже тщетность и безполезность своихъ козней. Зачѣмъ ты ропщешь, человѣкъ, и извергаешь хулы, если подвергнешься когда-нибудь неожиданному несчастію? Развѣ ты сдѣлаешь легче страданіе, если будешь хулить? Наоборотъ, ты усилишь его, и сдѣлаешь скорбь гораздо болѣе тяжкой. Но ты не можешь молчать, будучи пронзаемъ скорбью? Тогда вмѣсто хулы возблагодари, восхвали, прославь Бога. Если ты произнесешь хулу, то и помощь Божію оттолкнешь, и діавола сдѣлаешь болѣе сильнымъ противъ себя; а если возблагодаришь, то и козни лукаваго демона отразишь, и попеченіе Бога-покровителя привлечешь къ себѣ. Но часто языкъ по привычкѣ стремится произнести эти

непотребныя слова? А ты, когда онъ устремится, закуси его отовсюду крѣпко зубами, прежде чѣмъ онъ произнесетъ эти слова. Лучше ему теперь обливаться кровью, чѣмъ въ тотъ день, когда онъ будетъ желать капли воды, не имѣть возможности найти облегченіе, какъ то было съ богатымъ; лучше ему потерпѣть временную боль, чѣмъ непрерывно и вѣчно горѣть въ огнѣ на томъ свѣтѣ. Итакъ, когда ты подвергнешься тяжкой болѣзни, и многіе будутъ понуждать тебя облегчить страданіе—одни заклинаніями, другіе амулетами, третьи какими-либо иными чародѣйными средствами, а ты ради страха Божія мужественно и твердо перенесешь тяготу болѣзни, и предпочтешь лучше все потерпѣть, нежели рѣшиться сдѣлать что-нибудь подобное,—это доставитъ тебѣ вѣнецъ мученичества. И не сомнѣвайся: какъ мученикъ мужественно переноситъ муки истязаній, чтобы не поклониться идолу, такъ и ты переносишь муки болѣзни, чтобы не нуждаться ни въ чемъ, исходящемъ отъ него, и не сдѣлать того, что онъ повелѣваетъ. Но тѣ муки сильнѣе? Зато эти продолжительнѣе,—такъ что оказываются равны тѣмъ, а часто даже и болѣе сильными. Въ самомъ дѣлѣ, когда горячка внутри мучитъ и сожигаетъ тебя, а ты, несмотря на увѣщанія другихъ, отвергнешь заклинаніе, то не облекаешься ли ты въ вѣнецъ мученичества? Когда ты съ великимъ срамомъ выгонишь изъ дома заклинателей, то всѣ, кто услышитъ, похвалятъ и удивятся тебѣ, и будутъ говорить между собой: такой-то, страдая болѣзнью, несмотря на то, что нѣкоторые много разъ убѣждали, уговаривали и совѣтовали воспользоваться чародѣйными заклинаніями, не допустилъ этого, а сказалъ: лучше умереть такъ, нежели отречься отъ благочестія. Если же здѣсь бываетъ столько похвалъ, то представь, какіе вѣнцы ты получишь тамъ, когда, въ присутствіи ангеловъ и архангеловъ, Христосъ подойдетъ къ тебѣ и, взявъ за руку, выведетъ на средину зрѣлища и въ слухъ всѣмъ скажетъ: этотъ человѣкъ, нѣкогда болѣя горячкой, не взирая на безчисленное множество совѣтовавшихъ ему избавиться отъ горячки, ради имени Моего и страха ко Мнѣ, чтобы не согрѣшить, съ позоромъ прогналъ обѣщавшихъ вылѣчить его такимъ образомъ, и предпочелъ лучше умереть отъ болѣзни, чѣмъ отречься отъ служенія Мнѣ. Въ самомъ дѣлѣ, если Онъ выводитъ на средину тѣхъ, кто напоилъ Его, напиталъ и одѣлъ, то гораздо болѣе тѣхъ, кто рѣшился ради Него терпѣть горячку. Не одно, вѣдь, и то же дать ли хлѣбъ и одежду, или претерпѣть долгую 654
болѣзнь; послѣднее гораздо болѣе перваго; а потому и вѣнецъ будетъ болѣе блистательнымъ. Объ этомъ будемъ размышлять и бесѣдовать другъ съ другомъ, и будучи здоровы. Вспомни бла-

женнаго Тимоѳея, которому болѣзнь никогда не давала отдыха, а постоянно была соединена съ тѣломъ. Если же этотъ праведный и святой, которому ввѣрено было попеченіе о вселенной, который воскрешалъ мертвыхъ, изгонялъ демоновъ и исцѣлялъ безчисленныя болѣзни въ другихъ, терпѣлъ такія страданія, то какое извиненіе будешь имѣть ты, который возмущаешься и ропщешь при кратковременныхъ болѣзняхъ? Сыновей, хотя отцы часто и незаслуженно наказываютъ ихъ, понуждаютъ терпѣливо сносить наказанія; а ты не можешь потерпѣть, когда наказываетъ тебя Богъ, Который любитъ тебя больше отцовъ и все устрояетъ тебѣ на пользу, но, хотя бы приключилась даже незначительная болѣзнь, тотчасъ же выходишь изъ-подъ Его владычества и бѣжишь къ демонамъ? И какое получишь ты прощеніе? Какъ ты оправдаешься предъ Христомъ? Какъ призовешь Его въ молитвахъ? Съ какой совѣстью послѣ того войдешь въ церковь? Какими глазами будешь смотрѣть на іерея? Какою рукою коснешься священной трапезы? Какими ушами будешь слушать читаемыя тамъ Писанія, совершая противъ себя самого такія преступленія? Какъ сможешь опять умолять Бога? Да и никто другой, хотя бы онъ имѣлъ дерзновеніе Моисея, не въ состояніи будетъ молиться за тебя. Или ты не слышишь, что говоритъ Богъ Іереміи относительно іудеевъ: не молися о людяхъ сихъ, яко аще станетъ Моисей и Самуилъ, не послушаю ихъ (Іер. xv, 1)? Подобно тому, какъ торговцы невольниками, предлагая малымъ дѣтямъ пирожки, сладкіе фрукты и тому подобное, часто уловляютъ ихъ такими приманками и лишаютъ свободы и даже самой жизни, такъ точно и чародѣи, обѣщаясь вылѣчить больной членъ, топятъ все спасеніе души. Многіе, впавшіе въ крайнее безуміе, не только просятъ у Бога всяческихъ богатства, власти, и тому подобнаго, но и проклинаютъ враговъ, и умоляютъ послать имъ какое-нибудь наказаніе; они желаютъ, чтобы Тотъ самый, котораго они молятъ быть снисходительнымъ и милостивымъ къ нимъ, былъ жестокосердъ и безчеловѣченъ къ врагамъ ихъ. Плывущіе на кораблѣ не даютъ кормчему приказаній держать кормило извѣстнымъ образомъ и направлять корабль, но, сидя на палубѣ, довѣряютъ его искусству, не только когда корабль плыветъ благополучно, но и когда ему угрожаетъ крайняя опасность; а одному только Богу, который заботливо устрояетъ полезное намъ, не хотятъ довѣрять, уподобляясь больному, который упрашиваетъ врача дать ему не то, что прекращаетъ болѣзнь, а то, что питаетъ вещество, являющееся матерью болѣзни. Но не послушается врачъ просьбы больного; и хотя бы видѣлъ его плачущимъ и жалобно умоляющимъ, скорѣе послѣдуетъ закону своего искусства, чѣмъ преклo-

нится на его слезы. И такое невниманіе мы называемъ не жестокосердіемъ, а человѣколюбіемъ, потому что, если онъ слушается больного и доставляетъ ему удовольствіе, то поступаетъ съ нимъ какъ врагъ, а если упорствуетъ и противится его желанію, то обнаруживаетъ милосердіе и любовь. Равнымъ образомъ и нѣжно любящіе отцы ни въ какомъ случаѣ не дозволятъ себѣ дать дѣтямъ ножъ или горящіе уголья, когда тѣ просятъ ихъ, потому что хорошо знаютъ, что удовлетвореніе такой просьбы пагубно для нихъ. Такъ точно и Богъ не можетъ дать прося- 655
щимъ гибельнаго въ качествѣ полезнаго, поскольку знаетъ, что это будетъ имъ на погибель. Думаю, что и древніе врачи не напрасно и не безъ причины постановили закономъ публично показывать дѣйствіе разныхъ орудій, а для того, чтобы предостеречь здоровыхъ, показавъ имъ напередъ, въ чемъ они будутъ нуждаться, если станутъ вести безпорядочную жизнь. Итакъ, Христосъ долженъ быть для насъ и страшнѣе геенны, и вожделѣннѣе царства небеснаго; и если мы заболѣемъ, лучше остаться въ болѣзни, нежели чрезъ освобожденіе отъ недуга впасть въ нечестіе. Если даже чародѣй и вылѣчилъ тебя, онъ больше причинилъ вреда, чѣмъ пользы. Онъ часто приноситъ пользу тѣлу, которое все равно немного позднѣе должно умереть и сгнить, но причиняетъ вредъ безсмертной душѣ. Тому, кто не врачъ, лучше и не имѣть лѣкарствъ. Тотъ, кто ихъ не имѣетъ, ни спасаетъ, ни губитъ, а имѣющій губитъ, не зная, какъ ими пользоваться, потому что спасеніе не въ природѣ только лѣкарствъ, но и въ искусствѣ того, кто ихъ прилагаетъ. Имѣть, слѣдовательно, названіе врача не значитъ быть врачемъ. Слышалъ ли ты повѣствованіе о Лазарѣ, какъ онъ всю свою жизнь боролся съ голодомъ, болѣзнью, и полнымъ одиночествомъ, такъ что и самую жизнь кончилъ передъ воротами богача, будучи презираемъ, испытывая голодъ, и служа пищей для псовъ. Тѣломъ онъ ослабѣлъ до такой степени, что не могъ даже отогнать собакъ, которыя нападали на него и лизали раны. И однако онъ не искалъ заклинателя, не привѣшивалъ ладонокъ, не обращался къ колдовству, не звалъ къ себѣ чародѣевъ, не дѣлалъ и ничего другого запрещеннаго, но предпочиталъ лучше умереть среди такихъ золъ, чѣмъ измѣнить хотя бы отчасти благочестію. Итакъ, когда онъ терпѣлъ столько бѣдствій и мужественно переносилъ ихъ, какое же прощеніе будемъ имѣть мы, если ради горячки или ранъ зовемъ въ свой домъ знахарей и чародѣевъ? Многіе часто хвораютъ, но не имѣютъ недостатка въ необходимой пищѣ, другіе живутъ постоянно въ крайней бѣдности, но пользуются здоровьемъ; Лазарь же былъ до такой

степени обезсиленъ, что не могъ даже отогнать собакъ, а лежалъ какъ живой мертвецъ, видя, какъ тѣ нападаютъ на него, отогнать же ихъ не имѣя силъ,—такъ обезсилѣли его члены, такъ были изнурены болѣзнью, такъ истощены испытаніемъ. Если же каждое изъ этихъ бѣдствій само по себѣ невыносимо и ужасно, то, когда они соединены были вмѣстѣ, не адамантъ ли былъ тотъ, кто терпѣлъ ихъ? Если бы онъ терпѣлъ все это и былъ оставленъ безъ всякой заботы, лежа въ пустынной и необитаемой мѣстности, то онъ не такъ бы чувствовалъ скорбь, потому что отсутствіе кого бы то ни было другого заставило бы и невольно переносить приключившееся несчастіе; но то обстоятельство, что онъ лежалъ на виду стольких людей, и при томъ благоденствующихъ, и ни отъ кого не удостоивался даже и малѣйшей заботы, дѣлало чувство боли гораздо болѣе острымъ. Представь, что онъ долженъ былъ испытывать, видя, какъ тунеядцы, льстецы спускались, поднимались, выходили, входили, шумѣли, упивались. Мы, хотя бы потерпѣли тысячи бѣдствій, можемъ, взирая на него, получить
656 достаточное утѣшеніе, потому что скорбящимъ приноситъ великое утѣшеніе то, что они находятъ сообщниковъ своихъ страданій; между тѣмъ Лазарь не имѣлъ предъ глазами никого другого, кто страдалъ бы одинаково съ нимъ, при чемъ даже думалъ, что настоящія дѣла кончаются здѣшней жизнью, такъ какъ онъ былъ изъ числа жившихъ до благодати. Если же теперь, въ наши времена, послѣ такого познанія Бога, послѣ благихъ надеждъ на воскресеніе, и благъ, уготованныхъ для хорошо подвизающихся, нѣкоторые оказываются такъ малодушны, что не исправляются даже этими надеждами, то что же долженъ былъ чувствовать онъ? Будемъ же подражать Лазарю всѣ, и богатые и бѣдные. Онъ выдержалъ не одинъ, не два, не три только подвига добродѣтели, а гораздо болѣе,—бѣдность, отсутствіе покровителей, болѣзнь, то, что не два, не три дня, а всю жизнь видѣлъ себя въ такомъ состояніи, а богача въ противоположномъ; то, что не имѣлъ возможности видѣть другого Лазаря, не могъ ничего любомудрствовать о воскресеніи; то, наконецъ, что вмѣстѣ съ указанными бѣдствіями еще имѣлъ о себѣ вслѣдствіе этихъ несчастій дурное мнѣніе среди людей. Итакъ, когда онъ съ такимъ мужествомъ переносилъ всѣ эти бѣдствія вмѣстѣ, какое извиненіе будемъ имѣть мы, если не перенесемъ даже и половины ихъ? Въ самомъ дѣлѣ, ты не можешь ни указать, ни назвать никого другого, кто потерпѣлъ бы столь много и при томъ такихъ золъ. Для того Христосъ и представилъ его въ притчѣ, чтобы мы, въ какое бы несчастіе ни впали, взирая на преизбытокъ его бѣдствій, получали отъ его любомудрія достаточное утѣшеніе и

облегченіе. Подлинно, онъ является общимъ учителемъ для всей вселенной, предоставляя всѣмъ, терпящимъ какое бы то ни было бѣдствіе взирать на него, и всѣхъ побѣждая преизбыткомъ собственныхъ страданій. Такъ и мудрые врачи, когда хотятъ отсѣчь сгнившій членъ, или извлечь камни, забившіеся въ каналахъ тѣла, или исправить какую-нибудь другую погрѣшность природы, дѣлаютъ это, отведя больного не куда-нибудь въ уголъ, а напротивъ выставляютъ его на площади и, образовавъ изъ проходящихъ толпу зрителей, производятъ сѣченіе. И дѣлаютъ это не потому, что хотятъ выставить на позоръ человѣческія несчастія, а для того, чтобы на чужихъ тѣлахъ научить тѣхъ, которые смотрятъ, имѣть надлежащую заботу о собственномъ здоровьи. Итакъ, когда ты увидишь, что праведникъ находится въ бѣдности, подвергается обидамъ, и кончаетъ настоящую жизнь въ болѣзни и другихъ безчисленныхъ бѣдствіяхъ, то скажи самому себѣ: если бы не было воскресенія и суда, то Богъ не попустилъ бы тому, кто претерпѣлъ ради Него столько золъ, отойти отсюда, не испытавъ никакого блага. Отсюда очевидно, что Онъ уготовалъ имъ другую жизнь, болѣе пріятную и много сноснѣе здѣшней. Иначе, согласно ли было бы съ разумомъ, что многимъ изъ нечестивыхъ Онъ попускаетъ наслаждаться довольствомъ въ настоящей жизни, а многихъ изъ праведниковъ оставляетъ среди безчисленныхъ золъ, — Онъ, Который и называется праведнымъ, и на самомъ дѣлѣ таковъ, и имѣетъ силу праведно воздать каждому по его достоинству. Тому подобаетъ слава, держава, честь и поклоненіе, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

СЛОВО XIV.

О женщинахъ и красотѣ.

Тѣ, кто намѣревается жениться, пусть напередъ прочитаютъ 657
установленные Павломъ законы о бракѣ, и узнаютъ оттуда, что нужно дѣлать, когда жена будетъ зла, бранлива, полна неистовства, или будетъ обладать какимъ-либо другимъ подобнымъ порокомъ. Если увидишь, что апостолъ даетъ тебѣ право, найдя одинъ изъ такихъ недостатковъ въ женѣ, отвергнуть ее и взять другую, то считай себя свободнымъ отъ всякой опасности; если же онъ не позволяетъ этого, а повелѣваетъ любить жену, хотя бы она обладала всѣми другими, кромѣ любодѣянія, пороками, то приготовься къ тому, чтобы терпѣть всю ея злобу. Если же

тебѣ кажется это тяжкимъ и невыносимымъ, то старайся и принимай всѣ мѣры къ тому, чтобы взять жену добрую, кроткую и послушную. Если мы, намѣреваясь купить домъ или слугъ, старательно разузнаемъ и разспрашиваемъ и продающихъ и ранѣе владѣвшихъ и объ устройствѣ дома, и о тѣлесномъ здоровьѣ и характерѣ слугъ, то гораздо болѣе должны мы обнаруживать такую же заботливость, или даже еще большую, когда намѣреваемся жениться. Въ самомъ дѣлѣ, домъ, если онъ окажется плохимъ, можно отдать назадъ; равнымъ образомъ и слугу, если онъ окажется неспособнымъ, можно возвратить продавшему; но кто взялъ жену, тому уже нельзя возвратить ее отдавшимъ. Худо взять бѣдную жену, худо—богатую; первое причиняетъ вредъ имуществу, а послѣднее лишаетъ мужа независимости и свободы. Многіе изъ людей, преданныхъ блудницамъ, не только потерпѣли отъ этого вѣчную и безконечную смерть, но и здѣсь, какъ злые, зло погибли, подвергшись бѣдствіямъ отъ распутныхъ женщинъ. Послѣднія, стараясь всецѣло привязать къ своей любви преданнаго имъ, прибѣгаютъ къ колдовству, употребляютъ любовныя средства, и придумываютъ разныя чары. Затѣмъ, напустивъ на него такимъ образомъ тяжкую болѣзнь, заставивъ долго изводиться и чахнуть, и подвергнувъ другимъ безчисленнымъ бѣдствіямъ, удаляли изъ настоящей жизни. Итакъ, если ты не боишься геенны, человѣкъ, то побойся хоть ихъ чаръ. Въ самомъ дѣлѣ, когда ты такимъ распутствомъ удалишь отъ себя помощь Божію и лишишься небесной защиты, то блудница безъ всякаго страха возьметъ тебя и, призвавъ своихъ демоновъ, написавъ листочки, и подстроивъ козни, съ великой легкостью погубитъ твое спасеніе, и сдѣлаетъ тебя позоромъ и посмѣшищемъ для всѣхъ живущихъ въ городѣ. Итакъ, если ты хочешь найти увеселеніе, то иди не въ театръ, а въ рощи, къ текущей рѣкѣ, на озера, въ сады, слушай поющихъ кузнечиковъ, чаще посѣщай гробницы мучениковъ, гдѣ здравіе для тѣла и польза для души, и никакого вреда. У тебя есть жена, есть дѣти? Что можетъ равняться съ такимъ удовольствіемъ? У тебя есть домъ, есть друзья? Это доставляетъ большое удовольствіе, и вмѣстѣ съ цѣломудріемъ приноситъ и пользу. Скажи мнѣ, что пріятнѣе дѣтей? Что милѣе жены для того, кто желаетъ жить цѣломудренно? Говорятъ, что варвары когда-то сказали полное мудрости слово. Римляне,—сказали они, услышавъ объ этихъ нечестивыхъ театрахъ и неприличныхъ увеселеніяхъ, — придумали такія удовольствія, какъ
653 будто не имѣя женъ и дѣтей. Когда ты увидишь миловидную женщину, съ молніеносными очами, съ весело сіяющимъ лицомъ, съ дивной красотой, которая сжигаетъ твой умъ и распаляетъ

похоть, то подумай, что то, чему ты удивляешься и что разжигаетъ тебя, есть лишь земля и пепелъ, и душа перестанетъ неистовствовать. Сними кожу съ лица этой женщины, и тогда увидишь все ничтожество красоты. Не останавливайся на одной внѣшности, а проникни мыслію внутрь, и ты не найдешь ничего другого, кромѣ костей, нервовъ и жилъ. Но этого недостаточно? Представь же себѣ, какъ эта женщина измѣняется, старѣетъ, дѣлается немощной, какъ вваливаются глаза, становятся впалыми щеки, какъ исчезаетъ вся ея красота. Подумай, чему ты удивляешься, и постыдись своего сужденія. Ты удивляешься глинѣ и пыли; прахъ и пепелъ разжигаютъ тебя. Въ самомъ дѣлѣ, сущность видимой красоты составляетъ ничто иное, какъ мокрота, влага, кровь и сокъ пережованной пищи. Ими орошаются и глаза, и щеки, и все прочее; и если ежедневно они не получаютъ этого орошенія, идущаго отъ желудка и сердца, то вся красота лица тотчасъ же исчезаетъ, такъ какъ щеки дѣлаются слишкомъ впавшими, а глаза глубоко ввалившимися. Если, такимъ образомъ, ты подумаешь, что скрывается за прекрасными глазами, что за прямымъ носомъ, что за устами и щеками, то скажешь, что тѣлесная красота представляетъ ничто иное, какъ побѣленный гробъ: такъ полна она внутри нечистоты. Увидѣвъ рубище съ мокротами, или харкотинами, или чѣмъ другимъ подобнымъ, ты не рѣшишься и краемъ пальцевъ дотронуться до него, или даже и смотрѣть не захочешь, а къ складамъ и житницамъ этихъ нечистотъ страстно стремишься? Тотъ, кто любитъ тѣло и питаетъ страсть къ красивой дѣвицѣ, если желаетъ узнать безобразіе сущности, можетъ узнать ее по самому внѣшнему виду. Въ самомъ дѣлѣ, многія сверстницы любимой, и часто даже еще болѣе красивыя, умирая, чрезъ день или два издаютъ зловоніе и представляютъ червивый гной и сукровицу. Итакъ, подумай, какую любишь ты, человѣкъ, красоту, и къ какой прелести пылаешь страстью. Въ чемъ достоинство глазъ? Въ томъ ли, чтобы они были влажными, легковращаемыми, круглыми и темными, или въ томъ, чтобы были остры и проницательны? Въ чемъ достоинство свѣтильника? Въ томъ ли, чтобы онъ ясно свѣтилъ и освѣщалъ весь домъ, или въ томъ, чтобы красиво былъ сдѣланъ? Истинная красота познается не по внѣшнему виду, а по нравамъ и пристойному поведенію. Христосъ для того подвергъ порицанію смотрящаго на женщину нескромными очами, чтобы избавить насъ отъ большаго труда. Въ самомъ дѣлѣ, не такъ великъ трудъ не смотрѣть на красивыхъ женщинъ, какъ воздержаться, если смотришь на нихъ. Тотъ, кто не видѣлъ красиваго лица, будетъ чистъ и отъ пожеланія, происходящаго

отсюда; тотъ же, кто пожелалъ видѣть, напередъ низложитъ помыслъ и тысячекратно осквернитъ его, и тогда уже извергаетъ скверну плотского пожеланія, если только извергаетъ ее. Если, такимъ образомъ, и указанный трудъ для невоздержныхъ меньше, и польза больше, то для чего же мы стараемся впасть въ бездну безчисленныхъ этихъ золъ? Итакъ, когда ты увидишь красивую женщину и что-нибудь почувствуешь къ ней, то не смотри больше на нее, и ты освободишься отъ чувства. Но какъ, скажешь, я могу не глядѣть больше на нее, влекомый къ ней пожеланіемъ?
659 Если ты подумаешь, что то, на что ты смотришь, есть ничто иное, какъ мокрота, кровь, и сокъ переварившейся пищи. Но, скажешь, пышенъ цвѣтъ лица ея. Однако нѣтъ ничего на землѣ пышнѣе цвѣтовъ, но и тѣ вянутъ и предаются гніенію. Поэтому и здѣсь не на цвѣтъ обращай вниманіе, а проникни мыслію внутрь, и, снявши мысленно эту красивую личину, тщательно изслѣдуй, что скрывается подъ нею. Вѣдь и тѣло страдающихъ водянкой ярко лоснится, и по внѣшности не имѣетъ ничего непріятнаго; однако мы, поражаясь при мысли о скрывающейся внутри жидкости, не можемъ любить такихъ больныхъ. Когда мужъ хочетъ бросить жену, или жена оставить мужа, пусть она вспомнитъ о слѣдующемъ изреченіи Павла, пусть представитъ себѣ, что онъ стоитъ предъ ней и, обращаясь къ ней, громкимъ голосомъ говоритъ: *жена привязана есть закономъ, въ елико время живетъ мужъ ея* (1 Кор. VII, 39). Объясняя это, апостолъ далѣе не сказалъ: если же скончается мужъ ея, то она свободна, но: *аще же умретъ* (почіетъ—κοιμηθῇ), какъ бы утѣшая вдову, и убѣждая ее оставаться съ первымъ мужемъ и не брать другого. Не умеръ мужъ твой, говоритъ онъ, а спитъ; а кто же не ждетъ спящаго? Говоря же, что жена становится послѣ смерти мужа свободной, апостолъ показалъ этимъ, что раньше, пока жилъ мужъ, она была рабой; будучи же рабой и подчиненной закону, она, хотя бы тысячу разъ получила разводную книгу по гражданскимъ законамъ, осуждается какъ прелюбодѣйца. И это потому, что Богъ въ тотъ день будетъ судить не по этимъ законамъ, но по тѣмъ, которые Онъ самъ установилъ. Да и гражданскіе законы не просто постановили это, а и сами подвергаютъ наказанію прелюбодѣяніе и относятся съ неумолимою строгостью къ этому грѣху. Въ самомъ дѣлѣ, ту сторону, которая даетъ поводъ къ разводу, они наказываютъ лишеніемъ имущества, изгоняя виновнаго изъ дому безъ всякаго состоянія, съ пустыми руками. Разсказываютъ, что одинъ изъ языческихъ философовъ, имѣвшій злонравную, болтливую и безчинно ведшую себя жену, отвѣтилъ спрашивавшимъ его, почему онъ терпитъ такую жену:

для того, чтобы имѣть дома школу для обученія себя борьбѣ; вѣдь, каждый день обучаясь на ней, говорилъ онъ, я буду относиться болѣе кротко и къ другимъ. И вотъ, этотъ философъ, имѣя злую жену, какъ говорятъ, не отвергъ ее по указанной причинѣ; а нѣкоторые говорятъ, что по этой причинѣ онъ и взялъ ее. Итакъ, когда даже эллины оказываются любомудрѣе насъ, какое оправданіе будемъ имѣть мы, подвергая оскорбленіямъ ту, ради которой Богъ повелѣлъ оставлять даже родителей? Какое слово въ состояніи изобразить тотъ позоръ, когда по улицамъ несутся крики и вопли, и всѣ сосѣди и проходящіе бѣгутъ къ дому того, кто такъ непристойно ведетъ себя и какъ бы какой звѣрь разрушаетъ все въ домѣ? Лучше, чтобы земля разверзлась предъ тѣмъ, кто такъ безчинствуетъ, чѣмъ показаться ему послѣ того на площади. Будемъ же повиноваться закону Божію, и ни своихъ женъ не будемъ отвергать, ни отвергнутыхъ другими брать къ себѣ. Въ самомъ дѣлѣ, съ какимъ лицомъ ты будешь смотрѣть на мужа отвергнутой жены? Какими глазами будешь смотрѣть на его друзей, на слугъ? Вѣдь, если тотъ, кто возьметъ жену кого-нибудь уже умершаго, испытываетъ непріятное чувство и раздражается при видѣ одного только портрета этого умершаго, то какую же жизнь будетъ проводить тотъ, кто видитъ живого мужа своей жены, какъ онъ войдетъ въ свой домъ, съ какими мыслями, съ какими глазами онъ бу- 660
детъ смотрѣть на жену другого, которая теперь стала его? Вѣрнѣе же, про такую можно сказать, что она не принадлежитъ ни тому, ни другому, потому что прелюбодѣйца никому не жена: она попрала и договоръ, заключенный съ первымъ мужемъ, и къ тебѣ не пришла съ надлежащими законами. Какое же безуміе вводить въ свой домъ источникъ столькихъ золъ? Развѣ такъ уже мало женщинъ, что ты навлекаешь такую погибель на свою голову? Жена, удовольствовавшаяся первымъ мужемъ, показываетъ тѣмъ, что она и его не избрала бы сначала, если бы хорошо испытала дѣло; та же, которая приводитъ второго мужа на ложе перваго, представляетъ тѣмъ немалое доказательство большой любви къ міру и пристрастія къ земнымъ вещамъ. При томъ первая, при жизни мужа, не питала страсти ни къ кому другому; послѣдняя же, если при жизни мужа и не согрѣшила съ другими, однако чувствовала больше расположенія ко многимъ другимъ, чѣмъ къ нему, и ни перваго, ни второго мужа не имѣла въ качествѣ своей собственной плоти. Первый мужъ изгоняется изъ ея памяти вторымъ, а второй первымъ; и она не можетъ ни перваго помнить хорошо, будучи предана послѣ него другому, ни на этого послѣдняго взглянуть съ подобающей

любовью, такъ какъ сердце ея расположено къ умершему. Подобно тому какъ мы обыкновенно тогда предаемся усердно дѣлу, когда намъ хорошо удается начало, а когда съ самаго начала и, такъ сказать, съ перваго шагу чувствуемъ неудачи и затрудненія, вскорѣ же отступаемся отъ него, потому что у насъ пропадаетъ охота къ нему, такъ точно и женщины, подвергающіяся раннему вдовству, естественно должны бы воздерживаться отъ второго брака. Въ самомъ дѣлѣ, та, которая много времени была при дѣлѣ, и хорошо свыклась съ нимъ, приступитъ опять къ такимъ же трудамъ, какъ ожидавшая найти то же самое; та же, которая испытала столь тяжкое начало, съ какимъ расположеніемъ и надеждой пойдетъ опять на испытаніе тягостей? Если всѣ мы уважаемъ и одобряемъ женъ, которыя воздерживаются отъ своихъ мужей еще при жизни ихъ, то какъ нужно уважать и хвалить тѣхъ, которыя и по смерти ихъ обнаруживаютъ къ нимъ прежнее расположеніе? Итакъ, мы не отвергаемъ второго брака, а только увѣщеваемъ, если кто можетъ воздерживаться, довольствоваться первымъ. И это потому, что второй бракъ часто бываетъ источникомъ и поводомъ для распри и ежедневныхъ ссоръ. Часто бываетъ, что мужъ, сидя за столомъ, вспомнитъ о первой женѣ и тихо всплакнетъ о ней въ присутствіи второй, а та тотчасъ же приходитъ въ ярость и бросается на него подобно звѣрю, желая наказать его за любовь къ той; равнымъ образомъ, если онъ вздумаетъ похвалить умершую, эти похвалы являются поводомъ къ ссорѣ и брани. Съ умершими врагами мы миримся, и по окончаніи жизни прекращаемъ съ ними всякую вражду; съ женами же все бываетъ наоборотъ: ту, которой вторая жена не видала и не слыхала, отъ которой не потерпѣла никакого зла, она ненавидитъ и проклинаетъ, и даже смерть не прекращаетъ ея ненависти. Кто видѣлъ, кто слышалъ, чтобы ревновали къ праху, чтобы враждовали съ пепломъ? Но и этимъ не ограничивается зло. Родятся ли отъ второй жены дѣти, не родятся ли, опять вражда и брань. Если они не родятся, она предается великой скорби и смотритъ на дѣтей отъ первой жены какъ на враговъ своихъ, причинившихъ ей величайшую обиду, такъ какъ черезъ ихъ жизнь острѣе чувствуетъ свою собствен-
661 ную бездѣтность. Если они родятся, опять не меньшее зло: мужъ, часто будучи нѣжно расположенъ къ умершей, оказываетъ покровительство ея дѣтямъ, любя ихъ и жалѣя какъ сиротъ, а та желаетъ, чтобы всюду оказывалось предпочтеніе ея дѣтямъ. Слушайте, мужья, слушайте, жены, о любви супруговъ, которую они показали другъ къ другу, подвергаясь за нее даже опасностямъ. Когда Авраамъ поселился въ Герарахъ, то сказалъ о Саррѣ,

женѣ своей: *сестра ми есть* (Быт. xx, 2), потому что боялся сказать: жена моя, чтобы изъ-за нея жители города не убили его. И *посла Авимелехъ царь герарскій, и взя Сарру*. Представь ту бурю помысловъ, которую испыталъ праведникъ, видя, какъ уводятъ жену его, и будучи не въ состояніи ничѣмъ помочь себѣ. Молчаливо переносилъ онъ все, зная, что Господь не оставитъ его, а окажетъ скорую помощь. Нужно удивляться и великой любви Сарры, которую показала она, чтобы избавить праведника отъ опасности. Ей можно было открыть обманъ и избѣжать угрожавшаго безчестія; но она мужественно терпѣла все, чтобы доставить праведнику спасеніе. И исполнилось въ этомъ случаѣ изреченіе: *будета два въ плоть едину* (Быт. II, 24). Какъ бы будучи одною плотью, они заботились о спасеніи другъ друга, и обнаруживали такое согласіе, какъ будто были однимъ тѣломъ и одной душею. Пусть слышатъ это мужья, пусть слышатъ жены, чтобы и эти послѣднія обнаруживали такую же нѣжную любовь къ мужьямъ, и тѣ имѣли къ нимъ столь же большое расположеніе, и чтобы дѣлали все такъ, какъ будто имѣя одну душу и будучи однимъ тѣломъ. И пришелъ Богъ къ Авимелеху ночью, и сказалъ: *се, ты умираеши жены ради, юже поялъ еси: сія же есть сожителствующая мужу* (Быт. xx, 3). Смотри на человѣколюбіе Божіе: такъ какъ Онъ зналъ, что праведникъ изъ-за страха смерти мужественно перенесъ похищеніе Сарры, и что царь взялъ ее какъ сестру праведника, то показываетъ наконецъ Свое собственное попеченіе, дѣлая въ одно и то же время и праведника болѣе славнымъ, и Сарру избавляя отъ безчестія, и царя отвращая отъ беззаконія. *Авимелехъ же*, говорится, *не прикоснуся ей;* мало того, даже еще оправдывается въ своемъ проступкѣ, и говоритъ: *Господи, языкъ невѣдущій и праведенъ погубиши ли* (ст. 4)? Развѣ я сдѣлалъ это, зная, что она жена его? Развѣ я хотѣлъ обидѣть странника? Развѣ хотѣлъ отнять у него жену? Я сдѣлалъ это, намѣреваясь взять ее въ качествѣ сестры, и думая даже оказать этимъ ему честь. *Не самъ ли ми рече: сестра ми есть? И сія ми рече: братъ ми есть* (ст. 5)? Что же милосердый Господь? *И Азъ познахъ, яко чистымъ сердцемъ сотворилъ еси сіе* (ст. 6), что они сами придумали этотъ обманъ, и что ты сдѣлалъ это, будучи обманутъ ихъ словами; и вотъ, чтобы ты вслѣдствіе ихъ обмана не согрѣшилъ, Я пощадилъ тебя, чтобы ты не согрѣшилъ противъ Меня. Не относись же неуважительно къ этому мужу, какъ къ одному изъ обыкновенныхъ людей, а познай, что онъ изъ числа тѣхъ, которые пользуются особеннымъ Моимъ попеченіемъ и имѣютъ большую близость ко Мнѣ. Поэтому *отдаждь жену* человѣку, *яко пророкъ есть, и помолится о*

тебѣ, и живъ будеши (ст. 7). Онъ придумалъ этотъ обманъ и какъ бы содѣйствовалъ нанесенію безчестія Саррѣ, боясь смерти отъ
682 тебя; но знай, что его молитвы доставятъ тебѣ жизнь. *Аще же не отдаси, вѣждь, яко умреши ты, и вся твоя.* Не только самъ ты потерпишь наказаніе за непослушаніе, но и все, что принадлежитъ тебѣ. Возставъ же, Авимелехъ *призва отроки своя, и глагола вся словеса во ушы ихъ* (ст. 8). Вслѣдъ за тѣмъ онъ призвалъ и Авраама. Представь, съ какой славой приводится уже теперь къ царю праведникъ, который незадолго предъ тѣмъ считался ничтожнымъ человѣкомъ, и ничего этого не зналъ. Онъ узналъ теперь отъ самого царя, что ради него сдѣлалъ Богъ съ послѣднимъ; тотъ именно сказалъ ему: *что сіе сотворилъ еси намъ? Еда что согрѣшихомъ тебѣ, яко навелъ еси на мя и на царство мое грѣхъ великъ* (ст. 9)? Развѣ, говоритъ, наказаніе ограничилось бы только однимъ мною? Все мое царство должно было совершенно истребиться отъ твоего обмана. Что же имѣя въ виду, ты сдѣлалъ это? Ради чего? Что замышляя? Что же Авраамъ? Я, говоритъ онъ, боялся, что вы, какъ одержимые еще заблужденіемъ, не имѣете никакого уваженія къ справедливости, и, узнавъ, что она жена моя, задумаете убить меня вслѣдствіе вожделѣнія къ ней. Не думайте, впрочемъ, чтобы я и въ этомъ случаѣ солгалъ. *Ибо сестра ми есть по отцу, а не по матери, бысть же ми въ жену* (ст. 12). Итакъ, не осуждайте меня. Хотя и страхъ смерти понудилъ меня къ тому, и боязнь, чтобы вы ради нея не убили меня, а ее оставили въ живыхъ, тѣмъ не менѣе и въ этомъ случаѣ сказанное мною не ложь. Этими словами праведникъ и укротилъ гнѣвъ царя, и обнаружилъ собственную добродѣтель, и преподалъ имъ достаточный урокъ благочестія. Устыдившись великой кротости праведника, царь награждаетъ патріарха отъ себя щедрымъ даромъ. *Взя*, говорится, *Авимелехъ тысящу дидрахмъ, и овцы, и телцы, и рабы, и рабыни, и отдаде ему Сарру жену его* (ст. 14). Видишь дивно устрояющую премудрость Божію? Тотъ, который боялся смерти и все дѣлалъ, чтобы только избѣжать ея, не только избѣжалъ смерти, но и удостоился такой свободы открыто говорить все, и вдругъ становится славнымъ. Таковы благодѣянія Божіи. Они не только освобождаютъ отъ печалей тѣхъ, кто старается мужественно противостоять нападающимъ искушеніямъ, но и среди самыхъ печалей доставляютъ такую радость, что мы совершенно даже забываемъ о нихъ, и въ великомъ изобиліи получаемъ блага. Такъ случилось и съ этимъ праведникомъ. Царь не только оказываетъ ему почтеніе многочисленными этими дарами, но и даетъ ему право обитанія на его землѣ. *Се*, говоритъ, *земля моя предъ тобою есть, идѣже аще*

тебѣ угодно есть, вселися (ст. 15). Такъ какъ онъ узналъ, что ради него и его молитвы дарована ему жизнь, то спѣшитъ уже услужить этому страннику, скитальцу, совершенно для него неизвѣстному, какъ своему благодѣтелю и заступнику. А когда Авраамъ достигъ глубокой старости, то, желая удалить Исаака отъ родства съ хананеями, чтобы онъ не взялъ себѣ оттуда жены, призываетъ наиболѣе благомысленнаго изъ своихъ слугъ и заповѣдуетъ ему относительно этого, говоря: *положи руку твою на стегно мое, и заклену тя Господемъ Богомъ небесе и земли, да не поймеши жены сыну моему Исааку отъ дщерей хананейскихъ, съ ними же азъ живу въ нихъ, но на землю мою, идѣже родихся, пойдеши, и ко племени моему, и поймеши жену сыну моему оттуду* (Быт. XXIV, 2—4). Видишь, какая заповѣдь дается патріархомъ слугѣ? Подумай о томъ, какъ въ древности старались искать не обилія денегъ, не большого богатства, не множества рабовъ и десятинъ земли, не внѣшней красоты и благообразія, а искали красоты душевной и благородства нравовъ. Такъ поступаетъ патріахъ, заботясь о добродѣтели душевной и желая избѣжать нечестія мѣстныхъ жителей; нынѣ же никто даже и не подумаетъ о чемъ-либо подобномъ, а всѣ ищутъ только одного — обилія денегъ, все же прочее считается у нихъ второстепеннымъ, хотя бы будущая жена исполнена была безчисленныхъ золъ, не зная того, что при испорченной волѣ, хотя бы кому досталось неизмѣримое богатство, онъ скоро опять впадетъ въ крайнюю бѣдность, и что не будетъ никакой пользы отъ обилія денегъ, если нѣтъ души, которая могла бы надлежащимъ образомъ распоряжаться ими. Итакъ, *рабъ*, взявъ верблюдовъ, *и отъ всѣхъ благъ господина своего, воставъ иде въ Месопотамію, во градъ* Нахора, брата Авраамова, *и постави велблюды внѣ града у кладязя воднаго: и рече: Господи, Боже господина моего Авраама, благоустрой предо мною днесь, и сотвори милость съ господиномъ моимъ Авраамомъ:* и *се, азъ стахъ у кладязя воднаго, дщери же живущихъ (во градѣ) исходятъ почерпати воды: и будетъ, дѣвица, ейже азъ реку: преклони водоносъ твой, да пію, и речетъ ми: пій ты, и велблюды твоя напою, дондеже* всѣ *напіются, сію уготовалъ еси рабу твоему Исааку, и по сему увѣмъ, яко сотворилъ еси милость съ господиномъ моимъ Авраамомъ* (Быт. XXIV, 10—14). Замѣчай благоразуміе слуги. Такъ какъ онъ зналъ гостепріимство патріарха, а также и то, что дѣвица, которую надлежало взять отсюда, должна быть одинаковаго образа мыслей съ праведникомъ, то онъ не ищетъ никакого другого доказательства, а желаетъ опредѣлить гостепріимство дѣвицы по расположенію ея воли. Если, говоритъ, когда я попрошу у нея воды, она наклонитъ мнѣ водоносъ, и не только

исполнить просимое, но и покажетъ свою услужливость, и скажетъ: я и верблюдамъ твоимъ дамъ пить, то представитъ такимъ доставленіемъ воды вполнѣ достаточное доказательство кротости своего нрава. Затѣмъ, когда онъ увидѣлъ на дѣлѣ действенность молитвъ патріарха, нашелъ, какъ онъ желалъ, дѣвицу, и увидѣлъ ея чрезвычайное гостепріимство (потому что *потщася и испраздни водоносъ въ поило, и тече паки на кладязь почерпнути, и влія всѣмъ велблюдомъ* его [ст. 20], и ни убѣжала отъ него, какъ отъ чужого человѣка, ни отклонила просьбы подъ предлогомъ скромности),—послѣ того уже онъ сталъ развѣдывать и разспрашивать относительно нея. *Чія еси дщерь*, спрашивалъ онъ, и *аще есть у отца твоего мѣсто намъ витати* (ст. 23)? И смотри на отвѣтъ дѣвицы. Когда слуга спрашиваетъ, чья она дочь, то она
664 называетъ не только отца, но и отца отца, говоря: *дщерь Ваѳуилева есмь (сына) Мелхина, еюже роди* ему Нахоръ (ст. 24). Равнымъ образомъ, когда слуга спрашиваетъ относительно мѣста, есть ли гдѣ имъ только найти пріютъ, она говоритъ: у насъ есть не только мѣсто, но и много мякины и сѣна (ст. 25). Видишь ли, какая въ такомъ возрастѣ полнѣйшая скромность, величайшее смиреніе и безпредѣльное гостепріимство? Какихъ богатствъ не дороже она? Какимъ сокровищамъ не предпочтешь ты такое сокровище? Это величайшее приданое, это безчисленныя блага, это сокровище, никогда не иждиваемое. Услышавъ такія слова, слуга удивился чрезвычайному гостепріимству, и, узнавъ, что онъ пришелъ не къ какимъ-то неизвѣстнымъ людямъ, а въ домъ Нахора, бывшаго братомъ господина его Авраама, радуясь по поводу сказаннаго ему дѣвицею, поклонился Господу, Который ради благоволенія къ патріарху обнаружилъ и о немъ такую попечительность и такъ легко и благоуспѣшно все устроилъ для него. *Благословенъ*, говоритъ онъ, *Господь Богъ господина моего Авраама, иже не остави правды и истины своея отъ господина моего* Авраама (ст. 27). Теперь и самъ онъ даетъ знать дѣвицѣ, кто онъ такой, и чрезъ благодареніе Богу дѣлаетъ для нея яснымъ, что онъ пришелъ не изъ чуждаго дома, но что тотъ, кто послалъ его, приходится братомъ Нахору. Услышавъ объ этомъ, дѣвица побѣжала съ большою радостью и разсказала своимъ родителямъ, что слышала отъ слуги. *И тече Лаванъ вонъ къ человѣку на кладязь*, и, увидѣвъ его стоящимъ около верблюдовъ, сказалъ ему: *почто стоиши внѣ? гряди, вниди: азъ бо* уже *уготовахъ храмину, и мѣсто велблюдомъ* (ст. 29, 31). Затѣмъ, когда тотъ вошелъ, онъ *разсѣдла велблюды, и даде плевы и сѣно, и воду умыти ногъ его, и ноги мужемъ, иже бяху съ нимъ, и предложи имъ хлѣбы ясти* (ст. 32, 33). Но здѣсь по-

смотри на великое благоразуміе слуги. Что говоритъ онъ? Я не буду ѣсть до тѣхъ поръ, пока не объясню вамъ причины, по которой я посланъ въ столь дальній путь, почему я изъ Хананеи пришелъ сюда, и какъ приведенъ былъ въ вашъ домъ, чтобы и вы, узнавши все, показали свое расположеніе къ моему господину. *Рабъ Авраамль есмь азъ,* говоритъ онъ, начиная разсказывать. *Господь же благослови господина моего зѣло, и даде ему овцы и телцы, злато и сребро, рабы и рабыни, велблюды и ослы. И роди Сарра, жена господина моего, сына единаго господину моему, состарѣвшемуся ему, и даде ему* вся, *елика* были у него. *И закля мя господинъ мой, глаголя: не поймеши жены сыну моему* Исааку *отъ дщерей хананейскихъ, въ нихже азъ обитаю: но въ домъ отца моего пойдеши, и въ племя мое, и поймеши жену сыну моему оттуду* (ст. 34—38). Такое порученіе далъ онъ; я же, представляя себѣ затрудненіе и соображая трудноисполнимость дѣла, спросилъ моего господина: *еда не восхощетъ жена со мною ити? И рече ми:* 665
Господь, емуже благоугодихъ предъ нимъ, Онъ послетъ ангела своего съ тобою, и благоустроитъ путь твой, и поймеши жену сыну моему отъ племени моего, и отъ дому отца моего (ст. 39—40). Давъ такое порученіе, и напутствовавъ такими молитвами, онъ послалъ меня. Теперь, когда его молитвы услышаны, и все такъ явно устроено Богомъ, чтобы я пришелъ къ вамъ, и вы объявите ваше рѣшеніе, и, если окажете милость моему господину, сообщите мнѣ, чтобы я могъ знать, что нужно мнѣ дѣлать; если же нѣтъ, то направить свой путь въ другое мѣсто. И говорятъ ему отецъ и братъ дѣвицы: *отъ Господа* вышло слово *сіе: не возможемъ ти противу рещи зло или благо;* и невозможно, чтобы это было отъ насъ. *Се,* имѣешь дѣвицу: *поемь, иди, и будетъ жена сыну господина твоего, якоже глагола Господь* (ст. 50, 51). Услышавъ такія слова отъ отца и брата, рабъ *поклонися до земли Господу: и изнесъ сосуды златы и сребряны и ризы, даде Ревекцѣ* (ст. 52, 53), и открыто теперь оказываетъ ей уваженіе, какъ обрученной уже на словахъ Исааку. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ почитаетъ дарами брата и мать ея. И только послѣ того уже, когда онъ увидѣлъ, что порученіе господина исполнено на дѣлѣ, онъ предается отдыху. *Ядоша,* говорится, *и пиша той и мужіе, иже бяху съ нимъ, и почиша. И воставъ заутра, рече: отпустите мя, да отъиду къ господину моему. Рѣша же,* говорится, *братія и мати: да пребудетъ дѣвица съ нами яко десять дній, и посемъ* пойдете. *Онъ же рече къ нимъ:* для чего вы отсрочиваете и задерживаете, когда Богъ далъ мнѣ такой успѣхъ во всемъ? *Они же рѣша: призовемъ дѣвицу, и вопросимъ ея. И призваша и рѣша ей: пойдеши ли съ человѣкомъ симъ? Она же рече: пойду. И отпустиша*

Ревекку, и имѣнія ея, и раба Авраамля, и иже съ нимъ быша. И благословиша Ревекку, и рѣша ей: буди въ тысящи темъ, и да наслѣдитъ сѣмя твое врата *супостатъ.* И *воставши Ревекка и рабыни ея, всѣдоша на велблюды, и поидоша съ человѣкомъ* (ст. 54—61). Видишь ли, какую невѣсту беретъ патріархъ? Она сама черпаетъ воду, носитъ водоносъ на своихъ плечахъ, и сама садится на верблюдовъ. Были ли здѣсь мулы, блещущіе на шеяхъ серебромъ? Была ли та вереница слугъ, и крайняя изнѣженность, которая наблюдается нынѣ? Отнюдь нѣтъ; напротивъ у древнихъ женщинъ была такая мужественность, что онѣ сами садились на верблюдовъ и такимъ образомъ совершали путешествія. Видите ли изъ того, что сдѣлалъ Авраамъ для сына, какъ въ древности родители старались брать женъ для своихъ дѣтей, какъ
666 они раньше денегъ искали благородства души? Были ли у нихъ долговыя росписки? Были ли договоры и другія достойныя смѣха вещи, которыя бываютъ теперь? Ничего такого у нихъ не было, а величайшей и вѣрнѣйшей роспиской для нихъ служилъ правъ дѣвицы. И вы узнаете это, когда увидите дѣвицу приведенною къ жениху. *Изыде,* говорится, *Исаакъ поглумитися на поле, и воззрѣвъ очима, видѣ велблюды идущыя,* на которыхъ возсѣдала Ревекка. Ревекка же, увидѣвши *Исаака, изскочи съ велблюда, и рече рабу: кто есть человѣкъ оный, иже идетъ по полю во срѣтеніе намъ?* И узнавъ, что это тотъ, который имѣетъ жениться на ней, *облечеся,* говорится, въ *ризу лѣтнюю* (ст. 63—65). И подойдя, рабъ разсказалъ все съ точностію Исааку. Смотри, какъ нигдѣ нѣтъ ничего излишняго и безполезнаго; нигдѣ нѣтъ дьявольской пышности; нигдѣ нѣтъ ни кимваловъ, ни свирѣлей, ни плясокъ, ни сатанинскихъ этихъ пиршествъ, но всюду пристойность, всюду мудрость, всюду скромность. *Вниде,* говорится, *Исаакъ въ домъ матере своея, и поя Ревекку, и бысть ему жена, и возлюби ю* (ст. 67). Пусть подражаютъ ей жены, пусть соревнуютъ ему мужья, и пусть стараются брать себѣ невѣстъ такимъ образомъ, чтобы и любовь жениха увеличивалась, и цѣломудріе невѣсты возрастало, и они провели бы жизнь въ радости, будучи тѣсно соединены благодатію Божіей. Если же ты хочешь на бракѣ показать щедрость, которая имѣла бы пользу, то призови лики бѣдныхъ. Но ты стыдишься и краснѣешь? И что можетъ быть хуже этого безумія? Вводя въ свой домъ діавола, ты думаешь, что не дѣлаешь ничего постыднаго; а когда намѣреваешься ввести Христа, краснѣешь отъ стыда? Но, говоришь ты, никто въ городѣ не дѣлалъ этого. Такъ постарайся ты начать, и сдѣлаться первовиновникомъ такого прекраснаго обычая, чтобы послѣдующія поколѣнія приписывали это тебѣ. И если кто будетъ соревновать и подражать этому

дѣлу, то внуки и правнуки могутъ тогда сказать спрашивающимъ, что такой-то первый ввелъ этотъ прекрасный обычай, и то, что хорошо дѣлается другими, принесетъ плоды ихъ въ награду тебѣ, насадившему впервые. И подобно тому, какъ, когда на бракѣ пляшутъ распутники и скоморохи, посреди нихъ ликуетъ діаволъ, такъ, наоборотъ, когда входятъ бѣдные, приходитъ Христосъ. При томъ, отъ той траты нѣтъ никакой пользы, а бываетъ даже великій вредъ; между тѣмъ какъ отъ издержекъ на бѣдныхъ ты вскорѣ же получишь обильный плодъ. А что это достовѣрно, узнай отъ дѣвицы, бывшей въ Іоппіи: ее, нѣкогда лежавшую мертвой, получавшіе отъ нея пропитаніе бѣдняки, ставши вокругъ нея, своими слезами воскресили и возвратили къ жизни,—во Христѣ Іисусѣ, Господѣ нашемъ, Которому слава и держава, со Отцемъ и Святымъ Духомъ, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

СЛОВО XV.

О корыстолюбіи.

Зачѣмъ, человѣкъ, ты желаешь обогащаться отъ корыстолюбія, чтобы другимъ доставалось золото и серебро, а тебѣ проклятія и обвиненія, и чтобы тотъ, у кого ты похитилъ, терзался и сѣтовалъ отъ недостатка необходимой пищи, и навлекалъ на тебя тысячи обвинителей? И что еще гораздо ужаснѣе,—когда потерпѣвшій отъ тебя зло и потерявшій все свое состояніе предстанетъ въ тотъ день предъ страшнымъ судилищемъ, а ты не будешь имѣть ни одного защитника, что скажешь ты Судящему? 665—668
Теперь ты еще можешь и подкупить этотъ, человѣческій, судъ: 667
но тогда тотъ судъ уже не подкупишь. Вѣрнѣе же сказать, ты не можешь подкупить и этого, потому что Богъ видитъ происходящее, и находится близъ обижаемыхъ, даже не будучи и призываемъ. Потерпѣвшій зло, хотя бы самъ былъ и не достоинъ получить за себя какое-либо отмщеніе, тѣмъ не менѣе имѣетъ непремѣнно мстителя, потому что происходящее не угодно Богу. И не говори мнѣ: какъ такой-то наслаждается счастіемъ, будучи нечестивъ? Если онъ и наслаждается, то не до конца. *Не ревнуй*, говорится, *лукавнующимъ* (Псал. xxxvi, 1), потому что они какъ трава скоро изсохнутъ, и какъ зеленѣющій злакъ скоро увянутъ. Корыстолюбіе есть нѣкая старая закваска, и куда бы она ни проникла, въ какой бы домъ ни вошла, дѣлаетъ его нечистымъ; и

хотя бы ты немного пріобрѣлъ отъ неправды, она заквашиваетъ все твое имущество. Вотъ почему часто немногое, внесенное худо, лишало многаго, собраннаго хорошо. Но почему, скажешь, когда обогащающихся корыстолюбіемъ много, они не терпятъ одного и того же наказанія? Непремѣнно потерпятъ, хотя и не тотчасъ терпятъ; если же теперь они и избѣгнутъ наказанія, то тѣмъ болѣе бойся тогда, потому что они соблюдаются для большаго наказанія. Да если сами они и избѣгнутъ его, то получившіе въ наслѣдство ихъ имущество потерпятъ то же самое. Но какъ же это, скажешь, справедливо? Даже весьма справедливо. Въ самомъ дѣлѣ, тотъ, кто получилъ наслѣдство, полное неправды, хотя самъ и не похищалъ, тѣмъ не менѣе отлично зналъ, что владѣетъ чужимъ добромъ, и потому справедливо заслуживалъ наказанія. Это знаютъ и гражданскіе законы, которые, оставляя похитившихъ и укравшихъ, предписываютъ требовать всего отъ тѣхъ, у кого кто-нибудь найдетъ свое имущество. Итакъ, если ты знаешь обиженныхъ, то отдай имъ съ великою лихвою по примѣру Закхея; если же не знаешь, раздѣли между нуждающимися, и такимъ образомъ облегчишь зло. Если мы отдадимъ лишь все чужое, намъ нѣтъ никакой пользы. И это возвѣщаетъ Закхей, который сказалъ, что только тогда онъ умилостивилъ Бога, когда отдалъ вчетверо болѣе того, что было отнято. Между тѣмъ мы, которые грабимъ безъ конца, а отдаемъ немногое, думаемъ, что умилостивляемъ Бога. Если Каинъ, принесшій Богу менѣе важное (изъ своего имѣнія), и при томъ не обидѣвъ другого, подвергся крайнему наказанію, то какъ не потерпимъ тягчайшей казни мы, когда приносимъ отъ хищенія и любостяжанія? Зачѣмъ ты оскорбляешь Господа, принося Ему нечистые дары? Не хочетъ Христосъ питаться отъ любостяжанія, не принимаетъ Онъ такой пищи. Лучше презрѣть томимаго голодомъ, чѣмъ напитать его отъ такихъ средствъ; лучше ничего не давать другимъ, чѣмъ чужое. Скажи мнѣ: если бы ты увидѣлъ какихъ-нибудь двухъ людей, одного нагого, а другого имѣющаго одежду, и затѣмъ, раздѣвши имѣющаго одежду, одѣлъ нагого, не поступилъ ли бы ты несправедливо? Это для всякаго очевидно. Если же, отдавъ другому все, что ты взялъ, ты причинилъ обиду, а не оказалъ милосердія, то, когда ты едва даешь самую малую часть изъ того, что похищаешь, и называешь это милостыней, какому не подвергнешься ты наказанію? Если Лазарь, который не потерпѣлъ никакой обиды отъ богача, а только не получилъ для себя пользы отъ его имущества, становится суровымъ обвинителемъ противъ него, то какое оправданіе будутъ имѣть тѣ, которые, кромѣ того, что не даютъ милостыни изъ собственныхъ

средствъ, захватываютъ еще и чужое? Если тѣ, кто не напиталъ алчущаго Христа, вмѣстѣ съ діаволомъ осуждаются на огнь неугасимый, то какому же наказанію подвергнутся тѣ, кто своими хищеніями даже предаютъ Его голоду, обнажаютъ одѣтаго, не только не принимаютъ Его какъ странника, но и гонятъ, не только не посѣщаютъ Его болящаго, но даже еще болѣе удручаютъ, не только не навѣщаютъ заключеннаго въ узы, но и освобожденнаго стараются ввергнуть въ темницу? Если тотъ, кто любитъ любящихъ его, окажется въ положеніи нисколько не лучшемъ язычниковъ, то какое прощеніе будетъ имѣть тотъ, кто 663
обижаетъ не сдѣлавшихъ ему никакой обиды? Если тотъ, кто не удѣляетъ изъ своего имущества, имѣетъ обвинителя въ лицѣ того, кого онъ не пожалѣлъ, то какое прощеніе получитъ тотъ, кто похищаетъ еще и чужое? Подлинно, не только похищать чужое, но и не удѣлять другимъ изъ своего имѣнія есть хищеніе, любостяжаніе и грабительство. Если не напитавшіе алчущаго Христа навлекаютъ на свою голову такой огонь, то какое снисхожденіе найдутъ тѣ, которые еще и похищаютъ нисколько имъ непринадлежащее, неправедно присвояютъ себѣ чужое, и ниспровергаютъ домы сиротъ и вдовицъ? Устрашимся же такого дѣла; убѣжимъ отъ грѣха. А избѣжимъ мы его, если вспомнимъ о тѣхъ, которые раньше насъ дѣлали неправды, предавались корыстолюбію, и отошли на тотъ свѣтъ: не пользуются ли ихъ деньгами и трудами другіе, тогда какъ сами они терпятъ мученія, наказаніе и нестерпимыя бѣдствія? Итакъ, не крайнее ли безуміе изнуряться и мучиться, чтобы и при жизни изнемогать отъ трудовъ, и по смерти подвергнуться невыносимымъ казнямъ и мукамъ? Что можетъ быть жалче хищника, когда всѣ собранныя имъ богатства часто раздѣляютъ между собою враги и недруги, а самъ онъ отходитъ отсюда, унося съ собою накопившіеся отъ нихъ грѣхи, чтобы со всею строгостью дать отвѣтъ за беззаконія, которыя онъ совершилъ изъ-за нихъ. Что можетъ быть несчастнѣе корыстолюбцевъ, которые и жизнь свою дѣлаютъ тяжелѣе всякой смерти, снѣдая и постепенно истощая ее заботами, печалями и постоянной безсонницей, и отгоняя отъ себя вслѣдствіе этого всякое удовольствіе и добродѣтели, и порока. Въ то время, когда они занимаются наживой, они, хотя бы получили все отъ всѣхъ, не чувствуютъ никакого удовольствія, такъ какъ желаютъ еще большаго; когда же терпятъ убытки, то, хотя бы потеряли грошъ, думаютъ, что потерпѣли бѣдствіе тяжелѣе всѣхъ и лишились самой даже жизни. Имѣетъ ли такой человѣкъ жену, или дѣтей, или друзей, если ему нельзя отовсюду наживаться, они кажутся ему враждебнѣе настоящихъ враговъ. Справедливо

нѣкто сказалъ, что нѣтъ ничего жесточе сребролюбца. Такой человѣкъ и себя самого продаетъ, и всюду является общимъ врагомъ вселенной: онъ скорбитъ, что земля не приноситъ золота вмѣсто колосьевъ, источники вмѣсто потоковъ воды, и горы вмѣсто камней; онъ досадуетъ на успѣхи другихъ, приходитъ въ уныніе отъ общихъ благъ; устраняется отъ всякаго дѣла, откуда нельзя получить серебра, терпитъ все, если отсюда можно извлечь хотя бы два гроша; онъ всѣхъ ненавидитъ, и бѣдныхъ, и богатыхъ,—первыхъ изъ опасенія, чтобы они не подошли попросить, вторыхъ за то, что не владѣетъ ихъ богатствами; онъ думаетъ, что всѣ владѣютъ его собственностью, и ко всѣмъ относится такъ, какъ будто всѣ его обидѣли. Чтò для бѣснующагося ножъ, то и богатство для сребролюбца, или даже гораздо того хуже. Въ самомъ дѣлѣ, бѣснующійся, схвативъ ножъ и наткнувшись на него, освобождается отъ бѣшенства, и уже не получитъ другого удара; между тѣмъ сребролюбецъ, ежедневно получая болѣе тяжкія раны, не только не избавляется отъ бѣшенства, но и еще болѣе усиливаетъ его, и чѣмъ больше получаетъ ранъ, тѣмъ больше доставляетъ себѣ поводовъ къ полученію новыхъ, еще болѣе тяжкихъ ударовъ. Итакъ, чтò можетъ быть несчастнѣе корыстолюбца? Кромѣ того, что онъ губитъ душу свою, онъ и тѣло
669 изнуряетъ безчисленными заботами, и лишается и наслажденій, и удовольствія, и чести, и всякой славы, ради которой люди особенно много грѣшатъ. И что еще горестнѣе,—сребролюбецъ, не будучи ничѣмъ обиженъ, пылаетъ яростью и ополчается противъ тѣхъ, которые нисколько его не обидѣли, и, отбросивъ отъ своей души все хорошее, становится для всѣхъ врагомъ. Люди, обиженные имъ, ненавидятъ его, какъ потерпѣвшіе уже зло; тѣ же, кто еще не потерпѣлъ, боясь съ одной стороны, чтобы не потерпѣть, съ другой—сочувствуя потерпѣвшимъ, выказываютъ ему такую же вражду; люди болѣе великіе и сильные, страдая душею и негодуя изъ-за униженныхъ, а кромѣ того и завидуя ему, точно также являются врагами и ненавидятъ его. Да что я говорю про людей? Когда и Бога онъ имѣетъ своимъ врагомъ, какая останется для него надежда или утѣшеніе? Это ли богатство, дѣлать неправды, скажи мнѣ? Не хуже ли это, чѣмъ быть осужденнымъ? У осужденнаго связано тѣло, а у этого связана душа. Ты видишь его узникомъ, и не жалѣешь его? Потому, скажешь, я ненавижу его, что онъ связанъ не по необходимости, а по собственному желанію наложилъ на себя цѣпи. Опять ты (скажете) противъ богатыхъ; опять (скажу) и вы противъ разграбляемыхъ. Вы не насыщаетесь, поѣдая и терзая бѣдныхъ; и я не насыщаюсь, исправляя васъ. Всегда ты (скажете) пристаешь

къ богатымъ; всегда (скажу) и ты пристаешь къ бѣдному. Отстань отъ овцы моей, отстань отъ стада моего; если же ты причиняешь вредъ моему стаду, то зачѣмъ обвиняешь, что я преслѣдую тебя? Не тебя преслѣдую я; волка преслѣдую. Если ты не волкъ, я не преслѣдую тебя; а если преслѣдую тебя, то вини самого себя за то, что сталъ волкомъ. Если царь прикажетъ не брать чужихъ денегъ, или даже отдать и свои собственныя, мы всѣ съ готовностью приносимъ ихъ; а когда Богъ повелѣваетъ не грабить, мы не слушаемся, и такимъ образомъ предпочитаемъ людей Богу. И какъ это не внушаетъ ужаса? Вѣдь, если мы, почитая человѣка наравнѣ съ Богомъ, оскорбляемъ Бога, то насколько болѣе оскорбляемъ, когда предпочитаемъ Ему людей? Тяжко и непріятно это слово. Знаю и я. Но покажите, что оно тяжко, избѣгая самаго дѣла. Если же вы дѣла не боитесь, то какъ я могу вамъ повѣрить, когда вы говорите: мы боимся твоихъ словъ, ты удручаешь насъ? Вы сами себя удручаете дѣломъ, и ничего; а если я на словахъ скажу о томъ, что вы совершаете на дѣлѣ, негодуете? Не безразсудно ли это? О, если бы то, о чемъ я говорю, оказалось ложью! Хочу лучше самъ оказаться въ тотъ день клеветникомъ, какъ поносившій васъ безъ повода и причины, чѣмъ видѣть васъ обвиняемыми за такія дѣла. Тотъ, кто копаетъ яму своему ближнему, самъ упадетъ въ нее. И какъ родящія женщины раздираются отъ болей, такъ точно и тотъ, кто совершаетъ обманъ, прежде чѣмъ обидѣть ближняго, самъ терзается и мучится, и притомъ не какъ-нибудь, а весьма даже сильно. Въ самомъ дѣлѣ, какъ бы кто ни былъ порочепъ, но судилище совѣсти въ немъ не уничтожается, потому что оно свойственно природѣ и вложено въ насъ Богомъ отъ начала, и сколько бы мы ни заглушали его, оно стоитъ, обвиняя насъ, казня, осуждая. И нѣтъ никого изъ проводящихъ жизнь въ порокѣ, кто не испытывалъ бы безмѣрныхъ мукъ, какъ въ то время, когда замышляетъ злыя дѣла, такъ и тогда, когда осуществляетъ свой замыселъ на дѣлѣ. Что нечестивѣе Ахава? Однако и тотъ, когда пожелалъ чужого винограднника, припомни, какую испыталъ муку? Несмотря на то, что онъ былъ царь, властвовавшій надъ всѣми, и не имѣвшій никого, кто бы противорѣчилъ ему, однако и онъ не вынесъ суда совѣсти, и потому вошелъ опечаленный, опустивъ голову, смущенный, съ мрачнымъ взоромъ, ясно отражая на своемъ лицѣ укоръ осуждающей совѣсти, и 670
будучи не въ силахъ скрыть муки, родившейся отъ унынія.

Хотите вы ясно знать, какъ богатство не позволяетъ людямъ быть людьми, а дѣлаетъ ихъ звѣрями и демонами? Нѣкогда постигла нашъ городъ засуха. Небо сдѣлалось мѣднымъ;

всѣ ежедневно ожидали смерти, тягчайшей всѣхъ смертей, и умоляли Бога избавить отъ этого страха. И по милосердію Его, вопреки всякой надеждѣ, пролился съ неба большой и чрезвычайно обильный дождь. И вотъ, когда всѣ справляли торжество и праздникъ, какъ вышедшіе изъ самыхъ вратъ смерти, одинъ изъ богачей ходилъ всюду печальнымъ, съ поникшимъ взоромъ, мертвый отъ горя; и когда многіе начали разспрашивать его о причинѣ, онъ не въ силахъ былъ утаить, но мучимый одолѣвавшей его тяжкой страстью, объявилъ эту причину. Я имѣю десятки тысячъ мѣръ хлѣба, сказалъ онъ, и не знаю, что теперь сдѣлать съ ними. Что ты говоришь? Скорбишь, что не всѣ погибли, чтобы тебѣ собрать золото? Не слышалъ ты, что говоритъ Соломонъ: *продаяй пшеницу скупо, отъ народа проклятъ* (Притч. XI, 26)? Но ты ходишь всюду, какъ общій врагъ благъ вселенной, недругъ щедротъ Владычнихъ, и другъ мамоны, или вѣрнѣе—рабъ ея. Не слѣдовало ли вырѣзать этотъ языкъ? Не слѣдовало ли перестать биться сердцу, породившему такія слова? Въ самомъ дѣлѣ, что можетъ быть несчастнѣе богача, который скорбитъ, ропщетъ и считаетъ себя погибшимъ потому, что владѣетъ безмѣрными богатствами, и каждый день молится, чтобы былъ голодъ, отъ чего умножалось бы у него золото? Какъ хотите, чтобы я изобразилъ вамъ бѣдственное положеніе корыстолюбца и хищника? Что преступнѣе ихъ рукъ? Что безстыднѣе, наглѣе и пошлѣе ихъ глазъ? Корыстолюбецъ не видитъ ни людей какъ людей, ни неба какъ неба, а все считаетъ деньгами. Глаза людей видятъ обычно бѣдныхъ, изнуренныхъ работою, и трогаются состраданіемъ къ нимъ; а хищники видятъ бѣдныхъ, и приходятъ еще въ большую ярость. Глаза людей не зарятся на то, что дано другимъ, расточаютъ даже и свое другимъ; а тѣ не успокоятся, пока не отнимутъ всего у всѣхъ и не присвоятъ себѣ. Глаза людей не въ состояніи спокойно видѣть обнаженнымъ тѣло ближняго; а тѣ не насытятся до тѣхъ поръ, пока не обнажатъ всѣхъ, и не снесутъ въ свой домъ имущества всѣхъ; вѣрнѣе же—даже и тогда не насыщаются. Вотъ почему ихъ руки можно назвать даже не только руками звѣрей, но и гораздо болѣе ихъ хищными и свирѣпыми. Въ самомъ дѣлѣ, медвѣди и волки, когда насытятся, отстаютъ отъ пищи, а эти не знаютъ сытости. Между тѣмъ Богъ создалъ намъ руки для того, чтобы мы помогали другимъ, а не для того, чтобы строили имъ козни; въ противномъ случаѣ, если бы намъ предстояло пользоваться ими для этого, лучше было бы отсѣчь ихъ и оставаться безъ нихъ. Когда кто-нибудь, при видѣ терзаемой звѣремъ овцы, скорбитъ и уязвляется душею, а совершая то же самое по отношенію къ своему едино-

племеннику, думаетъ, что не дѣлаетъ ничего особеннаго, то какъ онъ можетъ быть человѣкомъ, а не звѣремъ, или даже и звѣря хуже? Вѣдь звѣри таковы по своей природѣ; между тѣмъ корыстолюбцы, имѣя по природѣ кроткій нравъ, вопреки природѣ насильно доводятъ себя до звѣрства. И уста у нихъ—уста звѣ- 671
рей, или даже и тѣхъ лютѣе, потому что произносятъ слова, испускающія ядъ хуже, чѣмъ ихъ зубы, и причиняющія смерть. Если же кто изслѣдуетъ и душу такихъ людей, то назоветъ ихъ уже не только звѣрями, но и демонами, потому что они исполнены крайней жестокости и вражды къ своему сорабу. Демоны имѣютъ себѣ помощниковъ въ самихъ людяхъ, которымъ они строятъ козни, такъ что, если бы послѣдніе не содѣйствовали имъ, то большая часть ихъ козней противъ насъ не имѣла бы у нихъ никакого успѣха; эти же стараются одолѣть обижаемыхъ. когда послѣдніе и противодѣйствуютъ имъ. И нѣтъ здѣсь ни любви къ царствію небесному, ни страха геенны, ни стыда передъ людьми, ни милосердія, ни сострадання, а есть лишь безстыдство и наглость, и презрѣніе ко всему будущему, и басней кажутся имъ слова Божіи. Подлинно, только самымъ свирѣпымъ звѣрямъ свойственно, не будучи никѣмъ обиженнымъ, самому первому причинять обиду другимъ; вѣрнѣе же, даже и звѣрямъ это не свойственно. Дѣйствительно, если ты оставишь ихъ гулять на свободѣ и не принудишь, стѣсняя ихъ, защищать себя, то они никогда не причинятъ тебѣ вреда, не подойдутъ и не укусятъ тебя, а пойдутъ своей дорогой. Между тѣмъ ты, будучи разумнымъ человѣкомъ, почтеннымъ такою властію, честію и славою, не подражаешь даже и звѣрямъ въ своемъ отношеніи къ единоплеменникамъ, а обижаешь и пожираешь своего брата. И чѣмъ ты въ состояніи будешь оправдать себя? Не видишь ли ты пчелы, труды которой вкушаютъ во здравіе и цари и простые люди, какъ ничто не спасаетъ ее отъ смерти, если она дѣлаетъ зло, а она умираетъ вмѣстѣ съ жаломъ? На ея примѣрѣ научись не огорчать ближнихъ, — потому что мы сами первые принимаемъ отъ этого смерть. Тѣхъ мы на малое время, можетъ быть, огорчимъ, между тѣмъ сами уже не будемъ жить, подобно тому какъ и пчела. Деньги (χρήματα) потому такъ называются, что мы должны пользоваться (χρώμεθα) ими какъ слѣдуетъ, а не хранить ихъ, потому что это значитъ уже не обладать ими, а быть обладаемыми. Если мы будемъ заботиться о томъ, чтобы увеличивать ихъ число, а не о томъ, чтобы употреблять ихъ на должное, то извращается надлежащій порядокъ, и тогда скорѣе онѣ обладаютъ нами, нежели мы ими. Кто любитъ деньги, тотъ не только не станетъ любить враговъ, но будетъ ненавидѣть и друзей. Та-

кой человѣкъ ни родства не знаетъ, ни дружбы не помнитъ, ни возраста не щадитъ, ни друга ни одного не имѣетъ; онъ ко всѣмъ относится враждебно, и прежде всѣхъ другихъ—къ самому себѣ, не только потому, что губитъ свою душу, но и потому, что изнуряетъ себя безчисленными заботами. Тотъ, кто презираетъ деньги, останавливаетъ страсть къ нимъ; тотъ же, кто желаетъ обогащаться и копить деньги, постоянно разжигаетъ ее и никогда не можетъ остановиться; хотя бы онъ получилъ десятки тысячъ талантовъ, онъ хочетъ имѣть еще столько же, а если ихъ пріобрѣтетъ, опять желаетъ еще вдвое болѣе того; и, идя все далѣе и далѣе, начинаетъ желать, чтобы и горы, и земля, и море, и все другое стало для него золотомъ, бѣснуясь нѣкоторымъ новымъ и страшнымъ безуміемъ, которое никогда не можетъ прекратиться. Когда мы, имѣя повелѣніе давать другимъ свое собственное, похищаемъ чужое, то какая остается намъ надежда спасенія? Если ты за то, что не напиталъ алчущаго, подвергаешься наказанію, то какое получишь прощеніе, если еще и
672 раздѣлъ одѣтаго? Скажи мнѣ, если бы кто-нибудь повелъ тебя въ Персію, чтобы посмотрѣть, что тамъ есть, и возвратиться назадъ, а затѣмъ велѣлъ бы тебѣ (тамъ) построить домъ: не осудилъ ли бы ты его за крайнее неразуміе, какъ человѣка, который заставилъ тебя безполезно потратиться? Какъ же ты дѣлаешь то же самое на землѣ, которую ты немного погодя покинешь? Но я оставлю дѣтямъ, говоришь ты. Но и они немного позднѣе послѣ тебя оставляютъ ее, а часто даже и раньше тебя. Для того ты корыстолюбствуешь и грабишь у другихъ, чтобы узда твоей лошади была густо позолочена, или крыша на домѣ и верхушки колоннъ? И какой геенны не заслуживаетъ это,—когда брата своего, котораго почтилъ такою честію Владыка твой, ты ввергаешь въ безчисленныя бѣдствія, чтобы разукрасить камни, полы, и тѣла неразумныхъ животныхъ, которыя даже и не чувствуютъ этого украшенія? О колоннѣ тщательно заботятся, а человѣкъ, или лучше—Христосъ, ради этой колонны и всѣхъ вышеуказанныхъ вещей, обрекается на самый крайній голодъ. Если нужно устроить кресло или подножье, все дѣлается изъ золота и серебра; между тѣмъ членъ Христа, тотъ, ради кого Онъ пришелъ съ неба, не имѣетъ даже и необходимой пищи: Христосъ сталъ для тебя всѣхъ презрѣннѣе. И что можетъ быть тягче такого беззаконія? Какія рѣки огня достаточны будутъ для такой души,—когда даже животныя любятъ принадлежащихъ къ своему роду, и этого сродства природы достаточно имъ для взаимной любви, а ты, имѣя помимо природы еще тысячи другихъ поводовъ къ любви, оказываешься свирѣпѣе ихъ? Не будемъ же

раздражать Бога ни тѣмъ, ни другимъ, т. е. и собирая, откуда не слѣдуетъ, и расточая, на что не подобаетъ. Какого гнѣва не достоинъ ты, когда даешь блудницѣ, проходя безъ вниманія бѣднаго? Если ты дашь даже отъ праведныхъ трудовъ, то не достойно ли порицанія такое дѣло—давать награду за порокъ, награждать за то, за что слѣдовало бы наказывать; а когда ты, раздѣвая еще сиротъ и обижая вдовъ, питаешь распутство, то подумай, какой будетъ огонь для тѣхъ, которые осмѣливаются на такія дѣла? Убойтесь всѣ тѣ изъ васъ, кто обижаетъ бѣдныхъ. Вы имѣете и силу, и богатство, и деньги, и благосклонность судей, но тѣ имѣютъ оружіе, которое сильнѣе всего этого,— стоны и рыданія, и самыя обиды, которыя они терпятъ, потому что все это привлекаетъ помощь съ небесъ. Эти оружія раззоряютъ дома, разрушаютъ основанія, уничтожаютъ города, губятъ цѣлые народы. Такъ велико у Бога попеченіе объ обидимыхъ. Подлинно, великое и сильное оружіе стонъ обижаемыхъ людей. Когда терпящіе зло не произносятъ ни одного худого слова, а только стенаютъ и оплакиваютъ свои бѣдствія, Богъ преклоняется на ихъ благомысліе и бываетъ къ нимъ милостивъ, а обижающихъ подвергаетъ наказанію. Будемъ же избѣгать дѣлать обиды, чтобы милостивъ былъ къ намъ Богъ, благодатію и человѣколюбіемъ Господа нашего Іисуса Христа, Которому слава и держава во вѣки вѣковъ. Аминь.

СЛОВО XVI.

О высокомѣріи и тщеславіи.

Желая смирить разгордившагося человѣка, не говори про- 671
странныхъ рѣчей, а напомни ему только о его природѣ и сдѣлай ему строгое порицаніе такими словами: *почто гордится земля* 672
и пепелъ (Сир. х, 9)? Если же онъ скажетъ, что это бываетъ послѣ смерти, то смири его при жизни, и научи, что онъ земля и пепелъ, потому что онъ не знаетъ, что и теперь онъ то же самое. Онъ видитъ красоту тѣла, смотритъ на могущество, на угод- 673
ливость льстецовъ, на толпу тунеядцевъ; одѣтъ въ дорогія одежды, надѣленъ громадной властью; внѣшній видъ обманываетъ его и заставляетъ забывать о своей природѣ; онъ ждетъ единственно лишь отъ смерти доказательства; онъ не ходитъ къ гробницамъ и могиламъ предковъ; смотритъ только на настоящее, и нисколько не помышляетъ о будущемъ. Поэтому научи его еще

здѣсь, что онъ земля и пепелъ, чтобы онъ при жизни могъ принять врачество. Въ самомъ дѣлѣ, сказавъ: *почто гордится земля и пепелъ*, Премудрый присовокупилъ далѣе: *яко* и *въ животѣ* его извергаются внутренности *его* (Сир. x, 10), называя внутренностями кишки, чрево, полное кала и всякой нечистоты и зловонія. Смотри на ничтожество и бренность сущности. Не дожидайся дня своей смерти, чтобы узнать свое ничтожество: изслѣдуй человѣка еще при жизни, проникни мысленно въ его внутренности, и увидишь всю нашу ничтожность. Однако не падай духомъ. Не по ненависти къ намъ, а щадя насъ, Богъ такъ создалъ насъ, желая доставить великіе поводы къ смиренномудрію. Въ самомъ дѣлѣ, если человѣкъ, будучи землею и пепломъ, дерзнулъ сказать: *на небо взыду* (Иса. xiv, 13), то куда бы ниспалъ онъ умомъ, если бы не имѣлъ узды природы? Итакъ, когда ты увидишь надменнаго человѣка, который вытягиваетъ шею, поднимаетъ брови, несется на колесницѣ, грозитъ, ввергаетъ въ темницу, учиняетъ обиды, предаетъ смерти, то скажи ему: *почто гордится земля и пепелъ? Яко* и *въ животѣ* его извергаются внутренности *его*. Это сказано не только о простомъ человѣкѣ, но и о самомъ сидящемъ на царскомъ престолѣ. Не смотри ни на порфиру, ни на діадему, ни на золотыя одежды, а изслѣдуй самую природу, и увидишь, что подъ ними скрывается земля. Подлинно, *всяка слава человѣча яко цвѣтъ травный* (1 Петр. i, 24). Ради чего и почему, человѣкъ, ты много думаешь о себѣ? Спустись съ тщетной твоей высоты, разсмотри ничтожность своей природы: ты земля и пепелъ, прахъ и пыль, дымъ и тѣнь, трава и цвѣтъ травный. И живя съ такою природою, ты высоко думаешь о себѣ, скажи мнѣ? Что же можетъ быть смѣшнѣе этого? Ты начальствуешь надъ многими людьми? Но какая въ томъ польза, когда ты властвуешь надъ людьми, а самъ состоишь плѣнникомъ и рабомъ страстей? Это похоже на то, какъ если бы кто-нибудь дома терпѣлъ побои и получалъ раны отъ слугъ, а выйдя на площадь, сталъ величаться властью надъ другими. Ты рабъ всякихъ страстей, и гордишься тѣмъ, что властвуешь надъ равными тебѣ по происхожденію? О, если бы ты властвовалъ надъ первыми и былъ равенъ съ послѣдними! Если похваляющійся дѣйствительно добрыми дѣлами заслуживаетъ порицанія и лишается всякой награды за нихъ, то не смѣшнѣе ли всѣхъ оказывается тотъ, кто надмевается ничего не стоющими дѣлами, и впадаетъ въ гордость изъ-за здѣшней славы? Жалкій и несчастный, когда душа твоя гибнетъ отъ тягчайшей болѣзни, когда ты страдаешь крайней бѣдностью, ты гордишься тѣмъ, что имѣешь столько-то талантовъ золота и множество рабовъ? Но это не твое;

и если ты не вѣришь моимъ словамъ, узнай по опыту изъ того, что бывало уже раньше. Если же ты такъ упоенъ страстью, что тебя не можетъ образумить и то, что случается съ другими, то подожди немного, и узнаешь на собственномъ опытѣ, что тебѣ нѣтъ никакой пользы отъ богатства, что, лежа при послѣднемъ издыханіи и не имѣя въ своей власти ни единаго часа, ни краткой минуты, ты невольно оставишь его присутствующимъ, и при 674
томъ часто тѣмъ, кому ты не желалъ, и противъ воли уступишь тѣмъ, кому раньше не дозволялъ и смотрѣть на него. Подлинно, сущность дѣлъ человѣческихъ есть ничто иное, какъ прахъ и пыль, дымъ и тѣнь, и даже еще того ничтожнѣе. Въ самомъ дѣлѣ, скажи мнѣ, что ты считаешь великимъ? Какое достоинство находишь великимъ? Достоинство ипата? ¹) Дѣйствительно, многіе думаютъ, что нѣтъ ничего выше этого достоинства. Итакъ, сравнительно съ тѣмъ, кто окруженъ такимъ блескомъ и вызываетъ къ себѣ такое великое удивленіе, ничуть не менѣе имѣетъ и не ипатъ; и первый и второй находятся въ одномъ и томъ же достоинствѣ, потому что и тотъ и другой одинаково немного спустя перестаютъ существовать. Когда былъ, сколько времени, скажи мнѣ? Два дня? Это и во снахъ бываетъ. Но то, скажешь, сонъ. Что же изъ того? А развѣ то, что бываетъ днемъ, не сонъ, скажи мнѣ? Почему мы не называемъ скорѣе этого сномъ? Какъ при наступленіи дня оказывается, что сновидѣнія суть ничто, такъ точно и съ наступленіемъ ночи оказывается, что и дѣла дневныя суть ничто; и какъ днемъ никто не радуется тому, что было ночью, такъ точно невозможно, чтобы и ночью кто-нибудь наслаждался тѣмъ, что̀ бываетъ днемъ. Ты былъ ипатомъ? И я былъ ночью. Но я, скажешь, днемъ, а ты ночью. Что же въ томъ? И все-таки ты не имѣешь ничего большаго сравнительно со мной, если только слышать, какъ говорятъ о тебѣ: такой-то ипатъ, и получать удовольствіе отъ такихъ рѣчей, не значитъ имѣть больше (а развѣ можетъ значить?). Если я скажу: такой-то ипатъ, и сдѣлаю пріятное этими словами, то вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ сказаны эти слова, не улетѣли ли они? Такъ точно бываетъ и на дѣлѣ: лишь только явился ипатъ, и его уже нѣтъ. Но допустимъ, что онъ былъ ипатомъ годъ, три, четыре года, Гдѣ же тѣ, которые были ипатами въ теченіе десяти лѣтъ? Нигдѣ. Между тѣмъ Павелъ не такъ: онъ и при жизни всегда былъ славенъ, не день,

¹) Ипатъ (Ὕπατος—Praefectus Praetorio) первый сановникъ въ греко-римской имперіи, являвшійся полновластнымъ намѣстникомъ императора и сосредоточивавшій въ своихъ рукахъ все военное и гражданское управленіе префектуры.

не два, не десять или двадцать дней, даже не десять или двадцать лѣтъ, а и умеръ, и миновало вотъ уже четыреста лѣтъ, а онъ и нынѣ еще славенъ, и даже гораздо славнѣе, чѣмъ былъ при жизни. И это на землѣ; что же касается его славы на небесахъ, то какое слово въ состояніи показать ее? И какъ волны моря то вздымаются на неизмѣримую высоту, то вдругъ опять низвергаются внизъ, такъ точно и зараженные высокомѣріемъ, какъ мы видимъ, то превозносятся, сдвигаютъ свои брови, и страстно увлекаются дѣлами настоящей жизни, то вдругъ подвергаются униженію и впадаютъ въ крайнюю бѣдность. На нихъ-то указывая, блаженный Давидъ говорилъ: *не убойся, егда разбогатѣетъ человѣкъ, или егда умножится слава дому его* (Псал. XLVIII, 17). Хорошо сказалъ: *не убойся.* Пусть, говоритъ, тебя не смущаетъ обиліе богатства и блескъ славы, потому что ты немного спустя увидишь, какъ онъ будетъ лежать на землѣ, безсильный, мертвый, поверженный, ставъ пищей для червей, какъ онъ станетъ нагъ отъ всего этого, не будучи въ состояніи рѣшительно ничего унести съ собою (вѣдь богатство и слава не сопутствуютъ уходящимъ отсюда), а оставивъ все здѣсь, и влача съ собою одно лишь нечестіе и собранное изъ него бремя грѣховъ. Справедливо поэтому людская слава названа у древнихъ тщеславіемъ; дѣйствительно, она совершенно тща внутри, не имѣя ничего полезнаго; какъ маски снаружи кажутся роскошными и прекрасными, а внутри пусты, почему никогда ни въ комъ и не пробудили любви къ себѣ, хотя онѣ и миловиднѣе плотскихъ лицъ, такъ точно, или лучше—и того жалче, и людская слава.
675 Подлинно, ничто такъ не отвращаетъ милосердіе Божіе, и не предаетъ такъ геенскому огню, какъ страсть гордыни. Если она присуща намъ, то, какіе бы подвиги мы ни совершали, воздержаніе ли, дѣвство ли, постъ ли, молитвы ли, милостыню ли, вся наша жизнь становится нечистой. *Нечистъ*, говорится, *предъ* Господомъ *всякъ высокосердый* (Притч. XVI, 5). Тщеславіе потому такое великое зло, что оно не только толкаетъ на порокъ плѣненныхъ имъ, но приражается и къ добродѣтелямъ; и когда не можетъ низвергнуть насъ оттуда, то въ самой добродѣтели производитъ великій ущербъ, заставляя насъ такимъ образомъ нести труды, а плодовъ отъ нихъ лишая. Невозможно, желая и земной и небесной славы, достичь и той и другой; можно достичь обѣихъ, когда мы желаемъ не обѣихъ, а только одной—небесной славы; тому же, кто любитъ и ту и другую, невозможно достичь и той и другой. Кто дѣлаетъ что-либо доброе ради того, чтобы добыть славу у людей, тотъ, будетъ ли онъ въ состояніи пользоваться ею, или нѣтъ, получаетъ уже здѣсь достаточную на-

граду, и не получить за это никакого воздаянія тамъ. Почему? Потому, что онъ самъ уже напередъ лишилъ себя щедротъ Судіи, предпочтя людскую славу приговору праведнаго Судіи. Кто же совершаетъ какое-нибудь духовное дѣло единственно съ тою цѣлью, чтобы угодить только единому этому неусыпному оку, у того и сокровище пребываетъ неотъемлемымъ, и добродѣтель безпримѣсной, и происходящая отсюда благая надежда доставляетъ ему великое утѣшеніе; а кромѣ того, что для него сохраняется въ безопасномъ хранилищѣ та награда, ему будетъ сопутствовать и слава у людей. Дѣйствительно, мы пользуемся этой славой съ избыткомъ болѣе тогда, когда презираемъ её, когда не ищемъ ея, когда не гонимся за ней. Такъ и на конскихъ ристалищахъ наѣздники, когда весь народъ рукоплещетъ имъ и испускаетъ тысячи привѣтственныхъ кликовъ, не оборачиваются къ нему, и не получаютъ какого-либо удовольствія отъ его восклицаній, а смотрятъ только на одного — сидящаго посрединѣ царя, и, внимая его мановенію, не обращаютъ никакого вниманія на все множество народа, и только тогда гордо чувствуютъ себя, когда тотъ удостоитъ ихъ побѣдныхъ вѣнцовъ. Итакъ, что можетъ быть несчастнѣе тѣхъ, кто подвизаются въ добродѣтели на показъ людямъ, омрачаютъ лица свои постами, и творятъ молитвы на перекресткахъ, когда труды они претерпѣваютъ, а всякой награды лишаются? Что ты дѣлаешь, человѣкъ? Одному ты долженъ дать отчетъ въ содѣланномъ, а другого призываешь во свидѣтели совершаемаго? Одного имѣешь судіею, а другого ставишь зрителемъ? Не видишь ли, какъ возницы на конскихъ состязаніяхъ, когда весь городъ сидитъ наверху, пробѣгая всю остальную часть ристалища, стараются опрокинуть колесницы своихъ соперниковъ тамъ, гдѣ видятъ сидящимъ царя? Одинъ глазъ они считаютъ болѣе достойнымъ довѣрія, чѣмъ столько взоровъ. А ты, видя на своемъ поприщѣ въ качествѣ подвигоположника самого Царя ангеловъ, оставивъ Его, обращаешься къ взорамъ такихъ же, какъ и ты, рабовъ? Оттого-то ты послѣ безчисленныхъ состязаній, послѣ многихъ трудовъ, и уходишь безъ вѣнца, и безъ награды отходишь къ Подвигоположнику. Не безсмысленно ли, что слуга, что бы онъ ни дѣлалъ, дѣлаетъ въ угоду господину, ничего болѣе не ищетъ, какъ только его взгляда, и не старается привлечь на свое дѣло чужихъ взоровъ, хотя бы смотрящіе были великіе люди, а заботится только объ 676
одномъ, чтобы видѣлъ господинъ; между тѣмъ мы, имѣя такого Господа, ищемъ другихъ зрителей, которые пользы намъ своимъ зрѣніемъ оказать никакой не въ состояніи, а повредить намъ и сдѣлать напраснымъ весь нашъ трудъ могутъ? Если же надме-

вающійся добродѣтелью губить все, то какого наказанія будетъ достоинъ тотъ, кто дѣлаетъ это съ грѣхами? Поистинѣ, согрѣшая, еще и гордиться, гораздо болѣе тяжкое зло, нежели грѣшить. Если хвалиться дѣйствительно добрыми дѣлами неразуміе, то насколько болѣе—такими дѣлами, которыя ничего не стоятъ? Подлинно, ничто не дѣлаетъ людей столь преступными и безумными, какъ пристрастіе къ людской славѣ, равно какъ ничто не дѣлаетъ ихъ такъ славными и непоколебимыми въ добродѣтели, какъ презрѣніе къ ней. Вотъ почему нужна весьма мужественная душа тому, кто хочетъ устоять противъ такого порыва и силы вѣтра. Когда человѣкъ, гоняющійся за славой, благоденствуетъ, онъ ставитъ себя выше всѣхъ другихъ, а когда подвергается несчастію, то готовъ закопать себя въ землю, будучи поглощаемъ страстью. И слушай, что я скажу. Нѣкогда царь Озія, переступивъ предѣлы и мѣру своей царской власти, вошелъ въ храмъ, желая самолично воскурить ѳиміамъ. Что же ему іерей? Нельзя тебѣ, царь, кадить ѳиміамомъ (2 Пар. XXVI, 18); ты преступаешь предѣлы своей власти, ищешь недарованнаго тебѣ; чрезъ это ты погубишь и то, что̀ получилъ; не твое это дѣло, а мое. Похищалъ ли я твою порфиру? Не похищай и ты моего священства. Но тотъ не послушался, но, надмеваясь гордостію, вошелъ въ храмъ, раскрылъ Святое святыхъ, желая воскурить ѳиміамъ. Когда, такимъ образомъ, іерей былъ презрѣнъ, слово священства попрано, и ничего болѣе уже не оставалось, какъ только обличить и показать дерзновеніе, а тотъ потрясалъ оружіемъ и пользовался своей силой, тогда священникъ говоритъ: я сдѣлалъ все съ своей стороны, больше ничего не могу; помоги ты, Господи, попираемому священству, котораго законы теперь нарушаются и уставы низлагаются. И смотри, что происходитъ. Тотчасъ же *проказа взыде на чело его* (ст. 19). Гдѣ безстыдство, тамъ и наказаніе. Видишь милосердіе Божіе въ самомъ наказаніи? Не молнію испустилъ Онъ, не землю потрясъ, не небо поколебалъ, а явилась проказа, и при томъ не на другомъ какомъ-нибудь мѣстѣ, а на челѣ, чтобы она лежала какъ бы надпись на столбѣ, какъ бы законъ на видномъ мѣстѣ, гласящій: не дѣлайте такихъ дѣлъ, чтобы не потерпѣть такого наказанія. Итакъ, зачѣмъ ты вытягиваешь шею, скажи мнѣ? Зачѣмъ ступаешь на кончикахъ ногтей? Зачѣмъ поднимаешь брови? Зачѣмъ выпячиваешь грудь? Волоса ты не можешь сдѣлать бѣлымъ или чернымъ, а заносишься такъ, какъ будто все въ твоей власти. Можетъ быть ты хотѣлъ бы, чтобы у тебя выросли крылья, чтобы тебѣ не ходить по землѣ? Какъ мнѣ назвать тебя, и низложить твою гордость? Назову ли тебя прахомъ и пылью, дымомъ и пепломъ? Но этимъ

я не достигну еще точнаго подобія. Ты кажешься мнѣ похожимъ на горящую паклю, потому что и она, когда ее подожгутъ, повидимому, вздувается и поднимается, а если немного дотронуться до нея рукой, вся опускается внизъ и оказывается ничтожнѣе всякаго пепла. И какъ дождевые пузыри, когда высоко поднимаются, весьма скоро лопаются, такъ точно и надмеваемые тщеславіемъ легко погибаютъ. Нѣтъ зла, равнаго гордости. Чрезъ нее и діаволъ сталъ діаволомъ, не будучи раньше таковымъ. Равнымъ образомъ и первый человѣкъ палъ и сдѣлался смертнымъ отъ горделивыхъ надеждъ, навѣянныхъ ему діаволомъ.
Возымѣвъ надежду стать богомъ, онъ погубилъ и то, что имѣлъ. 677
За это самое и Богъ, порицая его, и какъ бы осмѣивая его безуміе, говорилъ: *се Адамъ бысть яко единъ отъ насъ* (Быт. ш, 22). Если діаволъ, получивъ нѣкоторую власть надъ Іовомъ, разорилъ до основанія его домъ, сокрушилъ его тѣло, учинилъ такое плачевное зрѣлище, погубилъ имущество, засыпалъ землею
дѣтей, пронзилъ плоть, наустилъ жену, заставилъ друзей, вра- 678
говъ, слугъ говорить такія слова, то, если бы онъ не сдерживался безчисленными узами, не погубилъ ли бы всѣхъ? Это злобный и ненасытный звѣрь, и если бы не обуздывался постоянно, то все бы ниспровергъ и разрушилъ. Потому-то Богъ, какъ человѣколюбецъ, и не даетъ ему власти надъ всѣми. Тому подобаетъ слава и держава, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

СЛОВО XVII.

О зависти.

Ничто такъ обычно не раздѣляетъ и не разъединяетъ насъ 677
другъ отъ друга, какъ зависть и недоброжелательство, — этотъ жестокій недугъ, лишенный всякаго извиненія, и гораздо болѣе тяжкій, нежели самый корень золъ — сребролюбіе. Въ самомъ дѣлѣ, сребролюбецъ хоть радуется тогда, когда самъ получаетъ; завистливый же тогда радуется, когда другой не получаетъ, считая собственнымъ успѣхомъ неудачу другихъ. Что можетъ быть безумнѣе этого? Пренебрегая собственныя бѣдствія, онъ изводится чужими благами, дѣлая чрезъ это недоступнымъ для себя небо, а раньше еще неба и настоящую жизнь невыносимой. Поистинѣ, не такъ червь ѣстъ дерево, или моль шерсть, какъ огонь зависти пожираетъ самыя кости завистниковъ и вредитъ чистотѣ души. Не погрѣшитъ тотъ, кто назоветъ завистниковъ худшими

звѣрей и демоновъ. Звѣри нападаютъ на насъ только тогда, когда они или нуждаются въ пищѣ, или напередъ были раздражены нами, а эти люди, и будучи облагодѣтельствованы, часто относятся къ благодѣтелямъ какъ обиженные. Равнымъ образомъ и демоны, хотя къ нимъ питаютъ непримиримую вражду, не дѣлаютъ зла имѣющимъ одну съ ними природу, а эти люди ни общности природы не стыдятся, ни собственнаго спасенія не щадятъ, но раньше тѣхъ, кому завидуютъ, сами подвергаютъ наказанію свои души, наполняя ихъ безъ причины и повода крайнимъ смятеніемъ и уныніемъ. Зависть такой порокъ, что хуже его нѣтъ никакого другого. Прелюбодѣй, напримѣръ, и нѣкоторое удовольствіе получаетъ, и въ краткое время совершаетъ грѣхъ свой; между тѣмъ завистникъ раньше того, кому завидуетъ, самъ себя подвергаетъ наказанію и мученію, и никогда не отстанетъ отъ своего грѣха, а постоянно совершаетъ его. Какъ свинья радуется грязи, и демонъ нашей погибели, такъ и этотъ радуется несчастіямъ ближняго; и если съ послѣднимъ случится что-нибудь непріятное, тогда онъ успокоивается и облегченно вздыхаетъ, считая чужія горести своими радостями, а чужія блага собственными бѣдствіями. И какъ нѣкоторые жуки питаются навозомъ, такъ и завистники чужими несчастіями, являясь общими врагами и недругами (человѣческой) природы. Другіе люди и безсловесное животное, когда его убиваютъ, жалѣютъ; а эти, видя человѣка, получающаго благодѣянія, приходятъ въ бѣшенство, дрожатъ и блѣднѣютъ. И что можетъ быть хуже такого безумія? Что ты блѣднѣешь, дрожишь, и стоишь объятый страхомъ, скажи мнѣ? Что случилось ужаснаго? То ли, что братъ твой славенъ, пользуется извѣстностью и добрымъ именемъ? Поэтому самому тебѣ слѣдовало бы украситься вѣнкомъ, радоваться и славить Бога, что видишь членъ свой славнымъ и знаменитымъ. Или ты скорбишь о томъ, что Богъ прославляется? Смо-
678 три, куда простирается вражда. Не это, скажешь, меня печалитъ, но я хотѣлъ бы, чтобы Богъ прославлялся чрезъ меня. Такъ радуйся, когда братъ твой пользуется доброй славой, и чрезъ тебя опять прославится Богъ. Если бы даже онъ былъ врагомъ и непріятелемъ твоимъ, а Богъ прославлялся чрезъ него, то надлежало бы сдѣлать его ради этого другомъ; а ты друга дѣлаешь своимъ врагомъ изъ-за того, что чрезъ доброе имя, которымъ онъ пользуется, прославляется Богъ. Какъ еще иначе ты можешь показать вражду противъ Христа? Поэтому, хотя бы кто совершалъ знаменія, хотя бы показалъ подвигъ дѣвства, или поста, или лежанья на голой землѣ, и добродѣтелью такого рода сравнялся съ ангелами, но если онъ подверженъ страсти зави-

сти, онъ оказывается всѣхъ мерзостнѣе. Если любовь къ любя-
щимъ не даетъ намъ никакого преимущества предъ язычни-
ками, то гдѣ окажется тотъ, кто питаетъ зависть къ любящимъ?
Завидовать хуже, чѣмъ враждовать. Враждующій, когда забы-
вается причина, изъ-за которой произошла ссора, прекращаетъ
и вражду; завистливый же никогда не станетъ другомъ. При томъ
первый ведетъ открыто борьбу, а послѣдній скрытно; первый
часто можетъ указать достаточную причину вражды, а второй
не можетъ указать ни на что другое, кромѣ своего безумія и
сатанинскаго расположенія. И какъ обижающій не другимъ при-
чиняетъ обиду, а самому себѣ, такъ точно и строящій козни
ближнему губитъ себя самого. И подобно тому какъ, обижая
ближнихъ, мы обижаемъ самихъ себя, такъ, наоборотъ, дѣлая
имъ добро, мы дѣлаемъ добро самимъ себѣ. Тотъ, кто слышитъ
о себѣ худыя рѣчи, но ложныя, не только не терпитъ отъ того
обиды, а имѣетъ и величайшую награду. Не тотъ, кто терпитъ,
а кто дѣлаетъ зло, тотъ достоинъ наказанія, если только первый
самъ не далъ достаточныхъ поводовъ къ порицанію. И какъ не-
возможно человѣку добродѣтельному слышать о себѣ отъ всѣхъ
хорошіе отзывы, такъ точно невозможно и слышать отъ всѣхъ
дурные, если самъ не доставитъ многочисленныхъ поводовъ по
многимъ обстоятельствамъ. Порицанія же, которыя дѣлаются все-
народно, часто дѣлаютъ людей наглыми и безстыдными. Многіе
изъ грѣшниковъ, пока видятъ, что имъ можно скрыть себя, легко
рѣшаются исправиться; а когда потеряютъ доброе мнѣніе о себѣ
въ обществѣ, впадаютъ въ отчаяніе и вдаются въ безстыдство.
Но ты потерпѣлъ обиду отъ него? Такъ зачѣмъ же ты еще и
самъ себя обижаешь? Тотъ, кто мститъ за обиду, обращаетъ ножъ
противъ самого себя. Если, поэтому, ты хочешь и себя облаго-
дѣтельствовать, и обидѣвшему тебя отомстить, то говори о немъ
хорошо; если же ты будешь говорить худо, то тебѣ не повѣрятъ,
какъ человѣку, подозрѣваемому во враждѣ. Вѣдь вражда, стал-
киваясь съ помыслами слушающихъ, не позволяетъ запечатлѣ-
ваться въ ихъ ушахъ тому, что говорится. Итакъ, не говори о
другихъ худо, чтобы не обезчестить и себя, не сплетай тины съ 679
грязью и мусоромъ, а плети вѣнки изъ розъ, фіалокъ и прочихъ
цвѣтовъ; не износи навоза изъ устъ, подобно жукамъ,—а таковы
тѣ, которые говорятъ худо о другихъ. Они сами первые ощу-
щаютъ послѣдствія своего зловонія. Въ самомъ дѣлѣ, злорѣчи-
ваго человѣка всѣ сторонятся, какъ бы пахнущаго гнилью, какъ
какой-то гадины или жука, питающагося навозомъ, — чужими
бѣдствіями; наоборотъ, человѣка, имѣющаго благоглаголивыя
уста, всѣ принимаютъ какъ свой собственный членъ и какъ род-

ного брата. Какую обиду причинилъ Авелю Каинъ? Не проводилъ ли онъ его противъ своей воли только скорѣе въ царство небесное, а себѣ причинилъ безчисленныя бѣдствія? Какой вредъ причинилъ Исавъ Іакову? Не обладалъ ли послѣдній богатствомъ и не пользовался ли безчисленными благами, а тотъ и отеческаго дома лишился, и блуждалъ послѣ злого своего умысла въ чужой странѣ? Что сдѣлали худого Іосифу братья, несмотря даже на то, что дошли до крови? Не они ли терпѣли голодъ и подверглись крайней опасности, между тѣмъ какъ тотъ сдѣлался царемъ всего Египта? Чѣмъ больше ты завидуешь, тѣмъ большія блага доставляешь тому, кому завидуешь. Богъ все назираетъ; и когда видитъ, что обижаютъ человѣка, который самъ никому не дѣлаетъ обиды, то еще болѣе возвышаетъ его и дѣлаетъ славнымъ, и такимъ образомъ наказываетъ тебя. Если Онъ не позволяетъ оставаться безнаказанными тѣмъ, которые надругаются надъ врагами, то гораздо болѣе тѣмъ, которые завидуютъ людямъ, не причинившимъ имъ никакой обиды. Если тотъ, кто любитъ любящаго его, не имѣетъ никакого преимущества предъ мытарями, то какого снисхожденія заслуживаетъ тотъ, кто ненавидитъ не сдѣлавшаго ему никакого зла? Итакъ, ради чего ты скорбишь, человѣкъ, о благахъ ближняго? Если нужно скорбѣть, то слѣдовало бы скорбѣть о бѣдствіяхъ, какія мы сами терпимъ, а не о томъ, что видимъ другихъ пользующимися доброй славой. Или ты не знаешь, что этотъ грѣхъ лишенъ всякаго извиненія? И справедливо. Въ самомъ дѣлѣ, блудникъ можетъ указать на похоть, воръ на бѣдность, убійца на гнѣвъ,—всѣ могутъ представить тѣ или другіе предлоги, хотя пустые и неосновательные; а ты, скажи мнѣ, какую назовешь причину? Никакой, кромѣ развѣ только чрезмѣрнаго нечестія. Если намъ повелѣвается любить враговъ, то какое мы понесемъ наказаніе, когда ненавидимъ и любящихъ? Если тотъ, кто любитъ любящихъ, окажется въ положеніи нисколько не лучшемъ язычниковъ, то какое прощеніе получитъ тотъ, кто причиняетъ обиды нисколько его необидѣвшимъ? Демонъ завидуетъ, но людямъ, а не демонамъ; ты же, будучи человѣкомъ, завидуешь людямъ. И какое получишь ты прощеніе? Тяжкое, тяжкое зло зависть; оно заставляетъ пренебрегать собственнымъ спасеніемъ. Такимъ путемъ Саулъ привлекъ на свою душу злого демона; и послѣ того какъ привлекъ, къ своему врачу опять питалъ зависть. Такова ужъ зависть: онъ зналъ, что спасенъ Давидомъ, и все же лучше желалъ, чтобы спаситель его погибъ, чѣмъ видѣть его пользующимся славой. А если хотите, я разскажу вамъ, какія благодѣянія оказалъ Давидъ Саулу, и чѣмъ тотъ затѣмъ отплатилъ ему.

Нѣкогда постигла іудеевъ весьма тяжкая война; и когда всѣ прятались въ страхѣ и ужасѣ, и никто не осмѣливался выступить впередъ, когда весь городъ находился въ крайней опасности, каждый видѣлъ предъ своими глазами смерть, и всѣ каждый день ждали погибели, пришелъ въ воинскій станъ отъ своихъ овецъ Давидъ и взялъ на себя бой, предстоявшій всѣмъ, не видя при этомъ никакой настоятельной для себя необходимости, напротивъ даже встрѣчая со стороны многихъ препятствія 680
(такъ, и братъ порицалъ его, и царь, взирая на его юный возрастъ, удерживалъ его и приказывалъ остаться), а разгорѣвшись самъ въ своей душѣ, побѣжалъ на иноплеменниковъ, и показалъ при этомъ такую заботливость о царѣ, что еще раньше сраженія и побѣды, ободряя его, лежащаго ницъ, сказалъ: *да не ужасается сердце господину моему о семъ*, ибо *рабъ твой пойдетъ и поборется съ иноплеменникомъ симъ* (1 Цар. XVII, 32). Маловажно ли это, скажи мнѣ, что онъ, не имѣя къ тому никакой необходимости, отдаетъ свою душу и бросается въ средину враговъ ради помощи тѣмъ, отъ кого не получилъ еще никакого благодѣянія? Не слѣдовало ли назвать его послѣ этого господиномъ и провозгласить спасителемъ всего государства, какъ человѣка, который помощью благодати Божіей сохранилъ жизнь всѣмъ? Какое другое благодѣяніе было больше этого? Въ самомъ дѣлѣ, этимъ онъ оказалъ ему благодѣяніе не въ отношеніи къ имуществу, не въ отношеніи къ славѣ или могуществу, а въ отношеніи къ самой его жизни; онъ извелъ его изъ самыхъ вратъ смерти; благодаря ему только царь остался живъ и пользовался властью. Чѣмъ же онъ послѣ этого отплатилъ ему? Если кто приметъ во вниманіе великость заслугъ, то, если бы даже Саулъ снялъ вѣнецъ съ своей головы и возложилъ на Давида, онъ еще не воздалъ бы ему награды по достоинству, а остался бы въ большомъ еще долгу. Въ самомъ дѣлѣ, этотъ даровалъ ему и жизнь и царство, а тотъ уступилъ бы ему только одно царство. Посмотримъ однако, каковы же его награды. Послѣ того, какъ онъ снялъ голову съ иноплеменника и возвращался съ своею добычей, вышли, говорится, дѣвы съ плясками и пѣніемъ, восклицая: *побѣди Саулъ съ тысящами, а Давидъ со тмами* (1 Цар. XVIII, 7). И разгнѣвался Саулъ, и съ того дня сталъ подозрительно смотрѣть на Давида. Ради чего, скажи мнѣ? Вѣдь если сказать нѣчто странное, то восклицавшія такъ дѣлали пріятное скорѣе Саулу, нежели Давиду, и тому слѣдовало быть довольнымъ, что ему дали все же тысячи. Что же онъ негодуетъ на то, что послѣднему дали десятки тысячъ? Если бы онъ что-нибудь сдѣлалъ для сраженія, если бы внесъ хоть небольшую долю

своего участія, то справедливо можно было бы говорить, что *Саулъ съ тысящами, а Давидъ со тмами;* если же самъ онъ сидѣлъ въ страхѣ и трепетѣ дома, каждый день ожидая смерти, а Давидъ совершилъ все, то не безразсудно ли было со стороны того, кто ничего не сдѣлалъ для отвращенія опасности, сердиться на то, что онъ не получилъ большихъ похвалъ? Если ужъ слѣдовало негодовать, то Давиду на то, что, совершивъ самъ весь подвигъ, онъ раздѣлялъ похвалы съ другимъ. Но такова зависть: она не можетъ равнодушно видѣть успѣха другихъ, а считаетъ благополучіе ближняго собственнымъ несчастіемъ, и изводится благами ближняго. Нѣчто подобное случилось и съ царемъ герарскимъ: видя, какъ каждый день умножались богатства Исаака, онъ началъ бояться, и заставилъ праведника переселиться оттуда. Слѣдуетъ, однако, выслушать самыя слова Священнаго Писанія, чтобы намъ видѣть изъ нихъ, какое благоволеніе оказываетъ Богъ своимъ слугамъ. *Сѣя же*, говорится, *Исаакъ въ земли той, и пріобрѣте въ то лѣто стократный плодъ ячменя* (Быт. XXVI, 12). Видишь щедроты Владыки? Видишь преизобиліе благодѣянія? Но посмотримъ и на зависть царя, которая возникла по причинѣ богатства праведника. *Отъиди*, говоритъ онъ, *отъ*
681 *насъ, яко сильнѣйшій насъ сотворился еси* (ст. 16). И дѣйствительно, онъ былъ сильнѣе ихъ, имѣя во всемъ вышнюю помощь, и будучи охраняемъ десницею Божіею. Итакъ, куда ты гонишь праведника? Или ты не знаешь, что куда бы ему ни случилось пойти, ему необходимо быть въ томъ, что принадлежитъ его Вла-
682 дыкѣ? Хотя бы ты заставилъ его уйти даже въ пустыню, онъ имѣетъ столь могучаго Владыку, что Онъ въ силахъ и тамъ сдѣлать его еще болѣе славнымъ. Онъ именно чрезъ противное часто устрояетъ противное. Ему подобаетъ слава, держава, честь и поклоненіе, со Отцемъ и Святымъ Духомъ, во вѣки вѣковъ. Аминь.

СЛОВО XVIII.

О ненависти и враждѣ.

681 Если кто потерпѣлъ обиду отъ ближняго, пусть вспомнитъ и приведетъ себѣ на умъ Давида, чтобы, когда еще кипитъ сердце, воспоминаніемъ объ этомъ кротчайшемъ и незлобивомъ мужѣ онъ могъ укротить море гнѣва. Почему, въ самомъ дѣлѣ, братъ твой врагъ тебѣ? Оскорбилъ тебя? Но онъ не причинилъ тебѣ ни-

какого вреда. Или можетъ быть изъ-за денегъ ты смотришь на него какъ на врага? Не дѣлай, умоляю тебя, не дѣлай отсрочки, чтобы разсѣчь цѣпи гнѣва, потому что отсрочки порождаютъ замедленіе: если ты пропустишь сегодняшній день, то будешь уже много стыдиться; если присоединишь и завтрашній, будетъ еще больше стыда; если присовокупишь и третій день, еще больше станешь стыдиться вслѣдствіе столь долгаго промедленія. Дайте мнѣ, прошу васъ, свободно говорить объ этомъ. Дайте мнѣ возможность слышать, что отъ постояннаго этого наученія мы достигли какого-нибудь успѣха, что кто-нибудь, выйдя отсюда, обнялъ врага обѣими руками, сжалъ его въ своихъ объятіяхъ, поцѣловалъ его, пролилъ слезы; хотя бы послѣдній былъ звѣремъ, или камнемъ, или чѣмъ бы то ни было, но, тронутый такимъ дружелюбіемъ, онъ сдѣлается кроткимъ. Такимъ образомъ себя ты освободишь отъ обвиненій, а его пріобрѣтешь, склонивъ къ доброму расположенію. И не говори мнѣ: я имѣю врага безбожнаго, нечестиваго, погибшаго, неисправимаго, и не могу примириться съ нимъ. Какого бы врага ты ни назвалъ, онъ не хуже Саула, который, будучи и разъ, и два, и многократно спасенъ Давидомъ, самъ тысячу разъ строилъ ему козни, и будучи вмѣсто этого облагодѣтельствованъ, продолжалъ хранить на него свою злобу. Въ самомъ дѣлѣ, что ты можешь сказать? То ли, что онъ отмежевалъ себѣ твою землю? Что причинилъ тебѣ вредъ въ полѣ? Что переступилъ порогъ дома? Что похитилъ рабовъ? Что оскорбилъ тебя? Что ограбилъ? Что довелъ до бѣдности? Но онъ еще не пытался отнять у тебя души, ни дважды, ни трижды, ни многократно (какъ Саулъ), и при томъ не получивъ отъ тебя столькихъ благодѣяній, равно какъ не попадавшись многократно въ твои руки и будучи спасенъ. А если бы и такъ, то и въ такомъ случаѣ Давидъ опять имѣетъ преимущество, такъ какъ, будучи воспитанъ въ менѣе совершенныхъ законахъ, не требовавшихъ ничего подобнаго, достигъ самой вершины закона благодати. При томъ, ты часто злопамятствуешь, гнѣваясь за прошедшее; а этотъ (праведникъ), даже боясь за будущее, и отлично зная, что ему не будетъ мѣста въ городѣ, и жизнь будетъ невыносимой, если онъ спасетъ врага, все-таки не переставалъ заботиться о немъ, но все дѣлалъ на благо ему, питая противъ себя врага. Итакъ, въ чемъ же такомъ, скажи мнѣ, ты обвиняешь врага, что не хочешь примириться съ нимъ? Чѣмъ такимъ онъ обидѣлъ тебя? Лишилъ тебя денегъ? Но если ты мужественно перенесешь ихъ похищеніе, то получишь такую же награду, какъ если бы ты отдалъ ихъ въ руки бѣднымъ. Въ самомъ дѣлѣ, и тотъ, кто отдалъ деньги бѣднымъ, и тотъ, кто ради Бога не замышлялъ зла

противъ похитившаго у него, или даже не сказалъ ему худого
682 слова, дѣлаютъ одно и то же. Если же причина траты одна, то очевидно, что и вѣнецъ одинъ. Но онъ злоумышлялъ на жизнь твою и покушался убить? Это вмѣняется тебѣ въ мученичество, если только ты считаешь злоумышленника, доведшаго до такой степени свою вражду, въ числѣ своихъ благодѣтелей, и не перестаешь молиться за него, прося Бога смилостивиться надъ нимъ. Не на то будемъ смотрѣть, что Богъ не допустилъ Саулу, преслѣдовавшему Давида, убить его, а на то, что послѣдній отъ его злыхъ козней получилъ двойной, или тройной, или даже четверной вѣнецъ мученичества. Въ самомъ дѣлѣ, кто ради Бога спасъ врага, который не разъ, не два, а многократно металъ копье въ его голову, кто, имѣя полную возможность убить его, пощадилъ, зная при томъ, что послѣ такой пощады онъ опять нападетъ на него, тотъ, очевидно, тысячекратно подвергался закланію произволеніемъ; будучи же тысячекратно закланъ ради Бога, онъ имѣетъ и многочисленные вѣнцы мученичества. И что̀ говорилъ Павелъ, о томъ и онъ помышлялъ, и каждый день умиралъ ради Бога (1 Кор. xv, 31). Имѣя возможность убить готовившаго ему гибель, онъ не пожелалъ сдѣлать этого ради Бога, а предпочелъ лучше каждый день подвергаться опасностямъ, нежели избавиться отъ столькихъ смертей, совершивъ даже справедливое убійство. Если же злоумышляющему даже противъ самой жизни не слѣдуетъ ни мстить, ни платить ненавистью, то тѣмъ менѣе тому, кто причиняетъ намъ обиду въ какихъ бы то ни было другихъ, внѣшнихъ, вещахъ. Хочешь знать, что возможно примирить съ собой, если только мы желаемъ, всякаго человѣка, относящагося къ намъ враждебно, какъ бы онъ ни былъ нечестивъ, испорченъ, и неисправимъ? Что свирѣпѣе льва? И однако люди укрощаютъ его, искусство осиливаетъ природу, и тотъ, кто свирѣпѣе и царственнѣе всѣхъ звѣрей, дѣлается смиреннѣе и послушнѣе всякой овцы, и ходитъ по площади, никому не внушая страха вслѣдствіе своей кротости. Какое же извиненіе, какое прощеніе будемъ имѣть мы, когда звѣрей укрощаемъ, а про людей говоримъ, что никакъ не можемъ укротить ихъ и заставить хорошо относиться къ намъ, тѣмъ болѣе, что звѣрю не свойственна по природѣ кротость, а человѣку чужда по природѣ свирѣпость? Если, такимъ образомъ, мы побѣждаемъ природу, то какое будемъ имѣть оправданіе, когда говоримъ, что не можемъ исправить произволенія? Если же онъ и неисцѣльно боленъ, то чѣмъ больше будетъ у тебя труда, тѣмъ обильнѣе будетъ и награда, когда ты не перестанешь заботиться о врачеваніи неисцѣльно больного. Но что столь тяжкаго сдѣлалъ тебѣ врагъ твой, что ты отказываешься отъ при-

миренія съ нимъ? Худо отозвался о тебѣ, назвалъ тебя прелюбодѣемъ и блудникомъ? Что жъ въ томъ? Если онъ говоритъ правду, исправься; а если ложь, то посмѣйся. Если ты сознаешь за собой то, въ чемъ онъ упрекаетъ тебя, то образумься, а если не сознаешь, пренебреги; лучше же сказать—не только посмѣйся, не 683
только пренебреги, а даже радуйся и веселись по слову Господа: *егда*, говоритъ Онъ, *поносятъ* васъ *и пронесутъ имя ваше яко зло, Сына человѣческаго ради лжуще, возрадуйтеся въ той день и взыграйте, яко мзда ваша многа на небесѣхъ* (Лук. vi, 22, 23; Мѳ. v, 11, 12). Если же онъ сказалъ правду, а ты съ кротостью перенесешь его слова, не отвѣтишь ему съ своей стороны оскорбленіемъ, не станешь злословить его, а горько возстенаешь и осудишь свои прегрѣшенія, то получишь награду не меньше, чѣмъ и въ первомъ случаѣ. Часто, вѣдь, враги своими справедливыми порицаніями дѣлаютъ то, чего не могутъ сдѣлать друзья своими похвалами и пріятными рѣчами. Послѣдніе, обычно говоря пріятное, или даже и льстя намъ, только усиливаютъ болѣзнь; первые же, побуждаясь враждой и порицая наши грѣхи, заставляютъ насъ исправляться, и такимъ образомъ вражда бываетъ для насъ источникомъ величайшей пользы. Итакъ не будемъ говорить: такой-то меня раздражилъ, такой-то заставилъ меня сказать срамныя слова. Мы сами всегда являемся виновниками ихъ; если мы желаемъ любомудрствовать, то не только врагъ, но и самъ діаволъ не въ силахъ будетъ привести насъ въ гнѣвъ. И это видно изъ исторіи съ Давидомъ. Когда онъ сказалъ: *се, воскриліе одежды въ руцѣ моей*, и всѣ прочія дальнѣйшія слова въ свое оправданіе предъ Сауломъ, то послѣдній говоритъ: *твой ли гласъ сей, чадо Давиде* (1 Цар. xxiv, 12, 17)? Вотъ какая великая перемѣна произошла вдругъ съ этимъ озвѣрѣвшимъ человѣкомъ, благодаря кроткимъ словамъ Давида! Тотъ, кто раньше не могъ назвать его даже просто по имени, а ненавидѣлъ даже самое его прозвище, теперь возводитъ его въ родство съ собою, называя его сыномъ, и трогается даже самымъ звукомъ его голоса. И какъ отецъ, услышавъ давно неслыханный голосъ возвратившагося откуда-нибудь сына, не только радъ видѣть его лицо, но съ любовью прислушивается и къ самому голосу, такъ и Саулъ, когда до него дошли слова Давида и исторгли вражду, узналъ наконецъ святого, и, освободившись отъ одной страсти, проникся другой страстью: отбросилъ гнѣвъ и проникся радостью и сочувствіемъ. Что можетъ быть блаженнѣе и возвышеннѣе Давида? Убійцу онъ сдѣлалъ отцемъ, волка овцею, пещь гнѣва исполнилъ обильной росою, волненіе превратилъ въ тишину, и потушилъ весь пылъ гнѣва. Итакъ, возлюбленные, будемъ стараться не о томъ только,

чтобы не потерпѣть никакого зла отъ враговъ, но и о томъ, чтобы самимъ себѣ не дѣлать никакого зла. И тогда мы не потерпимъ никакого зла, хотя бы подверглись безчисленнымъ бѣдствіямъ, подобно тому какъ и Давидъ, несмотря на изгнаніе, преслѣдованія и опасности для самой жизни, не потерпѣлъ никакого зла, а оказался даже славнѣе и достохвальнѣе врага, и вождѣленнѣе для всѣхъ, не только для людей, но и для самого Бога. Въ самомъ дѣлѣ, какой вредъ потерпѣлъ этотъ святой, испытавъ столько бѣдствій отъ Саула? Не прославляется ли онъ до настоящаго дня, не славенъ ли онъ и на землѣ, и на небѣ?
684 Не ожидаютъ ли его неизреченныя блага и царство небесное? Съ другой стороны, какую пользу получилъ тотъ жалкій и несчастный, который строилъ ему столько козней? Не лишился ли онъ царства, не потерпѣлъ ли вмѣстѣ съ своимъ сыномъ жалкой смерти, и не подвергается ли всеобщему осужденію? Но что всего тяжелѣе, теперь его ожидаютъ нескончаемыя мученія. Когда, поэтому, ты увидишь своего врага, или вспомнишь о немъ, то не говори, что я то-то и то-то потерпѣлъ отъ него, то-то и то-то слышалъ отъ него, не разжигай чрезъ это гнѣва, и не увеличивай еще болѣе пыла страсти; напротивъ, забудь всѣ огорченія, какія слышалъ или потерпѣлъ отъ него; а если и вспомнишь, то вмѣни ихъ діаволу; собери, наоборотъ, все, что тотъ сказалъ или сдѣлалъ тебѣ когда-нибудь хорошаго, и тогда ты скоро прекратишь вражду. Если же ты хочешь обратиться къ нему съ обличеніями, то напередъ смири страсть, угаси гнѣвъ, и тогда обличай и требуй отвѣта, и ты легко одержишь надъ нимъ побѣду. Въ самомъ дѣлѣ, находясь въ раздраженіи, мы не въ состояніи будемъ ни сказать, ни услышать что-либо здравое; освободившись же отъ страсти, и сами никогда не произнесемъ обиднаго слова, и въ словахъ другихъ не услышимъ обиды. Не такъ, вѣдь, обычно самыя слова возбуждаютъ въ насъ гнѣвъ, какъ враждебное предубѣжденіе противъ другого. Подобно тому какъ ночью мы часто не узнаемъ и стоящаго предъ нами друга, а когда наступаетъ день, то и издали признаемъ его, такъ точно бываетъ обыкновенно и въ случаѣ вражды: пока мы относимся другъ къ другу непріязненно, то съ предубѣжденіемъ и слушаемъ голосъ другихъ, и смотримъ на лицо ихъ; а когда освободимся отъ гнѣва, то то же самое лицо, которое раньше казалось враждебнымъ и непріятнымъ, становится милымъ и пріятнымъ. Когда врагъ будетъ поносить тебя за грѣхъ, который ты сознаешь за собой, а ты, слыша это, не отвѣтишь ему оскорбленіемъ, а горько возстенаешь и станешь умолять Бога, то тотчасъ же изгладишь весь грѣхъ. И чтобы ты не подумалъ, что мы

просто лишь утѣшаемъ тебя, представимъ свидѣтельство отъ Священнаго Писанія. Были фарисей и мытарь; одинъ дошелъ до крайней степени порока, другой ревностно заботился о праведности; и оба однажды пришли въ храмъ помолиться. Фарисей ставъ говорилъ: *Боже, хвалу тебѣ воздаю, яко нѣсмь, якоже прочіи человѣцы, хищницы, неправедницы, или якоже сей мытарь* (Лук. XVIII, 11). Мытарь же, стоя вдали, не отвѣтилъ оскорбленіемъ и поношеніемъ, не сказалъ какихъ-нибудь пустыхъ словъ, какими мы ежедневно перемываемъ другъ друга, а говорилъ только, горько стеная и ударяя себя въ грудь: *Боже, милостивъ буди мнѣ грѣшнику* (ст. 13),—и вышелъ оправданнымъ. Видишь, какъ скоро? Принялъ поношеніе, и смылъ поношеніе; созналъ свои грѣхи, и освободился отъ грѣховъ; обвиненіе во грѣхѣ сдѣлалось отъятіемъ грѣха, и врагъ противъ своей воли оказался благодѣтелемъ. Можетъ ли быть что-нибудь блаженнѣе этого? Можетъ ли быть легче средство къ освобожденію отъ грѣховъ? Въ самомъ дѣлѣ, сколько нужно было бы трудиться мытарю, пребывая въ подвигахъ поста, бдѣнія, лежанія на землѣ, раздавая свое имущество бѣднымъ, сидя долгое время во вретищѣ и пеплѣ, чтобы загладить свои грѣхи? Между тѣмъ теперь, не сдѣлавъ 635
ничего такого, онъ однимъ только словомъ снялъ съ себя всѣ грѣхи и поношеніе; и злословіе повидимому обидѣвшаго его, безъ продолжительныхъ усилій и трудовъ, доставило ему вѣнецъ правды. Потому Богъ и повелѣлъ намъ молиться за враговъ, чтобы мы не только отпускали имъ долги, но и считали ихъ въ числѣ первыхъ друзей. Если же ты не дѣлаешь только никакой неправды другимъ, а отвращаешься отъ нихъ и смотришь съ неудовольствіемъ, и въ душѣ твоей имѣется свѣжая рана, то ты еще не исполнилъ заповѣди, преподанной Христомъ. Какъ же ты можешь просить Бога быть милостивымъ къ тебѣ, самъ еще не сдѣлавшись милостивымъ къ согрѣшившимъ противъ тебя? Если же хотите знать, что самъ Богъ не отпуститъ нашимъ врагамъ и обидчикамъ, хотя бы мы и молились за нихъ, когда они станутъ только хуже вслѣдствіе нашего незлобія, разскажу вамъ одну древнюю исторію. Однажды Маріамъ упрекнула Моисея; что же Богъ? Онъ наслалъ на нее проказу, сдѣлалъ ее нечистой (Числ. XII), хотя во всемъ прочемъ она поступала справедливо и разумно. Затѣмъ, когда самъ обиженный Моисей просилъ и умолялъ оставить гнѣвъ на нее, Богъ не внялъ ему, а что сказалъ? Если бы у нея былъ отецъ, и прогналъ ее съ своихъ глазъ, то не снесла ли бы она наказанія? Тебя Я одобряю за кротость и незлобіе, но ее оставить безъ наказанія Я не долженъ. Итакъ, вспомни тотъ страшный судъ,

когда все будетъ обнажено и открыто: подумай о томъ, что тогда откроется все, что скрывается теперь. Если ты отпустишь ближнему согрѣшенія, то всѣ твои грѣхи, которые должны будутъ открыться тогда, будутъ истреблены уже здѣсь, и ты отойдешь отсюда, не влача съ собою ничего изъ своихъ грѣховъ. Такимъ образомъ ты больше получаешь, нежели даешь. Часто мы совершаемъ грѣхи, которыхъ не видѣлъ никто другой. И если мы подумаемъ, что въ тотъ день всѣ наши грѣхи обнаружатся предъ глазами всѣхъ, будутъ выставлены на позорище всей вселенной, то не будемъ ли мы испытывать болѣе тяжкихъ страданій отъ угрызеній и мученій собственной совѣсти, чѣмъ отъ какого бы то ни было наказанія? Между тѣмъ столь великій твой срамъ, столь великія прегрѣшенія можно омыть снисхожденіемъ къ ближнему. И, если хотите, послушайте, какую силу имѣетъ эта заповѣдь. *Аще*, говорится, *станутъ Моисей и Самуилъ, нѣсть душа моя къ нимъ* (Іер. xv, 1). И однако тѣхъ, кого не могли исхитить отъ гнѣва Божія Моисей и Самуилъ, можетъ исхитить эта самая заповѣдь. Вотъ почему Богъ постоянно и заповѣдалъ тѣмъ, кому сказалъ эти слова, говоря: *злобы кійждо брату своему да не помнитъ въ сердцахъ* вашихъ, и: *злобы искренняго своего не помышляйте* (Зах. vii, 10; viii, 17). Если же намъ повелѣвается любить враговъ, то какому подвергнемся мы наказанію, когда даже и любящихъ насъ ненавидимъ? Если тотъ, кто любитъ любящаго, не имѣетъ никакого преимущества предъ мытарями, то гдѣ же окажется тотъ, кто ненавидитъ не дѣлающаго
686 ему никакого зла? Какъ онъ избѣжитъ геенны, оказываясь хуже язычниковъ? Если тотъ, кто не любитъ брата, хотя бы роздалъ всѣ деньги, хотя бы просіялъ мученичествомъ, не получаетъ никакой пользы, то подумай, какого же наказанія достоинъ тотъ, кто относится враждебно къ человѣку, ничѣмъ его не обидѣвшему? Если Богъ не отпускаетъ согрѣшеній тѣмъ, которые не прощаютъ совершенныхъ противъ нихъ поступковъ, то дастъ ли онъ прощеніе тѣмъ, которые осмѣливаются обижать не причинившихъ имъ ничего худого? Итакъ, зачѣмъ мы безразсудно ссоримся другъ съ другомъ, зачѣмъ враждуемъ другъ противъ друга, когда намъ повелѣно любить даже и ненавидящихъ насъ? Что говоришь ты, человѣкъ? Имѣешь врага, и не стыдишься? Ужели не довольно намъ діавола, что мы возбуждаемъ противъ себя еще и единокровныхъ намъ? О, если бы и тотъ не хотѣлъ враждовать противъ насъ! О, если бы и онъ не былъ діаволомъ! Или ты не знаешь, какое удовольствіе бываетъ послѣ примиренія? Нѣтъ нужды, если въ разгарѣ вражды это и не особенно ясно. Если же ты говоришь, что при воспоминаніи объ обидѣ ты ки-

пишь гнѣвомъ, то припомни, не было ли сдѣлано тебѣ чего-нибудь хорошаго со стороны обидѣвшаго, вспомни и о томъ, сколько самъ ты причинилъ зла другимъ, и ты скоро оставишь вражду. Подлинно, ты не потерпѣлъ такого зла, какое причинишь самъ себѣ злопамятствомъ. Въ самомъ дѣлѣ, какъ ты получишь прощеніе, котораго не оказываешь другимъ? Язычники, не ожидая ничего великаго, часто любомудрствовали о злотерпѣніи; а ты, за котораго Христосъ отдалъ душу свою и не отказался быть закланнымъ, когда ты былъ еще врагомъ, ты, который долженъ отойти изъ здѣшней жизни съ такими надеждами, не рѣшаешься и медлишь прекратить вражду? То, что̀ дѣлаетъ время, ты не хочешь сдѣлать раньше времени ради закона Божія, и желаешь, чтобы страсть твоя погасла лучше безъ всякой награды, чѣмъ за награду? Вѣдь если это произойдетъ отъ времени, то тебѣ не только не будетъ никакой пользы, но будетъ и великое наказаніе за то, что законъ Божій не убѣдилъ тебя сдѣлать то, что сдѣлало время. Для того именно Богъ доставляетъ тебѣ неизреченную награду, чтобы ты предупреждалъ его. Если ты примиряешься съ обидчикомъ только по его просьбѣ, то миръ является слѣдствіемъ уже не твоей ревности объ исполненіи заповѣди Божіей, а старанія другого; потому-то ты и остаешься безъ вѣнца, тогда какъ тотъ получаетъ награды. Разбойники, вступая въ товарищескій союзъ съ кѣмъ-нибудь, не являются уже болѣе разбойниками въ отношеніи къ своимъ сообщникамъ: участіе въ общей трапезѣ измѣняетъ нравъ ихъ, и дѣлаетъ тѣхъ, которые были свирѣпѣе звѣрей, смирнѣе овецъ; а мы, принимая участіе въ такой трапезѣ, имѣя общеніе въ такой пищѣ, вооружаемся другъ на друга? Не окажемся ли мы послѣ этого хуже даже звѣрей? Вотъ почему мы съ каждымъ днемъ дѣлаемся все слабѣе и слабѣе, а общій нашъ врагъ сильнѣе и сильнѣе. Вмѣсто того, чтобы защищаться общими силами противъ него, мы вмѣстѣ съ нимъ возстаемъ другъ противъ друга и дѣлаемъ его своимъ вождемъ для такого рода браней. Будемъ же избѣгать такого его начальства надъ нами, благодатію Христа, которому подобаетъ слава, держава, честь и поклоненіе, со Отцемъ и Святымъ Духомъ, во вѣки. Аминь.

СЛОВО XIX.

О печали и скорби.

685—686 Богъ вложилъ въ нашу природу скорбь не для того, чтобы мы предавались ей неразумно и безвременно, при несчастныхъ обстоятельствахъ, не для того, чтобы мы губили себя, а чтобы получали отъ нея величайшую пользу. Время скорби не тогда, когда мы терпимъ бѣдствія, а когда мы дѣлаемъ дурныя дѣла. Между тѣмъ мы извратили этотъ порядокъ и перемѣнили времена:
687 дѣлая тысячи золъ, мы не сокрушаемся и на малое время, а если потерпимъ отъ кого-нибудь какую-нибудь малость, падаемъ духомъ, приходимъ въ смущеніе, и просимъ избавить насъ отъ настоящей жизни, не зная того, что скорби и искушенія, и приключающіяся намъ печали, не менѣе чѣмъ и блага, обнаруживаютъ попеченіе Божіе о насъ. Да что я говорю о здѣшнихъ скорбяхъ? Даже угроза геенной не менѣе, чѣмъ и царство небесное, показываетъ Его человѣколюбіе, потому что, если бы Онъ не угрожалъ геенной, никто такъ легко не достигъ бы небесныхъ благъ. Въ самомъ дѣлѣ, одного только обѣщанія благъ недостаточно для обращенія къ добродѣтели, если бы болѣе безпечно относящихся къ ней не побуждалъ и страхъ наказаній. Кромѣ того печаль и скорбь существуютъ не для того, чтобы мы скорбѣли по поводу смерти, по поводу лишенія денегъ, или по поводу чего-либо другого подобнаго, а чтобы пользовались ими для истребленія грѣховъ. Вѣдь и воинъ, который боится смерти, никогда не совершитъ ничего доблестнаго. Итакъ, скорбящему нужно скорбѣть не о томъ, что онъ подвергается наказанію, а о томъ, что своими грѣхами онъ раздражаетъ Бога. Перваго рода скорбь отдаляетъ отъ насъ Бога и дѣлаетъ Его нашимъ врагомъ; второго же рода скорбь болѣе всего примиряетъ Его съ нами и дѣлаетъ близкимъ къ намъ. Не для того явился ты въ настоящую жизнь, человѣкъ, чтобы праздно питаться, не для того, чтобы не терпѣть никакихъ бѣдствій, а для того, чтобы ты прославлялся путемъ страданій. Не доблестнаго мужа дѣло искать покоя и предаваться удовольствіямъ; такое стремленіе свойственно скорѣе безсмысленному червю, чѣмъ (человѣку) обладающему разумомъ. Конечно, молись о томъ, чтобы не впасть въ искушеніе; но если когда-нибудь впадешь, не ропщи, не смущайся, не унывай, а старайся всѣми силами о томъ лишь, чтобы стать еще болѣе славнымъ. Не видишь ли ты, какъ наиболѣе мужественные изъ воиновъ, когда ихъ призываетъ звукъ трубы, обращаютъ

свой взоръ на трофеи, на побѣды, на отличившихся подвигами предковъ? Такъ и ты при звукѣ духовной трубы стань сильнѣе льва; выступи, хотя бы предъ тобой былъ огонь, хотя бы желѣзо; и стихіи умѣютъ уважать проявляющихъ такое мужество; и звѣри умѣютъ бояться такихъ доблестныхъ борцовъ, и какъ бы они ни были свирѣпы, отъ голода ли, или по самой природѣ своей, они все забываютъ и пересиливаютъ свою страсть. Итакъ, христіанину, если онъ печалится, можно имѣть только два повода для скорби: или когда онъ самъ прогнѣвитъ Бога, или когда сдѣлаетъ то же ближній. Не тѣмъ, кто подвергается поношеніямъ, слѣдуетъ страшиться и трепетать, а тѣмъ, кто наноситъ оскорбленія, потому что не первые имѣютъ нужду оправдываться въ худыхъ рѣчахъ, какія они слышали, а послѣдніе въ томъ, что́ они худо говорили; вся опасность угрожаетъ этимъ послѣднимъ. Такимъ образомъ, тѣ, кто слышитъ о себѣ дурныя рѣчи, должны оставаться безпечальны, потому что они не будутъ давать отчета за то, что сказалъ худо другой; напротивъ тѣ, кто говоритъ худо, должны страшиться и трепетать, такъ какъ они привлечены будутъ за это на страшное судилище. Будемъ поэтому скорбѣть не о томъ, что слышимъ худыя рѣчи о себѣ, а о томъ, что слышимъ такія рѣчи заслуженно: если мы живемъ порочно, то, хотя бы никто не порицалъ насъ, мы оказываемся всѣхъ несчастнѣе; наоборотъ, если мы ревнуемъ о добродѣтели, то, хотя бы весь міръ говорилъ о насъ худо, мы будемъ всѣхъ счастливѣе. Если духъ нашъ настроенъ хорошо, то, хотя бы отовсюду поднимались безчисленныя бури, мы всегда будемъ пребывать въ тихой пристани; и наоборотъ, когда онъ не благоустроенъ, то, хотя бы все намъ благопріятствовало, мы будемъ находиться въ положеніи, нисколько не лучшемъ терпящихъ крушеніе. Это можно наблюдать и относительно пищи. Когда нашъ желудокъ силенъ и крѣпокъ, то какую бы грубую или сы- 683
рую пищу онъ ни принялъ, онъ все превращаетъ въ здоровый сокъ, такъ какъ естественное сраствореніе преодолѣваетъ дурное свойство пищи; наоборотъ, когда сила его разслаблена и дѣлается вялой, то, хотя бы ты предложилъ ему самую доброкачественную пищу, онъ превращаетъ ее въ самую худшую, и совершенно портитъ ее, такъ какъ его слабость уничтожаетъ ея хорошія свойства. Душа, пораженная скорбью и объятая облакомъ унынія, не въ состояніи ни спокойно выслушать что-либо полезное, ни сказать. Удрученная скорбью душа не желаетъ долго распространяться на словахъ; но подобно тому какъ густое облако, набѣгая на солнечный лучъ, отбрасываетъ его весь назадъ, такъ точно и облако унынія, когда становится предъ нашей душей,

не дозволяетъ свободно проходить слову, а задушаетъ его и насильственно задерживаетъ внутри. И это бываетъ не только съ говорящими, но и со слушающими. Подобно тому какъ скорбь не дозволяетъ слову свободно вылетать изъ души говорящаго, такъ точно не позволяетъ ему и проникать со свойственною ему силою въ душу слушающихъ. Такъ, напр., когда къ Іову пришли его друзья, узнали о несчастіи съ его домомъ, и увидѣли праведника сидящимъ на гноищѣ, покрытаго язвами, то растерзали одежды свои, зарыдали, и молча сидѣли возлѣ него, показывая тѣмъ, что для удрученныхъ скорбью нѣтъ ничего полезнѣе вначалѣ, какъ тишина и молчаніе. Итакъ знай, что Тотъ, Кто попускаетъ быть искушенію, самъ же знаетъ и время прекращенія искушенія. Богъ силенъ прекратить всѣ бѣдствія, но пока не увидитъ совершившагося обращенія, не прекращаетъ скорбей. Удивляйся тѣмъ, кто подвергается искушеніямъ и мужественно переноситъ ихъ, какъ напр. тремъ отрокамъ. Послѣднимъ никто не удивлялся бы за то, что они не были сожжены, если бы они были далеко отъ вавилонской пещи; но что̀ поразительно для всѣхъ, это то, что они, находясь столько времени въ огнѣ, вышли невредимѣе тѣхъ, которые въ немъ не были. То же самое должно сказать и относительно святыхъ: если бы на нихъ не посылалось никакого искушенія, то мы не удивлялись бы тому, что они непрестанно радовались. Между тѣмъ, будучи отовсюду окружены безчисленными волнами, они чувствовали себя лучше людей, наслаждающихся невозмутимой тишиной. Если бы не было ничего, что̀ опечаливало бы ихъ, то для нихъ не было бы ничего великаго въ томъ, что они могли всегда радоваться; но когда они, при множествѣ опасностей, которыя могли ввергнуть ихъ въ уныніе, оставались выше всѣхъ ихъ, и радовались среди самыхъ скорбей, это достойно всякаго удивленія. Въ самомъ дѣлѣ, не кажется ли смерть невыносимѣе всего? Между тѣмъ ожиданіе ея не только не печалитъ ихъ, а даже еще болѣе только радуетъ. Они знали, что пришествіе смерти является концомъ трудовъ, что человѣколюбецъ Богъ всегда чтитъ своихъ рабовъ, и часто даже даруетъ имъ спасеніе и другихъ. Такъ напр. сдѣлалъ Онъ со святымъ Павломъ, этимъ учителемъ вселенной, всюду испускавшимъ лучи своего ученія. Именно, когда его вели въ Римъ, однажды поднялась на морѣ сильная буря, такъ что всѣ, находившіеся на кораблѣ, трепетали за свое спасеніе и не имѣли никакой
689 надежды въ виду чрезмѣрнаго волненія; тогда онъ, призвавъ всѣхъ, сказалъ: *дерзайте, мужіе: погибель бо ни единыя души отъ васъ будетъ, развѣ корабля: предста бо ми въ сію нощь аггелъ Бога, егоже азъ есмь, емуже и служу, глаголя: не бойся, Павле,*

ибо *дарова тебѣ Богъ вся плавающыя съ тобою* (Дѣян. xxvii, 22—24). Будемъ постоянно помнить объ этомъ. Поистинѣ, ничто намъ не доставляетъ такой пользы, какъ всегдашнее памятованіе о благодѣяніяхъ Божіихъ, какъ общихъ, такъ и частныхъ. Если мы при воспоминаніи о благодѣяніяхъ друга, или услышавъ пріятное слово или дѣлю, согрѣваемся душею; то гораздо болѣе мы будемъ съ большимъ усердіемъ относиться къ добродѣтели, когда мы сознаемъ, какимъ подвергались опасностямъ, и какъ отъ всѣхъ ихъ избавилъ насъ Богъ. Такъ было и съ Павломъ. О томъ, что претерпѣлъ этотъ блаженный ради проповѣди, о голодѣ, жаждѣ, наготѣ, крушеніяхъ, опасностяхъ, козняхъ, темницахъ, бичеваніяхъ, и всемъ прочемъ, думаю, ничего не нужно и говорить. Каждаго и изъ этихъ бѣдствій достаточно было, чтобы сильно смутить и сокрушить эту святую душу. Но когда онъ говоритъ: *кто изнемогаетъ, и не изнемогаю, кто соблазняетея, и азъ не разжизаюся* (2 Кор. xi, 29)?—въ этихъ словахъ указывается то, что болѣе всего доставляло ему постоянную и невыносимую скорбь. Въ самомъ дѣлѣ, если онъ воспламенялся изъ-за каждаго соблазнявшагося, то въ его душѣ никогда не могло и потухнуть это пламенѣніе, потому что въ соблазнявшихся, и такимъ образомъ доставлявшихъ пищу огню, не было недостатка. А видя кромѣ того еще и невѣрующихъ іудеевъ, могъ ли онъ имѣть хотя бы малѣйшій отдыхъ отъ скорби и муки? *Молилъ быхъ ся*, говоритъ онъ, *отлученъ быти отъ Христа по братіи моей, сродницѣхъ моихъ по плоти, иже суть израилите* (Рим. ix, 3), то есть: для меня желательнѣе было бы впасть въ геенну, нежели видѣть израильтянъ невѣрующими. Если же онъ рѣшался на мученіе въ гееннѣ, чтобы только привести къ вѣрѣ всѣхъ іудеевъ, то очевидно, что, не достигнувъ этого, онъ страдалъ сильнѣе тѣхъ, которые мучатся въ геннѣ. Ему же были сказаны и слѣдующія слова: *довлѣетъ ти благодать моя: сила бо моя въ немощи совершается* (2 Кор. xii, 9), т. е. довольно съ тебя, что ты воскрешаешь мертвыхъ, исцѣляешь слѣпыхъ, очищаешь прокаженныхъ, и совер- 690
шаешь другія чудеса; не ищи еще и того, чтобы жить безопасно и беззаботно, и проповѣдывать безъ затрудненій. Но ты страдаешь и скорбишь? Не считай однако признакомъ Моего безсилія то, что многіе причиняютъ тебѣ зло, бьютъ, гонятъ и бичуютъ тебя; напротивъ, въ томъ-то и обнаруживается Моя сила (*сила бо моя*, говоритъ, *въ немощи совершается*), когда вы, будучи преслѣдуемы, побѣждаете преслѣдующихъ, будучи гонимы, преодолѣваете гонителей, будучи заключаемы въ узы, обращаете тѣхъ, кто васъ связываетъ. Конечно, тяжко слышать порицанія себѣ и отъ кого бы то ни было; когда же это дѣлаетъ кто-нибудь изъ облагодѣ-

тельствованныхъ, когда онъ порицаетъ и поноситъ оказанныя ему благодѣянія, тогда особенно обида становится невыносимой, и кромѣ скорби возбуждаетъ еще такой гнѣвъ, что онъ можетъ даже задушить обиженнаго. Тотъ, кто терпитъ обиду отъ какого-нибудь великаго человѣка, находитъ не малое удовлетвореніе чувству гордости въ самомъ превосходствѣ дѣлающаго ему зло; тотъ же, кто терпитъ отъ человѣка ничтожнаго и презрѣннаго, испытываетъ гораздо большее огорченіе и считаетъ свою скорбь нестерпимой. Но ты обращай вниманіе не на то, смѣются ли надъ нами люди, а на то, смѣются ли справедливо и заслуженно; и если справедливо, то, хотя бы они и не смѣялись, мы должны плакать; если же несправедливо, то, хотя бы всѣ смѣялись надъ нами, будемъ почитать себя счастливыми, а объ нихъ плакать, какъ о самыхъ несчастныхъ людяхъ, нисколько не отличающихся отъ бѣснующихся,—хотя для удрученныхъ скорбью и нѣтъ ничего нестерпимѣе, какъ слово, могущее уязвлять душу. Говорите это ежедневно и себѣ самимъ, и другъ другу, при удобномъ случаѣ. Если намѣревающійся просить кого-нибудь, хотя бы его просьба была и разумна, поджидаетъ удобнаго времени, чтобы подойти къ человѣку, отъ котораго зависитъ исполнить просьбу, когда онъ находится въ спокойномъ и хорошемъ расположеніи, и благодаря удачно выбранному времени, получаетъ просимое,—то гораздо болѣе говорящему нужно искать удобнаго времени. Мы должны такъ заботиться другъ о другѣ, какъ заботимся о себѣ самихъ, и щадить ближнихъ такъ же, какъ и насъ Богъ. Подлинно, никто не щадитъ такъ себя самого, какъ всѣхъ насъ щадитъ Богъ, который гораздо болѣе насъ самихъ хочетъ, чтобы мы не потерпѣли никакого зла. Ему подобаетъ слава, держава, честь и поклоненіе, нынѣ и во вѣки вѣковъ. Аминь.

СЛОВО XX.

О гнѣвѣ и ярости.

689 Хочешь ли знать, какое великое зло—гнѣваться? Стань возлѣ дерущихся на площади. Въ себѣ самомъ, когда ты омраченъ и упоенъ гнѣвомъ, ты нелегко можешь видѣть безобразіе, но когда освободишься отъ страсти, тогда скорѣе увидишь свое положеніе. Гнѣвъ кипитъ и клокочетъ въ груди, уста дышутъ огнемъ, глаза испускаютъ пламя, все лицо искажается, безпорядочно вытягиваются руки, ноги смѣшно скачутъ и топчутъ удерживаю-

щихъ, и люди ничѣмъ не отличаются не только отъ бѣснующихся, но даже и дикихъ ословъ, лягая и кусая другихъ,—такъ непристоенъ человѣкъ въ гнѣвѣ. Но, скажешь, сердце кипитъ и 600
терзается отъ обиды. Знаю и я; потому-то и высоко уважаю тѣхъ, кто побѣждаетъ гнѣвъ. Дѣйствительно, если мы захотимъ, намъ можно удержаться отъ этой страсти. Почему, въ самомъ дѣлѣ, когда насъ оскорбляютъ начальники, мы не испытываемъ ея? Потому, что предъ нами стоитъ равносильный этой страсти страхъ. Равнымъ образомъ, почему слуги, которыхъ мы безъ конца оскорбляемъ, сносятъ все молчаливо? Потому, что тѣ же самыя узы лежатъ и на нихъ. Такимъ образомъ, ради людей мы и невыносимое сносимъ, и оскорбляющимъ насъ говоримъ: „такой-то оскорбилъ меня, не ты", а въ отношеніи къ Богу не будемъ имѣть и такого почтенія? Скажемъ же и нашей душѣ: оскорбляетъ насъ теперь Богъ, повелѣвающій молчать; не станемъ отвѣчать бранью, и пусть не будетъ Богъ презрѣннѣе людей. 601
Итакъ, когда кто-нибудь огорчитъ тебя, подумай о своихъ согрѣшеніяхъ противъ Бога, а также о томъ, что своимъ смиреніемъ передъ Нимъ ты сдѣлаешь болѣе милостивымъ судъ, когда долженъ будешь давать отвѣтъ за нихъ. *Отпущайте*, сказано, *и отпустятъ вамъ* (Лук. VI, 37). Кромѣ того подумай и о томъ, не бывало ли случаевъ, когда ты, будучи доведенъ до неистовства, овладѣвалъ собою, и когда слѣпо увлекался страстью, и сравни тѣ и другіе случаи. Когда ты хвалилъ себя? Тогда ли, когда былъ побѣждаемъ, или когда сдерживалъ себя? Въ первомъ случаѣ не проклинаемъ ли мы часто самихъ себя, и не находитъ ли на насъ глубокое раскаяніе и за слова и за дѣла? Между тѣмъ, когда мы сдерживаемъ себя, мы веселимся и радуемся какъ побѣдители. Побѣда надъ гнѣвомъ не въ томъ, чтобы потерпѣвшій или услышавшій обиду отплачивалъ тѣмъ же самымъ,—это было бы крайнимъ пораженіемъ,—а въ томъ, чтобы кротко перенести обиду. Равнымъ образомъ не противься тѣмъ, кто уговариваетъ тебя молчать, и не говори: я не стерплю, чтобы такой-то, насмѣявшись надо мной, такъ и ушелъ. Нѣтъ, не тогда онъ посмѣется надъ тобой, а когда ты станешь препираться съ нимъ; если же онъ и тогда посмѣется, то сдѣлаетъ это какъ безумный. Ты же, когда побѣждаешь, не ищи одобренія отъ безумныхъ, а довольствуйся добрымъ мнѣніемъ разумныхъ; или еще лучше: подними взоръ свой къ Богу, и Онъ похвалитъ тебя; а на кого Богъ съ благоволеніемъ взираетъ, тому не нужно искать чести у людей. Владѣетъ ли кто большими деньгами, или имѣніями, онъ долженъ пользоваться ими какъ пришелецъ, который немного спустя волей или неволей долженъ будетъ оставить ихъ. Оби-

женъ ли кто-нибудь кѣмъ-либо, онъ не долженъ вѣчно гнѣ-
ваться, вѣрнѣе же сказать даже и на недолго: *да не зайдетъ*,
сказано, *солнце въ гнѣвѣ вашемъ* (Ефес. IV, 26). Дѣйствительно,
эта страсть уничтожаетъ цѣлые дома, разрушаетъ старинную
дружбу, причиняетъ непоправимыя несчастія. Итакъ, когда кто-
нибудь оскорбляетъ тебя, смотри не на обидчика, а на движу-
щаго имъ демона, и весь свой гнѣвъ излей на этого послѣдняго,
а того, кто возбуждается имъ, даже пожалѣй. Если, вѣдь, ложь
отъ діавола, то тѣмъ болѣе напрасный гнѣвъ оттуда же. Гнѣ-
ваться нельзя, когда никто не раздражаетъ насъ; испытывать же
похотѣніе, хотя бы предъ нами и не было лица, возбуждающаго
насъ къ этому, неизбѣжно. Когда кто-нибудь оскорбитъ тебя, по-
думай о томъ мученіи, которое онъ испытываетъ, и ты не только
не будешь имѣть гнѣва противъ него, но и прольешь слезы.
Никто, вѣдь, не сердится на страдающихъ лихорадкой или го-
рячкой; напротивъ всѣхъ такого рода больныхъ жалѣютъ и опла-
киваютъ. Но если даже ты хочешь и отомстить, смолчи, и ты
нанесешь обидчику смертельный ударъ; а если ты на оскорбле-
ніе самъ отвѣтишь оскорбленіемъ, то заставишь думать, что ска-
занное относительно тебя справедливо. Въ самомъ дѣлѣ, почему
богатый, когда ему говорятъ, что онъ бѣденъ, смѣется? Потому,
что не признаетъ за собой бѣдности. Слѣдовательно, если мы
будемъ смѣяться надъ оскорбленіями, то представимъ самое луч-
шее доказательство, что не сознаемъ за собою того, что про насъ
говорятъ. Кто-нибудь оскорбилъ тебя? Моли Бога, чтобы Онъ
скорѣе смилостивился надъ нимъ: онъ—братъ твой, членъ твой.
Но, скажешь, онъ черезчуръ оскорбляетъ меня. Тѣмъ больше,
слѣдовательно, будетъ тебѣ награда за это. Потому особенно
692 надо оставлять гнѣвъ на обидчика, что его ранилъ діаволъ. Не
укоряй же его еще и ты, и не повергай вмѣстѣ съ нимъ и са-
мого себя. Въ самомъ дѣлѣ, пока ты стоишь, ты можешь спасти
и его; если же ты и себя повергнешь чрезъ отвѣтное оскорбле-
ніе, то кто послѣ этого подниметъ васъ? Тотъ ли, раненый? Но
лежа онъ не въ состояніи будетъ сдѣлать этого. Или ты, упав-
шій вмѣстѣ съ нимъ? Но какъ же ты, оказавшійся не въ силахъ
помочь себѣ, протянешь руку другому? Того ранилъ діаволъ; не
наноси раны еще и ты, а напротивъ извлеки и прежнюю стрѣлу.
Если мы будемъ такъ обращаться другъ съ другомъ, то вскорѣ же
будемъ всѣ здоровы; а если мы станемъ вооружаться другъ про-
тивъ друга, то ненужно и діавола для нашей погибели. Ты пер-
вый потерпѣлъ зло? Но не потерпѣть зло—несчастіе, а сдѣлать зло.
И не говори: въ томъ нѣтъ никакого зла, если я оскорблю та-
кого-то. Потому самому это и есть великое зло, что оно кажется

совсѣмъ ничтожнымъ; что кажется совсѣмъ ничтожнымъ, легко можетъ оставаться въ пренебреженіи, а что остается въ пренебреженіи, умножается, а умножаясь, становится и неисцѣльнымъ. Итакъ не думай, что ты не дѣлаешь ничего худого, порицая брата. Какъ же въ такомъ случаѣ ты назовешь его братомъ? А если онъ не братъ, то какъ ты можешь говорить: *Отче нашъ*? Вѣдь *нашъ* указываетъ на многихъ лицъ. Тотъ, кто имѣетъ звѣроподобныя и безчеловѣчныя чувства, не можетъ называть отцомъ человѣколюбиваго Бога, такъ какъ не сохраняетъ признаковъ той благости, которая находится въ Небесномъ Отцѣ, а превращаетъ себя въ звѣроподобный видъ и лишается божественнаго благородства. Когда кто-нибудь скачетъ какъ быкъ, лягается какъ оселъ, помнитъ зло какъ верблюдъ, объѣдается какъ медвѣдь, расхищаетъ какъ волкъ, поражаетъ какъ скорпіонъ, коваренъ какъ лиса, похотливъ на женщинъ какъ конь женонеистовый,— то какъ такой человѣкъ можетъ возсылать подобающій сыну гласъ и называть Бога своимъ отцемъ? Чѣмъ нужно назвать такого человѣка? Звѣремъ? Но звѣри страдаютъ какимъ-либо однимъ изъ этихъ пороковъ, а этотъ соединяетъ всѣ, и становится безсмысленнѣе самихъ даже безсмысленныхъ. Въ самомъ дѣлѣ, звѣри, будучи по природѣ свирѣпыми, благодаря человѣческому искусству часто дѣлаются кроткими; этотъ же, будучи человѣкомъ, и превращая свойственную звѣрямъ по природѣ свирѣпость въ противоестественную имъ кротость, какое будетъ имѣть оправданіе, когда естественную свою кротость превращаетъ въ противоестественную свирѣпость? Какое будетъ имѣть оправданіе, когда свирѣпаго по природѣ звѣря дѣлаетъ кроткимъ, а себя, кроткаго по природѣ, дѣлаетъ свирѣпымъ, льва укрощаетъ и дѣлаетъ ручнымъ, а собственный свой духъ дѣлаетъ свирѣпѣе льва? Льва усмиряетъ и дѣлаетъ человѣкомъ, а самъ о себѣ, дѣлаясь изъ человѣка львомъ, пренебрегаетъ; того надѣляетъ сверхприродными свойствами, а себѣ не доставляетъ и того, что требуется природой. Если ничто такъ не уподобляетъ Богу, какъ то, когда обижаемый прощаетъ обидчикамъ, то какого наказанія будутъ достойны тѣ, которые послѣ всего этого не только не прощаютъ врагамъ, но даже молятся Богу объ отмщеніи имъ и обращаются съ просьбами противъ нихъ. Какую же послѣ этого могутъ они имѣть надежду на спасеніе, когда даже и въ тотъ самый часъ, когда нужно Его умилостивлять, они только раздражаютъ Его, принимая на себя видъ молящагося о прощеніи, а 693
на самомъ дѣлѣ испуская вопли звѣря, и изощряя противъ себя же самихъ стрѣлы лукаваго? Въ самомъ дѣлѣ, если ты даже и въ то время, когда нуждаешься въ милосердіи, не оставляешь

гнѣва, но полонъ мыслью о немъ, и притомъ зная, что точишь мечъ противъ себя же самого, то можешь ли ты когда-нибудь стать человѣколюбивымъ? Ты потерпѣлъ обиду, и хочешь отомстить тому, кто тебѣ нанесъ ее? Сдѣлай ему добро, и ты отомстилъ. Если ты станешь вымещать ему, то всѣ будутъ одинаково порицать и тебя и его; если же ты снесешь обиду, то тебя будутъ одобрять и хвалить, а его порицать. Для врага же можетъ ли быть болѣе горькая обида, какъ видѣть, что врага его всѣ уважаютъ и хвалятъ, а его самого всѣ безчестятъ на глазахъ же врага? Гнѣвъ есть звѣрь, который легко выскакиваетъ, почему намъ и нужны безчисленныя преграды и препоны, чтобы укротить и удержать его. Вотъ почему Богъ эту именно часть нашего тѣла и устроилъ изъ костей, какъ бы изъ какихъ-то камней, давъ ей твердую опору, чтобы онъ какъ-нибудь не разорвалъ и не сокрушилъ ее, и чрезъ то не причинилъ гибели всему существу. Гнѣвъ, какъ говорится, есть огонь и великая буря; и никакая другая часть нашего тѣла не въ состояніи была бы выдержать его силы. Не такъ левъ можетъ растерзать наши внутренности, какъ гнѣвъ, постоянно подстерегая насъ, губитъ все своими желѣзными когтями, потому что онъ не только причиняетъ вредъ тѣлу, но губитъ и здравіе самой души. Поэтому, когда кто-нибудь придетъ и скажетъ тебѣ, что такой-то оскорбилъ тебя и постоянно предъ всѣми злословитъ тебя, похвали предъ пришедшими оскорбившаго тебя; и, какъ бы послѣдніе ни были безстыдны, они похвалятъ тебя и проникнутся уваженіемъ къ тебѣ, а того станутъ презирать, считая его хуже всякаго звѣря, за то, что онъ, не будучи ничѣмъ обиженъ, огорчилъ тебя, а ты, даже и потерпѣвъ обиду, отплатилъ ему обратнымъ. Кромѣ того, ты можешь этимъ самымъ доказать, что и все сказанное про тебя— пустая ложь. Если оскорбляемый раздражается, то этимъ самымъ даетъ доказательство, что онъ сознаетъ за собой то, что̀ про него говорятъ; если же онъ смѣется, то освобождаетъ себя въ глазахъ присутствующихъ отъ всякаго подозрѣнія. Если же ты желаешь и отомстить обидчику, то и это будетъ достигнуто съ полнымъ успѣхомъ, такъ какъ и Богъ накажетъ его за его слова, а раньше еще этого наказанія и твое любомудріе будетъ для него какъ бы смертельнымъ ударомъ. Ничто, вѣдь, обычно такъ не досаждаетъ оскорбляющимъ насъ, какъ если мы смѣемся надъ наносимыми намъ оскорбленіями. Когда ты на оскорбленіе отвѣтишь оскорбленіемъ же, ты потерпишь пораженіе, будучи движимъ не человѣкомъ, но что̀ гораздо постыднѣе—низкой страстью, гнѣвомъ; если же ты смолчишь, то одержишь побѣду и безъ труда воздвигнешь трофей, тысячи людей будутъ прославлять тебя и осуждать

ложь злорѣчія. Кто отвѣчаетъ на оскорбленіе, представляется отвѣчающимъ по чувству раздраженія, а кто раздражается, тотъ заставляетъ подозрѣвать, что онъ сознаетъ за собой то, что ему говорятъ; между тѣмъ если ты посмѣешься, то своимъ смѣхомъ уничтожишь и приговоръ надъ собою, и причинишь гораздо больше досады оскорбившему тебя, который не такъ радуется тому, что не подвергается оскорбленію, какъ досадуетъ на то, что не можетъ уязвить тебя. Если, такимъ образомъ, ты лишишь его того, чего онъ болѣе всего желаетъ, то лишишь его всего, совершенно уничтожишь его и покажешь достойнымъ презрѣнія. Подлинно, не такъ побѣда надъ врагами дѣлаетъ славными царей, какъ побѣда надъ яростью и гнѣвомъ. Тамъ дѣло совер- 694
шаютъ оружіе и воины, а здѣсь исключительно только твоя побѣда; тамъ побѣду вмѣстѣ съ тобой раздѣляютъ и другіе, а здѣсь ты одинъ воздвигаешь трофей. Итакъ, когда кто-нибудь оскорбитъ тебя, мужественно перенеси обиду, потому что онъ обидѣлъ себя самого, а не тебя. Если кто-нибудь ударитъ тебя въ десницу, не противься, потому что онъ самъ терпитъ пораженіе, тебя поражая рукою, а себя самого гнѣвомъ, и пріобрѣтая у всѣхъ дурную славу. Если же тебѣ кажется это тяжкимъ, то подумай о томъ, кого бы ты назвалъ терпящимъ зло, если бы какой-нибудь сумасшедшій изорвалъ всю твою одежду, — тебя ли, пострадавшаго, или того, который сдѣлалъ это? Очевидно, что этого послѣдняго. Если же здѣсь, когда у тебя разрывается одежда, дѣлающій это терпитъ болѣе тяжкое зло, нежели потерпѣвшій, то, когда разрывается сердце (что̀ дѣлаетъ гнѣвъ), не признаешь ли ты, что гнѣвающійся терпитъ гораздо большее зло, нежели ты, который не терпишь ничего рѣшительно. Если не слѣдуетъ воздавать зломъ за зло, то тѣмъ болѣе зломъ за добро, равно какъ воздавать зломъ, когда напередъ намъ не было оказано зла. Но такой-то, скажешь, негодяй, огорчилъ меня, и причинилъ мнѣ много обидъ. Хочешь ему отомстить? Не отплачивай ему, оставь безъ отмщенія, поблагодари его. Это будетъ дѣйствительно месть, которая и ему принесетъ вредъ, и тебѣ пользу, потому что отъ такой мести рождается радость. Въ самомъ дѣлѣ, когда мы имѣемъ такую душу, что никому не мстимъ, а всѣмъ только благодѣтельствуемъ, то, скажи мнѣ, откуда можетъ проникнуть въ нее жало печали? Кто до такой степени радъ терпѣть зло, что платитъ причинившему его даже благодѣяніями, тотъ какъ можетъ уже печалиться? Въ самомъ дѣлѣ, скажи мнѣ, какое зло потерпѣлъ ты? Болѣзнь постигла? Но въ этомъ нѣтъ ничего страннаго, потому что тѣло наше смертно и подвержено страданію. Или крайній недостатокъ денегъ? Но и деньги могутъ прі-

обрѣтаться и теряться, и остаются здѣсь. Или козни и клеветы? Но и отъ нихъ не мы терпимъ вредъ, а тѣ, кто были ихъ виновниками: *душа*, сказано, *согрѣшающая, та* и *умретъ* (Іезек. xviii, 20); грѣшитъ не тотъ, кто терпитъ зло, а тотъ, кто дѣлаетъ зло. Итакъ, возлюбленные, ни о чемъ такъ не будемъ стараться, какъ о томъ, чтобы быть свободными отъ гнѣва и примирять съ собою тѣхъ, кто враждебно относится къ намъ, зная, что ни молитва, ни милостыня, ни постъ, ни пріобщеніе таинствамъ, ни другое что подобное, не въ состояніи будетъ защитить насъ въ день суда, если мы будемъ помнить зло. Не погрѣшитъ поэтому тотъ, кто назоветъ этотъ грѣхъ тягчайшимъ всякаго грѣха. Ничего такъ не ненавидитъ и не отвращается Богъ, какъ человѣка злопамятнаго и хранящаго гнѣвъ. Да и какъ ты можешь желать, чтобы Богъ былъ кротокъ и милостивъ къ тебѣ, когда самъ ты остаешься жестокъ и безжалостенъ къ сорабу? Но тебя оскорбилъ сорабъ твой? И ты часто оскорбляешь Бога; но какое же равенство между сорабомъ и господиномъ? При томъ, тотъ оскорбилъ тебя можетъ быть въ припадкѣ страсти, будучи обиженъ и раздраженъ; между тѣмъ ты оскорбляешь Бога, не потерпѣвъ отъ Него никакого зла, ни обиды, а напротивъ получая отъ Него каждый день благодѣянія. Какое же мы будемъ имѣть оправданіе или прощеніе? Итакъ подумай, что, если Богъ захочетъ со всей строгостью разсудить наши поступки противъ Него, мы не проживемъ и одного дня. *Аще*, говорится, *беззаконія назриши, Господи, Господи, кто постоитъ* (Псал. cxxix, 3)? Твоя слава во вѣки вѣковъ. Аминь.

СЛОВО XXI.

О начальствѣ, власти и славѣ.

695 Разсказываютъ, что блаженный Константинъ, когда однажды была разбита его статуя, и многіе подстрекали его отмстить и наказать оскорбителей, говоря, что они изранили камнями все его лицо, пощупавъ своей рукой лицо и слегка улыбнувшись, сказалъ: „я нигдѣ не вижу на лицѣ слѣдовъ ударовъ, напротивъ и голова цѣла, и все лицо невредимо“, и такимъ образомъ посрамивъ и пристыдивъ ихъ, заставилъ отказаться отъ такого пагубнаго совѣта. Если же благодаря этимъ словамъ онъ у людей получилъ такую славу, то какія же блага получитъ онъ отъ человѣколюбца Бога? Истинно тотъ царь, кто властвуетъ надъ

гнѣвомъ, надъ завистью и удовольствіемъ, и все подчиняетъ законамъ Божіимъ, и, сохраняя умъ свободнымъ, не дозволяетъ утверждаться въ душѣ власти удовольствій; такого человѣка я охотно желалъ бы видѣть владыкой земли и моря, городовъ, народовъ и войскъ. Въ самомъ дѣлѣ, кто поставилъ разумъ начальникомъ надъ страстями души, тотъ легко сталъ бы начальствовать и надъ людьми согласно законамъ Божіимъ, такъ что былъ бы для подчиненныхъ наподобіе отца, обходясь съ гражданами со всякой кротостью. Тотъ же, кто начальствуетъ повидимому надъ людьми, а самъ рабствуетъ гнѣву, властолюбію и удовольствіямъ, во-первыхъ можетъ показаться смѣшнымъ для подчиненныхъ, что носитъ золотой и украшенный драгоцѣнными камнями вѣнецъ, а благоразуміемъ не увѣнчанъ, что все тѣло его блистаетъ порфирой, а душа остается неукрашенной; а во-вторыхъ, онъ не будетъ знать и того, какъ распоряжаться властью, потому что тотъ, кто оказался не въ состояніи управлять собою, какъ сможетъ исправлять другихъ законами? Будемъ стремиться не къ тому, чтобы пользоваться почестями и властью, а къ тому, чтобы пребывать въ добродѣтели и любомудріи. Сила и власть побуждаютъ дѣлать многое неугодное Богу; и нужна очень мужественная душа, чтобы понадлежащему воспользоваться данной честью, славой и властью. Тотъ, кто лишенъ высокаго достоинства, и невольно любомудрствуетъ; тотъ же, кто пользуется имъ, испытываетъ нѣчто подобное тому, какъ если бы кто-нибудь, живя вмѣстѣ съ благовидной и красивой дѣвицей, положилъ себѣ за правило никогда не смотрѣть на нее нескромнымъ окомъ. Таково свойство власти. Вотъ почему даже невольно она побуждаетъ многихъ къ нанесенію обидъ, воспламеняетъ гнѣвъ, снимаетъ узду съ языка, открываетъ дверь устамъ, обуревая душу какъ бы вѣтромъ, и погружая ладью въ самую глубину золъ. Величіе чести для людей, не старающихся жить достойно этой чести, служитъ къ увеличенію наказанія. Извѣстность и успѣхъ среди народа, чѣмъ болѣе славнымъ дѣлаютъ человѣка, тѣмъ болѣе представляютъ опасностей и заботъ, потому что такой человѣкъ не можетъ даже остановиться и вздохнуть, имѣя столь жестокаго и тяжкаго господина. Да что я говорю: остановиться и вздохнуть? Хотя бы такой человѣкъ имѣлъ тысячи добрыхъ дѣлъ, онъ съ трудомъ входитъ въ царствіе небесное, потому что ничто такъ обычно не надмеваетъ людей, какъ слава толпы. Переносить безчестіе—великое и благородное дѣло; но для обладанія славою требуется мужественная и весьма великая душа, чтобы пользующійся славой не возгордился. Если хочешь получить 693
славу, отвергай славу; если же будешь гнаться за славой, поте-

ряешь славу. Эта слава—тѣнь настоящей славы. Видя нарисованный хлѣбъ, никто не схватится за изображеніе, какъ бы ни былъ томимъ голодомъ. Итакъ, тѣ, кто говорятъ, что они получили все въ настоящемъ, совершенно всего лишаютъ себя въ будущемъ. Такъ и Адамъ вслѣдствіе надежды на большую честь лишился и той, которую имѣлъ. И многіе, желая большаго, часто губятъ и то, что у нихъ есть, и надѣясь обладать всѣми здѣшними благами, лишаются и части ихъ. Чѣмъ выше и блестящѣе бываетъ успѣхъ въ дѣлахъ человѣческихъ, тѣмъ большее готовитъ онъ паденіе; и такъ бываетъ не только съ подчиненными, но и съ самими царями; и частный домъ не бываетъ исполненъ столькими бѣдствіями, сколькихъ золъ полонъ царскій дворецъ. Потому ли, скажи мнѣ, завидуешь ты ближнему, что видишь, какъ онъ пользуется почетомъ и большою славой? А не помышляешь ты о томъ, какъ они скоротечны, и сколько зла раждается отсюда? Но что̀ еще того тяжелѣе, это то, что происходящія отъ нихъ бѣдствія остаются вѣчно, между тѣмъ какъ удовольствіе не успѣетъ еще и явиться, какъ уже исчезаетъ. Онъ имѣетъ большую силу у государя, разоряетъ и грабитъ все, гдѣ только хочетъ, угнетаетъ враговъ и благодѣтельствуетъ льстецамъ, можетъ дѣлать все? Но какое же зло можетъ онъ причинить? Лишить достоинства? Но что же въ томъ? Если справедливо, то онъ даже приноситъ пользу, потому что ничто такъ не раздражаетъ Бога, какъ незаслуженное пользованіе почестями; если же несправедливо, то опять вина падаетъ на него, а не на обиженнаго: тотъ, кто терпитъ что-нибудь несправедливо, и мужественно переноситъ обиду, пріобрѣтаетъ чрезъ это большее дерзновеніе предъ Богомъ. Тотъ, кто покоряется властямъ, не властямъ покоряется, а повинуется Богу, установившему ихъ; и кто не повинуется имъ, тотъ противится Богу. *Нѣсть бо власть, говорится, аще не отъ Бога* (Рим. XIII, 1). То, что существуютъ власти, и одни начальствуютъ, другіе находятся въ подчиненіи, а не идетъ все безъ порядку и разбору, и народы не мечутся какъ безпорядочныя волны,—есть дѣло мудрости Божіей. Потому Богъ строго и караетъ за пренебреженіе къ нимъ. Если ты не станешь повиноваться имъ, Онъ подвергнетъ тебя не какому-нибудь ничтожному наказанію, а весьма тяжкому; и ничто не избавитъ тебя, если ты станешь прекословить, но и у людей ты потерпишь тягчайшее наказаніе, и Бога прогнѣвишь чрезмѣрно. Подобно тому какъ, если ты отставишь кормчаго отъ корабля, ты потопишь корабль, или если отнимешь вождя у войска, предашь воиновъ въ руки врагамъ, такъ точно если ты уничтожишь начальниковъ въ городахъ, мы будемъ проводить жизнь безпорядочнѣе звѣрей нера-

зумныхъ. Чтò связи брусьевъ въ домахъ, тò и начальники въ государствахъ. Когда начальникъ безупреченъ во всемъ, тогда онъ можетъ какъ угодно и наказывать и миловать всѣхъ под- 697
чиненныхъ, потому что не наказать виновныхъ и помиловать тѣхъ, кто совершилъ не заслуживающее никакого снисхожденія преступленіе, свойственно развѣ лишь одному — другому человѣку, и въ особенности когда оскорбленію подвергается царь. Легко подчинить себѣ гражданъ страхомъ; но сдѣлать всѣхъ своими приверженцами и заставить искренно быть расположенными къ власти—дѣло трудное; и сколько бы иной ни потратилъ денегъ, сколько бы ни поднялъ войскъ, что бы ни сдѣлалъ и другое, онъ не легко можетъ привлечь къ себѣ расположеніе такого множества людей. Ничто такъ не показываетъ съ хорошей стороны начальника, какъ попеченіе о подчиненныхъ. И отцомъ, вѣдь, дѣлаетъ не только одно рожденіе, но и любовь послѣ рожденія. Если же тамъ, гдѣ природа, требуется любовь, то гораздо болѣе (требуется она) тамъ, гдѣ доброе расположеніе. Поистинѣ, власть священства больше власти царской, и постольку больше, поскольку царю ввѣрены тѣла, а священнику души. Одинъ разрѣшаетъ долги денежные, другой—долги грѣховъ; первый дѣйствуетъ принужденіемъ, второй — увѣщаніемъ; первый владѣетъ оружіемъ чувственнымъ, второй — духовнымъ; первый ведетъ войну съ варварами, второй—съ демонами. Вотъ почему и въ ветхомъ завѣтѣ священники помазывали царей, и теперь Богъ подклоняетъ главу ихъ подъ руки священника, научая насъ, что послѣдній владѣетъ большей властью, нежели царь, такъ какъ *меньшее отъ большаго благословляется* (Евр. vii, 7). Нѣкогда Озія царь вошелъ въ храмъ Господень, желая воскурить ѳиміамъ; въ слѣдъ за нимъ вошелъ и Азарія іерей, чтобы изгнать его отсюда не какъ царя, а какъ бѣглаго и неблагодарнаго раба; устремился за нимъ со всею смѣлостью, какъ отважный песъ бросившись на нечистаго звѣря, чтобы выгнать его изъ дома Господня. Не посмотрѣлъ онъ на все величіе власти, не слышалъ Соломона, говорящаго: *царево прещеніе подобно рыканію львову* (Притч. xix, 12), а обративъ взоръ къ истинному Царю небесному и укрѣпившись страхомъ Его, напалъ на тирана. Впрочемъ войдемъ, если угодно, и мы, чтобы видѣть, чтò онъ говоритъ царю. *Нѣсть твое*, говоритъ, *Озіе, да кадиши ѳиміамомъ Господеви* (2 Парал. xxvi, 18). Не назвалъ его царемъ, такъ какъ онъ самъ себя лишилъ уже этого достоинства, такъ какъ тотъ, кто дѣлаетъ грѣхъ, есть рабъ, хотя бы имѣлъ на главѣ своей тысячи вѣнцовъ, тотъ же, кто творитъ правду, хотя бы былъ самымъ послѣднимъ изъ людей, и самого царя царственнѣе. И слушай,

что я скажу. Нужно было нѣкогда поставить іудеямъ царя, такъ какъ прежде бывшій оказался недостоинъ царства. И вотъ посылается Самуилъ къ Іессею и говоритъ: меня послалъ Богъ, чтобы одного изъ сыновей твоихъ поставить въ цари. Услышавъ о царѣ, Іессей приводитъ перваго сына, считая его способнымъ получить это достоинство. Уведи его, говоритъ Самуилъ, не избралъ его Богъ. Приводитъ второго; и не этотъ. Приводитъ третьяго; и не этотъ. Приводитъ четвертаго, пятаго, шестого; и это не тѣ. Кончился ликъ дѣтей, а искомаго не обрѣталось. Есть у тебя, говоритъ ему Самуилъ, еще сынъ? Устыдился отецъ. Есть, говоритъ, еще одинъ, малый, не стоющій вниманія, пастухъ. Что же? Ты хочешь поставить царя и меньшаго считаешь лучшимъ лучшаго? Человѣкъ человѣка уничижаетъ, а Богъ вѣнчаетъ: *понеже не какъ зритъ человѣкъ, зритъ Богъ: человѣкъ на лице, Богъ же на сердце* (1 Цар. xvi, 7). Развѣ мы ищемъ тѣлеснаго дородства? Благородства души желаемъ мы. Но почему же Богъ не сказалъ
698 опредѣленно: пойди, и помажь Мнѣ въ цари Давида, но: одного изъ сыновей Іессеевыхъ? Чтобы Давидъ не потерпѣлъ того же, что случилось съ Іосифомъ. Подобно тому какъ братья послѣдняго, узнавъ, что онъ предназначался въ цари, умыслили противъ него зло, такъ точно должно было опасаться, чтобы и братья Давида не сдѣлали того же. Такимъ образомъ неизвѣстность стала для Давида матерью безопасности. Итакъ, приходитъ Давидъ, помазуется елеемъ, и уходитъ облеченный царскою властію, будучи защищаемъ не бронею, не щитомъ и копьемъ, а благоволеніемъ Божіимъ, могущественнѣйшимъ всего. И вотъ, побуждаемый войною, пошелъ онъ посмотрѣть сраженіе, и нашелъ иноплеменника, который вызывалъ на единоборство, и никто не осмѣливался выйти и сразиться съ нимъ. Тогда сталъ онъ и говоритъ: *кто есть необрѣзанный сей, иже поноситъ полку Бога живаго* (1 Цар. xvii, 26)? И говорятъ ему: откуда у тебя такое высокомѣріе? Нѣтъ, отвѣчаетъ онъ, не высокомѣріемъ, а вѣрою, не броней, а благочестіемъ вооруженъ я; я смотрю не на ростъ его, а на скудость ума, гляжу не на то, что великъ корабль, а на то, что у него нѣтъ кормчаго. Что же братья? Опять злоба, опять зависть. *Кому оставилъ еси малыя овцы оны?* Мы знаемъ *гордость и злобу сердца твоего, яко видѣнія ради брани пришелъ еси* (1 Цар. xvii, 28). Онъ же, подрѣзая нарывъ, отошелъ отъ нихъ, и перейдя въ другое мѣсто битвы, говоритъ: что будетъ человѣку, который сниметъ съ него голову? Тѣ приводятъ его къ царю. Видя предъ собою упавшаго духомъ царя, объятаго страхомъ и трепетомъ, Давидъ говоритъ ему: зачѣмъ опечалилось лице господина моего? И такимъ образомъ благовременно объяв-

ляетъ о рабской своей преданности. Кто этотъ? Иль я не пойду и не сниму съ него голову? Что же царь? Какъ, говоритъ, можешь ты сразиться съ нимъ, когда ты еще малый отрокъ, а онъ воинъ отъ юности своей? Не вѣритъ царь; Давидъ вынуждается разсказать о своихъ подвигахъ. Я, говоритъ, былъ малымъ отрокомъ, пасшимъ овецъ отца своего, *и егда прихождаше левъ или медвѣдица, и восхищаше овцу отъ стада* моего, *вслѣдъ* ихъ *исхождахъ, и исторгахъ изъ устъ* ихъ, и поражалъ *льва и медвѣдицу, и будетъ сей яко единъ отъ* звѣрей тѣхъ, *понеже уничижи полкъ Бога жива. И рече Саулъ къ Давиду: иди, и Господь съ тобою* (1 Цар. XVII. 34—37). Царь далъ ему свое оружіе, но тотъ не могъ носить его. Почему? Богъ не попустилъ этого, чтобы доля побѣднаго подвига не отнесена была къ оружію, чтобы царь не сказалъ: мое оружіе побѣдило. Итакъ Давидъ бросаетъ оружіе и облекается вѣрой; мечетъ камень; и палъ иноплеменникъ. Не силой тѣла, а силой духа стяжалъ онъ побѣду. Затѣмъ онъ подбѣжалъ, взялъ его мечъ, и отсѣкъ ему голову. И исполнилось слово писанія: *въ дѣлѣхъ руку своею увязе грѣшникъ* (Псал. IX, 17).

Итакъ, если ты любишь славу и честь, то старайся украшать не домъ, не коня, а свою душу,—между тѣмъ какъ теперь не можетъ быть ничего презрѣннѣе тебя, когда душа твоя пуста, а ты выставляешь на видъ красоту дома или коня. Но и то, и другое, скажешь, есть у меня? Что ты говоришь? Ужели ты не боишься произносить такія слова и ставить Христа на ряду съ лошадьми и камнями? Иль ты не знаешь, что Онъ и тѣло создалъ, и душу даровалъ, и весь міръ предоставилъ тебѣ? А ты не воздаешь Ему за это и малой благодарности? Если ты отдашь въ 699
наемъ даже маленькій домишко, то со всей строгостью требуешь платы; между тѣмъ пользуясь всѣмъ Его твореніемъ, и живя въ такомъ благоустроенномъ мірѣ, не хочешь отплатить и малой благодарностью? Можешь ли ты заслуживать какого-либо извиненія? Подобно тому какъ человѣкъ, бросающій камень вверхъ, не можетъ ни разсѣчь сводъ небесный, ни достигнуть его вышины, а принимаетъ ударъ собственной же своей головой, такъ какъ камень падаетъ обратно на бросающаго, такъ точно и хулящій блаженное существо Божіе никогда не причинитъ ему никакого ущерба, поскольку оно гораздо больше и выше того, чтобы потерпѣть какой-либо вредъ, а точитъ мечъ на свою же собственную голову, оказываясь неблагодарнымъ къ своему благодѣтелю. Да слышатъ тѣ, которые съ излишнимъ любопытствомъ изслѣдуютъ блаженную сущность Божества и утверждаютъ, что непостижимая эта природа постижима, чтобы знать, что человѣку невозможно видѣть безъ опасности даже и существо ангела.

Святой пророкъ Даніилъ, другъ Божій, имѣвшій великое дерзновеніе предъ Богомъ, постился три седмицы дней, желаннаго хлѣба не ѣлъ, мясо и вино не входило въ уста его, и мастями не умащалъ себя; и когда душа его, ставъ благодаря посту болѣе легкою и духовною, сдѣлалась болѣе способною къ воспріятію такого видѣнія, тогда онъ увидѣлъ ангела, и сказалъ: *обратися утроба моя въ видѣніи* моемъ, *и дыханіе не оста во мнѣ* ни *крѣпость, и слава моя обратися въ разсыпаніе* (Дан. х, 16—17, 8). Такъ какъ онъ былъ благообразнымъ юношей, а страхъ присутствія ангела сдѣлалъ его похожимъ на умирающаго, разливъ по лицу страшную блѣдность, уничтоживъ румянецъ юности, и совершенно истребивъ здоровый цвѣтъ лица, то онъ и говоритъ: *слава моя обратися въ разсыпаніе.* Итакъ, ангелъ поднялъ его, и онъ всталъ съ трепетомъ; но когда ангелъ началъ говорить съ нимъ, онъ опять палъ на землю. И какъ пораженные страхомъ, послѣ того какъ выйдутъ изъ оцѣпенѣнія, придутъ въ себя и очнутся, когда еще мы держимъ ихъ и спрыскиваемъ лицо ихъ холодной водою, часто умираютъ на самыхъ нашихъ рукахъ, такъ и пророкъ испыталъ нѣчто подобное. Пораженная страхомъ душа его, не вынося зрѣлища присутствія сораба, и не въ состояніи будучи сносить этотъ свѣтъ, находилась въ смятеніи, спѣша освободиться, какъ бы отъ какихъ цѣпей, отъ узъ плоти; но тотъ удержалъ ее. Если же Даніилъ, предъ которымъ львы потупили взоръ свой, Даніилъ, который въ человѣческомъ тѣлѣ могъ совершать сверхчеловѣческія дѣла, который прославленъ мудростію, праведностью и многими другими добродѣтелями, не вынесъ присутствія сораба, а палъ бездыханнымъ, то что же потерпятъ тѣ, которые, будучи такъ далеки отъ добродѣтели этого праведника, излишне любопытствуютъ о Владыкѣ ангеловъ, мечтая узнать со всею точностью самое Его существо, это высочайшее и первое существо, произведшее миріады тѣхъ ангеловъ, одного изъ коихъ не въ силахъ былъ видѣть Даніилъ? Подобно тому какъ неприступные солнечные лучи не такъ знаетъ слѣпой, какъ обладающій зрѣніемъ, такъ точно и непостижимое естество Божіе не
700 такъ знаемъ мы, какъ ангельскія силы, поскольку онѣ чище, мудрѣе и проницательнѣе человѣческой природы. Насколько различается слѣпой отъ зрячаго, настолько же и мы отъ нихъ. Поэтому, когда ты слышишь пророка, который говоритъ: *видѣхъ Господа* (Иса. vi, 1), то разумѣй не то̀, что онъ видѣлъ самую сущность, а нѣкоторое снисхожденіе, и при томъ болѣе прикровеннымъ образомъ, нежели горнія силы. Это ясно видно и изъ примѣра апостоловъ. *Взыде*, говорится, *на гору* Іисусъ, *и преобразися предъ ними* (Лук. ix, 28; Мѳ. xvii, 2). Что значитъ *пре-*

образися? Нѣсколько пріоткрылъ божество и показалъ имъ обитающаго въ Немъ Бога. *И просвѣтися лице Его яко солнце*, и *ризы Его быша бѣлы яко свѣтъ*. Евангелистъ хотѣлъ показать Его сіяніе, и говоритъ: *просвѣтися*. Какъ *просвѣтися*? Весьма сильно. Но какъ же, скажи мнѣ? *Яко солнце. Яко солнце*, говоришь? Да! Почему же? Потому что я не знаю другого столь свѣтлаго и яснаго свѣтила. Онъ былъ свѣтелъ и бѣлъ какъ снѣгъ; не знаю другого, болѣе бѣлаго, вещества. А что Онъ не такъ сіялъ, это видно изъ дальнѣйшаго. *И падоша* на землю *ученицы* (ст. 6). Если бы Онъ сіялъ какъ солнце, ученики не пали бы на землю, потому что солнце они видѣли ежедневно, и не падали; но такъ какъ Онъ сіялъ свѣтлѣе солнца и ярче снѣга, то, не вынося такого сіянія, они и пали ницъ. Но что мнѣ дѣлать? Я человѣкъ и съ людьми говорю; глинянымъ владѣю языкомъ. Прощенія прошу у Владыки, такъ какъ не по дерзости пользуюсь такими словами, а по скудости и слабости нашего языка. Будь милостивъ, Владыка, такъ какъ произношу эти слова не отъ гордости, а не имѣю другихъ, и при томъ не останавливаюсь на низменности словъ, а воспаряю ввысь на крыльяхъ мысли. Для того мы и это сказали, равно какъ сообщали исторію и относительно блаженнаго Даніила, и долго говорили о томъ, какъ онъ цѣпенѣлъ, трепеталъ, и былъ въ положеніи ничѣмъ не лучше умирающихъ, когда душа стремилась освободиться отъ узъ плоти, чтобы вы, признающіе Бога постижимымъ, съ полною очевидностью знали, что невозможно вынести не только видѣнія Бога, но даже и ангела. Какъ кроткій ручной голубь, живущій въ клѣткѣ, когда чувствуетъ какой-нибудь страхъ, въ испугѣ летитъ къ верху и ищетъ какого-нибудь выхода черезъ дверцы, желая освободиться отъ страха, такъ точно и душа этого блаженнаго спѣшила тогда выйти изъ тѣла и рвалась вонъ. И она вышла бы и улетѣла и совершенно покинула бы тѣло, если бы ангелъ не поспѣшилъ тотчасъ же освободить ее отъ страха и возвратить опять въ свое обиталище. Если же этотъ праведникъ, имѣвшій такое дерзновеніе, не вынесъ видѣнія ангела, то что же будетъ съ тѣми, которые, такъ далеко уступая ему, излишне любопытствуютъ не объ ангелѣ даже, а о самомъ Владыкѣ ангеловъ? Онъ укротилъ ярость львовъ, а мы не можемъ преодолѣть и лисицъ; онъ сокрушилъ самого дракона, а мы и простыхъ змѣй боимся. И если столь великій и доблестный мужъ, увидѣвъ явившагося ему ангела, впалъ въ тяжкое умопомраченіе, то какое извиненіе будутъ имѣть тѣ, кто пытается проникнуть въ саму блаженную природу Божества? Вотъ почему и Павелъ въ изумленіи говорилъ: *о, глубина богат-* 701
ства и премудрости и разума Божія! Яко неиспытани судове Его, и

неизслѣдовани путіе Его (Рим. xi, 33). Не сказалъ: непостижимы, а: *неиспытани.* Если же ихъ нельзя испытать, то тѣмъ болѣе невозможно постичь. *И неизслѣдовани путіе Его.* Пути Его неизслѣдимы, а самъ Онъ, скажи мнѣ, постижимъ? Что ты говоришь? Судьбы Его неисповѣдимы, пути Его неизслѣдимы, блага, которыя уготовалъ Онъ любящимъ Его, на сердце человѣку не всхо-
702 дили, величіе Его безпредѣльно, разуму Его нѣтъ числа, все непостижимо, и только самъ Онъ постижимъ? Не чрезмѣрное ли это безуміе? И кто не восплачетъ о васъ въ виду такого сумасшествія и крайняго безумія? Постараемся же, возлюбленные, по мѣрѣ силъ отвергнуть его отъ себя, представляя всегда предъ очами нашими Павла, восклицающаго въ изумленіи: *яко неиспытани судове Его, и неизслѣдовани путіе Его!* Ему слава во вѣки. Аминь.

СЛОВО XXII.

О терпѣніи и великодушіи.

701 Если угодно, предложимъ вамъ, возлюбленные, въ качествѣ увѣщанія къ терпѣнію доблестные подвиги праведнаго Іова. Этотъ самый праведникъ, стяжавшій себѣ великую славу, всѣми высокоуважаемый, имя котораго всюду пользовалось большою извѣстностью, неожиданно впавши въ безчестіе и общее презрѣніе, велъ борьбу и съ бѣдностью, и съ болѣзнью, съ потерей дѣтей, съ нападками враговъ и неблагодарностью друзей, съ голодомъ и тѣлесными страданіями, съ злословіемъ и клеветою; и что всего тяжелѣе,—эти бѣдствія обрушились на него, когда онъ и не помышлялъ о нихъ. Въ самомъ дѣлѣ, тотъ, кто родился отъ бѣдныхъ родителей и получилъ воспитаніе въ бѣдномъ домѣ, легко можетъ вынести бремя бѣдности, какъ человѣкъ уже пріученный и привыкшій къ этому; но кто изобилуетъ громадными средствами и владѣетъ большимъ богатствомъ, и потомъ неожиданно впадаетъ въ бѣдность, тому не легко потерпѣть такую перемѣну. Равнымъ образомъ и при потерѣ дѣтей, хотя бы кто лишился и всѣхъ ихъ, но не въ одно время, находитъ утѣшеніе въ своемъ горѣ по умершимъ въ остающихся; и когда скорбь о раньше умершихъ утихнетъ, если и приключится спустя нѣкоторое время смерть другихъ дѣтей, горе не чувствуется уже съ такою остротою: оно падаетъ не на свѣжую рану, а на затянувшуюся уже и залѣченную; а это значительно уменьшаетъ боль. Между тѣмъ

у этого праведника вся семья была истреблена на его глазахъ въ одно мгновеніе, и при томъ самымъ жестокимъ образомъ, во время пира, въ домѣ, открытомъ для странниковъ; домъ сталъ для нихъ гробомъ. Кто также можетъ изобразить тотъ необычайный и не поддающійся описанію голодъ, и добровольный и невольный? Право, я не знаю, какъ его и назвать. Добровольнымъ? Но ему хотѣлось вкушать лежавшую предъ нимъ пищу. Невольнымъ? Но пища была предъ нимъ, и никто не препятствовалъ ему, а между тѣмъ онъ воздерживался отъ предложенной трапезы, и, видя предъ собою яства, не прикасался къ нимъ. Зловоніе, исходившее изъ ранъ, покрывавшихъ тѣло, уничтожало желаніе, и самую пищу дѣлало отвратительной. *Смрадъ бо зрю*, говоритъ, *брашна моя* (Іов. VI, 7). Томящій голодъ заставлялъ браться за пищу, но чрезмѣрное зловоніе, исходившее отъ тѣла, побѣждало силу голода. Какъ изображу я его страданія, источники червей, потоки гноя, поношенія друзей, презрительное обхожденіе слугъ? Слуги мои, говоритъ, не пощадили лица моего отъ заплеваній, и тѣ, которыхъ я не считалъ достойными псовъ стадъ моихъ, нынѣ смѣются надо мною, и даютъ мнѣ наставле- 702
нія люди отверженные. Не тяжко ли, повидимому, все это? И подлинно, тяжко и невыносимо. И тѣмъ не менѣе, когда человѣколюбецъ Богъ благоволилъ открыть ему причину этихъ браней, когда сказалъ именно, что все это попущено было для того, чтобы онъ оказался праведникомъ, то онъ такъ воспрянулъ духомъ, какъ будто бы совсѣмъ и не потерпѣлъ тѣхъ бѣдствій. Какъ борцу на состязаніи приходится терпѣть и потъ, и пыль, и сильный жаръ, и усталость, и утомленіе, такъ точно и праведнику здѣсь нужно терпѣть многое, и все мужественно переносить, если онъ желаетъ получить блистательные вѣнцы въ жизни будущей. Если мы съ похвалой говоримъ о тѣлѣ, которое можетъ безъ труда выносить холодъ и зной, голодъ и нужду, путешествія и другія тяготы, то гораздо болѣе должны ублажать душу, которая можетъ твердо и мужественно выносить всѣ напасти и бѣдствія, и всегда сохранять непорабощеннымъ свой умъ. Какъ душа, пребывающая въ праздности и безопасности, легко плѣняется страстями, такъ, наоборотъ, упражняющаяся постоянно въ подвигахъ благочестія не имѣетъ даже и времени когда-нибудь подумать объ этомъ, потому что забота о подвигахъ отвлекаетъ ее отъ всего этого. Не только тотъ, кто дѣлаетъ добрыя дѣла, но и тотъ, кто терпитъ зло, получаетъ великія награды; и доказательство тому представляетъ Іовъ, прославившійся болѣе своими страданіями, нежели добрыми дѣлами. Въ самомъ дѣлѣ, онъ былъ не такъ славенъ въ то время, когда вла-

дѣлъ богатствомъ, отверзалъ свой домъ для бѣдныхъ, и раздавалъ имѣніе, какъ въ то время, когда услышалъ, что домъ его обрушился, и не возроптал; не такъ былъ славенъ, когда отъ волны овецъ своихъ одѣвалъ нагихъ, какъ славенъ и достохваленъ въ то время, когда, услышавъ, что палъ огонь и истребилъ все, возблагодарилъ Бога. Тогда онъ былъ человѣколюбцемъ, теперь сталъ мудролюбцемъ; тогда сострадалъ бѣднымъ, теперь благодаритъ Господа. И не сказалъ онъ въ душѣ своей: что же это такое? стада, отъ которыхъ питались тысячи бѣдныхъ, истреблены; не сказалъ: если недостоинъ былъ я пользоваться такимъ достаткомъ, то ради хоть неимущихъ надлежало пощадить. Ничего такого ни сказалъ онъ, ни подумалъ, но зналъ, что Богъ все устрояетъ на пользу. И чтобы ты зналъ, что онъ нанесъ болѣе сильный ударъ діаволу напослѣдокъ, когда, будучи лишенъ всего, возблагодарилъ, нежели въ то время, когда, владѣя богатствомъ, оказывалъ состраданіе, выслушай слѣдующее. Когда онъ владѣлъ богатствомъ, діаволъ имѣлъ хоть какой-ни-
703 будь предлогъ сказать: *еда туне чтитъ* тебя *Іовъ* (Іов. I, 10)? Но когда діаволъ все отнялъ у него, всего лишилъ, а онъ сохранилъ то же самое почтеніе къ Богу, тогда заградились наконецъ безстыдныя его уста и болѣе не могли уже ничего сказать, потому что праведникъ оказался еще славнѣе, чѣмъ прежде. Дѣйствительно, лишившись всего, мужественно и съ благодарностію переносить лишеніе—гораздо болѣе славное дѣло, нежели творить милостыню, живя въ богатствѣ. Благодарить Бога, когда все идетъ успѣшно,—въ этомъ нѣтъ ничего достойнаго удивленія; но когда поднимается буря, и ладья находится въ опасности перевернуться, тогда это служитъ великимъ доказательствомъ терпѣнія и благородства духа. Если люди, сознающіе за собою тысячи злодѣяній, потерявши хотя бы малость золота, да и то часто добытаго грабежомъ, считаютъ жизнь свою не въ жизнь, то какихъ же вѣнцовъ достоинъ былъ Іовъ, когда онъ видѣлъ, какъ богатство его, собранное отъ праведныхъ трудовъ, похищается безъ причины и повода, и послѣ всего этого потерпѣлъ еще тучи безчисленныхъ искушеній, и тѣмъ не менѣе ни отъ чего не смутился и возсылалъ за все это подобающее благодареніе Владыкѣ? Въ самомъ дѣлѣ, не говоря о всемъ прочемъ, однихъ словъ жены достаточно было, чтобы поколебать даже камень. Если многихъ, живущихъ въ счастіи и не потерпѣвшихъ ничего худого, часто уговариваютъ жены, то подумай, какъ мужественна была душа, отразившая ее съ такимъ оружіемъ. Когда говорившей была жена, и говорила жалобныя слова, и помощниками своими имѣла и время, и язвы, и раны, и тысячи обуре-

вавшихъ помысловъ, то кто не признаетъ по всей справедливости душу, которая ничего не потерпѣла отъ такой бури, твердѣйшею всякаго адаманта? Смѣло могу сказать вамъ, что этотъ блаженный былъ, если не больше, то и не меньше самихъ апостоловъ. Для послѣднихъ служило утѣшеніемъ то, что они терпѣли бѣдствія ради Христа; а тотъ лишенъ былъ и этого утѣшенія; и что еще важнѣе, все это онъ претерпѣлъ, будучи воспитанъ въ большой роскоши, принадлежа не къ числу рыбарей, мытарей, людей низкаго сословія, а какъ человѣкъ, пользовавшійся большимъ почетомъ. И что̀ представляется самымъ тяжкимъ въ разсужденіи апостоловъ, и то̀ онъ потерпѣлъ, подвергаясь именно поношеніямъ и ненависти не со стороны враговъ, а со стороны друзей, слугъ, и облагодѣтельствованныхъ имъ. А что это такъ, давайте сравнимъ добродѣтели и страданія, чтобы вамъ ясно знать, что не только за добродѣтели, но и за страданія уготованы награды, и награды весьма великія, не меньшія, чѣмъ и за добродѣтели. И если угодно, представимъ въ качествѣ примѣра того же самаго великаго подвижника терпѣнія — Іова, просіявшаго какъ добродѣтелями, такъ и страданіями, и сравнимъ, когда онъ былъ славнѣе, тогда ли, когда онъ отверзалъ свой домъ для всѣхъ приходящихъ, или тогда, когда по поводу разрушенія его не произнесъ ни одного горькаго слова, а воздалъ хвалу Богу? Когда онъ свѣтлѣе сіялъ, скажи мнѣ, тогда ли, когда приносилъ жертвы за дѣтей и побуждалъ ихъ къ согласію между собою, или когда они засыпаны были землею и кончили жизнь свою несчастнѣйшимъ образомъ, а онъ перенесъ это несчастіе съ великимъ любомудріемъ? Когда онъ болѣе блисталъ, тогда ли, когда отъ волны овецъ его согрѣвались плечи нагихъ, или когда онъ, услышавъ, что палъ огонь съ неба и пожралъ стада вмѣстѣ съ пастухами, не смутился и не впалъ въ уныніе, а спокойно перенесъ несчастіе? Когда онъ былъ болѣе великъ, тогда ли, когда здравіемъ тѣла пользовался для защиты 704
обидимыхъ, сокрушая зубы нечестивыхъ и вырывая изъ самыхъ зубовъ ихъ добычу, или тогда, когда это самое тѣло, оружіе обидимыхъ, видѣлъ пожираемымъ червями, и, сидя на гноищѣ, самъ скоблилъ его черепкомъ? *Обливаю*, говоритъ, *грудіе земли, гной стружа* (Іов. VII, 5). Хотя все то̀ были добродѣтели, а это страданія, однако послѣднія сдѣлали его болѣе славнымъ, чѣмъ первыя. Когда у него были только добродѣтели, то діаволъ, хотя и съ крайнимъ безстыдствомъ и наглостью, но все же попрекалъ его, говоря: *еда туне чтитъ Іовъ Бога* (Іов. I, 9)? Когда же случились эти несчастія, то со стыдомъ обратился въ бѣгство, не смѣя уже бросить и тѣни какого-либо безстыднаго попрека. По-

этому, когда ты увидишь, что какой-нибудь праведный мужъ отличается великими добродѣтелями и терпитъ безчисленныя бѣдствія, не удивляйся; наоборотъ, нужно было бы удивляться, если бы діаволъ, получая множество ударовъ, сталъ молчать и спокойно переносить раны. Нечему удивляться, если змѣя, подвергаясь постояннымъ уколамъ, приходитъ въ ярость и бросается на того, кто ее колетъ. И воину, возвращающемуся съ побѣды и битвы, неизбѣжно приходится быть въ крови, а часто даже имѣть и раны. Итакъ, когда ты увидишь человѣка, который творитъ милостыню и совершаетъ тысячи другихъ добрыхъ дѣлъ, и такимъ образомъ сокрушаетъ силу дьявола, и подвергается затѣмъ искушеніямъ и опасностямъ, не смущайся этимъ: потому онъ и подвергается искушеніямъ, что слишкомъ сильный ударъ наноситъ діаволу. Но какъ же, скажешь, Богъ попускаетъ это? Для того, чтобы праведникъ еще болѣе прославился, чтобы діаволъ получилъ еще сильнѣе ударъ. Великое, конечно, дѣло и при благопріятныхъ обстоятельствахъ творить милостыню и преданно служить добродѣтели; но гораздо болѣе еще великое дѣло, терпя бѣдствія, самоотверженно и съ полнѣйшимъ усердіемъ подвизаться за добродѣтель. Какъ грѣшники, не потерпѣвшіе никакого бѣдствія здѣсь, подвергаются большему наказанію тамъ, такъ и праведники, потерпѣвшіе много бѣдствій здѣсь, получатъ большую награду тамъ. И подобно тому какъ изъ двухъ грѣшниковъ, если одинъ подвергается здѣсь наказанію, а другой нѣтъ, блаженнѣе подвергшійся наказанію, чѣмъ неподвергшійся, — такъ точно и изъ двухъ праведниковъ, если одинъ терпитъ больше скорбей, а другой меньше, блаженнѣе тотъ, который терпитъ больше. Тѣ же, которые не переносятъ вразумленія Божія съ благодарностію, а предаются ропоту, кромѣ того, что не получаютъ отъ того никакой пользы, еще и подвергаютъ себя крайнимъ бѣдствіямъ.

Но ты живешь въ бѣдности, въ голодѣ, и безконечныхъ опасностяхъ? Такъ научись отъ нищихъ благодарить Владыку. Эти всю жизнь свою проводятъ въ прошеніи милостыни, и не хулятъ (Бога), не негодуютъ, не ропщутъ, а съ благодареніемъ несутъ свой жребій. Въ самомъ дѣлѣ, что такого потерпѣлъ ты, подобно нищему? Лишился глаза? А онъ обоихъ. Подвергся продолжительной болѣзни? А онъ даже неисцѣльной. Потерялъ дѣтей? А онъ даже и собственное свое здоровье. Потерпѣлъ большой убытокъ? Однако еще не дошелъ до того, чтобы нуждаться въ помощи другихъ. Но этого недостаточно? Вспомни объ Іовѣ,
705 этомъ несокрушимомъ столпѣ терпѣнія. Кто можетъ сравниться съ нимъ въ бѣдности, когда онъ былъ бѣднѣе даже ютящихся

около общественныхъ бань и спящихъ на печной золѣ, словомъ бѣднѣе всѣхъ людей? Эти хоть рваную одежду имѣютъ, а онъ сидѣлъ нагой, и единственную одежду, которую имѣлъ отъ природы, одѣяніе плоти, и ту діаволъ повредилъ страшнымъ гноемъ. Нищіе хоть находятся подъ кровлей преддверій въ баняхъ, хоть укрываются подъ соломой, а онъ проводилъ ночи подъ открытымъ небомъ, не имѣя утѣшенія даже въ самой легкой крышѣ; и что еще важнѣе,—тѣ по крайней мѣрѣ сознаютъ за собой многочисленныя злодѣянія (а сознаніе того, что справедливо терпишь наказаніе, составляетъ не малое утѣшеніе въ несчастіи), а онъ лишенъ былъ и этого утѣшенія, какъ человѣкъ, который показалъ жизнь, полную добродѣтелей, а терпѣлъ то, что свойственно самымъ послѣднимъ злодѣямъ. При томъ, тѣ съ первыхъ лѣтъ жизни пріучаются къ своему несчастію, тогда какъ онъ подвергся неожиданной бѣдности, внезапно лишившись богатства. Видишь, что онъ дошелъ до самой крайней бѣдности, хуже которой нельзя уже и найти? Въ самомъ дѣлѣ, что же можетъ быть бѣднѣе нагого, не имѣющаго даже и кровли и не пользующагося даже самой землей?—онъ вѣдь сидѣлъ не на землѣ, а на гноищѣ. Итакъ, когда ты окажешься въ бѣдности, вспомни о случившемся съ этимъ праведникомъ, и ты тотчасъ же воспрянешь и бросишь всякую мысль объ унынiи. Если же хочешь слышать и о брани, которую вела съ чрезмѣрною жестокостью сама природа противъ этого доблестнаго мужа, внимай тому, что я скажу. Десятерыхъ дѣтей потерялъ онъ, десятерыхъ дѣтей внезапно, въ самомъ цвѣтѣ лѣтъ, десятерыхъ дѣтей, обнаружившихъ великую добродѣтель, и даже не по общему закону природы, а отъ насильственной и жалости достойной смерти. Кто можетъ изобразить такое несчастіе? Какой желѣзный человѣкъ, какой адамантъ вытерпитъ столько бѣдствій? Никто, никто поистинѣ. Если каждое изъ нихъ и само по себѣ невыносимо, то подумай, какое смятеніе произвели они, соединившись всѣ вмѣстѣ? Когда, поэтому, ты потеряешь одновременно сына и дочь, притеки къ этому праведнику, и ты безъ сомнѣнія обрѣтешь себѣ великое утѣшеніе; вспомни слова его, сказанныя по поводу несчастія съ дѣтьми, слова, которыя лучше безчисленныхъ вѣнцовъ увѣнчали эту святую главу; подумай о громадности несчастія, объ этомъ небываломъ крушеніи, объ этой неслыханной и необычайной трагедіи. Въ самомъ дѣлѣ, ты можетъ быть потерялъ одного, или двухъ, трехъ дѣтей; а онъ потерялъ и столькихъ сыновей, и столькихъ дочерей, и изъ многочаднаго внезапно сталъ безчаднымъ; и не постепенно истреблялись порожденія утробы его, а весь плодъ былъ похищенъ вдругъ, и при томъ когда его самого

не было возлѣ нихъ, чтобы хоть слыша ихъ послѣднія слова имѣть нѣкоторое утѣшеніе въ столь горестной ихъ кончинѣ; все совершилось вопреки всякой надеждѣ, и одно горе превосходило другое. Несчастіе заключалось не только въ преждевременной ихъ смерти, но и въ томъ, что всѣ они находились въ расцвѣтѣ силъ, были добродѣтельны и дружелюбны, что погибли всѣ вмѣстѣ, сыновья и дочери, что погибли не по общему закону природы,
706 что случилось это послѣ потери всего имущества, наконецъ, въ томъ, что онъ потерпѣлъ это, не сознавая ни за собой, ни за ними ничего худого. Каждаго изъ этихъ несчастій и самого по себѣ уже достаточно, чтобы смутить душу; когда же они стекаются всѣ вмѣстѣ, то представь, какова высота волнъ, до какой степени сильна буря и непогода. Удивительно все это, если и просто лишь слышишь; если же ты изслѣдуешь это тщательно, тогда еще болѣе увидишь чудо. Въ самомъ дѣлѣ, подумай: не половину взялъ діаволъ, а половину оставилъ, не большую часть взялъ, а меньшую оставилъ, но сорвалъ весь плодъ, а дерева не свалилъ; все море покрылъ волнами, а ладью не потопилъ; всю силу свою истощилъ, а твердыни не поколебалъ: поражаемая со всѣхъ сторонъ, она стояла и оставалась непоколебимой; тучи стрѣлъ неслись, и не поражали ее, или вѣрнѣе сказать—пускались, и однако не ранили. Подумай, каково потерять столькихъ дѣтей? Что только не въ состояніи было растерзать сердце? Не должно ли оно было разрываться отъ того, что всѣ дѣти были похищены смертью, что всѣ погибли неожиданно и въ одинъ день, что погибли въ самомъ цвѣтѣ лѣтъ, что отличались великой добродѣтелью и кончили жизнь такою тяжкою казнью, что этотъ послѣдній ударъ нанесенъ былъ послѣ уже столькихъ ударовъ, что, наконецъ, онъ былъ отецъ нѣжнолюбящій, и отошедшіе были для него вожделѣнны? Когда кто-нибудь лишается порочныхъ дѣтей, то хотя и испытываетъ страданіе, однако не съ такой силой, потому что нечестіе умершихъ не позволяетъ особенно усиливаться горю; но когда дѣти бываютъ добродѣтельны, то рана въѣдается глубоко, потому что чувство жалости обусловливается не только природой, но и ихъ благочестіемъ. Равнымъ образомъ, когда смерть похищаетъ дѣтей постепенно, есть нѣкоторое утѣшеніе въ несчастіи, потому что остающіеся нѣсколько умѣряютъ скорбь по умершимъ; но когда умираютъ всѣ до одного, то на кого обратитъ свой взоръ отецъ, который былъ многочаденъ, и вдругъ остался бездѣтнымъ? Если женщины и всѣ близкіе, когда кто-нибудь умретъ въ три—пять дней, больше всего горюютъ о томъ, что умершій такъ скоро и внезапно похищенъ у нихъ изъ глазъ, то гораздо болѣе долженъ скорбѣть тотъ, кто лишился всѣхъ не

въ три—два дня, даже не въ одинъ день, а въ одинъ часъ. Бѣдствіе, когда его предвидятъ задолго, хотя бы было и крайне тяжкимъ, вслѣдствіе ожиданія можетъ сдѣлаться довольно легкимъ; но когда оно случается внезапно и вопреки надеждѣ, то, хотя бы по существу было и легкимъ, оно становится невыносимымъ вслѣдствіе того, что случается внезапно и вопреки ожиданію. Когда же бѣдствіе и само по себѣ тяжко, и усиливается еще оттого, что случается вопреки ожиданію, то подумай, какъ оно становится невыносимо и выше всякаго описанія. Онъ даже и на ложѣ не видалъ ихъ при послѣднемъ издыханіи, а всѣхъ нашелъ погребенными подъ развалинами дома. Подумай же, каково ему было раскапывать этотъ могильный холмъ, извлекая то камень, то какой-нибудь членъ ребенка, видя то руку, еще держащую фіалъ, то другую, опершуюся на столъ, каково ему было смотрѣть на изуродованный видъ тѣла, видѣть 707
разбитый носъ, проломленную голову, исчезнувшіе глаза, вывалившіеся мозги, словомъ—всю внѣшность обезображенной, покрытой такимъ множествомъ ранъ, что отцу нельзя было даже и признать черты любимыхъ лицъ? Вы растроганы, и плачете, слыша это? Вообразите же, каково было ему видѣть это. Если мы, спустя даже столько времени, не можемъ безъ слезъ слышать объ этой горестной исторіи, и при томъ слыша о чужомъ несчастіи, то каковъ адамантъ былъ тотъ, кто видѣлъ это своими глазами и любомудрствовалъ не въ чужихъ, а въ собственныхъ бѣдствіяхъ? Не возропталъ онъ, не сказалъ: что же это такое? Это ли награда за мое дружелюбіе? Для того ли отверзалъ я домъ свой странникамъ, чтобы видѣть, какъ онъ станетъ гробомъ для дѣтей? Для того ли я всячески заботился о нихъ, чтобы они подверглись такой смерти? Ничего такого онъ ни сказалъ, ни подумалъ, но все переносилъ мужественно, даже лишившись ихъ послѣ такихъ заботъ. Но этимъ ли только ограничивались его бѣдствія? А оставленіе и измѣна друзей, а насмѣшки и злословіе, а поруганіе и издѣвательство, а общее презрѣніе,—выносимо ли все это и поддается ли утѣшенію? Это и слышать невыносимо, а не то что терпѣть на самомъ дѣлѣ. Не такъ, вѣдь, сами по себѣ несчастія обычно терзаютъ нашу душу, какъ глумящіеся надъ нами въ несчастіяхъ. Но посмотри теперь и здѣсь на кротость и богобоязненность этой доблестной и адамантовой души. Несмотря на то, что себя самого, исполнившаго всякую добродѣтель, онъ видѣлъ въ крайнихъ бѣдствіяхъ, а людей нечестивыхъ и развращенныхъ благоденствующими, онъ не сказалъ ничего такого, что вѣроятно сказали бы болѣе слабые люди: для того ли я воспитывалъ и со всѣмъ тщаніемъ паста-

вялялъ дѣтей, для того ли отверзалъ свой домъ приходящимъ, чтобы послѣ стольких заботъ и хлопотъ о нуждающихся, о нагихъ. о сиротахъ, получить такую награду? Напротивъ, вмѣсто того произнесъ слова, превосходнѣйшія всякой жертвы: *Господь даде, Господь отъятъ* (Іов. і, 21). Если же онъ разодралъ одежду и остригъ голову, то не дивись: онъ былъ отецъ, и отецъ нѣжнолюбящій, и долженъ былъ показать какъ свойственное природѣ сострадапіе, такъ и любомудріе души; если бы онъ и этого не сдѣлалъ, то иной могъ бы счесть такое любомудріе слѣдствіемъ безчувственности. Такъ-то и ты, когда потеряешь свои деньги, и не будешь роптать, а мужественно перенесешь и возблагодаришь Бога, говоря словами Іова: *Господь даде, Господь отъятъ*, то обратишь этимъ потерю въ пользу для себя. Какъ, скажешь ты, *Господь отъятъ?* Воръ укралъ; какъ же я могу сказать: *Господь отъятъ?* Не удивляйся; вѣдь и Іовъ относительно того, что діаволъ похитилъ у него, сказалъ: *Господь отъятъ;* почему же относительно того, что воръ укралъ, тебѣ не сказать: *Господь отъятъ?* Не говори: я не обязанъ этимъ себѣ; не моей воли это было дѣло, разбойникъ взялъ безъ моего вѣдома и желанія; за что же мнѣ будетъ награда? И съ Іовомъ, вѣдь, случилось это безъ его вѣдома и желанія. И что же? Однако онъ, не дававшій тогда
708 милостыни, нисколько не уступаетъ подававшимъ. Если же тебя будутъ уговаривать сходить къ какому-нибудь прорицателю, а ты, зная что это запрещено, по страху Божію предпочтешь скорѣе не получить своихъ денегъ, чѣмъ ослушаться Бога, то получишь такую же награду, какъ и раздавшій ихъ бѣднымъ, за то, что, потерявъ ихъ, благодарилъ Бога, и, хотя могъ сходить къ прорицателямъ, рѣшилъ лучше не получить ихъ, чѣмъ получить такимъ образомъ. Въ самомъ дѣлѣ, подобно тому какъ тотъ издержалъ ихъ на бѣдныхъ по страху Божію, такъ точно и ты, когда ихъ похитили воры, не получилъ обратно по страху Божію. Воръ лишилъ тебя денегъ? Не лишай ты самъ себя спасенія, потому что, скорбя о бѣдствіяхъ, которыя ты потерпѣлъ отъ другихъ, ты самъ подвергаешь себя еще большимъ бѣдствіямъ. Тотъ повергъ тебя, можетъ быть, въ бѣдность, а ты злодѣйски причиняешь себѣ смертельное зло; тотъ лишилъ тебя внѣшнихъ благъ, которыя съ теченіемъ времени и помимо твоего желанія уйдутъ, а ты лишаешь себя вѣчнаго богатства. Огорчилъ тебя діаволъ, лишивъ денегъ? Огорчи и ты его, воздавъ благодареніе Богу, а не доставляй радости. Если ты пойдешь къ прорицателямъ, то доставишь ему радость; если возблагодаришь Бога, то нанесешь ему смертельный ударъ. И смотри, что бываетъ. Сходивъ къ прорицателямъ, ты все равно не найдешь

своихъ денегъ, потому что не въ ихъ власти знать это; если же они какъ-нибудь и скажутъ удачно, то ты и душу свою погубишь, и будешь осмѣянъ своими братьями, и опять потеряешь ихъ несчастнымъ образомъ. Если демонъ видитъ, что ты не выносишь потери денегъ, и изъ-за нихъ отрекаешься отъ Бога своего, то опять дастъ ихъ тебѣ, чтобы имѣть поводъ опять обольстить тебя и отвлечь отъ Бога. Подобно тому какъ мы стараемся сдѣлать врагамъ то же, чѣмъ огорчаемся сами, а когда видимъ, что они не огорчаются, перестаемъ это дѣлать, не находя уже возможности опечалить ихъ, такъ точно и діаволъ, если увидитъ, что ты смѣешься и смотришь съ презрѣніемъ на его умыселъ, броситъ такой путь и больше уже не приблизится къ тебѣ. Итакъ, терпѣливо снося потерю денегъ, ты можешь получить точно такую же награду, какъ если бы и добровольно бросилъ ихъ. И мы справедливо удивляемся больше тому, кто съ благодарностью переноситъ испытанія, нежели тому, кто добровольно отдаетъ деньги. Почему именно? Потому, что этотъ послѣдній находитъ себѣ поддержку въ похвалахъ и въ своей совѣсти, имѣетъ благія надежды, и отрекается отъ денегъ послѣ того уже, какъ напередъ мужественно перенесъ лишеніе ихъ, тогда какъ первый лишается ихъ, будучи еще привязанъ къ нимъ. Между тѣмъ не все равно, напередъ ли рѣшившись отречься отъ денегъ, раздать ихъ, или лишиться ихъ, питая еще любовь къ нимъ; не все равно, опять, въ теченіе ли долгаго времени научиться презирать деньги, или перенести неожиданно случившуюся потерю. Тотъ, кто приготовленъ уже къ бѣдствіямъ, можетъ легко перенести ихъ, когда они наступятъ; но кто предался безпечности и оставилъ всякую мысль о заботахъ, тотъ, если съ нимъ опять случится что-нибудь подобное прежнему, вдвойнѣ смущается и становится удобоуловимъ — и вслѣдствіе неожиданности, и вслѣдствіе того, что у него исчезла всякая ревность и подготовленность къ бѣдствіямъ. Между тѣмъ въ разсужденіи скорбей является не только не маловажнымъ, а даже самымъ невыносимымъ то обстоятельство, когда человѣкъ, рѣшивъ уже, что онъ освободился отъ скорбей и дошелъ до самаго конца ихъ, и потому отложивъ всякую заботу и попеченіе, опять находитъ новый источникъ бѣдствій. Почему діаволъ не погубилъ вмѣстѣ съ дѣтьми Іова и его жену? Потому, что зналъ, что она окажетъ весьма большое содѣйствіе его казнямъ противъ послѣдняго. Если чрезъ жену, думалъ онъ, я изгналъ Адама
изъ рая, то тѣмъ болѣе смогу довести до паденія Іова на 709
гноищѣ. И смотри на злодѣйство: это свое изобрѣтеніе онъ приводитъ въ дѣйствіе не тогда, когда гибли волы, ослы и вер-

блюды, не тогда, когда былъ разрушенъ домъ и дѣти погибли подъ его развалинами,—до сихъ поръ онъ молчитъ и выжидаетъ, наблюдая за подвижникомъ,—но когда забилъ источникъ червей, стала отпадать гніющая кожа, и разлагающееся тѣло начало выдѣлять полный страшнаго зловонія гной, когда рука діавола истязала его мучительнѣе раскаленныхъ сковородъ и всякаго пламени, хуже всякаго звѣря грызла со всѣхъ сторонъ и пожирала его тѣло, когда въ такомъ несчастіи прошло много времени, и вслѣдствіе этого, какъ онъ видѣлъ, праведникъ жаждетъ освобожденія и желаетъ себѣ смерти, не имѣя возможности перевести и дыханіе (если бы я могъ, говоритъ онъ, наложить на себя руки, или попросить другого, чтобы онъ сдѣлалъ мнѣ это),—тогда онъ приводитъ ее и говоритъ: *доколѣ терпиши глаголя: се, пожду время еще мало, чая надежди спасенія моего* (Іов. п, 9)? Утѣшая и ободряя ее несбыточными надеждами, когда она докучала ему, онъ постоянно говорилъ ей: подожди еще немного, и скоро будетъ всему конецъ. Поэтому она съ упрекомъ и говоритъ ему: ужели и теперь ты скажешь то же самое? Вѣдь много уже времени прошло, а конца этому и не видится. *Потребися же отъ земли память твоя, сынове твои и дщери* твои, *моего чрева болѣзни и труды, имиже вотще трудихся съ болѣзньми, и азъ скитающися и служаще, мѣсто отъ мѣста, и домъ отъ дому преходящи* (Іов. п, 9). Я не только нищенствую, но и скитаюсь, и испытываю новое и необычайное рабство, всюду бродя и нося съ собой знаки несчастія, и всѣмъ выставляя на показъ свои бѣдствія, и, что̀ всего прискорбнѣе, *ожидающи солнца, когда зайдетъ, да почію отъ трудовъ моихъ и* угнетающихъ меня *болѣзней, яже мя нынѣ обдержатъ. Но рцы глаголъ нѣкій ко Господу, и умри.* Что же этотъ блаженный и твердѣйшій адаманта мужъ? Строго взглянувъ на нее, — о, цѣломудренная и безстрастная душа! — онъ раньше словъ, уже взглядомъ отравилъ коварные ея замыслы. Та думала вызвать потоки слезъ, а онъ, ставъ сильнѣе льва, и исполнившись гнѣва и негодованія, говоритъ ей: *вскую яко едина отъ безумныхъ женъ возглаголали еси? Аще благая пріяхомъ отъ* Господа, *злыхъ ли не стерпимъ* (Іов. п, 10)? Въ самомъ дѣлѣ, за что далъ ихъ намъ Богъ, за что̀ воздавая награду? Ни за что; единственно только по благости и человѣколюбію. *Нагъ*, говоритъ, *изыдохъ отъ чрева матери моея, нагъ и отъиду* (Іов. і, 21). Итакъ, вообразите себѣ этого подвижника, представьте, что видите это гноище, и на этомъ гноищѣ сидитъ онъ, золотая статуя, украшенная драгоцѣнными камнями, и не знаю уже, какъ и назвать его, потому что не могу найти такого драгоцѣннаго предмета, съ которымъ можно было бы срав-

нить это обагренное кровію тѣло,—до того во много разъ блистательнѣе всякой драгоцѣнности оказывалась эта плоть, и свѣтлѣе солнечныхъ лучей ея раны. Въ самомъ дѣлѣ, тѣ свѣтятъ тѣлеснымъ очамъ, а эти просвѣщаютъ наши душевныя очи. Кто слышалъ, кто видѣлъ такія удивительныя состязанія въ борьбѣ? 710
Въ обычныхъ бояхъ бойцы, когда разсѣкутъ голову противникамъ, являются побѣдителями и получаютъ вѣнцы; а этотъ, когда поразилъ тѣло праведника, оказался побѣжденнымъ и отступилъ. Что случилось, діаволъ? Почему ты отступаешь? Не исполнилось ли все, чего ты желалъ? Не уничтожилъ ли ты стада овецъ и воловъ, табуны лошадей и муловъ? Не погубилъ ли всѣхъ дѣтей, и не поразилъ ли все тѣло? Почему же ты отступилъ? Потому, говоритъ, что, хотя и все исполнилось, чего я желалъ, но чего я больше всего желалъ, и ради чего все это сдѣлалъ, того не достигнуто: онъ не изрекъ хулы на Бога. Для того, вѣдь,—говоритъ,—я все это и дѣлалъ, чтобы достичь этого; а разъ этого не достигнуто, мнѣ нѣтъ уже никакой пользы отъ лишенія имущества, погибели дѣтей, и пораженія тѣла; вышло даже совершенно обратное тому, чего я хотѣлъ: я только сдѣлалъ врага еще славнѣе, сдѣлалъ противника еще достохвальнѣе. Узналъ ты теперь, сколько пользы получилось отъ страданій? Прекрасно, конечно, и полно здоровья было тѣло праведника; но оно стало гораздо досточтимѣе, послѣ того какъ было иасѣчено этими язвами. Такъ и шерстяныя ткани, хотя и до окраски хороши, но когда дѣлаются пурпурными, пріобрѣтаютъ необыкновенную красоту и великолѣпіе. Если бы діаволъ не обнажилъ его, то никогда бы не узналъ прекраснаго состоянія тѣла этого побѣдителя; если бы не пронизалъ его тѣло ранами, то не просіяли бы изнутри его лучи; если бы не посадилъ его на гноищѣ, мы не узнали бы его богатства. Поистинѣ, не такъ славенъ царь, сидящій на тронѣ, какъ славенъ и знаменитъ былъ тогда этотъ праведникъ, сидя на гноищѣ; послѣ царскаго престола—смерть, а послѣ этого гноища—царство небесное. Не для того діаволъ лишилъ его имущества, чтобы сдѣлать бѣднымъ, а для того, чтобы заставить его извергнуть какую-нибудь хулу на Бога; равнымъ образомъ, не для того поразилъ тѣло, чтобы подвергнуть его недугу, а для того, чтобы поколебать добродѣтель души. И несмотря на всѣ злоухищренія, пущенныя въ ходъ діаволомъ, несмотря на то, что онъ сдѣлалъ праведника изъ богатаго бѣднымъ,—а это всѣмъ намъ кажется самымъ ужаснымъ бѣдствіемъ,—и изъ многодѣтнаго бездѣтнымъ, несмотря на то, что истерзалъ все тѣло его хуже палачей въ судилищахъ (дѣйствительно не такъ крючки послѣднихъ рвутъ бока попадающимся въ ихъ руки,

какъ уста червей терзали его тѣло), не только изгналъ его изъ города и дома, и прогналъ бы въ другой городъ, но сдѣлалъ для него гноище и городомъ и домомъ,—несмотря на все это, не только не причинилъ ему никакого вреда своими кознями, а даже сдѣлалъ его еще славнѣе. Такъ и ты, если кто-нибудь отниметъ у тебя деньги, а ты мужественно перенесешь потерю, получишь ту же самую награду, что и расточившіе свое имущество на бѣдныхъ. Какъ при стараніи съ нашей стороны мы и отъ обижающихъ насъ получаемъ пользу, такъ, наоборотъ, при безпечности и отъ благодѣтельствующихъ намъ не становимся лучше. Если Іовъ, потерпѣвъ столько бѣдствій, не получилъ никакого вреда, и при томъ потерпѣвъ не отъ человѣка, а отъ злѣйшаго всѣхъ злыхъ людей демона, то будетъ ли имѣть оправданіе кто-либо изъ тѣхъ, которые говорятъ: такой-то обидѣлъ меня и причинилъ вредъ? Въ самомъ дѣлѣ, если исполненный столь великой злобы діаволъ, пустивъ въ дѣло всѣ свои орудія, выпустивъ всѣ стрѣлы, и наливъ на домъ и тѣло этого праведника въ преизобильной мѣрѣ всѣ бѣдствія, какія только существуютъ среди
711 людей, не причинилъ ему никакого вреда, а даже еще принесъ пользу, то какъ же кто-нибудь можетъ обвинять тѣхъ или другихъ людей, точно онъ потерпѣлъ вредъ отъ нихъ, а не отъ себя самого? Ты удивляешься тремъ отрокамъ? Дивлюсь и я, что они попрали пещь и воспротивились тирану, говоря: *богомъ твоимъ не служимъ, и* образу *златому, егоже поставилъ еси, не кланяемся* (Дан. ш, 18). Но для нихъ величайшимъ утѣшеніемъ было то, что они ясно сознавали, что всѣ страданія терпятъ ради Бога. Между тѣмъ этотъ праведникъ не зналъ, что его страданія были подвигами борьбы и состязанія; иначе, если бы онъ зналъ это, онъ совершенно даже и не почувствовалъ бы случившагося съ нимъ. Въ самомъ дѣлѣ, когда онъ услышалъ: *мниши ли мя инако тебѣ сотвориша, развѣ да явишися праведивъ* (Іов. XL, 3)?—подумай, какъ онъ тотчасъ же отъ одного лишь слова воспрянулъ духомъ, какъ уничижилъ себя, какъ вмѣнилъ ни во что всѣ понесенныя страданія, говоря: что еще сужусь я, будучи вразумляемъ и обличаемъ Господомъ, когда слышу такія слова,—я, который есть ничто? Будемъ же каждый подражать благочестію этого святого, зная, сколько благъ произрастаетъ отъ терпѣнія. Какъ бы на зрѣлищѣ всей вселенной стоитъ этотъ блаженный и доблестный мужъ, и приключившимися съ нимъ страданіями всѣхъ убѣждаетъ мужественно переносить все, что бы ни случилось, и не падать духомъ ни предъ какими обрушивающимися на насъ бѣдствіями. Нѣтъ, поистинѣ нѣтъ ни одного человѣческаго страданія, для котораго нельзя было бы извлечь отсюда утѣшенія; какія только

ни разсѣяны по всей вселенной страданія, всѣ они въ совокупности обрушились на одно тѣло этого праведника. Какое же будетъ извиненіе тому, кто не можетъ съ благодарностью перенести даже и части бѣдствій, наведенныхъ на Іова, который терпѣлъ, какъ мы видимъ, не какую-нибудь часть, а всѣ въ совокупности бѣдствія всего человѣчества? Но такой-то, скажешь, творившій столько дѣлъ милостыни, лишился всего; другой потерялъ все отъ случившагося пожара; иные потерпѣли кораблекрушеніе и впали въ бѣдность; нѣкоторые, опять, подверглись несчастію и болѣзни, и ни отъ кого не получили никакой помощи. Что же изъ того? Вспомни о бѣдствіяхъ, приключившихся съ Іовомъ, и возблагодари Владыку, который могъ воспрепятствовать этому и не воспрепятствовалъ. Но ты проводишь жизнь въ бѣдности, голодѣ и безчисленныхъ бѣдствіяхъ? Вспомни Лазаря, который боролся съ нищетой, одиночествомъ и другими безчисленными бѣдствіями; вспомни апостоловъ, которые проводили жизнь свою въ голодѣ, жаждѣ и наготѣ; вспомни пророковъ, праведниковъ,— и ты найдешь, что всѣ они были людьми небогатыми, не въ удовольствіяхъ проводившими жизнь, а бѣдными, терпѣвшими скорби и бѣдствія.

Собравъ все это въ своемъ умѣ, возблагодари Бога за то, что Онъ далъ тебѣ такой жребій, не по ненависти, а напротивъ вслѣдствіе сильной любви къ тебѣ, подобно тому какъ и тѣмъ всѣмъ попустилъ потерпѣть столько бѣдствій не вслѣдствіе ненависти, а наоборотъ, потому именно, что сильно любилъ ихъ, сдѣлалъ ихъ болѣе славными чрезъ эти бѣдствія. Въ самомъ дѣлѣ, если люди не допускаютъ трудящимся за нихъ уйти безъ награды и платы, то гораздо болѣе Богъ не захочетъ лишить столько потрудившихся ради Его награды за ихъ труды. Необходимо поэтому должно быть нѣкоторое другое время по смерти, когда они получатъ воздаяніе за понесенные здѣсь труды. Я слышалъ, какъ многіе говорятъ: такой-то скромный и смиренный человѣкъ каждый день влачится въ судъ какимъ-нибудь преступникомъ и злодѣемъ; другой умираетъ, будучи неправедно оклеветанъ; третій потопленъ: четвертый брошенъ въ пропасть,—и 712
Богъ все это попускаетъ. Для чего? Для того попускаетъ имъ Богъ терпѣть бѣдствія, чтобы они въ виду величія чудесъ и подвиговъ добродѣтели не впали скоро въ гордость; для того, чтобы другіе не предполагали въ нихъ чего-либо высшаго человѣческой природы и не сочли ихъ богами, а не людьми; для того, чтобы сила Божія являлась побѣждающей, преодолѣвающей и умножающей проповѣдь чрезъ изнемогающихъ и связанныхъ узами; для того, чтобы больше обнаружилось ихъ терпѣніе, какъ

людей, которые служатъ Богу не за награду, но проникнуты такимъ чувствомъ любви къ Нему, что даже и послѣ столькихъ бѣдствій обнаруживаютъ свою преданность Ему; для того, чтобы всѣ подвергающіеся несчастіямъ могли имѣть достаточное утѣшеніе и ободреніе, взирая на нихъ и приводя себѣ на память случившіяся съ ними бѣдствія; для того, чтобы вы, когда мы убѣждаемъ васъ слѣдовать ихъ добродѣтели и каждому изъ васъ говоримъ: подражай Павлу, соревнуй Петру, въ виду чрезмѣрной высоты ихъ добродѣтелей не думали, что они обладали иной природой, и не отказывались отъ подражанія; для того, наконецъ, чтобы мы, когда нужно ублажать или оплакивать кого-нибудь, знали, кого надо считать счастливымъ, а кого несчастнымъ и достойнымъ сожалѣнія. Если же хочешь знать, что не тотъ бываетъ сильнѣе, кто дѣлаетъ зло, а тотъ, кто терпѣливо переноситъ причиняемое ему зло, то посмотри, сколько зла потерпѣлъ Іаковъ отъ Лавана, и кто же оказался сильнѣе: послѣдній ли, захватившій его въ свои руки, но въ страхѣ и трепетѣ не смѣвшій и коснуться его, или первый, безъ оружія и войска оказавшійся для него страшнѣе тысячи царей? Не этотъ ли именно? Подобно тому какъ ступающій на огонь себя самого обжигаетъ, или ударяющій по адаманту себѣ самому причиняетъ боль, или бьющій по игламъ себя самого окровавляетъ, такъ точно и старающійся причинить обиду другому себя же самого обижаетъ и становится ничтожнѣе всякой глины. Блаженный Давидъ бѣжалъ нѣкогда изъ отечества, подвергался опасности лишиться свободы и самой жизни, и, когда войско перешло на сторону распутнаго юнца—похитителя власти и отцеубійцы, блуждалъ въ пустынѣ, и однако не вознегодовалъ, не возропталъ на Бога, и не сказалъ: что же это такое? Богъ попустилъ сыну возстать противъ отца? Если бы даже онъ могъ въ чемъ-нибудь справедливо обвинять меня, и тогда не должно бы этого быть; между тѣмъ онъ, не потерпѣвъ отъ меня ни малой, ни великой обиды, всюду ищетъ меня, желая осквернить руку свою отцовскою кровію; и Богъ спокойно смотритъ на это? Ничего такого не сказалъ онъ. И что еще удивительнѣе, когда на него, блуждавшаго въ пустынѣ и лишившагося всего, напалъ нѣкто Семей, человѣкъ порочный и преступный, называя его убійцей и беззаконникомъ и упрекая въ безчисленныхъ преступленіяхъ, онъ и тогда не раздражился, и даже когда начальникъ войска просилъ у него позволенія пойти и снять съ Семея голову, не только не позволилъ этого, но и съ чувствомъ негодованія сказалъ: *что мнѣ и* тебѣ, сынъ Саруинъ? *Оставите его проклинати, негли призритъ Господь на смиреніе мое, и возвратитъ ми благая вмѣсто*

клятвы его (2 Цар. xvi, 10—12). Видишь ли, какъ зналъ этотъ праведникъ, что мужественное перенесеніе злословія бываетъ поводомъ къ большей славѣ? И дѣйствительно такъ. Когда мы, подвергаясь поношеніямъ и безчисленнымъ бѣдствіямъ, спокойно относимся къ поносящимъ насъ, то привлекаемъ къ себѣ гораздо большее благоволеніе Божіе. Хотѣлъ и Моисей оказать помощь одному обиженному, и изъ-за этого подвергся крайней опасности 713
и лишился отечества. И Богъ попустилъ это, чтобы ты узналъ терпѣніе святыхъ. Если бы мы приступали къ духовнымъ подвигамъ, зная напередъ, что не потерпимъ ничего худого, это не представляло бы ничего великаго съ нашей стороны. Это и три отрока говорили: *есть Богъ на небесѣхъ силенъ изъяти насъ отъ руку твоею: аще ли ни, вѣдомо да будетъ тебѣ, царю, яко богомъ твоимъ не служимъ, и* образу *златому, егоже поставилъ еси, не кланяемся* (Дан. iii, 17—18). Такъ и ты, когда думаешь сдѣлать что-либо угодное Богу, предусматривай многія опасности, многія лишенія, многія смерти, и когда они случатся, не удивляйся и не смущайся. *Чадо*, говоритъ (Премудрый), *аще приступаеши работати Господеви, уготови душу твою во искушеніе* (Сир. ii, 1). Никто, рѣшаясь выступить на бой, не ожидаетъ получить вѣнецъ безъ ранъ. Когда, поэтому, самъ ли ты сдѣлаешь что-нибудь доброе, и получишь обратное, или увидишь, что съ другимъ случилось то же самое, то веселись и радуйся, потому что отъ этого бываетъ тѣмъ большая польза. Итакъ, не ослабѣвай въ своемъ усердіи, не дѣлайся лѣностнѣе, а напротивъ примись за дѣло еще съ большею ревностью; и хотя бы діаволъ тысячи разъ прерывалъ тебя, никогда не отставай. Такъ и апостолы, когда проповѣдывали, подвергаясь бичеваніямъ и постоянно обитая въ темницахъ, не только послѣ освобожденія отъ опасностей, но и во время самыхъ опасностей еще съ большимъ усердіемъ возвѣщали проповѣдь истины. Такъ напримѣръ Павелъ въ самой темницѣ, въ самыхъ узахъ оглашалъ и совершалъ таинства, равно какъ и въ судилищѣ дѣлалъ то же самое. И посмотри, чѣмъ эта святая душа похваляется: узами, страданіями, цѣпями, язвами. *Связанъ Духомъ*, говоритъ, *гряду во Іерусалимъ, яже въ немъ хотящая приключитися мнѣ не вѣдый: точію яко Духъ по вся грады свидѣтельствуетъ, глаголя, яко узы мене и скорби ждутъ* (Дѣян. xx, 22—23). Зачѣмъ же ты идешь, если узы и скорби ждутъ тебя? Для того самаго и иду, чтобы быть связаннымъ ради Христа, чтобы умереть ради Него: я готовъ не только быть связаннымъ, но и умереть за имя Господа моего. Что же это? Ты не стыдишься, не боишься пройти вселенную въ качествѣ узника? Не боишься, что кто-нибудь обвинитъ Бога твоего въ безсиліи, что

изъ-за этого кто-нибудь не придетъ къ тебѣ? Не таковы, говоритъ, мои узы: я умѣю блистать и въ царскихъ чертогахъ: *яко узы мои,* говоритъ, *явлены быша во всемъ судищи, и множайшіи братія о Господѣ, надѣявшіися о узахъ моихъ, паче дерзаютъ безъ страха слово (Божіе) глаголати* (Филип. I, 13—14). Видишь ли силу скорѣе узъ, нежели воскрешенія мертвыхъ? Заключенъ былъ онъ въ узы въ Римѣ, и привлекъ еще болѣе многочисленныхъ послѣдователей; заключенъ былъ въ узы въ Іерусалимѣ, и, проповѣдуя въ узахъ, поразилъ царя и привелъ въ страхъ правителя, такъ какъ, *пристрашенъ бывъ*, отпустилъ его (Дѣян. XXIV, 25). Въ узахъ плылъ онъ, и избавилъ отъ крушенія, и удержалъ бурю; въ узахъ на него напалъ страшный звѣрь (Дѣян. XXVIII, 3), и упалъ, не причинивъ ему никакого вреда. И смотри, какъ то же самое происходило вездѣ и въ другихъ случаяхъ. Подвергнутъ онъ былъ бичеванію, и бичеванію сильному,—*многи*, говорится, *давше* ему *раны*,—и былъ связанъ, и тоже очень крѣпко,—*всадиша*, говорится, его *во внутреннюю темницу* (Дѣян. XVI, 23, 24),—и съ особенною предосторожностью; и находясь въ такомъ положеніи, онъ около полуночи, когда и самые бодрственные люди спятъ, пѣлъ и славословилъ Бога. Что можетъ быть
714 терже этой души? Вспоминалъ онъ, что и отроки пѣли въ пещи огненной. Можетъ быть онъ думалъ, что ничего такого самъ онъ не потерпѣлъ. Но вотъ и кстати рѣчь наша привела насъ опять къ другимъ узамъ, къ другой темницѣ. Что мнѣ дѣлать? Хочу молчать, и не могу: нашелъ другую темницу гораздо болѣе дивную и поразительную, нежели та. Хочу прервать рѣчь, но она не позволяетъ этого; не могу перестать, не могу умолчать. Слишкомъ многое приходитъ мнѣ на умъ; не знаю, что сказать прежде, что потомъ. Прошу, поэтому, не требовать отъ меня порядка, потому что предметы очень близки между собою. Продолжительны были узы Павла, и потому задержали насъ. Но не буду поэтому молчать. Если онъ въ темницѣ и среди бичеваній не молчалъ, то какъ стану я сидѣть молча, когда стоитъ день, и я могу говорить съ полнымъ спокойствіемъ? Сообразно ли это съ здравымъ смысломъ? Итакъ, много въ разныхъ мѣстахъ записано чудесъ Павловыхъ, но не такъ вожделѣнны они, какъ его язвы; и не такъ въ Писаніяхъ радуетъ онъ, совершая чудеса, какъ терпя страданія, подвергаясь бичеваніямъ, будучи влачимъ, побиваемъ камнями, — *каменіемъ побивше* его, говорится, *извлекоша внѣ града* (Дѣян. XIV, 19), и еще: избивши его и *многи давше раны, всадиша въ темницу* (Дѣян. XVI, 23). Какая похвала, какое удовольствіе, какая честь, какая слава знать, что заключенъ въ узы ради Христа! Но посмотри на чудо. И

потряслась, говорится, темница связаннаго Павла, *и всѣмъ юзы ослабѣша* (Дѣян. XVI, 26). Видишь, какъ природа узъ разрѣшаетъ узы? *Возбуждься же темничный стражъ и видѣвъ отверсты двери темницы, извлекъ ножъ, хотяше себе убити.* Что же Павелъ? *Возгласи гласомъ веліимъ, глаголя: ничтоже сотвори себѣ зла, вси бо есмы здѣ* (ст. 27, 28). Видишь ли отсутствіе у него тщеславія, гордости, и любвеобиліе? Не сказалъ онъ: ради насъ произошло это, а какъ одинъ изъ узниковъ говоритъ: *вси бо есмы здѣ.* Если бы онъ смолчалъ, и громкимъ голосомъ не удержалъ руки стражника, то послѣдній вонзилъ бы ножъ въ горло: вскричалъ же онъ потому, что заключенъ былъ во внутреннюю темницу. Ты себѣ самому, говоритъ, сдѣлалъ хуже, посадивъ въ самую глубь темницы тѣхъ, которымъ предстояло избавить тебя отъ опасности. Видишь ли человѣколюбіе Павла и попечительность о ближнемъ? Онъ предпочелъ лучше самъ остаться въ узахъ и подвергнуться опасности, чѣмъ допустить погибнуть ему. Кого не поразитъ сила облегавшихъ его узъ? Связавшихъ она привела къ ногамъ связаннаго и сдѣлала ихъ покорными ему. *Припаде*, говорится, темничный стражъ *къ Павлу* (ст. 29): свободный отъ узъ былъ у ногъ узника, и связавшій умолялъ связаннаго освободить его отъ страха. Не ты ли связалъ его, скажи мнѣ? Не ты ли ввергнулъ его во внутреннюю темницу? Не ты ли забилъ ноги его въ колоду? Что же ты трепещешь? Что смущаешься? Что плачешь? Зачѣмъ извлекъ мечъ? Я не зналъ, говоритъ, что такъ велика сила узниковъ Христовыхъ. Что ты говоришь? Онъ получилъ власть отверзать небеса, и не могъ отворить темницы? Связанныхъ демонами освобождалъ онъ, и желѣзо могло удержать его? Тотъ, кто освобождалъ души отъ узъ, тѣло ли свое не могъ бы освободить? Тотъ, кто одеждами своими разрѣшалъ другихъ отъ душевныхъ узъ и освобождалъ отъ демоновъ, самъ ли себя не освободилъ бы? Для того онъ сначала былъ связанъ, и послѣ того освободилъ связанныхъ, чтобы ты зналъ, что рабы Христовы, и будучи въ узахъ, имѣютъ гораздо большую силу, 715
нежели свободные отъ узъ. Такъ, вѣдь, гораздо блистательнѣе обнаруживается сила святого, когда онъ и связанный побѣждаетъ свободныхъ отъ узъ. Итакъ, когда онъ, будучи связанъ, освобождаетъ не только себя, но и другихъ узниковъ, то какая польза въ стѣнахъ, зачѣмъ нужно было заключать его во внутреннюю темницу, если онъ отворилъ и внѣшнюю? Но послушаемъ, какъ самъ онъ похваляется этими самыми узами: *молю убо васъ*, говоритъ, *азъ юзникъ о Господѣ* (Еф. IV, 1). И подлинно, великое и высокое достоинство, превосходнѣе и царства, и ипатства, и всѣхъ достоинствъ, быть узникомъ ради Христа. Подлинно,

нѣтъ ничего столь славнаго, какъ узникъ ради Христа, какъ цѣпи, облегающія эти святыя руки. Это гораздо славнѣе и почтеннѣе, чѣмъ быть апостоломъ, быть учителемъ, быть евангелистомъ. Кто любитъ Христа, тотъ знаетъ, что я говорю. Кто воодушевленъ и горитъ любовію къ Господу, тотъ знаетъ силу узъ: онъ предпочтетъ лучше быть узникомъ ради Христа, нежели обитать на небесахъ. Это пожалуй даже славнѣе, чѣмъ сидѣть одесную Его; это почетнѣе и блаженнѣе, чѣмъ сидѣть на двѣнадцати престолахъ. Если бы кто-нибудь предложилъ мнѣ все небо, или ту цѣпь, которою были связаны руки Павла, я предпочелъ бы послѣднюю; если бы меня поставили съ горними ангелами, или съ Павломъ связаннымъ, я избралъ бы темницу; если бы мнѣ предложили быть съ тѣми силами, которыя окружаютъ престолъ Божій, или сдѣлали такимъ же узникомъ, я предпочелъ бы скорѣе стать такимъ узникомъ,—потому что нѣтъ ничего лучше, какъ потерпѣть какое-нибудь страданіе ради Христа. Если бы кто-нибудь далъ мнѣ силу воскрешать теперь мертвыхъ, я избралъ бы не ее, а узы,—потому что нѣтъ ничего блаженнѣе этихъ узъ. Желалъ бы я теперь быть въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ хранятся эти узы, и видѣть цѣпи, которыхъ боятся и трепещутъ демоны, и почитаютъ ангелы. Если бы я былъ свободенъ отъ церковныхъ заботъ, и былъ здоровъ тѣломъ, я не отказался бы совершить такое путешествіе, чтобы видѣть только тѣ узы и ту темницу, гдѣ заключенъ былъ Павелъ. О, блаженныя узы! О, блаженныя руки, которыя украсили тѣ оковы, наложенныя на Павла! Не такъ были драгоцѣнны руки его, воздвигая хромого въ Листрахъ, какъ нося на себѣ узы. Если бы я жилъ въ тѣ времена, я обнялъ бы ихъ что есть силъ и берегъ бы какъ зѣницу ока; не пересталъ бы лобызать руки, удостоившіяся принять узы за Господа моего. Не такъ ублажаю его за то, что онъ восхищенъ былъ на третье небо и въ рай, какъ за то, что онъ
716 ввергнутъ былъ въ темницу; не такъ ублажаю его за то, что онъ слышалъ неизреченные глаголы, какъ за то, что потерпѣлъ узы,— потому что послѣднее гораздо больше перваго. Вожделѣннѣе для меня пострадать за Христа, чѣмъ удостоиться чести отъ Христа. Такія мысли были вѣроятно и у Павла. Если Христосъ, говорилъ онъ, ради меня сдѣлавшись рабомъ и истощивъ славу, не такъ почиталъ Себя въ славѣ (когда пребывалъ у Отца), какъ когда былъ распинаемъ за меня, то чего же не долженъ я претерпѣть? Послушай въ самомъ дѣлѣ, какъ Онъ говоритъ: *прослави мя, Отче* (Іоан. XVII, 5). Что Ты говоришь? Ты ведешься на крестъ вмѣстѣ съ разбойниками и гроборасхитителями, чтобы потерпѣть смерть людей проклятыхъ, Тебѣ предстоятъ оплеванія и

заушенія, и Ты называешь это славой? Да, говоритъ: Я терплю эти страданія за возлюбленныхъ, и справедливо почитаю ихъ за славу. Итакъ, если Господь мой, возлюбивъ несчастныхъ и обремененныхъ, называетъ это славою, и предпочитаетъ это славѣ на отеческомъ престолѣ, то тѣмъ болѣе я долженъ почитать это славой. Всѣ люди изумляются Іову за его терпѣніе, за чистоту жизни, за свидѣтельство Бога о немъ, за его мужественную борьбу, за дивную побѣду, завершившую эту борьбу: но какая адамантовая душа можетъ показать Павлово терпѣніе? Дѣйствительно, онъ проводилъ въ такихъ подвигахъ не многіе мѣсяцы, а многіе годы; не грудь земли обливая, *гной стружа* (Іов. VII, 5), а постоянно впадая въ самую мысленную пасть льва, борясь съ безчисленными искушеніями, терпя поношенія оплеванія и поруганія не отъ трехъ—четырехъ друзей, а отъ всѣхъ невѣрующихъ, выдерживая тучи искушеній, то подвергаясь бичеваніямъ, то побіенію камнями, и будучи изнуряемъ постояннымъ голодомъ и холодомъ. Но велико щедролюбіе Іова? Не будемъ и мы возражать; но находимъ его настолько ниже щедролюбія Павлова, насколько душа ниже тѣла. То самое, что первый дѣлалъ въ отношеніи къ страдавшимъ тѣлеснымъ увѣчьемъ, послѣдній совершалъ въ отношеніи къ страдавшимъ душевнымъ порокомъ: при томъ, первый дѣлалъ это, имѣя несчетное число овецъ и воловъ, тогда какъ послѣдній, не имѣя у себя ничего кромѣ тѣла, помогалъ нуждающимся отъ самаго этого тѣла: *требованію моему и сущимъ со мною*, восклицаетъ онъ, *послужисте руцѣ сіи* (Дѣян. XX, 34). Будемъ же всѣ соревновать и подражать имъ, чтобы получить и одинаковыя съ ними похвалы и награды, во Христѣ Іисусѣ Господѣ нашемъ, Которому слава во вѣки. Аминь.

СЛОВО XXIII.

О милостынѣ и страннолюбіи.

Слово о милостынѣ, возлюбленные, относится не къ однимъ 715
только богатымъ, но и къ бѣднымъ; хотя бы даже кто питался подаяніемъ, и къ нему относится это слово, потому что нѣтъ ни одного такого бѣдняка, какъ бы онъ ни былъ бѣденъ, чтобы не имѣть даже и двухъ грошей. Можно, поэтому, и дающему немногое изъ малаго оказаться выше тѣхъ, которые подаютъ обильную милостыню изъ большого имѣнія, какъ это случилось и съ евангельской вдовицей. Величина милостыни оцѣнивается не

размѣромъ подаянія, а склонностью и расположеніемъ подающихъ.
716 Не на то нужно смотрѣть, что вдовица положила двѣ лепты, а на то, что имѣя всего лишь эти двѣ лепты, она не пожалѣла ихъ, и пожертвовала всѣмъ своимъ достояніемъ. Отъ насъ, слѣдовательно, требуется не изобиліе, а усердіе. И если послѣднее есть у насъ, то нѣтъ никакого вреда и отъ бѣдности; если же его нѣтъ, то не будетъ никакой пользы и отъ богатства. Богатые, если они остаются злыми, будутъ наказаны больше бѣдныхъ, за то, что не сдѣлались кроткими и при избыткѣ. Не говори мнѣ, что они подавали милостыню; все равно они не избѣгутъ наказанія, если давали ее не соразмѣрно своему имуществу,—потому что милостыня цѣнится не размѣромъ подаваемаго, а избыткомъ
717 произволенія. А можно ли, скажешь, богатому спастись? Вполнѣ возможно. Авраамъ былъ богатъ. Видишь его богатство? Посмотри и на его страннолюбіе. Въ полдень, когда онъ сидѣлъ у дуба мамврійскаго, явился ему Господь въ видѣ трехъ мужей. И вставъ (онъ не думалъ, что предъ нимъ Богъ,—могъ ли онъ такъ думать?), онъ поклонился имъ, говоря: если бы вы сочли меня достойнымъ войти подъ сѣнь шатра моего! Видишь, что сдѣлалъ старецъ въ полдень? Богатый и знатный, онъ не сидитъ подъ кровлей дома, а какъ странникъ и путникъ, оставивъ домъ, жену, дѣтей, слугъ, выходитъ на ловъ, распуская мрежу страннолюбія, чтобы какой-нибудь странникъ, какой-нибудь путникъ не прошелъ мимо его дома. И смотри, что онъ дѣлаетъ? Онъ не поручаетъ этого слугѣ, хотя ихъ было у него триста восемнадцать человѣкъ (онъ зналъ нерачительность слугъ), боясь, чтобы слуга не задремалъ, и странникъ не прошелъ мимо, и мы, — думалъ онъ,—упустимъ ловитву; но сидѣлъ самъ, принимая знойный лучъ какъ росу въ жару, и любовь къ гостепріимству была для него вмѣсто тѣни. И это Авраамъ! И это богатый! А ты удостоиваешь ли бѣднаго, чтобы хоть взглянуть на него, хоть отвѣтить ему, поговорить съ нимъ? [Хочешь подражать Аврааму? Не препятствую; напротивъ, даже желаю этого, хотя отъ насъ требуется и большее, чѣмъ отъ Авраама. Но что же, скажешь, имѣлъ Авраамъ? Онъ былъ страннолюбивъ]. И всталъ, говорится, Авраамъ и поклонился, не зная, кто были пришедшіе. Если бы онъ зналъ, то не было бы ничего удивительнаго съ его стороны въ томъ, что онъ почтилъ Бога; между тѣмъ невѣдѣніе относительно пришедшихъ показываетъ въ немъ величайшую любовь къ гостепріимству. Онъ зоветъ и Сарру, чтобы сдѣлать и ее участницей въ гостепріимствѣ. Пусть будутъ общими, говоритъ онъ, какъ блага супруговъ, такъ и добродѣтели; поспѣши и смѣси три мѣры лучшей пшеницы. И та не сказала чего-нибудь въ такомъ

родѣ: съ такими ли надеждами я шла къ тебѣ, чтобы ты сдѣлалъ меня, владѣющую такимъ богатствомъ, мельничихой и хлѣбопекаркой? У тебя триста восемнадцать рабовъ, и ты не пошелъ приказать имъ, а возлагаешь на меня такую службу? Нѣтъ; она слышитъ: поспѣши,—и быстро исполняетъ приказаніе. Гдѣ нынѣшнія женщины? Получаютъ ли онѣ такія приказанія? Возьми руку такой женщины, и увидишь, что снаружи она украшена золотомъ, а внутри ея хищеніе. Грабежъ скольких бѣдныхъ носитъ твоя рука? Дай мнѣ руку свою, покажи, во что̀ одѣта она? Въ хищеніе. Возьми руку Сарры, чѣмъ одѣта она? Страннолюбіемъ, милостыней, любовью, нищелюбіемъ. Поспѣши и замѣси три мѣры лучшей пшеницы. А самъ побѣжалъ къ стаду коровъ. Они дѣлятъ вмѣстѣ трудъ, чтобы раздѣлить и награду. Затѣмъ онъ заклалъ тельца. Старецъ вдругъ сдѣлался быстроногимъ, потому что не дряхлѣла сила тѣла его, а укрѣплялась духомъ любомудрія: усердіе побѣдило природу. Господинъ триста восемнадцати слугъ не чувствовалъ тяжести бремени, неся на себѣ тельца, а облегчался мыслію и усердіемъ. Старику нужно было бѣжать. Какой трудъ! И однако онъ не чувствовалъ труда, благодаря надеждѣ на полученіе пользы. Что же пришедшій? *Пріиду во время сіе*, и будетъ у Сарры сынъ (Быт. xviii, 10). Видишь, какой плодъ произрастила трапеза? Какой прекрасный, скорый и спѣлый? Какъ почернѣла и совершенно созрѣла лоза? Таковы плоды гостепріимства. Итакъ, не будемъ думать, что наше имущество умень- 718
шается, когда мы подаемъ милостыню; оно не уменьшается, а увеличивается, не расточается, а умножается; милостыня есть какъ бы нѣкая купля или посѣвъ, вѣрнѣе же сказать прибыльнѣе и безопаснѣе и того и другого. Въ самомъ дѣлѣ, торговыя предпріятія подвергаются опасности и отъ морскихъ вѣтровъ и волненій, и отъ частыхъ крушеній; равно и посѣвы подвергаются засухамъ, чрезмѣрнымъ дождямъ и другимъ случайностямъ погоды. Между тѣмъ деньги, положенныя въ руку Господа, не доступны ни для какихъ козней, и разъ онѣ даны, никто уже не можетъ похитить ихъ изъ руки получившаго, и онѣ непремѣнно приносятъ намъ обильный и несказанный плодъ, и въ надлежащее время даютъ богатую жатву. Если человѣкъ, получая ихъ, не станетъ презирать (давшаго), а платитъ ему благодарностью, то гораздо болѣе Христосъ. Въ самомъ дѣлѣ, если Онъ, и не получивъ, даетъ, то какъ же не дастъ послѣ полученія? Слушай, что говоритъ Соломонъ: *милуяй нища взаимъ даетъ Богови* (Притч. xix, 17). Видишь ли, какой чудный и удивительный заемъ? Одинъ беретъ, а другой принимаетъ на себя отвѣтственность за долгъ. Почему онъ не сказалъ: милующій нищаго

даетъ Богу, а сказалъ: *взаимъ даетъ?* Чтобы ты не предположилъ здѣсь простой отплаты. Знаетъ Писаніе наше корыстолюбіе; принимаетъ во вниманіе, что наша алчность, взирая на корысти, ищетъ излишняго, и что человѣкъ, имѣющій деньги, никогда не захочетъ дать въ долгъ бѣдному безъ обезпеченія, залога, ручательства, или поручителя. И такъ какъ Богъ знаетъ, что безъ этихъ условій никто не даетъ въ долгъ, никто не руководится человѣколюбіемъ, а смотритъ только на прибыль, между тѣмъ бѣдный всего этого лишенъ,—не имѣетъ ни обезпеченія, потому что ничѣмъ не владѣетъ, ни залога дать не можетъ, потому что всего лишенъ, ни поручителя представить, потому что по бѣдности ему никто не вѣритъ,—такъ какъ знаетъ Богъ, что этотъ послѣдній подвергается опасности отъ бѣдности, а имѣющій деньги отъ жестокосердія, то ставитъ между ними Себя самого въ качествѣ поручителя для бѣднаго и въ качествѣ залога для дающаго въ долгъ. *Милуяй,* говоритъ, *нища взаимъ даетъ Богови.* Между тѣмъ, мы, когда приходится давать въ долгъ, тщательно ищемъ такихъ должниковъ, которые даютъ большіе проценты и исправно платятъ долгъ, а здѣсь поступаемъ совершенно наоборотъ: Бога, который съ признательностью принимаетъ долгъ и возвращаетъ сторицей, оставляемъ, а кто не возвратитъ намъ даже и самаго капитала, тѣхъ ищемъ. Въ самомъ дѣлѣ, что воздастъ намъ чрево, на которое тратится едва не все? Пометъ и тлѣніе. Что воздастъ тщеславіе? Зависть и зложелательство. Что—скупость? Безпокойство и заботу. Что—распутство? Геенну и ядоносныхъ червей. Таковы должники богачей, таковы проценты, уплачиваемые ими на капиталъ,—бѣдствія здѣсь и наказанія въ жизни будущей. Итакъ, отчего ты не даешь въ долгъ тому, кто несомнѣнно отдастъ тебѣ, и отдастъ гораздо больше? Можетъ быть потому, что онъ отдастъ спустя много времени? Но Онъ и здѣсь воздаетъ, потому что неложенъ сказавшій: *ищите царствія Божія, и сія вся приложатся вамъ* (Мѳ. VI, 33). Кромѣ же того, и самое полученіе чрезъ долгій срокъ только увеличиваетъ твое богатство, такъ какъ прибыль дѣлается большей. Такъ, вѣдь, поступаютъ, какъ мы видимъ, и заимодавцы съ должниками, давая именно охотнѣе въ долгъ тѣмъ, которые уплачиваютъ чрезъ долгій срокъ. Если должникъ тотчасъ же все отдаетъ, онъ пресѣкаетъ теченіе процентовъ; а если удерживаетъ на долгій срокъ, то и прибыль
719 дѣлаетъ большей. Когда, такимъ образомъ, дѣло идетъ относительно людей, мы не только не тяготимся отсрочкой, а даже нарочно стараемся сдѣлать ее длиннѣе, въ отношеніи же къ Богу будемъ ли поступать такъ малодушно? *Милуяй нища взаимъ даетъ Богови.* И Ты занимаешь у меня, Господи, милостыню, данную

бѣдному? Чтобы когда-нибудь Ты отдалъ ее, назначь мнѣ время отдачи, опредѣли срокъ полученія. Когда и гдѣ отдамъ тебѣ этотъ долгъ? *Егда сядетъ Сынъ Человѣческій на престолѣ славы своея, и поставитъ овцы одесную, а козлища ошуюю:* и *речетъ сущимъ одесную Его: пріидите, благословенніи Отца моего, наслѣдуйте уготованное вамъ царствіе отъ сложенія міра.* За что? За то, что *взалкахся, и дасте ми ясти: возжадахся, и напоисте мя: нагъ былъ, и одѣясте мя* (Мѳ. xxv, 31, 33—36). Почему же Ты, Господи, не упоминаешь о другихъ путяхъ, а только о милостынѣ? Я не сужу, говоритъ, грѣхъ, а жестокосердіе; не сужу согрѣшившихъ, а не покаявшихся; осуждаю васъ за жестокосердіе, за то, что, имѣя такое великое и дѣйствительное средство спасенія — милостыню, которою изглаждаются всѣ грѣхи, вы не воспользовались такимъ благодѣяніемъ. Не для того ты получилъ деньги, чтобы тратить на удовольствія, а для того, чтобы употреблять на милостыню. Развѣ онѣ принадлежатъ тебѣ? Тебѣ ввѣрено достояніе бѣдныхъ, хотя бы ты пріобрѣлъ ихъ отъ трудовъ праведныхъ, хотя бы получилъ въ наслѣдство отъ отца. Если тебѣ по великому милосердію дано повелѣніе давать изъ своего имущества, то не думай поэтому, что оно и твое, и не обращай чрезмѣрнаго человѣколюбія въ поводъ къ неблагодарности. Развѣ Богъ не могъ отнять у тебя все? Но Онъ не дѣлаетъ этого, предоставляя въ твою волю обнаруживать щедрость въ отношеніи къ нуждающимся. Почему же ты не даешь? Не вѣришь, что получишь обратно? Но можетъ ли это быть? Тотъ, кто даетъ и не дающему, ужели не дастъ тѣмъ болѣе послѣ того, какъ получитъ? Не для того попустилъ тебѣ Богъ имѣть больше другихъ, чтобы ты тратилъ на распутство, пьянство, сластолюбіе, драгоцѣнныя одежды и другіе предметы роскоши, а для того, чтобы раздавалъ нуждающимся. Если ты истратишь на себя что-нибудь сверхъ необходимо нужнаго, то дашь на томъ свѣтѣ самый строгій отчетъ. Между тѣмъ я знаю, что многіе дошли до такого озвѣрѣнія, что изъ-за маленькаго безпокойства отказываютъ въ помощи голодающимъ бѣднякамъ, говоря имъ такого рода слова: со мной нѣтъ теперь слуги, я далеко отъ дома, никто изъ находящихся здѣсь неизвѣстенъ мнѣ. Какая жестокость! Какое высокомѣріе! Если бы нужно было пройти даже десять верстъ, и тогда не слѣдовало бы отказываться, потому что тѣмъ больше награда. Въ самомъ дѣлѣ, когда ты даешь, ты получаешь награду только за подаяніе; когда же ты еще и самъ пойдешь, то тебѣ предстоитъ награда еще и за это. Такъ и патріарху Аврааму мы удивляемся главнымъ образомъ потому, что, имѣя триста восемнадцать домочадцевъ, онъ ни къ кому изъ нихъ не обратился съ приказаніемъ, а самъ побѣжалъ въ

720 стадо и взялъ тельца. Итакъ не стыдись собственной своей рукой услужить бѣдному. Христосъ не стыдится простирать руку и брать подаяніе чрезъ бѣднаго, а тебѣ стыдно протянуть руку и дать денегъ? Развѣ же это не постыдно? Если одна чаша холодной воды доставляетъ царство небесное, то какой же, скажи мнѣ, плодъ принесетъ тебѣ то, если ты сдѣлаешь бѣдняка своимъ сочашникомъ, участникомъ трапезы, и упокоишь его? Итакъ, не будемъ стыдиться служенія бѣднымъ, не будемъ отказываться собственными руками служить имъ, потому что наши руки освящаются чрезъ такое служеніе; и если отъ такого служенія мы прострemъ ихъ на молитву, то Богъ, взирая на нихъ, скорѣе умилостивляется и даетъ просимое. Дать деньги — дѣло довольно обычное; но самому оказать помощь нуждающимся и сдѣлать это съ усердіемъ—для этого нужна великая и любомудрая душа. Если кто-нибудь помогаетъ тебѣ въ житейскихъ дѣлахъ, или оказываетъ содѣйствіе на судѣ, или въ чемъ-либо другомъ подобномъ, то ты встрѣчаешь и принимаешь его съ полнымъ радушіемъ, и цѣлуешь ему руки, и платишь деньги, и ухаживаешь за нимъ; а если видишь приходящаго къ тебѣ Христа, то медлишь и отказываешься послужить Ему? Если ты не какъ Христа принимаешь странника, то не принимай его; если же принимаешь какъ Христа, то не стыдись умыть ноги Христу. Пока еще продолжается торгъ, купимъ милостыню, или вѣрнѣе— чрезъ милостыню купимъ спасеніе. Христа одѣваешь ты, одѣвая бѣднаго. Если чаша студеной воды заслуживаетъ награду, то одежды и деньги, даваемыя изъ милости, не заслуживаютъ ли ея? Напротивъ, они заслуживаютъ великой награды. Если тамъ, гдѣ подаяніе не сопряжено ни съ какими расходами, таково признаніе заслуги, то какую же награду надлежитъ получить отъ праведнаго Судіи тамъ, гдѣ изобиліе одеждъ, трата денегъ, и избытокъ другихъ благъ? Знаю, что такія и подобныя наставленія вы часто слыхали; но, о, если бы мы, многократно слыша добрый совѣтъ, хоть изрѣдка выполняли его на дѣлѣ. Вѣдь крайнее неразуміе, когда человѣкъ, желая купить поле, ищетъ плодоносной земли, а когда вмѣсто земли предлежитъ небо и есть возможность тамъ пріобрѣсти мѣсто, остается на землѣ и обременяетъ себя связанными съ ней трудами. Скажи мнѣ, въ самомъ дѣлѣ, если бы кто-нибудь сказалъ тебѣ, что чрезъ годъ этотъ городъ будетъ разрушенъ, а другой городъ—нѣтъ, сталъ ли бы ты строить домъ въ городѣ, которому угрожаетъ разрушеніе? Не будемъ, поэтому, и мы строить въ этомъ мірѣ, потому что онъ немного спустя разрушится и погибнетъ; да что я говорю: разрушится? Раньше его разрушенія мы сами погибнемъ

и потерпимъ бѣдствія. Будемъ же лучше созидать нашу хра-
мину на небесахъ, гдѣ намъ ненужны ни зодчіе, ни строители,
и гдѣ такія храмины устрояютъ руки бѣдныхъ, и мало того, до-
ставляютъ еще и царство небесное, и даютъ дерзновеніе предъ
Богомъ. Таково превосходство милостыни. И подобно тому какъ,
когда входитъ царица, никто изъ привратниковъ не осмѣливается
спросить, кто она и откуда, а всѣ съ радостью принимаютъ ее,
такъ точно и милостыня безпрепятственно ставитъ творящихъ
ее предъ царскимъ престоломъ,—потому что Богъ любитъ ее, и
она всегда стоитъ близъ Его, и о дарованіи чего бы ни попро-
сила, тотчасъ же получаетъ. Сила милостыни такъ велика, что 721
не только изглаждаетъ грѣхи, но отгоняетъ и самую смерть. Но
кто же, скажешь, изъ творившихъ милостыню оказался выше
смерти? Всѣ вѣдь, какъ мы видимъ, находятся подъ ея влады-
чествомъ? Не волнуйся, а самымъ дѣломъ удостовѣрься, какъ
сила милостыни побѣдила власть смерти. Была, напримѣръ, нѣ-
кая женщина Тавиѳа, которая давала себѣ трудъ ежедневно со-
бирать богатство отъ милостыни. Она одѣвала, говорится, вдо-
вицъ и доставляла имъ всякое другое довольство. *Бысть же бо-
лѣвшей ей умрети* (Дѣян. IX, 37). Что же вдовицы, которыя поль-
зовались ея услугами, и тѣла которыхъ она прикрывала? Въ
нужное время онѣ платятъ благодарностью своей благодѣтель-
ницѣ. Ставъ предъ апостоломъ, онѣ показывали ему одежды и
платья, которыя она дѣлала вмѣстѣ съ ними, проливали слезы,
и возбудили въ немъ состраданіе. Что же Петръ? *Преклонь*, го-
ворится, *колѣна, помолися, и обращься къ тѣлу, рече: Тавиѳо, во-
стани. Она же отверзе очи свои, и видѣвши Петра, сѣде. Подавъ
же ей руку, воздвиже, и призвавъ вдовицы* и предстоявшихъ, пере-
далъ *ю живу* (ст. 40, 41). Видишь, какая награда за благотворе-
ніе вдовицамъ? Въ самомъ дѣлѣ, скажи мнѣ, что въ такой мѣрѣ
великаго доставила она вдовицамъ, въ какой онѣ воздали ей
награду? Подлинно, величина милостыни цѣнится не количе-
ствомъ даваемаго, а усердіемъ дающихъ. Дѣйствительно, много
могутъ стопы святыхъ, входящія въ домъ: онѣ освящаютъ самую
землю, приносятъ сокровища неисчислимыхъ благъ, исцѣляютъ
тѣлесныя увѣчья, прекращаютъ голодъ и приносятъ великое
изобиліе. Такъ стопы Иліи, войдя въ домъ вдовицы, показали
нѣкоторый новый и дивный родъ благодѣянія: сдѣлали домъ
вдовицы пашней, и водоносъ—гумномъ (3 Цар. XVII). Явился тогда
нѣкій новый родъ сѣянія и жатвы. Какъ? Вдовица сѣяла въ уста
праведника, и пожинала посѣянное съ великимъ изобиліемъ изъ
водоноса; сѣяла пшеничную муку, и пожинала пшеничную муку.
Она не имѣла нужды ни въ волахъ, ни въ ярмѣ, ни въ плугѣ,

ни въ бороздѣ; ненужно было ей ни дождя, ни погоды, ни серпа, ни гумна, ни сноповъ, ни вѣтра, отдѣляющаго мякину отъ зерна, ни мельницы, размельчающей зерно, а въ одно мгновеніе она нашла завершеніе всего этого въ водоносѣ.

Вотъ каковы дары святыхъ; вотъ что даруютъ стопы святыхъ, вѣрнѣе же сказать, даже гораздо больше того! И если бы не слишкомъ пространна была моя рѣчь, я перечислилъ бы много такихъ даровъ. Но какъ въ томъ случаѣ, когда ихъ почитаютъ, они приносятъ такіе дары, такъ наоборотъ, когда относятся къ нимъ съ пренебреженіемъ, они навлекаютъ казнь и огнь неукротимый. Но то, скажешь, былъ Петръ, то былъ Илія. Что ты говоришь, скажи мнѣ? Пусть то были Петръ и Илія: но развѣ они имѣли не ту же самую природу? Развѣ они не тѣмъ же путемъ, какъ и мы, явились въ жизнь? Развѣ не одной и той же питались пищей? Развѣ не одними и тѣми же пользовались условіями? Развѣ нѣкоторые изъ нихъ не имѣли даже женъ и
722 дѣтей? Развѣ иные не занимались житейскими ремеслами, а другіе не дошли даже до самой глубины порока? Ты скажешь, что они получили великую благодать? Но если бы намъ повелѣвалось воскрешать мертвыхъ, отверзать очи слѣпымъ, очищать прокаженныхъ, исцѣлять хромыхъ, изгонять демоновъ и врачевать другіе подобнаго рода недуги, то такое оправданіе съ нашей стороны еще было бы умѣстно; если же вопросъ идетъ теперь о надлежащемъ образѣ жизни, о проявленіи послушанія и удаленіи отъ пороковъ, то какое отношеніе къ этому можетъ имѣть такое оправданіе? Вѣдь и Христосъ даетъ награды не тѣмъ, кто просто лишь творилъ чудеса, а тѣмъ, кто исполнилъ Его повелѣнія. *Пріидите*, говоритъ, *благословенніи Отца Моего, наслѣдуйте уготованное вамъ царствіе отъ сложенія міра*, не за то, что вы совершали чудеса, а за то, что *взалкахся, и дасте ми ясти, возжадахся, и напоисте мя, страненъ бѣхъ, и введосте мене* (Мѳ. xxv, 34, 35). Если бы, слѣдовательно, благодать нынѣ и упразднила чудеса, это нисколько не можетъ повредить намъ, но съ другой стороны не можетъ и оправдать насъ, когда мы будемъ давать отчетъ въ своихъ дѣлахъ. Жизнь правая и безъ чудесъ получитъ вѣнцы; а жизнь преступная и съ чудесами не сможетъ избѣжать наказанія. Итакъ, будемъ стараться о пріобрѣтеніи такихъ добродѣтелей, которыя вмѣстѣ съ нашимъ собственнымъ спасеніемъ могли бы приносить пользу и ближнимъ. Такова милостыня. Отсюда получаютъ свою силу и молитва, и постъ, и всякая другая добродѣтель. Если, напримѣръ, ты постишься, то безъ милостыни это даже и въ постъ не вмѣняется, а оказывается настолько же хуже пресыщенія и пьянства, насколько жестокость

составляетъ болѣе тяжкій порокъ, чѣмъ роскошь. Да что говорю я—постъ? Хотя бы ты сохранялъ цѣломудріе, хотя бы пребывалъ дѣвственникомъ, ты останешься внѣ брачнаго чертога, если не имѣешь милостыни. Между тѣмъ что можетъ равняться съ дѣвствомъ, которое даже и въ новомъ завѣтѣ не сдѣлано обязательнымъ закономъ въ виду его особенной высоты? Если же дѣвственники извергаются вонъ, когда не имѣютъ въ надлежащемъ обиліи милостыни, то кто же можетъ получить прощеніе безъ нея? Никто, поистинѣ никто; неимѣющій ея долженъ непремѣнно погибнуть. Если въ житейскихъ дѣлахъ никто не живетъ только самъ для себя, а всѣ—и ремесленникъ и воинъ, и земледѣлецъ и купецъ—всѣ трудятся на общую пользу и благо ближняго, то гораздо болѣе должно дѣлать то же въ дѣлахъ духовныхъ; въ этомъ, вѣдь, и состоитъ главнымъ образомъ жизнь; а кто живетъ только для себя одного, всѣхъ же другихъ презираетъ, тотъ напрасно и существуетъ, и даже не человѣкъ онъ, и не нашего рода. Итакъ, кто хочетъ стать богатымъ, пусть станетъ бѣднымъ, чтобы сдѣлаться богатымъ; пусть тратитъ, чтобы получить; пусть расточаетъ, чтобы собрать. Если это кажется страннымъ и невѣроятнымъ, то посмотри на сѣющаго и размысли, что и онъ не можетъ иначе собрать большаго, если не посѣетъ того, что имѣетъ, и не расточитъ готоваго запаса. Почему, въ самомъ дѣлѣ, ты не подаешь нуждающимся? Скажешь: у меня куча дѣтей, и я желаю оставить ихъ богатыми. Такъ зачѣмъ же ты дѣлаешь ихъ бѣдными? Если ты оставишь все имъ, то ввѣришь все свое богатство опять ненадежному хранилищу; если же оставишь имъ въ качествѣ сонаслѣдника и защитника Бога, то оставишь несмѣтное сокровище. Если, слѣдовательно, ты хочешь оставить дѣтямъ большое богатство, то оставь попе- 723
ченіе Божіе. Тотъ, кто безъ всякой заслуги съ твоей стороны и далъ душу, и создалъ тѣло, и даровалъ жизнь, когда увидитъ проявленную тобою такую щедрость, какъ не отверзетъ имъ всякаго богатства? Если Илія, напитанный небольшимъ количествомъ муки, когда увидѣлъ, что вдовица предпочла его своимъ дѣтямъ, сдѣлалъ ея жилище гумномъ и точиломъ, то подумай, какія щедроты обнаружитъ Владыка Иліи? Если хочешь оставить дѣтей богатыми, оставь имъ должникомъ Бога. Если они получатъ деньги, то не будутъ даже и знать, куда ихъ дѣть; а если ты самъ напередъ дашь ихъ въ заемъ Богу, то сокровище останется уже внѣ всякой опасности, и возвращеніе послѣдуетъ съ большою скоростью. Богъ бываетъ благодаренъ намъ, и когда долженъ намъ, и когда уплачиваетъ, и благосклоннѣе взираетъ на своихъ заимодавцевъ, нежели на тѣхъ, кто ничего не далъ

Ему взаймы; и кому особенно много долженъ, тѣхъ особенно и любитъ. Если, слѣдовательно, желаешь имѣть Его другомъ, сдѣлай Его должникомъ. Подлинно, не такъ радуется заимодавецъ, имѣя должниковъ, какъ веселится Богъ, имѣя заимодавцевъ: и кому Онъ ничего не долженъ, отъ тѣхъ и удаляется, а кому долженъ, къ тѣмъ и приближается. Итакъ, зачѣмъ ты отдаешь деньги на храненіе людямъ? Предъ тобою стоитъ Христосъ, готовый принять и сохранить, и не только сохранить, но и умножить, и воздать тебѣ съ великою лихвою. Изъ Его руки никто не похищаетъ. И Онъ не только сохраняетъ ихъ, но за это самое освобождаетъ тебя и отъ всѣхъ опасностей. У людей бываетъ такъ, что принявшіе клады считаютъ, что дѣлаютъ намъ одолженіе, сохраняя взятое у насъ; у Христа же наоборотъ: когда Онъ принимаетъ ихъ отъ тебя, то признаетъ, что Онъ не оказалъ благодѣяніе, а самъ получилъ. При томъ, принявшій деньги на храненіе требуетъ за это у тебя платы, тогда какъ Христосъ даетъ тебѣ за это даже награду. Для того Богъ и велѣлъ тебѣ давать деньги другому, чтобы ты самъ владѣлъ ими, потому что пока ты одинъ только будешь имѣть ихъ, и самъ не будешь владѣть ими, а когда дашь другому, тогда и самъ получишь. Подобно тому какъ кто-нибудь далъ бы деньги маленькому ребенку, чтобы онъ крѣпко держалъ ихъ въ рукахъ, или даже слугѣ приказалъ крѣпко сторожить, чтобы желающему нельзя было похитить, такъ точно дѣлаетъ и Богъ: дай ихъ, говоритъ, нуждающемуся, чтобы кто-нибудь не похитилъ ихъ у тебя, какъ напр. клеветникъ, или діаволъ, или воръ, или напослѣдокъ смерть. Пока ты самъ владѣешь ими, ты владѣешь ненадежно: а если дашь ихъ Мнѣ въ лицѣ бѣдныхъ, то Я тщательно сохраню ихъ тебѣ во всей цѣлости. Я беру не затѣмъ, чтобы лишить тебя ихъ, а чтобы умножить и тщательнѣе сохранить, чтобы сберечь ихъ тебѣ на то время, когда никто не дастъ уже въ долгъ, никто не пожалѣетъ. Зачѣмъ ты, богатый, напрасно трудишься прятать въ своихъ кладовыхъ достояніе бѣдныхъ? Что ты негодуешь, когда они просятъ у тебя, какъ будто ты тратишь свою собственность? Они желаютъ принадлежащаго Отцу, а не твоего; желаютъ того, что ввѣрено тебѣ ради нихъ, а не родившагося вмѣстѣ съ тобой. Отдай то, что ты получилъ, и стяжи прибыль изъ пользованія; довольно для тебя, что ты поставленъ давать, не получать. Зачѣмъ ты предаешь сокровище землѣ? Дай, говоритъ, въ Мою руку. Ужели Владыка земли кажется тебѣ менѣе достойнымъ
724 довѣрія, чѣмъ земля? Я, скажешь, далъ. Но не слѣдуетъ никогда переставать дѣлать это; только тогда ты оправдаешься, когда ничего не будешь имѣть, когда ничѣмъ не будешь владѣть; а пока

ты что-нибудь имѣешь, то хотя бы ты далъ тысячамъ людей, а остаются еще другіе алчущіе, нѣтъ тебѣ никакого оправданія. Итакъ, ни богатый пусть не величается тѣмъ, что много даетъ, ни бѣдный пусть не унываетъ, какъ будто мало давая, потому что послѣдній часто даетъ больше перваго. Многое и малое опредѣляется не мѣрой подаянія, а размѣромъ имущества подающихъ. Кормя прихлебателей и льстецовъ, ты такъ радуешься, какъ будто расточаешь какіе источники; а если увидишь бѣдняка, тотчасъ на тебя нападаетъ страхъ бѣдности. Давай нуждающемуся, и не давай плясуну, чтобы вмѣстѣ съ твоими деньгами тебѣ не погубить и его душу, потому что ты являешься виновникомъ его погибели черезъ неумѣстную твою щедрость. Вѣдь, если бы плясуны знали, что ихъ занятіе будетъ для нихъ безвыгодно, они давно бы уже перестали заниматься этимъ. Слѣпой, которому оказано состраданіе, можетъ руководить въ царство небесное; тотъ, который натыкается на стѣны и падаетъ въ ямы, дѣлается путеводителемъ восхожденія на небо. Когда ты дѣлаешь не на показъ людямъ, то хотя бы весь міръ зналъ о твоихъ дѣлахъ, никто не знаетъ, потому что ты дѣлалъ не съ такимъ намѣреніемъ. Не просто сказалъ Христосъ: не дѣлайте предъ людьми, но присовокупилъ: *да видими будете ими* (Мѳ. VI, 1). О, сколь велико достоинство бѣдности! Она является личиной Бога; въ бѣдности скрывается Богъ; бѣднякъ протягиваетъ руку, а принимаетъ Богъ. Когда случится съ тобою какое-нибудь горе, подай скорѣе милостыню; возблагодари за то, что оно случилось, и ты увидишь, какая найдетъ на тебя радость. Духовная прибыль, хотя бы и небольшая, столь велика, что покрываетъ всякую матеріальную потерю. А если не вѣрите, испытайте, и увидите славу Божію. Но, о, легкомысліе, о, неблагодарность! Все время живемъ мы во грѣхахъ и порокахъ, а если когда-нибудь и сдѣлаемъ малецькое доброе дѣло, то, какъ неблагодарные рабы, съ торгашескою мелочностью изслѣдуемъ и справляемся о воздаяніи, есть ли какая-нибудь награда за это дѣло. Между тѣмъ награда бываетъ больше, если ты дѣлаешь не руководясь надеждой на награды: нужно, вѣдь, все дѣлать ради Христа, а не ради надежды на награду. Въ самомъ дѣлѣ, если Богъ, сотворившій насъ вначалѣ, безъ всякаго съ нашей стороны добраго дѣла, тотчасъ же даровалъ намъ столько благъ, то чего не даруетъ Онъ потерпѣвшимъ за Него и понесшимъ столько трудовъ и подвиговъ? Тогда какъ мы ради себя же самихъ съ трудомъ рѣшаемся пожертвовать даже ничтожнымъ количествомъ золота, Онъ предалъ за насъ даже Своего Сына. Ради дружбы съ людьми мы часто бываемъ готовы даже подвергаться опасно-

стямъ, а ради человѣколюбія Божія не жертвуемъ даже и деньгами? И какъ не постыдно, что Христосъ и душу предалъ за насъ, и драгоцѣнную кровь пролилъ ради насъ, которые не были ни преданы Ему, ни праведны, а мы ради Него не проливаемъ даже и денегъ, и равнодушно смотримъ на нагого и странника, который умеръ за насъ? И кто избавитъ насъ отъ будущаго наказанія? Если бы не Богъ, а мы сами наказывали себя, то не произнесли ли бы мы обвинительнаго приговора надъ
725 собою? Не осудили ли бы себя на геенскій огонь, оставляя томиться голодомъ Того, кто положилъ за насъ душу свою? Да что говорить о деньгахъ? Если бы мы имѣли тысячи душъ, не надлежало ли бы всѣ ихъ отдать за Него? Если бы кого-нибудь изъ насъ вели на смерть, а затѣмъ предложено было, отдавъ все свое имущество, освободиться, то мы почли бы это счастіемъ: между тѣмъ, когда мы ведемся въ геенну, и можно, хотя бы отдавъ половину, освободиться, мы предпочитаемъ подвергнуться наказанію и безразсудно сохранить свое имущество, чтобы погубить свои блага? И какое мы будемъ имѣть оправданіе, какое извиненіе, лишая себя и здѣшнихъ, и тамошнихъ благъ, когда есть возможность безопасно воспользоваться и тѣми и другими? Если иные за мірское достоинство часто отдаютъ всѣ свои средства, за достоинство, которое должно остаться здѣсь, да и здѣсь даже не удерживается долгое время,—такъ какъ многіе еще задолго до смерти лишаются связанной съ этимъ достоинствомъ власти, а другіе изъ-за нея часто лишаются даже и самой жизни, и тѣмъ не менѣе, зная это, дѣлаютъ ради нея все,—итакъ, если изъ-за этой власти столько дѣлаютъ, то что можетъ быть несчастнѣе насъ, когда ради достоинства вѣчно пребывающаго и неотъемлемаго мы не жертвуемъ даже и малымъ, и не даемъ того, что немного спустя должны невольно оставить здѣсь? Какое же безуміе, когда можно добровольно отдать и взять съ собою то, чего мы невольно будемъ лишены, не желать этого? На слугъ, на муловъ и лошадей мы надѣваемъ золотыя ожерелья, а на Владыку, когда Онъ ходитъ нагимъ, проводитъ ночи подъ открытымъ небомъ и протягиваетъ руку за подаяніемъ, не обращаемъ никакого вниманія, а часто даже смотримъ суровымъ взглядомъ. Что можетъ быть хуже такого безумія? Въ самомъ дѣлѣ, когда Богъ посылаетъ къ намъ бѣдныхъ, повелѣвая дать имъ изъ принадлежащаго Ему, а мы, мало того, что не даемъ, еще и съ надругательствомъ прогоняемъ ихъ, то подумай, какихъ громовъ, какихъ молній достоинъ нашъ поступокъ? Если бы твой слуга, которому ты приказалъ пойти къ другому слугѣ, имѣющему твои деньги, и взять у него, не только возвратился

съ пустыми руками, но и подвергнись оскорбленію, то чего бы ты не сдѣлалъ оскорбившему? Какому не подвергъ бы его наказанію, какъ бы уже самъ получившій оскорбленіе? Если же такъ бываетъ у людей, то насколько же болѣе у Того, кто есть Владыка и людей, и всѣхъ тварей? Если ты не хочешь ничего дать просящему бѣдняку, то для чего еще поражаешь его душу укоризнами? Развѣ онъ подошелъ бы къ тебѣ, если бы ожидалъ услышать ихъ? Но онъ, скажешь, нахаленъ, и пристаетъ съ крикомъ. Что ты говоришь? Какъ часто бываетъ, что, когда столъ уже готовъ, ты, позвавъ прислуживающаго раба, если тотъ замѣшкается, изъ себя выходишь изъ-за маленькой только задержки, хотя отлично знаешь, что если и не тотчасъ, то немного спустя ты получишь удовольствіе; и однако себя самого, когда ты приходишь въ ярость изъ-за пустяка, ты не называешь безстыднымъ, а бѣдняка, который боится и трепещетъ изъ-за болѣе важнаго (потому что весь страхъ у него не о замедленіи, а о голодѣ), называешь наглымъ и безстыднымъ? Развѣ же это не крайнее безстыдство? Если ты, видя какую-нибудь ничтожную каплю, упавшую съ потолка, зовешь и слугъ, и мастеровъ, и шумишь на весь домъ, то какъ же ты равнодушно смотришь на бѣдняка въ лохмотьяхъ, лежащаго на соломѣ, въ грязи, и терпящаго всякій холодъ? Какой звѣрь не смягчился бы, видя такое бѣдственное положеніе? Кто такъ жестокъ и безчеловѣченъ, чтобы не стать отъ этого кроткимъ и сострадательнымъ? Между тѣмъ есть люди, которые дошли до такой жестокости, что не только не жалѣютъ, не плачутъ и не облегчаютъ несчастій, а часто даже оскорбляютъ бѣдняковъ и говорятъ, что они терпятъ это заслуженно. Почему, скажи мнѣ, они заслуживаютъ этого? Потому ли, что они хотятъ питаться, а не голодать? Нѣтъ, говоришь, а потому, что они предаются праздности. А ты не лѣнишься, предаваясь удовольствіямъ? Не занимаешься часто дѣломъ, худшимъ всякаго бездѣйствія, грабя и притѣсняя другихъ, предаваясь любостяжанію? Лучше было бы, если бы и ты предавался такой праздности, потому что такъ предаваться праздности гораздо лучше, чѣмъ заниматься любостяжаніемъ и грабить. Итакъ, когда ты увидишь нищаго и скажешь: изумляюсь, что юноша, и такой здоровый, ничего не имѣя, хочетъ питаться, оставаясь безъ дѣла,—скажи эти самыя слова самому себѣ или, еще лучше, позволь нищему смѣло сказать ихъ тебѣ: изумляюсь, что ты, будучи здоровъ, предаешься лѣности и не дѣлаешь ничего изъ того, что повелѣлъ Богъ. Ты порицаешь его за праздность, а онъ тебя еще и за дурныя дѣла, за то, что ты грабишь, лихоимствуешь и разрушаешь домы другихъ. Но онъ большей

726

частью лжетъ и обманываетъ? Но и за это онъ достоинъ сожалѣнія, что впалъ въ такую нужду, что даже и такого дѣла не стыдится. Между тѣмъ мы не только не жалѣемъ его, а говоримъ еще въ добавокъ такія жестокія слова: не получилъ ли онъ и разъ, и два? Что же? Развѣ ненужно уже опять питаться, если однажды напитался? Почему ты и своему собственному чреву не ставишь тѣхъ же законовъ и не говоришь ему: ты наполнилось вчера, сегодня не взыщи? Напротивъ, послѣднее ты переполняешь сверхъ мѣры, а тому отказываешь, когда онъ проситъ надлежащаго. И какъ же ты самъ, когда молишься, хочешь быть услышаннымъ? Кто презираетъ находящагося въ скорбяхъ, и не даетъ ему изъ собственныхъ средствъ, какъ можетъ желать получить что-либо изъ благъ, не принадлежащихъ ему? Развѣ не достойно порицанія то, что, питая тунеядцевъ и льстецовъ, мы не считаемъ этого убыткомъ, а если увидимъ подходящаго бѣдняка, изнуряемаго голодомъ и холодомъ, то не только презираемъ его, но и тотчасъ же набрасываемся съ укорами? Почему, говорятъ, онъ не трудится, почему онъ питается, предаваясь праздности? А ты трудясь ли имѣешь то, чѣмъ обладаешь? Не получивши ли въ наслѣдство отъ отца? А если даже и трудишься, неужели изъ-за этого упрекаешь другого? Но онъ обманщикъ. Что ты говоришь? Ради какого-нибудь куска хлѣба или одежды называешь его обманщикомъ? Но онъ тотчасъ же, говоришь, продаетъ полученное. А ты всѣми своими средствами распоряжаешься хорошо? Да и неужели всѣ бѣдствуютъ отъ праздности? Никто отъ кораблекрушенія? Никто отъ судебныхъ тяжбъ? Никто отъ воровства? Никто отъ болѣзни? Никто отъ смѣлыхъ предпріятій? Никто отъ другихъ несчастныхъ случайностей? Между тѣмъ едва только мы услышимъ, какъ кто-нибудь жалуется на такія несчастія, громко сѣтуетъ и всего лишенный взираетъ на небо,—тотчасъ же называемъ его плутомъ, обманщикомъ, притворщикомъ. Не стыдно ли тебѣ называть кого-нибудь плутомъ? Ужъ не давай ничего, и не порицай бѣдняка. Но онъ имѣетъ, скажешь, и притворяется только бѣднякомъ. Это твоя вина, не его; онъ знаетъ, что подходитъ къ людямъ жестокимъ, скорѣе къ звѣрямъ, нежели къ людямъ, и что, если даже будетъ говорить жалкія слова, никого не тронетъ; поэтому
727 самому и вынуждается принимать на себя жалкій видъ, чтобы тронуть состраданіемъ твою душу. О, жестокость, о, безсердечіе, о, безчеловѣчіе! Если видимъ бѣдняка, подходящаго съ благороднымъ видомъ,—это, говоримъ, обманщикъ, и подходитъ такъ, чтобы его считали человѣкомъ изъ знатнаго рода; а если видимъ нагого и одѣтаго въ лохмотья, и того осуждаемъ. О, без-

стыдное звѣрство! Если хочешь, дай; если не хочешь, прогони. Зачѣмъ ты жалокъ и несчастенъ? Зачѣмъ ты и самъ не жалѣешь, и желающихъ того отвращаешь? Вѣдь, когда кто-нибудь услышитъ отъ тебя, что этотъ обманщикъ, тотъ притворщикъ, то онъ не дастъ ни тому, ни другому. Но для чего, скажешь, они обнажаютъ изувѣченные члены? Изъ-за тебя; если бы мы были сострадательны, имъ не было бы нужды прибѣгать къ такимъ средствамъ; если бы они съ перваго разу склоняли къ милосердію, то не употребляли бы столько хитростей. Кто такъ жалокъ, чтобы имѣть желаніе во всеуслышаніе жаловаться на свою судьбу вмѣстѣ съ обнаженной женой и дѣтьми? Не хуже ли это всякой бѣдности? И такіе несчастные не только не находятъ съ нашей стороны состраданія, но даже порицаются нами, какъ безстыдные. Ты, если грабишь, небезстыденъ; а тотъ, если умоляетъ о хлѣбѣ, безстыденъ? Всякому *просящему у тебе дай, и хотящаго отъ тебе заяти, не отврати* (Мѳ. v, 42). Какъ не безсмысленно, что ты проводишь жизнь въ чревоугодіи и пресыщеніи, затягиваешь пиры до глубокой ночи и засыпаешь на мягкой постели, а на нагого, трепещущаго и голодающаго нищаго не обращаешь никакого вниманія? Да что я говорю о наготѣ и трепетѣ, когда иные вынуждаются даже ослѣплять своихъ дѣтей въ самомъ раннемъ возрастѣ, чтобы тронуть нашу безчувственность? Такъ какъ, оставаясь зрячими и ходя нагими, они ни своимъ возрастомъ, ни несчастіемъ не возбуждаютъ состраданія у безсердечныхъ, то къ столькимъ бѣдствіямъ присоединяютъ новое, еще болѣе тяжкое несчастіе, чтобы избавиться отъ голода, находя болѣе легкимъ лишиться этого общаго свѣта и даннаго всѣмъ солнечнаго луча, нежели постоянно бороться съ голодомъ и подвергаться самой жалкой смерти.

Подлинно, великая вещь—человѣкъ, и драгоцѣнная—мужъ милостивый. Милостыня бываетъ тогда, когда подается съ усердіемъ, со щедростью, когда ты думаешь, что не даешь, а получаешь, когда ты какъ бы получаешь благодѣяніе, когда ты какъ бы пріобрѣтаешь прибыль, а не теряешь; иначе это не было бы и благодѣяніемъ, потому что милующему другого нужно радоваться, а не роптать. Въ самомъ дѣлѣ, не нелѣпо ли, если ты, освобождая другого отъ печали, самъ предаешься печали? Если ты печалишься, что освободилъ другого отъ печали, то представляешь доказательство крайней жестокости и безсердечности; лучше ужъ не освобождать, чѣмъ освобождать такимъ образомъ. Да и что ты вообще печалишься, человѣкъ? Боишься, чтобы не уменьшилось у тебя золото? Если у тебя такое расположеніе, то и не давай вовсе. Если ты не вѣришь, что оно умно-

жится тебѣ на небесахъ, не подавай. Но ты ищешь воздаянія здѣсь? Для чего? Оставь милостынѣ быть милостыней, а не торговлей. Правда, многіе и здѣсь получають воздаяніе; однако получають не такъ, чтобы поэтому самому имѣли больше, чѣмъ не получившіе. Тѣ, которые здѣсь ищуть и получаютъ, уменьшаютъ себѣ награду тамъ. Итакъ, не будемъ говорить: такой-то порочень и недостоинъ благодѣянія, такой-то презрѣнный, та-
728 кой-то отверженный. Смотри не на достоинство нуждающагося въ помощи, а на одну только нужду. Хотя бы то былъ человѣкъ ничтожный, отверженный, презрѣнный, Христосъ однако вмѣняетъ тебѣ награду такъ, какъ будто самъ получилъ благодѣяніе черезъ него. Петръ и Іоаннъ вошли однажды въ храмъ помолиться; и вотъ хромой отъ чрева матери его, котораго носили, лежалъ при дверяхъ храма, и, увидя ихъ входящими, пристально смотрѣлъ на нихъ, надѣясь получить отъ нихъ милостыню. Что же Петръ? *Возри на ны*, говоритъ (Дѣян. III, 4); въ самомъ внѣшнемъ видѣ ты имѣешь достаточное доказательство бѣдности; ненужно ни словъ, ни отвѣта; одѣяніе показываетъ тебѣ ничего неимущаго. Что же? Въ этомъ ли все дѣло апостольства въ отношеніи къ нищему, чтобы не облегчить его бѣдноты, чтобы только сказать ему: золота и серебра нѣтъ у меня? Подожди немного, и ты увидишь большее богатство? *Сребра и злата*, говоритъ, *нѣсть у мене, но еже имамъ, сіе ти даю: во имя Іисуса Христа востани и ходи* (ст. 6). Видишь недостатокъ денегъ и богатство дарованій? Посмотри далѣе и на его кротость. Не оскорбилъ, не укорилъ, не отвергъ онъ, какъ то часто дѣлаемъ мы по отношенію къ обращающимся къ намъ, требуя отъ нихъ объясненій, посылая на трудъ, порицая за то, что они спятъ. Развѣ этому наученъ ты, человѣкъ? Тебѣ не велѣно ни обвинять за праздность, ни порицать за нечестіе, ни укорять за лѣность, а облегчать бѣдность, спасать въ несчастіи, и простирать руку помощи лежащимъ. Итакъ, не любопытствуй о жизни и дѣлахъ, собираясь дать милостыню; вѣдь это верхъ непристойности изъ-за какого-нибудь одного куска хлѣба изслѣдовать всю жизнь. Хотя бы просящій былъ убійцей, хотя бы разбойникомъ, или кѣмъ бы то ни было, ужели онъ кажется тебѣ недостойнымъ куска хлѣба или нѣсколькихъ монетъ? Владыка твой заставляетъ солнце восходить надъ нимъ, а ты считаешь его недостойнымъ даже ежедневной пищи? Или ты не знаешь, что и Авраамъ главнымъ образомъ заслуживаетъ особеннаго удивленія за то, что, увидѣвъ пришедшихъ къ нему, и не зная, кто были они, поднялся и поспѣшилъ къ нимъ навстрѣчу, и, поклонившись имъ до земли, сказалъ: *Господи, аще обрѣтохъ бла-*

годать предъ тобою, не мини раба твоего (Быт. xvIII, 3)? Такъ и ты не любопытствуй, потому что ты принимаешь ради Христа: а если станешь всегда съ точностью разузнавать, то часто пройдешь мимо и достойнаго уваженія мужа, и погубишь награду, которую имѣлъ бы за это. И будемъ заботиться не о своихъ только по вѣрѣ, объ остальныхъ нерадѣя, но кого бы ни увидали въ несчастіи, ни о чемъ другомъ не будемъ любопытствовать: то, что онъ терпитъ бѣдствіе, служитъ оправданіемъ помощи. Право, не знаю, откуда укрѣпился этотъ обычай: если мы видимъ мірского человѣка въ несчастіи, не простираемъ руки помощи, и только къ сидящимъ на горахъ оказываемся рачительны. Эллина ли, іудея ли, или кого другого увидишь въ несчастіи, должно благодѣтельствовать всѣмъ. Если ты ищешь однихъ только монаховъ, и только имъ однимъ хочешь благотворить, при чемъ и относительно нихъ опять разузнаешь, достоинъ ли, праведенъ ли, творитъ ли чудеса, и безъ того не простираешь руки, то ты уничтожаешь пользу отъ милостыни: да и эту самую со временемъ опять погубишь. Если ты поднимаешь осла, когда видишь, что онъ задыхается, и не любопытствуешь, чей онъ, то гораздо болѣе не слѣдуетъ любопытствовать о человѣкѣ, чей онъ. Онъ Божій, будетъ ли то эллинъ, или іудей; достаточно, что онъ нуждается въ помощи. Если бы ты 739
видѣлъ, что онъ обладаетъ обильными средствами и пользуется славой, то справедливо могъ бы говорить такъ; но если видишь, что онъ терпитъ бѣдствія, не говори, что онъ порочень и лѣнивъ, потому что это признакъ жестокости, безсердечія и величайшаго высокомѣрія. Милостыня потому такъ и называется, чтобы мы подавали и достойнымъ, и недостойнымъ. Если мы будемъ разбирать и разузнавать недостойныхъ, то и достойные пожалуй нелегко попадутся намъ; а если будемъ подавать и недостойнымъ, то несомнѣнно и достойные, и равные со всѣми ними попадутъ въ наши руки. Если мы станемъ разслѣдовать достоинство и быть строго взыскательными въ отношеніи къ нашимъ сорабамъ, то и Богъ сдѣлаетъ съ нами то же самое; и стараясь требовать отчета у сорабовъ, сами лишимся вышняго милосердія. Тому, кто показываетъ дружелюбіе, нужно не отчета въ жизни требовать, а облегчать бѣдность и восполнять нужду. Итакъ, когда ты увидишь нищаго, не проходи мимо, а тотчасъ же подумай, какъ бы ты себя чувствовалъ, если бы былъ на его мѣстѣ; подумай о томъ, что онъ такъ же, какъ и ты, свободенъ, принадлежитъ къ одному съ тобою обществу, имѣетъ все общее съ тобою, и ты часто не равняешь его даже съ своими собаками: тогда какъ тѣ насыщаются, этотъ часто засыпаетъ голодный, и

свободный становится для тебя презрѣннѣе твоихъ рабовъ. Но послѣдніе исполняютъ для тебя нужныя дѣла, и хорошо служатъ тебѣ? Такъ я покажу тебѣ, что и тотъ служитъ тебѣ службу, и гораздо болѣе важную, чѣмъ они: онъ окажетъ тебѣ помощь въ день суда, и избавитъ тебя отъ огня. Что подобнаго могутъ сдѣлать твои рабы? Когда умерла Тавиѳа, кто воскресилъ ее? Рабы ли, окружавшіе ее, или бѣдные? А ты не хочешь поставить даже наравнѣ съ рабами свободнаго, который однимъ внѣшнимъ видомъ долженъ былъ бы склонить тебя къ милосердію? И какъ ты можешь просить Бога избавить тебя, когда ты будешь въ опасности, если самъ оставляешь безъ всякой помощи человѣка, ничѣмъ не согрѣшившаго противъ тебя, когда онъ скорбитъ, стенаетъ и томится голодомъ и холодомъ? Какъ Онъ оставитъ безъ наказанія тебя, согрѣшившаго противъ Него? *Иже затыкаетъ ушеса своя*, сказано, *еже не послушати* нищаго, прошенія его не послушаетъ Богъ (Притч. xxi, 13). Итакъ, будемъ относиться къ нашимъ сорабамъ такъ же, какъ мы желаемъ, чтобы относился къ намъ Богъ. Милостыня есть болѣе великая жертва, чѣмъ молитва, постъ и многое другое, если только она бываетъ отъ праведныхъ стяжаній и таковыхъ же трудовъ, если чиста отъ всякаго любостяжанія, хищенія и насилія. Такія приношенія Богъ принимаетъ, другія же отвергаетъ и ненавидитъ. Онъ не хочетъ, чтобы Его почитали насчетъ чужихъ несчастій, потому что такая жертва нечиста и непотребна, и скорѣе можетъ раздражать, нежели умилостивлять Бога. Милостыня для того такъ и названа, чтобы мы миловали, а не мучили нашихъ сорабовъ. А кто беретъ чужое и даетъ другому, тотъ оказываетъ не милость, а скорѣе подвергаетъ наказанію, и учиняетъ немалую обиду. Кто желаетъ быть богатымъ, имѣетъ нужду въ деньгахъ; кто не желаетъ быть богатымъ, всегда остается въ довольствѣ. Не богатымъ быть, а не желать богатѣть,—вотъ въ чемъ богатство. Есть,—скажу къ примѣру,—богачъ, который грабитъ все у всѣхъ, и есть богачъ, который отдаетъ свое имущество бѣднымъ; одинъ богатѣетъ собирая, другой расточая; одинъ сѣетъ землю, другой воздѣлываетъ небо. Но насколько небо превосходнѣе земли,
730 настолько и плодоносность послѣдней скуднѣе перваго. И вотъ что удивительно: съ хищникомъ бываетъ такъ, что его ненавидятъ не только обиженные имъ, но и не потерпѣвшіе отъ него никакого зла, сочувствуя именно потерпѣвшимъ. Если же съ нимъ случится несчастіе, отовсюду несутся тысячи криковъ: злодѣй, нечестивецъ, распутный, и всѣ нападаютъ на него. Съ милостивымъ же человѣкомъ бываетъ такъ, что его любятъ не только тѣ, которымъ онъ оказалъ состраданіе, но и тѣ, которымъ

не оказалъ, относя къ себѣ самимъ благодѣяніе, оказанное первымъ. А если съ нимъ случится какое-нибудь несчастіе, то всѣ молятся, чтобы Богъ помиловалъ его, устроилъ ему все благополучно, чтобы у него всегда оставалось богатство. Видишь, какъ злоба и тѣхъ имѣетъ своими врагами, которые не потерпѣли никакой обиды, а милосердіе имѣетъ своими приверженцами и тѣхъ, коимъ оно не было оказано? Прежде всего, поэтому, отстань отъ хищенія, и тогда твори милостыню; удержи руки отъ любостяжанія, и тогда простирай ихъ на милостыню. Если же мы тѣми же самыми руками и раздѣваемъ бѣдныхъ, то, хотя бы мы подаяніемъ взятаго отъ нихъ даже одѣли другихъ, мы все равно не избѣжимъ наказанія, потому что основа милосердія становится основой всякаго грѣха. Лучше совсѣмъ не жалѣть, чѣмъ такъ жалѣть. Если Каинъ, принесши менѣе важное, прогнѣвилъ Бога, то какъ можетъ не прогнѣвить тотъ, кто даетъ еще и чужое? Милостыня есть благороднѣйшее искусство и заступница для совершающихъ ее, потому что она любезна Богу, если не безчестится нами; а она безчестится, когда мы творимъ ее насчетъ хищенія чужого; если же она бываетъ чиста, то даетъ возсылающимъ ее великое дерзновеніе и молится за навлекшихъ на себя гнѣвъ Божій. Такова ея сила: она расторгаетъ узы, разрѣшаетъ тьму, угашаетъ огонь, и дѣлаетъ творящихъ ее подобными Богу. *Будите*, говорится, *милосерди, якоже и Отецъ вашъ* небесный *милосердъ есть* (Лук. VI, 36). Не упустимъ же удобнаго времени, какое представляетъ настоящая жизнь, но будемъ всѣми силами заботиться о нашемъ спасеніи. Можно, вѣдь, можно и при послѣднемъ издыханіи благоугодить Богу; можно заслужить похвалу и завѣщаніемъ; не такъ, правда, какъ при жизни, но все же можно. Какъ же именно? Если ты вмѣстѣ въ число твоихъ наслѣдниковъ впишешь и Бога, если удѣлишь и Ему часть всего наслѣдства. Ты не напиталъ Его при жизни? Такъ по крайней мѣрѣ по смерти, когда ты уже не господинъ, удѣли Ему изъ твоихъ богатствъ. Конечно, болѣе желательно и больше награда, если бы ты питалъ Его при жизни; но если ты не сдѣлалъ Ему этого, то займи хоть второе мѣсто; если же колеблешься и это сдѣлать, то подумай, что Отецъ его сдѣлалъ тебя сонаслѣдникомъ ему, и отрѣшись отъ жестокосердія. Въ самомъ дѣлѣ, какое получишь ты прощеніе, когда ты, мало того, что не напиталъ Его при жизни, даже собираясь отойти къ Нему, не хочешь дать Ему и малой частицы тѣхъ денегъ, надъ которыми ты уже невластенъ, а относишься къ Нему до такой степени враждебно и непріязненно, что не удѣляешь Ему даже чего-нибудь изъ ставшаго для тебя безполезнымъ? Не видишь ли,

сколько людей не удостоились даже и такой кончины, а внезапно были похищены смертью? Тебѣ же Богъ далъ возможность разъяснить и сказать своимъ близкимъ относительно имущества, и распорядиться всѣмъ по дому. Какое же будешь имѣть ты извиненіе, когда ты, получивши отъ Него даже и эту милость, не пользуешься благодѣяніемъ, и даже въ силу необходимости не хочешь стать милосердымъ? Конечно, много лучшее дѣло и доставляющее великое дерзновеніе—облегчать бѣднаго при жизни; но если ты не захотѣлъ сдѣлать этого, то хоть умирая сдѣлай что-нибудь доблестное: хоть это дѣло и не великой любви, но все же доброе дѣло. Хотя ты не будешь имѣть перваго мѣста
731 среди овецъ, но немаловажно и то, чтобы по крайней мѣрѣ быть съ ними, а не стать вмѣстѣ съ козлищами. Если же ты не сдѣлаешь и этого, то какое слово оправданія послѣ того избавитъ тебя отъ казни? Когда ты жилъ, ты прилѣплялся къ богатству какъ будто бы былъ безсмертнымъ; теперь же, когда ты узналъ, что смертенъ, по крайней мѣрѣ теперь оставь такое заблужденіе, и разсуди какъ смертный о своемъ имуществѣ. Хотя и тяжко, и полно ужаса то, что предстоитъ сказать, тѣмъ не менѣе необходимо сказать: сопричисли Владыку твоего вмѣстѣ съ рабами. Ты освобождаешь рабовъ? Освободи Христа отъ голода, нужды, темницы и наготы. Ты ужасаешься, слыша это? Слѣдовательно, еще ужаснѣе, когда ты этого самаго не дѣлаешь. Вотъ и здѣсь такое слово заставило тебя оцѣпенѣть; что же ты скажешь тогда, когда отойдешь туда, услышишь гораздо болѣе того тяжкія слова, и увидишь нестерпимыя мученія? Къ кому прибѣгнешь? Кого призовешь въ качествѣ союзника и помощника? Авраама? Но онъ не услышитъ. Или отца, или дѣда? Но и изъ нихъ никто, какъ бы ни былъ святъ, не въ силахъ будетъ отмѣнить тотъ приговоръ. Но ты безчеловѣченъ, жестокъ и безжалостенъ? Устыдись достоинства просящаго. Но не пристыжаетъ тебя это достоинство? Преклонись къ несчастію. Но и несчастіе не склоняетъ тебя къ жалости? Дай въ виду легкоисполнимости просьбы. Если же ни достоинство, ни крайняя нужда, ни легкость подаянія не могутъ убѣдить тебя, то дай нуждающемуся хоть ради величія обѣтованныхъ благъ. Какое же будетъ прощеніе тѣмъ, которые послѣ столькихъ увѣщаній оставляютъ безъ помощи нуждающихся? Пусть слышатъ посвященные въ таинства: Христосъ, когда нужно напитать тебя, не щадитъ и собственной плоти; когда нужно напоить, не щадитъ и крови; а ты не даешь даже хлѣба и воды? И какое будешь имѣть ты прощеніе, получая такіе дары, и скупясь на вещи ничтожныя? Вѣдь ты не уйдешь отсюда съ деньгами, если не дашь ихъ ради

Христа: не будешь безсмертнымъ, если не умрешь ради Христа. Онъ требуетъ отъ тебя того, что ты отдашь и безъ Его требованія, потому что ты смертенъ; Онъ хочетъ, чтобы ты по своей волѣ сдѣлалъ то, что ты долженъ сдѣлать и по необходимости. Что тебѣ безусловно необходимо потерпѣть, предпочти потерпѣть ради Меня: пусть только будетъ такое намѣреніе, и Я сочту за достаточное послушаніе. Можетъ ли быть терпимо, что, тогда какъ Богъ даже Сына своего предалъ за тебя, ты даже и хлѣба не даешь Ему, преданному за тебя, закланному за тебя? Отецъ ради тебя не пощадилъ Сына, и при томъ Сына истиннаго; а ты презираешь даже томимаго голодомъ, и при томъ когда ты долженъ тратить изъ Его же благъ, и тратить ради себя самого. И 732
что можетъ быть хуже такого беззаконія? Ради тебя Онъ преданъ, ради тебя закланъ, ради тебя ходитъ алкая, чтобы ты, давая изъ Его же благъ, самъ получилъ пользу, и ты все-таки не даешь? Не оказываешься ли ты безчувственнѣе всякихъ камней, когда столько побужденій влечетъ тебя къ милостынѣ, а ты упорствуешь въ этой дьявольской жестокости? Если, говоритъ, ты не вознаграждаешь Меня за то, что я пострадалъ за тебя, то пожалѣй ради бѣдности; если не хочешь пожалѣть ради бѣдности, будь сострадателенъ ради болѣзни, сжалься ради узъ; если и это не дѣлаетъ тебя сострадательнымъ, преклонись ради легкости просьбы: вѣдь Онъ не проситъ ничего, требующаго большихъ издержекъ, а только хлѣба, кровли и словеснаго утѣшенія. Если же и послѣ этого ты остаешься еще жестокимъ, то стань снисходительнѣе хотя бы ради царствія. Но тебѣ нѣтъ никакого дѣла и до него? Тогда имѣй хоть состраданіе къ самой природѣ, видя нагого, и вспомни о той наготѣ, которою обнажился Я ради тебя на крестѣ. Если же не хочешь вспомнить о ней, то вспомни хотя бы о той, которою обнажаюсь Я ради бѣдныхъ. Не говорю: избавь Меня отъ бѣдности, не говорю: дай Мнѣ богатство, а прошу только хлѣба, одежды, и небольшого облегченія въ голодѣ; если попаду въ темницу, не заставлю разрѣшить и освободить отъ узъ, а ищу только одного, — чтобы ты навѣстилъ заключеннаго ради тебя, и Я получу вполнѣ достаточный даръ любви. Я могу, конечно, и безъ этого увѣнчать тебя, но хочу быть еще и должникомъ тебѣ, чтобы вѣнецъ принесъ тебѣ нѣкій плодъ и дерзновеніе. Вотъ почему, хотя Я и самъ могъ бы напитать Себя, Я хожу какъ нищій, и, стоя предъ твоими дверями, простираю руку, желая быть напитаннымъ тобою. И Я похваляюсь этимъ, чтобы въ свое время прославить тебя предъ лицомъ всей вселенной, и во всеуслышаніе объявить Моего питальца. Вы, когда питаетесь отъ кого-нибудь, стыдитесь этого и скры-

ваете; а Я, такъ какъ слишкомъ люблю васъ, объявляю о вашемъ дѣлѣ съ великими похвалами, хотя бы вы и молчали, и не стыжусь сказать, что вы одѣли Меня нагого, напитали голоднаго, а напротивъ даже похваляюсь этимъ, чтобы вы провозглашены были наслѣдниками царства небеснаго. Итакъ, помышляя объ этомъ, возлюбленные, будемъ усердно заботиться о спасеніи, чтобы достигнуть и вѣчныхъ благъ, во Христѣ Іисусѣ Господѣ нашемъ, Которому славу во вѣки вѣковъ. Аминь.

СЛОВО XXIV.

О грѣхѣ и исповѣди.

731 Путешествовалъ ли кто-нибудь изъ васъ, возлюбленные, когда-нибудь въ Палестинѣ? Думаю, что такъ. Что же? Вы, видѣвшіе тѣ мѣста, засвидѣтельствуйте. Есть тамъ обширная и плодоносная земля, или вѣрнѣе сказать, была, потому что теперь ея уже нѣтъ; итакъ, эта, нѣкогда столь богатая земля, соперничавшая со всѣми странами и равнявшаяся по благосостоянію съ раемъ Божіимъ, теперь пустыннѣе всякой пустыни. Стоятъ тамъ, правда, и теперь деревья, и имѣютъ плоды, но плоды эти служатъ памятникомъ гнѣва Божія; стоятъ гранатовыя яблони, и какъ дерево, такъ и плодъ имѣютъ пышный видъ, и человѣку
732 невѣдущему подаютъ большія надежды: но если взять его въ руки и разломить, то оказывается, что внутри не заключается никакого плода, а только зола и пепелъ. Такова вся эта страна; и деревья, и камни, и воздухъ, и вода подверглись такой участи. Вы видите тамъ землю, но она не имѣетъ ничего, свойственнаго настоящей землѣ; видите деревья и плоды, но въ нихъ нѣтъ ничего, свойственнаго настоящимъ деревьямъ и плодамъ, а только одинъ пепелъ; видите воздухъ и воду, но они не имѣютъ ничего общаго съ настоящими воздухомъ и водой, потому что и они превращены въ пепелъ силою Совершившаго это. Какъ у сожженнаго тѣла наружный образъ остается въ видѣ огня, а
733 сущность уже не остается, такъ точно и въ тѣхъ предметахъ. Ужели и это однѣ лишь угрозы? Ужели и это пустые звуки? Но это тяжко? А то нетяжко, когда ты говоришь, что нѣтъ геенны? Ты, не вѣрящій, заставляешь меня говорить это; ты доводишь меня до такихъ рѣчей. Если бы ты повѣрилъ словамъ Христа, мнѣ не было бы нужды приводить тебѣ доказательства, представляемыя самой дѣйствительностію.

Тотъ, кто излилъ столь великій гнѣвъ за одинъ грѣхъ, не преклонившись ни на мольбы Авраама, ни Лота, пощадитъ ли насъ, когда нами совершено столько грѣховъ? Поистинѣ, это смѣхъ, вздоръ, дьявольскій обманъ и обольщеніе. Если же хочешь видѣть, какъ подвергаются наказанію и люди вѣрующіе и преданные Богу, но не ведущіе правой жизни, то слушай, что говоритъ Павелъ: *ниже соблудимъ, якоже нѣцыи соблудиша, и падоша во единъ день двадесять три тысящы* (1 Кор. x, 8). Если же блудъ могъ столько сдѣлать, то чего не сдѣлаютъ наши грѣхи? Если же ты и не потерпишь казни теперь, не удивляйся. Тѣ не знали геенны, почему и подвергались непосредственно тотчасъ же наказаніямъ, ты же, хотя бы не понесъ здѣсь никакой казни, получишь возмездіе за все, въ чемъ бы ни согрѣшилъ, тамъ. И хотя мы совершимъ тѣ же самые грѣхи, что и они, однако заслуживаемъ большаго наказанія, чѣмъ они. Почему? Потому, что получили большую благодать. Когда же мы и больше ихъ, и болѣе тяжко согрѣшаемъ, то какому не подвергнемся наказанію? Если бы мы, согрѣшая и оставаясь ненаказанными, не дѣлались хуже, то Богъ отпустилъ бы конечно намъ наказаніе; но Онъ ясно знаетъ, что безнаказанность нашихъ грѣховъ приноситъ намъ не меньше вреда, чѣмъ и самые грѣхи. Поэтому Онъ и налагаетъ наказаніе, не только для того, чтобы наказать за прошедшее, но и для того, чтобы исправить на будущее время. И что это такъ, послушай, что Онъ говоритъ Моисею: *остави мя, и возъяривсясь гнѣвомъ, потреблю ихъ* (Исх. xxxii, 10). *Остави мя*, говоритъ, не потому, чтобы Моисей удерживалъ Его,—вѣдь послѣдній ничего не говорилъ Ему, а въ молчаніи предстоялъ Ему,—но желая доставить ему случай къ молитвѣ за нихъ. Такъ дѣлаемъ часто и мы, когда, не желая ни наказать своихъ слугъ, совершившихъ достойныя наказанія проступки, ни освободить ихъ отъ страха наказанія, внушаемъ друзьямъ вырвать ихъ изъ нашихъ рукъ, чтобы такимъ образомъ и страхъ у нихъ остался въ полной силѣ, и они избѣжали нашихъ побоевъ. Подобнаго рода случай былъ, какъ можно видѣть, и съ Іоной. *Бысть*, говорится, *слово Господне ко Іонѣ* пророку, *глаголя: востани и иди въ Ниневію градъ великій и проповѣждь въ немъ: еще три дни, и Ниневія превратится*. Услышавъ же *Іона, сниде во Іоппію, еже бѣжати въ Ѳарсисъ отъ лица Господня* (Іон. I, 1—3; III, 4). Куда бѣжишь ты, человѣкъ? Бѣжишь отъ Господа, скажи мнѣ? Но подожди немного, и ты на опытѣ узнаешь, что не можешь избѣжать рукъ даже и рабскаго моря. Въ самомъ дѣлѣ, не успѣлъ онъ взойти на корабль, какъ то подняло волны и стало вздыматься на громадную высоту. И подобно тому какъ вѣрная какая-

нибудь служанка, найдя бѣглаго сораба, укравшаго что-нибудь изъ господскаго имущества, причиняетъ принявшимъ его тысячи
734 хлопотъ, пока не получитъ его обратно, такъ точно и море, найдя и признавъ своего сораба, доставляетъ тысячи безпокойствъ пловцамъ, волнуясь, шумя, и не къ суду привлекая ихъ, а угрожая потопить корабль вмѣстѣ съ людьми, если они не отдадутъ ему сораба. Тогда, говорится, *сотвориша измѣтаніе сосудовъ* (Іон. I, 5); но корабль не облегчался, потому что вся тяжесть оставалась еще на немъ, именно тѣло пророка, этотъ тяжкій грузъ, не по природѣ самаго тѣла, а по причинѣ тяжести грѣха. Дѣйствительно, нѣтъ ничего столь тяжкаго и неудобоносимаго, какъ грѣхъ и преслушаніе. И подобно тому какъ на судѣ, хотя бы и обвинители были на лицо, и свидѣтели присутствовали, и доказательства преступленія были приведены, судьи не раньше выносятъ приговоръ, пока самъ подсудимый не сознается въ своемъ преступленіи, такъ точно обстояло дѣло и у пловцовъ съ пророкомъ. *Метнуша*, говорится, *жребія* (ст. 7), и жребій подвергъ наконецъ виновнаго приговору. Но пловцы и тогда не потопили его; нѣтъ, несмотря на такое смятеніе и охватывавшій ихъ страхъ, несмотря на то, что море не давало имъ ни минуты покоя, неистовствовало, шумѣло и вздымало на нихъ волну за волной, они, какъ будто наслаждаясь полной тишиной, учинили даже судилище на кораблѣ, предоставили ему слово, дали возможность защищать себя, и все съ точностью изслѣдовали, какъ будто имъ предстояло дать кому-нибудь отвѣтъ за свое рѣшеніе; и не взирая на то, что и море требовало его, и жребій уличилъ его, и самъ онъ сознался въ преступленіи, не произносятъ приговора. Откуда же явилась такая осторожность? Отъ домостроительства Божія. Богъ изволилъ совершиться этому, чтобы научить чрезъ это пророка быть человѣколюбивымъ и кроткимъ. Подражай пловцамъ, людямъ невѣжественнымъ и несмысленнымъ,—какъ бы такъ взываетъ Онъ къ нему,—они не презираютъ даже и одной души, не пренебрегаютъ даже и одного твоего тѣла, а ты, насколько это отъ тебя зависѣло, предалъ цѣлый городъ, имѣющій столько тысячъ жителей; они, даже найдя виновника приключившихся съ ними бѣдствій, не спѣшатъ произнести осуждающій приговоръ, а ты, не имѣя никакого повода въ чемъ-либо обвинять ниневитянъ, потопилъ и погубилъ ихъ. Но большинство людей къ своимъ собственнымъ погрѣшностямъ относятся снисходительно, а чужія осуждаютъ. И многіе часто говорятъ, что государственныя и общественныя дѣла идутъ худо, и въ качествѣ причины указываютъ на неразуміе правительства; я же говорю, что не неразуміе правящихъ лицъ, а нашъ грѣхъ служитъ

тому причиной: онъ именно все разстроилъ, онъ довелъ до всѣхъ этихъ золъ, не изъ другого чего разлился надъ нами этотъ рой бѣдствій. Поэтому, будь начальникъ хоть Авраамомъ, хоть Моисеемъ, хоть Давидомъ, хоть мудрѣйшимъ Соломономъ, или грѣшнѣйшимъ изъ всѣхъ людей, но если мы настроены худо, причина къ бѣдствіямъ остается безразлична. Получать начальниковъ по сердцу нашему—это значитъ не что иное, какъ то, что мы напередъ согрѣшили, и потому нашли такого начальника. Но если начальникъ будетъ даже весьма праведенъ, такъ праведенъ, что достигнетъ добродѣтели Моисея, одна его праведность не въ со- 735
стояніи будетъ покрыть несмѣтныхъ согрѣшеній подчиненныхъ. Наоборотъ, если хотите, я покажу вамъ, какъ грѣхъ даже одного часто пересиливаетъ неповинность добрыхъ гражданъ. Іисусъ Навинъ нѣкогда приступилъ къ Іерихону, и, производя новую дивную осаду, когда стѣны готовы уже были пасть, говоритъ народу: *проклятъ градъ сей, и вся, елика суть въ немъ, Господу силъ.* Итакъ *соблюдитеся отъ клятвы, да не когда помысливше вы возмете отъ* нея, и потребитъ насъ Богъ (І. Нав. VI, 16, 17). Что же затѣмъ? Пали стѣны, и городъ оказался въ рукахъ осаждавшихъ. И вотъ, когда весь народъ соблюдалъ это приказаніе, преступленіе одного возбудило гнѣвъ Божій на весь народъ. *Прегрѣшиша,* говорится, *сынове Израилевы прегрѣшеніемъ великимъ* (І. Нав. VII, 1). И однако согрѣшившій былъ одинъ, именно Ахаръ; какъ же согрѣшили *сынове Израилевы? И разгнѣвася,* говорится, *Господь на сыны Израилевы. Посла* же *Іисусъ мужы отъ Іерихона въ Гай. И идоша аки три тысящи мужей, и побѣгоша отъ лица мужей гайскихъ, и убиша отъ нихъ тридесять и шесть мужей* (ст. 1, 2, 4, 5). Смотри на взысканіе за одинъ грѣхъ, смотри на неумолимую казнь; одинъ согрѣшилъ, а на весь народъ напала смерть и бѣдствія. Что же это, добролюбивый Господи? Ты единъ праведенъ, и правы судьбы Твои; Ты каждому воздаешь судъ сообразно дѣламъ его; Ты сказалъ, Человѣколюбецъ, что каждый умретъ въ собственномъ своемъ грѣхѣ, и одинъ не будетъ подвергаться наказанію за другого; итакъ, что же это за праведный Твой судъ? Достохвальны всѣ дѣла Твои, Господи, и свыше всякой мѣры достохвальны, и устрояются на пользу намъ; почему же Ты за грѣхъ одного навелъ казнь на другихъ? Грѣхъ, отвѣчаетъ Онъ, есть нѣкая зараза; пусть же чрезъ наказаніе, наложенное на всѣхъ, онъ будетъ выставленъ на позоръ, чтобы не заразилъ всѣхъ. Видишь, какъ грѣхъ одного принесъ наказаніе всему народу? Посмотри затѣмъ и на позорную и несчастную смерть преступника. *И возведе его,* говорится, Іисусъ *въ дебрь Ахоръ, и сыны его, и дщери, и телцы его, и ослята его, и овцы*

его и кущу его, и вся имѣнія его. И побиша его каменіемъ весь Израиль (ст. 24, 25). Итакъ, не будемъ самонадѣянны, если Богъ долготерпѣливо сноситъ причиняемыя Ему оскорбленія, но поэтому-то самому именно и будемъ особенно сокрушаться. У людей, когда кто-нибудь, будучи ударенъ въ правую щеку, подставляетъ и лѣвую, то этимъ отмщаетъ гораздо сильнѣе, чѣмъ если бы онъ нанесъ самъ тысячи ударовъ, или когда, будучи злословимъ, не только не злословитъ самъ, но и благословляетъ, то этимъ наноситъ обидчику болѣе тяжкій ударъ, чѣмъ если бы осыпалъ его безчисленными ругательствами; если же у людей бываетъ такъ, то гораздо болѣе у Бога: тѣ, кто постоянно грѣшатъ и не терпятъ никакого зла, должны бояться, потому что на главу ихъ собирается несказанное мщеніе. Для согрѣшающаго зло не въ томъ, что онъ подвергается наказанію, а въ томъ, если онъ, оставаясь таковымъ, не терпитъ наказанія; подобно тому какъ для больного зло—не лѣчиться. Когда наши добрыя дѣла малы и ничтожны, а бремя грѣховъ велико, и мы при этомъ наслаждаемся здѣсь счастіемъ и не испытываемъ ничего худого, то мы отойдемъ отсюда совершенно нагими и ли-
736 шенными награды даже и за добрыя дѣла, какъ получившіе уже все здѣсь; наоборотъ, когда наши добродѣтели велики и многочисленны, а грѣхи малы и ничтожны, и въ добавокъ къ тому мы потерпимъ какое-нибудь зло, и очистимся здѣсь даже и отъ малыхъ грѣховъ, то получимъ полное и совершенное воздаяніе за добрыя дѣла въ той жизни. Итакъ, не наказаніе будемъ считать тяжкимъ бѣдствіемъ, когда мы согрѣшаемъ, а отсутствіе наказанія. Если бы даже Богъ не наказывалъ насъ, то мы сами должны были бы подвергнуть себя наказанію, какъ оказавшихся столь неблагодарными къ своему благодѣтелю. Сказать ли нѣчто странное и удивительное? Кто имѣетъ умъ и любитъ Господа, какъ должно любить, для того бываетъ больше утѣшенія, если онъ подвергается наказанію послѣ того, какъ прогнѣвитъ столь милосердаго, нежели въ томъ случаѣ, когда онъ не терпитъ наказанія. Обидѣвшій нѣжно-любимаго тогда, вѣдь, только и находитъ успокоеніе, когда подвергнется наказанію и какъ-нибудь пострадаетъ. Не видите ли, какъ потерявшіе своихъ дѣтей и бьютъ себя въ грудь, и рвутъ волосы по этому поводу, такъ какъ подвергать себя мученію за любимыхъ доставляетъ утѣшеніе. Если же въ томъ случаѣ, когда мы не причинили любимымъ ничего худого, страданія за то, что тѣ потерпѣли, приноситъ намъ утѣшеніе, то, когда мы сами причиняемъ огорченіе и оскорбленіе, не гораздо ли болѣе доставитъ намъ успокоенія, если мы потерпимъ наказаніе (здѣсь) и не подвергнемся (вѣчному) мученію?

Это для всякаго очевидно. Для сколько-нибудь любящихъ не то
тяжко, чтобы потерпѣть какую-нибудь непріятность за то, что
они огорчили любимаго, а прежде всего самое огорченіе, причи-
ненное любимому. И если послѣдній, будучи разгнѣванъ, не на-
кажетъ любящаго его, то доставитъ ему большое мученіе, а если
подвергнетъ наказанію, то дастъ большее утѣшеніе. Если кто лю-
битъ Христа, какъ должно любить, то не захочетъ даже и при
Его соизволеніи оставаться безъ наказанія, потому что прогнѣ-
вавшій Его испытываетъ величайшее наказаніе. Нѣтъ, подлинно
нѣтъ никого, будь то отецъ, или мать, или другъ, или кто бы
то ни было, кто такъ возлюбилъ бы насъ, какъ сотворившій насъ
Богъ. Если же ты укажешь мнѣ на печали, скорби и бѣдствія
въ жизни, то подумай, сколько разъ каждый день ты оскорбляешь
Его, и ты уже не будешь удивляться, хотя бы тебя постигли
даже большія бѣдствія; напротивъ, когда будешь пользоваться
какимъ-либо благомъ, тогда будешь и удивляться и изумляться.
Теперь же постигающія насъ бѣдствія мы видимъ, а тѣхъ оскорбле-
ній, которыя мы ежедневно наносимъ Ему, не видимъ,—почему и
приходимъ въ смущеніе; между тѣмъ, если бы мы точно сосчи-
тали наши грѣхи въ теченіе хотя бы только одного дня, то хорошо
узнали бы, какихъ золъ достойны мы. Оттого вкрадываются къ
намъ тяжкіе грѣхи, что не получаютъ надлежащаго исправленія
грѣхи меньшіе: оттого внезапныя перемѣны и паденія; оттого
постоянныя преждевременныя смерти, что мы такъ высоко ду-
маемъ о себѣ, какъ будто мы уже достигли самаго неба, грабимъ,
какъ будто не предполагая никогда умереть, и предаемся коры-
столюбію, какъ будто намъ не предстоитъ дать никакого отвѣта;
и ни слово Божіе, ни сама дѣйствительность не вразумляетъ
насъ, но все напрасно, и ничто не разбиваетъ нашей очерствѣ-
лости. Никто не презираетъ земныхъ благъ; никто не взираетъ
на небо; но подобно тому какъ свиньи смотрятъ внизъ, наги-
баясь къ чреву и валяясь въ грязи, такъ и большинство людей,
оскверняя себя пагубнѣйшимъ навозомъ, не чувствуютъ этого.
Лучше, вѣдь, замарать себя нечистотами, чѣмъ грѣхами. Зама- 737
равшій себя нечистотами живо можетъ вымыться и стать такимъ
же, какъ и человѣкъ, никогда не попадавшій въ такую грязь;
тотъ же, кто впалъ въ ровъ грѣха, получаетъ оскверненіе, кото-
рое не водою смывается, а требуетъ долговременнаго и усерднаго
покаянія, и болѣе обильныхъ и горячихъ слезъ, стенаній и ры-
даній, чѣмъ по самымъ дорогимъ нашимъ умершимъ. Подобно
тому какъ нѣтъ никакой пользы тому, кто облеченъ въ царскую
порфиру и носитъ оружіе, а не имѣетъ ни одного подданнаго, и
всякій желающій можетъ поносить и оскорблять его, такъ точно

нѣтъ никакого пріобрѣтенія и для христіанина, если онъ имѣетъ вѣру и даръ, полученный въ крещеніи, а является игрушкой для всѣхъ страстей. Напротивъ, какъ тотъ не только ничего не пріобрѣтетъ для своей чести отъ царской одежды, но и эту послѣднюю обезчеститъ собственнымъ позоромъ, такъ точно и вѣрующій, живя порочною жизнью, не только не будетъ за это достоуважаемъ, но и будетъ тѣмъ болѣе смѣшенъ. Итакъ, не будемъ позорить нашей жизни, не будемъ жить жизнью, смѣха достойной; не будемъ осквернять тѣла блудомъ. Въ самомъ дѣлѣ, какъ сможешь ты войти въ церковь послѣ общенія съ блудницами? Какъ ты будешь простирать къ небу руки, которыми обнималъ блудницу? Какъ сможешь двинуть языкомъ и молиться тѣми устами, которыми цѣловалъ блудницу? Какими глазами будешь смотрѣть ты на почтеннѣйшихъ друзей своихъ, взирающихъ на это? Да что я говорю—друзей? Хотя бы и никто не зналъ о томъ, ты самъ себя прежде всѣхъ принужденъ будешь стыдиться и краснѣть, и больше всѣхъ чувствовать отвращеніе къ своему тѣлу. Если бы было не такъ, то зачѣмъ ты послѣ этого грѣха бѣжишь въ баню? Не потому ли, что считаешь себя нечистымъ хуже всякой грязи? Такъ какой же приговоръ, думаешь ты, произнесетъ Богъ, когда ты самъ, согрѣшившій, имѣешь такое мнѣніе о своемъ поступкѣ? Итакъ, если бы это была нечистота тѣлесная, то ты могъ бы, какъ и слѣдуетъ, очищать себя омовеніемъ въ банѣ; но такъ какъ ты загрязнилъ и сдѣлалъ нечистой всю душу, то ищи такого очистительнаго средства, которое могло бы смыть ея скверну; а если мы не сдѣлаемъ этого, то, хотя бы исходили всѣ рѣчные источники, мы не въ состояніи будемъ удалить даже и малѣйшей части этого грѣха. Если бы въ сундукъ, гдѣ лежали господскія одежды, какой-нибудь слуга положилъ грязную рабскую одежду, кишащую вшами, то, скажи мнѣ, снесъ ли бы ты спокойно такое безчестіе? Равнымъ образомъ, если бы въ золотой сосудъ, обычно содержавшій всегда благовонныя масла, кто-нибудь налилъ испражненій и нечистотъ, то не побилъ ли бы ты даже совершившаго такой проступокъ? Итакъ о сундукахъ, сосудахъ и одеждахъ мы обнаруживаемъ такую заботливость, а душу нашу будемъ считать ничтожнѣе всего этого, и туда, гдѣ изліяно было духовное миро, будемъ ввергать дьявольскія прелести, сатанинскія рѣчи, и распутныя пѣсни? И какъ Богъ стерпитъ это, скажи мнѣ? Когда ты, развращенный театральнымъ зрѣлищемъ, и ставъ врагомъ всякаго цѣломудрія, по возвращеніи оттуда увидишь свою жену, то непремѣнно будешь смотрѣть на нее съ отвращеніемъ, какова бы она ни была. Плѣненный распутнымъ зрѣлищемъ, ты безчестишь,

оскорбляешь и осыпаешь тысячами ругательныхъ словъ чистую и пристойную подругу всей твоей жизни; и будучи всецѣло по- 733
глощенъ гнуснымъ и нечистымъ пожеланіемъ, слыша въ душѣ своей еще раздающійся звукъ голоса, вспоминая и видъ, и взглядъ, и движенія, и всѣ позы блудницы, отъ которой получилъ рану, ни на что уже въ домѣ не смотришь съ удовольствіемъ. Какъ находящіеся въ состояніи опьяненія и страдающіе головной болью носятся безъ всякаго соображенія въ разныя стороны, и что бы передъ ними ни было, ровъ ли, или пропасть, падаютъ туда, не принимая никакихъ мѣръ предосторожности, такъ точно и пристрастившіеся къ грѣху, будучи одержимы грѣховнымъ пожеланіемъ какъ бы тяжкимъ опьяненіемъ, не знаютъ, что дѣлаютъ, и не помышляютъ ни о чемъ ни настоящемъ, ни будущемъ.

Таково свойство грѣха: послѣ того, какъ онъ сдѣланъ и доведенъ до самаго конца, онъ причиняетъ родившей его душѣ муки, въ противоположность законамъ нашего рожденія. Мы, какъ только родимся, такъ и прекращаемъ муки; грѣхъ же, лишь только родится, начинаетъ терзать мученіями породившій его умъ. Во время совершенія грѣха, будучи упоены удовольствіемъ, мы не такъ это чувствуемъ; но когда онъ совершенъ и конченъ, и все удовольствіе пройдетъ, тогда-то именно и проникаетъ въ душу острое жало раскаянія. И во время совершенія грѣха, и прежде совершенія, и послѣ совершенія наша совѣсть является суровымъ обличителемъ. Грѣшащіе,—такъ обычно бываетъ съ ними,—ко всему относятся съ подозрѣніями, боятся тѣней, пугаются всякаго шума, и про всякаго думаютъ, что онъ идетъ за ними; многихъ видятъ часто спѣшащихъ на другія дѣла, и думаютъ, что тѣ идутъ за ними; и когда другіе говорятъ между собою о другихъ предметахъ, они, сознавая за собой грѣхъ, думаютъ, что тѣ говорятъ про нихъ. Таково свойство грѣха: онъ выдаетъ согрѣшившаго, безъ всякаго обличителя, осуждаетъ безъ всякаго обвинителя, и дѣлаетъ его пугливымъ и трусливымъ. Совершенно наоборотъ правда. Слушай какъ о трусости грѣшника, такъ и о дерзновеніи праведника. *Бѣгаетъ*, говорится, *нечестивый ни единому же гонящу* (Притч. XXVIII, 1). Почему бѣжитъ онъ, когда никто не гонится за нимъ? Гонящій находится въ немъ самомъ; это—обличающая совѣсть, и онъ носитъ его всюду вмѣстѣ съ собой; и какъ отъ себя самого онъ не можетъ убѣжать, такъ и отъ гонящаго его внутри его. Совершенно не такъ праведникъ,—а какъ? *Праведный яко левъ уповая.* Таковъ былъ Илія: онъ видитъ царя, идущаго къ нему, и когда послѣдній сказалъ: для чего ты развращаешь *Израиля? не азъ*, говоритъ,

развращаю, но ты и домъ отца твоего (3 Цар. xviii, 17—18). Поистинѣ, праведникъ смѣлъ, какъ левъ. Онъ возсталъ на царя, какъ левъ на какую-нибудь ничтожную собаченку. Правда, тотъ облеченъ былъ въ порфиру; но этотъ имѣлъ милоть, которая была почтеннѣе той порфиры. Въ самомъ дѣлѣ, та порфира породила тяжкій голодъ, между тѣмъ какъ эта милоть прекратила бѣдствія; она раздѣлила Іорданъ, она сдѣлала Елисея сугубымъ Иліею (4 Цар. ii). Итакъ, что оскверняющіеся блудомъ считаютъ себя нечистыми, это я весьма хвалю и одобряю; а что они прибѣгаютъ не къ надлежащему средству очищенія, за это упрекаю и порицаю. Лучше, конечно, совсѣмъ не быть знакомымъ съ этимъ гнуснымъ грѣхомъ; но если уже кто поскользнулся какъ-
739 нибудь, то пусть употребляетъ напередъ такія средства, которыя могутъ устранить самую сущность грѣха, обѣщавшись никогда уже впредь не впадать въ этотъ грѣхъ; а если мы, согрѣшая, хотя и осуждаемъ совершенный грѣхъ, но опять принимаемся за то же, то намъ не будетъ никакой пользы отъ очищеній. Тотъ, кто омывается и снова затѣмъ валяется въ той же самой грязи, равно какъ и тотъ, кто разрушаетъ, что построилъ, и строитъ, чтобы опять разрушить, не получаетъ ничего, кромѣ напрасныхъ трудовъ и мученій. Если мы каждый день будемъ грѣшить и ранить нашу душу, но никогда не замѣчать этого, то, подобно тому какъ люди, получающіе постоянно раны и не обращающіе на нихъ вниманія, причиняютъ себѣ воспаленіе и смерть, и мы вслѣдствіе постоянной такой безчувственности навлечемъ на себя неотвратимую кару. Подлинно, ничто такъ не губитъ человѣка, какъ потеря страха Божія; равно какъ, наоборотъ, ничто такъ не спасаетъ, какъ обращеніе взоровъ сюда. Въ самомъ дѣлѣ, если мы, имѣя предъ глазами человѣка, иногда не такъ скоро рѣшаемся на грѣхи, и стыдясь благопристойныхъ слугъ, не дѣлаемъ ничего постыднаго, то подумай, какой надежной охраной будемъ мы пользоваться, имѣя предъ глазами Бога. Итакъ, самое лучшее—совсѣмъ не грѣшить; ниже этого—грѣша, сознавать свои грѣхи и исправляться. Если же у насъ не будетъ и этого, то какъ мы будемъ умолять Бога и просить объ оставленіи согрѣшеній, разъ мы не обращаемъ на нихъ никакого вниманія? Когда самъ ты, совершивъ грѣхъ, не хочешь сознать даже того самаго, что ты согрѣшилъ, то о какихъ же грѣхахъ ты станешь умолять Бога? О тѣхъ, которыхъ не знаешь? И какъ ты познаешь величіе благодѣянія? Тяжкое зло—дѣлать дѣла постыдныя; но когда дѣлающій ихъ стыдится, это уже наполовину зло; когда же кто-нибудь еще и похваляется ими, это уже крайнее безчувствіе. Кто послѣ совершенія грѣха осуждаетъ грѣхъ, тотъ со време-

немъ можетъ опять возстать; но кто хвалитъ порокъ, тотъ лишилъ уже себя врачества покаянія. Итакъ, подобно тому какъ не только дѣлающіе дурныя дѣла, но и похваляющіе послѣднихъ подвергаются вмѣстѣ съ ними тому же самому, или даже еще болѣе тяжкому наказанію, такъ точно и тѣ, кто хвалитъ и высоко почитаетъ людей добродѣтельныхъ, являются соучастниками уготованныхъ послѣднимъ вѣнцовъ. Итакъ, если ты, грѣша, не скорбишь, не почитай поэтому грѣхъ маловажнымъ, но поэтому-то самому особенно и стенай, что ты не чувствуешь скорби о грѣхахъ. Не оттого, вѣдь, происходитъ это, что грѣхъ не уязвляетъ, а оттого, что согрѣшающая душа безчувственна. Если тотъ, кто не скорбитъ о грѣхахъ другихъ людей, достоинъ осужденія, то заслуживаетъ ли какого-нибудь извиненія тотъ, кто относится безчувственно и пренебрежительно къ своимъ собственнымъ грѣхамъ? Если Павелъ пренебрегаетъ собственной пользой, чтобы обрѣсти спасеніе другихъ, то какого наказанія не достойны будемъ мы, когда не хотимъ отказаться даже отъ собственнаго вреда, чтобы пріобрѣсти пользу другихъ, но съ радостію губимъ вмѣстѣ съ собою и другихъ, тогда какъ можно спасти и себя и другихъ. Для того даны крылья птицамъ, чтобы избѣгать сѣтей; для того данъ разумъ людямъ, чтобы они 740
избѣгали грѣховъ. Но ты говоришь, что не знаешь грѣховъ. Но согласимо ли это съ здравымъ смысломъ? Если относительно чужихъ грѣховъ ты и законы пишешь, и наказанія опредѣляешь, и являешься строгимъ судіей, то какое же оправданіе можешь ты имѣть въ своихъ собственныхъ грѣхахъ, говоря, что ты не знаешь, что нужно дѣлать? Совершилъ прелюбодѣяніе и ты, и другой; почему же ты того наказываешь, а себя считаешь заслуживающимъ прощенія? Если ты зналъ, что прелюбодѣяніе не есть преступленіе, то не слѣдовало наказывать и другого; если же другого ты наказываешь, а себя считаешь неподлежащимъ наказанію, то согласимо ли съ разумомъ—за одни и тѣ же грѣхи не налагать одних и тѣхъ же наказаній? Тѣмъ же самымъ судомъ, говорится, который ты произносишь надъ другимъ, осудитъ и тебя Богъ. И слушай, что говоритъ Павелъ: *помышляеши ли сіе, о, человѣче, судяй зло творящимъ, и творя (самъ) таяжде, яко ты избѣжиши суда Божія* (Рим. II, 3)? Своего суда не избѣжалъ ты, и избѣжишь суда Божія? Мыслимо ли это? Не одно, вѣдь, и то же—просто ли согрѣшить, или, наказавъ другого за грѣхъ, впадать опять въ тотъ же самый грѣхъ. Если ты наказываешь совершившаго меньшіе грѣхи, хотя долженъ самъ стыдиться, то какъ же Богъ не осудитъ и не накажетъ тѣмъ болѣе тебя, совершившаго болѣе тяжкіе грѣхи и осужденнаго уже собствен-

ною своею совѣстью,—Богъ, Которому при томъ же не за что стыдиться? Если же ты скажешь, что знаешь, что достоинъ наказанія, но не придаешь этому никакого значенія въ виду долготерпѣнія Божія, и остаешься спокойнымъ въ виду того, что не подвергаешься тотчасъ же наказанію, то наоборотъ поэтому-то тебѣ и слѣдовало бы бояться и трепетать. Изъ того обстоятельства, что ты еще не потерпѣлъ наказанія, слѣдуетъ не то, что ты не потерпишь наказанія, а то, что потерпишь болѣе тяжкое, если останешься безъ исправленія. Если кто-нибудь совершитъ тяжкій грѣхъ, но сдѣлаетъ его тайно и никого не соблазнитъ, то подвергнется меньшему наказанію, нежели тотъ, кто совершитъ болѣе легкіе грѣхи, но открыто, и соблазнитъ многихъ. Человѣкъ ничтожный и отверженный, если и поскользнется и падетъ, приноситъ обществу не столь великій вредъ; но кто съ великою славою стоитъ, какъ бы на какой высотѣ, на самомъ верху добродѣтели, кто всѣмъ извѣстенъ и явенъ, кому всѣ удивляются, тотъ, если падетъ отъ искушенія, причиняетъ великое разрушеніе и вредъ, не только потому, что онъ самъ палъ съ высоты, но и потому, что дѣлаетъ болѣе безпечными многихъ изъ тѣхъ, кто смотритъ на него. И подобно тому какъ для тѣла не великъ вредъ, когда поврежденъ какой-нибудь неважный членъ, но когда потеряны глаза или повреждена голова, все тѣло дѣлается безполезнымъ, такъ точно можно сказать и относительно достигшихъ высокой степени добродѣтели: когда они померкнутъ, когда запятнаютъ себя какимъ-нибудь поношеніемъ, то приносятъ общій и тягчайшій вредъ остальному тѣлу. Итакъ, не бойся козней судьи, а убойся силы грѣха. Человѣкъ не повредитъ тебѣ, если ты самъ не причинишь себѣ вреда. Если ты чистъ отъ грѣха, то, хотя бы тысячи мечей висѣли надъ твоей головой, Богъ избавитъ тебя; а если за тобой есть грѣхъ, то, хотя бы ты былъ въ раю, будешь изверженъ изъ него. Адамъ былъ въ раю, и палъ; Іовъ былъ на гноищѣ, и былъ увѣнчанъ. Какую пользу принесъ первому рай? Какой вредъ причинило последнему гноище? Тому никто не строилъ козней, и онъ палъ; противъ этого злоумышлялъ діаволъ, и онъ оказался побѣдителемъ. Не отнялъ ли последній у него имущества? Но благочестія его не лишилъ. Не похитилъ ли его дѣтей? Но вѣры его не
741 поколебалъ. Не растерзалъ ли его тѣла? Но сокровища не нашелъ. Соблюдайте этотъ законъ, со слезами умоляю васъ, обнимая колѣна ваши, если не руками, то мысленно, — соблюдайте этотъ законъ, и никто никогда не будетъ въ состояніи причинить вамъ зло. Видите царя и пророка—разумѣю Давида, — какъ онъ сражается, падаетъ, возстаетъ и побѣждаетъ? Видите, какъ па-

легаетъ грѣхъ и закалается чрезъ покаяніе? Посмотрите, какъ онъ, и послѣ того какъ получилъ благодать Духа, пріобрѣлъ дерзновеніе у Бога, послѣ множества подвиговъ добродѣтели, послѣ стольких трофеевъ, возглашаетъ: *помилуй мя, Боже, по велицѣй милости твоей* (Псал. L, 3). Ты сказалъ: *велицѣй;* скажи же, сколь великой. Что велика, это знаю; но измѣрить или постичь не могу; я стою предъ моремъ человѣколюбія Господа моего. Но что ты говоришь, скажи мнѣ? Ты слышалъ, какъ пророкъ сказалъ: *и Господь отъя согрѣшеніе твое* (2 Цар. XII, 13). Чего же еще ты ищешь? Не того, говоритъ, только ищу, но и красоты моей ищу, дерзновенія моего ищу. *Наипаче омый мя отъ беззаконія моего* (Псал. L, 4). Видишь, чего онъ ищетъ? Ищетъ еще большаго блеска и еще большей чистоты. Но что же даешь ты, Давидъ, когда ищешь этого? Что даю? *Яко беззаконіе мое азъ знаю* (ст. 5). Это даешь? Но какой же человѣкъ не сознаетъ своего грѣха? Нѣтъ, говоритъ: сколько есть людей, которые грѣшатъ, и нисколько не сознаютъ за собой вины; сколько есть людей, которые угнетаютъ своихъ ближнихъ, и не печалятся о томъ. Но я *беззаконіе мое знаю, и грѣхъ мой предо мною есть выну* (ст. 5). О, благородная душа! Не предалъ онъ забвенію свой грѣхъ, но, когда онъ и прощенъ былъ ему, написалъ его, какъ бы на какой картинѣ, на своей совѣсти. И смотри, что отсюда происходитъ. Если ты будешь помнить о своемъ грѣхѣ, Богъ не вспомнитъ о немъ; если же ты забудешь, Богъ вспомнитъ о немъ. Ты сдѣлалъ какое-нибудь злое дѣло? Помни о немъ, чтобы Владыка твой забылъ о немъ. Сдѣлалъ доброе дѣло? Забудь, чтобы Владыка твой помянулъ о немъ, потому что ты самъ не такъ скажешь о своихъ добрыхъ дѣлахъ, какъ Онъ. А какъ, слушай. Если ты дашь бѣдному, то, когда тебя спрашиваютъ, ты говоришь: видѣлъ бѣдняка голоднымъ, и накормилъ его. А Владыка твой скажетъ не такъ; а какъ? Видѣли вы Меня алчущимъ и напитали. Итакъ, когда ты согрѣшишь, не жди обличенія со стороны другого, но прежде, чѣмъ будешь обличенъ, самъ осуди свой поступокъ,—потому что, если другой обличитъ тебя, твое исправленіе является добрымъ дѣломъ не твоего исповѣданія, а обличенія другого. Исповѣдаться значитъ не то, чтобы осудить себя послѣ обличеній, а то, чтобы напередъ самому осудить себя, не ожидая обличеній со стороны другихъ. Такъ, напримѣръ, Петръ послѣ тяжкаго своего отреченія, такъ какъ тотчасъ же сознлъ свой грѣхъ, и безъ всякаго обличителя, и повѣдалъ свое прегрѣшеніе, и горько восплакалъ, такъ смылъ съ себя это отреченіе, что сдѣлался даже первымъ среди апостоловъ, которому ввѣрена была вся вселенная. Если іерей получилъ власть отпускать грѣхи

противъ Бога, то гораздо болѣе можетъ снять и изгладить грѣхи, совершенные противъ человѣка. И іерей есть начальникъ, и при томъ начальникъ, заслуживающій большаго почета, нежели царь.
742 Священные законы самую царскую главу подчинили рукѣ іерея; и когда бываетъ нужно какое-либо благо свыше, обычно обращается царь къ іерею, а не іерей къ царю. Богъ для того не ангеловъ низвелъ съ неба и сдѣлалъ учителями человѣческаго рода, чтобы они, вслѣдствіе превосходства своей природы и невѣдѣнія человѣческой немощи не дѣлали намъ слишкомъ суровыхъ прещеній, но далъ въ качествѣ учителей и іереевъ смертныхъ людей, людей, подверженныхъ немощи, чтобы самое то обстоятельство, что и говорящій и слушающіе подлежатъ одинаковой отвѣтственности, служило уздой для языка говорящаго, не дозволяя ему дѣлать обличенія сверхъ мѣры. Для чего же я это сказалъ? Для того, чтобы вы не говорили, что ты-де, будучи чистъ отъ грѣховъ и свободенъ отъ скорби, бывающей послѣ обличенія, съ великой силой наносишь намъ слишкомъ тяжкое сѣченіе. Я первый чувствую скорбь, потому что и самъ повиненъ въ грѣхахъ. *Вси есмы во епитиміахъ*, и никто не *похвалится чисто имѣти сердце* (Сирах. VIII, 6, и Притч. XX, 9). Такимъ образомъ, не о чужихъ мудрствуя бѣдствіяхъ, и не по какому-нибудь жестокосердечію, дѣлаю я обличенія, а по великой заботливости. У тѣхъ, кто лѣчитъ тѣла, бываетъ такъ, что наносящій сѣченіе самъ нисколько его не чувствуетъ, а раздирается отъ болей одинъ только тотъ, кому производится сѣченіе; у врачующихъ же души дѣло обстоитъ не такъ, — если только я не ошибаюсь, судя по себѣ о другихъ,—а самъ говорящій первый испытываетъ боль, когда порицаетъ другихъ. Поистинѣ, не такъ чувствуемъ мы скорбь, будучи обличаемы другими, какъ обличая другихъ за грѣхи, въ которыхъ повинны сами. Желаете знать, сколь полезное дѣло помнить о своихъ грѣхахъ? Когда дѣло идетъ о тратѣ денегъ, то мы, лишь только встанемъ съ постели, прежде чѣмъ выйти на рынокъ, или приняться за какія-нибудь домашнія или общественныя дѣла, призываемъ слугу и требуемъ отъ него отчета въ издержкахъ, чтобы видѣть, что потрачено худо, что правильно, и сколько осталось; и если видимъ, что остается немного, всячески придумываемъ источники доходовъ, чтобы по неосмотрительности не погибнуть съ голоду. То же самое будемъ дѣлать и относительно нашихъ поступковъ: призвавъ свою совѣсть, потребуемъ у нея отчета въ словахъ, въ дѣлахъ, въ помышленіяхъ; изслѣдуемъ, что употреблено на пользу, что во вредъ намъ; какое слово потрачено худо, на брань, на сквернословіе, на оскорбленія; какой помыслъ побудилъ глазъ

къ любострастію; какое слово перешло на погибель нашу въ дѣло, при посредствѣ ли рукъ, или языка, или даже глазъ; и постараемся отстать отъ безполезной траты, а вмѣсто уже худо истраченнаго собрать иныя пріобрѣтенія: вмѣсто напрасно произнесенныхъ словъ—молитвы, вмѣсто бывшихъ невоздержныхъ взглядовъ—милостыню, постъ. Если мы будемъ тратить безполезно, и не станемъ ни отлагать, ни собирать себѣ ничего добраго, то, дойдя до крайней бѣдности, доведемъ себя, сами того не замѣчая, до вѣчнаго геенскаго наказанія. Насколько же лучше промѣнять временное сокрушеніе и плачъ на вѣчныя блага и радость, не имѣющую конца, нежели, проведя въ весельи эту краткую и временную жизнь, отойти въ ту жизнь на вѣчныя мученія? Если Павелъ, столь великій и доблестный мужъ, обтекавшій какъ бы на крыльяхъ всю вселенную, ставшій выше тѣлес- 743
ныхъ нуждъ и удостоившійся слышать неизреченные глаголы, которыхъ до сегодня не слышалъ никто другой, писалъ: *умерщвляю тѣло мое и порабощаю, да не како, инымъ проповѣдуя, самъ неключимъ буду* (1 Кор. IX, 27), то что же можемъ сказать мы, ко- 744
торые отягощены бременемъ грѣховъ, и при томъ обнаруживаемъ великую безпечность? Развѣ эта брань когда-нибудь прерывается? Нужно всегда бодрствовать и трезвиться и никогда не чувствовать себя въ безопасности, потому что нѣтъ и опредѣленнаго времени для нападенія того, кто враждуетъ противъ насъ.

СЛОВО XXV.

О будущемъ судѣ.

Многіе изъ находящихся среди насъ людей, будучи плѣнены 743
плотію и порабощены обстоятельствами настоящей жизни, полагаютъ, что затѣмъ ничего не будетъ и, ссылаясь на Божіе человѣколюбіе, говорятъ, что нѣтъ ни наказанія, ни мученія. Такъ вотъ, если Богъ человѣколюбивъ, каковъ Онъ и есть дѣйствительно, то всенепремѣнно Онъ и праведенъ; если же праведенъ, то какимъ образомъ не было бы справедливо, чтобы подвергнутъ былъ наказанію тотъ, кто, насладившись сначала тысячью благъ, потомъ совершилъ достойное наказанія и не сдѣлался лучше ни отъ угрозъ, ни отъ благодѣяній? Вѣдь, если вникнешь въ правду, то (найдешь, что) по силѣ правды намъ скорѣе слѣдовало бы съ самаго начала и тотчасъ же быть наказанными, и даже было бы человѣколюбиво, если бы мы потерпѣли и то, чего

не случилось. Если кто обижаетъ ни въ чемъ неповиннаго, то по закону правды несетъ отвѣтственность; а если кто не только обижаетъ, но каждодневно своими поступками огорчаетъ благодѣтеля, оказавшаго тысячи благодѣяній единственно по своему побужденію, а не въ воздаяніе за полученное добро, то какого онъ будетъ достоинъ снисхожденія? Какъ, скажи мнѣ, ты не страшишься, произнося такую дерзость и утверждая, что „Богъ человѣколюбивъ и не наказываетъ"? А если накажетъ, то по твоему окажется уже нечеловѣколюбивымъ? Почему же, скажи мнѣ, ты, согрѣшая, не желалъ бы быть наказаннымъ? Развѣ Онъ не предупредилъ тебя обо всемъ? Развѣ не угрожалъ? Развѣ не вспомоществовалъ? Развѣ не совершилъ многаго для твоего спасенія? Если злые не наказываются, то иной, быть можетъ, скажетъ, что и добрые не увѣнчеваются; а въ такомъ случаѣ гдѣ будетъ человѣколюбіе и праведность Божія? Итакъ, люди, не обманывайте себя, прельщаемые діаволомъ,—потому что все это его (діавола) мысли. Если и судьи, господа и учителя добрыхъ награждаютъ, а дурныхъ наказываютъ, то какъ было бы сообразно, если бы у Бога совершалось наоборотъ, если бы добрые и злые удостоивались одного и того же? Когда бы ужъ злые и отстали отъ зла? Въ самомъ дѣлѣ, если и въ ожиданіи наказанія они не отстають отъ зла, то, будучи свободны отъ этого страха, не только не впадая въ геенну, но еще и достигая царства, гдѣ злые остановились бы? Слышалъ я, какъ нѣкоторые грѣхолюбцы говорятъ, что для острастки людямъ угрожалъ Богъ геенной, такъ какъ будто бы невозможно, чтобы Онъ, будучи милосердымъ, наказалъ кого-нибудь, въ особенности того, кто Его не знаетъ. Скажите же мнѣ вы, выставляющіе Бога обманщикомъ, кто во дни Ноя излилъ волны на всю вселенную, произвелъ то ужасное кораблекрушеніе и устроилъ гибель всего нашего рода? Кто ниспослалъ тѣ молніи и громы на землю Содомскую? Кто потопилъ весь Египетъ? Кто истребилъ шестьсотъ тысячъ въ пустынѣ? Кто сожегъ
744 сборище Авироново? Кто повелѣлъ землѣ раскрыть уста и поглотить соумышленниковъ Корея и Даѳана? Кто во время Давида поразилъ въ одно мгновеніе семьдесятъ тысячъ? Кто во время пророчества Исаіи умертвилъ въ одну ночь сто восемьдесятъ пять тысячъ? А каждодневныхъ несчастій, которыя мы согрѣшая переносимъ, развѣ не видишь? Какой былъ бы смыслъ, если бы одни наказывались, а другіе не наказывались? Подлинно, если Богъ не есть неправеденъ,—а Онъ именно и не есть неправеденъ,—то и ты непремѣнно понесешь за грѣхи наказаніе; если же Богъ не наказываетъ, потому что Онъ человѣколюбивъ, то и тѣмъ не слѣдовало понести наказаніе. Вотъ даже и за эти самыя слова, нами

переданныя, Богъ наказываетъ многихъ и въ настоящей жизни, чтобы, если вы не повѣрите словамъ угрозы, то хотя бы повѣрили дѣламъ кары. И чѣмъ намъ убѣдить возражателей, что ученіе о гееннѣ не есть басня? Тѣмъ развѣ подтвердить его истинность, что не мы одни, но также поэты, философы и риторы любомудрствовали о будущемъ воздаяніи и говорили о наказаніи злыхъ въ аду. Дѣйствительно они, хотя и не могли говорить объ этомъ согласно съ истиной, но все же восприняли нѣкоторое подобіе сужденія, руководствуясь умозаключеніями и тѣмъ, что отъ насъ услышали. Такъ нѣкоторые говорятъ о Коцитахъ—рѣкахъ и пламененосныхъ рѣкахъ, о водѣ Стикса и о Тартарѣ, настолько отстоящемъ отъ земли. насколько земля отъ неба, говорятъ и о многихъ видахъ наказанія; еще (говорятъ) и объ елисейскихъ поляхъ, и объ островахъ блаженныхъ, и о цвѣтистыхъ лугахъ, и о великомъ благовоніи, и о пріятности воздуха; и еще—о хорахъ тамъ пребывающихъ, и объ одѣтыхъ въ свѣтлую одежду, и о поющихъ какія-то пѣсни; вообще же—о воздаяніи, предстоящемъ для добрыхъ и злыхъ послѣ отшествія изъ здѣшней жизни. Не будемъ же не вѣрить въ геенну, чтобы намъ не впасть въ геенну, потому что невѣрящій бываетъ болѣе нерадивымъ, а нерадивый несомнѣнно и пойдетъ въ нее; напротивъ, будемъ вѣрить безъ колебанія, и говорить о ней непрестанно,—тогда и не согрѣшимъ скоро. Вѣдь памятованіе о такихъ словахъ, если только оно постоянно присуще нашей душѣ, подобно какому-нибудь горькому лѣкарству, въ состояніи будетъ стереть всякое зло. Если ты жестокосердъ и немилостивъ, то вспомни о тѣхъ дѣвахъ, которыя, потушивъ свои свѣтильники вслѣдствіе того, что не имѣли елея, были извергнуты изъ чертога жениха,—и ты сейчасъ же станешь человѣколюбивъ. Если тебѣ желательно хищничать, то послушай, какъ говоритъ судья: свяжите *ему руцѣ и нозѣ, и ввергните* его *во тму кромѣшнюю* (Мѳ. xxii, 13).—и ты изгонишь эту страсть. Если ты стремишься напиваться и объѣдаться, то послушай, какъ говоритъ богачъ: *посли Лазаря, да* концомъ перста *устудитъ* разожженный языкъ (Лук. xvi, 24), и не получаетъ просимаго,—и ты тотчасъ освободишься отъ стремленія. Если у тебя есть огонь нечистаго пожеланія, то подумай объ огнѣ того наказанія,—и этотъ (огонь) удалится потушеннымъ. А хотя бы и не 745
было огня, все же размысли, какъ велико наказаніе—быть отвергнуту Богомъ и уйти съ позоромъ: повѣрьте, это бѣдствіе—невозможно и выразить словами, невозможно. И въ самомъ дѣлѣ, если тѣ, которые не видятъ солнечнаго свѣта, ведутъ жизнь прискорбнѣе всякой смерти, то что—полагать надо—претерпѣваемъ мы, будучи лишены этого свѣта? Развѣ мы живемъ, дышемъ и

существуемъ, если не располагаемъ этимъ созерцаніемъ? Если никто намъ не дозволитъ тогда видѣть нашего Владыку? Если человѣкъ, получившій благородное воспитаніе, будучи ввергнутъ въ темницу, одну только вонь, лежаніе во мракѣ и заключеніе вмѣстѣ съ разбойниками почитаетъ тяжелѣе всякой смерти, то подумай, что будетъ, когда будемъ тамъ сжигаемы съ разбойниками вселенной, когда и сами не будемъ видѣть, и насъ не увидятъ, но среди такого множества будемъ полагать, что мы находимся одни. Вѣдь мракъ и темнота не допустятъ насъ распознать своихъ ближнихъ и каждый будетъ считать, что онъ одинъ это терпитъ, потому что хотя это и такъ называемый огонь, но онъ сумраченъ и не имѣющій свѣта. Въ особенности же для насъ страшно и ужасно, что онъ сильно жжетъ и не угасаетъ, а свѣта не имѣетъ. Если же мракъ только самъ по себѣ такъ угнетаетъ и смущаетъ наши души, то что же будетъ, когда къ мраку присоединятся такія страданія и сженія? Не думай, въ самомъ дѣлѣ, что если геенна называется огнемъ, то она похожа на обыкновенный огонь,—этотъ послѣдній, что захватитъ, сожжетъ и перестанетъ, а тотъ однажды захваченное постоянно жжетъ и никогда не перестаетъ. Потому-то онъ и зовется неугасаемымъ: ему желательно облекать грѣшниковъ нетлѣніемъ, но не ради ихъ чести, но для того, чтобы имѣть постоянный источникъ этого мученія. Но это и иное еще болѣе тяжелое—въ гееннѣ; самое же лишеніе благъ соединено съ такимъ страданіемъ, такою скорбью и тѣснотою, что если бы здѣсь не предстояло грѣшникамъ никакого мученія, одно это само по себѣ было бы достаточно, чтобы уязвить и потрясти наши души горче геенскихъ истязаній. Если же мы, входя въ темницу и видя, какъ одни покрыты грязью, другіе связаны желѣзными узами, третьи объяты мракомъ, стенаемъ, трепещемъ и всячески стараемся, чтобы не попасть въ такую же нужду и бѣду, то что почувствуемъ, что станемъ дѣлать, когда сами мы связанные узами будемъ отведены на геенскія муки? И эти узы не изъ желѣза, а изъ огня никогда не угасающаго, и наблюдать надъ нами будутъ не какіе-нибудь равночестныя съ нами существа, которыхъ нерѣдко можно и умилостивить, но страшные и недоступные состраданію ангелы, на которыхъ и взглянуть невозможно,—до того сильно они разгнѣваны оскорбленіями, какія мы причинили Владыкѣ. Тамъ нельзя будетъ, какъ здѣсь, видѣть, что одни предлагаютъ серебро, другіе жизненные припасы, третьи оправдательныя рѣчи, и получаютъ облегченіе, но все тамъ неумолимо: будетъ ли то Ной, или Іовъ, или Даніилъ—никто изъ нихъ не посмѣетъ заступиться и протянуть руку при видѣ присныхъ, испытывающихъ мученія, потому что

естественное сродство будетъ тогда уничтожено. Вѣдь когда 746
отыщутся праведные отцы у грѣшныхъ дѣтей, и добрыя дѣти у злыхъ родителей, то нужно, чтобы у нихъ была чистая радость, а не примѣшивалось къ наслажденію ихъ тѣми благами сокрушеніе вслѣдствіе естественнаго родства: таковое, повторяю, будетъ истреблено и они будутъ негодовать вмѣстѣ съ Владыкой на порожденія собственной утробы. Итакъ никто пусть не ждетъ добра, если самъ не совершилъ ничего добраго, хотя бы онъ имѣлъ безчисленное множество праведныхъ предковъ. Если мы данное намъ время издержимъ на то, на что не слѣдуетъ, то всѣ отойдемъ туда и отдадимъ послѣдній отчетъ за ненадлежащую растрату. Вѣдь и взявшій деньги для торговыхъ оборотовъ и расточившій ихъ привлеченъ будетъ кредиторомъ къ отвѣтственности и понесетъ наказаніе: насколько же болѣе (будетъ наказанъ) растратившій попусту эту жизнь? И какъ мы требуемъ у нашихъ слугъ отчета не только въ расходѣ, но и въ приходѣ денегъ, откуда, сколько, отъ кого и какимъ образомъ получены деньги, такъ и Богъ требуетъ отчетности въ тратѣ и пріобрѣтеніи и у богатаго, и у бѣднаго: у богатаго—изъ праведныхъ ли источниковъ, не изъ хищенія ли и любостяжанія онъ собралъ богатство, издерживалъ ли богатство на блудъ или же на бѣдныхъ, на роскошество, неумѣренность и пьянство или же на помощь угнетеннымъ; а у бѣднаго—мужественно ли и съ благодареніемъ ли переносилъ бѣдность, не унывалъ ли, не ропталъ ли, не винилъ ли промышленіе Божіе, самъ живя въ нуждѣ и видя, какъ другой роскошествуетъ и не щадитъ имущества. Впрочемъ, не только богатые и бѣдные, но также властители и судьи подвергнутся съ великою тщательностію испытанію—не нарушили ли они справедливость, не постановили ли приговора надъ подсудимыми по пристрастію или ненависти, не произнесли ли ненадлежащаго суда вслѣдствіе того, что обольщены были лестію. И каждый, чѣмъ на большую взошелъ высоту власти, тѣмъ болѣе строгому подвергнется отчету. Безтолковыя удовольствія настоящей жизни ничѣмъ не отличаются отъ тѣней и сновидѣній: прежде чѣмъ кончится грѣхъ, удовольствіе гаснетъ, а наказаніе за него не имѣетъ конца, сладость кратковременна, а мука вѣчная. Потому-то Богъ и говоритъ намъ постоянно о гееннѣ, чтобы мы получили большой плодъ отъ угрозы и отъ страха. Вѣдь если бы Онъ, намѣреваясь ввергнуть въ нее грѣшниковъ, не высказалъ напередъ этой угрозы, то многіе попали бы въ нее. Если и теперь, когда души наши потрясены этимъ страхомъ, нѣкоторые грѣшатъ съ такою легкостію, какъ будто ея и нѣтъ, то какихъ ужасовъ мы не натворили бы, если бы ничего такого не было сказано и угрозы

не произнесено? Такимъ образомъ это—дѣло не жестокости. а скорѣе милости и человѣколюбія. И дѣйствительно, если бы при Іонѣ не угрожало крушеніе, то и не было бы предотвращено крушеніе; если бы не было сказано, что Ниневія разрушится, то и не устояла бы Ниневія. Такъ точно, если бы не угрожала геенна, всѣ мы попали бы въ геенну. Если бы для Бога не было никакой заботы въ томъ, грѣшимъ ли мы, или живемъ праведно, то еще былъ бы какой-нибудь смыслъ говорить, что нѣтъ наказанія; а если Онъ прилагаетъ такую тщательность къ тому, чтобы мы не согрѣшали, и столько хлопочетъ о томъ, чтобы мы исполняли заповѣди, то ясно, что Онъ грѣшниковъ караетъ, а праведниковъ вѣнчаетъ. Но обрати вниманіе на несообразность многихъ: здѣсь они ставятъ Богу въ вину, что Онъ часто долготерпитъ и пренебрегаетъ многими злодѣями, развратниками, любостяжателями, не понесшими наказанія, а тамъ выступаютъ сильными и строгими обличителями за то, что Онъ грозитъ имъ наказаніемъ. Ужъ если послѣднее прискорбно, то первое должно бы быть принято съ восхищеніемъ. Но, увы—безуміе, увы—душа любящая грѣхъ и похотѣніе! Угрозой на словахъ пренебрегаютъ, наказанію же на дѣлѣ подвергнутся. Дѣйствительно, никто, не освободившись здѣсь отъ грѣховъ, по отшествіи туда, не сможетъ избѣжать возмездія за нихъ; но подобно тому, какъ изъ здѣшнихъ темницъ приводятся въ цѣпяхъ на судилище, такъ и отошедшіе отсюда съ различными цѣпями грѣховъ ведутся на страшный судъ. Вотъ, когда тебѣ случится быть въ банѣ, истопленной сильнѣе, чѣмъ нужно, вспомни тогда геенскій огонь; и опять, когда случится тебѣ горѣть въ тяжелой горячкѣ, перенесись мыслію къ этому пламени, и тогда ты сможешь хорошо настроиться. Въ самомъ дѣлѣ, если баня и горячка такъ насъ тревожатъ и угнетаютъ, то, когда впадемъ въ ту огненную рѣку, влекущую къ страшному суду, какъ мы себя будемъ чувствовать? И тотъ, кто отходитъ туда съ добрыми и дурными дѣлами, получитъ нѣкоторое облегченіе въ наказаніи и этихъ мукахъ, а кто добрыхъ лишенъ, дурныя же только приноситъ, тотъ нельзя и сказать что перенесетъ, будучи посланъ на вѣчное мученіе. Тамъ послѣдуетъ взвѣшиваніе дѣлъ злыхъ и не злыхъ; если послѣднія перетянутъ вѣсы, то не малую пользу окажутъ своему виновнику, вредъ же отъ совершенія злыхъ дѣлъ настолько будетъ силенъ, насколько сдвинуты ими вѣсы съ первоначальнаго мѣста, и если они перевѣшиваютъ, то уводятъ въ геенскій огонь, потому что обиліе добрыхъ дѣлъ не настолько велико, чтобы быть въ состояніи устоять противъ этого сильнаго натиска. А изъ добрыхъ дѣлъ ни одно, какъ бы незначительно ни было, не

оставлено будетъ тамъ судьею въ пренебреженіи. Если за грѣхи, за слова и помышленія мы должны будемъ отплатить мученіемъ, то тѣмъ болѣе зачтутся добродѣтели, великія ли то, или малыя. Недостаточно поэтому освобожденіе отъ зла, но требуется и большое совершеніе добра, потому что для того, чтобы избавиться отъ геенны, нужно удерживаться отъ порока, а чтобы достигнуть царствія, нужно прилѣпляться къ добродѣтели. Такъ и во внѣшнихъ дѣлахъ обычаемъ принято вѣнчать не того, кто никакого зла не сдѣлалъ,—это пригодно ему только, чтобы избѣгнуть наказанія,—но того, кто проявилъ великія благодѣянія. Да и когда я думаю, что для избѣжанія геенны достаточно уклоненія отъ зла, мнѣ представляется нѣкоторая страшная угроза, сулящая наказаніе не тѣмъ, которые осмѣливаются дѣлать зло, а карающая тѣхъ, которые пренебрегли сдѣлать добро. Что же это за угроза? *Идите отъ мене, прокляміи, во огнь вѣчный: взалкахся бо, и не дасте ми ясти* (Мѳ. XXV, 41). Значитъ мы вѣруемъ, что тѣ, которые не удѣляютъ нуждающимся изъ того, что сами имѣютъ, не только наказаны будутъ лишеніемъ благъ, но и посланы бу- 743
дутъ въ геенскій огонь. Итакъ мы научаемся, что совершившіе доброе наслаждаются благами на небесахъ, а тѣ, которыхъ нельзя уличить ни въ какомъ порокѣ, но которымъ недостаетъ какой-нибудь изъ добродѣтелей, будутъ отведены въ геенскій огонь вмѣстѣ съ содѣлавшими злое. Вѣдь если и на землѣ, кто преступаетъ законы властителей, подлежитъ неумолимому наказанію, то тѣмъ болѣе преданъ будетъ невыносимымъ мученіямъ тотъ, кто презираетъ заповѣди небеснаго Владыки. Знаю, что вамъ тяжелой кажется бесѣда о гееннѣ и великую производитъ печаль, но вѣдь насколько угрызаетъ совѣсть, настолько получаетъ пользы душа угрызаемыхъ. Если бы тамъ это намъ говорилось, подобно тому какъ богачу въ разсказѣ о Лазарѣ, то поистинѣ слѣдовало бы плакать, рыдать и стенать, изъ-за того, что у насъ уже не осталось времени для покаянія, а такъ какъ мы слышимъ это находясь здѣсь, гдѣ и отрезвиться возможно, и очистить грѣхи, и пріобрѣсти великое дерзновеніе, и перемѣниться, устрашившись золъ, приключившихся съ другими, то возблагодаримъ человѣколюбиваго Бога, наказаніемъ другихъ возбудившаго насъ отъ лѣности и возставившаго насъ спящихъ. А для чего наказываются одни здѣсь, другіе тамъ, и не всѣ здѣсь? Для того, что если бы такъ было, то всѣ мы погибли бы, потому что всѣ заслуживаемъ наказанія. Далѣе, если бы никто здѣсь не наказывался, то многіе сдѣлались бы очень нерадивыми, и многіе говорили бы, что нѣтъ промысла. Въ самомъ дѣлѣ, если теперь, когда на виду много наказываемыхъ грѣшниковъ, многое такое

сумасловится, то что говорили бы, когда бы ничего этого не было? До какого бы безумія не дошли? Поэтому-то Богъ однихъ здѣсь наказываетъ, другихъ не наказываетъ. Именно наказываетъ нѣкоторыхъ, съ цѣлью истребить въ нихъ зло и облегчить тамошнее мученіе, или даже совершенно отъ него освободить и ихъ, жившихъ во злѣ, сдѣлать благоразумнѣе посредствомъ наказанія за зло; остальныхъ же опять не наказываетъ, чтобы, если они образумятся и покаются, то почтили бы великодушіе Божіе и избавились бы отъ здѣшняго наказанія и тамошняго мученія, если же пребудутъ въ упорствѣ и нисколько не воспользуются Божіимъ незлобіемъ, то за свое крайнее небреженіе понесли бы большее мученіе. Когда мы согрѣшая пользуемся честію отъ Бога за то, за что должны бы быть наказаны, то это самое по преимуществу болѣе всего сможетъ ввергнуть насъ въ огонь. Вѣдь если кто, имѣя только въ своемъ распоряженіи великодушіе, и не воспользовавшись имъ какъ должно, несетъ очень тяжелое наказаніе, то если съ великодушіемъ онъ обладаетъ также величайшими почестями, и все же пребываетъ въ порокѣ, кѣмъ въ такомъ случаѣ онъ будетъ исторгнутъ отъ наказанія? Подобно тому, какъ не понести возмездія за здѣшніе грѣхи значитъ подготовить тамъ тягчайшее наказаніе, такъ точно, когда грѣшники наслаждаются великимъ снисхожденіемъ и достаткомъ, то это служитъ для грѣшниковъ источникомъ и основаніемъ большаго наказанія. [Если назвавшій брата своего глупцомъ достоинъ бываетъ крайняго наказанія, то назвавшій его злодѣемъ, завистникомъ и многими другими тому подобными именами какой огонь геенскій не навлечетъ на себя? Вѣдь со стороны оскорбительности слово „глупецъ" гораздо легче, чѣмъ сейчасъ упомянутыя. Поэтому-то Христосъ, опустивъ эти послѣднія, поставилъ первое,
749 чтобы ты узналъ, что если болѣе удобовыносимое выраженіе навлекаетъ на говорящаго геенну, то тѣмъ болѣе выраженія тяжелыя и несносныя причинятъ то же самое. Если же нѣкоторые, замѣчая гиперболическое значеніе слова, полагаютъ, что эта угроза высказана только съ цѣлью устрашенія, то смотри, какъ бы не освободить отъ названнаго наказанія самихъ прелюбодѣевъ и идолослужителей. Вѣдь если ради устрашенія Онъ грозилъ ругателямъ, то ясно, что и этимъ ради того же, потому что, объединивъ ихъ всѣхъ вмѣстѣ, привелъ такимъ образомъ для нихъ изверженіе изъ царства. Какъ же это, скажешь, злословецъ помѣстится туда же, куда прелюбодѣи и малакія? Наложено ли будетъ на нихъ то же самое наказаніе, это изслѣдуемъ въ другое время, а что онъ одинаково извергнется изъ царства, въ этомъ удостовѣряюсь Павломъ, который говоритъ, лучше же сказать—

Христомъ, который въ немъ дѣйствуетъ, что ни тѣ, ни другіе царства Божія не наслѣдуютъ. Если кто-нибудь изъ насъ увидитъ, что его поступокъ, совершенный втайнѣ, сегодня разглашенъ въ одной только церкви, то не предпочелъ ли бы онъ лучше погибнуть въ разверстой землѣ, чѣмъ имѣть столькихъ свидѣтелей своего порока? Что же тогда будемъ переносить, когда все будетъ вынесено вьявь предъ вселенной, на зрѣлище столь славное и блистательное и смотрѣть будутъ на все знаемые и незнаемые нами? Каковы-то мы будемъ, когда насъ связанныхъ поведутъ во внѣшнюю тьму? Лучше же сказать, чтò мы подѣлаемъ, когда разгнѣваемъ Бога,—а это всего страшнѣе? Вѣдь для того, у кого есть чувство и разсудокъ, быть лишеннымъ созерцанія Бога, значитъ уже терпѣть геенну. Вѣдь скорбѣть должно не тогда, когда наказываемся, а когда согрѣшаемъ, и прогнѣвить Бога тяжелѣе всякаго наказанія. Теперь же мы находимся въ такомъ бѣдственномъ положеніи, что не будь страха геенны, мы пожалуй и не подумали бы совершить что-нибудь доброе. Итакъ, если не по другой какой-нибудь причинѣ, то уже по той мы достойны будемъ геенны, что боимся геенны болѣе, чѣмъ Бога]. Тѣ, кто во многомъ претыкается и не наказывается, должны бояться и страшиться, потому что имъ умножается наказаніе вслѣдствіе ненаказанности и великодушія Божія.

Итакъ, когда ты увидишь, что кто-нибудь неправильно обогащается и благоденствуетъ, не считай такого блаженнымъ, а оплакивай, потому что это богатство служитъ для него умноженіемъ наказанія. Какъ много грѣшившіе и не желающіе покаяться сберегаютъ самимъ себѣ сокровище гнѣва, такъ точно тѣ, которые, кромѣ того, что не наказаны, пользуются еще благополучіемъ, понесутъ большее наказаніе. Не за всѣ грѣхи полагаются тѣ же самыя наказанія, но многія и различныя, смотря по времени, по лицамъ, по достоинству и по разумѣнію. Если существуютъ два грѣшника, которые пользуются не однимъ и тѣмъ же въ настоящей жизни, но одинъ живетъ въ богатствѣ, другой въ бѣдности, то тамъ они будутъ наказаны не одинаково, но который богаче, тотъ тяжелѣе. Потому-то Богъ въ здѣшней жизни и не подвергаетъ всѣхъ наказанію, чтобы ты не сомнѣвался въ воскресеніи и не отчаивался въ судѣ, на томъ основаніи, что здѣсь всѣ отдали отчетъ; равно Онъ не допускаетъ всѣмъ отойти ненаказанными, чтобы ты опять не думалъ, что все лишено промышленія. Развѣ же и теперь многіе не поступаютъ подобно тѣмъ, которые прежде были наказаны за грѣхи? И очень даже. Въ самомъ дѣлѣ, когда ты убиваешь брата, не плотскимъ образомъ, какъ Каинъ, а духовнымъ, то ты не дѣ-

лаешь ли того же самаго? Нѣтъ нужды, что не мечемъ, а другимъ способомъ. Развѣ теперь никто не позавидовалъ своему
750 брату? Никто не подвергнулъ его опасностямъ? Но здѣсь они (скажешь) не понесли наказанія. Зато понесутъ. Если и не слышавшій ни писанныхъ законовъ, ни пророковъ, не видѣвшій также великихъ знаменій наказывается такъ строго, то совершившій это впослѣдствіи и не образумившійся, несмотря на такое множество примѣровъ—ужели останется ненаказаннымъ? Гдѣ же правосудіе Божіе? Вотъ и сыновья Илія, за то, что ѣли предъ жертвенникомъ, понесли тягчайшее наказаніе вмѣстѣ съ отцомъ. Итакъ, не было никакого (другого) отца нерачительнаго о дѣтяхъ, и дѣтей не было преступныхъ? Но никто не понесъ наказанія: когда же и понесутъ, если нѣтъ геенны? А Ананія и Сапфира, которые украли часть изъ того, что положили, и тотчасъ были наказаны? Никто развѣ въ то время этого не сдѣлалъ? Почему же (другіе) не понесли того же наказанія? Успѣемъ ли мы убѣдить тебя въ существованіи геенны, если воспользуемся еще большимъ числомъ примѣровъ? Я и самъ желалъ бы, чтобы не было наказанія, я быть можетъ болѣе всѣхъ. Почему такъ? Потому что на каждомъ изъ васъ лежитъ забота о собственной душѣ, а я несу отвѣтственность и по должности этой, такъ что мнѣ болѣе всѣхъ невозможно избѣжать его. Итакъ Богъ благъ и человѣколюбивъ не только тогда, когда благодѣтельствуетъ, но и когда наказываетъ. Къ тому же наказанія Его и кары составляютъ величайшую долю благодѣянія. Такъ и врачъ, не только когда выводитъ больного въ сады и на луга, не только когда сажаетъ въ ванны и бассейны, но и когда приказываетъ оставаться безъ пищи, когда рѣжетъ, когда даетъ горькія лѣкарства, и тогда одинаково остается врачемъ и даже обнаруживаетъ свое человѣколюбіе въ большей степени. Поэтому, когда видишь, что кто-нибудь преданный добродѣтели терпитъ тысячи испытаній, называй такого блаженнымъ, достойнымъ соревнованія, такъ какъ ему и здѣсь разрѣшатся всѣ грѣхи, и тамъ уготовляются за терпѣніе великія награды. Вотъ изъ людей одни здѣсь только наказываются, другіе здѣсь ничего такого не терпятъ и все наказаніе получаютъ тамъ, а третьи наказываются и здѣсь и тамъ: кого же изъ этихъ трехъ родовъ вы считаете блаженными? Хорошо знаю, что первыхъ, тѣхъ именно, которые здѣсь наказываются и слагаютъ грѣхи. А слѣдующихъ за ними—кого? Вы, быть можетъ, тѣхъ, которые здѣсь ничего не потерпѣли и которые все наказаніе понесутъ тамъ, а я—не этихъ, но тѣхъ, которые и здѣсь и тамъ наказываются,—потому что для понесшаго здѣсь наказаніе легче покажется тамошнее наказаніе, а кто при-

нуждепъ будетъ нести тамъ все наказаніе, потерпитъ неумолимую казнь. Для чего же Богъ предупреждаетъ объ ужасахъ, которые намѣренъ совершить? Для того, чтобы не пришлось Ему совершать то, о чемъ предупреждаетъ. Для того Онъ и геенной грозилъ, чтобы не ввергать въ геенну. Пусть, говоритъ, устрашаютъ васъ слова, но не смущаютъ дѣла. Прекрасны и обѣтованія Твои, Владыка; прекрасно и ожидаемое Твое царство, равно и угрожающая геенна; царство прекрасно призываетъ, геенна же съ пользой устрашаетъ. И угрожаетъ Богъ геенной не для того, чтобы ввергнуть въ геенну, но чтобы освободить отъ геенны, а если бы онъ хотѣлъ наказать, то не угрожалъ бы, побуждая тѣмъ быть осторожнѣе, чтобы намъ избѣжать того, чѣмъ угрожается. Онъ грозитъ наказаніемъ, чтобы мы избѣжали наказанія на опытѣ; устрашаетъ на словахъ, чтобы не наказывать на дѣлѣ. 751
Кто не надѣется на воскресеніе и не имѣетъ въ виду, что ему придется дать отчетъ за все, здѣсь совершенное, но полагаетъ, что всѣ наши дѣла ограничиваются настоящею жизнью, а за предѣлами ея ничего не будетъ, тотъ не станетъ и о добродѣтели заботиться, и отъ порока удерживаться, но предастся гнуснымъ пожеланіямъ и займется всякимъ видомъ зла; кто же убѣжденъ въ будущемъ судѣ, имѣетъ предъ глазами то страшное судилище, неумолимый отчетъ и непреоборимый приговоръ, тотъ всѣми способами будетъ стараться преуспѣвать въ цѣломудріи, скромности и другихъ добродѣтеляхъ, и избѣгать неумѣренности, строптивости и всякихъ другихъ пороковъ. Подлинно, не столько слово сможетъ сдѣлать, сколько дѣлаетъ страхъ,— именно страхъ геенны приноситъ намъ вѣнецъ царства. Знаю, что многіе боятся только геенны, я же говорю, что лишеніе небесной славы составляетъ гораздо болѣе тяжкое наказаніе, чѣмъ геенна. А если невозможно этого объяснить съ помощію слова, ничего въ томъ нѣтъ удивительнаго: вѣдь мы не знаемъ блаженства отъ тѣхъ благъ, чтобы съ ясностію представлять себѣ бѣдственность отъ ихъ лишенія; Павлу же, сознававшему это ясно, было извѣстно, что отпасть отъ славы Христовой всего тягостнѣе. И мы узнаемъ это тогда, когда подвергнемся самой опасности. Но да не приключится этого съ нами, о, единородный Сынъ Божій, да не постигнетъ насъ когда-нибудь какая-нибудь опасность такого непоправимаго наказанія! Невыносима уже и геенна, и то наказаніе; между тѣмъ, хотя бы были миріады гееннъ, ничего ты не укажешь такого, какъ лишиться блаженства этой славы, какъ быть возненавидѣну Христомъ, какъ услышать: *не вѣмъ васъ*, какъ быть обвинену въ томъ, что, видя Его алчущимъ, не напитали. Лучше вытерпѣть миріады молній, чѣмъ видѣть,

какъ этотъ кроткій ликъ отвращается отъ насъ и какъ это сладостное око не выноситъ глядѣть на насъ. И если Онъ самъ, несмотря на то, что я былъ Его врагомъ, ненавидѣлъ Его и отвращался, такъ устремлялся ко мнѣ, что даже не пощадилъ Себя, но отдалъ Себя на смерть, то какими глазами я взгляну на Него, когда послѣ всего этого даже не удостою хлѣба Его алчущаго? Скажи-ка мнѣ: если бы кто тебя, состарѣвшагося и живущаго въ бѣдности, пообѣщалъ вдругъ сдѣлать молодымъ, привести въ самый цвѣтущій возрастъ, превратить въ чрезвычайно сильнаго и превосходящаго всѣхъ красотой, къ тому же дать царскую власть надъ всѣмъ міромъ на тысячи лѣтъ, — чего ты за такое предложеніе не взялся бы и сдѣлать, и вытерпѣть? А когда Христосъ обѣщаетъ не это, а гораздо того большее, что̀ Онъ уготовалъ любящимъ Его,—какими богатствами не слѣдовало бы пожертвовать? Лучше же сказать—какими не слѣдовало бы пожертвовать душами? Но такъ какъ невозможно созерцать это плотскими глазами, то вознесись мыслію и, ставши выше этого неба, взгляни на то небо, которое повыше перваго, на высоту безпредѣльную, на свѣтъ неприступный, на полчища ангеловъ, и опять позаимствуй картину отъ насъ, сойди сверху и изобрази то, что бываетъ около царя на землѣ, какъ-то: золотоносныхъ мужей, запряжку блестящихъ, золотомъ украшенныхъ
752 муловъ, золотистую колесницу съ усѣянными на ней дощечками, драконовъ, начертанныхъ на шелковыхъ одеждахъ, аспидовъ съ золотыми глазами, золотоносныхъ лошадей, золотые поводья,— и старательно все это соединивъ, перенеси отъ этого мысль свою опять наверхъ и подумай о страшномъ днѣ, въ который Христосъ придетъ. Вѣдь ты увидишь тогда не запряжку муловъ, не золотыя колесницы, не драконовъ и аспидовъ, но все небо открытымъ, а единороднаго Сына Божія сходящимъ въ сопровожденіи не десятка или сотни тѣлохранителей, но тысячъ и миріадовъ ангеловъ и архангеловъ; все преисполнено будетъ страха и трепета, между тѣмъ какъ люди, когда-нибудь существовавшіе, начиная съ Адама и до того дня, будутъ подниматься и извлекаться изъ земли; и самъ Онъ явится съ такою славою, что предъ ея превосходнымъ сіяніемъ сокроютъ свой свѣтъ солнце и луна, и Онъ воздастъ каждому по дѣламъ его. Но многіе изъ неразумнѣйшихъ думаютъ найти утѣшеніе въ томъ, что всѣ будутъ нести наказаніе въ гееннѣ. Чрезвычайно несуразное это слово, когда говорятъ: какъ всѣ, такъ и я. Представь хотя бы одержимыхъ болѣзнію ногъ: когда они мучатся страшною болью, то если бы ты представилъ даже десятки тысячъ страдающихъ еще болѣе тяжело, они и въ умъ не возьмутъ; напряженность страда-

нія не дасть даже разсудку какой-нибудь минуты свободной, чтобы подумать о другихъ и найти утѣшеніе. Не будемъ поэтому питаться этими холодными надеждами. Получать утѣшеніе отъ бѣдствій ближняго—это возможно еще въ посредственныхъ страданіяхъ; а когда мученіе переходитъ границы, когда вся внутренность исполнена кипѣнія, когда наконецъ душа не сознаетъ себя самой, то откуда тутъ заимствовать утѣшеніе? Если бы кто привелъ тебя въ театръ, гдѣ всѣ сидѣли бы одѣтые въ золотыя одежды, и среди толпы указалъ на иного кого-нибудь, имѣющаго и одежду и вѣнецъ на головѣ изъ каменьевъ и жемчугу, потомъ обѣщалъ бы зачислить тебя въ ряды этой толпы,—ужели бы ты не сдѣлалъ всего, чтобы достигнуть этого обѣщанія? И вотъ когда на небесахъ составленъ для насъ театръ не изъ такихъ вещей, а изъ такихъ, что и выразить невозможно (о Царѣ же нельзя ужъ и сказать), то неужели мы лишимъ себя такихъ благъ только изъ-за того, чтобы краткое время не потрудиться? Если бы нужно было каждодневно претерпѣвать тысячи смертей, даже самую геенну, за то, чтобы видѣть пришествіе Христа въ славѣ Его и сопричислиться къ хору святыхъ, то ужели не слѣдовало бы перенести все это? Но многіе изъ неразумнѣйшихъ одно считаютъ для себя желательнымъ — избавиться отъ геенны. Я же считаю наказаніемъ гораздо болѣе тягостнымъ, чѣмъ геенна, не находиться въ славѣ Христа, и если кто удаленъ отсюда, такому—я полагаю—горевать надо не изъ-за геенскихъ золъ, а изъ-за отпаденія отъ Владыки: въ отношеніи наказанія одно это всего тягостнѣе. Если бы мы любили Христа, какъ любить слѣдуетъ, то знали бы, насколько тягостнѣе геенны оскорблять любимаго; а такъ какъ не любимъ, то и не знаемъ великости этого наказанія,—и это есть то, изъ-за чего я всего болѣе рыдаю и плачу. Если бы на мѣстѣ такъ любящаго 753
былъ человѣкъ, а на мѣстѣ любимаго царь, то не изумился ли бы ты великости любви? И очень даже. Если же происходитъ обратное, со стороны Его, любящаго насъ, неизреченная красота, слава и богатство, а съ нашей стороны великое ничтожество, то какъ мы не будемъ достойны тысячи наказаній, мы, которые, такъ ничтожны и отверженны, возлюблены сверхъ всякой мѣры такимъ великимъ и дивнымъ, и пренебрегаемъ Его любовью, тогда какъ Онъ не восхотѣлъ ничего предпочесть намъ? Одного Онъ имѣлъ Сына, единороднаго и истиннаго, и не пощадилъ Его для насъ, а мы предпочитаемъ Ему повелѣнія сатаны. Развѣ же не по заслугамъ геенна, увеличенная даже вдвое, втрое и въ безчисленное число разъ? Не осуждайте меня за сѣтованіе, потому что тяжело, возлюбленные, не сѣтовать, но дѣлать достой-

ное сѣтованія, не плакать противно, а поступками причинять плачъ. Не будешь наказанъ, и я не стану скорбѣть; не будешь ввергнутъ въ геенну, и я не стану плакать. Лучше намъ теперь погоревать по этому поводу, нежели въ то время быть наказанными. Ты вотъ, когда болѣешь тѣломъ, созываешь всѣхъ, чтобы соболѣзновали тебѣ, и не соболѣзнующихъ тебѣ считаешь безсердечными: а когда душа погибаетъ, ты требуешь отъ меня, чтобы не скорбѣлъ? Но я не могу: вѣдь я отецъ, и отецъ любящій дѣтей. О, если бы вы могли видѣть пылъ моей души, если бы вы знали, какъ я сгораю сильнѣе всякой женщины, подвергшейся безвременному вдовству! Не такъ жена оплакиваетъ своего мужа, не такъ отецъ сына, какъ я это множество собравшихся около насъ, изъ-за того, что не вижу никакого преуспѣянія въ васъ. Все-то преданы навѣтамъ и обвиненіямъ; все время тратится на обвиненія. Видѣли ль вы когда-нибудь отводимыхъ на смерть? Каково — полагаете вы — у нихъ на душѣ, пока они идутъ до воротъ? Сколькихъ смертей не хуже? Чего бы не захотѣли они сдѣлать и потерпѣть, чтобы освободиться отъ этого
754 тумана и тучи? Я слышалъ отъ многихъ, которые были отведены и затѣмъ по царскому человѣколюбію позваны назадъ, какъ они говорили, что мы-де и въ людяхъ не признавали людей,—въ такомъ душа была разстройствѣ, остолбенѣніи и растерянности. Если же плотская смерть наводитъ на васъ такой ужасъ, то что станемъ дѣлать, когда наступитъ вѣчная? Когда увидимъ землю расторгаемой, небо открывающимся, самого Царя всяческихъ сходящимъ,—каково тогда будетъ у насъ на душѣ? Если, когда другихъ умерщвляютъ, изъ-за этой ничѣмъ не отличающейся отъ сна смерти люди, которыхъ дѣло не касается, настраиваются такимъ образомъ, что душа отъ страха и безпокойства приходитъ въ изнеможеніе и разслабленіе, то каково будетъ состояніе, когда мы сами подвергнемся еще большему — наказаніямъ вѣчнымъ? Невозможно, повѣрьте, невозможно изобразить словомъ это бѣдствіе. Да, скажутъ, но Богъ человѣколюбивъ, и ничего этого не будетъ. Итакъ, написанное—тщетно? Нѣтъ, говорятъ, но съ цѣлью угрозы, чтобы мы опамятовались. Итакъ, если не опамятуемся, а остаемся злыми, Онъ не наложитъ наказанія? Въ такомъ случаѣ и добрымъ не воздастъ наградъ. Да, говорятъ, потому что дѣло приличное — благодѣтельствовать сверхъ заслугъ. Значитъ, это вполнѣ вѣрно, а касательно наказаній — не вполнѣ, они только для угрозы и страха. Что же? Слышалъ ли ты о потопѣ? Ужъ и о немъ не говорится ли для угрозы? Самое событіе не произошло, его не было? И тогдашніе люди говорили много такого, и пока въ теченіе ста лѣтъ строился ковчегъ, а праведникъ вы-

валъ, не было никого, кто бы повѣрилъ, и такъ какъ не повѣрили угрозѣ на словахъ, то понесли наказаніе на дѣлѣ. Постараемся же по мѣрѣ силъ избѣгнуть этой опасности, чтобы намъ и настоящую жизнь провести благополучно, и достигнуть будущихъ благъ, благодатію и человѣколюбіемъ Господа нашего Іисуса Христа, съ Которымъ слава Отцу и Святому Духу, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

СЛОВО XXVI.

О добродѣтели и порокѣ.

Есть въ числѣ здѣшнихъ нѣкоторые ревнители добродѣ- 753
тели, которые предпочитаютъ покинуть городъ и удалиться на горы, а если кто спроситъ о причинѣ удаленія, оказывается основаніе, не заслуживающее оправданія: я ухожу, говорятъ, чтобы не погибнуть, чтобы не ослабѣть въ добродѣтели. А насколько было бы тебѣ лучше самому ослабѣть, да другихъ пріобрѣсть, чѣмъ, пребывая на (горной) высотѣ, видѣть, какъ погибаютъ братья? Если одни небрегутъ о добродѣтели, а другіе, ревнующіе о ней, уйдутъ далеко изъ строя, то какъ мы одолѣемъ враговъ? Вѣдь если бы даже существовали теперь знаменія, кто изъ внѣшнихъ подошелъ бы, кто присталъ бы къ намъ, когда порокъ выставляется такъ открыто? Въ самомъ дѣлѣ, праведная жизнь наша многимъ кажется убѣдительнѣе. Знаменія у людей безстыдныхъ и дурныхъ допускаютъ подозрѣніе въ дурную сторону, а чистая жизнь въ состояніи съ великою силою заградить уста и самого діавола. Если поэтому отъ расположенія и доброй воли зависитъ оставаться или не оставаться на землѣ, и если, слѣдуя примѣру Павла, желающему дозволительно на землѣ не оставаться, то исторгнемъ себя отъ земли и уйдемъ на небо. Нѣтъ никакого препятствія всѣмъ намъ перейти, если захотимъ. Если
въ искусствахъ многіе достигаютъ превосходства, то тѣмъ болѣе 754
достигнемъ мы того же въ томъ, что не требуетъ такого труда. Что, скажи мнѣ, труднѣе, какъ ходить по натянутому канату точно по ровному мѣсту, и расхаживая наверху, одѣваться и раздѣваться, точно сидя на постели? Что также, скажи мнѣ, труднѣе, какъ взять шесть на чело, затѣмъ положить поверхъ его ребенка и совершать безчисленныя дѣйствія на увеселеніе зрителей? Не кажется ли намъ это дѣло настолько страшнымъ, что даже смотрѣть не хотимъ, отъ одного взгляда трепещемъ и дро-

жимъ? Но добродѣтель легче всего этого, хотя бы мы захотѣли взойти даже на самое небо. И не говори мнѣ: хочу, да не могу. Вѣдь если для того, чтобы овладѣть какимъ-нибудь предметомъ, намъ недостаточно захотѣть, но нужно еще приложить дѣятельность; то тѣмъ болѣе для того, чтобы взойти на небо, намъ нужна дѣятельная добродѣтель. Если же хочешь знать, какъ добродѣтель нетрудна и какъ удобоисполнима, то вспомни о тѣхъ, которые въ безмолвіи живутъ на горахъ: они оставляютъ домы, женъ, дѣтей, всякое властное положеніе, устраняются отъ міра, одѣваются въ рубище, обсыпаются пепломъ, вѣшаютъ цѣпь на
755 шею и заключаютъ себя въ небольшую келью; не довольствуясь и этимъ, подвизаются въ постѣ и непрерывномъ неяденіи. И не говори мнѣ, что они обладали для этого силами. Многіе гораздо болѣе, чѣмъ ты, слабы, болѣе состоятельны и изнѣжены, а между тѣмъ избрали эту суровую и строгую жизнь. Но это поприще велико, цѣль высока, конецъ близокъ къ небу: ты не можешь достигнуть такого величія? Тогда, если ты обладаешь меньшимъ, достигай по крайней мѣрѣ болѣе низкаго. Не можешь расточить свое имущество? По крайней мѣрѣ не похищай чужого. Не можешь поститься? По крайней мѣрѣ не предавайся роскошеству. Если Христосъ столько потерпѣлъ за насъ, бывшихъ врагами, то на что мы сможемъ сослаться, если ничего за Него не потерпимъ? Откуда намъ будетъ взять дерзновеніе въ тотъ день? Не знаете развѣ, что и воинъ тогда только можетъ сдѣлаться славнымъ у царя, когда покажетъ раны и увѣчье, а если онъ не въ состояніи сослаться на подвигъ, то, хотя бы и ни въ чемъ не провинился, зачисляется въ послѣдніе ряды? Но, скажешь, теперь не время войны. А если бы было время, то, скажи мнѣ, кто бы сражался, кто бы напалъ на врага, кто бы прорвалъ его строй? По всей вѣроятности — никто. Въ самомъ дѣлѣ, когда я вижу, что ты не можешь пренебречь имуществомъ ради Христа, какимъ образомъ повѣрю, что ты пренебрежешь ранами? Онъ сказалъ: мужественно переносите злословящихъ и благословляйте. Ты и этого не дѣлаешь, не повинуешься. Если же не дѣлаешь того, что не заключаетъ въ себѣ никакой опасности, то, скажи мнѣ, перенесешь ли удары, соединенные съ великою болью и страданіемъ? Не обманывайте же себя, говоря: будемъ пока наслаждаться удовольствіями жизни, а впослѣдствіи, потрудившись малое время, получимъ награду за все время. Если иной, вынесши много опасностей и окончивши много войнъ, едва можетъ взглянуть съ дерзновеніемъ и на земного царя, то какъ сможетъ кто-нибудь смотрѣть на небеснаго (Царя), послѣ того какъ все время прожилъ для другого и сражался за дру-

гого? Ты получилъ отъ Бога благородство: зачѣмъ же измѣняешь природной доблести? Что дѣлаешь, скажи мнѣ? Иные обладаютъ искусствомъ въ предѣлахъ возможности передѣлывать безсловесныхъ тварей на манеръ человѣческаго благородства, обучать попугаевъ и сорокъ произносить человѣческія слова; искусствомъ они берутъ верхъ надъ природою; приручаютъ львовъ и водятъ ихъ по площади. Льва ты дѣлаешь ручнымъ, а себя самого приводишь въ состояніе свирѣпѣе волковъ? А еще жалче то, что каждое изъ безсловесныхъ животныхъ имѣетъ одинъ недостатокъ, у порочнаго же человѣка бываетъ не такъ: человѣкъ часто не одинъ только пріобрѣтаетъ недостатокъ, но пороки многихъ безсловесныхъ собираетъ въ своей душѣ. Не указывай же мнѣ на то, что у тебя есть человѣческая душа, укажи лучше, человѣкъ ли ты со стороны разума. Ты начальникъ надъ неразумными животными, а между тѣмъ сдѣлался рабомъ неразумныхъ страстей? Какъ же я назову тебя человѣкомъ, если у тебя нѣтъ царственныхъ принадлежностей? Вспомни, по чьему образу ты созданъ, и ты не унизишься до ничтожества безсловесныхъ. Вѣдь подобно тому, какъ на зрѣлищахъ упражняющіеся на протянутомъ снизу вверхъ канатѣ поднимаются и спускаются, но если малость не досмотрятъ и ошибутся, то ниспровергаются внизъ и погибаютъ, такъ точно и шествующіе по духовному пути, если хоть немного предадутся небрежности, падаютъ стремглавъ. Это потому, что путь этотъ болѣе тѣсенъ, чѣмъ тотъ канатъ, прямѣе и круче поднимается, и гораздо болѣе высокъ,—вѣдь вверху онъ оканчивается у самаго неба,—и ступеньки его будутъ для насъ шаткими даже тогда, когда мы доберемся до самой крайней вершины. Стоящихъ на вершинѣ объемлетъ великій трепетъ и для устойчивости остается одно только—не обра- 756
щать взоровъ книзу и не смотрѣть на землю,—а иначе произойдетъ отъ этого большое и тяжелое головокруженіе. И какъ на цитрѣ недостаточно одной только струны, чтобы произвести мелодію, но нужно ударять по всѣмъ (струнамъ) съ соотвѣтствующимъ ритмомъ, такъ и въ душевной добродѣтели недостаточенъ намъ для спасенія одинъ законъ, но нужно всѣ (законы) соблюдать съ точностію. Какая, скажи мнѣ, польза, когда кто молится протяженно, но не творитъ милостыни щедро? Или когда раздаетъ щедрую милостыню, но предается любостяжанію и насильничеству? Или когда чуждъ любостяжанія и насильничества, но поступаетъ такъ на показъ людямъ, изъ честолюбія? Или когда проявляетъ милосердіе со всякимъ тщаніемъ и согласно съ волею Божіею, но противится самому (Богу) и много о себѣ думаетъ? Или когда скроменъ и приверженъ къ постамъ, но сребро-

любствуетъ, торгашничаетъ, прилѣпляется къ землѣ и вводитъ въ свою душу мать всѣхъ пороковъ—сребролюбіе? Невозможно, говорится, служить Богу и мамонѣ (Мѳ. VI, 24). Поэтому человѣколюбецъ Богъ устроилъ такъ, что всѣ люди сближены, злые перемѣшаны съ добрыми, чтобы и порокъ злыхъ отсѣкался, и добродѣтель добрыхъ проявлялась блистательнѣе, такимъ образомъ и нерадивые при желаніи многое пріобрѣтали бы отъ обращенія съ рачительными. Вѣдь подобно тому какъ добрые и благочестивые достойны двойственной награды, за то именно, что остались чистыми и нисколько не повредились отъ соприкосновенія съ порочными, такъ и злые достойны двойственнаго наказанія, именно за то, что остались порочными, имѣя возможность сдѣлаться добрыми, и за то, что ничего не пріобрѣли отъ соприкосновенія съ добродѣтельными. И какъ добродѣтельнымъ удивляются не только добродѣтельные, но и порочные, такъ и злыхъ ненавидятъ не только добрые, но и злые. Правда, многіе удивляются порочнымъ изъ-за того, что они способны совершать несправедливость и вредить другимъ: не понимаютъ они того, что слѣдовало бы считать ихъ самыми несчастными, такъ какъ, думая вредить другимъ, обращаютъ мечъ на самихъ себя; а это—крайнее безуміе—поражать себя самого и не сознавать этого, полагать, что наносишь обиду другому, а убивать себя самого. Не въ томъ зло, чтобы терпѣть несправедливость, но въ томъ, чтобы наносить несправедливость и не сознавать чинимой неправды. Сколько несправедливостей вытерпѣлъ Давидъ? Сколько нанесъ ихъ Саулъ? А кто изъ нихъ болѣе несчастенъ и жалокъ? Кто въ то же время болѣе блестящъ и блажененъ? Послѣдній не мучился ли уныніемъ и злобнымъ демономъ, а первый не просіялъ ли ярче солнца подвигами и любовью къ Богу? Не задыхался ли послѣдній отъ зависти, а первый, перенося все молчаливо, не овладѣлъ ли всѣми и не привязалъ ли къ себѣ, такъ какъ тотъ часто старался погубить, а этотъ, будучи гонимъ, забралъ врага въ руки и, взявши, пощадилъ? Кто оказался немощнѣе, кто слабѣе? Не тотъ ли, что̀ нападалъ несправедливо? И весьма естественно. Одинъ имѣлъ союзниками и помощниками вооруженныхъ воиновъ, а другой—правду, превосходящую силою миріады полчищъ. А когда онъ самъ, подвергавшійся несправедливости, одолѣлъ и впослѣдствіи совершилъ несправедливость, то смотри, какъ онъ сдѣлался болѣе слабымъ. Несправедливо̀ онъ поступилъ съ Уріей—и вотъ строй измѣнился, безсиліе перешло на сторону обидчика, а сила на сторону обиженнаго, послѣдній, будучи даже мертвъ, ниспровергъ домъ перваго, самъ царь, и находясь въ живыхъ, ничего не могъ подѣлать, а онъ, и будучи

заколоть, продолжалъ оставаться воиномъ и перевернулъ у того все вверхъ дномъ. Поэтому, если ты увидишь, что кто-нибудь живетъ праведно и постоянно устремляетъ взоръ къ благочестію, то хотя бы таковой связанъ былъ безчисленными узами, по- 757
стоянно проживалъ въ темницѣ, находился въ рабствѣ у недостойныхъ, хотя бы у него выкалывали (глаза) или жгли, хотя бы тѣло его доведено было до совершеннаго изнуренія, и вообще какіе бы ужасы ни потерпѣлъ онъ, все же считай его блаженнымъ и заслуживающимъ подражанія. А если увидишь, что другой живетъ въ распутствѣ, нечестіи и крайнихъ порокахъ, то хотя бы пользовался большою честью, взошелъ даже на царскій престолъ, облачился въ діадему и порфиру и завладѣлъ всею вселенною, по этому самому таковаго оплакивай и почитай несчастнымъ. Дѣйствительно, нѣтъ ничего бѣдственнѣе настроенной такимъ образомъ души, хотя бы ей подвластна была вся вселенная. Какая въ самомъ дѣлѣ польза отъ изобильнаго богатства тому, кто всѣхъ бѣднѣе добродѣтелью? Какая выгода обладать столь многимъ тому, кто не въ состояніи владѣть собою и своими страстями? Вѣдь если для нашего спасенія недостаточно нашей собственной добродѣтели, но необходимо, чтобы и другіе ушли, имѣя таковую, то что съ нами будетъ, откуда наконецъ почерпнемъ надежду на спасеніе, если не послужимъ ни собственному спасенію, ни спасенію другихъ? Если благоугождать Богу значитъ быть человѣкомъ, то чѣмъ другимъ, какъ не звѣремъ, будетъ тотъ, кто не хочетъ даже слышать о томъ, чтобы это выполнить? Подумай же, каково это нечестіе, когда въ то время какъ Христосъ желаетъ сдѣлать насъ — людей равными ангеламъ, сами мы низвергаемъ себя съ человѣческаго достоинства въ звѣрнное. А дѣйствительно, раболѣпствовать чреву, порабощаться страстью къ деньгамъ, разъяряться гнѣвомъ, угрызать, лягать—это не человѣческое дѣло, а звѣрииое. Подобно тому какъ, при наклонности къ легкомыслію, мы терпимъ вредъ отъ всякой случайности, такъ точно, если пожелаемъ трезвиться, ничто не въ состояніи будетъ повредить нашей рачительности, хотя бы тысячи предметовъ влекли насъ къ пороку. Если же хочешь знать, что Богъ вложилъ въ природу законы для различенія, что̀ добро и что̀ зло, то обратись съ вопросомъ къ жизненному опыту: почему всѣ, дѣлающіе зло, избѣгаютъ имени злыхъ? Прелюбодѣй прелюбодѣйствуетъ, но ему стыдно слышать, что онъ прелюбодѣй. Скажи завѣдомому прелюбодѣю: прелюбодѣй,—онъ стыдится, слыша то, что охотно дѣлаетъ. Скажи клятвопреступнику: клятвопреступникъ,—онъ принимаетъ за обиду наименованіе собственныхъ поступковъ. Итакъ, если ты считаешь

грѣхъ добромъ, то зачѣмъ избѣгаешь имени (грѣха)? Но вотъ скажи скромному: скромникъ,—онъ не стыдится названія того, что̀ ему нравится на дѣлѣ. Назови праведнаго праведникомъ,—онъ и отъ дѣла увѣнчевается, и отъ названія получаетъ почетъ. и хотя изъ осторожности устраняется отъ имени, но въ душѣ воспринимаетъ похвалу. И опять, ты не встрѣтишь, чтобы кто-нибудь обнаруживалъ порокъ съ открытымъ лицомъ, не позаимствовавъ личины у добродѣтели,—а какъ, послушай. Лжецъ говоритъ ложь не открыто, но обманываетъ, притворяясь говорящимъ истину; коварный не обнаруживаетъ коварства, но устраиваетъ гадость, показывая видъ дружелюбія; клеветникъ, пришедшій въ судилище, не для того приходитъ, чтобы признаться въ томъ, въ чемъ слѣдуетъ, но по наружности выставляетъ себя свидѣтелемъ истины, а посредствомъ лжи проявляетъ себя свидѣтелемъ нечестія. Впрочемъ и душа наша, хотя преисполнена пороковъ, любитъ хорошее имя. Часто властителямъ дышащимъ любостяжаніемъ, ни о чемъ другомъ не думающимъ, кромѣ грабительства и неправды, нѣкоторые льстятъ, что будто бы они или
758 бѣдняка избавили отъ крайней нужды, или простили какой-нибудь долгъ, или не отомстили своимъ оскорбителямъ либо намѣревавшимся оскорбить. И когда кто приходитъ въ качествѣ хорошаго посла къ человѣку властному и злому, то онъ не начинаетъ сразу съ истины и не говоритъ ему то, что слѣдуетъ, но напередъ ставитъ передъ нимъ имя добродѣтели: ты добрый мужъ, говоритъ, твое имя прославлено, всѣ воспѣваютъ твои благодѣянія—и присовокупляетъ много тому подобнаго, съ цѣлью смягчить его похвалою и устранить злобу. Вотъ какъ порокъ побѣждается похвалами добродѣтели; никакой дурной человѣкъ не желаетъ слышать дурного; природа предпочитаетъ то, что ей свойственно, хотя бы свободная воля избирала противоположное. Потому не станемъ говорить: такой-то по природѣ хорошъ, а такой-то по природѣ дуренъ, потому что если по природѣ хорошъ, то никогда не въ состояніи будетъ сдѣлаться дурнымъ, и если по природѣ дуренъ, то никогда не сдѣлается хорошимъ. Если бы не отъ свободной нашей воли зависѣло быть злыми или добрыми и человѣколюбецъ (Богъ) не создалъ бы нашу природу самовластною, то слѣдовало бы имѣющимъ общую природу и подверженнымъ тѣмъ же самымъ страстямъ быть или всѣмъ порочными, или всѣмъ добродѣтельными; когда же мы видимъ, что подобные намъ по происхожденію люди, обуреваемые тѣми же самыми страстями, не одно и то же съ нами претерпѣваютъ, но, обуздавъ природу здравымъ разсудкомъ, одолѣваютъ непристойные порывы, смѣются надъ всѣми прелестями настоящей

жизни и воспаряютъ къ истинной славѣ, то не ясно ли, что все это они могутъ совершать собственнымъ усердіемъ при помощи благодати свыше, а мы по собственному небреженію лишившись того вышняго благоволенія теряемъ свое спасеніе? Итакъ никто пусть не винитъ другого, будто бы тотъ послужилъ ему помѣхой для трудовъ въ добродѣтели, но пусть все приписываетъ собственному нерадѣнію. И что говорю я—другого? Пусть не считаетъ никто и самого діавола имѣющимъ возможность воспрепятствовать на пути, ведущемъ къ добродѣтели: онъ правда соблазняетъ и подставляетъ ногу болѣе нерадивымъ, но не препятствуетъ и не насилуетъ. Въ этомъ удостовѣряетъ и самый опытъ: когда мы хотимъ жить трезво, то обнаруживаемъ такую напряженность, что, если даже многіе склоняютъ на путь зла, удерживаемся отъ ихъ совѣта, бываемъ тверже всякаго адаманта и закрываемъ уши отъ внушающихъ постыдное; а когда мы нерачительны, то и при отсутствіи какого бы то ни было совѣтника или обольстителя, по собственному побужденію устремляемся ко злу. Итакъ добродѣтель и сама по себѣ заслуживаетъ удивленія, если же кто, и попавши въ среду людей, препятствующихъ добродѣтели, все же ее достигнетъ, то она явится у него заслуживающею тѣмъ большаго удивленія. Вѣдь не мѣсто краситъ добродѣтель, а добродѣтель мѣсто—по самой ея природѣ. Добродѣтелью и одного человѣка многіе пользуются, даже люди порочные, а пороками и многихъ, хотя бы одинъ кто подвизался среди громадной толпы, и онъ не соблазнится. Одинъ человѣкъ, праведно живущій, въ состояніи будетъ избавить весь народъ отъ гнѣва Божія; напротивъ, цѣлый городъ порочный не будетъ въ состояніи увлечь и пріобщить къ собственному наказанію и мученію хорошо живущаго человѣка. Это ясно изъ примѣра Ноя: когда всѣ погибали, онъ одинъ спасся; видно также изъ примѣра Моисея: онъ одинъ имѣлъ силу вымолить пощаду такому народу. Но я укажу еще и на иной примѣръ—человѣколюбія Божія. Когда именно среди живущихъ у 759
Него нѣтъ людей съ дерзновеніемъ могущихъ заступиться за грѣшниковъ, то Онъ обращается къ умершимъ: черезъ нихъ, говоритъ, отпустятся грѣхи. Такъ, Онъ говоритъ къ Езекіи: *защищу градъ сей Мене ради и Давида ради раба Моего*, уже скончавшагося (4 Цар. XIX, 34). Видишь ли, какова добродѣтель святыхъ? И не только ихъ слова, но и самая одежда почитается всегда всяческимъ созданіемъ. Милоть Иліи раздѣлила Іорданъ, обувь трехъ отроковъ угасила огонь; древо Елисея измѣнило природу воды и заставило нести желѣзо на поверхности; жезлъ Моисея раздѣлилъ Чермное море и прорвалъ скалу; одежды Павла

прогнали демоновъ; тѣнь Петра обратила смерть въ бѣгство; прахъ святыхъ мучениковъ изгонялъ злыхъ демоновъ. И все совершали со властію, какъ напримѣръ Илія. Онъ именно смотрѣлъ не на одну діадему и внѣшнюю пышность царя, но смотрѣлъ и на душу, одѣтую въ лохмотья, тощую, грязную, выглядѣвшую жалче всякаго осужденнаго (преступника), и видя, что онъ плѣнникъ, порабощенный страстями, пренебрегъ его царскимъ достоинствомъ, такъ какъ ему казалось, что онъ видитъ царя какъ бы представленнаго на сценѣ, а не дѣйствительнаго. Какая польза во внѣшнемъ богатствѣ, когда внутри такая бѣдность? Какой опять же вредъ отъ внѣшней бѣдности, когда внутри сложено такое сокровище? Таковымъ львомъ проявилъ себя и блаженный Павелъ: войдя въ темницу, онъ однимъ только голосомъ поколебалъ основанія и сокрушилъ узы, воспользовавшись для этого не зубами, а словами. Поэтому ихъ слѣдовало бы даже назвать не львами, а чѣмъ-нибудь другимъ, еще болѣе значительнымъ. Вѣдь левъ нерѣдко улавливается, попавши въ сѣти, а святые, когда связаны, тогда именно дѣлаются болѣе сильными; левъ рычитъ, и всѣ звѣри обращаются въ бѣгство, а святой издаетъ звукъ, и демоны отовсюду убѣгаютъ. Но какое слово достаточно для Павловыхъ подвиговъ, какой языкъ сможетъ возвыситься до похвалъ ему? Проявили ль что доблестное пророки, или патріархи, или праведники, или апостолы, или мученики, онъ, совокупивъ все это вмѣстѣ, владѣлъ въ такомъ совершенствѣ, въ какомъ никто изъ названныхъ не владѣлъ порознь изъ того, что доблестнаго каждый имѣлъ. Итакъ, если одна душа обладаетъ совокупностію всего того, что есть добраго въ людяхъ, при томъ же въ совершенствѣ, и не только въ людяхъ, но и у ангеловъ, то какъ мы одолѣемъ похвалами это величіе? Какого порицанія не заслужимъ, если, видя, какъ одинъ человѣкъ сосредоточилъ въ себѣ все доброе, сами мы не постараемся подражать ему хотя въ малѣйшей части? Въ ряду многихъ другихъ подвиговъ патріарху Аврааму дивятся въ особенности за то, что онъ пожертвовалъ своимъ сыномъ; Исааку—за незлопамятность, за то, что, будучи изгнанъ изъ собственныхъ предѣловъ, не сопротивлялся, но всюду уступалъ свои владѣнія, пока нечестивая страсть его обидчиковъ не была утолена; Іакову—за стойкость и терпѣніе; Давиду—за кротость; Иліи—за ревность о (славѣ) Владыки. Но что могло бы сравниться съ Павломъ, который все это соединилъ въ высочай-
760 шей степени? Онъ не сына принесъ въ жертву, но самимъ собою жертвовалъ безконечное число разъ; онъ не изъ своихъ предѣловъ только былъ изгоняемъ, но точно на крыльяхъ обошелъ землю и море, Элладу и варварскую страну, всякую вообще землю,

находящуюся подъ солнцемъ, при чемъ его влачили, били, побивали камнями и каждый день подвергали смерти; онъ не дважды по семи лѣтъ служилъ, истощаемый дневнымъ жаромъ и ночнымъ холодомъ, но всю жизнь провелъ въ голодѣ, въ наготѣ, въ оковахъ, темницахъ, въ козняхъ и въ опасностяхъ. А по смиренію и кротости кто превосходитъ, кто даже совершилъ равное съ Павломъ въ отношеніи обоихъ этихъ качествъ души? Если же обратишь вниманіе на его ревность, то найдешь, что онъ настолько превосходитъ Илію, насколько этотъ послѣдній превзошелъ другихъ пророковъ. Правда, Іоаннъ питался акридами и дикимъ медомъ; но онъ (Павелъ) жилъ посреди вселенной, точно тотъ въ пустынѣ, не акридами и дикимъ медомъ питаясь, но пользуясь гораздо болѣе скромной трапезой, не располагая даже необходимой пищей вслѣдствіе ревности къ проповѣди. Остается, наконецъ, уравнять его съ ангелами. И пусть никто не укоряетъ за смѣлость такого слова: если Писаніе называло ангеломъ Іоанна, то что удивительнаго, когда мы сопоставимъ съ этими силами человѣка, всѣхъ лучшаго? Павелъ болѣе всѣхъ людей показалъ, что такое человѣкъ, каково благородство нашей природы, на какую это живое существо способно добродѣтель, откуда оно произошло, громогласно такимъ образомъ оправдывая Владыку противъ всѣхъ обвинявшихъ наше сотвореніе и выясняя, что между ангелами и людьми разстояніе небольшое, если только мы захотимъ внимательно отнестись къ себѣ. Вѣдь не другою онъ обладалъ природою, не другой душѣ былъ причастенъ, не въ другомъ обиталъ мірѣ, но въ той же землѣ и странѣ, при тѣхъ же законахъ и нравахъ онъ выросъ, а между тѣмъ превзошелъ всѣхъ людей, какіе гдѣ ни появлялись, и какъ трупъ рядомъ съ трупомъ остался бы неподвиженъ, такъ и онъ, тщательно укротивъ естественные порывы, не потерпѣлъ никогда ничего рядомъ съ чѣмъ бы то ни было человѣческимъ. Подобно тому какъ бываетъ въ отношеніи денегъ, что пріобрѣвшій два золотыхъ получаетъ большое желаніе увеличить ихъ и довести до десяти и двадцати, такъ и въ отношеніи добродѣтели: кто доблестно совершилъ какое-нибудь доброе дѣло, тотъ получаетъ какое-то побужденіе и поощреніе къ дѣятельности, къ тому, чтобы подобнымъ же образомъ приступить къ совершенію и многихъ другихъ дѣлъ. Пусть никто у меня не ссылается на то, что многіе доблестно поступаютъ; не въ этомъ вопросъ, а въ томъ, чтобы всѣ такъ поступали. Развѣ ты не видишь, что это бываетъ и съ тѣломъ: если мы ушибемъ и повредимъ хотя бы только ноготь, все тѣло болѣетъ вмѣстѣ съ этимъ членомъ. Поэтому не о томъ говори, что немногіе остались, которые не поступаютъ доблестно, но на то

обращай вниманіе, что эти немногіе, не исправившись, вредятъ многимъ другимъ. Въ Коринөѣ одинъ былъ блудодѣй, и тѣмъ не менѣе Павелъ такъ сокрушался, точно весь городъ погибалъ. И весьма справедливо: онъ зналъ, что если тотъ не уцѣломудрится, то болѣзнь скоро пойдетъ по дальнѣйшему пути и поразитъ всѣхъ другихъ. Если между членами тѣла мы отсѣкаемъ гнилой
761 и нездоровый, изъ опасенія, чтобы та же гибель не распространилась на остальное тѣло, и дѣлаемъ такъ не изъ пренебреженія къ нему, а изъ желанія сберечь остальное, то насколько болѣе необходимо поступать такимъ же образомъ по отношенію къ тѣмъ, которые живутъ вмѣстѣ съ нами въ порокахъ? Если мы можемъ и ихъ исправить, и сами не развратиться, то нужно все для этого сдѣлать; если же и имъ предстоитъ остаться неисправленными, и намъ пострадать, то необходимо ихъ отсѣчь и отбросить. Если мы, имѣя испорченныхъ сыновей, прогоняемъ ихъ, не стѣсняясь и естественными связями, то насколько болѣе намъ слѣдуетъ избѣгать родныхъ и знакомыхъ, если они порочны? Что же это значитъ? А то, что ты уважай самъ себя, и никто не сможетъ тебя обидѣть; если же ты себя не уважаешь, то хотя бы тебя всѣ почитали, никогда ты не будешь въ почетѣ. Если кто считается порочнымъ, между тѣмъ въ дѣйствительности онъ добрый, то отъ этого онъ не несетъ никакого вреда, потому что продолжаетъ быть такимъ, какимъ онъ есть,—мало того, тотъ, кто заподозрилъ несправедливо и понапрасну, подвергается тягчайшему наказанію; если же порочный подозрѣвается въ противоположномъ (тому, что онъ есть въ дѣйствительности), то отсюда онъ ничего не пріобрѣтаетъ, даже понесетъ большій вредъ и впадетъ въ большее нерадѣніе. Кто признается такимъ, каковъ онъ есть, тотъ быть можетъ и смирится и придетъ къ сознанію своихъ грѣховъ; а кто укрывается, тотъ впадаетъ въ безчувственность. Вѣдь если погрѣшающіе люди съ трудомъ доводятся до сокрушенія, даже когда всѣ ихъ обвиняютъ, то какимъ образомъ смогутъ опомниться, когда не только ихъ не обвиняютъ, но нѣкоторые даже хвалятъ? Итакъ невозможно, чтобы люди преданные добродѣтели отъ всѣхъ слышали о себѣ хорошее, невозможно также, чтобы человѣкъ заботящійся о добродѣтели не имѣлъ многихъ враговъ: добрая у всѣхъ слава служила бы величайшимъ доказательствомъ, что добродѣтели не придается большого значенія. Да и какъ таковой всѣми можетъ быть восхваляемъ, если онъ старается избавить терпящихъ неправду отъ дѣлающихъ неправду? Опять же, если онъ хочетъ исправить согрѣшающихъ и похвалить правильно поступающихъ, то неужели слѣдуетъ первыхъ хвалить, а послѣднихъ порицать? Итакъ, кто прилежно слѣдуетъ

добродѣтели и получаетъ похвалу только отъ Бога, тому невозможно быть восхваляемымъ и пользоваться хорошей славой отъ всѣхъ людей. Порокъ проявляетъ большую ярость противъ добродѣтели, однакожъ не только не вредитъ ей нисколько, но и дѣлаетъ ее болѣе сильною для борьбы. Сила добродѣтели именно такова, что, и когда она терпитъ обиду, беретъ перевѣсъ надъ обидчиками, и когда одолѣвается, становится выше противниковъ. Вспомни вотъ Авеля. Развѣ онъ не былъ убитъ Каиномъ? Но, и убитый имъ, онъ доселѣ провозглашается и вѣнчается и такъ долгое время не могло затмить его память, а убившій, хотя побѣдилъ, и въ свое время велъ жизнь тяжелѣе смерти, и послѣ того донынѣ несетъ клеймо и отъ всѣхъ получаетъ укоризны. И это въ настоящей жизни, а что произойдетъ въ будущемъ вѣкѣ— какое слово, какой умъ въ состояніи представить? Послушай же, что говоритъ Христосъ: *подобно есть* царствіе небесное *квасу, егоже пріемши жена, скры въ сатѣхъ тріехъ муки* (Лук. XIII, 21). Такимъ образомъ праведники обладаютъ силою закваски, чтобы сообразно своему свойству обращать нечестивыхъ. Но немного праведниковъ, потому что и закваска мала, однакожъ малость эта по присущей ей силѣ приспособляетъ къ себѣ все тѣсто. Такъ точно и сила праведниковъ получаетъ свою мощь не въ численномъ ко- 762
личествѣ, но въ благодати Духа. А какимъ образомъ—послушай. Апостоловъ было двѣнадцать. Видишь, какъ мала закваска? Вся вселенная находилась въ невѣріи. Видишь, какъ велико тѣсто? Но тѣ двѣнадцать обратили къ себѣ всю вселенную, потому что и закваска и тѣсто—одной и той же природы, но не того же самаго качества. Если же и изъ другого примѣра хочешь узнать, насколько дерзновеніе праведника преобладаетъ надъ властью тирана, то послушай, что говоритъ Іоаннъ Ироду: *не достоитъ тебѣ имѣти жену брата твоего* (Марк. VI, 18). Иродъ—царь, имѣвшій тѣлохранителей, окруженный богатствомъ, управлявшій съ царской властью; Іоаннъ—бѣднякъ, не имѣвшій ни дома, ни города, ни имущества, ни пищи, кормившійся травяными акридами и дикимъ медомъ. Но этотъ бѣднякъ, бродившій по пустынямъ, самовластно повелѣваетъ властителю многолюдныхъ городовъ: *не достоитъ тебѣ*. Видишь ли, какъ добродѣтель по природѣ начальствуетъ надъ порокомъ? Но праведникъ ввергается за это въ темницу; происходитъ горестное то пиршество, входитъ среди пиршества дѣвица-плясунья и нравится Ироду и пирующимъ, такъ что Иродъ клянется: *проси егоже хощеши, и дамъ ти, до полцарствія моего* (Марк. VI, 22—23). Видишь, какъ онъ отрекся отъ царства? *Егоже аще попросиши, дамъ ти, и до полцарствія моего* (ст. 23). Бѣдный и несчастный, какъ поспѣшно ослѣплены очи

твоего ума! Такъ-то ты оцѣниваешь царство! Разъ проплясала дѣвица и ты отдалъ половину; а если пропляшетъ другой разъ, какъ поступишь? Молись, чтобы вновь она не заплясала, и заплясавши не понравилась, а не то тебѣ останется нищенствовать. Подлинно, тѣ, кто зарится на настоящія блага, хотя бы безмѣрно обогащались, хотя бы были облечены великою властью, стоятъ у людей преданныхъ добродѣтели въ ряду рабовъ и невольниковъ. Пусть кто-нибудь изъ порочныхъ будетъ царемъ, а изъ благочестивыхъ—частнымъ человѣкомъ: посмотримъ, кто надъ кѣмъ будетъ господиномъ, на чьей сторонѣ будутъ сіять принадлежности власти, кто будетъ правителемъ и кто управляемымъ. Какъ же намъ это узнать? Повелѣваетъ царь частному человѣку совершить какое-нибудь дурное, исполненное нечестія дѣло: что же этотъ благочестивый частный человѣкъ и подданный? Онъ не только не уступитъ и не послушается, но еще постарается отклонить повелителя отъ его намѣренія, хотя бы пришлось за это умереть. Итакъ, кто же свободенъ—тотъ ли, кто дѣлаетъ, что̀ хочетъ, не боясь даже царя, или кто находится въ пренебреженіи у подданнаго? Вѣдь подобно тому какъ плѣнникъ, хотя бы онъ владѣлъ безмѣрнымъ богатствомъ, по этому самому въ особенности и доступенъ плѣненію у всѣхъ, такъ точно и тотъ, кто уловляется страстями, хотя бы онъ повязанъ былъ діадемой, бываетъ ничтожнѣе всякой паутины. Что можетъ быть жалостнѣе предающихся пороку, когда они лишаются и самаго наименованія, права называться людьми, и подвергаются наказанію за то, что, получивъ по природѣ много способностей, продали ихъ, добровольно позволили похитить и переметнулись на сторону порока? Если лукавый (рабъ) возвращаетъ данное ему, за то что не удвоилъ, то что придется услышать тому, кто еще и растра-
763 тилъ? Если тотъ уводится въ узахъ туда, гдѣ скрежетъ зубовъ, то что потерпимъ мы, которые, будучи увлекаемы многимъ къ добродѣтели, увертываемся и медлимъ? Развѣ не видишь, какъ жизнь ничтожна, какъ она ненадежна и какой трудъ соединенъ съ дѣлами настоящей жизни? Вѣдь невозможно, чтобы добродѣтель протекала съ трудомъ, а порокъ безъ трудовъ? Если же здѣсь и тамъ трудъ, то почему ты не предпочитаешь ту (добродѣтель), которой присуща великая польза? Когда ты увидишь недостойнаго іерея, то не порицай самаго іерейства, потому что нужно порицать не самый предметъ, но того, кто дурно пользовался хорошимъ (предметомъ); такъ и Іуда сдѣлался предателемъ, но это послужило къ укору не апостольству, а его памяти; такъ и многіе врачи сдѣлались палачами, давши яду вмѣсто лѣкарства, но я виню за это не искусство, а того, кто дурно вос-

пользовался искусствомъ; такъ и многіе пловцы потопили корабли, но за это на нихъ (лежитъ) худая память, а не на искусствѣ плаванія. *Нужда же есть пріити соблазномъ*,—сказано,—*обаче горе человѣку тому, имже соблазнъ приходитъ* (Мѳ. xviii, 7). Что же? Развѣ предсказаніе Его влечетъ соблазнъ? Нѣтъ, не предсказаніе Его; не потому это случилось, что было предсказано, но потому и предсказано, что непремѣнно должно было случиться; такъ, если бы приносящіе соблазны не захотѣли дѣйствовать соблазнительно, то сами соблазны не пришли бы; а если бы не имѣли придти, то и не было бы предсказано; но такъ какъ тѣ дѣйствовали соблазнительно, болѣли неисцѣльно, то (соблазны) пришли, и Онъ предсказываетъ то, что должно случиться. А если бы, скажутъ, тѣ исправились и не было бы никого, приносящаго соблазны, то не употреблено ли было бы это слово какъ ложное? Никоимъ образомъ,—иначе не было бы сказано; если бы надлежало всѣмъ исправиться, Онъ не сказалъ бы: *нужда есть пріити;* но такъ какъ Онъ предвидѣлъ, что сами по себѣ они будутъ неисправимы, то поэтому и сказалъ, что непремѣнно придутъ. А почему, скажутъ, (соблазны) ихъ не погубили? Потому что потерпѣвшіе вредъ гибнутъ не отъ этого, а отъ своего нерадѣнія; если бы погибель происходила отъ соблазновъ, то всѣмъ пришлось бы погибнуть. Такимъ образомъ, когда бы мы пребывали трезвы, то извлекли бы отсюда немалую пользу, побуждаясь постоянно бодрствовать. Вѣдь, если и при наличности враговъ, будучи угрожаемы столькими искушеніями, мы спимъ, то каковы бы мы были, если бы жили въ безопасности? Обрати, если угодно, вниманіе на перваго человѣка. Если онъ, проживъ короткое время, быть можетъ, не цѣлый даже день въ раю и вкусивъ наслажденія, дошелъ до такого зла, что вообразилъ себя равнымъ Богу, счелъ обманщика благодѣтелемъ и не соблюлъ никакой заповѣди, то, когда бы онъ провелъ и дальнѣйшую жизнь, чего бы не надѣлалъ? Если кто, однажды избавленный отъ зла, не вразумляется, то потерпитъ зло болѣе тяжелое, чѣмъ прежде. А ему слѣдовало бы изъ многаго почерпать вразумленіе: и изъ того, что онъ прежде терпѣлъ, и изъ того, что избавился, и изъ того, что предстоитъ потерпѣть худшее, если не перемѣнится; если же ни отъ чего этого онъ не сдѣлался лучше, то какъ ему не потерпѣть болѣе тяжелаго зла, чѣмъ прежнее? И фараонъ, если бы исправился 764
послѣ первой казни, не испыталъ бы послѣдующихъ, и не утонулъ бы напослѣдокъ въ морѣ со всѣмъ своимъ войскомъ. Кто подъ угрозою оковъ бываетъ добръ, тотъ никогда не будетъ добръ,—освобожденный отъ принужденія, онъ возвратится къ прежнему. Потому, изслѣдуя это, не станемъ говорить: какое

мѣсто займетъ тотъ, кто не совершилъ никакого ни зла, ни добра? Вѣдь не совершить добра значитъ то же, что совершить зло. Если у тебя есть какой-нибудь слуга, который и не воруетъ, и не огорчаетъ, и не противорѣчитъ, воздерживается даже отъ пьянства и всего остального, но если онъ постоянно сидитъ безъ дѣла и ничего не исполняетъ изъ того, что долженъ исполнять слуга для господина, то, скажи мнѣ, не подвергнешь ли ты его бичеванію и мученію? А между тѣмъ онъ не совершилъ никакого зла. Значитъ, то уже зло, что не сдѣлалъ ничего хорошаго. Или пусть у насъ будетъ какой-нибудь земледѣлецъ, который нисколько не наноситъ вреда нашему (имуществу), не злоумышляетъ, не крадетъ, а только сложивъ руки сидитъ дома, не сѣетъ, не пашетъ поля, не обрабатываетъ виноградника и ни въ чемъ другомъ не трудится около земли: развѣ мы не накажемъ такого? А между тѣмъ онъ не нанесъ никакой обиды, мы не можемъ его ни въ чемъ обвинить. Значитъ, онъ нанесъ обиду тѣмъ самымъ (что перечислено). Также въ отношеніи нашего тѣла пусть будетъ рука, которая не наноситъ удара въ голову, не отсѣкаетъ языка, не вырываетъ глаза и никакого другого подобнаго зла не дѣлаетъ, а только остается въ бездѣйствіи и не выполняетъ свойственнаго ей служенія всему тѣлу: развѣ она не заслуживаетъ, чтобы отрубить, а не носить ее, праздную и вредную для всего тѣла? А что, если ротъ не съѣдаетъ руки и не грызетъ груди, но оставляетъ безъ вниманія то, что его касается,—развѣ не гораздо лучше было бы его замкнуть? Итакъ, если въ этихъ вещахъ не только недѣланіе зла, но и опущеніе добра составляетъ великое нечестіе, то тѣмъ болѣе въ вещахъ духовныхъ. О, если бы мнѣ возможно было подвизаться за васъ, а вамъ получать награды за подвиги,—никогда бы я на это не обижался! Какъ мать, видя ребенка въ горячкѣ, стоитъ возлѣ него—страдающаго и горящаго, плачетъ и нерѣдко говоритъ: о, дитя, если бы возможно бы мнѣ взять твою горячку на себя, перетянуть на себя этотъ жаръ!—такъ и я говорю: о, если бы мнѣ возможно было потрудиться за васъ и выполнить все! Но нельзя этого, нельзя. Поэтому, кто можетъ и другихъ исправлять, пусть присоединяется къ принимающимъ на себя это служеніе и дѣлаетъ людей лучшими; а кто болѣе слабъ, пусть избѣгаетъ порочныхъ, чтобы не заимствовать отъ нихъ погибель. Такимъ образомъ вы и настоящую жизнь проживете въ безопасности, и достигнете будущихъ благъ, которыхъ и да сподобимся мы всѣ, благодатію и человѣколюбіемъ Господа нашего Іисуса Христа, съ Которымъ слава Отцу и святому Духу, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

СЛОВО XXVII.

О воспитаніи дѣтей. 763—764

Прошу васъ и умоляю, возлюбленные, будемъ имѣть большое попеченіе о нашихъ дѣтяхъ и всячески заботиться о спасеніи ихъ души. Подражайте блаженному Іову, который, даже опасаясь прегрѣшеній ихъ въ помышленіи, приносилъ за нихъ
жертвы и проявлялъ о нихъ большую заботливость; подражайте 765
Аврааму, который тоже хлопоталъ не о деньгахъ и имѣніяхъ, но о божественныхъ законахъ, какимъ бы образомъ передать сохраненіе ихъ невредимо потомкамъ. И когда Давидъ умиралъ, то онъ вмѣсто великаго наслѣдства, призвавъ своего сына, внушалъ то же, и обстоятельно говорилъ, что если захочешь, дитя, жить по законамъ Божіимъ, то ничего съ тобою неожиданнаго не случится, всѣ дѣла потекутъ у тебя по желанію и большою будешь ты наслаждаться безопасностію; если же ты отпадешь отъ этой помощи, то никакой пользы не будетъ тебѣ отъ царства и отъ этой великой власти. Вѣдь, если благочестіе отсутствуетъ, то и тѣ сокровища, какія есть, погибаютъ съ опасностью и крайнимъ позоромъ; если же оно на лицо, то и тѣ, какихъ нѣтъ, приходятъ. Поэтому родителямъ слѣдуетъ думать не о томъ, какъ бы сдѣлать дѣтей богатыми серебромъ и золотомъ, а о томъ, какъ бы они стали всѣхъ богаче благочестіемъ, мудростію и стяжаніемъ добродѣтели,—какъ бы они не имѣли надобности во многомъ, какъ бы не увлекались житейскими и юношескими пожеланіями. И тщательно нужно изслѣдовать ихъ входы и выходы, ихъ бесѣды и собранія, зная, что если это будетъ пренебрегаемо, то они не получатъ никакого снисхожденія у Бога. Вѣдь, если съ насъ взыщется за заботу о другихъ,—а сказано: *никтоже своего си да ищетъ, но еже ближняго кійждо* (1 Кор. x, 24),—то насколько болѣе за заботу о дѣтяхъ? Ты же все дѣлаешь и предпринимаешь, какъ бы у нихъ были красивая лошадь, блестящія жилища, многоцѣнныя поля, а на то, чтобы душа была хорошая и воля добрая, не обращаешь никакого вниманія. Хотя бы у кого пріобрѣтенія были велики и многоцѣнны; но если онъ не исполненъ ревностію добродѣтельно ими распоряжаться,— все погибнетъ и уйдетъ вмѣстѣ съ нимъ; когда же душа благородна и предана мудрости, то хотя бы въ домѣ ничего не было отложено, безбоязненно сможетъ обладать всяческими благами. А что многіе изъ родителей многое терпятъ изъ-за дѣтей, такъ это оттого, что не хотятъ посѣчь, образумить словами и огорчить своихъ

безпутно и противозаконно живущихъ сыновей, почему имъ и приходится нерѣдко видѣть, какъ тѣ попадаютъ въ крайнія бѣды, приводятся въ судилище и отдаются палачамъ на усѣченіе (головы). Дѣйствительно, когда самъ ты не воспитываешь, когда самъ не умудряешь, то онъ, присоединившись къ негоднымъ и испорченнымъ людямъ, пріобщившись къ нимъ въ порокѣ, приводится подъ дѣйствіе общественныхъ законовъ и наказывается на виду у всѣхъ; а послѣ казни наступаетъ еще большій позоръ, потому что послѣ его кончины всѣ указываютъ пальцами на отца и тому зазорно даже появиться на рынокъ. Какими въ самомъ дѣлѣ глазами онъ въ состояніи будетъ смотрѣть на встрѣчныхъ послѣ такого безобразія и несчастія его дитяти? Что могло бы быть хуже этого безумія? Неужели, скажи мнѣ, тебѣ не стыдно и ты не краснѣешь, когда судья наказываетъ и умудряетъ твоего сына, и онъ, столько времени сначала жившій съ тобою, нуждается въ исправленіи отъ чужого? Неужели у тебя нѣтъ желанія закрыться и спрятаться? И ты тѣмъ не менѣе, скажи мнѣ, осмѣливаешься еще называться отцомъ, предавши такимъ образомъ сына, не оказавши ему необходимой помощи и не обративши вниманія на его гибель отъ всякихъ пороковъ? Когда ты видишь, что какой-нибудь бродяга заушаетъ твоего ребенка, ты негодуешь, сердишься, злобствуешь и яростнѣе звѣря подскакиваешь къ лицу ударившаго,—а когда видишь, какъ діаволъ каждодневно его заушаетъ, какъ демоны приводятъ къ порокамъ,
766 ты спишь, не негодуешь, не сердишься, не исторгаешь сына отъ самаго ужаснаго звѣря? И какого удостоишься человѣколюбія? Развѣ же не безразсудно, что ты, когда сынъ твой впадетъ въ бѣснованіе, прибѣгаешь ко всѣмъ святымъ, надоѣдаешь живущимъ на вершинахъ горъ, чтобы только избавить отъ этого бѣснованія, а когда его безпрерывно угнетаетъ грѣхъ, который тяжелѣе всякаго бѣса, ты ничего не предпринимаешь? Да и ничего нѣтъ тяжелаго въ томъ, чтобы быть мучиму бѣсомъ, потому что бѣсъ во всякомъ случаѣ не можетъ ввергнуть въ геенну, и если мы трезвимся, съ благодарностію переносимъ такія нападенія, то испытаніе это можетъ даже намъ доставить свѣтлые и славные вѣнцы; а кто ведетъ жизнь въ порокѣ, тому никогда невозможно спастись, тотъ неизбѣжно и здѣсь достоинъ будетъ поруганія, и по отшествіи изъ этой жизни понесетъ тамъ вѣчныя наказанія. Чѣмъ ты въ концѣ концовъ оправдаешься? Не предоставилъ ли я, сказано будетъ тебѣ, дитяти жить съ тобою съ самаго начала? Я поставилъ тебя надъ нимъ въ качествѣ учителя, наставника, опекуна и начальника,—всю власть надъ нимъ не отдалъ ли я въ твои руки? Не повелѣлъ ли я его, такого

нѣжнаго, обрабатывать и упорядочивать? Какое же ты получишь оправданіе, если съ безпечностію смотрѣлъ на его прыжки? Что ты скажешь? Что онъ разпузданъ и неукротимъ? Но тебѣ нужно было глядѣть на все это сначала, — обуздывать его, когда онъ былъ молодъ и доступенъ уздѣ; тщательно его пріучать, направлять къ должному, укрощать его душевные порывы, когда онъ былъ воспріимчивѣе къ воздѣйствію; сорную траву тогда нужно было исторгать, когда возрастъ былъ нѣжнѣе и исторгнуть можно было легче: вотъ тогда бы оставленныя безъ вниманія страсти не усилились и не сдѣлались неисправимыми. Итакъ, какое мы представимъ извиненіе, когда Богъ не щадитъ даже жизни дѣтей, въ случаѣ если они насъ оскорбляютъ, — *иже*, сказано, *злословитъ отца или матерь, смертію да умретъ* (Исх. XXI, 16),—а мы даже не сердимся на нихъ, если они оскорбляютъ Бога? Я, говоритъ, не отказываюсь даже умертвить, когда онъ тебя оскорбляетъ, а ты не осмѣливаешься и словомъ огорчить, когда онъ попираетъ Мои законы? Какого же это будетъ достойно снисхожденія? Поэтому не будемъ нерадивы къ дѣтямъ, зная, что, если они хорошо будутъ вести себя въ отношеніи къ Богу, то будутъ уважаемы и славны въ настоящей жизни. Всѣ почитаютъ и уважаютъ того, кто живетъ добродѣтельно и честно, хотя бы онъ былъ всѣхъ бѣднѣе, равно какъ къ порочному всѣ относятся съ отвращеніемъ и ненавистью, хотя бы онъ владѣлъ большимъ богатствомъ. Кто небреженъ къ своимъ дѣтямъ, тотъ, хотя бы въ другихъ отношеніяхъ былъ хорошъ и порядоченъ, понесетъ крайнее наказаніе за этотъ грѣхъ. А если хотите точно знать, что и въ томъ случаѣ, когда всѣ наши дѣла будутъ у насъ въ исправности, о спасеніи же дѣтей не будемъ заботиться, мы подвергнемся крайнему наказапію, то старательно вникайте въ то, что̀ будетъ сказано. Былъ у іудеевъ нѣкій священникъ, человѣкъ смиренный и благочестивый; имя его было Илій; онъ былъ отцомъ двухъ сыновей; видя, что они ходятъ во злѣ, онъ не удерживалъ и не препятствовалъ, лучше же сказать—и удерживалъ и препятствовалъ, но дѣлалъ это не со всѣмъ тщаніемъ, наказанія не налагалъ, а пытался только словесными вразумленіями отклонить ихъ отъ нечестія, и постоянно говорилъ имъ такія слова: *ни, чада, не творите тако, яко не благъ слухъ, егоже азъ слышу о васъ* (1 Цар. II, 24). Правда, и эти слова были достаточны для ихъ исправленія; но такъ какъ онъ не все сдѣлалъ, что надлежало, то возстановилъ Бога противъ себя и противъ нихъ, и щадя неблаговременно себя и дѣтей, погубилъ вмѣстѣ съ дѣтьми и собственное спасеніе. Кромѣ небрежности по отношенію къ дѣтямъ, 767
Богу не въ чемъ было обвинить старика. Если же Богъ ниспро-

вергъ его со всѣмъ домомъ, его—согрѣшившаго болѣе легко, то оставитъ ли безъ наказанія тѣхъ, которые грѣшатъ болѣе тяжело? Если и то, что онъ былъ священникъ, и что старецъ, и что знаменитъ, и что двадцать лѣтъ безпорочно начальствовалъ надъ еврейскимъ народомъ,—если все это не въ силахъ было его оправдать, но онъ крайне бѣдственно погибъ за то, что не заботился тщательно о дѣтяхъ, и грѣхъ его нерадѣнія, точно суровая громадная волна, все завалилъ и всѣ подвиги закрылъ, то какое наказаніе ожидаетъ насъ, которые и въ добродѣтели много ему уступаемъ, и дѣтей не только не наставляемъ, но поступаемъ въ отношеніи ихъ жесточе всякаго варвара? Подобно тому, какъ кто-нибудь не можетъ разсчитывать на оправданіе и снисхожденіе въ собственныхъ грѣхахъ, такъ и родители—въ грѣхахъ дѣтей. И очень правильно. Если бы грѣхъ присущъ былъ людямъ по природѣ, то иной по праву могъ бы разсчитывать на оправданіе, а такъ какъ мы по доброй волѣ бываемъ злы и добры, то какое благовидное основаніе можетъ указать тотъ, кто допускаетъ любимѣйшему своему (дитяти) развращаться и дѣлаться порочнымъ? Не оставляй лучше дѣтямъ богатства, а оставь добродѣтель. И развѣ не крайне безразсудно, что при своей жизни не дѣлаютъ ихъ распорядителями всего имущества, а по смерти предоставляютъ великую свободу легкомысленной юности. Находясь въ живыхъ, мы по крайней мѣрѣ въ состояніи были бы потребовать отчета, въ случаѣ дурного пользованія образумить и обуздать; а когда помремъ, то, лишивъ ихъ насъ самихъ и оставивъ въ ихъ распоряженіи молодость и богатство, толкнемъ ихъ въ безчисленныя пропасти бѣдствій и несчастій. Будемъ поэтому стремиться не къ тому, чтобы покинуть ихъ богатыми, но къ тому, чтобы — добродѣтельными. Вѣдь если они понадѣются на богатство, то ни о чемъ другомъ не станутъ заботиться, потому что изобиліе денегъ затемнитъ для нихъ порочность нравовъ; а если они увидятъ, что лишены всякаго съ этой стороны утѣшенія, то предпримутъ все, чтобы при помощи добродѣтели найти великое утѣшеніе въ бѣдности. Итакъ не будемъ приступать къ частнымъ или общественнымъ занятіямъ прежде, чѣмъ направимъ ихъ душу. Если вы воспитаете своихъ сыновей, то они въ свою очередь воспитаютъ своихъ, а эти послѣдніе опять научатъ своихъ: продолжаясь такимъ образомъ вплоть до пришествія Христова, дѣло это доставитъ всю награду тому, кто послужилъ корнемъ. И дѣйствительно, если ты хорошо воспитаешь ребенка, то и онъ также—своего сына, а тотъ—своего; и до самаго края будетъ простираться какъ бы нѣкоторая цѣпь и послѣдовательность превосходнѣйшей жизни, берущая отъ тебя

начало и корень и тебѣ же приносящая плоды отъ усердія потомковъ. А тѣ отцы, которые не заботятся о благопристойности и скромности дѣтей, бываютъ дѣтоубійцами, и жесточе дѣтоубійцъ, поскольку здѣсь дѣло идетъ о погибели и смерти души. Поэтому, подобно тому какъ, если ты видишь лошадь несущуюся къ пропасти, ты набрасываешь на уста ея узду, съ силою поднимаешь ее на дыбы, нерѣдко и бьешь,—что правда составляетъ наказаніе, но вѣдь наказаніе это—мать спасенія,—такъ точно поступай и съ дѣтьми твоими, если они погрѣшаютъ: связывай грѣшника, пока не умилостивишь Бога; не оставляй его развязаннымъ, чтобы ему еще болѣе не быть связану гнѣвомъ Бо- 768
жіимъ. Если ты свяжешь, Богъ затѣмъ не свяжетъ; если же не свяжешь, то его ожидаютъ невыразимыя цѣпи. Но, скажутъ, онъ достаточное время несъ наказаніе. Какое, скажи мнѣ? Годъ, два или три? Но я требую не продолжительности времени, а исправленія души; ты то̀ скажи—раскаялся ли, измѣнился ли, выполнено ли все; если этого нѣтъ, то—никакой пользы отъ времени. Такъ, мы требуемъ не частаго перевязыванія раны, а того, чтобы повязка принесла какую-нибудь пользу; если она принесла пользу въ короткое время, то больше не налагается, а если никакой не принесла пользы, то и послѣ десяти лѣтъ все еще налагается: вотъ онъ, срокъ освобожденія связаннаго—его польза. И ничто такъ не рекомендуетъ имѣющаго власть, какъ горячая любовь къ подвластнымъ. И отцомъ дѣлаетъ не то только, что онъ родилъ, но и то, что родивши любитъ. Если въ области природы необходима любовь, то тѣмъ болѣе въ области благодати. А ты, о, дитя, повинуйся родившимъ тебя, какъ слуга (господину). Вѣдь, чѣмъ ты сможешь воздать за то, что они (дали) тебѣ? Тебѣ нельзя въ свою очередь родить ихъ. Также, когда отецъ вразумляетъ твоего брата, негодуй вмѣстѣ съ нимъ и ты—или изъ попеченія о братѣ, или изъ сочувствія къ отцу, потому что, если провинившійся увидитъ, что отецъ его наказываетъ, а ты потворствуешь, онъ сдѣлается болѣе нерадивымъ, и вредъ не ограничится имъ однимъ, но ты и на себя навлечешь возмездіе. Такъ и тотъ, кто препятствуетъ лѣчить рану, повиненъ не меньшему, а даже большему наказанію, чѣмъ тотъ, кто нанесъ (рану), потому что не одно и то же—ранить и мѣшать излѣченію пораненія, послѣднее окончательно пораждаетъ смерть, а первое—не совсѣмъ.

Не будемъ же неуважительны къ родителямъ, потому что если къ нимъ отнесемся безъ уваженія, то непремѣнно придется смириться изъ боязни предъ начальствомъ; а если согрѣшая пренебрежемъ имъ, то ни въ какомъ случаѣ не сможемъ избѣжать

укора совѣсти; если и ее поставимъ ни во что и отвергнемъ, то должны будемъ исправиться изъ опасенія предъ людскимъ мнѣніемъ; если же и его не уважимъ, то насъ и противъ нашей воли въ состояніи будетъ образумить страхъ предъ законами. Подобно тому какъ въ томъ случаѣ, когда наказываются злые, другіе становятся лучше, такъ и въ случаѣ, когда нѣкоторые поступаютъ правильно, многіе побуждаются подражать имъ. И ребенокъ, пока находится подъ руководствомъ строгаго воспитателя, не возбуждаетъ удивленія, хотя бы былъ скроменъ, хотя бы жилъ благопристойно,—всѣ приписываютъ скромность юноши страху предъ воспитателемъ; а когда эта надобность (въ воспитателѣ) минуетъ и онъ останется при той же чистотѣ нравовъ, тогда всѣ вмѣняютъ ему самому и скромность предшествующаго возраста. Поэтому воспитателей нужно болѣе цѣнить и любить, чѣмъ отцовъ: отъ этихъ послѣднихъ получается (просто) жизнь, а отъ тѣхъ жизнь хорошая. И, если у тебя отецъ—святой жизни, не чванься: это именно и послужитъ для тебя къ большему осужденію, когда, имѣя дома образецъ благородства, ты поведешь себя недостойно прародительской добродѣтели. Великое благо—въ собственныхъ добрыхъ поступкахъ имѣть надежды спасенія, потому что въ тамошнемъ вѣкѣ ни въ какомъ случаѣ никакой другъ не заступится. Если здѣсь сказано Іереміи: не проси за народъ этотъ,—здѣсь, гдѣ мы властны перемѣниться, то тѣмъ болѣе въ тамошнемъ вѣкѣ. Такимъ образомъ похвала предкамъ, если мы къ ней причастны, служитъ похвалой и намъ; а если—нѣтъ, то никакого значенія не имѣетъ, навлекаетъ даже большее осужденіе. Какимъ именно образомъ—послушай: у Давида былъ сынъ Авессаломъ,
769 юноша неисправимый, испорченный; онъ возсталъ нѣкогда противъ отца, и, лишивъ его царства, дома и отечества, овладѣлъ всѣмъ вмѣсто него; онъ не уважилъ ни природы, ни воспитанія, ни возраста, ни того, что раньше получилъ, но такъ былъ жестокъ и безчеловѣченъ, звѣрь болѣе, чѣмъ человѣкъ, что, разрушивъ всѣ эти препятствія, съ безстыдствомъ попралъ самые законы природы и все наполнилъ смятеніемъ и ужасомъ. Вѣдь ему слѣдовало бы отнестись съ уваженіемъ, если не какъ къ отцу, то какъ къ старцу; если же пренебрегъ старостью, то слѣдовало постыдиться его какъ благодѣтеля; если и не это, то какъ не совершившаго никакой несправедливости. Но страсть властолюбія изгнала всякій такой стыдъ и сдѣлала человѣка звѣремъ. И этотъ блаженный, родившій его и воспитавшій, бродилъ по пустынѣ точно скиталецъ и бѣглецъ, точно изгнанникъ, наказанный ссылкой и соединенными съ нею невзгодами, а онъ между тѣмъ наслаждался отцовскимъ добромъ. Когда обстоятельства на-

ходились въ такомъ положеніи, когда и войска у него были приготовлены, и города находились подъ властью тирана, нѣкто Хусій, человѣкъ добрый и другъ Давида, сохранившій къ нему дружбу несмотря на такую превратность временъ, когда увидѣлъ, что онъ бродитъ по пустынѣ, разорвалъ одежду, посыпалъ себя пепломъ, издалъ стонъ, горько и жалостно вскрикнулъ: онъ предложилъ въ утѣшеніе слезы, потому что ничего сдѣлать не могъ. Онъ былъ другомъ не временъ и не власти, но добродѣтели; поэтому, когда власть была утрачена, онъ не измѣнилъ дружбы. И вотъ, видя, что онъ такъ поступаетъ, Давидъ говоритъ къ нему: это—признакъ друга и искренно къ намъ расположеннаго, но никакой пользы намъ не приноситъ; а что слѣдовало бы посовѣтовать и предпринять, чтобы ужасы разрѣшились и я нашелъ бы какой-нибудь выходъ изъ несчастій? Сказавъ это, онъ предлагаетъ ему такую мысль: иди, говоритъ, къ моему сыну, надѣнь личину друга, разстрой его замыслы и сдѣлай недѣйствительнымъ совѣтъ Ахитофела. А этотъ Ахитофелъ имѣлъ вліяніе на тирана, былъ близокъ къ нему, былъ искусенъ въ военныхъ дѣлахъ, умѣлъ командовать и сражаться; потому-то Давидъ болѣе боялся его, чѣмъ тирана; до того этотъ человѣкъ былъ опасенъ въ совѣтахъ. Выслушавъ это, Хусій повиновался, не подумалъ ничего малодушнаго или трусливаго, и не сказалъ: а что, если меня схватятъ? Что, если личина моя откроется и изобличится? Что, если дѣло притворства обнаружится? Ахитофелъ хитеръ,—пожалуй и это онъ изобличитъ и раскроетъ, а я погибну задаромъ и понапрасну! Ничего такого онъ не подумалъ, отправился къ войску и, положившись на Бога, бросился въ средину опасностей. Когда же вступилъ въ городъ, то, видя тирана приближающимся, подошелъ къ нему; а тотъ, замѣтивъ его вдругъ и будучи опьяненъ властолюбіемъ, не сталъ тщательно разслѣдовать его дѣлъ, но сказалъ съ насмѣшкой и укоромъ: уходи къ своему товарищу!—изъ ненависти и великой вражды не желая даже назвать имени отца. Хусій же, нисколько не смутившись и не испугавшись,—что говоритъ? Когда Богъ былъ съ нимъ, и я стоялъ за него, а когда Онъ теперь съ тобой, естественно служить тебѣ. Польстило это тирану и возбудило гордость, и онъ, ничего тщательно не изслѣдовавши,—вѣдь легкомысленный человѣкъ, обойденный противниками, вѣритъ всякому слову,—вводитъ его въ число приближенныхъ и вписываетъ въ число пер- 770
выхъ друзей. Все же это устраивалъ Богъ, тамъ присутствовавшій и направлявшій событія. И, наконецъ, когда составленъ былъ военный совѣтъ, и съ разныхъ сторонъ разныя предлагались мнѣнія насчетъ того, сейчасъ ли нужно дѣйствовать, или немного

погодить, выступилъ въ качествѣ совѣтника, подающаго мнѣніе, тотъ страшный Ахитофелъ, и подалъ такой совѣтъ: пока отецъ твой въ настоящее время смущенъ и напуганъ, мы ударимъ на него, и такимъ образомъ, не давши ему и мало вздохнуть, погубимъ; если мы теперь нападемъ на него, пока онъ не подготовленъ, то намъ не представится никакого труда. Выслушавъ это, тиранъ зоветъ и Хусія, лицемѣрно къ нему перебѣжавшаго, и говоритъ: обмѣняемся и съ нимъ словомъ,—что случилось отнюдь не въ силу человѣческой послѣдовательности, т. е. что сейчасъ только пришедшій былъ такъ почтенъ, признанъ заслуживающимъ вѣры и удостоенъ совѣщанія по такимъ дѣламъ, но, какъ я сказалъ, тогда Богъ направлялъ, и трудное дѣлалось легкимъ. И Хусій приводится, тиранъ откровенно передаетъ ему дѣло, и предлагаетъ сказать, что онъ думаетъ? Что же Хусій? Никогда, говоритъ, такъ не ошибался Ахитофелъ. Замѣчаешь ли благоразуміе мужа? Не сразу выражаетъ предъ нимъ мнѣніе, но съ похвалой,—сначала удивляется ему, какъ подававшему удачные совѣты въ прежнее время, и потомъ уже порицаетъ настоящее его мнѣніе,—какъ бы такъ говоритъ: дивлюсь, какимъ образомъ онъ ошибся, потому что это мнѣніе не представляется мнѣ соотвѣтствующимъ. Если мы теперь нападемъ, то отецъ твой, какъ обезумѣвшій какой-нибудь медвѣдь, будучи преисполненъ ярости, отчаявшись въ собственной жизни, сражаясь съ пылающимъ гнѣвомъ, не обратитъ никакого вниманія на собственное спасеніе, и съ великимъ неистовствомъ обрушится на насъ; если же мы немного помедлимъ, то нападемъ съ большими силами и съ большею увѣренностію, безъ труда и легко захватимъ его какъ бы въ сѣти и уведемъ. Авессаломъ похвалилъ это мнѣніе и призналъ его болѣе для себя полезнымъ. Говорилъ же это Хусій съ цѣлью дать Давиду время нѣсколько оправиться, отдохнуть и собрать войско. Устранивъ такимъ образомъ мнѣніе Ахитофела, онъ черезъ нѣкоторыхъ тайно отправленныхъ мужей сообщилъ обо всемъ Давиду, что именно тиранъ одобрилъ его мнѣніе, обѣщающее побѣду Давиду. Такъ и случилось, потому что когда бывшіе съ тираномъ немного уступили, Давидъ подготовившись напалъ и одержалъ верхъ. Ахитофелъ, который благодаря большому уму и проницательности зналъ, какой будетъ конецъ этому, что именно мнѣніе то гибельно для Авессалома, не вынесши такого огорченія, ушелъ, надѣлъ петлю и удавился, и такимъ образомъ покончилъ жизнь. Итакъ, объ Ахитофелѣ и Авессаломѣ сказано: *обратится болѣзнь его на главу его* (Псал. VII, 17), потому что наказаніе сошло на голову обоихъ. Воспользовавшійся веревкой такъ именно окончилъ жизнь; Авессаломъ же не повѣсился, но

противъ воли повисъ, и не сразу умеръ, но какъ бы въ темницѣ прежде былъ связанъ и прикрѣпленъ къ дереву, и по Божію приговору, свыше произнесенному, долгое время висѣлъ, бичуемый сверхъ того совѣстію. И чтобы ты зналъ, что не человѣче- 771
скимъ стараніемъ это произошло, но всецѣло былъ судъ Божій, его привязали къ дереву волосы, ему измѣнило неразумное животное, вмѣсто веревки послужили волосы, вмѣсто столба дерево, вмѣсто воина лошакъ. И обрати вниманіе на Божіе милосердіе: Онъ оставилъ его на долгое время, склоняя къ раскаянію, и давая возможность испытать отцовское расположеніе. Вѣдь если бы онъ не былъ звѣремъ и не обладалъ каменной душой, то все это способно было бы отклонить его отъ несчастнаго безумія—(разумѣю) столъ, за которымъ онъ имѣлъ общеніе съ отцомъ въ пищѣ, домъ, собранія, на которыхъ обмѣнивался разговорами, и все другое, откуда могло послѣдовать примиреніе для него, совершившаго такое смертоубійство. Кромѣ этого, и нѣчто другое въ состояніи было его смягчить. Онъ именно слышалъ, что (отецъ) скитался какъ изгнанникъ и бѣглецъ, что онъ вытерпѣлъ крайнія бѣды. Какъ же ему было не понять, что даже въ случаѣ побѣды ему, проклятому и преступному въ самомъ торжествѣ, пришлось бы вести жизнь самую бѣдственную? И въ довершеніе этого, отецъ былъ старъ и близокъ къ ожиданію—протянуть короткое лишь время. Гдѣ теперь оплакивающіе его бѣдственность? Какой бѣдственности это не тяжелѣе, какой болѣзни, какой печали? Однакожъ ничего такого не сказалъ самому себѣ этотъ праведникъ, не пришелъ въ отчаяніе, не возстеналъ, говоря: хо- 772
рошее же я получаю возмездіе, я — упражнявшійся въ законѣ Его день и ночь, послѣ такого достоинства ставшій всѣхъ унизительнѣе, пощаженный врагами и отданный въ руки необузданнаго сына! Ничего такого онъ не сказалъ, не подумалъ, но все переносилъ съ благоразуміемъ, одно только утѣшеніе случившемуся имѣя въ убѣжденіи, что это случилось съ вѣдома Божія. И какъ три отрока, находясь въ пещи, говорили: *аще ли ни, вѣдомо да будетъ тебѣ, царю, яко богомъ твоимъ не служимъ, и* образу *златому*, егоже *поставилъ еси, не кланяемся* (Дан. III, 18), и если бы кто сказалъ имъ: съ какою надеждою умираете? чего ожидая, на что надѣясь послѣ смерти, послѣ этого огня? нѣтъ надежды на воскресеніе, то услышалъ бы отъ нихъ, что для насъ въ томъ заключается величайшее воздаяніе, что умираемъ за Бога,—такъ точно и онъ то считалъ величайшимъ для себя утѣшеніемъ, что Богъ, зная это, не воспрепятствовалъ. И если любящій тысячи разъ готовъ потерпѣть смерть за любимую, хотя бы послѣ смерти ничего отъ нея не ждалъ, то много болѣе мы

должны переносить это не въ ожиданіи царства, не въ какой-нибудь другой надеждѣ на будущія блага, но для самого Бога, потому что Ему приличествуетъ слава во вѣки вѣковъ. Аминь.

СЛОВО XXVIII.

О клятвахъ.

771 Не будемъ, возлюбленные, пренебрегать добродѣтелью души. Въ самомъ дѣлѣ, скажите, какое мученье оставить гнѣвъ на обидѣвшаго? Наоборотъ, мученье—помнить зло и не мириться. Какой трудъ никого не злословить? Какая тяжесть быть свободнымъ отъ зависти, ссоръ и зложелательства? Какая трудность любить ближняго? Какая тягость не клясться? Часто, въ припадкѣ гнѣва и ярости, мы клянемся никогда не мириться съ оскорбителями, а потомъ, когда гнѣвъ утихнетъ, хотя и желаемъ помириться, не рѣшаемся сдѣлать этого, будучи удерживаемы, какъ бы какой западней, необходимостью данной клятвы. Поэтому съ нами должно случиться что-либо одно изъ двухъ: или мы, помирившись, нарушимъ клятву, или, не помирившись, сдѣлаемъ себя повинными наказанію за злопамятство. Не безразсудно ли, съ нашей стороны, что, имѣя одежду, лучшую прочихъ, мы не позволяемъ себѣ постоянно употреблять ее, между тѣмъ какъ имя Божіе всюду треплемъ безъ всякаго уваженія и причины. Не всякій, вѣдь, грѣхъ влечетъ за собою одинаковое наказаніе; грѣхи, которые могутъ быть легко исправлены, навлекаютъ на насъ большее наказаніе; клянущіеся же не могутъ представить въ свою пользу никакого оправданія, кромѣ лишь пренебреженія къ имени Божію. Я знаю, что кажусь вамъ уже тяжкимъ и ненавистнымъ, докучая повидимому постоянными увѣщаніями; и все же не отстану докучать, чтобы вы, хоть устыдившись такого моего безстыдства, отстали отъ дурной привычки клясться. Если неумолимый и жестокій судія, о которомъ говорится въ Евангеліи, устыдившись неотступныхъ просьбъ вдовицы, измѣнилъ свое поведеніе (Лук. XI), то гораздо болѣе сдѣлаете это вы, и особенно, когда убѣждающій васъ дѣлаетъ это не ради себя, а ради вашего же спа-
772 сенія. Впрочемъ, я не отказался бы дѣлать это и ради себя самого, потому что считаю ваши добрыя дѣла собственными своими заслугами. Если бы не было ни геенны, ни наказанія, а я, подойдя къ вамъ, попросилъ бы сдѣлать это въ качествѣ мило-

сти, то не согласились ли бы вы? не удовлетворили ли бы столь
легкой просьбы такъ просящаго у васъ милости? Когда же Богъ
проситъ того же самаго, и при томъ ради васъ, дающихъ, а не
ради Себя, получающаго, то кто такъ неблагодаренъ, кто такъ
жалокъ и несчастенъ, что не дастъ Богу, просящему милости?
Итакъ, умоляю васъ, чтобы вы, принявши усѣкновенную и еще
истекающую теплою кровію главу Іоанна, возвратились съ ней
каждый въ свой домъ, и имѣли мысленно ее предъ своими гла-
зами, и слышали, какъ она говоритъ: ненавидьте моего убійцу—
клятву. Часто, вѣдь, бываетъ, что мастеръ клянется своему уче-
нику, что не дастъ ему ни ѣсть, ни пить до тѣхъ поръ, пока онъ
не кончитъ всей данной ему работы. Точно также поступаетъ
часто и воспитатель съ юношей, и госпожа со служанкой. А
когда наступаетъ вечеръ, и работа бываетъ не кончена, оказы-
вается необходимымъ или неисполнившимъ дѣла умереть съ го-
лоду, или поклявшимся нарушить свою клятву. Нерѣдко также
бываетъ, что, когда мы дома обѣдаемъ, и кто-нибудь изъ слугъ
провинится, жена клянется наказать его, а мужъ клянется на-
оборотъ, поднимаетъ споръ и не позволяетъ этого дѣлать. Въ
этомъ случаѣ, что̀ бы они ни сдѣлали, имъ всячески необходимо
совершить клятвопреступленіе: что̀ бы ни случилось, тотъ или
другой изъ нихъ непремѣнно будетъ виновенъ въ клятвопре-
ступленіи, вѣрнѣе же—и тотъ и другой. А какъ, я объясню это,—
потому что это представляется довольно страннымъ. Тотъ, кто
поклялся наказать слугу или служанку, а потомъ былъ удер-
жанъ отъ этого, и самъ совершаетъ клятвопреступленіе, не сдѣ-
лавши того, въ чемъ поклялся, и на того, кто удержалъ его и 773
заставилъ нарушить вѣрность клятвы, навлекаетъ обвиненіе въ
клятвопреступленіи,—потому что не только нарушающіе сами
клятву, но и заставляющіе другихъ дѣлать это заслуживаютъ
одинаковое обвиненіе. Не странно ли, что слуга не смѣетъ при
всякомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ называть своего госпо-
дина по имени, между тѣмъ какъ Владыку ангеловъ мы всюду
поминаемъ легкомысленно и съ полнымъ пренебреженіемъ? Хо-
чешь знать, какъ можно освободиться отъ дурной привычки клясться?
Я научу тебя одному способу, и если ты примѣнишь его, то не-
премѣнно побѣдишь эту привычку. Именно. Когда ты увидишь,
что или самъ ты, или кто другой плѣненъ этой дурной страстью,
и, несмотря на постоянныя увѣщанія, не исправляется, то вели
лечь спать не поужинавши. Наложи это наказаніе и на себя, и
на другого,—наказаніе, приносящее не вредъ, а пользу. Языкъ,
будучи подверженъ постоянно такой пыткѣ, если даже никто не
будетъ и напоминать, получаетъ достаточное внушеніе; и хотя

бы мы были совершенно безчувственными, но, получая цѣлый день напоминаніе отъ такой пытки, мы не будемъ имѣть нужды ни въ какомъ другомъ совѣтѣ или увѣщаніи. *Якоже рабъ*, говорится, *истязуемь часто отъ ранъ не* очистится, *такожде кленыйся* и называющій *всегда* имя Бога *отъ грѣха не очистится* (Сир. XXIII, 10). Итакъ, принудимъ себя оставить привычку клясться и измѣниться къ лучшему. Хотя я и вчера, и третьяго дня бесѣдовалъ съ вами объ этомъ предметѣ, но не перестану внушать то же и сегодня, и завтра, и послѣзавтра. И что говорю: завтра и послѣзавтра? Не отстану до тѣхъ поръ, пока не увижу васъ исправившимися. Не говорящій виноватъ, если онъ постоянно напоминаетъ объ одномъ и томъ же, а слушающіе, которые нуждаются въ постоянномъ наученіи. Что можетъ быть легче, какъ не клясться? Это дѣло только привычки; не какой-нибудь тѣлесный трудъ. Пусть тотъ, кто уже успѣлъ исправиться, порицаетъ отставшаго, чтобы сильнѣе побудить его укоризнами; пусть тотъ, кто запоздалъ и еще не исправился, смотритъ на преуспѣвшаго и старается скорѣе сравняться съ нимъ. И пусть не говорятъ мнѣ: а что, если кто-нибудь поставитъ насъ въ необходимость поклясться? что, если онъ не повѣритъ? Нѣтъ; гдѣ нарушается законъ, тамъ не слѣдуетъ совершенно и упоминать о необходимости, потому что есть только одна неотвратимая необходимость— не оскорблять Бога. Впрочемъ, теперь я говорю только о томъ, чтобы мы прекратили излишнія клятвы, произносимыя безъ причины и необходимости,—дома, предъ друзьями, предъ слугами. И если ты уничтожишь эти клятвы, то для тѣхъ тебѣ уже не будетъ никакой нужды во мнѣ, потому что сами уста, научившись бояться и избѣгать клятвъ, не допустятъ уже никогда впасть въ эту привычку, хотя бы ихъ тысячу разъ принуждали къ тому. Говорятъ, что одинъ изъ языческихъ риторовъ имѣлъ странную привычку во время ходьбы постоянно двигать правымъ плечомъ; и тѣмъ не менѣе онъ одолѣлъ эту привычку, положивши на оба плеча острые мечи, чтобы страхомъ укола удержать двигавшійся членъ. Такъ поступай и ты съ своимъ языкомъ, и вмѣсто меча возложи на него страхъ наказанія, и ты непремѣнно побѣдишь. Невозможно, подлинно невозможно, чтобы заботящіеся и старающіеся сдѣлать это когда-нибудь потерпѣли
774 неудачу. Какое же будетъ намъ оправданіе, какое прощеніе, если послѣ стольких увѣщаній мы все еще предаемся пороку клясться? Какъ мы будемъ просить Бога объ избавленіи отъ обдержащихъ насъ бѣдствій, когда оказываемся не въ состояніи исполнить даже одной заповѣди? Какъ мы можемъ ожидать доброй перемѣны обстоятельствъ? Какъ будемъ молиться? Какимъ языкомъ

призовемъ Бога? Не безразсудно ли, когда приказываетъ царь, и труднѣйшее переносить, а когда заповѣдуетъ Богъ заповѣди отнюдь не тяжкія и трудныя, пренебрегать ихъ и ссылаться на дурную привычку? Не будемъ, умоляю васъ, не будемъ до такой степени пренебрегать своимъ спасеніемъ: убоимся Бога, какъ боимся человѣка. Безразсудно, вѣдь, царскіе законы соблюдать съ точностью, а законы божественные и нисшедшіе съ неба легкомысленно пренебрегать. Почему Богъ поражаетъ мечемъ не только самого клянущагося, но и домъ его? Потому, что Онъ хочетъ, чтобы наказанія за наиболѣе тяжкіе грѣхи оставались навсегда, дабы стали осторожнѣе всѣ послѣдующія поколѣнія. Въ самомъ дѣлѣ, клятвопреступникъ послѣ смерти необходимо долженъ быть погребенъ и преданъ въ нѣдра земли. И вотъ, чтобы вмѣстѣ съ тѣломъ его не похоронить и нечестія, Богъ дѣлаетъ домъ его могильнымъ холмомъ, дабы всѣ проходящіе, видя его, и узнавая причину разрушенія, бѣжали подражанія грѣху. Такъ случилось съ содомлянами. Когда они разожглись похотью другъ на друга, возожглась и природа земли, и видъ этой земли яснѣе всякаго голоса увѣщеваетъ всѣ послѣдующія поколѣнія, какъ бы взывая и говоря имъ: не дѣлайте такихъ дѣлъ, чтобы не потерпѣть такого же наказанія. Что ты дѣлаешь, человѣкъ? Клянешься у священной трапезы, и гдѣ лежитъ закланный Христосъ, тамъ закалаешь своего брата? Разбойники хоть убиваютъ на дорогахъ; а ты на глазахъ у матери убиваешь ея сына, совершая болѣе преступное убійство, чѣмъ Каинъ; тотъ убилъ брата въ пустынѣ настоящей смертью, а ты убиваешь брата среди церкви смертью будущей. Развѣ церковь существуетъ для того, чтобы мы клялись въ ней? Для того она, чтобы мы молились въ ней. Развѣ священная трапеза стоитъ для того, чтобы заставлять передъ ней клясться? Для того стоитъ она, чтобы мы разрѣшали наши грѣхи, а не связывали. Устыдись, если не другого чего, то хоть той самой книги, которую протягиваешь для клятвы; раскрой Евангеліе, которое держа въ рукахъ, ты велишь клясться, и услышавъ, что тамъ заповѣдуетъ Христосъ относительно клятвъ, вострепещи и откажись отъ своего требованія. Что же говоритъ Онъ тамъ о клятвахъ? *Азъ же глаголю вамъ не клятися всяко* (Мѳ. v, 34). А ты тотъ самый законъ, который запрещаетъ клясться, дѣлаешь свидѣтелемъ клятвы? Какое оскорбленіе! Какое противозаконіе! Вѣдь ты дѣлаешь то же самое, какъ если бы взялъ въ свои сообщники законодателя, запрещающаго убивать, и въ его присутствіи велѣлъ совершить убійство. Итакъ, подобно тому, какъ во время битвы мы часто спокойно сносимъ оскорбленія и говоримъ оскорбителю: что мнѣ дѣлать съ тобою? такой-то,

защитникъ твой, обидѣлъ меня; онъ удерживаетъ мои руки: и этого бываетъ достаточно для нашего утѣшенія,—такъ точно и въ томъ случаѣ, когда ты думаешь заставить кого-нибудь поклясться, удержись и не допусти этого, и скажи собирающемуся поклясться: что мнѣ сдѣлать съ тобою? Богъ не повелѣлъ ни клясться, ни требовать отъ другихъ клятвы: Онъ удерживаетъ меня теперь. Этого достаточно, чтобы оказать честь и Законодателю, и дать надежное ручательство тебѣ, и внушить страхъ намѣревавшемуся
775 поклясться. Позвольте мнѣ сказать уходящимъ отсюда: ни въ одномъ городѣ нельзя наблюдать того, что есть въ Антіохіи: жители этого города скорѣе готовы вырвать языкъ, чѣмъ выпустить съ устъ своихъ клятву. Если пріобрѣтшій одного или двухъ получитъ отъ Бога великую награду, то какихъ же воздаяній не получатъ тѣ, кто наставляетъ всю вселенную? Но часто по привычкѣ языкъ порывается произнести это дурное слово. А ты, когда онъ будетъ порываться, закуси его крѣпко со всѣхъ сторонъ зубами, прежде чѣмъ онъ произнесетъ слово: лучше ему теперь обливаться кровью, чѣмъ тогда жаждать капли воды и не имѣть возможности получить утѣшеніе. Что ты дѣлаешь, человѣкъ, хуля своего Благодѣтеля, Спасителя, Заступника и Попечителя? Или ты не замѣчаешь, что несешься въ стремнину и ввергаешь себя въ бездну крайней погибели? Развѣ ты облегчаешь свое несчастіе, если будешь хулить Бога? Напротивъ, ты только усиливаешь его, и дѣлаешь свою муку болѣе тяжкой. Для того, вѣдь, діаволъ и наводитъ безчисленныя бѣды, чтобы ввергнуть тебя въ эту бездну; и если видитъ, что ты хулишь Бога, легко умножаетъ и дѣлаетъ болѣе тяжкой твою скорбь, чтобы ты отъ огорченія опять потерялъ терпѣніе; а если видитъ, что ты переносишь мужественно, и чѣмъ болѣе усиливается страданіе, тѣмъ болѣе благодаришь Бога, то тотчасъ же отстаетъ, чувствуя, что уже напрасно и безцѣльно строитъ козни. И подобно тому какъ собака, стоящая около стола, если видитъ, что сидящій за столомъ человѣкъ постоянно бросаетъ ей что-нибудь изъ кушаній, постоянно остается у стола, а если, постоявъ разъ-два, уходитъ, ничего не получивши, то отстаетъ, наконецъ, видя, что совершенно напрасно ожидаетъ, такъ точно и діаволъ постоянно смотритъ на насъ: если ты бросишь ему, какъ собакѣ, богохульное слово, онъ, получивши его, будетъ приставать опять, а если ты будешь постоянно благодарить, то задушишь его голодомъ, скоро отстранишь его отъ себя и заставишь удалиться. И что это такъ, разскажу вамъ одну древнюю исторію. Однажды, когда на іудеевъ напали враги, и Іонаѳанъ (онъ былъ сыномъ Саула) однихъ перебилъ, а другихъ обратилъ въ бѣгство, его

отецъ Саулъ, желая какъ можно больше возбудить войска противъ оставшихся и заставить ихъ до тѣхъ поръ не прекращать преслѣдованія, пока не одолѣютъ всѣхъ, сдѣлалъ обратное тому, чего желалъ, поклявшись, что никто не будетъ ѣсть хлѣба, до отмщенія врагамъ его (1 Цар. XIV, 24 сл.). Могло ли быть что-либо безразсуднѣе этого? Вмѣсто того, чтобы дать отдохнуть утрудившимся и утомившимся воинамъ и направить на врага болѣе свѣжія силы, онъ обошелся съ ними хуже самихъ враговъ, обрекши ихъ насильственной клятвой на жестокій голодъ. Опасно даже и относительно себя самого клясться, потому что часто мы встрѣчаемъ препятствія во внѣшнихъ обстоятельствахъ; тѣмъ болѣе опасно связывать узами своихъ клятвъ свободу другихъ, какъ это сдѣлалъ тогда неосмотрительно Саулъ. Войско проходило чрезъ лѣсъ, въ которомъ былъ пчельникъ, и медъ былъ предъ глазами людей; и вошелъ народъ въ пчельникъ, и проходилъ чрезъ него, говоря о медѣ. Видишь, какая пропасть: трапеза неожиданная; и легкость достать ее, и пріятность пищи, и надежда остаться не замѣченными влекла ихъ къ нарушенію клятвы. И *Іонаѳанъ*, не слышавшій, *егда заклинаше отецъ его, простре конецъ жезла, иже въ руку ему, и омочи въ сотъ медвенъ, и* 776
обрати руку свою во уста своя, и прозрѣша очи его (1 Цар. XIV, 27). Смотри, кого лукавый толкнулъ на клятвопреступленіе? Не кого-либо изъ простыхъ воиновъ, но самого сына поклявшагося царя. Онъ хотѣлъ не только совершить клятвопреступленіе, но подготовлялъ и сыноубійство, и старался вооружить противъ себя саму природу; и что̀ онъ нѣкогда сдѣлалъ съ Іефѳаемъ, то же самое надѣялся сдѣлать и теперь. И тотъ, вѣдь, обѣщавшись принести Богу въ жертву перваго, кто встрѣтится ему послѣ побѣды надъ врагомъ, впалъ въ дѣтоубійство, потому что принесъ въ жертву дочь свою, которая первою вышла ему навстрѣчу (Суд. XI). Да что я говорю: дѣтоубійство? Этотъ лукавый ухитрился найти убійство даже и того еще преступнѣе. Въ самомъ дѣлѣ, если бы онъ сознательно согрѣшилъ и былъ убитъ, то совершилось бы только дѣтоубійство: теперь же, когда онъ согрѣшилъ по невѣдѣнію (такъ какъ онъ не слышалъ клятвы) и былъ бы убитъ, онъ причинилъ бы отцу вдвойнѣ скорбь. Затѣмъ, говорится, одинъ изъ воиновъ, увидя это, сказалъ: *кленый прокля отецъ твой люди*, которые ѣсть будутъ *хлѣбъ въ день сей: и изнемогоша людіе. И рече Іонаѳанъ:* погубилъ отецъ мой всѣхъ (1 Цар. XIV, 28—29). Итакъ, несмотря на то, что клятва была нарушена, всѣ объ этомъ молчали, и никто не осмѣливался указать на виновнаго. Между тѣмъ и это составляло новое немалое преступленіе, потому что не только нарушители клятвы, но и знающіе и укрывающіе

нхъ дѣлаются виновными въ преступленіи. *И рече iерей: приступимъ къ Богу. И вопроси Саулъ Бога: сниду ли въ слѣдъ иноплеменниковъ* и *предаси ли ихъ въ руки* мои? *И не отвѣща ему Господь въ день той* (ст. 36, 37). Смотри на милосердіе и снисхожденіе человѣколюбца-Бога: не послалъ Онъ молнію, не потрясъ землю, а какъ поступають друзья въ отношеніи къ друзьямъ, когда подвергаются оскорбленію, такъ поступилъ съ своимъ рабомъ и Владыка. *И рече Саулъ: приведите вся колѣна израилева, и увѣждьте, на комъ бысть грѣхъ сей днесь: яко живъ Господь спасый Израиля, яко аще отвѣтъ будетъ на Іонаѳана сына моего, смертію умретъ* (ст. 38—39). Согрѣшившій не былъ еще открытъ, а онъ уже совершилъ надъ нимъ судъ; не зная виновнаго, произнесъ осужденіе, отецъ сталъ палачемъ, и прежде изслѣдованія дѣла вынесъ обвинительный приговоръ. И что много говорить? Предоставилъ рѣшеніе дѣла жребію. *И рече Саулъ: верзите жребій* между мною и Іонаѳаномъ. *И рече Саулъ ко Іонаѳану: возвѣсти ми, что сотворилъ еси.* И сказалъ Іонаѳанъ: *вкушая вкусихъ мало меду омочивъ конецъ жезла, иже въ руку моею, и се, азъ умираю* (ст. 42, 43). Кого не тронули бы, въ комъ не возбудили бы сожалѣнія эти слова? Представь, какую бурю испытывалъ теперь Саулъ, когда разрывалась утроба его, и съ той и другой стороны предъ нимъ открывалась глубочайшая бездна. Но несмотря и на это, онъ не одумался, а что говоритъ? *Сія да сотворитъ ми Богъ, и сія да приложитъ, яко смертію умреши днесь. И рѣша людіе къ Саулу:* пусть то и то сдѣлаетъ намъ Богъ, и еще больше сдѣлаетъ, если смертію *умретъ сотворивый спасеніе веліе* Израилю: *живъ Господь, еда падетъ власъ главы его на землю, яко милость Божію сотвори въ день сей* (ст. 44—45). Вотъ и народъ вторично
777 поклялся, и поклялся въ противномъ царю. Необходимо наконецъ разорвать клятву, потому что невозможно, чтобы всѣ они дали вѣрную клятву. Въ самомъ дѣлѣ, если бы царь захотѣлъ настоять на своемъ и исполнить клятву, то возсталъ бы противъ этого весь народъ, и вышло бы страшное насиліе; съ другой стороны, если бы сынъ, спасая свою жизнь, захотѣлъ отдаться подъ защиту войска, то сдѣлался бы тотчасъ же отцеубійцей. Видишь ли и насиліе, и сыноубійство, и отцеубійство, и междуусобную войну, и брань, и убійства, и потоки крови, и тысячи труповъ изъ-за одной клятвы? Видишь, какой ровъ погибели учинила
778 клятва? Итакъ, чтобы и съ нами не случилось того же, что и съ ними, отстанемъ отъ дурной привычки клясться, дабы, привлекши этимъ благоволеніе Божіе на себя, и настоящую жизнь безопасно пройти, и удостоиться будущихъ благъ, благодатію и человѣколюбіемъ Господа нашего Іисуса Христа, Которому слава и дер-

жава, со Отцемъ и всесвятымъ Духомъ, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

СЛОВО XXIX.

О незлобіи, злотерпѣніи и злопамятованіи.

Кого другого, возлюбленные, должны указать мы въ каче- 777
ствѣ примѣра, намѣреваясь говорить съ вами о кротости, какъ не того, кто получилъ свидѣтельство свыше и кому особенно удивляются именно за это? *Обрѣтохъ*, говорится, *Давида сына Іессеова, мужа по сердцу моему* (Дѣян. xiii, 22), который не только кормилъ и поилъ своихъ враговъ, но часто избавлялъ ихъ даже отъ смерти, когда они подвергались опасностямъ. Саулъ, напр., послѣ безчисленныхъ благодѣяній, оказанныхъ ему Давидомъ, послѣ блестящихъ побѣдъ и спасенія отъ Голіаѳа, до такой степени ненавидѣлъ и не терпѣлъ его, что не могъ спокойно вспомнить даже его имени. Такъ однажды во время праздника, умысливъ на него хитрый и коварный умыселъ, онъ спрашивалъ, не видя его въ числѣ присутствующихъ: гдѣ *сынъ Іессеевъ* (1 Цар. xx, 27)? Не имѣя возможности указать никакого позорнаго дѣла, онъ выставляетъ на видъ низкое его происхожденіе, думая этимъ помрачить его славу. Между тѣмъ Давидъ, найдя его спящимъ въ пещерѣ, не назвалъ его сыномъ Кисовымъ, а именемъ его сана: да не нанесу *руку мою*, говоритъ, *на христа Господня* (1 Цар. xxvi, 11). Такъ былъ онъ чуждъ всякаго гнѣва и злопамятства: помазанникомъ Господа называетъ человѣка, который причинилъ ему столько обидъ, который жаждалъ его крови, который послѣ безчисленныхъ благодѣяній неоднократно замышлялъ убить его! Онъ смотрѣлъ не на то, чего тотъ заслуживалъ, а на то, что подобало и сдѣлать и сказать ему. Что это? Ты, захвативъ врага какъ бы въ темницѣ, связаннаго тройными узами— и тѣснотой мѣста, и отсутствіемъ защитниковъ, и узами сна,— не подвергаешь его ни мщенію, ни наказанію, а говоришь: да не нанесу *руку мою на христа Господня*? Да, говоритъ, потому что я смотрю теперь не на то, чего онъ заслуживаетъ, а на то, что надлежитъ мнѣ дѣлать. Вы, можетъ быть, удивляетесь Давиду потому, что онъ не вспомнилъ ни одного изъ прошедшихъ бѣдствій, а я изумляюсь ему по другому, гораздо болѣе важному, обстоятельству. По какому же именно? По тому, что даже и страхъ за будущее не заставилъ его поднять руку на врага. Онъ,

вѣдь, прекрасно зналъ, что Саулъ, избѣжавъ его рукъ, снова поднимается противъ него; однако предпочелъ лучше самъ подвергаться опасностямъ, отпустивъ на свободу своего гонителя, чѣмъ убить врага, заботясь о собственной безопасности. И ни память о прошедшихъ обидахъ, ни страхъ за будущее, ни побужденіе со стороны военачальника, ни пустынность мѣстности, ни легкость убійства, ни что другое не побудило его къ кровопролитію; напротивъ, онъ пощадилъ своего врага и гонителя,
778 какъ будто какого благодѣтеля, оказавшаго ему великія услуги; и отрѣзавъ у него край одежды и взявъ сосудъ съ водою, отошелъ на большое разстояніе и, ставъ тамъ, громко позвалъ спасеннаго и показалъ ему эти предметы; и сдѣлалъ это не напоказъ или ради честолюбія, а желая самымъ дѣломъ убѣдить его, что онъ совершенно напрасно смотритъ на него какъ на врага, и стараясь этимъ расположить его къ дружественному отношенію. Не отмстить просто врагу, причинившему намъ непріятности, въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго; но захвативши въ свои руки и имѣя полную возможность убить человѣка, который былъ облагодѣтельствованъ многочисленными и великими благодѣяніями, и затѣмъ въ отплату за эти благодѣянія не разъ, не два, а многократно замышлялъ убить благодѣтеля, — захвативши такого человѣка, отпустить его и спасти отъ злоумышленій другихъ, и при томъ когда онъ намѣренъ опять поступать такъ же коварно,—выше этого можетъ ли простираться любомудріе? Наоборотъ, можетъ ли быть что-нибудь преступнѣе тѣхъ отношеній, которыя показалъ Саулъ къ Давиду? Когда послѣднимъ только что отражены были враги, когда народъ пришелъ въ себя, и всѣ приносили благодарственныя жертвы за побѣду, онъ замыслилъ убить благодѣтеля и спасителя, и виновника всѣхъ этихъ благъ. И даже оказанное благодѣяніе не укротило этого злобствовавшаго безумца, и не разъ, не два, а многократно онъ бросалъ въ него копье, желая убить его: таковы-то награды онъ воздавалъ ему за тѣ опасности, которымъ тотъ подвергалъ себя. *Давидъ*, говорится, *играше руками своими, и копіе въ руцѣ Саули, и взя Саулъ копіе и рече: поражу Давида. И уклонися Давидъ отъ лица его, и удари копіемъ въ стѣну* (1 Цар. xix, 9, 10; xviii, 11). Кого изъ людей даже весьма привыкшихъ любомудрствовать не привело бы это въ ярость? А этотъ предпочелъ лучше бѣжать, лишиться отеческаго дома, быть скитальцемъ и бѣглецомъ, и съ трудомъ добывать себѣ необходимое пропитаніе, чѣмъ сдѣлаться для царя виновникомъ убійства. Онъ заботился не о томъ, чтобы отмстить за себя, а о томъ, чтобы избавить врага отъ его страсти. Для того онъ и скрылся отъ глазъ врага, чтобы

ослабить гнѣвъ, охладить пылъ и утишить зависть. Лучше мнѣ, говорилъ онъ, быть въ нуждѣ и терпѣть тысячи золъ, чѣмъ ему быть судиму Богомъ за неправедное убійство. Итакъ, что можетъ равняться съ этой благородной и адамантовой душой, которая избрала бѣдность вмѣсто богатства, одиночество пустыни вмѣсто родины, труды и опасности вмѣсто спокойной и безопасной 779
жизни, чтобы только избавить своего врага отъ ненависти къ себѣ? Какого озвѣрѣвшаго и лютаго человѣка не заставило бы это оставить вражду и отстать отъ зависти? Но того жестокаго и безсердечнаго ничто не могло заставить склониться къ доброжелательству; напротивъ, онъ преслѣдовалъ и всюду разыскивалъ того, кто не причинилъ ему никакой обиды, и, будучи напротивъ обиженъ въ высшей степени, сдѣлалъ ему вмѣсто этого безконечное множество добра. Наконецъ, совершенно неожиданно онъ попадаетъ въ самыя сѣти Давида. *Бѣ*, говорится, *тамо вертепъ: и Саулъ вниде испраздниτися. Давидъ же и мужіе его во внутреннихъ вертепа сѣдяху. И рѣша мужіе давидовы къ нему: се, день*, якоже *рече Господь:* предамъ *врага въ руцѣ твои, и сотвориши ему якоже угодно предъ очима твоима. И воста Давидъ, и отрѣза воскриліе одежды Саули отай. И по сихъ вострепета Давиду сердце его, яко отрѣза воскриліе одежды: и рече къ мужемъ своимъ: никакоже ми отъ Господа, аще сотворю глаголъ сей господину моему, еже нанести руку мою нань, яко христосъ Господенъ есть* (1 Цар. XXIV, 4—7). Да будетъ милостивъ, какъ бы такъ говоритъ онъ, ко мнѣ Богъ; если бы даже я самъ захотѣлъ, да не попуститъ Онъ когда-нибудь мнѣ сдѣлать это, да не допуститъ дойти до такого грѣха. Что можетъ быть кротче этой души? Назовемъ ли человѣкомъ этого мужа, который въ естествѣ человѣческомъ показалъ жизнь ангельскую? Но этого не допустили бы божественные законы. Въ самомъ дѣлѣ, скажи мнѣ, кто бы могъ скоро рѣшиться обратиться съ такой молитвой къ Богу? Да что я говорю—обратиться съ такой молитвой? Кто, наоборотъ, легко согласился бы не проклинать причинившаго ему обиду? Видишь натянутыя сѣти Давида, видишь пойманную добычу, видишь стоящаго охотника, и какъ всѣ понуждаютъ его вонзить ножъ въ грудь врага? Смотри же теперь и на любомудріе, смотри на брань, побѣду, и вѣнецъ. Поистинѣ, эта пещера была ристалищемъ, и здѣсь совершилась нѣкая дивная и неслыханная борьба. Боролся Давидъ, бойцомъ-противникомъ былъ гнѣвъ, въ качествѣ награды за побѣду служилъ Саулъ, и судьей состязанія былъ Богъ. Брань у него была не только съ самимъ собою и съ своей страстью, но и съ присутствовавшими воинами. Если даже самъ онъ и желалъ показать любомудріе и пощадить

обидчика, то ему слѣдовало еще опасаться ихъ, чтобы они не убили его въ пещерѣ, какъ предателя и погубителя ихъ спасенія, какъ человѣка, который спасаетъ ихъ общаго врага. Естественно, что они могли съ негодованіемъ говорить ему: мы стали скитальцами и бѣглецами, лишились и дома, и родины, и всего прочаго, и раздѣлили съ тобой всѣ тягости; а ты, захвативъ въ свои руки виновника этихъ бѣдъ, думаешь отпустить его, чтобы намъ никогда не имѣть отдыха отъ этихъ бѣдствій, и стараясь спасти врага, предаешь друзей? Гдѣ же тутъ справедливость? Если ты пренебрегаешь собственнымъ спасеніемъ, то пощади нашу жизнь. Тебя не огорчаетъ прошедшее, и ты не помнишь золъ, которыя потерпѣлъ отъ него? Такъ хоть ради будущаго убей его, чтобы намъ не подвергнуться еще большимъ и болѣе тяжкимъ бѣдствіямъ. Но ни о чемъ подобномъ не думалъ этотъ праведникъ, а смотрѣлъ только на одно, какъ бы ему украситься
730 вѣнцомъ незлобія. Не такъ, вѣдь, было бы удивительно, если бы онъ пощадилъ своего обидчика, будучи наединѣ только съ самимъ собою, какъ удивительно теперь, когда онъ сдѣлалъ то же самое въ присутствіи другихъ, и при томъ другихъ—не кроткихъ и скромныхъ людей, а воиновъ, пріученныхъ воевать, приходившихъ въ отчаяніе отъ множества трудовъ и желавшихъ нѣсколько отдохнуть отъ нихъ, и при томъ знавшихъ, что разрѣшеніе всѣхъ золъ заключалось тогда въ убійствѣ врага, и не только разрѣшеніе золъ, но и пріобрѣтеніе безчисленныхъ благъ, потому что послѣ убійства его ничто не препятствовало перейти царской власти тотчасъ же къ Давиду. И несмотря на то, что было столько обстоятельствъ, раздражавшихъ воиновъ, этотъ доблестный мужъ оказался въ силахъ побѣдить всѣхъ ихъ и убѣдить пощадить врага. Великое дѣло, если кто-нибудь самъ побѣждаетъ собственныя свои страсти; но гораздо большее, когда онъ можетъ и другихъ убѣдить имѣть одинаковыя съ нимъ мысли. Много, конечно, есть враговъ, и, повидимому, любомудрствующихъ, которые, хотя сами и не допустятъ себѣ убить своихъ враговъ, не станутъ, однако, препятствовать, когда послѣднихъ собираются убить другіе. Но Давидъ поступалъ не такъ; но, какъ бы принявъ какой-нибудь залогъ и готовясь дать за него отвѣтъ, онъ не только самъ не трогалъ врага, но и другихъ, желавшихъ убить его, удерживалъ, являясь такимъ образомъ вмѣсто врага наилучшимъ тѣлохранителемъ и стражемъ. Итакъ, не погрѣшитъ тотъ, кто скажетъ, что Давидъ подвергался тогда больше опасности, чѣмъ Саулъ. Дѣйствительно, онъ выдержалъ немалую борьбу, когда всячески старался избавить его отъ злого умысла воиновъ, и не такъ боялся

бы, если бы ему самому предстояло быть убитымъ, какъ боялся
того, чтобы кто-нибудь изъ воиновъ, увлеченный гнѣвомъ, не
погубилъ человѣка. Вотъ почему онъ и сказалъ въ его защиту
такое слово. Тѣ обвиняли, и обвинялся спящій; защищалъ врагъ;
судилъ же Богъ, и своею силою утвердилъ приговоръ Давида.
Дѣйствительно, безъ помощи Божіей онъ не въ силахъ былъ бы
побѣдить до крайности возбужденныхъ воиновъ; но благодать
Божія, соприсущая устамъ его, сообщала нѣкую силу убѣжденія
тогдашнимъ словамъ его. Кто не подивится въ высшей степени
его великодушію и въ виду этого обстоятельства, что, захвативъ
въ свои руки врага, когда тотъ спалъ, былъ недвижимъ и ни-
чего не могъ сдѣлать, онъ не только самъ не убилъ его, но удер-
жалъ и другихъ, желавшихъ сдѣлать это? Какъ же послѣ этого
должны были быть преданы ему воины, съ какимъ расположе-
ніемъ относиться къ нему? Если бы они имѣли тысячи душъ, то
не отдали ль бы съ готовностью послѣ этого всѣ ихъ за своего
вождя, когда они самымъ дѣломъ, изъ заботливости о врагѣ,
узнали его расположеніе къ людямъ близкимъ ему? Въ самомъ
дѣлѣ, кто оказывается кроткимъ и дружелюбнымъ въ отношеніи
къ причинившимъ ему зло, не гораздо ли болѣе долженъ такъ
относиться къ людямъ, относящимся къ нему доброжелательно?
Не благовременно ли кто-нибудь покажетъ здѣсь, что Давидъ,
пощадивши Саула, воздвигъ болѣе величественный трофей, не-
жели когда повергъ Голіаѳа и отсѣкъ голову этому иноплемен-
нику? Эта именно побѣда блестящѣе той, и трофей славнѣе. Въ
самомъ дѣлѣ, тамъ нужны были и праща, и камни, и противо-
борство: здѣсь же все совершалось мыслію, безъ оружія была
одержана побѣда, и безъ пролитія крови воздвигнутъ трофей.
Итакъ, когда Давидъ одержалъ эту прекрасную и дивную по-
бѣду, всталъ, наконецъ, отъ сна тотъ, изъ-за кого шло состяза-
ніе,—Саулъ, и вышелъ изъ пещеры, не зная ничего о томъ, что
съ нимъ случилось. Вслѣдъ за нимъ вышелъ и Давидъ, взирая 781
уже очами свободнаго человѣка на небо; вышелъ не съ головой
иноплеменника въ рукахъ, а съ умерщвленной страстью, съ обез-
силеннымъ гнѣвомъ, нанесши врагу тысячи ранъ, и спасши Саула,
а настоящаго врага—діавола поразивъ многими ударами; вышелъ,
имѣя увѣнчанную вмѣстѣ съ головой и десницу,—ту десницу,
которая могла извлечь чистый мечъ, показать Богу необагренный
кровію кинжалъ, и удержаться противъ такого порыва гнѣва;
вышелъ съ такою же славою, съ какой вышли три отрока изъ
пещи. Какъ тѣхъ не попалилъ пламень, такъ и его не возжегъ
огонь гнѣва; тѣмъ ничего не сдѣлалъ огонь, окружавшій ихъ
извнѣ, а этотъ, имѣя внутри себя горящія уголья, и діавола,

разжигавшаго пещь извнѣ—видомъ врага, увѣщаніемъ воиновъ, легкостью совершенія убійства, отсутствіемъ защитниковъ, воспоминаніемъ о прежнихъ бѣдствіяхъ, страхомъ за будущія (подлинно, это разжигало болѣе сильный пламень, нежели хворостъ, смола, пакля и все прочее, чѣмъ разжигалась вавилонская пещь),—не зажегся гнѣвомъ и не потерпѣлъ ничего такого, что можно было бы потерпѣть человѣку въ его положеніи, но вышелъ чистымъ и неповрежденнымъ. Итакъ, выйдя *Давидъ въ слѣдъ Саула, возопи глаголя: господине* мой *царю. И озрѣся Саулъ въ слѣдъ себе, и преклонися Давидъ лицемъ своимъ, и поклонися ему* (1 Цар. XXIV, 9). Меньшей ли это заслуживаетъ похвалы, чѣмъ спасти врага? Именно то, что тотъ самый, кто спасъ, преклоняется предъ спасеннымъ, называетъ царемъ, а себя именуетъ рабомъ, и все дѣлаетъ, чтобы только утѣшить его гордость и высокомѣріе, утишить гнѣвъ и прекратить зависть. Но послушаемъ и самое оправданіе. *Почто слушаеши словесъ людій глаголющихъ: се, Давидъ ищетъ души твоея? Се, днесь видѣста очи твои, яко предаде тя Господь въ руцѣ мои въ вертепѣ, и не восхотѣхъ убити тебе, и пощадѣхъ тя, и рѣхъ: не нанесу руки моея на господа моего, яко помазанникъ Господень есть: и се, воскриліе одежды твоея въ руцѣ моей,* которое *азъ отъяхъ, и не убихъ тебе* (ст. 10—12). Если бы я, говоритъ, не былъ вблизи тебя, не стоялъ около твоего тѣла, то не отрѣзалъ бы края одежды. Дѣйствительно, если бы онъ не отрѣзалъ, то ничѣмъ другимъ не въ состояніи былъ бы увѣрить врага. Въ самомъ дѣлѣ, какимъ образомъ тотъ, кто послѣ столькихъ благодѣяній враждовалъ противъ человѣка, нисколько его не обидѣвшаго, могъ повѣрить, что другой, потерпѣвшій обиду, пощадитъ своего обидчика, захвативши его въ свои руки? Теперь же Давидъ представилъ несомнѣнное доказательство своего попеченія о немъ, и самого врага призываетъ въ судьи и свидѣтели своей заботливости, говоря: *уразумѣй и виждь днесь, яко нѣсть въ руцѣ моей презорства, и ты ищеши души моея изъяти ю* (ст. 12). Такъ онъ былъ чуждъ высокомѣрія и свободенъ отъ всякаго тщеславія, и только на одно взиралъ—на судъ Божій: *да судитъ,* говоритъ, *Богъ между мною и тобою* (ст. 13). Сказалъ онъ эти слова, не того желая, чтобы Саулъ подвергся наказанію или получилъ казнь отъ него, а чтобы устрашенъ былъ напоминаніемъ о будущемъ судѣ,—потому что онъ не дерзнулъ бы призвать всевѣдущаго Судію и навлечь на себя осужденіе, если бы не былъ со-
782 вершенно увѣренъ въ томъ, что онъ былъ чистъ и непричастенъ какому бы то ни было злому умыслу. Кто не изумится, кто не удивится этой благородной и адамантовой душѣ (когда подумаетъ), что, имѣя право высчитать Саулу многочисленныя и вс-

ликія благодѣянія,—такъ, напр., онъ могъ, если бы хотѣлъ, сказать ему: когда нашествіе иноплеменниковъ, какъ бы какой потопъ, готово было сокрушить все государство, когда вы прятались въ страхѣ и ужасѣ и каждый день ожидали себѣ смерти, я пришелъ, и безъ всякаго принужденія, напротивъ даже, несмотря на то, что ты препятствовалъ и удерживалъ, я не стерпѣлъ и прежде всѣхъ бросился на врага, принялъ бой съ нимъ и отсѣкъ ему голову; и, какъ бы какой стремящійся потокъ, отразилъ нашествіе иноплеменниковъ и утвердилъ колебавшееся государство; благодаря мнѣ, ты владѣешь царствомъ и жизнью, а всѣ остальные, вмѣстѣ съ жизнью, владѣютъ городомъ, жилищами, дѣтьми и женами; могъ вслѣдъ затѣмъ указать опять другія войны, которыя онъ велъ съ успѣхомъ, не меньшія первой; могъ указать на то, что, несмотря на то, что Саулъ не разъ, не два, а многократно замышлялъ его убить и металъ копье въ его голову, онъ не помнилъ зла; могъ указать и на другія многочисленныя дѣла гораздо болѣе важныя,—и однако ничего такого онъ не сказалъ, а приводитъ въ свое оправданіе только то, что случилось въ тотъ день, говоря: *уразумѣй и виждь днесь, яко нѣсть злобы въ руцѣ моей, ниже презорства; и ты ищеши души моея изъяти ю*. Кого не тронутъ такія слова? Вѣдь не попрекнуть его благодѣяніями хотѣлъ онъ, а только убѣдить, что онъ принадлежитъ къ числу любящихъ и пекущихся о немъ, а не злоумышленниковъ и враговъ.

Такъ и ты, когда захватишь въ свои руки врага, старайся не о томъ, чтобы отомстить ему и осыпать тысячами ругательствъ, а о томъ, чтобы расположить его къ себѣ услужливостью, чтобы довести его до кротости, и до тѣхъ поръ не отставай и дѣлать все, и увѣщевать, пока своею кротостью не побѣдишь его жестокости. Такъ именно сдѣлалъ и Давидъ. Видя, что врагъ вооружается противъ собственнаго своего спасенія и все дѣлаетъ для этого, онъ не только не пришелъ въ ярость, а проникся даже еще большимъ къ нему состраданіемъ, и чѣмъ преступнѣе были умыслы послѣдняго, тѣмъ болѣе онъ плакалъ о немъ, и не переставалъ принимать всякія мѣры до тѣхъ поръ, пока не заставилъ и его принести оправданіе со слезами и воплями. Въ самомъ дѣлѣ, когда Саулъ услышалъ, какъ Давидъ сказалъ: *господине* мой *царю*, то оказался не въ силахъ безъ слезъ слышать эти слова, но зарыдалъ, испустилъ горькій вопль, и со скорбью воскликнулъ: *праведенъ ты паче мене, яко ты воздалъ ми еси благая*, за козни, за убійство, за безчисленныя злодѣйства, *азъ же тебѣ воздахъ злая* (1 Цар. XXIV, 18),—и все-таки не сталъ лучше, но послѣ всѣхъ благодѣяній упорствовалъ въ злобѣ. И

ты все же не измѣнился, а продолжаешь поступать попрежнему, и опять оказываешь намъ, злоумышляющимъ противъ тебя, благодѣяніе. *И ты возвѣстилъ ми еси днесь, яже сотворилъ ми благая, яко заключи мя Господь въ руки твоя, и не убилъ мя еси* (ст. 19). Что можетъ быть блаженнѣе Давида, который въ одно краткое мгновеніе такъ преобразилъ врага, и неожиданно повергъ въ плачъ и рыданія душу, жаждавшую крови и убійства? Не такъ удивляюсь я Моисею, что онъ изъ крутой скалы извелъ источники водъ, какъ удивляюсь этому праведнику, что онъ изъ
783 такихъ глазъ низвелъ источники слезъ. Тотъ побѣдилъ природу, а этотъ препобѣдилъ свободную волю; тотъ ударилъ жезломъ камень, а этотъ поразилъ словомъ сердце, не для того, чтобы огорчить, а чтобы сдѣлать его чистымъ и кроткимъ. Итакъ, сколько бы я ни восхвалялъ его за его собственную кротость, но гораздо больше удивляюсь ему по причинѣ перемѣны, совершившейся съ Сауломъ. Господствовать надъ собственными страстями далеко не такой подвигъ, какъ побѣдить неистовство другихъ, утишить пылающее гнѣвомъ сердце, сдѣлать изъ такой бури такую тишину, и наполнить очи, обращенныя на убійство, горячими слезами. И это полно изумленія и удивленія. Въ самомъ дѣлѣ, если бы Саулъ былъ изъ числа людей кроткихъ и воздержныхъ, то было бы не особенно много труда привести его къ свойственной ему добродѣтели; но человѣка, дошедшаго до состоянія озвѣрѣнія, дошедшаго до крайней злобы и всѣмъ существомъ стремящагося къ убійству, въ одно краткое мгновеніе заставить извергнуть всю эту горечь,—кого изъ людей прославленныхъ когда-либо знаніемъ философіи не затмитъ такое дѣло? Безспорно, величайшей похвалы и удивленія заслуживаетъ уже и то, что онъ не вонзилъ меча и не отсѣкъ вражеской головы; но когда онъ еще измѣнилъ и самое его настроеніе, сдѣлалъ его лучшимъ, и возвелъ его къ подобающей ему кротости, то можетъ ли что-нибудь быть выше такого любомудрія? Между тѣмъ многіе изъ людей не только отстраняются отъ общенія съ врагами, но не хотятъ даже ни видѣть ихъ взоровъ, ни слышать ихъ голоса. Не такъ Давидъ: напротивъ, онъ и врага спасъ, и первый оказалъ ему честь, обратившись съ словами: *господине* мой *царю*. И мало того, палъ даже ницъ предъ нимъ, поклонился ему, и удостоенный чести со стороны послѣдняго, когда тотъ сказалъ: *чадо Давиде* (ст. 17), опять воздалъ ему съ своей стороны еще большую честь, сказавъ: рабъ твой, *господине* мой *царю*. Кто можетъ указать больше этого незлобіе? Тотъ, облагодѣтельствованный вплоть до самой жизни, возводитъ благодѣтеля въ родство съ собою; этотъ, облагодѣтельствовавшій, называетъ облагодѣтель-

ствованнаго господиномъ. Онъ назвалъ, говоритъ, меня сыномъ; для меня же вполнѣ пріятно и достаточно, если ты считаешь меня рабомъ, только бы ты отложилъ гнѣвъ, только бы ты не подозрѣвалъ относительно меня ничего худого, и не считалъ меня злоумышленникомъ и врагомъ. И смотри, чего достигъ онъ. Когда онъ сказалъ это, тотъ не въ состояніи былъ уже безъ слезъ слышать его рѣчь, а горько зарыдалъ, показывая своими слезами и душевное здравіе, и любомудріе, которое сообщилъ ему Давидъ. Какихъ же вѣнцовъ не достоинъ Давидъ за то, что своею кротостью и смиреніемъ до такой степени побѣдилъ Саула, что заставилъ его осудить и собственную жестокость, и восхвалить его добродѣтель? *Аще*, говоритъ, *кто обрѣлъ бы врага своего въ печали, и отпустилъ бы его въ путь благъ, и Господь воздастъ ему благая, якоже ты сотворилъ еси днесь* со мною. *И се, азъ вѣмъ, яко царюя царствовати имаши, и стати имать въ руцѣ твоей царство Израилево. И нынѣ клениcя ми Господемъ, яко не искорениши сѣмене моего по мнѣ, и не погубиши имене моего отъ дому отца моего* (ст. 20—22). И откуда, скажи мнѣ, ты знаешь это? У тебя войско, у тебя деньги, оружіе, города, кони, воины, вся сила царскаго вооруженія; а тотъ всѣми оставленъ и нагъ, не имѣетъ ни города, ни дома, ни родного пріюта. На какомъ же основаніи, скажи мнѣ, ты говоришь такъ? На основаніи самаго 784
образа дѣйствій Давида. Лишенный всего и всѣми покинутый изгнанникъ не побѣдилъ бы меня, вооруженнаго и располагающаго такой силой, если бы не имѣлъ съ собою Бога; а имѣющій Бога съ собою—сильнѣе всѣхъ. Видишь, какъ любомудрствуетъ Саулъ послѣ своихъ злоумышленій? Видишь, какъ можно отвергнуть все нечестіе, перемѣниться и перейти на лучшее? Какихъ вѣнцовъ достоинъ Давидъ за каждое изъ этихъ словъ? Вѣдь, хотя и говорили ихъ уста Саула, но мудрость Давида насадила ихъ въ его душу. *Кленися ми*, говоритъ, *Господемъ, яко не искорениши сѣмене моего по мнѣ, и не погубиши имене моего отъ дому отца моего.* Такъ-то царь обращается съ просьбой къ простому человѣку, и облеченный діадемой умоляетъ и проситъ бѣглеца за своихъ дѣтей, и требуетъ клятвы, не потому, чтобы не вѣрилъ его нраву, а помышляя о томъ, сколько онъ причинилъ ему золъ. *Кленися ми, яко не искорениши сѣмене моего по мнѣ:* врага оставляетъ опекуномъ своихъ дѣтей и ввѣряетъ въ его руки свое потомство, какъ бы беря его за десницу этими словами и ставя Бога посредникомъ. Что же Давидъ? Отнесся ли къ этому хоть сколько-нибудь съ насмѣшкою? Отнюдь нѣтъ, но тотчасъ же изъявилъ согласіе и полную готовность исполнить просимое, и по смерти Саула не только не убилъ ихъ, но

сдѣлалъ даже для нихъ больше, чѣмъ обѣщалъ. Именно, внука его, хромого и съ сухими ногами, онъ взялъ въ домъ свой, сдѣлалъ своимъ сотрапезникомъ и удостоилъ величайшей чести (2 Цар. IX); и не стыдился, не краснѣлъ, не считалъ увѣчья отрока позоромъ для царскаго стола, а напротивъ даже хвалился и гордился этимъ. Видя, въ какомъ почетѣ находится у Давида внукъ Саула, причинившаго ему столько золъ, кто изъ сидѣвшихъ за его столомъ, хотя бы былъ свирѣпѣе всѣхъ звѣрей, не заключилъ бы мира со всѣми врагами, стыдясь и краснѣя за себя? Если бы даже онъ приказалъ давать ему пищу изъ какого-нибудь другого мѣста, и назначилъ опредѣленное содержаніе, то и это было бы великимъ дѣломъ; но допустить къ самой царской трапезѣ,—это уже верхъ любомудрія. Въ самомъ дѣлѣ, многіе изъ людей не только мстятъ врагамъ при жизни ихъ, но и по смерти ихъ изливаютъ гнѣвъ, питаемый противъ нихъ, на ихъ дѣтей. Давидъ же, напротивъ, и при жизни спасъ врага, и по смерти его оказалъ расположеніе, которое имѣлъ къ нему, въ отношеніи его дѣтей. Что можетъ быть блаженнѣе этого мужа? Видя врага, лежащаго у ногъ его хуже плѣнника, онъ не только пощадилъ его, но, и захвативъ его въ свои руки вторично,—когда тотъ послѣ этого спасенія напалъ на него и хотѣлъ убить,—и имѣя возможность поразить его вмѣстѣ со всѣмъ войскомъ, отпустилъ его здравымъ и цѣлымъ; и сознавая, что тотъ неисцѣльно боленъ, и ни въ какомъ случаѣ не прекратитъ своей вражды къ нему, скрылся съ его глазъ и жилъ среди иноплеменниковъ въ рабствѣ, въ безчестіи, въ позорѣ, добывая тяжкими трудами и усиліями необходимое пропитаніе. И не это только удивительно, но и то, что, услышавъ, что Саулъ палъ въ
785 сраженіи, онъ разорвалъ одежду свою, посыпалъ пепломъ главу, и плакалъ такъ, какъ плакалъ бы кто-нибудь, потерявъ единственнаго родного сына, постоянно выкликалъ его имя вмѣстѣ съ сыномъ, сложилъ въ честь его пѣснь, горько рыдалъ, оставался до вечера безъ пищи, и проклиналъ тѣ мѣста, гдѣ пролилась кровь Саула. *Горы*, говоритъ, *Гелвуйскія, да не снидетъ на васъ роса, ниже дождь* (2 Цар. I, 21),—горы смерти, потому что тамъ сокрушены шатры сильныхъ. Я ненавижу, говоритъ, и самое мѣсто ради павшихъ тамъ мертвыхъ; пусть же не орошаетесь вы небесными дождями, потому что вы разъ навсегда преступно оросились кровію друзей моихъ. Онъ непрестанно повторяетъ ихъ имена, говоря: Саулъ, *Саулъ, и Іонаѳанъ, возлюбленніи и прекрасніи, неразлучни въ животѣ своемъ, и въ смерти своей не разлучишася* (ст. 23). Такъ какъ онъ не имѣлъ возможности обнять ихъ тѣлъ, за отсутствіемъ послѣднихъ, то какъ бы обни-

маетъ ихъ имена, смягчая этимъ, насколько возможно, свою скорбь, и облегчая тяжесть несчастія. Нельзя, говоритъ, сказать, что сынъ оплакивалъ свое сиротство, или отецъ оплакивалъ свою бездѣтность; но чего, говоритъ, ни съ кѣмъ не случалось, то случилось съ ними: они вмѣстѣ и въ одинъ день кончили жизнь, и, не переживъ одинъ другого, каждый изъ нихъ считалъ свою жизнь невыносимой въ разлукѣ съ другимъ. Пусть теперь, пока еще душа горитъ скорбью, каждый вспомнитъ о своемъ врагѣ и огорчителѣ, и пусть и при жизни заботится о немъ, и по смерти скорбитъ о немъ; и если даже нужно что-либо потерпѣть, чтобы только не огорчить обидчика, пусть все терпитъ и все дѣлаетъ, ожидая великаго воздаянія отъ Бога. Поистинѣ, нѣтъ ничего безопаснѣе, какъ щадить враговъ, равно какъ нѣтъ ничего ненадежнѣе, какъ желать отплатить и отмстить за себя. Въ самомъ дѣлѣ, погубившій другого нерѣдко можетъ и осудить самъ себя, и будетъ имѣть нечистую совѣсть, будучи всякій день и часъ уязвляемъ своимъ грѣхомъ; тотъ же, кто пощадитъ врага и нѣсколько времени мужественно потерпитъ, послѣ этого радуется и веселится, пребывая въ благихъ надеждахъ и ожидая отъ Бога воздаянія за свое незлобіе; и если когда-нибудь подвергнется какому-либо несчастію, то съ большимъ дерзновеніемъ будетъ просить у Бога воздаянія себѣ. И это можно видѣть изъ того, что̀ случилось съ Давидомъ и Сауломъ. Послѣдній, захотѣвъ убить Давида, безпомощный, безъ оружія, лишенный всего, какъ плѣнникъ преданный, лежалъ въ пещерѣ; первый же, всюду уступая и устраняясь, и не желая даже справедливо подвергнуть его карѣ, безъ орудій и оружій, безъ коней и воиновъ, захватилъ въ свои руки врага; и, что всего важнѣе, привлекъ къ себѣ большее благоволеніе Божіе, и впослѣдствіи получилъ великое и достойное удивленія воздаяніе за свою заботливость о врагѣ. Какое же прощеніе будемъ имѣть мы, помня прошедшіе грѣхи и отмщая обидѣвшимъ насъ, когда этотъ невинный, несмотря на то, что столько претерпѣлъ, и ожидалъ для себя еще большихъ и тягчайшихъ золъ отъ спасенія врага, такъ щадилъ его, что предпочиталъ лучше самъ подвергаться опасности и жить въ страхѣ и трепетѣ, чѣмъ справедливо даже убить того, кто имѣлъ доставить ему тысячи огорченій? Прекрасно, конечно, не причинять обидъ другимъ; но гораздо болѣе служитъ доказательствомъ любомудрой души, когда обиженный не мститъ. Таковъ-то и былъ Давидъ. Несмотря на то, что законъ допускалъ тогда такую мѣру, повелѣвая вырывать *око за око и зубъ за зубъ* (Втор. xix, 21), и это не было преступленіемъ, 736
Давидъ однако былъ такъ любомудръ, что не только не престу-

палъ закона, но и далеко превосходилъ его, и перескакивалъ, такъ сказать, его границы. Онъ считалъ для себя недостаточнымъ въ дѣлѣ добродѣтели, если еще не превзойдетъ данныхъ заповѣдей. Между тѣмъ отъ насъ требуется не только то, чтобы мы не отмщали, но чтобы и благодѣтельствовали. *Молитеся*, говорится, *за творящихъ вамъ напасть: добро творите ненавидящымъ васъ* (Мѳ. v, 44). Какое же будемъ мы имѣть прощеніе, какое оправданіе, если даже послѣ пришествія Христова не достигаемъ мѣры тѣхъ, кто жилъ въ ветхомъ завѣтѣ, и это когда отъ насъ требуется великій преизбытокъ? *Аще*, говорится, *не избудетъ правда ваша паче книжникъ и фарисей, не внидете въ царствіе небесное* (Мѳ. v, 20). Подобно тому какъ неравны между собою тѣ, кто проявляетъ одинаковую добродѣтель подъ закономъ или до закона, такъ точно—и тѣ, кто во время благодати или [до закона, а вѣрнѣе] подъ закономъ, но въ зависимости отъ времени между ними существуетъ большое различіе. Когда я подумаю о благости, милосердіи и любвеобиліи Господа нашего Іисуса Христа, то поражаюсь, трепещу и прихожу въ изумленіе, какъ Онъ и на самомъ даже крестѣ молился за распинателей. Что можетъ сравниться съ этимъ? Даже оба разбойника сначала поносили Его; но когда благоразумный разбойникъ, придя въ сознаніе, сказалъ: *помяни мя Господи* (Лук. xxIII, 42), то Онъ раньше всѣхъ отверзъ ему рай. Онъ плачетъ о готовившихся распять Его, и смущается, видя предателя, не потому, что Ему предстояло распятіе, а потому, что погибалъ этотъ послѣдній. Онъ смущался, именно, предвидя его удавленіе и наказаніе послѣ удавленія, и, зная его нечестіе, до самой послѣдней минуты заботился о немъ, не отвергалъ его. Мало того, преблагій Господь даже поцѣловалъ предателя, давая намъ образецъ и примѣръ благостыни и долготерпѣнія. *Іудо*, говоритъ, *лобзаніемъ ли Сына человѣческаго предаеши* (Лук. xxII, 48)? Кого не смягчили бы, кого не тронули бы эти слова? Какого звѣря, какую каменную душу? Но только не этого несчастнаго! Въ самомъ дѣлѣ, не сказалъ Онъ: о, мерзкій и преелѣйшій предатель, такой ли наградой отплачиваешь ты Мнѣ за столько благодѣяній? А какъ? *Іудо*,—назвавъ собственнымъ именемъ, что свидѣтельствовало скорѣе о томъ, что Онъ сожалѣлъ его и призывалъ опять къ Себѣ, а не гнѣвался. Равнымъ образомъ не сказалъ: учителя твоего, Господа твоего, благодѣтеля, а: *Сына человѣческаго лобзаніемъ ли предаеши?* Если бы Онъ не былъ ни учителемъ, ни Господомъ, какъ ты предаешь Того, кто такъ кротко, такъ искренно расположенъ къ тебѣ, что цѣлуетъ тебя даже во время самаго предательства? Такъ-то Онъ поступаетъ съ предателемъ; а какъ съ пришед-

шимъ на Него съ мечами и кольями? Но что же можетъ быть кротче тѣхъ словъ, какія были сказаны къ нимъ? Будучи въ силахъ въ одинъ мигъ уничтожить всѣхъ ихъ, Онъ не сдѣлалъ ничего подобнаго, а съ намѣреніемъ пристыдить говоритъ имъ: *яко на разбойника ли изыдосте со оружіемъ и дрекольми* (Лук. XXII, 52)? и, повергнувъ ихъ ницъ, опять добровольно—такъ какъ они оставались въ безчувствіи—предалъ Себя, и терпѣливо смотрѣлъ, какъ заключали въ узы Его святыя руки, хотя могъ всѣхъ ихъ привести въ ужасъ и повергнуть ницъ. *Кто возглаголетъ силы Господни, слышаны сотворитъ вся хвалы Его* (Псал. CV, 2)? Будемъ же подражать и мы, братія, Его незлобію, кротости, смиренно- 787
мудрію. *Научитеся*, говоритъ, *отъ Мене, яко кротокъ есмь и смиренъ сердцемъ, и обрящете покой душамъ вашимъ* (Мѳ. XI, 29). Потому и Павелъ повелѣваетъ это, говоря: *благословляйте гонящыя вы* (Рим. XII, 14), т. е. какимъ бы то ни было образомъ причиняющихъ вамъ огорченія. И не сказалъ: не злопамятствуйте, или: не отмщайте, а требуетъ гораздо большаго, говоря: *благословляйте*. Первое — не злопамятствовать и не мстить — свойственно любомудрому мужу, а послѣднее—ангелу. Сказавъ затѣмъ: *благословите*, онъ присовокупилъ: *а не клените*, чтобы мы дѣлали не то и другое, а только первое. И это потому, что гонители являются для насъ виновниками наградъ. Если же ты будешь бодрствовать, то вмѣстѣ съ ними доставишь себѣ еще и самъ награду: гонитель доставитъ тебѣ награду отъ гоненія, а ты самъ—отъ благословенія его, представляя величайшее доказательство своей любви къ Христу. Вотъ почему этотъ духовный учитель повелѣваетъ воздавать добромъ учиняющимъ намъ какія бы то ни было обиды, гонящимъ насъ, причиняющимъ вредъ дѣлами, и, заповѣдавъ сначала благословлять ихъ, далѣе увѣщеваетъ и благодѣтельствовать имъ самымъ дѣломъ: *радоватися съ радующимися, и плакати съ плачущими* (Рим. XII, 15). Такъ какъ можно благословлять и не проклинать, но дѣлать это не изъ любви, то онъ хочетъ, чтобы мы и пламенѣли любовію. Потому онъ и присовокупилъ эти слова, чтобы мы не только благословляли, но и соболѣзновали и сострадали, если когда-нибудь увидимъ ихъ въ несчастіи. Ничто, вѣдь, такъ не соединяетъ любви, какъ если мы раздѣляемъ другъ съ другомъ и радость, и горе. Послушай, что говоритъ Петръ Христу: *колькраты, аще согрѣшитъ въ мя братъ мой, отпущу ему? до седми ли кратъ* (Мѳ. XVIII, 21)? Онъ и спрашиваетъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ обѣщаетъ, и прежде чѣмъ узнать, показываетъ свое великодушіе. Отлично зная образъ мыслей Учителя, что Онъ склоняется больше къ человѣколюбію, онъ желаетъ угодить Учителю и говоритъ: *до седми ли кратъ?* Затѣмъ, чтобы

ты зналъ, что человѣкъ и что Богъ, и какъ щедрость ученика,
788 до какихъ бы предѣловъ ни простиралась, по сравненію съ богатствомъ Учителя оказывается скуднѣе всякой бѣдности, и что капля въ сравненіи съ безпредѣльнымъ моремъ, то и наша благость въ сравненіи съ Его неизреченнымъ человѣколюбіемъ, Христосъ, когда тотъ сказалъ: *седмь кратъ*, и думалъ, что онъ показалъ весьма большую щедрость и великодушіе, говоритъ: *не глаголю: до седмь кратъ, но до седмьдесятъ кратъ седмерицею* (ст. 22), что составляетъ четыреста девяносто. И не думай, что эта заповѣдь трудноисполнима; если ты рѣшился столько разъ оставлять безъ вниманія грѣхи противъ тебя, то, обучившись на одномъ, другомъ, третьемъ опытѣ прощенія, ты не будешь уже чувствовать никакого и труда въ такомъ любомудріи, разъ навсегда пріобрѣтя навыкъ къ многократному прощенію, и не будешь поражаться грѣхами ближняго. Но, равнымъ образомъ, если кто-нибудь потерпитъ неправедное хищеніе, и возблагодаритъ Бога за такую неправду, то пріобрѣтетъ чрезъ эту благодарность безчисленныя награды. Ничто такъ не радуетъ Бога, какъ если не воздавать зломъ за зло. Если же кто-нибудь скажетъ: чѣмъ я могъ отмстить обидчику, когда я слабѣе его? то я отвѣчу, что ты могъ бы это сдѣлать, именно, если бы сталъ роптать, негодовать, молиться противъ обидѣвшаго, посылать ему тысячи проклятій, предъ всѣми обвинять его; все это находится въ нашей власти. Вотъ почему тотъ, кто этого не сдѣлалъ, и получитъ награду за неотмщеніе, такъ какъ очевидно, что, и будучи въ состояніи отмстить, онъ не сдѣлалъ бы этого. Итакъ, когда врагъ попадется въ твои руки, не думай, что это время отмщенія, а считай его временемъ спасенія. Тогда-то особенно и нужно щадить враговъ, когда они оказываются въ нашей власти. И если мы такъ устроимъ себя самихъ, и будемъ стараться о спасеніи ближнихъ, то вскорѣ станемъ вожделѣнны и любезны и для нихъ самихъ, и—что всего важнѣе—достигнемъ уготованныхъ благъ, благодатію и человѣколюбіемъ Господа нашего Іисуса Христа, Которому слава и держава, со Отцемъ и святымъ и животворящимъ Духомъ, нынѣ и присно, и въ безконечные вѣки вѣковъ. Аминь.

СЛОВО XXX.

Похвала св. апостолу Павлу, составленная Θеодоромъ Магистромъ изъ различныхъ словъ св. отца нашего Іоанна Златоустаго.

Мы уже изложили все, касающееся надписанія Дѣяній Апо- 787
стольскихъ. Затѣмъ намъ слѣдовало бы коснуться начала книги и сказать, что это было нѣкогда: *первое убо слово сотворихъ о всѣхъ, о Θеофиле, яже начатъ Іисусъ творити же и учити* (Дѣян. I, 1). Но Павелъ не позволяетъ намъ говорить въ этой послѣдовательности, призывая наше слово къ себѣ и своимъ подвигамъ. Я хочу видѣть, какъ его ведутъ въ Дамаскъ, какъ онъ связанъ не желѣзными цѣпями, но словомъ Господнимъ. Я хочу видѣть, какъ
уловлена эта великая рыба, которая возмутила все море, возбу- 788
дила великое волненіе въ Церкви. Я хочу видѣть, какъ онъ уловленъ не удой, но словомъ Господнимъ. Какъ какой-нибудь ловецъ, сидя на высокой скалѣ и съ высоты поднимая уду, бросаетъ ее въ море, такъ и Господь нашъ, явившій духовную ловлю, какъ бы сидя на высокой скалѣ небесъ, посылая свыше Свой голосъ, точно уду, и говоря: *Савле, Савле, что Мя гониши* (Дѣян. IX, 4)?—выловилъ ту великую рыбу. Кто остановилъ бы этого жестокаго и безчеловѣчнаго преслѣдователя, хулителя и опустошителя Церкви до такой степени, что онъ, врываясь даже въ
домы, влекъ мужей и женщинъ, все приводилъ въ смятеніе и 789
возмущалъ,—кто остановилъ бы его, если бы Царь нашъ, призвавши его, внезапно не перемѣнилъ его и ни заставилъ придти въ себя? Вѣдь даже ученики, гдѣ бы они не узнавали о его появленіи, въ ужасѣ трепетали и не смѣли прямо смотрѣть на него. И когда онъ уже сдѣлался любящимъ ихъ, они обнаруживали все тотъ же самый страхъ. Если они такъ боялись, когда онъ уже измѣнился, то чего не дѣлали они, когда онъ питалъ къ нимъ вражду, былъ ихъ врагомъ? А что со мной будетъ? Необходимо мнѣ избѣгать мужа такой силы, чтобы задержавшись снова не отойти отъ предмета. Вамъ извѣстно, какъ часто, въ то время какъ я имѣлъ въ виду другое и направлялся къ нему, онъ, встрѣтившись со мною, перехватывалъ меня въ срединѣ слова и задерживалъ до такой степени, что я приходилъ къ убѣжденію на немъ закончить самое слово. Этотъ блаженный Павелъ, просвѣтившій всю вселенную, былъ нѣкогда ослѣпленъ во время своего призванія. Но его слѣпота стала просвѣщеніемъ вселенной. Такъ какъ онъ видѣлъ одно худое, то Богъ правильно

ослѣпилъ его, чтобы ему съ пользою для себя снова получить зрѣніе. И такъ какъ онъ свыше мѣры преслѣдовалъ Церковь, неистовствовалъ и былъ недоступенъ жалости, то тѣмъ тяжелѣйшее онъ получаетъ обузданіе,—чтобы, увлекаемый потокомъ своей ревности, не пропускалъ мимо ушей проповѣдуемаго, и чтобы узналъ, съ кѣмъ борется: съ Тѣмъ, кого не въ силахъ вынести не только тогда, когда Онъ наказываетъ, но даже когда благодѣтельствуетъ. И не тьма ослѣпила его, но преизбытокъ свѣта погрузилъ его въ мракъ. Если бы мы были кругомъ обложены варварами, и если бы непріятели надѣлали намъ безчисленныя затрудненія; если бы затѣмъ полководецъ варваровъ, который располагалъ бы безчисленными осадными машинами, все у насъ привелъ бы въ замѣшательство, наполнилъ смущеніемъ и великимъ страхомъ, угрожалъ разрушить и предать огню самый городъ, а насъ всѣхъ обратить въ рабство; если бы онъ, самъ вдругъ попавшись въ плѣнъ къ нашему царю, былъ плѣнникомъ приведенъ въ городъ,—не сбѣжались ли бы всѣ мы, вмѣстѣ съ женами и дѣтьми, на это зрѣлище? Вотъ и теперь война наступила. Въ то время какъ іудеи все наполняютъ смущеніемъ и страхомъ и замышляютъ многія ухищренія противъ безопасности Церкви, глава же враговъ Павелъ, болѣе всѣхъ старавшійся объ этомъ, проповѣдывавшій и все наполнившій смущеніемъ и страхомъ, и его-то именно Господь нашъ Іисусъ Христосъ, Царь нашъ, связалъ и привелъ плѣнникомъ: неужели мы не выйдемъ всѣ на это зрѣлище, чтобы видѣть его ведомаго плѣннымъ? И ангелы на небѣ, видя его связаннымъ и ведомымъ, ликовали,—не потому, что видѣли его связаннымъ, но потому, что представляли, сколько людей освободитъ онъ отъ оковъ; не потому, что видѣли его ведомымъ за руку, но потому, что размышляли о томъ, скольких онъ имѣетъ возвести отъ земли къ небу; не потому, что видѣли его ослѣпленнымъ, но потому, что думали о тѣхъ, кого онъ имѣетъ извести изъ мрака. Поэтому, оставивши всѣхъ другихъ, я спѣшу обратиться къ Павлу. Павелъ и любовь къ Павлу заставляютъ насъ сдѣлать этотъ скачекъ. *Кто возглаголетъ силы* Твои, Господи (Псал. cv, 2), что Ты не дозволилъ Павлу быть въ неизвѣстности, что показалъ вселенной такого мужа? Всѣ ангелы восхваляли Тебя единодушно, когда Ты сотворилъ звѣзды и солнце; но не такъ, какъ тогда, когда Ты явилъ Павла всей
790 вселенной. Земля стала свѣтлѣе неба, потому что тотъ—свѣтлѣе свѣта солнечнаго. Это солнце смѣняется ночью, а тотъ побѣдилъ дьявола. Оно, нисходя съ высоты, посылаетъ внизъ свои лучи; онъ же, восходя снизу, наполнилъ свѣтомъ не только пространство между небомъ и землей, но едва открылъ уста, какъ даже

ангеловъ исполнилъ великой радостью. И если объ одномъ грѣшникѣ кающемся бываетъ радость на небѣ,—а онъ въ первомъ же проповѣданіи уловилъ безчисленное множество мужей, — какой же радостью наполнилъ онъ горнія силы? Что̀ говорю я? Достаточно, чтобы Павелъ началъ говорить, какъ небеса играютъ и радуются. Есть ли что пламеннѣе сердца человѣка, который прошелъ всю вселенную, претерпѣлъ насиліе, біеніе камнями, оковы,— и все это затѣмъ, чтобы освободить связанныхъ и привлечь ихъ къ себѣ? И не какъ борющійся совершалъ онъ свои подвиги; но, будто идя къ готовой и вѣрной побѣдѣ, воздвигалъ онъ побѣдные памятники, срывая, опустошая, уничтожая до основанія укрѣпленія дьявола и всѣ загражденія демоновъ; онъ не останавливался, устремляясь впередъ отъ этихъ къ тѣмъ и отъ тѣхъ къ этимъ и, подобно отличному полководцу, каждый день, а лучше сказать каждый часъ воздвигая побѣдные памятники. Проникнувъ въ одной одеждѣ во вражескій строй, онъ взялъ непріятельскіе города вмѣстѣ съ людьми. Языкъ Павла былъ лукомъ, копьемъ, стрѣлами и всѣмъ. И онъ не говорилъ только. Слова его, поражая враговъ сильнѣе всякаго огня, изгоняли демоновъ, а людей, потерявшихъ власть надъ самими собой, возвращали себѣ. Когда онъ изгналъ злого духа, безчисленное множество заклинателей сожгли свои магическія книги и обратились къ истинѣ. И какъ на войнѣ, послѣ того какъ башня упала или тиранъ низвергнутъ, всѣ, кто былъ вмѣстѣ съ нимъ, побросавши оружіе, сбѣгаются къ полководцу, такъ и тогда было: когда демонъ былъ низверженъ, всѣ побѣжденные, побросавши книги, вѣрнѣе уничтоживши ихъ, устремились къ ногамъ Павла. А онъ, превращая весь міръ какъ бы въ одинъ лагерь, нигдѣ не останавливался, но все дѣлалъ, словно у него были крылья: то исцѣлялъ хромого, то воскрешалъ мертваго, то кого-нибудь ослѣплялъ,—я говорю о магѣ. Даже заключенный въ темницу, онъ не успокоился, но и тамъ привлекъ къ себѣ стража, выполнивъ этотъ прекрасный плѣнъ. Удивляются Давиду за то, что онъ однимъ только камнемъ поразилъ Голіафа. Но если бы изслѣдовали дѣла Павла, то увидѣли бы, что то—ребяческое дѣло, и что, насколько различаются между собой пастухъ и полководецъ, столько же разницы между этимъ и тѣмъ, потому что этотъ уничтожилъ мысленнаго Голіафа, и не бросая камня, но однимъ словомъ разгромивъ все полчище дьявола. Какъ левъ ревущій и дышащій огненной пастью, такъ страшенъ былъ для всѣхъ и онъ, когда приходилъ. Онъ появлялся постоянно повсюду: приходилъ къ этимъ, шелъ къ тѣмъ, возвращался къ этимъ, уходилъ снова къ другимъ,—появляясь быстрѣе вѣтра и управляя всей вселен- 791

ной, какъ однимъ домомъ или судномъ, вытаскивая тонущихъ, спасая окутанныхъ тьмой, давая приказанія морякамъ, сидя у кормового весла, наблюдая за носомъ, натягивая канаты, принимаясь за весла, поднимая паруса, смотря на небо, будучи самъ всѣмъ: и морякомъ, и кормчимъ, и завѣдующимъ носомъ корабля, и парусомъ, и судномъ, — и все терпя, чтобы уничтожить зло другихъ. И какъ атлетъ, самъ борясь, бѣгая, вступая въ бой, или солдатъ, разбивая стѣны, сражаясь на сушѣ и на морѣ,— такъ онъ участвовалъ во всѣхъ видахъ борьбы, разжигалъ ревность и, овладѣвая единолично вселенной и всѣхъ побѣждая однимъ своимъ словомъ, самъ былъ для всѣхъ неприступенъ. Не такъ звуки множества трубъ, упавши на стѣны города Іерихона, уничтожили ихъ, какъ громкій голосъ Павла сравнялъ съ землей дьявольскія укрѣпленія и враговъ привлекъ на свою сторону. Онъ былъ спущенъ чрезъ окно со стѣны, чтобы вознести поверженныхъ на землю. Я думаю, что ненужно и упоминать о голодѣ, жаждѣ, наготѣ, кораблекрушеніяхъ, страхахъ, козняхъ, темничныхъ заключеніяхъ, ударахъ и о всемъ прочемъ, что претерпѣлъ блаженный Павелъ ради проповѣди: все это въ отдѣльности достаточно, чтобы возмутить и сокрушить тотъ святой духъ. Но когда онъ говоритъ: *кто изнемогаетъ, и не изнемогаю? кто соблазняется, и азъ не разжизаюся* (2 Кор. xi, 29)? — то это есть то, что болѣе всего доставляло ему непрерывную и непереносную скорбь. Если съ каждымъ изъ соблазняющихся онъ и самъ разжигался, то это горѣніе его духа не могло погаснуть, потому что не оскудѣвали соблазняющіеся и доставляющіе матеріалъ для огня. Видя только іудеевъ невѣрующими, какую онъ могъ имѣть хоть непродолжительную передышку отъ скорби и страданія? *Молилъ быхъ ся бо самъ азъ отлученъ быти отъ Христа по братіи моей, сродницѣхъ моихъ по плоти, иже суть израилите* (Рим. ix, 3—4). А сказанное имъ вотъ что̀ значитъ: для меня желательнѣе впасть въ геенну, чѣмъ видѣть израильтянъ невѣрующими. Тотъ, кто согласенъ принять муки геенны за то, чтобы получить возможность обратить всѣхъ іудеевъ, — онъ, не имѣя ея, очевидно, живетъ тяжелѣе, чѣмъ тѣ, кто мучится въ гееннѣ. О, пламенная любовь милосердія! О, Павелъ, презирающій огонь, адамантовый, твердый, непреклонный, стойкій,—онъ, который говоритъ: *кто ны разлучитъ отъ Христа? Скорбь ли, или тѣснота, или гоненіе, или гладъ, или нагота, или бѣда, или мечъ* (Рим. viii, 35)? Тотъ, кто былъ выше земли и моря, кто смѣялся надъ желѣзными вратами смерти,—онъ, видя слезы возлюбленныхъ, такъ былъ огорченъ и потрясенъ, что не могъ скрыть печали, но сейчасъ же говоритъ: *что творите, плачуще и сокру-*

плачуще ми сердце (Дѣян. XXI, 13)? О, чудо! Бездна водъ не смутила его, а малыя слезы смутили и огорчили. *Что творите, пла-* 792
чуще и сокрушающе ми сердце? Что, скажи мнѣ, говоришь ты? Тотъ адамантовый духъ могли сломить слезы? Да, говоритъ онъ. Велика сила любви, она меня осилила и побѣдила. Я всему могу противостоять, кромѣ любви. Выслушайте вы, кто не презираете имущества ради Христа, а лучше сказать, ради самихъ себя, и трепещите, размышляя о любви Павла ко Христу. Онъ полюбилъ Христа не чрезъ Христово, но Христово полюбилъ чрезъ Него, и онъ боялся лишь одного, чтобы не лишиться любви къ Нему. Это для него было страшнѣе геенны, какъ и оставаться въ ней было желательнѣе царства. Итакъ, когда онъ ради любви ко Христу согласенъ впасть въ геенну и лишиться царства, если бы то и другое было предложено ему, мы же не презираемъ и настоящей жизни,—то неужели мы достойны сандаліи его,—мы, которые такъ отстоимъ отъ великаго его духа? Если кто-либо, управляя всего однимъ домомъ, имѣя слугъ, смотрителей и управителей, часто не можетъ вздохнуть отъ заботъ, хотя никто еще не безпокоитъ его, то, подумай, что же долженъ былъ вытерпѣть онъ, имѣющій попеченіе не объ одномъ домѣ, но о городахъ, народахъ, племенахъ, о цѣлой вселенной, когда, при томъ, столько дѣлъ, столько враговъ, а онъ одинъ,—онъ, который заботился такъ, какъ отецъ не заботится о своихъ дѣтяхъ? Если кто хочетъ любить чистой любовью и узнать силу любви, пусть такой устремится къ питателю ея, блаженному Павлу, и онъ покажетъ ему, какого труда стоитъ вынести разлуку съ любимымъ, и какое для этого нужно мужество.

Онъ, который словно разлучился съ плотью, оставилъ тѣло и съ незакрытой почти душой обходилъ вселенную, который изгналъ всякую мысленную страсть и подражалъ безстрастію безтѣлесныхъ силъ,—да, онъ переносилъ легко все остальное, какъ будто былъ въ чужомъ тѣлѣ, переносилъ темничное заключеніе, оковы, изгнаніе, плети, угрозы, смерть и всѣ виды наказанія, но, разлученный съ одною душой, любимой имъ, былъ такъ опечаленъ и смущенъ, что тотчасъ же ушелъ изъ города, гдѣ онъ надѣялся увидѣть любимаго и не нашелъ его. Что же это, блаженный Павелъ? Заключенный въ колодки, сидя въ тюрьмѣ, терпя удары плетей, съ плечами, залитыми кровью,—ты преподавалъ таинства, крестилъ, приносилъ жертвы и не презрѣлъ ни одного, кто долженъ быть спасенъ: какъ же, прійдя въ Троаду и нашедши почву, воздѣланную и готовую принять сѣмена, какъ ты выпустилъ изъ рукъ удобный случай и тотчасъ же удалился? Да, говоритъ онъ. Я былъ охваченъ великой силой скорби, отсутствіе

Тита такъ поразило мою мысль, такъ осилило и сломило меня
что я принужденъ былъ сдѣлать это. Видѣлъ ли ты, какъ много
3 труда нужно, чтобы кротко вынести разлуку съ любимымъ? Ка
кое это тяжелое и горькое дѣло? Какой требуетъ возвышенной и
храброй души? Для любящихъ недостаточно быть связанными
только духомъ; этого имъ мало, чтобы утѣшить ихъ; имъ нужно
еще и тѣлесное присутствіе. Если его нѣтъ, немалая часть ра
дости отпадаетъ. Хочешь ты узнать, какое сильное оружіе—быт
кроткимъ, мягкимъ, любезнымъ для того, чтобы привлечь къ себ
братьевъ, хотя бы они были невѣрные? Послушай, что говорит
Павелъ, входя къ невѣрующему судьѣ съ тѣмъ, чтобы принят
отъ него судъ: *непщую себе блаженна быти, яко предъ тобою отве*
щати днесь имамъ (Дѣян. xxvi, 2). Онъ сказалъ это, не льстя ему;
нѣтъ,—но желая кротостью расположить его къ себѣ. Отчаст
онъ достигъ этого и даже покорилъ себѣ судью,—онъ, считаі
шійся уже осужденнымъ. Побѣжденный самъ призналъ эту по
бѣду, въ присутствіи всѣхъ, громкимъ голосомъ говоря: *вмал*
мя препираеши христіанина быти. Что же Павелъ? *Молилъ у*
быхъ не токмо тебе, но и всѣхъ слышащихъ мя днесь, быти и
тацѣмъ, яковъ и азъ есмь (ст. 28 и 29). Много повсюду свид
тельствъ чудесъ Павловыхъ, но ничто такъ не вожделѣнно, как
язвы его. И въ Писаніи онъ радуетъ меня не столько тогда, когд
творитъ чудеса, сколько тогда, когда терпитъ страданія, бичева
ніе, насиліе, біеніе камнями. *Каменіемъ побивше его*, говорится
извлекоша внѣ града (Дѣян. xiv, 19); и еще: избивши его и давші
много ударовъ, ввергли въ темницу (Дѣян. xvi, 23). Какая ра
дость, какое наслажденіе, какая честь, какая слава видѣть, что
онъ въ узахъ ради Христа! Но взгляни на то, что̀ достойно уди
вленія: поколебалась, говорится, темница, когда Павелъ былъ въ
узахъ, и у всѣхъ узы ослабѣли. Видишь ли ты, какъ разру-
шаются узы самою природой узъ? *Возбуждься же темничный стражъ*
и видѣвъ отверсты двери темницы, извлекъ ножъ, хотяше себе убити
(ст. 27). Что же Павелъ? Онъ возгласилъ громкимъ голосомъ, го
воря: *ничтоже сотвори себѣ зла, вси бо есмы здѣсь* (ст. 28). Видиші
ли ты его презрѣніе къ славѣ, скромность, его милосердіе? Онъ
не сказалъ: чрезъ насъ это случилось, но, какъ одинъ изъ узни
ковъ, говоритъ: *вси бо есмы здѣсь.* Если бы онъ промолчалъ
громкимъ голосомъ не сдержалъ рукъ стража, тотъ перерѣзал
бы себѣ горло мечемъ. Возвысилъ же онъ голосъ потому, ч
былъ брошенъ во внутреннее помѣщеніе. Во вредъ самому се
ты сдѣлалъ это, какъ бы говоритъ онъ, потому что посадилъ
внутреннее помѣщеніе тѣхъ, кто имѣлъ освободить тебя отъ опа
ности. Видишь ли человѣколюбіе и заботливость Павла? Он

предпочелъ быть въ узахъ и самъ подвергнуться опасности, чѣмъ видѣть, какъ погибаетъ тотъ. Какъ солдатъ, если бы онъ, воюя съ цѣлымъ міромъ, попалъ въ самую средину непріятельскихъ войскъ и остался невредимымъ, такъ Павелъ одинъ появлялся среди варваровъ и эллиновъ,—повсюду на сушѣ, повсюду на морѣ. И какъ искра, попадая въ солому или сѣно, измѣняетъ горючій матеріалъ сообразно своей природѣ, такъ онъ, приходя ко всѣмъ, всѣхъ обращалъ къ истинѣ. Кого не приведетъ въ изумленіе сила узъ, возложенныхъ на блаженнаго Павла? Она связавшихъ привела къ ногамъ связаннаго, тѣхъ отдала во власть этого. *Припаде*, говорится, *стражъ къ Павлу* (Дѣян. XVI, 29). Свободный отъ узъ—
у ногъ узника, и связавшій умоляетъ связаннаго избавить его 794
отъ страха. Не ты ли, скажи, заключилъ въ узы? Не ты ли бросилъ во внутреннее помѣщеніе тюрьмы? Не ты ли забилъ ноги въ колодки? Что же ты дрожишь? Чего боишься? Зачѣмъ плачешь? Зачѣмъ извлекъ мечъ? Я не зналъ, какъ бы говоритъ онъ, что такъ велика сила узъ Христовыхъ. Что говоришь? Онъ получилъ власть отверзать небо,—ему ли не открыть темницы? Онъ давалъ свободу плѣненнымъ демонами,—ему ли не освободиться отъ собственныхъ узъ? Освобождающій связанныя души неужели не въ силахъ освободить свое тѣло? Тотъ, кто своими одеждами освобождалъ другихъ отъ оковъ, кто сокрушалъ демоновъ,—какъ не освободитъ онъ себя своими силами? Поэтому, онъ былъ сперва заключенъ въ узы, а потомъ освободилъ узниковъ, чтобы ты узналъ, что рабы Христовы, заключенные въ узы, гораздо сильнѣе, чѣмъ свободные отъ нихъ. Да и сила святого является славнѣйшею, если, даже заключенный въ узы, онъ торжествуетъ надъ свободными. Итакъ, если узникъ освобождаетъ не только себя, но и другихъ, то для чего стѣны? Какой имѣло смыслъ заключать его во внутреннее помѣщеніе тюрьмы, когда онъ открылъ даже внѣшнее? Хотите ли вы узнать, какую имѣютъ силу желѣзныя узы, надѣтыя во имя Христово на рабское тѣло? Послушайте блаженнаго Павла, какъ онъ гордится этимъ и говоритъ: *молю убо васъ азъ, узникъ о Господѣ* (Еф. IV, 1). Великій и славный подвигъ, выше царства и консульства и всего—быть узникомъ во имя Христово! Нѣтъ ничего славнѣе, какъ узничество во Христѣ, какъ оковы, одѣтыя на тѣ святыя руки. Это гораздо славнѣе и почетнѣе, чѣмъ быть апостоломъ, дидаскаломъ, евангелистомъ. Если кто любитъ Христа, онъ знаетъ, о чемъ я говорю; если кто внѣ себя и пламенѣетъ любовью къ Владыкѣ, онъ пойметъ силу узъ: онъ предпочелъ бы быть узникомъ во Христѣ, чѣмъ обитать на небесахъ. Это славнѣе, чѣмъ возсѣсть одесную Его, почетнѣе и блаженнѣе, чѣмъ сидѣть на двѣнадцати престо-

лахъ. Если бы кто предложилъ мнѣ или все небо, или узы, которыя возложены были на руки Павла, я предпочелъ бы послѣднее. Если бы мнѣ предоставили стать или вмѣстѣ съ ангелами, или съ Павломъ, заключеннымъ въ узы, я предпочелъ бы темницу. Если бы мнѣ предложили раздѣлить могущество, которое окружаетъ тронъ, или сдѣлаться узникомъ, я предпочелъ бы быть такимъ узникомъ. Нѣтъ ничего выше, какъ пострадать за Христа. Если бы мнѣ дали даже власть воскрешать мертвыхъ, я принялъ бы не это, но узы,—потому что ничего нѣтъ блаженнѣе этихъ узъ. Желалъ бы я быть въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ находится тюрьма, и видѣть узы, которыхъ демоны боятся и трепещутъ, предъ которыми ангелы благоговѣютъ. Если бы я былъ свободенъ отъ церковныхъ заботъ и имѣлъ здоровое тѣло, я не замедлилъ бы предпринять путешествіе для того только, чтобы видѣть тѣ узы и ту темницу, куда былъ заключенъ Павелъ. Если бы мнѣ предоставили увидѣть и услышать Павла или съ неба, или изъ темницы, я предпочелъ бы—изъ темницы, потому что, когда онъ
795 тамъ, къ нему нисходятъ туда и небожители. О, блаженныя узы! О, блаженныя руки, украшенныя цѣпями, надѣтыми на Павла! Онѣ не такъ были славны въ то время, когда исцѣляли хромого въ Листрахъ, какъ—тогда, когда на нихъ надѣли оковы. Если бы я былъ въ то время, я крѣпко обнялъ бы ихъ и возложилъ бы ихъ на мои глаза. Я не переставалъ бы цѣловать эти руки, удостоившіяся узъ ради Владыки моего. Я ублажаю его не столько за то, что онъ вознесенъ былъ на третье небо и въ рай, сколько за то, что онъ былъ брошенъ въ темницу; и не такъ я ублажаю его за то, что онъ слышалъ неизреченные глаголы, какъ за то, что онъ вытерпѣлъ узы,—потому что это гораздо выше, чѣмъ то. Для меня привлекательнѣе пострадать за Христа, чѣмъ получить честь помимо Него. Какъ кажется, это имѣя въ виду, и Павелъ горорить: если Онъ, ставши ради меня рабомъ и совлекши съ Себя славу, думалъ, что никогда Онъ не будетъ такъ славенъ, какъ тогда, когда Его пригвоздятъ за меня ко кресту,—то не долженъ ли и я страдать? Выслушай, что Онъ говоритъ: *прослави мя ты, Отче* (Іоан. XVII, 5). Что говоришь Ты? Тебя ведутъ на крестъ вмѣстѣ съ разбойниками и грабителями, подъемлешь смерть проклятыхъ людей, имѣешь претерпѣть заплеванія и заушенія,—и это Ты называешь славой? Да, говоритъ Онъ. Я терплю это за возлюбленныхъ Моихъ, и по справедливости вижу въ этомъ Свою славу. Итакъ, если Владыка мой, возлюбившій несчастныхъ и обремененныхъ, считаетъ это Своей славой и возлюбилъ больше, чѣмъ славу на престолѣ Отчемъ,—тѣмъ болѣе я долженъ видѣть въ этомъ славу Свою. Ничего нѣтъ блаженнѣе, поэтому, духа

Павла! Чѣмъ онъ гордится? Темницей, скорбями, узами, ранами.
*Азъ связанъ Духомъ гряду въ Іерусалимъ, яже въ немъ хотящая при-
ключитися мнѣ не вѣдый, точію яко Духъ Святый по вся грады сви
дѣтельствуетъ, глаголя, яко узы мене и скорби ждутъ* (Дѣян. xx.
22—23). Что же ты идешь, если тебя ждутъ узы и скорби? А
именно для этого самаго, чтобы потерпѣть узы за Христа, чтобы
умереть за Него,—потому что я готовъ не только быть въ узахъ,
но и умереть за имя Господа моего. Что же это такое? Ты не
стыдишься, не боишься обойти въ узахъ вселенную? Не боишься,
что кто-нибудь станетъ обличать безсиліе твоего Бога, что изъ-за
этого не пойдутъ за тобой? Не таковы, говоритъ онъ, мои узы.
Они смогутъ сіять и въ царскихъ палатахъ. *Яко узы мои*, гово
ритъ (апостолъ), *явлены о Христѣ быша во всемъ судищи, и мно-
жайшіи братія о Господѣ, надѣявшіися о узахъ моихъ, паче дер-
заютъ безъ страха слово Божіе глаголати* (Филип. I, 13—14). Ты
видишь, что сила узъ болѣе воскресенія мертвыхъ? Онъ былъ
заключенъ въ узы въ Римѣ и множество привлекъ къ себѣ; былъ
заключенъ въ Іерусалимѣ и, связанный, говоря къ народу, при-
велъ въ изумленіе царя и испугалъ правителя: „будучи въ страхѣ,
отпустилъ его". Онъ поплылъ въ узахъ и спасъ корабль, воспре-
пятствовалъ бурѣ; когда онъ былъ узникомъ, на немъ повисла
ехидна, но онъ сбросилъ ее безъ всякаго вреда для себя. По-
добное повсюду случалось съ нимъ. Его подвергали бичеванію
и бичевали жестоко. „Давши ему, говорится, много ударовъ".
Онъ былъ ввергнутъ въ темницу,—и это съ новой жестокостью:
„ввергли его во внутреннее помѣщеніе темницы", и съ строгой
охраной. При такихъ обстоятельствахъ въ полночь, когда люди, 796
освободившіеся отъ всякихъ заботъ, спятъ, онъ воспѣвалъ и вос-
хвалялъ Бога. Что можетъ быть тверже этой души? Онъ думалъ,
что и отроки пѣли въ огнѣ и въ печи. Можетъ быть, онъ раз-
мышлялъ о томъ, что я ничего подобнаго не потерпѣлъ. Но
вотъ слово привело насъ снова къ другимъ узамъ и къ иной
темницѣ. Что со мною? Хочу молчать, и не могу. Я нашелъ
иную темницу, гораздо удивительнѣе и изумительнѣе, чѣмъ та.
И вы усильте вниманіе теперь, когда я начинаю слово, и при-
ступите къ нему съ напряженнымъ размышленіемъ. Я хочу окон-
чить слово, но не въ силахъ. Не могу остановиться, не могу мол-
чать; многое со всѣхъ сторонъ тѣснитъ меня,—я не знаю, что я
скажу сначала, что—потомъ. Поэтому, умоляю, пусть никто не
требуетъ отъ меня порядка, потому что предметы находятся между
собой въ близкой связи. Продолжительны были узы Павла и на-
долго задержали насъ, но я не буду молчать только поэтому. Если
онъ не молчалъ въ темницѣ, подъ плетьми, какъ могу молчать

я, сидя у себя днемъ, и имѣя возможность говорить съ великимъ спокойствіемъ. Какой смыслъ былъ бы въ этомъ? Кто не подивился бы этому? И еще болѣе, кто по достоинству не изумится и не удивится благородному и возвышенному духу Павла, когда онъ, заключенный въ темницу и въ узы, изъ такой дали написалъ посланіе филиппійцамъ? Вы знаете, какое разстояніе между Македоніей и Римомъ. Но ни долгій путь, ни продолжительность времени, ни множество дѣлъ, ни опасности и различныя бѣдствія,—и ничто другое не могло истребить любовь и память объ ученикахъ. Онъ всѣхъ ихъ держалъ въ своей мысли, и не такъ руки его были скованы цѣпями, какъ духъ связанъ и сокрушенъ тоскою по ученикамъ. И какъ царь, съ разсвѣтомъ взойдя на тронъ и сидя во дворцѣ, принимаетъ тотчасъ же тысячи писемъ, такъ и онъ, находясь въ темницѣ, какъ въ царскихъ палатахъ, непрерывно получалъ и отсылалъ гораздо больше писемъ,—(получалъ) именно отъ всѣхъ народовъ, обращавшихся по своимъ дѣламъ къ его мудрости. И такихъ дѣлъ онъ рѣшалъ настолько больше, чѣмъ всякій царь, насколько шире ему ввѣрена власть.

О, могущество Павлово! Онъ возложилъ на себя цѣпи, и низвергъ Нерона, облеченнаго въ діадему; надѣлъ убогое рубище, когда жилъ въ темницѣ, и всѣхъ приковалъ надѣтыми на него цѣпями больше всякаго пурпура; стоялъ на землѣ, закрывши свое лицо и потупивъ голову, но къ нему устремились, оставивъ сѣдящаго на золотой колесницѣ. И справедливо. Видѣть царя на блестящей колесницѣ—привычное зрѣлище. Но странно и неожиданно видѣть, какъ узникъ разговариваетъ съ царемъ съ такимъ дерзновеніемъ, съ какимъ царь говоритъ съ несчастнымъ и жалкимъ плѣнникомъ. Кругомъ стояло много народа, были всѣ царскіе рабы. Но они удивлялись не своему господину, а тому, кто побѣдилъ ихъ господина. Однако я незамѣтно сталъ хвалить льва за его когти, въ то время какъ слѣдуетъ хвалить его за
797 другое. За что же? За то, что онъ придетъ съ небеснымъ Царемъ въ блестящемъ одѣяніи, въ то время какъ Неронъ будетъ стоять жалкій и опозоренный. Если борецъ получаетъ такую честь, когда еще не настало время наградъ, то какъ же будетъ почтенъ онъ, когда придетъ судья? Онъ жилъ среди чужихъ, былъ гостемъ и пришельцемъ,—и однакоже является предметомъ такого удивленія! А когда онъ окажется среди своихъ,—какимъ благомъ онъ не будетъ пользоваться? Чему не будетъ причастенъ? Чего не получитъ? Никто изъ царей римскихъ не пользовался такой честью, какъ Павелъ. Вѣдь вотъ царь лежитъ гдѣ-нибудь внѣ города, поверженный; Павелъ же занимаетъ самую средину его,

царствуя и продолжая жить. Если даже тамъ, гдѣ его гнали и преслѣдовали, онъ имѣлъ такую честь, то что же будетъ, когда онъ снова придетъ? Если онъ былъ столь блестящимъ тамъ, гдѣ занимался дѣланіемъ палатокъ, то что будетъ, когда онъ придетъ, сіяя солнечными лучами? Если онъ въ своемъ ничтожествѣ превзошелъ такое величіе, то что будетъ, когда онъ снова придетъ? Вѣдь непозволительно уклоняться отъ затрудненій? Хотите, я покажу вамъ, какъ дѣлатель палатокъ сталъ выше по чести самаго удивительнаго изъ всѣхъ царей? Что можетъ быть славнѣе славой этого міра, чѣмъ Александръ? Что выше? Не совершилъ ли онъ при жизни много великихъ подвиговъ? Не покорилъ ли народы и города, не выигралъ ли много войнъ и битвъ, не воздвигъ ли побѣдные памятники? Не почтенъ ли онъ былъ какъ тринадцатый богъ въ римскомъ сенатѣ? Но нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что живой человѣкъ, будучи царемъ и владѣя войскомъ, ведетъ счастливыя войны и одерживаетъ побѣды. А вотъ послѣ смерти и погребенія совершать это, совершать повсюду, ежедневно, на сушѣ и на морѣ,—это поистинѣ заслуживаетъ самаго великаго уваженія. Гдѣ, скажи, могила Александра? Покажи ее мнѣ и назови день, когда онъ скончался? Врядъ ли ты сдѣлаешь это. А великолѣпную гробницу Павла можетъ видѣть всякій, если посѣтитъ царственный Римъ; и всякій знаетъ славный день смерти, когда бываетъ праздникъ цѣлой вселенной. Могила того, конечно, извѣстна близкимъ къ нему людямъ, но могилу этого знаютъ и варвары; такъ, гробница раба Христова стала славнѣе царскихъ палатъ. Одѣвающійся въ пурпуръ идетъ обнять гробницу его и, оставивши тщеславіе, начинаетъ умолять мертваго, чтобы онъ предстательствовалъ предъ Богомъ,—умоляетъ дѣлателя палатокъ, рыбака и умершаго тотъ, кто владѣетъ короной. И это можно видѣть не въ одномъ только Римѣ, но и въ Константинополѣ. И здѣсь сынъ Константина Великаго думалъ, что почтитъ его великимъ почетомъ, если поставитъ его у порога рыбака. Что въ царскихъ дворцахъ для царей—привратники, то въ могилѣ цари—для рыбаковъ. Одни на положеніи владѣтелей мѣста владѣютъ внутреннимъ помѣщеніемъ, другіе, какъ чужіе и сосѣди, охотно согласились бы, если бы имъ была открыта дверь во дворъ. Цари тамъ являются въ роли слугъ и помощниковъ, а подначальные пользуются честью царей. Если же здѣсь случается то, что выше природы, то насколько же больше будетъ въ будущемъ вѣкѣ? Кто теперь дастъ мнѣ возможность обнять тѣло Павла и поклониться его гробницѣ, видѣть прахъ тѣла его, съ которымъ онъ прошелъ по всей вселенной, 798
восполнивъ незаконченное Христомъ, на которомъ носилъ язвы,

въ которомъ сѣялъ повсюду проповѣдь? Видѣть прахъ устъ, чрезъ которыя говорилъ Христосъ, изъ которыхъ возсіялъ свѣтъ, превосходнѣйшій всякой молніи, и слышался голосъ, который для для демоновъ страшнѣе всякаго грома? Для насъ громъ не такъ страшенъ, какъ его голосъ для демоновъ. Если они трепетали предъ его одеждами, тѣмъ болѣе—предъ его голосомъ. Я хотѣлъ бы увидѣть прахъ этихъ устъ, чрезъ которыя Христосъ говорилъ великое и неизреченное и высшее, чѣмъ самъ отъ Себя; прахъ устъ, чрезъ которыя раздалось блаженное слово его, говорящее: *молилъ быхъ ся бо самъ азъ отлученъ быти отъ Христа по братіи моей* (Рим. IX, 3); уста, которыми онъ говорилъ предъ лицомъ царей и не былъ посрамленъ, отъ которыхъ убѣгали демоны и даже не только тогда, когда слышали голосъ его, но и тогда, когда онъ былъ вдали, которыми онъ преобразовывалъ все на землѣ и управлялъ, какъ хотѣлъ, всѣмъ на небѣ, связывая, кого хотѣлъ, и разрѣшая данной ему властью. Кто покажетъ мнѣ прахъ сердца Павлова, пламенѣющаго за всѣхъ погибающихъ и рождающаго во второй разъ извергнутыхъ дѣтей? Я хотѣлъ бы видѣть это сердце даже распавшееся,—оно превыше небесъ, шире вселенной, чище лучей солнца, горячѣе огня, крѣпче желѣза, оно живетъ больше новой жизнью, чѣмъ этой. *Живу же не ктому себѣ азъ, но живетъ во мнѣ Христосъ* (Гал. II, 20). Сердце Павлово было поистинѣ сердце Христово, вмѣстилище Духа Святаго и книга благодати; удостоенное возлюбить Христа, какъ не возлюбилъ никто другой; презрѣвшее смерть и геенну, сокрушенное братскими слезами: *что творите*, говоритъ, *плачуще и сокрушающе ми сердце* (Дѣян. XXI, 13)? Хотѣлъ бы я видѣть прахъ рукъ Павловыхъ, заключенныхъ въ узы, рукъ, возложеніемъ которыхъ ниспосылался Духъ, которыми онъ написалъ божественныя писанія: *видите, колицѣми книгами писахъ вамъ моею рукою* (Гал. VI, 11),—рукъ его, которыя увидѣвъ, ехидна упала въ огонь. Хотѣлъ бы я увидѣть прахъ очей, своевременно ослѣпленныхъ, взиравшихъ на спасеніе вселенной, удостоенныхъ видѣть Христа во плоти. Хотѣлъ бы я видѣть прахъ ногъ его, обошедшихъ безъ утомленія вселенную, забитыхъ въ колодки, въ то время когда онъ поколебалъ темницу, обошедшихъ вселенную и мѣста ненаселенныя. О чемъ же еще нужно частнѣе говорить? Хотѣлъ бы я видѣть его, льва духовнаго! Какъ левъ испускаетъ пламя изъ глазъ на стада лисицъ, такъ онъ обрушился на сонмы демоновъ и философовъ и, подобно удару молніи, ниспалъ на полчища дьявольскія. Дьяволъ не вступилъ съ нимъ въ бой, но такъ испугался и такъ задрожалъ предъ нимъ, что только издали видѣлъ его тѣнь и слышалъ голосъ, чтобы тотчасъ же убѣжать. Размы-

слите и вострепещите, какое удивительное зрѣлище увидитъ Римъ, когда Павелъ внезапно возстанетъ изъ гроба вмѣстѣ съ Петромъ 799
и будетъ взятъ въ срѣтеніе Христа; какой даръ пошлетъ Христу Римъ, въ какіе два вѣнка облечется, какими будетъ опоясанъ золотыми цѣпями. Не такъ блеститъ небо, когда солнце посылаетъ свои лучи, какъ городъ римлянъ, пославшій ко всей вселенной эти два свѣтильника. Какое же слово достойно подвиговъ Павла, или какой языкъ въ состояніи произнести приличную ему похвалу? Какое благородство ни явили пророки ли, или патріархи, или праведники, или апостолы, или мученики,— все это онъ имѣетъ, и при томъ въ такой высокой мѣрѣ, въ какой ни одинъ изъ тѣхъ людей не владѣетъ, что̀ ни есть прекраснаго у каждаго изъ нихъ. Итакъ, когда все, что есть въ людяхъ прекраснаго, заключаетъ въ себѣ одна душа, заключаетъ, при этомъ, въ возвышенной мѣрѣ, и не только то, что есть въ людяхъ, но и что есть въ ангелахъ,—какъ мы можемъ преувеличить его похвалы? Какого только презрѣнія не будемъ достойны мы, если, въ то время какъ одинъ человѣкъ собралъ въ себѣ всѣ добродѣтели, мы не станемъ подражать ему даже въ ничтожной мѣрѣ? Удивляются Аврааму за его многіе подвиги, особенно же за то, что онъ приноситъ въ жертву собственнаго сына. Исааку удивляются за то, что, изгнанный изъ своихъ предѣловъ, онъ не противился, но уступилъ вездѣ, во всемъ, чѣмъ онъ владѣлъ, пока не были удовлетворены несправедливыя желанія его обидчиковъ. Іакову удивляются за его твердость и терпѣливость, Давиду— за его кротость, Иліи—за то, что онъ возревновалъ о Владыкѣ. Но что можетъ сравниться съ Павломъ, который всѣмъ этимъ владѣетъ, и владѣетъ въ преизбыткѣ? Правда, онъ не приносилъ въ жертву сына, но самого себя приносилъ тысячи разъ. И изъ родныхъ предѣловъ его выгоняли не разъ, но онъ обошелъ, словно у него были крылья, и сушу, и море, Элладу и земли варваровъ,— однимъ словомъ, прошелъ всюду, гдѣ свѣтитъ солнце, прошелъ среди насилій, ударовъ, побіеній камнями, каждый день умирая. И не дважды семь лѣтъ служилъ онъ, сжигаемый зноемъ дня и холодомъ ночи, но провелъ всю жизнь въ голодѣ и наготѣ, въ оковахъ и темницѣ, среди козней и опасностей. А кто исполнилъ требованія справедливости и кротости болѣе, чѣмъ Павелъ, кто выполнилъ что-нибудь равное ему? Если же ты посмотришь на ревность его, ты увидишь, что онъ превосходитъ Илію настолько, насколько Илія превосходитъ остальныхъ пророковъ. Іоаннъ питался акридами и дикимъ медомъ. Павелъ же жилъ въ самомъ средоточіи вселенной, точно въ пустынѣ; онъ не ѣлъ акридъ и дикаго меда, но имѣлъ столъ гораздо проще, чѣмъ это,—у него

не было, по ревности къ проповѣди, даже необходимой пищи. Остается еще приравнять его къ ангеламъ. Пусть никто не подумаетъ, что это—дерзкое слово. Если Писаніе называетъ Іоанна ангеломъ, что же ты удивляешься, когда мы сопоставляемъ съ тѣми силами лучшаго изъ всѣхъ? Чѣмъ былъ когда-то человѣкъ, какое благородство присуще нашей природѣ, какою добродѣтелью надѣлено это живое существо,—это болѣе всѣхъ показалъ Па-
860 велъ. Теперь онъ сталъ тѣмъ, чѣмъ былъ, съ очевидностью отвѣчая отъ имени Владыки всѣмъ, кто нападаетъ на устройство наше, и показывая, что люди немногимъ отличаются отъ ангеловъ, если мы захотимъ быть внимательными къ самимъ себѣ. Имѣя не иную природу, получивъ въ удѣлъ не другую душу, обитая не въ иномъ мірѣ, но въ той же самой землѣ и странѣ, воспитанный въ одинаковыхъ законахъ и нравахъ, онъ превзошелъ всѣхъ людей, какіе только существовали. И какъ мертвецъ остался бы неизмѣненъ для мертваго, такъ онъ, тщательно успокаивая порывы природы, не поддался ни одной слабости, свойственной человѣку. Если Павелъ, украшенный столькими подвигами и являющійся, какъ ангелъ, на землѣ, каждый день старался сдѣлать пріобрѣтеніе, подвергнуться опасностямъ за истину, собрать себѣ духовное обогащеніе и никогда не останавливаться,—то какое оправданіе будемъ имѣть мы, не только совсѣмъ лишенные славныхъ подвиговъ, но и подверженные столькимъ порокамъ, изъ которыхъ даже одинъ присущій намъ достаточенъ, чтобы ввергнуть насъ въ бездну гибели,—мы, которые не прилагаемъ никакихъ усилій къ тому, чтобы исправить эти пороки и быть причастными дѣламъ добродѣтелей? Не одинаковую ли съ нами природу имѣлъ тотъ блаженный? Я горю любовью къ этому мужу и потому не перестану обращаться къ нему. Взирая какъ на нѣкоторый образецъ на его душу, я размышляю о суетѣ страстей, о превосходствѣ мужества, о горящей любви къ Богу. И я изумляюсь, какъ одинъ человѣкъ, пожелавши, исполнилъ весь сонмъ добродѣтелей, каждый же изъ насъ не хочетъ выполнить и самой простой изъ нихъ. Кто избавитъ насъ отъ неумолимаго наказанія, когда Павелъ, причастный намъ по природѣ, отданный во власть тѣхъ же страстей, бывшій въ такихъ затруднительныхъ обстоятельствахъ и ежедневно, такъ сказать, мучимый, терзаемый, влачимый всенародно тѣми, кто враждовалъ противъ его проповѣди,—несмотря на все это, явилъ такое величіе добродѣтели? Чтобы вы услышали не изъ нашихъ устъ о славныхъ его подвигахъ,—нужно выслушать собственное его слово. *О немже аще дерзаетъ кто, несмысленно глаголю, дерзаю и азъ* (2 Кор. XI, 21). Наблюдай душу боголюбивую. Онъ назы-

ваетъ дѣло не только смѣлостью, но даже безуміемъ,—научая насъ, если бы среди насъ нашлись люди, сдѣлавшіе что-нибудь доброе, не выставлять наши дѣла безъ всякой нужды, когда никто не принуждаетъ насъ къ этому. *Евреи ли суть? и азъ. Израилите лисуть? и азъ. Сѣмя Авраамлели суть? и азъ* (ст. 22). Не этимъ ли, говоритъ онъ, гордятся они? Пусть же они не думаютъ, что мы уступаемъ имъ, потому что и мы участники того же самаго. Потомъ прибавляетъ: *служителіе ли Христовы суть? не въ мудрости глаголю, паче азъ* (ст. 23). Посмотри здѣсь на добродѣтель души этого блаженнаго мужа. Послѣ того, какъ онъ назвалъ происшедшее смѣлостью и безуміемъ, онъ, поставленный въ необходимость, однако не остановился на томъ, что сказалъ: но когда хотѣлъ показать, что многимъ превосходитъ тѣхъ, онъ, 801
чтобы не подумали, что онъ говоритъ изъ-за самолюбія, снова называетъ сказанное имъ безуміемъ, говоря приблизительно слѣдующее: „неужели я не знаю, что дѣлаю дѣло, которое многимъ будетъ непріятно и которое для меня неприлично? Но необходимость, приведшая меня къ этому, заставляетъ меня. Поэтому, простите мнѣ, говоритъ онъ, что говорю слова безумія". Будемъ подражать хотя тѣни его мы, которые отягчены такимъ бременемъ грѣховъ и часто, даже если сдѣлаемъ какое-нибудь достойное дѣло, не хранимъ его въ сокровищницахъ ума, но гоняясь за славой предъ людьми, выставляемъ его на-показъ и этимъ безмѣрнымъ пустословіемъ лишаемъ себя воздаянія отъ Бога. А тотъ блаженный не допустилъ чего-либо подобнаго, но сказавъ: *паче азъ*, потомъ перечисляетъ свои подвиги и говоритъ: *въ трудѣхъ множае, въ ранахъ преболе, въ смертехъ многащи* (ст. 23). Что говоришь ты? Странны и неожиданны твои слова. Развѣ можно часто испытывать смерть? Да, говоритъ онъ, если не опытомъ, то въ мысли. Онъ хочетъ сказать намъ, что постоянно отдавалъ себя такимъ опасностямъ ради проповѣди, приносившей ему смерть. Но благодать Божія хранила бойца въ самой рединѣ опасностей, такъ что ученики получали отъ него великую пользу. То, что затѣмъ по порядку слѣдуетъ, какъ бы покрываетъ сказанное: *кто изнемогаетъ, и не изнемогаю? Кто соблазняется, и азъ не разжизаюся* (ст. 29)? Вотъ какая нѣжная любовь у этого мужа, какое бодрствованіе, какое попеченіе! У какой ма- 802
тери терзается такъ сердце, когда ея сынъ, больной лихорадкой, лежитъ на постели, какъ у того блаженнаго мужа? Онъ за изнемогающихъ въ каждомъ мѣстѣ самъ изнемогалъ еще болѣе, и за соблазняющихся еще болѣе воспламенялся. Посмотри также на выразительность словъ. Онъ не сказалъ: „кто соблазняется, за кого бы и я не огорчался?" но: *разжизаюся*, говоритъ, пока-

зывая намъ напряженность горя и заявляя, что онъ словно въ огнѣ, горитъ внутренно въ тѣхъ, кто соблазняется. Я сознаю, что слишкомъ растянулъ свое слово. Но я не знаю, какъ это случилось, что, когда я коснулся подвиговъ святого мужа, я былъ увлеченъ стремительностью языка, какъ какимъ-нибудь потокомъ быстро несущихся водъ. Поэтому, останавливая здѣсь свое слово, я умоляю любовь вашу постоянно держать его въ своей памяти и не переставая размышлять о томъ, что онъ былъ причастенъ намъ по природѣ и подверженъ одинаковымъ съ нами страстямъ. Занимаясь ремесломъ незначительнымъ и непочетнымъ, сшивая кожи и работая въ мастерской, онъ, послѣ того какъ рѣшилъ и восхотѣлъ отдать себя трудамъ добродѣтели и явить достойнымъ воспріятія Св. Духа, получилъ свыше величайшую честь. Да достигнемъ ея и мы всѣ благодатію и человѣколюбіемъ Господа нашего Іисуса Христа, Которому слава и держава со Отцемъ и Св. Духомъ, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

СЛОВО XXXI.

О смерти.

801 Духъ нашъ, возлюбленные, побуждаетъ насъ многое уразумѣть и многое знать, но болѣе всего—время кончины. Поэтому, Павелъ, обличая одержимыхъ этимъ неблаговременнымъ любопытствомъ, говоритъ: *а о лѣтѣхъ и о временѣхъ, братіе, не требѣ есть вамъ писати* (Сол. v, 1). Да и какая, скажи мнѣ, отъ этого польза? Если мы скажемъ, что кончина послѣдуетъ послѣ двадцати, тридцати, послѣ ста лѣтъ,—что для насъ въ этомъ? Для каждаго изъ насъ собственная его кончина не есть ли предѣлъ его жизни? Что же хлопочешь и безпокоишься объ общей кончинѣ? Но какъ въ другихъ случаяхъ, оставивши собственныя дѣла, мы заботимся объ общихъ дѣлахъ, и о всемъ печемся болѣе, чѣмъ о своемъ, такъ и здѣсь, оставляя каждый попеченіе о своемъ концѣ, мы желаемъ получить наученіе объ общей кончинѣ. Если вы хотите узнать, почему конецъ скрытъ отъ насъ, и почему онъ придетъ, какъ тать въ нощи, я скажу: по моему разумѣнію, это—благо. Никто, если бы зналъ свой послѣдній конецъ, не сталъ бы заботиться о добродѣтели въ теченіе цѣлой жизни; но, зная послѣдній свой день, всякій умиралъ бы, совершивши напередъ безчисленныя преступленія и только тогда уже пришедши

къ раскаянію. Если и теперь, когда страхъ предъ неизвѣстностью заставляетъ содрогаться души всѣхъ, они всѣ все-таки въ злѣ проводятъ всю прежнюю жизнь и только при послѣднихъ вздо- 802
хахъ предаются раскаянію, то сталъ ли бы кто-нибудь заботиться о добродѣтели въ томъ случаѣ, когда они имѣли бы достовѣрное знаніе о концѣ? Затѣмъ, если бы каждый зналъ, что завтра онъ обязательно умретъ, онъ не имѣлъ бы никакихъ побужденій сдерживаться передъ этимъ днемъ, но онъ убивалъ бы, кого хотѣлъ; мстя своимъ врагамъ, примирялся бы снова съ собою и принималъ бы кончину, напередъ успокоивши свою душу. Кромѣ того, и сами доблестные мужи, готовые на все, несмотря на несчастія, не имѣли бы награды, потому что они были бы мужественны, но не предъ лицомъ смерти: вѣдь и самый лѣнивый человѣкъ пошелъ бы въ огонь, если бы нашелъ достовѣрнаго поручителя своей безопасности. Кто думаетъ, что онъ погибнетъ отъ какой-либо опасности, и напротивъ увѣренъ, что останется живъ, если не станетъ рисковать,—если онъ, рѣшившись на это приметъ смерть,—такой человѣкъ явитъ величайшее доказательство своей ревности и презрѣнія къ здѣшней жизни. Изслѣдующій сущее и устремляющійся къ надеждамъ будущаго не будетъ смерть считать за смерть; и, видя умершаго, лежащаго предъ глазами, не будетъ, подобно толпѣ, страдать, размышляя о воздаяніи. И какъ земледѣлецъ, видя разбрасываемый хлѣбъ, не падаетъ духомъ и не приходитъ въ печаль, такъ и праведникъ, украшенный добродѣтелями и ежедневно ожидающій царствія, когда увидитъ смерть, лежащую предъ его глазами,—не тревожится, какъ толпа, не трепещетъ и не возмущается, потому что знаетъ, что 803
смерть для жившихъ праведно есть перемѣна на лучшее, удаленіе къ болѣе превосходному, устремленіе къ воздаянію. Поэтому, есть могилы предъ городами, могилы предъ полями; и повсюду предлагается наученіе нашему смиренію, чтобы мы постоянно помнили о собственной слабости. Какъ кто-либо, спѣша войти въ царственный городъ, украшенный богатствомъ, могуществомъ и иными достоинствами, прежде чѣмъ онъ увидитъ то, что онъ воображаетъ, видитъ сначала, что̀ есть, такъ и мы научаемся сначала тому, во что мы обратимся, и только потомъ научаемся видѣть внутренніе образы. И не только это, но часто бываетъ также, что мужъ, когда хочетъ взять жену, поступаетъ по закону, пишетъ обязательство, касающееся приданаго,—и тутъ же, хотя брачный союзъ еще не заключенъ, вписывается о смерти. Онъ еще не жилъ съ женою, но рѣшенію смерти противъ него и противъ нея онъ уже напередъ подчиняется и пишетъ слѣдующее: если умретъ мужъ прежде жены; если жена умретъ

прежде мужа, то будетъ то-то и то-то. И не только о существующемъ и о живомъ принимаются во вниманіе рѣшенія смерти, но также и о томъ, что еще не явилось на свѣтъ. Въ самомъ дѣлѣ, что это значитъ: если „рожденное“ дитя умретъ? Еще нѣтъ плода, а рѣшеніе принято. Затѣмъ кто-нибудь изучаетъ природу по табличкамъ; но вотъ ему пришлось испытать что-нибудь, что случается съ человѣкомъ, или у него умерла жена,—онъ забываетъ, что написалъ и начинаетъ выкликать вотъ эти и другія трагическія слова: „вотъ что, говоритъ онъ, довелось испытать мнѣ! Думалъ ли я, что это случится со мной, и я лишусь супруги?“ Что говоришь ты? Ты былъ внѣ несчастій,—и тогда зналъ предѣлы природы; а когда впалъ въ несчастье, ты позабылъ о ея законахъ? Итакъ, когда видишь кого-нибудь изъ близкихъ уходящимъ отсюда, не негодуй, приди въ себя, изслѣдуй совѣсть, смотри: немного спустя и тебѣ предстоитъ та же участь. Но умершій, говорятъ, истлѣваетъ, становится прахомъ и пепломъ. Вотъ именно этому-то слѣдуетъ особенно радоваться. Вѣдь когда кто-нибудь намѣревается перестроить старый, пришедшій въ ветхость домъ, онъ сначала выселяетъ живущихъ въ немъ и уже потомъ строитъ болѣе великолѣпный. И это не огорчаетъ выселенныхъ, а напротивъ радуетъ, потому что они обращаютъ вниманіе не на видимое разрушеніе, но представляютъ себѣ въ воображеніи будущее строеніе, котораго еще не видятъ. Совершенно то же самое и въ дѣйствіяхъ Божіихъ: имѣя разрушить наше тѣло, Онъ прежде изводитъ обитающую въ немъ душу, какъ изъ жилища, чтобы, построивши болѣе великолѣпное, снова ввести ее въ него съ большею славою. И Адамъ при твореніи не видѣлъ, что онъ взятъ отъ земли. Богъ сотворилъ душу не прежде тѣла, чтобы онъ не видѣлъ творенія, а потому не зналъ и о своемъ ничтожествѣ; но когда онъ возстанетъ въ воскресеніе, онъ конечно узнаетъ, что возстаетъ освобождаясь отъ праха. Если мертвый и не видитъ себя, онъ видѣлъ ставшаго прахомъ прежде него и видѣніемъ научается. Не видѣлъ ли ты мужей смѣлыхъ и гордыхъ, какъ они въ смерти были унижены? Возвѣщается смерть, и сердце всѣхъ трепещетъ. Вблизи памятниковъ мы философствуемъ о томъ, что съ нами будетъ, и пустословимъ; но едва вышли изъ гробницъ, какъ уже забыли объ униженіи. Въ гробницѣ каждый обращается къ своему сосѣду съ такими вос-
804 клицаніями: о, бѣдствіе! о, жалкая жизнь наша! что будетъ съ нами! Но что же это мы издаемъ восклицанія, а продолжаемъ грабить и злопамятствовать? И каждый разсуждаетъ съ такимъ видомъ, какъ будто тотчасъ же намѣренъ отказаться отъ всѣхъ пороковъ, но разсуждаетъ только въ своихъ внутреннихъ раз-

мышленіяхъ, внѣшними же дѣлами онъ противится Богу. Но возвратимся къ предмету. Почему, скажи мнѣ, ты плачешь такъ объ умершемъ? Что онъ былъ дуренъ? Но тутъ слѣдуетъ благодарить, потому что пресѣчены пороки его. Онъ былъ щедръ и разуменъ? Но и въ этомъ случаѣ слѣдуетъ благодарить за то, что онъ скоро взятъ, и прежде чѣмъ зло измѣнило его разумъ. Но онъ былъ молодъ? И за это возблагодари и прославь Взявшаго. Какъ призванныхъ къ власти многіе провожаютъ съ молитвами, такъ и умершихъ святыхъ, какъ призванныхъ къ большей чести, слѣдуетъ провожать съ усиленными моленіями. Я конечно не хочу сказать, что вы не должны скорбѣть по умершимъ, но не слѣдуетъ дѣлать это неумѣренно. Если мы будемъ думать, что умершій мертвъ, и что Богъ оставилъ его, мы не получимъ достаточнаго утѣшенія. Негодовать на это есть свойство тѣхъ, кто ищетъ отъ природы того, что выше ея. Человѣкъ рожденъ и смертенъ: итакъ, что же скорбишь о совершившемся сообразно съ природой? Вѣдь ты не скорбишь, что питаешься, принимая пищу? Не стремишься жить безъ питанія? Такъ и относительно смерти: не ищи безсмертія, родившись смертнымъ. Это однажды опредѣлено и узаконено. Но когда Богъ призываетъ и хочетъ нѣчто взять отъ насъ, не станемъ, какъ неблагодарные рабы, покидать Владычняго. Если бы Онъ взялъ деньги, честь и славу, тѣло, самую даже душу, Онъ взялъ бы свое: если бы Онъ взялъ твоего сына,—не сына твоего, но раба Своего Онъ взялъ бы. Если мы сами не принадлежимъ себѣ, какъ можетъ быть нашимъ то, что есть Его? Если душа не твоя, какъ могутъ быть твоими деньги? Если же онѣ не твои, какъ ты тратишь на недолжное то, что не принадлежитъ тебѣ? Не говори, что трачу мое и отъ моего роскошничаю. Не отъ твоего, но отъ чужого. Говорю: отъ чужого,—ты самъ такъ хочешь,—потому что Богу угодно, чтобы твоимъ было то, что довѣрено тебѣ отъ имени бѣдныхъ. Чужое бываетъ твоимъ, если ты тратишь это на нихъ; если же ты тратишь на себя, тогда твое становится чужимъ. Развѣ ты не видишь, что въ нашемъ тѣлѣ руки служатъ, ротъ растираетъ пищу, желудокъ принимаетъ ее? Вѣдь не говоритъ же желудокъ: такъ какъ я принялъ, я долженъ все удержать? То же самое и глазъ: хотя имъ принимается весь свѣтъ, но развѣ онъ одинъ удерживаетъ его на этомъ основаніи, развѣ не даетъ свѣтъ и всему тѣлу? И ходятъ однѣ ноги, но развѣ онѣ переставляютъ только себя? Развѣ ими не переставляется и все тѣло? Каждый изъ тѣхъ, кто имѣетъ какое-либо необходимое дѣло, если бы онъ не захотѣлъ передать другому отъ своего искусства что-либо полезное, онъ погубилъ бы не только другихъ, но также и себя. Если бы

бѣдные стали мстить за вашу порочность, свойственную людямъ
скупымъ и богатымъ, они скоро сдѣлали бы васъ бѣдняками,
если бы тѣ не захотѣли подѣлиться своимъ съ нуждающимися.
Но я, говоритъ, потерялъ сына своего единственнаго, воспитан-
наго среди большого богатства, подававшаго прекрасныя надежды,
805 сына, который долженъ бы быть моимъ преемникомъ по наслѣдію.
Такъ что же? Не испускай стоновъ, но возблагодари Бога, и про-
славь Отнявшаго,—и это будетъ нисколько не ниже Авраама: какъ
тотъ отдалъ сына по повелѣнію Божію, такъ и ты не сѣтовалъ,
когда Богъ взялъ его. Если ты, видя твоего сына умершимъ,
возблагодаришь Бога, то получишь награду не меньшую, чѣмъ
тотъ, кто привелъ сына своего и отдалъ его какъ жертву. И если
ты остановишь рыданія и сѣтованія, и всѣхъ станешь побуждать
къ славословію, ты получишь безчисленныя награды и свыше,
и отъ земли: люди будутъ удивляться тебѣ, ангелы рукоплескать,
Богъ награждать. Но какъ можно, скажетъ кто-либо, не плакать
о томъ, отъ кого я уже не услышу болѣе имя „отецъ". Что̀
говоришь ты? Развѣ ты потерялъ дитя, лишился сына? Нѣтъ, ты
только пріобрѣлъ его и крѣпче овладѣлъ имъ. И имени отца ты
не утратилъ, но получилъ право на лучшее имя, потому что на
будущее время ты получишь имя отца не отъ смертнаго сына,
но отъ безсмертнаго. Хоть сына и нѣтъ, ты не думай, что поте-
рялъ его; но будто отлучившись въ путешествіе, онъ даже по
родству не оставилъ тебя вмѣстѣ съ тѣломъ. Онъ есть не дитя,
лежащее предъ тобой, но тотъ, который разлучился и вознесся
къ небу. Итакъ, когда видишь глаза закрытые и уста сомкнутыя
и тѣло недвижимое, ты думай не о томъ, что вотъ эти уста уже
не издаютъ звука, эти глаза не видятъ, эти ноги не ходятъ; но
думай о томъ, что уста эти будутъ говорить лучшее, глаза уви-
дятъ большее, ноги будутъ вознесены на облакахъ, и что тлѣнное
это тѣло облечется въ безсмертіе, и что ты получишь превосход-
нѣйшаго сына. Вспомни патріарха Авраама, который не видѣлъ
Исаака умершимъ, но, что̀ гораздо тяжелѣе и мучительнѣе, по-
лучилъ приказаніе самому принести его въ жертву. Однако онъ
не противился приказанію, не рыдалъ и не восклицалъ чего-ни-
будь въ родѣ слѣдующаго: развѣ для того Ты сдѣлалъ меня
отцомъ, чтобы стать мнѣ убійцей сына? Лучше было бы совсѣмъ
не давать его, чѣмъ давши, взять его такъ обратно. Ты хочешь
взять? Но для чего приказываешь мнѣ убить его, мнѣ осквер-
нить собственную мою десницу? Не чрезъ этого ли сына Ты обѣ-
щалъ мнѣ наполнить потомствомъ вселенную? Какъ Ты дашь
плоды, вырывая корень? Кто видѣлъ, кто слышалъ подобное?
Я ошибся, обманутъ! Ничего подобнаго онъ не говорилъ, не ду-

малъ, не противился Повелѣвшему, не требовалъ доводовъ, но
услышавши: *поими сына твоего, возлюбленнаго твоего, егоже возлю-
билъ еси, Исаака, и вознеси ми его во всесожженіе, на единой изъ
горъ, ихже ти рѣку* (Быт. XXII, 2), — исполнилъ повелѣніе съ
такою ревностью, что сдѣлалъ даже больше, чѣмъ было прика-
зано. Онъ скрылъ это отъ жены и утаилъ отъ рабовъ, оставивъ
ихъ ждать внизу горы. Теперь подумай только, каково ему было
разговаривать съ сыномъ наединѣ, когда никого другого не было,
и сердце оттого разгоралось еще сильнѣе, и любовь дѣлалась
пламеннѣе? Какое слово можетъ достаточно выразить это? Онъ
повелъ мальчика на гору, связалъ ему ноги, положилъ на дрова
и поднялъ ножъ, готовясь нанести ударъ. Не знаю, какъ разска-
зать это, въ какихъ словахъ. Зналъ одинъ онъ, сдѣлавшій это.
Никакими словами нельзя выразить это. Какъ не отнялась у него
рука? Какъ нервы выдержали напряженіе? Какъ не удержалъ
его видъ мальчика, исполненнаго тоски? Было дано здѣсь уви- 806
дѣть все вмѣстѣ,—какъ отецъ сталъ священникомъ, какъ жертва
принесена безъ крови, всесожженіе совершилось безъ огня. Онъ
и закололъ сына и не закололъ его; не закололъ рукой, но за-
кололъ въ намѣреніи, чтобы этимъ научить всѣхъ на будущее
время тому, что слѣдуетъ чтить повелѣнія Божіи выше и дѣтей,
и природы, всего сущаго и даже выше самой души. Вообрази
доблесть человѣка, когда онъ получилъ приказаніе заколоть
сына своего единороднаго, даннаго ему сверхъ всякихъ ожи-
даній,—сколько поднялось въ немъ размышленій! Но онъ всѣ
подчинилъ ихъ, всѣ они были предъ нимъ въ трепетѣ, болѣе
чѣмъ копьеносцы—предъ царемъ. Однимъ взглядомъ онъ усми-
рилъ ихъ, и ни одно изъ нихъ не осмѣлилось подать свой го-
лосъ, но всѣ они были въ такомъ согласіи, что скорѣе укра-
шали самого Авраама, чѣмъ внушали ему страхъ. Посмотри еще
на его твердость. Природа своимъ оружіемъ клонила его къ
землѣ, но онъ стоялъ, воздвигнувъ руку, въ ней былъ не вѣ-
нокъ, а ножъ, который лучше всякаго вѣнка. Сонмы ангеловъ
привѣтствовали его, и Богъ объявилъ съ неба о его торжествѣ.
Можетъ ли быть что-нибудь, равное этому трофею? Если бы, послѣ
побѣды атлета, не вѣстникъ снизу, но царь сверху объявилъ
его побѣдителемъ на олимпійскихъ играхъ, развѣ онъ не думалъ
бы, что это драгоцѣннѣе вѣнковъ? И развѣ это не приковало бы
вниманіе всего театра? Когда же не царь-человѣкъ, а самъ Богъ,
и не въ театрѣ, а предъ вселенной, при сонмахъ ангеловъ и
архангеловъ, объявляетъ его побѣдителемъ, возглашая это свыше
громкимъ голосомъ,—гдѣ, скажи мнѣ, помѣстимъ такого свя-
того? Если родителямъ нелегко высказать пренебреженіе даже

къ дурнымъ дѣтямъ, но они и такихъ жалѣютъ,—то можно ли бояться преувеличеній краснорѣчія въ такомъ случаѣ, когда сынъ былъ кровный, единственный, возлюбленный, и когда онъ долженъ былъ принять закланіе отъ самого отца? О, блаженная десница, какого она сподобилась меча! О, мечъ достохвальный, какой десницы онъ удостоенъ! О, мечъ достохвальный, на какое употребленіе онъ былъ приготовленъ, и какое служеніе принялъ, какому образу послужилъ, какъ, обагренный кровью, не былъ однако обагренъ ею! Поистинѣ не знаю, что говорю,—такъ удивительно было зрѣлище! Онъ не коснулся шеи отрока и не прошелъ по гортани святого, не обагрился кровью праведнаго, но онъ болѣе, чѣмъ коснулся, прошелъ, обагрился; орошенный кровью не былъ омоченъ ею.

Можетъ быть вы думаете, что я внѣ себя говорю такія противорѣчія; правда, я внѣ себя, когда воображаю удивительное зрѣлище праведника, но я не высказываю противорѣчій. Рука праведнаго вонзила ножъ въ гортань отрока, но рука Божія не допустила ей, готовой нанести ударъ, оскверниться кровью отрока. Поистинѣ не только Авраамъ держалъ ножъ, но и самъ Богъ. Богъ въ мысляхъ Авраама побуждалъ его, но удержалъ его чрезъ слово. Смотри же, Онъ сказалъ: заколи, и Авраамъ тотчасъ приготовляетъ ножъ; сказалъ: не закалай, и онъ съ такою же поспѣшностью опускаетъ ножъ. Онъ почиталъ за лучшее вовсе не называться отцомъ, чтобы только явить себя рабомъ вѣрнымъ. И такъ какъ онъ отказался отъ своего ради Бога, то поэтому и Богъ, возвращая принадлежащее ему, сверхъ того оказалъ ему милость Свою. По мѣрѣ ревности было также и повелѣніе. Ты не говори того, что онъ только построилъ жертвенникъ и возло-
807 жилъ дрова, но вспомни также голосъ отрока; подумай о томъ, какой вихрь мыслей захватилъ его, какъ онѣ словно огненныя копья вонзались и терзали его, въ то время, когда онъ слышалъ слова отрока: отецъ, гдѣ же агнецъ (Быт. XXII, 7)? Если многіе, даже теперь и не будучи родителями, не въ силахъ выдержать это, что же долженъ былъ испытать онъ? Онъ, который родилъ и воспиталъ отрока, получилъ его въ старости, и только его единственнаго; который видѣлъ его, слушалъ, а вскорѣ намѣревался заколоть? Но во всемъ этомъ ничто не поколебало этого адаманта и не сокрушило его. Онъ не говорилъ: что ты называешь отцомъ того, кто немного спустя уже не будетъ твоимъ отцомъ, кто утратитъ эту честь? Но что онъ сказалъ? Богъ *узритъ Себѣ овча во всесожженіе, чадо* (Быт. XXII, 8). Оба называютъ другъ друга природными именами,—тотъ говоритъ: „отецъ“, этотъ— „сынъ“. Съ обѣихъ сторонъ начиналась трудная борьба; пред-

стояла великая буря, но нигдѣ не было кораблекрушенія. Исаакъ же, послѣ того какъ услышалъ о Богѣ, ничего не сказалъ болѣе и не предлагалъ еще вопросовъ: такъ мудро было дитя въ такихъ молодыхъ лѣтахъ! Неужели всѣ вы не возгорѣлись духомъ? Неужели каждый изъ васъ мысленно не обнимаетъ отрока, не любитъ его, не удивляется его разумѣнію, не отдаетъ должнаго его чистотѣ? Даже связанный и положенный на дрова, онъ не пришелъ въ изступленіе отъ ужаса, не пытался спрыгнуть, не поносилъ отца какъ безумнаго, но былъ связанъ, вознесенъ, возложенъ и все переносилъ въ молчаніи, какъ нѣкій агнецъ, даже болѣе, какъ общій всѣмъ Владыка, Которому онъ уподобился кротостью и Котораго былъ образомъ: *яко овча на заколеніе ведеся, и яко агнецъ, предъ стригущимъ его безгласенъ* (Иса. LIII, 7). Пусть не говорятъ мнѣ, что Авраамъ не скорбѣлъ и не испыталъ свойственнаго родителямъ чувства; желая изобразить его философомъ свыше мѣры, пусть не лишаютъ его вѣнца похвалы. Если мы, увидя неожиданно на площади людей, которыхъ ведутъ на смерть, приходимъ въ уныніе, скорбимъ, а часто даже плачемъ, хотя бы люди эти отдавались порокамъ и долгое время вели такую жизнь, хотя бы они были незнакомы съ нами, и мы никогда не видѣли ихъ, то какъ же не испыталъ скорби, которая тяжелѣе всякаго наказанія и страданія, тотъ, кто получилъ приказаніе убить своими руками и принести во всесожженіе собственнаго сына, кровнаго, единственнаго, рожденнаго вопреки ожиданіямъ, послѣ того какъ прошло столько времени, въ глубокой старости и уже выросшаго? Если бы это былъ камень, желѣзо, самъ адамантъ,—не подался ли бы и онъ, не былъ ли бы тронутъ видомъ отрока, разумностью его словъ, чистотою его души? Онъ услышалъ, что *Богъ узритъ Себѣ овча во всесожженіе, чадо* (Быт. XXII, 8),—и болѣе не распрашивалъ; онъ видѣлъ, какъ отецъ связываетъ его, и не противился; онъ былъ возложенъ на дрова и не соскочилъ; онъ видѣлъ ножъ, занесенный надъ нимъ, и не пришелъ въ ужасъ. Что можетъ быть чище этой души? Итакъ, осмѣлятся ли еще сказать, что все это не причинило Аврааму никакихъ страданій? Если бы кто-нибудь намѣревался убить своего врага, непріятеля; если бы это былъ даже звѣрь,—неужели онъ сдѣлалъ бы это безъ скорби? Нѣтъ, нѣтъ. Поэтому, прошу тебя и умоляю: если ты потерялъ сына или дочь, не плачь такъ непристойно и не терзай себя, но подумай, что Авраамъ закололъ собственнаго сына и не плакалъ, не сказалъ горькаго слова. И Іовъ скорбѣлъ, сколько слѣдуетъ скорбѣть отцу, любящему дѣтей. Но то, что мы 808
дѣлаемъ теперь, есть скорѣе дѣло недруговъ и противниковъ. Если бы ты сталъ скорбѣть и плакать въ то время когда кого-

нибудь взяли во дворецъ и тамъ стали вѣнчать на царство, я назвалъ бы тебя не другомъ вѣнчаннаго, но недругомъ и противникомъ. Но я не знаю, скажешь ты, куда онъ ушелъ? Почему же не знаешь, скажи мнѣ? Хорошо ли онъ жилъ, или худо, ясно, куда онъ пойдетъ. Я потому, скажутъ, скорблю, что онъ ушелъ изъ жизни грѣшникомъ. Но и въ этомъ случаѣ слѣдуетъ радоваться тому, что пресѣчены грѣхи, и онъ еще не увеличилъ ихъ; помогать же ему, насколько помощь возможна, слѣдуетъ не слезами, но молитвами, умилостивленіями, милостынями и приношеніями, потому что не напрасно это придумано, и не всуе предстоящій предъ алтаремъ, при совершеніи страшныхъ таинствъ, восклицаетъ: за всѣхъ, принявшихъ во Христѣ успокоеніе, и за тѣхъ, кто творитъ память о нихъ,—это совершается по установленію Св. Духа. Вѣдь, если дѣтей Іова очистила жертва отца, что же удивительнаго, если умершимъ будетъ дано нѣкоторое успокоеніе, когда мы дѣлаемъ за нихъ приношенія? Итакъ, не будемъ безразсудно оплакивать умершихъ, но будемъ плакать о тѣхъ изъ нихъ, кто скончался въ богатствѣ и не съумѣлъ получить отъ богатства ничего, облегчающаго судьбу души ихъ; о тѣхъ, кто имѣлъ возможность очиститься отъ грѣховъ и не захотѣлъ воспользоваться этимъ. Будемъ плакать объ этихъ людяхъ, каждый наединѣ и всѣ вмѣстѣ, и не одинъ день, не два, а всю нашу жизнь, и поможемъ имъ по мѣрѣ силъ. Придумаемъ помочь имъ чѣмъ-нибудь; хоть немного, но поможемъ. Какъ и какими способами? Молясь сами, убѣждая другихъ творить молитвы за нихъ, постоянно подавая за нихъ милостыню бѣднымъ. Какую цѣну имѣетъ это дѣло? Послушай, что говоритъ Богъ: „Я буду охранять городъ сей ради Себя и ради Давида, раба Моего“ (4 Цар. xix, 34). Но если одна память о праведномъ имѣетъ такое значеніе, какую же цѣну будетъ имѣть то, когда ради него будутъ совершены и дѣла? Не напрасно узаконили апостолы творить память объ умершихъ при совершеніи страшныхъ таинствъ. Они знали, что умершимъ будетъ великая выгода, что они получатъ отъ этого много пользы. Когда весь народъ стоитъ, простирая руки, и сонмъ священниковъ съ ними; когда предлежитъ страшная жертва,—какъ мы можемъ не умилостивить Бога, молясь за тѣхъ людей? Но это мы говоримъ о тѣхъ людяхъ, кто принялъ смерть въ вѣрѣ; оглашаемые же недостойны воспринять это утѣшеніе, они лишены всякой подобной помощи, кромѣ одного средства помочь имъ. Какого же? Можно неустанно подавать за нихъ бѣднымъ, и это дастъ имъ нѣкоторое успокоеніе. Такимъ образомъ не смерть есть зло, но смерть во грѣхахъ. Не хотите ли вы, чтобы я сказалъ любви вашей, откуда въ насъ

страхъ смерти? Любовь къ царству небесному не поразила насъ, желаніе будущихъ наградъ не возгорѣлось въ насъ,—потому что мы презрѣли бы тогда все настоящее. Тотъ, кто всегда боится геенны, не будетъ бояться смерти. Дозвольте мнѣ, братья, благовременно сказать вамъ: не будьте дѣтьми по уму, но умальте себя во злѣ. Малыя дѣти боятся маски, но не боятся огня, и, если ихъ случайно поднесутъ къ зажженному свѣтильнику, они неосторожно протягиваютъ руку къ свѣтильнику и къ огню: боятся пустой маски и не боятся дѣйствительно страшнаго огня. Хочешь ли я скажу и другую причину, почему мы боимся смерти? Мы не ведемъ строгой жизни, въ насъ нѣтъ доброй совѣсти. Если бы это было, ничто насъ не испугало бы, ни смерть, ни потери въ имуществѣ, ничто подобное. Дай мнѣ увѣренность въ томъ, что я получу царство небесное,—да тогда заколи меня, если хочешь, хоть сегодня: я буду благодаренъ тебѣ за это, потому что ты ускоряешь для меня наслажденіе тѣми благами. Но я боюсь, скажетъ кто-нибудь, умереть несправедливой смертью? Что говоришь ты, скажи мнѣ? Ты боишься несправедливой смерти, а справедливой хочешь? Но кто же этотъ несчастный и жалкій человѣкъ, что предпочитаетъ справедливую смерть, когда можно умереть несправедливо? Если слѣдуетъ бояться смерти, то конечно такой, которая постигаетъ насъ по заслугамъ, потому что принявшій несправедливую смерть чрезъ это самое вступаетъ въ общеніе со всѣми святыми. Большинство изъ тѣхъ, кто угодны Богу, приняли несправедливую кончину,—и первый Авель. Онъ не погрѣшилъ противъ Каина, не оскорбилъ его, но былъ убитъ за то, что чтилъ Бога. Богъ же дозволилъ это—любя его, или ненавидя? Очевидно дозволилъ потому, что любилъ и восхотѣлъ сотворить ему бо́льшую награду за это неправедное убійство. Не видишь ли отсюда, что слѣдуетъ бояться не несправедливой смерти, а того, чтобы умереть въ грѣхахъ? Авель умеръ несправедливо, Каинъ жилъ стеная и трепеща. Кто же, скажи мнѣ, блаженнѣе? Тотъ, кто получилъ праведное успокоеніе, или живущій во грѣхахъ? Умершій несправедливо, или тотъ, кто получилъ праведное наказаніе? Что, скажи мнѣ, преступнѣе убійства? Однако, сдѣлавшій его нѣкогда могъ явить правду. Выслушай, какъ это случилось. Нѣкогда мадіанитяне, желая навлечь на іудеевъ гнѣвъ Божій и надѣясь восторжествовать надъ ними чрезъ то, что лишатъ ихъ благоволенія Владыки, нарядили дѣвушекъ въ нарядныя одежды и, поставивши въ виду войска, обольстили іудеевъ, введя ихъ въ непотребство. Увидѣвши это, Финеесъ выхватилъ мечъ и поразилъ двухъ осквернившихъ себя,—обоихъ онъ убилъ при самомъ грѣхѣ ихъ,—убилъ не потому, что ненавидѣлъ умерщвлен-

ныхъ, но чтобы не погибли другіе. Убійство совершилось, но
послѣдовалъ счастливый конецъ—спасеніе всѣхъ погибающихъ:
убилъ двухъ, а спасъ неисчислимое множество. И какъ врачи,
отсѣкая сгнившіе члены, спасаютъ все тѣло, такъ и онъ сдѣ-
лалъ, и это было вмѣнено ему въ правду. Итакъ не будемъ
безразсудно оплакивать умершихъ; будемъ плакать о тѣхъ, кто
умеръ во грѣхахъ: эти достойны плача, воплей и слезъ. Какая
надежда, скажи мнѣ, остается тому, кто ушелъ во грѣхахъ туда,
гдѣ нельзя сложить съ себя грѣхи свои? Пока они были здѣсь,
была можетъ быть великая надежда, что они покаются и испра-
вятся. Но послѣ того какъ они сошли въ адъ, гдѣ нельзя пріо-
брѣсть что-нибудь покаяніемъ [*во адѣ*, говорится, *кто исповѣстся
Тебѣ* (Псал. VI, 6)?], не достойны ли они слезъ? Итакъ будемъ пла-
кать объ умирающихъ такъ,—я не препятствую. Будемъ плакать,
но не безчинно,—не рвя на себѣ волосъ, не обнажая плечъ, не
царапая лицо, но съ тихой душой источая необильныя слезы.
Это принесетъ намъ пользу, потому что оплакивающій такъ умер-
шаго самъ гораздо лучше позаботится, чтобы съ нимъ не слу-
чилось того же самаго. И еще когда ты видишь такую картину:
несутъ по улицѣ мертваго, за нимъ идутъ осиротѣвшіе дѣти,
жена—вдова рыдаетъ, слуги плачутъ, друзья печальны, — тогда
810 вспомни о суетности всего существующаго и о томъ, что оно
ничѣмъ не разнится отъ тѣни и сновидѣній. Подумай о двор-
цахъ великихъ и славныхъ людей и о томъ, какъ теперь они
срыты до основанія; вообрази, какъ эти люди были сильны, а
теперь исчезла даже самая память о нихъ. *Мнози мучители сѣ-
доша на земли, нечаемый же увязеся вѣнцемъ* (І. Сир. XI, 5). Тебѣ
недостаточно этого? Подумай тогда о томъ, что можетъ случиться
съ тобой еще раньше смерти, въ то время когда ты спишь: не
въ силахъ ли тогда убить тебя даже незначительный звѣрь? Со
многими часто случалось, что небольшой звѣрокъ, упавшій съ
крыши, повредитъ глазъ или причинитъ какую-нибудь другую
опасность. Поразмысли объ этомъ и не удивляйся блестящей
внѣшности людей, не дивись на самодовольно закинутую го-
лову, на щегольское платье, на коней и слугъ. Подумай о
томъ, чѣмъ все это кончится. Если ты дивишься видимому, я
покажу тебѣ въ живописи гораздо лучше этого. Но какъ мы не
удивляемся, въ то время когда видимъ существо того, что
изображено въ живописи, потому что оно—одна грязь, такъ и то.
И то—тоже грязь, или лучше: оно таково, прежде чѣмъ разру-
шиться и превратиться въ прахъ. Покажи мнѣ надменнаго че-
ловѣка, когда онъ въ лихорадкѣ и лишился самообладанія,—и
тогда я буду разговаривать съ тобой и скажу тебѣ: гдѣ теперь

тѣ, кто, въ сопровожденіи толпы слугъ, тщеславясь выступалъ на улицѣ? Гдѣ одѣтыя въ шелковыя одежды, раздушенные благовонными мастями, содержащіе приживальщиковъ, не покидающіе театра? Гдѣ тѣ роскошные пиры, толпы музыкантовъ, услужливость льстецовъ, безмѣрный смѣхъ, покой души, широкіе планы, жизнь изнѣженная, праздная и роскошная? Все прошло, все исчезло. А что сталось съ тѣломъ, на которое тратилось столько попеченій, о чистотѣ котораго такъ заботились? Пойди къ гробницѣ, посмотри на прахъ, на пепелъ, на червей, на отвратительный видъ мѣста: посмотри и рыдай горько. И если бы наказаніе ограничилось только прахомъ! Но ты теперь отъ этого гроба и отъ этихъ червей перенесись мыслью къ тому безсмертному червю, къ скрежету зубовному, ко тьмѣ кромѣшной, къ огню неугасимому, къ тѣмъ страшнымъ невыносимымъ мукамъ, къ жизни безконечной. Здѣсь и блага и страданія имѣютъ свой конецъ,—конецъ весьма близкій,—а тамъ то и другое продолжается на вѣки вѣчные, по качеству же они такъ отличаются отъ теперешнихъ благъ и несчастій, что нельзя и выразить это. А что сталось съ многочисленными украшеніями? Куда дѣвалась изнѣженность, угодливость слугъ, обиліе имущества и владѣній? Какой вѣтеръ, ворвавшись, все это вымелъ? Для чего дорогіе и ненужные расходы на погребеніе,—расходы, которые приносятъ значительный ущербъ погребающимъ и никакой пользы умершему? Когда ты слышишь, что Владыка воскресъ изъ мертвыхъ безъ одѣянія,—оставь ради этого безумныя заботы о погребеніи. Христосъ, когда говорилъ: такъ какъ вы видѣли Меня алчущимъ и накормили, жаждущимъ и напоили, нагимъ и одѣли,—Онъ не прибавилъ: умершимъ и погребли. Если же Онъ даже живымъ повелѣваетъ не имѣть ничего больше, кромѣ покрывала, тѣмъ болѣе—умершимъ. Чѣмъ же мы оправдаемъ себя, когда тѣло, ко- 811
торое отдано гніенію и червямъ, украшаемъ, о Христѣ же, алчущемъ, жаждущемъ, нагомъ и странникѣ—не печемся? Но и умершій, лежащій на ложѣ, говорятъ, носитъ на себѣ знаки своего званія и богатства, когда онъ одѣтъ въ блестящую одежду, когда бѣдные и богатые провожаютъ его, когда народъ соблюдаетъ благоговѣйную тишину. Вотъ особенно это и достойно осмѣянія; да оно вскорѣ и изобличится, какъ цвѣтъ опадающій. Какъ только мы переступимъ порогъ городскихъ воротъ и, предавши тѣло червямъ, возвратимся назадъ, гдѣ будетъ, снова спрашиваю тебя, то многочисленное собраніе? Что станется съ воплями, съ волненіемъ? Гдѣ свѣтильники, гдѣ хоры женщинъ? Не сонъ ли все это? А что тѣ крики? Куда дѣвались многочисленныя уста, вопившія и убѣждавшія быть мужественными, потому что никто не безсмертенъ?

Не теперь слѣдовало это говорить, когда онъ не слышитъ; но въ то время, когда онъ хищничалъ, когда былъ корыстолюбивъ, тогда слѣдовало сказать, немного измѣнивши: не годится быть безстрашнымъ—никто не безсмертенъ. Если бы тебѣ построили домъ
812 тамъ, гдѣ ты не имѣлъ намѣренія оставаться, ты счелъ бы для себя это дѣло убыточнымъ. Но поистинѣ ты хочешь богатѣть тамъ, откуда часто приходится уходить, раньше чѣмъ наступитъ вечеръ. Воздержись отъ безумія, укроти пожеланіе. То же самое слѣдуетъ сказать—мужайся!—тому, кто терпитъ несчастіе. Если это и безполезно для того, кто уже прошелъ ристалище,—пусть услышатъ это тѣ, кто болѣетъ такими же недугами, какъ и онъ, и кто идетъ къ тому же концу. Такъ какъ они, опьяненные деньгами, раньше ни о чемъ подобномъ не думаютъ,—то пусть они придутъ въ разумъ хотя въ это время, когда самый видъ лежащаго подтверждаетъ слова; пусть будутъ научены, помышляя о томъ, что немного позднѣе провожающіе и нхъ отведутъ на тотъ страшный судъ и для полученія возмездія за то, что они дурно поступали здѣсь. Итакъ, чтобы намъ не потерпѣть одного и того же вмѣстѣ съ тѣми,—постараемся измѣниться, насколько это въ нашихъ силахъ, и исправиться, чтобы быть причастниками и будущихъ благъ во Христѣ Іисусѣ, Господѣ нашемъ, Которому слава и держава со Отцемъ и животворящимъ Духомъ, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

СЛОВО XXXII.

О мужествѣ и храбрости.

811 Трусливой и робкой дѣлаетъ душу отсутствіе просвѣщенія,—дѣлаетъ не чрезъ природу, но чрезъ свободное изволеніе. Когда я вижу, что человѣкъ, когда-то мужественный, сталъ теперь трусомъ, я не говорю, что это порокъ природы, потому что природное—неизмѣнно. Когда затѣмъ я вижу, что теперешніе трусы вдругъ становятся смѣлыми, я опять прихожу къ тому же рѣшенію: такъ и ученики были очень робки, прежде чѣмъ были научены тому, что надлежало, и прежде чѣмъ удостоились дара Духа; позднѣе же они стали храбрѣе львовъ. И Петръ, не выдержавшій угрозъ дѣвушки, былъ казненъ чрезъ распятіе, терпѣлъ бичеваніе и не молчалъ, подвергаясь тысячѣ опасностей. Конечно, не слѣдуетъ уклоняться отъ борьбы, но не слѣдуетъ и напрашиваться на нее; тогда и для насъ побѣда будетъ славнѣе,

и для дьявола пораженіе унизительнѣе. Итакъ, мы должны храбро стоять, если вовлечены въ борьбу; если же мы не званы,—оставаться въ покоѣ и ожидать времени борьбы, чтобы явить вмѣстѣ и презрѣніе къ славѣ, и храбрость. Быть храбрымъ безразсудно— часто есть свойство простыхъ людей. Но чтобы пользоваться обстоятельствами для дѣла, въ удобное время, съ соотвѣтствующей выдержанностью и благоразуміемъ,—на это нужна великая и удивительная душа. Храбръ только тотъ, кто имѣетъ силу внутри себя,—онъ храбръ, хотя бы былъ поверженъ на ложѣ,— также какъ безъ этой силы я не сказалъ бы, что онъ сильнѣе дѣвушки и жалкой старухи, хотя бы тѣлесными силами онъ поднялъ гору съ ея основанія. Это потому, что тотъ борется съ безтѣлеснымъ зломъ, на что этотъ не смѣетъ даже взглянуть. Хочешь ли научиться, что никакая сила не превозможетъ того, кто огражденъ высшею помощью, и нѣтъ никого слабѣе, чѣмъ тотъ, кто лишенъ ея, хотя бы онъ былъ окруженъ тысячами войскъ? Давидъ, будучи совсѣмъ молодымъ, и по молодости лѣтъ оставшійся въ отеческомъ домѣ, отправляется своимъ отцомъ навѣстить братьевъ. Явился онъ навѣстить ихъ уже въ то время, какъ война началась—началъ ее чужеземецъ Голіафъ—и весь народъ вмѣстѣ съ царемъ трепеталъ. Между тѣмъ Давиду хотѣлось быть зрителемъ, и вотъ онъ пошелъ посмотрѣть на новое для него и 812
удивительное дѣло, что одинъ человѣкъ сталъ противъ столькихъ миріадъ. Онъ и говоритъ: кто этотъ чужеземецъ, что такъ поноситъ воинство Бога живого? Что будетъ человѣку, который убьетъ его (1 Цар. XVII, 26—27)? Саулъ, узнавши объ этомъ, посылаетъ за юношей, который не зналъ ничего, кромѣ пастушескаго дѣла; но, видя его лѣта, онъ отнесся къ нему съ невниманіемъ. Потомъ, узнавши отъ него, какъ онъ справлялся съ медвѣдями, когда они нападали на стадо, Саулъ захотѣлъ вооружить его собственнымъ оружіемъ. Но онъ, надѣвши, не могъ носить его. Это случилось для того, чтобы въ чистотѣ явилась сила Божія, дѣйствующая чрезъ него, и чтобы происшедшее не было приписано оружію. Такъ какъ ему было неловко въ оружіи, онъ снялъ его и, взявши пастушескую сумку съ камнями, съ этимъ пошелъ на твердыню изъ плоти. Когда Голіафъ увидѣлъ, что тотъ идетъ на него съ одной пастушеской сумкой и камнями, онъ обратился къ нему приблизительно съ слѣдующими словами: не думаешь ли ты, что ведешь, какъ когда-то, стадо и гонишь собакъ? И не потому ли вышелъ ты на борьбу со мной съ такимъ оружіемъ, какъ будто хочешь гнать какую собаку? Но вотъ опытъ научитъ тебя, что не тебѣ воевать съ первымъ встрѣчнымъ. Послѣ этихъ хвастливыхъ словъ, онъ бросился бѣгомъ, подхвативъ свое тяжелое вооруже

ніе и потрясая оружіемъ. Но онъ начиналъ борьбу вѣря въ силу своего оружія; оградившій же себя вѣрою и высшею помощью сначала словами унизилъ тщеславіе чужеземца, сказавши ему: ты идешь противъ меня съ щитомъ и копьемъ и думаешь побѣдить собственными силами, а я иду во имя Господа Бога (1 Цар. xvii, 45). Послѣ этихъ словъ Давидъ вынулъ изъ пастушеской сумки камень, какъ будто хотѣлъ отогнать собаку, подошедшую
813 къ стаду, и, нанесши, при помощи пращи, чужеземцу ударъ прямо въ лобъ, повалилъ его; потомъ, поспѣшно подбѣжавъ къ нему и выхвативъ у него мечъ, отсѣкъ имъ у него голову, принесъ ее къ царю и такимъ образомъ положилъ конецъ войнѣ. Царь получилъ чрезъ него спасеніе, и весь народъ воспрянулъ духомъ. И было дано увидѣть удивительное и неожиданное дѣло: вооруженный въ полное оружіе пораженъ невооруженнымъ, и опытный въ войнѣ—тѣмъ, кто не зналъ ничего, кромѣ пастушескаго дѣла. Для чего это и почему? Потому что одного ограждала высшая помощь, сопутствующая ему; другой же, лишенный ея, былъ преданъ въ руки его. Конечно, высоко и дивно—не допускать пожеланія, зарождающагося въ насъ, но, уклоняясь, погашать его. Но если это намъ не по силамъ, будемъ хотя бороться и всячески задерживать его. Здѣсь дѣло не такъ обстоитъ, какъ у атлетовъ. У послѣднихъ, если не повергнешь, ты не одержалъ побѣды; здѣсь же, если тебя не повергли, ты побѣдилъ и повергъ врага. И это понятно. Тамъ оба сражаются за побѣду: если одинъ поверженъ, другой получаетъ награду; здѣсь не такъ, но дьяволъ стремится къ нашему порабощенію. Поэтому, когда я полагаю конецъ тому, о чемъ онъ старается, я побѣдилъ. Онъ направляетъ свои усилія не къ тому, чтобы низвергнуть, а къ тому, чтобы низвергнуть вмѣстѣ съ собой. И побѣда его—не въ наградѣ, а въ общей гибели. Если бы ты даже часто терпѣлъ пораженія, ты не уклоняйся изъ-за этого отъ борьбы. Не получать ранъ есть удѣлъ тѣхъ, кто не борется; тѣ же, кто идетъ на войну съ большимъ воодушевленіемъ, они получаютъ раны и терпятъ пораженія. Никто, видя солдата, возвращающагося съ войны раненымъ, не сталъ бы укорять его за это; безчестно, напротивъ, бросить оружіе и убѣжать съ войны. Пока кто-нибудь стоитъ съ оружіемъ въ рукахъ, не найдется человѣка, настолько несправедливаго и не свѣдущаго въ военномъ дѣлѣ, который бы поставилъ ему въ вину то, что онъ терпѣлъ пораженія и на короткое время отступалъ. Если кто самъ не захочетъ нанести себѣ обиду, другой не въ силахъ будетъ сдѣлать это. Вѣдь вотъ ни оружіе, ни машины внѣшнихъ враговъ часто не въ силахъ бываютъ взять твердынь городовъ; предательство же одного или двухъ чело-

вѣкъ, живущихъ внутри, безъ труда отдаетъ ихъ во власть врага. Если тебя не предадутъ внутреннія твои мысли, злой духъ ничего не сдѣлаетъ, хотя бы употреблялъ тысячи средствъ. Что скажемъ мы о матери Маккавеевъ, этой благородной женщинѣ? Не женщина ли она была? И не дала ли семь дѣтей своихъ сонму святыхъ? Не видѣла ли она, какъ они мучились? Не терпѣла ли и сама мученія съ каждымъ отдѣльно? Когда ихъ подвергали пыткѣ, и она принимала удары,—потому что была мать. Подумай, какъ она подготовила ихъ къ борьбѣ, какъ построила Богу семь храмовъ. Стоялъ тиранъ и отступилъ, побѣжденный одной женщиной. Онъ осаждалъ оружіемъ, она побѣдила ревностью; онъ разжигалъ плавильную печь, а она еще сильнѣе воспламеняла свой духъ; онъ подготовлялъ войско, а она вручала себя ангеламъ. Она видѣла тирана преисподней и думала о царѣ, царствующемъ свыше; видѣла преисподнія муки и исчисляла горнія награды; видѣла теперешнее мученіе и размышляла о будущемъ безсмертіи. А что Исавъ? Не больше ли онъ былъ Іакова? Не перворожденный ли? Не возлюбленный ли сынъ у отца? Но предавъ себя чрезъ грѣхъ, лишился и первородства и былъ принужденъ служить меньшему. Сказалъ, говорится, Господь Ревеккѣ 814
чрезъ священника: *два языка во утробѣ твоей суть, и двои людіе отъ утробы твоея разлучатся, и людіе людей превзыдутъ, и большій поработаетъ меньшему* (Быт. xxv, 23). Посмотри на прорицаніе, ясно предуказавшее ей все, что совершится. Бьющіеся и играющіе во утробѣ младенцы уже все предсказали съ точностью. И, наконецъ, жена узнала не только то, что она родитъ дѣтей, но и то, что они распространятся въ народы, и меньшій будетъ господиномъ надъ большимъ. *И исполнишася дніе родити ей, и бяху сей близнята во утробѣ ея. Изыде же сынъ первенецъ черменъ, весь, яко кожа, косматъ. И посемъ изыде братъ его придержася пятѣ Исавовѣ, и наречеся имя ему Іаковъ* (Быт. xxv, 24—26),—такъ что почти уже отъ начала Богъ указалъ, что меньшій, какъ сказано, будетъ владычествовать надъ большимъ. Держалъ, сказано, рукою пятку Исава: это было знаменьемъ того, что онъ превзойдетъ того, кто кажется сильнымъ. Но уже время обратиться съ словомъ къ блаженнѣйшему Павлу. Я пламенѣю любовью къ этому мужу и потому не устану непрерывно обращаться къ нему. Пусть никто не смущается этимъ моимъ рѣшеніемъ. Если бы мы были кругомъ обложены варварами, и если бы непріятели устроили намъ въ строю безчисленныя затрудненія; если бы затѣмъ полководецъ варваровъ, который располагалъ бы безчисленными осадными машинами, все у насъ привелъ бы въ замѣшательство, наполнилъ смущеніемъ и вели-

кимъ страхомъ, угрожалъ разрушить и предать огню самый
городъ, а насъ всѣхъ обратить въ рабство; если бы онъ, самъ
вдругъ попавшись въ плѣнъ къ нашему царю, былъ плѣнникомъ
приведенъ въ городъ,—не сбѣжались ли бы всѣ мы вмѣстѣ съ
женами и съ дѣтьми на это зрѣлище? Вотъ теперь и у насъ
война наступила. Въ то время какъ іудеи все наполняютъ сму-
щеніемъ и страхомъ и замышляютъ многія ухищренія противъ
безопасности Церкви, глава же враговъ—Павелъ, болѣе всѣхъ
старавшійся объ этомъ, проповѣдывавшій и все наполнившій
смущеніемъ и страхомъ, и его-то именно Господь нашъ Іисусъ
Христосъ, Царь нашъ, связалъ и привелъ плѣнникомъ,—неужели
мы всѣ не выйдемъ на это зрѣлище, чтобы видѣть его ведо-
маго плѣннымъ? И ангелы на небѣ, видя его связаннымъ и
ведомымъ, ликовали,—не потому, что видѣли его связаннымъ,
но потому, что представляли, сколькихъ людей освободитъ онъ
отъ оковъ; не потому, что видѣли ведомымъ за руку, но по-
тому, что размышляли о томъ, сколькихъ онъ имѣетъ возвести
отъ земли къ небу; не потому, что видѣли ослѣпленнымъ, но
потому, что думали о тѣхъ, кого онъ имѣетъ извести изъ
мрака. Поэтому, оставивши всѣхъ другихъ, я спѣшу обратиться
къ Павлу. Павелъ и любовь къ Павлу заставляютъ насъ сдѣ-
лать этотъ скачекъ. Есть ли что пламеннѣе сердца человѣка,
который прошелъ всю вселенную, претерпѣлъ насиліе, біеніе
камнями, оковы,—и это все затѣмъ, чтобы освободить связан-
ныхъ и привлечь ихъ къ себѣ? И не какъ борющійся совершалъ
онъ свои подвиги; но будто идя къ готовой и вѣрной побѣдѣ,
воздвигалъ онъ побѣдные памятники, срывая, опустошая, уни-
чтожая до основанія укрѣпленія дьявола и всѣ загражденія де-
моновъ; онъ не останавливался, устремляясь впередъ отъ этихъ
къ тѣмъ и отъ тѣхъ къ этимъ, и, подобно отличному полководцу,
каждый день, а лучше сказать, каждый часъ воздвигалъ по-
815 бѣдные памятники. Проникнувъ въ одной одеждѣ во вражескій
строй, онъ взялъ непріятельскіе города вмѣстѣ съ людьми. Языкъ
Павла былъ лукомъ, копьемъ, стрѣлами и всѣмъ. Онъ произно-
силъ только звукъ, и слова его, поражая враговъ сильнѣе вся-
каго огня, изгоняли демоновъ, а людей, потерявшихъ власть надъ
самими собой, возвращали себѣ. Когда онъ изгналъ злого де-
мона, безчисленное множество заклинателей сожгли свои маги-
ческія книги и обратились къ истинѣ. И какъ на войнѣ, послѣ
того какъ башня упала или тиранъ низвергнутъ, всѣ, кто былъ
вмѣстѣ съ нимъ, побросавши оружіе, сбѣгаются къ полководцу,
такъ и тогда было: когда демонъ былъ низверженъ, всѣ побѣ-
жденные, побросавши книги, вѣрнѣе уничтоживши ихъ, устреми-

лись къ ногамъ Павла. А онъ, превращая весь міръ какъ бы въ
одинъ лагерь, нигдѣ не останавливался, но все дѣлалъ, словно
у него были крылья: то возстановлялъ хромого, то воскрешалъ
мертваго, то иного ослѣплялъ,—я говорю о магѣ. Даже заклю-
ченный въ темницу, онъ не успокоился, но и тамъ привелъ въ
себя стража, совершивъ этотъ прекрасный плѣнъ. Удивляются
Давиду за то, что онъ однимъ только камнемъ поразилъ Го-
ліафа. Но если бы изслѣдовали дѣла Павла, то увидѣли бы, что
то—ребяческое дѣло, и что, насколько различаются между собой
пастухъ и полководецъ, столько же разницы между этимъ и тѣмъ,
потому что тотъ уничтожилъ мысленнаго Голіафа и не бросая
камня, но однимъ словомъ истребилъ все полчище дьявола. Какъ
левъ, ревущій и дышащій огненной пастью, такъ страшенъ былъ
для всѣхъ и онъ, когда приходилъ. Онъ появлялся постоянно
повсюду: приходилъ къ этимъ, шелъ къ тѣмъ, возвращался къ
этимъ, уходилъ снова къ другимъ,—появляясь быстрѣе вѣтра и
управляя всей вселенной, какъ однимъ домомъ или судномъ,
вытаскивая тонущихъ, спасая окутанныхъ тьмой, давая приказа-
нія морякамъ, сидя у кормового весла, наблюдая за носомъ, на-
тягивая канаты, принимаясь за весла, поднимая паруса, смотря
на небо, будучи самъ всѣмъ—и морякомъ, и кормчимъ, и завѣ-
дующимъ носомъ корабля, и парусомъ, и судномъ, — все терпя,
чтобы уничтожить зло другихъ. И какъ атлетъ, самъ борясь, бѣ-
гая, вступая въ бой, или солдатъ, разбивая стѣны, сражаясь на
сушѣ и на морѣ,—такъ онъ участвовалъ во всѣхъ видахъ борьбы,
разжигалъ ревность и, овладѣвая единолично вселенной и всѣхъ
побѣждая однимъ своимъ словомъ, самъ былъ для всѣхъ непри-
ступенъ. Не такъ звуки множества трубъ, упавши на стѣны го-
рода Іерихона, уничтожили ихъ, какъ громкій голосъ Павла
сравнялъ съ землей дьявольскія укрѣпленія и враговъ привлекъ
на свою сторону. Онъ былъ спущенъ чрезъ окно со стѣны, чтобы
вознести поверженныхъ на землю. Какъ солдатъ, если бы онъ,
воюя съ цѣлымъ міромъ, попалъ въ самую средину непріятель-
скихъ войскъ и нисколько не пострадалъ,—такъ Павелъ, являясь
одинъ среди варваровъ и эллиновъ, повсюду на сушѣ, повсюду
на морѣ, оставался невредимымъ, И какъ искра, попадая въ со-
лому и сѣно, измѣняетъ горючій матеріалъ сообразно своей при-
родѣ, такъ и онъ, приходя ко всѣмъ, всѣхъ привлекалъ къ 816
истинѣ. Что, скажи мнѣ, славнѣе славой этого міра, чѣмъ Не-
ронъ, что выше? Что напротивъ незначительнѣе или непочетнѣе
Павла? Тотъ былъ тиранъ, совершилъ много блестящихъ дѣлъ,
воздвигъ множество славныхъ побѣдныхъ памятниковъ, имѣлъ
повсюду громадное богатство, безчисленное войско, ему подчи-

нена была большая часть вселенной, въ его распоряженіи былъ царственный городъ, предъ нимъ преклонялся весь синклитъ; въ царскихъ палатахъ онъ ходилъ въ блестящей одеждѣ; если нужно было взяться за оружіе, являлся въ золотомъ оружіи, украшенномъ драгоцѣнными камнями; если приходилось выходить въ мирное время, облачался въ пурпуръ; за нимъ ходили много тѣлохранителей и много оруженосцевъ; онъ считался господиномъ суши и моря, былъ самодержецъ, августъ, кесарь, царь, у него не было ни въ чемъ недостатка, что составляетъ славу, но и мудрые, и могущественные, и цари трепетали его и боялись. Кромѣ того о немъ была еще молва, что онъ жестокъ и безстыденъ; онъ хотѣлъ быть богомъ, презиралъ всѣхъ идоловъ и самого Бога всѣхъ; его почитали какъ бога. Но противопоставимъ ему, если будетъ позволено, Павла. Онъ былъ киликіянинъ, занимался кожевеннымъ дѣломъ, былъ бѣденъ, несвѣдущъ во внѣшнихъ наукахъ, зналъ только по-еврейски,—языкъ, надъ которымъ многіе издѣвались,—жилъ часто впроголодь и спать ложился голодный; раздѣтый, онъ не имѣлъ чѣмъ накрыться. И не только это, но онъ былъ брошенъ въ темницу вмѣстѣ съ разбойниками, чародѣями, грабителями могилъ, убійцами; по приказанію того же Нерона, его, какъ преступника, подвергали бичеванію. Такъ кто же изъ нихъ славнѣе? Не правда ли, что большинство не знаетъ даже имени того, а этого прославляютъ ежедневно и эллины, и варвары, и скиѳы, и тѣ, кто живетъ у самыхъ предѣловъ вселенной? Кто почетнѣе? Тотъ, кто побѣждаетъ находясь въ оковахъ, или побѣждаемый, облеченный въ пурпуръ? Стоящій внизу и наносящій удары, или сидящій наверху и поражаемый? Повелѣвающій, но чьихъ приказаній не слушаются, или тотъ, кто получаетъ приказанія, но не придаетъ имъ никакого значенія? Кто одинъ, но побѣждаетъ, или тотъ, кто съ безчисленнымъ множествомъ войскъ терпитъ пораженія? Если побѣждать славнѣе, чѣмъ быть побѣжденнымъ, то Павелъ вообще славнѣе. И не то только удивительно, что онъ побѣдилъ, но то, что онъ побѣдилъ такого и имѣя такой видъ. *Кто возглаголетъ силы твои, Господи* (Псал. 105, ст. 2), что Ты не дозволилъ Павлу быть въ неизвѣстности, что показалъ вселенной такого мужа? Всѣ ангелы восхваляли Тебя единодушно, когда Ты сотворилъ звѣзды и солнце; но не такъ, какъ тогда, когда Ты явилъ Павла всей вселенной. Земля стала свѣтлѣе неба, потому что тотъ—свѣтлѣе свѣта солнечнаго. Это солнце смѣняется ночью, а тотъ побѣдилъ дьявола. Оно, нисходя съ высоты, внизъ посылаетъ свои лучи; онъ же, восходя снизу, наполнилъ свѣтомъ не только пространство между небомъ и землей, но едва от-

крылъ уста, какъ даже ангеловъ исполнилъ великой радостью. И если объ одномъ грѣшникѣ кающемся бываетъ радость на небѣ,—а онъ въ первомъ же проповѣданіи уловилъ безчисленное множество мужей,—то какой радостью наполнилъ онъ горнія силы? Что говорю я? Достаточно, чтобы Павелъ началъ говорить, какъ небеса играютъ и радуются. Итакъ, если Павелъ, украшенный столькими подвигами и являющійся какъ ангелъ на землѣ, каждый день старался сдѣлать пріобрѣтеніе, подверг- 817
нуться опасностямъ за истину, собрать себѣ духовное богатство и никогда не останавливаться, то какое же оправданіе будемъ имѣть мы, не только совсѣмъ лишенные славныхъ дѣлъ, но и подверженные столькимъ порокамъ, изъ которыхъ даже одинъ, присущій намъ, достаточенъ, чтобы ввергнуть насъ въ бездну гибели,—мы, которые не прилагаемъ никакихъ усилій къ тому, чтобы исправить эти пороки и быть причастными дѣламъ добродѣтели? Не одинаковую ли съ нами природу имѣлъ тотъ блаженный? Я горю любовью къ этому мужу и потому не перестану обращаться къ нему. Взирая, какъ на нѣкоторый образецъ, на его душу, я размышляю о суетѣ страстей, о превосходствѣ мужества, о горящей любви къ Богу. И я изумляюсь, какъ одинъ человѣкъ, пожелавши, исполнилъ весь сонмъ добродѣтелей; каждый же изъ насъ не хочетъ выполнить и самой простой изъ нихъ. Кто избавитъ насъ отъ неотвратимаго наказанія, когда Павелъ, причастный намъ по природѣ, отданный во власть тѣхъ же страстей, бывшій въ такихъ затруднительныхъ обстоятельствахъ и ежедневно, такъ сказать, мучимый, терзаемый, влачимый всенародно тѣми, кто враждовалъ противъ его проповѣди,—несмотря на все это, явилъ такое величіе добродѣтели? А чтобы вы услышали не изъ нашихъ устъ о славныхъ его подвигахъ и о мужествѣ, которое онъ являлъ ежедневно ради проповѣданія благочестія, — необходимо выслушать собственное его слово: *о немже аще дерзаетъ кто, несмысленно глаголю, дерзаю и азъ* (2 Кор. xi, 21). Наблюдай душу боголюбивую. Онъ называетъ дѣло не только смѣлостью, но даже безуміемъ, научая насъ, если бы нашлись среди насъ кто-либо, сдѣлавшіе что-нибудь доброе, не выставлять наши дѣла безъ всякой нужды, когда никто не принуждаетъ насъ къ этому. *Евреи ли суть? и азъ. Израилите ли суть? и азъ. Сѣмя Авраамле ли суть? и азъ* (ст. 22). Не этимъ ли, говоритъ онъ, гордятся они? Пусть же они не думаютъ, что мы уступаемъ имъ, потому что и мы участники того же самаго. Потомъ прибавляетъ: *служителіе ли Христовы суть? не въ мудрости глаголю, паче азъ* (ст. 23). Посмотри здѣсь на добродѣтель души этого блаженнаго мужа. Послѣ того какъ онъ назвалъ

происшедшее смѣлостью и безуміемъ, онъ, поставленный въ необходимость, однако не остановился на томъ, что сказалъ; но когда хотѣлъ показать, что многимъ превосходитъ тѣхъ, онъ, чтобы не подумали, что онъ говоритъ изъ-за самолюбія, снова называетъ сказанное имъ безуміемъ,—говоря приблизительно слѣдующее: неужели я не знаю, что дѣлаю дѣло, которое многимъ будетъ непріятно и которое для меня неприлично? Но необходимость, приведшая меня къ этому, заставляетъ меня. Поэтому простите мнѣ, говоритъ онъ, что говорю слова безумія. Будемъ подражать хотя бы тѣни его мы, которые отягчены такимъ бременемъ грѣховъ и часто, даже если сдѣлаемъ какое-нибудь достойное дѣло, не хранимъ его въ сокровищницахъ ума, но, го-
818 няясь за славой предъ людьми, выставляемъ его на-показъ и этимъ безмѣрнымъ пустословіемъ лишаемъ себя воздаянія отъ Бога. А тотъ, блаженный, не допустилъ чего-нибудь подобнаго, но сказавъ: *паче азъ*—потомъ перечисляетъ свои подвиги и говоритъ: *въ трудѣ и подвизѣ, во бдѣніихъ множицею, въ алчбѣ и жажди, въ пощеніяхъ многащи, въ зимѣ и наготѣ, кромѣ внѣшнихъ* (2 Кор. XI, 23, 27). Теперь взгляни еще на другое море искушенія, открывающееся для насъ. Говоря: *кромѣ внѣшнихъ*, онъ подразумѣваетъ, что опущенное, можетъ быть, больше того, что онъ сказалъ. Но онъ и на этомъ не остановился, а опять указываетъ намъ на возмущеніе и скопленіе людей, говоря такъ: *нападеніе* на меня *еже по вся дни и попеченіе всѣхъ церквей* (ст. 28). Вотъ и еще подвигъ, достаточный, если бы даже онъ былъ только одинъ, для того, чтобы возвести его на самую вершину добродѣтели. Попеченіе, говоритъ, *всѣхъ церквей:* попеченіе не объ одной и не о двухъ, и не о трехъ, но о всѣхъ церквахъ по вселенной, которую проходитъ солнце, посылая на землю свои лучи. Такое имѣлъ попеченіе и заботу блаженный апостолъ. Посмотри на широту души! Посмотри на величіе мысли! А приведенное сряду затѣмъ, такъ сказать, покрываетъ все сказанное: *кто изнемогаетъ, и не изнемогаю? Кто соблазняется, и азъ не разжизаюся* (ст. 29)? Вотъ какая нѣжная любовь у этого мужа! Какое бодрствованіе! Какое попеченіе! У какой матери терзается такъ сердце, когда ея сынъ, больной лихорадкой, лежитъ на постели, какъ у того блаженнаго мужа, который за изнемогающихъ въ каждомъ мѣстѣ самъ изнемогалъ еще болѣе, и за соблазняющихся еще болѣе воспламенялся? Посмотри также на выразительность словъ. Онъ не сказалъ: кто соблазняется, за кого бы и я не огорчался? но: *кто соблазняется, и азъ не разжизаюся?*—говоритъ онъ, показывая намъ напряженность горя и заявляя, что онъ словно въ огнѣ, горитъ внутренно за тѣхъ, кто соблазняется. Я сознаю, что слишкомъ

растянулъ свое слово. Но я не знаю, какъ это случилось, что, когда я коснулся подвиговъ святого мужа, я былъ увлеченъ стремительностью языка, какъ какимъ-нибудь потокомъ быстро несущихся водъ. Поэтому, останавливая здѣсь свое слово, я умоляю любовь вашу постоянно держать его въ своей памяти и не переставая размышлять о томъ, что онъ былъ причастенъ намъ по природѣ и подверженъ одинаковымъ съ нами страстямъ. Занимаясь ремесломъ незначительнымъ и непочетнымъ, сшивая кожи и работая въ мастерской, онъ, послѣ того какъ рѣшилъ и восхотѣлъ отдать себя трудамъ добродѣтели и явить достойнымъ воспріятія Св. Духа, получилъ свыше величайшую милость. Да удостоимся и мы всѣ воспринять ее благодатію и человѣколюбіемъ Господа нашего Іисуса Христа, Которому слава и держава со Отцемъ и Св. Духомъ, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

СЛОВО XXXIII.

На св. праздникъ Ваій.

За шесть дней до Пасхи пришелъ Іисусъ въ Виѳанію, гдѣ 817—818
былъ Лазарь, въ домъ Маріи и Марѳы. Тамъ приготовили Ему
угощеніе, и Марѳа служила, а Лазарь вкушалъ (Іоан. хп, 1). Это
было знаменіемъ истиннаго воскресенія, что спустя много дней
Онъ будетъ и жить, и вкушать. Отсюда ясно, что въ домѣ Марѳы 819
былъ завтракъ: именно друзья и преданные Іисусу принимали Его. Нѣкоторые же говорятъ, что это происходило въ чужомъ домѣ. И Марія служила, потому что была ученицей. Но она опять служила болѣе духовнымъ служеніемъ и не прислуживала Ему какъ званому; она не несетъ обыкновеннаго служенія, но оказываетъ Ему единственную честь,—относится къ Нему не какъ къ человѣку, а какъ къ Богу. Поэтому, она возлила миро и отерла власами головы своей. Это показывало, что она не держится о Немъ такого мнѣнія, какого—большинство. Но Іуда сталъ укорять, и подъ благовиднымъ предлогомъ. Что же Христосъ? *Не дѣйте ея: да въ день погребенія моего соблюдетъ е* (Іоан. хп, 7). Почему же Онъ не обличилъ ученика за женщину? Почему не сказалъ того, что̀ сказалъ евангелистъ, что онъ укорилъ женщину потому, что былъ воръ (ст. 6). Онъ хотѣлъ обратить его Своимъ долготерпѣніемъ. Вслѣдствіе того, что Онъ зналъ, что онъ предатель, Онъ прежде обличалъ его, часто говоря: не всѣ вѣруютъ, и: одинъ

изъ васъ дьяволъ (Іоан. vi, 65, 71). Онъ показалъ этимъ, что Онъ зналъ о немъ, что онъ—предатель; не обличилъ же его, но снизошелъ, желая, чтобы онъ оставилъ свое намѣреніе. Какъ же другой говоритъ, что всѣ ученики сказали это? И всѣ, и Онъ,—но остальные по другому побужденію. Если же кто сталъ бы допытываться, почему Онъ вору поручилъ кассу бѣдныхъ и сребролюбца поставилъ распорядителемъ, то мы отвѣтили бы, что Іисусъ зналъ тайную причину. Если же и намъ слѣдуетъ сказать что-либо, доискиваясь причины, то мы сказали бы: для того, чтобы лишить Іуду всякаго оправданія. Онъ уже не могъ сказать, что сдѣлалъ это по любви къ деньгамъ,—потому что имѣлъ достаточно средствъ удовлетворить своей страсти, пользуясь кассой,—но по своей великой порочности, и если бы онъ захотѣлъ отъ нея отказаться, онъ не предалъ бы своего благодѣтеля. Христосъ же, по Своему великому снисхожденію, долготерпѣливо переносилъ его. Поэтому, Онъ не обличилъ его въ томъ, что онъ воръ, хотя и зналъ это, сдерживая его порочную страсть такимъ образомъ, что отнималъ у него всякое оправданіе. Поэтому, Онъ и говоритъ: *не дѣйте ея: да въ день погребенія Моего соблюдетъ е.* Говоря о погребеніи, Онъ еще разъ напомнилъ о немъ предателю. Но обличеніе не достигло до него, и слово не смягчило его, хотя было достаточно, чтобы вызвать въ немъ вопли. Онъ какъ бы говорилъ: Я тягостенъ и непріятенъ, но вотъ еще немного, и Я уйду. Именно это Онъ имѣлъ въ виду, когда говорилъ: *Мене же не всегда имате* (Іоан. xii, 8). Но ничто не тронуло дикаго и безумнаго человѣка,—хотя Онъ сказалъ и сдѣлалъ гораздо больше, омылъ Его ноги въ ту же самую ночь и раздѣлилъ съ нимъ трапезу. *Разумѣ же народъ многъ отъ іудей, яко ту есть: и пріидоша не Іисуса ради токмо,но да и Лазаря видятъ, егоже воскреси отъ мертвыхъ* (Іоан. xii, 9). Видя чудо, многіе тамъ увѣровали. Старѣйшины же, не удовлетворенные собственнымъ зломъ, рѣшили убить также и Лазаря. *Совѣщаша же архіереи да и Лазаря убіютъ, яко мнози его ради идяху отъ іудей и вѣроваху во Іисуса* (Іоан. xii, 10—11). Пусть такъ,—Христа они рѣшили взять за то, что Онъ разрушалъ субботу, что дѣлалъ Себя равнымъ Отцу, и
820 изъ-за римлянъ,—какъ они говорили,—чтобы они не взяли и мѣста ихъ, и народа. Но за какую вину они рѣшили взять Лазаря? Вотъ развѣ онъ тѣмъ виноватъ, что получилъ благодѣяніе. Видишь ли, какъ былъ кровожаденъ ихъ замыселъ? Онъ сотворилъ много чудесъ, но ничто не привело ихъ въ такую ярость,—ни разслабленный, ни слѣпой. Это чудо было и по природѣ своей самое удивительное, и случилось оно послѣ уже многихъ чудесъ; и было странно видѣть, какъ мертвый четверодневный ходитъ и

говоритъ. О, безуміе архіереевъ! Ихъ дѣломъ въ этотъ ихъ праздникъ было то, чтобы замѣшать въ убійствѣ всенародное собраніе. Въ другихъ случаяхъ они надѣялись поставить Ему въ вину нарушеніе субботы и этимъ отвлечь отъ Него народъ. Здѣсь же, такъ какъ у нихъ не было никакихъ основаній для клеветы, они обращаютъ свой замыселъ противъ того, кто пользовался Его попеченіемъ. Здѣсь они не могли сказать: противится Отцу,—потому что имъ заграждала уста молитва. Итакъ, вслѣдствіе того, что и обвинить Его было не въ чемъ, и чудо было изумительное, они задумываютъ убійство. Такимъ образомъ и со слѣпымъ они сдѣлали бы то же самое, если бы не могли поставить въ вину субботу. Но онъ былъ незначителенъ, и они изгнали его изъ храма. Тотъ же былъ человѣкъ, пользующійся вліяніемъ: это ясно изъ того, что многіе пришли утѣшать сестеръ. Чудо произошло въ виду всѣхъ и всѣхъ повергло въ изумленіе: поэтому, всѣ шли, чтобы видѣть это. А они были уязвлены, что, при наступленіи праздника, всѣ, забывши о немъ, стремились въ Виѳанію. Они рѣшили убить его, и имъ не пришло даже въ голову, что они затѣваютъ дурное дѣло,—такъ они были злы! Между тѣмъ законъ начинается съ того, что говорятъ: *не убій* (Исх. xx, 13). И пророкъ укоряетъ ихъ за это, говоря: руки ихъ полны крови (Иса. I, 15). *Во утрій же день народъ многъ, пришедый въ праздникъ, слышавше, яко Іисусъ грядетъ во Іерусалимъ, пріяша ваія отъ финикъ и изыдоша въ срѣтеніе Ему и зваху глаголюще: осанна, благословенъ грядый во имя Господне Царь Израилевъ* (Іоан. xii, 12—13)! Но какъ же Онъ снова съ дерзновеніемъ входитъ въ городъ, послѣ того какъ Онъ не появлялся въ Іудеѣ и уходилъ въ пустыню? Укротивши ихъ ярость Своимъ удаленіемъ, Онъ приходитъ къ нимъ, когда они уже успокоились. Впрочемъ, толпы, идущей впереди Его и слѣдующей за Нимъ, было достаточно для того, чтобы вызвать въ нихъ тревогу. Ни одно чудо не производило на народъ такого впечатлѣнія, какъ чудо съ Лазаремъ. Постилали одежды Свои подъ ноги Его, говоритъ другой евангелистъ (Лук. xix, 36), и весь городъ пришелъ въ движеніе (Мѳ. xxi, 10),—съ такою честью входилъ Онъ. *Обрѣтъ же Іисусъ осля, всѣде на ня, якоже есть писано: не бойся дщи Сіоня, се царь твой грядетъ, сѣдя на жребяти осли* (Іоан. xii, 14—15). Сдѣлалъ же Онъ это, исполняя одно пророчество и предъизображая другое: это было именно началомъ одного и завершеніемъ другого пророчества. Въ словахъ: не бойся дщерь Сіонова, радуйся, потому что царь твой грядетъ къ тебѣ кроткій—исполняется пророчество. То же, что Онъ возсѣлъ на осла, — это значитъ, что Онъ предъуказывалъ будущее событіе, что нечистый народъ язы-

ковъ покорится Ему. Какъ же евангелисты говорятъ, что послалъ учениковъ и сказалъ: отвяжите ослицу и осленка, а этотъ (евангелистъ) не говоритъ ничего такого, но что *обрѣтъ осля, всѣде на него* (Іоан. xii, 14)? Потому что, можетъ быть, было то и другое. Послѣ того какъ отвязали осла, (Господь), когда пришли
821 ученики и нашли осленка, возсѣлъ на послѣдняго. Пальмовыя же и масличныя вѣтви постилали для того, чтобы показать, что они воздаютъ Ему большую славу, чѣмъ пророку, и говорили: *осанна, благословенъ грядый во имя Господне* (Іоан. xii, 13)! Видишь ли, что архіереевъ и книжниковъ всего болѣе смутило то, что всѣ были убѣждены, что Онъ не противникъ Богу? И народъ раздѣляло всего болѣе то, что Онъ говорилъ о Себѣ, что пришелъ отъ Отца. А эти слова: не бойся, радуйся сильно, дщерь Сіонова! пророкъ говоритъ потому, что всѣ ихъ цари обыкновенно были несправедливы, корыстолюбивы, предавали ихъ врагамъ, развращали народъ, дѣлали его виновнымъ предъ непріятелями. Мужайся! говоритъ. Этотъ не таковъ, но кроткій и достойный. Это изображается ослицей: онъ вошелъ ведя съ собой не войско, но имѣя всего одного осла. Ученики Его, говоритъ, сперва не поняли того, что такъ было написано о Немъ, но они сдѣлали это Ему (Іоан. xii, 16). Видишь ли, что они сдѣлали, не зная значительнѣйшаго? Но когда Онъ воскресъ изъ мертвыхъ, тогда они вспомнили, что это было написано о Немъ, и что они это сдѣлали Ему, а Онъ не открылъ имъ. То же и когда Іисусъ сказалъ: *разорите церковь сію и треми денми воздвигну ю* (Іоан. ii, 19),— ученики не поняли этого. Другой евангелистъ говоритъ, что это слово было сокровенно отъ нихъ, и что они не знали, что Ему надлежитъ возстать изъ мертвыхъ. Но это справедливо было скрыто отъ нихъ. Поэтому, другой евангелистъ говоритъ, что, слушая каждый день о страданіяхъ, они огорчались и были въ печали: это оттого, что они не знали смысла воскресенія. Это справедливо было скрыто отъ нихъ,—потому что было больше,
822 чѣмъ они могли вмѣстить,—но то, что касается ослицы, почему это не было имъ открыто? Потому что и это было велико. Посмотри на мудрость евангелиста, какъ онъ не стыдится исповѣдать прежнее ихъ незнаніе: что было написано,—это они знали; но что было написано о Немъ,—не знали, и они были бы въ смущеніи, если бы узнали, что царь долженъ такъ пострадать. Во всякомъ случаѣ они нескоро вмѣстили знаніе царства, о которомъ говорилось,—другой евангелистъ именно говоритъ, что они думали, что рѣчь идетъ объ этомъ царствѣ. *Свидѣтельствоваше убо народъ, иже бѣ прежде съ Нимъ, егда Лазаря возгласи отъ гроба и воскреси его отъ мертвыхъ* (Іоан. xii, 17). Весь народъ потому

встрѣтилъ Его, что слышалъ, что Онъ сотворилъ это чудо. Столько народа не обратилось бы вдругъ, если бы не повѣрили чуду. *Фарисее убо рѣша къ себѣ: видите, яко никая же польза есть? Се міръ по Немъ идетъ* (ст. 19). Мнѣ кажется, эти слова принадлежали тѣмъ, кто мыслилъ о Немъ здраво, но не смѣлъ исповѣдать это вслухъ. И Павелъ, разсуждая о воскресеніи, употребилъ тотъ же пріемъ. Итакъ, какое же имѣютъ оправданіе тѣ, кто не вѣритъ въ воскресеніе? Поэтому, возлюбленные, чтобы намъ не задерживать васъ напрасно, и чтобы слово наше не показалось лабиринтомъ, оставивши это, мы скажемъ слѣдующее: внимайте Св. Писаніямъ и не спорьте безполезно на погибель слушающихъ. Это и Павелъ заповѣдалъ Тимоѳею, хотя онъ, конечно, исполненъ былъ великой мудрости и имѣлъ силу знаменій. Послушаемъ же его и мы и, оставивъ празднословіе, запасемся дѣлами, — я говорю о братолюбіи и благотвореніи, — усвоимъ великій смыслъ милостыни, чтобы сдѣлаться намъ причастниками возвѣщенныхъ благъ, благодатію и человѣколюбіемъ Господа нашего Іисуса Христа, чрезъ Котораго и съ Которымъ слава Отцу со Святымъ Духомъ, во вѣки вѣковъ. Аминь.

СЛОВО XXXIV.

На св. Рождество Христово.

Наступилъ всѣхъ праздниковъ праздникъ и наполнилъ радо- 821
стью вселенную. Праздникъ увѣнчанія всѣхъ добродѣтелей, источникъ и корень всѣхъ благъ нашихъ; праздникъ, которымъ небо отверзто, Духъ ниспосланъ, средостѣніе уничтожено, преграды пали, разстоящее соединилось, мракъ разсѣялся, свѣтъ возсіялъ, небо приняло природу, происшедшую изъ земли, земля—Почивающаго на херувимахъ, рабы стали свободными, враги—чадами, иноплеменники—наслѣдниками. Чрезъ него уничтожена продолжительная вражда и долгая война, и наступилъ миръ, давно ожидаемый ангелами и праведными людьми. И Павелъ восклицалъ, говоря: *Христосъ есть миръ нашъ, сотворивый обоя едино и средостѣніе ограды разоривый, вражду плотію Своею* (Еф. II, 14). Чрезъ него воздвигнуто знаменіе креста блестящее и славное, добыча Христова, начатокъ природы нашей, доспѣхи Царя нашего. Есть ли что-нибудь равное этому празднику? Богъ на землѣ, человѣкъ на небѣ, ангелы сослужатъ людямъ, люди въ общеніи съ ангелами и прочими горними силами; демоны убѣгаютъ,

смерть уничтожена, рай отверзтъ, клятва снята, грѣхъ изчезъ,
822 заблужденія изгнаны, истина снизошла. Природа, отъ которой херувимы оберегали рай, соединилась сегодня съ Богомъ. Слыша это, оставь уныніе. Выше всякой надежды и ожиданія то, что Богъ сталъ человѣкомъ. Если это совершилось, то и все послѣдуетъ затѣмъ съ разумной послѣдовательностью. Онъ не унизилъ бы Себя такъ безразсудно и такъ напрасно, если бы не имѣлъ возвысить насъ. Онъ родился по плоти, чтобы тебя возродить по духу; родился отъ жены, чтобы ты пересталъ быть сыномъ женщины; попустилъ, что отецъ Его сталъ рабомъ, чтобы тебѣ, рабу, сдѣлать отцомъ Владыку. Итакъ, возрадуемся и возвеселимся, съ радостью вспоминая наши блага. Если патріархъ Авраамъ радъ былъ видѣть день Господень, и видѣлъ, и возрадовался,—тѣмъ болѣе намъ, когда мы видимъ Бога въ пеленахъ—это страшное и изумительное зрѣлище—слѣдуетъ радоваться и веселиться, удивляться и приходить въ изумленіе отъ величія такого благодѣянія. Но какъ же случилось это удивительное и великое дѣло? Какъ мы, погрѣшившіе, явившіеся недостойными земли, лишившіеся власти долу, вознесены на такую высоту? Какъ война прекращена? Какъ гнѣвъ уничтоженъ? Какъ? Всего удивительнѣе и изумительнѣе то, что миръ наступилъ не тогда, когда обратились за помощью мы, погрѣшившіе,
823 не тогда, когда враги и непріятели низвергнуты, но когда призвалъ насъ Тотъ, чей праведный гнѣвъ мы заслужили. *По Христѣ убо молимъ, яко Богу молящу нами* (2 Кор. v, 20). Что это? Его оскорбили, и Онъ же молитъ. Да, говоритъ. Онъ благъ и потому молитъ. И мы попытаемся, если позволите, ведя далѣе рѣчь, показать, что, въ то время какъ человѣкъ не совершилъ никакого подвига, Онъ единственно по Своей благости даруетъ намъ настоящія и будущія блага. Но слушайте внимательно. Прежде чѣмъ появились ангелы и прочія небесныя силы, существовалъ Богъ, безначальный и отъ вѣка вседовольный,—потому что это есть свойство божественнаго. Онъ сотворилъ ангеловъ, архангеловъ и прочія безтѣлесныя существа,—сотворилъ, не по чему другому, но единственно по Своей благости. Онъ не нуждался въ ихъ служеніи, и не былъ бы ихъ творцомъ, если бы не былъ благъ. Послѣ сотворенія ихъ, Онъ творитъ и человѣка, опять по той же причинѣ, и весь этотъ міръ. И наполнивши его тысячами благъ, Онъ поставилъ незначительнаго и ничтожнаго распорядителемъ столькихъ дѣлъ, явивъ его на землѣ тѣмъ, чѣмъ самъ Онъ является на небѣ. Сотворивши же его и окруживши такой честью, Онъ отдалъ въ его распоряженіе, какъ дворецъ отдаютъ царю, лучшее изъ всего, что было на землѣ,—

рай. И не только этимъ почтилъ Онъ его, но ему одному изъ всѣхъ даровалъ слово, удостоилъ знанія о Себѣ, далъ возможность наслаждаться,—насколько Онъ могъ вмѣстить, — бесѣдой съ Собой, обѣщалъ даровать безсмертіе, исполнилъ его многой мудрости, далъ ему духовный даръ, чтобы онъ могъ нѣчто и пророчествовать. Что же случилось послѣ столькихъ и такихъ благъ? Діаволу онъ повѣрилъ больше, чѣмъ даровавшему ему все это, и, презрѣвъ заповѣдь давшаго ее, предпочелъ ей обманъ того, кто всячески хотѣлъ его погубить. Итакъ, уничтожилъ ли его Богъ,—что согласно было съ правдой,—послѣ того какъ онъ отъ начала, можно сказать, съ перваго шага, показалъ такую неблагодарность? Нисколько. Онъ заботится о павшемъ больше, чѣмъ прежде. Вслѣдъ затѣмъ, когда родъ человѣческій сталъ развращаться, такъ что была опасность, что онъ исчезнетъ съ лица земли, тѣ, кто оскорблялъ его, пользовались однако такимъ попеченіемъ, что Господь оправдывалъ Себя предъ рабомъ, разговаривалъ съ нимъ какъ съ другомъ одинаковой чести и указывалъ, по какой причинѣ совершится гибель. Потомъ Онъ даровалъ законъ въ помощь, посылалъ пророковъ, чтобы они указывали, что нужно дѣлать. Напослѣдокъ Онъ послалъ Сына Своего единороднаго, рожденнаго отъ жены, ставшаго подъ закономъ, чтобы искупить находившихся подъ закономъ, чтобы мы приняли сыноположеніе. Поэтому, пророкъ, удивляясь великому попеченію Его о вселенной, восклицаетъ громкимъ голосомъ во всеуслышаніе, говоря: *Богъ нашъ на земли явися и съ человѣки поживе* (Варух. III, 38). Поистинѣ изумительно слышать, что Богъ, неизреченный и несказанный, необъятный и равный Отцу, подлинный Сынъ безначальнаго Бога, прошелъ чрезъ дѣвическую утробу и благоизволилъ родиться отъ жены. Онъ не перестанетъ до тѣхъ поръ все дѣлать и устроять, пока не приведетъ насъ къ Нему, къ Богу, и пока изъ враговъ не сдѣлаетъ друзьями. Какъ если бы кто-нибудь, въ то время какъ двое борются другъ съ другомъ, ставши посрединѣ, распостерши обѣ свои руки и взявши руки борющихся, соединилъ ихъ, такъ и Онъ сдѣлалъ, соединивъ 824
божескую природу съ человѣческой, Свое—съ нашимъ. Обрати вниманіе на преизбытокъ благости: оскорбленный, Онъ самъ же молитъ, какъ было сказано, и устраиваетъ примиреніе. Посмотри затѣмъ, какъ онъ низвергъ тирана: царь, напримѣръ, снявши пурпуръ и діадему, часто надѣваетъ платье солдата, чтобы не привлечь къ себѣ непріятелей, послѣ того какъ они распознаютъ его; здѣсь же случилось обратное,—Христосъ пришелъ въ нашей одеждѣ, чтобы, послѣ того какъ Онъ будетъ узнанъ, не заставить врага убѣжать отъ столкновенія съ Нимъ, и чтобы не сму-

тить всѣхъ своихъ,—потому что Онъ хотѣлъ спасти, а не привести въ ужасъ. Но почему же, скажутъ, примиреніе совершилось не при посредствѣ одной изъ безтѣлесныхъ силъ или простого человѣка, но чрезъ умаленіе Слова? Потому что, если бы мы приняли общее спасеніе человѣческаго рода чрезъ какого-нибудь другого праведника, мы не узнали бы всего величія Его промышленія о насъ; дѣло, удивительное на всѣ вѣка, ниспало бы въ разрядъ дѣлъ незначительныхъ, не заключающихъ въ себѣ ничего поистинѣ удивительнаго. Когда тварь соединяется съ тварью и участвуетъ въ общемъ рабскомъ положеніи,—въ этомъ нѣтъ ничего таинственнаго, и не даетъ это повода для изумленія. А кромѣ того, какъ человѣкъ могъ совершить дѣло Бога и божественное? Если бы что-нибудь и случилось, — что бы ни было,—то скорѣе паденіе, и человѣкъ легче или сталъ бы самимъ собой, или даже сдѣлался бы хуже. Если іудеи Моисея, на котораго они часто роптали, говоря, что принесенное имъ спасеніе хуже страданій въ Египтѣ, если они, послѣ его смерти, хотѣли провозгласить богомъ,—что и было, какъ говорятъ нѣкоторые, причиной, что его гробъ остается донынѣ скрытымъ отъ глазъ іудеевъ и неизвѣстнымъ,—то не провозгласили ли бы они богомъ того, кто освободилъ ихъ отъ худшихъ насилій, не провозгласили ли бы даже въ томъ случаѣ, если бы знали его природу? Но очевидно, что это было бы не уничтоженіемъ грѣха, а болѣе тяжкимъ и болѣе неисправимымъ грѣхомъ. Потомъ можно указать и другую причину, почему, если бы для спасенія насъ отъ грѣха былъ избранъ ангелъ или простой человѣкъ, мы не только не получили бы спасенія, но родъ человѣческій лишился бы прекраснѣйшей и драгоцѣннѣйшей, несказанной славы. Что же это за причина? Мы не могли бы быть даже вблизи того, чѣмъ мы наслаждаемся и чему пріобщаемся, съ того времени какъ воплотилось Слово. Если бы человѣческая природа или ангельская приняла на себя промышленіе о насъ, какъ могло бы быть даровано человѣческому роду стать одесную Отца, быть превыше всѣхъ хоровъ ангельскихъ и архангельскихъ и наслаждаться такою честью и славой, что и они, горнія силы, стоящія въ близости Бога, желаютъ проникнуть въ нашу славу, которой мы наслаждаемся ради того смѣшенія, и находятъ нашу участь выше всякаго желанія? И если бы родъ нашъ лишился этой блаженной доли, если бы, именно, (при человѣческомъ или ангельскомъ соединеніи) онъ не принялъ славы, которой теперь просвѣтленъ, если бы мы не достигли такой силы, могущества и такого превосходства чести,—то на что бы не отважился противъ насъ врагъ нашъ? Какія бы средства не употребилъ онъ,

питая надежды снова покорить себѣ, посредствомъ ихъ, человѣ- 825
ческій родъ, подчинивъ его своей изначальной власти? Надъ кѣмъ бы онъ не пытался взять силу? Не показалъ ли бы онъ дерзость больше прежней, такъ что не счелъ бы дерзостью питать злые замыслы противъ самого неба? По этой и по другимъ подобнымъ причинамъ Слово Божіе, Сынъ и истинный Богъ, а не кто-нибудь другой, принявши нашу плоть, совершилъ общее спасеніе человѣческаго рода. Пусть никто не обвиняетъ насъ въ томъ, что мы говоримъ недостойное Бога,—говоримъ именно, что Богъ, устроивъ Себѣ живой храмъ въ дѣвической утробѣ для спасенія всего міра, чрезъ него внесъ въ нашу жизнь небесное устроеніе. Какой въ самомъ дѣлѣ былъ бы уронъ Богу отъ такого домоправленія? Не видишь ли ты того, что солнце, ощущаемое нашимъ тѣломъ, тлѣнное, измѣняющееся, — хотя бы съ этимъ несогласны были эллины, — пріобщаясь къ нечистотѣ и многому другому подобному, не принимаетъ однакожъ въ себя даже незначительной порчи и напротивъ уничтожаетъ упавшимъ лучемъ зловоніе? Но неужели же ты не допустишь, что единородный Сынъ Божій можетъ произвести въ нашей плоти нѣчто равное, такъ чтобы не только не быть загрязненнымъ ею, но сдѣлать ее даже чище и святѣе? Ты не трепещешь, осмѣливаясь заключать существо Божіе въ деревьяхъ, камняхъ и даже въ томъ, что малоцѣннѣе этого. Какъ же ты обвиняешь насъ и говоришь, что Богу неприлично обитать въ чистомъ и несквернomъ тѣлѣ, чрезъ него спасая вселенную? Если вочеловѣченіе, какъ ты говоришь, позорно для Бога, тогда гораздо позорнѣе для Него быть въ камнѣ и деревѣ, насколько камень и дерево ничтожнѣе человѣка. Или, быть можетъ, родъ человѣческій представляется тебѣ ничтожнѣе этой чувственной матеріи? Но мы оставимъ слово объ этомъ на другое время, а теперь намъ необходимо вести рѣчь о сказанномъ въ евангеліи: *Іисусъ Христово рожество сице бѣ* (Мѳ. I, 18). О какомъ рождествѣ говоришь ты? Очевидно о плотскомъ. О безначальномъ рожденіи никто не знаетъ, даже самъ единородный Сынъ Божій, сущій въ лонѣ Отца. Какъ же совершилось рождество Христово по плоти? *Обрученнѣй бо бывши матери Его Маріи Іосифови, прежде даже не снитися има, обрѣтеся имущи во чревѣ отъ Духа Свята* (ст. 18). Нужно замѣтить, что онъ не сказалъ: обрученнѣй бо бывши Дѣвѣ, но просто: *обрученнѣй бывши матери Его*. А это онъ сдѣлалъ, чтобы легче могло быть принято слово, и чтобы не привести въ крайнее изумленіе дальнѣйшею рѣчью—что *прежде даже не снитися има, обрѣтеся имущи въ чревѣ отъ Духа Свята*. Но почему же она не зачала и не понесла во чревѣ прежде замужества?

Чтобы совершившееся все было въ тайнѣ, и чтобы дурная слава не коснулась Дѣвы. Такъ какъ обрученный долженъ былъ бы ее ревновать, а между тѣмъ онъ не только не торжествовалъ надъ нею послѣ зачатія, но принялъ и служилъ ей, то это должно всѣхъ убѣдить въ томъ, что онъ удержалъ ее и сталъ служить ей, послѣ того какъ убѣдился, что случившееся произошло по дѣйствію Св. Духа. Здѣсь (евангелистъ) говоритъ, обозначая только то, что обыкновенно говорятъ въ странныхъ случаяхъ: *обрѣтеся имущи во чревѣ отъ Духа Свята*. И ты, услышавъ, что—*отъ Духа Свята*, не разслѣдывай ни о чемъ другомъ, напримѣръ: какъ безпредѣльный—и во чревѣ? все содержащій—и зачинается женой? какъ Дѣва рождаетъ и остается Дѣвой? какъ
826 Духъ Святой приготовилъ этотъ храмъ? и т. п. Сила Всевышняго осѣнила Дѣву, и Сынъ Бога сталъ рожденнымъ: ***Іосифъ же мужъ ея праведенъ сый, и не хотя ея обличити, восхотѣ тай пустити ю*** (ст. 19). Такой былъ удивительный человѣкъ, что не только не наказалъ ее, но даже и не сказалъ никому, въ томъ числѣ и самой подозрѣваемой, а размышлялъ только самъ съ собой о томъ, чтобы не выгонять ее, но отпустить. И вотъ, когда онъ находился въ смущеніи отъ подобныхъ размышленій, предсталъ предъ нимъ ангелъ, чтобы разрѣшить затрудненія въ его размышленіяхъ. Что онъ былъ въ смущеніи, это видно изъ его плановъ: ***восхотѣ***, говоритъ, ***тай пустити ю***. Если бы онъ былъ убѣжденъ, что зачатіе произошло отъ незаконнаго сѣмени, онъ отпустить ее восхотѣлъ бы ни тайно, и никакъ вообще, но предалъ бы ее закону и для наказанія, именно потому, что былъ праведенъ. Но онъ не былъ въ этомъ убѣжденъ. А съ другой стороны онъ не былъ убѣжденъ и въ томъ, что зачатіе есть слѣдствіе божественнаго дѣйствія,—потому что это выше человѣческаго разумѣнія. Итакъ, онъ колебался въ своихъ мысляхъ. И вотъ въ это время, когда онъ былъ въ смущеніи отъ своихъ размышленій, къ нему явился ангелъ и говоритъ: ***не убойся пріяти Маріамъ жены твоя: родшее бо ся въ ней отъ Духа есть свята*** (ст. 20). Говоря: ***не убойся*** удержать жену при себѣ,—слово ***пріяти*** значитъ именно это, а не ***пустити ю***, какъ у него было предположено,—говоря это, ангелъ показалъ, что онъ боялся и трепеталъ, какъ бы не оскорбить Бога. Она, говоритъ, не только свободна отъ противозаконнаго соитія, но зачала силою, высшей природы. Это именно означаетъ то, что онъ прибавилъ, говоря: ***родшее бо ся въ ней отъ Духа есть свята. Родитъ же Сына, и наречеши имя Ему Іисусъ*** (ст. 20—21). Не думай, говоритъ, что, изъ-за того, что я сказалъ, что *отъ Духа есть свята*, ты—внѣ служенія домостроительства; я тебѣ даю власть дать имя ро-

ждаемому. Хотя ты и ничѣмъ не содѣйствовалъ Его рожденію, ты однако дашь Ему имя. Если Онъ и не твой сынъ, ты все-таки покажешь на Немъ свои отцовскія права и чрезъ назначеніе имени станешь близкимъ рождаемому. Онъ не сказалъ: родитъ тебѣ Сына, но—*родитъ*,—потому что не ему она родила, но всему міру. Поэтому, онъ и прибавилъ: *той бо спасетъ люди Своя отъ грѣхъ ихъ* (21 ст.). Говоря: *люди Своя*, онъ разумѣетъ не однихъ іудеевъ, но и язычниковъ. Его народъ — всѣ, принимающіе познаніе о Немъ. Рождаемый показываетъ Себя Сыномъ Божіимъ еще и въ томъ, что отпускаетъ грѣхи, потому что отпускать грѣхи не можетъ быть свойствомъ иной силы, кромѣ какъ божественнаго существа. *Сіе же все бысть, да сбудется реченное пророкомъ, глаголющимъ: се, Дѣва во чревѣ пріиметъ и родитъ Сына, и нарекутъ имя Ему Еммануилъ, еже есть сказаемо: съ нами Богъ* (ст. 22—23). Хотѣлъ бы я, чтобы здѣсь были всѣ іудеи и эллины, чтобы, взявши отъ іудеевъ эту книгу, прочитать имъ пророчество. Вы знаете, конечно, что и въ судилищахъ, и повсюду свидѣтельство бываетъ совершенно внѣ подозрѣній, если исходитъ отъ враговъ. Безъ сомнѣнія, они не могутъ сказать, что это измышлено нами, — не нами, но людьми, которые пригвоздили Христа ко кресту, и которые передали намъ книги, говорящія о Его домостроительствѣ. Впрочемъ, есть ли они, или ихъ нѣтъ, мы сдѣлаемъ свое дѣло и приступимъ къ истолкованію. Но, если 327
позволите, возьмемъ пророчество немного выше, чтобы вы могли видѣть сказанное въ связи. *И приложи*, говорится, *Господь глаголати ко Ахазу, рекій: проси себѣ знаменія отъ Господа Бога твоего во глубину, или въ высоту. И рече Ахазъ: не имамъ просити, ниже искушу Господа. И рече Исаія: слышите убо, доме* Израилевъ: *еда мало вамъ есть трудъ даяти человѣкомъ, и како даете Господеви трудъ? Сего ради дастъ Господь самъ вамъ знаменіе: се, Дѣва во чревѣ зачнетъ, и родитъ Сына, и нарекутъ имя Ему Еммануилъ* (Иса. VII, 10—14). Когда пророкъ сказалъ: *проси себѣ знаменія*, онъ, лицемѣрно изображая изъ себя вполнѣ вѣрующаго, сказалъ: *не имамъ просити, ниже искушу Господа.* Посмотри, съ какою великою силой пророкъ наноситъ ударъ, справедливо, послѣ обличенія лицемѣрія, усиливая обвиненіе. Поэтому, онъ не удостоиваетъ его и отвѣта, но обращается къ народу, говоря: *слышите, доме Давидовъ: еда мало вамъ есть трудъ даяти человѣкомъ, и како даете Господеви трудъ?* Сказанное темно, нужно поэтому съ точностью разъяснить изреченіе. То, что онъ говоритъ, значитъ слѣдующее: развѣ это мои слова? Развѣ мое изреченіе? Если же не вѣрить людямъ безъ всякихъ основаній есть тяжкое преступленіе, тѣмъ болѣе преступно не вѣрить Богу. *Трудъ даяти* значитъ

не что иное, какъ—не вѣрить. Развѣ, говоритъ, это—малая вина? Развѣ это незначительное преступленіе—не вѣрить людямъ? Если же это преступно, тѣмъ болѣе преступно—не вѣрить Богу. Онъ сказалъ это, чтобы всѣ узнали, что пророкъ не обмануть, и что его не обольстили сказанныя слова, но что онъ высказываетъ свое рѣшеніе на мысль Ахаза. Послѣ того, какъ онъ съ великою кротостью переговорилъ съ нимъ, избавилъ его отъ бѣдствія, приказалъ быть спокойнымъ за настоящее, далъ доказательства этого, раскрывши намѣренія непріятелей, открывши предательство, предсказавши плѣнъ полный и рѣшительный и указавши время,—онъ не удовольствовался этимъ, но идетъ дальше и не ждетъ, пока тотъ потребуетъ знаменія, но обращается къ нему, хотя онъ даже не желаетъ этого по чрезмѣрной гордости. И не просто обращается, но предоставляетъ ему выборъ; онъ не говоритъ: вотъ такое и такое знаменіе, но—если хочешь. Богатъ Владыка, всесильно Его могущество, Его существо неизреченно: если хочешь знаменія съ неба,—ничто не мѣшаетъ: если хочешь—отъ земли, и тогда нѣтъ никакихъ затрудненій. Вотъ что значатъ слова: *во глубину или въ высоту.* Такъ какъ онъ не привлекъ его этими словами, и такъ какъ въ то же время самъ пророкъ не молчалъ, но обличилъ его въ послѣдующей рѣчи,—а это для исправленія слушающаго и для того, чтобы показать, что онъ не обманутъ, не обольщенъ, — то онъ открываетъ таинственное пророчество, имѣющее послужить къ спасенію міра, къ исправленію всего. И онъ говоритъ, что знаменіе дается не Ахазу, но всему народу іудейскому. Сначала пророкъ обращалъ свое слово къ Ахазу, но такъ какъ онъ явилъ себя недостойнымъ, то онъ говоритъ всему народу. Поэтому, *дастъ*, говоритъ, не тебѣ, но *вамъ знаменіе. Вамъ*—кому? Дому Давидову. Затѣмъ слѣдуетъ знаменіе. Что же это за знаменіе? *Се, Дѣва во чревѣ пріиметъ, и родитъ Сына, и нарекутъ имя Его Еммануилъ.* Нужно замѣтить,
828 что я сказалъ раньше, что знаменіе дается не Ахазу, и что это—не догадка, но самъ пророкъ обвиняетъ и обличаетъ, говоря: *еда мало вамъ есть трудъ даяти человѣкомъ?* И прибавляетъ: *сего ради дастъ Господь самъ вамъ знаменіе: се, Дѣва во чревѣ пріиметъ.* Если бы іудеи сказали, что пророкъ не говорилъ: Дѣва, но—молодая женщина (νεᾶνις), то и тогда побѣда за нами. Писаніе обыкновенно прилагаетъ имя молодой женщины (νεᾶνις) къ дѣвушкѣ, какъ написано въ Псалмахъ: *юноши и дѣвы, старцы съ юнотами да восхвалятъ имя Господне* (Псал. CXLVIII, 12—13). И Моисей говоритъ о дѣвушкѣ, которая сдѣлалась предметомъ посягательства: *возопи отроковица* (Втор. XXII, 27), то есть дѣвушка. Да совсѣмъ не было бы и знаменія, если бы она не была дѣвой, потому что знаменіе

должно выходить за предѣлы обыкновеннаго порядка вещей, быть выше обычнаго въ природѣ, казаться страннымъ и неожиданнымъ, такъ чтобы каждый изъ тѣхъ, кто слышитъ и видитъ, видѣлъ въ этомъ знаменіе. Потому и говорится: знаменіе, что оно—замѣчательно. Но оно не можетъ быть замѣчательнымъ, если будетъ теряться среди другихъ событій. Итакъ, если бы рѣчь шла о женщинѣ, рождающей по закону природы, то почему же онъ называетъ знаменіемъ то, что бываетъ каждый день? Поэтому и въ началѣ онъ не сказалъ просто: се, Дѣва (ἰδοὺ παρθένος), но, прибавивъ членъ (ἰδοὺ ἡ παρθένος), намекаетъ на то, что она—замѣчательная и единственная дѣва. Что именно это выражается прибавкой члена, можно видѣть и изъ евангелій. Когда іудеи послали къ Іоанну спросить: *ты кто еси?*—они не сказали: Христосъ (Χριστός) ли ты? но: ты ли Христосъ (ὁ Χριστός); не сказали: пророкъ (προφήτης) ли ты? но: ты ли пророкъ (ὁ προφήτης)? (Іоан. I, 19,21). Каждый изъ этихъ вопросовъ имѣетъ свой оттѣнокъ. Поэтому и Іоаннъ, начиная евангеліе, не сказалъ: въ началѣ было Слово (Λόγος—безъ члена), но: *въ началѣ бѣ Слово* (ὁ Λόγος, съ членомъ), *и Слово бѣ къ Богу* (Іоан. I, 1). Такъ и здѣсь пророкъ не сказалъ: се, дѣва, безъ члена, но: *се, Дѣва* (ἰδοὺ ἡ παρθένος), съ членомъ. Это *се* прилично достоинству пророка. Оно значитъ, что онъ видитъ и представляетъ совершающееся и имѣетъ великую увѣренность въ томъ, что говоритъ. Его глаза видятъ невидимое яснѣе, чѣмъ наши глаза. Чувства могутъ заблуждаться, благодать же Духа даетъ достовѣрное рѣшеніе. Почему же, скажутъ, онъ не прибавилъ, что это будетъ отъ Духа? Сказанное было пророчествомъ и должно было возвѣстить то, о чемъ онъ часто говорилъ прикровенно, по причинѣ безразсудства слушающихъ, — чтобы они не сожгли и самыхъ книгъ, когда ясно узнаютъ объ этомъ. Если они не щадили пророковъ, тѣмъ болѣе не стали бы стѣсняться съ писаніями. А что сказанное—не догадка, это видно изъ того, что другой царь при Іереміи, взявши эти самыя книги, изрѣзалъ ихъ и предалъ огню. Видишь ли безуміе невыносимое? Видишь ли гнѣвъ безсмысленный? Ему недостаточно было испортить книги, но онъ сжегъ ихъ, желая удовлетворить своей неразумной страсти. А между тѣмъ, удивительный пророкъ, говоря прикровенно, сказалъ однакоже все. Отъ кого, какъ не отъ Духа святого, можетъ зачать дѣва, пока она остается дѣвою? Никто другой, кромѣ Устроителя природы, не въ состояніи препобѣдить законъ природы. Поэтому, говоря: родитъ Дѣва, онъ объявилъ все. Говоря о рожденіи, онъ называетъ и имя рождаемаго и говоритъ: *родитъ же Сына, и нарекутъ имя Ему Еммануилъ.* А какъ же, скажутъ, Ему было 829

дано имя не Еммануилъ, какъ говорилъ пророкъ, но Іисусъ Христосъ? Но онъ не сказалъ: наречешь, но—*нарекутъ* народы, то есть, это—уже исходъ событій. Подобно тому какъ Іерусалимъ онъ называетъ городомъ правды, хотя городъ нигдѣ не былъ названъ правдою, давая это названіе за дѣла его,—оттого что въ немъ произошла великая перемѣна къ лучшему и оттого что онъ во власти праведника; и раньше, когда онъ называетъ городъ блудницей, то это не потому, что городъ когда-нибудь былъ названъ такъ, но онъ даетъ ему такое имя за порочность, и позднѣе онъ называетъ его указаннымъ именемъ за добродѣтель,—то же самое слѣдуетъ сказать и о Христѣ, потому что пророкъ далъ Ему имя за Его дѣла. Тогда Богъ, явившійся на землѣ и пожившій съ человѣками, показавшій великое попеченіе о насъ,—по преимуществу былъ съ нами. Съ нами былъ не ангелъ, не архангелъ; но самъ сошедшій Владыка принялъ на Себя всеобщее исправленіе, говоря съ блудницами, возлежа съ мытарями, входя въ домы грѣшниковъ, давая надежду разбойникамъ, привлекая къ Себѣ маговъ, вездѣ обходя и все исправляя, соединяя съ Собой самую природу. Все это пророкъ и предсказываетъ, говоря вмѣстѣ и о рожденномъ и о томъ несказанномъ и безмѣрномъ пріобрѣтеніи, которое произойдетъ изъ этого рожденія. Когда Богъ сталъ съ людьми, нечего уже бояться и трепетать, но нужно быть спокойнымъ за все. Такъ это и случилось: изначальное и непоколебленное зло уничтожено, отверженіе, тяготѣвшее надъ всѣмъ родомъ человѣческимъ, снято, сила грѣха ослабѣла, власть діавола поколеблена, рай, недоступный для всѣхъ, открывается прежде всего человѣкоубійцѣ и разбойнику, своды неба отверзты, люди вступили въ общеніе съ ангелами, наша природа вознесена до царскаго трона, узы ада стали ненужными, смерть, лишенная своего содержанія, осталась только по имени, хоры мучениковъ и женщины стерли жало ада. Пророкъ, предвидя все это, возликовалъ и возрадовался и все это выразилъ однимъ словомъ, пророчествуя намъ объ Еммануилѣ: *масло и медъ снѣстъ, прежде неже разумѣти Ему изволити злая, или избрати благая. Зане прежде неже разумѣти отрочати благое или злое, отринетъ лукавое, еже избрати благое* (Иса. VII, 15—16). Такъ какъ рождаемый отрокъ не былъ простой человѣкъ и не былъ только Богъ, но былъ Богъ въ человѣкѣ, то пророкъ справедливо измѣняетъ слово, говоря то о томъ, то объ этомъ, излагая странное и не позволяя, ради чрезмѣрности чуда, отвергать домостроительство. Сказавши, что родитъ Дѣва (что выше силъ природы), и что рожденный будетъ названъ Еммануиломъ (что также превышаетъ всякое ожиданіе), онъ, чтобы кто-нибудь,

услышавши объ Еммануилѣ, не заболѣлъ вмѣстѣ съ Маркіономъ и не захворалъ съ Валентиномъ, по предусмотрительности, выразительно привелъ яснѣйшее доказательство домостроительства, удостовѣряя его отъ трапезы. Что же онъ говоритъ? *Масло и медъ снѣстъ.* Это не можетъ быть свойствомъ божеской природы, но это есть свойство нашей природы. Поэтому, Онъ обиталъ въ человѣкѣ, не принявъ только образъ его, но Онъ претерпѣлъ зачатіе и девятимѣсячное пребываніе въ чревѣ, рожденіе, пелены и питаніе ранняго возраста, чтобы всѣмъ этимъ заградить уста тѣхъ, кто замышляетъ отрицать домостроительство. Предвидя все вышеизложенное, пророкъ говоритъ не только о рожденіи и о Томъ удивительномъ рожденномъ, но также о питаніи въ раннемъ возрастѣ, въ самыхъ пеленахъ, которое ничѣмъ не отличается отъ питанія остальныхъ людей, не имѣетъ съ этой стороны ничего страннаго. Нельзя сказать ни того, что въ Немъ все отличное, ни того, что все—общее. То, что Онъ родился отъ жены, это—общее; то же, что родился отъ дѣвы, это больше, чѣмъ бываетъ съ нами. Затѣмъ то, что онъ имѣлъ питаніе по общему закону природы, это у Него общее со всѣми людьми; быть же храмомъ, недоступнымъ для зла, и не терпѣть искушенія, это для насъ странно, необычно и принадлежитъ только Ему. Поэтому пророкъ касается и того, и другого,—сказавъ: *масло и медъ снѣстъ*, онъ прибавилъ: *зане прежде неже разумѣти отрочати благое или злое, отринетъ лукавое, еже избрати благое.* Онъ въ одинаковыхъ выраженіяхъ опять излагаетъ одну и ту же мысль и оттѣняетъ слово. Такъ какъ сказанное имъ было очень возвышенно, то онъ удостовѣряетъ его настойчивостью повѣствованія. То, что онъ выше обозначилъ, говоря: *прежде неже разумѣти Ему изволити злая*, на это же онъ указалъ далѣе, говоря: *прежде неже разумѣти отрочати*; затѣмъ онъ пользуется теченіемъ разсказа и продолжаетъ: *благое или злое, отринетъ лукавое, еже избрати благое.* Въ этомъ повтореніи и заключается исключительная особенность. Потому же и Павелъ обращается постоянно къ одному и тому же. Такъ какъ Христосъ долженъ былъ умереть, то, чтобы кто-нибудь изъ невѣрныхъ не подумалъ, что Онъ терпитъ наказаніе за Свой грѣхъ, апостолъ постоянно указываетъ на Его безгрѣшность, чтобы показать, что смерть Его есть очищеніе нашихъ грѣховъ. Поэтому онъ и говоритъ: *Христосъ воста отъ мертвыхъ, ктому уже не умираетъ* (Рим. vi, 9). *Еже бо умре, грѣху умре* (ст. 10). Онъ, говоритъ, претерпѣлъ смерть не какъ виновный, по причинѣ Своего грѣха, но за общій грѣхъ всѣхъ. Если же Онъ сообразно этому въ первой смерти не несъ отвѣтственности, то этимъ доказано больше, чѣмъ

нужно. что Онъ и впредь не умретъ. Но это сказано нами мимоходомъ; время снова обратиться къ евангелію. *Возставъ же Іосифъ отъ сна*, говорится, *сотвори, якоже повелѣ ему ангелъ, и пріятъ жену свою* (Мѳ. I, 24). Посмотри и здѣсь на мудрость мужа и на его совершенное нелицепріятіе. Онъ ни пытался удерживать при себѣ Дѣву, когда заподозрилъ позорное и неприличное, ни сталъ настаивать на томъ, чтобы разстаться съ нею, когда освободился отъ того подозрѣнія, но онъ принимаетъ ее и служитъ всему домостроительству. Евангелистъ употребляетъ постоянно имя „жена", не желая, чтобы то таинство было открыто до времени, и въ то же время не давая мѣста дурному подозрѣнію. *Пріятъ же ю, не знаяше ея, дондеже роди Сына своего первенца* (ст. 25). Онъ сказалъ здѣсь: *дондеже*, не для того чтобы ты питалъ подозрѣніе, что онъ послѣ этого позналъ ее, но чтобы тебѣ было извѣстно, что она осталась предъ рожденіемъ совершенно неприкосновенной. Но для чего же, скажутъ, онъ употребилъ это *дондеже?* Потому что въ Писаніи принято часто такъ дѣлать, употребляя это реченіе для обозначенія неопредѣленнаго времени, — напримѣръ: воронъ не вернулся къ Ною, „дондеже" не высохла земля, хотя онъ и потомъ не вернулся. И въ Псалмахъ говорится: *рече Господь Господеви моему: сѣди одесную Мене, дондеже положу враги Твоя подножіе ногъ Твоихъ* (Псал. CIX, 1). И Павелъ говоритъ: *подобаетъ Ему царствовати, дондеже положитъ вся враги*
831 *подъ ногама Своима* (1 Кор. XV, 25). Но ни тамъ, ни здѣсь *дондеже* не указываетъ границы времени. Иначе, какъ могло бы стоять слѣдующее пророческое слово: *власть Его власть вѣчна, и царство Его* царство, которое не погибнетъ, и царству Его не будетъ конца (Дан. IV, 31)—если бы онъ имѣлъ царствовать до такого-то времени? Такъ и здѣсь: онъ сказалъ *дондеже*, утверждая то, что было прежде рожденія; то же, что было послѣ, онъ оставилъ тебѣ для размышленія. Что тебѣ необходимо узнать отъ него, онъ сказалъ это, говоря, что Дѣва до рожденія осталась неприкосновенной: то же, что является вытекающимъ изъ сказаннаго и согласнымъ съ нимъ, это тебѣ предоставлено для размышленія,—напримѣръ, что онъ, будучи такимъ праведникомъ, и впослѣдствіи не хотѣлъ познать ее, которая такъ стала матерью и удостоена такого новаго и дивнаго способа рожденія. *Іисусу же рождшуся въ Виѳлеемѣ Іудейстѣмъ, во дни Ирода царя, се волсви отъ востокъ пріидоша въ Іерусалимъ, глаголюще: гдѣ есть рождейся царь іудейскій? Видѣхомъ бо звѣзду его на востоцѣ и пріидохомъ поклонитися ему* (Мѳ. II, 1—2). Враги истины, привязываясь здѣсь къ слову, говорятъ: вотъ и когда Христосъ родился, явилась звѣзда: это показываетъ, что астрологія — вѣрное занятіе.

Что же намъ на это сказать? Съ самой звѣзды мы положимъ начало рѣшенію. Эта звѣзда не была одна изъ многихъ звѣздъ; даже болѣе,—она не была вовсе звѣздой; это была невидимая сила, облекшаяся въ такой видъ. Это видно, во-первыхъ, изъ того, что солнце, луна и звѣзды, мы видимъ, съ востока склоняются къ западу; эта же звѣзда шла съ сѣвера на югъ,—вѣдь такъ Палестина лежитъ по отношенію къ Персіи. Во-вторыхъ, изъ того, что она была видна не ночью, но и среди дня, при свѣтѣ солнца. Въ-третьихъ, изъ того, что она то появлялась, то скрывалась. Она была видна вплоть до самой Палестины, въ то время когда она вела маговъ. Но когда они достигли Іерусалима, она скрылась. Потомъ, какъ только они вышли отъ Ирода, она снова явилась. Все это свойственно не звѣздѣ, но какой-то разумной силѣ. Въ-четвертыхъ, изъ того, что она указывала мѣсто. Она показывала мѣсто, нисходя внизъ, потому что невозможно было сдѣлать это оставаясь на верху, такъ какъ высота неизмѣрима, и, оставаясь тамъ, нельзя было очертить и сдѣлать замѣтнымъ для тѣхъ, кто хочетъ видѣть, такое узкое мѣсто. Видишь ли, сколько основаній думать, что та звѣзда не была одною изъ многихъ звѣздъ, и что она явилась слѣдуя вовсе не за внѣшнимъ рожденіемъ. Для чего же, скажутъ, она явилась? Чтобы поразить безчувственность іудеевъ. Такъ какъ, непрерывно слушая, что̀ пророки говорили о Его пришествіи, они не внимали имъ, то Онъ заставилъ придти изъ далекой земли варваровъ, отыскивающихъ царя іудеевъ у нихъ самихъ, чтобы они на языкѣ персовъ узнали то, чему не могли научиться у пророковъ; чтобы они имѣли величайшій поводъ для убѣжденія, если они окажутся благомыслящими, и чтобы на будущее время у нихъ было отнято всякое оправданіе, если они будутъ продолжать свое упорство. Богъ влечетъ маговъ чрезъ звѣзду, призывая ихъ чрезъ то, что для нихъ привычно; Онъ показываетъ имъ большую и необычную звѣзду, чтобы привести ихъ въ изумленіе величиною, красотою вида и способомъ ея шествія. Когда же Онъ привелъ ихъ и, руководя ими, поставилъ ихъ у яслей, тогда онъ сталъ говорить съ ними уже не чрезъ звѣзду, но чрезъ ангела. Маговъ чрезъ звѣзду и чрезъ ангела, а насъ чрезъ самого Единороднаго Онъ научилъ возвышенному, таинственному и превосходящему нашъ разумъ.

Размышляя о величіи такого Его снисхожденія, воздадимъ 832
Ему достойную честь и воздаяніе. Нашимъ же воздаяніемъ Богу не можетъ быть ничего другого, кромѣ спасенія нашего и нашихъ душъ, кромѣ заботъ о добродѣтели и попеченія о нашихъ братьяхъ. Ничто другое не можетъ быть признакомъ и отличіемъ

вѣрующаго во Христа и любящаго Его, кромѣ заботъ о нашихъ братьяхъ и попеченія о ихъ спасеніи, — потому что и Христосъ угождалъ не Себѣ, но многимъ. Павелъ такъ и говоритъ: *не ищу своея пользы, но многихъ, да спасутся* (1 Кор. x, 33). Зная это, возлюбленные, обсудимъ нашу жизнь, будемъ имѣть великую заботу о братьяхъ нашихъ, будемъ сохранять единеніе съ ними. Къ этому побуждаетъ насъ та страшная, приводящая въ трепетъ, жертва, повелѣвающая намъ подходить къ ней въ величайшемъ единомысліи, съ горячей любовью и, ставши здѣсь орлами, возноситься, такимъ образомъ, до самаго неба. *Идѣже аще будетъ трупъ, тамо соберутся орли* (Мѳ. xxiv, 28), — трупомъ называя тѣло, потому что оно умираетъ. Если бы Онъ не былъ трупомъ, мы не воскресли бы. Объ орлахъ же Онъ говоритъ, показывая, что приступающій къ тому тѣлу долженъ быть настроеннымъ возвышенно, не долженъ имѣть ничего общаго съ землей, не долженъ устремляться внизъ и никнуть, но долженъ постоянно устремляться вверхъ, взирать на Солнце правды и имѣть острый мысленный взоръ. Вѣдь это—трапеза орловъ, а не галокъ. Тѣ, кто вкушаетъ теперь достойно, встрѣтятъ Его и тогда, когда Онъ будетъ сходить съ небесъ; напротивъ вкушающіе трапезу недостойно потерпятъ самыя ужасныя муки. Если безъ надобности не прикасаются къ царю,—что говорю: къ царю?—безъ надобности не прикоснутся нечистыми руками къ царскимъ одеждамъ, хотя бы царь былъ въ пустынѣ, хотя бы онъ былъ одинъ, и съ нимъ никого еще не было,—а вѣдь одежда есть ничто иное какъ нити, выпряденныя червями и шелковичными гусеницами, окраска же, которой ты дивишься, только кровь убитой рыбы, и однако къ ней не осмѣливаются прикасаться нечистыми руками,—итакъ если не смѣютъ безъ надобности коснуться человѣческой одежды, то какъ мы съ такимъ поруганіемъ воспріимемъ тѣло Бога всяческихъ,—тѣло неоскверненное, чистое, причастное божественной природѣ, которымъ мы существуемъ и живемъ, которымъ сокрушены врата смерти и отверзты своды неба? Умоляю васъ, не будемъ губить себя безстыдствомъ, но будемъ приходить къ Нему съ трепетомъ и всяческой чистотой, чтобы не потерпѣть намъ тяжелѣйшаго наказанія. Чѣмъ болѣе мы получили благодѣяній, тѣмъ тяжелѣе мы примемъ наказаніе, если окажемся недостойны благодѣянія. Предъ этимъ тѣломъ, даже когда оно лежало въ ясляхъ, маги склонились въ благоговѣніи, и мужи, не знающіе Бога, и варвары, оставивши отечество и домъ, совершили длинный путь и, пришедши, поклонились ему съ великимъ страхомъ и трепетомъ. Будемъ же подражать варварамъ мы, граждане неба. Тѣ подошли къ нему съ великимъ трепетомъ, видя его въ

ясляхъ и подъ шатромъ и не видя ничего изъ того, что мы теперь видимъ; ты же видишь его не въ ясляхъ, но на жертвенникѣ, видишь, что не женщина держитъ его, но іерей предстоитъ, и духъ съ великимъ изобиліемъ осѣняетъ предложеніе. Ты видишь не просто самое тѣло, какъ тѣ, но тебѣ извѣстна и сила его и все домостроительство; тебѣ, посвященному съ тщательностью во все, не остается ничего неизвѣстнымъ изъ совершеннаго Имъ. Воспрянемъ же и исполнимся трепета, покажемъ большую, чѣмъ тѣ варвары, чистоту, чтобы, подходя безразсудно 833
и какъ-нибудь, не собрать намъ огонь на свою голову. Говорю же это я не затѣмъ, чтобы не приступали къ таинству, но чтобы не приступали безразсудно, потому что какъ безъ вниманія приступать къ той таинственной трапезѣ — опасно, такъ вовсе не пріобщаться—голодъ и смерть. Эта трапеза есть двигатель нашей души, сила, связующая нашъ разумъ, основаніе дерзновенія, надежда, спасеніе, свѣтъ, жизнь. Уходя туда съ этой жертвой, мы съ великимъ дерзновеніемъ достигнемъ священныхъ вратъ, точно огражденные со всѣхъ сторонъ золотымъ оружіемъ. Да что я говорю о будущемъ? Здѣсь это таинство дѣлаетъ для тебя землю небомъ. Раскрой же врата неба и взгляни на нихъ, — на врата даже не неба, но неба небесъ,—и тогда ты увидишь то, о чемъ было говорено. То, что тамъ цѣннѣе всего, это я покажу тебѣ лежащимъ на землѣ. Какъ въ царскихъ чертогахъ всего цѣннѣе не стѣны, не золотая крыша, но тѣло царя, возсѣдающее на тронѣ,—такъ и на небесахъ всего дороже тѣло Царя. Но ты можешь видѣть его и на землѣ. Я покажу тебѣ не ангеловъ, не архангеловъ, не небо и небеса небесъ, но самого Владыку ихъ. Видишь ли, какъ цѣннѣйшее изъ всего открыто для тебя на землѣ? И ты не только видишь, но и касаешься, и не только касаешься, но и вкушаешь и, взявши, уходишь домой? Очисти же душу, приготовь умъ къ воспріятію этихъ таинствъ. Если бы тебѣ дали нести царскаго сына въ украшеніяхъ, пурпурѣ и діа- 834
демѣ, не отказался ли бы ты отъ всего, что есть на землѣ? Какъ же, скажи мнѣ, ты не трепещешь теперь, взявши въ свои руки не царскаго человѣческаго сына, но самого единороднаго Сына Божія? Какъ не отбрасываешь всякую любовь къ житейскому? Какъ не украшаешься тѣмъ единственнымъ украшеніемъ, но еще смотришь на землю, любишь деньги, жадно влечешься къ золоту? Какое можетъ быть для тебя извиненіе? Какое оправданіе? Развѣ ты не знаешь, какъ Владыка твой не благоволитъ ко всякой роскоши въ жизни? Не потому ли Онъ по рожденіи былъ положенъ въ ясли и избралъ Себѣ матерью женщину простую? Не потому ли Онъ сказалъ человѣку, который думалъ о выгодахъ: *Сынъ же*

человѣческій не имать гдѣ главы подклонити (Мѳ. VIII, 20)? А что ученики? Не слѣдовали ли они тому же закону, обходя домы бѣдныхъ? Не останавливались ли они—одинъ у кожевника, другой у дѣлателя палатокъ? Потому такъ, что они искали не пышнаго убранства домовъ, но добродѣтелей душъ. Будемъ подражать имъ и мы, не обращая вниманіе на красоту колоннъ и мраморовъ и ища горняго мѣстожительства; растопчемъ всякое здѣшнее тщеславіе, вмѣстѣ съ страстью въ деньгамъ, и примемъ горній разумъ. Если мы будемъ трезвенны, міръ этотъ не будетъ достоинъ насъ, ни портики, ни галлереи. Поэтому, молю васъ, будемъ украшать свою душу, съ которою и отойдемъ туда, чтобы достигнуть вѣчныхъ скиній, благодатію и человѣколюбіемъ Господа нашего Іисуса Христа, чрезъ Котораго и съ Которымъ Отцу со Святымъ Духомъ слава, держава, честь, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

СЛОВО XXXV.

О покаяніи.

833. Покаяніе, тяжкое и страшное для грѣшника, есть исцѣленіе прегрѣшеній, источеніе слезъ, уничтоженіе неправды, дерзновеніе къ Богу, оружіе противъ діавола, мечъ, отсѣкающій ему голову, надежда на спасеніе, отнятіе отчаянія. Оно открываетъ небо, вводитъ въ рай, побѣждаетъ дьявола. Поэтому, я не перестану возбуждать относительно него слово, чтобы ты не отчаивался въ грѣхахъ, а поступая право, не гордился. *Тѣмже мняйся стояти да блюдется, да не падетъ* (1 Кор. x, 12),—чрезмѣрная увѣренность дѣйствительно приводитъ къ паденію. Ты праведенъ? Не падай. Грѣшникъ? Не отчаивайся. Я не перестану натирать васъ этимъ лѣкарствомъ, потому что я не знаю, есть ли какое оружіе противъ діавола, чтобы вы не отчаивались. Если ты грѣшенъ, не отчаивайся. Я не перестану говорить тебѣ слѣдующее: если ты каждый день грѣшишь, каждый день кайся. То же самое, что мы дѣлаемъ въ ветхихъ домахъ: когда они разрушаются, мы убираемъ разрушающееся и поправляемъ новымъ, никогда не переставая заботиться. Если сегодня ты пришелъ въ ветхость отъ грѣха, возстанови себя назавтра покаяніемъ. Но можно ли, скажутъ, спастись покаяніемъ? Да, обязательно. Неужели я, всю жизнь проведшій въ грѣхѣ, если покаюсь, получу спасеніе? Да. Чѣмъ это доказать? Человѣколюбіемъ Господа. Могу ли я пи-

тать довѣріе къ твоему покаянію только? Въ состояніи ли твое покаяніе уничтожить столько зла? Если бы было одно покаяніе,— тогда ты въ самомъ дѣлѣ долженъ трепетать. Но когда къ покаянію примѣшивается Божіе милосердіе, мужайся. Нѣтъ мѣры Божію милосердію; никакимъ словомъ не выразить Его благости.
Есть мѣра для твоей порочности, но для исцѣляющихъ средствъ 834
нѣтъ мѣры. Твоя порочность, какая бы она ни была, есть все-таки человѣческая порочность; милосердіе же Божіе неизреченно. Мужайся, потому что твое зло побѣждено. Представь себѣ искру, упавшую въ море. Она не можетъ держаться или свѣтить. Что для моря искра, то для милосердія Божія—грѣхи; и даже не то, но гораздо менѣе. Море, какъ оно ни велико, имѣетъ все-таки мѣру, милосердіе же Божіе безгранично. Я говорю это не затѣмъ, чтобы сдѣлать васъ легкомысленнѣе, но чтобы вы стали усерднѣе. Я часто убѣждалъ не ходить въ театръ: ты выслушивалъ, но не исполнялъ, снова шелъ въ театръ: пропускалъ мимо ушей мое слово, чтобы не стыдно было снова придти и слушать. Я выслушалъ, скажутъ, и не исполнилъ: какъ мнѣ идти и слушать? Между тѣмъ ты знаешь, что не исполнилъ, стыдишься, краснѣешь, сдерживаешься, въ то время, когда никто не обличаетъ тебя; мое слово пустило въ тебя корни, мое ученіе очищаетъ тебя и тогда, когда меня нѣтъ. Ты не исполнилъ? Но ты себя осудилъ? Ты исполнилъ на-половину, если не исполнилъ, но сказалъ: я не исполнилъ. Осудившій себя за то, что не исполняетъ, склоненъ къ тому, чтобы исполнять. Ты былъ на зрѣлищѣ? Совершилъ грѣхъ? Плѣненъ блудницей? Возвратился изъ театра? Пришелъ въ себя? Тебѣ стало стыдно? Приходи въ церковь. Ты огорченъ? Воззови къ Богу. Но не останавливайся на слѣдующемъ: горе мнѣ! я выслушалъ и не исполнилъ! какъ мнѣ идти въ церковь? какъ снова слушать? Потому особенно и иди въ церковь, что ты не исполнилъ, чтобы, выслушавши снова, исполнить. Если бы тебѣ было предложено лѣкарство, и оно не очистило бы твоего тѣла, не возьмешься ли ты за него на другой день снова? Допустимъ, дровосѣкъ хочетъ срубить дубъ. Онъ 835
беретъ топоръ, подрубаетъ корень; давши одинъ ударъ, развѣ онъ не дастъ другой, если дерево не упадетъ? Развѣ не дастъ третій, четвертый, пятый, десятый? Такъ и ты дѣлай. Блудница есть дубъ, неплодное дерево, приносящее желуди, пищу неразумныхъ свиней. Онъ пускалъ корни въ твоей душѣ въ продолженіе долгаго времени; опутывая совѣсть твою своими вѣтвями, онъ захватилъ ее. Слово мое, это—топоръ; ты уже однажды слышалъ это. Но развѣ можетъ упасть въ одинъ день то, что вростало своими корнями столько времени? Если оно не упадетъ за два

раза, за три, за сто,—и то неудивительно. Сруби хотя одно дурное, но имѣющее надъ тобой власть дѣло, хотя одну дурную привычку. Іудеи ѣли манну и требовали лука, который—въ Египтѣ: *добро намъ бысть во Египтѣ* (Числ. xi, 18). Вотъ какъ крѣпка и какое зазорное дѣло—привычка! Если ты чрезъ десять дней сдѣлаешь достойный поступокъ, если чрезъ двадцать, чрезъ тридцать, какъ мнѣ не полюбить тебя? Какъ не быть благодарнымъ? Какъ не обнять? Ты только не уставай, но стыдись и осуждай себя. Я снова заговорилъ о любви: ты выслушалъ, но отошедши совершилъ хищеніе, не оправдалъ слово дѣлами своими. Не стыдись однако опять придти въ церковь; стыдись, когда грѣшишь, не стыдись каясь, но грѣша. Выслушай, что сдѣлалъ съ тобою діаволъ. Существуетъ двѣ вещи: грѣхъ и покаяніе. Грѣхъ, это—рана; покаяніе—лѣкарство. Въ грѣхѣ—стыдъ, въ грѣхѣ—позоръ; въ покаяніи—дерзновеніе, въ покаяніи—свобода, въ покаяніи—очищеніе отъ грѣха. Выслушайте со вниманіемъ. За грѣхомъ слѣдуетъ стыдъ; спутникомъ покаянія является свобода. Но сатана извратилъ порядокъ и соединилъ свободу съ грѣхомъ, а стыдъ—съ покаяніемъ. Я не перестану говорить объ этомъ до вечера, до тѣхъ поръ пока не разрушу это. Есть рана и есть лѣкарство. Въ ранѣ —гніеніе, лѣкарство обладаетъ средствомъ очищать гніеніе. Развѣ въ лѣкарствѣ—гніеніе? Развѣ въ ранѣ спасительное средство? Не имѣетъ ли это свой порядокъ, то—свой? Можно ли перемѣнить это на то, а то на это? Но обратимся теперь къ грѣхамъ души. Въ грѣхѣ есть стыдъ, въ грѣхѣ—позоръ, его удѣлъ—безчестіе. Въ покаяніи—свобода, въ покаяніи—постъ, оправданіе. *Глаголи ты беззаконія твоя прежде, да оправдишися. Праведникъ себе самого оглагольникъ въ первословіи* (Иса. xliii, 26; Притч. xviii, 17). Діаволъ, видя, что въ грѣхѣ стыдъ (а этого достаточно, чтобы отвратить грѣшника отъ грѣха), въ покаяніи же свобода (что въ состояніи привлечь кающагося), видя это, извратилъ порядокъ, соединивъ стыдъ съ покаяніемъ и свободу со грѣхомъ. Вотъ въ чемъ дѣло, говорю я. Сильное вожделѣніе влечетъ кого-нибудь къ публичной женщинѣ. Онъ дѣлается плѣнникомъ блудницы, приходитъ въ публичный домъ, безъ стыда, не краснѣя, соединяется съ блудницей, совершаетъ грѣхъ. Въ это время нѣтъ въ немъ ни стыда, ни упрековъ. Но стыдъ является съ концомъ грѣха: онъ стыдится покаяться. Безумецъ! Когда соединялся съ блудницей, не стыдился, а когда идешь на покаяніе, тебѣ стыдно? Стыдится сказать, что совершилъ прелюбодѣяніе, краснѣетъ. Совершая самое дѣло, не краснѣетъ, а отъ слова
836 краснѣетъ? Дьяволовы это козни. Онъ позволяетъ ему въ то время, когда грѣшитъ, не только не стыдиться, но дѣлать это на

глазахъ всѣхъ, потому что знаетъ, что онъ убѣжитъ отъ грѣха, если ему будетъ стыдно; въ покаяніи же онъ заставляетъ его испытывать стыдъ, потому что знаетъ, что, стыдясь, онъ не станетъ каяться. То и другое производитъ зло, задерживаетъ раскаяніе, влечетъ ко грѣху. Что же ты стыдишься потомъ? Когда творилъ прелюбодѣяніе, не стыдился, когда же предлагаютъ лѣкарство, стыдишься? Когда очищаешься отъ грѣха, тебѣ стыдно? Ты долженъ былъ тогда стыдиться; тебѣ тогда должно было быть стыдно, когда ты грѣшилъ. Когда становился грѣшникомъ, не стыдился, когда же принимаешь оправданіе, стыдишься? *Глаголи ты беззаконія твоя прежде, да оправдишися.* О, милосердіе Господне! Не сказалъ: чтобы тебѣ не принять наказаніе, но: *да оправдишися.* Прекрасно. Но обрати вниманіе на слово: Онъ оправдываетъ его. Но какъ же Онъ дѣлаетъ это? А вотъ что случилось съ разбойникомъ: довольно было, чтобы онъ сказалъ: *ни ли ты боишися Бога*, и затѣмъ своему товарищу: *и мы убо въ правду, достойная бо по дѣламъ наю воспріемлева*, какъ Онъ говоритъ: *днесь со Мною будеши въ раи* (Лук. XXIII, 40, 41, 43). Онъ не сказалъ: освобождаю тебя отъ наказанія и осужденія, но Онъ вводитъ его въ рай. Видишь ли, какъ онъ оправдался исповѣданіемъ? Богъ человѣколюбивъ. Онъ не пожалѣлъ Сына, чтобы пощадить раба; Онъ предалъ Единороднаго, чтобы искупить неблагодарныхъ рабовъ; кровь Сына Своего Онъ сдѣлалъ цѣной ихъ свободы. О, человѣколюбіе Господне! И не говори еще: я много согрѣшилъ, какъ могу я спастись? Ты не можешь, но Господь спасетъ тебя. Онъ такъ уничтожитъ грѣхи твои, что отъ нихъ не останется даже слѣда. Съ тѣломъ этого нельзя сдѣлать. Если бы врачъ десятки тысячъ разъ пытался сдѣлать это; если бы онъ клалъ на раны лѣкарства,—рана зажила бы, но рубецъ не уничтожился бы. Этому препятствуютъ слабость природы, безсиліе искусства, несовершенство лѣкарствъ. Но Богъ, изглаждая грѣхи, не оставляетъ рубца, не позволяетъ, чтобы остался какой-нибудь слѣдъ; вмѣстѣ съ здоровьемъ Онъ даетъ также и благообразіе, освобождая отъ наказанія, даруетъ также правду и согрѣшившаго уравниваетъ съ несдѣлавшимъ грѣха. Но не можетъ ли грѣхъ привести къ отчаянію или побѣдить милосердіе Божіе? И какъ погибъ Іуда? Какъ? Вѣдь покаяніе не можетъ быть принудительнымъ. Выслушай, что говоритъ ему учитель: что Мнѣ сдѣлать съ тобою, Іуда? Ты не знаешь, что намѣренъ сдѣлать. Я знаю, но не хочу. Качество грѣховъ требуетъ этого, величіе же милосердія удерживаетъ. Что Мнѣ сдѣлать съ тобою? Пощадить тебя? Но ты станешь еще нерадивѣе. Наказать? Но Мое милосердіе не дозволяетъ Мнѣ этого. Что Мнѣ сдѣлать съ

тобою? Не поступить ли мнѣ съ тобою какъ съ Содомомъ, не поразить ли какъ Гоморру? Но Я—Отецъ, и Отецъ милосердый. И мы, зная объ этомъ милосердіи, не будемъ отчаиваться, но не будемъ также предаваться безпечности: то и другое—погибель. Отчаяніе не позволяетъ встать лежащему, безпечность заставляетъ упасть ставшаго. То имѣетъ свойство лишать дарованныхъ благъ, это не позволяетъ освободиться отъ окружающаго зла. Нерадѣніе низвергаетъ съ самаго неба, отчаяніе приводитъ къ безднѣ зла, подобно тому какъ сохраненіе мужества заставляетъ сейчасъ же спасаться оттуда бѣгствомъ. Взгляни на силу того
837 и другого. Діаволъ прежде этого былъ благъ, но, вслѣдствіе нерадѣнія и отчаянія, ниспалъ въ такую бездну зла, чтобы потомъ уже не встать. Что онъ былъ благъ, выслушай, что сказано: *видѣхъ сатану, яко молнію, съ небесе спадша* (Лук. x, 18). Уподобленіе молніи указываетъ на сіяніе прежняго состоянія и на скорость паденія. Павелъ былъ хулитель, преслѣдователь, гонитель. Но такъ какъ онъ имѣлъ ревность и не отчаивался, то онъ возсталъ и сдѣлался равнымъ ангеламъ. Іуда былъ апостолъ, но по нерадѣнію сталъ предателемъ. Разбойникъ затѣмъ, — такъ какъ онъ не отчаялся, даже послѣ того какъ совершилъ столько зла, — вошелъ въ рай прежде всѣхъ. Фарисей за то, что былъ самонадѣянъ, ниспалъ съ высоты добродѣтели; мытарь же,—такъ какъ не пришелъ въ отчаяніе, — былъ за это такъ возвышенъ, что превзошелъ того. Хочешь, я покажу тебѣ, какъ то же самое случилось съ цѣлымъ городомъ? Такъ былъ спасенъ весь городъ ниневитянъ. Приговоръ привелъ ихъ, конечно, въ уныніе. Вѣдь пророкъ не сказалъ, что, если покаются, будутъ спасены, но просто: еще три дня, и Неневія будетъ разрушена. И однако, несмотря на то, что прещеніе исходило отъ Бога, и что говорилъ пророкъ, и приговоръ былъ безъ отсрочки и ограниченія, они не пали духомъ и не измѣнили добрымъ надеждамъ. А онъ потому не прибавилъ ограниченія и не сказалъ: если покаются, будутъ спасены,—чтобы и мы, слыша рѣшеніе Божіе, не имѣющее ограниченія, не приходили въ отчаяніе, глядя на этотъ примѣръ. Ничто не даетъ діаволу такого надежнаго оружія, какъ отчаяніе. Поэтому, мы не такъ радуемъ его, когда грѣшимъ, какъ тогда, когда отчаиваемся. Выслушай же, какъ въ случаѣ съ совершившимъ блудодѣяніе Павелъ боялся отчаянія больше, чѣмъ грѣха. Пиша къ коринѳянамъ, онъ говорилъ такъ: есть вѣрный слухъ, что у васъ появилось блудодѣяніе, и притомъ такое блудодѣяніе, на которое не осмѣливаются и какого не слышно даже среди язычниковъ (1 Кор. v, 1). То, что для тѣхъ невыносимо назвать даже по имени, вы осмѣлились осуществить самымъ дѣ-

ломъ: *и вы разгордѣсте* (ст. 2). Онъ не сказалъ: и онъ возгордился, но, оставивъ согрѣшившаго, говоритъ съ здоровымъ, какъ дѣлаютъ врачи, которые, оставивъ больныхъ, говорятъ больше съ тѣми, кто ихъ сопровождаетъ. Но во всякомъ случаѣ, и они были повинные въ его безуміи,—въ томъ, что не высказывали ему ни обличеній, ни порицаній. Онъ сдѣлалъ обвиненіе общимъ, чтобы лѣченіе раны стало легче. Ужасно грѣшить, но еще ужаснѣе гордиться грѣхами. Если гордиться правдой есть лишеніе правды, то тѣмъ болѣе, относясь къ грѣхамъ, эта гордость нанесетъ намъ послѣдній вредъ и будетъ виной большей, чѣмъ самые грѣхи. Поэтому и говорится: *егда сотворите вся повелѣнная вамъ, глаголите, яко раби неключими есмы* (Лук. XVII, 10). Если сдѣлавшіе все должны быть смиренными, тѣмъ болѣе слѣдуетъ плакать, считая себя среди самыхъ послѣднихъ. Указывая именно на это, апостолъ и сказалъ: *и не паче плакасте* (1 Кор. V, 2). Что говоришь ты? Другой согрѣшилъ, а я долженъ плакать? Да, говоритъ, мы всѣ связаны другъ съ другомъ въ наказаніи по тѣлу, и по членамъ. По тѣлу: если нога получитъ рану, мы видимъ, какъ поникаетъ и голова. Что можетъ быть выше ея? Однако во время несчастія она не показываетъ своего достоинства. Такъ и ты дѣлай. Поэтому, и Павелъ убѣждаетъ радоваться съ радующимися и плакать съ плачущими. Но посмотри, какъ Павелъ боится (какъ я уже сказалъ) отчаянія, какъ великаго оружія діавола. Сказавши: *утвердите къ нему любовь*, онъ указалъ 338
и причину: *да не како многою скорбію пожертъ будетъ таковый* (2 Кор. II, 8, 7). Овца, говоритъ онъ, въ пасти волка. Поспѣшимъ же, отобьемъ ее, прежде чѣмъ онъ пожретъ ее и погубитъ членъ нашъ. Корабль теперь захваченъ бурей. Поспѣшимъ же спасти его прежде крушенія. Какъ корабль затопляется, когда море бушуетъ, и волны вздымаются со всѣхъ сторонъ, такъ и душа, когда уныніе отовсюду постигнетъ ее, скоро задыхается, если у нея нѣтъ руки, которая бы поддержала ее. Печаль о грѣхахъ спасительна, но она приноситъ гибель, если она неумѣренная. Павелъ, зная, что̀ сдѣлалъ діаволъ съ Іудой, боялся, чтобы и здѣсь не случилось того же самаго. А что же онъ сдѣлалъ съ Іудой? Іуда покаялся: *согрѣшихъ*, говорится, *предавъ кровь неповинную* (Мѳ. XXVII, 4). Дьяволъ слышалъ эти слова. Онъ увидѣлъ, что тотъ начинаетъ путь къ лучшему, идетъ ко спасенію и испугался перемѣны. У него есть вѣдь милосердый Господь: Онъ плакалъ о немъ, когда онъ имѣлъ намѣреніе предать Его, и убѣждалъ его безчисленное количество разъ: тѣмъ болѣе не приметъ ли Онъ его теперь, когда онъ кается? Когда онъ дѣлалъ недостойное, Онъ привлекалъ его и призывалъ къ Себѣ: тѣмъ болѣе

не будетъ ли Онъ звать къ Себѣ теперь, когда онъ исправился и сознал свой грѣхъ? Вѣдь Онъ для того и пришелъ, чтобы Его пригвоздили. Что же сдѣлалъ діаволъ? Онъ навелъ на Іуду ужасъ, онъ ослѣпилъ его чрезмѣрнымъ уныніемъ, онъ гналъ его, преслѣдовалъ, пока не довелъ до петли, пока не отнялъ у него эту жизнь и не лишилъ желанія раскаяться. А что онъ былъ бы спасенъ, если бы остался жить, это доказывается примѣромъ тѣхъ, кто пригвоздилъ Господа ко кресту. Если Онъ спасъ тѣхъ, кто возвелъ Его на крестъ, и, будучи уже на самомъ крестѣ, молилъ Отца, прося простить имъ ихъ преступленіе, то очевидно, что Онъ со всѣмъ благоволеніемъ принялъ бы и предателя, если бы онъ по установленному закону совершилъ покаяніе. Но онъ, подавленный чрезмѣрной скорбью, не далъ подѣйствовать лѣкарству. Павелъ, боясь этого, и настаиваетъ предъ коринѳянами вырвать человѣка изъ пасти діавола. Да что говорить о случаѣ съ коринѳянами? Петръ, послѣ участія въ таинствѣ, трижды отрекся, но слезами загладилъ все; блудница слезами пріобрѣла благоволеніе Господа; Павелъ, послѣ исповѣданія грѣховъ, сдѣлался учителемъ кающихся. Пользуясь этими средствами, станемъ лѣчить раны свои, говоря: исцѣли меня, Господи, и исцѣлѣю; исцѣли душу мою, потому что я согрѣшилъ. Принявъ насъ, Врачъ скажетъ: *Азъ есмь заглаждаяй беззаконія твоя, и не помяну* (Иса. xLIII, 25). Посмотри сколько лѣчебныхъ средствъ приготовилъ для тебя Врачъ, избери какое хочешь; разнообразную помощь Онъ указалъ примѣнительно къ разнообразію твоихъ ранъ. Если не можешь поститься, какъ ниневитяне, тогда омой, какъ блудница, слезами грѣхи твои. Если не въ состояніи дать милостыни, раскрой грѣхи твои и прибѣгни къ милосердію Божію вмѣстѣ съ Давидомъ, говоря: *помилуй мя, Боже, по велицѣй милости Твоей* (Псал. L, 3). Вѣдь это не укушеніе ехидны, чтобы я сталъ накладывать на укушенное мѣсто лѣкарство, и не грязная нечистота, чтобы я сталъ омывать ее водою; это — рана отъ укушенія діавола, она нуждается въ состраданіи Твоего человѣколюбія. Подходи, прося только объ
839 одномъ, да ниспошлетъ милость Свою Человѣколюбецъ, Который сказалъ: если обратится беззаконникъ отъ злого пути своего, не помяну беззаконій его, которыя онъ сотворилъ (Іезек. xvIII, 21—22). Обратимся же и мы, воззовемъ, омоемъ слезами нечистоту грѣха,
840 будемъ бить себя въ грудь и лицо, почувствуемъ грѣхи свои, чтобы и намъ услышать отъ Господа: сегодня будете со Мною въ раю. Ему подобаетъ всякая слава, честь и поклоненіе, нынѣ и въ безконечные вѣки. Аминь.

СЛОВО XXXVI.

Похвала св. апостолу Павлу.

Благодать Духа оставила намъ описаніе жизни святыхъ и 839
ихъ поведенія, чтобы, научаясь, какъ люди, имѣющіе одинаковую съ нами природу, выполнили все, относящееся въ добродѣтели, мы и сами возбуждались къ упражненію въ ней, возгрѣвая въ себѣ горячее стремленіе любви къ нимъ. Но какъ же это случится? Если мы постоянно будемъ прилѣпляться къ тѣмъ мужамъ и будемъ держать ихъ въ своей памяти, мы усвоимъ и ихъ образъ жизни. И въ этомъ Богъ имѣетъ быть прославленъ больше, чѣмъ во всемъ остальномъ. Если небеса повѣдаютъ славу Божію, сами не издавая звука и только располагая другихъ къ этому своимъ видомъ, то тѣмъ болѣе будутъ прославлять Бога, хотя бы и молчали, тѣ, кто ведетъ достойную удивленія жизнь, потому что другіе прославляютъ чрезъ нихъ Бога. Небо, которое видятъ столько времени, недостаточно убѣждало удивляться предъ ихъ Творцомъ; блаженные же апостолы, проповѣдуя немного времени, покорили весь міръ. Небо пребываетъ, сохраняя свой законъ и уставы. Высота души ихъ стала выше всѣхъ небесъ, красота же была такъ велика, что самъ Богъ засвидѣтельствовалъ это. Ангелы удивлялись звѣздамъ, когда онѣ были сотворены. Красоту же души ихъ восхвалилъ самъ Богъ, говоря: *вы есте свѣтъ міра* (Мѳ. v, 14). Это небо часто закрывается облаками; душа же ихъ не затемняется никакимъ искушеніемъ, но сіяетъ отъ этого еще ярче. Поэтому и Павелъ говорилъ: *благоволю въ немощехъ, во изгнаніяхъ, въ тѣснотахъ* (2 Кор. xii, 10), а затѣмъ филиппійцамъ: *за еже имѣти ми въ сердцѣ васъ во узахъ моихъ* (Филип. i, 7), и въ другомъ мѣстѣ: чтобы вы слышали, я въ узахъ, всюду преданъ узамъ. Я настойчиво буду говорить о нихъ, потому что онѣ возбуждаютъ мое сердце и поселяютъ во мнѣ желаніе поставить Павла предъ лицомъ всѣхъ,—Павла, который потрудился болѣе всѣхъ остальныхъ, о которомъ самъ Христосъ говоритъ: *сосудъ избранъ Ми есть сей* (Дѣян. ix, 15). Когда началась проповѣдь, онъ опустошалъ церковь, врываясь въ домы, влача мужей и женъ. Но въ то время какъ онъ приближался къ Дамаску, его внезапно осѣнилъ свѣтъ, и онъ ослѣпъ. Но ослѣпленіе его сдѣлалось просвѣщеніемъ вселенной. Такъ какъ видимое представлялось ему дурнымъ, Богъ, чтобы онъ могъ видѣть это въ правильномъ видѣ, ко благу ослѣпилъ его, являя вмѣстѣ и собственное Свое могущество, и предуказывая способъ проповѣди,—

именно, что слѣдуетъ вездѣ слѣдовать за Нимъ, оставивъ все свое и закрывъ глаза. Указывая именно на это, Павелъ и воскликнулъ: *аще кто мнится мудръ быти въ васъ, буй да бываетъ, яко да премудръ будетъ* (1 Кор. III, 18). Не можетъ кто-либо смотрѣть правильно, если онъ не ослѣпленъ прежде къ своему благу, если не отбросилъ смущающія его мысли и не довѣрился во всемъ своей вѣрѣ. Но пусть никто, слыша это, не подумаетъ, что это призваніе было вынужденнымъ. Онъ снова могъ вернуться туда,
810 откуда пришелъ. Многіе, видя другія, большія чудеса, опять возвращались въ прежнее состояніе, въ ветхомъ и новомъ завѣтахъ, напримѣръ Іуда, Навуходоносоръ, Елима магъ, Симонъ, Ананія, Сапфира, весь іудейскій народъ. Но не Павелъ: онъ, получивши зрѣніе, устремился къ нетлѣнному свѣту и былъ возвышенъ до самаго неба. Если же станешь спрашивать, ради чего онъ былъ ослѣпленъ, то выслушай его слова: *слышасте бо мое житіе иногда въ жидовствѣ, яко по премногу гонихъ церковь Божію, и разрушахъ ю. И преспѣвахъ въ жидовствѣ паче многихъ сверстникъ моихъ въ родѣ моемъ, излиха ревнитель сый отеческихъ моихъ преданій* (Гал. I, 13—14). Такъ какъ онъ былъ такъ стремителенъ и необузданъ, то тѣмъ тверже нужна была для него узда, чтобы увлекаемый потокомъ своей ревности онъ не оттолкнулъ того, что ему сказано. Поэтому, укрощая его безуміе, Богъ сначала чрезъ ослѣпленіе успокаиваетъ волны его бурной стремительности, и уже тогда начинаетъ говорить съ нимъ, показывая недоступность своей мудрости и превосходство вѣдѣнія, чтобы онъ научился, что онъ не въ состояніи вынести Того, съ кѣмъ борется, не только тогда, когда Онъ наказываетъ, но даже когда благодѣтельствуетъ. Не мракъ причинилъ ему вредъ, но преизбытокъ свѣта ослѣпилъ его, вмѣстѣ съ тѣмъ поднявъ его на такую высоту, что даже одежды его внушали страхъ демонамъ. Но я не удивляюсь этому, какъ не удивляюсь тому, что болѣзни изгонялись тѣнью Петра. Удивительно то, что онъ являлся творящимъ великое даже прежде полученія благодати, съ самаго начала, съ самыхъ первыхъ своихъ путей. Не имѣя той силы и не принявъ рукоположенія, онъ былъ такъ воспламененъ ревностью ко Христу, что возбудилъ противъ себя весь іудейскій народъ. Видя себя въ такой опасности, что даже городъ былъ въ осадѣ, онъ спустился чрезъ окно по стѣнѣ. Избѣжавши опасности, онъ не впалъ при этомъ въ нерѣшительность, въ боязнь, въ страхъ, но обнаружилъ большую ревность, пошелъ своимъ путемъ, снова взявъ крестъ, уклоняясь отъ опасностей ради домостроительства, но никому не уступая въ учительствѣ. Пошелъ, имѣя предъ глазами близкій еще примѣръ Стефана, видя, какъ іудеи дышатъ противъ него болѣе всѣхъ

убійствомъ, какъ они жаждутъ насладиться (гибелью) его тѣла. Но
какъ же онъ не впалъ въ опасности, оставаясь безъ всякихъ пред-
осторожностей, и, избѣгая ихъ, не потерялъ рѣшительности? Безъ
сомнѣнія, онъ цѣнилъ настоящую жизнь за пріобрѣтеніе, которое
можно получить отъ нея; но конечно онъ и презиралъ ее по своей
философіи, которая приводила его къ презрѣнію,—иными словами:
потому что онъ стремился уйти къ Іисусу. Что я всегда говорю
о немъ и не перестану никогда говорить,—это то, что никто такъ
не умѣлъ, встрѣчаясь съ противоположными вещами, съ тща-
тельностью удовлетворить той и другой; никто такъ не умѣлъ ни
любить настоящей жизни (никто даже изъ тѣхъ, кто горячо при-
вязанъ къ жизни), ни презирать ее (никто даже изъ тѣхъ, кто
умираетъ съ восторгомъ): такъ онъ былъ чистъ отъ всякаго
желанія и не увлекался ничѣмъ изъ настоящаго, но всюду слѣдо-
валъ въ своемъ желаніи волѣ Божіей! Онъ то говорилъ, что жизнь 841
для него нужнѣе даже, чѣмъ быть со Христомъ и бесѣдовать съ
Нимъ, то — что она такъ тяжка и несносна, что онъ воздыхаетъ
о разрѣшеніи и стремится къ нему. Онъ желалъ только того,
что даетъ ему пріобрѣтеніе, согласное съ волей Божіей,—желалъ,
хотя бы и случалось, что это противорѣчитъ совершившемуся
ранѣе. Онъ отличался разнообразіемъ и разнокачественностью,
не притворяясь—да не будетъ!—но будучи всѣмъ вся, что было
необходимо для проповѣди и спасенія людей, подражая этимъ
своему Господу. Такъ и Богъ являлся въ образѣ человѣка, когда
слѣдовало въ немъ явиться; являлся нѣкогда и въ огнѣ, когда
этого требовали обстоятельства; являлся то въ видѣ облеченнаго
въ доспѣхи воина, то въ видѣ старца, то въ тихомъ воздухѣ, то
какъ путникъ, то даже какъ истинный человѣкъ — и таковымъ
Онъ не отказался принять даже смерть. Когда же я говорю: слѣ-
довало явиться, пусть никто не подумаетъ, что это — необходи-
мость событій; нѣтъ, необходимость одного только милосердія.
Онъ возсѣдаетъ то на тронѣ, то на херувимахъ. Но все это Онъ
дѣлалъ сообразно цѣлямъ домостроительства. Поэтому и чрезъ
пророка Онъ сказалъ: Я умножилъ видѣнія и въ рукахъ пророче-
скихъ я уподобился. Такъ и Павелъ, подражая своему Господу,
не считалъ для себя безчестіемъ быть то іудеемъ, то какъ бы
внѣ закона. Онъ то соблюдалъ законъ, то нерадѣлъ о немъ; то
прилѣплялся къ настоящей жизни, то презиралъ ее; то требовалъ
имущества, то и отъ даннаго отказывался; приносилъ жертвы,
остригалъ волосы и снова анаѳематствовалъ дѣлающихъ это; то
обрѣзывалъ, то отвергалъ обрѣзаніе. То, что случалось съ нимъ,
было противоположно, но намѣреніе и мысль, изъ которой это
вытекало, были страшно послѣдовательны и вѣрны себѣ: онъ

одного искалъ,—спасенія слышащихъ и видящихъ это. Поэтому, онъ то возвышаетъ законъ, то уничижаетъ его. И не только въ томъ, что онъ дѣлалъ, но и въ томъ, что говорилъ, онъ обнаруживалъ разнообразіе и разнокачественность; обнаруживалъ, не измѣняя своему плану и не становясь съ однимъ одинъ, съ другимъ другой, но все сказанное приноравливая къ настоящей нуждѣ. Поэтому, не было бы ошибки, если бы кто-нибудь назвалъ душу Павла лугомъ добродѣтелей и раемъ духовнымъ: такою онъ блисталъ великой благодатью, показывая вмѣстѣ съ тѣмъ и философію души своей, достойную благодати. Такъ какъ онъ былъ сосудомъ избраннымъ и такъ какъ надлежащимъ образомъ очистилъ себя, то обильные дары Духа излились на него; изъ нихъ онъ источилъ и на насъ достойныя удивленія рѣки, но не четыре только, какъ было въ райскомъ источникѣ, а гораздо больше: онѣ истекаютъ каждый день, орошая не землю, но возбуждая души человѣческія къ плодоношенію. Но чтобы вы выслушали не изъ нашихъ устъ о подвигахъ блаженнаго Павла и о доблести, которую онъ ежедневно показывалъ ради проповѣди благочестія, необходимо выслушать собственныя его слова. Когда обманомъ лжеапостоловъ онъ былъ поставленъ въ необходимость объяснять свое (ученіе), онъ, сказавши многое другое, началъ такъ: *Служителіе ли Христовы суть? Не въ мудрости глаголю, паче азъ. Въ трудѣхъ множае, въ ранахъ преболѣ, въ темницахъ излиха, въ смертехъ многащи. Отъ іудей пять краты четыредесять развѣ единыя пріяхъ.*
842 *Трищи палицами біенъ быхъ, единою каменьми наметанъ быхъ, трикраты корабль опровержеся со мною, нощь и день во глубинѣ сотворихъ. Въ путныхъ шествіихъ множицею, бѣды въ рѣкахъ, бѣды отъ разбойникъ, бѣды отъ сродникъ, бѣды отъ языкъ, бѣды во градѣхъ, бѣды въ пустыни, бѣды въ мори, бѣды во лжебратіи. Въ трудѣ и подвизѣ, во бдѣніихъ множицею, во алчбѣ и жажди, въ пощеніихъ многащи, въ зимѣ и наготѣ, кромѣ внѣшнихъ* (2 Кор. XI, 23 — 28). Сказавши: *кромѣ внѣшнихъ*, онъ намекаетъ, что опущенное можетъ быть больше, чѣмъ то, о чемъ сказано. Затѣмъ онъ говоритъ: *нападеніе, еже по вся дни, и попеченіе всѣхъ церквей* (ст. 28). Видишь широту души? Видишь величіе ума? Какъ солнце, посылая свои лучи, проходитъ всю землю,—такую заботу и попеченіе имѣлъ и блаженный Павелъ. Поэтому онъ и говорилъ: *кто изнемогаетъ, и не изнемогаю? Кто соблазняется, и азъ не разжизаюся* (2 Кор. XI, 29)? О, какая любовь у этого мужа! Какое бодрствованіе! Какое попеченіе! У какой матери терзается такъ сердце въ то время, когда сынъ ея, больной лихорадкой, лежитъ на ложѣ, какъ блаженный Павелъ болѣлъ за страдающихъ въ каждомъ мѣстѣ и разжизался

за соблазняющихся? Какое слово достаточно для его подвиговъ? Какія уста въ состояніи обнять его похвалы? Когда одна душа имѣетъ въ себѣ собраннымъ все, что есть прекраснаго въ человѣкѣ, и все съ избыткомъ, и не только въ людяхъ, но и въ ангелахъ, то можемъ ли мы допустить преувеличеніе въ похвалахъ? Однако ради этого не будемъ молчать, напротивъ, будемъ особенно говорить. Величайшій видъ похвалы, то—когда величіе подвиговъ со всею ихъ спасительностью превосходитъ способность рѣчи; пораженіе здѣсь для насъ лучше тысячи побѣдныхъ наградъ. Откуда же удобнѣе приступить къ его похваламъ? Откуда какъ не съ того, чтобы показать сначала, что у него есть блага, свойственныя всѣмъ? Пророки ли явили что-либо доблестное, или патріархи, или праведники, или апостолы, или мученики,—все это онъ соединилъ въ себѣ, при томъ въ такомъ избыткѣ, въ какомъ никто изъ нихъ не владѣетъ тѣмъ благомъ, какое у кого есть. Смотри же: Авель принесъ жертву, и его прославляютъ за это. Но если ты поставишь на видъ жертву любви Павловой, то она окажется настолько же славнѣе той, насколько небо выше земли. Какая же жертва? Я скажу, если угодно. Онъ каждый день приносилъ въ жертву себя, и затѣмъ приносилъ двойное приношеніе,—одно: каждый день умирая, другое: нося мертвость въ тѣлѣ своемъ. Онъ постоянно отдавался опасностямъ, закалалъ себя по свободному желанію и такъ умертвилъ природу тѣла своего, что пришелъ въ состояніе, которое ничѣмъ не уступаетъ состоянію заколотыхъ жертвенныхъ животныхъ и даже гораздо выше его. Онъ приносилъ не быковъ и овецъ, но самого себя онъ закалалъ дважды каждый день. Поэтому, онъ и имѣлъ смѣлость сказать: *азъ бо уже жренъ бываю* (2 Тим. IV, 6), назвавъ возліяніемъ собственную кровь. Онъ однако не удовольствовался этими жертвами, но такъ какъ справедливо считалъ себя жертвой, то онъ пронесъ ее по всему міру, по сушѣ и по морю, въ Элладѣ и среди варваровъ, однимъ словомъ, во всѣхъ поселеніяхъ; онъ появлялся не просто путешествуя, но вырывая терніе грѣха, 843
сѣя слово благочестія, изгоняя заблужденіе, насаждая истину, дѣлая изъ людей ангеловъ, и даже болѣе—дѣлая людей изъ демоновъ ангелами. Поэтому, намѣреваясь уйти послѣ многихъ трудовъ и послѣ многочисленныхъ побѣдныхъ наградъ, онъ говоритъ, утѣшая своихъ учениковъ: *аще и жренъ бываю о жертвѣ и службѣ вѣры вашея, радуюся и сорадуюся всѣмъ вамъ. Такожде и вы радуйтеся и сорадуйтеся мнѣ* (Филипп. II, 17—18). Можетъ ли что быть равное этой жертвѣ, которую онъ принесъ, извлекши мечъ духа? Но Авель былъ умерщвленъ Каиномъ коварно, и въ этомъ отношеніи онъ имѣетъ больше славы? А я

уже перечислилъ тебѣ тысячи смертей,—столько, сколько дней жилъ проповѣдуя блаженный Павелъ. Если же ты захочешь дойти до разслѣдованія убійства, то—тотъ палъ отъ руки брата, которому не причинилъ обиды, но не оказалъ и благодѣянія, этотъ же былъ убитъ тѣми, кого онъ стремился вырвать изъ безчисленныхъ бѣдъ и чрезъ кого потерпѣлъ все, что выстрадалъ. Но праведникъ Ной, совершенный въ родѣ своемъ, былъ единственный между всѣми? И Павелъ былъ единственный между всѣми. Тотъ спасъ только себя со своими дѣтьми, этотъ же, когда вселенная была захвачена гораздо болѣе ужаснымъ потопомъ, скрѣпляя не доски и строя не ковчегъ, но вмѣсто досокъ составляя посланія, извлекъ изъ самой пучины волнъ не два, не три и не пять родственниковъ, но всю вселенную, въ то время, когда ей предстояло затонуть. Этотъ ковчегъ былъ не таковъ, чтобы ему кружиться на одномъ мѣстѣ, но онъ захватилъ предѣлы вселенной; и до сихъ поръ онъ вводитъ въ этотъ ковчегъ всѣхъ, устраивая его соотвѣтственно множеству спасающихся; принимая людей неразумнѣе безсловесныхъ, онъ дѣлаетъ ихъ равными горнимъ силамъ: всѣмъ этимъ онъ превосходитъ тотъ ковчегъ. Тотъ ковчегъ, принявши ворона, выпустилъ ворона же, и принявши волка, не уничтожилъ въ немъ дикости. Этотъ же не такъ, но, принявши волковъ, сдѣлалъ изъ нихъ овецъ, и принявши вороновъ и галокъ, превратилъ ихъ въ голубей; уничтоживши всякое неразуміе и дикость человѣческой природы, ввелъ въ нее чистоту Духа. До сихъ поръ ковчегъ этотъ продолжаетъ плавать и не разрушается; буря неправды была не въ силахъ разбить его доски, но онъ самъ, плавая, укрощалъ свирѣпую бурю. И такъ и должно было быть, потому что тѣ доски были намазаны не цементомъ и смолой, но на нихъ почилъ Св. Духъ. Мы удивляемся еще Аврааму за то, что онъ, услышавъ: *изыди изъ земли твоея и отъ рода твоего* (Быт. XII, 1), оставилъ родину и домъ, друзей и родственниковъ,—удивляемся за то, что повелѣніе Христа было для него все. Мы удивляемся даже этому. Но можетъ ли что быть равное тому, что сдѣлалъ Павелъ, который оставилъ ради Іисуса не отечество, домъ и родственниковъ, но самый міръ и все, что въ немъ, самое небо и небо небесъ и искалъ только одного—любви Іисуса? *Ни настоящая, ни грядущая, ни высота, ни глубина возможетъ насъ разлучити отъ любви Божія* (Рим. VIII, 39). Но Авраамъ вырвалъ племянника изъ рукъ варваровъ, самъ подвергаясь опасностямъ? Этотъ же спасъ не племянника, и не три и не пять городовъ, но
844 всю вселенную, и не отъ варваровъ, а отъ рукъ демоновъ, самъ терпя ежедневно тысячи опасностей и собственнымъ умираніемъ

пріобрѣтая для другихъ великую безопасность. Главная же изъ его добродѣтелей и вѣнецъ мудрости—то, что онъ принесъ въ жертву своего сына? Но и здѣсь мы найдемъ, что первенство принадлежитъ Павлу, который, какъ я уже сказалъ, приносилъ въ жертву тысячи разъ не сына, но самого себя. Чему можно бы удивляться въ Исаакѣ? Многому и другому, но всего болѣе его незлобію—тому, что роя колодцы и изгоняемый изъ собственныхъ предѣловъ, онъ не мстилъ, но, видя ихъ зарытыми, разрывалъ снова и постоянно передвигался на другое мѣсто, не нападая на тѣхъ, кто причинялъ ему обиды, но поступаясь и оставляя вездѣ собственное имущество, до тѣхъ поръ, пока не удовлетворялъ ихъ несправедливаго желанія. Но Павелъ, видя, какъ забрасывали камнями не колодцы, но собственное его тѣло, не просто уступалъ, какъ тотъ, но, самъ нападая, пытался возвести на самое небо тѣхъ, кто побивалъ его камнями. Чѣмъ болѣе засоряли источникъ, тѣмъ онъ стремительнѣе вырывался наружу и тѣмъ большими потоками изливался въ терпѣніе. Писаніе удивляется отроку за его постоянство? Но какой же адамантовый духъ можетъ явить терпѣніе Павла? Онъ не дважды семь лѣтъ, но всю жизнь служилъ за невѣсту Христову, не только сжигаемый зноемъ дня и холодомъ ночи, но выдерживая безчисленныя бури искушеній, съ тѣломъ, терзаемымъ то бичами, то камнями, то сражаясь съ звѣрями, то воюя съ моремъ, постоянно испытывая голодъ днемъ и холодъ ночью, повсюду перепрыгивая черезъ пропасти и вырывая овецъ изъ пасти діавола. Но Іосифъ былъ непороченъ? Здѣсь я боюсь, какъ бы не было смѣшно прославлять Павла, который пригвоздилъ себя міру и не только чистое въ тѣлахъ, но и всѣ вещи видѣлъ такъ, какъ мы видимъ прахъ и пепелъ; и какъ мертвый вблизи мертваго остался бы неподвижнымъ, такъ онъ, успокаивая со тщательностью возбужденія природы, никогда не испытывалъ ничего похожаго на человѣческую страсть. Всѣ люди изумляются Іову, и совершенно справедливо: онъ великій борецъ и можетъ состязаться съ самимъ Павломъ терпѣніемъ, чистотой жизни, мученичествомъ ради Бога, упорной борьбой, удивительной побѣдой, послѣдовавшей за этой борьбой. Но Павелъ провелъ въ этой борьбѣ не многіе мѣсяцы, а много лѣтъ, и остался тверже всякой скалы, хотя не то что увлажнялъ кучи земли, сидя на гноищи, но впадалъ непрерывно въ мысленную пасть самаго льва и боролся съ тысячами искушеній, хотя не три или четыре друга, но всѣ невѣрующіе ложные братья оскорбляли его, подвергали заплеванію и издѣвательству. Но Іовъ отличался большимъ гостепріимствомъ и милосердіемъ къ нуждающимся? Мы не будемъ отрицать этого,

но мы найдемъ, что это настолько же ниже милосердія Павлова насколько тѣло отстоитъ отъ души. То, что тотъ оказывалъ увѣчнымъ по тѣлу, этотъ дѣлалъ тѣмъ, кто имѣлъ поврежденіе въ душѣ, исправляя размышленіемъ всѣхъ хромыхъ и убогихъ, одѣвая одеждой мудрости голыхъ и непристойныхъ. Да что касается и тѣла, онъ былъ настолько же выше его, насколько то, когда помогаютъ нуждающимся живя среди бѣдности и въ го-
845 лодѣ, выше того, когда дѣлаютъ это при достаткѣ. У того домъ былъ открытъ для всякаго, кто приходилъ въ него, у этого же душа захватывала всю вселенную, и онъ обнималъ всѣ народы, говоря: *не тѣсно вмѣщаетеся въ насъ, утѣсняетеся же во утробахъ вашихъ* (2 Кор. VI, 12). Тотъ былъ гостепріименъ къ нуждающимся въ то время, когда у него было безчисленное количество овецъ и быковъ; этотъ же, не владѣя ничѣмъ, кромѣ тѣла, отъ него помогалъ нуждающимся,—онъ восклицаетъ, говоря: *требованію моему и сущимъ со мною послужистѣ руцѣ мои сіи* (Дѣян. XX, 34); свой тѣлесный трудъ онъ употребляетъ на иждивеніе жаждущихъ и голодающихъ. Но черви и язвы доставляли Іову трудныя и непереносныя боли? Совершенно согласенъ съ этимъ. Но если ты противопоставишь этому бичеванія Павловы въ продолженіе стольких лѣтъ, непрерывное голоданіе, наготу, узы, темницу, нападенія со стороны своихъ, со стороны чужихъ, со стороны тирановъ и всей вселенной и, наконецъ, то, что всего горче,—я говорю о скорби за падающихъ,—заботу о всѣхъ церквахъ, огненную печаль, которую онъ переживалъ за всѣхъ соблазняющихся, — ты увидишь, какъ душа, перенесшая все это, была тверже скалы, какъ она превзошла желѣзо и адамантъ; и что тотъ вытерпѣлъ тѣломъ, этотъ—въ душѣ, скорбь же за каждаго изъ соблазняющихся точитъ душу хуже всякаго червя. Поэтому, онъ непрерывно источалъ источники слезъ, не только днями, но и ночами, и о каждомъ изъ тѣхъ страдалъ тяжелѣе, чѣмъ страдаетъ жена въ мукахъ рожденія. Поэтому онъ и говорилъ: дѣти мои, отъ которыхъ я снова въ мукахъ рожденія. Кому же еще могутъ дивиться послѣ Іова? Безъ сомнѣнія, Моисею. Но онъ превзошелъ многимъ и его. Конечно въ святой душѣ Моисея велико и все прочее, но ея вершиною и вѣнцомъ является то, что онъ принялъ рѣшеніе быть изглажденнымъ изъ книги ради спасенія іудеевъ. Но онъ желалъ погибнуть вмѣстѣ съ другими, Павелъ же — не погибнуть вмѣстѣ съ ними, но, спасши ихъ, самому лишиться вѣчной славы. Одинъ боролся съ фараономъ, другой же боролся ежедневно съ діаволомъ; одинъ трудился ради одного народа, другой же ради цѣлой вселенной, всюду обливаясь не потомъ, но кровью вмѣсто пота и исправляя

не только обитаемыя мѣста, но и необитаемыя, не только Элладу, но и землю варваровъ. Можно еще выставить Іисуса, Самуила и другихъ пророковъ, но, чтобы не удлиннять слова, мы обратимся къ главнымъ изъ нихъ: если онъ окажется лучше ихъ, то уже никакого сомнѣнія не останется и относительно прочихъ. Какіе же это корифеи? Да кто же другой, какъ не Давидъ, Илія и Іоаннъ? Одинъ предтеча перваго пришествія Христова, другой— второго: оттого они имѣютъ общее другъ съ другомъ и въ самомъ наименованіи. Что же чрезвычайнаго въ Давидѣ? Смиреніе и любовь къ Богу. Кто же выполнилъ болѣе, кто не исполнилъ менѣе въ томъ и другомъ отношеніи, чѣмъ духъ Павла? А въ Иліи что удивительнаго? Что онъ заключилъ небо, наслалъ голодъ, низвелъ огонь? Не думаю. Скорѣе—то, что онъ ревновалъ о Богѣ и былъ пламеннѣе огня. Но если ты посмотришь на ревность Павлову, ты увидишь, что онъ настолько же превосходитъ того, насколько послѣдній превосходитъ другихъ. Что можетъ сравняться съ тѣми словами, которыя онъ сказалъ, ревнуя о славѣ Господа, — что *молилъ быхъ ся бо самъ азъ отлученъ быти отъ Христа по братіи моей, сродницѣхъ моихъ по плоти* (Рим. 840
IX, 3)? Поэтому, когда ему были предложены небеса, вѣнцы и награды, онъ медлилъ и колебался, говоря: *еже пребывати во плоти, нужнѣйше есть васъ ради* (Филипп. I, 24). Онъ думалъ, что ни тварь, видимая ему, ни духовное твореніе недостаточны для того, чтобы выразить его любовь и ревность; но словомъ своимъ онъ создалъ, поэтому, другое твореніе, еще не существующее, чтобы явить то, чего онъ хотѣлъ и къ чему стремился. Но Іоаннъ ѣлъ акриды и дикій медъ? Этотъ же проводилъ жизнь среди міра, какъ тотъ въ пустынѣ, проводилъ, питаясь не акридами и дикимъ медомъ, но довольствуясь гораздо болѣе простой пищей и не имѣя даже самаго необходимаго пропитанія по причинѣ ревности къ проповѣди. Но тотъ явилъ великое дерзновеніе противъ Ирода? Этотъ же заставлялъ замолчать такихъ, какъ тотъ, не одного и не двухъ и трехъ, а тысячи, да и не такихъ, а людей гораздо ужаснѣе, чѣмъ тотъ. Остается затѣмъ сопоставить его съ ангелами. Поэтому, оставивъ землю, вознесемся къ сводамъ неба. Пусть никто не осудитъ смѣлое слово. Если Писаніе назвало ангелами священниковъ, что же удивительнаго, если мы сопоставимъ съ горними силами лучшаго изъ всѣхъ? Что же въ ангелахъ великаго? То, что они со всевозможною тщательностью повинуются Богу, — чему изумляясь, Давидъ говорилъ: *сильніи крѣпостію, творящіи слово Его* (Псал. CII, 20). Но съ Павломъ ничто не сравняется, пусть они даже тысячи разъ безтѣлесны. Что всего болѣе дѣлаетъ ихъ блаженными, — это то, что они пови-

нуются повелѣніямъ, что они никогда не ослушиваются. Но и Павелъ, можно видѣть, съ точностью соблюдаетъ это. Вѣдь онъ не только творилъ слово свое, но также исполнялъ и заповѣди. Указывая на это, онъ говорилъ: *кая убо ми есть мзда? да благовѣствуяй. безъ мзды положу благовѣстіе Христово* (1 Кор. ix, 18). А чему другому удивляясь, пророкъ говорилъ и о нихъ: *творяй ангелы своя духи и слуги своя пламень огненный* (Псал. сш, 4)? Но это можно видѣть и на Павлѣ. Точно духъ и огонь, онъ проходилъ всю вселенную и очищалъ землю. Но неба онъ не достигъ? Удивительно однакожъ то, что на землѣ былъ таковой, и что облеченный въ смертное тѣло состязался съ безтѣлесными силами. Поэтому, ушедши туда, онъ находится вблизи царскаго трона,—тамъ, гдѣ херувимы прославляютъ и серафимы парятъ. Тамъ и мы, умерши, увидимъ Павла; стоя хотя бы и не вблизи, мы во всякомъ случаѣ увидимъ его, вмѣстѣ съ Петромъ и сонмомъ святыхъ, какъ главу нашу и заступника, и насладимся чистой его любовью. Если, будучи здѣсь, онъ такъ возлюбилъ людей, что, хотя у него было желаніе *разрѣшитися и со Христомъ быти*, онъ однакоже предпочелъ остаться здѣсь, то тѣмъ пламеннѣе любовь онъ окажетъ тамъ. Я люблю Римъ за то, что онъ при жизни писалъ туда, и что онъ такъ любилъ римлянъ, при личномъ свиданіи говорилъ съ ними, тамъ покончилъ свою жизнь, и они хранятъ его тѣло. Этимъ и городъ славится больше, чѣмъ всѣмъ остальнымъ. Какъ великое и сильное тѣло, онъ имѣетъ два сіяющихъ глаза, это—тѣла тѣхъ святыхъ. Не такъ небо свѣтится, когда солнце посылаетъ свои лучи, какъ городъ римлянъ, посылающій по всей вселенной эти два свѣтильника. Отсюда будетъ восхищенъ Павелъ, отсюда Петръ. Подумайте и трепещите при мысли, какое зрѣлище увидитъ Римъ, когда Павелъ вмѣстѣ
847 съ Петромъ возстанетъ изъ той гробницы и будетъ взятъ въ срѣтеніе Христу; какой даръ Римъ пошлетъ Христу, въ какіе два вѣнка будетъ облеченъ городъ, какими будетъ опоясанъ золотыми цѣпями, какіе у него будутъ источники. Поэтому, я удивляюсь этому городу не ради большого количества золота, не ради колоннъ, не ради другого великолѣпія, но ради тѣхъ столповъ Церкви. Кто дастъ мнѣ возможность обнять тѣло Павлово, приблизиться къ гробницѣ его, видѣть прахъ тѣла его, — его, который восполнилъ недостающее Христово, носилъ язвы его, повсюду сѣялъ проповѣдь о Немъ, видѣть прахъ устъ, которыя возвѣщали Христа, которыми онъ говорилъ въ присутствіи царей и не былъ посрамленъ, чрезъ которыя мы узнали о Павлѣ и о Господѣ Павла? Не такъ страшенъ громъ для насъ, какъ голосъ его былъ страшенъ для демоновъ. Какъ

молнія, явившись на небѣ, приводитъ въ ужасъ видящихъ ее,
такъ голосъ Павла приводилъ въ ужасъ діавола; подобно удару
молніи, онъ обрушивался на его полчища. Діаволъ былъ не въ
состояніи устоять предъ нимъ, но такъ боялся его и трепеталъ,
что, какъ только видѣлъ его тѣнь и слышалъ голосъ, далеко
убѣгалъ. Если трепеталъ даже предъ его одеждами, тѣмъ болѣе
предъ голосомъ. Онъ велъ его связаннаго, очищалъ вселенную,
исцѣлялъ болѣзни, избавлялъ отъ неправды, насаждалъ истину,
имѣлъ Христа почивающаго и вмѣстѣ съ Нимъ всюду выступалъ:
чѣмъ являются херувимы, тѣмъ былъ и голосъ Павла. Какъ
Онъ почиваетъ на этихъ силахъ, такъ же почиваетъ и на языкѣ
Павла. Онъ былъ достоинъ воспринять Христа, такъ какъ возвѣ-
щалъ то, что угодно Христу, и такъ какъ касался неизреченной
высоты, какъ серафимы. Я желалъ бы видѣть не только прахъ
устъ, но и прахъ сердца его, которое безошибочно называютъ
сердцемъ вселенной, источникомъ безчисленныхъ благъ, нача-
ломъ и элементомъ нашей жизни. Духъ жизни его ниспосланъ
здѣсь на всѣхъ и дарованъ членамъ Христовымъ. Я желалъ бы
видѣть его даже разрушенное, потому что оно выше небесъ, шире
вселенной, свѣтлѣе лучей, пламеннѣе огня, крѣпче адаманта, по-
тому что оно удостоено возлюбить Христа, какъ никто другой не
любилъ его. Я желалъ бы видѣть въ узахъ прахъ рукъ его, возло- 848
женіемъ которыхъ ниспосланъ Духъ Святой, которыми напи-
саны божественныя писанія, — тѣхъ рукъ, увидѣвши которыя
ехидна упала въ огонь. Я желалъ бы видѣть прахъ очей, кото-
рыя были справедливо ослѣплены, но прозрѣли для спасенія все-
ленной, которыя были удостоены видѣть даже Христа въ тѣлѣ,
которыя видѣли земное не видя и взирали на то, что недоступно
видѣнію, которыя не знали сна, бодрствовали въ полночь, кото-
рыя не терпѣли того, что свойственно глазамъ. Желалъ бы также
я увидѣть прахъ ногъ его, которыя обошли вселенную и не
знали усталости, были заключены въ колодки, когда поколеба-
лась темница, обошли обитаемыя и не населенныя мѣста, которыя
часто путешествовали. О чемъ слѣдуетъ еще говорить? Желалъ бы
я видѣть гробъ, въ которомъ покоится оружіе правды, оружіе
свѣта, члены, теперь живые, но умерщвляемые, когда въ нихъ
была жизнь, члены Христовы, облекшіеся во Христа, храмъ Духа,
жилище святое, связанные Духомъ, прикрѣпленные къ гробницѣ
страхомъ Христовымъ, носящіе язвы Христа. Это тѣло является
стѣной для того города и надежнѣе всякой башни и безчислен-
ныхъ укрѣпленій; вмѣстѣ же съ нимъ также и тѣло Петрово, по-
тому что онъ чтилъ его при жизни: *взыдохъ въ Іерусалимъ согля-
дати Петра* (Гал. I, 18). Поэтому, благодать, когда онъ и умеръ,

удостоила сдѣлать Петра его сообитателемъ. Будемъ же подражать ему. Вѣдь онъ былъ человѣкъ, причастный намъ по природѣ, имѣющій общимъ и все прочее; но такъ какъ онъ показалъ великую любовь ко Христу, то онъ сталъ выше небесъ и находится съ ангелами. Поэтому, если бы и мы захотѣли немного возвыситься и возжечь въ себѣ тотъ огонь, мы можемъ подражать тому святому. Если бы это было невозможно, онъ не воскликнулъ бы: *подобни мнѣ бывайте, якоже азъ Христу* (1 Кор. IV, 16). Будемъ же не только удивляться ему и приходить въ изумленіе, но и подражать, чтобы, и когда уйдемъ отсюда, быть удостоенными видѣть его и быть причастниками неизреченной славы, которой мы всѣ да сподобимся благодатію и человѣколюбіемъ Господа нашего Іисуса Христа, съ Которымъ слава Отцу, со Св. Духомъ, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

СЛОВО XXXVII.

О молчаніи и о тайнахъ.

847 Слово, произнесенное безразсудно, колеблетъ цѣлые домы, губитъ души, наноситъ имъ непоправимый вредъ. Можно еще возстановить потерю въ имуществѣ; вырвавшееся слово вернуть невозможно. „Ты, говорится, услышалъ слово, и пусть оно умретъ съ тобою“. Погаси его въ себѣ, закрой, не дозволяй выйти наружу, не дозволяй ему двинуться. Умертви сказанное, предай забвенію, чтобы тебѣ уподобиться не слышавшимъ этого. Многіе люди, когда выдадутъ какую-нибудь тайну, начинаютъ упрашивать услышавшаго ее и заклинаютъ не говорить еще никому другому, показывая этимъ, что они сдѣлали дѣло, достойное осужденія. Если ты упрашиваешь не говорить этого никому другому, тѣмъ болѣе тебѣ не слѣдовало говорить прежде. Если ты хочешь, чтобы слово не переходило къ другому, ты самъ не долженъ говорить; когда же ты передаешь храненіе слова другому, ты дѣлаешь ненужное и неумное, прося его и заклиная относительно храненія сказаннаго. Но злословить пріятно? Скорѣе пріятно не злословить. Злословящій затѣмъ безпокоится, подозрѣваетъ и боится, раскаивается, кусаетъ языкъ свой, боясь и дрожа, какъ бы слово, сказанное другимъ, не произвело большой опасности; а тотъ, кто хранитъ его у себя въ великой сохранности, живетъ въ великомъ удовольствіи. Не можетъ быть, чтобы человѣкъ, пересуживающій чужую жизнь, заботился когда-нибудь о соб-

ственной жизни. Когда всѣ его занятія идутъ на то, чтобы пересуживать другихъ, его собственныя дѣла по необходимости дѣлаются кое-какъ и небрежно. Тотъ, кто сурово судитъ о чужихъ дѣлахъ, никогда не будетъ пользоваться снисхожденіемъ по отношенію къ себѣ. Богъ произнесетъ Свой приговоръ, глядя не только на природу нашихъ грѣховъ, но и на судъ о другихъ. Ему слава и держава, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

СЛОВО XXXVIII.

О непостыдномъ исповѣданіи честного креста и о томъ, какъ Христосъ спасъ насъ чрезъ него, и какъ намъ въ немъ слѣдуетъ полагать славу свою; о добродѣтели и о томъ, какъ (Господь) хочетъ нашего спасенія, и о милостынѣ.

Вотъ, братіе, знаменіе, которое Господь всѣмъ намъ обѣ- 849
щалъ дать, говоря: *родъ лукавъ и прелюбодѣй знаменія ищетъ, и знаменіе не дастся ему, токмо знаменіе Іоны пророка* (Мѳ. XII, 39),— подразумѣвая крестъ, смерть, погребеніе и воскресеніе. И потомъ въ другой еще разъ, указывая на силу креста, Онъ сказалъ: *егда вознесете Сына человѣческаго, тогда уразумѣете, яко Азъ есмь* (Іоан. VIII, 28). То есть: когда пригвоздите Меня ко кресту и будете думать, что я побѣжденъ, тогда всего болѣе познаете Мое могущество. [И превосходно сказалъ Христосъ]. Послѣ того какъ Христосъ былъ пригвожденъ ко кресту, іудейскіе обычаи прекратили свое существованіе, проповѣдь процвѣла, слово распространилось до предѣловъ вселенной, земля и море, обитаемыя мѣста и необитаемыя повсюду возвѣщаютъ Его силу. Никто да не стыдится честныхъ знаковъ нашего спасенія и самаго главнаго изъ нашихъ благъ, которымъ мы живемъ и существуемъ. Какъ вѣнокъ, будемъ носить крестъ Христовъ. Все, важное для насъ, совершается чрезъ него: нужно ли было совершиться возрожденію, явился крестъ; нужно ли вкусить таинственную пищу, принять поставленіе или сдѣлать что-либо другое, вездѣ является намъ этотъ символъ побѣды. Поэтому, мы и изображаемъ его съ великимъ усердіемъ въ жилищахъ, на стѣнахъ, на дверяхъ, на челѣ и въ душѣ. Это есть знакъ нашего спасенія, общей свободы и благоволенія къ намъ Господа: *яко овча на заколеніе ведеся* (Иса. LIII, 7). Итакъ, когда знаменуешь

себя крестомъ, размысли о всемъ значеніи креста, укроти гнѣвъ и всѣ прочія страсти; когда полагаешь на себѣ крестъ, пусть лицо твое будетъ исполнено великаго дерзновенія, и душу свою сдѣлай свободной. Знайте во всякомъ случаѣ, что даетъ намъ свободу. Поэтому, и Павелъ, возводя насъ къ этому — я говорю о приличной для насъ свободѣ — поступалъ такъ, вспоминая о крестѣ и о крови Господней: вы, говоритъ, *цѣною куплени есте: не будите раби человѣкомъ* (1 Кор. VII, 23). Подумай, говоритъ, о цѣнѣ, данной за тебя, и ты не будешь ничьимъ рабомъ изъ людей: цѣною же онъ называетъ кровь, пролитую на крестѣ. Поэтому, не слѣдуетъ изображать его просто перстомъ, но прежде своею волею съ великой вѣрой и уже потомъ осѣнять имъ лицо. Никто изъ нечистыхъ демоновъ не въ силахъ будетъ стоять вблизи тебя, видя тотъ мечъ, отъ котораго онъ принялъ ударъ, видя мечъ, которымъ онъ былъ усѣченъ на смерть. Если мы дрожимъ, видя мѣста, на которыхъ осужденные терпятъ казнь, подумай, что испытаетъ діаволъ, видя оружіе, которымъ Христосъ уничтожилъ всю его силу, и которымъ отсѣкъ главу дракона. Не стыдись же этого блага, чтобы и тебя не постыдился Христосъ, когда Онъ придетъ въ славѣ Своей, и когда напередъ явится это знаменіе, сіяющее ярче лучей солнечныхъ. Именно тогда явится крестъ, говорящій самымъ видомъ своимъ, оправдывающій Господа предъ всей вселенной и показывающій, что
850 Онъ ничего не упустилъ изъ того, что нужно для людей. Это знаменіе еще при нашихъ предкахъ открывало заключенныя двери; оно уничтожало гибельные яды; оно разрушало силу цикуты; оно исцѣляло укушенія вредоносныхъ животныхъ. Если оно открыло врата ада, поколебало своды неба и обновило входъ въ рай; если перерѣзало діавольскія сѣти, — что же удивительнаго въ томъ, что оно побѣдитъ гибельные яды, звѣрей и все прочее? Начертай его въ твоей мысли, обними спасеніе нашихъ душъ. Этотъ крестъ обратилъ вселенную, изгналъ заблужденіе, явилъ истину, землю сдѣлалъ небомъ, людей превратилъ въ ангеловъ. Поэтому и демоны уже нестрашны болѣе, но заслуживаютъ презрѣнія, и смерть уже не смерть, а сонъ; поэтому все, что враждуетъ съ нами, низвергнуто долу и попрано. Если же скажутъ тебѣ: ты чтишь распятаго,—скажи громкимъ голосомъ и съ радостнымъ лицомъ: да, чту и никогда не перестану дѣлать это. Если же кто станетъ смѣяться, пролей надъ нимъ слезы, потому что онъ безумствуетъ. Возблагодари Господа за то, что Онъ далъ намъ такія благодѣянія, какихъ нельзя и узнать безъ откровенія свыше. Онъ потому и смѣется, что *душевенъ человѣкъ не пріемлетъ яже Духа Божія* (1 Кор. II, 14). Вѣдь вотъ дѣти

допускають это, когда видятъ что-либо великое и удивительное: если ты поведешь его къ таинству, дитя будетъ смѣяться. На дѣтей похожи и эллины, но они гораздо несовершеннѣе, чѣмъ тѣ, а потому и болѣе жалки, такъ какъ допускаютъ свойственное дѣтямъ не въ незрѣломъ, а въ совершенномъ возрастѣ: отсюда они недостойны и прощенія. Но мы будемъ кричать и говорить громкимъ голосомъ, ясно и открыто; если бы здѣсь были на лицо всѣ эллины, мы скажемъ съ тѣмъ большею свободой, что крестъ наша радость и главное изъ всѣхъ благъ, что онъ наша свобода и совершенный вѣнецъ. Я хотѣлъ бы получить возможность сказать вмѣстѣ съ Павломъ: *мнѣ міръ распяся, и азъ міру* (Гал. VI, 14), но я не могу, такъ какъ отягченъ разнообразными страстями. Поэтому, я умоляю васъ, прежде же васъ—себя, пригвоздиться міру и не имѣть ничего общаго съ землей, но взирать на горнее отечество, на нездѣшнюю славу и на вѣчныя блага. Мы—воины царя небеснаго и облечены въ духовное оружіе: зачѣмъ же мы ведемъ жизнь лавочниковъ и бродягъ, даже болѣе—жизнь червей? Гдѣ царь, тамъ слѣдуетъ быть и воину. Мы сдѣлались воинами, но не изъ тѣхъ, кто стоитъ вдали, а кто вблизи. Царь земной не позволилъ бы быть всѣмъ въ царскомъ дворцѣ, и даже около него; царь же небесный хочетъ, чтобы всѣ были вблизи царскаго трона. Но какъ же, скажутъ, можно, будучи здѣсь, стоять возлѣ того трона? Но вѣдь Павелъ, будучи на землѣ, былъ же тамъ, гдѣ серафимы, гдѣ херувимы и ко Христу былъ ближе, чѣмъ тѣ тѣлохранители—къ царю. Они часто обращаютъ свои взоры повсюду, этотъ же ни о чемъ не думалъ, ничто его не привлекало, но всѣ его мысли были напряжены по направленію къ Царю и Господу. Итакъ, если бы мы захотѣли, это было бы возможно также и для насъ. Если бы Онъ былъ отдѣленъ отъ насъ мѣстомъ, ты былъ бы правъ въ своемъ изумленіи; если же Онъ повсюду, Онъ близокъ къ тебѣ, когда ты стараешься и стремишься. Поэтому, пророкъ и говорилъ: *не убоюся зла, яко Ты со мною еси* (Псал. XXII, 4). А затѣмъ самъ Богъ 831
говоритъ: *Богъ приближаяйся Азъ есмь, а не Богъ издалеча* (Іер. XXIII, 23). Итакъ, какъ грѣхи удаляютъ насъ отъ Него, такъ правда приводитъ насъ къ Нему,—потому что, говоритъ, *еще глаголющу ти, реку: се, пріидохъ* (Иса. LVIII, 9). Какой отецъ когда-нибудь выслушиваетъ такъ рожденныхъ имъ? Какая мать такъ готова и такъ постоянно на-сторожѣ, когда бы ее ни позвали дѣти? Нѣтъ такихъ, ни отца, ни матери. Богъ же постоянно ожидаетъ, не позоветъ ли его кто-нибудь изъ его слугъ, и никогда не оставитъ безъ отвѣта, если его позовутъ, какъ должно. Призовемъ же и мы Его, какъ Онъ хочетъ, чтобы мы звали Его. А какъ Онъ хочетъ?

Разрѣшай, говорится, *всякъ союзъ неправды, разрушай обдолженія насильныхъ писаній, всякое писаніе неправедное раздери. Раздробляй алчущему хлѣбъ твой, и нищія безкровныя введи въ домъ твой. Аще видиши нага, одѣй, и отъ свойственныхъ племени твоего не презри. Тогда разверзется рано свѣтъ твой, и исцѣленія твоя скоро возсіяютъ. И предъидетъ предъ тобою правда твоя, и слава Божія обыметъ тя. Тогда воззовеши, и услышу тя, и еще глаголющу ти, реку: се пріидохъ* (Иса. LVIII, 6—9). Но кто же, скажутъ, все это въ состояніи сдѣлать? А кто не въ состояніи, скажи мнѣ? Что въ сказанномъ замысловатаго? Что затруднительнаго? Что нелегкаго? Да это и не только возможно, но и совершалось, потому что многіе даже превзошли мѣру сказаннаго, не только раздирая неправедныя писанія, но отказываясь и отъ своего; не только принимая подъ свой кровъ и допуская къ столу бѣдныхъ, но даже напряженно трудясь для того, чтобы дать пропитаніе бѣднымъ; благодѣтельствуя не только родственникамъ, но и врагамъ. Что же вообще изъ сказаннаго трудно? Онъ не сказалъ: взойди на гору, перейди море, разсѣки столько и столько-то слоевъ земли, оставайся голоднымъ, надѣнь вретище, но: подѣлись жилищемъ, удѣли отъ хлѣба, раздери неправедныя писанія. Что, скажи мнѣ, легче этого? Если же ты и это считаешь затруднительнымъ, взгляни на награды, и все станетъ для тебя легкимъ. Какъ цари на ристалищахъ раскладываютъ предъ состязающимися вѣнки, одежды и награды, такъ и Христосъ посреди ристалища полагаетъ побѣдныя награды, предлагая ихъ, точно при посредствѣ многихъ рукъ, чрезъ слова пророческія. Цари, хотя бы они были царями тысячи разъ, но такъ какъ они все-таки люди, и достояніе ихъ расходуется, средства уменьшаются, они имѣютъ склонность немногое выдавать за многое, поэтому, вручая каждому изъ служителей въ отдѣльности по одной изъ всѣхъ вещей, они такимъ образомъ выставляютъ ихъ на-показъ. Нашъ же царь поступаетъ совершенно обратно: соединивши все вмѣстѣ, такъ какъ достояніе Его велико, и Онъ ничего не дѣлаетъ на-показъ, Онъ такимъ образомъ полагаетъ на виду у всѣхъ то, что распространено до безграничности, и Ему будетъ нужно много рукъ, чтобы сохранить это. А чтобы ты узналъ это, тщательно просмотри въ отдѣльности все, что дано. *Тогда*, говорится, *разверзется рано свѣтъ твой*. Ты, можетъ быть, думаешь, что это одинъ даръ? Нѣтъ, не одинъ: внутри его скрыто многое: вѣнки, трофеи и иныя награды. И, если угодно, мы, разъяснивши, покажемъ все это богатство, какъ сумѣемъ. Только бы не утомить васъ! И прежде всего узнаемъ, что значитъ: *разверзется*. Онъ показываетъ намъ этимъ скорость
852 и обиліе, и то, какъ Онъ хочетъ нашего спасенія, и какъ же-

лаетъ и ведетъ къ тому, чтобы эти блага явились, и какъ ничто не будетъ препятствовать ихъ невыразимому теченію: всѣмъ этимъ онъ показываетъ ихъ обиліе и безграничность средствъ. Что значитъ: *рано?* Это значитъ: не послѣ того какъ они будутъ охвачены искушеніями и не послѣ наступленія зла, но свѣтъ предшествуетъ. Какъ о плодахъ мы говоримъ: рано—про плодъ, явившійся прежде времени, такъ и здѣсь. Онъ сказалъ такъ, снова обозначая скорость, — какъ я приводилъ уже выше: *еще глаголющу ти, реку: се пріидохъ*. Про какой это свѣтъ Онъ говоритъ, и что это будетъ за свѣтъ? Это не чувственный свѣтъ, а гораздо лучше, тотъ свѣтъ, что показываетъ намъ небо, ангеловъ, архангеловъ, херувимовъ, серафимовъ, престолы, господства, начальства, власти, все воинство, царскіе грады, скиніи. Если ты будешь удостоенъ того свѣта, увидишь это, освободишься отъ геенны и червя вредоноснаго, отъ скрежета зубовнаго, отъ узъ печали, отъ тѣсноты и скорби, и мрака безпросвѣтнаго, отъ разсѣченія на-двое, отъ огненныхъ рѣкъ, отъ проклятія, отъ мѣстъ печали, и пойдешь туда, откуда отбѣжала болѣзнь и печаль, гдѣ великая радость, миръ и любовь, наслажденіе и веселіе, гдѣ жизнь вѣчная, слава несказанная и красота невыразимая, гдѣ вѣчныя скиніи, слава царская неизреченная и тѣ блага, *яже око не видѣ, и ухо не слыша, и на сердце человѣка не взыдоша* (2 Кор. II, 9), гдѣ мѣсто духовнаго брака и небесное брачное ложе, гдѣ дѣвы съ зажженными свѣтильниками и въ брачномъ одѣяніи, гдѣ мѣстопребываніе Господа и царскія сокровищницы. Видишь, сколько наградъ, и сколько ихъ Онъ обозначилъ однимъ словомъ, и какъ сопоставилъ все вмѣстѣ? Такъ, объясняя и каждое изъ слѣдующихъ по порядку реченій, мы найдемъ великое обиліе и море необъятное. Не будемъ же откладывать, не станемъ медлить съ помощью нуждающимся; не будемъ, умоляю васъ, но, если потребуется все отбросить, если потребуется кинуться въ огонь, пойти на мечъ, столкнуться въ смертельномъ столкновеніи или потерпѣть что-нибудь другое, — все перенесемъ съ легкостью, чтобы имѣть возможность имѣть на себѣ Духа Св. Великой честью Онъ почтилъ и того, кому вручено дѣйствіе божественныхъ таинствъ: велико достоинство священниковъ. *Имже*, говорится, *отпустите грѣхи, отпустятся имъ* (Іоан. XX, 23). Поэтому, и Павелъ сказалъ: *повинуйтеся наставникомъ вашимъ и покаряйтеся* (Евр. XIII, 17) и преимущественно почитайте ихъ. Ты имѣешь попеченіе о своихъ дѣлахъ. Если ты устроишь ихъ надлежащимъ образомъ, ни о чемъ другомъ у тебя не будетъ заботы. Іерей же, если и устроитъ надлежащимъ образомъ свою жизнь, но не будетъ со вниманіемъ заботиться о твоей, пойдетъ въ геенну вмѣстѣ

съ злодѣями; часто не имѣя осужденія за свои дѣла, онъ получаетъ гибель за ваши, если не устроитъ надлежащимъ образомъ все, требуемое отъ него. Зная, какъ велика опасность, окажите ему великое же благоволеніе,—на что указываетъ и Павелъ, говоря, что *тіи бо бдятъ о душахъ вашихъ яко слово воздати хотяще* (Евр. xiii, 17). Слѣдуетъ относиться къ нимъ съ великой заботливостью. Если же вмѣстѣ съ другими нападаете на нихъ и вы, тогда и ваши дѣла не будутъ въ хорошемъ состояніи. Пока кормчій чувствуетъ себя хорошо, будутъ въ сохранности и ѣдущіе съ нимъ. Если же они станутъ бранить его и будутъ отно-
853 ситься къ нему со враждой, онъ будетъ не въ состояніи ни трудиться и бодрствовать, ни сохранить своего искусства и, не желая, подвергнетъ ихъ тысячамъ опасностей. Такъ и іерей: если онъ будетъ пользоваться со стороны васъ заботливостью, онъ надлежащимъ образомъ управитъ и ваши дѣла. Если же вы, давъ волю рукамъ, повергнете ихъ въ уныніе, тогда отдадите вмѣстѣ съ собой и ихъ во власть волнъ, хотя бы они были очень храбры. Подумай, что говоритъ объ іудеяхъ Христосъ: *на Моисеовѣ сѣдалищи сѣдоша книжницы и фарисее: вся убо, елика аще рекутъ вамъ блюсти, соблюдайте* (Мѳ. xxiii, 2—3). Теперь нельзя сказать: на Моисеевомъ сѣдалищѣ возсѣли іереи, но—на сѣдалищѣ Христа, потому что они приняли Его ученіе. Поэтому, и Павелъ говоритъ: *по Христѣ убо молимъ, яко Богу молящу нами* (2 Кор. v, 20). Не видишь ли ты на примѣрѣ внѣшнихъ начальниковъ, какъ всѣ повинуются имъ, и даже тѣ, кто часто выше судей и родомъ, и жизнью, и благоразуміемъ. Однакоже, принимая во вниманіе того, кто поставилъ ихъ, они ни о чемъ такомъ не думаютъ, но повинуются царскому рѣшенію, каковъ бы ни былъ человѣкъ, получившій власть. Вотъ какъ боятся, когда поставилъ человѣкъ; если же поставилъ Христосъ, неужели мы выскажемъ по отношенію къ нему небреженіе, неужели оскорбимъ его, неужели обременимъ безчисленными поношеніями? Мы, которымъ не дозволено судить братьевъ нашихъ, неужели станемъ изощрять языкъ свой противъ священниковъ? Развѣ достойно какого извиненія то, когда въ своемъ глазу мы не замѣчаемъ бревна, въ чужомъ же глазу тщательно разсматриваемъ сучекъ? Развѣ ты не знаешь, что, судя такъ, ты готовишь себѣ судъ еще тяжелѣе? Я говорю это, не оправдывая тѣхъ, кто правитъ священство недостойно, но сожалѣя и плача надъ ними. Однако, я говорю, что на этомъ основаніи они не могутъ быть судимы подчиненными, хотя бы
854 жизнь ихъ и заслуживала сильнаго порицанія. Ты же, если поразмыслишь въ себѣ, не будешь испытывать смущенія относительно врученнаго ему Богомъ. Вѣдь если Богъ сдѣлалъ слыш-

нымъ Свой голосъ чрезъ ослицу, и если чрезъ прорицателя даровалъ духовныя благословенія, дѣйствуя чрезъ неразумныя уста и чрезъ нечистый языкъ Валаама, ради іудеевъ, которые оскорбляли Его,—тѣмъ болѣе Онъ устроитъ все Свое ради васъ, благомыслящихъ, хотя бы священники были очень дурны, и пошлетъ Духа Св. Вѣдь и чистый священникъ привлекаетъ Его не своею чистотой, но благодать есть сила, дѣйствующая во всемъ. *Вся бо ваша суть: аще Павелъ, или Аполлосъ, или Кифа* (1 Кор. ш, 22). То, что вручено священнику, можетъ даровать только Богъ, и чего бы ни достигла человѣческая мудрость, она окажется меньшей, чѣмъ благодать. Это я говорю не затѣмъ, чтобы намъ нерадиво устраивать свою жизнь, но чтобы вы, подчиненные, не увеличивали зачастую свое зло, въ то время, когда нѣкоторые изъ предстоятелей нерадивы. Да что̀ я говорю: іереи? Ни ангелъ, ни архангелъ не въ состояніи что-либо сдѣлать въ томъ, что дано Богомъ, но Отецъ, Сынъ и Св. Духъ управляютъ всѣмъ; священникъ же служитъ своими устами и простираетъ руки свои. Да и несправедливо было бы людямъ, которые съ вѣрою приступаютъ къ символамъ нашего спасенія, терпѣть вредъ по неправдѣ другого. Зная все это, станемъ же бояться Бога и почитать священниковъ его, оказывая имъ всякую честь, чтобы намъ воспринять воздаяніе отъ Бога и за собственные свои подвиги, и за великое о тѣхъ попеченіе, благодатію и человѣколюбіемъ Господа нашего Іисуса Христа, съ Которымъ Отцу со Св. Духомъ слава во вѣки вѣковъ. Аминь.

СЛОВО XXXIX.

О томъ, что Богъ далъ намъ много путей для того, чтобы не грѣшить, если хотимъ, и что тому, кто намѣренъ получить царство небесное, слѣдуетъ соблюдать всѣ заповѣди, соблюдающій же однѣ и нарушающій другія узнаетъ въ геенн ѣ, чѣмъ онъ отличается отъ другихъ людей.

Снова, возлюбленные, я вынуждаюсь говорить о предметахъ 853
настоящей жизни. Что же дѣлать? Не хотѣлъ бы, но принужденъ. Если бы можно было, молча и не говоря ни о чемъ изъ случившагося, уничтожить это молчаніемъ,—слѣдовало бы молчать; но если бываетъ обратное, если случившееся, когда мы молчимъ, не только не уничтожается, но становится еще обременительнѣе,—

необходимо говорить. Обличающій грѣшниковъ, если не сдѣлаетъ ничего другого, то хотя не дозволитъ имъ идти дальше. Нѣтъ души настолько безстыдной и наглой, чтобы, слушая непрерывно, какъ нѣкоторые обличаютъ ее, она не почувствовала стыда и не оставила великую неправду. Вѣдь есть же, есть хотя немного стыда и въ человѣкѣ безстыдномъ, потому что Богъ насадилъ стыдъ въ нашей природѣ. Такъ какъ страхъ недостаточенъ, чтобы сдерживать насъ, то Онъ приготовилъ много и другихъ путей къ тому, чтобы мы не грѣшили,—напримѣръ: обличеніе человѣка, страхъ предъ установленными законами, любовь къ славѣ, вліяніе дружбы. Все это пути къ тому, чтобы не грѣшить. Часто чего не совершается дѣйствіемъ Бога, то бываетъ изъ-за страха предъ людьми. Желательно же слѣдующее: научить сначала не грѣшить, а потомъ мы исправимъ это тѣмъ, чтобы дѣлать это
854 при помощи Божіей. Для чего же и Павелъ убѣждаетъ тѣхъ, кто имѣетъ намѣреніе повліять на своихъ враговъ, дѣлать это, внушая не страхъ предъ Богомъ, но то, что его ждетъ возмездіе? *Сіе бо творя, угліе огненное собираеши на главу его* (Рим. XII, 20). Между тѣмъ, онъ хочетъ того, чтобы была исполнена добродѣтель. Итакъ въ насъ есть, какъ я сказалъ, нѣкоторый стыдъ. По природѣ мы имѣемъ много благъ, располагающихъ насъ къ добродѣтели,—напримѣръ: мы, всѣ люди, склонны отъ природы къ жалости, и ни одно благо не заложено въ нашу природу такъ прочно, какъ это. На этомъ основаніи имѣютъ право спросить: отчего же въ нашу природу врождено всего болѣе то, чтобы сокрушаться слезами, склоняться, чувствовать готовность? Всякій человѣкъ не отъ природы безпеченъ, не отъ природы ему чуждо тщеславіе, не по природѣ онъ выше зависти, но сострадание врождено всѣмъ по природѣ, хотя бы кто-либо и былъ жестокъ и суровъ. И что удивительно! Мы жалѣемъ и звѣрей,—въ такомъ избыткѣ намъ врождена жалость. Если мы видимъ львенка, мы нѣчто испытываемъ,—тѣмъ болѣе, когда видимъ существо той же природы. Взгляни, сколько увѣчныхъ. Это достаточно, чтобы возбудить въ насъ состраданіе. Ничто такъ не радуетъ Бога, какъ милостыня. Поэтому священники помазываются елеемъ, тоже цари и пророки: елей—символъ милосердія Божія. Сверхъ того, они научались, что начальнику слѣдуетъ имѣть больше состраданія; имъ показывалось, что даже Духъ имѣетъ снизойти на человѣка ради состраданія. Такъ какъ Богъ оказываетъ людямъ состраданіе и милосердіе, поэтому и они помазываются елеемъ. Именно священство Онъ установилъ по Своему милосердію. Цари тоже помазываются елеемъ, потому что говорится: *милуеши же всѣхъ, яко вся можеши* (Прем. XI, 24). Если кто-нибудь хочетъ

похвалить начальника, онъ ничего не найдетъ сказать ему болѣе 855
приличнаго, чѣмъ о милосердіи. Подумай, что міръ сотворенъ по милосердію, и подражай Господу. *Милость человѣча на искренняго своего, милость же Господня на всяку плоть* (Іис. Сир. xviii, 12). Будешь ли ты говорить о грѣшникахъ, или о праведникахъ, всѣмъ намъ нужна милость Божія, всѣ мы пользуемся ею, хотя бы это былъ Павелъ, или Петръ, или Іоаннъ. Ненужно нашихъ словъ,—выслушай, что они говорятъ сами. Что же говоритъ тотъ блаженный? *Помилованъ быхъ, яко сотворихъ не вѣдый въ невѣрствіи* (1 Тим. i, 13). Что же? Послѣ этого онъ не нуждался въ милости? Выслушай, что онъ говоритъ: *паче всѣхъ ихъ потрудихся: не азъ же, но благодать Божія, яже со мною* (1 Кор. xv, 10); и объ Епафродитѣ говоритъ: *ибо болѣ близъ смерти, но Богъ помилова его: не егоже токмо, но и мене, да не скорбь на скорбь пріиму* (Филипп. ii, 27); и еще: *паче силы отяготихомся, яко не надѣятися намъ и жити. Но сами въ себѣ осужденіе смерти имѣхомъ, да не надѣющеся будемъ на ся, но на Бога, иже отъ толикія смерти избавилъ ны есть и избавляетъ* (2 Кор. ii, 8—10); еще: *избавленъ быхъ отъ устъ львовъ. И избавитъ мя Господь* (2 Тим. iv, 17—18). И повсюду находимъ, какъ онъ радуется тому, что по милости былъ спасенъ. Петръ былъ такимъ также по милосердію. Выслушай, какъ Христосъ говоритъ къ нему,—что *сатана проситъ васъ, дабы сѣялъ, яко пшеницу. Азъ же молихся о тебѣ, да не оскудѣетъ вѣра твоя* (Лук. xxii, 31—32). И Іоаннъ былъ такимъ по милосердію. Однимъ словомъ, всѣ. Выслушай, что говоритъ Христосъ: *не вы Мене избрасте, но Азъ избрахъ васъ* (Іоан. xv, 16). Всѣ мы нуждаемся въ милосердіи Божіемъ. „Милость Божія, говорится, на всяку плоть". Если тѣ нуждались въ милосердіи Божіемъ, что же сказать про остальныхъ? Отчего, скажи мнѣ, Онъ посылаетъ солнце на злыхъ и праведныхъ? Что, если бы Онъ удержалъ на годъ дождь, не погубилъ ли бы Онъ всѣхъ? А если бы послалъ наводненіе? Если бы—чрезмѣрный дождь? А что было бы, если бы Онъ послалъ мухъ? Да что говорить? Не погибли ли бы всѣ, если бы Онъ сдѣлалъ такъ, какъ нѣкогда? *Что есть человѣкъ, яко помниши его* (Псал. viii, 5)? Благовременно сказать теперь: „если только Онъ выскажетъ прещеніе, всѣ станутъ какъ одинъ гробъ. Какъ капля воды изъ кадки, такъ, говорится, народы предъ лицомъ Его; они будутъ вмѣнены, какъ плюновеніе, какъ колебаніе вѣсовъ". Какъ легко намъ сдвинуть стрѣлку вѣсовъ, такъ Ему легко погубить все и снова возродить. Тотъ, кто имѣетъ надъ нами такую власть, видитъ, какъ мы каждодневно грѣшимъ, и не наказываетъ,—неужели Онъ не оставляетъ насъ не по милосердію? Равнымъ образомъ и наше имущество,—тоже по

милосердію. Онъ призрѣлъ на землю и наполнилъ ее живыми существами. Для чего? Для тебя. Тебя же почему сотворилъ? По благости. Нѣтъ ничего лучше елея: онъ—источникъ свѣта, и тамъ милосердіе тоже будетъ источникомъ свѣта. „Разверзется, говорится, рано свѣтъ твой" (Иса. LVIII, 8), если ты окажешь милость ближнему. Какъ елей удерживаетъ этотъ свѣтъ, такъ милостыня подаетъ намъ тамъ великій и удивительный свѣтъ. У Павла было великое пониманіе этого рода милосердія. Выслушай, что онъ говоритъ: *точію нищихъ да помнимъ* (Гал. II, 10), и въ другомъ мѣстѣ: *аще достойно будетъ и мнѣ ити* (1 Кор. XVI, 4).
856 И повсюду, выше и ниже, ты видишь, какъ онъ заботится объ этомъ. Еще: *да учатся же и наши добрымъ дѣломъ прилежати* (Тит. III, 14), и еще: *сія бо суть полезна человѣкомъ и добра* (Тит. III, 8). Выслушай, что говоритъ и другой: *милостыня отъ смерти избавляетъ* (Тов. XII, 9). *Аще беззаконія назриши, Господи, Господи, кто постоитъ* (Псал. CXXIX, 3)? *И не вниди въ судъ съ рабомъ своимъ* (Псал. CXLII, 2). *Велика вещь человѣкъ, и драгая мужъ, творяй правду* (Притч. XX, 6). Вотъ что значитъ человѣкъ милосердый! Даже болѣе: Богъ есть то, чтобы быть милосердымъ. Видишь, какова сила милосердія Божія? Оно совершило все, оно и міръ создало единственно по благости; ради него и геенной Онъ угрожалъ для того, чтобы мы достигали царства,—царства же мы достигаемъ чрезъ милосердіе. Почему Онъ, единый, сотворилъ столькихъ? Не по благости ли? Не по человѣколюбію ли? Если станешь спрашивать: почему то, почему это?—повсюду увидишь одну только благость. Будемъ же милосерды, чтобы и намъ была оказана милость. Не столько тѣмъ, сколько самимъ себѣ мы собираемъ милость въ тотъ день, когда пламя огня будетъ свирѣпствовать. Милосердіе умѣряетъ огонь и служитъ для насъ источникомъ свѣта,—чрезъ него мы освободимся отъ геенны огненной. На какомъ основаніи Онъ сжалится надъ нами и окажетъ милость? Состраданіе происходитъ отъ любви. Ничѣмъ нельзя такъ обрадовать Бога, какъ милосердіемъ. У насъ есть пять чувствъ, и какъ всѣми ими слѣдуетъ пользоваться по нуждѣ, такъ и всѣми добродѣтелями. Если бы кто-нибудь былъ цѣломудренъ, но не имѣлъ состраданія; или если бы кто подавалъ милостыню, но былъ корыстолюбивъ; или воздерживался бы отъ чужого, но не удѣлялъ изъ своего,—все было бы напрасно. Намъ недостаточно одной добродѣтели, чтобы съ дерзновеніемъ приступить къ престолу Христову, но необходимо много добродѣтелей, различныхъ, разнокачественныхъ, всякихъ. Выслушай, что говоритъ Онъ Своимъ ученикамъ: *шедше научите вся языки, учаще ихъ блюсти вся, елика заповѣдахъ вамъ* (Мѳ. XXVIII, 19—20), и еще: *иже аще*

разоритъ едину заповѣдей сихъ малыхъ, мнiй наречется въ царствiи небесномъ (Мѳ. v, 19), то есть въ воскресенiи,—значитъ: не войдетъ въ царство,—царствомъ же онъ, очевидно, называетъ самое время воскресенiя. *Аще*, говорится, *разоритъ едину, мнiй наречется:* итакъ, мы должны соблюдать всѣ заповѣди. Посмотри, насколько невозможно войти, помимо милостыни, но если бы даже она одна была оставлена, мы пойдемъ въ огонь. *Идите отъ Мене, проклятiи, во огнь вѣчный, уготованный дiаволу и аггеломъ его.* Но за что же и почему? *Взалкахся, и не дасте Ми ясти: возжадахся, и не напоисте Мя* (Мѳ. xxv, 41—42). Видишь, какъ, не имѣя никакой другой вины, они погибли только поэтому? И дѣвы только за это были изгнаны изъ брачнаго чертога,—хотя онѣ и сохранили цѣломудрiе. *Миръ имѣйте и святыню со всѣми, ихже кромѣ никтоже узритъ Господа* (Евр. xii, 14). Конечно, думай такъ, что и безъ чистоты нельзя увидѣть Господа. Но одна чистота не дѣлаетъ способнымъ видѣть Его во всѣхъ случаяхъ: часто другое что-либо препятствуетъ. Еще: если мы все исполнимъ, но не принесемъ пользы ближнему, мы такъ и не войдемъ въ царство. Откуда это извѣстно? Изъ случая съ слугами, кото- 857
рымъ были ввѣрены таланты. Добродѣтель тамъ вся была чистая и ни въ чемъ не имѣла недостатка; но такъ какъ онъ былъ нерѣшителенъ въ дѣйствiи, онъ справедливо былъ извергнутъ. Можно и за одно злословiе впасть въ геенну. *Иже аще речетъ брату своему, уроде, повиненъ есть геенне огненнѣй* (Мѳ. v, 22). Если кто-нибудь все исполнитъ, но будетъ гнѣваться, онъ не войдетъ. И пусть не упрекаютъ въ жестокости Бога, когда Онъ извергнетъ впавшихъ въ этотъ грѣхъ изъ царства небеснаго. Если даже у людей, когда кто-либо сдѣлаетъ беззаконiе, онъ удаляется съ глазъ царя, хотя бы нарушилъ всего одинъ изъ установленныхъ законовъ; если, далѣе, обвиняя, дозволятъ себѣ клевету, теряютъ власть; если кто-либо будетъ уличенъ въ прелюбодѣянiи, считается недостойнымъ и погибаетъ, хотя бы совершилъ безчисленное количество правыхъ дѣлъ; если совершитъ убiйство и будетъ уличенъ, то этого достаточно, чтобы его погубить,—если человѣческiе законы пользуются такой охраной, тѣмъ болѣе законы Божiи. Но, скажутъ, Онъ благъ. До какихъ же поръ мы будемъ приводить это глупое основанiе? Я сказалъ: „глупое" не потому, чтобы Онъ не былъ благъ, но потому, что мы считаемъ благость Его полезной для вышеуказаннаго, хотя мы уже тысячи разъ говорили объ этомъ. Выслушай, что говоритъ Писанiе: *не рцы: щедрота Его многа есть, множество грѣховъ моихъ очиститъ* (Еккл. v, 6). Оно вообще не препятствуетъ говорить намъ: *щедрота Его многа есть,*—оно убѣждаетъ не въ этомъ и напротивъ желаетъ,

чтобы мы непрестанно говорили это, къ этому и Павелъ клонитъ всѣ свои поученія,—препятствуетъ же только ради того, что слѣдуетъ далѣе: не удивляйся, говорится, человѣколюбію Божію по тому поводу, что ты грѣшишь и можешь сказать: *множество грѣховъ моихъ очиститъ.* Мы говорили такъ много о благости не для того, чтобы, уповая на нее, намъ дозволять себѣ все, но чтобы не отчаиваться въ грѣхахъ, а каяться. Благость Божія ведетъ тебя къ покаянію, а не къ большей неправдѣ. Если же ты становишься чрезъ благость порочнымъ, ты возводишь на нее особенную клевету предъ людьми,—потому что многіе, я вижу, обвиняютъ долготерпѣніе Божіе,—такъ что понесешь наказаніе за то, что не воспользовался ею на должное. Богъ милосердъ, но Онъ и правый судія: прощая грѣхи, Онъ однако каждому воздаетъ по дѣламъ его. Онъ оставляетъ неправду, уничтожаетъ беззаконіе, но Онъ же и испытываетъ. Но какъ же это не противорѣчитъ одно другому? Не противорѣчитъ, если мы раздѣлимъ то и другое временемъ: Онъ уничтожаетъ неправды здѣсь, чрезъ крещеніе и покаяніе, испытаніе же совершеннаго творитъ тамъ, чрезъ огонь и муки. Если, скажутъ, я сдѣлаю безчисленныя неправды, а низвергнутъ буду и лишенъ царства за одну изъ нихъ,—тогда почему же мнѣ не совершать всякое зло? Это слово неблагодарнаго раба; однако мы опровергнемъ и это слово. Не дѣлай зла, чтобы себѣ самому принести пользу. Всѣ мы одинаково будемъ лишены царства, въ гееннѣ же потерпимъ не всѣ одно и то же наказаніе, но одинъ большее, другой меньшее. Если вы оба: ты и онъ не соблюли, но одинъ не соблюлъ большее, другой—меньшее, вы одинаково будете лишены царства. Но если вы не соблюли не одинаково, но одинъ—въ большемъ, другой—въ меньшемъ, вы почувствуете разницу и въ гееннѣ.
858 Почему же, скажутъ, Онъ угрожаетъ не подающимъ милостыни тѣмъ, что они пойдутъ въ огонь, и не просто въ огонь, а въ огонь, уготованный діаволу и ангеламъ его? Для чего это и почему? Богъ ни на что такъ не гнѣвается,—это Онъ полагаетъ впереди всякаго зла. Въ самомъ дѣлѣ, если слѣдуетъ любить даже враговъ, то какого наказанія не будетъ достоинъ тотъ, кто губитъ своихъ друзей и въ этомъ отношеніи хуже даже язычниковъ? Такимъ образомъ размѣръ грѣха сдѣлалъ то, что онъ идетъ съ діаволомъ. „Горе тому, кто не творитъ милостыни“. Если же такъ было въ ветхомъ завѣтѣ, тѣмъ болѣе—въ новомъ. Если тамъ, гдѣ дозволялось пріобрѣтеніе имущества, пользованіе имъ и забота о немъ, такая предусмотрительность направлялась для помощи бѣднымъ, то насколько же болѣе она требуется, когда мы получили приказаніе оставить все? Чего не дѣлали тѣ?

Они удѣляли десятины и еще десятины сиротамъ, вдовамъ, прозелитамъ. А мнѣ кто-то съ удивленіемъ говорилъ: такой-то отдаетъ десятину. Какой же стыдъ, если то, что не было удивительнымъ у іудеевъ, стало удивительнымъ для христіанъ. Если тогда было опасно уклоняться отъ десятинъ, подумай, какъ это опасно теперь. Пьяницы, затѣмъ, „не наслѣдуютъ царства". Но что же говорятъ многіе? Если и я, и онъ въ одинаковомъ положеніи, это—немалое облегченіе. Что это значитъ? Прежде всего вѣдь ты и онъ потерпите не одно и то же наказаніе,—это просто не облегченіе. Общеніе въ страданіяхъ тогда доставляетъ утѣшеніе, если страданія умѣренны; если же они чрезмѣрны и повергаютъ насъ въ изступленіе, это уже перестаетъ давать облегченіе. Скажи обезображенному мукой, брошенному въ огонь, что и такой-то терпитъ то же самое, онъ не почувствуетъ облегченія. Не вмѣстѣ ли погибали израильтяне? Какое же это принесло имъ облегченіе? Не огорчало ли это ихъ еще болѣе? Поэтому, они и говорили: *потребихомся, погибохомъ, исчезохомъ* (Числ. XVII, 12). Какое ужъ это утѣшеніе? Напрасно мы утѣшаемъ себя надеждами. Одно есть облегченіе—вовсе не впадать въ тотъ неугасающій огонь. Впавши же невозможно получить облегченіе тамъ, гдѣ скрежетъ зубовъ, плачъ, гдѣ червь не умирающій и огонь не угасающій. О какомъ, скажи мнѣ, ты думаешь облегченіи? Ты вѣдь останешься съ самимъ собой. Не будемъ же, прошу васъ и умоляю, понапрасну обманывать себя, не будемъ утѣшать себя тѣми рѣчами, но будемъ дѣлать то, что въ состояніи насъ спасти. Тебѣ предложено возсѣсть со Христомъ, а ты такъ торгуешься относительно этого? Какое наказаніе слѣдуетъ намъ потерпѣть за одни эти слова, если бы даже никакого другого грѣха не было! Мы такъ невѣжественны, такъ жалки и несчастны, что, въ то время какъ намъ предложена такая честь, мы говоримъ это. А когда ты будешь думать о тѣхъ, что поступали тогда правильно, не будешь ли ты томиться еще больше? И когда увидишь, что тамъ есть и изъ рабовъ и изъ худородныхъ, потрудившіеся немного здѣсь и тамъ допущенные къ царскому трону,—не будетъ ли это для тебя хуже всякаго наказанія? Если теперь, видя, какъ нѣкоторые пользуются славой, ты отъ одного этого, хотя бы не потерпѣлъ никакого зла, страдаешь больше, чѣмъ отъ всякаго наказанія, плачешь надъ самимъ собой, проливаешь слезы, считаешь себя достойнымъ тысячи смертей,—что ты будешь чувствовать тамъ? Если бы не было геенны, одна мысль о царствѣ не достаточна ли была бы для того, чтобы тебя погубить и уничтожить? А что это будетъ такъ, это можно узнать, испытывая 859
обстоятельства. Итакъ не станемъ же понапрасну утѣшать себя

такими рѣчами, но будемъ внимательны, будемъ заботиться о своемъ спасеніи, будемъ имѣть попеченіе о добродѣтели, будемъ
860 возбуждать себя къ дѣланію добрыхъ дѣлъ, чтобы намъ удостоиться достигнуть великой славы во Христѣ Іисусѣ, Господѣ нашемъ, съ Которымъ Отцу и Св. Духу держава, слава, честь, нынѣ и присно, и во вѣковъ. Аминь.

СЛОВО XL.

О томъ, что нужно все дѣлать и предпринимать ради спасенія нашихъ братьевъ, и что великое благо — прощать грѣхи согрѣшившимъ противъ насъ, — что это больше милостыни.

859 Нѣтъ, братіе, блаженства выше, чѣмъ получить царство небесное, и нѣтъ большаго несчастья, чѣмъ потерять его. Вѣдь, если изгнанный изъ отечества заслуживаетъ всеобщаго состраданія и потерявшій наслѣдство кажется для всѣхъ жалкимъ, то какими же слѣдуетъ оплакивать слезами того, кто ниспалъ съ неба, лишившись предлежащихъ тамъ благъ? Какъ не оплакивать его? Плачутъ, когда кто-либо страдаетъ будучи невиннымъ. Когда же онъ впадетъ въ неправду по собственному изволенію, таковой достоинъ не слезъ, но воплей; поистинѣ онъ достоинъ тогда скорби. Вѣдь и Господь нашъ Іисусъ Христосъ скорбѣлъ и пролилъ слезы объ Іерусалимѣ, хотя онъ былъ нечестивымъ. Поистинѣ мы достойны безчисленныхъ рыданій, безчисленныхъ сѣтованій! Если бы вся вселенная, получивъ голосъ, если бы камни и лѣсъ, деревья, звѣри, птицы, рыбы, — однимъ словомъ, если бы вся вселенная, получивъ голосъ, стала оплакивать насъ, лишившихся тѣхъ благъ, и тогда она не оплачетъ насъ въ надлежащей мѣрѣ, не дастъ намъ надлежащихъ сѣтованій. Какое слово въ состояніи обнять, какой умъ — представить то блаженство, ту добродѣтель, наслажденіе, славу, радость, веселіе — *ихже око не видѣ, и ухо не слыша, и на сердце человѣка не взыдоша* (1 Кор. п, 9)? Онъ не сказалъ просто: превосходитъ; но — нельзя и представить *яже уготова Богъ любящимъ Его* (ст. 9). Такъ какъ Богъ уготовлялъ и устроялъ тѣ блага, то каковы же они предположительно должны быть? Если, сотворивъ насъ, Онъ сейчасъ же, въ то время, когда мы не сдѣлали еще ничего, оказалъ столько благодѣяній — даровалъ рай, общеніе съ Собою, обѣщалъ безсмертіе, жизнь блаженную и свободную отъ заботъ, то чего же Онъ

не дастъ тѣмъ, кто столько потрудился, боролся, страдалъ за Него? Онъ не пощадилъ для насъ Единороднаго, истиннаго Сына Онъ предалъ на смерть ради насъ, бывшихъ врагами: чего же не удостоитъ Онъ насъ, когда мы стали Его друзьями? Чего не дастъ намъ, примиривъ насъ съ Собою? Богатый чрезвычайно и неизмѣримый, Онъ хочетъ и старается пріобрѣсти наше расположеніе, — мы же, возлюбленные, не такъ стараемся пріобрѣсти—да что говорю: не стараемся? — не такъ хотимъ получить тѣ блага, какъ хочетъ Онъ. А что Онъ хочетъ болѣе, чѣмъ мы, это Онъ показалъ чрезъ то, что сотворилъ. Мы ради себя самихъ съ пренебреженіемъ отнесемся развѣ къ небольшому количеству серебра, Онъ же отдалъ ради насъ даже Сына Своего. Воспользуемся же, какъ должно, любовью Божіей, причастимся расположенія Его. *Вы друзи Мои есте, аще творите, елика Азъ заповѣдаю вамъ* (Іоан. XV, 14). Взгляните! Враговъ, безмѣрно отстоящихъ отъ Него, кого Онъ во всемъ превосходитъ безмѣрно, ихъ Онъ называетъ Своими друзьями. Чего же не слѣдуетъ потерпѣть ради такого расположенія? За дружбу человѣческую мы часто подвергаемся опасностямъ, — неужели же не отвержемся имущества за расположеніе Божіе? Скорби заслуживаетъ наше 860
положеніе, скорби, слезъ и рыданій, великихъ сѣтованій и воплей. Мы лишились нашей надежды, низвергнуты съ высоты нашей, явились недостойными чести Божіей, стали непризнательными и неблагодарными послѣ благодѣяній: діаволъ отнялъ у насъ всѣ эти блага. Удостоенные быть сынами, братьями и сонаслѣдниками, мы стали нисколько не отличаться отъ враговъ Его, оскорбляющихъ Его. Какого же ждать намъ снисхожденія? Онъ призвалъ насъ къ небу, а мы низвергли себя въ геенну. Ложь, воровство, прелюбодѣяніе излились на землю. Одни кровь смѣшиваютъ съ кровью, другіе дѣлаютъ дѣла худшія, чѣмъ кровь; многіе изъ обижаемыхъ и обманутыхъ желаютъ лучше умереть безчисленное количество разъ, чѣмъ терпѣть это, и если бы ихъ не удерживалъ страхъ предъ Богомъ, они наложили бы на себя руки—такъ они жаждутъ своей смерти. Развѣ это не хуже крови? *У лютѣ мнѣ, душе, яко погибе благочестивый отъ земли, и исправляющаго въ человѣцѣхъ нѣсть* (Мих. VII, 2). Теперь мы будемъ взывать прежде всего о самихъ себѣ. Но вы присоедините къ моимъ свои слезы. Можетъ быть, кто-нибудь будетъ обращаться за предзнаменованіями, станетъ смѣяться. Слѣдуетъ увеличить слезы оттого, что мы безумствуемъ и заблуждаемся до такой степени, что даже не знаемъ, что мы безумствуемъ, но смѣемся надъ тѣмъ, о чемъ слѣдуетъ рыдать. *Открывается*, человѣкъ, *гнѣвъ Божій съ небесе на всякое нечестіе и неправду человѣковъ*

(Рим. I, 18). *Богъ явѣ пріидетъ* (Псал. XLIX, 3). *Огнь предъ* лицемъ его *предъидетъ, и окрестъ его буря зелна: огнь предъ нимъ возгорится* и попалитъ окрестъ враги его (Псал. XCVI, 3). *День Господень горящъ, яко пещь* (Малах. IV, 1). И никто не беретъ этого на умъ, но эти страшные и ужасные догматы пренебрегаются и преступаются больше всякихъ басней, и нѣтъ никого, кто бы слушалъ это, но всѣ смѣются и издѣваются. Какой же исходъ предстоитъ намъ? Откуда мы получимъ спасеніе? *Погибохомъ, исчезохомъ* (Числ. XVII, 12), стали предметомъ насмѣшки для враговъ нашихъ и издѣвательства—для язычниковъ и демоновъ. Діаволъ превозносится, ликуетъ и радуется; всѣ ангелы, которымъ мы ввѣрены, въ стыдѣ и печали. Нѣтъ обращающагося,—неужели же все потрачено нами напрасно, и неужели мы кажемся для васъ болтунами? Благовременно воззвать теперь къ небу—потому что нѣтъ никого слышащаго—и стихіи призвать въ свидѣтели. *Слыши небо, и внуши земле, яко Господь возглагола* (Иса. I, 2). Дайте руки, протяните ихъ вы, которые еще не потонули, къ тѣмъ, кто погибаетъ отъ невоздержанія, здоровые къ больнымъ, здравомыслящіе къ безумствующимъ и колеблющимся. Никто пусть не предпочитаетъ спасенію друга его благодарности; и гнѣвъ его, и обличеніе пусть направляется къ одной его пользѣ. Когда приключится съ кѣмъ-либо лихорадка, и рабы становятся сильнѣе господъ. Господинъ лежитъ въ жару, душа въ немъ возмущена, а множество рабовъ, тутъ же, никого не слушаются и не исполняютъ законовъ
861 господина, во вредъ господину. Умоляю васъ: воспрянемъ. Ежедневныя войны, потопленія, безчисленныя погибели кругомъ, повсюду — гнѣвъ Божій, мы же, точно угодные Ему, чувствуемъ себя въ безопасности: всѣ простираемъ руки свои на корыстолюбіе, и никто — на помощь, всѣ—на грабежъ, и никто — на заступничество. Каждый старается о томъ, какъ бы умножить свое достояніе, и никто—чтобы помочь нуждающемуся; каждый имѣетъ великую заботу о томъ, чтобы увеличить имущество, и никто — чтобы спасти свою душу. Одинъ страхъ владѣетъ всѣми, чтобы не стать, говорятъ, намъ бѣдными; о томъ же, чтобы не впасть въ геенну, никто не безпокоится и не трепещетъ. Это достойно слезъ, это достойно обличенія, осужденія. Я не хотѣлъ бы говорить объ этомъ, но вынуждаюсь скорбью. Простите, меня вынуждаетъ скорбь,—я многое говорю, о чемъ бы и не хотѣлъ. Я вижу тяжкій ударъ, безутѣшное несчастіе; зло, поразившее насъ, не поддается утѣшенію: мы погибаемъ. *Кто дастъ главѣ моей воду, и очесемъ моимъ источникъ слезъ, да плачуся* (Іерем. IX, 1). Восплачемъ возлюбленные, восплачемъ, возрыдаемъ. Можетъ быть, нѣкоторые говорятъ здѣсь: онъ все говоритъ намъ о плачѣ, о

слезахъ. Я не хотѣлъ бы, вѣрьте, не хотѣлъ бы, напротивъ я хотѣлъ бы говорить хвалы и одобренія,—но теперь этому не время. Тяжко, возлюбленные, не плакать, но тяжко дѣлать достойное слезъ; ужасно не рыдать, но дѣлать достойное воплей. Пусть не постигнетъ тебя наказаніе, и я не буду рыдать; пусть не умрешь, и я не буду плакать. Но если лежитъ мертвое тѣло, и ты убѣждаешь всѣхъ къ состраданію, тѣхъ же, кто не скорбитъ, считаешь безжалостными,—то какъ же говоришь ты, чтобы не скорбѣть о погибшей душѣ? Но я не могу: я—отецъ, и я плачу, я—отецъ любящій дѣтей. Послушайте, что говоритъ Павелъ: *чадца моя, имиже паки болѣзную* (Гал. IV, 19). Какая мать испускаетъ такіе горькіе вопли, какъ тотъ? Если бы можно было видѣть огонь моего духа, ты тогда увидѣлъ бы, что я страдаю больше всякой дѣвушки и женщины, обреченной на преждевременное вдовство. Не такъ она скорбитъ о своемъ мужѣ, не такъ отецъ скорбитъ о сынѣ, какъ я о множествѣ людей, находящемся въ моемъ распоряженіи. Я не вижу никакого преуспѣянія, никто не считаетъ дѣломъ своимъ угождать Богу. Но позлословимъ, говорятъ, о томъ, о другомъ: тотъ недостоинъ клира, тотъ ведетъ непочтенную жизнь. Намъ слѣдуетъ скорбѣть о своемъ, а мы судимъ о томъ, что дурно въ другихъ? Не слѣдуетъ ли намъ, даже когда мы свободны отъ грѣховъ, говорить слѣдующее: *кто бо тя разсуждаетъ, что же имаши, егоже нѣси пріялъ? аще же и пріялъ еси, что хвалишися, яко не пріемъ* (1 Кор. IV, 7)? Ты что судишь брата твоего, самъ полный безчисленныхъ золъ? Когда ты говоришь: такой-то дуренъ, соблазнитель, испорченъ, — подумай о себѣ, взвѣсь точно свое и покайся въ томъ, что ты сказалъ. Если кто-нибудь задумаетъ провѣрить наши слова въ церкви, какъ на вѣрныхъ вѣсахъ, онъ среди десятковъ тысячъ талантовъ житейскихъ словъ врядъ ли найдетъ сто денаріевъ словъ духовныхъ,—даже болѣе, не найдетъ и десяти оболовъ. Вѣдь если Богъ будетъ наблюдать за этимъ, кто устоитъ? Зная это, будемъ сострадательны, снисходительны къ согрѣшающимъ противъ насъ. Сто денаріевъ — вотъ что представляютъ собой грѣхи противъ насъ; наши же грѣхи противъ Бога — безчисленные таланты. Знайте и то, что преступленія оцѣниваются и по положенію лицъ. Скажемъ, напримѣръ,— кто оскорбилъ частнаго человѣка, сдѣлалъ преступленіе, но не такое, какъ оскорбившій начальника; даже болѣе: оскорбившій большаго начальника сдѣлалъ не одинаковое преступленіе, какъ тотъ, кто оскорбилъ — меньшаго; оскорбившій же царя сдѣлалъ
гораздо важнѣйшее преступленіе. Оскорбленіе одинаковое, но 862
оно становится болѣе тяжкимъ въ зависимости отъ высокаго положенія лица. Но если тотъ, кто оскорбилъ царя, ради достоин-

ства лица предается непереносному наказанію, то сколькими же талантами долженъ отвѣчать тотъ, кто оскорбилъ Бога? Поэтому, если по отношенію къ Богу мы допустимъ то же самое, что по отношенію къ человѣку, это не все равно, но какое различіе между Богомъ и человѣкомъ, такая же разница между тѣми преступленіями и этими. Теперь же я нахожу еще болѣе тяжкіе грѣхи, которые стали великими грѣхами не отъ положенія лица, но и по самой природѣ. Страшное это слово и ужасное, но необходимо, чтобы оно было произнесено, чтобы поколебать и возбудить вашъ духъ, — слово, показывающее, что мы боимся людей гораздо больше, чѣмъ Бога, и предъ людьми гораздо болѣе въ страхѣ, чѣмъ предъ Богомъ. Подумай: прелюбодѣй знаетъ, что Богъ видитъ его, но пренебрегаетъ этимъ; если же его видитъ человѣкъ, онъ воздерживается отъ пожеланія. Онъ не только предпочитаетъ людей и не только оскорбляетъ Бога, но онъ дѣлаетъ гораздо болѣе тяжкое преступленіе, — боясь тѣхъ, онъ небрежетъ объ Этомъ. Видя тѣхъ, онъ удерживаетъ огонь страсти. Да и какой это въ самомъ дѣлѣ огонь? Это уже не огонь, а оскорбленіе. Если бы было нельзя пользоваться женщиной, мы дѣйствительно имѣли бы дѣло съ огнемъ, теперь же это—оскорбленіе и превозношеніе. Видя людей, онъ воздерживается отъ безумія, о долготерпѣніи же Божіемъ меньше заботится. Еще: другой воръ знаетъ, что онъ грабитъ, но пытается обмануть людей, оправдывается предъ своими обвинителями и своей защитой надѣваетъ на себя личину; о Богѣ же, не имѣя возможности убѣдить Его, онъ и не заботится, не стыдится Его, не цѣнитъ. Если царь прикажетъ воздерживаться отъ чужихъ денегъ, если даже прикажетъ дать свои, — мы съ поспѣшностью всѣ предложимъ ихъ. Когда же Богъ повелѣваетъ не грабить и не брать чужого, мы не слушаемся. Видишь ли, что мы предпочитаемъ людей Богу? Страшно это слово и тяжко, но вы покажите, что оно страшно—избѣгайте дѣла. Если же вы не боитесь дѣла, какъ я могу повѣрить вамъ, когда вы говорите, что мы боимся словъ, и что вы жестоки къ намъ? Вы отягчаете себя дѣломъ, и ничего; когда же я говорю слова о тѣхъ дѣлахъ, которыя вы совершаете, вы негодуете? И неужели же это не безсмысленно? Пусть будетъ ложь, что я говорю. Но я хочу лучше принять поношеніе въ тотъ день за то, что я понапрасну и безъ основаній поношу васъ, чѣмъ видѣть, что васъ обвиняютъ въ тѣхъ вещахъ. Вы не только сами предпочитаете людей Богу, но и другихъ заставляете дѣлать это. Многіе заставляютъ такъ толпы своихъ слугъ и своихъ дѣтей; одни влекутъ къ браку не желающихъ этого, другіе понуждаютъ служить непотребными служеніями: нечистой

любовью, хищеніями, корыстолюбіемъ, насиліями, такъ что здѣсь двойная вина, и они не могутъ искать къ себѣ снисходительнаго отношенія, ссылаясь на то, что они были принуждены. Если ты дѣлаешь дурное противъ воли и по приказанію начальника, то это вовсе ужъ не такое достаточное оправданіе. Впрочемъ, грѣхъ становится тяжелѣе, когда ты и другихъ принуждаешь впасть въ такія же дурныя дѣла. Таковому какое можетъ быть снисхожденіе? Я сказалъ это, имѣя желаніе не осуждать васъ, но показать, какіе мы должники предъ Богомъ. Если, приравнивая человѣка Богу, мы оскорбляемъ Его, — тѣмъ болѣе это случается, когда мы предпочитаемъ Ему людей. Если тѣ грѣхи, совершенные противъ людей, въ отношеніи Бога являются гораздо болѣе тяжкими, насколько же они будутъ тяжелѣе, когда грѣхъ и по своему качеству будетъ тяжелѣе и обременительнѣе? Пусть каждый изслѣдуетъ себя, тогда онъ увидитъ, что онъ все дѣлаетъ ради людей. Мы будемъ совершенно блаженными, если 863
ради Бога сдѣлаемъ столько, сколько дѣлаемъ ради людей, ради славы предъ людьми, ради страха, почета. Виновные въ стольких преступленіяхъ, мы должны со всей готовностью прощать обижающихъ насъ, обманывающихъ и не ненавидѣть ихъ. На пути же отпущенія грѣховъ ненужно ни трудовъ, ни раздачи денегъ, ничего иного, кромѣ одного простого изволенія. Ненужно также предпринимать путешествія, ненужно идти на край свѣта, ненужно подвергаться опасностямъ и трудамъ; слѣдуетъ только захотѣть. Въ правѣ ли мы, скажи мнѣ, разсчитывать на снисхожденіе въ томъ, что намъ кажется труднымъ, когда мы не дѣлаемъ дѣла, въ которомъ—такое пріобрѣтеніе, такая польза и никакого труда? Ты не можешь пренебречь деньгами, не можешь истратить ихъ на нуждающихся? Не въ состояніи пожелать чего-либо добраго? Не въ состояніи простить обидчика? Если бы ты не былъ такъ виновенъ, но только Богъ приказалъ бы тебѣ простить, — не слѣдовало ли бы тебѣ сдѣлать это? Но какъ же ты въ такомъ положеніи не исполняешь, — ты, виновный во стольких грѣхахъ? Да вѣдь и то Онъ требуетъ изъ того, что ты получилъ отъ Него же. Когда мы приходимъ къ нашему должнику, онъ, зная въ чемъ дѣло, услуживаетъ, принимаетъ, оказываетъ почетъ, не скупясь показываетъ всякое благожеланіе, и это не для того, чтобы освободиться отъ даннаго въ долгъ, но желая, чтобы мы были снисходительнѣе при уплатѣ. Ты же, столько должный Богу, получившій приказаніе простить, ты не отпускаешь, чтобы получить затѣмъ снова? Почему же, скажи, умоляю тебя? Горе! Какого мы пріобщились человѣколюбія и какую показываемъ неправду, какую тяготу, какую вялость? А какъ легка

добродѣтель! Для этого ненужно тѣлесной крѣпости, ненужно имущественнаго богатства, ненужно могущества, дружбы, ничего другого; достаточно только захотѣть, и дѣло кончено, оно будетъ имѣть великую пользу. Тебя кто-нибудь огорчилъ, оскорбилъ, насмѣялся? Подумай, что и ты дѣлаешь много такого же другимъ и самому Владыкѣ. Отпусти и прости. Подумай, что говоришь: *остави намъ долги наша, якоже и мы оставляемъ* (Мѳ. VI, 13). Подумай, что, если не отпустишь, ты не въ правѣ съ дерзновеніемъ сказать это. Если же отпустишь, ты потребуешь этого
864 какъ должнаго не по природѣ дѣла, но по человѣколюбію Давшаго. Какъ можно сравнивать прощеніе грѣховъ сорабамъ съ полученіемъ отпущенія грѣховъ, сдѣланныхъ противъ самого Владыки? Однакоже мы удостоиваемся такого человѣколюбія, потому что Онъ благъ въ милосердіи Своемъ и состраданіи. Чтобы я могъ показать тебѣ, что и кромѣ того, и кромѣ отпущенія ты будешь имѣть пріобрѣтеніе,—подумай о томъ, сколько друзей у такого человѣка, какъ всѣ повсюду прославляютъ его. Мужъ благой скоро примиряется, не умѣетъ злопамятствовать; ему сдѣлали больно, но онъ сейчасъ же снова здоровъ. Кто не пожалѣетъ такого человѣка, если онъ впадетъ въ несчастье? Кто не проститъ, если онъ согрѣшитъ? Кто не окажетъ милости, если онъ проситъ за другихъ? Кто не захочетъ быть другомъ и рабомъ столь благой души? Да, увѣряю васъ, мы все сдѣлаемъ ради него, сдѣлаемъ не только друзьямъ и родственникамъ, но и слугамъ. *Послабляюще*, говорится, *крещенія, вѣдуще, яко Господь есть на небесѣхъ* (Ефес. VI, 9). Будемъ же прощать грѣхи ближнихъ, будемъ творить милостыню, будемъ смиренными [это тоже изглаждаетъ грѣхи: вѣдь если мытарь только оттого, что сказалъ: *Боже, милостивъ буди мнѣ грѣшному* (Лук. XVIII, 13), вышелъ оправданнымъ,—тѣмъ болѣе мы, если будемъ смиренными и будемъ сокрушаться, будемъ имѣть возможность получить великое милосердіе]. Если мы будемъ исповѣдываться въ грѣхахъ своихъ, если будемъ осуждать себя, мы совершенно очистимся отъ грязи. Есть много путей очищенія. И на всѣхъ путяхъ мы враждуемъ съ діаволомъ. Я не сказалъ ничего затруднительнаго, ничего тягостнаго. Прости огорчившему тебя, подавай милостыню нуждающемуся, смири душу свою. Если ты даже великій грѣшникъ, и тогда ты будешь въ состояніи получить царство, очищая чрезъ это грѣхи и изглаждая пятно позора. Да будетъ же дано намъ всѣмъ—здѣсь очиститься исповѣданіемъ отъ грязи грѣховъ своихъ, и тамъ получить обѣщанныя блага, благодатію и человѣколюбіемъ Господа нашего Іисуса Христа, съ Которымъ Отцу со Святымъ Духомъ слава, держава, честь, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

СЛОВО XLI.

О томъ, что мы должны подражать хотя бы слугамъ нашимъ, чтобы ради страха Божія дѣлать то, что они дѣлаютъ изъ-за страха предъ нами, и о неизреченныхъ благахъ, уготованныхъ святымъ.

Павелъ, возлюбленные, пиша къ Тимоѳею, заповѣдалъ слу- 863
гамъ оказывать великое послушаніе господамъ. Подумайте же,
какъ мы должны относиться къ Владыкѣ, Который привелъ насъ
изъ небытія въ бытіе, даетъ намъ пищу, одежду. Будемъ же,
если нельзя какъ-либо иначе, служить Ему, какъ служатъ наши
слуги. Не проходитъ ли вся жизнь ихъ въ томъ, чтобы устроить
покой своихъ господъ? Не это ли составляетъ дѣло ихъ, не къ
тому ли сводится ихъ жизнь, чтобы заботиться о дѣлахъ госпо-
дина? Не посвящаютъ ли они заботамъ о дѣлахъ господина весь
день, своимъ же часто—небольшую часть вечера? Мы же напро- 864
тивъ: о своихъ дѣлахъ заботимся непрестанно, о Владычнихъ
же—не заботимся и немного времени, — и это несмотря на то,
что Ему ненужно наше, какъ господамъ нужны дѣла рабовъ,
но и все, сдѣланное для Господа, идетъ въ нашу же пользу. Тамъ
служба слуги приноситъ господину пользу, здѣсь же служба
раба ненужна Владыкѣ, полезна же она самому слугѣ. *Благихъ
моихъ не требуеши* (Псал. xv, 2). Какое, скажи мнѣ, пріобрѣтеніе
для Бога въ томъ, что я праведенъ? Какой ущербъ, если я не-
праведенъ? Не остается ли природа Его неповрежденной, не сво-
бодна ли отъ потери, не выше ли всякаго страданія? Слуги ни-
чего не имѣютъ своего, но все господское, хотя бы они были
неизмѣримо богаты. У насъ же есть много своего, и не безпри-
чинно мы воспріяли такую честь отъ Бога всѣхъ. Отдастъ ли 865
какой господинъ за слугу своего сына? Ни одинъ, но всѣ пред-
почтутъ отдать слугъ за дѣтей. Здѣсь же напротивъ: Онъ не
пощадилъ Сына Своего, но предалъ за всѣхъ насъ,—за враговъ,
которые ненавидятъ Его. Слуги, если имъ дадутъ какое-нибудь
трудное приказаніе, не выражаютъ такого недовольства, осо-
бенно, если они добропорядочны,—мы же съ неудовольствіемъ
покидали (Господа) безчисленное число разъ. Ни одинъ госпо-
динъ не обѣщалъ своимъ слугамъ столько, сколько намъ Богъ.
Но что же? Здѣшняя свобода, говорятъ, часто тяжелѣе рабства,
потому что часто случается голодъ, и тогда самая свобода ста-
новится горче рабства,—а вѣдь это величайшій даръ. У Бога же
нѣтъ ничего непрочнаго, ничего тлѣннаго,—но что? *Не глаголю*

васъ рабы, говоритъ, вы *други* Мои есте (Іоан. xv, 15). Постыдимся же, возлюбленные, убоимся. Будемъ служить Владыкѣ хотя столько, сколько служатъ намъ слуги,—право же мы не обнаруживаемъ даже въ ничтожнѣйшей мѣрѣ нашего служенія. Тѣ въ нуждѣ философствуютъ, имѣя только одежду и пищу; мы же недовольны въ роскоши. Если не отъ другого кого, примемъ хотя отъ нихъ правила мудрости. Писаніе имѣетъ обыкновеніе посылать людей даже не къ слугамъ, а къ неразумнымъ существамъ,—напримѣръ, когда приказываетъ подражать пчелѣ или муравьямъ. Я же умоляю васъ подражать хотя слугамъ. Что они дѣлаютъ изъ-за страха предъ нами, будемъ дѣлать хоть столько же ради страха Божія,—вѣдь мы не находимъ, чтобы вы дѣлали даже это. Они тысячи разъ испытываютъ оскорбленія, но лучше всякаго философа сохраняютъ молчаніе, имѣя страхъ предъ нами, негодуютъ справедливо и несправедливо, но не противорѣчатъ, а со смиреніемъ просятъ, не сдѣлавъ часто никакого проступка; не получая ничего сверхъ необходимаго, а часто и меньше необходимаго, они все-таки оказываютъ любовь; ложась спать на соломенной постели, довольствуясь однимъ хлѣбомъ, имѣя и все остальное содержаніе ничтожное, они не ропщутъ и не высказываютъ недовольства. Они, боясь насъ, возвращаютъ полностью деньги, когда имъ довѣряютъ ихъ (не говори мнѣ о нѣкоторыхъ изъ слугъ—испорченныхъ, но имѣй въ виду не слишкомъ дурныхъ); если мы пригрозимъ имъ, они сейчасъ же смирятся. Неужели все это не есть свойства философіи? И не говори, что все это дѣлается по необходимости, потому что и тебѣ предстоитъ необходимость геенны, а ты однако не воздаешь Богу такой чести, какой самъ пользуешься отъ слугъ. Каждый изъ слугъ имѣетъ установленное помѣщеніе, и не врывается въ помѣщеніе ближняго, не грязнитъ себя пожеланіемъ большаго. И все это, можно видѣть, соблюдается слугами изъ-за страха предъ господами; рѣдко можно видѣть, чтобы слуга похищалъ или портилъ то, что принадлежитъ слугѣ же. У свободныхъ же людей бываетъ обратное этому: мы угрызаемъ другъ друга, пожираемъ, не боимся Владыки; похищаемъ то, что принадлежитъ рабамъ, воруемъ, наносимъ удары, въ то время, когда Онъ видитъ. Слуга не сдѣлалъ бы этого, но если бы и нанесъ ударъ, то тогда, когда господинъ не видитъ; если бы сталъ безумствовать, то—когда господинъ не слышитъ. Мы же осмѣливаемся дѣлать, хотя Богъ все видитъ и слышитъ. Страхъ предъ господиномъ всегда предъ глазами слугъ; у насъ же его нѣтъ совсѣмъ. Поэтому все у насъ перевернулось вверхъ дномъ, все перепуталось, испорчено; своихъ грѣховъ не замѣчаемъ вовсе, грѣхи же нашихъ слугъ за-

мѣчаемъ всѣ до точности, даже самые ничтожные. Я говорю это 866
не потому, что намѣренъ сдѣлать слугъ безпечными, но потому, что хочу встряхнуть нашу безпечность и возбудить нашу нерадивость; чтобы мы служили Богу хотя столько, сколько служатъ намъ наши слуги; чтобы служили Сотворившему насъ такъ, какъ служатъ намъ единосущные намъ и не имѣющіе отъ насъ ничего такого, что мы имѣемъ отъ Него. По природѣ и они свободны: *да обладаютъ рыбами* (Быт. I, 26),—это сказано и имъ. Рабство—свойство ихъ не отъ природы, но по положенію и по случаю,—и однакоже они оказываютъ намъ великую честь. Мы со всею тщательностью настаиваемъ на служеніи ихъ намъ, но не исполняемъ такого служенія Богу даже въ ничтожной мѣрѣ. И это несмотря на то, что мы же отсюда получаемъ пользу. Чѣмъ усерднѣе служимъ мы Богу, тѣмъ больше приносимъ пользы себѣ, и тѣмъ болѣе пріобрѣтаемъ сами. Не лишимъ же себя этой пользы. Богъ вседоволенъ и не нуждается ни въ чемъ; воздаяніе и пріобрѣтеніе снова возвращаются къ намъ. Если же слѣдуетъ любомудрствовать и о благахъ, уготованныхъ святымъ, то поистинѣ подлинное успокоеніе есть тамъ, откуда отбѣжала болѣзнь, печаль и воздыханіе; гдѣ нѣтъ ни заботъ, ни трудовъ, ни тревогъ, ни страха, поражающаго и колеблющаго душу, но одинъ только страхъ Божій, исполненный наслажденія. Тамъ нѣтъ того, что выражено словами: *въ потѣ лица твоего снѣси хлѣбъ твой;* нѣтъ терній и волчцовъ; нѣтъ—*въ болѣзнѣхъ родиши чада, и къ мужу твоему обращеніе твое, и той тобою обладати будетъ* (Быт. III, 19, 18, 16). Тамъ все—радость, миръ, веселіе, удовольствіе, благость, кротость, любовь. Тамъ нѣтъ клеветы и зависти, нѣтъ смерти—этой, тѣлесной, и той, духовной, нѣтъ мрака и ночи; все тамъ чисто, все свѣтъ, все ясно. Тамъ нѣтъ труда, нѣтъ насыщенія, мы будемъ жить тамъ съ постоянной жаждой благъ. Хотите, я дамъ вамъ нѣкоторое подобіе того состоянія? Это вполнѣ невозможно, но, насколько только могу, попытаюсь дать вамъ нѣкоторый образъ. Взглянемъ на небо, при полной его безоблачности, когда оно являетъ свой вѣнецъ. Потративъ немалое время на созерцаніе его прекраснаго вида, представимъ себѣ, что и у насъ будетъ мѣстопребываніе, но не такое, а настолько прекраснѣе, насколько золотая кровля прекраснѣе глиняной; а за этой опять—горняя кровля, затѣмъ ангелы, архангелы, неизмѣримое множество безтѣлесныхъ силъ, чертоги самого Бога, отчій тронъ. Но слово не въ силахъ изобразить всего, что я сказалъ; нуженъ опытъ и знаніе, полученное чрезъ этотъ опытъ. Какъ по вашему мнѣнію, скажи мнѣ, Адамъ чувствовалъ себя въ раю? А это мѣстопребываніе настолько лучше того, насколько небо выше

земли. Но мы поищемъ еще и другое уподобленіе. Если бы теперешнему царю удалось завоевать всю вселенную, а затѣмъ его не безпокоили бы ни войны, ни заботы, но онъ пользовался бы только почетомъ, жилъ бы въ роскоши, у него было бы много тѣлохранителей, отовсюду къ нему стекалось бы золото, и онъ былъ бы предметомъ удивленія,—какъ, думаете, чувствовалъ бы онъ себя, если бы видѣлъ, что войны прекращены по всей землѣ? Будетъ нѣчто подобное и тамъ. Но я еще не нашелъ подобія тому состоянію, нужно, поэтому, подыскать и другое уподобленіе. Представь себѣ слѣдующее. Какъ царское дитя, пока находится въ утробѣ, ничего не чувствуетъ; но если бы случилось, что явившись на свѣтъ, оно должно было взойти на царскій престолъ, оно получило бы все сразу, а не постепенно,—таково бу-
867 детъ и то состояніе. Или, будетъ нѣчто такое, какъ если бы какой-нибудь узникъ, послѣ того какъ онъ вытерпѣлъ безчисленныя страданія, вдругъ былъ потомъ посаженъ на царскій престолъ. Но и здѣсь я еще не нашелъ точнаго образа. Вѣдь здѣсь какія бы кто ни получилъ блага, скажемъ, даже самое царство,—онъ пользуется полнотой удовольствія на первый день, на второй, на третій; но по мѣрѣ того какъ идетъ время, удовольствіе остается, но уже не такое,—оно постоянно слабѣетъ, каково бы оно ни было; тамъ же оно не только не уменьшается, но возрастаетъ. Подумай, чтò будетъ, когда душа, ушедши туда, будетъ не въ состояніи представить ни конца тѣхъ благъ, ни измѣненія въ нихъ, но будетъ ждать увеличенія ихъ и жизни, не имѣющей конца, свободной отъ всякихъ опасностей, печали, заботъ, полной радости и безчисленныхъ благъ. Если, вышедши въ поле, гдѣ мы видимъ воинскія палатки, скрѣпленныя изъ полотнищъ, копья, шлемы и блестящія выпуклости на щитахъ, мы останавливаемся въ восхищеніи; а когда доведется увидѣть и то, какъ посрединѣ идетъ царь, или мчится лошадь въ золотомъ оружіи, намъ ка-
868 жется, что мы достигли всего,—то что же будетъ, когда ты увидишь вѣчныя скиніи святыхъ, утвержденныя на небѣ? *Пріимутъ*, говорится, *въ вѣчныя кровы свои* (Лук. XVI, 9). Что будетъ, когда ты увидишь, какъ каждый изъ нихъ сіяетъ ярче лучей солнечныхъ, сіяетъ не мѣдью и желѣзомъ, но той славой, сіянія которой человѣческій глазъ не въ состояніи видѣть? И это говорится о людяхъ. А что сказать о тысячахъ ангеловъ, архангеловъ, херувимовъ, серафимовъ, престоловъ, господствъ, начальствъ, силъ, красота которыхъ невообразима, превосходитъ всякій умъ? Но что же я не остановлюсь, стремясь къ недостижимому? *Око*, говорится, *не видѣ, и ухо не слыша, и на сердце человѣка не взыдоша, яже уготова Богъ любящимъ Его* (1 Кор. II, 9). Итакъ нѣтъ ничего

несчастнѣе, какъ не получить тѣхъ благъ, и нѣтъ ничего блаженнѣе, какъ получить ихъ. Да будемъ же и мы сопричислены къ блаженнымъ, да воспріимемъ вѣчныя блага во Христѣ Іисусѣ, Господѣ нашемъ, съ Которымъ Отцу со Св. Духомъ слава, держава, честь, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

СЛОВО XLII.

О томъ, что не слѣдуетъ намъ смущаться, видя, какъ добрые люди терпятъ несчастія, злые же имѣютъ все въ изобиліи; и о томъ, что живущій въ грѣхахъ ничѣмъ не отличается отъ смердящаго мертвеца.

Никто изъ васъ, возлюбленные, пусть не смущается, видя, 867
что злые люди счастливы: здѣсь нѣтъ воздаянія ни неправдѣ, ни добродѣтели. Если же какъ-либо это и случится съ неправдой ли, или съ добродѣтелью, то—не по заслугамъ, а просто какъ предвкушеніе суда, чтобы не вѣрящіе воскресенію пришли въ разумъ хотя бы отъ того, что совершается здѣсь. Поэтому, когда увидимъ, что нечестивый роскошествуетъ, не будемъ упадать духомъ; когда увидимъ, что добрый терпитъ худое, не будемъ смущаться, — потому что тамъ вѣнцы, тамъ наказанія. И кромѣ того, не бываетъ, чтобы злой всецѣло былъ злымъ, но у него есть и кое-что доброе; также—чтобы и добрый всецѣло былъ добрымъ, но есть у него кое-какія прегрѣшенія. Потому, когда нечестивый благоденствуетъ, то это во вредъ ему самому: получая здѣсь воздаяніе за то немногое добро, онъ наслаждается за него здѣсь, а тамъ понесетъ окончательное наказаніе. И блаженъ бываетъ въ особенности тотъ, кто здѣсь наказывается съ тѣмъ, чтобы ему, сложивъ всѣ грѣхи, уйти прославленнымъ, чистымъ и невиннымъ. Научая насъ этому, Павелъ говоритъ: *сего ради въ васъ мнози немощни и недужливи, и спятъ довольни*; и опять: предахъ *таковаго сатанѣ* (1 Кор. xi, 30; v, 5). И пророкъ говоритъ: *пріятъ отъ руки Господни сугубы грѣхи* (Иса. xl, 2); опять же Давидъ: *виждь враги моя, яко умножишася паче власъ главы моея, и ненавидѣніемъ неправеднымъ возненавидѣша мя* (Псал. xxiv, 19; xxxix, 13); и: *остави вся грѣхи моя* (Псал. xxiv, 18); и еще другой: *Господи, миръ даждь намъ, вся бо воздалъ еси намъ* (Иса. xxvi, 12). Но это указываетъ на добрыхъ, получающихъ здѣсь наказаніе за грѣхи; а гдѣ же говорится, что нечестивые, пользующіеся здѣсь благами, понесутъ тамъ окончательное наказаніе? Послушай, что

говоритъ Авраамъ къ богачу: *воспріялъ еси благая твоя, и Лазарь злая* (Лук. xvi, 25). Говоря здѣсь: *воспріялъ еси,* а не — пріялъ, показываетъ, что оба потерпѣли должное, когда именно одинъ находился въ благополучіи, а другой въ злополучіи,—и продолжаетъ: того ради сей *здѣ утѣшается,* — вѣдь, какъ видишь,
868 онъ чистъ отъ грѣховъ,—и *ты страждеши* (ст. 25). Не будемъ же огорчаться, когда увидимъ, что грѣшники живутъ здѣсь счастливо, но и сами, претерпѣвая бѣдствія, будемъ радоваться, потому что это — отплата за грѣхи. Не будемъ искать успокоенія, потому что Христосъ обѣщалъ скорбь ученикамъ своимъ. И Павелъ говоритъ: *вси хотящіи благочестно жити о Христѣ, гоними будутъ* (2 Тим. ııı, 12). Ни одинъ доблестный ратоборецъ не ищетъ на мѣстѣ состязаній ванны и стола, наполненнаго кушаньями и виномъ; это—дѣло не ратоборца, а нѣженки. Ратоборецъ сражается въ пыли, въ маслѣ, въ жаркихъ солнечныхъ лучахъ, въ великомъ поту; утѣсненіи и затрудненіи; это—время борьбы и состязанія; поэтому нужно даже принимать раны, обливаться кровью, терпѣть боль. Послушай, что говоритъ блаженный Павелъ: *тако подвизаюся, не яко воздухъ біяй* (1 Кор. ıx, 26). Будемъ всю жизнь считать поприщемъ, не будемъ никогда искать успокоенія, отягощаемые — не будемъ досадовать: вѣдь и кулачный боецъ, находясь на поприщѣ, не досадуетъ. Есть иное время покоя; намъ нужно совершенствовать себя посредствомъ скорбей. Хотя и нѣтъ преслѣдованія, нѣтъ безпокойства, но есть иныя каждодневно приключающіяся скорби; если мы послѣднихъ не переносимъ, то едва ли бы перенесли и первыя. *Искушеніе васъ,* говоритъ (апостолъ), *не достиже, точію человѣческое* (1 Кор. x, 13). Будемъ же молиться Богу, чтобы намъ не войти въ искушеніе; если же войдемъ, будемъ переносить мужественно. Первое—не подвергаться опасностямъ — свойство людей благоразумныхъ, а послѣднее—людей мужественныхъ и философовъ. Не будемъ поэтому бросаться (въ опасность) понапрасну, потому что это признакъ дерзости; и увлекаемые, когда и обстоятельства зовутъ, не будемъ поддаваться, потому что это признакъ трусости; но если призываетъ проповѣдь, не будемъ отказываться; безъ основанія же, когда нѣтъ ни повода, ни обычая, ни надобности, призывающей къ богопочтенію, не будемъ сбѣгаться, потому что это хвастовство и излишнее тщеславіе; если же случится что-нибудь, наносящее вредъ благочестію, то, хотя бы пришлось претерпѣть тысячи смертей, ни отъ чего не будемъ уклоняться. Не накликай искушеній, когда то, что касается благочестія, идетъ у тебя по желанію. Зачѣмъ безъ всякой пользы навлекать на себя излишнія опасности? Говорю это изъ

желанія, чтобы вы соблюдали заповѣди Христа, повелѣвающаго 869
молиться, да не войдемъ въ искушеніе, а также повелѣвающаго, взявши крестъ, послѣдовать Ему. Въ этомъ нѣтъ противорѣчія, а напротивъ — большое соотвѣтствіе. Ты именно такъ поступай, какъ поступаетъ мужественный, одѣтый въ оружіе воинъ, будь непрестанно трезвенъ, бодръ, всегда ожидай непріятеля. Впрочемъ войнъ не производи, потому что это—дѣло не воина, а бунтовщика. Когда же призываетъ труба благочестія, тотчасъ выходи, пренебреги душой, и съ великою смѣлостью бросайся въ бой: разрывай ряды противниковъ, разсѣкай лицо діавола, воздвигай побѣдный знакъ. Если же нѣтъ никакой опасности для благочестія, никто не повреждаетъ нашихъ догматовъ, — говорю въ отношеніи души, — и не принуждаетъ дѣлать что-нибудь неугодное Богу, — не усердствуй излишне. Жизнь христіанина должна изобиловать кровью, — не въ смыслѣ пролитія чужой крови, но въ смыслѣ готовности пролить свою собственную. Итакъ, съ такою же рѣшимостью будемъ проливать собственную кровь, когда это — за Христа, съ какою кто-нибудь пролилъ бы воду, — вѣдь кровь — та же вода, протекающая по тѣлу,—и съ такою же легкостью будемъ разставаться съ тѣломъ, съ какою разстались бы съ одеждою. Это произойдетъ, когда мы не будемъ привязаны ни къ деньгамъ, ни къ домамъ, ни къ пристрастіямъ, когда не будемъ отъ всего зависѣть. Если проводящіе эту жизнь въ воинскомъ званіи отъ всего отрекаются, направляются и идутъ туда, куда зоветъ война, и все переносятъ съ бодростію, то тѣмъ болѣе намъ, воинамъ Христовымъ, слѣдуетъ такимъ же образомъ снаряжаться и выстраиваться для войны со страстями. Теперь нѣтъ гоненія—и пусть никогда его не будетъ! Но есть другая война, война жадности къ деньгамъ, зависти, страстей. Описывая эту войну, Павелъ говоритъ: *нѣсть намъ брань противу крови и плоти* (Еф. VI, 12). Всегда предстоитъ эта война; поэтому онъ желаетъ, чтобы мы всегда стояли вооруженными. *Станите убо*, говоритъ онъ, *препоясани* (ст. 14),— указывая этимъ, что и время наступило, и что всегда нужно быть вооруженными. Велика въ самомъ дѣлѣ война изъ-за глазъ, велика изъ-за языка,—которые поэтому мы должны сдерживать,— велика изъ-за похотѣній. Потому-то онъ начинаетъ здѣсь вооружать воина Христова: *станите убо*, говоритъ, *препоясани чресла ваша*, и прибавляетъ: *истиною* (ст. 14). Почему—*истиною?* Потому что похотѣніе есть насмѣшка и ложь, вслѣдствіе чего и пророкъ говоритъ: *лядвія моя наполнишася поруганій* (Исаи. XXXVII, 8). Нѣтъ въ этомъ дѣлѣ удовольствія, а лишь тѣнь удовольствія. *Препоясани*, говоритъ, *чресла ваша истиною*, т. е. истиннымъ удо-

вольствіемъ, цѣломудріемъ, пристойностью. Онъ потому такъ увѣщеваетъ, что знаетъ гнусность грѣха и желаетъ, чтобы всѣ наши члены были ограждены,—*ярость*, сказано, *неправедная не можетъ оправдитися* (I. Сир. I, 22), — желаетъ чтобы мы надѣли и панцырь и щитъ. Ярость—это звѣрь, легко нападающій, и намъ нужны тысячи оградъ и стѣнъ, чтобы одолѣть его и сдержать. Поэтому-то Богъ и устроилъ для насъ эту въ особенности часть изъ костей, какъ бы изъ какихъ камней, расположивъ вокругъ него преграду, чтобы онъ, разорвавши и разсѣкши, не нанесъ бы съ легкостью поврежденія всему живому существу. Это, говорятъ, огонь и буря, — другой членъ не выдержалъ бы такой силы. Врачи говорятъ, что и легкія для того подпираютъ
870 сердце, чтобы самое сердце, ударяясь о мягкій предметъ, какъ о какую-нибудь губку, отдыхало, а не повреждалось стремительными ударами о лежащую насупротивъ его жесткую грудь. Нуженъ намъ поэтому крѣпкій панцырь, чтобы постоянно держать въ покоѣ этого звѣря; нуженъ намъ и шлемъ. Такъ какъ тамъ находится мыслительная сила и отъ нея возможно спасеніе, если все будетъ по надлежащему, а возможна и погибель, то поэтому говоритъ: *и шлемъ спасенія* (Еф. VI, 17). Мозгъ по природѣ мягокъ; поэтому, какъ бы какой черепицей, онъ сверху прикрытъ теменемъ; онъ для насъ служитъ источникомъ всего хорошаго и дурного, смотря потому, мыслитъ ли онъ по надлежащему или наоборотъ. Ноги и руки у насъ тоже нуждаются въ оружіи, не эти—внѣшнія руки и ноги, но руки и ноги души: первыя—чтобы занимались, чѣмъ должно, послѣднія — чтобы шествовали, куда слѣдуетъ. Итакъ, возлюбленные, все будемъ дѣлать для той будущей жизни, все совершать, имѣя ее въ виду. Порокъ есть мракъ, возлюбленный; онъ есть смерть, есть ночь: ничего не видимъ изъ того, что надлежитъ, ничего не дѣлаемъ изъ того, что приличествуетъ. Какъ мертвецы безобразны и вонючи, такъ и души порочныхъ исполнены великой нечистоты; глаза ихъ смежены, уста сомкнуты, недвижимы остаются они на ложѣ порока, лучше же сказать — они даже жальче тѣхъ, которые терпятъ это. Тѣ мертвы въ томъ и другомъ отношеніи; а они безчувственны относительно добродѣтели и живы относительно порока. Если кто ударитъ мертвеца, онъ не почувствуетъ, не станетъ мстить, но будетъ точно сухое дерево; такъ и душа, утратившая жизнь, поистинѣ засыхаетъ: тысячи ранъ каждодневно она получаетъ, и не чувствуетъ, остается ко всему невосприимчивой. Не погрѣшилъ бы кто-нибудь, если бы сравнилъ таковыхъ съ изступленными, съ пьяницами, съ безумцами. Все это присуще пороку и всего онъ тяжелѣе. Изсту

пленный встрѣчаетъ большое состраданіе у зрителей, потому что болѣзнь его — не отъ свободнаго желанія, но единственно отъ природы; а кто живетъ въ порокѣ, какимъ образомъ получитъ снисхожденіе? Откуда же порокъ, откуда множество порочныхъ? Скажи мнѣ (прежде), откуда злыя болѣзни, откуда сумасшествіе, откуда тяжелый сонъ? Не отъ невнимательности ли? Если же естественныя болѣзни берутъ начало въ свободномъ настроеніи, то тѣмъ болѣе—обусловленныя волей. Откуда пьянство? Не отъ душевной ли невоздержности? Сумасшествіе не отъ преизбытка ли горячности? А горячность не отъ излишнихъ ли въ насъ элементовъ? Излишество же въ насъ элементовъ не отъ невнимательности ли? Когда именно допускаемъ въ себѣ недостаточность или несоотвѣтственное излишество, то и зажигаемъ этотъ огонь. Опять же, когда пламя занялось и мы остаемся небрежными, то устраиваемъ противъ себя костеръ, который не въ состояніи потушить. Такъ бываетъ и съ порокомъ: когда мы не помѣшаемъ ему въ началѣ, не отсѣчемъ, то уже не въ состояніи становимся воспрепятствовать его окончанію, онъ дѣлается превышающимъ наши силы. Поэтому, убѣждаю, будемъ дѣлать все, чтобы никогда не уснуть. Не видите ли, какъ поставленные на стражѣ, изъ-за того, что часто предаются небольшому сну, не извлекаютъ никакой пользы изъ большой стражи? А это оттого, что тѣмъ небольшимъ (сномъ) губятъ все и предоставляютъ большое удобство желающему украсть. И подобно тому какъ не столько мы наблюдаемъ за ворами, сколько они за нами, такъ въ особенности діаволъ ко всѣмъ присматривается, подстерегаетъ, скрежещетъ зубами. Не будемъ же спать; не будемъ говорить: отъ этого ни- 871
чего не сдѣлается, и отъ того—ничего; часто насъ грабятъ тамъ, гдѣ мы не ожидаемъ. Будемъ все тщательно осматривать. Не будемъ напиваться, и не уснемъ; не будемъ предаваться сластолюбію, и не задремлемъ; не будемъ безумствовать по отношенію къ внѣшнимъ предметамъ, и мы пребудемъ въ бодрственномъ состояніи; всячески будемъ себя упорядочивать. Подобно тому какъ ходящимъ по натянутому канату нельзя допускать ни малѣйшей небрежности, потому что малый промахъ производитъ великое бѣдствіе,—промахнувшійся тотчасъ обрушивается и погибаетъ, — такъ точно и для насъ непозволительно нерадѣніе. Мы идемъ по тѣсному пути, съ обѣихъ сторонъ охваченному пропастями, не допускающему даже возможности поставить обѣ ноги сразу. Не видишь ли, какая нужна намъ тщательность? Не видишь ли, какъ ходящіе по такимъ путямъ не только напрягаютъ ноги; но и глаза? Вѣдь если обращено вниманіе въ сторону, то хобя бы нога стояла твердо, но глазъ, затуманенный

глубиной, все ниспровергаетъ. Слѣдуетъ наблюдать за собою и во время пути; поэтому, говорится, ни направо, ни налѣво. Велика пропасть порока, велики стремнины, великъ мракъ внизу. Будемъ со страхомъ придерживаться тѣснаго пути, съ трепетомъ пойдемъ по нему. Никто, ходящій по такому пути, не взваливаетъ на себя чего-нибудь лишняго, потому что желательно имѣть возможность пройти хорошо подпоясаннымъ. Никто не спутываетъ своихъ ногъ, но оставляетъ ихъ свободными. А мы, связавъ себя безчисленными заботами, нагрузивъ на себя безчисленныя житейскія тяжести, задыхаясь и изнывая, какимъ образомъ надѣемся пройти тѣсный путь? Не просто сказалъ, что тѣсенъ, но съ оттѣнкомъ удивленія: *что тѣсный путь* (Мѳ. VII, 14)! Т. е. весьма тѣсный. Это и мы дѣлаемъ относительно того, чему сильно дивимся. И узкій, говоритъ, *путь, вводяй въ животъ*. И хорошо сказалъ: *тѣсный*, потому что если мы должны дать отчетъ въ словахъ, мысляхъ и поступкахъ, то дѣйствительно тѣсный. А мы дѣлаемъ его еще тѣснѣе, распространяя себя, расширяя и разставляя ноги. Тѣсный путь тяготенъ каждому, въ особенности разжирѣвшему; равно какъ наоборотъ, кто изнурилъ себя, тотъ и не почувствуетъ тѣсноты; такъ что кто позаботился себя стѣснить, тотъ не придетъ въ отчаяніе отъ стѣсненія. Итакъ, пусть никто не ждетъ при душевномъ разслабленіи увидѣть небо, потому что этого быть не можетъ; никто при изнѣженности пусть не надѣется пройти тѣснымъ путемъ, потому что невозможно; никто, идущій по широкому пути, пусть не надѣется на жизнь. Потому, когда ты увидишь, что кто-нибудь наслаждается ваннами, многоцѣнною трапезою, или толпами тѣлохранителей, — не считай себя несчастнымъ изъ-за того, что не пользуешься тѣмъ же, но его оплакивай, потому что онъ идетъ по гибельному пути. Какая въ самомъ дѣлѣ польза отъ такого пути, когда онъ оканчивается печально? Какой также вредъ отъ той тѣсноты, когда она приводитъ къ покою? Скажи мнѣ: если бы кто-нибудь, будучи позванъ въ царскій дворецъ, шелъ проходами узкими, тѣсными и утесистыми, а другого кого-нибудь, отводимаго на смерть, тащили серединою площади, — кого, скажи мнѣ, мы считали бы блаженнымъ и кого оплакивали бы? Не того ли (оплакивали бы), который шелъ по пространному пути? Такъ и нынѣ мы называемъ блаженными не тѣхъ, которые предаются изнѣженности, а тѣхъ, которые не предаются: послѣд-
872 ніе спѣшатъ на небо, а первые въ геенну. Быть можетъ многіе изъ нихъ будутъ смѣяться надъ сказаннымъ нами, но я потому особенно ихъ оплакиваю и горюю, что они не знаютъ, надъ чѣмъ слѣдуетъ смѣяться, по поводу чего особенно рыдать, но все

смѣшиваютъ, спутываютъ, разстраиваютъ. Потому-то я ихъ и оплакиваю. Что говоришь, человѣкъ? Имѣя возстать, дать отчетъ въ своихъ дѣлахъ и подвергнуться послѣднему суду, ты на это не обращаешь никакого вниманія, предаешься чревоугодію и пьянству, а надъ тѣмъ смѣешься? Но я оплакиваю тебя, потому что знаю о предстоящихъ тебѣ бѣдствіяхъ и ожидающемъ тебя наказаніи; потому-то особенно и оплакиваю, что ты смѣешься. Рыдай со мною, оплакивай со мною свои бѣдствія. Скажи мнѣ: если бы кто изъ близкихъ твоихъ отошелъ во Христѣ, то отъ смѣющихся надъ кончиною не отвернулся ли бы ты и не счелъ ли бы врагами, а плачущихъ и соболѣзнующихъ не полюбилъ ли бы? Итакъ, когда жена лежитъ мертвая, ты отворачиваешься отъ смѣющагося, а когда душа умерла, отворачиваешься отъ проливающаго слезы, и самъ смѣешься? Видишь ли, какъ діаволъ насъ настроилъ,—что мы для самихъ себя сдѣлались врагами и непріятелями? Проснемся же наконецъ, осмотримся, будемъ бодрственны, устремимся къ вѣчной жизни, стряхнемъ великій сонъ. Предстоитъ судъ, предстоитъ воскресеніе, изслѣдованіе содѣяннаго; Господь идетъ на облакахъ: *огнь предъ нимъ возгорится, и окрестъ его буря зѣлна* (Псал. XLIX, 3); рѣка огненная течетъ впереди его, червь неумирающій, огонь неугасимый, тьма кромѣшняя, скрежетъ зубовный. Хотя бы ты тысячу разъ былъ этимъ недоволенъ, я говорю и не перестану. Если пророки не молчали, будучи даже побиваемы камнями, то тѣмъ болѣе намъ слѣдуетъ выносить непріязнь и не бесѣдовать съ вами для вашего удовольствія, чтобы, обманувъ васъ, самимъ не разсѣчься на двое. Тамъ — наказаніе вѣчное, безутѣшное, и никакого заступника. *Кто*, сказано, *помилуетъ обаянника зміемъ уязвлена* (І. Сир. XII, 13)? Если мы себя не пожалѣемъ, кто, скажи, пожалѣетъ насъ? Если ты увидишь, что кто-нибудь вонзаетъ мечъ въ себя, въ состояніи ли ты будешь его пощадить? Ни въ какомъ случаѣ. Тѣмъ болѣе, когда отъ насъ зависитъ правильно поступить и мы не поступимъ, кто насъ пощадитъ? Никто. Сжалимся надъ собою. Если мы молимся Богу, говоря: *помилуй мя, Господи*, то скажемъ это себѣ и смилуемся надъ собою. Отъ насъ зависитъ, чтобы Богъ насъ помиловалъ, — Онъ насъ одарилъ этимъ: если дѣлаемъ достойное милости, если совершаемъ достойное Его человѣколюбія, то Богъ помилуетъ насъ, если же мы себя не жалѣемъ, то кто насъ пощадитъ? Жалѣй ближняго, и сжалится надъ тобою Богъ. Сколько каждодневно приходятъ и говорятъ: сжалься надо мною, а ты не обращаешь вниманія? Сколько нагихъ, сколько увѣчныхъ, а мы не склоняемся и отвергаемъ ихъ просьбы? Какъ же ты просишь о помилованіи, самъ не дѣлая

ничего достойнаго милости? Будемъ сострадательны, будемъ милосердны, чтобы такимъ образомъ благоугодить Богу и достиг-
673–4 нуть благъ, обѣщанныхъ любящимъ Его, благодатію и человѣколюбіемъ Господа нашего Іисуса Христа, съ Которымъ Отцу и Святому Духу слава, честь, держава, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь,

---

СЛОВО XLIII.

873 О томъ, что пренебрегающій настоящимъ возобладаетъ тѣмъ и другимъ, и что любостяжаніе хуже всякой грязи и нечистоты.

Такъ какъ отъ начала, возлюбленный, имѣла быть оказанной людямъ нѣкая великая благодать, то Богъ, желая сдѣлать это не въ качествѣ дара, а предоставить, какъ долгъ, устроилъ прежде всего такъ, что человѣкъ отдалъ своего сына по повелѣнію Божію, чтобы не показалось великимъ дѣломъ, когда Онъ предастъ Своего Сына, если и человѣкъ сдѣлалъ это для Него,—чтобы не считалось, что это дѣлается только по дару, но и по долгу. Вѣдь и мы, если кого любимъ, желаемъ такъ ихъ одарить, чтобы казалось, что прежде мы получили отъ нихъ какую-нибудь малость и затѣмъ уже все имъ дали, и мы болѣе похваляемся по поводу полученнаго, чѣмъ по поводу даннаго, не говоримъ: вотъ это мы ему дали, но: вотъ это мы отъ него получили. *Тѣмже*, сказано, *того и въ притчи пріятъ* (Евр. XI, 19), т. е. какъ бы въ загадкѣ,—каковою притчей былъ овенъ Исаака,—или какъ бы въ подобіи. Такъ какъ совершена была жертва и Исаакъ умерщвленъ былъ въ произволеніи, то поэтому и отдается онъ въ даръ патріарху. Замѣчаешь ли, и теперь оказывается то же, о чемъ я всегда говорю: когда мы усовершенствуемъ свое душевное настроеніе, когда покажемъ, что пренебрегаемъ земными предметами, тогда именно и дано будетъ намъ земное въ даръ, а не прежде, чтобы мы, получивъ по нуждѣ, не испытали еще большаго стѣсненія. Освободи, говоритъ, себя отъ рабства, и тогда бери, чтобы тебѣ уже не взять въ качествѣ раба, а въ качествѣ господина. Пренебреги богатствомъ, и будешь богатъ; пренебреги славой, и будешь славенъ; пренебреги мщеніемъ врагамъ, и тогда его достигнешь; пренебреги покоемъ, и тогда его получишь,—чтобы, получая, получить не какъ узнику, не какъ рабу, а какъ свободному. Подобно

тому, какъ бываетъ съ малыми дѣтьми,—когда ребенокъ пожелаетъ дѣтскихъ игрушекъ, мы съ большою старательностью ихъ прячемъ, напримѣръ—мячъ и тому подобное, чтобы они не мѣшали вещамъ нужнымъ, а когда ребенокъ не обращаетъ на нихъ вниманія и болѣе не желаетъ, то беззаботно ихъ даемъ, зная, что отъ этого никакого уже не будетъ ему вреда, такъ какъ то пожеланіе уже не въ силахъ отвлечь его отъ вещей нужныхъ,—такъ и Богъ, когда видитъ, что мы не желаемъ болѣе настоящихъ предметовъ, предоставляетъ ими пользоваться, и мы владѣемъ ими какъ свободные, какъ мужи, а не какъ дѣти. А что, когда ты пренебрежешь мщеніемъ врагамъ, тогда и достигнешь,—послушай, что̀ говорится: *аще алчетъ врагъ твой, ухлѣби его,* и *аще жаждетъ, напой его,*—и прибавлено: *сіе бо творя, угліе огненно собираеши на главу его* (Рим. xii, 20). Опять же, что, когда ты пренебрежешь богатствомъ, тогда его достигнешь, послушай, какъ говоритъ Христосъ: нѣсть, *иже оставитъ отца, или матерь, или домъ, или братію,* иже *сторицею* не *пріиметъ, и животъ вѣчный наслѣдитъ* (Мѳ. xix, 29). И что, когда пренебрежешь славой, тогда ея достигнешь, послушай еще, какъ говоритъ самъ Христосъ: хотяй *въ васъ быти* первый, *да будетъ вамъ слуга*; и опять: иже бо аще смирится, сей *вознесется* (Мѳ. xx, 26; xxiii, 12). Что говоришь? Когда напою врага, тогда его накажу? 874
Когда брошу имущество, тогда буду имъ владѣть? Когда унижусь, тогда вознесусь? Да, говоритъ, потому что такова моя сила—черезъ противоположное доставлять противоположное. Я богатъ и искусенъ; не бойся; моей волѣ слѣдуетъ природа вещей, а не я слѣдую природѣ; я все совершаю, а не самъ подчиняюсь; потому я хочу измѣнить это и преобразовать. И что ты удивляешься этому? Вѣдь то же самое ты найдешь и во всемъ другомъ. Если нанесешь обиду, тогда подвергнешься обидѣ; если тебѣ нанесутъ обиду, тогда не подвергнешься обидѣ. Если будешь мстить, тогда не будешь отомщенъ, а самъ себѣ отомстишь, потому что сказано: „любяй неправду, *ненавидитъ своея души*" (Притч. xxix, 24). Замѣчаешь ли, что не тебѣ причинена обида, а ты причинилъ? Потому и Павелъ говоритъ: *почто не паче обидими есте* (1 Кор. vi, 7)? Замѣчаешь ли, что это не значитъ—терпѣть обиду? Когда ты оскорбишь, тогда будешь оскорбленъ; это многіе отчасти знаютъ, когда именно говорятъ другъ другу: уйдемъ отсюда, чтобы тебѣ не оскорбить самого себя. Какъ это? Такъ, что между имъ и тобою большое разстояніе; какія оскорбленія ты ни нанесешь, онъ сочтетъ славой. Будемъ всего болѣе думать объ этомъ, и мы поставимъ себя выше оскорбленій. А какимъ образомъ, я скажу. Если бы у насъ былъ споръ съ тѣмъ, кто

одѣтъ въ пурпуръ, то, нанеся оскорбленіе ему, мы считали бы, что самихъ себя оскорбили, потому что признавали бы себя достойными общенія съ нимъ. Что говоришь, скажи мнѣ? Ты, будучи гражданиномъ небесъ, обладая вышней философіей, низводишь себя до общенія съ тѣмъ, кто думаетъ о земномъ? Вѣдь, если бы онъ владѣлъ безмѣрными богатствами, если бы пользовался правительственною властью, все же у него нѣтъ знанія о твоемъ благѣ. Не наноси себѣ оскорбленія, оскорбляя его; себя пощади, не его; себѣ окажи честь, не ему. Развѣ нѣтъ такой поговорки: кто отдаетъ честь, чтитъ себя самого? И вѣрно: не его чтитъ, но самого себя. Послушай, что говоритъ одинъ мудрецъ: сотвори душѣ твоей *честь по достоинству ея* (І. Сир. x, 31). *По достоинству ея*—что это значитъ? Если, говоритъ, ты корыстолюбствовалъ, не корыстолюбствуй; если оскорблялъ, не оскорбляй. Скажи мнѣ, прошу: если бы какой-нибудь бѣднякъ взялъ навозъ, выброшенный изъ твоего хлѣва, сталъ ли бы ты созывать изъ-за этого судбище? Никакъ нѣтъ. Почему? Чтобы не оскорбить себя самого, чтобы всѣ тебя не осудили. То же и теперь бываетъ. Богачъ—это бѣднякъ, и насколько онъ богатѣетъ, настолько становится бѣденъ истинною бѣдностію. Золото — это навозъ, брошенный въ хлѣву,—не въ домѣ лежащій, потому что домъ твой—небо. Итакъ, изъ-за него будешь созывать судбище? И тебя не осудятъ вышніе граждане? Не извергнутъ тебя изъ своего отечества,—тебя, до того низкаго, до того ничтожнаго, что ты берешься спорить изъ-за небольшого количества навоза? Вѣдь, если бы и міръ былъ твой и кто-нибудь его бы взялъ, ужели нужно было бы спорить? Ужели не знаешь, что если бы ты взялъ вселенную въ десять разъ, и во сто, и въ тысячу, и вдвойнѣ столько, то все же она не сравняется и съ малою частью небесныхъ благъ? Кто восхищается здѣшнимъ, тотъ унижаетъ тамошнее, и насколько считаетъ первое достойнымъ заботъ, настолько теряетъ послѣднее, и даже не въ состоя-
875 ніи будетъ имъ восхищаться: да и какъ иначе, если онъ увлеченъ первымъ? Разорвемъ тенета и сѣти: это именно — земные предметы. До какихъ поръ мы будемъ гнуться внизъ? До какихъ поръ мы будемъ замышлять другъ противъ друга, точно звѣри, точно рыбы? Лучше же сказать, и звѣри не замышляютъ другъ противъ друга, но лишь противъ тѣхъ, которые—другой породы, напримѣръ, медвѣдь не охотно умерщвляетъ медвѣдя, и змѣя не умерщвляетъ змѣи, какъ принадлежащей къ той же породѣ; ты же, имѣя тысячи побужденій къ справедливости въ отношеніи однороднаго—родство, разумность, вѣдѣніе Бога, силу природы и многое другое,—его, своего родича и общника по

природѣ, убиваешь и ввергаешь въ тысячи бѣдствій? Что за нужда, если ты не вонзаешь меча, не запускаешь правой руки въ горло? Ты дѣлаешь иное, болѣе тягостное,—угнетаешь безпрестанными скорбями. Если бы ты то̀ сдѣлалъ, то избавилъ бы его отъ заботъ; теперь же заваливаешь его рабскимъ голодомъ, отчаяніемъ, множествомъ грѣховъ. Я это говорю, и не перестану говорить, вовсе не склоняя васъ къ убійству, и не побуждая къ другому, менѣе важному злу, но съ тою цѣлью, чтобы вы не были самонадѣянны, какъ будто не имѣющіе дать отвѣтъ,—вѣдь сказано: *убиваетъ искренняго отъемляй поживленіе* (І. Сир. XXXIV, 22). Удержимъ наконецъ наши руки; лучше же сказать—не удержимъ, но протянемъ ихъ добрымъ образомъ, не для любостяжанія, но для милостыни. Не безплодная у насъ рука и не сухая; сухая—та, которая не содѣлываетъ милостыни; а та, которая занимается любостяжаніемъ,—грязна и нечиста. Никто пусть не принимаетъ пищи такими руками, потому что это—оскорбленіе для приглашенныхъ. Скажи мнѣ: если бы кто пригласилъ насъ возлечь на коврахъ, нѣжныхъ покрывалахъ и затканныхъ золотомъ скатертяхъ, въ громадномъ и блестящемъ домѣ, съ большою толпою слугъ, затѣмъ предложилъ серебряныя и золотыя блюда, наполненныя многоцѣнными и разнообразными кушаньями, и принуждалъ ѣсть, а между тѣмъ самъ возлежалъ бы съ руками, запачканными въ навозѣ или человѣческомъ калѣ,—то перенесли ли бы мы это? Развѣ кто потерпѣлъ бы такое мученіе, не счелъ бы дѣло—оскорбленіемъ? Я такъ думаю, что даже сейчасъ бы выскочилъ. Нынѣ же ты видишь, что не только руки, но и самыя кушанья наполнены совершеннѣйшимъ навозомъ,—и ты не выскакиваешь? Не убѣгаешь? Не упрекаешь? Даже, если онъ обладаетъ властью, высоко цѣнишь, и губишь свою душу, съѣдая такую пищу? Дѣйствительно, любостяжаніе хуже всякаго навоза, потому что не тѣло, а душу пачкаетъ, такъ что отмыть затруднительно. Итакъ ты, видя, что онъ возлежитъ съ руками и обличьемъ оскверненными этимъ навозомъ, въ домѣ и за трапезой исполненной этого навоза,—а кушанья тѣ еще грязнѣе и отвратительнѣе этого навоза,—ты чувствуешь себя удостоеннымъ чести, ожидающимъ наслажденія? И ты не боишься Павла, который разрѣшалъ безпрепятственно отправляться къ столу эллиновъ (язычниковъ), если намъ желательно, но къ столамъ любостяжателей, и при желаніи, не позволялъ идти? *Аще*, говоритъ, *нѣкій братъ именуемъ будетъ блудникъ* (1 Кор. V, 11), — называя здѣсь братомъ всякаго вообще вѣрующаго, а не монаха. Чѣмъ именно производится братство? Банею возрожденія, возможностью называть Бога отцемъ. Такимъ образомъ монахъ, если онъ только

оглашаемый, не есть братъ; а вѣрующій, хотя бы онъ былъ мі-
876 рянинъ, есть братъ. Если, говоритъ, *нѣкій братъ именуемь*. А тогда не было и слѣдовъ монаха, но все этотъ блаженный говорилъ къ мірянамъ. *Аще*, говоритъ, *нѣкій братъ именуемь будетъ блудникъ, или лихоимецъ, или піяница, съ таковымъ ниже ясти*. А съ язычниками не такъ, но: *аще ли кто отъ невѣрныхъ*,—разумѣя язычниковъ,—*призываетъ вы, и хощете ити, все предлагаемое вамъ ядите* (1 Кор. x, 27). *Аще же*, говоритъ, *нѣкій братъ именуемь піяница*. Увы, какая тщательность! А мы не только не бѣжимъ отъ пьяницъ, но и приходимъ къ нимъ, имѣемъ съ ними общеніе. Поэтому все у насъ перевернулось вверхъ дномъ. все смѣшалось, извратилось, погибло. Скажи мнѣ въ самомъ дѣлѣ: если бы кто изъ таковыхъ позвалъ тебя на пиршество,—тебя, считающагося бѣднымъ и незначительнымъ,—затѣмъ услышалъ бы отъ тебя, что „такъ какъ предлагаемое получено посредствомъ любостяжанія, то я не допущу моей душѣ оскверниться“,—развѣ же онъ не устыдился бы, не смѣшался, не покраснѣлъ? Этого одного было бы достаточно, чтобы его исправить и заставить его считать себя несчастнымъ въ богатствѣ, а тебѣ удивляться въ бѣдности,—если бы именно онъ увидѣлъ, что ты съ такою ревностію пренебрегаешь имъ. Но мы, не знаю почему, сдѣлались рабами людей, хотя Павелъ то здѣсь, то тамъ взываетъ: *не будите раби человѣкомъ* (1 Кор. vii, 23). Почему же мы сдѣлались рабами, скажи мнѣ? Потому что прежде мы стали рабами чрева, денегъ, славы и всего прочаго,—продали свободу, которую даровалъ намъ Христосъ. А что, скажи мнѣ, ожидаетъ того, кто сдѣлался рабомъ? Послушай, что говоритъ Христосъ: *рабъ не пребываетъ въ дому во вѣкъ* (Іоан. viii, 35). Вотъ — окончательное рѣшеніе, что никогда не войдетъ въ царство. Домъ значитъ именно это: *въ дому Отца моего*, говоритъ (Спаситель), *обители многи суть* (Іоан. xiv, 2). Итакъ, *рабъ не пребываетъ въ дому во вѣкъ*: рабомъ называетъ его, раба грѣха. А кто не пребываетъ въ дому во вѣкъ, пребываетъ въ гееннѣ во вѣкъ, ни откуда не получая утѣшенія. Но дѣла дошли до такой степени нечестія, что даже и милостыни дѣлаютъ изъ этихъ (денегъ) и многіе принимаютъ. Потому-то мы потеряли увѣренность и не въ состояніи кого-нибудь укорить. Все же хотя бы съ теперешняго дня будемъ избѣгать происходящаго отсюда вреда, и вы, которые разворачиваете этотъ навозъ, удержитесь отъ такой гибели. Какъ мертвое тѣло не пользуется никакимъ чувствомъ и, сверхъ того, бываетъ тягостно для приближающихся, такъ и грѣхъ тотчасъ потрясаетъ мыслительную способность и даже самую душу не оставляетъ въ покоѣ, но приводитъ въ безпорядокъ и смятеніе.

Говорятъ, что моровая язва, появившись, губитъ тѣла. Таковъ же и грѣхъ: ничѣмъ онъ не отличается отъ язвы, (кромѣ того, что) не воздухъ сначала портитъ, а потомъ тѣла, но сразу нападаетъ на душу. Не видишь ли, какъ подвергшіеся язвѣ пухнутъ, какъ кружатся, какъ наполняются смрадомъ, какъ отвратителенъ ихъ внѣшній видъ, какъ они нечисты? Таковы же и грѣшники, хотя они этого не замѣчаютъ. Скажи мнѣ въ самомъ дѣлѣ: не хуже ли всякаго страдающаго лихорадкой тотъ, кто плѣненъ любовью къ деньгамъ или къ тѣламъ? Не грязнѣе ли всѣхъ тотъ, кто дѣлаетъ и терпитъ всякія безстыдства? Что постыднѣе мужа, полюбившаго деньги? То самое, что дѣлаютъ распутныя женщины и актрисы на сценѣ, это и онъ не отказывается дѣлать,—возможно даже, что тѣ скорѣе откажутся, чѣмъ онъ: онъ и берется за дѣла, приличныя рабамъ, заискивая предъ тѣми, предъ кѣмъ не слѣдуетъ, постоянно впадая въ измѣнчивость; 877
онъ и подлаживается и льститъ безчестнымъ мужамъ и нерѣдко испорченнымъ старикамъ, которые много его бѣднѣе и незначительнѣе, а другихъ — хорошихъ и вполнѣ добродѣтельныхъ — оскорбляетъ и нагло безчеститъ. Замѣчаешь двойственное неприличіе, безстыдство? И униженіе сверхъ мѣры, и дерзость. Но распутныя женщины стоятъ въ жилищѣ; и вина ихъ въ томъ, что продаютъ тѣло за деньги. Ихъ, говорятъ, побуждаютъ бѣдность, голодъ. Если бы и въ сильной степени (побуждали), недостаточно это для оправданія: имъ возможно было бы жить работой. А тутъ любостяжатель стоитъ не въ жилищѣ, но посреди города; не тѣло, но душу продаетъ діаволу, такъ что съ нимъ сообщается, входитъ къ нему, какъ къ настоящей блудницѣ, и, удовлетворивъ все свое пожеланіе, уходитъ; и смотритъ на это весь городъ, не два или три мужа. Свойство распутныхъ женщинъ еще то, что отдаются тому, кто предложилъ золото: рабъ ли, или монахъ, или кто бы то ни былъ, если предложитъ плату, принимается; а свободные люди, хотя бы были самыми благородными, безъ серебра не допускаются. То же и тутъ дѣлаютъ тѣ: отъ правильныхъ мыслей, которыя не приносятъ серебра, уклоняются, а съ гнусными и поистинѣ богопротивными сообщаются ради золота, сообщаются непристойно, и теряютъ красоту души. Какъ тѣ (блудницы) отъ природы безобразны, черны, грубы, безформенны, дурно сложены и во всѣхъ отношеніяхъ отвратительны,—такъ и ихъ души не въ состояніи бываютъ подъ наружными притираніями скрыть свое безобразіе. Гдѣ крайнее безобразіе, тамъ, что бы ни придумывали, укрыться нельзя. А что безстыдство дѣлаетъ блудницами, послушай, какъ говоритъ пророкъ: *не хотѣла еси постыдѣтися ко всѣмъ, лице блудницы бысть*

тебѣ (Іер. ш, 3). То же можно сказать и любостяжателямъ: ты былъ безстыденъ со всѣми, — не съ тѣмъ или другимъ, но со всѣми. Какимъ образомъ? Такой не стыдится ни отца, ни сына, ни жены, ни друга, ни брата, ни благодѣтеля, вообще никого. И что говорю—друга, брата, отца? Не стыдится самого Бога, но все ему кажется басней, и онъ смѣется, упоенный великимъ похотѣніемъ, и даже слухомъ не воспринимаетъ ничего, что могло бы принести ему пользу. О, безразсудство и глупыя рѣчи! Горе тебѣ, мамона, и тому, кто не обладаетъ тобою! Здѣсь я разрываюсь отъ гнѣва: горе въ самомъ дѣлѣ тѣмъ, которые говорятъ это, хотя бы говорили въ шутку! Скажи мнѣ: не грозилъ ли Богъ такой угрозой, говоря: не можете *двѣма господинома работати* (Мѳ. vi, 24)? А ты не лишаешь ли угрозу силы? Не говоритъ ли Павелъ, что это (любостяжаніе) есть идолослуженіе и не называетъ ли любостяжателя идолослужителемъ? А ты стоишь и смѣешься, точно публичныя женщины, вызываешь смѣхъ, точно актрисы на сценѣ? Это произвело всеобщій безпорядокъ и разгромъ; все у насъ обратилось въ смѣхъ, остроуміе и утонченность; ничего серьезнаго, ничего солиднаго. Не къ мірскимъ мужамъ только говорю это, но знаю, кого разумѣю: вѣдь церковь полна смѣха, стоитъ кому-нибудь сказать шутку, и тотчасъ поднимается смѣхъ у сидящихъ. Всюду хороводитъ діаволъ,
878 во всѣхъ онъ проникъ, всѣми завладѣлъ; Христосъ обезчещенъ, отвергнутъ, ни въ какой части нѣтъ церкви. Не слышите ли, что говоритъ Павелъ: *сквернословіе и буесловіе* и *кощуны* да изъемлются отъ васъ (Еф. v, 4)? Онъ ставитъ острословіе *(кощуны)* рядомъ съ сквернословіемъ,—а ты смѣешься? Что такое *буесловіе*? То, что не заключаетъ ничего полезнаго. И ты — монашествующій, распинаемый, воздыхающій — тоже все смѣешься и ухмыляешься? Смѣешься, скажи мнѣ? А слышалъ ли ты гдѣ-нибудь, чтобы Христосъ это дѣлалъ? Никогда. Но часто онъ скорбѣлъ: когда смотрѣлъ на Іерусалимъ, проливалъ слезы, когда думалъ о предателѣ, приходилъ въ душевное потрясеніе, когда собирался воскресить Лазаря, плакалъ: а ты смѣешься? Если и не соболѣзнующій о чужихъ грѣхахъ достоинъ осужденія, то какого снисхожденія будетъ достоинъ безчувственно относящійся къ собственнымъ и смѣющійся? Время плача и скорби, заушенія и порабощенія, боренія и пота: а ты смѣешься? Не видишь развѣ, какое порицаніе заслужила Сарра? Не слышишь, что говоритъ Христосъ: *горе смѣющимся, яко восплачете* (Лук. vi, 25)? Ты ежедневно это поешь. Что именно говоришь, скажи мнѣ? Говоришь ли—я посмѣялся? Нѣтъ. Но что? Я потрудился въ воздыханіи моемъ. Но, быть можетъ, есть нѣкоторые до того легкомысленные

и глупые, чтобы смѣяться надъ этимъ поученіемъ, — такъ какъ мы бесѣдуемъ о смѣхѣ. Таково-то помѣшательство, таково безуміе: нечувствительны даже къ наставленію! Іерей Божій стоитъ, вознося молитвы всѣхъ, а ты смѣешься и не страшишься? Онъ и за тебя возноситъ молитвы, а ты не обращаешь вниманія? Не слышишь ли, что говоритъ Писаніе: горе тѣмъ, которые небрежны? Не трепещешь? Не сдерживаешься? Входя въ царскій дворецъ, ты украшаешь себя и наружностью, и взоромъ, и походкою, а здѣсь, гдѣ истинно царскій чертогъ и все таково, какъ на небѣ, ты смѣешься? Знаю, что ты не замѣчаешь: услышь же, что ангелы всюду находятся, а особенно въ домѣ Божіемъ предстоятъ Царю, все наполнено этими безтѣлесными силами. Это мое слово относится и къ женамъ, которыя въ присутствіи мужей не смѣютъ свободно этого дѣлать, а если дѣлаютъ, то не всегда, но лишь во время отдыха; здѣсь же—всегда. Скажи мнѣ, жена: голову ты покрываешь, и смѣешься, сидя въ церкви? Ты вошла, чтобы исповѣдаться въ грѣхахъ, припасть къ Богу, упрашивать и умолять Его о твоихъ злыхъ прегрѣшеніяхъ, и ты дѣлаешь это со смѣхомъ? Какимъ же образомъ ты сможешь умилостивить Его? Но что, скажешь, дурного въ смѣхѣ? Не смѣхъ—дуренъ, а дуренъ смѣхъ чрезмѣрный и неумѣстный. Смѣхъ заложенъ въ насъ для того, чтобы, когда видимъ друзей послѣ продолжительнаго времени, мы смѣялись бы; для того, чтобы, когда найдемъ когонибудь въ смущеніи и страхѣ, ободряли бы его усмѣшкой,—не хохоча и не смѣясь постоянно; для того заложенъ смѣхъ въ нашу душу, чтобы душа кое-когда получала отдыхъ и не изнывала. Такъ и тѣлесное хотѣніе заложено въ насъ и однакожъ изъ-за того, что оно заложено, нѣтъ неизбѣжной необходимости пользоваться или не пользоваться имъ сверхъ мѣры, но мы его сдерживаемъ и не говоримъ: такъ какъ заложено, то и будемъ имъ пользоваться. Служи Богу со слезами, чтобы тебѣ возможно было омыть грѣхи. Знаю, что многіе насмѣхаются надъ нами, говоря: сейчасъ же слезы! Потому — время слезъ. Знаю, что и загадываютъ, говоря: *да ямы и піемъ, утрѣ бо умремъ* (1 Кор. XV, 32). *Суета суетствій, всяческая суета* (Еккл. I, 2). Не я это говорю, но тотъ, кто на опытѣ позналъ всѣ вещи, говоритъ это. *Создахъ* 879
ми домы, насадихъ винограды, купѣли водныя, сотворихъ ми виночерпцы и виночерпицы (Еккл. II, 4—6, 8). И что же послѣ всего этого? *Суета суетствій, всяческая суета.* Итакъ, восплачемъ, возлюбленные, восплачемъ, чтобы поистинѣ намъ посмѣяться, поистинѣ утѣшиться во время свѣтлой радости. Къ здѣшней радости всегда примѣшана печаль и никогда нельзя ее встрѣтить въ чистомъ видѣ; а тамошняя чиста, нелжна, безъ всякаго ко-

880 варства, безъ примѣси; этою радостью будемъ наслаждаться, къ ней стремиться. Достигнуть же ея не возможно иначе, какъ предпочитая здѣсь не то, что пріятно, а что полезно, мало огорчаясь скорбью и все перенося съ благодарностію. Такъ мы въ состояніи будемъ достигнуть и царства небеснаго, котораго да удостоимся всѣ мы во Христѣ Іисусѣ Господѣ нашемъ, съ Которымъ Отцу и Святому Духу слава, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

СЛОВО XLIV.

879 О сокрушеніи, терпѣніи и пожеланіи будущихъ благъ; и о второмъ пришествіи Господа нашего Іисуса Христа.

Увѣщеваю васъ, братія, составлять рѣшеніе о промыслѣ Божіемъ не только по настоящему, но и по будущему, потому что настоящее есть борьба, мѣсто состязанія и поприще, а будущее — награды, вѣнцы, воздаянія. И какъ борцу на мѣстѣ состязанія нужно сражаться въ потѣ, въ пыли, въ великомъ жарѣ, въ трудахъ и въ тѣлесномъ напряженіи, такъ и праведнику много здѣсь нужно претерпѣвать и все выносить мужественно, если тамъ онъ хочетъ получить блестящіе вѣнцы. Поэтому и Павелъ постоянно обращаетъ къ намъ слово о воскресеніи, и, какъ вы слышали, взываетъ и говоритъ: *мы бо вѣруемъ, яко воздвигій Господа, и насъ со Іисусомъ воздвигнетъ, и предпоставитъ съ вами. Тѣмже не стужаемъ си* (2 Кор. IV, 13—16), говоритъ, имѣя величайшимъ утѣшеніемъ въ подвигахъ надежду на будущее. Не сказалъ къ нимъ: тѣмже не стужайте, — но что? *Тѣмъ не стужаемъ си,*—показывая, что и онъ самъ безпрерывно находится въ подвигахъ. *Но аще и внѣшній нашъ человѣкъ тлѣетъ, обаче внутренній обновляется по вся дни* (2 Кор. IV, 16). Какъ обновляется? Вѣрой, надеждой, усердіемъ, смѣлымъ перенесеніемъ бѣдствій. Вѣдь чѣмъ неисчисленнѣе бѣдствія, претерпѣваемыя тѣломъ, тѣмъ болѣе благія надежды получаетъ душа и становится свѣтлѣе, какъ бы золото обильно прошедшее чрезъ огонь. И смотри, какъ онъ ниспровергаетъ скорби настоящей жизни. *Еже бо,* говоритъ, *нынѣ легкое печали нашея, по преумноженію въ преспѣяніе тяготу* вѣчную *славы содѣловаетъ, не смотряющимъ намъ видимыхъ, но невидимыхъ* (ст. 17—18), полагая все дѣло въ надеждѣ. И что въ другомъ мѣстѣ онъ говорилъ: *упованіемъ спасохомся,* и: *упованіе же видимое нѣсть упованіе* (Рим. VIII, 24), то же и здѣсь

разъясняя, онъ сопоставляетъ настоящее съ будущимъ, мгновенное съ вѣчнымъ, легкое съ тяжелымъ, скорбь со славой. И этимъ даже не довольствуется, но присоединяетъ другое изреченіе, усугубляющее смыслъ прежняго: *по преумноженію въ преспѣяніе*, говоритъ. Потомъ показываетъ и способъ, сказавши, какимъ образомъ *легкое печали*. Какимъ же образомъ легкое? *Не смотряющимъ намъ видимыхъ, но невидимыхъ*. Такимъ образомъ и это—настоящее—легко, и то—будущее—велико, если мы отведемъ себя отъ того, что видимо, потому что видимое временно,—слѣдовательно таковы и печали,—а невидимое вѣчно,—слѣдовательно таковы и вѣнцы. И онъ не сказалъ только: таковы 830
печали, но: все видимое, хотя бы то было наказаніе, хотя бы успокоеніе, чтобы и тутъ мы не хвалились, и тамъ не смущались. Потому-то и о будущемъ не сказалъ: царство вѣчное, но: невидимое вѣчное, хотя бы это было царство, хотя бы опять же наказаніе, чтобы и тутъ не страшились, и тамъ не обнадеживались. Итакъ, если видимое временно, а невидимое вѣчно, то и будемъ взирать на послѣднее, на вѣчное. Какое въ самомъ дѣлѣ мы будемъ имѣть извиненіе, предпочитая временное вѣчному? Вѣдь хотя настоящее и пріятно, однакожъ непостоянно, а что̀ въ немъ есть мучительнаго, то постоянно и непростительно. Какое можетъ быть извиненіе для тѣхъ, которые, будучи удостоены святого Духа и насладившись такимъ даромъ, сдѣлались ревнителями низменнаго и ниспали на землю? И дѣйствительно, я слышу, какъ многіе произносятъ такія смѣшныя слова: дай мнѣ сегодняшній день, и возьми завтрашній. Если бы, говорятъ, тамошнее существовало въ такомъ видѣ, какъ вы представляете, то это было бы одно противъ одного, а если совсѣмъ ничего такого нѣтъ, то—два противъ ничего. Что безразсуднѣе этихъ словъ? Что пошлѣе? Мы бесѣдуемъ о небесахъ и о невыразимыхъ тѣхъ благахъ, а ты выдвигаешь намъ на сцену то, что принято на ристалищахъ, и не стыдишься, не закрываешься, произнося это, свойственное глупцамъ? Не краснѣешь, будучи до такой степени пригвожденъ къ настоящему? Не устаешь безумствовать, сходить съ ума и говорить глупости, какъ младенецъ? Когда бы говорили это эллины,—ничего не было бы удивительнаго; а когда болтаютъ это люди вѣрующіе,—какое будетъ снисхожденіе? Значитъ, ты заподозрѣваешь тѣ безсмертныя надежды? Значитъ, почитаешь это сомнительнымъ? Какъ же это достойно будетъ снисхожденія? Но ты не видишь тамошняго? Не видишь ты также и Бога: что же, изъ-за того, что не видишь Бога, не признаешь Бога существующимъ? И весьма, говоришь, признаю. Въ такомъ случаѣ, если опять тебя кто спроситъ: а кто

пришелъ съ неба и сообщилъ это?—что ты скажешь? Изъ чего узнаешь, что существуетъ Богъ? Изъ видимаго, говоришь, изъ добраго порядка во всемъ созданіи, изъ того, что это для всѣхъ очевидно. Слѣдовательно, такимъ же образомъ веди рѣчь и о судѣ. Какъ, спросишь? Я буду тебя спрашивать, а ты мнѣ отвѣчай. Праведенъ ли самъ Богъ и по достоинству ли воздаетъ каждому, или наоборотъ—желаетъ, чтобы нечестивые благоденствовали и наслаждались, а добрые находились въ противоположномъ положеніи? Отнюдь нѣтъ, скажешь; этого и человѣкъ не потерпѣлъ бы. Гдѣ же хорошо здѣсь поступающіе будутъ наслаждаться благами, и гдѣ злые получатъ противоположное, если послѣ этого не имѣетъ быть какая-нибудь жизнь и воздаяніе? Видишь ли, что одно противъ одного, а не два противъ одного, лучше же сказать—для праведниковъ два противъ ничего, а для грѣшниковъ и тѣхъ, которые здѣсь живутъ въ наслажденіи, — все противоположное? Въ самомъ дѣлѣ, предававшіеся здѣсь наслажденію, а потомъ тамъ наказанные, не получили и одного противъ одного, тѣ же, которые проводятъ жизнь въ добродѣтели, (получаютъ) два противъ ничего. Кто именно находится въ покоѣ — злоупотребляющіе настоящею жизнію, или живущіе благоразумно? Ты быть можетъ назовешь первыхъ, а я указываю на послѣднихъ, призывая въ свидѣтели тѣхъ самыхъ, которые вкусили отъ настоящихъ благъ и не поступятъ безстыдно по поводу того, о чемъ я намѣренъ говорить. Такъ, нерѣдко нѣкоторые порицаютъ предбрачные обряды и самый день, когда изготовляются брачныя ложа, а считаютъ блаженными не вступившихъ въ бракъ; многіе же уклоняются отъ брака не по чему иному, какъ по причинѣ тягостности этого дѣла. И я говорю это не въ укоризну браку, который честенъ (Евр. xiii, 4), а имѣя въ виду тѣхъ, которые дурно имъ пользуются. Если же тѣ, которые сочетались бракомъ, часто почитали жизнь невыносимою, то что мы сказали бы о тѣхъ, которые ниспроверглись въ пропасть блуда и испытываютъ положеніе болѣе рабское и бѣдственное, чѣмъ (положеніе) всякаго плѣнника? Что — о тѣхъ, которые гніютъ въ сластолюбіи и ввергаютъ свое тѣло въ безчисленныя болѣзни? Но (скажутъ) пріятно пользоваться славой. Между тѣмъ, ничего нѣтъ горче этого рабства. И дѣйствительно, человѣкъ тщеславный, желающій нравиться кому ни попало, есть въ большей мѣрѣ рабъ, чѣмъ всякій невольникъ; напротивъ, поправшій эту славу, не заботящійся о мнѣніи другихъ, стоитъ всѣхъ выше, онъ одинъ свободенъ. Или—вожделѣнно обладать деньгами? Но мы много разъ показали, что въ большемъ изобиліи и покоѣ находятся тѣ, которые стѣснены въ нихъ, а еще болѣе тѣ, которые ничего не имѣютъ. Или—сладостно

напиваться? Но кто бы сказалъ это? Итакъ не быть богатымъ пріятнѣе, чѣмъ быть богатымъ, не вступать въ бракъ, чѣмъ вступать въ бракъ, не быть тщеславнымъ, чѣмъ быть тщеславнымъ, не предаваться сладострастію, чѣмъ предаваться сладострастію: и здѣсь большимъ владѣютъ тѣ, которые не прельщены настоящими (благами). И къ тому же я еще не говорю: этотъ, хотя бы подвергался тысячѣ мученій, имѣетъ добрую надежду, которая его поддерживаетъ, а тотъ, хотя бы вкушалъ тысячи наслажденій, подверженъ страху за будущее, который нарушаетъ его удовольствіе и смущаетъ, — потому что послѣднее немаловажный способъ наказанія, равно какъ первое — утѣхи и покоя. Есть сверхъ того и третій способъ. Какой же это? Тотъ, что житейская услада, когда есть, не проявляется, будучи изобличаема природою и временемъ, а та (не житейская) не только есть, но и пребываетъ непоколебимой. Видишь ли, что мы въ состояніи будемъ быть не только два за ничто, но и три, и пять, и десять, и тысячи за ничто. А чтобы тебѣ узнать это же самое на примѣрѣ,—послушай. Богачъ и Лазарь—одинъ пользовался настоящимъ, другой будущимъ: развѣ же тебѣ кажется одно — и быть мучиму во все время, и трудиться въ короткій срокъ? Терпѣть болѣзнь въ тлѣнномъ тѣлѣ, и выносить жестокія истязанія до безконечности? Быть увѣнчану и получить вѣчное наслажденіе послѣ этой малой немочи, и подвергнуться безпредѣльной мукѣ послѣ кратковременнаго наслажденія настоящимъ? Кто бы это сказалъ? О чемъ тебѣ желательно, чтобы мы сказали--о количествѣ, качествѣ, о божественномъ приговорѣ согласно достоинству того и другого? До какихъ поръ вы будете издавать звуки жуковъ, непрестанно зарывающихся въ навозѣ? А дѣйствительно, это не (признакъ) разумныхъ людей—рисковать за ничто такою драгоцѣнною душею, между тѣмъ какъ слѣдовало бы при небольшомъ трудѣ получить небеса. Не хочешь ли, я тебя и другимъ образомъ научу, что тамъ есть страшное судилище? Открой двери твоей совѣсти и взгляни на судію, возсѣдающаго въ твоей душѣ. Если ты, при всемъ твоемъ себялюбіи, самъ себя осуждаешь и 882
не допускаешь суда, неправеднаго, то неужели тѣмъ болѣе Богъ не учинитъ великаго промышленія о праведникѣ, не положитъ нелицепріятнаго приговора обо всемъ и допуститъ всему совершиться попросту и кое-какъ? Кто это скажетъ? Такого не найдется. Эллины и варвары, поэты и философы, весь родъ человѣческій согласенъ въ этомъ съ нами, хотя и не одинаково, а все же говорятъ, что есть какое-то судилище въ адѣ: до такой степени дѣло это извѣстно и общепризнанно. Но почему, скажешь, мы здѣсь тотчасъ же не наказываемся? Этимъ Богъ про-

являетъ Свое долготерпѣніе, предоставляетъ намъ спасеніе въ силу раскаянія, не дѣлаетъ нашего рода подлежащимъ насильственному захвату и тѣхъ, которые послѣ перемѣны къ лучшему могутъ спастись, не лишаетъ напередъ спасенія. Если бы тотчасъ послѣ самыхъ грѣховъ каралъ и погублялъ, то какъ былъ бы спасенъ Павелъ, какъ Петръ,—верховные учители вселенной? Какъ Давидъ получилъ бы плодъ спасенія отъ раскаянія? Какъ галаты? Какъ многіе другіе? Поэтому-то Онъ здѣсь не въ отношеніи всѣхъ требуетъ возмездія, но изъ всѣхъ лишь въ отношеніи нѣкоторыхъ; и тамъ не всѣхъ, но одного наказываетъ здѣсь, другого тамъ, чтобы чрезъ посредство тѣхъ, кого наказываетъ, возбудить и крайне нечувствительныхъ, и чрезъ посредство тѣхъ, кого не наказываетъ, заставить ждать будущаго. Развѣ не видишь, что многіе здѣсь несутъ наказаніе, какъ-то: заваленные башней, или тѣ, кровь которыхъ Пилатъ смѣшалъ съ жертвами, или тѣ, которые среди коринеянъ скончались неожиданною смертію за недостойное принятіе таинъ, или іудейскій народъ, истребленный варварами, или многіе другіе и тогда, и теперь, постоянно? А иные много грѣшившіе отошли не понеся здѣсь наказанія, какъ напримѣръ богачъ, жившій одновременно съ Лазаремъ, и многіе другіе. Это Онъ дѣлаетъ, чтобы и невѣрующихъ въ будущее возбудить, и вѣрующимъ придать бодрости, и лѣнивыхъ превратить въ старательныхъ. Вѣдь Богъ—судія праведный, сильный и долготерпѣливый, не каждодневно наводящій гнѣвъ. Если же мы воспользуемся долготерпѣніемъ въ цѣляхъ лѣности, то придетъ время, когда наконецъ Онъ не станетъ долготерпѣть и краткій срокъ, но тотчасъ попуститъ наказаніе. Итакъ не будемъ ради удовольствія на одно мгновеніе (а такова настоящая жизнь) навлекать на себя наказаніе въ безконечные вѣки, но потрудимся мгновенно, чтобы быть увѣнчанными навсегда. Не видите ли, что и въ житейскихъ дѣлахъ многіе люди поступаютъ такимъ же образомъ, принимаютъ на себя малый трудъ ради продолжительнаго отдыха, даже если случается съ ними и противоположное? Здѣсь именно бываетъ соотвѣтствіе между трудами и прибылью, часто—и наоборотъ; а въ томъ царствѣ иначе: трудъ малъ, удовольствіе же велико и безконечно. Смотри вотъ: земледѣлецъ работаетъ цѣлый годъ, и часто въ самомъ концѣ лишается надежды на плодъ отъ многихъ трудовъ; опять же кормчій и воинъ до старости проводятъ жизнь въ войнахъ и трудахъ, и часто тотъ и другой изъ нихъ уходятъ ни съ чѣмъ, одинъ лишается богатства, заключающагося въ товарахъ, а другой—и самой жизни ранѣе побѣды. Какое же, скажи мнѣ, мы будемъ имѣть оправданіе, когда въ жи-

тейскихъ вещахъ предпочитаемъ нести великій трудъ, чтобы получить малый отдыхъ, а то и малаго не получить,—потому что надежда на это невѣрна,—въ духовныхъ же вещахъ поступаемъ наоборотъ и за малое нерадѣніе навлекаемъ на себя невыразимое мученіе? Потому умоляю васъ всѣхъ. освободитесь же, наконецъ, какъ-нибудь отъ этого сумасбродства. Вѣдь въ то время никто 383
уже насъ не избавитъ—ни братъ, ни отецъ, ни дѣти, ни друзья, ни сродникъ, ни другой кто-нибудь: если дѣла насъ выдадутъ, то все отъ насъ удалится и мы всецѣло погибнемъ. Сколько тотъ богачъ рыдалъ, взывалъ къ патріарху, упрашивалъ послать Лазаря? Но послушай, что сказалъ ему Авраамъ: *пропасть велика между нами и вами, яко да хотящіи прейти не возмогутъ* (Лук. XVI, 26). Сколько дѣвы тѣ просили у сверстницъ немного елея? Но послушай, что говорятъ послѣднія: *еда како не достанетъ намъ и вамъ* (Мѳ. XXV, 9),—и никто не былъ въ состояніи ввести тѣхъ въ чертогъ. Размышляя объ этомъ, будемъ и мы заботиться о нашей жизни. Вѣдь какіе бы ты ни указалъ труды, какія бы ни представилъ мученія, все это—ничто по сравненію съ будущими благами. Клади, если угодно, огонь, желѣзо, звѣрей, или что-нибудь еще болѣе тяжелое: по сравненію съ тамошними муками это не составляетъ даже и тѣни. Это, когда сильнѣе примѣняется, тогда въ особенности и легко, потому что влечетъ быструю развязку вслѣдствіе того, что тѣло не въ состояніи долго выдерживать напряженности наказанія; а тамъ не такъ, но то и другое соединяется, и усиленіе и преизбытокъ, какъ въ полезномъ, такъ и въ тягостномъ. Итакъ, пока есть время, поспѣшимъ предъ лицо Его съ исповѣданіемъ, чтобы тогда увидѣть намъ это лицо кроткимъ и свѣтлымъ и чтобы избѣгнуть тѣхъ грозныхъ силъ. Развѣ здѣсь ты не видишь воиновъ, состоящихъ въ распоряженіи у начальниковъ, какъ они волокутъ, какъ связываютъ, какъ бичуютъ, какъ разрываютъ бока, какъ употребляютъ факелы для пытокъ? Но все это дѣтскія игрушки и смѣхъ сравнительно съ тѣми муками: эти мученія временны, а у тѣхъ и червь не умираетъ, и огонь не угасаетъ, такъ какъ тѣло, которое тогда возстанетъ, будетъ совершенно нетлѣнно. Но пусть намъ не придется узнать когда-нибудь это на опытѣ, пусть эти ужасы ограничатся для насъ словами,—чтобы намъ не быть преданными тѣмъ мукамъ, но здѣсь образумиться. Сколько мы тогда наскажемъ обвиненій на самихъ себя, сколько издадимъ воплей, сколько жалобъ? Но ничто въ концѣ концовъ не поможетъ. Такъ и корабельщики не могутъ принести пользы послѣ того, какъ корабль разрушенъ и затонулъ, равно и врачи послѣ того, какъ больной умеръ; часто они говорятъ, что слѣдовало бы сдѣлать

то или другое, но все тщетно и напрасно. Нужно все говорить и дѣлать, пока остается надежда на исправленіе; а когда нѣтъ уже ничего въ нашей власти, когда все погибло, — попусту все говорится и совершается. Вотъ и іудеи тогда говорили: *благословенъ грядый во имя Господне* (Іоан. хп, 13), но не могли воспользоваться этимъ возгласомъ для избавленія отъ наказанія, потому что не сказали, когда нужно было сказать. Поэтому, чтобы и намъ не потерпѣть того же, совершимъ въ себѣ перемѣну еще здѣсь и постараемся войти въ то успокоеніе, какъ сказалъ апостолъ. А дѣйствительно тамъ это успокоеніе, откуда убѣжали болѣзнь, печаль и воздыханіе, гдѣ нѣтъ ни заботъ, ни трудовъ, ни борьбы, ни страха потрясающаго и смущающаго душу, а есть одинъ только страхъ Божій, исполненный услады. Тамъ не съѣдается хлѣбъ въ потѣ лица, нѣтъ тамъ терній и волчцевъ, дѣти не раждаются въ болѣзняхъ, нѣтъ выраженнаго словами: *къ мужу обращеніе твое, и той тобою обладати будетъ* (Быт. ш, 16): все миръ, радость, веселіе, сладость, благость, кротость. Нѣтъ тамъ соперничества, зависти, болѣзни, смерти—ни тѣлесной, ни
884 душевной; нѣтъ тамъ ни мрака, ни ночи,—все день, все свѣтъ, все блескъ. Не нужно будетъ работать, не нужно принимать пищу, постоянно будемъ пребывать въ вожделѣніи благъ. Не желаете ли, я вамъ представлю нѣкоторый образъ тамошняго покоя? Это невозможно, а все же, насколько въ силахъ, попытаюсь дать вамъ нѣкоторый образъ. Взглянемъ на небо, когда, не затѣняемое никакимъ облакомъ, оно являетъ свой вѣнецъ; потомъ, употребивъ много времени на созерцаніе его красоты, подумаемъ, что и мы будемъ имѣть сѣдалище, и не такое только, но настолько красивѣе, насколько золотая крыша превосходнѣе глиняной; а за этой крышей есть другая—повыше, а потомъ ангелы, архангелы, безконечные лики безплотныхъ силъ, самый чертогъ Божій, престолъ Отчій. Но, какъ я сказалъ, слово не въ состояніи все выразить: нуженъ опытъ и знаніе, получаемое изъ опыта. Спрошу васъ: какъ, по вашему мнѣнію, Адамъ пребывалъ въ раю? А это пребываніе (на небѣ) много лучше того, насколько небо отстоитъ отъ земли. Впрочемъ поищемъ и другой образъ. Если бы случилось, что царствующій нынѣ овладѣлъ всей землей и затѣмъ не былъ бы тревожимъ ни войнами, ни заботами, но лишь пользовался почетомъ, проводилъ время въ наслажденіяхъ, имѣлъ большіе доходы, золото приливало бы къ нему отовсюду и онъ возбуждалъ бы удивленіе: каково—полагаете вы—было бы у него на душѣ, если бы онъ увидѣлъ, что повсюду на землѣ прекратились войны? Вотъ нѣчто подобное; впрочемъ и съ этимъ образомъ мы не достигли цѣли; поэтому нужно поискать иного. Пред-

ставь вотъ что: царскій ребенокъ, пока находится въ матерней утробѣ, ничего не ощущаетъ; но пришлось ему оттуда выйти и взойти на царскій престолъ, и не постепенно, а вдругъ все получить: таковъ и этотъ самый покой. Или если бы какой-нибудь узникъ, претерпѣвшій безчисленныя бѣдствія, вдругъ очутился на царскомъ престолѣ. Но и такъ мы въ точности не начертали образа, потому что здѣсь если кто достигнетъ благъ, хотя бы—скажемъ—даже царской власти, то въ первый день онъ наслаждается полнымъ удовлетвореніемъ, тоже во второй и въ третій, а по мѣрѣ того какъ время идетъ впередъ, удовольствіе хотя и остается, но уже не то: каково бы оно ни было, отъ привычки ослабѣваетъ. А тамъ (удовольствіе) не только не умаляется, но даже возрастаетъ. Подумай въ самомъ дѣлѣ, каково это, когда душа, отходящая туда, не ожидаетъ ни конца этихъ благъ, ни перемѣны, но ждетъ усиленія ихъ и жизни, не имѣющей предѣла, жизни свободной отъ всякой опасности, всякаго безпокойства и заботы, исполненной радости и безчисленныхъ благъ. Если и здѣсь, выйдя въ лагерь и видя въ немъ разбитыя воинскія палатки изъ полотнищъ, копья, шлемы и блестящія выпуклости щитовъ, мы въ изумленіи останавливаемся, а если въ срединѣ случится еще увидѣть царя, идущаго въ золотомъ вооруженіи, мы почитаемъ себя обладателями всего, — то что̀ подумаешь, когда увидишь вѣчныя скиніи святыхъ, расположенныя на небѣ? *Пріимутъ вы*, сказано, *въ вѣчныя кровы* (Лук. xvi, 9). Что̀—когда увидишь, какъ каждый изъ нихъ сіяетъ ярче солнечныхъ лучей, не мѣдью и желѣзомъ, а тою славою, блескъ которой не въ состояніи созерцать глазъ человѣческій? И это въ разсужденіи людей. А что сказалъ бы ты о тысячахъ ангеловъ, архангеловъ, херувимовъ, серафимовъ, началъ, властей, красота которыхъ невѣроятная, превосходящая всякій умъ? Но доколѣ я 835
не перестану уловлять неуловимое? Вѣдь это—*ихже око*, сказано, *не видѣ, и ухо не слыша, и на сердце человѣку не взыдоша, яже уготова Богъ любящимъ его* (1 Кор. ii, 9). Поэтому что блаженнѣе достигшихъ этой славы? Что жалче недостигшихъ? Если иной, изгнанный изъ отечества, возбуждаетъ всеобщее сожалѣніе и лишившійся наслѣдства представляется для всѣхъ заслуживающимъ состраданія, то потерявшій небо и уготованныя блага какими не долженъ обливаться слезами? Иной плачетъ, когда терпитъ что-нибудь незаслуженное, чего онъ не былъ причиною; когда же кто по собственной волѣ окунулся въ порокъ, такой достоинъ не слезъ, но воплей, даже стенаній. Такъ и Господь нашъ Іисусъ Христосъ стеналъ и оплакивалъ Іерусалимъ, хотя и нечестивый. Дѣйствительно, мы заслуживаемъ безчисленныхъ

рыданій, безчисленныхъ сѣтованій. Если бы вся вселенная возопила, если бы камни, лѣсъ, деревья, звѣри, птицы, рыбы возстенали по поводу насъ, лишившихся этихъ благъ, ихъ стенаніе и плачъ нисколько не соотвѣтствовали бы потерѣ. Какое слово, какой умъ въ состояніи представить то блаженство, ту доблесть, ту славу, ту радость, тотъ блескъ, *ихже око не видѣ, и ухо не слыша, и на сердце человѣку не взыдоша*,—не сказалъ просто: превосходящія, но: которыхъ никто никогда не представлялъ,—*яже уготова Богъ любящимъ его?* Если устрояетъ и приготовляетъ блага Богъ, то что̀ это должны быть за блага? Если Онъ, создавъ насъ мгновенно, безъ всякой предварительной заслуги съ нашей стороны, предоставилъ такіе дары—рай, собесѣдованіе съ Собою, безсмертіе, блаженную и безпечальную жизнь, то чего Онъ не подаритъ столько потрудившимся и подвизавшимся и потерпѣвшимъ за Него? Онъ не пощадилъ для насъ Единороднаго, за насъ—враговъ предалъ на смерть истиннаго Сына: чего же Онъ не удостоитъ друзей? Чего Онъ не подастъ примирившимся съ Нимъ? Онъ и богатъ сверхъ всякой мѣры, и желаетъ, старается пріобрѣсть нашу дружбу, мы только, возлюбленные, не стараемся о томъ же. И что говорю: не стараемся? Не желаемъ достигнуть Его благъ такъ, какъ Онъ желаетъ. А что Онъ желаетъ болѣе, чѣмъ мы, видно изъ того, что Онъ сдѣлалъ. Мы именно за самихъ себя едва жертвуемъ малымъ количествомъ золота, а Онъ отдалъ за насъ Своего Сына. Воспользуемся, какъ слѣдуетъ, любовью Христовою; насладимся Его дружбой. *Вы*, говоритъ Онъ, *друзи мои есте, аще творите, елика азъ заповѣдаю вамъ* (Іоан. XV, 14). Увы! Враговъ, безконечно отъ Него удаленныхъ, отъ которыхъ во всемъ отличается несравнимымъ превосходствомъ, ихъ Онъ сдѣлалъ друзьями и назвалъ друзьями. Итакъ, чего вытерпѣть не было бы вожделѣнно за такую дружбу? За человѣческую дружбу часто мы подвергаемся опасности, — а за любовь Христову не издержимъ денегъ? Поистинѣ наши дѣла достойны плача, слезъ и рыданій, многихъ сѣтованій и воплей; лишились мы нашей надежды, снизошли съ нашей высоты, явились недостойными божественной чести, послѣ благодѣяній сдѣлались неблагодарными и неугодными; діаволъ лишилъ насъ всѣхъ благъ; удостоенные быть сынами, братьями, наслѣдниками, мы ничѣмъ не отличаемся отъ оскорбляющихъ Его враговъ. Какое
886 послѣ того останется намъ утѣшеніе? Онъ звалъ насъ на небо, а мы столкнули себя въ геенну. Проклятіе, ложь, воровство, распутство разлиты по землѣ; одни смѣшиваютъ кровь съ кровью, другіе совершаютъ дѣла хуже крови. Дѣйствительно многіе изъ любостяжателей скорѣе предпочтутъ тысячи смертей, чѣмъ по-

терпятъ ущербъ; если бы они не удерживались страхомъ Божіимъ, то наложили бы на себя руки, — до такой степени они жаждутъ собственной смерти. Ужели же это не хуже крови? *У лютѣ мнѣ душе, яко погибе благочестивый отъ земли, и исправляющаго въ человѣцѣхъ нѣсть* (Мих. VII, 2). Теперь и мы воззовемъ прежде всего о себѣ. Но вы присоединитесь въ плачѣ ко мнѣ. Быть можетъ нѣкоторые недовольны и смѣются? Но поэтому именно и слѣдовало бы усиливать плачъ, что мы такъ безумствуемъ и заблуждаемся, и не сознаемъ, что безумствуемъ, но смѣемся, по поводу чего слѣдовало бы рыдать. *Открывается*, о, человѣкъ, *гнѣвъ Божій на всякое нечестіе и неправду человѣковъ* (Рим. I, 18). *Богъ явѣ пріидетъ, огнь предъ нимъ возгорится, и окрестъ его буря зѣлна* (Псал. XLIX, 3). *День* Господень, *яко пещь* горящая (Мал. IV, 1). И никто не беретъ этого въ умъ, но пренебрегаетъ этими страшными и ужасными вещами болѣе, чѣмъ баснями; никто не слушаетъ, всѣ смѣются и издѣваются. Какой же у насъ выходъ? Гдѣ мы найдемъ спасеніе? *Погибохомъ, потребихомся* (Чис. XVII, 12), мы сдѣлались посмѣяніемъ для нашихъ враговъ, поношеніемъ для эллиновъ и демоновъ. Много думаетъ теперь о себѣ діаволъ, ликуетъ и радуется нашему позору; ангелы, которымъ мы ввѣрены, всѣ въ уныніи; никто не обращается, все у насъ пропадаетъ напрасно, и мы вамъ представляемся шутами. Благовременно теперь, такъ какъ никто не слушаетъ, обратиться къ небу, призвать въ свидѣтели стихіи: *слыши небо, и внуши земле, яко Господь возглагола* (Иса. I, 2). Вы, никогда не утопавшіе, протяните руку погибающимъ отъ пьянства, здоровые—больнымъ, бодрствующіе—безумствующимъ, старательные и твердые—колеблющимся. Пусть никто—умоляю—не предпочитаетъ удовольствія друга его спасенію; и огорченіе и прещеніе пусть направляется къ одному—его пользѣ. Когда заберетъ горячка, то и слуги повелѣваютъ своими господами, потому что когда она жгетъ, производя смятеніе въ душѣ, а толпа слугъ стоитъ около, то господское право не признается, если оно ко вреду господина. Обратимся же, умоляю. Каждодневныя войны, потопленія, постепенная гибель безъ числа и гнѣвъ Божій отовсюду насъ окружаютъ, а мы пребываемъ въ безпечности, точно пользующіеся благополучіемъ, всѣ простираемъ руки на любостяжаніе и никто на вспомоществованіе, всѣ на грабительство и никто на заступничество, всякій старается пріумножить свое достояніе и никто помочь нуждающемуся, всякій много озабоченъ, какъ бы прибавить денегъ, и никто—какъ бы спасти свою душу. Одна боязнь объемлетъ всѣхъ: какъ бы, говорятъ, мы не сдѣлались бѣдняками,—а о томъ, чтобы намъ не попасть въ геенну,

никто не безпокоится и не тревожится. Вотъ это достойно слезъ, это достойно осужденія. Не желалъ бы я это говорить, но вынуждаюсь скорбью. Потому простите: скорбь побуждаетъ меня сказать многое, чего бы я и не хотѣлъ. Я вижу жестокую рану, неумолимое несчастіе, обрушившееся на насъ, бѣдствія превышающія всякое утѣшеніе,—мы погибаемъ: *кто дастъ главѣ моей*
887 *воду, и очесемъ моимъ источники слезъ* (Іер. IX, 1)? Восплачемъ, возлюбленные, восплачемъ, возстенаемъ. Быть можетъ нѣкоторые здѣсь говорятъ: постоянно-то говоришь ты намъ о плачѣ, постоянно о слезахъ. Не желалъ бы, повѣрьте, не желалъ бы, скорѣе (желалъ бы) произносить величанія и похвалы; но теперь время слезъ. Да и тяжело, возлюбленные, не плакать, но совершать дѣла, достойныя плача; нужно уклоняться не отъ рыданій, а отъ дѣйствій, заслуживающихъ рыданія. Ты не будешь наказанъ, и я не заплачу; не умрешь, и не зарыдаю. А ты вотъ, когда тѣло твое болѣетъ, всѣхъ созываешь для соболѣзнованія, и не соболѣзнующихъ тебѣ считаешь безсердечными; когда же душа погибаетъ, ты говоришь, что не надо рыдать. Но я не могу,—я вѣдь отецъ, и отецъ любящій дѣтей. Послушайте, какъ взываетъ Павелъ: *чадца моя, имиже паки болѣзную* (Гал. IV, 19). Какая мать, томящаяся въ родовыхъ мукахъ, испускаетъ такіе ужасные звуки, какъ онъ? О, если бы возможно было нынѣ видѣть костеръ въ моей душѣ,—ты увидѣлъ бы, что я сгораю болѣе юной жены, безвременно сдѣлавшейся вдовою. Не такъ она оплакиваетъ своего мужа, не такъ отецъ сына, какъ я это множество собравшихся около насъ. Не вижу я никакого успѣха: всѣ заняты клеветами и навѣтами, никто не полагаетъ заботы въ томъ, чтобы угодить Богу; о томъ-то, говорятъ, и о томъ не
888 скажемъ хорошаго; такой-то недостоинъ быть въ клирѣ, а такой-то живетъ нечестно. Въ то время какъ слѣдовало бы оплакивать собственныя дѣянія, мы осуждаемъ другихъ,—хотя, если бы даже мы чисты были отъ прегрѣшеній, не должны были бы этого дѣлать. *Кто бо*, сказано, *тя разсуждаетъ? Что же имаши, егоже нѣси пріялъ? Аще же и пріялъ еси, что хвалишися яко не пріемь* (1 Кор. IV, 7)? Что судишь брата своего, будучи преисполненъ безчисленныхъ золъ? Если бы ты сказалъ: такой-то негоденъ, испорченъ, нечестивъ,—то вспомни о себѣ, тщательно изслѣдуй собственныя дѣла, и ты раскаешься въ сказанномъ. Нѣтъ вѣдь, нѣтъ другого такого побужденія къ добродѣтели, какъ воспоминаніе о грѣхахъ. Если мы то и другое у себя примѣнимъ, то въ состояніи будемъ достигнуть обѣщанныхъ благъ, въ состояніи будемъ очистить себя. Только усвоимъ себѣ какъ-нибудь, возлюбленные, эту мысль, займемся этимъ дѣломъ; поскорбимъ здѣсь

душой, чтобы не скорбѣть тамъ изъ-за наказанія, но насладиться вѣчными благами тамъ, откуда убѣжали болѣзнь, печаль и воздыханія, чтобы достигнуть превосходящихъ умъ человѣческій благъ, во Христѣ Іисусѣ Господѣ нашемъ, такъ какъ Ему слава и держава съ Отцемъ и Св. Духомъ, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

СЛОВО XLV.

О томъ, что не должно усиленно оплакивать умершихъ. 837

Не будемъ, возлюбленные, горько плакать по умершимъ и отошедшимъ изъ этой жизни, но лучше будемъ рыдать и скорбѣть по дурно окончившимъ свою жизнь. Такъ и земледѣлецъ, когда видитъ хлѣбъ разложившимся, не плачетъ, но трепещетъ и дрожитъ, пока видитъ, что онъ остается въ землѣ въ твердомъ видѣ, а когда видитъ разложившимся — радуется, потому что разложеніе — начало будущаго зарожденія. Подобно этому и мы радуемся тогда, когда рушился поврежденный домъ, когда зародился человѣкъ. И не удивляйся, что я назвалъ гробъ зарожденіемъ — это даже лучшее зарожденіе. За обыкновеннымъ зарожденіемъ слѣдуютъ смерти, труды, опасности, заботы, а за этимъ зарожденіемъ, если мы жили правильно, вѣнцы и награды; за первымъ тлѣніе и смерть, за послѣднимъ нетлѣніе, безсмертіе и безчисленныя блага. Въ томъ зарожденіи объятія, похотѣнія и сонъ, въ этомъ — лишь голосъ, сходящій съ неба, и вдругъ все довершается, возставшій же ведется уже не на многотрудную жизнь, но на ту, отъ которой отбѣжала болѣзнь, печаль и воздыханіе. Если же ты ищешь заступничества и изъ-за этого оплакиваешь мужа, то прибѣгни къ Богу, общему всѣхъ заступнику, спасителю и благодѣтелю, къ необоримому пособію, къ удобной помощи, къ изобильному покрову, повсюду присутствующему и отовсюду насъ ограждающему. Но совмѣстная жизнь, любезная и вожделѣнная? Знаю и я. Однакожъ, если взвѣсишь разсудкомъ свое страданіе, подумаешь самъ въ себѣ о томъ, кто взялъ, и о томъ, что, въ случаѣ стерпишь мужественно, этимъ принесешь свою волю въ жертву Богу, то ты сможешь перебраться чрезъ эту волну; чего не сдѣлаетъ время, то сдѣлаетъ философія; если же ослабѣешь, а страданіе съ теченіемъ времени уляжется, то тебѣ не причтется никакой награды. Вслѣдъ за этими размышленіями, собери также примѣры, какъ изъ настоящей жизни, такъ

и изъ божественныхъ Писаній. Вспомни, что Авраамъ заклалъ
838 своего сына, и не плакалъ, не проронилъ горькаго слова. Но то, скажешь, былъ Авраамъ. А вѣдь ты призванъ еще на болѣе возвышенное поприще. Іовъ, правда, скорбѣлъ, но лишь настолько, насколько пристойно отцу, любившему дѣтей и сильно заботившемуся о погибшихъ. А то, что мы теперь дѣлаемъ, пристойно врагамъ и непріятелямъ. Въ самомъ дѣлѣ, если бы кто-нибудь взятъ былъ въ царскій дворецъ и коронованъ, и ты сталъ бы терзаться и рыдать, то я не назвалъ бы тебя другомъ коронованнаго, а скорѣе его врагомъ и непріятелемъ. Но, скажешь, я теперь не его оплакиваю, а себя самого. И это не есть знакъ любящаго, что ты именно ради себя желалъ бы, чтобы онъ еще продолжалъ состязаніе и подвергался неизвѣстности будущаго, между тѣмъ какъ въ настоящее время онъ достигъ цѣли и увѣнчевается, — чтобы онъ плылъ по морю, между тѣмъ какъ онъ можетъ считаться находящимся въ пристани. Но, скажешь, я не знаю, куда онъ удалился. Почему не знаешь, скажи мнѣ? Онъ жилъ либо праведно, либо нѣтъ, — ясно, куда удалился. Вотъ, скажешь, изъ-за того самаго я и горюю, что онъ отошелъ грѣшникомъ. Отговорка это и предлогъ. Вѣдь если ты изъ-за этого плачешь по умершемъ, то слѣдовало исправлять и улучшать его при жизни; но ты постоянно устремляешь взоры на то, что касается тебя, а не его. Если же онъ отошелъ и грѣшникомъ, то и поэтому нужно радоваться, такъ какъ прервались его грѣхи и порочность перестала наростать, а кромѣ того нужно помогать, насколько возможно, не слезами, но молитвами, прошеніями, милостынями и приношеніями. Въ самомъ дѣлѣ, не безъ причины это придумано, не напрасно мы творимъ память объ умершихъ въ божественныхъ тайнахъ и приступаемъ съ молитвою за нихъ къ предлежащему агнцу, взявшему грѣхъ міра, но для того, чтобы отсюда получилось для нихъ какое-нибудь утѣшеніе; и не вотще предстоящій жертвеннику при совершеніи страшныхъ таинъ взываетъ: за всѣхъ почившихъ во Христѣ и за совершающихъ о нихъ памяти. А если бы не о нихъ были памяти, то этого и не говорилось бы. Вѣдь наше (служеніе) не зрѣлище, — да не будетъ, — а происходитъ это по повелѣнію Духа. Будемъ же имъ помогать и совершать память о нихъ. Если сыновей Іова очи-
880 щала жертва отца, то неужели сомнѣваешься, что бываетъ нѣкоторое утѣшеніе умершимъ, когда мы дѣлаемъ за нихъ приношенія? Богу привычно, чтобы благодареніе приносилось и одними за другихъ; на это указалъ и Павелъ, говоря: *да отъ многихъ лицъ, еже въ насъ дарованіе, многими благодарится о васъ* (2 Кор. I, 11). Не устанемъ же помогать отошедшимъ и приносить за нихъ

совершенныя молитвы. Вѣдь предлежитъ всеобщее очищеніе вселенной. Поэтому смѣло тогда помолимся за вселенную и призовемъ ихъ съ мучениками, исповѣдниками, іереями, потому что одно тѣло мы всѣ, хотя нѣкоторые члены превосходнѣе другихъ, и возможно всячески низвести на нихъ снисхожденіе, чрезъ молитвы, чрезъ дары за нихъ, чрезъ тѣхъ, которые съ ними призываются. Что же ты скорбишь, что плачешь, когда возможно низвести на отошедшаго такое снисхожденіе? Или это потому, что ты сдѣлался безпомощнымъ и потерялъ заступника? Но никогда этого не говори, потому что ты не потерялъ Бога, а пока ты Его имѣешь, Онъ для тебя будетъ больше, чѣмъ отецъ, и сынъ, и опекунъ. Вѣдь и при жизни ихъ, все Онъ совершалъ. Итакъ подумай объ этомъ и скажи съ Давидомъ: *Господь просвѣщеніе мое, и спаситель мой, кого убоюся* (Псал. xxvi, 1)? Скажи: Ты—отецъ сиротъ, судья вдовъ, — и привлечешь Его помощь, и въ большей мѣрѣ будешь располагать Его промышленіемъ, чѣмъ прежде, насколько въ большемъ находишься затрудненіи. Но ты потерялъ ребенка? Не потерялъ, не говори этого: здѣсь сонъ, не смерть, преставленіе, не гибель, переходъ отъ худшаго къ лучшему. Не раздражай же Бога, но умилостивляй. Если ты перенесешь мужественно, то отсюда получится и отошедшему и тебѣ нѣкоторое утѣшеніе; если же наоборотъ, то еще болѣе возбудишь гнѣвъ Божій. Такъ и въ томъ случаѣ, когда господинъ сѣчетъ отрока, а ты находясь при этомъ выражаешь неудовольствіе, то этимъ больше возбуждаешь господина противъ себя. Не поступай же такъ, но благодари, чтобы чрезъ это разсѣялось для тебя облако печали; говори, какъ тотъ блаженный: *Господь даде, Господь отъятъ* (Іов. I, 21); подумай, какъ многіе больше тебя благодарили, и дѣтей не имѣя, и не называясь отцами. И я, скажешь, не желалъ бы (имѣть), такъ какъ лучше не знать на опытѣ, чѣмъ, отвѣдавши удовольствія, потомъ лишиться его. Нѣтъ, убѣждаю, не говори этого, не прогнѣвляй этимъ Владыку, но возблагодари за то, что получилъ, а за то, чѣмъ не до конца пользовался, прославь. Іовъ не сказалъ: лучше было бы не получать,—что ты говоришь безразсудно; онъ и за то благодарилъ, говоря: *Господь даде*, и за это благословлялъ, говоря: *Господь отъятъ: буди имя Господне благословено во вѣки* (Іов. I, 21)? И женѣ онъ такимъ образомъ заградилъ уста, оправдываясь предъ ней и произнеся эти удивительныя слова: *аще благая пріяхомъ отъ руки Господни, злыхъ ли не стерпимъ* (Іов. II, 10). И хотя послѣ того искушеніе сдѣлалось болѣе тяжелымъ, онъ однако не изнемогалъ, но съ одинаковымъ мужествомъ переносилъ и славословилъ. Такъ и ты поступай и размышляй про себя, что

не человѣкъ его взялъ, но Богъ, его создавшій, болѣе, чѣмъ ты, о немъ пекущійся и знающій, что ему полезно, — не врагъ какой-нибудь и не навѣтникъ. Посмотри, какъ многія остающіяся въ живыхъ дѣти сдѣлали для своихъ родителей жизнь невыносимою. А доблестныхъ дѣтей, скажешь, ты не замѣчаешь? Вижу
890 и такихъ, но обстоятельства твоего сына въ болѣе надежномъ положеніи, чѣмъ ихъ, потому что хотя они ведутъ себя похвально, однакожъ конецъ ихъ еще неизвѣстенъ, а за своего ты уже не безпокоишься и не дрожишь, какъ бы онъ чего не потерпѣлъ и не подвергся бы какой-нибудь перемѣнѣ. Такъ же разсуждай и о доброй, домовитой женѣ: за все благодари Бога; если ты и лишился ея, славословь; быть можетъ Богу угодно привести тебя къ воздержанію и Онъ восхотѣлъ, освободивъ тебя отъ узъ, призвать на болѣе высокое поприще. Скажи мнѣ: если бы царь послалъ и позвалъ во дворецъ кого-нибудь изъ насъ, внизу сидящихъ, — слѣдовало ли бы горевать и плакать, — скажи? Вотъ приходятъ сюда съ небесъ ангелы, ниспосланные самимъ Царемъ, чтобы позвать подобнаго имъ раба, и ты, скажи мнѣ, плачешь? Развѣ не знаешь, какое это совершается таинство? Какъ оно страшно и ужасно, и поистинѣ достойно гимновъ и хваленій? Желаешь научиться, узнать, что не время слезъ? Дѣйствительно, это великая тайна премудрости Божіей. Какъ бы покидая какой домъ, идетъ душа и приводится къ своему Владыкѣ: а ты скорбишь? Въ такомъ случаѣ, когда и родился ребенокъ, нужно было поступить также, потому что и это — рожденіе, только гораздо лучше того (рожденія), такъ какъ идетъ къ другому свѣту, освобождается какъ бы изъ какой темницы, удаляется отъ борьбы. Да, скажешь, о достигшихъ славы ты это хорошо говоришь. Что же съ твоей стороны, человѣкъ, когда ты и не дѣлаешь этого въ отношеніи достигшихъ славы? Какую, скажи мнѣ, укоризну ты находишь въ маленькомъ ребенкѣ, котораго между тѣмъ оплакиваешь? Какую—въ новопросвѣщенномъ, который въ такомъ же точно находится положеніи? Изъ-за чего плачешь, скажи мнѣ? Вѣдь подобно тому какъ солнце восходитъ чистымъ, такъ и душа, оставляющая тѣло съ чистою совѣстію, сіяетъ и блещетъ. Не такъ (привлекательно) видѣть царя, входящаго въ городъ съ великою торжественностію, какъ душу, оставляющую тѣло и уходящую съ ангелами. Подумай, какова это душа, въ какомъ она бываетъ тогда восторгѣ, въ какомъ изумленіи, въ какомъ наслажденіи. Что горюешь, скажи мнѣ? Но ты поступаешь такъ лишь въ отношеніи грѣшниковъ? О, если бы такъ было, — я бы тогда не препятствовалъ горееанію. О, если бы это было цѣлью: такой плачъ—плачъ апостольскій, плачъ Владычній, потому что

и Христосъ плакалъ объ Іерусалимѣ. Желалъ бы я, чтобы рыданія опредѣлялись этимъ правиломъ; но когда ты произносишь призывныя слова, упоминаешь о совмѣстной жизни, о предстательствѣ, то не изъ-за этого ты плачешь, а пользуешься лишь предлогомъ. Скорби, сѣтуй о грѣшникѣ; и я проливаю слезы, я даже больше, чѣмъ ты, насколько онъ большему подлежитъ наказанію; съ этою цѣлью и я буду плакать. И не тебѣ только слѣдовало бы такого оплакивать, но и цѣлому городу, всѣмъ встрѣчнымъ, даже тѣмъ, которые уводятся на смерть. Дѣйствительно, кончина грѣшниковъ — злая кончина. Но все перепуталось. Одинъ плачъ свидѣтельствуетъ о любомудріи и заключаетъ въ себѣ великое наученіе, а другой обнаруживаетъ малодушіе. Если бы всѣ мы плакали первымъ плачемъ, то исправили бы ихъ еще при жизни. Подобно тому какъ, если бы ты имѣлъ возможность доставить лѣкарство, избавляющее отъ тѣлесной смерти, то ты сдѣлалъ бы это, такъ и тутъ, если бы ты оплакалъ эту смерть, то избавилъ бы отъ нея и себя и его. Теперь же происходитъ загадка: имѣя возможность не допустить, чтобы это случилось, мы допускаемъ случиться, а послѣ того какъ случилось — скорбимъ. Поистинѣ они достойны будутъ слезъ, когда предстанутъ предъ судилищемъ Христовымъ: какія услышатъ слова? Какія потерпятъ бѣдствія? Они напрасно жили; лучше же сказать — не напрасно, но для зла. И о нихъ умѣстно сказать: благо имъ было бы, если бы не родились. Какая въ самомъ дѣлѣ польза, скажи, потерять на свою голову столько времени на зло? 891
Если бы даже потеряли лишь напрасно, то недостаточенъ ли былъ бы убытокъ? Скажи мнѣ: если бы кто, работая по найму, понапрасну потерялъ двадцать лѣтъ, то неужели бы онъ не сѣтовалъ, не плакалъ, не считалъ себя несчастнѣе всѣхъ? А тотъ всю жизнь напрасно работалъ, ни одного дня не прожилъ для себя, но все для сладострастія, для распутства, для любостяжанія, для грѣха, для діавола: итакъ, скажи мнѣ, его не будемъ оплакивать? не постараемся исторгнуть его изъ опасностей? Возможно вѣдь, возможно, если только желаемъ, смягчить для него наказаніе. Будемъ совершать постоянныя за него молитвы, будемъ давать милостыню,—и хотя бы онъ былъ недостоинъ, Богъ умилосердится черезъ насъ. Если Павелъ пожалѣлъ и пощадилъ одного ради другихъ, то тѣмъ болѣе мы должны это дѣлать. Изъ его ли денегъ, изъ своихъ ли, изъ какихъ ты хочешь, но помогай, источай елей, лучше же сказать—воду. Онъ не можетъ указать на собственную милостыню? (Укажетъ) по крайней мѣрѣ (на милостыню) своей родни. Не можетъ (указать) на (милостыню) сдѣланную имъ самимъ? По крайней мѣрѣ (укажетъ то, что) за

него, когда жена съ дерзновеніемъ молилась за него, вносила выкупъ за него. Чѣмъ въ большемъ числѣ грѣховъ онъ былъ виновенъ, тѣмъ большая нужна за него милостыня, не только поэтому, но и потому, что теперь она не одинаковую имѣетъ силу, а гораздо меньшую. Вѣдь не одно и то же, когда онъ самъ что сдѣлаетъ и когда другой за него. Потому именно, что она меньше, мы и будемъ дѣлать ее по размѣрамъ возможно большею. Не будемъ прилагать заботъ о памятникахъ, о гробницахъ, — вотъ превосходнѣйшая гробница: поставь вдовъ, объяви имя, всѣмъ прикажи совершать за него молитвы и прошенія; это умилостивитъ Бога. Хотя и не имъ самимъ сдѣлано, но за него другой сталъ виновникомъ милостыни, а и это—дѣло божественнаго человѣколюбія. Стоящія кругомъ и плачущія вдовы въ состояніи будутъ исторгнуть не отъ настоящей, но отъ будущей смерти. Многіе получали пользу и отъ милостыни, дѣлаемой за нихъ другими, хотя и не всецѣло, но все же находили нѣкоторое утѣшеніе. Если бы этого не было, то какимъ образомъ спасались бы дѣти, которыя сами ничего не вносятъ, но все родители? И женщинамъ часто даются въ даръ дѣти, ничего сами не внесшія. Богъ даетъ намъ много путей спасенія, только бы мы не оставались нерадивыми. Но что, скажешь, если кто бѣденъ? Опять скажу: величина милостыни считается не по размѣру даваемаго, но по доброй волѣ,—не давай только меньше, чѣмъ въ силахъ дать, и ты все разрѣшишь. Но что, скажешь, если кто одинокъ, страненъ, не имѣетъ никого? А почему, скажи мнѣ, онъ никого не имѣетъ? Въ томъ самомъ ты и будешь наказанъ, что не имѣешь у себя ни одного друга, настолько преданнаго добродѣтели. Итакъ, это бываетъ для того, чтобы, если сами мы не добродѣтельны, то старались бы имѣть добродѣтельныхъ товарищей и пріятелей, жену, сына, друга, чтобы чрезъ нихъ извлечь какой-нибудь плодъ, хотя и не большой, а все же плодъ. Если позаботишься взять жену не богатую, но благочестивую, ты воспользуешься этимъ утѣшеніемъ; если позаботишься оставить сына не богатаго, но благочестиваго, или дочь честную,
892 тоже воспользуешься этимъ утѣшеніемъ. Если объ этомъ постараешься, то и самъ будешь такой же. И то частица добродѣтели — любить такихъ друзей, жену, дѣтей. Не тщетны бываютъ приношенія за отшедшихъ, не тщетны моленія, не тщетны милостыни: все это установилъ Духъ, желающій, чтобы мы другъ другу приносили пользу. Смотри: онъ получаетъ пользу чрезъ тебя, а ты получаешь чрезъ него. Ты пренебрегъ деньгами, побуждаясь сдѣлать что-нибудь доблестное? Ты и для него сталъ виновникомъ спасенія, и для себя — милостыни. Не сомнѣвайся

на счетъ того, получитъ ли онъ какую-нибудь пользу,—не безъ основанія діаконъ взываетъ: за почившихъ о Христѣ и за совершающихъ о нихъ памяти. Не діаконъ возглашаетъ это, но Духъ святой,—разумѣю дарованіе (χάρισμα). Что ты говоришь? Въ рукахъ жертва, все наготовѣ, присутствуютъ ангелы, архангелы присутствуетъ Сынъ Божій, всѣ стоятъ съ такимъ трепетомъ, предстоящіе взываютъ при всеобщемъ молчаніи,—и ты полагаешь, что говоримое бываетъ безъ основанія? Въ такомъ случаѣ и другое безъ основанія, и приношенія за церковь, за іереевъ, за общество (вѣрующихъ)? Отнюдь нѣтъ,—все бываетъ съ вѣрою. Что — полагаешь ты — приносится за мучениковъ? То, что они именуются въ этотъ часъ. Хотя они и мученики, хотя бы были болѣе, чѣмъ мученики, все же великая честь быть поименованнымъ въ присутствіи Владыки, когда творится это воспоминаніе, приносится страшная жертва, совершаются неизреченныя тайны. Подобно тому, какъ когда царь возсѣдаетъ, всякій, чего бы ни пожелалъ, можетъ достигнуть, а когда царь встанетъ, то, что бы ни сказалъ, говоритъ понапрасну,—такъ и тогда: пока предлежатъ тайны, всѣмъ, удостоеннымъ упоминанія, величайшій почетъ. Смотри въ самомъ дѣлѣ: тогда возвѣщается страшная тайна, что Богъ предалъ Себя за вселенную; послѣ этого чуда благовременно происходитъ упоминаніе о тѣхъ, которые согрѣшили. Подобно тому какъ, когда празднуется царская побѣда, восхваляются тогда и тѣ, которые участвовали въ побѣдѣ и ради этого времени отпускаются тѣ, которые находятся въ узахъ, а по прошествіи этого времени, кто не воспользовался, уже ничего не получаетъ,—такъ точно и здѣсь: это время празднованія побѣды. *Елижды бо аще*, сказано, *ясте хлѣбъ сей, смерть Господню возвѣщаете* (1 Кор. xi, 26). Не безъ цѣли мы приступаемъ, и мы признаемъ, что это не случайно происходитъ. Иными словами, мы воспоминаемъ мучениковъ, и это по вѣрѣ, что Господь умеръ, а это, что онъ сталъ мертвымъ, есть знакъ, что смерть умерщвлена. Зная это, будемъ помышлять, какія бы мы могли доставить утѣшенія усопшимъ,—вмѣсто слезъ, вмѣсто рыданій, вмѣсто поминокъ — милостыни, молитвы, приношенія,—чтобы и они и мы достигли обѣщанныхъ благъ, благодатію и человѣколюбіемъ единороднаго Сына, съ Которымъ Отцу и Святому Духу слава, держава, честь, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

СЛОВО XLVI.

893 О томъ, что если мы даже виновны во всѣхъ грѣхахъ, мы можемъ спастись чрезъ исповѣдь; и что каждый изъ насъ вѣрующихъ имѣетъ ангела хранителя; и о священникахъ.

Изъ людей, возлюбленные, одни наказываются здѣсь и тамъ, другіе только здѣсь, третьи только тамъ, четвертые же ни здѣсь, ни тамъ. Здѣсь и тамъ—тѣ, которые распяли Христа: здѣсь они понесли наказаніе, когда при взятіи города претерпѣли невыразимыя бѣдствія, и тамъ несутъ еще болѣе тяжелое наказаніе; затѣмъ—граждане Содома и многіе другіе. Тамъ только—богачъ, напримѣръ, который былъ сжигаемъ и не имѣлъ въ распоряженіи даже капли воды. Здѣсь—блудникъ, напримѣръ, у коринѳянъ. Ни здѣсь, ни тамъ—апостолы, пророки, блаженный Іовъ, такъ какъ то, что они потерпѣли, не было наказаніемъ, но проявленіемъ борьбы и подвиговъ. Постараемся же быть въ ихъ удѣлѣ, а если не въ ихъ, то по крайней мѣрѣ тѣхъ, которые здѣсь слагаютъ грѣхи. Вѣдь страшно то судилище и неумолимо мученіе и невыносимо наказаніе. Если же хочешь и здѣсь не понести наказанія, то суди самъ себя и требуй отъ себя отвѣтственности; послушай, что говоритъ Павелъ: *аще быхомъ себе разсуждали, не быхомъ осуждени были* (1 Кор. XI, 31). Если ты это сдѣлаешь, то уйдешь впередъ по пути и дойдешь до вѣнца. А какъ, спросишь, требовать наказанія самимъ себѣ? Скорби, воздыхай горько, смиряй себя, поноси, вспоминай о прегрѣшеніяхъ — каждомъ въ отдѣльности: это не малое истязаніе для души. Если кто находился въ сокрушеніи, тотъ знаетъ, что душа въ особенности этимъ казнится; если кто находился въ памятованіи грѣховъ, тотъ знаетъ происходящую отсюда скорбь. Поэтому Богъ полагаетъ праведность наградой за такое раскаяніе, говоря: *глаголи ты беззаконія твоя прежде, да оправдишися* (Иса. XLIII, 26). Не мало значитъ, не мало въ дѣлѣ исправленія, собравъ всѣ грѣхи, постоянно ихъ разсматривать и изслѣдовать каждый въ отдѣльности. Дѣлающій это дойдетъ до такого сокрушенія, что не будетъ даже считать себя достойнымъ жизни, а кто такъ думаетъ, тотъ будетъ мягче всякаго воска. Не говори мнѣ лишь о распутствѣ, ни о другихъ явныхъ грѣхахъ: нужно собрать и тайные замыслы, и клеветы, и злословія, и тщеславіе, и зависть, и все тому подобное, потому что и это влечетъ за собою не малое наказаніе. Ввергается также и ругатель въ геенну, и пьяница не

имѣетъ никакого общенія въ царствѣ, и не любящій ближняго до того оскорбляетъ Бога, что и самое мученичество не приноситъ ему пользы, и нерадящій о домашнихъ отвергается вѣры, и пренебрегающій бѣдными посылается въ огонь. Поэтому не считай это маловажнымъ, но все собирай и какъ въ книгу записывай. Если ты запишешь, то Богъ изгладитъ, если же нѣтъ, если не запишешь, то Богъ запишетъ и потребуетъ отвѣта. Слѣдовательно много лучше, когда это нами будетъ записано, а свыше изглаждено, чѣмъ наоборотъ, когда мы забудемъ, а Богъ въ тотъ день вынесетъ это предъ нашими глазами. А чтобы этого не случилось, будемъ тщательно изслѣдовать, и мы найдемъ себя виновными во многомъ. Кто въ самомъ дѣлѣ чистъ отъ любостяжанія? Не говори мнѣ о размѣрахъ, потому что и за малое 894
понесемъ тоже наказаніе. Размышляй объ этомъ, и кайся. Кто свободенъ отъ ругательства? Между тѣмъ оно ввергаетъ въ геенну. Кто не говорилъ тайно противъ ближняго? Кто не безумствовалъ? А такой—всѣхъ грязнѣе. Кто не смотрѣлъ на женщину необузданными глазами? А такой—совершеннѣйшій блудодѣй. Кто не гнѣвался на брата понапрасну? А такой „повиненъ синедріону". Кто не клялся? А такой—отъ лукаваго. Кто не рабствовалъ мамонѣ? А такой изъятъ изъ истиннаго рабства Христова. Могу я сказать и многое другое, подобное этому, но и сказаннаго достаточно, чтобы привести къ сокрушенію, если кто не камень и не крайне безчувственъ. Если каждый изъ этихъ грѣховъ ввергаетъ въ геенну, то всѣ вмѣстѣ соединенные чего не сдѣлаютъ? *Блюдите*, сказано, *да не презрите единаго малыхъ сихъ: ангели бо ихъ выну видятъ лице Отца моего небеснаго* (Мѳ. xvIII, 10),—потому что всякій вѣрующій имѣетъ ангела. Такъ и отъ начала всякій славный мужъ имѣлъ ангела, какъ говоритъ Іаковъ: *ангелъ, иже питаетъ мя, и иже мя избавляетъ измлада моего* [1]) (Быт. xLvIII, 15—16). Итакъ, если у насъ есть ангелы, то будемъ бодрствовать, какъ бы имѣя при себѣ нѣкоторыхъ педагоговъ. Присутствуетъ также и демонъ: будемъ поэтому молиться и говорить, прося ангела мира, и всюду будемъ просить мира,— съ которымъ ничто не можетъ сравниться, — мира въ церквахъ, въ молитвахъ, въ моленіяхъ, въ прещеніяхъ; и разъ, и два, и три, и многократно преподаетъ его настоятель церкви: *миръ вамъ*. Почему? Потому что онъ (міръ)—отецъ всѣхъ благъ, онъ—основаніе радости. Поэтому и Христосъ повелѣлъ апостоламъ, входя въ домы, тотчасъ говорить это, какъ бы указывая на какой сим-

[1]) Въ слав. Библіи: *Богъ, иже питаетъ мя измлада даже до дне сего, ангелъ, иже мя избавляетъ отъ всѣхъ золъ.*

волъ благъ: *входяще же въ домы*, сказалъ Онъ, глаголите: *миръ вамъ* (Мѳ. x̃, 12). Если его нѣтъ,—все излишне. И Христосъ сказалъ ученикамъ: *миръ оставляю вамъ: миръ мой даю вамъ* (Іоан. xiv, 27). Онъ (миръ) приготовляетъ дорогу къ любви. И не просто говоритъ настоятель церкви: *миръ вамъ*, но: *миръ всѣмъ*. Что въ самомъ дѣлѣ, если мы съ однимъ поддерживаемъ миръ, а съ другимъ ведемъ войну и борьбу? Какая выгода? Вѣдь и въ тѣлѣ, если одни изъ составныхъ частей спокойны, а другія возмущены, никогда невозможно поддержать здоровья,—это возможно только при всеобщемъ порядкѣ, согласіи и мирѣ; если не все спокойно, не все остается въ своихъ границахъ, то все рушится. И въ нашей душѣ, если не всѣ мысли спокойны, то не будетъ мира. Миръ—такое благо, что творцы его и устроители называются сынами Божіими. Это правильно: и Сынъ Божій для того пришелъ на землю, чтобы устроить миръ между тѣмъ, что на землѣ, и тѣмъ, что на небесахъ. Если же миротворцы—сыны Божіи, то возмутители—сыны діавола. Что ты говоришь? Вводишь раздоры и столкновенія? Кто, скажешь, до такой степени жалокъ? Да, есть многіе, радующіеся злу и терзающіе тѣло Христово болѣе, нежели воины, пронзившіе копіемъ, нежели іудеи, пригвоздившіе къ древу. То зло меньше этого: тѣ члены, будучи разсѣчены, опять соединились; а эти, будучи расторгнуты, если здѣсь не соединяются, то и никогда не соединятся, но останутся внѣ общества (вѣрующихъ). Когда ты хочешь воевать съ братомъ, то
895 подумай, что воюешь съ членами Христа, и останови безуміе. Что въ томъ, если онъ отверженъ, если ничтоженъ, если презрѣненъ? *Тако нѣсть*, сказалъ (Господь), *воля предъ отцемъ моимъ небеснымъ, да погибнетъ единъ отъ малыхъ сихъ:* и еще: *ангели ихъ выну видятъ лице отца моего небеснаго* (Мѳ. xviii, 14, 10). Богъ за него и за тебя сталъ рабомъ и былъ умерщвленъ,—а ты считаешь его за ничто? Развѣ же и въ этомъ ты не воюешь противъ Бога, когда выносишь противные Ему приговоры? Когда входитъ настоятель церкви, сейчасъ же говоритъ: *миръ вамъ;* когда бесѣдуетъ—*миръ всѣмъ;* когда совершается жертва—*миръ всѣмъ;* и между тѣмъ опять—*благодать вамъ и миръ*. Какъ же не безразсудно, столько разъ слыша, что у насъ миръ, воевать другъ противъ друга? Принявъ и давъ миръ, съ тѣмъ, кто далъ миръ, воевать? Ты говоришь: *и духови твоему*, а видимо обманываешь его? Горе мнѣ, потому что святыня церковная сдѣлалась простою формальностью, а не какою-нибудь истиной! Горе мнѣ, потому что символы этого воинства остаются на словахъ! Поэтому вы и не знаете, для чего говорится: *миръ всѣмъ*. Но послушайте дальше. Что говоритъ Христосъ? *Въ оньже аще градъ или весь*

внидете, входяще въ домъ, цѣлуйте его: и аще убо будетъ домъ достоинъ, пріидетъ миръ вашъ нань: аще ли же не будетъ достоинъ, миръ вашъ къ вамъ возвратится (Мѳ. x, 11—13). Потому не знаемъ, что считаемъ это формой словъ, и не слагаемъ въ умѣ. Ужели и я не даю мира? Христосъ благоволитъ возглашать черезъ насъ. Если во всякое другое время мы лишены благодати, то не теперь—ради васъ. Если, по домостроительству Божію и для пользы евреевъ, благодать дѣйствовала чрезъ ослицу и прорицателя, ясно, что и чрезъ насъ не откажется дѣйствовать, снизойдетъ на это ради васъ. Итакъ, никто пусть не говоритъ, что „я ничтоженъ и низокъ и не заслуживаю никакого уваженія"; это и ко мнѣ относится, потому что я именно таковъ; однакожъ Богу угодно обращать вниманіе и на таковыхъ ради многихъ. Знайте вотъ: Онъ соблаговолилъ говорить съ Каиномъ ради Авеля, съ діаволомъ ради Іова, съ фараономъ ради Іосифа, съ Навуходоносоромъ ради Даніила, съ Валтасаромъ ради его же. И волхвы удостоены были откровенія, и Каіафа, хотя былъ христоубійца и недостоинъ, пророчествовалъ ради достоинства священства. Ради этого, говорится, и Ааронъ не былъ пораженъ проказой. Въ самомъ дѣлѣ, скажи мнѣ, почему въ то время какъ оба они дурно говорили, сестра только понесла наказаніе? Не удивляйся. Если и съ мірскими достоинствами бываетъ, что хотя бы на кого поступили тысячи обвиненій, не прежде онъ приводится въ судилище, чѣмъ сложена власть, чтобы вмѣстѣ съ нимъ и ей не нанесено было оскорбленія, — то тѣмъ болѣе въ духовной власти, какова бы она ни была, дѣйствуетъ благодать Божія, хотя бы и все было потеряно; а когда сложитъ власть, умирая ли, или оставаясь въ живыхъ, тогда понесетъ тягчайшее наказаніе. Не думайте, что это говорится нами отъ себя,—что именно благодать Божія дѣйствуетъ и чрезъ недостойнаго, не ради насъ, а 596
ради васъ. Послушайте, что говоритъ Христосъ: *аще будетъ домъ достоинъ, пріидетъ миръ вашъ нань*. А какимъ образомъ бываетъ достоинъ? Если, говоритъ, примутъ васъ: *аще* же не пріимутъ *васъ, ниже* послушаютъ *словесъ вашихъ, аминь глаголю вамъ, отраднѣе будетъ земли Содомстѣй и Гоморрстѣй въ день судный, неже граду тому* (Мѳ. x, 14—15). Какая же польза, когда принимаете насъ, а не слушаете того, что мы говоримъ? Какая выгода, когда принимаете служеніе, а не внимаете тому, что вамъ говорится? Вотъ для насъ честь, вотъ дивное и полезное вамъ и намъ служеніе—если вы насъ слушаете. Послушай, что̀ говоритъ Павелъ: *не вѣдахъ, братіе, яко архіерей есть* (Дѣян. xxiii, 5). Послушай, что̀ и Христосъ говоритъ: *вся, елика аще рекутъ вамъ блюсти, соблюдайте и творите* (Мѳ. xxiii, 3). Не меня ты презираешь, а свя-

щенство; когда увидишь, что я его лишенъ, тогда презирай; тогда и я не дозволю себѣ распоряжаться; а пока мы возсѣдаемъ на этомъ престолѣ, пока имѣемъ предсѣдательство, до тѣхъ поръ имѣемъ власть и силу, хотя бы были недостойны. Если престолъ Моисея былъ настолько уважаемъ, что ради него его слушали, то тѣмъ болѣе престолъ Христа. Его мы унаслѣдовали, съ него говоримъ, съ него и Христосъ возложилъ на насъ служеніе примиренія. Послы, каковы бы они ни были, ради посольскаго достоинства пользуются большою честью. Смотри въ самомъ дѣлѣ: они одни идутъ въ центръ варварской земли, въ среду столькихъ враговъ, и такъ какъ законъ о посольствѣ имѣетъ большую силу, то всѣ ихъ почитаютъ, всѣ на нихъ съ уваженіемъ взираютъ, всѣ въ сохранности препровождаютъ. И мы получили порученіе посольства и пришли отъ Бога: это именно епископское достоинство. Мы пришли къ вамъ, какъ послы, прося прекратить войну, и говоримъ—на какихъ условіяхъ: мы обѣщаемъ не города передать, не столько-то и столько мѣръ хлѣба, не рабовъ, не золото, но царство небесное, жизнь вѣчную, пребываніе со Христомъ и другія блага, о которыхъ намъ и сказать невозможно, пока находимся въ этомъ тѣлѣ и въ настоящей жизни. Итакъ, выполняя посольство, мы желаемъ пользоваться и честью, не ради себя,—нѣтъ: мы знаемъ наше ничтожество, — но ради васъ, чтобы вы тщательно выслушали то, чему мы учимъ, чтобы вы извлекли пользу, чтобы безъ нерадѣнія и невниманія удерживали то, что говоримъ. Не видите ли пословъ, какъ всѣ ихъ уважаютъ? Мы — послы Бога къ людямъ. Если вамъ что неприятно, то не мы, а само епископство, не такой-то человѣкъ, а епископъ. Не меня никто не слушаетъ, но (епископское) достоинство. Итакъ, будемъ во всемъ поступать согласно волѣ Божіей, чтобы и прожить намъ во славу Божію, и удостоиться благъ, обѣщанныхъ любящимъ его, благодатію и человѣколюбіемъ Господа нашего Іисуса Христа, Которому слава и держава во вѣки вѣковъ. Аминь.

СЛОВО XLVII.

О томъ, что не должно недостойно приступать къ божественнымъ тайнамъ.

895—6 Такъ какъ мы вспомнили объ этой жертвѣ, то хочу сказать немногое къ вамъ посвященнымъ,—немногое по размѣрамъ, но

обладающее великою силою и пользою, потому что говоримое—не наше, а божественнаго Духа. Что же это? Многіе пріобщаются 807
этой жертвѣ однажды въ (настоящій) годъ, другіе дважды, иные много разъ. Слѣдовательно, всѣмъ полезно наше слово, даже и самимъ пребывающимъ въ пустынѣ, потому что они однажды въ годъ пріобщаются, а нерѣдко черезъ два года. Что же? Кого мы одобряемъ? Ни тѣхъ, которые однажды, ни тѣхъ, которые часто, но тѣхъ, которые съ чистою совѣстію, съ чистымъ сердцемъ, съ неоскверненною жизнію. Такіе всегда приступаютъ, а которые не таковы, тѣ ни однажды. *Ядый бо и піяй недостойнѣ, судъ себѣ ястъ и піетъ* (1 Кор. xi, 29), какъ говоритъ апостолъ. Они даются святымъ; это выражаетъ и діаконъ, призывая святыхъ тѣми страшными словами. Такъ какъ не можетъ человѣкъ знать то, что принадлежитъ ближнему, если не Духъ, который въ немъ обитаетъ, то онъ произноситъ эти слова: *святая святымъ*. Если кто не святъ, не приступай. Не просто говоритъ: чистый отъ грѣховъ, но—святой, потому что не освобожденіе только отъ грѣховъ дѣлаетъ святымъ, но также присутствіе Духа и богатство добрыхъ дѣлъ. А что это за грѣхъ? Когда приступаютъ не со страхомъ, не ударяя въ грудь, поднимая шумъ и прочее. Часто я это говорилъ и не перестану говорить. Не видите ли на Олимпійскихъ играхъ, когда у ратоборца украшена голова и глашатай призываетъ къ тишинѣ, какой хорошій бываетъ порядокъ? Какъ же не безсмысленно—гдѣ торжествуетъ діаволъ, тамъ великая тишина, а гдѣ Христосъ призываетъ къ Себѣ, тамъ великій шумъ? Лучше сказать—въ морѣ спокойствіе, а въ гавани волны. Что шумишь, скажи мнѣ? Безъ сомнѣнія, дѣловая нужда зоветъ. Значитъ, ты во всякомъ случаѣ знаешь, что въ этотъ часъ у тебя есть дѣла? Во всякомъ случаѣ помнишь, что ты на землѣ? А развѣ же это не признакъ окаменѣлой души—думать въ это время, что находишься на землѣ, а не участвуешь въ хорѣ ангеловъ, съ которыми и возсылаешь къ Богу ту таинственную пѣснь, пѣснь побѣды: *святъ, святъ, святъ?* Христосъ для того назвалъ насъ орлами, говоря: *идѣже тѣло, тамо и орли* (Лук. xvii, 37), чтобы мы восходили на небо, взлетали на высоту, облегчаемые крыльями Духа, а мы, какъ змѣи, пресмыкаемся долу и ѣдимъ землю. Желаете, я скажу, отчего происходитъ шумъ? Оттого, что не всегда закрываемъ для васъ двери и дозволяемъ уходить раньше послѣдняго благодаренія: это указываетъ на большое пренебреженіе. Что ты дѣлаешь, человѣкъ? Когда Христосъ присутствуетъ, ангелы предстоятъ, трапеза предложена,—ты самъ бросаешь и уходишь? А позванный на обѣдъ, ты не осмѣливаешься уйти раньше сотоварищей? Желаете, я скажу, чье дѣло

дѣлаютъ тѣ, которые уходятъ до евхаристіи. Когда Іуда участвовалъ въ послѣдней вечери въ ту окончательную ночь и всѣ другіе возлежали, онъ выскочилъ и ушелъ. Ему и тѣ подражаютъ. Если бы онъ не ушелъ, то не сдѣлался бы предателемъ и не погибъ бы; если бы онъ не отлучился отъ пастыря, то не сдѣлался бы добычею звѣря. Видишь ли, что послѣдняя молитва послѣ жертвы бываетъ по тому образцу? Онъ именно съ іудеями, а они вышли съ Владыкою, воспѣвши пѣснь. Это я говорю, чтобы
898 вы не шумѣли и не кричали, но въ великомъ молчаніи и благопристойности будемъ пріобщаться этой божественной жертвѣ, чтобы и душу намъ очистить и достигнуть вѣчныхъ благъ. Не утверждай, что это простой хлѣбъ и вино; это—тѣло и кровь, согласно Владычнему изреченію; не суди о дѣлѣ по вкусу, но почерпай несомнѣнное убѣжденіе въ вѣрѣ. Приступая же, не разъединяй рукъ, но изъ лѣвой руки сдѣлай сѣдалище для правой, изъ ладони устрой впадину, какъ имѣющій принять Царя; принимай тѣло Христово съ великимъ страхомъ, чтобы какой-нибудь маргаритъ не выпалъ изъ твоей руки и ты бы не повредилъ ни одного изъ твоихъ членовъ. Подобнымъ образомъ приступай и къ святой крови, не протягивая рукъ... говоря: аминь. Пока еще влага въ устахъ, коснемся руками глазъ и чела,—освятятся и прочія чувства; и возблагодари Бога, удостоившаго тебя такого таинства. И какъ, скажешь, возможно спастись среди міра? Что говоришь? Хочешь, я вкратцѣ покажу, что не мѣсто приноситъ спасеніе, но образъ жизни и воля, устремленная къ Богу? Адамъ, находясь, въ раю, какъ въ пристани, потерпѣлъ кораблекрушеніе; а Лотъ въ Содомѣ, какъ въ морѣ, спасся. Іовъ на навозной кучѣ былъ оправданъ; а Саулъ, пребывая въ сокровищницахъ царскаго дворца, лишился какъ настоящей, такъ и будущей славы и чести. Это не защита, мы терпимъ это потому, что занимаемся не молитвами и божественными собраніями. Или не видишь, какъ желающіе получить достоинства отъ земного царя бываютъ настойчивы, и другихъ побуждаютъ къ заступничеству, чтобы не потерпѣть неудачи въ искомомъ? Это у меня говорится относительно тѣхъ, которые пропускаютъ святыя собранія и которые въ страшный часъ таинственности занимаются разговорами и пустословіемъ. Что дѣлаешь, человѣкъ? Развѣ ты не обѣщалъ іерею, говорившему: *горѣ умъ и сердца*, и не сказалъ: *имамы ко Господу?* Не стыдишься и не краснѣешь, оказавшись лжецомъ въ такихъ словахъ и въ такой часъ? Увы! Когда царская трапеза приготовлена, агнецъ Божій закалается за тебя, священникъ подвизается за тебя, серафимы предстоятъ, шестокрылатые закрываютъ лица, всѣ безтѣлесныя силы, вмѣстѣ съ

священникомъ, посольствуютъ за тебя, огонь духовный нисходитъ, кровь проливается въ чашу изъ непорочнаго бока,—совѣсть твоя, о, человѣкъ, тебя не осуждаетъ? Сто шестьдесятъ восемь часовъ заключается въ недѣлѣ, и одинъ—единственный часъ опредѣлилъ для Себя Богъ; если ты и его употребишь на дѣла житейскія, на разговоры и смѣшки, то съ какимъ напослѣдокъ дерзновеніемъ подойдешь къ божественнымъ тайнамъ, съ какою совѣстію? Вотъ, если бы у тебя былъ калъ въ рукахъ, осмѣлился ли бы ты приблизиться къ царской бахрамѣ? Отнюдь. Не смотри, что это хлѣбъ, что вино,—не какъ прочія обыкновенныя снѣди они удаляются въ задній проходъ,—нѣтъ, ничего такого не думай. Поэтому, приступая, мы и думаемъ, что причащаемся божественнаго тѣла не какъ люди, но какъ сами серафимы клещами огненными, которыя видѣлъ Исаія. Прошу и умоляю—не будемъ уклоняться отъ церквей, а собравшись, не будемъ заниматься въ церкви разговорами, но стоять въ страхѣ и трепетѣ, съ опущенными внизъ глазами, съ устремленною вверхъ душой, будемъ воздыхать сердцемъ. Или не видишь стоящихъ возлѣ смертнаго и временнаго царя,—какъ они бываютъ неподвижны, молчаливы, 899
не вращаютъ глазами туда и сюда, но стоятъ уныло, смущенно, боязливо? Самъ отъ себя, человѣкъ, заимствуй обличеніе и приступай къ небесному Богу хотя бы такъ, какъ къ царю земному. Часто я это говорю, и не перестану говорить. А входя въ церкви, будемъ входить, какъ подобаетъ Богу, не имѣя въ душѣ злопамятства, чтобы намъ не понести осужденія, когда говоримъ: *остави намъ, яко и мы оставляемъ* (Мѳ. VI, 12). Страшны эти слова, почти къ Богу взываетъ тотъ, кто говоритъ такъ: я оставилъ, Владыка, — оставь; я простилъ, — прости. Итакъ, зная объ этомъ, равно и о томъ огнѣ, и о страшномъ судилищѣ, обратимся наконецъ отъ заблужденій нашего (жизненнаго) пути. Вѣдь наступитъ день, когда зрѣлище жизни прекратится и никто наконецъ не будетъ уже подвизаться. Это — время покаянія, а то — суда; это — время подвиговъ, а то — вѣнцевъ. Возбудитесь, умоляю, и старательно выслушайте сказанное. Мы жили плотію, поживемъ наконецъ духомъ: жили въ безпечности, по- 900
живемъ, наконецъ, въ раскаяніи. Что чванишься, земля и пепелъ? Что гордишься? Что высокоумствуешь? Что надѣешься на мірскую славу и богатство? Пойдемъ къ гробамъ, прошу; взглянемъ на разсѣянную природу, на провонявшія кости, на истлѣвшія тѣла; посмотри и, если ты мудрый, если разумный, скажи мнѣ: кто тутъ царь и кто частный человѣкъ, кто свободный и кто рабъ, кто мудрецъ и кто простецъ. Гдѣ тутъ красота юности, гдѣ прелесть взгляда, гдѣ прекрасные глаза, гдѣ бле-

стящее лицо? Не все ли пыль, не все ли зола, не все ли пепелъ, не все ли мракъ, не все ли тлѣніе и смрадъ? Размышляя объ этомъ и памятуя о послѣднемъ днѣ, будемъ, пока есть время, творить добро, чтобы намъ избавиться отъ будущей безконечной геенны и удостоиться царства небеснаго. благодатію и человѣколюбіемъ Господа нашего Іисуса Христа, Которому слава во вѣки вѣковъ. Аминь.

СЛОВО XLVIII.

899 Цвѣтникъ въ формѣ слова, собранный изъ Златоуста Θеодоромъ: что нужно дѣлать христіанину, чтобы наслѣдовать жизнь вѣчную.

Любить Бога всею душею и силами, соблюдать заповѣди Его и любить ближняго, какъ самого себя, по слову Господа, который говоритъ: *аще заповѣди моя соблюдете, пребудете въ любви моей* (Іоан. xv, 10), и еще: *о семъ познаютъ вси, яко мои ученицы есте, аще любите другъ друга.* Кто смиряется въ душѣ своей предъ Богомъ и никогда не превозносится надъ ближнимъ своимъ,— потому что *сердце сокрушенно и смиренно Богъ не уничижитъ* (Псал. ι, 19); кто скорбитъ о грѣхѣ ближняго, оплакиваетъ собственные грѣхи, сорадуется радости ближняго и не уязвляется завистію по поводу его благополучія; кто смиренно принимаетъ и укрощаетъ противниковъ, всегда желаетъ и жаждетъ совершать правду Божію,—потому что онъ сохранитъ чистоту своей души; кто склоняется предъ милосердіемъ къ нуждающимся въ милосердіи, отдаетъ всего себя за миръ по Богу и старается за такое дѣйствіе именоваться сыномъ Божіимъ, сверхъ того, терпитъ обиды, обвиненія и преслѣдованія, и умираетъ за правду Божію и за исповѣданіе Христа, — потому что это жизнь вѣчная; кто ниспровергаетъ всякое еретическое злорѣчіе и правильно исповѣдуетъ исповѣданіе святой Троицы; кто печется объ истинѣ въ сердцѣ своемъ, не лукавствуетъ языкомъ своимъ во лжи и не дѣлаетъ зла ближнему, согласно Писанію; кто не порицаетъ, не поноситъ и ничего другого запрещеннаго не совершаетъ, но тщательно хранитъ всѣ заповѣди Христовы и исполняетъ ихъ; кто протягиваетъ руки для милостыни, будучи обманываемъ не противится и не отплачиваетъ, отдаетъ одежду неимущему, будучи поносимъ благословляетъ, будучи отягощаемъ еще добавляетъ, не носитъ въ устахъ никакого постыднаго или оскорбительнаго слова, не произноситъ клятвы, признаетъ одно мѣрило—

истину и всячески день и ночь заботится о ней, не говоритъ кому-нибудь въ своихъ оправданіяхъ болѣе, чѣмъ—*ей* и *ни*, со- 900
гласно повелѣнію Господа; кто направляетъ языкъ на пѣснопѣніе, колѣни и руки вмѣстѣ съ мыслію—на моленія, проливаетъ предъ лицомъ Божіимъ слезы сокрушенія; кто непрестанно безпокоится о своей смерти, и о будущемъ судѣ, и объ отвѣтственности за дѣла свои, непрестанно помышляетъ о томъ, въ чемъ онъ согрѣшилъ, принося за все хвалы Богу; кто старательно совершаетъ добрыя дѣла, не выставляя ихъ на показъ предъ кѣмъ-нибудь и не тщеславясь ими подобно фарисею, но предоставляя знать о нихъ всевѣдущему Богу, который воздастъ каждому по дѣламъ его; кто избѣгаетъ пьянства, избѣгаетъ клятвопреступничества, чревоугодничества, неприличныхъ рѣчей, зависти, распри, злобы, любостяжанія—этого второго идолослуженія, ярости, гнѣва, прелюбодѣянія, блуда и всякой тѣлесной нечистоты; кто не занимается колдовствомъ, ни прорицаніями, ни заклинаніями, но очищаетъ себя день и ночь для неосужденнаго причащенія честного тѣла и крови Христовой; кто предстательствуетъ за сиротъ, равно какъ также за вдовъ и пришельцевъ; кто не отворачивается отъ просящаго или отъ желающаго получить взаймы, и даже разрываетъ всякое неправильное писаніе, а если имѣетъ и правильное, то не предъявляетъ и не показываетъ его кому-нибудь, такъ какъ всецѣло все принадлежитъ Богу, если чѣмъ онъ правильно владѣетъ, отъ Бога владѣетъ, Ему онъ предоставляетъ свою собственность, а отъ Бога проситъ самаго необходимаго, прославляетъ прославляющихъ Бога и чтитъ рабовъ Его; кто сожалѣетъ враговъ вѣры изъ-за ихъ слѣпоты, всѣми силами старается ихъ обратить, отъ упорствующихъ же отвращается, и ненавидитъ полною ненавистью ненавидящихъ Господа; кто живетъ во всякой добротѣ, во всякомъ благочестіи, во всякой непорочности, какъ бы имѣя въ себѣ всего Бога и самъ весь находясь въ Богѣ, воспоминаніемъ о Богѣ и Его заповѣдяхъ всегда движимый и возбуждаемый, ложась ли то въ постель, или вставая, или принимая пищу и питье, или проводя день, по Писанію: *предзрѣхъ Господа предо мною выну, яко одесную мене есть, да не подвижуся*, и: *да убоится вся земля, отъ Негоже да подвижутся вси живущіи по вселеннѣй* (Псал. XV, 8; XXXII, 8); кто не злопамятствуетъ, потому что пути памятозлобія—къ смерти, и, отпустивъ
ближнему грѣхъ, получаетъ отъ Бога отпущеніе своихъ грѣховъ. 901
Если не вспоминаемъ о грѣхахъ, которые другіе противъ насъ совершили, то и Богъ не вспоминаетъ о нашихъ грѣхахъ, которые мы совершили противъ Него. Судить же (нужно) справедливо въ страхѣ Божіемъ,—потому что это судъ Божій,—не осу-

ждать другихъ за грѣхи, равно и не презирать и не брезговать ими, не выискивать пороковъ ближняго, а себя самихъ оправдывать, не видя у себя бревенъ, но сучцы у ближняго, и не обнаруживать даже малыхъ провинностей нашихъ братьевъ, что весьма прогнѣвляетъ Бога, такъ какъ несправедливо — судить чужого раба, а человѣкъ—весь Божій. Судить же и исправлять (нужно) въ любви, исторгать терпящаго несправедливость изъ руки причиняющаго несправедливость, быть отцемъ для немощныхъ, глазомъ для слѣпыхъ, ногой для хромыхъ, по сказанному: благочестиво и праведно бываетъ съ надлежащимъ внушеніемъ и наставленіемъ, какъ говоритъ блаженный апостолъ: *три лѣта нощь и день не престаяхъ уча со слезами единаго когождо васъ* (Дѣян. xx, 31). Христіанину же должно избѣгать постыдныхъ прибылей, быть напротивъ совѣстливымъ и святымъ, прилежать къ чтенію, наставленію, вразумленію и ученію, по сказанному:
902 учаще и вразумляюще *себе во псалмѣхъ и пѣніихъ и пѣснехъ духовныхъ*, въ благодати *поюще въ сердцѣ вашемъ Господеви* (Ефес. v, 19). (Нужно) почитать и родителей нашихъ, чтобы быть намъ долголѣтними на землѣ, не злословить отца или матерь и промышлять о своихъ, особенно о домашнихъ по вѣрѣ. И кто не отсутствуетъ на церковныхъ собраніяхъ, или на общественныхъ сходкахъ и молитвахъ, но публично предъ лицомъ всего народа приноситъ Богу молитвы, не пренебрегаетъ мудрыми наставленіями или богобоязненными поученіями, и не считаетъ невѣроятными или невозможными чудеса и дѣйствія Божіи, совершенныя въ теченіе поколѣній, и не мудрствуетъ такимъ образомъ. Человѣкъ, который такъ поступаетъ и который такъ имѣетъ Бога въ сердцѣ своемъ и въ мысляхъ, наслѣдуетъ царство, уготованное святымъ отъ сложенія міра, не имѣющее конца,—чего всѣ мы и да достигнемъ, благодатію и человѣколюбіемъ Господа нашего Іисуса Христа, Которому слава и держава во вѣки вѣковъ. Аминь.

Святаго отца нашего Іоанна,

архіепископа константинопольскаго, Златоустаго [1]).

I. О покаяніи, и на чтеніе о (грѣхѣ) Давида съ женою Уріи.

Сегодня читалось намъ о блаженномъ Давидѣ, пѣвцѣ и 11
учителѣ цѣломудрія. Вѣдь всякій разъ, когда въ псалмахъ раздаются для насъ звуки его духовной лиры, онъ услаждаетъ нашъ слухъ, а наши мысли настраиваетъ въ духѣ цѣломудрія. Поэтому-то благодать Духа и устроила такъ, что ежедневно почти каждая христіанская душа имѣетъ на устахъ его пѣсни, къ услажденію слуха и къ пользѣ душевной. Но всегда я удивлялся и недоумѣвалъ, разсуждая самъ съ собою и задаваясь такого рода вопросомъ: почему преимущественно предъ всѣми писаніями, какъ ветхаго, такъ и новаго завѣта, всѣ такъ любятъ эту книгу Давида и онъ одинъ не сходитъ у всѣхъ съ устъ? Моисей былъ великій законодатель, лицомъ къ лицу созерцавшій Бога; онъ по вдохновенію свыше открылъ намъ тайну міозданія и, проповѣдуя о Создателѣ, возвѣстилъ: *въ началѣ сотвори Богъ небо и землю* (Быт. I, 1). Его книга — величайшая изъ книгъ и исполнена всякой мудрости, а между тѣмъ мы раскрываемъ ее въ каждой изъ церквей всего разъ или два въ недѣлю. Ты скажешь, что эта книга принадлежитъ ветхому завѣту? Но тогда что ты скажешь относительно чтенія святыхъ Евангелій, гдѣ изображаются чудеса Христова пришествія, гдѣ Богъ обращается среди людей и смерть прогоняется словомъ, гдѣ бѣсы изгоняются

---

[1]) Нижеслѣдующія бесѣды отнесены въ Патрологіи Миня (т. XIII) къ разряду Spuria.

повелѣніемъ и прокаженные очищаются словомъ, гдѣ слѣпые брѳніемъ исцѣляются отъ своего природнаго недостатка и пять тысячъ (человѣкъ) въ пустынѣ насыщаются пятью хлѣбами, гдѣ разбойнику открывается путь въ рай и блудница становится чище звѣздъ, гдѣ струи Іорданскія освящаются для освященія нашихъ душъ и единородный Сынъ отъ Отца съ неба провозглашается, гдѣ Христосъ обновляетъ нашу жизнь, и обновляя, проповѣдуетъ для спасенія рода человѣческаго, говоря: *блажени*
12 *нищіи духомъ, яко тѣхъ есть царствіе небесное. Блажени алчущіи и жаждущіи правды, яко тіи насытятся* (Мѳ. v, 3 и 6)? Но замѣть, и эти заповѣди мы прочитываемъ (въ церквахъ) разъ или два въ недѣлю. Правда, царскіе вѣнцы не годится выставлять на показъ народу каждый день. Но что сказать о блаженномъ апостолѣ Павлѣ, проповѣдникѣ Христовомъ, уловлявшемъ вселенную, своими четырнадцатью посланіями какъ бы духовными сѣтями привлекшемъ ко спасенію весь міръ; о Павлѣ, восхищенномъ до третьяго неба и въ самый рай, самовидцѣ тайнъ царства небеснаго, недоступныхъ человѣческому слову (2 Кор. xп, 14)? Вѣдь даже и его (писанія) мы читаемъ только дважды на недѣлѣ, т. е. хотя и носимъ его посланіе на устахъ, но сосредоточиваемся на его чтеніи и на немъ одномъ утверждаемся лишь въ это время. Въ чемъ же въ такомъ случаѣ причина того, почему благодать Духа установила каждый день и каждую ночь возглашать творенія блаженнаго Давида? Вѣдь всѣ мы носимъ его на устахъ вмѣсто мира. Въ церкви—всенощное бдѣніе: и начинается, и продолжается, и оканчивается оно псалмами Давида; утреннее ли славословіе—и начинается, и продолжается, и оканчивается оно Давидомъ; проводы ли покойника къ мѣсту упокоенія—и начало, и конецъ—блаженный Давидъ; дѣвы ли въ своихъ жилищахъ работаютъ за ткацкимъ станкомъ — и начинаютъ, и продолжаютъ, и оканчиваютъ онѣ пѣснями Давида. Удивительное дѣло! Многіе, не имѣя понятія о начаткахъ грамоты, наизусть читаютъ всего Давида. Но не только въ городахъ и церквахъ онъ такъ сіяетъ во всякое время и для всякаго возраста, но и въ поляхъ, и въ пустыняхъ, и на необитаемой землѣ—онъ съ великимъ усердіемъ возбуждаетъ священныя ликостоянія къ прославленію Бога. Въ монастыряхъ священный хоръ чиновъ ангельскихъ — и въ началѣ, и въ срединѣ, и въ концѣ у нихъ Давидъ; въ обителяхъ подвижницъ лики дѣвъ,
13 подражающихъ Маріами—и въ началѣ, и въ срединѣ, и въ концѣ у нихъ Давидъ; въ пустыняхъ мужи, распинающіе плоть свою, бесѣдующіе съ Богомъ—и въ началѣ, и въ срединѣ, и въ концѣ у нихъ Давидъ. И всѣ люди, подпадая ночью подъ власть есте-

ственнаго сна, влекутся въ пропасть; одинъ Давидъ бодрствуетъ и рабовъ Божіихъ пробуждаетъ на ангельскія всенощныя бдѣнія, землю обращая въ небо и людей дѣлая равными ангеламъ, нашу жизнь всячески украшая, всѣмъ все бывая и всѣми способами возвышая нашу жизнь до ангельской: съ дѣтьми совозрастая, юношей вразумляя, дѣвъ утверждая въ цѣломудріи, старцамъ даруя крѣпость, грѣшниковъ призывая къ покаянію увѣщаніемъ: *исповѣдайтеся Богу яко благъ* (Пс. CXVII, 1), кающихся ободряя словами: *грѣхъ юности моея и невѣдѣнія моего не помяни* (Пс. XXIV, 7), облагодѣтельствованныхъ располагая къ благодарности изреченіемъ: *что воздамъ Господеви о всѣхъ, яже воздаде ми* (Пс. CXV, 3), часто согрѣшающихъ вновь призывая къ исповѣданію грѣховъ напоминаніемъ: *аще беззаконія назриши, Господи, Господи, кто постоитъ* (Пс. CXXIX, 3), нуждающихся въ милости Божіей научая говорить: *помилуй мя, Боже, по велицѣй милости Твоей* (Пс. L, 1), призванныхъ во святыню утверждая словами: *не отвержи мене отъ лица Твоего* (Пс. L, 13), влекомымъ въ судилище влагая въ уста слова: *избави мя отъ клеветы человѣческія* (Пс. CXVIII, 134), боящимся возстанія враговъ внушая молиться: *изми мя отъ врагъ моихъ, Боже* (Пс. LVIII, 2), терпящихъ и благодѣтельствуемыхъ возбуждая къ благодарности словами: *терпя потерпѣхъ Господа, и вняти ми, и услыша молитву мою* (Пс. XXXIX, 2).

О, великая лира, души людей по всей вселенной, какъ бы какія струны, настраивающая къ единому исповѣданію! Какъ же такой и столь великій мужъ, украшеніе человѣческихъ нравовъ, для восхваленія котораго нѣтъ словъ, устроившій на землѣ ангельскую жизнь и увѣнчиваемый на небѣ похвалами ангеловъ— по какому попущенію могъ онъ впасть разомъ въ два главнѣйшіе грѣха? Вѣдь главнѣйшіе изъ грѣховъ: *не убій, не прелюбы сотвори* (Исх. XX, 13, 14), а въ эти именно два главнѣйшіе грѣха попущено было ему впасть. Нерѣдко, углубившись въ себя и размысливъ обо всемъ этомъ, я повергаюсь въ изумленіе, и подобно тому какъ судно въ морѣ носимое туда и сюда безъ кормчаго заливается волнами, такъ нерѣдко мой разумъ совершенно подавляется и запутывается въ смятеніи мыслей: какъ мужъ, украшенный столькими добродѣтелями, царь и пророкъ, рабъ Христа и отецъ Его, — рабъ по природѣ, отецъ по плоти [вѣдь — *книга родства Іисуса Христа, сына Давидова* (Мѳ. I, 1)],—возвеличенный добродѣтелями болѣе, чѣмъ царскимъ вѣнцомъ, облаченный въ багряницу, и съ искреннѣйшимъ смиреніемъ говорившій: *Господи, не вознесеся сердце мое, ниже вознесостѣся очи мои, ниже ходихъ въ великихъ, ниже въ дивныхъ паче мене. Аще не смиренномудрствовахъ,*

но вознесохъ душу мою, яко отдоенное (Пс. cxxx, 1, 2), увѣнчавшій предѣлы незлобія и говорившій: *Господи Боже мой, аще сотворихъ сіе, аще есть неправда въ руку моею, аще воздахъ воздающимъ ми зла* (Пс. vii, 4, 5), не только отрѣшившійся лично отъ высокомѣрія, но и въ другихъ не терпѣвшій высокомѣрія, по его словамъ: *не живяше посредѣ дома моего творяй гордыню, глаголяй неправедная не исправляше предъ очима моима* (Пс. с, 7), съ дерзновеніемъ говорившій Богу: *искусилъ мя еси, и не обрѣтеся во мнѣ неправда* (Пс. xvi, 3)? Впрочемъ—что же? Зачѣмъ ссылаться на его же собственныя слова? Вѣдь часто говорятъ: не заслуживаетъ вѣры тотъ, кто самъ о себѣ свидѣтельствуетъ; пусть кто-нибудь другой засвидѣтельствуетъ его достоинства, пусть другой провозгласитъ объ его вѣнкахъ, пусть другой одобритъ его жизнь; такое свидѣтельство будетъ болѣе достовѣрнымъ. Но кто же можетъ быть достовѣрнѣе самого Бога, говорившаго: *обрѣтохъ Давида, сына Іессеова, мужа*
14 *по сердцу моему* (Дѣян. xiii, 22)? Что можетъ быть надежнѣе этого свидѣтельства? Какъ же, красуясь столькими отличіями, признаваемый мужемъ по сердцу Божію,—какъ могъ онъ дойти до впаденія въ два главнѣйшихъ грѣха? *Не убій, не прелюбы сотвори.* И вдругъ — убійцей и прелюбодѣемъ является пророкъ Божій, какъ объ этомъ гласитъ прочитанное намъ сегодня мѣсто (священной книги)! Я не унижаю пророка, — да не будетъ, — но говорю это для вашего назиданія, чтобы, когда ты достигнешь духовной высоты, соблюдалъ себя, чтобы ты не палъ. Такъ вѣдь и апостолъ говорилъ: *мняйся стояти да блюдется, да не падетъ* (1 Кор. x, 12). Потому-то и самъ Давидъ часто говорилъ: *въ конецъ, да не растлиши* (Пс. lvii, 1); потому-то и самъ онъ молился: *и даже до старости и престарѣнія, Боже мой, не остави мене* (Пс. lxx, 18). Итакъ, ради чего же было попущено ему впасть въ такой грѣхъ? По тремъ причинамъ, и сейчасъ я объясню—по какимъ; отнесись только къ этому съ полнымъ вниманіемъ. Прежде всего — ради того, чтобы люди праведные—подвижники или пустынники—были осторожны относительно своей собственной жизни и не говорили: я во многомъ преуспѣлъ, я украшенъ многими добродѣтелями: пощусь, бодрствую, молюсь, плачу, облеченъ въ власяницу, тѣло свое изнурилъ подвигами; я уже не боюсь возстанія діавола, вѣнцы мнѣ уже приготовлены. Не заблуждайся, человѣкъ, не превозносись мыслью; твои дѣла не могутъ сравниться съ дѣлами Давида. Послушай, что онъ говоритъ: *колѣна моя изнемогоста отъ поста, и плоть моя измѣнися елеа ради* (Пс. cviii, 24); или: *азъ же, внегда они стужаху ми, облачахся во вретище и смиряхъ постомъ душу мою* (Пс. xxxiv, 13). Послушай, что говоритъ онъ о томъ, какъ онъ бодр-

ствовалъ: *полунощи востахъ исповѣдатися тебѣ* (Пс. сxvііі, 62), и еще: *седмерицею днемъ хвалихъ тя* (ст. 164); послушай, что говоритъ онъ о своемъ плачѣ: *утрудихся воздыханіемъ моимъ, измыю на всяку нощь ложе мое, слезами моими постелю мою омочу* (Пс. vі, 7); послушай, что говоритъ онъ о лишеніяхъ, которымъ онъ себя подвергалъ: *зане пепелъ яко хлѣбъ ядяхъ и питіе мое съ плачемъ растворяхъ* (Пс. сі, 10). Но къ чему мнѣ приводить тебѣ слова пророка Давида, когда я могу опять напомнить тебѣ о свидѣтельствѣ самого Бога? *Обрѣтохъ Давида, сына Іессеова, мужа по сердцу Моему.* И однако послѣ столькихъ подвиговъ онъ былъ вовлеченъ въ такой грѣхъ. Итакъ, не будь самонадѣяннымъ, но каждый день заботься о своемъ преуспѣяніи, помня увѣщаніе апостола, гласящее: *мняйся стояти да блюдется, да не падетъ* (1 Кор. х, 12). Вотъ — первая причина. А вотъ и вторая: чтобы грѣшники не отчаивались въ своемъ собственномъ спасеніи, но если кто и каждый день грѣшитъ, каждый день приносилъ бы и покаяніе. Хотя бы ты тысячу разъ согрѣшилъ, и покайся тысячу разъ. Нѣтъ ничего хуже отчаянія: разъ кто, согрѣшивъ, предался отчаянію, для него уже потеряна надежда на исцѣленіе. Развѣ тебѣ не приходилось наблюдать, что если врачи найдутъ больного безнадежнымъ, они уже не продолжаютъ лѣченія, но говорятъ больному: если ты и обѣщаешь вознаградить насъ, мы не можемъ взять; болѣзнь твоя уже не поддается лѣченію; врачебное искусство безсильно бороться съ твоимъ недугомъ. Такъ говорятъ они, когда не имѣютъ надежды. Напротивъ, если разсчитываютъ на выздоровленіе больного, то принимаютъ всѣ мѣры и даютъ лѣкарства, способствующія его излѣченію. Точно также, если кто изъ-за грѣховъ своихъ придетъ въ отчаяніе, что у него уже нѣтъ возможности спастись покаявшись, тѣмъ самымъ онъ толкаетъ себя еще въ большіе грѣхи. Въ такомъ случаѣ, если ты припомнишь, что и отъ такихъ величайшихъ грѣховъ, какъ прелюбодѣяніе и убійство, было возможно исправленіе и спасеніе для пророка, то какъ ни безчисленны были бы твои грѣхи, ты все-таки прибѣгнешь къ покаянію. Однако, моя рѣчь клонится не къ тому, чтобы поощрять ко грѣху, но къ тому, чтобы согрѣшающихъ расположить къ покаянію, такъ какъ Богъ, будучи человѣколюбивымъ, и великія прегрѣшенія изглаждаетъ. Въ самомъ дѣлѣ, что больше убійства и прелюбодѣянія? И однако, послушай, что говоритъ пророкъ, самъ согрѣшившій этими самыми грѣхами: *рѣхъ: исповѣмъ на мя беззаконіе мое Господеви, и Ты оставилъ еси нечестіе сердца моего* (Пс. ххxі, 5). Потому-то и Христосъ, обращаясь среди людей, даровалъ отпущеніе величайшихъ грѣховъ: разбойника ввелъ въ рай, мытаря сдѣлалъ евангели-

15 стомъ, гонителя и хулителя Павла обратилъ въ апостола для всей вселенной,—чтобы и ты, согрѣшивъ, не впадалъ въ отчаяніе, но исповѣданіемъ грѣховъ достигъ исцѣленія. *Исповѣдайтеся Господеви, яко благъ, яко въ вѣкъ милость Его* (Пс. cxvii, 1). Вотъ это—вторая причина. Остается третья. Спаситель нашъ благоволилъ спасти насъ пришествіемъ Своимъ по плоти, Онъ долженъ былъ воспринять на Себя наше бренное тѣло и пожить вмѣстѣ съ людьми. Но такъ какъ Онъ былъ Богъ и одинъ безгрѣшенъ, то попустилъ праведнымъ людямъ, по собственной ихъ волѣ, впадать въ свойственныя людямъ согрѣшенія: не самъ призвалъ ихъ къ грѣху, но попустилъ волѣ ихъ дѣйствовать по ихъ собственному усмотрѣнію. Такимъ именно образомъ согрѣшилъ Авраамъ, выказавъ недовѣріе къ Богу, и за это получилъ отъ Бога наказаніе: *и поработятъ сѣмя твое лѣтъ четыриста* (Быт. xv, 13). Затѣмъ, (согрѣшилъ) Моисей, не воздавъ славы Богу, при изведеніи изъ камня воды для неблагодарнаго народа, и за это Богъ сказалъ ему: ты увидишь землю обѣтованія—*и тамо не внидеши* (Второзак. xxxiv, 4). Такъ и этому попустилъ Богъ впасть въ грѣхъ, чтобы только самъ Онъ одинъ оказался без-
16 грѣшнымъ въ человѣческомъ тѣлѣ. Потому-то пророкъ Давидъ, когда уже исповѣдалъ грѣхъ свой, такъ говорилъ Богу: *Тебѣ единому согрѣшихъ и лукавое предъ тобою сотворихъ.* Почему? *Яко да оправдишися во словесѣхъ Твоихъ и побѣдиши внегда судити Ти* (Пс. l, 6). Когда настанетъ день тотъ, скажетъ: вотъ наше бренное тѣло, сидящее одесную величія Божія: *сѣди одесную Мене, дондеже положу враги твоя подножіе ногъ твоихъ* (Пс. cix, 1). Въ тотъ-то именно день, когда люди предстанутъ на судъ, явлено будетъ и тѣло, воспринятое Имъ отъ рода нашего. Вверху тѣло и внизу тѣло,—потому что *воззрятъ*, сказано, *нань, егоже прободоша* (Іоан. xix, 37; Зах. xii, 10). Но одно,—наше, т. е.,—отягчено грѣхами, а другое, непричастное грѣху, но требующее осужденія грѣховъ—Божеское. Вотъ что значитъ *яко да оправдишися во словесѣхъ Твоихъ и побѣдиши внегда судити Ти.* Какимъ образомъ? *Яко беззаконія не сотвори, ниже обрѣтеся лесть во устѣхъ его* (Иса. liii, 9). Ему слава во вѣки вѣковъ. Аминь.

II. Его же, о тѣхъ, которые во время поста соблюдаютъ воздержаніе, и объ образѣ жизни различныхъ пророковъ.

15 Борцы, развивая изо дня въ день свои силы, совершенствуются въ своемъ искусствѣ и обезпечиваютъ себѣ побѣду

надъ противниками; скороходы, ежедневнымъ упражненіемъ добиваясь легкости и подвижности, изощряются до изумительнаго проворства. И наши отцы совѣтуютъ намъ такой точно способъ примѣнять въ дѣлѣ ученія, чтобы частымъ повтореніемъ слова достигалось прочное усвоеніе преподаваемаго нами. Итакъ, сюда, возлюбленные: по слѣдамъ Іосифа, оставивъ египетскій грѣхъ и обнаживъ себя отъ ненависти, устремимся къ цѣломудрію. Въ самомъ дѣлѣ, если Іосифъ и остался безъ одежды на тѣлѣ своемъ, то развѣ не облекся онъ въ славнѣйшій покровъ цѣломудрія? Чистота цѣломудрія, укрѣпивъ праотцевъ нашихъ, сдѣлала ихъ непоколебимыми столпами вселенной, съ одной стороны возносящими молитвы на небо, съ другой стороны—на землѣ врачующими души людей. Блаженный Моисей, укрѣпивъ себя цѣломудріемъ, сдѣлался столпомъ спасенія для евреевъ въ Египтѣ и первенцевъ египетскихъ погубилъ, а свѣтоносныхъ сыновъ еврейскихъ сдѣлалъ блаженными. Но этотъ какъ столпъ противосталъ всего лишь фараону и его волхвамъ, а вотъ Іисусъ Навинъ, имѣя цѣломудріе своимъ неразлучнымъ спутникомъ, повелѣвалъ и небеснымъ свѣтиламъ: онъ вѣдь остановилъ теченіе солнца, удержалъ луну на мѣстѣ и растянулъ длину дня. Когда это случилось? Когда, оканчивая битву подъ Гаваономъ, онъ воскликнулъ: *да станетъ солнце прямо Гаваону, и луна прямо дебри Елонъ* (Іис. Н., x, 12). Онъ же раздѣлилъ рѣку, спасъ народъ и ввелъ израильтянъ въ святую землю; онъ разрушилъ стѣны (звукомъ трубъ) и разорилъ города нечестивыхъ, спасъ Раавъ, наказалъ иноплеменныхъ, а свой народъ прославилъ. Храбрѣйшій Сампсонъ, соблюдая цѣломудріе, задушилъ льва и изъ ослиной челюсти источилъ воду и ею утолилъ свою жажду. Илія Ѳесвитянинъ, преданный цѣломудрію, сохранилъ жизнь бѣдной вдовѣ, потому что благословеніемъ его у ней масло не истощалось и горсть муки умножалась каждый день. Тотъ же Илія, благодаря своему цѣломудрію, имѣлъ въ своей власти сокровищницы воды и огня въ облакахъ: нечестивыхъ онъ попалялъ огнемъ съ неба, и для вселенной, страдавшей отъ бездождія, заключилъ небесные источники. Ученикъ его Елисей, унаслѣдовавъ цѣломудріе своего учителя, въ безплодной утробѣ соманитянки, по молитвѣ, произрастилъ сына, и такъ какъ нужно было ему не менѣе своего учителя прославиться чудесами, воскресилъ мертваго, и даже кости его послѣ смерти воскрешаютъ мертвыхъ. Мудрѣйшій Даніилъ, препоясавшій себя цѣломудріемъ
какъ обоюдуострымъ мечомъ, задушилъ хищныхъ волковъ и 16
агницу Хелкіеву сохранилъ невредимою, такъ что ни прекрасное руно ея цѣломудрія не было повреждено нечистымъ поцѣлуемъ,

ни грудь ея не осквернилась губительнымъ мечомъ грѣха. Блаженный Аввакумъ, восхищенный Духомъ Святымъ, обѣдъ жнецовъ своихъ отнесъ жнецу цѣломудрія—Даніилу. Развѣ не могъ Богъ и этого какъ Илію напитать чрезъ вороновъ? (Конечно, могъ) но чтобы не оставить безъ утѣшенія сидящаго со звѣрьми, посылаетъ къ нему подобнаго ему пророка, который могъ облегчить его скорбь. Подумай только, возлюбленный, каково было Даніилу во рвѣ львиномъ, не имѣвшему ни скамейки, ни хлѣба, ни стола, ни свѣтильника, ни ложа, но среди двухъ львовъ стоявшему крестообразно, являя образъ грядущаго Христа. А святѣйшіе три отрока, неразлучные съ цѣломудріемъ, будучи брошены въ огненную печь, побѣдили бушевавшее въ ней пламя. О, дѣвство, безболѣзненно прозябшее надежду міра—Христа! О, мудрость Божія, и Марію не лишившая славы дѣвства, и Христа—похвалу міра—чрезъ нее подобно свѣту просіявшая! О, священное чадо безбрачной невѣсты, источникъ нетлѣнія, дыханіе безсмертія, свѣтило Церкви, утвержденіе правды, прекрасная жемчужина купцовъ и добрый вѣнецъ робкихъ, продаваемый по дорогой цѣнѣ и покупаемый бѣдными, оплачиваемый тремя оболами—вѣрою, надеждою и любовью, и обитающій въ сердцахъ смиренныхъ, зерно горчичное и Владыка ангеловъ, невоздѣланная Лоза всеславной Маріи и непостижимое Слово всеплодной Мудрости, разрѣшившій на землѣ горечь смерти и украсившій небо блескомъ брачнаго чертога, бренное тѣло наше на Себя воспріявшій и неувядаемое дыханіе цвѣтка намъ даровавшій съ Собою! Вотъ плоды Твоей мудрости, вотъ услажденіе Твоего поста, вотъ украшеніе Твоего цѣломудрія, вотъ утвержденіе Твоей Церкви! Такъ обыкновенно питаешь Ты народъ Свой, Іисусе, не какъ отсутствующій, но какъ присутствующій, потому что и съ Отцомъ пребывая, Ты насъ не оставляешь, и съ нами обитая, отъ Отца не разлучаешься. Водою Ты омылъ наши тѣла и дуновеніемъ очистилъ наши скверны; солью благочестія Ты приготовилъ души овецъ Твоихъ и привлекъ насъ въ паству ангеловъ Твоихъ; печатью Ты укрѣпилъ наши ноги и возводишь насъ отъ земли до неба по лѣстницѣ вѣры, поставивъ ангеловъ поддерживать насъ; древо (райское) Ты замѣнилъ древомъ (крестнымъ) и вмѣсто ребра подставилъ ребро; руки на воздухъ Ты распростеръ и Себя въ искупленіе за насъ предалъ Отцу и глубокую тишину устроилъ на смѣну бурѣ. Потому-то и ночью, и днемъ, и молча, и вслухъ возсылаемъ Тебѣ славу, въ Тебѣ имѣя надежды жизни, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

III. Его же, слово увѣщательное о воздержаніи.

Когда занимающіеся какими-либо науками обнаруживаютъ 17
любовь къ занятіямъ, при наличности побужденій со стороны наставника, то такое усердіе дѣтей приписывается обыкновенно внушаемому учителемъ страху; но если и въ отсутствіе учителя дѣти не оставляютъ заботы объ ученьи, то, очевидно, трудолюбіе ихъ происходитъ отъ искренняго расположенія. И мы являемся слушателями уроковъ поста. Но когда мы проявляемъ должное къ нему уваженіе при его наличности, то усердіе наше какъ будто внушается намъ со стороны; а теперь, когда постъ миновалъ, всякій, кто воздерживается отъ пресыщенія, заслуживаетъ похвалы въ мѣру своего искренняго расположенія, какъ преданный воздержанію безъ принужденія, какъ умѣренный отъ души, какъ умѣющій соблюдать блага, пріобрѣтенныя предшествующими трудами. Впадающій въ неумѣренность относительно пищи не цѣнитъ того, что онъ собралъ постясь, не знаетъ, какія богатства онъ пріобрѣлъ, но какъ не имѣющій ничего внутри себя, какъ не скопившій въ себѣ никакихъ сокровищъ, отдается неумѣренности въ пищѣ, не ставитъ преградъ своимъ желаніямъ, не ограждаетъ себя дверьми умѣренности. И нѣтъ ничего въ этомъ удивительнаго. Дѣйствительно, всякій, съ кѣмъ случается подобное, не заботится о дверяхъ и запорахъ, не безпокоится тревожными мыслями, спитъ беззаботно, такъ какъ у него нѣтъ ничего соблазнительнаго для воровъ и ограбить его нельзя. У тѣхъ, кто имѣетъ богатый домъ, конечно, должна быть забота о собранныхъ сокровищахъ, должны быть привратники, охраняющіе входъ. Обогатились и мы постомъ, и признаки этого богатства на лицо: мы подчинили себѣ удовольствія, пріобрѣли господство надъ чревомъ, которому прежде служили, испытали безтѣлесную жизнь, создали себѣ новый домъ воздержанія, которому доселѣ было положено только основаніе. Но необходимо закрѣпить достигнутое нами, необходимо потрудиться надъ его завершеніемъ. Пьянство же, конечно, служитъ къ ослабленію, а не къ укрѣпленію, къ колебанію, а не къ утвержденію основанія. Никто не колеблетъ основанія, которое сложено умѣло, никто не оставляетъ безъ охраны богатой сокровищницы. Душа постящагося—какъ бы кладовая какого-нибудь извѣстнаго богача и нуждается въ бдительной охранѣ, чтобы не подвергнуться грабежу; вѣдь и душа можетъ быть ограблена какъ домъ. У Давида домъ души его былъ 18
полонъ богатства, но онъ былъ ограбленъ какъ хищникомъ удовольствіемъ, потому что оставилъ доступъ къ душѣ открытымъ

и не оградилъ ея затворами умѣренности. Въ чемъ же онъ пренебрегъ умѣренностью? Въ томъ, что давалъ много покоя тѣлу. *И бысть при вечерѣ*,—именно такъ говоритъ (книга Царствъ),—*воста Давидъ отъ ложа своего, и хождаше на кровѣ дому царскаго* (2 Цар. xi, 2). Вечеромъ уже — онъ возсталъ отъ сна и гулялъ; сонъ и послѣ сна гулянье обличаютъ въ немъ человѣка предавшагося распущенности: широкій просторъ чревоугодію. Какой же вредъ получился для него отсюда? *И увидѣ жену съ крова мыющуюся: жена же взоромъ добра велми.* И пославъ за ней, обезчестилъ ее. Въ томъ, что онъ видѣлъ, вины еще не было: никто не сталъ бы обвинять глаза за то, что они видятъ видимое. Но невинная сама по себѣ вещь послужила для Давида поводомъ ко грѣху, потому что, увидѣвъ женскую фигуру, онъ не поспѣшилъ отвести взоръ отъ нея, но какъ будто пригвожденъ былъ къ ея красотѣ: онъ не отрывалъ глазъ отъ тѣла женщины, какъ бы омывалъ дѣвъ своими взорами, и уже не дѣвы были у него въ глазахъ, но блудницы. Столько зла приноситъ и простой взглядъ, если не обуздаешь его во время. Такъ и нынѣ мы можемъ распоряжаться пищею по своему усмотрѣнію, какъ тогда Давидъ могъ управлять своимъ взглядомъ. Но при раженіе грѣха навлекаетъ отвѣтственность и на невиннаго. Какъ именно? Пусть тѣло довольствуетъ себя пищей: *достоинъ есть дѣлатель* пропитанія своего. Но пусть при нашемъ обѣдѣ присутствуетъ Павелъ и, если увидитъ кого-нибудь безчинствующимъ въ пищѣ, какъ врачъ остановитъ безчинника возгласомъ: *имѣюще пищу и одѣяніе, сими доволни будемъ* (1 Тим. vi, 8),—пищу, а не наслажденіе, пропитаніе, а не увлеченіе пьянствомъ. Наслажденіе нѣкогда привело израильтянъ къ языческой пляскѣ, а вино плѣнило ихъ умъ: *сѣдоша*, говоритъ (Писаніе), *людіе ясти и пити и восташа играти* (Исх. xxxii, 6). Итакъ, будемъ владѣть собой въ удовлетвореніи своихъ потребностей; пища пусть служитъ намъ для поддержанія тѣла; нуждаясь въ отдыхѣ, будемъ избѣгать отягощенія пресыщеніемъ, будемъ умѣренны въ пищѣ; уклонимся отъ постыднаго пьянства и избѣгнемъ опасности; послѣдуемъ увѣщанію Павла: *не упивайтеся виномъ, въ немже есть блудъ, но паче исполняйтеся Духомъ Святымъ* (Еф. v, 18). Ему слава во вѣки. Аминь.

IV. Его же, о томъ, что тяжко презирать человѣколюбіе Божіе. Сказано по прочтеніи притчи о десяти талантахъ. И противъ іудеевъ, по случаю землетрясенія.

Щедрость Владычняго человѣколюбія, о которой вы нынѣ 17
слышали, даровала грѣшникамъ великое—до десяти тысячъ талантовъ грѣховъ—отпущеніе долговъ. Но многіе часто, погрѣшая противъ Владычней благости и дурно пользуясь ея дарами, обращають для себя это богатство человѣколюбія въ источникъ наказанія. Между тѣмъ, Богъ не въ силу какой-то расточительности въ милостяхъ и не подъ вліяніемъ болѣзненнаго разстройства щедрости проявляетъ богатство своего человѣколюбія, но чтобы пристыдить людей обиліемъ своихъ даровъ; когда же Онъ видитъ, что всѣ изліянія Его человѣколюбія напрасны, Онъ заклю- 18
чаетъ источники благъ, удерживаетъ потоки человѣколюбія, перестаетъ благодѣтельствовать. Сколько благъ нѣкогда какъ бы дождемъ излилъ Онъ на народъ іудейскій, но когда увидѣлъ, что они безсильны дать плоды благодарности, какъ бы пресытившись ихъ неблагодарностью, Онъ восклицалъ: *бысте Ми въ сытость* (Иса. I, 14)! Мое человѣколюбіе по отношенію къ вамъ наконецъ истощилось, говоритъ Онъ; Я усталъ вамъ благодѣтельствовать: *бысте Ми въ сытость!* Вполнѣ понятно, что насталъ конецъ долготерпѣнію Божію къ іудеямъ: всѣ способы къ ихъ исправленію оказались недѣйствительными...

V. Его же, о кровоточивой, изъ евангелія отъ Луки.

Однимъ одни, другимъ другія богатства распредѣляетъ 17
жизнь, предоставляя каждому то, что ему нужно и полезно. Намъ же Богъ удѣлилъ одно богатство Духа, умножаемое вѣрою и имѣющее величайшую цѣнность, по написанному: *единъ и тойжде Духъ, раздѣляя властію коемуждо якоже хощетъ* (1 Кор. XII, 11). Одна лишь вѣра пребываетъ съ имѣющими ее; она не обманываетъ обладающаго ею, не измѣняетъ пріобрѣтшему ее, не похищается ворами, недоступна для грабителей, не требуетъ печатей, не нуждается въ охранѣ: ее охраняетъ Богъ, ради нея доставляющій всѣмъ все съ готовностью. Ее желаютъ имѣть цари, но имѣютъ простецы, домогаются вельможи, но она сама приходитъ къ бѣднымъ и лобызаетъ смиренныхъ, приходитъ къ слабымъ и, укрѣпляя ихъ, руководитъ ими, безвозмездно даруя исцѣленія.

Итакъ, когда ты видишь, возлюбленный, что Христосъ нисхо-
18 дитъ съ горы и опять восходитъ на гору, приближается къ озеру,
переплываетъ море, идетъ чрезъ поля, города и деревни, вмѣстѣ
съ Его земнымъ хожденіемъ вспоминай и Его небесное пребы-
ваніе: не забывай сидѣнія на херувимахъ, не оставляй безъ вни-
манія божественнаго ради человѣческаго, не предавай забвенію
неба, не запамятывай, что Слово сдѣлалось плотью, какъ восхо-
тѣло. Да, Слово стало плотью: какъ плоть, Оно ходитъ, какъ
Слово пребываетъ; какъ плоть восходитъ на гору, какъ Слово
возсѣдаетъ на херувимахъ; какъ плоть испытываетъ ради меня
свойственное мнѣ, какъ Слово безъ труда творитъ дѣла Отца
Своего, претворивъ воду (въ вино) въ Канѣ; Оно отверзаетъ
двери свѣта, бреніемъ и перстомъ возсоздавъ зрѣніе. Онъ ска-
залъ прокаженному: *хощу, очистись* (Мѳ. VIII, 3 и IX, 6), и по
слову Его болѣзни не стало. Встань, говоритъ Онъ разслаблен-
ному, и слово Его послужило тому вмѣсто ногъ, и вмѣстѣ съ
19 повелѣніемъ больной получилъ способность ходить. Пришелъ Онъ
въ домъ Іаира, и печаль тотчасъ смѣнилась радостью. Вотъ и
сегодня, окруженный толпою народа, Онъ испускаетъ свѣтъ изъ
края одежды и въ потокѣ вѣры останавливаетъ теченіе (крови).
Что именно повѣдалъ намъ сегодня евангелистъ, свидѣтельствуя
о многоразличной пользѣ вѣры? Былъ, говоритъ онъ, нѣкій на-
чальникъ синагоги, ревнитель закона Моисеева и наставникъ на-
рода, по имени Іаиръ. Единственное утѣшеніе даровала ему при-
рода, единородную дочь, за которой ухаживала толпа слугъ, какъ
требовалъ того обычай отъ чадолюбиваго отца. Но, какъ оказы-
вается, невѣдомо для себя онъ воспитывалъ ее не въ наслѣд-
ницы себѣ, а для преждевременнаго погребенія. Какая-то тяжкая
болѣзнь, напавъ на нее, довела ее до смерти, а отца лишила
всѣхъ надеждъ, возлагавшихся на нее. Но не поколебалъ вѣры
отца этотъ ударъ: тотчасъ идетъ Іаиръ къ Спасителю и проситъ
Его прибыть въ домъ его. Господь съ готовностью спѣшитъ на
этотъ зовъ: *воставъ, по немъ иде* (Мѳ. IX, 19). Но смотри, вѣрный,
какое благочестивое насиліе предпринимается женщиной, какое
мудрое устроятся воровство, какое безопасное хищеніе замы-
шляется слабымъ созданіемъ. Такъ какъ (Спаситель) спѣшилъ
(на зовъ Іаира), то и путь этотъ Ему предстояло совершить по-
скорѣе. И вотъ въ это-то время *жена кровоточива дванадесяте лѣтъ*,
разсказываетъ (евангелистъ), *приступльши созади, прикоснуся вос-
крилію ризы Его. Глаголаше бо въ себѣ: аще токмо прикоснуся ризѣ
Его, спасена буду* (Мѳ. IX, 20, 21). Этотъ врачъ, разсуждала Она,
пришелъ съ неба: Онъ не предписываетъ дорогихъ лѣкарствъ,
не рѣжетъ (тѣла) ножемъ, не причиняетъ боли. Онъ понимаетъ

природу женщины, потому что родился отъ Дѣвы-Матери, какъ самъ благоволилъ; Онъ не гнушается тайныхъ недуговъ, потому что вѣдаетъ всѣ тайны. Я—женщина, и подвержена недугу постыдному и скрытному; я страдаю постояннымъ теченіемъ кровей и неудержимымъ токомъ нечистыхъ выдѣленій. И вотъ къ такому именно источнику, каковъ Онъ, нужно мнѣ прибѣгнуть, чтобы безъ огласки получить исцѣленіе моего постыднаго недуга: вѣдь законъ съ такой болѣзнью и приближаться къ кому-либо не позволяетъ. Люди сторонятся отъ меня, несчастной, какъ отъ нечистой заразы, но этотъ Врачъ, какъ Создатель природы, изъ ребра создавшій (жену), не откажется, можетъ быть, исправить недостатокъ. Стоитъ повелѣть Ему одно слово — и мой недугъ прекратится. Возмутится Онъ духомъ—и адъ отдаетъ Ему своихъ мертвецовъ; немногими хлѣбами насыщаетъ Онъ тысячи; омывается слезами—и источаетъ отпущеніе (грѣховъ). Но кто рѣшится предпринять то (чтò я задумала), развѣ только одна свободная отъ всякаго сомнѣнія вѣра? Итакъ, ввѣривъ душу ея руководству, незамѣтно приближусь къ нему и молчаливымъ прикосновеніемъ похищу исцѣленіе. Вѣдь если и въ тайнѣ останется сдѣланное мною, пользу я все же получу, потому что я знаю, что буду исцѣлена. А если не удастся мнѣ остаться незамѣченной и я буду обнаружена, не обвинятъ же меня за то, что я ради исцѣленія рѣшилась на такую дерзость, и не лишатъ того, что уже похитила вѣра. Вѣдь нераскаянны, какъ Божіи, всѣ дарованія вѣры, и Тотъ, кто сказалъ морю: *молчи, престани* (Марк. IV, 39), заключитъ и мой тайный источникъ. Итакъ, дерзай, вѣра, становись къ рулю и устремись въ волны этого моря народа, чтобы мое поврежденное тѣлесное судно привести въ желанную тихую пристань. Одна капля Его помощи безъ труда можетъ остановить потокъ моей крови. Разсудивши такъ сама съ собою, она смѣло отваживается на крайне смѣлое дѣло, и ни времени не боится, ни бѣдностью не останавливается, ни множества народа не считаетъ, но все это преодолѣвши вѣрою или—лучше сказать—при помощи вѣры, она незамѣтно прикасается къ одеждѣ Владыки и благовременно похищаетъ нужное ей исцѣленіе, увѣровавъ, что соединеніе съ Нимъ положитъ конецъ ея страданіямъ. Такъ и случилось: тотчасъ исцѣлена была отъ
недуга своего. Двѣнадцать лѣтъ, день за днемъ, годъ за годомъ, 20
въ изнурительномъ недугѣ влачила она свою жизнь, все время истекая кровью, но все еще не умирая. Первый годъ—пришлось ей испытывать страданія и боли, пошелъ второй годъ — и тайна этой несчастной начала шумѣть по городу; наступилъ третій годъ—и она начала испытывать сведеніе жилъ и мускуловъ;

насталъ четвертый годъ—и кровь била изъ нея ключемъ; пятый годъ—и отовсюду стекались врачи, обнажая члены, недоступные взорамъ мужчинъ; исполнился шестой годъ—а ея положеніе становилось все болѣе ужаснымъ; седьмой годъ — и несмотря на громадныя издержки потокъ кровей ея продолжалъ литься неудержимо; свершился восьмой годъ—и врачевавшіе ее признали свое безсиліе; протекъ девятый годъ—и они удалились, покидая ее въ жертву полному отчаянію; приблизился десятый годъ—и у женщины не оставалось больше ни денегъ, ни здоровья; одиннадцатый годъ—и никто не являлся на помощь страдалицѣ; насчитывался двѣнадцатый годъ—и вотъ въ послѣдній часъ явился Врачъ душъ, исцѣляющій прикосновеніемъ, словомъ и вѣрою. Встрѣтивъ Его и исполнившись вѣры въ возможность исцѣленія, она получила то, что желала, но пришла въ трепетъ, узнавъ, что остаться незамѣченной ей не удалось. Въ самомъ дѣлѣ, что сказалъ Спаситель? *Кто есть коснувыйся Мене? Азъ бо чухъ силу, изшедшую изъ Мене* (Лук. VIII, 45, 46). Не спросилъ: какая это женщина коснулась Меня?—чтобы окружающіе не сочли этого вопроса о женщинѣ не касающимся ихъ, но спросилъ: *кто есть коснувыйся Мене?*—неопредѣленностью вопроса давая поводъ каждому изъ слушателей подумать, что подобная попытка была сдѣлана мужчиной. *Кто есть коснувыйся Мене? Азъ бо чухъ силу, изшедшую изъ Мене.* Что означаютъ Твои слова, Владыка? Вѣдь Ты для того и пришелъ, чтобы Твое расхищалось? Вѣдь Ты самъ добровольно предложилъ, чтобы царство Твое „восхищалось“ вѣрными? Какъ же спрашиваешь о томъ, что самъ знаешь, какъ ищешь того, что Тебѣ и такъ извѣстно? Если противъ Твоей воли похищена у Тебя исшедшая изъ Тебя сила, то Ты долженъ былъ удержать ее; если же воровство совершилось съ Твоего согласія, то чѣмъ Ты еще недоволенъ, давъ то, что домогается получить отъ Тебя вѣра? Ты даровалъ (исцѣленіе) безъ просьбы и, даровавъ уже, допрашиваешь? Ты исцѣлилъ невидимо, и послѣ исцѣленія требуешь къ отвѣту? Нѣтъ, говоритъ: Я знаю ту, которая Меня обокрала, отъ Меня не утаилась эта невинная хищница, но Я хочу ее обнаружить предъ всѣми, чтобы она явилась вѣстницей совершившагося надъ нею благодѣянія. Я охотно подвергся такому съ ея стороны воровству, а теперь желаю о дарованномъ ей засвидѣтельствовать предъ всѣми: *дерзай, дщи, вѣра твоя спасе тя* (Мѳ. IX, 22). Пользуйся тѣмъ, что ты такъ искусно украла; возьми то, что ты незамѣтно похитила; владѣй безспорно тѣмъ, что доставила тебѣ вѣра. Сегодня ты именуешься вмѣсто рабы дочерью, вмѣсто оскверненной—помазанной: *буди цѣла отъ раны твоея* (Марк. V, 34). Видишь, возлю-

бленный, какова сила вѣры, какое чудо совершила она въ одно мгновеніе, ободряя ту, которая въ молчаніи трепетала отъ страха, и ублаготворяя Врача? Такъ Церковь, избранная изъ язычниковъ, поревновавъ этой кровоточивой женщинѣ, и вѣрою приблизившись къ Владыкѣ въ молчаніи, прекратила нечистый токъ законныхъ кровей и, получивъ наименованіе дочери, сдѣлалась матерью многихъ, по древнему свидѣтельству: *яко многа чада пустыя паче нежели имущія мужа* (Иса. LIV, 1). (Подъ имѣющей мужа) разумѣю здѣсь синагогу, для которой былъ мужемъ законъ, начальникъ синагоги, сегодня призывавшій Владыку возвратить ему скончавшуюся дочь. Но относительно совершеннаго надъ нею чуда я остаюсь — за истеченіемъ (положеннаго) времени—должникомъ предъ вами, представляя въ томъ порукой самого Раздаятеля богатствъ, Которому слава подобаетъ во вѣки вѣковъ. Аминь.

VI. Его же, о томъ, что настоящая жизнь уподобляется морю, и о томъ, какъ Іисусъ взошелъ съ учениками Своими въ корабль и заснулъ (Лук. VIII, 22, 23; Мѳ. VIII, 23).

Мореплаватели, когда ихъ плаванію благопріятствуетъ по- 19
путный вѣтеръ, съ веселыми лицами, ревниво слѣдятъ за состояніемъ моря; когда же установившееся на морѣ безвѣтріе освобождаетъ ихъ (отъ трудовъ) и позволяетъ однимъ предаваться сну, а другимъ замѣнять себя у корабельнаго руля дѣтьми, (случается, что), когда кормчій предастся такой безпечности, а моряки, благодаря хорошей погодѣ, совершенно забросятъ свою работу, вдругъ внезапно разразится жестокая буря, неожиданно
налетаютъ вѣтры, море начинаетъ грозно бушевать и корабль съ 20
трудомъ борется съ волнами, а корабельныя снасти, укрѣпленныя на мачтахъ, со свистомъ и стономъ треплются сильными порывами вѣтра, тогда именно, возлюбленные, люди на кораблѣ испускаютъ ужасные и жалостные крики, ожидая неминуемой смерти на днѣ морскомъ. И при этомъ, конечно, удручаетъ мо-
ряковъ объявшее ихъ совнѣ волненіе, но еще болѣе стенанія, раз- 21
дающіяся на самомъ суднѣ, потрясаютъ ихъ до такой степени, что трепещущій отъ страха кормчій лишается способности управлять судномъ, а всѣ вообще теряютъ всякую надежду на сохраненіе жизни. Нѣчто подобное случилось съ учениками Господа,—приглашаю васъ перенестись мыслью къ евангелію. *Влѣзе*

Іисусъ *въ корабль и ученицы Его* (Лук. VIII, 22). Отправились они въ путь. И пока среди нихъ бодрствовалъ Владыка Христосъ, никакой противный вѣтеръ ихъ не задерживалъ, море разстилалось предъ ними какъ суша и ни малѣйшее волненіе не безпокоило христоноснаго корабля; когда же по устроенію Промысла Іисусъ заснулъ на суднѣ,—по Своей тѣлесной природѣ, а не по божественному, конечно, достоинству, потому что сонъ не смежаетъ очей Божества,—тогда вѣтры, усмотрѣвши, что ихъ Владыка и Распорядитель погрузился въ сонъ, какъ бы кони, вырвавшіеся изъ рукъ соннаго возницы, стремительнымъ натискомъ подняли противъ апостольской ладьи бурныя волны. Среди разразившагося волненія, грозившаго неизбѣжной смертью, когда море кипѣло и волны яростно рвались на ограничивающій ихъ прибрежный песокъ, ученики, увидѣвъ ужасную бурю, стали умолять славнаго заступника Христа. Что же они говорили? *Наставниче, спаси ны: погибаемъ* (Мѳ. VIII, 25; Лук. VIII, 24)! Господь спалъ въ суднѣ по устроенію Промысла, не невѣдая, что имѣло случиться, и не безсильнымъ будучи предотвратить бурю, но зная, что море сдѣлается бурнымъ, Онъ спалъ по двумъ причинамъ: во-первыхъ, чтобы во время бури обличить учениковъ въ недостаткѣ вѣры, и во-вторыхъ, чтобы явить имъ Свою божественную силу. И нужно было, возлюбленные, видѣть, какъ, по пробужденіи Спасителя отъ тѣлеснаго сна, все быстро пришло въ порядокъ: вѣтеръ скрылся въ свою пещеру, море уже не угрожало апостольскому судну, а волны преклонились (предъ Владыкой). Таково теченіе и нашей жизни: и здѣсь дѣла не остаются разъ навсегда неизмѣнными, но иногда господствуетъ миръ и нѣтъ недостатка въ пищѣ, иногда жизнь наша возмущается, подобно морю, то отъ набѣговъ варваровъ, то отъ козней тирановъ и сплетенія обстоятельствъ, то отъ многихъ другихъ потрясеній и переворотовъ. И разсказанное событіе съ апостольскимъ кораблемъ имѣетъ этотъ именно смыслъ, какъ и все вообще случавшееся съ Господомъ не лишено таинственнаго значенія. Море—это наша настоящая жизнь; судно—это каждый человѣкъ въ отдѣльности, въ которомъ въ качествѣ моряковъ и кормчаго дѣйствуютъ мысли и разумъ. И вотъ, если это судно, то есть человѣческая личность, обуреваемая въ этой жизни злобой діавола или враждебныхъ бѣсовъ, возбуждающихъ волненія похотей, забрасывающихъ присущій ей умъ соленой пѣной удовольствій, потрясающихъ управляющій его разумъ страстями и увлекающихъ ее въ бездну грѣха... (далѣе пропускъ). А что, дѣйствительно, каждый изъ людей, будучи снѣдаемъ огнемъ различныхъ удовольствій, погружается въ бездну грѣха, въ этомъ мои

слова подтверждаетъ пророкъ Давидъ. Именно, когда онъ потерпѣлъ крушеніе относительно цѣломудрія, онъ восклицалъ такъ: *пріидохъ во глубины морскія, и буря потопи мя* (Пс. LXVIII, 3). Въ исторіи Давида мы не найдемъ ничего соотвѣтствующаго этимъ словамъ: въ самомъ дѣлѣ, когда Давидъ плавалъ, или на какомъ морѣ онъ подвергся потопленію? Конечно, нигдѣ. Что же 22
иное означаютъ эти его слова, какъ не то, что плавая въ этой жизни, какъ бы въ морѣ, обуреваемый волнами удовольствій и отрѣшившись отъ внушеній разума, онъ поддался стремительному порыву страсти и, устранивъ мужа, потерпѣлъ крушеніе цѣломудрія съ женою Уріи? Вотъ почему онъ и говорилъ: *пріидохъ во глубины морскія, и буря потопи мя.* Затѣмъ, покаявшись и какъ бы вынырнувъ изъ глубины грѣха, опять овладѣвъ кормиломъ цѣломудрія и управивъ свою дальнѣйшую жизнь въ цѣломудріи, онъ молился Богу: *да не паки потопитъ мя буря водная, ниже да пожретъ мене глубина* (ст. 16). Нѣчто подобное говоритъ и апостолъ, таинственно изображая въ своемъ лицѣ человѣчество: *трикраты* я терпѣлъ кораблекрушеніе. Въ самомъ дѣлѣ, что это значитъ: *трикраты* я терпѣлъ кораблекрушеніе, *нощь и день во глубинѣ сотворихъ* (2 Кор. XI, 25)? Дѣйствительно, трижды потерпѣло кораблекрушеніе человѣчество,—именно первый разъ въ раю чрезъ грѣхопаденіе, вторично въ потопѣ Ноевомъ, и въ третій разъ, когда по дарованіи закона народъ впалъ въ идолослуженіе,—пока наконецъ пришелъ Кормчій душъ нашихъ—Христосъ, утвердилъ древо крестное посреди земли и устроилъ для насъ безбурное плаваніе въ небесный градъ. *День и нощь во глубинѣ сотворихъ.* Подъ ночью разумѣетъ (апостолъ) пребываніе человѣчества до пришествія Спасителя во тьмѣ заблужденій, днемъ же называетъ жизнь послѣ явленія Спасителя по просвѣщеніи крещеніемъ. Такимъ образомъ, когда все человѣчество, какъ мы сказали, бѣдствовало въ воздвигнутой злобой діавола бурѣ, Слово Божіе, усмотрѣвъ это, нисходитъ въ эту жизнь и входитъ внутрь корабля—въ Дѣву Марію: Его образъ мы находимъ сбывшимся на пророкѣ Іонѣ. Въ самомъ дѣлѣ, Іона посылается въ Ниневію, Христосъ приходитъ въ эту жизнь; Іона восходитъ на корабль и спитъ внутри судна, и Слово Божіе въ теченіе девяти мѣсяцевъ въ утробѣ Дѣвы Маріи почти спало, соблюдая молчаніе для людей. Тогда-то въ особенности возстала буря діавольской злобы, какъ это было и съ Іоной; но когда Іона былъ выброшенъ въ море, то есть, когда Іисусъ изъ утробы Дѣвы произошелъ въ эту жизнь,—тогда всѣ противные вѣтры утихли, и до тѣхъ поръ, пока не увлекъ Его китъ въ адъ, много знаменій и чудесъ явилъ (Господь), совершая плаваніе въ этой

жизни. Іона вошелъ въ кита, и Тотъ снизошелъ въ адъ: три дня и три ночи провелъ Онъ въ аду, точно такъ же, какъ Іона (во чревѣ кита). Извергается Іона изъ чрева китова въ Ниневію, и Христосъ возстаетъ изъ мертвыхъ и приходитъ въ этотъ міръ, проповѣдуя покаяніе. Каются какъ ниневитяне, такъ и граждане этого міра; постятся три дня и спасаются многія тысячи, какъ и въ Ниневіи (спаслось) сто двадцать тысячъ людей и множество скота. А послѣ того какъ Господь проповѣдалъ въ этомъ мірѣ покаяніе и вѣру, спасается двѣнадцать колѣнъ израилевыхъ. Вѣдь когда *исполненіе языковъ внидетъ*, тогда *и весь Израиль спасется* (Рим. xi, 25). А что Іона былъ образомъ Христа, объ этомъ самъ Господь говоритъ въ евангеліи: *якоже бо бѣ Іона во чревѣ китовѣ три дни и три нощи, тако будетъ и Сынъ Человѣческій въ сердцы земли три дни и три нощи* (Мѳ. xii, 40). Ему слава и держава во вѣки вѣковъ. Аминь.

VII. Его же, на слова: подобно есть царствіе небесное зерну горушичну (Мѳ. xiii, 31).

21 Что величественнѣе царства небеснаго и что незначительнѣе
зерна горчичнаго? Какъ же безграничное царство небесное уподобляется здѣсь ограниченному и ничтожному зерну горчичному? Но если мы поглубже вникнемъ, что такое царство небесное и что такое горчичное зерно, то увидимъ, какъ прекрасно и вполнѣ естественно было уподобить ихъ одно другому. Что такое царство небесное, какъ не Христосъ? Развѣ не говорилъ Онъ о самомъ Себѣ: *се царствіе Божіе внутрь васъ есть* (Лук. xvii, 21)?
22 Что же больше Христа по божеству? Вотъ какъ изображаетъ
пророкъ Его величіе: *сей Богъ нашъ, не вмѣнится инъ къ нему. Изобрѣте всякъ путь хитрости, и даде ю Іакову отроку своему и Израилю возлюбленному отъ Него.. Посемъ на земли явися и съ человѣки поживе* (Варух. iii, 36—38). Говоритъ о Немъ и Исаія въ подобныхъ же выраженіяхъ. Какъ именно говоритъ онъ? *Утрудися Египетъ, и купли Еѳіопскія, и Саваимстіи мужы высоцыи къ*
23 *тебѣ прейдутъ, и тебѣ будутъ раби, и въ слѣдъ тебѣ пойдутъ связани узами ручными, и поклонятся тебѣ, яко въ тебѣ* Господь *Богъ есть, и нѣсть Бога развѣ Тебе. Ты бо еси Богъ, и не вѣдѣхомъ, Богъ Израилевъ Спасъ* (Иса. xlv, 14, 15). Такой же точно смыслъ имѣютъ и слова блаженнаго Петра: *братіе, нѣсть бо иного имене подъ небесемъ*, говоритъ онъ, *даннаго въ человѣцѣхъ, о немже подобаетъ спастися намъ* (Дѣян. iv, 12). Что же незначительнѣе Христа въ

таинствѣ воплощенія? Вотъ какъ, наприм., Давидъ говоритъ о томъ, что Онъ былъ ниже ангеловъ: *что есть человѣкъ, яко помниши его, или сынъ человѣчь, яко посѣщаеши его? Умалилъ еси его малымъ чимъ отъ ангелъ* (Пс. VIII, 5, 6). А что эти слова Давида относятся ко Христу, это поясняетъ Павелъ, говоря: *а умаленнаго малымъ чимъ отъ ангелъ видимъ Іисуса, за пріятіе смерти* (Евр. II, 9). Точно также и сравнительно съ людьми Онъ казался ничтожнымъ. Въ самомъ дѣлѣ, что говоритъ Исаія? *Видѣхомъ его и не имяше вида, ни доброты, но видъ его безчестенъ, умаленъ паче всѣхъ сыновъ человѣческихъ* (Иса. LIII, 2, 3). Потому-то и самъ Онъ примѣнилъ къ Себѣ названіе червя. Гдѣ же это? *Азъ есмь червь, а не человѣкъ* (Пс. XXI, 7). А въ книгѣ Исаіи Отецъ именуетъ Его такъ: *не бойся червь Іакове* (Иса. XLI, 14) *). Затѣмъ, имѣя въ виду Его славную кончину, (тотъ же пророкъ) говорилъ: *и покровъ твой червь* (Иса. XIV, 11). Да и необходимо было, конечно, чтобы Онъ, какъ мудрый рыболовъ, блестящую подобно молніи удочку божества Своего прикрылъ (въ качествѣ приманки) червякомъ плоти и, закинувъ въ глубину этой жизни, уловилъ такимъ образомъ змія, чтобы въ дѣйствительности исполнилось написанное въ книгѣ Іова: *извлечеши ли змія удицею* (Іов. XL, 20)? *Подобно есть царствіе небесное зерну горушичну.* Но кто-нибудь изъ слушателей скажетъ: какъ это одно и то же является и царствомъ небеснымъ и зерномъ горчичнымъ, и великимъ, и малымъ—въ въ одно и то же время? По безмѣрной любви къ своему созданію Онъ бываетъ для всѣхъ всѣмъ, чтобы спасти всѣхъ. Онъ былъ Богомъ, какъ конечно и есть, и будетъ по Своей природѣ, и дѣлается человѣкомъ ради нашего спасенія. *О, глубина богатства и премудрости и разума Божія! яко неиспытани судове Его и неизслѣдовани путіе Его* (Рим. XI, 33). О, Зерно, чрезъ которое міръ сотворенъ, которымъ тьма разсѣяна и Церковь возсоздана! Это Зерно, вися на крестѣ, такою возобладало силою, что, будучи само въ узахъ, единымъ словомъ разбойника подъяло съ древа (крестнаго) и ввело въ рай сладости; это Зерно, пронзенное копіемъ въ ребро, источило жаждущимъ питье безсмертія; это Зерно горчичное, снятое съ древа и положенное въ саду, всю поднебесную осѣнило своими вѣтвями; это Зерно горчичное, будучи положено въ саду, корни свои пустило въ адъ и оттуда извело души и на третій день привело ихъ на небо; это Зерно горчичное, будучи сокрушено на деревѣ, врага нашего змія поразило и помрачило и, пробудивъ отъ сна адъ, принудило его вернуться въ то мѣсто, которое ему отведено.

*) Въ слав. Библіи: *не бойся Іакове, малый Израилю.*

Итакъ, *подобно есть царствіе небесное зерну горушичну, еже вземъ человѣкъ всѣя на селѣ своемъ.* Посѣй это горчичное зерно въ саду души твоей, чтобы и ты могъ говорить потомъ: *востани сѣвере, и гряди юже, и повѣй въ вертоградѣ моемъ, и да потекутъ ароматы моя* (Пѣсн. П., IV, 16). Если будетъ посѣяно это горчичное сѣмя въ саду души твоей, скажетъ и тебѣ пророкъ: *и будетъ яко вертоградъ напоенный, и яко источникъ, емуже не оскудѣ вода* (Иса. LVIII, 11); если будетъ это горчичное сѣмя въ саду души твоей и ты усвоишь себѣ его благоуханіе, сказано будетъ и тебѣ: *благовоніе ризъ твоихъ, яко благоуханіе ливана*, т. е., запахъ тѣла твоего какъ благовонный ладонъ. *Вертоградъ заключенъ, источникъ запечатлѣнъ, лѣторасли твоя* (Пѣсн. П. IV, 12, 13). Это зерно горчичное, стертое на древѣ (крестномъ) и употребленное всеискусной и безсмертной Премудростью въ качествѣ закваски, будучи вложено въ *три мѣры муки*, подъ которыми нужно разумѣть душу, тѣло и духъ, единою вѣрою заквасило все человѣчество. Образъ этого таинства собственными руками начертали Авраамъ и жена его Сарра, жившіе въ палаткѣ подъ дубомъ Мамврійскимъ. Здѣсь намъ приходится нѣсколько нарушить теченіе своей рѣчи: что изображаетъ Авраамъ, что изображаетъ Сарра, что дубъ, что
24 палатка, что испеченные въ золѣ хлѣбы, почему тамъ три мѣры семидала и здѣсь три мѣры муки, — все это необходимо выяснить подробно. Кого бы могъ изображать Авраамъ? Имя его въ переводѣ значитъ: избранный отецъ множества. Кто же можетъ быть избраннымъ отцомъ, какъ не Богъ, о Которомъ *во всю землю изыде вѣщаніе* Его *и въ концы вселенныя глаголы* Его (Рим. X, 18). Кого изображаетъ Сарра? Въ переводѣ это имя значитъ—начальствующая и предводительствующая. Къ кому же другому можно бы было приложить эти наименованія кромѣ Премудрости Отчей? Далѣе, что такое палатка подъ дубомъ Мамврійскимъ? Очевидно,—
25 Церковь, осѣняемая крестомъ. Дубу именно уподобляется крестъ въ виду мощности и крѣпости этого дерева. Что означаютъ три мѣры семидала? Ясно, что подъ ними нужно разумѣть, какъ я уже сказалъ выше, человѣческую природу, состоящую изъ души, духа и тѣла. Именно такъ научилъ насъ апостолъ, говоря: Богъ да сохранитъ ваше тѣло и душу и духъ *). Итакъ, Премудрость Божія—Сарра, предводительница или начальница, беретъ тѣло, душу и духъ, подвергаетъ ихъ дѣйствію огня, т. е. озаряетъ неугасимымъ свѣтомъ Божества, и приготовляетъ три печеные хлѣба, т. е. въ природу нашу внѣдряетъ исповѣданіе

*) *Богъ мира да освятитъ васъ всесовершенныхъ (во всемъ), и всесовершенъ вашъ духъ и душа и тѣло непорочно да сохранится* (1 Сол. V, 23).

Отца, Сына и Св. Духа. Весьма соотвѣтствуетъ этому, возлюбленные, прочитанное вамъ сегодня Евангеліе. Зерно горчичное—и закваска; закваска обращается въ хлѣбы, зерно развивается въ зелень, хлѣбъ же и зелень—это принадлежности поста, въ которомъ Господь Іисусъ неуклонно да наставляетъ насъ, свершающихъ нынѣ теченіе поста. *Подобно есть царствіе небесное зерну горушичну.* Смыслъ этого сравненія мы можемъ уразумѣть не иначе, какъ уяснивши себѣ сначала существо, цвѣтъ и в личину (горчичнаго зерна). Зерно горчицы по величинѣ незначительно, будучи же посѣяно, оно своимъ развитіемъ превосходитъ ростъ всѣхъ другихъ огородныхъ растеній,—и по высотѣ, и по силѣ развѣтвленія вѣтвей, и по обилію листьевъ,—такъ что даетъ тѣнь, и птицы летающія могутъ садиться и отдыхать на его вѣтвяхъ. На вкусъ оно очень пріятно, обладаетъ свойствомъ согрѣвать и и имѣетъ цѣлебную силу при пріемѣ внутрь. Ни птицы, ни кто-либо другой не употребляютъ его въ пищу, кромѣ человѣка. Снаружи оно красно, внутри же оказывается бѣлымъ. Таковы свойства этого растенія и особенности сѣмени. Теперь, если мы вникнемъ въ этотъ предметъ со всею тщательностью, мы найдемъ, что притчу эту можно примѣнить къ самому Спасителю. Вѣдь и Онъ былъ ничтоженъ на видъ; и Онъ—недолговѣченъ въ мірѣ (нашемъ) и великъ на небѣ; Онъ—и Сынъ человѣческій, и Богъ, Сынъ Божій; Онъ—неисчетный, вѣчный; Онъ—невидимый, небесный, доступный вкушенію однихъ лишь вѣрныхъ; Онъ былъ сокрушенъ и по страданіи сдѣлался бѣлымъ какъ молоко; Онъ величіемъ превосходитъ всякое другое растеніе; Онъ—неразлучное съ Отцемъ Слово; Онъ—Тотъ, на которомъ обитаютъ птицы небесныя, т. е. пророки, апостолы и всѣ избранные; Онъ Своею собственною теплотою очищаетъ страданія души, Онъ освѣжаетъ насъ (водою крещенія) и подъ Его сѣнью мы укрываемся отъ мірского зноя; Онъ по смерти своей былъ посѣянъ въ землю и, тамъ явивъ плодоносную силу, тридневно возставилъ святыхъ изъ гробовъ мертвыхъ; Онъ воскресеніемъ Своимъ показалъ себя больше всякаго пророка; Онъ спасаетъ всѣхъ силою Отчею; Онъ отъ земли процвѣлъ до небесъ; Онъ, будучи посѣянъ на собственномъ полѣ, въ мірѣ, вѣрующихъ въ Него приводитъ къ Отцу. О, сѣмя жизни, посѣянное Богомъ Отцемъ на землѣ! О, ростокъ безсмертія, питающихся отъ Тебя примиряющій съ Богомъ! О, дерево высокое, насажденное однимъ лишь Отцемъ! Это дерево произрасло изъ отчаго сердца; это растеніе въ небесахъ имѣетъ свой корень, но явившись въ мірѣ, служитъ пищею для людей. О, насажденіе, утвержденнее на землѣ и процвѣтшее до неба! О, сѣмя, малое по виду, но предъ Отцемъ—

большее чего бы то ни было! Это-то растеніе произрасло и для мертвыхъ въ аду; плодомъ Его явилось воскресеніе людей: Оно поразило смерть смертоносною стрѣлою; предъ Нимъ преклонились стѣны преисподней, согнувъ съ трудомъ сгибаемыя колѣна;
25 Его вѣтви осѣнили весь міръ; Оно обвѣвается Святымъ Духомъ; Оно не боится зноя; подъ этимъ растеніемъ радуйся и веселись
26 вмѣстѣ съ ангелами, прославляя Отца и Сына и Святаго Духа, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

VIII. Его же, на слова: аще кто во Христѣ, нова тварь: древняя мимоидоша, се быша вся нова (2 Кор. v, 17).

25 Сильное желаніе сѣять сѣмена является у земледѣльца, когда онъ увидитъ пашню очищенной и свободной какъ отъ сорныхъ травъ, вредныхъ для произрастанія посѣва, такъ и отъ камней, затрудняющихъ работу плуга. Подобное чувство въ сильнѣйшей степени испытывается тѣмъ, кто приступаетъ къ сѣянію слова, при видѣ слушателей въ полной готовности къ слушанію слова. Вотъ и я вижу пашню очищенной—и никакихъ слѣдовъ на ней сорной травы. Сорной травой здѣсь была бы забота о богатствѣ, заглушающая слово. Это говорю я не потому, что здѣсь нѣтъ богатыхъ, но чтобы показать, какимъ преимуществомъ располагаютъ бѣдные для слушанія слова. Дѣло вѣдь не въ одномъ проповѣдникѣ: необходимъ и разумный слушатель. Писаніе требуетъ того и другого — и мудраго учителя, и разумнаго слушателя, чтобы трудъ нашъ не оказался излишнимъ при равнодушіи слушателей. А забота (о богатствѣ) именно не допускаетъ слово проникнуть въ душу, но отвлекаетъ вниманіе слушателей. И вотъ теперь, когда я вижу васъ всѣхъ въ полной готовности къ слушанію,—тайныя мысли ваши мнѣ, конечно, неизвѣстны, но я наблюдаю глаза каждаго изъ васъ, вижу вѣки ваши поднятыми, подобно рогамъ, замѣчаю пристальные взоры ваши, свидѣтельствующіе о напряженіи вашего вниманія, и (заключаю отсюда, что) всѣ вы свободны отъ житейскихъ заботъ, что каждый изъ васъ того только ждетъ, о томъ только думаетъ, какъ бы уловить слово, — сосредоточьте все свое вниманіе, откройте нѣдра своей души, чтобы удобнѣе было бросать въ нее сѣмена. Я хочу надолго посвятить свой языкъ трапезѣ Павла: не перестану такъ называть его—этого простеца, невѣжду, безроднаго, дѣлателя палатокъ. Это мое преимущество, это моя похвала, что я имѣю такихъ учителей, блистающихъ не житей-

скими достоинствами, но совершенствомъ духовнымъ. Если спро-
ситъ меня эллинъ: „какого ты имѣешь учителя?“ я назову его—
дѣлателя палатокъ. А еще кого? Рыбака. А еще кого? Сборщика
податей. А затѣмъ кого? Волхвовъ и блудницу. И еще кого?
Разбойника. И я не только не стыжусь, но еще и хвалюсь этимъ.
Ты хвалишься тѣмъ, что у тебя учитель простой человѣкъ? И
даже очень. Почему же? Вѣдь если простота ученика показы-
ваетъ силу учителя, то простота учителя свидѣтельствуетъ о бо-
жественности ученія. Вѣдь если возвѣстили его люди, то открыли
его не люди; если посѣяли его люди, то не люди его породили.
Люди—лишь орудія, а художникъ—Богъ; они—цитра, струны
которой приводитъ въ движеніе Его крѣпкая рука. Поэтому и
пророкъ тотъ,—хотя будучи царемъ, облеченнымъ въ багряницу
и украшеннымъ вѣнцомъ, онъ, обращая рѣчь свою ко всей все-
ленной, отрѣшался отъ обычной житейской обстановки, но чтобы
кто не счелъ его словъ словами царя,—говорилъ: *отрыгну сердце
мое слово благо, глаголю азъ дѣла моя цареви. Языкъ мой трость
книжника скорописца* (Пс. XLIV, 2). Почему ты называешь языкъ
свой тростью? Чтобы ты зналъ, что это не я пишу, но владѣю-
щая мною рука. Вѣдь трость не сама отъ себя пишетъ, но то,
что угодно рукѣ, ею водящей. И языкъ мой—трость, управляетъ
же имъ Духъ Святый. Итакъ, когда спроситъ тебя эллинъ
(язычникъ): „кто твой учитель?“ не стыдись и не краснѣй, но
отвѣчай: „простой человѣкъ, дѣлатель палатокъ, стоящій на
рынкѣ, сшивающій кожи“. А твой учитель кто? Платонъ, Пиѳа-
горъ, не простые люди, а философы. Но если я говорю: твой
учитель—кто?—философъ; твой учитель—знатнаго рода; твой учи-
тель—богатый; твой учитель имѣетъ изощренный языкъ, оби-
ліемъ рѣчей превосходитъ рѣки, украшенъ почестями, имѣетъ
знаменитыхъ предковъ, всюду почитается; а мой учитель—по
своимъ качествамъ полная ему противоположность,—то яснымъ
становится—на чьей сторонѣ побѣда. Какъ это? Такъ, что про-
стецъ побѣдилъ философа, бѣднякъ богатаго, безъязычный
краснорѣчиваго, бичуемый не испытавшаго никакихъ страданій.
Рядъ противоположностей, увеличивающій блескъ побѣды. Мой 26
говоритъ неправильнымъ языкомъ, твой владѣетъ образцовой
рѣчью, но говорящій неправильно побѣдилъ говорящаго образ-
цово. Со стороны языка у него есть недостатокъ, но мыслью онъ
владѣетъ какъ истый философъ; словъ мнѣ не нужно,—для меня
важны мысли. Мой учитель побѣдилъ твоего. Какъ? Простецъ
мудраго, невѣжда оратора? Да откуда же видно, что побѣдилъ?
Безстыдный, развѣ не видишь, что объ этомъ громко вопіютъ
дѣла? Гдѣ Платонъ? Нигдѣ. Гдѣ Павелъ? Его имя на устахъ у

всѣхъ. Гдѣ Платонъ? О немъ и неслышно, онъ преданъ забвенію. Гдѣ Павелъ? Онъ овладѣлъ царственнымъ Римомъ, гдѣ не только при жизни имѣлъ силу, но и по смерти одержалъ побѣду. Онъ умеръ тѣломъ, чтобы жить духомъ; истлѣла бумага, но остается писаніе, потому что не чернилами оно написано, но утверждено духомъ. Солнце потерпитъ ущербъ, но не слова Павла. Въ самомъ дѣлѣ, что говоритъ даровавшій ему эти самыя слова? *Небо и земля мимоидетъ, словеса же Моя не мимоидутъ* (Мѳ. XXIV, 35). Если это только слова, обличи, но если слово стало дѣломъ, преклонись. *Небо и земля мимоидетъ, словеса же Моя не мимоидутъ.* Скорѣе солнце погаснетъ и небо исчезнетъ, чѣмъ нарушатся слова моего Владыки. И они подтверждаются на опытѣ событіями, и продолжительностью времени, и нападеніями враговъ. Удивительно въ самомъ дѣлѣ, что (возвѣщенное Спасителемъ) не только не разрушилось, но и вопреки усиліямъ враговъ имѣло успѣхъ. Слѣди тщательно за тѣмъ, что я говорю. Проповѣдалъ Павелъ, проповѣдалъ Іоаннъ, рыбакъ и евангелистъ, бросившій сѣти и взявшій евангеліе, оставившій удилище рыбака и воспринявшій слово Учителя. Что проповѣдалъ и что сказалъ рыбакъ? Посмотримъ, уловлю ли я слова рыбака и въ то же время не рыбака: съ одной стороны—рыбака, такъ какъ его уста произнесли ихъ, а съ другой—и не рыбака, такъ какъ это слова Духа. Что же онъ говоритъ? *Въ началѣ бѣ Слово, и Слово бѣ къ Богу, и Богъ бѣ Слово* (Іоан. I, 1). Что скажетъ на это іудей? Онъ весьма гордится Моисеемъ, что тотъ разсѣкъ море, раздѣлилъ и опять соединилъ волны, преложилъ воздухъ, разсѣкъ камень, низвелъ манну, погубилъ города вмѣстѣ съ людьми и безъ оружія побѣдилъ войско. Такъ поэтому-то ты гордишься Моисеемъ? Послушай же, что сказалъ Моисей и сравни съ тѣмъ, что сказалъ рыбакъ, чтобы убѣдиться, какъ скудно (откровеніе) ветхаго завѣта и какъ изобильно (откровеніе) благодати. Что же сказалъ Моисей? *Въ началѣ сотвори Богъ небо и землю* (Быт. I, 1). А что рыбакъ? Нигдѣ не говоритъ онъ—*сотвори*, но что? *Въ началѣ бѣ Слово, и Слово бѣ къ Богу.* Тотъ начинаетъ съ созданія, а этотъ съ Создателя. Видишь, насколько выше Моисея онъ восходитъ? Слышалъ онъ слова Моисея о томъ, что Богъ сотворилъ небо, — оставилъ небо и устремился выше. Встрѣтились ему на пути ангелы,—онъ миновалъ ихъ; встрѣтились архангелы,—онъ прошелъ мимо; херувимы,—не остановился и на нихъ. Куда ты стремишься? Мнѣ нужно нѣчто другое. Хотя херувимы и сіяютъ, но они тварь; хотя серафимы и воспѣваютъ, но они сорабы мнѣ. Чего же ты ищешь? Начала и господства—тоже рабы, тоже созданія; власти—и тѣ твореніе. Куда ты идешь?

Самого Создателя я ищу, самого ищу Единосущнаго Отцу. Не
остановлюсь, пока не постигну Его, насколько возможно постиг-
нуть человѣку. Моисей сказалъ о небѣ и тѣмъ ограничился,—
потому что не имѣлъ того Духа, какой я имѣю: правда, онъ не
получилъ духа работы въ боязнь, но получилъ духа всыновле-
нія въ послушаніе вѣры (Рим. VIII, 15), но мнѣ ввѣрено боль-
шее. Потому-то Господь мой и снизошелъ съ неба на землю,
чтобы я могъ взойти съ земли на небо. Чего ты ищешь? Самого
Создателя; когда найду Его, тогда только остановлюсь. Нашелъ—
и что говоритъ? *Въ началѣ бѣ Слово.* Нигдѣ не говоритъ: сотво-
рилъ, нигдѣ не говоритъ: произошло, потому что не о созданіи
его ученіе. У него рѣчь о Словѣ: *въ началѣ бѣ Слово.* Сколько
тирановъ съ тѣхъ поръ, какъ рыбакъ произнесъ это слово, хо-
тѣли его уничтожить, и не смогли, но куда бы ты ни пошелъ,
всюду слышишь: *въ началѣ бѣ Слово,* и на полѣ, и въ городѣ—
вездѣ раздается: *въ началѣ бѣ Слово,* и въ Персіи, и въ Индіи, 27
и въ Мавританіи—всюду сіяетъ это слово яснѣе солнца. Солнце
свѣтитъ днемъ, ночью же скрывается, а это слово и ночью не
теряетъ своего сіянія, но отпечатлѣвается въ сознаніи каждаго.
Умеръ написавшій его, а слово сіяетъ; истлѣло тѣло того, кто
произнесъ это слово, а оно блеститъ ярче солнца. Куда бы ты
ни пошелъ, предъ тобой звучитъ это слово: *въ началѣ бѣ Слово.*
И каждый, и женщина, и мужчина, и рабъ, и свободный, и
царь, и подданный, и начальствующіе, и подчиненные заботливо
сохраняютъ его въ своемъ сердцѣ и никто не можетъ изгладить
этого прекраснѣйшаго наслѣдія, но крѣпко блюдетъ это богат-
ство. *Небо и земля мимоидстъ, словеса же Моя не мимоидутъ.* Не
можетъ и діаволъ уничтожить этого слова; почему?—потому что
это не простое слово, но слово Бога. Итакъ, не стыдись, когда
слышишь: „это слова рыбака, это слова сшивающаго сѣти". Ты
видѣлъ, что этотъ рыбакъ сидѣлъ въ самой глубинѣ бѣдности
и взошелъ на вершину добродѣтели? Но чтобы, начавъ съ одного,
намъ не увлечься ходомъ рѣчи въ другую сторону, оставивъ
развитіе мысли, обуздаемъ свой языкъ и возвратимся къ преж-
нему предмету бесѣды. Итакъ, что говоритъ дѣлатель палатокъ,
торговецъ? Я вѣдь и не думаю отказываться отъ частаго по-
вторенія этихъ выраженій, въ угоду неразумію многихъ и ихъ
неосновательнымъ взглядамъ. Многіе говорятъ съ высокомѣріемъ:
торговецъ! что тебѣ нужно, торговецъ? А скажи мнѣ: что такое
торговецъ? Вѣдь не преступленіе — быть торговцемъ? Вѣдь не
преступленіе стоять на рынкѣ и работать? Оставаясь дома, гра-
бить чужое — вотъ это преступленіе. Разсуди, что постыдно и
что похвально, и не насмѣхайся: быть на рынкѣ—не преступле-

ніе, но быть грабителемъ, предаваться корыстолюбію — преступно. Какая польза, если ты сидишь во внутреннихъ покояхъ своего дома, но (жаденъ, какъ) волкъ? Какой кому вредъ, если бѣднякъ стоитъ на рынкѣ, подражая быку и землепашцу? Ты работаешь на рынкѣ, ты ремесленникъ? Тутъ нѣтъ ничего худого, напротивъ — похвально, что ты честнымъ трудомъ добываешь себѣ пропитаніе, не обивая пороговъ у чужихъ домовъ. Нѣтъ ничего постыднаго работать на рынкѣ, нисколько непредосудительно — быть ремесленникомъ. А что постыдно? Постыдно—жить въ праздности,—и о, если бы только въ праздности, не работая вмѣстѣ съ тѣмъ и пороку! Ремесленникомъ былъ Павелъ и работалъ въ мастерской. И не то, чтобы онъ былъ такимъ до евангелія, а послѣ евангелія измѣнился. Нѣтъ, онъ и проповѣдывалъ, и сшивалъ кожи; проповѣдывалъ, и оставался у Акилы и Прискиллы, — *зане единохудожникомъ быти имъ: бяху бо скинотворцы хитростію* (Дѣян. xviii, 3). О, любомудріе Павла! О, высота мысли и непобѣдимость духа! О, разумѣніе, досязающее до небесъ! О, душа, презирающая все видимое! О, мысль! Паутиной почиталъ онъ блескъ жизни. Онъ не пошелъ къ царямъ, не пошелъ къ богатымъ, не обратился къ людямъ состоятельнымъ, но пошелъ къ дѣлателю палатокъ — по общности ремесла — и не скрывалъ своего занятія изъ стыда за него, но объявлялъ о немъ предъ всѣми. Онъ стоялъ на рынкѣ, проповѣдуя евангеліе, воскрешая мертвыхъ, исцѣляя прокаженныхъ; онъ не стыдился мѣста, но украшался дѣлами, стоя на рынкѣ. Онъ продавалъ кожи, а къ нему обращались другіе, напримѣръ, съ просьбой воскресить мертваго. Являлись двѣ женщины, и одна говорила: „сдѣлай мнѣ изъ кожи постель“, а другая просила: „воскреси моего сына“, и онъ отвѣчалъ обѣимъ. Его это не затрудняло: и руки у него работали, и благодать дѣйствовала, и дѣлатель палатокъ удовлетворялъ обѣихъ, одну — тѣмъ, что относилось къ его ремеслу, другую—тѣмъ, въ чемъ требовалось участіе благодати. Тебѣ что нужно? Я берусь сдѣлать кожаную постель,— вѣдь я шью же кожи. А тебѣ что? Я возвращу къ жизни твоего умершаго, такъ какъ я молюсь Богу. Въ ремеслѣ нѣтъ стыда. Не пошелъ (Павелъ) въ домъ богатый и зажиточный, потому что онъ слѣдовалъ заповѣди своего Владыки, гласящей: *въ оньже аще градъ или домъ внидете, испытайте, кто въ немъ достоинъ есть, и ту пребудите* (Мѳ. x, 11). Достоинъ ли Павла дѣлатель палатокъ? Вполнѣ. Почему же нѣтъ? Вѣдь и дѣлателемъ палатокъ онъ сталъ изъ любви къ бѣдности. Сказать ли тебѣ, какой удостоился онъ похвалы дороже царскаго вѣнца

и славнѣе багряницы? *Цѣлуйте Прискиллу и Акилу*, пишетъ (апостолъ), при чемъ жену называетъ раньше мужа, чтобы ты зналъ, что она была выше его по добродѣтели. *Цѣлуйте Прискиллу и Акилу*,—пишетъ онъ римлянамъ,—*иже по души моей своя выя положиша* (Рим. XVI, 3, 4). Развѣ это не похвальный вѣнецъ? Развѣ это не живые мученики? *Иже по души моей своя выя положиша*. Вѣдь это — въ полномъ смыслѣ мученичество, безъ пролитія крови, но во всей силѣ душевнаго порыва. Не говори мнѣ: они не пожертвовали жизнью. Да, самымъ дѣломъ они не пострадали до закланія, но въ душѣ пережили эту жертву. А Богъ цѣнитъ не исполненіе дѣла, а готовность. И Авраамъ не закололъ своего сына ножемъ, потому что его ножъ не былъ обагренъ кровью, а Богъ говоритъ ему: *не пощадѣлъ еси сына твоего возлюбленнаго Мене ради* (Быт. XXII, 12 и 16). Ты не пощадилъ въ своемъ сердцѣ, но Я пощадилъ на дѣлѣ. *Иже по души моей своя выя положиша*. Они послужили апостолу своей кровью. Уразумѣли ли вы, что я сказалъ? Не свиней и птицъ принесли они въ жертву за него, но свою собственную кровь пролили. Вотъ верхъ гостепріимства! Иные, если дадутъ десять оболовъ, то уже почитаютъ это себѣ въ тягость, а тѣ кровь свою пролили и не подумали о настоящей жизни. Вотъ это гостепріимство, и совсѣмъ не такое, какъ у нынѣшнихъ, которые дѣлаютъ строгое лицо и поднимаютъ брови, если имъ случится, — да и то чрезъ слугу,—подать бѣдняку десять оболовъ. А эти не такъ, но сами же и служили ему. Такъ точно и Авраамъ съ Саррой. Вѣдь и Сарра сама замѣсила тѣсто, въ укоръ нынѣшнимъ женщинамъ, избаловавшимъ себя золотыми украшеніями и шелковыми одеждами; сама же она и муки намолола. Говоритъ ей мужъ: *ускори и смѣси три мѣры муки чисты* (Быт. XVIII, 6). И она не сказала: „выносимо ли это? ты обращаешь меня, свою жену, въ хлѣбопека? развѣ я не принесла тебѣ приданаго? развѣ я не благородная? ты помыкаешь мною, какъ служанкой: о томъ ли я мечтала, вступая въ твой домъ?“ Ничего подобнаго она не сказала, но поспѣшила къ дѣлу и замѣсила тѣсто. Да, она была женою Авраама,—не по закону лишь сожительства, но и по общенію въ добродѣтели. Пусть будетъ, говоритъ, подвигъ гостепріимства общимъ, чтобы сообща намъ вкусить и плодъ его. Вотъ, говоритъ, сокровище; воспользуемся имъ вмѣстѣ; я принесу тельца, а ты муку. Закололъ тельца, и получилъ Исаака; замѣсила (Сарра) муку, и стало *сѣмя ея, яко звѣзды небесныя и яко песокъ моря* (Быт. XXII, 17). Это я говорю, смиряя человѣческую гордость и, съ одной стороны, искореняя неразуміе всѣхъ богатящихся, а съ другой—ободряя бѣдняковъ,—чтобы никто ни въ бѣдности не

падалъ духомъ, ни въ богатствѣ не превозносился: ни то, ни другое несовмѣстно съ добродѣтелью. Искусство кормчаго — выдержать направленіе, не смущаясь ни бурею, ни полнымъ спокойствіемъ (моря), среди волненія соблюдая непоколебимое равновѣсіе духа, не поддаваясь перемѣнамъ и не отступая ни въ ту, ни въ другую сторону. Именно такъ Іовъ—ни въ бѣдности не сдѣлался хулителемъ, ни въ богатствѣ не превозносился, но когда былъ богатымъ, не закрывалъ своихъ дверей (отъ бѣдныхъ), а когда самъ сдѣлался бѣднымъ, обнажилъ собственныя ребра. Такимъ образомъ, отличаясь ранѣе нищелюбіемъ и впослѣдствіи оставшись вѣрнымъ любомудрію, онъ невозмутимо перенесъ совершившійся въ его жизни переломъ. Но такъ какъ все это—по поводу дѣлателя палатокъ, то извлечемъ кое-что для себя и изъ сказаннаго, ограничиваясь немногими словами, но открывая въ нихъ для себя неизмѣримое море мыслей. Такова сокровищница писанія: ея богатство не въ обиліи реченій, но въ силѣ мыслей. Итакъ, что говоритъ дѣлатель палатокъ, уста, исполненныя святыни, языкъ, страшный для смерти? Что пишетъ эта десница, украшенная узами и облеченная въ оковы, но воскрешающая мертвыхъ? Что пишетъ она? Что говоритъ этотъ языкъ? Что пишетъ эта рука? Мы же, *аще и разумѣхомъ по плоти Христа, но нынѣ ктому не разумѣемъ. Тѣмже, аще кто во Христѣ, нова тварь* (2 Кор. v, 16, 17). Обрати вниманіе, какая глубина мысли. *Тѣмже, аще кто во Христѣ, нова тварь. Древняя мимоидоша, се быша вся нова. Всяческая же отъ Бога* (ст. 17, 18). Конечно, эта сокровищница закрыта; но попытаемся проникнуть въ ея сокровенныя нѣдра; вѣдь ея глубина не таитъ въ себѣ безпросвѣтнаго мрака, но въ ней источники свѣта. Хотя сами по себѣ эти слова и не ясны, но я постараюсь сдѣлать ихъ понятными и доступными и для простеца, и для бѣдняка, и для слуги, и для повара, и для моряка, и для женщины, и для свободнаго, и для раба. Вѣдь и вообще божественное ученіе предлагается всѣмъ въ прикровенномъ видѣ, но толкованіе дѣлаетъ его удобопонятнымъ. И у насъ если встрѣтится какое-либо затрудненіе, я сдѣлаю эту духовную трапезу болѣе ясной по общедоступности наставленія. Только
29 выслушайте мои слова съ полнымъ вниманіемъ и не допускайте разсѣянности. Впрочемъ, я имѣю уже достаточный опытъ относительно вашего умѣнья слѣдить за развитіемъ мыслей, почему и брался нерѣдко за трудные предметы, не разсчитывая, что они сами по себѣ окажутся удобопонятными, но замѣчая, какъ при усердіи слушателей и трудное обращается въ легкое. Для бодрой мысли нѣтъ ничего труднаго, для сосредоточеннаго вниманія все ясно. *Тѣмже, аще кто во Христѣ, нова тварь: древняя мимоидоша.*

Прочитывая эти слова, эллины смѣются и потѣшаются надъ нами: „вотъ что, говорятъ, пишетъ Павелъ: *аще кто во Христѣ, нова тварь*. Хвастаешься ты, Павелъ (такъ говорятъ они), обольщаешь насъ своими мечтаніями, возбуждаешь наше вниманіе, оглашаешь уши наши новыми сужденіями". *Аще кто во Христѣ, нова тварь*. Прежде всего научись быть не ослѣпленнымъ совершенно: ты ввергаешь себя въ пропасть. Развѣ ты не знаешь и не слышалъ: *душевенъ бо человѣкъ не пріемлетъ яже Духа, юродство бо ему есть* (1 Кор. п, 14)? Развѣ не знаешь этой сокровищницы? Надъ сокровищницей сверху — сорныя травы и камни, а если раскопаешь ее, внизу окажется жемчугъ. Имѣй въ виду не одни слова, но и мысли: дѣло не въ словахъ. Тщательно вникни, что такое: *нова тварь*; пойми, что значитъ: *во Христѣ;* пойми и сойди къ свѣту. Такъ нерѣдко случается, что ребенокъ, видя проходящаго мимо царя, смѣется надъ нимъ, а царь видитъ это, но оставляетъ безъ вниманія, потому что тутъ нѣтъ оскорбленія царю, а просто невинность дѣтскаго возраста. Подойди сюда, я введу тебя во внутреннее святилище; не смотри издали изъ преддверія; подойди сюда, и я открою тебѣ всю глубину этой тайны. Но что ты скажешь мнѣ, говорятъ они? Развѣ не сказалъ (апостолъ), что у христіанъ—*нова тварь?* Сказалъ. Покажи же намъ, говорятъ, эту новую тварь; покажи намъ, что небо сдѣлалось новымъ, что до пришествія Христа оно было другимъ, а теперь стало инымъ, что море—другое, сѣмена другія, природа другая, что плоды измѣнились, рѣки измѣнились, вѣтры не тѣ? Вѣдь все это старое, а ты говоришь, что *нова тварь*. Удержись, не бѣснуйся. Чѣмъ больше ты противорѣчишь, тѣмъ очевиднѣе превосходство истины. Развѣ я безумствую? Развѣ я противорѣчу? скажетъ (эллинъ); смотри, я спокоенъ. И оставайся спокойнымъ, а я тебя буду спрашивать. Спрашивай. Говоритъ ли онъ, что прежде, чѣмъ пришелъ Христосъ, было одно небо, а послѣ Его пришествія явилось другое? И прежде, чѣмъ явился Христосъ во плоти, было это самое небо, и послѣ Его пришествія небо осталось тѣмъ же самымъ, равно какъ и земля, и море, и воздухъ, и вѣтры. Итакъ, что же, говоритъ, болтаетъ Павелъ, провозглашая: *аще кто во Христѣ, нова тварь: древняя мимоидоша, се быша вся нова?* Я не вижу ничего новаго. Да ты не имѣешь и глазъ, чтобы увидѣть это новое. Поди сюда, я открою тебѣ глаза и ты увидишь. Ты откроешь мнѣ глаза? Открою. Да развѣ ты творецъ? Конечно. Въ полномъ ли умѣ ты? Въ полномъ. Дай же мнѣ это твое зрѣніе. Ты получишь большее—зрѣніе духовное. И ты дашь мнѣ это зрѣніе? Конечно. Но развѣ у меня нѣтъ его? Конечно, нѣтъ. Какъ же это: у тебя есть зрѣ-

ніе, а у меня нѣтъ? Объясни мнѣ. Когда ты входишь въ храмъ и видишь тамъ деревяннаго истукана обнаженнаго или бездушный камень и говоришь: „это — богъ“, имѣешь ли ты зрѣніе? Если ты камень этотъ называешь богомъ, гдѣ у тебя глаза? И есть ли какая польза отъ тѣлесныхъ очей, когда очи души твоей ослѣплены? Видишь теперь, какъ ты нуждаешься въ томъ, чтобы я открылъ тебѣ глаза, чтобы ты увидѣлъ камень какъ камень, чтобы не смѣшивалъ совершенно разнородное и не соединялъ въ одномъ противоположное. Ты имѣешь глаза, когда видишь дерево и кланяешься ему, а вотъ я возьму его и сожгу: гдѣ же твои глаза, когда ты рѣшаешься называть сожигаемое богомъ, а тѣмъ болѣе — когда ты обоготворяешь страсти? Человѣкъ упивается виномъ, теряетъ устойчивость и въ опьяненіи уподобляется безсловесному. А ты говоришь, что пьянство—богъ и называешь его Діонисомъ. Утверждаешь, что блудъ—богъ и [называешь его Венерой; заявляешь, что воровство—богъ и] ¹) именуешь его Гермесомъ. Итакъ, когда ты обоготворяешь страсти и дерево, развѣ ты имѣешь глаза? Видимаго ты не видишь и хочешь, чтобы я повѣрилъ тебѣ въ невидимомъ? Видишь, что тебѣ нужно открыть глаза? Твой Діонисъ—просто негодный камень, а Венера—дерево. Ты не вѣришь моимъ словамъ? Повѣрь этой сѣкирѣ: я ударю ею и разрублю (твоихъ боговъ); дай мнѣ огня, и я сожгу ихъ. Вотъ страсть къ пьянству. Законъ осуждаетъ ее, а ты обоготворяешь? Развѣ ты не слѣпой послѣ этого? Видишь, какъ необходимо открыть тебѣ глаза разумнымъ словомъ? Вотъ таковы были и іудеи: они имѣли глаза и не видѣли, а слѣпецъ не имѣлъ глазъ и видѣлъ. Спрашиваетъ Христосъ слѣпого: *вѣруеши ли въ Сына Божія* (Іоан. IX, 35)? И онъ отвѣчаетъ: *вѣрую, Господи, и поклонися Ему* (Іоан. IX, 38). А іудеи видѣли Христа и распяли Его. Слѣпецъ покланяется, а зрячій распинаетъ. Потому-то Христосъ и сказалъ: *на судъ Азъ въ міръ сей пріидохъ, да невидящіи видятъ, и видящіи слѣпи будутъ* (ст. 39). Такъ-то и ты оказываешься слѣпымъ. Хочешь ли, чтобы я открылъ тебѣ зрѣніе словомъ, далъ тебѣ очи разумныя, очи, видящія невидимое? Таковы вѣдь очи у насъ, созерцающихъ вѣрою; не видимое они видятъ, но невидимое. Если хочешь послѣдовать (за нами), слѣдуй, если не хочешь, я во всякомъ случаѣ сдѣлаю свое дѣло, научу тебя. Разнообразно вѣдь приложеніе слова: противниковъ оно примиряетъ, своихъ исправляетъ, въ разныхъ проявляется видахъ и ко всему приспособляется. *Тѣмже, аще кто во Христѣ, нова тварь: древняя мимоидоша, се быша вся нова.* О, уста! О, блескъ!

¹) Заключеннаго въ [ ] нѣтъ въ греч. текстѣ.

Я вижу сокровище еще прежде, чѣмъ оно открылось; я вижу весь сосудъ Создателя. О, очи, способныя видѣть! Будь внимателенъ, сосредоточься. Твореніемъ называется въ Писаніи не только переходъ отъ небытія къ бытію, но и вообще переходъ существующаго въ лучшее состояніе. Такъ я выразился для краткости, но считаю необходимымъ пояснить свои слова обстоятельнѣе. Говорится, что „Богъ творитъ“, не только тогда, когда Онъ создаетъ что-либо несуществовавшее ранѣе, но и тогда, когда Онъ исправляетъ и очищаетъ что-либо существующее, но испорченное и оскверненное. Напр., если я скажу: Богъ создалъ человѣка,—это значитъ, что Онъ привелъ его изъ небытія къ бытію. А когда дурного человѣка Онъ дѣлаетъ хорошимъ, здѣсь простой переходъ изъ худшаго состоянія въ лучшее. Тамъ твореніе несуществующаго, а здѣсь измѣненіе существующаго, но поврежденнаго—къ лучшему. И чтобы тебѣ убѣдиться, что твореніемъ называется не только переходъ изъ небытія въ бытіе, но и исправленіе и очищеніе испорченнаго и оскверненнаго, послушай, что говоритъ Давидъ. Разъ существовалъ онъ самъ, и сердце его было, конечно, создано, но оно было осквернено прелюбодѣяніемъ и убійствомъ; и вотъ онъ молитъ Бога — о чемъ? *Сердце чисто созижди во мнѣ, Боже* (Пс. L, 12). Что же, а до этого онъ не имѣлъ сердца? Какъ же тогда низложилъ онъ Голіаѳа? Какъ угождалъ Богу? Не о сущности сердца, очевидно, говоритъ онъ, но объ его исправленіи. Здѣсь, такимъ образомъ, твореніемъ называется не приведеніе вещи изъ небытія къ бытію, но исправленіе къ лучшему того, что уже существовало ранѣе, но лишь подверглось порчѣ. Итакъ, когда увидишь, что кто-нибудь невоздержный образумился, скажи себѣ: „у него новая душа“; когда увидишь блудницу, ставшую цѣломудренной, скажи себѣ: „у нея новая душа“; когда увидишь хищника склоннымъ къ милости, скажи себѣ: „у него новое сердце“, потому что волкъ сдѣлался овцой, ястребъ—голубемъ. Значитъ, это — твореніе. Поэтому, и купель возрожденія называется твореніемъ. *Отложити вамъ*, говоритъ (апостолъ), *ветхаго человѣка, тлѣющаго въ похотехъ прелестныхъ, и облещися въ новаго человѣка, созданаго* (Еф. IV, 22, 24) *по образу Создавшаго его* (Кол. III, 10). Созданіе этого человѣка есть твореніе: *создани во Христѣ Іисусѣ на дѣла благая* (Еф. II, 10), а прежде были дѣла гибели. Тогда Отецъ взялъ прахъ земной и создалъ человѣка; нынѣ Сынъ беретъ воду и претворяетъ ее въ вино. И тамъ основное начало, и здѣсь основное начало; и тамъ измѣненіе основного начала, и здѣсь созиданіе къ лучшему. *Тѣмже, аще кто во Христѣ, нова тварь.* Итакъ, что такое — новая *тварь*, новое твореніе? И въ самомъ дѣлѣ, какая мнѣ

польза, если бы небо явилось (новое)? Замѣть твердо: ни небо не сдѣлалось новымъ, ни солнце, ни земля — новой. Да и что мнѣ за польза, если бы небо надо мною простерлось новое, а я самъ попрежнему долженъ бы былъ оставаться подъ грѣхомъ? Какая мнѣ польза здѣсь или какой вредъ отъ того, что небо остается то же самое, если я самъ не останусь такимъ, какъ былъ? Небо есть домъ, а я (находящійся въ этомъ домѣ) больной. И вотъ, если ты увидишь, что въ домъ вошелъ врачъ и на больного не обращаетъ никакого вниманія, но бѣлитъ стѣны, наводитъ позолоту на потолокъ, развѣ ты не скажешь ему: „о, человѣкъ, больного полѣчи; а домъ-то зачѣмъ украшаешь?“ И Христосъ пришелъ въ этотъ міръ, въ которомъ нашелъ пораженную недугомъ мою природу. Вникни опять въ то, что я говорю. Приходитъ врачъ въ большой домъ, находитъ въ немъ больного, въ жару, съ ранами: что же? оставляетъ онъ больного и заботится (о постороннемъ), бѣлитъ стѣны, золотитъ потолокъ, украшаетъ полъ? Нѣтъ, конечно, никакого вниманія на домъ онъ не обращаетъ, но всецѣло занимается больнымъ. Если хозяинъ дома здоровъ будетъ, все остальное приложится. Такъ и здѣсь. Пришелъ Христосъ въ міръ, воспринялъ плоть, но пребываетъ всегда во всемъ, а пришествіе Его въ міръ Писаніе называетъ
81 домостроительствомъ. Пришелъ въ этотъ великій міръ Тотъ, кто самъ его создалъ. Нашелъ въ немъ недугующую природу человѣческую, не на одрѣ лежащую, но погрязшую въ нечестіи, испорченную во всемъ своемъ составѣ, (нашелъ) жертвенные огни горящіе, жертвенный тукъ, оскверняющій воздухъ, дѣтей, закалываемыхъ руками родителей, (нашелъ) природу попранной, законы естественные потрясенными, сострадание отвергнутымъ, — *и пожроша сыны своя и дщери своя бѣсовомъ* (Пс. cv, 37), — нашелъ, что люди упиваются распутствомъ до безумія, одинъ—блудникъ, другой—прелюбодѣй, тотъ—убійца, вся земля погибаетъ, люди лежатъ на одрѣ порока, діаволъ выжидаетъ (добычу), печь разжжена, раны раскрыты, врачи безсильны, — я разумѣю пророковъ, обвинявшихъ, но не достигавшихъ исправленія,—итакъ, врачи сидятъ, приготовляютъ лѣкарства, но помощи не оказываютъ, а лишь всѣхъ обличаютъ. *Нѣсть праведенъ ни единъ, нѣсть взыскаяй Бога* [1]) — вотъ что говоритъ врачъ. Какая же тутъ надежда, когда врачъ обвиняетъ больного? Одинъ говорилъ: *кони женонеистовни сотворишася, кійждо къ женѣ искренняго своего ржаше* (Іер. v, 8). Другой сидѣлъ въ пустынѣ

---

[1]) Пс. xiii, 2: *аще есть взыскаяй Бога;* ст. 3: *нѣсть творяй благостыню, нѣсть до единаго.*

какъ воронъ: *у, лютѣ мнѣ, душе, яко погибе благочестивый отъ земли и исправляющаго въ человѣцѣхъ нѣсть* (Мих. VII, 2). Третій говорилъ: *клятва, и лжа, и татьба, и любодѣяніе разліяся по земли* (Ос. IV, 2). Каждый ближняго своего притѣсненіемъ притѣсняетъ. Еще иной: *увы, языкъ грѣшный* (Иса. I, 4). Приходитъ врачъ — и плачетъ; какую же надежду можетъ имѣть больной, когда видитъ врача въ слезахъ? Какую надежду можешь имѣть ты, видя его въ отчаяніи? Какой пользы можно ожидать отъ него для больного? Недаромъ врачи часто, уже предвидя близость смерти, но избѣгая огорчать окружающихъ, пересиливаютъ себя и свои опасенія скрываютъ подъ веселымъ выраженіемъ лица, чтобы не вызвать у больного упадка духа. Вѣдь если больной замѣтитъ растерянность на лицѣ врача, чего полезнаго онъ будетъ ожидать отъ него? А здѣсь болѣзнь такъ возобладала, что самъ врачъ плачетъ: что мнѣ дѣлать? раны, гніеніе, черви, полное разстройство; *увы, языкъ грѣшный!* А одинъ (такой врачъ) написалъ даже цѣлую книгу плача, это — Іеремія. Одинъ горюетъ, другой плачетъ, третій умоляетъ. А Богъ свыше говоритъ: *оставихъ домъ мой* (Іер. XII, 7). Какая ужъ тутъ надежда, когда Богъ говоритъ: *оставихъ* все, *оставихъ достояніе мое, дахъ возлюбленную душу мою въ руки враговъ* моихъ (Іер. XII, 7). А Илія внизу вопіетъ: Господи, *олтари твоя раскопаша, и пророки твоя избиша, и остахъ азъ единъ, и ищутъ души моея* (3 Цар. XIX, 10). Если такъ было въ Іудеѣ, гдѣ и законъ былъ, и храмъ, и кивотъ завѣта, и жертвы іудейскія,—что же было тамъ, гдѣ идолы, гдѣ тукъ и дымъ, гдѣ беззаконныя таинства и нечестіе, гдѣ страсти обоготворяются, гдѣ подражаютъ лаю собакъ, которыя на праздникѣ въ честь Діониса священнодѣйствуютъ въ козьей шкурѣ и съ собачьимъ голосомъ, чтобы совершенно погубить благородство? Собакъ, свиней діаволъ сдѣлалъ (богами), ехиднъ и змѣй сдѣлалъ, придумалъ бѣлыхъ аспидовъ. Законъ безсиленъ, пророки обличаютъ. Итакъ, что же, несчастный? Явившись и найдя вселенную въ столь ужасномъ состояніи, (Христосъ) долженъ былъ оставить больного и заняться украшеніемъ неба? Нѣтъ, Онъ не сдѣлалъ этого, но поспѣшилъ къ больному, ради котораго и небо (создано было), ради котораго и земля, и море, и воздухъ, и все прочее. Потому-то Онъ и внѣшній Свой видъ принялъ не отъ неба, такъ какъ пришелъ послужить не небу, а человѣку. Потому-то Онъ и связалъ Себя съ больнымъ узами родства и пришелъ какъ тотъ больной, не будучи больнымъ самъ, потому что Онъ *грѣха не сотвори, ниже обрѣтеся лесть во устѣхъ Его* (1 Петр., II, 2; Иса. LIII, 9), но пришелъ, имѣя родственный природѣ его сосудъ. Не пришелъ открыто въ Своемъ божественномъ видѣ, чтобы не убѣжалъ человѣкъ,

чтобы не устрашить свою добычу, но (поступилъ такъ), какъ
нерѣдко (поступаетъ) врачъ: будучи человѣкомъ благороднымъ,
даже можетъ быть знатнымъ по происхожденію, одѣтый въ шел-
ковыя одежды, врачъ, войдя въ домъ бѣднаго больного, нуждаю-
щагося въ операціи или въ другомъ какомъ-либо лѣченіи, сни-
маетъ свои одежды, забываетъ о своемъ высокомъ происхожденіи,
беретъ полотенце, опоясывается, имѣя въ виду жечь и рѣзать
(тѣло больного), и, однимъ словомъ, не думаетъ о своемъ соб-
ственномъ достоинствѣ, но объ излѣченіи больного. Такъ точно
сдѣлалъ и Владыка ангеловъ, Котораго слава неописуема: Онъ
сошелъ на землю какъ человѣкъ, опоясалъ самого Себя полотен-
цемъ, т. е. облекъ Себя нашей природой, богатый сдѣлался бѣд-
32 нымъ, не утративъ своего богатства, но скрывъ его. *Вѣсте бо,*
говоритъ (апостолъ), *благодать Господа, яко насъ ради обнища бо-
гатъ сый, да мы нищетою Его обогатимся* (2 Кор. VIII, 9). Видишь
нищету—матерь богатства? Видишь бѣдность—залогъ обогащенія?
Богатый сдѣлался бѣднымъ, чтобы я—бѣднякъ—сдѣлался бога-
тымъ. Какъ врачъ, и Онъ препоясался. До чего снизошелъ Онъ?
Онъ препоясался: не ограничился Онъ тѣмъ, что облекся въ
нашу природу, но принялъ и видъ раба, не одну только природу
раба. И вотъ пришелъ Онъ, нашелъ природу нашу зараженной
болѣзнями, сдѣлался тѣмъ, чѣмъ былъ я, кромѣ, конечно, грѣха.
Пришелъ въ хижину, гдѣ я былъ положенъ; увидѣлъ червей,
увидѣлъ гніеніе, увидѣлъ великое зловоніе; увидѣлъ, что законъ
не помогаетъ, пророки только обвиняютъ, грѣхъ преуспѣваетъ,
больной одержимъ безпорядочными страстями, не хочетъ знать
воздержанія, не слушается врачей. (Ему говорятъ): *не убій*, а онъ
убиваетъ. *Не прелюбы сотвори*, а между тѣмъ *кійждо къ женѣ
искренняго своего ржаше* (Іер. V, 8); *не укради*, а между тѣмъ
клятва, и лжа, и татьба, и любодѣяніе разліяся по земли (Ос. IV, 2).
Врачъ говорилъ одно, а больной дѣлалъ совсѣмъ другое. Что
дѣлать? Врачъ приказывалъ, а больной не исполнялъ; болѣзнь
развивалась; поработитель человѣка—діаволъ подстерегалъ его
какъ бѣглый рабъ. Чего хочешь? Я дамъ прохладительнаго питья.
Чего хочешь? Я дамъ мяса, дамъ того, что причинитъ тебѣ раз-
стройство желудка, наперекоръ врачу. Врачъ дѣлалъ распоряже-
нія, и уходилъ; обманщикъ прокрадывался тайно, и все доста-
влялъ. Тебѣ нуженъ блудъ, тебѣ нужна ложь (спрашивалъ онъ
больного)? Тотъ отвѣчалъ: да, я хочу этого; не того, что прика-
зываетъ врачъ, а того, что предлагаешь ты. Несчастное тѣло по-
гибало. Богъ обвиняетъ, пророки обвиняютъ, предатель соблаз-
няетъ, а больной льнетъ не къ тому, отъ кого должна быть ему
польза, а къ тому, кто его губитъ. Погибалъ цѣлый родъ, порча

не щадила ничего. Пришелъ Врачъ, располагающій всѣми средствами при какихъ бы то ни было осложненіяхъ, знающій легкій, удобный и надежный способъ (излѣченія). Если скажу, говоритъ Онъ: „сдѣлайте то и то“, не сдѣлаютъ. Почему? Требованій закона они не исполнили,—подчинятся ли благодати? Земное оказалось имъ не подъ силу, — смогутъ ли послѣдовать небесному? Если предложу имъ постъ, если предложу облечься во власяницу. если предложу бѣдность... Брака честнаго они не знаютъ, а Я буду говорить имъ о дѣвствѣ? Они похищаютъ чужое, а Я буду наставлять ихъ нестяжательности? Они предаются блуду, разврату, а Я буду предлагать имъ власяницу? Какъ же быть? Я—человѣкъ, пока Я ношу это тѣло, и имѣю дѣло съ отчаявшимися (въ своемъ спасеніи); буду бороться противъ грѣха и представлю въ Своемъ лицѣ примѣръ человѣка здороваго отъ рожденія; покажу природу, какъ она есть сама по себѣ, независимо отъ паденія; покажу человѣка, который *грѣха не сотвори, ниже обрѣтеся лесть во устѣхъ его*, чтобы и они, видя это, имѣли надежду спасенія, и коварные враги ихъ посрамились, увидѣвъ человѣка, не знающаго грѣха. Посрамись, діаволъ! Вотъ плоть, вотъ тѣло моего Владыки. Потому-то онъ и ходилъ все время около, говоря: если Сынъ Божій этотъ человѣкъ, то какъ же все-таки Онъ не грѣшитъ, когда всѣ остальные подъ грѣхомъ? Но вѣдь грѣхъ не есть дѣло природы, а свободной воли; вотъ Я и покажу человѣка въ здоровомъ его видѣ, сосудъ очищенный, безъ всякой нечистоты. Предъ лицомъ всего народа Онъ говорилъ: *кто отъ васъ обличаетъ Мя о грѣсѣ* (Іоан. VIII, 46)? и никто не нашелся сказать что-нибудь. Что же дальше? Подходитъ къ тѣмъ, кто до того времени болѣлъ, дѣйствуя на нихъ словами, какъ врачъ дѣйствуетъ лѣкарствами. Тебѣ не будетъ худо, если ты будешь соблюдать цѣломудріе; болѣзнь тяжела, но излѣченіе возможно. Убѣждаетъ ихъ: *пріидите ко Мнѣ вси труждающіися и обремененніи, и Азъ упокою вы* (Мѳ. XI, 28). Обременены были больные; болѣзнь, распущенность, блудъ, воровство, ложь, лжесвидѣтельство—вѣдь все это—бремя, и не такъ тяжела какая-нибудь ноша, какъ нечистая совѣсть. Но такъ какъ больной боится врача, — въ особенности, когда болѣзнь серьезная, — чтобы онъ не сталъ рѣзать, прижигать, и многіе изъ больныхъ предпочитаютъ умереть отъ болѣзни, чѣмъ перенести болѣзненную операцію и затѣмъ — взамѣнъ этого страданія — пользоваться здоровьемъ, то, чтобы кто не испугался того, что Онъ пришелъ, и не сталъ говорить: „Онъ требуетъ отъ насъ отвѣта за грѣхи, Онъ взыскиваетъ съ насъ за наши проступки, Онъ накажетъ насъ и потомъ будетъ насъ исправлять“, чтобы подъ вліяніемъ подобной мысли

кто-нибудь не вздумалъ бѣжать, Онъ и говоритъ: *пріидите ко*
33 *Мнѣ. Не пріидохъ да сужду міровы, но да спасу міръ* (Іоан. xii, 47).
Не бойтесь: у Меня нѣтъ ни ножа, ни огня для прижиганія, Я не жгу, не рѣжу; Мое врачеваніе безболѣзненно, у Меня лѣченіе не тяжелое. Если не вѣрите, вотъ вамъ и примѣры: блудница, разбойникъ, волхвы, мытарь, хананеянка — вотъ наглядные примѣры (Моего врачеванія). Развѣ Я жегъ? Развѣ Я рѣзалъ? Блудница пролила слезы — и стала честнѣе дѣвъ; волхвы поклонились—и сдѣлались благовѣстниками; хананеянка пришла—и получила исцѣленіе для своей дочери. *Не пріидохъ да сужду міровы, но да спасу. Пріидите вси труждающіися и обремененніи.* Таковы Мои слова. Я — Владыка, Я не имѣю нужды, Я не рабъ, подчиненный закону. Законъ обвиняетъ тебя, но Я разрѣшаю это обвиненіе, Я упраздняю самого обвинителя. Какъ? Благодать дѣлаетъ его излишнимъ. Пророки обвиняютъ, но Я даю больше свободы. Итакъ, придя и найдя природу нашу въ болѣзненномъ состояніи, однихъ (погрязшими) въ прелюбодѣяніи, другихъ преданными блуду, и самый воздухъ зараженнымъ дымомъ и смрадомъ, и все прочее,—что Онъ предпринимаетъ? Видя родъ нашъ изнемогающимъ въ жару, Онъ омываетъ его; прежде всего говоритъ: омойся и исцѣлись отъ недуга; омываетъ въ купели возрожденія и помазываетъ: помазываю тебя помазаніемъ мура, и омываю, и возрождаю тебя. И такова сила этого омовенія? Именно—такова. Сойди внизъ. Сходитъ (въ купель) — и становится новымъ человѣкомъ. Безъ всякаго орудія? Безъ разсѣченія и боли? Польза въ соединеніи съ удовольствіемъ? Врачеваніе безъ отягощенія? Что же намъ дѣлать, чтобы спастись? Мы совершили безчисленное множество золъ, совѣсть наша развращена, мы погибли. Онъ говоритъ, чтобы мы крестились, и чрезъ то спасемся; и дѣйствительно, беретъ насъ, помазываетъ, омываетъ, затѣмъ питаетъ твердою пищею. Да, послѣ того, какъ больной сталъ невиннымъ, Онъ питаетъ его, и, при томъ, питаетъ Своимъ собственнымъ тѣломъ, а пить даетъ ему Свою собственную кровь, т. е. кровь Его—безгрѣшнаго. А такъ какъ и ты вышелъ изъ купели безгрѣшнымъ, то, взявъ такое тѣло, Онъ помазываетъ, омываетъ, питаетъ его. Вотъ это и будетъ новая тварь. Когда входитъ (въ купель) блудникъ и выходитъ праведникъ, развѣ это не новая тварь? Когда входитъ хищникъ и оставляетъ свои грѣхи, развѣ онъ не является новымъ твореніемъ? Вотъ каково твореніе бла-
34 годати. Но смотри, и въ жизни (продолжается это) твореніе.
Сколько блудницъ оставили зрѣлища, отвергли шелковыя одежды, питались пепломъ, облачились въ власяницы, и теперь проводятъ жизнь во Христѣ? Развѣ это не новая тварь? Когда ты видишь,

что блудница перестала быть блудницей, но превосходитъ своею скромностью дѣву, скажи себѣ: у ней создана душа, ея сердце переродилось, ея прежній характеръ измѣнился заново; она уже не стремится на зрѣлища, она уже не влечетъ другихъ къ гибели, но и сама спасается; она уже не соблазняетъ другихъ, но служитъ ихъ спасенію, такъ какъ и (другіе) блудники, видя ее, становятся цѣломудренными. Признаешь, что это новое творепіе? Когда ты видишь, что хищникъ, язычникъ, лижущій жертвенники, неистовствующій противъ христіанъ, обирающій тысячи сиротъ, обнажающій тысячи вдовъ,—что такой, сдѣлавшись христіаниномъ, отдаетъ свое собственное имущество бѣднымъ и проводитъ ночи въ молитвѣ, скажи себѣ: этотъ человѣкъ созданъ (вновь). *Тѣмже аще кто во Христѣ, нова тварь.* И замѣть, всюду во вселенной эта новая тварь. Когда ты видишь иноковъ, поселившихся въ горахъ, распинающихъ себя, подавляющихъ необходимыя требованія природы, подражающихъ въ безстрастіи ангеламъ, это ли (не подтвержденіе словъ): *тѣмже, аще кто во Христѣ, нова тварь?* Перенесись въ Персію, хотя бы не тѣломъ, а лишь воображеніемъ: и что же? тамъ, гдѣ можно было жениться на матери, нынѣ подвизаются въ дѣвствѣ. Дѣйствительно, *аще кто во Христѣ, нова тварь.* Вплоть до царей вѣнценосныхъ можешь ты прослѣдить это новое твореніе. Прежде цари все наполняли своимъ нечестіемъ, а нынѣ они идутъ въ церковь; и хотя цари всѣмъ внушаютъ страхъ, но нынѣ и сами они имѣютъ страхъ предъ церковью. Кто осмѣлится сказать царю: оставь твой вѣнецъ? А церковь говоритъ ему, и онъ подчиняется и идетъ (въ храмъ) съ обнаженной головой, безъ чьего-либо приглашенія, но лишь по внушенію своего разума; (стоитъ здѣсь) съ главою обнаженною и ничѣмъ неукрашенною; отлагаетъ вѣнецъ и беретъ крестъ. Къ этой трапезѣ приступаетъ одинаково и царь, и нищій, а не такъ, чтобы—царь иначе, а нищій—иначе. И не скажетъ царь: дай мнѣ побольше, а этому нищему поменьше, но (скорѣе скажетъ): съ тѣмъ же самымъ смиреніемъ, съ тѣмъ же самымъ благоговѣніемъ, какъ этотъ нищій, приступаю и я. *Тѣмже, аще кто во Христѣ, нова тварь.* За все это возблагодаримъ Бога, потому что Ему слава во вѣки. Аминь.

IX. Его же, на слова: сей есть Сынъ Мой возлюбленный, о Немже благоволихъ (Мѳ. XVII, 5).

33 Любвеобильный нашъ отецъ, по своему къ намъ расположенію, предоставилъ мнѣ слово и на принесенную ему вами за меня благодарность отвѣтилъ настоящимъ поступкомъ, пользу своихъ чадъ почитая собственной выгодой. Я съ радостію принялъ это его порученіе и опять возвышаю среди васъ свой голосъ и съ готовностью берусь за продолженіе моей прежней бесѣды. Въ прошлое воскресенье я показалъ вамъ Христа, вмѣстѣ съ рабами своими приходящаго креститься; показалъ также Крестителя, узнавшаго пришедшаго Владыку и отказывавшаго ему въ крещеніи, но затѣмъ—по повелѣнію Спасителя—исполнившаго свое служеніе дѣлу спасенія; изобразилъ наконецъ Бога и Отца Господа нашего Іисуса Христа, возвѣстившаго съ неба: *сей есть Сынъ Мой возлюбленный, о Немже благоволихъ*,—и дойдя до этого свидѣтельства, я оставилъ эту каѳедру, такъ какъ наступила уже пора прекратить бесѣду. И вотъ сегодня я желаю возобновить то, что тогда по недостатку времени вынужденъ былъ оставить, и раскрыть смыслъ этихъ словъ, чтобы, уразумѣвъ ихъ, вы чрезъ нихъ возвысились къ Виновнику ихъ, т. е. Сыну. *Сей есть Сынъ Мой возлюбленный, о Немже благоволихъ.* Это—Сынъ Мой, вмѣстѣ со Мною ниспославшій на Себя Духа Святаго и въ то же время воспринявшій Духа, котораго послалъ; это — Онъ, прежде всѣхъ вѣковъ отъ Меня рожденный, а не сотворенный, Богъ отъ Меня единаго рожденный, единородный, какъ одинъ Я знаю и какъ Онъ одинъ знаетъ; это — отобразъ Моего совершенства, это — въ Себѣ самомъ отпечатлѣвшій Мое божество; вотъ Онъ — ясный образъ Моей ипостаси. Это Мой Сынъ, изъ Моего существа безтѣлесно, неизмѣнно, безвременно возсіявшій, не отъ другой ипостаси получившій начало. Это Сынъ Мой по при-
34 родѣ, а не по благодати, Сынъ Мой — совѣчный Мнѣ, совѣчный, а не юнѣйшій, не получившій бытіе позднѣе; Сынъ Мой — единосущный Мнѣ, какъ свѣтъ отъ свѣта, какъ жизнь отъ жизни, какъ истина отъ истины, какъ сила отъ силы, какъ Богъ отъ Бога. Я родилъ, Онъ рождается; между Мною и Имъ нѣтъ ничего посредствующаго. Я родилъ, какъ прилично было родить Мнѣ, Богу по природѣ; Онъ рожденъ, какъ прилично было быть рожденнымъ Богу Слову. Названіе рожденія—человѣческое, но предвѣчное рожденіе—таинственно. Время не знаетъ тайны Моего рожденія, не знаютъ его (вѣдь они произошли позднѣе) херувимы и серафимы, многоличные и многоочитые; крылами какъ руками

закрывая свои лица, они неумолчно взывають: *свять, свять, свять, Господь Саваоѳъ* (Иса. vi, 3). Не говорятъ они: святой, очень святой, святѣйшій; не устанавливаютъ нисходящаго и опять восходящаго порядка въ Божествѣ; не разсѣкаютъ единой сущности на неравныя начала; не доискиваются того, чего не видятъ; славословятъ, не любопытствуя; благоговѣютъ, покланяются, не оспаривая единства Святой Троицы; одинаковое Мнѣ и Сыну Моему и Духу славословіе возносятъ; ихъ жизнь несмолкаемое пѣніе и самая эта безконечная мелодія становится для нихъ жизнью. *Небеса повѣдаютъ славу Божію* (Пс. xvIII, 1), славу Бога, сотворившаго ихъ. Не изслѣдуютъ они существа Творца: *небеса повѣдаютъ славу Божію*, видомъ своимъ, а не звукомъ голоса. Пророки не могли постигнуть непостижимаго; человѣческая природа безсильна Его понять; умъ не можетъ вмѣстить невмѣстимаго; слово не въ состояніи изобразить вочеловѣчившееся Слово: одна только вѣра объемлетъ необъятнаго, одна только вѣра даетъ понятіе о невидимомъ, одна только вѣра приближаетъ къ недостижимому, приближаетъ, насколько она можетъ вмѣстить. *Сей есть Сынъ Мой возлюбленный, о Немже благоволихъ*. Онъ—Мой соработникъ, но не слуга; Онъ сотворилъ небо и землю; Онъ утвердилъ надъ землею сводъ неба; Онъ раскинулъ небо какъ кожу; Онъ сдѣлалъ 35 звѣзды по виду похожими на глаза; Онъ сдѣлалъ солнце вождемъ и начальникомъ дня; Онъ съ ночнымъ мракомъ сочеталъ сіяніе луны, сообщающее ночи оттѣнокъ грусти; Онъ далъ воздуху нѣжную упругость, благодаря которой онъ легко вдыхается всѣми живущими въ немъ, безъ труда разступается предъ лицомъ идущихъ и опять смыкается за спиною ихъ. Онъ скрылъ въ нѣдрахъ земли корни растеній, употребивъ повелѣніе свое вмѣсто сѣмени, и лице земли увѣнчалъ безчисленными травами и цвѣтами; Онъ чудесно разграничилъ сушу и море зыбкимъ пескомъ, предъ которымъ море остается въ своихъ границахъ, не осмѣливаясь выйти и устремиться на сопредѣльную ему землю. Онъ установилъ оборотъ часовъ и смѣну временъ года и пріятное чередованіе лѣтъ; Онъ устроилъ видимую и невидимую тварь, не нуждаясь въ содѣйствіи времени, не требуя орудій для работы, не обливаясь потомъ, но лишь пожелавъ и все легко осуществивъ. Онъ далъ знакъ, и Его мановеніе дало бытіе существующему; Онъ только помыслилъ, и мановеніе Его исполнилось; Онъ назвалъ не сущее, какъ сущее; какъ бы уже существовавшее ранѣе, и послушное Владычнему зову, оно съ трепетомъ поспѣшило на этотъ зовъ. Онъ — Тотъ, съ которымъ совѣтуясь, Я сказалъ: *сотворимъ человѣка по образу нашему и по подобію* (Быт. I, 26). Онъ вмѣстѣ со Мною создалъ человѣка и

Онъ же потомъ ради человѣка сдѣлался человѣкомъ, не измѣнившись въ то, чѣмъ сталъ, сдѣлавшись человѣкомъ — чрезъ воспріятіе начатковъ человѣчества, и не утративъ блеска Божества, ставъ человѣкомъ и пребывая Богомъ. Это—Онъ, который отъ Моихъ нѣдръ не отлучился и въ нѣдрахъ Маріи вселился; это—Онъ, и во Мнѣ пребывающій неотлучно, и въ ней обитавшій неописанно; это—Онъ, и на небесахъ находящійся неотступно, и чрезъ утробу дѣвическую прошедшій невозбранно; какъ созданіемъ этой утробы Онъ не осквернилъ Себя, такъ и, поживъ въ ней, остался незапятнаннымъ. Онъ явился изъ чрева Маріи, какъ сіяющій женихъ изъ безневѣстнаго чертога; Онъ Своимъ рожденіемъ почтилъ рожденіе и запечатлѣлъ дѣвство родившей Его; Онъ чрезъ дѣвственныя врата прошелъ въ этотъ міръ, откуда Онъ никогда не отлучался, сохранивъ невредимыми заключенныя врата невинности; Онъ носимъ былъ во чревѣ Матери Своей и въ то же время самъ носилъ все. Онъ, какъ младенецъ, питался материнскимъ молокомъ, а самъ питалъ всю природу, какъ ея питатель; Онъ, какъ дитя, повитъ былъ дѣтскими пеленками, а самъ, какъ Богъ, расторгалъ пелену грѣховъ; Онъ возлежалъ въ ясляхъ и звѣздою былъ указанъ какъ Творецъ звѣздъ; Онъ былъ преслѣдуемъ Иродомъ, а Симеономъ привѣтствованъ какъ Господь; Онъ бѣжалъ въ Египетъ и низложилъ тамъ египетскихъ идоловъ, и на Немъ исполнилось мое пророчество: *отъ Египта воззвахъ Сына Моего* (Мѳ. II, 15); Онъ преуспѣвалъ возрастомъ тѣлеснымъ, но не божественной Своей природой,—да и какъ могъ бы возрастать вездѣсущій и все наполняющій? Это—Онъ, пріявшій крещеніе отъ Крестителя и просвѣтившій свое созданіе. *Сей есть Сынъ Мой возлюбленный, о Немже благоволихъ.* Не два разныхъ лица—Мой Сынъ и Сынъ Маріи; не два разныхъ лица—преклонившійся (до рожденія) въ пещерѣ и принявшій поклоненіе отъ волхвовъ; не два разныхъ лица—этотъ крещенный и тотъ, никогда не крещенный, но именно *сей есть Сынъ Мой*. Онъ—вмѣстѣ и въ умѣ представляемый, и очами созерцаемый; Онъ—одинъ невидимый и видимый вами, вѣчный и подвременный; Онъ—единосущный Мнѣ по божеству, и единосущный вамъ по человѣчеству—во всемъ, кромѣ грѣха. Не ищите на землѣ Его отца по плоти: здѣсь Онъ безъ отца; не ищите Его матери по божеству на небѣ: тамъ Онъ безъ матери. Не отдѣляйте Его божества отъ Его человѣчества; не будьте злыми разлучниками неразлучимаго; не разъединяйте человѣчество Его отъ Его божества, потому что по соединеніи оно (съ нимъ) не раздѣльно и несліянно. Не раздѣляйте того, что въ Немъ соединилось, но познавайте то, что въ Немъ есть. Не дѣлите единое

лицо Христа на два лица; на мѣсто единаго единороднаго не ставьте двухъ единородныхъ; не полагайте отдѣльно Моего Сына 36
и отдѣльно воспринятаго Имъ человѣка; не дерзайте нарушать неслiянное единство, которое не подлежитъ расторженiю; не почитайте воплотившагося Господа—ни просто Богомъ, ни только человѣкомъ, но вѣруйте, что Онъ вмѣстѣ и Богъ и человѣкъ, что одинъ и тотъ же Онъ всегда остается человѣкомъ и всегда есть Богъ; не всегда Онъ былъ человѣкомъ, но съ того времени былъ и сталъ человѣкомъ, когда по своей волѣ прiобщился къ сѣмени Авраама. Если этого Моего Сына вы увидите голоднымъ, томимымъ жаждою, спящимъ, ходящимъ, утомленнымъ, бичуемымъ, или распинаемымъ добровольно, или пригвождаемымъ ко кресту безъ сопротивленiя, или умерщвляемымъ по собственной Его волѣ, или—по смерти—охраняемымъ стражей при гробѣ, гдѣ лежало тѣло Его,—все это относите къ Его плоти. Напротивъ, если вы увидите, что этотъ Мой Сынъ словомъ очищаетъ проказу, бренiемъ исцѣляетъ слѣпоту глазъ, однимъ словомъ восполняетъ природу, пятью хлѣбами насыщаетъ пять тысячъ, и изъ рукъ учениковъ своихъ, какъ бы съ поля, собираетъ никѣмъ не сѣянный самородный хлѣбъ, разъяренное море, воздымающее волны подобно вершинамъ горъ, усмиряетъ своимъ голосомъ и по водѣ какъ по сушѣ шествуетъ,—все это относите къ Его божеству. Не подумай, что высокое изъ дѣлъ принадлежитъ комунибудь одному, а низкое изъ наблюдаемаго въ Немъ кому-нибудь другому, но и то, и другое считайте принадлежащимъ одному и тому же: Ему принадлежитъ все божественное, Ему принадлежитъ все человѣческое, Его чудеса, Его же и страданiя. Одинъ и тотъ же Сынъ Мой и дѣла божества Своего творитъ, и всѣ дѣла плоти Своей усвояетъ Себѣ. *Сей есть Сынъ Мой возлюбленный, о Немже благоволихъ.* Онъ—и виноградная лоза, и дверь для заблудшихъ овецъ,—лоза, имѣющая свой корень на небесахъ, а свои вѣтви раскидывающая по землѣ, лоза, развѣтвляющаяся въ стволѣ, а не въ корнѣ, лоза, послѣ трехдневнаго прозябанiя произраставшая виноградъ воскресенiя. Онъ есть дверь, потому что чрезъ Него вѣрующiй приходитъ ко Мнѣ; Онъ есть посредникъ между Мною и Моими рабами, потому что соединяетъ со Мною тѣхъ, кто ко Мнѣ стучится. *Сей есть Сынъ Мой возлюбленный* и въ то же время агнецъ, iерей и вмѣстѣ жертва, одинъ и тотъ же и приносящiй и приносимый, и священнодѣйствуемый и жертву принимающiй. Впрочемъ, вы уже знаете и понимаете то, что объ Единородномъ сказаны были Отцомъ послѣ крещенiя эти слова. А когда Христосъ преобразился на горѣ предъ Своими учениками и лице Его испускало сiянiе, предъ

которымъ исчезали лучи солнца, тогда опять раздались эти же самыя слова: *сей есть Сынъ Мой возлюбленный, о Немже благоволихъ.* Значитъ, не разъ называлъ Отецъ Своего Сына сыномъ, какъ единственнаго Сына, и этими словами — какъ бы рукой— указывалъ Своего Единороднаго, очевидно, ради тѣхъ, кто покушается раздѣлить Его съ Отцомъ, кто утверждаетъ, что безвременный родился во времени, кто причисляетъ къ твари Создателя твари, кто порабощаетъ освободителя, кто изобрѣтаетъ второго сына. Потому-то постоянно и подтверждается: *сей есть Сынъ Мой возлюбленный, о Немже благоволихъ: того послушайте* (Мѳ. XVII, 5; ср. 3, 17; Мрк. IX, 17; Лк. III, 22; IX, 35). Если Онъ скажетъ: *Азъ и Отецъ едино есма* (Іоан. X, 30); если Онъ скажетъ: *видѣвый Мене видѣ Отца* (Іоан. XIV, 9); если Онъ скажетъ: *Азъ во Отцѣ, и Отецъ во Мнѣ* (Іоан. XIV, 10, 11; ср. X, 38), — слушайте Его. Если Онъ скажетъ: *пославый Мя* (Іоан. XII, 49) *Отецъ болій Мене есть* (Іоан. XIV, 28),—удивляйся Его смотрительному снисхожденію. Если Онъ скажетъ: *сіе есть тѣло Мое, еже за вы даемо* (Лк. XXII, 19), и: *сія есть кровь Моя (яже за многія изливаема) во оставленіе грѣховъ* (Мѳ. XXVI, 28),—слушайте Его. Не какъ бы отдѣляя плоть Свою отъ божества, говоритъ Онъ это, потому что не отдѣляется плоть въ этихъ словахъ, но тѣлесное присвояется божеству и божественное усвояется тѣлу, и не другому кому-либо (то и другое принадлежитъ) помимо Его. Если Онъ скажетъ: *прискорбна есть душа Моя до смерти* (Мѳ. XXVI, 38),—такъ какъ Онъ усвоилъ Себѣ наши душевныя состоянія, сами по себѣ непостыдныя,—слушайте Его. Никакого вѣдь нѣтъ въ Немъ раздѣленія между плотью и божествомъ: все богоприличное и человѣческое мы исповѣдуемъ и возводимъ къ единому лицу и единой ипостаси и природѣ воплотившагося Бога нашего Іисуса Христа. Этому научены мы отъ Бога и Отца; этому наставлены
37 отъ единороднаго Сына Божія; въ этомъ утверждены мы Духомъ Святымъ; это возвѣщено священными писаніями, это проповѣдано святыми отцами. Итакъ, это мы приняли, это узнали, это и будемъ содержать. Зачѣмъ же сражаемся мы попусту другъ съ другомъ? Зачѣмъ поражаемъ другъ друга — мы, наученные любить и ненавидящихъ насъ? Зачѣмъ, забывая вѣровать, состязаемся о вѣрѣ? „Рожденъ, не рожденъ; пострадалъ, но не пострадалъ; воскресъ, но не воскресъ". Почему судимъ освободителя? Зачѣмъ требуемъ отчета у благодѣтеля? Однажды захотѣлъ Онъ и, какъ именно захотѣлъ, пришелъ, и пострадалъ, и умеръ, и воскресъ, и вознесся на небеса, и придетъ судить живыхъ и мертвыхъ—въ нашемъ образѣ, въ какомъ приходилъ и въ тотъ разъ, потому что не разстался Онъ съ тою плотью, кото-

рую столь возлюбилъ, не отбросилъ ее, которою столь дорожилъ, не оставилъ во гробѣ оболочки Своего тѣла, но въ томъ же видѣ придетъ опять, какъ Судія живыхъ и мертвыхъ, чтобы увидѣлъ Іуда, кого продалъ онъ богоубійцамъ, чтобы узрѣли іудеи, какую главу увѣнчали они терновымъ вѣнцомъ; и когда увидятъ они Его возсѣдающимъ на престолѣ Судіи, а херувимовъ и серафимовъ со страхомъ и трепетомъ предстоящими Ему, и скажутъ: „мы этого не распинали, мы осудили другого—какого-то Іисуса Назорея изъ Виѳлеема", тогда Онъ покажетъ имъ Свое ребро, и увидятъ они, кого они пронзили, и—даже противъ воли—поклонятся Ему. Итакъ, зачѣмъ, не заботясь о томъ, чтобы вѣровать, мы состязаемся о вѣрѣ? Зачѣмъ исполняемъ желаніе общаго нашего врага? Вѣдь, конечно, діаволъ, эта язва всего человѣческаго рода, разсудилъ, что дѣло благочестія цвѣтетъ, когда среди насъ царствуетъ тишина, что добрый порядокъ жизни крѣпнетъ, когда сіяетъ вѣра, и что, когда боголюбивое теченіе жизни преуспѣваетъ, то живущіе такъ приближаются къ блаженству и мы становимся угодными Создателю, спѣшимъ къ Возлюбленному нами, чтобы взойти туда, откуда онъ (діаволъ) ниспалъ,—и смотрите, что онъ сдѣлалъ, какъ хитро и коварно возбудилъ онъ среди насъ войну, искусный вдохновитель зла, умудренный въ обманахъ, изобрѣтательный въ козняхъ, неистощимый во всякаго рода злыхъ замыслахъ. Онъ возбудилъ нѣкоторыхъ ратовать подъ 38
видомъ благочестія, и стремленіе къ вѣрѣ вооружилъ противъ самой вѣры, всѣмъ благочестивымъ внушилъ душепагубную страсть къ спорамъ, члены церковнаго тѣла возстановилъ другъ противъ друга, чтобы вдоволь смѣяться, видя, какъ послѣдовавшіе его совѣтамъ терпятъ отъ него же пораженія, своими взаимными распрями доставляютъ ему удовольствіе и даже по столь горькому опыту не догадываются, кто виновникъ этого зла. Итакъ, лишимъ же эту главу зла доставляемаго ей удовольствія и торжество его обратимъ въ печаль и невыразимое горе; возлюбимъ миръ, столь для него ненавистный; оставимъ взвѣшивать и размѣрять выраженія догмата; откажемся отъ желанія быть учителями своихъ наставниковъ; возненавидимъ словопреніе, лишь развращающія слушателей; будемъ вѣрить такъ, какъ предали отцы. Мы не мудрѣе отцовъ, не точнѣе своихъ учителей; мы не пастыри пастырей, но овцы. Не овцы пасутъ пастырей, но пастыри овецъ. Въ мирѣ призвалъ насъ Богъ, а не въ брани; останемся же въ томъ, въ чемъ призваны. Устрашимся таинственной трапезы, на которой становимся причастниками небесныхъ таинствъ; не будемъ, раздѣляя одну и ту же трапезу, коварствовать другъ противъ друга; не будемъ здѣсь общниками,

а за порогомъ врагами; не будемъ здѣсь единовѣрными, а за порогомъ разноплеменными,—чтобы не сказалъ и о насъ Христосъ: *сыны родихъ и возвысихъ* и напиталъ ихъ Своею кровью, *тіи же отвергошася Мене* (Иса. I, 2). Самъ же Спаситель всѣхъ, Устроитель мира, да изгонитъ изъ васъ смутотворнаго и бранолюбиваго діавола, самъ и церквамъ Своимъ да подастъ тишину, самъ да оградитъ эту священную паству, самъ да соблюдетъ ея пастыря, самъ да сохранитъ благочестиваго и христолюбиваго царя нашего, самъ да соберетъ въ ограду свою заблуждшихся овецъ, *да будетъ едино стадо и единъ Пастырь* (Іоан. X, 16), во Христѣ Іисусѣ Господѣ нашемъ, Которому слава во вѣки вѣковъ. Аминь.

X. Его же, на евангельское чтеніе, и о дѣвствѣ, и увѣщаніе къ падшимъ дѣвамъ.

37 Слово Божіе ничего не говоритъ безцѣльно, ничего не сообщаетъ таинственнаго, что не имѣло бы отношенія къ дѣлу нашего спасенія. И здѣсь, куда я направилъ свое вниманіе, сжатость мысли побудила меня изслѣдовать и посмотрѣть, что именно означаетъ сказанное Владыкой въ Евангеліи. Хотя народу Онъ многое предлагалъ въ притчахъ, однимъ поясняя трудное, другимъ открывая то, что намъ извѣстно, но, сообщая ученіе о спасеніи, Онъ, какъ благой и человѣколюбивый, далъ ясный и несомнѣнный опытъ загадокъ: съ одной стороны, какъ въ нашихъ обычныхъ дѣлахъ найти подтвержденіе данной мысли, съ другой—какъ уловить самый смыслъ сказаннаго. Говорилъ Владыка, что узокъ и тѣсенъ *путь, вводяй въ животъ, и мало ихъ есть, иже обрѣтаютъ его*, но просторенъ и широкъ *путь, вводяй въ пагубу, и мнози суть входящіи имъ* (Мѳ. VII, 14, 13) [1]. Это выраженіе смущаетъ и вызываетъ недоумѣніе, почему Онъ говоритъ: широкъ *путь, вводяй въ пагубу?* Не знаетъ Христосъ этого пути, потому что онъ не отъ Него. Значитъ, это сказано примѣнительно къ намъ, это—загадка, заключающая въ себѣ для насъ лѣкарство.

Какая милость, какое человѣколюбіе, какая заботливость со стороны Владыки! Онъ предлагаетъ вмѣстѣ и побѣду и пораженіе, и сожалѣніе и осужденіе. Я знаю, говоритъ Онъ, насколько склоненъ къ соблазну родъ человѣческій, насколько онъ привер-

---

[1]) Въ Слав. Библ. ст. 14: *узкая врата и тѣсный путь*; ст. 13: *пространная врата и широкій путь*.

женъ къ земному, знаю, какъ онъ близорукъ, какъ доступенъ соблазну, какъ неустойчивъ, какъ слабъ, какъ легко уловимъ (врагомъ), если не утверждается вѣрою: слышитъ Онъ о широкомъ пути, и бѣжитъ какъ птица въ ловушку; слышитъ объ
узкомъ, и убѣгаетъ отъ спасенія, не разузнавъ о пользѣ того и 38
другого. И вѣдь онъ хочетъ побѣды, но бѣжитъ отъ труда; и особенно услышавъ, что *многи скорби праведныхъ, и отъ всѣхъ ихъ избавитъ я Господь* (Пс. XXXIII, 20), не спѣшитъ къ такому заступнику, но бѣгомъ бѣжитъ прочь, не вѣдая, что удаляется отъ добра и подвергаетъ себя гибели. О, безуміе! Услышавъ, что *многи скорби праведныхъ*, ты смутился, человѣкъ, а услышавъ: *многи раны грѣшному* (Пс. XXXI, 10), ты не устрашился? А лучше сказать, ранъ-то ты устрашился, но страсти грѣховной не погасилъ. Почему широкъ и просторенъ путь гибели? Путемъ здѣсь называетъ Онъ жизнь, потому что широкимъ путемъ кажутся для заблуждающихся мірскія удовольствія. Но что можетъ быть для людей разсудительныхъ жалче этого? Вѣдь тотъ путь, который считается узкимъ, ведетъ къ небесамъ, а тотъ, который кажется широкимъ, увлекаетъ слѣдующихъ по нему въ адъ. Не подумай, возлюбленный, что и на самомъ дѣлѣ широкъ и хорошъ тотъ путь, разъ Господь употребилъ такое выраженіе. Соломонъ, напримѣръ, говоритъ, что медъ каплетъ съ устъ жены блудницы, но вѣдь это не соотвѣтствуетъ дѣйствительности,—какъ въ самомъ дѣлѣ можетъ когда-либо капать медъ съ устъ женщины?—но видимость обмана пріятна и эту-то обманчивость суетнаго удовольствія онъ и назвалъ медомъ. Такъ точно и здѣсь: широтою пути называетъ (Спаситель) различные виды удовольствій и всѣ наслажденія этой жизни. Послушайте меня вы, преклонившіе выю свою и принявшіе на себя доброе, легкое и блаженное иго, иночествующіе и дѣвы; послушайте меня всѣ вы, которые посвятили себя и предали тѣла свои Господу; послушайте меня вы, украшеніе Небеснаго Жениха; послушайте меня вы, превосходящія своимъ блескомъ солнце; послушайте меня вы, входящія въ (небесное) царство; послушайте меня вы, любез-
ныя Богу; послушайте меня вы, участницы Давидова хора; по- 39
слушайте меня вы, потомство Елизаветы; послушайте меня, послѣдовательницы Іоанна; послушайте меня, наслѣдницы Бога; послушайте меня вы, и подвигъ, и побѣду, и самого Подвигоположника носящія въ своемъ подвигѣ; послушайте меня, сестры Маріи; послушайте меня, матери и невѣсты и рабыни Христовы; но не меня, впрочемъ, послушайте, прошу васъ, а апостола, говорящаго: *молю убо васъ, братіе, представите тѣлеса ваша жертву живу, святу, благоугодну Богови* (Рим.

xii. 1). Заслуживаетъ вѣры этотъ проситель и не сталъ бы онъ просить подаянія. Посмотри, кто это тебя проситъ, и пусть эта просьба заставитъ тебя почувствовать трепетъ. Взошедшій до третьяго неба, удостоившійся (услышать) голосъ Бога, слышавшій неизреченные глаголы, умоляетъ: представьте тѣла ваши Богу въ чистотѣ. Что умоляешь, Павелъ? Что ты такъ заботишься о дѣвахъ? Не ты ли сказалъ: *о дѣвахъ повелѣнія Господня не имамъ* (1 Кор. vii, 25)? Не ты ли сказалъ: *честна женитва* (Евр. xiii, 4)? Не ты ли сказалъ: *не лишайте себе другъ друга* въ общеніи (1 Кор. vii, 5)? Почему же теперь проповѣдуешь невинность? Да и что еще заботишься ты о дѣвахъ? Ѳеклу ты исхитилъ отъ плотского брака и гибели и спасъ; что же теперь тебѣ безпокоиться о другихъ дѣвахъ? Да, говоритъ, я очень забочусь о чистомъ и чуждомъ страсти бракѣ. Если я установилъ порядокъ брака для людей, то съ гораздо большимъ усердіемъ я долженъ поработать въ этомъ отношеніи для Христа: вѣдь я—невѣстоводитель Христа. Мой Владыка не довольствуется одной дѣвой, Онъ не желаетъ ограничиться однимъ бракомъ; у Него много свадебныхъ даровъ, Его наслѣдство велико. И вотъ Онъ поручилъ мнѣ привести Ему многихъ (невѣстъ). Потому-то и говорилъ (апостолъ): *обручихъ бо васъ единому мужу дѣву чисту представити Христови* (2 Кор. xi, 2) Видишь, съ какою точностью выражается апостолъ, чтобы ты не подумалъ, что это плотской бракъ. О, слѣпота! О, неразуміе! Кажется, кто не пожелалъ бы этого нетлѣннаго и безпорочнаго брака, чистаго ложа, незапятнаннаго чертога, счастливаго сопряженія, безсмертнаго общенія, безстрастнаго дѣторожденія, ненарушимой супружеской вѣрности, неоскудѣвающаго приданаго, вѣчнаго наслажденія, беззаботной жизни, сочетанія со Христомъ, пребыванія съ ангелами, утѣшенія богоприличными пѣснопѣніями, благоуханія всѣхъ добродѣтелей, свѣтильника всесвѣтлаго, свободы всеукрашающей, восхожденія къ Богу, ликованія съ ангелами, укрѣпленія тѣла, чистоты душевной? Конечно, вступившая въ бракъ съ мужемъ заботится о томъ, какъ угодить тлѣнной плоти; еще не рождаетъ и уже оплакиваетъ свое горе; нерѣдко плачетъ она отъ мужа, плачетъ о безплодіи и бездѣтіи, плачетъ и при многочадіи, когда дѣти умираютъ; плачетъ, когда дѣти предаются безпорядочной жизни. А дѣва Господня заботится о томъ, какъ угодить Господу. Послушайте внимательно апостола, возглашающаго: *обручихъ васъ единому мужу дѣву чисту представити Христови.* Не сказалъ: тебя, но—*васъ*, чтобы ты не подумалъ, что онъ говоритъ о тѣлесномъ бракѣ. *Молю убо васъ*, говоритъ онъ, *представите тѣлеса ваша жертву живу, святу, благоугодну Богови* (Рим. xii, 1).

Это увѣщаніе касается всѣхъ, но въ особенности оно относится къ тѣмъ, кто подвизается въ святости. Желающіе свято приступить къ святому, если преуспѣютъ въ этомъ, достигаютъ великихъ и славныхъ вѣнцовъ; а кому не удастся довести до конца свое намѣреніе, тѣ испытываютъ ужасное паденіе. И, конечно, упасть съ высоты, — какъ это понятно и само собой, — опаснѣе, чѣмъ упасть на землѣ. Бѣднякъ, если онъ до конца своей жизни проживетъ въ бѣдности, легче переноситъ свои невзгоды, а для богатаго, впавшаго въ бѣдность, это испытаніе бываетъ хуже смерти. Точно такъ, по моему мнѣнію, гораздо горьче слезы и тягостнѣе печаль о паденіи дѣвы, чѣмъ тѣхъ, кто подобно свиньѣ каждый день валяется въ грязи и грѣшитъ, потому что для такихъ людей привычка грѣшить дѣлается уже легкой и незамѣтной. А о тѣхъ, кто растлилъ храмъ Божій, я думаю, нужно печалиться и горевать, сокрушаться и рвать на себѣ волосы, такъ какъ такое и столь великое сокровище утрачено. Но что съ тобою, дѣва? Когда и какой вражескій видъ 10
ввелъ тебя въ заблужденіе? Какіе мечи? Какія копья? Какіе щиты? Какой воинскій кличъ понудилъ тебя такъ скоро поступиться своей неприступностью? Ты была и городомъ, и храмомъ Христа, и стѣной города, и стражей какъ города, такъ и воротъ. Но, о, жалость! Какъ допустила ты врага безъ необходимости открыть эти ворота? Какъ въ короткое время прельстилась ты предать печать дѣвства, которую и Христосъ не нарушилъ, пройдя чрезъ нее? О, злая брань! Ты разрушила стѣну, осквернила храмъ твой святой, преступила обѣты брака, расторгнула (брачный) договоръ, утратила приданое, оказала пренебреженіе ложу Христову. Но, конечно, и залогъ свой ты потеряла. Ты не знаешь здѣшнихъ законовъ, какое наказаніе ожидаетъ прелюбодѣйцу? Что же будетъ тебѣ, которая осквернила ложе не равнаго себѣ раба, но Владыки нашего Господа Іисуса Христа, вѣчно живущаго, измѣнивъ Ему для тлѣнной и зловонной персти? Какъ оплакивать тебя, я не знаю. Ты ранена, когда никто съ тобой не сражался, ты обезглавлена безъ меча. За что судить тебя, я не знаю: за трусость ли или за отсутствіе совѣсти, за душегубство или за самоубійство? Таковъ вѣдь видъ этого безумія, что и не знаешь, что собственно здѣсь оплакивать. Развѣ ты забыла свои обѣты Христу? Не помнила невинности, съ какою ежедневно ты невидимо привлекала Христа къ своей груди и таинственно съ Нимъ ликовала? И почему же? Вѣдь и ты была Маріей до той поры, пока соблюдала свое дѣвство? Какой же воскъ порока залѣпилъ твои глаза? Какая тьма омрачила тебя до того, что ты члены Христовы сдѣлала членами

блудницы? О, горе! Зловоніе блудницы ты предпочла благовонію дѣвства. На грязь удовольствія ты промѣняла миро. Развѣ ты не помнила того умилительнаго часа, когда ангелы и люди, радуясь вмѣстѣ съ тобою, со свѣтильниками въ рукахъ, ввели тебя въ брачный чертогъ Христа, при пѣніи псалмовъ Давида, и тебя, нищую и бѣдную, всѣ стали величать невѣстою Христовою и царицею?

О, кто не сталъ бы оплакивать ту, которая царя оставила, соединившись съ кучей червей, которая пренебрегла царя, когда съ нимъ должна была сожительствовать и соцарствовать, а предпочла ему того, кому отъ царя же грозитъ ввергеніе въ геенну огненную? Почему же она вырыла себѣ такую яму? Да, ее соблазнила широта пути. Какая широта, спрашиваю я? Что обѣщалъ тебѣ твой наставникъ на этомъ гибельномъ пути, представитель геенны? Какое наслажденіе въ жизни предлагалъ тебѣ человѣкоубійца? Ты не слышала, о, дѣва, Господа, возвѣщающаго въ евангеліяхъ: *аще міръ весь* пріобрящеши, *душу же свою* отщетиши, *кая польза* тебѣ (Мѳ. XVI, 26; Мрк. VIII, 36)? Но, о, слѣпота! О, неразуміе! О, помраченіе! Подумай, дѣва, о своей гибели. Подумай, кого ты предпочитаешь, кого отвергаешь. Что получишь ты отъ твоего обольстителя? Мгновеніе удовольствія, смѣшаннаго съ грязью, и каплею нечистоты въ дѣвической утробѣ, плодъ грѣховнаго смѣшенія, а затѣмъ слѣдуетъ геенна огненная и червь неумирающій. Ужаснись этого безобразія! Ужели можно утверждать, что жить такъ значитъ пользоваться жизнью? Ужели это наслажденіе? Ужели это широта жизни? Что это за подчиненіе безумію? Но бодрствуй во всемъ и говори: *не неразумѣваемъ бо умышленій его* (2 Кор. II, 11). Радуйся всегда, какъ написано: *кротость ваша разумна да будетъ всѣмъ человѣкомъ* (Филипп. IV, 5). Страхъ Божій да свѣтится въ твоемъ сердцѣ. Не уподобляйся ни воину, бросившему свой щитъ, ни трусливому и лѣнивому работнику, не убѣгай отъ вѣнца. Жизнь коротка, а осужденіе — на долгое время. На него озираясь, братъ, настраивай сердце твое въ согласіи со святымъ (пророкомъ) и тверди себѣ: *мужайся, и да крѣпится сердце твое, и потерпи Господа* (Пс. XXVI, 14). Подражай Давиду и однимъ верженіемъ камня порази врага. Ангелы являются зрителями твоей жизни, *зане* позорище *быхомъ*, говоритъ апостолъ, *міру и ангеломъ и человѣкомъ* (1 Кор. IV, 9). Если увидятъ они, что ты побѣждаешь, радуются твоему успѣху; если увидятъ твою неудачу, отступаютъ опечаленные, зато демоны смѣются надъ тобою. Поэтому, вмѣсто меча вооружись страхомъ Божіимъ, потому что страхъ Божій есть мечъ обоюдуострый, поражающій всякую дурную похоть.

Итакъ, имѣй всегда страхъ Божій, постоянно памятуя тотъ 41
послѣдній день, когда небеса, охваченные огнемъ, распадутся, когда звѣзды, какъ листья (осенью), осыплются съ неба, а солнце и луна померкнутъ и не дадутъ свѣта своего; когда явится Сынъ Человѣческій и сойдетъ съ неба на землю, и силы небесныя поколеблются; когда и стремительныя движенія ангеловъ, и звуки трубъ нападающихъ, и предъ лицомъ Его—огонь, попаляющій и угрожающій поглотить вселенную, а кругомъ Его буря великая, ужасныя землетрясенія и громы, какихъ никогда не было и не будетъ до того дня, такъ что и самыя силы небесныя будутъ объяты великимъ трепетомъ. Что тогда будетъ съ нами, братіе мои? Какой ужасъ, какое содроганіе будемъ испытывать мы? Вспомни, какъ народъ израильскій въ пустынѣ не могъ стерпѣть тьмы и мрака, не могъ вынести голоса Бога, говорившаго съ нимъ изъ среды огня, но умолилъ Его, чтобы Онъ пересталъ говорить къ нимъ. Поистинѣ, не могли они сносить того, что Онъ говорилъ имъ, хотя Онъ пришелъ не съ яростью и говорилъ съ ними не съ гнѣвомъ, но утѣшалъ ихъ и удостовѣрялъ, что Онъ съ ними. Послушай же, братъ мой, если мы оказались не въ силахъ выдержать, когда Онъ пришелъ съ утѣшеніемъ намъ, когда ни небеса не были разрушены огнемъ, ни трубные звуки не раздавались такъ сильно, какъ будетъ звучать та труба, чтобы разбудить покоящихся вѣками во гробахъ, когда не было ни огня, поѣдающаго вселенную, ни чего-нибудь другого изъ тѣхъ, ожидающихъ насъ, ужасовъ, — что же будемъ мы дѣлать тогда, когда придетъ Онъ съ гнѣвомъ и яростью неудержимою и сядетъ на престолѣ славы Своей и (ангелы) соберутъ предъ Нимъ землю отъ востока солнца до запада и отъ всѣхъ предѣловъ земли, чтобы судить Ему народъ Свой и воздать каждому по дѣламъ его. О, горе! Каковыми должны быть мы, когда явимся тамъ, нагіе и обнаженные, чтобы предстать предъ этимъ страшнымъ судилищемъ? Горе, горе! Гдѣ будетъ тогда наше превозношеніе? Гдѣ будетъ тогда крѣпость тѣлесная? Гдѣ будетъ тогда красота, обманчивая и безполезная? Гдѣ будетъ тогда сладкогласіе человѣческое? Гдѣ будетъ тогда свобода въ обращеніи, доходящая до безстыдства и дерзости? Гдѣ будутъ тогда роскошныя одежды? Гдѣ будутъ тогда грѣховныя удовольствія, нечистыя и поистинѣ мерзкія? Гдѣ будутъ тогда почитающіе нечистоту мужскую за удовольствіе? Гдѣ будутъ тогда пьющіе вино подъ звуки тимпановъ и музыки? Гдѣ будетъ тогда надменность людей, не знающихъ страха? Гдѣ будетъ тогда нѣга и похотливость? Все миновало и какъ воздухъ, выдыхаемый изъ устъ, разсѣялось. Гдѣ тогда будетъ сребролюбіе и любостяжательность и рождающееся

отъ нихъ жестокосердіе? Гдѣ будетъ тогда безчеловѣчная гордость, всѣмъ пренебрегающая и только себя почитающая чѣмъ-то особеннымъ? Гдѣ будетъ тогда пустой и суетный успѣхъ и слава человѣческая? Гдѣ будетъ могущество и власть? Гдѣ будетъ тогда царь, гдѣ начальникъ, гдѣ правитель? Гдѣ будутъ тѣ, въ чьихъ рукахъ власть, надмевающіеся множествомъ богатства и презирающіе Бога? Тогда *видѣвше тако, удивишася: трепетъ пріятъ я: тамо болѣзни, яко раждающія, духомъ бурнымъ сокрушатся* (Пс. XLVII, 6—8). Гдѣ будетъ тогда мудрость мудрыхъ? Гдѣ суетныя ихъ измышленія? Увы, они *смятошася, подвигошася яко піяный, и вся мудрость ихъ поглощена бысть* (Пс. CVI, 27). *Гдѣ* тогда *премудръ, гдѣ книжникъ, гдѣ совопросникъ вѣка сего* суетнаго (1 Кор. I, 20)? Братъ мой, помысли, каковыми должны быть мы, когда будемъ давать отвѣтъ во всемъ, что сдѣлали, великомъ ли, маломъ ли,—вѣдь даже за праздное слово мы должны дать отвѣтъ праведному Судіи? Каковыми мы должны быть въ тотъ часъ, если окажемся достойными Его милости? Сколько радости придется испытать намъ при соединеніи съ стоящими по правую сторону Царя? Каковыми должны бы быть мы, когда стали бы привѣтствовать насъ всѣ святые? Вѣдь тамъ встрѣтятъ насъ—Авраамъ, Исаакъ, Іаковъ, Ной, Іовъ, Давидъ, и святые пророки, и апостолы, и мученики, и всѣ праведные, угодившіе Богу въ этой плотской жизни. И о комъ только ни слышалъ ты изъ таковыхъ мужей, дивясь ихъ жизни и желая тотчасъ же посмотрѣть ихъ самихъ, всѣ они тамъ придутъ къ тебѣ и будутъ привѣтствовать тебя, радуясь о твоемъ спасеніи. Итакъ, каковыми должны мы быть тогда? Какую поистинѣ неизглаголанную радость должны мы почувствовать, когда скажетъ Царь тѣмъ, которые по правую сторону, такъ ласково: *пріидите, благо-*
42 *словенніи Отца Моего, наслѣдуйте уготованное вамъ царствіе отъ сложенія міра* (Мѳ. XXV, 34). Тогда, братъ мой, получишь ты царственное достоинство и прекрасный вѣнецъ изъ руки Господа и затѣмъ будешь царствовать со Христомъ; тогда унаслѣдуешь ты тѣ блага, *яже уготова Богъ любящимъ Его* (1 Кор. II, 9); тогда уже будешь ты безпечаленъ, не зная болѣе никакого страха. Размысли, братъ, каково это—царствовать на небѣ. Вѣдь ты получишь, какъ я уже сказалъ, вѣнецъ изъ руки Господа и будешь впредь царствовать со Христомъ. Размысли, братъ мой, каково это—всегда видѣть лице Божіе, каково это—имѣть его свѣтильникомъ. Тогда вѣдь, какъ говоритъ Исаія, *не будетъ тебѣ ктому солнце во свѣтъ дне, ниже восходъ луны просвѣтитъ твою нощь, но будетъ тебѣ Господь свѣтъ вѣчный, и Богъ слава твоя* (Иса. LX, 19). Вотъ, братъ мой, какая радость ожидаетъ боящихся Господа и

соблюдающихъ заповѣди Его. Представь же себѣ послѣ этого гибель грѣшниковъ, когда влекутся они къ страшному судилищу: какой стыдъ объемлетъ ихъ предъ лицемъ праведнаго Судіи, и нѣтъ у нихъ слова въ свое оправданіе, какое посрамленіе они почувствуютъ, когда окажутся среди стоящихъ на лѣвой сторонѣ, какой мракъ нависнетъ надъ ними, когда *возглаголетъ къ нимъ гнѣвомъ Своимъ и яростію Своею смятетъ я* (Пс. II, 5), говоря: *идите отъ Мене прокляшіи во огнь вѣчный, уготованный діаволу и ангеломъ его* (Мѳ. XXV, 41)? Увы, увы! Какою скорбью и уныніемъ наполнятся души ихъ при общемъ кликѣ всѣхъ говорящихъ: *да возвратятся грѣшницы во адъ, вси языцы забывающіи Бога* (Пс. IX, 18)? О, горе! Какъ ужасно то мѣсто, гдѣ *будетъ плачъ и скрежетъ зубомъ* (Мѳ. XXV, 30),—эта такъ называемая преисподняя, которой и самъ сатана трепещетъ? Увы! Какъ ужасна геенна неугасающаго огня? Увы! Какъ ужасенъ этотъ червь неусыпающій и разъѣдающій? Увы! Какъ ужасны ангелы — совершители наказаній, безжалостные и немилосердные? Они вѣдь поносятъ и поражаютъ ужасно. Тогда осужденные воззовутъ къ Господу, но Онъ не услышитъ ихъ; тогда уразумѣютъ они, что суетнымъ осталось для нихъ все то, чѣмъ дорожили они въ этой жизни, и что считали они пріятнымъ здѣсь, тамъ оказалось горче желчи и яда. Гдѣ тогда будетъ лжеименное удовольствіе грѣховное? Вѣдь не можетъ и быть другого удовольствія, какъ бояться Бога. Вотъ это—истинное удовольствіе, оно поистинѣ какъ бы наполняетъ душу тукомъ и мастью. Тогда начнутъ (грѣшники) упрекать себя за тѣ дѣла, какія они сдѣлали; тогда исповѣдаютъ они, что праведенъ судъ Божій. Мы слышали это, скажутъ они, но не захотѣли отстать отъ своихъ лукавыхъ дѣяній. И тогда будутъ они взывать: горе мнѣ, зачатому въ неисчислимыхъ грѣхахъ! Число моихъ грѣховъ превзошло число песка морского, и я сдавленъ ими какъ бы многими желѣзными оковами. Я не смѣю и глазъ поднять, чтобы посмотрѣть на сводъ небесный. Къ кому же прибѣгну я, какъ не къ Тебѣ, Человѣколюбецъ, какъ не къ Тебѣ, Непамятозлобивый? *Помилуй мя, Боже, по велицѣй милости Твоей, и по множеству щедротъ Твоихъ очисти беззаконіе мое. Наипаче омый мя отъ беззаконія моего, и отъ грѣха моего очисти мя, яко беззаконіе мое азъ знаю, и грѣхъ мой предо мною есть выну. Тебѣ единому согрѣшихъ и лукавое предъ Тобою сотворихъ* (Пс. L, 3—6). Къ Тебѣ прибѣгаю, уповая на Твое великое милосердіе и благоутробіе; Тебя прогнѣвалъ я, но къ Тебѣ же и прибѣгаю, уповая на Твое незлобіе; Тебя я ослушался, но къ Тебѣ и прибѣгаю, зная Твою великую благость и человѣколюбіе, и, умоляя, взываю: *отврати лице Твое отъ грѣхъ моихъ и вся безза-*

конія моя очисти. Сердце чисто созижди во мнѣ, Боже, и духъ правъ обнови во утробѣ моей — единственно ради имени Твоего (Пс. L, 11, 12). Ничего не могу я принести Тебѣ: ни дѣла добраго, ни сердца чистаго, но, уповая на Твои щедроты, повергаюсь предъ Тобой, чтобы Ты послалъ мнѣ сокрушеніе сердечное, чтобы опять не подпасть мнѣ грѣховному влеченію, но отнынѣ служить Тебѣ въ святости и правдѣ во всѣ дни жизни моей, потому что Твое царство и Твоя держава во вѣки вѣковъ. Аминь.

43 Итакъ, умоляю васъ, братіе мои, въ ожиданіи всего этого потщитесь оказаться чистыми и непорочными предъ Нимъ въ мирѣ. Какъ только посѣтитъ тебя лукавый помыслъ, извлеки этотъ мечъ, т. е. страхъ Божій себѣ представь, и ты посѣчешь имъ всякую вражескую силу. А вмѣсто трубы употребляй Священное Писаніе. Въ самомъ дѣлѣ, какъ труба своими звуками собираетъ воиновъ въ строй, такъ и божественныя Писанія, обращаясь къ намъ, призываютъ наши помыслы къ страху Божію. Да къ тому же и помыслы наши, подобно воинамъ, также воюютъ съ врагами царя. И опять, какъ труба, звуча во время войны, воодушевляетъ молодыхъ и храбрыхъ противъ непріятелей, такъ и божественныя Писанія возбуждаютъ твое усердіе къ добру и укрѣпляютъ въ борьбѣ со страстями. Поэтому, братъ мой, сколько можешь, принуждай себя чаще заниматься чтеніемъ Писаній, чтобы держать въ порядкѣ свои помыслы,—иначе врагъ твой разсѣетъ ихъ своей хитростью, или внушая тебѣ дурныя пожеланія, или часто причиняя скорби, или даже направляя твои дѣла къ благополучію и удачѣ. А это онъ устраиваетъ благодаря своей хитрости и коварству для того, чтобы поселить отчужденіе между
44 Богомъ и человѣкомъ. И если ему не удается увлечь и погубить человѣка при помощи дурныхъ пожеланій, тогда уже онъ наноситъ ему скорби, чтобы омрачить его умъ и, воспользовавшись этимъ, посѣять то, что ему нужно. И, дѣйствительно, онъ начинаетъ тогда наводить человѣка на соотвѣтствующія обстоятельствамъ размышленія и съ клятвою утверждаетъ, что „съ того самого времени, какъ я усердствую къ добру, я сталъ переживать худые дни,—будемъ же дѣлать зло, чтобы вернулось къ намъ благо“. Тутъ-то, если кто окажется недостаточно бодрствующимъ, онъ, подобно аду, поглощаетъ его живымъ. А если и въ этихъ обстоятельствахъ онъ не можетъ повредить человѣку, тогда открываетъ предъ нимъ широкій путь и внушаетъ ему высокомѣріе и окружаетъ его лестью, которая пагубнѣе и опаснѣе всѣхъ страстей. Она дѣлаетъ человѣка гордымъ и безстрашнымъ, она увлекаетъ умъ въ пучину удовольствій, она располагаетъ

человѣка не признавать Бога, не помнить своей слабости и не вспоминать о днѣ смерти и суда; она—открытый путь для всѣхъ золъ. Тотъ, кто склоненъ шествовать по этому пути—широкому и нестѣснительному—скоро приходитъ въ объятія смерти. Этотъ-то путь и есть тотъ, который Господь указалъ въ словахъ: широкъ и просторенъ *путь, вводяй въ пагубу* (Мѳ. VII, 13).

XI. Святаго Іоанна Златоустаго слово о богопознаніи, и на Святое Богоявленіе, и къ новопросвѣщеннымъ.

Какъ люди, потерявшіе тѣлесное зрѣніе, нуждаются въ про- 43
водникахъ, чтобы не пострадать, упавъ по невѣдѣнію въ яму,—такъ и люди, у которыхъ омрачены очи души, нуждаются въ тѣхъ, кто бы наставилъ ихъ въ богочестіи, такъ какъ иначе они погибнутъ, по невѣдѣнію упавъ въ бездну золъ. И прежде весь родъ человѣческій страдалъ этимъ недугомъ слѣпоты; и какъ случается съ людьми, страдающими недостаткомъ зрѣнія, что они вмѣсто дѣйствительно существующаго часто видятъ совсѣмъ не существующее, такъ и люди, имѣющіе поврежденное зрѣніе духовное, вмѣсто одного и единственнаго Бога видѣли многихъ боговъ не существующихъ. Тогда Врачъ тѣлъ и душъ даровалъ людямъ законъ и пророковъ, врачуя ихъ слѣпоту и руководствуя ихъ къ познанію Его. Но люди отвергли это врачеваніе, предложенное имъ въ законѣ и пророкахъ. Они смежили очи свои, чтобы не видѣть, и закрыли уши свои, чтобы не слышать,—по словамъ пророка Исаіи,—чтобы не обратиться (къ Богу) и не быть исцѣленными (Иса. VI, 10). Подобное этому громогласно заявлялъ и другой пророкъ, Іеремія: *врачевахомъ Вавилона, и не исцѣлѣ* (Іер. LI, 9): врачеваніе на него не подѣйствовало. Вавилонъ значитъ „смѣшеніе", а смѣшаннымъ, дѣйствительно, и является человѣчество въ его слѣпотѣ. Но способъ лѣченія есть дѣло наилучшихъ врачей; лѣченіе застарѣлыхъ ранъ превышаетъ силы учениковъ. Такъ и Господь нашъ Іисусъ Христосъ, единородный Сынъ Божій, видя, что нечестіе людей не излѣчивается закономъ и пророками, сходитъ съ высоты небесъ, рождается отъ святой Дѣвы Маріи, прежде всего крестомъ низлагаетъ діавола, затѣмъ, плѣнивъ смерть, а своимъ тридневнымъ воскресеніемъ даровавъ миръ дальнимъ и ближнимъ, всѣхъ привелъ къ познанію того, что Онъ—Богъ. *Гдѣ ти, смерте, жало* (1 Кор. V, 55)? Отъ Бога это блаженство. Это провидѣвъ, пророкъ Давидъ говорилъ: *блажени, ихже оставишася беззаконія и ихже прикрышася*

грѣси (Пс. xxxi, 1). *Кто же можетъ оставляти грѣхи, токмо единъ Богъ* (Мрк. ii, 7; Лк. v, 21)? Люди, ублажая людей, не приносятъ имъ пользы, а часто даже вредятъ, какъ говоритъ пророкъ Исаія: *людіе мои, блажащіи васъ льстятъ вы, и стези ногъ вашихъ возмущаютъ* (Иса. iii, 12). Но ублажающій разумно оказываетъ услугу. Вотъ примѣръ въ подтвержденіе. Когда Господь спрашивалъ своихъ учениковъ: *кого Мя глаголютъ человѣцы быти* (Мѳ. xvi, 13)? то потомъ Онъ сказалъ Симону: *блаженъ еси Симоне варъ Іона,*
44 *яко плоть и кровь не яви тебѣ, но Отецъ Мой, иже на небесѣхъ* (Мѳ. xvi, 17)—небесный, а не тотъ, котораго на землѣ считали Его отцомъ. Ты произнесъ ублаженіе, дай же и награду царства небеснаго. Но вѣдь ты видѣлъ, какая награда слѣдуетъ за этимъ словомъ. Въ только что прочитанныхъ нами блаженствахъ мы слышали, что каждое изъ нихъ имѣетъ соотвѣтствующее ему обѣтованіе. Но возвратимся къ предлежащему намъ предмету настоящаго праздника. Прибытіе куда-либо царя земного обыкновенно доставляетъ радость и удовольствіе присутствующимъ. А такъ какъ здѣсь небесный Царь нисходитъ съ небесъ на землю, то не только мы—присутствующіе при этомъ Его явленіи—должны радоваться, но и вся земля вмѣстѣ съ нами торжествуетъ. Вѣдь если при восходѣ солнца все окружающее освѣщается имъ, то когда взошло Солнце правды, какъ не просвѣтится всякая душа въ эту свѣтоносную ночь, о которой пророкъ Давидъ, Духомъ Святымъ провидя, говорилъ: *яко тма не помрачится отъ тебе, и нощь яко день просвѣтится;* и еще: *яко тма ея, тако и свѣтъ ея* (Пс. cxxxviii, 12). Видишь, что говорится о настоящей ночи? Насколько мракъ ея видимъ для тѣлесныхъ глазъ, настолько свѣтъ ея созерзается очами души. О, свѣтоносная и удивительная ночь, свѣтлѣйшая всякаго дня! Всякій день смѣняется ночью, а эта свѣтоносная ночь не имѣетъ для себя смѣны, потому что *свѣтъ во тмѣ свѣтится, и тма его не объятъ* (Іоан. i, 5). Не привязывайся къ буквѣ, но вникай въ духъ. Свѣтъ—это единородный Сынъ Божій, а ночь—дѣла тьмы. Поэтому, когда твоя душа, бывшая во тьмѣ, просвѣщена явленіемъ этого свѣта, уже не могутъ владѣть тобою дѣла тьмы. Для того-то и явился этотъ свѣтъ, чтобы прогнать тьму; явилась жизнь, чтобы упразднить смерть; и прежде всего благовѣствуется о ней чрезъ ангеловъ пастухамъ, не для того, чтобы словами подтвердилось это чудо, но для того, чтобы пастыри словесныхъ овецъ въ этомъ нашли для себя побужденіе благовѣствовать людямъ о человѣколюбіи Божіемъ.

Мы поспѣшили воздать въ священномъ городѣ Виѳлеемѣ должное поклоненіе нашему общему Владыкѣ Богу, удостоив-

шему ради насъ вочеловѣчиться. Онъ явился на землѣ, снизойдя съ небесъ ради нашего спасенія, но не пересталъ пребывать и тамъ. *Еда небо и землю не Азъ наполняю, рече Господь* (Іер. XXIII, 24), говоритъ Іеремія, а Давидъ подтверждаетъ: *аще взыду на небо, Ты тамо еси: аще сниду во адъ, тамо еси* (Пс. CXXXVIII, 8). Еще на землѣ Онъ не вочеловѣчился, а уже пророкъ возвѣщаетъ о явленіи Его во адѣ. Значитъ, не великое дѣло, если бы и мы, совершивъ отъ нашего города этотъ небольшой путь, пошли бы
на то мѣсто поклониться. Пойдемъ опять и къ Іордану, чтобы 45
посмотрѣть совершавшіяся на немъ тайны, какъ море увидѣло своего Владыку и убѣжало, а *Іорданъ возвратися вспять* (Пс. CXIII, 3). Посмотримъ опять и Іоанна, совершающаго крещеніе надъ Тѣмъ, кто вземлетъ *грѣхъ міра* (Іоан. I, 29), и Отца, свыше свидѣтельствующаго о преславномъ снисхожденіи Своего Сына, и родного Имъ обоимъ Духа, сходящаго въ видѣ голубя и почивающаго на свидѣтельствуемомъ. О, преславныя чудеса преславнаго Царя! Какъ тлѣнная рука, коснувшись верха всего міра, не опалилась? Кто видѣлъ, и кто слышалъ когда-либо, чтобы сѣно прикоснулось къ огню и не было повреждено огнемъ? По-
истинѣ блаженъ и трижды блаженъ этотъ отпрыскъ Захаріи и 46
Елисаветы! Блаженны нынѣ и мы, что видимъ плоды чреслъ нашихъ просіявающими изъ святой купели, подобно звѣздамъ, и пріобщающимися къ полнотѣ церкви. Но, о, Отче, и Слове, и Душе Святый, тріипостасное Существо, и сила, и воля, и дѣйствованіе, насъ, исповѣдающихъ Твои неслитныя и нераздѣльныя ипостаси, удостой стоянія по правую Твою сторону, когда Ты придешь съ небесъ судить вселенную въ правдѣ! Тебѣ же подобаетъ слава, честь и поклоненіе, Отцу, и Сыну, и Святому Духу, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ.

XII. Святаго отца нашего Іоанна Златоуста слово на святое Вознесеніе Спасителя нашего.

Такъ какъ, по милости Божіей, мы въ свое время предло- 45
жили вамъ слово о страданіи Господа нашего, равно какъ и о Его воскресеніи, то послушайте теперь и настоящую мою бесѣду. Послѣ того, какъ Господь воскресъ изъ мертвыхъ, явился ученикамъ Своимъ, пребывалъ среди нихъ, былъ осязаемъ и вмѣстѣ съ ними вкушалъ пищу въ теченіе сорока дней, послѣ всего этого Онъ пришелъ, вмѣстѣ съ учениками, на гору Елеонскую, лежащую напротивъ Іерусалима. Когда же собралось много на-

рода, самъ Іисусъ началъ говорить ученикамъ Своимъ: *якоже посла Мя Отецъ, и Азъ посылаю вы* (Іоан. xx, 21). *Шедше въ міръ весь* (Мрк. xvi, 15) крестите ихъ *во имя Отца и Сына и Святаго Духа* во оставленіе грѣховъ (Мѳ. xxviii, 19). *Болящыя исцѣляйте, бѣсы изгоняйте. Туне пріясте, туне дадите* (Мѳ. x, 8). *Благословите кленущыя вы* (Мѳ. v, 44; Лк. vi, 28); *благословите, а не кляните* (Рим. xii, 14). Подражайте наставнику вашему. *О семъ разумѣютъ вси, яко Мои ученицы есте* (Іоан. xiii, 35), если ненавидящихъ васъ будете любить. Помните, сколько зла сдѣлали Мнѣ іудеи? Серафимы не могутъ видѣть лица Моего, но закрываютъ свои лица, а іудеи это лице Мое заплевали и по ланитамъ Моимъ ударяли. Руки Мои человѣка сотворили изъ земли и создали этотъ прекрасный міръ, а они ихъ пригвоздили къ древу желѣзными гвоздями. Если Я взоромъ приникну на землю, земля трепещетъ и содрогается, а они, проходя мимо Меня и покивая главами своими, смѣялись надо Мною. Все это Я претерпѣлъ отъ нихъ, и не поразилъ ихъ Своимъ гнѣвомъ. Или вы думаете, что Я не могъ этого сдѣлать? Предстояли Мнѣ ангелы, готовые (исполнить Мое слово и) говорившіе: *расторгнемъ узы ихъ и отвержемъ отъ насъ иго ихъ* (Пс. ii, 3); но Я не далъ имъ позволенія, а распятый и пригвожденный ко кресту умолялъ о нихъ Отца Своего: *Отче, отпусти имъ: не вѣдятъ бо, что творятъ* (Лк. xxiii, 34). И это Я потерпѣлъ ради васъ, чтобы послужить вамъ примѣромъ. Вѣдь если бы Я только говорилъ, а не дѣлалъ, то Мое ученіе было бы нетвердо. Но Я сначала исполнилъ все на дѣлѣ, и тогда уже заповѣдую вамъ исполнять это. Я сказалъ: *пастырь добрый душу свою полагаетъ за овцы* (Іоан. x, 11), и, самъ будучи безсмертнымъ, предалъ Себя на смерть. Я сказалъ: *благословите изгонящыя васъ, и не клените* (Мѳ. v, 45), и, потерпѣвъ столько отъ іудеевъ, Я не положилъ на нихъ клятвы. Я все совершилъ, все исполнилъ, что было о Мнѣ предсказано, и теперь *восхожду ко Отцу Моему* (Іоан. xx, 17). Но не печальтесь: *не оставлю васъ сиры* (Іоан. xiv, 18), но пошлю вамъ Духа Свята, Господа и животворящаго, единосущнаго Отцу Моему и Мнѣ: *и се Азъ съ вами есмь во вся дни до скончанія вѣка* (Мѳ. xxviii, 20). Какъ Я прежде былъ съ пророками, такъ буду и съ вами. Я избавилъ Моисея изъ руки египтянъ; Я съ Іисусомъ Навиномъ поразилъ въ битвѣ семь племенъ; Я исторгъ Илію изъ рукъ Іезавели; Я даровалъ Елисею двойную благодать; Я избавилъ Давида изъ руки Саула;
46 Я Іеремію извлекъ изъ рва львинаго; Я Даніила сохранилъ въ пасти львиной; Я съ тремя отроками ликовалъ въ печи и спасъ ихъ, а враговъ попалилъ. Какъ со всѣми тѣми Я былъ, такъ буду и съ вами. И взглянувъ на городъ Іерусалимъ, сказалъ:

Іерусалиме, Іерусалиме, избивый пророки и каменіемъ побиваяй посланныя къ тебѣ, колькраты восхотѣхъ собрати чада твоя, якоже собираетъ кокошъ птенцы своя подъ крилѣ, и не восхотѣсте (Мѳ. XXIII, 36)! Горе вамъ, чада Іерусалима, за то, что Я пришелъ во имя Отца Моего и вы не приняли Меня, а діавола, всегда васъ обманывавшаго, принимали! Потому-то вотъ *оставляется домъ вашъ пустъ;* пусть не останется камня на камнѣ въ вашемъ храмѣ; славу храма вашего, которою вы гордились, вотъ Я отдаю вѣрующимъ кресту Моему и Моему воскресенію. Горе вамъ, чада Іерусалима, іудеи, что образъ вы имѣли у себя издревле, а истины вы не приняли! Я далъ вамъ образъ этого Моего пришествія, чтобы, имѣя этотъ образъ, вы узнали истину; Я далъ вамъ Моисея, законъ, жезлъ, золотую стамну съ манной; гдѣ находился кивотъ, тамъ и Моя слава пребывала. Но такъ какъ вы были неразумны и, когда Я пришелъ, не приняли Меня, то за это Я отнимаю у васъ Мою славу и передаю ее народамъ, а самъ *восхожду ко Отцу Моему*, пославшему Меня въ міръ. Вмѣсто храма вашего, Я созижду Церковь; вмѣсто пророковъ, которыхъ Я посылалъ къ вамъ и которыхъ вы видѣли, Я пошлю учениковъ Моихъ проповѣдывать міру крещеніе покаянія во оставленіе грѣховъ. Я далъ вамъ скрижали завѣта, а народамъ дамъ евангелія спасенія; Я далъ вамъ законъ и вы его отвергли, а народамъ Я дамъ благодать вмѣсто закона. Я далъ вамъ жезлъ прозябшій, а народамъ дамъ крестъ Мой процвѣтшій и, какъ плодъ, принесшій міру жизнь. Я далъ вамъ манну и вы, насытившись ею, вмѣсто Меня поклонились тельцу; народамъ дамъ хлѣбъ небесный, сходящій съ неба, то есть тѣло Мое. Я далъ вамъ воду изъ камня краесѣкомаго, и вы, утоляя ею жажду, огорчили Меня; народамъ дамъ чашу съ кровію Моею, чтобы пить изъ нея жизнь вѣчную. Все это дарую Я народамъ и затѣмъ *восхожду ко Отцу Моему*: *се оставляется вамъ домъ вашъ пустъ* (Мѳ. XXIII, 38). Сказавъ это, Господь, обратившись къ Матери Своей—Дѣвѣ, сказалъ: миръ тебѣ, Матерь сладчайшая! Не огорчайся, что Я *восхожду ко Отцу Моему:* Я не оставлю Тебя, свѣтильникъ вселенной; Я не оставлю тебя, Мой храмъ святой; Я не оставлю тебя, единственную, оказавшуюся вѣрною и непорочною предо Мною: Я не оставлю тебя, таинство всей вселенной; Я не оставлю тебя, цвѣтъ неувядающій. Не огорчайся нынѣ. А когда будешь ты отходить изъ этой жизни, Я не пошлю ни ангеловъ, ни архангеловъ, но самъ приду и приму твою душу, лучезарнѣйшую солнца и свѣтозарнѣйшую луны. Не огорчайся, Дѣва, что Я *восхожду ко Отцу Моему*: тебѣ остается вмѣсто Меня Іоаннъ, дѣвственникъ 47
и наперсникъ Мой. Не ему ли поручилъ Я тебя, когда былъ на

крестѣ, сказавъ: Іоаннъ, *се мати твоя*, а тебѣ сказалъ: *се сынъ твой* (Іоан. xix, 27, 26)? И нынѣ то же самое повторяю Я тебѣ: миръ тебѣ, Матерь Моя и Дѣва! И ученикамъ еще разъ сказалъ: миръ вамъ, братья! Дѣлайте такъ, какъ Я научилъ васъ. Не огорчайтесь, что Я *восхожду ко Отцу Моему*. Если Я не отойду, Утѣшитель не придетъ къ вамъ. Я ухожу и чрезъ десять дней пошлю вамъ Утѣшителя, Духа святаго и животворящаго. И когда Онъ говорилъ это, вотъ множество ангеловъ окружило Его, и серафимы, осѣняя Его, восклицали: *святъ, святъ, святъ, Господь Саваоѳъ*, полны небо и *земля славы Его* (Иса. vi, 3)! И тотчасъ свѣтлое облако осѣнило гору, и лики пророковъ собрались на горѣ. Въ самой срединѣ пророческаго лика находился Давидъ съ духовною лирою; онъ, побуждая Іисуса взойти на небо, говорилъ: *вознесися на небеса, Боже, и по всей земли слава Твоя* (Пс.
48 lvi, 12)! А апостоламъ говорилъ: *возносите Господа Бога нашего и покланяйтеся подножію ногу Его, яко свято есть* (Пс. xcviii, 5)! И вотъ на глазахъ у нихъ Онъ поднялся и облако свѣтлое подхватило Его. И еще разъ говоритъ Господь ученикамъ: *миръ вамъ! миръ Мой даю вамъ* (Іоан. xiv, 27)! И сказавъ это, сталъ невидимъ для нихъ. Когда же увидѣлъ Давидъ, что взошелъ на небо Господь, опять, торжествуя и бряцая на духовной лирѣ, говорилъ: *взыде Богъ въ воскликновеніи, Господь во гласѣ трубнѣ* (Пс. xlvi, 6)! А тамъ Отецъ, встрѣчая Его, говорилъ: *сѣди одесную Мене, дондеже положу враги твоя подножіе ногъ Твоихъ* (Пс. cix, 1). Ты *Сынъ Мой возлюбленный, о Немже благоволихъ* (Мѳ. iii, 17); Ты—Агнецъ Мой, Ты—истинное Мое *въ началѣ Слово* (Іоан. i, 1); Ты—Моя сила; Ты—Моя мудрость. И когда Онъ взошелъ на небо, всѣ силы поклонились Ему, и Онъ возсѣлъ по правую сторону Отца, исполнивъ, такимъ образомъ, все, относящееся къ устроенію спасенія людей, какъ единосущный Отцу, единая сила, единое Божество, единая власть Отца и Сына и Святаго Духа. Троицѣ этой поклоняемся вѣрные нынѣ, и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

XIII. Святаго отца нашего Іоанна, архіепископа константинопольскаго, Златоуста, бесѣда объ озерѣ Генисаретскомъ и о святомъ апостолѣ Петрѣ.

47 Когда учитель славенъ, тогда ученикъ послушенъ, тогда ученикъ увѣренъ въ успѣхѣ своего ученья; когда учитель ревностенъ, тогда онъ самъ пожинаетъ плоды своихъ трудовъ; когда

ученикъ отличается усердіемъ, тогда онъ до такой степени цѣнитъ искусство своего учителя, что занятія съ нимъ для него дороже всего. Да и не было бы никакой возможности учителю просіять, если бы онъ не находилъ въ ученикѣ свѣтильника, наполненнаго елеемъ любознательности; невозможно было бы просіять и ученику, если бы учитель не изливалъ обильные потоки мудрости. Обѣ стороны должны проявлять дѣятельность и усердіе и обѣ должны прилагать свои силы къ дѣлу своего совершенствованія: одинъ долженъ изощрять языкъ, а другой—напрягать слухъ; первый долженъ имѣть всесторонне развитой умъ, а второй долженъ представить душу готовую къ воспріятію. И это не только тамъ необходимо, гдѣ дѣло касается тѣла, но весьма желательно и въ отношеніи духовныхъ предметовъ. Вѣдь какъ при тѣлесномъ обученіи не иначе обходится ученикъ безъ палки, какъ если неусыпно бодрствуетъ въ занятіяхъ, такъ и въ духовномъ обученіи иначе не избѣгнетъ осужденія смертный, если не будетъ—по слову пророка—поучаться въ законѣ Господнемъ день и ночь (Пс. I, 2). А разъ дѣло обстоитъ такимъ именно образомъ, и мы всѣ, присутствующіе, являемся соучениками во Христѣ, потому что имѣемъ одного и того же наставника и учителя—Христа, согласно божественному слову: *и будутъ вси научени Богомъ* (Іоан. VI, 45; Иса. LIV, 13), то и сегодня откроемъ какъ можно шире къ наставленіямъ Господа оба наши слуха—я разумѣю тѣлесный и духовный,—чтобы, воспринявъ Его слово какъ сѣмя, мы могли на это Господне попеченіе возрастить многозернистый колосъ послушанія въ тридцать, и въ шестьдесятъ, и въ сто кратъ. Вотъ вы только что слышали евангелиста Луку, повѣдавшаго: *влѣзъ же* Іисусъ *въ единъ отъ кораблю, иже бѣ Симоновъ, моли его отъ земли отступити мало. И сѣдъ учаше изъ корабля народы* (Лк. V, 3).

Видишь божественное ученіе учителя? Видишь достолюбезное собраніе народа? Видишь душеполезное усердіе учениковъ? Видишь достойное награды терпѣніе людей? Наскучило ли тогда кому-либо изъ слушателей слова Божія? Отошелъ ли кто отъ озера, или сошелъ съ горы? Или выражалъ кто-либо неудовольствіе, подобно нѣкоторымъ изъ присутствующихъ, (въ такомъ родѣ): зачѣмъ ты, учитель, затягиваешь свою бесѣду,—у меня есть дѣла, меня ожидаетъ собраніе, я еще ничего не купилъ для завтрака, насталъ часъ брать ванну, я изнемогаю отъ зноя? Сказалъ ли Спасителю кто-нибудь изъ присутствовавшихъ въ то время что-нибудь подобное? Ни въ какомъ случаѣ, конечно! Почему? Потому что они знали Того, кто сказалъ, что все прекрасно въ свое время. Ты вошелъ въ церковь Божію, ты удо-

43 стоенъ доступа ко Христу; не уходи же отсюда, если не получилъ отпуска; уйти раньше отпуска—все равно, что убѣжать подобно бѣглому рабу. Шесть дней ты употребляешь на тѣлесныя нужды, а два часа можешь употребить и на духовныя дѣла. Нехорошо здѣсь быть недовольнымъ, а за порогомъ храма веселымъ; не слѣдуетъ здѣсь бросать небрежный кивокъ, а все вниманіе сосредоточивать на дѣлахъ внѣшнихъ; непохвально—здѣсь хвалить, а за порогомъ—бранить. Мы приставлены къ дѣлу Господню: не басни же мы разсказываемъ? Мы читаемъ писанія пророковъ: не будемъ же выказывать пренебреженіе людямъ праведнымъ? Мы помнимъ апостоловъ: неужели же будемъ уничижать отцовъ? Ты часто ходишь въ театръ и, конечно, до окончанія (представленія) оттуда не выходишь; а въ церковь ты приходишь—и не стѣсняешься уходить отсюда до совершенія божественныхъ таинъ? Побойся Того, кто сказалъ: *иже презираетъ вещь, презрѣнъ будетъ отъ нея* (Притч. xiii, 13). Итакъ, что же говоритъ евангелистъ Лука? *Бысть же належащу Ему народу, и Той бѣ стоя при езерѣ Генисаретстѣ* (Лк. v, 1). Какъ возвышенно искусны уроки Господа! Рѣка стояла у озера, а лучше сказать ловецъ людей пришелъ къ озеру, чтобы уловить ловцовъ рыбъ. Вѣдь у Владыки Христа все рѣшительно имѣетъ значеніе: и мѣсто, и слово, и намекъ, и шагъ. Когда Петръ и Андрей, Іаковъ и Іоаннъ разъѣзжали по Генисаретскому озеру, занимаясь рыбной ловлей, во всемъ завися отъ свойственныхъ ей случайностей, извлекая (подчасъ) испорченныя сѣти, оспаривая добычу у нѣдръ моря, не зная, чѣмъ придется питаться, скорѣе воруя, чѣмъ зарабатывая трудомъ, обманывая, а не убѣждая, потому что безъ обмана рыба не ловится,—въ это именно время Господь, замѣтивъ Своимъ божественнымъ и безошибочнымъ взоромъ ихъ, какъ пригодныхъ для уловленія рыбъ, пришелъ къ озеру, чтобы уловить ихъ самихъ—не сѣтью, заброшенной въ воду, но словомъ убѣжденія. И такъ какъ сами поименованные апостолы, довѣряясь своимъ легкимъ на водѣ ладьямъ, не знали Владыки водъ и всей твари, то по причинѣ этого Господь и пришелъ къ озеру, чтобы, съ одной стороны, научить народъ, а съ другой—поймать на удочку рыбаковъ. Какъ именно говоритъ евангелистъ? *Влѣзъ же* Іисусъ *въ единъ отъ кораблю иже бѣ Симоновъ, моли его отъ земли отступити мало* (Лк. v, 3).

Видишь, какъ не нуждающійся въ суднѣ входитъ въ судно, чтобы принести пользу хозяину судна? Что же еще Господь умоляетъ Симона? Почему? Слушай внимательно. Симонъ, какъ ты только что слышалъ, проработавъ съ сѣтями всю ночь и ничего не поймавъ, сидѣлъ безъ дѣла. Съ большимъ неудовольствіемъ

онъ перемывалъ пустыми руками сѣти, къ потраченному труду
прилагая новый трудъ, безъ всякой для себя пользы. По этому-то
случаю, увидѣвъ Петра въ дурномъ расположеніи духа, Господь,
какъ утѣшитель сокрушенныхъ, умоляетъ его. Какъ только уви-
дѣлъ Господь Симона огорченнымъ, Онъ тотчасъ обращается къ
нему съ убѣдительной просьбой: морякъ, одолжи Мнѣ на ко- 49
роткое время твое судно, чтобы Я могъ съ него научить и наста-
вить слѣдующую за Мною, какъ ты видишь, толпу народа; пусть
будетъ твое судно, морякъ, церковью; послушай и самъ ты слова
Божія; не сочти моей просьбы обременительной,—Я пришелъ,
чтобы тебя же сдѣлать лучшимъ; оставь тщетное плотское упо-
ваніе и присмотрись къ духовной сторонѣ; ненадолго одолжи
Мнѣ, морякъ, твое судно. Симонъ же, еще погруженный въ пе-
чаль о своей неудачѣ, отвѣчаетъ Господу: откуда ты явился,
странникъ? Какое мнѣ дѣло до народа? Поищи другую какую-
либо лодку, если хочешь проѣхаться по озеру. Видишь, что я
удрученъ тѣмъ, что у меня нѣтъ хлѣба, а ты предлагаешь мнѣ
заняться словомъ Божіимъ. Я не знаю, откуда мнѣ достать де-
негъ, чтобы накормить тещу и жену, и отдамъ тебѣ лодку, чтобы
и день потерять напрасно, какъ потерялъ ночь? Если заплатишь,
садись въ лодку; а если нѣтъ, уходи пожалуйста. Меня кормитъ
заработокъ, а не слова. А Господь сказалъ Симону: не сердись,
Симонъ! Ты говоришь какъ настоящій морякъ: слово Божіе
питательнѣе хлѣба и Я накормлю тебя вдоволь, потому что Я—
хлѣбъ животный. Не сочти настоящаго Моего прихода убыткомъ
для себя; получай, сколько хочешь: Я—щедрый Сынъ богатаго
Отца.

Услышавъ это и немного повеселѣвъ съ лица, Симонъ принимаетъ Господа на судно и, принимаясь за весла, говоритъ Ему: сядь по срединѣ, странникъ. Онъ думалъ, что везетъ простого сѣдока, не понимая, что везетъ Того, кто носитъ всяческая. А Іисусъ, взойдя въ лодку Симона, просилъ его отплыть немного отъ берега. Когда Симонъ, въ надеждѣ на полученіе платы, отплылъ отъ берега, Іисусъ, сѣвъ въ лодкѣ, сталъ проповѣдывать народу. Что же Онъ проповѣдывалъ? (Онъ проповѣдывалъ) любовь нелицемѣрную, вѣру искреннюю, миръ безъ коварства, братолюбіе безъ раздѣленія, благочестіе неподкупное, богопознаніе безкорыстное, дѣвство безпорочное, совершенствованіе безконечное, супружество нерасторжимое; проповѣдывалъ—не щадить для истины никакого труда, не бояться убивающихъ тѣло, но не могущихъ убить души. Когда Господь проповѣдывалъ это и къ этому еще прибавлялъ (такія наставленія): тотъ, кто любитъ душу свою, погубитъ ее; кто идетъ за Мной, пусть отречется отъ са-

мого себя, возьметъ крестъ свой и слѣдуетъ за Мной; не пріобрѣтайте ни золота, ни серебра, ни мѣди въ пояса ваши, ни сумы, ни палки дорожной, ни двухъ одеждъ, — когда Господь проповѣдывалъ все это, Симонъ, подумавшій было, что онъ отдалъ лодку въ наемъ Господу, слыша (подобныя наставленія), началъ негодовать и говорить про себя: и отъ Него-то я разсчитывалъ получить плату! Неудача преслѣдуетъ меня и днемъ, и ночью; что это сегодня со мною? Этотъ говоритъ о нестяжательности, учитъ, что никто ничего не долженъ имѣть. Онъ, пожалуй, захочетъ, чтобы и я продалъ лодку, а деньги роздалъ бѣднымъ. И отъ Него я ожидаю уплаты! Когда Симонъ разсуждалъ въ такомъ родѣ самъ съ собой, Господь заканчиваетъ свою проповѣдь, чтобы явить чудо и убѣдить Симона. Вѣдь простого человѣка убѣдить въ чемъ-либо словомъ трудно. Когда затѣмъ Господь окончилъ слово и вся толпа выражала свое удовольствіе, тогда Симонъ, приступивъ къ Господу, сказалъ: слова Твои прекрасны, и голосъ Твой пріятенъ, и ученіе заслуживаетъ уваженія, но однако исполни Твой уговоръ со мной: прикажи мнѣ получить плату за плаваніе, чтобы и я пошелъ въ домъ свой, радуясь вмѣстѣ съ народомъ.

На это Господь сказалъ Симону: Симонъ, ты желаешь получить плату такъ, какъ ты только что слышалъ? Тогда *поступи на глубину, и ввезрите мрежи вашя въ ловитву* (Лк. v, 4),—и получай обѣщанную тебѣ отъ Меня плату. Симонъ—Господу: опять я буду ловить рыбу и вытаскивать сѣти, опять трудиться напрасно? Хоть бы ночью-то мнѣ что-нибудь попало въ пустыя руки! Вѣдь не искуснѣе же меня Ты въ ловлѣ рыбъ? Или Ты положилъ что-нибудь въ темной безднѣ озера? Ты можешь быть учителемъ; но вѣдь не можешь быть вмѣстѣ съ тѣмъ и рыболовомъ? Отойди отъ меня: я вижу, что у Тебя ничего нѣтъ. Зачѣмъ мнѣ еще терять время? Не это ли съ самаго начала я тебѣ говорилъ? Господь же отвѣчалъ Симону: не принимай Меня за человѣка неразумнаго, Симонъ; не смотри на Мои руки и на
50 Мою пазуху. Не въ рукахъ, а въ устахъ у Меня плата тебѣ. Протрудившись всю ночь, ты ничего не поймалъ: іудейская гордость—это ночь лишеній. При дневномъ свѣтѣ благодати закинь твои сѣти, потому что христіанское послушаніе есть свѣтъ благоплодія. *Поступи на глубину, и ввержите мрежи вашя въ ловитву.* Тогда Симонъ отвѣтилъ Господу: какъ Ты сейчасъ слышалъ, *наставниче, обнощь всю труждшеся, ничесоже яхомъ, по глаголу же Твоему ввергу мрежу* (Лк. v, 5). *И сіе сотворше, яша множество рыбъ много: протерзашеся же мрежа ихъ* (ст. 6). Чудное дѣло! Забота не измѣняетъ Петру! *Протерзашеся же мрежа.* И на Христа

онъ смотрѣлъ, и за рыбой слѣдилъ, и о дѣлѣ не забылъ. Не могъ извлечь изъ воды отяжелѣвщую сѣть и позвалъ помощниковъ. *И помануша*, говоритъ евангелистъ, *причастникомъ, иже бѣху во друзѣмъ корабли*,—а тамъ были Іаковъ и Іоаннъ,—*да пришедше помогутъ имъ* (Лк. v, 7). Дали знакъ *(помануша)*, а не кричали, и это—моряки, безъ крика и шума ничего не дѣлающіе. Почему? Потому, что чудесный уловъ рыбы лишилъ ихъ языка. Какъ очевидцы божественной тайны, совершившейся предъ ними, они не могли кричать, могли только звать знаками. Прибѣжавшіе съ другой лодки,—гдѣ были Іаковъ и Іоаннъ, —рыбаки начали собирать рыбу, но сколько они собирали, столько же и прибывало. Рыбы словно спѣшили, кто первый исполнитъ повелѣніе Владыки: малыя обгоняли большихъ, среднія усердствовали предъ болѣе крупными, большія скакали чрезъ меньшихъ; онѣ не ждали, когда рыбаки переловятъ ихъ руками, но сами вскакивали въ лодку. Замерло движеніе на днѣ моря: никто изъ рыбъ не хотѣлъ оставаться тамъ, потому что знали онѣ, Кто сказалъ: *да изведутъ воды гады душъ живыхъ* (Быт. I, 20). Что же тогда—Симонъ, испытавшій сразу двѣ крайности, при чемъ, проработавъ всю ночь, ничего не поймалъ, а днемъ по слову Іисуса получилъ полный уловъ? Когда онъ увидѣлъ, что сѣти переполненныя рыбой рвутся, и что множество рыбъ, еще не попавшихъ въ сѣть, спѣшитъ сдѣлаться его добычей, не желая оставаться внѣ сѣтей, тогда онъ, какъ бы уступая силѣ, упалъ предъ Іисусомъ, говоря: *изыди отъ мене, яко мужъ грѣшенъ есмь, Господи* (Лк. v, 8)! Теперь я узналъ, кто Ты: я не видѣлъ никогда такой ловли рыбы. Естественно, Владыка, что рыбы удерживаются внутри сѣтей. А теперь Я вижу совсѣмъ противное: совнѣ рыбы осаждаютъ сѣть. Отойди отъ меня, умоляю! Ты исполнилъ уже Твое божественное обѣщаніе; оставь же въ озерѣ хотя двухъ рыбъ на племя. Удались отъ меня: я не гоню Тебя, но самъ сознаю свое недостоинство. *Изыди отъ мене, яко мужъ грѣшенъ есмь, Господи:* Господь же сказалъ Симону: Я выйду изъ твоего судна, Симонъ, Я выхожу. Но Я войду въ тебя: ради этого Я и пришелъ къ тебѣ. Ловя рыбу, ты самъ былъ уловленъ; ты потерпѣлъ то, что дѣлаешь самъ. Но ты влечешь отъ жизни къ смерти, а Я отъ смерти къ жизни. *Не бойся*, Симоне: *отселѣ будеши человѣки ловя* (Лк. v, 10). Оставь озеро и уловляй вселенную; сломай палку и вооружись крестомъ; разорви удочку и проповѣдуй благочестіе; брось крючокъ и исцѣляй болѣзни; разстанься съ сѣтями и скуй небесные ключи; выйди изъ лодки и вступи въ церковь. *Не бойся*, Симоне, *отселѣ будеши человѣки ловя*. О, сила Господня! О, мудрость Петрова! Уловленный рыболовъ не сказалъ: что за

странное приглашеніе слышу я отъ учителя? Я буду уловлять людей. Какую же я возьму для этого сѣть? И вяжутся ли гдѣ-нибудь такія сѣти—для ловли людей? Не похищаетъ ли меня слово, поймавъ на удочку? Ничего подобнаго не сказалъ Симонъ, но только услышалъ (призывъ Владыки), тотчасъ повиновался: не продалъ рыбу, не захотѣлъ воспользоваться своей удачей въ ловѣ, не совѣтовался съ женою, не сказалъ Владыкѣ: сохрани мнѣ мои средства, Владыка; я разсчитаюсь съ поставщиками, оставлю немного на расходы по дому. Ничего такого не сказалъ Симонъ, потому что онъ былъ Петръ въ полномъ смыслѣ этого слова. И не только Петръ повиновался повелѣнію Владыки, но и Андрей, и Іаковъ, и Іоаннъ: недаромъ это были двѣ братскія и вѣрныя двоицы.

51 Видѣлъ, что сдѣлалъ Господь? Ради чего Онъ пришелъ на озеро? Ради того, чтобы народъ научить, а рыбаковъ уловить. И вотъ ты сейчасъ слышалъ, что говоритъ евангелистъ: *и извлекше оба корабля на землю, оставлше вся, въ слѣдъ* Іисуса *идоша* (Лк. v, 11). Что же Господь? Нужно вѣдь уже и кончить слово. Когда Онъ увидѣлъ усердіе апостоловъ, что они, оставивъ все, послѣдовали за Нимъ, Онъ спѣшитъ утвердить дѣло, чтобы діаволъ не успѣлъ раздуть въ нихъ какой-нибудь искры невѣрія, такъ какъ люди измѣнчивы и непостоянны. Вѣдь, если бы апостолы не увидѣли никакого другого знаменія, они могли бы сказать о Господѣ: не напрасно ли мы, оставивъ имущество, послѣдовали за Нимъ? И стеченіе рыбъ не произошло ли по какому-нибудь другому случаю, а не по повелѣнію божественному? И вотъ, чтобы апостолы не осквернялись такими сомнѣніями, Онъ только что отошелъ отъ озера, какъ въ одномъ изъ сосѣднихъ городовъ—при стеченіи народа — открываетъ божественную врачебницу, и тотчасъ однимъ своимъ желаніемъ очищаетъ прокаженнаго и снимаетъ съ него пеструю милоть проказы, чтобы зналъ Петръ и другіе ученики, что не только одушевленныя рыбы повинуются Владычнему повелѣнію, но и бездушныя страсти убѣгаютъ отъ одного Его мановенія. Ты только что слышалъ, какъ взывалъ прокаженный: *Господи, аще хощеши, можеши мя очистити* (Лк. v, 12). Какое со стороны прокаженнаго разумѣніе
52 ученія благочестія! Разъѣдавшая его тѣло проказа нисколько не коснулась его правой вѣры. Совнѣ болѣзнь свирѣпствовала, но внутрь не имѣла доступа; тѣло она поѣдала, но на душу не простиралась. Больной носилъ на себѣ оскорбительную надпись, но спутникъ (проказы) не приближался; онъ былъ весь въ проказѣ, но ненавидѣлъ нарушителя закона—Озію. Синагога его отталкивала, но церковь лобызала; Моисей его обидѣлъ, а Христосъ

исцѣлилъ. Здѣсь онъ исцѣляется, а даръ долженъ отнести туда, по повелѣнію Господа. Почему? Чтобы и человѣколюбіе Владыки Христа стало извѣстно, и жадность сребролюбивыхъ іудеевъ къ деньгамъ обнаружилась. Итакъ, что же обличитель зломыслящихъ—прокаженный? *Господи, аще хочеши, можеши мя очистити.* Не говорю: попроси, но—сдѣлай самъ; не говорю: помолись, но—исцѣли. Вѣдь Богу именно прилично исцѣлять собственною волею, а не по чужому указанію. *Господи, аще хощеши, можеши мя очистити.* Я слышалъ, что пророкъ говоритъ: *Богъ нашъ на небеси и на земли вся елика восхотѣ сотвори* (Пс. схш, 3). И вотъ, такъ какъ Ты своимъ желаніемъ все привелъ въ бытіе и небо натянулъ какъ кожу, а землю распростеръ подобно полотну, въ промежутокъ же между ними помѣстилъ разнообразные виды созданій, то возврати и мнѣ мое естественное одѣяніе, чтобы я оставилъ законъ, какъ обременительный, и прославилъ благодать, какъ человѣколюбивую, во Христѣ Іисусѣ Господѣ нашемъ, со Отцемъ и Святымъ Духомъ, во вѣки вѣковъ. Аминь.

Оглавленіе второй книги XII тома.

Страп.

Выборки изъ разныхъ словъ св. Іоанна Златоуста.

Spuria.

ТВОРЕНІЯ
СВЯТАГО ОТЦА НАШЕГО
ІОАННА ЗЛАТОУСТА,
Архіепископа Константинопольскаго,
ВЪ РУССКОМЪ ПЕРЕВОДѢ.

Δόξα τῷ Θεῷ πάντων ἕνεκα. Ἀμήν.
Слава Богу за все. Аминь.
Св. Іоаннъ Златоустъ.

ТОМЪ ДВѢНАДЦАТЫЙ
ВЪ ТРЕХЪ КНИГАХЪ.

КНИГА ТРЕТЬЯ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе С.-Петербургской Духовной Академіи.
1906.

Отъ Совѣта С.-Петербургской Духовной Академіи печатать дозволяется.
С.-Петербургъ, 26 іюня 1906 г.

Сергій, Епископъ Ямбургскій, ректоръ Академіи.

Типографія М. Меркушева, Невскій пр., № 8.

ДОПОЛНЕНІЯ

къ твореніямъ св. Іоанна Златоуста, архіепископа Константинопольскаго.

КЪ БЕСѢДАМЪ.

БЕСѢДА I. 417

На святую Пятидесятницу.

1. Благодать, раздѣлившая въ этотъ день языки, не позволяетъ мнѣ страшиться за бѣдность слова,—благодать, неученыхъ сдѣлавшая наставниками міру, рыбарей поставившая провозвѣстниками безъискусственной премудрости, побѣдившая мудрыхъ міра. Отчего иначе обратились къ благочестію столь многіе люди, страдавшіе идолослуженіемъ? Отчего они отвергли господствовавшее служеніе демонамъ? Какъ не многіе ученики могли бороться съ множествомъ людей и демоновъ, если они не были вооружены силой божественнаго огня? Сегодня излился источникъ благодатнаго огня и разливавшееся пламя уступило мѣсто вѣяніямъ Духа. Благовѣствуя объ этой благодати, Христосъ говорилъ: *не оставлю* [1]) *васъ сиры: иного Утѣшителя пошлетъ* [2]) *вамъ Отецъ* (Іоан. xiv, 18, 16). Вознесеніе Господа на небо служитъ залогомъ сошествія Духа. Принявшимъ Іисуса надлежало принять и сошествіе Духа для того, чтобы ученіе богопознанія шло по совершеннѣйшему пути. Принявъ человѣческую природу и свойственный людямъ образъ, Іисусъ приготовилъ людей

---

[1]) Οὐκ ἐάσω вм. οὐκ ἀφήσω въ другихъ спискахъ новозавѣтнато текста.

[2]) ἀποστέλλει вм. δώσει.

къ принятію Духа. *Еще много*, говоритъ, *имамъ глаголати*, но *не можете носити* [1]*: егда же пріидетъ Утѣшитель* [2]), *Духъ истины, наставитъ вы на всяку истину* (Іоан. XVI, 12): придетъ послѣ Меня Тотъ, Кто равенъ Мнѣ по достоинству. Итакъ то, добрую вѣсть о чемъ получили на словахъ, узнали самымъ дѣломъ; что было обѣщано, то испытали на опытѣ, когда исполнился день Пятидесятницы. Прошло немного времени послѣ вознесенія и совершилось сошествіе Духа; обѣтованіе Спасителя получило исполненіе.

420 2. Сонмъ апостоловъ, держась Владычняго обѣтованія, какъ якоря, ожидалъ сошествія Духа. Когда число дней достигло пятидесяти, когда закончился кругъ семи недѣль, установленный закономъ между тѣмъ и другимъ праздниками [3]), тогда совершилось сошествіе Духа. Но (Онъ явился) не во плоти, какую принялъ Сынъ, и не въ образѣ человѣческомъ, и не видъ голубя, какъ въ водахъ Іордана, явилъ присутствіе Духа. Владычнее существо (οὐσία Δεσποτική) является по своему изволенію. Съ неба раздался громъ (какъ) трубный звукъ, превосходившій своими раскатами всякій шумъ; разливающееся пламя раждало огненные языки; отъ раздѣленія огня явились языки; языки преемственно садились на головы учениковъ. Таковъ образъ сошествія Духа.

3. Избираетъ день, минуя другіе дни. Не безъ причины совершаетъ сошествіе и не прежде праздника, и не по прошествіи этого дня. Почему? У іудеевъ было три только всенародныхъ праздника. Первымъ былъ праздникъ Пасхи, въ который, закалая агнца, не познали истиннаго Агнца; почитая образъ, поступили беззаконно съ первообразомъ; не почтили присутствія Того, тѣни Котораго покланялись. Второй послѣ этого праздникъ носилъ названіе Пятидесятницы, промежутка (до сошествія) Духа. Кромѣ этихъ (праздниковъ) еще—Сѣни (Кущи), подражаніе пустыни. Въ эти праздники необходимо было собраться въ одно мѣсто всѣмъ іудеямъ. Такъ какъ въ первый праздникъ поставленъ крестъ, вознесено страданіе (πάθος ὑψώθη) [4]), зрителемъ чего былъ весь іудейскій народъ, а чудо воскресенія сами не хотѣли знать, не вѣровали, скрывали, клеветали, то поэтому въ слѣдующій за первымъ праздникъ, въ который всѣ колѣна іудеевъ, по требованію закона, собирались вмѣстѣ, въ надлежащее время

[1]) ἄρτι=нынѣ отсутствуетъ.

[2]) ὁ Παράκλητος вм. ἐκεῖνος=онъ.

[3]) То есть, между Пасхой и Пятидесятницей.

[4]) То есть, вознесенъ на крестъ страждущій Христосъ.

изливается на учениковъ благодать и привлекаетъ глаза и слухъ всѣхъ, чтобы даръ, ниспосылаемый ученикамъ Христа, засвидѣтельствовалъ объ Его воскресеніи. Невѣровавшіе въ воскресеніе видятъ Его ниспосылающимъ дары; запечатавшіе гробъ дѣлаются зрителями небесныхъ видѣній. Такъ удары грома, огонь съ неба и (почившая на ученикахъ) сила удостовѣрили сошествіе Духа.

4. Такъ нѣкогда и у Синайской горы блистало пламя и Моисей среди огня учился законодательству. Но теперь пламя, сшедшее отъ небеснаго огня, слетало на головы апостоловъ. Подвигшій тогда Моисея къ изданію закона для евреевъ (печется) [1] о спасеніи народовъ. Поэтому къ новымъ чудесамъ присоединяется память древнихъ и при подобномъ (прежнему) зрѣлищѣ употребляется посредство огня, для удостовѣренія присутствующихъ въ томъ, что это (дѣлаетъ) тотъ же Богъ. А раздѣляющеюся на языки (благодать) изображается для того, чтобы явить ихъ принимающими (ее), чтобы они, шествуя въ огнѣ (т. е. въ силѣ благодатнаго огня), сдѣлались учителями вселенной. Бывшую въ древности одну рѣчь и одинъ языкъ раздѣлило древнее дерзкое столпотвореніе, и начавшаяся борьба языковъ прекратила войну съ небомъ. Безчисленные языки поражали безчисленнымъ разнообразіемъ звуковъ, но не находили слушателей, понимавшихъ то, что слышатъ; раздѣленный языкъ раздѣлилъ и мысли; развязанный языкъ связалъ руки. Теперь благодать раздѣленные у отдѣльныхъ людей языки соединила вмѣстѣ въ устахъ одного, расширивъ предѣлы проповѣди (апостоловъ) и открывъ многіе пути (распространенія) вѣры.

5. Чудныя дѣла! Апостолъ говорилъ и индусъ поучался. Еврей проповѣдывалъ и варваръ вразумлялся. Благодать вѣщала и слухъ воспринималъ слово. Готы понимали рѣчь и эѳіопляне постигали языкъ. Персы удивлялись говорящему и народы варварскіе научались однимъ языкомъ. Сколько природа образовала народовъ, настолько благодать богата была языками. Естество огня, будучи раздѣляемо, пріобрѣтаетъ большую силу; богатство благодати подобно источнику свѣта. Сила огня, переходя на другой предметъ, нисколько не уменьшается; здѣсь передача есть умноженіе. Такъ благодать, изливаясь, увеличиваетъ теченіе. Отъ одного свѣтильника возжигаются многіе другіе и всѣ они являются свѣтящими, при чемъ сила свѣта не ослабѣваетъ. Такъ и благодать Духа, переходя отъ однихъ къ другимъ, исполняетъ и послѣднихъ, а равно—и тѣхъ, отъ которыхъ переходитъ.

[1]) Въ изданіи *Миня* текстъ здѣсь не полонъ.

Сначала благодать сходитъ на апостоловъ и, обнявши ихъ, какъ крѣпость, а черезъ нихъ переходя на вѣрующихъ, всѣхъ наполняетъ; и на этомъ не останавливается потокъ благодати. Такъ сходилъ огненный языкъ: каждый ученикъ принималъ множество языковъ; они поучали присутствующихъ, исполняя обязанность учителей, и служили предметомъ удивленія; множество слушателей, неодинаковое по своему происхожденію, не уменьшалось, такъ какъ языкъ апостольскій поучалъ понятными словами. Подъ дѣйствіемъ прикосновенія огня, какъ бы нѣкотораго погруженія въ воду, слушая рѣчи (апостоловъ), познавали вѣчное ученіе; вѣра распространялась, благодать приводила въ удивленіе, Богъ познавался.

6. Но іудей смѣялся: чудо приписывалъ опьяненію; таинство благодати называлъ дѣломъ сладкаго вина: *виномъ*, говоритъ, *исполнены суть* (Дѣян. II, 13). О, закоренѣлое іудейское жестокосердіе! Подумай, іудей, о времени и удержи клевещущій языкъ. Когда бываетъ сладкое вино? Когда проходитъ лѣто. А во время весны бываетъ развѣ сладкое вино? Вспомни время года и обуздай языкъ. Что же Петръ, первенствующій Духомъ и исполненный благодати? Исполненный огня, онъ обращаетъ свой языкъ на защиту языковъ. *Не бо, якоже вы непщуете*, говоритъ, *сіи піяни суть: но сіе есть реченное* у пророка Іоиля [1]: *излію отъ Духа Моего* море благодати [2]) (Дѣян. II, 16, 17). Пророкъ благовѣствуетъ:
424 *излію*, говоритъ, *отъ Духа Моего*. Но не остановился ли (на этомъ) потокъ благодати? Не былъ ли этотъ даръ назначенъ только іудеямъ? Нѣтъ. *Излію*, говоритъ, *на всяку плоть*. Зная пророчество, смотрите на исполненіе. Языкъ Духа превосходитъ пророческій языкъ. Будемъ же просить о ниспосланіи намъ хотя капли этой благодати, чтобы, сохраняя въ памяти чудеса, насладиться плодами благодати. Легко дается даръ, если находитъ расположеніе. Самъ Богъ совершаетъ все во всемъ. Ему слава и держава въ безконечные вѣки вѣковъ. Аминь.

---

[1]) Παρὰ τοῦ προφήτου Ἰωὴλ вмѣсто: διὰ τοῦ προφήτου Ἰωὴλ, какъ читается въ другихъ спискахъ.

[2]) Πέλαγος χαρισμάτων.

БЕСѢДА II.

Святаго отца нашего Іоанна, архіепископа Константинопольскаго, Златоустаго, о покаяніи ниневитянъ.

Благослови, отче!

Видя, какъ проходятъ дни безъ потребнаго поученія, когда болѣзнь заставила меня хранить молчаніе, я печалился и скорбѣлъ, подобно борцу, которому присутствующіе на ристалищѣ мѣшаютъ выйти на мѣсто состязанія. Я видѣлъ, что вы жаждете духовной пищи и что я не въ силахъ подать ее вамъ. Я видѣлъ время купли и не могъ предложить никакого товара. Видѣлъ большую добычу, а ловецъ не могъ выйти на охоту, но весьма скорбя объ этомъ, я призналъ за лучшее оставить на время труды, чтобы потомъ я могъ каждодневно приходить въ церковь и участвовать вмѣстѣ съ вами въ богослуженіи, чѣмъ, потрудившись черезъ силу два, много три дня, снова лечь въ постель и опять разлучиться съ вами. Поэтому, послѣ перерыва ежедневныхъ бесѣдъ, снова, по милости Господа, приступаю къ исполненію своего долга въ отношеніи къ вамъ. Хотя различнымъ людямъ полезны разные совѣты, но врачество покаянія всѣмъ, думаю, потребно. Такъ какъ никто несвободенъ отъ грѣха, то имѣетъ, очевидно, и нужду въ покаяніи. Для нуждающихся въ немъ необходимъ примѣръ спасшихся посредствомъ покаянія, показывающій, что этимъ же путемъ и они достигнутъ спасенія. Итакъ, посмотримъ на тѣхъ, которые, оставивъ нечестивую жизнь, прославились добродѣтелью. Посмотримъ, какъ уподоблявшіеся звѣрямъ вступили въ чинъ ангеловъ. Посмотримъ на тѣхъ, которые, доведши городъ до гибели, воздвигли его любомудріемъ. Посмотримъ на тѣхъ, которые изъ враговъ Бога сдѣлались Его друзьями, въ отношеніи къ которымъ Господь изъ карающаго Судіи обратился въ защитника. Посмотримъ на тѣхъ, которые, послѣ произнесенія надъ ними приговора, состязаются съ Судіей и приговоръ не приводится въ исполненіе. Посмотримъ, какъ Богъ по человѣколюбію поступилъ вопреки Своему слову. Напередъ послушаемъ, какъ проповѣдывалъ пророкъ, а городъ пришелъ въ смятеніе и, подобно тому, какъ сильный вѣтеръ производитъ въ морѣ волненіе, такъ раздавшійся среди ниневійскаго народа голосъ Іоны все приводитъ въ сильное движеніе и смущеніе. Послушаемъ, какъ городъ, вѣря проповѣди, не впалъ въ отчаяніе, а поспѣшилъ къ покаянію и, не надѣясь 425

на свою безопасность, старался почтить и умилостивить Бога. Что же дѣлалось для этого умилостивленія? Это отчасти сказано. Нужно, однако, передать все сказанное. *Заповѣдаша бо постъ и облекошася во вретище отъ мала ихъ и даже до велика ихъ* [1]) (Іон. ш, 5). О, удивительное чудо, страшное для людей, но вожделѣнное ангеламъ! Представь вмѣстѣ со мной многое множество мужей, и женъ, и дѣтей, облекшихся во вретище, собравшихся вмѣстѣ, оставившихъ обычныя занятія и человѣческія дѣла; (представь), что никто ничего не дѣлаетъ, а всѣ вмѣстѣ возсылаютъ моленія, плачъ и вопль къ небу. Представь исчезнувшимъ неравенство между господами и слугами, между начальниками и подчиненными; представь царя, въ такомъ же одѣяніи находящагося среди народа и совершающаго служеніе Богу, какъ какое-либо государственное дѣло. *Дойде*, говоритъ, *слово къ царю, и воста съ престола своего и сверже ризы своя, и облечеся во вретище, и сѣде на пепелъ* (ст. 6). О, мудрый царь! Самъ подаетъ примѣръ покаянія, чтобы внушить усердіе всему городу. Кто, видя самого царя пекущимся о спасеніи, могъ пренебречь покаяніемъ? Раны пурпура онъ врачуетъ вретищемъ; грѣхи трона очищаетъ сидѣньемъ на пеплѣ; болѣзнь гордости врачуетъ скромностью одежды, постомъ—раны роскоши. И показавши это самымъ дѣломъ, онъ побуждаетъ всѣхъ къ такому же усердію чрезъ особое объявленіе. *И проповѣдася отъ царя: человѣцы, и скоти, и волове, и овцы да не вкусятъ ничесоже, ни да пасутся, ниже воды да піютъ* (ст. 7). Новый царскій законъ: какъ врачъ, онъ назначаетъ больнымъ воздержаніе отъ пищи, а лучше—апостольскимъ постановленіямъ о благочестивомъ постѣ подражаетъ этотъ роскошный законодатель, повелѣвая безсловеснымъ участвовать въ постѣ людей для того, чтобы, при посредствѣ невинной природы, пріобрѣсти большую милость Божію. *И облекошася во вретища*, говорится, *человѣцы и скоти* (ст. 8). О, небесный строй! О, воинство, приводящее въ страхъ демоновъ! Горько стало діаволу, когда онъ увидѣлъ все свое войско обратившимся къ Богу и воюющимъ съ демонами, когда въ эту борьбу вступили и дѣти и жены, малолѣтніе вмѣстѣ съ взрослыми, когда безсловесныя животныя въ качествѣ соратниковъ были привлечены къ воинскому строю. И увидѣлъ діаволъ новое зрѣлище: скотъ содѣйствовалъ людямъ въ (достиженіи) праведности и по-

---

[1]) Ἐνέδυσαν τὸν σάκκον ἀπὸ μικροῦ αὐτῶν καὶ ἕως μεγάλου αὐτῶν, согласно съ Александрійскимъ и Маршальанскимъ греческими списками, вмѣсто: ...ἀπὸ μεγάλου αὐτῶν ἕως μικροῦ αὐτῶν—*отъ велика ихъ даже до мала ихъ*, какъ читается въ еврейскомъ текстѣ, древнѣйшемъ Ватиканскомъ и нѣкоторыхъ другихъ спискахъ.

стился о спасеніи хозяевъ. *Человѣцы, и волове, и скоти да не вкусятъ ничесоже, ни да пасутся.* Снявъ съ себя знаки власти, царь сталъ въ рядъ священниковъ; обратился къ народу съ рѣчью, уча ниневитянъ любомудрію. Тяжелы, друзья, говоритъ онъ, на- 428
стоящія бѣдствія; завладѣвши всей вселенной, мы, какъ негодные, божественнымъ приговоромъ обречены на гибель; повелѣвая всѣми людьми, мы, какъ самые худые изъ всѣхъ, приговорены къ необычайному виду смерти; счастливѣйшіе изъ всѣхъ прочихъ, окажемся тогда всѣхъ несчастнѣе, сдѣлаемся притчею у всѣхъ людей и предметомъ сказаній, такъ какъ прежняя слава не даетъ возможности скрыть наши несчастія. Во многихъ войнахъ одержавъ побѣды, тѣмъ съ большею, о, ниневитяне, доблестью будемъ нынѣ ратовать за собственное спасеніе; въ прежнія времена мы дѣлали все, чтобы пріобрѣсти господство надъ другими, теперь награда наша будетъ состоять въ томъ, чтобы не погибнуть совершенно вмѣстѣ съ женами и дѣтьми. При наступленіи особой войны и сражаться будемъ особымъ способомъ: обратимъ къ небу пѣснопѣнія; вмѣсто копьевъ устремимъ туда псалмы; вознесемъ къ Богу молитвы; непрестанными слезами умилостивимъ Его гнѣвъ; разорвемъ сѣть худыхъ дѣлъ; разрушимъ твердыню зла; будемъ сражаться оружіемъ добродѣтели; панцыря праведности не пробиваетъ стрѣла; щиту вѣры не наноситъ вреда молнія; Богъ не попускаетъ сокрушить шлемъ надежды; вышній гнѣвъ не раздираетъ хитона смиренномудрія; угроза гибели не въ силахъ разрушить стѣну исповѣданія; приговоръ осужденія, видя дѣйствительное раскаяніе, тотчасъ разсѣевается, какъ дымъ. Если такъ, о, друзья, и такимъ оружіемъ будемъ сражаться, мы будемъ сильны какъ на землѣ, такъ и на небѣ. Дерзайте, ниневитяне, дерзайте! Человѣколюбивый Царь воюетъ съ нами; только побѣдивъ упорныхъ своихъ враговъ, Онъ, оставивъ гнѣвъ, дѣлается благодѣтелемъ ихъ.

Такими увѣщаніями царь побуждалъ народъ къ покаянію. Ниневитяне съ готовностью исполняли приказанія: *облекошася*, говорится, *во вретища человѣцы, и скоти, и возопиша прилѣжно къ Богу.* И это было не такъ, что слово было готово, а умъ занятъ былъ другимъ, языкъ произносилъ слова, а мысль не участвовала въ нихъ, звуки голоса раздавались, а душевное расположеніе не соединялось съ ними, но — такъ, что то и другое усиленно умоляло Бога. Наступившая ночь, увеличившая страхъ, прогоняла сонъ и тѣмъ усерднѣе возносила гимнъ. День, снова являвшій небо мрачнымъ, непрерывными молніями и громомъ приводилъ всѣхъ въ необычайный страхъ и возбуждалъ величайшій вопль. Колебаніе земли приводило души въ большое смя-

теніе. Всѣ малыя дѣти, изъ страха припадающія къ грудямъ матерей, и плачущія на рукахъ, вызываютъ у смотрящихъ на это слезы и горе. Стада воловъ, овецъ и весь скотъ, лишенныя корма и пойла, своимъ разнообразнымъ ревомъ приводятъ въ содроганіе самыхъ крѣпкихъ людей. Несмотря, однако, на то, что все приняло угрожающій видъ и внушало страхъ, добрая надежда
429 ихъ не покидала. *Кто вѣсть*, говорятъ, *аще раскается* [1]) *Богъ и обратится отъ гнѣва ярости своея и не погибнемъ* (ст. 9)? Изъ глубины сердца они взывали къ Богу: Царь, Владыка жизни и смерти, мы достойны произнесеннаго приговора и заслуживаемъ всякаго наказанія, не познавъ Тебя, истиннаго Бога, и ведя развращенную жизнь. По безмѣрному Твоему милосердію останови опредѣленное намъ наказаніе, побѣди нелицепріятное правосудіе благостію, а наше незнаніе — человѣколюбіемъ. Если бы внезапно навелъ казнь, слово заключало бы кару [2]), поражены были бы чужіе (т. е. не исповѣдывавшіе истиннаго Бога) и нечестивые. А нынѣ, назначивъ по благости опредѣленный срокъ [3]), поразишь ли обратившихся, погубишь ли не чужихъ, а своихъ? Нечестивыхъ хранилъ,—погубишь ли ставшихъ вѣрующими? Когда мы были порочны, спасалъ,—истребишь ли дѣлающихъ добро? Городъ, служившій идоламъ, возвысилъ и воздвигъ царство,—ниспровергнешь ли, когда онъ сдѣлался Твоимъ? Не зная Тебя, мы черезъ Тебя овладѣли вселенной, а покланяясь Тебѣ нынѣ лишимся и самой жизни? Побереги имя Твое, Царь, чтобы, наказывая ниневитянъ, не сдѣлать благочестія чѣмъ-либо такимъ, чего, какъ безполезнаго, нужно избѣгать,—чтобы, подвергая насъ заслуженной карѣ, не запереть для людей двери покаянія. Если мы, имѣя законодателя и учителей, погрязли во многихъ порокахъ, подвергай неминуемой гибели; не дѣлай снисхожденія умоляющимъ; наводи кару, болѣе тяжкую, чѣмъ какою угрожалъ. А если неучившіеся и ненаставленные живемъ мы худо и нечестиво, не карай такъ, Царь, наше невѣдѣніе. Справедливо ты въ древнія времена погубилъ людей потопомъ,—потому что они не внимали наставленіямъ Ноя. Ты напередъ объявилъ гибель, а они не оставили грѣха. Содомлянъ по заслугамъ Ты истребилъ огнемъ, такъ какъ они не хотѣли слушать совѣтовъ Лота. Египтяне, погибшіе

---

[1]) Читаемому затѣмъ въ Славян. Б. выраженію: *и умоленъ будетъ* нѣтъ соотвѣтствующаго въ текстѣ Златоуста и въ унціальныхъ греч. спискахъ.

[2]) Здѣсь читается въ изданіи Миня: λόγος τὰ τῆς κολάσεως εἶχε; если бы вмѣсто λόγος стояло λόγον, слова эти имѣли бы смыслъ, болѣе соотвѣтствующій контексту рѣчи святителя: „наказаніе было бы понятно".

[3]) Разумѣется Іоны III, 4: *еще три дня и Ниневія превратится.*

въ морѣ вмѣстѣ съ фараономъ, понесли должное наказаніе, такъ какъ не вѣрили словамъ Моисея, подвергаясь многимъ казнямъ и испытывая на себѣ дѣйствія Твоей десницы. А развѣ осмѣлились мы противорѣчить въ чемъ-либо? Одного только послалъ къ намъ и притомъ не учителя, а провозвѣстника бѣдствій; мы повѣрили ему и всенародно съ честію совершаемъ Тебѣ служеніе. Назначилъ намъ небольшой срокъ и въ продолженіе его мы показали весьма большую перемѣну. Когда объявлена была намъ гибель, мы не усомнились въ Твоемъ человѣколюбіи. Когда пророкъ предсказалъ разрушеніе города, мы сохранили надежду на Твою милость. Не посрами же, Благостный, надежды. Не отними языковъ, желающихъ славословить Твои благодѣянія. Не умертви мужей, всецѣло стремящихся возвѣщать Твою благость. Не лиши насъ возможности сдѣлаться учителями благочестія для всѣхъ нашихъ. Не пребывай при прежнемъ ограниченіи [1]) въ отношеніи къ тѣмъ, которые не остались прежними. Измѣнились мы, измѣнись и Ты. Оставь гнѣвъ, какъ мы—заблужденіе. Прекрати 432
наказаніе, какъ мы—зло. Довольно вразумилъ насъ страхомъ, дай намъ время показать любовь къ Тебѣ. Пощади скотъ, ревущій отъ голода. Пощади невинныхъ дѣтей, измученныхъ рыданіями. Пощади несовершеннолѣтнихъ, ослабѣвшихъ отъ поста. Не погуби невинныхъ вмѣстѣ съ виновными. Помилуй матерей, не дающихъ вслѣдствіе Твоего гнѣва молока самымъ дорогимъ (т. е. дѣтямъ). Родители отказали имъ въ милости, чтобы получить отъ Тебя помилованіе. Всѣ люди держатся тѣхъ же худыхъ обычаевъ, какъ и мы. Если не примешь нашего покаянія, то разрушишь надежды всего міра. Такія, вѣроятно, наставленія слышали отъ начальниковъ ниневитяне. За словами слѣдовали соотвѣтствующія дѣла: постъ, вретище, усердная молитва, слезы, удаленіе отъ зла. *Возопиша*, говоритъ, *прилѣжно къ Богу, и возвратися кійждо отъ пути своего лукаваго и отъ неправды сущія въ рукахъ ихъ*. Обращаются къ любомудрію, къ самымъ высшимъ вопросамъ любомудрія, и вѣнецъ добродѣтели дѣлаютъ основаніемъ добродѣтели. Каждый старался исполнить всякое доброе дѣло, всего болѣе угодное Богу. Видѣли начавшуюся войну неба съ ними и укрѣпили себя добрыми дѣлами, какъ стѣну. Сверкавшимъ вверху молніямъ они противопоставили внизу молитвы и прошенія; ударамъ грома — звуки пѣснопѣній. Постъ сдѣлался для нихъ крѣпкою башнею. Потоками слезъ смыли множество

[1]) Въ изданіи Миня читается: Μὴ διαμείνῃς ὁριζόμενος ὁμοίως πρὸς τοὺς οὐκέτι τοῖς αὐτοῖς διαμείναντας. Слѣдуетъ, вѣроятно, читать, ...ὀργιζόμενος, т. е. „при прежнемъ гнѣвѣ“.

грѣховъ. Враговъ сдѣлали друзьями, чтобы примириться съ Богомъ. Сами оставили гнѣвъ на оскорбившихъ ихъ, чтобы прекратить гнѣвъ на нихъ Владыки. Книгу долговъ разорвали здѣсь, чтобы тамъ получить отпущеніе грѣховъ. Дали рабамъ свободу, чтобы самимъ освободиться отъ наказанія. Дѣлились съ бѣдными имуществомъ, чтобы сдѣлать безопаснымъ свое достояніе. Бросивъ роскошь, держались воздержанія. Избѣгая своеволія, полюбили скромность. Возненавидѣвъ кичливость, приняли весь видъ скромный и печальный. Занимавшіеся торговлей, договорами и всякими дѣлами служили Богу. Злодѣи сами безъ всякаго принужденія сознавались въ своихъ разбояхъ. Судьи не подвергали этихъ сознававшихся наказанію. Всѣ, какъ разстающіеся съ жизнью, разсказывали свои худыя дѣла. Богатство оставалось безъ охраны и нигдѣ не являлось воровъ. Золото раздавалось нуждающимся; пріобрѣтенія избѣгалъ каждый, какъ убытка. У всѣхъ былъ одинъ предметъ заботъ — спасеніе. Всѣ — богатые и бѣдные—стремились и хлопотали объ одномъ — о (сохраненіи) жизни. Все, не относящееся къ этому, оставлялось, какъ безполезное и худое. Неизвѣстно было спасеніе и, какъ желаемое, было предметомъ усерднаго исканія. Не надѣялись на успѣхъ покаянія и, какъ желающіе жить, всецѣло отдались всякому доброму дѣланію. О, философы-варвары! О, мудрые невѣжды! Безъ наученія поняли то, что нужно; безъ законодателя перемѣнили къ лучшему свою жизнь; безъ учителей исправились, изъ бездны
433 зла обратились къ небесной жизни. *Сія измѣна* (измѣненіе) *десницы Вышняго* (Пс. LXXVI, 11). Одна грозная туча, и ниневитяне произрастили безчисленное множество добрыхъ плодовъ. Переплавились, какъ старинные какія-нибудь статуи. Они перемѣнились вслѣдствіе покаянія, изъ грѣшниковъ сдѣлались праведниками, любезными ангеламъ, угодными Богу. Установили колеблющійся городъ, подняли падавшій, укрѣпили потрясенный. Обратились и не извратились; перемѣнились и не погибли. *Видѣ*, говоритъ, *Богъ дѣла ихъ, яко обратишася отъ путей своихъ лукавыхъ, и раскаяся Богъ о злѣ, еже глаголаше сотворити имъ.* Чудное дѣло! Судія измѣнилъ рѣшеніе, отмѣнилъ смертный приговоръ и постановилъ оправдательный. Покаялись ниневитяне и раскаялся Богъ. Покаяніе отмѣнило грозное повелѣніе. Отвергли тѣ зло, Богъ отвергъ приговоръ. О, всемогущее покаяніе! Совершается оно на землѣ и производитъ перемѣну на небесахъ. Такъ и мы, возлюбленные, покаемся; такъ и мы будемъ поститься; присоединимъ къ посту добрыя дѣла; не будемъ дѣлать худого; убоимся угрозы геенной; путемъ покаянія будемъ стремиться получить отъ Бога спасеніе. Ему слава и держава во вѣки вѣковъ. Аминь.

———

БЕСѢДА III.

О милостынѣ, и о богатомъ и Лазарѣ.

1. Велика благотворность милосердія. Ничто другое не равняется милосердію. Никакая (другая) добродѣтель не можетъ такъ заглаждать грѣхи. Поэтому и божественное Писаніе говоритъ: *милуяй нища, взаимъ даетъ Богови* (Прит. XIX, 17). Если человѣку дать въ займы золото, онъ обременитъ (тебя) непріятностями и письмами. А у Бога не такъ. Если дашь мученикамъ, бѣднымъ, Богъ позоветъ, чтобы отдать долгъ. Что ты далъ бѣдному, (Онъ) спѣшитъ выкупить и не просто отдаетъ, но—съ великимъ благословеніемъ, говоря: *пріидите благословенніи Отца Моего, наслѣдуйте уготованное вамъ царствіе отъ сложенія міра* (Мѳ. XXV, 34). Если одолжишь человѣка, бываетъ иной разъ такъ, что онъ не отдастъ долга, не захочетъ даже видѣться съ тобой. А Богъ, получивъ въ долгъ въ лицѣ находящихся при мученикахъ и бѣдныхъ, не только отдаетъ и возвращаетъ долгъ, но и дѣлаетъ заимодавцевъ сонаслѣдниками, говоря: *пріидите благословенніи Отца Моего, наслѣдуйте уготованное вамъ царство отъ сложенія міра*. Когда уготовалъ Господь? Когда? Когда ты благотворилъ въ церквахъ и храмахъ мучениковъ, когда праздновалъ памяти святыхъ, когда ты раздавалъ хлѣбъ бѣднымъ, когда ты нищихъ принималъ въ свой домъ, когда ты бѣдныхъ снабжалъ одеждою, 438
когда ты посѣщалъ больныхъ и находящихся въ темницѣ,—тогда Я приготовлялъ царство.

2. И смотри на величіе милосердія: никакая добродѣтель не цѣнится такъ, какъ оно. Не сказалъ, что сохранили дѣвство ради Меня; ничего такого не сказалъ [1]). *Взалкахся и дасте Ми ясти* (Мѳ. XXV, 35). Велико дѣвство, и постъ, и прочія добродѣтели, но они меньше милосердія. Соблюли дѣвство и неразумныя пять дѣвъ, но такъ какъ онѣ не имѣли милосердія, то остались внѣ брачнаго чертога. Пять мудрыхъ—вмѣстѣ съ дѣвствомъ—имѣли и милосердіе, поэтому вошли въ брачный чертогъ. А пять неразумныхъ сохранили только дѣвство, надѣясь черезъ него войти въ царство небесное, но не пріобрѣли никакой другой добродѣтели, ни милосердія, ничего другого, поэтому Господь говоритъ имъ: отойдите отъ Меня, *не вѣмъ васъ*. Потому и названы неразумными, что сохранили только дѣвство и не имѣли милосердія.

[1]) Здѣсь—или неточная передача, или пропускъ.

3. Какъ свѣтильникъ гаснетъ, если кто зажжетъ его и не нальетъ масла, такъ не получаетъ никакой пользы и тотъ, кто соблюдаетъ дѣвство, но не даетъ бѣдному елея милосердія. Велико дѣло милосердія! Если хочешь купить одежду или воловъ, дѣлаешь расходы, тратишь золото, отправляешься на рынокъ, подвергаешься зною, а иногда терпишь голодъ и жажду; и подвергаясь всему этому, едва успѣваешь достигнуть своей цѣли: и когда достигнешь, продавецъ даетъ не такъ, какъ ты хочешь, а какъ ему угодно. Ты божишься: я не куплю за столько; божится и онъ: не продамъ за столько. И совершается между вами первый грѣхъ, какъ сказалъ Соломонъ: *посредѣ продаянія и купли совершится грѣхъ* (Сир. xxvii, 2). Необходимо бываетъ напрасно божиться одному или обоимъ, потому что простымъ словамъ часто (не вѣритъ) ни покупатель, ни продавецъ [1]). И послѣ такихъ хлопотъ ты не бываешь увѣренъ въ томъ, что имѣешь то, чего хотѣлъ; часто (бываетъ такъ, что) прежде, чѣмъ придешь домой, это или умретъ, или пропадетъ, или окажется негоднымъ, и ты терпишь двойное огорченіе. А относительно царства Божія не испытаешь ничего такого, ни трудности пути, ни изнурительности лѣтняго жара, ни огорченія отъ неудачи,—ничего подобнаго. Когда ты сидишь дома, приходитъ нищій, продающій рай, и говоритъ: дай хлѣба и получи рай; дай подержанную одежду и получи небесное царство; и не говорю тебѣ, сколько (нужно дать), чтобы ты не медлилъ, ссылаясь на (свои) недостатки. За сколько хочешь, купи рай: дай хлѣба; не имѣешь хлѣба, дай оволъ [2]), дай чашу холодной воды; дай, что хочешь, что имѣешь:
437 все принимаю; только купи рай. Подражай той удивительной вдовѣ, которая дала горсть пшеничной муки (3 Цар. xvii, 12) и наслѣдовала небесное царство. Въ Евангеліи упоминается и другая вдова, ничего иного не имѣвшая, какъ только двѣ лепты; и она положила ихъ въ сокровищницу и купила рай (Мрк. xii, 42; Лук. xxi, 2).

4. Не выгоды ищетъ продающій рай, а души сострадательной и благонамѣреннаго сердца. Дай нищему и сдѣлай Бога должникомъ. *Милуяй нища, взаимъ даетъ Богови.* А когда, говорятъ, отдастъ взявшій взаймы? Когда? Тогда, когда оставившій богатство, дома, золото, одежды и все прочее отойдетъ голымъ, лишившимся всего; тогда взявшій взаймы отдастъ съ благодарностью. Пошли напередъ туда свое имущество и тогда отправляйся и ты. Не береги золота,—не сохранишь его. Неизвѣстна

---

[1]) И здѣсь, нужно думать, также пропускъ.

[2]) Оволъ—мѣдная монета, стоющая на наши деньги 4—5 коп.

(продолжительность) жизни; неизвѣстно, когда умрешь. *Яко тать въ нощи, пріидетъ* смерть (2 Петр. ш, 10; 1 Сол. v, 2). Придетъ тогда, когда ты не думаешь и не ждешь; богатство твое останется здѣсь, и захочешь тамъ капли воды, чтобы прохладить уста, а другіе здѣсь будутъ дѣлить твое имущество.

5. Такъ капли воды захотѣлъ и тотъ богатый, находясь въ пламени, и умолялъ Авраама, говоря: *отче Аврааме, помилуй мя, и посли Лазаря,* чтобы малымъ перстомъ своимъ оросилъ мои уста [1]), *яко стражду во пламени семъ* (Лук. xvi, 24). Этотъ богатый, когда жилъ на землѣ, одѣвался въ порфиру, виссонъ и шелкъ; ѣздилъ на колесницѣ; кони у него были прекрасные, украшенные золотомъ и серебромъ; ноги ихъ укрѣплены (ἐμπεπηγμένοι) [2]) золотомъ; рабы бѣжали впереди и позади. Одѣвалъ онъ на себя золотыя ожерелья, запястья и (разныя) украшенія; вообще окружалъ себя большою роскошью. Обѣденный столъ его блисталъ множествомъ золота и безъ счету—серебромъ; (было) дорогое вино, фазаны, гуси, кулики, куропатки, голуби, курицы, зайцы, ягнята, козлята; суетилось множество поваровъ. Одни махали опахалами, чтобы ни одной пылинки не попало на его голову, другіе держали серебряные тазы и чистыя полотенца, чтобы омыть концы его пальцевъ, когда онъ возлежалъ. Но смотри на безчеловѣчіе и стыдъ.

6. Всѣ работали; столько тяжелаго труда, столько хлопотъ, чтобы насытить чрево одного этого богача. Когда наполнится оно изысканными кушаньями, для него приготовляютъ постели изъ слоновой кости, пуховики, чистыя и роскошныя полотна. А если онъ не можетъ заснуть вслѣдствіе боли въ головѣ, одни чешутъ ему ноги, другіе заботятся о домѣ, стерегутъ ворота и двери, чтобы чей-либо голосъ, шумъ и (что-нибудь) такое (ζόφοι 440
καὶ τοῦτο) [3]) не разбудили. Такова была роскошь этого богача.

7. Былъ же нѣкто *нищъ именемъ Лазарь* и *лежаше предъ враты* богатаго *гноенъ и желаше насытитися отъ крупицъ, падающихъ отъ трапезы богатаго* (Лук. xvi, 20), и никто не давалъ ему. Видѣлъ его богатый и отворачивался, гнушался, плевалъ, проходилъ мимо, относился даже непріязненно. Не говорилъ этотъ не-

---

[1]) Ἵνα τῷ μικρῷ δακτύλῳ αὐτοῦ βρέξῃ μου τὰ χείλη вмѣсто обычно читаемаго: ἵνα βάψῃ τὸ ἄκρον τοῦ δακτύλου αὐτοῦ ὕδατος καὶ καταψύξῃ τὴν γλῶσσάν μου = *да омочитъ конецъ перста своего въ водѣ и устудитъ языкъ мой.*

[2]) Къ ἐμπεπηγμένοι въ изданіи *Миня* приводится варіантъ: ἐσκεπασμένοι= „защищенные".

[3]) Вмѣсто ζόφοι καὶ τοῦτο указывается тамъ же варіантъ: ψόφοι καὶ δοῦποι = „шумъ и трескъ".

счастный (о богатомъ), что онъ такой же человѣкъ, какъ и я, что одна и та же рука создала насъ обоихъ, что онъ одного со мной племени и рода. (И богатому) не приходило это на умъ; у него не пробуждалось сострадавія; онъ не пожалѣлъ брошеннаго въ такой безпомощности у его воротъ. Видя его въ такомъ положеніи и—вытекавшій изъ членовъ его тѣла гной, собаки оказывали большое состраданіе; подбѣгая, они языкомъ, какъ будто губкой, очищали этотъ гной, облизывая, какъ искусные врачи, раны и осторожно открывая ротъ, чтобы не вышелъ изъ зубовъ ядъ и не нанесъ вреда праведнику. Собаки, не знающія Бога и не ожидающія воскресенія, употребляли врачебное искусство, желая помочь страждущему бѣдняку. А богатый, ожидавшій того, что онъ предстанетъ на страшный судъ, не пожалѣлъ бѣднаго.

8. Видишь отсюда знатность и роскошь богатаго? Видишь совершенную незначительность бѣднаго, отсутствіе средствъ къ жизни? Тотъ славенъ, этотъ безчестенъ; тотъ живетъ въ роскоши, этотъ находится въ безпомощномъ состояніи. Тотъ, окруженный богатствомъ, не вспоминалъ о Богѣ, этотъ, находясь въ такомъ тяжкомъ положеніи, не богохульствовалъ. Теперь посмотримъ на судьбу того и другого на томъ свѣтѣ.

9. Случилось, говорится, что умеръ богатый и отнесенъ былъ для вѣчнаго мученія. Умеръ же и Лазарь и отнесенъ былъ ангелами *на лоно Авраамле*. Находясь въ огнѣ, богатый увидѣлъ Лазаря, покоившагося на лонѣ Авраама и узналъ его. И воскликнулъ, говоря: *отче Аврааме, помилуй мя и посли Лазаря*, чтобы малымъ перстомъ оросилъ мои уста, *яко стражду въ пламени семъ*. Гдѣ же богатство, гдѣ золото, гдѣ серебро? Гдѣ серебряная крыша? Гдѣ множество слугъ? Гдѣ разливавшееся вино, (если) ищетъ и желаетъ капли воды? *Помилуй мя, отче Аврааме*. О, несчастный богачъ! Когда Лазарь лежалъ у воротъ твоихъ, ты не хотѣлъ его знать, а теперь зовешь Лазаря на помощь? *Поми-*
441 *луй мя*. Безполезна твоя просьба. Прошло время милости. Тамъ нѣтъ милости. *Судъ бо безъ милости не сотворшему милости* (Іак. II, 13). Къ чему просишь милости, которой самъ на землѣ не оказывалъ? *Помилуй мя, отче Аврааме, и пошли Лазаря*, чтобы малымъ перстомъ оросилъ мои уста, *яко стражду въ пламени семъ*. Какимъ перстомъ, богачъ? Которому ты не позволялъ участвовать въ трапезѣ? Тогда ты не хотѣлъ подумать о рукахъ, гнушался (ихъ); а теперь просишь коснуться твоего языка? *Помилуй мя, отче Аврааме*. Какъ называешь ты его отцемъ, не сдѣлавши того, что слѣдуетъ дѣлать сыну? Онъ отецъ тѣхъ, которые ходятъ во свѣтѣ. Нѣтъ общенія у свѣта со тьмой. Не называй его отцемъ.

Ты по жестокому нраву сынъ тьмы и геенны Какъ называешь его отцемъ, не умилосердившись надъ сыномъ его, Лазаремъ?

10. Великій патріархъ не сокрушилъ его скорбью, не усилилъ муки, не поразилъ его словами, не отринулъ человѣческой природы. Онъ отвѣтилъ кроткимъ голосомъ и съ свѣтлымъ лицемъ словами: *чадо, воспріялъ еси благая* на землѣ[1]) *и Лазарь злая*. Поэтому *сей здѣ утѣшается, ты же страждеши*[2]. При томъ[3]) *пропасть велика* есть[4]) *между вами и нами* и никто не можетъ перейти ее изъ насъ (Лук. XVI, 25—26).

11. Видишь конецъ богатаго? Видишь скоротечность роскоши? Не переставай же давать бѣднымъ изъ того, что имѣешь; никогда не откладывай до завтрашняго дня, *не вѣси бо*[6]), *что родитъ находяй (день)*. Что скапливаешь богатство, которое, спустя недолго, невольно оставишь и пойдешь скорбя? Захочешь тамъ капли воды, а другіе здѣсь будутъ дѣлить твое богатство, не вспоминая имени твоего. Часто наслѣдники твои выкапываютъ и кости, проклиная тебя. Пошли напередъ твое имущество туда, въ нескончаемый вѣкъ. Даромъ доставляетъ туда твою движимость тамошній Владыка. Здѣсь если хочешь перевезти твое богатство изъ одного города въ другой, ты долженъ нанимать подводы, наемныхъ верблюдовъ, муловъ, вооруженныхъ стражей, чтобы какіе-либо негодные люди, напавши на пути, не разграбили твоего богатства. А если хочешь перевезти твое богатство въ тотъ міръ, не несешь хлопотъ, не дѣлаешь расходовъ, не подвергаешься насилію, не выходишь даже изъ дома. Сидишь въ городѣ въ совершенномъ покоѣ; приходитъ къ твоей двери нищій, желающій перенести твое богатство въ тотъ нескончаемый вѣкъ. И ты не имѣешь расположенія дать ему и одинъ оболъ? Одумайся, человѣкъ, если хочешь имѣть не преходящее богатство. Дай въ руки бѣдныхъ и найдешь тамъ радушный пріемъ. Не опасайся того, 444
что нищіе ненадежны; порукой служитъ богатый и благомыслящій. *Милуяй нища взаимъ даетъ Богови.*

12. Убоимся дня того, въ который Домовладыка призоветъ дѣлателей къ собиранію хлѣба и положитъ хлѣбъ въ житницы, а солому сожжетъ въ неугасимомъ огнѣ. Домовладыка—Господь,

---

[1]) Ἐπὶ τῆς γῆς вм. ἐν ζωῇ σου.

[2]) Διὰ τοῦτο οὗτος ἐνταῦθα ἀναπαύεται καὶ σὺ ὀδυνᾶσαι: вм. νῦν δὲ ὧδε παρακαλεῖται, σὺ δὲ ὀδυνᾶσαι.

[3]) Ὅμως вм. ἐπὶ πᾶσιν τούτοις.

[4]) Ἐστίν вм. ἐστήρικται.

[5]) Και οὐδεὶς δύναται αὐτὸ περάσαι ἐξ ἡμῶν.

[6]) Οὐ γὰρ οἶδας... вм. οὐ γὰρ γινώσκεις...

дѣлатели—ангелы Его, собирающіе вселенную на судъ въ часъ тотъ и день. Праведниковъ соберутъ они въ вѣчныя селенія, которыя приготовилъ вознесшійся Господь, а грѣшниковъ—для вѣчнаго огня. Итакъ постараемся посредствомъ дѣлъ милосердія сдѣлаться спѣлой пшеницей, чтобы войти въ вѣчныя обители (по благодати и человѣколюбію Господа нашего Іисуса Христа [1]), съ Которымъ Отцу и Св. Духу слава, держава, честь и поклоненіе во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА IV.

О десяти тысячахъ талантовъ и десяти динаріяхъ и о незлопамятствѣ.

Благослови, отче!

Блаженный апостолъ Павелъ, сосудъ избранія, имѣвшій въ себѣ Христа глаголавшаго, въ посланіи къ Римлянамъ сказалъ: *нощь прейде, а день* спасенія *приближися: отложимъ убо дѣла темная, и облечемся во оружіе свѣта. Яко во дни, благообразно да ходимъ* (XIII, 12, 13). Поэтому и мы, братіе, приложимъ стараніе, вознесемъ усердныя молитвы къ Господу, прольемъ горячія слезы, непрестанно будемъ осуждать сдѣланное нами (разумѣется худое), представимъ, какъ врачу, наши раны, покажемъ душевныя язвы, будемъ искать у него врачества, обуздаемъ и искоренимъ страсти, помрачающія разумъ, чтобы не обуреваться стремленіемъ къ богатству, незлопамятствовать на ближняго и не питать враждебнаго расположенія къ другимъ людямъ. Ничего такъ Богъ не гнушается и не отвращается, какъ человѣка злопамятнаго, носящаго постоянно въ душѣ своей вражду къ ближнему. Такова гибельность этого грѣха, что онъ удаляетъ и человѣколюбіе Божіе. И чтобы вы поняли это, хочу напомнить вамъ находящуюся въ святомъ Евангеліи притчу о рабѣ, получившемъ отъ домовладыки прощеніе десяти тысячъ талантовъ, когда онъ, припавши къ ногамъ, неотступно просилъ (Мѳ. XVIII, 26). *Милосердовавъ господь прости его* [2]) *и долгъ отпусти* [3]) *ему* (ст. 27). Видишь ми-

---

[1]) Въ текстѣ Патрологіи послѣ словъ: εἰς τὰς αἰωνίους σκηνὰς слѣдуетъ: Μεθ' οὗ, изъ чего видно, что здѣсь пропущено въ спискахъ нѣсколько словъ, которыя и восполнены.

[2]) Ἀφῆκεν αὐτῷ вм. читаемаго въ Евангеліи ἀπέλυσεν αὐτόν.

[3]) Συνεχώρησεν вм. ἀφῆκεν.

лосердіе Владыки? Припадая, онъ просилъ объ отсрочкѣ ему долга. *Потерпи,* говоритъ, *и вся ти воздамъ.* Но благостный Владыка, попечительный и человѣколюбивый, тронутый просьбами, сдѣлалъ для раба не только то, чего онъ просилъ, но и то, о чемъ онъ не думалъ. Таковъ обычный Его образъ дѣйствій— всегда побѣждать и предупреждать наши просьбы. Тогда какъ тотъ просилъ объ отсрочкѣ и обѣщался уплатить весь долгъ, побѣждающій благостію наши грѣхи, умилосердившись, *прости его и долгъ отпусти ему.* Видишь ли, чего просилъ рабъ и сколько далъ ему Владыка? Обрати вниманіе и на большую жестокость того. Послѣ оказаннаго ему такого человѣколюбія и несказаннаго благодѣянія, ему слѣдовало сдѣлаться болѣе сострадательнымъ въ отношеніи къ другимъ; а между тѣмъ онъ обнаружилъ противоположное этому. *Изшедъ,* сказано, тотъ, которому прощено было десять тысячъ талантовъ... Слушайте, прошу, внимательно, такъ какъ то, что случилось съ нимъ, можетъ повториться съ нами и расположить къ тому, чтобы удалить изъ души это гибельное настроеніе. Итакъ онъ, *изшедъ обрѣте единаго отъ клевретъ своихъ* (ἕνα τῶν συνδούλων, буквально—„одного изъ сорабовъ"), *иже бѣ долженъ ему стомъ пѣнязь* (ст. 28). Смотри, какая разница. Здѣсь должникъ—сорабъ и (долженъ онъ) сто динаріевъ [1]). Тамъ—и Владыка, и десять тысячъ талантовъ [2]); и однако, слыша просьбы и мольбы, простилъ. А тотъ, *емь его давляше, глаголя: отдаждь ми, имъ же еси долженъ.* И что? *Падъ клевретъ его* (ὁ σύνδουλος αὐτοῦ = „сорабъ его"), *моляше глаголя.* Смотри, какъ евангелистъ повторяетъ то же слово: „сорабъ его" не безъ намѣренія, а для того, чтобы мы видѣли изъ этого, что между ними не было различія, и при томъ этотъ употребилъ ту же просьбу, какъ и тотъ въ отношеніи къ Владыкѣ, говоря: *потерпи на мнѣ, и вся воздамъ ти. Онъ же,* сказано, отшедъ *всади его въ темницу, дондеже воздастъ должное* ему (ст. 30). Какое великое жестокосердіе! Имѣя въ свѣжей памяти такое благодѣяніе, онъ не возвысился до мысли о состраданіи, но сначала *давляше,* а потомъ и *въ темницу всади.*

Но смотри, что происходитъ. *Видѣвше,* говорится, *клеврети, сжалиша (си) зѣло, и пришедше сказаша господину своему вся бывшая* (ст. 31). Не тотъ (сказалъ), который пострадалъ, — какъ онъ (могъ сказать), будучи заключенъ въ темницѣ?—но сорабы, не потерпѣвшіе никакой обиды, опечалились, какъ обиженные, пошли и донесли обо всемъ. Посмотри затѣмъ на негодованіе. *Тогда призвавъ его,* сказано, говоритъ *ему: рабе лукавый.* Изъ этого

[1]) Сто динаріевъ—около 20 р.
[2]) Талантъ стоилъ около 2600 руб.

съ несомнѣнностью видно, какъ гибельно злопамятство. Когда производилъ разбирательство о десяти тысячахъ талантовъ, не называлъ его лукавымъ, а теперь, когда онъ оказался жестокимъ къ сорабу, говоритъ: *весь долгъ онъ отпустихъ тебѣ, понеже умолилъ мя еси* (ст. 32). Смотри, какъ показываетъ чрезмѣрную его злобу. Не получилъ ли, говоритъ, ты больше? Не послѣ ли голыхъ твоихъ словъ я, внимая твоей просьбѣ, простилъ весь тотъ
448 большой и чрезмѣрный долгъ. Не слѣдовало ли и тебѣ помиловать твоего сораба, какъ и я помиловалъ тебя? Какого, говоритъ, можешь заслуживать снисхожденія? Я простилъ, говоритъ, такой большой долгъ вслѣдствіе простой словесной просьбы, а ты не помиловалъ подобнаго тебѣ раба, не тронулся, не вспомнилъ сдѣланнаго мной для тебя, не оказалъ сostраданія къ нему, а явился немилостивымъ и жестокимъ, не захотѣлъ помиловать сотоварища. Теперь узнай на дѣлѣ, какое причинилъ ты себѣ зло. *И прогнѣвався господь его, предаде его мучителемъ* (ст. 34). Смотри, какъ онъ гнѣвается за жестокость къ ближнему и предаетъ мучителямъ; чего прежде не сдѣлалъ, когда тотъ подлежалъ отвѣтственности за такой долгъ, то приказываетъ сдѣлать. *Предаде его мучителемъ, дондеже воздастъ весь долгъ свой,* пока возвратитъ десять тысячъ талантовъ, которыя были уже ему прощены. Велико и несказанно человѣколюбіе Божіе! Когда Онъ производилъ разбирательство, простилъ, такъ какъ (тотъ) обратился съ просьбой. А когда увидѣлъ, что онъ жестокъ и безчеловѣченъ въ отношеніи къ сорабу, беретъ назадъ свое благодѣяніе, показывая ему самымъ дѣломъ, что тотъ нанесъ вредъ не столько ему, сколько себѣ самому. И какъ тотъ ввергнулъ въ темницу, пока не отдастъ долга, такъ и Онъ предалъ мучителямъ, пока не возвратитъ всего, что долженъ.

Рѣчь, братіе, идетъ не о талантахъ и динаріяхъ, а о томъ, что мы, виновные предъ Владыкой за многіе грѣхи, получаемъ отъ Него прощеніе по неизреченному Его человѣколюбію. А если въ отношеніи къ сорабамъ, имѣющимъ то же происхожденіе и ту же природу, оказываемся жестокими и безчеловѣчными, не прощаемъ нанесенныхъ намъ обидъ, а требуемъ за эти неважные проступки наказанія, то мы возбуждаемъ гнѣвъ Владыки и подвергаемся наказанію за тотъ долгъ, который былъ прежде прощенъ намъ. Насколько отстоитъ сто динаріевъ отъ десяти тысячъ талантовъ, настолько же велико различіе между нашими грѣхами предъ Богомъ и проступками ближнихъ въ отношеніи къ намъ. А чтобы мы точно знали, что Владыка привелъ эту притчу для душевной нашей пользы, послушай, что далѣе Онъ присоединилъ: *тако и Отецъ вашъ небесный сотворитъ вамъ, аще не отпу-*

стите кійждо брату своему отъ сердецъ вашихъ прегрѣшенія ихъ (ст. 35). Велика польза притчи, если мы будемъ внимательны. Что мы можемъ отпускать въ такой мѣрѣ, въ какой отпускаетъ намъ Владыка? И мы отпускаемъ подобнымъ намъ рабамъ, если хотимъ это исполнить, а сами получаемъ прощеніе отъ Владыки. Обрати вниманіе и на точность въ словахъ. Не сказалъ: „если не отпустите людямъ согрѣшеній"; а что? *Аще не отпустите кійждо брату своему отъ сердецъ вашихъ прегрѣшенія ихъ.* Смотри, какъ Онъ хочетъ, чтобы самое сердце наше имѣло миръ и спо-
койствіе, чтобы умъ нашъ былъ не омраченъ, а свободенъ отъ 149
страсти, чтобы мы проявляли большое доброе расположеніе къ ближнему. То же говоритъ и въ другомъ мѣстѣ: *аще бо отпущаете человѣкомъ согрѣшенія ихъ, отпуститъ и вамъ* [1]) *Отецъ вашъ небесный* (Мѳ. VI, 14). Не будемъ поэтому думать, когда дѣлаемъ это, что мы благодѣтельствуемъ другому или что оказываемъ ему большую милость: мы сами пользуемся благодѣяніемъ и извлекаемъ изъ этого для себя большую пользу; равно какъ, если не дѣлаемъ, мы не причинимъ другимъ особеннаго вреда, а себѣ приготовимъ страшное наказаніе въ гееннѣ. Помышляя объ этомъ, не будемъ поэтому, убѣдительно прошу, злопамятствовать или питать непріязнь къ тѣмъ, которые причинили намъ печаль или нанесли какую-либо обиду. Помня о томъ, какое благодѣяніе у Владыки приноситъ намъ примиреніе съ оскорбившими насъ, что прежде всего оно ведетъ къ прощенію нашихъ грѣховъ, поспѣшимъ и понудимъ себя, имѣя въ мысляхъ эту пользу, оказывать оскорбителямъ такое расположеніе, какъ истиннымъ благодѣтелямъ. Если разсуждать здраво, то не столько могутъ принести намъ пользы дѣйствительно расположенные къ намъ и всячески старающіеся услужить, какъ попеченіе о тѣхъ (т. е. объ оскорбителяхъ), которое дѣлаетъ насъ достойными вышней благодати и облегчаетъ намъ тяжесть грѣховъ. О томъ, какъ велика эта добродѣтель, разсуди, возлюбленный, на основаніи тѣхъ наградъ, какія Богъ всяческихъ обѣщалъ пріобрѣвшимъ ее. Сказавъ: *любите враги ваша, благословите* гонящихъ васъ, *молитеся за творящихъ вамъ напасть* (Мѳ. V, 44; Лук. VI, 28), Онъ, въ виду величія этой заповѣди, достигающей самой вершины (совершенства), присоединилъ: *яко да будете* подобными *Отцу вашему, иже есть на небесѣхъ, яко солнце свое сіяетъ на злыя и благія и дождитъ на праведныя и неправедныя* (Мѳ. V, 45). Если по мѣрѣ человѣческихъ силъ милосердый не только не

[1]) Читаемое здѣсь въ Патрологіи ἡμῖν вмѣсто ὑμῖν представляетъ, конечно, опечатку.

мстящій оскорбителямъ, но и старающійся молиться за нихъ, дѣлается подобнымъ Богу, то какихъ благъ онъ не получитъ? Не лишимъ же себя по нерадѣнію этихъ даровъ и неизреченныхъ наградъ, а употребимъ всѣ усилія исполнить это и, обуздывая помыслы, научимся слѣдовать заповѣди Божіей. Для этого и сдѣлалъ я вамъ это увѣщаніе и изложилъ притчу, показалъ величіе этого дѣла и проистекающую отъ него для насъ пользу, чтобы всякій изъ насъ, имѣющій въ настоящее время враждебное чувство, постарался замѣнить его у себя добрымъ расположеніемъ. И пусть не говоритъ кто-либо, что разъ и два склонялъ я (къ примиренію), но не имѣлъ успѣха. Если дѣлаемъ это искренно, то будемъ продолжать до тѣхъ поръ, пока посредствомъ долговременныхъ усилій не побѣдимъ (враждующаго) и не привлечемъ его къ себѣ. Вѣдь не ему мы оказываемъ какую-либо милость; намъ достается плодъ добраго дѣла; мы привлекаемъ Божіе благоволеніе и пріобрѣтаемъ чрезъ это великое дерзновеніе предъ Владыкой.

Если мы исполнимъ это, то съ чистою совѣстью сможемъ
452 произносить и слова молитвы во время (совершенія) страшнаго таинства: *и остави намъ долги наша, яко и мы оставляемъ должникомъ нашимъ* (Мѳ. vi, 12). Если мы пренебрежемъ этимъ, то какъ не послужитъ это намъ, поступающимъ вопреки словамъ (Господа), причиной осужденія? Осмѣливаться попусту и напрасно произносить слова молитвы не значитъ ли увеличивать для самихъ себя пламя и вызывать гнѣвъ Владыки? Радуюсь и веселюсь, видя съ удовольствіемъ, что вы слушаете поученіе и рукоплесканіями показываете готовность самымъ дѣломъ исполнить заповѣть Владыки. Это—врачество для вашихъ душъ; это—лѣкарство для вашихъ ранъ; это—самый лучшій путь; это — величайшій показатель боголюбивой души, чтобы именно все устроять по закону Владыки, не отступать назадъ по внушенію немощныхъ помысловъ, а становиться выше страстей. Поэтому каждый пусть дѣлаетъ это достойное дѣло; пусть заботится о величайшемъ сокровищѣ и не опускаетъ случая (пріобрѣсти его), хотя бы нужно было трудиться, искать, хотя бы нужно было пройти длинный путь, хотя бы встрѣтились какія-либо трудности; преодолѣвая всѣ такія препятствія, пусть стремится къ одному: какъ бы исполнить повелѣнное Богомъ и получить награду за послушаніе. Знаю, что тяжело и трудно пойти къ тому, кто настроенъ совершенно враждебно,—быть у него и вести бесѣду; но если подумаешь о достоинствѣ Повелѣвшаго, и о величіи награды, и о томъ, что плодъ добраго дѣла достается не ему, то все сдѣлается легкимъ и удобнымъ. Имѣя все это въ своихъ

мысляхъ, побѣдимъ обычное наше расположеніе (къ врагамъ) и по чувству благочестія сдѣлаемся исполнителями Христовыхъ заповѣдей, чтобы удостоиться отъ Него наградъ, благодатію и человѣколюбіемъ Господа нашего Іисуса Христа, съ Которымъ Отцу со Святымъ Духомъ слава, держава, честь и поклоненіе, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА V.

Къ тѣмъ, которые высоко цѣнятъ настоящія блага и напрасно стремятся къ житейской роскоши. 453

Для ангеловъ небо — мѣсто радости, а для вѣрующихъ — вмѣсто неба одно соотвѣтствующее пристанище — Церковь, дарующая веселіе душамъ въ слушаніи священныхъ пѣснопѣній. Прилѣпившуюся къ такому слушанію Марію ублажилъ тотъ, кто даровалъ (намъ) блаженство: *Марія благую часть избра, яже не отымется отъ нея* (Лук. x, 42). Одно благочестивое ученіе служитъ для насъ при жизни добрымъ убѣжищемъ и по смерти путеводителемъ къ Судіи; а пріобрѣтеніе всего прочаго ненадежно не потому только, что прекращается вмѣстѣ съ смертью, но и потому, что и прежде смерти бываютъ безчисленныя житейскія крушенія. Какъ море переплываемъ мы настоящую жизнь, которая обуревается сильнѣйшими ударами волнъ. Богатство не пользуется полнымъ спокойствіемъ; будучи носимо часто вмѣстѣ съ его владѣльцами благопріятнымъ вѣтромъ, оно отъ внезапно поднявшейся бури (различныхъ) напастей погибаетъ. Тронъ не 456
представляетъ непоколебимой высоты могущества; вдругъ разражающіеся опасные ураганы съ корнемъ разрушаютъ благоденствіе. И здоровье не есть неизмѣнный даръ; ему грозитъ вредъ со стороны неожиданныхъ болѣзней. Разнообразно разрушается счастливое состояніе; человѣкъ (въ этомъ отношеніи) подобенъ дереву: сегодня онъ имѣетъ привлекательный, цвѣтущій видъ, а завтра онъ лишенъ его, какъ дерево обнаженное отъ листьевъ. Изслѣдуя то, что имѣетъ цвѣтущую жизнь, не найдешь ничего, не заключающаго зародыша разрушенія. Такъ Творецъ устроилъ нашу жизнь, ослабляя (черезъ это) стремленіе тѣхъ, которые преданы земному; блескъ жизни Онъ соединилъ съ слабостью, чтобы, когда увлечетъ тебя красота земныхъ предметовъ, разрушить ожидаемое счастье. Въ настоящемъ вѣкѣ ты поставленъ путникомъ, а не господиномъ; мы проходимъ въ этомъ мірѣ,

пользуясь имъ, какъ гостинницей. Какъ путешественники, отдохнувъ недолго въ гостинницѣ, отправляются далѣе въ путешествіе, такъ и совершая путь этой жизни, не долго поживши, какъ на постояломъ дворѣ, мы уходимъ изъ здѣшняго жилища. Другую жизнь приготовилъ намъ Богъ, и настоящую жизнь устроилъ какъ путь, ведущій къ этой (будущей) жизни, назначивъ пользованіе тварями, какъ средство для совершенія этого пути. Когда мы пройдемъ этотъ путь, богатство всего созданнаго (намъ) не сопутствуетъ, потому что изъ того, что мы имѣли, не имѣли ничего собственнаго. Во-первыхъ, одежда, которую мы носимъ, какъ собственную, (пріобрѣтена) нами чрезъ принесеніе въ жертву овецъ [1]); обувь, которой мы покрываемъ ноги, сдѣлали мы изъ кожи домашняго скота; то, что составляетъ пищу и питье, мы достаемъ изъ нѣдръ земли; отсюда же и золото, которое мы прячемъ, какъ свое; жемчугъ изъ раковинъ достаютъ и цари. Мы живемъ и богатѣемъ дарами другихъ. Отдай овцамъ волну, и нечѣмъ будетъ покрыть тѣло; отдай скоту кожу, и не будешь имѣть надлежащаго прикрытія для ногъ; возврати червямъ шелковыя нити, и не будешь носить своей шелковой одежды. Ничего своего, и самаго малаго, не будешь ты имѣть, если не пріобрѣтешь отъ кормилицы — земли тѣми способами, какіе ей угодны. Указывая на это, и Христосъ сказалъ: *аще въ чужемъ вѣрни не бысте, ваше кто вамъ дастъ* (Лук. xvi, 12)? Пріобрѣтая богатство отъ скота и отъ земли, не гордись, какъ своимъ собственнымъ, тѣмъ, что не твое. Ты владѣлецъ одной только собственности—благочестія; его не отниметъ у тебя наступившая смерть; всего прочаго ты лишишься, хотя бы и не хотѣлъ; только для поддержанія жизни всѣ мы получаемъ имѣніе и при томъ только пользованіе имъ; каждый, собравши плоды, уходитъ, унося изъ жизни короткую память. Таковъ конецъ всякаго благоденствія; таково заключеніе (пользованія) житейскими благами. Послѣ разнообразнаго имущества и многихъ талантовъ золота, мы наслѣдуемъ тѣсный и смрадный гробъ. Дѣйствительно,
27 *всяка плоть сѣно, и всяка слава человѣка яко цвѣтъ травный* (Иса. xl, 6; 1 Петр. i, 24). Случится небольшая лихорадка и разстроиметъ цвѣтущее здоровье; со стороны искусства предлагаются лѣкарства; вступая незримо въ борьбу съ ними, смерть понемногу усиливается и овладѣваетъ больнымъ; видя передъ собой

[1]) ...τὴν τῶν προβάτων ἐξεδύσαμεν φύσιν. Объясненіемъ этого выраженія можетъ служить то пониманіе Быт. iii, 21, что первая одежда сдѣлана была изъ кожъ животныхъ, которыя принесены были въ жертву Богу. См. „Записки на книгу Бытія".

неумолимаго палача и душу, понуждаемую къ выходу, со стономъ поворачиваетъ онъ голову въ ту и другую сторону, обводитъ (кругомъ) заплаканными глазами, но ни откуда (нѣтъ) сильной помощи: ни слуги, окружающіе постель, не спасаютъ болящаго, ни слезы друзей не умилостивляютъ смерти, ни золото не отмѣняетъ призыва къ Судіи. Смерть — неподкупный палачъ; не имѣетъ рукъ, послушныхъ золоту; не продаетъ мертвыхъ за большую цѣну; она всѣхъ (ихъ) стережетъ въ гробахъ, какъ въ темницахъ. Если посмотришь на оставшіяся кости, еще болѣе горькими слезами будешь оплакивать суетность жизни. Лицо обратилось въ пепелъ, чернѣе сажи; глаза провалились, подвергшись гніенію; ротъ открытъ и служитъ часто проходомъ для пресмыкающихся. Но къ чему останавливаться на каждомъ членѣ? Вслѣдствіе порчи, всѣмъ тѣломъ овладѣваютъ черви, какъ какіе-нибудь непріятели, и усердно развѣдываютъ плоть, нервы и жилы. Не напрасно дитя, появляясь на свѣтъ, начинаетъ плачемъ, а не смѣхомъ, какъ будто жалуясь на жизнь, которую оно начинаетъ вкушеніемъ смертныхъ даровъ. Какъ скоро родится, руки и ноги его пеленаются; спеленанное, оно получаетъ грудь, какъ будто начало жизни служитъ вѣстникомъ смерти. Какъ только дитя вступаетъ въ возрастъ, ему тотчасъ приносится одежда мертвыхъ (νεκρῶν... στολισμός) [1]. Родившимся природа напоминаетъ уже о концѣ. Поэтому и плачетъ родившееся, слезами какъ бы говоря матери: для чего, о, мать, родила меня для этой жизни, въ которой чѣмъ дальше живешь, тѣмъ ближе къ смерти? Что не вывела меня въ этотъ тревожный вѣкъ не рожденнымъ (οὐ τεχθέν) [2]. На что (указываетъ) мнѣ начало, которымъ служатъ пеленки? Для чего вывела меня для такой жизни, въ которой жалкая юность увядаетъ раньше старости и старость избѣгается, какъ ведущая къ смерти? Страшно, о, мать, поприще жизни, для ѣдущихъ по которому поворотнымъ пунктомъ служитъ смерть. Тяжелъ для путешественниковъ жизненный путь, на которомъ пристанище они находятъ въ гробѣ. Мы плывемъ по жестокому житейскому морю, на которомъ дѣйствуетъ адъ, какъ разбойникъ. Но не изображаю ли я жизнь, какъ зло? Это было бы болѣзнью, сходною съ безуміемъ; я свидѣтельствую только, что къ этой жизни не нужно привязываться, какъ временной. Указывая на эту бѣдственность жизни, и Павелъ изобразилъ природу твари воздыхающею. *Вся тварь*, говоритъ, *совоздыхаетъ и*

[1]) Разумѣется, нужно думать, вышеуказанная одежда изъ кожи животныхъ.

[2]) Объясненіемъ этого могутъ служить слова Іова въ ш, 11, 16.

сболѣзнуетъ даже до нынѣ (Рим. VIII, 22). Вся тварь исполнена печали; если произведешь тщательное изслѣдованіе всего, то въ каждомъ твореніи найдешь стенаніе. Прежде всего поднимается стонъ людей, несущихъ тяжкія послѣдствія порчи.

460 Вмѣстѣ съ людьми стонетъ и земля, получившая изъ-за насъ проклятіе. Плачетъ море, созданное Богомъ сначала прекраснымъ, а послѣ грѣха сдѣлавшееся гробомъ для многихъ. Печальный видъ имѣетъ и солнце, освѣщая тѣхъ, которые не видятъ его Создателя. Стонутъ звѣзды съ луною, потому что онѣ, показывая согласнымъ своимъ движеніемъ Творца этого согласія, не убѣждаютъ (въ этомъ людей). Не остается безъ стенаній и домашній скотъ, который не только мучится въ неумолимомъ рабствѣ намъ, но въ потаенныхъ мѣстахъ напрасно закалается и для демоновъ. Общій и отовсюду плачъ (изображаетъ) состояніе настоящей печальной жизни; пророкъ умѣстно назвалъ его *образомъ: всяческая суета*, говоритъ, *всякъ человѣкъ живый, убо образомъ ходитъ человѣкъ* (Пс. XXXVIII, 6—7). И посмотри на истину этого изреченія, тщательно разсмотрѣвъ человѣческую жизнь. Какъ на картинѣ царь (представленъ) сидящимъ на престолѣ, украшенномъ золотомъ, города подносятъ (ему) разноцвѣтные дары, рука царя принимаетъ подносимое, но все это, представляющееся глазамъ, есть тѣнь и одна видимость и, какъ скоро разорвано будетъ полотно, оказывается призракомъ,—точно также и человѣческая природа возсѣдаетъ въ жизни какъ на картинѣ, подобно какому-либо царю, и принимаетъ приношенія моря и земли, какъ дары городовъ, а когда разорвана будетъ у нея жизнь, подобно полотну, исчезаетъ вся красота жизни, какую она имѣла. Одно изъ всѣхъ благъ человѣческихъ самое великое, это—смиреніе сокрушеннаго сердца, всегда размышляющаго о днѣ смерти, въ который мы, выходя изъ этого житейскаго моря обнаженными, увидимъ памятники, возвѣщающіе твари о подвигахъ.

Если угодно, я приведу примѣръ этого. На одномъ суднѣ плыли нѣкоторые люди и, плывя вмѣстѣ по морю, производили другъ у друга разныя кражи. Ясно видя это, кормчій не дѣлалъ пока разслѣдованія объ этомъ воровствѣ; но когда увидѣлъ, что судно приближается къ пристани, приказалъ, чтобы всѣ выходили изъ корабля раздѣтыми, и тогда похищенную вещь каждаго нашелъ лежащею въ суднѣ. Этотъ примѣръ примѣнимъ, по моему мнѣнію, и къ жизни. Вмѣсто моря, намъ предлежитъ жизнь; корабль для плаванія образуетъ твореніе; кормчимъ онъ имѣетъ Бога и принимаетъ всякаго рода товары, состоящіе изъ (человѣческихъ) дѣлъ. Если кто торговалъ негодными вещами, то ихъ сложитъ на кораблѣ міра; а если велъ благоустроенную

жизнь, то сдѣланное будетъ хранимо до дня суда. Затѣмъ, когда приближается пристань смерти, кормчій выводитъ насъ изъ земного корабля голыми и дѣла всѣхъ ждетъ торжественный судъ. Безпорочно поэтому будемъ совершать плаваніе по житейскому морю; во свидѣтельство пріобрѣтемъ дѣланіе добрыхъ дѣлъ; отвергнемъ подобный тѣни блескъ настоящаго; освободимъ сердце отъ свойственнаго смертнымъ удовольствія; будемъ избѣгать занятій, ведущихъ къ гибели; не будемъ связывать душу земными 46
узами; презримъ скоропреходящую славу смертныхъ; какъ къ цвѣту, быстро опадающему, не будемъ привязываться къ временному благополучію; совершая жизненный путь, будемъ проводить жизнь ведущую къ небу, окрыленную молитвою, и удостоимся ***почести вышняго званія во Христѣ*** (Филип. III, 14), Которому слава во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА VI.

О молитвѣ.

Предложивъ вамъ въ прежнее время бесѣду о постѣ и объяснивъ по мѣрѣ силъ его преимущества и снова въ бесѣдѣ о крещеніи испытавъ вашу любовь къ слушанію, хотимъ сегодня побесѣдовать о молитвѣ и объяснить то, какова ея сила и польза для совершающихъ ее. Прошу васъ выслушать разумно и богобоязненно, придавая словамъ правильный смыслъ. (Заповѣдь о молитвѣ) поистинѣ — величайшая и древнѣйшая; она сдѣлалась матерію всѣхъ заповѣдей, породившею всѣ божественныя повелѣнія.

Можетъ ли молящійся презирать ближняго—бѣдняка, чтобы сдѣлать безполезнымъ свой молитвенный трудъ? Кто (изъ молящихся) можетъ быть такъ привязанъ къ богатству и имуществу, чтобы тѣлу только причинять напрасный трудъ, оставляя сердце гдѣ-либо въ плѣну? Болѣзнь любостяжанія подобна той неизлѣчимой и преступной (болѣзни), которая не приводитъ къ скорой смерти и не даетъ полнаго здоровья, а понемногу лишаетъ тѣло его силъ, пока оно, изнуренное появляющимися внутри ранами, послѣ безчисленныхъ страданій, не предано будетъ общей печальной участи—смерти. Кто любящій молитву можетъ нерадѣть о постѣ, зная изъ самаго Писанія, что постъ и молитва отъ смерти избавляютъ (Тов. XII, 8—9)? А особенно невозможно искренно призывать Господа тому, кто преданъ объяденію и

пьянству. Смотрите [1]), говоритъ, *да не отягчаютъ сердца ваша объяденіемъ и піянствомъ* (Лук. XXI, 34), потому что испареніе слишкомъ обильно принимаемой пищи, (дѣйствуя) на область мозга, помрачаетъ способность мышленія, приводя сердце въ смятеніе. Такъ молитва поистинѣ является исходнымъ началомъ всѣхъ заповѣдей, изъ котораго каждая изъ нихъ устремляется къ соотвѣтствующему дѣйствованію. Величайшее благо — молитва и бесѣда съ Богомъ; она есть общеніе и единеніе съ Богомъ. Какъ тѣлесные глаза, видя свѣтъ, освѣщаются, такъ и душа, устремляясь къ Богу, озаряется неизглаголаннымъ, блистающимъ Его свѣтомъ. Это—молитва не по видимости только, а возсылаемая отъ сердца, не опредѣляемая извѣстными временами и количествомъ часовъ, а совершаемая непрестанно, ночью и днемъ. Усиленно устремлять мысль къ Богу нужно не только удалившемуся для молитвы; и занимающіеся какими-либо дѣлами или попеченіемъ о бѣдныхъ, или другими нужными предметами, или полезною благотворительностью, должны присоединять къ этому
464 стремленіе и памятованіе о Богѣ, чтобы, срастворяясь любовію къ Богу, какъ солью, сдѣлаться пріятнѣйшимъ хлѣбомъ Владыкѣ всего. Пользу отъ нея, простирающуюся на всю жизнь, мы можемъ пріобрѣсть, посвящая ей большую часть времени.

Молитва—свѣтъ души, истинное познаніе Бога, посредница между Богомъ и людьми, врачъ страстей, врачество противъ болѣзней, миръ души, небесная путеводительница, вращающаяся не около земли, а идущая въ самый сводъ неба. Она устремляется выше тварей, духовно разсѣкаетъ воздухъ, идетъ выше воздуха, проходитъ сонмы звѣздъ, отверзаетъ врата неба, восходитъ выше ангеловъ, проходитъ мимо престоловъ и господствъ, идетъ далѣе херувимовъ и, поднявшись надъ всею тварью, приближается къ неприступной Троицѣ. Тамъ поклоняется Божеству, тамъ удостоивается быть собесѣдницей съ небеснымъ Царемъ. Чрезъ нее душа, поднявшись на небеса, объемлетъ Господа объятіями неизреченными, подобно дитяти у своей матери со слезами молитъ, прося божественнаго питанія, выражаетъ свои желанія и получаетъ дары, превосходнѣйшіе всей видимой природы.

Молитва — священный посланникъ; она веселитъ сердце, успокоиваетъ душу, возбуждаетъ страхъ наказанія и желаніе небеснаго царства, учитъ смиренномудрію, приноситъ познаніе грѣха; словомъ—украшаетъ человѣка всѣмъ добрымъ, покрывая душу различными добродѣтелями, какъ разноцвѣтнымъ покры-

---

[1]) Βλέπετε вмѣсто προσέχετε δὲ ἑαυτοῖς = *внемлите же себѣ.*

валомъ. Она и Аннѣ даровала Самуила (1 Цар. I, 11) и поставила его пророкомъ Господнимъ. Она и Илію сдѣлала ревнителемъ Господа (3 Цар. XVIII, 36—37); черезъ ниспосланный на жертву небесный огонь онъ сталъ вождемъ (своего народа). Послѣ того, какъ жрецы Ваала цѣлый день призывали идола, онъ, воззвавши отъ чистаго сердца, воззвавши сердцемъ и устами, низвелъ съ неба огонь. (Вотъ) свидѣтельства объ истинной молитвѣ! Подобно орлу спустившись на жертву, онъ невидимою силою поглотилъ все. Это сдѣлалъ великій служитель Божій и ревнитель Илія, приводя насъ чрезъ бывшее тогда къ духовному (разумѣнію), чтобы и мы, отъ сердца взывая къ Богу, испрашивали неизреченный огонь Духа на жертвенникъ нашей души и чрезъ это дѣлались совершенной жертвой Господу. Молитва дала Израилю Моисея законодателя-ходатая предъ Богомъ и воздвигла израильтянамъ памятники побѣдъ надъ врагами (Исх. XVII, 11—15). Посредствомъ молитвы и Іисусъ, сынъ Навина, великую и самую блестящую на небѣ звѣзду, солнце, бывшее уже посреди небеснаго свода, остановилъ на томъ же мѣстѣ въ продолженіе дня (Нав. X, 12—13). И Господь показалъ старшинство этой заповѣди предъ другими тѣмъ, что, удаляясь изъ городовъ, селеній и отъ 465
собственныхъ учениковъ, оставался ради молитвы въ пустынныхъ мѣстахъ (Лук. V, 16; IX, 10), чтобы, за предѣлами шума и человѣческаго смятенія, въ тишинѣ заниматься ею съ полнымъ одушевленіемъ, вмѣстѣ съ тѣмъ научая насъ, что благовѣствующему это царство нужно избирать пустынныя мѣста, совершая это въ уединеніи. Молитвою сподобился и великій сонмъ апостоловъ принять въ этотъ день Утѣшителя (Дѣян. II, 4), вслѣдствіе чего объ ней и предложена вамъ сегодня бесѣда. Въ то время, когда тѣло остается на землѣ, молитва уноситъ душу къ небесному источнику и, напаяя ее изъ него, открываетъ въ душѣ *источникъ воды, текущей въ жизнь вѣчную* (Іоан. IV, 14). Она даетъ истинное удостовѣреніе въ будущемъ, принося лучшее, чѣмъ вѣра, познаніе уготованныхъ тамъ благъ, открываетъ сокровенныя, невидимыя, тайныя сокровища, показываетъ тебѣ врага, поражаетъ ряды противниковъ, истребляетъ вражескія силы, и ведетъ къ самому Царю. Когда говорю, то не разумѣй одни слова (молитвы). Это есть стремленіе къ Богу, любовь неизглаголанная; она совершается не (одними) силами человѣческими, но божественною благодатію, какъ говоритъ и апостолъ: *о чесомъ бо помолимся, якоже подобаетъ, не вѣмы, но самъ Духъ ходатайствуетъ о насъ воздыханіи неизглаголанными* (Рим. VIII, 26).

Если Господь даетъ кому такую молитву, то это—неотъемлемое богатство и небесная пища, насыщающая душу; кто вку-

силъ этой пищи, тотъ пріобрѣлъ вѣчную любовь къ Господу, (принявъ) какъ будто сильное пламя, согрѣвающее его сердце. Совершая ее сообразно съ первообразомъ, укрась домъ твой кротостью и смиреніемъ, освѣти его свѣтомъ справедливости; сдѣлай свой домъ славнымъ добрыми дѣлами, какъ почетною вывѣскою; вмѣсто стѣнъ и камня пусть онъ красуется вѣрою и великодушіемъ. А особенно при устроеніи дома приложи молитву, какъ бы крышу, чтобы сдѣлать свой домъ совершенно готовымъ для Владыки и принять Господа, какъ въ царскомъ славномъ домѣ, и, какъ положенное драгоцѣнное сокровище, имѣть Его въ храмѣ души, по Его благодати, потому что Ему слава и держава во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА VII.

На слова: всякъ грѣхъ, егоже аще сотворитъ человѣкъ, кромѣ тѣла есть (1 Кор. vi, 18).

Страшная труба апостольскаго ученія, во многихъ другихъ отношеніяхъ сообразно устрояя боевой порядокъ благочестивой жизни, особенно предостерегаетъ отъ гибельной плотской похоти и въ заключеніе постановляетъ такое воинское правило: *бѣгайте*, говоритъ, *блудодѣянія: всякъ грѣхъ, егоже аще сотворитъ человѣкъ, кромѣ тѣла есть*. При обыкновенныхъ войнахъ воины устрояютъ такой боевой порядокъ, что они то выступаютъ прямо (на встрѣчу непріятелю), то уклоняются въ сторону. И духовная война ведется также посредствомъ противостоянія и уклоненія въ сто-
463 рону. Зная это, Павелъ, вождь въ дѣлѣ благочестія, ведетъ войско, съ примѣненіемъ того и другого способа. Онъ то совѣтуетъ стояніе на мѣстѣ, говоря: *станите препоясани чресла ваша истиною* (Ефес. vi, 14), то совѣтуетъ употреблять бѣгство, какъ способъ веденія войны: *бѣгайте блудодѣянія*. Если случится война съ невѣріемъ, полезно выступать съ опроверженіемъ. Если угрожаетъ напасть коварства, полезно при борьбѣ съ нимъ тщательное наблюденіе. Если нападеніе состоитъ въ клеветѣ, умѣстна прямая встрѣча съ ложью. А если нападаетъ блудный образъ, хорошо показывать тылъ и обращать лице въ другую сторону, потому что блудъ особенно дѣйствуетъ черезъ глаза и (потому) нужно помнить наставленіе вождя: *бѣгайте блудодѣянія*. Предъ другими худыми дѣлами оно заключаетъ нѣчто, особо не терпимое. Другіе виды грѣха не касаются, повидимому, тѣла тѣхъ, кто ихъ дѣ-

лаетъ, и сдѣланное ограничивается тѣмъ, кто подвергся дѣйствію. Такъ при кражахъ вредъ наносится только ограбленнымъ: при сильной зависти страданіе обрушивается на тѣхъ, которымъ завидуютъ; при клеветѣ, если она находитъ вѣру, опасность угрожаетъ равнымъ образомъ тѣмъ, на которыхъ клевещутъ; при дерзкихъ также убійствахъ несчастіе постигаетъ того, кто подвергся этому. Если кто разсмотритъ совершеніе всѣхъ беззаконныхъ дѣлъ, то найдетъ, что совершители ихъ получаютъ выгоду, а тѣ, надъ которыми они совершаются, терпятъ убытокъ. Блудъ не знаетъ этого различія, не отдѣляетъ дѣйствія страдающаго отъ совершающаго, а подвергаетъ ихъ общему поруганію, соединяетъ узами скверны. Корыстолюбивые люди, нанося ущербъ другому, сами не терпятъ убытка, а блудники, оскверняющіе тѣло, не могутъ не оскверниться вмѣстѣ съ оскверненнымъ. Убійцы, совершившіе убійство, не умерщвляются вмѣстѣ съ убитыми, а блудники, растлѣвающіе плоть, не бываютъ чистыми отъ скверны. И обрати вмѣстѣ со мной вниманіе на мудрое слово Павла: *бѣгайте блудодѣянія*. Почему? *Всякъ бо грѣхъ, егоже аще сотворитъ человѣкъ, кромѣ тѣла есть*, то есть, не причиняетъ вреда природѣ тѣла, не нарушаетъ взаимнаго отношенія его членовъ, не соединенъ съ оскверненіемъ тѣла, совершается безъ вреда для совершившаго тѣла. *Блудяй же въ свое тѣло согрѣшаетъ*, не такъ, какъ убійца, который, поражая тѣло другого, сохраняетъ свое тѣло въ цѣлости, не такъ, какъ корыстолюбецъ, который, нанося вредъ другому, не причиняетъ вреда собственному тѣлу. Вопреки этому блудникъ губитъ самъ себя, самъ вонзаетъ въ себя стрѣлу поруганія. Воръ рѣшается на грѣхъ, чтобы питать свое тѣло, а блудникъ учиняетъ грабежъ надъ собственною плотью. Корыстолюбца влечетъ къ чужому жажда прибыли, а блудъ есть утрата чистоты тѣла. Въ клеветникѣ возбуждаетъ страсть слава другого, а блудникъ самъ дѣлается виновникомъ безславія. Что 469
безславнѣе бремени блудодѣянія? Хотя всякое грѣховное рабство безславно, безчеститъ благородство души, но блудникъ есть самый безчестный рабъ грѣха, которому приказано послѣднимъ вычерпывать грязь, собирать нечистоты въ кучу, служить грязному дѣлу, валяться въ тинѣ удовольствій, заниматься безстыдствомъ, имѣть тѣло, неотличное отъ тряпки. Развѣ есть какое различіе между тряпкой и блудникомъ? Онъ оторвался отъ благочестія въ общей его совокупности. На путяхъ грѣха онъ подвергается каждодневному гніенію; какъ безполезная тряпка, отбрасывается; онъ лежитъ на попраніе всѣмъ демонамъ; въ него діаволъ переливаетъ свою гнилость. Не менѣе, чѣмъ это внутреннее состояніе блудника, несчастно извѣстное открытое его

положеніе: въ домахъ его избѣгаютъ, при встрѣчахъ гнушаются; для близкихъ служитъ позоромъ, для враговъ предметомъ поношенія, для родственниковъ стыдомъ, для живущихъ вмѣстѣ предметомъ проклятія, для родителей безчестьемъ, для слугъ смѣшнымъ зрѣлищемъ, для сосѣдей предметомъ разговоровъ; когда хочетъ жениться, ему отказываютъ; послѣ брака онъ дѣлается подозрительнымъ супругомъ, ненавидимымъ дѣтьми отцомъ, презираемымъ совѣтникомъ, непріятнымъ, когда даетъ (другимъ), еще болѣе непріятнымъ, когда проситъ; замѣченный вдали, онъ бываетъ въ тягость; когда болѣетъ, еще болѣе несчастенъ; когда умираетъ, еще болѣе безчестенъ. Видя въ блудѣ источникъ стольких золъ и указывая побѣдное средство противъ этого въ бѣгствѣ, Павелъ справедливо воскликнулъ: *бѣгайте блудодѣянія.* Это воззваніе Павла напомнило мнѣ нынѣ мудраго юношу, который восторжествовалъ надъ египетскимъ блудодѣяніемъ посредствомъ бѣгства, хотя многое склоняло къ тому юношу: возрастъ, склонный къ удовольствіямъ, иго рабства, любовное ласкательство госпожи, постоянный разговоръ, тайное сладострастное приглашеніе къ соединенію. *Бысть* бо [1]) *сицевый нѣкій день и вниде Іосифъ въ домъ дѣлати дѣла своя: и никтоже бяше отъ сущихъ въ дому внутрь. И ухвати за ризы его* [2]) госпожа его [3]), *глаголющи: лязи со мною* (Быт. XXXIX, 11—12). Великое достоинство цѣломудрія. Рабъ госпожу сдѣлалъ рабою; къ нему обращена была просьба, а эта просила: *лязи со мною.* Стрѣла блудодѣянія пылала, но не нашла въ душѣ готовой жертвы; она ударилась въ одежду, держа которую безстыдная блудодѣйка говорила: *лязи со мною.* Реветъ неудовлетворенностью плотской похоти, но (этимъ) скорѣе закрываетъ уши цѣломудреннаго. Она говорила: *лязи со мною,* а цѣломудріе, вопреки этому, говорило юношѣ: бодрствуй со мною; и на дѣлѣ онъ показалъ бодрствованіе: не преклонилась твердость передъ соблазномъ, не усыпили разума обольстительныя рѣчи; не ослабѣла трезвость цѣломудрія, не изнемогла предъ нападеніемъ, не уловлена красотой вида, не сокрушена ласкательствомъ словъ любви; голосъ ласкавшей госпожи для него былъ тяжелѣе брани. *Лязи со мною.* Діаволъ стоялъ наготовѣ въ качествѣ свата блудодѣйства и держалъ одежду вмѣ-
472 стѣ съ блудодѣйцей и участвовалъ въ сдѣланныхъ ею нападеніяхъ; онъ не зналъ, что борется съ искуснымъ борцомъ цѣло-

---

[1]) Ἐγένετο γὰρ вмѣсто—δέ.

[2]) τῶν ἱματίων αὐτοῦ съ опущеніемъ αὐτὸν передъ этими словами, читаемымъ обыкновенно въ греч. спискахъ.

[3]) ἡ δέσποινα αὐτοῦ въ спискахъ отсутствуютъ.

мудрія, умѣло отражающимъ нападенія. *Оставивъ*, говорится, *ризы своя въ руку ея* [1]), *убѣже и* нагой (γυμνός) [2]) *изыде вонъ*. О, нагота, святѣйшая одѣянія! Что же (дѣлаетъ) ярость египетской необузданности? Свое худое дѣло приписываетъ Іосифу и, пришедши къ мужу, говоритъ: *ввелъ еси къ намъ отрока евреина наругатися намъ и рече ми*, женѣ твоей, которая цѣломудренно донынѣ хранила твое ложе: *лязи со мною. Егда же воздвигохъ гласъ мой и возопихъ, оставль ризы своя у мене, отбѣже и изыде вонъ* (Быт. xxxix, 14—18). Опять подвергается клеветѣ изъ-за одежды. Въ прежнее время братья, взявши хитонъ его, злонамѣренно говорили, что онъ съѣденъ звѣремъ; теперь, сама схвативши хитонъ, клевещетъ на него, какъ на блудника. Приличествуетъ Іосифу голосъ Владыки: *раздѣлиша ризы моя себѣ, и о одежди моей меташа жребій* (Пс. xxi, 18). Исторія цѣломудрія пріятна для сонма цѣломудренныхъ, но тяжела для тѣлесной немощи. Справедливо дана Богомъ Іосифу власть. Прежде искушеній не прославилъ Іосифа, но показалъ посредствомъ сновъ будущее, научая, что напередъ приготовляетъ славу праведникамъ, а попустилъ искушеніямъ испытать юношу, заграждая уста порицателей. Если бы Іосифъ не представилъ доказательства, любящіе порицать могли бы сказать: произошло это вслѣдствіе слѣпого случая. Да и управлялъ ли Іосифъ египтянами? Владѣлъ ли юноша варварами? Какою отличался онъ добродѣтелью? За что онъ получилъ это? Чтобы не говорили этого о праведникѣ, Богъ, предупреждая это, подвергаетъ его испытаніямъ, чтобы это служило свидѣтельствомъ праведнику и чтобы заградить уста злословящихъ. Поэтому будемъ устраняться отъ уязвленій, причиняемыхъ блудною красотою, закроемъ глаза на то, что возбуждаетъ сладострастныя желанія; пусть преданы будутъ позору всѣ безпорядочныя удовольствія; пусть оберегаетъ плоть цѣломудріе, пусть чистота живетъ въ членахъ; будемъ настраивать себя на благородныя мысли, будемъ блистать дѣлами свѣта, украсимъ себя чистою жизнію; чистымъ сохранимъ тѣло, храмъ обитанія Духа; сдѣлаемъ на немъ надпись, содержащую страшную угрозу распутнымъ: *аще кто Божій храмъ растлитъ, растлитъ сего Богъ* (1 Кор. iii, 17).

Я не желалъ бы разлучаться съ вами и на малое время. Что пріятнѣе для отца, какъ не то, чтобы быть вмѣстѣ съ воз-

[1]) Εἰς τὰς χεῖρας αὐτῆς читаются изъ унціальныхъ греческихъ списковъ въ Коттоніанскомъ (Ἐν ταῖς χερσὶν αὐτῆς); изъ другихъ—въ Лукіановскихъ, согласно съ еврейскимъ текстомъ.

[2]) Γυμνός въ греч. сп. и евр. текстѣ отсутствуетъ.

любленными сынами? Но такъ какъ слово благочестія призываетъ къ борьбѣ, то, возсылая молитвы о помощи, необходимо идти на церковную арену (πρὸς τὰ σκάμματα τῆς Ἐκκλησίας) [1]). Но объ одномъ прошу вашу любовь: храните церковное благочиніе; великодушіемъ побѣждайте замѣшательства; спустя недолго порядокъ возстановится; не смущайтесь слухами, не вѣрьте раз-
473 глагольствіямъ, сопутствуйте намъ молитвами, чтобы, будучи подкрѣпляемы вашими молитвами, мы могли, вспомоществуемые силою Божіею, сказать: *вся могу о укрѣпляющемъ мя Христѣ* (Филип. IV, 13), Которому слава во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА VIII.

О томъ, что добродѣтельная душа драгоцѣннѣе всего.

Многократно размышляя о благахъ жизни, какія есть у меня, находя твореніе всюду наполненнымъ многими благами, размышляя и о безчисленныхъ благахъ, данныхъ (человѣческому) роду, я не нахожу высшаго блага, чѣмъ красота души,—ничего другого, болѣе соотвѣтствующаго природѣ человѣка. Какое богатство столь приличествуетъ человѣчеству, какъ богатство благочестивыхъ надеждъ? Кто можетъ такъ прославиться за могущество, какъ за разумъ, который имѣетъ честь у Владыки всего? Какое удовольствіе отъ роскоши можетъ сравниться съ тѣмъ, какое даетъ сознаніе, питаемое животворными знаніями? На какое бы благо ты ни указалъ, не найдешь ни одного, которое бы такъ прославляло человѣка, какъ боговдохновенный разумъ. Во всѣхъ другихъ благахъ участвуютъ вмѣстѣ съ нами и безсловесныя; такъ наслажденіе солнечнымъ лучемъ пріятно, но оно свойственно и скотамъ; раздача пищи доставляетъ удовольствіе, но это не чуждо и тѣмъ; дары красоты любезны, но ты найдешь, что красотой блистаютъ и птицы; даръ силы славенъ, но это преимущество принадлежитъ и воламъ; собираніе богатства желательно многимъ, но извѣстно, что и раковины богаты сокровищами жемчуга. Ни одно изъ достоинствъ нашихъ по плоти не чуждо природѣ безсловесныхъ,

---

[1]) Ареной—σκάμμα—называлось у грековъ особое мѣсто, назначенное для состязанія борцовъ. Здѣсь это слово употреблено въ переносномъ смыслѣ для означенія борьбы съ врагами Церкви. Какое разумѣется здѣсь событіе, заставившее святителя удалиться на нѣкоторое время изъ города и остановить свои бесѣды, неизвѣстно.

ни одно изъ тѣлесныхъ нашихъ свойствъ не хуже у нихъ. Въ одномъ только они уступаютъ намъ, однимъ преимуществомъ мы побѣждаемъ ихъ. Какимъ именно? Достоинствомъ разума: чрезъ него человѣкъ становится близокъ къ Богу; посредствомъ ума (онъ близокъ) къ Владыкѣ существующаго; мыслительной силой онъ распоряжается созданнымъ; способностью наблюденія изслѣдуетъ небо; пониманіемъ подчиняетъ себѣ; мудростью побѣждаетъ опасности волнующагося моря; предусмотрительностью поддерживаетъ существующій порядокъ, знаніемъ указываетъ (значеніе) явленій; владѣетъ красотой существующаго, подобно Творцу. Указывая на это вначалѣ, сказалъ о насъ Богъ: *сотворимъ человѣка по образу нашему* (Быт. I, 26). Честь образа и страшна и человѣколюбива: страшна, потому что это образъ поразительнаго Первообраза,—опасность не малая, чтобы кто-либо не запятналъ образа нечистотою грѣха; а человѣколюбива, какъ великій и не заслуженный даръ, который Творецъ приготовилъ намъ прежде происхожденія. Итакъ *сотворимъ*, говоритъ, *по образу нашему*. Намъ оказывается честь прежде созданія. Давая бытіе каждому изъ существующихъ (твореній, Богъ) пользовался властью повелѣвающаго, всю видимую природу создалъ чрезъ приказанія, говоря повелительно несуществующему: *да будетъ свѣтъ; да будетъ твердь; да будутъ свѣтила освѣщати; да изведутъ воды гады душъ живыхъ; да изведетъ земля четвероногая по роду* (Быт. I, 3—24). Когда над- 176
лежало человѣку быть созданнымъ, (Богъ) явился не повелѣвающимъ, а самодѣйствующимъ, не предоставилъ создаваемому произойти безъ особаго Его участія, а наблюдалъ за происхожденіемъ человѣка; не сказалъ землѣ: изведи человѣка. Какъ будто не могущій одинъ создать человѣка, призываетъ при этомъ твореніи соучастниковъ и, какъ будто нуждающійся въ помощникахъ, воскликнулъ: *сотворимъ*. Не нуждался (Богъ) въ размышленіи о способѣ созданія и не пользовался помощниками при твореніи, а образомъ размышленія и содѣйствія показываетъ, что создаетъ дорогой и весьма важный родъ (тварей). Въ этой чести сокрыто для (нашего) рода и нѣкоторое руководительство къ благочестію. Всю тварь лишилъ боготворенія (θεοποιίας ἐξέβαλεν) [1]), каковое даровалъ образу Своего владычества, такъ какъ все, имѣющее образъ царя, почитается великимъ. Повторимъ (Богъ сказалъ): *сотворимъ человѣка по образу нашему;* и предвидя неблагодарность, не ослабилъ любви: не должно же было солнце перестать свѣтить ради слѣпыхъ, не видящихъ солнечнаго свѣта. По-

---

[1]) То есть, лишилъ чести быть созданною прямымъ творческимъ дѣйствіемъ, подобно человѣку.

этому, предвидя паденіе, явилъ человѣколюбіе; прозирая будущее, не отнялъ чести; предусматривая своеволіе, не лишилъ благодати, чтобы, когда время отучитъ отъ ненасытности, это послужило Богу основаніемъ для второго, по началу вѣчнаго дара. Для исправленія ненасытности грозною является смерть. Тому, кто черезъ короткое время ляжетъ въ могилу, какая польза отъ необъятнаго творенія? Для проходящаго жизнь, какъ путь, безразсудно обременять себя безмѣрною тяжестью. Дѣйствительно, мы имѣемъ жизнь, какъ путь, а не какъ отечество,—такъ назвалъ ее Господь въ Евангеліи: *буди увѣщаваяся съ соперникомъ твоимъ скоро, дондеже еси на пути* съ нимъ (Мѳ. v, 25). Справедливо названіе жизни путемъ: жизнь, какъ и путь, измѣряется разстояніями; это—временная гостинница богатыхъ и бѣдныхъ, кратковременный отдыхъ проходящихъ. *Дніе наши, яко сѣнь* (Іов. VIII, 9; 1 Парал. XXIX, 15) проходятъ. Гдѣ первые годы нашей жизни? Прошли, какъ промелькнувшая тѣнь; мы быстро прошли, подобно какому-либо призраку. Сколько осталось намъ еще жить? Представь желательное многолѣтіе, столѣтнюю жизнь; если хочешь, втрое умножь годы, и все-таки не найдешь неизмѣнности ни въ чемъ, относящемся къ этой жизни, хотя бы она отличалась богатствомъ, окружена была роскошью, хотя бы блистала высотою престола, хотя бы сопровождалась другимъ какимъ-либо житейскимъ блескомъ. Все подобно увяданію цвѣтовъ, все смѣняется плачемъ, будучи тлѣннымъ, и цвѣтетъ только нѣкоторое время, такъ какъ находится въ постоянной борьбѣ съ опасностями. Богатству угрожаетъ разбой; роскошь подвергается опасности со стороны болѣзней, власть — со стороны переворотовъ; и боровшійся съ различными опасностями, измученный безчисленными заботами, ждетъ смерти, — врага несокрушимаго, не связаннаго
477 съ мѣстомъ, не соблазняемаго дарами, неумолимаго слезами, внезапнаго хищника: кто вчера (жилъ) въ богатствѣ, сегодня внезапно въ гробу; кто вчера былъ на роскошномъ пирѣ, сегодня—въ спискѣ умершихъ; кто вчера былъ на тронѣ, на слѣдующій день,— въ погребальныхъ пеленахъ; кто вчера (окруженъ былъ) льстецами, спустя недолго—червями. Гдѣ радость отъ количества кошельковъ (съ золотомъ)? Гдѣ хвастовство получаемыми доходами? Гдѣ различіе между богатымъ и бѣднымъ послѣ смерти? Гдѣ разница между царемъ и нищимъ? Преемникъ обоихъ — смерть; конецъ того и другого—смерть; кромѣ погребальныхъ одеждъ никому (ничто) не сопутствуетъ. *Снисканіе веліе,* говоритъ онъ, *благочестіе съ доволствомъ. Ничтоже бо внесохомъ въ міръ сей, явѣ, яко ниже изнести что можемъ* (1 Тим. VI, 6—7). Неоспоримо разсужденіе человѣка довольнаго, что ничто изъ пріобрѣ-

теннаго не пойдетъ съ владѣльцами: *ниже*, говоритъ, *изнести что можемъ*. Что, говоритъ, унесешь съ собой, чего не принесъ? Зачѣмъ ты удерживаешь то, что не въ твоей власти? Что выходитъ за предѣлы *довольства*, безполезно для пріобрѣвшихъ это. Что соберетъ человѣкъ, то уйдетъ на одежду и на пропитаніе его, а все остальное наслѣдуютъ живущіе. Умираемъ мы, владѣльцы, съ завѣщаніями, отказывая по нимъ, чего мы не въ силахъ взять; чего нельзя удержать, то мы думаемъ оставить, такъ, однако, что если можно удержать, то не уступаемъ другому. Такой смыслъ завѣщанія показываетъ его начало: если, говорится, я буду живъ, то владѣть мнѣ своимъ имуществомъ. Пишетъ завѣщаніе, произнося молитву и передавая (свое имущество), и молитъ Бога, чтобы не случилось то, что говорится въ завѣщаніи: а если я буду живъ, владѣть мнѣ моимъ (имуществомъ). И испуская духъ, мы не оставляемъ привязанности къ имуществу. А если, говорится, меня постигнетъ обычная судьба людей, то желаю, чтобы были наслѣдники. Наслѣдникъ будетъ, хотя бы ты и не хотѣлъ; природа заставила тебя, даже противъ воли, имѣть наслѣдниковъ. Если бы ты и не назначилъ наслѣдниковъ своего имущества, имущество найдетъ наслѣдниковъ: если бы никому не оставилъ, не можешь унести того, что пріобрѣлъ. Не говорю, что дѣлать завѣщаніе дѣло худое,—и пророкъ внушаетъ человѣку: *устрой о дому твоемъ, умираеши бо ты и не будеши живъ* (Иса. XXXVIII, 1),— а порицаю наши распоряженія о земномъ потому, что имущество, передаваемое одними другимъ, мы считаемъ болѣе цѣннымъ, чѣмъ не передаваемое. Совершенно *великое снисканіе—благочестіе:* оно не подлежитъ преемству смерти, не раздается писаными завѣщаніями, не оставляетъ того, кто пріобрѣлъ его, и не передается по наслѣдству другимъ. Богобоязненный—самъ собственный ковчегъ, самъ наслѣдникъ собственнаго богатства, уходитъ съ сокровищемъ благочестія, переносится съ богатствомъ упованій, несетъ, путешествуя, пріобрѣтенныя добродѣтели, находитъ небо (своимъ) домомъ, присоединяется къ сонму праведныхъ, наслаждается вѣчной славой царства и съ дерзновеніемъ приходитъ къ Царю, взывая: Ты возстановилъ мнѣ мое наслѣдіе!

Къ этому обращено стремленіе христіанъ; родиться потому— 480
великое блаженство, что удостоится кто-либо божественнаго зрѣлища, превышающаго представленіе: внезапнаго воскресенія мертвыхъ, необычайнаго измѣненія земли, трубъ, пробуждающихъ скончавшихся отъ вѣка, носящихся по воздуху праведниковъ, истинно ангельскихъ ликованій, сошествія Господа на землю предъ лицемъ вселенной. О, какъ необычайно будетъ восклицаніе пламенно любившихъ Его, когда они выйдутъ въ срѣтеніе

Ему): помяни, Господи, какъ мы ходили предъ Тобою въ истинѣ и дѣлали угодное Тебѣ, и когда они, взывая, тотчасъ услышатъ голосъ: *знаю моя и знаютъ мя моя* (Іоан. х. 14). Поэтому оставимъ большую заботу о житейскомъ, облегчимъ душу отъ земного бремени, обратимся мыслями къ будущему, сохранимъ подъ драгоцѣннымъ покровомъ добродѣтели достоинство царскаго образа: поставленные господствовать надъ житейскими вещами, не обратимъ царской власти въ рабство; прежде всякаго богатства взыщемъ Подателя богатства, такъ какъ *богатіи обнищаша и взалкаша, взыскающіи же Господа не лишатся всякаго блага* (Пс. xxxш, 11). Ему слава во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА IX.

На слова: разумѣйте посланника (τὸν ἀπόστολον = „апостола") и святителя (ἀρχιερέα = „архіерея") исповѣданія нашего Іисуса Христа, вѣрна суща сотворшему Его (Евр. ш, 1).

Всякій разъ, какъ намѣреваюсь обратиться къ ученію благочестія, понимая великую важность предмета, я оправдываюсь предъ Владыкой благочестія въ томъ, чтобы слово о высокихъ истинахъ благочестія не оказалось несоотвѣтствующимъ этой высотѣ, чтобы не умалить предъ людьми величія Божія. Вѣдь то, что на языкѣ людей является весьма высокимъ, оказывается жалкимъ, не служащимъ къ славѣ Божіей, такъ какъ и нѣкоторыя пѣснопѣнія Богу, по мнѣнію людей весьма высокія, бываютъ низкими сравнительно съ величіемъ этой славы. Владыкѣ вселенной угодно такое изложеніе богословія, которое опредѣляется силами дѣлающихъ приношеніе, а не Его высокой славой. Но еретики, воображая, что имѣютъ какъ будто особую заслугу для богословія, или подозрѣвая, что высокое ученіе выше божественной славы, разногласятъ съ нами относительно чести Владыки вселенной, какъ будто увеличиваемой нами до высшей степени,
481 чѣмъ какая (Ему) принадлежитъ. Изслѣдуя Писанія, какъ документы противника, они на основаніи ихъ устрояютъ Богу судъ и выставляютъ именно богослова Павла, какъ свидѣтельствующаго о рабскомъ состояніи Бога-Слова и возвѣщающаго всѣмъ людямъ Его благодать въ немъ: *разумѣйте апостола и святителя исповѣданія нашего Іисуса Христа, вѣрна суща сотворшему Его.*

Вотъ, говорятъ, недвусмысленное свидѣтельство о томъ, что Сынъ сотворенъ. Не удивительно, что еретики претыкаются на словахъ, весьма ясныхъ, какъ на имѣющихъ неясность, — вѣдь для слабыхъ глазъ и ясное, дѣлается темнымъ и сіяющій солнечный лучъ слабо виднымъ. Это случилось съ еретиками относительно столь яснаго смысла приведенныхъ словъ. Слыша имя: *апостолъ*, они разумѣютъ подъ апостоломъ Бога-Слово; читая названіе: „архіерей" (=*святитель*), они воображаютъ, что архіерей есть Божество. Странное заблужденіе! Кто, читая названіе: „апостолъ", не понимаетъ тотчасъ, что оно служитъ обозначеніемъ человѣка? Кто, слыша слово: „архіерей", можетъ думать, что подъ „архіереемъ" разумѣется существо Божества? Если архіерей Божество, то кто тотъ, которому совершается служеніе архіереемъ? Если Богъ есть приносящій, то нѣтъ того, кому совершается приношеніе, такъ какъ что есть большее Божества, чтобы оно, какъ низшее, могло дѣлать приношеніе высшему? Что, еретикъ, заставило его дѣлать приношеніе? Архіерея заставляло дѣлать приношенія то, что самъ онъ имѣлъ нужду въ очищеніи чрезъ дѣлаемыя имъ приношенія, по словамъ Павла: *всякъ бо первосвященникъ, отъ человѣкъ пріемлемь, за человѣки поставляется на службы, яже къ Богу, спострадати могій невѣжствующимъ и заблуждающимъ, понеже и той немощію обложенъ есть: и сего ради долженъ есть якоже о людехъ, такожде и о себѣ приносити за грѣхи* (Евр. v, 1—3). Природа Божества не имѣетъ нужды въ очищеніи чрезъ благодать. Откуда же взято ими то, что архіереемъ названъ Богъ-Слово, не имѣющій нужды въ жертвѣ для собственнаго преуспѣянія? Владыка Божества, не полученнаго отъ людей, (который) *за человѣки поставляется на службы, яже къ Богу*, никѣмъ не узнается изъ тѣхъ словъ, которыя отнесены къ нему Аріемъ. Если слова (апостола) возьмешь нѣсколько выше, то увидишь, что всѣ они въ своей послѣдовательности не указываютъ на то, что въ нихъ говорится о Богѣ. *Не отъ ангелъ пріемлетъ, но отъ сѣмене Авраамова пріемлетъ: отнюдуже долженъ бѣ по всему подобитися братіи, да милостивъ будетъ и вѣренъ первосвященникъ въ тѣхъ, яже къ Богу* [1]: *въ немъ* (ἐν ᾧ) *бо пострада, самъ искушенъ бывъ, можетъ искушаемымъ помощи. Тѣмъ же, братіе святая, званія небеснаго причастницы, разумѣйте посланника и святителя исповѣданія нашего Іисуса Христа, вѣрна суща сотворшему Его* (Евр. II, 16—18; IV, 1—2). Раздѣляя эти тѣсно связанныя между собою слова, еретики поступаютъ лукаво. Но если 484

[1] Дальнѣйшія слова: *во еже очистити грѣхи людскія* отсутствуютъ въ текстѣ Патрологіи.

имъ нравится читать по частямъ, то представимъ вамъ яснѣйшее доказательство того, что они искажаютъ ихъ смыслъ. *Не отъ ангелъ*, говоритъ, *пріемлетъ, но отъ сѣмене Авраамова.* Развѣ Божество сѣмя Авраамово? Послушай и слѣдующія слова. *Отнюдуже* (=поэтому) *долженъ бѣ по всему подобитися братіи.* Развѣ по божеству имѣлъ Богъ-Слово подобныхъ себѣ братьевъ? Обрати вниманіе и на то, что непосредственно присоединено къ этимъ словамъ: *да милостивъ*, сказано, *будетъ и вѣренъ первосвященникъ въ тѣхъ, яже къ Богу: въ немъ бо пострада, самъ искушенъ бывъ, можетъ искушаемымъ помощи.* Не тотъ, который пострадалъ, есть милостивый первосвященникъ, а храмъ подверженъ страданію; не животворящій Богъ пострадавшаго есть сѣмя Авраама, Который *вчера и днесь* по слову Павла (Евр. XIII, 8); не Тотъ, Который говоритъ: *прежде даже Авраамъ не бысть, Азъ есмь* (Іоан. VIII, 58), подобенъ по всему братіи, принявъ братство по человѣческой душѣ и плоти; не сказавшій: *видѣвый Мене видѣ Отца* (Іоан. XIV, 9) есть апостолъ, подобный намъ и возвѣщающій, что возвѣщено плѣннымъ,—апостолъ, ясно говорящій іудеямъ: *Духъ Господень на Мнѣ, егоже ради помаза Мя, благовѣстити нищимъ посла Мя* (Лук. XIV, 18): помазуется, еретикъ, человѣчество, а не Божество; это есть *вѣрный Богу сотворенный первосвященникъ.* Онъ явился во времени, а не былъ отъ вѣчности; Онъ есть, (говорю тебѣ), о, еретикъ, достигшій спустя недолго (κατὰ μικρὸν) сана первосвященника. Послушай еще словъ, яснѣе говорящихъ тебѣ объ этомъ: *во* [1]) *днехъ плоти своея моленія же и молитвы къ могущему спасти его отъ смерти съ вопленъ крѣпкимъ и со слезами принесъ, и услышанъ бывъ отъ благоговѣинства, аще и Сынъ бяше, навыче* [2]) *послушанію, и совершився бысть всѣмъ послушающимъ его виновенъ спасенія вѣчнаго* (Евр. V, 7—9). Совершается тотъ, кто понемногу преуспѣваетъ. Объ этомъ и евангелистъ Лука говоритъ въ Евангеліи: *Іисусъ преспѣваше премудростію и возрастомъ и благодатію* (II, 52). Согласно съ этимъ говоритъ и Павелъ: *совершився бысть всѣмъ послушающимъ его виновенъ спасенія вѣчнаго, нареченъ отъ Бога первосвященникъ по чину Мелхиседекову* (Евр. V, 10). Онъ, представляемый, однако, по образу воинскаго чина, есть Тотъ, который названъ сѣменемъ Авраама, который подобенъ по всему братьямъ, есть поставленный во времени первосвященникъ, совершившійся чрезъ страданія, искушенный въ томъ, что претерпѣлъ могущій помочь искушаемымъ; Онъ есть первосвящен-

---

[1]) Предшествующее ὃς=*иже* не читается въ текстѣ Патрологіи.

[2]) Слѣдующихъ непосредственно затѣмъ словъ: ἀφ᾽ ὧν ἔπαθεν=*отъ сихъ, яже пострада* не читается въ текстѣ Патрологіи.

никъ, поставленный по чину Мельхиседека. Что же ты, вопреки Павлу, толкуешь о непричастномъ страданію Богѣ-Словѣ, смѣшивая съ земнымъ подобіемъ и дѣлая (Его) подвергаемымъ страданію первосвященникомъ? Что вы безстыдно поступаете противъ ясныхъ словъ и цѣли, съ какою сказаны? Несоотвѣтствіе (ученія еретиковъ) съ словами (апостола), взятыми въ связи, пока- 465
зано. Посмотримъ и на цѣль словъ, не соотвѣтствующую баснословію еретиковъ. Когда проповѣдь (евангельская) повсюду одержала верхъ и самое святилище закона озарилось христіанствомъ, появившаяся зависть къ спасенію евреевъ произвела то, что они отъ благодати снова стали возвращаться къ закону, а обольщеніе, сокрытое въ прославленіи чрезъ Христа, весьма широко обольщавшимъ отворяло дверь. Дѣйствительно, приложившихся ко Христу не сразу отвращали отъ вѣры въ Него, чтобы открытою враждою къ Возлюбленному не возбудить подвергавшихся обольщенію къ удаленію отъ послѣдняго, а привлекали удобопріемлемыми словами: великъ, говоритъ (обольщающій), Христосъ, Котораго имя заслуживаетъ почитанія за страданія; кто можетъ пренебрегать вашей вѣрой въ Него? Но необходимо остерегаться того, чтобы не считать излишнимъ исполненія закона, чтобы жизни по нему не предпочитать другую, не ожидать другого мѣста блаженныхъ воздаяній, кромѣ наслѣдія Палестины, или не отдавать преимущества имѣющимъ другое священство, помимо левитскаго, а, оставаясь преданнымъ Христу, соблюдать неизмѣнно и постановленія закона. Когда такимъ образомъ вѣрующіе увлекаемы были евреями къ (соблюденію) закона, Павелъ, скорбя объ этомъ обольщеніи, показываетъ, что Христомъ постановленія закона измѣнены. Опровергая возраженіе относительно священства, онъ раскрываетъ смыслъ тайны вочеловѣченія: *не отъ ангелъ*, говоритъ, *пріемлетъ, но отъ сѣмене Авраамова пріемлетъ.* Сошествіе Владыки-Христа въ человѣческой плоти совершилось ради человѣческой природы; имъ подтвердилось древнее обѣтованіе благословенія (человѣческому) роду. Патріархъ получилъ обѣтованіе, что въ его сѣмени благословятся всѣ народы (Быт. XXII, 18). Послѣ обѣтованія время шло; умножилось потомство сѣмени, увеличилось число лѣтъ; а у народовъ нигдѣ не было обращенія къ благочестію, не видно было на нихъ благословенія. И самое потомство патріарха впадало впослѣдствіи въ гибельное идолопоклонство, вело нечестивую жизнь въ Египтѣ, оскверняло Палестину, поклонялось идоламъ у персовъ. Какъ же исполнилось обѣтованіе? Какъ божественное слово оказалось неложнымъ? Кто послужилъ къ выполненію этого обѣтованія? Законодатель Моисей? Великъ онъ, какъ истинный пророкъ и глава

всѣхъ пророковъ; но онъ вскорѣ (оказался) малодушнымъ, какъ посредникъ между Богомъ и земной свободой и малодушіе выразилъ въ воззваніи къ Богу: *молюся, Господи, избери могуща иного, егоже послеши* (Исх. IV, 13). Но Ааронъ не былъ ли способенъ послужить къ выполненію обѣтованія? Онъ былъ славнымъ священникомъ и основаніемъ законнаго священства, но не былъ устойчивъ предъ нечестіемъ народа, какъ показало сооруженіе
188 тельца. Знаменитъ и Илія, явившій пламенную ревность, но онъ былъ ненавистенъ для грѣшниковъ. Нигдѣ не находилось посредника обѣщаннаго благословенія, когда язычники служили идоламъ, іудеи вмѣстѣ съ ними поступали нечестиво, когда пророки взывали: *молюся, Господи, избери могуща иного, егоже послеши*, когда священники или потворствовали грѣшникамъ или наказывали безпощадно. Поэтому для посредствованія благословенія нуженъ былъ первосвященникъ, по природѣ происходившій изъ рода Авраама, а по достоинству высшій пророковъ, безгрѣшный и кроткій, способный переносить страданія, а въ опасностяхъ могущій взывать къ Богу: *обаче* (πλὴν) [1]) *не еже Азъ хощу, но еже Ты* (Мрк. XIV, 36). Раждается для этого Христосъ, принимая не ангельскую природу, такъ какъ не отъ рода ангельскаго обѣщалъ Богъ людямъ благословеніе, а отъ сѣмени Авраама, подобнаго тѣмъ, которые получили обѣтованіе. Теперь Павлу предлежало показать тѣмъ, которые священство по Христу считали лишнимъ, что безъ Него обѣтованіе благословенія остается неисполнившимся. Что это объясненіе не выдумано мною, вы увидите изъ послѣдовательности словъ, если со всѣмъ вниманіемъ вникнете въ ихъ смыслъ. Хочу пріучить васъ къ болѣе основательному (пониманію) ученія, чтобы вы сдѣлались народомъ-учителемъ, хорошо наставленнымъ въ божественномъ (ученіи). *Не отъ ангелъ*, говоритъ, *пріемлетъ, но отъ сѣмене Авраамова пріемлетъ*. Не ангеловъ, говоритъ, пришелъ Владыка вселенной призрѣть, а родъ Авраама, подвергавшійся опасности лишиться древняго благословенія. Но какъ это относится, Павелъ, къ тому, о чемъ рѣчь? *Отнюдуже долженъ бѣ*, говоритъ, *по всему подобитися братіи, да милостивъ будетъ и вѣренъ первосвященникъ въ тѣхъ, яже къ Богу*. Поелику пришелъ, говоритъ, Спаситель рода Авраамова, получившаго обѣтованіе благословенія, но нуждавшагося для этого въ безгрѣшномъ и сострадательномъ первосвященникѣ, то онъ происходитъ по плоти отъ рода Авраама и общее естество принимаетъ въ родѣ Авраама для того, чтобы, показавши въ себѣ самомъ естество, свободное отъ грѣха, быть

[1]) Πλὴν вмѣсто обычнаго въ изданіяхъ ἀλλ'.

по естеству и сострадательнымъ посредникомъ благословенія чрезъ общеніе съ естествомъ, подверженнымъ страданію, и вполнѣ сильнымъ помощникомъ въ дѣлѣ ходатайства чрезъ безгрѣшное и навсегда остающееся сродство. Могла ли быть необходимою смерть для чистаго отъ всякаго грѣха и имѣющаго въ скоромъ времени воскреснуть? *Въ немъ*, говоритъ, *пострада, самъ искушенъ бывъ, можетъ искушаемымъ помощи.* Самое, говоритъ, испытаніе страданія въ безгрѣшномъ тѣлѣ даетъ ему нѣкоторую власть надъ близкими, (служитъ) неодолимымъ правомъ, какъ побѣда надъ властью діавола, несправедливо стремящагося [1]) къ тому, чтобы безгрѣшный въ нихъ (ἐν αὐτοῖς) человѣкъ не прошелъ, не испытавъ нападенія отъ него (т. е. діавола). *Тѣмъ же, братіе святая, званія небеснаго причастницы, разумѣйте посланника и святителя исповѣданія нашего Іисуса Христа, вѣрна суща сотворшему* 189
Его. Такъ какъ Онъ для насъ, говоритъ, есть единственный святитель, сострадающій, родственный и сильный, то не отпадайте отъ вѣры въ Него. Онъ есть посланный святитель возвѣщеннаго вамъ благословенія отъ сѣмени Авраама, какъ принесшій за него и потомство жертву тѣла; Онъ—ходатай вѣры, которую вы исповѣдали, какъ примирившій естество съ Богомъ чрезъ безгрѣшное въ Немъ естество. Затѣмъ, чтобы не показаться проповѣдующимъ іудеямъ странное, не совершенное Богомъ, Павелъ прибавилъ: *якоже и Моисей во всемъ дому его.* Не странно, говоритъ, то, что человѣкъ служитъ посредникомъ между Богомъ и человѣкомъ въ дѣлѣ божественныхъ обѣтованій, такъ какъ прежде былъ образъ этого посредства въ лицѣ Моисея, ходатайствовавшаго предъ Богомъ за собственный народъ. Постыдись, еретикъ, и этихъ словъ: вѣренъ, говоритъ, Іисусъ, *якоже и Моисей.* Что же, наслѣдникъ Аріева безумія, неужели думаешь, что у Павла Богу-Слову приравнивается Моисей? А вотъ Іоаннъ о тѣлесной обуви взываетъ: *нѣсть достоинъ разрѣшити ремень сапогъ его* (Мрк. I, 7). Іоаннъ свидѣтельствуетъ, что онъ недостоинъ ремня обуви Господней плоти,—Іоаннъ, *болій* котораго *не воста въ рожденныхъ женами* (Мѳ. XI, 11). А ты клевещешь на Павла въ томъ, будто онъ Творцу всего приписываетъ одинаковое достоинство съ Моисеемъ, между тѣмъ какъ онъ не считаетъ справедливымъ приравнивать Іисуса Моисею и по порядку человѣчества вслѣдствіе соединенія съ божествомъ. На это указываетъ онъ въ слѣдую-

[1]) Вмѣсто читаемыхъ здѣсь словъ: ἀδίκου πολεμουμένων издатели Патрологіи предлагаютъ читать: ἀδίκου πολεμουμένου, или допустить то, что здѣсь недостаетъ нѣсколькихъ словъ, отъ чего, вѣроятно, происходитъ неясность этого мѣста въ бесѣдѣ.

щихъ затѣмъ словахъ. Сказавши: вѣренъ Іисусъ, *якоже и Моисей, во всемъ дому его*, онъ присоединилъ вслѣдъ затѣмъ: *множайшей бо славѣ сей паче Моисеа сподобися* (Евр. III, 3). Хотя обративъ вниманіе на противоположеніе словъ, согласись, еретикъ, съ истиною: вѣренъ, говоритъ, Іисусъ, какъ *Моисей*, затѣмъ: *множайшей сей славѣ паче Моисеа сподобися.* Противоположеніе однихъ словъ другимъ показываетъ, что сравниваются образы подобія, а не равенства достоинствъ Моисея и Іисуса; а еретикъ не страшится высоту Божества низвести на степень смертной природы Моисея. Это сказано мною о насиліи, которое учиняютъ надъ апостольскими словами. Хочу кратко изложить и вашъ грѣхъ съ цѣлью побудить къ исправленію сдѣланнаго: вы явились дикими (γοργοί) въ отношеніи къ доброму. Въ чемъ же именно грѣхъ? Предлагалось въ недавнее время вѣрующимъ таинство, какъ воинамъ— царское жалованье, а воинства вѣрующихъ не оказалось; они вмѣстѣ съ оглашенными, подобно мякинѣ, развѣяны были вѣтромъ легкомыслія. Распинается по чину Христосъ, закалается мечемъ священнической молитвы, а своихъ учениковъ, какъ въ прежнее время на крестѣ, находитъ убѣжавшими. Великій грѣхъ—измѣна Христу, когда нѣтъ гоненія,—оставленіе вѣрую-
492 щими тѣла Христова, когда нѣтъ войны. Что было причиною этого оставленія? Нужныя дѣла. Но какое занятіе нужнѣе, чѣмъ занятіе божественнымъ и при томъ непродолжительное? Страхъ за грѣхи. Но что очистило ту блаженную блудницу, бѣгство или прибѣганіе къ тѣлу Владыки? Устыдимся же, не имѣя сокрушенія этой блудницы, устрашимся слова Господня, заклинающаго насъ: *аминь, аминь, глаголю вамъ, аще не снѣсте плоти Сына человѣческаго, ни піете крови Его, живота не имате въ себѣ* (Іоан. VI, 53). Убоимся того, чтобы и намъ Онъ не изрекъ укоризненно съ небесъ: *не возмогосте единаго часа побдѣти со Мною* (Мѳ. XXVI, 40). Побоимся при этомъ и того, чтобы намъ не присоединиться къ хулѣ на Него еретиковъ. Будемъ внимательны къ словамъ Павла о вочеловѣченіи; не будемъ соединять того, что свойственно человѣчеству, съ тѣмъ, что принадлежитъ безтѣлесному божеству, а того, что свойственно божеству, не будемъ смѣшивать съ относящимися къ человѣческому естеству страданіями, различая свойства естествъ. Присоединимъ къ этому и великое значеніе единства: не будемъ называть Бога-Слово храмомъ вмѣсто обитающаго, не будемъ считать храмъ обитающимъ вмѣсто обитаемаго. Будемъ помнить слова, указывающія на то и другое Его естества: *разорите церковь сію,* то есть то, что способно къ разрушенію, *и тремя денми воздвигну ю* (Іоан. II, 19), то есть, Богъ, соединенный таинственно съ смертнымъ. Ему слава во вѣки. Аминь.

Дополненіе къ письмамъ св. Іоанна Златоуста.

I. Златоуста царицѣ Евдокіи. Богъ, будучи создателемъ всей 493
природы, по существу стоитъ выше всякой власти и господства, а всѣ люди равны, хотя одинъ кажется имѣющимъ превосходство надъ другимъ. И тебѣ далъ (Онъ) царскій скипетръ не для того, чтобы ты считала себя выше другихъ, а чтобы оказывала всѣмъ равенство предъ закономъ и справедливость. Не слава, богатство и мірская высокость поможетъ намъ въ страшный день суда, а только исполненіе заповѣдей, соединенное съ сохраненіемъ правильныхъ догматовъ. Не забывай сама объ этомъ и не изгоняй страха Божія изъ твоей души, хорошо зная, что дыханіе всѣхъ въ Его власти; одному Онъ прибавляетъ годы жизни, а другому сокращаетъ, по волѣ Своей: *Азъ*, говоритъ, *убію и жити сотворю, и кто избавится изъ рукъ Моихъ* (τίς ὁ τῶν ἐμῶν χειρῶν ἐξαιρούμενος [1]) (Втор. xxxii, 39)? *Страшно есть, еже впасти въ руцѣ Бога живаго* (Евр. x, 31). Земля и пепелъ всѣ мы люди. цвѣтъ, трава и прахъ, тѣнь, дымъ и сонъ, и живемъ не живя. Съ того времени, какъ сказанное: *земля еси и въ землю отъидеши* (Быт. iii, 19) вошло во всю нашу природу, мы всецѣло облеклись въ смертность и тлѣніе и всѣ вообще уже умерли, хотя бы уми- 496
ралъ одинъ сегодня, другой завтра. Какъ происшедшіе изъ земли, въ землю, спустя недолго, и возвратимся, цари и граждане, начальники и подчиненные. Въ самомъ дѣлѣ посмотри на царствовавшихъ прежде васъ, и сравни, что они были и чѣмъ теперь стали. Увидишь, какъ живутъ дѣлавшіе доброе, блаженствуя и по смерти, а въ день воздаянія они выйдутъ въ воскресеніе жизни, между тѣмъ дѣлавшіе худое и здѣсь всегда осыпаются проклятіями и ругательствомъ, и воэстанутъ въ воскресеніе не жизни, а осужденія. Поэтому ваша боголюбивая душа пусть подражаетъ сохранившимъ неизмѣнно вѣру, совершившимъ добрый путь заповѣдей, и возвратите бѣдной женѣ Ѳеогноста и ея дѣтямъ виноградникъ; довольно для нихъ постигшаго ихъ горя: пусть не увеличиваются бѣды и не возрастаетъ еще болѣе несчастіе. И умоляю, облегчи поскорѣе тяготящую ихъ скорбь и несчастіе, помня Спасителя, въ Евангеліи заповѣдующаго намъ, чтобы не заходило солнце въ гнѣвѣ нашемъ (Ефес. iv, 26), и опять обращающагося къ тому богатому съ словами: *безумне, въ*

[1]) Вмѣсто этого въ Ватикан. и другихъ греч. спискахъ, съ которыми согласуется слав. Библія, читается: οὐκ ἔστιν ὃς ἐξελεῖται ἐκ τῶν χειρῶν μου=*и нѣсть иже изметъ отъ руку моею.*

сію нощь душу твою истяжутъ отъ тебе: а яже уготовалъ еси, кому будутъ (Лук. xII, 20)? *Кая польза человѣку, аще міръ весь пріобрящетъ, душу же свою отщетитъ: или что дастъ человѣкъ измѣну за душу свою* (Мѳ. xvi, 26)? Развѣ сойдетъ съ нами въ адъ сладость винограднаго плода, или пріятность смоквъ, или жиръ елея, или избытокъ имущества и слава власти? Не оканчивается ли все стараніе человѣка тлѣніемъ? Оставляя все, не отходимъ ли отсюда нагими и беззащитными? Помня все это, постарайся возвратить виноградникъ, чтобы было тебѣ хорошо въ день суда.

II. Златоуста къ Кесарію. Благочестію свойственно облеченнаго смертію Христа исповѣдывать совершеннымъ по божеству и совершеннымъ по человѣчеству, единымъ единороднымъ Сыномъ, не раздѣляемымъ на двоицу сыновъ, носящимъ однако въ себѣ не слiянныя свойства двухъ нераздѣльныхъ естествъ, не тѣмъ и другимъ—да не будетъ—но единымъ и тѣмъ же самымъ Господомъ Іисусомъ Богомъ-Словомъ, облеченнымъ плотію и притомъ плотію не бездушною и не неразумною, какъ говорилъ нечестивый Аполлинарій.

Если нѣкоторымъ представляется невозможнымъ, чтобы кто-либо состоялъ изъ двухъ, и въ одно и то же время сохранялся и распинался, и одинъ изъ нихъ подвергался безславію, то это попытаюсь показать примѣрами изъ дѣлъ человѣческихъ.

497 Царская багряница была волной; соединенная съ послѣдней кровь улитки дала ей багряный цвѣтъ. Когда ее пряли и ткали и она дѣлалась тканью, очевидно, волна, а не краска, подвергалась обработкѣ: волнѣ можно уподобить человѣка, багряной краскѣ—Бога-Слово, Который соединенъ былъ (съ человѣкомъ) во время страданій и на крестѣ, но совершенно не подвергался страданію.

Или: пусть дерево содержитъ въ себѣ лучъ солнца; когда оно срубается, мы видимъ, что ударъ топора прежде всего направленъ противъ луча въ немъ и лучъ получаетъ, повидимому, первый ударъ, прежде чѣмъ срублено будетъ дерево. Какъ свѣтъ, находящійся тамъ, не срубается и не разсѣкается, такъ и божество не могло и отдѣлиться, не могло и подвергнуться разсѣченію и страданію, а плоть подпала страданію, могла подвергнуться разсѣченію и страданію, какъ тамъ дерево.

Дополненіе къ толкованіямъ на Писаніе. Къ XVIII Бесѣдѣ на кн. Бытія. 500

Съ довѣріемъ будемъ слѣдовать божественному Писанію и его указаніямъ; постараемся здравые догматы напечатлѣвать въ нашихъ душахъ, а вмѣстѣ позаботимся о правильности жизни, чтобы жизнь свидѣтельствовала о догматахъ, а догматы показывали жизнь совершеннѣйшею. Если мы будемъ имѣть правильные догматы, а о жизни будемъ нерадѣть, то не будетъ намъ пользы; равнымъ образомъ, если будемъ вести (добрую) жизнь, а о правильныхъ догматахъ не будемъ заботиться, не пріобрѣтемъ пользы для нашего спасенія. Если хотимъ избавиться геенны и получить Царствіе, необходимо украшать себя тѣмъ и другимъ—и правильными догматами и доброю жизнію. Какая, скажи мнѣ, польза отъ дерева, имѣющаго высокій стволъ и красующагося листьями, если оно не приноситъ плода? Такъ и хри- 501
стіанину не приносятъ пользы догматы, если онъ не заботится о жизни. Поэтому и Христосъ ублажаетъ тѣхъ, которые сотворятъ и научатъ (Мѳ. v, 19). Наученіе чрезъ дѣла гораздо болѣе важно и убѣдительно, чѣмъ наученіе словами: таковой, и молча, и будучи видимъ, можетъ учить однихъ посредствомъ глазъ, другихъ посредствомъ слуха, и будетъ наслаждаться великимъ благоволеніемъ Божіимъ, не только самъ, но и въ лицѣ тѣхъ, которые смотрятъ на него. Онъ способствуетъ прославленію своего Господа; чрезъ безчисленныя уста и чрезъ весьма многихъ онъ вознесетъ благодаренія и гимны Богу всяческихъ. Не только знакомые, бывшіе свидѣтелями его жизни, будутъ удивляться ему и его Владыкѣ, но и незнакомые, узнавшіе отъ другихъ объ этомъ, живущіе вдали, поселившіеся въ другихъ странахъ, не только друзья, но и враги будутъ уважать высокую добродѣтель. Такова ея сила, что она заграждаетъ уста враговъ и связываетъ языкъ, и, какъ на солнечные лучи не могутъ смотрѣть слабые глаза, такъ и на добродѣтель не можетъ прямо посмотрѣть порокъ; онъ отступитъ, обратитъ тылъ и признаетъ пораженіе. Будучи убѣждены въ этомъ, будемъ крѣпко держаться добродѣтели, и прочно устроять свою жизнь; постараемся воздерживаться отъ грѣховъ въ словѣ или дѣлѣ, кажущихся незначительными и легкими. Удерживаясь отъ малыхъ грѣховъ, мы никогда не впадемъ въ большіе, а съ теченіемъ времени, пользуясь высшею помощію, сможемъ достигнуть и вершины добродѣтели, избѣгнуть предлежащаго наказанія и сподобиться вѣчныхъ благъ, по благодати и человѣколюбію Господа нашего

Іисуса Христа, съ Которымъ Отцу со Святымъ Духомъ слава, держава и честь, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

Отрывокъ на книги Царствъ.

Изъ 3-й бесѣды св. Іоанна на книги Царствъ.

Земледѣльцамъ доставляетъ удовольствіе собирать богатую жатву съ ровныхъ, плодородныхъ полей. А если, прилагая большое стараніе, онъ можетъ получить полезный плодъ отъ каменистой, тощей и песчаной земли, то это еще болѣе ему пріятно, потому что, борясь съ свойствомъ земли и противопоставляя свои труды ея безплодію, онъ получаетъ чрезъ это нѣкоторое свидѣтельство о побѣдѣ со стороны другихъ, удивляющихся такому земледѣлію.

---

504 Примѣръ объясненія св. Іоанна Златоуста на Іова.

Стоитъ труда прежде всего изслѣдовать, когда жилъ этотъ мужъ. Одни говорятъ, что онъ былъ прежде Моисея и происходилъ отъ Авраама въ пятомъ родѣ, а другіе, что — во времена закона. Но мы не откроемъ этого, пока не узнаемъ изъ самой исторіи, жилъ ли онъ въ то или въ это время. Не мало способствуетъ это и познанію добродѣтели этого мужа. Не все равно, пользовался ли этотъ, столь добродѣтельный и удивительный мужъ закономъ Моисея, или прежде увѣщанія (со стороны послѣдняго) явилъ такую силу. Что это былъ великій мужъ, показываетъ самое дѣло. Показываетъ это и Богъ, говоря: „если станетъ Ной, Іовъ и Даніилъ, сыновъ и дочерей своихъ они не избавятъ" (Іезек. XIV, 14, 20) [1]). Почему же не упомянулъ о немъ Моисей? Какая однако была надобность упоминать и для чего? А ты посмотри со мной на то, какъ не повредилъ ему предокъ— Исавъ. Онъ не былъ изъ рода Авраама, а тѣмъ болѣе — отъ

---

[1]) Слова пр. Іезекіиля читаются здѣсь: Ἐὰν στῇ Νῶε, καὶ Ἰὼβ, καὶ Δανιὴλ, υἱοὺς αὐτῶν καὶ θυγατέρας αὐτῶν οὐ μὴ ἐξέλωνται, каковое чтеніе не представляетъ буквальнаго воспроизведенія словъ пророка, ни по древнимъ спискамъ перевода 70-ти, ни по еврейскому тексту, что могло произойти или отъ неточности списка, изъ котораго заимствованъ этотъ отрывокъ, или отъ того, что святитель привелъ эти слова не съ буквальною точностью.

Іакова; жилъ и въ странѣ чужеземной. Видишь ли, что всѣмъ послалъ Богъ учителей? Обрати вниманіе на то, какъ всюду извѣстно высшее познаніе о Богѣ: ты видишь, что и друзья его имѣютъ понятіе о Богѣ. Кто ихъ училъ? Кто возвѣстилъ? Мнѣ вѣдь думается, что они жили до Моисея. Отсюда видно и можно считать правдоподобнымъ, что первая эта книга была учителемъ и провозвѣстникомъ ученія о Богѣ,—видно изъ жизни и терпѣнія. Надлежало совершиться въ его жизни и знаменіямъ, такъ чтобы онъ былъ совершеннымъ учителемъ; какъ въ жизни Авраама было много знаменій, такъ и здѣсь. (Затѣмъ начинается объясненіе).

Человѣкъ нѣкій бяше во странѣ Авситидійстѣй, емуже имя Іовъ (Іов. I, 1). Обрати вниманіе на ту первую похвалу, что *человѣкъ бяше*, говоритъ, *во странѣ Авситидійстѣй*. Это великая похвала; что онъ былъ въ Аравіи, гдѣ всѣ были развращены, гдѣ не встрѣчалось примѣровъ благочинія, это было удивительно. *И бѣ человѣкъ онъ* (опять: „человѣкъ") *непороченъ, праведенъ, истиненъ, благочестивъ, удаляяйся отъ всякія лукавыя вещи*. Каждое изъ этихъ свойствъ въ отдѣльности достаточно для того, чтобы показать красоту его души. Но какъ любящій съ большою обстоятельностью говоритъ о красотѣ любимаго, такъ и здѣсь: *непороченъ*, говоритъ; это особая добродѣтель; *праведенъ* — тоже; *истиненъ*—тоже; *благочестивъ* — тоже; *удаляяйся отъ всякія лукавыя вещи; отъ всякія*, говоритъ, а не просто: отъ той, а не отъ другой. Гдѣ говорящіе, что природа болѣе наклонна къ злу? Какой страхъ, какой судъ, какіе законы сдѣлали его такимъ? Но такъ какъ сказано: *нѣсть человѣкъ* праведенъ, иже сотворитъ благое и не согрѣшитъ (Екклес. VII, 21), то поэтому говоритъ: *непороченъ;* не сказалъ: безгрѣшенъ, а—*непороченъ*: не дѣлалъ не только грѣха, но и того, что заключаетъ въ себѣ осужденіе, порицаніе, и проч.

505

Отрывки на (книгу) блаженнаго Іова.

ВВЕДЕНІЕ.

Не трудно показать, что эта книга всѣмъ полезна, при всякомъ родѣ жизни и обстоятельствъ, мужу и женѣ, старцу и молодому, частному лицу и начальнику, богатому и бѣдному, пользующемуся счастьемъ и удручаемому несчастьемъ. Этотъ удивительный и великій мужъ, прославляемый во всей вселенной, подвижникъ

благочестія, увѣнчанный побѣдою, прошедшій черезъ всѣ испытанія, стяжавшій безчисленные трофеи надъ дьяволомъ, былъ богатымъ и бѣднымъ, славнымъ и презрѣннымъ, имѣвшимъ много дѣтей и бездѣтнымъ, (жилъ) въ царскомъ дворцѣ и (сидѣлъ) на *гноищѣ*; (одѣвался) въ блестящую одежду и послѣ нея (покрытъ былъ) червями; наслаждался безчисленными услугами, а послѣ того подвергался безчисленнымъ бѣдствіямъ, когда слуги отказали въ повиновеніи, друзья оскорбляли, жена умышляла недоброе. Къ нему все текло, какъ изъ источника—большое богатство, сильная власть, блестящая слава, мирная безопасность, честь, уваженіе, тѣлесное здоровье, хорошее поведеніе дѣтей. Ничего не было печальнаго; богатству не угрожала опасность, благоденствіе не подвергалось колебанію. Такъ и должно было быть, потому что отовсюду, какъ стѣной, защищалъ его Богъ
508 (Іов. I, 10). Но впослѣдствіи все это исчезло; его домъ постигли безчисленныя бѣдствія, непрерывно слѣдовавшія одни за другими, и всѣ—въ сильной степени. Все его имущество вдругъ было расхищено; дѣти погибли преждевременною и насильственною смертью, пораженные во время трапезы и пиршества, не мечемъ или копьемъ, а злымъ духомъ, разрушившимъ домъ. Послѣ этого вооружилась и жена и выдвинула противъ праведника осадныя орудія; друзья и слуги—одни плевали въ лицо, другіе подходили съ издѣвательствами; онъ удаленъ былъ совсѣмъ изъ дома и мѣстопребываніемъ его служило гноище; всюду у него кишѣли черви, кровью и гноемъ истекалъ сильный (ὁ ἀδάμας): взявши черепокъ, онъ очищалъ гной; онъ сдѣлался самъ себѣ палачемъ. Боли были непрерывныя и несносныя; ночь была тяжелѣе дня и день труднѣе ночи; все были скалы и утесы; утѣшающаго—ни одного; огорчающихъ—множество. И, несмотря на такую бурю и такія неописуемыя волны, онъ остался мужественнымъ и непоколебимымъ. А причина этого состояла въ томъ, что онъ хорошо понималъ природу вещей и, зная ихъ измѣнчивость, предусматривалъ будущее; поступая хорошо, не переставалъ ожидать скорби; поэтому и во время благополучія велъ себя умѣренно.

Этотъ многострадальный мужъ для внимательныхъ служитъ примѣромъ не только терпѣнія и выносливости, но и другихъ добродѣтелей: мужества и постоянства при искушеніяхъ, удаленія отъ надменности, — кротости, умѣренности, общительности вмѣстѣ съ свѣтлымъ настроеніемъ, при богатствѣ и силѣ,—воздержности при удовольствіяхъ, справедливости въ судахъ и договорахъ, во всемъ — согласія и—главной изъ добродѣтелей—любви; всякую добродѣтель онъ совершилъ съ надлежащимъ

тщаніемъ. Имѣя предъ собою такой начертанный образъ, напечатлѣй его въ своей совѣсти. Если будешь въ горѣ, прибѣгай къ этому образу; если—въ богатствѣ, въ немъ же ищи врачества, чтобы не погрязнуть въ бѣдности и не возгордиться богатствомъ; если лишишься дѣтей, здѣсь имѣешь утѣшеніе, потому что здѣсь найдешь въ обиліи и несчастія и терпѣніе; если впадешь въ болѣзнь, вспомни о множествѣ червей и все перенесешь кротко; если другъ будетъ строить козни, приведи на память святого, и освободишься отъ страданія; если незначительные люди будутъ обходиться нехорошо, подумай, что̀ онъ перенесъ отъ слугъ, и получишь отъ этого большую пользу; если кто будетъ распространять худую молву о тебѣ, подумай, что̀ говорили о немъ, что онъ не понесъ еще достойнаго наказанія за грѣхи, и какъ поносили его, и побѣдишь это огорченіе. Нѣтъ несчастія, бывающаго съ людьми, котораго не испыталъ бы этотъ мужъ, твердѣйшій всякаго адаманта, который одновременно перенесъ и голодъ, и бѣдность, и болѣзнь, и потерю дѣтей, и утрату такого богатства, а послѣ того со стороны жены подвергся littleкознямъ, друзьями оскорбленъ, а слугами оплеванъ. Во всемъ этомъ онъ явился твердѣйшимъ камня, и это—прежде закона и благо- 509
дати. И если послѣ (дарованія) закона и благодати, наслаждаясь такимъ даромъ, будемъ переносить меньше его, показавшаго такое любомудріе въ началѣ, въ преддверіи человѣческой жизни, то не будемъ имѣть никакого оправданія.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Человѣкъ нѣкій бяше во странѣ Авситидіийстѣй, емуже имя Іовъ (ст. 1).

Что значитъ это начало и почему писатель такъ началъ? Онъ имѣлъ въ виду изложить добродѣтельную жизнь, во многомъ превосходящую наше состояніе. Поэтому, чтобы кто-либо, въ виду необычайной борьбы и терпѣнія, не подумалъ о необычайной, не человѣческой природѣ, онъ напередъ указываетъ природу, чтобы ты подивился такому характеру (τὴν πρόθεσιν), потому что это былъ человѣкъ, по природѣ одинъ изъ многихъ, а по добродѣтели высшій многихъ. Онъ сказалъ объ общемъ свойствѣ природы для того, чтобы показать особенность ея проявленія, потому что, имѣя общую со всѣми природу, онъ сдѣлалъ превышающее природу, большее того, что дѣлаютъ люди. Указы-

ваетъ и его страну, чтобы и изъ этого ты съ удивленіемъ увидѣлъ, какая роза выросла изъ тернія.

Обрати вниманіе на первую похвалу, состоящую въ томъ, что это растеніе произвела Авситидійская страна. Что былъ кто-либо столь безукоризненный въ Аравіи, гдѣ всѣ развращены, гдѣ нѣтъ примѣровъ благочинія, это было удивительно.

И бѣ человѣкъ онъ истиненъ, непороченъ, праведенъ, благочестивъ, удаляяйся отъ всякія лукавыя вещи (ст. 1).

Внѣшніе философы, опредѣляя (понятіе) о человѣкѣ, говорятъ: человѣкъ есть разумное, смертное животное. А божественное Писаніе называетъ того человѣкомъ, кто сохранилъ образъ Божій и проявилъ себя въ добродѣтели, а того, кто смѣшалъ и повредилъ божественные образы и черты, не хочетъ называть человѣкомъ. Если кто имѣетъ отличительную черту (человѣческой) природы, но оскверняетъ ее нечестивымъ образомъ жизни, то пусть выслушаетъ (слова) пророка: ***человѣкъ въ чести сый не разумѣ, приложися скотомъ несмысленнымъ и уподобися имъ*** (Псал. XLVIII, 13). Писаніе пользуется и здѣсь такимъ своимъ обычаемъ (для обозначенія человѣка) и, показывая то, что ничто такъ не характеризуетъ человѣка, какъ непорочность, праведность и благочестіе, опредѣляетъ Іова тѣми же чертами и говоритъ, что былъ *человѣкъ истиненъ*. Злые, лживые люди — какъ бы подобіе людей (οἱ ζωγραφούμενοι). Такъ и Екклезіастъ, подводя всѣ заповѣди по главной цѣли къ страху Божію, говоритъ: ***конецъ слова, все слушай: Бога бойся и заповѣди Его храни: яко сіе всякъ человѣкъ***
512 (XII, 13). Другой, пророчествовавшій въ Іерусалимѣ, не видя никого, кто бы слушалъ его, сказалъ: ***пріидохъ и се не бяше человѣка: звахъ, и не бѣ послушающаго*** (Иса. L, 2). И мы, по общему обычаю, когда посылаемъ раба или сына на какое-либо дѣло, говоримъ ему обыкновенно: возьмись за дѣло, какъ человѣкъ, т. е., сохрани человѣческую природу; какъ одаренный разумомъ, какъ мыслящій, подумай и сдѣлай; дѣятельностью покажи, что ты вполнѣ человѣкъ. Не по виду, а изъ дѣйствій узнается, что такое каждый; а если этого нѣтъ, въ такомъ случаѣ остается одно названіе. Тотъ только истинный человѣкъ, кто сохраняетъ образъ, не омрачаетъ богоданной красоты. Таковъ Іовъ, истинный, не поддѣльный, на дѣлѣ проявляющій человѣческую добродѣтель, а не показывающій только ея видимость или разыгрывающій ее, какъ на сценѣ. Чего прежде требовалъ Богъ отъ Авраама: ***благоугождай предо Мною и буди непороченъ*** (Быт. XVII, 1), это и приписываетъ Писаніе Іову. Сказавши, что онъ ***бѣ истиненъ***, прибавляетъ, что и *непороченъ*. Вникни вмѣстѣ со мной въ это слово, чтобы узнать великое совершенство праведника. По-

чему не сказано: „невинный", а—*непороченъ?* Потому что слово: „вина" (ἔγκλημα) прилагается къ тяжкимъ грѣхамъ, а „порокъ" (μέμψις)—къ малымъ и самымъ незначительнымъ [1]. Такимъ образомъ онъ не дѣлалъ, говорится, не только тяжкихъ проступковъ, но старался не поддаваться и самымъ легкимъ, которые составляютъ скорѣе недостатокъ, чѣмъ вину и заслуживаютъ порицанія, а не наказанія. Вмѣсто *непороченъ* Акила и Симмахъ употребили: первый — „простой" (ἁπλοῦς), второй — „невинный", (ἄμωμος), при чемъ переводъ перваго указывалъ на чистоту праведника и отсутствіе притворства, переводъ второго—на то, что онъ неусыпно стремился къ добродѣтели. Невиненъ тотъ, кто не пренебрегаетъ ничѣмъ добрымъ, кто проводитъ жизнь, не запятнанную ничѣмъ худымъ. Послѣ: *непороченъ* прибавлено: *праведенъ.* Праведность есть совокупность и соединеніе всего хорошаго и добраго. Если что-либо изъ того, что кажется заслуживающимъ похвалы, окажется у кого-либо въ отдѣльности, безъ другихъ добродѣтелей, то будетъ несовершеннымъ и безполезнымъ, а часто даже противоположнымъ и такимъ, чего нужно избѣгать. Такъ, если кто понятливъ и смышленъ, но замышляетъ несправедливое, то онъ лукавъ и злокачественъ, а не разуменъ. Объ этомъ сказано: *мудри суть, еже творити злая, благо же творити не познаша* (Іерем. IV, 22); или, иной мужественъ въ борьбѣ и въ опасностяхъ, но если дѣйствуетъ несправедливо, то принадлежитъ къ людямъ грубымъ, употребляющимъ насиліе, каковы говорящіе: *да будетъ же намъ крѣпость законъ правды, не крѣпкое бо неполезно обрѣтается* (Прем. Сол. II, 11). Кто сдерживаетъ себя въ тѣлесныхъ удовольствіяхъ, не будетъ мудрымъ, если любитъ деньги, богатство, если испорченъ (ἄσωτος), не благороденъ (οὐκ ἐλευθέριος), если не щадитъ богатства для (удовлетворенія своего) желанія. Вообще, всякая часть праведности, отдѣленная отъ прочаго, какъ бы отъ тѣла, есть ничто. Согласіе и
соединеніе всего достойнаго удивленія пусть будетъ и разумно 513
признается праведностью. А если что-либо изъ этого удивительнаго отсутствуетъ, (праведность) при этомъ хромаетъ, искажается и несправедливо носитъ названіе праведности. Прежде всего праведному необходимо быть мудрымъ, потому что иначе какъ можетъ онъ дѣлать то, что нужно, и относиться ко всему соотвѣтственно, если не понимаетъ значенія и силы каждаго предмета? Затѣмъ (онъ долженъ быть) скромнымъ, потому что необузданность есть несправедливость, (нужно быть) богобоязненнымъ, по-

[1] Въ этомъ смыслѣ *непороченъ* употребляется въ Священномъ Писаніи объ агнцѣ, не имѣвшемъ недостатковъ, наприм. Исх. XII, 5; Лев. I, 3.

тому что *благочестивіи*, сказано, „праведное" (δίκαια) [1]) *совѣщаваи* (Иса. XXXII, 2),—кроткимъ, человѣколюбивымъ, благотворительнымъ. Короче сказать, (душу) праведнаго наполняетъ гармонія всего того, что, при правильномъ разумѣніи, нужно дѣлать. Это точно указалъ намъ Іезекіиль, чрезъ котораго говоритъ Богъ: *человѣкъ же иже есть праведенъ, творитъ правду* (XVIII, 5) [2]). Затѣмъ, излагая совершенное и полное понятіе о добродѣтели, состоящее изъ отдѣльныхъ чертъ, изображаетъ праведника и прежде всего приписываетъ ему благочестіе, говоря: *на горѣхъ* [3]) *не ѣстъ* (ст. 6), потому что на горахъ совершали идолослуженіе. Далѣе говоритъ о существованіи у него цѣломудрія: *и жены ближняго не оскверниватъ и къ женѣ въ мѣсячныхъ не приближится*. Далѣе, приписываетъ ему кротость и снисходительность: *и человѣку*, говоритъ, *не насилствуетъ* (ст. 7). Вмѣстѣ съ этимъ показываетъ, что онъ довольствуется своимъ, говоря: *и хищеніемъ не восхититъ*; изображаетъ его милостивымъ и общительнымъ, говоря: *хлѣбъ свой алчущему дастъ и нагаго облечетъ въ ризу, сребра своего въ лихву не дастъ, и прибытка не возметъ;* изображаетъ его обходительнымъ и миролюбивымъ, такъ что онъ можетъ быть наилучшимъ посредникомъ между ссорящимися: *и отъ неправды отвратитъ руку свою и судъ* „праведный" (δίκαιον) [4]) *сотворитъ между мужемъ и ближнимъ своимъ* (ст. 8). Самое высшее и превосходнѣйшее достоинство, вмѣстѣ со всѣми прочими подвигами праведности, составляетъ правительственная (ἡ πολιτική) и судебная способность, воздающая всѣмъ должное, почему названіе ея соименно съ умѣньемъ отличать правду отъ неправды (τῆς δίκης). Изложивъ все, что нужно дѣлать и что не нужно, (пророкъ) указалъ общее правило и образецъ, смотрящій на которые ни въ чемъ не согрѣшить.

Въ заповѣдѣхъ Моихъ ходилъ, и оправданія Моя снабдѣлъ, еже творити та (ст. 9). Тотъ, въ комъ соединено все это и такъ тѣсно связано, что образуетъ какъ бы одно многочленное, гармоническое крѣпкое тѣло, дѣлается праведнымъ. Изобразивъ такія его свойства, указывая ему какъ бы границу, сводя отдѣльныя его

---

[1]) Δίκαια вмѣсто читаемаго въ греческихъ спискахъ συνετά=*смысленнѣ*, какъ переведено въ Слав. Б.

[2]) Ὁ ποιῶν δικαιοσύνην согласно съ древнѣйшимъ Ватиканскимъ спискомъ и несходно съ Александр. и другими, въ которыхъ, согласно съ еврейскимъ т., читается: κρίμα καὶ δικαιοσύνην=*судъ и правду* (Славян. В.).

[3]) По тексту Патрологіи: ἀπὸ τῶν ὀρέων = „отъ горъ" вопреки обычному чтенію греческихъ списковъ: ἐπὶ τῶν ὀρέων.

[4]) Слово: δίκαιον, не читаемое въ Славян. В., читается здѣсь въ древнихъ греч. спискахъ и евр. текстѣ.

черты въ одинъ образъ, заключилъ въ одномъ имени, говоря:
праведенъ сей жизнію жити иматъ[1]). Когда мы узнали, какія
черты характеризуютъ праведника, вотъ посмотримъ на это и у
Іова. Праведникъ благочестивъ; что же Іовъ? Развѣ онъ не уми-
лостивлялъ Бога ежедневно жертвами? (Праведникъ) цѣломуд-
ренъ: и онъ говоритъ: *завѣтъ положихъ очима моима, да не по-* 516
мышлю на дѣвицу (Іов. XXXI, 1). Онъ кротокъ и снисходителенъ;
но кто былъ болѣе кротокъ, чѣмъ тотъ, слуги котораго за его
великую доброту такъ были привязаны, что готовы были погло-
тить его, потому что говорили: *кто убо далъ бы намъ отъ плотей
его насытитися* (ст. 31). Милостивъ и общителенъ; и въ этомъ
кто могъ соперничать съ Іовомъ? Развѣ дверь моя не открыта
была всякому приходящему (Οὐχ ἡ θύρα παντὶ ἐλθόντι ἀνέωκται)? „И
никто не вышелъ со“ *тщимъ нѣдромъ* (ст. 32, 34)[2]). Праведникъ
справедливо рѣшаетъ дѣло ссорящихся; и въ этомъ Іову можно
было похвалиться и сказать: *распря, еяже не вѣдяхъ, изслѣдихъ*
„и сокрушилъ коренные зубы“[3]) (XXIX, 16—17). Праведникъ ни-
кому не дѣлаетъ неправды; это Іовъ самъ предаетъ проклятію:
*аще воздвигохъ на сироту руку, да отпадетъ убо рамо мое отъ со-
става* (XXXI, 21). Такъ какъ Іовъ въ избыткѣ имѣлъ всѣ виды
добродѣтели, то поэтому онъ называется *непорочнымъ и пра-
веднымъ*.

Такъ Іовъ былъ праведнымъ, имѣя не часть добродѣтели, а всю человѣческую добродѣтель, цѣлую и всеобъемлющую, не такъ, что отъ одного худого дѣла воздерживался, а другое—дѣлалъ. Такъ и вѣсы мы называемъ правильными (δίκαιον), которые всегда оказываются одинаковыми, не такіе, на которыхъ золото можно свѣсить правильно, а свинецъ—иначе, но такіе, которые при взвѣшиваніи всѣхъ веществъ сохраняютъ одинаковость и всегда равную мѣру. Такъ и праведный Іовъ всегда былъ одинаковъ, не только при богатствѣ сохранялъ это равенство, но и при всѣхъ другихъ обстоятельствахъ, нигдѣ не выходя за предѣлъ. Не можетъ кто-либо сказать, что въ денежныхъ дѣлахъ онъ любилъ равномѣрность, а въ обращеніи съ людьми нару-

---

[1]) Δίκαιος οὗτος ζωῇ ζήσεται, безъ ἐστιν послѣ первыхъ двухъ словъ, какъ послѣднее читается въ древнихъ греч. спискахъ, съ которыми согласуется Слав. В.

[2]) Обычное чтеніе этого мѣста у 70-ти: ἡ δὲ θύρα μου παντὶ ἐλθόντι ἀνέῳκτο. Ἐι δὲ καὶ εἴασα ἀδύνατον ἐξελθεῖν θύραν μου κόλπῳ κενῷ=*дверь же моя всякому приходящему*.

[3]) Здѣсь въ Патрологіи читается; καὶ συνέτριψα μύλας ὀδόντων вмѣсто обычнаго греческаго чтенія: συνέτριψα δὲ μύλας ἀδίκων = *сотрохъ же членовныя неправедныхъ*.

шалъ ее, будучи надменнымъ и презрительнымъ; и этого, происходящаго отъ большого богатства, онъ избѣгалъ, по его словамъ: *аще же презрѣхъ судъ раба моего или рабыни, прящимся имъ предо мною*, или *не якоже азъ бѣхъ во чревѣ*[1]), *и тіи быша* (xxxi, 13, 15). Надменность и презрительность составляетъ, конечно, большую несправедливость. Какъ корыстолюбивымъ называемъ того, кто хочетъ присвоить себѣ чужое и не довольствуется своимъ собственнымъ, такъ говоримъ и о надменномъ, когда онъ требуетъ отъ ближняго большаго, чѣмъ сколько слѣдуетъ, когда онъ присвояетъ себѣ всю честь, а другого хочетъ лишить ея, и это не отъ иного чего происходитъ, какъ отъ несправедливости. А что это несправедливость, (видно изъ того), что Богъ сотворилъ одну для всѣхъ природу, что далъ ближнему всѣ общія и равныя свойства; какъ же ты исключаешь и лишаешь чести, какую далъ Богъ? Не допуская его соучастія, а присвояя все себѣ, не дѣлаешь ли его бѣднымъ не по имуществу, а въ чести? Обоимъ Богъ далъ одно существо и преимущество по природѣ, такъ какъ слова: *сотворимъ человѣка* относятся ко всему (человѣческому) роду. Какъ изгоняешь его изъ отеческаго наслѣдія, повергая въ крайнюю нищету и присвояя себѣ общее достояніе? Но блаженный Іовъ не былъ такимъ, по-
517 чему и говорилъ: я не презиралъ суда (или: правъ) раба или рабыни. Поэтому и писатель, называя его праведнымъ, представляетъ его имѣющимъ не частичную праведность—въ торговыхъ или судебныхъ дѣлахъ, а общую добродѣтель, подобно тому, о которомъ сказано: *праведнику законъ не лежитъ* (1 Тим. i, 9). А прибавляетъ, что и *благочестивъ*, для того, чтобы показать, что какъ въ отношеніяхъ къ людямъ, такъ и въ отношеніи къ Богу онъ былъ совершененъ,—потому что справедливость относится къ людямъ, а благочестіе—къ Богу. Смотри, какъ добродѣтели слѣдуютъ одна за другою и подкрѣпляютъ другъ друга: добрая жизнь располагаетъ къ познанію Бога, а богопознаніе служитъ охраной жизни. Отсюда и Іовъ, поелику былъ праведнымъ, былъ вмѣстѣ съ тѣмъ и благочестивымъ; такъ какъ онъ всегда имѣлъ предъ глазами Бога, поэтому онъ надлежащимъ образомъ стремился къ тому, что совершенно справедливо, что хорошо само по себѣ, а не почему-либо другому. А праведнымъ быть нельзя, не ставши напередъ непорочнымъ. Поэтому на первомъ мѣстѣ поставлено: *человѣкъ истиненъ*, не имѣющій только образъ и видъ благочестія, а истинно и дѣйствительно стяжавшій эту добро-

[1]) Ἐν γαστρί не читается въ текстѣ Патрологіи по очевидной неисправности списка или изданія.

дѣтель и въ ней наставленный. За этимъ слѣдуетъ *непороченъ*, потому что дѣйствительно добродѣтельный хранитъ себя и отъ малыхъ, повидимому, грѣховъ. А далѣе слѣдуетъ носящій свое названіе отъ совершенной справедливости—*праведный*, совершенный во всѣхъ видахъ добродѣтели. Далѣе идетъ—*благочестивый*, славнѣйшій послѣ тѣхъ, украшенный вмѣстѣ и добрыми дѣлами и правильными догматами. Къ этому присоединяется: *удаляяйся отъ всякія лукавыя вещи*, что само по себѣ означаетъ всякое совершенство, такъ какъ не сказано, что отъ однихъ худыхъ дѣлъ удалялся, а отъ другихъ—не удалялся, или—что стоялъ выше многаго, а немногому подпадалъ, а сказано, что онъ не хотѣлъ касаться ничего худого.

Не достаточно того, чтобы только воздерживаться отъ худого, но необходимо присоединять и дѣланіе добра, потому что не только дѣланіе зла, но и недѣланіе добра, какъ извѣстно, заслуживаетъ наказанія, такъ какъ и тѣ, которые не накормили голоднаго, не оказали милосердія, предаются за это вѣчному наказанію. Изъ этого мы узнаемъ, что удаленіе отъ зла не служитъ для насъ началомъ спасенія, если не присоединяется стяжаніе добра и исполненіе добродѣтели. А ты вмѣстѣ со мной посмотри на то, какъ въ немногомъ законѣ божественнаго Духа заключилъ похвалу этому мужу, назвавши Іова *истиннымъ* по творенію (κατὰ τὴν δημιουργίαν), описывая какъ бы отечество и предковъ, *непорочнымъ* по дѣятельности, *праведнымъ* по законности, по общенію съ бывшими у него и еще по правильности постановляемыхъ судебныхъ рѣшеній, а самое главное — *благочестивымъ* по вѣрѣ и отвращенію отъ идоловъ, *удаляющимся отъ всякаго лукаваго дѣла* по рѣшительному удаленію отъ худого. Говоря
короче, онъ не сдѣлалъ ничего, заслуживающаго порицанія, а 52
и въ отношеніи къ людямъ соблюдалъ справедливость, и служеніе Богу совершалъ въ чистотѣ, все дѣлая по Богу и дѣйствительно почитая Божество.

Быша же ему сынове седмь и дщери три (ст. 2).

Прежде указалъ добродѣтель, а потомъ—то, что дано Богомъ. Отъ добродѣтели въ древности происходило благочадіе, говорю, и многочадіе: *не будетъ*, сказано, *безчаденъ, ниже неплоды на земли твоей* (Исх. XXIII, 26). Авраамъ же былъ безчаденъ, чтобы ты зналъ, что не это только награда за добродѣтель, но есть и другая; снисходя однако (Господь) обѣщалъ и ту (награду).

Изъ этого выводимъ, что бракъ не служитъ препятствіемъ къ добродѣтели,—для Іова развѣ служилъ онъ препятствіемъ? На самомъ дѣлѣ этотъ союзъ не мѣшалъ праведнику идти прямымъ путемъ, почему на это напрасно указываютъ нѣкоторые.

И бяху скоти его, овецъ седмь тысящъ, вельблюдовъ три тысящы, супругъ воловъ пятьсотъ, и ослицъ пасомыхъ пятьсотъ, и слугъ много зѣло, и дѣла велія бяху ему на земли (ст. 3).

Посмотри при этомъ на богатаго поселянина: (писатель) перечислилъ не прибыли и доходы, и не дома съ золотою крышею, изъ чего безъ затрудненія открывалось бы, что онъ можетъ и благотворить, а перечислилъ овецъ и воловъ и то, что получается въ извѣстное время года (отъ стадъ) и земледѣлія, изъ чего помогалъ нуждающимся. Какъ я сказалъ, Писаніе представляетъ намъ хозяина, не хвастающагося дорогимъ матеріаломъ, а довольнаго тѣмъ, что удовлетворяло нужду. Оно упоминаетъ не о коняхъ и украшенныхъ золотомъ колесницахъ, или запасахъ серебра и золота, не о драгоцѣнныхъ камняхъ и другихъ предметахъ, воспламеняющихъ болѣзненную страсть къ богатству, а о томъ, что менѣе всего выходитъ за предѣлы необходимаго. Имѣя дѣтей, онъ оставался неуязвленнымъ со стороны богатства, полагая достатокъ и избытокъ въ томъ, чтобы не имѣть желаній, и—честь въ томъ, чтобы не раболѣпствовать страстямъ. Такъ какъ слова: *и слугъ много зѣло* отмѣчены овеломъ [1]), то нужно знать, что отмѣченное овеломъ въ еврейскомъ текстѣ не находится, а прибавлено только у 70-ти для ясности. Давать духовный смыслъ перечисленію животныхъ различнаго рода излишне и похоже на толкованіе сновъ.

И бѣ человѣкъ оный благороднѣйшій сущихъ отъ востокъ солнца (ст. 3).

А Симмахъ перевелъ: „величайшій изъ восточныхъ"; всѣхъ, говоритъ, славнѣйшій и знаменитѣйшій, который могъ назвать извѣстныхъ и славныхъ предковъ; но ничто изъ этого не привело его къ высокомѣрію.

521 *Сходящеся же сынове его другъ ко другу, творяху пиръ на кійждо день, споемлюще вкупѣ и три сестры своя, ясти и пити съ ними* (ст. 4).

Будучи единодушны въ добродѣтели, они и въ чувственномъ были чужды раздоровъ, посѣщая другъ друга, не (ходя) дальше и не смѣшиваясь съ другими; брали и сестеръ, свидѣтельницъ цѣломудрія; они не приглашали другихъ какихъ-либо

---

[1]) Овеломъ называется знакъ въ видѣ горизонтальной черты, которой у Оригена отмѣчались мѣста ветхозавѣтныхъ книгъ, нѐ читаемыя въ еврейскомъ текстѣ. Указанныя Златоустомъ слова читаются въ еврейск. текстѣ, а не находятся въ немъ слѣдующія за ними слова: καὶ ἔργα μεγάλα ἦν αὐτῷ ἐπὶ τῆς γῆς— *и дѣла велія бяху ему на земли;* послѣднія читаются только въ спискахъ перевода 70-ти.

женщинъ на угощеніе и обѣды, а сестеръ, что служитъ яснымъ знакомъ цѣломудрія и пристойности. Но это единомысліе и согласіе ихъ, при необычайныхъ козняхъ противъ нихъ, діаволъ сдѣлалъ средствомъ къ тому, чтобы погубить всѣхъ ихъ вмѣстѣ въ домѣ старшаго брата.

И егда скончавашася дніе пира, посылаше Іовъ и очищаше ихъ возстая заутра (ст. 5).

Смотри очищеніе не Моисеево, а апостольское: молитвами онъ очищалъ ихъ мысль, а не тѣло. Нѣкоторые говорятъ, что въ древности были священники нерукоположенные (ἀχειροτόνητοι), подобно Мельхиседеку. На это указываетъ *посылаше.*

И бысть яко день сей, и се пріидоша ангели Божіи предстати предъ Господомъ: и діаволъ пріиде съ ними (ст. 6).

Богъ, невидимый всей созданной твари, не имѣющій количества и величины, всюду присутствующій и надъ всѣмъ надзирающій, все обнимающій, такъ что нѣтъ мѣста внѣ Его владычества, открываетъ Себя каждому соотвѣтственно: святымъ ангеламъ, какъ святымъ, посылая (имъ) неизреченныя повелѣнія, а злому (духу), какъ злому, давая согласіе на испытаніе людей. Діаволъ ничего не можетъ дѣлать, если чего не попуститъ Богъ, и не находится онъ въ вышенебесныхъ пространствахъ — да не будетъ—откуда онъ низвергнутъ: *како*, говорится, *спаде съ небесе денница восходящая заутра* (Иса. XIV, 12). А говорится, что онъ предсталъ вмѣстѣ съ ангелами, какъ и самъ бывающій въ мѣстахъ владычества Божія и ожидающій получить порученіе или позволеніе произвести испытаніе надъ людьми, не потому, что этимъ онъ хочетъ совершить какую-либо службу Богу, а потому что за отступничество и злобу ниспалъ въ такое состояніе и свирѣпствуетъ противъ насъ. Управляющій хорошо нашею жизнію попускаетъ подвергать насъ испытаніямъ, какія мы можемъ перенести. Писаніе выразило это самое, для нашего пониманія. образно. Слова: *бысть яко день сей* значатъ: наступилъ день, въ который открылось зрѣлище и борецъ выступилъ на состязаніе. Поелику святые ангелы заботятся и защищаютъ насъ, а діаволъ противодѣйствуетъ нашему спасенію, и по одному и тому же дѣлу, т. е., за человѣка, борются между собою, то поэтому и сказано, что они предстали вмѣстѣ (въ присутствіе) Бога, надзирающаго надъ совершающимся. Мы побѣждаемъ или бываемъ побѣждаемы, 524
не вслѣдствіе силы противниковъ или слабости помощниковъ, а по нашей волѣ. Когда тѣ и другіе склоняютъ на свою сторону, святые ангелы къ добру, а преступные демоны—къ злу, наша воля, почтенная свободою, избираетъ то, чего хочетъ, потому что ни Богъ, почтившій насъ свободою не принуждаетъ, ни діаволъ

не имѣетъ надъ нами принудительной силы; по своему рѣшенію мы или поступаемъ хорошо или грѣшимъ, склоняясь на сторону ангеловъ или демоновъ.

И рече Господь діаволу: откуду пришелъ еси (ст. 7)?

Какъ же при ангельскомъ служеніи присутствуетъ діаволъ и среди святыхъ духовъ говоритъ нечистый? Ни ангелы не предстояли Богу тѣлесно, ни сатана; а всякое исполненіе дѣла называется предстояніемъ. Какъ Божіе твореніе, и діаволъ получаетъ повелѣніе дѣлать то, что надлежитъ. Если онъ и оказалъ неповиновеніе (божественной) волѣ, то остается подъ игомъ рабства; какъ палачу, ему повелѣвается привести въ исполненіе приговоръ. Какъ и у насъ начальники, когда зовутъ кого-либо въ судъ съ почтеніемъ, посылаютъ уважаемыхъ людей, а когда привлекаютъ съ безчестьемъ, посылаютъ суровыхъ солдатъ, такъ и Богъ къ святымъ посылаетъ ангеловъ, служащихъ спасенію, а когда хочетъ наказать, поручаетъ это злотворнымъ силамъ. Поэтому и Павелъ бывшаго въ Коринѳѣ беззаконника предаетъ *сатанѣ во изможденіе плоти* (1 Кор. v, 5), и другихъ также (ст. 11), чтобы не служили соблазномъ.

И отвѣщавъ діаволъ Господеви рече: обшедъ землю и прошедъ поднебесную, се есмь (ст. 7).

Излагая рѣчь въ видѣ вопроса и отвѣта, Писаніе лучше выразило истину и устраняетъ всякую отговорку безстыдныхъ. Въ повѣствованіи, что діаволъ сказалъ Богу, (разумѣется) не то, что сказалъ, а подумалъ, потому что у него нѣтъ такой смѣлости. Слова, что онъ всюду ходитъ, служатъ прежде всего указателемъ того, что онъ не имѣетъ постояннаго мѣстопребыванія, а всюду блуждая носится, ведя войну со всѣми людьми. Потомъ мы узнаемъ, что вселенная наполнена и демонами и ангелами, что тѣ и другіе находятся во власти Божіей и что ангелы приходятъ къ Богу, чтобы получить повелѣніе, а діаволъ не можетъ ничего сдѣлать по своему желанію, не получивъ позволенія свыше. Если онъ отказался повиноваться и не совершаетъ служенія Богу, то страхъ лежитъ на немъ, какъ узда, и не позволяетъ пользоваться собственною властью. Но смотри, тѣ при-
525 ходятъ, какъ слуги, донося о совершающемся, а этотъ не имѣетъ что сказать. Такимъ образомъ небо недоступно этому злому духу и въ одно и то же время онъ не находится всюду, а чрезъ извѣстное время. *Поднебесную*, говоритъ, указывая и на пустыню, и на то, что находится подъ небомъ, на воздушное пространство. Онъ обходитъ и мѣста необитаемыя, по нѣкоторому, можетъ быть, устроенію Божію, чтобы не всегда вредить нашему роду.

И рече ему Господь: внялъ ли еси мыслію твоею на раба моего Іова (ст. 8)?

Изъ этого узнаемъ, что Богъ хотѣлъ испытать Іова, какъ кто-либо, имѣющій отважнаго борца. Поэтому спрашиваетъ діавола, чтобы дать поводъ къ борьбѣ; самъ не хотѣлъ дать этого повода, чтобы не показаться честолюбивымъ. Смотри, какъ постепенно раскрывается образъ разговора: не видно, что возвѣщеніе Онъ дѣлаетъ посредствомъ словъ, а что *внялъ ли еси мыслію твоею*; эту мысль повѣствованіе передаетъ, какъ голосъ. Такъ Богъ попустилъ діаволу знать и безъ посредства голоса, что отъ Него не укрылась злая воля и дѣло; и когда говоритъ ему: *откуда пришелъ еси*, то не потому, что желаетъ знать мѣсто пребыванія злого духа (какъ [могъ спрашивать объ этомъ] Тотъ, кто имѣетъ настоящее знаніе обо всемъ?), а потому, что (Писаніе) имѣетъ обычай излагать многое въ видѣ вопросовъ. Такъ и въ Евангеліяхъ, когда говорится о Клеопѣ, Господь дѣлаетъ вопросъ: *что суть словеса сія, о нихъ же стязаетася къ себѣ* (Лук. xxiv, 17)? Кто осмѣлится сказать, что *создавый наединѣ сердца* (Пс. xxxii, 15) наши, имѣетъ нужду спрашивать? Таковы же слова: *колико хлѣбы имате* (Мѳ. xv, 34)? И въ другомъ мѣстѣ, удостовѣряя Свое воскресеніе, сказалъ: *имате ли что снѣдно здѣ* (Лук. xxiv, 41)? А также спрашивалъ о Лазарѣ: *гдѣ положисте его* (Іоан. xi, 34)? Тотъ (спрашивалъ), который, предупреждая извѣстіе, напередъ сказалъ объ его смерти. Такимъ же образомъ и здѣсь, говоря діаволу: *откуду пришелъ еси?* и: *внялъ ли еси на раба Моего?* произноситъ не слова незнанія и не по желанію знать мѣстопребываніе врага, но его самого дѣлаетъ обличителемъ собственной жестокости. Злоба обыкновенно сама себѣ наноситъ раны.

Человѣкъ непороченъ, истиненъ, благочестивъ, удаляйся отъ всякія лукавыя вещи (ст. 8).

Какой вредъ отъ презрѣнія людей и всей вселенной, когда хвалитъ и прославляетъ Владыка ангеловъ? Равнымъ образомъ нѣтъ никакой пользы, когда Онъ не благословляетъ, хотя бы хвалили всѣ живущіе на землѣ и на морѣ. Поэтому будемъ стремиться къ тому, чтобы Онъ насъ прославилъ. Если это будетъ, мы всѣхъ выше, будемъ ли мы въ бѣдности, въ болѣзни, или постигнутъ наше тѣло другія бѣдствія. И блаженный Іовъ, когда 528
сидѣлъ на пометѣ, покрытъ былъ гнойными ранами, когда его тѣло кишѣло множествомъ червей, когда испытывалъ самыя тяжкія страданія, когда слуги плевали, когда друзья, враги, жена строили козни, когда впалъ въ бѣдность, терпѣлъ голодъ и пораженъ былъ неизлѣчимою болѣзнію, былъ блаженнѣйшимъ изъ всѣхъ. Какъ же это? Такъ, что Богъ его благословилъ, го-

воря: *человѣкъ праведенъ, непороченъ, истиненъ, благочестивъ*. Какъ же онъ могъ не превосходить всѣхъ людей на землѣ, когда словами: *непороченъ, человѣкъ истиненъ* (Господь) свидѣтельствуетъ объ немъ, что онъ имѣетъ несравненную добродѣтель, что безупречно хранитъ правду въ отношеніи къ людямъ и тщательно соблюдаетъ благочестіе въ отношеніи къ Богу? И діаволъ, смотря на эти его свойства, пришелъ въ немалое удивленіе. Но почему измѣняетъ здѣсь (писатель) порядокъ похвалъ? Можетъ быть, сдѣлалъ это ненамѣренно, а скорѣе—переставилъ похвалу по существу дѣла и по соотвѣтствію. Въ первомъ мѣстѣ сначала поставлено: „истиненъ всякъ человѣкъ“, по ученію о твореніи, а потомъ: *непороченъ*, по образу жизни. Здѣсь же, въ виду борьбы съ діаволомъ, слово: *непороченъ* поставлено прежде—*истиненъ*. А затѣмъ присоединяетъ къ *непороченъ* и *истиненъ*, чтобы показать и природу, соотвѣтствующую жизни, и волю, украшающую благородство природы.

И скоты его многи сотворилъ еси на земли (ст. 10).

Видишь, что богатство дано Богомъ, а не (пріобрѣтено) неправдою. Ты, говоритъ, *оградилъ еси, благословилъ еси, многи сотворилъ еси*. Сколько Іову нужно было положить труда на то, чтобы убѣдить людей, что богатство не нажито неправдой? Вотъ діаволъ, хотя и ненамѣренно, засвидѣтельствовалъ ему это!

Аще не въ лице Тя благословитъ (ст. 11) [1]).

Слова: *въ лице* значатъ: ясно, открыто, не боясь.

Тогда рече Господь діаволу: се вся, елика суть ему, даю въ руку твою, но самого да не коснешися (ст. 12).

Такъ Я увѣренъ въ моемъ борцѣ, что на твои слова: *посли руку твою*, Я говорю: *даю въ руку твою вся, елика суть ему*. Что ты говоришь? Какая надобность въ другомъ испытаніи послѣ твоего свидѣтельства? (Это сказано), говоритъ, для того, чтобы діаволу заградить уста, чтобы праведникъ явился еще въ большемъ блескѣ и чтобы послѣдующимъ оставить (примѣръ) терпѣнія и врачество въ скорби.

И бысть яко день сей (ст. 13).

520 Это говоритъ писатель для того, чтобы показать быстроту замысла; еще не было половины дня, какъ началась война.

И се вѣстникъ пріиде ко Іову (ст. 14).

Убійство соединено было съ утратою (имущества); это по-

---

[1]) Эти слова въ Патрологіи читаются: ἦ μὴν εἰς πρόσωπόν σε εὐλογήσει, что значитъ: „вѣрно ли въ лице Тебя благословитъ?“ Первое греческое слово въ древнихъ спискахъ читается обыкновенно: εἰ = „аще“. Славянскій переводъ этого мѣста болѣе соотвѣтствуетъ еврейскому тексту, въ которомъ оно начинается частицами: „имъ ло“ = *аще не*.

казываетъ жестокость враговъ; большая свирѣпость и безчеловѣчіе, двойное несчастіе, убійство и плѣнъ; спасеніе оставшагося служитъ увеличеніемъ несчастія.

Видишь, какова быстрота удара, какое новое и необычайное бѣдствіе: тотъ, кто жилъ въ изобиліи и не испыталъ ничего подобнаго, внезапно лишился всего, принадлежащаго ему; не такъ было, что одно истреблено, а другое оставлено въ утѣшеніе несчастныхъ; оставляется одинъ, который извѣщаетъ о несчастіи.

Еще сему глаголющу, пріиде инъ вѣстникъ, и рече ко Іову: огнь спаде съ небесе и пожже овцы и пастыри поядe подобне: спасохся же азъ единъ и пріидохъ возвѣстити тебѣ (ст. 16).

Пожалѣлъ нечистый (духъ), что худо объявилъ о первомъ (несчастіи); худо, говоритъ, я выстрѣлилъ, не направилъ въ цѣль: стрѣла уклонилась въ сторону, когда я сказалъ, что люди плѣнили воловъ и ословъ. Іовъ могъ подумать: люди поступили со мною несправедливо, какое же отношеніе имѣетъ это къ Богу? Неужели несправедливость людей я отнесу къ Богу? Одни обижаютъ, а другой будетъ подвергаться порицанію? Чтобы его мысль отъ людей направить къ Богу, онъ говоритъ: *огнь спаде съ небесе.* Акила и Ѳеодотіонъ говорятъ: „огонь Божій". Не можешь сказать, что враги бросили сверху, а порицай сдѣлавшаго обиду, произнеси хулу на ведущаго войну. Для чего служишь Ему? Для чего покланяешься погубившему твое имѣніе? Слыша о плѣнившихъ, не думай, что это человѣческіе удары. Свыше, съ неба, Богъ ведетъ съ тобою войну. Это ясно видно изъ того, что истребившій овецъ сошелъ съ неба. Смотри, какова сила діавола, какъ онъ приводилъ столько народовъ въ движеніе, выставляя даже демоновъ въ видѣ непріятелей; подумай вмѣстѣ со мной о легкости этого. Не считай огня дѣйствительнымъ (онъ не можетъ творить); онъ далъ такой видъ, что все сжегъ; а если это былъ дѣйствительный огонь, то взялъ изъ существующаго (въ природѣ) и привелъ въ движеніе, по допущенію Божію.

Еще сему глаголющу, инъ вѣстникъ пріиде, глаголя Іову: сыномъ твоимъ и дщеремъ твоимъ ядущымъ и піющымъ у брата своего старѣйшаго, внезапу вѣтръ великъ найде отъ пустыни, и коснеся четыремъ угломъ храмины, и паде храмина на дѣти твоя и скончашася: спасохся же азъ единъ и пріидохъ возвѣстити тебѣ (ст. 18—19).

И этотъ (домъ) у нихъ такъ потрясъ, что трудно было по- 532
томъ, при погребеніи, различить тѣло каждаго. Слова: *ядущымъ и піющымъ* прибавилъ, чтобы показать, что (это произошло) въ самое время веселья.

Когда произвелъ все испытаніе и, лишивъ имущества, пе

лишилъ добродѣтели, переходитъ потомъ къ естеству, срываетъ плодъ, чтобы опечалить отца. И смотри на извѣщеніе, какъ оно полно насмѣшки, соединено съ обманомъ и способно сокрушить благородную душу. *Вѣтръ великъ*, говоритъ, *найде отъ пустыни.* Опять клевещетъ на Судію, потому что вѣтеръ повинуется не людямъ, а Богу. И не сказалъ: *паде домъ* на находившихся въ немъ, а—*на дѣти твоя*, что могло возбудить скорбь; (сказалъ такъ для того) чтобы, услышавши о дѣтяхъ, почувствовалъ сожалѣніе, тронутъ былъ состраданіемъ и со слезами сказалъ: горе мнѣ; имѣвшій много дѣтей внезапно я сдѣлался бездѣтнымъ! Лучше было не имѣть, чѣмъ имѣть такъ, чтобы почувствовать, чего лишился. Прежній миръ, тишина и благоденствіе дѣлаютъ несчастіе особенно тяжелымъ. А слова: *спасохся же азъ единъ* при другихъ (изъ указанныхъ несчастій) могли быть, какъ бы то ни было, умѣстными, а здѣсь они увеличиваютъ страданіе, если, когда дѣти погибли, спасся одинъ этотъ, принесшій извѣстіе. Поэтому мнѣ думается, самъ діаволъ былъ вѣстникомъ этого; онъ, виновникъ бѣдствій, приходилъ въ разныхъ видахъ и выдумывалъ извѣщенія. Для того онъ не опускаетъ случая придти, злобно говоритъ и самыя тяжкія несчастія откладываетъ къ концу, чтобы, меньшимъ повредивши силу души, наступленіе болѣе тяжелаго сдѣлать нестерпимымъ. А что приносившій извѣстія не былъ однимъ изъ слугъ, видно изъ слѣдующаго: какимъ образомъ въ домѣ, охваченномъ съ четырехъ угловъ, уцѣлѣлъ одинъ? Какъ при каждомъ изъ несчастій оказывался избѣгавшимъ опасности одинъ, единственный, какъ будто для этого сохранявшійся? Онъ самъ былъ и производившимъ и объявлявшимъ о несчастіяхъ. Нѣтъ другого болѣе злого, поэтому онъ не поручилъ кому-либо совершеніе этихъ несчастныхъ дѣлъ. А несчастія разнообразитъ умудренный въ злобѣ, не предпринимая чего-либо не превышающаго мѣру, чтобы отдѣльными ударами колебать силу души. И какъ придвигающій къ стѣнамъ машины обманываетъ осажденнаго, различнаго рода предпріятіями лишая его безопасности, такъ и клеветникъ, при (своей) безпорядочности и нечестіи, въ нѣкоторомъ порядкѣ наводитъ на твердыню благочестія опасности.

Тако услышавъ [1]) *Іовъ, воставъ растерза ризы своя и остриже власы главы своея* (ст. 20).

533 Не удивляйся тому, что разорвалъ одежду и остригъ волосы, потому что онъ былъ отецъ и отецъ нѣжно любящій. Необходимо было проявить и состраданіе природы и разумное воз-

---

[1]) Слово: ἀκούσας, нечитаемое въ древнѣйшихъ греч. спискахъ, какъ и въ свр. т., но находящееся въ Славян. Б., здѣсь читается.

зрѣніе. Если бы онъ этого не сдѣлалъ, могъ бы кто-нибудь обвинить это воззрѣніе въ безчувственности. Поэтому онъ показываетъ и сердечное горе, и основательное любомудріе. Скорбь его не сокрушила.

Не думай, что этотъ поступокъ означаетъ пораженіе; (напротивъ) онъ особенно указываетъ на побѣду. Если бы онъ такъ не поступилъ, то кто-либо могъ сказать, что Богъ сдѣлалъ его безчувственнымъ при такихъ страданіяхъ. А теперь онъ показываетъ, что и скорбя онъ любомудрствуетъ; свою душу онъ вполнѣ основалъ на камнѣ. Пошелъ дождь,—*огнь*, говоритъ, *спаде съ небесе и пожже* все стадо,—потекли рѣки: частые, постоянные и слѣдовавшіе одни за другими вѣстники несчастій, одинъ, говорящій о гибели пастуховъ козъ, другой — верблюдовъ, третій—дѣтей; подули вѣтры; затѣмъ—злополучныя слова жены: *рцы*, говоритъ, *глаголъ нѣкій ко Господу, и умри*. Домъ палъ, но не поражена душа; праведникъ (не только) не богохульствовалъ, но и благодарилъ, хотя воюющимъ былъ діаволъ, злой, жестокій, никогда не примиряющійся съ человѣческой природой, а поднявшій непримиримую войну и при томъ тайную съ нашимъ родомъ; и не просто онъ проявилъ гнѣвъ, но двинулъ все свое искусство, всѣ лукавые способы. И все-таки онъ не сломилъ мужество праведника; благородный мужъ посмѣялся надъ его стрѣлами, мужественно выдержалъ жестокую войну, и это не при благодати, а прежде ветхаго завѣта и до благодати онъ показалъ, что причиною паденія служитъ не природа искушеній, а невниманіе нерадивыхъ; сильнаго же скорбь дѣлаетъ болѣе сильнымъ, такъ какъ *скорбь*, сказано, *терпѣніе содѣловаетъ* (Римл. v, 3). И какъ крѣпкія деревья устремляющійся на нихъ напоръ вѣтра, качающій во всѣ стороны, не вырываетъ, а дѣлаетъ еще болѣе крѣпкими посредствомъ такихъ напоровъ, такъ и сильную душу, живущую благочестиво, приражененія скорбей не сокрушаютъ, а пріучаютъ къ большему терпѣнію, и не могутъ вредить добродѣтели человѣка. А что такое добродѣтель человѣка? Не богатство, чтобы ты могъ бояться бѣдности; не здоровье, чтобы опасаться болѣзни; не общественное мнѣніе, чтобы страшиться худой славы; не просто жизнь, безъ цѣли, чтобы не бояться смерти, и не свобода, чтобы избѣгнуть рабства. Добродѣтель состоитъ въ сохраненіи истинныхъ догматовъ и правильности въ жизни. А этого и самъ діаволъ не можетъ отнять, если имѣющій это будетъ хранить съ надлежащей тщательностью; и это знаетъ тотъ злѣйшій и жестокій демонъ. Поэтому и лишилъ онъ Іова имущества не 536
для того, чтобы сдѣлать его бѣднымъ, а чтобы понудить его сказать богохульное слово, и тѣло поразилъ не для того, чтобы сдѣ-

лать больнымъ, а чтобы уничтожить добродѣтель души. Онъ двинулъ всѣ придуманныя имъ средства: изъ богача сдѣлалъ бѣдняка, а что особенно представляется страшнымъ, — имѣвшаго много дѣтей сдѣлалъ бездѣтнымъ, и все тѣло его изранилъ болѣе жестоко, чѣмъ палачи при судилищахъ (ихъ крючья не такъ разрываютъ бока пытаемыхъ, какъ изранили его тѣло черви), и распространилъ объ немъ худую молву (бывшіе у него друзья говорили: „не достаточно ты наказанъ за свои грѣхи" (οὐκ ἀξία ὧν ἥμαρτες μεμαστίγωσαι) [1]) и много говорили въ его обличеніе), и не только извергъ его изъ города, но даже изъ дома, и перевелъ его въ другое мѣсто, сдѣлавши кучу помета его домомъ и городомъ. При всемъ этомъ онъ не только не повредилъ ему, но и сдѣлалъ его славнѣйшимъ черезъ то, что онъ умышлялъ противъ него. Хотя и отнялъ у него столько, не только не лишилъ его какого-либо изъ дѣйствительныхъ (благъ), но и умножилъ богатство добродѣтели: послѣ этого онъ пользовался большимъ дерзновеніемъ, какъ ведшій сильнѣйшую борьбу. Если столько пострадавшій, при томъ—не отъ человѣка, а отъ злѣйшаго людей демона, не былъ обиженъ, то какое тогда оправданіе будетъ имѣть кто-либо, говорящій, что такой-то страшно меня обидѣлъ и повредилъ? Если діаволъ, исполненный такой злобы, дѣйствовавшій всѣми орудіями, выпустившій всѣ стрѣлы, изливщій въ необычайномъ множествѣ на домъ праведника и на его тѣло постигающія людей бѣдствія, не повредилъ праведнику, принесъ скорѣе, какъ я сказалъ, даже пользу, то какъ нѣкоторые могутъ жаловаться на того и другого, какъ терпящіе обиды отъ нихъ, а не отъ себя? Какъ отъ себя, скажешь, когда кто-либо, потерпѣвъ отъ другого побои, или будучи лишенъ имъ имущества, или подвергшись другой какой-либо тяжкой несправедливости, произнесетъ обидное слово? Да, онъ потерпѣлъ вредъ, но не отъ того, кто нанесъ обиду, а отъ собственнаго малодушія. Никакой человѣкъ, какъ бы ни былъ золъ, не можетъ причинить болѣе сильнаго несчастія, чѣмъ этотъ мстительный демонъ, непрерывно ведущій съ нами войну діаволъ. И, однако, этотъ свирѣпый демонъ, направившій противъ жившаго до закона и до благодати (праведника) столько стрѣлъ, окружившій его отовсюду несчастіями, не въ силахъ былъ довести его до паденія.

Въ настоящее время у насъ многіе изъ находящихся въ пе-
137 чали отращиваютъ волосы, а онъ (Іовъ) остригъ. Почему? Печа-

[1]) Вмѣсто этого въ древнихъ спискахъ перевода 70-ти читается: καὶ οὐκ ἀξίως ἤτασέν με ὧν ἥμαρτον = *и не по достоинству истязи мя, о нихъ же согрѣшихъ.*

лящемуся было свойственно заботиться о томъ, чтобы своей наружности дать видъ противоположный прежнему. Тамъ, гдѣ чтутся волосы, стриженіе ихъ служитъ знакомъ печали. Разорвалъ же одежды, показывая чрезъ это внѣшнимъ своимъ видомъ горе о (постигшемъ) несчастіи; а на самомъ дѣлѣ онъ снималъ платье для борьбы, приготовляя себя къ послѣдней, чтобы схватиться съ противникомъ, подобно обнаженному атлету.

И падъ на землю поклонися Господеви (τῷ Κυρίῳ) [1]) *и рече: самъ нагъ изыдохъ отъ чрева матере моея, нагъ и отъиду тамо* (ст. 20—21).

Этотъ Іовъ ослѣпилъ глаза діавола, терпя удары, а не нанося ихъ; онъ истощилъ весь его колчанъ, постоянно служа предметомъ его стрѣлъ, перенесши всѣ виды искушенія и каждый въ отдѣльности съ полнымъ успѣхомъ. Къ тому, что въ жизни кажется печальнымъ и бываетъ такимъ, принадлежатъ особенно: бѣдность, болѣзнь, потеря дѣтей, возстаніе враговъ, нечестность друзей, голодъ, непрерывныя тѣлесныя болѣзни, поношеніе, клевета и худая молва. Все это обрушилось на одно тѣло, разразилось надъ одной душой и, что особенно тяжко, постигло того, кто не былъ приготовленъ къ этому. Говоря это, разумѣю слѣдующее. Кто родился отъ бѣдныхъ родителей и воспитанъ въ такомъ домѣ, тотъ, какъ пріученный опытомъ жизни, легко можетъ переносить тяжесть бѣдности; а кто живетъ въ обиліи и пользуется такимъ богатствомъ, а затѣмъ неожиданно впадаетъ въ противоположное состояніе, не легко можетъ переносить такую перемѣну. Какъ внезапно происшедшая, она для неприготовленнаго оказывается слишкомъ тяжелою. Опять, человѣкъ незнатный, родившійся отъ незнатныхъ родителей, жившій въ постоянномъ презрѣніи, не очень будетъ возмущаться, подвергаясь поношеніямъ и оскорбленіямъ. А если тотъ, кто пользовался такой славой, всѣми былъ высоко почитаемъ, кто былъ на устахъ у всѣхъ, имя котораго всюду гремѣло, впадалъ въ безславіе и низкое состояніе, то онъ долженъ былъ выстрадать то же самое, что—богачъ, внезапно сдѣлавшійся нищимъ. Опять, для лишившагося дѣтей не въ одно и то же время, хотя бы онъ всѣхъ лишился, остающіеся служатъ утѣшеніемъ въ постигшей его утратѣ; когда скорбь о смерти перваго ослабѣетъ, бывающая черезъ нѣкоторое время смерть второго причиняетъ не столь сильное горе, потому что онъ получаетъ не новую рану, а уже закрывшуюся и изгладившуюся, что немало ослабляетъ

[1]) Слово: τῷ Κυρίῳ читается здѣсь согласно съ Синайскимъ и Александр. списк., въ древн. Ватикан. сп. оно отсутствуетъ.

скорбь. А онъ увидѣлъ весь свой сонмъ похищеннымъ въ одинъ моментъ, при томъ самымъ тяжелымъ родомъ смерти, потому что смерть была насильственная и преждевременная; и время, и мѣсто не мало усиливали скорбь, потому что это произошло во время пиршества, въ домѣ, который открытъ былъ странникамъ; этотъ домъ сдѣлался для нихъ гробомъ. И то весьма удивительно, что все это произошло вмѣстѣ, что удвояетъ и утрояетъ несчастіе:
540 когда борющійся не имѣетъ отдыха при помощи остановки, то отъ непрерывности нападенія увеличивается страхъ и происходитъ большее смятеніе. Это было съ нимъ (Іовомъ), потому что за гибелью и сожженіемъ овецъ слѣдовало похищеніе воловъ, за этимъ—отнятіе ословъ, за послѣднимъ—плѣненіе верблюдовъ и избіеніе рабовъ, а затѣмъ—потеря дѣтей, этотъ страшный и новый видъ, этотъ ужасный гробъ, онъ же вмѣстѣ и смерть, и гробъ; и столъ, покрытый прежде яствами, сдѣлался мѣстомъ для пораженныхъ тѣлъ; чаши и сосуды съ виномъ наполнились кровью и разбитыми членами. Представь огромность несчастія, это новое кораблекрушеніе, странную и необычайную трагедію.

Иной потерялъ, можетъ быть, одного сына, или второго, или третьяго, а онъ—столькихъ сыновей и столькихъ дочерей, и изъ многочаднаго внезапно сталъ безчаднымъ. И не по немногу взяты у него дѣти, а вдругъ сорванъ былъ весь плодъ, и не по общему закону природы, не по достиженіи старости, а преждевременною и насильственною смертью, всѣ вмѣстѣ, въ его отсутствіе, когда онъ не сидѣлъ около нихъ, чтобы, хотя услышавъ ихъ послѣднія слова, имѣть нѣкоторое утѣшеніе въ такой горькой смерти. Вопреки всякому ожиданію, когда онъ ничего не зналъ о случившемся, они вдругъ всѣ были задавлены и домъ сдѣлался для нихъ гробомъ и западней. И не только преждевременная смерть, но и многія другія были здѣсь печальныя обстоятельства, состоявшія въ томъ, что всѣ были въ цвѣтущемъ возрастѣ, всѣ добродѣтельны, дружны, всѣ были вмѣстѣ, того и другого пола, что ни одного не осталось, что (умерли) не по обычному закону природы, что послѣ такой потери онъ подвергся такому страданію не зная ни за собой, ни за ними худого. Каждое изъ этихъ обстоятельствъ, само по себѣ, достаточно для того, чтобы привести въ смущеніе; а когда они встрѣчаются вмѣстѣ, представь себѣ вышину волнъ и необычайность бури. И, не смотря на это, онъ не сказалъ ничего такого, что обыкновенно говорятъ нѣкоторые изъ болѣе слабыхъ: для этого развѣ я воспитывалъ дѣтей и съ полнымъ стараніемъ наставлялъ? Развѣ открывалъ домъ свой для мимоидущихъ для того, чтобы получить такую награду послѣ тѣхъ многихъ хлопотъ о нуждающихся, не имѣю-

щихъ одежды и бѣдныхъ? Вмѣсто этого, услышавъ о несчастіи съ дѣтьми, онъ произнесъ то, что лучше всякой жертвы, что покрываетъ эту святую голову лучше чѣмъ тысячи вѣнцевъ, что прославляетъ болѣе множества трубъ. Онъ именно сказалъ: *самъ нагъ изыдохъ отъ чрева матере моея, нагъ и отъиду.* Не мое это было; немного спустя я долженъ этого лишиться: *ничто же бо внесохомъ въ міръ сей, явѣ, яко ниже изнести что можемъ* (1 Тим. vi, 7). И прежде, чѣмъ произнесъ эти слова, павъ на землю, по- 541
кланяется. Хотя подвергся такимъ страданіямъ, онъ не утратилъ благочестія въ отношеніи къ Богу, но, павъ ницъ, опровергъ сказавшаго: *аще не въ лице Тя благословитъ* [1]). Онъ показалъ свойство своей природы, но показалъ и благоговѣніе; мудро выразивъ состраданіе къ дѣтямъ, онъ твердостью предваряетъ страданіе: онъ не проливаетъ слезъ, а произноситъ эти божественныя слова: *нагъ,* говоритъ, *изыдохъ изъ чрева матере моея, нагъ и отъиду тамо.* О какомъ упоминаетъ онъ чревѣ? Не называетъ ли онъ чревомъ перваго творенія, творенія прародителя, при которомъ созданъ изъ земли человѣкъ голый, свободный отъ всякаго зла? При этомъ получается такой смыслъ: голый созданъ я изъ земли, по божественной благодати, не имѣя ничего излишняго и какъ бы чуждый вещественности, поэтому *нагъ и отъиду тамо.* Гдѣ? Ясно, что разумѣется мѣсто, свободное отъ печали. Если будешь находить здѣсь смыслъ, который дается какъ будто на первый взглядъ, и признаешь, что вышедшій изъ матерней утробы, опять возвратится въ нее, то не сохранится ни сообразности смысла, ни гармоніи слова. Кто изъ здравомыслящихъ захочетъ такимъ пониманіемъ сдѣлать насиліе природѣ, возвращая въ утробу матери вышедшаго изъ нея, губя каждаго другъ черезъ друга, однимъ баснословнымъ толкованіемъ совершая двойное убійство? И Никодимъ, слыша о водѣ возрожденія: *аще кто не родится свыше* (Іоан. III, 3), отвѣтилъ чувственно и низменно: онъ, вращаясь мыслями на землѣ и не думая ни о чемъ высокомъ, полагалъ, что слышитъ о тѣлесномъ рожденіи.

Господь даде, Господь отъятъ: яко Господеви изволися, тако бысть: буди имя Господне благословено (ст. 21).

Іовъ скорбѣлъ такъ, какъ свойственно чадолюбивому отцу, весьма заботившемуся и объ умершихъ. Онъ не сказалъ, подобно многимъ: лучше было не дѣлать опыта и не носить имени отца, чѣмъ лишиться послѣ испытаннаго удовольствія. Но и за то, что получилъ, онъ благодарилъ, и за то, чего не сохранилъ до конца, прославлялъ. Не сказалъ, что было бы лучше для меня

---

[1]) Греческій переводъ этихъ словъ читается такъ же, какъ и выше.

не получать этого, что это не разумно; но и за то онъ благодарилъ, говоря: *Господь даде*, — и за это благословлялъ словами: *Господь отъятъ, буди имя Господне благословено.* Такъ онъ обуздалъ и свою жену, препираясь съ ней и произнесши эти чудныя слова: *аще благая пріяхомъ отъ руки Господней, злыхъ ли не стерпимъ* (II, 10)? Всякій другой человѣкъ, зная за собой много худого, видитъ причину постигающихъ его бѣдствій, что служитъ
544 не малымъ успокоеніемъ. А онъ не могъ думать и того, что несетъ наказаніе за грѣхи, что особенно смущало его разумъ. Когда онъ смотрѣлъ на свою жизнь, на совѣсть, которая была свѣтлѣе солнца, на множество подвиговъ, то видѣлъ, что достоинъ вѣнцевъ, наградъ и безчисленныхъ трофеевъ. А когда обращался къ тому, что произошло, то видя, что онъ терпитъ болѣе тяжкія страданія, чѣмъ сдѣлавшіе великія злодѣянія, не находилъ причины, по которой онъ такъ страдаетъ. Поэтому, не находя причины постигшаго несчастія, онъ прибѣгаетъ къ сокровенному промышленію Божію и, относя къ Его соизволенію происшедшее, сказалъ: *яко Господеви изволися, тако бысть.* Не думаю, что нужно изслѣдовать божественное намѣреніе. *Буди имя Господне благословено.* Не произнесу о Богѣ ничего не соотвѣтствующаго; считаю достойнымъ хвалы, какъ за то, что далъ тогда въ началѣ, такъ и за то, что теперь рѣшилъ отнять. Такими словами праведникъ поразилъ діавола. Достойно же удивленія то, что, приписывая Богу свои лишенія, онъ благодаритъ и не ослабѣваетъ. Такъ поступай и ты и представляй въ своемъ умѣ, что взялъ (у тебя) не человѣкъ, а Богъ, особенно пекущійся о тебѣ, знающій, что (тебѣ) полезно, не врагъ, не злоумышляющій. Оказывай помощь умершимъ, совершая о нихъ память, потому что если дѣтей Іова очищала жертва отца, то что сомнѣваешься въ томъ, что и наши молитвы за умершихъ приносятъ имъ нѣкоторое утѣшеніе? Богъ обыкновенно оказываетъ милость однимъ за другихъ. Будемъ помогать по возможности, потому что вся тварь слѣдуетъ Творцу. Поэтому, сообразно съ тѣмъ, что полезно, Онъ каждому даетъ и отнимаетъ, упражняя насъ вмѣстѣ въ благодарности и терпѣніи. А благодарность за полученное служитъ причиной второго благодѣянія.

Во всѣхъ сихъ приключившихся ему ничтоже согрѣши Іовъ устнома (τοῖς χείλεσιν) [1]) *предъ Господомъ, и не* (καὶ οὐκ) *даде безумія Богу* (ст. 22).

Какъ мы на иконахъ, когда напишемъ чье-либо изображе-

[1]) Τοῖς χείλεσιν или (см. далѣе): οὐδὲ ἐν τοῖς χείλεσιν читается у Златоуста согласно съ Александрійскимъ спискомъ, вопреки древ. Ватикан. сп. и еврейскому тексту, гдѣ отсутствуютъ эти слова.

ніе, внизу, на нижнемъ краѣ, подписываемъ: „такой-то посвятилъ“, такъ и здѣсь писатель книги, начертавшій словами образъ души праведнаго, какъ бы дѣлая подпись внизу изображенія, говоритъ, что *во всѣхъ сихъ не согрѣши Іовъ устнама предъ Господемъ.* Не думай, что онъ умолчалъ только предъ людьми, а не передъ Богомъ; не согрѣшилъ онъ и въ мысли. Что же значитъ: *ниже устнама* (οὐδὲ ἐν τοῖς χείλεσιν)? Часто мы, подавляемые страданіемъ, произносимъ слово, котораго разумъ не одобряетъ и которое срывается съ языка вслѣдствіе упадка духа. А онъ не сдѣлалъ и этого: и мысль его была чужда богохульства, и языкъ былъ чистъ отъ худыхъ словъ. *И не даде безумія Богу,* то есть, не призналъ несправедливымъ того, что произошло; не сказалъ, подобно многимъ: „дѣла совершаются попросту, какъ случится“, 545
а вмѣсто этого: „какъ Богу угодно, такъ и произошло“.

Поэтому, пока здѣсь находимся, не будемъ искать успокоенія, а станемъ всегда бороться, особенно во время болѣзни, когда тревожатъ душу всякаго рода скорби, когда обуреваютъ страданія, когда предстоитъ діаволъ, побуждающій сказать какое-либо недоброе слово. Въ это время особенно нужно обезопашивать себя, ограждать себя панцыремъ терпѣнія и оружіемъ благодарности. Это—грозныя стрѣлы противъ діавола, мѣткій ударъ; тогда особенно блестящи вѣнцы. И блаженнаго Іова то особенно показало чистымъ, то прославило, что во время испытанія, болѣзни, бѣдности, сохранилъ твердый, непоколебимый духъ, что принесъ Богу слова благодарности, принесъ эту духовную жертву. Именно жертвой были слова, которыя онъ сказалъ: *Господь даде, Господь отъятъ* и т. д. Это будемъ дѣлать и мы, прославляя Бога во время искушеній, бѣдъ, напастей.

ГЛАВА II.

Бысть же яко день сей, и пріидоша ангели Божіи предстати предъ Господемъ, и діаволъ пріиде посреде ихъ предстати предъ Господемъ (ст. 1).

Для чего изображаетъ ихъ каждый день предстоящими? Чтобы мы знали, что настоящее положеніе вещей не лишено промышленія, что ангелы даютъ отчетъ въ томъ, что происходитъ въ каждый день, и посылаются каждый день для устроенія чего-либо, хотя мы и не знаемъ этого.

И рече Господь діаволу: откуду ты грядеши (ст. 2)?

Зналъ (Богъ), откуда пришелъ (діаволъ), потому что по-

бѣжденъ былъ праведникомъ, но Онъ хотѣлъ видѣть, признаетъ ли прямо (свое) пораженіе.

Рече же Господь діаволу: внялъ ли еси убо[1]) *рабу Моему Іову? яко нѣсть такова отъ сущихъ на земли: человѣкъ незлобивъ, истиненъ, непороченъ, благочестивъ, удаляяйся отъ всякаго зла, еще же придержится незлобія: ты же реклъ еси имѣнія его погубити вотще* (ст. 3).

Діаволъ, скрывъ пораженіе, далъ такой первый отвѣтъ: *и обшедъ землю пріидохъ.* Богъ же открываетъ то, что онъ скрылъ изъ зависти; и такъ какъ спросивши не услышалъ отъ него о понесенномъ пораженіи, самъ объявляетъ объ немъ и возвѣщаетъ о побѣдѣ праведника. *Обшедъ всю землю пріидохъ.* Что же? Для этого ты ходилъ? Этого искалъ? Не сказалъ ли ты: „дай мнѣ имѣніе Іова"? Для чего умалчиваешь о борьбѣ? Для того, чтобы скрыть вѣнецъ побѣды? *Внялъ ли еси рабу Моему? яко нѣсть такова, человѣкъ незлобивъ.* Не пройди мимо сказаннаго, а обрати вниманіе на то, что въ первомъ свидѣтельствѣ не было
548 сказано: *незлобивъ* (ἄκακος = невиненъ). Не употребивъ прежде этого названія, теперь прилагаетъ ему вѣнецъ незлобія, потому что онъ съ благодарностью перенесъ несчастія. Поэтому если въ дальнѣйшемъ онъ является говорящимъ дерзновенно, то это должно быть приписано незлобію. И самъ Іовъ говоритъ затѣмъ: *видѣ же Господь незлобіе мое* (XXXI, 6). А слово незлобиваго никто не объясняетъ, какъ произнесенное по злобѣ, такъ какъ мы судимъ не по дѣламъ, а по намѣренію дѣлающихъ. Если сынъ безчеститъ отца, то это дѣло признается нечестивымъ и онъ осуждается, какъ отцеубійца, потому что поднялъ голосъ (языкъ) противъ родителя и осмѣлился безславить свой корень; а невинное дитя, если ударитъ отца или мать, то эта дерзость вожделѣннѣе всякаго удовольствія. Часто матери доводятъ дѣтей до дерзости, утѣшаясь не ею, а незлобіемъ, невинностью, простотою нрава. Такъ и Богъ, видя, что говоритъ не по злобѣ, благосклонно принимаетъ слова Іова, будучи призываемъ имъ на судъ, потому что это слова невинности, а не злобы.

Напрасно, говоритъ, позавидовавъ его благосостоянію, ты сказалъ, что благочестивъ мужъ по причинѣ богатства. Онъ лишился имущества, но не отступилъ отъ благочестія. Не захотѣлъ ты, безстыдный, повѣрить мнѣ, какъ Богу. Не долженъ ли, хотя изъ опыта, удостовѣриться въ томъ, что мой рабъ не мѣряетъ любомудрія счастьемъ? А смотри: не сказалъ, что вотще погубилъ

---

[1]) Словамъ: *мыслію твоею* нѣтъ соотвѣтствующихъ у Златоуста.

имущество, но: *ты реклъ еси погубити вотще*, поелику онъ получилъ необыкновенную награду за это погубленіе.

Обаче посли руку твою и коснися костемъ его и плоти его, аще не въ лице тя благословитъ (ἢ μὴν εἰς πρόσωπόν σε εὐλογήσει) [1]) (ст. 5).

Златоуста и Олимпіодора. Жестокое и безстыдное существо: не довольствуется насыщаться нашею плотью, но хочетъ дойти до костей и мозговъ; не находитъ нечестія, изобрѣтаетъ другой способъ. Не великое, говоритъ, дѣло, если потерялъ имущество; охотно все презрѣлъ, чтобы спасти себя. Да что это, если не далъ власти надъ душой? Что этого домогался, показываетъ онъ словами: *вся дастъ за душу свою.* Поэтому порази тѣло. Почему же не просилъ этого вначалѣ? Онъ думалъ, что въ случаѣ, если онъ будетъ побѣжденъ, лучше одержать побѣду при помощи меньшаго, а если нѣтъ—восторжествую при помощи тѣла. Не въ большой, говоритъ, цѣнѣ имущество у людей: за спасеніе своей души они отдаютъ все. Не просто сказалъ: *коснися плоти,* но— такъ, чтобы зло проникло внутрь; такъ разсуждаетъ онъ со злобой. И отсюда видно, что древній змій не имѣетъ надъ нами никакой власти, если не попуститъ ему Богъ по неизреченному
Своему попеченію о насъ. И хотя можетъ лишить человѣка 549
жизни, если попуститъ Богъ, зла не можетъ сдѣлать, а отъ Бога выпрашиваетъ (позволеніе). Хотя онъ и палъ, знаетъ, что, если Богъ не попуститъ, самъ онъ ничего не можетъ сдѣлать противъ кого-либо. А попущеніе нужно понимать такъ, что дается премудро, такъ какъ происходитъ отъ Бога. А то, что говоритъ, состоитъ въ слѣдующемъ: лиши его охраны внѣшняго попеченія и заботы о душѣ; не заслуживаетъ онъ удивленія, если хранишь его вдали отъ борьбы; позволь повредить плоть даже до костей. Онъ знаетъ, что несчастіе обнаруживаетъ душу невоспитанную (въ добродѣтели), для которой одна роскошь служитъ причиною служенія тебѣ. Какъ скоро коснешься плоти его, тогда *въ лице тя благословитъ*, то есть, открыто будетъ тебя злословить.

Рече Господь діаволу: се предаю ти его: точію душу его соблюди (Ѳеодотіонъ: души его не касайся) (ст. 6).

Златоуста и Олимпіодора. Человѣколюбивый Богъ, желая показать своихъ вѣнценосцевъ ангеламъ и людямъ, опять позволяетъ и это, чтобы мы знали, что то, что можетъ (дѣлать) діаволъ, онъ можетъ по (Божію) попущенію. Онъ говорилъ: *коснися плоти его.* Но чтобы не сказалъ, что ты для вида поразилъ

---

[1]) О смыслѣ этихъ словъ по переводу 70-ти см. I, 11.

его, какъ своего раба, не сдѣлалъ, о чемъ просилъ діаволъ, а позволилъ ему (сдѣлать это).

Смотри, не сказалъ: „только души его не коснись", но: *точію душу его соблюди* и тѣмъ внушилъ ему великій страхъ. Спасеніе души его, говоритъ, я взыщу съ тебя. Поелику можно было ожидать, что наведетъ на него такую болѣзнь, которая причинитъ смерть тѣлу, при чемъ онъ могъ сказать, что я не касался души его, поэтому говоритъ: *соблюди*, чтобы онъ не потерпѣлъ чего-либо относительно жизни; если умертвишь, то зрѣлище для насъ будетъ печальнымъ.

И порази Іова гноемъ лютымъ отъ ногъ даже до главы (ст. 7).

Подвергъ его, говорится, жесточайшей пыткѣ, посрамленію и проказѣ по всему тѣлу,—все тѣло его обратилъ въ одну рану, въ одну опухоль, чтобы во всѣхъ членахъ явился побѣдителемъ; щадить не умѣетъ злоба, которая есть разрушеніе по своей ядовитой природѣ.

И взя черепъ, да острогаетъ гной свой, и сѣдяше на гноищи внѣ града (ст. 8).

Почему очищалъ гной не руками, не пальцами? Для того, чтобы такой способъ попеченія (объ язвахъ) служилъ причиною большаго мученія. А если самъ не старался заботиться о себѣ, то какъ могъ принять (заботы) другихъ? Онъ былъ собственнымъ
552 палачемъ, не разрывающимъ тѣла, а снимающимъ текущій гной, мертвой глиной соскабливающимъ живую грязь. А почему сидѣлъ *на гноищи?* Чтобы отпадавшее (отъ его тѣла) зарывать въ кучѣ (помета). А почему на открытомъ воздухѣ? Чтобы не задохнуться отъ зловонія, чему бы подвергся, если бы укрылся въ какомъ-либо чуланѣ; впрочемъ искуситель не оставилъ ему дома.

Тяжела была и потеря дѣтей, но за этимъ великимъ несчастіемъ слѣдовало другое жесточайшее и при томъ такъ, что онъ ни мало не отдохнулъ. А именно (слѣдовали): источники червей, потоки гноя, сидѣнье на гноищѣ, зловоніе ранъ, производившее новый видъ голода, не давая возможности прикоснуться къ бывшей предъ глазами пищѣ, и причинявшее мученіе, сильнѣйшее голода, и это въ продолженіе не двухъ, десяти, двадцати или ста дней, а въ теченіе многихъ мѣсяцевъ. Для скорбящихъ немалымъ ободреніемъ служитъ примѣръ Іова, раны праведника и гноище, славнѣйшее царскаго престола. Тѣ, которые видятъ царскій престолъ, отъ этого не получаютъ пользы, а одно временное удовольствіе, не приносящее никакой прибыли; отъ созерцанія же гноища Іова можно получить всякую пользу, научиться большому благоразумію, и ободриться въ дѣлѣ терпѣнія. Поэтому многіе въ настоящее время предпринимаютъ изъ отдаленныхъ

предѣловъ земли длинное путешествіе въ Аравію, переплываютъ и море, чтобы видѣть это гноище и, видя, облобызать землю, служившую поприщемъ для этого вѣнценосца, и принявшую кровь, драгоцѣннѣйшую всякаго золота. Не имѣетъ пурпуръ такого блеска, какой имѣло тогда это тѣло, орошавшееся не чужой, а собственной кровью, и эти раны, драгоцѣннѣйшія всѣхъ камней. Природа жемчуга не приноситъ пользы для нашей жизни, не удовлетворяетъ никакой насущной потребности имѣющихъ его; а эти язвы служатъ утѣшеніемъ при всякомъ уныніи. И для убѣжденія въ томъ, что это правда, покажи тому, кто потерялъ родного и единственнаго сына, множество жемчуга, и (увидишь, что) ты не утѣшилъ въ горѣ, не облегчилъ печали. А напомнивъ ему объ язвахъ Іова, легко можешь помочь, говоря такъ: что скорбишь, человѣкъ? Ты потерялъ одно дитя, а тотъ блаженный, послѣ того, какъ лишился цѣлаго сонма дѣтей, пораженъ былъ въ самое тѣло и обнаженный сидѣлъ на гноищѣ, обливаясь всецѣло гноемъ, при постепенномъ истощеніи плоти,—онъ праведный, благочестивый, имѣвшій Бога свидѣтелемъ добродѣтели.

Если скажешь эти слова, то уничтожишь всякое уныніе печалящагося, прекратишь всю его скорбь; и такимъ образомъ язвы праведника являются болѣе полезными, чѣмъ жемчугъ. Поэтому начертайте себѣ (образъ) этого борца, имѣйте предъ глазами то гноище и его самого, сидящаго на немъ, (какъ бы) золотую статую, (какъ) украшеннаго драгоцѣнными камнями, какъ того... не 563
знаю, что и сказать. Не нахожу такого драгоцѣннаго вещества, которое могло бы представить это окровавленное тѣло. Такъ природа этой плоти была гораздо драгоцѣннѣе всякаго дорогого вещества и язвы свѣтлѣе солнечныхъ лучей; послѣдніе освѣщаютъ тѣлесные глаза, а тѣ озаряютъ очи нашего разума; діавола они совершенно ослѣпили; поэтому послѣ (нанесенія) того удара, онъ удалился и не являлся болѣе. Пойми же, возлюбленный, хотя изъ этого, какъ велика польза страданія. Когда праведникъ былъ богатъ и наслаждался покоемъ, діаволъ могъ клеветать на него, хотя и лживо, но все-таки могъ говорить: *еда туне Іовъ чтитъ Господа?* А когда лишилъ его всего и сдѣлалъ нищимъ, не осмѣлился затѣмъ и пикнуть. Пока тотъ былъ богатъ, угрожалъ ему борьбой и надѣялся побѣдить; а когда довелъ до нищеты, лишивъ всего, и ввергъ въ крайне-бѣдственное состояніе, тогда оставилъ его. Когда тѣло его было здорово, поднималъ руки: а когда изранилъ плоть, удалился пораженный. Видишь ли, насколько для бодрствующихъ людей бѣдность лучше и полезнѣе богатства, болѣзнь—здоровья, искушеніе—покоя, и какъ претерпѣвающіе несчастія дѣлаются болѣе славными и сильными? Кто

видѣлъ, кто слышалъ о такомъ удивительномъ состязаніи? Борцы на обыкновенныхъ состязаніяхъ, когда разобьютъ головы противникамъ, объявляются побѣдителями и награждаются вѣнками; а этотъ, когда поразилъ тѣло праведника, покрывъ его всякаго рода ранами, и привелъ въ изнеможеніе, тогда былъ побѣжденъ и удалился. Хотя пронзилъ его ребра со всѣхъ сторонъ, не сдѣлалъ, однако, ничего больше; сокрытое сокровище не похитилъ, а сдѣлалъ болѣе явнымъ для насъ; чрезъ пронзенныя ребра далъ всѣмъ возможность посмотрѣть внутрь и узнать все его богатство; и когда надѣялся взять верхъ, съ большимъ стыдомъ отступилъ и не произнесъ ни одного звука.

Что случилось, діаволъ? Почему ты удалился? Развѣ не сдѣлано всего, чего ты хотѣлъ? Развѣ не уничтожилъ ты овецъ, воловъ, стадъ коней, ословъ? Развѣ ты не погубилъ сонма дѣтей и не поразилъ всего тѣла? Почему же бѣжишь? Потому что сдѣлано все, чего я хотѣлъ; но чего я особенно желалъ и ради чего все дѣлалъ, этого не произошло,—онъ не богохульствовалъ. Для того я все то и дѣлалъ, говоритъ, чтобы произошло это; а какъ скоро этого не произошло, то я не извлекъ пользы изъ гибели имущества, умерщвленія дѣтей и пораженія тѣла; вышло же противное тому, чего я желалъ; врага я сдѣлалъ болѣе извѣстнымъ и славнымъ.

556 Понялъ, какая польза страданія? Красиво было тѣло и здорово, но оно стало болѣе славнымъ, когда изрыто было тѣми язвами. Хороша шерсть прежде окрашиванія, а когда дѣлается пурпурною, это чрезвычайно возвышаетъ достоинство, придаетъ ей много изящества. Если бы не лишилъ его всего, мы не знали бы силы побѣдителя; если бы не пронзилъ тѣла его язвами, не просіяли бы лучи извнутри; еслибы не посадилъ его на гноище, мы не знали бы его богатства. Не такъ славенъ царь, возсѣдающій на престолѣ, какъ знаменитъ и славенъ сидѣвшій въ то время на гноищѣ,—потому что послѣ царскаго престола—смерть, а послѣ этого гноища—небесное царство. Такую предложилъ я исторію не для того, чтобы вы хвалили (мои) слова, а чтобы подражали добродѣтели мужа и терпѣнію, чтобы изъ дѣлъ его видѣли, что ничто изъ бывающаго съ людьми не составляетъ несчастія, а только—грѣхъ, ни бѣдность, ни болѣзнь, ни поношеніе, ни оскорбленіе, ни безчестіе, ни то, что кажется величайшимъ изъ золъ—смерть; все это названія только несчастій, въ глазахъ любомудрствующихъ не имѣющія дѣйствительнаго значенія. Истинное несчастіе состоитъ въ оскорбленіи Бога и дѣланіи чего-либо неугоднаго Ему.

Остается сравнить между собою добрыя дѣла и страданія,

чтобы ты ясно видѣлъ, что не только за добрыя дѣла, но и за страданія назначены награды, и награды весьма большія, и за страданія не меньшія, чѣмъ за добрыя дѣла, а даже иногда большія, чѣмъ за послѣднія. Для этого остановимъ, если угодно, свой взоръ на великомъ героѣ терпѣнія, прославившемся тѣмъ и другимъ видомъ добродѣтели, чтобы видѣть, отъ чего онъ болѣе прославился. Сравнивая, увидимъ, когда онъ былъ славнѣе, тогда ли, когда служилъ общимъ пристанищемъ для нуждающихся, или когда переносилъ страданія и то, что причинило много печали,—тогда ли, когда держалъ свой домъ открытымъ для всѣхъ мимоидущихъ, или когда, по разрушеніи его, не произнесъ ни одного оскорбительнаго слова, а благословлялъ Бога? То было добрымъ дѣломъ, а это—страданіемъ.

Скажи мнѣ, когда онъ былъ свѣтлѣе? Когда онъ приносилъ жертвы за дѣтей и приводилъ ихъ къ согласію, или когда съ большимъ спокойствіемъ перенесъ то, что на нихъ обрушился домъ и они кончили жизнь такъ печально? Когда онъ больше сіялъ? Въ то ли время, когда шерстью его овецъ согрѣвались тѣла бѣдныхъ, или когда онъ, услышавъ: *огнь спаде съ небесе и пожже* стадо съ пастырями, не смутился и не пришелъ въ неистовство, а кротко перенесъ несчастіе? Когда онъ былъ больше? Тогда ли, когда пользовался тѣлеснымъ здоровьемъ для защиты обижаемыхъ, сокрушая зубы беззаконниковъ, исторгая хищенія изъ зубовъ, и служилъ пристанью для угнетаемыхъ, или—когда 557
это самое тѣло, оплотъ притѣсняемыхъ, увидѣлъ пожираемымъ червями и, сидя на гноищѣ, очищалъ его, взявши черепокъ: *обливаю*, говоритъ, *грудіе земли, гной стружа* (VII, 5)? А все то были добрыя дѣла, все же это—страданія, и послѣднія сдѣлали его болѣе славнымъ, чѣмъ первыя. Они составляли самую тяжелую часть его состязанія и требовали наибольшей твердости, наибольшаго душевнаго напряженія, возвышеннѣйшей мысли и большей любви къ Богу. Поэтому-то, когда дѣлались тѣ (добрыя дѣла), діаволъ, хотя безстыдно и весьма дерзко, все-таки возражалъ, говоря: *еда туне Іовъ чтитъ Господа;* а произошли эти (страданія), онъ со стыдомъ удалился, обративъ тылъ, не имѣя возможности набросить и тѣнь какимъ-либо безстыднымъ возраженіемъ.

Времени же многу минувшу, рече къ нему жена его: доколѣ терпиши, говоря (λέγων) [1]*: се пожду время еще мало, чающи надежди спасенія моего* (ст. 9).

При дальнѣйшемъ продолженіи борьбы, онъ опять укра-

[1]) На этомъ мѣстѣ читается λέγων по тексту Патрологіи и древнихъ списковъ перевода 70-ти.

шается другими вѣнцами за слова женѣ. Когда у него уничтожено было все, и дѣти, и имущество, и (поражено) его тѣло,— жена была оставлена, оставлена для искушенія и козней. Діаволъ потому не погубилъ ее вмѣстѣ съ дѣтьми и не просилъ ея смерти, что надѣялся получить большую отъ нея помощь въ козняхъ противъ этого святого; для этого оставилъ ее ему, какъ нѣкоторое весьма важное оружіе. Если изъ рая, говоритъ, я изгналъ Адама чрезъ нее, то тѣмъ болѣе съ гноища я смогу удалить Іова. И смотри на злодѣйскій умыселъ: онъ не пустилъ въ ходъ этого искусно придуманнаго средства ни въ то время, когда погибли волы, ослы, верблюды, ни тогда, когда истребленъ домъ, когда погублены дѣти; доселѣ онъ молчитъ и бездѣйствуетъ, смотря на борца. Но когда потекъ источникъ червей, гніющая кожа стала отпадать, изнуренная плоть источала гной, полный сильнаго зловонія, когда рука діавола жгла его сильнѣе сковородъ, печей и всякаго пламени, пожирая его со всѣхъ сторонъ свирѣпѣе всякаго звѣря и поглощая тѣло, и когда это несчастіе продолжалось значительное время, тогда онъ къ изнуренному уже и истощенному приводитъ ее (жену). Если бы она выступила въ началѣ несчастія, она не нашла бы его столь ослабленнымъ и не могла бы тѣмъ, что сказала, увеличить и усилить такъ несчастіе. Когда увидѣла, что вслѣдствіе продолжительности времени (страданія) онъ жаждетъ избавленія, что сильно желаетъ прекращенія постигшихъ бѣдствій, тогда и приходитъ. Когда онъ былъ сильно истощенъ, не могъ (свободно) вздохнуть и желалъ
560 умереть, послушай, что говоритъ: *аще бы возможно было, самъ быхъ себе убилъ или молилъ быхъ иного, дабы ми то сотворилъ* (XXX, 24). И обрати вниманіе на злой умыселъ, какъ тотчасъ начинаетъ рѣчь съ продолжительности времени, говоря: *доколѣ терпиши?* Если одни слова, которымъ не соотвѣтствуетъ самое дѣло, часто могутъ разслаблять, то подумай, какъ онъ долженъ былъ страдать, послѣ этихъ словъ, при тогдашнемъ печальномъ своемъ состояніи. Всего хуже было то, что это говоритъ жена, жена упавшая духомъ, изнемогшая, а потому стремившаяся привести и его въ отчаяніе. Чтобы яснѣе видѣть осадное орудіе, подведенное къ этой несокрушимой стѣнѣ, выслушаемъ самыя слова. Въ чемъ они состоятъ? *Доколѣ терпиши*, говоря: *се пожду время еще мало, чающи надежди спасенія моего.* Опровергло, говоритъ, твои слова время, которое, долго продолжаясь, не приноситъ никакого облегченія. Говоря это, она не только приводила его въ отчаяніе, но поносила и насмѣхалась надъ нимъ. Когда она (особенно) впадала въ уныніе, онъ всегда утѣшалъ и останавливалъ ее словами: „подожди еще немного и скоро будетъ конецъ этого".

Поэтому, злословя (ма говоритъ: не скажешь ли то же и въ настоящее время? Про ... уже много времени, а конца этого не видно. Что, жена, ослабляешь борца? Что связываешь руки? Нужно было сказать: *еще мало.* И посмотри на коварство: не вспоминаетъ ни о волахъ, ни объ овцахъ, ни о верблюдахъ, такъ какъ видитъ, что не очень сокрушается объ этомъ, а тотчасъ обращается къ естеству и напоминаетъ о дѣтяхъ, такъ какъ видѣла, что ради ихъ онъ и одежду разодралъ, и волосы остригъ. И не сказала: погибли твои дѣти, а въ сильномъ волненіи:

Се бо потребися отъ земли память твоя, сынове и дщери, моего чрева болѣзни и труды, имиже вотще трудихся съ болѣзнми (ст. 9).

Въ началѣ было сильное желаніе имѣть дѣтей, чтобы такъ каждый могъ оставить память (о себѣ), слѣдъ своей жизни. Поелику не было надежды на воскресеніе, а господствовала смерть, и послѣ этой жизни умирающіе считались погибающими, то и далъ Богъ утѣшеніе въ дѣтяхъ, чтобы оставались живые образы умершихъ, чтобы и родъ нашъ сохранялся и потомки ихъ служили великимъ утѣшеніемъ имѣющимъ умереть и ихъ друзьямъ. И чтобы убѣдиться въ томъ, что поэтому особенно желались дѣти, послушай, что, послѣ столь многихъ и великихъ несчастій, говоритъ со слезами Іову жена: *се потребися отъ земли память твоя.* И опять Саулъ—Давиду: *и нынѣ кленися ми, яко не искорениши* 561
сѣмене моего и имене моего по мнѣ (1 Цар. XXIV, 22) [1]. Если и въ настоящее время, когда возсіяло воскресеніе, оттого происходитъ особенная любовь къ дѣтямъ, что черезъ нихъ сохраняется память объ умершихъ, то тѣмъ болѣе въ то время. Поэтому клятва, выраженная такимъ образомъ, бываетъ сильнѣйшею; и клявшійся тогда не говорилъ о дѣтяхъ: да истребятся, но—*память* его *отъ земли. Сынове и дщери.* Сказавши: *память,* съ точностью упоминаетъ о природѣ тѣхъ и другихъ. Не осталось, говоритъ, ни сына, ни дочери, которые сохранятъ память потомству; этимъ она какъ бы говорила, что если и поправится здоровье, наслажденіе имъ будетъ безполезно, когда нѣтъ дѣтей, такъ какъ древніе въ дѣтяхъ полагали надежду продолженія и будущее обѣтованіе, подражали тѣлесному воскресенію (ἀναστάσει ἐμιμοῦντο θνητῇ) [2]. Не упоминаетъ ни объ имуществѣ, ни о скотѣ, потому что видѣла его великодушіе, а (упоминаетъ) о томъ, что должно особенно его трогать. Какой, говоритъ, ждешь ты перемѣны? Умершимъ не-

---

[1]) Слова: *Господемъ... по мнѣ, и не погубиши* въ текстѣ Патрологіи отсутствуютъ.

[2]) Здѣсь или не точенъ текстъ, принятый въ Патрологіи, или не полонъ.

возможно потомъ возвратиться (къ жизни). Безродный, бездѣтный, ты вырванъ съ корнемъ, не оставивъ никого, кто сохранилъ бы память о тебѣ. Обрати вниманіе и на сильное волненіе: *моего чрева болѣзни и труды, имиже вотще трудихся съ болѣзнми: болѣзни*—муки при родахъ; труды—воспитанія. Смыслъ ея словъ такой: столько перенесши, я обижена тобою; труды понесла, а плодовъ лишена. Говоритъ это для того, чтобы показать, что и она участвуетъ въ несчастіи,—такъ какъ не кажется внушающимъ довѣрія тотъ совѣтникъ, который разсуждаетъ при видѣ чужихъ несчастій. Поражая какъ стрѣлою этими словами, указывающими на невниманіе, она примѣшиваетъ и свою личность, чтобы напоминаніемъ о дѣтяхъ и своемъ страданіи тѣмъ сильнѣе привести праведника въ уныніе. Что ты, говоритъ, отстраняя постоянно настоящее, напрасно ободряешь себя будущимъ, бездѣтный, лишившійся дома, нагой, погибшій?

Ты же самъ въ гнои червей сѣдиши, обнощевая внѣ безъ покрова (ст. 9).

Весьма выразительно (сказано): *самъ*, онъ — праведный, достойный удивленія (достигшій) въ нашихъ глазахъ вершины добродѣтели. И посмотри, какъ и не упоминаетъ о потерѣ имущества, и не умалчиваетъ, не оставляетъ безъ вниманія, а намекаетъ такъ, какъ можно было сказать объ этомъ съ (наибольшею) выразительностью; говоритъ именно:

И азъ скитающися и служащи, мѣсто отъ мѣста преходящи, и домъ отъ дому (ст. 9).

Намекаетъ и на потерю и выражаетъ большое (свое) участіе въ страданіи. Самыя слова таковы, что способны увеличить несчастіе, такъ какъ говоритъ: хожу по дворамъ другихъ.

564 Не только прошу милостыни, но и скитаюсь, исполняю странный и новый видъ служенія, всюду ходя и нося печать несчастія и всѣмъ показывая постигшее меня бѣдствіе, иной разъ переходя въ другое мѣсто и стучась въ дверь ради ежедневнаго пропитанія, и это—та, которая имѣла столько имущества. Этимъ она хотѣла сказать: не только мы лишились дѣтей, опоры памяти о насъ, и самъ ты находишься въ такомъ ужасномъ положеніи, но и впали мы въ крайнюю нищету, добывая себѣ пищу по обычаю наемниковъ,—мы, щедро дававшіе пропитаніе нуждающимся; я не нахожу себѣ мѣста и для служенія, не могу выйти изъ постыдной бѣдности въ одномъ домѣ, а скитаюсь служа и прося милостыни,—я, которая прежде обильно питалась. Смотри, какъ къ его страданіямъ приплетаетъ собственныя; если недостаточны, говоритъ, твои, то пусть въ силѣ будутъ мои.

Сказавши о томъ, что всего болѣе печально, то есть, что

переходитъ изъ дома въ домъ, она не остановилась на этомъ въ своемъ сѣтованіи, а прибавила къ этому, говоря:

Ожидающи солнца, когда зайдетъ, да почію отъ трудовъ моихъ, и отъ болѣзней, яже мя [1]) *обдержатъ* (ст. 9).

Другимъ пріятно, говоритъ, видѣть солнечные лучи, а мнѣ тяжело; для меня вожделѣнна тьма и ночь, такъ какъ она только дастъ мнѣ покой отъ трудовъ; она служитъ утѣшеніемъ въ бѣдствіяхъ; утѣшаетъ меня и освобождаетъ отъ безпокойства день, склоняющійся къ вечеру, такъ какъ ночь, проходящая во тьмѣ, врачуетъ обыкновенно зло. Такъ пришедшая въ отчаяніе, вслѣдствіе несчастій, и исполненная силы діавольской, убѣждаетъ праведника въ томъ, что у него осталось (одно) средство освободиться отъ страданій, состоящее въ освобожденіи отъ тѣла; а возможно ему достигнуть этого, если прогнѣваетъ Бога богохульствомъ и для умерщвленія возбудитъ противъ себя (Его) гнѣвъ. Съ лукавствомъ даетъ такой совѣтъ, пользуясь въ своихъ словахъ несчастіями мужа и своими собственными. Я терпѣла, говоритъ, муки рожденія, трудилась надъ воспитаніемъ дѣтей, чтобы послѣ твоей смерти оставить память о тебѣ въ лицѣ дѣтей; надежда на это исчезла, всѣ дѣти мужескаго и женскаго пола погибли; на кого мнѣ послѣ этого смотрѣть, на тебя ли, отца ихъ, полнаго червей, нищаго, брошеннаго? На себя ли, несчастную, бродягу, послѣ великаго благополучія ставшую наемницей и до вечера находящуюся въ печаляхъ и трудахъ? Если ты сколько-нибудь довѣряешь, то скажи слово къ Богу, прогнѣвляя Его, чтобы Онъ умертвилъ тебя; это одно осталось для тебя средство избавиться отъ бѣдъ. Поэтому прибавляетъ:

Но рцы глаголъ нѣкій ко Господу и умри (ст. 9).

И здѣсь видно коварство въ томъ, какъ при самомъ совѣтѣ не тотчасъ излагаетъ гибельное увѣщаніе, а сначала разсказавши 565
съ горестью о несчастіяхъ и распространившись о печальномъ событіи, кратко передаетъ самое увѣщаніе, и не излагаетъ его ясно, но, затѣняя его, предлагаетъ ему освобожденіе (отъ страданій), которое было особенно желательно, и обѣщаетъ смерть, которой особенно желалъ. Смотри и здѣсь на коварство діавола. Такъ какъ онъ зналъ любовь Іова къ Богу, то не позволяетъ женѣ обвинять Бога, чтобы онъ не отстранился тотчасъ отъ нея, какъ отъ врага; поэтому она не вспоминаетъ о Немъ, непрерывно возвращаясь къ тому, что произошло. А ты къ сказанному присоедини то, что совѣтовавшей это была жена, которая бываетъ

---

[1]) *Нынѣ* (= νῦν), читаемое въ Слав. Б. и въ древнихъ греч. спискахъ, отсутствуетъ въ текстѣ Патрологіи.

страшнымъ ораторомъ въ обольщеніи неосторожныхъ. Такъ многіе, и безъ несчастій, вслѣдствіе только совѣта женъ погибли. И здѣсь напослѣдокъ (діаволъ) приводитъ къ праведнику жену, какъ сильнѣйшее изъ предпринятыхъ средствъ. О, если бы ты, злой, погубилъ и ее, о, если бы вмѣстѣ съ дѣтьми задушилъ (подъ развалинами дома)! А нѣкоторые говорятъ, что это слова не жены, что это говорилъ онъ самъ, принявшій ея видъ, такъ какъ невѣроятно, чтобы жена Іова была такою. Можно развѣ сказать, что она сдѣлалась такою, измѣнившись подъ вліяніемъ несчастія. А возможно и то, что это былъ не первый совѣтъ, а неоднократно слышалъ праведникъ отъ жены еще болѣе противные совѣты. Обрати вниманіе и на злобу діавола; онъ имѣлъ въ мысляхъ Еву; жена, говоритъ, погубила перваго человѣка; она сможетъ побѣдить и этого. Но, неразумный, тому, который рабольпствовалъ чреву, (жена) влила свой ядъ, а этого ты видишь любомудрствующимъ и побѣждающимъ самую природу. Его не сломила ни потеря имущества, ни преждевременная смерть дѣтей, ни безутѣшное мученіе тѣла, ни такая продолжительность времени. Того, котораго не побѣдило самое дѣло, неужели надѣешься побѣдить словами? Даже и въ то время, когда передавъ тщательно печальное событіе, жена излагаетъ постыдный совѣтъ, и тогда ясно не говоритъ: богохульствуй,—такъ какъ совѣтующіе худое не осмѣливаются неприкровенно излагать наставленіе. Что ты говоришь, жена? Нужно умилостивить (Бога), устранить (Его) гнѣвъ, а ты совѣтуешь прогнѣвать; если сдѣлалъ это Богъ, нужно умилостивить Его, а не произносить хулу.

Онъ же воззрѣвъ рече къ ней: [1]) *яко едина отъ безумныхъ женъ возглаголала еси* (ст. 10).

Василія и Златоуста. Возмущенный этими словами, какъ ни однимъ изъ прежнихъ несчастій, Іовъ, исполнившись гнѣва, обратившись къ женѣ, какъ къ врагу, и съ горечью взглянувъ на нее, прежде, чѣмъ сказалъ что-либо, (однимъ) взглядомъ оттолкнулъ злое нападеніе. Она ожидала, что вызоветъ потоки
568 слезъ, а онъ оказался стремительнѣе льва, будучи исполненъ гнѣва и негодованія, не вслѣдствіе того, что терпѣлъ, а вслѣдствіе того, что она совѣтовала по внушенію діавола. Показавши на лицѣ своемъ гнѣвъ, онъ дѣлаетъ упрекъ сдержанно, потому что былъ мудръ и въ несчастіяхъ. Что онъ говоритъ? *Яко едина отъ безумныхъ женъ возглаголала еси.* Не такъ, говоритъ, я тебя

---

[1]) Соотвѣтствующее славянскому: *вскую* рѣченіе: ἵνα τί отсутствуетъ у Златоуста, какъ и въ древнѣйшемъ Ватикан. спискѣ; оно находится въ Александр. сп.

училъ, не такъ воспитывалъ; поэтому не узнаю своей жены, вѣдь это слова неразумной женщины, совѣтъ лишившейся разсудка. Оставь, говоритъ, жена, совѣтъ: доколѣ ты тѣмъ, что говоришь, будешь безчестить общую жизнь? Ты солгала и въ своихъ словахъ отвергла, вопреки моему желанію, мое руководство; теперь вижу, что половина моей жизни сдѣлалась нечестивою, поелику бракъ соединилъ насъ обоихъ въ одно тѣло, а ты впала въ богохульство. Видишь изъ этого соотвѣтствующее разсѣченіе и разрѣзъ, могущій исцѣлить болѣзнь? Не сказалъ: ты глупая и безумная; а что? *Яко едина отъ безумныхъ женъ возглаголала еси*, то есть, ты не сказала ничего. достойнаго себя и моего руководства. Затѣмъ, послѣ упрека, излагаетъ опять и совѣтъ, могущій ее утѣшить, и отличающійся большою разумностью. Онъ говоритъ:

Аще благая пріяхомъ отъ руки Господни, злыхъ ли не стерпимъ (ст. 10)?

Вспомни, говоритъ, о томъ прежнемъ (благополучіи), подумай о Виновникѣ, и перенесешь великодушно это. Видишь ли скромность мужа? Терпѣніе онъ приписываетъ не своей твердости, а говоритъ, что оно произошло отъ самаго хода дѣлъ. За что Богъ далъ намъ то? За что сдѣлалъ воздаяніе? Ни за что, а единственно—по Своей благости. Это былъ даръ, а не награда, благодать, а не воздаяніе. Поэтому перенесемъ и это великодушно. Припомни доброе, что ты прежде имѣла, сравнимъ лучшее съ худшимъ. Жизнь никого изъ людей не бываетъ постоянно счастливою; постоянно блаженствовать свойственно одному Богу; если бѣдствуешь вслѣдствіе настоящаго, утѣшься прежде полученнымъ. Нынѣ плачешь, но прежде радовалась; нынѣ нищенствуешь, а прежде была богата; пившая изъ прозрачнаго потока жизнь, а теперь пьющая изъ мутнаго, переноси это съ твердостью; теченія рѣкъ не бываютъ постоянно прозрачными. Наша жизнь, какъ ты знаешь, есть рѣка, непрерывно текущая, наполняемая водами, слѣдующими однѣ за другими; одна часть ея вытекла уже изъ источниковъ, а другая вытечетъ, и всѣ мы спѣшимъ къ общему морю смерти. *Аще благая пріяхомъ отъ руки Господни, злыхъ ли не стерпимъ?* Развѣ можемъ мы заставить Судію давать намъ всегда одно и тоже? Развѣ можемъ учить Владыку, какъ направлять нашу жизнь? Онъ имѣетъ власть рѣшать самъ. Онъ устрояетъ наши дѣла по Своей волѣ и даетъ полезное рабамъ. Не испытывай напрасно суда Владыки; люби только устрояемое Его мудростью. То, что дастъ тебѣ, принимай 560
съ радостью; во время бѣдствій, какъ и при благополучіи, являй достойное послѣдняго, полученнаго прежде. Говоря такъ, Іовъ

отринулъ и это нападеніе діавола и нанесъ ему совершенно постыдное пораженіе. Самымъ взглядомъ онъ показалъ величайшее отвращеніе къ грѣху (а глаза природа назначила показателемъ сокрытаго внутри); перенесши кротко и мудро такое нападеніе злого (духа), не потерпѣлъ призыва къ злу, считая слышанный имъ худой совѣтъ бо́льшимъ зломъ, чѣмъ стрѣлы въ (его) тѣло, и сдѣлалъ упрекъ женѣ. Какъ попеченіе, говоритъ, мы принимали съ радостью, такъ и вразумленіе перенесемъ благоразумно. Подъ *благая* разумѣетъ то, что радуетъ, а подъ *злыми*—искушенія. Въ словахъ: *яко едина отъ безумныхъ женъ возглаголала еси* нѣкоторые находятъ указаніе на Еву. Ты подражаешь, говоритъ, той, которая первая приняла мракъ грѣха и соблазнила почтеннаго образомъ Божіимъ и свободнаго отъ всякаго зла.

Этотъ блаженный, будучи поражаемъ со всѣхъ сторонъ, стоялъ твердо; подвергаясь безчисленнымъ стрѣламъ, не ослабѣвалъ, а истощилъ колчанъ діавола, самъ же не палъ и не былъ поверженъ; какъ искусный кормчій, онъ не былъ потопленъ ярившимся моремъ и поднимавшимися волнами и не сдѣлался безпечнымъ вслѣдствіе бывшей тишины, а въ то и другое время сохранилъ одинаковымъ свое искусство. Ни богатство не сдѣлало его гордымъ, ни бѣдность не подавила; ни при благопріятномъ теченіи дѣлъ не сталъ онъ беззаботнымъ и бездѣятельнымъ, ни въ то время, когда весь почти домъ разрушенъ и преданъ совершенной гибели, не приведенъ былъ въ смятеніе, и показалъ свое мужество. Пусть слушаютъ богатые; пусть слушаютъ бѣдные; тѣмъ и другимъ полезенъ этотъ примѣръ, и для всѣхъ людей поучительна эта исторія, и для пользующихся благоденствіемъ, и для находящихся въ несчастіи. Владѣя тѣмъ и другимъ оружіемъ, подвижникъ благочестія, вѣнценосецъ вселенной, одержалъ побѣду въ обоихъ (видахъ оружія) и, когда сдѣлалъ нападеніе демонъ, былъ приготовленъ ко всякому роду битвы и во всемъ прославился. И какъ искусный воинъ умѣетъ и сражаться ночью, и осаждать стѣны, биться въ пѣшемъ строю и на морѣ, стрѣлять изъ лука, бросать копье, дѣйствовать пращей и дротикомъ, и во всякомъ видѣ битвы одерживать верхъ надъ противниками, и всюду побѣждать, такъ и этотъ благородный мужъ выдержалъ съ большимъ мужествомъ всякое искушеніе,—искушеніе со стороны бѣдности, голода, болѣзни, печали, гибели дѣтей, со стороны друзей, враговъ, своей жены и рабовъ. Не было постигающаго людей несчастія, которое не обрушилось бы на его тѣло, и однако онъ вышелъ изъ всѣхъ
572 опасностей и сталъ выше стрѣлъ діавола. А особенно удивительно то, что все (постигло) его—и вмѣстѣ и отдѣльно—въ выс-

шей степени. Не на то смотри (только), что онъ столько перенесъ, а присоедини къ этому и то, что не спустя нѣсколько, но черезъ промежутокъ времени (перенесъ), а все вмѣстѣ. Это не мало увеличиваетъ тяжесть испытаній. Во-первыхъ, между другими людьми не найдется никого, кто подвергся бы всему этому вмѣстѣ. Если кто борется съ бѣдностью, то наслаждается здоровьемъ; если угнетенъ бѣдностью и болѣзнью, то часто имѣетъ жену, которая утѣшаетъ въ бѣдствіи и служитъ для него вмѣсто пристани; а если не имѣетъ жены съ этими качествами, то не имѣетъ (по крайней мѣрѣ) такой, которая давала бы гибельный совѣтъ; а если имѣетъ и жену, дающую такой совѣтъ, то не потерялъ одновременно всѣхъ дѣтей; а если (и лишился) всѣхъ вмѣстѣ, то—не такимъ видомъ смерти; а если—и такимъ видомъ смерти, то имѣетъ утѣшающихъ друзей; а если не имѣетъ утѣшающихъ, то не имѣетъ такъ нападающихъ; а если и (имѣетъ друзей) оскорбляющихъ, то не имѣетъ рабовъ поносящихъ; а если и поносящихъ, то не плюющихъ въ самое лицо; а если и плюющихъ въ лицо, то не пораженъ такою болѣзнью; а если пораженъ и такою болѣзнью, то имѣетъ домъ и пристанище и не сидитъ на гноищѣ; а если и сидитъ на гноищѣ, то имѣетъ такихъ, которые подаютъ руку помощи; а если не имѣетъ такихъ, то не имѣетъ и относящихся враждебно. А онъ все это перенесъ.

Когда онъ находился въ такомъ положеніи и (какъ бы) жарился на сковородѣ, извнутри и снаружи, жена плететъ сѣти, сожительница служитъ оружіемъ дьявола, устремляетъ въ мужа стрѣлы, отдавши свой языкъ демону, и обращаетъ особенно ядовитыя и гибельныя слова. Но и здѣсь не конецъ борьбы, а только ея начало, приступъ къ битвѣ. И со стороны друзей онъ подвергался безчисленнымъ оскорбленіямъ. Но не утомились ли вы, слушая объ этихъ несчастіяхъ, слѣдовавшихъ одни за другими? А онъ, страдающій, не утомился. Поэтому, умоляю любовь вашу имѣть еще терпѣніе, потому что мы не сказали всего и не указали на другое важное обстоятельство. Первое состояло въ томъ, что всѣ постигающія людей бѣдствія обрушились на одного человѣка; другое—то, что—вмѣстѣ и онъ не имѣлъ перерыва въ страданіи. Хочу указать и третье. Въ чемъ оно состоитъ? Въ томъ, что каждое изъ указанныхъ несчастій произошло не только вмѣстѣ, но и съ большою силою и неожиданностью: бѣдность ли, бѣдность самая крайняя, болѣзнь ли, сидѣніе ли, потеря ли дѣтей, потеря ли всего имущества. Смотри: если кто лишился имущества, то не такъ всецѣло и не такимъ образомъ; если потерялъ дѣтей, то не всѣхъ въ одно время, не столькихъ и не такихъ; если впалъ въ болѣзнь, то не въ такую, но или въ ли-

хорадку, или потерялъ какой-либо органъ тѣла, или подвергся другой обыкновенной болѣзни. А тотъ ударъ былъ необыкновенный и извѣстенъ былъ только испытавшему его. Словами нельзя
573 выразить мучительность тѣхъ язвъ, жгучесть тѣхъ ранъ. Чтобы показать тяжесть удара, достаточно назвать причинившаго это и необузданную его ярость. Ново и необычайно было и сѣдалище. Нѣтъ ни одного бѣднаго, который бы когда-либо такъ сидѣлъ на открытомъ воздухѣ во все время, какъ оставался онъ безъ одежды, лишенный всякаго покрова, сидя на гноищѣ. Нерѣдко бываетъ у иного злая жена, но никогда не было столь злой, чтобы нападать на мужа при такомъ несчастіи, точить ножъ на гибель его души и давать такіе совѣты. Странно было поведеніе друзей и рабовъ. Необычаенъ былъ и голодъ, потому что не дотрогивался до лежащей передъ нимъ пищи. Укажу и на четвертое особо тяжкое обстоятельство: разумѣю бывшее прежде богатство и благоденствіе. Жившій сначала въ бѣдности легче переноситъ ее, такъ какъ привыкъ къ нуждѣ. А впавшій въ нее послѣ такого благополучія, какъ не привыкшій и не приготовленный, испытываетъ весьма тяжелое чувство, мучительную скорбь и большое смущеніе. Укажу и другое необычайное обстоятельство, особенно увѣнчивающее и прославляющее этого борца, показывающее его высокую душу, касавшуюся небесъ. Въ чемъ оно состоитъ? Въ различіи времени, въ томъ, что такое любомудріе имѣлъ онъ, будучи прежде благодати, прежде закона, не пользуясь ученіемъ, не зная письменъ и книгъ, не видя другихъ, себѣ подобныхъ, не имѣя возможности обращаться къ предшествующему времени и пользоваться примѣрами добродѣтельныхъ мужей, такъ какъ не было письма или исторіи, передающей прошедшее. По непроложенной дорогѣ, по морю неиспробованному, во тьмѣ нечестія, онъ одинъ и первый шелъ тогда этимъ путемъ любомудрія, съ избыткомъ достигши высшей ступени, въ томъ, что составляетъ главное благо. Великое дѣло достигнуть и низшей ступени добродѣтели, а гораздо большее— стать на самую высшую точку въ томъ, что составляетъ самое высшее. А что терпѣніе выше всего, этого никто не будетъ отрицать. И самъ діаволъ, видя это, сказалъ поэтому: *кожу за кожу, и вся елика имать человѣкъ, дастъ за душу свою. Обаче посли руку твою и коснися костемъ его и плоти его* (II, 4). Отсюда видно, что это былъ высшій подвигъ, требовавшій мужественной и твердой души.

Я не столь удивляюсь Іову прежде увѣщанія жены, сколько послѣ того гибельнаго совѣта. И пусть кто-либо не считаетъ этихъ словъ странными. Не рѣдко вѣдь слово и вредное наставленіе

бываетъ гибельнымъ для тѣхъ, кому не наноситъ вреда существо дѣла. Зная это и діаволъ, послѣ удара дѣйствіемъ, дѣлаетъ нападеніе посредствомъ словъ. Такъ онъ поступилъ и съ Дави- 576
домъ. Поелику видѣлъ, что тотъ великодушно перенесъ возстаніе сына и беззаконное господство, то, чтобы потрясти его духъ и подвигнуть на гнѣвъ, возбудилъ того Семея, расположивъ его возмутить его душу оскорбительными словами. Такое же коварство онъ употребилъ и въ отношеніи къ Іову: когда увидѣлъ, что онъ посмѣивается надъ его стрѣлами и мужественно выдерживаетъ все, какъ непоколебимая башня, то вооружилъ жену, чтобы (лукавый) совѣтъ не возбудилъ подозрѣнія, прикрылъ его гибельность ея словами и преувеличилъ несчастіе. Что же онъ— благородный? *Яко едина отъ безумныхъ женъ возглаголала еси. Аще благая пріяхомъ отъ руки Господни, злыхъ ли не стерпимъ?* Если бы, говоритъ, былъ не Владыка, стоящій столь высоко предъ нами, а другъ, имѣющій равное съ нами достоинство, то и при этомъ какое мы имѣемъ оправданіе, получивъ столько благодѣяній и не перенося бѣдствій? Видишь мужа боголюбиваго; видишь, какъ онъ не важничаетъ, не хвалится мужественнымъ перенесеніемъ постигшихъ его необычайныхъ ударовъ, не приписываетъ перенесеніе ихъ своей мудрости и величію своей души? Какъ будто платя неизбѣжный долгъ и не перенося ничего несоотвѣтственнаго, такъ онъ вполнѣ заградилъ уста женѣ.

Во всѣхъ сихъ приключившихся ему ничимже согрѣши Іовъ устнама предъ Богомъ (ст. 10).

Нельзя, говорю [1]), сказать, что это говорилъ онъ женѣ, когда сокровенное его расположеніе было полно раздраженія и недовольства, устами же своими не обнаружилъ этого. Еврейскій (текстъ) не имѣетъ того же (αὐτὸ οὐκ ἔχει), чтобы достаточно выразить это расположеніе [2]).

Услышавше же тріе друзи его вся злая нашедшая нань, пріидоша кійждо отъ своея страны къ нему (ст. 11).

Приходятъ три друга, чтобы утѣшить, а дѣлаютъ противоположное утѣшенію; присутствіе было дружеское, а увѣщаніе не дружеское. Одинъ видъ ихъ, прежде чѣмъ они сказали что-либо,

---

[1]) Вмѣсто читаемаго здѣсь въ текстѣ Патрологіи: φησίν представляется болѣе вѣроятнымъ чтеніе: φημί, употребляя каковое выраженіе святитель имѣлъ въ виду сдѣланное имъ выше (въ I, 22) объясненіе словъ, однородныхъ съ читаемыми здѣсь.

[2]) Въ евр. т. (см. русскій переводъ Библіи Синод. изд.) недостаетъ здѣсь, противъ греко-славянскаго, словъ: *приключившихся ему... предъ Богомъ*; слова, читаемыя здѣсь въ Слав. В.: *и не даде безумія Богу* отсутствуютъ и въ древнихъ сп. перевода 70-ти.

способенъ былъ смутить праведника. Наши несчастія мы яснѣе видимъ особенно при (сравненіи) съ благополучіемъ другихъ. Подумай, каково было ему видѣть себя въ такомъ (бѣдствіи), а ихъ, (своихъ) близкихъ и знакомыхъ—при прежнемъ благополучіи. И то тяжело, что всюду стало извѣстнымъ несчастіе: если услышали (объ этомъ) они, жившіе на такомъ разстояніи, то тѣмъ болѣе—тѣ, которые были ближе. А особенно печалило его не столько множество страданій, сколько то, что онъ казался страдавшимъ какъ нечестивый, беззаконный, какъ врагъ Божій и противникъ, проведшій жизнь въ лицемѣріи. У него была забота не о поврежденіи тѣла, а о гибели добраго имени; это не потому, что онъ былъ честолюбивъ или жилъ для славы въ гла-
577 захъ многихъ, а потому что видѣлъ, какъ многіе соблазнялись этимъ. Писатель передаетъ и имена друзей, говоря:

И никтоже отъ нихъ возглагола (ст. 13).

Душа, внезапно пораженная скорбью, бываетъ совершенно неспособна къ тому, чтобы слушать. Поэтому и они, видя несчастіе этого дома, и праведника, сидящаго на гноищѣ и покрытаго язвами, разорвали одежды, много плакали и сидѣли въ молчаніи, показывая этимъ, что ничто столь не соотвѣтствуетъ вначалѣ состоянію скорбящихъ, какъ совершенное молчаніе,—потому что страданіе было больше утѣшенія посредствомъ слова. Они пришли съ цѣлью утѣшить; но, не находя способа выполнить это, замолчали; и это сдѣлали разумно, утѣшая его своими поступками—присутствіемъ, разодраніемъ одеждъ. Все это хорошія, достойныя друзей, свидѣтельства сочувствія. Но то, что было потомъ, не было таково.

ГЛАВА III.

Посемъ отверзе Іовъ уста своя (ст. 1).

Полихронія и Златоуста. Точно сказано: *посемъ*, потому что, видя многихъ, приходящихъ къ нему и опять уходящихъ, онъ продолжалъ переносить страданія, а когда увидѣлъ бывшихъ съ Елифазомъ, пришедшихъ по знакомству и долго остававшихся при немъ, которые молчаніемъ свидѣтельствовали о необычайности происшедшаго,—а они не осмѣливались сказать слово утѣшенія, пока онъ самъ первый не начнетъ говорить,—то, не желая быть въ тягость имъ чрезъ молчаніе, прерываетъ его. Посмотримъ же, что онъ сказалъ, отверзши уста.

И прокля день свой, глаголя: да погибнетъ день, въ оньже родихся, и нощь оная, въ нюже рѣша: се мужескъ полъ (ст. 2—3).

Эти слова будемъ разсматривать не просто, но имѣя при этомъ въ виду то, что они сказаны скорбящей душой. Если бы онъ не сказалъ этого, то показался бы непричастнымъ общей (человѣческой) природѣ.

Та нощь буди тма, и да не взыщетъ ея Господь свыше, ниже да пріидетъ на ню свѣтъ: и да пріиметъ ю тма и сѣнь смертная (ст. 4—5).

Праведникъ, видя, какъ тяжесть случившагося вызвала къ нему друзей, думая о силѣ (постигшаго его) удара, размышляя о томъ, какъ тяжело имъ сидѣть (вмѣстѣ съ нимъ) въ теченіе долгаго времени и какъ прежде происходила встрѣча съ ними не при такихъ обстоятельствахъ, видя, какъ говорится, все окружающее его измѣнившимся къ худшему, и не отталкиваетъ ихъ безразсудно, такъ какъ не считаетъ умѣстнымъ оскорбленіями удалять пришедшихъ къ нему изъ уваженія, и просто не проситъ ихъ уйти, уважая ихъ дружбу. Но размышляя обо всемъ 580
этомъ и всѣмъ будучи терзаемъ, сказалъ слѣдующія слова, представляя друзьямъ нѣкоторый видъ защиты. Какъ хотѣлъ бы онъ бесѣдовать, но не можетъ, будучи удрученъ множествомъ несчастій! Что же говоритъ? *Та нощь буди тма*, то есть, пусть останется въ неизвѣстности, не вспоминается, пусть оставитъ ее Господь безъ попеченія, пусть не будетъ въ спискѣ ночей. Такъ какъ онъ говорилъ не о существующей природѣ или какомъ-либо животномъ, то просилъ не о смерти или гибели, а о продолженіи того, что противоположно дню; онъ какъ бы (говорилъ): пусть день охваченъ будетъ той и другой ночью посредствомъ продолженія тьмы и забытъ тѣми, которые ведутъ счетъ.

Почто бо во утробѣ не умрохъ? изъ чрева же изшедъ, и абіе не погибохъ (ст. 11)?

Когда Христосъ сказалъ: *добро бы было ему, аще не бы родился* (Мѳ. XXVI, 24), то этимъ не иное что показалъ, какъ то, что его [1]) ждетъ страшное и ужасное. Такъ и Іовъ, говоря: „если бы я не родился или, родившись, тотчасъ умеръ, такъ чтобы смерть сопутствовала рожденію“, не порицаетъ промышленія Божія, а изображаетъ величину несчастія. Но обрати вниманіе на осмотрительность въ томъ, что изливаетъ весь гнѣвъ на день, не осмѣливаясь преступить этого предѣла, и постоянно говоритъ: „день“, „ночь“, выражая чрезъ это, что тогда не испыталъ бы я

[1]) То есть Іуду, о которомъ сказаны слова.

настоящихъ бѣдствій, хотя и не получилъ бы награды за благочестіе.

Нынѣ убо уснувъ, умолчалъ быхъ, уснувъ же почилъ быхъ (ст. 13).

Мнѣ думается, что онъ успокоиваетъ друзей и убѣждаетъ въ томъ, что не высоко цѣнитъ дѣла человѣческія. Обрати поэтому вниманіе на слова любомудрія въ несчастіи.

Тамо нечестивіи утолиша ярость гнѣва: тамо почиша претруждецніи тѣломъ (ст. 17).

Но что ты говоришь: нечестивъ я и негоденъ? Но и эти имѣютъ успокоеніе. Затѣмъ (выражается) та послѣдняя похвала смерти, что одни перестали дѣлать худое, а другіе освободились отъ тяжелой работы; одни нашли убѣжище отъ бѣдствій, а другіе—препятствіе къ дѣланію худого; особенно же важно то, что нельзя ожидать возобновленія прежняго, что, успокоившись навсегда, останутся при этомъ успокоеніи, поэтому она (смерть) служитъ разрѣшеніемъ всѣхъ золъ.

Вкупѣ же въ вѣцѣ семъ бывшіи не слышатъ гласа собирающаго дань (ст. 18).

По мысли священное слово ублажаетъ не слушающихъ *голоса собирающаго дань.* Вѣдь тѣ, которые противятся плотскимъ похотямъ, попираютъ начала, побѣждаютъ духовъ злобы, становятся выше *голоса собирающаго дань*, то есть діавола, который отъ свободно подчинившихся ему требуетъ какъ бы нѣкоторой дани,
581 того именно, чтобы они дѣлали угодное ему. Такъ какъ праведники не слушаютъ его въ томъ, чтобы дѣлать худое, то вслѣдствіе этого они наслаждаются въ царствѣ небесномъ.

Малъ и великъ тамо есть, и рабъ боящйся[1] *господина своего* (ст. 19).

Большое, говоритъ, въ настоящей жизни неравенство, большая послѣ отшествія отсюда свобода и равенство, не нужно бояться тамъ перемѣнъ, какъ здѣсь; смерть служитъ препятствіемъ къ дѣланію зла, она—освобожденіе отъ тяжкой работы. (Съ ней) оканчивается то, что является несчастіемъ; боявшійся прежде своего господина не боится тамъ. Тамъ находятся всѣ: малый и большой, занимавшій высокое мѣсто и низкое.

Почто бо данъ есть сущимъ въ горести свѣтъ и сущимъ въ болѣзнехъ душамъ животъ (ст. 20)?

Златоуста и Полихронія. И это слова не осуждающаго (бо-

---

[1]) *Не — οὐ*, читаемое предъ *боящйся* въ Славян. В., согласно съ Алекс. и Синайскимъ сп. греческаго перевода, отсутствуетъ въ текстѣ Патрологіи, какъ и въ древн. Ватикан. сп.

жественный Промыслъ),—да не будетъ,—сказанное не съ одинаковымъ намѣреніемъ не должно быть принимаемо въ одинаковомъ смыслѣ,—а слова скорбящаго и желающаго знать то, для чего являются имѣющіе испытывать несчастія. Другимъ, проводящимъ жизнь въ богатствѣ или пользующимся тѣлеснымъ здоровьемъ, самая жизнь въ обществѣ доставляетъ удовольствіе. А не имѣющіе ничего подобнаго, въ продолженіе жизни испытывающіе только бѣдствія, не знаю, какую будутъ имѣть пользу вступая въ жизнь; и если другіе, можетъ быть, извлекаютъ изъ жизни удовольствіе, то эти какое?

Отсюда видимъ, что не только жизнь, но и смерть была полезна, когда она такъ желательна,—поэтому прибавляетъ:

Иже желаютъ смерти, и не получаютъ, ищуще яко сокровища: обрадовани же бываютъ, аще улучатъ (ст. 21—22).

Поэтому сказано: *время всякой вещи* (Еккл. III, 1); и еще: *о смерте, коль горька твоя есть память человѣку мирно во имѣніихъ своихъ живущу, мужеви непекущуся и благополучну во всѣхъ и еще возмогающу пріяти пищу* (Сир. XLI, 1—2); и еще: *о смерте, добръ судъ твой есть человѣку требующему, и умаляющуся крѣпостію, въ послѣдней старости сущему и пекущуся о всѣхъ, и невѣрствующу и погубившу терпѣніе* (ст. 3, 4). Поэтому и Іовъ, находясь въ несчастіи, желаетъ смерти и говоритъ это, чтобы ты, слыша совѣтъ жены: *рцы глаголъ нѣкій ко Господу и умри*, не подумалъ, что онъ не сказалъ по любви къ жизни, а не по благочестію. Дѣйствительно, признававшій смерть столь желанною для себя, считавшій ее за великое благо, не дерзнулъ искать ее, когда была близка къ нему.

Смерть бо мужу покой[1]*), затвори бо Богъ окрестъ его* (ст. 23). 584

Смыслъ (этихъ словъ) такой: если (смерть) успокоеніе, то почему не спѣшатъ (къ ней) многіе? Для того Богъ сдѣлалъ вожделѣнною намъ жизнь, чтобы мы не прибѣгали къ смерти.

Страхъ бо, егоже ужасахся, пріиде ми, и егоже бояхся, срѣте мя (ст. 25).

Причина того, что, подвергаясь такой бурѣ, такимъ необычайнымъ волнамъ, праведникъ оставался твердымъ, заключалась именно въ томъ, что, когда былъ богатъ, ждалъ бѣдности; когда пользовался здоровьемъ, имѣлъ въ виду болѣзнь; когда былъ отцемъ стольких дѣтей, думалъ о томъ, что внезапно сдѣлается бездѣтнымъ. Зная свойство человѣческихъ дѣлъ и принимая во

---

[1]) Соотвѣтствующаго словамъ Слав. Б.: *егоже путь сокровенъ есть* греческаго перевода не находится въ Патрологіи, какъ и въ древнѣйшихъ сп. 70-ти; въ евр. текстѣ они читаются.

вниманіе измѣнчивость ихъ, онъ постоянно поддерживалъ въ своей душѣ этотъ страхъ и безпокойство. Поэтому и сказалъ: *страхъ, егоже бояхся, срѣте мя.* И хорошо сказалъ: *срѣте мя;* онъ какъ бы говорилъ: къ нему я всегда уходилъ мыслями, такъ какъ постоянно душа обращалась къ этому, ожидая, надѣясь и предугадывая. Въ самомъ дѣлѣ, когда онъ проводилъ жизнь въ богатствѣ, роскоши и большой славѣ, онъ, не смотря на это, каждодневно носилъ въ душѣ несчастія другихъ. Поэтому ни одно изъ случившихся великихъ и тяжкихъ (бѣдствій) не привело его въ смятеніе.

Ни умирихся, ниже умолчахъ, ниже почихъ, и найде ми гнѣвъ (ст. 26).

Не сказалъ: „не умиряюсь, ниже умолкаю", а *не умирихся*, въ прошедшемъ времени. Если прежнее (благополучіе) и располагало предаваться удовольствіямъ, то ожиданіе печальныхъ событій не позволяло успокоиваться и наслаждаться настоящимъ. Поэтому, когда увидѣлъ исполнившимся на дѣлѣ то, что составляло предметъ его заботъ, то мужественно перенесъ это, съ давняго времени лежавшее у него на душѣ; видя на лицо то, чего онъ напередъ ожидалъ, онъ не изумился, и не былъ приведенъ въ смущеніе, а вмѣсто этого сказалъ: пришелъ на меня ожидаемый гнѣвъ, то есть, тяжкое и жестокое бѣдствіе, которому я подвергся и о которомъ я думалъ, прежде чѣмъ подвергся.

ГЛАВА IV.

Еда множицею глаголано ти бысть въ трудѣ? Тяжести же глаголъ твоихъ кто стерпитъ (ст. 2)?

Трудомъ Писаніе обыкновенно называетъ грѣхъ, такъ говорится: *подъ языкомъ его трудъ и болѣзнь* (Пс. IX, 28). Такимъ образомъ Елифазъ говоритъ: смотри, Іовъ, не сказалъ ли ты чего-либо въ грѣхѣ, и поэтому теперь такъ страдаешь. Не сказалъ: „не сдѣлано ли у тебя", а—„не *глаголано* ли *ти*", потому что жизнь его была свѣтла и всюду на землѣ онъ имѣлъ много па-
585 мятниковъ добродѣтели. Не сказалъ ли ты, говоритъ, этого, хотя дѣла твои хороши и добры,—вѣдь случается, что грѣхъ состоитъ въ словахъ.

Аще бо ты научилъ еси многи, и руцѣ немощныхъ утѣшилъ еси, немощныя же воздвиглъ еси словесы, колѣномъ же немощнымъ

силу обложилъ еси: нынѣ же пріиде на тя болѣзнь и коснуся тебе, ты же возмутился еси [1]) (ст. 3—5).

Златоуста и Полихронія. Не сказалъ о томъ, что сдѣлано имъ при богатствѣ, когда онъ могъ помогать бѣдности, а о томъ, что принесъ нѣкоторымъ пользу словами. А что говоритъ, состоитъ въ слѣдующемъ. Настоящее, говоритъ, не соотвѣтствуетъ древнему мнѣнію: многократно поддерживавшій другихъ словами, поднимавшій почти павшихъ, что ты терпишь? Какъ ты не можешь перенести постигшее тебя страданіе, а „поспѣшилъ" [2]), то есть, приведенъ въ смущеніе? А употреблено это слово [3]) потому, что приводимые въ безпокойство ускоряютъ шагъ (σπεύδειν). Помня собственныя слова и принимая ихъ въ уваженіе, ты долженъ любомудрствовать не только при несчастіяхъ другихъ, но и при своихъ собственныхъ. Обрати вниманіе и на то, что Іовъ, по свидѣтельству Елифаза, кромѣ другихъ добродѣтелей, имѣлъ даръ учительства и по милости Божіей произносилъ слова увѣщанія, которыми онъ ободрялъ и утѣшалъ находящихся въ несчастіи. Это не обидныя слова Елифаза, но слѣдующія далѣе произнесены безъ вниманія къ свойству утѣшаемаго лица. Послушай:

Еда страхъ твой есть не въ безуміи, и надежда твоя и злоба пути твоего (ст. 6)?

А Акила: „терпѣніе твое и простота путей твоихъ", напрасное выдумываетъ объясненіе. Поелику сказалъ: *страхъ, егоже ужасахся, пріиде ми* (III, 25), то и говоритъ, что этотъ страхъ былъ *въ безуміи* и *надежда* отъ *злобы* сердца твоего, такъ какъ не мыслимо, чтобы ведущій добрую жизнь ожидалъ этого; такъ ты самъ обличилъ себя въ томъ, что жизнь твоя была порочна; если ты надѣялся на чистоту, то страхъ излишенъ.

Отъ повелѣнія Господня погибнутъ, отъ духа же гнѣва его исчезнутъ (ст. 9).

Словами: *отъ повелѣнія Господня* даетъ понять: не думай, что случившееся есть дѣло демоновъ или умысла людей; наказываетъ Богъ; поэтому не подлежитъ сомнѣнію, что это наказаніе справедливое.

Аще же глаголъ кій истиненъ бѣ въ словесѣхъ твоихъ (ст. 12).

Слова: *глаголъ кій истиненъ бѣ въ словесѣхъ твоихъ* показываютъ, что Іовъ многократно произносилъ изреченія, достойныя уваженія, или побуждая другихъ къ соревнованію или (для объясненія божественнаго) управленія (ἢ καὶ ἑτέρας ἕνεκεν οἰκονομίας).

---

[1]) Въ Патрологіи, согласно съ списками перев. 70-ти, читается: ἐσπούδασας = (буквально) „поспѣшилъ".

[2]) Здѣсь читается тоже ἐσπούδασας.

[3]) То есть, „поспѣшилъ".

Аще рабомъ своимъ не вѣруетъ и во ангелахъ своихъ стропотно что усмотрѣ (ст. 18).

553 Хорошо сказалъ: *усмотрѣ*, показывая черезъ это Его премудрость, чтобы не возвеличивало ихъ превосходство природы, а были бы они совершенно подчинены Богу. *Аще и въ нихъ стропотно что усмотрѣ*, то есть, наказалъ оставившихъ свое жилище.

Порази ихъ (αὐτοὺς) [1]) *якоже молiе, и отъ утра даже до вечера ктому не суть* (ст. 19—20).

Порази ихъ *якоже молiе*, то есть, поразилъ легко и самое внутреннее. *Дхне* (ст. 21), то есть, не дѣлая усилія, а захотѣлъ только, и жизнь ихъ окончилась. Сказано это въ переносномъ смыслѣ отъ обычая разгнѣванныхъ, которые вмѣсто того, чтобы дѣлать выговоръ, надуваются. *Отъ утра до вечера не суть* сказано или потому, что Іовъ подвергся всему въ одинъ и тотъ же день, или чтобы показать, что Богъ не имѣетъ нужды во времени, когда наказываетъ нечестивыхъ.

ГЛАВА V.

Не иматъ бо отъ земли изыти трудъ (а Симмахъ: „не выйдетъ изъ праха скорбь“), *ни отъ горъ прозябнути болѣзнь: но человѣкъ раждается на трудъ, птенцы же суповы высоко парятъ* (ст. 6—7).

Что же? Развѣ пользуются особеннымъ промышленіемъ? Нѣтъ, поелику ни земля, ни горы... [2]), такъ какъ лишены чувства: это, говоритъ, естественный предметъ, безсильный избѣгнуть несчастія. Чтобы не сказалъ опять кто-либо, что праведенъ, говоритъ, что природа человѣческая такова, не безгрѣшна. Такимъ образомъ Елифазъ приводитъ доказательство отъ природы и говоритъ, что человѣку свойственно быть испытываемымъ посредствомъ несчастій. Тотчасъ по рожденіи онъ обреченъ на трудъ и вся жизнь полна работы и горя. Поэтому наша природа стоитъ ниже того, что производится землею и горами, какъ заключающая печаль въ рожденіи и возрастаніи. Птицамъ дано безпечально летать и безъ труда собирать пищу; для человѣка это невозможно помимо труда.

---

[1]) „Ихъ“, не читаемое здѣсь въ Слав. Б., читается въ текстѣ Патрологіи и въ древнихъ греч. спискахъ.

[2]) Здѣсь въ текстѣ, по всей вѣроятности, пропускъ.

Дающаго дождь на землю, посылающаго воду на поднебесную (ст. 10).

Это первое Его благодѣяніе, которымъ поддерживается наша жизнь и показывается смѣна временъ.

Немощный же да изыдетъ изъ руки сильнаго: буди же немощному надежда, неправеднаго же уста да заградятся (ст. 15—16).

Это дѣлаетъ Богъ, чтобы и слабый надѣялся на лучшее, и беззаконникъ не превозносился, а велерѣчивый языкъ обуздался и высокомѣрный смирился.

Блаженъ же человѣкъ, егоже обличи Богъ, наказанія же Вседер- 589
жителева не отвращайся (ст. 17).

Если Онъ прекращаетъ бѣдствіе, приводитъ въ противоположное этому состояніе и даетъ наслаждаться глубокимъ миромъ, то это дѣлаетъ не по иному расположенію, а по тому же самому.

Шестижды отъ бѣдъ изметъ тя, въ седмѣмъ же не коснется тися зло (ст. 19).

То есть, не всегда творитъ тоже; вначалѣ попускаетъ подвергаться испытанію, а послѣ этого (не дѣлаетъ) испытанія, такъ что нѣтъ надобности и избавлять.

Отъ бича языка скрыетъ тя (ст. 20).

Немаловажное, а весьма великое дѣло—избавиться отъ человѣка, не говорящаго ничего добраго. Ничего нѣтъ хуже языка, онъ хуже, нестерпимѣе всякаго навѣта, всякаго меча.

Неправеднымъ и беззаконнымъ посмѣешися, отъ дивіихъ же звѣрей не убоишися[1]***: звѣріе бо дивіи примирятся тебѣ*** (ст. 22—23).

Вообще, не только внѣшніе будутъ относиться къ тебѣ миролюбиво, но и домъ будетъ наслаждаться большимъ миромъ, и находящіеся будутъ жить въ согласіи между собою и съ тобою. А съ миромъ внутри дома ничто несравнимо; какая польза отъ примиренія съ внѣшними врагами, когда внутри дома вражда?

Внидеши же во гробъ, якоже пшеница созрѣлая во время пожатая: или якоже стогъ гумна во время свезеный (ст. 26).

То есть, украшенный всѣмъ добрымъ, раздѣливъ близкимъ своимъ наслѣдство; такъ ты умрешь, достигнувъ благословенной старости и не имѣя недостатка ни въ (продолжительности) времени, ни въ (необходимомъ для) жизни.

---

[1]) Слѣдующія непосредственно затѣмъ въ Слав. Б. слова: *зане съ каменіемъ дивіимъ завѣтъ твой* не читаются въ Патрологіи, какъ и въ древн. Ватикан. спискѣ; въ Александр. сп. и др., равно какъ въ евр. т., они находятся.

ГЛАВА VI.

Отвѣщавъ же Іовъ, рече: аще бо кто вѣся извѣсилъ гнѣвъ мой, болѣзни же моя взялъ бы на мѣрило вкупѣ, то песка морскаго тягчайшіи были бы (ст. 1—3).

Полихронія и Златоуста. Аще бо (εἰ γὰρ) поставлено вмѣсто: „о, если бы“ (εἴθε γὰρ); *гнѣвомъ* здѣсь называетъ печаль и страданіе души, происходящее отъ несчастій; подъ *болѣзнями* разумѣются тѣ, которыя причиняютъ тѣлу раны; указывая на силу страданія, сказалъ: *вкупѣ*. А то, что говоритъ, состоитъ въ слѣдующемъ: при видѣ чужихъ бѣдъ вы мудрствуете и, стоя вдали отъ моихъ несчастій, съ увѣренностью даете совѣты. Если бы возможно было мои страданія и болѣзни взять особо и какъ бы на вѣсахъ взвѣсить съ приморскимъ пескомъ, то онѣ вѣсили бы тяжелѣе, чѣмъ послѣдній; а сравниваетъ съ морскимъ пескомъ потому, что онъ болѣе влаженъ.

592 *Егда начну глаголати, бодутъ мя* (ст. 4).

Посмотри на несчастіе: въ глазахъ тѣхъ, которые должны бы пожалѣть меня, я являюсь достойнымъ ненависти и осужденія.

Не можетъ бо утишитися гнѣвъ (ἡ ὀργή) [1]) *мой: смрадъ бо зрю брашна моя, якоже воню львову* (ст. 7).

Какъ бы стоя предъ лицемъ вселенной, этотъ славный (мужъ) чрезъ постигшія его страданія обращается ко всѣмъ, чтобы съ твердостью переносили все и не ослабѣвали при наступленіи бѣдствій. Нѣтъ, нѣтъ ни одного человѣческаго страданія, переносящій которое не могъ бы извлечь отсюда утѣшенія. Разсѣянныя во вселенной страданія, соединившись вмѣстѣ, обрушились на него. Какое же может быть извиненіе для не могущаго съ благодарностью претерпѣть часть перенесенныхъ имъ бѣдствій, тогда какъ онъ является переносящимъ не часть только, а всѣ несчастія всѣхъ людей? Что можетъ быть бѣднѣе Іова, который былъ бѣднѣе брошенныхъ въ банѣ, спящихъ на печной золѣ и вообще — всѣхъ людей? Эти имѣютъ одежду, хотя разорванную; а онъ сидѣлъ голый, и ту единственную одежду, данную природой, покрывающую тѣло кожу, и ее во всѣхъ мѣстахъ испортилъ діаволъ сильнымъ гноемъ. Тѣ покрываются хотя соломой; а онъ ночевалъ на открытомъ воздухѣ, не пользуясь простымъ прикрытіемъ. Особенно важно то, что они знаютъ за собой

---

[1]) Ὀργή читается согласно съ древн. Ватикан. сп.; въ Слав. В. вмѣсто этого: *душа моя* согласно съ Синайск. и Александр. сп.

много худого, въ чемъ себя могутъ обвинить (а сознаніе справедливости наказанія служитъ не малымъ утѣшеніемъ въ несчастьи), онъ же лишенъ былъ и этого утѣшенія и, проведши жизнь, исполненную добродѣтели, подвергся страданіямъ самыхъ тяжкихъ злодѣевъ. Тѣ съ начала (своей жизни) привыкли къ несчастью, а онъ неожиданно впалъ въ бѣдность и при томъ— самую крайнюю, равной которой нельзя найти. Что можетъ быть бѣднѣе голаго, не имѣющаго покрова? Даже и какимъ-либо кускомъ земли онъ не могъ распорядиться,—сидѣлъ не на землѣ, а на гноищѣ. Итакъ одно это несчастіе служитъ для людей причиной всѣхъ вмѣстѣ бѣдствій. Второе послѣ этого или—скорѣе прежде этого несчастіе составляетъ пораженіе тѣла. Кто испыталъ это? Постепенно тѣло у него истощалось, изъ членовъ его всюду вырывался источникъ червей; теченіе его не прекращалось; всюду (распространялось) большое зловоніе; тѣло, постепенно разлагавшееся и при такомъ истощеніи предававшееся гніенію, дѣлало непріятною пищу и у него явился странный и необычайный голодъ; онъ не могъ принимать даваемую ему пищу. *Смрадъ бо*, говоритъ, *зрю брашна моя, якоже воню львову.* Что тяжелѣе этого мученія? Сонъ не давалъ отдыха, пища не питала. *Якоже воню львову*, говоритъ, потому что животное это особенно зловонно. Такъ какъ оно имѣетъ отъ природы жадность, то Богъ сдѣлалъ 595
его болѣе отвратительнымъ, чѣмъ другихъ животныхъ; говорятъ, что другія животныя не употребляютъ остатки его пищи вслѣдствіе остающагося въ нихъ зловонія его. Что можетъ кто-либо сказать объ этомъ голодѣ, новомъ и не могущемъ быть объясненнымъ? Добровольнымъ (или) вынужденнымъ не могу его назвать, и не нахожу соотвѣтствующаго названія этому виду несчастія; онъ отказывался отъ предложеннаго стола и не прикасался къ бывшей предъ глазами пищѣ, такъ какъ зловоніе, выходившее отъ ранъ на тѣлѣ, уничтожало аппетитъ и самую пищу дѣлало непріятной. Указывая на это, говоритъ: *смрадъ бо зрю брашна моя.* Голодная нужда побуждала принимать пищу,— а большое зловоніе, распространяемое тѣломъ, преодолѣвало силу голода. Поэтому, какъ сказалъ, не умѣю его назвать: добровольнымъ ли?—но онъ хотѣлъ вкушать предложенную пищу; вынужденнымъ ли?—но у него была пища и никто не препятствовалъ (принимать ее).

Кая бо крѣпость моя, яко терплю (ст. 11)?

Какую имѣю я силу, чтобы переносить это? Слѣдовательно, онъ терпитъ не потому, что крѣпокъ, а потому, что этого требуетъ благочестіе и страхъ Божій; иначе онъ наложилъ бы на себя руки; теперь это дѣло онъ предоставляетъ молитвѣ, а не своей отвагѣ.

Не воззрѣша на мя ближніи мои: якоже потокъ оскудѣваяй, или якоже волны преидоша мя (ст. 15).

И то, что ближніе пренебрегаютъ такими страдальцами, есть дѣло попущенія Божія. Когда Онъ отступитъ и человѣкъ лишится Божіей помощи, все дѣлается для него враждебнымъ и непріязненнымъ. Какъ вы обвиняете, говоритъ, подвергшагося многимъ бѣдствіямъ, оставленнаго всѣми безъ помощи, огорчаемаго и терзаемаго тѣмъ, что неожиданно всюду измѣнилось для меня въ противоположное?

Иже мене бояхуся, нынѣ нападоша на мя (ст. 16).

Златоуста и Полихронія. Что говорить, говоритъ онъ, о ближнихъ, что презрѣли? Даже усилили несчастія, и это—тѣ, которые незадолго передъ тѣмъ трепетали моего имени?

Убо видѣвше мой струпъ убойтеся (ст. 21).

Смотрите, говоритъ, не требуйте жестокаго наказанія. Если ничто другое, ни дружба, ни благодѣянія, не дѣлаетъ васъ сострадательными, то самый видъ моихъ язвъ долженъ наполнить васъ милосердіемъ.

596 *Что бо? Еда что у васъ просихъ, или вашея крѣпости требую, да спасете мя отъ враговъ, или изъ руки сильныхъ избавите мя* (ст. 22—23)?

Развѣ, говоритъ, былъ я чѣмъ-либо вамъ въ тягость? Или обращался къ вашему содѣйствію противъ враговъ моихъ? Развѣ просилъ помочь въ бѣдности подаркомъ? Ни прежде не имѣлъ въ васъ нужды, ни теперь; вы сами добровольно пришли, имѣя какъ будто намѣреніе утѣшить. Что же вы поступаете, какъ враги?

Научите мя, азъ же умолчу: аще что погрѣшихъ, скажите ми (ст. 24).

Если я кажусь погрѣшившимъ въ чемъ-либо, покажите мнѣ. Они же не могли выставить ясныхъ обвиненій, а (дѣлали это) просто по предположенію. Ясно было, что (онъ) былъ (человѣкъ) добродѣтельной жизни; а что былъ не таковъ, выводили это изъ (постигшихъ его) наказаній.

Не отъ васъ бо крѣпости прошу, ниже обличеніе ваше словесы мя утолитъ: ниже бо вѣщанія вашего словесъ стерплю. Обаче яко на сира нападаете, наскачете же на друга вашего (ст. 25—27).

Не прошу, говоритъ, о помощи вашей, не снисходите ко мнѣ, не говорите, какъ желающіе подкрѣпить (меня), пристрастно, но обличайте меня смѣло, такъ какъ не боюсь вашихъ обличеній и, имѣя чистую совѣсть, не удовольствуюсь словами, но, отвѣчая каждому, надѣюсь одержать побѣду. Вижу, однако, что, не думая ни о несчастіи, ни о дружбѣ, вы такъ нападаете на меня съ своими обвиненіями, какъ будто я совершенно лишился

Божіей помощи, и ни несчастіе, ни дружба не смягчили васъ. Но я, хотя бы вы стали на противоположную сторону, не оставлю спора, но буду возражать вамъ и приступлю къ защитѣ (себя), такъ какъ за собой ничего не знаю.

ГЛАВА VII.

Не искушеніе ли житіе человѣку на земли, и яко же наемника повседневнаго жизнь его? Или якоже рабъ боящися Господа своего и улучивъ сѣнь? Или якоже наемникъ ждый мзды своея (ст. 1—2)?

Развѣ, говоритъ, не является вамъ жизнь всѣхъ людей исполненною искушеній и бѣдъ? И всякій человѣкъ не подобенъ ли поденному наемнику, работающему цѣлый день, чтобы получить что-либо, или слугѣ, боящемуся своего господина и пользующемуся небольшимъ хотя отдыхомъ, или вообще наемнику, хотя и не поденному, послѣ многихъ трудовъ получающему нѣкоторую награду?

Этимъ хочетъ показать тяготу и краткость жизни и говоритъ: развѣ полна она только трудами, а (вмѣстѣ съ этимъ) и не опасностями? Мнѣ думается, что говоритъ о бѣгломъ рабѣ,
находящемся постоянно въ страхѣ вслѣдствіе бѣгства. На это 597
указываютъ слова: *улучивъ сѣнь*, то есть, принимающій, подъ вліяніемъ страха, несуществующее за существующее и ищущій тѣни, которая бы укрыла его. А если жизнь есть испытаніе, то возможно ли, чтобы находящійся на испытаніи не впалъ въ искушеніе? Такимъ образомъ не за неправедность, а по свойству вещей слѣдуетъ терпѣть то, что я переношу.

Нощи же болѣзней даны ми суть. Аще усну, глаголю: когда день? егда же востану, паки: когда вечеръ? Исполненъ же бываю болѣзней отъ вечера до утра (3—4).

Видишь тяжкое искушеніе ночью, которое само по себѣ ново и необычайно? Для всѣхъ другихъ людей, хотя терпѣли бы безъ числа многое, хотя были бы въ темницѣ, хотя бы закованы были въ цѣпи, хотя оплакивали бы несчастія, хотя лишились бы нѣкоторой части тѣла, хотя угнетались бы бѣдностью, болѣзнью, трудами и бѣдами, наступающая ночь приноситъ утѣшительное врачество, освобождая тѣло отъ трудовъ, избавляя душу отъ заботъ. А для Іова въ то время пристань сдѣлалась утесомъ, врачество обратилось въ язву, облегченіе сдѣлалось усиленіемъ скорби. Ночь, дающая покой всѣмъ людямъ, была (для него) страшнѣйшей бурей. Убѣгалъ отъ дня, какъ отъ волнъ, вслѣд-

ствіе тѣхъ нестерпимыхъ скорбей, а находилъ треволненіе, вихри, подводные камни и утесы, почему снова искалъ волнъ, бывающихъ днемъ. Тяготясь тѣмъ, что было, желалъ того, чего не было, спѣша вслѣдствіе страданій пользоваться промежутками. Поэтому и самъ, говоря объ этомъ новомъ страданіи, взывалъ: *аще усну, глаголю: когда день? егда востану,* говорю: *когда вечеръ?* Скажи мнѣ, почему? Во время дня естественно ты ищешь ночи, какъ дающей всѣмъ отдыхъ отъ ежедневныхъ трудовъ. А во время ночи, при тишинѣ и забвеніи тѣхъ скорбей и заботъ, скажи мнѣ, почему опять ищешь дня? Потому что ночь тяжелѣе дня, такъ какъ приноситъ не отдыхъ отъ трудовъ, а усиленіе ихъ, безпокойство и смятеніе. Указывая на это, онъ сказалъ: *устрашаеши мя соніями и видѣніями ужасаеши мя* (ст. 14). Онъ приходилъ въ ужасъ, имѣя ночью страшныя видѣнія и испытывая большой страхъ, волненіе и потрясеніе; данная другимъ людямъ для отдыха, она была для него скорѣе умноженіемъ бѣдъ.

Мѣсится же мое тѣло въ гной червей: обливаю же грудіе земли, гной стружа (ст. 5).

Словами: *обливаю грудіе земли* показываетъ, что онъ дѣй-
600 ствовалъ, мнѣ думается, уже не черепкомъ, а дѣлалъ это посредствомъ (комьевъ) земли. Чрезъ все это онъ вразумляетъ, конечно, друзей и относительно терпѣнія, и относительно устраненія мысли, что онъ страдаетъ за грѣхи, чтобы на основаніи чрезмѣрности бѣдствій они не думали, будто онъ такъ порочень, что обреченъ на такія страданія. Имъ нужно было подумать о томъ, что ихъ касается, и такъ судить и о томъ, что касается Іова. Не прекращающіяся боли, и гной, и черви показывали вмѣстѣ терпѣніе и твердость.

Житіе же мое есть скоряе бесѣды (другіе перевели: „скорохода"), *погибе же во тщей надеждѣ* (а Симмахъ: „дни же мои прошли при отсутствіи надежды") (ст. 6).

Слова: *житіе мое скоряе бесѣды* указываютъ, можетъ быть, на скоротечность жизни, потому что она не останавливается, а течетъ, какъ бесѣда. Могутъ также означать и чрезмѣрность скорби и что переносимыя страданія приближаютъ его къ смерти. А переводъ: „быстрѣе скорохода" (даетъ понять), что какъ тѣ, прежде чѣмъ остановятся, бѣгутъ, такъ и слава, прежде чѣмъ достигнешь, улетаетъ. *Погибе во тщей надеждѣ,* говоритъ, *жизнь моя.* Почему? Потому что трудился и не получилъ награды, потому что я въ несчастіи и не имѣю добраго конца. Затѣмъ, прекративъ бесѣду съ друзьями, обращается наконецъ къ молитвѣ и говоритъ:

Аще бо человѣкъ снидетъ во адъ, ктому не взыдетъ, ни возвра-

тится во свой домъ, ниже иматъ его познати ктому мѣсто его (ст. 9—10).

Тѣмъ особенно удивительны эти слова праведника, что, не зная ничего о воскресеніи, онъ подвергался скорбямъ, перенося ихъ съ твердостію. Что онъ не имѣлъ яснаго представленія о тайнѣ воскресенія изъ мертвыхъ, видно изъ того, что сошедшему, говоритъ, черезъ смерть въ адъ не дано, снова оживши, возвратиться въ свой домъ, но что исчезнетъ и память объ немъ, когда удалится изъ среды живыхъ; умершему воскреснуть невозможно.

Рекохъ, яко утѣшитъ (παρακαλέσει) *мя одръ мой* (а Симмахъ: „успокоитъ" = παρηγορήσει), *произнесу же ко мнѣ наединѣ слово на ложи моемъ* (а Θеодотіонъ: „унесетъ меня въ бесѣдѣ моей ложе мое" [1]). *Устрашаеши мя соніями и видѣніями ужасаеши мя* (ст. 13—14).

Что было съ праведникомъ,—не было ни съ кѣмъ другимъ, потому что ночь не приносила ему отдыха, а увеличивала дневныя бѣдствія страшными ночными призраками. Что въ сновидѣніяхъ онъ страдалъ тяжко, послушай, что говоритъ: для чего *устрашаеши мя соніями и видѣніями ужасаеши мя?* Какой желѣзный, какой адамантовый человѣкъ могъ переносить такія стра- 601
данія? Если и каждое изъ нихъ само по себѣ непереносимо, то подумай, какое смятеніе возбуждали они всѣ вмѣстѣ? Однако, онъ все это перенесъ, и во всемъ, что произошло съ нимъ, не согрѣшилъ даже устами своими, и при томъ не имѣя промежутка въ несчастіяхъ, а день и ночь будучи мучимъ страданіями. Не стану говорить о томъ, что онъ терпѣлъ во время дня; но и ночь не давала ему покоя. Поэтому сказалъ: *видѣніями ужасаеши мя*; и въ самое, говоритъ, время отдыха, когда надѣюсь освободиться отъ своихъ думъ, уснуть и успокоиться, снятся мнѣ страшныя сновидѣнія. Бываетъ это естественно въ особенности съ тѣми, которые подвергаются испытаніямъ во время дня, какъ говоритъ Екклезіастъ: *яко приходитъ соніе во множествѣ* искушеній (πειρασμῶν) [2]). Возможно, что и діаволъ, показывая какіе-либо страшные призраки, приводилъ его снами въ страхъ и смущеніе. А этотъ блаженный, не удостовѣренный въ томъ, что противъ него дѣйствуетъ діаволъ, приписываетъ и это и искушенія Богу. А

---

[1]) Συμβαστάσει με ἐν τῇ ἀδολεσχίᾳ μου ἡ κοίτη μου.

[2]) Вмѣсто πειρασμῶν читается въ древн. греч. спискахъ: πειρασμοῦ. Соотвѣтствующій этому—по мѣсту въ текстѣ—рѣченію славянскій переводъ: *попеченія* служитъ, повидимому, передачей еврейскаго текста. См. русскій переводъ Синодальнаго изданія, гдѣ этому соотвѣтствуетъ: *заботъ*.

и это было дѣло діавола, такъ какъ Богъ ничего ему не причинилъ, а все сдѣлано было діаволомъ.

ГЛАВА VIII.

Еда Господь обидитъ судяй, или вся сотворивый возмятетъ правду (ст. 3)?

Златоуста, Полихронія и Олимпіодора. Не видишь ли, говоритъ, какая въ твореніи правильность, какой порядокъ? Возможно ли, чтобы Богъ произнесъ о комъ-либо рѣшеніе безъ суда? Создавшій все въ порядкѣ и гармоніи и положившій начало человѣколюбію неужели въ отношеніи тебя одного нарушилъ равенство правды и подвергъ тебя несчастію вопреки справедливости? Итакъ слегка онъ осуждаетъ святого, какъ страдающаго справедливо, за грѣхи, будучи одного и того же мнѣнія съ говорившимъ прежде (IV, 1), (то есть) что несчастія всецѣло посылаются за грѣхи. А надлежало думать, что это бываетъ не только съ порочными, но и съ добрыми, безразлично, и что праведникъ, переносящій бѣдствія и скорби, дѣлается еще болѣе удивительнымъ. Поелику не могъ обличить его въ грѣхѣ, обращается къ сыновьямъ (εἰς τοὺς υἱούς) [1]) и говоритъ:

Вопроси бо рода перваго, изслѣди же по роду отцевъ: вчерашни бо есмы и не вѣмы: сѣнь бо есть наше житіе на земли (ст. 8—9).

Что говоритъ, состоитъ въ слѣдующемъ. Такъ какъ мы кратковременны, то спросимъ старыхъ и они скажутъ, что какъ травѣ нельзя вырости безъ влаги, такъ невозможно сохранить благополучіе безъ правды, что благоденствіе беззаконниковъ не
604 можетъ быть прочнымъ и что за грѣхи—наказанія.

ГЛАВА IX.

Отвѣщавъ же Іовъ, рече: воистинну вѣмъ, яко тако есть (ст. 1).

Какой смыслъ выражаютъ эти слова? *Вѣмъ,* говоритъ, что нечестивые погибаютъ, а праведные не погибаютъ. Видишь, что онъ нисколько не осуждаетъ Бога въ несправедливости.

---

[1]) Вмѣсто: *къ сыновьямъ* нужно, по смыслу приводимыхъ далѣе словъ, читать: „къ предкамъ" (εἰς τοὺς προγόνους).

Творяй велія и неизслѣдованная, славная же и изрядная, имже нѣсть числа (ст. 10).

Развѣ то, о чемъ я прежде сказалъ (ст. 5—9), не велико, развѣ не принадлежитъ къ неизслѣдимому, хотя это видимо? А не тѣмъ ли болѣе невидимое? Смотри: нигдѣ не говоритъ о существѣ, а только объ Его дѣйствіяхъ. И къ чему, говоритъ, указывать на каждое изъ нихъ? Дѣла Божіи велики, непостижимы и безчисленны.

Многа же ми сотренія сотвори всуе (ст. 17).

Это и Богъ говорилъ о немъ: *ты же реклъ еси имѣнія его погубити вотще* (II, 3). Что удивляешься, если онъ говоритъ то, что сказалъ Богъ, что *всуе*, не потому что согрѣшилъ, а что ничего не выйдетъ изъ этого истязанія и наказанія.

Аще бо измыюся снѣгомъ и очищуся руками чистыми довольно, въ сквернѣ омочилъ мя еси, возгнушася же мною одежда моя (ст. 30—31).

Златоуста и Олимпіодора. У древнихъ былъ обычай очищать нечистоту тѣла въ банѣ; былъ и такой древній обычай, когда хотѣли показать, что не имѣютъ участія въ какомъ-либо грѣхѣ, то мыли руки (говоря): *неповиненъ есмь* (Матѳ. XXVII, 24) въ такомъ дѣлѣ, какъ сдѣлалъ Пилатъ относительно Спасителя, и Давидъ воспѣвалъ: *омыю въ неповинныхъ руцѣ мои* (Пс. XXV, 6). Итакъ, онъ говоритъ, что хотя бы онъ былъ чистъ, эти сильныя испытанія и наведенныя наказанія показываютъ, по составившемуся понятію, что я замаранъ и не чистъ, такъ что и прикасающійся къ моей одеждѣ считаетъ себя осквернившимся; каждый думаетъ, что я такъ страдаю вслѣдствіе множества грѣховъ. А говоритъ объ этомъ потому, что друзья его въ доказательство его грѣховности указываютъ на то, что съ нимъ произошло. Что же говоритъ, состоитъ въ слѣдующемъ. Примѣромъ нечестія я представляюсь всѣмъ,—*почто же не умрохъ* (ст. 29)? Вѣдь нечестивый долженъ быть взятъ изъ среды живыхъ, чтобы не былъ учителемъ для другихъ. Хотя бы я былъ чище солнца, на мнѣ лежитъ не случайное пятно. Даже и тѣ, которые столь близки, какъ одежда къ тѣлу, и они возненавидѣли меня, по причинѣ наказанія; такъ отвратились отъ меня, какъ отъ грѣшнаго и преступнаго, какъ отъ не чистаго. Отвратительнымъ стало у меня и тѣло; это значитъ: *одежда*. А могутъ быть слова: *возгнушася мною одежда моя* понимаемы и такъ, что отъ меня бѣжитъ и одежда, какъ бы возненавидѣвшая меня; то есть, онъ какъ бы говоритъ, не могу и одѣться, потому что тяжко изъязвленъ. 605

ГЛАВА X.

Яко презрѣлъ еси дѣла руку Твоею, совѣту же нечестивыхъ внялъ еси (ст. 3).

Видишь ли, что хочетъ судиться не потому, что хорошо поступаетъ, а потому что (говоритъ) побуждаетъ меня къ этому самое страданіе,—боюсь, чтобы не повредило,—нѣкоторые могутъ подумать или то, что Ты не промысляешь о людяхъ, которыхъ создалъ, или что порочные пользуются у Тебя особеннымъ благоволеніемъ и желанія ихъ особенно угодны Тебѣ.

Вѣси бо, яко не нечествовахъ: но кто есть изимаяй изъ руку Твоею (ст. 7)?

Златоуста и Олимпіодора. И я знаю, что не поступалъ нечестиво, но, можетъ быть, я сдѣлалъ что-либо нечестивое по невѣдѣнію: когда Ты будешь наказывать, никто не можетъ оправдаться. Но если, по моему разумѣнію, я не поступалъ нечестиво, знаю, что Твоей воли невозможно избѣжать. То есть: хотя за собой не знаю (ничего худого), но да владычествуетъ воля Твоя, которая лучше насъ знаетъ то, что намъ нужно.

Руцѣ Твои сотвористѣ мя и создастѣ мя (ст. 8).

Златоуста и Олимпіодора. Я, говоритъ, дѣло рукъ Твоихъ, хотя грѣшникъ. Видишь, какъ и Творцемъ признаетъ Бога, и умоляетъ пощадить собственное созданіе.

Потомъ же преложивъ, поразилъ мя еси (Акила и Ѳеодотіонъ: „вмѣстѣ кругомъ потопилъ меня“) (ст. 8).

Признавая Его, слѣдовательно, виновникомъ творенія и промышленія и Господомъ, обращаетъ слово въ молитву, умоляя памятовать о слабости и недолговременности (человѣческой) природы и о томъ, что въ началѣ по благости создалъ и прогнѣвавшись наказалъ смертью, и говоритъ:

Или не якоже млеко измелзилъ мя еси, усырилъ же мя еси равно сыру? Кожею же и плотію мя облеклъ еси, костми же и жилами сшилъ мя еси: животъ же и милость положилъ еси у мене, посѣщеніе же твое сохрани мой духъ (ст. 10—12).

Сѣмя, изъ котораго образуется животное, называетъ выдоеннымъ молокомъ, и какъ выдоенное молоко дѣлается сыромъ, такъ и сѣмя, вылившееся и сгустившееся, дѣлается естествомъ (φύσις); это—первое состояніе зародыша. Сѣмя, положенное въ ложесна
108 утробы, когда подобно сыру сгустится и уплотнится, дѣлается естествомъ, затѣмъ оно образуется или, какъ говоритъ Писаніе (Исх. XXI, 22, 23), *изображается* (ἐξεικονίζεται) и принимаетъ какъ бы образъ; жидкое естество сгущается и положенное (въ утробу) раз-

дѣляется на кожу, мясо, кости и жилы; эти отдѣльныя части сами по себѣ, когда есть душа, имѣютъ жизненное развитіе, а когда она выходитъ, остаются безъ движенія. И не только, говоритъ, далъ мнѣ жизнь, чѣмъ указывается собственно на твореніе, но и сотворилъ милость со мною, подъ которою разумѣется промыслительная благодать: во всю жизнь я наслаждался Твоимъ промышленіемъ. Это и значатъ слова: *посѣщеніе твое сохрани мой духъ*, то есть, и послѣ происхожденія, благодаря Твоему промышленію, я пользуюсь жизнью. И вообще чрезъ то, что передъ тѣмъ и здѣсь говорится, показываетъ весь ходъ и гармонію тѣлеснаго состава.

ГЛАВА XI.

Не глаголи бо, яко чистъ есмь дѣлы и безпороченъ предъ Нимъ (ст. 4).

И самъ онъ сказалъ: *воистинну вѣмъ*, что нѣтъ смертнаго, который былъ бы чистъ предъ Господомъ (IX, 2). Видишь, какъ приписываютъ ему противоположное (тому, что онъ говоритъ).

ГЛАВА XII.

Но вопроси четвероногихъ, аще ти рекутъ, и птицъ небесныхъ, аще ти возвѣстятъ: повѣждь земли, аще ти скажетъ, и исповѣдятъ ти рыбы морскія. Кто убо не разумѣ во всѣхъ сихъ, яко рука Господня сотвори сія? Не въ руцѣ ли Его душа всѣхъ живущихъ и духъ всякаго человѣка? Ухо бо словеса разсуждаетъ, гортань же брашна вкушаетъ (ст. 7—11).

Златоуста и Олимпіодора. Такъ какъ тѣ много мудрствовали, какъ имѣющіе познаніе о Богѣ, то поэтому показываетъ, что вся тварь знаетъ Творца, и что это извѣстно не только людямъ, но и безсловеснымъ, и самой неодушевленной землѣ. Что вы ведете себя, какъ будто сказали что-либо важное и достойное удивленія? Нечестивый долженъ, конечно, погибнуть и это всякій знаетъ. Для большаго посрамленія Софара сказалъ гиперболически: спроси безсловесныя и неодушевленныя твари, которыя, хотя не говорятъ, (но) какъ бы звуками голоса возвѣщаютъ славу Божію. Вѣдь онѣ чувствуютъ силу Божію и, подобно одареннымъ рѣчью, скажутъ, что Творецъ есть Богъ всего, непостижимый въ премуд-

рости, карающій злыхъ, что въ Его власти находится все, и жизнь живущихъ и смерть, что Онъ легко приводитъ въ исполненіе хотѣнія Своей воли о каждой твари, все содержитъ и управляетъ и жизнью безсловесныхъ и духомъ человѣка. А если безсловесныя, будь одарены они рѣчью, такъ возвѣщали бы о Богѣ,
609 то тѣмъ болѣе человѣкъ, которому такъ же врожденъ разумъ, какъ несомнѣнно принадлежитъ горлу способность различать пищу, а уху—звуки. Нѣкоторые изъ списковъ вмѣсто: *ухо* имѣютъ: „разумъ" (νοῦς [1]); по нимъ, говоритъ, слѣдовательно, что, какъ всѣ мы имѣемъ горло для различенія пищи и всѣмъ людямъ свойственно питаться, такъ получили мы и умъ для познанія Бога, могущій понимать Его премудрость и силу (потому что умъ различаетъ мысленное, а чувство—чувственное) и намъ всѣмъ дана способность познавать Творца всего Бога.

Во многѣмъ времени премудрость, во многѣ же житіи вѣдѣніе (ст. 12).

Златоуста и Олимпіодора. Мнѣ кажется, что (онъ) упрекаетъ ихъ: не думайте, говоритъ, что вы все постигли; если мы имѣемъ умъ, способный разсуждать, то нуждаемся, однако, въ продолжительномъ времени, чтобы постигнуть; разумный старѣясь успѣваетъ въ премудрости. А можетъ быть, онъ хочетъ сказать: знаю, что слышу, и имѣлъ время для (пріобрѣтенія) знанія. Акила перевелъ: „въ старцахъ мудрость"; Симмахъ: „въ долговѣчныхъ". (Мудрость) у людей достигается трудомъ и пріобрѣтается временемъ, а у Бога по желанію.

Аще низложитъ, кто созиждетъ? Аще затворитъ отъ человѣковъ, кто отверзетъ (ст. 14)?

Праведникъ постепенно раскрываетъ своимъ совопросникамъ ученіе о промыслѣ. Хотя и они говорили о промыслѣ, но впадали въ противорѣчія. Онъ говоритъ, что волѣ Его кто могъ противостать? Одного можно найти въ бѣдности, другого—въ бѣдѣ, третьяго—мучимымъ болѣзнью, и, вообще, можно встрѣтить различныхъ людей, впавшихъ въ различныя несчастія, согласно съ волею Божіею, и—никого, кто могъ бы измѣнить это рѣшеніе. Это подтверждается (затѣмъ) многими извѣстными (примѣрами).

Аще возбранитъ воду, изсушитъ землю: аще же пуститъ, погубитъ ю превративъ (ст. 15).

Если удержитъ дождь, все погубитъ засухой, какъ при Иліи; а если наведетъ его на землю, какъ во время Ноя, то потопитъ и погубитъ (живущее на ней). Показывая затѣмъ, что разумнаго

---

[1]) Νοῦς читается въ древн. Ватикан. и Александр. спискахъ греч. перевода.

объясненія того, что въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ совершаетъ Богъ, никто не можетъ дать, кромѣ Его, говоритъ:

У Него держава и крѣпость, у Того вѣдѣніе и разумъ (ст. 16).

То есть, Ему одному свойственно все дѣлать по разуму; такъ естественно и бываетъ, поелику, владычествуя надъ всѣмъ, имѣетъ несказанную силу. *У Того вѣдѣніе и разумъ*, самое точное знаніе всего существующаго и премудрое управленіе.

Проводяй совѣтники плѣнены, судіи же, земли ужаси (ст. 17). 612

Златоуста и Полихронія. И это дѣйствія промысла. По божественной волѣ и суду, и совѣтники отводимы бываютъ въ плѣнъ, и судьи переселяются. Вѣроятно говоритъ это не о взятыхъ въ плѣнъ во время войны, но о гордящихся проницательностью, какъ бы говоря: поражаетъ и мудрыхъ, низвергаетъ и отличающихся умѣньемъ разсуждать и тѣхъ, которые указываютъ другимъ, что нужно дѣлать, приводитъ въ такое состояніе, что становятся неспособными понимать правильность своихъ дѣйствій, и впадаютъ въ неразуміе. Такое пониманіе выражаютъ и Акила и Симмахъ; первый говоритъ: „отводящій совѣтниковъ въ добычу", а второй: „приводящій совѣтниковъ въ неразуміе". Смотри, какъ, показавши непобѣдимую силу Божію, изображаетъ Его высшимъ по мудрости; рѣчь же свою раздѣляетъ между тѣми, которые славны въ жизни, и тѣми, которые велики по благочестію.

ГЛАВА XIII.

Буди же вамъ онѣмѣти и сбудется вамъ премудрость (ὑμῖν σοφία [1]) (ст. 5).

Златоуста и Олимпіодора. Если кто произноситъ слова, не имѣющія смысла, то (ему) лучше бы молчать, молчащій скорѣе будетъ (принятъ) за умнаго, чѣмъ говорящій. Такимъ лучше молчать, чѣмъ безчестить себя такими словами, потому что молчаніе даетъ основаніе предполагать мудрость; сдѣлавшій себя нѣмымъ будетъ казаться умнымъ; а болтливость оскорбляетъ страдающаго. Ты же, богобоязненный, не колеблись въ этихъ словахъ, а подражай болѣе святымъ, зная, что это сатанинскія козни и что діаволъ дѣйствуетъ чрезъ злословящихъ, чтобы отклонить тебя отъ вѣры и помѣшать доброму намѣренію. Онъ, лукавый, видѣлъ, что стра-

[1]) Такъ читаются эти слова въ Патрологіи и въ древн. Ватикан. сп. Славянскій переводъ: *вамъ въ премудрость* слѣдуетъ Александр. списку, гдѣ читается: ὑμῖν εἰς σοφίαν.

даніе не причиняетъ тебѣ вреда, а еще болѣе выставляетъ тебя предъ Богомъ; оставленіе же намѣренія много повредитъ. Чѣмъ больше онъ искушаетъ тебя, тѣмъ болѣе преуспѣвай въ добродѣтели; чѣмъ больше понуждаетъ тебя къ малодушію, тѣмъ болѣе возвышайся духомъ, терпи и говори: *сія вся пріидоша на ны и не забыхомъ Тебе* (Пс. XLIII, 17). Если такъ укрѣпишься противъ искушеній, то діаволъ со стыдомъ обратится вспять, а Владыка всего вспомнитъ о тебѣ, вдвойнѣ вознаградитъ тебя здѣсь и послѣ этого услышишь: *рабе благій и вѣрный, о малѣ былъ еси вѣренъ, надъ многими тя поставлю* (Мѳ. XXV, 21). Помни о терпѣніи Іова, не измѣнившагося ни во время радости, ни во время искушенія, твердо сохранившаго высоту духа въ томъ и другомъ положеніи дотолѣ, пока не получилъ отъ Бога двойную награду и не дано свидѣтельство въ томъ, что онъ (все) претерпѣлъ, чтобы явиться для всѣхъ праведнымъ.

613 *Умолчите, да возглаголю, и почію отъ гнѣва, вземля плоти моя зубами* (ст. 13—14).

Какъ кусающіе свое тѣло при несчастіяхъ достигаютъ чрезъ это облегченія, такъ и я, говоря это. Ты видишь, что это не слова считающаго себя праведникомъ, а нѣкоторое облегченіе скорби со стороны того, который посредствомъ слова укрѣпляетъ тѣло и облегчаетъ душу.

Послушайте, послушайте глаголъ моихъ: возвѣщу бо вамъ слышащымъ (ст. 17).

Хочу, говоритъ, судиться; не уклоняюсь отъ судилища и знаю, что не буду осужденъ. Убѣждая друзей слушать его слова, для большаго склоненія ихъ къ этому удвояетъ просьбу, такъ какъ онъ видѣлъ, что они съ трудомъ выносятъ обличенія, которыя онъ открыто и прямо высказываетъ вслухъ ихъ. Удвояя *слушайте*, онъ или указываетъ на отсутствіе бодрости, или хочетъ возбудить вниманіе, чтобы лучше слушали, такъ какъ бываетъ иногда, что (звуки) голоса дѣйствуютъ на слухъ, а не слышатъ, потому что не прилагаютъ вниманія. Поэтому и Спаситель, возбуждая слушателей къ надлежащему вниманію, говорилъ: *имѣяй уши слышати да слышитъ* (Мѳ. XI, 15).

Яко написалъ еси на мя злая, обложилъ же ми юностныя грѣхи (ст. 26).

Можетъ быть, опасаешься меня, не зная хрупкости моей природы, по которой я не отличаюсь отъ листа или травы, носимыхъ вѣтромъ. Почему же, Владыка, произнесъ надо мной такой приговоръ? Выраженіе: *написалъ еси на мя злая*, то есть, несчастія, есть метафора, взятая отъ обычая царей объявлять приговоръ письменно. *Противляешимися* (ст. 25) вмѣсто: налагаешь наказаніе,

какъ противляющемуся. То есть, какъ господинъ мятежнаго раба, Ты съ властью опредѣлилъ мнѣ наказаніе; это значитъ: *написалъ;* такъ сказалъ, соблюдая благоприличіе, свойственное Владыкѣ.

Иже обетшаютъ, якоже мѣхъ (ст. 28).

Опять говоритъ о тяжести несчастія; опять изображаетъ слабость природы. Но почему привелъ мѣхъ? Потому что мѣхъ пустъ, какъ содержащій только воздухъ, отчего у многихъ явился обычай говорить, что мы—мѣхъ надутый. Итакъ не смотри, говоритъ, на объемъ и на растянутую кожу, но обрати вниманіе на то, что внутри, и увидишь большую пустоту.

Или якоже риза моліемъ изъядена (ст. 28).

Ризой, съѣденной молью, означаетъ тѣлесныя страданія, которыми не меньше, чѣмъ молью, съѣдается и разрушается тѣло.

ГЛАВА XIV.

Кто бо чистъ будетъ отъ скверны? Никто же, аще и единъ 611
день житіе его на земли (ст. 4—5).

Видишь опять обращающаго вниманіе на природу (человѣка) и стремящагося освободиться (отъ нея) не по причинѣ ея слабости и кратковременности, и не потому, что жизнь исполнена печали, а потому, что невозможно быть чистымъ.

Временемъ бо оскудѣваетъ море, рѣка же опустѣвши изсше: человѣкъ же уснувъ не востанетъ, дондеже не будетъ небо сошвено и не возбудятся отъ сна своего (ст. 11—12).

Какъ въ предшествующихъ словахъ человѣкъ изображался умирающимъ скорѣе растеній, такъ и здѣсь онъ является болѣе кратковременнымъ, чѣмъ море и рѣка, такъ какъ и море, и рѣка не прерывается, а человѣкъ подверженъ этому. О, если бы такъ было, что мы умирали бы и снова возвращались къ жизни! Но этого нѣтъ. Море оскудѣваетъ и снова наполняется, то возрастаетъ, то убываетъ; рѣки пересыхаютъ и снова текутъ. А человѣкъ, если умретъ, не возвращается къ жизни. Это къ (объясненію) словъ. А по иносказанію (κατ' ἀλληγορίαν), *есть древу надежда* (ст. 7), то есть, человѣку. Если человѣкъ падетъ, но покается и будетъ (оставаться) на землѣ благочестія и *на камени* (ст. 8), то есть, въ благочестивой вѣрѣ, то отъ воды возрожденія или слезъ покаянія онъ снова возрастетъ; а кто умретъ въ отступленіи и грѣхѣ, тотъ не имѣетъ доброй надежды. Въ будущемъ вѣкѣ грѣхъ, образно называемый *моремъ*, уничтожится; діаволъ

и его искушенія прекратятся, а умершіе не исчезнутъ, ожидая воскресенія.

ГЛАВА XV.

Отвѣщавъ же Елифазъ Ѳеманитянинъ, рече: еда премудрый дастъ отвѣтъ разуменъ на вѣтръ, и наполни болѣзнь чрева (πόνον γαστρὸς [1]), *обличая глаголы, ими же не подобаетъ, и словесы, ихъ же никая польза* (ст. 1—2)?

Поелику (Іовъ) сказалъ, что *и у мене сердце есть, якоже и у васъ* (XII, 3) и: *несмь* (οὐκ εἰμὶ [2]) *неразумнѣе васъ* (XIII, 2), то на основаніи этихъ словъ (Елифазъ) и нападаетъ на него. Вотъ, говоритъ, что отвѣчаетъ мудрый, говорящій, что все знаетъ! *Наполни же болѣзнь чрева*, т. е., для своего утѣшенія сказалъ эти слова и полонъ страданія. Въ укоръ говоритъ это Іову, порицая его за двѣ вещи, за то особенно, что мудрый не выставляетъ на показъ мудрости, а потомъ и за то, что ты сказалъ, какъ обличающій насъ и какъ, конечно, поистинѣ страдающій и поражаемый въ утробу ума [3]) (это и значатъ слова: *наполни болѣзнь*
617 *чрева*), но сказалъ напрасно, безполезно и безъ всякой надобности. Ни того, ни другого мудрый не дѣлаетъ, а поступаетъ обратно этому, и отвѣтъ даетъ разумный. Если, какъ ревнитель, скорбитъ за истину и хочетъ кого-либо обличить, то не произноситъ напрасныхъ словъ, какія не нужны, чтобы наполнить болѣзнь чрева, и не говоритъ оскорбительно, чтобы удовлетворить болѣзни и жару своего ума, что ты сдѣлалъ.

Мало, о нихже согрѣшилъ еси, уязвленъ еси (ст. 11).

Поелику Іовъ сказалъ: *колицы суть грѣхи мои, научи мя* (XIII, 23), то въ виду этого Елифазъ обличаетъ его во множествѣ грѣховъ и говоритъ: знай, что по сравненію съ своими грѣхами ты легко наказанъ и не понесъ возмездія, равносильнаго беззаконіямъ. Затѣмъ, такъ какъ не можетъ указать ни одного грѣха Іова, пытается осудить его на основаніи словъ и говоритъ:

---

[1]) Также читается и въ древн. спискахъ перев. 70-ти.

[2]) Въ древн. спискахъ греч. перевода другое расположеніе словъ: οὐκ ἀσυνετώτερός εἰμι. Согласуясь съ ними, Славянскій переводъ оставляетъ, однако, безъ передачи второе отрицаніе, когда въ немъ говорится: *не разумнѣе есмь* вмѣсто: *не неразумнѣе есмь*.

[3]) Читается здѣсь: τὴν τοῦ νοῦ γαστέρα πλησσόμενος.

Послушество бо нечестиваго смерть (ст. 34).

То есть, показаніе, обличеніе, свидѣтельство для другихъ людей въ томъ, что всѣмъ такъ должно страдать. И это, говоритъ, нисколько неудивительно, потому что несчастенъ конецъ всѣхъ нечестивыхъ, то есть, показаніемъ нечестія людей служитъ смерть, то есть, постыдный конецъ покажетъ ихъ участь. Какъ благоденствіе поставилъ знакомъ праведности, такъ несчастіе—признакомъ порочности. *Послушество нечестиваго смерть*, то есть, явная, очевидная и никому не неизвѣстная. А если хочешь, то подумай и о томъ, что преуспѣяніе въ злѣ производитъ смерть, не общую, а карательную.

ГЛАВА XVI.

Нынѣ же преутруждена мя сотвори, буя, согнивша (ст. 7).

Олимпіодора и Златоуста. Не довольно того, что я подвергаюсь наказанію, но и кажусь безсмысленнымъ; наказаніе измучило меня, растерзало, сгноило, такъ что немногимъ отличаюсь отъ лишившихся разума. А, можетъ быть, говоритъ и то, что Богъ попустилъ друзьямъ думать обо мнѣ, что я сдѣлался безчувственнымъ въ страданіяхъ,—*буя* употребилъ вмѣсто: „безчувственный", поэтому прибавилъ къ тому *согнивша*, такъ какъ сгнившіе члены теряютъ чувствительность.

Да пріидетъ моя мольба ко Господу, предъ нимъ да каплетъ око мое (ст. 20).

Какъ бы такъ говоритъ: да услышитъ это Богъ, да видитъ это Богъ; внявъ мольбамъ моимъ и, помиловавъ плачущаго, да остановится въ наказаніи меня, тяжко пострадавшаго! И это для 620
тебя, славный мужъ, было исполнено. Твою борьбу видѣлъ великій Раздаятель вѣнцовъ, твои мольбы услышалъ, на твои драгоцѣнныя слезы призрѣлъ, поэтому и сдѣлалъ извѣстною причину борьбы. А капаніе (или—проливаніе) слезъ предъ Господомъ бываетъ съ тѣми, которые блаженно плачутъ.

ГЛАВА XIX.

Отвѣщавъ же Іовъ, рече: доколѣ притрудну творите душу мою (ст. 1—2)?

Смотри, какъ (друзья) не только не приносятъ утѣшенія, но поступаютъ вопреки этому, содѣйствуя и помогая дьяволу и поражая силу праведника. Поэтому прибавляетъ:

И низлагаете мя словесы (ст. 2).

То есть, стараетесь возраженіями опровергнуть мои оправданія и, по примѣру непріятелей, вмѣсто стрѣлъ пускаете слова, пока, сломивъ силу души, не одержите неправильной побѣды. Не довольствуясь тѣмъ, что произошло, и теперь втроемъ, какъ бы одними устами, говорите одно и то же.

Сосѣди дому и рабыни моя: иноплеменникъ быхъ предъ ними (ст. 15).

Велико искушеніе діавола: оставшіеся у него изъ домашнихъ дѣлали несчастіе болѣе тяжелымъ, чѣмъ удалившіеся; послѣдніе ничего затѣмъ не дѣлали, а тѣ поносили, не слушались, говорили противъ него и дѣлали прочее, на что указываетъ далѣе:

Гнушахуся мене видящіи мя, и ихже любихъ, восташа на мя (ст. 19).

Избѣгать, говоритъ, стали меня, тѣ, съ которыми прежде бесѣдовалъ, и любившіе прежде сдѣлались врагами. Собесѣдники, видя происшедшее со мной и меня, нуждающагося въ ихъ утѣшеніи, стали избѣгать (меня), какъ отверженнаго, и близкіе прежде, нуждавшіеся въ моей помощи и даже облагодѣтельствованные мною стали худо относиться ко мнѣ. Объ этомъ и Давидъ воспѣваетъ: *положиша на мя злая за благая, и ненависть за возлюбленіе мое* (Пс. CVIII, 5).

И на дщицѣ желѣзнѣ и оловѣ, или на каменіяхъ изваяются (ст. 24).

Вотъ и написано, не желѣзнымъ рѣзцемъ, а гораздо лучшимъ, чѣмъ просилъ; то, если и написано, истребило бы время, а это начертано долговѣчнѣе (μειζόνως).

Воскресити кожу мою, терпящую сія (ст. 26).

О, если бы, говоритъ, Богъ воскресилъ кожу мою, переносящую это! Отсюда мы научаемся церковному догмату, что тѣло, подвергавшееся искушеніямъ и мученіямъ, воскресаетъ съ душой,
621 чтобы наслаждаться вмѣстѣ (славою). Поэтому сказалъ: *терпящую сія*,—потому что несправедливо одному терпѣть, а другому воскресать. Слѣдовательно, онъ зналъ, мнѣ думается, о воскресеніи и о воскресеніи тѣла, если не скажетъ кто-либо, что воскресеніе есть освобожденіе отъ угнетавшихъ его бѣдствій. Хорошо же указываетъ сообразную съ разумомъ причину перемѣны. Онъ, говоритъ, поразилъ, Онъ и исцѣлитъ; Онъ подвергъ мученіямъ, Онъ и освободитъ отъ страданій и это жалкое тѣло. Избавивъ потомъ когда-либо отъ множества страданій, дастъ отдыхъ отъ належащихъ трудовъ. Θеодотіонъ, переведши: „близкій родственникъ (ὁ ἀγχιστεύς) мой живъ и напослѣдокъ станетъ на прахѣ“,

располагаетъ соединять вмѣстѣ оба стиха [1]) и читать такъ: „такъ какъ знаю, что вѣченъ имѣющій освободить меня на землѣ, возставить (ἀναστῆσαι) кожу мою, терпящую это“. А смыслъ такой: вѣченъ Богъ, котораго *мы родъ* (Дѣян. XVII, 28); разрѣшивъ меня черезъ смерть въ землю, снова возбудитъ изъ земли черезъ воскресеніе; или: и разрѣшивъ, то есть, освободивъ отъ болѣзни, опять обновитъ кожу мою, поврежденную гноемъ, такъ какъ Онъ наводитъ болѣзнь и снова возстановляетъ, умерщвляетъ и животворитъ, почему присоединяетъ [2]).

ГЛАВА XX.

Веселіе же нечестивыхъ паденіе страшно, обрадованіе же беззаконныхъ пагуба (ст. 5).

А если веселіе ихъ составляетъ страшное паденіе и радость ихъ—погибель, то въ чемъ, скажи мнѣ, мы будемъ полагать эту погибель, въ чемъ скорбь и уныніе?

Сыновъ его да погубятъ меншіи, и руцѣ его возжгутъ болѣзни (ст. 10).

И отсюда съ несомнѣнностью видно, что наказаніе Богомъ послано, если худшіе господствуютъ надъ высшими и отверженные берутъ верхъ надъ сильными. Вмѣсто *возжгутъ болѣзни* Акила перевелъ: „обратятъ“, а Симмахъ: „нанесутъ“.

ГЛАВА XXI.

Почто нечестивіи живутъ, обетшаша же и (καὶ [3]) *въ богатствѣ* (ст. 7)?

Объ этомъ и Давидъ говоритъ: *се сіи грѣшницы и гобзующіи въ вѣкъ удержатъ богатство* (Пс. LXXII, 12). И здѣсь говоритъ Іовъ: не тому только нужно удивляться, что за порочность получаютъ такія награды, а и тому, что самое благоденствіе дѣлаетъ ихъ худшими.

---

[1]) Разумѣются стихи: 25 и 26-й.

[2]) Самыя слова не приведены въ текстѣ Патрологіи; подъ ними разумѣются, нужно думать, послѣднія слова 26-го ст.: *отъ Господа бо ми сія совершишася*.

[3]) Это: *и*, отсутствующее въ Слав. В., находится въ текстѣ Патрологіи и въ сп. перевода 70-ти.

ГЛАВА XXII.

Или опасеніе имѣя отъ тебе обличишь (ἐλέγξεις [1]), *и внидетъ съ тобою въ судъ* (ст. 4)?

Такъ человѣколюбивъ, что, и судя насъ, позволяетъ говорить Ему, какъ судящемуся съ нами, о чемъ хочешь. Такъ говоритъ въ (книгѣ) Исаіи: *пріидите и истяжимся* (I, 18). А это:
624 *истяжимся* значитъ: если ты имѣешь обличить Меня въ томъ, что Я сдѣлалъ не надлежащее, говори; и Я скажу то, что имѣю; осуждая тебя, покажу тебѣ, что ты заслуживаешь быть наказаннымъ.

ГЛАВА XXIII.

Кто убо увѣсть, яко обрящу Его и приду къ кончинѣ (а Симмахъ: „до престола Его")? *Реку же мой судъ* (вмѣсто этого опять Симмахъ: „предложу предъ Нимъ судъ"), *уста же моя исполню обличеній. Уразумѣю же исцѣленія, яже ми речетъ* (а Симмахъ: „слова"), *ощущу же, что ми возвѣститъ и со многою крѣпостію найдетъ на мя* (Симмахъ: „судится со мною"), *посемъ же не воспретитъ ми* (Симмахъ: „только Онъ да не преслѣдуетъ меня"). *Истина бо и обличеніе отъ Него: да изведетъ же въ конецъ судъ мой* (ст. 3—7).

Въ этихъ словахъ содержится слѣдующая общая мысль: кто поможетъ мнѣ въ томъ, чтобы Богъ выслушалъ меня и отвѣтилъ мнѣ, такъ какъ оправдалъ бы меня? А въ частности: о, если бы, говоритъ, обрѣсти Бога, о, если бы достигнуть до божественнаго престола, предстать, бесѣдовать съ Нимъ, состязаться и получить оттуда рѣшеніе! О, если бы, находясь у этого божественнаго престола, я выплакалъ все, что я претерпѣлъ, сказалъ бы и то, что пережито мною, чтобы, говоря предъ Нимъ, что я сдѣлалъ и что выстрадалъ, по (собственному) опыту узналъ, какое произнесетъ Онъ рѣшеніе, какое укажетъ врачество противъ моего невѣдѣнія и наступитъ ли сильно, подвергая еще болѣе тяжкому наказанію, или оставитъ угрозу! Если даже и употребитъ противъ меня большую силу и угрозу, то знаю я, однако, что у Него истина и что нелицепріятно дѣлаетъ обличенія, то

---

[1]) Вмѣсто этого въ сп. перевода 70-ти читается: ἐλέγξει σε, согласно съ чѣмъ въ Слав. Б.: *обличитъ тя*.

есть, рѣшенія, и убѣжденъ, что если бы я видѣлъ Его, получилъ бы рѣшеніе, дающее побѣду надъ вами. *Въ конецъ* сказалъ вмѣсто: „совершенный“, такъ какъ по-еврейски: „конецъ“ и „побѣда“ означаются однимъ словомъ; поэтому нѣкоторые изъ псалмовъ вмѣсто: *въ конецъ* надписываются: „побѣждающему“ (νικοποιῷ). Итакъ, я хотѣлъ, говоритъ, узнать, что скажетъ мнѣ Богъ и будетъ ли также наказывать меня. А это говоритъ, не какъ обвиняющій Бога въ несправедливости, а какъ обличающій друзей, не имѣющихъ здраваго понятія о Немъ. Видишь, какъ онъ получилъ то, чего просилъ: удостоился божественной бесѣды и отвѣта,—это именно изложено въ концѣ книги.

Аще же и самъ судилъ тако, кто есть рекій противу ему? самъ бо восхотѣ и сотвори (ст. 13).

Онъ видѣлъ путь мой и то, что я всегда старался повиноваться Ему; но кто можетъ противорѣчить Ему, когда Онъ произноситъ судъ? То, въ чемъ я убѣжденъ, состоитъ въ слѣдующемъ: да будетъ при всемъ этомъ то, что угодно Богу, и никто 625
да не противится Его судамъ. Если Онъ осудилъ меня, поступавшаго справедливо, и рѣшилъ подвергнуть меня такимъ страданіямъ, то кто можетъ противорѣчить? Совершенно никто. Онъ имѣетъ силу, сопутствующую волѣ, и Его намѣреніе исполняется. Не требуй у меня отчета въ божественномъ промышленіи. Одно знаю, что за собой ничего не сознаю. А если подвергаюсь бѣдствіямъ, не осуждаю божественнаго управленія; но, не зная причины, говорю, что сдѣлалъ то, что восхотѣлъ, и падая ницъ покланяюсь, не помышляя больше ни о чемъ.

Сего ради отъ лица его потщуся, поучуся и убоюся отъ него (ст. 15).

Не согрѣшилъ, говоритъ; что же это (значитъ)?

Богу принадлежитъ право наказывать не только за грѣхи, но и помимо ихъ.

Господь же умягчилъ сердце мое и Вседержитель потщася о мнѣ: не вѣдѣхъ бо, яко найдетъ на мя тма, предъ лицемъ же моимъ покрыетъ мракъ (ст. 16—17).

Не по человѣческому порядку, говоритъ, произошло это неожиданное несчастіе; думаю, что это ударъ отъ руки Божіей. И хорошо сказалъ: *предъ лицемъ моимъ*, такъ какъ это не общій мракъ, а моей печали.

ГЛАВА XXV.

Отвѣщавъ же Валдадъ Савхейскій, рече: что бо начало, аще не страхъ отъ него (ст. 1—2)?

Отсюда начну, говоритъ, слово и сдѣлаю вступленіе. Все исполнено страха и трепета и нѣтъ никого, кто будетъ въ состояніи избѣгнуть той руки. А о томъ, что сказалъ Іовъ: *кто убо увѣсть, яко приду* (XXIII, 3) къ Нему, говоритъ, что прежде всего страшно и вспомнить о Богѣ.

Како будетъ праведенъ человѣкъ предъ Богомъ, или кто очиститъ себе рожденный отъ жены (ст. 4)?

Такъ какъ Іовъ говорилъ: „я хотѣлъ идти на судъ" и: „хотя я не грѣшилъ, однако наказываюсь", то на это (Валдадъ) опять говоритъ, что нѣтъ никого праведнаго между людьми, ни совершенно чистаго, поэтому напрасно ищешь суда и изслѣдованія.

ГЛАВА XXVI.

Отвѣщавъ же Іовъ, рече: кому прилѣжиши, или кому хощеши помогати? Не сему ли, емуже многа крѣпость и емуже мышца крѣпка есть (ст. 1—2)?

Не обвиняю, говоритъ, что ты сталъ на сторону Бога: такъ и должно было; однако меня осуждать не слѣдовало. Возможно
628 сказать слово за Бога и не допускать того, чтобы оно подпало обвиненію. Сказавъ съ насмѣшкою это ему, какъ желающему явиться новымъ защитникомъ Бога, о которомъ всѣ имѣютъ понятіе, какъ о мудромъ и сильномъ, обращаетъ рѣчь къ силѣ Божіей, показывая, что онъ лучше его прославляетъ могущество Божіе, и говоритъ [1]).

ГЛАВА XXVIII.

Чинъ положи тмѣ, и вся концы самъ испытуетъ (ст. 3).

Хорошо сказалъ: *чинъ положи тмѣ*, показывая, что она обыкновенно исчезаетъ и наступаетъ. Кто прогоняетъ этотъ мракъ? Откуда такой порядокъ въ этомъ дѣлѣ? Потомъ раскры-

[1]) Самыя слова Іова и здѣсь не приведены въ Патрологіи.

ваетъ то Его силу, то премудрость, показывая, что онъ не хочетъ требовать отъ Него отчета: концы и исходы всего, говоритъ, Богъ премудро изслѣдуетъ, все обнимая непостижимымъ промысломъ. Поэтому наказаній нечестивыхъ какъ не откладываетъ безъ причины, такъ и не наводитъ напрасно устроившій все мѣрою, въ порядкѣ и гармоніи.

Рече же человѣку: се благочестіе есть премудрость, а еже удалятися отъ зла есть вѣдѣніе (ст. 28).

Высочайшая мудрость состоитъ въ томъ, чтобы почитать Бога, а не въ томъ, чтобы заниматься излишнимъ и производить изслѣдованіе совершающагося. Нѣтъ ничего, равнаго этому искусству, нѣтъ ничего сильнѣе этой мудрости, нѣтъ ничего лучше богобоязненности.

ГЛАВА XXIX.

Спасохъ бо убогаго отъ руки сильнаго, и сиротѣ, емуже не бѣ помощника, помогохъ (ст. 12).

Приписавъ прежде Богу смотрѣніе и храненіе себя, прославляетъ себя въ Господѣ. Обрати вниманіе на то, что онъ придаетъ важность не удаленію отъ зла, не жертвамъ, подобно іудеямъ, а тому, что угодно Богу (*судите*, сказано, *сиру и оправдите вдовицу*, Ис. I, 17) и—дѣланію добра. *Спасохъ бо*, говоритъ, *убогаго и сиротѣ помогохъ.*

Благословеніе погибающаго на мя да пріидетъ (а Симмахъ: „приходило“), *уста же вдовича благословиша мя* (ст. 13).

Вы знаете, что неблагодаренъ какъ-то разрядъ вдовъ, не по собственной природѣ и не по расположенію (души), а вслѣдствіе гнетущей бѣдности (вѣдь это очагъ бѣдности) и что хвалить благодѣтеля дѣло трудное. Но Іова и онѣ благословляли. А описаны эти добрыя дѣла, чтобы мы подражали.

Въ правду же облачахся, одѣвахся же въ судъ яко въ ризу (ст. 14).

Послѣ того, какъ сказалъ: *спасохъ убогаго отъ руки сильнаго*, кстати присоединилъ то, что облачался въ правду, такъ какъ застунающіеся за другихъ сами часто поступаютъ несправедливо. 629
А онъ—не такъ, но *одѣвахся*, говоритъ, *въ судъ*; такъ я украшалъ себя. Хотя другіе сердятся на это, негодуютъ, считаютъ (это) труднымъ и тяжелымъ, но не я, говоритъ. Подобно тому, какъ другіе украшаютъ себя мантіей, такъ я—справедливымъ судомъ, и не сегодня только, завтра же—иначе, а какъ всегда необхо-

димо надѣвать одежду, такъ (считалъ необходимымъ) защищать слабыхъ. Но кто поставилъ его судьей? Онъ былъ самоизбраннымъ судьею, по добродѣтели, подобно Моисею; такими надлежало быть начальникамъ. Ты видѣлъ его въ искушеніяхъ, насколько возможно было видѣть (а дать точное изображеніе не можетъ слово; никакая сила слова не въ состояніи такъ представить слушателямъ скорбь, мученія, тяжесть горя и происходящее отъ такой бури смущеніе, какъ собственное испытаніе этого). Вотъ я укажу тебѣ на него, какъ на показавшаго великое любомудріе при богатствѣ и благоденствіи; это не маловажное дѣло, а требующее самой любомудрой души. Какимъ онъ былъ, будучи богатымъ? Общимъ для всѣхъ пристанищемъ, общимъ для всѣхъ отцомъ, общимъ врачемъ, и даже больше, чѣмъ врачемъ. Послушай, что онъ говоритъ.

Око бѣхъ слѣпымъ, нога же хромымъ (ст. 15).

Видишь, какъ онъ былъ больше врача. Для изувѣченныхъ онъ восполнялъ природу и чего не могли исправить искуествомъ, то доставлялъ (своимъ) попеченіемъ, замѣняя посредствомъ большого ухода за ними (недостававшіе имъ) члены тѣла. Какъ здоровые, имѣющіе крѣпкія ноги, и зрячіе, держали себя лишившіеся этихъ членовъ тѣла, не чувствуя хромоты и увѣчья вслѣдствіе большой заботливости его объ нихъ. Поэтому не сказалъ, что я утѣшалъ хромыхъ и слѣпыхъ, не сказалъ: облегчалъ несчастіе, или: уничтожалъ чувство увѣчья, но: я былъ глазомъ ихъ, они видѣли, благодаря мнѣ, при моей помощи не испытывали собственнаго несчастья, не искали руководителей, путеводителей; тьму для нихъ вездѣ я обращалъ въ свѣтъ. Смотри на апостольскія знаменія. *Окомъ бѣхъ слѣпымъ*, не возвращая глаза (потому что не было такой благодати), но дѣлая то, что не чувствовали несчастія. А нынѣшніе люди и зрячихъ дѣлаютъ слѣпыми. Не сказалъ: черезъ слугъ я дѣлалъ, но: я самъ исправлялъ погрѣшности природы, происшедшія не только отъ людей, но и отъ самой природы; недостававшіе члены тѣла я восполнялъ нуждающимся доставленіемъ необходимаго и большою предусмотрительностью. А смыслъ этого: просвѣщалъ слѣпые умы,
632 помогалъ душевно ослѣпленнымъ и самъ дѣлался ихъ глазомъ; а ноги давалъ хромавшимъ въ душевной жизни, чрезъ наставленіе дѣлался ихъ ногою, и руководилъ тѣхъ и другихъ. *Глазъ* принимается въ смыслѣ умственнаго, а *нога*—въ смыслѣ нравственнаго руководства.

Азъ быхъ отецъ немощнымъ (ст. 16).

И здѣсь не сказалъ: утѣшалъ сиротъ, но: недопускалъ того, чтобы чувствовалось это сиротство, чтобы проявлялось это не-

счастіе,—какъ тамъ относительно увѣчья, онъ особенной заботливостью уничтожалъ у бѣдствующихъ сознаніе постигшаго бѣдствія. Въ этихъ словахъ слышится голосъ помогавшаго слабымъ, немощнымъ. Смотри, спустя какое время говоритъ это.

Распрю же, еяже не вѣдяхъ, изслѣдихъ (ст. 16).

Это гораздо больше (чѣмъ исполненіе обязанностей) судьи, потому что производящіе судъ сидятъ, ожидая обиженныхъ, и, когда они сдѣлаютъ заявленіе, тогда лучшіе изъ судей оказываютъ свою помощь; многіе, впрочемъ, не дѣлаютъ этого. А онъ превзошелъ и этихъ лучшихъ, и сравнительно съ существующимъ во многихъ отношеніяхъ сталъ выше, такъ какъ онъ не ждалъ, что обиженные придутъ къ нему, и не послѣ заявленія ихъ оказывалъ помощь, а самъ предупредительно обходилъ, разыскивая терпящихъ обиды, и не просто искалъ, а съ большой бдительностью, съ большой заботливостью. И это ты съ ясностью увидишь, если вникнешь въ смыслъ выраженія. Не сказалъ: искалъ, но: *распрю, еяже не вѣдяхъ, изслѣдихъ*, разыскивалъ, хлопоталъ, постоянно развѣдывалъ, все приводя въ движеніе, чтобы узнать, не скрывается ли терпящій обиды. Видишь попеченіе, простиравшееся не на имущество, не на пищу и одежду, а на опасныя судебныя дѣла другихъ.

Отъ среды зубовъ ихъ грабленіе изъяхъ (ст. 17).

Смотри на трудность дѣла: вещь поглощенную, говоритъ, и уже присвоенную я возвращалъ, потому что не терялъ надежды и не ослабѣвалъ, если вещь была уже захвачена, но и поглощенное я извлекалъ, показывая сорабамъ попеченіе добраго и заботливаго пастыря и вырывая, по сказанному, изъ пасти льва ноги овцы и край ушей.

Радовахуся же, егда къ нимъ глаголахъ. Якоже земля жаждущая ожидаетъ дождя, тако сіи моего глаголанія (ст. 22—23).

Смотри, что говоритъ: ни богатство не сдѣлало его ненавистнымъ, ни защита обижаемыхъ, ничто другое подобное, а всѣ слушали его съ удовольствіемъ.

ГЛАВА XXX.

Нынѣ учать мя отъ части, ихже отцевъ уничижахъ (ἐξουδένουν [1]), *ихже не вмѣняхъ достойными псовъ моихъ стадъ* (ст. 1).

Сказалъ: *уничижахъ*, не по гордости презирая, а потому что ясно видѣлъ ихъ нечестіе, согласно съ словами: *уничиженъ есть*

---

[1]) Вмѣсто читаемаго въ Слав. Б.: *уничтожахъ*.

предъ нимъ лукавнуяй (Ис. XIV, 4): такихъ считалъ за ничто. Слова: *учать мя отъ части* сказаны, по моему мнѣнію, не потому, что оказывали часть благодѣянія, а потому, что (прежде) онъ училъ другихъ, а теперь они—его; поэтому такъ сказано. И выраженіе: *не вмѣняхъ достойными псовъ* значитъ не то, что они хуже этого лающаго животнаго, а то, что не считалъ ихъ достойными ходить за собаками. Я не считалъ ихъ, говоритъ, достойными водить собакъ моего стада. Онъ отказывался отъ руководства ихъ, какъ не возбуждающихъ уваженія ни по возрасту, ни по добродѣтели. Учили, говоритъ; кто? и кого? Младшіе возрастомъ старшаго, нечестивые—того, кто не былъ такимъ, простые и незнатные—славнаго и знаменитаго. Въ слѣдующихъ затѣмъ словахъ указываетъ и слабость ихъ, говоря:

Азъ же о всякомъ немощнѣмъ восплакахся, воздохнухъ же видѣвъ мужа въ бѣдахъ. Азъ же ждахъ благихъ, и се срѣтоша мя паче дніе золъ (ст. 25—26).

Когда былъ богатъ, ничего не дѣлалъ такого: не радовался чужимъ несчастіямъ, что испытываю теперь, находя многихъ, которые радуются моимъ бѣдствіямъ. Напротивъ, я плакалъ и вадыхалъ. Не малое дѣло, возлюбленный, имѣть сострадательное расположеніе. И слова: *ждахъ благихъ, срѣтоша же дніе золъ* я такъ понимаю, что вслѣдствіе сочувствія другимъ я ожидалъ добраго, а вышло вопреки моимъ надеждамъ. Такъ перевелъ и Симмахъ: „ожидалъ добраго, а пришло худое“.

ГЛАВА XXXI.

Завѣтъ положихъ очима моима, да не помышлю на дѣвицу (а Симмахъ: „и ничего не думалъ о дѣвицѣ“) (ст. 1).

Іовъ соблюдалъ евангельскую строгость; то, что, спустя после того пришедши, Христосъ повелѣлъ, онъ исполнялъ на дѣлѣ. И такъ какъ взглянувшій съ вожделѣніемъ уже прелюбодѣйствовалъ (Матѳ. V, 28), то онъ направлялъ глазъ такъ, чтобы не замѣчать красоты дѣвицъ. Что скажутъ имѣющіе совведенныхъ (συνεισάκτους [1]) и утверждающіе, что они безстрастно живутъ съ ними и не терпятъ вреда? Если бы это и было гдѣ такъ, то нужно щадить соблазняющихся. Пусть будетъ, что и живя съ дѣвицей
636 ты чистъ отъ всякой нечистой страсти, но ты вредишь другимъ,

[1]) Συνείσακτοι назывались дѣвственницы, жившія въ домахъ безженныхъ служителей греческой Церкви.

болѣе немощнымъ. Однако блаженный Іовъ не осмѣливался приписать себѣ такую силу и любомудріе. Достигшій всякой добродѣтели, ставшій выше сѣтей діавола, показавшій — первый и единственный—такое терпѣніе, превзошедшій твердостью души всякое желѣзо и адамантъ и поразившій силу діавола, онъ боялся этой борьбы и считалъ невозможнымъ, живя вмѣстѣ съ дѣвицей, оставаться безстрастнымъ и чистымъ, такъ что совершенно устранялся не только отъ такого сожительства, но и отъ простого взгляда и встрѣчи, и положилъ законъ глазамъ своимъ совсѣмъ не смотрѣть на дѣвицу. *Завѣтъ положихъ*, говоритъ, *очима моима, да не помыслю на дѣвицу*, то есть, не подумаю, не посмотрю. Онъ видѣлъ, ясно видѣлъ, что не только живущему вмѣстѣ, но и пристально смотрящему на лице дѣвицы трудно, а можетъ быть и невозможно избѣжать заключающагося въ этомъ вреда. А если недостаточно великъ тебѣ Іовъ для соревнованія, хотя мы недостойны и его гноища, если этотъ примѣръ считаешь низшимъ высоты твоей души, то подумай о блаженномъ Павлѣ, *усмиряющемъ тѣло* по (правиламъ) строгаго любомудріи, *порабощавшемъ* его (1 Коринѳ. IX, 27) и ведшемъ жизнь въ борьбѣ. Поэтому и Христосъ, показывая трудность этого дѣла, не только не позволялъ смотрѣть на лица женщинъ, но и угрожалъ смотрящимъ такимъ наказаніемъ, какъ за прелюбодѣяніе, и не узаконилъ безбрачія, а, имѣя въ виду существо дѣла, сказалъ: *могій вмѣстити да вмѣститъ* (Матѳ. XIX, 12).

Немощніи же, аще когда чесого требоваху, не не получиша (ст. 16).

Видишь, какъ онъ былъ чуждъ презрѣнія, какъ былъ справедливъ, какъ былъ общимъ для всѣхъ врачемъ, общимъ пристанищемъ, общимъ прибѣжищемъ для находящихся въ нуждѣ, какую бы они ни имѣли, и не такъ, что одну удовлетворялъ, а въ другой отказывалъ, но какая бы она ни была, хотя бы требовала (для удовлетворенія ея) трудовъ, значительныхъ расходовъ и преодолѣнія опасностей. И смотри: помогалъ тѣмъ, отъ которыхъ ничего не ожидалъ: вдовамъ, бѣднымъ, безсильнымъ.

Страхъ бо Господень объя мя, и отъ тягости его не стерплю (ст. 23).

Таково было человѣколюбіе праведника. Что скажетъ кто-либо о презрѣніи къ богатству? И это было исполнено имъ въ избыткѣ, такъ какъ не только не желалъ чужого, что позволяютъ себѣ въ настоящее время многіе, но даже и собственное онъ отдавалъ въ полномъ избыткѣ. Поэтому и говорилъ: 637

Аще вчиних злато въ крѣпость мою (а Симмахъ: „безстрашіе мое") *и аще на каменія многоцѣнная надѣяхся? Аще же и возвеселихся, многу ми богатству сущу* (ст. 24—25)?

Поэтому, когда и отнято было, перенесъ весьма легко: а когда находилось, щедро подавалъ милостыню; онъ исполнилъ всякую добродѣтель. Обладавшій такимъ (богатствомъ) велъ себя строже ничего не имѣвшихъ; не столь далекъ бываетъ отъ богатства ничего не имѣющій, какъ онъ; всюду увѣнчивается (душевное) расположеніе (γνώμη).

Аще же и на безчисленныхъ положихъ руку мою (ст. 25).

Что не былъ онъ сильно привязанъ къ находившимся у него благамъ, послушай, что говоритъ: *аще же и возвеселихся, многу ми богатству сущу?* Что говоришь, о, человѣкъ? Не радуешься богатству, когда оно течетъ? Нисколько, говоритъ. Почему же? Потому что видѣлъ непостоянство и скоротечность его; зналъ, что пріобрѣтеніе ненадежно.

Или не видимъ солнца возсіявшаго оскудѣвающа, луны же умаляющіяся? Не въ нихъ бо есть (ст. 26).

То, о чемъ онъ говоритъ, состоитъ въ слѣдующемъ. Если звѣзды на небѣ, и непрерывно свѣтящія, испытываютъ нѣкоторое измѣненіе, солнце затмѣвается, а луна исчезаетъ, то не крайне ли безумно считать земное твердымъ и неизмѣннымъ? Поэтому и не радовался, когда было (богатство), и не печалился, когда не стало, такъ какъ зналъ свойство этого. Блестящій этотъ свѣтъ пропадаетъ, исчезаетъ и болѣе не является. Смотри, какую указываетъ причину измѣненія въ свѣтилахъ. Такъ твореніе способствуетъ намъ не только въ дѣлѣ богопознанія, но и въ любомудріи: когда видишь, что великое солнце (свѣтитъ), удивляйся Творцу; когда видишь, что затмѣвается, познавай скоротечность человѣческихъ дѣлъ. Если то, что есть на землѣ самаго блестящаго, прекращается, уменьшается и погибаетъ, то тѣмъ болѣе все прочее. Если столько полезное и необходимое, безъ чего нельзя жить, подвергается перемѣнамъ, то тѣмъ болѣе — незначительное и для насъ не необходимое.

Аще же и многажды рѣша рабыни моя: кто убо далъ бы намъ отъ плотей его насытитися, зѣло мнѣ благу сущу (ст. 31)?

Итакъ, былъ ли онъ кротокъ, а не вожделѣненъ и любимъ? Усматривай и въ этомъ избытокъ. Какъ во время несчастій перенесъ все, постигшее его, со всѣмъ терпѣніемъ, такъ и при благоденствіи пріобрѣлъ каждую добродѣтель въ великомъ совершенствѣ, не просто и не какъ случится, а достигая самой высшей степени. Такъ онъ оказывался и кроткимъ, не только съ другими, но и съ рабами; отсюда и всякое снисхожденіе, когда кто бываетъ человѣколюбивъ съ подчиненнымъ, и избѣгаетъ насилія. Поэтому и говорили слуги: *кто убо далъ бы намъ отъ плотей его насытитися?* Въ этихъ словахъ говорятъ о безумной

640

любви, какую имѣли къ нему слуги, бывшіе жаркими его почитателями за то, что онъ дѣлалъ для нихъ. Такъ тяготѣли, говоритъ, ко мнѣ, такъ были расположены, такъ крѣпко привязаны, такъ любили, что желали насытиться самой плоти (поглотить и съѣсть), вслѣдствіе сильной, пламенной любви. Такъ былъ я хорошъ и пріятенъ для служанокъ, что еслибы можно было насытиться моею плотью, то онѣ сдѣлали бы это съ удовольствіемъ.

И внѣ не водворяшеся странникъ, дверь же моя всякому приходящему отверста бѣ (ст. 32).

Это знакъ страннолюбія, Авраамова благородства. Я имѣлъ, говоритъ, общій домъ, общую трапезу, считая свое не своимъ, а Владычнимъ. Господь далъ, поэтому часть хлѣба пусть раздѣлена будетъ сорабамъ. Изъ этого ты видишь умѣренность, человѣколюбіе, видишь доброту, щедрость. Такъ какъ добро было общимъ, то для всѣхъ раскрылъ правую руку и отворилъ домъ. Онъ не дѣлалъ того, что позволяютъ многіе, разузнающіе и разслѣдующіе тѣхъ, которые принимаютъ (подаяніе). Но *дверь моя*, говоритъ, *всякому отверста и* никто *внѣ не водворяшеся*.

Аще же и согрѣшая неволею, скрыхъ грѣхъ мой, не посрамихся бо народнаго множества, еже не повѣдати предъ ними (ст. 33—34).

Чтобы сдѣлаться праведнымъ, сначала открой грѣхи свои. Своихъ подвиговъ, говоритъ, я никого не дѣлалъ свидѣтелемъ, а относительно грѣховъ я желалъ, чтобы всѣ ихъ знали. Поэтому *не посрамихся* бывшаго въ городѣ *народнаго множества*, чтобы при немъ исповѣдать собственный грѣхъ.

Аще же и оставихъ маломощнаго изыти изъ дверей моихъ тщимъ нѣдромъ: [1]) *кто дастъ слушающаго мене* (ст. 34)?

То, что онъ говоритъ, состоитъ въ слѣдующемъ. Если я презиралъ нуждающагося, пусть и меня никто не слушаетъ. Смотри: не сказалъ, что давалъ приходящему, но: не соглашался (отпускать съ пустыми руками) и не желавшаго (получать даръ). Онъ употреблялъ насиліе надъ тѣми, которые по своей волѣ не хотѣли заходить къ нему; зналъ, что такимъ образомъ онъ дѣлаетъ пріобрѣтеніе. Какое стараніе прилагаютъ бѣдные, утруждая могущихъ подать имъ руку помощи, такое употреблялъ онъ, утруждая долженствовавшихъ получить отъ него помощь, не позволяя уходить съ пустыми руками. Не только принимая ихъ, но накормивъ, щедро и радушно оказывалъ пособіе въ ихъ бѣдности. 641

---

[1]) Соотвѣтствующій словамъ Слав. В.: *аще бы не убоялся* греческій текстъ отсутствуетъ въ Патрологіи, какъ и въ древн. сп. перевода 70-ти.

ГЛАВА XXXII.

Отвѣщавъ же Еліусъ, сынъ Варахіилевъ Вузитянинъ, рече: юнѣйшій убо есмь лѣты, вы же есте старѣйшіи: тѣмже молчахъ, убоявся возвѣстити вамъ хитрость мою (ст. 6).

Объ его разумѣніи будемъ дѣлать заключенія въ двухъ отношеніяхъ: на основаніи молчанія и его словъ. Чтобы кто-либо не сказалъ: почему ты въ самомъ началѣ не состязался съ нами о Богѣ, онъ указалъ на (свой) возрастъ и говоритъ, что молчалъ, ожидая услышать отъ васъ что-либо возвышенное и достойное удивленія. Смотри, какъ былъ не честолюбивъ, какъ уступалъ тѣмъ первенство.

И се не бѣ Іова обличаяй, отвѣщаяй противо глаголомъ его отъ васъ (ст. 12).

(Этими словами) говоритъ или то, что, когда вы опровергали Іова, опровергали не такъ, какъ слѣдовало, или — что затѣмъ умолчали. Совершенно же, говоритъ, не сказали того, что поступили мудро, ставши на сторону Бога и произнесши за Него рѣчи. Не менѣе погрѣшили въ томъ, что не могли опровергнуть Іова и позволили говорить ему это; съ вашей стороны и это не умно. Не можете сказать и того, что отъ Бога вы получили благодать и мудрость, какъ защищающіе Его, потому что вы побѣждены Іовомъ.

Ужаснушася, не отвѣщаша ктому: обетшаша отъ нихъ словеса: терпѣхъ: не глаголахъ бо, яко сташа, не отвѣщаша (ст. 15—16).

Нѣкоторые говорятъ, что эти два стиха принадлежатъ не Еліусу, а писателю, внесшему въ средину (его словъ) указаніе на молчаніе друзей. А я говорю, что и они принадлежатъ Еліусу, только имѣютъ видъ рѣчи, называемый апострофомъ (κατὰ ἀποστροφήν [1]): онъ говоритъ объ нихъ (о друзьяхъ) такъ, какъ будто ведъ бесѣду съ другимъ. Такъ какъ они побѣждены были словами Іова и молчаніемъ показали негодность и безполезность прежнихъ рѣчей, то поэтому я и говорю. Поэтому и присовокупляетъ: а я *терпѣхъ* и *не глаголахъ*, думая, что они могутъ возразить. А когда остановились и не могли идти далѣе, отраженные словами Іова, онъ началъ говорить.

Чрево же мое яко мѣхъ мста вряща завязанъ (а Симмахъ: „какъ молодое вино закупоренное“) *или якоже мѣхъ коваческій расторгнутый* (ст. 19).

Здѣсь показывается, что Еліусъ прежде, сильно желая го-

---

[1]) Апострофомъ называется риторическій оборотъ, состоящій въ обращеніи говорящаго къ олицетворенному предмету или къ лицу отсутствующему.

ворить, сдерживалъ себя, терпѣлъ и готовъ былъ разорваться. такъ что нужно было большое терпѣніе. Имѣть силу удерживать 644 рѣчь составляетъ въ особенности дѣло мудрости.

ГЛАВА XXXV.

Отъ множества оклеветаемiи воззовутъ, возопiютъ отъ мышцы многихъ. И не рече: гдѣ есть Богъ сотворивый мя, устрояяй стражбы нощныя (ст. 9—10)?

Златоуста и Оригена. Не видишь ли, что все, какъ въ войскѣ, установлено, каждый предметъ съ наибольшею точностью остается въ надлежащемъ порядкѣ, ничто изъ всего (находящагося въ мiрѣ) не переступаетъ своего предѣла и не попадаетъ на чуждыя мѣста? Такъ, когда люди спятъ, никто не строитъ козней; когда звѣри выходятъ, тогда они спятъ. Смотри же: хвалы Богу и гимны выражаетъ Елiусъ, когда говоритъ: *устрояяй стражбы нощныя.* Хочешь знать, какъ Богъ *устрояетъ стражбы нощныя?* Весь этотъ вѣкъ есть ночь, есть тьма; свѣтъ соблюдается для тебя; нынѣ видишь *зерцаломъ* (1 Кор. xiii, 12), а свѣтъ увидишь нѣкогда. Итакъ, ночь этотъ вѣкъ, и нужны поставленныя на эту ночь *стражбы*, чтобы назначенные на время ночей стражи охраняли находящихся въ ночи отъ разбойниковъ, звѣрей и враговъ. Кто эти стражи? Ополчающiеся ангелы (Пс. xxxiii, 8).

Судися же предъ нимъ, аще можеши похвалити его, якоже есть и нынѣ (ст. 14).

Олимпiодора и Златоуста. Помысли, говоритъ, о величiи Бога, если разумъ можетъ вмѣстить (Его) славу (τὸν ὕμνον). Что же ты хочешь судиться съ столь великимъ, когда не можешь по достоинству прославить Его, и при томъ, когда Онъ наказываетъ тебя? Если бы Онъ сѣлъ, говоритъ, на судилище и положилъ законы, ты не восхвалилъ бы Его, не прославилъ бы Его по достоинству при томъ, что произошло нынѣ съ тобою, когда ты думаешь, что терпишь обиду и наказанiе. То, что нельзя по достоинству прославить Бога, не великое дѣло. А то, что имѣющiй искать у Него суда не можетъ при томъ, что постигаетъ насъ, прославить Его по достоинству, имѣетъ большую важность.

ГЛАВА XXXVIII.

Преставшу же Еліусу отъ бесѣды, рече Господь Іову сквозѣ бурю и облаки (ст. 1).

Такъ какъ облако есть символъ неба, то, желая поставить предъ Іовомъ самое небо, какъ Свой престолъ, (Богъ) приблизилъ (его) къ нему, чтобы возбудить его умъ и убѣдить въ томъ, что голосъ несется свыше, какъ и на очистилищѣ ковчега; это, думается мнѣ, было и на горѣ, когда явилось облако, чтобы узнали, что голосъ (былъ) свыше.

645 *Кто сей скрываяй отъ Мене совѣтъ* (Симмахъ: „темный по мысли")? *содержай же глаголы въ сердцѣ, Мене же ли мнится утаити* (ст. 2)?

Смотри, что дѣлаетъ. Эти слова приводятъ, мнѣ кажется, къ заключенію, что у него на умѣ было нѣчто другое. Поелику мысль Іова занимало многое, чего онъ не осмѣливался высказать, то напередъ отъ этого освобождаетъ его и показываетъ, что промышляетъ о дѣлахъ человѣческихъ и все ясно видитъ. Начинаетъ рѣчь отъ того прежняго, что особенно было не простительно. Вѣдь, если тяжко и нестерпимо было то, что осмѣлился сказать, то тѣмъ болѣе — то. Поэтому прилагаетъ врачество къ этому прежнему. *Кто сей*, говоритъ, вначалѣ показывая разстояніе между Богомъ и человѣкомъ и какъ бы говоря: скажи Мнѣ, кто рѣшается скрывать отъ Меня, точно знающаго сокровенное? Развѣ это не слова, если ты не произнесъ ихъ? Родилось (въ умѣ) и стало словомъ. Поэтому напрасно скрывать то, чего нельзя скрыть. Видишь, какъ говоритъ кротко, исправляя и обличая.

Препояши яко мужъ чресла твоя: вопрошу же тя, ты же Ми отвѣщай (ст. 3).

Такъ какъ удрученъ былъ печалью, то этими словами возставляетъ его, чтобы могъ внимать тому, что будетъ сказано. Начинаетъ рѣчь вопросомъ, имѣющимъ особенно обличительный характеръ, и показываетъ, что все сотворилъ премудро и разумно и что несвойственно совершившему столько великаго съ премудростью—предоставлять человѣка, для котораго все создалъ, случайнымъ тяжкимъ страданіямъ.

Дѣйствительно, мы узнаемъ (здѣсь) неизреченныя тайны. То, что сказано Іову, сказано ему не болѣе, чѣмъ намъ. *Препояши яко мужъ чресла твоя.* И намъ нужна такая же готовность и возвышеніе (духа).

Гдѣ былъ еси, егда основахъ землю (ст. 4)?

Что ты говоришь, вопрошаетъ? Утвердивъ для тебя землю съ такою тщательностью, Я ли презрю тебя, для котораго ее создалъ? Поэтому не говоритъ о премудрости при созданіи (человѣка) и искусствѣ въ (его) образованіи, но изъ обилія (премудрости) въ (твореніи) земли и неба показываетъ, что если міръ ради тебя наслаждается такимъ промышленіемъ, то не тѣмъ ли болѣе—ты? Не сказалъ: когда Я творилъ, но—*егда основахъ*, потому что то самое было дѣломъ великаго искусства, чтобы землю, не имѣющую основанія, ни подпоры, ни поддержки, поставить, и это огромное тѣло такъ устроить и прочно утвердить, чтобы въ теченіе такого времени оно не поколебалось.

Кто положи мѣры ея, аще вѣси? Или кто наведый вервь на ню (ст. 5)?

Да, не просто и не случайно сдѣлалась земля такою, а мнѣ 648
думается, что, если бы что-нибудь было прибавлено, было бы излишнимъ, и равнымъ образомъ если бы отнято было, повредило бы ей. На это и указываютъ *мѣры* и *вервь*.

Положихъ ему предѣлы, обложивъ затворы и врата (ст. 10).

Здѣсь показываетъ, что (море) такъ надежно расположилъ, какъ будто оно связано; вслѣдствіе этого надежность. Въ дальнѣйшихъ словахъ показываетъ легкость,—именно прибавляетъ:

Отрясти нечестивыя отъ нея (ст. 13).

Говоритъ о разбойникахъ, гробокопателяхъ и всѣхъ другихъ, пользующихся ночью для своихъ худыхъ дѣлъ. Они, при появленіи свѣта, на землѣ открыто не выступаютъ, а стряхиваются съ нея и удаляются, такъ какъ ненавидятъ свѣтъ, какъ обличающій ихъ.

Или ты бреніе вземъ отъ земли создалъ еси животно, и глаголиваго сего посадилъ еси на земли (ст. 14)?

Олимпіодора, Севера и Златоуста. Развѣ, говоритъ, ты, Іовъ, взявши прахъ, смоченный водою, изъ земли создалъ человѣка? И украсилъ его словомъ, какъ Я? И открылъ міръ красоты?.. Изъ этого видно, что другія (животныя) не имѣли разума (τὸ λογικόν), который далъ человѣку, какъ преимущественный даръ, потому что *глаголивымъ* называетъ разумное животное. *Посадить на землѣ* значитъ повелѣть господствовать надъ всѣмъ на землѣ. Что касается меня, то удивляюсь Богу въ двухъ слѣдующихъ отношеніяхъ: что человѣческое тѣло создалъ тлѣннымъ и что въ тлѣніи показалъ Свою силу и премудрость, такъ какъ слабая сущность особенно показываетъ богатство и силу искусства: глинѣ и пеплу (Онъ) далъ такое стройное устройство и вложилъ такія чувства, столь различныя и разнородныя, которыя могутъ и лю-

бомудрствовать о столькихъ предметахъ. Изъ земли, изъ того вещества, изъ котораго дѣлаются только черепица и кирпичъ, Онъ сдѣлалъ такой прекрасный глазъ и сообщилъ ему такую силу, что при помощи небольшого зрачка онъ видитъ и обнимаетъ столько предметовъ.

Пришелъ же ли еси въ сокровища снѣжная, и сокровища градная видѣлъ ли еси? Подлежатъ же ли тебѣ въ часъ враговъ, въ день браней и рати (ст. 22—23)?

Златоуста и Олимпіодора. Называетъ сокровищницами (θησαυρούς) [1]) не потому, что это мѣсто храненія, а потому что, какъ бы извлекая изъ сокровищницъ, Онъ показываетъ это, когда хочетъ. Итакъ, видѣлъ ли ты, говоритъ, какъ Я приготовляю снѣгъ и градъ, когда ихъ не видно? Или, можешь ли ты употреблять ихъ противъ враговъ, что Я могу дѣлать? Видишь: хочетъ показать благовременность,—то, что это происходитъ не просто, а во-время. Онъ пользуется снѣгомъ и градомъ противъ враговъ и когда хочетъ кого-либо наказать. Потомъ подробно говоритъ
649 о всемъ прочемъ,—разумѣю дожди, иней и вѣтры.

Послеши же ли молніи, и пойдутъ: рекутъ же ли ти: что есть (ст. 35)?

Видишь и отвѣчающія молніи, не потому, будто онѣ могутъ сказать: *что есть*, а потому, что все, какъ бы одушевленное, повинуется Богу.

Кто же далъ есть женамъ тканія мудрость, или испещренія хитрость (ст. 36)?

Севера, Златоуста и Григорія Богослова. Изображая твореніе неба и земли, загражденія моря, поставленіе звѣздъ, ниспаденіе дождя, и прочее, посредствомъ чего управляетъ нашею жизнью, говоритъ: кто женщинъ, въ другомъ слабыхъ, умудрилъ въ приготовленіи тканей и искусствѣ дѣлать ихъ разноцвѣтными чрезъ окрашиваніе нитей и украшенія? Вмѣстѣ съ великимъ божественное Писаніе упоминаетъ о маломъ и выражаетъ удивленіе премудрости женщинъ въ приготовленіи тканей: *кто*, говоритъ, *далъ есть женамъ тканія мудрость и* (καὶ) *испещренія хитрость?* Это дѣло разумнаго существа, высокаго по мудрости и доходящаго до небеснаго. Не случайна эта разнообразная мудрость, польза ея не малая. Не оставлена въ небреженіи любовь къ искусному приготовленію тканей, не отброшена, какъ излишняя; въ ней проявляется божественная премудрость, ее не стыдится Богъ

---

[1]) Θησαυρός значитъ не только „сокровище", но и „сокровищница", мѣсто храненія сокровищъ.

назвать Своею, не иного кого называя подателемъ ея и руководителемъ, а Себя самого.

Уловиши же ли львамъ ядь и души зміевъ насытиши ли? Убоятися бо на ложахъ своихъ и сѣдятъ въ дебрехъ уловляюще (ст. 39—40).

Для чего говоритъ объ этомъ? (Чтобы показать то), что если имѣю такое попеченіе объ этихъ ненужныхъ (животныхъ), не употребляемыхъ для служенія вамъ, то не тѣмъ ли болѣе—о васъ? Какая въ самомъ дѣлѣ польза отъ нихъ для человѣка?

ГЛАВА XXXIX.

Аще уразумѣлъ еси время рожденія ковъ живущихъ на горахъ каменныхъ? Усмотрилъ же ли еси болѣзнь при рожденіи еленей? Исчислилъ же ли еси мѣсяцы ихъ исполнены рожденія ихъ, болѣзни же ихъ разрѣшилъ ли еси? Вскормилъ же ли еси дѣтища ихъ внѣ страха, болѣзни же ихъ отслеши ли (ст. 1—3)?

Хорошо сказалъ: *усмотрилъ ли еси;* такъ какъ это животное, всегда бѣгающее и прыгающее, находится въ движеніи, страхѣ и безпокойствѣ, то какъ, говоритъ, оно не выкидываетъ, а зародышъ выходитъ цѣлымъ? Слова: *болѣзни ихъ разрѣшилъ ли еси* сказаны для большей выразительности: они раждаютъ сами собою, не нуждаясь въ повиваніи. А слова: *вскормилъ ли еси дѣтища безъ страха* яснѣе выражаетъ Ѳеодотіонъ, говоря: когда дадутъ дѣтенышей своихъ, будешь ли спасать ихъ. Въ словахъ: *отслеши ли болѣзни ихъ*, если *болѣзни* понимать въ значеніи страданія (при рожденіи), то *отслеши* употреблено вмѣсто: „прекратишь"; прекратишь ли, говоритъ, болѣзни (рожденія)? (А если *болѣзни*) при смыслѣ: „выстраданное при боляхъ рожденія и ро- 652
жденное", то *отслеши* значитъ: отошлешь это. Такъ это понялъ и Симмахъ, который перевелъ: „что родили, оставляютъ". Когда выростятъ новорожденныхъ, предоставляютъ имъ ходить, гдѣ угодно. Такую мысль выражаетъ и слѣдующій стихъ.

Кто же есть пустивый осла дивіяго свободна, узы же его кто разрѣшилъ (ст. 5)?

Кто, говоритъ, это установилъ, кто положилъ законы природы? Такъ какъ законы постоянны и не терпятъ поврежденія, то животное остается сильнымъ и неукротимымъ; хотя бы дѣлалъ ты множество усилій, не подчинишь его своей власти.

Или ты обложилъ еси коня силою (а Ѳеодотіонъ и Симмахъ—первый перевелъ: „ржаніемъ", второй: „крикомъ") *и облеклъ же ли еси выю его въ страхъ* (ст. 19)?

Переводитъ рѣчь къ полезнѣйшимъ (животнымъ), упоминая о ручномъ конѣ, и многое говоритъ объ этомъ животномъ: какъ онъ гордъ, смѣлъ, какъ полезенъ для войны, какъ годенъ для спасенія человѣка. Видишь, что и онъ, и оселъ гордъ, но одинъ подвластенъ (человѣку), а другой—нѣтъ.

И не иматъ вѣры яти, дондеже вострубитъ труба (ст. 24).

Слышитъ, говоритъ, трубу, знаетъ этотъ знакъ войны и издали издаетъ воинскій звукъ.

Твоею ли хитростію стоитъ ястребъ, распростеръ крилѣ недвижимъ, зря на югъ (ст. 26)?

Смотри, какъ въ немногомъ говоритъ о многомъ. Но почему не упомянулъ о волѣ, ни объ овцахъ, ни объ одномъ изъ прочихъ такихъ животныхъ, а только о неполезныхъ и кажущихся существующими напрасно? Этимъ показываетъ, что если въ такихъ (видны) премудрость и промышленіе, то тѣмъ болѣе—въ тѣхъ.

ГЛАВА XL.

Еда мышца ти есть на Господа (τοῦ Κυρίου[1]) (ст. 4)?

Что предметъ Моихъ попеченій — люди, это видно изъ вопросовъ о годичныхъ и суточныхъ перемѣнахъ, о небесныхъ явленіяхъ и промышленіи о животныхъ. А почему подвергъ тебя такому искушенію, нынѣ ты услышалъ, что именно причиною оставленія служитъ обнаруженіе твоей добродѣтели, чтобы ты далъ доказательство ея. Здѣсь же узнай, что Я, не враждуя, попустилъ нанести тебѣ ударъ, потому что какая у тебя сила, чтобы Я вступилъ въ борьбу съ тобою? Развѣ у тебя мышца соотвѣтствуетъ мышцѣ Господа? Развѣ ты имѣешь равную силу?

653 *Или гласомъ на него гремиши* (ст. 4)?

Не просто, для показу, громъ и все другое, а для богопознанія. Смотри, какъ посредствомъ всего этого обнаруживаетъ скромность его природы, и не говоритъ, что ты скроменъ, а то, что Я великъ и не можешь того, что Я.

Но убо се звѣріе у тебе, траву аки волове ядятъ (ст. 10).

Возможно, что въ этомъ стихѣ говорится о чувственныхъ дикихъ звѣряхъ, которые часто, по волѣ Божіей, измѣняютъ свою природу,—вѣдь удивительно, что дикій звѣрь не кровожаденъ,

---

[1]) Это τοῦ Κυρίου соотвѣтствуетъ чтенію древн. Ватиканскаго сп.; въ Синайскомъ и Александр. сп.—τὸν Κύριον.

а питается пищей вола. Такъ какъ это необычайно, то и спрашиваетъ Іова, можетъ ли онъ сдѣлать, чтобы звѣри ѣли траву, а не мясо. Потомъ говоритъ о двухъ изъ нихъ, одинъ изъ которыхъ живетъ на сушѣ, другой—въ водѣ, въ морѣ. Не безызвѣстно намъ, что многіе разумѣютъ въ этихъ словахъ діавола, понимая въ иносказательномъ смыслѣ (κατὰ ἀναγωγὴν). Однако нужно напередъ заботиться объ исторіи, а когда можно принести пользу слушателю и иносказательнымъ объясненіемъ, то не слѣдуетъ пренебрегать и имъ.

Питаются ли же имъ языцы и раздѣляютъ ли его Финикійстіи народи (а Акила: „раздѣляютъ между Хананеями“) (ст. 25)?

Размѣръ его тѣла таковъ, что можетъ быть достаточнымъ для цѣлаго народа. Говоритъ, однако, объ этомъ, не какъ объ имѣющемъ быть. Упомянуто о финикіянахъ по причинѣ (занятія ихъ) торговлей.

ГЛАВА XLII.

Тѣмже укорихъ себе самъ и истаяхъ, и мню себе землю и пепелъ (ст. 6).

Это раскаяніе (ἀπολογία) во всемъ прежнемъ. Не избавившись отъ искушенія, говоритъ это, а находясь въ бѣдствіяхъ, воспѣлъ пѣснь. Ни во что, говоритъ, я ставлю себя, приношу раскаяніе въ прежнемъ, я былъ не недостоинъ этого. Что же Богъ? Поелику онъ осудилъ себя, то оправдалъ его. Смотри на святыхъ мужей, какъ они, удостоиваясь высшаго, пріобрѣтаютъ большее смиреніе. Такъ и Авраамъ, когда видѣлъ Господа, сказалъ: *азъ же есмь земля и пепелъ* (Быт. xviii, 27).

Нынѣ же возмите седмь телцевъ и седмь овновъ и идите къ рабу моему Іову и сотворитъ жертву о васъ (ст. 8).

Не повелѣлъ бы этого, если бы былъ законъ. Онъ самъ (Іовъ) дѣлается священникомъ, когда тѣ приводятъ жертвы, и смотри: приносилъ за дѣтей, приноситъ за друзей. Видишь, какъ, показывая его незлопамятность, дѣлаетъ ихъ свидѣтелями добродѣтели этого мужа. Показываетъ и тяжесть грѣха чрезъ (назначеніе) большого количества приносимаго (въ жертву), потому что 653
столькихъ жертвенныхъ животныхъ не нужно было бы, если бы не были велики грѣхи, которые имѣли быть отпущены. Показываетъ, что и жертва не была достаточною. *Аще бо не его ради*, говоритъ, не отпустилъ бы вамъ грѣха,—изъ чего видно, что и ихъ простилъ.

Даде же Господь сугубая, елика бяху прежде Іову, въ усугубленіе (ст. 10).

Богъ попустилъ діаволу показать всю его силу; и когда онъ выпустилъ всѣ стрѣлы и не осталось никакого способа для нападенія, тогда вывелъ борца съ мѣста состязанія, чтобы побѣда была ясною и несомнѣнною.

Въ же той отца убо Заре (Ζαρὲ), *Исавовыхъ сыновъ сынъ, матере же Восорры: якоже быти ему пятому отъ Авраама* (ст. 17).

Когда сіялъ этотъ праведникъ, іудеи были еще въ Египтѣ; имѣли потомъ покинуть, такъ что, если бы хотѣли, нашли бы не малый остатокъ отъ костра благочестія, потому что неестественно было (ему отъ нихъ) скрыться. Вѣдь если и въ настоящее время показываются (его) останки, то тѣмъ болѣе показывались тогда, когда свѣжи были событія и многое изъ совершившагося могли знать всѣ, жившіе въ Аравіи.

Пришедшіи же къ нему друзи, Елифазъ отъ сыновъ Исавовыхъ, царь Ѳеманійскій (Ѳеодотіонъ перевелъ: „сынъ Іосафата"), *Валдадъ Савхейскій властитель* (опять Ѳеодотіонъ: „сынъ Аммона, сына Ховора"), *Софаръ, Минейскій царь* (ст. 17).

Каждый же изъ читающихъ, взирая на этого славнаго борца, какъ на первообразъ, пусть подражаетъ мужеству, поревнуетъ терпѣнію, чтобы, идя тѣмъ же путемъ и отражая мужественно всѣ нападенія діавола, могъ достигнуть благъ, обѣщанныхъ любящимъ Бога, чтобы страданія этого блаженнаго сдѣлались врачествомъ въ нашихъ бѣдахъ, чтобы (постигшая) его свирѣпая буря послужила къ нашему спасенію въ несчастіяхъ. При всемъ, случающемся съ нами, будемъ думать объ этомъ святомъ, и окидывая взоромъ совокупность бѣдствій во вселенной, сохранимъ твердость (духа) при томъ, что выпадаетъ на нашу долю, и какъ къ чадолюбивой матери, всюду простирающей руки, встрѣчающей и принимающей пораженныхъ страхомъ дѣтей, будемъ всегда прибѣгать къ этой книгѣ; и хотя постигли бы насъ самыя тяжкія и продолжительныя бѣдствія, мы, получивъ (изъ нея) совершенно достаточное утѣшеніе, избавимся (отъ нихъ) благодатію Христа, истиннаго Бога, съ Которымъ Отцу слава со Святымъ Духомъ, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

ОСТАТКИ

изъ толкованія Св. Іоанна Златоуста на Притчи Соломона [1]).

ГЛАВА I.

Познати премудрость и наказаніе (ст. 1).

Премудрость Божію получаетъ отъ Него, равно какъ наставленіе, научаясь чрезъ нее тайнамъ ученія. Постигнувшіе истинную и небесную премудрость легко поймутъ сказанныя ею мудрыя слова. Но есть и человѣческая мудрость, представляющая достигнутое опытомъ знаніе искусствъ и полезнаго для жизни.

Пріяти извитія словесъ (ст. 3).

Сказанное въ Притчахъ Святымъ Духомъ въ противопоставленіяхъ (ἀντιστρόφως) хорошо понимаютъ имѣющіе сердце, преданное Богу, такъ какъ *разумѣютъ истинную правду,* возвѣщаемую Христомъ.

И судъ исправляти (ст. 3).

Исправляетъ же судъ тотъ, кто прежде всего получитъ божественную благодать, потому что отъ *Господа исправляются стопы мужу: смертный же како уразумѣетъ пути своя* (XX, 24)?

Да дастъ незлобивымъ коварство (ст. 4).

Что ты говоришь? Незлобиваго хочешь сдѣлать коварнымъ? Но посмотримъ, кого называетъ незлобивымъ: это — человѣкъ простой, невинный, не дѣлающій худого; такому всего болѣе приличествуетъ быть мудрымъ,—коварствомъ называетъ именно разумѣніе,—потому что таковой устранится отъ безумныхъ помы- 661

---

[1]) Оставляя это, данное въ Патрологіи *Миня,* заглавіе, считаемъ, однако, нужнымъ указать на особенности, которыми отличается это толкованіе отъ другихъ толкованій св. Іоанна Златоуста на ветхозавѣтныя книги. Отъ послѣднихъ оно отличается тѣмъ, что въ немъ не дѣлается ссылокъ на еврейскій текстъ и на другіе древніе, кромѣ 70-ти толковниковъ, греческіе переводы, хотя значительныя разности между тѣмъ и другими встрѣчаются въ кн. Притчей. Вмѣстѣ съ тѣмъ, это толкованіе не отличается обычною въ толкованіяхъ святителя ясностью и опредѣленностью; вмѣсто этого, въ немъ выступаетъ по мѣстамъ значительное колебаніе толкователя въ пониманіи словъ библейскаго текста,—см., наприм., VIII, 2; IX, 1; X, 3, 6; XI, 7; XII, 5; XIII, 8 и др. На основаніи этихъ особенностей, принадлежность этого толкованія въ настоящемъ его составѣ св. Іоанну Златоусту представляется сомнительною.

словъ. Или, поелику чуждый лукавства подпадаетъ, по простотѣ, коварству людей злонравныхъ, то избѣгающіе коварства злыхъ должны быть сами по себѣ непорочными, а въ отношеніи къ строящимъ козни благоразумными подобно змѣямъ: *злобою*, сказано, *младенчествуйте, умы же совершенни бывайте* (1 Кор. XIV, 20). *Незлобивымъ*, т. е. приближающимся къ Богу съ простымъ, невиннымъ сердцемъ.

Отрочати юну чувство и смыслъ (ст. 4).

Нѣкоторые, обновившись, подобно малымъ дѣтямъ, и удостоившись чрезъ Христа возрожденія, получаютъ доброе чувство и разумѣніе, какъ говоритъ Господь: *аще не обратитеся и будете яко дѣти* и далѣе (Матѳ. XVIII, 3).

Сихъ бо послушавъ, мудрый премудрѣе будетъ (ст. 5).

Всякій человѣкъ, слушающій божественное ученіе и исполняющій его, будучи мудрымъ, дѣлается мудрѣйшимъ, какъ управляемый и охраняемый Святымъ Духомъ: разумный, говоритъ, пріобрѣтетъ (опытность) въ управленіи, такъ что ни отъ какой неожиданности не погибнетъ; и кормчій, напередъ изучивъ искусство, сдѣлается болѣе способнымъ къ управленію кораблемъ; ставшій разумнымъ дополнитъ, говоритъ, недостававшее опытомъ и размышленіемъ, чтобы при этомъ давать хорошее направленіе плаванію. Плавающій искусно достигнетъ пристани божественной воли, не потерпѣвъ крушенія ни въ одной добродѣтели. А не пріобрѣвшій (искусства) потерпитъ крушеніе или въ вѣрѣ, или въ надеждѣ, или въ любви, или какой-либо изъ добродѣтелей. Потерпѣвшій такое крушеніе справедливо скажетъ: *пріидохъ во глубины морскія и буря потопи мя* (Пс. LXVIII, 3). И всегда нужно говорить: *да избавлюся отъ ненавидящихъ мя и отъ глубокихъ водъ* (ст. 15). Управленіе (кораблемъ) есть совершенная освѣдомленность души о непостоянной природѣ дѣлъ человѣческихъ, (показывающая) какъ слѣдуетъ совершать переходъ (по этой колеблющейся стихіи),—а въ Писаніи многократно находимъ, что эта жизнь называется водою и моремъ.

Уразумѣетъ же притчу и темное слово (ст. 6).

Духовная духовными сразсуждающе: душевенъ же человѣкъ не пріемлетъ, яже Духа Божія: юродство бо ему есть, не разумѣя (μὴ γιγνώσκων) *зане духовнѣ востязуется* (1 Кор. II, 13—14). Что въ притчѣ и темно сказано было Святымъ Духомъ черезъ пророковъ, это для участниковъ и общниковъ Святаго Духа дѣлается яснымъ, по наученію самого Духа, потому что не запечатлѣнный, не имѣющій кормчаго, не можетъ понимать божественнаго Писанія.

Благочестіе въ Бога начало чувства (ст. 7).

Благоговѣніе къ Богу есть начало, какъ источникъ и при-

чина, божественнаго чувства по внутреннему человѣку, чрезъ
которое мы видимъ истинный свѣтъ, слышимъ сокровенные гла-
голы, питаемся хлѣбомъ жизни, воспринимаемъ благоуханіе Хри- 664
стово и касаемся снова этой жизни. Или (значатъ эти слова то),
что, когда есть у насъ благочестіе, и тѣлесныя чувства дѣй-
ствуютъ, какъ должно, тогда они помогаютъ намъ,—когда худого
глазъ не видитъ уста, не произносятъ.

Слыши сыне законы (νόμους [1]) *отца твоего* и проч. (ст. 8).

То есть, Бога и Отца всего; *завѣтовъ матере*—возродившей тебя премудрости, которая дѣлается матерью и руководительницею нашею, питая насъ и воспитывая въ словахъ и заповѣдяхъ Божіихъ.

Вѣнецъ бо благодатей пріимеши (ст. 9).

Если сохранишь въ вѣрномъ сердцѣ законы твоего отца и соблюдешь заповѣди твоей матери, то получишь нѣкогда, при воскресеніи праведныхъ, *вѣнецъ благодатей и гривну злату*, будучи прославляемъ и увѣнчиваемъ Христомъ въ небесномъ и вѣчномъ царствѣ, если будешь состязаться достойно вѣнца, потому что никакой борецъ не получаетъ вѣнца, если не состязается твердо и законно.

Да не прельстятъ тебе мужи нечестивіи (ст. 10).

Говоритъ о тайнахъ, совершенныхъ надъ Христомъ іудеями, и о томъ, какъ Іуда, получивъ отъ іудеевъ нечистыя деньги, разсѣлся внутри (Дѣян. I, 18).

Стяжаніе его многоцѣнное пріимемъ, исполнимъ же домы наша корыстей (ст. 13).

Пріобрѣтеніе праведнаго—мудрость и разумѣніе; его отнимаютъ нечестивые, склоняя праведника къ тому, чтобы онъ сдѣлалъ что-либо запрещенное, чтобы умъ, ослѣпленный грѣхомъ, отпалъ отъ этихъ святыхъ пріобрѣтеній. Это могли говорить и сказавшіе: *сей есть наслѣдникъ: пріидите убіемъ его и удержимъ достояніе его* (Матѳ. XXI, 38). Похищаютъ и демоны у тѣхъ, кого побѣждаютъ, отнимая у нихъ божественное оружіе, *шлемъ спасенія*, панцырь (θώραχα) *и шлемъ духовный, иже есть глаголъ Божій* (Ефес. VI, 17). Подъ *домами* же ихъ могутъ разумѣться церкви нечестивыхъ, которыя они стараются наполнить добычей.

Не иди въ путь съ ними (ст. 15).

Не сказалъ: не дѣлай, а даже—*не иди*; если же и пойдешь—уклонись скорѣе, потому что идутъ на убійство. Если же попадешь въ сѣть и это было дѣло не необходимости, а желанія,

[1]) Νόμους согласно съ Синайскимъ, Александр. и др. списками; *наказаніе* = παιδείαν согласно съ древн. Ватикан. и др. сп.

пріобрѣтешь погибель, не видя, по желанію имѣть больше, сокрытой въ сѣтяхъ гибели. Справедливо потерпишь, говоритъ, то же, что птицы, которыя, имѣя крылья и возможность летать, вращаются около земли. И ты, имѣющій разумъ и могущій быть высокимъ, если бы не хотѣлъ, не погибъ бы *безъ правды* (ст. 17). Или *мрежами* (ст. 17) называетъ различныя кары, которымъ подвергаются нечестивые.

Нечестивіи бывше возненавидѣша чувство (ст. 22).

Благочестіе къ Богу, если не имѣетъ обличителя (κατήγορον), есть начало чувства.

Егда призовете мя и далѣе (ст. 28).

665 Угрожаетъ невѣрующимъ и непокорнымъ Его имени. Такъ и Давидъ: *живый на небесѣхъ посмѣется имъ* (Пс. II, 4). *Будетъ бо, егда призовете, азъ же не послушаю.* И чрезъ Исаію: *егда простpeте руки ко мнѣ, отвращу лице мое отъ васъ* (I, 15).

Снѣдятъ своихъ путей плоды (ст. 31).

Сами отъ себя получатъ наказаніе и будутъ вкушать плоды своихъ трудовъ. Развѣ отъ Меня будетъ имъ наказаніе? Они сами виновники; насытятся, говоритъ, своими желаніями.

ГЛАВА II.

Сыне, да тя не постигнетъ совѣтъ злый. И совѣта божественнаго забывшій (ст. 16, 17).

Злымъ совѣтомъ называетъ діавола, каковой совѣтъ, обольстивъ Адама, лишилъ его новаго и не старѣющагося познанія Бога. Завѣтомъ божественнымъ забытымъ называетъ тотъ, который Христосъ въ Евангеліи обѣщалъ дать побѣждающимъ діавола Адаму и Ною, Аврааму и Моисею, котораго и ангелы желаютъ въ царствѣ небесномъ, когда придетъ.

ГЛАВА III.

Не сплетай на друга твоего зла, пришельца суща и уповающа на тя (ст. 29).

Довѣрившагося тебѣ не предавай, такъ какъ это свойственно звѣрямъ.

Не враждуй на человѣка туне (ст. 30).

Не будь врагомъ безъ причины. Бываетъ ли безъ причины?

бываетъ изъ-за благочестія. Поэтому и Павелъ говоритъ: *аще возможно, еже отъ васъ, со всѣми человѣки миръ имѣйте* (Рим. XII, 18).

ГЛАВА IV.

Иже учиша мя (ст. 4).

Видишь, какъ не считалъ недостойнымъ слушать наставленія матери, потому что невозможно, невозможно услышать отъ родителей, если не будутъ они принадлежать къ испорченнымъ, худыя наставленія. *Да утверждается наше слово въ твоемъ сердцѣ.* Никакой пользы нѣтъ отъ учителя, если ученикъ невнимателенъ. И хорошо сказалъ: *да утверждается:* пусть удерживается, говоритъ, будетъ прикрѣплено, не отходитъ, не отпадаетъ; или: пусть будетъ утверждено, пусть покажетъ, что оно (т. е., *наше слово*) служитъ опорой души.

Вожделѣй ея (ст. 6).

Поелику и любовь прерывается, то люби, говоритъ, ее (т. е., премудрость) постоянно, чтобы она сохранила тебя невредимымъ, такъ какъ ничего славнаго нельзя сдѣлать безъ горячаго желанія.

Пріими моя словеса—да ти будутъ мнози пути житія (ст. 10).

Безполезно слушать слово, котораго не принимаешь. А *пути* суть многія добродѣтели, приводящія къ одному пути, о которомъ сказано: *Азъ есмь путь* (Іоан. XIV, 6). Или, какъ скажетъ кто-либо: все тебѣ будетъ удобно, легко и доступно, чтобы идти, куда хо- 663
чешь, путемъ ли богатства или бѣдности,—славы или безчестья. Какъ если кто, будучи неустрашимъ, или получивъ крылья отъ природы, относится безъ подозрѣнія ко всякому пути, хотя бы онъ былъ труденъ, хотя бы пустыненъ, хотя бы подстерегалъ разбойникъ или воръ, такъ поднимаемый на крылѣ премудрости безъ труда сможетъ всюду пройти.

Аще бо ходиши, не запнутся стопы твоя (ст. 12).

Если ты идешь, говоритъ, имѣя добродѣтель, не подвергнешься преткновенію, не встрѣтишь никакого препятствія къ тому, чтобы достигнуть цѣли дѣла, потому что несообразно—быть молоду и не получать удовлетворенія отъ успѣха. На дорогахъ часто случается, что прошедшіе большую часть пути встрѣчаютъ пропасть, загораживающую дальнѣйшій путь, или встрѣчаются съ кѣмъ-либо, кто говоритъ, что избранъ нами не вѣрный путь, вслѣдствіе чего мы поворачиваемъ назадъ. На пути добродѣтели нѣтъ препятствій. Но какъ же не уставать идущимъ, имѣющимъ

такое болѣзненное тѣло? Здѣсь одно уже усиленное продолженіе пути служитъ причиною труда. Итакъ идущій путемъ добродѣтели не испытываетъ утомленія, потому что приближается къ желаемой цѣли.

Путіе же нечестивыхъ темни (ст. 19).

Тьма всегда составляетъ испытаніе и опасность. Но однако и при опасностяхъ свѣтъ не прекращается, пока не уничтожитъ ночи испытаній.

Всяцѣмъ храненіемъ блюди свое сердце (ст. 23).

(Всякое храненіе) означаетъ большую тщательность и вниманіе, или: во всякое время,—по сказанному: *отъ стражи утренній до нощи* (Пс. cxxix, 5) стереги разумъ, чтобы не дать доступа врагу, или: (береги себя) отъ дѣлъ, словъ и мыслей, потому что врагъ умѣетъ нападать не только посредствомъ дѣйствій, но и словъ; отъ такого стереженія тебѣ прибавится жизнь.

Отъими отъ себе строптива уста и обидливы устнѣ далече отъ себе отрини (ст. 24).

Говоритъ объ извращенныхъ словахъ, не прямыхъ, не истинныхъ; обидливыя же уста—злословящихъ; отъ нихъ совѣтуетъ дальше уходить и не только не прислушиваться къ тому, что говорятъ, но и затыкать уши. Имѣющій такія уста, не находя слушателя, замолчитъ.

ГЛАВА V.

Медъ бо каплетъ отъ устенъ жены блудницы (ст. 3).

Говоря сладко пустыя, лукавыя и ничтожныя слова, усиливается лишить и малаго. *Яже на время наслаждаетъ твой гортань.* Доставляя бесѣдой сердечное удовольствіе и потворствуя вожделѣнію плоти, она является услаждающею человѣка на краткое время.

Послѣди же горчае желчи обрящеши (ст. 4).

669 *И будутъ послѣдняя человѣка того горша первыхъ* (Матѳ. xii, 45), что явится при судѣ, изслѣдующемъ, подобно острому мечу, сокровенное въ его сердцѣ.

Безумія бо ноѕѣ и проч. (ст. 5).

Безумные, впадающіе въ заблужденіе, овладѣваемые и опутываемые имъ, по смерти низводятся въ адъ. Что прежде называлъ блудницею, теперь называетъ безуміемъ. Оно, говоритъ, живыми низводитъ въ адъ праведныхъ, а беззаконныхъ—послѣ смерти: *употребляющіе ю,* говоритъ, послѣ смерти низводятся въ

адъ. Называется же адъ (ᾅδης) оттого, что нисходящіе въ него съ неудовольствіемъ (ἀηδῶς) видятъ всѣ находящіяся тамъ наказанія. О нисходящихъ по смерти въ адъ Давидъ молится, говоря: *да снидутъ во адъ живи, яко лукавство въ жилищахъ ихъ* (Пс. ьіѵ, 16).

Далече отъ нея сотвори путь твой (ст. 8).

Не обращайся къ догматамъ ереси и не приближайся къ преддверіямъ, то есть, къ разнообразнымъ постановленіямъ, которыя она сдѣлала. Называя *источникъ* (ст. 15), показываетъ обиліе имущества; а говоря, что ему *единому* (ст. 17) пользованіе, указываетъ на удовольствіе. *Объятіями чуждей* (ст. 20) называетъ худые помыслы, съ которыми, какъ овладѣвающими душою, нельзя оставаться и которые не сокрыты отъ сердцевѣдца Бога.

Пленицами же своихъ грѣховъ кійждо затязается (ст. 22).

Хотя бы, говоритъ, Богъ и не видѣлъ, но, давъ тебѣ время покаянія, не Онъ наказываетъ, а ты самъ ввергаешь себя въ сѣть грѣховъ; самъ приготовляешь себѣ узы. Поэтому не вини никого, ни Бога, ни человѣка. Отъ насъ зло. Хорошо сказалъ: *уловляютъ*, потому что не всегда посылаются наказанія за грѣхи. *Пленицей* (узами) же называется не каждый грѣхъ, а тотъ, который соединенъ съ постыднымъ дѣйствіемъ и достойнымъ порицанія намѣреніемъ. Имѣющій какое-либо желаніе, но не соединившій съ нимъ дѣйствія грѣха, получилъ простое возбужденіе (πάθος). Берегись же, говоритъ, чтобы чрезъ привычку къ грѣху не сплести для себя сѣть и не сдѣлаться тѣмъ же, чѣмъ бываетъ добыча охотника. Итакъ никого не будемъ обвинять въ нашихъ бѣдствіяхъ; въ этомъ да посрамятся и манихеи. И не просто связываются, но и *затязуются*, и прежде чѣмъ приведены къ Судіи, терпятъ наказаніе со стороны совѣсти.

Сей скончавается съ ненаказанными, отъ множества же своея тучности (πιότητος [1]) *изверженся* (ст. 28).

Уловленный беззаконіемъ и оставшійся ненаказаннымъ испытаетъ подобное тѣмъ; и имѣющій общеніе съ убійцами есть убійца. И посмотри, какою горькою изображаетъ смерть, говоря, съ кѣмъ вмѣстѣ погибаетъ. Страшно умереть и съ худой славой.
А ихъ наполнило, говоритъ, беззаконіе, которое назвалъ 672
„тучностью“, изъ которой явилась плоть, за дѣла плоти, и внѣ спасительной жизни. *И погибъ* (ἀπώλετο) *за безуміе*, а не пожеланіе, такъ какъ для удовлетворенія пожеланія имѣлъ законную собственную жену. Поэтому никто пусть не обвиняетъ природу,

---

[1]) Вмѣсто βιότητος — *житія*, какъ въ другихъ спискахъ греческаго перевода.

но пусть обвиняетъ собственную неумѣренность; а это не свойство природы.

ГЛАВА VI.

Буди не ослабѣвая (ст. 3).

Не падай и не ослабѣвай въ твердости, а Богу посвященное тобою тѣло возбуждай и напрягай къ соблюденію данныхъ Имъ заповѣдей.

Иди ко мравію, о лѣниве (ст. 6)!

Весьма позорно для человѣка идти къ безсловесному животному съ тѣмъ, чтобы учиться у него добродѣтели. Могъ назвать и большее животное, но незначительностью примѣра хочетъ пристыдить лѣниваго. Смотри же, въ чемъ велитъ поревновать. Въ трудѣ и усиліи: пользуйся праведными трудами. И хорошо сказалъ: *ниже нудящаго имущій* (ст. 7), такъ какъ, когда во время лѣта у него бываетъ обильная пища и нельзя опасаться голода, онъ смотритъ не на настоящее, а заботится о будущемъ. Настоящее благополучіе не дѣлаетъ его безпечнымъ, какъ нерѣдко мы, живя счастливо, не думаемъ объ ожидающихъ насъ бѣдствіяхъ. Смотри и ты, чтобы нѣкогда и для тебя, когда кончится собираніе (плодовъ), не наступила зима, тяжелое время, и не пришлось испытать то, что было съ (неразумными) дѣвами (Мате. xxv, 12). Итакъ, пойди къ муравью, то есть, къ народу, уничижаемому начальниками міра этого, но пріобрѣвшему надежду на Христа, подражай его жизни и *буди онаго мудрѣйшій. Онъ, не сущу земледѣльцу* вмѣсто: не имѣющій никакой надежды въ мірѣ; не соблазняясь при видѣ совершающихся въ жизни несправедливостей, никѣмъ не принуждаемый, а добровольно, по сердечному влеченію, вѣря Богу, приготовляетъ добрыми дѣлами вѣчную жизнь.

Иди ко пчелѣ (ст. 8).

Обратись къ Церкви и поучись совершающимся въ ней дѣламъ свѣта,—ея дѣятельности, достойной уваженія, ея управленію, столь мудрому и чистому; ея труды (прославляютъ) цари и простые граждане; ея заповѣди принимаютъ богатые и бѣдные для своего спасенія, хотя она не богата внѣшнею силою, хотя въ глазахъ міра не имѣетъ значенія. Но вѣруя во Христа, преуспѣваетъ: Ему предлежитъ богатая и разнообразная трапеза на то время, какое назначаетъ. Но смотритъ не на настоящее, а прилагаетъ большую заботу о будущемъ. *Готовитъ въ жатву*

пищу и многое въ лѣто творитъ уготованіе. Смотри, какъ животное заботится о будущемъ. И ты наслаждаешься безопасностью въ настоящей жизни,—но смотри, чтобы не оказался у тебя домъ, когда настанетъ зима, пустымъ, безъ запасовъ пищи. Обрати 673
вниманіе на правомѣрность (τὸ δίκαιον) ея: не такъ, что полезна царямъ, а простымъ людямъ безполезна; ея врачество помогаетъ равнымъ образомъ многимъ и изъ тѣхъ, и изъ другихъ; она служитъ природѣ, а не почестямъ. Такимъ будь и ты, цѣня не лицо, а существо дѣла. И что (особенно) хорошее заключаетъ въ (своемъ) тѣлѣ? Ничего. Для того, чтобы лѣнивый не сослался на слабость, (писатель книги) избралъ слабѣйшее изъ животныхъ, отнимая у него возможность оправданія. *Любима же есть* и не имѣющими, и не обладающими; каждый день и въ деревняхъ, и въ городахъ, мы слышимъ безчисленныя похвалы этому роду (насѣкомыхъ).

Потомъ же найдетъ тебѣ аки золъ путникъ убожество: скудость же аки благій течецъ (ст. 11).

Нѣтъ ничего противнѣе добровольной бѣдности, которая весьма быстро постигаетъ лѣниваго, въ быстротѣ превосходя хорошихъ скороходовъ. *Убожество* и *скудость* значатъ: *убожество*— отсутствіе знанія, *скудость* — недостатокъ добродѣтелей. Смотри на преимущество дѣятельности. Не хочешь брать уроковъ у безсловесныхъ? Учись изъ самаго дѣла по опыту: не окажись неразумнѣйшимъ безсловесныхъ. Итакъ, избѣгай убожества. Тяжелъ трудъ? Но смотри, чѣмъ онъ оканчивается. Пріятна лѣность? Но подумай объ ея послѣдствіяхъ. Мы оцѣниваемъ вещи не по началу, а по тому, къ чему приводятъ. Выходящій изъ дому не хочетъ оставаться (навсегда) въ пути, а при самомъ выходѣ имѣетъ въ виду то, куда онъ приведетъ. Поэтому онъ и отправляется въ дорогу, чтобы достигнуть конца. А ты поступаешь вопреки этому.

На всякое время таковый мятежы составляетъ граду (ст. 14).

Увы, какъ много значитъ: *на всякое время*! Хотя бы хотѣлъ онъ показать что-либо доброе, самый способъ показыванія полонъ подозрѣнія: онъ волнуетъ народъ, цѣлые города приводитъ въ движеніе. Такой не имѣетъ миролюбиваго духа, не слышалъ словъ Христа: *блажени миротворцы* (Матѳ. v, 9). Этимъ научаетъ не подавать никому повода къ враждѣ.

Око досадителя, языкъ неправедный, руцѣ проливающыя кровь праведную (δίκαιον [1]) (ст. 17).

[1]) Δίκαιον согласно съ Синайскимъ и Александр. списк.; δικαίου = *праведнаго* читается въ древн. Ватикан. сп.

Чрезъ отдѣльные члены тѣла указываетъ на злыя дѣйствія. Что въ тѣлѣ глаза, языкъ и руки, то же въ душѣ разумъ, стремленіе, рѣшеніе. Не безъ цѣли перечислилъ эти (члены тѣла), а для того, чтобы научились обуздывать ихъ, избѣгая подражанія. *Проливаютъ кровь праведную* тѣ, которые пьютъ кровь Господа и оскверняютъ себя постыдными дѣлами.

Сердце кующее мысли злы (ст. 18).

Если сердце будетъ нечистымъ, то и члены (тѣла) дѣлаетъ нечистыми, такъ какъ изливаетъ ядъ наружу. Хорошо сказалъ: *разжизаетъ* (ст. 19), потому что огонь есть ложь, раздѣляющая согласныхъ, не только не приносящая пользы, но и приводящая къ враждѣ. По (душевному) расположенію братья тѣ, которые
676 имѣютъ благодать усыновленія и повинуются одному отцу—Христу; ихъ усиливаются возмутить беззаконные и страстные помыслы, возбуждая сердце къ ненависти, а волю—къ постыднымъ дѣйствіямъ.

Навяжи же я на твою душу и проч. (ст. 21).

То есть, свяжи прежде всего ученіе, заключающееся въ законахъ, полагая въ глубинѣ души, и, затѣмъ, украшая добрыми дѣлами, крѣпко привяжи къ твоей шеѣ. Хорошій товарищъ и собесѣдникъ—постоянное размышленіе о божественномъ ученіи, особенно когда находимся на площади. Тогда особенно намъ нужно это оружіе, потому что и глазъ наноситъ рану, и гнѣвъ возгорается, и тѣмъ, что видимъ, возбуждается желаніе богатства. Итакъ размышляй *о нихъ сѣдяй и идый и лежа* (Втор. VI, 7). Заповѣдь—обличеніе зла, а наставленіе въ добрѣ. Черезъ законъ познается грѣхъ.

Еже сохранити тя отъ жены мужаты и отъ наважденія языка чуждаго (ст. 24).

Смотри, какъ много говоритъ о цѣломудріи. Вожделѣніе есть тьма. *Отъ наважденія*, то есть, не только отъ прелюбодѣянія, но и отъ подозрѣнія. Часто случается, что чистый отъ грѣха не свободенъ бываетъ отъ подозрѣнія. Заповѣдь и это исправляетъ. *Мужатая жена* можетъ быть понимаема какъ ученіе инославныхъ людей и ложное ихъ разсужденіе; убѣждаетъ беречься этого (ст. 25). Да не обольщаютъ тебя чары красиваго выраженія (τῆς κεκομψευμένης φράσεως). *Цѣна блудницы, елика единаго хлѣба* (ст. 26). Краткость удовольствія и незначительность платы показалъ (стоимостью) одного хлѣба. *Не безъ вины будетъ* (ст. 29). И чистый отъ дѣйствія, а запятнанный въ другихъ способахъ общенія, *не безъ вины будетъ*, то есть, не останется чистымъ. Какъ открывши глаза нельзя не смотрѣть, такъ, когда смотришь на

женщину, не можетъ не родиться вожделѣніе. Для чего же подкладывать огонь къ природѣ?

Крадетъ бо, да насытитъ душу свою алчущую (ст. 30).

Говоритъ это, не освобождая вора отъ наказанія, а для сравненія. Одинъ имѣетъ защиту въ бѣдности, а другой руководится однимъ безуміемъ. Одинъ, будучи схваченъ, подлежитъ наказанію, а другой—смерти и при томъ позорной. Что касается созерцанія (κατὰ θεωρίαν), то неудивительно, если кто пользуется тѣмъ или другимъ положеніемъ внѣшней мудрости для того, чтобы чрезъ это выяснить истину и опровергнуть то, что кажется имъ [1]) твердымъ. Такимъ (былъ) Павелъ, плѣняя *всякъ разумъ* Христу (2 Кор. x, 5) и побѣждая (ποιήσας [2]) аѳинянъ посредствомъ собственной (ихъ) надписи (Дѣян. xvii, 23). А если, оставивъ истинную мудрость, полюбимъ мудрость міра, то будемъ безумно блудодѣйствовать.

ГЛАВА VII.

Обложи ихъ перстами (αὐτοὺς τοῖς δακτύλοις [3]) (ст. 3).

Персты указываютъ на отдѣльныя дѣйствія, а рука служитъ 677
обозначеніемъ всей дѣятельности. Итакъ говоритъ, что и въ малыхъ вещахъ поступай добродѣтельно; чрезъ то широко раскроешь сердце для принятія добродѣтелей. Не имѣвшимъ (такой широты сердца) коринѳянамъ Павелъ говоритъ: *распространитеся и вы* (2 Кор. vi, 13). Сестра наша (ст. 4)—созерцаніе существующаго вмѣстѣ съ безтѣлеснымъ; виды его: разумѣніе, знаніе, образованіе. *Отъ жены чуждія* (ст. 5)—отъ многобожнаго ученія; оно передается краснорѣчиво, учитъ пріятному, удовольствіямъ и любостяжанію. *Аще тя словесы льстивыми облагати начнетъ. Словеса льстивыя*—страстные помыслы. Отъ раждающей ихъ порочности хранитъ себя упражняющійся въ премудрости Божіей. *Домъ* (ст. 6) ея—широта мнѣній (τὸ πλάτος δογμάτων); *оконце*—отдѣльныя (изъ нихъ).

---

[1]) То есть, языческимъ мудрецамъ.

[2]) Вмѣсто ποιήσας нужно, вѣроятно, читать νικήσας.

[3]) Такъ читается согласно съ древн. Ватикан. сп.; вмѣсто αὐτοὺς читается въ Алекс. сп. αὐτοῖς = ими, какъ въ Слав. Библіи

ГЛАВА VIII.

Сыне (Υἱὲ[1]), *ты премудрость проповѣждь* и проч. (ст. 1).

Пожелай, говорить, мудрости и сила разума послушаетъ тебя. *На краехъ* (ст. 2) (значитъ) или то, что ясно то, что говоритъ, или что дѣлаетъ высокими. Достигшій совершенства, зная, что премудрость все создала, видитъ и высоту ся, и опусканіе и поднятіе на путяхъ. А новый человѣкъ, видящій только высоту, долженъ просить его (αὐτὸν), чтобы увидѣть ее самую (αὐτήν), чтобы легче было услышать голосъ: только иди къ ней. *При вратѣхъ сильныхъ* (ст. 3) (значитъ) или то, что дѣлаетъ сильными, или что они особенно нуждаются въ ней, или что она присутствуетъ при руководственныхъ наставленіяхъ учителей, такъ какъ находящійся въ преддверіи слышитъ прославленіе (ея): говорится, что то при выходахъ, то при входахъ она воспѣвается уходящими отъ зла и приходящими къ добродѣтели. Затѣмъ представляетъ ее выражающею то, что можетъ привлечь (къ ней): *васъ, о человѣцы, молю и вдаю мой гласъ сыномъ человѣческимъ* (ст. 4). Хотя и ваша польза (въ этомъ), но я, говоритъ, умоляю. *Человѣкъ* и *сыны человѣческіе*—одно и то же; *человѣцы* суть совершенные, удостоиваемые призыва, а *сыны человѣческіе* — несовершенные, къ которымъ затѣмъ обращено увѣщаніе.

Господь сотвори страны и ненаселенныя, и концы населенныя поднебесныя (ст. 26).

Не вводи другого Творца, хотя ненаселенная страна не приноситъ никакой пользы. Поэтому и сдѣлалъ, что *концы* населились, чтобы, зная концы и предѣлы, ты видѣлъ, что это дѣло Божіе, не сомнѣваясь относительно того, что находится между ними. *Концы*—сокровенныя и божественныя тайны, равно какъ *страны*—плодоносныя души, а *ненаселенныя*—божественныя мысли, о которыхъ невозможно человѣку говорить.

[1] Въ древнихъ спискахъ греч. перевода Υἱὲ не читается здѣсь, не читается и: *тѣмже*, какъ въ Слав. В.

ГЛАВА IX.

Премудрость созда себѣ домъ и утверди столповъ седмь (ст. 1). 680

Премудрость—Сынъ Божій, сдѣлавшійся человѣкомъ. Онъ приготовилъ Себѣ домъ, плоть отъ Дѣвы. *Седмь столповъ—Духъ Божій, Духъ премудрости и разума, Духъ совѣта и крѣпости, Духъ вѣдѣнія и благочестія, Духъ страха Божія*, какъ говоритъ Исаія (xi, 2). Или: *домъ*—Церковь, а *столпы*—апостолы. Или говоритъ о мудромъ мужѣ, потому что онъ твердъ, имѣетъ нужное для себя и не нуждается въ чемъ-либо. Домъ премудрости—Церковь, *столпы—мнимiи столпи быти* (Галат. ii, 9).

Закла своя жертвенная (ст. 2).

Жертвенная—божественныя мысли или объясненія Писаній, а *раствореніе*—присоединеніе къ исторіи анагогіи (ἀναγωγὴν[1]), такъ какъ не растворенное божественное не можетъ вмѣститься; поэтому разнообразно и на части раздѣляя догматы и толкованія, (премудрость) приготовляетъ пищу обучаемымъ. *Раствори въ чаши вино свое* (τὸν οἶνον ἑαυτῆς). Чистое божественное (ученіе) соединила (она) съ человѣческими словами (φωναῖς), то есть, съ мудростью человѣческою, чтобы мы могли постигнуть ее. Подъ *жертвенными* (можно разумѣть и) блаженныхъ пророковъ, по времени убиваемыхъ невѣрующими, какъ сказано: *зане тебе ради умерщвляемся весь день* (Пс. xliii, 23). *Посла* своихъ пророковъ и апостоловъ *съ высокимъ проповѣданіемъ* (ст. 3), то есть, съ ученіемъ, не заключающимъ ничего низкаго и отвергаемаго, призывающимъ всѣ народы къ познанію Бога. *Высокимъ* же назвалъ то, о чемъ сказано: *во всю землю изыде вѣщаніе ихъ* (Пс. xviii, 5). *Требующимъ* (ст. 5)—еще не получившимъ силы Святого Духа, только начавшимъ, а не совершеннымъ. *Пріидите*—узнайте истинный и прямой путь, *и пійте вино*—и пріимите Духа Святого, какъ вино. *Оставите безуміе* (ст. 6)—уклонитесь отъ путей неразумія и узнайте жизнь вѣчную. *Ядите*—укрѣпитесь моими словами и таинствами.

Даждь премудрому вину (ст. 9).

Вина (ἀφορμή) есть обличеніе, дѣло спасительное и полезное, или говоритъ (о *винѣ*) посредствомъ словъ, потому что такъ поднимется на высоту ученія (ἀναγωγῆς). *Сказуй праведному*, то есть, благомыслящему, показывай пути праведности, *и приложитъ* вмѣсто: возлюбитъ тебя, исправляя вслѣдствіе обличенія грѣхи отъ невниманія. *Совѣтъ святыхъ разумъ* (ст. 10). *Совѣтъ святыхъ* отличаетъ то, что нужно дѣлать, отъ того, что дѣлать

[1]) О толкованіи по анагогіи см. далѣе сказанное при объясненіи XXII, 21.

не слѣдуетъ; это совѣтъ съ разумомъ. *Многое поживеши время* (ст. 11). *Многое* поставлено вмѣсто: безконечное, или чтобы не освободить насъ отъ двоякаго пониманія рѣчи, такъ какъ годы
681 этой жизни вѣчные. Кто не пользуется премудростью Божіей, тотъ *пасетъ вѣтры* (ст. 12), полагая для себя не твердыя начала и (совершенія) дѣлъ, и (объясненія) Писаній. *Путями своего винограда* называетъ жизнь по закону, приводящую ко Христу, потому что виноградъ—Израиль. Когда нужно воздѣлывать, что онъ дѣлаетъ? *Проходитъ сквозь пустыню*, потому что безплодна природа лжи. Видишь ли, какъ изобразилъ безплодную природу лжи? Держащійся ея собралъ только тернія и волчцы. *Безводною* (землею) можетъ быть та, которая не имѣетъ божественнаго ученія, а жаждущею — та, въ которой не течетъ хорошая (πότιμον) вода—Духа, которая плодоноснымъ источникамъ дается Іисусомъ. *Неплодіе*—зло и незнаніе.

Хлѣбомъ сокровеннымъ въ сладость прикоснитеся (ст. 17).

И какое удовольствіе отъ украденнаго, которое носитъ въ себѣ страхъ, опасность, ожиданіе смерти? Хотя оно кажется пріятнымъ, но не таково (на самомъ дѣлѣ), какъ сказано: *сладокъ* имъ (αὐτοῖς) *хлѣбъ лжи*, и вслѣдъ за этимъ: *исполнятся уста* ихъ (αὐτῶν) *каменія* (Прит. xx, 17). *Но отскочи* (ст. 18). Блаженное дѣло—удалиться. А второе—не замедлить въ худыхъ помыслахъ, но посредствомъ покаянія идти дальше, такъ какъ невозможно положившему огонь за пазуху не сжечь платья; невозможно и занятому худыми мыслями избѣгнуть вѣчнаго огня. Отсюда ясно, какъ далеко нужно держать себя отъ зла. Грѣхъ—бездна; иди дальше; находящійся вблизи, хотя находился бы въ безопасности, боится и трясется. *Тако бо пройдеши воду чуждую*. Водою называетъ похоть, показывая, что какъ любящій пить воду отъ такого источника бываетъ виноватъ, похищая то, что находится предъ нимъ и при томъ въ изобиліи, такъ и тамъ. Или, какъ у Бога есть *источникъ живота* (Пс. xxxv, 10), такъ и у діавола—источникъ смерти. Если источникъ Божій есть источникъ добродѣтели и знанія, то источникъ діавола служитъ, очевидно, источникомъ порока и невѣжества. Также нужно думать о рѣкахъ, колодцахъ, водахъ и дождяхъ. А слова: *приложатся лѣта* значатъ, что въ твоей власти получить это.

ГЛАВА X.

Не пользуютъ сокровища беззаконныхъ (ст. 2).

Какъ же это? Развѣ не избѣгли многіе смерти, благодаря богатству? Такъ; но не освободились отъ грѣха и выкупили жизнь, тягчайшую смерти. Будемъ же надѣяться не на богатство, а на добродѣтель. Или—что праведность, приходя къ грѣхамъ, ведущимъ къ смерти, освобождаетъ отъ нея. Какъ же принесутъ пользу сокровища, собранныя на землѣ, *идѣже червь и тля тлитъ и идѣже татіе подкапываютъ и крадутъ* (Мато. VI, 19)? А праведность не только спасаетъ пріобрѣвшихъ ее, но и возбуждаетъ многихъ къ ревности по ней и переноситъ отъ смерти къ вѣчному безсмертію.

Не убіетъ гладомъ Господь душу праведную, животъ же нечестивыхъ низвратитъ (ст. 3). 684

Какъ могутъ терпѣть голодъ имѣющіе небесный хлѣбъ жизни? А нечестивымъ, хотя бы они пользовались изобиліемъ, ничего больше не будетъ. Или и такъ (можно понимать): если жизнь нечестивыхъ порочна, Господь *низвратитъ*, то есть, нечестивые нѣкогда перестанутъ быть нечестивыми. Послѣ такого измѣненія Господь *предастъ царство Богу и Отцу, да будетъ Богъ всяческая во всѣхъ* (1 Кор. XV, 24, 28). А душу праведную, стремящуюся къ знанію, премудрости и всему доброму, Господь не предастъ голоду.

Благословеніе Господне на главѣ праведнаго, уста же нечестивыхъ покрыетъ плачь безвременный (ст. 6).

Голова праведнаго спасается, увѣнчивается, а нечестивый, какъ употреблявшій и свои уста для умноженія грѣховъ и черезъ нихъ совершающій грѣхъ, покроется преждевременною скорбью. Или—такъ: въ умѣ мыслится благословеніе и разумѣніе, а слово нечестивыхъ побѣждаетъ въ приложеніи великой печали (ἐν παραθέσει μεγάλου πένθους). Или такъ (можно понимать), что слово ихъ хуже преждевременной печали; или—еще такъ, что уста ихъ закроются, чтобы обнаружилась полнота наказанія. *Имя же нечестивыхъ угасаетъ* (ст. 7). Когда идетъ рѣчь о праведникѣ, онъ прославляется и память его увѣковѣчивается, а нечестивый не только преждевременно умираетъ, но и имя (его) весьма скоро *угасаетъ*.

Премудръ сердцемъ пріиметъ заповѣди, непокровенный же устнама остропѣтьвая запнется (ст. 8).

Премудрымъ называетъ знающаго и имѣщаго природную способность, который руководится закономъ, а *непокровеннымъ уст-*

нама—глупаго, не обуздывающаго устъ, говорящаго обо всемъ, не умѣющаго молчать, который не знаетъ того (какъ говорится): „слышалъ слово? Пусть оно умретъ съ тобою". Или (значатъ слова) то, что говоря то одно, то другое, такой полагаетъ преткновенія для своей жизни, за которыя *запнется* вмѣсто: падетъ.

Иже ходитъ просто, ходитъ надѣяся (ст. 9).

Хотя обманъ представляется дѣломъ безопаснымъ, а простота—ненадежнымъ, но вопреки этому говоритъ, что живущій безъ хитрости пусть не унываетъ, такъ какъ дѣлающій пути свои извилистыми *познанъ будетъ*; нельзя скрыться коварному. Или вмѣсто этого: не устрояющій козней ближнему не подвергнется и со стороны другого. Кто втайнѣ строитъ ковы, а въ глаза хвалитъ, тотъ *будетъ познанъ*, хотя бы казался до времени неизвѣстнымъ (съ этой стороны). Потомъ убѣждаетъ въ томъ, что нужно дѣлать все съ надеждой. Дѣйствія праведника непрерывно руководимы бываютъ тѣмъ вѣчнымъ Источникомъ, Который сказалъ: *Азъ есмь жизнь* (Іоан. XIV, 6). А говорящій нечестиво умолкнетъ, постигнутый наказаніемъ.

Иже отъ устенъ произноситъ премудрость жезломъ біетъ мужа безсердечна (ст. 13).

685 Не подумай, что хочетъ мстить. Не говорю, сказано, что оскорби, а скажи что-либо умное, и поразишь врага сильнѣе, чѣмъ если бы имѣлъ палку. Ненавидящаго можно (ἴδιον) и ударить; если хочешь, дѣлай такъ. Но поражаетъ не надменность, а снисходительность.

Стяжаніе богатыхъ градъ твердъ: сокрушеніе же нечестивыхъ нищета (ст. 15).

Богатый не довлѣетъ самому себѣ; если не обезопаситъ себя въ городѣ, ненадежно его имущество. Затѣмъ порицаетъ и бѣдность. А въ иносказательномъ смыслѣ (κατὰ διάνοιαν): ученики богатѣющихъ въ Бога—несокрушимы, а нечестивые, не имѣющіе ничего, достойнаго вниманія, бываютъ бѣдны, поэтому и погибаютъ. *Путями жизни* (ст. 17) называетъ тѣ, которые ведутъ къ добродѣтели, *наказаніемъ необличеннымъ* (παιδείαν δὲ ἀνεξέλεγκτον)—худое расположеніе души, скрытно ведущее къ заблужденію.

Преходящей бури, нечестивый исчезаетъ. праведный же уклонився спасается во вѣки (ст. 25).

Это—потому что (первый) безстрашно грѣшитъ, когда приходитъ искушеніе, а праведникъ чрезъ терпѣніе и благодарность спасается во вѣкъ. Смотри, какъ безопасна праведность. *Уклонився*, то есть, отстранившись или твердо перенесши, спасается. А тотъ исчезаетъ не только тогда, когда наступаетъ смятеніе или искушеніе, но и когда приближается: безстрашно грѣшитъ,

не замѣчая праведнаго суда Божія. *Страхъ Господень прилагаетъ дни* (ст. 27). Дни, происходящіе отъ Солнца правды. Объ этомъ молится Давидъ: *не возведи мене въ преполовеніе дней моихъ* (Пс. сı, 25). *Исполненъ дней* Авраамъ скончался (Быт. xxv, 8).

ГЛАВА XI.

Мѣрила льстивая мерзость предъ Господемъ (ст. 1).

Хочетъ, чтобы судъ у насъ былъ безпристрастнымъ, такъ какъ нашъ судъ есть мѣрило вещей. *Идѣже аще внидетъ досажденіе, тамо и безчестіе* (ст. 2). Говоритъ не объ оскорбляемыхъ, а объ оскорбляющихъ. Почему? Потому что эти послѣдніе наносятъ себѣ безчестье,—не тотъ, кто слышитъ худое или терпитъ, а тотъ, кто дѣлаетъ, такъ какъ всѣ удаляются отъ такого, какъ отъ заразы. Или *досажденіемъ* называетъ гордость, такъ какъ гордый не уважается, а смиренный—почтененъ и мудръ; этого (качества) особенно требуетъ мудрость.

Скончавшуся мужу праведну не погибнетъ надежда (ст. 7).

Надѣется, что дѣти будутъ хорошими, надѣется получить великое; или эти слова обращаютъ насъ къ воскресенію, или къ потомству; или — что, насладившись всѣмъ, будетъ наслаждаться и будущими благами; или—что пользуется славою и послѣ смерти.

Мужъ двоязыченъ и проч. (ст. 13).

Здѣсь говоритъ о хитромъ, неискреннемъ человѣкѣ, кото- 688
рый говоря не то, что у него на душѣ, испытываетъ въ собраніи мысли каждаго. А надежный человѣкъ, разсудительно управляя словами, (произносимыми) *духомъ*, или глубины сердца, говоритъ одно полезное, а о прочемъ умалчиваетъ.

Крѣпцыи же утверждаются богатствомъ (ст. 16).

Не отклоняетъ и отъ богатства, котораго больше имѣетъ дѣятельный, чѣмъ лѣнивый. Или въ отвлеченномъ смыслѣ (νοητῶς): не пламенѣющій духомъ, а слабый по усердію, нуждается въ духовномъ богатствѣ.

Якоже усерязь въ ноздрехъ свиніи, тако женѣ злоумнѣй лѣпота (ст. 22).

Почему привелъ въ примѣръ это животное, а не взялъ другого? Потому что, какъ свинья, этою частью по преимуществу поднимая грязь, портитъ это золотое украшеніе, такъ и эта женщина безчеститъ красоту. А почему она явилась красивою? Зачѣмъ и не говоритъ, почему сдѣлалась злоумною? Богъ попу-

скаетъ и безумнымъ женщинамъ быть красивыми, чтобы разумная и мудрая не удивлялась этому качеству, а понимала настоящую красоту. Попустилъ глупымъ быть и богатыми, чтобы разумный видѣлъ недостатокъ (ἐνδεές) и не смущался этимъ, а стремился къ тому, что создаетъ эти блага.

Суть, иже своя сѣюще, множайшая творятъ: суть же и собирающе чуждая умаляются (ст. 24).

Можешь видѣть расходъ, служащій причиной прихода, и собираніе, ведущее къ уменьшенію. Если есть нѣкоторые, съ которыми бываетъ иначе, то согласенъ въ томъ, что не со всѣми такъ случается, чтобы добродѣтель не была вынужденною. Если бы всѣхъ скупыхъ дѣлалъ бѣдными, а всѣхъ милостивыхъ—богатыми, то по необходимости всѣ обратились бы (къ добродѣтели). Но не сдѣлалъ ни этого всеобщимъ, чтобы не было необходимости, ни попустилъ тому быть общимъ (закономъ), чтобы не возбуждать войнъ.

Удержаваяй пшеницу оставитъ ю языкомъ (ст. 26).

Желающій доказать необычайное дѣло пользуется и заклятіемъ, напримѣръ: пусть не будетъ выгоды ему самому, но достанется врагамъ! Такъ поступаетъ и Павелъ: *о, дабы отсѣчени были развращающіи васъ* (Гал. v, 12)! И іудеи, имѣвшіе пшеницу—древнее Писаніе и хранившіе его, оставили его намъ, язычникамъ; царство у нихъ отнято. Или—говоритъ объ обыкновенной пищѣ; если ты именно хлопочешь о голодѣ и продаешь и, прося у Бога плодородія, самъ подготовляешь голодъ, то дѣлаешь то, чего нѣтъ хуже. *Продаяй пшеницу скупо отъ народа проклятъ.* Здѣсь не отнятіе, а проклятіе, то есть, *оставитъ языкомъ.*

Той возсіяетъ (ст. 28).

(Это значитъ) или то, что будетъ свѣтомъ; такъ, тотъ (т. е., *надѣяйся на богатство*) умретъ, не воспользовавшись чѣмъ-либо
689 изъ своего, а этотъ будетъ свѣтомъ, сѣя въ настоящемъ вѣкѣ въ надеждѣ будущаго. Или—*возсіяетъ* вмѣсто: произрастетъ; а если—онъ самъ, то тѣмъ болѣе его потомство.

Отъ плода правды древо жизни прозябаетъ: отъемлются же безвременно души беззаконныхъ (ст. 30).

Плодъ правды—совершенство добродѣтели; изъ него вырастаетъ древо жизни. *Безвременны* не по возрасту, а по дѣйствіямъ, тѣ, которые не приносятъ зрѣлаго плода. Не часто это бываетъ. Почему же одинъ достигаетъ глубокой старости, а другой умираетъ въ преддверіи жизни? Узнаемъ причину и не будемъ оставаться въ недоумѣніи. Какая же она? Бываетъ противное (приведеннымъ словамъ), чтобы добродѣтель не была вынужденною.

Аще праведный едва спасется, нечестивый же и грѣшный гдѣ явится (ст. 31)?

Обрати вниманіе на то, что жизнь длинна, много (нужно) твердости въ жизни, много (бываетъ) напастей. Не то говоритъ, что послѣ исправленія (ὅτι μετὰ τὸ κατορθῶσαι [1]). Если и это говоритъ, то говоритъ хорошо. Если разсмотрѣть, что Богъ (сдѣлалъ) для насъ и что мы дѣлаемъ, то кто будетъ правымъ передъ Нимъ, хотя былъ бы чище солнца? Праведенъ тотъ, кто дѣйствуетъ по правдѣ; нечестивъ—ненавидящій Бога; грѣшникъ—худой по дѣламъ.

ГЛАВА XII.

Любяй наказаніе любитъ чувство (ст. 1).

Любящій нравственное наставленіе бываетъ любителемъ познанія, упражняющаго познавательную способность (τὰ αἰσθητήρια) въ различеніи добра и зла. Отвращающійся отъ познанія, совсѣмъ не желающій (что-либо) знать, безумствуетъ. Какъ не желающій лѣчиться дѣлается больнымъ, такъ и этотъ—безумнымъ.

Лучше обрѣтый благодать отъ Господа Бога, мужъ же законопреступенъ премолчанъ будетъ (ст. 2).

Лучше сказано не въ смыслѣ сравненія, а вмѣсто: добрый. Да и какое можетъ быть сравненіе обрѣтающаго благодать у Бога съ беззаконникомъ? *Премолчанъ будетъ* сказано вмѣсто: не удостоится слова, то есть, отъ Господа. *Не исправится человѣкъ отъ беззаконнаго* (ст. 3). Смотри, какъ побуждаетъ то судомъ Божіимъ, то дѣйствіями людей; путемъ беззаконія не совершается ничего хорошаго; при беззаконіи все разрушается.

Жена мужественная вѣнецъ мужу своему (ст. 4).

Постоянно говоритъ, что доброе и противоположное (доброму) заключается въ женахъ, поелику (мужъ) постоянно нуждается въ лѣченіи. Поэтому намѣревающійся жениться пусть ищетъ не только спутницу жизни, но и добродѣтели. Невозможно мужу не погибнуть, когда жена развращена; потому ищи добродѣтели, а не богатства. Хорошая, *мужественная*, сдѣлается славнымъ вѣнцомъ; худая же, подобно червю, находящемуся въ самомъ сердцѣ, незамѣтно мало-по-малу приводитъ къ гибели.

---

[1]) Здѣсь въ текстѣ Патрологіи, очевидно, пропускъ нѣсколькихъ словъ. Въ латинскомъ переводѣ это мѣсто передано: „говоритъ, однако, эти слова не о тѣхъ, которые жили правильно".

А всего ужаснѣе то, что, незамѣтно для окружающихъ, вливаетъ внутрь ядъ и изнуряетъ несчастную душу. Или—иначе: добродѣтель украшаетъ своего послѣдователя, порокъ же дѣлаетъ
692 порочнаго ненавистнымъ. *Мысли праведныхъ судбы* (κρίματα [1]) (ст. 5), потому что судятся и простые (ἁπλοί), или—потому что праведные постоянно размышляютъ о судахъ и заповѣдяхъ Божіихъ, или—потому что всегда производятъ судъ по разуму, такъ какъ у насъ есть судья—умъ, оцѣнивающій всякую добродѣтель по сравненію съ противоположнымъ ей порокомъ; послѣдній онъ осуждаетъ, первую же оправдываетъ.

Лучше мужъ въ безчестіи работаяй себѣ (ст. 9).

Такъ какъ многіе бѣгаютъ отъ работы, не только какъ тяжелой, но и постыдной, то прежде убѣждалъ самихъ людей посмотрѣть на муравья, а теперь устраняетъ и самую мысль. Что ты говоришь? Безчестенъ трудъ? Насколько лучше терпѣть безчестіе, чѣмъ голодъ? Въ чемъ безчестіе? Развѣ другому служишь, а не себѣ? Хотя бы служилъ многимъ, не имъ служишь, а себѣ. Если бы не хотѣлъ избавить себя отъ голода, и не подумалъ бы о тѣхъ. Ты самъ пожинаешь плоды своего служенія, слѣдовательно, служишь себѣ. Не видишь ли воиновъ? Каждый изъ нихъ служитъ себѣ. Такъ и художникъ. Поэтому оставь негодованіе. Ты самъ себѣ господинъ, а не кто другой. Не видишь ли бѣдныхъ, никому не служащихъ? И они служатъ себѣ. А какая честь, когда нуждаются въ хлѣбѣ?

Праведникъ милуетъ души скотовъ своихъ (ст. 10).

Упражненіемъ въ человѣколюбіи служитъ то, чтобы на безсловесныхъ животныхъ пріучать себя къ состраданію единоплеменникамъ. Милующій ихъ тѣмъ болѣе (бываетъ милостивъ) къ брату; при этомъ вмѣстѣ съ скотами (разумѣются) и лѣнивые по природѣ; милующій ихъ поучаетъ и помогаетъ; но излишняя справедливость—безпокоиться о томъ, что не приноситъ пользы. Что говоришь? *Праведникъ милуетъ души скотовъ своихъ?* Подлинно такъ. И здѣсь необходимо проявлять большую заботливость, чтобы пріучиться къ тому же и по отношенію къ одноплеменнику. Не напрасно Богъ повелѣлъ и павшій скотъ поднимать, и заблудившійся возвращать, и не связывать устенъ вола. Онъ хочетъ, чтобы мы оказывали скоту всякую пощаду, во-первыхъ, ради насъ самихъ, а во-вторыхъ, чтобы онъ былъ въ состояніи оказывать намъ услуги въ тѣлесныхъ нуждахъ. Это самое служитъ упражненіемъ въ человѣколюбіи и служеніи (другимъ), такъ какъ милующій чужое тѣмъ болѣе (милуетъ) собственное;

---

[1]) Κρίματα = „суды, законы".

милующій служебное тѣмъ болѣе (милостивъ) къ брату. Но тотъ приноситъ тебѣ пользу своимъ служеніемъ, а этотъ какую? Тѣмъ большую въ дѣлѣ Божіемъ. Видишь, какъ мы служимъ скоту и не считаемъ безчестіемъ? Мы служимъ не ему, а себѣ.

Дѣлаяй свою землю исполнится хлѣбовъ: гонящіи же суетная лишени разума (ст. 11).

Обращается къ земледѣльческой и разумной (φιλόσοφον) жизни и дѣламъ правды,—потому что праздность приноситъ зло. *Гонять суетная* значитъ заниматься тѣмъ, что не приноситъ пользы. Что, говоритъ, остаешься празднымъ, худо истрачиваешь то, что хорошо собрано, предаваясь пьянству и ѣдѣ? Не сказалъ: работай 693
и пріобрѣтай больше. Хорошъ трудъ, соединенный съ правдою.

Отъ плодовъ устъ душа мужа наполнится благихъ (ст. 14).

Не думай, что добродѣтель состоитъ только въ дѣлахъ; большая часть ея—и въ словахъ, такъ какъ отъ плода доброй мысли (происходитъ) доброе слово, а плодомъ добраго слова является добродѣтельное дѣло, приносящее благо; слово мужественной души, ведущее къ добродѣтели, благо и приводитъ къ доброму.

Путіе безумныхъ прави предъ ними (ст. 15).

(Здѣсь) говоритъ о томъ, что глупый считаетъ себя безукоризненнымъ. Есть два несчастія: быть глупымъ и грѣшнику не считать себя грѣшнымъ. Какъ косой думаетъ, что правильно смотритъ, такъ и имѣющій поврежденныя чувства думаетъ, что здраво мыслитъ. Такъ первымъ признакомъ наказанія служитъ то, что уничтожается сознаніе: поэтому не принимаетъ и совѣтовъ. *Послушаетъ совѣтовъ мудрый*, то есть, начавшій (стремиться) къ мудрости. Такимъ образомъ то, что считаешь разумнымъ—никого не слушать, оказывается глупостью, а что считаешь глупостью—обращаться къ помощи другого, то свидѣтельствуетъ о мудрости.

Безумный абіе исповѣсть гнѣвъ свой: крыетъ же свое безчестіе хитрый (ст. 16).

То есть, малодушный и ничтожный бываетъ нетерпѣливъ, не сдерживаетъ гнѣва, обнаруживаетъ его тотчасъ по малодушію; а разумный, хотя и будетъ разсерженъ, скрываетъ въ себѣ гнѣвъ, такъ какъ гнѣвъ вызывается безчестьемъ. *Языкъ имать неправеденъ* (ст. 19). Ты видишь и тамъ [1]) языкъ, и здѣсь, но не одинаковы его дѣйствія; тамъ—лѣкарство, здѣсь—раны. Что можетъ быть противоположнѣе этого? Видишь ли, что не въ природѣ зло, какъ скоро употребленіе обнаруживается въ ту и

[1]) Разумѣется 14-й ст.

другую сторону? *Ничтоже неправедное угодно есть праведному* (ст. 21). Какъ не нравится праведнику ничто неправедное, такъ неправеднику—праведное, и это зависитъ не только отъ природы вещей, но и отъ мнѣнія о томъ, что считается зломъ. Не говори мнѣ, что такой-то соблазнился, такой-то сталъ невѣрующимъ. Отъ васъ самихъ это, а не отъ предметовъ. Какъ солнце, какъ бы ярко оно ни свѣтило, не приноситъ пользы человѣку съ больными глазами, такъ и истина, какъ бы ни была очевидна, остается безъ дѣйствія на испорченную душу.

Мужъ разумный престолъ чувствія (ст. 23).

Все его чувство, вслѣдствіе его разумности, въ немъ остается, то есть, мѣсто (его) покоя, сѣдалище, въ немъ находится; (оно) не удаляется, а въ немъ царствуетъ; или—что разумъ есть глава и царство чувства; или—отъ противоположнаго: все разумѣющій можетъ быть названъ престоломъ чувства, какъ, напротивъ, называется престолъ беззаконія. *Безумныхъ срящутъ клятвы*, потому что идутъ путемъ, находящимся подъ проклятіемъ.

Рука избранныхъ одержитъ удобь (ст. 24).

Ничего нѣтъ богаче добродѣтели, ничего — сильнѣе, ничего—дѣйственнѣе. Или *рукою* называетъ дѣятельность святыхъ,
696 которые господствуютъ надъ міромъ. А не добрые мужи будутъ плѣнены демонами.

Страшное слово сердце мужа праведна смущаетъ: вѣсть же благая веселитъ его (ст. 25).

Смущаетъ слово о наказаніяхъ въ законѣ, а слушая благовѣстіе въ Евангеліяхъ радуется. Смотри на полезное при томъ и другомъ положеніи: если услышитъ что-либо доброе о ближнихъ, не завидуетъ, а сорадуется; если произойдетъ что-нибудь худое съ нимъ самимъ, умѣряется и его скорбь и радость. У нечестивыхъ наоборотъ: когда нужно скорбѣть вслѣдствіе (услышанныхъ) страшныхъ словъ, они относятся къ этому съ презрѣніемъ, а когда (слѣдуетъ) радоваться при добрыхъ извѣстіяхъ, они впадаютъ въ изнеможеніе, вслѣдствіе испытываемыхъ ими противоположныхъ чувствъ.

Не улучитъ льстивый ловитвы (ст. 27).

Такъ какъ наша мысль (можетъ быть уподоблена) охотнику и рыбаку, то коварный человѣкъ не получитъ ловитвы противоположныхъ мыслей, а самъ сдѣлается ихъ добычей.

ГЛАВА XIII.

Иже хранитъ свои уста, соблюдаетъ свою душу (ст. 3).

Смотри: мы первые производимъ добрые плоды, а также причиняемъ себѣ вредъ. *Хранитъ (свои уста)* тотъ, кто умѣетъ говорить: *Боже, Господи, храненіе устомъ моимъ* (Пс. CXL, 3). А безразсудно пользуется устами тотъ, кто не думаетъ о томъ, что говоритъ, ни о томъ, за что ручается. *Въ похотехъ есть всякъ праздный* (ст. 4). Такой, какъ бы ни былъ богатъ, бездѣятельностью губитъ богатство; или (говоритъ о томъ), какъ трудъ отвлекаетъ мысль отъ безполезныхъ желаній. А заботящіеся о томъ, что (у нихъ) есть, прибавляютъ къ этому и то, чего нѣтъ. *Суть богатяще себе ничтоже имуще, и суть смиряющеся во мнозѣ богатствѣ* (ст. 7). Такимъ образомъ, ни богатство не служитъ причиной высокомѣрія, ни бѣдность—смиренія. Или: *богатящими себе* (названы) считающіе себя мудрецами.

Избавленіе мужа души свое ему богатство (ст. 8).

Что говоришь? Что дѣлаешь, восхваляя такъ богатство? Вопервыхъ, говоритъ не вообще о всякомъ богатствѣ, а о собственномъ отъ праведныхъ трудовъ; слѣдовательно, бѣдность—не порокъ. Или то говоритъ, что бѣдному и угрожать никто, можетъ быть, не станетъ; ничего не имѣющаго зачѣмъ станетъ кто-нибудь стращать? Такимъ образомъ, жизнь послѣдняго чужда безпокойствъ. Или *своимъ богатствомъ* называетъ праведность, которая избавляетъ отъ смерти. А не думаетъ о прещеніи, то есть, угрозѣ наказаніемъ, бѣдный добродѣтелями.

Лучше начинающій помогати[1]) *обѣщающаго и въ надежду ведущаго* (ст. 12).

Вездѣ учитъ не произносить безразсудно словъ, ни Богу, ни людямъ, не обѣщать только, а показывать на дѣлѣ и не огра- 697
ничиваться словами. Или: тотчасъ полагай начало добродѣтели, а не откладывай къ будущему. Хорошо приниматься за доброе дѣло, а не тѣшиться надеждами. *Боящйся заповѣди, сей здравствуетъ* (ст. 13). Какъ боящійся творитъ Его волю, такъ боящійся заповѣди исполняетъ ее. А отвергающій Бога отвергаетъ и Его заповѣди. *Здравствуетъ* душа, соблюдающая божественную заповѣдь.

Царь дерзостенъ впадетъ въ злая: вѣстникъ же мудръ избавитъ его (ст. 18).

Видишь, какое зло дерзость, что не полезна и царю? И со стороны кого подвергнется бѣдствію имѣющій все въ своей

[1]) Читаемаго затѣмъ въ Слав. Б.: *сердцемъ* нѣтъ въ текстѣ Патрологіи.

власти? Смотри и на то, какое благо противоположное этому (свойству). *Избавитъ его*, говоритъ, мудрый вѣстникъ и совѣтникъ. Слѣдовательно, самъ себя избавитъ, объявляя врагамъ мудрое и отправляя посольства. *Вѣстникъ мудръ*, то есть, дающій мудрые совѣты.

Ходяй съ премудрыми премудръ будетъ (ст. 21).

Дѣйствительно немалое значеніе имѣетъ препровожденіе времени съ такими лицами, а не только путешествіе съ ними, хотя и это полезно, такъ какъ многому можно научиться и при этомъ. Не сказалъ: живущій вмѣстѣ съ ними, или: надолго сходящійся; но, говоритъ, и участвующій въ путешествіи получитъ много плода. Если одежда человѣка и смѣхъ обнаруживаютъ его качества, то тѣмъ болѣе небольшое путешествіе, повторяющееся неоднократно. (При обращеніи) съ безумными получается противоположное.

Согрѣшающихъ постигнутъ злая (ст. 22).

Постигнутъ показываетъ быстроту воздаянія, отсутствіе промежутка времени. *Злая* — бѣдствія, которыя, какъ слѣдующія медленно (βραδύτερα), преслѣдуютъ грѣшниковъ, а *благая*, какъ слѣдующія быстро (ταχύτερα), *постигнутъ праведныхъ. Благъ мужъ наслѣдитъ сыны сыновъ* (ст. 22). *Наслѣдитъ* не то значитъ, что получитъ наслѣдство дѣтей, такъ какъ это было бы величайшимъ проклятіемъ, а, напротивъ, передастъ богатство своимъ потомкамъ и оставитъ въ наслѣдство; богатство же нечестивыхъ поступаетъ не дѣтямъ, а могущимъ хорошо пользоваться. Или такъ: умъ—отецъ, раждающій добрыя мысли, а отъ послѣднихъ происходятъ соотвѣтствующія имъ дѣла.

Иже щадитъ жезлъ свой, ненавидитъ сына своего (ст. 25).

Это (сказано) къ тѣмъ, которые считаютъ себя чадолюбивыми, а (въ дѣйствительности) не таковы. (По этимъ словамъ) *ненавидитъ* не тотъ, кто не щадитъ, а тотъ, кто щадитъ. Въ самомъ дѣлѣ, не случайное пріобрѣтеніе—дѣти, за спасеніе ихъ мы отвѣчаемъ. *Ни, чада* (1 Цар. II, 23). Такое голое возваніе— не вразумленіе. Развѣ не понесъ Илій тягчайшаго наказанія за это наставленіе? *Любяй же наказуетъ прилѣжно*, не просто, а *прилѣжно*. А поелику природа повелѣваетъ щадить, то чрезмѣрность устраняетъ. Вѣдь не для того природа вложила въ тебя любовь къ дѣтямъ, чтобы ты причинялъ вредъ любимымъ, а чтобы заботился о нихъ. Такимъ образомъ любовь уничтожаетъ излишнее. *Праведный ядый насыщаетъ душу свою* (ст. 26). И про-
700 роки говорятъ: *насадилъ еси ихъ и укоренишася* (Іер. XII, 2); но такъ не всегда и не постоянно: многочисленны паденія нечестивыхъ. Почему же не всѣ наказываются и не всѣ удостоиваются

чести? Для того, чтобы добродѣтель цѣнилась сама по себѣ. Или: питающіеся божественными словами наполняются тѣмъ, въ чемъ нечестивые нуждаются.

ГЛАВА XIV.

Мудрыя жены создаша домы (ст. 1).

Церковь терпѣніемъ и надеждою Христовою построила себѣ домъ, то есть, ученіемъ и вѣрою воздвигла и устроила приходящихъ къ ней. *Безумная же раскопа рукама своима.* Это значитъ: ересь, сдѣлавшаяся виновницею своей вѣчной смерти. *Ходяй право боится Господа* (ст. 2). Не просто страхъ дѣлаетъ хожденіе правымъ, а именно страхъ Божій. Какъ нечестивый, пришедши *въ глубину золъ, нерадитъ* (Прит. XVIII, 3), такъ благочестивый *боится.* Такимъ образомъ добродѣтельная жизнь хороша и въ томъ отношеніи, что присущій ей страхъ дѣлаетъ болѣе богобоязненными.

Изъ устъ безумныхъ жезлъ досажденія (ст. 3).

Передъ этимъ ты сказалъ: *иже отъ устенъ произноситъ премудрость, жезломъ біетъ мужа безсердечна* (X, 13): какъ же здѣсь, говоритъ, усвояешь тоже безумному? Неодинаково; и это жезлъ, но жезлъ *досажденія,* а то—снисхожденія; одинъ наноситъ оскорбленіе, а другой исправляетъ. Такъ бываютъ тяжелы (безумные), какъ будто наносятъ побои. Можно и бранить, и обличать, но съ мудростью; растворенное ею обличеніе не бываетъ противнымъ, тяжкимъ и несноснымъ. Если хвалитъ безумный, это хуже брани; если бранитъ разумный, это равно похвалѣ. Это сказалъ и нѣкоторый мудрецъ: если восхваляя произнесетъ это громкимъ голосомъ, принимай слова, какъ поношеніе.

Идѣже нѣсть воловъ, ясли чисты и проч. (ст. 4).

Говоритъ, мнѣ кажется, то, что недѣятельный человѣкъ терпитъ безчисленный убытокъ и бѣдность, или то, что (когда) нѣтъ (воловъ), не подкладывается кормъ; что нужно щадить воловъ; что нужно быть экономнымъ; что нужно имѣть большое попеченіе о земледѣліи. Или такъ: гдѣ нѣтъ учителей, дома учениковъ пусты; сила учителя проявляется тамъ, гдѣ много произведеній.

Взыщеши премудрости у злыхъ, и не обрящеши (ст. 6), потому что премудрость не совмѣстима съ порокомъ. *Домове беззаконныхъ требуютъ очищенія* (ст. 9). Имѣя основаніе на пескѣ, они нуждаются въ очищеніи, чтобы имъ, сдѣлавшись чистыми,

узнать Бога. Слушающіе слова Іисуса и исполняющіе ихъ строятъ свой домъ на камнѣ.

Незлобивый вѣру емлетъ всякому словеси (ст. 15).

Легкій на слушаніе неосторожень, такъ какъ неразумно вѣрить всему просто; а разумный, если повѣритъ по первому впе-
701 чатлѣнію, потомъ разузнаетъ и размышляетъ. *Поползнутся зліи предъ благими* (ст. 19). Такъ какъ добродѣтель не можетъ существовать вмѣстѣ съ порокомъ, какъ противоположная ему, то послѣдній, при существованіи первой, подпадетъ ей. *И нечестивіи послужатъ предъ дверми праведныхъ.* Нечестивые, раскаявшись, устремятся къ дверямъ добрыхъ. *Послужатъ* нужно принимать здѣсь въ значеніи не „лѣчить“ [1]), а „служить“, какъ учителямъ.

Вѣнецъ премудрыхъ богатство ихъ (ст. 24).

Что ты говоришь? Слава мудрыхъ—богатство? Да, говоритъ, не потому, что оно увеличиваетъ для нихъ славу, а потому что они могутъ пользоваться имъ, какъ слѣдуетъ, и не получать отъ него ничего худого. Поэтому говоритъ нѣкто: почему у неразумнаго богатство? Потому что пріобрѣсти мудрость неразумный не можетъ. *Страхъ Господень* (Πρόσταγμα Κυρίου [2]) *источникъ жизни* (ст. 27). Будучи источникомъ, никогда не прекращается, но изливаетъ, какъ настоящую, такъ и будущую жизнь, и давая доброе, избавляетъ отъ худого. *Во мнозѣ языцѣ слава царю: въ оскудѣніи же людстѣ сокрушеніе силному* (ст. 28). Царь имѣетъ силу и славу въ другихъ, а боящійся Бога—въ себѣ самомъ. Черезъ это, мнѣ думается, убѣждаетъ начальствующихъ и подчиненныхъ уступать другъ другу: какъ имѣющій въ тѣхъ силу и поставь себя въ такое отношеніе (къ нимъ).

Долготерпѣливъ мужъ многъ въ разумѣ: малодушный же крѣпко безуменъ (ст. 29).

Обрати вниманіе на усиленіе (выраженія) въ томъ и другомъ реченіи: *многъ, крѣпко.* Ничто не можетъ служить такимъ признакомъ безразсудства, какъ малодушіе, и такимъ свидѣтельствомъ о совершенной разумности, какъ долготерпѣніе. Развѣ иначе можетъ быть кто-либо долготерпѣливымъ, какъ не изслѣдовавъ всего съ большою тщательностью? Кроткій человѣкъ врачуетъ пылкую страсть сердца; овладѣвая гнѣвомъ и досадою, самъ врачуетъ возмущаемое имъ (сердце). Разумное разсужденіе, овладѣвающее силами, подобно костоѣдѣ; оно разсѣкаетъ ихъ и хочетъ поглотить.

---

[1]) Славянскому: *послужатъ* соотвѣтствуетъ въ греческомъ переводѣ: θεραπεύσουσι, что можетъ быть переведено: „будутъ лѣчить“.

[2]) Буквально „Повелѣніе Господне“.

Оклеветаяй убогаго раздражаетъ сотворившаго и (ст. 31).

Два здѣсь грѣха: клевета и притѣсненіе нищаго. Почему же *раздражаетъ сотворившаго и?* Потому что Онъ сдѣлалъ его бѣднымъ и доступнымъ для твоего языка, клеветникъ. *Почитаяй же его милуетъ нищаго.* И однако, если Онъ сдѣлалъ его (такимъ), то почему нужно миловать? Отъ многихъ я слышалъ такія слова: для чего необходимо сожалѣть нищаго? Если бы любилъ его Богъ, не сдѣлалъ бы его бѣднымъ. Доколѣ мы будемъ шутить своимъ спасеніемъ? Доколѣ будемъ смѣяться надъ тѣмъ, чего нужно бояться, страшиться и трепетать нечистому, наполненному безчисленными грѣхами? (Скажи), кого любилъ, Лазаря или богатаго? То насъ погубило, что (важное дѣло) обращаемъ въ шутку. *Надѣяйжеся* [1]), то есть, чистый и надѣющійся на Бога, *своимъ преподобіемъ праведенъ* (ст. 32), насколько никто дѣлами другого не спасается и не доводится до гибели.

Въ сердцѣ благаго (ἀγαθοῦ [2]) *почіетъ премудрость* и дал. (ст. 33).

То есть, укоренится, углубится, сохранится, какъ въ самомъ 704
безопасномъ мѣстѣ. Безумными не познается премудрость, потому что не будетъ обитать въ тѣлѣ, преданномъ грѣху. *Пріятенъ цареви слуга разумный* (ст. 35). Опять убѣждаетъ (примѣрами дѣлъ) человѣческихъ и отклоняетъ отъ праздности. И царь ничего другого не ищетъ, кромѣ расположенія. Или,—что служащій (ему) удостоивается благосклонности разумомъ. *Своимъ же благообращеніемъ отъемлетъ безчестіе.* Если онъ какъ-либо допуститъ безчестіе, исправляется разумомъ.

ГЛАВА XV.

Гнѣвъ губитъ и разумныя: отвѣтъ же смиренъ отвращаетъ ярость, а слово жестоко воздвизаетъ гнѣвы (ст. 1).

Слѣдовательно отъ насъ зависитъ—и возбуждать и успокоивать; слѣдовательно не Господь гнѣвается, а мы располагаемъ Его къ тому, чтобы гнѣваться или не гнѣваться. Если и разумныхъ гнѣвъ губитъ, то не тѣмъ ли болѣе тѣхъ, о которыхъ сказано: безумнаго губитъ гнѣвъ? Случается, что этому подвергается и разумный вслѣдствіе невниманія. *Отвѣтъ же смиренъ*, слѣдовательно отношеніе кроткое, чуждое гнѣвливости. *Исцѣленіе*

---

[1]) Словамъ Слав. В.: *на Господа* нѣтъ соотвѣтствующихъ въ текстѣ Патрологіи, какъ и въ древн. сп. греческаго перевода.

[2]) Вмѣсто: ἀγαθῇ ἀνδρὸς—*благъ мужа*, какъ читается въ Слав. В. согласно съ древн. Ватикан. сп.

языка древо жизни (ст. 4). Исцѣляется же языкъ, не согрѣшающій словомъ. Духа Святого исполнится сдерживающій его и не грѣшащій языкомъ. *Устнѣ мудрыхъ связуются чувствомъ: сердца же безумныхъ не тверда* (ст. 7). Смотри: первые и совнѣ безопасны отъ языка и (внутри) размышленіемъ, а вторые и внутри (не безопасны), потому что испорчено сердце. Или (эти слова значатъ то)—что злые болтаютъ языкомъ, не сознавая значенія своихъ словъ, а мудрые связываютъ уста сознаніемъ.

Ненавидящіи обличенія скончаваются срамно (ст. 10).

(Это бываетъ) или тогда, когда они подвергаются порицаніямъ или даютъ отчетъ въ словахъ, такъ какъ когда встрѣчаются съ софистами [1]), ничего не могутъ сказать; или заповѣди назвалъ обличеніями, такъ какъ онѣ обличаютъ насъ въ грѣхахъ. *Адъ и пагуба явна предъ Господемъ: како не и сердца человѣковъ* (ст. 11)? Кому все извѣстно, тому какъ (могутъ быть неизвѣстными) сердца людей? Поэтому особенно вели правильную жизнь вѣрующіе въ то, что и надъ мыслью, и надъ дѣлающимся сокровенно наблюдаетъ промыслительное око, Судія и Каратель. *Пагубой* называетъ не совершенную гибель, а такую, въ какой скрывается то, что избѣгаетъ наблюденія другихъ,—*пагуба* близка къ аду. Особенность мудрыхъ состоитъ въ томъ, чтобы обличать худо дѣлающихъ; ничто такъ не обнаруживаетъ дѣла мудрости, какъ то, чтобы жить съ пользою для другихъ. *Сердцу веселящуся лицо цвѣтетъ* (ст. 13). Для чего это сказано? Чтобы мы дѣлали его веселымъ посредствомъ праведности и не утучняли тѣла, такъ какъ желающіе праведности веселятъ свою душу. Или: (человѣкъ) дѣлается веселымъ чрезъ добродѣтели, а печальнымъ—чрезъ грѣхи.

705 *Сердце правое ищетъ чувства* и проч. (ст. 14).

Чувства, то есть, знанія мудрости, чтобы сдѣлаться мудрымъ. *Злая*—или то, что гибельно, или—великая злоба. *На всяко время очи злыхъ пріемлютъ злая* (ст. 15). Если и не случится, не произойдетъ (чего-либо худого), ожиданіе тревожитъ ихъ, они впереди видятъ страхи; или (говоритъ), что, сообразно съ своими дѣлами, получаютъ наказаніе.

Лучше учрежденіе отъ зелій съ любовію, и проч. (ст. 17).

Это значитъ: при страхѣ Божіемъ, при любви между людьми, если она есть, лучше малое, чѣмъ многое; не въ дорогомъ удовольствіе, а въ удольствіи дорогое, какъ говоритъ Гезіодъ. Презирающій грѣхи *угаситъ суды* (ст. 18). Неразумный ничего не дѣлаетъ съ размышленіемъ, а разумный *исправляетъ* (ст. 21), то есть, являетъ дѣйствіе по своему намѣренію. Пренебрегающіе

[1]) Софистами назывались особаго рода учители философіи.

разсматривать нужное дѣло съ другими презираютъ совѣтъ, поэтому бываютъ не тверды, думая, что они значатъ нѣчто, хотя ничего не значатъ. Нужно поэтому совѣтоваться не съ собою, а съ многими. *Въ сердцахъ совѣтныхъ* (βουλευομένων=„совѣтующихъ") (ст. 22) вмѣсто: въ разумѣніи (ἐν τῇ διανοίᾳ). *Путями живота* (ст. 24) называетъ дѣятельныя (πρακτικάς) добродѣтели, приносящія знанія. Слова и дѣйствія гордыхъ разрушаетъ Господь (ст. 25), а домъ души, чуждой этого, утверждаетъ. Не о дѣлахъ только и словахъ дѣлается большое и тщательное изысканіе, но и о намѣреніи (ст. 26). У имѣющихъ чистое сердце не только мысли, но и слова достойны уваженія.

Губитъ себе мздоимецъ, и проч. (ст. 27).

(Губитъ) себя, а не дающаго; во вредъ себѣ принимаетъ; онъ беретъ мечъ, такъ какъ вынуждается дѣлать много худого Не только не должно брать, но и нужно ненавидѣть, такъ какъ не берущій не есть уже ненавидящій. *Милостынями и вѣрами очищаются грѣси: страхомъ же Господнимъ уклоняется всякъ отъ зла.* Указалъ лѣкарства для ранъ; указалъ и путь, идя которымъ не получишь ранъ. И не просто очищаются, а совершенно очищаются. Или: нужно не только миловать, но и знать повелѣвшаго хранить правую вѣру.

Сердца праведныхъ поучаются вѣрѣ (ст. 28).

Попеченіе такого сердца обращено къ Богу, поэтому и вѣра составляетъ предметъ этого попеченія. Нечестивый лишенъ этого, (у него) отъ злого сердца выходитъ слово. *Имиже и врази друзи бываютъ.* Посвятивъ себя Богу, они посредствуютъ и другимъ сдѣлаться близкими къ Богу, такъ такъ они на дѣлѣ познали правило: не будешь возбуждать вражды, помиришь враждующихъ.

Далече отстоитъ Богъ отъ нечестивыхъ (ст. 29).

Далече не по мѣсту, а по противоположности расположенія. Богъ слышитъ молитвы праведныхъ, какъ близкихъ къ Богу, очевидно, не по мѣсту. *Лучше малое пріятіе съ правдою.* Если кто преуспѣваетъ въ добродѣтели, то, благодаря ей, переходитъ въ лучшее состояніе; а переходящему свойственно не на это 708
всецѣло смотрѣть, а переходить отъ одного къ другому.

Слава благая утучняетъ кости (ст. 30).

Слава, какую или слышитъ, или самъ себѣ устрояетъ. Хорошо направленныя стремленія души дѣйствуютъ укрѣпляющимъ образомъ. *Страхъ Господень наказаніе* (παιδεία) [1]) *и премудрость* (ст. 33). Страхъ Господень дѣлаетъ правильною жизнь дѣятель-

[1]) Παιδεία=«воспитаніе», «наставленіе».

ную и созерцательную. А этому *наказанію* будетъ отвѣчать *премудрость*, служащая причиною *славы*, или выступить ему на встрѣчу, или найдетъ его, или усвоится (ему).

ГЛАВА XVI.

Вся дѣла смиреннаго явленна предъ Богомъ (ст. 2). То есть, свѣтлы, ясны, какъ свѣтъ, потому что онъ все дѣлаетъ какъ бы предъ Его очами. Не малый путь подвиговъ показываетъ намъ смиреніе, потому что сокрушенному человѣку не свойственно не дѣлать великаго. Дѣлъ гордыхъ (Господь) не хочетъ видѣть. *Нечестивіи въ день золъ погибнутъ* (ст. 4), то есть не устоятъ въ опасностяхъ. Злымъ днемъ называетъ день суда. *Рукама* (χειρὶ) *въ* [1]) *руцѣ влагаяй неправедно не обезвинится* (ст. 5). Присоединяющій (одни) беззаконныя дѣла къ другимъ, стягиваемый веревками своихъ грѣховъ, будетъ наказанъ. Возжелавъ премудрости, соблюдай заповѣди, и Господь дастъ ее тебѣ. Если путь знанія есть Богъ, то начало его — законъ, сдѣлавшійся руководителемъ ко Христу, и никогда—созерцаніе (θεωρία). *Творити праведная пріятна предъ Богомъ паче, нежели жрети жертвы* (ст. 6). *Зане милости хощу, а не жертвы, и увѣдѣнія Божія, нежели всесожженія* (Ос. VI, 6). *Ищай Господа обрящетъ разумъ съ правдою* (ст. 7). Кто дѣйствительно ищетъ Господа, тотъ сдѣлаетъ правильною (κατορθώσει) жизнь созерцательную и дѣятельную. *Правѣ же ищущіи его обрящутъ миръ* (ст. 8), то есть, въ спокойствіи освободятся отъ страданій, будутъ жить въ безмятежіи. *Хранится нечестивый на день золъ* (ст. 9), то есть, для великой опасности, тяжкаго несчастья. Почему не уничтожаетъ, говоритъ Павелъ? Чтобы открылось великодушіе. Пусть будетъ кто-нибудь золъ; если перемѣнится, получитъ пользу, а если останется злымъ, также полезенъ для другихъ, представляя основаніе для большаго наказанія.

Превѣса мѣрила правда у Господа (ст. 11).

Хотя Богъ хочетъ поставить и любитъ равномѣрно устанавливать вѣсы правды, тѣмъ не менѣе Его любовь къ правдѣ не исключаетъ снисхожденія, потому что не по тяжести грѣховъ наводитъ наказаніе. *Мерзость цареви творяй злая* (ст. 12). И Богу и разумному царю омерзителенъ дѣлающій худое. Это исправи-

---

[1]) Вмѣсто читаемаго въ Слав. Б.: *въ руку*.

тельное правило царя: если ты царь, то подражай, говоритъ, Царю; а если не подражаешь, то и не царь. Вѣдь Онъ не простыхъ только людей судитъ, но и царей. *Пріятны царю устнѣ праведны* (ст. 13). (Прежде) сказалъ, какимъ долженъ быть царь; говоритъ и о подданныхъ, какъ нужно бояться его. *Во свѣтѣ жизни сынъ царевъ* (ст. 15), то есть, (окруженъ) великими благами, великолѣ-
піемъ. *Пріятніи же ему, яко облакъ позденъ*, то есть, пріятны (ἡδεῖς), 709
достойны удивленія. А *облакъ позденъ*—увѣровавшіе близъ (времени) пришествія. Это говоритъ, мнѣ кажется, чтобы не присоединялись къ тираніи и предоставляли роду то, что касается наслѣдованія (κατὰ γένος τὰ τῆς διαδοχῆς). *Гнѣжденіе премудрости избраннѣе злата*. Малыя мысли Христовы драгоцѣннѣе высокомѣрнаго ученія внѣшнихъ мудрецовъ; или—плоды божественной мудрости драгоцѣннѣе мірской мудрости.

Прежде сокрушенія предваряетъ досажденіе (ст. 18).

Сокрушеніе значитъ иногда грѣхъ, иногда—наказаніе, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ—то и другое. Поэтому не досаждай, то есть, не грѣши, чтобы избѣжать наказанія. *Лучше кроткодуменъ со смиреніемъ* (ст. 19). Лучше, говоритъ, быть ничтожнымъ и бѣднымъ, чѣмъ богатымъ и наглымъ. Хотя тѣ первыя качества прискорбны и достойны сожалѣнія, но они, говоритъ, лучше. Или: лучше тотъ, который, при малыхъ познаніяхъ, владѣетъ страстями, чѣмъ соединяющій съ ораторскимъ искусствомъ худыя и гордыя мысли.

Премудрыя и разумныя злыми наричутъ: сладціи же въ словеси множае услышани будутъ (ст. 21).

Можетъ быть, *разумность* представляется выше премудрости, или премудрыми называетъ внѣшнихъ мудрецовъ, знающихъ какую-либо науку; а *сладціи въ словеси*—ласкатели, которые встрѣтятъ большее одобреніе, чѣмъ мудрые, и найдутъ больше слушателей, чѣмъ послѣдніе. Или такъ: не только разумныхъ и премудрыхъ, но и то, что заслуживаетъ большаго, чѣмъ они, почтенія, будутъ слушать. *Источникъ животенъ, разумъ стяжавшымъ: наказаніе же безумныхъ зло* (22). Есть, говоритъ, и у тѣхъ наказаніе, но худое. Или: *разумомъ* называетъ пониманіе вещей, какъ онѣ есть, а *наказаніемъ* то, что приноситъ смерть или неисправимое зло.

Сердце премудраго уразумѣетъ яже отъ своихъ ему устъ (ст. 23).

Пророчественно (προειδὼς) онъ говоритъ. И пророки знали то, что вѣщали, а не въ изступленіи, какъ говорятъ фригійцы. Если Богъ свѣтъ, то, очевидно, они, какъ озаряемые, видѣли будущее. *Сотове медовніи словеса добрая* (ст. 24)—медъ по приготовленію и по качеству, такъ какъ вслѣдствіе (присущей имъ) истины имѣютъ сладость, врачующую души; душу врачуетъ духовный медъ;

иначе говоря, привѣтливый на словахъ всѣмъ нравится. *Мужъ въ трудѣхъ труждается себѣ*, и дал. (ст. 26), то есть, налагаетъ на себя необходимость, чтобы погибнуть (ὥστε ἀπολέσθαι)[1]), такъ какъ часто *трудъ* имѣетъ такое значеніе. Мнѣ кажется, что говоритъ о нечестіи, какъ-то, что самъ для себя нечестивъ. Или, вмѣсто этого: господствуя надъ страстями, трудится для себя самого, а не для другого, и спасая себя избѣгаетъ погибели.

Мужъ безуменъ копаетъ себѣ злая (ст. 27).

Инославные, изслѣдующіе Писанія не для того, чтобы найти жемчужины, а чтобы испортить и поставить сѣти, *сокровиществуютъ огонь*, обнаруживая (чрезъ это) скрытое (свое) непотребство. Считая недостаточнымъ то, что сами нечестивы, распространяютъ собственное нечестіе между многими. *Мужъ строптивый*
712 (ст. 28) старается и другихъ сдѣлать такими же, поэтому преображается въ свѣтлаго ангела; или мужемъ строптивымъ называетъ по обычаю діавола, который отгоняетъ добрыя мысли души. *И свѣтилникъ лъсти вжигаетъ злымъ и разлучаетъ други. Свѣтилникомъ лъсти* называетъ демоновъ, научаемыхъ имъ тому, чтобы они разлучали друзей, (разумѣется) святыхъ, соединяемыхъ между собою познаніемъ, которое можетъ соединять и съ ангелами. *Мужъ строптивый*. Развращенный требуетъ небольшого труда, чтобы привести его къ гибели; для этого довольно одного богохульнаго слова. А *строптивый*—лукавый (στρεβλός), имѣющій много изворотовъ.

Мужъ законопреступникъ прелщаетъ други (ст. 29).

Крайнее беззаконіе—стараться обольстить и обмануть ближняго. Или: имѣющій беззаконную и притворную дружбу увлекаетъ обманомъ, въ дѣлахъ чувственныхъ, на дурную дорогу, а въ предметахъ духовныхъ—къ труднымъ размышленіямъ. *Утверждаяй очи свои мыслитъ развращенная* (ст. 30). Такъ устремивъ свой умъ къ худому и развивъ эту способность, не думаетъ ни о чемъ истинномъ; въ такомъ направленіи онъ говоритъ (и) мыслитъ, утверждая, что удовольствіе вложено природою и что намъ нужно слѣдовать природѣ. *Утверждаяй очи*, то есть, изощряя проницательность (въ разсмотрѣніи) худого. (Есть) физическое удовольствіе; нужно имъ пользоваться; отъ Бога богатство; нужно имъ наслаждаться.

Вѣнецъ хвалы старость (ст. 31).

Справедливо, потому что это не дѣло природы, а хорошо

---

[1]) Объясненіе получается болѣе согласное съ библейскимъ текстомъ, если предположить, что послѣ ὥστε первоначально читалось οὐκ = „не“: „нужда заставляетъ его, чтобы не погибнуть“.

проведенной жизни. *Лучше мужъ долготерпѣливый паче крѣпкаго* (ст. 32). Ничто такъ не сильно, какъ долготерпѣніе; такой не терпитъ ни отъ кого бѣдствія, такъ какъ безстрастенъ по душѣ. Хотя нѣкоторые говорятъ, что на войнѣ нуженъ гнѣвъ; но (въ это время) особенно необходимо владѣть страстями, такъ какъ не руками только, а мудростью совершается большее. Полководецъ, взявши городъ, отдаетъ, сообразно съ своимъ желаніемъ, на разграбленіе, а владѣющій страстями покоряетъ то, что остается въ живыхъ. *Въ нѣдра входятъ вся неправеднымъ* (ст. 33). Нѣдромъ Писаніе называетъ главное начало въ человѣкѣ (ἡγεμονικόν), какъ-то въ словахъ: *молитва моя въ нѣдро мое возвратится* (Пс. XXXIV, 13); отсюда выходитъ движеніе; туда же (идетъ) и наказаніе. А если и *нѣдро* достойно порицанія, то это показываетъ невѣжество.

ГЛАВА XVII.

Лучше укругъ хлѣба съ сластію въ миръ (ст. 1).

Нѣкоторое познаніе высшаго хлѣба, приносящее миръ вмѣстѣ съ наслажденіемъ, лучше, чѣмъ богатое знаніе ложныхъ ученій. *Рабъ смысленъ обладаетъ владыки безумными* (ст. 2). Говоритъ или то, что и онъ будетъ между братьями, какъ братъ, или то, что будетъ въ состояніи господствовать надъ ними, какъ отецъ, а не какъ только владыка, или (говоритъ) о народѣ изъ язычниковъ, который, какъ рабъ, искупленный Христомъ, овладѣлъ родовитыми и *владыками* — іудеями. *Якоже искушается въ пещи сребро и злато* (ст. 3). Праведники подвергаются бѣдствіямъ для 713
доказательства добродѣтели и совершеннаго очищенія. *Злый послушаетъ языка законопреступныхъ* (ст. 4). Не только говорить, но и слушать—это дѣйствительно крайнее беззаконіе и непотребство. *Ругаяйся убогому раздражаетъ сотворшаго его* (ст. 5). Почему? Потому что Богъ сдѣлалъ его бѣднымъ. Кто столь жестокъ, столь безчеловѣченъ, что смѣется въ то время, когда нужно помогать? Дѣйствительно, онъ заслуживаетъ наказанія и поэтому гибнетъ, какъ совершающій грѣхъ противъ великаго и премудраго божественнаго управленія. *Радуяйся же о погибающемъ не обезвинится.* Говорится или о лишившемся боговѣдѣнія, или объ умирающемъ. *Вѣнецъ старыхъ чада чадъ* (ст. 6). Опять указываетъ на естественное, что (плодомъ) добродѣтели отцовъ служатъ не просто дѣти, а хорошія. *Вѣрному весь міръ богатства* (τῶν χρημάτων), *невѣрному же ниже пѣнязь.* Вѣрный не занимается ревностно чувственнымъ, какъ всѣмъ владѣющій, а кто занимается этимъ, тотъ какъ ничего не имѣющій.

Мзда благодатей наказаніе употребляющимъ (ст. 8).

Нравственное наученіе—награда за добродѣтель, такъ какъ это великая благодать. Для кого поступать добродѣтельно стало установившейся привычкою, тотъ получитъ, наконецъ, способность назидать. Или, избравшій добродѣтель, (какъ) награду и благодать отъ Бога, получаетъ силу преуспѣвать въ этомъ, такъ какъ гдѣ ея (добродѣтели) вѣяніе, тамъ благоуханіе. *Иже таитъ обиды, ищетъ любве* (ст. 9). Чтобы пріобрѣсть дружбу, нужно, чтобы мы не открывали и не разглашали (чужихъ) грѣховъ. Добродѣтелями прикрывающій пороки любезенъ Богу. Такъ какъ людямъ, каковы они есть, невозможно не грѣшить, то далъ другой путь, ведущій насъ къ освобожденію отъ грѣховъ и уничтоженію вреда отъ нихъ. Или: покрывающій неправды покаяніемъ ищетъ дружбы съ Богомъ.

Вскую бяше имѣніе безумному (ст. 16)?

Не хорошо (имѣть) богатство, когда нѣтъ мудрости; это то же, какъ если кто имѣетъ коня и не умѣетъ править. Это говоритъ не въ осужденіе, а для отклоненія отъ (излишней) заботы. Къ чему стараешься? Напередъ нужно было пріобрѣсти умѣнье, какъ пользоваться этимъ. Если бы кто, видя, какъ строитъ кто-либо корабль, сказалъ: для чего этотъ корабль? то въ этомъ вопросѣ не было бы порицанія. *На всякое время другъ да будетъ тебѣ* (ст. 17), то есть, онъ нуженъ не только въ радости, но и въ скорби, не только въ счастливыхъ, но въ трудныхъ обстоятельствахъ, и при этихъ послѣднихъ болѣе, чѣмъ при тѣхъ. Или то говоритъ: если хочешь имѣть друзей, то пріобрѣтай такихъ, чтобы оставались (друзьями) во всякое время. *Братія же въ нуждахъ полезни да будутъ, сего бо ради раждаются.* Не за одно природное родство нужно цѣнить брата, но и за благодѣянія, за
716 поведеніе и многочисленныя услуги. *Сего бо ради раждаются*, чтобы принимать участіе въ твоемъ несчастіи, такъ что не дѣлающій этого не достоинъ такого названія. Общники одной душевной жизни помогаютъ нуждамъ близкаго имъ.

Мужъ безуменъ плещетъ и радуется себѣ, якоже поручаяйся испоручитъ друга своего (ст. 18).

Радующійся за другого радуется о себѣ самомъ; судью дѣлаетъ болѣе суровымъ. Тѣмъ болѣе ручающійся. Видишь? Не просто сказалъ, а—за своихъ друзей, не враговъ. Почему (такъ) требуется? Еще не были способны слышать, что должно любить враговъ. Чтобы не было нарушенія закона, дѣло это измѣряетъ дружбою.

Жестокосердый не усрящетъ благихъ (ст. 10). Почему? Какъ имѣющій прикрывать свои бѣдствія. *Мужъ удобопреложный язы-*

комъ впадетъ въ злая (ст. 20). Худо быть не твердымъ и не постояннымъ. *Не веселится отецъ о сынѣ ненаказаннѣмъ* (ст. 21). Какъ это? Не видимъ ли многихъ радующихся? Нѣтъ. Это не дѣло природы. Природа—ничто (Οὐδὲν ἄρα φύσις), а мудрость. Если сынъ не веселитъ, то, очевидно, потому, что не имѣетъ мудрости; а разумный веселитъ, но это дѣло не природы.

Сердце веселящееся благоимѣтися творитъ (ст. 22).

Большое прилагаетъ попеченіе объ этомъ, такъ какъ уныніе составляетъ зло. *Пріемлющему дары неправедно въ нѣдра, не предуспѣваютъ путіе* (ст. 23). Если кто принимаетъ въ сердце неправедныя мысли, то пути его не бываютъ успѣшны. *Дарами* назвалъ страстныя и самыя постыдныя мысли, внушаемыя намъ демонами.

Лице разумно мужа премудра, очи же безумнаго на концахъ земли (ст. 24). Видишь, какъ въ томъ указываетъ сосредоточеніе мысли, а въ этомъ—разсѣянность, ротозѣйство, любопытство ко всему? Или (говоритъ то), что тотъ смотритъ разумно, а этотъ, недовольствуясь тѣмъ, что у него подъ ногами, всюду блуждаетъ мыслями. Не для того мы имѣемъ глаза, чтобы обращать на худыя тѣла (σώμασιν), а чтобы обуздывать ихъ, чтобы полагать имъ предѣлъ и мѣру. *На концахъ земли* вмѣсто: на крайнемъ непотребствѣ.

Тщеты творити мужу праведну не добро (ст. 26).

Поелику они (т. е., праведные) особенно это терпятъ; а другимъ (не оказывается) справедливости; неправеднаго же нужно наказывать и очень. *Ниже преподобно навѣтовати властемъ праведнымъ*. И владѣтель можетъ быть праведнымъ. *Иже щадитъ глаголъ произнести жестокъ, разуменъ* (ст. 27). *Глаголомъ жестокимъ* назвалъ мысль, возбуждающую гнѣвъ, и слово, располагающее къ этому. *Несмысленному, вопросившу о мудрости, мудрость вмѣнится* (ст. 28). Когда неученый и несвѣдущій спрашиваетъ о мудрыхъ словахъ или предметахъ, то считается мудрымъ, хотя былъ бы непонимающимъ вслѣдствіе невѣжества. Этого недостаточно, чтобы ему была приписана мудрость.

ГЛАВА XVIII. 717

Вода глубока слово въ сердцѣ мужа: рѣка же изскачущая и источникъ жизни (ст. 4).

Глубока вмѣсто: многая, и можетъ часто произвесть и рѣки вмѣсто одной; или то говоритъ, что хранится и содержится въ

глубинѣ. Какъ неизмѣрима вода, такъ необъятно слово въ сердцѣ человѣка, живущаго по волѣ Божіей. А *словомъ* называетъ знаніе. Таковой слушаетъ слова Іисуса: будетъ въ сердцѣ его *источникъ воды текущія* (Іоан. IV, 14). *Изскачущая* вмѣсто: обильно изливающаяся, орошающая окружающее и возбуждающая къ плодоношенію. *Чудится лицу нечестиваго не добро* (ст. 5), хотя бы имѣлъ важное званіе и прикрывалъ правду краснорѣчіемъ. Удивляется лицу нечестиваго и тотъ, кто допускаетъ злобу, присущую діаволу.

Устнѣ безумнаго приводятъ его на зло, уста же его дерзостная призываютъ смерть (ст. 6).

Мысли и слова безумнаго приводятъ его къ бѣдствіямъ душевнымъ и тѣлеснымъ. Если смерть происходитъ отъ дерзости, то смерть лишаетъ душу истинной жизни, потому что дерзость дѣйствительно отдѣляетъ насъ отъ сказавшаго: *Азъ есмь жизнь* (Іоан. XIV, 6); и какъ отъ дерзости раждается смерть, такъ отъ кротости—жизнь, потому что дерзости противоположна кротость. *Лѣнивыя низлагаетъ страхъ: души же мужей женамъ подобныхъ взалчутъ* (ст. 8). Лѣнивые—лишенные мужества; *души женамъ подобныхъ*—разслабленныхъ, изнѣженныхъ. *Не исцѣляяй себе въ своихъ дѣлѣхъ* и проч. (ст. 9). *Не исцѣляяй себе* отъ грѣховъ дѣлами, указанными ему Христомъ, братъ діавола, знающаго наказанія и подвергающаго себя имъ. И Павелъ (2 Тим. II, 21) говоритъ: *аще убо кто очиститъ себе, будетъ сосудъ благопотребенъ Владыцѣ. Изъ величества крѣпости* явно (φανερὸν) [1]) *имя Господне* и проч. (ст. 10), то есть, очевидно его вѣдѣніе. Не требуется наученія; и (безъ этого) имя Божіе, сила Божія очевидна; видно это здѣсь и изъ того, что прибѣгающихъ къ Нему возвышаетъ.

Имѣніе богату мужу градъ твердъ (ст. 11).

Говоритъ о слѣдующемъ. Богатство недостаточно само по себѣ, чтобы спасти имѣющаго его, а нуженъ крѣпкій и славный городъ, потому что въ безопасности состоитъ и слава. Или—такъ: имущество праведныхъ и все ихъ сокровище—вышній Іерусалимъ, потому что тамъ складываютъ то, что теперь дѣлаютъ. *Прежде сокрушенія возносится сердце мужу* (ст. 12). Смотри, какъ тяжела слава и какъ хорошо смиреніе. Какъ за вознošеніемъ, говоритъ, слѣдуетъ сокрушеніе, такъ за смиреніемъ—слава, потому что невозможно пасть не превозносящемуся, *яко всякъ возносяйся смирится* (Лук. XIV, 11). *Гнѣвъ мужа укрощаетъ рабъ разумный: малодушна же человѣка кто стерпитъ* (ст. 14)? Говоритъ это
720 потому, что малодушіе хуже гнѣва. Послѣдній можетъ утишить

[1]) Φανερὸν въ древнихъ сп. греческаго перевода не читается.

и рабъ, не имѣющій смѣлости свободнаго человѣка, а того не (можетъ уничтожить). Какъ Господь называется нападающимъ тигромъ въ отношеніи къ грѣшникамъ и камнемъ соблазна—для невѣрующихъ, такъ и малодушный между согрѣшающими.

Даяніе человѣка распространяетъ его (ст. 16).

Если и этотъ съ радостью будетъ давать и тотъ готовъ принимать, не будетъ ничего худого; или: не окажется въ трудномъ положеніи дающій бѣднымъ; онъ будетъ, какъ одинъ изъ вельможъ. *Праведный себе самаго оглаголникъ въ первословіи* (ст. 17). Онъ предвосхитилъ, говоритъ, свое дѣло, расположилъ судью въ свою пользу. Обыкновенно ничто такъ не раздражаетъ, какъ отрицаніе. Излагаетъ (свое дѣло) не въ настоящемъ видѣ. Такимъ образомъ и предварительнымъ изложеніемъ, и заявленіемъ объ этомъ по собственному сознанію, располагаетъ въ свою пользу. *Прекословія утоляетъ жребій* (κλῆρος) [1], *а между сильными* (δυνάσταις) [2] *опредѣляетъ дѣла* (πράγματα) [3]) (ст. 18). Или то говоритъ, что у самихъ властителей имѣетъ силу имѣніе (χρήματα), такъ какъ это значитъ „клиросъ“ [4]); или—то, что начальники, не имѣя судьи, пользуются жребіемъ, который дѣлитъ между ними отцовское наслѣдство. И имѣвшій возникнуть споръ рѣшилъ жребій Матеія (Дѣян. I, 26) и это рѣшеніе послужило указаніемъ для славныхъ апостоловъ.

Братъ отъ брата помогаемь, яко градъ твердъ и высокъ, укрѣпляется же яко основаное царство (ст. 19).

Единодушные ученики Христовы были братьями и подобно царскому дворцу, защищенному безчисленными оградами, были крѣпки, будучи поддерживаемы одинъ другимъ, такъ какъ были въ единодушіи и помощь одного другому дѣлала ихъ сильнѣйшими.

Отъ плодовъ устъ мужъ насыщаетъ чрево свое (ст. 20).

Такъ какъ подлежащіе чувствамъ слова не наполняютъ чрева, то необходимо разумѣть хранилище духовной пищи, которое наполняетъ не просто человѣкъ, а *мужъ*. *Смерть и животъ въ руцѣ языка* (ст. 21). *Смерть* (отъ) *языка:* когда говоритъ худое,

---

[1]) Κλῆρος читается еще на полѣ Синайскаго списка, согласно съ еврейскимъ т. Вмѣсто κλῆρος читается въ другихъ сп., съ которыми согласуется Слав. Б., σιγηρός = *молчаливый*.

[2]) Вмѣсто δυνάσταις читается въ другихъ сп. греч. перевода δυναστείαις = *властехъ*.

[3]) Πράγματα не читается въ др. греч. сп., какъ и въ евр. т.

[4]) Κλῆρος значитъ: жребій, удѣлъ, владѣніе. Составитель настоящаго толкованія понимаетъ здѣсь это слово въ смыслѣ: имѣніе, деньги, а далѣе въ смыслѣ: жребій.

оставляетъ законъ Божій, а *жизнь*, когда произноситъ правильное ученіе.

ГЛАВА XIX.

Богатство прилагаетъ други многи (ст. 4).

Или богатымъ называетъ разумнаго, а бѣднымъ—не имѣющаго этого свойства; или, если не это, говоритъ объ обычномъ явленіи, не восхваляя и не принимая его (за желаемое), а довольствуясь этимъ указаніемъ, такъ какъ это понятно само собою. *Мнози угождаютъ лицамъ царскимъ* (ст 6). При этомъ научаетъ и отклоняетъ отъ того, чтобы принимающіе угожденіе не пользовались услугами порочныхъ. *Поношеніемъ* для него, говоритъ, будетъ: если дастъ денегъ, угождаетъ; если прибавитъ серебра, постыднымъ (ἐπονείδιστος) будетъ. *Всякъ, иже убогаго брата ненавидитъ, и отъ содружества далече будетъ* (ст. 7). Если тамъ, гдѣ внушаетъ природа, не слушается, то тѣмъ болѣе при другихъ обстоятельствахъ будетъ далекъ отъ дружбы. *Иже раздражитъ словесы* (ἐρεθίσει λόγους) [1]) *не спасется.* Страстные помыслы возбу-
721 ждаютъ душу ко всякому виду зла, что препятствуетъ спасенію человѣка. *Стяжавый мудрость любитъ себе* (ст. 8). Снискавшій разумѣніе пріобрѣтаетъ любовь Бога и ангеловъ. *А иже сохраняетъ разумъ* до конца (εἰς τέλος) [2]), *обрящетъ благая, ихже око не видѣ и ухо не слыша, и на сердце человѣку не взыдоша, яже уготова Богъ любящимъ его,* какъ говоритъ Павелъ (1 Кор. п, 9). Никто не будетъ названъ добрымъ, не пріобрѣвшій этихъ благъ.

Милостивъ мужъ долготерпитъ: похвала же его превосходитъ законопреступныхъ (ἐπέρχεται παρανόμοις) [3]) (ст. 11).

(Этими словами) говоритъ или то, что, когда (милостивый) долготерпитъ, беззаконники хвалятся, или—что они сами по себѣ хвалятся, потому что некому другому хвалиться относительно долготерпѣливаго, какъ только беззаконнымъ, потому что желанію свойственно дѣйствовать. *Не чисты обѣты отъ мзды блудницы* (ст. 13). Отъ худого дѣйствія не принимается приношеніе; даръ

---

[1]) Буквально значитъ: возбудитъ или возжетъ слова. Въ другихъ сп. греч. перевода читается ἐρεθίζει.

[2]) Εἰς τέλος не читается въ древн. списк. греч. перевода.

[3]) Слова греч. текста, по буквальному переводу, значатъ: приходитъ къ беззаконнымъ.

(κατάστασις) нечистой души не угоденъ. *Отъ Господа сочетавается жена мужеви* (ст. 14). Говоритъ или то, что Богъ установилъ бракъ, потому что это гораздо важнѣе того, то есть, имѣнія, или говоритъ о самомъ бракѣ и дѣйствіи (τὸ πρᾶγμα), или желаетъ показать важное значеніе того, чтобы имѣть добрую жену. *Иже хранитъ заповѣдь* (ἐντολὴν) (ст. 16). Такъ какъ заповѣди даны при свидѣтеляхъ—небѣ и землѣ, то поэтому называются свидѣтельствами. Вслѣдствіе этого и принявшій ихъ умъ называется свидѣтелемъ; исказившій ихъ не останется безъ наказанія.

Милуяй нища взаимъ даетъ Богови (ст. 17).

Хотя получишь не тотчасъ, не опасайся; насколько откладываетъ, настолько увеличитъ прибыль. (Давай) сообразно съ даромъ Его: если будетъ (у тебя) много, (давай) много; а если—мало; то—мало; а многое и малое не опредѣляется мѣрой даваемаго. Или—*взаимъ даетъ Богови*, такъ какъ Богъ усвояетъ Себѣ даваемое тому. *По даянію же его*, то есть, по расположенію дающаго не съ печалью или по необходимости, потому что (принимаетъ) не даваемое, а расположеніе. *Злоуменъ мужъ много отщетится* (ст. 19). Понесетъ ущербъ въ чувствѣ и знаніи; а если передастъ злобу другимъ, потеряетъ (данный) отъ Бога естественный разумъ, впавши въ безуміе..

Слушай, сыне, отца твоего наказаніе, да мудръ будеши въ послѣдняя твоя (ст. 20).

Отцемъ называетъ здѣсь Бога, подъ *наказаніемъ* же разумѣетъ жизнь по заповѣдямъ Его и познаніе. Словами: *въ послѣдняя твоя* означаетъ не время, а чистоту, (достигаемую) добродѣтельною дѣятельностью. *Плодъ мужеви милостыня* (ст. 22). Дѣйствительную добродѣтель одну имѣть лучше, чѣмъ ложное знаніе. *Водворится на мѣстѣхъ* (23), то есть, обходя всюду, получитъ такое мѣсто. *Скрываяй въ нѣдрѣхъ руцѣ свои неправедно* (ст. 24), то есть, похищая и воруя, будетъ безуспѣшенъ. Но и живущій неправильно въ душѣ своей беззаконно скрываетъ руки, потому что дѣйствительныя (πρακτικαί) добродѣтели имѣютъ зна- 724
ченіе рукъ, которыми подносится къ нашимъ устамъ небесный хлѣбъ. Поэтому лѣнивый не можетъ (положить) и начала и имѣть успѣха. *Аще же обличаеши мужа разумна* (ст. 25). Обличаетъ кто-либо разумнаго, или порицая, или представляя доказательства словъ. *Ниже ко устомъ своимъ принесетъ я* (ст. 24). Смотри на достойный смѣха внѣшній его видъ.

Безчествуяй отца, пріиметъ поношеніе (ст. 26).

Нечистые помыслы раждаются въ душѣ того, кто не соблюдаетъ заповѣдей Отца всѣхъ, а отстраняетъ себя отъ нихъ. *Выручаяй отрока несмыслена досаждаетъ оправданію* (ст. 28). По-

руку называя оправданіемъ, или (разумѣетъ) самое человѣколюбіе, или говоритъ въ томъ смыслѣ, что наноситъ оскорбленіе самому закону. *Уста же нечестивыхъ пожрутъ суды* (κρίσεις), такъ какъ сами произносятъ себѣ приговоръ, не имѣя оправданія въ своихъ грѣхахъ. *Пожираютъ суды* и говорящіе, что нѣтъ суда.

ГЛАВА XX.

Велика вещь человѣкъ и проч. (ст. 6).

Великое (значеніе имѣетъ) человѣкъ, какъ созданный по образу Божію. А если присоединить къ этому дѣятельность, состоящую въ милосердіи, то дѣлается дорогимъ; но дѣлающаго это вѣрно и разумно найти трудно. *Блажены оставитъ дѣти своя* (ст. 7). Соблюдающій справедливость въ отношеніи къ Богу и къ людямъ спасетъ слушающихъ его и себя. *Кто похвалится чисто имѣти сердце* (ст. 9)? Двоякое зло противоположно добродѣтели: одно умственное (θεωρετική), другое—дѣятельное (πρακτική). Слово: *кто* указываетъ на рѣдкость (добродѣтели), потому что рѣдко можно встрѣтить человѣка, чистаго по дѣйствіямъ и по мыслямъ. Указываетъ и на невозможность, какъ въ словахъ: *аще Богъ по насъ, кто на ны* (Рим. VIII, 31); указываетъ и на вопросъ: *кто есть сей Царь славы* (Пс. XXIII, 8); указываетъ и на отдѣльное лице, какъ въ словахъ: *человѣкъ нѣкій добра рода* (Лук. XIX, 11). *Вѣсъ великъ и малъ* (ст. 10); (разумѣется) коварное расположеніе, выражаемое добрымъ словомъ и нечистымъ дѣломъ, или—преувеличеніе и умаленіе всякаго предмета.

Отъ Господа исправляются стопы мужу (см. 24).

Не можетъ смертный, то есть, грѣшникъ постигнуть путей Божіихъ, потому что, будучи смертнымъ, не умеръ вмѣстѣ и не жилъ вмѣстѣ со Христомъ. Пути же человѣка направляются Господомъ къ достиженію царства небеснаго. *Свѣтъ Господень дыханіе человѣкомъ, иже испытаетъ тайная утробы* (ст. 27). Говоритъ, что для Него внутри (человѣка) нѣтъ ничего темнаго; а сама душа (человѣка), которую онъ изслѣдуетъ, ясна для Бога такъ же, какъ если бы она являлась съ зажженнымъ свѣтильникомъ. *Свѣтъ Господень* есть причина (αἴτιον) жизни для разумныхъ существъ. *И животъ бѣ свѣтъ человѣкомъ.* Потомъ Богъ, дунувъ въ лице человѣка, создалъ его въ *душу живу*. Соотвѣтствующій этому свѣтильникъ, освѣщая, изслѣдуетъ тайныя болѣзни. Свѣ-
725 тильникъ—и законъ, сдѣлавшійся нашимъ руководителемъ ко

Христу. *Милостыня и истина* [1]) *объидутъ въ правдѣ престолъ его* (ст. 28). Гдѣ истина и справедливость, нѣтъ ничего беззаконнаго. Имѣющій эти (добродѣтели) охраняется ими. *Лѣпота юнымъ премудрость* (ст. 29). Какая же слава въ томъ, что принадлежитъ природѣ? Какой старикъ не имѣетъ этого? Или то говоритъ: какъ этого украшаетъ сѣдина, такъ тѣхъ—мудрость. *Раны и сокрушенія срѣтаютъ злыхъ* (ст. 30). Не въ лице, но и въ сердце получаютъ удары злые; то можетъ быть вылѣчено, а это не можетъ, такъ какъ находится во внутренности. Или (это значитъ то)—что наказанія поражаютъ ихъ до глубины души, такъ какъ этотъ (смыслъ имѣютъ) *внутренности (=сокровища) чрева;* при этомъ подъ внутренностями (разумѣются) негодныя способности, потому что худой человѣкъ заслуживаетъ наказанія и черезъ разумъ.

ГЛАВА XXI.

Якоже устремленіе воды, тако сердце царево въ руцѣ Божіей (ст. 1).

Поелику (прежде) многое сказано было о царяхъ, то показывается, что Сильнѣйшій ихъ также легко направляетъ (ихъ), куда хочетъ, какъ устремляетъ всюду теченіе воды, хотя никто не можетъ наклонять его (т. е., сердце царя) вслѣдствіе величія (его) власти. Или—такъ: *сердце въ руцѣ Божіей*, то есть, обращающееся въ Его дѣлахъ, невозможно направлять; не склоняясь къ злу, оно направляется туда, куда (направить) угодно Богу, какъ теченіе воды всюду находитъ себѣ путь.

Лучше жити во углѣ непокровенномъ, нежели въ повапленныхъ съ неправдою (ст. 9).

Непокровенный уголъ—тайное дѣйствіе (πρᾶξις κρυφία), касающееся созерцанія (θεωρίας), освѣщаемое Солнцемъ правды, а домъ *повапленный* — порокъ, лицемѣрно подражающій добродѣтели. *Тщету пріемлющу невоздержному, коварнѣйшій будетъ незлобивый* (ст. 11). Когда наказываются порочные, незнающій и простой умудряется. Такъ и праведный въ крови грѣшника умываетъ руки, очищая свои дѣйствія его наказаніемъ, такъ и *блудницы измышася въ крови* Ахава (3 Цар. ххп, 38). *Въ сонмищи исполиновъ почіетъ* (ст. 16). Исполинами Писаніе обыкновенно на-

---

[1]) Словъ, соотвѣтствующихъ славянскимъ: *сохраненіе царю,* читаемыхъ въ другихъ греч. спискахъ, не находится въ текстѣ Патрологіи.

зываетъ людей негодныхъ, лукавыхъ, дерзкихъ, противящихся Богу; къ нимъ, говоритъ, будетъ причисленъ. Или—такъ: уклоняющійся отъ праведности Бога-Творца будетъ находиться въ сонмищѣ противящихся Богу, а *сонмище*—злоба и незнаніе. *Иже хранитъ своя уста*, и проч. (ст. 23). Если любящій ближняго соблюдаетъ законъ, то любовь не причиняетъ ближнему никакого вреда. *Иже памятозлобствуетъ, беззаконенъ* (ст. 24). Помнящій обиды ненавидитъ ближняго; поэтому—беззаконникъ.

Мужъ послушливъ сохраняемь возглаголетъ (ст. 28).

То есть, хотя будетъ послушливъ, но остерегается, въ состояніи будетъ говорить откровенно. Или—такъ: когда ложный свидѣтель беззаконничаетъ, послушный закону съ осторожностью скажетъ. *Нечестивъ мужъ безстудно стоитъ лицемъ* (ст. 29), такъ какъ со-
728 грѣшающій противъ Бога показываетъ безстыдство предъ Нимъ, не имѣя совѣстливости или скромности. А *правый* — по образу Божію. *Конь уготовляется на день брани* (ст. 31). *Конь* долженъ быть понимаемъ въ смыслѣ: произносимое (προφορικός) слово, какое нужно приготовлять противъ ересей. Сдѣлавши то, что слѣдовало, будемъ торжествовать (χορηγούμεθα) побѣду отъ Бога, погубляющаго премудрость премудрыхъ. Или, *конь* значитъ: умъ, по сказанному: *всядеши на кони твоя* (Аввак. III, 8).

ГЛАВА XXII.

Побѣду и честь устрояетъ даяй дары (ст. 9).

Дарами человѣка называетъ добродѣтели души, которыми, побѣждая діавола, онъ дѣлаетъ себя дорогимъ Богу и освобождаетъ свою душу отъ *стяжавшихъ* демоновъ. *Очи Господни соблюдаютъ чувство* (ст. 13). *На кого*, говоритъ, *воззрю, токмо на кроткаго*, и молчаливаго, и трепещущаго словесъ Моихъ (Иса. LXVI, 2)? *Презираетъ словеса законопреступный*. Видишь ли, что такимъ, не хотящимъ оставаться вѣрными законамъ, свойственно обвинять и провидѣніе и существующій порядокъ вещей? Если Богъ управляетъ всѣмъ мудро,—что и значатъ слова: *очи Господни соблюдаютъ чувство (чувство* же—соблюденіе закона и жизнь по разуму),—то какъ нѣкоторые указываютъ на то, что есть беззаконные роды (γενεαλογοῦσι, ἐπειδὴ παράνομοί εἰσιν)? Смотри, какъ научаетъ правителей основывать главнымъ образомъ власть не на послушаніи, не на страхѣ и наказаніяхъ, а на силѣ и разумности своихъ распоряженій. И не только этимъ ихъ отклоняетъ, но и (указаніемъ) на божественное провидѣніе.

Ты же напиши я себѣ трижды (ст. 21).

То, что внушаю тебѣ, говоритъ премудрость, напиши трижды на широтѣ своего сердца. Какъ человѣкъ состоитъ изъ тѣла, души и духа, такъ и Писаніе—изъ тѣла слова (τοῦ σώματος τῆς λέξεως) [1]), изъ котораго извлекаетъ пользу простѣйшій,—это называется ближайшимъ (πρόχειρος) наученіемъ,—изъ души, (или) анагогіи, которую слушаетъ сколько-нибудь возросшій (въ разумѣніи), и изъ высшаго, духовнаго созерцанія, о которомъ размышляютъ и говорятъ совершенные. Такъ объ ослицѣ, привязанной противъ веси, на которой возсѣдалъ Спаситель, прежде всего напиши сказанное, затѣмъ—анагогію (состоящую въ томъ), что Слово (ὁ λόγος), восшедъ на скотовидный нравъ (τρόπῳ), приготовляетъ его къ разумному движенію (λογικῶς κινεῖσθαι). Затѣмъ по духовному созерцанію мысли человѣчество, воспринимаемое изъ мѣста противъ рая, чтобы оно, нося образъ (ἀγαλματοφοροῦσα), вошло въ рай.

Не насилствуй нищаго (ст. 22).

Не слѣдуетъ отталкивать или безчестить никакого бѣднаго, или нищаго, или слабаго, потому что Господь за все это взыщетъ и воздастъ судомъ праведнымъ каждому за его дѣла. Тотъ, кто не притѣсняетъ выше названныхъ, не обижаетъ, не безчеститъ словами, избавляетъ себя отъ вѣчныхъ наказаній и сохраняетъ свою душу отъ опасности. *Не вдавайся въ порученіе* (ст. 26). 729
Неосмотрительно не поручайся (за другого), то есть, не берись за чужія дѣла, чтобы не пало на тебя то, въ чемъ ты поручился; (въ такомъ случаѣ) падетъ совершенно на тебя уплата долга, погасить который ты не можешь; никто не бываетъ добръ за другого, а для себя. *Возмутъ постелю, яже подъ ребры твоими* (ст. 27). Ты лишишь себя надежды, защищающей твои силы, такъ что онѣ обнажатся, потому что *ребра*—силы: *горы Сіонскія, ребра сѣверова* (Пс. XLVII, 3); бывшія нѣкогда сильными у холоднаго (ψυχρῷ) демона сдѣлались нынѣ горами Сіонскими, то есть святыми.

ГЛАВА XXIII.

Аще сядеши вечеряти на трапезѣ силнаго, разумно разумѣвай предлагаемая тебѣ (ст. 1).

Христосъ есть совершенно сильный; Его трапеза и снѣди—слова Его ученія и вѣчныя блага, которыя Онъ уготовалъ лю-

[1]) То есть, изъ состава словъ при обычномъ ихъ пониманіи.

бящимъ Его. Садится вечерять за Его трапезой всякій христіанинъ. Разумно понимающій, чему Іисусъ училъ словами и дѣлами, *налагаетъ руку свою,* то есть, начинаетъ показывать дѣлами, что онъ—подражатель Христа, дѣлаясь смиреннымъ, кроткимъ, любящимъ всѣхъ и переносящимъ скорби. Не дѣлающій этого, а стремящійся къ пріятностямъ жизни, пусть оставитъ желаніе вѣчныхъ благъ, потому что не получитъ ихъ. Пріятности этого вѣка свойственны ложной жизни, любящіе которую не будутъ наслаждаться вѣчными благами.

Не вечеряй съ мужемъ завистливымъ (ст. 6).

Говоритъ то, что завидующій твоему ѣстъ съ неудовольствіемъ, или—что не будетъ доволенъ твоимъ угощеніемъ и не поблагодаритъ, или — что не прежде перестанетъ, какъ это изблюетъ. *Имже бо образомъ, аще кто поглотитъ власы,* то есть, какъ блюющій и проглатывающій волосъ, такъ и онъ не почувствуетъ этого. *И пребудутъ въ словесѣхъ твои устнѣ къ моимъ устнамъ* (ст. 16). Когда будетъ разумная бесѣда, необходимо ей быть большою и продолжительною, такъ какъ ею нельзя насытиться. *Сосудъ бо сокрушенъ чуждій домъ* (ст. 27). Неудобно поднимать брошенныхъ; бросать легко, а вынимать — напротивъ. И пьющій изъ инославныхъ (ἑτεροδόξων) водъ задыхается, такъ какъ узки колодцы; обманомъ и ложью душатъ себя.

Не упивайтеся виномъ и проч. (ст. 31).

Не упивайтесь чувственнымъ виномъ и изъ содомскаго винограда Смотрите, не слѣдуйте дѣламъ содомлянъ, а обращайтесь къ нынѣшнимъ праведникамъ, или словамъ древнихъ, и читайте Писанія, излагающія жизнь праведниковъ. *И бесѣдуйте въ проходѣхъ.* то есть, эти мысли нужно повторять и возвращаться къ размышленію объ нихъ и въ то время, когда ходишь, если можно такъ сказать. *Аще бо на чашы и сткляницы вдаси очи*
732 *твои. Чашами и стклянидами* въ (духовномъ) смыслѣ называетъ нечестивые догматы, опьяняющіе умъ, или—различныя желанія, или — инославныя ученія. Напаяемый ложнымъ ученіемъ лишается истины и подвергнется совершенной смерти по душѣ.

Очи твои егда узрятъ (жену) чуждую, уста твоя тогда возглаголютъ стропотная (ст. 33).

Сказано не только о блудницѣ, но и о всякомъ пожеланіи. Когда на умѣ худое дѣло, тогда сердце, которое называетъ устами, занято порочными желаніями. Тогда *будетъ яко въ сердцѣ моря,* мучимый отъ напора многочисленныхъ помысловъ, *и якоже кормчій во многѣ волненіи* (ст. 34), будучи обуреваемъ волнами худого пожеланія, подвергается опасности сдѣлать худое дѣло. *Речеши же: биша мя и не болѣхъ* (ст. 35). Видишь поднявшуюся

бурю? Говорящій это ничего больше не ищетъ. А когда настанетъ утро, видишь, что онъ тотчасъ, съ начала дня, принимается за питье: время выполненія необходимыхъ дѣлъ, которое всѣ посвящаютъ прежде всего занятіямъ, его отдаетъ онъ своимъ желаніямъ. Такъ пьянство и праздность не только дѣлаются причиною бѣдности, но и ввергаютъ въ тяжкую, неизлѣчимую болѣзнь, отъ которой нельзя оправиться. Какое несчастіе—подвергаться побоямъ и осмѣянію!

И возляжеши яко въ сердцѣ моря и проч. (ст. 34).

То есть, когда дѣла твои придутъ въ безпомощное состояніе и нельзя ихъ поправить. Какая польза, скажи мнѣ, отъ искусства, когда свирѣпствуетъ буря?

ГЛАВА XXIV.

Съ премудростію зиждется домъ и проч. (ст. 3—4).

Премудростію, разумомъ и чувствомъ называетъ Христа, а домомъ — Церковь Его, которую. Онъ основалъ, и хранилища (*=сокровища*) наполнилъ всякимъ честнымъ и добрымъ богатствомъ. Хранилища—сердца увѣровавшихъ во Христа, живущихъ по примѣру Его, исполненныя (добрыхъ) мыслей, словъ и дѣлъ, потому что чрезъ это они удостоиваются вѣчныхъ благъ. *Лучше мудрый крѣпкаго и мужъ, разумъ имѣяй, земледѣлца велика* (ст. 5), не просто (земледѣльца), а *велика*, такъ какъ что приноситъ ему каждогодно земля, то же (приноситъ) тому разумъ, и даже больше, такъ какъ поле подвергается перемѣнамъ воздуха. *Со управленіемъ бываетъ брань* (ст. 6). Дѣло его (управленія) полно безпокойства, дѣло требуетъ многихъ рукъ. Или то говоритъ, что необдуманно не слѣдуетъ начинать войну. Смотри, говоритъ: когда нужно рѣшать, развѣ не требуется премудрость?

Аще падетъ врагъ твой, не обрадуйся ему (ст. 17).

Если обрадуешься, какъ получившій отмщеніе, Господь заступится за него по человѣколюбію и не накажетъ дважды за то же, или и помилуетъ павшаго, а прогнѣвается на возгордившагося. Вѣдь всякій, радующійся гибели души, подобенъ діаволу, не желающему никому спастись. Нужно замѣтить, что здѣсь врагомъ назвалъ человѣка, за котораго въ Евангеліяхъ велѣно намъ молиться и любить. Если нравится тебѣ вести борьбу, то лучше 733
молись, чтобы остался противникъ.

Бойся Бога, сыне, и царя (ст. 21).

То есть, истинно царя Христа Бога; или царемъ (называетъ) того, кто управляетъ собою вмѣсто управляемыхъ. *Ни единому*

ихъ противися, такъ какъ, противясь царю, поставляемому Богомъ, безчестишь Бога. *Внезапу бо истяжутъ нечестивыхъ*, такъ какъ никто не знаетъ этого часа или дня; часто неожиданно еще при жизни бываетъ наказаніе. Разумную причину назначенія наказанія свойственно знать только судьѣ или его другу. Кромѣ Господа и царя не имѣй друзей; не друзья ихъ—враги ихъ: а недруговъ не имѣй друзьями.

ГЛАВА XXV.

Слава Божія крыетъ слово (ст. 2).

Покрывающій славу Божію или царство Божіе, или желающій прославлять Бога или царство, долженъ повиноваться; покрывать значитъ сохранять. *Благодать и любы свобождаетъ* (ст. 10). Пріятный человѣкъ—самый любезный; его мудрость можетъ освободить. *Ясти медъ много не добро* (ст. 28). И выше медъ названъ въ иносказательномъ смыслѣ. Много заниматься однимъ и тѣмъ же размышленіемъ не полезно. Не мудрствуй много, чтобы не обезумѣть; въ другомъ мѣстѣ: *разумъ кичитъ* (1 Кор. VIII, 1). Соразмѣрно нужно поэтому заниматься этимъ и чтить славныя слова Господа, которыя—серебро и золото и слаще меда и сота.

ГЛАВА XXX.

Кто возврати воду въ ризу (ст. 4).

Истинное знаніе отнесъ къ добродѣтелямъ. Итакъ кто въ своей дѣятельности (πολιτεία) непостоянному состоянію вещей далъ твердость? Въ своей дѣятельности (Онъ) исключилъ все преходящее, поелику не сдѣлалъ грѣха. А что *ризою* назвалъ дѣятельность, видно изъ словъ: *иже на селѣ сый да не возвратится взяти ризу свою* (Мрк. XIII, 16), слѣдовательно (не возвратится) къ прежней дѣятельности тотъ, кто воздѣлываетъ духовное поле.

Піявица имѣ три дщери и проч. (ст. 15).

Піявица—діаволъ, какъ высасывающій кровь душъ, то есть, жизненную ихъ силу. Она имѣетъ дочерей, а не сыновей,—ничего мужественнаго, а всякій видъ изнѣживающаго удовольствія: адъ (т. е.) злоба, дочь діавола, губящая души и не имѣющая сытости. Женская любовь, безбожное ученіе, обольстительность

котораго не знаетъ предѣла. *Земля ненапоеная водою* (ст. 16)—душа, подобная песку и безплодная, всегда напаяемая Писаніемъ, но нисколько не улучшающаяся. Для всѣхъ ихъ наказа- 736
ніемъ служитъ огонь.

Око ругающееся отцу (ст. 17).

Око—умъ, служащій виновникомъ добродѣтели или грѣха. Когда онъ насмѣхается надъ бездною,—разумѣю божественный судъ,—или Писаніями, то безчеститъ небеснаго Отца и данное Имъ пророкамъ и апостоламъ древнее познаніе. Такого поражаютъ нѣкоторыя злыя силы, служащія (орудіями) наказаній и производящія нѣкоторое очищеніе, которыя названы *вранами*, а вполнѣ пожирающія называются орлами, потому что признаются (совершающими) вполнѣ очищеніе.

Тріе ми суть невозможная уразумѣти и проч. (ст. 18).

Все это правила цѣломудрія. *Таковъ путь жены блудницы:* какъ она скрываетъ блудъ, такъ и здѣсь. А для чего говоритъ объ этомъ, когда непостижимо? Онъ сильно желаетъ привести насъ къ цѣломудрію, которое необходимо проявлять такъ, чтобы не возбуждать худого подозрѣнія.

Аще рабъ воцарится (ст. 22).

Если, говоритъ, какой-нибудь рабъ воцарится. Или—народъ сыновъ Израиля, рабствовавшій въ Египтѣ, а потомъ властвовавшій въ своей землѣ, нагло поступившій со Христомъ. *И безумный исполнится пищею. И ядъ и насытися и отвержеся возлюбленный. И раба аще изженетъ свою госпожу,* то есть, земной Іерусалимъ, бывшій рабыней всѣхъ языковъ, отвергъ свою госпожу, святую плоть Господа, сдѣлавшись убійцей Господа. *И мерзкая жена аще ключится добру мужу* (ст. 23). Кто эта мерзкая жена, какъ не іудейская синагога, не возлюбившая Христа Бога, дѣвственнаго мужа своего? Она всегда, гоняясь за идолами, любодѣйствуетъ съ ними, такъ какъ говорится черезъ пророка: *соблудила есть съ каменіемъ и древомъ* (Іер. III, 9) безумная Іудея. Смотри на благость и милосердіе Христа: *и рече,* говоритъ, послѣ того, какъ она любодѣйствовала, *обратися ко мнѣ, рече Господь* (Іерем. III, 12). *Аще рабъ воцарится,* самъ (т. е. Соломонъ) сказалъ, что рабъ *начнетъ обладати* безумными (ἀφρόνων) [1]. Но здѣсь говорится не о разумномъ рабѣ, а просто—о рабѣ, который, вопреки достоинству, дѣлаетъ нѣчто безумное; виноваты тѣ, которые его поставили, не зная, какъ онъ будетъ пользоваться властью. Если выросшихъ на свободѣ надмеваетъ эта власть, то тѣмъ болѣе—

[1]) Разумѣется XIX, 10, гдѣ говорится о рабѣ, что будетъ *обладати съ досажденіемъ.*

рабовъ. Для власти нѣтъ ничего столь необходимаго, какъ смиренномудріе. Царствовалъ рабъ Іеровоамъ, и смотри, сколько сдѣлалъ худого, какъ никто изъ предшественниковъ и преемниковъ его.

Четыри же суть малѣйшая на земли и проч. (ст. 24—25).

737 Говоритъ о твореніи, чтобы ты не смотрѣлъ на слабость тѣлеснаго устройства. Смотри, какъ убѣждаетъ въ томъ, что не нужно стремиться къ чувственному, (а также показываетъ) какія есть мудрѣйшія изъ мудрыхъ, не только людей, но и животныхъ, великихъ безсловесныхъ. Таковы—сильныя по мудрости. Смотри, какъ заботится о будущемъ муравей, какъ не остается безпечнымъ, хотя располагаетъ къ этому лѣтнее время, какъ онъ слабость природы исправляетъ предусмотрительностью. Поэтому отъ слабыхъ (существъ) нужно учиться мудрости, чтобы не искать всего въ тѣлесномъ. Если бы (муравей) былъ сильнымъ, не обнаружилась бы мудрость. *И хирогрилли, языкъ не крѣпокъ* (ст. 26). Не просто упоминаетъ о слабости каждаго, а чтобы показать силу мудрости, (проявляющейся) у тѣхъ—(въ запасѣ) пищи, у этихъ—(въ устройствѣ) жилища въ совершенно неприступныхъ мѣстахъ; о жилищахъ у нихъ онъ и говоритъ. *Безцарни суть прузи* (ст. 27). Здѣсь (указывается) то, что относится къ управленію, повиновеніе, единодушіе, способность приходить въ движеніе и величайшее согласіе. Это обнимаетъ нашу жизнь—пища, жилище, войско. Видишь ли, какъ эти слабыя (животныя), не имѣющія при томъ начальства, не терпятъ ущерба, а находятъ добрый порядокъ въ своей природѣ? Едва ли кто погрѣшитъ, если скажетъ, что они мудрѣе людей. Какъ поэтому они соблюдаютъ этотъ порядокъ! *Ящерица, руками опирающися* (ст. 28), живетъ подъ одною кровлею съ владѣющими (ὁμορόφιος τοῖς κρατοῦσίν ἐστι). Это животное *удобь уловляемо* и никто не обижаетъ его.

И пѣтелъ ходя въ кокошѣхъ благодушенъ (ст. 31).

Хорошъ, говоритъ, между своими пѣтухъ; но какъ онъ между своими, такъ и ты между людьми немного думай. Что ничтожнѣе пѣтуха, а онъ гордится своею властью. Одинъ силенъ тѣломъ, другой—природными свойствами, третій—разумомъ. Нельзя, подобно безсловеснымъ, владычествовать силами тѣлесной природы, но также словомъ и убѣжденіемъ; что для того сила, для этого природныя способности, то для царя разумъ. Поэтому говоритъ: *и козелъ предводитель стаду. Бѣ бо уча, яко власть имѣя, а не яко книжницы*, такъ что удивлялись (Мѳ. VII, 28). Онъ, говоритъ (Писаніе), убитъ за грѣхъ міра, принесенъ, какъ жертва, посланъ къ народамъ, какъ въ пустыню; голова Его увѣнчана невѣрующими червленою шерстью; Онъ сдѣлался искупленіемъ людей

и явился жизнью для всѣхъ. *И царь глаголяй къ народу.* Онъ предсказанъ Исаіею (xxxiii, 17): *Царя со славою узрите.* Онъ говоритъ вѣрному народу и дерзновенно возвѣщаетъ чрезъ Евангелія. *Мельзи млеко и будетъ масло* (ст. 33). Соедини (ἄμελγε) вѣрно два завѣта Христа и найдешь заповѣди, какъ молоко, питаясь которымъ можешь достигнуть вѣрнаго (πιστόν), совершеннаго хлѣба.

ГЛАВА XXXI. 740

Дадите сикера сущимъ въ печалехъ (ст. 6).

Дайте, сказалъ, вина, такъ какъ разслабленную душу нужно согрѣть. Начальника, исполненнаго гордости, не нужно воспламенять; для него достаточно жару, (происходящаго) отъ (его) власти. Открой шире уста и прими дерзновенное слово.

Сохранившееся изъ толкованія Св. Іоанна Златоуста на книгу пророка Іереміи.

(Предисловіе) [1]). Нужно сказать, что такое пророчество, когда началось, когда прекратилось, почему окончилось и какую можно извлечь изъ него пользу въ жизни. Пророчествовать значитъ говорить или образно (τυπικῶς) изображать прежнее, настоящее и будущее. Это есть слово или дѣйствіе, предызображающее событія, прежде чѣмъ они сдѣлались извѣстными, такъ какъ дѣйствіе изображается и посредствомъ дѣйствія. Образами будущаго были: мѣдный змѣй, агнецъ въ Египтѣ, Исаакъ приведенный (для закланія). Это—дѣйствія пророческія, не имѣющія (иной) цѣли, какъ у Іезекиля выходъ чрезъ (отверстіе) въ стѣнѣ (xii, 5), имѣющій (особую) цѣль. Образамъ надлежитъ быть такими, чтобы они были полезны и для жившихъ тогда, каковы змѣй и агнецъ. Предсказываютъ пророки не только тогда, когда ихъ спрашиваютъ, какъ это было у другихъ народовъ, но большею частью по собственному почину; и у этихъ народовъ (прорицатели) на-

[1]) Хотя приводимое далѣе предисловіе не принадлежитъ Златоусту, какъ показываетъ стиль и полагаютъ ученые, тѣмъ не менѣе оно приводится на ряду съ твореніями святителя, какъ найденное вмѣстѣ съ ними въ древнихъ кодексахъ. *Примѣч. издателей Патрологіи.*

741 зывались также пророками. Поэтому и Павелъ говоритъ: *рече же нѣкто отъ нихъ свой имъ пророкъ* (Тит. 1, 12). Египтяне называли и жрецовъ пророками.

Вообще изъ пророчествъ одно духовное (отъ Духа), другое—діавольское, среднее между ними—естественное (φυσική) или искусственное, а четвертое—общее (κοινή) и народное. Причастниками духовнаго пророчества дѣлаются преимущественно святые, а по устроенію (Божію) и такіе, какъ Навуходоносоръ, фараонъ, Валаамъ и Каіафа. Діавольское (прорицаніе) бываетъ только у служителей этой (силы); таковы гадатели по мукѣ, Пиѳія—по маслинамъ, Дидонская жрица по листьямъ дуба, (другіе)—по внутренностямъ животныхъ, по полету и крику птицъ, по примѣтамъ и чиханьямъ, по шуму, грому, рукамъ, мышамъ, ласточкѣ, по звону и шуму въ ушахъ, по дрожанію тѣла, посредствомъ камешковъ, жезловъ и пороговъ (φλοιῶν), мертвыхъ, чрева, именъ, звѣздъ, чашъ, и другими безчисленными способами. Таково же (предсказаніе) посредствомъ сновъ, а у насъ оно—чрезъ вдохновеніе (διὰ κατοχῆς). Предвѣщаніе у нихъ—не вслѣдствіе добродѣтели, какъ у насъ, а посредствомъ какой-либо хитрости; тѣ прорицаютъ о богатствѣ, болѣзняхъ, войнахъ, имѣя при этомъ въ виду не добродѣтель, а порокъ; а у насъ (предсказывается будущее) для исправленія нравовъ и перемѣны къ лучшему. Тѣ должны исполниться (на дѣлѣ), а эти—не всегда. Какая польза отъ предсказанія, дѣлаемаго для блага души, если предсказанное въ точности исполнится, не допуская никакой перемѣны съ нашей стороны? Богъ, предсказывая, указываетъ и способъ избавиться отъ бѣдствій, если мы хочемъ покаяться. Въ этомъ и состоитъ польза пророчества. Если (люди) остаются безъ всякаго измѣненія (къ лучшему), то оно исполняется. Тѣ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ явившись согласными съ событіями, оказались большею частью ошибочными. Тѣ (кромѣ того) требуютъ (особыхъ) орудій, мѣстъ, временъ и денегъ. А Богъ свободенъ отъ этого. Таково божественное и дьявольское пророчества.

Естественное (предчувствіе) свойственно безсловеснымъ, ласточки предчувствуютъ наступленіе весны, журавли—осени, муравьи—зимы; ежамъ и гальціонамъ [1]) природа вложила такое же чувство. Искусственное пророчество—у врачей, совѣтниковъ и кормчихъ. Одни предсказываютъ болѣзни, другіе—прекращеніе ихъ; одни—измѣненіе вѣтровъ, другіе путемъ соображеній—будущія перемѣны (въ человѣческихъ обществахъ). Есть общее и народное знаніе будущаго, каково то, что черезъ три мѣсяца

[1]) Гальціона (ἀλκυών) морская птица, предвѣщающая въ морѣ тишину.

наступаетъ зима, такъ какъ всѣ напередъ знаютъ годовыя перемѣны. Нѣтъ поэтому ничего великаго въ томъ, что и демоны имѣютъ предвѣдѣніе будущаго, когда и муравьи предчувствуютъ годовыя перемѣны и есть люди, способные предугадывать будущее, хотя и не такъ, чтобы знать совершенно или все. Когда діаволъ предсказалъ, что (человѣкъ) узнаетъ доброе и лукавое, то такъ и произошло, и когда Валаамъ сказалъ: „поставь блудницъ и чрезъ нихъ предастся Израиль“ [1]), то такъ и было. 744

Это гаданіе, а лучше—предсказанія, не представляющія ничего невѣроятнаго, равно какъ (и пророчества) Христовы, что *Евангеліе проповѣстся* (Мѳ. xxiv, 14), *не имать остати камень на камени* (ст. 2). И немного далѣе [2]). О блаженномъ Іереміи говорятъ, что (книгу) его нужно читать прежде другихъ (пророковъ), какъ болѣе ясную. И неудивительно, что изъ пророковъ одни неясны, а другіе болѣе ясны, когда въ одной и той же книгѣ божественнаго Писанія есть неясное и ясное, когда и въ сочиненіи одного писателя одно изложено такъ, а другое иначе, какъ это (видимъ) въ Псалмахъ, апостольскихъ Посланіяхъ и словахъ Господа. А вообще неясность происходитъ или отъ свойства предметовъ, необычныхъ для слуха, каково сооруженіе скиніи, и приготовленіе храма у Іезекіиля, или отъ слушателей, не имѣющихъ надлежащаго разумѣнія. Поэтому говорилъ притчами, какъ намѣренно неясными (Лук. viii, 10).

И немного далѣе. Происходитъ неясность и отъ свойства говорящаго, имѣющаго наклонность къ такому изложенію. И пророкамъ Духъ внушалъ только мысли, а не слова, затѣмъ они выражали (эти мысли) въ свойственной имъ формѣ рѣчи, потому что пользовался не какъ неподвижными (существами), какъ—демоны при своихъ внушеніяхъ. Онъ хотѣлъ, чтобы понимали то, что говорятъ и говорили съ участіемъ ихъ разума. *Не сотворитъ Господь, аще не открыетъ рабомъ своимъ пророкомъ* (Ам. ш, 7).

---

[1]) Мысль, выраженная этими словами, указана въ Числ. xxxi, 16; Апок. ii, 14 и др. мн.

[2]) Излагаемое здѣсь предисловіе, вѣроятно, напечатано въ Патрологіи Миня не полностью, а съ сокращеніями, вслѣдствіе чего, вѣроятно, произошелъ довольно неожиданный переходъ отъ совѣта Валаама къ пророчествамъ Спасителя.

ГЛАВА I.

Іеремія, сынъ Хелкіевъ, отъ священникъ (ст. 1).

О времени, когда пророчествовалъ блаженный пророкъ Іеремія, при какомъ царѣ онъ началъ и при какомъ пророчествуя скончался, ясно сказано въ начальныхъ словахъ (книги) пророка. Все пророчество (его) относится къ двумъ колѣнамъ, такъ какъ (прочія) десять были уже плѣнниками ассирійскаго (царя). Можно видѣть, что пророчество имѣетъ разнообразное содержаніе. Онъ обличаетъ ихъ то примѣрами, когда говоритъ: *виждь пути твоя на мѣстѣ многогробищномъ* (II, 23), то—нѣкоторыми пророческими своими дѣйствіями, когда беретъ поясъ и дѣлаетъ съ нимъ повелѣнное (XIII), беретъ сосудъ и сокрушаетъ его предъ лицомъ народа (XIX, 10—12), налагаетъ на себя *клады* (XXVIII). Онъ встрѣчалъ большія трудности со стороны своихъ современниковъ, такъ какъ всѣ обратились къ нечестію и возставали противъ него и священники, каковъ Софонія, противъ котораго онъ, повидимому, говоритъ (XXI), и нѣкоторые изъ начальствующихъ, и противъ Пасхора направляетъ рѣчь (XX), и
745 цари не слушали увѣщанія. Въ обличеніяхъ не только указываетъ на дѣйствія, нечестивость которыхъ ясно изображаетъ, но и (приводитъ примѣры) послушныхъ людей, (каковы) сыновья Іонадава, сына Рихавова, по сравненію съ которыми показываетъ беззаконное поведеніе іудеевъ (XXXV). Поэтому онъ подвергался тяжкимъ преслѣдованіямъ, то будучи заподозрѣваемъ въ измѣнѣ (XXXVII), то заключаемъ въ темницу, то ввергаемъ въ грязный ровъ (XXXVIII, 6). По этой причинѣ уже въ началѣ обѣщаетъ ему Богъ дать силу (I, 18); предрекая ему бѣдствія, возвѣщаетъ Свою помощь. (Пророкъ) говоритъ и о (другихъ) народахъ не для пользы только евреевъ, но и тѣхъ самыхъ народовъ, о которыхъ говоритъ, чтобы, видя исполненіе (пророчествъ), убѣдились въ томъ, что Богъ есть Владыка всего. Предсказываетъ и обращеніе народа, опредѣляетъ число годовъ плѣна. Наконецъ составляетъ *Плачь* и увѣщаніе чрезъ *Посланіе* къ находившимся въ переселеніи; въ немъ онъ показываетъ суетность идоловъ и доказываетъ, что Богъ—Владыка всего.

Слово Божіе, еже бысть ко Іеремiи (ст. 1).

По имени Іеремія, какъ говоритъ и книга, по колѣну—левитъ, по отеческому городу Анаѳоѳянинъ, жилъ въ удѣлѣ Веніамина, происходилъ изъ священническаго рода.

Отъ священникъ.

(То есть, изъ рода) праведнаго и достойнаго удивленія. По-

елику и другіе вели начало отсюда, то произносили пророчества при праведныхъ.

Обрати вниманіе (на слѣдующее): и предвидя, что пророки не принесутъ пользы, Богъ посылаетъ ихъ; отъ этого мы получаемъ не малый плодъ. Пусть никто не говоритъ: а какая польза? Такъ никто не можетъ укорять и врача, предвидящаго смерть человѣка, если онъ останется при немъ до послѣдняго дыханія. А Онъ не прекратилъ Своихъ увѣщаній и наставленій. Но почему они потерпѣли при праведномъ и благочестивомъ (царѣ) [1]? Они несли наказаніе за грѣхи Манассіи, совершенные въ теченіе сорока лѣтъ.

Слово Божіе.

Это—предисловіе къ книгѣ; въ немъ указывается, чей сынъ, именно Хелкіи, какого званія, именно священникъ, гдѣ жилъ, именно въ Анаѳоѳѣ, и изъ какого колѣна, именно Веніаминова.

Реченіе, слово, видѣніе, изреченіе (λῆμμα) означаютъ одно и то же. *Слово* было не посредствомъ (звуковъ) голоса; это было видѣніе, говорившее яснѣйшимъ образомъ, какъ будто представлялось глазамъ.

Что значитъ это *слово?* Къ чему направлено? (Народъ былъ) народомъ убійцъ: Исаія распиленъ; Амосъ прогнанъ; Захарія закопанъ. Упражняясь (въ пролитіи) пророческой крови, они, подобно собакамъ, лижущимъ кровь, стали потомъ желать этой пищи; приводя себя въ ярость, они не переставали (это дѣлать). Пророку, выступавшему (съ проповѣдью) въ такомъ народѣ, нужно было имѣть много мудрости. 748

Якоже бысть слово Господне (ст. 2).

И это относится къ предисловію. (Здѣсь) указываетъ то, при какомъ царѣ началъ пророчествовать и въ какое время. Поелику (царь) Іосія былъ праведный и имѣлъ правильное понятіе о благочестіи, но самъ по себѣ не могъ знать добраго, такъ какъ всѣ его предшественники уклонились въ нечестіе, особенно когда онъ вступилъ на царство, будучи совсѣмъ юношей, то поэтому въ тринадцатый годъ его царствованія Богъ повелѣлъ Іереміи пророчествовать, чтобы подъ вліяніемъ обличеній пророка царь явилъ свое усердіе къ добрымъ дѣламъ. Въ продолженіе не окончившихся пяти лѣтъ [2]) имѣлъ великое попеченіе о храмѣ.

И бысть во дни Іоакима, сына Іосіи (ст. 3).

И это изъ предисловія; здѣсь указываетъ царей, при которыхъ пророчествовалъ. Слова: *и бысть во дни Іоакима, сына Іосіи,*

---

[1]) Разумѣется царь Іосія, при которомъ Іеремія призванъ къ пророчеству.

[2]) Οὐ διαληλυθότων γοῦν πέντε ἐνιαυτῶν.

показываютъ, что (Іеремія) явился пророкомъ и удостоился духовной благодати при Іосіи. Всѣ же эти (пророческія) слова онъ произносилъ, начиная съ Іоакима, такъ какъ тогда особенно нуждались въ увѣщаніи. Если бы (писатель) хотѣлъ обозначить только время, въ которое (Іеремія) началъ пророчествовать, то для этого достаточно было упомянуть объ Іосіи. А если хотѣлъ сказать и о другихъ, при которыхъ пророчествовалъ, то надлежало указать и прочихъ. Такимъ образомъ яснымъ является указаніе, что (прор. Іеремія) началъ при Іосіи, но въ это время не требовалось многихъ и сильныхъ увѣщаній, потому что царь былъ благочестивъ и ему слѣдовалъ народъ.

И бысть слово Господне къ нему (πρὸς αὐτὸν) *глаголя* (ст. 4).

Это начало книги, но не начало пророчества. Поелику всѣ уклонились въ нечестіе и не было потомъ пророковъ, то (Господь) восхотѣлъ послать праведника, чтобы онъ своими словами измѣнилъ расположеніе народа къ нечестію.

Прежде неже изыти тебѣ (ст. 5).

Такъ (говоритъ) и Павелъ: *избравый мя отъ чрева матере моея, да благовѣствую его во языцѣхъ* (Гал. I, 15—16). И спустя немного: Я создавшій тебя во чревѣ; это не дѣло природы, не мукъ рожденія. Я—виновникъ всего; поэтому справедливо ты будешь повиноваться Мнѣ, какъ давшему бытіе.

Не прежде *освятихъ тя*, но напередъ *познахъ тя*. Этимъ указалъ на предвѣдѣніе, а послѣ предвѣдѣнія—на опредѣленіе. Поелику *познахъ тя*, то *освятихъ тя*. Поэтому и апостолъ говоритъ: *ихже предувѣдѣ, и предустави* (Рим. VIII, 29). Не сказалъ напередъ: *предустави*, а—*предувѣдѣ* и послѣ этого: *предустави*.

Пророка во языки поставихъ тя.

749 Хотя (Іеремія) не выходилъ изъ Іерусалима, онъ много пророчествовалъ о народахъ. (Господь) не просто его посылаетъ, потому что видѣлъ, какъ тяжесть времени затруднитъ его въ исполненіи (возложеннаго) на него дѣла. Поэтому произноситъ слова, которыми могъ поощрить его: „прежде рожденія Я усвоилъ тебя Себѣ",—это именно значитъ: *познахъ*,—и созданнаго опредѣлилъ. А такъ какъ можно быть опредѣляемымъ на священство и на другія служенія, то показываетъ и видъ опредѣленія. На то, говоритъ, Я опредѣлилъ тебя, чтобы пророчествовалъ народу,—*языками* называетъ колѣна. Поэтому онъ отказывается, какъ неспособный держать рѣчь къ такимъ (слушателямъ) и особенно къ царямъ, а Богъ ободряетъ.

Отрокъ азъ есмь (ст. 7).

Смотри на скромность праведниковъ, какъ они собственныя несовершенства вносятъ въ памятники. Кто не постыдился бы

предавать это письмени? Но они были чужды славы и честолюбія; и если что-либо говорили или слышали, это съ совершенною вѣрностью и передали. И опять: *се не вѣмъ глаголати*, говоритъ пророкъ. Поэтому, когда увидишь его витійствующимъ и устремляющимъ противъ тѣхъ свою рѣчь, не приписывай этихъ словъ его силѣ, такъ какъ онъ напередъ высказалъ, что *не вѣмъ глаголати*.

О сый.

Онъ узналъ говорившаго съ нимъ, почему назвалъ Его древнимъ именемъ. Когда Моисей нѣкогда спрашивалъ, желая знать божественное имя, то Господь сказалъ: *Азъ есмь сый* (Исх. ш, 14). Ссылающійся на молодость, несоотвѣтствующую пророческому служенію, подражаетъ благоговѣнію Моисея. Но Господь повелѣваетъ ему не отказываться въ виду молодости, а исполнить повелѣнное, разгоняетъ его страхъ.

Не глаголи, яко отрокъ азъ есмь.

Когда повелѣваетъ Богъ, Владыка естества, и возрастъ, и неумѣнье говорить и всякаго рода недостатки перестаютъ имѣть значеніе. Я повелѣваю, а ты указываешь на молодость? Не противься, говоритъ, не выставляй отговорокъ.

Не убойся (ст. 8).

Я повелѣваю, и ты боишься? Смотри на церковныя предуказанія. *Се азъ посылаю васъ яко овцы посредѣ волковъ* (Мѳ. х, 16). Не сказали: куда посылаешь? Видишь ли различіе между пророками и апостолами?

Яко съ тобою азъ есмь, еже избавити тя.

Что Богъ съ нами, не то показываетъ, что Онъ избавляетъ насъ. Если бы было такъ, не присоединилъ бы: *еже избавити тя*, такъ какъ, и не избавляя, (Онъ) съ нами. Онъ (находится) и съ мучениками, не избавляя ихъ, и—съ праведниками, попуская имъ вести борьбу, и—съ Іовомъ, когда нападалъ на него діаволъ. Но не въ томъ, что „буду съ тобою", а въ томъ, что „избавлю тебя", ты имѣешь оружіе непобѣдимое и помощь неодолимую. 752
Не убойся. Кто, стоя на камнѣ, боится капли воды? Кто, имѣя на своей сторонѣ царя, боится и трепещетъ?

И простре руку свою (ст. 9).

Пророкъ имѣлъ нужду въ этомъ чувственномъ образѣ, почему и Христосъ это сдѣлалъ: *дуну* на нихъ (αὐτοῖς), хотя не имѣлъ нужды въ дуновеніи. Тѣлесные образы присоединяются для болѣе сильнаго убѣжденія.

Се поставихъ тя днесь (ст. 10).

И раньше сказалъ: *прежде неже изыти тебѣ изъ ложеснъ, освятихъ тя*. Какъ же здѣсь говоришь: *днесь?* То—по предвѣдѣнію, а это—самымъ дѣломъ.

Да искорениши.

Прекрасный видъ земледѣльческаго труда, состоящій въ вырываніи тернія. О чемъ нужно пророчествовать, сказалъ кратко: *искорениши*—объ изгнаніи изъ города, *разориши* — о разрушеніи храма, *расточиши* — объ умерщвленіи множества, *разрушиши*—о гибели домашняго (имущества), *созиждеши*—о призывѣ (изъ плѣна), *и насадиши*—о безопасной жизни въ землѣ послѣ возвращенія.

И бысть слово Господне (ст. 11).

Златоуста, иное Олимпіодора. Чрезъ промежутокъ (времени) это, когда говоритъ: *и бысть слово Господне ко мнѣ, глаголя.* Не по порядку рѣчи, но давалъ (Господь) уразумѣть то, что сказано.

Жезлъ орѣховый.

Это дерево твердое, тяжелое и годное для нанесенія ударовъ (πληκτικόν). Почему это видѣли (ἔβλεπον)? Потому что предметы и видѣнія болѣе ясны и привлекали вниманіе слушателя. Жезлъ есть символъ наказанія.

Повелѣвая ему пророчествовать, еще болѣе возбуждаетъ посредствомъ видѣнія. *Орѣховый* жезлъ нѣкоторые объясняли, какъ— изъ миндальнаго дерева. Съ еврейскаго (эти слова) переводятся: „я вижу жезлъ бодрствующій"[1]), потому что по-еврейски „бодрствованіе" и „миндальное дерево" обозначаются однимъ и тѣмъ же словомъ. Поэтому и продолжаетъ: *и рече Господь ко мнѣ: благо видѣлъ еси,* то есть, не долго терплю болѣе имъ, но навожу наказанія. При этомъ употребилъ переносное выраженіе, заимствованное отъ (дѣйствія) наблюдающихъ за совершителями проступка и настигающихъ на мѣстѣ преступленія. *Орѣховый жезлъ* нѣкоторые объясняли тѣмъ, что чрезъ это изображалась сила наказанія. Такимъ образомъ чрезъ это показывалъ, что наказываетъ ихъ, а относительно способа (наказанія) прибавилъ:

Понеже бдѣхъ азъ (ст. 12).

Такъ какъ сонъ, когда онъ приписывается Богу, означаетъ долготерпѣніе, какъ въ словахъ: *вскую спиши Господи* (Пс. XLIII, 24), то (слова въ кн. Іереміи) значатъ: уже приступаю къ наказанію. Увѣщеваю не словами; убѣдись видѣніемъ жезла. Не говорю, а дѣйствую.

И лице его (ст. 13).

Лице, то есть, гдѣ производится топка *коноба* (котла); *кономъ* называетъ Іерусалимъ, а топкой—бѣдствіе; (сказано) *отъ сѣвера,* чтобы указать на нашествіе вавилонянъ.

---

[1]) Такъ, наприм., перевелъ блаж. Іеронимъ: virgam vigilantem ego video. Въ настоящее время евр. „шакедъ" принимается за названіе миндальнаго дерева, а не производится отъ гл. „шакадъ", знач. „бодрствовать".

То есть. тамъ было видѣніе, тамъ явилось; оттуда направлялось. Посредствомъ *конoба* указываетъ на безпокойство, смятеніе, скорбь, терзаніе. 753

Это самое великое врачество къ поддержанію ослабѣвающаго (состоящее въ томъ), чтобы возбудить страхъ, образумить, направить (на вѣрный путь) чрезъ ясное указаніе (того, что ожидаетъ), удержать (на немъ) и дать время для раскаянія. Не тотчасъ навелъ (бѣдствіе), чтобы не уничтожить плода отъ раскаянія; не отступилъ (совсѣмъ), чтобы не уничтожить страха. Поэтому видишь каждое (средство) въ соразмѣрности и врачество, составленное изъ противоположныхъ (веществъ), какъ бываетъ у врачей. Что именно надлежало (дѣлать)? Не наводить (бѣдствія)? Но они сдѣлались бы безпечнѣе. Навести (тотчасъ)? Но они не получили бы (при этомъ) пользы. Поэтому и удерживается (ἀφίστησι), и употребляетъ удостовѣреніе чрезъ видѣніе, потрясая ихъ мысль и являя одушевленное слово.

Зане се азъ созову (ст. 15).

Здѣсь указываетъ на войну царей, именно вавилонскихъ; говоритъ не объ одномъ царѣ или двухъ, а о всѣхъ.

Смотри, какъ поднимаетъ самыхъ царей, не такъ, какъ происходитъ война и сраженіе, а какъ идутъ на вѣрную добычу, на готовыхъ рабовъ, какъ на плѣнныхъ и покорныхъ. Здѣсь указывается двоякое: что они не считаютъ тѣхъ сильными и увѣрены въ томъ, что все совершаетъ Богъ, такъ что они, не обращая вниманія на тѣхъ (опять указываетъ на отсутствіе внѣшняго повода къ войнѣ и осадѣ), поставятъ свои престолы, не какъ воюющіе, а какъ отдыхающіе.

И возглаголю къ нимъ съ судомъ (ст. 16).

Я произнесу надъ ними судъ Мой и обличеніе въ беззаконіи; такъ накажу ихъ.

Дѣломъ рукъ своихъ.

Не говорю о прочемъ, а о томъ, что это—чужое, и не только объ этомъ, а и о томъ, что они поклонились дѣламъ рукъ. Ничто столь не достойно Бога, какъ то, чтобы это дѣлалось, особенно чтобы именно это дѣлалось людьми.

Ты же препояши (ст. 17).

Дѣйствуй вмѣстѣ со Мною, помогай Мнѣ. Что значитъ: *препояши?* (Это сходно съ тѣмъ), какъ врачъ приготовляетъ ученика къ (исполненію) важнаго дѣла, потому что требовались не простыя слова, не разъ нужно было сказать, и не въ продолженіе короткаго времени; то есть, будь мужественъ; тебѣ (предстоитъ) состязаніе, битва и война не малая.

И востани.

Это не то значитъ, что сидѣлъ (какъ могъ сидѣть, слыша и видя это?), а—возбуди себя, усиль вниманіе къ словамъ; тебѣ нужно двойное вниманіе къ тому, что Мною говорится и къ тому, что тѣмъ передать. Здѣсь (нужно быть) трезвеннымъ, тамъ мужественнымъ.

И ратовати будутъ на тя (ст. 19).

То, что ты терпишь, наноситъ болѣе вреда дѣлающимъ это,
756 чѣмъ ты самъ подвергаешься чему-либо недостойному.

ГЛАВА II.

Помянухъ милость юности твоея (ст. 2).

Говоритъ о благодѣяніяхъ имъ, а не о (воздаваемой) ими похвалѣ. Поелику сказалъ о наказаніи, то чтобы показать заслуженность его, говоритъ не однажды, а многократно: *помянухъ милость юности твоея*, то есть, милость, какую Я оказывалъ тебѣ, когда была молодою. Какъ мы питаемъ большую любовь къ малымъ дѣтямъ, когда они не сердятъ насъ, такъ и Богъ—въ началѣ, въ преддверіи (израильской исторіи), когда спасъ ихъ единственно по своей милости и не требовалъ съ ихъ стороны чего-либо. Эту оказанную милость ты предалъ однако послѣ того забвенію.

Егда послѣдовалъ еси Святому Исраилеву.

То есть, въ томъ Я показалъ милость, что расположилъ тебя послѣдовать Мнѣ, что показывалъ тебѣ путь, что шелъ и приготовлялъ пристанища въ землѣ *ненасѣянной*, не только въ пустынѣ, не населенной людьми, но никогда не приносившей плода; тамъ ты слѣдовалъ за Мною. *Святъ Исраиль Господеви* (ст. 3), то есть, тамъ Я шелъ впереди тебя, и не только это, но и то, что сдѣлалъ тебя святымъ и (при томъ) святымъ Мнѣ. Великое дѣло—быть святымъ; а если ты святый Божій, подумай (какъ это важно).

Отсюда начинаются слова пророка къ народу. Какъ судящійся съ ними, напоминаетъ о Своихъ благодѣяніяхъ, убѣждая пророка въ томъ, что не несправедливо произноситъ надъ ними приговоръ. Поэтому говоритъ, что прежде ты наслаждался великимъ Моимъ попеченіемъ. *Юностью* называетъ жизнь народа въ Египтѣ, такъ какъ тогда они избраны были Богомъ. Слова: *любовь совершенства твоего* (сказаны) вмѣсто того, чтобы сказать: совершенно Я возлюбилъ тебя и приложилъ все попеченіе о

тебѣ, доказательствомъ чего служитъ слѣдующее за этимъ: *егда*, говоритъ, *послѣдовалъ еси Святому Израилеву*, то есть: когда ты просилъ Меня, претерпѣвая въ Египтѣ всякія бѣдствія, Я вывелъ тебя и велъ, показывая путь въ пустынѣ, и въ обиліи доставлялъ необходимое для жизни въ неприступномъ уединеніи. *Святъ Израиль Господу*, то есть, отдѣленъ для Бога. Такъ говоритъ и Моисей: *егда раздѣляше Вышній языки, яко разсѣя сыны Адамовы, постави предѣлы языковъ по числу ангелъ Божіихъ. И бысть часть Господня, людіе его Іаковъ* (Втор. XXXII, 8—9).

Начатокъ плодовъ его (ст. 3).

То есть, *(начатокъ)* всѣхъ людей, всей вселенной, хотя и другіе Ему принадлежатъ. Онъ называется *первенцемъ* (Исх. IV, 22) не потому, что родился первый, не по естеству: при другихъ обстоятельствахъ первородство возбуждаетъ любовь, а здѣсь любовь сдѣлала первороднымъ.

То есть, начатокъ принадлежитъ Богу, и это не можетъ 757
быть иначе. Такъ и Израиль сдѣлался (начаткомъ) изъ всѣхъ народовъ.

Вси поядающіи его согрѣшатъ: злая на нихъ [1]).

Не малый и это даръ, что погубляетъ враговъ его. Какъ грѣшитъ вкушающій начатки, такъ и тотъ, кто съ тобою поступаетъ несправедливо. Поэтому въ древнее время Я наказалъ фараона и всѣхъ нападавшихъ: указываются древнія событія. *Поядающіи* сказано вмѣсто „поядавшіе“, и *согрѣшатъ* вмѣсто „согрѣшили“.

Услышите слово Господне, доме Іаковль (ст. 4).

Увѣренный въ своей правдѣ не избѣгаетъ множества слушателей; онъ даже старается всюду находить славное зрѣлище, что дѣлаетъ Богъ, призывая не только людей, но и неодушевленныя существа и простирая свой судъ и на внѣшнія судилища. Желающій пусть слушаетъ, потому что правда очевидна; а одержимый сомнѣніемъ всегда избѣжитъ судей.

Кое обрѣтоша отцы ваши во мнѣ погрѣшеніе (ст. 5).

Что говоришь? Послѣ такой угрозы, послѣ (наведеннаго) страха защищаешься? Да, говоритъ,—потому что таковъ любящій. Онъ не переноситъ того, чтобы въ теченіе долгаго времени говорить грозно съ любимымъ; вмѣсто этого, скорбя объ его бѣдствіяхъ, онъ (избираетъ) не тяжкія [2]) слова, приводящія его къ

[1]) Послѣ *злая* въ древнихъ сп. перевода 70-ти, какъ и въ Слав. Б., читается: ἥξει — *пріидутъ*.

[2]) Вмѣсто βαρέα, читаемаго въ текстѣ, читается ἀβαρέα, по требованію смысла рѣчи.

сознанію. *Кое обрѣтоша отцы ваши во мнѣ погрѣшеніе?* Что это (значитъ)? Почему приводитъ отцевъ, обращая къ нимъ слово? Чтобы показать, что имъ благодѣтельствовалъ не ради тѣхъ, а ради ихъ самихъ, что особенно дѣлаетъ ихъ заслуживающими наказанія.

Яко удалишася отъ мене и ходиша во слѣдъ суетныхъ.

Видишь обвиненіе? Не просто ушли, а далеко [1]). Обратиться отъ божественнаго Существа къ камнямъ значитъ дѣйствительно весьма далеко уйти; такъ далеко одно отъ другого.

И осуетишася.

То есть, ничего не нашли, и не поправились и не исправились. Гнусное дѣло—оставить благодѣтеля и перейти на сторону тѣхъ, которые приносятъ вредъ.

И не рекоша: гдѣ есть Господь (ст. 6)?

И не находя, не сказали, хотя побуждала ихъ нужда, такъ какъ тѣ блага, которыя мы имѣемъ, остаются обыкновенно въ пренебреженіи, а когда ихъ нѣтъ, они становятся предметомъ желаній. А здѣсь не такъ, хотя они имѣютъ много памятниковъ Его благодѣяній.

Изведый насъ изъ земли Египетскія.

Это второе благодѣяніе, состоящее въ томъ, что они были руководимы.

И для чего велъ (ихъ) оттуда? Чтобы, увидѣвъ войну, не стремились опять въ Египетъ. Если, уведши ихъ далеко, заста-
760 влялъ помнить о немъ, то тѣмъ болѣе живо было воспоминаніе объ этомъ освобожденіи тогда, когда начались новыя бѣдствія. (При этомъ) Богъ дѣлалъ то же, что возвращающій съ большимъ трудомъ кому-либо здоровье, который употребляетъ особое средство къ убѣжденію (болѣвшаго) въ томъ, чтобы онъ избралъ то, что полезно.

Сказавши о своихъ благодѣяніяхъ, приводитъ того свидѣтеля словъ, а затѣмъ соединяетъ все съ вышесказаннымъ.

И введохъ васъ въ землю Кармилъ (ст. 7).

И это великое благодѣяніе, что бѣдныхъ, голыхъ, не трудившихся, не работавшихъ ввелъ (во владѣніе) чужимъ добромъ, что привелъ къ готовой трапезѣ. Не только Я руководилъ, но и далъ пристанище и покой. Что можетъ сравниться съ такимъ благоволеніемъ? А благами Кармила называетъ великое богатство.

---

[1]) Славянское *удалишася* служитъ передачей словъ греч. перевода: ἀπέστησαν μακρὰν = (буквально) „далеко ушли“.

Отъ этого мѣста говоритъ о землѣ обѣтованія. Кармилъ имѣлъ плодородную землю и приносилъ прекрасные плоды.

И внидосте и осквернили есте землю мою.

Этимъ воздали благодѣтелю; изъ чего нужно было дѣлать доброе употребленіе, это осквернили; черезъ что получали благо, употребили во зло и исказили самую благодать.

Смотри, какъ усвояетъ себѣ это мѣсто, чтобы показать бóльшую тяжесть грѣховъ. Введши сюда, Я успокоилъ васъ, а вы сдѣлали противоположное.

Священницы не рекоша (ст. 8).

А имъ особенно надлежало быть и учителями другихъ.

Смотри на нечестіе, начиная съ головы.

То есть, книжники, учители не знали Меня. Здѣсь говоритъ о жизни нечистой. Если бы ничего изъ этого не было, если бы Я не вывелъ изъ Египта, то священникамъ, почтеннымъ отъ Меня властью, надлежало думать о законѣ. *И пророцы:* говоритъ здѣсь о лжепророкахъ. *Священницы не рекоша:* говоритъ о тѣхъ, которые совершали служеніе (Богу); *и держащіи:* говоритъ объ архіереѣ, который руководитъ народъ.

Сего ради еще судомъ прѣтися имамъ съ вами (ст. 9).

Въ самомъ дѣлѣ нуженъ былъ не судъ, а приговоръ, наказаніе; или хочетъ то выразить, что Я не все сказалъ, а имѣю и другое нѣчто сказать, еще имѣю судиться; или—что вы вынуждаете Меня вступить въ судебное разбирательство съ вами.

И съ сыны вашими препрюся.

Слѣдовательно ихъ не наказываешь? Да, отвѣчаетъ. (Здѣсь) говоритъ объ отсрочкѣ, что Я еще веду судъ и, такъ какъ не постановленъ приговоръ, не отказываюсь судиться съ вами и вашими сыновьями и дать вамъ и имъ объясненіе. Не думайте, что Я осужу ихъ за прежнія преступленія; и съ ними у Меня судъ; не отказываюсь со всѣми судиться.

Такъ какъ (они) могли сказать, что нѣтъ за нами вины, что если отцы согрѣшили, то несправедливо наказывать за проступки
другихъ, то желая показать, что и они не лучше предковъ, го- 761
воритъ: не съ ними только буду судиться, но и съ вами, и не съ вами только, но и съ потомками. Это (говоритъ) для того, чтобы показать величіе Своего человѣколюбія въ томъ, что, столько терпя грѣшниковъ, не склонилъ ихъ измѣнить свое расположеніе.

Пріидите во островы Хеттимъ (ст. 10).

Сами пойдите, и отъ другихъ узнайте, не препятствую. (Предположимъ) Я не оказалъ (вамъ) никакого благодѣянія, ничего не сдѣлалъ. Подражайте язычникамъ, которые не оста-

вляютъ своихъ боговъ и почитаютъ таковыми, то осла, то вола, то аспида. Затѣмъ (излагается) обличеніе ихъ на основаніи примѣра: *пріидите во островы Хеттимъ*. Здѣсь вводитъ исторію. *Хеттимъ* одни считаютъ кипрянами, другіе—хіосцами. *Кидаръ*—названіе города сарациновъ. Говорятъ, что на Хіосѣ бываетъ много дождя, а у сарациновъ дождя не бываетъ. Такъ какъ вслѣдствіе дождя земля плодородна, то населяющіе Кидаръ, думая, что дождь бываетъ по повелѣнію почитаемаго тамъ бога, принесли своего бога, сдѣланнаго по однимъ—изъ золота, по другимъ—изъ жемчуга, къ жителямъ Хіоса, у которыхъ былъ деревянный или глиняный, какъ говорятъ, богъ, желая помѣняться (богами). А тѣ, несмотря на цѣнность матеріала, всецѣло почитая своего бога, не обмѣнялись. Имѣя въ виду это, говоритъ, что другіе народы относятся съ такимъ почтеніемъ къ своему богу, что не перемѣняютъ сдѣланное изъ дешеваго матеріала на сдѣланное изъ драгоцѣннаго. А народъ Мой, наслаждавшійся такимъ попеченіемъ Моимъ и достигшій такой славы, что у всѣхъ народовъ воспѣваются совершенныя для него чудеса, ни во что вмѣнивши это величіе, обратился къ служенію идоламъ, не имѣя отъ этого никакой пользы.

Аще премѣниша языцы боги своя (ст. 11).

Что не оставили ихъ по требованію совѣсти, это составляетъ грѣхъ. Видишь ли примѣры, заимствуемые и отъ грѣховъ?

Это гибельно, но такъ какъ они получили это (отъ отцовъ), то держатся. Говоритъ это не увѣщевая, а желая пристыдить этихъ, (равно какъ) не одобряя тѣхъ и не удивляясь. Да не будетъ этого.

Тѣ, и терпя вредъ, остаются вѣрными своимъ (богамъ), а вы во вредъ (себѣ) удаляетесь отъ своего Владыки. Тѣ, хотя постигло бы ихъ бѣдствіе, не рѣшаются оставить своихъ (боговъ), а вы, имѣя пользу, не рѣшаетесь остаться (вѣрными своему Богу).

Ужасеся небо и вострепета земля (ἡ γῆ)[1] (ст. 12).

При явленіяхъ необычайныхъ мы говоримъ гиперболически, что и неодушевленные предметы выходятъ изъ обычнаго состоянія. Зло такъ велико, что поражаетъ не только людей, но и неодушевленные предметы; грѣхъ превосходитъ всякое слово, всю силу мысли.

Глаголетъ Господь.

Это вездѣ прибавляетъ, чтобы кто-либо не подумалъ, что это обличеніе принадлежитъ пророку.

---

[1]) Въ древнихъ спискахъ греч. перевода *земля* здѣсь не читается.

Два бо зла сотвориша людіе мои (ст. 13). 764

Опять называетъ народъ своимъ вслѣдствіе остающагося расположенія и любви; это дѣло милующаго, а не обвиняющаго, сѣтующаго, а не нападающаго.

Мене оставиша источникъ воды живы.

Говорю, имѣя въ виду не любовь, а жизнь ихъ. Я далъ имъ всѣ блага, ясное ученіе, чистое, прозрачное, вѣчное. Истинно Богъ есть источникъ жизни, изъ котораго проистекли всѣ блага; этотъ источникъ не они нашли, а открылся самъ. Оставивъ его, какой избрали?

И ископаша себѣ кладенцы сокрушеныя.

Другіе, отъ которыхъ заимствовали, не (могли) [1]) дать (другихъ кладенцевъ), кромѣ пустыхъ, лишенныхъ (воды), не содержащихъ добраго. Вслѣдствіе постоянной жажды рѣшились (ископать другіе), но трудились напрасно. Естественно, что не имѣютъ у себя ничего добраго; не получаютъ и отъ другого; не могутъ (достигнуть), если бы и хотѣли; если и нальетъ кто (воды), не содержатъ чего-либо добраго.

Еда рабъ есть Израиль или домочадецъ есть (ст. 14)?

Сказалъ, что кладенцы не могутъ (содержать воды); приводитъ затѣмъ доказательство: отчего иначе сдѣлались они рабами; не отъ этого ли? Нельзя сказать, что эти слова значатъ: „почти оправдывается", потому что сами сдѣлались виновниками (этого). Вначалѣ онъ не былъ такимъ, а самъ навлекъ на себя рабство.

Презиралъ ли Я, какъ раба? Не заботился ли, какъ о сынѣ? *Или домочадецъ есть* Іаковъ? Не относился ли съ честью и къ родоначальнику, такъ что и послѣ смерти чтится его память? То есть, Я издревле держалъ его на положеніи сына, а онъ сдѣлалъ себя презрѣннымъ, поэтому подпалъ власти враговъ.

И сынове Мемфиса и Тафны познаша тя и поругашася тебѣ (ст. 16).

Слова какъ будто рыдающаго: какъ это произошло съ тобою? и—восклицающаго: и надругались надъ тобою. Какое особенное несчастье терзаетъ обыкновенно людей, это—*познаша тя*, какъ нѣкоторую благородную дѣвицу, (потомъ) брошенную, и, оскорбивши, *поругашася тебѣ*.

Говоритъ объ египтянахъ. Нѣкоторые *познаша* понимали въ переносномъ смыслѣ: будутъ пасти. *И поругашася* прибавилъ, чтобы показать злобу тѣхъ, которые причиняютъ несчастія.

---

[1]) Греческій текстъ здѣсь очень неисправенъ; нѣкоторый смыслъ достигается только посредствомъ дополненій.

Не сія ли сотвори тебѣ то, яко оставилъ еси мене (ст. 17)?

Видишь ли, Я говорю это не ради своего, а ради твоего блага? Отчего произошло это? Отчего города стали пусты? Отчего напали львы? Отчего тѣ надругались? (Этого не было бы), если бы не оставилъ Меня, проведшаго тебя по пустынѣ и сдѣлавшаго то, что (ты) прошелъ невредимымъ.

И нынѣ что тебѣ на пути египетскомъ (ἐν τῇ ὁδῷ Αἰγύπτου) [1], *еже пити воду Гиронъ* (Γηρῶν) [2] (ст. 18)?

Въ этомъ всѣ обвиняютъ и порицаютъ васъ, что, оставивъ
765 Бога, зовете на помощь враговъ, что сближались съ тѣми, которые строятъ имъ ковы, и ихъ дѣлаютъ друзьями. Богъ есть ревнитель и особенно гнѣвается, когда мы не обращаемся къ Его помощи, (поэтому) приводитъ въ такое положеніе, которое вынуждаетъ насъ искать Его помощи. Такъ Онъ любитъ и желаетъ благотворить. Если другой окажетъ милость, негодуетъ, устраняетъ ее и не допускаетъ быть дѣйствительною.

Не слушаешься словъ, послушаешься дѣлъ.

Обличаетъ ихъ въ томъ, что, имѣя лучшее, ищутъ худшаго. Вмѣсто Гіонъ (Γηών) въ еврейскомъ читается Сіоръ [3]), что толкуется въ значеніи: каналъ (διώρυξ). И въ законѣ блаженный Моисей хвалилъ землю Палестины по сравненію съ египетской за то, что она не ждетъ наводненія, чтобы орошать ее, какъ садъ при помощи рукъ (Втор. XI, 10), а вода приносится свыше, съ неба, не рукою людей, а (силою) Бога, являющаго попеченіе объ этой землѣ. Объ этомъ и напоминаетъ, укоряя ихъ. А о томъ говоритъ, такъ какъ многократно звали на помощь египтянъ и ассиріянъ, и въ настоящее время Іоакимъ, сильно надѣясь на египетскаго (царя), въ виду его помощи, не ждалъ ничего (худого) отъ вавилонскаго. Когда воевали съ сирійцами, позвали на помощь ассиріянъ. А когда подняли противъ нихъ оружіе ассирійцы, обратились къ египтянамъ,—такъ какъ Гіономъ называетъ Нилъ.

Накажетъ тя отступленіе твое (ст. 19).

Для наказанія достаточно удаленія отъ Бога.

Глаголетъ Господь.

Это не мои слова, не человѣческое изреченіе: Бога еще называетъ его Богомъ *(Богъ твой).*

И не благоволихъ о тебѣ.

Никогда, то есть, я не успокоивался.

---

[1]) Въ древнихъ спискахъ, съ которыми согласуется Славян. В., ἐν не читается, какъ не читается и въ Патрологіи въ толкованіи 11, 22.

[2]) Γηρῶν вмѣсто Γηών или Σιώρ, какъ читается въ древн. Ватиканскомъ и др. спискахъ. Далѣе вмѣсто Γηρῶν читается Γηών.

[3]) По нынѣшнему произношенію—*Шихоръ*.

Понеже отъ вѣка сокрушилъ еси иго твое (ст. 20).

Не разрѣшили, а сокрушили.

И реклъ еси: не имамъ тебѣ служити, но пойду на всякій холмъ высокій: тамо разліюся въ блудѣ моемъ.

Смотри на необузданнаго и веселящагося. Смотри на холмы и рощи, цѣнимые больше Бога. Ты видишь, что онъ не (только) избѣгалъ тяжести власти, но и безпутствовалъ. Если была бы смирена и утомлена [1]), то искала бы не блудодѣйства, а одного отдыха. И не просто сказала: буду блудодѣйствовать, но—*разліюся*. Если бы было ярмо и поводъ, то (это) естественно подавило бы, сдержало бы безпорядочное веселье, и не (только) на опредѣленныхъ мѣстахъ, но и всюду, на всякомъ мѣстѣ, (не было бы) повода къ нечестію.

Азъ насадихъ виноградъ плодоносенъ, весь истиненъ (ст. 21).

Не думай опять, что это произошло отъ естественнаго недостатка. Поелику нѣкоторые могли недоумѣвать и спрашивать: почему (онъ) сначала отступилъ? то и говоритъ: (это зависѣло) не отъ земледѣльца, а отъ винограда, который (вначалѣ былъ) плодоноснымъ, истиннымъ, то есть хорошимъ. Здѣсь указываетъ на нѣкоторое естественное достоинство.

Не можешь жаловаться на земледѣльца; ты самъ испортился; небольшой трудъ требовался, чтобы измѣниться. Порокъ (растетъ) 763
легко и удобно.

Виноградъ чуждій.

Какъ *чуждій?* Будешь потомъ чужимъ, потому что Мой и не Мой. Видишь, что своими Богу дѣлаются (люди) не вслѣдствіе творенія, а (своими) дѣлами. Въ этомъ смыслѣ говорится: *сынове чуждіи солгаша ми* (Пс. XVII, 46), и: *не вѣмъ васъ* (Мѳ. XXV, 12). Не вводитъ другого творца. Но если самъ насадилъ, то какъ *чуждій?* Послѣ того, какъ испортился, (сталъ) чужимъ.

Азъ же насадихъ.

То есть, Я прилагалъ весьма большое попеченіе о тебѣ. Выведши изъ Египта, давъ тебѣ чужую землю и изгнавъ народы, поселилъ тебя, чтобы ты принесъ плодъ благочестія. *Весь истиненъ* сказано вмѣсто: Я поселилъ тебя въ безопасности, о чемъ говоритъ и Исаія: *виноградъ бысть возлюбленному въ розѣ, на мѣстѣ тучнѣ* (V, 1). И не просто сказалъ *(виноградъ)*, но *весь*, поелику были между ними благочестивые мужи, пророки и слѣдующіе за ними; то есть я желалъ, чтобы вы всѣ были такими, о всѣхъ прилагалъ одинаковое (попеченіе).

---

[1]) Въ качествѣ подлежащаго при этихъ словахъ подразумѣвается, вѣроятно, дѣва Израилева, какъ называется нерѣдко у пророковъ Израильскій народъ.

И насадихъ виноградъ Сорихъ (Σωρήχ), то есть, *избранный* (Ис. v, 2) [1]; что тамъ назвалъ *избраннымъ*, то здѣсь *истиннымъ*, при избраніи отцевъ. *Како превратился еси въ горесть, виноградъ чуждій*, а по-еврейски: „обратился у Меня въ сѣмя чужого винограда", то есть, Мои законы исказилъ, а послѣдовалъ обычаямъ язычниковъ. Это говоритъ и Моисей: *отъ виноградовъ бо Содомскихъ виноградъ ихъ и розга ихъ отъ Гоморы: гроздъ ихъ гроздъ желчи, гроздъ горести ихъ* (Втор. xxxii, 32). Поэтому и принесли Господу *горесть*. Но такъ какъ божественное насажденіе испортили, обратили въ горечь, изъ гроздовъ—въ терніе, то происшедшій отъ нихъ по плоти Христосъ называетъ себя истиннымъ виноградомъ: *Азъ есмь лоза истинная* (Іоан. xv, 15), а увѣровавшихъ въ Него—*рождіемъ* (ст. 5).

Аще умыешися нитромъ (ст. 22).

Чтобы ты не думалъ о физической (нечистотѣ), (сказано): *порочень еси въ беззаконіихъ твоихъ*. Если бы она прибавилась, возрасла, если состоитъ въ беззаконіяхъ, то возможно уничтожить; да, возможно. Если было бы невозможно, не сказалъ бы: *что тебѣ и пути Египетскому?* Какъ же говоритъ: *аще умножиши себѣ травы* (πόαν) [2], *порочень еси?* Такъ же, какъ говоритъ: *аще премѣнитъ Еѳіоплянинъ кожу свою и рысь пестроты своя* (Іер. xiii, 23). И тамъ не указываетъ на невозможность этого дѣла; таковъ смыслъ этихъ примѣровъ. Это слова гнѣва.

Не то говоритъ, что если покаешься, не приму тебя, а то,
что очищеніе водою не принесетъ пользы, поелику и такъ ду-
мали очиститься. Выраженіе метафорическое, взятое отъ трудно
769 очищаемой шерсти или тѣлъ, окрашенныхъ разлитою желчью
или чѣмъ-либо подобнымъ. *Нитръ*, который называетъ травою
(πόαν), можетъ очищать грязь, которая на поверхности тѣла, а
самаго окрашеннаго тѣла, какъ впитавшаго въ себя красящее
вещество, не измѣняетъ. Такимъ образомъ, хочетъ сказать, что
посредствомъ натираній ты не можешь получить прощеніе грѣ-
ховъ, такъ какъ для этого необходимо дѣйствительное располо-
женіе къ добру и совершенное удаленіе отъ зла. То есть, гово-
ритъ: не за то, что находишься въ этой землѣ, что приносишь
жертвы, или присутствуешь въ храмѣ, или соблюдаешь субботу
и тому подобное, получаешь прощеніе грѣховъ, а когда живешь

---

[1]) См. проф. *И. С. Якимова* Толкованіе на кн. св. прор. Исаіи къ v, 2.

[2]) Πόαν читается согласно съ Синайскимъ и Алекс. сп., въ Ватикан.—πόην (значеніе ихъ одинаково: „трава"); дополнительное въ Славян. Б. слово: *борииѳовы* представляетъ передачу еврейскаго слова („боритъ"); въ переводѣ 70-ти *борииѳъ* не находится.

добродѣтельно и дѣлаешь добрыя дѣла. То, что называетъ *травой* (πόα) по-сирски называется *алаа*, по-еврейски—*вориѳъ*, у грековъ—*дорикніонъ*. *Порочень еси* значитъ: ты погруженъ въ зло и попеченіе о нечестіи.

*Како речеши: не оскверних*ся (ст. 23)?

Чего Ты опять хочешь? Неужели не прогнѣвался? Не отвергнулъ? Развѣ не сказалъ: *порочень еси?* Къ чему опять обличаешь? Видишь слова любящаго, терпящаго обиду: *како (речеши) не осквернихся?* Величайшее беззаконіе—совершать грѣхъ на дѣлѣ и отрицать это на словахъ.

Мѣсто многогробищное, на которомъ погребались тѣла дѣтей при Манассіи. *Путями* здѣсь называетъ дѣйствія. Самое мѣсто служитъ вопіющей уликой; ты не можешь отрицать очевиднаго обличенія. Зачѣмъ нужно ходить далеко?

Чтобы показать, что (они) не перемѣнили намѣренія, прибавляетъ: *(како) речеши: не осквернихся*, то есть, дѣлая грѣхъ, запираешься, какъ будто ничего не дѣлалъ. *Виждь пути твоя на мѣстѣ многогробищномъ, и увѣждь, что сотворилъ еси.* То есть, смотри на мѣсто, гдѣ ты грѣшилъ. Еврейскій текстъ не имѣетъ слова: *многогробищное;* въ немъ (говорится): „смотри въ мѣсто Гаи" (τοῦ Γαΐ) [1]); говоритъ же о томъ мѣстѣ, въ которомъ прельщенные дочерями мадіанитянъ уклонились въ идолопоклонство (Числ. xxv. 1). Смотри, говоритъ, на твои прежнія беззаконія. А можетъ быть *многогробищнымъ* (названо, какъ) объясняютъ, потому, что поражено много (людей).

Въ вечеръ глазъ ея (αὐτῆς) *рыдаше.*

Говоритъ такъ, какъ—пьяной женщинѣ, не знающей, что дѣлаетъ. Всюду старается узнать ея грѣхи. Дѣйствительно нужна намъ большая мудрость, чтобы знать наши грѣхи, нужно много глазъ. Кто былъ разумнѣе Давида? И онъ не могъ сознать грѣха, не могъ замѣтить, а имѣлъ нужду въ пророкѣ, который указалъ на это. Не столько заботится діаволъ о томъ, чтобы грѣшили, сколько о томъ, чтобы не видѣли грѣха и оставались грѣшниками.

Пути своя разшири на воды пустынныя (ст. 24).

Не какъ грѣшница, не какъ хищница, а съ безпечностью, до полнаго насыщенія. Что называетъ *водами пустынными?* Нечестіе, идолопоклонство.

Въ похотехъ души своея вѣтромъ ношашеся. 772

А по другимъ: „притягивали (εἵλκυσαν) воздухъ", потому что притягивавшіе нечистый воздухъ сдѣлались тщетными (ἐματαιώ-

[1]) По рус. Синод. переводу: *въ долинѣ.*

θησαν). Именно этого хотѣлъ слушать. Лжепророки присвояли себѣ право говорить, или—то, что по примѣру неистовствующей (μαινομένης) переходилъ отъ одного желанія къ другому.

Водами всегда называетъ свое ученіе, а тѣми водами—ученіе идоловъ, гдѣ произносились пустыя слова (ἐκενοφωνεῖτο). Смотри: нигдѣ по необходимости, всюду вслѣдствіе необузданности желаній ея души, когда по желанію и дѣлаетъ зло.

Кто обратитъ ее (αὐτήν)? Смотри: и это говорится такъ, дѣлается иначе. Итакъ не отвратилась; ты обратилъ ее (αὐτήν) и не предалась. Говоритъ о томъ, что не произошло, чтобы такимъ образомъ обратилась.

Въ смиреніи ея (αὐτῆς) *обрящутъ ею* (αὐτόν) [1]. То есть, покоренную, связанную, выданную.

Въ вечеръ голосомъ своимъ (φωνὴν αὐτῆς) *рыдаше.*

Въ еврейскомъ такъ говорится: „какъ первородный телецъ скачетъ". *Пути своя разшири на воды пустынныя,* вмѣсто того, чтобы сказать: дѣйствія свои изливала, какъ воды, на пустыни, служа идоламъ и презирая храмъ. Въ еврейскомъ текстѣ такъ говорится: какъ прирученная телица (δάμαλις δεδιδαγμένη) скачетъ въ совершенной пустынѣ (ἐν πανερήμῳ). *Въ похотехъ души своея.* Согласно съ этимъ въ еврейскомъ: по желанію души идетъ къ каждому скату (κλίμα). *Кто обратитъ его* (αὐτόν)? Такъ и въ еврейскомъ, то есть, когда Я объявляю ей (κατ᾽αὐτῆς) плѣненіе, кто можетъ помочь ей? *Вси (ищущіи)* ее (αὐτὴν), по-еврейски: въ паханіи (ἐν τῷ ἀροτριᾷν) найдутъ ее, то есть, въ ея растлѣніи (διαφθορᾷ). Такой смыслъ выраженъ въ еврейскомъ текстѣ; греческій же заключаетъ такого рода мысль: легко уловлена (εὐάλωτος) будетъ, не удостоиваясь Моего попеченія.

Отврати ногу твою отъ пути стропотна (ст. 25).

Зачѣмъ опять увѣщеваешь? Зачѣмъ опять совѣтуешь, если *осквернился? Стропотными путями* называетъ (путь къ) идоламъ и указываетъ на *жажду,* потому что (идолослуженіе) не приноситъ удовольствія. Какое удовольствіе приносить въ жертву сыновей и дочерей? Какое постановленіе можетъ быть болѣе жестокимъ сравнительно съ этимъ? Какое удовольствіе въ томъ, что жены ихъ прелюбодѣйствуютъ и впадаютъ въ блудъ? Какое удовольствіе слушать попусту, напрасно, будущее тѣмъ, которые не получаютъ никакой пользы отъ этого прорицанія? Какое удовольствіе — быть убитымъ и кровавить руки? Какое удовольствіе—соединяться съ скотами? Никакой путь не можетъ быть болѣе тяжкимъ, чѣмъ этотъ.

---

[1]) Вмѣсто αὐτόν читается въ древн. Ватикан. и друг. сп. αὐτήν (—„ее").

Кто не захотѣлъ бы избѣжать такого *стропотнаго* пути? Кто не ушелъ бы отъ *жажды*? Но она не (дѣлаетъ этого) и послѣ увѣщанія этими словами. Что значитъ: *возмужаюся?* Останусь при (своемъ) мнѣніи (φιλονεικία).

Обрати вниманіе на то, что въ приведенныхъ выше словахъ: *аще умыешися нитромъ и умножиши себѣ травы* говоритъ не о покаяніи обращающихся, а ищетъ дѣйствительнаго обращенія отъ грѣховъ. Поелику выше сказалъ: *пути своя разшири на воды пустынныя,* то и убѣждаетъ ее теперь не утруждать себя 773
служеніемъ идоламъ, совершаемымъ на горахъ и не стремиться къ этимъ суетнымъ. На это указываетъ словами: *гортань твою отъ жажды.* А въ еврейскомъ (текстѣ) такъ говорится: отврати ногу твою отъ хожденія босыми ногами и голосъ твой отъ плача. То есть, перемѣни намѣреніе, чтобы не сдѣлаться плѣннымъ и не страдать отъ тяготѣющихъ бѣдъ. Въ томъ и другомъ мысль остается та же. Одинъ говоритъ о томъ, что происходитъ отъ нечестія, а греческій (указываетъ) причину золъ. А она (ἡ δὲ) [1] *рече: возмужаюся,* то есть, у меня довольно силъ.

Якоже стыдъ татю, егда ятъ будетъ, тако постыдятся (ст. 26).

То есть, какъ воръ, захваченный на мѣстѣ преступленія, не можетъ запираться, такъ и они, когда наступятъ бѣдствія, не могутъ отрицать безсилія идоловъ и (будутъ) краснѣть за служеніе имъ.

Тако постыдятся сынове Израилевы, тіи и цари ихъ, и начальницы, и священницы ихъ, и пророцы ихъ.

Изображаетъ то, что между многими наказаніями особенно тревожитъ насъ, (именно) то, что произошло послѣ пожара. Такъ какъ лжепророки напрасно ихъ обольщали, то и вышло вопреки ихъ хвастливымъ обѣщаніямъ, и было, и совершилось великое посрамленіе, и покрылись стыдомъ цари ихъ, какъ не могшіе устоять, священники, какъ не повиновавшіеся божественнымъ заповѣдямъ, пророки—за провѣщанія.

Древу рекоша, яко отецъ мой еси ты (ст. 27).

Что хуже такого безсмыслія? Если бы и не оставили Бога, то что можетъ быть тяжелѣе этой слѣпоты? Но, говоритъ, не *древу рекоша,* а демону, дѣйствующему чрезъ дерево.

И обратиша ко мнѣ хребты.

Худшій грѣхъ. Кого оставили? Какъ отвратились? Постоянно указываетъ ихъ грѣхи.

---

[1]) Это ἡ δέ, читаемое въ оп. греческ. перевода, оставлено въ Слав. Б. безъ передачи.

Видишь, какое благо составляютъ несчастія, приводящія къ познанію Бога. Видишь ли, что заблужденіе (происходитъ) вслѣдствіе безпечности? Видишь ли, что это—отъ безумія и другихъ человѣческихъ заблужденій?

По числу бо градовъ твоихъ быша бози твои (ст. 28).

Опять укоръ за то, что дѣлаютъ боговъ. Говоритъ не о томъ, что самые ничтожные, ни о томъ, что далеко [1]). *По числу бо градовъ твоихъ быша бози твои, Іудо.*

Вскую глаголете ко мнѣ? Вси вы нечествовасте (ст. 29).

Нельзя сказать, что одни (поступали) такъ, а другіе—не такъ,—чтобы избѣгнувшіе заблужденія служили утѣшеніемъ для прочихъ. Господь говоритъ, (что) поступая нечестиво мы дѣлаемся недостойными ни того, чтобы называть Бога, ни того, чтобы молиться Ему въ несчастіяхъ, если мы не признаемъ Его, находясь въ безопасности. Развѣ я (это) говорю? (Говоритъ) оскорбленный, знающій все.

776 *Мечь пояде пророки ваши* (ст. 30).

Пророки. Но слѣдовало (наказывать) не дѣтей, а обольщающихъ. И это дѣлалъ, говоритъ, и—не просто, не посредствомъ обычной смерти, чтобы не приписалъ кто-либо этого природѣ, но чтобы знали, что это былъ гнѣвъ Божій.

Ни благодѣтельствуемые не узнали благодѣтеля, ни наказываемые не отстали отъ нечестія. Виновниковъ заблужденія Я предалъ умерщвленію. *Мечь,* говоритъ, *пояде.* Однихъ предалъ смерти пророкъ Илія, другихъ—царь Іиуй, иныхъ—благочестивый царь Іосія.

Еда пустыня быхъ Исраилю (ст. 31)?

Не пустыней (былъ Я), то есть, не безплоднымъ; если бы (былъ) безплоднымъ, то имъ надлежало переселиться. Если было бы даже не такъ, то не за награду нужно служить Богу

Еда забудетъ невѣста красоту свою? Людіе же мои (ст. 32).

Чего особенно ищутъ люди, это славы. Нельзя сказать (имъ): мы наслаждались благами, а были въ безславіи. Какъ для невѣсты украшеніе, (такъ) и Я для народа, такъ что трудно было забыть.

То есть, люди особенно гоняются за тѣмъ, что служитъ къ украшенію. И невѣста любитъ украшеніе, дѣлающее ее красивою, и дѣвица надѣваетъ *мониста персій,* какъ придающіе красоту. Народъ также получилъ отъ Меня красоту и благообразіе и наслаждался не случайной славой. (При этомъ) красотой и благообразіемъ называетъ установленіе закона, по которому (они),

---

[1]) И здѣсь греческій текстъ неполонъ, очевидно.

сравнительно съ прочими другими (народами), являются имѣющими законное устройство, будучи чуждыми корыстолюбія и порока, наученными кротости и человѣколюбію. А славой (называетъ) то, что вслѣдствіе божественной помощи всѣ покорялись и удивлялись попеченію Божію о нихъ. Наслаждавшіеся такими Моими благодѣяніями забыли о нихъ.

Что еще добро ухитриши на путехъ твоихъ, еже взыскати любве (ст. 33)?

То есть, сдѣлавши столь много, возможешь загладить грѣхи свои и явиться чистою, чтобы удостоиться Моей любви. *Не тако*, то есть, не много сдѣлавъ, могла бы омыть множество грѣховъ.

Но и ты лукавновала еси, еже осквернити пути твоя.

То есть, прилагала такое стараніе, какъ будто состязалась и всячески старалась сдѣлаться нечистою,—такъ все дѣлала. Но если она употребляла такое стараніе, то что Ты (скажешь) о ней? Если оставить все прочее, смотри, на что указываетъ: *въ рукахъ твоихъ обрѣтеся кровь душъ не повинныхъ* [1]).

Не въ ровѣхъ обрѣтохъ ихъ.

Это говоритъ и Іезекіиль: „сіе паче всякаго беззаконія твоего, что закалали въ жертву сыновей“ (XVI, 20—22) и сами воевали съ природой. Не говорю о томъ, что (въ честь) демоновъ, 777
а—о томъ, что не имѣя ни въ чемъ обвинить и—что особенно ужасно—не тайно, не по обычаю разбойниковъ, а подъ видомъ благочестія совершали жестокости, подъ предлогомъ освященія производили убійства.

И рекла еси: не повинна есмь (ст. 35).

Величайшее безстыдство въ дѣлѣ грѣха, которое можетъ особенно воспламенять гнѣвъ Божій, состоитъ въ несознаніи своихъ проступковъ.

Но да отвратится ярость его (αὐτοῦ) [2]) *отъ мене.*

Что говоришь? Всуе гнѣваюсь или напрасно сержусь? Не оправдываюсь, *понеже презрѣла еси зѣло.*

Се азъ суждуся съ тобою, внегда рещи тебѣ: не согрѣшихъ.

Если бы не прибавила этого, Я не судился бы. Видишь ли, что это побуждаетъ Меня произнести приговоръ и презрѣть тебя? Ты поставила Меня въ такую необходимость, ты—виновница суда,

---

[1]) Читаемое въ Слав. Б.: *(убогихъ)* не находится здѣсь, какъ и въ древнѣйшихъ сп. перевода 70-ти; оно находится въ Маршаліанскомъ сп., въ переводахъ Акилы, Ѳеодотіона и Симмаха, равно какъ въ еврейскомъ текстѣ (см. русскій переводъ Синод. изданія).

[2]) Αὐτοῦ читается въ древн. Ватикан. и др. сп. перевода 70-ти, а не *твоя* какъ въ Слав. Б.

ты произносишь это обвиненіе; чтобы защититься, произношу эти длинныя рѣчи. И не сказалъ: обвиняю, а—*суждуся съ тобою*, веду свое дѣло, защищаю себя; Я не судился бы, если бы ты не выступила съ обвиненіемъ, если бы не говорила этого, такъ какъ хочешь взвести на Меня обвиненіе.

Понеже презрѣла еси зѣло, еже повторити пути твоя (ст. 36).

Не обвиняю тебя въ настоящее время за прежніе грѣхи; къ нимъ опять ты прибавила (другіе). И не поставилъ бы этого въ вину, если бы не предалась тому же самому, не вслѣдствіе того, что одолѣли тебя страданія, а вслѣдствіе безпечности. Видишь, что не то прогнѣвляетъ Бога, что грѣшатъ, а то, что, презирая (посылаемыя наказанія), не обращаются; это и насъ обыкновенно приводитъ въ гнѣвъ.

И отъ Египта постыдишися, якоже постыдѣна еси отъ Ассура.

Или потому, что они поступали безразсудно, или—оказались слабыми и верхъ взялъ персъ.

Все произошло не вслѣдствіе безразсудства египтянъ и ассиріянъ, а потому, что оставилъ Богъ, то есть, благо твое (τὰ ἀγαθά σου) [1]) отвергло твое ожиданіе. Надеждой ея служили египтяне; Богъ отвергъ ее и *не благопоспѣшися*. Почему? Потому что надѣялись не на то, что даетъ безопасность. *Проклятъ человѣкъ, иже надѣется на человѣка* (Іер. XVII, 5). Видишь, какъ все дѣлаетъ, поставляя ихъ въ необходимость надѣяться на Него; а они не вняли, не послушались.

И руцѣ твои на главѣ твоей (ст. 37).

Таковъ обычай скорбящихъ, когда необычайно плачутъ.

Какъ прежде, говоритъ, призвавъ ассирійскаго (царя), что сдѣлалъ Ахазъ, потерпѣли напослѣдокъ отъ ассирійскаго (царя) всякаго рода бѣдствія, такъ какъ онъ взялъ не только десять колѣнъ, но и многіе города Іудеи, такъ, говоритъ, испытаешь
780 то же самое и отъ египтянъ, то есть, надежда на египтянъ будетъ безполезна. Этимъ показываетъ, что несчастіе слѣдуетъ за беззаконіемъ.

ГЛАВА III.

Аще отпуститъ мужъ жену свою (ст. 1).

Что значитъ этотъ примѣръ? Онъ имѣетъ то первое и важное значеніе, что чего мужъ не допускаетъ, то Я допускалъ:

---

[1]) Или: Благой твой.

когда вы стали принадлежать другимъ мужамъ, Я опять звалъ, опять принималъ. Такъ какъ тамъ мужъ отсылаетъ (жену) вслѣдствіе ненависти (къ ней), а здѣсь не мужъ, а жена (уходитъ отъ мужа), то примѣръ этотъ не (вполнѣ) соотвѣтствуетъ (дѣлу), потому что не онъ ее отпустилъ, а она его оставила.

И ты (καὶ σὺ) *соблудила еси съ пастырми многими... глаголетъ Господь.*

Слово: *глаголетъ* нужно относить не къ вышесказанному, а къ слѣдующему, то есть, *глаголетъ Господь* вамъ. Указываетъ на данный Моисеемъ законъ, что если жена, неугодная мужу, будетъ отпущена, потомъ выйдетъ за другого и отъ него уйдетъ по ненависти къ ней, то первому (мужу) нельзя снова брать ее, (Втор. XXIV, 1—4). Такой законъ находится, говоритъ, въ письмени, а ты много разъ, говоритъ, отсылаема была Мною за беззаконія и обращалась съ просьбою о помощи къ чужимъ, то есть, къ ассиріянамъ и египтянамъ,—такъ какъ *пастырями* называетъ царей,—(а потомъ), испытывая бѣдствія, опять прибѣгала ко Мнѣ и Я оказывалъ свою помощь. А нѣкоторые (объясняютъ такъ), что, безстыдно нарушающая законъ, вступаешь въ домъ, не подражая женамъ, которыя стыдятся обращаться къ отославшимъ ихъ мужьямъ. Всякая жена, отпущенная мужемъ и вышедшая за другого, не можетъ возвратиться къ первому, такъ какъ этого не допускаетъ законъ. А оставивъ сочетавшагося съ тобой, соединилась съ многими нечистыми демонами, потомъ, почувствовавъ вредъ, снова возвратилась ко Мнѣ и Я не оттолкнулъ. А если думаешь, что не напрасно я говорю это, подними глаза твои прямо и посмотри, гдѣ ты не смѣсилась.

Воздвигни очи твои на правоту и виждь (ст. 2).

Смотри: зоветъ ее саму въ свидѣтели собственныхъ (ея) грѣховъ, дѣлаетъ ее обвинителемъ. Опять воззвала, говоритъ; весь путь обличаетъ. *Виждь, гдѣ не смѣсилася еси.* Видишь ли, какъ приводитъ яснѣйшія улики, и тогда налагаетъ наказаніе.

На путехъ сидѣла еси.

Здѣсь хочетъ показать большое усердіе къ грѣхамъ, потому что дѣлала ихъ съ полною готовностью.

И осквернила еси землю въ любодѣяніихъ твоихъ.

Отъ грѣховъ не оскверняется земля, но говоритъ для того, чтобы показать тяжесть преступленія.

И виждь, гдѣ не смѣсилася еси, на путехъ сидѣла еси.

Вмѣсто „осквернилась“. Но и тогда поступала нечестиво, хоть воздавала Мнѣ честь при посѣщеніи храма. А въ настоящее 781
время дошла до неизмѣримой глубины золъ, наполнивъ все

мѣсто своимъ беззаконіемъ. *На путехъ сидѣла еси, аки врана особящаяся*, то есть, ты стала, какъ одинокая ворона, не имѣющая ничего добраго. Будучи плѣнена многими врагами, предаваема различнаго рода смертямъ, ты держишься еще нечестія.

И имѣла еси пастырей многихъ, лице жены блудницы бысть тебѣ (ст. 3).

Не Мнѣ причинила вредъ, а себѣ повредила, ты подверглась бѣдствіямъ. Дѣло постырей пасти, а не препятствовать.

Бѣда въ томъ, что не замѣчала своихъ грѣховъ и вела безчестную жизнь.

Не аки ли домомъ мене нарекла еси, и отцемъ и вождемъ (ст. 4)?

Говорю это въ виду (бывшаго прежде) расположенія твоего ко Мнѣ, выраженіями котораго служатъ имена: отецъ, мужъ, вождь дѣвства.

То есть, ты не обратила вниманія на то, что Я сдѣлалъ тебя своею, ставъ въ отношеніи къ тебѣ въ званіи отца и мужа, ведущаго (въ свой домъ) дѣвицу. Не прилагала ли ты Мнѣ эти наименованія близости?

Еда пребудетъ во вѣкъ и проч.

То есть, твое блудодѣйство и безнаказанность поступковъ; то есть, не коснѣя въ злѣ, избѣжишь наказанія и, живя благочестиво, побѣдишь враговъ.

Сія глаголала еси.

Видишь, что она дѣлаетъ съ усердіемъ и вниманіемъ.

И рече Господь ко мнѣ во дни Іосіи царя (ст. 6).

Такъ былъ славенъ, такъ благочестивъ. Не просто указывается время, но (для) большаго обвиненія іудеевъ. Такъ какъ они не сдѣлались лучшими, имѣя начальника, заботящагося о нихъ, то Богъ говоритъ пророку, какъ и мы говоримъ съ рабами, встрѣчая презрѣніе со стороны тѣхъ, кого любимъ.

Видѣлъ ли еси, яже сотвори ми домъ Израилевъ?

Божество, конечно, безстрастно, однако говоритъ, какъ оскорбленный и обиженный. *Домъ Израилевъ*—не одинъ, не другой, а все множество. Онъ (т. е. пророкъ), конечно, не видѣлъ, такъ какъ это было до него; но это *(видѣлъ)* сказано вмѣсто: знаешь ли?

Іосія былъ праведенъ и прилагалъ большое усердіе о служеніи Богу, такъ что и народъ слѣдовалъ за нимъ. Но такъ какъ были нѣкоторые, которые на самомъ дѣлѣ не шли (путемъ) благочестія, то поэтому пророкъ обличаетъ ихъ этими словами и, сравнивая съ десятью колѣнами, указываетъ ихъ беззаконія, когда тѣхъ не было,—они именно рабствовали въ Вавилонѣ.

И рекохъ, повнегда прелюбодѣйствовати ей (αὐτήν) [1]) *во всѣхъ сихъ: ко мнѣ обратися, и не обратися* (ст. 7).

Объясняетъ пророку то, что наказаніе справедливо: *пойде* (ἐπορεύθη) *на всяку гору высоку.* Затѣмъ показываетъ Свою благость и человѣколюбіе. *И рекохъ повнегда прелюбодѣйствовати.* Такимъ 784
образомъ сама навлекла на себя гибель, не устроивъ съ самаго начала жизни по закону и послѣ нечестія не желая обратиться. Поэтому (Онъ) увеличитъ наказаніе Іудина колѣна. *И видѣ преступленіе.* Видя, говоритъ, развращеніе сестры своей и наказаніе, какому она за это подверглась, (Іудея) не избѣгла подражанія нечестію, а пошла по слѣдамъ той.

И бысть ни во что блудъ ея (ст. 9)

Думала, говоритъ, что не дѣлаетъ ничего беззаконнаго, а блудомъ называетъ идолослуженіе. Оставивъ Бога, который назывался ихъ женихомъ, служили идоламъ и наполнили землю убійствами, принося дѣтей своихъ въ жертву демонамъ. *И соблюдила есть съ каменемъ и древомъ.* Сдѣлалъ ясное обличеніе въ прелюбодѣйствѣ.

И во всѣхъ сихъ не обратися, но во лжи (ст. 10).

Поелику въ то время считали себя лучшими, поэтому говоритъ, что *обратися во лжи,* такъ какъ это была ложь.

И рече Господь ко мнѣ: оправда душу свою отступница Исраиль паче преступницы Іудеи (ст. 11).

Хвалитъ сыновъ Израиля, не какъ пріобрѣвшихъ праведность, а какъ менѣе и прежде грѣшившихъ, а этихъ называетъ худшими, потому что не сдѣлались лучшими вслѣдствіе этого вразумленія.

Затѣмъ пространно поучаетъ, что (Іудея), видя совершенную гибель (Израильскаго царства), не возгнушалась нечестія сестры, что десять колѣнъ болѣе заслуживаютъ нѣкотораго извиненія, чѣмъ іудино колѣно, потому что, видя несчастія тѣхъ, продолжало дѣлать то, что служитъ ихъ причиною. Поэтому пророку повелѣвается пророчествовать и тѣмъ.

Иди и прочти словеса та къ сѣверу (ст. 12).

Что это такое? Неужели къ сѣвернымъ частямъ государства? И какая цѣль этого? Для чего обращается къ отсутствующимъ израильтянамъ? Или дѣлаетъ это въ отношеніи къ сѣвернымъ частямъ государства, какъ бы возбуждая и одушевляя ихъ. Все вѣдь (сказано) для нихъ, какъ и мы ублажаемъ умершихъ, (желая) сдѣлать лучшими живыхъ, прославляемъ для возбужденія (другихъ) и хвалимъ отсутствующихъ. Такъ, говоритъ, и Богъ пове-

[1]) Αὐτήν читается и въ древн. спискахъ перев. 70-ти.

лѣваетъ обратить слова, чтобы эти и тѣ сдѣлались лучшими, какъ говоритъ и Павелъ: *аще како раздражу мою плоть, и спасу нѣкія отъ нихъ* (Рим. XI, 14). Такъ и Богъ возбуждаетъ, похваляя тѣхъ. Поелику они хуже васъ, то говорю вамъ. А не повѣствуется о томъ, что этотъ пророкъ ходилъ въ Персію, и (Господь) не повелѣваетъ (кого-либо) послать.

Иди, говоритъ, *и прочти словеса.* (Это) безмѣрное человѣко-
785 любіе Владыки, такъ какъ послѣ великаго беззаконія ищетъ одного покаянія, указываетъ и его способъ.

Обратися ко мнѣ доме Израилевъ.

Того одного ищетъ Богъ, чтобы мы сознали наши грѣхи. Развѣ великаго требуетъ? (Требуетъ) отъ насъ самихъ, чтобы знали, что (Онъ) отпуститъ, потому что человѣколюбивъ.

Обаче вѣждь беззаконіе твое, яко въ Господа (ст. 13).

Обрати вниманіе на неудержимость: *расточила еси*, а не просто, потому что и деревня обратилась къ нечестію. Нельзя сказать того, что было разсужденіе, чѣмъ нужно пользоваться. Всякое дерево употреблялось для нечестія. *Чуждими* называетъ демоновъ. Нельзя сказать и того, что Я не увѣщевалъ, не совѣтовалъ; вопреки Моимъ увѣщаніямъ, ты поступалъ, не слушая Моего голоса, а внимая безгласнымъ.

Начало выздоровленія—сознаніе болѣзни. *И расточила еси пути твоя:* оставивъ Бога, и Господа, и Творца, и Благодѣтеля, ты привязалась къ *чуждимъ*. Кто же они? (Говоря): *подъ всякимъ древомъ лиственнымъ*, показалъ безполезность заблужденія, такъ какъ безплодны обоготворенныя растенія. *Гласа же моего не послушала еси*, такъ какъ законополагая сказалъ: *да не будутъ тебѣ бози иніи развѣ мене* (Исх. XX, 3).

Обратитесь сынове отступившіи, глаголетъ Господь: яко азъ возобладаю вами (ст. 14).

Смотри опять на увѣщаніе и совѣтъ послѣ обличенія; если *отступившіе* они, то что зовешь? *Яко азъ возобладаю вами*, говоритъ, какъ бы (указывая) на необходимость обращенія. (Это подобно тому), какъ если кто говоритъ рабу: будешь служить мнѣ, зачѣмъ ушелъ? Обитаніе называетъ господствомъ.

И пойму вы единаго отъ града и двухъ отъ племене.

Меньшая часть спасается; такъ будетъ и на будущемъ судѣ: весьма немного спасаемыхъ.

Азъ возобладаю вами.

То есть, будучи Господомъ всѣхъ и взятыхъ врагами приведу, никого не оставивъ.

И дамъ вамъ пастыри по сердцу моему (ст. 15).

Это дѣйствительно благодѣяніе—получить добрыхъ пасты-

рей, какъ и противоположное этому—величайшее наказаніе; пастырю нужно много знанія. Если тѣлесный (σωματικός) пастырь все направляетъ, то тѣмъ болѣе—духовный; ему дѣйствительно необходимо гораздо больше мужества, чѣмъ тому, чтобы положить душу свою за овецъ.

И будетъ, егда умножится (ст. 16).

Поелику ихъ печалило сказанное: *единаго отъ града и двухъ отъ племене*, то прибавилъ, что *умножится*. Большее удовольствіе доставляетъ то, чтобы послѣ возвращенія умножиться дома, чѣмъ въ началѣ возвратиться во множествѣ.

Во дни оны не рекутъ ктому... 788

Это представляется мнѣ неяснымъ. Одни говорятъ, что не будутъ страшиться, а другіе—что не будутъ нуждаться въ законѣ, какъ говорится объ этомъ: *дамъ сердце ново и отъиму сердце каменное* (Іезек. XXXVI, 26), то есть, у васъ будетъ Духъ, онъ вмѣсто всего будетъ учить и руководить васъ, и не будетъ называться (ковчегъ завѣта).

Не взыдетъ на сердце, то есть, ковчегъ. *Ни воспомянется* въ немъ (ἐν αὐτῇ) [1]), то есть, законъ. *Ниже посѣтится* ктому (ἔτι) [2]), то есть, не будетъ носимъ. *Ниже сотворится ктому*, то есть, какъ прежде, когда переносили его всюду, поднимая, священники. Однимъ словомъ, для васъ кающихся возвращеніе изъ Вавилона сдѣлаю болѣе славнымъ, чѣмъ выходъ изъ Египта.

И соберутся вси языцы къ нему и не пойдутъ ктому (ст. 17).

Призовешь ихъ не по закону войны, а—благочестія, или для того, чтобы оплакивать гражданъ, какъ нечестивыхъ, а иноземцы остались бы благочестивыми, или говоритъ то, что имя Его достаточно сильно, чтобы собрать ихъ, или—что (соберутся) не просто, а для благочестивой жизни.

И не пойдутъ ктому во слѣдъ похотей сердца своего.

Жизнь будетъ добродѣтельная, (а потому) жить будутъ прекрасно; къ будущему нужно относиться съ упованіемъ, безъ страха, такъ какъ уничтожится причина болѣзни. Если кто приходитъ во имя Божіе, не пойдетъ вслѣдъ похотей злого своего сердца.

То есть, въ душѣ будутъ имѣть истинное благочестіе, такъ что видящіе этотъ только городъ будутъ имѣть представленіе о Богѣ. Возможно относить это и ко временамъ Христа, такъ какъ мы не имѣемъ нужды въ служеніи по закону (Моисея).

---

[1]) Ἐν αὐτῇ не читается въ древн. сп. перевода 70-ти, а въ евр. текстѣ есть соотвѣтствующее этому: „во“ = „о немъ“.

[2]) Частицѣ: ἔτι нѣтъ соотвѣтствующей въ древн. греч. сп. и въ евр. текстѣ.

Въ днехъ тѣхъ пріидетъ домъ Исраилевъ къ дому Іудину[1] *и пойдутъ вкупѣ* (ст. 18).

Главное изъ благъ—согласіе, любовь, поелику отсюда произошло и главное изъ золъ. И смотри, въ какомъ порядкѣ расположилъ это. Не сказалъ: домъ Іудинъ къ дому Израилеву, а то, что было болѣе удивительно: первый возмутившійся, первый начавшій вражду, непокорный, жестокій, онъ будетъ начинателемъ и согласія, и не послѣ возвращенія, а вмѣстѣ начнутъ дѣйствовать прежде возвращенія.

Смотри, возлюбленный, какія блага принесъ плѣнъ: прекратилъ непрерывную вражду, соединилъ раздѣлившійся родственный народъ, примирилъ воевавшихъ другъ съ другомъ гражданъ; природа оказалась воевавшею съ собой, племя распалось, правильныя отношенія государства нарушились. Все это сдѣлала неправда; все это разрѣшилъ и уничтожилъ плѣнъ.

Отъ земли сѣверныя.

Обрати вниманіе на то, что удостовѣряется. *Отъ сѣверныя,* тѣмъ болѣе—изъ другихъ странъ. Затѣмъ напоминаетъ имъ древ-
789 нее повѣствованіе. *Юже дахъ въ наслѣдіе отцемъ ихъ.* То было болѣе невѣроятно. Когда намѣревается изобразить чудо, вспоминаетъ древнее повѣствованіе или чудо. Развѣ не вѣришь, что отцы собрались вмѣстѣ, что Я далъ имъ наслѣдіе?

Что разсѣянные всюду по землѣ соберутся въ одно мѣсто, это было чудо.

Азъ же рѣхъ: да будетъ, Господи, яко положу тя въ чада (ст. 19).

Смотри на попеченіе пророка; хотя онъ не имѣлъ жить въ тѣ времена и быть очевидцемъ благъ, но онъ молится, какъ бы имѣющій наслаждаться ими.

Это (сказано) чрезъ посредство какъ бы пророка, а тотчасъ (слѣдуетъ сказанное), какъ отъ лица Божія, *яко положу тя въ чада,* — такъ какъ поставлено въ связь съ предшествующими словами.

Первое достоинство—отеческое наслѣдіе, и однако они лишили себя этого родства. Отцемъ называли камень, но все-таки *положу тебя въ чада.* Смотри: какъ въ ветхомъ (завѣтѣ), такъ и

---

[1]) Здѣсь сдѣлано отступленіе отъ текста Патрологіи, который согласуется съ чтеніемъ древняго Ватиканскаго списка, которому слѣдуетъ и Слав. Б.: *домъ Іудинъ къ дому Исраилеву.* Въ передачѣ этихъ словъ сдѣлано отступленіе потому, что въ приводимомъ далѣе объясненіи имѣется, очевидно, въ виду иное чтеніе ихъ, какое находится въ Александрійскомъ и Маршаліанскомъ спискахъ: συνελεύσεται οἶκος Ἰσραὴλ ἐπὶ τὸν οἶκον Ἰούδα.

въ новомъ это родство устанавливается и Богомъ и нами. *Положу тебя въ чада*, это (дѣло) Божіе. И Павелъ говоритъ: *ихже всыновленіе* (Рим. IX, 4). Ничто не равносильно этой чести. И опять: *даде имъ область чадомъ Божіимъ* быти (Іоан. I, 12), чтобы сохранили (свое) званіе. Если Онъ самъ поставляетъ, а мы оставляемъ (то, къ чему призваны), то изгоняемся, такъ какъ не прямо сказалъ: сдѣлаю тебя чадомъ, а—*положу тя* въ это званіе, какъ въ достоинство; наше дѣло—сохранить это.

Видишь ли, какія изобразилъ блага, какого требуетъ отъ нихъ воздаянія? Никакой трудъ, никакое усиліе, какъ выполненіе призванія, не можетъ быть тяжелымъ.

Дитяти свойственно слѣдовать постоянно за отцемъ и наказывающимъ. Не видите ли маленькихъ дѣтей, которыя, плача, осыпаемыя упреками, слѣдуютъ за матерью, держась за край (ея платья)? Они хотятъ одного отъ насъ—быть любимыми.

Соединено это съ сказаннымъ: *и пойдутъ вкупѣ отъ земли сѣверныя и отъ всѣхъ странъ къ земли, юже дахъ въ наслѣдіе отцемъ ихъ*. Слѣдующія затѣмъ слова: *азъ же рѣхъ: да будетъ, Господи* принадлежатъ пророку, радующемуся божественнымъ обѣтованіямъ. А говоритъ то, что приведу васъ въ землю обѣтованія—въ качествѣ дѣтей, какъ и въ древнее время, когда вывелъ васъ изъ Египта. *И рекохъ: отцемъ наречете мя*, то есть, только будьте вы ко Мнѣ дѣйствительно расположены.

Обаче якоже отвергается жена сожителя своего, тако отвержеся отъ мене домъ (ст. 20).

Сознайте собственное зло и дамъ вамъ прощеніе за сдѣланныя преступленія.

Гласъ изъ устенъ слышанъ бысть плача (ст. 21).

Отсюда научаемся, что при несчастіяхъ нужно не только скорбѣть и плакать, но прежде этого умолять Бога, такъ какъ говоритъ о плачѣ и моленіи. Ни плачъ не можетъ самъ по себѣ 792
чего-либо сдѣлать, ни молитва, не воспламеняемая слезами; въ этомъ польза несчастій.

Гласъ изъ устенъ.

Говоритъ о бывшемъ при Іосіи.

Возвратитеся сынове возвращающіися, и исцѣлю сокрушенія ваша: се раби будемъ тебѣ (ст. 22).

Недостаточно плача и моленія, такъ какъ это (обыкновенно) вызывается свойствомъ бѣдствій; требуетъ еще залога и ручательства за будущее, чтобы послѣ освобожденія отъ бѣдствій не обратились опять къ прежнему.

Научимся (изъ этого) приносить (Богу) глубокое исповѣда-

ніе, потому что не безъ цѣли это написано, а для того, чтобы и мы слѣдовали.

То есть, перемѣнитесь на самомъ дѣлѣ, а не представляйтесь (только) благочестивыми, вслѣдствіе страха предъ Царемъ.

Истинно лживи быша холми и сила (δύναμις)[1]) *горъ, токмо Господемъ Богомъ нашимъ* (ст. 23).

Поклонились грѣху, принесли жертвы злымъ похотямъ. И къ намъ, можетъ быть, сказано это слово: *возвратитеся сынове возвращающіися.* И черезъ нѣсколько словъ: *истинно лживи быша холми.* Когда видимъ свѣтъ, тогда познаемъ тьму. Узнали Бога, познали и демоновъ; такъ и мы тогда увидимъ грѣхъ, не на словахъ (только), но убѣдившись самымъ дѣломъ. И Богъ попустилъ имъ узнать на дѣлѣ. Нужно сознавать и прежніе (грѣхи).

Опять вотъ о Богѣ сказано: *чрезъ*[2]), (то есть) надлежало вамъ познать и посредствомъ другого: неба, земли и моря; теперь (должны познать) изъ того, что произошло съ ними. Древніе не только сооружали каменныхъ (идоловъ), но гонялись за горами и холмами. А причиной (этого) было то, что представляли демоновъ живущими на высокихъ мѣстахъ,—такъ какъ нѣтъ ни одной части творенія, которой не сдѣлалъ бы діаволъ мѣстомъ своего поклоненія. И черезъ нѣсколько словъ: *токмо Господемъ Богомъ нашимъ спасеніе Израилево.* Чего иного ищетъ Богъ, какъ не того, чтобы ты зналъ, что Онъ благодѣтельствуетъ тебѣ? Этого и ничего больше не требуетъ отъ тебя Богъ; этого именно Онъ хочетъ.

Студъ же пояде труды отецъ нашихъ, отъ юности ихъ (αὐτῶν)[3]) (ст. 24).

Если бы не потерпѣли никакого бѣдствія, стыдъ слѣдовалъ бы за (ихъ) дѣлами; они старались и трудились напрасно; это было не что иное, какъ простое закалываніе; жертва демонамъ, а спасеніе отъ Бога.

Овцы.

Не щадили сыновей, не обращали вниманія на свою природу, дошедши до крайняго неистовства.

Неистовый не видитъ, что дѣлаетъ, а совершающій постыдныя вещи, заслуживающія позора, чувствуетъ и имѣетъ многихъ

---

[1]) Δύναμις согласно съ древними сп. перевода 70-ти; вмѣсто этого *множество*, какъ читается въ Слав. В., соотвѣтствуетъ чтенію позднѣйшихъ греч. сп., исправленныхъ по евр. тексту.

[2]) Слова: *Господемъ Богомъ нашимъ* по гречески читаются: διὰ Κυρίου τοῦ Θεοῦ ἡμῶν = чрезъ *Господа Бога нашего...*

[3]) Такъ читается здѣсь согласно съ Синайскимъ, Александр. и др. сп., вмѣсто *нашея* по Славян. В., согласующейся при этомъ съ древн. Ватикан. сп.

порицателей. Нельзя сказать, что они дѣлали тайно, но—на глазахъ всѣхъ, когда многіе готовы были посрамить ихъ.

Яко Богу[1]) *нашему согрѣшихомъ мы* (ст. 25). 793

Исповѣдующемуся такъ нужно исповѣдываться, чтобы признать себя во всемъ грѣшнымъ, не заслуживающимъ прощенія, чтобы получить прощеніе.

Даже до сего дне.

Не просто сказалъ, не дважды, не трижды, а множество разъ; нельзя сказать, что всегда есть такіе.

И не послушахомъ гласа Господа.

Въ отношеніи къ демонамъ были столь пылки, неистовы, что не щадили самаго близкаго, такъ что приносили въ жертву сыновей, а въ отношеніи къ Господу столь нерадивы, самолюбивы и дерзки, что не слушали голоса, а ослушались.

ГЛАВА IV.

И кленешися: живетъ Господь во истинѣ (ст. 2).

Никто пусть не находитъ въ этомъ оправданія для клятвы, а помнитъ (сказанное) въ Евангеліи: *слышасте, яко речено бысть древнимъ: не во лжу кленешися. Азъ же глаголю вамъ не клятися всяко* (Мѳ. v, 33—34). То сказано было прежде Евангелія несмысленнымъ, приводимымъ отъ идоловъ, неумѣвшимъ любомудрствовать, не касавшимся небесъ, не достигшимъ совершеннаго возраста.

Сія же (τάδε) *глаголетъ Господь мужемъ Іудинымъ и обитателемъ Іерусалимлимъ.*

Безопасностью города служитъ не крѣпость постройки, не величина камней, а добродѣтель жителей; равнымъ образомъ и предательство города (зависитъ) не отъ слабости построекъ, а отъ порочности гражданъ.

Поновите себѣ поля и не сѣйте на терніи.

Пророкъ убѣждаетъ сдѣлать съ душами то, что дѣлается въ земледѣльческихъ работахъ: души, вслѣдствіе небрежности въ прошлое время, производившія зло и безплодныя дѣла, повелѣваетъ воздѣлать плугомъ ученія, такъ какъ (душа) не можетъ просто принять божественное сѣмя, не выбросивъ напередъ

---

[1]) Читаемое въ Слав. Б. *Господу* отсутствуетъ въ текстѣ Патрологіи, какъ и въ древн. сп. перевода 70-ти.

терній. Поэтому говорится: *уклонися отъ зла и сотвори благо* (Пс. XXXVI, 27).

Воздѣлайте, говоритъ, ваши души, совершенно уничтожьте воспоминаніе объ идолахъ, — это именно называетъ терніями,— то есть, удалите идоловъ и затѣмъ обратитесь къ Богу и придите въ храмъ. Сказалъ же это метафорически, заимствовавъ выраженіе отъ того, что дѣлаютъ земледѣльцы. *Не сѣйте на терніи* значитъ: отвергнувъ служеніе идоламъ, приходите въ храмъ.

Обрѣжитеся Богу вашему и обрѣжите жестосердіе ваше, мужіе Іудины и обитающіе во Іерусалимѣ (ст. 4).

Развѣ говоритъ объ этомъ обрѣзаніи? Нѣтъ, а объ обрѣзаніи въ душѣ, такъ какъ то не есть обрѣзаніе Богу, (почему) не сказалъ бы: *обрѣжитеся Богу*. И иной сказалъ бы, что мы обрѣ-
796 зываемся,—какъ же нѣтъ его (αὐτοῦ) [1])? Не хочу обрѣзанія, совершаемаго другимъ, а такого, которое совершается нами самими, котораго каждый самъ господинъ. То производится другимъ, производится надъ тѣломъ; а это не таково. Видишь ли, что древнее (обрѣзаніе) (установлено) было по снисхожденію? Не сказалъ бы: *Богу вашему*, если бы не хотѣлъ показать, что то было не для Бога, такъ какъ какая отъ него польза для добродѣтели? Что скажетъ здѣсь іудей? Видишь ли, что законъ даетъ разумѣть нѣчто иное? Достаточенъ ли онъ для спасенія, если таково обрѣзаніе? Какъ только новый (завѣтъ) началъ мало-помалу открывать двери, ветхій самъ собою утрачивалъ значеніе. Не Павелъ сказалъ объ этомъ, іудей, не Петръ издалъ законъ. Сказалъ (это) Іеремія, котораго почитаешь и нынѣ. Не изъ нашихъ книгъ привожу это тебѣ; (впрочемъ), скорѣе изъ нашихъ, чѣмъ твоихъ; и новозавѣтныя (книги) не болѣе наши, чѣмъ твои, и ветхозавѣтныя не менѣе чужды тебѣ: какъ тѣмъ не вѣришь, такъ и этимъ. Такъ отпалъ іудей отъ тѣхъ и другихъ, а мы держимся тѣхъ и другихъ, такъ какъ въ обоихъ (Писаніяхъ)—Духъ (Божій).

Потомъ научаетъ, какое обрѣзаніе угодно Богу. *И обрѣжите жестосердіе ваше;* (говоря это) ясно показалъ, что видимое обрѣзаніе служитъ образомъ сокровеннаго и что при внутреннемъ обрѣзаніи тѣлесное излишне. Имѣя въ виду это, божественный апостолъ писалъ Римлянамъ: *не бо иже явѣ Іудей есть, ни еже явѣ во плоти обрѣзаніе: но иже въ тайнѣ, Іудей, и обрѣзаніе сердца духомъ, (а) не писаніемъ: ему же похвала не отъ человѣкъ, но отъ*

[1]) Это αὐτοῦ можетъ относиться только къ обрѣзанію (περιτομῇ), почему вмѣсто αὐτοῦ нужно, очевидно, читать: αὐτῆς.

Бога. Слышалъ повелѣніе Бога, говорящаго чрезъ пророка: *обрѣжитеся Богу вашему, мужіе Іудины и обитающіи во Іерусалимѣ.*

Да не изыдетъ яко огнь ярость моя, и возгорится, и не будетъ угашаяй, ради лукавства начинаній вашихъ.

Говоритъ по-человѣчески, желая ихъ вразумить. Поэтому многократно наводитъ на нихъ страхъ и (употребляетъ выраженіе), что не будетъ угашающаго это бѣдствіе. Такъ какъ они неоднократно возлагали надежды на Его человѣколюбіе, то поэтому уничтожаетъ такую надежду. А непослушнымъ дѣлаетъ угрозу. *Да не изыдетъ яко огнь ярость моя.* Вы одни своимъ раскаяніемъ можете погасить (этотъ огонь); а если вы не раскаетесь, то никто не въ силахъ избавить отъ наказанія.

Возвѣстите во Іудеи (ст. 5).

Что это? Выше сказалъ: да не возгорится гнѣвъ Мой, какъ огонь, а (изъ этихъ словъ видно, что) его уже возжегъ, что наводитъ на нихъ бѣдствія и, приведши къ самымъ дверямъ, не позволяетъ бѣдствіямъ войти въ нихъ. Не отдаетъ города на расхищеніе, а приводитъ враговъ къ городамъ и, какъ отличный учитель, беретъ ремень, но не бьетъ.

А устрашая ихъ, повелѣваетъ объявить Іерусалиму и всему колѣну іудину, чтобы вострубили и дали знать всѣмъ о нападеніи враговъ, чтобы уходили въ укрѣпленные города, а особенно на Сіонъ, какъ болѣе укрѣпленный. 797

Воздвигше [1]) *бѣжите въ Сіонъ* (ст. 6).

(Въ этомъ) есть нѣкоторое противорѣчіе, такъ какъ это (дѣло) того, который заботится, напередъ печется и старается о томъ, чтобы ничего не случилось неожиданно, а то—желающаго отдать, выдать и подвергнуть тягчайшимъ бѣдствіямъ. Если наводишь бѣдствія съ сѣвера, то для чего торопишь? То слова Его, (какъ) ведущаго войну, а это (какъ) защищающаго отъ враговъ. Видишь ли, что (это—слова) исправляющаго, пекущагося и стремящагося возбудить вѣру въ будущее? Такъ какъ слова не приносили имъ никакой пользы, то представляетъ имъ то, что какъ бы уже совершилось.

Угрожаетъ нашествіемъ вавилонскаго (царя) и объявляетъ о первомъ плѣненіи, указывая на совершенную гибель остающихся внѣ (города),—говоритъ: *бѣжите въ Сіонъ, потщитеся, не стойте*, такъ какъ (представляетъ) городъ спасающимся.

---

[1]) Читаемое въ Слав. Биб. *знамение* не находится въ текстѣ Патрологіи, какъ и въ древн. сп. перевода 70-ти; оно привнесено изъ евр. текста или латин. перевода блаж. Іеронима.

Взыде левъ отъ ложа своего (ст. 7).

Говоритъ приточно: львомъ называетъ Навуходоносора, а ложемъ—Вавилонъ, откуда онъ выходилъ, чтобы жечь города и опустошать страны; поэтому (говоритъ) *препояшитеся* и проч.

О сихъ препояшитеся во вретища и плачите, яко не отвратися (ст. 8).

То есть, вслѣдствіе того, что сдѣлалъ Іосія, Богъ не прекратилъ (Своего) гнѣва; (напротивъ) такъ какъ послѣ его смерти вы снова обратились къ нечестію, показывая, что бывшее (при Іосіи) сдѣлано вами безъ искренняго расположенія, то Богъ произнесъ надъ вами приговоръ.

И плачите.

Не вслѣдствіе бѣдствій, а потому что *не отвратися гнѣвъ;* совершенно истинно, не ради геенны только нужно сокрушаться, а потому, что гнѣвается Богъ; (и) не потому что прогнѣвался, а потому что отвратился.

Погибнетъ сердце царево (ст. 9).

Таково свойство тяжкихъ бѣдствій, (что они) лишаютъ (человѣка) даннаго природой разума. Когда бываетъ необычайный страхъ, ничто не остается на мѣстѣ.

И пророцы удивятся.

То есть, лжепророки. Почему? Потому что событія произошли не такъ, какъ они надѣялись, а оказывались и происходили вопреки надеждамъ.

И рекохъ: о Владыко Господи. Еда обольщая (ст. 10).

Многое говорятъ пророки Богу, какъ на нѣкоторомъ поприщѣ (σκηνῇ), совершая исправленіе народа. Такъ поступаютъ
800 отцы и друзья отцовъ, взаимно исправляя дѣтей. Гдѣ же сказалъ: *миръ будетъ вамъ?* Выше изображая счастливыя событія, говорилъ: и *пойдутъ домъ Израилевъ и Іуда вкупѣ* (ш, 18), когда истребитъ мерзости. Для чего же говоритъ это пророкъ? Вѣдь не незнаетъ—да не будетъ этого!—Тотъ, Который все точно знаетъ. Но что я сказалъ въ началѣ, то есть, что онъ говоритъ Богу то, что надлежало имъ сказать, чтобы дать Богу поводъ для отвѣта.

Духъ заблужденія въ пустыни (ст. 11).

Духомъ [1]) заблужденія соотвѣтственно называетъ непріятелей. Какъ вѣтеръ, захватывая пыль, всюду ее разноситъ, отлагая не въ урочныхъ мѣстахъ, такъ поступали и тѣ; подобно выпавшему сильному вѣтру, эта жестокая война всюду разсѣяла землю; тяжело это разсѣяніе и перенести это при совершенномъ разстройствѣ несказанно (тяжело).

[1]) Или вѣтромъ.

Таковъ отвѣтъ на слова: *обольщая обольстилъ еси люди сія:* не Я обольстилъ, но они сами сдѣлались виновниками (этого).

Поелику пророкъ сказалъ: *еда обольщая обольстилъ еси люди сія, и Іерусалима, рекій: миръ будетъ вамъ, и се пройде мечь до души ихъ*, то Богъ говоритъ, что когда наступятъ бѣдствія, они увидятъ истину словъ твоихъ, и что предвѣщатели ввели ихъ въ заблужденіе по дѣйствію демоновъ. Это сходно съ словами Михея Ахаву, что вышелъ духъ лживый и послужилъ въ (устахъ) всѣхъ ложныхъ пророковъ къ обольщенію царя (3 Цар. XXII, 22). А слова: *заблужденія въ пустыни* (сказаны) потому, что на горахъ служили идоламъ. *Путь дщере людей моихъ*—вмѣсто: дѣла. *Не ко очищенію, ниже во святое:* самымъ, говоритъ, дѣломъ узнаютъ во время несчастій, что то былъ духъ заблужденія, вѣщавшій чрезъ лжепророковъ.

Духъ исполненія [1]) *пріидетъ мнѣ* (ст. 12).

То есть, перестаю воздавать имъ бѣдствіями, исполнять надъ ними наказаніе [2]).

Духъ исполненія отъ сихъ пріидетъ мнѣ.

Этому заблужденію, говоритъ, подвергаются, поелику служащіе идоламъ нечисты и исполнены мерзостей и непричастны Моему духу. *Отъ сихъ пріидетъ мнѣ*, то есть, не получатъ отъ Меня милости, потому что приходили въ храмъ съ такой нечистотой.

И нынѣ азъ возглаголю суды моя къ нимъ.

То есть, накажу ихъ. Поелику сказалъ: опять *пріидетъ*, то, чтобы отсрочка въ будущемъ не сдѣлала безпечными, уничтожаетъ беззаботность, происходящую отъ продленія времени, говоря: *и нынѣ возглаголю суды.*

---

[1]) Читаемымъ здѣсь въ Слав. В. словамъ: *отъ сихъ* нѣтъ соотвѣтствующихъ—въ данномъ мѣстѣ Патрологіи, равно какъ въ Ватикан. и Александр. сп. Но далѣе въ толкованіи приводится это мѣсто съ дополненіемъ: *отъ* сихъ =ἀπὸ τούτων, находящимся и въ нѣкоторыхъ изъ древнихъ сп., каковъ Маршаліанскій. Изъ этого видно, между прочимъ, что въ данномъ мѣстѣ толкованія соединены объясненія двухъ лицъ, пользовавшихся неодинаковымъ греческимъ текстомъ.

[2]) Непосредственно затѣмъ слѣдуютъ слова: Ἀντὶ τοῦ, οὐ συμπληρωτικὸν τῆς τριάδος, ἀφ' ὧν ἦλθέ μοι τὰ παρόντα κακά, которыя дословно значатъ: „вмѣсто того, не восполнительное Троицы, отъ которыхъ пришло мнѣ настоящее бѣдствіе". Смыслъ этихъ словъ въ такомъ ихъ составѣ и отношеніе ихъ къ тексту пророческой книги непонятны, что могло произойти или отъ того, что они не вѣрно переданы въ Патрологіи, или не принадлежатъ собственно къ толкованію, а составляютъ примѣчаніе, находившееся первоначально на полѣ греческаго списка послѣдняго. Въ виду этого вышеприведенныя слова не внесены въ текстъ настоящаго толкованія.

Се яко облакъ взыдетъ и яко вихръ (ст. 13).

801 Смотри, какъ приводитъ различные, наиболѣе страшные, образы.

Чтобы поразить ихъ мысль, чтобы устрашить ихъ, описываетъ войско. И какая польза? Говоритъ о скоромъ приходѣ; но ничто изъ этого не тронуло; таково развращеніе. Однако Богъ предсказалъ, хотя они не послушались.

Омый отъ лукавства. Доколѣ будутъ въ тебѣ помышленія бѣдъ твоихъ (ст. 14)?

Ничто не можетъ совершенно сравниться съ такимъ бѣдствіемъ. Такое обыкновенно употребляемъ мы выраженіе, когда видимъ кого-либо, впавшаго въ долговременную болѣзнь и не могущаго избавиться отъ этой пагубы. Какъ тѣло, ослабленное лихорадкою, съ трудомъ можетъ быть омыто, такъ и душа, обремененная грѣхами.

Въ Церкви Господней не достаточно словъ и однихъ сѣтованій на себя. Не плачьте слезами, а присоединяйте и дѣла. И затѣмъ: *омый отъ лукавства сердце твое*.

Что значитъ, если пришелъ, какъ левъ, поднялся, какъ облако, если бѣдствіе у дверей? Къ чему срокъ для перемѣны? И осталось ли время для перемѣны? Смотри на человѣколюбіе: говорилъ о томъ, какъ о настоящемъ, чтобы уничтожить небреженіе о ней [1]), опять говорилъ о будущемъ, чтобы не впалъ въ отчаяніе. Тѣ слова принадлежатъ дѣлающему наставленіе, а эти—дающему время для исправленія. Никто одновременно не наводитъ наказанія и не дѣлаетъ наставленія, такъ какъ одно другому противоположно: если даешь совѣтъ, оставь наказаніе; если наказываешь, какъ (можешь) увѣщевать наказываемыхъ? Но говоритъ вмѣстѣ то о наказаніи, чтобы не были нерадивыми, то объ освобожденіи, чтобы исправились.

Видишь ли? Здѣсь заключается то, что говоритъ и Христосъ, такъ какъ изъ сердца исходятъ помышленія злыя. *Доколѣ будутъ?* Видишь Божіе долготерпѣніе. Доколѣ? Когда слѣдовало избѣгать (беззаконія) по природѣ и по времени, то какое (можетъ быть) снисхожденіе, какое оправданіе? Если ты не удалился отъ беззаконія по самой природѣ, то не долженъ ли былъ (сдѣлать это) вслѣдствіе (наступившаго такого) времени?

Рцыте языкомъ: се пріидоша (ст. 16).

Показываетъ, что многократно слышавшіе забывали. Говоритъ о безстрашіи и большой наглости, такъ какъ придутъ не по обычаю враговъ, а какъ въ завоеванныя области.

---

[1]) То есть, о перемѣнѣ или исправленіи.

Аки стражи селніи быша надъ нимъ окрестъ (ст. 17).

Такъ что имъ, если бы хотѣли, нельзя убѣжать. Указалъ и причину бѣдствій.

Яко пренебреглъ мя еси, глаголетъ Господь.

„Ты пренебрегъ Господомъ“ сказано для того, чтобы привести къ сознанію (вины) и внушить довѣріе. Не достаточно ли этого для наказанія? Не тяжелѣе ли это всякаго наказанія? Если
бы даже не было войны, если бы не было завоеванія городовъ, 604
самое выслушиваніе этихъ словъ какое заключало въ себѣ наказаніе?

То есть, какъ стерегущіе плоды, нашедши вора, поднимаютъ крикъ, чѣмъ приводятъ его въ страхъ и со всею поспѣшностью стремятся схватить дерзкаго, такъ и эти кричатъ только, и васъ, какъ находящихся въ чужихъ (владѣніяхъ), обращаютъ въ бѣгство. *Яко пренебреглъ мя еси, глаголетъ Господь.* Ты понесешь достойное (наказаніе) за то, что осмѣлился сдѣлать, и пожнешь то, что посѣялъ.

Пути твоя и начинанія твоя сотвориша (ст. 18).

Какая затѣмъ остается надежда на исцѣленія, когда голова и самое главное начало повреждены? Есть проступки и не тяжкіе; есть проступки вслѣдствіе простоты, къ которымъ можно относиться съ снисхожденіемъ. Но это *лукавство*, говоритъ, не переносимо—и потому что укоренилось, и потому что проникло, говоритъ, до самаго сердца.

Чрево мое болитъ мнѣ (ст. 19).

Предсказавши это, пророкъ скорбитъ объ нихъ и плачетъ, говоря: *чрево мое, чрево мое болитъ мнѣ, и чувства сердца моего.* Употребилъ такое выраженіе метафорически (заимствовавъ) отъ болей жены (при рожденіи). *Смущается душа моя,* то есть, тревожится, испытывая мученіе. *Терзается сердце мое,* то есть, бьется отъ страха, желая какъ будто выскочить (изъ груди); (говоря такъ) подражаетъ матери, глубоко терзающейся при гибели дѣтей.

Яко гласъ трубы услышала душа моя.

Пророкъ былъ вдохновленъ Богомъ. Не теперь, а немного прежде сказалъ это; пророческими очами онъ видитъ (какъ бы) въ дѣйствительности войны, ряды войскъ, сраженія, звукъ трубъ, топотъ коней, нападеніе враговъ, всѣ бѣдствія іудеевъ. Смотри на долготерпѣніе Божіе: угрожалъ словами; слово ихъ не уязвило; (поэтому) предсказаніе дѣлаетъ достовѣрнѣйшимъ, самого просителя дѣлая созерцателемъ предсказываемыхъ событій.

Сотреніе призывается (συντριμμὸν ἐπικαλεῖται) [1]), *понеже опустѣ-*

---

[1]) Словамъ Слав. Б.: *(на сотреніе)* нѣтъ соотвѣтствующихъ здѣсь; ἐπὶ συντριμμῷ читается изъ древн. сп. въ Маршаліанскомъ, соотвѣтственно евр. тексту.

ла (τεταλαιπώρηκε) [1]) *вся земля, внезапу опусть жилище* (ἡ σκηνή) [2]), *расторгошася кожи моя* (ст. 20).

Говоря о *жилищѣ* (или шатрѣ—σκηνήν), указываетъ на завоеваніе; впрочемъ, не будетъ погрѣшности, если кто-либо будетъ разумѣть подъ этимъ названіемъ все государство, всякое жилище, такъ какъ настоящая жизнь есть шатеръ.

Врагамъ не потребуется ни труда, ни какого-либо времени; разрушая, какъ шатеръ, овладѣваютъ они стѣнами. Обрати вниманіе и на любовь пророка: все государство онъ считаетъ своимъ, Іерусалимъ называетъ своимъ городомъ.

Расторгошася кожи моя. Говоритъ о прочихъ городахъ, употребляя метафору, взятую отъ обычая царей и другихъ строить палатки въ лагеряхъ. А нѣкоторые шатромъ называли дворецъ, а кожами—прочіе дома города.

Доколѣ зрѣти имамъ бѣжащихъ, слышащъ гласы трубные (ст. 21).

805 Къ чему звуки трубъ, война и сраженіе, не достигающіе до насъ? Но прибавилъ: *понеже опустѣла вся земля.* Хорошо сказано: *опустѣла* (или—„впала въ бѣду"); всячески старается указать своимъ на эту войну, (какъ) возгорающуюся по волѣ Божіей,— это и значитъ: впасть въ бѣду (τὸ ταλαιπορῆσαι). Дѣйствительно, овладѣли ими не посредствомъ войны и сраженія, а пришедши вдругъ, вопреки ожиданіямъ и внезапно.

Дѣлаетъ его зрителемъ и слушателемъ, чтобы чрезъ то и другое привести ихъ въ страхъ. Пророкъ видѣлъ, чтобы не видѣли іудеи. Скорбѣлъ сердцемъ Іеремія, чтобы сохранить ихъ въ безопасности; (для этого) часто посылаетъ (ἐκδίδωσι) рабовъ.

Понеже вожди людей моихъ мене не познаша (ст. 22).

Большое обвиненіе, когда тѣ, которые должны учить другихъ, сами не пріобрѣтаютъ напередъ знанія.

Послѣ того, какъ пророкъ, согласно съ тѣмъ (ἀκολούθως τούτοις) [3]), сказалъ: *доколѣ зрѣти имамъ бѣжащихъ*, Богъ отвѣчаетъ: *понеже вожди людей моихъ мене не познаша*, то есть, терпятъ это по причинѣ своего нечестія, когда прежде и одинъ прогонялъ тысячи; знаете и то, что было въ Египтѣ; указываетъ и

---

[1]) Τεταλαιπώρηκε значитъ ближайшимъ образомъ: „подверглась несчастію, впала въ бѣду".

[2]) Читаемому далѣе въ Слав. В. слову: *мое* нѣтъ соотвѣтствующаго здѣсь, какъ и въ древн. сп. перевода 70-ти; оно внесено подъ вліяніемъ евр. текста или перевода блаж. Іеронима.

[3]) То есть, согласно съ тѣмъ, что онъ созерцалъ въ пророческомъ ви-...іи.

на множество бѣгущихъ и отъ лица Божія говоритъ: *понеже вожди людей моихъ мене не познаша: сынове буіи суть и безумни.* И чтобы не считали себя достойными прощенія, какъ *буіи*, прибавилъ: *мудри суть, еже творити злая.* То особенно ужасно, что они ничѣмъ не воспользовались, (а поступали) безумно, какъ упившіеся виномъ и человѣкоубійцы посредствомъ меча.

Воззрѣхъ на землю, и се ничтоже, и на небо (ст. 23).

Какъ *ничтоже?* Ни овецъ, говоритъ, ни воловъ, ни зданій, ни стѣнъ,—онъ видѣлъ, что все это уничтожила война.

И на небо, и не бѣ свѣта его.

Излагаетъ мысль зрителя, а не существо дѣла. Не просто говоритъ, а—„видѣлъ" (εἶδον) *и не бѣ свѣта его.* Тьма ночи закрыла по обычаю свѣтъ; указываетъ и луну вмѣстѣ съ звѣздами. Ночь печали, гораздо тягчайшая ея [1]), закрываетъ всѣ звѣзды, не по существу, а отъ взора зрителя, такъ что *свѣтъ его* не являлся, почему казался зрителямъ не существующимъ; но какъ бы обнаженнымъ и лишеннымъ свѣта было оно [2]).

Это претерпѣваетъ омраченная душа. И многимъ, выходящимъ съ моря (на берегъ), земля кажется приподнимающеюся и кружащеюся. Все это обычно производитъ природа. Какъ овладѣвшій чувствами страхъ вмѣсто чистой и стоячей воды видитъ въ глубинѣ (ея) волнующуюся землю, смѣшиваетъ верхнее съ нижнимъ и все представляетъ въ искаженномъ видѣ, такъ бываетъ и здѣсь: другое слышитъ и другое видитъ, и ничто не стоитъ на своемъ мѣстѣ.

Какъ во тьмѣ очутился я отъ страха по причинѣ опусто- 806
шенія города.

Видѣхъ горы и се (ἰδοὺ) [3]) *трепетаху* (ст. 24).

То есть, и находившимся на горахъ нельзя спастись.

Воззрѣхъ, и се не бѣ человѣка и вся птицы небесныя ужасахуся (ст. 25).

И близъ стоящихъ мы не думаемъ видѣть,—какъ же говоритъ о птицахъ, что ужасались? Это (происходило) и отъ душевнаго состоянія пророка.

Вслѣдствіе опустошенія и птицы оставили свое мѣсто, потому что многія изъ животныхъ имѣютъ обыкновеніе переселяться въ отдаленныя мѣста.

Пуста будетъ вся земля (ст. 27).

Что говоришь? Разрѣшаешь (ἐκλύεις) іудейскій страхъ? Что

---

[1]) То есть обыкновенной ночи.

[2]) То есть, небо.

[3]) ἰδοὺ въ древ. сл. греч. перевода не читается, но въ евр. т. находится.

не остался при прежней угрозѣ? Достаточно было сказать: *пуста будетъ вся земля*. Но тотчасъ перемѣнилъ гнѣвъ, приведши благостное [1]). Для чего? Чтобы и чрезъ это сдѣлать лучшими. Если мы въ рѣчи изображаемъ одни несчастія, смѣняющіяся другими, то душа (слушающаго) нерѣдко впадаетъ въ отчаяніе; а имѣя добрыя, хотя и кратковременныя, надежды, она скорѣе можетъ ободриться.

О сихъ да плачетъ земля (ст. 28).

Хорошо призываетъ землю почувствовать то, что имѣетъ совершиться, когда люди остаются не чувствительными.

Понеже глаголахъ и не раскаюся.

Пусть не считаетъ кто-либо это за одну угрозу; несомнѣнно послѣдуетъ и самое дѣло. Такъ какъ, многократно предсказывая, по человѣколюбію не приводилъ (пророчествъ) въ исполненіе, (то поэтому говоритъ, что) теперь не будетъ такъ, но какъ сказалъ, такъ и сдѣлаю.

Аще облечешися въ багряницу (ст. 30).

Что значатъ эти слова? Выраженіе метафорическое. Пророкъ постоянно обращается къ городу, какъ къ безчестной, распутной женщинѣ.

Поелику выше сказалъ: *виждь пути твоя на мѣстѣ многогробищномъ* (11, 23), то есть, мѣстѣ, гдѣ ты, плѣнившись женщинами, поступалъ нечестиво, то говоритъ: если захочешь такимъ же способомъ прельстить непріятелей, то не будешь въ состояніи (сдѣлать это). А въ словахъ: *аще накажеши стивіемъ* говоритъ о черной краскѣ, какой покрываютъ обыкновенно женщины глаза.

(Говоритъ) какъ о блудницѣ, надѣющейся красотою лица прельстить любовниковъ, какъ (поступала) Іезавель, какъ (поступали) дочери іудеевъ. Но теперь относительно города представь всякаго рода несчастія, когда любовники отвергаютъ украшающую себя любовницу, и не только отвергаютъ, но и хотятъ умертвить.

Гласъ бо яко родящія слышахъ. И опуститъ руцѣ свои (ст. 31).

Ничего для этой войны не сможетъ сдѣлать.

Опять пророкъ видѣлъ будущее. Онъ не указываетъ множества пораженныхъ; изумляется и приходитъ въ изнеможеніе. Если тяжело видѣніе, то не тѣмъ ли болѣе исполненіе его? Вначалѣ
809 онъ видѣлъ бѣгущихъ, потомъ—плачущихъ, а затѣмъ—поражаемыхъ; напослѣдокъ же говоритъ, что не позволятъ вамъ плакать.

---

[1]) При этомъ разумѣются, нужно думать, дальнѣйшія слова стиха: *окончанія же не сотворю*.

ГЛАВА V.

Горе мнѣ, яко исчезаетъ душа моя надъ убіенными [1]). *Обыдите пути Іерусалимскія* (ст. 1).

Видишь ли, что не ввергаетъ въ отчаяніе? Смотри, какъ Богъ защищается и не поручаетъ другимъ разыскиванія. Вы сами, подвергшіеся страданіямъ, говоритъ, разыщите. Не другому поручаю это дѣло, не врагу, не непріятелю, не тому, кто не думаетъ и не заботится о вашихъ дѣлахъ, а вамъ самимъ, переносящимъ труды и несчастія. И чтобы опять не разслабить, *обыдите*, говоритъ, такъ какъ бѣдствія приближаются, и повелѣваетъ произвесть тщательное разысканіе.

Рѣчь о подлежащихъ приговору, когда были между ними праведные, какъ Іеремія, сыновья Рихава, бывшіе священники, и Авимелехъ эѳіоплянинъ.

Итакъ говоритъ о священникахъ, царяхъ, лжепророкахъ и народѣ.

Живетъ Господь, глаголютъ, сего ради не во лжахъ ли кленутся (ст. 2)?

Не достаточно, говоритъ, клясться, но нужно не нарушать клятвы. Видишь, что Богъ всюду ищетъ не своего только, но и (блага) ближнихъ. Подумай, какое (зло) ложная клятва, какъ погубило цѣлый городъ. Вѣдь клянущійся не Богомъ, а можетъ быть демонами, (наноситъ) этимъ великое оскорбленіе, какъ и здѣсь, когда мы пользуемся клятвой ко вреду другихъ.

То есть, нарушаютъ клятву, считая ни во что божбу Мною, и, удостовѣряя Моимъ именемъ, злоупотребляютъ этимъ для совершенія худыхъ дѣлъ.

Господи, очи твои на вѣру (ст. 3).

То есть, око Твое не взираетъ ни на что противное. Чистъ Твой судъ. Великое обвиненіе и свидѣтельство о крайней безчувственности. То есть, точно все знаешь и истинны слова Твои. *Билъ еси ихъ и не поболѣша:* признакъ безчувственныхъ людей, какимъ былъ фараонъ. (Это сказано для того), чтобы показать, что не имѣетъ оправданія (οὐ προφασιζόμενος). Объ этомъ говоритъ: *обыдите*, и, на основаніи прежнихъ (событій), указываетъ на Свое попеченіе. Что значитъ: *сокрушилъ еси?* Всѣхъ поразилъ, большую часть ихъ истребилъ, и при этомъ не вразумились. А ничто изъ того, что нужно для тебя, не было опущено.

---

[1]) Въ Славян. В., согласно съ обычнымъ раздѣленіемъ греческаго перевода на главы, слова эти относятся къ 31-му ст. 4-й главы.

Вездѣ (имѣется въ виду) произволеніе, а не природа, когда (говорится): *не хотѣлъ* (οὐκ ἠθέλησας) [1]) *обратитися.* Смотри на развращеніе, обратившееся въ природу.

Азъ же рѣхъ: негли убози суть [2]), *того ради не возмогоша* (ст. 4).

И какимъ препятствіемъ могла бы служить бѣдность? Не объ этомъ говоритъ, а устраняетъ отговорку многихъ, показывая, что не бѣдность служила для нихъ препятствіемъ. Тому, кто думаетъ возражать намъ, какъ убѣжавшій не самъ по себѣ, предуказалъ бѣдность [3]).

812 По бѣдности многіе дѣлаютъ это и, желая имѣть пропитаніе, увлекаются въ нечестіе. *Того ради не возмогоша*, то есть, не могли противостоять бѣдности и достигнуть любомудрія; обольстившись, не познали пути Божія.

Пойду къ державнымъ (ст. 5).

Но и богатые—тоже, такъ какъ ни богатство, ни бѣдность не служитъ препятствіемъ къ этому. Смотри, какъ всюду уничтожаетъ отговорки.

То есть, направился я къ знатнымъ и царямъ, думая, что, можетъ быть, они окажутъ послушаніе закону. А нашелъ, что всѣ вмѣстѣ уклонились къ худшему и отвергли владычество Божіе и храненіе закона,—*игомъ* называетъ владычество, а *узами*—установленные законы, которыми, какъ нѣкоторою руководящею нитью, должны были пользоваться въ своей жизни находившіеся подъ закономъ.

Если бѣдность для этихъ служитъ пособіемъ (ἐφόδιον) [4]), то богатство должно было сдѣлать тѣхъ лучшими. Но никто ни изъ этихъ, ни изъ тѣхъ не былъ лучшимъ.

Сего ради порази ихъ левъ отъ дубравы (ст. 6).

Говоритъ о всѣхъ звѣряхъ, а не только о львахъ; обнимаетъ (мыслію) всѣхъ звѣрей. Такимъ образомъ дѣлаетъ все, чтобы увеличить страхъ, и говоритъ не какъ о будущемъ, а какъ о совершившемся.

---

[1]) Въ древнихъ сп. греч. перевода читается: οὐκ ἠθέλησαν = *не хотѣша*, какъ и въ Слав. Б.

[2]) Читаемому здѣсь въ Слав. Б.: (*и буіи*) нѣтъ соотвѣтствующаго въ текстѣ Патрологіи, какъ и въ древн. сп. перевода 70; оно почерпнуто изъ латинскаго перевода или еврейскаго текста.

[3]) Πρὸς τὸν μέλλοντα ἀνθυποφέρειν ἡμῖν, οὔτε ἀφ' ἑαυτοῦ φυγὼν, προεῖπε τὴν πενίαν. Если вмѣсто οὔτε ἀφ' ἑαυτοῦ читать: ὡς οὐκ ἀφ' ἑαυτοῦ, какъ предлагаетъ издатель Патрологіи, смыслъ остается неяснымъ.

[4]) Или—по смыслу—препятствіемъ; вмѣсто ἐφόδιον нужно, вѣроятно, чи- здѣсь ἐμπόδιον.

Вавилонскій. *Волкъ* и *рысь* (относятся) къ Ѳеглаѳфасару.

(Разумѣется) ненасытимость, безпомощность, когда онъ [1]) безъ опасенія можетъ доходить до домовъ, желая не только устрашить, но и опустошить.

Волкъ, можетъ быть, впрочемъ—Сенахиримъ, произведшій только хищеніе и не сдѣлавшій ничего (другого); а иной подъ *рысью* разумѣетъ Антіоха.

О чемъ отъ сихъ милосердъ буду тебѣ? Сынове твои оставиша мя (ст. 7).

Здѣсь обвиняетъ не въ томъ, что поступали нечестиво, и не въ томъ, что отвратились, а въ томъ, что многократно поступали нечестиво и безумно отвратились. Тяжко—и однажды согрѣшить, а продолжать (грѣшить), прилагать (одни грѣхи къ другимъ)—еще ужаснѣе. *Согрѣшилъ ли еси, не приложи ктому, и о прежнихъ твоихъ помолися* (Сир. XXI, 1).

Смотри по каждому наказанію всюду представляемыя оправданія и ходъ рѣчи, прерываемый такъ, какъ будто кто кого наказываетъ. Потомъ, прерывая рѣчь, оправдываетъ себя и такимъ образомъ всецѣло во всемъ пророкъ утѣшается (εὐφραίνεται) [2]) угрозой и защищеніемъ.

Насытихъ ихъ, и прелюбодѣйствоваша.

Видишь ли распутство, нечистоту, происшедшую вслѣдствіе благополучія? Что скажешь? На что могутъ жаловаться? На недостатокъ необходимаго? Однако было такое изобиліе, что прелюбодѣйствуютъ и остаются въ домахъ блудницъ.

Кони женонеистовни (ст. 8).

Смотри, какъ изобразилъ удовольствіе. Смотри, какъ впали въ непотребство, позорящее самую природу. Смотри на безстыдное совокупленіе, свойственное животнымъ.

Въ еврейскомъ (текстѣ), говорятъ, не находится слово: „влекомые“ (ἑλκόμενοι) [3]), но то можно выводить, что они водились 813
похотью.

Взыдите. Окончанія же не сотворите (ст. 10).

Оставьте остатки города, чтобы для отводимыхъ въ плѣнъ было основаніе къ возвращенію; поэтому предсказываетъ, чтобы, когда увидятъ разрушающихъ не до основанія, приписали это не человѣколюбію ихъ, а божественному запрещенію.

---

[1]) Онъ, т. е., волкъ.

[2]) Вмѣсто εὐφραίνεται не слѣдуетъ ли читать ἐχρήσατο—пользовался?

[3]) Въ большинствѣ древнихъ сп. перевода 70-ти не читается здѣсь ἑλκόμενοι, какъ и въ Слав. Б. нѣтъ ему соотвѣтствующаго; оно находится въ нѣкоторыхъ, напр. въ Маршаліанскомъ сп.

Преступленіемъ бо преступилъ есть на мя (ст. 11).

Если—*Господни суть*, то почему подвергся (πέπονθε) этому? Ради жителей, потому что они преступили.

То есть, они преступили завѣты со Мною и совершенно уклонились въ нечестіе.

Солгаша Господу и рекоша: не суть сія (ст. 12).

Подумай, какое зло: не вѣрили, когда угрожалъ; не вѣрили, когда наказывалъ и каралъ. Многіе и въ настоящее время говорятъ тоже о гееннѣ, не вѣруя Богу. *Домъ Исраилевъ и домъ Іудинъ солгаша.*

Пророцы наши быша на вѣтръ (ст. 13).

Они, проповѣдуя то, что нравилось, не дозволяли имъ сдѣлаться когда-либо лучшими.

То есть, не ожидаютъ никакого бѣдствія, а многіе говорятъ, что и пророки напрасно говорили, и умерли, и не открывали божественныхъ намѣреній о насъ. *Тако будетъ имъ*, то есть, сходно съ тѣми и вы говорите, считающіе себя пророками. Какъ тогда, когда тѣ предсказывали, государство не подверглось никакому бѣдствію, такъ и теперь не подвергнется.

Сего ради. Се азъ даю словеса моя во уста твоя огнь (ст. 14).

Указываетъ на быстроту, съ какой все предастся огню.

Се азъ наведу на васъ языкъ издалеча (ст. 15).

Такъ что и молитвою не достигнутъ какой-либо милости. Слова: *и старый* показываютъ, что (это—народъ) и древній, и страшный и что приходитъ не по собственному побужденію (οὐκ οἴκοθεν),—потому что въ такое время не могли бы успокоиться и опять уйти.

И поядятъ жатву вашу (ст. 16).

Говоритъ о времени нападенія: когда надѣетесь наслаждаться плодами, тогда тѣ придутъ и опустошатъ землю; *и хлѣбы ваши* вмѣсто: истребятъ запасы.

И будетъ, егда речете: почто (ст. 19).

И то служитъ признакомъ большой безчувственности, что, пострадавъ, говорятъ: *почто сотвори?* Однако тогда благовременно будетъ внушеніе. Поэтому говоритъ: *тако послужите богомъ чуждимъ въ земли не вашей;* этимъ опять угрожаетъ.

Возвѣстите сія дому Іаковлю (ст. 20).

Опять напоминаетъ о предкахъ, чтобы хотя такимъ образомъ обратились. Опять даетъ видѣть этого патріарха, чуднаго и великаго мужа, называя домъ Іакова и домъ Іуды, чтобы ты зналъ,
816 какъ велика сила Божія, какъ чрезъ одного родоначальника воздвигъ цѣлые города, племена и народы.

Слышите сія людіе (ст. 21).

Для чего употребляетъ укоризненное слово? Укоризною хочетъ поднять павшихъ. Нѣтъ худшаго наказанія, чѣмъ то, которое состоитъ въ незнаніи Бога.

Иже имѣюще очи не видите, и уши, и не слышите.

Называетъ только тѣ чувства, которыя, преимущественно передъ другими, ведутъ къ богопознанію и въ которыхъ мы имѣемъ нужду.

Мене ли не убоитеся, рече Господь, иже положихъ песокъ предѣлъ морю (ст. 22).

Не сказалъ: Я создалъ море, а—Я обуздалъ, говоритъ, такъ какъ хочетъ открываться не только со стороны творенія, но и—устроенія.

Нельзя, говоритъ, сказать, что остается спокойнымъ и послушнымъ [1]), не испытывая сильнаго дѣйствія; но и тогда, когда большая сила двигаетъ его вовнѣ и сильный напоръ заставляетъ разлиться, претерпѣваетъ эту силу и остается (на мѣстѣ), чтобы не нарушить Божія повелѣнія. Но, можетъ быть, на это скажетъ кто-нибудь, что это установлено природой и закономъ, а я имѣю склонность къ тому и другому, чтобы, по своему желанію, избирать лучшее. Что скажешь? Что духъ (πνεῦμα) и худыя пожеланія направляютъ душу? Но противопоставь имъ божественное повелѣніе. Слаба природа? И песокъ (таковъ), но дѣлается очень крѣпокъ божественнымъ закономъ; такъ и ты—страхомъ Божіимъ. Нѣтъ ничего столь слабаго, столь безсильнаго, что не превзошло бы свою природу подъ дѣйствіемъ страха Божія. И затѣмъ, черезъ нѣсколько другихъ словъ (продолжаетъ): почему не привелъ въ примѣръ другой стихіи, кромѣ моря? Потому что у него рѣчь была о войнѣ, битвѣ и приходѣ воиновъ, имѣющихъ напасть на все государство подобно тучѣ и морской волнѣ. Итакъ, желая показать, что война происходитъ не вслѣдствіе собственной силы и могущества (враговъ), а по соизволенію Его [2]), (пророкъ) указываетъ на море, показывая, что Тотъ, кто можетъ ничтожнымъ пескомъ обуздать эту великую огромную стихію, не терпѣвшую насилія, волнующуюся, бушующую, тѣмъ болѣе сможетъ усмирить вашихъ враговъ, такъ чтобы они не приходили и не потерпѣло вреда что-либо изъ вашего (имущества).

И не рекоша: дающаго намъ дождь (ст. 24).

Такъ: вы не захотѣли (подумать о томъ, что получаете)

---

[1]) Разумѣется море.

[2]) То есть, Божію.

чрезъ Меня. Не надлежало ли (вамъ убояться Меня), вслѣдствіе того, что получаете отъ Меня, не только чрезъ то, что даю дождь, но и даю во время? То служило только указаніемъ, что могу давать дождь, а это (показываетъ) великое попеченіе и любовь.

Во время исполненія повелѣнія жатвы.

Это сказано не ясно; а о чемъ говоритъ, состоитъ въ слѣдующемъ. Теперь, говоритъ, собравши съ гумна произведенія
817 земли и наполнивъ житницы, мы наслаждаемся дождями,—Онъ не откладываетъ дарованіе (дождей) до того времени, когда будутъ истрачены (собранные плоды). Но вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ окончилась жатва, когда мы не приступили къ расходованію собраннаго и не было еще истрачено прежнее, падаетъ дождь, повелѣвая бросать (въ землю) другія (сѣмена). Человѣческая природа малодушна и обременена заботами; она дрожитъ не только при недостаткѣ, но и при изобиліи, и боится будущаго. Врачуя эту болѣзнь, Богъ посылаетъ намъ обильный дождь, чтобы страхъ предъ будущимъ израсходованіемъ собранныхъ (плодовъ) изгоняли надежды на новые. На это и указалъ (говоря): *во время исполненія повелѣнія жатвы:* когда плоды жатвы откладываются и еще не собраны, повелѣетъ ей [1]) произвести то же самое.

Что значитъ: *и хранящаго намъ* (ἐφύλαξεν ἡμῖν) [2])?

Какъ отецъ чадолюбивый всегда сохраняетъ для дѣтей часть (имущества), такъ и Онъ сохраняетъ намъ дождь и первая и вторая зима не истощаютъ дождей, а всегда (они) остаются въ запасѣ.

Беззаконія ваша (ὑμῶν) [3]) *уклониша сія* (ст. 25).

Имѣетъ въ виду (прежнее) большое благополучіе. А когда это говорилъ, былъ голодъ и зараза, чтобы не противорѣчили. И однако мы не замѣчаемъ этого. Не потому, говоритъ, что Богъ измѣнился, а потому, что своими грѣхами вы оттолкнули благополучіе, указываю на это; за ваши грѣхи отошли отъ васъ блага. Большей заботой (иногда бываетъ) то, чтобы ничего не давать, чѣмъ давать; такъ тотъ, кто даетъ страдающему лихорадкой, является врагомъ, а кто удерживается отъ этого, обнаруживаетъ попеченіе.

Яко обрѣтошася въ людехъ моихъ (ст. 26).

Пользовались соплеменниками, какъ безсловесными. Видишь ли, какъ наказываетъ за грѣхи не только противъ Него,

---

[1]) Разумѣется, конечно, земля.

[2]) Буквально: „и сохранилъ намъ".

[3]) Такъ читается это слово въ древн. Ватикан., Александр. и др. сп.; читаемое въ Слав. В. *наша* соотвѣтствуетъ чтенію Синайскаго сп., которое позднѣйшею рукой измѣнено въ *ваша*, какъ читается и въ евр. текстѣ.

но и противъ ближнихъ? Вели войну другъ съ другомъ, стали одинъ противъ другого вслѣдствіе благополучія. Видишь, какъ защищается противъ нихъ?

Говоритъ о служащихъ идоламъ. И дѣти, какъ сѣть птицелова. Обвиняетъ тѣхъ, которые подъ (какимъ-либо) предлогомъ берутъ чужое. Поэтому прибавляетъ: *поставиша, еже погубити мужы, и уловиша. Аки клѣтка поставлена полна птицъ, тако домы ихъ полны лести.* То есть, такъ они съ злобою брали чужое. Поэтому присоединяетъ: „суда не судили" (κρίσιν οὐκ ἔκριναν) [1]), *суда сира и прю вдовицы не судиша* (κρίσιν ὀρφανοῦ καὶ κρίσιν χήρας) [2]) (судомъ) правильнымъ и милостивымъ.

Суда сира не управиша (ст. 28).

Во многихъ случаяхъ особенно нужно заботиться о справедливости; а если у обижаемаго есть особое обстоятельство, располагающее къ милости, разумѣю сиротство, вдовство, то кто будетъ такъ жестокъ и безчувственъ, чтобы такому не оказать справедливости? Если не воздадутъ должнаго тому, кого надлежало помиловать, то переносимо ли это?

Ужасъ и страшная содѣяшася (ст. 30).

Смотри на грѣхъ, чрезъ все распространяющійся. Одни дѣ- 820
лали худое, другіе хвалили сдѣланное. Поэтому Павелъ осуждаетъ не только дерзающихъ и дѣлающихъ худое, но и соизволяющихъ таковымъ (Рим. I, 32).

И людіе мои возлюбиша таковая (ст. 31).

Смотри на зло, распространенное во всемъ, что надлежало дѣлать подчиненнымъ. Не слѣдовало ли повиноваться начальникамъ и слушаться учителей? Нѣтъ, а (нужно было) противиться. А теперь дѣлалось это не по необходимости, а *они возлюбиша таковая.* Они не были обмануты, повиновались не вслѣдствіе страха предъ начальниками, а имъ самимъ нравилось это.

И что сотворите въ послѣдняя сихъ?

Когда пройдетъ время покаянія, когда уничтожится всякое исправленіе, когда исчезнетъ всякая перемѣна къ лучшему.

---

[1]) Вмѣсто этого въ Ватикан. и др. сп. читается: καὶ παρέβησαν κρίσιν = и преступили судъ. Соотвѣтствующія имъ въ Слав. Б. слова: *и преступиша словеса моя злѣйшія* представляютъ передачу или чтенія Маршаліанскаго сп. или латинскаго перевода, согласныхъ съ еврейск. текстомъ. См. проф. *И. С. Якимова*. Толкованіе на книгу св. пророка Іеремія. 1879 г.

[2]) Въ такомъ порядкѣ читаются эти слова и въ древн. Ватикан. сп.

ГЛАВА VI.

Вострубите трубою, яко злая произникоша (ἐκκέκυφεν) [1]) (ст. 1).

Смотри, какъ даетъ имъ время для покаянія: (злое) выглянуло откуда-то (διέκυψέποθεν), нѣсколько показывается только, а не наступило такъ, чтобы приводить въ отчаяніе, но и не находится вдали, чтобы дѣлать болѣе безпечными; (оно) указано въ срединѣ между присутствіемъ и отсутствіемъ; зло показалось, чтобы вполнѣ обнаружиться. Впрочемъ отъ васъ зависитъ, чтобы все это удалилось; это въ вашей власти.

И отъимется высота твоя (ст. 2).

Почему? Потому что худо пользовался этимъ: красотой — для блудодѣйства, высотой—для тщеславія.

То есть, „красивая и нѣжная" (ὡραία καὶ τρυφερά) [2]). Красивою называетъ по причинѣ закона, священства и прочаго,—нѣжною, потому что вслѣдствіе помощи Божіей является всегда лучше враговъ.

Къ ней пріидутъ пастыріе (ст. 3).

Это признакъ опустошенія; исполнилось и при апостолахъ. *Окрестъ* естественно относить къ церквамъ, такъ какъ *кущи* всюду во вселенной поставленные загоны овецъ.

Уготовитеся на ню на брань, возстаните и взыдемъ на ню о полудни (ст. 4).

Смотри, что дѣлаетъ Богъ, чтобы внушить имъ страхъ, когда приводитъ и слова враговъ, какъ бы находящихся и побуждающихъ другъ друга. Хотя въ полдень не будетъ войны, но это показываетъ, что не тайно, не скрытно, а открыто нападутъ, что служитъ свидѣтельствомъ о большой у нихъ смѣлости.

Горе намъ, яко уклонися день.

Для осаждаемыхъ всякое время особенно страшно и подозрительно, а тѣмъ болѣе — ночь. Во время дня можно и стоять, и совѣтоваться, и переходить, и видѣть происходящее; а когда наступаетъ ночь, война дѣлается двойною. Вмѣсто того, чтобы сказать: горе намъ, потому что мы прогнѣвали Бога, они оплакиваютъ время наказанія.

---

[1]) Или ближе къ значенію гл. ἐκκέκυφε—„выглянуло, появилось" злое, то есть, бѣда.

[2]) Этихъ словъ, относящихся къ дочери Сіона, не находится въ древнихъ—Ватикан. и Александр. сп., какъ и въ Слав. Библіи; но они находятся въ Маршаліан. сп., въ переводахъ Акилы и Өеодотіона, равно какъ и евр. текстѣ.

Востаните и взыдемъ на ню нощію (ст. 5).

Златоуста (или *Олимпіодора*).

Ночью и полднемъ называетъ неизвѣстное время нападенія 821
враговъ.

Востаните и взыдемъ на ню о полудни.

Голосъ смѣлыхъ.

Горе намъ, яко склонися (βεβλημένη) [1]) *день.*

Это говорятъ, какъ уловляемые цѣлый день непріятелями и при наступленіи ночи не могущіе бѣжать.

Востаните и взыдемъ на ню нощію и расточимъ основанія ея.

Передаетъ слова враговъ. Поэтому жители убоялись наступленія ночи.

Посѣцыте (ἐκκόψατε) [2]) *древа его* (ст. 6).

Какъ въ лѣсу какомъ-либо; сдѣлайте его, говоритъ, пустыннымъ; какъ въ рощѣ вырвите съ корнемъ дерево, (т. е.) людей безплодныхъ, жестокихъ; вмѣстѣ съ этимъ показываетъ и силу враговъ.

О градъ лживый, всякое насилство въ немъ.

Видишь причину, почему лживъ? Поелику въ немъ *насильство*, и весь лживъ, не такъ, что одна часть его здорова, а другая испорчена, но весь лживъ. Если захочешь видѣть богослуженіе, то (найдешь, что) вмѣсто истиннаго Бога поставили каменныхъ идоловъ. Если нужно изслѣдовать все, касающееся жизни, то и здѣсь увидишь много лжи: неправды въ отношеніяхъ другъ къ другу, въ томъ, что касается истины; испорченъ (διεφθάρη), весь лживъ. Нельзя сказать, что отступили (только) отъ Господа, а во взаимныхъ отношеніяхъ нѣкоторые были справедливы и человѣколюбивы; но всецѣло (былъ) лживъ.

То есть, насыпь сдѣлай къ нему [3]) и поставь войско.

Нечестіе и пакости услышатся въ немъ (ст. 7).

Говоритъ о сильномъ развращеніи. Съ большимъ усердіемъ совершали зло, какъ будто нѣчто доброе и хорошее; такъ старались, какъ будто боялись того, чтобы не погибнуть, если у нихъ будетъ недоставать какого-либо вида зла.

Надъ лицемъ ея (αὐτῆς) [4]) *всегда.*

Смотри, какъ изображаетъ безстыдство. *Предъ лицемъ моимъ*

---

[1]) Βεβλημένη вмѣсто обычно читаемаго въ спискахъ греческаго перевода κέκλινεν.

[2]) Εκκόψατε вмѣсто ἐκκόψον=*посѣцы* въ Славян. Б.; первое находится въ Маршаліан. сп. и евр. т.; второе въ древн. Ватикан. и нѣкоторыхъ другихъ сп. перевода 70-ти.

[3]) Разумѣется, къ городу (Іерусалиму).

[4]) То есть, дочери Сіона.

(μοῦ) [1]), (т.е.), смѣло, нагло, *всегда*, не временно, а постоянно. Смотри, сколь тяжкимъ дѣлаетъ обвиненіе, не оправдываясь относительно наказанія.

Вмѣсто того, чтобы сказать: какъ колодезь содержитъ воду, такъ городъ—зло и не дѣлаетъ никакой перемѣны.

Немощію и язвою накажешися (ст. 8).

Неизлѣчимая рана, не имѣющая исцѣленія и перемѣны, какъ участь содомлянъ и гоморянъ. Итакъ, наказаніе не за прошедшее, а за будущее, повидимому же наказаніе за прошедшее, — для того, повидимому, чтобы не остались при тѣхъ же (грѣхахъ).

Обирайте, обирайте (ст. 9).

Опять увеличиваетъ наказаніе, опять (усиливаетъ) страхъ.
824 Не щажу, говоритъ, и остатковъ. Однако выше (v, 10) сказалъ: *оставите подпоры* Израиля, *яко Господни суть.* И опять здѣсь: *обирайте, обирайте.* Часто разнорѣчитъ для ея пользы, возбуждая ихъ отъ нерадѣнія и отгоняя отчаяніе.

Обратитеся, аки обиратель на кошницу свою. То есть, положите остатки дома.

Кому возглаголю и засвидѣтельствую (ст. 10)?

Пророкъ не знаетъ, къ кому обратить рѣчь. Одни бѣдные, а другіе сокрушили ярмо.

Се слово Господне бысть къ нимъ въ поношеніе. То есть, поелику не скоро навожу бѣдствіе, то отвергаютъ, какъ говорящаго ложь.

Се не обрѣзана ушеса ихъ.

Какое разумѣется обрѣзаніе ушей? Мы знаемъ крайнюю плоть. Пусть выступитъ здѣсь іудей, не желающій болѣе слушать сказанное, дошедшій до (крайняго) зла, не желающій видѣть истины. Съ первымъ пусть выслушаетъ и это: *обрѣжьте крайнюю плоть сердца вашего* (Втор. х, 16). Здѣсь слышно обвиненіе ихъ, потому что говоритъ о необрѣзанныхъ ушахъ. А когда слышишь обличеніе Стефана: *не обрѣзаніи сердцы и утесы, присно Духу Святому противитеся* (Дѣян. vii, 51), то знай, что это прежде сказалъ Іеремія. И черезъ нѣсколько словъ (продолжаетъ). Итакъ что такое это обрѣзаніе? Вниманіе къ тому, что говорятъ. Такъ какъ препятствуетъ [2]) нашему слуху, то уничтожь, говоритъ, нечистоту, смой, и не нужно удалять (ὑφαρεῖν). Видишь

---

[1]) Здѣсь толкователь отступаетъ отъ греческаго текста, измѣняя αὐτῆς въ μοῦ, какъ читается у блаж. Θеодорита, Іеронима и въ евр. текстѣ. См. выше назван. толкованіе *И. С. Якимова.*

[2]) Подразумѣвается, вѣроятно, необрѣзанность.

ли, какъ полезно обрѣзаніе? Не позволяетъ оставаться [1]) въ тѣлѣ. Такъ и жертвы, такъ и храмъ, такъ и праздники, такъ и досугъ (ἡ ἀργία); это образы нѣкоторыхъ другихъ (предметовъ) и символы.

Слово Господне бысть къ нимъ въ поношеніе. Подобно свиньямъ, попирающимъ ногами жемчугъ; дѣйствительно благочестіе для грѣшниковъ омерзительно.

И ярость мою исполнихъ и терпѣхъ (ст. 11).

Чтобы знали, что не наказываются не потому, что не согрѣшили, а потому, что Богъ долготерпѣливъ, послушай, что говоритъ: *ярость мою исполнихъ и терпѣхъ.* Чтобы устрашить, пользуется человѣческими словами.

Излію на младенцы отъ внѣ и на собраніе.

Смотри на сильный (способъ) изложенія. *Излію*, говоритъ, чтобы не изливать. Касается и перваго возраста, могущаго трогать и звѣрей. Не скорбишь отъ собственныхъ бѣдствій? Приди въ чувство вслѣдствіе страданій другихъ. И при разсѣченіи тѣла наиболѣе нечувствительные члены возбуждаютъ въ насъ наибольшее чувство.

Мужъ бо и жена яти будутъ, старецъ со исполненнымъ...

Ни сѣдина, ни супружество, ничто другое не поможетъ имъ тогда.

И прейдутъ домы ихъ ко инымъ (ст. 12). 825

Говоритъ это, потому что знаетъ большую (у насъ) привязанность къ своему, такъ какъ и удалившись вздыхаемъ, если видимъ, что дома, поля и жены достаются другимъ.

Яко простру руку мою.

Видишь ли свыше начинающуюся войну? Оттуда возгорающееся сраженіе? (Видишь ли) небо, воюющее съ ними? Ты слышалъ (о врагахъ) *отъ сѣвера* и презрѣлъ, какъ людей-сорабовъ? Теперь слушай, что (Самъ) имѣетъ простереть руку.

Понеже отъ меншаго и даже до болшаго вси совершиша беззаконная.

Указалъ на великое зло. Отцы, хотя и дѣлали зло, желали однако, чтобы дѣти были добродѣтельными. А здѣсь все наоборотъ: отвергли самую природу, не показали любви отцовъ. Пусть такъ; самъ ты желаешь удовольствія, гнѣва и злобы; для чего заразъ толкаешь и дитя на этотъ утесъ?

И цѣляху сотреніе (ст. 14).

Опять сами начальники — виновники золъ; думаю, что это слово принадлежитъ не подчиненнымъ, а имѣетъ значеніе для насъ, начальствующихъ. Оно приложимо къ такимъ, которые дѣ-

[1]) То, чему не позволяетъ оставаться, опущено въ текстѣ.

лаютъ угодное, говорятъ то, что нравится, и думаютъ врачевать рану, а (на самомъ дѣлѣ) растравляли язву.

И гдѣ есть миръ?

Не сказалъ: нѣтъ мира, но—*гдѣ есть?* Смотри на снисхожденіе. И теперь не отказываюсь отъ обличеній: покажите на дѣлѣ, что вы обѣщали. Боюсь, чтобы и теперь не было умѣстнымъ сказать: *и гдѣ есть миръ?* Развѣ не (миръ), когда по благодати Божіей разрушены всѣ дѣйствія невѣрныхъ, когда мы получили благочестивыхъ начальниковъ, когда имѣемъ молитвенные домы и думаемъ, что наслаждаемся миромъ? Это—не миръ, приличествующій Церкви, поелику и апостолы, не имѣя ничего этого, имѣли совершенный миръ, который оставилъ имъ Богъ. *Миръ*, говоритъ, *оставляю вамъ, миръ Мой даю вамъ* (Іоан. XIV, 27).

Постыдѣстася, яко (ст. 15).

Какъ постыжены были? То есть, свидѣтельствами служили не слова, а дѣла. Обличены были самыми событіями. Если войны не было, то было начало ея. И при этомъ не сдѣлали какой-либо уступки. Видишь ли, что для худо настроенной души не нужно знаменій? Поэтому говоритъ: *падутъ паденіемъ своимъ.*

Станите на путехъ (ст. 16).

Обрати вниманіе на свободное, не вынужденное (служеніе Богу),—на то, какъ (Онъ) хочетъ, чтобы мы сами служили не Его ради, а для насъ. Предоставляетъ (имъ) выборъ пути. *Видите, кій есть путь благъ.* Всѣ (пути) тщательно, говоритъ, изучите;
828 Мой и не мой (путь) изучите; не избирайте Моего, но (изберите) добрый и найдете, что это—совершенно Мой. Если бы Я искалъ Моего, то сказалъ бы, что это совершенно Мой (путь); а теперь (говорю) не просто о Моемъ, но и полезномъ для васъ.

И видите и вопросите о стезяхъ Господнихъ вѣчныхъ: и видите, кій есть путь благъ, и ходите по нему.

(Въ этихъ словахъ) выражаетъ слѣдующее: станьте лучшими и испытайте, кто истинно Господь отъ вѣка; а испытаніе пусть будетъ отъ дѣлъ. Именно словами: *стези Господни вѣчные* (указываются) дѣла Божіи, совершенныя отъ вѣчности, законъ, положенный въ твореніи. Испытавши это, устранитесь отъ идоловъ и будете служить Богу. Однако, не послушались увѣщанія.

Не говорю, что въ теченіе такого времени вы дѣлали испытаніе. Но для чего теперь, по прошествіи такого времени, позволяю испытаніе и выборъ?

И обрящете очищеніе душамъ вашымъ.

(Указываетъ) два великія блага, которымъ не можетъ равняться никакое другое: покой не только для тѣла, но и для души:

когда она спокойна, ничто не можетъ вредить тѣлу, а когда тревожится, ничто не можетъ дать покой тѣлу.

И поставихъ надъ вами стражы (то есть пророковъ). *Слышите гласъ трубы: и рекоша: не послушаемъ* (ст. 17).

То есть, предсказывали пророки бѣдствія и не хотѣли вѣрить. (Пророкъ) говоритъ какъ бы: совершенно (не слушаютъ), потому что не принимаютъ увѣщанія чрезъ (предуказаніе) бѣдствій и не вразумляются нашествіемъ враговъ.

Стражами и трубами называетъ пророковъ. Почему такъ? Потому что предусматриваютъ будущее и возвѣщаютъ это громкимъ голосомъ.

Сего ради услышаша языцы (ст. 18).

Это составляетъ нѣкоторое пророчество: когда они жили, не слушали (ихъ) іудеи; а когда умерли, мы слушаемъ, не только отдѣленные мѣстомъ, но и раздѣленные большимъ протяженіемъ времени. Къ однимъ посылаемы были пророки и привлекли другихъ, къ которымъ не были посланы. Они такъ были полезны, такъ нужны, что ихъ слушали тѣ, которые не имѣли къ нимъ отношенія. Вамъ даны были,—вы не внимали; а другіе слушали ихъ.

Слыши земле (ст. 19).

Видишь ли: когда они не слушаютъ, обращаетъ рѣчь къ стихіямъ. Поелику сказали: не послушаемъ, то говоритъ: *слыши земле.* Не прежде наводитъ на нихъ зло, чѣмъ они привлекаютъ его къ себѣ.

Се азъ. Яко словесъ моихъ не послушаша.

Смотри: вездѣ подвергаются наказанію не только за то, что не исполняютъ закона, но и за то, что не слушаютъ. Какой требуется расходъ, какой—тѣлесный трудъ, чтобы слушать.

Всякую мнѣ кадило отъ Савы приносишь (φέρεις) [1]) *и кинамонъ* 829
отъ земли дальнія (ст. 20)?

Хочетъ сказать, что не нуждаюсь въ приношеніяхъ, нѣтъ надобности въ трудахъ, а только въ расположеніи къ добру. А Сава—страна индійская.

Поелику сказалъ, что отвергли Мой законъ, то для того, чтобы не возразили: какъ мы отвергли законъ, каждодневно принося жертвы и возжигая ладанъ? говоритъ на это: ты, можетъ быть, скажешь, что приносишь ладанъ; (на это отвѣчу): не ищу даровъ, а (ищу) душевнаго благоуханія; это для Меня единственно пріятное благоуханіе. Богъ обоняетъ не вещество, не чувствен-

---

[1]) Φέρεις, вмѣсто обычно читаемаго въ спискахъ греч. перевода, а согласно съ ними въ Славян. Б., φέρετε—*приносите.*

ное благоуханіе, а мысленное, душевное; самый пріятный ѳиміамъ—душа приносящаго.

Се азъ дамъ на люди сія болѣзнь (ст. 21).

Чтобы видно было, что болѣзнь у нихъ не физическаго происхожденія, указываетъ на то, (какъ) необычайное явленіе, что болѣзнь послана Богомъ, что̀ служитъ признакомъ заразительности, навелъ страхъ и словами прежней угрозы. Не уступили. Послалъ пророка соболѣзнующаго, и не почувствовали. Устрашаетъ наконецъ инымъ способомъ и наводитъ болѣзнь, чтобы предотвратить большее зло—войну.

Се людіе грядутъ отъ сѣвера (ст. 22).

Потомъ говоритъ и объ идущемъ съ сѣвера, что не имѣетъ милосердія и не отступитъ ни передъ чѣмъ. Когда Богъ ведетъ войну, тогда люди не знаютъ человѣческихъ чувствъ. Какъ нельзя сдѣлать кроткими звѣрей, такъ, говоритъ, возбуждаетъ къ войнѣ тѣхъ, которые по природѣ могутъ быть склонены (къ миру). Но кто-либо скажетъ, можетъ быть: почему Самъ не истребилъ ихъ, а навелъ другихъ? Потому, что и мы дѣлаемъ это съ тѣми, кого хочемъ наказать, для того, чтобы они понесли позоръ при (перенесеніи) бѣдствій: не малая печаль состоитъ въ томъ, чтобы потерпѣть это отъ другихъ, какъ (и мы дѣлаемъ), когда отдаемъ свободное дитя (для наказанія) рабу.

Мучителенъ есть и не умилосердится (ст. 23).

Смотри, какъ изображаетъ вооруженными, немилосердыми.

Слышахомъ слухъ его, ослабѣша (ст. 24).

Это—какъ отъ лица пророка, (такъ) и отъ тѣхъ самихъ: пророчески изображаетъ и разносящіеся голоса.

Не исходите на нивы (ст. 25).

Здѣсь говоритъ объ осадѣ. Смотри, какъ спустя недолго и незамѣтно наводитъ бѣдствія.

Дщи людей моихъ, препояшися вретищемъ (ст. 26).

Почему? По причинѣ наступающихъ бѣдствій. Потомъ опять указываетъ и причины несчастія. Это и всегда дѣлаетъ, одновременно защищаясь и вмѣстѣ съ тѣмъ удостовѣряя сказанное.

Искусителя дахъ тя въ людехъ искусныхъ (ст. 27).

Говоритъ о необычайности развращенія, потому что даже осада не сдѣлала ихъ лучшими. Вотъ, говоритъ, предоставляю тебѣ испытать ихъ въ то время, когда и бывшіе совершенно без-
832 чувственными могутъ сдѣлаться много лучшими. Нѣтъ ни одного, который, какъ бы ни былъ твердъ, не смягчался бы вслѣдствіе страха.

Пророку говоритъ Богъ, обличая ихъ злобу, чтобы не казался несправедливо осуждающимъ ихъ.

Вси непослушни ходящіи строптиво: мѣдь и желѣзо (ст. 28).

Уподобилъ ихъ мѣди и желѣзу, показывая ихъ твердость и постоянство въ грѣхѣ. Строптивы ихъ пути, слѣдующіе не по прямому направленію. *Правъ Господь* (Пс. xci, 16) *и правы пути Его.*

Что значитъ: какъ *мѣдь и желѣзо?* Постоянство, неизмѣнность злобы. И въ другомъ мѣстѣ говоритъ: *чело твое мѣдяно* (Иса. xlviii, 4). Какъ тотъ не смягчаетъ, подобно расплавленной мѣди, злобы, потому что имѣетъ извращенные пути, и въ огнѣ и въ плавильной печи ходитъ строптиво, такъ они во время наказанія не забываютъ своего злонравія.

Яко *мѣдь и желѣзо вси растлѣни суть.*

Какъ тѣ (металлы) истребляются временемъ вслѣдствіе ржавчины, такъ и эти совершенно утратили въ продолженіе времени духъ благочестія.

Оскудѣ мѣхъ отъ огня, истлѣ олово, всуе ковачь сребро куетъ (ст. 29).

Вмѣсто: *куетъ* въ еврейскомъ (текстѣ): очищаетъ. Развращеніе ихъ обозначилъ посредствомъ примѣра. Говоритъ, что олово служитъ для серебра очистительнымъ средствомъ и, будучи прибавляемо, дѣлаетъ его твердымъ, (при чемъ) всякое примѣшанное чуждое вещество удаляется. (Итакъ, говоритъ), что всякая мысль у нихъ уничтожилась: ни пророковъ не слушали, ни наказаніями не вразумились, ни отъ прочаго не сдѣлались лучшими. *Лукавства ихъ не истаяша.* Продолжаетъ сравненіе. Какъ серебро, говоритъ, содержащее много мѣди, хотя бы прибавлено было къ нему много олова, остается нечистымъ, смѣшаннымъ съ мѣдью, такъ и эти не освободились отъ развращенія.

Сребро отриновенно (ст. 30).

То есть, не принимающее исправленія, фальшивое, не законно чеканенное, не принятое въ царскомъ казнохранилищѣ; хотя оно имѣетъ царскій образъ и письмена, но ни къ чему негодно, потому что у него самое вещество испорчено. Такъ и они имѣютъ *образъ благочестія, а силы отверглись* (2 Тим. iii, 5).

ГЛАВА VII.

Слышите слово Господне вся Іудеа (ст. 2).

Хотя непоправимо падаютъ, неисцѣльно болѣютъ и нѣтъ никакого утѣшенія въ бѣдствіяхъ. Для чего же опять посылаетъ врача, который увеличитъ только для нихъ наказаніе и уничто-

жить всякое прощеніе? Многократно слышавшій и оставшійся не-
833 исправимымъ въ непрерывности совѣта и увѣщанія имѣетъ величайшее (для себя) обличеніе.

Исправите пути ваша и начинанія ваша (ст. 3).

То есть (исправьте) дѣйствія ваши и то, что вы сдѣлали по причинѣ идолослуженія,—это именно значитъ (слово:) *начинанія*. Это говоритъ о пророкахъ, возвѣщавшихъ плѣнъ. А нѣкоторые изъ лжепророковъ внушали имъ быть смѣлыми, говоря, что вы не потерпите ничего худого. Если Богъ и гнѣвается изъ-за васъ, то не рѣшится предать храмъ врагамъ. Поэтому повелѣлъ пророку стать въ воротахъ и сказать это.

Не надѣйтеся на себе въ словесѣхъ лживыхъ, понеже весма не упользуютъ васъ, глаголюще: храмъ Господень, храмъ Господень есть (ст. 4).

Страшныя слова. Сказавъ, что блудодѣйствуете, совершая служеніе идоламъ, и, послѣ перечисленія беззаконій (которыя они совершали), что послѣ этого входили въ храмъ, говоритъ: *еда вертепъ* (ст. 11).

Это имъ представлялось самымъ важнымъ. Хотя они жили на ней (αὐτὴν) [1]), однако по божественному суду были извергнуты.

Эта мысль много имъ вредила, какъ говоритъ имъ и Христосъ, а особенно Іоаннъ: *не начинайте глаголати: отца имамы Авраама* (Мѳ. ш, 9). Такъ и здѣсь не говори: *храмъ Господень*. Если Онъ имѣетъ нужду въ домѣ, вы справедливо думаете, что Я не ниспровергъ бы дома. А если для Меня не нужно никакое мѣсто, если Я совершенно не вмѣстимъ, если небо—престолъ Мой, а земля—подножіе ногъ Моихъ, то (указанная) мысль особенно неумѣстна. Если Своею рукою Я утвердилъ небо, то какой домъ построите Мнѣ? Не вѣрьте лживымъ словамъ.

Яко аще исправляюще исправите (ст. 5).

Тѣмъ, для которыхъ *всуе ковачь сребро куетъ* (vi, 29), опять говоришь: *аще исправите?* Гнѣвающіеся имѣютъ обычай говорить такъ: этотъ мальчикъ не подаетъ надеждъ, нельзя сдѣлать его полезнымъ; однако посовѣтуемъ ему сдѣлаться полезнымъ, сдѣлаемъ все и будемъ уговаривать его. То дѣло гнѣва и раздраженія, а это—попеченія и убѣжденія. Не потерпѣвши отъ того никакого вреда, не считай зло естественнымъ. Чтобы ты не сказалъ этого, прибавляетъ: *аще исправите пути*.

И творяще сотворите судъ посредѣ мужа и посредѣ искренняго его.

То есть, не судите несправедливо. Что говоришь? Развѣ

[1]) Разумѣется земля, которую Богъ далъ отцамъ; см. ст. 7-й.

имѣющіе дѣло другъ съ другомъ иноземцы? (Нѣтъ) не иного происхожденія; (онъ) ближній (твой); обижаешь себя: заступаешься за того, чтобы обидѣть брата, чтобы причинить вредъ сочлену; если ничто другое, то пусть тронетъ тебя то, что братъ судится съ братомъ.

И пришелцу, и сиру, и вдовицѣ не сотворите насилія (ст. 6).

Неужели нужны были (особыя) повелѣнія объ этомъ? Неужели недостаточно природы, чтобы научить этому? Не видите ли словъ, возбуждающихъ состраданіе? Кто такъ безразсуденъ, чтобы быть жестокимъ съ странникомъ? Кто столь безчувственъ, чтобы не пожалѣть жену, лишившуюся мужа? Кто столь безчеловѣченъ, чтобы не почувствовать состраданія къ лишившемуся отца? Я, говоритъ, не сказалъ: помилуй, а—*не сотвори насилія.* Я не могъ воспрепятствовать, а предложилъ тебѣ самое упражненіе въ человѣколюбіи. 336

И вслѣдъ боговъ чуждихъ не пойдете на зло.

Всегда вѣдь пріятно то, что стало привычнымъ; поэтому, если не служишь, какъ Богу, воздавай почитаніе, какъ сдѣлавшемуся привычнымъ. Видишь ли и здѣсь большую легкость? И не это только въ состояніи отвратить отъ того, чтобы оставлять Единаго и привычнаго, а отдаваться страннымъ и чуждымъ, но и то, что наказаніе идетъ по пятамъ. Для чего здѣсь поставилъ слова: *во зло вамъ суть?* Чтобы не подумалъ кто-либо, что ради себя отводитъ ихъ отъ заблужденія: ради васъ не хочу, чтобы вы это дѣлали.

И вселю васъ на мѣстѣ семъ (ст. 7).

Итакъ для поселенія людей нужны не стѣны, не воины, не оружіе, а помощь Божія.

Въ земли, юже дахъ отцемъ вашымъ.

Для чего упомянулъ объ отцахъ? Всѣ люди обыкновенно держатся крѣпко полученнаго отъ отцовъ, вслѣдствіе чего эта земля была особенно дорогою; а это служило великимъ осужденіемъ для іудеевъ, если они любили (свою) землю, какъ отечество, а Бога отцевъ избѣгали.

Аще же вы надѣетеся на словеса лживая, отъ онудуже не будетъ вамъ пользы (ст. 8).

Вотъ причина всѣхъ золъ: надежда на себя. *Проклятъ человѣкъ, иже надѣется на человѣка* (Іер. XVII, 5). Ничто такъ не отдаляетъ отъ Бога, какъ неусвоеніе Ему всего. Поэтому человѣка, могущаго во многомъ достигнуть обилія, постоянно привязываетъ къ небу, какъ нѣкоторой необходимости, возбуждая постоянную потребность помнить Господа. Земледѣлецъ, мореплаватель вслѣдствіе самаго занятія имѣютъ постоянное памято-

ваніе; каждый, вразумляемый (событіями жизни), невольно смотритъ на небо.

И пріидосте и стасте предо мною (ст. 10).

Большое безстыдство — по совершеніи (беззаконій) представать предъ видящимъ все это Судіей,—приходить въ Его храмъ на святомъ мѣстѣ.

То есть, заключили завѣтъ со Мной. Вездѣ судитъ ихъ на основаніи ихъ обѣщаній.

Еда вертепъ разбойниковъ (ст. 11)?

Для чего говоритъ это? Развѣ не для молитвы построенъ? Развѣ для хищенія, развѣ для прелюбодѣянія, развѣ для нечи-
837 стоты? Какъ Христосъ говоритъ: *храмъ мой храмъ молитвы наречется, вы же сотвористе и вертепъ разбойникомъ* (Мѳ. XXI, 13), такъ и здѣсь, потому что клялись и при хищеніи заключали завѣтъ.

Не думайте, что Я, не обличая беззаконій, участвую въ нихъ съ вами и содѣйствую вамъ въ неправдахъ; то есть, не считаете ли Меня вождемъ разбойниковъ?

И се азъ видѣхъ, глаголетъ Господь.

То есть, не сокрыто отъ Меня ваше служеніе идоламъ; а разбойниками назвалъ ихъ за корыстолюбіе.

Сего ради идите къ мѣсту Силому (εἰς τὸν τόπον Σιλώμ), *идѣже вселихъ имя мое отъ начала* (ст. 12).

Какъ то (мѣсто) Я не пощадилъ, такъ—и храмъ.

Хотя то было древнѣйшимъ, не получили отъ него пользы, явившись недостойными Бога.

И нынѣ, понеже сотвористе вся дѣла сія (ст. 13).

Говоритъ о многомъ злѣ: ни то, что (произошло) съ мѣстомъ въ Силомѣ, ни ученіе не принесетъ имъ, говоритъ, пользы. Смотри, съ какимъ тщаніемъ отводилъ ихъ отъ зла.

Ты же не молися о людехъ сихъ (ст. 16).

Это говоритъ не для того, чтобы молящійся прекратилъ молитву, а чтобы устрашить тѣхъ. Какъ Моисею говорилъ: *остави мя* (Исх. XXXII, 10), чтобы не оставлялъ Его, такъ (говоритъ) и этому: *не молися,* чтобы тѣ, слыша, ужаснулись и не возлагали надеждъ на другого. Если бы не хотѣлъ этого, не указалъ бы причинъ, едва не оправдываясь предъ ними.

И не проси еже помилованымъ быти имъ.

Возскорбѣлъ (ἔπαθέ τι) пророкъ, услышавъ о разрушеніи храма. Потомъ, убѣждая ихъ, приводитъ:

Еда не видиши, что сіи творятъ во градѣхъ Іудиныхъ (ст. 17)?

Скажи, почему не слышишь? Гнѣвающемуся свойственно было не говорить причинъ, а желающему исцѣлить и помочь —

указать причину для того, чтобы постарались ее устранить. Или не видишь, что они дѣлаютъ? Вѣдь близко и не далеко совершали дѣла нечестія.

Сынове ихъ собираютъ дрова, да сотворятъ опрѣсноки (ст. 18).

Видишь стараніе? Видишь нечестіе, совершаемое съ усердіемъ? Что такое *опрѣсноки* (χαυῶνας)? Лепешки, хлѣбы.

Указалъ, что всѣ наклонны къ злу. Сказанное: „трутъ тѣсто", *мѣсятъ* (φύρουσιν) также выражено и по-еврейски. *Да сотворятъ опрѣсноки*, то есть, большіе хлѣбы, потому что (читаемое въ переводѣ 70-ти) слово: „хавонасъ" (=*опрѣсноки*) есть еврейское; оно значитъ: хлѣбъ, дѣлаемый мѣрою въ такъ называемый одинъ модій; а воинствомъ небеснымъ называетъ зодіакальный кругъ. 840

И возліяша возліянія богомъ чуждимъ.

И бѣдность не препятствуетъ жертвоприношенію.

И жены ихъ мѣсятъ муку.

Не имѣютъ овецъ и однако совершаютъ нечестіе изъ того, что есть.

Воинству небесному.

Здѣсь говоритъ о звѣздахъ. А почему называетъ воинствомъ небеснымъ? Показываетъ, что не имъ принадлежитъ достоинство власти, а есть другой царь. А что (значитъ), когда говоритъ о царицѣ неба? Здѣсь говоритъ по мысли тѣхъ, которымъ принадлежитъ это названіе.

Мене ли тіи прогнѣвляютъ, глаголетъ Господь: еда не себе самихъ (ст. 19)?

Развѣ Я терплю какое-либо бѣдствіе? Они сами, говоритъ, чтобы себя срамить, такъ какъ наносящій безчестіе причиняетъ себѣ вредъ, и когда подвергаемый оскорбленію не терпитъ (чрезъ это) ничего худого, то воздержится отъ оскорбленія тотъ, кто ничего (чрезъ это) не достигаетъ.

Сего ради тако глаголетъ Господь (ст. 20).

Вездѣ (прибавляется): *глаголетъ Господь*, чтобы слово (пророка) сдѣлать достовѣрнымъ, чтобы кротость не ввергла ихъ въ безпечность.

Се гнѣвъ и ярость моя ліется.

Скажи мнѣ, почему (льется) на это? Во-первыхъ, потому что это имѣло сдѣлаться безполезнымъ, во-вторыхъ, для того, чтобы показать великую силу гнѣва. Если человѣкъ истребляется и храмъ разрушается, то тѣмъ менѣе слѣдовало щадить безсловесныхъ.

Яко не глаголахъ, и не заповѣдахъ имъ (ст. 22).

Чего не повелѣваетъ съ особою цѣлью, того не называетъ своимъ совѣтомъ, какъ если говоритъ: *еда восхощу смерти грѣш-*

ника, яко (ὡς) *обратитися и живу быти ему* (Іезек. XVIII, 23), и однако, по Его волѣ, наказывается.

И не услышаша мене (ст. 24).

Это большая награда: *и не услышаша мене.*

И речеши къ нимъ слово сіе (τὸν λόγον τοῦτον) *и не услышатъ* (ст. 27). То есть, не обратятся.

Остризи главу твою, и воспріими (ст. 29).

Это говорится пророку и служитъ символомъ печали. Такъ какъ они оказывались безчувственными къ собственнымъ бѣдствіямъ, то повелѣваетъ ему плакать и печалиться. Это мы дѣлаемъ и въ отношеніи къ неистовствующимъ изъ состраданія къ нимъ.

И воспріими во устнѣ рыданіе.

Хорошо говоритъ: не въ душѣ, такъ какъ это (послѣднее) онъ имѣлъ и сокрушался; сдѣлай, говоритъ, открыто.

И отрине родъ творящій сія, понеже...

(Отринулъ) не просто всѣхъ, но (родъ) *творящій сія.* Совершенно достойно плача и слезъ, если какой оказывается негод-
841 нымъ предъ Богомъ, потому что гдѣ будетъ наконецъ годнымъ?

Понеже сотвориша во очію Моею (ст. 30).

Не тайно, не скрываясь. И какъ могъ укрыться отъ недремлющаго ока? Что значитъ „предо Мною" (ἐνώπιόν μου)? Въ Моемъ храмѣ.

Поставиша мерзости своя въ дому, въ немже призвано есть имя мое, да осквернятъ его.

Видишь неистовство, видишь безуміе? Не тайно, а открыто все дѣлали, дерзко оскорбляя славу Божію, подобно тому, какъ если бы кто, изгнавши царя, ввелъ тирана въ царскій дворецъ. Какъ же говорите: *храмъ Господень, храмъ Господень?* Какъ заступится за васъ обижаемый? Какъ будетъ спасать васъ оскорбляемый? Онъ будетъ горькимъ вашимъ обличителемъ.

И воззовеши ихъ и не отвѣщаютъ тебѣ (ст. 27).

Воззовеши, то есть, будешь обращать ихъ къ покаянію и не будутъ имѣть отъ словъ никакой пользы.

И создаша требище Тафеѳу (ст. 31).

То есть, жертвенникъ Плутона,—какъ постоянно подпадающіе смерти, чтобы долго жить.

Требищемъ Тафеѳъ въ нѣкоторомъ храмѣ, въ долинѣ сына Еннома, называетъ масличную рощу. Обрати вниманіе и на мѣста: ходили не въ пустынныя, а лежащія въ самой пріятной мѣстности, вблизи города.

Да сожигаютъ сыны своя: егоже не повелѣхъ имъ.

Чтобы не сказалъ кто-либо, что Тебѣ это... принесъ жертвы.

И невинной крови не повелѣвалъ имъ (проливать); не дѣлалъ (на это) намека; и не хотѣлъ, чтобы просто приносили жертвы; но они сами сожигали. Пусть страхъ Божій не удержалъ васъ; законъ природы не воспрепятствовалъ; такъ неистовствовали. Тамъ, гдѣ нужно было почтить демоновъ, не обратили вниманія и на природу; а когда нужно служить Богу, жалѣли и овецъ. Кого не опечалитъ это зрѣлище? Вотъ намъ и слушать представляется это страшнымъ. Мы еще удивляемся, скажи мнѣ, почему разрушеніе, почему плѣнъ? Но хорошо ли было бы, чтобы жили тѣ, которые такъ жили?

Сего ради дніе грядутъ, глаголетъ Господь, и не рекутъ ктому: требище Тафеѳово (ст. 32).

Хотите, говоритъ, убивать? Я сдѣлаю это по закону войны. Лучше такъ погибать сыновьямъ, чѣмъ отъ отцовскихъ рукъ.

И погребутъ въ Тафеѳѣ, занеже нѣсть мѣста.

Тамъ, гдѣ прежде, считая мѣсто священнымъ, и близко не пускали мертваго, тамъ будетъ сложено множество мертвыхъ. А это говоритъ, какъ будто иноплеменный народъ произвелъ тамъ большое избіеніе. Поэтому присовокупляетъ:

И будетъ трупіе людей сихъ въ снѣдь птицамъ небеснымъ (ст. 33).

Такъ какъ они не удостоятся даже погребенія, что указы- 344
ваетъ на особенное несчастіе.

ГЛАВА VIII.

И повергутъ ихъ противъ солнца и луны, и противъ всѣхъ звѣздъ (ст. 2).

То есть, на глазахъ у нихъ. Не только не окажутъ непріятели чести умершимъ, но и выроютъ кости умершихъ прежде и удостоенныхъ чести (погребенія), — чтобы знали, что никакой пользы не приноситъ служеніе статуямъ (языческихъ боговъ).

Повергутъ ихъ противъ солнца и луны, и противъ звѣздъ, ихже, говоритъ, „вы возлюбили" (ἠγαπήκατε) [1]. Говоритъ такъ, какъ бы посмѣваясь надъ ними, — что не пощадятъ, не пожалѣютъ тѣ, которые пользовались большимъ угожденіемъ, не смогутъ воспрепятствовать и (служенія) возлюбившихъ ихъ, а допустятъ нанести оскорбленіе костямъ совершавшихъ служеніе и не помогутъ имъ.

---

[1]) Вмѣсто обычно читаемаго въ греч. сп. ἠγάπησαν = *возлюбиша.*

И не погребени будутъ.

Погребеніе у древнихъ было не маловажнымъ дѣломъ.

Понеже сія глаголетъ Господь: еда падаяй не востаетъ (ст. 4)?

Смотри на любящаго, который удаляется отъ возлюбленной, не хочетъ разговаривать и тратить словъ, а послѣ того снова смягчается. Это видно изъ того, что вводитъ увѣщаніе и совѣтъ. Хотя многіе, оскорбляемые, говорятъ: иди, говори это, но какъ бы отъ себя; не говори, что отъ меня, чтобы не казаться оскорбленными; а Богъ не такъ, но сказалъ, что Я глаголю. Смотри на любовь. *Еда падаяй не востаетъ?* Видишь, что нигдѣ нѣтъ худого и добраго по природѣ, такъ какъ то, что по природѣ, остается неизмѣннымъ. Развѣ ты упалъ не послѣ того, какъ стоялъ? Развѣ ты не ходилъ? Не осуждаю, говоритъ, что упалъ. А что остаешься въ своемъ паденіи, это возбуждаетъ Мой гнѣвъ.

Или отвращаяйся не обратится.

Осуждаетъ ихъ, какъ безнадежно падающихъ.

Вскую отвратишася отвращеніемъ безстуднымъ (ст. 5)?

Потому что (отвратились) отъ Бога, потому что—при такихъ (благодѣяніяхъ), потому что—совершенно, потому что ни на что не можетъ пожаловаться. Совершенно безстыдное отступленіе отъ Бога.

И укрѣпишася въ произволеніи своемъ.

Обрати вниманіе на принимаемое рѣшеніе: нигдѣ нѣтъ необходимости, нѣтъ судьбы. Развѣ сначала были такими?

Внимайте и слушайте: не тако ли возглаголютъ (ст. 6)?

Прикровенно нужно понимать (эти слова). А мысль та же, то есть, говорится объ этомъ злѣ. Поэтому прибавляетъ:

Нѣсть человѣкъ, творяй покаяніе о грѣсѣ своемъ.

845 Не говоритъ: не покаялись, а—*нѣсть человѣкъ*. Другое опять необычайное (зло). И не *воставать* тяжко, нѣтъ, а гораздо болѣе тяжко то, что всѣ лежать. Не только не перемѣняется, но и не осуждаетъ своихъ грѣховъ.

Глаголя: что сотворихъ?

Или такъ нужно понимать: „не такъ скажутъ“, то есть, чтобы обратиться; при томъ и другомъ пониманіи устойчивою остается та же мысль.

Изнеможе бѣжай отъ теченія своего, аки конь утружденъ въ ржаніи своемъ.

Уподобилъ ихъ коню, назначенному для случки: конь, говоритъ, устаетъ при совокупленіи и останавливается, а они не прекратили беззаконія. Или такъ нужно понимать: какъ конь, посланный для случки, съ бѣшенствомъ набрасывается на кобылицъ, не тратя напрасно времени, такъ и эти показали такую же

ревность къ злу; и какъ тотъ не утомляется, въ это время бѣгая, такъ и они. То есть, они не прекратили ревности къ злу.

Но всему есть конецъ, а эти одни грѣшатъ безъ конца и не знаютъ сытости въ злѣ, даже въ отношеніи природы. Не время для похотѣнія, когда природа утомляется и не хочетъ наконецъ дѣйствовать, а хочетъ отдыхать. А вы не такъ. И конямъ не всегда нравится бѣгать, а ищутъ иногда отдыха. Все знаетъ перемѣну, а вы, дѣлая зло, не (знаете).

Еродіа на небеси позна время свое: горлица, и кузнечикъ (τέττιξ) [1], *и ластовица сельная, врабія сохраниша времена входовъ своихъ* (ст. 7).

Примѣненіемъ къ безсловеснымъ обличаетъ ихъ. Еродіемъ (ἀσίδα) называетъ аиста. (Названія:) „кузнечикъ" (τέττιγα) не имѣетъ еврейскій текстъ; вмѣсто этого въ немъ читается: журавль (γέρανον). Такимъ образомъ указалъ на (птицъ) являющихся частью лѣтомъ, частью—зимой. Ласточка и аистъ обыкновенно показываются лѣтомъ, горлица и журавль—зимой. Итакъ, что хочетъ сказать, состоитъ въ томъ, что безсловесныя ищутъ своей пользы и попеременно избираютъ годныя мѣста.

Нѣкоторые разумѣютъ птицу, а другіе—звѣзду [2]).

Людіе же мои [3]) *не познаша судебъ Господнихъ.*

Народъ не искалъ того, что было полезно для него, то есть, служенія Мнѣ. Затѣмъ (говоритъ) черезъ нѣсколько словъ:

Како речете, яко мы мудри есмы и законъ Господень съ нами есть (ст. 8)?

То есть, ставите себя выше не только безсловесныхъ, но и всѣхъ народовъ, по причинѣ руководительства закона. А между тѣмъ не можете сравниться и съ безсловесными.

Тамъ, гдѣ нужно было похвастать, называли себя и мудрыми и имѣющими законъ. Видишь ли, что не достаточно словъ, а нужно доказательство на дѣлѣ. Нужно быть и мудрыми по природѣ и имѣть мудрость отъ закона.

Всуе [4]) *бысть трость лживая книжникомъ.*

Напрасно, говоритъ, приняли наслѣдіе и неосновательно по- 848
чтены предсѣдательствомъ; ни себя, ни другихъ не умудрили; по имени только у нихъ ученіе.

---

[1]) Слово: τέττιξ отсутствуетъ въ древнихъ сп. перевода 70, какъ и въ Славян. Библіи.

[2]) Къ чему относятся эти слова, изъ текста не видно.

[3]) Читаемому въ Слав. В. *сіи* нѣтъ соотвѣтствующаго въ текстѣ Патрологіи, какъ и въ древнихъ сп. греческаго перевода.

[4]) Читаемому въ Слав. В. *истинно* нѣтъ соотвѣтствующаго въ текстѣ Патрологіи, какъ и въ древн. спискахъ греч. перевода.

Посему (διὰ τοῦτο) [1]) *всуе бысть трость лживая книжникомъ.*

Тростью (σχοῖνον) часто называетъ мѣру земли, чтобы обозначить полученный въ наслѣдство участокъ, когда напр. говоритъ: *ужа* (σχοινία) *нападоша ми въ державныхъ моихъ* (Пс. XV, 6). А хочетъ сказать то, что напрасно вамъ и намъ учащимъ было наслѣдіе, то есть, и отъ наслажденія данными Мною благами вы не стали лучшими. А по еврейскому тексту говорится: напрасно было вамъ, книжникамъ, ученіе, то есть, вы не принесли пользы, уча другихъ.

Сего ради дамъ жены ихъ инымъ (ст. 10).

Самое дорогое изъ всѣхъ стяжаній.

И села ихъ наслѣдникомъ.

Наслѣдниками называетъ непріятелей. Какъ получившіе наслѣдство владѣютъ (имъ) безопасно и твердо, такъ и эти. За что же имъ даешь? За благочестіе? Нѣтъ, а для наказанія и вразумленія этихъ. Такъ поступаемъ мы часто и съ дѣтьми, тѣхъ порицая, а другимъ вмѣсто ихъ оказывая (честь), чтобы ихъ тревожило и печалило не только лишеніе принадлежащаго имъ блага, но и вниманіе къ другимъ.

И исцѣляху сотренія дщере людей моихъ въ безчестіи, глаголюще: миръ: гдѣ же онъ (ποῦ δὲ εἴη) [2]) (ст. 11)?

Въ безчестіи, то есть, напрасно. Онъ какъ бы говоритъ: безъ всякой пользы, даже со вредомъ; достаточное безчестье—отводить (ἀπάγειν) слушающихся.

Нѣсть грозда на лозѣ, и не суть смокви на смоковницахъ, и листвіе отпадоша: и дахъ имъ и мимоидоша ихъ (ст. 13).

Указываетъ ходъ войны, такъ какъ выше сказалъ: *тулъ его яко гробъ отверстъ, вси крѣпцыи, и поядятъ жатву вашу, и хлѣбы ваши* (V, 16), обозначая время начальствованія (ἐπιστασίας). Хочетъ сказать, что такое время прошло, что настала и зима, а мы не пришли въ лучшее состояніе. *И дахъ имъ*, то есть, Богъ отдалъ наше добро врагамъ; *и мимо идоша ихъ*, то есть, чѣмъ наслаждались, то погубили.

Что это значитъ? [3]). Или то, что непріятели взяли, или то, что былъ неурожай, можетъ быть, служившій божественнымъ наказаніемъ. Такъ какъ, ведя непрерывно войну, обездолили (ἐγύμνουν) землю, то это и произошло; а было это для того, чтобы получили вразумленіе посредствомъ плодовъ.

---

[1]) Такъ читается изъ древн. греч. сп. въ Маршаліанскомъ.

[2]) Въ древнихъ сп. греческаго перевода, съ которыми согласуется Слав. Б., читается: καὶ οὐκ ἔστιν εἰρήνη=и не бѣ мира.

[3]) Вопросъ этотъ относится, нужно думать, къ словамъ: *и мимоидоша ихъ*.

И напои насъ водою желчи (ст. 14).

Видишь, какое благо—скорбь? Что значитъ вода желчи? Свидѣтельствуемый исходъ (τὴν ἔκβασιν μαρτυρουμένην) [1]); пророкъ говоритъ, предваряя то, что они имѣли сказать.

Почто мы сѣдимъ?

То есть, не будемъ ждать плодовъ земли. 849

Совокупитеся и внидемъ во грады тверды и повержемся тамо.

То есть, остается спасаться въ городъ, такъ какъ все внѣ (его) взято непріятелями.

Ждахомъ мира и не бяху благая (ст. 15).

То есть, мы убѣжали въ городъ, имѣя въ виду жить въ мирѣ, а тамъ постигла нужда.

Времене уврачеванія.

То есть, чтобы избавиться отъ непріятелей.

И се боязнь.

То есть, здѣсь было больше безпокойства, чѣмъ у находившихся внѣ, такъ какъ у этихъ была (надежда спасенія), а тѣ подверглись осадѣ, отъ которой не могли освободиться.

Отъ Дана слышано бысть ржаніе коней (ст. 16).

При наказаніяхъ Богъ всегда дѣлаетъ болѣе (тяжелымъ) видъ наказанія. Въ самомъ началѣ представляетъ его страшнымъ, чтобы это послужило къ исправленію. Возбуждаетъ словами, возбуждаетъ дѣйствіями, и начало представляетъ ужаснымъ, чтобы устрашенные и вразумленные не испытали на дѣлѣ бѣдствій.

Отъ гласа ржанія ужденія коней потрясеся вся земля.

То есть, обратилась въ бѣгство.

Яко се азъ послю на васъ зміи (ст. 17).

Напоминаетъ бывшее съ ними въ пустынѣ; не змѣй имѣлъ послать, а называетъ такъ персовъ и варваровъ.

Или говоритъ о нападеніи звѣрей, какъ въ пустынѣ, или этимъ примѣромъ указываетъ на жестокость враговъ; а что въ приведенныхъ словахъ изображаетъ наступленіе бѣдствій, ясно показываетъ, потому что далѣе говоритъ:

Имъ же нѣсть обаянія и угрызутъ.

Поэтому нельзя найти врачества противъ болѣзни: легче укрощается звѣрь, чѣмъ ярость варваровъ.

Се гласъ вопля дщере людей моихъ (ст. 19).

Пророкъ опять слышитъ плачъ ихъ вслѣдствіе плѣна.

Или царя нѣсть тамъ (ἐκεῖ).

Развѣ безначаліе у нихъ? Отчего преданы? Имѣли и Бога и царя, начальствовавшаго въ городѣ. Что значитъ: *царя нѣсть*

---

[1]) Здѣсь въ текстѣ явно недостаетъ нѣсколькихъ словъ.

тамъ? Постоянно показываетъ, что Богъ выше царей. Вотъ, говоритъ, отнято у васъ всякое оправданіе: Я далъ и царя. Что было, когда вы подражали народамъ и говорили: и будемъ, *якоже прочіи языцы* (1 Цар. VIII, 5), имѣя царя? Царя получили; почему же не остались при своихъ законахъ, а впали въ нечестіе?

852 *Надъ сокрушеніемъ дщере людей моихъ сокрушенъ есмь* (ст. 21).

Не вслѣдствіе только наказанія печалился пророкъ, но по причинѣ неисправимости. Хорошо указалъ на *ужасъ* (ἀπορίαν) [1]: когда больной не принимаетъ лѣкарства, что болѣе остается затѣмъ? Врачъ не переставалъ лѣчить, но ничего не выходило.

Или ритины нѣсть въ Галаадѣ (ст. 22)?

Галаадъ былъ и есть городъ священническій. Это ясно видно изъ кн. Паралипоменонъ, гдѣ говорится: *сыномъ Мерариным оставшымся отъ колѣна Завулоня* отдѣлили *Реммонъ и подградная его.* Потомъ говоритъ: и за рѣкой *Іерихонъ;* и назвавъ извѣстные города изъ колѣна Рувимова, продолжаетъ: и отъ колѣна Гадова *Раммовъ Галаадскій* (1 Парал. VI, 77—80). Этимъ хочетъ сказать: развѣ не было архіереевъ, могущихъ наставлять или предлагать полезныя бесѣды народу? А ритиной называетъ лѣкарство, которое дается при лѣченіи, врачемъ же—самого священника, могущаго врачевать грѣхи и ученіемъ и ходатайствомъ предъ Богомъ. Онъ (какъ бы) говоритъ: не было недостатка ни въ чемъ, чему надлежало быть отъ Тебя, а они не сдѣлались лучшими отъ увѣщанія.

ГЛАВА IX.

Кто дастъ главѣ моей воду (ст. 1)?

Я, говоритъ, не имѣю отъ природы такого множества слезъ, которое соотвѣтствовало бы величинѣ несчастія. Поелику сѣтующіе облегчали обыкновенно свое большое горе слезами, то поэтому и я, говоритъ, захотѣлъ сильнѣе возбудить природу къ тому, чтобы у меня была вода и безпрепятственно текла, такъ какъ не оставалось ничего больше, говоритъ, какъ плакать.

О побіенныхъ дщере людей моихъ.

Что говоришь? Развѣ нужно оплакивать зараженныхъ зломъ? Да, говоритъ, оплакиваю ихъ. Почему? По этой причинѣ: не потому что наказываются, а потому что отнята всякая (надежда) на исправленіе.

[1] Ἀπορίᾳ κατέσχοσαν=во ужасѣ объяша.

Или [1])—непріятелями, или—грѣхомъ.

Кто дастъ мнѣ въ пустыни виталище послѣднее, и оставлю люди моя и отъиду отъ нихъ (ст. 2).

Пророкъ: о, если бы, говоритъ, можно было жить въ пустынѣ!

Понеже вси любодѣйствуютъ, сборище преступниковъ.

То есть, имѣли согласіе на зло, такъ что не могутъ просить Бога о грѣхахъ.

Ты оставляешь ихъ и уходишь? Да, говоритъ. Если былъ бы кто-нибудь внимающій словамъ, если бы даже одинъ, я не удалился бы, а нынѣ—*сборище преступниковъ.*

И оставлю люди моя.

Какъ одинъ изъ народа, называетъ свой народъ собственнымъ по крови и происхожденію. 853

Вси любодѣйствуютъ.

О какомъ здѣсь любодѣйствѣ говоритъ? Не о томъ ли, дѣйствительно, которое состоитъ въ (отпаденіи) отъ Бога? Это любодѣйство тяжкое и беззаконное, тягчайшее настолько, насколько больше Тотъ, Кому наносится оскорбленіе, насколько выше завѣты и вѣра.

Соборище преступниковъ.

Такъ какъ единомысленны на зло, какъ и противъ Христа.

И налякоша языкъ свой яко лукъ (ст. 3).

Говоритъ о враждебномъ и неизмѣнномъ расположеніи ихъ.

Ложь и невѣрство укрѣпишася на земли.

То есть, исполнены лицемѣрія.

Кійждо отъ искренняго своего да стережется (ст. 4).

Видишь ли совершенную злобу, когда не довѣряютъ и близкимъ, когда раздѣлены? Въ этомъ и состоитъ цѣль діавольской злобы—раздѣлить членовъ, когда ни братъ, ни другъ, ни другой кто не пользуется довѣріемъ.

И на братію свою не уповайте.

То есть, никому не довѣряйте, что и Христосъ говоритъ: *и за умноженіе беззаконія изсякнетъ любы* (Мѳ. XXIV, 12). Здѣсь не уничтоженіе дружбы, а притворство ея.

Всякъ братъ запинаніемъ запнетъ, кійждо на брата его, истины не возглаголютъ.

Когда всюду зло, когда и малая, здоровая часть не имѣетъ истины.

---

[1]) Это отрывочное выраженіе относится, вѣроятно, къ словамъ: *о побіенныхъ...*

Неправдоваша и не восхотѣша.

Видишь? Не отъ природы грѣхи. Смотри, какъ различно обвиняетъ, то въ грѣхахъ противъ ближняго: *неправдоваша и не восхотѣша обратитися*, то, (какъ) повсюду,—въ томъ, что ихъ зло неизмѣнно.

Научиша языкъ свой глаголати лжу.

Никакой видъ зла не бываетъ столь ненавистнымъ, какъ тотъ, когда одно является, а другое говорится.

Сего ради... се азъ разжегу ихъ и искушу ихъ (ст. 7).

Испытаніе не дѣло неопытности; Онъ зналъ, что они злы, но *искушу*, хочу подвергнуть испытанію. Не будемъ поэтому избѣгать наказанія, но избѣжимъ грѣха, такъ какъ онъ дѣлаетъ негодными, а то—испытанными.

Стрѣла уязвляющая языкъ ихъ (ст. 8).

Въ еврейскомъ текстѣ: погубляющая.

Какъ можетъ ранить когда-либо языкъ? Онъ ранитъ больнѣе всякой стрѣлы: наноситъ ударъ не тѣлу, а достигаетъ самой души.

Льстивіи глаголы.

Всѣ обличаютъ въ этомъ, въ хитрости, въ лицемѣріи.

Еда на сихъ не посѣщу (ст. 9)?

856 Сообразно съ вопросомъ ведетъ рѣчь, какъ бы поставляя ихъ судьями бывшаго. Развѣ, говоритъ, справедливо не видѣть этого? Развѣ слѣдуетъ оставлять безъ воздаянія такія явныя дѣла? Кто можетъ сказать это?

На горахъ воспріимите плачь. Яко оскудѣша (ст. 10).

Не о мужахъ, говоритъ, плачьте, а о горахъ, которыя были поводомъ къ нечестію, и о путяхъ. Смотри, какъ всюду скорбнымъ дѣлаетъ слово, когда гибнутъ не только люди, но ради ихъ и земля, пустынная и населенная, и все прочее.

Какъ будто тамъ схвачены бѣжавшіе, такъ какъ изъ страха предъ врагами вышли изъ города.

И рече Господь [1]): *понеже оставиша законъ мой, его же дахъ предъ лицемъ ихъ.*

Не просто говоритъ: *предъ лицемъ ихъ*, а въ ихъ присутствіи, когда свидѣтельствовали и одобряли произносимое. Напоминаетъ о чудесахъ на Синайской горѣ.

Сего ради тако глаголетъ Господь (ст. 15).

Тако глаголетъ Господь; не сказалъ: это дѣлаетъ, а—говоритъ это. Доселѣ—слова и, если хотите, навсегда останутся словами. Если говоритъ по какой-либо причинѣ, уничтожь причину. Если

---

[1]) Греческихъ словъ, соотвѣтствующихъ въ Слав. Б.: *ко мнѣ*, не читается текстѣ Патрологіи.

бы гнѣвъ былъ страстью, ты имѣлъ бы основаніе страшиться; если же говоритъ поэтому, уничтожь это и не будетъ говорить. Богъ Израилевъ не чужой, не жестокій, не безчеловѣчный. Вспомни время, когда призванъ Израиль.

Се азъ питаю (ψωμίζω) [1]) *люди сія тѣснотами и въ питіе дамъ имъ воду желчную.*

Сдѣлаю жизнь ихъ весьма горькою; когда душа печалится, пища измѣняетъ природу. Какъ для глазъ свѣтъ бываетъ тьмою, такъ и для языка самое сладкое можетъ быть горчайшимъ, когда испорчено самое главное. Итакъ, не то говоритъ, что измѣнитъ природу воды, а такую, говоритъ, наведу скорбь, что вещества, сохраняя свою природу, будутъ казаться другими. Какъ больнымъ и сладкое кажется горькимъ, такъ—и скорбящимъ, и имъ болѣе, чѣмъ тѣмъ.

И расточу ихъ въ языки (ст. 16).

Говоритъ не о совершенномъ уничтоженіи, а (о разсѣяніи) однихъ тамъ, другихъ въ иныхъ мѣстахъ. Вѣдь плѣненнымъ надлежало сдѣлаться болѣе разумными не только посредствомъ плѣна, но и гибели поражаемыхъ.

Сія рече Господь: призовите плачевницъ (ст. 17).

Что говоришь? Повелѣваетъ отовсюду созвать плакальщицъ и называетъ ихъ *премудрыми*. Почему такъ? По обычному мнѣнію—мудрыми въ своемъ дѣлѣ. Знающаго что-либо называетъ обыкновенно премудрымъ, такъ, когда говоритъ: *обаваемь обавается отъ* 857
премудра (Пс. LVII, 6), и: *гдѣ суть мудріи* Танесовы [2]) (Ис. XIX, 12)? Для чего повелѣваетъ сдѣлать это? Чтобы привести ихъ къ вѣрѣ и исправленію; не для того, чтобы это произошло, такъ какъ не желаетъ, чтобы просто плакали: въ сонмахъ бо Господнихъ (ἐν ἐκκλησίαις γὰρ) [3]) *не плачитеся*, говоритъ, *слезами* (Мих. II, 6), а для удостовѣренія и убѣжденія ихъ въ будущемъ.

И научите дщери ваша рыданію и каяждо искреннюю свою плачу (ст. 20).

Сказавъ прежде: *призовите плачевницъ и да пріидутъ*, прибавилъ это, давая понять, что вы напрасно зовете другихъ для совершенія плача, что лучше вамъ самимъ выучиться этому, такъ какъ тѣхъ будетъ недостаточно при множествѣ поражаемыхъ.

Понеже изыде смерть сквозѣ окна ваша (ст. 21).

Не отъ схватокъ, не отъ битвы и войны.

---

1) Такъ вмѣсто обычно читаемаго въ спискахъ: ψωμιῶ — *напитаю* въ Слав. В.

2) Οἱ σοφοὶ Τάνεως.

3) Въ древнихъ сп. перевода 70-ти читается обыкновенно: ἐν ἐκκλησίᾳ...= *въ сонмѣ*..., при чемъ эти слова составляютъ конецъ 5-го стиха.

И будутъ мертвіи человѣцы въ примѣръ на лицѣ поля (ст. 22).

Мертвые останутся непогребенными; опять и это представлялось величайшимъ позоромъ, такъ какъ могло произойти, когда совершенно не было погребающаго.

Да не хвалится мудрый (ст. 23).

Смотри, куда направляетъ рѣчь. Хотя есть, конечно, между вами, говоритъ, нѣкоторые крѣпкіе, богатые, мудрые, но ничто это, говоритъ, не принесетъ вамъ пользы. Когда нѣтъ страха Божія, является бѣдность, наказаніе, слабость. Обрати вниманіе на великіе и удивительные уроки любомудрія, что нѣтъ ничего достойнаго, чѣмъ можно бы хвалиться. Если кто, говоритъ, совершененъ между сынами человѣческими, а мудрости у тебя нѣтъ, то за ничто будетъ считаться.

Еже разумѣти и знати (ст. 24).

Что значитъ знать Бога, какъ не заботиться о жизни, достойной удивленія?

Се дніе грядутъ, глаголетъ Господь, и посѣщу на всѣхъ, иже обрѣзаную имутъ плоть свою, на Египетъ, на Іуду (ἐπὶ Ἰούδαν) [1] *и на сыны Аммони* (ст. 25—26).

Доселѣ говорилъ тѣмъ, которые въ виду храма не ожидали плѣна. А такъ какъ они выставляли обрѣзаніе въ качествѣ знаменія (своей) близости къ Богу, то Богъ говоритъ, что наведу наказаніе и на прочіе обрѣзанные народы. Не обрѣзаніе означаетъ близость ко Мнѣ, но Я ищу жизни (τὸν τρόπον). Затѣмъ показывая, что іудеи хуже тѣхъ, говоритъ:

На Египетъ и на Идумею.

Хотя бы и имѣли обрѣзаніе, они остаются необрѣзанными плотію, потому что дѣлаютъ это не по закону; такъ считаются обрѣзанными и идумеи и прочіе. Насколько лучше сердце, настолько хуже эта необрѣзанность. Нѣкоторые говорятъ, что египтяне обрѣзывались, и объ этомъ повѣствуетъ Геродотъ. Мнѣ думается, что сарацины. Что говоришь? Они не обрѣзаны были.
860 Тѣмъ болѣе вы не обрѣзаны сердцемъ. Но (іудеи) обрѣзываются? Какъ тѣмъ не приносило пользы это дѣйствіе, такъ—и вамъ; вы хуже тѣхъ.

Говоря: *и на всякаго острижающаго власы по лицу своему*, разумѣетъ сарацинъ, которые оставляютъ волосы на задней части (головы), а стригутъ только часть надъ челомъ, украшая волосы; они нынѣ называются гентиліи (γεντίλιοι). Сказавъ, что не обрѣ-

---

[1] Въ древнихъ сп. перевода 70-ти, какъ и въ Слав. Б., ἐπὶ Ἰούδαν не чит., но читается въ еврейскомъ текстѣ.

заны сердцемъ сравнительно со всѣми народами, и показывая, что сказанное служитъ не простой укоризной, присовокупляетъ:

ГЛАВА X.

Сія глаголетъ Господь: по путемъ языковъ не учитеся и отъ знаменій небесныхъ не страшитеся (ст. 2).

То есть, не занимайтесь движеніемъ звѣздъ, приписывая имъ рѣшеніе и знаніе будущаго. Словами: *отъ знаменій небесныхъ* какъ бы (говоритъ): не думайте, что отъ движенія звѣздъ будетъ что-либо.

Понеже законы языковъ суетни суть (ст. 3).

Развѣ потому говорю: не почитайте, что язычники почитаютъ? А потому, что тщетны. Подъ законами разумѣетъ богослуженіе.

Сребромъ и златомъ украшена (ст. 4).

Но золотомъ снаружи облачается то земля, то человѣческое искусство.

Млатами и гвоздми утвердиша я.

Но (идолъ) стоитъ? И это униженіе, такъ какъ не самъ по себѣ имѣетъ стоячее положеніе, почему не можетъ и переходить. Для чего гвозди? Кто приготовляетъ себѣ Бога? Когда видишь (идола) стоящимъ, представляй поддерживающіе гвозди; если вынешь ихъ, упадетъ навзничь; когда видишь блестящимъ позолотою, представь плавильщиковъ; когда видишь облаченнымъ (въ одежды), представь голое дерево, не имѣющее само по себѣ ничего, никакой физической красоты; когда видишь несомымъ, подумай, что это свойственно слабости.

Сребро извито отъ Ѳарсиса пріидетъ (ἥξει) (ст. 9).

То есть, съ моря. *Золото Мофаѳъ* (Μωφάθ) [1])—по мѣсту [2]).

Не убойтеся ихъ, яко не сотворятъ зла (ст. 5).

Что же? Неужели, скажи мнѣ, не причинятъ зла и не погубятъ? Съ соизволенія Божія. Палачъ ничего не можетъ сдѣлать, если не позволяетъ судья; а это не свойственно силѣ.

Бози, иже небесе и земли не сотвориша, да погибнутъ отъ земли (ст. 11).

Это—дѣйствительно свидѣтельство: Тотъ, Кто создалъ небо, есть истинный Богъ, Тотъ, о Которомъ говоритъ пророкъ.

---

[1]) Въ древн. сп. перевода 70 читается: Μωφαζ, въ Славян. Б. *Офазъ*.

[2]) Разумѣется, конечно, мѣсто добыванія.

Да постыдятся ученики еретиковъ. *Вся тѣмъ быша* (Іоан. I, 3), и: *въ началѣхъ ты Господи землю основалъ еси и дѣла руку твоею суть небеса* (Пс. CI, 26). Не это—свидѣтельство, а снисхожденіе.
861 Не это—великое дѣло Божіе, а ангелы, архангелы, начала, силы, а больше всего—крестъ.

Богъ (Θεός) [1]) *сотворивый землю въ крѣпости своей* (ст. 12).

Полагаетъ два (дѣла): твореніе и совершенную гармонію. Представь, какимъ было твореніе неба и земли, когда они оставались просто лежащими, и насколько было лучшимъ и превосходнѣйшимъ, когда небо простерто надъ землею и служитъ покровомъ землѣ.

И разумомъ своимъ простре небо.

Устрояя, какъ шатеръ, такъ воздвигнулъ, не постепенно соединяя, но вдругъ все произведши, все дѣлая какъ бы изъ цѣлыхъ четырехъ кубовъ (κύβων).

Множество водъ на небеси блистанія въ дождь сотвори и возведе свѣтъ (φῶς) [2]) (ст. 13).

Говоритъ здѣсь о громахъ и дождѣ изъ нихъ, и, что удивительно, вода, говоритъ, производитъ шумъ. Облака производятъ громы. Для чего громы? Чтобы поражать и вразумлять. Какъ содержится, скажи, вода въ воздухѣ? Какимъ образомъ влага, стремящаяся внизъ, поднимается какъ будто какою машиною вверхъ? Какъ не разрываются облака, сталкиваясь одно съ другимъ? Скажи мнѣ, какимъ образомъ столь неплотное тѣло облаковъ носитъ такую тяжесть? Видишь ли Чудотворца? Видишь ли превосходнаго Художника? Сверху орошаетъ для тебя землю, произведши напередъ большой шумъ, чтобы ты не считалъ дѣлающимся само собою.

И возведе облаки отъ послѣднихъ земли.

То есть, переноситъ изъ одного мѣста въ другое и позволяетъ сдѣлать тамъ столько пути, сколько назначитъ.

Блистанія въ дождь сотвори.

Дождь можетъ быть и безъ молніи, и молнія—при ясномъ небѣ. Но когда видимъ при ясномъ небѣ, то предполагаемъ, что будетъ продолжительная зима; молнія является по всей землѣ и обходитъ всю вселенную; а какъ это происходитъ, не знаю. Смотри: говоритъ не о частныхъ благодѣяніяхъ, а всеобщихъ, поелику Его слово (обращено) къ богамъ.

---

[1]) Вмѣсто обычно читаемаго въ спискахъ Κύριος = *Господь* въ Слав. В.

[2]) Φῶς читается въ древн. Ватикан. и Алекс. сп.; читаемое въ Слав. В. *вѣтръ* соотвѣтствуетъ чтенію Маршаліанскаго списка, равно какъ евр. тексту ·льгатѣ.

Буй сотворися всякъ человѣкъ отъ ума, постыдѣся, яко ложная слія (ст. 14).

Если и весьма мудръ, во показалъ безуміе въ изваяніяхъ.

Суетна суть дѣла, во время посѣщенія своего погибнутъ (ст. 15).

Когда городъ будетъ взятъ, и они понесутъ наказаніе.

Нѣсть сицевая часть Іакову (ст 16).

То есть, имѣетъ нерукотворнаго Бога, *яко создавый вся, той* „наслѣдіе его" (κληρονομία αὐτοῦ) [1]). Здѣсь „наслѣдіе" излишне поставлено; у греческаго (переводчика) передано это неясно. Что хочетъ сказать, состоитъ въ слѣдующемъ: часть Іакова не такова, какъ—(другихъ) народовъ. То есть, онъ имѣетъ не рукотворнаго Бога, а какого? Создателя всего, то есть, Творца. *И Израиль жезлъ достоянія его.* Онъ самъ, говоритъ, имѣетъ Израиля 864
вмѣсто наслѣдія, то есть, избралъ его. Кто же Онъ? *Господь силъ имя ему.* Это значитъ: Господь всего.

Собра отъ внѣ имѣніе его (αὐτοῦ) [2]) *обитающее* (ст. 17).

Онъ самъ соединилъ разоренныхъ и разсѣянныхъ, и опять разсѣялъ, и снова собралъ, показывая, что и прежде Онъ собралъ, *исцѣляяй сокрушенныя сердцемъ и обязуяй сокрушенія ихъ* (Пс. CXLVI, 3).

Собра внѣ (ἔξω) [3]) *имѣніе твое* (σου).

То есть, сдѣлалъ то, что ты овладѣешь чужимъ богатствомъ, такъ какъ обобралъ египтянъ. *Обитающая* (κατοικοῦσα) [4]) *во избранныхъ.* То есть, сдѣлалъ, что обитаешь въ прекрасной землѣ.

Се азъ отвергу (σκελίζω), *да обрящется язва твоя* (ст. 18).

Поелику не смотрѣли на нихъ, какъ на людей, то думали, что не отъ Бога происходитъ благо, а говорили: нашею силою одерживаемъ верхъ, а Богъ не сдѣлаетъ ни добра, ни зла. Поэтому говоритъ: *да обрящется язва твоя.*

Се азъ изсушу (σκληρυνῶ) [5]) *обитатели земли.*

То есть, сдѣлаю слабыми.

Горе въ сокрушеніи твоемъ, болѣзненна язва твоя (ст. 19).

Справедливо, когда (это) бываетъ вслѣдствіе порока, когда отъ Бога, когда вслѣдствіе гнѣва, когда по навѣту людей

---

[1]) Такъ читаются эти слова въ древнемъ Ватикан. и другихъ греч. сп.; читаемое въ Слав. В.: *той есть* соотвѣтствуетъ Вульгатѣ: ipse est.

[2]) Такъ здѣсь читается въ текстѣ Патрологіи вмѣсто обычнаго въ греч. сп. σου — „твое", отсутствующее въ Слав. В. См. далѣе.

[3]) Ἔξω вмѣсто ἔξωθεν.

[4]) Такъ читается это слово въ древн. Ватикан. и др. сп. вмѣсто κατοικοῦσαν.

[5]) Это—второе греческое чтеніе даннаго мѣста не встрѣчается въ древнихъ греч. спискахъ.

Какъ бы отъ города ведетъ рѣчь. *Азъ же рѣхъ:* „тако" (οὕτως) [1]) *сія болѣзнь есть,* потому что другія были не переносимыя раны, а ужасныя.

Азъ же рѣхъ: „тако" *болѣзнь* ми (μοί) *есть.*

Говоритъ пророкъ, печалящійся о бѣдствіяхъ іудеевъ.

Скинія „твоя" (σου) [2]) *опустѣ, погибе и вся кожи моя* (ст. 20).

То есть, упала,—а говоритъ объ Іерусалимѣ.

То есть, стѣны не въ состояніи были защитить.

То есть, постигли великія бѣдствія. Не ожидали такого конца.

Вѣмъ, Господи, яко нѣсть человѣку путь его (ст. 23).

Говоритъ о вавилонскомъ (царѣ).

ГЛАВА XI.

Слово, еже бысть отъ Господа ко Іереміи глаголющее: слышите словеса завѣта сего (ст. 1).

865 Показавъ безразсудство тѣхъ, которые говорятъ, что Богъ, заботясь о храмѣ, не накажетъ ихъ, когда грѣшатъ, и что совершающіе грѣхи предъ Богомъ не будутъ имѣть какой-либо пользы отъ обрѣзанія, угрожаетъ имъ тѣмъ, что, не слушая увѣщанія пророка, они подвергнутся крайнему наказанію.

Проклятъ мужъ, иже не послушаетъ словесъ завѣта сего, егоже заповѣдахъ отцемъ вашымъ въ день, въ оньже изведохъ ихъ отъ земли Египетскія, отъ пещи желѣзныя (ст. 3—4).

Еврейскій текстъ говоритъ: „изъ печи желѣза" въ томъ смыслѣ, что отцы ваши подпали такимъ бѣдствіямъ, какъ желѣзо, въ печи размягчаемое и разбиваемое.

Какъ слушали, будучи порабощаемы и погубляемы египтянами? Чтобы показать, что возможно слушать, когда хотятъ. Была глина и кирпичи, и никто не противорѣчилъ; (былъ) отдыхъ и манна, и роптали.

Но ничто не являлось великимъ для жестоковыйныхъ.

Да утвержду клятву мою, еюже кляхся отцемъ вашымъ еже дати (ст. 5).

Такъ дѣлаетъ и въ новомъ (завѣтѣ): избавилъ насъ отъ жестокаго рабства, нестерпимаго и ужаснаго господства, далъ законъ не звавшимъ Его и не молившимся Ему, и опять обѣщаетъ дать небесное царство.

---

[1]) Вмѣсто читаемаго въ другихъ сп.: ὄντως = *воистинну* въ Слав. В.

[2]) Такъ читается въ древн. Ватикан. и др. сп.; читаемое въ Слав. В. *моя* соотвѣтствуетъ чтенію Маршаліан. сп. или Вульгаты.

Прочти вся словеса сія и пр. *и не сотворища* (ст. 6—8).

Смотри на человѣчное сочувствіе желающаго только миловать ихъ, наблюдающаго не за тѣмъ, что справедливо, а—что близко (природѣ). Иначе бережетъ отецъ, иначе—чужой. Отецъ часто наказываетъ и не ослабѣваетъ; чужой, видя, ослабѣваетъ. Развѣ не чадолюбивѣйшій Онъ у насъ?

Отнынѣ оставляю все то; пусть служатъ величайшимъ примѣромъ отечественныя бѣдствія.

Обрѣтено есть совѣщаніе въ мужехъ Іудиныхъ (ст. 9).

Говоритъ о рядѣ бѣдствій вслѣдствіе грѣховъ.

Возвратишася къ беззаконіямъ первыхъ (τῶν προτέρων) *отецъ своихъ* (ст. 10).

Какое снисхожденіе! Что трудно, что тяжко? Тяжко грѣшить. Не смотрѣли на примѣръ предковъ.

Ты же не молися о людехъ сихъ. Не услышу бо (ст. 14).

Видишь рѣшеніе? И прежде сказалъ, что не буду слушать тебя; и опять говоришь. Прочитай эти слова. И опять открываешь возможность спасенія, говоря: если исправляя исправите пути ваши и дѣла ваши.

Почто возлюбленная въ дому моемъ сотвори мерзость (βδέλυγμα) (ст. 15)?

Какой смыслъ имѣетъ это? Что служитъ поводомъ къ тому, чтобы говорить (это)? Развѣ не въ (волѣ) человѣка путь его? Какихъ не перенесъ трудовъ? Какія дѣлалъ усилія, перенесъ борьбу? Какое паденіе? Меня хочетъ раздражить. За что разсер- 868
дилась на меня возлюбленная? Если бы Я не любилъ ее,—за что обидѣлась?

То есть, почему столь возлюбленная Мною служила въ храмѣ Моего имени (προσκυνήσεως) идоламъ? *Еда* молитвы (εὐχαί) [1]) *и мяса святая отъимутъ отъ тебе лукавства твоя?* То есть, не жертвоприношеніе Мнѣ очищаетъ твое идолослуженіе, совершаемое идоламъ. *Или сими избѣжиши?* То есть, служеніемъ на словахъ.

Еда молитвы (εὐχαί) *и мяса святая отъимутъ?*

Онѣ для того даны, чтобы отнимать тѣлесные невольные (грѣхи), но не такія *(лукавства)*.

Маслину благосѣнну, красну зракомъ нарече Господь имя твое, ко гласу обрѣзанія ея (ст. 16).

Я сдѣлалъ тебя всегда зеленѣющею, какъ маслину. *Ко гласу обрѣзанія ея*, то есть, не имѣющую плода необрѣзаннаго или нечистаго. Во всѣхъ отношеніяхъ я украсилъ тебя, и закономъ, и богослуженіемъ, и предстояніемъ священниковъ, и Моимъ про-

---

[1]) Εὐχαί читается и въ древн. греч. сп.; въ Славян. В. *обѣты*.

мышленіемъ. *Разгорѣся огнь въ ней.* Но навлекъ ты, говоритъ, наказаніе.

И не потребны быша вѣтви ея.

То есть, осталась безплодной. Слыша это, пророкъ пришелъ въ большее уныніе и молилъ Бога за народъ. Такъ какъ выше сказалъ: *ты же не молися о людехъ сихъ* и привелъ въ подтвержденіе этого слова: *почто возлюбленная въ дому моемъ сотвори мерзость,* а (пророкъ) стоялъ еще за народъ, то Богъ, желая показать злобу народа и нераскаянность, открылъ пророку (Свою) волю объ немъ и невѣрующему ясно показалъ ихъ злобу.

На дѣлѣ (πεῖρα) изобразилъ богатство. Красота дерева [1])— не прекращающаяся жизнь, вѣчно цвѣтущая.

Ко гласу обрѣзанія ея разгорѣся огнь въ ней, велика скорбь на тебѣ.

Подвергнешь не кратковременному, но величайшему наказанію за твои грѣхи.

И Господь [2]), *иже насади тебе, глаголалъ есть на тя зло за злая дому Исраилева* (ст. 17).

Весьма велика злоба, когда наказываетъ Тотъ, Который показываетъ такое попеченіе, (когда) самъ Онъ налагаетъ наказаніе: такъ внезапно не отвергнулъ бы ту, которую любилъ, если бы не видѣлъ сильнаго развращенія. Такъ возлюбившій не сдѣлавшую ничего хорошаго и приложившій такое попеченіе не отступилъ бы такъ скоро. Поэтому справедливо служитъ это свидѣтельствомъ величайшаго развращенія.

Господи, скажи ми и уразумѣю: тогда видѣхъ начинанія ихъ (ст. 18).

То есть, скрывали отъ меня, прежде чѣмъ Ты показалъ мнѣ. Что это было?

Когда грѣшили противъ Меня, ты не смотрѣлъ; когда на-
369 носили такое оскорбленіе, ты не видѣлъ, а говорилъ: *нѣсть человѣку путь его* (х, 23). Почему не говоришь и теперь: *нѣсть человѣку путь его,* а называешь *начинанія ихъ?*

Азъ же яко агня незлобивое, ведомое на заколеніе, не разумѣхъ [3]): *на мя помыслиша помыслъ лукавый* (ст. 19).

Нѣкоторые относятъ это къ Христу. Не порицая таковыхъ,

---

[1]) Τὸ κάλλος ἀπὸ τοῦ δένδρου.

[2]) Читаемому въ Слав. Б. слову: *силъ* нѣтъ соотвѣтствующаго въ текстѣ Патрологіи, какъ въ древн. Ватикан. и Александр. сп.; δυνάμεων читается въ Маршаліан. сп., Вульгатѣ (exercituum) и евр. текстѣ.

[3]) Читаемому здѣсь въ Слав. В. *яко* нѣтъ соотвѣтствующаго въ текстѣ Патрологіи, какъ и въ древн. греч. сп.; ὅτι читается въ Маршаліан. сп. согласно съ евр. текстомъ и Вульгатой.

будемъ держаться исторіи. Пусть всюду устрояется Церковь. Вторично уже сказалъ пророку: *не молися о нихъ* (XI, 14) и не просто сказалъ, но привелъ и причины. И если бы просто сказалъ, надлежало послушаться, а теперь указываетъ и причины. Неужели не видишь, что они дѣлаютъ? Когда словами не убѣдилъ его, убѣдилъ дѣлами и показалъ причиненную ему обиду. Ты думаешь, говоритъ, въ чемъ оскорбленіе Мнѣ. Смотри на справедливость и скромность. Такъ какъ нужно было ожидать, что, полагаясь на его молитвы, они сдѣлаются хуже, а онъ не переставалъ молиться за нихъ, то желая показать ему, что онъ не только не человѣколюбивѣе Бога, но нимало не приближается (къ Нему), смотри, что дѣлаетъ. Онъ открываетъ ихъ замыслы и намѣренія, показывая и то, что дѣлали и что говорили, чтобы понялъ, что не по незнанію не слушаетъ ихъ, а не милуетъ, (какъ) недостойныхъ (милости).

Азъ же яко агня незлобивое.

Удивительна простота пророка; ничто такъ не угодно Богу (какъ это качество). И прежнее, слѣдовательно, онъ испыталъ вслѣдствіе простоты.

Пріидите и вложимъ древо въ хлѣбъ его.

Что значитъ *древо*? Распнемъ его, какъ проклятаго; пусть не умретъ обычною смертью; и злоба (дѣйствуетъ) согласно.

На мя помыслиша помыслъ, глаголюще: пріидите и вложимъ древо въ хлѣбъ его и истребимъ его отъ земли живущихъ.

То есть, смертоносный корень; это называетъ деревомъ.

Господь [1]), *судяй праведно, да вижду мщеніе твое на нихъ, яко къ тебѣ открыхъ оправданіе мое* (ст. 20).

То есть, сдѣлай имъ праведное воздаяніе. Узнавъ ихъ злобу, пересталъ молиться.

Смотри на дерзновеніе: безпричинно и напрасно это терплю; я желаю отъ Тебя возмездія, какого, говоритъ, Ты хочешь. Да не будетъ отъ Тебя то, что несправедливо, какъ отъ Судіи воздаяніе. Не просто сказалъ: *судяй праведно, испытуяй сердца.* Если предпринималось что-либо тайно относительно ихъ, если — что-либо въ мысляхъ, Ты знаешь, вѣдающій все сокровенное.

Къ тебѣ открыхъ оправданіе мое.

То есть, я сказалъ Тебѣ правду мою; въ Твоей власти наказать. Видишь, не себѣ предоставляетъ, а Богу; Ты слышалъ 872
оправданіе мое; дѣлай, какъ хочешь.

---

[1]) Читаемому здѣсь *Саваоѳъ* нѣтъ соотвѣтствующаго въ текстѣ Патрологіи, какъ и въ древн. греч. сп.; оно почерпнуто изъ евр. текста или Вульгаты.

Сего ради сія глаголетъ Господь на мужы Анаѳоѳски, ищущыя души моея, глаголющыя: да не пророчествуеши о имени Господни, аще ли же ни, умреши (ст. 21).

Видишь ли, что это имѣло отношеніе къ Богу? Препятствовали говорить то, что отъ Бога; объ этомъ говоритъ и Исаія: *не глаголите намъ* пути Господни, *но намъ глаголите иное* (xxx, 10). И велика ихъ злоба, когда не слушаются даже голоса, могущаго помочь; смотри на эту злобу: они, сограждане, которые должны были величаться пророкомъ, сами стараются погубить его. Гдѣ произросло доброе, тамъ еще сильнѣе — зло. Велика была, вѣроятно, зависть.

Се азъ посѣщу на нихъ и сынове ихъ и дщери (ст. 22).

Но почему, смотри, понесли очень тяжкое наказаніе и дѣти? За что? Вѣроятно, и они были злы, примѣромъ мужей не вразумились.

Видишь, какъ Я негодую, когда тебя оскорбляютъ; такъ и ты (дѣлай), когда Меня оскорбляютъ.

Наведу бо злая на живущыя во Анаѳоѳѣ, въ лѣто посѣщенія ихъ (ст. 23).

Опять направилъ рѣчь къ будущему, когда приведетъ наказаніе въ исполненіе, убѣждая его и показывая, какъ добръ. Не теперь, говоритъ, наведу, а *въ лѣто*, такимъ образомъ далъ имъ и время для покаянія.

ГЛАВА XII.

Праведенъ еси Господи (ст. 1).

Недоумѣніе имѣетъ общій характеръ. Въ смущеніе приводитъ не существо дѣла, а способъ (его пониманія); говоритъ: мы знаемъ, что Ты справедливъ; только образа праведности не нахожу. (Это сходно съ тѣмъ), какъ если бы кто, видя домостроителя, разрушающаго домъ, сказалъ: знаю, что ты домостроитель, но не вижу способа строенія дома. Поэтому и говорю тебѣ. (И черезъ нѣсколько словъ). Никто не признаетъ Тебя неправеднымъ; никто не осудитъ и меня, какъ неразумно ищущаго.

Яко отвѣщаю къ тебѣ.

То есть, знаю, что Ты праведенъ, изъ судовъ, которымъ меня научилъ. Оправдываюсь, о чемъ Тебя просилъ.

Обаче судбы возглаголю къ тебѣ.

Напротивъ, говоритъ, буду спорить съ Тобою, о, Владыка, ускоряя наказаніе нечестивыхъ.

Что яко путь нечестивыхъ спѣется?

Все это говоритъ объ остающихся въ грѣхахъ. Но тогда объ нихъ печалился, а теперь—нѣтъ. Это говоритъ и Давидъ, тоже—Іовъ; но, смотри, когда? Когда смущенъ былъ умъ. Такимъ образомъ то, что происходитъ отъ смущеннаго ума, не должно принимать за поучительное изреченіе. Вѣдь и тотъ, когда поносимъ 873
былъ друзьями, и этотъ, когда терпѣлъ бѣдствія отъ благоденствовавшихъ, и Давидъ, когда былъ въ большомъ унынін, говоритъ: *азъ рѣхъ во изступленіи моемъ: отверженъ есмь отъ лица очію твоею* (Пс. xxx, 23). *Азъ же рѣхъ во изступленіи моемъ: всякъ человѣкъ ложъ* (Пс. cxv, 2). И опять: *Азъ же рѣхъ во обиліи моемъ: не подвижуся во вѣкъ* (Пс. xxix, 7). Такимъ образомъ, помыслы страждущихъ не удерживаются отъ наказанія враговъ, но и ускоряютъ его. И опять: *что яко путь нечестивыхъ спѣется?* Однако, это обѣщано было праведнымъ, когда въ другомъ мѣстѣ говоритъ о праведникѣ: *и вся, елика аще творитъ, успѣетъ* (Пс. i, 3). Почему путь нечестивыхъ? Здѣсь хочетъ узнать причину. *Угобзишася вси творящіи беззаконія.* Особенно то возбуждаетъ недоумѣніе, что всѣ терпятъ то же, и іудеи; но не такъ, а съ злобою, когда говорятъ: *всякъ, творяй зло, добръ предъ Господемъ и въ нихъ благоволи* (Мал. ii, 17). Видишь, что если праведникъ не терпитъ страданія, то, видя другого страдающаго, унываетъ, какъ будто самъ испытываетъ страданіе? Объ этомъ я недоумѣвалъ.

Что яко путь нечестивыхъ спѣется?

Говоритъ о беззаконникахъ изъ народа; зная замыслъ противъ себя, молится за нихъ, ускоряя ихъ наказаніе.

Насадилъ еси ихъ и укоренишася (ст. 2).

Слышишь всѣхъ тотчасъ и молитвы ихъ, а наказанія не наводишь. *Въ трудѣхъ человѣческихъ не суть*, говоритъ Давидъ, *и съ человѣки не пріимутъ ранъ* (Пс. lxxii, 5). Иначе—Іовъ: *почто нечестивіи живутъ, обетшаша же въ богатствѣ* (Іов. xxi, 7). Здѣсь заслуживаетъ изысканія то, почему это было. Въ настоящее время (это) естественно, такъ какъ извѣстно имѣющее быть воскресеніе. А тогда какое было утѣшеніе, когда благоденствовали злые? И всѣ говорятъ то же. Почему одинъ говоритъ: *видѣхъ нечестиваго превозносящася и высящася, яко кедры Ливанскія: и мимоидохъ и се не бѣ* (Пс. xxxvi, 35). Напротивъ (здѣсь) говоритъ: *насадилъ еси ихъ и укоренишася*, и Іовъ: *говядо ихъ не изверже* (Іов. xxi, 10). Какъ ты шелъ мимо и *се не бѣ?* Было и это: говоритъ о внезапной его гибели, потому что ихъ особенно легко истребилъ Богъ, не мало-по-малу, какъ ассирійское (войско). Такъ я быстро обратился и не нашелъ его.

И ты, Господи, разумѣеши мя, искусилъ еси сердце мое (ст. 3).

Если кто призываетъ Бога въ свидѣтели своей добродѣтели, то что можетъ быть равносильно этому? Такимъ образомъ недоумѣніе двойное: и съ той стороны, что тѣ благоденствуютъ, и съ той, что эти подвергаются несчастіямъ; если бы и одна было сторона: подвергался бы несчастіямъ добрый, то возникало бы недоумѣніе, а теперь что можно сказать съ противоположной сто-
876 роны? Лучше (сказать)—не слѣдуетъ приходить въ смущеніе. Не просто, не случайно происходитъ съ кѣмъ-либо, потому что не такъ было бы. Но выскажемъ, почему нечестивые съ древняго времени благоденствовали; мнѣ кажется (это для того), чтобы добродѣтель не была (дѣломъ) необходимости, или — чтобы и грѣшники признали силу Божію, *яко солнце свое сіяетъ на злыя и благія, и дождитъ на праведныя и неправедныя* (Мѳ. v, 45).

Очисти ихъ въ день заколенія ихъ.

Видишь ли, что хочетъ одновременнаго истребленія всѣхъ? Убійственное, говоритъ, намѣреніе; да не будетъ. Когда услышалъ отъ Бога, когда запрещено было молиться о нихъ, тогда онъ, говоритъ, видитъ это и ждетъ времени.

Доколѣ плакати иматъ земля и трава вся сельная изсхнетъ (ст. 4).

Велико развращеніе; коснулось и земли. Видишь, откуда — голодъ.

Отъ злобы живущихъ.

Почему та (ἐκεῖνα) [1]) всегда проклинается? Ради ихъ произошла, ради ихъ поэтому истребится.

Нози твои текутъ и разслабляютъ тя, како (ст. 5).

Большая неясность. Акила, другой переводчикъ, говоритъ: „вмѣстѣ побѣжитъ (συνδραμεῖται); ты бѣжалъ и утомился". О чемъ говоритъ, состоитъ въ слѣдующемъ. Видѣлъ, какъ онъ торопитъ и спѣшитъ, не дожидаясь опредѣленнаго времени. Смотри, какъ порицаетъ его: ничего еще не потерпѣлъ, а это говоришь; такъ возмущаешься. Что будешь дѣлать при большихъ (опасностяхъ)? Если съ пѣшимъ не могъ бѣжать, то какъ, говоритъ, — съ конными? Какъ перенесешь большіе (труды)? И опять: если не перенесъ своихъ, то какъ перенесешь враговъ; здѣсь тѣснятъ тебя, что же будешь дѣлать, когда увидишь необычайное? И опять иначе: тебя смущаетъ это мое домостроеніе; что же, когда узнаешь (дѣла) неизреченныя?

Понеже и братія твоя. И сіи отвергошася тебе (ст. 6).

Какъ братья твои взывали вслѣдъ тебя! Безъ твоего вѣдома,

---

[1]) Разумѣется земля.

говорить, много будутъ говорить о тебѣ и, что ужасно, будутъ говорить о тебѣ худое. Видишь ли, какъ приготовляется пророкъ, какъ научается любомудрію, дѣломъ и словомъ возбуждается въ немъ мужество.

Како уготовишися съ коньми и въ земли мира [1])?

Нѣкоторые понимали эти слова, какъ обращенныя къ народу, то есть, если вы, состязаясь съ сосѣдями, не могли устоять противъ пѣшихъ, то что будете дѣлать, подвергшись преслѣдованію всадниковъ? Я не думаю однако защищать это пониманіе. Такъ какъ пророкъ, узнавши объ ихъ злобѣ къ себѣ, угрожалъ имъ, ускоряя ихъ наказаніе, то говоритъ: зная замыслъ ихъ противъ себя, ты спѣшишь ихъ пораженіемъ, будучи въ мирѣ и не подвергаясь преслѣдованію враговъ. А что они будутъ дѣлать 877
при нападеніи враговъ, когда не будутъ имѣть времени для бѣгства, такъ какъ нападутъ на нихъ быстрѣе коней?

Уповалъ еси, како сотвориши въ шумъ Iорданскомъ?

То есть, ты знаешь, что не потерпишь ничего. Что сдѣлаютъ они, видя врага, несущагося на нихъ подобно рѣкѣ? Какъ ты желаешь имъ бѣдствій, точно потерпѣвшій отъ нихъ ужасныя (страданія)?

И этого, то есть, несчастій просишь имъ, узнавши о замыслѣ противъ тебя. Братьями и близкими отца называетъ одноплеменныхъ, то есть, израильтянъ.

Собрашася: не вѣруй имъ, яко глаголютъ (ὅτι λαλοῦσιν) [2]) *тебѣ благая* (ст 6).

Говоритъ слѣдующее: не небрегу о твоей безопасности; хочу, чтобы ты ни въ чемъ не вѣрилъ имъ, но желаю измѣнить ихъ посредствомъ терпѣнія къ лучшему.

Созади тебе собрашася: не вѣруй имъ.

Многіе, вѣроятно, изъ двѣнадцати колѣнъ, плѣненныхъ уже, воевали вмѣстѣ съ непріятелями. Поэтому не вѣрь имъ, когда будутъ говорить тебѣ доброе. Таковъ былъ Рампсакъ, говорившій еврейскою рѣчью, произносившій хулу на Бога и дававшій имъ совѣтъ, какъ будто заботясь (о нихъ).

Оставихъ домъ мой, оставихъ достояніе мое (ст. 7).

Знай же, что Я опредѣлилъ совершенное разореніе ихъ по причинѣ испорченности нравовъ.

---

[1]) Читаемому въ Слав. Б. *твоего* нѣтъ соотвѣтствующаго въ текстѣ Патрологіи, какъ и въ древнихъ греческихъ сп.

[2]) Такъ читается и въ древн. Ватикан. сп. вмѣсто λαλήσουσιν = *глаголати будутъ* (Слав. Б.), каково чтеніе Синайскаго и Алекс. сп.

Дахъ возлюбленную душу мою въ руки.

Что ты говоришь? Ничто любовь? Ничто дружба? И однако не далъ, а говоритъ, что отдалъ, для того, чтобы не дать, если кто имѣетъ разумъ, если обращаетъ вниманіе. Не такъ могъ обратить ихъ страхъ наказанія, какъ знаменательныя (σύμβολα) слова божественной мудрости. *Домъ мой, достояніе мое, возлюбленную душу мою:* во время наказанія напоминаетъ имъ о прежнемъ, желая ихъ склонить.

Говоритъ о прежнемъ для того, чтобы сильнѣе обличить ихъ; велико своеволіе оставившихъ Его. И не сказалъ: что удаляетесь? Но дѣлаютъ то, что было хуже и ужаснѣе,—то, что Я самъ оставилъ. *Оставихъ достояніе мое.* Какъ человѣкъ, имѣющій получить наслѣдство, представляющее много хлопотъ, рѣшается оставить, такъ и Богъ. Можетъ быть, выражаетъ здѣсь желаніе.

Бысть мнѣ достояніе мое, яко левъ въ дубравѣ (ст. 8).

Такъ, говоритъ, вопіялъ на меня. Кто захочетъ получить такое наслѣдство? Словами: *яко въ дубравѣ* указываетъ на большую одичалость.

Даде противу мене гласъ свой: сего ради возненавидѣхъ е.

880 Видишь ли у насъ начала злобы и вражды?

Не вертепъ ли гениинъ достояніе мое мнѣ (ст. 9)?

Нѣкоторые объясняли такъ. Поелику, говорятъ, гіенна—нечистое животное, то хотѣлъ сказать, что наполнили домъ Мой нечистотою. А по еврейскому тексту значитъ: „какъ птица съ разноцвѣтными перьями стало достояніе Мое Мнѣ“, то есть, входитъ въ храмъ, показывая разнообразное нечестіе.

Нечистоту, дикость показываетъ и Мнѣ, наслѣдующему; пусть — людямъ, какъ же Мнѣ? Кто захочетъ наслѣдовать это? Указываетъ и на внѣшнее зло, потому что *окрестъ* имѣли много пещеръ, не только убѣжище для людей, но и нечистыхъ животныхъ, наиболѣе жестокихъ, живущихъ въ тьмѣ.

Идите, соберите вся звѣри.

Почему не самъ разрушаешь, а даешь другимъ, то есть, зовешь звѣрей? Чтобы ты зналъ, что, когда хочетъ, зоветъ и другіе народы, потому что всѣ Ему подчинены, иначе — чтобы произошло тягчайшее наказаніе, совершились многія чудеса и тѣ были свидѣтелями того, что происходитъ съ ними.

Пастыріе мнози растлиша виноградъ мой (ст. 10).

Смотри, какъ подражаетъ человѣку, и желающему наказать, и печалящемуся о наказаніи, и старающемуся найти въ чемъ-либо хотя небольшое оправданіе для имѣющихъ быть наказанными. *Пастыри мнози.* Почему, предвидя это, ты не истребилъ ихъ? Почему поставилъ такихъ пастырей? Но Я сказалъ —

внимать не имъ, а закону Моему. Почему Ты не поставилъ чудныхъ учителей и стадо не погибло бы? Чтобы научились, когда люди злы, не слушать ихъ. Какая у нихъ благодать! Развѣ нѣтъ закона? Развѣ не было пророковъ? Развѣ Я оставилъ безпомощными? Я не хотѣлъ, чтобы были добрыми по необходимости. (И черезъ нѣсколько словъ). *Оскверниша часть мою.* Вездѣ обвиняетъ пастырей и начальниковъ, (но) не освобождаетъ и прочихъ. Какъ же? Развѣ это безсловесныя овцы? Развѣ не могли возвысить себя? Развѣ не было Іереміи?

Мене ради разореніемъ разорена есть вся земля (ст. 11).

Что значитъ: *мене ради?* Ради меня, пророка. *Аще не быхъ пришелъ и глаголалъ имъ, грѣха не быша имѣли* (Іоан. xv, 22).

Во всякій путь пустыни (ст. 12).

То есть, за нечестіе ко Мнѣ, потому что, слыша о несчастіяхъ, не перемѣнились.

Здѣсь говоритъ о плѣнѣ и о войнѣ. Смотри: нѣкоторыхъ и 881
такая угроза не сдѣлала лучшими.

Посѣясте пшеницу, а терніе пожасте (ст. 13).

Поелику и *Азъ насадихъ виноградъ* и принесъ *горесть* (Іер. ii, 21), сѣялъ доброе сѣмя и (оно) принесло противоположное (этому), такъ—и вы, чтобы знали, какой убытокъ земледѣльцу, какая печаль, когда дѣлаете одно вмѣсто другого. Это хуже голода.

Достоянія (οἱ κλῆροι) *ихъ не полезна будутъ имъ.*

Нѣкоторые говорятъ, что въ этихъ словахъ говорится о клирѣ (τοὺς κλήρους) [1]) церковномъ, съ чѣмъ и я согласенъ. Какую приносятъ намъ, скажи мнѣ, пользу живущіе недостойно? Не будетъ ли большаго осужденія? Что такое, вообще, клиръ и откуда это названіе, постараемся узнать. Можетъ быть, получимъ нѣкоторую пользу отъ этого названія. Впрочемъ, и большой стыдъ не знать того названія, которое носимъ; вѣдь не по какому-либо жребію мы сдѣлались наслѣдіемъ (ἐκληρώθημεν). Жребій предметъ безсловесный (πρᾶγμα ἄλογον). Почему названъ клиромъ и не у насъ только? Можетъ быть, кто-либо думаетъ, что это названіе новое, но и въ началѣ *пріялъ жребій службы сея* (Дѣян. i, 17) и апостольства и отъ избранія по жребію, мнѣ думается, названъ (такъ) первый. Или, какъ на Олимпійскихъ играхъ опредѣляется жребіемъ то, кто имѣетъ этого противника, кто—другого, такъ и здѣсь; въ этомъ смыслѣ канонікъ или церковникъ долженъ быть называемъ клиромъ. Каждому, говоритъ, какъ опредѣлилъ Богъ; каждый, какъ указалъ Господь жребіемъ, такъ пусть и ходитъ. Итакъ, избранъ былъ жребіемъ. (И чрезъ нѣсколько словъ). По-

[1]) Греческое слово κλῆρος значитъ: жребій, наслѣдіе и клиръ.

чему же дано это названіе? Не напрасно сказалъ, что *(пріялъ) жребій служенія.* Такъ какъ избраніе по жребію происходить не отъ собственнаго намѣренія, а зависитъ отъ власти другого, то нужно избранному по жребію сохранять то мѣсто, на какое избранъ, и не приготовлять для себя, потому что это не будетъ жребіемъ, и—не бѣгать доставшагося (жребія). Если жребію принадлежитъ рѣшеніе, то тѣмъ болѣе—Богу, когда Онъ указываетъ жребіемъ. Но тотъ жребій не имѣетъ разума, а этотъ не таковъ; нужно и дѣйствующему (τὸν ποιοῦντα) [1]) дѣйствовать безпристрастно, потому что это жребій; не кого онъ хочетъ, а кого даетъ благодать. Пока апостолы не имѣли Духа, дѣла ввѣряли жребію, а потомъ—народу (τῷ πλήθει) и своей благодати. Жребій—дѣло безпечальное; онъ не позволяетъ скорбѣть и тѣмъ, какъ обиженнымъ (на которыхъ не падетъ жребій). Жребій не знаетъ родства, любви и вражды. Поелику изъ многихъ присутствующихъ нельзя быть всѣмъ указанными жребіемъ, то естественно изъ многихъ избираемъ не многихъ.

Постыдитеся отъ похваленія вашего.

Будемъ постыжены предъ Богомъ, а не предъ людьми. Что значитъ: *отъ похваленія вашего?* Или: постыдитесь того, чѣмъ хвалитесь, такъ какъ люди хвалятся часто тѣмъ, отъ чего нужно скрываться, или: вспоминая вашу похвальбу, будете стыдиться:
884 каковы вы были когда-то и каковы теперь? *Отъ поношенія*, отъ поносящихъ васъ, не отъ поношенія Божія. Большое врачество—въ томъ, чтобы знать стыдъ; краснѣть (отъ стыда) служитъ не малымъ условіемъ спасенія. Если уничтожишь стыдъ, уничтожишь всякую надежду спасенія. Знаю, что (это чувство) часто имѣло такую же силу, какую имѣетъ наказаніе. Не напрасно Богъ вложилъ его въ нашу природу. Онъ вложилъ для того, чтобы постоянно возбуждать насъ такъ, чтобы мы стыдились не людей (только), но и совѣсти. Часто, когда не бываетъ наказанія за грѣхъ, одинъ стыдъ (производитъ то), что наступаетъ раскаяніе.

Яко сія глаголетъ Господь о всѣхъ сосѣдѣхъ лукавыхъ (ст. 14).

Здѣсь говоритъ объ аравитянахъ, потому что отъ нихъ не мало испытали бѣдствій, среди которыхъ они провели первые сорокъ лѣтъ въ пустынѣ. Поэтому не позволилъ смѣшиваться съ народами, поэтому поставилъ крѣпче стѣнъ законы, запрещающіе смѣшиваться съ сосѣдями.

Се азъ исторгну ихъ.

Дѣлаетъ имъ большую угрозу, чтобы и они сдѣлались лучшими; угрожаетъ и плѣннымъ. Смотри, какъ они исправлялись

[1]) Дѣйствующему, разумѣется, при рѣшеніи посредствомъ жребія.

чрезъ то, что съ ними происходило; вмѣстѣ съ тѣмъ даетъ имъ и поводъ къ оправданію, какъ не знающимъ. Какъ вы были для нихъ причиною гибели, такъ (они) будутъ для васъ причиною спасенія. Большой стыдъ для іудеевъ, если они будутъ учиться у сосѣдей. Смотри, какъ дѣлаетъ ихъ своими. Развѣ на одинъ народъ распространялось Его спасеніе? Желаете ли всецѣло быть друзьями и единомышленниками? Слѣдовательно—на доброе, а не противъ спасенія согласующихся. Слѣдовательно и поэтому нужно сдѣлаться лучшими.

ГЛАВА XIII.

Иди и стяжи себѣ чресленикъ льняный (ст. 1).

Смыслъ этого образа слѣдующій. Поясъ означаетъ родство, льняной поясъ—священническое неотъемлемое благо народа, не подлежащее порчѣ со стороны обычныхъ ея производителей, каковы: время, моль и тому подобное. *Въ (разсѣлинѣ) каменнѣ*, чтобы кто не сказалъ, что испортился по слабости природы; такъ—и израильтяне, потому что таковы, говоритъ, дѣла человѣческія: то войны, то сраженія, то миръ, то благополучіе. Свыше далъ имъ такую перемѣну. „Въ водѣ не пройдетъ" (ἐν ὕδατι οὐ διελεύσεται) [1]), то есть, новый (поясъ), потому что если прошелъ черезъ воду, то считаютъ его старымъ; (это сказано для того) чтобы не думали, что испортился вслѣдствіе ветхости, каковой (поясъ) мы называемъ не погруженнымъ (ἀβαφές), не смоченнымъ (ἄτεγκτον). Орошать и значитъ умягчать (τέγγειν), что многіе называютъ размягченнымъ. Такимъ былъ бы народъ, если бы хотѣлъ. Близкій къ Богу, (онъ) не чувствовалъ бы страданія или старости, потому что здѣсь наступаетъ ослабленіе вслѣдствіе употребленія. Мы такъ пользуемся (вещами), что изнашивается и новое, а Богъ такъ пользуется, что и старое дѣлаетъ новымъ. Это было и въ новомъ (завѣтѣ): принялъ ихъ и сдѣлалъ новыми.

Поясъ называетъ льнянымъ и прибавляетъ: *и препояши на чреслѣхъ твоихъ*. Пророка принимаетъ, какъ образъ Бога, а поясъ— 385
какъ образъ народа. Поэтому *препояши на чреслѣхъ твоихъ*, какъ Я соединилъ народъ Мой съ собою чрезъ законъ.

---

[1]) Такъ читается и въ древн. греч. спискахъ. Славянскій переводъ: *и въ воду да не внесеши того* соотвѣтствуетъ переводу блаж. Іеронима: et in aquam non inferes illud.

И „въ водѣ не пройдетъ“.

Не бросай вслѣдствіе нечистоты, какъ и Я не отвращался отъ оскверненнаго кровью идолослуженія.

Возми чресленикъ, и иди ко Евфрату (ст. 4).

Для чего велѣлъ отправиться къ Евфрату, въ такой путь? Развѣ не ближе была рѣка Іорданъ? Это для того, чтобы показать, откуда придутъ бѣдствія, за что, и продолжатся много дней.

И идохъ и скрыхъ. И бысть по днехъ мнозѣхъ (ст. 5—6).

Чтобы ты научился долготерпѣнію. Для того, чтобы не думалъ, что порчу произвела продолжительность времени, берется новый (поясъ) и полагается въ камнѣ, гдѣ не появляется древеснаго червя. Скрылъ ихъ, то есть, поставилъ въ безопасное положеніе, какъ въ камнѣ. А когда оставилъ, навелъ страхъ, сдѣлалъ угрозы, ничего однако не вышло и они предаются порчѣ. Показываетъ, что порча—дѣло гнѣва Божія. Не вмѣстѣ со снятіемъ съ чреслъ погибли, потому что не одновременно съ тѣмъ, какъ Богъ отвергаетъ насъ, предаетъ гибели; не одновременно съ тѣмъ, какъ признаемся недостойными Его, бываемъ наказываемы; Онъ оставляетъ долгое время и тогда наводитъ наказаніе. *И стяжи себѣ.* Не взялъ отъ кого-либо для своего употребленія, потому что пророкъ не нуждался (въ немъ): (пріобрѣлъ его) не для того, чтобы носить, а чтобы сдѣлать своимъ. Какъ пророкъ не сдѣлался болѣе славнымъ, надѣвши (поясъ), и не сдѣлался безславнѣе, снявши (его), и не имѣлъ въ немъ нужды, такъ—и Богъ. Смотри, какъ не все сряду объясняетъ, а понемногу, чтобы ты видѣлъ его послушаніе. Сказалъ: *стяжи и препояши*; не сказалъ, для чего, а (онъ) повиновался. Опять сказалъ: *иди ко Евфрату;* для чего, не сказалъ; но онъ получилъ полное убѣжденіе и послушался. Такъ и мы будемъ поступать. Не сказалъ: стыдно, смѣшно, а во всемъ слушается. Для того понемногу даетъ ему повелѣнія, чтобы научился послушанію.

Иже не хотятъ послушати словесъ моихъ и шедшихъ въ слѣдъ боговъ чуждихъ (ст. 10).

Видишь ли, какъ усиленіе (зла) принесло наказаніе? Видишь ли врачество, уничтожающее зло, а не просто людей? Потомъ говоритъ о злѣ—о *не хотящихъ послушати* слова Моего *и шедшихъ въ слѣдъ боговъ чуждихъ*, и о томъ, что не хотятъ. Вотъ другіе не хотятъ. Но эти пользовались благодѣяніемъ; народы Я не избралъ Себѣ, а этихъ избралъ не ради Себя, а ради нихъ.

Якоже придержится чресленикъ къ чресломъ мужа, тако прилѣпихъ мнѣ (ст. 11).

Чресленикъ есть образъ народа, пророкъ (образъ) Бога; и какъ укрѣпленный въ началѣ на чреслахъ пророка оставался

неиспорченнымъ, а будучи отдѣленъ отъ нихъ испортился, такъ и народъ, пока близокъ былъ къ Богу, оставался невредимымъ, 888
а когда отпалъ, сдѣлался совершенно негоднымъ.

Да будутъ мнѣ въ люди имениты, и въ хвалу, и въ славу.

Это говоритъ, не какъ нуждающійся въ славѣ, а ради людей. Значитъ: если хотите Меня прославить, то для чего себя обезчестили?

И речеши къ людемъ симъ: всякъ мѣхъ исполнится вина (ст. 12).

Опять сравненіе: какъ мѣхъ для того сдѣланъ, чтобы наполняться, такъ и вамъ, какъ для того явившимся, нужно исполниться наказанія. Этими двумя образами показываетъ не то, что наказываетъ, а то, что (наказываетъ) сильно, неисцѣльно.

И речеши: се азъ исполню... и царей ихъ (ст. 13).

Не думайте находить оправданіе въ высшихъ лицахъ: это служитъ особенно къ вашему осужденію.

И священники.

Не думайте искать утѣшенія въ санѣ: это особенно губитъ васъ.

И расточу ихъ... и отцы ихъ... не пожелаю, не пощажу (ст. 14).

Такъ какъ мы часто, послѣ наказанія, жалѣемъ наказываемыхъ, то Я, говоритъ, не сдѣлаю этого. Хотя будетъ велико наказаніе, когда погибнутъ старцы, но это не отклонитъ Меня—человѣколюбиваго.

Слышите и внемлите... яко Господь глаголалъ есть (ст. 15).

Обрати особенно вниманіе на пророка, какъ онъ всегда указываетъ причину, когда говоритъ о наказаніи; и не это только, но и когда говоритъ: не помилую, *не пощажу*, и говоря, какъ объ отвергнутыхъ, снова дѣлаетъ увѣщаніе. Сказавшій это и открывшій, послушай, что говоритъ: *слышите и внемлите;* не просто *слышите и не возноситеся;* нѣтъ ничего безумнѣе, какъ не внимать словамъ Божіимъ. Развѣ это человѣческія угрозы, которыя часто могутъ оказываться ложными? Богъ—силенъ и всегда приводитъ (Свое слово) къ концу.

Дадите Господу Богу вашему славу прежде даже не смеркнется (ст. 16).

Вѣрьте словамъ (Божіимъ). Развѣ не воздадите Ему (славы)? (И послѣ этого). Но прежде наступленія бѣдствій, *прежде даже смеркнется*, разумѣетъ плѣнъ.

И прежде даже не преткнутся нозѣ ваши.

Таково свойство бѣдствій; (при нихъ) тьма всегда покрываетъ глаза всѣхъ.

И пождѣте свѣта, и тамо сѣнь смертная и положени будутъ во мракъ.

Не наступитъ, говоритъ, день, потому что происходитъ не по естественному слѣдованію (суточныхъ перемѣнъ), а по связи
889 бѣдствій. Подумай, каково было то, что они отведены были плѣнниками и лишились отечества. Неужели не хотите воздать славу Богу, чтобы хотя избавиться отъ бѣдствій?

Аще же не послушаете, въ тайнѣ восплачется душа ваша (ст. 17).

Подумай о громадности несчастія, если нельзя оплакивать собственныя несчастія, а лишены этой возможности. Смотри, какъ вездѣ выставляетъ тяжесть бѣдствій, чтобы хотя этимъ тронуть ихъ. Что хуже такой печали, при которой нельзя оплакивать свои страданія? Но ничто не смягчило ихъ жестокости и грубости.

Въ тайнѣ восплачется душа ваша отъ лица гордыни.

То есть, по своей волѣ нельзя вамъ скорбѣть въ плѣну.

Рцыте царю и владыкамъ: смиритеся (ст. 18).

Не имъ говорилъ, а народу. Подумай, какова смѣлость пророка, если онъ чрезъ подчиненныхъ указывалъ на это начальникамъ. Дѣлайте добровольно то, что спустя немного совершится по необходимости. Развѣ вы не смиритесь? Но теперь пусть это будетъ по волѣ вашей, чтобы не было сдѣлано по волѣ враговъ. Такъ пусть будетъ и съ нами: произведемъ надъ собою судъ, чтобы не судилъ насъ Богъ.

Воздвигни очи твои, Іерусалиме (ст. 20).

Говоритъ, (обращаясь) къ самому городу; говоритъ о будущемъ, какъ о настоящемъ; постоянно эта рѣчь.

И ты научилъ еси ихъ на тя ученіемъ въ началство.

То есть, призывая ихъ на помощь и предаваясь идолослуженію, ты расположилъ ихъ начальствовать надъ собою.

И ты научилъ еси ихъ.

Какъ, скажи, и какимъ образомъ? Постоянно прибѣгая къ нимъ, показывалъ, что ты безсиленъ и не имѣешь помощи отъ Бога. Ты открылъ все сокровенное. То особенно послужило къ твоему грѣху, что безпрерывно ихъ звалъ.

Аще же речеши въ сердцы твоемъ: почто пріидоша ми сія (ст. 22)?

Смотри: иногда возвышаетъ силу бѣдствій, а иногда трогаетъ ихъ позоромъ и безславіемъ: и при несчастіяхъ не мало печалитъ насъ обыкновенно безчестье; (это) и представляетъ на примѣрѣ женщины, ведущей себя безстыдно. Пророкъ не пропускаетъ ничего, что можетъ вразумить ихъ. И что опять говоришь послѣ стольких увѣщаній и пророчествъ? Неужели еще не знаютъ причины того, что происходитъ? Да, потому что на-

казываемые обыкновенно не желаютъ знать причинъ, и особенно, когда обрушивается множество бѣдствій. Если скажешь въ сердцѣ своемъ, то не будешь имѣть силы произнести это словами.

Аще премѣнитъ евіоплянинъ кожу свою (ст. 23).

Зачѣмъ же обвиняешь? Для чего посылаешь пророковъ? Для чего говоришь: не хотѣли послушать Меня? Если зло свой- 392
ственно природѣ, то почему осуждаешь? Видишь неумѣстность? Но эта неумѣстность—отъ нашего безумія. Что хочетъ сказать, состоитъ въ томъ, что зло изъ возможности вы перевели почти въ самое дѣло. Учиться—не дѣло природы. Учащійся прежде находился въ (состояніи) незнанія, (почему) и учится. Не по природѣ (человѣкъ) бываетъ злымъ, такъ какъ то, что вложено въ природу, не нуждается въ обученіи. Мы не учимся тому, что нужно спать, ни—тому, что нужно смотрѣть на свѣтъ. Это вложено въ природу и мы не нуждаемся въ учителѣ; хотимъ или не хотимъ, это дѣлается. А тамъ, гдѣ нужно учиться, бываетъ незнаніе и вслѣдствіе незнанія (требуется) наученіе. Что же значитъ? Говоритъ гиперболически, какъ и мы говоримъ: не можетъ этотъ мальчикъ быть полезнымъ, худая природа. (Говоритъ такъ) для того, чтобы они, хотя такимъ образомъ устыдившись, перемѣнились.

И развѣю ихъ, яко стебліе (ст. 24).

Смотри, какъ показываетъ легкость и силу, желая выполнить гнѣвъ.

Сей жребій твой и часть непокорства вашего (ὑμᾶς)[1] *на мя* (ст. 25).

Такой получишь плодъ непослушанія, поелику лжепророки говорили противное.

Яко забылъ еси мя, и азъ.

Обрати вниманіе на причину; такъ и Я сдѣлаю.

И азъ обнажу бедры твоя (ст. 26).

Ты показала Мнѣ примѣръ. Я желаю быть любимымъ, а ты не хочешь. Поэтому Я сдѣлаю это, какъ какой-либо ревнивецъ, не желающій и наказывать оскорбляющую его (жену), и не могущій кротко переносить происходящаго; онъ не щадитъ словъ въ обращеніи съ ней; (говоритъ) съ ней, желая выразить свой гнѣвъ; поддаваясь любви, не наказываетъ и ограничивается оскорбленіями (на словахъ); такъ—и Богъ.

И прелюбодѣйство твое, и ржаніе твое, и отчужденіе блуда твоего (ст. 27).

Что такое ржаніе? Показываетъ ея неистовство, бѣшенство.

---

¹) Ὑμᾶς читается и въ древн. сп. греч. перевода; славянское: *твоего* соотвѣтствуетъ евр. тексту или латинскому переводу.

На горахъ и на селахъ видѣхъ мерзости твоя.

Не въ домѣ, не тайно; открытое, явное прелюбодѣйство; прямо выступаетъ твой позоръ.

Горе тебѣ, Іерусалиме.

И желаетъ наказать, и жалѣетъ ихъ наказываемыхъ, и плачетъ, и скорбитъ, и милосердуетъ.

ГЛАВА XIV.

Слово Господне, еже бысть (Λόγος Κυρίου, ὃς ἐγένετο) [1]) *ко Іереміи о бездождіи* (ст. 1).

Говорилъ много, угрожалъ посредствомъ образовъ, какъ-то: чресленника, орѣховаго жезла и прочаго; не повѣрили. Приступаетъ наконецъ къ наказаніямъ.

Рыдала Іудея (ст. 2).

Не сказалъ: площадь, а—*врата*, такъ какъ не было никого выходящаго, что (служитъ) важнѣйшимъ доказательствомъ опустошенія.

898 *И вопль Іерусалима взыде.*

Призывали Бога; когда поражалъ ихъ, тогда искали Его.

И вельможи его послаша меньшихъ своихъ къ водѣ (ст. 3).

Смотри, какъ наказаніе касается всѣхъ: былъ не только голодъ, но и засуха. Такъ какъ, при существовавшихъ запасахъ хлѣба, естественно было (только) ожидать голода, но не испытывать его самымъ дѣломъ, то недостаткомъ воды приготовлялъ ихъ мысль.

Пріидоша на кладязи и не обрѣтоша.

Поелику не внимали ученію текущей духовной воды, то вразумляетъ ихъ посредствомъ этихъ (кладязей), чтобы не подверглись самымъ бѣдствіямъ. Потомъ говоритъ о тяжкомъ положеніи безсловесныхъ.

Постыждени суть земледѣлцы (ст. 4).

Естественно. Почему постыжены, скажи мнѣ? Развѣ (произошло это) по ихъ винѣ? По ихъ нерадѣнію? Это было дѣломъ высшей воли. Почему же постыжены? Потому что сами, чрезъ свои грѣхи, были виновниками. Вѣдь для согрѣшающихъ не меньшей карой служитъ стыдъ; въ немъ и самое наказаніе.

---

[1]) Вмѣсто этого въ древн. греч. сп., съ которыми согласуется Славян. Б.: Καὶ ἐγένετο λόγος Κυρίου: *и бысть слово Господне.*

И елени на нивѣ родиша (ст. 5).

Почему наказываются безсловесныя? Ради людей, для ихъ исправленія, поелику ради ихъ произошли.

Онагри сташа на каменіяхъ (ст. 6).

Нужно знать, что они пасутся въ болѣе пустынныхъ мѣстахъ. Что значитъ: *браша вѣтръ?* Облегчаютъ сильную жажду. Видишь гнѣвъ Владыки? Видишь вмѣстѣ съ гнѣвомъ человѣколюбіе? Щадитъ дѣтей и изливаетъ гнѣвъ на рабовъ, чтобы вразумились хотя такимъ путемъ.

Такъ какъ это—животныя не предусмотрительныя, то они первыя чувствуютъ голодъ. И говоритъ не о ручныхъ животныхъ, волѣ и овцахъ, а о дикихъ, показывая тяжесть (бѣдствія), поелику и эти для нихъ созданы, если не для пользованія, то для богопознанія.

Онагри сташа на каменіяхъ, браша вѣтръ, яко зміеве.

Онагръ—дикое животное, ходитъ по полямъ и портитъ плоды. (Пророкъ) говоритъ, что вслѣдствіе засухи и это животное ослабѣло. Словамъ: *браша вѣтръ, яко змiеве* соотвѣтствующій еврейскій текстъ имѣетъ такой смыслъ: брали въ себя воздухъ, какъ животное, зачинающее (συλλαμβάνον) отъ вѣтра. Говорятъ, что это сфинксъ. Какъ онъ наслаждается ударомъ вѣтра, какъ бы находясь въ соитіи (ἐν συνουσίᾳ), такъ и онагри становятся подъ вѣтеръ вслѣдствіе голода, находя облегченіе въ притокѣ вѣтра. А лучше понимать это такъ: *браша вѣтръ, яко змiеве,* то есть, вслѣдствіе голода ревѣли, такъ какъ безсловеснымъ, какъ то: осламъ, конямъ и другимъ, свойственно, при недостаткѣ пищи, поднимать ревъ. Это дѣлаетъ обыкновенно и онагръ. Такимъ образомъ, слова: *браша, яко змiеве*—значатъ: какъ эти испускаютъ сильное шипѣніе, такъ и онагри вслѣдствіе недостатка 896
пищи будутъ издавать внятный ревъ. Сирійцы говорятъ, что слова: *яко змiеве* (ὡς δράκων) не читается (въ библейскомъ текстѣ) [1], а другіе говорятъ, что змѣи питаются обыкновенно вѣтромъ. Къ этимъ животнымъ (пророкъ) присоединилъ онагрей, чтобы показать несчастіе вслѣдствіе засухи.

Беззаконія наша противусташа намъ (ст. 7).

Смотри на молитву пророка и тѣхъ, которые вразумились несчастіемъ. Грѣхъ составляетъ большое загражденіе; и какъ воины отстраняютъ бѣдныхъ и незначительныхъ людей отъ начальниковъ, отгоняя палками желающихъ говорить (съ ними),

---

[1]) Въ еврейскомъ текстѣ читается слово: „таннимъ", значащее: „шакалы"; греческіе переводчики читали его, какъ „таннинъ", что, между прочимъ, значитъ: „змѣя".

такъ дѣйствуютъ и эти [1]). Когда мы ничего не имѣемъ сами по себѣ, остается только одно прощеніе, человѣколюбіе Божіе.

Яко мнози грѣси наши предъ тобою.

Не предъ людьми. Когда Богъ испытываетъ, оказывается много грѣховъ, не потому что Онъ испытываетъ строже людей,— этого да не будетъ. Почему же оказывается больше? Потому что люди не знаютъ, а Онъ знаетъ. Итакъ каждый можетъ спастись, если всѣ будемъ прибѣгать къ Его имени.

Тебѣ согрѣшихомъ.

Что значитъ: *тебѣ?* Не раздражающемуся (μὴ παροξυνομένῳ) на людей,—Тебѣ, Владыкѣ, могущему пощадить, презирающему грѣхи.

Ожиданіе.

Ты, единый Богъ, даешь намъ твердость по своей силѣ и человѣколюбію, а люди наказываются. Здѣсь говоритъ: отъ этихъ ударовъ никто не можетъ освободить. А поелику Ты единъ можешь, то отпусти. Это у Тебя законъ, и людямъ часто мы говоримъ, чтобы подражали Тебѣ ради Тебя.

Еда будеши якоже человѣкъ спяй (ст. 9).

Такъ, говоритъ, оставилъ насъ, какъ отдыхающій ни о чемъ не заботится. Но Богъ не спитъ. Смотри, какъ скрытно показываетъ тебѣ безстрастіе? Въ Твоей власти сдѣлать это; Ты можешь, но грѣхи наши препятствуютъ; однако хотя ради Себя.

Ты же въ насъ еси Господи, и имя твое призвано бысть на насъ.

Не прибѣгаетъ къ отцамъ, а къ имени Божію. Такъ дѣлали и близкіе къ Моисею, чтобы не было поношенія [2]).

Сія глаголетъ Господь: возлюбиша подвизати нозѣ свои (ст. 10).

То есть, у нихъ нѣтъ ничего твердаго, постоянно перемѣняютъ. Это говоритъ и Илія: *доколѣ вы храмлете на обѣ плеснѣ ваши* (3 Цар. XVIII, 21).

Тако возлюбиши подвизати нозѣ свои и не пощадиша (οὐκ ἐφείσαντο) [3]).

То есть, полюбили бѣгать къ идоламъ и не раскаялись.

897 *И не* пощадиша.

То есть, ненасытно занимались тѣмъ дѣломъ, то есть, не щадя трудовъ. Смотри, какъ постоянно обвиняетъ ихъ въ особой, высшей степени развращенія.

---

[1]) То есть, грѣхи.

[2]) Говоря это, толкователь имѣетъ, вѣроятно, въ виду Нав. VII, 9.

[3]) Такъ читается въ древн. Ватикан. и др. греч. спискахъ. *И не упокоишася* въ Слав. В. соотвѣтствуетъ переводу блаж. Іеронима: non quievit.

Егда поститися будутъ, не услышу (ст. 12).

Постъ не малое дѣло; но, послушай, каковы были ихъ посты. Что говоритъ Исаія? *Для судовъ и ссоръ вы поститеся* [1]): *вскую мнѣ поститеся* (LVIII, 4)? Постъ не есть только воздержаніе отъ пищи, но любомудріе души. Какъ дѣвство не есть просто воздержаніе отъ брака, а то, что особенно характеризуетъ эту добродѣтель, состоитъ въ скромности (τὸ εὐσχημον) и безраздѣльной преданности Господу, такъ и постъ. Постились и ниневитяне, но не чрезъ это особенно умилостивили Бога. А чѣмъ? Удаленіемъ отъ порока. Какая польза, скажи мнѣ, воздерживаться отъ мяса безсловесныхъ, а ѣсть человѣческія тѣла? Не пить вина, а упиваться жадностью къ богатству? Это опьяненіе болѣе тяжкое, чѣмъ то; оно не уступаетъ сну, а съ наступленіемъ дня опять увеличивается.

Не услышу прошенія ихъ.

Такъ какъ грѣхи ихъ сильнѣе молитвы.

Яко мечемъ и гладомъ и моромъ азъ скончаю ихъ.

Одно—голодъ, другое—мечъ, иное — смерть; можно умереть не отъ голода, и не отъ пораженія, а просто — отъ нѣкотораго вида посланной Богомъ смерти.

И рекохъ: Сый Господи [2]), *се пророци ихъ прорицаютъ и глаголютъ: не узрите* (ст. 13).

Что, говоритъ, пророки пророчествуютъ это: не будетъ голода, ни меча? Большое безпокойство испытывалъ пророкъ не потому (только), что принужденъ былъ говорить печальное, а и потому, что противниками имѣлъ людей, обольщающихъ и предсказывавшихъ противоположное. Поэтому обращается къ Богу съ словами: „Сый, Владыко Господи“ (Δέσποτα Κύριε) для отличія отъ несуществующихъ (божествъ).

И рече Господь ко мнѣ: лживо пророци прорицаютъ во имя мое (ст. 14).

Почему Богъ не истребилъ лжепророковъ? Чтобы вы не не вѣрили словамъ Его. Этотъ вопросъ подобенъ тому, почему не истребилъ (Богъ) вообще обольстителей, обманщиковъ, а тѣмъ болѣе демоновъ, направляющихъ на всякое зло? Разрѣшеніе этого даетъ апостолъ, говоря: *подобаетъ бо и ересемъ въ васъ быти, да искусніи явлени бываютъ* (1 Кор. XI, 19). Упраж-

---

[1]) Εἰ = *аще*, читаемое здѣсь въ Слав. Б., отсутствуетъ въ текстѣ Патрологіи, какъ и въ Синайскомъ и др. древнихъ сп., согласующихся съ евр. текстомъ.

[2]) Читаемому далѣе въ Слав. Б.: *Боже* нѣтъ соотвѣтствующаго въ текстѣ Патрологіи, какъ и въ древнихъ греч. сп.

неніе всегда умножаетъ доблести, и никто не увѣнчивается, если не состязался законно. А состязающійся всегда борется съ противниками и имъ нужно соблюдать законъ духовной борьбы. И такимъ образомъ большею (бываетъ) любовь къ Богу, такъ какъ ее не побѣждаютъ многія состязанія и является превосходство безтѣлесной и божественной силы. Такъ въ Египтѣ Богъ явился великимъ, побѣдивъ противившихся (Его) рабу чаро-
900 дѣевъ (Исх. VII, 12). Ничто не открывается столь ясно само по себѣ, какъ при противоположеніи съ другимъ. А лжепророковъ обличали событія, совершавшіяся вопреки намѣренію (ихъ). И изъ плодовъ ихъ видно было, хотѣлъ (кто) или не хотѣлъ имъ вѣрить. Что каждый хочетъ, (тому) вѣритъ.

Понеже видѣнія лжива... прорицаютъ вамъ.

И они объявляли видѣнія, какъ говоритъ Седекія въ 3-й кн. Царствъ (XXII, 11).

Смертію лютою умрутъ... и не будетъ погребаяй ихъ (ст. 15—16).

Видишь ли, какъ отъ обманутыхъ распространяется на обманывавшихъ область наказанія, болѣзнь и голодъ, и они и вѣрящіе имъ останутся непогребенными, такъ какъ некому погребать.

Аще изыду на поле и се заклани мечемъ... яко... священникъ (ст. 18).

И при этомъ не вразумились; для этого, заключивши, однихъ поражалъ внѣ, другихъ — внутри, и при этомъ не покорились. Что можетъ быть хуже такъ настроенныхъ, что пророкъ и священникъ, особенные виновники зла, отводятся въ плѣнъ, научаемые и учащіе силѣ Божіей!

Еда отмещущъ отвергъ еси Іуду и отъ Сіона отступи душа твоя (ст. 19)?

Смотри: пророкъ опять говоритъ объ нихъ, потому что ударъ соотвѣтствовалъ тяжести наказанія. Неужели, говоритъ, въ конецъ Ты отвергъ народъ? Называетъ Іуду и имя мѣста; оплакиваетъ не людей только, которые поражены.

Еда отмещущъ.

Это говорится, повидимому, о послѣднемъ оставленіи Христомъ; громадность бѣдствій и продолжительность времени соотвѣтствуютъ нѣкоторымъ образомъ отриновенію и отверженію. Но Павелъ говоритъ: *не отрину людей своихъ, ихже прежде разумѣ.* По исполненіи языковъ *весь Израиль спасется* (Рим. XI, 2, 26). Намѣреніе Божіе внушаетъ послѣ этого надежду.

Ждахомъ мира и не бяху благая.

Мы ждали другого, потому что понесли достаточное наказаніе.

Познахомъ, Господи, грѣхи наша (ст. 20).

Прибѣгаетъ къ послѣднему врачеству—сознанію грѣховъ.

Беззаконія отецъ нашихъ, яко согрѣшихомъ предъ тобою.

Почему упомянулъ объ отцахъ? У насъ такое нерадѣніе о собственныхъ (беззаконіяхъ), что и грѣхи отцовъ падаютъ на насъ, то есть, и тамъ нѣтъ у насъ надежды спасенія; мы не можемъ прибѣгнуть къ предкамъ; отовсюду насъ ожидаетъ отверженіе.

Престани ради имене твоего, не погуби (ст. 21).

Теперь, говоритъ пророкъ, если мы недостойны помилова- 901
нія, то ради славы Твоей удержи гнѣвъ Твой. *Да не когда рекутъ языцы, гдѣ есть Богъ ихъ* (Пс. cxIII, 10).

Не погуби престола славы Твоея: не разори завѣта твоего.

Говоритъ о царскомъ дворцѣ, упоминаетъ объ установленіяхъ.

Не разори завѣта твоего.

Завѣтъ заключалъ и такое условіе: если не нарушатъ завѣта Моего, не отниму отъ нихъ милости Моей. Проситъ не о томъ, чтобы не испытывать бѣдствій, а о томъ, чтобы не быть совершенно отвергнутыми.

Еда есть во изваянныхъ языческихъ иже дождитъ (ст. 22)?

Если отвергнешь, то не къ кому, говоритъ, другому прибѣгнуть. И это пусть преклоняетъ Тебя, потому что Ты единый Господь.

И пождемъ тебе, Господи, ты бо сотворилъ еси вся сія.

При бѣдствіяхъ особенно важно то, чтобы не быть нетерпѣливыми.

Или небеса могутъ дати влагу свою, не ты ли еси?

Мы знаемъ, что стихія сама по себѣ не можетъ (сдѣлать) что-либо. Можно ли искать въ другомъ мѣстѣ помощи? Не Ты ли самъ, Господи? Развѣ измѣнишься, прощая грѣхи?

ГЛАВА XV.

И рече Господь ко мнѣ: аще станутъ Моисей и Самуилъ (ст. 1).

Поелику онъ, по всей вѣроятности, думалъ, что тѣхъ, впавшихъ въ идолопоклонство, могутъ избавить (отъ наказанія) Моисей и Самуилъ, такъ какъ они однимъ ходатайствомъ достигли всего, а я, столько разъ приступая, не сдѣлалъ ничего, и нахожусь часто—какъ бы такъ говоритъ—въ большомъ затрудненіи, то послушай, какъ его утѣшаетъ. *Аще станетъ*, говоритъ, *Моисей и Самуилъ*, они не могутъ избавить ихъ.

Изрини народъ сей (λαὸν τοῦτον) [1] *и да изыдутъ.*

Ничто изъ этого ихъ не покорило, не склонило, не сдѣлало лучшими, а остались неисправимыми.

И предамъ ихъ во утѣсненіе всѣмъ царствамъ земнымъ (ст. 4).

Такъ чтобы всюду извѣстно было, что съ ними произошло.

Ради Манассіи.

Видишь ли силу покаянія? Это тотъ Манассія, ради котораго всюду по вселенной разсѣиваются іудеи; ни Моисей, ни Самуилъ не могли ихъ избавить, а онъ покаяніемъ избавилъ себя и примирился съ Богомъ.

Не за грѣхи его, говоритъ, наводитъ на нихъ бѣдствія, а за то, что остались въ его идолопоклонствѣ.

904 *Кто умилосердится къ тебѣ, Іерусалиме? И кто поскорбитъ о тебѣ* (ст. 5)?

Велико непотребство, если кто, и будучи наказываемъ, не возбуждаетъ жалости въ зрителяхъ. Обыкновенно сами обиженные примиряются совершенно съ обидѣвшими, когда видятъ (ихъ) наказываемыми. Но твое поведеніе дѣлаетъ тебя не заслуживающимъ ни прощенія, ни милости.

Ты оставилъ мя еси, вспять пошелъ еси (ст. 6).

Видишь, что не Я виноватъ?

Умножишася вдовицы ихъ паче песка морскаго (ст. 8).

Умножили вдовъ больше морского песку, ввели бездѣтность и, чтобы не приписывали этого несчастія природѣ, тѣлесному увѣчью, сдѣлали (мать) имѣвшую много дѣтей бездѣтною.

Бѣдность о полудни.

Смотри, какъ наводитъ наказанія, чтобы не считали ихъ обычными, а—наведенными Богомъ.

Навергохъ на ню внезапу трепетъ (τρόμον) [2] *и заботу* (σπουδήν) [3].

Говоритъ о женѣ, имѣющей много дѣтей. *Трепетъ*, то есть, страхъ, *заботу*, то есть, смятеніе.

Праздна бысть родившая седмь (ст. 9).

То есть, имѣвшая много дѣтей сдѣлалась бездѣтною.

Оскудѣ душа ея, то есть, скорбитъ.

Зайде ей солнце еще среди полудне.

Такъ какъ несчастіе не даетъ видѣть ясно свѣтъ.

Горе мнѣ, мати, вскую мя родила еси мужа прителнаго и судимаго по всей земли (ст. 10).

---

[1]) Такъ читается и въ древнихъ греч. сп.; читаемое въ Слав. В. *жилъ* соотвѣтствуетъ переводу блаж. Іеронима.

[2]) Въ Славян. В.: *страхъ*.

[3]) Въ Слав. В.: *трепетъ*.

Доселѣ пророкъ надѣялся умилостивить Бога и не поднималъ такого плача. А когда увидѣлъ дѣло непоправимымъ, то, находясь въ трудномъ положеніи, сказалъ это. А что говоритъ, состоитъ въ слѣдующемъ. Человѣкъ слабъ, ничтоженъ, отверженъ и не имѣетъ никакой силы: какъ же ты родила меня такимъ, который споритъ со всей вселенной? Когда лжепророки говорили одно, а ему повелѣвалось говорить противоположное, споры и ссоры были ежедневно.

Не заяхъ, ниже заятъ у мене кто.

Пророкъ приходитъ въ уныніе, терпя отъ іудеевъ страшныя бѣдствія. Зачѣмъ, говоритъ, я родился, каждодневно споря съ беззаконниками, препираясь съ ними, обличая ихъ грѣхи, никому не будучи долженъ и не имѣя должника?

Сила моя оскудѣ отъ кленущихъ мя.

То есть, я утомился, будучи унижаемъ ими и подвергаясь безчисленнымъ поношеніямъ.

У меня нѣтъ и того, что возбуждаетъ всѣ ссоры: я чистъ отъ отдачи въ ростъ.

Отъ обвиняющихъ, говоритъ, поносящихъ, издѣвающихся, 905
проклинающихъ. Не всякая душа можетъ перенести это, какъ и Іовъ не прежде былъ тронутъ, какъ это произошло.

Буди, Владыко, исправляющымъ имъ (ст. 11).

Что это, говоритъ? Что особенно огорчало его, состояло въ томъ, что онъ ничего изъ бывшаго не зналъ за собою.

То есть, если справедливо проклинаютъ, подтверди ихъ слова.

Аще не притекохъ къ тебѣ во время озлобленія ихъ.

Не говорю: если жаловался, но—если не ходатайствовалъ за нихъ въ виду угрожающаго наказанія. И не въ томъ только пусть услышаны будутъ, чтобы я былъ наказанъ, но и въ томъ, чтобы имъ получить доброе. Пусть исполнится ихъ проклятіе, пусть долею ихъ будетъ благо.

То есть, если не засвидѣтельствуешь, что когда Ты повелѣвалъ объявлять нашествіе враговъ, я молился за нихъ и ходатайствовалъ объ ихъ благѣ.

Еда познается желѣзо, и одѣяніе мѣдяно крѣпость твоя (ст. 12)?

То есть, если имѣетъ желѣзныя стѣны и мѣдную одежду, не будетъ замѣтно, что это желѣзное; онѣ погибнутъ.

То есть, Я огражду тебя Моею помощью, какъ желѣзною или мѣдною одеждою: желѣзною одеждою называетъ кованую броню, а мѣдною—латы. Какъ одѣтые въ это не испытываютъ вреда отъ стрѣлы, (какъ) не проникающей до тѣла, такъ и ты не потерпишь отъ нихъ. Нѣкоторые же (относятъ) къ народу (въ томъ смыслѣ), что и такъ защищенный онъ не спасается.

Крѣпость твою (Ἰσχύν σου) [1]) *и сокровища твои въ расхищеніе дамъ.*

(Сказано) народу вмѣсто того, чтобы сказать, что за нечестіе ихъ сдѣлаю плѣнниками. Сказано же пророкомъ народу отъ лица Божія.

Господи, воспомяни мя, и посѣти мя, и защити мя отъ гонящихъ мя, не въ долготерпѣніе (ст. 15).

Достаточно и бывшаго. Если присоединишь и это, то кто будетъ слушать? Итакъ, приводи къ концу; вѣдь нѣтъ исправленія.

Защити мя отъ гонящихъ мя... вѣждь, яко...

Пророкъ продолжаетъ ту же молитву и пророчество. Эти слова опять, однако, представляются чуждыми любомудрія (ἀφιλόσοφος). Но мы должны смотрѣть на то, есть ли (это слѣдствіе) пророческой слабости или чего другого. Во-первыхъ, онъ не проситъ, чтобы они были истреблены, а (проситъ) о томъ, чтобы ему не подвергаться бѣдствіямъ. Мы должны смотрѣть на то, ради себя ли (терпитъ поношеніе) или ради слова Божія. Наконецъ, говоритъ: избавь меня *отъ гонящихъ мя.*

908 *Отъ отвергающихъ словеса твоя, скончай ихъ.*

Смотри: не сказалъ: я буду. Онъ боится за (свое) слово, страшится за пророчество, чтобы оно не было сочтено за вымыселъ и не лишилось довѣрія. *Слово* (Твое) *всегда будетъ мнѣ въ радость;* никто не сочтетъ меня за обманщика или лицемѣра. Что (не) не заботится о своихъ нуждахъ, видно изъ прежнихъ прошеній и изъ божественнаго утѣшенія, котораго не сдѣлалъ ему, если бы не видѣлъ его совершенно преданнымъ. А если проситъ и касательно себя, то и это (не) удивительно: тогда (и онъ) отступаетъ, когда и Богъ.

Скончай ихъ и будетъ слово твое мнѣ въ радость и въ веселіе сердца моего, яко призвано есть имя твое на мнѣ.

То есть, что я (не) выдумываю наказаніе. Такимъ образомъ я оказался бы истиннымъ и праведнымъ пророкомъ, поелику мнѣ, (какъ) призывающему имя Твое, невозможно лгать.

Видишь: опять боится за имя. Называюсь пророкомъ. Чтобы не потерпѣла Твоя слава, я много перенесъ. Я нисколько не помогъ, а—напротивъ; поступай иначе.

Не сѣдохъ въ сонмѣ ихъ играющихъ (ст. 17).

Видишь, указываетъ на то, что чему надлежало дѣлаться

---

[1]) Этотъ второй греческій переводъ, отличный отъ вышеприведеннаго, въ которомъ слова: *крѣпость твоя* составляютъ конецъ 12-го ст., ближайшимъ образомъ соотвѣтствуетъ еврейскому тексту и переводу блаж. Іеронима.

съ моей стороны, то дѣлалось. Будучи поносимъ, не имѣлъ общенія съ ними, не присоединялся къ нимъ. Чему надлежало быть? Ради Твоего страха я все переносилъ и не было ничего (γέγονεν οὐδέν).

На единъ сѣдяхъ.

Я не имѣлъ никакого участника своихъ словъ; всѣ не вѣровали; однако ничто не отклонило меня отъ этого; ничто не было оставлено мною.

Вскую оскорбляющіи мя возмогаютъ на мя (ст. 18)?

Для чего, говоритъ, позволяешь имъ? Какая польза? Развѣ есть выгода для нихъ? Что потомъ?

Язва моя.

Разумѣется, душевная.

Язва моя тверда, откуду исцѣлюся?

То есть, они враждуютъ и поступаютъ, какъ непріятели. Исполненія моихъ словъ не вижу. Ни откуда не имѣю утѣшенія.

Бысть мнѣ, яко вода лживая, не имущая вѣрности.

То есть, пророчество, которое считалось, какъ бы говоритъ, ложнымъ. И какъ вода не имѣетъ устойчивости, такъ, думаютъ, и въ моихъ словахъ нѣтъ истинности.

Какъ вода течетъ, не стоитъ, не остается, такъ и мои слова являются то здѣсь, то—тамъ; перескакиваютъ и не возбуждаютъ вѣры. Или, если (разумѣется) не это, то бѣдствія такъ были, говоритъ, часты, какъ поднимающаяся вода, и безпрерывны.

Сего ради сія глаголетъ Господь: аще обратишися, возставлю тя и предъ лицемъ моимъ станеши (ст. 19).

То есть, тебѣ нужно обращать взоръ ко Мнѣ, а не на мнѣ- 909
нія людей.

Аще обратишися, возставлю тя и предъ лицемъ моимъ станеши.

Поелику отвратился отъ пророчества, поелику считалъ дѣло уже конченнымъ, то говоритъ: измѣни это намѣреніе и смотри; если обратишься, заботься прежде о томъ, что свойственно пророку. Есть еще надежда, что нѣкоторые получатъ пользу. Не принимай Моихъ словъ, какъ внушающихъ отчаяніе. Говорю это какъ угрозу, для (внушенія) страха. Есть нѣкоторые дорогіе. *Аще обратишися, возставлю тя* и для нихъ, говоритъ, *предъ лицемъ моимъ станеши.* Не малое достоинство, но ангельское. Честь или безопасность обѣщаетъ *Мое лице.*

И аще изведеши честное отъ недостойнаго, яко уста моя будеши.

Какія добродѣтели могутъ равняться этой? Сравнивай съ ней, что хочешь. Не смотри на изводящаго; но если не изведетъ, онъ сдѣлалъ свое дѣло.

То есть, если (терпѣливо) ожидая постоянными увѣщаніями произведетъ въ комъ-либо перемѣну, то будетъ подражать Мнѣ, съ долготерпѣніемъ старающемуся вести родъ человѣческій къ лучшему.

И обратятся тіи къ тебѣ, и ты не обратишися къ нимъ.

Излишне было возвѣщеніе чести, если не обѣщалъ безопасности здѣсь; то есть, они придутъ къ тебѣ, а ты не уступишь имъ; они будутъ просить, звать тебя.

То есть, оставайся твердымъ въ благочестіи, такъ, чтобы ихъ измѣнить къ лучшему, а самому не измѣнить вслѣдствіе невниманія (своего душевнаго расположенія) на ихъ расположеніе.

И дамъ тя людемъ симъ, акі стѣну крѣпку, мѣдяну (ст. 20).

То есть, если худо будутъ поступать, накажу ихъ, ставя тебя выше несчастій.

ГЛАВА XVI.

И ты да не поймеши (ст. 1).

Подлинно достойно удивленія то, почему повелѣваетъ не брать (жены)? Чтобы не родить (дѣтей) при несчастіи. Смотри, какъ былъ молодъ пророкъ; и это для того, чтобы они были увѣрены въ ожидающихъ ихъ бѣдствіяхъ. Не было никого, кто, видя пророка, не вступающаго въ бракъ, и зная причину этого, не повѣрилъ бы.

Вѣдь къ наступающимъ бѣдствіямъ, говоритъ, народу нужно быть готовымъ и не обременять себя женой и дѣтьми.

Яко сія глаголетъ Господь (ст. 3).

Не о сыновьяхъ и дочеряхъ (только) сказано, но и объ отцахъ и матеряхъ, родившихъ (ихъ). Поэтому и убѣждаетъ не вступать въ бракъ.

912 *Смертію* (ст. 4).

Часто говоритъ то же и это не доходитъ до слуха; не трогаетъ ихъ и оставленіе безъ погребенія; особенно ихъ печалятъ— голодъ, тяжкая смерть, убійство, большой позоръ—лежать безъ погребенія, не возбуждая (ни въ комъ) состраданія, и кромѣ того—сдѣлаться пищей звѣрей. На кого это не дѣйствовало?

Сія глаголетъ Господь: да не внидеши въ домъ ихъ пирный, ни да ходиши плакати, ни да рыдаеши ихъ, понеже отъяхъ миръ мой отъ людей сихъ, рече Господь, и далѣе (ст. 5).

Въ древности дѣлали нарѣзы (на тѣлѣ); діаволъ сначала

старался довести дѣло Божіе до крайняго безобразія. Прельстивъ разумъ, обезображиваетъ красоту самаго тѣла. Смотри, какія выдумываетъ хитрые способы: первый—сладострастіе: румяны, притиранія и тому подобное; затѣмъ—печали, состоящій въ терзаніи себя; и тотъ и другой имѣютъ сочувственное (душевное) расположеніе—тамъ блудъ, здѣсь—скорбь; третій (способъ)—праздникъ Реи, на которомъ дѣлаетъ (людей) изнѣженными и жестокими. И не только старается привести его [1]) въ состояніе безобразія, но и уничтожить самую способность—имѣть потомство. Ни о чемъ (онъ) такъ не старался, какъ о томъ, чтобы уничтожить нашъ родъ и обвинить Бога, какъ создавшаго нѣчто излишнее. Затѣмъ (выдумалъ) блудъ, чтобы гибли дѣти.

То есть, не ходи въ собраніе ихъ. *Пирнымъ домомъ* называетъ дружеское собраніе, которое (состоитъ) въ пиршествѣ и (бываетъ) и во время печали для утѣшенія скорбящихъ.

И вы горше дѣласте, неже отцы ваши (ст. 12).

Вамъ нужно было страшиться впасть въ тѣ же грѣхи, а вы поступили напротивъ, такъ какъ дѣлали хуже отцовъ вашихъ. Но какъ же можетъ быть не противнымъ разуму то, что они, грѣша, ничего не терпѣли, а мы наказываемся? Нисколько; и они понесутъ наказаніе, но не теперь, а вы теперь, такъ какъ (оказались) хуже ихъ, не воспользовавшись долготерпѣніемъ. Какъ одинъ человѣкъ, если кто согрѣшитъ и Богъ не накажетъ, не долженъ поэтому дѣлаться безпечнѣе, такъ и относительно другихъ грѣховъ. Онъ согрѣшилъ, не наказанъ,—не будь нерадивъ, какъ не имѣющій понести наказаніе. Если бы Богъ не дѣлалъ то же самое со всѣми, мы очень скоро всѣ погибли бы. Онъ явилъ къ нему долготерпѣніе, призывая его къ покаянію, и тебя дѣлая лучшимъ.

И отрину васъ (ст. 13).

Говоритъ о жестокости чуждыхъ боговъ. Они не милуютъ и служащихъ имъ. Меня безчестили, и Я миловалъ, чтобы вы видѣли изъ сравненія, кто Я и кто они. Если кто изслѣдуетъ наказанія, (то найдетъ), что долготерпѣніе не менѣе полезно благоразумнымъ.

Для чего указываетъ на счастливыя событія? Не для того, 913
чтобы разслабить ихъ, а чтобы повѣрили и въ наиболѣе печальныя. Особенно (указываетъ) на возвращеніе, чтобы имѣли вѣру въ удаленіе.

Но живетъ Господь, иже изведе (ст. 15).

Для чего это прибавлено? Для удостовѣренія. Если могъ

---

[1]) Разумѣется тѣло.

дать тѣмъ послѣ сорока лѣтъ, то тѣмъ болѣе вамъ: вѣдь (это) способно было привести ихъ въ отчаяніе.

Се азъ послю рыбари многи, рече Господь, и уловятъ ихъ: по семъ послю многи ловцы и уловятъ ихъ (ст 16).

Говоритъ о вавилонянахъ, то есть, о Навуходоносорѣ и его воинахъ. Отдалъ рыболовамъ и охотникамъ, то есть, разыскавъ и скрывающихся предастъ наказанію. Поэтому говоритъ: *и уловятъ ихъ на всякой горѣ, и на всякомъ холмѣ, и отъ пещеръ каменныхъ.*

Вѣдь знающій тайное можетъ предать и скрывающихся, особенно, когда много ловцовъ. Нѣкоторые относятъ это къ апостоламъ, чему не препятствую; между тѣмъ будемъ держаться исторіи. Когда Богъ предастъ, никто не защититъ.

И воздамъ (ст. 18).

Сказанное можетъ устрашать многихъ, особенно если мы не ожидаемъ быть наказанными, надѣясь на Божіе человѣколюбіе. А онъ говоритъ о *сугубыхъ (беззаконіяхъ)*, Исаія же—*яко пріятъ отъ руки Господни сугубы грѣхи своя* (XL, 2). Чтобы ты не считалъ сказаннаго за угрозу, онъ (пророкъ) свидѣтельствуетъ, что это произошло. Что же? Люди наказываютъ сообразно съ важностью грѣховъ, а Богъ—сверхъ этого? Нѣтъ, а что (значитъ)? Вдвое согрѣшили, вдвое и получатъ наказаніе. Или *сугубыми* называетъ потому, что не только лишатся благъ, но и подвергнутся безчисленнымъ бѣдствіямъ. И намъ будетъ сугубое наказаніе: лишеніе царства и геенское мученіе; каждое изъ этихъ золъ само по себѣ велико и тяжко.

Къ тебѣ языцы (ст. 19).

Іудеи, имѣющіе благочестивыхъ отцевъ, уклонились въ нечестіе, а эти—наоборотъ. Это говоритъ пророкъ, обвиняя тѣхъ и показывая, какая будетъ польза отъ ихъ наказанія для другихъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и возбуждая іудеевъ. Тѣ, которые вблизи, безчестятъ Тебя, а находящіеся вдали придутъ къ Тебѣ.

Еда сотворитъ (ст. 20).

Какъ то, что сдѣлано, можетъ быть Богомъ?

ГЛАВА XVII.

Проклятъ [1]) (ст. 5).

Грѣхъ Іудинъ написанъ есть писаломъ желѣзнымъ, на ногти адамантовѣ, начертанъ на скрижали сердца ихъ (ст. 1).

Вмѣсто того, чтобы сказать: неизгладимо (они) имѣютъ не- 916
честіе въ сердцѣ своемъ, какъ вырѣзанное на адамантѣ и желѣзѣ. А слова: *и на розѣхъ олтарей ихъ* (сказаны), чтобы показать ихъ усердіе къ идоламъ.

Надежда на людей производитъ то, что удаляетъ отъ Бога; или говоритъ не это, а то, что надѣющійся на человѣка какъ бы отступаетъ отъ Бога. Ничего такъ не хочетъ Богъ, какъ того, чтобы мы постоянно отъ Него зависѣли. Для того Онъ все дѣлаетъ, желая не плодъ получить отъ насъ, а облагодѣтельствовать насъ; для этого Онъ создалъ насъ столь нуждающимися во всемъ. Скажи, какая цѣль?

И будетъ яко дивія мгрика въ пустыни (ст. 6).

Здѣсь указываетъ на Седекію, прибѣгшаго къ фараону противъ вавилонскаго (царя). Безплодное это дерево и, произрастая всегда въ пустынѣ, не пригодно для какого-либо дѣла и не украшается плодами. Слабое это дерево.

И обитати будетъ въ сухотѣ и въ пустыни, въ земли сланѣй и необитаемѣй.

То есть, не будетъ пользоваться никакимъ благомъ, а будетъ безплоденъ, и *земля сланая*, которая не населяется для полученія плодовъ.

И благословенъ (ст. 7).

Такъ говоритъ и Давидъ: ***и будетъ, яко древо насажденое при исходящихъ водъ*** (Пс. I, 3). Не устрашится, будучи свободенъ отъ всякаго нестроенія. Христосъ ясно указалъ на это чрезъ пророчество. ***Кто вѣрова Господеви и постыдѣся*** (Сирах. II, 10)? Если надежда имѣетъ такую силу и это не требуетъ труда, то почему мы не полагаемъ спасенія въ Томъ, надеждой на Кого мы спасены?

Глубоко сердце [2]) ***паче всѣхъ, и человѣкъ есть, и кто познаетъ его? Азъ Господь*** (ст. 9).

Слово къ тѣмъ, которые втайнѣ поступаютъ нечестиво и думаютъ скрыть (это).

---

[1]) Этимъ словомъ 5-го стиха начинается XVII-ая гл. въ Ватикан. и др. греч. сп., въ которыхъ отсутствуютъ первые 4 стиха этой главы.

[2]) Читаемому въ Слав. В. слову: *человѣку* нѣтъ соотвѣтствующаго въ греческомъ текстѣ.

Говоритъ о намѣреніяхъ ихъ, что Богъ видитъ и скрывающихся. Ничто такъ неясно, какъ сердце человѣка. Поэтому другой говоритъ: „сердце глубокое сокровенное—человѣкъ, и кто познаетъ его". Можетъ быть, думаете скрыть, говоритъ. Напрасно; Я знаю все, что вы дѣлаете.

Возгласи рябъ, собра, ихже не роди, творяй богатство свое не съ судомъ (ст. 11).

Слово корыстолюбцамъ. А нѣкоторые объясняли такъ: у куропатокъ, говорятъ, есть обычай, послѣ того, какъ выйдутъ изъ яицъ птенцы, звать ихъ и отнимать у матери. Такъ, говоритъ, и эти собираютъ чужой трудъ, о которомъ они не заботились.

Въ преполовеніи дней его (αὐτοῦ) *оставятъ* (καταλείψουσιν) *его* (αὐτόν) [1]).

То есть, не будетъ наслаждаться чужимъ.

И на послѣдокъ свой будетъ безуменъ.

917 То есть, увидитъ тщету (своего) старанія, умирая и оставляя богатство чужимъ. А нѣкоторые объясняли такъ съ еврейскаго: куропатка согрѣваетъ и не рождаетъ. Куропатка обыкновенно похищаетъ женскія яйца, потомъ, согрѣвши и выведши, ведетъ на воду и, напоивъ, убиваетъ. Такимъ образомъ показываетъ, что такъ напрасно корыстолюбецъ собираетъ богатство. *Въ преполовеніи дней его оставятъ его.* Въ еврейскомъ (текстѣ), говорятъ, читается такъ: въ половинѣ дней тѣхъ оставитъ его, то есть, богатство.

И на послѣдокъ свой будетъ безуменъ.

Еврейскій (текстъ) говоритъ: и конецъ его будетъ печаленъ. Лучшею и болѣе ясною считаю первую мысль.

Говоритъ объ египетскомъ (царѣ), указывая вмѣстѣ на его несознательность (τὸ ἀσυνείδητον); *и оставятъ его*, то есть, плѣнные будутъ уведены. Богъ произвелъ ихъ; онъ, воззвавши, былъ только услышанъ. *На послѣдокъ дней своихъ будетъ безуменъ*, то есть, будетъ обличенъ, собирая не свое, а чужое. Что можетъ быть неразумнѣе гордящагося не своимъ?

Престолъ славы (ст. 12).

Говоритъ о царствѣ Божіемъ, что оно не можетъ быть взято и побѣждено, и остается само по себѣ, хотя бы никого не было.

Освященіе (ἁγίασμα) [2]).

Не храмъ, не что другое, а Богъ только.

Да постыдятся (ст. 13).

Такъ какъ не имѣютъ безопасности.

---

[1]) Славянскій переводъ: *оставитъ е* соотвѣтствуетъ латинскому переводу.

[2]) Въ Слав. В.: *мѣсто святыни.*

Яко оставиша источникъ жизни (ζωῆς) [1].

Постоянно такъ называетъ этотъ пророкъ Бога; почему? Потому что все получаетъ жизнь отъ Него, Которому ничего не достаетъ.

Исцѣли мя Господи и исцѣлѣю (ст. 14).

Это нельзя сказать о человѣкѣ: часто лѣчитъ, а больной не выздоравливаетъ. Не можетъ пропасть надежда, возлагаемая на Тебя! И чѣмъ, говоритъ, болѣлъ ты? Исцѣли немощную душу, такъ какъ, вѣроятно, его тревожатъ нареканія.

Спаси мя и спасенъ буду.

Это можно сказать одному Богу.

Оригена (въ другихъ—*Златоуста*). Что это значитъ? Поелику онъ постоянно угрожалъ бѣдствіями, а они не вѣрили словамъ и, насмѣхаясь надъ нимъ, всегда говорили: *да пріидетъ*. Но я, говоритъ, не унывалъ, и будучи поносимъ.

Ты вѣси исходящая отъ устенъ моихъ предъ лицемъ твоимъ (ст. 16).

То есть, Ты знаешь, что говорю истину.

Не буди ми въ отчужденіе, упованіе мое ты въ день лютъ (ст. 17).

То есть, не оказаться бы мнѣ лжецомъ; не оказаться бы мнѣ въ ихъ рукахъ.

Да постыдятся гонящіи мя, азъ же да не постыждуся (ст. 18). 920

Не о себѣ заботясь, говоритъ это, а потому что присоединялось къ его стыду пророчество; если бы они, оставаясь (такими же), не понесли наказанія въ бѣдствіяхъ, пророкъ былъ бы постыженъ.

То есть, пусть они понесутъ наказаніе и я не окажусь говорящимъ ложь.

Сугубымъ сокрушеніемъ.

Что это значитъ? Поелику нигдѣ не сказалъ: воздамъ вдвое за грѣхи ея, то это—слово вразумленія.

Сія глаголетъ Господь: сохраните души вашя и не носите бременъ въ день субботъ (ст. 21).

Приказано было имъ праздновать для умилостивленія за грѣхи. А они обращали этотъ день въ торговый и совершали сдѣлки. Поэтому запрещаетъ имъ эти дѣйствія.

---

[1]) Въ Слав. Б.: *живыхъ водъ* соотвѣтствуетъ еврейскому тексту или переводу блаж. Іеронима.

ГЛАВА XVIII.

Востани (ст. 1).

Для чего приводитъ его въ скудельничій домъ? Такъ какъ они говорили: „гдѣ слово Божіе? Пусть придетъ" и думали, что онъ не можетъ (привести въ исполненіе), то приводитъ его туда. Но для чего нужно было дѣйствіе? Не могъ ли сказать подобно скудельнику: *не возмогу?* Но видъ (дѣйствія) дѣлалъ слово болѣе достовѣрнымъ и сильнымъ.

И снидохъ (ст. 3).

Что значитъ передѣлка? То, что и павшихъ васъ могу возстановить. Такъ легко Мнѣ все дѣлать.

Се якоже бреніе (ст. 6).

И вы упали, могу васъ возстановить.

Наконецъ возглаголю (ст. 7).

Должно ли исполниться, если Я однажды сказалъ? Для васъ есть надежда спасенія, если будете внимательны къ себѣ и измѣнитесь. Поэтому не полагайтесь на блага (обѣщанныя) отцамъ вашимъ, ни отчаивайтесь вслѣдствіе бѣдствій, объявленныхъ вамъ.

Для чего еще *творю?* Еще *мыслю* (ст. 11)? Даю вамъ время для покаянія.

И рекоша (ст. 12).

Что можетъ быть хуже этого?

Яже сотвори зѣло дѣва Израилева (ст. 13).

Какъ тому необходимо быть, такъ необходимо—и вамъ; это было даже гораздо болѣе необходимо, чѣмъ физическое (явленіе), и не можетъ быть иначе.

Еда оскудѣютъ отъ камене сосцы или снѣгъ отъ ливана? Еда уклонится вода зѣлно вѣтромъ носимая (ст. 14)?

Камнемъ была нѣкоторая вершина, называвшаяся Масти. Итакъ, говоритъ, что какъ не возможно то, чтобы оттуда прекратилась вода, или Ливанскій снѣгъ, и чтобы сильно несущейся водѣ кто-либо воспрепятствовалъ течь по прямому направленію,
921 такъ и народъ непрерывно грѣшилъ и сильно беззаконничалъ.

Понеже забыша мене (ст. 15).

Не такъ удивительно то, если отступаетъ, какъ это. Когда нѣтъ пользы отъ отступленія, какъ оно можетъ быть неудивительнымъ?

И изнемогутъ на путехъ своихъ и на стезяхъ вѣчныхъ, еже взыти на стези, не имущія пути.

Стези, то есть, наслѣдіе земли. Итакъ, изнемогши, они

выйдуть, говорить, отсюда, чтобы пойти чуждымъ путемъ, то есть, путемъ плѣна.

Это дѣйствительно и произошло съ ними; вступили на такой пустынный, тяжкій путь, что всѣ качали головами. Когда бываетъ большое несчастіе, выражаемъ (это) не словомъ, а свистомъ и качаніемъ головы.

Якоже вѣтръ палящій разсѣю ихъ предъ враги ихъ (ст. 17).

Какъ въ жаркое время горячій вѣтеръ сильно жжетъ нѣжныя (растенія), такъ погублю іудеевъ.

И рекоша: пріидите и умыслимъ на Іеремію совѣтъ, ибо не погибнетъ законъ отъ священника, ни совѣтъ отъ премудраго, ни слово отъ пророка: пріидите и поразимъ его языкомъ, и не вонмемъ всѣмъ словесемъ его (ст. 18).

О чемъ говоритъ, состоитъ въ слѣдующемъ. Сказали, говоритъ, сами въ себѣ, что не можетъ погрѣшить слово пророка, какъ и изреченіе священника, такъ какъ произноситъ рѣшеніе чрезъ такъ называемый ефодъ. Итакъ, говоритъ, чтобы, выступая съ обличеніемъ насъ, не обличалъ беззаконій и не говорилъ о несчастіяхъ, подстережемъ и убьемъ его. *Поразимъ его языкомъ*, то есть, найдемъ у него грѣхъ, или противъ Бога или противъ царя, чтобы благовидно произнести надъ нимъ приговоръ.

Смотри, какъ вѣрили словамъ. О, безуміе! Давшій такую силу пророку и священнику не тѣмъ ли болѣе защититъ его? Убиваешь врача, учителя, руководителя; погашаешь свѣтъ, чтобы не видѣть, какъ порицаетъ? „И послушаемъ словъ изъ устъ его“ [1].

Говоритъ слѣдующее. Прекратимъ его голосъ и вырвемъ языкъ; остановимъ обличеніе, удержимъ обвинителя. О чемъ возглашаетъ Іеремія? Вы желаете не слышать объ этомъ? Перестаньте дѣлающіе то, въ чемъ обвиняетъ васъ пророкъ. Теперь они поступаютъ такъ, какъ если бы какой-либо больной не сердился на себя за то, что по небрежности заболѣлъ лихорадкой, а гналъ бы отъ себя и отворачивался отъ тѣхъ, которые порицаютъ его и указываютъ, какъ прекратить болѣзнь.

Еда воздаются злая за благая (ст. 20).

Большая злоба, сильное звѣрство, крайній предѣлъ испорченности. Если намъ повелѣно не воздавать зломъ за зло, а 924
добромъ за зло; если не облагодѣтельствованный, причиняющій обиды, несправедливъ, то оказывающійся такимъ послѣ (полу-

---

[1]) Καὶ ἀκουσόμεθα τῶν λόγων ἐκ στόματος αὐτοῦ. Довольно сходно съ этимъ читаются эти слова въ древ. Ватикан. и другихъ греч. сп. Славянскій переводъ: *и не вонмемъ всѣмъ словесемъ его* соотвѣтствуетъ изъ древнихъ греч. сп. Маршаліанскому, или переводу блаж. Іеронима.

ченныхъ) благодѣяній къ какому мѣсту имѣетъ быть пріурочено? Злоба такихъ превосходитъ, говоритъ, природу; непотребство ихъ выше всякой мѣры.

Яко глаголаша словеса на душу мою и мучительство свое сокрыша ми.

То есть, скрывши наказаніе, явились, какъ друзья. А нѣкоторые говорили, что тайно привели къ нему женщину, но говорили напрасно, такъ какъ пророкъ не умолчалъ бы объ этомъ.

Помяни, Господи (Κύριε) [1]).

Какое благодѣяніе можетъ быть больше того, какъ желать примирить съ ними разгнѣваннаго Бога? Но не хотѣли.

Сего ради даждь сыны ихъ (ст. 21).

Затѣмъ молитъ о тяжкомъ наказаніи ихъ, потому что таковымъ надлежало погибнуть. Многократно подвергаясь козням, не переставалъ (увѣщевать), но не имѣлъ успѣха.

Да будутъ жены...

Молитъ о совершенномъ истребленіи нѣкоторыхъ, чтобы, оставаясь, не причинили вреда прочимъ; проситъ и о томъ, чтобы былъ вопль, чтобы очевиднымъ было несчастіе.

ГЛАВА XIX.

Тогда (τότε) *рече Господь ко мнѣ: иди и стяжи сосудъ скуделничь жженъ* (ст. 1).

То есть, кувшинъ.

И изыде въ мѣсто многогробищное сыновъ умершихъ ихъ (τῶν τεθνηκότων αὐτῶν) [2]), *еже есть близъ предверія вратъ Харсидскихъ* (ст. 2).

Многогробищнымъ умершихъ называетъ мѣсто, гдѣ истреблено было ассирійское (войско) и поражены халдеями многіе изъ іудеевъ. Чтобы мѣсто напомнило имъ и о прежнемъ благодѣяніи и бывшемъ послѣ того отступленіи отъ Бога, повелѣлъ на этомъ мѣстѣ прочитать то, что имѣлъ возгласить пророкъ.

Хорошо послалъ его на мѣсто грѣховъ, гдѣ совершали, говоритъ, куреніе Ваалу и сожигали сыновей своихъ.

И царіе іудины наполниша мѣсто сіе крове неповинныхъ и создаша высокая Ваалу (ст. 4—5).

Высокими называетъ, по обычному употребленію божественнаго Писанія, жертвенники, а Вааломъ—самый идолъ.

---

[1]) Слово: *Господи* не читается въ греч. сп., какъ и въ Слав. Библіи.

[2]) Читаемое вмѣсто этого *Еннонихъ* служитъ передачей еврейскаго текста или латинскаго перевода.

На сожженіе сыновъ своихъ огнемъ, во всесожженіе Ваалу.

Говоритъ о другомъ видѣ нечестія, заслуживающемъ величайшаго плача. Обвинивши ихъ въ томъ, что сдѣлали идола и занимались совершеніемъ служенія Плутону, послѣ пораженія Сеннахирима, этому, говоритъ, идолу,—идолу Плутона,—вы приносили всесожженія, какъ бы надѣясь быть выше смерти. И что говоритъ объ этомъ, показываетъ слѣдующее.

Сего ради се дніе грядутъ, глаголетъ Господь, и не прозовется ктому мѣсто сіе паденіе, и мѣсто многогробищное сыновъ Еннонихъ 925
(υἱοῦ Ἐννώμ) [1]) (ст. 6).

А въ еврейскомъ (текстѣ) говорится: паденіе Тофета, что значитъ: жертвенникъ дѣвы, а (слова): *сыновъ Еннонихъ* объясняютъ тѣмъ, что это мѣсто сына Еннома. Въ еврейскомъ (текстѣ) находится болѣе ясная мысль, обличающая ихъ нечестіе.

А *мѣсто многогробищное закланія*, то есть, долина убійства; такъ имѣетъ еврейскій текстъ. Здѣсь нужно замѣтить, что *многогробищное* толкователи объясняли отъ множества убитыхъ. А что говорится нынѣ о Тофетѣ, объясненіемъ чего служитъ *сыновъ Еннонихъ*, видно изъ предыдущаго. Сказавши, что, по божественному повелѣнію, разбилъ сосудъ, продолжаетъ:

Сія глаголетъ Господь (ст. 11).

Чтобы ударъ ему (αὐτῆς) [2]) былъ неисцѣльнымъ, я (не) далъ вамъ надежды на спасеніе, (не) сказалъ: возвращу народъ, и плѣна и царства не достигнете. Отнимаю и это утѣшеніе; отсѣкаю и эти надежды.

И будутъ домы Іерусалима, и домы царей іудиныхъ, якоже мѣсто падающее (ст. 13).

То есть, (мѣсто) гдѣ нѣкогда пали варвары, напавшіе на городъ.

Вся (πάντες) *домы царей Іудиныхъ, якоже мѣсто Тофета* (τοῦ Τοφέθ) [3]), *ради нечистотъ* (ἕνεκεν ἀκαθαρσιῶν), *яже сотвориша* (ὧν ἐποίησαν) *во всѣхъ домѣхъ. Жряху* (Ἐθυμίων) *на кровѣхъ своихъ всему воинству небесному.*

То есть, такъ и нынѣ падетъ весь Іуда и домы царей ради мѣста Тофета, то есть, жертвенника Плутона, какъ пали нападавшіе на городъ. И въ предшествующемъ мѣстѣ говоритъ:

И въ Тофеѳѣ погребутся того ради, яко не будетъ иного мѣста на погребеніе.

---

[1]) Буквально: сына Еннома.

[2]) Разумѣется, вѣроятно, τῆς πόλεως, т. е. Іерусалима.

[3]) Πάντες οἶκοι βασιλέων Ἰούδα ὡς τόπος τοῦ Τοφέθ...; такъ читается это мѣсто въ Маршаліанскомъ спискѣ.

Поелику высоко цѣнили мѣсто и, почитая, какъ Бога, не вносили ничего нечистаго, то угрожаетъ имъ наполнить мѣсто мертвыми.

ГЛАВА XX.

И услыша Пасхоръ (ст. 1).

Смотри, какое обвиненіе: (это) былъ священникъ (и обвинилъ) священника и пророка, говорящаго это. Ему нужно было скорбѣть, потому что онъ зналъ на словахъ и на дѣлѣ развращеніе ихъ, чтобы не удивляться плѣну.

И удари Пасхоръ Іеремію пророка и вверже его въ кладу, то есть, въ темницу, *яже бѣ во вратѣхъ Веніаминихъ* дома особаго (οἴκου ἀποτεταγμένου) [1]) *вышняго* (τοῦ ὑπερῴου), *иже бысть* (ὃς ἦν) [2]) *въ дому Господни* (ст. 2).

Дома особаго, то есть, стражи; *кладой* назвалъ (темницу) по ея внѣшнему виду; *вышняго* (назвалъ) потому что (домъ) находился на дворѣ, то есть, подъ открытымъ небомъ; а слова: *иже бысть въ дому Господни* относятся къ Пасхору, какъ священнику служившему въ домѣ Господнемъ; онъ и передалъ (для заключенія) въ темницѣ.

И рече къ нему Іереміа (ст. 3).

928 Какъ онъ не побоялся сказать это? Какъ вывелъ тотъ? Вѣдь если и ненавидѣли мужа, то не могли далѣе проявлять злобу, такъ какъ не позволяла совѣсть. Такъ и Иродъ (относился) къ Іоанну: онъ его любилъ лишь настолько, чтобы не слушать того, что говорилось (ему).

Не *Пасхоръ нарече Господь имя твое, но преселника отвсюду.*

Еврейскій (текстъ) вмѣсто: *преселника* говоритъ: притчу; *отвсюду* вмѣсто: для всѣхъ народовъ. Это пророчество о немъ исполнилось при Іоакимѣ и Іехоніи.

Прелстилъ мя еси, Господи, и прелщенъ есмь (ст. 7).

Можетъ быть, многимъ кажется, что этотъ пророкъ выражается смѣло, когда теперь говоритъ, что Богъ прельщаетъ, обманываетъ насъ. Но не будемъ обращать вниманіе, что это говоритъ, такъ какъ это слова скорби; хотя былъ и пророкъ, все же—человѣкъ. Для чего, говоритъ, *прелстилъ мя еси? Аки стѣну мѣ-*

---

[1]) Эти слова, оставленныя въ Слав. В. безъ передачи, читаются въ древнихъ спискахъ греч. перевода.

[2]) И эти слова въ Слав. Б. оставлены также безъ перевода.

дяну, крѣпку положу тя *и ратовати будутъ на тя и не премогутъ тя* (I, 18, 19). Когда его такъ заключили, говоритъ это, и однако не превозмогли; если бы сокрушили, уничтожили бы смѣлость. Обрати здѣсь вмѣстѣ со мной вниманіе на изображеніе апостольскаго дѣйствованія; но изъ нихъ никто не говорилъ этого и не жаловался. А напротивъ говоритъ: *нынѣ радуюсь во страданіихъ моихъ* (Кол. I, 24). Развѣ то обѣщалъ Богъ, что ты не будешь терпѣть никакого бѣдствія, а не то, что терпя не будешь побѣжденъ?

Прелстилъ мя еси, Господи, и прелщенъ есмь, крѣплѣйшій мене еси, и превозмоглъ еси.

Пророкъ жалуется на оскорбленія со стороны народа; на него нападали, какъ на говорящаго ложь, такъ какъ Богъ не скоро навелъ наказаніе. Поэтому прибавляетъ: *быхъ въ посмѣхъ весь день: ругаются*[1]) *мнѣ.* Затѣмъ прибавляетъ: *превозмоглъ еси.*

Какъ сильный, Ты могъ поставить меня безъ моего согласія. Не опасности только, навѣты и смерти, но насмѣшки, оскорбленія, смѣхъ и подобное не менѣе печалятъ его.

Понеже горькимъ словомъ моимъ посмѣюся (ст. 8).

То есть, при несчастіяхъ, которыя предсказываю, посмѣюсь, какъ говорящій ложь. Причиной печали особенно служило то, что сдѣлано было ему Пасхоромъ. Ясно, что онъ посадилъ его въ темницу, какъ говорящаго дурное и ложное, наказывая за поношеніе.

Отверженіе и бѣдность наведу.

Велико дерзновеніе праведника предъ Богомъ. Онъ хочетъ сказать, что призову Тебя, какъ преодолѣваемый Тобою. Ты велѣлъ объявить плѣнъ и отвергъ меня, не наводя наказанія и несчастія, которое я объявилъ городу. А нѣкоторые объясняли такъ: Ты побуждалъ, обѣщая мнѣ сдѣлать какъ бы мѣдною стѣною и желѣзнымъ столбомъ для всѣхъ царей, и объявлять съ увѣренностью этими словами. Нѣкоторымъ образомъ прельщенный, я не отказывался пророчествовать; перенося все, я это 929
исполняю.

То есть, буду осмѣянъ; не довольно для меня, говоритъ, было огорченія, (присоединился) и смѣхъ; не довольно было душевной печали, (прибавилось) и поруганіе.

Яко быть...

Почему издѣвались и смѣялись, когда не исполнялось все предсказанное [2])?

---

[1]) Слова, соотвѣтствующаго славянскому: *еси*, нѣтъ въ греческомъ текстѣ, какъ и въ древн. греч. спискахъ перевода 70-ти.

[2]) Отвѣта на этотъ вопросъ не находится въ текстѣ Патрологіи.

И рекохъ: не воспомяну (ст. 9).

Смотри на любомудріе, какъ не скрылъ такого недостатка, какъ не утаилъ такой слабости, а обнародовалъ, какъ бы на столбѣ, несовершенство помысловъ.

И бысть яко огнь.

Говоритъ это о Духѣ. Ты побѣдилъ и невольно увлекъ меня. Но, можетъ быть, кто-нибудь скажетъ: какая польза пророчествовать по необходимости? Какая (въ этомъ) добродѣтель? (И черезъ нѣсколько словъ). Видишь, что когда должно совершиться полезное, Богъ употребляетъ и необходимость. Вѣдь не должны изъ-за его слабости гибнуть имѣющіе получить пользу.

Яко огнь горящь палящь, содержащійся (συνεχόμενον) *въ костехъ моихъ, и разслабѣхъ отвсюду, и не могу носити. Слышахъ бо досадительство* (ψόγον) *многихъ собравшихся на меня* (ἐπ' ἐμέ), и далѣе (ст. 10).

Слова: *слышахъ досадительство многихъ собравшихся на меня,* и далѣе, относятся къ словамъ: *и рекохъ: не воспомяну имене Господня, ниже возглаголю ктому во имя его,* такъ какъ (въ нихъ) указалъ причину молчанія; а слова: *и бысть въ сердцы моемъ яко огнь горящь,* и далѣе, поставлены въ срединѣ (между тѣми и другими словами); смыслъ ихъ тотъ, что я только рѣшилъ молчать, какъ тотчасъ охватилъ душу будто огонь и сдѣлался я, какъ разслабленный, то есть, какъ бы полуизсохшій, осужденный нѣкоторымъ образомъ на молчаніе и не могущій двигать членами. А причиной моего молчанія было не забвеніе Бога, а то, что я видѣлъ большую злобу соплеменниковъ.

Нападите, нападемъ нань, вси мужіе, друзи его.

То есть, составили заговоръ противъ меня не случайные люди, а казавшіеся друзьями.

Наблюдайте помышленіе его, аще прелстится, и преможемъ нань.

То есть, будемъ наблюдать за нимъ, чтобы въ его дѣйствіяхъ найти какую-либо вину.

Слышахъ бо.

Что можетъ сравниться съ этой наглостью? Издѣвались надъ тѣмъ, отъ кого терпѣли бѣдствія.

Господь же со мною есть (ст. 11).

Какъ же ты сказалъ: *прелстилъ мя еси,* когда ты терпѣлъ это? Преслѣдовали и не могли понимать. Развѣ Богъ не предрекъ этого? Развѣ не открылъ будущаго? Не опытенъ былъ въ началѣ пророкъ, (а они) не думали о своей чести. Грѣхъ совершенно полонъ безстыдства (состоящаго въ томъ, что) не обра-

щаются, а истребляютъ обличителя, чтобы зло дѣлать въ боль- 932
шей тьмѣ.

Яко борецъ крѣпкій, сего ради погнаша и уразумѣти не могоша.

То есть, не допускали Божія попеченія о мнѣ, искажали намѣреніе (моихъ дѣйствій), а въ злобѣ оставались.

Постыдѣшася зѣло, яко не разумѣша безчестія своего, еже во вѣкъ не забвено будетъ.

То есть, ошиблись въ цѣли и не думали, что тѣмъ, что дѣлаютъ, навлекають на себя большую вину, такъ какъ Богъ не забываетъ ихъ зла, а требуетъ наказанія за дерзость.

Господи [1]), *искушаяй праведная* (ст. 12).

Это говорю для того, чтобы, когда услышишь слова Божіи: „не молись", и увидишь пророка молящимся, не призналъ человѣка болѣе человѣколюбивымъ, чѣмъ Богъ, а (зналъ бы, что) онъ не приближается къ этому. Смотри на того, кто отъ небольшой обиды волнуется, оскорбляется, хотя и знаетъ, что будетъ въ безопасности и мирѣ, а Богъ каждодневно безславится и подвергается сильнымъ и тяжкимъ поношеніямъ.

Проклятъ день, въ оньже родихся (ст. 14).

Передъ этимъ оплакивалъ мать, теперь — день, устремляясь не противъ Бога, а противъ бѣдствій, какъ и другой пророкъ: *вскую мнѣ показалъ еси труды и болѣзни* (Аввак. I, 3); то же Іовъ: *почто мя пріяша на колѣна* (Іов. III, 12)? То же (говоритъ) и этотъ, то же и другіе пророки.

Пророкъ приходитъ въ уныніе, вынужденно говоритъ противъ народа, обращается къ Богу и, видя тѣхъ не перемѣняющимися, терпя бѣдствія отъ слушателей, вынуждается опять говорить сходное (съ прежнимъ).

Проклятъ мужъ (ст. 15).

Что ты говоришь? Что проклинаешь мужа? Не говорилъ ли недавно (передъ тѣмъ): *еда воздаются злая за благая* (XVIII, 20), и ты сдѣлалъ это вмѣсто награды за добрую вѣсть, обвиняешь въ томъ, что (онъ) не убилъ? Какъ же ты жалуешься, что хотятъ убить тебя іудеи? Если хорошо было тогда умереть, то тѣмъ болѣе—послѣ испытанія (бѣдствій). Какъ же не хочешь? Видишь ли, что плачъ не имѣетъ основанія? Плачъ служитъ причиной: онъ говоритъ о взволнованной душѣ, не предусмотрительной, а ищущей только снять тяжесть.

(И черезъ нѣсколько словъ).

---

[1]) Читаемому здѣсь въ Слав. В. слову: силъ нѣтъ соотвѣтствующаго въ текстѣ Патрологіи, какъ и въ древнѣйшихъ сп. перевода 70-ти; τῶν δυνάμεων читается въ Маршаліанск. сп., согласно съ евр. текстомъ.

И не просто проклялъ того, но *якоже гради, яже преврати Господь, и не раскаяся;* пусть онъ подвергнется такому наказанію, какому — всѣ города. Объясни, что говоришь? Вѣдь сказалъ [1]). (Но) развѣ то, что онъ сказалъ, служило причиною того, что ты
933 родился? То, что ты родился, было причиною того, что (онъ) сказалъ. Если такъ, то тѣмъ болѣе (нужно было проклясть) родившую мать или произведшаго (σπείραντα) отца, а лучше—ни этого, ни ту. Какой упившійся мужъ и несправедливый врагъ сказалъ это? Какой варваръ? Какой жестокій человѣкъ убиваетъ въ утробѣ? Но это слова пришедшаго въ уныніе.

Вскую изыдохъ (ст. 18)?

Наконецъ не молится, а проклинаетъ стыдъ и грѣхъ, — потому что въ славѣ есть стыдъ и благодать, и есть стыдъ въ грѣхѣ; много и худого производитъ это чувство. Видишь ли, что зло не отъ природы? Иначе никто (тогда) не имѣлъ бы чего-нибудь добраго; а это сначала вложено въ стыдъ.

ГЛАВА XXI.

Слово, еже бысть (ст. 1).

Смотри на человѣколюбіе Божіе: угрожалъ многимъ на словахъ: не убѣдилъ; озлобилъ пророка; показалъ будущее въ образахъ: посредствомъ жезла, котла, пояса, сосуда. Обѣщалъ безчисленныя блага; навелъ и несчастіе, состоящее въ засухѣ; стали еще хуже. Наконецъ наводитъ на нихъ войны. Такъ какъ не хотѣли лѣчиться легкимъ и пріятнымъ лѣкарствомъ, то наводитъ нѣкотораго рода разсѣченіе. Но и здѣсь замѣть человѣколюбіе. Чтобы не сказалъ кто-нибудь, что нужно было и нанести ударъ, дѣлаетъ и это; и всюду каждый можетъ видѣть это.

Вопроси (ст. 2).

Смирены были несчастіями и тогда только прибѣгли къ Богу, хотя и тогда, не какъ слѣдовало. И для чего спрашиваешь, зная, что сказанное (пророкомъ) совершенно истинно? Какъ ты не вѣришь? Если услышишь согласное съ (твоею) волею, ты хвалишь сказанное, а если узнаешь истину, ты недоволенъ и негодуешь? Гдѣ же лжепророки, говорящіе: не будетъ войны, не будетъ битвы, голода, меча? (И черезъ нѣсколько словъ). Вопроси о насъ Господа. Не обнаруживая никакой перемѣны въ (своемъ) тяжкомъ безразсудствѣ, ждали перемѣны въ (дѣлѣ)

---

[1]) Сказалъ, разумѣется, о рожденіи младенца мужескаго пола.

бѣдствій. Откуда? Да, говоритъ. *По всѣмъ чудесемъ своимъ.* Ожидали, что божество стремится къ славѣ. Теперь вспоминаешь дивныя событія; теперь видишь, что Богъ все можетъ (сдѣлать); удрученный скорбью, любомудрствуешь? Время для такихъ словъ не теперь, а когда ихъ презиралъ, когда нарушалъ свои клятвы. Смотри, какой страхъ передъ клятвою: клялся повиноваться; не повиновался и подвергается наказанію. Итакъ (рѣчь не о томъ), чтобы наказанъ былъ варваръ, а о томъ, чтобы не былъ оскорбляемъ Богъ, чтобы никто другой не беззаконничалъ. (И черезъ нѣсколько словъ). Я думаю, что Навуходоносоръ не такъ увѣренъ въ своемъ оружіи, какъ въ благоволеніи Божіемъ. Поэтому порицаетъ это евнухъ его. Навуходоносоръ дѣлается для іудеевъ учителемъ того, что никогда нельзя нарушать клятву.

Сія глаголетъ Господь: се азъ обращаю (ст. 4).

Хотя бы они, говоритъ, хотѣли отступить, Я буду воевать съ вами.

И къ людямъ симъ речеши (ст. 8). 936

Іоакимъ, перешедши на сторону вавилонскаго царя и возложивши на себя (узы) рабства, давъ (ему) клятву, дѣлается данникомъ его. А Седекія нарушилъ клятву и отступилъ отъ союза. Выступаетъ вавилонскій царь, въ (нарушеніи) клятвы имѣя справедливую причину; но и тогда не предаетъ ихъ Богъ. Если хотите, говоритъ, выйти, получите избавленіе. Что нужно было далѣе дѣлать? Они рѣшились сдѣлаться участниками его клятвопреступленія. Но совсѣмъ не слѣдовало спрашивать пророка о томъ, какое будетъ слѣдствіе клятвы, когда клятвы и союзы попраны. А чтобы не могъ оправдываться незнаніемъ, чтобы подчиненные не испытали принужденія начальника, уничтожаетъ и ихъ. У дверей, говоритъ, наказаніе; вы можете избѣжать его. Могшіе избѣжать настоящей гибели, не клясться ложно и остаться невредимыми, чего были достойны, рѣшившись вмѣстѣ съ смертью навлечь на себя вину въ клятвопреступленіи? (И черезъ нѣсколько словъ). Нужно знать, что если бы обиженный былъ и язычникъ (Ἕλλην), Богъ наказываетъ, потому что и онъ— Его, и кромѣ того, о своихъ заботится болѣе, и наносящій обиду самъ терпитъ вредъ.

А исходящій, иже прибѣжитъ къ халдеомъ обстоящымъ васъ, живъ будетъ, и будетъ душа его въ пріобрѣтеніе (εἰς ὠφέλειαν) [1]) *и живъ будетъ* (ст. 9).

---

[1]) Вмѣсто: εἰς ὠφέλειαν читается въ древнихъ греч. спискахъ εἰς σκῦλα, что переведено въ славян. В.: *въ плѣнъ*.

Слова: *въ пріобрѣтеніе* въ еврейскомъ текстѣ выражены яснѣе: *въ добычу* (εἰς σκῦλα), а смыслъ такой: не прибѣгающій, говоритъ, умретъ, а прибѣгающій будетъ живъ, сдѣлавшись добычей непріятелей. Выраженіе: *въ пріобрѣтеніе* значитъ: это принесетъ ему пользу, жизнь.

Доме царя Іудина, слышите слово Господне. Доме Давидовъ, сія глаголетъ Господь: судите заутра судъ, и далѣе (ст. 11—12).

Сдѣлавъ угрозы, увѣщеваетъ измѣнить образъ мыслей, показывая, что наказываетъ ихъ за нераскаянныя паденія, поэтому говоритъ:

А исходящій.

Кто не захочетъ пойти, видя болѣзнь, посланную ему Богомъ? Въ самомъ дѣлѣ, если остававшихся ожидали такія бѣдствія и надлежало совершенно погибнуть, то почему не переходили? Не ясно ли, что—отъ невѣрія?

Доме Давидовъ.

Не просто напомнилъ имъ о Давидѣ, а для того, чтобы устыдились добродѣтели предка; если ничто другое, то перестали бы быть злыми.

Слышите слово.

Не потому, что имѣетъ великую силу, не потому, что нѣтъ сильнѣйшаго, не поэтому, а для вашей дѣятельности (ἐπιτηδεύματα). Ваши грѣхи сдѣлаются пищей для этого огня.

Се азъ къ тебѣ, обитающему въ удоліи Сорѣ *польнѣмъ* (κοιλάδα Σὼρ, τὴν πεδινήν) [1], *рече Господь, иже глаголете: кто побіетъ насъ или кто внидетъ въ домы наша*, и далѣе (ст. 18).

Не хорошо объяснено (слово) *Соръ* въ греческомъ переводѣ,
937 такъ какъ по-еврейски поставлено Суръ [2], что значитъ: камень. А обозначаетъ Іерусалимъ, который расположенъ на скалѣ долины, а скалой долины назвалъ по расположенію мѣста, такъ какъ мѣста около Іерусалима окружены горами; есть вокругъ (его) и долина.

Се азъ.

Предсказываетъ Тиру грозныя событія; много говорятъ о Тирѣ Іезекіиль и Исаія, потому что превознесся, потому что, имѣя средства къ наученію у сосѣднихъ іудеевъ, ничѣмъ не воспользовался. Потому прежде касается этихъ народовъ, что Іерусалимъ находился близъ нихъ. Далѣе услышишь, какъ онъ касается Вавилона и всѣхъ прочихъ, и увидишь общее его попеченіе.

---

[1]) Такъ читаются приведенныя слова греческаго перевода въ древнихъ его спискахъ; соотвѣтствующія имъ въ Слав. Б.: *въ крѣпцѣ и польнѣ удоліи* служатъ передачей латинскаго перевода: vallis solidae atque campestris.

[2]) То есть, цуръ.

ГЛАВА XXII.

Понеже тако глаголетъ Господь на домъ царя Іудина: Галаадъ ты мнѣ, глава Ливанская, аще не поставлю тебе въ пустыню, въ грады необитанны (ст. 6).

Галаадомъ называетъ Іерусалимъ, чтобы показать его славу, потому что извѣстенъ былъ и Галаадъ. (Въ этомъ сравненіи) сокрыта мысль; то, что касается его [1], захотѣлъ выразить на примѣрѣ. Онъ хочетъ показать то, что какъ Галаадъ есть глава (ἀρχή) Ливана, потому что славенъ болѣе всѣхъ городовъ, лежащихъ у Ливана, такъ и ты стоишь во главѣ прочихъ городовъ. Но такъ какъ ты оказался, говоритъ, неблагодарнымъ Мнѣ, произношу надъ тобою приговоръ.

Не плачите мертваго, ниже рыдайте о немъ: плачите плачемъ о исходящемъ, яко невозвратится ктому, ниже увидитъ земли рожденія своего.

Тяжкой смерти подвергся Іоакимъ, отецъ Іехоніи: взятый вавилонскимъ царемъ, сначала связанъ былъ мѣдными цѣпями, затѣмъ умерщвленный выброшенъ былъ предъ стѣнами, не удостоившись погребенія со стороны варвара. Послѣ того, когда вавилонскій царь удалился отъ города, собравъ остатки его [2], положили на мѣстѣ смерти. Итакъ Богъ предсказываетъ чрезъ пророка, что при жизни потерпитъ худшее за беззаконіе. Поэтому слова: *не плачите мертваго, ниже рыдайте о немъ* относятся къ Іоакиму, а *плачите плачемъ о исходящемъ, яко не возвратится ктому* относятся къ Іехоніи, такъ какъ его, послѣ трехмѣсячнаго царствованія, Навуходоносоръ переселилъ въ свою землю.

Ни въ какомъ случаѣ не говоритъ объ Іосіи, потому что онъ не перенесъ ничего необычайнаго; проведши добрую жизнь, онъ взятъ былъ (изъ среды живыхъ) прежде тѣхъ, которые имѣли рабствовать и умереть въ чужой землѣ.

Понеже сія рече Господь къ Селлиму, сыну Іосіину, царю Іудину, царствующему вмѣсто Іосіи, отца своего (ст. 11).

Селлимомъ называетъ Іехонію; такъ его называли. Объясняется (это имя въ смыслѣ): мирный. Поелику Іоакима, его отца, поставленнаго египетскимъ (царемъ), вавилонскій взялъ въ плѣнъ 940
и воцарился Іехонія, то его называетъ мирнымъ, такъ какъ земля не будетъ опустошена вавилонскимъ царемъ, какъ находящаяся въ союзѣ, и (онъ) не рѣшится сдѣлать его своимъ плѣнникомъ

[1] То есть, Іерусалима.

[2] Разумѣются остатки ц. Іоакима.

Говоритъ объ ушедшемъ въ Египетъ; то—самое крайнее несчастіе, что и по смерти не можетъ достигнуть отечества, а будетъ брошенъ безъ погребенія; хуже этого ничего не можетъ быть.

Не возвратится ктому съмо. Но на мѣстѣ томъ, аможе преведохъ его, тамо умретъ, и земли сея не узритъ ктому.

Думали, что онъ опять возвратится, давъ обѣщаніе платить дань, какъ возратился Манассія. Совѣтуетъ не надѣяться на это. Ясно, что Іеремія сказалъ это, когда онъ взятъ былъ въ плѣнъ въ городѣ, а Седекія началъ царствовать; его Навуходоносоръ поставилъ владѣть этимъ мѣстомъ. Такимъ образомъ сказанное въ началѣ (царствованія) Седекіи соединилъ съ отвѣтомъ, даннымъ посламъ отъ него къ пророку.

Какъ (ὡς) [1]) *созидающій* (ὁ οἰκοδομῶν) *домъ свой съ неправдою*, и далѣе (ст. 13).

Говоритъ о Седекіи, осуждая его, какъ заботившагося объ излишней красотѣ домовъ, и обвиняя, какъ обижавшаго служившихъ и работавшихъ (для него).

Касается Іоакима, какъ производившаго красивыя постройки изъ похищеннаго, украшавшаго домъ и лишающаго наемника платы. Что ты строишь домъ и разрушаешь спасеніе своей души? *Ближній дѣлаетъ;* если бы чужой былъ, долженъ былъ бы лишиться платы.

Еда царствовати будеши, яко состязаешься съ кедромъ (ἁμιλλᾶσαι πρὸς τὴν κέδρον) [2]) (ст. 15).

То есть, развѣ останешься на царствѣ и высоко поднимешь зданія?

„Отецъ твой развѣ не ѣлъ и не пилъ и не производилъ судъ и правду? И было ему тогда благо“ (Ὁ πατήρ σου μὴ οὐχὶ ἔφαγε, καὶ ἔπιε, καὶ ἐποίησε κρῖμα καὶ δικαιοσύνην? Τότε ἀγαθὸν ἦν αὐτῷ) [3]).

Отецъ твой, то есть, Давидъ прославился не притѣсненіями и попеченіемъ о домахъ, а занимаясь служеніемъ Богу.

Разумѣетъ или Іосію или Ахаза, того по естеству, а этого—по (сходству) нравовъ (ἀπὸ τοῦ τρόπου).

---

[1]) Вмѣсто этого читаемое въ Слав. В. *горе* служитъ передачей перевода блаж. Іеронима (vae) или евр. текста.

[2]) Вмѣсто этого въ древнихъ спискахъ греч. перевода, съ которыми согласуется Славян. Б., читается: σὺ παροξύνῃ ἐν Ἀχὰζ τῷ πατρί σου=*ты поощряешися о Ахазѣ, отцѣ твоемъ.*

[3]) Вмѣсто этого въ древнихъ сп. греч. перевода, съ которыми согласуется Слав. В., читается: οὐ φάγονται καὶ οὐ πίονται· βέλτιον σε ποιεῖν κρίμα καὶ δικαιοσύνην = *не ѣдятъ, ниже піютъ: лучше тебѣ было творити судъ и правду.*

Се не суть (ст. 17).

Видишь, въ чемъ полагается красота? Не въ очертаніяхъ членовъ, а въ хорошемъ употребленіи.

Сего ради сія рече Господь ко Іоакиму, сыну Іосіину, царю Іудину: не оплачутъ, увы, господине, увы, братіе [1]), и далѣе (ст. 18).

Нѣкоторые говорили, что это отлично отъ преждесказаннаго, а я думаю, что согласно; смыслъ нахожу такой: напомнилъ о бывшемъ при Іоакимѣ, о чемъ предсказалъ, чтобы убѣдить ихъ 941
въ истинности своихъ словъ.

Влачимь (συμψηϑείς).

Что значитъ: *влачимь*? Симмахъ говоритъ: собранный подобно навозу. Умертвивши его, вавилонскій царь такъ его и бросилъ и онъ не былъ погребенъ, или погребенъ подобно ослу, смѣшавшись съ пылью, землей и грязью. Вслѣдствіе смятенія не было оплакано, и не было обмыто его тѣло, что было особенно тяжко. Видишь ли смѣлость пророка, что онъ предсказываетъ и не удерживается подъ вліяніемъ страха?

Взыди на Ливанъ, и въ Васанъ даждь гласъ твой и возопій на онъ полъ моря (ст. 20).

То есть, когда говорилъ, меня не слушали.

Восходилъ ли? Я не думаю, но (сказано для того), чтобы слышенъ былъ голосъ.

Яко сотрени суть.

Говоритъ о соратникахъ ея (αὐτῆς), на которыхъ надѣялась.

Глаголахъ къ тебѣ въ паденіи твоемъ и реклъ еси: не услышу (ст. 21).

То есть, Я объявилъ объ угрожающихъ бѣдствіяхъ и они отвергли словесное увѣщаніе.

И реклъ еси: не услышу.

И то, что прежде имѣло характеръ добродѣтели, утрачено; когда поражалъ ихъ, тогда искали Его. Хотя находящійся въ скорби могъ бы не слышать, но ты была всегда такою, а не теперь (только).

Всѣхъ пастырей твоихъ упасетъ вѣтръ (ст. 22).

При которыхъ надѣялся быть въ безопасности. На что мы полагаемся, то Богъ уничтожаетъ, чтобы мы не надѣялись на это и не ожидали отъ этого (помощи).

И тогда постыдишися.

---

[1]) Слова греческаго перевода переданы здѣсь въ текстѣ Патрологіи не сполна и не въ томъ порядкѣ, какъ въ древнихъ греч. спискахъ, съ которыми здѣсь вообще согласуется Слав. В.

Такъ какъ не являются, говоритъ, а истребляются изъ среды (живыхъ).

Живу азъ, рече Господь (ст. 24).

Какъ кто-либо стягиваетъ пращу (σφενδόνην), нося въ рукѣ, такъ Я буду поступать съ нимъ [1]) и не защищу его. А если Богъ не защититъ, кто избавитъ его?

И предамъ тя въ руки ищущихъ души твоей (ст. 25).

Думаю, что и это сказано въ подобномъ значеніи. Такъ какъ на Іехонію, говоритъ, полагались и думали быть въ безопасности, это потому, что онъ поставленъ былъ вавилонскимъ царемъ, а то — потому, что находясь въ храмѣ и въ Іерусалимѣ ничему (народъ) не подвергнется, то (въ виду этого) напередъ говоритъ ему не полагаться на это, что и оказалось на дѣлѣ. Сказано: *на руцѣ деснѣй моей*, то есть, въ храмѣ, гдѣ я обыкновенно подаю помощь находящимся здѣсь. „Уста уничижаемыя и отверженныя оный мужъ" (Τὸ στόμα τὸ ἐξουδενωμένον καὶ ἐκτετιναγμένον ὁ ἀνὴρ αὐτός) [2]), то есть, Іехонія. „Уста уничиженныя" за богохульство, а „отверженныя", какъ (человѣка) отвергнутаго.

И отвергу тя (ст. 26).

944 Книги Царствъ (4 Цар. xxv, 27—30) говорятъ, что впослѣдствіи онъ пользовался и честью, что его престолъ потомъ былъ возвышенъ, когда, можетъ быть, онъ сдѣлался лучше. Такимъ образомъ, когда говоритъ: *ниже будетъ отъ сѣмене его мужъ, иже сядетъ на престолѣ*, то очевидно потому, что онъ остается тѣмъ же, такъ какъ если *возглаголю на языкъ и на царство, да искореню и аще обратится*, то ничего не сдѣлаю (Іер. xviii, 7).

Обезчестися Іехоніа, аки сосудъ непотребенъ (ст. 28).

Взятый въ плѣнъ, впалъ въ безчестіе, потерявши царство, такъ какъ былъ нечистъ; или иначе: сдѣлался нечистымъ, удалившись въ чужую землю.

Земле, земле, земле, слыши (ст. 29).

Поелику не слушалъ никто изъ людей, то обращается къ неодушевленному. Что значитъ: *отвержена* (ἐκκήρυκτον)? Лишенъ чести, говоритъ. Акила называетъ „неумножающимся" (ἀναύξητον) а Симмахъ „пустымъ, отчужденнымъ" (ἀπηλλοτριωμένον).

Сія рече Господь: напиши мужа сего отвержена, мужа, иже во днехъ своихъ не предуспѣетъ (ст. 30).

---

[1]) Подъ „нимъ" разумѣется, конечно, Іехонія, о которомъ говорится въ 24 ст.

[2]) Эти слова отсутствуютъ въ древнѣйшихъ сп. греческаго перевода, какъ и въ Слав. В., но они находятся въ переводѣ Акилы, въ Маршаліан. сп. и въ н...ѣшнемъ евр. текстѣ.

То есть, присутствующимъ свидѣтельствую, что Богъ сдѣлалъ его чуждымъ Себѣ, и замѣтьте слово это, такъ какъ это значитъ: *напиши;* написать повелѣваетъ многимъ, а (смыслъ выраженія): *не предуспѣетъ* ясно показалъ, продолжая: *ниже бо будетъ отъ сѣмене его мужъ, иже сядетъ на престолѣ Давидовѣ;* дѣйствительно, вмѣсто его воцарился не сынъ, а дядя, братъ Іоакима.

ГЛАВА XXIII.

Горе пастыремъ, иже погубляютъ и расточаютъ овцы пажиты моея (ст. 1).

Подобнымъ образомъ, говоритъ, и ты, Седекія, продолжаешь беззаконничать и дѣлаешься виновникомъ гибели для народа.

Много говоритъ объ нихъ Іезекіиль, и самъ Іеремія, и обрати вниманіе на тягчайшее наказаніе ихъ. Они гибнутъ въ чужой (землѣ), а обольщеннымъ возвѣщаетъ послѣ этого возвращеніе, освобожденіе отъ бѣдствій и добрыхъ (χαθαρούς) начальниковъ. Замѣчай всюду справедливость.

Се дніе грядутъ, глаголетъ Господь, и возставлю Давиду востокъ праведный (ст. 5).

Говоритъ о Зоровавелѣ.

Вмѣсто: *востокъ праведный* Симмахъ переводитъ: „отрасль (βλάστημα) праведная“; это сказано, какъ говорятъ нѣкоторые, сокровенно о Христѣ, а по исторіи—объ Іоседекѣ. И благовременно даетъ добрыхъ начальниковъ, когда сдѣлалъ ихъ посредствомъ наказанія болѣе благоразумными, такъ что и польза сдѣлалась удобопріемлемою, такъ какъ нерадѣніе и хвастовство были уничтожены.

И сіе имя ему, имже наречетъ (χαλέσει) *его Господь праведенъ* (ст. 6).

У пророковъ *Іоседекъ* объясняется: глава нашей праведности; это значитъ, что какъ пророки вѣщали по волѣ Божіей, такъ и онъ, будучи праведнымъ, приведетъ народъ къ праведности.

Сотрено есть сердце мое (ст. 9). 945

Говоритъ то, что я, видя славу Божію, смутился, а они и наказанія не боятся.

И бысть теченіе (ст. 10).

То есть, забота (ихъ обращена) не къ хорошему чему-либо; они старались, но не о добромъ.

Понеже священникъ и пророкъ (ἱερεὺς καὶ προφήτης) [1] *осквернишася* (ст. 11).

Мнѣ кажется, говоритъ о блудодѣйствѣ въ самомъ *домѣ*. (такъ что) по сану священникъ, по мѣсту „домъ“ [2]), а по дѣйствію—злое прелюбодѣйство. Что ужаснѣе этого? Если не вѣрили другимъ, это достаточно показываетъ ихъ развращеніе; разрушали чужіе браки, неистово бросались на женщинъ.

Сего ради путь ихъ будетъ (ст. 12).

Смотри, какъ не тотчасъ опять наводитъ бѣдствіе, а даетъ отсрочку; а затѣмъ, чтобы это откладываніе не привело ихъ къ невѣрію и злу, напоминаетъ имъ о дѣлавшихъ такія же беззаконія и потерпѣвшихъ тягчайшія наказанія.

И въ пророцѣхъ Самарійскихъ (ст. 13).

Тѣ предлагали (προεβάλλοντο), если не что иное, то Ваала, а эти—Меня.

И въ лжепророцѣхъ (ψευδοπροφήταις) [3] *Іерусалимскихъ видѣхъ ужасная* (ст. 14).

(Вмѣсто этого) по еврейскому тексту: „смѣшенное“ (πεφυρμένα), то есть, не говорящихъ ничего истиннаго, а произносящихъ слова по честолюбію; говоритъ это, сравнивая съ лжепророками въ Самаріи, потому что тѣ, хотя повидимому, говорили въ нѣкоторомъ порядкѣ, какъ имѣющіе жертвенникъ, покланяющіеся телицамъ и соблюдавшіе прочее видимое благочиніе, хотя и беззаконно. А эти превзошли беззаконіемъ нечестіе тѣхъ.

Они не допускали, чтобы страхъ Божій утвердился въ душѣ слушателей, уничтожали всякій поводъ къ тому, чтобы сдѣлались лучшими, и удерживали всѣхъ людей во злѣ.

И скрѣпляющихъ (ἀντιλαμβανομένους).

Не только не учили, говоритъ, людей (посредствомъ частнаго обозначилъ все) тому, чтобы они отвращались отъ худыхъ дѣлъ, но и помогали имъ въ томъ, чтобы они преуспѣвали въ злѣ.

Быша мнѣ.

Кого не можетъ то научить? Такъ непріятенъ и страшенъ видъ земли, какъ тѣло совсѣмъ обгорѣлое.

---

[1]) Въ такомъ порядкѣ читаются эти слова и въ древнихъ сп. греч. перевода; порядокъ, принятый въ Слав. Б., соотвѣтствуетъ евр. тексту и переводу блаж. Іеронима.

[2]) Разумѣется, Божій.

[3]) Въ древнихъ сп. греч. перевода читается обыкновенно: *προφήταις* — *пророцѣхъ*.

Сего ради (ст. 15).

Происходитъ не отъ природы, а отъ душевнаго расположенія. Если бываетъ горько по самой природѣ, можно найти (противъ этого) много средствъ, и перемѣняемъ мѣсто, и получаемъ отъ имѣющихъ (такія средства), и прибѣгаемъ къ иному чему-либо. А когда повреждено самое чувствилище, бываетъ безполезно всякое врачество. Лучше поэтому имѣть здоровыя чувства, чѣмъ носить съ собою горькія вещества

Отъ пророковъ бо Іерусалимскихъ...

Опять указываетъ причину: имъ недостаточно было до- 948
вести городъ до бѣдствій, но сдѣлались виновниками и того, что случилось съ другими.

Сія глаголетъ Господь (ст. 16).

Таковы доказательства; откуда, скажи мнѣ, видно это? Изъ того, что говорятъ ложь, увеличиваютъ зло, умножаютъ нерадѣніе.

Кто бо бысть въ совѣтѣ Господни, и видѣ. и слыша словеса его (ст. 18)?

То есть, кто изъ противящихся пророкамъ испыталъ божественную силу и говорилъ это, будучи удостоенъ (принятія) Духа? Иначе сказать: на дѣлѣ являются противящимися божественной волѣ, когда противодѣйствуютъ пророкамъ, совершая служеніе идоламъ.

То есть, кто можетъ видѣть Бога? Симмахъ говоритъ: кто присутствовалъ въ собраніи (ὁμιλία) и кто слышалъ? Какъ же вы говорите, что слышали?

И аще бы стали въ совѣтѣ моемъ и слышали слова мои (καὶ ἤκουσαν τῶν λόγων μου) [1]), *научили бы народъ мой* (ἐδίδασκον ἂν τὸν λαόν μου) [2]) *и отвратили бы отъ пути ихъ лукаваго.*

То есть, если бы остались вѣрными Моимъ установленіямъ и ожидали отъ Меня милости, то всецѣло учили бы народъ благочестію.

Не маловажное свидѣтельство: не случайная черта служитъ границей пророчества и лжепророчества.

Богъ приближающійся азъ есмь, глаголетъ Господь, а не Богъ издалеча. Аще утаится человѣкъ (ἄνθρωπος) [3]) *въ сокровенныхъ, и азъ не узрю ли его, рече Господь* (ст. 23—24)?

---

[1]) Такъ же читаются эти слова и въ древнѣйшихъ сп. перевода 70-ти. Нынѣшній славян. переводъ: *слышаны сотворили бы словеса моя* соотвѣтствуетъ переводу блаж. Іеронима.

[2]) Этихъ словъ въ древнѣйшихъ сп. перев. 70-ти не читается.

[3]) Вмѣсто τίς = *кто*, какъ читается въ древнихъ сп. перевода 70-ти.

То есть, говоря пріятное народу, вы думали ихъ обольстить и не знающихъ приводите къ мысли, будто Мною посланы. Почему не думаете о томъ Моемъ достоинствѣ, что нахожусь при каждомъ, вижу (ваши) желанія и не такъ, какъ люди, не не знаю, что вы дѣлаете, хотя далекъ отъ вашихъ помысловъ? Есть ли между вами кто, задумывающій что-либо и остающійся неизвѣстнымъ Мнѣ? Это и значатъ слова: *аще утаится человѣкъ въ сокровенныхъ и азъ не узрю ли его*, то есть, если кто въ тайнѣ души своей хочетъ скрыть, скроетъ ли отъ Моего вѣдѣнія?

Что направляли ихъ къ худымъ дѣламъ, знаю. Откуда знаю? Я присутствую, всюду присутствую. Если часто даетъ знать совершающееся всюду не присутствующимъ (всюду) пророкамъ, то тѣмъ болѣе самъ знаетъ. Но не говоритъ этого, а: *Богъ приближающійся азъ есмь;* всюду присутствую; это было неоспоримымъ свидѣтельствомъ того, что все знаетъ.

А не Богъ издалеча.

Какъ свѣтъ всюду находится, такъ—и Богъ.

Еда небо и землю не азъ наполняю?

Знаю, говоритъ, какъ слагаютъ пророчества. Основаніе предположенія—что злымъ предсказывается худое. Потомъ, когда изложитъ, это (предположеніе) будетъ ясно.

Что плевы ко пшеницѣ, рече Господь (ст. 28).

Хорошо присоединилъ это для сравненія пророковъ съ лже-
949 пророками, вмѣсто того, чтобы сказать: нѣтъ никакого сравненія между мякиной и пшеницей. Послѣдняя питательна и поддерживаетъ существованіе людей, а мякина безполезна для людей; она или бросается или служитъ пищею безсловесныхъ. Такъ, говоритъ, и слова пророковъ питаютъ души, а слово лжепророковъ не можетъ принести пользы людямъ; оно доставляетъ развѣ слушающимся по неразумію нѣкоторое утѣшеніе, а не пользу. (И къ этому) присоединяетъ: *не такъ* (οὐχ οὕτως) [1]), то есть, никакого сравненія.

Словеса моя, якоже огнь (Οἱ λόγοι μου ὥσπερ πῦρ) [2]), *рече Господь, и яко млатъ, сотрыющій камень.*

То есть, слова черезъ пророковъ истинны и дѣйственны.

Сего ради се азъ ко пророкомъ (ст. 30).

Какъ мнѣ кажется, нѣкоторые слушающіе пророковъ и слушающіе другихъ, повѣствующихъ (о нихъ), подражаютъ имъ, по-

---

[1]) Такъ читаются эти слова и въ Маршаліанскомъ спискѣ, вмѣсто οὕτως= *тако*, какъ читается въ древнѣйшихъ греч. спискахъ и Славян. В.

[2]) Вмѣсто этого въ древнѣйшихъ сп. перевода 70-ти, съ которыми согласуется Слав. В., читается: οὐχ ἰδοὺ οἱ λόγοι μου ὥσπερ πῦρ = *еда словеса моя не суть якоже огнь?*

добно змію. Поэтому Іезекіиль (XIV, 9) говорить: *и пророкъ аще* придетъ (ἔλθῃ) [1]), *азъ Господь прелстихъ* (ἐπλάνησα αὐτόν), такъ какъ не позволяетъ болѣе учить; поэтому говорить, что уничтожитъ бремя (τὸ λῆμμα) [2]).

Се азъ на пророки (ст. 31).

Пророчества языка называетъ ложными, а (пророчества) не языка—истинны.

И дремлющыя дреманіе свое.

Многіе составляли пророчества черезъ сны, прорицанія; но утѣшатся въ настоящее время.

Бремя Господне (ст. 34).

И какой вредъ? Такъ какъ говорили, что получили его (ἐκεῖνον) [3]), то уничтожаетъ соименное. И демоны могли получать и считались получившими отъ Бога. Но это не такъ.

ГЛАВА XXIV.

И показа мнѣ Господь [4]) *двѣ кошницы смоквій, поставлены предъ храмомъ Господнимъ, повнегда преведе Навуходоносоръ, царь Вавилонскій, Iехонію, сына Іоакимова, царя Іудина.* (И черезъ нѣсколько словъ). *Кошница едина смоквей добрыхъ зѣло, яко смоквы первыхъ временъ* (σῦκα πρώϊμα), *и кошница другая смоквей злыхъ зѣло, ихже ясти не возможно за худость ихъ*, и далѣе (ст. 1—2).

Это видѣніе пророка имѣетъ такой смыслъ. Ясно, что (это) было при Седекіи; это показываютъ и слова. Когда окружающіе Іоакима уведены были въ плѣнъ, бывшіе при Седекіи говорили, что мы не подвергнемся бѣдствію отъ вавилонскаго царя, поступая справедливо; предки наши сдѣлались плѣнниками, потому что были злы и нечестивы. Поэтому посредствомъ этого видѣнія Богъ показываетъ, что тѣ лучше этихъ. И какъ хорошія смоквы, говоритъ, каждый цѣнитъ дорого, не желая потерять или бросить какую-либо изъ нихъ, такъ и Онъ цѣнилъ ушедшихъ, а называетъ то переселеніе кошницей добрыхъ смоквъ, такъ какъ вмѣстѣ съ народомъ отведены были и праведные, ка-

---

[1]) Вмѣсто этого въ древнихъ греч. сп. читается: πλανήσῃ = *прелстится* (Слав. Б.).

[2]) О τὸ λῆμμα Κυρίου = *бремени Господнемъ* см. далѣе.

[3]) То есть, то, что разумѣлось подъ *бремя Господне.*

[4]) Читаемымъ въ Слав. Б.: *и се* нѣтъ соотвѣтствующихъ словъ въ текстѣ Патрологіи, какъ и въ древн. греч. сп. перев. 70-ти; соотвѣтствующія имъ находятся въ евр. т. и латинскомъ переводѣ.

ковъ Даніилъ, три отрока, Іезекіиль и кто-либо подобный имъ.
952 И какъ, говоритъ, бросаютъ худыя, ни для чего негодныя (смоквы), такъ истреблю всѣхъ негодныхъ, впавшихъ въ нечестіе, совершенно утратившихъ память о своемъ Владыкѣ. А кошницей худыхъ смоквъ назвалъ ихъ, потому что не оказалось между ними праведнаго.

Что значитъ образъ кошницъ со смоквами, отличающійся большой простотой? Причиной простоты служитъ скромное состояніе (дѣлъ) того времени. Желая показать и въ другомъ мѣстѣ любовь къ нимъ, избираетъ не что-либо важное и дорогое, а смоквы и виноградъ. *Якоже грезнъ въ пустыни обрѣтохъ Исраиля и якоже стража на смоковницѣ ранняго* (Ос. IX, 10). Поэтому здѣсь при помощи образа представляетъ любовь къ тѣмъ, какую имѣетъ показать, и нерасположеніе къ этимъ. Словами: *предъ храмомъ Господнимъ* указываетъ на приговоръ, вынесенный оттуда.

И рече Господь ко мнѣ (ст. 3).

Для чего спрашиваетъ его? Чтобы сообщить достовѣрность слову и изъ отвѣта народъ узналъ рѣшеніе.

И бысть (ст. 4).

Что болѣе этого можетъ вести къ исправленію? Указалъ различіе. Что, если вы остаетесь въ отечествѣ, но испорчены, а тѣ—въ плѣну, но расположены ко Мнѣ? А дѣлаетъ это, чтобы перемѣнились и не считали себя оставленными за свою добродѣтель.

И возсозижду (ст. 6).

Видишь ли, что *не (разорю)* не осталось навсегда? Вѣдь разорилъ ихъ.

И дамъ имъ сердце (ст. 7).

Если Ты даешь имъ сердце, почему не далъ прежде? Прежде наказанія и исправленія не были способны принять. Смотри на это величайшее изъ благъ; указываетъ и причину (состоящую въ томъ), что *обратятся*. Но (вышеприведенный) образъ не позволяетъ: разъ испорченное не можетъ подняться и сдѣлаться хорошимъ. Но доброе, говоритъ, остается, а недоброе — нѣтъ. Впрочемъ это зависитъ не отъ природы, а отъ произволенія, такъ какъ это различіе по качеству, а не по существу. А если скажешь: почему и этимъ не даетъ добрыхъ обѣтованій? то потому, что этимъ усиливаетъ страхъ, чтобы не испытали на дѣлѣ.

И иже обитаютъ (ст. 8).

Не надѣйтесь, говоритъ, какъ имѣющіе помощь; не заступятся за васъ, и сами будутъ взяты, и не только въ плѣнъ, но и далѣе прострутся бѣдствія.

И будутъ въ поношеніе (ст. 9).

Неизгладима память вашего наказанія и очевидна всѣмъ людямъ.

ГЛАВА XXV.

Слово, еже бысть (ст. 1).

Намѣревается наконецъ назначить время наказанія и произнести рѣшеніе. 953

И глаголахъ къ вамъ заутра востая (ст. 3).

Черезъ этого пророка непрерывно, такъ какъ черезъ другихъ Я говорилъ, и не переставалъ говорить, и не говорилъ ничего тяжкаго. Это дѣлаетъ и Христосъ; имѣя въ виду предать городъ непріятелямъ, почти защищается передъ ними. *Колькраты восхотѣхъ собрати чада ваша, и не восхотѣсте,* и далѣе (Мѳ. xxiii, 37).

Сего ради сія глаголетъ Господь (ст. 8).

Для того развѣ Я далъ, чтобы опять отнять? Развѣ Я требовалъ отъ васъ мзды? Это было дѣло милости. Никто не отнимаетъ подареннаго, если не сдѣлается слишкомъ недостойнымъ получившій.

Се азъ послю и возму племя (πατριάν) (ст. 9).

Приведу, говоритъ, вавилонянъ, потому что вы не вѣровали. Видишь, отчего происходило у нихъ нерадѣніе? Отъ невѣрія. То же бываетъ и въ настоящее время относительно геенны. Развѣ Я не могъ наказать, если бы хотѣлъ? Виновны въ этомъ лжепророки. Не вѣрили словамъ, повѣрите дѣламъ.

И на вся языки.

Для чего? Чтобы ты зналъ, что промышленіе обо всемъ принадлежитъ Богу.

И поработаютъ (ст. 11).

Будучи человѣколюбивымъ, семьдесятъ лѣтъ считаетъ не отъ разрушенія храма до возвращенія, а до построенія храма. А что говоритъ, состоитъ въ слѣдующемъ. Прежде семидесяти лѣтъ возвратилъ ихъ и время возвращенія причислилъ къ плѣну. Когда не было ни храма, ни священника, ни жертвенника, ни жертвъ, чѣмъ отличалось (это время) отъ жизни въ плѣну? И это дѣло Его человѣколюбія. Поэтому при Даріѣ, когда прошло столько времени послѣ возвращенія, говоритъ: *доколѣ презрѣлъ еси, Господи, Іерусалимъ, сіе седмьдесятое лѣто* (Зах. i, 12), чтобы тогда исполнилось семьдесятъ лѣтъ. То же дѣлаетъ и при наказаніи, говоря: *лѣтъ сто двадесять* будетъ жизнь людей (Быт. vi, 3), и живутъ

сто лѣтъ. То же сдѣлалъ и при воскресеніи: сказавъ, что *(будетъ) три дни и три нощи* (Мѳ. xп, 40), возстаетъ въ третій день. Но то было, конечно, дѣломъ человѣколюбія, а въ этомъ (проявилось) какое человѣколюбіе? Почему же сдѣлалъ тридневнымъ (воскресеніе)? Чтобы удостовѣрились въ томъ, что умеръ. Многое дѣлается для этого. Почему же не исполнилъ того же, сказавъ, что *будетъ въ сердцы земли три дни и три нощи*,—развѣ для того, чтобы не повредилось тѣло? Что же, не могъ сохранить его? Могъ, но хотѣлъ удостовѣрить, что природа не имѣла ничего чуждаго. Нѣкоторые говорятъ, что (это было) для учениковъ, чтобы подкрѣпить ихъ слабость. Поэтому не ожидалъ того, чтобы самому явиться имъ, но радуетъ доброю вѣстью и успокоиваетъ ихъ мысль. *Иди*, говоритъ, *рцы братіи моей* (Іоан. xx, 17). Явив-
956 шись тотчасъ, могъ лучше удостовѣрить сказанное, но (дѣлалъ такъ для того), чтобы приготовить ихъ слухъ. *Не у бо вѣдяху, яко подобаетъ ему отъ мертвыхъ воскреснути* (Іоан. xx, 9). Или то нужно сказать, что и Іона совершилъ въ чревѣ кита; порча тѣла начинается въ первый день; такимъ образомъ это достаточное свидѣтельство того, что Онъ умеръ. Когда угрожаетъ бѣдствіями, сокращаетъ время и употребляетъ искусство (σοφίζεται), а когда (говоритъ) о благахъ, расширяетъ его. Далъ блага, не опредѣленныя числомъ, а тѣмъ болѣе — неизвѣстныя. Благамъ нигдѣ не полагаетъ предѣла, кромѣ расположенія каждаго, а бѣдствіямъ — всегда. *Дахъ вамъ*, говоритъ, *землю отъ вѣка и до вѣка* (ст. 5). (Здѣсь) не видишь никакого предѣла, а когда посылаетъ въ плѣнъ, опредѣлилъ (время), и смотри: первый (плѣнъ) 400, второй—30, третій—73 (года), а послѣ Христа—постоянный. Объ этихъ годахъ воспоминаетъ Даніилъ (ст. 12).

Егда же исполнени будутъ (ст. 12).

Предсказываетъ наказаніе вавилонянамъ, чтобы ты зналъ, что нынѣ не своею силою это сдѣлали.

Егда же исполнени будутъ седмьдесятъ лѣтъ, посѣщу на царя Вавилонска, и далѣе.

Семьдесятъ лѣтъ плѣна считаются отъ третьяго года царя Іоакима, который царствовалъ послѣ Іоахаза, поставленнаго египетскимъ царемъ.

Возми чашу вина нераствореннаго отъ руки моея, да напоиши вся языки, къ нимже азъ послю тя (ст. 15).

Вмѣсто *нерастворенннаго* еврейскій текстъ имѣетъ: гнѣва; а созерцаетъ явленіе къ утѣшенію народа. Такъ какъ, видя сильнѣйшаго вавилонскаго (царя), приходили къ мысли, что, можетъ быть, нѣтъ пользы отъ служенія Богу, то пророкъ или—лучше—Богъ черезъ пророка, показывая, что за грѣхъ подвергаются

этому, произноситъ пророчество на народы и всѣхъ семьдесять семь царей; называетъ Идумею, носящую нынѣ названіе Ватанеи, которой прежде владѣли принадлежащіе къ колѣну Рувимову и половинѣ колѣна Манассіина. Затѣмъ говоритъ:

Сіи же яко объемлюще виноградъ отвѣщаютъ на вся сѣдящыя на земли (ст. 30).

Слово: *сіи же* нехорошо поставлено въ греческомъ (переводѣ); нужно было поставить: „дадъ" (Δάδ), а „дадъ" есть восклицаніе топчущихъ виноградъ, служащее отвѣтомъ собирающимъ. Какъ произносящіе это восклицаніе быстро топчутъ виноградъ, такъ, подобно топчущему виноградъ, растопчетъ васъ, всѣ народы, вавилонскій царь.

ГЛАВА XXVI.

Тако рече Господь: стани во дворѣ дому Господня (ст. 2).

Чтобы знали, что зрѣлище не смутило пророка,—какъ если 957
бы кто-нибудь, желая осудить великаго и удивительнаго мужа, выводитъ этого мужа на средину. Что говоришь? Не сказалъ ли прежде, что ихъ отдалъ, какъ худыя смоквы? Какъ же подаешь надежду на перемѣну?

Не уйми.

Для чего объявляешь? Какъ будто не дѣлалъ этого пророкъ? Да не будетъ. Чтобы достовѣрнымъ сдѣлать слово и побудить къ большему вниманію, было совершенно необходимо провозгласить пророчество.

Негли послушаютъ (ст. 3).

Часто бываетъ (это), какъ при обстоятельствахъ безнадежныхъ и отчаянныхъ; это внушаетъ пророку. *Негли послушаютъ*, говоритъ провидящій все, располагая ихъ къ надеждѣ. Можетъ быть, произойдетъ. *Можетъ быть* въ Писаніи говорится при утвержденіи (чего-либо). „Можетъ быть" (ἴσως) [1]) *усрамятся сына моего* (Мѳ. XXI, 37), вмѣсто: должны устыдиться.

И отвратятся.

Это особенно желалъ услышать пророкъ: ты хочешь отважиться съ такою надеждою. Итакъ скажи: *тако рече Господь.*

И дамъ домъ (ст. 6).

Это особенно печалило ихъ, такъ какъ много думали о храмѣ.

---

[1]) Этого ἴσως нѣтъ въ большинствѣ списковъ греческаго текста, какъ и въ Слав. Библіи.

Обаче рука Ахикама сына Сафаніина бѣ со Іереміею, еже не предати его въ руцѣ людей, да не убіютъ его (ст. 24).

То есть, указывалъ ему козни, чтобы избѣгалъ (ихъ). Это соотвѣтственно идетъ за пророчествомъ съ тѣхъ поръ, какъ началось царствованіе Іоакима, какъ указано выше, когда пророчествовалъ о взятіи города и храма, какъ было прежде относительно Силома (Σελώ). Итакъ очевидно, что выше сказалъ объ Іоакимѣ, что не будетъ похороненъ въ гробѣ, и подобное, сказалъ онъ въ то время, когда, схвативши его, хотѣли умертвить, какъ предрекшаго несчастія городу. Но соединявшій вмѣстѣ слова пророка изложилъ ихъ выше по указанной нами причинѣ, такъ что ясно видно, что они не отдѣлены отъ прежней послѣдовательности, а поставлены по указанному способу.

И нынѣ лучшыя сотворите пути (ст. 13).

Смотри, какъ вмѣсто защищающагося выступаетъ въ званіи учителя. Заботится не о томъ, чтобы избѣжать опасности, а о томъ, чтобы освободить ихъ отъ бѣдствій.

И послушайте.

Если бы не предстояло наказаніе, не угрожали бѣдствія, развѣ не слѣдовало слушать нашего Бога?

И престанетъ...

Что благотворнѣе этого слова? Но вы не вѣрите? Развѣ я это говорю? Богъ. Да и Богъ ли? Вы (сами) надъ собою.

И се азъ въ рукахъ вашихъ (ст. 14).

Что же? Если умру, не будетъ этого? О Стефанѣ говорили, что *глаголетъ глаголы хульныя на мѣсто святое сіе* (Дѣян. VI, 13).

900 *Но разумѣюще* (ст. 15).

Почему? Потому что не отъ себя, а отъ Бога говорю.

И рѣша князи (ст. 16).

Смотри, какъ преувеличиваютъ дѣло: не хотятъ произнести словъ, не стараются и голословно припомнить ихъ. Такъ (клеветали) и на Стефана: *глаголы хульныя глаголетъ;* не сказали, какія богохульства. Умалчиваніемъ часто преувеличиваемъ дѣло, когда говоримъ: не хочу повторять того, что сказалъ. (И черезъ нѣсколько словъ). Какъ они не стремились подтвердить обвиненія? Уваженія къ священству было достаточно для того, чтобы побудить къ такому удостовѣренію. Тѣ, которые должны были сдерживать другихъ, возбуждаютъ народъ, воспламеняютъ ярость толпы и не ожидаютъ приговора судей.

И рѣша всему собору людскому (ст. 17).

Очень тяжкое произнесъ тотъ [1]) (пророчество, предсказавъ)

---

[1]) То есть, прор. Михей Морафитскій.

не только пустыню, но и жестокую (пустыню), и развѣ былъ умерщвленъ? Убоялись Бога. Одно это разрѣшило все. Это нужно было сдѣлать и въ это время: не мучить и умерщвлять предсказывающаго бѣдствія, а думать о томъ, какъ избавиться отъ нихъ.

Мы сотворихомъ злобы велики на душы наша (ст. 19).

Итакъ нужно перемѣниться; итакъ не напрасно обвинялъ. Не можетъ кто-либо сказать, что тогда пророкъ справедливо говорилъ, а теперь—нѣтъ, потому что мы виновны въ великомъ злѣ. Перемѣнились тѣ и измѣнился Богъ. А мы возвратились къ злу.

ГЛАВА XXVII.

Тако рече Господь ко мнѣ (πρός με) [1]: *сотвори себѣ узы и клады и возложи на выю свою. И да послеши я* (ст. 2—3).

Если кто спроситъ, какимъ образомъ въ то время, когда іудеи подвергались такому бѣдствію, сосѣдніе (цари) посылали къ Седекіи пословъ, то причина слѣдующая. Со времени Езекіи, этого благочестиваго и славнаго мужа, сосѣди, цѣня высоко его славу и всѣхъ израильтянъ, по причинѣ бывшаго знаменія, были союзниками. Итакъ желая научить всѣхъ, что Богъ есть владыка всѣхъ, чтобы не приписывали слабости Промыслителя (того обстоятельства, что) народъ дѣлается плѣнникомъ, а храмъ разрушается, повелѣваетъ пророку идти навстрѣчу имъ и показать
силу Навуходоносора, убѣждая ихъ не слушаться суетныхъ и 96
ложныхъ пророковъ, какъ изъ самыхъ событій узнаютъ могущество Божіе и то, что народъ подвергся плѣну не по слабости Промыслителя, а за грѣхъ. А *узами* называетъ ярмо, *кладами*—дерево, стягиваемое у ярма, которое обхватываетъ шею воловъ.

Смотри, когда слышалъ и когда исполнилъ. Отсюда видно, что не всѣ пророчества слышали въ (послѣднее) время. Для чего? Чтобы не было нужды въ (особомъ) знаменіи, чтобы люди, зная, что повелѣно сдѣлать такое знаменіе, вразумлялись. Видишь, какъ о всѣхъ промышляетъ Богъ.

Тако рече (ст. 4).

И нынѣ Я существую, не измѣнился, и имѣю ту же силу. Смотри, какъ объясняетъ Свои права. Если Я сотворилъ, то властенъ и дать. Но ты не вѣришь, что Я создалъ; повѣришь

---

[1]) Πρός με отсутствуетъ въ древнѣйшихъ сп. греч. перевода, какъ и въ Слав. В.; изъ болѣе древнихъ оно читается въ Маршаліан. сп.

по тому, что послѣ этого (будетъ). Мнѣ угодно было отдать ее (αὐτήν) [1]) Навуходоносору. Смотри, какъ уничтожаетъ ихъ ослѣпленіе. Развѣ своею силою наступаетъ и какъ беретъ города? Самъ Я свыше постановляю это. Смотри, какъ учитъ ихъ богопознанію, чтобы изъ этого уразумѣли и прежнее.

И звѣри (ст. 6).

Не будьте неразумными болѣе ихъ; безсловесныя повиновались, а вы противитесь; не васъ однихъ даю,—и Мой городъ. Видишь общее промышленіе? Онъ создалъ всѣхъ людей, а поэтому обо всѣхъ равно заботится, такъ какъ у Него нѣтъ лицепріятія.

И страна (τὸ ἔθνος) (ст. 8).

Смотри, какая смѣлость, какъ жалостно указалъ рабство, вслѣдствіе большой увѣренности въ словахъ, и неприкровенно. *Елицы не вдѣжутъ выи*, такъ говоритъ, какъ о безсловесныхъ.

Вы же не слушайте лжепророкъ (ст. 9).

Видишь возсѣдающее судилище и производимое изслѣдованіе о волхвованіи и пророчествѣ? Это они говорятъ, а Я противоположное. Увидимъ, чему назначаетъ конецъ.

Страна же, яже склонитъ (ст. 11).

Что это значитъ и какую имѣетъ цѣль? Не ту ли, чтобы одни погибли, а другіе сохранились? Поэтому и голодъ ихъ постигнетъ.

Къ Седекіи (ст. 12).

Не думайте, что я говорю, какъ врагъ и непріятель; и своимъ это же предсказываю. Потомъ смотри, что дѣлается: лжепророкъ противорѣчитъ. Это сдѣлалъ діаволъ, чтобы помѣшать пророчеству.

Аще суть пророцы и есть слово Господне въ нихъ, да предстанутъ Господу Вседержителю, да не отъидутъ сосуди, оставшіися въ дому Господни, и въ дому царя Іудина, и во Іерусалимѣ, въ Вавилонъ (ст. 18).

Поелику лжепророки говорили, что присутствующіе нисколько не пострадаютъ, напротивъ—и переселенные возвратятся,
964 то пророкъ и говоритъ: если они дѣйствительно пророки и послалъ ихъ Богъ, то пусть предстанутъ предъ Господомъ, то есть, пусть молятся Богу, чтобы остающееся не было отводимо, что (сдѣлать) болѣе удобно, чѣмъ то, чтобы переселенные возвратились, чтобы по этому мы узнали, что будетъ и то.

Что значитъ: *да предстанутъ* (ἀπαντησάτωσαν) [2]) мнѣ Богу

---

[1]) То есть, землю.

[2]) Ἀπαντησάτωσαν—по буквальному переводу: „пусть выйдутъ навстрѣчу“.

(μοι τῷ Θεῷ), *да не* отнесени *будутъ сосуди?* Это значитъ: отклонить (κωλῦσαι) Бога, расположить (πεῖσαι) Его, представляя дѣло молитвы въ видѣ выхода навстрѣчу, не для войны, а чтобы помѣшать іудеямъ удалиться. Не говорю: пусть убѣдятъ возвратить взятые сосуды; а пусть не допустятъ (до этого) оставшіеся сосуды.

ГЛАВА XXVIII.

И рече Іеремія (ст. 5).

Когда лжепророкъ Ананія сказалъ, что черезъ два года возвратятся священные сосуды изъ Вавилона, то Іеремія сказалъ, что конецъ покажетъ истину словъ.

По истиннѣ (ст. 6).

Чтобы вы не думали, будто я отношусь къ вамъ враждебно, я желаю и молюсь о томъ, чтобы это было и я оказался бы сказавшимъ ложь.

Обаче слышите (ст. 7).

Потомъ, чтобы не сдѣлать ихъ нерадивыми, смотри, какъ устрашаетъ ихъ, говоря почти, что ничего этого не будетъ, и показывая, что всѣ пророки, предсказывающіе печальныя событія, были особенно истинны.

И взя Ананія лжепророкъ *предъ очима всѣхъ людей клады отъ выи Іереміины и сокруши я* (ст. 10).

Іеремія, нося, по повелѣнію Божію, ярмо на шеѣ, пророчествовалъ о (другихъ) народахъ и объ Іерусалимѣ. Это былъ четвертый годъ Седекіи, какъ говоритъ самъ пророкъ. Итакъ въ пятый мѣсяцъ этого года лжепророкъ Ананія, пришедши, объявилъ о возвращеніи плѣнныхъ и гибели Навуходоносора и, какъ бы дѣйствуя по повелѣнію Божію, сокрушилъ ярмо. Потомъ (слѣдуетъ) откровеніе Іереміи о немъ и откровеніе истины словъ, такъ какъ говоритъ ему: смотри у насъ на грѣхи, (служащіе) обличеніемъ [1]). Что же Іеремія? Не сдѣлалъ ничего больше, приведши достаточное обличеніе.

Въ семъ лѣтѣ умреши (когда ты нанесъ ему обиду), *яко на Господа глаголалъ еси* (ст. 16).

То есть, вопреки волѣ Божіей, и прибавляетъ:

И умре Ананія лжепророкъ въ семъ лѣтѣ мѣсяца седмаго, черезъ два мѣсяца послѣ словъ пророка (ст. 17).

---

[1]) Смыслъ этихъ словъ неясенъ и въ библ. текстѣ нѣтъ соотвѣтствующихъ имъ.

Когда это произошло, пишетъ Іеремія, по повелѣнію Божію, къ находившимся въ переселеніи, чтобы они не обольщались предсказывавшими имъ возвращеніе, а знали бы, что и остав-
965 шіеся въ (своей) землѣ туда переселятся.

ГЛАВА XXIX.

И сіи словеса (ст. 1).

Для чего, скажи, посылаетъ и къ находящимся въ Вавилонѣ? Развѣ не имѣли здѣсь Іезекіиля? Какую цѣль имѣетъ посланіе? Происходитъ отъ избытка (ἐκ περιουσίας) [1]. Поелику естественно было имъ относиться съ большимъ почтеніемъ къ тому, кто говорилъ изъ храма, изъ святилища, то и обозначаетъ это. Но смотри, (какъ) распространено было зло: лжепророки и тѣхъ тамъ испортили.

Се азъ предаю я [2]) *въ руцѣ Навуходоносора, царя Вавилонска,* и далѣе (ст. 21).

Это были лжепророки, и когда Іеремія, по смерти Ананіи, написалъ посланіе, содержащее то, что предсказалъ онъ бывшимъ въ переселеніи, то они пророчествовали о противоположномъ. Поэтому противъ нихъ говоритъ Богъ чрезъ пророка:

На Ахіава и на Седекію.

Слышавшій о томъ, кто былъ Ахіавъ и этотъ несчастный, сожженный, узнавалъ пророчество и сокровенные ихъ грѣхи.

Беззаконія ради во Исраили (ἐν Ἰσραήλ) [3]) *и любодѣяху съ женами гражданъ.*

Услышавъ, что они говорятъ это, вавилонскій (царь) послалъ за ними, привелъ въ Вавилонъ и предалъ смерти посредствомъ огня. Въ словахъ: *любодѣяху съ женами гражданъ* еврейскій (текстъ) говоритъ:—„ближнихъ его“ (ἑταίρων αὐτοῦ). *Азъ же есмь судія и послухъ, глаголетъ Господь,* то есть, что дѣлаете вы тайно, скрывая отъ многихъ, то Я вижу и подвергаю васъ наказанію.

---

[1]) Разумѣется, конечно, избытокъ любви пророка къ своимъ соплеменникамъ.

[2]) Вмѣсто читаемаго въ текстѣ Патрологіи ὑμᾶς=„васъ“, читается, согласно съ древн. греч. списками, αὐτούς=я въ Слав. В.

[3]) Такъ читается и въ древнѣйшемъ Ватикан. сп., согласно съ евр. т.; вмѣсто этого въ Синайскомъ и Маршаліан. сп., съ которыми согласуется Слав. Б., читается: ἐν Ἱερουσαλήμ=*Іерусалимъ.*

И къ Самеи (ст. 24).

Говоритъ и о томъ, что произойдетъ съ женами ихъ.

Господь даде тя жерца (ст. 26).

Что же? И къ этому Самею посылаетъ пророка? Вотъ три пророчества: одно, что проведутъ семьдесятъ лѣтъ, другое—что возвратятся, третье—что Ахіавъ умретъ и сдѣлается проклятіемъ.

Сего ради (διότι) *посла къ* вамъ (ὑμᾶς) [1]) *въ Вавилонъ, глаголя: долгое есть время, сограднте храмины*, и далѣе (ст. 28).

Самей былъ переселенцемъ вмѣстѣ съ (другими) плѣнными; радуясь возвращенію, онъ утѣшался вмѣстѣ съ говорившими объ этомъ. Когда пророкъ написалъ то посланіе и убѣждалъ народъ довольствоваться жизнью въ Вавилонѣ, то негодуя на Софонію, бывшаго въ то время священника, прежде всего пишетъ о томъ, что я привелъ изъ пророчества, порицая Софонію за то, что не подвергъ наказанію Іеремію, приславшаго посланіе. А выраженіе: *затворъ Синохъ* (τὸ ἀπόκλεισμα Σινώχ) [2]), значитъ: темничное заключеніе, такъ какъ „синохъ" значитъ: заключеніе. По-еврейски не можетъ быть ясно обозначена стража (или тюрьма, φυλακή); вмѣсто „тюрьма" употребляется заключеніе.

Се азъ посѣщу (ст. 32).

Что можетъ быть знаменательнѣе этого? Самей не имѣлъ увидѣть будущихъ благъ Іерусалима и (чрезъ это) удостовѣрялъ въ томъ, что они явились не сами по себѣ. Поелику окружающіе Іехонію добровольно подчинились, то чтобы не думали, что они меньше получили, послушавшись Бога, смотрите, говоритъ, что этихъ постигло.

ГЛАВА XXX.

Тако рече Господь (ст. 2).

Такъ Я увѣренъ, говоритъ, въ предсказаніи, что желаю, чтобы оно было записано, что особенно покажетъ исполненіе.

Гласъ страха услышите (ст. 5).

Страхъ уничтожаетъ всякую силу. Велико человѣколюбіе Божіе не потому только, что подвергаетъ бѣдствіямъ, а и потому, что предъ бѣдствіями наводитъ страхъ: испытаютъ слабость женщинъ.

---

[1]) Такъ читается въ древн. Ватикан. и др. сп., вмѣсто ἡμᾶς=*насъ*, читаемаго въ Маршаліан. сп. и евр. т., съ которыми согласуется Слав. Б.

[2]) Вмѣсто этого въ древн. греч. сп., съ которыми согласуется Слав. Б., читается: εἰς τὸ ἀπόκλεισμα καὶ εἰς τὸν καταράκτην=*въ затворъ и въ кладу*.

Обратишася (ст. 6).

И это производитъ страхъ; вразумляется не самъ по себѣ, а со стороны ближнихъ.

Яко великъ день (ст. 7).

Великъ по чрезвычайности бѣдствій, *и нѣсть подобна ему*. Сказано гиперболически, *и время тѣсно*. Это не пророчество, а исполненіе.

Сокрушу яремъ (ст. 8).

Избавятся, однако, отъ неизбѣжныхъ бѣдъ.

И не послужатъ.

Какъ служатъ Богу? Когда приносятъ начатки; такъ бываетъ и у насъ. Когда не работаемъ Богу, плодъ отъ плоти не Ему приносимъ, а страстямъ души, какъ тѣ идоламъ; другое наказаніе остается.

И Давида (ст. 9).

Что можетъ быть священнѣе того, когда славные. имѣвшіе дерзновеніе къ Богу, (какъ) Зоровавель, получатъ отъ Бога то великое украшеніе, что будутъ называться именемъ Давида!

Возставихъ сокрушеніе (ст. 12).

Какъ если какой-либо господинъ одного изъ своихъ слугъ, сдѣлавшаго проступокъ, передаетъ палачу и, когда этотъ сверхъ мѣры накажетъ переданнаго, больше, чѣмъ думалъ господинъ, то передавшій, пришедши, почти защищается предъ наказаннымъ, показывая, что это сдѣлано не по его желанію и, тщательно узнавши объ его ранахъ, обѣщаетъ строго того наказать, такъ дѣлаетъ и Богъ. Сильно — сокрушеніе. Видишь ли Его оправдывающимся въ томъ, что (тотъ) получилъ тяжкую рану? Это и значитъ: „сильно", не такое, какому надлежало быть, а большее этого.

969 *Нѣсть судяй* (ст. 13).

То есть, никто не мстилъ, никто не приходилъ на помощь. Тяжело переносить какое-либо несчастіе, а послѣ перенесенія не имѣть утѣшающаго еще тяжелѣе.

На болѣзнь врачевался еси.

Поелику плѣнъ навелъ, какъ нѣкоторое врачество, то и говоритъ, (что) врачеваніе причинило большую скорбь, какъ у неискуснаго врача, не умѣющаго хорошо рѣзать.

Того ради вси ядущіи тя (ст. 16).

Будутъ терпѣть обиды отъ другихъ; каждый будетъ питать ближняго собственнымъ тѣломъ; будутъ терпѣть то, что (сами) сдѣлали.

Яко обяжу (ст. 17).

Если и неисцѣльная рана, то не для Меня.

Яко расточенною (ἐσπαρμένη) [1]) *называху тя.*

Прочіе говорятъ: „опоясанною“ (ἐζωσμένη), поелику Ты наказалъ. Великое благо въ томъ, чтобы спасались порочные и отверженные (ἀπεγνωσμένους), не чрезъ наказанія и напасти отъ Бога, а путемъ добродѣтели и покаянія.

И изыдутъ изъ него поющіи (ст. 19).

А что же тѣ, которые имѣли быть истреблены? Это не только не радовало ихъ, но и болѣе печалило. Представь стараго человѣка, который слышитъ, что черезъ семьдесятъ лѣтъ будетъ хорошо. Для того и останавливается на этомъ, чтобы сильнѣе возбудить ихъ, а бывшихъ въ возрастѣ—одушевить надеждою и сдѣлать разумнѣйшими.

И внидутъ (ст. 20).

Смотри, какъ говоритъ объ ихъ благополучіи, служеніи (Богу), свободѣ, о томъ, что будутъ многочисленны, что будутъ имѣть законныя установленія. Это имъ было любезно.

Яко гнѣвъ (ст. 23).

Это, говоритъ, будетъ; теперь не ищи этого; теперь время нашего наказанія.

ГЛАВА XXXI.

Во время (ст. 1).

Когда другіе погибнутъ,—говоритъ о томъ, что касается вавилонянъ.

Тако рече Господь: обрѣтохъ теплоту въ пустыни со изгибшими отъ меча, идущихъ въ союзъ Исраилевъ (πορευομένους εἰς σπονδὰς Ἰσραήλ) [2]): *идите и не потребите Исраиля* (ст. 2).

По-гречески передано весьма неясно; эта же мысль сохранилась въ еврейскомъ: „нашелъ милость во Мнѣ оставшійся отъ меча, какъ въ пустынѣ Израиль“. То, что грекъ назвалъ *теплотою* (θερμόν), по-еврейски значитъ: „милость“; ошибочное толкованіе произошло вслѣдствіе эпонимiи. Слово „омъ“ (ὦμ), по еврейски произносимое съ сильнымъ придыханіемъ [3]), значитъ: „теплый“, а „инъ“ (ἦν) [4])—„пріятная красота“. *Со изгибшими отъ меча,*

---

[1]) Ἐσπαρμένη читается и въ древн. сп. перевода 70-ти.

[2]) Въ древнихъ греч. сп., какъ и въ Слав. Б., эти слова не читаются.

[3]) Разумѣется еврейское „хамъ“ (חם).

[4]) „ „ „хенъ“ (חן).

то есть, взятый (ὑποληφθεὶς) мечемъ, что значитъ: „спасенныхъ по смерти, ихъ спасаю". „Идущихъ въ союзъ Израилевъ", то есть, когда Я ходилъ въ пустынѣ для его успокоенія, что яснѣе выражаетъ въ словахъ, приводимыхъ далѣе.

Идите и не потребите Израиля.

972 То есть, когда Я шелъ, предшествуя ему, чтобы успокоить его, потому что такъ говорится въ еврейскомъ (текстѣ). А *идите* переведено неясно, потому что переводчикъ не соблюлъ времени; вмѣсто: „идущій" поставилъ: *идите*, потому что такъ и Моисей говоритъ: *аще ты не идеши, да не изведеши мя* (Исх. xxxiii, 15).

Видишь? Всюду старается показать, что все отъ Него. Сказалъ: тогда какъ вавилоняне погибнутъ, ты будешь спасенъ. Потомъ показываетъ то, что выше надежды и человѣческихъ соображеній,—что они не погибнутъ. Какъ если кто между многими павшими найдетъ кого-либо еще теплаго, дышущаго и испускающаго духъ (ἀποψύχοντα), затѣмъ, насколько возможно, будетъ отгонять отъ него непріятелей, такъ что приведетъ его къ жизни, что составитъ предметъ удивленія, такъ, говоритъ, было и съ тобою. Изъ среды ихъ Я воздвигнулъ тебя, нашедши издыхающимъ на пути враговъ, воспрепятствовалъ стремившимся напасть (на тебя), когда ты не имѣлъ надежды спасенія.

Господь издалеча явится ему: любовію вѣчною возлюбихъ тя (ст. 3).

Это говоритъ пророкъ, то есть, въ видѣніяхъ показалъ мнѣ Богъ говорившееся въ древности, отъ вѣка, какъ изъ любви водилъ Я народъ въ пустынѣ, и сказалъ мнѣ нынѣ: Я навѣки возлюбилъ его тою любовью, то есть, въ конецъ, и по этой причинѣ не попущу ему погибнуть, а спасу народъ, (назначенный) къ переселенію.

Того ради вовлекохъ тя въ щедроты.

То есть, по этой любви удостоилъ его теперь милости, освободивъ его отъ вавилонянъ. А *вовлекохъ тя* (сказано), чтобы показать, что вырвалъ, несмотря на сильное удерживаніе. *Въ щедроты* значитъ: Я облекъ его милостью.

Не на время, какъ ты, хотя бы ты много сдѣлалъ, Я люблю тебя.

Сострадаю и милую, воздаю не по достоинству.

Яко возгражду тя и возградишися (ст. 4).

То есть, опять придамъ тебѣ древній видъ, такъ что никто не можетъ противостать.

Указываетъ признаки большой свободы и глубокаго мира; да и самыя слова вожделѣнны.

Насаждающе насадите и похвалите, яко есть день воззванія отвѣщавающаго (ἀπολογουμένου) [1]) *въ горахъ Ефремовыхъ: востаните и взыдемъ* (ἀναβῶμεν) [2]) *въ Сіонъ къ Господеви Богу нашему* (ст. 5—6).

Мысль греческаго перевода состоитъ въ томъ, что возвратившись будете пользоваться плодоносностію земли, владѣя ею; на это именно указываютъ слова: *въ горахъ Ефремовыхъ*, гдѣ часть означаетъ всю землю; (чрезъ это) какъ бы говоритъ: съ усердіемъ пойдите въ храмъ, славословя Бога. А по еврейскому (тексту) такъ говорится: „насадятъ и будутъ ѣсть плодъ. Будетъ
день, въ который стерегущіе виноградъ воскликнутъ: вставайте 973
и пойдемъ на Сіонъ“. Мысль остается та же; при пользованіи тѣмъ и другимъ (текстомъ) видно особенное благочестіе.

„Яко насадисте“ (ὅτι ἐφυτεύσατε) [3]).

Смотри: всюду къ благамъ присоединяетъ покаяніе (обращеніе) ихъ.

Возвеселитеся веселіемъ и воскликните на главу языковъ (ст. 7).

То есть, воскликните предъ язычниками, нисколько не боясь ихъ, вслѣдствіе Моей помощи.

Се азъ веду ихъ отъ сѣвера и соберу ихъ отъ конецъ земли въ праздникъ Пасхи (ст. 8).

То есть, какъ на праздникъ Пасхи, такъ сдѣлаю, что всѣ съ готовностью возвратятся.

Потомъ говоритъ о праздникѣ и времени. Видишь, что вышелъ въ праздникъ Пасхи въ то время, въ какое могли выйти и изъ Египта. Не случайно было это время того и другого входа (εἰσόδου). Вы знаете, образомъ чего это было. Вторично входятъ тогда.

И чадородитъ.

Такъ и увѣчные, въ то время тѣлесно исцѣленные, будутъ отцами.

Съ плачемъ (ст. 9).

Такъ какъ естественно было имъ унывать, когда видѣли продолжительность и тяжесть пути, то справедливо уничтожаетъ этотъ страхъ, говоря, что придете, не какъ бѣглецы, не тревожимые, а съ честью, утѣшеніемъ и въ надлежащемъ спокойствіи,

---

[1]) Такъ читается въ текстѣ Патрологіи согласно съ Синайскимъ сп.; вмѣсто этого въ древн. Ватикан. и др. сп., съ которыми согласуется Слав. Б., читается: ἀπολογουμένων — *отвѣщавающихъ*.

[2]) Ἀναβῶμεν согласно съ евр. т., вмѣсто ἀνάβητε — *взыдите*, какъ читается въ древн. сп. перевода 70-ти и Слав. Б.

[3]) Такъ читаются начальныя слова 5-то ст. въ древ. Ватикан. сп.; вмѣсто этого въ Синайск., Алекс. и Маршал. сп., съ которыми согласуется Слав. Б., читается: ἔτι φυτεύσατε — *еще насадите*.

хотя какой разумъ можетъ понять то, что, когда городъ былъ взятъ, владыки порабощены, рабы отъ поработившихъ этихъ владыкъ имѣли быть отпущены въ отечество?

Яко азъ бѣхъ.

Обрати вниманіе на необходимую причину спасенія, не позволяющую имъ гордиться. Я спасаю ихъ не за заслуги, а по естественному расположенію (φυσικῆς διαθέσεως). Это показываетъ, что и всѣхъ спасетъ. Никакой отецъ не презритъ перворoднаго сына и спасаемый отцемъ не можетъ превозноситься.

Слышите слово (ст. 10).

Особенно согрѣшившій, особенно испорченный и не имѣющій надежды спасенія.

Всю вселенную сдѣлайте свидѣтелемъ словъ; такъ мы надѣемся на нихъ.

Рцыте: развѣявый.

Смотри, какая красота, когда не терпятъ отъ людей никакого зла; если кто не вѣритъ, что война послана Богомъ, то, видя труднѣйшее, совершенное Имъ возвращеніе, пусть повѣритъ и относительно той.

Яко пастырь.

Видишь ли, что дѣло Божіе, когда (происходитъ) не равная по силѣ война?

Изъятъ его (ст. 11).

976 Смотри на преемство благъ, на богатство даровъ, обиліе пророчествъ, чтобы радовались не только отъ того, что имѣли въ настоящемъ, а и отъ того, чего ожидали въ будущемъ.

И будетъ душа ихъ, якоже древо плодовито (ст. 12).

То есть, будутъ исполнены всякаго блага. А по еврейскому тексту такъ говорится: какъ садъ, напоенный водою.

Тогда возрадуются (ст. 13).

То есть, тогда не будетъ вдовства; въ настоящее время имѣли не бракъ, не рожденіе дѣтей, а наказанія, и дѣти служили для нихъ причиною несчастій.

И сотворю.

Всякій возрастъ почувствуетъ удовольствіе. Не чрезъ безвременное опьяненіе, но возрадую. Тѣмъ обѣщалъ блага земли; хотя эти [1]) не имѣли земли, но и имъ притекутъ, говоритъ, блага.

Тако рече Господь (ст. 15).

Это было при Иродѣ; было и теперь (ἤδη).

Слыша слышахъ Ефрема плачуща: наказалъ мя еси и наказахся (ст. 18).

---

[1]) Подъ „этими" разумѣются, вѣроятно, названные въ 14 ст. *жрецы*.

Сказавъ о возвращеніи двухъ колѣнъ, указываетъ, что возвратятся и десять колѣнъ, получивъ не малую пользу отъ плѣна. *Якоже телецъ не научихся.* То есть, я сдѣлался упрямъ, какъ волъ, не поддающійся ярму.

Надежда спасенія не малая; и это (служитъ) удостовѣреніемъ сказаннаго: если покаются, очевидно, что спасутся.

Азъ якоже телецъ не научихся.

Скаканія его показали неразумный возрастъ, несправедливость пріобрѣтаемаго зломъ и свойственное юности безразсудство. Будучи молодымъ, не знающимъ ярма и власти разума, ничѣмъ не отличался отъ прыгающихъ тельцовъ, просто и, какъ случится, вездѣ бѣгающихъ, не видящихъ того, что передъ глазами, бросающихся и съ утесовъ.

Обрати мя.

Велика добродѣтель, если мы обращаемся, когда обращаетъ Богъ.

Послѣди [1]) *разумѣнія моего* „взывалъ мало“ (ἐκρότησα ἐπὶ μικρόν [2]) (ст. 19).

То есть, послѣ плѣна раскаялся. Выраженіе „взывалъ“ употреблено, какъ о кающихся.

И „потрясенъ и повиновался тебѣ“ (καί γε ἐνετράπην καὶ ὑπεῖξά σοι) [3]), *яко пріяхъ укоризну отъ юности моея.*

То есть, потому что я вспомнилъ грѣхи юности моей. А юностью называетъ бывшее при Іеровоамѣ, который сдѣлалъ нововведеніе чрезъ служеніе тельцамъ.

Если не наказываешь всякаго грѣшника, нужно скорбѣть. Вѣдь наказаніе сильнѣе возбуждаетъ стыдъ и сознаніе другихъ многихъ грѣховъ. А нынѣ дѣлается наоборотъ: когда грѣшимъ, не стыдимся; а когда подвергаемся наказанію, падаемъ духомъ, 977
смѣшивая времена. Праведники не такъ, но наказываемые благодушествовали (ἔφρόνουν μέγα), какъ апостолы; а при грѣхѣ такъ стыдились, что не во время только проступковъ, но и послѣ этого, и по прекращеніи наказанія, сѣтуютъ и плачутъ.

(И черезъ нѣсколько словъ). И возстенахъ (ἐστέναξα) *въ дни* (ἐν ἡμέραις) *посрамленія моего.*

---

[1]) Читаемое здѣсь въ текстѣ Патрологіи πρότερον вмѣсто ὕστερον представляетъ, вѣроятно, ошибку печати.

[2]) Вмѣсто читаемаго въ древн. греч. сп., съ которыми согласуется Слав. Б., ἐστέναξα ἐφ' ἡμέρας = *возстенахъ въ день.* Сходное съ этимъ чтеніе приведено далѣе.

[3]) Вмѣсто этого въ древн. греч. сп., съ которыми согласуется Слав. В., читается: καὶ ὑπέδειξά σοι—*и показахъ тебѣ.* Это послѣднее чтеніе приведено далѣе и здѣсь.

Стенаніе—врачество противъ грѣховъ, частію не позволяющее впадать въ нихъ, частію уничтожающее то, что сдѣлано.

И показахъ тебѣ.

Видишь, какое благо сознавать грѣхи? Это дѣлаетъ насъ болѣе покорными Богу. Говорю не о томъ, чтобы грѣшить, а о томъ, чтобы сознавать (сдѣланный) грѣхъ.

Сынъ любезенъ мнѣ Ефремъ (ст. 20).

То есть, дорогой ты сынъ. *Отроча питъющееся (-нѣжное),* то есть, которымъ Я утѣшался; употребилъ метафору, (заимствованную) отъ отцовъ, которые играютъ съ малыми дѣтьми. *Памятію воспомяну и.* Еврейскій (текстъ): „поэтому обратилась (ἠλέγχθη) внутренность Моя къ нему и помилую его, сказалъ Господь". *Сего ради* „призрѣхъ (ἐπεσκεψάμην) [1]) его", то есть, по расположенію къ нему, не могъ видѣть его въ несчастіи.

Видишь, какую произвелъ перемѣну? (Бывшаго) въ землѣ противнымъ, непріязненнымъ, враждебнымъ (сдѣлалъ) чадомъ возлюбленнымъ,—(изъ чего видно), что это не только дѣло природы,—чадомъ свободнымъ и благороднымъ.

Постави себѣ Сіонимъ (Σιώνιμ) [2]) *стражей* (σκοπούς) (ст. 21).

„Сіонимъ" понимается въ значеніи: знаки (σημεῖα). Итакъ говоритъ, что означь путь, какъ бы поставивъ на немъ сторожей, потому что по нему пойдешь.

Сотвори „же себѣ" (δὲ αὐτῇ) *мученіе.*

Не ясно сказано въ греческомъ (переводѣ). Въ еврейскомъ говорится: „поставь себѣ знаки", вмѣсто—*мученіе.* А можетъ быть, и въ греческомъ переводѣ содержится та мысль, что поставь наблюдателя (τὸν σκοπόν), то есть, знакъ того, откуда пришла наказанная, чтобы, возвратившись, ты зналъ важность событія. Нужно имѣть въ виду то, что въ еврейскомъ нѣтъ (слова) *наказаніе.*

„Даждь сердце твое на рамена твои" (Δὸς τὴν καρδίαν σου εἰς τοὺς ὤμους σου) [3]), *на путь, имже ходилъ еси.*

То есть, вспомни сердце твое (τὴν καρδίαν σου), путь, которымъ идешь, страдая.

Обратися въ грады твоя рыдающи.

По еврейскому тексту: „возвращайся въ эти города твои"; вмѣсто: *рыдающи* онъ имѣетъ: „эти"; здѣсь разность перевода

---

[1]) Вмѣсто читаемаго въ древн. греч. сп., съ которыми согласуется Слав. Б., ἔσπευσα—*потщахся.*

[2]) Вмѣсто Σειών—Сіоне, какъ въ древн. греч. сп. и Славян. В.

[3]) Такъ же читаются эти слова и въ древн. греч. спискахъ. Славянскій переводъ: *направи сердце твое на путь правъ* служитъ передачей латинскаго перевода: dirige cor tuum in viam rectam.

произошла вслѣдствіе эпониміи, такъ какъ „ала“ (ἀλὰ) значитъ: „скорбь“, а „еле“ (ἐλὲ)—„эта“. Такъ нужно понимать греческій переводъ: *обратися въ грады твоя рыдающи*, то есть, уходящая нынѣ съ печалью возвратится съ радостью.

Доколѣ отвращаешися, дщи обезчествованная (ст. 22)?

По еврейскому тексту такъ говорится: доколѣ позоришь (διασύρεις), согрѣшающая дочь, или постоянно сворачивающая (съ 980
прямого пути)? То есть, если покаешься, тотчасъ Богъ возвратитъ тебя изъ плѣна.

Въ насажденіе ново, въ немъ же спасеніи обыдутъ человѣцы.

То есть, новымъ насажденіемъ сдѣлаетъ тебя Богъ,—*новымъ* вмѣсто: „молодымъ“. Когда это сдѣлаетъ? При возвращеніи, когда даруетъ тебѣ спасеніе.

Не такъ, какъ прежде, чтобы снова прекратиться; обо всемъ томъ умолчано и нѣтъ рѣчи.

И живущіи (ст. 24).

Всюду блага, даже у сосѣдей: праведная и святая гора не (въ томъ смыслѣ), чтобы камни имѣли добродѣтель, а—живущіе. Мѣстамъ обыкновенно сообщается слава живущихъ. Смотри, (какова) перемѣна.

И вознесется въ стадѣ.

То есть, соберется, какъ стадо.

Великое благо, не когда наслаждаемся благами, а когда (это бываетъ) по волѣ Божіей, когда это и Его радуетъ.

Того ради востахъ отъ сна, и видѣхъ и сонъ ми сладокъ бысть (ст. 26).

Это, говоритъ, открыто мнѣ, когда я спалъ и имѣлъ пріятный сонъ.

И будетъ якоже (ст. 28).

Съ какимъ, говоритъ, тщаніемъ Я сдѣлалъ то, (сдѣлаю) и это, что Мнѣ болѣе свойственно. Итакъ никто пусть не вѣритъ. Будучи столь ревностнымъ въ наказаніи, которое Мнѣ чуждо, тѣмъ болѣе устремлюсь къ тому, что свойственно Мнѣ.

Въ тыя дни (ст. 29).

Это говоритъ и Іезекіилъ (XVIII, 2—3). Однако, скажи мнѣ, развѣ было это прежде, развѣ случалась такая несправедливость? Когда грѣшили отцы, развѣ наказывался другой? И какъ, скажи, это можетъ быть переносимо? (И черезъ нѣсколько словъ). Вникнемъ въ сказанное. *Не рекутъ*, сказалъ; не сказалъ: да не будетъ, показывая, что прежде не было. Если бы сказалъ: въ тыя дни не будетъ этого, то ясно показалъ бы, что прежде было (это). А если говоритъ: *въ тыя дни не рекутъ*, то это выраженіе испорченнаго ихъ пониманія.

Но кійждо своимъ грѣхомъ умретъ (ст. 30).

(Это)—нѣкоторое ясное пророчество, о которомъ упоминаетъ Павелъ въ посланіи къ Евреямъ (x, 18): *идѣже отпущеніе согрѣшеній* (ἁμαρτημάτων), *нѣсть приношенія о грѣсѣ* (ἁμαρτίας); будетъ время (ἔσται καιρός). Не говоритъ, какое, когда и послѣ какого времени; это пожелалъ оставить неяснымъ.

Не по завѣту (ст. 32).

Скажи, почему не далъ такого же завѣта? Осудилъ (κατέγνω) его; не былъ совершеннымъ. Поэтому не нужно было давать въ началѣ. Люди постановляютъ законы и хотятъ, чтобы они всегда
981 оставались въ силѣ, а Ты—не такъ. Такъ какъ они не остались въ завѣтѣ, то Я оставилъ ихъ въ небреженіи. (И черезъ нѣсколько словъ). Если угодно, приведу апостольскія слова, совершенно соотвѣтствующія сказанному: что заставляете (βιάζεσθε) *возложити иго*, его же не возмогоша *понести отцы ваши* (Дѣян. xv, 10). Видишь, что для того (дана) благодать, чтобы по благодати утвердилось обѣтованіе.

Яко тіи не пребыша.

Не пребыть и преступить—одно и то же. Слѣдовательно, одинъ, давшій новый и ветхій (завѣтъ).

Завѣщаю дому Израилеву и дому Іудину (τῷ οἴκῳ Ἰούδα) *по днехъ онѣхъ, глаголетъ Господь, дая законы моя въ мысли ихъ и на* „внутренности“ (στήθους) [1]) *сердца ихъ напишу я* (ст. 33).

Моисей повелѣлъ, чтобы законъ читался всѣмъ, но черезъ семь лѣтъ. Итакъ, говоритъ, что даю имъ такое мое знаніе, чтобы не нуждаться въ чтеніи, а въ мысли имѣть заботу о хорошемъ.

Нигдѣ не упоминаетъ объ (языческихъ) народахъ, чтобы не дать имъ повода [2]), какъ и Христосъ говоритъ: *нѣсмь посланъ токмо къ овцамъ погибшымъ дому Израилева* (Мѳ. xv, 24).

Дая дамъ (διδοὺς δώσω) [3]).

Скажи, гдѣ это совершилось? Законъ былъ писанный, а для насъ внушеніе (ἐπίδειξις) Духа — безчисленныя свидѣтельства. Іисусъ не передалъ ничего писаннаго. Не каменныя доски, не начертанныя письмена, а разумъ (ἡ διάνοια) ихъ будетъ столпомъ для даннаго Имъ закона.

И на сердцѣ.

И смотри: на доскѣ нельзя было всѣмъ видѣть, а отъ апостоловъ всѣ одушевленныя колонны (ἔμψυχοι στῆλαι) обошли все-

---

[1]) Στήθους читается—кромѣ того—въ Маршаліанскомъ сп.; въ Слав. Б. нѣтъ соотвѣтствующаго ему.

[2]) Вѣроятно, повода къ тому, чтобы относить слова пророка къ себѣ.

[3]) Въ Слав. Б. δώσω оставлено безъ перевода.

ленную, неся на себѣ письмена Божіи, которыя имѣли, которыя начертала не трость, не чернило, а самъ Богъ. Смотри на равночестность Отца и Духа: тѣ скрижали начертаны были перстомъ Божіимъ, а эти—благодатію Духа; тѣ были разбиты, въ самомъ началѣ, указывая на конецъ; это событіе служило образомъ того, что законъ прекратится нѣкогда и что снимутъ свое ярмо. А здѣсь нѣтъ ничего подобнаго: эти скрижали остались, не будучи тронуты временемъ.

И не научитъ (ст. 34).

Скажи мнѣ, какая нужда въ наученіи? Въ какую хочешь ты пойти страну, въ какое море, въ какую землю? Въ варварскую, въ Элладу, въ города, въ пустыню? Тамъ найдешь крестъ, услышишь безчисленныя повѣствованія. И пустыня, и вселенная, и горы, и ровныя мѣста, громко говорятъ о Христѣ. (И черезъ нѣсколько словъ). Какъ это солнце свѣтитъ не только великимъ, но и малымъ, такъ и солнце правды свѣтомъ знанія озаряетъ души малыхъ, великихъ, рабовъ, свободныхъ, начальниковъ, подчиненныхъ, царей, подданныхъ, молодыхъ, старыхъ, словомъ— 984
всѣхъ людей.

Яко вси познаютъ мя.

Это даетъ одна вода возрожденія. Ты знаешь вѣрный символъ этого закона? А законъ не такъ: *яко вси познаютъ мя;* призываются не[1]) для трудовъ и усилій, а для прощенія имъ проступковъ и оставленія грѣховъ.

Не вси бо сущіи отъ Исраиля, сіи Исраиль: ни зане суть сѣмя Авраамле, вси чада (Рим. IX, 6).

О какихъ говоритъ Израильтянахъ, послушай. *Аще будутъ,* говоритъ, *людіе Исраилевы, яко песокъ морскій, останокъ ихъ спасется* (Иса. X, 22). Тщательнѣе объясняя это, блаженный Павелъ говоритъ: *не* (οὐχ) *отрину Богъ люди своя: ибо и азъ Исраильтянинъ есмь, отъ сѣмене Авраамля, колѣна Веніаминова* (Рим. XI, 1). Видишь остатокъ, апостоловъ, принявшихъ отъ нихъ слово Израильтянъ, три тысячи и пять тысячъ, множество, указываемое въ Дѣяніяхъ (II, 41; IV, 4).

Тако рече Господь (ст. 36).

Говоритъ о дѣлахъ Его, чтобы удостовѣрить слова.

Аще премолкнутъ законы сіи отъ лица моего, рече Господь, то и родъ Исраилевъ престанетъ быти языкъ предъ лицемъ моимъ во вся дни (ст. 37).

Говоритъ о законахъ творенія,—такъ какъ объ этомъ разсуждаетъ. Какъ невозможно, говоритъ, чтобы Я ниспровергъ законы,

---

[1]) „Не" привнесено въ текстъ по требованію смысла рѣчи.

положенные въ твореніи, такъ (невозможно это) относительно обѣтованія (даннаго) іудеямъ черезъ Авраама.

Аще вознесется небо на высоту и аще смирится исподъ земли низу и азъ отвергу[1]) *весь* (πᾶν) *родъ Исраилевъ, глаголетъ Господь, о всѣхъ, яже сотвориша* (ст. 35).

То есть, если можетъ быть измѣрена высота неба и изслѣдована глубина земли, то возможно, что и Я отвергну родъ Израиля. (Этимъ какъ бы) говоритъ: какъ это, вышеуказанное, Я постановилъ создать и созданное остается, согласно положеннымъ законамъ, такъ и обѣтованіе Аврааму останется неизмѣннымъ. И нынѣ черезъ плѣненіе ихъ не нарушилъ завѣта съ нимъ.

Се дніе грядутъ, рече Господь, и созиждется градъ Господеви отъ столпа Ананіила (Ἀνανιήλ)[2]) *до вратъ угольныхъ*, и далѣе (ст. 38).

То есть, отъ башни Ананіила. А хочетъ сказать о величинѣ города, что онъ будетъ больше, чѣмъ былъ прежде. Ананіилъ былъ одинъ изъ военачальниковъ.

И изыдетъ еще надежда вервей (ἔτι ἐλπὶς σχοινίων)[3]) *измѣренія его* (ст. 39).

Говоритъ объ измѣреніи города, то есть, отъ угла оно пойдетъ по прямой (линіи), такъ какъ есть добрая надежда на то,
985 что, при помощи Божіей, достигнетъ предположеннаго (предѣла).

До холма (βουνοῦ)[4]) *Гарѝвъ* (названіе мѣста) *и обыимется* Гоаѳомъ (τῷ Γοαθᾷ)[5]); это опять названіе мѣста.

И всю юдоль Фагаримъ (Φααγαρίμ)[6]) *и пепелъ* Фагаримъ (Φααγαρίμ) (ст. 40).

То есть, гдѣ кладутся мертвыя тѣла. И *пепелъ* вмѣсто: гробницы (κοιθέσια или νεκροθέσια). То же значатъ и слѣдующія слова: *и весь Анасаримовъ* (Ἀνασαριμώθ)[7]) вмѣсто: „мѣсто навоза".

До водотечи Кедрскія, до угла коній вратъ восточныхъ, освященіе Господеви.

То есть, что прежде было внѣ города для выбрасыванія на-

---

[1]) Частица: οὐκ = „не", читаемая въ древ. сп. перевода 70-ти, отсутствуетъ здѣсь, согласно съ евр. текстомъ.

[2]) Вмѣсто этого читается въ древн. сп. греч. перевода, съ которыми согласуется Слав. В., Ἀναμεήλ=*Анамеиля*.

[3]) Въ древнихъ греч. сп., какъ и въ Слав. В., этихъ словъ не читается.

[4]) Въ древ. греч. спискахъ βουνῶν=*могилъ* (Слав. В).

[5]) Въ древн. греч. сп. этому соотвѣтствуетъ: κύκλῳ ἐξ ἐκλεκτῶν λίθων — *окрестъ избраннымъ каменіемъ*.

[6]) Въ древн. греч. сп. этому соотвѣтствуетъ ἀσαρημώθ; читаемое въ Слав. В.: *всю юдоль мертвыхъ* соотвѣтствуетъ переводу блаж. Іеронима.

[7]) Въ Слав. В., согласно съ древн. греч. сп., *Асаримовъ*.

воза, это включено будетъ въ городъ, и украсится и будетъ все мѣсто святыней Господу, то есть, отдѣлено для Бога. *Коній восточныхъ*, то есть, конскихъ воротъ, находящихся къ востоку.

ГЛАВА XXXII.

Слово бывшее (ст. 1).

Видишь Божіе долготерпѣніе? Столько времени терпѣлъ ихъ послѣ возстанія и нарушенія союза, и не сдѣлался лучше; и когда угрожали бѣдствія, оставался одинаковымъ; не довольствовался и этимъ, но заключилъ пророка въ темницу.

Іеремія же стрегомь бяше (ст. 2).

За что, скажи мнѣ? Послику говоришь: *тако рече Господь: се азъ даю сей градъ*. Развѣ мои это слова? Если мои, то бояться ихъ не нужно. А если не мои, нужно вѣрить, что не мои и что они окажутся истинными. Но обличаемымъ свойственно говорить: *уловимъ праведнаго, яко не потребенъ есть* (Прем. Сол. II, 12).

И слово Господне (ст. 6).

Затѣмъ, чтобы не пришелъ въ отчаяніе, по повелѣнію Божію дѣлаетъ покупку. Кто сдѣлалъ бы это? Когда городъ имѣлъ быть завоеванъ, покупаетъ поля. (И черезъ нѣсколько словъ). Желалъ увѣриться и относительно благъ. Такъ какъ выходило печальное, и въ событіяхъ (этого рода) Богъ являлъ Свою силу, то утѣшаетъ ихъ при печальныхъ обстоятельствахъ надеждами благъ; и (это) не слова, а дѣла.

Указавъ на возвращеніе народа, повелѣваетъ, для удостовѣренія сказаннаго, заключенному въ царской темницѣ пророку купить поле дяди, то есть, Ананіила (Ἀνανιήλ). Сдѣлавши это, написавъ документы и получивъ поле во владѣніе, велѣлъ Варуху положить эту книгу (τὸ βιβλίον) [1]) въ глиняный сосудъ, въ знакъ того, что народъ опять будетъ владѣть землей. Когда Варухъ оставилъ городъ,—а былъ десятый годъ царя Седекіи, въ который вавилонскій царь приступилъ къ осадѣ Іерусалима,—(пророкъ) молитъ Бога, удивляясь совершившемуся, или тому, какъ (Онъ) велѣлъ ему купить поле, если отдаетъ городъ (халдеямъ); онъ пришелъ какъ бы въ нѣкоторое сомнѣніе насчетъ сказаннаго; поэтому продолжаетъ рѣчь, какъ послѣдовавшій ему божественный отвѣтъ.

---

[1]) То есть, купчую запись.

988 *О сый, Господи* (ст. 17).

Не спроста (такъ) называетъ и говоритъ: о сый, Владыко, Господи. Нельзя сказать, что минуетъ (παρελεύσεται); Ты всегда можешь, такъ какъ Ты всегда Господь; поэтому владычествуешь.

И отдаяй.

Не говоритъ: *до третіяго и четвертаго рода* (Исх. xxxiv, 7), а умалчиваетъ объ этомъ. Вѣдь хочетъ опять помиловать ихъ. Это дѣло могущества—здѣсь имѣть возможность спасать, а наказывать послѣдующихъ; какъ бы такъ (говоритъ): Ты можешь наказать имѣющихъ быть послѣ этого, а спасти предковъ. Поэтому говоритъ: никакое слово для Тебя не будетъ невозможно, нужно ли помиловать или наказать, хотя бы въ теченіе продолжительнаго времени.

Богъ великій (ст. 19).

Что у людей само по себѣ раздѣлено—по премудрости и силѣ.

Очи твои.

Хорошо сказалъ: открыты всегда; никогда не смежаешь; бодрствующій глазъ, недремлющее око. Не можетъ кто-либо сказать, что видишь, а не воздаешь. У людей это бываетъ, но не у Тебя: *на вся пути отверсты очи твои*, и на сокровенные.

Иже сотворилъ еси (ст. 20).

И это дѣло могущества, праведности, человѣколюбія и вѣдѣнія.

И не послушаша гласа твоего (ст. 23).

И Ты сдѣлалъ то, что постигли ихъ всѣ эти несчастія.

Се народъ (ст. 24).

Наконецъ, не осмѣливается просить, а (только) напоминаетъ о прежнемъ, что было съ народомъ. Я не имѣю, что сказать; я сдѣлалъ то, что повелѣно, и городъ предается.

И бысть слово Господне ко мнѣ, глаголя: Азъ Господь Богъ всея плоти, еда отъ мене утаится всякое слово (πᾶς λόγος) [1]) (ст. 26—27).

Потомъ предсказываетъ взятіе города и присоединяетъ воззваніе (ἀνάκλησιν), говоря пророку, что онъ напрасно впалъ въ уныніе, купивъ поле. Точно зная имѣющее быть послѣ этого, обѣщаю возвращеніе и знакомъ вѣрности имѣющаго быть пусть служитъ для тебя происходящее съ ними въ настоящее время. Какъ теперь Я сказалъ, что городъ будетъ взятъ, и это исполнилось, такъ указываю на возвращеніе и исполню обѣщаніе.

---

[1]) Вмѣсто двухъ послѣднихъ словъ читается въ древн. греч. сп., какъ и Слав. Б., τι=*что*.

Азъ Господь.

Видишь ли, что Онъ желалъ того, чтобы городъ не былъ преданъ? Почти защищаясь, Онъ указываетъ грѣхи мѣстъ, имѣющихъ быть сожженными, и причину.

Понеже бѣша (ст. 30).

Съ своей стороны Я все, говоритъ, сдѣлалъ, — училъ, наставлялъ; а они уклонились въ нечестіе; указывали, что они дѣлали это изъ соревнованія; поставили жертвенники въ Моемъ храмѣ, дерзнули и на все прочее, сожигали сыновей и отвергли самую природу.

И нынѣ тако рече Господь (ст. 36).

Я предамъ и возвращу ихъ. И указываетъ имъ чудную 989
жизнь, боголюбивое сердце, о чемъ постоянно говоритъ, и вѣчный завѣтъ. Это исполнилось, а если не получило (конца), то, скажи, когда будетъ?

И притяжутъ села сребромъ, и впишеши въ книги, и запечатаеши, и опослушиши послухи въ земли Веніаминѣ, и окрестъ Іерусалима, и во градѣхъ Іудиныхъ, и во градѣхъ горнихъ, и во градѣхъ Сефила, и во градѣхъ Нагевъ, яко возвращу преселенія ихъ, глаголетъ Господь (ст. 44).

Какъ пріобрѣлъ прочность (владѣнія), исполнивъ установленный порядокъ, такъ будетъ и послѣ возвращенія. Слова: *во градѣхъ Нагевъ* указываютъ на мѣсто заключенія, то есть, въ городахъ къ югу; (чрезъ это) какъ бы говоритъ: всюду въ землѣ обѣтованной.

ГЛАВА XXXIII.

Возопій ко мнѣ (ст. 3).

Смотри, какъ хочетъ черезъ молитву расположить къ Себѣ пророка? И Моисей испыталъ это, говоря въ обѣтованіяхъ. Какъ это? „Развѣ дашь имъ рыбу морскую и заколешь для нихъ воловъ и овецъ“ (Исх. xi, 22)? Хотя были и велики, но однако не знали.

Яко тако рече Господь Богъ Израилевъ о домѣхъ града сего, и далѣе (ст. 4).

Поелику Іеремія былъ связанъ, какъ сообщавшій худыя вѣсти и угрожавшій царю плѣненіемъ, (хотя) онъ предсказывалъ и возвращеніе, по повелѣнію Божію, и покупкой поля подтверждалъ это, никто однако не обращалъ вниманія на слова, такъ какъ думали, что пророкъ говоритъ это изъ лести, а не вслѣд-

ствіе точнаго знанія будущаго, то онъ продолжалъ оставаться въ трудномъ, томительномъ состояніи. Поэтому Богъ говоритъ ему: смотри на Мое могущество,—на то, какъ Я произвелъ твореніе и установилъ для него порядокъ, заботясь о людяхъ, и теперь услышалъ твой зовъ и предсказываю будущее и имѣющее быть благоденствіе; сомнѣваться въ этомъ всего менѣе умѣстно, а нужно быть увѣреннымъ въ томъ, что ничто изъ сказаннаго тобою не окажется ложнымъ. Убѣждая ихъ въ томъ, что не напрасно подвергаются плѣненію, что это служитъ къ вразумленію наказываемыхъ, приводитъ, послѣ указанія на возвращеніе (слѣдующія слова).

И бысть слово Господне ко Іереміи, глаголя: еда не „устыдился народъ сей" (ᾐδέσθη ὁ λαὸς οὗτος) [1])? „Рече" *глаголюще: два народа, ихже избра Господь, и се отверже я, и преогорчиша людей моихъ, яко да не будетъ ктому народъ предо мною* (ἐνώπιόν μου) [2]) (ст. 23—24).

Не думай, говоритъ, что предаю городъ окончательному разрушенію, а смотри на то, какъ мало вразумляли іудеевъ отдѣльныя несчастія. Лжепророки, говоритъ, распространяютъ клевету,
992 будто Я поступилъ вопреки своему обѣщанію, будто, избравши два племени, то есть, два царства, іудино и ефремово, исполнилъ малую часть своего обѣщанія и отвергъ большинство, и этимъ довели народъ до пренебреженія Мною и совершенной потери благочестія. Такимъ образомъ справедливо, чтобы за такое нечестіе они понесли наказаніе и, вразумившись (чрезъ это), надлежащимъ образомъ жили въ землѣ, которую Я обѣщалъ отцамъ.

Тако рече Господь: не положихъ ли убо завѣта моего между днемъ и нощію и законовъ небеси и земли? Тогда и сѣмя Іаковле и Давида раба моего отвергу еже не пріяти отъ сѣмене его князей (ст. 25—26).

Мысль (въ этихъ словахъ) та, что какъ Я, давъ обѣщаніе людямъ не измѣнять вложеннаго въ твореніе порядка о постоянномъ чередованіи зимы и лѣта, весны и осени, до настоящаго времени продолжаю соблюдать свое обѣщаніе, такъ не нарушу даннаго Давиду обѣщанія о всегдашнемъ царствованіи сѣмени его. Слова: *не положихъ ли завѣта между днемъ и нощію, законовъ небеси и земли* нѣкоторые объясняютъ такъ, что не сотворилъ бы Я неба и земли, если бы не хотѣлъ существованія дня и ночи, но какъ въ началѣ, предположивши смѣну дня и ночи, Я устроилъ природу неба и земли и не нарушилъ положеннаго

---

[1]) Вмѣсто этого въ другихъ греч. сп., съ которыми согласуется Слав. Б., читается: ἴδες τι = *видѣлъ еси что*...

[2]) Въ Слав. Б.: *предъ ними*, согласно съ перев. бл. Іеронима: coram eis.

при твореніи, такъ не нарушу и обѣщанія Давиду. Убѣдивши этимъ пророка, Богъ повелѣваетъ ему объявить царю Седекіи о взятіи города и указать причину въ томъ, что поступаютъ нераскаянно и нарушаютъ завѣты, заключенные съ Богомъ; обличаетъ также ихъ за то, что возвратили къ себѣ тѣхъ, которымъ клялись, согласно съ закономъ, дать свободу, и прибавляетъ.

ГЛАВА XXXIV.

Не умреши (ст. 4).

Чтобы хотя отъ этого вздохнулъ свободно; это было, когда отведенъ былъ въ Вавилонъ, (гдѣ) пользовался большимъ спокойствіемъ, чтобы позналъ Божіе человѣколюбіе; (а) чтобы печальное сдѣлать удобопріемлемымъ (сказано): *восплачутся тебе.*

Слово бывшее (ст. 8).

Былъ древній законъ (Исх. xxi, 2), чтобы еврей служилъ шесть годовъ. Хотѣлъ, чтобы іудеи были человѣколюбивы ко всѣмъ. Но такъ какъ они не желали, то побуждаетъ и приводитъ ихъ къ тому, чтобы (щадили) одноплеменниковъ. Что же происходитъ? Собравшись, дали клятву и заключили договоръ при священникахъ, при вельможахъ, всѣ при всѣхъ, въ присутствіи между бывшими Седекіи, относительно того, чтобы каждый отпустилъ раба и рабу. Затѣмъ стали сожалѣть о случившемся и оставили ихъ рабами и рабынями.

И бысть слово Господне ко Іеремiи (ст. 12).

Прежде Я установилъ законъ (о прощеніи) должниковъ;
освободилъ отъ рабства и повелѣлъ это исполнять; за благодѣя- 993
нія требовалъ награды. Развѣ даромъ дѣлалъ это? Когда сдѣлали успѣшные опыты съ рабствомъ, тогда направилъ ихъ къ прощенію (долговъ). Что можетъ кто-либо сказать (объ этомъ)? Іудеи разумнѣе насъ. (И черезъ нѣсколько словъ). Тамъ допустилъ семь (ἑπτά) лѣтъ, здѣсь совсѣмъ уничтожилъ рабство. *Нѣсть рабъ, ни свободь* (Гал. III, 28). (И черезъ нѣсколько словъ). Пусть не дѣлаетъ это рабовъ болѣе нерадивыми. Не презирайте ихъ, потому что получающіе благодѣянія, говоритъ, братья.

И отвратистеся (ст. 16).

Взыскиваю не только за несправедливость, сдѣланную относительно тѣхъ, но и (вообще) за нарушеніе закона.

Вы не послушасте мене (ст. 17).

У васъ подвергается опасности все благочестіе. Что же? Говоритъ: тяжкое наказаніе, смерть за рабство. Почему такъ воз-

дается? (Потому что) попраны клятвы, нарушены договоры, оскорблено самое великое имя Божіе; такъ что, когда видишь ихъ разсѣяваемыхъ, не думай только объ обидѣ, причиненной рабамъ; но присоедини (къ этому) и оскорбленнаго ими Бога и увидишь [1]), что они терпятъ достойное наказаніе.

Се азъ нарицаю отпущеніе вамъ. (И спустя немного). *И дамъ мужы преступившыя завѣтъ мой, не хранящыя словесъ завѣта моего, емуже соизволиша предъ лицемъ моимъ: телца, егоже разсѣкоша на двѣ части, и ходиша между раздѣленными частми его, князи Іудины и князи Іерусалима,* и далѣе (ст. 18).

Пророкъ описываетъ видъ (заключенія) завѣта, дѣлая болѣе выразительнымъ обличеніе: принесши Богу въ жертву тельца и раздѣливъ на двѣ части, проходили по срединѣ (между ними); принесши раздѣленныя части, постановляли, согласно съ закономъ, признать предъ Богомъ свободными рабовъ, обѣщаясь сдѣлать это для умилостивленія Божества при предстоящемъ гнѣвѣ. Затѣмъ, по винѣ лжепророковъ, такъ какъ Богъ не гнѣвается, измѣнили (это постановленіе) и возвратили отпущенныхъ (на свободу). Поэтому разгнѣванный Богъ, дѣлая обличеніе, угрожаетъ имъ разрушеніемъ. А такъ какъ кто-либо справедливо сказалъ бы, что Богъ обѣщалъ, какъ указывали тѣ слова воззванія, перемѣну къ лучшему, почему и пророкъ, видя перемѣну въ нихъ, пришелъ въ недоумѣніе, во время осады города, то поэтому Богъ, убѣждая его, предрекъ взятіе (города) и обличилъ расположеніе притворно благочестивыхъ.

Не что иное довело городъ до осады, какъ то, что не остались (вѣрными) договору, заключенному Седекіей съ варварами. Что безсмысленнѣе этого? Клятвопреступленіе ниспровергло городъ, и опять продолжается та же болѣзнь; только не борющіеся съ Богомъ дѣлали это. Дающіе клятву и преступающіе ее ждите наказаній.

ГЛАВА XXXV.

996 *И введохъ въ домъ Господень, въ хранилище имѣнія сыновъ Ананіи* (ст. 4), то есть, въ комнату, назначенную Аннану. *Иже есть близъ дому князей, выше дому Маасеова, сына Селомля, стрегущаго дворъ,*—по еврейскому (тексту), стрегущаго одежды служенія.

---

[1]) Читаемое здѣсь οὐδὲ опущено, какъ исключаемое смысломъ рѣчи.

И поставихъ предъ ними (ст. 5).

Достойно удивленія то, какъ, живя среди этого народа, упражнялись въ высокомъ любомудріи. (Это) были въ нѣкоторомъ родѣ левиты; видя многіе примѣры — Назареевъ, Илію, Елисея, они подражали имъ. Видишь ли, что если хотѣли быть внимательными, то имѣли примѣры? Но и они сдѣлались плѣнниками, такъ какъ если Іеремія, Іезекіиль и Даніилъ (были въ плѣну), то тѣмъ болѣе—и они. Добрыхъ и благородныхъ мужей ничто подобное не повергало въ печаль, а дѣлало славными; въ скорбяхъ это дѣло служитъ утѣшеніемъ. (И черезъ нѣсколько словъ). И привелъ въ храмъ Господень, чтобы они изъ уваженія къ мѣсту и изъ уваженія къ мужу [1]) согласились; но ничто не прельстило ихъ, такъ что у іудеевъ отнято всякое оправданіе. (И черезъ нѣсколько словъ). Смотри на апостольскія предваренія.

И рекоша: не піемъ вина, яко Іонадавъ, сынъ Рихавль, отецъ нашъ, заповѣда намъ: не пійте вина вы и сынове ваши до вѣка (ст. 6).

Они были потомки Іонадава, который, будучи проникнутъ ревностью къ Богу, вышелъ навстрѣчу царю (4 Цар. x, 15). Видя въ то время (πάλαι) беззаконіе Ахаава и признавая истинными слова пророковъ, (а потому) совершенно ожидая завоеванія страны и гибели городовъ, онъ заповѣдалъ это своимъ сыновьямъ не для того только, чтобы они сохранили, но и передали это завѣщаніе своимъ потомкамъ. Поэтому являются они сохранившими даже до этого времени заповѣдь родоначальника.

Мы и жены наша (ст. 8).

Чтобы кто-нибудь не сказалъ: какъ вы пришли въ городъ и живете въ домахъ?—указываютъ на непріятельское нашествіе, такъ какъ дѣло крайняго безумія—добровольно предаваться врагамъ.

Еда не воспріимете наказанія (ст. 13).

Сыновья Іонадава исполняли заповѣдь умершаго человѣка, а вы преступаете Мои, — то, что (Я) повелѣлъ. Хотите видѣть легкость повелѣній? Я заповѣдалъ то, что удобно, что весьма необходимо, чтобы воздерживаться отъ злобы и идоловъ, а онъ— весьма трудное. Но онъ сказалъ и умеръ, а Я каждый день напоминаю вамъ и ничего не выходитъ.

И уставиша сынове Іонадавли (ст. 16).

Не говоритъ, какую (заповѣдь). Но не желая дѣлать имъ тяжкаго обвиненія, смотри, какъ Онъ народолюбивъ и у Него нѣтъ ничего деспотическаго, какъ отнимаетъ у нихъ всякое прощеніе, говоря: *а людіе сіи не послушаша мене.*

[1]) Въ помѣщеніе котораго были приведены, т. е. Ананіи.

Сего ради сице рече Господь (ст. 17).

Сыновъ Іонадава священство (ἱερωσύνη) постоянно чтитъ, говоря: *не оскудѣетъ мужъ отъ сыновъ Іонадавлихъ стоящъ предъ лицемъ моимъ вся дни* (ст. 19). Не думайте, что пропадаетъ благословеніе отца.

ГЛАВА XXXVI.

И заповѣда Іеремія (ст. 5).

Смотри на Божіе промышленіе. Тѣ связали врача, а Богъ и тѣмъ явилъ Свое человѣколюбіе, (что) не освободилъ его, а оставилъ въ темницѣ, чтобы утишить ихъ гнѣвъ и не сдѣлать болѣе сварливыми, не лишилъ ихъ врачества, а чрезъ писаніе напоминаетъ имъ все и (при томъ) во время поста.

И бысть въ лѣто осьмое (ὀγδόῳ) [1]) (ст. 9).

Для чего во время поста? Чтобы и время содѣйствовало (успѣшному дѣйствію читаемаго) и присутствовали всѣ слушатели. Ваши взоры печалитъ видъ пророка. Вотъ посредствомъ другого сосуда передаю вамъ врачество.

И бысть чтущу Іудину (ст. 23).

Царь, услышавъ это, — услышавъ то, что можетъ и камень сдѣлать мягкимъ,—изрѣзалъ книгу; (это похоже на то), какъ если бы кто-нибудь, не нашедши врача, взявъ лѣкарство, бросилъ въ огонь. Видишь неистовство и свирѣпость? Не просто изрѣзалъ, но бросаетъ въ огонь, къ великому изумленію предстоящихъ. Нѣкоторые, говоритъ, противились. (И черезъ нѣсколько словъ). Смотри на демоническое неистовство: пылалъ ненавистью не только къ пророку, но и къ словамъ и къ письменамъ.

И повелѣ царь Іеремеилу, сыну Цареву, да изымаютъ Варуха книгочія, то есть, скорописца, *и Іеремію пророка*, и были скрыты Господомъ (ὑπὸ Κυρίου) [2]) (ст. 26).

И выше говорилъ, что, по божественному повелѣнію, записалъ всѣ слова, которыя говорилъ народу отъ времени Іосіи до четвертаго года царствованія Іоакима, въ который это написалъ, когда пославшій Варуха сказалъ: *мене стрегутъ и не могу внити въ домъ Господень: ты убо вниди и прочти въ свитцѣ семъ, въ немъ*

---

[1]) Такъ читается въ древн. Ватикан. сп., вмѣсто πέμπτῳ — *пятое*, какъ находится въ Александр. и Маршаліан. сп., съ которыми согласуется Славян. В.

[2]) Ὑπὸ Κυρίου отсутствуетъ въ древн. сп. перевода 70-ти, но находится въ Маршаліан. сп. и евр. текстѣ.

же написалъ еси отъ устъ моихъ словеса Господня во уши людей, въ день поста.

Если стерегли, то какъ же скрылся? Очевидно, что какъ при Елисеѣ пришедшіе взять его сирійцы поражены были слѣпотою (4 Цар. vi, 18), такъ и въ это время Богъ сдѣлалъ ихъ нѣкоторою сокровенною силою невидимыми, такъ что они были на глазахъ у всѣхъ, но оставались незамѣченными.

Паки возми (ст. 28). 1000

Смотри на человѣколюбіе Бога, послѣ такого непослушанія опять приготовляющаго имъ внушеніе. А мы, часто ожидая противодѣйствія, не дѣлаемъ и начальнаго наставленія или, сдѣлавши первый неудачный опытъ, видимъ въ этомъ обиду и не рѣшаемся повторить, когда Богъ перенесъ такое оскорбленіе въ сожженіи книги и такой навѣтъ на пророковъ. Всѣ ищутъ будущаго и отказываются слушать то, что не доставляетъ удовольствія. А слово пророка всегда одинаково и лишено ласкательства въ отношеніи къ почитателямъ. Показываетъ же, что, говоря истину, не поступаетъ несправедливо и не заслуживаетъ темницы. Слово: Еленіоѳъ (Ἑλενιώθ) Акила перевелъ: мастерская (ἐργαστήρια).

ГЛАВА XXXVII.

И слышаша Халдеи (ст. 4).

Для чего отступаютъ халдеи? Чтобы всячески знали іудеи, что не своею силою наступали и воевали съ ними, а съ соизволенія Его.

Яко тако рече (ст. 9).

Когда Богъ хочетъ произвесть что-либо черезъ кого, прежде всего показываетъ слабыми, чтобы все приписано было Ему; это было и здѣсь.

И бысть, егда изыде сила Халдейска отъ Іерусалима, отъ лица силы Фараони, изыде Іеремія изъ Іерусалима, и дал. (ст. 11—12).

Нѣкоторые говорятъ, что вавилоняне не по слабости отступили, когда выступили египтяне, а потому что не было царя. Думаю, что это излишнее мнѣніе, потому что (царя) не было и при послѣднемъ взятіи (Іерусалима). Въ Девлаѳу (Δεβλαθᾶ) [1]) отведенъ былъ Седекія послѣ окончательнаго взятія города. По-

[1]) Въ Слав. Б. въ *Ревлаѳѣ* (Іер. XXXIX, 5), согласно съ евр. т. или латин. переводомъ.

этому думаю, что не имѣли достаточной силы при множествѣ враговъ, а Богъ помогалъ, какъ имѣющимъ надлежащія качества (δικαίοις), народъ же сдѣлалъ слабѣйшимъ за грѣхи. На основаніи этого нужно сказать, что Богъ предсказывалъ наступленіе будущаго, не самъ наводя несчастія, а угрожая тѣмъ, что будетъ, и отказывая въ помощи. Мысль эта полезна вообще. Происходятъ событія не потому, что Богъ предсказываетъ, а предвозвѣщаетъ потому, что Богъ предвидитъ имѣющее быть; такъ нужно понимать сказанное пророками о Христѣ и предсказаніе Христово Іудѣ.

„И былъ онъ" (καὶ ἐγένετο αὐτός) [1]) *во вратѣхъ* [2]) *Веніаминихъ и тамо человѣкъ, у него же обита* („имя ему Аруіа" = ὄνομα αὐτῷ 'Αρουία) [3]) *и взя Іеремію, глаголя: къ Халдеемъ ты бѣжиши* (ст. 13).

Выраженіе: *у него же обита* (κατέλυεν) вмѣсто: у котораго обыкновенно останавливался во время путешествія.

1001 И передали его въ домъ стражи, въ темницу, *въ домъ Іонаѳани книгочія, яко той сотвориша храминою* темничною. *И пришелъ* народъ (ὄχλος) [4]) *въ домъ рва и въ Херетъ* (ст. 14).

То есть, домъ Іонаѳана сдѣлали темницей и тамъ заключаемъ былъ народъ. *Въ Херетъ*, то есть, въ домъ заключенія; по-еврейски Ѳеѳхло (Φεθχλώ), что значитъ: домъ заключенія; вмѣсто темницы (φυλακή) употребляется обыкновенно названіе заключенія.

И разгнѣвашася (ст. 15).

Какъ кровожадные звѣри, такъ неистовствуютъ на пророковъ. Если и убѣгалъ, что въ томъ? Развѣ вы не заставляете его молчать? Развѣ вы не препятствуете ему говорить? Что было бы, если бы убѣжалъ? Если бы убѣжалъ, вамъ было бы легко: вы избавлялись отъ обличеній, были бы свободны отъ обвиненія. Но смотри на дѣйствующее всюду обличеніе и злобу. За что били его? Чтобы отмстить за свободу (пророчествованія).

И посла Седекія (ст. 16).

Для чего звалъ его? Думалъ, что его дерзновеніе уменьшилось вслѣдствіе бѣдствій и что услышитъ другія рѣчи. Затѣмъ, чтобы не возбуждать подозрѣній, не просто спрашиваетъ его,

[1]) Читаемое въ Слав. Б.: *внегда же быти* болѣе соотвѣтствуетъ еврейскому тексту.

[2]) Читаемое въ Патрологіи ἐν τῇ πόλει представляетъ, вѣроятно, опечатку вмѣсто ἐν πύλῃ.

[3]) Въ древн. Ватик. сп., съ которымъ согласуется Слав. Б., вмѣсто этого читается: Σαρούια υἱὸς Σελεμίου υἱοῦ Ἀνανίου = *Саруиа сынъ Селеміинъ, сына Ананіины.*

[4]) Вмѣсто этого въ древн. греч. сп., съ которыми согласуется Слав. Б., читается: Ἱερεμίας = *Іеремія.*

а говоритъ: *аще есть слово отъ Господа?* При этомъ даетъ (ему) благовидный поводъ къ удаленію. Но страшнѣе темницы было молчаніе.

И рече: есть.

Видишь предызображаемые апостольскіе подвиги; такъ было при нихъ: были всюду сами; ничто не уничтожало ихъ свободы.

И гдѣ суть пророцы ваши (ст. 19)?

Это нужно было терпѣть имъ, а не мнѣ, говорящему истину. Развѣ я навелъ (зло)? Если не наступили событія, хорошо говорили, что напрасно опечалилъ насъ; а теперь, когда произошли, развѣ несправедливо быть мнѣ увѣнчаннымъ? Не говорю, что я оказывалъ благодѣянія, но какую причинилъ обиду? Проситъ освободить его изъ темницы. Кто, сильно страдая, не захочетъ освободиться? Изъ этого видно, что онъ имѣлъ ту же природу.

И повелѣ (ст. 21).

Не въ прежнюю (ввергнуть темницу) и велѣлъ давать ему хлѣбы (ἄρτους). При настоящихъ обстоятельствахъ на что оставалось гнѣваться? А свободу онъ не утратилъ.

ГЛАВА XXXVIII.

Въ ровѣ не бяше воды, но тина, и бяше въ тинѣ Іеремія (ст. 6).

Ровъ былъ подъ открытымъ небомъ и наполненъ былъ грязью. Итакъ ввергли его, онъ былъ свѣшенъ, и опустился въ грязь, но весь не погрузился, потому что при этомъ не могъ бы жить.

Зло сотворилъ еси, яже сотворилъ еси (ст. 9).

Никакой неправды не сдѣлалъ мужъ; все произошло отъ злобы тѣхъ; не имѣя ни въ чемъ обвинить, сдѣлали это человѣку Божію.

И поятъ Авдемелекъ мужы и пріиде въ домъ царевъ подземный 1004
(ст. 11).

То есть, въ стойло. *Подземный*, чтобы сказать: бывшій въ открытомъ мѣстѣ (εἰ τὸ φανερόν); такъ говоритъ и еврейскій (текстъ).

И взя оттуда ветхи порты и ветхія ужы и вверже я ко Іереміи, и дал.

Взялъ попоны коней и куски шерстяной матеріи (τὰ πιλωτά), которые обыкновенно разстилаютъ на сидѣньяхъ. Сказанное прежде: *ветхи порты* и „малеинъ" (τὸ μαλέην) значитъ это, то есть, куски шерстяной матеріи, отсюда—*ветхія ужы* вмѣсто старыхъ конскихъ подстилокъ. Бросивъ это пророку, говоритъ: *по-*

ложи сія „подъ локти рукъ твоихъ“ (ὑπὸ τοὺς ἀγκῶνας τῶν χειρῶν σου) [1]) *и подъ ужы.* (Такъ сказано) вмѣсто: „подъ мышки“, чтобы такъ обвязанный извлеченъ былъ безопасно.

И рече Іеремія (ст. 15).

Для чего хочешь слышать? Чтобы погубить меня? Такъ особенно погашаетъ его гнѣвъ. Однако весьма велика добродѣтель пророка, когда онъ не только предсказываетъ тяжкія событія, но находитъ и выходъ изъ бѣдственнаго состоянія, такъ какъ это, конечно, составляетъ (цѣль) предсказанія. И какая прибыль, скажи мнѣ, извлекать пользу изъ печали и унынія, какъ (дѣлаютъ) посторонніе (οἱ τῶν ἔξωθεν)? Но не такъ.

Живъ Господь, иже сотвори намъ душу сію, аще убію тя (ст. 16).

То есть, Владыка жизни самъ свидѣтель, что я не сдѣлаю тебѣ ничего худого.

Когда безпокоится и страшится за нее [2]), тогда клянется ею.

И рече ему Іеремія (ст. 17).

Что же Іеремія? Сначала излагаетъ доброе, а потомъ тяжкое.

И рече царь Іереміи: азъ опасеніе имамъ отъ Іудеевъ избѣжавшихъ къ Халдеемъ, да не предадутъ мя въ руцѣ ихъ и поругаются ми (ст. 19).

У греческаго (переводчика) выражено не ясно. Что хочетъ сказать, состоитъ въ томъ, что я—царь, и не могу выйти одинъ; а если захочу выйти и передаться халдеямъ, то они, жители города, убьютъ меня.

Таковъ былъ поводъ и оправданіе невѣрія. Ты не вѣришь пророку? Развѣ говоритъ онъ по соображеніямъ?

И рече Іеремія: не предадятъ тебе (ст. 20).

Нѣкоторые такъ объясняли. А я думаю, что лучше держаться такого пониманія: всѣ іудеи предсказываютъ мнѣ миръ и то, что я не буду преданъ въ руки халдеевъ и не потерплю отъ нихъ какого-либо бѣдствія. Прибавленныя затѣмъ Іереміею слова: *не предадятъ тя* сказаны иронически, то есть: не вѣрь имъ.

1005 *Послушай убо словесе Господня: еже азъ глаголю тебѣ, и лучше ти будетъ и жива будетъ душа твоя.*

То есть, лучше для тебя вѣрить мнѣ и не обольщаться словами тѣхъ; а что эту особенно мысль нужно выводить изъ словъ, каждый видитъ изъ послѣдующаго, такъ какъ затѣмъ прибавляетъ:

И аще не восхощеши ты изыти, сіе слово, еже сказа мнѣ

---

[1]) Въ древн. греч. сп. этихъ словъ не читается, какъ и въ Славян. В.; въ Маршаліан. сп. они находятся.

[2]) Подразумѣвается, конечно, жизнь.

Господь: и се вся жены, оставшыяся въ дому царя Іудина, изведутся ко князем царя Вавилонска и тыя глаголаху: прелстиша тя и премогоша тя мужи мирницы твои и не превозмогутъ (οὐ κατισχύσουσιν) [1]) *въ поползновеніихъ ногу твою* и отвратятся (ἀποστρέψουσιν) *отъ тебе* (ст. 21—22).

То есть, когда наступитъ завоеваніе, тогда признаютъ истину моихъ словъ и скажутъ тебѣ, что предвозвѣщавшіе тебѣ миръ напрасно обольщали (тебя), когда ты больше цѣнилъ ихъ слова сравнительно съ моими. Слова: *въ поползновеніихъ ногу твою* значатъ: отвративъ твою вѣру отъ истинныхъ словъ. *И отвратятся отъ тебе*, то есть, взятыя въ плѣнъ будутъ отведены и не будешь пользоваться ничѣмъ, чѣмъ пользуешься.

И рече ему (ст. 24).

И безъ всякаго ограниченія поклялся.

ГЛАВА XXXIX.

И постигоша Седекію въ Равоѳѣ (Ῥαβώθ) [2]) *Іерихонскомъ* (ст. 4).

То есть, на Іерихонской равнинѣ.

И даша его Годоліи сыну Ахикамову, сына Сафаня, и изведоша его въ Сафисъ (εἰς Σαφίς) [3]), *и сѣде среди людей* (ст. 14).

Сафисъ названіе мѣста.

И послаша.

И непріятели освобождаютъ связаннаго своими пророка и предоставляютъ свободу идти, туда хочетъ. А наслаждавшіеся сорокъ лѣтъ его голосомъ, не стыдясь ни родства, ни отечества, ничего другого, сдѣлались свирѣпѣе звѣрей. (И черезъ нѣсколько словъ). Когда увидишь то же исполнившимся и на Христѣ, распятомъ іудеями и покланяемомъ язычниками, не считай это страннымъ, не смущайся и не говори: какъ возможно, чтобы пришедшій для спасенія и заступленія подвергся такимъ страданіямъ?

И не дамъ тебе (ст. 17).

Вѣдь праведный не гибнетъ вмѣстѣ съ нечестіемъ.

---

[1]) Также читается и въ Маршаліан. сп., вмѣсто καταλύσουσιν, какъ въ древн. сп. и Слав. В.: *ослабиша*.

[2]) Слав. переводъ: *на поли пустыни* соотвѣтствуетъ переводу блаж. Іеронима (in campo solitudinis).

[3]) Эти слова въ древн. греч. сп., какъ и въ евр. т., не читаются.

ГЛАВА XL.

И взя его (ст. 2).

Узнаетъ, наконецъ, все войско силу пророчества. А Седекія бѣгалъ; онъ ждалъ, что пророчество окажется ложнымъ; но былъ схваченъ и увидѣлъ ужасное страданіе: былъ свидѣтелемъ убійства дѣтей; настолько оставилъ глаза его открытыми, насколько долженъ былъ знать свои несчастія. (И черезъ нѣсколько словъ).
1008 И далъ Годоліи Іеремію. И смотри на Божіе промышленіе: когда всѣ смотрѣли и всѣ были связаны, онъ освобождается; для него устрояется свѣтлое зрѣлище; свидѣтельствуетъ и положеніе дѣлъ; свидѣтельствуетъ и самъ, оказавшій (благодѣяніе). Ты, іудей, не слушалъ Іереміи; послушай варвара, говорящаго: *Господь Богъ твой* навелъ (ἐχρημάτισεν) *на мѣсто сіе злая сія и сотвори Господь, зане согрѣшисте ему и не послушасте гласа его.* Ты не вѣровалъ словамъ Божіимъ; увидишь вѣрующихъ; ихъ имѣй наставниками.

Се разрѣшихъ[1]) *тя* (ст. 4).

Смотри, кому досталось освободить пророка отъ узъ.

Аще ти есть добро ити со мною.

Даетъ ему больше, чѣмъ если бы предоставилъ ему отечество; открываетъ ему всю вселенную, чего не имѣлъ, когда находился въ отечествѣ. А когда хотѣлъ выйти изъ-за хлѣбовъ, связали. Смотри, какая честь отъ варвара. Откуда это явилось? Очевидно, по благодати Христовой.

„Прежде, чѣмъ я удалюсь, иди ты и обратись"[2]) *къ Годоліи, сыну Ахикамову,* и дал.

Когда собрано еще было войско, посланный отъ царя отпустилъ пророка, чтобы, нашедши его одного, не умертвили (какъ) чужого.

Это для чего? Чтобы не могъ нарушить моей милости послѣ моего удаленія, или—чтобы это было на глазахъ всѣхъ.

И пріиде къ Годоліи (ст. 6).

Обрати вниманіе на Божіе промышленіе: и послѣ наказанія (Онъ) не оставляетъ попеченія о нихъ; не попустилъ, чтобы Іеремію взяли въ Вавилонъ. Поелику народъ раздѣлился на двѣ

[1]) Читаемому въ Слав. В. *нынѣ* нѣтъ соотвѣтствующаго въ Патрологіи, какъ и въ древн. греч. сп.

[2]) Καὶ πρὶν ἀπαλλαγῶ ἐγώ, ἀπότρεχε σὺ καὶ ἀνάστρεψον; сходныя съ этими слова находятся въ Маршаліанскомъ сп.; въ древн. Ватикан. и Александр. сп. ихъ нѣтъ, какъ и въ Слав. В.

части: одни отведены въ Вавилонъ, а другіе имѣли сдѣлаться плѣнниками въ Египтѣ, то для послѣднихъ сохранилъ его. Тѣ имѣли Даніила и Іезекіиля. Не хочетъ врачей всего больного тѣла собрать въ одно мѣсто, чтобы одни не имѣли излишества, а другіе—недостатка, но каждая часть (имѣла) соразмѣрно. Но что было при апостолахъ, когда они всюду были разсѣяны, такъ что звѣзды не собирались въ одно мѣсто, то же было и при пророкахъ въ это особенно время.

ГЛАВА XLI.

И воста Исмаилъ (ст. 2).

Для чего Богъ попустилъ, чтобы убитъ былъ человѣкъ добрый и дѣльный, дававшій такую защиту іудеямъ, и прочее, что написано выше [1])?

И кладязь, въ оньже вверже Исмаилъ вся, яже изби, кладязь великъ есть, егоже сотвори царь Аса отъ лица царя Израилева, когда захотѣлъ построить Раму Вааса (ст. 9).

При помощи Сирійскаго царя отклонилъ его отъ этого дѣла. Тогда Аса, выстроивъ городъ, вслѣдствіе нужды въ водѣ, вы- 1009
рылъ весьма большой колодезь, чтобы собраніе воды служило утѣшеніемъ для жителей. Объ этомъ онъ и говоритъ теперь.

Вся злая, яже сотвори Исмаилъ, и идяху воевати на Исмаила, сына Наѳананіина, *и обрѣтоша его при водѣ мнозѣ въ Гаваонѣ* (ст. 11—12).

То есть, перешедшаго разливъ воды, такъ что не могъ взять; а потративъ много времени на обходъ воды, дали тому возможность совершенно удалиться. Считая поэтому излишнимъ преслѣдовать того, котораго нельзя было схватить, возвратился въ Іудею.

ГЛАВА XLII.

И пріидоша вси (ст. 1).

Сознаютъ себя недостойными получить отвѣтъ, потому что часто не вѣрили словамъ. Поэтому говорятъ: помилуй насъ, хотя мы и не достойны.

---

[1]) То есть, въ XL-й гл. пророч. книги.

Якоже очи твои видятъ (ст. 2).

Мы имѣемъ, говорятъ, въ тебѣ свидѣтеля несчастій. Пусть скажетъ намъ, говорятъ, Богъ то, что нужно дѣлать. Считая дѣло столь важнымъ, по полученіи (его) какъ дѣлаются нерадивы!

Тіи же рекоша Іеремiи (ст. 5).

Мы тебя посылаемъ и просимъ и считаемъ необходимымъ—слушать все, что повелитъ, доброе или худое: скоры на обѣщанія, но отнюдь—не на дѣла.

Аще сѣдяще сядете (ст. 10).

Какая польза, если будемъ терпѣть то же самое?

И насажду.

Вы понесли не малое наказаніе.

Не убойтеся (ст. 11).

Что достовѣрнѣе этого слова?

Аще же речете вы (ст. 13).

Видишь, какъ открываетъ имъ собственныя мысли? Важнѣйшимъ свидѣтельствомъ того, что это было пророчество, служило не только то, что хотѣли только войти, но и то, въ ожиданіи чего говорили.

ГЛАВА XLIII.

И рече Азаріа сынъ Іосіи (Ἰωσίου) [1]) *и Іоананъ сынъ Каріевъ и вси мужи презорливіи,* „сказавшіе Іереміи: помолися о насъ къ Господу" (οἱ εἰπόντες Ἰερεμίᾳ· δεήθητι ὑπὲρ ἡμῶν πρὸς Κύριον) [2]). „Рекоша" *глаголюще* „Іереміи" (Εἶπον λέγοντες Ἰερεμίᾳ): *лжеши, не посла тя къ намъ Господь Богъ нашъ глаголати: не входите во Египетъ жити тамо. Но Варухъ сынъ Ниріинъ подущаетъ тя на насъ, да насъ вдаси въ руцѣ Халдейстѣ уморити насъ и превести насъ въ Вавилонъ* (ст. 2—3).

То есть, не по волѣ Божіей ты сказалъ это намъ, а посовѣтовалъ тебѣ сказать это намъ Варухъ, дѣлая угодное халдеямъ, поелику они находятся въ силѣ.

Скажи, для чего? Во все время развѣ не испытали его рас-
1012 положенія? Если нѣтъ ничего другого, то, будучи воленъ идти, куда хочетъ, не рѣшился ли остаться съ вами?

---

[1]) Въ Маршаліан. сп. Ωσαιου вмѣсто обычнаго въ сп. перевода 70 ти начертанія: Μαασαιου—*Маассіевъ*.

[2]) Въ древн. сп. греч. перевода эти слова отсутствуютъ.

И Іеремію пророка (ст. 6).

Для чего послѣдовали эти? Чтобы не вышло большаго зла. Смотри на первую болѣзнь: опять въ Египетъ. Какъ постоянно навлекаютъ на себя зло. Однако и дошедшихъ до этого Богъ не оставилъ, не сказалъ: какая польза? Такъ ушли въ Египетъ. Но смотри, что пророчествуетъ Іеремія, устами Божіими. Не обращая вниманія на то, что причинили скорбь, онъ, подобно чадолюбивому отцу, всюду сопутствуетъ безразсудному сыну. Не напрасно послѣ этого прибавилъ книгу Варуха.

Возми себѣ камени велики (ст. 9).

Кладетъ камни въ кирпичѣ (ἐν τῷ πλινθίῳ). Всегда дѣлаетъ что-либо чувственное, чтобы убѣдить, чтобы навести большій страхъ. Но не могъ ни помиловать ихъ, ни убѣдить.

Тако глаголетъ Господь силъ и дал. (ст. 10).

Богъ повелѣлъ ему на мѣстѣ кирпичей [1])—это именно значитъ: „въ кирпичѣ"—положить камни, чтобы было похоже на престолъ, и—обмазать глиной. Такъ предвозвѣстилъ приходъ Навуходоносора и то, что взявши городъ поставитъ на этомъ мѣстѣ свой престолъ. Это повелѣлъ ему сдѣлать, чтобы не говорили напрасно. Видя, что (онъ) дѣлалъ это въ Египтѣ у самыхъ царскихъ дворцовъ, гдѣ возсѣдалъ (на престолѣ) царь Египта, не могли болѣе говорить, что для (пріобрѣтенія) благосклонности вавилонскаго царя возвѣщалъ его приходъ. Для (снисканія) милости онъ болѣе говорилъ бы присутствующему, чѣмъ льстилъ предъ отсутствующимъ и ничего не слышащимъ.

„И положитъ оружіе свое предъ нимъ" (Καὶ θήσει τὰ ὅπλα αὐτοῦ ἐπάνω αὐτοῦ) [2]) *и воздвигнетъ оружіе свое на тя, и внидетъ, и поразитъ землю Египетску* (ст. 10—11).

Это не ясно по-гречески. Что хочетъ сказать, состоитъ въ томъ, что шатеръ свой, который обыкновенно ставили цари среди лагеря, поставитъ здѣсь. Вмѣсто словъ: „положитъ оружіе свое" еврейскій (текстъ) говоритъ: „раскинетъ шатеръ свой". Мысль въ томъ и другомъ одна, такъ какъ очевидно, что оружіе царя находилось въ его шатрѣ.

И поставитъ престолъ свой.

Затѣмъ, чтобы ты не считалъ (этого) догадкой, указываетъ и мѣсто, гдѣ положитъ камни.

---

[1]) Ἐπὶ τοῦ τόπου τῶν πλίνθων, т. е., на мѣстѣ дѣланія кирпичей, что соотвѣтствуетъ значенію слова πλινθεῖον—кирпичный заводъ.

[2]) Вмѣсто этого въ древн. сп. перевода 70-ти, съ которыми согласуется Слав. Б., читается: καὶ θήσει αὐτοῦ τὸν θρόνον ἐπάνω τῶν λίθων τούτων—*и поставитъ престолъ свой на каменіяхъ сихъ*.

И пожжетъ огнемъ (ст. 12).

Говоритъ и о богахъ ихъ, чтобы не уклонились въ нечестіе; но ничего не было сдѣлано.

И переселитъ я „и разорветъ землю Египетскую" (φθερεῖ γῆν Αἰγύπτου), *якоже* „разрываетъ" (φθερίζει) *пастухъ ризу свою* [1]).

То есть, старую; такъ легко овладѣетъ Новуходоносоръ Египтомъ.

И сокрушитъ столпы Иліуполя, „столпы Енона" (τοὺς Ἐνὼν) *и домы боговъ египетскихъ пожжетъ огнемъ* (ст. 13).

Енонъ—названіе города близъ Тафны. Можетъ быть, по-гре-
1013 чески назывался Иліуполисъ, а по-египетски—Енонъ.

ГЛАВА XLIV.

Тако глаголетъ Господь (ст. 2).

Смотри, что можетъ быть яснѣе этого? Передъ глазами имѣли примѣръ, это были не слова, а дѣла, которыя вопіяли. Они видѣли причину несчастій.

И не будетъ уцѣлѣвша ни единаго отъ оставшихъ Іудиныхъ, обитающихъ въ земли Египетстѣй, еже возвратитися на землю Іудину, въ ней же тіи надѣются душами своими возвратитися тамо: не возвратятся, развѣ избѣгшіи (ст. 14).

Опять угрожаетъ смертью вышедшимъ въ Египетъ, какъ борющимся съ волей Божіей, и тѣмъ, что потерпятъ худшее, чѣмъ (оставшіеся) въ Іерусалимѣ; говоритъ, что спасутся тѣ одни, которые, при наступившихъ бѣдствіяхъ, стремятся въ Іудею, какъ знающіе непобѣдимую силу Божію; и изъ тѣхъ, которые, повидимому, находятся въ безопасности, отдаетъ во власть врагамъ, и населяетъ землю, бывшую пустынею, спасая всѣхъ, прибѣгающихъ въ нее. Что это такъ, далѣе показываетъ яснѣе, говоря:

Слово, еже глаголалъ еси (ст. 16).

Скажи мнѣ, (кто) эта царица неба? Постоянно слышишь: Богъ сотворилъ небо и землю; и этой царицей называешь луну? *И благо намъ бысть.* Откуда же голодъ, скажи мнѣ? Откуда смерть? О, безстыдство! Поэтому напоминаетъ имъ.

Не кажденіе ли, еже кадисте (ст. 21).

Не за это ли, говоритъ, плѣнъ? Не за это ли всѣ несчастія?

---

[1]) Соотвѣтствующій этимъ словамъ Слав. переводъ: *и покрыетъ землю египетскую, якоже покрывается пастухъ ризою своею* служитъ передачей латинскаго перевода.

Какъ хорошо было вамъ? Не поэтому ли Богъ не могъ терпѣть васъ? Какое бѣдствіе можетъ быть хуже? Какіе безумцы произнесли эти слова?

Аще будетъ ктому имя мое (ст. 26).

Опять угрожаетъ голодомъ и нескончаемыми узами, чтобы знали, что это истинно. (И черезъ нѣсколько словъ). Поэтому такъ оставилъ, чтобы защититься предъ Тобою въ томъ, что справедливо сжегъ ихъ городъ. Если таковы убѣжавшіе, то что сказать о другихъ?

И исчезнутъ весь Іуда, живущій въ земли Египетстѣй, мечемъ и гладомъ, дондеже скончаются: и уцѣлѣвшіи отъ меча возвратятся на землю Іудину малымъ числомъ. Яко творяще сотворимъ всякое слово, еже изыдетъ изъ устъ нашихъ, кадити царицѣ (ст. 27—28, 17).

То есть, воинству небесному. Здѣсь эпонимія произвела неодинаковость пониманія, такъ какъ мелхедъ (Μελχέδ) значитъ: войско, а мелхеѳъ (Μελχέθ)—царица. Такъ безстыдно предававшимся нечестію опять угрожая совершеннымъ плѣненіемъ, въ подтвержденіе словъ ссылается на настоящее, говоря:

Слово чіе пребудетъ. 1016

Выраженіе: *чіе слово будетъ* показываетъ, что ища Меня въ бѣдствіяхъ не найдете, а оставшимся ваши страданія послужатъ въ пользу.

И сіе знаменіе (ст. 30).

Знаменіе вашихъ бѣдствій—имѣющій погибнуть фараонъ. По Моей волѣ, а не своею силою, взялъ и Седекію вавилонскій царь; погибнетъ и этотъ, какъ остающійся нечестивымъ, и какъ приводящій насъ къ сознанію того, что *благо есть уповати на Господа, нежели уповати на князи* (Пс. cxvii, 9). Приведши это пророчество, связанное съ исторіей, напоминаетъ болѣе древнее пророчество, которое во дни Іоакима велѣно было объявить Варуху.

Тако рече Господь: се азъ предаю фараона Вафрія, царя Египетска, въ руцѣ врагъ его (ἐχθρῶν) *и въ руцѣ ищущихъ души его, якоже дахъ Седекію царя Іудина въ руцѣ Навуходоносора* (ст. 30).

Когда Іерусалимъ былъ взятъ, египетскій (царь), опасаясь за все, у Евфрата сталкивается съ вавилонскимъ (царемъ), когда и былъ взятъ. Когда это не было еще яснымъ, когда война еще колебалась, угрожая Египту завоеваніемъ, а іудеямъ—гибелью, въ подтвержденіе словъ указалъ на пораженіе фараона.

ГЛАВА XLV.

Слово, еже глагола Іеремія пророкъ къ Варуху, сыну Ниріеву, егда описа словеса сія въ книгу отъ устъ Іереміиныхъ, въ четвертое лѣто Іоакима, сына Іосіина, царя Іудина (ст. 1).

Если подумаетъ кто-либо, что это у пророка поставлено не въ порядкѣ, то нужно имѣть въ виду, что эта особенность часто наблюдается въ Писаніи, такъ какъ писавшіе исторію заботились не о послѣдовательности, а о томъ, чтобы написать на пользу читающихъ. А иной назоветъ (такой способъ изложенія) болѣе гармонирующимъ съ тѣмъ, что сказано. Поелику сказалъ, что изъ находившихся въ Египтѣ спасутся только убѣжавшіе въ Іудею, и погибнутъ всѣ прочіе, а (они) не вѣрили, то это подтверждаетъ прежнимъ. Какъ прежде, говоритъ, Варухъ, предсказывавшій бѣдствія при Іоакимѣ, не гибнетъ, а обѣщавшій ему Богъ сохранилъ его одного изъ всѣхъ въ цѣлости, такъ спасаетъ и нынѣ вѣрующихъ.

Тако глаголетъ Господь (ст. 2).

Не просто вспоминаетъ теперь это слово и не безвременно, а для того, чтобы ты зналъ, каковъ былъ Варухъ въ отношеніи къ нимъ, какъ онъ плачетъ и сѣтуетъ, прося за нихъ Бога. А самъ говоритъ: *не ищи* великаго.

Яко реклъ еси: о лютѣ мнѣ [1]*), яко приложи Господь трудъ къ болѣзни моей: успохъ со стенаніемъ, покоя не обрѣтохъ* (ст. 3).

1017 Варухъ, посылаемый Іереміей произнести (пророчества) о городѣ, боясь гнѣва царя и жестокости прочихъ, не хотѣлъ идти, а размышляя о томъ, что нарушеніе словъ пророка угрожаетъ не малою опасностью (такъ какъ это значитъ противорѣчить божественному повелѣнію), находился въ трудномъ положеніи: если пойдетъ, то его ожидала смерть; а если не послушается, то (зналъ), что не избѣгнетъ наказанія, какъ противящійся Богу. Въ словахъ: *приложи Господь трудъ къ болѣзни*, называетъ болѣзнью печаль, какую имѣлъ о народѣ, а трудомъ—душевную скорбь и заботу о будущемъ. *Успохъ со стенаніемъ, покоя не обрѣтохъ*, какъ обремененный хлопотами и заботою до того, что и во время сна не имѣетъ покоя.

Сице глаголетъ Господь: *се, яже азъ соградихъ, азъ разорю, и яже насадихъ азъ, исторгну и всю землю ту* (ἐκείνην) [2]). *И ты ли взыщеши себѣ великихъ? Не ищи* (ст. 4).

---

[1]) Въ текстѣ Патрологіи οἴμοι читается одинъ разъ; въ древн. Ватикан. сп.—два раза, а согласно съ этимъ и въ Слав. Б.

[2]) Такъ читается и въ Маршаліан. сп., вмѣсто *мою*, какъ въ Слав. Б.

То есть, ты имѣлъ неправильныя мысли. Когда вслѣдствіе нечестія народа Я принялъ рѣшеніе противъ всѣхъ и посредствомъ угрозы хотѣлъ устранить опасности, ты не хотѣлъ скорбѣть (ἀθυμεῖν) или имѣть какую-либо заботу о дѣлѣ, такъ какъ слова: *и ты ли взыщеши себѣ великихъ* это значатъ, то есть, чтобы не печалиться. Что говоритъ не о несчастіи; показываютъ слѣдующія затѣмъ слова.

Се азъ наведу злая на всяку плоть, глаголетъ Господь, и дамъ душу твою въ корысть во всякомъ мѣстѣ, аможе аще пойдеши.

То есть, не бойся; иди и передай народу слова пророка, хорошо зная, что ты не будешь участвовать въ его несчастіи и что не причинятъ тебѣ зла. А образъ спасенія пророкъ указалъ выше, говоря: *сокры я Господь* (XXXVI, 26) и не были найдены.

И ты ли взыщеши (ст. 5).

Ты хочешь освободить отъ опасностей цѣлый одинъ городъ, оскорбившій Меня.

И дамъ душу.

Гдѣ бы ты ни былъ, не потерпишь зла. И при этомъ, однако, онъ настаивалъ,—чтобы ты зналъ, что имѣетъ въ виду не свое благо, а—многихъ. А мы заботимся о дѣлахъ другихъ, когда наши въ безопасности.

ГЛАВА XLVI.

Противу силы фараона Нехао, царя египетскаго, иже бысть надъ рѣкою Евфратомъ въ Кархамисѣ, егоже порази Навуходоносоръ, царь Вавилонскій въ лѣто четвертомъ Іоакима, царя Іудина (ст. 2).

Это сказано было въ то время,—это не начало видѣнія на Египетъ, а напоминаніе сказаннаго тогда. Этотъ Нехао, поразивъ Іосію, поставилъ Іоахаза. А когда пришелъ Навуходоносоръ, то поразилъ Іоахаза и поставилъ Іоакима. Когда его царство колебалось, египетскій царь, прибывъ къ Евфрату, вступаетъ въ 1020
битву съ Навуходоносоромъ. Такъ какъ іудеи много думали о могуществѣ египтянъ и сильно желали ихъ помощи, то угрожаетъ пораженіемъ и гибелью Нехао и, сказавши о войнѣ, объявляетъ безполезною помощь борющимся іудеямъ.

Другой фараонъ былъ Уафрій (Οὐαφρῆν); (а) этотъ — Нехао. Смотри, какъ Богъ вразумлялъ ихъ напередъ посредствомъ примѣровъ. Онъ сильно былъ разбитъ, когда и Іоакимъ пораженъ былъ; и они нисколько не сдѣлались лучшими. Смотри, гдѣ встрѣтился—на Евфратѣ.

Возмите (ст. 3).

Для чего начинаетъ это пророчество, говоря о томъ, чтобы вооружались, и съ большою тщательностью описываетъ все ихъ вооруженіе, почти подражая военачальникамъ, ведущимъ на войну и ободряющимъ (воиновъ)? Или говоритъ это иронически?

Крѣпцыи ихъ (ст. 5).

Смотри: показываетъ и видъ сраженія, какъ присутствующій,—то, какъ будутъ побѣждены.

Не утечетъ (ст. 6).

Ни быстрота ногъ, ни тѣлесная сила, ничто другое (подобное) не поможетъ, когда всѣ окружены, если не будетъ помощи Божіей.

Кто есть той, иже яко рѣка (ст. 7).

Не по причинѣ ихъ множества сравниваетъ съ Ниломъ, но и потому, что они знаютъ рѣку и сильное теченіе, и показывая то, что военное искусство отъ Бога, какъ и та (рѣка) возрастаетъ по божественному устроенію.

Яко жертва (ст. 10).

Чтобы показать, какъ это радуетъ (εὐφραίνει) Бога, ничто не дѣлается по волѣ людей (οὐδὲν ἀνθρώπινον γίγνεται). Когда вы приготовляетесь, Я не препятствую, чтобы вы знали, что напрасно—воевать съ Богомъ.

Взыди въ Галаадъ и возми ритину „для дѣвы, дочери Египетской" (παρθένῳ θυγατρὶ Αἰγύπτου) [1]): *всуе умножила еси врачеванія твоя, и цѣльбы нѣсть тебѣ* (ст. 11).

То есть, помоги ей и ты вмѣстѣ съ прочими. Галаадомъ называетъ израильтянъ, означая жителей по мѣсту (жительства). Это былъ и священническій городъ, поэтому говоритъ: *возми ритину*, то есть, пластырь. Этимъ какъ бы говоритъ: какъ прежде, когда была благочестивою, помогала народу чрезъ священство, такъ теперь, сдѣлавшись беззаконною, смоги вылѣчить раненыхъ на войнѣ... [2]), такъ какъ часто черезъ жившихъ тамъ пророковъ получали спасеніе въ битвахъ съ врагами. То есть говоритъ, что, будучи теперь нечестивою, воспользуйся помощію идоловъ при настоящихъ обстоятельствахъ и помоги египетскому царю, котораго считаешь защитникомъ.

И это говоритъ иронически, потому что, что бы ты ни сдѣлалъ и какихъ бы ни позвалъ помощниковъ, это будетъ напрасно.

---

[1]) Такъ читается это и въ древн. греч. сп.; славянскій переводъ: *дѣво дщи египетска* соотвѣтствуетъ латинскому переводу блаж. Іеронима.

[2]) Дальнѣйшія слова греческаго текста: ὀνειδίζον δὲ αὐτοῖς не даютъ соотвѣтствующаго смысла, а потому оставлены безъ перевода.

Яко сильный срѣтеся съ сильнымъ и оба вкупѣ изнемогоста (ст. 12).

То есть, помощникъ и начальникъ пали оба въ то же самое; иначе сказать: никого изъ бывшихъ съ Нехао не осталось. До- 1021
селѣ идутъ прежнія повѣствованія; затѣмъ начинается видѣніе на египтянъ.

Очевидность несчастія ясна изъ того, что въ сраженіи *изнемогли*.

Стой и уготовися, яко „пожралъ" (κατέφαγε) *мечь* „дерево твое" (σμίλακά σου) [1]) (ст. 14).

То есть, силу твою или безопасность, (для означенія чего) употребилъ метафору, такъ какъ названное дерево (σμίλαξ) есть терновникъ, широко распространяющійся; имъ особенно пользуются дѣлающіе изгороди на поляхъ; отъ того, что многократно переплетаютъ (терновникъ), и изгородь дѣлается крѣпкою.

Яко пожралъ *мечъ* дерево твое; трава все поядаетъ.

Почто убѣжа телецъ избранный твой (ст. 15).

Говоритъ іудеямъ. Тельцомъ называетъ египетскаго, какъ сильнаго; такое имѣли представленіе о немъ. Потомъ (слѣдуетъ) причина.

Не пребысть. Яко Господь разруши его.

Божественному рѣшенію не могъ противиться. Аписъ—царь твой, а вѣрнѣе—богъ египетскій; такъ называли тельца, питающагося соломой и считаемаго богомъ.

Кійждо къ ближнему своему глаголаху: востанимъ и возвратимся къ людемъ нашымъ. Отъ лица меча Еллинскаго (ст. 16).

Кійждо, то есть, соратникъ. (Приведенными словами какъ бы) говоритъ: тогда поняли, что напрасно помогали египтянамъ. *Отъ лица меча Еллинскаго* не хорошо переведено (по-гречески). По-еврейски сказано: отъ меча остраго и крѣпкаго. И здѣсь неодинаковость перевода произошла вслѣдствіе сходства (словъ). Слово: *Іоаннанъ* значитъ: эллины, потому отъ него іоняне (Ἴωνες), а слово: Іона (Ἰῶνα) значитъ: острое, разрѣзывающее. Вслѣдствіе этой эпониміи вмѣсто: „отъ остраго меча" перевели: *отъ меча Еллинскаго.*

Смотри, какъ тщательно все описываетъ и останавливаетъ вниманіе вслѣдствіе твердой увѣренности.

Назовите имя Фараона, царя Египетска, „саное" (Σαωνὲ),

[1]) Соотвѣтствующій этимъ словамъ славянскій переводъ: *сія, яже окрестъ тебе суть* служитъ передачей латинскаго перевода: ea, quae per circuitum tuum sunt.

евире (Ἐβηρέ), елмоиѳъ (Ἐλμοήθ) [1]), время прошло (καιρὸς παρεγένετο) [2]) (ст. 17).

Это слова еврейскія. Смыслъ ихъ состоитъ, повидимому, въ слѣдующемъ. Время прошло. *Саонъ* (Σαόν) значитъ шумъ (ἦχος), именно сильный и славный; слово: *евиръ* (значитъ) ты прошелъ, а *елмоиѳъ*—проходилъ. Итакъ говоритъ, что славный и всюду величаемый фараонъ лишился принадлежащей чести и пришло время суда надъ нимъ. Въ словахъ: *назовите имя его,* согласно съ обычаемъ божественнаго Писанія, употребилъ имя вмѣсто предмета.

Время пришло, шумъ вмѣстѣ съ смятеніемъ; говоритъ, что онъ былъ обольщенъ или несвѣдущъ относительно союзовъ. Какъ Ѳаворъ между горами, какъ Кармилъ при морѣ, такъ
1024 (вѣрно) придетъ, такъ, говоритъ, будетъ великъ и непобѣдимъ.

Живу азъ, глаголетъ Господь (Κύριος) [3]), „царь силъ" (βασιλεὺς τῶν δυνάμεων) [4]) *имя его: ибо якоже Ѳаворъ на горахъ и якоже Кармилъ въ мори, тако пріидетъ* (ст. 18).

Огромность несчастія показалъ примѣромъ. Хочетъ сказать то, что какъ Ѳаворъ между горами и Кармилъ обнимается моремъ, такъ и вы охвачены будете бѣдствіями.

Сосуды плѣненія сотвори себѣ живущая дщи Египетска [5]) (ст. 19).

То есть, положи конецъ войнѣ и, взявши сосуды переселенія, слѣдуй за владыками; говоря иначе, будешь переселена.

Никто не можетъ ссылаться ни на слабость тѣла, ни на незначительность. Будьте какъ откормленные тельцы; вооружитесь; не въ нашемъ городѣ война. Первые выступите; будете, какъ саранча.

Юница красивая (καλή), *украшенна,* „прекрасная" (κάλλιστη) *Египетъ, разореніе отъ полунощи пріиде на ню* (ст. 20).

По греческому переводу ясно, о чемъ говоритъ, (именно) о томъ, что сильная и украшенная (юница) отведена будетъ вавилонянами. Еврейскій заключаетъ болѣе выразительную мысль.

---

[1]) Сходно съ этимъ читаются эти слова и въ древн. Ватикан. сп.: Σαὼν Ἐσβεὶ Ἐμωήδ. Соотвѣтствующій славян. переводъ: *смятеніе преведе время* представляетъ передачу латинскаго перевода: tumultum adduxit tempus.

[2]) Эти слова отсутствуютъ въ древн. Ватикан. сп.

[3]) Κύριος читается и въ древн. сп. пер. 70-ти; славянское *царь* служитъ передачей латинскаго перевода.

[4]) Въ древн. греч. сп. эти слова отсутствуютъ; они читаются въ евр. т.

[5]) Читаемое въ текстѣ Патрологіи κατοικίας θυγατρός Αἰγύπτου не принято во вниманіе, какъ не встрѣчающееся въ древн. греч. сп., въ которыхъ читается: κατοικοῦσα θύγατερ Αἰγύπτου, согласно съ чѣмъ сдѣланъ славян. переводъ.

Вмѣсто: *разоренiе отъ полунощи прiидетъ на ню* сказано. по нему: „оводъ нападетъ на тебя“; это видъ животнаго, кусающаго воловъ и приводящаго въ бѣшенство. Такимъ образомъ Египетъ уподобилъ весьма благородной и красивой телицѣ, а вавилонскаго царя — оводу, чтобы показать слабость Египта и сказать: ты, имѣющая на видъ большую силу, будешь лишена силы со стороны считаемыхъ слабыми.

Зане и тiи (ст. 21).

Говоритъ и то, откуда пораженiе. Ясно, отъ Бога, потому что побѣждены тѣ, которые были многочисленны, какъ саранча.

Гласъ ихъ, яко змiя (ст. 22).

То есть, сѣтуя и плача.

Понеже „на пескѣ“ (ἐν ἄμμῳ) [1]).

То есть, не твердо.

Посѣкутъ лѣсъ ея (ст. 23).

Видишь необычайное пораженiе и—сверхъ ожиданiя — побѣду. *Не убойся*, потому что возвращу тебя; предсказываетъ имъ тайно и хорошо: *не убойся*, потому что близъ былъ.

Се азъ посѣщу на Аммона (сына) ея, и на Фараона, и на Египетъ, и на боги ея (αὐτῆς), и дал. (ст. 25).

Аммонитяне находились въ союзѣ (ὑπόσπονδοι) съ египтянами; много надѣялись на ихъ помощь и предъ всѣми прочими народами цѣнились египетскимъ царемъ; поэтому и вспомнилъ объ Аммонѣ.

ГЛАВА XLVII.

И разорю Тиръ (ст. 4).

И послѣ совершившагося не спасаешь? Это возвѣстилъ, чтобы удостовѣрить опустошенiе и гибель идоловъ.

Яко истребитъ Господь Филистины, останки островов Кап- 1025
падокiйскихъ.

Такъ называетъ острова сосѣдняго моря, потому что съ островов поселились тамъ подвергавшiеся войнамъ; истребивъ жившихъ тамъ прежде, они остались на этомъ мѣстѣ. Говоритъ о Каппадокiи, такъ какъ (вышедшiе изъ нея) одержали побѣду и рѣшились тамъ поселиться. Такъ говоритъ черезъ другого пророка: иноплеменниковъ вывелъ изъ Каппадокiи.

---

[1]) Такъ читается и въ древн. сп. перев. 70-ти; соотвѣтствующiй этому славян. переводъ: *съ силою* служитъ передачею латинскаго перевода или евр. текста.

Пріиде плѣнъ на Газу, отверженъ бысть Аскалонъ и „прочіе изъ находящихся въ Акимѣ“ (τῶν ἐν Ἀχίμ) [1]) (ст. 5).

То есть, всѣ сильные.

Како упокоится (ст. 7)?

Пророкъ предсказываетъ разрушеніе Идумеи; ее же называетъ Θеманомъ; это страна Исава.

ГЛАВА XLVIII.

Почиваше Моавъ отъ младости своея и бѣ уповая на славу свою (ст. 11).

Такъ какъ всегда наслаждался благоденствіемъ и спокойствіемъ, то вслѣдствіе этого и подвергся этому, не воспользовавшись благополучіемъ, какъ должно.

Захотѣлъ изобразить неожиданное несчастіе. Хочетъ сказать, что сначала до настоящаго времени не страдалъ, не потому что не былъ побѣжденъ Сеннахиримомъ или не былъ поражаемъ во время войнъ: пророчество Исаіи (XV) о Моавитской землѣ произнесено при Сеннахиримѣ, а хочетъ (сказать то), что, по сравненію съ настоящимъ, она нисколько не страдала, такъ какъ не могло быть, чтобы она прожила совершенно безпечально. Или хочетъ означить время покоя, такъ какъ не малое число лѣтъ отъ Езекіи, при которомъ произошло то, что сдѣлалъ Сеннахиримъ, до окончательнаго взятія Іерусалима и похода Навуходоносора на прочіе народы. Что это такъ, показываютъ дальнѣйшія слова.

Не преліяся отъ сосуда въ сосудъ и въ переселеніе не отъиде: сего ради пребысть вкусъ его въ немъ, и воня его нѣсть премѣнена.

Воспользовался примѣромъ, чтобы означить время его покоя. Какъ вылитое въ сосудъ вино, сохраняемое въ теченіе долгаго времени безъ перемѣнъ, образуетъ на днѣ сосуда дрожжи, а (само) дѣлается благовоннымъ и пріятнымъ для питья, такъ было, говоритъ, и съ Моавомъ: оставленный въ теченіе долгаго времени въ покоѣ, онъ получаетъ государственное устройство и дѣлается славнымъ по благоустройству, но такимъ не остается до конца, а подвергается наказанію по божественному опредѣленію.

И послю ему переселители и переселятъ его (ст. 12).

По еврейскому тексту: переливающихъ, — такъ какъ онъ

---

[1]) Вмѣсто этого въ древн. сп. перевода 70-ти и согласно съ ними въ Слав. Б.: οἱ κατάλοιποι Ἐνακείμ = *останки Енакимли.*

остается вѣрнымъ метафорѣ; мысль видна и изъ греческаго перевода.

Сниди отъ славы (ст. 18). 1028

То есть, сверху внизъ.

И сяди во влагѣ.

Такъ ни откуда не будетъ утѣшенія, потому что, когда Богъ наводитъ несчастіе, не поможетъ ни крѣпость тѣла, ни мудрость, ничто другое.

Возвѣстите въ Арнонѣ [1]), *яко погибе Моавъ, и судъ пріиде на землю Мисоръ* (τοῦ Μισὼρ) [2]), *на Хелонъ и на Рифасъ*, и дал. (ст. 20—21).

Мисоръ, то есть, долины; Хелонъ и другіе города называетъ, какъ лежащіе въ долинѣ.

Отсѣченъ есть рогъ Моавль и мышца его сокрушися, глаголетъ Господь (ст. 25).

То есть, оружіе въ рукахъ его.

„Не по способности его, такъ и руки его" (Οὐχὶ κατὰ τὸ ἱκανὸν αὐτοῦ, οὕτως καὶ οἱ βραχίονες αὐτοῦ) [3]).

То есть, дѣла не соотвѣтствовали славѣ: признавался сильнымъ, а оказался слабымъ при войнахъ съ Моавомъ.

Всюду возопійте надъ мужы стѣны (τοίχου) [4]) *кирады смущенія.*

Надъ мужы стѣны, то есть, надъ сильными; *кирады смущенія*, то есть, цитра пѣсни (κιθάρα μέλους). Какъ бы говоритъ: уничтожьте ее, сдѣлавъ достойною слезъ. Поэтому прибавляетъ: произнесетъ пѣснь; (такъ) объяснилъ выраженіе: *кирады смущенія*, то есть, какъ на цитрѣ, такъ стройно воспоетъ плачевную пѣснь. Затѣмъ далѣе опять говоритъ:

Того ради сердце Моава, яко цѣвницы звяцати будутъ и сердце мое къ мужемъ стѣны (τοίχου) [5]). *Кирады смятенія* (αὐχμοῦ) [6]), *яко цѣвница звяцати будетъ* (ст. 36).

То есть, о сильныхъ мужахъ будетъ скорбь, какъ пѣснь

---

[1]) Напечатанное въ Патрологіи 'Αμὼν составляетъ, очевидно, опечатку.

[2]) Такъ читается и въ древн. сп. перевода 70-ти; Славян. переводъ: *напольную* служитъ передачей латин. перевода.

[3]) Вмѣсто этого въ древн. Ватикан. сп., съ которымъ согласуется Слав. переводъ, читается: οὐχὶ τὸ ἱκανὸν αὐτῷ οὐχ οὕτως ἐποίησεν = *не доволство ли его тако сотвори?*

[4]) Въ древн. сп. перевода 70-ти, какъ и въ Слав. Б., слово: τοίχου = *стѣны* отсутствуетъ.

[5]) Слово: τοίχου и здѣсь отсутствуетъ въ древн. сп. перевода 70-ти, какъ и въ Слав. Б.

[6]) Αὐχμοῦ также отсутствуетъ въ древн. сп. перевода 70-ти, какъ и въ Слав. Б.

цитры или звукъ флейты. А въ еврейскомъ (текстѣ) сказано: и будетъ звучать опять о стѣнѣ, имѣющей сильные выступы. Стѣной называетъ царя, а выступами — народъ. Въ томъ и другомъ мысль—одна и та же.

Огнь бо изыде отъ Есевона и пламень отъ среды Сеона и пожже „вождей" (ἀρχηγούς) [1]) *Моава* (ст. 45).

Эти слова употребилъ Моисей, изображая быстрое опустошеніе Моавитской земли жителями Есевона (Числ. XXI, 28). (Пользуясь ими, пророкъ) говоритъ, что подобному наказанію подвергнется и нынѣ, какое перенесъ прежде.

„И нашелъ сыновъ Саона" (καὶ ἐξηρεύνησεν υἱοὺς Σαὼν) [2]).

По еврейсколу тексту: и изгладилъ владѣльцевъ жертвенниковъ; вмѣсто „жертвенниковъ" сказалъ: Саонъ.

Нужно поставить: „Вамоѳъ", (что) значитъ: жертвенникъ. Но такъ и въ еврейскомъ (текстѣ).

ГЛАВА XLIX.

Еда не суть сынове Израилевы, или наслѣдника нѣсть имъ (ст. 1)?

То есть, развѣ не повинуются Богу или совсѣмъ лишены Его помощи, что такъ возстали на израильтянъ? Этимъ показываетъ іудеямъ, что за причиненныя имъ бѣдствія (Богъ) наказываетъ народы.

Что хвалишися во удоліяхъ „въ Іакимѣ" (ἐν Ἰακίμ) [3]) (ст. 4).

1029 Іакимъ былъ самымъ большимъ городомъ, лежащимъ на равнинѣ; онъ служилъ средоточіемъ военныхъ дѣйствій противъ враговъ. Итакъ говоритъ: не надѣйтесь на него, такъ какъ ниспровергнется.

Стече удоліе твое.

То есть, не этотъ только (городъ) погибъ, но и другіе, лежащіе на равнинѣ, вмѣстѣ съ самыми долинами (τῶν πεδίων), когда враги опустошали все, попадающееся (имъ).

Въ проклятіе „Восора" (τῆς Βοσὼρ) [4]) *посредѣ* „части" (μέρους) *его* (ст. 13).

---

[1]) Соотвѣтствующій этому Слав. переводъ: *часть* служитъ передачей латинскаго перевода.

[2]) Соотвѣтствующій этому слав. переводъ: *и верхъ сыновъ смятенія* служитъ передачей латинскаго перевода: et verticem filiorum tumultus.

[3]) Въ другихъ греч. сп., какъ и въ Слав. Б., ἐν Ἰακίμ или Ἐνακείμ отсутствуетъ.

[4]) Въ древн. греч. сп., какъ и въ Слав. Б., „Восора" отсутствуетъ, а въ евр. текстѣ и въ латин. переводѣ названіе этого города читается.

Говоритъ о Бострѣ, такъ какъ нынѣшняя Аравія была тогда Идумеей. А слова: *посредѣ* части *его* присоединены потому, что онъ былъ главнымъ городомъ.

Се якоже левъ изыдетъ отъ среды Іордана на мѣсто „Эѳамъ" (Ἐθάμ) [1], *яко скоро сотворю имъ бѣжати отъ него* (ст. 19).

Эѳамъ нужно читать согласно съ еврейскимъ текстомъ, а значитъ: сильное. Хочетъ же сказать то, что варваръ, поднявшись, подобно льву, опустошитъ страну; объ Іорданѣ упоминаетъ, потому что тамъ особенно появляются эти звѣри и бываютъ страшны.

Къ Кидару, царицѣ двора, егоже порази Навуходоносоръ, царь Вавилонскій (ст. 28), потому что такъ, именемъ Кидара, обыкновенно называетъ божественное Писаніе этотъ народъ. А *царица двора* есть названіе города, который по-еврейски произносился „Мелхедъ асоръ", изъ нихъ первое (греческій переводчикъ) передалъ словомъ: (βασίλισσα)—„царица", а „асоръ" значитъ: дворъ; можетъ быть, такъ называли этотъ городъ и въ качествѣ митрополіи; подобно многимъ городамъ, и этотъ получилъ такое названіе. Послѣ этого пророчествуетъ объ Элѣ. Говорятъ, что это эламиты, называемые нынѣ персами.

ГЛАВА L.

Возвѣстите во языцѣхъ (ст. 2).

Начинаетъ такъ рѣчь, какъ о дѣлѣ необычайномъ, уже совершившемся. *Не скрывайте,* говоритъ, какъ будто потерпѣлъ незаслуженно или никто не знаетъ объ его несчастіи; какъ сдѣлалъ Богъ съ фараономъ, чтобы показать Свой гнѣвъ и проявить Свое могущество, такъ—и съ этимъ городомъ Вавилономъ. Видишь, какъ Онъ, вслѣдствіе своего искусства, пользуется общею испорченностью для пользы другихъ.

Посрамися Вилъ.

Показываетъ, что это дѣло не было слѣдствіемъ (обычной) человѣческой дѣятельности, такъ какъ изъ всего это было наибольшее могущество, пользовавшееся счастьемъ. Ни роскошь, ничто другое не преклоняло Бога. И цѣлесообразно посрамленъ, вопреки ожиданію, со стороны недостойныхъ.

Побѣдися Меродахъ.

Низшіе ихъ въ конецъ истребятъ ихъ.

---

[1] Αἰθάμ читается и въ древн. сп. греч. перевода.

Въ тыя дни (ст. 4).

1032 Смотри: они не бѣгутъ, а собраны вмѣстѣ. Почему плачутъ? Во время милостей особенно чувствуютъ грѣхи, потому что оскорбили столь кроткаго и человѣколюбиваго Бога, не хотящаго погубить ихъ въ конецъ, возводящаго къ жизни чрезъ мщеніе врагамъ.

Завѣтомъ вѣчнымъ (ст. 5).

Смотри, какъ умѣряетъ ихъ помыслы. Чтобы возвращеніе не приписали своимъ добродѣтелямъ, говоритъ, что это произошло по древнему завѣту.

Овцы погибшыя быша людіе мои (ст. 6).

Чтобы кто-либо не сказалъ: для чего погубилъ и спасаешь? По своему нерадѣнію погибли они и предстоятели. Не этихъ (только) слѣдовало наказывать, но и тѣхъ за то, что слушались.

Забыша ложа своего (ст. 7).

Обвиненіе ихъ состоитъ въ томъ, что забыли отечество.

Вси обрѣтающіи ихъ.

Смотри, какъ Онъ, человѣколюбивый, издревле по обычаю благодѣтельствуетъ имъ, а они—беззаконники.

То есть, не имѣйте пристрастія къ Вавилону [1]), поелику тамъ оставались. Или, если не это, то какъ драконы, то есть страшные и ненавистные.

„На благо" (Ἐπ' ἀγαθὰ) [2]), *послѣдняя* (ст. 12).

Отъ этого мѣста говоритъ о послѣдней (участи), потому что, истребляя ихъ, побѣдилъ всѣхъ, или потому что согрѣшилъ предъ Богомъ; это видно особенно изъ пророчества, а потомъ изъ іудейскаго возвращенія, потому что расположивши тѣхъ, которые взяли городъ, отпустить ихъ съ такою честью, Онъ далъ и побѣду; всюду говоритъ, что Богъ ее даетъ.

Отъ лица меча Еллинска (ст. 16).

Если бы не заблуждался, то не былъ бы взятъ: природную слабость укрѣпляла сила пастыря. Овцой былъ, но подъ (водительствомъ) пастыря Бога; если бы остался послушной и покорной, не потерпѣлъ бы того, что потерпѣлъ; вѣдь не по слабости подвергся тому, что постигло, а потому что лишился пастырскаго попеченія.

Львове изнуриша е (ст. 17).

Смотри, какъ всюду указываетъ на усиленіе наказанія.

Сего ради тако глаголетъ (ст. 18).

Развѣ не имѣлъ надлежащаго доказательства? Не слышалъ,

---

[1]) Это объясненіе относится, повидимому, къ 8-му ст.

[2]) Въ другихъ греч. сп., съ которыми согласуется здѣсь Слав. В., вмѣсто этого читается: ἐνετράπη ἡ τεκοῦσα ὑμᾶς = *посрамися родившая васъ.*

что онъ говорилъ? *Объиму вселенную, яко гнѣздо и яко оставленная яица возму* (Ис. x, 14). Это произошло и получило конецъ. Видѣлъ, что Я того передалъ; тѣмъ болѣе будь увѣренъ относительно себя самого.

Поищутъ (ст. 20).

Не сказалъ: поелику исправился, а: поелику Я оставилъ гнѣвъ. Не сказалъ, что будетъ (гнѣвъ), но не будетъ наказанъ, а—что онъ не явится. Такъ—грѣхи предали его, (а) не слабость.

Како сокрушися (ст. 23). 1033

Видишь, какъ изобразилъ его силу, какъ — тяжкій ударъ? Затѣмъ всюду говоритъ, что противился Господу, согрѣшилъ (предъ Нимъ); указываетъ и видъ грѣха: какъ сдѣлалъ, сдѣлано будетъ и ему.

Воздайте ему (ст. 29).

И (за) долготерпѣніе, потому что пришло время его, такъ что (онъ) имѣлъ время и ничего не вышло.

Тако глаголетъ Господь (ст. 33).

Не хотѣли отпустить ихъ; или то говоритъ, что недобровольно отпустили тѣхъ, которыми владѣли, а противились Богу, какъ египетскій фараонъ.

Якоже преврати (ст. 40).

Что значитъ *не пребудетъ?* Какъ это гипербола, такъ и то, когда говоритъ: какъ Я клялся о водѣ при Ноѣ, (сказано) гиперболически. Затѣмъ постоянно употребляетъ тѣ же слова; для чего? Такъ какъ то, что говорилось о взятіи Вавилона, было невѣроятно и необычайно, то употребляетъ болѣе краткій способъ (изложенія), усиленно изображая его взятіе.

Се людіе идутъ отъ сѣвера и языкъ великъ, и царіе мнози востанутъ отъ конецъ земли, луки и „ручное оружіе“ (ἐγχειρίδιον) *имуще* (ст. 41).

То есть, щитъ, это именно значитъ „ручное оружіе“ оттого, что въ рукѣ носится.

Се яко левъ изыдетъ отъ рыканія Іорданова на мѣсто Еѳана (ст. 44).

Льву уподобилъ мидійскаго (царя). *Отъ рыканія Іорданова на мѣсто Еѳана* (сказано), такъ какъ тамъ обыкновенно живутъ львы. Эѳанъ—(городъ) сосѣдній съ Іорданомъ.

ГЛАВА LI.

Чаша златая Вавилонъ (ст. 7).

Если золотая чаша въ рукѣ Господа, то почему наказывается? Потому что болѣе (чѣмъ слѣдовало) наказывалъ и мстилъ; и силенъ былъ чрезъ Меня.

И дамъ тя въ гору сожженую (ст. 25).

То есть, въ золу, говоря черезъ это: тебя, бывшаго сильнымъ, обращу въ ничто. Заимствовалъ эту метафору отъ камней, сожигаемыхъ для извести.

Возвѣстите нань царствамъ Араратскимъ отъ мене (ст. 27).

Говорятъ, что это Кардауины, и *Аханазеи* (подъ которыми) разумѣетъ жителей Понта.

Гоняй въ срѣтеніе текуща постигнетъ (ст. 31).

То есть, бѣгущій встрѣтитъ непріятеля и онъ погонится, чтобы взять его.

И будетъ Вавилонъ въ запустѣніе, жилище зміемъ и холмы (εἰς θῆνας)[1]) (ст. 37).

По греческому переводу значитъ, что обратится въ тернистую пустыню (εἰς ἐρημίαν ἀκανθώδη), такъ какъ (поставленное въ немъ) слово (θῆνας = ѳинасъ) значитъ: кустарники (θάμνους). А (соотвѣтствующее) еврейское слово значитъ: пустоты (κοιλότητας), такъ какъ ѳоонъ (θωόν) есть пустота, что въ греческомъ передано чрезъ θῆνας = ѳинасъ.

1036 *Вкупѣ аки львы востанутъ* (ἐρεύξονται) *скимни* (οἱ νεανίσκοι) *ихъ* (ст. 38).

Нѣкоторые относятъ это къ поражаемымъ вавилонянамъ, ревущимъ отъ удара такъ внятно, какъ рыкающій левъ. А лучше относить это къ мидянамъ, такъ какъ они страшны (и) божественное Писаніе обыкновенно пользуется примѣромъ льва.

Како взяся Сисохъ (Σισόχ) (ст. 41).

Говорятъ, что Сисохъ — имя царя и означаетъ эѳіоплянъ; объясняется же отъ Хуса, отъ котораго происходили эѳіопляне. Говорятъ, что пророкъ упоминаетъ о нихъ, какъ помогавшихъ вавилонскому царю въ войнѣ съ мидянами и побѣжденныхъ.

И посѣщу на Вила въ Вавилонѣ, и извергу то, еже поглоти, отъ устъ его и не соберутся вящше къ нему языцы (ст. 44).

По порядку (рѣчи) это нужно относить къ вавилонянамъ, потому что вмѣстѣ съ идолами уничтожу и силу ихъ; а буквально

[1]) Соотвѣтствующій этому Славянскій переводъ: *въ чудо и позвизданіе* служитъ передачей латинскаго перевода: stupor et sibilus.

(сказано), какъ объ идолахъ. А нѣкоторые такъ понимали слова: *извергу еже поглоти*, что уничтожу прорицаніе Вила, такъ что всѣми будетъ презираемъ.

Притча на притчу (παραβολὴ ἐπὶ παραβολὴν) [1]) (ст. 46).

То есть, исторія за исторіей, въ томъ смыслѣ, что у Вавилона будутъ постоянныя несчастія.

Слово, еже заповѣда Господь Іеремію пророку рещи Сарею сыну Нирiину: егда иде отъ Седекіи царя Іудина въ Вавилонъ, въ четвертое лѣто царства его. Сарей же бѣ началникъ даровъ (ст. 59).

То есть, Сарей былъ первый изъ носящихъ дары, а говоритъ о дарахъ, посланныхъ Седекіей Навуходоносу, при чемъ велитъ ему взять книгу и положить на нее камень и бросить на средину Евфрата, въ знакъ гибели Вавилона. Чтобы не думали, что по любви говоритъ все о варварѣ, произнесъ пророчество о Вавилонѣ, когда еще процвѣталъ Навуходоносоръ, чрезъ все (это) удостовѣряя Израиля, что не изъ лести предъ врагами произноситъ пророчество о городѣ, а для вразумленія находящихся (въ немъ). Этотъ конецъ книги пророка означилъ соединившій слова его, а то, что слѣдуетъ затѣмъ, перенесено изъ книгъ Царствъ и не имѣетъ связи съ пророчествомъ Іереміи.

ГЛАВА LII.

И отъидоша путемъ въ Араву (εἰς Ἄραβα) [2]).

То есть, въ равнину, такъ какъ это значитъ Арава.

И глагола ему (ст. 9).

Смотри на варвара—человѣка, имѣющаго чистую совѣсть, когда пришелъ съ откровеннымъ сознаніемъ (нарушенія) клятвы, а владѣющіе правомъ суда не избѣгаютъ того, чтобы вести рѣчь съ низшими. Такъ всюду у людей есть большая забота о хорошемъ. Хотѣлъ показать, что не поступаетъ несправедливо. На- 1037
конецъ, отводитъ его, чтобы онъ служилъ примѣромъ тѣмъ, которые будутъ послѣ этого.

И вѣнецъ „и конобы" (καὶ τοὺς λέβητας) [3]) (ст. 18).

Вѣнцемъ называетъ рѣшетчатую (καγκελωτόν) форму, окружающую колонны.

---

[1]) Вмѣсто этого въ другихъ греч. сп., которымъ слѣдуетъ здѣсь Слав. Б., читается: ἐξουσιαστὴς ἐπ' ἐξουσιαστὴν — *властелинъ на властелина*.

[2]) Въ Слав. Б.: *въ пустыню*.

[3]) Въ древн. греч. сп., какъ и въ Слав. Б., λέβητας отсутствуетъ, но названо 3 Цар. VII, 40. 45 и др. м.

И θиміамники и „сосуды“ (σπονδεῖα) (ст. 19).

Сосудами называетъ золотыя чаши, которыми возливали вино и ладанъ клали въ огонь; афофъ [1]) называетъ сосуды, служащіе для мытья чашъ (ποτηροπλύται); масмарофъ — сосуды для кропленія кровью, и *чашицами* (χοάθους) называетъ малые сосуды (ξέστια), которыми брали вино изъ большихъ сосудовъ.

И столпа два и море, яже сотвори царь Соломонъ въ храмѣ Господень (ст. 20).

Очевидно, представляетъ это, какъ цѣнимое со стороны потомковъ Соломона, такъ что и умывальница, которую Писаніе называетъ моремъ, стояла на каменной подставѣ.

Дополненіе къ бесѣдамъ на посланіе къ Римлянамъ. Святаго Іоанна Златоуста изъ толкованія на посланіе къ Римлянамъ [2]).

„Могущему васъ утвердить по Евангелію моему и проповѣданію Іисуса Христа, по откровенію тайны, умолчанной въ вѣчныя времена, а открытой нынѣ чрезъ пророческія писанія, по повелѣнію вѣчнаго Бога, въ послушаніе вѣры во всѣхъ народахъ“ [3]).

Говоря о проповѣданіи Іисуса Христа, то есть, о томъ, что Онъ проповѣдывалъ, тѣмъ самымъ указываетъ на предметъ, достойный вѣры. Его проповѣдь, говоритъ, не наше евангельское ученіе (οὐχ ἡμέτερα τὰ δόγματα εὐαγγελικά). И никому, говоритъ, прежде насъ не извѣстна была эта тайна. Древле было предопредѣлено, но открылось нынѣ чрезъ писанія пророковъ. Поэтому не бойся отступать отъ закона; этого хочетъ законъ; это прежде предуказалъ. Не разыскивай, почему нынѣ открылось, такъ какъ это совершилось по повелѣнію Божію. Нужно не развѣдывать эту тайну, а слушаться. Вѣра требуетъ послушанія, а не любопытство, особенно когда повелѣваетъ Богъ.

---

1) Ἀφώθ, въ другихъ греч. сп.—σαφφώθ, переведено въ Слав. В. словомъ: *θиміамники*.

2) Изъ „Апологетика“ св. Никифора за святыя иконы.

3) Эти слова печатаются и въ настоящее время въ нѣкоторыхъ западныхъ изданіяхъ греческаго новозавѣтнаго текста, какъ продолженіе посланія къ Римлянамъ, слѣдующее за XVI, 24; но принадлежность ихъ апостолу весьма сомнительна; равнымъ образомъ, толкованіе Златоуста на эти слова не находится въ изданіяхъ подлинныхъ бесѣдъ святителя.

Отрывки толкованій на Соборныя Посланія: на посланіе св. Іакова.

ГЛАВА I.

Всяку радость имѣйте, братіе моя, егда во искушеніе впадаете различна (ст. 2).

Скорбь—несокрушимыя узы, умноженіе любви, возбужденіе сердечнаго сокрушенія и богобоязненности. Послушай говорящаго: *аще приступаеши работати Господеви, уготови душу твою во искушеніе* (Сир. II, 1). И Христосъ сказалъ: *въ мірѣ скорбни будете, но дерзайте* (Іоан. XVI, 33); и опять: *узкая врата и тѣсный путь* (Мѳ. VII, 14). Видишь, скорбь вездѣ восхваляется, вездѣ понимается, какъ необходимая для насъ. Если во внѣшнихъ состязаніяхъ безъ нея никто не получаетъ вѣнца, прежде чѣмъ не укрѣпитъ себя трудами, осторожностью въ пищѣ, соблюденіемъ закона, бодрствованіемъ и тому подобнымъ, то тѣмъ болѣе здѣсь.

Блаженъ мужъ, иже претерпитъ искушеніе: зане искусенъ бывъ пріиметъ вѣнецъ жизни, егоже обѣща Богъ любящимъ его (ст. 12).

(Разумѣется) достаточно успѣвшій въ томъ, чтобы переносить съ радостью искушенія, дабы дѣло было испытаннымъ и терпѣніе совершеннымъ; совершается это само по себѣ, а не дѣлается черезъ другое. Посредствомъ другого увѣщанія старается расположить къ исполненію предлежащаго дѣла, говоря, что перенесшій искушеніе блаженъ по обѣтованію. Такъ мужественно состязавшійся будетъ опытнымъ мужемъ, во всемъ искушеннымъ. А явившемуся свѣтлымъ изъ мрака данъ будетъ вѣнецъ жизни, приготовленный Богомъ для любящихъ Его. Такъ тотъ, кто переноситъ искушеніе, презирая труды и самую смерть, получитъ вѣнецъ вѣчной жизни. Ты спрашиваешь, изъ чего приготовилъ Богъ вѣнцы жизни любящимъ Его? То, что приготовилъ Богъ любящимъ Его, по величію божества не подлежитъ взору и слуху и не можетъ придти даже на мысль человѣка.

Таже похоть заченши раждаетъ грѣхъ, грѣхъ же содѣянъ раждаетъ смерть (ст. 15).

При совершеніи грѣха, опьяненные удовольствіемъ, мы не чувствуемъ этого. А когда произойдетъ и кончится, особенно 1041
когда погаснетъ удовольствіе, горькое чувство овладѣваетъ сердцемъ. Иначе бываетъ у рождающихъ женщинъ. У нихъ прежде родовъ большое напряженіе и острыя боли служатъ причиною страданій, а послѣ родовъ—успокоеніе, такъ какъ новорожденное дитя вытѣсняетъ боль. А здѣсь не такъ: пока мы думаемъ и за-

няты порочными мыслями, веселы и радуемся; а когда родимъ злое дитя, грѣхъ, тогда, видя позоръ рожденнаго, мучимся, тогда терзаемся болѣе тяжко, чѣмъ рождающія жены. Поэтому убѣждаю не принимать, особенно вначалѣ, испорченнаго пожеланія; а если и приняли, нужно уничтожить сѣмя внутри. А если будемъ нерадивы до этого, то совершенный грѣхъ нужно загладить посредствомъ исповѣди, слезъ и самообличенія; ничто не бываетъ столь гибельно для грѣха, какъ сознаніе и осужденіе.

Вѣра чиста и нескверна предъ Богомъ и Отцемъ сія есть, еже посѣщати сирыхъ и вдовицъ въ скорбѣхъ ихъ, и нескверна себе блюсти отъ міра (ст. 27).

То есть: чѣмъ мы можемъ уподобляться Богу, это—милосердіемъ и состраданіемъ. Если этого не имѣемъ, то лишены всего. Не сказалъ: если поститесь, бываете подобны Отцу вашему; нѣтъ ничего такого у Бога, не дѣлаетъ этого Богъ,—а что? *Будите милосерди, якоже Отецъ вашъ*, „иже на небесѣхъ" (ὁ ἐν τοῖς οὐρανοῖς). Если этого не имѣешь, то что имѣешь? *Милости хощу, а не жертвы* (Мѳ. IX, 13).

ГЛАВА II.

Братіе моя, не на лица зряще имѣйте вѣру Господа нашего Іисуса Христа славы (ст. 1).

Почему, говоритъ, ты много думаешь? Или почему другой презираетъ тебя? Развѣ всѣ мы, большіе и малые, не одно тѣло? Когда по существу мы одно и—члены друга, то что ты безумно гордишься, что стыдишься брата? Какъ онъ твой членъ, такъ и ты—его, и поэтому большая равночестность.

И не разсмотристе въ себѣ и бысте судіи помышленій злыхъ (ст. 4).

Одно и то же должны думать другъ о другѣ. Пришелъ бѣдный, будь къ нему внимателенъ; не придавай большого значенія въ виду богатства; во Христѣ нѣтъ бѣднаго и богатаго. Поэтому не стыдись вслѣдствіе внѣшней обстановки, а прими по внутренней вѣрѣ.

Слышите, братіе моя возлюбленная, не Богъ ли избра нищыя
1044 *міра сего, богаты въ вѣрѣ и наслѣдники царствія, еже обѣща любящымъ его. Вы же укористе нищаго* (ст. 5—6).

А мы, какъ будто потерпѣвшіе большую обиду, такъ пренебрежительно относимся къ просящимъ, отворачиваемся отъ нихъ; не даешь чего-либо и причиняешь скорбь. *Наказуйте*, ска-

залъ Павелъ (2 Өессал. III, 15), *какъ братьевъ* (ἀδελφούς) „и не поносите, какъ враговъ“ (οὐχ ὑβρίζετε ὡς ἐχθρούς) [1]). Вразумляющій своего брата дѣлаетъ это не открыто, не показываетъ надменности, а наединѣ, съ большимъ вниманіемъ, скорбя и со слезами на глазахъ. Итакъ, мы даемъ отъ братской души, научаемъ по братскому расположенію, не какъ скорбящіе о дарѣ, а сѣтующіе о томъ, что онъ преступилъ заповѣдь, вопреки пользѣ. Если давая оскорбляешь, портишь удовольствіе дара. А если не даешь и поносишь, то какое зло дѣлаешь тому бѣдному, несчастному! Пришелъ къ тебѣ, имѣя получить милость; получивъ смертельный ударъ, ушелъ и больше заплакалъ. Если вынуждается кто бѣдностью нищенствовать, а за нищенство подвергается оскорбленіямъ, то смотри, какое наказаніе оскорбителю. Онъ прогнѣвляетъ сотворившаго его. Если Онъ оставилъ его въ бѣдности ради тебя, чтобы ты помогъ ему, а ты оскорбляешь бѣднаго (существующаго) для твоей пользы, то какое это неразуміе, какая въ этомъ неблагодарность!

Не богатіи ли насилуютъ вамъ, и тіи влекутъ вы на судища? Не тіи ли хулятъ доброе имя, *нареченное на васъ* (ст. 6—7)?

Мужественно переносите любостяжаніе. Они (любостяжатели) губятъ себя, не васъ. Васъ лишаютъ имущества, а себя—благоволенія Божія и помощи; а лишенный ея, хотя бы владѣлъ всѣмъ богатствомъ вселенной, бѣднѣе всѣхъ.

Тако глаголите и тако творите, яко закономъ свободнымъ имущіи судъ пріяти (ст. 12).

Лучше устрашить васъ словами, чтобы не скорбѣли на дѣлѣ.

Хвалится милость на судѣ (ст. 13).

Милосердіе—прекрасное дѣло и защита (προστάτις) занимающихся имъ,—пріятно Богу и всегда близъ Него; когда хочетъ, легко испрашиваетъ милости, только не совершалось бы нами несправедливо; а совершается несправедливо, когда дѣлаемъ это изъ похищеннаго, какъ будто это чисто; оно даетъ большое дерзновеніе оказывающимъ (ἀναπέμπουσιν) его; оно нужно и для оскорбленныхъ—такова его сила—и для согрѣшившихъ. Оно разрываетъ узы, разсѣиваетъ тьму, погашаетъ огонь, умерщвляетъ червя, удаляетъ скрежетъ зубовъ. Для него—съ большою увѣренностью— 1045
открываются небесныя врата. (И черезъ нѣсколько словъ). (Оно) царица, дѣлающая людей подобными Богу. *Будите*, говоритъ, *милосерди, якоже и Отецъ вашъ*, который на небесахъ (Лук. VI, 36). Оно крылато и легко, имѣетъ золотыя крылья; полетъ его усла-

[1]) Вмѣсто: μὴ ὡς ἐχθρὸν ἡγεῖσθε, какъ читается обыкновенно въ спискахъ и переведено по-славянски: *не аки врага имѣйте*.

ждаетъ ангеловъ. *Крилѣ голубинѣ посребренѣ и междорамія ея въ блещаніи злата* (Пс. LXVII, 14). Какъ нѣкоторый голубь, золотой—живой (χρυσῆ καὶ ζῶσα), летитъ, имѣя пріятный видъ, кроткіе глаза; ничего нѣтъ лучше этихъ глазъ. Хорошъ павлинъ, но сравнительно съ нимъ ворона. Смотритъ всегда вверхъ; окруженъ великой славой Божіей. Дѣвица имѣетъ золотыя крылья; наряжена; имѣетъ пріятное, кроткое лице; она подвижна и легка, стоитъ у царскаго престола. Когда подвергаемся суду, внезапно выступаетъ и является и избавляетъ насъ отъ наказанія, покрывая крыльями; ея болѣе хочетъ Богъ, чѣмъ жертвъ.

Такожде и вѣра, аще дѣлъ не иматъ, мертва есть о себѣ. Но речетъ кто: ты вѣру имаши, азъ же дѣла имамъ: покажи ми вѣру твою отъ дѣлъ твоихъ, и азъ покажу тебѣ отъ дѣлъ моихъ вѣру мою. Ты вѣруеши, яко Богъ единъ есть: добрѣ твориши: и бѣси вѣруютъ и трепещутъ (ст. 17—19).

Если вѣруетъ кто правильно въ Отца и Сына и Святаго Духа, но не ведетъ правильной жизни, то ему нѣтъ пользы отъ вѣры во спасеніе. Поэтому если сказано: *се есть животъ вѣчный, да знаютъ тебе единаго истиннаго Бога* (Іоан. XVII, 3), то мы не должны думать, что для спасенія достаточно намъ сказаннаго, а нужна чистота жизни и общественныхъ отношеній.

Большое и спасительное дѣло вѣра; безъ нея невозможно спастись; но дѣлать это одно недостаточно, а нужна правильная жизнь. Поэтому Павелъ удостоившихся уже таинствъ увѣщеваетъ, говоря: „постараемся“ (σπουδάσωμεν) [1]) *войти* въ *покой* (Евр. IV, 3) тотъ,—постараемся, говоритъ, такъ какъ вѣры недостаточно, а необходимо присоединить жизнь и показать большое стараніе. Совершенно необходимо большое усердіе, чтобы войти на небо. Если не удостоились земли столько перенесшіе въ пустынѣ, не могли получить земли, потому что роптали и потому что прелюбодѣйствовали, то какъ мы удостоимся неба, живя равнодушно и нерадиво? Поэтому намъ необходимо большое усердіе. И опять: *вѣра безъ дѣлъ мертва есть* (ст. 26).

И справедливо: какъ прекрасное и цвѣтущее тѣло, если не имѣетъ силы, подобно бываетъ живописнымъ изображеніямъ, такъ и правильная вѣра безъ дѣлъ.

---

[1]) Σπουδάσωμεν въ сп. новозав. текста отсутствуетъ.

ГЛАВА III.

Не мнози учители бывайте, братіе моя, вѣдяще, яко большее осужденіе пріимемъ (ст. 1). 1048

Такъ какъ ученіе безъ примѣненія къ дѣлу не только не полезно, но и приноситъ большой вредъ и осужденіе проводящему свою жизнь безъ вниманія, то, уничтожая ревность не желающихъ трудиться, запрещаетъ учить тѣмъ, которые учатъ, не выполняя своего ученія на дѣлѣ, и изрекаетъ большое осужденіе. Если этого нѣтъ, (такой) подлежитъ наказанію, равно какъ и совершенъ (тотъ, который) не погрѣшаетъ въ дѣлѣ и словѣ наученія; онъ можетъ обуздать и все тѣло. Если учитъ этому и опредѣляетъ вѣру правильными словами вмѣстѣ съ свѣтлыми дѣлами, соотвѣтствующими вѣрѣ, то такой обуздываетъ, очевидно, свое тѣло, не позволяя ему соблюдать любви къ міру.

Такожде и языкъ малъ удъ есть и велми хвалится. Се малъ огнь, и коль велики вещи сожигаетъ. И языкъ огнь, лѣпота неправды (ст. 5—6).

Итакъ блюди языкъ больше дѣвицы. Языкъ—царскій конь. Если вложишь въ него удила и выучишь ходить ровно, то довѣрится ему и сядетъ царь. А если оставишь необузданнымъ (и позволишь) нестись и скакать, то будетъ колесницей діавола и демоновъ.

Языка же никтоже можетъ отъ человѣкъ укротити, неудержимо бо зло, исполнь яда смертоносна (ст. 8).

Языкъ острый мечъ; но не другимъ причиняемъ раны, а отсѣкаемъ наши нагноенія.

Кто премудръ и худогъ въ васъ, да покажетъ отъ добраго житія дѣла своя въ кротости и премудрости (ἐν πραΰτητι σοφίας) (ст. 13).

Очистимъ нечистоту отъ душевныхъ ушей. Какъ грязь и пыль—въ отношеніи тѣлесныхъ ушей, такъ житейскіе, нескромные разговоры, расчеты прибылей и роста больше всякой грязи затрудняютъ слухъ разумѣнія, и не только затрудняютъ, но и дѣлаютъ нечистымъ.

ГЛАВА IV.

Приближитеся Богу и приближится вамъ: очистите руцѣ грѣшницы, исправите сердца ваша, двоедушніи. Постраждите и слезите [1]: *смѣхъ вашъ въ плачь да обратится, и радость въ сѣтованіе* (ст. 8—9).

[1]) Καὶ κλαύσατε = *и плачитеся* отсутствуетъ.

По совершеніи грѣха обращающійся къ покаянію заслуживаетъ не скорби, а блаженствъ въ сонмѣ праведныхъ. Говори ты первый грѣхи твои, чтобы оправдаться. А если, сдѣлавъ грѣхъ,
1049 не стыдится, то достоинъ сожалѣнія (и) не столько потому, что палъ, сколько потому, что павши лежитъ. А если худо отсутствіе покаянія въ грѣхѣ, то какого наказанія заслуживаетъ превозношеніе грѣхами? Если превозносящійся добрыми дѣлами не чистъ, то дѣлающій это съ грѣхами какое можетъ получить прощеніе?

ГЛАВА V.

Пріидите нынѣ богатіи, плачитеся и рыдайте о лютыхъ скорбехъ вашихъ, грядущихъ на вы. Богатство ваше изгни и ризы вашя моліе поядоша. Злато ваше и сребро изоржавѣ (ст. 1—3).

Обратимся къ тѣсному пути. Доколѣ утѣха? Доколѣ покой? Не насытились ли беззаботностью, смѣхомъ, пѣніемъ? Не будетъ опять тѣхъ же яствъ, насыщенія, роскоши, богатства, покупокъ и построекъ. И какая польза? Смерть. И какой конецъ? Зола и пепелъ, гробъ и черви.

Возвеселистеся на земли и насладистеся: упитасте сердца ваша аки въ день заколенія (ст. 5).

Что же? Воспрещена роскошь? И очень. Какъ же создана для пользованія? Такъ, какъ и хлѣбъ созданъ, а неумѣренность запрещена; и вино создано, а невоздержность не дозволена. Повелѣваетъ избѣгать роскоши, не какъ чего-то нечистаго, а какъ разслабляющей, вслѣдствіе неумѣренности, душу. Всякое твореніе Божіе хорошо и ничто не отвергается, будучи принимаемо съ благодарностью.

Долготерпите и вы, утвердите сердца ваша, яко пришествіе Господне приближися (ст. 8).

(Говоритъ) о долготерпѣніи въ отношеніи другъ къ другу, о терпѣливости въ отношеніи къ внѣшнимъ. Долготерпитъ кто-либо тѣмъ, отъ кого возможно защититься; а терпитъ тѣхъ, отъ кого нельзя защититься. Поэтому въ примѣненіи къ Богу никогда не употребляется терпѣніе, а долготерпѣніе—многократно. Если и кажутся здѣсь оставленными, но тамъ будутъ наслаждаться большою славою. А если увидятъ тѣ, которые превозносятся, наказываемыхъ ими, презираемыхъ, осмѣиваемыхъ стоящими близъ Бога, то восплачутъ и возрыдаютъ, когда приведетъ въ такую славу жалкихъ, несчастныхъ, терпѣвшихъ безчисленныя бѣдствія и вѣровавшихъ.

Прежде же всѣхъ, братіе моя, не кленитеся ни небомъ, ни землею, ни иною коею клятвою (ст. 12).

Какъ не (клясться), если кто-либо требуетъ клятвы и указываетъ необходимость ея? Страхъ Божій пусть будетъ сильнѣе этой необходимости. Если будешь ссылаться на такія основанія, то не исполнишь повелѣннаго. И относительно человѣческихъ законовъ никогда не осмѣлишься ссылаться на это, и не скажешь, а волей-неволей согласишься съ написаннымъ. Или иначе— 1052
никогда не подчинишься необходимости. Кто прежде слышалъ о блаженствахъ и расположилъ себя такъ, какъ повелѣлъ Христосъ, никогда, ни въ какомъ случаѣ, не подчинится такой необходимости, будучи во всемъ совѣстливымъ и честнымъ. Что лишняго въ словахъ: *ей, ей* и *ни, ни?* Клятва не для клятвопреступленія; этого клятвопреступленія никто не долженъ знать, потому что оно отъ лукаваго, есть лишнее и даже противоположное; излишнее и большее есть клятва.

Илія человѣкъ бѣ подобострастенъ намъ и молитвою помолися, да не будетъ дождь: и не одожди по земли лѣта три и мѣсяцъ шесть. И паки помолися, и небо дождь даде, и земля прозябе плодъ свой (ст. 17—18)

Чтобы хотя такъ, томимые голодомъ, поспѣшили къ Владыкѣ, чтобы голодъ сдѣлался для нихъ побужденіемъ къ спасенію; ничто, говоритъ, не можетъ научить, какъ голодъ, тому, чтобы мы, хотя такъ научаемые, прибѣгли къ Творцу. (И черезъ нѣсколько словъ). Вышло слово пророка и тотчасъ воздухъ измѣнился; небо сдѣлалось мѣднымъ, не измѣняя природы, но удерживая энергію. Тотчасъ стихіи приняли другой видъ. Слово пророка упало, какъ сильный огонь, на пространства земли и все тотчасъ высохло, все опустѣло и исчезло.

Братіе, аще кто въ васъ заблудитъ отъ пути истины и обратитъ кто его, да вѣсть, яко обративый грѣшника отъ заблужденія пути его спасетъ душу отъ смерти и покрыетъ множество грѣховъ (ст. 19).

И какъ нужно обращать? Какъ у земледѣльцевъ сѣмена сѣются разомъ, но не остаются навсегда, а нуждаются въ большомъ уходѣ. Если не покроютъ брошенныхъ сѣмянъ, поднявъ землю, то сѣяли для куръ и всѣхъ птицъ, собирающихъ сѣмена. Такъ и мы, если не укроемъ посѣяннаго постояннымъ вниманіемъ,—и діаволъ расхититъ, и наше нерадѣніе погубитъ, и солнце засушитъ, и дождь потопитъ, и терніе заглушитъ. Такимъ образомъ разъ посѣявшему нельзя удалиться, а нужно долго оставаться на мѣстѣ, чтобы отгонять птицъ небесныхъ, вырывать терніе, въ каменистыхъ мѣстахъ подкладывать землю,

предотвращая, устраняя и уничтожая все вредное. Но на этой землѣ все зависитъ отъ земледѣльца, такъ какъ эта земля бездушна, будучи готова только страдать. А на духовной землѣ не такъ. Не отъ учителей все зависитъ, а если не больше, то на половину отъ учениковъ. Наше дѣло—бросать сѣмена, а ваше—исполнять (наши) слова.

1053

На первое посланіе св. Петра.

ГЛАВА I.

Мало нынѣ, аще лѣпо есть, прискорбни бывше въ различныхъ напастехъ: да искушеніе вашея вѣры многочестнѣйше злата гибнуща, огнемъ же искушена, обрящется въ похвалу, и честь и славу, во откровеніи Іисусъ Христовѣ, Егоже не видѣвше любите (ст. 6—8).

Праведники подвергаются бѣдамъ, чтобы быть увѣнчанными,—грѣшники, чтобы понести наказаніе. Но не всѣ грѣшники здѣсь наказываются, чтобы не отвергали многіе воскресенія; и не всѣ праведники страдаютъ, чтобы ты не считалъ зла заслуживающимъ похвалы и не возненавидѣлъ добродѣтели.

Вѣдяще, яко не истлѣннымъ сребромъ, или златомъ, избавистеся отъ суетнаго вашего житія, отцы преданнаго, но честною кровію яко агнца непорочна и пречиста Христа, предувѣдѣнаго убо прежде сложенія міра, явльшагося же въ послѣдняя лѣта васъ ради, иже его ради вѣруете въ Бога (ст. 18—21).

Мы—твореніе Божіе, но черезъ грѣхъ сдѣлались (слугами) діавола; затѣмъ насъ (предавшихся) діаволу, Спаситель искупаетъ Своею кровію, то есть, *куплени есте цѣною* (1 Кор. VII, 23),—мы искуплены честною кровію. Какъ почтенный и добрый домовладыка, не считая негоднаго раба, сдѣлавшаго много проступковъ, достойнымъ своего хорошаго дома и совмѣстной жизни, передаетъ другому, чтобы научилъ его, а потомъ, когда увидитъ наказаннымъ со стороны суроваго господина, и говорящимъ: пойду къ первому моему господину, потому что мнѣ было тогда лучше, чѣмъ теперь, возстановляетъ его въ чести и выкупаетъ его, чтобы сдѣлался особымъ (περιούσιος) народомъ (λαός),—такъ и Богъ возстановляетъ насъ. Какъ же бываемъ Его собственностью и не собственностью? Какъ творенія—(Его) собственность; а какъ сдѣлавшіеся чуждыми вслѣдствіе грѣха—не собственность. Не думай, что ты составляешь собственность Божію, если дѣлаешься грѣшникомъ; (тогда) діаволъ тебя пріобрѣтаетъ; ты его стяжаніе.

Человѣкъ грѣха, сынъ погибели, онъ покупаетъ тебя не честною кровію, а безчестною, покупаетъ грѣхомъ, покупаетъ прелюбодѣйствомъ, такъ какъ—не чистъ; покупаетъ убійствомъ, такъ какъ онъ—убійца: *человѣкоубійца искони и во истинѣ не стоитъ* (Іоан. VIII, 44). Это его обычай.

ГЛАВА II.

А противящимся, камень, егоже не брегоша зиждущіи, сей быстъ во главу угла, и камень претыканія и камень соблазна (ст. 7—8). 1058

Эти слова относятся ко Христу, такъ какъ въ Евангеліи Онъ приводитъ это пророчество, говоря: *нѣсте ли чли николиже: камень, егоже не брегоша зиждущіи, сей бысть во главу угла* (Мѳ. XXI, 42). И черезъ нѣсколько словъ: *камень егоже не брегоша зиждущіи;* (подъ послѣдними) разумѣетъ іудеевъ, книжниковъ, фарисеевъ, которые отвергали Его, говоря, *яко самарянинъ еси ты и бѣса имаши* (Іоан. VIII, 48), и еще: *нѣсть сей отъ Бога человѣкъ, но льститъ народы* (Іоан. IX, 16; VII, 12).

ГЛАВА III.

И устнѣ свои еже не глаголати лести (ст. 10).

Лесть—ложь, обманъ, клевета, обвиненія, не заключающія истины, но пріятныя врагу истины, то есть, сатанѣ, отцу лжи. Онъ лжецъ, говоритъ Спаситель, *и во истинѣ не стоитъ* (Іоан. VIII, 44). Святымъ нужно отвергнуть его стяжаніе, а болѣе (держаться) того, что свойственно Богу, Который есть истина.

Да уклонится отъ зла и да сотворитъ благо (ст. 11).

Не въ нашей волѣ совершенно не допускать на умъ что-либо такое; такія мысли часто какъ-то приходятъ ему, но если кто мудръ, устраняется отъ нихъ, а склоняется къ лучшимъ и заключающимъ много полезнаго; это, я думаю, значитъ: *уклонися отъ зла.*

ГЛАВА IV.

Страннолюбцы другъ ко другу, безъ роптаній (ст. 9).

Если принимаешь какъ Христа, не будешь ни роптать, ни стыдиться, а скорѣе превозносись этимъ; а если принимаешь не

какъ Христа, то не примешь. *Иже васъ пріемлетъ*, говоритъ, *мене пріемлетъ*. Если не такъ принимаешь, не имѣешь награды. Людей мимоидущихъ принималъ Авраамъ, считая ихъ странниками, не предоставилъ однако всего рабамъ, а женѣ велѣлъ замѣсить тѣсто, хотя имѣлъ 318 домочадцевъ. Но онъ желалъ получить награду вмѣстѣ съ женой не только за расходы, но и за служеніе. Такъ нужно оказывать страннолюбіе, дѣлая все сами, чтобы намъ освятиться.

ГЛАВА V.

Пасите еже въ васъ стадо Божіе, ни яко обладающе причту (ст. 2—3).

Христосъ говоритъ: „желающій между вами быть первымъ" (Ὁ θέλων ἐν ὑμῖν εἶναι πρῶτος), *да будетъ вамъ слуга* (Мѳ. xx, 26). Иже смиритъ себе (ὃς γὰρ ταπεινώσει ἑαυτὸν), *вознесется* (Мѳ. xxIII, 12). Что ты говоришь: если смирю себя, буду высокъ? Да, говоритъ; таково Мое могущество, чтобы достигать одного посредствомъ другого; Я владѣю средствами и искусствомъ; не бойся; Моей волѣ повинуется природа вещей, а не Я слѣдую природѣ.

1057 *Смиритеся убо подъ крѣпкую руку Божію, да вы вознесетъ во время* (ст. 6).

Не просто сказалъ: *вознесетъ*, а прибавилъ: *во время*, научая ихъ ожидать того истиннаго вознощенія въ будущемъ вѣкѣ.

Миръ вамъ всѣмъ о Христѣ Іисусѣ. Аминь (ст. 14).

Смотри, какъ, внушая подлежащее исполненію, отмѣчаетъ это молитвою, полагая миръ, какъ печать изложеннаго.

На второе посланіе св. Петра.

ГЛАВА I.

Благодать вамъ и миръ да умножится въ познаніи Бога и Іисуса Христа Господа нашего (ст. 2).

Ничего нѣтъ равнаго ему; поэтому мы молимся и просимъ ангела мира, и всюду просимъ мира въ церквахъ, мира въ молитвахъ, въ прошеніяхъ, въ привѣтствіяхъ. И разъ, и два, и три, и многократно даетъ его предстоятель церкви (говоря): миръ вамъ. Почему? Потому что онъ—матерь всѣхъ благъ и основаніе радости. Поэтому и Христосъ повелѣлъ апостоламъ, при входѣ въ домъ, произносить это прежде, какъ символъ благъ. *Въ оньже*

аще домъ внидете, первѣе глаголите: миръ дому сему (Лук. x, 5). Когда его нѣтъ, все напрасно. И ученикамъ Христосъ говорилъ: *миръ мой даю вамъ* (Іоан. xiv, 27). Онъ прокладываетъ дорогу любви.

И въ самое же сіе, тщаніе все привнесше, подадите въ вѣрѣ вашей добродѣтель, въ добродѣтели же разумъ, въ разумѣ воздержаніе, въ воздержаніи же терпѣніе, въ терпѣніи же благочестіе, въ благочестіи же братолюбіе, въ братолюбіи же любовь (ст. 5—7).

Вотъ тѣ свойства, которыя предуказаны! Добродѣтель, разсудительность, воздержаніе, терпѣніе, благочестіе, братолюбіе, любовь; они не только должны быть у насъ, но и быть въ избыткѣ. Если полезно (ихъ) существованіе, то тѣмъ болѣе—обиліе. Какая же отъ нихъ польза? Та, чтобы имѣть дерзновеніе въ день Господа нашего Іисуса Христа. Говорю о второмъ Его пришествіи, когда придетъ судить живыхъ и мертвыхъ. А истинно великое и чрезвычайное благо—имѣть дерзновеніе на божественномъ и страшномъ судѣ.

Емуже бо нѣсть сихъ, слѣпъ есть, мжаи (ст. 9).

Слыша это, всячески будемъ укрѣплять себя, внимая ска- 1060
занному и очищая себя отъ мірского. Намъ ничего не остается болѣе, какъ то, чтобы это дѣлать, а тѣмъ пренебречь; а если не такъ, то иначе погибнемъ. Какая разница, если погибнемъ не чрезъ богатство, а отъ нерадѣнія, если не отъ нерадѣнія, то вслѣдствіе слабодушія? Земледѣлецъ одинаково печалится, такъ или иначе потеряетъ посѣвъ.

ГЛАВА II.

И грады Содомскія и Гоморрскія сжегъ разореніемъ осуди, образъ хотящымъ нечествовати положивъ (ст. 6).

Хочешь знать причину, по которой это произошло? Это былъ тяжкій, проклятый грѣхъ. Тогдашніе люди оставались только съ мальчиками (ἐν παισὶν ἐπεμένοντο); за это понесли такое наказаніе.

Обличеніе же имѣ своего беззаконія: подъяремникъ безгласенъ, человѣческимъ гласомъ провѣщавшъ, возбрани пророка безуміе (ст. 16).

Если благодать Божія дѣйствовала на осла и на прорицателя, вслѣдствіе домостроительства (δι' οἰκονομίαν) и пользы израильтянъ, то, очевидно, и на насъ будетъ дѣйствовать и возвысить это для насъ.

На первое посланіе св. Іоанна.

ГЛАВА III.

Творяй грѣхъ, отъ діавола есть: яко исперва діаволъ согрѣшаетъ, сего ради явися Сынъ Божій, да разрушитъ дѣла діаволя (ст. 8).

Такъ какъ діаволъ прежде всѣхъ обратился къ грѣху, то всякій, дѣйствующій грѣховно, совершаетъ его дѣло. Въ грѣшникѣ онъ производитъ множество худыхъ мыслей, какъ въ Іудѣ. Но скажетъ кто-либо, что діаволъ раждается въ грѣшникахъ, когда тотъ, кто согрѣшилъ, даетъ ему мѣсто. Относительно этого нужно замѣтить, что въ выраженіи: „давать мѣсто діаволу" (Еф. IV, 27), дѣлать грѣхъ то же значитъ, что грѣшить. Даетъ ему мѣсто тотъ, кто, будучи увлеченъ желаніемъ, послѣ его принятія, самымъ дѣломъ совершаетъ грѣхъ, такъ какъ это значитъ: дѣлать его; умѣстно сказать: дѣлающій, но не: сдѣлавшій; покаявшійся уже не отъ діавола, а только (находится въ его власти) тотъ, кто продолжаетъ его дѣлать. Такимъ образомъ и рабомъ грѣха бываетъ дѣлающій (грѣхъ), а не сдѣлавшій его, такъ какъ дѣлающій грѣхъ, говоритъ, рабъ грѣха.

Иже иматъ богатство міра и видитъ брата своего требующа, и затворитъ утробу свою отъ него, како любы Божія пребываетъ въ немъ (ст. 17)?

1061 Если видишь бѣднаго, не проходи мимо, а тотчасъ подумай, какимъ бы ты былъ, если бы былъ тѣмъ (бѣднымъ), чего бы ты не хотѣлъ, чтобы всѣ тебѣ дѣлали?

Чадца, не любимъ словомъ, ниже языкомъ, но дѣломъ и истиною (ст. 18).

Недостаточно прилагать трудъ, а нужно дѣлать это съ щедростью и безпечальнымъ расположеніемъ, и не только съ безпечальнымъ, но съ свѣтлой и радостной душой.

ГЛАВА IV.

Не любяй не позна Бога, яко Богъ любы есть (ст. 8).

О какой любви говоритъ? О чистосердечной, не ограничивающейся словами, о любви по расположенію и убѣжденію, по искреннему состраданію. Есть любовь и у злыхъ: разбойники любятъ разбойниковъ, человѣкоубійцы—человѣкоубійцъ. Но это не отъ доброй совѣсти, а отъ злой.

Дополненіе къ Литургіи Св. Златоуста.

Молитва Златоуста объ одержимыхъ демонами и всякою немощію.

Господу помолимся.

Боже вѣчный, избавившій родъ человѣческій отъ плѣна діавола, освободи раба твоего, имя рекъ, отъ всякаго дѣйствія нечистыхъ духовъ, повели злымъ и нечистымъ духамъ отступить отъ души и тѣла раба твоего, имя рекъ, не находиться и не скрываться въ немъ. Во имя Твое святое, и единороднаго Твоего Сына и животворящаго Твоего Духа, да удалятся они отъ созданія рукъ Твоихъ. Да очистившись отъ всякаго демонскаго дѣйствія, поживетъ чисто, праведно и благочестиво, удостоиваясь пречистыхъ таинъ единороднаго Твоего Сына и Бога нашего, съ Которымъ благословенъ и препрославленъ вмѣстѣ съ пресвятымъ, и благимъ, и животворящимъ Твоимъ Духомъ, теперь и всегда, и во вѣки вѣковъ. Истинно.

Другая молитва его же.

Господу помолимся.

Судящій всѣхъ духовъ нечистыхъ и силою слова изгнав-
шій легіонъ, явись и теперь чрезъ единороднаго Твоего Сына
надъ твореніемъ, которое Ты сдѣлалъ Своимъ образомъ, и избавь
его отъ обладанія врага, чтобы оно, помилованное и очищенное,
вошло въ святое Твое стадо и сохранился одушевленный храмъ
святаго Духа и божественныхъ пречистыхъ Таинъ, благодатію,
милосердіемъ и человѣколюбіемъ единороднаго Твоего Сына, съ
Которымъ благословенъ вмѣстѣ съ пресвятымъ, и благимъ, и 1064
животворящимъ Твоимъ Духомъ, теперь и всегда, и во вѣки вѣ-
ковъ. Истинно.

Иная молитва его же.

Господу помолимся.

Призываемъ Тебя, Владыко Боже Вседержителю, высочайшій, неизслѣдимый, мирный Царю, призываемъ Тебя, сотворившаго небо и землю. Отъ Тебя произошло первое и послѣднее, начало и конецъ; Ты далъ людямъ власть надъ четвероногими и безсловесными животными, поелику Ты, Господи, повелѣлъ это. Простри сильную руку Твою и мышцу Твою высокую и святую и призирая призри на это созданіе Твое. Пошли ему ангела мирнаго, ангела

сильнаго, хранителя души и тѣла, который запретитъ и отгонитъ всякаго злого и нечистаго духа. Поелику Ты единый высочайшій Господь, вседержитель благословенный, во вѣки вѣковъ. Истинно.

Иная молитва его же.

Господу помолимся.

Божественное, святое, великое, страшное и вседѣйственное Имя призываемъ для изгнанія твоего, отступникъ, и запрещенія тебѣ, діаволъ, вредить. Богъ святый, безначальный, страшный, невидимый по существу, несравненный по могуществу, непостижимый по божеству, Царь славы и Владыка Вседержитель, благоуспѣшно призвавшій все изъ небытія въ бытіе словомъ, ходящій на крыльяхъ вѣтровъ, запретитъ тебѣ, діаволъ. Запрещаетъ тебѣ, діаволъ, призывающій воду моря и изливающій се на лице всей земли; Господь силъ имя Его. Запрещаетъ тебѣ, діаволъ, Господь, Которому со страхомъ служатъ и прославляютъ безчисленные небесные огненные чины, Которому съ трепетомъ покланяется и прославляетъ множество ангельскихъ и архангельскихъ сонмовъ. Запрещаетъ тебѣ, діаволъ, Господь, почитаемый отъ предстоящихъ кругомъ силъ и страшныхъ, шестокрылыхъ, многоочитыхъ херувимовъ и серафимовъ, двумя крыльями покрывающихъ свои лица по причинѣ невидимаго и неизслѣдимаго божества, двумя крыльями закрывающихъ свои ноги, чтобы не быть попаленными отъ несказанной славы и недомыслимаго величія Его, и двумя крыльями летающихъ и наполняющихъ небо своимъ воззваніемъ: святъ, святъ, святъ Господь Саваоѳъ, исполнь небо и земля славы Его. Запрещаетъ тебѣ, діаволъ, Господь, изъ отческаго лона сошедшій на землю Богъ Слово и чрезъ достопокланяемое, неизреченное и пречистое воплощеніе
1065 отъ святыя Дѣвы неизреченно явившійся въ мірѣ для того, чтобы спасти его и, низринувъ тебя съ неба собственною силою, показать тебя всѣмъ погибшимъ. Запрещаетъ тебѣ, діаволъ, Господь, сказавшій морю: *молчи, престани* (Мрк. IV, 39) и, по этому повелѣнію, тотчасъ успокоилось. Запрещаетъ тебѣ, діаволъ, Господь, изъ пречистой плевы сдѣлавшій бреніе слѣпому отъ рожденія, образовавшій недостававшій членъ и даровавшій свѣтъ. Запрещаетъ тебѣ, діаволъ, Господь, оживотворившій словомъ дочь начальника синагоги и сына вдовицы исхитившій изъ устъ смерти и даровавшій его матери цѣлымъ и здоровымъ. Запрещаетъ тебѣ, діаволъ, Господь, возставившій четверодневнаго Лазаря цѣлымъ, какъ бы не умиравшаго, и невредимымъ, къ ужасу многихъ.

Запрещаетъ тебѣ, діаволъ, Господь, черезъ заушеніе упразднившій проклятіе и чрезъ прободеніе пречистаго своего ребра уничтожившій пламенный мечъ, охранявшій рай. Запрещаетъ тебѣ, діаволъ, Господь, чрезъ оплеваніе дорогого своего лица стершій слезу со всякаго лица. Запрещаетъ тебѣ, діаволъ, Господь, поставившій крестъ для единственнаго утвержденія и спасенія міра, а для паденія твоего и всѣхъ покорныхъ тебѣ ангеловъ. Запрещаетъ тебѣ, діаволъ, Господь, издавшій гласъ на крестѣ Своемъ и завѣса храма раздралась, и камни распались, и гробы открылись и отъ вѣка умершіе воскресли. Запрещаетъ тебѣ, діаволъ, Господь, умертвившій смертью смерть и воскресеніемъ Своимъ даровавшій людямъ жизнь. Да запретитъ тебѣ, діаволъ, Господь, сошедшій въ адъ, разрушившій его памятники, освободившій всѣхъ содержавшихся въ немъ узниковъ и призвавшій къ себѣ; видя Его стражи у воротъ (ада) ужаснулись и, укрывшись на на дно ада, оставили (свое мѣсто). Да запретитъ тебѣ, діаволъ, Господь, воскресшій изъ мертвыхъ Христосъ Богъ нашъ, даровавшій всѣмъ Свое воскресеніе. Да запретитъ тебѣ, діаволъ, Господь, вознесшійся въ славѣ на небо къ Отцу Своему и возсѣдающій одесную величества на престолѣ величества. Да запретитъ тебѣ, діаволъ, Господь, грядущій съ славою на облакахъ небесныхъ, вмѣстѣ со святыми ангелами Своими, судить живыхъ и мертвыхъ. Да запретитъ тебѣ, діаволъ, Господь, приготовившій тебѣ огонь неугасимый, червь неусыпающій и тьму кромѣшнюю для вѣчнаго наказанія. Да запретитъ тебѣ, діаволъ, Господь, отъ лица силы Котораго все страшится и трепещетъ, потому что великъ Его гнѣвъ, угрожающій тебѣ. Самъ Господь запрещаетъ тебѣ, діаволъ, страшнымъ Своимъ именемъ: дрожи, трепещи, устрашись, уйди, сгибни, исчезни павшій съ неба и съ тобой всѣ злые духи, всякій злый духъ, духъ распутства, духъ злобы, духъ ночной, духъ дневной, духъ полуденный, духъ вечерній, духъ полунощный, духъ встрѣчный, или земной, или водяной, или въ рощахъ, или
въ тростникѣ, или въ долинахъ, въ проходахъ и перекресткахъ, 1068
въ озерахъ, въ рѣкахъ, въ домахъ и въ баняхъ находящійся, вредящій и сводящій человѣка съ ума,—кратко—отступите отъ созданія Творца, Христа Бога нашего, удалитесь отъ раба Божія, имя рекъ, отъ (его) разума, отъ души, отъ сердца, отъ почекъ, отъ чувствъ, отъ всѣхъ членовъ, чтобы быть ему здоровымъ, невредимымъ, свободнымъ, познающимъ собственнаго Владыку и Творца всего Бога, собирающаго заблудившихся и дающаго печать спасенія чрезъ рожденіе и возсозданіе въ божественномъ крещеніи, чтобы онъ удостоился пречистыхъ, пренебесныхъ и страшныхъ Его таинъ, и присоединился къ истинному Его стаду,

пребывая въ мѣстѣ прохладномъ, будучи воспитываемъ на водѣ упокоенія и, по примѣру пастуховъ, вѣрно руководимъ жезломъ креста, во оставленіе грѣховъ и жизнь вѣчную. Ему принадлежитъ вся слава, честь, поклоненіе и величіе вмѣстѣ съ безначальнымъ Его Отцемъ, съ пресвятымъ, благимъ и животворящимъ Его Духомъ, теперь и всегда, и во вѣки вѣковъ. Истинно.

УКАЗАТЕЛЬ

къ полному собранію твореній св. Іоанна Златоуста, въ русскомъ переводѣ,

КЪ ТОМАМЪ I—XII.

УКАЗАТЕЛЬ

къ полному собранію твореній св. Іоанна Златоуста, въ русскомъ переводѣ.

(Напечатанное курсивомъ относится къ твореніямъ неподлиннымъ [spuria]).

А.

Б.

В.

Г.

Д.

Е.

Ж.

З.

I.

К.

Л.

М.

О.

П.

Р.

С.

Т.

У.

Ф.

Ц.

Ч.

Ш.

Щ.

Ѣ.

Э.

Ю.

Ѳ.

Оглавленіе третьей книги XII тома.

Стран.

Дополненія къ твореніямъ св. Іоанна Златоуста.

Къ Бесѣдамъ:

Къ Письмамъ:

Къ Толкованіямъ на Свящ. Писаніе:

Къ Литургіи св. Златоуста: